КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ІЮЛЬ-АВГУСТЪ

1900 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I

ОТДѢЛЪ II

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 14 іюня 1900 года.

Записки протоіерея Петра Гавриловича Лебединцева о „козащинѣ" 1855 года.

Записки эти составлены мною по черновой рукописи, не приведенной въ систему, карандашемъ написанной мелкимъ шрифтомъ, большей частію на полулистахъ. Судя по тому, что въ нихъ есть указаніе на воспоминанія о крестьянскихъ волненіяхъ священника А. Ковальскаго, редактированныя самимъ Петромъ Гавриловичемъ [1]), можно сказать, что писаны эти записки никакъ не раньше 1882 г.

Время истребляетъ памятники и затемняетъ преданія; въ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ и донесеніяхъ часто бываетъ неполнота и недостатокъ истины по многимъ причинамъ. Эту погрѣшительную сторону ихъ исправляютъ такіе правдивые самовидцы событій, какимъ былъ покойный Петръ Гавриловичъ, проникнутый глубокой любовію къ простому народу и ни въ чемъ никогда, до послѣдней минуты своей земной жизни, не измѣнившій принципу правдивости, которымъ освѣщена вся его жизнь на различныхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Неопредѣленныя выраженія манифеста 14 декабря 1854 г., прочитаннаго священниками въ церквахъ, естественно, могли возбудить въ простомъ народѣ толки о козачествѣ, память о которомъ еще жила въ немъ, въ особенности по сю сторону

[1]) См. Кіев. Стар. 1882 г. № 1 и 2.

Днѣпра въ Кіевской Украинѣ, гдѣ барщина въ общепринятыхъ русскихъ формахъ утвердилась не далѣе 50 лѣтъ до крестьянскихъ волненій 1855 г. Толкованія діакономъ с. Федюковки, таращанскаго у., Слотвинскимъ отысканнаго имъ воззванія св. Синода по случаю милиціи 1805 г., гдѣ нарисована такая идилія: „по окончаніи войны ополченцы возвратятся въ свои домы и будутъ наслаждаться миромъ въ кругу домашнихъ и спокойствіемъ"—отвѣчали несокрушимымъ желаніямъ простого народа вырваться изъ-подъ угнетающей власти помѣщиковъ. Не разумны были и дѣйствія полиціи по аресту Слотвинскаго,—удалить его можно было простымъ требованіемъ благочиннаго или существовавшаго тогда духовнаго правленія. Кромѣ опубликованныхъ свѣдѣній о крестьянскихъ волненіяхъ въ 1855 г. С. С. Громеки, воспоминаній священниковъ Сикорскаго и Ковальскаго, имѣется въ послѣднее время изданная въ 1890 г. брошюра М. Н. Ясинскаго, въ которой попадаются нѣкоторыя маленькія неточности, напр., вмѣсто с. Черкасъ, откуда пошли крестьянскія волненія, поставлено с. Поправка; вмѣсто с. Шкаровки, гдѣ была произведена первая экзекуція—с. Быковая Гребля. Дополненіемъ къ нимъ можетъ и служить прилагаемая записка Петра Гавриловича Лебединцева.

Священникъ Іоаннъ Гордіевскій.

Во время памятной войны крымской 1853—56 годовъ состоялъ я законоучителемъ Бѣлоцерковской гимназіи и благочиннымъ мѣстныхъ церквей. Въ концѣ генваря 1855 г. обнародованъ по церквамъ, въ числѣ прочихъ, Высочайшій манифестъ отъ 14 декабря 1854 г., въ которомъ высказана надежда, что въ случаѣ надобности, всѣ вѣрноподданные станутъ на защиту отечества съ жезломъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ. Недѣли двѣ спустя по прочтеніи этого манифеста, учителя гимназіи, во время большой перемѣны, расхваливали напечатанную въ только что полученномъ 42-мъ номерѣ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1854 г. статью священника с. Черкасъ васильковскаго у., Михаила Вышинскаго, въ которой сообща-

лось, что прихожане его, выслушавъ въ церкви Высочайшій манифестъ, по окончаніи литургіи просили сего священника вторично прочитать его на церковномъ погостѣ, и когда ихъ желаніе было удовлетворено, сказали: „пиши, отче, куда слѣдуеть, что мы готовы... Мы не забулы ще, якъ наши диды и прадиды миняли ляхивъ на баранивъ“. Объ этомъ священникъ письменно тогда-же довелъ до свѣдѣнія генералъ-губернатора Васильчикова. Не смотря на бьющій въ этихъ словахъ патріотизмъ, увлекшій г.г. учителей, я замѣтилъ, что корреспонденціи этой нельзя вполнѣ одобрить: она можетъ вызвать нежеланныя послѣдствія. Къ несчастію, это замѣчаніе мое было пророчествомъ. Нѣсколько дней спустя мѣстный становой приставъ Геращеневскій, въ раіонъ котораго входило с. Черкасъ передавалъ мнѣ, что въ проѣздъ его черезъ Черкасъ, крестьяне, подойдя къ нему, говорили: „что намъ дѣлать, ваше благородіе? Кажуть, що батюшка запысавъ насъ въ ковакы, а мы того не хочемо.“ —Что вы, Николай Васильевичъ, отвѣтили?—спросилъ я пристава.—Ничего, я пошутилъ только надъ ними, сказавши: „ну, и будете козаками“. Не похвалилъ я пристава за шутку надъ недоразумѣніемъ поселянъ, пожалѣлъ и о томъ, что Губернскія Вѣдомости попали въ руки легкомысленнаго писаря, вздумавшаго также для шутки выдавать печатное заявленіе священника за запись крестьянъ въ козаки. Февраля 18, во вторникъ 1 недѣли В. поста, исправникъ васильковскаго уѣзда Шулькевичъ пригласилъ уже меня въ становую квартиру разъяснить тремъ крестьянамъ с. Фурсовъ, арестованнымъ при становой квартирѣ, смыслъ словъ Высочайшаго манифеста: „съ жезломъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ“, неправильно понятыхъ ими и также неправильно перетолкованныхъ своими односельцами. Въ числѣ арестованныхъ былъ кузнецъ, который на Масляной 6 февраля предложилъ своимъ односельцамъ, не теряя времени, готовиться на защиту отечества, а для сего заказывать ему приготовленіе ратыщъ, т. е. копій, которыми всѣ они должны вооружиться по примѣру козаковъ. Простодушные поселяне, повѣривъ рѣчистому кузнецу, стали нести въ кузницу куски

желѣза изъ домашняго запаса и не пошли на барщину. При дознаніи оказалось, что слухъ о призывѣ въ козачество проникъ въ с. Фурсы изъ с. Черкасъ, отстоящихъ отъ Фурсъ въ 6 верстахъ. Крестьяне с. Фурсовъ еще 6 февраля—въ заговѣнье, выслушавъ Высочайшій манифестъ 14 декабря, безъ всякаго повода со стороны приходского своего священника, просили его повторить имъ чтеніе этого манифеста и прочитать инвентарныя правила, а 7 февраля, въ понедѣльникъ, по настоянію кузнеца, не пошли на господскую работу. Мною сдѣлано разъясненіе, возможно доступное пониманію простого поселянина; арестованные отпущены на свободу, а затѣмъ односельцы ихъ обратились къ исполненію своихъ повинностей, и никакихъ печальныхъ послѣдствій отъ недоразумѣнія крестьянъ не послѣдовало въ с. Фурсахъ. Тѣмъ не менѣе, недѣли три спустя, васильковскій исправникъ, проживавшій часто въ м. Бѣлой Церкви по дѣламъ службы, сообщилъ мнѣ, что толки о козачествѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ о прекращеніи крестьянскихъ повинностей къ помѣщикамъ идутъ въ с. Черкасахъ и сосѣднихъ съ нимъ селахъ васильковскаго у., при чемъ выражалъ сожалѣніе о нерѣшительныхъ мѣрахъ г. Generalъ-Губернатора, предписывающаго однѣ мѣры словеснаго вразумленія, которыя оказываются уже безсильными. На 5 недѣлѣ В. поста посѣтилъ меня проѣздомъ чрезъ Бѣлую Церковь въ г. Таращу членъ Кіевской д. консисторіи протоіерей Маціовичъ, командированный митрополитомъ Филаретомъ въ таращанскій уѣздъ для содѣйствія полиціи къ арестованію заштатнаго діакона Слотвинскаго, составившаго въ с. Бесѣдкѣ списки крестьянъ, желающихъ быть козаками. Онъ ѣхалъ туда въ большомъ страхѣ, гдѣ полиція оказалась не только безсильной, но даже потерпѣвшей пораженіе.

Въ концѣ 6 недѣли и въ первые дни страстной стали ходить въ Бѣлой Церкви слухи, что волненія крестьянъ ширятся и что въ Бѣлую Церковь являются крестьяне окрестныхъ селъ для покупки гербовой бумаги, на которой пишутся реестры козаковъ. Полиція сообщила и о томъ, что крестьяне

принуждаютъ священниковъ писать или только подписывать таковые списки, а при несогласіи прибѣгаютъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ. 21 марта, въ понедѣльникъ, въ 11 часовъ вечера явился ко мнѣ мѣстный становой приставъ Н. В. Геращеневскій съ извѣстіемъ, что въ с. Шкаровкѣ, въ 6 верстахъ отъ Бѣлой Церкви, прихожане по окончаніи вечерни воскреснаго дня, собравшись въ числѣ до 300 человѣкъ, заперли священника Александровскаго въ церкви и уже второй день держатъ его тамъ, упрашивая и убѣждая привести ихъ къ присягѣ, прочитать скрываемый будто священниками указъ о томъ, что всѣ они должны быть вольными козаками, и подписать имъ такую бумагу, что они готовы служить Государю, будучи убѣждены, что неполучившіе такой бумаги отъ приходского своего священника до праздника Благовѣщенія останутся навсегда крѣпостными. Сообщая это, приставъ просилъ меня оказать ему содѣйствіе къ вразумленію сихъ крестьянъ, отправившись тотчасъ вмѣстѣ съ нимъ въ с. Шкаровку. Хотя дѣятельность внѣ м. Бѣлой Церкви не составляла прямой обязанности моей службы, но желаніе пособить заключенному въ церкви собрату и отчасти лично убѣдиться въ крестьянскихъ недоразумѣніяхъ извѣстныхъ мнѣ доселѣ болѣе по слуху, превозмогли надъ опасеніями самому подвергнуться участи сельскихъ приходскихъ священниковъ, и я рѣшился ѣхать въ Шкаровку съ приставомъ, не смотря на темноту ночи. Шкаровка лежитъ на правомъ берегу рѣки Роси, на уступѣ горы. Когда, слѣдуя изъ Бѣлой Церкви, мы достигли вершины этой горы, Шкаровка была въ совершенной тьмѣ; лишь въ окнѣ одного дома мелькалъ огонекъ,—это былъ домъ священника. Прибывши туда, мы нашли дворъ и домъ священника наполненными народомъ, исключительно мужчинами; пробравшись кое-какъ сквозь сѣни, во 2-ой комнатѣ мы увидѣли почтеннаго о. Стефана Александровскаго стоящимъ среди крестьянъ на колѣняхъ съ Евангеліемъ въ рукахъ, которое читалъ онъ и изъяснялъ, чтобы отвлечь ихъ отъ засѣвшей имъ въ голову мысли о козачествѣ и вольности. Здѣсь-же въ Евангеліе вложенъ былъ и Высочайшій манифестъ

покойнаго Государя Николая I отъ 14 декабря 1854 г. О. Стефанъ разсказывалъ намъ, что 21 марта, по окончаніи повечерія, прихожане не выпустили его изъ церкви, требуя, чтобы онъ привелъ ихъ къ присягѣ и прочиталъ скрываемый священниками указъ о томъ, что они должны быть уже вольными козаками. Отказавши въ томъ, чего не имѣлъ и чего не могъ исполнить, онъ, войдя въ алтарь, началъ читать Евангеліе, лежавшее на престолѣ. Народъ съ крикомъ требовалъ, чтобы онъ вышелъ изъ алтаря, а нѣкоторые вызывались насильно вытащить его на средину церкви. Простоявши въ такомъ положеніи предъ св престоломъ около 3 часовъ и видя, что волненіе народа въ храмѣ не уменьшается, онъ предложилъ идти въ домъ; толпа дозволила это, послѣдовала за нимъ, продолжая всю ночь и слѣдующій день свои требованія, не выходя изъ двора и осыпая священника, послѣ просьбъ, грубыми словами, ругательствами, угрозами и неистовымъ крикомъ. Смѣнивъ старика, я съ приставомъ попеременно часа два разъяснялъ имъ смыслъ словъ манифеста, неосновательность заявленій о козачествѣ, неумѣстность прекращать обязательныя отношенія къ помѣщикамъ, незаконность притязаній къ священникамъ. Ничего не помогло, ничему не вѣрили. Главной основой ихъ заблужденія служили доставляемыя гонцами извѣстія объ успѣхѣ домогательствъ у другихъ священниковъ, —извѣстія, за рѣдкими исключеніями, ложныя. При этомъ мое замѣчаніе о ихъ невѣжествѣ чуть не вызвало бурю толпы, закричавшей: „то оце громада дурна? то оце такъ!“ Едва успокоилъ я задѣтое ихъ самолюбіе. Изъ бесѣды съ крестьянами я узналъ, что 1) они не хотятъ работать барщины и платить податей, подъ предлогомъ готовности служить Богу и Государю, и хотятъ быть вольными козаками въ надеждѣ, что имъ будутъ даны земли; 2) что къ сему увлекаютъ ихъ ложные слухи и примѣры с. Черкасъ, Керданъ и Федюковки, священники которыхъ, по ихъ словамъ, получили будто крестъ и звѣзду за приведеніе прихожанъ своихъ къ присягѣ; 3) побужденіемъ рѣшиться идти въ козачество послужили притѣсненія со стороны помѣщичьихъ экономій,

обремененіе ихъ разными повинностями, бѣдность и неудовлетвореніе ихъ жалобъ, а недовѣріе къ священникамъ происходитъ отъ того, что священники не принимаютъ ихъ жалобъ, тогда какъ при введеніи инвентарныхъ правилъ объявлено было въ церквахъ гражданскими чиновниками, что крестьяне должны обращаться къ священнику въ случаѣ недоразумѣній или излишнихъ требованій со стороны помѣщика, а потому полагаютъ, что священники подкуплены помѣщиками. Не предвидя конца, мы рѣшились возвратиться домой. Къ счастію, препятствій къ сему не оказалось; не препятствовали крестьяне и священнику проводить насъ изъ дому въ дворъ до экипажа. Прощаясь съ нимъ здѣсь, я тихо далъ ему совѣтъ при первой возможности уйти въ Бѣлую Церковь. Возвратились мы въ Бѣлую Церковь въ 4 часа утра. 22 марта, въ 12 часовъ дня, встрѣтился я у станового пристава съ священникомъ с. Черкасъ Михаиломъ Вышинскимъ, который, показывая разорванную пазуху своей рубахи, заявилъ, что крестьяне с. Черкасъ, д. Поправки и Быковой Гребли—его прихожане—7 дней и ночей не выпуская его изъ двора и дома, съ угрозами и ругательствами требовали записать ихъ въ козаки и, такъ какъ онъ не соглашался исполнить ихъ требованіе, то утромъ 21 марта ворвались въ спальню, стащили съ кровати, разорвавъ при семъ рубаху на немъ, вытащили на дворъ и, всячески терзая, повторяли то-же требованіе. Убоявшись явной опасности, онъ рѣшился на поданномъ ему листѣ гербовой бумаги написать, въ видѣ прошенія Генералъ-Губернатору, заявленіе, что всѣ они желаютъ поступить въ военную службу. Взявши отъ него таковую бумагу, они пошли искать писаря, который переписалъ бы ихъ всѣхъ на такомъ-же листѣ, о чемъ онъ, священникъ Вышинскій, счелъ долгомъ своимъ заявить приставу и благочинному. Къ сожалѣнію, это былъ тотъ самый священникъ, который помѣстилъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ статью, возбудившую первые толки о козачествѣ. Тогда-же отъ пристава мнѣ стало извѣстно, что уже до 17 селъ, окружающихъ Бѣлую Церковь, отказались отъ повиновенія своимъ владѣльцамъ и

вездѣ почти проявляютъ насильственныя дѣйствія надъ священниками, подобныя происходившимъ въ Шкаровкѣ и Черкасѣ. Того-же 22 марта, во вторникъ, явился ко мнѣ въ 10 часовъ вечера священникъ с. Шкаровки Александровскій, бѣжавшій сюда пѣшкомъ, и разсказалъ, что по отъѣздѣ моемъ и пристава, онъ затворился въ своей спальнѣ, но крестьяне, выломавъ дверь, ворвались туда и, занявъ весь домъ, не дали ему покоя до дня; утромъ онъ приказалъ пономарю звонить къ заутренѣ и хотѣлъ идти въ церковь, но крестьяне не пустили его изъ дома, говоря: „не нужно намъ утрени, нужно дѣло дѣлать", и отняли церковные ключи отъ пономаря. Когда-же онъ, прочитавши въ присутствіи ихъ утреннія молитвы и акафистъ великомученницѣ Варварѣ, сталъ на колѣняхъ читать Евангеліе, то они, отнявши изъ рукъ его св. книгу, схватили за руки и вытащили на дворъ, толкая ногами, при-чемъ изорвали на немъ кафтанъ. Среди двора, потомъ, повторили свои требованія, угрожая мучить три дня, т. е. до В. четверга, который считался у нихъ послѣднимъ срокомъ для записки въ козаки, и, наконецъ, взять съ собою въ Кіевъ въ Палату, если онъ не исполнитъ ихъ требованія. При этомъ говорили: „ты не хочешь привести насъ къ присягѣ Царю, а если-бы велѣно было присягать полякамъ, то сейчасъ и самъ присягнулъ-бы, и насъ привелъ-бы къ присягѣ". Измученный двухъ-суточными страданіями и угрожаемый новыми и бо́льшими, въ полдень священникъ Александровскій попросилъ дозволенія послать своего пономаря въ сосѣднее село Кожанку, чтобы дознать, какую бумагу далъ своимъ прихожанамъ кожанскій священникъ Дьячковъ, на примѣръ котораго ему указывали. Священникъ Дьячковъ чрезъ того-же пономаря прислалъ отвѣтъ, что онъ, чтобы только отвязаться отъ настойчивыхъ требованій взволновавшихся крестьянъ своего прихода, на данной ему бумагѣ написалъ: „с. Кожанки крестьяне такіе-то" (изъ коихъ поименованы только два лица) и въ концѣ подписался—„с. Кожанки священникъ Димитрій Дьячковъ". О. Стефанъ сказалъ, что такую бумагу и онъ можетъ написать. Слова эти были приняты съ необычайною радостію тотчасъ

поднесли листъ гербовой бумаги, священникъ записалъ на этой бумагѣ фамиліи нѣсколькихъ прихожанъ, а въ концѣ подписался самъ и вручилъ бумагу. Принявъ эту грамоту съ большою благодарностью, крестьяне сказали, что найдутъ писаря, который перепишетъ ихъ всѣхъ. Послѣ этого толпа съ радостью двинулась къ двору заштатнаго пономаря, чтобы провѣрить написанное на бумагѣ. Но какъ дѣло было уже въ сумеркахъ, то старикъ дьячекъ извинился, что, потерявъ свои очки, онъ не можетъ прочитать принесенной бумаги, но что онъ вѣритъ о. Стефану. Успокоенные отвѣтомъ дьячка крестьяне разошлись по домамъ, оставивъ домъ священника, у котораго сочли долгомъ попросить извиненія за всѣ безпокойства и огорченія, пообѣщавъ утромъ прислать женщинъ для мытья половъ, загрязненныхъ толпой въ теченіе сутокъ. По наступленіи ночи, о. Стефанъ, послѣдовавъ моему совѣту, тихонько пробрался садомъ въ огородъ, а оттуда чрезъ пролегавшій лѣсокъ на поле и проселочными путями со страхомъ направился въ Бѣлую Церковь ко мнѣ. Я охотно далъ пріютъ почтенному страдальцу. 23 марта я послалъ митрополиту съ эстафетомъ рапортъ о насиліяхъ, дѣлаемыхъ священникамъ въ приходахъ васильковскаго у., смежныхъ съ Бѣлой Церковью. Рапортъ этотъ, сообщенный митрополитомъ Филаретомъ въ копіи Генералъ-Губернатору, побудилъ его, какъ увидимъ ниже, принять болѣе рѣшительныя мѣры къ успокоенію волновавшихся сельскихъ обществъ. Утромъ 23 марта прихожане с. Шкаровки, явившись къ дьячку, сильно взволновались, узнавъ, что въ бумагѣ, написанной о. Стефаномъ, нѣтъ ничего ни о козачествѣ, ни о волѣ. Тотчасъ кинулись въ дворъ священника, но его не было; не вѣрили словамъ его семейства и прислуги, кинулись дѣлать обыскъ: искали въ домѣ, въ дворѣ, въ садку, пересмотрѣли всѣ кусты въ сосѣднемъ лѣску, но священника не открыли. Долго охали, что священникъ „спаскудывъ", т. е. испортилъ, гербовую бумагу, что теперь уже пропала громада; разбрелись кто куда, но не посмѣли разыскивать въ Бѣлой Церкви. Четвергъ и пятницу, въ которую приходился тогда праздникъ Благовѣщенія, я провелъ вмѣстѣ съ о. Стефа-

номъ и съ нимъ служилъ въ моей церкви. Къ вечеру пятка получилъ я изъ г. Василькова пакетъ отъ возвращавшагося изъ Таращи члена консисторіи, протоіерея Маціовича, въ которомъ онъ, препровождая мнѣ врученный ему жандармомъ на пути пакетъ на имя находящагося въ таращанскомъ уѣздѣ полковника Аѳанасьева и предписаніе митрополита Филарета вручить этотъ пакетъ Аѳанасьеву и исполнить прописанное въ немъ, возлагаетъ на меня эту обязанность по причинѣ своей болѣзни, препятствующей ему возвратиться въ Таращу. Маціовичъ выѣхалъ изъ Таращи 20 марта, далѣе Таращи и не проѣхалъ и ограничился вызовомъ въ Таращу священниковъ С—го, Вышинскаго, Лисинскаго и Мельниковскаго, которыхъ отправилъ въ Кіевъ. Туда-же подъ конвоемъ разсыльнаго отправленъ діаконъ Слотвинскій. Какъ ни казалось неблаговременнымъ и опаснымъ возложенное на меня порученіе, но я считалъ долгомъ его исполнить, и утромъ раннимъ, зайдя въ церковь помолиться у гроба Спасителя, отправился въ Таращу на экономическихъ лошадяхъ, которыхъ имѣли перемѣнить на полъ-пути въ с. Троцкомъ.

Здѣсь я прерву свой разсказъ, чтобы изложить по оффиціальнымъ даннымъ начало и развитіе надоразумѣній между крестьянами Кіевской губерніи.

Зерно недоразумѣній брошено было, безъ сомнѣнія, статьей, напечатанной въ 42 № Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, разсылавшихся тогда во всѣ волости на счетъ земскихъ суммъ. Мѣстная полиція, какъ упомянуто выше, не придала первымъ толкамъ о козачествѣ особенной важности, не позаботилась остановить ихъ при первоначальномъ развитіи. Время и люди раздули искру пламени. Въ недоразумѣніи долго еще оставались не одни крестьяне, но и уѣздная полиція; не меньше недоумѣвало и само губернское начальство, опасаясь, какъ-бы не оскорбить патріотическаго чувства, которымъ окрашивались заявленія крестьянъ о готовности служить Богу и Государю, когда вскорѣ за симъ полученъ былъ манифестъ о кончинѣ императора Николая Павловича и вступленіи на престолъ императора Александра Николаевича. Недоразумѣнія эти

еще болѣе усилились приведеніемъ къ присягѣ на вѣрность подданства крестьянъ въ с. Керданахъ таращанскаго у., допущенныхъ также по недоразумѣнію, вопреки существовавшаго тогда закона (по манифесту 25 ноября 1741 г.), по которому присягу эту могли выполнить только лица свободныхъ сословій. Заявленія о готовности служить Богу и Государю и толки изъ васильковскаго у. скоро появились и въ таращанскомъ и развились здѣсь еще быстрѣе, чѣмъ въ васильковскомъ. Возникши въ Федюковкѣ, оттуда къ 8 марта появились уже въ Бесѣдкѣ, Веселомъ Кутѣ, Ситковцѣ, Косяковкѣ, Ставишовкѣ, В. Волнянкѣ, Городищахъ, Ставищахъ, Улашевкѣ, Баштечкѣ, Тиновкѣ, Керданахъ, Гейсихѣ, Любчей, Лѣсовичахъ и Степкѣ. Изъ Керданъ и Степка волненіе перешло въ села васильковскаго у.— Саварку, Синяву, Ольшаницу, Островъ, Житнія Горы и Венцеловку; отъ 19 марта охватило села звенигородскаго у.—Долгую Греблю, м. Боярку, Вотылевку, Каменный Бродъ, Погибляки, Виноградъ; отъ 20 марта—с. Шубовку кіевскаго у.; отъ 14 и 20 марта села Каневскаго у.—Баранье Поле, Дыбинцы, Исайки, Яцюки, Карапиши, Кидановку, Медвинъ, затѣмъ Таганчу и м. Корсунь съ округомъ; отъ 23 и 24 марта—села уманскаго у.: Вороное, Красный Кутъ, Побойну и Поповку, гдѣ въ послѣднемъ селѣ крестьяне остригли уже волосы по солдатски; отъ 22 и 27 марта—въ м. Кагарлыкъ и с. Шубовку кіевскаго уѣзда. Липовецкій исправникъ, призвавъ роту 6 рез. баталіона Бѣльскаго полка, строго наказалъ крестьянъ, и это подѣйствовало на крестьянъ селъ кіевскаго у.: Ставовъ, Гороховатки, Яновки и деревень Бендюговки и Казимировки, и даже на васильковскій уѣздъ. Отъ 27 марта волненіе охватило села сквирскаго у.: Логвинъ, Березину, Бѣлѣевку, Пархомовку и деревни Михайловку и Пазіевку.

Отъ 13 февр. 1855 г. таращанскій исправникъ Паліенко доносилъ Генералъ-Губернатору, что по прочтеніи манифеста 14 декабря 1854 г. въ таращанскомъ уѣздѣ всѣ крестьяне радушно изъявляютъ готовность стать въ ряды на защиту отечества, а въ с. Федюковкѣ 112 душъ просили своего священника

Павла Вышинскаго довести до свѣдѣнія начальства о своей таковой-же готовности. Отъ 19 февр. онъ доносилъ, что все благополучно, кромѣ того, что священникъ Веселаго Кута Лисинскій читалъ 42 № Губернскихъ Вѣдомостей 12 февр. вечеромъ, въ гостяхъ у крестьянина Щербанюка, и желалъ взять подписку о готовности ихъ, но они отказались. Священникъ с. Керданъ Сыминскій, собравъ чрезъ сотскаго прихожанъ, привелъ ихъ къ присягѣ на вѣрность подданства 3 марта, въ 8 часовъ утра, послѣ чего они просили записать ихъ въ козаки, но исправникъ, прибывши съ разсыльными, заставилъ разойтись (рапортъ 4 марта). Отъ 3 марта Паліенко доносилъ Генералъ-Губернатору, что священники с. Федюковки и Веселаго Кута составили списки, а крестьяне думаютъ, что, записавшись въ козаки, уже будутъ свободны отъ помѣщиковъ,—что производитъ волненія. Отъ 8 марта онъ рапортовалъ, что въ с. Ставишовкѣ священникъ Стрѣлецкій читалъ манифестъ 14 декабря и въ церкви, и въ домѣ, обѣщая похвалу прихожанамъ за ихъ готовность; въ с. Лѣсовичахъ домогались, чтобы священникъ привелъ ихъ къ присягѣ въ козаки, а послѣ отказа, ходили въ Таращу къ протоіерею, во время ярмарки, и просили записать ихъ въ козаки. Отъ 17 марта 1855 г. Паліенко доносилъ ему-же, что крестьяне с. Бесѣдки обращались къ своему приходскому священнику Лукѣ Тучапскому съ просьбою, чтобы онъ записалъ ихъ въ козаки, а когда священникъ отказалъ въ томъ, то они, вызвавъ къ себѣ діакона с. Федюковки Слотвинскаго, состоящаго на дьячковской вакансіи, и собравшись въ домѣ крестьянина Кирилла Вохилька, переписали всѣхъ лицъ обоего пола на бумагу, провозглашая свободу. Мѣстный становой приставъ, узнавши о семъ и желая объясниться съ Слотвинскимъ, пригласилъ его къ себѣ на квартиру, но крестьяне вытолкали посланныхъ за нимъ полицейскихъ служителей, а 40 изъ нихъ, вооружившись кольями, въ два ряда, окружили Слотвинскаго и такимъ порядкомъ проводили его чрезъ сосѣднее село въ Федюковку и такимъ-же порядкомъ возвратились въ с. Бесѣдку,— что вызвало надежду свободы и у сосѣднихъ селъ, а на по-

мѣщиковъ навело страхъ, такъ какъ изъ крестьянъ одни неаккуратно являются на работу, а другіе вовсе не являются. По полученіи свѣдѣнія о семъ, онъ, Паліенко, съ разсыльными и полицейскими служителями 16 марта отправился въ с. Федюковку и, успокоивъ волненіе, убѣждалъ повиноваться помѣщикамъ по прежнему, а 17 марта отправился въ с. Бесѣдку съ становымъ приставомъ Жолткевичемъ, гдѣ распорядился собрать крестьянъ, не отрабатывающихъ барщины, каковыхъ было собрано 12 человѣкъ чрезъ полицейскихъ служителей и разсыльныхъ; но когда они приведены были уже къ экономическому двору, то выскочившая изъ домовъ толпа крестьянъ съ длинными кольями отбила тѣхъ крестьянъ, причинивши при этомъ побои разсыльнымъ, полицейскимъ служителямъ и понятымъ. Затѣмъ толпа стала умножаться. Не имѣя средствъ воздержать буйство крестьянъ, исправникъ принужденъ былъ уѣхать изъ с. Бесѣдки, при чемъ толпа повторяла: „уже время настало". Донося о семъ и о томъ, что онъ, вмѣстѣ съ протоіереемъ Пахаловичемъ, взялъ діакона Слотвинскаго въ Таращу, исправникъ присовокупилъ, что не признаетъ возможнымъ возстановить спокойствіе иначе, какъ вооруженною рукою.

Считаю нужнымъ сдѣлать поясненіе относительно волненій въ с. Федюковкѣ и Бесѣдкѣ. Чѣмъ отдаленнѣе молва, тѣмъ она болѣе имѣетъ вѣроятія для простого народа,—и тѣмъ опаснѣе, чѣмъ болѣе трудно тотчасъ провѣрить ее. Такъ случилось съ молвою о козачествѣ, когда она изъ с. Черкасъ занесена была въ с. Федюковку, отстоящее отъ перваго на 50 верстъ. Молву эту въ извращенномъ видѣ перенесъ пономарь с. Федюковки, возвращавшійся изъ Кіева; на пути онъ имѣлъ ночлегъ у священника с. Черкасъ; здѣсь отъ слугъ или крестьянъ онъ слыхалъ толкъ о томъ, что священникъ записалъ своихъ прихожанъ въ козаки; прибывши въ Федюковку, онъ сообщилъ эту новость частнымъ образомъ, вѣроятно, нѣкоторымъ изъ крестьянъ. Молва явилась уже съ прибавленіемъ, что крестьяне села Черкасъ, записанные въ козаки, будутъ уже затѣмъ вольны, т. е. свободны отъ помѣщиковъ. Такая интересная новость

быстро разнеслась по всему приходу,—не зналъ ее только приходскій священникъ Вышинскій, родной братъ священника с. Черкасъ, и потому очень удивился, когда явились къ нему въ большомъ количествѣ прихожане, заявляя, что желаютъ всѣ ополчиться за отечество противъ враговъ, и прося записать ихъ въ козаки. Священникъ, видя въ этомъ только одну хорошую сторону, т. е. проявленіе патріотизма, и съ другой стороны желая отпустить ихъ отъ себя, взялъ листъ и написалъ имена и фамиліи нѣсколькихъ изъ нихъ. Прихожане удалились изъ двора священническаго и, по обычаю, зашли въ корчму потолковать; тамъ былъ обычный посѣтитель корчмы, состоявшій въ запрещеніи богослуженія и на дьячковской должности діаконъ Слотвинскій; онъ предложилъ свои услуги записать прочихъ, незаписанныхъ священникомъ, за уплату съ каждаго козака по $2^1/_2$ к. серебромъ, и обѣщая всѣмъ записавшимся надежду на свободу. Желаніе свободы влекло къ запискѣ не только возрастныхъ, но и дѣтей; ихъ приносили къ Слотвинскому матери. Вѣсть объ этомъ желанномъ записчикѣ достигла скоро въ Бесѣдку, отстоящую отъ Федюковки въ 12 верстахъ; по приглашенію депутаціи, присланной отъ крестьянъ с. Бесѣдки, Слотвинскій, въ сопутствіи многихъ крестьянъ, отправился пѣшкомъ въ Бесѣдку и тамъ продолжалъ довольно выгодное для него ремесло записчика, и въ подтвержденіе мыслей о свободѣ прочиталъ крестьянамъ воззваніе св. Синода по случаю милиціи 1805 года. Копію стариннаго этого рукописнаго воззванія онъ продалъ крестьянамъ с. Бесѣдки за 10 р. серебромъ, а на сохраненіе принялъ крестьянинъ тамошній Шереметъ. Слотвинскій при этомъ наказалъ крѣпко хранить эту бумагу и не выдавать, а если набѣгутъ паны, то прогнать ихъ дрючками. Приставъ, увѣдомленный священникомъ, что Слотвинскій записываетъ его прихожанъ въ козаки, хотѣлъ арестовать Слотвинскаго и взять въ становую квартиру, но Слотвинскій попросилъ о защитѣ; тогда крестьяне не только не выдали дьячка, но и нанесли словами оскорбленія приставу и священнику, затѣмъ перешли съ Слотвинскимъ въ корчму Малюванку, находящуюся отъ села въ 3

верстахъ. Приставъ, взявъ 20 человѣкъ у помѣщика с. Федюковки Узембла, хотѣлъ взять Слотвинскаго силою, но крестьяне не выдали и обругали пристава, проводили всей толпой въ Федюковку, гдѣ окружили квартиру дьячка въ видѣ стражи, а помѣщикъ со страха выѣхалъ въ Таращу. Приставу давали подъ носъ дули и говорили, что съ наступленіемъ Благовѣщенія и Пасхи Богъ избавитъ ихъ отъ панщины и отъ „чижиковъ" (полиціи). Уѣздный стряпчій, донося о семъ князю, сообщилъ и то, что крестьяне с. Улашовки домогались привода къ присягѣ сначала у своего приходского священника, потомъ у священника с. Керданъ, а наконецъ ходили въ Таращу—къ протоіерею, но, получивъ отказъ, стали говорить, что священники подкуплены панами.

Отъ 19 марта таращанскій исправникъ доносилъ Генералъ-Губернатору, что послѣ посѣщенія имъ с. Тиновки, благочинный, онъ-же приходскій священникъ, Романовскій пригласилъ къ себѣ ночью крестьянъ для взятія подписки по примѣру другихъ и давалъ имъ какія-то наставленія, что священникъ с. Баштечки Саввинъ, по наставленію благочиннаго, тоже ночью пригласилъ крестьянъ къ себѣ для подписки, чрезъ что крестьяне стали оказывать неповиновеніе полицейскимъ служителямъ, приставу и владѣльцу; крестьяне с. Бесѣдки, продолжая буйство и вооружившись косами, серпами и другими домашними орудіями, толпою окружили домъ приходского священника Тучапскаго и неизвѣстно съ какою цѣлію находятся тамъ. По совѣщанію съ прибывшимъ въ Таращу членомъ Консисторіи, протоіереемъ Маціовичемъ, и благочиннымъ, признано необходимымъ вызвать въ Кіевъ, кромѣ священниковъ с. Федюковки и Веселаго Кута, священниковъ селъ Ставишевки, Гейсихи, Косяковки, Городищъ, Баштечки, Антоновки, Керданъ, Любичей и благочиннаго с. Тиновки для пресѣченія возмущенія между крестьянами (это неисполнено); въ заключеніе исправникъ просилъ прислать военную команду.

Въ нѣкоторыхъ смежныхъ съ Кіевомъ уѣздахъ въ началѣ 1855 г. разнеслась молва, будто священники получили каждый

по особо запечатанному пакету, а нѣкоторые помѣщики римско-католическаго исповѣданія находили связь между полученіемъ священниками пакетовъ и молвою между крестьянами селъ Паланочки и Мошурова, уманскаго уѣзда, что въ Пасху будетъ рѣзня, присовокупляя, будто священникамъ поставлено въ обязанность полученные ими пакеты вскрыть въ день Пасхи. Обстоятельство это объяснилось полученнымъ въ г. Умани отношеніемъ коммиссіи по описанію губерній Кіевскаго Учебнаго Округа отъ 25 февр. за № 48 съ препровожденіемъ пакетовъ для разсылки священникамъ. Уманскій исправникъ Бедрицкій въ то-же время, 11 марта 1855 г., доносилъ Генералъ-Губернатору, что жена священника с. Паланочки, Бѣлецкая, разсказывала на крестинахъ у крестьянина, что въ Пасху будетъ рѣзня, хотя мужъ удерживалъ ее отъ сего. Священникъ Бѣлецкій, вытребованный по сему случаю сначала въ уманское д. правленіе, а потомъ и къ митрополиту Филарету, отвергъ обвиненіе своей жены и потребовалъ формальнаго слѣдствія. Пугала мѣстную полицію и картина, изображающая уманскую рѣзню 1768 г., оказавшаяся въ с. Мошуровѣ у однодворца Ивана Сулимы, доставшаяся ему отъ родственника штабъ-ротмистра Николая Сосны-Поганскаго. Толки эти распространялись между тѣмъ и преувеличивались поляками, которые трусливы, какъ зайцы и любятъ прилгать; полиція-же уѣздная служила только эхомъ этихъ сплетней, направленныхъ преимущественно противъ православнаго духовенства, какъ это было и въ 1790 году. Особеннымъ побужденіемъ травить священниковъ служило и то, что въ 1831 г. православные священники содѣйствовали открытію мятежныхъ польскихъ шаекъ. Также липовецкій исправникъ готовъ былъ винить священниковъ м. Плискова и с. с. Нападовки и Яблоновицы въ распространеніи между крестьянами слуховъ объ истребленіи поляковъ, но липовецкій протоіерей Шаббатовичъ, по дознанію, разъяснилъ, что эти обвиненія идутъ отъ поляковъ по поводу разосланныхъ таинственныхъ пакетовъ о собраніи статистическихъ свѣдѣній. Уманскій исправникъ отъ 19 марта доносилъ князю, что крестьяне с. Долгой

Гребли въ числѣ до 50 человѣкъ явились въ м. Боярку къ приходскому священнику и домогались записать ихъ въ козаки, а по отказѣ священника бродили толпою вмѣстѣ съ боярскими крестьянами. Подобное замѣшательство обнаружилось и въ селахъ Вотылевкѣ, Каменномъ Бродѣ и Виноградѣ, звенигородскаго у. Того-же домогались и отъ самого исправника въ с. Вотылевкѣ, а поводомъ къ сему были толки, возбужденные діакономъ Слотвинскимъ между крестьянами, будто настоящій манифестъ еще скрывается и не объявленъ, и что, поставивъ одного козака отъ 10 хатъ на полномъ своемъ содержаніи, они будутъ свободны отъ барщины.

Каневскій исправникъ отъ 20 марта доносилъ Генералъ-Губернатору, что крестьяне селъ Дыбинецъ, Яцуковъ, Кидановки и Карапишей домогались у священниковъ записать ихъ въ козаки, при чемъ отъ священника с. Карапишей требовали прочитать имъ указъ, а когда онъ не согласился, то угрожали разореніемъ дома и нанесли грубости. Вѣсти объ указѣ идутъ изъ Бесѣдки и Федюковки, таращанскаго у., гдѣ яко-бы священники получили наперсные кресты. Сначала въ с. Красногородкѣ, а потомъ въ м. Медвинѣ и д. Гутѣ говорили о козачествѣ и увѣрены, что отъ нихъ скрываютъ какой-то указъ, прибавляя, что „если-бы ничего не было, то попы не читали-бы". Первоначально въ с. Красногородкѣ священникъ Евфимій Шмигельскій списывалъ крестьянъ 12 и 13 марта, потомъ 13 марта крестьяне первой половины м. Медвина, собравшись въ церковь, просили священника Левицкаго, чтобы онъ записалъ ихъ въ козаки. Левицкій сначала не соглашался, но, по настоянію крестьянъ, приказалъ дьячку своему Пожарскому записать ихъ, каковая записка продолжалась до полуночи, а крестьяне другой части Медвина, за отказомъ священника Богорскаго, пригласили отставного канцеляриста Луку Берловскаго написать имъ просьбу. Крестьяне с. Дмитренокъ и д. Гуты обратились къ своему священнику Пясецкому, который, похваливъ ихъ намѣреніе, повелъ въ церковь, отслужилъ тамъ молебствіе и бла-

гословилъ крестьянину Ѳаддею Сологубу переписать ихъ въ козаки.

Васильковскій исправникъ отъ 15 марта доносилъ Генералъ-Губернатору, что появились толки о призывѣ всѣхъ на службу, что изъ васильковскаго у. ходили уже въ Керданы и возвратились въ убѣжденіи, что нужно записаться въ козаки въ этомъ мѣсяцѣ, иначе останутся мужиками, что потому въ селахъ Саваркѣ, Синявѣ, Островѣ, д. Быковой Греблѣ и въ селѣ Ольшаницѣ крестьяне требовали, чтобы священники привели ихъ къ присягѣ и записали въ козаки; за отказъ роптали, а священникъ с. Саварки, чтобы отдѣлаться, переписалъ всѣхъ, что Саварцы и Ольшанцы вразумились, а Синявцы одно твердятъ: „желаемъ служить Богу и Государю; надоѣло намъ работать"; что Островцы возбуждены дьячкомъ Костецкимъ, а Быковая Гребля—дворовымъ человѣкомъ Адріаномъ Карменскимъ. Благочинный Ромаскевичъ доносилъ митрополиту, что толпа крестьянъ с. Кожанокъ не дала приходскому священнику служить въ Вербное воскресеніе, 20 марта, требуя, чтобы онъ привелъ ихъ къ присягѣ, написалъ имъ прошенія въ козаки и подписалъ ихъ; священника с. Ольшаницы Радзіевскаго крестьяне возили въ с. Черкасъ для удостовѣренія, что этотъ священникъ уже написалъ своимъ прошеніе. Радзіевскій, по возвращеніи домой, вынужденъ былъ написать такое прошеніе съ подписью прихожанъ, а въ Ольшаницу привозили священника изъ с. Пилипчей и также заставили написать прошеніе.

Отъ 19 марта звенигородскій исправникъ доносилъ князю, что съ 12 по 19 марта все обстояло въ уѣздѣ спокойно и что принесеніе вѣрно-подданической присяги совершалось въ порядкѣ. Отъ 19 марта звенигородскій стряпчій въ донесеніи своемъ князю прописалъ, что половинную часть д. Долгой Гребли составляютъ однодворцы (болѣе 200 душъ), но ни одинъ изъ нихъ не записался въ козаки, и что крестьяне Виноградскаго имѣнія графа Браницкаго, смежнаго съ его-же таращанскимъ имѣніемъ, съ давнихъ временъ пользовались достаточнымъ количествомъ земли, но когда эти имѣнія: села Вотылевка, Бояр-

ка, Долгая Гребля, Босовка, Шубовы-Ставы, Погибнякъ и другія—до 5-ти тысячъ душъ звенигородскаго у., отданы въ арендное владѣніе разныхъ дворянъ, то въ 1854 г. сдѣлано новое измѣненіе полей и во многихъ мѣстахъ общественныя пастбищныя мѣста (выгоны) заняты подъ экономическую запашку; и что общее убѣжденіе крестьянъ, что всѣ должны записываться до Благовѣщенія, имѣющаго быть въ страстную Пятницу.

Отъ 27 марта кіевскій исправникъ доносилъ князю, что онъ привелъ крестьянъ кіевскаго у. въ надлежащее повиновеніе. Крестьяне Кагарлыка, Шубовки, Липовца при вразумленіи ихъ священниками оказывали сопротивленіе, но когда онъ, призвавъ 18 роту 6 резервнаго баталіона Бѣлевскаго егерскаго полка, строго ихъ наказалъ, то, услышавъ сіе, крестьяне с. Ставовъ, Гороховатки, д. Бендюговки, Яновки и Казимировки, по прибытіи моемъ съ ротой, просили прощенія, главнѣйшіе-же зачинщики скрылись. Это подѣйствовало и на крестьянъ васильковскаго уѣзда.

Теперь приведу распоряженія Генералъ-Губернатора, князя Васильчикова, изъ которыхъ видѣнъ его взглядъ на крестьянскія волненія. Циркулярно князь предписалъ всѣмъ исправникамъ Юго-Западнаго края: 1) не допускать дѣйствій, которыя моглибы охладить чувства православнаго народа, возбуждаемыя Высочайшими манифестами, или ослабить исполненіе лежащихъ на нихъ обязанностей къ комѣщикамъ и собственному хозяйству; дѣйствовать спокойно, кротко, безъ шуму, вразумляя крестьянъ; 2) пріобрѣтать довѣріе крестьянъ совершенное, чтобы можно было руководить ихъ волею по указаніямъ начальства; 3) останавливать всякое недоразумѣніе по поводу воззванія св. Синода о государственномъ ополченіи, которымъ жители призываются на защиту церкви и отечества; 4) дѣйствовать съ крайнею осторожностью, отнюдь не дозволяя крайнихъ мѣръ. Отъ 8 марта князь сдѣлалъ нотацію таращанскому исправнику, что онъ 1) получивъ распоряженіе о присягѣ, не вошелъ въ соглашеніе съ духовенствомъ; 2) дѣйствовалъ въ Керданахъ съ разсыльными; 3) принялъ какія-то мѣры, когда все было благо-

получно—вообще надѣлалъ шуму, вообразивъ какое-то волненіе и нарушеніе порядка. Онъ-же отъ 8 марта просилъ митрополита—предписать, чтобы священники не вдавались ни въ какія толкованія манифестовъ, ограничиваясь буквальнымъ прочтеніемъ ихъ въ церквахъ, а если-бы крестьяне обращались къ священникамъ съ просьбами объ ополченіяхъ или выражали готовность стать на защиту отечества, то не входя толкованія и разсужденія съ ними, немедленно сообщали-бы мѣстному начальству, причетникамъ-же воспретить всякія самомалѣйшія объясненія съ крестьянами о манифестахъ (№ 1727). Онъ-же, отъ 12 марта, далъ знать таращанскому исправнику, что мѣры, имъ принятыя, не имѣютъ основанія; что онъ не знаетъ крестьянъ, предваряя, что будетъ удаленъ отъ должности, если будетъ поступать такъ неблагоразумно (№ 1759). Онъ-же, отъ 8 марта на донесеніе таращанскаго стряпчаго о томъ, что умы крестьянъ взволнованы и что можно ожидать худыхъ послѣдствій, и что мѣры противъ сего не принимаются, положилъ резолюцію: „написать ему, что никакихъ безпорядковъ нѣтъ и чтобы онъ занимался своимъ дѣломъ". Отъ 17 марта, въ виду напечатаннаго воззванія св. Синода, князь просилъ митрополита, чтобы 1) священники и причетники не вдавались ни въ какія разсужденія съ крестьянами о семъ воззваніи; 2) вразумляли-бы крестьянъ, что они должны заниматься обычными работами владѣльцамъ и себѣ, а если потребуетъ Царь на защиту церкви и отечества и объ этомъ объявитъ имъ начальство, то чтобы тѣ, которые призваны будутъ, исполнили свой долгъ; чтобы о каждомъ случаѣ недоразумѣній доносили священники полицейскому начальству и не составляли-бы никакихъ списковъ крестьянъ, которые болѣе всего подаютъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Отъ 24 марта, за № 2126, замѣтивъ таращанскому исправнику, что онъ подъ вліяніемъ разсказовъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ напрасно видитъ преступную цѣль въ происходящихъ между крестьянами недоразумѣніяхъ и напрасно собираетъ въ нѣкоторыя села команды, князь выставилъ ему на видъ, что преступной здѣсь цѣли никакой не видно изъ до-

несеній прочихъ исправниковъ, а видно только заблужденіе, будто имъ слѣдуетъ записаться въ козаки потому, что Царь призываетъ ихъ ополчиться. Вѣроятно крестьяне вмѣстѣ съ тѣмъ думаютъ, что, записавшись въ козаки, они будутъ свободны отъ господскихъ работъ. Заблужденія эти поселены первоначально неосторожными дѣйствіями нѣкоторыхъ священниковъ, утверждены разсказами дьячковъ, которые молвою и передаются изъ села въ село. Изъ нѣкоторыхъ донесеній князю будто видно, что крестьяне, пославъ просьбу, успокаивались и продолжали заниматься работами, что и можетъ указывать, что между ними не было вредныхъ и преступныхъ замысловъ. Изъ нѣкоторыхъ селъ, продолжаетъ князь, крестьяне являлись ко мнѣ съ просьбами, въ которыхъ я видѣлъ съ ихъ стороны заблужденіе, но вразумленные мною лично, крестьяне успокаивались и, кажется, съ полнымъ сознаніемъ своей ошибки. Употребленіе воинской силы и вразумленіе крестьянъ наказаніями несомнѣнно слѣдовало-бы допустить тогда, если-бы крестьяне, не слушая вразумленій, оказали сопротивленіе властямъ или явное ослушаніе. Поэтому князь внушаетъ исправнику стараться прежде всего употребить всѣ мѣры вразумленія заблуждающихся. Почти то-же самое предписано и Кіевск. исправнику. Отъ 17 марта князь предписалъ васильковскому исправнику: діакона Костецкаго арестовать, дворового Карменскаго освободить, но надзирать; Синявцевъ вразумить, жалобы крестьянъ на экономію разобрать. Подполковнику Аѳанасьеву, командированному 19 марта, князь предписалъ отправиться въ таращанскій уѣздъ и поступить тамъ слѣдующимъ образомъ: 1) отправиться въ с. Бесѣдку и, собравъ почетнѣйшихъ прихожанъ, прочитать имъ Высочайшій манифестъ и вразумить, что они отнюдь не призываются покидать свои дома, семьи, хозяйство и работы, но должны спокойно заниматься своими работами и исполнять повинности владѣльцу, предписанныя инвентаремъ; что никакихъ козаковъ нѣтъ и не будетъ и что тѣ списки, которые были составлены, ничего не значатъ, а что когда Царь позоветъ на службу изъ Кіевской губерніи крестьянъ для за-

щиты св. вѣры и отечества, и тогда пойдутъ не всѣ, а столько изъ нихъ, сколько прикажетъ Царь, и объ этомъ объявить имъ начальство и помѣщики, которыхъ должны слушать". Потомъ требовать отъ нихъ объявленія зачинщиковъ изъ нихъ, нанесшихъ грубости приставу, и изслѣдовать вообще этотъ случай; обнаружить виновныхъ и взять подъ арестъ. Въ предписаніи Аѳанасьеву и совѣтнику Губернскаго Правленія Янкуліо отъ 23 марта, послѣ донесенія объ успокоеніи крестьянъ таращанскаго уѣзда, князь писалъ: „Донесеніе ваше удовлетворило мои ожиданія: посылая Васъ, я былъ увѣренъ, что Вы остановите недоразумѣніе силою вразумленія, не прибѣгая къ крайнимъ мѣрамъ, которыхъ я всегда желалъ-бы избѣжать потому, что заблужденія крестьянъ въ извѣстной мѣрѣ имѣли въ основѣ ихъ преданность Государю. Прошу дѣйствовать такъ-же и въ каневскомъ уѣздѣ, всегда имѣя въ виду мои мысли, которыя выражены въ предписаніи и переданы лично предъ отъѣздомъ изъ Кіева, именно—не охлаждать проявившихся чувствъ преданности крестьянъ Государю и открыть тѣхъ, кои подстрекаютъ крестьянъ и утверждаютъ ихъ въ заблужденіи". Въ заключеніе князь совѣтуетъ дѣйствовать съ осторожностью, хладнокровно, но и съ энергіею.

Но князю самому вскорѣ пришлось убѣдиться по пріему ходоковъ съ прошеніями и списками, что дѣлаемыя имъ вразумленія содѣйствуютъ не къ успокоенію, а къ усиленію волненій. Нѣкоторые изъ ходоковъ отъ крестьянъ были препровождены княземъ въ Лавру, гдѣ въ соборной церкви намѣстникъ Лавры, архимандритъ Іоаннъ, читалъ имъ манифестъ 14 декабря и разъяснялъ его смыслъ; митрополитъ Филаретъ, сообщая о семъ князю, присовокупилъ, что волненія крестьянъ происходятъ сколько отъ непониманія смысла манифестовъ, столько-же и отъ незаконнаго отягощенія ихъ непомѣрными работами отъ управляющихъ и экономовъ, при слабомъ надзорѣ полиціи объ исполненіи Высочайше утвержденныхъ положеній касательно быта крестьянъ здѣшняго края. Возвращавшіеся изъ Кіева ходоки, умышлено извращая слова князя, внушали своимъ односельцамъ то,

чего хотѣли. Получивши донесеніе объ этомъ, князь распорядился уже всѣхъ являвшихся съ списками препровождать въ полицію, которая къ вразумленію словесному присоединила сѣченіе розгами. Исправникъ кіевскаго у. Волковъ устроилъ пикеты на главныхъ путяхъ къ Кіеву, ловилъ народъ, разгонялъ всѣхъ ходоковъ, направлявшихся къ Кіеву, у которыхъ оказывались прошенія о козачествѣ или списки козаковъ. Мѣра эта оказалась болѣе вразумительною, чѣмъ бесѣды князя на языкѣ мало понятномъ мѣстнымъ крестьянамъ. Князь рѣшился не ограничиваться донесеніями исправниковъ, а дѣйствовать и на мѣстѣ чрезъ довѣренныхъ лицъ. Сначала проѣхалъ чрезъ каневскій и васильковскій уѣзды кіевскій губернаторъ Кривцовъ, но онъ видѣлся только съ полиціей. Возвратившись, онъ отъ 18 марта донесъ князю, что въ настоящее время все вниманіе крестьянъ васильковскаго и каневскаго уѣздовъ обращено на дѣйствія гражданскаго и духовнаго начальства относительно священниковъ таращанскаго уѣзда, селъ Веселаго Кута и Федюковки.

21 марта Аѳанасьевъ и Янкуліо, прежде чѣмъ пуститься въ Бесѣдку, потолкались на таращанской ярмаркѣ, чтобы повѣрить слухи о степени волненія крестьянъ, но ничего новаго не узнали, а крестьянъ с. Бесѣдки не нашли на ярмаркѣ за отдаленностью. 23 марта князь, сообщая начальнику корпуса жандармовъ Бѣлоусову о волненіи крестьянъ въ с. Черкасѣ и Озерной, гдѣ крестьяне дозволили себѣ сдѣлать оскорбленіе приходскому священнику, о чемъ свидѣтельствовалъ лично явившійся графъ Браницкій, поручилъ ему отправиться прежде всего въ с. Черкасъ и, сдѣлавши дознаніе, подвергнуть виновныхъ аресту и даже наказанію въ примѣръ другимъ; потомъ, по вразумленіи крестьянъ с. Черкасъ и Озерной, объѣхать другія села, гдѣ происходили волненія; священникамъ предложилъ, чтобы они отнюдь не составляли никакихъ списковъ. Въ распоряженіе Бѣлоусова дается рота саперъ (рота эта сводная въ числѣ 255 человѣкъ, а именно: 20 унтеръ-офицеровъ, 230 рядовыхъ, 4 музыканта и 1 цирюльникъ, преимущественно изъ лю-

дей старослужащихъ, подъ командою поручика Саковича при одномъ подпоручикѣ), квартирующая въ м. Фастовѣ, которая 25 марта передвинется въ Бѣлую Церковь, гдѣ будетъ ожидать его распоряженій. Передвиженіе это дѣлается съ тою цѣлію, чтобы, во 1-хъ, успокоить встревоженные умы преувеличенными разсказами о недоразумѣніяхъ крестьянъ, и во 2-хъ—употребить эту роту, по усмотрѣнію генерала, тамъ, гдѣ недоразумѣнія крестьянъ, паче чаянія, приняли-бы широкіе размѣры, хотя весьма желательно ограничиться однимъ расквартированіемъ сей роты въ одной какой-либо мѣстности. Два крестьянина с. Черкасъ, явившіеся къ князю съ спискомъ, отправлены въ Васильковъ, а оттуда въ распоряженіе Бѣлоусова. Въ то-же время рота, квартирующая въ Ольшанкѣ, чрезъ Красное, Янковку, Ракитну (65 верстъ) двинута въ Таращу. Передвинутая въ Таращу рота отдавалась въ распоряженіе Аѳанасьева съ тѣмъ, чтобы расквартировать ее въ с. Бесѣдкѣ или въ другомъ мѣстѣ, и только въ крайнемъ случаѣ, если-бы крестьяне выказали явное ослушаніе и упорство, прибѣгнуть къ силѣ роты для взысканія розгами болѣе виновныхъ. При этомъ предписывалось обратить вниманіе на дѣйствіе исправника Паліенка и пристава Жолткевича, которые, повидимому, усилили волненіе въ Бесѣдкѣ своими неблагоразумными распоряженіями. Генералъ Бѣлоусовъ 26 марта, въ великую субботу, прибывъ въ с. Шкаровку съ ротой солдатъ, утромъ, немедленно подвергъ наказанію розгами до 50 крестьянъ, болѣе виновныхъ въ волненіи и насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ священника, приказавъ имъ отправиться въ Бѣлую Церковь и просить его возвратиться для служенія, что они и сдѣлали. Изъ Шкаровки онъ передвинулъ роту въ д. Быковую Греблю, смежную съ с. Черкасъ, но, находя неприличнымъ производить экзекуціи въ вечеръ наканунѣ Пасхи, ограничился арестованіемъ болѣе виновныхъ и расположился здѣсь дать ротѣ праздновать первый день Пасхи. Но въ праздникъ толпа крестьянъ сначала обращалась къ генералу съ просьбами освободить арестованныхъ, а потомъ, въ то время какъ одни просили у квартиры генерала, другіе въ большой

массѣ, около 600 человѣкъ, собравшись у воротъ ротнаго двора, гдѣ были арестованные, бросились на караульныхъ солдатъ, при чемъ одинъ штыкъ переломленъ, а три согнуто. Въ это время баталіонный командиръ, находившійся съ ротами, велѣлъ сдѣлать нѣсколько вѣстрѣловъ, которыми 5 крестьянъ убито, а 4 ранены. Происшествіе это произвело сильное впечатлѣніе какъ на мѣстныхъ крестьянъ, такъ и на сосѣднихъ. Всѣ присмирѣли и изъявили покорность. Отъ 24 марта князь, препровождая генералу Бѣлоусову въ копіи полученное отъ митрополита донесеніе мое о буйствѣ, допущенномъ крестьянами села Шкаровки и с. Черкасъ противъ приходскихъ священниковъ, предлагалъ дознать о семъ, открыть зачинщиковъ и подвергнуть строгому наказанію въ примѣръ другимъ.

Отъ 23 марта изъ с. Красиловки Аѳанасьевъ и Янкуліо донесли князю, что крестьяне с. Бесѣдки, послѣ долгихъ и усиленныхъ увѣщаній, приведены къ раскаянію и что здѣсь отобранъ наконецъ рукописный указъ св. Синода 1806 г. объ ополченіи, данный крестьянамъ діакономъ Слотвинскимъ, который послужилъ поводомъ къ толкамъ, что мѣстныя власти скрываютъ отъ крестьянъ такой указъ, по которому они должны получить свободу. Равнымъ образомъ успокоены крестьяне с. Керданъ, Жидовской Гребли, Веселаго Кута, Великой Березянки, Федюковки, Охматова, Баштечки, Красиловки, и сдѣлано внушеніе крестьянамъ с. Станишовки, Лукьяновки, Степка, Луки, Антоновки, деревни Кисловки и д. Нагорной, гдѣ писались списки. На пути въ с. Плоскомъ Аѳанасьевъ и Янкуліо съ исправникомъ были на выносѣ плащаницы и бесѣдовали съ крестьянами, собранными изъ 5 окружныхъ селъ. Паліенко-же доносилъ князю, что, прибывъ 23 марта въ с. Бесѣдку, Аѳанасьевъ и Янкуліо застали 85 человѣкъ крестьянъ, собранныхъ по его распоряженію у приходской церкви, и по разъясненіи имъ смысла царскаго призыва, они объясняли свою невиновность опасеніемъ взысканія, что они только защищали себя, когда разсыльнымъ велѣно ихъ бить, а по отъѣздѣ исправника, хотя били въ набатъ и поставили караулы, но не вооружались; при

этомъ главный зачинщикъ, Өедоръ Шереметъ, сказалъ грубость Аөанасьеву, за что взятъ подъ арестъ, а потомъ чистосердечно раскаялся; что причиной ихъ буйства не приставъ, а діаконъ Слотвинскій, вручившій имъ указъ св. Синода и переписавшій ихъ, при чемъ говорилъ: „хлопци, нате вамъ оцю бумагу, та глядить—никому не поддавайтесь, вона выведе васъ на добро“; а когда Аөанасьевъ пожертвовалъ на ихъ церковь 10 р., то они, по долгомъ запирательствѣ, рѣшились выдать указъ, и одинъ изъ нихъ, отправившись домой, представилъ тотъ указъ. Затѣмъ просили прощенія, говоря, что намъ стыдно, что послушались такого дурня и сопротивлялись начальству. Окончивъ сіе, всѣ пошли въ церковь, выслушали молебствіе и отпустили крестьянъ, взявъ подписку въ ихъ раскаяніи, засвидѣтельствованную приходскимъ священникомъ. Къ этому донесенію Паліенка добавлю. Съ рукописнымъ указомъ 1806 г., даннымъ Слотвинскимъ, крестьяне с. Бесѣдки приходили къ священнику своему Тучапскому; священникъ разъяснялъ имъ, что этотъ указъ теперь ни къ чему не служитъ, но крестьяне не только не повѣрили, но вышли даже съ насмѣшками. По требованію Аөанасьева Шереметъ на лошади сбѣгалъ домой и привезъ этотъ указъ, который называли уже „выводнымъ листомъ“. Когда Аөанасьевъ и Янкуліо разъяснили, что этотъ указъ ничего не значитъ, то толпа стала произносить ругательства на Слотвинскаго, помутившаго ихъ, удивляясь, какъ они повѣрили дьячку, который говорилъ, что кто не запишется въ козаки, тотъ останется вѣчно крѣпостнымъ, панскимъ, его будутъ пятновать (клеймить) и, хотя бы онъ былъ отецъ, его отдѣлятъ отъ дѣтей записанныхъ; дѣти будутъ проклинать его, и если онъ умретъ, кости его будутъ выброшены изъ гроба, и много т. п. При этомъ обнаружено, что исправникъ съ приставомъ прибыли въ Бесѣдку, имѣя при себѣ разсыльныхъ и козаковъ Молодецкаго до 76 человѣкъ, между ними до 50 человѣкъ пѣшей шляхты, одѣтой въ бѣлые зипуны съ зелеными поясами и въ сѣрыхъ барашковыхъ шапкахъ, вооруженной дубинами и отчасти пиками. Остановясь въ фольваркѣ, исправникъ послалъ команду соби-

рать громаду къ себѣ. Это было въ четвергъ послѣ обѣда. Въ этотъ день часть народа была на работѣ—барщинѣ, а часть на ярмаркѣ въ м. Жашковѣ. Прибывши въ село, команда эта кричала, въ крестьянскихъ домахъ била окна, ломала двери, вообще неистовствовала до того, что не на шутку перепугала всѣхъ женщинъ и дѣтей, которыя почти всѣ разбѣжались. Посланные верховые и пѣшіе начали созывать, но какъ крестьяне собирались медленно, то приставъ съ пригорка крикнулъ: „гони ихъ скорѣе“; тогда козаки и разсыльные, гоня толпу, задрались, и крестьяне, схвативъ колья, прогнали козаковъ, а розги разнесли. Тогда исправникъ и приставъ поспѣшили уѣхать, не принявъ посланной депутаціи изъ 4 человѣкъ. Команда, потерпѣвшая полное пораженіе, оставила побѣдителямъ нѣсколько лошадей, сѣделъ, нагаекъ и одну саблю, доставшуюся въ видѣ трофея Шеремету. Послѣ того крестьяне, предполагая, что исправникъ пріѣдетъ къ нимъ еще съ большей силою, поставили себя въ возможность всячески защищаться и условились собираться по звуку колокола. Аѳанасьевъ, Янкуліо и исправникъ, имѣя при себѣ только двухъ жандармовъ, не встрѣтили никакого препятствія къ аресту Шеремета. По выслушаніи въ церкви молебна, Аѳанасьевъ далъ на свѣчи 10 р. Молва о томъ, что въ Бесѣдкѣ есть „настоящій“ указъ, котораго еще не читали, разнеслась съ быстротою въ смежные уѣзды. Удаленный отъ должности главно-управляющимъ экономъ Невѣровскій, насмѣхаясь въ с. Попружной надъ записями въ козаки, сказалъ: „записывайтесь скорѣе, а то будетъ поздно“. Узнавъ, что однодворецъ Красуцкій записываетъ по 3 коп. съ души, Невѣровскій еще сказалъ: „на що вы такъ дорого плотите? у насъ возьмутъ и по два гроша, идить писаться“.

26 марта я прибылъ въ Таращу около полудня въ квартиру подполковника Аѳанасьева и Янкуліо и послѣ обѣда тотчасъ приглашенъ отправиться съ исправникомъ Паліенко въ Кошевату, гдѣ, по донесенію помѣщика Молодецкаго, угрожала якобы опасность самому владѣльцу отъ волненія крестьянъ. Молодецкій заявлялъ, что крестьяне его имѣютъ заговоръ противъ

дворянъ и, не заставши исправника въ Таращѣ, обращался къ артилерійскому генералу Майделю о защитѣ. Исправникъ донесъ, будто въ Кошеватой было собрано 60 человѣкъ изъ самой Кошеватой, 15 изъ Кисловки, 20 изъ Закутинецъ, и 20 изъ Степка, но ихъ всѣхъ было 20. Мы помѣстились въ домѣ священника Хоржевскаго и потолковали съ созванными туда крестьянами, которые оказались въ весьма спокойномъ настроеніи и заявили, что у нихъ никакого волненія нѣтъ и не предполагается. Исправникъ въ донесеніи своемъ о семъ князю сообщалъ, что оффиціалисты сами сочиняютъ нелѣпую молву. Къ вечеру мы возвратились обратно въ Таращу—это была великая суббота. Отслуживъ затѣмъ пасхальную заутреню и обѣдню въ таращанскомъ соборѣ и разговѣвшись на разсвѣтѣ, Аѳанасьевъ, Янкуліо и я, при двухъ жандармахъ, отправились чрезъ Кошевату и Баранье Поле въ м. Медвинъ, каневскаго уѣзда.

Аѳанасьевъ и Янкуліо, послѣ успѣховъ своихъ въ с. Бесѣдкѣ, писали отъ 25 марта князю, что рота саперъ, направленная изъ Ольшанки въ г. Таращу, имъ не нужна, что все обойдется безъ воинской помощи здѣсь и въ каневскомъ уѣздѣ, гдѣ не слышно, чтобы исправники дѣйствовали съ козаками. Но если-бъ и тамъ было, какъ въ Бесѣдкѣ, то достанетъ насъ и двухъ жандармовъ справиться съ народомъ, если только встрѣтимъ вѣру ихъ къ намъ въ лицѣ Вашего сіятельства и если не измѣнитъ кому либо изъ насъ здоровье. Отъ 28 марта князь предписалъ командиру 2 саперной бригады передвинуть въ Бѣлую Церковь еще одну роту саперъ изъ Мотовиловки чрезъ Гребенки.

Въ м. Медвинъ прибыли Аѳанасьевъ, Янкуліо и я въ первый день Пасхи, 27 марта, передъ вечерней, и остановились въ домѣ священника Левицкаго, котораго не оказалось дома, такъ какъ онъ потребованъ къ митрополиту въ Кіевъ. Распорядившись звонить къ вечернѣ, я служилъ вечерню самъ и послѣ вечерни съ амвона вразумлялъ крестьянъ и увѣщевалъ бросить нелѣпыя внушенія. По выходѣ изъ церкви, о томъ-же говорили

имъ Аѳанасьевъ и Янкуліо. Они изъявляли покорность начальству и просили ходатайствовать о возвращеніи ихъ священника, согласившагося по ихъ просьбѣ написать списки. Тѣ-же увѣщанія, съ одной стороны, и просьбы—съ другой, повторялись и на другой день послѣ литургіи. Сюда, по вызову Аѳанасьева, утромъ являлись крестьяне с. Красногородки, Гуты, Софіевки, Дмитренокъ, Яцюковъ и Исаекъ. Около 11 часовъ мы отправились даже въ м. Богуславъ, предполагая, собравъ здѣсь свѣдѣнія, посѣтить нѣкоторыя мѣстности каневскаго и кіевскаго уѣздовъ.

Между тѣмъ отъ 3 апрѣля кіевскій исправникъ доносилъ князю, что 22 марта крестьяне м. Кагарлыка, въ числѣ до 200 человѣкъ, вторглись въ домъ священника, начали ломать двери, дерзко крича: „громадьска хата, вольно намъ что угодно дѣлать". На вопросъ священника, что имъ нужно, отвѣчали съ дерзостію въ одинъ голосъ: „три года утаивается вами указъ объ отпускѣ насъ въ вольные козаки, читай намъ его сейчасъ-же и по прочтеніи записывай всѣхъ насъ съ дѣтьми въ козаки". Будучи удивленъ такимъ страннымъ требованіемъ и дерзостью, священникъ Комашко старался вразумить прихожанъ всѣми возможными средствами, но они не переставали кричать на него съ яростію: „у тебя нѣтъ такого указа, почему-же въ имѣніяхъ Браницкаго и въ другихъ селахъ священники прочитали указъ, когда громада порядкомъ пристала къ нимъ, и записали въ козаки",—о чемъ имъ стало извѣстно на бывшей кагарлыцкой ярмаркѣ. Затѣмъ, не пустили священника въ церковь для священнослуженія, говоря: „мы не на шагъ не отпустимъ тебя и готовы рѣшиться на все, потому что срокъ намъ кончится къ Благовѣщенію, и если къ этому дню не кончимъ нашего дѣла, то всѣ тогда погибли". Священникъ хотѣлъ пономаремъ послать записку къ становому приставу, но пономаря не пустили, угрожая убить пономаря, если понесетъ записку.

Прибывшій изъ Житнихъ Ставовъ приставъ не засталъ уже ни толпы, ни священника въ его дворѣ, ибо священникъ отправился къ командиру 18-ой роты Бѣлевскаго полка, капитану

Лопатину, а толпа послѣдовала за нимъ, удерживая за концы рясы. Толпа не слушала увѣщаній ни пристава, ни Лопатина, и хотя по неоднократному требованію командира выступила изъ ротнаго двора, но расположилась вокругъ сего двора и отступила не раньше, какъ увидѣвъ, что солдаты собираются къ ротному двору въ боевой аммуниціи для усиленія караула при цейхаузѣ, въ которомъ находилось 200 ружей и 20 пудовъ пороху въ патронахъ. Къ вечеру крестьяне пошли толпою къ другому священнику Стояновскому съ тѣми-же требованіями и пріемами и ушли отъ него только ночью. На другой день явился въ Кагарлыкъ исправникъ, но крестьяне по требованію не явились къ его квартирѣ, говоря: „незачѣмъ ходить къ исправнику". Исправникъ отправился къ нимъ самъ; но всѣ его увѣщанія и вразумленія были тщетны; одинъ отвѣтилъ: „що буде людямъ, то и намъ; годи панамъ робыть". Исправникъ хотѣлъ арестовать болѣе дерзкаго изъ нихъ, Стефана Базяка, но тотъ крикнулъ: громада, за мною! Ротой Бѣлевскаго полка—прикладами Базякъ отбитъ и строго наказанъ, съ 17-ю другихъ. Тогда крестьяне, упавъ на колѣни, обѣщали слушаться и вѣчно повиноваться властямъ. То-же съ 17-ой ротой Бѣлевскаго полка повторено въ с. Шубовкѣ, Липовцѣ, Гороховаткѣ и Биндюговкѣ, чѣмъ возстановлено къ 27 марта спокойствіе въ кіевскомъ уѣздѣ. 30 марта княземъ получено донесеніе отъ сквирскаго исправника Гогоцкаго отъ 29 марта, что крестьяне с. Логвина и д. Михайловки находятся въ прежнемъ упорствѣ, и никакія убѣжденія на нихъ не дѣйствуютъ. Дерзость ихъ достигла до того, что, окруживъ священника въ церкви цѣлымъ обществомъ, держатъ его тамъ подъ карауломъ въ колокольнѣ, не давая ему ни ѣсть, ни пить, ни одѣться въ теплую одежду; браня и грозя, принуждаютъ привесть ихъ къ присягѣ на Евангеліи и крестѣ на службу Богу и государю и на вольность, и составить имъ потомъ списки. 29 марта утромъ взбунтовались крестьяне с. Березной помѣщика Бальтазара Подгорскаго и, задержавъ благочиннаго, священника Сикорскаго, по окончаніи литургіи, держатъ его голоднымъ и безъ теплаго одѣянія, не

обращая вниманія на болѣзненное состояніе, толкають, ругают и грозят уморить голодною смертію, если не приведет их к присягѣ на Евангеліи и крестѣ и не сдѣлает им списка. Убѣжденія и угрозы пристава ничего не подѣйствовали. Священники с. Логвина и Березны находятся в опасности, а исправнику крестьяне сказали: „пусть прійдет цѣлый отряд солдат хоть и с пушками,—они с тѣм-же духом встрѣтят их и не выпустят священников до тѣх пор, пока они не удовлетворят их желанія". Подобное сопротивленіе, хотя и в меньшем видѣ, произошло уже в смежном селѣ Сквиркѣ и оказалось в с. Бѣліевкѣ, Тартанѣ, Пархомовкѣ и д. Тадіевкѣ. Исправник, не находя возможным всего описать, заключил, что дѣло принимает большіе размѣры и что без воинской команды не возможно прекратить безпорядков.

По полученіи этого донесенія, князь—во 1-х) 30 марта предписал Аѳанасьеву и Янкуліо, намѣревавшимся из Богуслава ѣхать в с. Поток и Козин каневскаго уѣзда, поспѣшить в сквирскій уѣзд—в с. Логвин и Березну для успокоенія и вразумленія крестьян, а если это не удастся, то, по соглашенію с генералом Бѣлоусовым, употребить двѣ роты сапер, а также и ту, которая была отправлена в Таращу, чтобы пресѣчь безпорядки в самом началѣ и не дать им распространиться; во 2-х) 31 марта дал предложеніе и. д. губернатора Веселкину принять на себя общее руководство всѣми дѣйствіями к возстановленію порядка между крестьянами кіевской губерніи и, удостовѣрившись в успокоеніи крестьян васильковскаго уѣзда, вмѣстѣ с Бѣлоусовым принять мѣры к успокоенію крестьян сквирскаго у., и передал ему в распоряженіе состоящаго при генерал-губернаторѣ капитана Громеку.

Аѳанасьев и Янкуліо из Богуслава слѣдовали в село Юхны, крестьяне котораго не захотѣли явиться к ним в Богуслав, а оттуда в с. Карапиши. В Юхнах крестьяне, по выслушаніи указа об ополченіи, повинились в своем заблужденіи, а в Карапишах сначала твердили только „и мы всѣ готовы", а затѣм из указа 29 генваря о государствен-

номъ ополченіи поняли, что не всѣмъ велѣно итти на войну, а по 23 съ 1000 душъ, и что ратники призываются только на время войны, а затѣмъ возвратятся въ первобытное состояніе. Въ Карапишахъ и Зеленькахъ крестьяне домогались указа о козачествѣ, соединенномъ съ вольностію. Священникъ Грушецкій убѣдилъ своихъ прихожанъ, что нѣтъ такого указа, а крестьяне 2-ой половины с. Карапишей, подстрекаемые дьячкомъ Филотовичемъ, не повѣрили своему священнику Гавріилу Яворскому. Дьячекъ этотъ арестованъ и отправленъ нами въ каневскую тюрьму для страха прочимъ. Въ с. Зеленькахъ крестьяне домогались указа, вытащили священника Черняховскаго изъ кладовой, куда онъ спрятался, и нанесли оскорбленіе дѣйствіемъ его женѣ. Здѣсь также сдѣлано внушеніе жителямъ с. Чаекъ, Мисайловки, Кидановки, Дешекъ, Яхновъ, Роскопаной и Пустовойтъ. Въ Зеленькахъ крестьяне жаловались на экономію графовъ Браницкихъ, въ особенности на перемѣну крестьянскихъ полей и ихъ уменьшеніе въ прошедшемъ году. Изъ Зеленекъ поѣхали 31 марта въ с. Потокъ и Степанцы, гдѣ крестьяне нанесли дерзости священнику за непрочтеніе имъ указа о козачествѣ. 1 апрѣля Аѳанасьевъ и К° прибыли въ м. Козинъ, гдѣ сдѣланы увѣщанія мѣстнымъ жителямъ и также селъ Масловки и Емчихи; изъ Козина прибыли въ Богуславъ, чтобы ѣхать въ Хировку и Николаевку, гдѣ показались недоразумѣнія крестьянъ. Но по прибытіи въ Богуславъ, получено донесеніе отъ исправника Охримовича, что крестьяне имъ вразумлены и успокоены, а отъ и. д. начальника губерніи получено предписаніе отъ 1 апрѣля слѣдовать въ с. Березну сквирскаго уѣзда.

1 апрѣля въ 6 часовъ утра Веселкинъ съ Громекою прибыли изъ Кіева чрезъ Бѣлую Церковь въ д. Быковую Греблю. Подъѣзжая здѣсь къ квартирѣ генерала Бѣлоусова, они нашли обѣ роты саперъ выведенными—одна изъ нихъ стояла предъ воротами, ведущими къ экономическому дому, подъ ружьемъ, съ баталіоннымъ и ротнымъ командирами, а другая въ томъ-же порядкѣ на дворѣ и окружала до 300 человѣкъ крестьянъ Быковой Гребли и малаго числа другихъ селъ; расположенная

же у воротъ наблюдала за крестьянами, подходившими большими массами изъ разныхъ окрестныхъ селеній, а въ то-же время на дворѣ происходило наказаніе главныхъ виновниковъ и зачинщиковъ неповиновенія и тѣхъ, которые съ упорствомъ не принимали никакихъ убѣжденій, отказывались отъ повиновенія и исполненія работъ. Въ ту самую минуту, когда Веселкинъ изъ экипажа пошелъ къ генералу Бѣлоусову, а Громека подошелъ къ толпѣ, собравшейся въ 600—700 человѣкъ, послышался выстрѣлъ изъ нѣскольких ружей, и оказалось слѣдующее: толпа съ крикомъ бросилась спасать крестьянъ Быковой Гребли, подвергшихся наказанію, схватилась за ружья, погнула 3 штыка, а одинъ переломила, и вынудила тѣмъ баталіоннаго командира сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, а такъ какъ они послѣдовали почти въ упоръ ружья, то убито на мѣстѣ 5 человѣкъ и ранено 4. Послѣ этого толпа бѣжала за селеніе и до часа по полудни не возвращалась,—а крестьяне Быковой Гребли изъявили совершенную покорность, назвавъ нѣкоторыхъ подстрекателей. Отдавъ подъ арестъ зачинщиковъ и подстрекателей, числомъ 7 человѣкъ, Веселкинъ съ Бѣлоусовымъ и Громекою употребили два часа времени, стараясь внушить крестьянамъ ихъ обязанности и разсѣять недоумѣнія. Между тѣмъ съ другой стороны села собиралась новая толпа крестьянъ до 300 человѣкъ изъ с. Ольшанки и Сорокотягъ, изъявляя неповиновеніе, но когда узнали о покорности Быковскихъ крестьянъ и о происшествіи, то, послѣ наказанія 3 изъ с. Ольшанки и 3 изъ Сорокотягъ, и сами изъявили покорность. Затѣмъ Быковскіе арестованные отправлены въ Бѣлую Церковь, туда-же направлены и раненные, а убитые преданы землѣ. Впослѣдствіи дознано, что крестьяне изъ сосѣднихъ селъ созваны были въ ночь съ 31 марта на 1 апрѣля чрезъ верховыхъ, посланныхъ Быковскими крестьянами. Шли въ Быковую Греблю еще толпы изъ с. Бирюковъ, Пугачовки, Острова и Кожанки, находились уже въ сосѣднемъ селѣ Черкасѣ, но узнавъ, что въ Быковой Греблѣ стрѣляютъ, разошлись по домамъ,—затѣмъ прислали депутацію и изъявили покорность крестьяне с. Пшеничей,

Черкасъ, Шкаровки, Кожанки, Бакаловъ и Езерной. Прибывши затѣмъ въ с. Яблуновку, 3 апрѣля, Веселкинъ не нашелъ крестьянъ въ домахъ, такъ какъ они отправились въ ближайшій лѣсъ для совѣщаній, но обѣщая возвратиться съ покорностію. Но отъ 2 апрѣля и Веселкинъ писалъ князю, что настроеніе крестьянъ вообще неудовлетворительно, особенно въ той мѣстности, гдѣ дѣйствуетъ генералъ Бѣлоусовъ. Того-же 3 апрѣля капитанъ Громека съ одной ротой командированъ Веселкинымъ въ с. Трушки. По прибытіи 3 апр. въ с. Трушки, онъ засталъ въ церковной оградѣ толпу болѣе 1000 человѣкъ изъ с. Трушекъ, Матюшей и Шамраевки съ бабами; толпа вручила прошеніе. Всѣ убѣжденія Громеки въ теченіе часу и указаніе на примѣръ въ Быковой Греблѣ нисколько не вразумили крестьянъ; у нихъ одинъ отвѣтъ: „всѣ здѣсь ляжемъ до одного, но служить ляхамъ болѣе не будемъ и барщины не хотимъ, хочемъ принадлежать царю". Жены и даже молодыя женщины оказались едва-ли не азартнѣе мужчинъ, говоря, что принимаемъ на себя первыя пули. Крестьяне не хотѣли ни разставаться съ женами, ни расходиться по домамъ, возвращая съ побоями тѣхъ, которые хотѣли уйти. Не вѣрили и тому, что Громека присланъ отъ генералъ-губернатора. Масса народа дѣлала невозможнымъ окружить ихъ въ одну шеренгу. Потому, расположивъ роту предъ домомъ священника, Громека послалъ донесеніе Веселкину въ Яблуновку, объявивъ и народу, что будетъ ожидать отвѣта отъ губернатора. Веселкинъ прибылъ въ Трушки на другой день, 4 апрѣля, утромъ съ 2 ротами, которыя вступили съ барабаннымъ боемъ. Толпа въ страхѣ разбѣжалась, осталось не болѣе 500 человѣкъ и 50 женщинъ. Толпа окружена, женщины оттащены назадъ при ихъ неистовомъ крикѣ, зачинщики и буяны, замѣченные Громекою, вызваны впередъ и наказаны розгами. Всѣ раскаялись и просили прощенія, кромѣ крестьянина Кочерги, который и послѣ наказанія остался упрямымъ, а потому отправленъ въ Васильковскую тюрьму.

Веселкинъ и Бѣлоусовъ изъ васильковскаго уѣзда съ 3 ротами саперъ передвинулись въ с Березну, сквирскаго уѣзда, извѣстясь, что крестьяне этого села нѣсколько дней съ угрозами тщетно домогаются отъ своего приходского священника объявленія указа о вольности. Въ с. Березной они застали толпу крестьянъ этого села и сосѣднихъ до 3 тысячъ, которые всѣ были съ толстыми палками въ рукахъ. Убѣжденія и вразумленія начальствующихъ не подѣйствовали на крестьянъ: толпа продолжала съ крикомъ объявлять, что до тѣхъ поръ не покорятся и не выдадутъ священниковъ, пока послѣдніе не объявятъ указа о козачествѣ и освобожденіи отъ господскихъ работъ. Въ то время, когда начальствующіе послѣ сего обдумывали, какія еще принять мѣры для вразумленія крестьянъ, раздался звонъ колокола съ церковной колокольни, и толпа съ крикомъ направилась къ воинской командѣ; въ эту минуту первые ряды двухъ ротъ по предварительному приказу сдѣлали нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ на воздухъ съ тою цѣлію, чтобы подѣйствовать на крестьянъ страхомъ, но толпа отвѣчала крикомъ, съ которымъ бросила въ колонны имѣвшіяся въ рукахъ палки. Когда затѣмъ выстрѣлили заднія колонны, толпа на мгновеніе остановилась, и часть ея отхлынула, но скоро съ неистовствомъ вновь ринулась на фронтъ. Произведенный по вторичной командѣ залпъ изъ ружей и натискъ солдатъ обратилъ толпу въ бѣгство Нижнимъ чинамъ при этомъ не причинено никакого вреда, только у одного ружья сломанъ прикладъ. Но изъ крестьянъ 20 убито и 40 ранено. Большая часть толпы успѣла бѣжать; остановленные до 600 человѣкъ крестьяне села Березной открыли мѣста, гдѣ укрыты священники этого и сосѣднихъ селъ—Березны Василій Сикорскій, с. Пустоваровки Софроній Погорецкій, с. Логвина Григорій Сикорскій и с. Антонова—Алексѣй Сикорскій, которые освобождены; болѣе виновные и упорные наказаны.

Аѳанасьевъ, Янкулio и я, получивши распоряженіе слѣдовать въ с. Березну, отправились туда по правому берегу Роси чрезъ с. Ольшанку, но за разливомъ рѣки Роси не могли пе-

реправиться въ Березну и часовъ въ 9 вечера остановились въ с. Логвинѣ, гдѣ узнали, что въ тотъ-же день собравшіеся въ Березну крестьяне окрестныхъ селъ и с. Логвина разсѣяны выстрѣлами войскъ, и Логвинскіе только-что прибѣжали туда изъ Березной, переправясь вплавь и лодками чрезъ рѣку. Изъ двора священника, къ которому мы подъѣхали, выбѣжала вся семья въ слезахъ и страхѣ, прося принять ихъ подъ свою защиту и ночевать въ ихъ домѣ, такъ какъ ожесточенные крестьяне могутъ, напавши на нихъ—однѣхъ женщинъ и дѣтей, перебить. Мы охотно согласились, ибо въ дождь на измученныхъ лошадяхъ нельзя было слѣдовать даже куда-либо, хотя жутко было и намъ на такомъ ночлегѣ. Аѳанасьевъ, прежде храбрый, начиналъ робѣть; онъ и Янкуліо также не мало обезпокоены были моей прогулкой въ одну изъ крестьянскихъ хатъ, гдѣ находился раненный въ с. Березнѣ. Въ этой хатѣ я засталъ плакавшихъ женщинъ и раненнаго въ руку крестьянина, поговорилъ и сколько могъ утѣшилъ его и другихъ, разъяснивши ихъ заблужденіе, приведшее къ такой бѣдѣ. Заночевали мы въ большой комнатѣ на сѣнѣ, поставивши у двери жандармовъ; Аѳанасьевъ легъ, взявши по пистолету въ обѣ руки. Не имѣя права употреблять оружіе, я легъ безоружнымъ и заснулъ глубокимъ сномъ, проснувшись лишь на разсвѣтѣ. Утромъ, въ 8 часовъ явились крестьяне с. Логвина; потолковавши съ ними о ихъ заблужденіи, мы отправились обратно въ Бѣлую Церковь, а оттуда въ с. Трушки, гдѣ застали капитана Громеку, Бѣлоусова и Веселкина на ночлегѣ, по усмиреніи Трушевцевъ. Весь вечеръ Громека потѣшалъ насъ разсказами... Въ это-же время студентъ кіевскаго университета, сынъ арендатора въ с. Волнянкѣ, таращанскаго уѣзда, Р—ъ, прибывши на праздникъ Пасхи къ своему отцу, сказалъ въ полѣ одному крестьянину, что онъ можетъ ихъ сдѣлать вольными, если они послушаютъ его, и предложилъ собраться въ концѣ села, въ пустой избѣ, обѣщая прочитать бумагу. Туда въ ночь на 28 марта собралось 35 человѣкъ; туда явился и молодой Р—ъ. Угостивши крестьянъ водкою и поцѣловавши крестъ, сложенный изъ пальцевъ

руки, онъ сталъ читать имъ бумагу, присланную яко-бы изъ Франціи, сказавъ, что французы и англичане сожалѣютъ о томъ, что ихъ здѣсь мучатъ. Прочитавъ нѣсколько строкъ, Р—ь сталъ говорить объ угнетеніи ихъ царемъ, описывалъ черными красками ихъ положеніе и возбуждалъ къ поголовному возстанію, сказавъ, будто 40 студентовъ послано къ крестьянамъ, и 46 селъ уже готовы, а чрезъ мѣсяцъ друзья крестьянъ—Англичане и Французы—придутъ подать имъ руку помощи; тогда не будетъ пановъ, а всѣ будутъ равны; затѣмъ дочиталъ воззваніе до конца. Въ это время одинъ изъ крестьянъ, подойдя близко, схватилъ Р—я за обѣ руки и разогнулъ пальцы его руки, въ которой сжата была бумага, отнялъ отъ него воззваніе, которое оказалось рукописнымъ на польскомъ языкѣ. Крестьяне доставили это воззваніе священнику, а священникъ, прочитавъ, передалъ приставу. Р—ь бѣжалъ и скрывался по лѣсамъ, но вскорѣ былъ схваченъ и посаженъ въ крѣпость; студенты вытребованы всѣ въ Университетъ, а полиціи велѣно дознать о ихъ поведеніи во время отпуска.

По распоряженію губернатора намъ нужно было докончить объѣздъ каневскаго уѣзда; потому изъ с. Трушекъ мы чрезъ Бѣлую Церковь, Таращу и Богуславъ прослѣдовали въ с. Яновку. Здѣсь 7 апрѣля отъ только-что прибывшаго изъ м. Таганчи благочиннаго Николая Дашкевича узнали мы, что въ Таганчѣ и окрестныхъ съ нею селахъ сильное волненіе. Не смотря однако на предостереженіе о. Николая, что туда и ѣхать опасно и что по дорогамъ разставлены крестьянскіе пикеты, мы рѣшились и въ вечернее время поспѣшить туда. Въ сумерки уже въѣхали мы въ Таганчу; на встрѣчу намъ черезъ плотину, по пути отъ церкви, направлялась къ намъ на площадь большая толпа, только-что выпустившая изъ церкви своего приходского священника Андрея Антоновскаго, содержавшагося тамъ около 3 сутокъ подъ карауломъ. Они 4 апрѣля вечеромъ вытребовали священника въ церковь съ тѣмъ, чтобы онъ прочиталъ имъ указъ о вольности; продержавъ священника до 10 часовъ утра, едва освободили его послѣ разныхъ оскорбленій,

брани и дерзостей. На другой день крестьяне сосѣднихъ селъ, прибывъ въ Таганчу, принесли съ собою захваченныя изъ Мартыновской церкви инвентарныя правила, называя ихъ царскимъ указомъ о вольности. Тогда такія-же правила вытребованы отъ таганскаго священника. Съ этими правилами и подобранными въ церквахъ другими указами бродятъ изъ села въ село, водя пѣшихъ священниковъ и дѣлая имъ всяческія оскорбленія. Въ Таганчу стали являться за свѣдѣніями гонцы отъ крестьянъ и изъ черкасскаго уѣзда, и барщина брошена вездѣ, кромѣ богуславскаго имѣнія. Также пріостановлены работы въ сахарныхъ заводахъ и на суконныхъ фабрикахъ. Чтобы послать донесеніе князю, каневскій исправникъ Охримовичъ долженъ былъ изъ Таганчи пробираться 30 верстъ къ Богуславу, такъ какъ крестьяне задерживали разсыльныхъ. Объявивъ, что теперь позднее время, Аѳанасьевъ велѣлъ крестьянамъ явиться къ намъ утромъ, такъ какъ мы ночуемъ въ Таганчѣ. Приглашеніе въ помѣщичій домъ А. Ос. Понятовскаго мы отклонили, а остановились для ночлега въ трактирѣ—на той-же площади. Здѣсь Аѳанасьевъ сдѣлалъ еще распоряженіе, чтобы на другой день изъ 7 селъ таганскаго имѣнія явилось въ Таганчу по 10 человѣкъ. Хотя Аѳанасьевъ вызывалъ подобнымъ образомъ въ одинъ пунктъ изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ селъ и въ таращанскомъ и въ каневскомъ уѣздахъ, но здѣсь такое распоряженіе оказалось крупной ошибкой, усилившей волненіе и безпорядки. Дѣло въ томъ, что волненіе было не въ одномъ таганчскомъ округѣ, но захватило и корсунское имѣніе князя Лопухина по р. Рось; крестьяне вездѣ тормошили священниковъ, требуя предъявить указъ объ освобожденіи крестьянъ отъ помѣщиковъ, искали его съ помощію сельскихъ грамотѣевъ въ домахъ священниковъ, въ церквахъ, заглядывая и подъ св. престолы; въ воображеніи своемъ сочинили, что указъ этотъ написанъ золотыми литерами, что на немъ крестъ, дорога и золотыя китицы (кисти) по угламъ. Никакія увѣренія и клятвы священниковъ не могли разувѣрить, что такого указа нѣтъ и не было. Бѣдствія священниковъ въ семъ случаѣ точно описаны б. благочиннымъ

Антоніемъ Ковальскимъ въ запискѣ, помѣщенной въ „Кіевской Старинѣ". И вотъ въ самый разгаръ этого волненія объявляется, что въ Таганчу прибыли генералы или полковники объявить волю и что громады на утро должны явиться туда. Дѣйствительно, утромъ, съ 6 часовъ, стали появляться одна за другой громады сосѣднихъ съ корсунскимъ имѣніемъ селъ, именно—с. Полствина, Мартыновки, Даріевки, Голяковъ, Мельниковъ, Ключниковъ, Берковзовки, Гарбузина, Сотниковъ и Кищинецъ, съ приходскими священниками впереди, приведенными пѣшкомъ, и расположились на площади, предъ трактиромъ, въ которомъ мы остановились. Кромѣ мѣстнаго священника м. Таганчи, здѣсь были благочинные Дашкевичъ и Ковальскій, священники с. Полствина В. Акимовичъ, с. Выграева Загродскій, с. Гарбузина Кудревичъ. Зрѣлище представлялось любопытное и внушительное. Сначала не робѣя, мы трое выходили на площадь потолковать то съ той, то съ другой громадой, но ничто не помогало; едва вѣрили и тому, что мы уполномочены генералъ-губернаторомъ и митрополитомъ. Крестьянинъ м. Таганчи, пожилой и повидимому болѣе вліятельный, говорилъ вслухъ, что бояться нечего, войска нѣтъ ни здѣсь въ кіевской губерніи, ни въ полтавской, гдѣ онъ былъ недавно, что оно все теперь въ Крыму—на войнѣ. Другой, почтенный по виду и добродушный, послѣ моихъ увѣщаній, наклонившись тихо сказалъ мнѣ: „Батюшка, мы и сами добре знаемъ, шо такого указа нема, колы-жъ намъ хочется, щобъ винъ бувъ". Возвратясь около 10 часовъ для отдыха въ квартиру, мы замѣтили, что въ другой половинѣ трактира помѣстилось нѣсколько крестьянъ, которые отличались особенною дерзостію въ отвѣтахъ на площади и даже отгоняли отъ насъ палками народъ, чтобы онъ не слушалъ нашихъ увѣщаній. Управляющій-же имѣніемъ Понятовскаго Беренсъ, прожившій въ Таганчѣ болѣе полустолѣтія, явившись къ намъ, сообщилъ, что крестьяне сговариваются арестовать насъ, и потому совѣтовалъ уѣхать отсюда. Положеніе было критическое. Чтобы видомъ робости не поощрить толпу, рѣшились мы попытаться выѣхать не тайкомъ, а въ виду всей

массы. Возвративши въ домъ помѣщика чай, который на большомъ подносѣ несенъ былъ для насъ по площади въ трактиръ, мы сѣли въ экипажи свои у лицевого подъѣзда, имѣя при себѣ по жандарму; лошади тронулись рысью; на крикъ—раздайся! толпа разступилась, и мы, раскланиваясь съ крестьянами, обнажившими свои головы, шибко выѣхали съ площади на корсунскую дорогу. Пикеты изъ нѣсколькихъ крестьянъ, стоявшіе при выѣздѣ изъ м. Таганчи, въ лѣсу и за лѣсомъ на полѣ, не осмѣлились насъ остановить, и чрезъ два часа мы были въ м. Корсунѣ. Насколько вожаками была перетолкована цѣль нашего прибытія въ Корсунь, достаточно показала встрѣченная нами въ Таганчскомъ лѣсу группа молодыхъ рекрутъ изъ крестьянъ, направлявшаяся въ Таганчу. На вопросъ нашъ: зачѣмъ идутъ въ Таганчу, они отвѣчали—„а якже, тамъ кажуть, пріихалы паны одъ губернатора и одъ митрополита дилыть поля; то може и намъ выдилять по якій десятыни“. Исправникъ былъ задержанъ въ Таганчѣ и отпущенъ утромъ. По прибытіи нашемъ въ становую квартиру, явился туда и свѣтлѣйшій князь Павелъ Петровичъ Лопухинъ для совѣщанія о мѣрахъ, какіе слѣдуетъ предпринять для успокоенія взволнованныхъ крестьянъ и для общественной безопасности. Еще изъ Таганчи Аѳанасьевъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы 4 роты Бѣлевскаго Егерскаго полка, назначенныя въ каневскій уѣздъ, слѣдовали въ м. Таганчу. Теперь рѣшено поскорѣе, хотя-бы на подводахъ, придвинуть одну или двѣ роты, вмѣсто Таганчи, въ Корсунь, а губернатору съ увѣдомленіемъ о семъ писано о необходимости его личнаго прибытія сюда въ виду возможной надобности прибѣгнуть къ употребленію воинской силы. И. д. губернатора, бывшій въ это время въ уманскомъ уѣздѣ, отнесся къ начальнику резервной легкой кавалерійской дивизіи князю Багратіону Имеретинскому о командированіи въ Корсунь нѣсколькихъ эскадроновъ сей дивизіи. Престарѣлый Аѳанасьевъ совершенно упалъ духомъ и на другой день послалъ князю Васильчикову просьбу объ отпускѣ въ Кіевъ по причинѣ сильно разстроеннаго состоянія здоровья, при которомъ онъ не можетъ содѣй-

ствовать и. д. губернатора, тѣмъ болѣе, что толпа теперь уже ничему не вѣритъ, добиваясь только скрываемаго отъ нея указа. Это было въ пятницу. На другой день, въ субботу, до вечера мы, остановясь въ Корсунѣ, выжидали свѣдѣній о положеніи окольныхъ крестьянъ и прибытія войскъ. Свѣдѣнія о крестьянахъ были неутѣшительны, такъ какъ прибѣжавшіе отъ нихъ въ м. Корсунь священники, число ихъ было до 13, сообщили, что можно ожидать всего худого и помѣщикамъ, и священникамъ, бросившимъ свои семейства въ большомъ страхѣ. Собираясь служить литургію въ наступавшее воскресеніе—10 апрѣля, вечеромъ я перешелъ изъ становой квартиры въ сосѣдній домъ священника Тимоѳея Стрижевскаго и очутился въ большомъ обществѣ сельскаго священства, передававшаго скорбную повѣсть о броженіи крестьянъ и претерпѣнныхъ отъ нихъ страданіяхъ. Въ это время явился къ намъ священникъ с. Сытниковъ Иванъ Чернодубравскій, едва державшійся на ногахъ и почти безъ голоса, въ сопутствіи своей жены и дѣтей. Онъ дополнилъ повѣсть разсказомъ объ испытанномъ на себѣ. Прихожане, возвратившись съ нимъ пѣшкомъ изъ м. Таганчи, не давали ему покою всю предыдущую ночь съ пятницы на субботу, требуя указа, а утромъ, выведши изъ двора, всячески издѣвались, угрожая его жизни, наконецъ начали его босого водить по колючему растенію, растущему въ изобиліи по сельскимъ улицамъ. Въ это время мимо Сытниковъ слѣдовала въ Корсунь рота Бѣлевскаго полка. Командиръ роты; желая ускорить движеніе роты, послалъ ефрейторовъ потребовать подводъ изъ сего села. Посланные нашли подлѣ церкви толпу крестьянъ, терзавшихъ священника и водившихъ его по колючкамъ. На требованіе дать подводы толпа отвѣчала, что у нихъ въ селѣ нѣтъ ни лошадей, ни воловъ, нѣтъ и телятки. Солдатики, не настаивая на исполненіи своего требованія, откланялись, добавивъ, что они идутъ на войну въ Крымъ, и донесли командиру о видѣнномъ. Тогда ротный командиръ, раздѣливъ роту на двѣ части, повелъ ее въ село съ двухъ противоположныхъ сторонъ. При появленіи роты у церкви, толпа, увидя опасность быть окруженной, бросилась

бѣжать, оставивъ священника, а человѣкъ 15 скрылись на колокольню, заперши дверь внизу. Командиръ потребовалъ сдачи, угрожая стрѣлять въ окна невысокой колокольни; испуганные сдались. Тогда, перевязавъ плѣнниковъ и взявъ подводы, онъ на нихъ доставилъ священника съ семействомъ въ Корсунь къ вечеру подъ прикрытіемъ роты, вмѣстѣ съ арестованными. Замѣчательно, что когда послѣ первыхъ разсказовъ о страхахъ своихъ нѣкоторые священники вдались въ юмористическіе разсказы о рѣчахъ и дѣйствіяхъ, сопровождавшихъ исканіе указа, священникъ Чернодубравскій остановилъ шутниковъ воззваніемъ: „годи, годи, братіе, смѣяться надъ мужиками, сознайтесь, что и мы добре заливали имъ сала за шкуру; достойная по дѣламъ нашимъ воспріемлемъ". Горькій этотъ упрекъ относился къ тѣмъ изъ священниковъ, которые, не смотря на тяжесть тогдашней барщины, всячески ухищрялись увеличить лежавшую тогда на прихожанахъ-крестьянахъ натуральную повинность для обработки священническихъ участковъ, къ счастію 10 лѣтъ спустя отмѣненную по представленію генералъ-губернатора Безака, вслѣдствіе сдѣланнаго мною ему разъясненія всего нравственнаго зла отъ этой повинности. Утромъ, 10 апрѣля, о. Тимоѳей со страхомъ сообщилъ мнѣ, что не надежно что-то и въ его приходѣ, такъ какъ въ приписномъ приходѣ Карашинъ всю ночь сгоняли куда-то народъ вожаки, а къ обѣднѣ собралось необычайно много народа, пришли-де такіе, что не бывали даже на свѣтлое Христово воскресеніе, а полковникъ Аѳанасьевъ предварилъ, чтобы я не сказывалъ народу приготовленнаго мною поученія о повиновеніи властямъ. Не смотря на эти неблагопріятныя предостереженія, я съ спокойнымъ духомъ приступилъ къ совершенію воскресной литургіи и благополучно ее совершилъ, а послѣ литургіи отслужилъ и царскій молебенъ по случаю дня рожденія великаго князя Владиміра Александровича, но безъ участія прочихъ бывшихъ въ церкви священниковъ, которымъ мною предложено оставаться въ ризницѣ у олтаря, незримо для народа, среди коего могли быть искавшіе ихъ прихожане. Послѣ многолѣтія Государю и всему царствую-

щему Дому, народъ продолжалъ стоять, не двигаясь къ выходу изъ церкви, какъ бываетъ обычно. Стоя на амвонѣ, я спросилъ: что вы стоите? Народъ отвѣчалъ: хотимъ приложиться ко кресту. Я подошелъ ближе съ крестомъ, и всѣ чинно стали подходить ко кресту, не толпясь и какъ-бы медля выходомъ изъ церкви. Пока я затѣмъ разоблачился, церковь уже была пустой, почти никого не оставалось и подлѣ церкви. Прибывшая наканунѣ рота солдатъ, кромѣ оставленнаго при становой квартирѣ караула для охраненія арестованныхъ въ с. Ситникахъ крестьянъ, находилась у пруда за торговою площадью, гдѣ приготовленъ былъ для солдатъ обѣдъ. Изъ церкви я пошелъ въ становую квартиру—къ спутникамъ моимъ, Аѳанасьеву и Янкуліо, гдѣ были также исправникъ Охримовичъ и капитанъ Лопатинъ. Едва мы выпили по чашкѣ чаю, какъ становой приставъ доложилъ, что на Корниловской горѣ, около козацкой могилы, показалась большая толпа крестьянъ, движущаяся въ направленіи къ корсунской плотинѣ въ сопровожденіи нѣсколькихъ верховыхъ, и посланные на встрѣчу разсыльные доносятъ, что всѣ крестьяне вооружены кіями—дубинками. Ударили тотчасъ въ барабанъ для сбора роты; солдаты сбѣгались, бросивъ кашицу. Священники уходили въ каменную церковь, чтобы скрыться въ ея стѣнахъ за желѣзными дверьми. На кровлѣ княжескаго дворца виднѣлись бѣгавшіе съ зрительными трубами лица. Съ высокой колокольни наблюдала полиція съ пономаремъ Кротевичемъ за движеніемъ другой массы изъ Карашина, подходившій къ Корсуню. Евреи въ страхѣ метались изъ дому въ домъ, изъ улицы въ улицу; подымался гвалтъ. Словомъ, должно быть, было то, что живо напоминало приближеніе Гонты къ Умани предъ уманскою рѣзнею 1768 года. Въ становой квартирѣ вооружались кто чѣмъ могъ. Полковникъ Аѳанасьевъ, встревоженный и блѣдный, пилъ стаканъ за стаканомъ холодную воду и то хватался за саблю свою, то за пистолеты. Собравшаяся рота выстраивалась близъ становой квартиры на церковной площади у пѣвческаго корпуса, къ сожалѣнію она состояла на половину изъ рекрутъ, набранныхъ въ Бѣлоруссіи и еще не во-

оруженныхъ. Рекрутамъ дали колья, старые солдаты стали въ строй съ ружьями; на базарной площади показалась толпа народа. Съ церковной площади, отстоявшей отъ нея на два квартала, можно было видѣть, что толпа эта движется медленно по широкой улицѣ въ направленіи къ церковной площади, безъ всякаго орудія въ рукахъ, а впереди ея выдѣляются 12 человѣкъ съ хлѣбомъ и солью, которую на бѣломъ платкѣ держалъ одинъ изъ нихъ. При видѣ такъ мирно идущаго народа, признано за лучшее скрыть роту, поставивъ ее не среди улицы, а подъ восточной стѣной пѣвческаго корпуса, и итти на встрѣчу народу. Вотъ и пошли Аѳанасьевъ, Янкуліо, я, исправникъ и капитанъ Лопатинъ. Миновавъ домовъ 6 по линіи улицы, мы остановились въ разстояніи 10 шаговъ отъ народа; остановилась и масса народа. Аѳанасьевъ крикнулъ своимъ сильнымъ голосомъ „на колѣни", и вся масса упала на колѣни. Тогда Аѳанасьевъ крикнулъ своимъ сильнымъ голосомъ: за чѣмъ они сюда пришли? Передніе говорили: пришли жаловаться на своего помѣщика, князя Лопухина за работы. А еще что?—Хотимъ служить Богу и Государю и быть вольными по указу царскому. Аѳанасьевъ, возвысивъ опять голосъ, сталъ говорить: „указа такого нѣтъ, это выдумка діакона,—діакона этого разстригли и сослали въ Сибирь, какъ обманщика. Государь не требуетъ всѣхъ на службу". При этихъ словахъ, я, стоя съ лѣвой стороны при Аѳанасьевѣ, сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобы поговорить частно съ кѣмъ-либо изъ народа, какъ стоявшій съ того-же боку у дверей аптеки рыжій мужикъ, схватясь на ноги съ дубиною къ верху, вскрикнулъ: „гикъ", и вся масса по этому кличу, вставъ на ноги и поднявъ скрытыя подъ полами короткія дубины, двинулась на насъ и мѣстное начальство. Сдѣлавъ поворотъ, всѣ мы пустились бѣжать по улицѣ, укрываясь въ концѣ ея кто направо, кто налѣво за выдвигавшуюся къ срединѣ улицы роту. Толпа съ гикомъ преслѣдовавшая насъ, бросилась на солдатъ, подставившихъ штыки, и хваталась за ружья. Когда раздались выстрѣлы, я проскочилъ за уголъ палисадника у пѣвческаго корпуса и, оглянувшись на крылечкѣ, увидѣлъ, какъ нѣсколько

крестьянъ, пораженныхъ пулями, падали на землю, свертываясь головою къ ногамъ, а сзади меня упалъ унтеръ-офицеръ съ раздробленной топоромъ головой, оба мозга которой вывалились при паденіи. Аѳанасьевъ, Янкуліо и исправникъ спасались на противоположной сторонѣ улицы, у воротъ діакона, гдѣ стояли жандармы. Кромѣ солдатъ стрѣляли и писаря становой квартиры изъ оконъ втораго этажа пѣвческаго корпуса. Послѣ перваго-же залпа крестьяне поворотили тылъ и пустились бѣжать то по улицѣ на базарную площадь, то вправо за жидовскіе дома; второй залпъ и третій пущены на воздухъ вслѣдъ бѣгущихъ, и изъ этихъ залповъ одна пуля очутилась у еврея за галстукомъ. Бѣдный еврейчикъ страхъ перепугался, пока вынулъ пулю изъ галстука. Выстрѣлами перваго залпа убито на мѣстѣ 13 крестьянъ и ранено 27. Бѣжавшіе, перейдя плотину, собрались въ толпу еще на половинѣ горы, постояли, постояли и двинулись во-свояси, разсуждая, конечно, что плетью обуха не перешибешь. Полиція собирала по улицѣ брошенныя крестьянами дубины, которыхъ можно было набрать цѣлый возъ; мы печально собрались подлѣ сраженнаго топоромъ унтеръ-офицера Сидорова, высокаго и стройнаго, который палъ за защиту всѣхъ и былъ главнымъ виновникомъ удачнаго отраженія напавшей толпы при отсутствіи командира роты, капитана Лопатина, который, оставивъ роту, вышелъ съ нами впередъ къ крестьянамъ. Видя опасность, умный унтеръ-офицеръ самъ выдвинулъ роту на средину улицы, на перерѣзъ массѣ, и потомъ, въ виду опасности потерять ружья, вырываемыя изъ рукъ солдатъ, скомандовалъ 2-ой шеренгѣ стрѣлять. Подобравъ убитыхъ, тѣло унтеръ-офицера перенесли въ башню, а раненныхъ собрали въ верхнемъ этажѣ пѣвческаго корпуса, гдѣ имъ подана медицинская и духовная помощь. На другой день убитые крестьяне преданы землѣ въ одной общей ямѣ за мѣстечкомъ, по правую сторону дороги изъ Корсуна въ Богуславъ, а тѣло унтеръ-офицера съ большой процессіей изъ 13 священниковъ отпѣто въ большой Преображенской церкви и погребено здѣсь-же въ церковной оградѣ,—при чемъ ему отдана воинская почесть зал-

помъ изъ ружей; по опущеніи тѣла въ могилу. Къ вечеру 10 апрѣля въ Корсунь прибыла еще рота саперъ и корнетъ Бербанъ, квартирьеръ уланскаго дивизіона, слѣдовавшаго въ Корсунь изъ Уманя. На другой день, въ понедѣльникъ, прибылъ и. д. губернатора, а полковникъ Аѳанасьевъ по болѣзни уѣхалъ въ Кіевъ; явились и остальныя двѣ пѣхотныя роты. Стали судить и рядить, что дѣлать въ виду того, что по полученнымъ свѣдѣніямъ крестьяне корсунскаго имѣнія ушли изъ селъ въ лѣсъ, не принимаясь за работы, а изъ Таганчи невозможно было имѣть никакихъ свѣдѣній, такъ какъ крестьянскіе пикеты не пропускали туда никого. Обративъ вниманіе совѣта на то, что въ движеніяхъ крестьянъ м. Таганчи видно было участіе и вліяніе отставныхъ солдатъ, къ которымъ, видимо, они обращались за наставленіями, я предложилъ вызвать въ становую квартиру всѣхъ отпускныхъ солдатъ и, напомнивъ ихъ обязанность по присягѣ на службу Государю и Отечеству, возложить на нихъ порученіе отправиться изъ лѣсовъ къ исполненію своихъ крестьянскихъ дѣлъ, не опасаясь больше никакой отвѣтственности. Мое предложеніе принято; на другой день явились десятка два отставныхъ и билетныхъ солдатъ. И. д. губернатора, исправникъ и я, съ своей стороны, сдѣлавъ имъ внушенія и наставленія, отпустили солдатъ исполнить свое дѣло; на слѣдующій день—въ среду крестьяне корсунскаго имѣнія уже принялись за обычныя работы на поляхъ и въ своихъ дворахъ, вмѣсто блужданія по лѣсамъ. Въ тотъ-же день прибылъ въ Корсунь ожидавшійся дивизіонъ уланъ. Такимъ образомъ Корсунь былъ наводненъ войскомъ и походилъ на военный лагерь, такъ какъ на церковной площади стояла одна рота бивуакомъ. Всѣ военные и гражданскіе чины обильно продовольствовались на счетъ князя, а въ четвергъ были угощены большимъ параднымъ обѣдомъ въ княжескомъ дворцѣ, по случаю прибытія генералъ-губернатора И. И. Васильчикова, пожелавшаго лично удостовѣриться въ положеніи дѣлъ. На пятницу было назначено выступленіе въ походъ на Таганчу, о сомнительномъ положеніи которой все еще ходили преувеличен-

ные слухи; одинъ эконом передавалъ, что крестьяне разграбили домашній арсеналъ Понятовскаго и образовали кавалерію изъ его лошадей; другой заявлялъ, что у нихъ есть и пушка, неизвѣстно откуда добытая. Полиція боялась показать туда носъ свой; показаніямъ крестьянъ не вѣрили; жиды тоже трусили, послѣ того какъ одного проѣзжавшаго съ баккалеями еврея въ Таганчѣ заставили выпить банки духовъ. Оставалось итти съ военными предосторожностями. Такъ и сдѣлано. Раннимъ утромъ выступили въ походъ такимъ порядкомъ—2 роты пѣхоты, 2 эскадрона уланъ, штабъ съ гражданскими чинами, въ арріергардѣ рота саперъ, впереди отряда и по сторонамъ флангеры изъ уланъ. Со страха въ сосѣднихъ деревняхъ все спряталось. У с. Сотниковъ сдѣлали привалъ, а къ 12 часамъ съ пѣснями и барабаннымъ боемъ отрядъ вступилъ ва Таганчу, изъ которой всѣ крестьяне мужеска пола со страха спрятались въ лѣсу. По прибытіи войска, расположились бивуакомъ на площади, предъ помѣщичьимъ дворомъ. На другой день, 16 апрѣля, посланъ эскадронъ на поле, гдѣ, по донесенію, расположилась уже толпа крестьянъ м. Таганчи и сосѣднихъ селъ. Уланы слѣдовали сначала дорогой шеренгами, потомъ, поровнявшись съ толпою, развернулись, окружили ее и вогнали въ м. Таганчу, гдѣ пѣхота перевязала крестьянъ ихъ-же поясами. Около 12 часовъ прибылъ изъ Корсуна въ Таганчу князь Васильчиковъ, и началась на площади экзекуція. Оба эскадрона уланъ составили каре на лошадяхъ, съ пиками и саблями наголо, а въ срединѣ этого каре пѣхота въ нѣсколькихъ мѣстахъ по-ротно сѣкла крестьянъ палками лозы. Стоны наказываемыхъ смѣшивались съ воемъ и плачемъ женщинъ и дѣтей, смотрѣвшихъ группами изъ огородовъ на противоположной горѣ. Солдаты, вымокшіе въ предыдущіе дни на бивуакахъ въ Корсунѣ, были сердиты на виновниковъ своей бѣды; офицеры, и въ особенности капитанъ Лопатинъ, поощряли солдатъ. Князь Васильчиковъ, оставаясь вмѣстѣ съ Веселкинымъ въ домѣ Понятовскаго, отдѣлявшемся отъ мѣста экзекуціи только палисадникомъ, два раза выходилъ на балконъ съ весьма опечаленнымъ видомъ, и вско-

рѣ послѣ того, выйдя изъ двора, велѣлъ прекратить экзекуцію. Тѣмъ не менѣе она была настолько сильна, что человѣкъ 20 крестьянъ были отправлены въ экономическую больницу; наказано всѣхъ около 40 человѣкъ, которые, по указанію полиціи, были зачинщиками или болѣе дерзкими коноводами. Вся прочая толпа пала предъ княземъ на колѣни и просила прощенія, обѣщая полное во всемъ повиновеніе властямъ. Послѣ обѣда князь уѣхалъ въ Кіевъ. Войска оставались въ Таганчѣ еще дней 10, наблюдая за возстановленіемъ спокойствія, и одинъ отрядъ, подъ начальствомъ подполковника Макалова, оставленнаго княземъ въ замѣнъ полковника Аѳанасьева, отправленный въ разъѣздъ по окрестностямъ, произвелъ чрезъ нѣсколько дней небольшую экзекуцію еще въ с. Полствинѣ, имѣніи Дарія Понятовскаго. 18 апрѣля прибылъ сначала въ м. Корсунъ, а на другой день въ Таганчу генералъ-адъютантъ Я—чъ, посланный по Высочайшему повелѣнію. По возвращеніи генералъ-адъютанта въ Петербургъ, ему объявлено Высочайшее благоволеніе за отличное исполненіе возложеннаго на него порученія, а за содѣйствіе ему произведены и. д. губернатора Веселкинъ изъ надворнаго совѣтника въ чинъ статскаго совѣтника, и капитанъ Громека въ чинъ маіора.

Чрезъ 2 недѣли около 15 человѣкъ болѣе виновныхъ изъ арестованныхъ въ таганчскомъ имѣніи подъ прикрытіемъ роты саперъ отправлены въ м. Корсунь, куда переѣхалъ и я съ совѣтникомъ Янкуліо для производства слѣдствія; прочія войска расквартированы по селамъ на лѣвой сторонѣ рѣки Роси въ корсунскомъ и таганчскомъ имѣніи. Слѣдствіе продолжалось около мѣсяца, а арестованные содержались въ экономической башнѣ. Днемъ они развлекались нѣсколько разговорами, а ночи проводили въ молитвѣ, стоя на колѣняхъ. Разслѣдованіе наше, при всей строгости, не открыло никакихъ внѣшнихъ подстрекательствъ; оно возникло изъ однихъ недоразумѣній и ложныхъ толкованій манифеста 14 декабря, а подогрѣто сильнымъ желаніемъ освободиться отъ барщины. Въ корсунскомъ имѣніи волненіе крестьянское могло образоваться тѣмъ сильнѣе, что бар-

щина здѣсь существовала не болѣе полустолѣтія и введена послѣ пожалованія этого имѣнія свѣтлѣйшему князю Петру В. Лопухину Императоромъ Павломъ Петровичемъ, при чемъ уничтожены всѣ права и привилегіи корсунскихъ мѣщанъ, составлявшихъ вольное староство. Въ воображеніи крестьянъ мнимый указъ о свободѣ начертывался золотыми литерами по воспоминанію, можетъ быть, также не существовавшей золотой грамоты Императрицы Екатерины, подъ эхо которой началось на этой сторонѣ Днѣпра народное возстаніе противъ польскихъ пановъ и жидовъ и сто лѣтъ назадъ произвело уманскую рѣзню. Что касается произведеннаго нападенія на Корсунъ, то цѣлію было только желаніе освободить крестьянъ, захваченныхъ 9 апрѣля ротою въ с. Сытникахъ, хотя нельзя ручаться за то, чтобы при успѣхѣ нападенія оно не окончилось разореніемъ дома князя Лопухина и не имѣло-бы другихъ печальныхъ послѣдствій. Нужно отдать честь совѣтнику К. К. Янкуліо, что онъ всячески старался привлекать къ отвѣтственности возможно меньшее число обвиняемыхъ экономіей, полиціей и духовенствомъ. Къ концу мѣсяца получено предписаніе генералъ-губернатора менѣе виновныхъ изъ арестованныхъ наказать розгами по мѣрѣ вины и отпустить, а прочихъ препроводить въ таращанскую тюрьму, что и исполнено. При этомъ 25-ю розгами наказанъ былъ одинъ изъ зажиточныхъ и пожилыхъ крестьянъ корсунскаго имѣнія, Кукла, за то только, что свидѣтельствовалъ предъ народомъ, какъ очевидецъ, о приведеніи крестьянъ къ присягѣ на вѣрноподданство при вступленіи на престолъ Императора Александра І-го. Когда онъ и послѣ наказанія утверждалъ, что говорилъ правду, исправникъ сказалъ: „ото-жъ тоби не все те говоры, що знаешь“. Квартированіе войскъ въ видѣ экзекуціи на продовольствіи крестьянъ было большою для нихъ тягостію, такъ какъ въ видѣ этого продовольствія шли на кормъ офицерамъ домашняя птица, а солдатамъ скотъ и всякіе припасы, оскудѣніе которыхъ всегда замѣчается къ концу весенняго времени. Квартировавшія въ Корсунѣ войска щедро питались на счетъ экономіи, а всѣ офицеры имѣли вмѣстѣ съ нами ежедневно роскошный обѣдъ на островѣ, въ одномъ изъ флигелей княжескаго дворца, гдѣ отведена была квартира для Янкуліо и

меня. Священники, болѣе прочихъ потерпѣвшіе отъ своихъ прихожанъ во время волненія крестьянскаго, для прекращенія обострившихся отношеній, перемѣщены Епархіальнымъ начальствомъ, согласно ихъ прошеніямъ, изъ с. Гарбузина и Черкассъ въ другіе приходы, а благочинный сквирскаго уѣзда Василій Сикорскій опредѣленъ на протоіерейское мѣсто въ г. Звенигородку. Въ награду понесенныхъ трудовъ совѣтникъ Янкуліо произведенъ изъ надворныхъ совѣтниковъ въ чинъ колежскаго совѣтника, а подполковникъ Аѳанасьевъ въ полковники. Но разстроенное здоровье Аѳанасьева не возстановлялось болѣе спустя два года онъ скончался, повторяя не разъ, что его перепугали мужики.

Народная медицина въ лубенскомъ уѣздѣ, полтавской губ.

(Окончаніе *).

Глава VI.

Болѣзни отъ разстройства питанія и кожныя.

Золотуха, золотушныя пораженія кожи и железъ. Собаче выมя, гостець, бешыха, нежить, волосъ, огныкъ, угри, болячка, наростъ, бородавки, лишаи, короста, паразиты.

Золотуха.

Золотуха, по народному взгляду, врожденная болѣзнь. „Бильшъ бува вона въ голови, заступа уха и стае чоловикъ глухый, а то выложытся гуля, потимъ нарывъ, рана.“ Отъ золотухи пьютъ иногда лавровый (лаврывъ) листъ, чаще настой viola tricolor, Иванъ-да-Марію, носящую въ Малороссіи различныя названія: Иванъ-зилля, братки, братъ та сестра, полуцвитъ, по чашкѣ въ день. Въ этой-же травкѣ, въ однолѣтнихъ побѣгахъ, листьяхъ и корѣ сладкой яблони, указанной противузолотушнымъ средствомъ у Арендаренка [1]) Богдановича [2]) и Манжуры [3]), да еще

*) См. Кіевск. Стар. № 6.

[1]) Зап. I, 37.

[2]) Свѣд. 54.

[3]) Сб. Харьк. И.-Фил. Общ. II, 158.

въ высивкахъ, въ которыя приливаютъ стаканъ молока,—купаютъ золотушныхъ дѣтей. Къ нарывамъ прикладываютъ филинныкъ (aristolochia clematitis. L.), лукъ, пережженный съ дегтемъ, сметану на заячьей шерсти. Прорвавшіе нарывы, струпья и сыпь на головѣ лѣчатъ майскимъ масломъ, саломъ изъ ковганки, спускомъ и сокомъ подсолнечника, засунутаго въ печь. Примачиваютъ и моютъ голову отваромъ: петровыхъ батогивъ (cichorium inthybus), крапивы (urtica dioica) кульбахи, (taraxacum officinale), наголоватокъ (Iurinaea cyanoides. Dec.) и калачиковъ (просфирокъ, malva rotundofolia. L.), показанныхъ для внутренняго употребленія въ видѣ чая отъ золотухи у Л. О. Павловича [1]) и у Арендаренка [2]). Къ такъ называемымъ жовнамъ, воспаленнымъ железамъ, о которыхъ выражаются такъ: „таке, якъ слывы, поробытся пидъ горломъ, провалытся, иде гній", совѣтуютъ прикладывать тѣ-же просфирки и перепаленные квасцы, не всегда съ успѣхомъ: „якъ якый гостець, иноди ще бильшъ розтроить".

Собаче вымя.

Воспаленіе подкрыльцевыхъ лимфатическихъ железъ изображается такимъ образомъ: „нарядытся таке, якъ чырякъ, бпухъ пидъ плечемъ, тры верхы выведени, буває чотыри (по числу сосцовъ суки) и дванадцять. Случается, якъ позавыдувать на брюхату суку и одъ трудивъ". Къ воспаленной железѣ прикладываютъ сначала мыло съ лукомъ, саломъ или яремъ, также пшеничный коржъ съ мёдомъ, „а якъ воно одмякне", тогда кладутъ заячью кожу, намазанную сметаной, или спускъ изъ стараго сала, воску и молока. „Буде вытягать и гоиться" Еще мажутъ железу сметаной и даютъ слизать щенку, или собачьимъ молокомъ отъ черной суки, а по Коваленку—собачье молоко даютъ пить [3]). Шепчутъ такъ:

„Ты, собако, ты не втыхаешъ, ты не вгаваешъ и ты на свою голову гавкаешъ и выешъ". (М. Свѣтинъ).

---

[1]) Очеркъ растит. въ Харьк. Сб., IV, 50.

[2]) Зап. I, 37.

[3]) Гринченко. Этногр. Мат. II, 320.

Гостецъ.

По народному мнѣнію гостецъ въ скрытомъ состояніи есть у каждаго человѣкв. Онъ входитъ въ составъ крови и тканей, даже костей, какъ какая-то жидкость, но онъ различенъ у каждаго. „Яка у кого кровъ,—якый у кого гостецъ". Этимъ различіемъ, между прочимъ, объясняютъ различное дѣйствіе лѣкарствъ на организмъ: „яке полюбыть гостецъ". Онъ часто обнаруживается такими-же признаками, какъ и золотуха, и такъ-же врожденъ, какъ она, но не тождественъ съ нею. Нечыстый, поганый гостецъ приближается къ сифилису, но отличается отъ послѣдняго незаразительностью. Въ скрытомъ состояніи гостецъ ничѣмъ не выражается. Но отъ простуды, слишкомъ жирной пищи, тяжкихъ трудовъ, побоевъ („збытый гостецъ") обнаруживается, вмѣстѣ съ испариной, опухолью подъ мышкой, въ пахахъ. Онъ „роскыда" сыпь на груди, красную съ острыми пупырышками въ видѣ мака, пшена, конопляннаго сѣмени, доходящую величиной до горошины, а также: чиры, лишаи, раны на рукѣ или ногѣ, иногда выпадаетъ язычекъ въ горлѣ. Это нечыстый, поганый гостецъ, „що загныварется". Обыкновенный „одкрыется, якъ стревожытся кривъ, выступыть, выстоится и знову вступыть". У дѣтей онъ не выступаетъ; залѣченный ведетъ къ смерти, вообще-же не смертеленъ и за три года до смерти человѣка, самъ пропадаетъ. Какъ видно изъ заговора, приводимаго у Чубинскаго [1]), гостецъ можетъ приключиться отъ простуды, переутомленія и сглаза. Подобныя данныя привели г. Можаровскаго къ заключенію, что къ гостецу относятъ всевозможныя сыпи [2]). По опредѣленію профессора Сумцова гостецъ живетъ въ костяхъ каждаго человѣка, помѣщаясь въ разныхъ частяхъ тѣла и выражаясь ревматическими болями и ранами; кое-гдѣ къ нему относятъ колтунъ, бываетъ мужскаго и женскаго пола. По мнѣнію по-

---

[1]) Тр. Эксп. I, в. 1, 136.

[2]) Фельдшеръ. 1898 № 18, 478.

койнаго Потебни названіе болѣзни—уменьшительное отъ гость: добрый и малый гость. Быть можетъ, это названіе сродно нѣмецкимъ и скандинавскимъ названіямъ кашля (husten, hvosta, hosti, huosto) и латинскому hostis [1]). Отъ гостца больные принимаютъ ванны съ разсоломъ и ольховыми однолѣтками (alnus glutinosa. Willd) или парятся надъ ними; пьютъ настой буквицы, соломы и декохтъ; къ ранамъ прикладываютъ: картофель, буракъ, мякоть тыквы, порхавку (lycoperdon bovista. L.) перепаленныя куницы очерета, пережженныя „черепашки" (раковины), пережженную, непремѣнно украденную тряпку, деготь съ часныкомъ, керосинъ съ лоемъ; губы смазываютъ синимъ камнемъ.

Бешыха.

Малорусское названіе рожи (erysipelos), по объясненію покойнаго профессора Потебни, сродно съ румынскимъ bešike [2]). Оно происходитъ, быть можетъ, отъ ассирійскаго „беша", злой, перешедшаго съ заклинаніями чрезъ римскую имперію въ средневѣковую магію [3]), а къ намъ, вѣроятно, чрезъ Румынію. Бываетъ бешыха отъ разныхъ причинъ: „простуды, витра, воды, зъ людей". Послѣдняя „прозирна", по Чубинскому „пожарна", бываетъ всего чаще, такимъ, напримѣръ, образомъ: „парень йшовъ красывенькый, гарный, прыбратый. Ёго очамы пронызалы жинкы и кажуть: хоть и милкый, а дывысь якый прыбратый. Заразъ у ёго выдъ засвербивъ и мовъ губа стала пухнуть. Це въ ёго бешыха зъ людей. Пишовъ винъ, умывався, пошепталы ёму. До вечора де й у Бога дилось". (С. Литвяки, отъ Ф. Гузёминой).

Отъ рожи лѣчатъ только наружными средствами: подкуриваютъ житней мукой, васильковымъ кропиломъ, „страсною свичкою и трійцею", стружками: лопаты, кочерги, хватокъ

---

1) Культ. пер. К. Стр. 1889. XI, 303, 304.

2) Объясн. малор. и сродн. пѣсенъ. Воронежъ 1887 г. II, 684.

3) Жур. Мин. Нар. Просв. 1876 г., XII, 188.

(ухвата), струженными внизъ, и помеломъ: „якъ якый гостець". Къ покраснѣвшему мѣсту прикладываютъ: бешышныкъ (Chenopodium hybridum. L.), однолѣтки бузины (sambucus nigra. L.) или лопуховый листъ (arctium lappa. L.) съ мѣломъ, завернутые въ красный поясъ, одинъ лопуховый листъ, мяту (mentha peperita. L.) съ мѣломъ, любистокъ (livisticum officinale. L.) съ мыломъ, кануперъ (balsamatia vulgaris. L.), намазанный медомъ, коровякъ (datura stramonium. L.), подорожникъ (plantago lanceolata. L.), вишневые, капустяные листья, сырой растертый картофель, жеванную пшеницу, пшеничный коржъ на меду, пшенную кашу, яичный бѣлокъ одинъ или съ пшеномъ, вершокъ сметаны, масло, сбитое изъ сметаны, купленной въ чистый четвергъ на разсвѣтѣ, камфору съ оливой, водку, бѣлую глину и тряпки („верхъ"), смоченныя мужской мочей. Отъ рожи шепчутъ, поглаживая больное мѣсто куринымъ перомъ, такъ:

„Бешыхо, бешышыще! подумана й погадана изъ витру, воды и праци, чоловича и жоноча, и парубоцька, и дивоцька, и хлопьяча, и дивчача, и попивська, и панська, и цыганська, и горобыняча, и голубыняча; и вызываю, и выклыкаю: и розiйдыся, и розступыся, иды на глубоки яры и на густи очерета, де дзвоны не дзвонять, де людськый гласъ не заходыть—тамъ садысь и коренысь. Рожденiй, молытвяній Меласци". (С. Хитцы, отъ Усти Ганненковой).

„Бешыхо! чырячка, болячка, зализнячка! Тутъ тоби не стояты и не роспухаты, сыпомъ не сыпаты, чырякамы не кыдаты и въ голову не быты, и въ зубы не трудыты, щырого серця не нудыты, семыдесяты суставъ не ломыты и билого тила не ялыты, нарожденого, молытвяного, хрещеного, прычащеного Васыля не сушыты. Я тебе вышиптую, я тебе выкурюю за дымамы, за витрамы и въ ту пустыню одсылаю, де дзвоны не дзвонять, де хрыстянськый гласъ не заходыть. Господы поможы"! (С. Пятигорцы).

„Бешыхо, бешышыще! тутъ тоби не стояты, жовтои косты не ломыты, червонои кровы не пыты. Я тебе вызываю, я тебе

выклыкаю зъ ёго очей, зъ ёго плечей, зъ ёго жовтыхъ костей, зъ ёго щырого серця и одсылаю на очерета, на болота, на велыки лиса,—тамъ соби оселысь, тамъ соби остановысь и на дыку птыцю нападысь". (С. Литвяки, Феодосія Гузёмына).

„Бешыхо, бешышыще! болячка, болячышыще! ты й водяна, ты й витряна, и прозирна, подумана й погадана! тутъ тоби не стояты, жовтои косты не ламаты, розійдысь и ростычысь, якъ на сынёму мори вода". (С. Литвяки, отъ Наталіи Кедевой).

„Господы мылостывый! поможы мени, Маты Божа, сю бешыху одгоныты и витряну, и прозирну, и часову, и мынутну, и подуману, и погадану, и прелюбовану, и зйидену, хлопчачу и дивчачу, и жиночу, и парубочу одъ рожденои, молытвянои, хрещенои рабы Божои Надежды. Аминь".

„Нарожденій, молытвяній раби Божіей Маріи помагаю я, и вы, святіи помошныкы, поможите! Бешыхо, бешышныце! иды соби туды, де сонечко не гріе, на очерета, на болота и тамъ соби оселыся и намъ поможыся. Нарожденій, молытвяній раби Божіей Маріи". (Д. Солоница, отъ Насти Дивизіонной).

„На мори на Дунаи пустый млынъ моловъ; пусто моловъ, пусто борошно падало зъ пустого коша, пусти мирошныкы набиралы, пусти мишкы набывалы, пустымъ перепичайкамъ дарувалы; перепичайкы пустымы видрамы воду носылы, въ пустыхъ чавунахъ окропы грилы, на пусти решета пропускалы, у пустыхъ дижахъ учинялы; пусто учынялы, пусто мисылы, пусто й качалы; въ пусту пичъ сажалы; пуста пичъ пекла, и пусто выбиралы и той хлибъ пойидалы и сю бешыху пожыралы. Щобъ ты у выду не стояла, опуху не давала и пузырямы не скыдала. Одъ рожденои, молытвянои, хрещенои Маріи, аминь"! (Д. Солоница).

„Господы, благословы! Господы, поможы небесными сыламы! Стань мени, Господы, въ помочи одъ лыхои немочи. Тутъ тоби, бешыхо, не буваты, тутъ тоби не стояты, червоной крови не пыты, билого серця не ялыты, рукъ не одбираты, на очи не наступаты, прозиръ даваты и не тошныты, и не нудыты, у роти не палыты, не знобыты, снигомъ осыпаты, въ огонь не

вкыдаты, пузырямы не роскыдаты, опуху не даваты. И була ты, бешыхо, червоная, жовта, била. Якъ ти священныкы на Іордань ричку зійшлыся, такъ и розійшлыся, такъ ся бешыха горячая, болячая изъ лыця выступала нарожденому, молытвяному, хрещеному рабу Божому Ивану".

„Бешыхо бешышыще! витровая, водяная, уричена, стричена. Тутъ тоби не стояты, червонои крови не пыты, серця не вьялыты, жылъ не тягты. Не я вышиптую, Маты Божа вышиптуе, Маты Божа выклыкае, Маты Божа вызывае, на болота ссылае, де витеръ не віе, де сонце не гріе, одъ твоихъ рукъ, одъ твоихъ нигъ, одъ твоихъ очей, одъ твоихъ плечей, одъ твоеи головы, парожденои, молытвянои, дара Божого Насти". (С. Хорошки, отъ Софіи Сысенковой).

„Ишла Марія трёма шляхамы, зострила трёхъ святыхъ; сталы стричаты, сталы пытаты: „куды ты идешъ"? „До Маріи бешыхы шептаты". Первый святый—Матиръ Божа, другый святый—Спасытель, третій святый—Мыколай, Божый угодныкъ, Божый преподобныкъ. Сталы стричаты, ставъ винъ помагаты. Бешыхо, бешышыще! водяная, витряная, огняная, подумана й погадана раба Божого Семена". (М. Снѣтинъ, отъ Катерины Прихидькиной).

„Пресвятая Богородыця, всёму мыру помошныця! поможы мени, нарожденому, молытвяному, хрещеному Васылеви вышиптувать бешыху. Я тоби вышиптую, я тоби й вызываю, я тоби й выклыкаю изъ твоихъ рукъ, изъ твоихъ нигъ, изъ твоихъ жылъ, изъ твоихъ пажылъ, изъ твоихъ семыдесяты суставъ, изъ твоихъ грудей. Бешыхо, бешышыще! водяна, витряна, спытена, зїидена, вызвана, вымовлена, названа й наслана, прозорна, иды соби на очерета, на болота, де витеръ не віе, де сонце не гріе, де дубъ не розвывается, нарожденному, молытвяному, хрещеному Васылеви бешыха не озывается". (С. Литвяки, отъ Ганны Кириченковой).

„Господы мылостывый! Поможы мени, Маты Божа, сю бешыху зарубаты, изъ рукы выклыкаты. Не я іи выклыкаю и не я вызываю, самъ Господь вызывавъ, анголивъ на помичъ по-

сылавъ; Матеръ Божа въ помочи стояла и сю бешыху одбирала, на Дунай, на море зсылала. На Дунаи, на мори змія гниздо звыла и сама въ гнизди лягла и своихъ дитей забрала и сю бешыху одбирала и своихъ дитей годувала. И диты крычать, верещать и йисты хотять. И не кричить, и не верещить, и йисты не хотить и одбирайте пусту бешыху. Якъ вона пусто прыйшла, дакъ возьмить пусту пойижте, пожерите и понесите на мудре та на медре [1]), де витеръ не віе, де мисяць не свитыть, де людськый гласъ не заходыть. Тамъ соби гуляйте и буяйте, сухе дерево ламайте. Одъ рожденои, молытвянои, хрещенои Маріи". (Д. Солоница).

„Ишовъ Костырь зъ манастыря и встрича бешыху.—Куды идешъ, бешыхо, бешышныце? Йе вона стритена, витряна, прозирна, йе й прыщувата, болячкувата, йе й попивська, дьякивська, йе и мищанська, и дворянська, йе й сыня, йе червона и пуста. Покы я не знала, то й Спасытеля не звала. Стала я знаты, усихъ святыхъ прохаты, одъ бешышныци шептаты. Я й вышиптую и пересикаю, и перерубаю, на тры стороны изсылаю, де витры не віють, де люде не ходять. Господь зъ помичю, а я зъ духомъ". (С. Калайдинцы).

Нежыть.

Нежитью, грудницей, называютъ воспаленіе грудной железы (mastitis), соединенное съ изъязвленіями, ссадинами и трещинами грудного соска. Къ больному мѣсту прикладываютъ встрѣчавшіеся раньше средства: филынныкъ, кануперъ, лопуховый листъ, указанный отъ язвъ въ Фельдшерѣ 1898 г., № 18, 486, лукъ съ мыломъ, солому изъ подъ свиньи (барлигъ), льняныя припарки, сметану, уксусъ, ладанъ на синей бумагѣ („бебули"). Придавливаютъ опухоль раскаленнымъ брусомъ, обмотаннымъ вихтемъ, ганчиркой, также чешутъ грудь гребнемъ, который потомъ выбрасываютъ за окно, шепчутъ:

---

[1]) Польское: mądry, мудрый.

„Нежыть витряный, водяный, чоловичый и парубочый и жоночый и дивчачый. Я-жъ тебе вызываю своимы трудамы, Божымы словамы, одъ рукъ и одъ нигъ, одъ очей и одъ плечей, одъ щырого серця и одъ румьяного лыця нарожденои, молытвянои рабы Божои Варки".

„Господы мылостывый! Поможы мени, Маты Божа, одъ нежыду шептаты. Нежыде, нежыдыще! и витряный, и прозирный, и часовый, и мынутный, и хлопьячый, и дивчачый, и чоловичый, и жоночый. И не я ёго вызываю и не я выклыкаю, и не я помичъ даваю. Самъ Господь вызвавъ и выклыкавъ, анголивъ на помичъ посылавъ. Матерь Божа въ помичи стояла и сей нежыдъ оббирала и святому Давыдови дарувала. И було въ Давыда девять сынивъ, а зъ девяты—восимъ, зъ восьмы—симъ, зъ симы—шисть, зъ шосты—пять, зъ пяты—чотыри, зъ чотырёхъ—тры, а зъ трёхъ—два, а зъ тыхъ двохъ—одынъ, а зъ того одного—та ни одного. И возьмить и пожерьте, и понесите на мудре та на медре, де витерь не віе, де мисяць не свитыть, де людськый гласъ не заходыть. Тамъ соби гуляйте и буяйте и сухе дерево ламайте одъ рожденои, благословенои рабы Божои Явдохы [1]). (Д. Солоница).

Волосъ.

Волосъ, по Роговичу волосень, народное названіе ногтоѣды (panaritium), т. е. воспаленіе кожи ногтевого состава, иногда соединенное съ воспаленіемъ надкостницы и омертвѣніемъ фаланга. „Волосъ—опасне дило", толкуютъ въ народѣ, „якъ зразу не затушыть. Робытся коло нихтя, мовъ загната колючка, нарыва, пече, лама, покы не выкрутыть и нихтя, и цилого сустава, выкыда кисточкы". Бываетъ двухъ родовъ: нарывной и сухой, когда только крутитъ кость, не нарывая. Можетъ быть отъ холода, „съ прозору", если ступить на мѣсто, гдѣ качалась собака, если занозить палецъ, работая въ праздникъ, какая

[1]) Вар. раньше приведеннаго заговора отъ бешыхы.

причина указана у Даля [1]). Въ Лубенскомъ у., какъ и вездѣ въ Малороссіи, волосъ выливаютъ. [2]) Баба кладетъ въ горячую воду 27 колосовъ ржи изъ перваго сжатаго снопа, считая такъ: не разъ, не два, не три и т. д.; подставляетъ затѣмъ подъ больной палецъ миску и, приложивъ колосья къ пальцу, поливаетъ сверху водой. Вѣрятъ, что волоски выйдутъ, а чтобы они не ушли обратно, ихъ нужно поскорѣй схватить. Баба, выливая волосъ, шепчетъ: „скилькы колосочкивъ, стилькы на сихъ колосочкахъ волоточкивъ, стилькы вытягнется зъ больного сустава волосочкивъ нарожденого, молытвяного Степана", повторяя это шептаніе 27 разъ, потомъ къ ранкѣ прикладываютъ водку съ камфорой, навозъ и желтую глину, средство извѣстное еще въ древней Греціи и возобновленное теперь [3]). Еще шепчутъ:

„Волосъ, волосыще! Тутъ тоби не стояты, червонои крови не пыты, жовтои косты не ламаты, щырого серця не нудыты рожденои, молытвянои, хрещенои Феськы". (С. Литвяки, отъ Евгеніи Недилькиной).

„Волосъ водяный, витряный, прозорный! Я тебе вылываю, я тебе вызываю, въ чужи земли одсылаю, де наши люде не ходять, тамъ хрестивъ не носять, и не нападай хрещеныхъ людей". (С. Литвяки, отъ Анны Кириченковой).

Огныкъ.

Огныкъ, водянистая сыпь, по Чубинскому [4])—волдыри на лицѣ, по Енгалычеву [5])—молочный струпъ, бываетъ у того изъ

---

[1]) О повѣр. рус. народа, 18.

[2]) О выливаніи волосатика у Арендаренка (Зап. I., 99) и у Роговича (Зап. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ. I., 135). У послѣдняго объясняется, что болѣзнь эту въ Стародубскомъ у. приписываютъ червю gordius aquaticus. L., впивающемуся подъ кожу. Послѣ обливанія щелокомъ замѣтны двигающіеся волоски.

[3]) «Новое Время» 1898 г. № 8170, со ссылкой на 46 № «Врача».

[4]) Тр. Эксп. I., в. 1, 138.

[5]) Домаш. лѣч., II, 109.

взрослыхъ и дѣтей, которые плевали на огонь, также „зъ витру и нечыстои воды“. Примачиваютъ огникъ росой, осадившейся на окнахъ, водой изъ-подъ точила изъ кузни, сырой орѣшиной, засыпаютъ прыщи землей, на которую вылиты помои отъ ложекъ, и слѣдующими пережженными предметами: материнкой, пожарникомъ, первой горстью сжатаго жита, куницами (или „окупыцами“) очерета, соломой съ крыши передъ порогомъ, орѣшиной, стружками кочерги, золой: съ костра (огныща), изъ кузни (цындрею), отъ пережженной потерянной въ водѣ тряпки и заброшенныхъ обрывковъ кожи (шкуратокъ). Шепчутъ такъ:

„Огныку, огныку! Я тебе вышиптую, я тебе й зашиптую, я тебе вызываю, я тебе и выклыкаю. Иды соби на очерета, на болота и на велыке купья,—тамъ соби оселыся, тамъ соби остановися, тамъ соби розитлывайся, тамъ соби роскыдайся. А Матерь Божа своимы словамы и своямы устамы посылае на вдоровья“. (С. Литвяки, отъ Ф. Гуземиной).

Угри.

Угри (comedones, acne), т. е. воспалившіяся сальныя железы выдавливаютъ, стираютъ спиной рубашки, золившейся горячей рубашкой, натираютъ сметаной съ порохомъ и моютъ отваромъ очыстравы, горыцвита (adonis vernalis. L.), листьями верболоза (salix capreae. L.), также свареными, и горячей сывороткой, указанной у Гринченка [1]).

Болячка.

Къ чирьямъ, вередамъ или болячкамъ (abscessus, furunculus) прикладываютъ для скорѣйшаго прорыванія: хвилынныкъ (aristolochia clematitis), подорожникъ (plantago lanceolata. L.), кануперъ (balsamita vulgaris. L.), лопухъ (arctium lappa. L.), щавель (oxalis acetosella,—указанное отъ язвъ въ Фельдшерѣ, 1898 г. № 18, 486, 487, макъ (papaver somniferum L.) съ бу-

---

1) Этногр. Мат. II, 318

ракомъ (beta vulgaris L.), лукъ (allium cepa L.) съ мыломъ, а по Енгалычеву [1])—лукъ съ хлѣбомъ и солью, печеный лукъ, лёнъ (linum usitatissimum L.) съ молокомъ, молоко съ мыломъ, сметану на заячьей шкурѣ [2]), сало, вываренное изъ ковганки, соленое тѣсто и пшеничный коржъ съ медомъ; когда вередъ прорветъ и выйдетъ, то оставшуюся рану засыпаютъ квасцами или чортовымъ пальцемъ.

Наросты, гузкы.

Жировыя и волокнистыя опухоли происходятъ по народному мнѣнію: отъ простуды, „кривъ збунтуется пидъ шкурою, начне робыться гулька, тверда, качается“, ушиба: „кривъ скыпытся“, также когда смотрятъ на мертвое тѣло изъ окна или сквозь плетень [3]). Наростъ разрѣзываютъ острымъ ножомъ вдоль, надавливаютъ рукою мертвеца, „тоди винъ (наростъ) вмре“, или „прыбываютъ“ наростъ ложкой мертвеца, обмокнутой въ непочатую воду на порогѣ, мажутъ „бальсаномъ“ (бальзамомъ), купоросимъ масломъ, куринымъ жиромъ; если образуется рана, то такую засыпаютъ гречаной золой.

Бородавки.

Бородавки, принадлежащія къ эпителіальнымъ опухолямъ, дѣлаются, по народному убѣжденію, преимущественно отъ мочи жабы, павшей на ногу или руку ночью во снѣ или во время работъ. Бородавку прижигаютъ концомъ веретена, растираютъ вихтемъ, которымъ моютъ ложки, перевязываютъ конскимъ волосомъ и примачиваютъ: росой и дождевыми каплями, осѣвшими на навозѣ, паутинѣ, осиковыхъ воротахъ, сокомъ бураковъ, чужими помоями, „сичою“ (мочей). Сохранились еще и древнѣйшіе способы погребенія и передачи бородавокъ, встрѣчающіеся

---

[1]) Домаш. лѣч. II, 73.

[2]) Арендаренко. Зап. II, 229, Можаровскій въ Фельдшерѣ 1898 г. № 18, 480.

[3]) Нар. обр. и пѣсни въ Луб. у., 169.

и у другихъ народовъ. На ниткѣ или лентѣ завязываютъ столько узловъ, сколько бородавокъ, затѣмъ кладутъ ее въ свѣжій конскій навозъ. Когда сгніетъ ленточка, пропадутъ и бородавки. Въ Россіи разрѣзаютъ яблоко ниткой, натираютъ яблокомъ бородавки, связываютъ его тою-же ниткой и закапываютъ въ навозъ; когда сгніетъ яблоко, должны пропасть и бородавки [1]). У валлоновъ бородавки мажутъ свинной кожей или чеснокомъ, которые закапываютъ [2]). Сицилійцы бросаютъ въ сырое мѣсто соломинки съ узлами или колѣнами, по числу бородавокъ; когда сгніютъ соломинки, пропадутъ и бородавки [3]). Въ Россіи натираютъ бородавки сырымъ мясомъ или саломъ и даютъ съѣсть собакѣ [4]). Въ Лубенскомъ у., нарѣзавъ на осиновой палочкѣ мѣтки („срубужыкы") по числу бородавокъ, или навязавъ на ниткѣ узелки, выбрасываютъ эти вещи на перекрестокъ; туда-же или у колодца бросаютъ узелокъ съ пшеницей или горохомъ по числу бородавокъ. Тотъ-же пріемъ у великороссіянъ, гдѣ бросаютъ: щепку, ниточку или шелковину съ узлами по числу бородавокъ, къ которымъ прикасаются этими предметами [5]); у валлоновъ, которые бросаютъ шнурокъ съ узлами по числу бородавокъ [6]), и англичанъ, бросающихъ на дорогу мѣшечки съ галушками также по числу бородавокъ [7]).

Лишаи.

Лишаи (lichen) случаются отъ вѣтра, простуды и если взойти на мѣсто, гдѣ предъ тѣмъ катались жеребецъ, волкъ, собака. Бываютъ: сухіе и мокрые, или гнилые. Лишаи прима-

---

[1]) Даль. О пов. рус. нар. 83.

[2]) E. Monseur. Le Fl. wal. p. 29.

[3]) Arturo Trombatore: Folklore catanese. Torino 1896, p. 98.

[4]) Даль. О пов. 83.

[5]) Даль. 83.

[6]) E. Monseur. 29.

[7]) Тэйлоръ. Первоб. Культ. II, 212.

чиваютъ: росой, собранной предъ разсвѣтомъ; водой, которой обмывали хлѣбы, вынутые изъ печи; водой, послѣ вымытыхъ ложекъ; настоемъ: калачиковъ, сорванныхъ на Ивана-купала и заткнутыхъ за верхъ (трубу), очистравы, щавеля, указаннаго отъ лишая въ соч. А. Никитина: О весеннемъ лѣченіи болѣзней, стр. 37, испареніями сѣкиры или вообще желѣза, надъ которыми жгли орѣшину, сокомъ изъ табака въ трубкѣ („чвиромъ"), чернилами, спиртомъ, настояннымъ на лимонѣ и острой водкой. Къ нему прикладываютъ: „кислицы" изъ дуба, пережженныя метелки очерета, золу изъ кочерги, купоросъ, медъ, пережженый съ солью, „спустъ", волчій, курячій жиры и порохъ съ майскимъ масломъ. Шепчутъ такъ:

„Лышай, лышай! г.... змишай. Якъ кинь лошя прыведе, тоди лышай нападе". [1]) (М. Свѣтинъ).

„Лышаю, лышаю, я тебе зъ г...... змишаю, изъ свійськымъ, собачымъ, сорочымъ и зъ воронячымъ". (С. Хорошки).

„Лышай, ты й вовчый, ты й сухый, ты гнояный, витряный, ты й подуманый, ты згаданый! Тутъ тоби не стоять, билого тила не ламать, жовтои косты не крутыть, по тилу не росходыться. Геть соби війды, геть соби счистыся зъ билого тила, зъ жывои кости". [2]) (С. Литвяки, отъ Н. Кедевой).

Короста.

Чесотка (scabies) можетъ быть: простудной, заразной, подаренной, именно, когда на свадьбахъ, одаряя молодую, приго-

---

[1]) Шепчущая плюетъ.

[2]) Привожу для сравненія бретонскій заговоръ изъ ст. E. Ernault: Dictons et proverbes bretons въ Mélusine 1899., № 9., 208.

Denedeo, denedeac'h,
Ne ket aze ema da leac'h
Nag aze nag e nep leac'h.
Kea, treuz nao mor ha nao menez
Ha nao feunten adrugarez
Keda ober da diegez.

«Лишай (фр. dartre) иди, здѣсь и нигдѣ нѣтъ тебѣ мѣста! иди за 9 морей, 9 горъ, 9 источниковъ,—тамъ оселись.

вариваютъ: „дарую тебе щастямъ, здоровьямъ, викомъ довгымъ и тымъ, що въ мене йе“, то передаютъ и коросту, если послѣдняя есть у дарящаго. Такая короста длится у молодой годъ. Бываетъ, что и красильщики (маляры), крася новую церковь, насылаютъ на все село коросту, для того чтобы краска лучше приставала. Чесоточнаго клеща стараются убить, смазывая пораженное мѣсто: пережженнымъ дегтемъ, синимъ камнемъ, сѣрой и куринымъ пометомъ, дегтемъ, сѣрой и лукомъ [1]), чеснокомъ или табакомъ, синимъ камнемъ съ сѣрой, порохомъ, мѣломъ, керосиномъ. Пораженную кожу моютъ: куринымъ пометомъ, квасомъ, въ которомъ намачивались кожи, щелокомъ („лугомъ“), наваромъ корней: чемерицы (veratrum album. L.), которую въ м. Снѣтинѣ называютъ „черкесомъ“, и омономъ (Inula Helenium), иначе девясиломъ, показаннымъ отъ чесотки у Роговича. [2]) Для того же, чтобы не загнать чесотку внутрь,—что считалось возможнымъ и прежними медиками [3])—ѣдятъ кулишъ съ сѣрой.

Шолуди.

Шолуди мажутъ такъ называемой вѣткой, т. е. темнозеленымъ сокомъ пережаренныхъ конопляныхъ сѣмянъ, затѣмъ масломъ, а потомъ примачиваютъ водкой, отваромъ гречаной соломы, вишневыхъ однолѣтковъ и суховершкивъ (ajuga genevensis. L), показанныхъ отъ паршей въ Зап.-Ю. З. Отд. Геогр. Общ. I., 110.

Нужа.

Вши заводятся: отъ печали, досады, продолжительной болѣзни, недостаточной перемѣны бѣлья, напримѣръ на заработкахъ, неопрятности вообще и „нехорошого поту“. Для ихъ уничтоженія смываютъ голову керосиномъ, полевымъ вѣничьемъ, чемерицей, мажутъ и неаполитанской мазью.

В. Милорадовичъ.

1) Гринченко. Этногр. мат. II, 118.
2) Зап. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ., 125.
3) Енгалычевъ. Дом. лѣч., III, 216.

Вторая кіевская гимназія[1])

Попечительство Н. И. Пирогова.

Нѣкоторые изъ мѣстныхъ почвенниковъ укоряли Пирогова въ космополитизмѣ за поблажки полякамъ и покровительство, оказываемое евреямъ; но они правы только отчасти. Оставаясь въ душѣ русскимъ человѣкомъ, Н. И., какъ европейски образованный человѣкъ, смотрѣлъ на окружавшія его національности съ точки зрѣнія европейца. Допуская самостоятельное существованіе каждой народности и каждой отдавая полную справедливость, онъ безпристрастно относился и къ хорошему и дурному, принадлежало-ли это хорошее или дурное къ чуждой національности или къ родной русской. Въ одной изъ своихъ прощальныхъ рѣчей онъ сказалъ: „Въ краѣ, гдѣ постоянно нужно сообразоваться съ различными національностями, я не могъ не быть ровенъ и одинаковъ со всѣми и строго безпристрастенъ, желая добра и правды всѣмъ безъ различія".

О полякахъ онъ выражался, какъ о народѣ легкомысленномъ, но достойномъ удивленія за его беззавѣтный патріотизмъ и энергію въ сохраненіи своей національности отъ поглощенія чуждыми націями. Въ евреяхъ онъ видѣлъ необыкновенно даро-

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 5.

витое племя и учащуюся еврейскую молодежь онъ всегда покровительствовалъ за хорошіе успѣхи въ наукахъ. Что-же касается медицинской помощи, оказываемой Пироговымъ страждущему человѣчеству, то 2/3 паціентовъ его были евреи, страстные любители лѣченія. Два дня въ недѣлю, опредѣленные имъ для пріема больныхъ, отъ 8 часовъ утра до 8 часовъ вечера, были посвящены безплатной практикѣ. Обширное entrée первой гимназіи съ его широкими лѣстницами, ведущими на второй этажъ, въ эти два дня было переполнено евреями всѣхъ возрастовъ и половъ. Слѣпые, хромые, изувѣченные и разслабленные—всѣ обращались къ знаменитому врачу, и всѣмъ имъ, безъ различія званія и состоянія, былъ оказываемъ, смотря по болѣзни, болѣе или менѣе продолжительный осмотръ. Намъ не разъ приходило въ голову, обѣдалъ-ли Н. И. въ эти дни, и мы дивились, какая необыкновенная сила воли и энергіи нужна была человѣку для такого самоотверженнаго подвига. Сколько христіанскаго милосердія и любви вмѣщала въ себѣ эта великая душа, заключенная въ такомъ невзрачномъ тѣлѣ!

Я лично обязанъ Пирогову за медицинскую помощь, оказанную имъ съ такою готовностію моей бѣдной страдалицѣ матери. Всю жизнь мучила ее болѣзнь, извѣстная въ Малороссіи подъ названіемъ „гостець"—костоѣда. Правая нога у нея отъ ступни до колѣна была сплошная язва. Привезши ее въ Кіевъ, я обратился къ Н. И. за помощью. Осмотрѣвъ больную, онъ собственноручно, стоя на колѣняхъ, обмылъ язву отъ примѣсей, оставшихся отъ разныхъ мазей, которыми лѣчили ее разные знахари и знахарки, наложилъ на рану пластырь и собственноручно забинтовалъ всю ногу. Отпуская больную, онъ велѣлъ привозить ее чрезъ каждые три дня, и каждый разъ, впродолженіе двухъ мѣсяцевъ, онъ самъ, не поручая своему ординатору, склонялъ свои колѣни и дѣлалъ перевязку. Пользованіе геніальнаго хирурга, если не совершенно залѣчило язву (да едва-ли и излѣчимую въ преклонныхъ лѣтахъ), то значительно облегчило страданія больной въ послѣдніе годы ея жизни.

Наши антики-педагоги (Березницкій, Бѣлоусовъ, Ковалевскій и др.) должны были уступить мѣсто личностямъ болѣе современнаго направленія; а вслѣдъ за введеніемъ преподаванія польскаго языка въ гимназіяхъ Юго-Западнаго края число преподавателей поляковъ увеличилось. Пользуясь дѣлаемыми имъ поблажками свыше, они безпрепятственно стали подготовлять молодежь къ тому, что случилось въ 1863 году. Ясное дѣло, что начальникъ гимназіи съ такими консервативными убѣжденіями, какими заявилъ себя Гренковъ, былъ весьма нежелателенъ для нашихъ пропагандистовъ. Они повели противъ него подпольную интригу, перетянувъ на свою сторону ловкаго гешефтмахера Ѳедорова. Зная нерасположеніе къ директору попечителя за пристрастіе его къ березовой кашѣ, наши поляки, съ помощію учителя 1-й гимназіи Рупневскаго, бывшаго у Н. И. домашнимъ человѣкомъ, до того его настроили, что едва Гренкову истекло 30-лѣтіе его службы, онъ былъ немедленно уволенъ въ отставку.

Начальника, какъ водится, мы проводили обѣдомъ, за которымъ мнѣ, какъ ближайшему его помощнику, пришлось сказать прощальный спичъ. Подобные спичи имѣютъ нѣкоторое сходство съ надгробными рѣчами. Выйдя въ отставку, Н. М—чъ для 2-й гимназіи какъ-бы умеръ, а de mortuis aut bene, aut nihil—говоритъ пословица. Тѣ-же доносители не замедлили сообщить попечителю содержаніе моего спича въ прикрашенномъ видѣ, такъ что мое прощальное слово приняло значеніе демонстраціи, вслѣдствіе чего и я вмѣстѣ съ Н. М. попалъ въ ретрограды. Этимъ только я и объясняю нежеланіе Пирогова сдѣлать меня директоромъ 2-й гимназіи, послѣ того какъ я одиннадцать мѣсяцевъ исполнялъ директорскія обязанности и въ такое тревожное время.

Впродолженіе 10-лѣтней моей службы во 2-й кіевской гимназіи мнѣ не довелось дожить до памятнаго кіевлянамъ 1863 года, когда во градѣ Владиміра и Ярослава wybuchnęło powstanie, которое, по внушенію Варшавскаго жонда, долженствовало доказать Европѣ, что и „сей пращуръ русскихъ горо-

довъ", по несчастной случайности временно находившійся подъ властію Польши, также принадлежитъ къ ея составу. Въ мое время въ Кіевѣ происходили только манифестаціи, совпавшія съ междуцарстіемъ во 2-й гимназіи. На мое несчастье, въ числѣ поляковъ-учителей очутился и мой университетскій товарищъ, жившій со мной въ одной камерѣ, преподаватель польскаго языка Валерій Коперницкій, до мозга костей проникнутый польскими тенденціями. Образовалась цѣлая толпа патріотовъ, къ которой примкнули и нѣкоторые либералы изъ русскихъ; съ помощію послѣднихъ они начали проводить черезъ Педагогическій Совѣтъ предложенія, явно клонившіяся къ ущербу русскаго направленія въ заведеніи.

Пользуясь съѣздомъ значительнаго числа богатыхъ пановъ во время контрактовъ, эти господа устроили между ними подписку въ пользу польской ученической библіотеки и на собранныя деньги пріобрѣли массу книгъ большею частію историческаго содержанія, разумѣется, съ извѣстными тенденціями. Наполнивъ ими два огромные шкапа, они поручили завѣдываніе ими фанатику-студенту Шембелю, который сталъ выдавать ихъ ученикамъ обѣихъ Кіевскихъ гимназій. Когда мнѣ пришлось обнаружить организацію этого общества просвѣтителей юношества и конфисковать нѣсколько сочиненій въ закрытомъ заведеніи, поляки-учителя вошли къ попечителю съ прошеніемъ узаконить существованіе польской библіотеки, помѣстивъ ее въ гимназіи рядомъ съ мизерной только-что заведенной библіотекой русскихъ книгъ на весьма ограниченныя средства изъ добровольныхъ пожертвованій самихъ воспитанниковъ. Попечитель нашелъ такую просьбу подлежащею удовлетворенію, предоставивъ окончательное рѣшеніе вопроса о библіотекѣ польскихъ книгъ Педагогическому Совѣту. И что-же? Едва-ли не большинствомъ одного голоса вопросъ этотъ рѣшенъ отрицательно.

Въ попечительство Пирогова въ Кіевскомъ учебномъ округѣ славились преподаваніемъ географіи три учителя: въ 1-й гимназіи Рупневскій, во 2-й Шумовскій и въ Волынской—Коссовскій. Всѣ они излагали географію Россійской имперіи весьма

поверхностно, сравнительно съ географіей Польши, которую они излагали очень пространно въ границахъ 1772 года, по картѣ, полученной въ нѣсколькихъ экземплярахъ изъ Парижа. Благодаря предстательству Рупневскаго, при Пироговѣ они были неуязвимы.

Панихида по убитымъ въ Варшавѣ пяти мятежникамъ, разрѣшенная правительствомъ, впервые обнаружила всю закоренѣлую ненависть, весь фанатизмъ до того милыхъ и любезныхъ кіевскихъ поляковъ. Ограничусь только тѣмъ, какой вредъ для гимназій причинило привлеченіе дѣтей къ участіювъ политическихъ безпорядкахъ. Когда въ городѣ стали носиться слухи о предстоящей панихидѣ, нѣкоторые изъ нашихъ преподавателей поляковъ стали между собой совѣщаться, рѣзко отдѣлившись отъ своихъ русскихъ сослуживцевъ; въ подражаніе имъ и ученики католики сдѣлали то-же самое относительно своихъ товарищей. Въ предупрежденіе безпорядковъ, я отправился къ попечителю за инструкціей, ка́къ я долженъ поступить на случай, если ученики начнутъ проситься въ костелъ на панихиду? Н. И. сказалъ, что если найдутся желающіе, то доложить ему объ этомъ. Едва только я вернулся отъ попечителя, какъ неизвѣстно откуда уже знала вся гимназія, что̀ мнѣ сказалъ онъ на счетъ панихиды. Коперницкій первый, оставивъ урокъ, пришелъ въ инспекторскую съ рапортомъ, что ученики 2-го класса заявили о своемъ желаніи идти въ костелъ; за нимъ явились и другіе преподаватели; тогда я снова отправился къ попечителю.

— Желаютъ, говорю, всѣ католики быть на панихидѣ, что̀ дѣлать?

— Поѣзжайте къ генералъ-губернатору: это его дѣло.

Ѣду къ князю. Такъ и такъ, говорю: попечитель приказалъ спросить Васъ, какъ распорядиться съ воспитанниками, которыхъ трудно будетъ удержать въ гимназіи во время совершенія въ костелѣ панихиды: тамъ будутъ ихъ родители.

— У васъ во 2-й гимназіи есть костелъ? спрашиваетъ князь.

— Нѣтъ, не имѣется. Наши католики посѣщаютъ костелъ университетскій.

— Ну, стало, вашъ кседзъ пусть имъ и отслужитъ панихиду въ университетскомъ костелѣ, тогда они и не пойдутъ въ городской костелъ.

— Но кто-же, в. с—во, поведетъ учениковъ на панихиду; у насъ нѣтъ ни одного надзирателя католика?

— У васъ есть учителя католики, они и поведутъ ихъ.

Отъ генералъ-губернатора заѣзжаю къ попечителю.

— Ну что? спрашиваетъ Н. И.

— Князь велѣлъ нашему законоучителю отслужить панихиду спеціально для нашихъ гимназистовъ въ университетскомъ костелѣ.

Объявивъ ученикамъ волю начальства, я распустилъ ихъ по домамъ и только-что сѣлъ обѣдать, въ мою квартиру является полиціймейстеръ Ивенсенъ и говоритъ:

— Князь приказалъ спросить васъ, объявлено-ли ученикамъ его распоряженіе о томъ, что завтра они пойдутъ въ университетскій костелъ слушать панихиду?

— Разумѣется объявлено: я долженъ былъ это сдѣлать сегодня-же до окончанія уроковъ, прежде чѣмъ они разойдутся по квартирамъ.

— Ну, коли объявили, то нечего дѣлать—пусть такъ и будетъ.

Объявляя ученикамъ распоряженіе генералъ-губернатора, я мотивировалъ такое распоряженіе заботливостью князя о сохраненіи здоровья дѣтей, такъ какъ въ то время было очень сыро, и о сбереженіи драгоцѣннаго времени для ученія.

На другой день еще до начала уроковъ ученикъ VII класса Р—ій, сынъ политическаго ссыльнаго, сталъ бѣгать по классамъ и подстрекать учениковъ не идти въ университетскій костелъ, гдѣ не будетъ никакой церемоніи, а въ городской, гдѣ для панихиды сдѣланы громадныя приготовленія. Послѣ второго урока, по звонку, отдѣлились козлища отъ овецъ, выстроились въ пары на корридорѣ и подъ предводительствомъ наставниковъ-поляковъ вышли на улицу; но дошедши до угла университет-

ской ограды, по данному Коперницкимъ сигналу, разсыпались и во всѣ лопатки побѣжали въ городской костелъ.

Опять иду къ Пирогову.

Разбѣжалось, говорю, мое стадо: всѣ отправились въ городской костелъ, а ксендзъ своимъ порядкомъ отслужитъ панихиду въ университетѣ въ одиночествѣ.

— Ну и пусть себѣ служатъ! на то воля начальства.

Слѣдовавшая за тѣмъ другая панихида, если не ошибаюсь, была въ память польскаго историка Лелевеля, а третья, и кажется послѣдняя, въ память соединенія Литвы съ Польшею, по иниціативѣ ученой молодежи университетской.

Облекшись въ чемерки и вооружившись толстыми палками, толпа человѣкъ въ 300 двинулась по два въ рядъ по Б. Владимірской улицѣ къ городскому костелу. Дойдя до пересѣченія Владимірской улицы съ Бибиковскимъ Бульваромъ, изъ отряда выдѣлились два студента и направились одинъ въ первую, а другой во вторую гимназію—приглашать на торжество гимназистовъ. Предвидя все это, я приказалъ запереть всѣ входы и выходы въ гимназію, а самъ, какъ часовой, сталъ ходить по троттуару.

Подходитъ къ парадньмъ дверямъ юноша.

— Вы кто такой и что вамъ нужно? спрашиваю.

— Я студентъ университета св. Владиміра, мнѣ необходимо повидаться съ моимъ родственникомъ.

— Я вамъ этого не могу позволить въ настоящее время;—приходите послѣ. Идите своей дорогой и пойте свои гимны, сколько вашей душѣ угодно, а дѣтей не трогайте,—я за нихъ отвѣчаю и передъ родителями и передъ начальствомъ. Зачѣмъ вы, господа, путаете дѣтей въ свои манифестаціи?

— Объ этомъ скажетъ исторія—отвѣчалъ съ важностію студентъ, повернулся и ушелъ въ костелъ.

До этой послѣдней демонстраціи полиція, по распоряженію свыше, вовсе не мѣшала полякамъ безчинствовать среди стотысячнаго населенія богоспасаемаго града; наконецъ, мѣра долготерпѣнія истощилась. При выходѣ изъ костела, на цер-

ковной паперти былъ избитъ въ кровь квартальный надзиратель; затѣмъ, совершивъ этотъ подвигъ, студенты двинулись къ университету, какъ носился слухъ, съ цѣлію истребить центральный архивъ; но къ счастію, буйство ихъ на сей разъ ограничилось разбитіемъ нѣсколькихъ стеколъ въ помѣщеніи архива. До этой безобразной выходки полиція, повторяю, не дѣлала никакихъ распоряженій, но послѣ избіенія квартальнаго и тайная и явная полиція ополчилась противъ буяновъ съ великою стремительностію; начались аресты, обыски, штрафы.

Пока студенты поляки совершали свои оргіи въ костелѣ и на улицахъ, русскіе студенты не находили повода протестовать противъ безобразій, чинимыхъ товарищами, но лишь только они учинили дебошъ въ стѣнахъ университета, какъ въ тотъ-же самый день попечителю поданъ былъ протестъ съ 150 подписями. Въ немъ торжественно заявлялось, что русскіе студенты не солидарны съ поляками и порицаютъ ихъ безчинства.

Оставаясь временно самостоятельнымъ распорядителемъ въ самой многолюдной въ округѣ гимназіи, подъ дирекціей коей въ то время находились еще училища всей кіевской губерніи и таксаторское училище, я не зналъ покою ни днемъ, ни ночью. Пробовалъ возложить наблюденіе за порядкомъ хотя въ классные часы, поручивъ исполненіе обязанностей инспектора сперва Байеру, какъ старшему по службѣ учителю, а потомъ Тулубу, но эти помощники неумѣлыми дѣйствіями и безтактностію надѣлали мнѣ еще больше хлопотъ, такъ что я долженъ былъ отказаться отъ ихъ медвѣжьей услуги. Маврикій Байеръ, порицавшій постоянно дѣйствія инспектора, самъ при исполненіи инспекторскихъ обязанностей произвелъ большой скандалъ: онъ побилъ одного ученика, а прибѣжавшая въ гимназію мать этого юноши, женщина-гусаръ, накинулась на Маврикія и, если-бъ не защитилъ его надзиратель Садковскій, то его самого побили-бы. Что-же касается А. Д. Тулуба, то онъ въ одинъ день перессорилъ надзирателей съ учителями, а учениковъ и съ тѣми и съ другими; затѣмъ прибѣжалъ ко мнѣ на квартиру и отказался отъ исправленія должности инспектора.

Не мало также хлопотъ причинила мнѣ и общая ученическая квартира, по причинѣ негодности надзирателей и плутовства эконома. Пользуясь долгое время покровительствомъ Гренкова, онъ кормилъ воспитанниковъ отвратительно; справедливые ихъ протесты принимались Гренковымъ за бунтъ и строго наказывались. Воспитанники, проголодавшись, вопіютъ, что „клюски“ воняютъ, что сало и сыръ испорчены, а директоръ твердитъ, что они капризничаютъ, привередничаютъ. Дѣло въ томъ, что почтенный Николай Михайловичъ лишенъ былъ обонянія, и экономъ, пользуясь этимъ, продолжалъ кормить скверно. Но съ увольненіемъ Гренкова, эконому стало плохо. Какъ только какое-нибудь блюдо оказывалось невозможнымъ, я, въ силу контракта, штрафовалъ его приготовленіемъ къ ужину лишняго блюда, а, наконецъ, сталъ пріискивать другого.

Полицейскія мѣры, принимаемыя администраціей для уничтоженія безпорядковъ въ средѣ университетской молодежи, не согласовались съ мнѣніемъ Н. И—ча, чтó часто было причиной недовольства его дѣйствіями Генералъ-Губернатора.

Пироговъ не переставалъ дѣйствовать по своему убѣжденію:

„Для самого себя лично я не требую ничего лучшаго, какъ держаться вдали отъ всѣхъ этихъ запутанныхъ обстоятельствъ и предпочитаю уединеніе и деревенскую жизнь всякаго рода столкновеніямъ и непріятностямъ. Но я не дѣлаю и не сдѣлаю перваго шага къ тому, чтò я считаю такой образъ дѣйствія слабостью. Я потому буду спокойно ждать, пока со мною простятся, или меня заставятъ проститься. Хотя при нынѣшнихъ обстоятельствахъ мнѣ очень трудно на 50 г. жизни вступать на новое поприще, однако я покорюсь судьбѣ и тѣмъ утѣшенъ, что я имѣю между друзьями только очень мало глупцовъ, а между врагами много слабоумныхъ“ [1]).

Натянутыя отношенія, возникшія между Попечителемъ и Генералъ-Губернаторомъ, не предвѣщали ничего добраго.

---

[1]) Рус. Архивъ 1892 г. № 2, стр. 193.

Наконецъ, интриги обострили эти отношенія еще болѣе и по представленію Кн. Васильчикова онъ былъ уволенъ въ отставку.

Предусматривая такой исходъ своей педагогической дѣятельности, Пироговъ заблаговременно приготовилъ себѣ пріютъ, купивши имѣніе подлѣ Винницы, и какъ только получилъ отставку, въ ту-жъ минуту сдалъ должность своему помощнику Михневичу и засѣлъ въ лабораторіи заняться химическимъ разложеніемъ почвы своего села Вишня. Недѣли двѣ его положительно никто не могъ видѣть. Съ ранняго утра онъ отправлялся въ лабораторію и совершенно отрѣшался отъ окружающей его среды. Фактъ этотъ изъ жизни нашего знаменитаго ученаго напоминаетъ отчасти одинъ изъ фактовъ біографіи величайшаго современнаго намъ генія Пастера: въ самый день свадьбы его пошли искать въ лабораторію, чтобы напомнить ему, что онъ женится.

Явился Н. И. въ первый разъ по полученіи отставки на прощальный обѣдъ, устроенный ему сослуживцами въ университетскомъ парадномъ залѣ 4 апрѣля 1861 года. Масса рѣчей и теллеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи была прочитана, какъ на этомъ обѣдѣ, такъ и на другомъ—отъ города Кіева, 9 апрѣля: они могутъ служить краснорѣчивымъ протестомъ общества на увольненіе Пирогова отъ должности Попечителя—въ самый разгаръ его благотворной дѣятельности.

Начала, которыхъ держался Пироговъ, вводя реформы въ училищахъ, и противодѣйствія, встрѣченныя имъ со стороны охранителей и столбовъ, на которыхъ держались прежніе порядки, весьма обстоятельно указаны въ его педагогическихъ статьяхъ и рѣчахъ, произнесенныхъ на прощальныхъ обѣдахъ. Въ заключеніе не могу отказать себѣ въ удовольствіи помѣстить здѣсь одно замѣчательное мѣсто изъ его рѣчи, обращенной къ обществу города Кіева.

„Позднею весной, послѣ продолжительной и суровой зимы, я буду орать и засѣвать мои поля, запущенныя, засоренныя плевелами и съ закопавшеюся вблизи саранчею. Я буду тру-

диться въ потѣ лица, буду разрыхлять и очищать землю, постараюсь сдѣлать все какъ можно раціональнѣе, замѣню крѣпостной трудъ свободными, буду обходиться и съ рабочими, какъ съ людьми вольными, а не крѣпостными. Но разумѣется, законовъ природы и необходимости этимъ не измѣню. Растаявшій ледъ превратится въ потоки воды, которые разнесутъ мои сѣмена, саранча выведется тамъ, гдѣ она не была уничтожена плугомъ и воздухомъ; рабочіе не сразу поймутъ, что для нихъ лучше та́къ работать, чѣмъ по прежнему. И можетъ быть мои труды и заботы не удадутся на первый разъ. Это не остановитъ меня, потому что я знаю, отчего сразу не можетъ идти все хорошо.

Но найдутся, безъ сомнѣнія, и тутъ люди, которые скажутъ, что причина, почему у меня не все взошло—не потоки воды, разнесшіе мои сѣмена, не ледяная кора, покрывавшая слишкомъ долго землю, и даже не саранча, которая закопалась еще до меня, а то, что я началъ обработывать мои поля не по прежней рутинѣ и слишкомъ скоро замѣнилъ крѣпостной трудъ свободнымъ.

Бывъ попечителемъ, я также оралъ и засѣвалъ мое поле позднею весной, едва оттаявшее отъ лучей вешняго солнца; на немъ была еще ледяная кора; въ немъ была закопавшаяся саранча; трудъ не былъ свободный и прибыльный для обѣихъ сторонъ. Мудрено-ли, что и тутъ могли найтись такіе, которые не въ законахъ необходимости, не въ порядкѣ вещей искали причину, почему мое поле не такъ скоро дало обильную жатву“.

Николай Ивановичъ выѣхалъ изъ Кіева 15 апрѣля въ 8 часовъ вечера. Уже съ 3-хъ часовъ пополудни большая толпа (до 300 чел.) студентовъ, гимназистовъ, многихъ лицъ учебнаго вѣдомства и весьма многихъ обывателей пѣшкомъ и въ экипажахъ ожидали у зданія 1-й гимназіи минуты, чтобы сказать послѣднее прости искренно любимому и высоко цѣнимому человѣку. Еще большая толпа (до 1000 чел.) заранѣе отправилась

на дачу Санъ-суси, по шоссе, съ тою-же цѣлію. На пространствѣ четверти версты все было занято экипажами.

Въ 8 часовъ Пироговъ вышелъ съ семействомъ; онъ сѣлъ въ тарантасъ—и потянулся длинный рядъ экипажей.

Когда пріѣхали на дачу, глазамъ представилась въ сумерки весенняго дня громадная масса народа, растянувшаяся на полверсты. Тарантасъ остановился, и Пироговъ еще разъ заговорилъ въ толпѣ о непреходящемъ царствѣ идей, о вѣчныхъ цѣляхъ жизни, о служеніи добру и правдѣ.

Да, на долю немногихъ дѣятелей выпадаетъ у насъ рѣдкое счастіе расположить къ себѣ людей, среди которыхъ имъ доводится дѣйствовать.

По увольненіи Пирогова, до назначенія на его мѣсто барона А. П. Николаи, должность попечителя исправлялъ Іосифъ Григорьевичъ Михневичъ. Уроженецъ Волынской губерніи, магистръ Кіевской духовной академіи 6-го выпуска (1829—1833), онъ избранъ былъ Пироговымъ въ помощники, по выходѣ въ отставку долго царившаго въ округѣ М. В. Юзефовича. Какъ при Пироговѣ, такъ по увольненіи его и еще при двухъ попечителяхъ, Іосифъ Григорьевичъ неуклонно слѣдовалъ принципамъ Н. И—ча, на сколько это отъ него зависѣло, и если что-нибудь держалось еще въ гимназіяхъ отъ реформъ пироговскихъ, то этимъ они обязаны Михневичу.

Помимо своей учебно-воспитательной дѣятельности, Михневичъ оставилъ по себѣ добрую память гуманнымъ обхожденіемъ съ подчиненными. Кто изъ служившихъ при немъ въ Кіевскомъ Округѣ не помнитъ его простого, человѣчнаго отношенія ко всякому, кто только обращался къ нему по служебнымъ или по частнымъ дѣламъ, всегда находя въ немъ защиту и покровительство отъ притѣснителей, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшихъ на службѣ въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ.

Едва-ли не единственный человѣкъ изъ служащихъ въ Округѣ остался недоволенъ кроткимъ обхожденіемъ Михневича—

это экономъ общей ученической квартиры при 2-й кіевской гимназіи штабсъ-капитанъ Ильинъ. Былъ у него единственный одиннадцатилѣтній сынъ, который, насмотрѣвшись на часто повторявшіеся въ Кіевѣ пожары, захотѣлъ это зрѣлище видѣть вблизи. Залѣзъ онъ между сложенными на черномъ дворѣ дровами, построилъ изъ сухихъ щепокъ домикъ и поджогъ его, а самъ убѣжалъ на квартиру, сѣлъ на подоконникѣ и сталъ выжидать, пока разгорятся дрова, а ихъ было заготовлено болѣе ста саженъ. А жара въ іюлѣ мѣсяцѣ стояла страшная. Къ счастію, дворникъ, замѣтивъ дымъ, успѣлъ погасить начинавшія горѣть дрова.

Зоветъ отца Михневичъ и дѣлаетъ ему внушеніе.

— Ну что? спрашиваю Ильина: хорошо васъ пробралъ М.

— Помилуйте М. К—чъ, какой это начальникъ? Прихожу къ нему, сдѣлалъ, какъ слѣдуетъ, у порога фронтъ, а онъ: „Прошу садиться"! Фу, ты, Господи! Да на что это похоже! Не понимаю. Ужъ коли ты виноватъ, то съ тобой церемониться не слѣдуетъ, пробрать тебя нужно такъ, чтобъ въ потъ бросило. А то—прошу садиться! Ну что это за начальство? Извините, я этого не понимаю!

Попечительство барона А. П. Николаи.

1861—1862.

Для уясненія моихъ личныхъ отношеній къ новому Попечителю, считаю необходимымъ коснуться нѣкоторыхъ подробностей, предшествовавшихъ его прибытію въ Кіевъ.

Со времени увольненія Гренкова, вплоть до пріѣзда барона, впродолженіе тяжелыхъ для меня одиннадцати мѣсяцевъ я исправлялъ двѣ должности—директора и инспектора.

Втеченіе этого времени поляки успѣли пропѣть всѣ свои гимны, кокетливыя польки износить свои траурныя платья, студенты свои чамарки. За польскими манифестаціями слѣдовали малорусскія: появились бараньи шапки, смазные сапоги, мере-

жаныя сорочки. Все это имѣло сильное вліяніе на возбужденіе умовъ учащейся молодежи и не могло не повліять на ослабленіе дисциплины въ Кіевскихъ учебныхъ заведеніяхъ. А тутъ, какъ на зло, на мѣсто либеральнаго попечителя назначенъ самый крайній консерваторъ николаевскихъ временъ. При самомъ вступленіи своемъ въ должность, баронъ А. П. Николаи задался мыслію похоронить и засыпать землею всѣ реформаторскія распоряженія по Округу своего геніальнаго предмѣстника и повернуть заведенія къ старымъ порядкамъ. Но это, за краткостію его Попечительства, удалось ему только отчасти.

Кіевская 2-я гимназія около года оставалась безъ директора. Продолжительное исправленіе мною директорской должности, конечно, давало мнѣ нѣкоторое право занять вакантное мѣсто; но прецедентъ въ видѣ надгробной рѣчи надъ Шевченкомъ, о чемъ не преминули сообщить барону въ разукрашенномъ видѣ кіевскіе охранители, не позволилъ мнѣ и заикнуться объ утвержденіи въ исправляемой мною должности, тѣмъ болѣе, что первое мое представленіе новому начальству не обошлось безъ должнаго внушенія.

Между тѣмъ правитель канцеляріи Губеръ съ К° не переставалъ работать у попечителя въ пользу закадычнаго своего пріятеля, большого любителя березовой каши, отставного директора Гренкова—и баронъ воскресилъ этого Лазаря и посадилъ его мнѣ на шею. Лучшая „интеллигентная половина Кіевскаго общества была возмущена подобнымъ назначеніемъ и громко высказала свое неудовольствіе, которое выразилось не однимъ ворчаніемъ и ропотомъ на дѣйствія новаго начальника: къ самому Гренкову, въ одно прекрасное утро, явилась депутація изъ трехъ лицъ, бывшихъ воспитанниковъ второй Кіевской гимназіи; отъ лица Кіевскаго общества они предложили Николаю Михайловичу, не дожидаясь скандала, убраться по добру по здорову изъ гимназіи и не тормозить образованія молодого поколѣнія отжившими свое время убѣжденіями. Но Гренковъ благого совѣта не послушалъ и остался въ казенной квартирѣ.

Но глубже и сознательнѣе всѣхъ восчувствовали всю несообразность воскресенія этого Лазаря воспитанники 2-й гимназіи, которые впродолженіе цѣлаго года, подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній пироговскаго режима, успѣли уже отвыкнуть отъ ежовыхъ рукавицъ, отъ щипковъ и толчковъ, отъ начальничьяго крику съ пѣной у рта и другихъ проявленій безшабашнаго произвола и самодурства, на вѣки, казалось, похороненныхъ Пироговымъ и воспрянувшихъ въ лицѣ нелюбимаго ими директора. Протестъ со стороны учениковъ былъ неизбѣженъ, и онъ не замедлилъ выразиться въ рѣзкихъ и буйныхъ поступкахъ, вышедшихъ изъ ряду обыденныхъ мальчишескихъ шалостей.

Едва только появился на коридорѣ „старый нашъ знакомый", какъ съ обоихъ концовъ длиннаго коридора раздались оглушительные свистки. Мой Н. М—чъ поблѣднѣлъ, но потомъ скоро оправился и, овладѣвъ собой, вошелъ въ сборную учительскую комнату, поздоровался съ преподавателями и, когда усѣлись ученики, какъ ни въ чемъ не бывало, обошелъ всѣ классы. На другой день та-же исторія: свищутъ да свищутъ. На третій день, не показываясь въ гимназію, онъ велѣлъ надзирателямъ собрать учениковъ вольныхъ квартиръ въ залу послѣ уроковъ, а воспитанниковъ закрытаго заведенія отправить въ столовую обѣдать, гдѣ мнѣ приказано было присутствовать во время обѣда.

Не успѣли прочитать передъ обѣдомъ молитву, какъ изъ залы ринулись ученики по лѣстницѣ въ большомъ безпорядкѣ. Что-же случилось?

Н. М., распорядившись собрать учениковъ въ залу, задумалъ подѣйствовать на нихъ силою своего краснорѣчія; но едва онъ вошелъ въ залу, какъ со всѣхъ сторонъ его окружила густая толпа мальчугановъ, какъ на военномъ смотру солдаты окружаютъ генерала. Ему и рта не дали разинуть: загалдѣли, заревѣли, засвистали. Протиснувшись сквозь сплошную массу учениковъ, директоръ ушелъ изъ залы задними дверями. Хорошо, что хоть такое случилось, но могло случиться гораздо худшее.

Черезъ нѣсколько дней Н. М. испробовалъ еще одно средство укротить разъяреннаго звѣря—буйную 700-головую толпу, склонивъ на свою сторону учениковъ VII класса, чтобы черезъ ихъ вліяніе подѣйствовать въ его пользу на другіе классы. Пригласивъ въ свою квартиру весь классъ, онъ говорилъ долго, убѣждалъ, грозилъ, и въ концѣ концовъ пообѣщалъ всѣмъ безъ исключенія выдать аттестаты, если ученики перестанутъ ему свистать. Этимъ обѣщаніемъ „опытный и умный администраторъ какимъ рекомендовали его барону его пріятели, окончательно уронилъ себя въ глазахъ воспитанниковъ.

На слѣдующій день, понадѣявшись на то, что предложенною сдѣлкой семиклассники привлечены на его сторону, Н. М. самоувѣренно вошелъ въ VII классъ передъ приходомъ учителя, но ученики подняли такой содомъ, что директоръ едва унесъ ноги.

Авторитетъ начальника заведенія былъ въ конецъ подорванъ.

Я съ своей стороны употреблялъ всевозможныя мѣры, чтобы возстановить пошатнувшуюся дисциплину въ гимназіи, но всѣ мои усилія остались тщетными. Въ моемъ присутствіи, правда, они удерживались отъ оскорбительныхъ для начальства выходокъ, но вѣдь не могъ-же я постоянно сопровождать директора, принявъ на себя унизительную для него роль дядьки, да онъ и самъ избѣгалъ этого; кромѣ того, у меня были и свои спеціальныя обязанности.

Выбившись наконецъ изъ силъ, еще до того надорванныхъ продолжительнымъ исполненіемъ двухъ должностей въ такое тревожное время, я въ началѣ ноября попросилъ у попечителя отпуска на 28 дней и уѣхалъ въ Новгородъ-Сѣверскъ на родину. Но отдохнуть мнѣ послѣ трудовъ не удалось.

Не прошло недѣли со времени моего пріѣзда къ роднымъ, какъ я получилъ письмо отъ своего сослуживца и земляка, учителя М. О. Самчевскаго, который поторопилъ меня возвращеніемъ въ Кіевъ, гдѣ въ мое отсутствіе случился наконецъ тотъ рѣзкій проступокъ, о коемъ предсказывали Гренкову явившіеся

къ нему „уполномоченные“ отъ Кіевскаго общества. Помѣщаю здѣсь выдержки изъ этого письма:

. . . „Послѣ вашего выѣзда, и та небольшая доля порядка и дисциплины, которая успѣла удержаться въ нашей несчастной гимназіи, благодаря вашему вліянію на воспитанниковъ, вслѣдствіе самодурства и совершенной растерянности Гренкова рушилась въ конецъ. Испробовавъ всѣ способы увѣщаній и безтактнаго подлаживанія къ ученикамъ и видя недѣйствительность кроткихъ мѣръ (такъ несвойственныхъ нраву самодура), сей господинъ рѣшился идти на проломъ и силою укротить разнузданную толпу. Неистовые крики, топанье ногами, толчки и щипки воскресили допироговскія времена во всемъ ихъ безобразіи. Случилась, напр., такая возмутительная исторія: на улицѣ, противъ гимназіи, на виду у всѣхъ проходящихъ директоръ встрѣчаетъ ученика VI класса и дѣлаетъ ему выговоръ за разстегнутый сюртукъ; тотъ, поднявъ фуражку, опять употребилъ ее по назначенію, т. е. надѣлъ на голову. Директоръ взбѣсился и палкою сбилъ съ головы фуражку, крича во весь народъ: „я васъ отучу отъ Чаловскихъ порядковъ! (и эту фразу онъ повторялъ уже не разъ). Дальше идти было некуда. У дѣтей не хватило больше терпѣнія переносить такое обращеніе; накипѣвшая злоба проявилась наконецъ стихійной бурей“...

„Во время большой перемѣны ученики всѣхъ 12 классовъ (пять классовъ было съ параллельными отдѣленіями) безпорядочной толпой стали тѣсниться по коридору, и лишь только показался директоръ, подняли такой содомъ, что онъ едва успѣлъ вскочить въ сборную учительскую комнату; но толпа не переставала ревѣть; въ дверяхъ зазвенѣли разбитыя стекла; въ сборную полетѣли куски мѣлу, чернильницы, линейки... Вотъ до чего довели нашу благоустроенную гимназію безтолковыя распоряженія начальства“.

„Но все сообщенною мною до сихъ поръ не главная цѣль моего письма. Дѣло вотъ въ чемъ:

Гренковъ, купно съ Губеромъ и К°, всю вину случившагося въ гимназіи безпорядка взвалилъ на васъ: что вы де, под-

строивши учениковъ, сами уѣхали. Это сообщилъ мнѣ М. А. Туловъ, который теперь, по случаю безначалія, безвыходно сидитъ въ гимназіи и ждетъ не дождется вашего возвращенія, чтобы передать вамъ бразды закусившаго удила коня. Поспѣшите-же пріѣздомъ; мы всѣ готовы помочь вамъ разоблачить эту гнусную клевету, взведенную на васъ сторонниками Гренкова, который, потерпѣвъ пораженіе, заперся въ своей квартирѣ и даже у входа поставилъ стражу".

Получивъ письмо, я въ тотъ-же день, по страшной колоти поспѣшилъ въ Кіевъ. Не заходя въ квартиру, я прямо отправился въ гимназію. Встрѣтивши меня, Туловъ перекрестился:

— Ну, слава Богу, что вы пріѣхали!—сказалъ онъ.

— Но что-же мнѣ, Михаилъ Андреевичъ, дѣлать? Посовѣтуйте, ради Бога; вѣдь дѣло весьма серьезное.

— Надѣвайте мундиръ и отправляйтесь къ попечителю.

Баронъ принялъ меня съ обычной своей аристократической важностію, но вѣжливо, пригласилъ въ кабинетъ и просилъ садиться. Взволнованный до глубины души, я началъ было свою оправдательную рѣчь, но онъ остановилъ меня на первыхъ-же словахъ.

— Выслушайте сперва меня, а потомъ я буду васъ слушать.

Съ великимъ нетерпѣніемъ дожидался я конца безконечно долго тянувшейся для меня обвинительной рѣчи баронской, въ которой очень ловко были подтасованы факты, вовсе несогласовавшіеся съ дѣйствительностію, но на столько важные, что если-бы въ нихъ была хоть малая доля правды, то меня слѣдовало предать суду.

Защиту свою я началъ издалека, именно со времени увольненія Гренкова; указалъ причину его отставки, коснувшись его служебной дѣятельности до Пирогова. Со времени его отставки прошелъ годъ; впродолженіе этого года многое измѣнилось: директоры, подобные Гренкову, стали анахронизмомъ, и такого человѣка вы, в. П—во, назначили въ ту гимназію, гдѣ никто не можетъ помянуть его добрымъ словомъ. Противъ такого назна-

ченія былъ весь городъ; къ нему являлась отъ общества депутація съ предложеніемъ оставить гимназію, но онъ пренебрегъ благими совѣтами; извѣстенъ-ли В. П—ву этотъ фактъ?

— Въ первый разъ слышу.

— Прошу-же васъ выслушать меня дальше. Вступленіе Гренкова въ должность встрѣчено свистками и шиканьемъ, что повторялось почти ежедневно втеченіе цѣлаго мѣсяца. Желая прекратить безпорядокъ, Гренковъ пригласилъ въ свою квартиру учениковъ VII класса и вошелъ съ ними въ такую недостойную сдѣлку: если вы, господа, подѣйствуете на своихъ товарищей и онѣ перестанутъ свистать, то я вамъ всѣмъ выдамъ аттестаты. Извѣстенъ-ли былъ этотъ фактъ в. П—ву?

— Въ первый разъ слышу—продолжайте!

— Заручившись такимъ компромиссомъ, Гренковъ на другой день вошелъ въ VII классъ, но его прогнали оттуда свистками и криками.

— Но отчего-же вы молчали? Отчего не донесли мнѣ?

— Гренковъ—мой начальникъ, я не имѣлъ права доносить помимо его вѣдома.

— И все это происходило въ гимназіи до вашего выѣзда?

— Да, это было при мнѣ. А что произошло въ мое отсутствіе, это вамъ, конечно, извѣстно изъ другихъ источниковъ, хотя и не все, напр. такія дѣйствія Гренкова: встрѣтивъ на улицѣ ученика, онъ сбилъ съ его головы палкой фуражку, когда тотъ, отдавши ему честь, надѣлъ ее; не разъ собственноручно расправлялся съ учениками въ общей квартирѣ—все это довело до катострофы... Я знаю, кто оклеветалъ меня передъ Вами—это пріятель его Губеръ и К°. Если в. п. больше вѣрите имъ, чѣмъ мнѣ, то прошу васъ разслѣдовать мои дѣйствія, нарядивъ формальное слѣдствіе, я этого въ правѣ даже требовать для своего оправданія.

Въ тотъ-же самый день Н. М. получилъ собственноручное письмо барона съ предложеніемъ подать въ отставку; затѣмъ чрезъ нѣсколько дней предложилъ мнѣ директорство въ бѣлоцерковской гимназіи.

— Вы, безъ сомнѣнія, поймете, отчего нельзя васъ оставить директоромъ 2-ой кіевской гимназіи—прибавилъ онъ на прощанье со мной въ концѣ января 1862 года.

Я безпрекословно, скрѣпя сердце, отправился въ ссылку, въ жидовское мѣстечко. Потерявъ вскорѣ послѣ этого страстно любимую жену, баронъ просилъ перевода на Кавказъ, гдѣ онъ служилъ прежде и гдѣ женился на княгинѣ Чавчавадзе, сестрѣ жены покойнаго Грибоѣдова.

Отправляя тѣло покойницы въ фамильный склепъ въ Финляндію, баронъ прислалъ ко мнѣ надзирателя съ просьбой уступить ему хранившіяся въ сараѣ 2-й гимназіи дроги, на которыхъ былъ привезенъ изъ Петербурга гробъ Т. Г. Шевченка; но я, безъ вѣдома душеприкащика покойнаго поэта, не имѣлъ права распорядиться оставшимся послѣ него имуществомъ и къ великому огорченію барона отказалъ ему.

Дроги эти взяты у меня В. Г. Шевченкомъ и сгорѣли въ Корсунѣ во время пожара.

Въ короткое время своего попечительства (говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Богатиновъ (Рус. Архивъ, 1899 г. № 2) баронъ Николаи ничего особеннаго не сдѣлалъ, помимо развѣ того, что не былъ равнодушенъ къ несоблюденію служащими условій служебнаго труда, да развѣ приказаніе воротившемуся изъ заграницы Ростовцеву снять бороду, которой онъ украсилъ себя заграницей.

Моя служебная дѣятельность, посвященная 2-й кіевской гимназіи, продолжавшаяся десять лѣтъ, отчасти оцѣнена на прощальномъ обѣдѣ, устроенномъ моими сослуживцами, учителемъ Михаиломъ Осиповичемъ Самчевскимъ.

„Если-бы я, сказалъ онъ, и былъ одаренъ способностію льстить, то я настолько уважаю М. К—ча, что никогда не осмѣлился-бы отравить послѣдній вечеръ, который онъ проводитъ съ нами, воскуривъ ему фиміамъ лести. И если рѣшаюсь говорить теперь, то вовсе не для того, чтобы выразить удивленіе талантамъ и нравственнымъ достоинствамъ М. К—ча, но потому, что считаю неблагодарнымъ не выразить ему искренней

признательности за все время управленія имъ гимназіей. Но что значитъ личная благодарность вообще и моя въ особенности? Она такъ ничтожна, что я никогда не осмѣлился-бы заявить ее гласно, если-бы не былъ увѣренъ, что мои товарищи раздѣляютъ и мое сочувствіе, и мою благодарность. Увѣренность свою я основываю на тѣхъ фактахъ, которыми опредѣлилась дѣятельность М. К. во время управленія его гимназіей. Я надѣюсь, господа, вы позволите мнѣ прервать на нѣсколько минутъ нашу одушевленную бесѣду для того, чтобы изложеніемъ этихъ фактовъ показать, что благодарность наша М. К—чу имѣетъ самыя прочныя основанія.

Первый фактъ—это истинно-гуманное обращеніе М. К—ча со своими сослуживцами въ то время, когда онъ облеченъ былъ властью начальника. Конечно, въ настоящее время вѣжливое обращеніе начальника съ подчиненными уже не считается заслугой. Теперь даже люди съ деспотическими замашками не позволятъ себѣ кричать, топать ногами и бросать олимпійскіе взгляды, которые приводили когда-то въ отчаяніе бѣднаго подчиненнаго; не осмѣлятся они на это уже изъ чувства самосохраненія, потому что боятся общественнаго суда, потому что боятся встрѣтить сильный отпоръ со стороны подчиненнаго. Но сколько еще осталось различныхъ уловокъ взглядами, движеніями, тонкими замѣчаніями показать подчиненному свое начальничье значеніе... Смѣло могу сказать, М. К. не прибѣгалъ никогда къ подобнымъ уловкамъ: онъ казался всегда нашимъ товарищемъ, а не начальникомъ.

Второй фактъ—это уваженіе, которымъ пользовался М. К. у воспитанниковъ. Если-бы М. К. пріобрѣлъ расположеніе учениковъ гоньбой за популярностью, я никогда-бы не поставилъ ему этого въ заслугу. Я думаю, всякій согласится со мной, что такіе господа, которые изъ желанія пріобрѣсть популярность между учениками, потакаютъ ихъ шалостямъ, удивляются ихъ талантамъ, часто очень сомнительнымъ, восхищаются ихъ поступками, вовсе того не заслуживающими, то такіе господа приносятъ двойной вредъ: они уничтожаютъ, во первыхъ,

званіе наставника, а во вторыхъ, губятъ молодыхъ людей, дѣлая изъ нихъ заранѣе свистуновъ, пустозвоновъ, которые ненавистны въ жизни и еще ненавистнѣе въ школѣ. Въ такой жалкой гоньбѣ за популярностью никто не упрекнетъ М. К.; онъ смотрѣлъ на воспитаніе, какъ на дѣло серьезное, а не какъ на игру въ куклы. Я самъ было часто свидѣтелемъ, какъ М. К. останавливалъ проявленія пустозвонства въ ученикахъ и путемъ убѣжденія доводилъ ихъ до раскаянія. Не заискиваніемъ расположенія у учениковъ, но личными своими достоинствами М. К. пріобрѣлъ популярность между учениками, а такая популярность достойна полной похвалы и подражанія.

Третій фактъ—это всегдашняя готовность М. К. помогать бѣднымъ ученикамъ и студентамъ доставленіемъ имъ репетиторствъ, при чемъ М. К. имѣлъ въ виду не одну бѣдность, а также знаніе и способности. Я знакомъ съ нѣсколькими бѣдными и очень дѣльными студентами, которымъ М. К. доставлялъ средства къ существованію въ Кіевѣ; они всегда съ благодарностію произносятъ его имя и пожалѣютъ объ немъ такъже, какъ и мы теперь жалѣемъ.

Мнѣ кажется, господа, что во всемъ сказанномъ мною нѣтъ ни капли лести; мнѣ кажется, мои товарищи согласятся, что факты, только-что изложенные мною, существовали дѣйствительно, а если они существовали, то М. К. несомнѣнно заслуживаетъ наше общее уваженіе и сочувствіе. Пожелаемъ-же ему, господа, чтобы онъ такое-же уваженіе и сочувствіе встрѣтилъ и между своими новыми сослуживцами и выпьемъ за его здоровье“!

Въ числѣ многихъ сослуживцевъ во второй Кіевской гимназіи находились два брата, Иванъ и Михаилъ Самчевскіе, ближайшіе земляки мои, дѣти уважаемаго мною учителя моего Іосифа Акимовича Самчевскаго. Это тѣ самые малыши Ваня и Миша, которыхъ я, будучи гимназистомъ, видѣлъ ползающими по массивному тѣлу своего дѣдушки, соборнаго протоіерея о. Стефана Ленковскаго, въ жаркій іюльскій день лежавшаго на

коврѣ въ передней комнатѣ своего ярко-желтаго дома. Старшій изъ нихъ, Иванъ Осиповичъ, преподавалъ исторію и впослѣдствіи, послѣ Слѣпушкина, моего преемника по инспекторству, былъ инспекторомъ 2-й Кіевской гимназіи. По характеру и по своей высокой честности и правдивости Михаилъ Осиповичъ былъ неизмѣримо выше своего брата, но онъ все время вращался въ низшей сферѣ учительскаго персонала, преподавая то русскій языкъ, то географію въ младшихъ классахъ, частію въ Кіевской 2-й гимназіи, частію въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, куда онъ, послѣ моего назначенія въ Бѣлую Церковь, временно переселился, по случаю смерти своей матери. Отъ нея по наслѣдству чахотка перешла на сына-любимца покойной Варвары Степановны—Мишу, и онъ, очень скоро послѣ ея смерти, умеръ въ Кіевѣ. Высокія нравственныя качества этого даровитаго юноши весьма вѣрно оцѣнены въ надгробной рѣчи бывшаго тогда инспектора 1-й Кіевской гимназіи, нынѣ Попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, И. Я. Ростовцева.

И. О. Самчевскій умеръ въ 1871 году отъ холеры на рукахъ у своего отца, который вскорѣ послѣ того ослѣпъ и въ этомъ жалкомъ состояніи дожилъ до 86 лѣтъ, пріютившись въ чужой семьѣ въ Новгородъ-Сѣверскѣ.

М. Чалый.

СТАРЕ И НОВЕ.

(*Оповидання* [1]).

VIII.

Не вдовзи до Тарноруцького ставъ новый робитныкъ на прызвыще Сукъ. Це бувъ ще молодый парубокъ та не по литахъ поважный, спокійный и выглядавъ такъ, наче завше розгадувавъ щось окремне, але поважне. Винъ бувъ блызькый прыятель Рахманного; у Дубнахъ було килькы пидмайстривъ зъ ризныхъ цехивъ, що горнулыся до Рахманного и дуже поважали ёго. Воны що-свята збиралыся чы въ того чы въ инчого помижъ себе, здебильшого по околыцяхъ миста, розмовлялы, чыталы щось, гуртомъ передплачувалы кныжкы, у прыгодахъ завше пидтрымувалы та допомогалы одно одному.

Кибець, заклопоченный властнымы думкамы, не звертавъ увагы на нового товарыша, але Сукъ, прыдывляючысь товарыству, чуючы, якъ глузуе воно зъ Кибця за мандривку на прощу, за ёго задуманнисть та инчи чудасіи, зацикавывся Кибцемъ и намирывся блыжче познаёмыться зъ имъ, щобъ може прыеднаты згодомъ до свого гурту.

У швальни Тарноруцького додержувано звычая, щобъ новакы становылы вступового могарыча товарыству. Ото, помынувшы днивъ зъ двое, и Сукъ заклыкавъ усихъ пидмайстривъ на недилю до шынку. Похмури та мовчазни збиралыся воны на бенкетъ; бильшисть булы вже не молоди, похилени и годамы и злыднямы, змарнили та блиди на выду; ухмилкы въ ихъ булы

---

[1]) См. Кіевск. Стар. № 6.

мляви и не гралы, а перебигалы по облычью, наче тинь видъ хмары по степу; порухы выбыти, потомлени, наче повсякчасна скрута высмоктала зъ цихъ людей и кривъ, и жвависть, а смородъ, що якъ гуща плававъ у майстерни, забывъ имъ и духъ, и головы. Похнюпывшысь, воны сидали коженъ самъ соби по куткахъ и звидты поглядалы зпидъ-лоба, чы скоро унесуть закуску. Та писля килькохъ чарокъ языкы видпустыло, почалася гутирка, пьяна, зъ выгукамы, голосы здіймалыся часомъ высоко, ажъ деренчалы, часомъ спускалыся не владъ нызько до шопотиння; балакалы у ризнацію: почнуть двое розмовляты, здается розбалакалыся; ось котрый несподивано кыда бесидныка, шука нічого, смыка ёго, видтяга видъ розмовы и начыпляется, чы то зъ прыемностямы та цилуванням, чы й задыра...

Чаплій, тежъ спьянилый, зробывсь говиркійшій; балакавъ, правда, урывчасто, зъ протягомъ, затыкуючысь, наче за кожнымъ словомъ виддыравъ языка у роти та выдавлювавъ думкы, и зъ властывою ёму дражлывистю.

— Ну такъ... Е ихъ велыкорозумныкивъ... е! Якъ-же-жъ... отъ хочъ-бы и нашъ господарь!—ткнувъ винъ пучкою на Сука. Пивъ дня у швальни не выжыло, туды-жъ пнется... велыкорозумне... На тимъ тыждни прыховавъ я зъ аршынчыкъ сукна—трапылося; несу... Якъ-же побачывъ оттой,—и Чаплій зновъ показавъ на Сука—якъ не прычепытся! Не гараздъ, каже, красты... Тьху зъ дурнои головы! дядыни пиды своій розскажы! не можно, матери ёго ковинька! А якъ ёго жытымешъ не кравшы?.. Имъ шкуру зъ насъ лупыты можно, а мы рукы позгортаемо... Хай луплять, такъ?

— Эге, эге!—не гараздъ дослухаючысь потакувавъ Чапліеви пьяненькій бесидникъ; але вразъ ёму щось заманулося: бадёрненько скочывъ и почавъ гукаты до Кибця зъ веселою нестямною ухмилкою.

— Прокопе! а Прокопе! и чого ты такый смутный? чого дмешся якъ сычъ та мовчышъ? бачъ, товарыство гуляе!.. не гараздъ, далеби не гараздъ...

Кибець справди сыдивъ похмурый, мовчавъ уперто, не пывъ, и думкы ёму булы десь далеко, тай знаты не весели думкы.

— Гуляе! якъ гуляе?—сердыто видгрызнувсь винъ.

— Добре гуляе... Ей-же Богу, добре! Чого треба? Люде добри, хата тепла... горилочка е, бачъ!—и пьяный высоко знявъ надъ головою пляшку. Ну бо Прокопе, друже! розворушыся, повеселищай!—тягся винъ цилуваты Кибця.

Той посунувся видъ ёго

— Выпый-бо чарочку!

— Кажу тоби, не хочу! пече вона мене, брыдко мени, гыдко, нудно!..

— Тю!.. слынявый!—образывшысь видвернувся видъ Кибця кравець.

— Що бо вы справди не пьете?—спытавъ Сукъ, що и самъ не пывъ и сыдивъ ни въ тихъ ни въ сихъ, але сылкуючысь буты прывитнымъ господаремъ, прымушувавъ себе усихъ частуваты.

Кибецъ швыдко повернувсь до ёго.

— А вы чого не пьете? чого вы нудытеся? Я пывъ горилку, я запытувався, та не глушыть вона тугы, ще гиршу здійма!.. Яки гулянкы лизтымуть у душу зъ такого жыття? Веселе воно, гарне? правда? ажъ себе шкода! Та що тамъ! Хай-бы вже и такъ, хочъ-бы-жъ надія, хочъ-бы-жъ просвитокъ бачыты... Та де-жъ тамъ! Брешуть и воны, що имъ весело... Ось воны, мовъ почумили, плещуть дурныци, одно до одного сикаются, заждить — ще бытымутся! Де хто и на вулыци заночуе блидый, укачаный, розкуёвдженный... Брыдко тай годи!

Хочъ Кибецъ и подобався Сукови, та все-жъ такы винъ николы не сподивався чуты такого видъ Кибця. Сукови и самому робылося легше середъ пьяного кола зъ людыною, що іи ображае те саме. Винъ цилкомъ прыхылывся до Кибця и поклавъ прохаты товарышивъ, щобъ прынялы Кибця до гурту, и почавъ заклыкувать ёго до себе, щобъ познакомыты зъ имы.

— Я розумію, Прокопе Ёсыповичу, якъ вамъ тяжко; чувъ, що вы шукалы соби порады, наукы, та не тамъ вы іи шукалы, шукайте ихъ мижъ щырымы, розумнымы людьмы, у щырій едности зъ имы. Людямъ тилькы и можно покладатыся на себе, на свои сылы, та на еднисть зъ такымы, якъ самъ... Отъ заходьте частише до мене, я познаемлю васъ зъ такымы.

— Хто-жъ се?—спытавъ зрушено Кибецъ, чуты було не зъ простои цикавости.

— Насампередъ Рахманный; це найкращый, найрозумнійшый мижъ имы; якъ бы вы зналы, що то за хороша людына!— зъ запаломъ почавъ розсказуваты Сукъ.

Колы Кибецъ почувъ про Рахманного, увесь захватъ ёго, уся цикависть наче угасла; першои хвыли винъ трохы не сказавъ Сукови, що ненавыдыть Рахманного, не хоче зъ имъ знатысь и не пиде до ёго. Непрыхильнисть до Рахманного заховалася въ Кибця ще зъ того часу, колы той, радячы помыряты ёго зъ Чапліемъ, напророкувавъ имъ знищення, и Кибцеви все здавалося, нибы Рахманный глузуе зъ ёго. Хочъ сёго и не було навсправжкы, такъ же згадка про ёго нагадувала Кибцеви, що

винъ самъ бильшъ за людей вынный въ своему бездоли, и прымушувала не жалиты, а вынуватыты себе, а жаль до себе бувъ для ёго велыкою потребою и чы не едыною втихою.

Про те Кибцеви було такъ важко самому, такъ треба було порады, такъ подобався ёму самъ Сукъ и ёго щырый голосъ, що Кибець перемигъ себе, не появывъ свого почуття, а згодомъ почавъ инколы навидуватыся до Сука.

Зразу винъ бачывся тилько зъ самымъ Сукомъ, иноди ще зъ однымъ, або двома якымысь майстрамы; зъ имъ розмовлялы, чыталы кныжкы, а черезъ кильки мисяцивъ запросылы и до громады та поклыкалы на збирку. Се було одніеи субботы у початку марця. Якъ и завше, щобъ не навысаты никому на очы, товарыство зибралося на самому краю миста до хаты одного зъ громадянъ, що за ёго дворыщемъ почыналыся вже лисы, яки прыступалы пидъ сами Дубни. Хатка була бидна и тисна, зъ однымъ виконцемъ; зибрани сидилы дуже тисно, и по лавахъ, и на лижку; двомъ чы трёмъ досталося навить стояты, тилько въ ряды-годы, та й то дуже не выгидно, прымощуючысь десь зъ краечку биля сыдячыхъ; одна невелыка гасочка скупо давала свитла, по хати стлалася сутинь, и тилькы невелычка мистына на столи зъ розкрытою на ій кныгою та нахылене надъ нею облыччя Рахманного булы яскряво осяяни, одрубно выризуючысь середъ сутини. Було душно и накурено; самоваръ, за-рады тисноты, стоявъ биля печи доли, а паляныця, накраяна здоровымы шматкамы, и килькы грудокъ сахаря лежалы у челюстяхъ; тамъ стоялы ще дви чы тры шклянкы, у яки на черзи наточувалы соби чаю чы той, чы иншый. Рахманный чытавъ у голосъ; иноди винъ спынявся, щобъ розсказаты щось на пояснення вычытаного, часомъ, але вже ридше, спынявъ чытання хтось зъ слухачивъ, колы не розумивъ, або не згожувався зъ тимъ, що чыталося; пры тому часомъ здіймалася спирка, змагалыся здебильшого завзято, зъ запаломъ... Кибець прыслухався уважно, навить часомъ намордщувавъ лоба, обмиркуючы почуте; ёго обхоплювала цикависть, пытання здіймалысь ти, що и ёго мордувалы, а хочъ нови, та такы, що прыходылы до того-жъ; чогось нялося виры, що тутъ ёму зъясують, и винъ дизнае про те, про вищо самому не сыла була дизнаты, щось велычнёго поважного всесвитнёго; люде здавалыся таки щыри, прыязни, воны, правда, спорылыся, лаялыся навить, та ци змагання не робылы тяжкого вражиння, не подибни булы до простои спиркы. Кибець николы такыхъ не бачывъ; змагалыся бо не за свою шкоду, не за свою корысть, а за те, що вважалы коженъ правдою; у очахъ у цихъ людей бачывъ винъ таке щыре сяйво, якого не прымичавъ ниде попереду, а мижъ имы, дарма на спирку, винъ бачывъ щыру

прыязнь: заразъ посварылыся, полаялыся—и вже помырылы, зновъ прыятели, зновъ весели и иноди регочутся... Все це захоплювало и прывертало Кибця, та винъ ще мовчавъ и не зважувався казаты, хочъ часомъ не все гараздъ розумивъ, а часомъ здавалося ёму, що и не такъ. Та колы почалы розиходытыся и Кибець, выйшовшы на двиръ, опынывсь самъ, тутъ на самоти середъ теплои сутини мисячнои мартивскои ночи, обхопылы ёго вразъ необмежени радощи велыкои виры и надіи, таки яскрави та дужи, якихъ не чувъ винъ давно, може зъ самыхъ дытячыхъ годъ, хиба ще якъ парубкуючы въ своею жинкою, тоди молодою, гарною дивчыною... Винъ почувавъ себе наче зпьянилый зъ тихъ радощивъ; ёму хотилося гукаты, повернутыся до цихъ людей, обниматы ихъ, дякуваты, и вразъ було такъ хороше, щось наче тыхо-тыхо колывалося на души, мовъ хвыля на ричци погожои дныны, ажъ робылося соромно, и любо було мовчаты, зъ замылуваннямъ прыслухаючысь до чаривнои мелодіи, що видбувалася на серцеви... Захвылеванный, Кибець часомъ, самъ того не помичаючы, йшовъ швыдко, швыдко, ничого не бачучы попередъ себе, часомъ зновъ спынявся и задумано мылуючысь вдывлявся у круговыдъ.

Було вже зверхъ пивночы, темне вже весняне небо уснувалы подекуды темни, подекуды срибни хмаркы, зъ-поза ихъ въ ряды-годы выглядавъ ясный мисяць; було вохко, тепло, иней рясно посивъ высоки дерева лису и велыкихъ левадъ, пидъ вагою ёго гилля позгыналося широкымы лукамы, хымерно вплитаючысь одна зъ одною. Били съ дымовымы одсвитамы, зъ яскрявымы иноди, блыщали пухки видъ инею дерева и ледве видризнялыся на тли билесоватои сутини мисячнои, але хмарнои ночи. Ввесь лисъ наче кублывся туманомъ, и тилькы маленьки кущи на узлисси маячилы выразнише, нагадуючы струнки постати чаривныць, прыбранныхъ у били сукни, що повыбигалы бавытыся зъ лису на просторе мисце. А лисъ стоявъ задуманный, здавалося повный якогось таемного тыхо рухаючого жыття; часомъ груби клапти инею зъ тыхымъ шелестомъ сыпалыся до-долу и зигнути луки гилокъ тремтилы, рухалыся, розгынаючысь зъ ледве чутнымъ бренькитомъ.

IX.

Не вдовзи, якось вранци, тилько посходылыся робитныкы до майстерни Тарноруцького, ускочывъ злыденно одягненый чоловикъ: на ёму булы вузьки обтрипани, димикитонови штаны та благенькый засмальцёваный пиджачокъ; зъ зашкарублыхъ узу-

тыхъ босоножъ, безъ онучъ, черевыкивъ стырчалы клапти соломы; голова зъ розкуёвдженнымъ волоссямъ гуляла безъ покрышки. Кумедна була та голова: якась угласта, квадратна, здорова, лобъ выдымався напередъ, зпидъ ёго блыщалы швыдки та блыскучи, якъ въ кота, очы; кырпатый нисъ вызыравъ зухвально, а шырокый ритъ завше крывывся лукавою ухмилкою. На дыво для такого голодранця, чоловикъ той бувъ скорише гладкый, нижъ худый, щокы въ ёго булы гладки, лысняви, выдъ запухлый, ногы наче выгнути, ходывъ винъ мовъ прысидаючы та крадучысь, та на дыво прутко, здебильшого позакладавшы рукы въ кышени, а ступавъ тыхо, мягко,—а не грюкне, а не шоборсне... Бувъ се видомый на уси Дубни Ивашко Лобурь, Ивашко Ракло, ще Ивашко Лавныкъ, але яка була справжня Иващына хвамылія, видомо було хиба панови справныкови, тай то лыбонь давно, бо заразъ и справныкъ не называвъ Ивашку инакше якъ на ци прызвыська.

Колы хочте, якъ бы Ивашко не бувъ щыро переконаный, що у раклывстви немае ничого ганебного, винъ мавъ-бы рацію гниватыся за таку необачнисть на дубенцивъ, бо справди не робывъ николы ни велыкого злочынсьтва, ниже велыкои крадижкы, и хиба колы не колы хыбывъ на самій дрибныци, а бувъ непохытно впевненый, що и найповажниши дубенськи крамари, мищане та панство хыблять, и не на дрибныцяхъ тилько. Винъ завиравъ, що на те мае и доказы. Може и такъ, бо справди знавъ багато такого, чого не знавъ нихто у Дубнахъ, тилько на ёго думку для цёго не потрибни булы и доказы, бо поважни Дубенци уси булы люде заможни, а въ Ивашка було пересвидчення, що не бувши злодіемъ нихто не забагатіе. Цю свою думку любывъ винъ высловляты и высловлявъ часто, тилько обережно и зъ розумомъ, дывлячысь по людяхъ, кому якъ, щобъ не посердылыся въ кинець: бидништымъ та простымъ прямо, у надіи якось то помыриты, заможнишымъ та панству—прыкладаючысь дурныкомъ, штукою, неначе жартуючы.

— Злодюго!—гука було на Ивашка на увесь базаръ дрибный крамаръ зъ яткы: це ты поцупывъ въ мене цыгаркы?! и таскае тебе тутъ на мою голову! Верны мени заразъ!

— Цытьте бо, заспокойтеся, Иване Ёсыповычу! Хиба-жъ я докорявъ вамъ злодіемъ, колы вы прыкащыкуючы вкралы въ хазяина цилу вашу ятку? Далеби вже день не курывъ, ажъ за душу тягне, спасыби вамъ.—Безъ сорома казка запалюючы при очахъ въ покрывдженного крадену цыгарку, такъ само въ голосъ, и байдуже-спокійно видказуе Ивашко тай подается дали.

Биля велыкои цегельнои крамныци винъ спыняется, позыркуючы, чы нема чимъ пиджывытыся.

— Геть! геть!—ще заздалегидь гука на ёго крамаръ, хочъ правду мовыты не на те щобъ прогнаты, а тилько за для порядку, бо бильшисть, крамаривъ такы люблять побалакаты зъ Ракломъ.

Тымъ часомъ корыстуючысь зъ того, що зъ имъ забалакано, Ракло уступается до крамныци, зтулывшы страшенно дурну, але и сьвятобожну, пыку.

— Та чы чуете, я-жъ зъ васъ багато не визьму!

— Хочъ не багато, та зъ якои речи?

— Далеби не позначытся, бо я и сотои частки не визьму того, що вы за часъ визьмете—завирявъ Ивашко.

— Я визьму такъ не дурно, мени дурно нихто не дасть,— ще мовъ грымаючы, видказуе крамаръ.

— Дадуть!

— Хто дадуть, чы не ты?

— Ни не я, а дурни!

— Яки?

— Ти, що въ васъ купують.

— Брешы та оглядайсь!—невпокоенно прыдывляется, чы нема кого зъ покупцивъ у крамныци, дуже тымъ потишенный крамаръ.—Яки воны дурни?!—

— Якъ-же не дурни, колы вы ихъ дурыте?—мовъ дывуючысь на крамаря, що винъ того не знае, видказуе Ивашко.

— А, ты поторочa!—прыдушуе осмихъ крамаръ.—Ты не знаешъ хиба? въ мене комерція на совисть!...

— Такъ, на совисть! та барыши-жъ берете!

— А то-жъ якъ?

— Ну, той дурыте, бо навищо-жъ платыты вамъ семыгрывеныка за те, що коштуе злота?

— Тю, дурню!

— Хай вже и дурень, а дайте злотого.

— Ще за вищо?

— Вамъ грихивъ подаруется,... ажъ на семыгрывеныка!...

— Чы-жъ въ мене грихивъ такъ багато?

— А багато... тилько розсказуваты николы, бо въ мене у жывоти пече проты чаркы.

— Не проты кіивъ?...

— Киивъ я не хочу, а чаркы давно кортыть... Годи-бо нисенитныцю варнякаты! давайте вже злотого!—выпростуючысь якъ москаль на муштри, простяга Ивашко долоню.

— На вже копийку.

— Копийкы я зъ васъ не визьму.

— Забагативъ тобъ-то?

— Не забагативъ, а не хочу вамъ сорому робыты.

— Якого?

— Казатымуть—вы скупи, а я-жъ страшенно хочу, щобъ такъ не казалы. Давайте вже!

Здебильшого крамари регочучысь такы давалы Ивашкови злота. Беры та знай мою добристь!

— Спасыби!—выбигаючы гукавъ Ракло.—А це на додачу, бо мало далы!—хапавъ винъ на дверяхъ ще яку дрибныцю зъ краму и зныкавъ.

— Ну и чортъ!—дуже потишенный кумедіею, здвыгне було крамаръ плечыма та и даруе Ивашци ёго злочынъ.

И дарма на таки вчынкы, Ивашку часто наймалы до крамныць за вартового на ничъ. И справди, уси стари дубенци хвалылыся, що за ёго нема кращого вартового.—Я маю совисть и николы не вкраду, що мени доручене, хочъ воно однаково усе крадене,—образлыво казавъ Ракло, колы хто зъ новыхъ у городи не хотивъ покладатыся на ёго сторожу.

Тилько-жъ хочъ се и була улюблена Ивашкою робота, бо справляючы сторожу, не мавъ вже потребы найма. кватыры, на вищо страхъ не любывъ пакуваты грошей, а про те николы не сторожувавъ винъ довго: одно—не любывъ закысаты ни на якій роботи, а друге—якъ робылося холоднише, було ёму те не зручно, бо хочъ мигъ ще доглядаты чужого добра, та вже ніякъ не здолавъ-бы не пропыты теплои одягы, хочъ-бы ёму іи и справлено. Черезъ те, якъ що въ-литку або рано въ-осени траплялыся холодни ночы, Ракло выпрохувавъ въ когось рогожку и, обгорнувшысь нею, поважно похожавъ мижъ крамныцямы, але на зиму завше наймався до лазни за лазныка, щобъ було де ночуваты, та тамъ и спавъ, вышукуючы теплишои мистыны, часомъ навить на полыци.

Була въ Ивашка и коханка; тилько видносыны зъ нею булы въ ёго зовсимъ не таки, якъ въ людей зъ коханкамы, а якись незвычайни, чудни. Була це одна зъ дубенськыхъ гулящыхъ дивчатъ, хочъ доси ще огрядна та здорова, але значно вже змарнила зъ того часу, колы передъ трёма рокамы почала гуляты, та пишла у повіи. Звалы и зналы іи уси у Дубняхъ

просто Марыною безъ жадного прызвыща. Чого-жъ зъ нею таке сталося? Не можно сказаты, щобъ въ неи не було тоди инчого порятунку. Справди, якъ часто бува, іи звивъ тоди одынъ парубокъ, обицяючы узяты, а потимъ видкынувся, але такожъ, якъ бува зъ багатьма, ій ще можно було впорядыты якось свое жыття и не спускаючысь на гультяйство; але вона сама не вбачала у ёму ничого особысто ни непрыемного, ни негарного, а навить виддалася ёму зъ запаломъ; прынаймни и немолодыхъ вже товарышокъ своихъ, що зазналы на вику всячыны, дывувала якоюсь надмирною зухвалистю та захопленнямъ у роспусти. Вона у голосъ зачыпала усихъ и скрызь, прылюдно выстроювала соромицьки штукы, выгукувала найбезсоромнипш слова, зъ коханцямы згожувалася на усе, и то не зъ самого обурення и не тилько на посмихъ громади, що безъ жалю выкынула іи зъ-помижъ себе на смитныкъ, а такы въ значній мири залюбкы, задовольняючы тымъ свій необмеженно палкый темпераментъ. И до речи, якъ що по правди, не черезъ що, якъ черезъ се, вона мала надзвычайный поспихъ середъ тыхъ самыхъ чоловикивъ та хлопцивъ, яки гудылы та одверталыся видъ неи за те на людякъ.

Зъ Ивашкомъ воны зійшлыся блызько двохъ рокивъ. Якось Ракло загулявъ та вже пьяный зайшовъ до Марыны. Винъ тоди саме розжывся на грошы и, хочъ кружлявъ цилисенькый день, а въ ёго лышылыся ще порядни, якъ на ёго, кошты—десять карбованцивъ. За ту ничъ воны вдвохъ прогайнувалы усе до копійкы, и Ракло, хочъ и пьяный, закохавъ Марыну у себе.

Зъ того часу вона почула, наче ій щось пороблено. Вона змагалася, напружувала усю свою волю, та не здолала вызволытыся зъ того кохання. Ракло одно стоявъ ій передъ очыма, гультяйске жыття ій спротывылося; вона надъ сылу прыдушувала огыдлывисть, колы до неи прыходылы іи стари коханци; щось порывало іи тилькы до самого Ивашка. Вона волила-бъ належаты тилько ёму, але и сама не здолала обняты розумомъ свого почуття, не годылася зъ имъ, сердылась на свою прыстрасть та намагалася іи выкоренyты. „Буде зъ мене того кохання! не хочу я ёго! буде зъ мене, що разъ вже трохы не зависылась“—казала вона соби у страшній роспуци, обурена,—та дарма. Вытрымавшы на протязи мисяця цю боротьбу зъ собою, безсылу вже зъ початку, а безнадійну въ кинци, вона нарешти зкорылася, и тоди едыною іи мріею зробылося видкынутыся розпусту, зробытыся Иващыною жинкою и любо та мыло жыты зъ нымъ, якъ люде, схотилося маты дитей, заманулося надто родынного жыття звычайнои людыны... Та колы Марына выразно уявыла соби свои бажання, іи обгорнувъ шалёный гнытючый лякъ, що ажъ давывъ мозокъ. Справди, воны булы для неи велыкымъ

лыхомъ; вона не насмилювалася появыты ихъ своему коханцеви, не зважувалася навертаты ёго на нове життя. Не гараздъ розуміючы, вона вгадувала, що таке жыття не на Ивашку и винъ на ёго не прыстане. Справди, колы не втерпила и зъ болючымъ знесыллямъ, середъ палкыхъ обіймивъ и найгарячишого захвату вылюбощивъ, зважылася тыхенько, затыкуюсысь видъ боясти, выcловыты Раклови свои думкы, на ёго наче хто холодною водою лынувъ,—винъ ажъ одсахнувся.—

— Ну, се дурныци!—обизвався винъ насмишкувато вже перегодомъ трохы. И дарма Марына прыпадала, дарма благала, бидкалася на свое жыття, ревно плакала—Ракло тилько прыдывлявся ій неймовирно.

— Чуешъ!—мовывъ винъ на-решти:—якъ-бы видъ другои почувъ я таке, я-бъ не патякавъ багато, тилько-бъ вона мене и бачыла, бо насамперед я-бъ не поннявъ ій и виры, а вважавъ-бы се за звычайни жиноцьки заходы заманыты соби когось въ крепакы... Але ты здаешся мени трохы порядношою, не такою до сёго ласою, якъ взагали жиноцтво, та ты мени такы и люба, — черезъ те не хочу посварытыся раптомъ, але якъ обрыдатымешъ мени зъ цимъ, я такы пиду; жывъ безъ тебе, той жытыму.—Злякана Марына замовкла та хлыпала нышкомъ; видъ того плачу вона вся трипотила; плечы нервово типалыся; почуття незмирного лыха та тяжкои зневагы шарпалы іи, але виддаты зневагою за зневагу, видкынутыся Ивашка вона не почувалася у сыли. Тымъ часомъ Раклови зробылося жаль Марыны: винъ наблызывсь та прыгорнувъ іи.

— Чуешъ, не ображайся! Це не образа тоби и не зневага. Я видказавъ-бы такъ само кожній, ще инчимъ и гострише. Просто я вважаю женіття никчемною людською выгадкою, здатною тилько на те, щобъ видбыраты и въ жинкы и въ чоловика волю, а я волю кохаю надъ усе... Думавъ, що и ты такъ, але въ тебе жиноцтво такы переважыло. Женіття намъ ни до чого. Ёго выгадалы ти, въ кого багацько добра, и воны трусятся надъ имъ та, боячысь виддаты ёго не своимъ дитямъ, ради завьязаты свитъ своій пари. Теперъ ни я въ тебе, ни ты въ мене не пытаемо, чы жыремо мы ще зъ кымъ. Невже-жъ ты хотила-бъ, щобъ мы, побравшыся, вже за-рады людського пересуду, не давалы одно одному дыхаты ревнуючы.

— Та мени-жъ того не треба!—докорыла Марына.

— Покы не треба, той не жывы ни зъ кымъ; а хиба ты знаешъ, що буде дали... Тай якый зъ мене бувъ-бы чоловикъ! невдовзи ты-бъ зненавыдила мене сама. Невже ты думаешъ, я можу, такъ якъ инчи, усе жыття свое покласты на те, щобъ панькатыся биля жинкы и дитокъ та постачаты имъ усячыну? Я охоче виддамъ тоби що хвыли все, що маю, пошма-

тую для тебе свое тило, бажавъ-бы, щобъ и ты такъ для мене, але що-дня, що-годыны тилько и думаты, що про жинку та дити,—мылуй мене Боже видъ сего! мене душыть жахъ видъ такои думкы... Годи тоби! не жывы дурныцею, не вчысь въ людей жыты по ихнёму; намъ зъ тобою въ ихъ ничому вчытыся, намъ бувае колы тяжко, а колы и весело, а жыты по-людськы—то сама тилько нудота.

На се Марына не видповила вже ничого, а звелила Иващци прынесты горилкы и тіи ночы пыла страшенно, хочъ, здается, пьяна не була. И вписля вона не нагадувала ёму вже про свое бажання, хочъ ще довго чула у грудяхъ тяжкый биль, наче хто загнавъ ій шпынъ у серце. Зъ рикъ, покы той биль помалу не утышывся, вона гуляла скажено, жахаючы людей своимъ роспустомъ, поневиряючысь та глузуючы зъ своихъ коханцивъ, що саме теперъ сыла ихъ лыпла до неи, и тилько самого Ивашку кохала такъ само, якъ и попереду, кохала до забуття, догождала та корылася на усю ёго волю и часомъ, колы ёму хотилося гуляты та не було за вищо, винъ казавъ ій, скилькы ёму треба, и вона радо виддавала ёму все, що мала... Потроху ій почало навить здаватыся, що такъ и треба, що инакше, якъ зробывъ Ивашко, и не можно було зробыты, а мріи про жениття, про родыну вже здавалыся ій чудныны. За те и Ивашко жаливъ та якъ звиръ оборонявъ іи видъ усякои напасти, наругы чы глуму и не шкодивъ для неи ничого, колы що мавъ,—а колы застававъ въ неи инчыхъ коханцивъ, спокійно дожыдавсь, покы вона лышытся сама, и николы не пытавъ іи, хто въ неи бувъ.

Оцёго-то Ракла, колы винъ заскочывъ до швальни Тарноруцького, уси пидмайстры прывиталы дуже радисно, хочъ и боялыся, щобъ не дизнавъ хозяинъ, бо винъ боронывъ пускаты у майстерню стороннихъ, а за Ракла гнивався-бъ надто.

— Чы вы чулы, панове?—ще зъ порогу оповистывъ Ивашко,—якои халазіи доскочывъ панъ-отець-благочынный.

— Безъ Грыця вода не святытся! Ты вже и за благочынного довидався, жартуючы обизвався де-хто.—Ну, кажы!

— Та якъ-же не довидатыся? Далеби, базаромъ иду, гомонять, ажъ базаръ гуде; не можно було не прыслухатысь.

— А ты то впередъ и не знавъ.

— Ну... може и знавъ... Такъ оце вамъ, слухайте...

Хто и зна, що казавъ-бы Ракло, якъ-бы вразъ не почулося, якъ хтось зъ горы швыдко збига до майстерни. Уси пизналы ходу Тарноруцького, и пруткый Ивашко, хочъ, представляючы штукы, и затасувавсь бувъ у саму гущу робитныкивъ, ще и сыдивъ у додачу,—схопывся, выпрыснувъ хутко зъ гурту тай подавсь зъ хаты.

Ледве винъ втикъ, дверы розчынылыся и на ихъ зъявывся Тарноруцькый, знаты чогось дуже роздратованый и сердытый. Ёму тій ночы трапылася велыка непрыемнисть.

X.

Намагаючысь багатиты, Тарноруцькый не належавъ до скаредивъ, що кохаются у грошахъ для самыхъ грошей: воны люби булы ёму, якъ спосибъ до багатого жыття и шляхъ до повагы. Розжывшысь, винъ вважавъ, що вже мае на неи право, и заходывся потроху задовольняты свои прымхы: одягався хороше, хочъ часомъ зъ гвалтовною хвертыковатистю, зкуповувавъ мебли, щобъ чепурыты свою оселю, заведено не разъ-у-разъ доладу, бо у вытальни ёго на стильци биля дзеркала можно було побачыты струса зъ ножамы до фруктивъ натомисць хвоста, а стилецъ зъ якоюсь-то квиткою на ёму бувъ щильно прытуленный у розвылкахъ казеткы такъ, що на неи не можно було и систы... Але найулюбленійшою мріею Тарноруцького було зробытыся членомъ дубенського клубу. Винъ тишывся думкою, що пиде туды, прывитается зъ клубянамы якъ ридня, гратыме зъ имы у карты... На ёго щастя громады украинськыхъ повитовыхъ городивъ не дуже прыдывляются до того, зъ якого стану ти люде, що хочуть уступыть до клубу, хочъ не черезъ те, що мають на се правдывый поглядъ, а черезъ те, що не мають ніякыхъ поглядивъ и бильше пеклуются, щобъ черезъ малу численнисть членивъ не розбылася партія у гвынтъ, та щобъ удержування клуба ставало кожному дешевше. Воны вымагають тильво, щобъ людына мала культурный выглядъ, хочъ не велыкои треба и культурности, щобъ подобатысь повитовымъ клубянамъ. Тарноруцькому, правда, якъ жыдови, було трохы важче досягты ціеи непевнои чести, але, запобигшы ласкы де-якыхъ поважнишыхъ членивъ, винъ вже зъ тыждень що-дня писля скинчення роботы утишався ходячы до клубу.—Тамъ, тяжко напружуючы свій розумъ, спостережнисть и спрытнисть, сылкувавсь винъ появыты себе дотепнымъ у звычаяхъ та поводженню. Це була тяжка и не звыкла робота мозкови: мусывъ винъ переслижуваты коженъ свій крокъ, обмирковуваты кожде слово, вываражаты пыльно, якъ-бы зчынывъ у видповидному выпадку якый справжній джентельменъ; та за те якъ-же любо було Тарноруцькому мылуватыся на себе, колы часомъ здавалося ёму, що сказавъ чы зробывъ щось зовсимъ по культурному. Була це утиха велыка! Ти щыри заходы Тарноруцького малы поспихъ: поводження ёго подобалося клубянамъ, и колы надходывъ винъ здоровкатыся до стильцивъ, биля якыхъ бавылыся картамы, ти, що гралы, виталы

ёго прывитно, навить де-хто здіймалыся на-зустричъ, найбильше ти, хто выгрававъ и черезъ те почувався весело, а гладкый дубенськый нотаръ, що не кохався у картахъ, а пыльнувавъ бильше бухвету, та, якъ велыкый до горилкы мытець, мусивъ часто поновляты соби кумпанію, не разъ заклыкавъ вже Якова Грыгоровыча: „выхылыты по одній". И Тарноруцькый, хочъ не вжывавъ горилкы, зъ охотою частувавсь для обачносты, та ще, мовъ зъ задоволення, и пучкамы клацне, якъ, бачывъ, робылы те инчы пры такій нагоди.

Усе велося гараздъ вже цилый тыждень, але вчора выбухла для ёго велыка непрыемнисть.

Мешкавъ у Дубнахъ старый, значно выслуженный генералъ у видставци, Петро Петровычъ Зарижный. Бувъ се сывый, худый и невелычкый на зристъ крекитень зъ напрученнымы вгору куцымы вусамы, зъ невпокоеннымы та лыхымы очыцямы, що часто спынялыся на комусь, наче хотилы того проглынуты; ходывъ винъ завше у мундыри, завше зпырався на палычку и часто ростыравъ соби ногу, що вразъ почынала чогось сипатысь. Бувъ винъ особа значна и не на Дубни, дуже заможный, велыко-выслуженный, мавъ родычивъ та прыятеливъ и заразъ на высокыхъ посадахъ у Петербурзи, и зъ усихъ тыхъ оказій видповидну пыху, а хочъ черезъ страшенну нудьгу и бракъ якогобудь дила и мусивъ ходыты до клубу, та не мигъ вважаты дубенське товарыство соби ривнею, и цилый выдъ ёго, бундючный та пышный, що хвыли нагадувавъ усимъ про ёго особысту почеснисть та про те, яку робыть винъ ласку своею кумпаніею. Пыха не давала ёму спокію, и винъ ажъ пидъ нисъ наче тыкавъ усимъ свою честь. Це позначалося и у гордовытій постави, и у гордовытій, а часомъ и зневажлывій розмови, и у сердытому видблыску очей та ухмильци. Якъ на правду, набрыдъ винъ усимъ до знемогы, и дубенци завше почувалысь вильнише и радилы, колы Зарижный чогось не прыбуде до клуба; але такъ бракувало имъ самоповагы, такъ завыклы воны уси поважаты, пидлещуватыся та ставаты у прыгоди значнымъ та дужымъ, не вважаючы навить, чы буде имъ зъ того корысть, чы ни, що Зарижный ни разу не диставъ належнои одсичи, а верховодывъ у клуби, наче у забранному краю.

Тарноруцького обрано за члена до клуба тоди, колы Зарижный слабувавъ и не бувъ на збирци. Це зроблено було навмысне, бо прыхыльныкы Янкеля Гершковыча гараздъ зналы, що генералъ ни за-вищо не погодывся-бъ на те обрання, а про те сподивалыся, що згодомъ винъ звыкне до Тарноруцького, и нихто не покладавъ соби у голову, яка зъ того зчынытся буча.

Петро Петровычъ вже зо два тыжня слабувавъ на жывитъ и голову и не выходывъ зъ господы; уси служкы ёго попидбывалыся, бигаючы навспынячкы и вволяючы усяки ёго вытребенькы, та никто не мигъ догодыты—и Петро Петровычъ одно лаявся, грымавъ, та розлютовувавсь дали дужче; але колы дизнавъ про обрання Тарноруцького, розсердывся такъ, що ажъ маче выдужавъ... Така ричъ вымагала ёго прысутности. Заріжный знавъ, хто то е Тарноруцькый, бо хочъ не справлявъ въ ёго ничого, та часомъ дававъ ёму щось полагодыты и не мигъ зтерпиты изъ собою у кумпаніи кравця та ще и жыда... Вдодачу до цёго не спыталыся цёго дозволу... Винъ звеливъ запрягаты кони и поїихавъ до клубу.

Прыбувъ винъ туды досыть пизно; бильшисть членивъ вже сыдилы за картамы, вже и Янкель Гершковычъ бувъ у клуби, хочъ ще и не гравъ, а сыдивъ зъ боку одного стильця, прыдывляючысь, якъ тамъ грають.

Винъ бувъ у доброму настріи, часомъ роблячы якись важлыви увагы що до гры. Ажъ ось шыроко, зъ видповиднымъ поважности идучои людыны поспихомъ, лакей видчынывъ обыдва одвирка, и до залы, зпыраючысь на цыпокъ, уступывся Заріжный. Сердытымы мышачымы очыма глянувъ винъ по зали и дуже голосно кахыкнувъ. Не знаю, чы мавъ винъ на думци звернуты цимъ на себе увагу, бо увагы-жъ и такъ не бракувало. Уси вразъ позхоплювалыся, и ти, хто вважавъ себе блыжчымъ до нёго, хапалыся прывитатыся назустричъ, инчи, а мижъ нымы и Тарноруцькый, не знаючы, чы на те мають право, вклонялыся здалеку. Але потроху вже все вгамовалося, и знову посидалы до картъ.

Зъ пидкресленымъ выразомъ незадоволення чы обрыдлывости Заріжный перейшовъ килько разивъ взадъ и впередъ залою.

Почувавъ винъ себе якось чудно, бо дарма що йихавъ до клубу зъ певнымъ замиромъ, але не знавъ ще що зробыть. Завдання було не зъ звычайныхъ—насварытыся на циле зибрання, и Заріжный, на дывовыжу соби, почувавъ якусь незвыклу несмилывисть... Такъ же не можно було цёго появыты, але не можно исковырытысь, чы и занехаяты справу... Цыпокъ ёго де дали нервованише и сердытише гримко та часто стукотивъ по доливци, и нарешти генералъ спынывсь середъ хаты, наче шукаючы когось очыма, чы збыраючысь грыматы...

Незадоволення такъ значнои людыны видчувалося усима прыкро; уси почувалыся якъ передъ тучею, а черговый старшына мусивъ запобигаты, щобъ заспокоиты...

— Ваше Превосходытельство безъ партіи? невже нема зъ кымъ? то не може буты... я заразъ, тужъ хвылю...—заклопотавсь винъ.

— Маю надію, тай зновъ сподиваюся, що не посадыте мене зъ тымъ ото жыдомъ кравцемъ!—а ни крыхты не зтрымуючысь, а въ голосъ, на цилу залу и часто тыкаючы пучкою на Янкеля Гершковыча, сердыто завважывъ Зарижный.—Не знаю вже якъ и ходыты до вашого клубу? Вы незабаромъ и мого лакея заклычете на члены!..

Почувшы це, Тарноруцькый першу хвылю мовъ прыкыпивъ; винъ чувъ тяжку образу, та ще дужче вражала ёго думка, що ось зганьбовано ёго на людяхъ, знищено усю ту повагу, яку зъ такою пыльнистю, часомъ хытрощамы та штукамы доставалося ёму здобуваты; винъ чувъ, хочъ не бачывъ, якъ видусиль насмишкувато поглядають на ёго зъ-по за картъ, и почувавъ себе такъ, наче земля розсовуется ёму зъ-пидъ нигъ. Вразъ винъ спалахнувъ, якусь хвылю ёго порывало вылаятыся, даты одсичъ, та губы тремтилы, языкъ не слухався, не було сылы опертыся Зарижному: ганебный острахъ такы переважавъ у Тарноруцькому почуття правдывого гниву... Не гараздъ розуміючы, що робыть, винъ порвався зъ миста и зчулывшысь подавсь зъ клуба.

Трохы не цилу ничъ Тарноруцькый не спавъ: зрушени почуття и думкы зрыналы, зчеплювалыся, перемишувалыся безъ ладу; выморювалы ёго до найбильшои втомы та спаты не давалы...

Винъ ривночасно и лютовавъ заклятовано, и тремтивъ видъ ганебного знищення; ци таки рижни почуття якось дывовыжно едналыся у ёму, та надъ усимъ панувала боляча думка—жаль на те, що пошкоджено ёму шанолюбни заходы... Але ни у ёго, ни у жинкы ёго, що тежъ нышкомъ потырювала Зарижного „проклятымъ гоимомъ“ и щыро зычыла ёму „здохнуты“, ни на хвылю не зњявся правдывый гнивъ на зневагу людскои гидности, не впало и на думку смило обстоюваты и іи и свою честь; ихъ знищувала звычка корытыся передъ Зарижнымъ и боязнь ёго сылы.

Вже передъ свитомъ ледве прыспався Тарноруцькый, та не надовго, и прокынувся, тяжко замореный та сердытый; усе здавалося ёму не до ладу, а якъ на те Зарижный, чы справди ёму знадобылося, чы заманулося ще поковерзуваты, заславъ до Тарноруцького лакея зъ заказомъ полагодыты шынелю.

— Глядить, щобъ до вечора була справна! ёго превосходытельство небезпремиинно звелилы,—наказувавъ лакей, очевыдячкы

певный, що не може буты пытання, чы схоче Тарноруцькый догождаты Марижному.

Позеленивъ Тарноруцькый; вхопыло ёго за серце начеркаты и лакееви, и превосходытельствови и видмовытыся робыты, та не зважывсь, а тилькы пишовъ винъ по-за спынамы робитныкивъ зазыраты на роботу, а ти чують, що роздратований, знышклы, прычаялыся, здается не дыхнулы-бъ, абы мынувъ, не прысикався.

Тыша стояла у хати, а-ни-телень.

Помынувъ такъ Тарноруцькый вже килькохъ робитныкивъ, суне тыхо, мовъ що-кроку зупыняется, мовъ щось ёго назадъ тягне, а зморшкы, крути та глыбоки, на ливій щоци та на лобови впоперекъ якъ сталы, такъ и засохлы, не розсунутся. Ажъ ось спынывся винъ биля Кибця. Кибець ще глыбше уткнувсь въ свое шытво и очей не зведе, тилькы дыхае важко: серце чы що було ёму порушене, то якъ турбуется, ніякъ було не одсапнется.

Здавалося, Тарноруцькый вже дали пиде, и ногою човгнувъ, та спынывся зновъ, протяга руку за Кибцевымъ шытвомъ тай тягне мовчкы до себе.

— А Кибець, зъ переляку чы що, не вгада, чого треба, не пускае. Ще разъ потягъ Тарноруцькый, тилько зморшкы ще дужче напружылыся, та якъ гуконе:—Давай, лобуре, колы я беру!—та якъ рване роботу; пидсунувъ абы тилькы до очей, та не роздывляючысь якъ шарпане іи туды-сюды:

— Що се за робота? Яка це стежка? Якый чортъ такъ шые?!

Кибець тымъ часомъ схопывсь, обернувсь до хазяина и злякався, тремтыть: и злисть за серце бере, и досада, и брыдко; тилькы збиравсь щось сказаты, выправытысь, а Тарноруцькый якъ кыне ёму шытвомъ просто у вичи:

— За що я, такый-сякый, тоби грошы платю? на чорта мени таки чорты, якъ ты?!

— Ажъ млосно зробылося Кибцеви, у голови думкы начеспыралыся та борюкаются; и образа порыва, и острахъ, щобъ не прогналы, прыдушуе; стоить, ничого не вымовыть.

Уси дывылыся на цихъ двохъ; нихто не бачывъ, що робытся зъ Сукомъ, а той якъ выпростается, билый, трохы щелепы стыснулыся и повыдымалыся, такъ дзвинко, зъ протягомъ каже:—Эй, хазяине! геть зъ рукамы!..

Тутъ вже и Кибець почувъ, мовъ ёму натхнуто завзяття; очы заблыщалы, нахылывсь напередъ, ажъ мовъ наступае на Тарноруцького.

А той зъ несподиванкы не вгада, у якый бикъ и глянуты, крутнувъ головою сюды-туды, глянувъ на Сука, вразъ якъ не злякается.

— А ты що таке? тоби яке дило?—спытавъ ще дрибно, затыкуючысь, тай опынывся прожогомъ на схидцяхъ до своихъ покоивъ и вже звидтиль заверещавъ:—А йдить къ бису обыдва видъ мене! щобъ духу вашого тутъ не було, и ты, и ты!

Тыхо зробылося у швальни, нихто не здійме голосу, уси якъ сыдилы, попрыкыпалы, позчулювалыся. Кибець зновъ злякався—згадавъ про жинку, про диты; и що зъ имы буде, занепавъ духомъ та почынавъ каятыся...

— Ну-жъ, ходимо!—бадёро обизвався до ёго Сукъ. Не бійсь, не пропащи!—И винъ повивъ збентеженого Кибця зъ хаты.

— Не журысь, казавъ Сукъ, вже на самоти на двори. Ходимо до нашыхъ, щось гуртомъ выгадаемо.

Справди, въ громади було трохы гуртовыхъ грошей. Товарыши скынулыся ще и выжычылы ихъ Сукови та Кибцеви, щобъ воны почалы кравцюваты видъ себе, заведено, не панськy одягу, бо иты на перебій Тарноруцькому годи було и думаты, а просту одягу для бидныхъ людей. Вдодачу ще, кому було треба, загадалы имъ для початку шыты на себе. Зъ ціеи праци не можна було сподиватыся великыхъ заробиткивъ та можлыво було жыты та щей незалежнымы, вильнымы людьмы.

Це зновъ доля осмихнулася Кибцеви: стало ёму вильнише, спокійнише, винъ потроху заспокоювався и вже такъ покохавъ свою громаду, якъ ридного батька; зъ запаломъ ходывъ винъ на кожну збирку, по недиляхъ чытавъ кныжкы, яки ёму радылы, ёго запыты почалы розвыднюватыся, надія та радисть жыття виджываты; винъ ажъ подобрійшавъ...

XI.

Та не довго велося Кибцеви такъ добре. Надъ Дубнамы навысала хмара. Мижъ мищанамы та робитныкамы пишлы чуткы, нибы по инчыхъ городахъ, караючы за крывду людямъ, бьють жыдивъ. Чуткы си знаджувалы та запалювалы дубенську сирому; мижъ нею почынавсь якыйсь рухъ; мало знаеми, стриваючысь, закыдалы на здогадъ одно одному, бильше знаеми мирковалы та розмовлялы про се потай, пидбурюючы тымъ одно одного. Громадка Рахманного, до которого часу держалася ще осторонь. Винъ стримувавъ ще та видраджувавъ товарыство видъ помсты та бійкы, хочъ вже помичалося, що де-хто зъ ихъ, не можучы

зъ имъ змагатыся, серцемъ хылытся не до ёго порады, а до шелесту. Рахманный це номичавъ и ще бильше намагався довесты свое; винъ доводывъ, що шелестомъ соби не порадять, не збудутся лыха, ще и зазнають тяжкои кары. Се-бъ ничого, якъ-бы було за що терпиты, колы-бъ справди здобуты соби права та полегкисть, а на свити наставъ мыръ та правда... Такъ-же доброго ладу не можна зробыты у одному маленькому мисти, покы навколо зостается усе по старому: свитъ стоить у звязку... Тай для сёго насамперёдъ треба, щобъ робитныкы и сами булы розвійнишы, та совистнишы... Те лыхо, на яке бидкаемось, не въ насъ самихъ, воно е всесвитне и по инчыхъ краяхъ почалось ще ранище, то и треба вчытыся, якъ одстоюють себе бидни люде тамъ, що та якъ здобувають, чого вымагають заразъ, на вищю сподиваются на дали. А зняты шелестъ у самыхъ Дубнахъ, зруйноваты килькохъ жыдивъ и за те стерпиты військову поталу—це було-бъ тилькы тишыты свою роздратованнисть та помсту. Бачучы, що товарыство хытается, Рахманный щозбиркы здіймавъ се пытання, прыносывъ та чытавъ кныжкы про робитный рухъ у Европи.

— Одніеи субботы, колы чыталы якусь зъ тыхъ кныжокъ и розмова знову зійшла на жыдивъ, щось зненацька заторохтило у шыбку; усн захваталыся, знепокоилыся. Бильшисть зблидла, хтось кынувсь гасыты лямпу, та Рахманный не попустывъ сёго, виддавъ свитло тому, хто йшовъ видчыняты двери.

Але непокоитыся не було чого: за дверыма стоявъ Ивашко.

— Що, поляканыся?—спытавъ винъ, заходячы у хату. Думаете, сховалыся! за васъ и не знають?.. Та заспокойтеся! Кому не треба, ще не довидалыся, а я и давно знаю, та видъ мене й ховатысь дарма.. Знаю та мовчу, що мени цотимъ: чы чытаете—той чытайте, чы збираетесь—той збирайтесь, тилько часъ-бы теперъ ци дурныци покынуты...

Громадяне мовчалы, ще не заспокоилыся, тай Ракло бувъ якыйсь дывный, не такый якъ завше, не вкыдався у штукы, не строивъ дурныка... Щось суворе, поважне чулося ёму у голоси, вбачалося у порухахъ и на выду.

— Ото и я,—проводывъ винъ дали,—покы не було путнишого дила, штукы строивъ, та николы заразъ,—треба до дила братыся! Эй тай добряча робота е, весела! Чулы, хлопци, скрызь жыдивъ бьють? тай въ насъ вже налагодылыся. Ну-мъ заразъ жыдивськи збуйвыки повытрушуемо!

— На вищо се? — гостро спытавъ Рахманный, выступаючы впередъ.

Винъ и Ракло стоялы одынъ проты одного биля столу середъ товарыства, що стовпылося довкола.

— Якъ на вищо?—глузлыво и соби спытавъ Ракло.—Казавъ я—нема дила зъ вашого чытання... не дочыталыся хиба? повылазыло вамъ, скилькы въ насъ жыды крови пьють!

— А чого вы тимъ добудете? яка буде зъ того корысть?

— Що мени до корысти! Помщуся, серце зжену, дамся у памкы проклятымъ, щобъ не коверзувалы! Тай корысть буде: полякаются, боятымутся,—розпалывся Ивашко.

Рахманный чувъ, що се хвыля ришуча, що заразъ мусыть вырипштыся, кого послухають громадяне—чы ёго, чы Ивашку та своихъ прыстрастивъ. Рахманный добре знавъ, яки сыльни у цихъ людей ти прыстрасти, наслидокъ накыпилыхъ за довги рокы образы и ненавысти, якъ обрыдло имъ несты на своихъ плечахъ суспильный рядъ, достаючы сами крывды и зневагы... Перебигшы очыма по прыятеляхъ, винъ бачывъ выразно по поблидлыхъ та напруженыхъ облыччяхъ, по загорилыхъ очахъ, якъ тучею здіймаются въ ихъ ти прыстрасти. Вира Рахманного у свій вплывъ на цихъ людей, у ихъ сылы подужаты себе, похытнулася, и голосъ ёго ледве чутно затремтивъ. Прыкро зробылося ёму; жаль и ихъ, бо зазнають багато лыха.

— Не кажить абы-чого!—обизвався винъ тыхо, и пидъ вагою зневирья у словахъ ёго чулося тилькы переконання, та не було сылы, що захоплюе та прымушуе людей слухатыся. На вищо вы прызводыте людей?! Знаю и я, яка на свити неправда, не байдужый и я до неи, самъ змагаюся и усимъ кажу, що треба зъ нею змагатыся, такъ на те, щобъ неправды поменчало, щобъ людямъ зробылося краще... а чы можете вы сподиватыся добра зъ вашыхъ заходивъ?...

— Атъ! заспивавъ соловьячымы спивамы!—роздратовано зареготався Ракло. Бачъ, очы заплющывъ, мылуючысь на свои брехенькы! Не слухайте ёго, братця! Не давайтесь дурыты!

— Хай це и нескоро, такъ певно-жъ!—розсердывся и Рахманный.

— Годи тоби, чулы!—грюкнувъ що-сылы кулакомъ по столу Ивашко. Нихто-бъ не пизнавъ ёго, очы ёму горилы, ажъ пеклы, ввесь винъ напружывся, мовъ ажъ повыщавъ, выдъ зблидъ и потоншавъ, зробывся похмурый, страшный.

— Годи тоби! Слухайте, братця! кого скрывдылы, пустылы у старци, видибралы долю, кому знивечылы жыття прокляти жыдюкы—гайда за мною! Погуляемо, виддячымо пакостнымъ, натишымося, дывлячысь, якъ будуть плакаты, трусытыся, пейсыкы рватымуть!...

Запальный выгукъ Иващынъ, ёго пекельна завзятисть обхоплювала слухачивъ; воны и не счулыся, якъ прыхылялыся до ёго, якъ зъ хымерного Ракла стававъ винъ имъ за прывидцю. Въ кожного зъ ихъ зрынала десь зъ глыбыни пекуча лютисть, въ Кибця—на Тарноруцького, въ другыхъ—на инчыхъ нападстныкивъ, а вразъ вже и на усихъ жыдивъ.

Бильшисть почала збиратыся за Ракломъ; знявсь гоминъ, стукотня, коженъ шукавъ свою свытку, шапку; хтось почавъ докоряты Рахманному.

— Стривайте-бо!—знервовано скрыкнувъ той, тяжко зхвылеваный.—Колы вы вже такъ намоглысь, скажить хочъ, чимъ вамъ жыды такъ особлыво зпротывылысь? чы то едыни ваши напастныкы?...

Та Ивашко не давъ ёму доказаты.

— Поснидаемо жыдамы!—промовывъ винъ и зареготався.

— А певечеряете?—докирлыво спытавъ Рахманный.

— Такою велыковченою таранею, такымы панськымы та жыдивськымы попыхачамы, якъ ты!—выгукнувъ заклятовано на видповидь Ивашко.

— Якъ ты смієшь!—Тяжка образа чулася у голоси Рахманного.

— А на що-жъ ты людей морочышъ? на що манышъ тымъ, що николы не буде? Годи хлопци! хто не хоче зъ имъ слыныты, ходимо!—И Ракло пишовъ зъ хаты; подалась за имъ и значна бильшисть товарышивъ Рахманного, лышылыся тилькы Сукъ та ще двое-трое.

Пишовъ и Кибець, та за дверыма ёго вхопыло за серце и чогось зробылося така шкода Рахманного: винъ такый, сердега, збентеженый и всежъ такы хороша людына... зробывъ Кибцеви багато добра. Кибець бувъ ёму щыро вдячный, дарма що теперъ Рахманный плеще дурныци и оступается за жыдивъ... Се ни до чого, а про те треба ёго потишыты: хай знае, що не уси посердылыся зъ имъ... И Кибець сказавъ, шо забувъ щось, гукнувъ: идить, я васъ дожену!—и вскочывъ назадъ у хату. Рахманный, засмученый знесыленый, сыдивъ похылывшысь на рукы.

— Годи бо вамъ, не журиться!—прыскочывъ до ёго Кибець. Що-жъ, кождый дума по своему...

— А вы якъ?

—Та я думаю...—зъ неохотою видказавъ Кибець,—думаю... такы треба попобыты...

— И пидете?...

— Та пиду-жъ...

— Робить-же, якъ знаете!..—невтишно махнувъ Рахманный рукою и знову похылывся.

— А вы такы не журиться...—справди...—ще разъ запытавсь заспокоиты ёго Кибець, але и не выкинчывъ та подавсь зъ хаты, боячысь видбытыся видъ гурту.

Ще мовъ тяжче зробылося Рахманному видъ того Кибцевого потишення:—такъ наче я справди зробывъ щось гыдкого, а винъ тильки дарує мени те черезъ прыхыльнисть, чы добристь... Спытайте ёго що винъ дума... Чы се-жъ не образа?!. Якыхъ-сь дыкыхъ выгукивъ дыкого Ракла досыть було, шобъ видипхнуты видъ мене тыхъ людей, що я не шкодивъ для ихъ ни праци, ни часу, що виддавъ имъ свое серце, та й вони, здавалося, любылы мене... Шкода було Рахманному и товарышивъ, що имъ достанется каратыся безъ усякои корысти, шкода и на тихъ, що звелы на нивець усю ёго працю, уси заходы биля заснования громады, яка мусила теперь розійтыся такъ нагло, але найгирше діймалы сумнивы, здіймаючысь зъ цёго прыводу: якъ покладатыся на такыхъ людей? якъ робыты зъ имы якесь громадське дило? А чыжъ не уси люде таки? чы се не загальна прыкмета усякого гурту та никчемна пидлеглисть своимъ прыстрастямъ, та невдатнисть кермуватыся обмиркованнымы завданнямы? Що-жъ можно путнёго зробыты на такому грунти зъ такымы помичныкамы? Пидъ нагнитомъ сихъ думокъ Рахманный не мавъ ни сылы, ни хити хочъ словомъ обизватыся и до тихъ товарышивъ, що лышылыся зъ имъ; ти сыдилы такъ само прыгничени... Посыдилы трохы такъ тай розійшлыся, не умовывшысь навить и на завтра зійтыся, хочъ и було-бъ про вищо порадытыся...

XII.

У глыбокому и болючому задуми повертався Рахманный додому; на двори було темно, хочъ у око стрель; важка хмара засунула циле небо грубою темною пеленою, одностайною, ривною,—ниде не выдко було а ни зироньки; дрибный, риденькый

доцыкъ накрапавъ зъ неи; витеръ теплый, але густый, набигавъ неривнымы подыхамы, подекуды ущухне, мовъ втышытся, подекуды знову, наче обирвався десь, налита, бурхае, стукотыть у стины, трипочется по безкетахъ, гуде мижъ деревомъ... Прыйшовшы додому, Рахманный лигъ, але довго не здолавъ прыспатыся. Луна темрява непрывитно зазырала у викна, напружуючы и такъ вже розбурхани нервы; середъ неи усе вчувалыся Рахманному якыйсь далекый гоминъ чы гуркитъ, наче сотни людськыхъ голосивъ, тилько невыразно, мовъ здалеку, мовъ прыглушени, и винъ схоплюется, думаючы, що се почалося руйнования, уявля соби, що тамъ діется, прыслухается, але тыхо скризь, тилько иноди гуде витеръ... Та не йме Рахманный виры тій зрадлывій тыши, довго слухае, спершысь на руку на лижку, и часомъ ёму здается наче тыхо, часомъ знову мовъ розитнется десь якый-сь дужый, хочъ невыразный, выгукъ; знову зхоплюется Рахманный, знову прыслухается, ще пыльнище напружуючы вуха, вдывляется у глупу темряву за викномъ и... знову нечуты ничого... Ажъ передъ свитомъ прыспався винъ, вытомленый до краю, и вже не чувъ, якъ знялася колотнеча. Прокынувсь винъ сёмои годыны черезъ страшенный галасъ та гукъ, що знявся на вулыци. Той гамиръ вже давно бентежывъ ёго, ще сплячого, нагадувавъ щось непрыемне, неспокійне, и середъ сону Рахманный непокоився, почувавъ, нибы треба чогось скорише вставаты, та не здолавъ прокынуться; колы-жъ нарешти схопывся, ёму здалося, що діется щось непрыемне,— але що? Винъ знавъ, та не може згадаты, а треба прытьмомъ згадаты, треба щось робыты... Мерщій винъ глянувъ у викно: на вулыци бувъ невымовный гармыдеръ, якыйсь натовпъ розшарпаного, рухаючого люду, чулыся зойкы, лайкы, гукъ, хтось плакавъ, щось падало, щось ломылося... Потроху винъ почавъ помичаты те, що зразу не вкынулося въ очы, почавъ прыгадуваты и розумиты. Шыбкы у багатёхъ горныцяхъ булы повыбывани, двери та викна розчынени навстяжъ, запоры у крамныцяхъ побыти, двери поламлени, середъ вулыци, и у ризнацію и купамы, навергано зломкивъ зъ мебливъ, зъ бочокъ, зъ посуду, усякого краму. Зъ розгону выкыдани зъ крамныць тканыны побгалыся, порозвиртувалыся, подекуды постлалыся дорижкамы, подекуды жужмомъ, повлывани дёгтемъ, часомъ укачани грязюкою; все те люде мисять ногамы, топчутся по ёму; уся вулыця, якъ велыкый смитныкъ, закыдана клаптямы паперу; у повитри наче снигъ пурхае пирья зъ бебехивъ; онде хтось выкочуе зъ лёху бочку зъ гасомъ, якыхъ-сь двое заразъ прыскочылы до неи и розбылы кійкамы; жыдивкы, жыденята, жыды, навпивъ одягнени, розшарпани, тикають хто куда у-розтичъ; часомъ, хто здума, штовкне ихъ, зацидыть по потылыци, воны и не оборо-

няются, не оглядаются навить, а тикають дали зъ плачемъ; навздогинъ имъ тюкають, регочутся; воны спотыкаются, падають... Въ людей облыччя якись пьяни, дыки, ухмилкы застыгли, нестямни, очы въ инчого мовъ тороплени, выдъ розпатланый, выглядъ заклопоченый. Онде двое такыхъ напружуются выкынуты у викно важку скрыню; у горныцяхъ заможного жыда, що навпроты осели Рахманного, кризь вытаскани викна выдко, якъ якыйсь телепень скочывъ на фортепьяно и тупцюется зъ чобитьмы по струнахъ; тяжко стогнуть струны, часомъ якъ увирвется котра-сь, той стогинъ зомлива, мовъ передъ сконаннямъ... Прыдывывшысь, Рахманный пизнавъ Ивашку.

А знялася ця буча такъ.

Пидъ Замчыщемъ заразъ биля мосту, що йде черезъ ричку до Дубнивъ, черезъ якый йиздять у городъ зъ половыны повиту, скупылось килькось шынкивъ; тутъ, по цихъ далекыхъ видъ урядницького догляду крыивкахъ, завше гуляе та бенкетуе дубенське гультяйство, тутъ обмирковуе воно свои заходы, сюды зносцуе и зароблене, и накрадене; выще, по крутому узбичу Замчыща, ажъ до валивъ колысь славетного козацького городу, де тилько ледве можно було, прытулылыся обшарпани хыбаркы—жытла дубенськыхъ босявокъ та гультяйного дивоцтва. Знаты, е мицный звязокъ мижъ тымы хыбаркамы и шынкамы: крути, увесеньки стежечкы поплелыся скризь по гори, зъ горы у ныэъ, и, дарма що незручно, густо снуются по ихъ люде пизднёи добы, чуты тамъ спивы та пьяный гоминъ. До одного зъ цихъ шынкивъ завивъ Ивашко товарыство Рахманного, а по шынкахъ цiеи ночы гуляло багато людей, геть бильше якъ що-дня; мижъ ымы чувся якыйсь особлывый рухъ, якась таемна еднисть: зъ шынку до шынку одно перебигалы люде, щось розмовлялы пошепкы, выклыкалы одынъ одного на вулыцю; шынкови двери одно стукалы, впускаючы та выпускаючы когось; по вулыци люде снувалыся одынцямы, по-двое, купкамы; воны ще не появлялы свого замиру, та по непевныхъ розмовахъ, по зухвальному поводженню ихъ, по тому, що гулянка затяглася, налякани чуткамы шынкари видчувалы вже щось недобре и боязко прыдывлялыся гультяямъ, що де-дали надходылы та надходылы. Мынуло и тры и чотыри годыны; натовпъ по шынкахъ тилько збильшався, нихто не збырався до-дому, шынкари знепокоилыся до краю и почалы намагатыся, щобъ пошабашылы.

-- Пизно, панове, далеби пизно! на мене панъ справныкъ гниватымутся!... Ну, погулялы, ну и буде вже! ну, чого тамъ? iй Богу буде, зробить мени ласку!—чыплявся улестлыво, але и нетерпляче хазяинъ того шынку, де пыла Ивашчына кумпанiя.

— Такъ що-жъ ты не дасы мени набиръ?!—прысикався до ёго тымъ часомъ здоровенный пьяный чоловикъ.—Не дасы, га?— наступавъ винъ на жыда. Зпантелыченый шынкарь не оберигся и видказавъ зъ дражлывистю: ни набиръ, ни за гроши, ніякъ не дамъ, иды соби геть!

— Такъ оце-жъ тоби!—и самъ не схаменувся чоловикъ, якъ вдарывъ шынкаря у голову.

— Жыдъ пополотнивъ и, затулывшы голову рукамы, репетувавъ: «гвалтъ, рятуйте".

— Гей хлопци! Жыды нашыхъ бьють! гей сюды!—выскочывшы зъ шынку, гукнувъ Ивашко.

Се було гасло.—Звидусиль почалы збигатыся люде; вмыть розбылы и розтяглы на дрозкы шынокъ, повыкыдалы и понивечылы зъ ёго усе, повыпывалы горилку, захожувалыся вже руйнуваты и биля сусиднихъ шынкивъ, та Ивашко, скочывшы на стовпчыкъ, спынывъ, крыкнувшы що сылы: Облышь! не гайтеся абы-чымъ, гайда у городъ!

Покы юрба збиралася, покы збигла на гору та у городъ, а по дорози стривши другу купу шелестивъ, допомогла имъ розбыты ще шынокъ, що стоявъ посередъ горы, покы на знакъ едносты повыпывалы зъ того шынку горилку, вже була шоста годына. Вже де-яки дбайлывиши крамари пылы чай, збыраючысь до крамныць, вже розпочавсь торгъ на базари, колы юрба, тилько зридка затрымуючысь по дорози, прыкотылася зъ гукомъ, зъ галасомъ на базарный майданъ. „Жыдивъ бый!—бый жыдивъ!"— гукалы воны, зклыкаючы до себе де дали бильше помичныкивъ, и почався той шелестъ, що ёго прокынувшысь побачывъ Рахманный.

Перелякани жыды кынулыся хто куды, хто рятуючы щось дорогшого зъ своёго добра, хто абы втикты самому зъ родыною; бильшисть вдарылася на звощыкахъ, а якъ не посчастыло—то й пишкы, на вокзалъ зализныци, инши поховалыся въ знаемыхъ хрыстіанъ. Далы звистку справныкови; та у Дубнахъ не було війська, и справныкъ, пометлявшысь трохы якъ квочка, почувъ и себе у небезпечному стани тай зныкъ.

Наридъ вже збигався; пишла чутка и по блыжчыхъ селахъ, що у Дубнахъ бьють жыдивъ, и що тамъ нибы вильно браты усякого краму до схочу. Шатнулыся у Дубни не те чоловикы, а и жиноцтво, и пидлиткы, знявсь наче ярмарокъ, а якъ розбываты скоро не було чого, то чоловикы трощылы вже быте; жинкы и диты снувалыся мижъ народомъ по руйновыщахъ, вышукуючы, чого-бъ набраты соби, тай тягалы доскочене оберемкамы додому.

— „Тягнить, тягнить, хлопци!“ „Напнысь, бабо, та беры бильше, не жалуй жыдивського добра!“—заохочувалы регочучысь шелесты... але знаты було, що бильшисть зъ ихъ и прытомылася, и задовольнылася, де-хто почалы розиходытыся, и тильке найзавзятиши ще ныкалы, вышукуючы, на чому-бъ потишыты розъятрилу за цей день охоту до руйнования.

Кибець въ ночи бувъ зпьянивъ; ёму не багато було и выпыты, але заразъ вже вытверезывся, и, блидый, обидраный, бо пораючысь обирвався чысто, у новій шапци, яку вхопывъ десь у крамныци, загубывшы свою, збыравсь вже додому, та на останци ёму заманулося потишытыся добромъ свого найклятійшого ворога, и винъ заскочывъ до зпорожнилого будынку Тарноруцького. Усе тутъ було переверчене, навить доливка, потрощене. Просовуючысь помижъ зламкамы, Кибець зайшовъ у дальши покои; тутъ побачывъ винъ якогось чоловика, що стоявъ до ёго спыною и зъ велыкою заклопоченнистю ажъ не чувъ, якъ зайшовъ Кибець, мордувався, выкыдаючы за викно здоровенну шафу.

Кибець кынувся бувъ до помочи тай остовпивъ: той чоловикъ бувъ Чаплій; очы ихъ збиглыся, и щось страшне замыготило у Чапліевыхъ; воны булы тильки вдвохъ на чы-мали порожни горныци; викна зъ хаты дывылыся у такъ само порожній двиръ; на вулыци стоявъ такый галасъ, що за имъ не чутно було-бъ ніякого крыку. Все те мыттю перебигло на думци въ Кибця; не гараздъ и розуміючы на вищо, винъ позадкувавъ, тай выплыгнувъ у викно.

Це трапылося блызько другои годыны. Саме тоди уступалыся зъ двохъ бокивъ у Дубни комонни эскадроны, що выклыкани булы зъ найблыжчого зъ повитовыхъ городивъ. Москали йихалы повно узброени; зъ коней бигло мыло, але військо вызырало бадёро; офыцеры, зпыняючы коней мундштукамы, выгравалы зъ боку. Москаливъ передъ городомъ затрымалы, далы горилкы, звелилы спиваты писень, „щобъ менче було усякыхъ думокъ“.

Морозомъ вдарыло Кибця видъ тіеи музыкы та спививъ; вразъ зныкла мана почуттивъ, що верховодылы имъ черезъ цилу ничъ та ранокъ; усе, що сталося, здалося теперъ непотрибнымъ, навить никчемнымъ, зробылося такъ боляче шкода чогось, а чого—не здолавъ винъ вгадаты, и тяжко забажалося буты швыдче дома, зъ своимы, втикты видъ напасти...

Та москали вже оточылы майданъ и сумижни вулыци и заходылыся нышпорыты. Чаплія вже вхопылы. Кибець метлявся якъ зацькованый заяць, не знаходячы ниде захысту, и певнобъ ёго узялы, якъ-бы на счастя не стривъ винъ Ивашка. Ракло бигъ кудысь зъ прожогомъ, ажъ выскокомъ, але, знаты,

гараздъ розуміючы куды бигты, зъ певною метою. Тикай швыдче!—зашопотивъ винъ, мовъ ненарокомъ нахылывшысь надъ вухо Кибцеви, бижучы позъ ёго.

— Але-жъ куды?... скризь сторожа...—безнадійно видказавъ Кибецъ такъ само пошепкы.

— Дурню Божый! не базикай та йды за мною, колы самъ не тямышъ!—видказавъ Ивашко и, скочывшы ще килько кроkивъ, якъ склызъ у темныхъ воротяхъ зпустилого та сплюндрованого дворыща багатого жида Гыцеля, що въ ёго бувъ горильчаный пидвалъ. Кибець за имъ. Зъ двору Ракло ускочывъ у прысинкы, зъ прысинокъ у якыйсь темный закапелокъ и наперъ тамъ на стину у найтемнищому кутку.

— Дай рады!—пошепкы звеливъ винъ.

— А на що?—незадоволено спытавъ Кибецъ, не бачучы зъ того толку.

— Не гай часу на балачкы! побачышъ...

— Воны наперлы вдвохъ, шось луснуло, частына стины завалылася, и передъ имы зачорнивсь якый-сь лёхъ.

— Що воно?—здывовався Кибецъ.

— Иды за мною!

— Середъ невымовнои темрявы посувалыся помацкы—попереду Ивашко, за имъ Кибецъ; килько разивъ воны, здавалося, звертали у бикъ, такъ нибы йшлы по вузькому та покрученому корыдору.

— Прысвиты тутъ, дай обдывытыся!.. се, бачъ, Гыцель гонывъ тутъ часомъ горилку тай спродувавъ, мишаючы зъ акцизною.

— Ты почимъ знаешъ?

— Дыво! аже треба було Гыцелеви цымъ-сь іи робыты, той наймавъ часомъ... добре и платывъ... ничого соби бувъ чоловяга!—зплюнувъ Ракло на бикъ.

— Але насъ тутъ налапають!—затурбувався вразъ Кибецъ: дирка розвалена, кожному хочется заглянуты...

— Не бійся, тутъ можно выйты у яръ на смитныкъ; тамъ москаливъ ще не повынно буты...

Дворыще Гыцеля стояло саме по-надъ проваллямъ, яке, почынаючысь зъ города, йшло до рички и тутъ наблыжалося до майдану. Провалля було глыбоке и стрімке; глыняни, сыпки бокы ёго стоялы якъ муры, и скочыты чы зійты у ёго просто було неможлыво, але на саму глыбыню, мижъ велыки давни купы гною, що зкыдалы сюды господари сумижныхъ дворивъ, выхо-

дыла невелыка щелына, чы печера; вода, выризуючы яръ, видголыла тутъ колышни, дуже давно вже роблени лёхы, що навить вчени люде не гараздъ зналы, колы и навищо ихъ роблено; трохы не уси Дубни стоялы на такыхъ лёхахъ; воны йшлы и переплутувалыся одынъ зъ одныиъ якъ де у два ряды, одынъ зверхъ одного; у багатёхъ мисцяхъ воны вже позавалювалыся, ходыты по ихъ було и небезпечно, и моторошно, а мисцямы той неможлыво черезъ задыхувате та важке повитря. Дубеньци черезъ те тилько и зналы про ци лёхы, що часомъ, копаючы ровы на фундаменты, докопувалыся до ихъ, та завше булы имъ не ради и сылкувалыся ихъ забываты; але Гыцелеви такый лёхъ прыдався, и винъ розкопавшы частыну ёго ширше, зробывъ соби тамъ потайну выныцю, бо колы почынався струсъ, можно було заховаты у плутаныхъ заворотахъ лёху, або и вытаскаты въ проваллл все, що треба. Ивашко, роблячы въ Гыцеля, знавъ цю крыивку. Незабаромъ воны зъ Кибцемъ опынылыся биля щылыны, вылизлы мижъ купы смиття и, прычаившысь та выслухавшы, що никого немае блызько, подалыся яромъ. Яръ де-дали видхылявсь видъ майдану, розстылався долыною, по якій стоялы осели дубенськои голоты. Опынывшыся середъ ихъ, Ивашко та Кибець вже булы безпечни...

Ввечори прыбувъ у Дубни жандарськый полковныкъ.

XIII.

Дворыще пана Зарижного було на краю Дубенъ. Велыки горныци своимъ выглядомъ зразу нагадувалы про пышну старовыну; була це стародавня камяныця на два зъ половыною бильшыхъ поверхивъ зпереду и на тры менчыхъ з-заду, ще и зъ надбудивлею на самому осередку покривли. Вызырала вона наче два кубы: бильшый знызу и малый угори; викна у обохъ поверхахъ велыки зъ лутками, а у надбудивли зъ кожного боку було по одному викну, що выроблени широкымы та нызькымы лукамы на взирець скыбокъ велыкого кола, и складалыся зъ дрибныхъ квитчастого шкла шыбокъ. Напереди саме посередъ камяныци бувъ роскишный ганокъ зъ дверыма до прысинокъ. Въ середыни на обыдва бокы видъ прысинокъ мистылыся парадни горныци: витальни, кабинеты, сутинни и похмури на старый поважный ладъ; ззаду ихъ вже въ тры поверхы знаходылыся родынни кимнаты, покои для гостей, буфетъ, кимнаты для блыжчыхъ служкивъ, а ввесь спидній пивлёхъ займалы кухня,

булощня, пральня... Очевыдячкы, горныци булы збудовани зъ рахункомъ не на свое тилько, хочъ и велыке, посемейство, а и на чы-малый гуртъ гостей та на цилу ватагу служкивъ, и своихъ и чужыхъ, зъ якымы густо найиздыло сюды колысь панство зъ далекыхъ околыць.

Вже блызько сто пьятдесятъ годъ, якъ цю камяныцю поставывъ одынъ полковныкъ Хрулевъ, прадидъ Петра Петровыча Зарижного зъ матерыного боку. Заможне було украинське панство; велыки степы, багато добра по коморяхъ та оборахъ, добри грошыкы въ жбаныкахъ густо малыся въ панивъ, дарма що воны мешкалы у тисныхъ, очеретомъ повкрываныхъ горнычкахъ, и йилы, пылы та ходылы, хочъ въ смакъ, та по просту, и якъ яструбы чатувалы кожного шеляга... Отъ-же вельможни зяти, диставшы ти добра, гарненько захожувалыся биля ихъ, будуючы пышни горныци, якъ въ Зарижного, заводячы нови звычаи та поводження. Не вагаючысь процвындрювалы воны надбане тестемъ добро, цилкомъ певни, що могтымуть надраты до зхочу бильше, сягнувшы черезъ пышну обстанову и жыття ще до вышого стану уряду.

Саме до такыхъ належавъ и Хрулевъ, прадидъ Зарижного зъ матерыного боку, що взявъ едыну доньку багатого полковныка Дубенського тай уси ёго добра, а писля смерти тестя бувъ и самъ настановленый зъ Петербургу за полковныка у Дубни. Та якъ въ Хрулева не було сынивъ, то й спадщына писля ёго досталася черезъ дочку до украинського роду Зарижныхъ, останнею невдалою квиткою якого бувъ Петро Петровычъ.

Жыття у двори въ Зарижного давно вже почало прокыдаться. Заведено, повставалы поперeду менча челядь, або ти, кому зъ обовязкивъ службы, не можно було пизднытыся: куховарка въ людськои, прачка, двирныкъ, менчый кучеръ вже поралыся коженъ коло своеи роботы. Лакейчукъ Пылыпко, хлопець рокивъ чотырнадцяты, добре вмазаный тертою цеглою, щей зъ червоною цегельною смугою черезъ ливу щоку, чыстывъ ножы, сившы для такои оказіи доли биля рундука и порозкладавшы усю снасть на попылястій видъ натоптаныхъ глыны, смиття и цеглы. Пылыпко не дуже хапався зъ своею роботою и часто, забуваючы про ножы, захожувався гукаты писень, влучаты каминцямы горобцивъ, а то и зачыпаты кого зъ челяди. Позаякъ одначе остання забавка не завше ёму дарувалася, то й доставалося часомъ Пылыпкови, щобъ не зазнаты

доброи потылышныци, тикаючы облышаты роботу, через те и не посувалась вона зъ такымъ поспихомъ, якого можно було сподиватыся, дывлячысь на Пылыпка инчымъ разомъ, колы винъ справди бравея до неи. Такыхъ хвыль, набравшы на вохкый жмутокъ зъ ганчиркы тертои цеглы, Пылыпко шмаглявъ имъ по ножахъ та вылкахъ такъ несамовыто, що ажъ выхався усимъ тиломъ, тилько колы не колы спыняючысь, щобъ почухатысь чы поплюваты на жмутокъ, абы краще бралася цегла.

Гарненька, чепурненько прыбрана покоивка вже не разъ бигала до стани, де порався коло коней ставный молодець кучеръ Степанъ, неначе за диломъ, навсправжкы-жъ щобъ постояты та побалакаты зъ имъ, позакладавшы рукы пидъ хвартушыну, що вважала мабудь вельмы красною поведенціею. Розмова въ ихъ про те николы не велася дуже довго, и дивчына черезъ вищось небавомъ выхвачувалась, уся зашарывшысь, зъ стани та сміючысь тикала до горныць, дуже мотаючы рукамы.

Трохы згодомъ поважный та середнихъ годъ садовныкъ, хочъ и не мавъ звычаю зъ роботою хапатыся, выйшовъ полываты квиткы. Спочывалы ще тилько старшый лакей пана Зарижного Сыдиръ Ёсыповычъ та экономка Марья Петривна, або, якъ нышкомъ дражныла іи челядь, генеральска Машка. Генералъ прокыдався тилько десятои годыны, и ци найстаршы у двори особы не малы раціи дуже ранитыся.

Двиръ пана Зарижного бувъ въ кинци города. Поварь ще не вертався зъ базарю, то й за колотнечу, що счынылася, нихто ще не знавъ. Тилько садовныкъ, завважывшы, що зъ городу чуты якый-сь незвычайный галасъ и гуркитъ, не разъ здырався на бесидку подывытыся, чы не горыть де, та, не бачучы нидѐ дыму, злазывъ що разъ бильше здывованый и, двыгаючы плечыма, пытавсь, ни до кого особысто не звертаючысь: „и що воно тамъ, мовъ чорты по пеклу, гарцюе"?

Та ледве поварь повернувся зъ базарю, чутка, що бьютъ жыдивъ, мыттю скалатала усихъ двирськыхъ, и воны стовпылыся слухаты цикавои новыны; тилько Пылыпко, не дослухавшы и половыны, дременувъ, якъ стоявъ, безъ шапкы, у городъ.

— Куды ты?!—гукалы на ёго:—Сыдиръ Ёсыповычъ устануть—дадуть тоби хлосту!

Та Пылыпко бижучы тилько рукою махнувъ, та ще выбрыкнувъ якось чудно, мовъ хотивъ показаты щось Сыдорови Ёсыповычу, и зъ тымъ подавсь дали.

Се була восьма годына, и Сыдиръ Ёсыповычъ справди незабаромъ прокынувся. Не вмываючысь и не прыбыраючысь,

выявывсь винъ на балкони другого поверху, що йшовъ зъ вытальни, и почавъ клыкаты Пылыпка. Сыдиръ Ёсыповычъ спавъ завше у кимнатци поручъ генеральскои спальни; вранци Пылыпко повыненъ бувъ злываты ёму на рукы, а потимъ Сыдиръ Ёсыповычъ йшовъ до буфету пыты каву и чай. Прокыдався генералъ десятои годыны, Сыдиръ Ёсыповычъ восьмои, то й вильно було ёму, гараздъ поснидавшы, вписля вже выготовыты все генералови, тилько про случай, якъ-бы той прокынувсь ранише, ставлено Пылыпка на ци двп годыны на чаты до дверей генеральскои спальни, щобъ поклыкаты тоди Сыдора Ёсыповыча.

Сей обовязокъ страшенно не подобався Пылыпкови и здавався ёму и страшенно нуднымъ, и такы непотрибнымъ.—На вищо мене тутъ выморюваты, колы панови можно-бъ и подзвоныты, або хочъ погукаты?—правдыво миркувавъ Пылыпко, але якъ, дарма на таке переконання, мусывъ такы стояты на варти, той выгадувавъ соби для розвагы усяки штукы: на рижни способы заламлювавъ та здіймавъ рукы и ногы, строячы прыхымерни пыкы, крывывъ рота и носа, сылкуючысь представыты такымъ побытомъ генерала, Сыдора Есыповыча, чы ще кого... А про те мавъ соби зъ того малу утиху и такы нудывся страшенно та почувавъ, що болять ёму и рукы и ногы, не такъ ще того стояння, якъ зъ тіеи нудьгы.

Сыдиръ Ёсыповычъ гукнувъ Пылыпка разъ и вдруге та вже почынавъ сердытыся, и ото тилько и врятувало хлопця видъ доброи хлосты, що де-хто заразъ прыступылы до балкону та почалы оповидаты Сыдорови Есыповычови про новыну.

Ричъ була остильвы цикава, що и винъ забувсь на якый часъ за снидановъ, а тымъ часомъ схаменувся и Пылыпко та повернувсь зъ городу до своихъ обовязкивъ.

Сёго разу бидному хлопцеви вже надто тяжко здалося стерегты пана. Ось тилько винъ, хочъ однымъ окомъ, хочъ похапцемъ, побачывъ стилько цикавого, побачывъ, якъ люде бигають, галасують, руйнують, якъ таки-жъ голодранци, якъ и винъ, трощать та порядкують по тыхъ крамныцяхъ, до якыхъ, якъ знавъ добре зъ властного досвиду, ще вчора заглядалы зъ безнадійною заздристю,—Пылыпкови, що ёго уси былы, штовхалы, поневирялыся, и самому схотилося попобыты та потоптаты таки саме гарненьки сукни, мебли то-що, якыхъ повно и у горныцяхъ Зарижного, та за яки, колы винъ хотивъ ихъ гараздъ обдывытыся, помацаты, чы на ихъ посыдиты, ёго быто не разъ. Ще кортило послухаты, що балакають на кухни та у бухвети, де певно коженъ выклада свои думкы про справу, або додае новыхъ звистокъ; не пошкодыло-бъ и соби доскочыты

трохы сукна, платкивъ та стричокъ на гостынци дивчатамъ, або и такыхъ смачныхъ ласощивъ, яки бачывъ винъ у крамныцяхъ.

Ци думкы знаджувалы та дратувалы Пылыпка, ажъ ёму робылося боляче стояты; винъ топтався, ёрзався та лютовавъ на Марижного, що такъ непорядно спыть, „якъ кнуряка", колы вже усимъ треба вставаты, а „вже хочъ-бы спавъ, та тыхо, а то и спыть та не дае людямъ спокою!"

Тымъ часомъ прокынулася и Марья Петривна. Була се молоденька, русява, повновыда и била молодычка зъ веселымъ румянцемъ на щокахъ, на якыхъ, колы сміялася, набигалы ямочкы. Очы въ неи булы сири и не колирни, трохы заспани, ледачи и разомъ пожадлыви. Одягалася вона по-просту, якъ заможни мищанкы, та чепурно и у дорогому. Волосся було въ неи справди роскишне, и вона напускала зъ ёго соби на обмалькуватого лоба пышный чубъ. Була вона трошечкы загладка, мовлявъ пухка, ступала перехыльцемъ и, видхыляючысь назадъ, наче плывла. Выглядъ и порухы въ неи булы важкувати, мовъ зи сну, ледаченьки, але, знаты було, була вона соби хочъ не розумна та не зла и мьягка людына. Черезъ особысту до неи генеральску прихыльнисть була вона у двори першою особою, и уся челядь запобигала въ неи ласкы. Та Марья Петривна, здавалося, не помичала того, не пышалася и не цуралася челяди, а навпакы любыла посыдиты та погомоныты зъ людьмы, колы посчастытъ сховатыся зъ-передъ генеральскыхъ очей, бо Марижный не любывъ сёго, и якъ що помичавъ, заразъ клыкавъ до себе Марью Петривну та почынавъ іи уйидаты.

— Що то Вамъ за кумпанія ота чернядь?—казавъ винъ зъ огыдою та глузуючы. Умажетесь тилько мижъ имы, ніякъ буде на Васъ и глянуты... Що тамъ розумного воны Вамъ розсказують, що Васъ такъ до ихъ тягне? На решти не розумію, якъ Вы доглядатымете за имы та за моимъ добромъ, прыятылюючы...

Марья Петривна слухала похылывшысь ти докоры и на якыйсь часъ скорялася, та скоро цилкомъ зморена нудьгою, що панувала середъ глупои тышы генеральскыхъ горныць, бо генералъ не любывъ, щобъ люде розмовлялы, балакалы, бороны Боже реготалыся, нездолала додержуваты наказу и наче зъ обовязкивъ службы бигла до кухни, чы ще куды, де завше бувъ гоминъ, жарты, яке-буть жыття та жыви люде.

Черезъ те бильшисть служокъ, хочъ и не любылы, та почувалыся прыязно до Марьи Петривны, и тилько Сыдиръ Ёсыповычъ, заздрячы на іи сылу въ пана, потай ненавыдивъ іи, хочъ и поводывся зъ нею завжде зъ найдобирнишою прыем-

нистю. Якъ и що дня, сёго ранку Марья Петривна не звелила унесты соби каву до йидальни, а пишла сама налываты іи до буфвету. Тилько вона увійшла, Сыдиръ Ёсыповычъ заразъ пидвивсь и, любязненько вклоняючысь, прывытався; воны поздоровалыся за руку, и Марья Петривна сила чаюваты до столу, напроты Сыдора Ёсыповыча. Винъ вже подужавъ дви шклянкы кавы и, пьючы чай поватомъ, запалылъ цыгарку, выгидно спершысь на спынку ослонця та закынувшы ногу на ногу.

— Особыста комыссія сёгодни у городи; Вы не чулы?— обизвався винъ вымовою впевненои у вартости своихъ сливъ людыны.

— Що такого?

— Зовсимъ окремне „прыключеніе". Якъ-же! народъ побунтовався и трощать теперъ жыдивски збуйвыки.

— Що бо вы... жартуете?—невпевнено запытала Марья Петривна,—сёгодни-жъ не перше квитня.

— Ни, справди.., самъ я не бачывъ, одначе говорять... Поваръ и Пылыпко булы пры тому.

— Ну що-жъ, якъ-же-жъ воно?—захваталася зъ цикавости Марья Петривна.

— Що-жъ? розуміется—поватомъ почавъ Сыдиръ Ёсыповычъ, потягуючы цыгарку—„выкыдають усячыну зъ домивъ, зъ лавокъ, трощать, переводять, шыбкы та двери повыбывалы, не безъ того може и жыдкамъ которому по потылыци „объясняется". Та ось краще... Оксенія! пиды, постій коло генеральскои почывальни, нехай Пылыпко прыйде докаже".

— Хто-жъ-то?.. колы почалося?

— Хто?—ще слидство не наведене, не можу довесты вамъ зъ певнистю, а почалося буцимъ то свитомъ.

— Бидненьки! то-жъ ихъ у ночи погвалтовано и дитокъ, мабуть поляканo!—зажурылася Марья Петривна.

— То вы ихъ такъ, высоколюбезніи Марья Петривна, черезъ вашу дамскую добристь жалієте... а по правди, то воно жыдови-невири такъ и слидствуеть! Одначе тилько, що воно бунтъ, конечне, бо и по газетахъ я не начытувавъ, щобъ наказъ такый одъ начальства выходывъ жыдивъ быты, и черезъ те належатыме да крыминалу... Я такъ соби догадуюся, що ихъ Превосходытельство, генералъ нашъ, не инакше про сю штуку пониматымуть...

Тымъ часомъ прыбигъ Пылыпко, зрадилый, що ёго вызволено видъ сторожы биля генеральскои спальни, оповидаты, що бачывъ у городи.

Слухаючы ёго, Марья Петривна багацько зитхала, бидкалася та дывувалася; Сыдиръ Ёсыповычъ покладавъ свои увагы та здіймавъ пытання для розъяснення справы, такъ наче бувъ-бы за слидчого.

Мижъ розмовою, колы винъ помичавъ, що Марья Петривна потрибуе чаю, хлиба, чы масла, винъ заразъ пидносывъ іи те зъ найдотепнишою прывитнистю справжнёго кавалера.

Колы-жъ нарешти, задовольнывшысь стравою та наслухавшысь Пылыпка, Марья Петривна зитхнула, обтерла двома пучкамы губы и пидвелась, зававжывшы: „охъ лышенько, треба питы ще подывытыся на кухню“,—Сыдиръ Ёсыповычъ вставъ и соби та, проводячы іи до дверей, любязненько розсказувавъ, яка на двори годына та яке чудове сёгодни повитря... Але ледве Марья Петривна вышла, выдъ Сыдорови Ёсыповычови вразъ зминывся, на облыччи позначылася злисть, и винъ зтыха пробубонивъ: „Бачъ! ще й тоби лыхо!“

Така змина въ Сыдори Ёсыповычови не втикла въ очей Пылыпковыхъ, и винъ выявывъ свое розуминня тымъ, що, стоячы ззаду, высолопывъ языка, стулывшы прегыдку пыку. Одначе ся забавка остилко подобалася ёму, що винъ тишывся ею занадто необережно и не схаменувсь, якъ Сыдиръ Ёсыповычъ обернувшысь вздривъ ёго капость.

— Такъ ось ты якъ!—розгнивався Сыдиръ Ёсыповычъ, и Пылыпкове вухо опынылося у ёго у жмени, а Пылыпко гараздъ чувъ, що то не для жарту.

— Не вамъ, дядечку! Ей-же Богу, не вамъ, то я... Машци!—ледве встыгъ пыскнуты винъ пошепкы, щобъ не почула и Марья Петривна.

— Я тоби дамъ *Машци*!..—вже прыкметно мьякше, (а Пылыпко добре знавъ, що для закону тилько) грымнувъ ще Сыдиръ Ёсыповичъ и, не боляче смыкнувшы разъ чы двичы Пылыпка за вухо, додавъ:

— Бижы ще заразъ у городъ, подывысь, що тамъ діется... Панъ встануть, схотять знаты... Та не гайся мени! щобъ за годыну и назадъ! однымъ духомъ, жыво!

XIV.

Выдъ Сыдора Ёсыповыча, колы винъ ставъ до покою Зарижного, покы услуговувавъ ёму пры одяганню, бувъ пыльно

поважный и выключно заклопотаный, бильше навить поважный и заклопотаный, якъ що-дня пры тій нагоди, яка мусыла завше видбуватыся зъ цилковытою повагою. Але Сыдиръ Ёсыповычъ мовчавъ ввесь часъ про городянски новыны,—то була конешна постанова не турбуваты ничимъ генерала, докы винъ не пожыве кавы, цёго бо вымагалы первистни гигіенични ухвалы.

Тилько вже писля кавы, заклавшы салхветку пидъ пахву ливыци и держачы у правій руци подноса зъ спорожнилымъ посудомъ, Сыдиръ Ёсыповычъ видступывъ килько крокивъ, спынывся на дверяхъ та переступывъ зъ ногы на ногу, даючы тымъ ознаку, що мае щось повидомыты, якъ що його зволять спытаты.

— Ну?—спытавъ Зарижный, здіймаючы вусы въ гору.

— Зважуся довесты Вашому Превосходытельствови, у городи не благополушно,—видказавъ многозначно Сыдиръ Ёсыповычъ,. нахыляючы голову на бикъ.

— Пожежа?

— Никакъ нѣтъ, жыдивъ бьють, Ваше Превосходытельство.

— Що ты верзешъ? хто? зъ якои речи, та зъ якого права?

— Розбышакы яки-сь, цила юрба, выбывають двери, викна, трощать, нивечать все добро...

— Атъ, знаю, якъ се робытся! не въ тимъ ричъ! але хто?—розсердывсь Зарижный.

— Мищане, ремесленныкы, Ваше Превосходытельство!

— Ты тямышъ багато. Мищане! може бьють и мищане, народъ взагали розпещеный та поспованый, але тутъ не могло буты безъ пидштырхования та пропаганды збоку... Иды!—несподивано скинчывъ роздратовано Зарижный, сердячысь, що забагато высловывся передъ лакеемъ, бо вважавъ се за велыку помылку, яку про те часто робывъ черезъ самотне жыття та потребу въ кымъ-сь розмовляты. И заразъ, ще не встыгъ Сыдиръ Ёсыповычъ выйты, Зарижный вже поклыкавъ його знову.

— Зажды! Ты бувъ тамъ?

— Мени неможно було зъ дому, Ваше Превосходительство; я пославъ Пылыпка.

— Що винъ тамъ зрозуміє!..

— Поварь бувъ на базари, бачывъ...

— Що-жъ робыть полыція?

— Полыціи нема, не бачылы.

— Чомъ?

— Кажуть, поховалыся.

— То знялы рукы и на полыцію, було сопротивленіе? а справныкъ?

— Справныкъ выйиздылы вранци, але заразъ и ихъ не выдко...

— То бунтари хазяинують на всій своій воли?! такъ? То поклычъ-же мени справныка! Стривай, я напышу лыста...—И, сердыто стукаючы ципкомъ, Марижный пишовъ до другои хаты, щобъ напысаты на картци оци чотыри слова: „Прошу Васъ немедленно пожаловать“.—Хай одвезуть!...

Дожыдаючы на справныка, винъ почувавъ себе и знепокоенымъ и роздратованымъ; думкы йшлы ниворотомъ: „Та се-жъ гвалтъ, роспустъ! колы бьють жыдивъ, бытымуть и всихъ; власть бездіяльна! чортъ-зна-що!—И пидъ натовпомъ почуття винъ часомъ сидавъ у задуми, часомъ схвачувався и знервовано, швыдко ходывъ по хати.

Одержавшы лыста видъ Марижного, справныкъ вже зъ самои короткости выразу, якъ и зъ инчыхъ прыкметивъ, не сподивався прыемнои розмовы, але не иты, не послухатысь—було годи: Марижный бувъ занадто значна людына и мавъ звязкы не на справныцькый опиръ, бо довго удержувавъ значниши урядови посады, а заразъ хочь и видпочывавъ пры старости въ Дубнахъ, та мавъ у Петербурзи досыть родычивъ та прыятеливъ середъ выщого уряду. Черезъ те, мымо усихъ своихъ бажаннивъ, справныкъ, зодягшы парадну хворму, поспишывсь до Петра Петровыча, зтурбованый, якъ-бы заспокоиты та втышыты розгниваного генерала.

— Що се, добродію, въ васъ діется?!—тилько побачывъ справныка, якъ мокрымъ рядномъ накрывъ ёго Марижный, не просячы навить сидаты.—Розпустылы наридъ, прогавылы, якый въ ёго духъ, и заразъ ни цюкъ! заховалыся десь у запичку! Колы вы такый страхополохъ, то якый зъ васъ справныкъ?

— Але, Ваше Превосходытельство! що жъ я можу зробыты самъ? Я, Ваше Превосходытельство, поклыкавъ військо.

— Поклыкалы?..

— Поклыкавъ, Ваше Превосходытельство—сылкувавсь догодыты справныкъ.

— Це гараздъ!..—лагиднише завважывъ Марижный, але заспокоився не надовго.—Десять разивъ вже треба було се зробыты! А заразъ прошу йты до своихъ обовязкивъ и роспоря-

жуваты безъ даремнои пильгы!.. А по скинченню справы... конешно прыиде жандарськый полковныкъ?—раптово урываючы промову, спытавъ Зарижный.—Такъ?—

— Такъ точно, Ваше Превосходытельство.

— То прошу Васъ и пана полковныка до мене; перекажить панови полковныкови.—И Зарижный злегка вклонывся на знакъ, що скинчывъ розмову.

Прыбувшы надъ вечиръ зъ пойиздомъ, жандарськый полковныкъ, не гаючысь, тилько зайихавъ перебратыся до справныка, подавсь зъ йимъ вдвохъ до Петра Петровыча. Воны пишлы пишкы. Се була надвечирня доба; сонце ховалося вже за сады и домы и не дошкуляло, якъ въ день, ни сяйвомъ, слиплячы очы, ни спекою; робылося повильнище, и дубенська дитвора, якъ щодня сёго часу, сыпнула на вулыцю; багацько ихъ, видъ найдрибнишыхъ и годъ до десятёхъ, и стояло и сыдило купкамы биля кожныхъ ворить, снувалося гарюючы, надто хлопци, зъ пишохода на пишоходъ черезъ вулыцю.

Идучы до Зарижного, ни полковныкъ, ни справныкъ досыть довго не помичалы, що отдали позадъ ихъ суне якась поторочa. Ивашко, прочувшы, якый гисть навернувся у Дубни, почавъ тынятыся биля справныцького двору, метыкуючы, якъ-бы нышкомъ выслидыты або и выслухаты про ёго замиры. Колы полковныкъ зъ справныкомъ выйшлы, Ракло подавсь имъ у слидъ назырци, але йшовъ не хапаючысь, мовъ не до ёго и ричъ, и часто спынявся, зачыпаючы дитвору: инчому збывавъ шапку, въ другого розпатлувавъ чупрыну, третёго пидбывавъ ногою, та не пускавъ падаты, щобъ той не забывся, а заразъ надержувавъ за комира. Хлопци и соби зачыпалы Ракла жартамы, тюкалы наздогинъ, смилывиши плыгалы ёму з-заду на спыну та звысалы на шыи; пры останній нагоди Ивашко часомъ хапавъ пустуна одніею рукою, а другою надилявъ ёму добрыхъ ляпасивъ, але знаты було, що таки обопильни зачеплювання не псувалы Ракслови и хлопцямъ добрыхъ видносынъ, и воны булы соби прыятели. Тымъ часомъ, посуваючысь звильна зъ такымы чудасіямы, Ивашко непомитно ни на хвылю не спускавъ очей зъ справныка та полковныка. Тилько якъ вже воны повернулы до ворить Зарижного, полковныкъ побачывъ Ивашку та спытався здывовано въ справныка:

— А це въ васъ що за пьянюга? чы не зъ сёгоднишнихъ розбышакъ?

— А, ни!—впевнено завирявъ справныкъ.—Це справди пьянюга, але и потимъ; винъ добряча людына и всесвитне смиховыще. Вкрасты якыйсь дрибязокъ--вкраде, але на злочынство не вдатный.

— Ну... не ручтеся...

— Якъ-же-жъ ни? я ёго знаю якъ облупленого. Винъ завше въ-литку стае за вартового, а въ-зимку за лазныка.

Такъ розмовляючы, воны спынылыся та поглядалы на Ивашку. Першои хвыли це не подобалося Ивашкови; винъ почувъ себе дуже непрыемно видъ ціеи увагы, але не було що робыты. Винъ наблызывся до ихъ, выпростався, прыставывъ руку до вуха, де повынно була-бъ буты, та не було, шапка, и по-салдацькы промовывъ:

— Ваше Высокородіе! змылуйтесь, пожалуйте пятачка-съ!

— На що тоби? чы не на шапку?—спытавъ пронызуючы ёго очыма полковныкъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, Ваше Высокородіе, треба жывотъ полычыты.

— А винъ въ тебе болыть?

— Такъ точно, нудытся...

— Що?

— Нудытся за горилочкою, Ваше Высокородіе.

— Ну, пишовъ вонъ!—видказавъ заспокоеный полковныкъ и зъ тымъ ступывъ у двиръ до Зарижного.

Охъ, охъ!—тяжко зитхнувъ Ракло, чухаючы потылыцю.—Такъ марно пишлы уси надіи! таки хороши паны, а и пьятачка не далы!—И, мовъ дивуючысь такою несподиванкою, винъ стоявъ метыкуючы, якъ-бы доскочыты и соби за нымы у будынокъ до Зарижного, та, надумавшы щось, на-решти подавсь швыдко видъ воритъ наче назадъ у городъ.

XV.

— Дуже радый васъ бачыты, пане полковныку,—витавъ тымъ часомъ жандарма Зарижный,—дуже радый! Мабуть заклопотаный, винъ ще не прохавъ гостей сидаты, и полковныкъ стоявъ передъ имъ, самъ того не помичаючы, якъ на муштри, бо почувавъ себе хочъ не зляканымъ та якось прыемно захопленымъ прысутнистю такои значнои персоны, якъ Петро Петровычъ.

— Такъ! може воно и не дыво, що вы не прыйихалы сюды ранише, бо нихто-жъ не повидомывъ вамъ про те, що въ насъ діется, а жывете вы далеко.

— Конешне, жыдова—то паскудство!—провадывъ винъ за хвылю дали: я вважаю ихъ такожъ антиурядовымъ элементомъ, але клопитъ зъ тымъ належыть урядови, не якійсь черняди! Усяке абы-що мусыть знаты соби мисце! Тутешни необмиркованн панкы, ненавыдячы жыдивство, може радіють сёму заколоту, та я-жъ, дякуваты Господеви, мавъ нагоду выробыты державный свитоглядъ, и насамперёдъ поважаю спокій. Право власныка е святощи и повынно буты забезпечене надъ усе! а сваволььство черняди до добра не доведе! Наридъ дыкый и мае смакъ до бунту, абы ёму попустылы. Це посвидчыть вамъ и... добродій... а? а?.. Иванъ Степановычъ,—завагався, неначе згадуючы справныцьке меня, Зарижный.—Адже такъ?

— Такъ точно, ваше Превосходытельство!—похопывся зтвердыты Иванъ Степановычъ.

— Напевне що такъ!—непопускаючымъ незгоды голосомъ видказавъ Зарижный.

— Шкода тилько, що доси не посчастыло натрапыты слиду, видкиля и зъ кого йде та пропаганда,—не промынувъ винъ зновъ шпыгнуты справныка.

— Ваше Превосходытельство!—зъявляючысь на дверяхъ, выголосывъ Сыдиръ Есыповычъ:—жыдъ Тарноруцькый добывается, просытся пустыты ёго до Васъ и до ихъ благородіивъ.

— А чорты-бъ ёго дерлы! жены ёго!.. Пострывай, чого ёму?

— Щось каже зъ прыводу сёгоднишнёго.

— А, це инча ричъ, тягны ёго сюды!.. Хай вже и сюды йде, щобъ не чулы люды, що казатыме,—додавъ Зарижный, колы выйшовъ лакей, неначе розважаючы соби такымъ миркуваннямъ непрыемнисть бачыты жыда у своихъ покояхъ.

На дверяхъ зъявывся Тарноруцькый, але се бувъ вже не той Тарноруцькый, що ще вчора такъ любо и чемно, а разомъ зъ такою самоповагою поводывся. Важко було-бъ ёго прызнаты,—такъ винъ зминывся; око ёму було пидбыте, винъ наче постаривсяя, похылывся, зхудъ, выглядавъ замазаннымъ, нечепурнымъ, обидраныямъ жыдомъ; одяга на ёму була у килькохъ мисцяхъ попродырана та укачана... За сёгоднишний ранокъ усе надбане имъ за стилько рокивъ пишло за витромъ, ввесь ёго крамъ переннвечено, все у горныцяхъ та въ крамныци потро-

щене та зруйноване; винъ зновъ зробывся убогымъ та бездольнымъ жыдкомъ.

Теперъ винъ ненавыдивъ бунтаривъ надъ усе на свити, оскилькы, оскилькы постачало ненавысти ёго серце, и почувшы, що жандарськый полковныкъ, якъ прыйихавъ, пишовъ до Марижного, зразу змиркувавъ, що той мае у справи гвалта якусь участь и сылу. Тутъ Тарноруцькый вже не вагався довго та и соби побигъ до Марижного шукаты хочъ не обороны, такъ помсты на напастныкивъ, вже и не думаючы про те, якои зневагы наробывъ ёму Петро Петровычъ. Зубожывшы нагально, Тарноруцькый почувавъ себе такымъ прыгнобленымъ, що и самъ не вважавъ себе вартымъ найменчои повагы; ёму здавалося цилкомъ натуральнымъ, що зъ ёго коженъ мае теперъ право поневирятыся.

Вже зъ порогу винъ почавъ плакаты, бидкатыся та кланятыся.

— Цыть, не квыль мени тамъ! кажы дило!—сердыто спытавъ ёго Марижный, бо ёго дратувалы ти жыдивськи зойкання и голосиння.

— Ой лышечко! якъ же мени не плакаты, Ваше Превосходытельство? Ви-жъ нашъ гасподынъ, вы тутъ найстаршій гасподынъ... Ви увше знаете... ну разви я не чесный еврей, ну хиба я кому зробывъ яку крывду, за чего-же я остольки страждаю?.. Порятуйте вы мене...

Марижный ще дужче похмурывся; винъ черезъ сылу терпивъ у своихъ горныцяхъ цёго слынявого жыда та ще зъ ёго лементомъ.—Мовчы мени, Іюдо, покы тебе не пытають!—гукнувъ винъ.—Бороныты васъ я буду, хочъ бы и не хотивъ, хочъ не для васъ, такъ для порядку!

Та Тарноруцькый, хочъ и злякавсь генерала, та збентеженый и розлюченый не здолавъ прымусыты себе замовкнуты, а все зойкавъ, покы на решти не розрюмсався.

— А иды ты!—схотивъ вже гоныты ёго Марижный.

— Дозвольте, Ваше Превосходытельсто!—несмилыво обизвався справныкъ.

— Що?..

— Дозвольте мени зъ имъ побалакаты, не трудить себе, Ваше Превосходытельство...

— Ну—...нетерпляче постукавъ генералъ пучкамы по столу.

— Слухайте, Грыгорію Яковлевычу!—почавъ встаючы справныкъ, що ще вчора гравъ зъ Тарноруцькымъ у карты и соромывсь поводытыся имъ зъ неввичлыво.

— Атъ, Грыгорый Яковлевычу!—насмишкувато и роздратовано заввважывъ Зарижный у голосъ.

— Справныкъ засоромывся, кахыкнувъ и почавъ знову:—слухай, Гершку, ихъ превосходытельство не кажуть, що бунтаривъ не треба караты; ты знаешъ—вже де-кого покарано, покарають и решту.

— Що вы мене выправляете передъ симъ жыдомъ!—сердыто обизвався Зарижный: вы про се неклопочиться будь ласка!

Справныкъ захватався...—Ихъ превосходытельство кажуть, що бунтаривъ хтось намовлювавъ, и дуже заклопотани, щобъ знайты тихъ, хто намовлювавъ, и ихъ Превосходытельство певни, що тутешни мешканци, та ты краще можешъ дизнаты чы домиркуватыся, хто-бъ се навчывъ юрбу до бунту.

Тарноруцькый прыслухався, и очы ёму замыготылы и забигалы. Винъ ще не бувъ певный, хто тому справди вынный, и не гаразъ розумивъ про кого ёму розсказують; та колы почувъ заразъ, що вонымо жуть буты вынни ёго лыхови, вже ладенъ бувъ ихъ ненавыдиты. До того-жъ ёму хотилося догодыты и Зарижному, и справныкови, а нарешти винъ бувъ такый роздротованый, що бажавъ-бы помстытыся хочъ на кому-небудь, и винъ загадався перебигаючы думкою по городянахъ.

— Щось блыснуло у очахъ Тарноруцького, але винъ ще несмилыво заввважывъ.

— Може Рахманный?..

— Такъ, Рахманный!?. выхопывся справныкъ, и не можно було вгадаты, чы дывуючысь, чы завиряючы.

— Що то таке Рахманный?—знявшы высоко бровы, спытавъ Зарижный.

— Це тутъ е часовый майстеръ, Ваше Превосходытельство.

— Ну?..

— А черезъ вищо вы вгадуете на Рахманного?—обизвався полковныкъ, нахыляючысь черезъ стилъ у бикъ Тарноруцького наче хотивъ-бы наблызытыся, чы й прыгорнутыся до ёго.—Що вы помитылы у Рахманному?

— Якыйсь чудный... задуманный... Часомъ свои гроши переводить...

— Якъ переводыть?—похопывся полковныкъ.

— Такъ, роздае, кому зъ ремесныкивъ скрутно, каже, треба одно одному допомогаты... пхе!—здвыгнувъ здывовыжи плечыма Тарноруцькый.

— Гмъ!..

— Ну,... за гешефтомъ не клопочытся, комерціи не поширює,... и не гуляе, и не піяче, такъ щосъ незвычайного!—ще невпевнено вкладавъ Тарноруцькый.—И кныжкы чытае—скинчывъ винъ певнише, наче на ёго думку у чытанню була найголовниша провына Рахманного.

— Вы якъ думаете?—обернувся до справныка жандаръ.

И винъ и Зарижный обыдва втупылыся у справныка та вывиряюче прыдывлялыся ёму.

Справныкъ почувавъ себе дуже ніяково пидъ тымы поглядамы; винъ не гараздъ знавъ щось про Рахманного: часовый майстеръ тай потимъ, але такъ не можно було казаты; невидминно треба було знайты вынуватого, и колы вже Рахманный прыплутавсь до бунту, доконче потрибно щось знаты про ёго и, прыдушуючы якесь соромлыве почуття, справныкъ прымусывъ себе видказаты, наче зъ переконанням: Эге, Рахманный може буты... такъ, Рахманный.

VXI.

Тимъ часомъ, невдовзи якъ полковныкъ та справныкъ надійшлы до Зарижного, Пылыпкови трапылася така чудасійна прыгода. Була це вже вечирня доба и на двори гараздъ посутенило. Пылыпко тилькы бувъ выхопывся зъ-пидъ очей Сидора Есиповыча та инчыхъ прыгинчыхъ, якыхъ на ёго голову у господи въ Зарижного було до ката, и збирався гарненько чкурнуты зъ двору, але ледве выбигъ у садъ, якъ почувъ наче ёго хтось пошепкы та выразно клыче. Горныци пана Зарижного стоялы надъ кручею, що де спуховише, а де и зовсимъ урывчасто, спадала у долыну, якою бигла чы-мала рична. По тій кручи и по долыни ажъ до самого берегу розкущывси садъ. Зъ горяного саду, якый бувъ не такъ вже велыкый и розлигся праворучъ горныць, ишло у ньзъ килькы шырокыхъ алей, де котри ажъ до рички, але уси воны булы осторонь горныць, позадъже ихъ була тилькы невелыка площына заведена у квитныкъ и зразу урывалася стримчастою кручею, врослою бузкомъ, рожамы, дыкою тернынoю, навмысне залышеною у дычавыни для красы круговыду.

Саме у ціеи кущы Пылыпко и почувъ чыесь шопотиння, що проби клыкало ёго выразно. Правду мовыты, першои хвыли винъ ажъ похоловъ, волосся заворушылося ёму на голови, и винъ не самохить позадкувавъ крокъ чы два до горныць.

Що воно за нечыста сыла?!. Та не той бувъ Пылыпко, щобъ попустытыся на страхополохство; винъ не знавъ-бы, якъ и перебуты такый соромъ, тай цикаво було дизнаты, що воно. Черезъ те винъ такы прысылувавъ себе и наблызывся до кручы, наважывшысь побачыты тамъ хочъ чорта зъ пекла; хочь проте, колы почувъ якъ хрускотыть чагарь, та ще нагледивъ мижъ кущамы якусь гладку, здавалося, круглу та вудлату поторочу, то зновъ трохы не наробывъ бувъ лементу, дарма на зывзяты замирыи добре зробыла посороча, що обизвалася саме у скрутну хвылыну.

— Не бійся,—це я!

— Хто я?—раздратованный за свій острахъ, ще не дуже ласкаво спытавъ Пылыпко.

— Та я-жъ, Иващко Ракло...

— Цуръ тоби! якъ мене налякавъ!..

— Молодый ще ты, хлопче, якъ бачу; та годи! йды краще до мене—е пыльне дило; та почуешъ де що цикавого...

А Пылыпко вже заспокоювався той не потребувавъ велыкыхъ ваклыкувань; Ракла винъ знавъ добре, хочъ особыстыхъ видносынъ зъ имъ тилько и мавъ, що якось Ракло потай видъ хозяина выпарывъ ёго дурно у лазни, бо бувъ тоди Пылыпко порядно замурзаный соби хлопчына, а на купиль грошей бигъ-мало, та вдруге ще надилывъ ёму, взявшы, якъ належне зъ передачей въ крамаря зъ стильца пряныка,—отъ и потимъ. Але хто бъ у Дубнахъ не знавъ Ивашку, и Пылыпкови, що и часто бачывъ, и багато чувъ за Ракла, здававсь винъ не тилькы цикавою, а якоюсь надзвычайною, захоплюючою людыною. Часомъ навить, колы сходылося товарыство такихъ хлопчакивъ, якъ Пылыпко, марылы воны про Ивашку, выгадуючы усяки нисенитни выгадкы про те, якъ жыве та що поробляе цей дубенськый чудасій.

Пылыпко зайшовъ мижъ кущы, и воны зъ Ракломъ тыхо посунулыся у-ныззъ кручею, щобъ бува хтось у двори не почувъ ихъ гомону.

— Такъ що?—спытавъ Пылыпко зъ цикавистю.

— Ты бачывъ, до твого старого чорта пришло на гостыны ще двохъ? справныкъ та цвяхованый панъ; то якъ ты не абы що, а путящый-хлопчысько, то иды та пидслухай, про вищо балакатымуть.

— На вищо?

— На те, щобъ прыйты та мени розсказаты; я тебе тутъ выглядатыму.

— А це на вищо, дядечку?

— Якый меткый! Багацько знатымешъ, рано встаріешся,— мазнувъ Ивашко Пылыпка по выду долонею.—Хиба-жъ не кортыть тоби дозолыты своёму чортови, а якъ кортыть, то иды та робы, що кажется. Николы мени багато розсказуваты, а такъ черезъ пьяте, десяте, катъ вже зъ тобою, розскажу. Бачывъ, що сёгодни у городи поробылося?

— А вже-жъ...

— Що-жъ, хороше? подобается?

— Пылыпко ажъ зареготався зъ утихы.

— А ось имъ не до шмыги; ажъ у носи закрутыло. То це въ ихъ збиговысько; радятся, кого якъ за жидивъ покараты; такъ треба-жъ людей перестерегты...

— Кортило Пылыпкови зробыты по Раклынному; кортило и генералови устругнуты капость, та винъ ще вагався.

— Добре вамъ загадуваты, а якъ вловлять на шкоди, дадутся у памкы, за тыждень не вычухаюсь.

— Верзешъ ни дзень, а ни кукурику! Страмывся-бъ, такому парубкови тіеи дурныци боятыся! Прывчайсь, хлопче, зъ замолоду, на старисть якъ знахидка буде, нашому братчыкови безъ того жыття не вытягнешъ. Иды, вже, иды, не выкручуйсь, та гляды, щобъ прыйшовъ. А я для тебе ще и гостынця маю; такый крамъ чудовый, сёгодни доскочылы! свижый, ажъ очы бере!

Вырядывшы Пылыпка, Ракло вывернувся у кущахъ и не забарывся заснувшы. Спавъ винъ мицно та добре, але вразъ и на дыво сторожко. Кожныхъ десять-пьятнадцять хвылынъ винъ прокыдався, прыслухався, часомъ зводывся нашорошывшысь на руку; то вже була въ ёго звычка, що выробылася зъ немынучои потребы за довги рокы по ночахъ на варти та пры случаяхъ, колы доводылося выглядаты влучного часу пры штукахъ та на здобуткахъ. Такъ мынула годына и друга и третя, покы нарешти Ивашко почувъ, якъ комусь подано кони, а потимъ воно рушыло зъ двору; тоди винъ продравъ очы, пидвивсь, струснувсь, выгладывъ пыку долонею и почавъ выглядаты Пылыпка. Той справди не забарывся прыбигшы та не тямывъ гараздъ розсказаты; пидслухаты було не зручно, и хочъ винъ такы прыстроився и чувъ де що, та не усе допонявъ. Щось тамъ панъ грымавъ на справныка, щось лаялы бунтаривъ, казалы ще про щось, Пылыпко не мигъ розсказаты про вищо; нарешти зъ Пылыпковыхъ сливъ тилько и зрозумивъ Ракло, що жыдъ Тарноруцькый появывъ на Рахманного, а паны поняли тому виры тай вынуватять ёго за усихъ.

Ця звистка дуже звеселыла Ракла: це було на руку ковинька, що паны наскочылы на дурный слидъ та пошылыся у дурни, и винъ весело осмихався. Рахманный а ни сномъ, ни духомъ, а на ёго выну покладають!—И цилковыто задоволенный, Ивашко подарувавъ Пылыпкови доброго пояса тай подався кущамы унызъ, пересягнувъ рова, тай опынывся у вузенькыхъ суточкахъ, що йшлы яромъ мижъ мищанськымы левадамы та хаткамы.

Але колы винъ йшовъ, ёму зробылося чогось не такъ втишно и навить мовъ трохы шкода Рахманного.—Наберется бидный чоловикъ клопоту, тожъ рахуба, тожъ лыхо! Атъ!—заспокоивъ себе Ракло,—не вынненъ, то ничого страшного не зроблять, не засудять, а що трохы посмыкають, такъ ёму и треба, щобъ людей не забувавъ...

Може-бъ краще помиркувавшы, Ивашко и не заспокоився-бъ на цій думци та бильше заклопотався-бъ Рахманнымъ, якъ тымъ часомъ не наспивъ до одного двору, у якому мешкала ёго коханка.

XVII.

Другого дни писля змовынъ въ Зарижного, Рахманный, ни на вищо не дожыдаючы, сыдивъ въ себе за роботою биля стильця, застланого билымъ паперомъ, сылкуючысь працею прыглушыты знепокоени думкы. Осторонь на ослонци сыдивъ Сукъ; винъ бувъ дуже втомленый и, знаты, тилько що зайшовъ у хату. Винъ сперся ликтямы на широко розставлени колина и нервово крутывъ у рукахъ картуза, нахылывшысь напередъ та дывлячысь у доливку. На змокрилому видъ поту лобови и на волосси въ ёго выдушылась картузомъ довкола головы смуга, а килько пасмивъ волосся позвысалы на лоби.

И Рахманный, и Сукъ обыдва булы таки збентежени, що не ради булы розмовляты, и мовчалы. Тымъ часомъ до майстерни зайшовъ гладкый, зъ запухлымъ выдомъ, череватый чоловикъ, одягненый у сыню сукняну чемарку. Гостри якъ въ шуликы и лыхи очы глыбоко позападалы ёму мижъ товсти жылкувати щокы. Увійшовшы, винъ такъ довго и такъ повильно заходывся скыдаты свого картуза, наче-бъ боявся поспишывшысь втратыты свою поважнисть; дали выгладывъ соби волосся долонею и, важко одсапуючысь, розсивсь, не поздоровкавшысь та не дожыдаючы, покы попрохае господарь. Ще килько хвыль винъ мовчкы виддыхувався и ажъ тоди полизъ у жылетну кышеню, вытягъ

звидты дзыгарка и, простягуючы ёго до Рахманного, спытавъ, наче видрубавъ.

— Можете полагодыты?

Видчувалося, що винъ воливъ бы краще сказаты Рахманному „ты", та не знавъ, чы то можно, а навить чы то буд- и добре. Взагали ёму напосило появыты усимъ на очы свою почеснисть, та не знавъ якъ те зробыты, и оглядався зъ кожнымъ словомъ та зъ кожнымъ рухомъ, лютуючы за се разомъ, и на свою невдалисть и на тыхъ, зъ кымъ балакавъ. Щобъ не помылятыся, винъ сылкувавсь менче балакаты та не здолавъ додержуваты такои постановы, и ще покы Рахманный оглядавъ дзыгарка, вже почавъ, хочъначе цидячы зъ себе слова:

— Такъ отакъ! Це вже у Дубни жандаръ прыйихавъ, диждалыся! Погулялы нащы хлопци добре, мусять выдыхаты. Любышь зъ горы, треба и на гору любыты.

— Чорзна що выйшло!—обизвався и Рахманный.

— То якъ на кого. Кому чорзна-що, кому и ни. Намъ зъ Вамы ще й добре, выдымо по комерціи,—въ кого бильша комерція, бильша и корысть! то жыдкы торгъ перебывалы, а то покы воны зтягнутся, намъ попросторишае... Сталося такъ, якъ завжды ведется: дурни робылы, а розумному капотыть, а, заведено якъ голота здуру робыла, такъ ій причъ прочухану ничогисенько и не впаде. Начальство бунтамъ не потуратыме, та якъ ёго и потураты?..

Слухаючы це плескання, Рахманный чувъ, якъ у ёму росте та поновляется жаль, а гасне останній гнивъ на тыхъ, що прыстaлы до шелесту, а натомисць закыпа серце на безвстыдне самолюбство гладкого крамаря.

— Невже-жъ вамъ и трохы не шкода тихъ бидолахъ,—ще зтрымуючы свій гнивъ, промовывъ винъ,—що зъ дурнои головы збылы бучу, а теперъ мусять видбуваты за неи тяжку кару? Невже вамъ не зачыпае серця хочъ трохы те, що тутъ зруйновано жыдивъ у гуртъ, безъ огляду, хто зъ ихъ крывдывъ людей, а хто може никому и не вынный ни сномъ, ни духомъ?

— Э, чы чуете, що мени до жыдивъ тай до тіеи нависнои голоты? Жыдивъ такы и добре, що быто, бо воны-жъ паскудный народъ и невиры, а шелесты?... Хай себе коженъ глядыть, катузи по заслузи; шануйся—то нихто не зачепыть. А навищо и урядъ, якъ не на те, щобъ не попускаты бешкету!...

— Чуючы, що не здолае видповидаты спокійно, Рахманный замовкъ и, скинчывшы оглядаты дзыгарка, сказавъ непрывитно.

— За два карбованци полагодыты можно.

Крамаръ запытавсь торгуватыся, але ничого не выторгувавшы, лышывъ дзыгарокъ и пишовъ.

Ледве винъ выйшовъ, Сукъ скочывъ зъ ослонця, тремтяче, зъ гниву. Отъ воно зійшло на вищо! Нарикалы на жыдивську правду, теперъ видъ своихъ зазнають кращои?! Бачъ! якъ сей харцызъ радіе заздалегыдь, що дертыме, що здума, а робитныкамъ платытыме, що схоче.

— Ну винъ зашыроко роззявывъ рота, такъ довго не буде; воно вляжется,—завважывъ Рахманный.

— Де-жъ пакъ вляжется? Теперъ, якъ жыдивъ вытрощылы, на усяке рукомество на цили Дубны одынъ-два майстры; зъ голымы рукамы нашъ братчыкъ що зціе?—то й сунутся уси до ихъ, а имъ, хочъ ты зъ голоду пухны абы зробывъ дешевше. Я сёгодни ввесь городъ выбигавъ, вже и заразъ багацько бидкаются, що не знайдуть роботы за людську платню.—

— Та тилько докоторого часу. Дубны—все-жъ такыз Дубны, малесенькый куточокъ на шырокому свити и тутешній аколотъ велыкого и довгого вплыву на платню не матыме. Найидуть нови жыды чы не жыды, стягнутся свои, тай зновъ визьмутся за гешефты, а погано те, що той выбухъ заморочуе людямъ головы, видвертае ихъ увагу видъ того, зъ чимъ треба змагатыся, розризнюе та безхосенно роздражнюе ихъ,—почавъ бувъ Рахманный, та не встыгъ довесты свою думку, бо за дверыма на вулыци почувсь якыйсь брязкитъ, дверы розчынылыся и у хату уступылыся жандарськый полковныкъ, справныкъ та ще двое людцивъ, сусидъ Рахманного, за понятыхъ. Сукъ хотивъ бувъ иты зъ хаты, але ёго затрымалы, сказавшы, що оглядатымуть и въ ёго. Обдывывшысь усю хату Рахманного, забралы ёго до острогу. Вырядывшы ёго, подалысь до Сука, незабаромъ и винъ пишовъ за Рахманнымъ.

XVIII.

Чутка про те, що Рахманного та Сука забрато, збаламутыла цили Дубны, але нихто, навить паны, не моглы дизнатысь за вищо.

Такъ цикавои справы не моглы про те Дубенци залышыты безъ пояснення, и коженъ вышукувавъ свое. Пишла незабаромъ по Дубнахъ цила купа здогадивъ.

Тилько перегодомъ, колы почалы выклыкаты де кого злюдцивъ на допыты, громадськи миркування звернулысь на правдыву стежку; уси побачылы, що Рахманного та Сука вынуватять

за обійку жыдивъ. Але-жъ Дубенцямъ, що зналы гараздъ, хто бравъ участь у шелести, тяжко було се зрозумиты, и воны зъ дывовыжи двыгалы плечыма. На уси Дубны тилько сами найстарши диды та бабы, въ якыхъ не було ни роду ни родыны, понялы тому виры и розповидалы гучнымъ шептомъ одно одному, що колотнечу жыдамъ зняли нихто якъ Рахманный та Сукъ, що ще за тыждень самъ царь, десь тутъ блызько Дубенъ проходячы, перестеригавъ та прохавъ ихъ не чыпаты жыдивъ, а воны якъ вытяглысь та затяглысь, та якъ сказалы, що бытымуть, тай побылы... ну заразъ мусять за непокору видповидаты".

— Бильшъ розумивъ соби, у чому тутъ ричь, Ивашко, та винъ не хвалывся ничого, а тилько лаявся.

Сердыти Иващыны выслови и крыхты не допомогалы дубеницямъ зъясуваты соби сразу, и воны однаково лышалыся у непевности, а Ракло не хотивъ говорыты бильше, бо почувавъ себе дуже погано, и що дали, тяжче та тяжче.

Зразу винъ не звернувъ велыкои уваги на прыгоду Рахманного та Сука, та колы ихъ узято, ёго почало смоктаты за серце, ёму робылося соромно, що не перестеригъ ихъ видъ напасти... Про те винъ ще потишавъ себе тымъ, що имъ не буде ничого, що ихъ скоро пустять, бо воны-жъ легкодухи та ни у чому не вынни". И чудне дило: ёму прыемно було ихъ лаяты, бо винъ хочъ трохы выправлявъ себе тымъ, а выныться передъ собою ёму було тяжко. Але мынавъ и тыждень и другый, забрати ще сыдилы, пишла навить чутка, що ихъ и не пустять; у господи въ Рахманного усе пишло ниворотомъ; властныкъ дому, не схотившы боргуваты на видчай за кватырю, згрибъ та позносывъ до комори на купу и добро Рахманного, и чужи доручени ёму годынныкы; закащыкы сердылысь, розбиралы свое, а якъ дехто, и чуже; добробытъ Рахманного руйнувався у-виччю, и никому було ёго захыстыты, тай самъ винъ, хочъ-бы теперъ ёго и выпущено, не здолавъ-бы вже ничогисинько вдіяты, бо закащыка було втрачено. Дывлячысь на се, Ракло цилкомъ втратывъ спокій. Правда, статковымы втратамы Рахманного винъ ще не дуже журывся, бо, зроду ничого не мавшы, найменчый добробытъ вважавъ за роскоши та прымхы и навить розсердывсь та нагрымавъ на Кибця, колы той и соби, мордуючысь почуттямъ провыны передъ Рахманнымъ, зачавъ бидкатыся на те, що діется въ ёго господи.

— Атъ! дило велыке? Жывемо-жъ уси у злыдняхъ, крутытыметься и винъ якось! не кращый-же за людей!

И хочъ, роздумавшысь трохы, додавъ перегодомъ вже мякше, навить зъ видголосомъ спивчуття: „Ото тилькы, що не

уси люде однакови, а хто завыкъ у добри, тому важче терпиты",—але дійсно непокоився дуже тилько тымъ, що Рахманный та Сукъ у острози, що ихъ можуть заслаты. „Це вже не жарты, це вже неволя! найтяжче лыхо!"—мордувався Ракло, згадуючы що и винъ почасты вынень тому, що Рахманного та Сука карають, и черезъ те мымоволи прыхылявся до ихъ.

— Але що то за люде? За вищо на ихъ така напасть? Якъ сталося, що воны видбуватымуть за те, що счынылы инчи, а воны ще и видраджувалы? Зрозумиты сёго Ракло не вмивъ, та мусивъ такы зрозумиты, и думкы ёго разъ-по-разъ навертались до сёго нерозгаданого пытання... Не часто траплялося Раклови, щобъ такъ ёго морочылы думкы, але вже якъ траплялося, не мавъ винъ видъ ихъ спокою, покы такъ чы инче не розмиркуе було справы... Винъ прямо ненавыдивъ непевности та вагання... „Ни до чого воны, тилько клопитъ видъ ихъ та неспокій", а тутъ воны саме гралыся зъ имъ, якъ николы, неначе ёму „у голови та грудяхъ млынъ ходывъ ходоромъ". Видъ тыхъ думокъ Ракло не спавъ, втратывъ охоту до усёго, навить до йижы, тилько не до горилкы, бо вважавъ іи для такого случаю, якъ и скрызь, за найкращу порадныцю.

Кибець та инчи громадяне, що покынулы Рахманного передъ колотнечею, ще и не знаючы за вищо ёго тягають, почувалы себе ніяково передъ имъ. Розрухъ не задовольнывъ ихъ; воны шкодылы вже навить, що прысталы до ёго: „розгулялыся, запыталыся боронытысь, а сталось ще гирше, де-хто диставъ канчукивъ, багато лышылося безъ заробитку... Шкода було и заходу и того запалу, що поклалы на ёго"... Вже черезъ се роздратованнисть на Рахманного ущухла у ихъ, и коженъ думавъ, що и тутъ, якъ завше, тилькы Рахманный розумивъ справу правдыво та радывъ добре.

Згадуючы, що покынулы та зневажылы ёго, товарышы мымоволи чулыся вынными передъ имъ, и сумлиння докирлыво нагадувало имъ, якъ жаливъ ихъ Рахманный, якъ навчавъ, чимъ допомигъ та що зробывъ кожному. Почуття провыны та сорому зростало ще бильше видъ того, що Рахманному сталося лыхо, що зъ имъ не впадется вже може побачытыся, не можно буде и перепросыты...

Колы-жъ воны довидалыся, що Рахманного судять за розрухъ, почуття провыны въ ихъ пиднеслось вже до справжнёго болю, и воны боялыся обизватыся, боялыся глянуты одынъ одному у очы та банитувалыся, не знаючы що зробыты, чимъ спокутоваты свій грихъ.

Пидъ тяжаромъ сёго почуття бувъ и Кибецъ. Ему важко було и на самоти, важко и дома зъ жинкою, що все боялася та плакала; прыневолыты себе до роботы винъ тежъ не здолавъ и, щобъ не лышатыся вичъ-на-вичъ зъ своимы думкамы, винъ, самъ того не помичаючы, усе горнувсь до Ивашка и скризь ныкавъ за имъ слидомъ, бо, хочъ и вынуватывъ Ракла за все, та той, хочъ и задуманый, бувъ все ще такый бадёрый, такый, поривняючы до Кибця, не зламанный, такъ не журывся невдачею, що и Кибцеви зъ имъ робылося легше.

Та Ракло не бувъ теперъ радый ни Кибцеви, ни взагали товарыству; винъ мавъ досыть клопоту зъ своимы думкамы та потрибувавъ якось ихъ поладнаты и утышыты. Для такои розваги винъ бажавъ спокою та вильного часу на самоти, бо не любывъ шукаты въ людей порады и поясненнивъ. Мавъ винъ таку думку, що и самъ не дурнишій за инчыхъ", тай „уси не такъ мыслять якъ треба". „Зъ кимъ не побалакай, зачнуть доводыты, наплетуть зовсимъ не до дила". Справди, Ивашко бувъ не зовсимъ звычайна людына, и думкы складалыся ёму на свій особыстый ладъ. Мусивъ-бы хтось, напрыкладъ, ще передъ тыжднемъ довесты Иващци, що Рахманный добра людына, нехай бы розглядивъ для того хочъ циле жыття Рахманного, така праця ни до чого-бъ не прыдалася,—хиба може-бъ Ивашко вылаявся, але заразъ, колы Рахманный зазнавъ лыха, само до того прыходыло... зъ обставынъ.

Тымъ часомъ, позаякъ Ракло усе воливъ по своему и не любывъ жыты, якъ ёму не подобалося, той покынувъ Кибця розважаты журбу и каяття самотою, а самъ десь задився.

Блызько двохъ днивъ кружлявъ винъ по шынкахъ за ричкою, часомъ тилькы выходячы на чысте повитря помиркуваты на самоти зъ пляшечкою, и коженъ разъ писля такои порады прокыдавсь вже килько годынъ перегодомъ десь у бурьянахъ, безъ выразнои згадкы, якъ тамъ опынывся. На прыкинченни другого дни Ивашко, схопывшысь, довго видплёвувавсь, чухався та скубъ соби голову и ажъ тоди потягъ умыватыся до ричкы, а звидты, зъ загорилою вже прыязню до Рахманного и зъ певнымы замирамы, у городъ.

Якъ тамъ и въ кого дизнавсь винъ, то ёго таина, але ще трохы згодомъ прыйшовъ до Кибця зъ сумною звисткою, що Рахманного и Сука кудысь вывозять, и повезуть зъ городу писля завтрёго раннишимъ пойиздомъ.

— Мы пидемо до пойизду попрощатыся зъ имы,—вырикъ винъ непохытну постанову.

— Кибець глянувъ на ёго и, ничого не пытаючы, сказавъ тилькы: „Добре“!

— Мы зробымо ще одну штуку...

— Яку?

— Скажу описля, а теперъ и не пытайсь... бо не поможется,—такъ само непохытно, не даючы Кибцеви и розпытуваты, похмуро видказавъ Ракло.

XIX.

Те, що прочувъ Ивашко, було такы правдою. Слидство стало на тому, що дослидъ за бунтъ буде якъ буде, а головными и справжнимы проводырямы ёго вважатымутся Рахманный и Сукъ, а черезъ те порішено ихъ выслаты. Дозвилъ на це бувъ вже одержанный, и выслання справди прызначене на пислязавтрёго.

Ранокъ того дни трапывся дощовый, похмурый, важки сыни хмары, нызько звысаючы, обляглы небо, здавлюючы обрій. Прямо холодный для литнёи добы витеръ зрывався важкымы виддыхамы; у захолодому, имлыстому повитри усе вызирало темне, похмуре, змарниле. Сёмои годыны вранци биля вокзалу стоявъ пойиздъ, вкрапленый дрибнымы краплынамы, подекуды въ тонкымы патёчкамы по бокахъ вагонивъ. По вохкій плацформи поважно походжалы справныкъ и жандарськый по[...]вныкъ, що прыйихалы выряжаты засланцивъ, и дожыдалы[...], покы вырушыть пойиздъ.

Зъ викна одного вагону третёго класу выглядалы Рахманный и Сукъ. Облыччя ихъ булы поблидли, змарнили, очы смутни; воны въ останне дывылыся на той городъ, де стилько рокивъ сякъ-такъ жылы, працювалы, кохалыся у якыхсь мріяхъ, яки заразъ очевыдячкы розвіялыся, появляючы позадъ себе обрыдлыву, смердючу уяву зрады. Боляче було имъ, що уси товарыши видсахнулыся ихъ, що жаденъ не прыйшовъ навить сюды.

На плацформи не було слыве никого; тилько де не де зализнычый урядныкъ чы служка, та ще чоловика зъ тры стороннихъ. Вдарено вже третій дзвоныкъ.—Ажъ ось ззаду зъ-за

пойизду швыдко перебиглы черезъ плацформу вагона дви постати и опынылыся биля викна, що биля ёго стоялы засланци. Це булы Ивашко и Кибець.

— Воны обыдва до земли вклонылыся Рахманному та Сукови, и Ивашко прошопотивъ:

— Прощавайте, братикы... та простить.

Першои хвыли, покы Рахманный тилько побачывъ той поклинъ, а не чувъ ще Ивашчыныхъ сливъ, очы ёго понялыся гнивомъ; ёму здалося, що то глумъ, наруга дыкыхъ людей зъ ёго недоли, незароблени, такъ тымъ тяжче образлыви. Але попочуття се перебигло тилько мыгцемъ, скоро Рахманный почувъ, що сказавъ Ивашко, вдывывся у облыччя ёго та Кибця; винъ зрозумивъ свою помылку, понявъ виры, що ихъ прыгналы сюды, у небезпечне становыще, не злисть, а скрута и каяття.

Рахманного обгорнула невымовна радисть, такъ наче-бъ половына лыха ёго вразъ десь почезла, очы ёму засвитылыся, и радисно та прывитно винъ видказавъ.

— Прощавайте, бувайте здорови, не сердюсь я, не журиться!..

Ивашко вклонывся ще разъ, але, знаты, поспишавсь та хвылювався страшенно и ще кланяючысь додавъ швыдко, такъ само пошепкы.

— Пышить де будете... якъ жытымете,... колы треба буде, надишлемо грошей... чы ще чого... прощавайте!

Почувшы якусь розмову, сторджа у вагони разомъ кынулыся до викна, але вже не почула ничого,—побачылы тилько якыхсь двохъ людей, бо саме въ тій хвыли засвыстивъ паровозъ и пойиздъ рушывъ.

Полковныкъ зъ справныкомъ, похожаючы по плацформи, тежъ тилько здалеку побачылы нызькы Иващыны поклоны.

— Гей, стій тамъ, стій!—гукнувъ полковныкъ. Що се въ васъ? Хто се въ васъ?—знепокоенно пытавсь винъ, звертаючысь до справныка.

— А той, недобачаючы здалека, зтурбовавсь и соби та гукавъ на ввесь голосъ: стій, стій!

Та клопить бувъ ни до чого, бо и такъ ни Кибець, ни Ракло не тикалы, а йшлы куды ихъ клыкано. Ракло йшовъ передъ. Ще за килько крокивъ видъ ихъ очы ёму свитылыся ненатлистю, а выдъ бувъ гнивно напруженый, та колы наблызывсь, то выглядавъ вже зовсимъ по инчому, такымъ, якымъ

звыкъ ёго бачыты справныкъ та зналы уси Дубни—штукаремъ та прыдурковатымъ. Справныкови, тилько пизнавъ винъ Ивашку, зразу полекшало.

— Ты, що тамъ робывъ?—сурово грымнувъ на зустричъ Ивашкови полковныкъ.

— То я, Ваше высокородіе, розумныкивъ дражныты ходывъ,—видказавъ Ивашко, роспускаючы ухмилку на весь выдъ, наче справди ёму було чогось смишно.

— Що?—здывованный, ще сердыто спытавъ полковныкъ.

— Та, бачыте, винъ въ насъ всесвитне ледащо,—обизвавсь вже заспокоеный справныкъ, що не мигъ пидзорыты Иващынои благонадійносты тай бувъ прыхыляный до Ракла за те, що ни хто за Ивашку не вмивъ выпарыты ёго у лазни.—Мабуть сердывсь на тыхъ, може строилы зъ ёго дурныка, ну и забажалось виддячыты.

— Чы такъ-же воно?

— А чому-бъ и не такъ, ваше высокородіе? хыба теперъ ихъ не вильно дратуваты? Вы-жъ мабуть не заборыныте, а воны не допнутся, тай не попобьють...

— Ну то йды къ чорту, якъ такъ!—задовольнывся полковныкъ, шо бувъ такы сёгодни въ доброму гумори,—та гляды вже не вьязны на очы мени зъ твоею поганою пыкою... вже обрыдъ!

— Вклонывшысь, Ивашко пишовъ; Кибецъ потягъ за имъ. Довго йшлы воны мовчкы, тилько Ивашко крутывъ головою та зъ запаломъ плювався у бикъ, а нарешти, якъ заходывсь лаятысь, та такъ заклятовано, ажъ Кибцеви зробылось ніяково.

ЭПИЛОГЪ.

Скоро у Дубнахъ усе заспокоилося; полковныкъ выйихавъ, полыція прытомылася, Ивашко завіявся знову, и вже ажъ на тыждень. Де пропадавъ винъ, не знавъ и Кибецъ, але черезъ тыждень Ракло такы прыйшовъ до ёго.

Довго мулывсь, неначе вагаючысь чы соромлячысь, Ивашко; довго захожувавсь и знову кыдавсь щось пытаты, покы попрохавъ Кибця розсказаты усе гараздъ, про вищо казавъ имъ Рахманный.

Слухавъ Ракло уважно и мовчкы, часомъ тилько угукне, або спыта щось, чы попроха розсказаты удруге, и того-жъ такы вечора знову задився. Але килько днивъ перегодомъ винъ впять повернувсь до Кибця и попрохавъ тыхъ кныжокъ, що чытавъ Рахманный,... „почытаты"...

— Хыба ты вмієшь чытаты?—здывовавсь Кибець.

— Та... вмивъ колысь,—зъ неохотою прызнався Ракло:— Дай!

А перечытавшы килько кныжокъ, винъ прычепывся до Кибця, щобъ знову склыкавъ товарышивъ та—„зробы такъ, щобъ и мене прынято",—казавъ винъ.

— Атъ! що мы безъ Рахманного робытымемъ?—безнадійно видказавъ Кибець.

— Та запытаемось вже...

— Ничого не буде... не хочу!—одмагавсь той.

— Дурню! ну на згадку про ёго... на ёго честь!

Кибець, не чуючысь у сыли до такого дила, довго не зважувавсь, та Ракло такъ обрыдавъ, такъ намагався, що винъ нарешти послухавсь.

Колы Ракла було прынято до громады, колы винъ вперше прыйшовъ на збирку та почавъ дякуваты за обрання, усе товарыство дывувалося, якый винъ зрушеный.

— Спасыби вамъ, люде добри, що и мене пустылы до себе, велыке спасыби,—казавъ винъ. Не гидный я цёго, не зможу вже буты я справжнимъ робитныкомъ, не ладенъ працюваты чесно и гараздъ, якъ кожному треба...

Товарыство знову почало збиратыся, навить згодомъ почало більшаты.

Винъ чысто змииывся: десь не ставало въ ёго давнихъ жартивъ та штукъ; багацько крамаривъ та мищанъ жалкувалы за старымъ Ракломъ, тилькы старый справныкъ не помичавъ у ёму велыкои змины, бо колы часомъ доводылося Ракловы парыты справныка у лазни, винъ завдававъ ему веныкомъ такого хлосту, що той ажъ сердывся

Тоди, осмихаючысь старымъ звычемъ на ввесь ритъ, Ивашко выправлявся

— Та я-жъ хочу чыстише вычыстыты Ваше Высокородіе.

В. Левенко.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

I.

О предкахъ.

Слыхалъ я въ дѣтствѣ своемъ отъ глубокой старушки, родной бабушки моей (по отцу), что родоначальникомъ семьи отца моего, священника села Зеленой Дубравы, былъ одинъ изъ выходцевъ Украйны, состоявшій впослѣдствіи въ числѣ атамановъ славнаго войска Запорожскаго, кочевавшаго у пороговъ Днѣпровскихъ. Подтвержденіе сего я нашелъ въ сочиненіяхъ знаменитаго исторіографа Новороссійскаго края,—Аппола Θ. Скальковскаго; тамъ сказано, что въ числѣ прочихъ куреней козаковъ, кочевавшихъ у пороговъ Днѣпровскихъ, было нѣсколько куреней, населенныхъ козаками „*Лебедыньцями*".

Я передамъ разсказъ мнѣ моей бабушки, какъ мужъ ея, а мой дѣдушка, попалъ въ духовное званіе:

„Времена, разсказывала мнѣ моя бабушка, были тяжкія для житья православнымъ людямъ въ правобережной части Малороссіи, находившейся подъ властью поляковъ. Какого, какого горя не терпѣли православные за свою вѣру православную, которую поляки хотѣли замѣнить уніею, а во многихъ мѣстахъ уже было и ввели унію. И вотъ одинъ изъ этихъ атамановъ Запорожскихъ (имени его не помню, какъ называла бабушка)—„Ле-

бедынець“, имѣя двухъ сыновей, сказалъ старшему изъ нихъ Григорію: „Батько нашъ—гетманъ сбирается прогуляться по Украинѣ и нагнать страху на поляковъ—притѣснителей православнаго народа украинскаго, а потому ты иди туда *завчасу*, и стань тамъ священникомъ, для того, чтобы, когда мы прійдемъ туда, народъ былъ подготовленъ къ приходу нашему и далъ бы помощь отрядамъ нашимъ, между прочимъ и фуражемъ; другого же сына своего атаманъ Лебедынець оставилъ при себѣ въ отрядѣ своемъ. Вотъ и пошелъ, разсказывала мнѣ бабушка моя, дѣдъ твой, запорожецъ Григорій Лебедынець, въ Кіевскую теперь губернію и, по одобреніи громады, посвященъ во священники села Зеленой Дубравы. Такъ называлось оно потому, что находилось на полянѣ, окруженной большими дубовыми деревьями.

— Охъ—тяжка, тяжка жизнь была дѣда твоего, а мужа моего во время священства его въ с. Зеленой Дубравѣ!

Однажды нагрянули въ с. Зеленую Дубраву польскіе жолнеры и, за неподатливостію его пристать на унію, вбросили его въ нашъ погребъ и разложили тамъ курево, заперли его тамъ нашимъ-же замкомъ, взявши себѣ ключъ, чтобы онъ задохся тамъ отъ дыму; понабрали они изъ погреба разныхъ наливокъ—вишневокъ, сливянокъ и грушевокъ, и до того въ нашемъ домѣ понапивались, что повалялися мертвецки пьяными. Видя, что спятъ безпробудно, я подобрала ключъ къ замку отъ погреба, выпустила мужа и сама убѣжала съ нимъ въ окружавшій Зеленую Дубраву лѣсъ.

Много, много и другого разнаго горя дознали мы, покуда не смиловался надъ нами Господъ и надъ всѣмъ православнымъ народомъ правобережной Малороссіи, стонавшимъ подъ гнетомъ поляковъ, и не внушилъ Царицѣ Екатеринѣ мысль принять насъ подъ свое крылышко и дать намъ право свободно исповѣдывать свою православную вѣру. Вскорѣ послѣ сего послѣдовало распоряженіе склонять и уніатовъ, жившихъ въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской, въ православную вѣру, или, какъ выражалась моя бабушка, на благочестіе. И вотъ духовное начальство избрало для этого болѣе извѣстныхъ и способ-

ныхъ изъ оставшихся въ православіи двухъ священниковъ; въ числѣ этихъ избранниковъ былъ мужъ мой, а твой дѣдушка, отецъ Григорій Лебединцовъ (такъ сталъ зваться онъ, когда поступилъ подъ власть русскаго правительства). Когда пришлось ѣхать ему по порученію сему, то я, боясь, чтобы не убили его гдѣ нибудь въ этой поѣздкѣ и я не осталась бы несчастною вдовою, тѣмъ болѣе, что была носящею во чревѣ младенца, настойчиво добилась отъ него, чтобы онъ взялъ и меня съ собою, въ томъ предположеніи, что если убьютъ его, пусть и меня уже убиваютъ вмѣстѣ съ нимъ. Господь далъ,что путешествіе было благополучное и благоуспѣшное, а я къ тому же благополучно разрѣшилась на берегахъ Буга (въ Волынской губерніи) сыномъ Гавріиломъ, который теперь есть отецъ твой, твоихъ братьевъ и сестеръ.

Присоединіе уніатовъ на благочестіе, по словамъ моей бабушки, происходило такъ: пріѣдемъ, бывало, къ уніатскимъ священникамъ; поговорятъ православные священники съ уніатскими, иногда и долго времени; и когда склонятся тѣ священники на благочестіе, тогда они уже сами созовутъ прихожанъ въ свой дворъ, поговорятъ съ ними и, подписавъ листы, сдадутъ на руки православныхъ священниковъ, а тѣ уже отсылаютъ ихъ куда слѣдуетъ.

Отецъ мой Гавріилъ, пришедши въ возрастъ школьный, послѣ домашняго приготовленія въ ученіи книжномъ, поступилъ для продолжнія ученія въ древнюю Кіевскую Академію. Состоя въ классѣ реторики, онъ отправлялся на Рождественскіе праздники въ домъ своихъ родителей въ Зеленую Дубраву. При приближеніи къ воротамъ двора своего, возница на радостяхъ погналъ лошадей; санки въ воротахъ забѣжали въ затоку, ударились объ столбъ, на которомъ были привѣшены ворота, и прибили ноги студента Гавріила Лебединцева до того, что онъ около году могъ ходить только на костыляхъ, прекративъ ученіе свое въ Кіевской Духовной Академіи. Родители его, не видя улучшенія въ состояніи болѣзненныхъ его ногъ, пообѣщали отдать его на служеніе Богу при какомъ нибудь монастырѣ, если ноги его

оправятся. Эта милость Божія послѣдовала. И они обѣтъ свой исполнили, помѣстивъ его въ Мошногорскій монастырь, Кіевской Епархіи. Въ монастырѣ этомъ Гавріилъ Лебединцевъ года черезъ два-три до того преуспѣлъ въ уставахъ монастырскихъ, что былъ назначенъ уставщикомъ или правящимъ хоромъ монастырскимъ, а вмѣстѣ и письмоводителемъ старца игумена, у котораго пріобрѣлъ такое довѣріе, что игуменъ тотъ обращавшихся къ нему по всякимъ дѣламъ ссылалъ къ *Гаврылкѣ*, чтобы тотъ разсудилъ объ нихъ и порѣшилъ. Срокъ обѣта родителей будущаго отца моего истекъ въ прохожденіи имъ монастырскаго послушанія, и онъ, по желанію своихъ родителей, возвратился въ домъ ихъ въ помощь имъ, преклонныхъ ради лѣтъ ихъ, и занялъ при отцѣ своемъ должность церковнаго дьячка.

Родители моей маменьки жили въ с. Яблуновкѣ, богуславскаго уѣзда. Отецъ ея, о. Іосифъ Вакуловскій, былъ священникомъ въ Яблуновкѣ. Потерявъ жену, онъ черезъ нѣкоторое время и самъ скончался. Такимъ образомъ дочь ихъ осталась круглою сиротою, въ возрастѣ юной невѣсты. По сочувствію къ ея сиротскому положенію, Яблуновскіе прихожане и сама помѣщица села того, Михайловская, ходатайствовали предъ Епархіальнымъ начальствомъ о зачисленіи Яблуновскаго прихода за священническою сиротою Ѳеклою Осиповною, но ходатайство не имѣло успѣха. Тогда Ѳекла Осиповна рѣшилась сама отправиться въ Кіевъ. Много натерпѣлась она тамъ горя; напрасно вызывала на сочувствіе къ своему дѣлу декастерскихъ чиновниковъ. Задобрить же ихъ у нея не было никакихъ средствъ; наконецъ, она обратилась къ митрополиту Серапіону. Въ одинъ день, рано поутру, пробилась она въ покои митрополита; но секретарь не допустилъ ея къ Владыкѣ. Тогда, воспользовавшись отсутствіемъ секретаря, она рѣшилась итти безъ доклада,—прошла чрезъ всѣ двери и вошла въ самую опочивальню Высокопреосвященнаго Владыки, который еще не былъ одѣтъ, а она, едва завидѣвъ его, со слезами бросилась ему въ ноги. Появленіе дѣвушки удивило Владыку, и онъ спросилъ: кто тебя впустилъ? Я сама вошла— съ твердостію отвѣчала просительница и въ сильныхъ выраже-

ніяхъ изложила свое бѣдственное положеніе. Владыка, не уважившій ходатайствъ помѣщицы и прихожанъ, былъ побѣжденъ ораторствомъ простой сельской дѣвушки и зачислилъ за нею просимый приходъ. Помнятъ-ли лѣтописи православнаго сельскаго духовенства примѣръ такой благоразумной отваги въ рядахъ сельскихъ дѣвушекъ, какой показала Өекла Осиповна? Тутъ же, въ Кіевѣ, нашелся ей женихъ, окончившій курсъ богословія, и она пошла съ нимъ за благословеніемъ къ Владыкѣ. Посмотрѣлъ Высокопреосв. Владыка на жениха и не далъ благословенія, сказавъ, что онъ, какъ видно по лицу, нездоровъ. Три раза ходила она съ нимъ, а Владыка все отклонялъ ее и, наконецъ, въ утѣшеніе сказалъ ей: „Господь пошлетъ тебѣ такого умнаго и хорошаго жениха, какъ ты сама“. Утѣшенная милостивыми словами Архипастыря, Өекла Осиповна оставила Кіевъ и возвратилась въ Яблуновку. Вскорѣ представился ей другой женихъ, окончившій философскій классъ, и послѣ праздниковъ Рождественскихъ имѣла быть свадьба.

Предъ праздниками же Рождественскими того самаго года родители Гавріила Лебединцева предположили обручить его и для сего пріискали дочь выкупщика изъ крестьянъ, богача, проживавшаго въ недалекомъ разстояніи отъ с. Зеленой Дубравы, въ такъ называемомъ Боровиковомъ хуторѣ. Но обстоятельство непредвидѣнное порѣшило избрать ему въ спутницу жизни невѣсту другую. Дѣдушка моей впослѣдствіи маменьки, священникъ, проживавшій въ очень далекомъ разстояніи отъ Зеленой Дубравы и совершенно незнакомый родителямъ Гавріила Григорьевича, проѣзжалъ со своею внучкою Өеклою Осиповною въ с. Торговицу, находившееся на границѣ Херсонской губерніи, къ ея родственникамъ—попросить на свадьбу ея съ окончившимъ курсъ философіи.

Время было зимнее и очень холодное. Въ пути ночь ихъ застигла, когда они должны были проѣзжать с. Зеленую Дубраву Снѣжные заносы и ночное время заставило старика священника попросить ночлега у незнакомаго ему священника с. Зеленой Дубравы, о. Григорія Лебединцева, который радушно согласился

пріютить путниковъ. Этотъ случайный гость объявилъ, что онъ не одинъ, а съ нимъ ѣдетъ и внучка его—барышня; одна изъ сестеръ моего отца, тоже барышня, Ефросинія, немедленно отправилась просить въ домъ и сопутницу. Но та, конфузясь, долго не соглашалась; наконецъ уступила просьбѣ. Когда-же, вошедши въ комнату, нѣсколько ознакомилась съ гостепріимными хозяевами, то въ разговорѣ съ ними проявила такой умъ и веселость характера, что они, на другой день, когда путники отъѣзжали, взяли съ нихъ слово, что на обратномъ пути своемъ непремѣнно заѣдутъ къ нимъ опять. Условіе это исполнено. И въ этотъ пріѣздъ совершилась помолвка жениха Гавріила Григорьевича съ невѣстою Ѳеклою Осиповною, съ условіемъ, чтобы, по вступленіи въ бракъ, Гавріилъ Григорьевичъ занялъ священническое мѣсто въ с. Яблуновкѣ, Богуславскаго уѣзда, такъ какъ приходъ этотъ зачисленъ былъ Владыкою за Ѳеклою Осиповною. И такимъ образомъ Гавріилъ Григорьевичъ, вмѣсто отцовскаго своего прихода с. Зеленой Дубравы, поступилъ священникомъ въ с. Яблуновку. [1])

Во время священства своего въ с. Яблуновкѣ о. Гавріилъ Лебединцевъ имѣлъ дѣтей—Матрону, Арсенія, Петра, Даніила и дочь Ефросинію. По смерти же своего отца, онъ перешелъ на священническое мѣсто въ с. Зеленую Дубраву. Здѣсь у него родились дѣти: Андрей, Ѳеофанъ, Александра, Марѳа и Марія, (умершая въ дѣтствѣ).

Жизнь моихъ родителей не отличалась въ с. Зеленой Дубравѣ достаткомъ, а Яблуновскій приходъ былъ много бѣднѣе. Но отецъ мой, будучи любимымъ священникомъ, какъ въ Яблуновскомъ приходѣ, такъ еще болѣе у прихожанъ Зеленянскихъ, за свое благочестіе и особенно за усердное благоговѣйное богослуженіе и любвеобильное отношеніе къ прихожанамъ, былъ вспомоществуемъ ими, хотя не деньгами, по бѣдности ихъ, но натуральными вспомоществованіями, которыя состояли въ слѣ-

---

[1]) Объ этомъ разсказано въ статьѣ, помѣщенной въ журналѣ «Странникъ» за 1866 годъ, мѣсяцъ апрѣль.

дующемъ: прихожане пахали отцу церковныя земли; во время уборки посѣвовъ на поляхъ, они, по собственному вызову, жали, косили и свозили во дворъ батюшкѣ; ко времени выѣзда нашего въ учебныя заведенія, послѣ праздничныхъ и лѣтнихъ каникулъ, приносили пшено, соль, крупу, просольную рыбу и разные другіе продукты, т. е. все то, что мы должны были доставлять хозяевамъ, у которыхъ мы квартировали, состоя въ учебныхъ заведеніяхъ. А такъ какъ у нашего отца была единственная (буланая) лошадь, необходимая ему для выѣзда по паствѣ, и особенно къ сосѣднимъ священникамъ,—то прихожане для провоза насъ въ школы (въ Богуславъ и Кіевъ) приводили своихъ лошадей и своихъ парней (т. е. молодыхъ сыновей), чтобы не отвлекать отъ работъ двухъ-трехъ годовыхъ работниковъ, служившихъ у нашего отца. При такихъ лишь пособіяхъ возможно было отцу нашему, при несуществованіи въ тѣ времена никакихъ денежныхъ окладовъ отъ правительства, или такъ называемаго теперь жалованья,—содержать въ школахъ пятерыхъ сыновей. [1])

---

[1]) Изъ нихъ самый старшій, Арсеній Гавриловичъ, впослѣдствіи былъ каѳедральнымъ протоіереемъ въ г. Одессѣ и имѣлъ Анны 1-ой степени и на Георгіевской лентѣ на шеѣ (за Севастопольскую оборону) золотой крестъ, осыпанный драгоцѣнными камнями, выданный изъ кабинета Его Императорскаго Величества;—второй братъ, Петръ Гавриловичъ, былъ каѳедральнымъ протоіереемъ въ Кіевѣ,—кавалеръ 1-й же степени Анны, пожалованъ и митрою; третій—Даніилъ Гавриловичъ, по окончаніи Кіев. Дух. Академіи и нѣсколькихъ годовъ службы своей въ качествѣ преподавателя Кишеневск. Дух. Семинаріи, перешедшій на службу въ Петербургъ по военному вѣдомству, прослужилъ по сему вѣдомству болѣе 40 лѣтъ; на службѣ сей принималъ въ качествѣ Члена Военнаго Кондификаціоннаго Комитета, преимущественное участіе въ составленіи свода военныхъ законовъ и умеръ въ чинѣ Тайнаго Совѣтника, имѣлъ въ числѣ другихъ высшихъ орденовъ и орденъ Бѣлаго Орла; пятый братъ мой,—Ѳеофанъ Гавриловичъ, вмѣстѣ со мною учившійся, по окончаніи Кіев. Дух. Академіи, поступилъ преподавателемъ въ Кіев. Дух. Семинарію, потомъ переведенъ

Коснувшись, такимъ образомъ, въ своихъ воспоминаніяхъ біографіи моихъ предковъ, перехожу за симъ къ болѣе подробному воспоминанію о себѣ и моемъ младшемъ братѣ за время школьнаго нашего обученія.

II.

Воспоминанія мои объ обученіи моемъ въ церковной школѣ села Зеленой Дубравы.

Первоначальное обученіе книжной и письменной премудрости получилъ я вмѣстѣ съ младшимъ моимъ братомъ, Өеофаномъ Гавриловичемъ, въ Зеленянской церковно-приходской школѣ, баккаляромъ коей состоялъ старикъ-шляхтичъ, панъ Корчинскій. Обучалъ онъ насъ *абецадлу*, чтенію по титламъ и слово-титламъ, утреннимъ и вечернимъ молитвамъ по букварю печати Кіево-Печерской лавры. По изученіи букваря, обязательно было для каждаго „учня" приносить пану баккаляру, именовав-

---

баккалавромъ Кіев. Дух. Академіи; перешедши на службу въ качествѣ начальника Учебной Дирекціи въ Привислянскій край, по выслугѣ срока на пенсію, возвратился въ Кіевъ, и основалъ здѣсь журналъ «Кіевскую Старину», труды по коей, какъ извѣстно мнѣ, и свели его преждевременно въ могилу; умеръ въ чинѣ дѣйств. стат. совѣтника. Четвертый братъ, это моя мѣрность (авторъ описываемыхъ воспоминаній), заслуженный протоіерей, бывшій настоятель собора въ губ. г. Ломжѣ, законоучитель 8-ми классной мужской гимназіи, и теперь пенсіоверъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, кавалеръ Анны 2-й степени и Владиміра 4-й степени. Всѣ мы всегда помнили каждую услугу, оказанную намъ Зеленянскими прихожанами въ трудный періодъ воспитанія нашего въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.—А братъ Петръ Гавриловичъ, умирая завѣщалъ для Зеленянской школы и капиталъ, получаемый изъ купленной имъ невдалекѣ отъ села Дубровы численной земли, чтобы школа поддерживалась съ процентовъ того капитала.

шемуся еще и „Директоромъ“, гречаную съ саломъ кашу, которую торжественно съѣдали вмѣстѣ съ нимъ и всѣ его „учни“. Та-же исторія происходила и по изученіи Часослова и Псалтыри. Выдержавши блистательно экзаменъ въ умѣньи читать по Часослову и Псалтыри, мы допускались къ чтенію ихъ и въ церкви при богослуженіи. Особенно требовалось читать звонко псаломъ „Благослови душе моя Господа“, положенный для чтенія при окончаніи литургіи при раздачѣ антидора, чтобы заслужить похвалу отъ парафіянъ и парафіянокъ, по выходѣ изъ церкви толковавшихъ о томъ, насколько хорошо прочитано было „Благослови душе моя Господа“. Предъ праздникомъ Рождества Христова панъ баккаляръ обучалъ насъ колядкамъ, которыя мы распѣвали въ домѣ отца нашего, а крестьянскіе „учни“—въ домахъ почетнѣйшихъ прихожанъ. Изучаема была въ Зеленянской школѣ и „личба“, т. е. писаніе цифръ, а также и письмо, которое состояло въ списываніи вокабуловъ, начерченныхъ баккаляромъ на большой деревянной доскѣ сухимъ мѣломъ, а мы копировали на малыхъ ручныхъ доскахъ обмоченными въ разведенной водою „крейдѣ“ перьями. Такова была программа обученія нашего въ Зеленянской школѣ, существовавшей съ давнихъ временъ. [1]) Баккаляръ Корчинскій, надо отдать ему долгъ справедливости, былъ жизни трезвой и человѣкъ набожный. Одну только имѣлъ слабость—много нюхалъ табаку и такъ часто открывалъ свою большую лубяную табакерку, что отъ непріятнаго запаха „учни“ его невольно чихали. Табакъ свой приготовлялъ такъ: закупивши въ м. Ольшаной нѣсколько пачекъ листьевъ „мархотки“, въ свободное отъ ученія время онъ посылалъ „учней“ изъ крестьянскихъ дѣтей на могилки (историческіе курганы), находившіяся на выгонѣ, сбивать будяки (круглые съ острыми колючкамы),—сушилъ то и другое вмѣстѣ въ печкѣ и, смѣшавши, заставлялъ тереть въ большой „макотрѣ“.

Послѣ обученія меня и младшаго брата моего въ Зеленянской школѣ, отецъ нашъ самъ дополнилъ подготовку нашу

[1]) Въ этой школѣ обучались и старшіе мои братья, о коихъ я выше упомянулъ.

для поступленія въ Богуславское духовное училище. Подготовка эта заключалась въ изученіи личбы до тысячи и улучшеніи почерка нашего. Какъ хорошій каллиграфъ своего времени, отецъ чтобы исправить почеркъ нашъ, прописывалъ собственноручно на малыхъ деревянныхъ разлинеянныхъ дощечкахъ—сначала строчныя, а потомъ прописныя буквы, и послѣ нихъ—слова. Мы же на остальныхъ линейкахъ копировали и такимъ образомъ пріучались къ отцовской каллиграфіи. Послѣ упражненій на доскахъ, переходили къ писанію на тетрадяхъ гусиными перьями. Чернила заготовлялъ отецъ нашъ, въ видахъ экономіи, изъ чернильныхъ орѣшковъ и купоросу, что стоило не болѣе 5 грошей. По закону Божію мы были приготовлены только знаніемъ молитвъ. Чтеніе утреннихъ и вечернихъ молитвъ происходило такимъ порядкомъ: собиралась вся семьи, состоящяя изъ 5 братьевъ и сестеръ; отецъ дѣлалъ возгласъ „*Благословенъ Богъ Нашъ*", на что очередной отвѣчалъ „аминь" и начиналъ читать молитвы, во время чтенія которыхъ въ извѣстные промежутки мы творили земные поклоны, а мать наша все время стояла на колѣняхъ. По окончаніи чтенія молитвъ, отецъ нашъ говорилъ дневной отпускъ, какой полагается на церковномъ богослуженіи' и мы цѣловали руки отца и матери. Чередовались въ чтеніи молитвъ мои старшіе братья и тогда, когда были воспитанниками Кіевск. Дух. Академіи.

III.

Воспоминанія о Богуславскомъ Духовномъ Училищѣ за время бытности моей въ немъ въ 1837—42 году.

Воспитанные дома въ страхѣ Божіемъ, навыкшіе къ чтенію въ церкви и каноновъ на утрени, поступили мы для начальнаго образованія въ Богуславское д. училище при мужскомъ монастырѣ. Помѣстили насъ на квартирѣ, наполненной воспитанни-

ками высшихъ классовъ, и поручили надзору одного изъ нихъ, нашего родственника, Петра Семеновича Ильяшевича, сына дьячка с. Зеленой Дубравы. При тихомъ, кроткомъ характерѣ своемъ, онъ не въ силахъ былъ защищать насъ, малышей, отъ разнаго рода обидъ, какія претерпѣвали мы отъ старыхъ соквартирантовъ. Когда подавались на ужинъ гречаныя галушки въ квасу, старшіе на расхватъ забирали все, а мы хлебали только квасъ. Дадутъ бывало намъ въ руки объемистую деревянную коновку съ привязанной къ ней вверху веревкой и послѣ ужина пошлютъ въ вечернюю темную пору принесть чистой, какъ кристаль, воды изъ криннчки „камянки", высѣченной на камнѣ. Криничка эта находилась на неблизкомъ разстояніи отъ квартиры нашей и путь къ ней пролегалъ по монастырскому лужку между кустарниками, извивался по обрывистымъ скаламъ, затемнявшимся росшими вблизи ихъ ольховыми деревьями. „Каменка" эта вызываетъ у меня слѣдующее пріятное воспоминаніе. Черезъ годъ по поступленіи моемъ въ училище, когда насъ перевели на другую квартиру, за лугомъ монастырскимъ, пробирался я поутру подлѣ „каменки" въ классъ и увидѣлъ стоящаго около ней монаха. Хотите, можетъ быть, напиться воды?—спросилъ я.—Нѣтъ, хочу умыть лице свое, но нечѣмъ достать воды. [1]) Я предложилъ ему свои услуги. Чѣмъ же можешь помочь мнѣ?—продолжалъ онъ. Ничего не говоря, я быстро снялъ себя сапожки, бѣлкою всползъ на близъ стоявшее дерево и досталъ спрятанный тамъ свой деревянный съ веревочкой ковшикъ, которымъ зачерпнулъ воды и слилъ на руки монаха. Умывшись, монахъ этотъ предложилъ мнѣ еще достать воды и слить ему на голову. Погладивъ меня по головѣ, онъ спросилъ мое имя и фамилію. Не мало пораженъ былъ я, когда черезъ часъ послѣ моего прихода въ училище, вошелъ въ нашъ классъ архіерей съ повстрѣчавшимся со мною у кладезя монахомъ. Послѣдній что-то шепнулъ на ухо первому и указалъ рукою на меня. Архіерей, никого не спрашивая изъ

---

[1]) Вода въ криничкѣ «каменной» находилась глубоко и рукою нельзя было достать ее.

учениковъ нашего класса, подошелъ ко мнѣ и спросилъ, какъ твоя фамилія? Получивши отвѣтъ, поднялъ спустившіеся съ головы моей волосы, посмотрѣлъ на лобъ и сказалъ: „Лобъ большой, должно быть мудрецъ будешь". Архіерей этотъ былъ Иннокентій, викарій кіевской митрополіи, впослѣдствіи архіепископъ Одесскій, а монахъ—Серафимъ, баккалавръ Кіевской Академіи, впослѣдствіи архіепископъ Воронежскій.

Успѣхи наши въ первые два года пребыванія нашего въ богуславскомъ училищѣ были довольно слабые,—что объясняется слабостію надзора надъ нами, частыми прогулками по монастырскому лугу для осмотра птичьихъ гнѣздъ, увлеченіемъ пѣніемъ соловьинымъ, прислушиваніемъ, сколько кому закукуетъ кукушка, и разными играми. Ко времени переводныхъ экзаменовъ нашихъ изъ второго класса въ третій (курсъ былъ двухгодичный) пріѣхалъ къ намъ отецъ нашъ и пошелъ къ учителю нашего класса Ф. М. М—му собрать справки объ успѣхахъ нашихъ. Въ невеселомъ расположеніи духа возвратился къ намъ:—тебя, Андрей, сказалъ отецъ, по просьбѣ моей, какъ старшаго брата, обѣщалъ учитель перевести въ слѣдующій классъ, а за тебя, Ѳеофанъ, я далъ цѣлый рубль, чтобы перевели. Нельзя порицать за это М—го, принявъ во вниманіе, что годовое жалованье его было всего 10 р. а онъ былъ женатъ и имѣлъ двухъ сыновей. Смотрителемъ богуславскаго училища, когда я и братъ мой были во второмъ классѣ, считался игуменъ монастыря, о. Григорій, носившій кличку „Гречка",—человѣкъ лѣтъ 70—80, бѣлый какъ лунь. Училища нашего не посѣщалъ, по крайней мѣрѣ младшихъ классовъ, и мы видѣли его только въ монастырской церкви, куда водили насъ на богослуженіе, или проходящимъ въ стѣнахъ ограды монастырской, при посѣщеніи келій братій монастырскихъ. Тихій, безмятежный старецъ этотъ памятенъ мнѣ по такому случаю. Когда меньшій братъ мой Ѳеофанъ на первомъ году нахожденія нашего въ училищѣ заболѣлъ корью, старушка служанка посовѣтовала мнѣ напоить его настойкою съ липоваго цвѣта, подсластивъ медомъ, и сказала, что за копу грошей можно купить стаканъ меду въ монастырѣ, гдѣ, по случаю великаго

поста, бываетъ приносъ и медомъ. Я отправился въ монастырскую церковь; но послушникъ сказалъ мнѣ, что въ этотъ день, за окончаніемъ поминовеній (великій четвергъ), всѣ кухлички перенесены уже къ о. игумену для раздѣла между братіей. Что было дѣлать? Рѣка Рось была въ разливѣ и трудно было доставиться въ городъ, чтобы купить тамъ меду. Я рѣшился пойти къ о. игумену. Получивъ аудіенцію, я объяснилъ ему причину своего посѣщенія. Онъ повелъ меня въ свою коморку при келліи, гдѣ находились кухлики, и предложилъ мнѣ выбрать любой. Избравши самый большій, я далъ о. Игумену копу грошей. Онъ разсмѣялся, возвратилъ мнѣ деньги и далъ еще одинъ кухликъ.

По переводѣ насъ въ 3 классъ, успѣхи наши въ наукахъ повысились, чему мы обязаны сколько строгимъ внушеніямъ со стороны родителей, столько и заинтересовавшему насъ своими уроками учителю греческаго языка и соединенныхъ съ нимъ предметовъ, Стефану Романовичу Турчинскому. Учитель сей былъ изъ вновь окончившихъ курсъ Кіевской д. семинаріи и почти изъ первыхъ учениковъ;—человѣкъ онъ былъ весьма энергичный и принялся горячо и разумно за преподаваніе порученныхъ ему предметовъ. Особенно увлекъ онъ насъ своимъ методомъ преподаванія греческаго языка, какъ главнаго предмета. Вмѣсто того, чтобы задавать намъ по учебнику „отселѣ до селѣ", какъ водилось тогда, онъ съ перваго урока началъ чертить намъ уроки по греческой грамматикѣ на классной доскѣ. Стучалъ мѣломъ звонко, слова произносилъ громко, оглядываясь чуть не ежеминутно, заставлялъ за собою повторять то того, то другого ученика въ одиночку, иногда, на краткихъ фразахъ, и хоромъ, чѣмъ и пробудилъ насъ отъ школьной дремоты. Такимъ методомъ преподаванія прошелъ съ нами въ непродолжительное время этимологію; по ознакомленіи насъ съ нѣкоторыми правилами синтаксиса, перешелъ къ устнымъ, такъ называемымъ *эллокуціямъ*, подымая на нихъ то одного, то другого, воспитанника. Упражняя насъ въ *эллокуціяхъ*, по окончаніи цѣлаго предложенія, или нѣсколькихъ и даже цѣлой рѣчи, вызывалъ охотниковъ повторить все, что говорилось иногда въ продолженіе цѣлаго часа, сначала по

русски, а потомъ въ переложеніи на греческій языкъ. И я съ братомъ Ѳеофаномъ, благодаря природной памяти, преимущественно предъ прочими товарищами отличались на такихъ эллокуціяхъ и обратили на себя особенное вниманіе Стефана Романовича. Къ Рождественскимъ праздникамъ мы стояли въ разрядномъ спискѣ въ числѣ первыхъ учениковъ по греческому языку и соединенныхъ съ нимъ предметовъ, напр.,—по церковному уставу. Но особенную ревность возбудилъ у насъ Стефанъ Роман. на своихъ эллокуціяхъ переложеніемъ съ церковно-славянскаго языка на греческій такъ называемыхъ начинательныхъ церковныхъ молитвъ. Самъ-же онъ въ этомъ руководился какою-то имѣвшейся у него небольшаго формата книжкой на греческомъ текстѣ. Мнѣ и теперь помнятся нѣкоторыя начальныя греческія слова этихъ молитвъ. Воспитательное значеніе имѣло для насъ и то, что Стефанъ Роман. первый на урокахъ часто приводилъ намъ изреченія изъ Сираха, въ родѣ слѣдующихъ: „Въ злохудожну душу премудрость не внидетъ, ниже обитаетъ въ тѣлеси повинномъ грѣху. Сынъ премудръ веселитъ отца, сынъ-же безуменъ печаль матери". Какъ пріятно мнѣ было видѣть своего незабвеннаго учителя С. Р., впослѣдствіи ректора кіево-софійск. д. училища, когда я былъ въ богословскомъ классѣ семинаріи, присутствующимъ на публичныхъ экзаменахъ нашихъ, на которые пріѣзжалъ и митрополитъ Филаретъ! Съ какою радостію по переходѣ моемъ изъ царства Польскаго на службу въ Кіевъ, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, на третій день моего пріѣзда, посѣтилъ я состоявшаго уже въ заштатѣ свыше 90-ти лѣтняго старика Стефана Роман., прикованнаго къ одру болѣзненному! Онъ сразу узналъ меня, обрадовался и жаловался на незначительный окладъ получаемой пенсіи. Чрезъ непродолжительное время оставилъ онъ земной міръ, и я въ числѣ прочихъ имѣлъ утѣшеніе проводить его гробъ до могилы. Вѣчный покой, царство ему небесное!

Учителемъ латинскаго языка былъ у насъ Иванъ Никитичъ Цвѣтковскій, человѣкъ доброй души, но по давности нахожденія на службѣ ослабѣвшій въ педагогическомъ дѣлѣ, по-

чему мало интересовалъ насъ своими уроками. Былъ требователенъ, когда начали изучать спряженіе глаголовъ съ ихъ формаціями, а въ особенности предъ нашимъ отъѣздомъ домой на каникулярное время, угрожая не пощадить „маменькиныхъ на насъ портковъ", какъ онъ выражался,—при чемъ дѣлалъ оговорку, что пощада возможна для тѣхъ учениковъ, родители которыхъ привезутъ овсеца для его лошадей. Припасши при своемъ одиночествѣ нѣкоторый капиталъ отъ репетицій, Иванъ Никитичъ обзавелся парою борзыхъ лошадокъ и красивой колясочкой, на которыхъ катался въ послѣобѣденное время.

По переходѣ нашемъ въ 3 классъ, начальникъ монастыря и вмѣстѣ смотритель училища, игуменъ Григорій, вышелъ въ отставку, и на его мѣсто на должность смотрителя поступилъ недавно выпущенный предъ тѣмъ кандидатъ Кіевской духовной Академіи Игн. Петр. М—чъ. Мы и его не часто видѣли, и то только, когда онъ изъ уроковъ въ 4 классѣ, во время перемѣнъ, выходилъ въ училищный корридоръ проходиться. Мы не могли не любоваться его осанкою: корпусомъ своимъ былъ полонъ, росту выше средняго, лобъ широкій и выпуклый, глаза большіе и тоже выпуклые, на длинныхъ щекахъ—бакенбарды довольно волосистые, голосъ густой, поступь важная, на плечахъ плащъ, изъ подъ плаща выглядываетъ черный фракъ съ блестящими серебряными пуговицами въ орлахъ. Въ непродолжительномъ времени начальникъ нашъ принялъ священный санъ съ титуломъ уѣзднаго протоіерея и первенствующаго члена Богуславскаго дух. правленія, помѣщавшагося въ монастырскомъ домикѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ училища. Съ принятіемъ священнаго сана смотритель нашего училища выглядѣлъ еще лучше: ряса на немъ была шелковая—цвѣту свѣтлаго, кафтанъ атласный, препоясанный краснымъ бархатнымъ поясомъ, расшитымъ золотомъ; шляпа шелковая, низкая, съ короткими полями. Весь костюмъ о. смотрителя сшитъ былъ, какъ говорится, по послѣдней модѣ. Квартировалъ онъ въ городѣ, откуда и пріѣзжалъ въ училище въ лѣтнюю пору въ щегольскомъ открытомъ экипажѣ, а зимою—на саняхъ-козырькахъ, на которыхъ кучеръ во время

ѣзды стоялъ на ногахъ, и намъ видно было изъ училища еще версты за двѣ, какъ катитъ нашъ начальникъ. Отъ новаго смотрителя повѣяло на наше училище новымъ духомъ—свѣтскимъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ, равно и супруга его происходили изъ дворянскаго сословія, и родина ихъ была въ Липовецкомъ уѣздѣ, заполоненномъ культурными польскими дворянами-помѣщиками, неотразимому вліянію которыхъ во многомъ подпало и православное духовенство того уѣзда. Учителя, что для нихъ была новинка, приглашались на танцовальные вечера къ о. смотрителю, на которыхъ сближались съ лицами военнаго и гражданскаго вѣдомства. Живо рисуется мнѣ и теперь толстякъ городничій Брюновъ съ треуголкой на головѣ и бѣлыми перьями, въ какомъ видѣ я не разъ видѣлъ его въ монастырѣ, во время архіерейскихъ пріѣздовъ. Одинъ о. инспекторъ нашего училища, протоіерей Мойсей Мудровъ, давній служака, бывшій учитель моихъ старшихъ братьевъ, не поддавался новымъ вліяніямъ. Съ удивительнымъ трудолюбіемъ онъ исполнялъ, какъ учительскую, такъ и инспекторскую обязанность, посѣщая аккуратно ученическія квартиры, какъ поздними вечерами, такъ иногда и утромъ, разбросанныя за рѣкою Росью по домамъ мѣщанъ, на неблизкомъ разстояніи отъ города Богуслава, въ центрѣ котораго находилась его квартира. Посѣщенія эти были довольно затруднительны, въ виду переправы черезъ рѣку Рось на паромѣ, или лодкѣ. Въ субботу, феральный день для воспитанниковъ, о. инспекторъ, до начала занятій на основаніи доставляемыхъ ему свѣдѣній, какъ учителями, такъ и „старшими" изъ самихъ же воспитанниковъ надъ квартирами, въ своей инспекторской комнатѣ подвергалъ наказанію малоуспѣвающихъ, или въ чемъ либо провинившихся. Какъ преподаватель, о. Мудровъ былъ на рѣдкость; преподавалъ же онъ намъ въ 4 классѣ латинскій языкъ и географію. По латинскому языку положено было въ 4-мъ классѣ проходить синтаксисъ по грамматикѣ, а для упражненій переводились греческіе полководцы по Корнелію Непоту. Лучшіе изъ учениковъ не только хорошо переводили по сему учебнику, но читали на память подлинный латинскій текстъ о томъ или другомъ

полководцѣ. Нѣкоторые могли на память прочесть на латинскомъ языкѣ всѣхъ этихъ полководцевъ. Въ 4 классѣ, куда я съ братомъ перешли въ числѣ первыхъ учениковъ, попалъ я въ особую милость у о. инспектора Мудрова и о. смотрителя Мац—ча. Первый, по невозможности для него самаго провожать воспитанниковъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ церковь монастырскую, такъ какъ состоялъ священникомъ при одной изъ городскихъ церквей г. Богуслава,—поручалъ это дѣло мнѣ, равно и надворъ за чиннымъ стояніемъ ихъ въ церкви. Предъ третными экзаменами приглашалъ меня къ себѣ на домъ для переписки на бѣло составленныхъ имъ конспектовъ изъ пройденнаго по предметамъ. Однажды, когда я пришелъ къ нему въ воскресный день предъ литургіею очень рано, онъ попросилъ меня за болѣзнію глазъ, прочесть ему молитвы предъ св. причащеніемъ,—что и исполнилъ я съ величайшимъ удовольствіемъ. Второй—о. смотритель, поручая переписку своихъ конспектовъ другому переписчику, годичныя отчетности по хозяйственной части, представлявшіяся въ Семинарское правленіе, какъ имѣющія характеръ секрета, давалъ переписывать мнѣ, у себя на дому. Въ этихъ отчетахъ прописывалось, между прочимъ, что на покупку дровъ для отопленія классовъ въ зимнее время употреблено столько то рублей съ копѣйками,—чего въ дѣйствительности не было. Согрѣвались-же мы въ классѣ такимъ образомъ: брались за руки и становились въ круговую цѣпь, послѣ чего прыгали до упадка силъ, повышая тѣмъ температуру своихъ тѣлесъ. Это прыганье называлось у насъ игрою въ „качана". Въ тѣхъ-же отчетахъ значилось, что за кочергу для переворачиванія дровъ въ классныхъ комнатахъ во время топки уплочено столько-то, хотя этой кочерги никто изъ насъ не имѣлъ счастія видѣть; на доставку воды для учениковъ во время классныхъ занятій столько то, а между тѣмъ мы утоляли жажду между скалъ у „камянки" якоже древле въ пустыни людіе Божіи. Думается мнѣ, что эти сбереженія шли на покупки намъ конфектовъ во время „рекреацій" или маевокъ, которыя бывали 1, 15 и 30 мая, или на пріемъ

ревизоровъ изъ наставниковъ Семинаріи, на что училищ. наше начальство было щедро.

Въ 4 классѣ на первомъ году по разрядному списку о. инспектора я стоялъ первымъ, Стефанъ Чернявскій—вторымъ, братъ Ѳеофанъ—третьимъ, а по списку о. смотрителя Чернявскій первымъ, я—вторымъ, братъ третьимъ. Приближалося время третного экзамена на второмъ году предъ праздникомъ Р. Хр. (курсъ двухгодичный). О. инспекторъ на послѣднемъ урокѣ принесъ списокъ и положивши предъ собою на столикѣ, первымъ вызвалъ Чернявскаго, вторымъ—брата моего, третьимъ—меня. Это повергло меня въ такое уныніе, что послѣ отвѣта я опустилъ голову на учебную скамью и не могъ ни на кого смотрѣть, ничего слушать. По приходѣ домой на квартиру, я не могъ обѣдать и, упавши на кровать, покрылъ голову одѣяломъ и пролежалъ до вечера; затѣмъ въ тяжеломъ раздумьи, въ темнотѣ ночной, пробродилъ по лугу монастырскому нѣсколько часовъ. Въ эту ночъ я видѣлъ знаменательный сонъ—видѣлъ отца смотрителя, который обратился ко мнѣ съ такими словами: „не скорби, о. инспекторъ понизилъ тебя въ спискѣ, а я повышу". Пробудился я въ большомъ недоумѣніи, что сей сонъ значитъ. Сонъ оказался для меня вѣщимъ—на другой день послѣ классныхъ уроковъ, о. смотритель позвалъ меня къ себѣ для переписки своего разряднаго списка, въ которомъ я значился первымъ, братъ Ѳеофанъ—вторымъ, Ч—скій третьимъ,—подъ какими номерами мы переведены въ Кіевскую Духовную Семинарію.

По вступленіи моемъ на должность учителя богуславскаго д. училища пріятно мнѣ было въ числѣ воспитанниковъ этого училища усмотрѣть трехъ сыновей бывшаго моего инспектора, протоіерея Мудрова, для которыхъ при ихъ слабыхъ успѣхахъ, изъ глубокаго чувства уваженія къ ихъ родителю, вызвался я быть безмезднымъ репетиторомъ. Кстати сдѣлать маленькую замѣтку на счетъ фамиліи Мудрова. По отцу онъ былъ Мужаловскій и подъ такою фамиліей былъ извѣстенъ намъ и подписывался на классныхъ журналахъ; но въ одинъ день всѣ мы были очень изумлены, когда увидѣли на классномъ журналѣ его

собственноручную подпись, вмѣсто „Протоіерей Мужаловскій" протоіерей Мудровъ. Исторія этой метаморфозы съ фамиліей такая. Кіевскій митрополитъ Филаретъ на публичномъ экзаменѣ въ Кіевской д. Семинаріи вызвалъ одного ученика подъ фаміліей „Мужаловскій", фамилія эта почему-то не понравилась ему и онъ предложилъ перемѣнить ее не только этому воспитаннику, но всѣмъ Мужаловскимъ въ Кіевской Епархіи, предоставляя имъ право изъ трехъ выбранныхъ самимъ митрополитомъ избрать какую угодно. И инспекторъ нашъ избралъ—„Мудровъ".

III.

Воспоминанія мои о Кіев. дух. семинаріи за время воспитанія моего въ ней въ низшемъ отдѣленіи (отъ 1842 до 1844 года).

Въ своихъ замѣткахъ объ эпохѣ отъ 1842 до 1844 года,—весьма важной въ исторіи образованія въ семинаріяхъ по нѣкоему измѣненію устава семинарскаго, мнѣ желательно коснуться и обрисовать, поскольку позволяетъ мнѣ память и сохранившіяся замѣтки, преимущественно тѣ, освѣщеніе чего можетъ, по моему мнѣнію, послужить полезнымъ матеріаломъ для будущаго историка Кіев. дух. семинаріи.

Пріемные экзамены для поступленія въ духовную семинарію. Правленіе Кіев. дух. семинаріи имѣло обыкновеніе посылать ревизоровъ въ подвѣдомственныя ему духовныя училища, для провѣрки состоянія училищъ и, въ частности, для провѣрки успѣховъ учениковъ 4-го класса дух. училищъ, насколько они подготовлены къ продолженію ученія въ дух. семинаріяхъ. Случилось такъ, что къ выпуску насъ изъ училища, въ которомъ я обучался, такого ревизора къ намъ не прислали. Также не ревизованы были и другія двѣ провинціальныя училища, кромѣ мѣстныхъ Кіевскихъ—Подольскаго и Софійскаго. По

этому мѣстное начальство Богуславскаго училища составило переводной списокъ выпускаемыхъ изъ 4-го класса по своему усмотрѣнію, а окончательное рѣшеніе перевода зависѣло отъ экзамена, которому мы должны были подвергнуться послѣ каникулъ въ самой семинаріи. Хотя я съ братомъ своимъ Ѳеофаномъ, при выпускѣ изъ училища, занимали первыя мѣста но опасеніе наше на счетъ пріема въ семинарію было до того велико, что мы еще дорогою, ѣдучи въ Кіевѣ, разсуждали объ этомъ предстоящемъ намъ пріемномъ испытаніи и считали для себя и то уже счастьемъ, если семинарское начальство соблаговолитъ принять насъ въ семинарію впредь до усмотрѣнія нашихъ успѣховъ уже въ ней. Съѣхавшіеся послѣ каникулъ ученики трехъ провинціальныхъ училищъ—Богуслава, Черкассъ и Умани—подвергнуты были экзамену всѣ вмѣстѣ. Испытаніе производили ректоръ и инспекторъ семинаріи, которые преимущественное вниманіе обращали на знаніе учениковъ по латинскому и греческому языкамъ. Провѣрка знаній учениковъ по этимъ языкамъ производилась переводами экспромтомъ изъ того и другого языка на русскій по какимъ-то маленькимъ книжечкамъ, которыя давались въ руки экзаменовавшимся. Намъ съ братомъ пришлось успокоиться немедленно послѣ своихъ отвѣтовъ, т. к. мы получили одобреніе со стороны обоихъ экзаменаторовъ.

Первые классные уроки по поступленіи нашемъ въ дух. семинарію. Всѣхъ принятыхъ послѣ каникулъ изъ трехъ провинціальныхъ училищъ, вмѣстѣ съ зачисленными въ семинарію изъ двухъ мѣстныхъ (Подольскаго и Софійскаго) училищъ, оказалось около 300 человѣкъ. Въ такомъ числѣ намъ приходилось слушать преподавателей по каждому предмету въ одномъ классномъ помѣщеніи. На скамьяхъ могли сидѣть не больше половины этого числа учениковъ; остальнымъ приходилось стоять въ разныхъ мѣстахъ класса, преимущественно за скамьями сидѣвшихъ; были и такіе, которые возлежали за спинами стоявшихъ товарищей. Понятно также, что, при такой массѣ учениковъ, не могло обойтись безъ шума и говора. Отдаленнымъ одъ каѳедры нельзя было разслышать словъ преподавателя, и

потому, отчасти, многіе предпочитали спокойно возлежать въ классѣ. Къ этому внѣшнему неудобству присоединялся неудобный обычай преподаванія предметовъ на латинскомъ языкѣ, напримѣръ: риторику, по Бургію, нѣкоторое время пришлось слушать на латинскомъ языкѣ. Но скоро въ томъ-же 1842 г. намъ объявили о преобразованіи семинаріи по новому уставу, и тутъ самою выдающеюся новинкою была отмѣна преподаванія главныхъ предметовъ на латинскомъ языкѣ.

Составъ лицъ начальствовавшихъ и преподавателей и предметы, преподававшіеся въ низшемъ отдѣленіи семинаріи въ первый годъ введенія новаго устава. Ректоръ семинаріи, архим. Е., былъ роста высокаго; черты лица имѣлъ правильныя, цвѣтъ лица нѣжный, волосы—свѣтло-шелковичнаго цвѣта, голосъ—мягкій; вообще внѣшняя осанка его была величественная; даромъ слова владѣлъ прекрасно. Въ отношеніяхъ своихъ къ преподавателямъ держалъ себя до того внушительно, что они подходили къ нему подъ благословеніе, сложивъ обѣ руки, случалось-ли это у него на квартирѣ, когда они посѣщали его, или въ классахъ, при посѣщеніяхъ о. ректоромъ уроковъ. Тѣмъ не менѣе о. ректоръ былъ человѣкъ веселый, спокойный и во внѣшнемъ видѣ никогда не проявлялъ гнѣвливости.—Въ отношеніяхъ къ ученикамъ о. ректоръ щеголялъ умѣньемъ разоблачать виновность учениковъ, замѣшанныхъ въ томъ или другомъ проступкѣ. При такихъ разоблаченіяхъ, о. ректоръ имѣлъ обыкновеніе предлагать ученику скороговоркою много частыхъ вопросовъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ совершенному проступку, и виновность ученика, замѣшаннаго въ какомъ нибудь проступкѣ, въ отвѣтахъ его на неожиданные вопросы Ректора часто явственно сказывалась. Побѣжденный искусною діалектикою о. ректора ученикъ часто въ концѣ-концевъ сознавался въ своей виновности самъ и просилъ прощенія.

Довольный своею побѣдою ректоръ [1]) прощалъ, понятно, съ внушеніемъ недопускать впередъ ничего подобнаго [2]).

---

[1]) Красивый и краснорѣчивый проповѣдникъ съ пріятною дикціей архим. Е. пользовался большимъ расположеніемъ и любовью

Инспекторомъ былъ у насъ о. іером. Антоній.

Не отличаясь такою величественною внѣшностію, какъ архим Е., о. Антоній но внутреннимъ своимъ качествамъ и добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей былъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ, какъ инспекторъ [3]). Правилъ жизни по отношенію къ себѣ о. А., былъ строго аскетическихъ; но видъ его былъ всегда веселый и взоръ горѣлъ любовію. По отношенію къ ученикамъ о. А., какъ инспекторъ, проявлялъ особенную ревность въ надзорѣ за ними; онъ зорко слѣдилъ за каждымъ воспитан-

---

Кіевскаго аристократическаго общества. Выпущенный 2-мъ магистромъ изъ кіевской дух. академіи, товарищъ знаменитаго Димитрія Муретова, о. Е. былъ нѣкоторое время,до своего ректорства въ Кіев. семинаріи, баккалавромъ Пет. дух. акад.; впослѣдствіи былъ экзархомъ Грузіи и умеръ архіепископомъ Тверскимъ.

[2]) Къ такимъ проступкамъ преимущественно относились случайныя выпивки учениковъ старшихъ классовъ. Разсказывали между прочимъ о такомъ случаѣ выпивки и прощенія за нее о. ректоромъ. Одинъ казено-коштный воспитанникъ богословскаго класса, изъ отдѣленія о. ректора и любимецъ его, отправился какъ-то вечеромъ къ одному изъ своихъ товарищей на пирушку, устроенную этимъ послѣднимъ по случаю произнесенія имъ въ этотъ день проповѣди. О. инспекторъ, узнавшій объ этомъ, велѣлъ служителю караулить у семинарскаго корпуса и немедленно доставить къ нему отправившагося на пирушку, лишь только онъ возвратится въ корпусъ. Когда выпившій приведенъ былъ инспекторомъ къ ректору, то послѣдній съ напускнымъ гнѣвомъ обратился къ своему любимцу съ такими словами: «Ты водку пилъ?!» Выпившій умиленно глядя въ глаза ректору, отвѣтилъ: «братику, братику, хто іи не пье?» Ректоръ улыбнулся, приказалъ отвести его въ номеръ проспаться; тѣмъ дѣло и кончилось.

[3]) О. Антоній былъ гораздо моложе курсомъ о. Ректора нашего по выпуску изъ Кіев. дух. академіи, которую онъ кончилъ 1-ымъ магистромъ. До инспекторства въ Кіев. дух. семинаріи о. А. былъ нѣкоторое время баккалавромъ Кіев. дух. акад., а потомъ ректоромъ Кіево-Соф. дух. училища, называвшагося тогда Филаретовскимъ, по имени основателя его, дяди о. Антонія, Митр. Кіев. Филарета.

никомъ, стремясь знать всесторонне не только о внѣшнемъ его поведеніи, но, насколько возможно, проникнуть и во внутренній строй души его. Должно быть, для замѣченныхъ въ комъ-нибудь изъ учениковъ дурныхъ наклонностей, а также и для предупрежденіи ихъ въ другихъ ученикахъ, о. А., между прочимъ, имѣлъ обыкновеніе въ воскресные и праздничные дни собирать всѣхъ учениковъ задолго до начала богослуженія въ просторную семинарскую столовую и, произведши здѣсь провѣрку, всѣ-ли собрались, обыкновенно сейчасъ-же значительное время посвящалъ либо на чтеніе въ слухъ какихъ-нибудь статеекъ религіознаго содержанія, либо на устную бесѣду или какое-нибудь наставленіе;—и все это о. А. дѣлалъ, по собственнымъ его словамъ, изъ желанія укоренить въ воспитанникахъ духъ святѣйшей религіи Христовой и духъ, подобающій кандидатамъ пастырскаго служенія. Въ великій постъ, во время говѣнія воспитанниковъ семинаріи, о. Антоній служилъ самъ великопостные часы, великое повечеріе, полунощницу, утреню. Утреннее богослуженіе предварялъ чтеніемъ домашнихъ утреннихъ молитвъ, а вечернее—заканчивалъ чтеніемъ молитвъ вечернихъ, съ присовокупленіемъ къ нимъ и чинопослѣдованія такъ называемаго поклоненія Страстямъ Господнимъ, составленнаго св. Димитріемъ Ростовскимъ. Во время чтенія этого чинопослѣдованія пламенная религіозность о. А. выражалась частыми, быстро стремительными, и смиренно-благоговѣйными колѣнопреклоненіями. Все это производило неотразимо-глубокое впечатлѣніе на воспитанниковъ и другихъ молящихся. Въ отношеніяхъ своихъ къ серьезно провинившимся, по донесенію старшихъ, о. А. былъ видимо очень строгъ. Въ случаѣ закоснѣнія того или другого воспитанника въ какомъ-нибудь порокѣ, о. А. самъ душевно страдалъ отъ этого; и такія страданія о. инспектора иногда проявлялись и на лицѣ его рельефно, до трогательности. Поэтому лучшіе воспитанники часто сами вызывались помочь о. А. и уменьшить его страданія своими товарищескими совѣтами и вразумленіями тѣхъ, которые вызывали скорбь о. инспектора. Такіе помощники облегчали и успокоивали

о. Антонія. Съ приближенными своими питомцами о. Антоній былъ откровененъ и всегда готовъ оказывать всякую помощь имъ, даже денежную [1]). Обаяніе такихъ качествъ о. инспектора не могло не отражаться благотворно не большинствѣ воспитанниковъ семинаріи, которые сохранили о немъ и по выходѣ изъ семинаріи, самую благодарную память.

Раздѣленіе классовъ, по введеніи новаго устава, на параллельныя отдѣленія и первые преподаватели въ нихъ. По главному предмету въ низшемъ отдѣленіи семинаріи—по словесности, около 300 воспитанниковъ его, были раздѣлены на 3 параллельныхъ отдѣленія, а по каждому изъ остальныхъ предметовъ—на 2 съ назначеніемъ въ каждое отдѣленіе особаго преподавателя. Мнѣ съ младшимъ братомъ пришлось быть въ первомъ отдѣленіи.

Преподавателемъ *словесности* былъ у насъ Ф. Ст. С. Это былъ человѣкъ роста низкаго, худенькій и очень подвижной. Обучая насъ распространенію предложеній посредствомъ синонимовъ и эпитетовъ, Ф. Ст. особенно любилъ употреблять для этой цѣли предложеніе: „воздержаніе сохраняетъ здоровье человѣка“. Способъ для распространенія этого предложенія слѣдовало употреблять такой: надобно прибавить синонимъ къ подлежащему и выходило: *воздержаніе,* или *умѣренность въ пищѣ и питіи...*; затѣмъ — синонимъ къ сказуемому, и выходило, кажется, *поддерживаетъ*; далѣе—синонимъ къ дополненію, и выходило,—*здоровье, или физическія силы* и т. д. Полное распространенное такимъ способомъ предложеніе выходило слѣдующее: „воздержаніе или умѣренность, которую человѣкъ соблюдаетъ въ пищѣ и питіи, поддерживаетъ и сохраняетъ здоровье или физическія силы его“. Изъ распространенныхъ такимъ способомъ предложеній Ф. Ст. училъ составлять періоды, въ родѣ

---

[1]) Каковую по собственному предложенію о. Антонія, уже тогда Ректора семинаріи, пришлось и мнѣ, и при томъ очень щедро, принять на лѣченіе у докторовъ, профессоровъ Университета, по случаю болѣзни моей въ богословскомъ классѣ.

слѣдующаго: напр. „воздержаніе или умѣренность, которыя человѣкъ соблюдаетъ въ пищѣ и питіи, не только поддерживаетъ здоровье или физическія силы человѣка, но и сохраняетъ жизнь его на долгое время“. Другимъ столь-же любимымъ предложеніемъ Ф. Ст., которое также варьировалось на разные лады, было предложеніе:—„Трудъ укрѣпляетъ здоровье человѣка [1]).

Что-же касается другихъ формулъ рѣчи риторической, то Ф. Ст. старался поселить въ насъ такое-же расположеніе и любовь къ метафорическому, гиперболическому и фигуральному образу выраженія своихъ мыслей, какое было и у него самого; напр.: „но что я говорю“?

Въ видахъ, м. б., санкціонированія такихъ перловъ краснорѣчія и возбужденія въ насъ большей охоты въ погонѣ за ними,—Ф. Ст. такіе обороты рѣчи употреблялъ и въ проповѣдяхъ своихъ съ церковной каѳедры, когда иногда приходилось ему произносить ихъ въ семинарской церкви по росписанію семин. начальства.

Второй годъ въ низшемъ отдѣленіи посвящался изученію поэзіи. Преподавателемъ поэзіи въ нашемъ отдѣленіи былъ тотъ-же Ф. Ст. Но такъ какъ, при всей своей любви и привычкѣ къ фигуральному выраженію мыслей, Ф. Ст. самъ не признавалъ въ себѣ призванія и не ощущалъ любви къ поэзіи,

---

[1]) Истину обоихъ своихъ излюбленныхъ предложеній Ф. Ст. принялся было подтверждать на практикѣ—надо мною и моимъ младшимъ братомъ—во второмъ году низшаго отдѣленія семинаріи, когда мы, по особому его приглашенію, перешли къ нему на квартиру. Пища и питье (чай) намъ выдавались въ такомъ количествѣ что мы поневолѣ должны были соблюдать въ нихъ воздержаніе; а послѣ обѣда предлагалось практически убѣждаться въ истинѣ 2-го предложенія,—«трудъ укрѣпляетъ здоровье человѣка»,—перетаскиваніемъ, напр., порубленныхъ уже дровъ въ сарай и т. п. Не знаю, въ пользу или во вредъ намъ послужило воспрещеніе Ф. Ст-чу со стороны въ то время пріѣхавшей къ намъ матери нашей—употреблять надъ нами такую его практику.

то и преподаваніе имъ намъ поэзіи ограничилось ознакомленіемъ насъ съ основными понятіями о поэзіи, и нѣкоторыми формулами изъ нея. Въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ мы, относительно усвоенія поэзіи были товарищи наши,—ученики 3-го параллельнаго отдѣленія низшаго класса семинаріи. У нихъ преподавателемъ риторики и поэзіи былъ К. Д. Д., который, въ противоположность Ф. Ст., не употреблялъ въ прозаической рѣчи фигуральныхъ прикрасъ, но за то любилъ поэзію самъ и въ слушателяхъ своихъ старался развить способность, или, по крайней мѣрѣ, вселить въ нихъ любовь къ поэзіи. К. Д. и самъ пробовалъ свои силы въ поэтическомъ творчествѣ. До сихъ поръ у меня сохранились въ памяти небольшіе отрывки изъ одного его стихотворенія:

„Яка-жъ ты прекрасна, та хороша,
Моя Золотоноша
Чымъ Кыевъ краще одъ іи?
Будынкамы, церквамы?
Хиба-жъ и въ насъ нема будынкивъ,
Да церквивъ?
Богатствомъ?
Правдоньку сказать, и въ насъ,
Въ жыдивъ есть гроши".

Послѣ нѣсколькихъ другихъ куплетовъ въ этомъ родѣ, авторъ заканчиваетъ свое стихотвореніе словами:

„Охъ, моя ненько, Золотоноша
Яка-жъ ты прехороша"! [1]).

Во второмъ параллельномъ отдѣленіи низшаго класса семинаріи преподавателемъ словесности былъ Д. А. Ждановъ,

---

[1]) Еще при жизни автора, это стихотвореніе,—должно быть, плодъ пріятныхъ воспоминаній изъ дѣтства о милой родинѣ,—было цѣликомъ напечатано въ извѣстномъ тогда журналѣ «Маякъ».

который не вдавался ни въ какія крайности и увлеченія при преподаваніи риторики и поэзіи [1]).

На преподавателей риторики и поэзіи возложено было преподаваніе въ низшемъ классѣ и латинскаго языка. Переводили Лактанція; и ученики изъ всѣхъ пяти духовныхъ училищъ знали латинскій языкъ настолько хорошо, что чтеніе сочиненій Лактанція не представляло трудностей для нихъ.

Преподавателемъ *алгебры и геометріи* въ моемъ отдѣленіи былъ А. Г. М—въ. Судя по физическому и психическому строю этого человѣка, можно-бы сказать, что онъ самымъ рожденіемъ своимъ предназначенъ для преподаванія лишь наукъ изящныхъ, или искусствъ; но А. Г—чу по волѣ начальства пришлось преподавать намъ алгебру и геометрію. Мое перо слабо, чтобы вполнѣ очертить внѣшній античный обликъ А. Г. Высокій стройно-тонкій, красивый, А. Г. имѣлъ свѣтло-курчавыя, трясущіяся кудри; баки, которые въ то время всѣ преподаватели семинаріи считали для себя какъ-бы обязанностію носить, и нѣкоторые изъ нихъ носили очень большія,—у А. Г. были маленькія, красиво обдѣланныя; рѣчь—быстрая, живая, дѣйствія кистями рукъ—весьма изящныя и быстро-стремительныя, особенно, когда онъ чертилъ на доскѣ разныя формулы, алгебраическіе и геометрическіе чертежи; рѣшеніе математическихъ задачъ—ясное, точное, опредѣленное, и при этомъ краткое и даже математически сжатое. Въ отношеніяхъ къ ученикамъ А. Г. былъ весьма вѣжливъ и благороденъ. Словомъ, какъ учитель и наставникъ, А. Г. былъ образцовый. Это усиливало наше стараніе къ изученію его предметовъ; и не смотря на то, что А. Г. не заставлялъ насъ готовить уроки по учебникамъ, мы знали алгебру и геометрію несравненно лучше, чѣмъ ученики 1-го отдѣленія по этимъ предметамъ, въ которомъ преподаватель заставлялъ своихъ учениковъ готовить уроки по печатнымъ учебникамъ.

---

[1]) Должно-быть, спокойствіе и умѣренность Д. А. Жданова способствовали достиженію имъ глубокой старости: онъ умеръ два года тому назадъ въ возрастѣ болѣе 80 лѣтъ.

Преподавателемъ *гражданской исторіи* во 2-мъ отдѣленіи былъ Гр. Ив. Б—въ, воспитанникъ Харьковскаго коллегіума. Отпечатокъ происхожденія и воспитанія свѣтскаго отражался какъ во внѣшнемъ его видѣ, такъ и въ умственномъ его строѣ. Росту Гр. Ив. былъ средняго; коренастъ, голова большая съ маленькою плѣшью на макушкѣ; лобъ широкій, лицо продолговатое; большой носъ, въ который Гр. Ив. имѣлъ обыкновеніе часто и съ пунктуальной разстановкою втягивать табакъ изъ огромной табакерки; бакенбарды носилъ большіе, голосъ имѣлъ звонкій, басовой, искусно спускаемый Гр. Ив. въ мелодическую октаву; особенно, когда онъ разсказывалъ по исторіи, онъ восполнялъ разсказъ какими-либо латинскими фразами, которыми онъ зачастую любилъ щеголять въ классѣ. Являлся онъ въ классъ, едвали не всегда въ форменномъ фракѣ, что рѣдко практиковалось другими преподавателями; и въ лѣтнее и въ зимнее время Гр. Ив. носилъ одну и ту-же шелковую шляпу [1]). Гр. Ив. имѣлъ также и какой-то чинъ, чѣмъ также отличался отъ другихъ преподавателей. Возраста былъ уже пожилого, около 50-ти лѣтъ.

По собственнымъ словамъ Гр. Ив. онъ зналъ свой предметъ, гражданскую исторію, „чертовски"; поэтому къ семинарскому учебнику Шрекка по этому предмету Гр. Ив. относился строго-критически. Способъ критики бывалъ такой: напр. (по

---

[1]) По поводу этой старой своей шляпы, Гр. Ив. однажды сдѣлалъ намъ такое свое разъясненіе.—Моды, гов. Гр. Ив., часто мѣняются и разоряютъ людей, желающихъ соблюдать ихъ; а намъ,—профессорамъ, съ нашимъ жалованьемъ, не по карману гоняться за ними. Я, по опыту зная, что многія формы модныхъ шляпъ, сошедши со сцены, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, опять входятъ въ моду, обыкновенно поступаю такъ: какъ только выйдетъ изъ моды какая нибудь шляпа, я ее прячу; и лишь только она снова войдетъ въ моду, я ее вынимаю изъ своего архива и ношу, какъ модную. Вотъ и говорю вамъ, господа, что эта шляпа моя есть самая модная. Намъ оставалось только пріобщать къ свѣдѣнію такіе уроки опытной мудрости Гр. Ив.

Шрекку) „Ирихтоній изобрѣлъ коляски"; прочитавъ такое выраженіе, Гр. Ив. волновался и восклицалъ: „О! Боже мой,— Боже мой! и смѣетъ-же Шреккъ говорить это?!" Какой чертъ въ то отдаленное, глубокой древности, время, могъ изобрѣсти коляски?! Это, господа, должно быть были простыя телѣги; поэтому Шрекку слѣдовало сказать въ своемъ учебникѣ, что Ирихтоній изобрѣлъ механическій способъ, посредствомъ котораго колеса могли вертѣться, а телѣга на нихъ—двигаться. Вотъ и вся премудрость, которую изобрѣлъ Ирихтоній!"

Гр. Ив. владѣлъ замѣчательной памятью, въ которой твердо, до мельчайшихъ подробностей, хранилось все относившееся къ преподаваемому имъ предмету. Изъ сей богатой сокровищницы онъ охотно дополнялъ учебникъ Шрекка; напр., у Шрекка пропущены имена многихъ царей Египетскихъ, Финикійскихъ, Вавилонскихъ, Персидскихъ и др. древнихъ государствъ, и Гр. Ив. перечислялъ намъ въ классѣ имена всѣхъ царей этихъ государствъ,—перечислялъ быстро, скороговоркою, и требовалъ на слѣдующій урокъ перечисленія ихъ, безъ всякаго пропуска, съ присовокупленіемъ ко многимъ изъ его истор. разсказовъ и тѣхъ латинскихъ фразъ, которыя онъ, по какой-то, невѣдомой намъ, ассоціаціи идей, часто произносилъ во время уроковъ по гражданской исторіи [1]).

Разсказы и критику свою на исторію Шрекка Гр. Ив. часто восполнялъ,—(должно быть по недостатку въ языкѣ словъ для того, чтобы передать желаемое)—жестикуляціею, которая преимущественно состояла во вращательномъ движеніи указательными пальцами обѣихъ рукъ предъ глазами учениковъ, сидѣвшихъ на первыхъ скамьяхъ,—а иногда во вращеніи и цѣ-

---

[1]) Перечисленіемъ произнесенныхъ Гр. Ив. на урокѣ гражданской исторіи трудно произносимыхъ именъ тѣхъ царей съ присовокупленіемъ и латинскихъ фразъ, мнѣ на первыхъ-же порахъ удалось угодить Гр. Ив. и онъ пересадилъ меня поближе къ себѣ,—на первую скамью, съ занятой мною скамьи отдаленной, которую Гр. Ив. обычно называлъ «Шулявкою».

лыми кистями рукъ. Если Гр. Ив. до начала такихъ своихъ разсказовъ съ жестикуляціей допускалъ какую-нибудь строгость по отношенію къ кому-либо изъ учениковъ, сидѣвшихъ даже и на дальнѣйшихъ скамьяхъ, или на „Шулявкѣ", то достаточно было сидѣвшимъ на первыхъ скамьяхъ упорно потупить глаза свои въ землю во время такого живого разсказа, и жаръ разсказчика мгновенно исчезалъ и самый разсказъ быстро прерывался [1]).

Должно быть вслѣдствіе какой-либо необходимости, Гр. Ив. семинарскимъ начальствомъ на первыхъ порахъ по введеніи новаго семинарскаго устава, кромѣ гражданской исторіи, которую онъ зналъ въ такомъ совершенствѣ, поручено было и преподаваніе *греческаго языка.* Но онъ самъ на первомъ-же урокѣ предъ нами сознался, что онъ плохой знатокъ этого языка, (что достойно и вѣроятія, такъ какъ Гр. Ив. былъ воспитанникомъ Хар. Коллегіума). „Уча", сказалъ намъ Гр. Ив., „будемъ учиться":—„прочитаемъ прежде всего греческій алфавитъ; и, указавъ въ принесенной имъ книжкѣ на первую букву алфавита, спросилъ: эта буква какъ называется? Я называю эту первую букву альфою; такъ-ли это? Ему возразили: это, Гр. Ив. *алфа*, а не *альфа*. Гр. Ив. съ своей стороны обращался съ вопросомъ: отъ чего-же въ моей книжицѣ напечатано по латыни—альфа? Ему отвѣчали, что въ лат. языкѣ буква *л* мягко произносится, а въ греческомъ языкѣ эта буква произносится твердо и называется *ламдою*. Споръ рѣшенъ самимъ-же Гр. Ив.,—что все равно, назвать-ли первую букву альфой или алфой. Затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ уроковъ мы прошли съ Гр. Ив. всѣ необходимые отдѣлы для подготовки къ переводамъ съ греческаго языка на русскій. Переводить полагалось сочиненія Ма-

---

[1]) Подобнаго рода продѣлки часто допускались учениками по отношенію къ достопочтенному Гр. Ив. но онъ по великодушію своему не былъ способенъ къ продолжительному гнѣву. Достаточно было, послѣ какой-нибудь нашей продѣлки, вперить свои взоры въ жестикуляцію Гр. Ив. во время его паѳоса, и расположеніе его къ намъ опять возстановлялось.

карія блаженнаго; и Гр. Ив., принесши въ классъ книжку Макарія блаженнаго, обратился къ намъ съ такими словами: „Не даромъ этотъ отецъ называется блаженнымъ; это названіе ему принадлежитъ уже потому, что въ этой книжицѣ, которую я досталъ себѣ для перевода съ вами, есть параллельный греческому и текстъ латинскій; и вы будете переводить съ греческаго на русскій, а я буду провѣрять вась по тексту латинскому. Впрочемъ впослѣдствіи оказалось, что Гр. Ив. былъ не такъ слабъ въ знаніи греческаго языка, какъ онъ вначалѣ представлялъ, а упомянутыя выше мною свои оговорки относительно незнанія имъ греч. языка онъ употреблялъ для юмору, на который онъ былъ вообще большой мастеръ.

Исповѣданіе православной вѣры по руководству Петра Могилы тоже преподавалъ намъ Гр. Ив. Будучи воспитанникомъ свѣтскаго учебнаго заведенія, Гр. Ив. не только не допускалъ никакого свободомыслія, но смиренно склонялъ голову свою предъ всѣмъ, о чемъ и какъ трактуетъ книжица Петра Могилы. Гр. Ив. и самъ не допускалъ никакихъ измѣненій, сравнительно съ текстомъ этой книжки, и ученикамъ не дозволялъ этого. Всѣ вопросы книжки Гр. Ивановичъ предлагалъ ученикамъ безъ измѣненія даже въ словоыраженіяхъ, сопровождая толоко ихъ словомъ monsieur. [1])

---

[1]) Гр. Ив. хотя и не былъ преподавателемъ французскаго языка въ семинаріи, но часто проговаривался, что онъ знаетъ французскій такъ-же хорошо, какъ и латинскій языкъ. Что-же касается слова «monsieur», то употребленіе его при обращеніи къ кому-нибудь Гр. Ив—ча до того вошло у него въ привычку, что онъ употреблялъ его даже по отношенію къ людямъ, понимавшимъ его по созвучію, въ смыслѣ собственнаго имени «Моисей». Такъ, между прочимъ, Гр. Ив. разсказывалъ намъ, что ему однажды въ качествѣ семинарскаго эконома дешево удалось купить нѣсколько метелъ на толчкѣ у крестьянина потому, что онъ нѣсколько разъ обратился къ этому крестьянину съ словомъ «monsieur». Крестьянинъ оказался Моисеемъ по имени, остался очень доволенъ, что его знаетъ незнакомый ему «панъ» и уступилъ метлы дешево.

О преподавателяхъ перваго отдѣленія низшаго класса семинаріи по каѳедрамъ математики, гражданской исторіи и другихъ соединенныхъ съ нею предметовъ, не могу сообщить ничего, ни о способѣ ихъ преподаванія этихъ предметовъ, ни объ отношеніи ихъ къ ученикамъ, такъ какъ намъ, ученикамъ 2-го параллельнаго отдѣленія, по этимъ предметамъ не приходилось бывать на ихъ урокахъ. Приведеніе-же однихъ именъ ихъ, конечно, было-бы лишнее, при существованіи семинарскихъ архивныхъ записей.

О порядкахъ, существовавшихъ въ семинарской церкви по отправленію въ ней богослуженія. Въ лѣтнее время всѣ воспитанники семинаріи обязаны были непремѣнно бывать на богослуженіяхъ въ семинарской церкви во всѣ воскресные и праздничные дни; въ зимнее-же время обязательно было посѣщать богослуженіе въ семинарской церкви только воспитанникамъ казенокоштнымъ и жившимъ на ближайшихъ къ семинаріи квартирахъ, такъ какъ темный придѣлъ, посвященный памяти св. Алексѣя, человѣка Божія, въ которомъ совершалось богослуженіе зимою, былъ очень тѣсный для всѣхъ воспитанниковъ семинаріи. До начала богослуженія всѣ воспитанники обыкновенно собирались въ семинарскую столовую, и здѣсь, послѣ провѣрки, всѣ-ли собрались, послѣ дачи о. инспекторомъ наставленій и замѣчаній касательно подобающаго церкви благоговѣйнаго стоянія въ ней, порядка, религіозной настроенности, и средствахъ для этого и т. п.,—всѣ стройными рядами, попарно, отправлялись въ церковь, гдѣ, для надзора, насколько исполнялись воспитанниками постоянно преподаваемыя имъ наставленія, о. Антоній становился позади всѣхъ учениковъ во время обычныхъ всенощныхъ. Чтецами во время совершенія богослуженія назначались поочередно ученики Богословскаго класса. Способнѣйшіе изъ учениковъ всѣхъ классовъ участвовали въ хорѣ, который былъ довольно большой и стройный. Символъ вѣры и молитву Господню на литургіи, а на всенощной великое славословіе и „Подъ Твою Милость"—подъ конецъ всенощной пѣли громогласно ученики всѣхъ классовъ, коихъ

было 700—800 человѣкъ. Когда это пѣніе всѣхъ учениковъ бывало не только громкое, но и благоговѣйно-стройное, то о. Антоній всегда искренно благодарилъ всѣхъ воспитанниковъ за это. Всенощныя великопраздничныя и литургіи въ воскресные дни о. о. ректоръ и инспекторъ всегда торжественно служили вмѣстѣ съ семинарскимъ священникомъ, если только не приходилось имъ служить вмѣстѣ съ Владыкой Митрополитомъ.

Особенное религіозное настроеніе производило на воспитанниковъ богослуженіе начальствовавшихъ лицъ во время говѣнія въ великій постъ. Самый звонъ колокола семинарской церкви (подобнаго которому по рѣзкости, высотѣ тона, не было во всемъ Кіевѣ), своими рѣдкими, размѣренными ударами, производилъ тогда на насъ необычайное впечатлѣніе. Для чтенія умилительныхъ великопостныхъ часовъ избирался о. Антоніемъ самый лучшій чтецъ изъ учениковъ богословскаго класса.

Вслѣдъ за такимъ чтеніемъ выходилъ о. инспекторъ, худенькій, съ впалымъ лицемъ и глазами, и произносилъ тропари послѣ псалмовъ 3, 6 и 9-го часовъ, а также молитву „Господи и Владыко живота моего"... такимъ проницающимъ душу голосомъ и съ такимъ пламеннымъ колѣнопреклоненіемъ, что духъ молитвеннаго его настроенія охватываетъ всѣхъ воспитанниковъ, и они всѣ, какъ одинъ человѣкъ, съ такимъже молитвеннымъ пламенемъ выслушиваютъ слова молитвы о. инспектора и также учащенно и пламенно совершаютъ поклоненіе до земли. На великомъ повечеріи великій канонъ св. Андрея Критскаго читалъ о. ректоръ, своимъ высокимъ теноровымъ голосомъ, который онъ развилъ въ совершенствѣ, еще будучи въ академіи, въ студенческомъ хорѣ. Чтеніе о. ректора, при высокой художественности, отличалось умилительностію. Для слушанія канона св. Андрея Критскаго стекалась въ семинарскую церковь и масса постороннихъ слушателей, которые переполняли тѣсный придѣлъ и занимали даже холодную церковь и стояли въ церкви только до конца чтенія о. ректоромъ канона, хотя служба Великаго повечерія чтеніемъ этого канона не оканчивается. Необыкновенною торжествен-

ностію отличалось особенное чинопослѣдованіе, совершавшееся въ семинарской церкви въ повечеріи Вербнаго воскресенія. Къ этому времени въ теченіе всей четыредесятницы приготовлялся двухорный концертъ: „Воспойте людіе въ Сіонѣ". Въ пѣніи концерта принимали участіе около 80 пѣвцовъ.

Церемоніалъ чинопослѣдованія въ навечеріи Вербнаго воскресенія. Къ 4-мъ часамъ по полудни являлись въ семинарскую церковь отцы ректоръ, Арх. Д., и инспекторъ академіи, Арх. Іоанникій, совмѣстно съ Ректоромъ Семинаріи, Арх. Е.—Облачившись вмѣстѣ съ ректоромъ семинаріи, они выходили на средину храма и становились предъ аналоемъ. При появленіи изъ алтаря архимандритовъ, начиналось пѣніе двухорнаго концерта, по окончаніи концерта читалось Евангеліе о торжественномъ входѣ Господнемъ въ Іерусалимъ, за которымъ слѣдовала ектенія. Послѣ ектеніи о. о. архимандриты брали въ руки древесныя вѣтви и, въ сопровожденіи массы народа, стоявшаго и въ церкви и на дворѣ, торжественно направлялись въ церковь Братскаго монастыря при пѣніи семинарскимъ хоромъ тропаря: „Днесь благодать св. Духа насъ собра". Торжественная процессія еще больше увеличивалась по дорогѣ къ Братскому монастырю. Отцы архимандриты—всѣ высокіе, статные, стройные, особенно ректоръ академіи, привлекали многихъ въ процессію сами по себѣ [1]). При входѣ въ братскую церковь эту торжественную процессію встрѣчалъ академическій студенческій хоръ съ пѣніемъ другого концерта. По окончаніи концерта въ братской церкви произносилась проповѣдь какимъ-нибудь изъ лучшихъ студентовъ, или-же профессоромъ. Послѣ проповѣди соборне совершалась праздничная всенощная, и на ней то уже были раздаваемы освященныя древесныя вѣтки всѣмъ предстоящимъ въ храмѣ. Такіе порядки на долго сохраняются въ памяти, и они живо сохранились въ моей памяти,

[1]) Повѣствующему о семъ приходилось наблюдать, какъ даже солдатики, идя то рядомъ, то забѣгая впередъ архимандритовъ, любовались ими и восклицали: «вотъ намъ-бы такихъ командировъ!»

по истеченіи 50-ти лѣтъ. Сообщаю объ этихъ порядкахъ потому, что они, какъ мнѣ самому случайно пришлось видѣть ихъ въ одинъ изъ недавнихъ годовъ, значительно измѣнились, сравнительно съ прежними [1]). Можетъ быть такая скромность празднованія торжественнаго входа Господня произошла по какимъ-либо особеннымъ причинамъ тогда, когда мнѣ пришлось видѣть ее,—но во всякомъ случаѣ она произвела на меня впечатлѣніе не радостное. Tempora mutantur!

V.

Воспоминанія за время бытности моей (1844—45 г.) ученикомъ средняго или философскаго отдѣленія К. Д. Сем.

Въ среднемъ отдѣленіи преподавались: логика, психологія, латинскій языкъ, изъясненіе Св. Писанія, библейская исторія, медицина.

Профессоромъ *логики и психологіи* былъ Платонъ Алексѣевичъ Троицкій. Личность эта заслуживаетъ того, чтобы очер-

---

[1]) Скажу яснѣе. Проѣздомъ наткнулся я на кучку народа, загородившаго мнѣ дорогу. Остановившись, я не могъ сразу понять, что это за народъ и чего онъ здѣсь. Но присмотрѣвшись, я замѣтилъ среди толпы—священника съ нѣсколькими (5—6) юношами, вѣроятно пѣвцами изъ учениковъ Кіев. Дух. Семинаріи. Пѣніе же ихъ было столь слабое, что я едва могъ разслушать его. Священника и пѣвцовъ сопровождало десятка три-четыре простого народа, преимущественно старухъ, шедшихъ съ улицы отъ Семинарской церкви по направленію къ Братскому Монастырю. Несшіе кресты и хоругви не видны были: должно быть они, какъ упредившіе, скрылись уже изъ глазъ моихъ за памятникъ надъ источникомъ Сампсона. Вотъ и вся картина торжественной процессіи по случаю празднованія торжественнаго входа Господня во Іерусалимъ.

тить и внѣшній видъ ея. Лице и носъ—продолговатые, чело—широкое и возвышенное, глаза нѣсколько выдавшіеся и полные глубокаго ума; рѣчь—медленная, поступь важная, строго размѣренная. Въ лѣтнее время профессоръ этотъ наверхъ форменнаго фрака, надѣвалъ еще длинный, особаго покроя, плащъ, на подобіе тоги древнихъ философовъ; зимою-же набрасывалъ на себя лисью шубу, правый рукавъ которой всегда висѣлъ ненадѣтый.

П. А. Троицкій прекрасно кончилъ Кіев. дух. академію,—третьимъ по разрядному списку. [1]) Хотя въ узкихъ рамкахъ программы семинарской другой преподаватель не позволилъ-бы себѣ (какъ дѣйствительно и было у преподавателя параллельнаго отдѣленія философскаго класса) касаться разнородныхъ мнѣній знаменитыхъ философовъ древняго и новаго времени по тому или другому философскому вопросу; но Платонъ Алексѣевичъ, излагая намъ по логикѣ, и особенно по психологіи, установившіяся уже мнѣнія, не считалъ лишнимъ и затруднительнымъ для себя приводить намъ мнѣнія мыслителей древняго и новаго міра; и намъ было пріятно слушать прекрасную передачу этихъ мнѣній П. А—емъ и критическія его замѣчанія на нихъ. Философскія науки, отвлеченныя и сухія сами по себѣ, особенно логика, вовсе не казались намъ скучными и трудными, при преподаваніи ихъ Платономъ Алексѣевичемъ; мы взаимно увлекались: П. А.—преподаваніемъ, а воспитанники—его лекціями. Обычно пріятный для многихъ воспитанниковъ звонокъ, напоминающій объ окончаніи урока, производилъ непріятное впечатлѣніе, когда онъ раздавался во время урока П. А—ча: онъ сердито качалъ головою, а у насъ звонокъ прерывалъ съ любовью къ уважаемому учителю сосредоточенное вниманіе, и

[1]) Я самъ видѣлъ этотъ экзаменаціонный списокъ съ помѣткой балловъ митрополита Филарета. Первыя мѣста въ немъ занимали лица монашествующія,—а именно: 1-ое — іеромон. Димитрій (Муретовъ), впослѣд. знаменитый ректоръ К. д. акад., скончавшійся архіеп. Херсонскимъ, 2-ое—Евсевій (Ильинскій) пот. Экзархъ Грузіи, скончавшійся архіеп. Тверскимъ.

часто мы съ неудовольствіемъ оставляли пищу духовную для пищи тѣлесной.

Выдавая свои записки по логикѣ, П. А. требовалъ отъ насъ во время отвѣтовъ не только точной передачи содержанія этихъ записокъ, но и непремѣннаго представленія своихъ собственныхъ примѣровъ на каждый изъ видовъ понятій, сужденій, умозаключеній, дилеммъ, трилеммъ, полилеммъ, силлогизмовъ, паралогизмовъ, софизмовъ. При прохожденіи умозаключеній противорѣчія и непрямыхъ доказательствъ, П. А. заставлялъ насъ во время уроковъ, въ его же присутствіи, упражняться въ диспутахъ. Для диспутовъ П. А. избиралъ по разрядному списку 5—6 человѣкъ изъ лучшихъ и предлагалъ имъ защищать какой-нибудь имъ самимъ избранный тезисъ; для возраженія и опроверженія этого тезиса избиралъ столько-же лучшихъ учениковъ. [1])

---

[1]) Однажды стоя въ главѣ опровергающихъ и замѣтивъ, что противъ избраннаго тезиса слишкомъ мало можно набрать матеріала для опроверженія этого тезиса, я, послѣ нѣсколькихъ маневровъ къ опроверженію, допустилъ сознательно одну неправильную посылку въ умозаключеніи. Противники наши не замѣтили ложности допущенной мною посылки; и намъ легко было напирать на своихъ противниковъ все съ большимъ и большимъ натискомъ въ своихъ умозаключеніяхъ и выводахъ и въ концѣ концовъ, къ удивленію своихъ противниковъ, мы свели защищаемое ими положеніе, само по себѣ истинное, къ положенію совершенно ложному. П. А., стоя во время нашего диспута у классной двери, оперщись на нее (что, по обыкновенію, всегда дѣлалъ, когда выслушивалъ урокъ), только посматривалъ съ улыбкою на сражавшихся. По окончаніи же диспута, обратившись къ сторонѣ побѣжденной, сказалъ: вы сами удивляетесь, какъ это вышло, что вы оказались побѣжденными, будучи въ столь сильномъ всеоружіи истины. Посему я объясняю вамъ, что вотъ этотъ (указывая на меня), предводитель противной вамъ арміи, допустилъ хитрый, но логически невѣрный маневръ. Вы не замѣтили этого во время. Вотъ и пошло дѣло далѣе и далѣе на тормозъ вамъ. Теперь же я ставлю васъ снова на поле сраженія, и вы внимательно слѣдите за положеніями и выводами противниковъ. При повтореніи диспута, намъ, при всемъ нашемъ стараніи, не пришлось остаться побѣдителями.

Такую диспутную практику П. А. допускалъ на урокахъ по логикѣ конечно изъ желанія изощрять мыслительныя способности учениковъ.

Во время классныхъ уроковъ П. А. часто читалъ намъ отдѣльныя разсужденія и цѣлыя статьи по разнымъ философскимъ вопросамъ иностранныхъ мыслителей. Чтенія эти, при тогдашнихъ двухъ-часовыхъ урокахъ, продолжались около часу, а затѣмъ П. А. требовалъ передать главныя мысли прочитанной статьи со всѣми подраздѣленіями въ логической послѣдовательности. Такими упражненіями П. А. имѣлъ въ виду пріучить насъ не только къ продолжительной сосредоточенности, но и къ умѣнью различать существенное отъ несущественнаго, главное отъ частнаго, а также—знакомить насъ съ философскими взглядами на вещи и вопросы, какъ современной жизни, такъ и событій временъ минувшихъ. [1])

---

[1]) Памятенъ мнѣ слѣдующій случай изъ такихъ чтеній. По случаю болѣзни преподавателя логики и психологіи въ параллельномъ отдѣленіи, мы всѣ собрались въ одинъ классъ къ П. А. Изъ двухъ отдѣленій сошлись въ большую залу болѣе сотни учениковъ. По прочтеніи однимъ изъ учениковъ какой-то философской статьи, П. А. захотѣлъ узнать, насколько способны передать прочитанное ученики другого преподавателя по его каѳедрѣ, и предложилъ нѣсколькимъ передать собственными словами содержаніе прочитаннаго; но тѣ не могли, такъ какъ въ параллельномъ отдѣленіи вовсе не бывало подобныхъ упражненій. П. А., желая представить ученикамъ параллельнаго отдѣленія въ примѣръ своихъ, сталъ предлагать нѣкоторымъ изъ послѣднихъ разсказать содержаніе прочитаннаго, но противопоставленные въ примѣръ какъ разъ замялись; П. А. смутился и съ грустью произнесъ: «такъ и мои не приходятъ на выручку!» Услышавъ этотъ грустный тонъ П. А., я, до этого времени скрывавшійся на отдѣльной скамьѣ, быстро поднялся и объявилъ, что могу передать все прочитанное. По окончаніи моего разсказа, П. А. съ веселой оговоркой: «я думалъ было, что ты гдѣ-нибудь пропалъ», —обратился ко мнѣ съ благодарностью за то, что выручилъ честь своего класса и его отдѣленія.

Съ любовью позанимавшись логикою подъ руководствомъ уважаемаго П. А. цѣлый первый годъ философскаго класса, мы съ радужными мечтами готовились къ экзамену, надѣясь удивить своими познаніями по этому предмету ассистентовъ и утѣшить любвеобильное сердце благостнаго архипастыря,—митр. Филарета. Архипастырь дѣйствительно былъ на публичномъ экзаменѣ по логикѣ; но надежды наши не оправдались. Не смотря на прекрасные отвѣты учениковъ, владыка хмурилъ лобъ и все больше и больше выражалъ свое недовольство, по поводу массы терминовъ—„*транзитивныя*“ и „*интранзивныя*“ положенія и т. п. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, наслушавшись о силлогистическихъ фигурахъ и различныхъ ихъ видахъ, онъ обратился къ П. А. съ слѣдующими словами: „что вы такою дребеденью забиваете головы дѣтей? Я старикъ, и ничего не могу понять изъ этой премудрости.“ П. А. имѣлъ неосторожность оправдываться тѣмъ, что ученики понимаютъ, чему свидѣтельствомъ служатъ ихъ отвѣты. А мы, для оправданія П. А., не ожидая вызова владыкой, начали подступать къ экзаменаціонному столику и объяснять многіе мудреные термины и выраженія наперерывъ другъ передъ другомъ. Владыка хмурился все больше и больше, и, видимо, былъ въ затрудненіи, какъ-бы выйти изъ неловкаго положенія. И вотъ, въ то время какъ мы усиленно отстаивали свое пониманіе логики, преподанной намъ П. А—чемъ, въ дверяхъ экзаменаціонной залы показался докторъ философіи, каѳедральный протоіерей Иванъ Михайловичъ Скворцовъ. Владыка, окидывавшій взоромъ своимъ то насъ, то П. А., замѣтивъ въ дверяхъ доктора философіи, началъ звать его къ себѣ: „пожалуйте сюда, Иванъ Михайловичъ! Вотъ эти людіе говорятъ какую-то премудрость; я говорю, что я самъ не могу её понять, а профессоръ говоритъ, что они понимаютъ, и вотъ они галдятъ. Сядьте здѣсь подлѣ меня и побейте ихъ!“ И. М., глубоко почтительно принявши благословеніе святительское, сѣлъ возлѣ владыки и, выслушавши наше довольно долго и при немъ продолжавшееся галдѣніе, попросилъ насъ притихнуть; по воцареніи тишины, И. М. началъ спрашивать насъ по одиночкѣ и, не смотря на поддержку каж-

даго отвѣчавшаго со стороны П. А., опровергъ каждаго; и мы, не устоявъ предъ докторомъ философіи, начали уходить съ поля сраженія одинъ за другимъ въ ряды стоявшихъ за нами прочихъ товарищей. Такъ, съ приходомъ къ намъ И. М., мы потерпѣли полное пораженіе.

Каникулярное время скоро изгладило въ насъ непріятное впечатлѣніе, произведенное экзаменомъ по логикѣ; но на П. А. этотъ экзаменъ сильно подѣйствовалъ. На первый, урокъ по психологіи, по возвращеніи нашемъ въ семинарію, П. А. явился въ самомъ грустномъ настроеніи духа и началъ его слѣдующими словами: „Прошлогодній нашъ посѣвъ побитъ градомъ Бога живаго; но, какъ земледѣлецъ, не смотря на градобитіе, не покидаетъ дѣла своего, а продолжаетъ его еще съ большей энергіей,—такъ и мы, не смотря на судьбу, постигшую нашу ниву въ прошломъ году, будемъ продолжать наше сѣяніе, въ надеждѣ, что судьба его въ будущемъ будетъ болѣе счастливая". И дѣйствительно, П. А. началъ преподаваніе психологіи въ такомъ духѣ и направленіи, что напередъ можно было предвидѣть благопріятное впечатлѣніе экзаменаціонныхъ отвѣтовъ учениковъ даже и на архипастыря. Преподаваніе П. А. психологіи понравилось и новому ректору семинаріи, и самому Владыкѣ, митрополиту Филарету. Экзаменъ по психологіи прошелъ вполнѣ благополучно. Были, правда, возраженія со стороны Владыки относительно трехсоставности человѣка; но П. А. скромно отстаивалъ свой взглядъ, ссылаясь на многія мѣста св. Писанія и особенно на выраженія апостола Павла, и владыка ограничивался молчаніемъ; при чемъ помалкивали и ученики, не вдаваясь въ словопренія, какъ на экзаменѣ по логикѣ.—Таковъ былъ результатъ трудовъ П. А. въ преподаваніи намъ психологіи и надежды его при этомъ на Бога живаго. [1])

---

[1]) Ученики, особенно старавшіеся прилежно учиться, относились къ достоуважаемому П. А. съ глубокимъ уваженіемъ и любовью. Однажды, для поздравленія П. А. съ днемъ ангела (18 ноября), яви-

Преподавателямъ по логикѣ и психологіи поручалось преподаваніе и латинскаго языка. Въ наше время переводили сочиненія Цицерона. При переводахъ П. А предоставлялъ ученикамъ исправлять другъ друга: сначала слабѣйшіе переводили дословно, а потомъ сильнѣйшимъ въ знаніи латинскаго языка [1]) П. А. поручалъ переводить тоже самое, не удаляясь отъ смысла подлинника, чистымъ русскимъ языкомъ.

Однажды П. А., считавшій меня знатокомъ латинскаго языка, уходя изъ класса, по окончаніи послѣдняго предобѣденнаго урока, позвалъ меня въ корридоръ и сказалъ: „Послушай, голубчикъ, что-то мнѣ нездоровится, и я послѣ обѣда на урокѣ латинскаго языка не буду, а чтобы не вводить никого по сему случаю ни въ какія хлопоты, я не буду давать знать о семъ никому;— соберитесь вы въ свой классъ, какъ обыкновенно, и пусть другіе переводятъ дословно, а ты перелагай набѣло.“ Я, понятно, пообѣщалъ; но порученія глубокоуважаемаго наставника не исполнилъ, проспавши послѣобѣденный урокъ на заманчивой кровати одного товарища. Это нечаянное, противъ собственнаго желанія, неисполненіе мною порученія кончилось безпорядкомъ и непріятностями, о которыхъ я передаю, по скольку они харак-

---

лось насъ къ нему четверо рано утромъ, еще до начала уроковъ,— (это съ подола, изъ-за Канавы, на старый городъ, миновавъ семинарію).—П. А. только что всталъ и былъ даже не одѣтъ; но узнавши о нашемъ приходѣ, онъ немедленно дружески позвалъ насъ къ себѣ. Мы въ его же спальной начали обдавать его своими привѣтственными рѣчами. Выслушавъ эти рѣчи, П. А. расцѣловалъ каждаго изъ насъ, напоилъ чаемъ и потомъ посовѣтовалъ поспѣшить на уроки, чтобы изъ задержанія насъ у него не вышло непріятностей отъ начальства и намъ и ему.

[1]) Знанія учениковъ семинаріи по латинскому языку вообще были довольно порядочны, такъ какъ языкъ этотъ хорошо изучали еще въ духовныхъ училищахъ. Помнится, что я, будучи еще въ 4 классѣ Богуславскаго духовнаго училища, которое тогда даже не пользовалось хорошей репутаціей, зналъ на память, дословно, по тексту Корнелія Непота всѣхъ греческихъ полководцевъ.

теризуютъ отношеніе начальника къ воспитанникамъ. Товарищи мои, собравшись на послѣобѣденный урокъ латинскаго языка, начали шумѣть и шалить. Для усмиренія ихъ явился къ нимъ инспекторъ, исполнявшій тогда и ректорскую должность, іеромонахъ Антоній, съ Давидовой, по выраженію товарищей, системой, т. е. псалтырью, и началъ спрашивать ихъ по ней. Замѣтивъ мое отсутствіе, инспекторъ велѣлъ записать меня въ дневной журналъ, чтобы потомъ самому же назначить мнѣ наказаніе за пропускъ урока. На другой день дежурный по журналу объявилъ мнѣ резолюцію инспектора:—„стоять во время обѣда въ столовой казенно-коштныхъ учениковъ". Оскорбленное чувство самолюбія нашло поддержку въ товарищахъ, которые неисполненіе мною наказанія считали выгоднымъ для себя въ будущемъ;—„если ты, говорили они, допустишь себя до такого наказанія, то что будетъ дѣлать съ нами этотъ строгій инспекторъ?" И я въ назначенный день не исполнилъ резолюціи о. инспектора. На другой день дежурный сообщилъ мнѣ, что о. инспекторъ, узнавши о моемъ непослушаніи, поручилъ ему передать мнѣ, чтобъ я непремѣнно исполнилъ его резолюцію. Я снова не послушался; и на слѣдующій день пришелъ къ о. инспектору и, между прочимъ, привелъ ему мнѣніе прежде бывшаго о. ректора, высказанное послѣднимъ въ нашемъ присутствіи одному изъ преподавателей, что лучшему ученику иногда можно и совсѣмъ простить вину; но о. инспекторъ сердито прогналъ меня. Затѣмъ помощникъ инспектора о. Д. М. Смолодовичъ, мягкосердечный протоіерей, предъ своимъ урокомъ по библейской исторіи вызвалъ меня въ корридоръ и сказалъ: „Этакой, этакой философчикъ-гордецъ! упрямится исполнить приказаніе о. инспектора, а онъ грозитъ исключить тебя изъ семинаріи!" Угрозу эту о. инспекторъ легко могъ привести въ исполненіе, будучи племянникомъ владыки Филарета и исполняя въ то время еще обязанность ректора. Я попросилъ совѣта у добраго, отзывчиваго о. Д. М., и добрый пастырь, а вмѣстѣ съ тѣмъ помощникъ инспектора, рѣшилъ уладить это такимъ образомъ: спрашивая меня по библейской исторіи впродолженіе цѣлаго часа, заставилъ меня,

такимъ образомъ простоять на ногахъ предъ цѣлымъ классомъ и потомъ заявилъ о. инспектору, что постановленная имъ резолюція выполнена мною. Послѣ сего доклада грозившая мнѣ опасность миновала: о. инспекторъ смягчился. На томъ дѣло и кончилось.

А вотъ еще фактъ, тоже характеризующій отношенія начальства къ воспитанникамъ и послѣднихъ между собою. Старшій на нашей частной квартирѣ ученикъ богословскаго класса, наслушавшійся уроковъ у іеремонаха аскета о. Антонія, усмотрѣлъ въ моемъ младшемъ братѣ духъ гордости и характеризовалъ его въ своей мѣсячной аттестаціи зараженнымъ духомъ превозношенія. Приглашенный къ инспектору братъ отрицалъ въ себѣ эту черту характера. Охарактеризовавши брата гордымъ и надменнымъ, старшій однажды принесъ брату сочиненія Ефрема Сирина и совѣтовалъ ему прочесть о гордости. Братъ отвѣтилъ, что читать не будетъ, потому что читалъ раньше по этому вопросу и Е. Сирина, и другихъ. Продолжительное наставленіе старшаго кончилось крупной перебранкой между нимъ и братомъ. Вскорѣ старшій пожаловался на брата ректору (исполнявшему эту обязанность инспектору іером. Антонію), который пригласилъ по этому случаю къ себѣ меня и совѣтовалъ мнѣ, какъ старшему брату, повліять на смягченіе гордеца. Я съ своей стороны тоже отрицалъ эту черту характера въ братѣ. Между тѣмъ вся эта процедура вызвала волненіе въ нашихъ товарищахъ, которые стали распространять разные пасквили на счетъ нравоученія старшаго. О. Антоній сильно вознегодовалъ на брата и, говорятъ, совсѣмъ ужъ приготовился было ѣхать къ дядѣ, митрополиту Филарету, чтобы получить отъ него разрѣшеніе на исключеніе брата изъ семинаріи. Но въ это время на выручку явился добрѣйшій о. Д. М. Смолодовичъ; вызвавши насъ изъ класса въ корридоръ, онъ объяснилъ намъ, какой грозный видъ принимаетъ дѣло, и совѣтовалъ смириться. Хотя намъ и не объяснено было, въ чемъ мы должны были выразить свое смиреніе, но мы оба обѣщали смириться, и милѣйшій посредникъ-примиритель нашъ, о. Д. М., немедленно поспѣшилъ къ о. Антонію, которому, сообщивши,

что мы согласны смириться, между прочимъ замѣтилъ, что товарищи наши по случаю увольненія моего брата могутъ поднять бунтъ въ стѣнахъ семинаріи. Въ виду этого о. Антоній оставилъ свое прежнее рѣшеніе и тѣмъ дѣло и кончилось.

Прямую противоположность глубокоуважаемому преподавателю и наставнику по призванію П. А. представлялъ преподаватель философскихъ предметовъ въ другомъ—параллельномъ отдѣленіи философскаго класса, А. И. Т. Это былъ молодой подвижной человѣкъ, только что кончившій Московскую дух. академію. Въ классѣ онъ быстро ходилъ, круто изворачиваясь на поворотахъ; быстрою скороговоркою, да еще въ добавокъ къ этому и съ оттѣнкомъ какъ бы посвистыванія, объяснялъ все при своей бѣготнѣ по классу. Хотя въ словахъ его можно было встрѣчать и дѣльныя мысли, но отъ несоотвѣтственнаго серьезности предметовъ выраженія и невнятнаго произношенія онѣ теряли свою силу. Особенно непріятное впечатлѣніе производили уроки Т. на насъ, учениковъ П. А., когда намъ почему-либо приходилось сходиться въ отдѣленіе Т.[1])

Преподавателемъ предмета „*изъясненіе Св Писанія*“ былъ іеромонахъ Никандръ. Онъ строго придерживался мнѣній св. отцевъ и учителей церкви. Всегда держалъ себя очень скромно и въ отношеніяхъ своихъ съ учениками былъ снисходителенъ,

---

[1]) Не могу не упомянуть о дальнѣйшей судьбѣ глубокоуважаемаго наставника П. А. По смерти своей любимой супруги, П. А. нѣкоторое время посвятилъ на путешествія по святымъ мѣстамъ, а по возвращеніи оттуда, подъ вліяніемъ митрополита, принялъ монашество; былъ нѣкоторое время ректоромъ Кіевск. Дух. Семинаріи въ санѣ архимандрита; потомъ былъ настоятелемъ православной миссіи въ Константинополѣ и возвратился оттуда, не поладивъ, какъ говорили, съ турецкимъ султаномъ, и умеръ викаріемъ Кишиневской епархіи. Помнится мнѣ выраженіе незабвеннаго П. А., бывшаго уже въ званіи архимандрита и ректора семинаріи: «что монахи—черные люди, какъ и ихъ платье». Это онъ высказалъ во время единственной нашей встрѣчи послѣ выхода моего изъ семинаріи по поводу моего разсказа о напраслинахъ моего начальника по службѣ—монаха.

вѣжливъ и благороденъ. Взоръ его былъ устремленъ обыкновенно внизъ, приподнималъ его только при обращеніи съ вопросомъ къ ученику, отвѣчающему урокъ.—Окончилъ жизнь свою въ послѣднее время архіепископомъ Тульскимъ, будучи старѣйшимъ изъ русскихъ іерарховъ послѣ митрополитовъ Исидора и Платона.

Преподавателемъ *Библейской исторіи* былъ упомянутый уже раньше Д. М. С., исполнявшій вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанность помощника инспектора и бывшій священникъ Флоровскаго женскаго монастыря. Преподаваніе его состояло въ простой передачѣ содержанія учебника митрополита Филарета, составленнаго рѣчью довольно тяжеловѣсной. Отношенія его къ ученикамъ были искренно отеческія и съ довлѣющею долею патріархальной простоты. Это былъ добрѣйшій пастырь, наставникъ и человѣкъ. Съ пріемами, въ родѣ вышеуказанныхъ, о. Д. М. весьма часто оказывался защитникомъ многихъ учениковъ, впадавшихъ въ немилость у семинарскаго начальника; и многіе, полагаю, сохранили объ о. протоіереѣ самую благодарную память, по выходѣ изъ семинаріи.[1]) Но, какъ часто бываетъ, тѣ-же многіе, сидя на школьной скамьѣ, слишкомъ злоупотребляли мягкосер-

---

[1]) О. Д. М. горячо принималъ къ сердцу судьбу учащейся молодежи не только въ стѣнахъ семинаріи, но имѣлъ обыкновеніе простирать свою заботливость о ней и внѣ стѣнъ учебнаго заведенія, т. е. по отношенію къ окончившимъ курсъ духовной семинаріи. Эта заботливость его по отношенію къ послѣднимъ выражалась въ желаніи женить попадавшагося ему на глаза на какой нибудь его родственницѣ или хорошей знакомой; а тѣхъ и другихъ у него было довольно много. Вопросы о. протоіерея, съ которыми онъ обращался къ встрѣтившемуся съ нимъ какому нибудь «окончившему» о невѣстѣ, приходѣ, и пріемы знакомства съ невѣстою отличались, какъ разсказывали, неловкой простотою и прямотой. Но въ то же время многіе женившіеся чрезъ посредство о. протоіерея были счастливы въ брачной жизни и получали прекрасные приходы, такъ какъ Д. М., за содержаніе въ своемъ домѣ при своей семьѣ старушки-матери о. ректора, пользовался большимъ расположеніемъ и его самого, и митр. Филарета, дяди послѣдняго.

деченіемъ и добротой о. протоіерея, часто допуская по отношенію къ нему мальчишескія выходки. О. Д. М. иногда показывалъ видъ, что даже и не замѣчаетъ какой нибудь выходки со стороны нѣкоторыхъ учениковъ, и только болѣе благоразумные ученики то мимикой, то даже словесно унимали своихъ товарищей-проказниковъ.

О преподавателяхъ и способѣ преподаванія предметовъ Изъясненіе св. писанія и библ. ист. въ параллельныхъ отдѣленіяхъ не могу сообщить ничего, потому что не приходилось мнѣ бывать на урокахъ этихъ преподавателей.

Преподаваніе *медицины* въ дух. семинаріяхъ впервые введено было въ бытность мою въ философскомъ классѣ. Мотивировано было это введеніе тѣмъ, что врачу духовному необходимо быть, особенно въ сельскихъ приходахъ, и врачемъ тѣлеснымъ. Необходимость для духовнаго пастыря по крайней мѣрѣ въ элементарныхъ медицинскихъ познаніяхъ особенно ощутительна была въ то время, когда врачей было вообще мало, а въ районахъ захолустныхъ селъ еще меньше. Поэтому-то, по уставу, въ семинаріяхъ должна была преподаваться медицина народная, и преподаватель медицины долженъ былъ ознакомлять воспитанниковъ съ болѣзнями, чаще всего встрѣчающимся, и указывать для ихъ излѣченія самыя простыя средства, которыя можно легко и скоро добыть,—это преимущественно. Но нашъ преподаватель медицины, ординаторъ университета св. Владимира, И. Т. Щербина простеръ свое усердіе по преподаванію этого предмета далеко за предѣлы положеннаго уставомъ. Кратко коснувшись физики, химіи, зоологіи, ботаники, минералогіи, И. Т., судя по сохранившимся у меня доселѣ запискамъ его лекцій, довольно подробно излагалъ намъ: анатомію, физіологію, патологію, терапію, хиругію, затѣмъ сообщалъ свѣдѣнія по народной гигіенѣ и діэтикѣ, по дѣтскимъ болѣзнямъ; говорилъ о подаяніи помощи мнимо-умершимъ, о спасеніи отравившихся и правила, которыя должны быть соблюдаемы при этомъ, о цѣлебныхъ травахъ, объ искусственныхъ лѣкарствахъ, которыя преимущественно должны быть на готовѣ и т. п.

При прохожденіи анатоміи И. Т., для нагляднаго ознакомленія насъ съ строеніемъ человѣческаго тѣла, привозилъ въ классъ свѣже-зарѣванные трупы животныхъ, строеніемъ своего тѣла сходные съ человѣческимъ организмомъ, и мы подъ его руководствомъ участвовали въ анатомированіи такихъ труповъ.

Особенно хороша была лекція И. Т. вступительная, которую онъ произнесъ передъ началомъ своихъ чтеній по медицинѣ. Въ этой рѣчи И. Т. сообщилъ намъ, между прочимъ, какъ лѣченіемъ болѣзней человѣческаго организма занимались многіе угодники Божіи и пастыри церкви. Перечисляя поименно такихъ врачей, И. Т. указалъ и на нѣкоторыхъ угодниковъ Божіихъ, почивавшихъ въ Кіево-Печерской лаврѣ. По уставу на изученіе медицины посвящались первый и второй годъ философскаго отдѣленія.[1]) И. Т. Щ. читалъ ее намъ, воспитанникамъ семинаріи, какъ бы медикамъ-студентамъ, т. е. за все время своихъ чтеній онъ вовсе не провѣрялъ знаній своихъ слушателей, такъ что экзаменъ, произведенный предъ рождественскими праздниками во второй годъ философскаго отдѣленія, былъ первой и послѣдней провѣркой знаній каждаго воспитанника по медицинѣ въ философскомъ классѣ.

VI.

Воспоминанія за время бытности моей 1845—1846—47 г.) ученикомъ высшаго отдѣленія Кіевск. Дух. Семинаріи.

Въ этомъ отдѣленіи преподавались: догматическое богословіе, практическое, пастырское, гомилетика, патрологія, общая церковная исторія, русская церковная исторія, обрядословіе, каноническое право и медицина.

---

[1]) Но такъ какъ введеніе преподаванія медицины въ духовныхъ семинаріяхъ застало насъ на второмъ году философскаго класса, то изученіе медицины продолжено было и въ первомъ году богословскаго класса.

Богословіе догматическое, практическое и пастырское преподавалъ о. архимандритъ Антоній, впослѣдствіи докторъ богословія.

Для испытанія нашей подготовки къ изученію богословскихъ наукъ, о. Антоній на первыхъ порахъ предложилъ намъ для внѣкласснаго сочиненія тему: „какимъ образомъ занятіе предметами философскими служитъ подготовкой къ изученію богословія?“

По прочтеніи нашихъ сочиненій на эту тему, о. Антоній въ непродолжительномъ времени принесъ въ классъ два лучшихъ сочиненія и затѣмъ предложилъ ученикамъ высказывать свои мнѣнія о рѣшеніи заданной темы тѣмъ и другимъ авторомъ.

Послѣ разнообразныхъ мнѣній товарищей,—однихъ въ пользу одного сочиненія, другихъ въ пользу другого, о. ректоръ въ заключеніе высказалъ самъ такое мнѣніе: на автора, который высказался о тщетѣ философскихъ мнѣній для открытія истины о Творцѣ и обо всемъ Имъ сотворенномъ и горитъ желаніемъ знать это изъ откровеннаго слова Божія, можно надѣяться, какъ на будущаго хорошаго богослова; другого же автора (а таковымъ былъ я) надобно много еще перерабатывать, чтобы онъ сдѣлался хорошимъ богословомъ.

На внѣклассныхъ моихъ сочиненіяхъ богословскихъ, которыя были преимущественно проповѣди, о. ректоръ неоднократно дѣлалъ замѣчаніе въ концѣ рецензіи: „сочиненіе это можно дозволить произнести въ конференціальной залѣ въ собраніи всѣхъ учениковъ и преподавателей, но для произнесенія съ церковной каѳедры оно не подходящее“.

О взглядѣ о. ректора на проповѣди можно судить отчасти и изъ слѣдующаго случая.

Однажды онъ принесъ въ классъ только что отпечатанную въ брошюрѣ проповѣдь преосвящ. Иннокентія, бывшаго тогда еп. Вологодскимъ, а потомъ архіеп. Херсонскимъ, на недѣлю православія. Проповѣдь эта была еще неизвѣстна намъ. Не говоря объ авторѣ проповѣди, о. ректоръ прочиталъ ее намъ вслухъ. Въ заглавіи этой проповѣди не находилось текста изъ Св. Писанія. Содержаніе ея, насколько помнится, было таково:

Св. православная церковь наша празднуетъ нынѣ недѣлю православія. Цѣль установленія особаго чина нынѣшняго богослуженія та, чтобы укрѣпить вѣру нашу въ почитаніе св. иконъ и торжественно праздновать судъ св. церкви на всѣхъ непочитателей св. иконъ, т. е. иконоборцевъ. Не лишнее-ли это теперь для насъ? Развѣ и среди нáсъ есть иконоборцы? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ справедливо, наведемъ справки. Войдемъ мысленно въ любой домъ именитыхъ гражданъ нашего города. Что здѣсь узримъ? Вотъ мы вошли въ первую комнату,—иконъ не видимъ, во вторую, имѣющую болѣе почтенное назначеніе,—не видимъ мы ихъ и здѣсь; нѣтъ иконъ и въ томъ отдѣленіи дома, гдѣ принимаютъ самыхъ почетныхъ посѣтителей его. Дается-ли мѣсто гдѣ-либо въ знатномъ домѣ св. иконамъ? Если и бываютъ иконы въ такихъ домахъ, то самыя маленькія, въ какомъ-нибудь темномъ потаенномъ углу и притомъ въ такой комнатѣ, въ которую посѣтители не допускаются. Не значитъ-ли это, что такіе люди стыдятся ставить эти священныя вещи на виду?—Въ такомъ духѣ и подобнымъ слогомъ, безъ употребленія словъ Св. Писанія, выражена была вся проповѣдь преосв. Иннокентія.

Большинство товарищей и самъ я стояли за эту проповѣдь, какъ вполнѣ соотвѣтствующую духу времени.[1]) Не малая часть товарищей, пораженныхъ необычною свободою слога въ изложеніи мыслей, несоотвѣтствующею церковной каѳедрѣ, высказывала порицанія автору, не зная о принадлежности этой проповѣди знаменитому церковному витіи. О. ректоръ, выслушавши разнообразныя наши мнѣнія о прочитанной проповѣди и все-таки не объявляя имени автора, равно и не выражая предварительно своего мнѣнія о ней, прочиталъ намъ одно изъ поученій св. Димитрія Ростовскаго; поученіе это было переполнено текстами изъ Св. Писанія. Въ немъ не только въ основаніе положенъ текстъ; но приступъ и предложеніе выражены были въ большинствѣ словами Св. Писанія. Изложеніе мыслей, въ раз-

[1]) По способу изложенія мыслей и слогу рѣчи современной, обращенной къ слушателямъ.

смотрѣніи избранной темы, приложенія ея къ слушателямъ, а также и заключеніе обильны были текстами откровеннаго слова Божія. По прочтеніи поученія св. Димитрія Ростовскаго, о ректоръ въ назиданіе намъ присовокупилъ: „вотъ это истинное слово Божіе; такъ и вѣетъ въ немъ духъ помазанія божественнаго; а та проповѣдь (т. е. Иннокентія), которую я прежде прочиталъ вамъ, составлена въ препрѣтельныхъ словесѣхъ человѣческаго мудрованія, чему подражать не совѣтую вамъ".

О высокомъ достоинствѣ преподаванія намъ о. ректоромъ догматическаго богословія можно судить изъ того, что за систему догматическаго богословія, по рѣшенію учебнаго комитета и самого митрополита Московскаго Филарета, отцу Антонію присуждена была ученая степень доктора богословія, въ то время, кромѣ трехъ Филаретовъ,—Московскаго, Кіевскаго и Черниговскаго, еще никому неприсужденная; а отпечатанныя записки его по догматическому богословію признаны обязательнымъ руководствомъ для духовныхъ семинарій во всей имперіи. Записки о. Антонія по практическому и пастырскому богословію не были имъ отпечатаны. О духѣ и направленіи практическаго богословія по запискамъ о. Антонія можно сказать, что во многихъ своихъ отдѣлахъ онѣ отзывались сильно аскетизмомъ. Впрочемъ о. Антоній, окончивши свое преподаваніе по практическому богословію, самъ сдѣлалъ такое замѣчаніе о своихъ лекціяхъ по этому предмету: „Я указалъ вамъ разные практическіе пути ко спасенію; но совѣтую придерживаться болѣе пути царскаго, ибо не всѣ могутъ вмѣщать въ своей жизни словесъ тѣхъ; могій вмѣстити да вмѣститъ". Что же касается преподаннаго намъ о. Антоніемъ пастырскаго богословія, то въ немъ выясненъ истинный идеалъ пастыря церкви и указаны разные частные совѣты, для осуществленія этого идеала; но такіе совѣты преподавателя-монаха отличались болѣе характеромъ теоретическимъ и въ практической жизни не всегда были удобоисполнимы и вѣрно направлены къ цѣли. [1])

---

[1]) Впослѣдствіи, когда, по выбору духовенства, ректорами духовныхъ семинарій стали назначать протоіереевъ, нельзя было не ви-

Преподавателемъ *гомилетики* былъ у насъ только что окончившій кіев. духов. академію М. М. Б., и нынѣ еще проживающій въ Кіевѣ, давно уже пребывающій въ званіи весьма заслуженнаго протоіерея. Будучи студентомъ академіи, онъ былъ весьма близокъ и даже любимецъ знаменитаго тогда профессора академіи по каѳедрѣ гомилетики, Я. К. Амфитеатрова. Взглядомъ, можетъ быть, этого профессора на проповѣди руководился и М. М. Б. Въ качествѣ нашего преподавателя по гомилетикѣ, М. М. Б. цѣнилъ въ проповѣди простоту слога, ясность, точность и логическую послѣдовательность въ изложеніи мыслей и, какъ особенное достоинство, народность проповѣди, и оберегалъ отъ подражанія корифеямъ заграничной проповѣди, какъ то: Масильену, Бурдалу и другимъ имъ подобнымъ.

Преподавателемъ *патрологіи* былъ у насъ Н. Я. О.,— человѣкъ роста высокаго и души возвышенной; онъ до того былъ деликатенъ въ обращеніяхъ съ своими учениками, что рѣдко когда и провѣрялъ знанія своихъ слушателей. Какъ часто случается, мягкосердечіемъ и добротою Н. Я. воспитанники часто злоупотребляли: уроки его очень часто пропускались многими. Передавали, что былъ даже такой случай, что Н. Я., явившись однажды на урокъ, засталъ въ классѣ только одного слушателя, Н. Я., по близорукости-ли, или по добротѣ, посвятилъ цѣлый часъ на объясненіе урока передъ однимъ слушателемъ и, по окончаніи урока, ушелъ изъ класса, какъ и всегда спокойный. [1])

дѣть да и не слышать отзывы отъ другихъ, что воспитанники ректоровъ-протоіереевъ оказывались разностороннѣе подготовленными къ прохожденію ими пастырскаго служенія, особенно тѣ, которымъ выпадалъ удѣлъ нести бремя пастыря духовнаго не въ сельскихъ приходахъ.

[1]) Благородство и великодушіе Н. Я. я испыталъ лично на себѣ по слѣдующему случаю. Въ богословскомъ классѣ постигшая меня хроническая глазная болѣзнь лишила меня возможности посѣщать классные уроки весьма продолжительное время. Но находясь все это время въ семинарской больницѣ и имѣя въ ней товарища своего, смотрителя больницы, я, при помощи его, готовилъ уроки къ

Преподавателемъ общей церковной исторіи, русской церковной исторіи, обрядословія и каноническаго права былъ у насъ Е. С. Г. Долгъ справедливости требуетъ сказать, что онъ, какъ преподаватель, былъ человѣкъ весьма трудолюбивый и усердный къ исполненію этого своего долга; но ни способностей особенныхъ умственныхъ вообще, ни спеціальныхъ познаній по порученнымъ ему предметамъ не проявлялъ; а такъ какъ по своей природѣ былъ раздражителенъ, то въ своихъ отношеніяхъ къ ученикамъ былъ очень рѣзокъ, а потому не пользовался и со стороны ихъ расположеніемъ. Вслѣдствіе сего часто и они допускали по отношенію къ нему крайне неприличныя выходки. Такъ напр., однажды когда Е. С., во время своихъ совѣтовъ ученикамъ заниматься усердно церковною исторіей, употребилъ выраженіе,—„церковная исторія важна, какъ сама по себѣ, такъ и по своему содержанію," то сплошныя массы учениковъ, вслѣдъ за этимъ выраженіемъ, поднявшись со скамеекъ и поднявши вверхъ учебники по церковной исторіи и указывая на переплеты книгъ, стали спрашивать Е. С., не значитъ ли это церковная исторія сама по себѣ? а потомъ, перелистывая страницы того же учебника, зашумѣли вопросами: „а это по своему содержанію?" На урокѣ по каноническому праву былъ такой случай. Когда Е. С. пришлось объяснять таблицу родства по учебнику прот. И. М. Скворцова, то онъ, по разсказамъ его квартиранта, ученика богословскаго класса, просидѣлъ цѣлую ночь надъ изученіемъ этой таблицы. Потомъ, явившись на урокъ, С. Е. нарисовалъ было сначала эту таблицу на доскѣ

каждому классу. Посему, когда время подходило къ выпускнымъ экзаменамъ, я явился на послѣдніе уроки, въ томъ числѣ и на урокъ по патрологіи; оставшись въ корридорѣ у класса, до прихода Н. Я., я попросилъ его провѣрить мои знанія по патрологіи, на что онъ сказалъ: «хорошо, пожалуйте въ классъ». Въ классѣ онъ меня не подвергнулъ провѣркѣ, а между тѣмъ на экзаменѣ оказалось, что Н. Я. оставилъ меня по своему предмету подъ прежнимъ вторымъ номеромъ въ разрядномъ спискѣ.

правильно и, обратившись къ ученикамъ, спросилъ, понятно ли все начерченное на доскѣ? Въ моментъ поворота отъ доски одинъ изъ учениковъ, стоявшій близъ нея, стеръ весь чертежъ, а ученики, сидѣвшіе на скамьяхъ, сказали, что еще не поняли, и попросили Е. С. еще разъ объяснить. Е. С., обернувшись къ доскѣ и замѣтивъ, что вся таблица родословной стерта, такъ смѣшался, что, какъ ни старался начертить ту же таблицу вторично, не могъ воспроизвести ее въ прежнемъ видѣ. И послѣ сего Е. С. ужъ болѣе не принимался писать эту таблицу на доскѣ и разъяснять ее, такъ что она и осталась навсегда отъ него неразъясненною ученикамъ.

Конечно, такіе, сейчасъ приведенные мною, факты отношенія питомцевъ къ своему наставнику будутъ строго осуждены серьезными педагогами; но въ смягченіе вины питомцевъ, моихъ товарищей по классу, не сказать ли мнѣ по крайней мѣрѣ того, что молодая натура очень болѣзненно воспринимаетъ всякое тяжелое и строгое на нее воздѣйствіе и, по своей игривости, она способна въ отвѣтъ на это къ своеобразной изобрѣтательности, поясняя тѣ факты еще и тѣмъ, что сколько былъ высокъ по тѣлесному корпусу, возвышенъ и благороденъ по душѣ нашъ преподаватель патрологіи, столько діаметрально противоположенъ былъ относительно сего Е. С. Г. [1])

---

[1]) Неблагородство Е. С. Г. пришлось и мнѣ испытать относительно меня самого. Дѣло было такъ: проболѣвъ очень долгое время богословскаго курса, я, хотя большую часть этого времени не могъ явиться въ классы, для слушанія уроковъ, но, болѣя хронической глазною болѣзнію, не лишенъ былъ возможности знакомиться съ читаемыми въ классѣ уроками, посредствомъ чтенія мнѣ записокъ классныхъ уроковъ, моихъ товарищей по классу, то при помощи родного моего брата, когда оставался въ квартирѣ, то при помощи смотрителя семинарской больницы, когда поступилъ въ нее, и потому, когда приближалось время къ окончательнымъ выпускнымъ экзаменамъ изъ богословскаго класса, я такъ-же, какъ являлся къ преподавателю патрологіи, явился предъ послѣднимъ урокомъ въ предклассномъ корридорѣ и къ Е. С. Г., прося его на этомъ урокѣ провѣрить мои знанія по преподавае-

Преподавателемъ *медицины* у насъ въ высшемъ отдѣленіи назначенъ былъ академикъ, заслуженный профессоръ, статскій совѣтникъ П. П. Пелехинъ,—человѣкъ весьма уже пожилой. [1])

мымъ имъ предметамъ. Онъ также обѣщалъ спросить, но не спросилъ; а между тѣмъ, какъ оказалось уже на экзаменѣ, вотъ что онъ сдѣлалъ. На экзаменѣ предсѣдательствовалъ въ качествѣ ревизора ректоръ Академіи архим. Димитрій. Послѣ моего отвѣта, по выпавшему мнѣ билету, ревизоръ предложилъ мнѣ взять еще два билета. Когда я отвѣтилъ и по этимъ, ревизоръ спросилъ Е. С. въ полголоса, такъ что и я могъ разслышать, стоя у экзаменаціоннаго столика, почему онъ помѣстилъ меня такъ низко по разрядному списку, 9-тымъ? Затѣмъ ревизоръ заставилъ меня пересказать содержаніе конспекта изъ записокъ Е. С. по обрядословію. Послѣ моей передачи содержанія самодѣльныхъ записокъ Е. С. по обрядословію, ревизоръ спросилъ меня: «что скажете объ этомъ конспектѣ? Я сказалъ, что конспектъ очень сбивчивъ и не имѣетъ надлежащей системы. Ревизоръ улыбнулся и кивнулъ мнѣ головою, какъ бы въ знакъ согласія. Такимъ образомъ сама судьба привела и меня учинить своего рода отместку Е. С., хотя какъ читатель видитъ безъ всякаго моего преднамѣренія.

[1]) Вотъ что передавали намъ изъ его прежней службы. Послѣ преобразованія старой Кіев. академіи въ семинарію, П. П., какъ способнѣйшій, въ числѣ другихъ двухъ или трехъ преподавателей старой кіевск. академіи, былъ оставленъ въ качествѣ преподавателя для новой кіевск. семинаріи. Но такъ какъ П. П. изъ могилянской академіи перенесъ съ собою во вновь открытую семинарію и свой костюмъ,—длинный до пятокъ сюртукъ и длинную головную косу—и съ ними не разставался, то пріѣхавшіе изъ Петербурга молодые преподаватели начали надъ нимъ подшучивать. Задѣтый за живое этими шутками новыхъ своихъ товарищей, П. П. бросилъ преподавательскую службу въ семинаріи, переѣхалъ въ Петербургъ, поступилъ студентомъ въ военную медико-хирургическую акад., окончилъ въ ней курсъ ученія съ золотою медалью, отправился заграницу для усовершенствованія въ медицинскихъ наукахъ, по возвращеніи изъ-заграницы долго служилъ въ Петербургѣ, гдѣ дослужился до званія академика, заслуженнаго профессора и чина ст. совѣта. Въ маститой старости возвратился въ Кіевъ и здѣсь чрезъ посредство митрополита

Начало своихъ чтеній по медицинѣ П. П. предварилъ длинною вступительною рѣчью на латинскомъ языкѣ. Мы, понятно, безмолвно внимали, и большинство слушателей ровно ничего не поняли изъ длиннѣйшей рѣчи П. П., такъ какъ, съ введеніемъ преподаванія предметовъ въ семинаріи на русскомъ языкѣ, познанія учениковъ по латинскому языку слабѣли съ каждымъ годомъ, а въ богословскомъ классѣ значительная часть учениковъ была уже совсѣмъ слаба по этому языку. Самое преподаваніе медицины велось уже и П. П. на русскомъ языкѣ. Что касается характера преподаванія намъ П. П. медицины, то надежды наши на этого заслуженнаго профессора далеко не оправдались, такъ что намъ пришлось очень сожалѣть о прежнемъ нашемъ преподавателѣ И. Т. Щербинѣ. Да оно и понятно. П. П., заслуженному отставному профессору, старику, необходимъ уже былъ отдыхъ послѣ продолжительныхъ серьезныхъ трудовъ; между тѣмъ какъ И. Т. былъ еще человѣкъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и силъ,—человѣкъ, съ жаромъ изучавшій науку и съ любовью дѣлившійся своими познаніями съ будущими врачами душъ, идеально стараясь подготовить ихъ, по мѣрѣ возможности, къ умѣнью врачевать и тѣла.

Уроки П. П. проходили зачастую въ разсказахъ его намъ изъ его заграничной жизни, въ изображеніи внѣшняго вида, особенно громадности головъ знаменитостей заграничной медицинской мудрости, нравовъ и обычаевъ нѣкоторыхъ иностранцевъ, особенно англичанъ, которыхъ П. П. прекрасно зналъ, такъ какъ и жену онъ имѣлъ англичанку; много разсказывалъ и о своей семейной жизни, о разныхъ эпизодахъ изъ своей жизни въ Петербургѣ и т. п. [1])

кіевск. Филарета и его племянника, ректора семин. архим. Антонія, былъ назначенъ преподавателемъ медицины вмѣсто И. Т. Щербины и врачемъ въ больницахъ академической, семинарской и кіево-подольскаго дух. училища.

[1]) Небезъинтереснымъ считаю передать одинъ забавный случай, происшедшій на публичномъ экзаменѣ, при выпускѣ насъ изъ богословскаго класса. На этомъ экзаменѣ по медицинѣ одинъ изъ учени-

Въ заключеніе своихъ воспоминаній о времени обученія своего въ кіев. дух. семинаріи скажу нѣсколько словъ о трогательномъ нашемъ прощаніи, по окончаніи семинарскаго курса,

ковъ отвѣчалъ о значеніи сна для человѣка. Митр. Филаретъ предложилъ отвѣчавшему вопросъ: «полезно ли спать послѣ обѣда?» Ученикъ отвѣтилъ, что вредно, придерживаясь мнѣнія объ этомъ П. П., такъ какъ онъ часто такъ выражался во время своихъ уроковъ. Владыка возразилъ: «а я, если не посплю послѣ обѣда, то и ночью не могу спать». П. П., желая поддержать ученика, послѣ возраженія владыки о пользѣ послѣобѣденнаго сна, обратился къ этому ученику съ такимъ вопросомъ: а скажите, господинъ, что дѣлаютъ животныя, какъ наѣдятся?» Несметливый ученикъ торопливо отвѣтилъ: «животныя, особенно нечистыя, какъ наѣдятся, сейчасъ же и на бокъ валятся у корыта». Такой отвѣтъ, понятно, привелъ всѣхъ въ смущеніе, но владыка мудро нашелся и сказалъ: «вы хотите опровергнуть меня тѣмъ, что только животныя, наѣвшись, предаются сну; а человѣкъ не животное? Животныя слѣдуютъ инстинкту, вложенному въ нихъ Творцемъ ихъ, поэтому и поступаютъ правильно; а вы своимъ мудрованіемъ извращаете этотъ законъ природы. Этимъ замѣчаніемъ въ шутливомъ тонѣ владыка смягчилъ неловкость и выраженія П. П., и выраженія отвѣчавшаго ученика.

Не смотря на упомянутые мною недостатки П. П. по преподаванію намъ медицины, не могу не помянуть его моею личною глубокою благодарностію за его мудрый и отеческій совѣтъ мнѣ, проявленный въ томъ, что онъ отклонилъ меня отъ поступленія студентомъ въ кіевск. духовную академію. Не смотря на продолжительную мою болѣзнь, во время которой я большую часть времени въ богословскомъ отдѣленіи провелъ, то въ отпускѣ въ деревню, въ домѣ своихъ родителей, то въ больницѣ,—о. ректоръ все таки хотѣлъ непремѣнно послать меня казеннокоштнымъ воспитанникомъ въ кіевск. же дух. акад; неоднократно освѣдомлялся у П. П. о моемъ здоровьѣ, желая, чтобы я поступилъ въ академію, даже не оправившись еще окончательно отъ постигшей меня глазной болѣзни. Но П. П. отцовски-участливо заявилъ мнѣ, что моя болѣзнь, при серьезныхъ научныхъ занятіяхъ, неизбѣжно будетъ возобновляться и ожесточаться и что въ концѣ концовъ она можетъ привести къ совершенной потерѣ зрѣнія. Въ виду этого П. П. посовѣтовалъ мнѣ навсегда оставить мысль объ академіи и поступить на службу, и притомъ на такую, которая менѣе всего требуетъ напряженія глазъ.

съ своимъ уважаемымъ начальникомъ и наставникомъ о. ректоромъ, архим. Антоніемъ.

Выпускные экзамены, на которыхъ присутствовалъ о. ректоръ Академіи, окончились благоуспѣшно. Въ академію назначено было изъ нашего выпуска три студента, два изъ отдѣленія о. ректора,—однимъ изъ которыхъ былъ мой младшій братъ,—и одинъ изъ отдѣленія о. инспектора.

По прочтеніи разрядныхъ списковъ выпускныхъ, мы собрались всѣ, по предложенію о. ректора, въ богословскій классъ. Явившись въ классъ, о. ректоръ прошелся молчаливо нѣсколько разъ по классу, подавляя въ себѣ явственно волновавшія его чувства, и наконецъ обратился къ намъ съ такою приблизительно рѣчью:

„По мѣрѣ силъ моихъ, при помощи Божіей, я употребилъ все зависящее отъ меня, чтобы приготовить васъ быть достойными кандидатами священства,—быть мужами совершенными. Теперь, за исключеніемъ двухъ-трехъ, вы должны вступить въ жизнь самостоятельную, руководиться въ ней собственнымъ умомъ и тѣми началами, которыя я старался внушить вамъ и укрѣпить ихъ въ васъ со всею пламенною ревностью и благожелательствомъ. Утѣшаюсь надеждою, что вы оправдаете эту мою надежду на васъ и послужите въ пользу церкви, во спасеніе будущихъ духовныхъ чадъ вашихъ, а также и въ честь сего учебнаго заведенія, на какихъ бы поприщахъ ни пришлось вамъ трудиться. Благочестное и благополезное служеніе ваше на пользу церкви скрѣпитъ нашу теперешнюю духовную связь и на будущее время; тѣмъ болѣе, что большинству изъ васъ придется проходить пастырское служеніе недалеко отъ Кіева, гдѣ и я нахожусь. Вы можете, и даже совѣтую вамъ, во время исполненія своего пастырскаго служенія, обращаться ко мнѣ, прежнему вашему руководителю, за совѣтами и посильною помощью во всѣхъ тѣхъ трудныхъ случаяхъ, съ которыми часто приходится имѣть дѣло пастырямъ церкви. Ввѣряю судьбу вашу Промыслу Божію; Той васъ да укрѣпитъ, да умудритъ, и удостоитесь стяжать вѣнцы въ небесномъ славномъ царствіи Го-

спода Бога и Спаса нашего І. Христа, послѣ усердныхъ трудовъ вашихъ въ настоящемъ царствѣ Его благодатномъ"...

Подъ конецъ рѣчи голосъ о. ректора сталъ прерываться; слезы струились изъ его глазъ, а мы проливали цѣлые потоки ихъ.

По окончаніи этой трогательной для всѣхъ рѣчи, мы по одиночкѣ стали подходить къ о. ректору за благословеніемъ, которое сопровождалось трогательными поцѣлуями съ каждымъ изъ насъ. Получивъ благословеніе, я палъ на скамью, обнялъ ее обѣими руками и такъ нервно рыдалъ, что обратилъ на себя вниманіе о. ректора, все еще прощавшагося съ учениками. Изъ класса мы проводили о. ректора, послѣ прощанія съ нимъ, чрезъ верхній корридоръ, —дальше онъ не позволилъ сопровождать его. Послѣ этого снова всѣ вернулись въ прежнюю комнату, и началось прощаніе между товарищами. Сцена эта такъ разстроила мои нервы и болѣзненные глаза, что я, вышедши изъ семинарскаго корпуса, едва могъ разобрать дорогу къ своей квартирѣ, и хотя по пути къ квартирѣ пришлось пройти нѣсколько улицъ, но я никого не видѣлъ и какъ бы даже и не встрѣчалъ проходившихъ по этимъ многолюднымъ улицамъ. Еще трогательнѣе была разлука моя съ младшимъ моимъ братомъ, когда онъ послѣ каникулярнаго времени долженъ былъ безъ меня отправляться для поступленія студентомъ въ кіевск. духовную академію. Съ нимъ я одновременно изучалъ грамматику, часословъ, псалтирь, гражданскую печать; вмѣстѣ же съ нимъ, нигдѣ не разлучаясь, мы прошли всѣ классы дух. училища и семинаріи и никогда не удалялись другъ отъ друга даже по разрядному списку. Мы какъ бы инстиктивно чувствовали, что съ этимъ нашимъ разлученіемъ, мы разлучаемся и въ своихъ жизненныхъ поприщахъ; онъ поступалъ туда, куда, при искреннемъ своемъ желаніи, я не могъ поступить по слабости зрѣнія. Много дней до разлуки окончательной мы провели въ саду въ слезахъ. Въ день выѣзда брата въ Кіевъ мы въ томъ же саду такъ плакали, крѣпко обнявши одинъ другого, что только внушительный голосъ отца заставилъ насъ выпустить другъ друга изъ объятій, когда уже и лошадей подали къ отъѣзду.

VII.

Воспоминанія мои о Духовно-учебной моей службѣ за время священства моего въ двухъ приходахъ Кіевской Епархіи до времени выбытія моего въ Привислянскій Край.

По волѣ Божіей не суждено мнѣ было по окончаніи курса семинаріи поступить въ академію для полученія высшаго образованія, и я, простившись съ меньшимъ братомъ Ѳеофаномъ, пробылъ въ домѣ родительскомъ нѣсколько мѣсяцевъ, посвятивъ это время исключительно на лѣченіе постигшаго меня хроническаго воспаленія глазъ. Получивъ нѣкоторое облегченіе отъ сей болѣзни, я явился къ о. ректору семинаріи, архимандриту Антонію, за совѣтомъ, что мнѣ дѣлать, и онъ посовѣтовалъ мнѣ поступить учителемъ Кіево-Софійскаго училища, чтобы черезъ два года поступить волонтеромъ въ академію. На это я отвѣтилъ, что при кіевской жизни хроническая моя болѣзнь можетъ возобновиться, а посему признаю за лучшее для себя—эти два года провести въ богуславскомъ духовномъ училищѣ, находящемся въ санитарномъ отношеніи въ лучшихъ условіяхъ, сравнительно съ прочими училищами. Онъ согласился со мною и обѣщалъ въ скоромъ времени открыть въ этомъ училищѣ учительскую ваканцію исключительно для меня, которую скоро я и занялъ. По истеченіи этихъ двухъ лѣтъ, я явился въ Кіевъ и сдалъ экзаменъ, но, увы по окончаніи экзаменовъ до открытія академическихъ лекцій мнѣ пришлось уже попасть въ академическую больницу, въ которую для освидѣтельствованія благонадежности здоровья студентовъ новаго академическаго курса командированъ былъ П. П. Здѣсь, въ больницѣ, онъ убѣдилъ меня оставить мысль объ академіи окончательно, разъ навсегда. Вслѣдствіе такого его совѣта я отправился къ тогдашнему ректору академіи, архимандриту Димитрію и заявилъ ему самъ о неблагонадежности своего здоровья и, несмотря на его

нерѣшительность удовлетворить моей просьбѣ, испросилъ у него свои документы. Вручая документы, о. ректоръ сказалъ мнѣ: „Очень жаль“. Возвратился я, волею судьбы, въ Богуславъ опять на учительское мѣсто. Въ непродолжительное послѣ сего время пріѣхалъ ко мнѣ отецъ мой и объявилъ мнѣ, что подыскалъ для меня подходящую невѣсту, дочь Звенигородскаго уѣзднаго протіерея о. Симеона Ясинскаго. Черезъ недѣлю послѣ этого, неожиданно для меня пріѣхала ко мнѣ тетушка моя по матери съ мужемъ своимъ протоіеремъ г. Липовца И. Д. Шаббатовичемъ, и предложила мнѣ обязательно проѣхаться съ ними къ ихъ ближайшему родственнику въ с. Дыбинци, въ 10 вер. отъ Богуслава, на храмовой праздникъ (14 сен.). Въ позднюю вечернюю пору, когда я уже собирался уѣзжать изъ Дыбинецъ, она объявила мнѣ, что въ г. Липовцѣ открылось праздное священническое мѣсто, на которое совѣтовала мнѣ подать прошеніе и сдать ей на руки для удобнѣйшаго отправленія въ Кіевъ. Я уклонялся подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что такъ наскоро не могу составить прошенія. Тогда она сама настрочила красивымъ почеркомъ прошеніе и предложила мнѣ только подписаться,—что я изъ угожденія ей и сдѣлалъ. Взявши на руки прошеніе, она не замедлила отправить его куда слѣдуетъ. Въ скоромъ времени послѣ сего получаю изъ Кіева письмо отъ своего брата Петра Гавриловича такого содержанія: „Митрополитъ Филаретъ призывалъ меня къ себѣ и объявилъ, что ты подалъ прошеніе на второе священническое мѣсто при соборной церкви г. Липовца, и хотя не имѣетъ законнаго основанія отказать тебѣ въ зачисленіи за тобою того мѣста, но находитъ для себя затрудненіе къ удовлетворенію твоей просьбы въ томъ обстоятельствѣ, что, не предвидя сего, возвелъ на это мѣсто своего внука, нѣкоего Солнышкина, который состоитъ тоже учителемъ Елецкаго духовнаго училища Орловской губерніи, и онъ отъ него получилъ уже письмо, что внукъ сей находится уже въ дорогѣ. И такъ, спросилъ меня владыка, можете-ли вы, какъ старшій братъ, дать согласіе за своего брата, что онъ не будетъ претендовать на меня за то, что мною будетъ зачислено

липовецкое мѣсто при соборѣ за моимъ внукомъ?. Я за тебя поручился, и владыка сказалъ, что по своему усмотрѣнію дастъ тебѣ хорошее мѣсто". Въ скоромъ времени я получилъ оффиціальное увѣдомленіе о назначеніи меня, безъ моего прошенія, на священническое мѣсто въ с. Лузановкѣ, Черкасскаго уѣзда. Женившись на дочери Звенигородскаго протоіерея, въ виду наступающаго великаго поста, поспѣшилъ я выѣздомъ своимъ въ Кіевъ для рукоположенія во священники. Явившись къ митрополиту, я имѣлъ дерзновеніе вопросить его о причинѣ немилости его ко мнѣ, выразившейся въ назначеніи меня священникомъ не въ городъ, или мѣстечко, а въ село. Владыка отвѣтилъ на это: „У меня, здѣсь на Печерскѣ, есть, могу сказать, не то что хорошій знакомый, а другъ мой, корпусный командиръ, генералъ Красовскій, очень благочестивый старикъ, дочь котораго въ замужествѣ за помѣщикомъ с. Лузановки, его однофамильцемъ. У тѣхъ господъ Красовскихъ имѣется большая семья въ возрастѣ, требующемъ серьёзнаго воспитанія, а они, въ качествѣ учителей и воспитательницъ, назвали къ себѣ Богъ вѣсть какихъ лицъ— студентовъ университета, англичанокъ, нѣмокъ, француженокъ,— поэтому дѣдушка дѣтей Красовскихъ сильно безпокоится за правильность воспитанія тѣхъ русскихъ православныхъ дѣтей и давно проситъ меня назначить въ с. Лузановку такого священника, который былъ-бы способенъ принять участіе въ воспитаніи его внуковъ и внучекъ. И вотъ я, воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что бывшій настоятель Лузановской церкви, старикъ протоіерей Іеремія Обыдовскій, перешелъ въ г. Чигиринъ, назначилъ тебя въ с. Лузановку, въ той надеждѣ, что ты окажешься полезнымъ для Красовскихъ". Я попробовалъ было возражать противъ назначенія меня въ Лузановку, но владыка, видимо, остался недоволенъ этимъ и предложилъ секретарю своему, которому далъ пачку бумагъ, проводить меня къ преосвященному Аполлинарію, викарію кіевской митрополіи. На извощикѣ подъѣхали мы къ Михайловскому монастырю и пошли къ преосвященному. Въ пріемной секретарь оставилъ меня одного, а самъ пошелъ въ покои преосвященнаго, отъ котораго скоро

возвратился и уѣхалъ. Когда вышелъ преосвященный, то обратился ко мнѣ съ такими словами: «Владыка митрополитъ, въ виду наступающаго великаго поста (а это было на сырной седмицѣ), поручилъ мнѣ завтра рукоположить васъ во діакона, а послѣзавтра во священника, чтобы вы могли прибыть на приходъ, по крайней мѣрѣ, на второй недѣлѣ великаго поста. Я началъ было объяснять, что къ завтрашнему дню я не готовъ, такъ какъ у меня не сшита была ряса и кафтанъ; но владыка замѣтилъ, что у него въ монастырѣ найдутся и рясы и кафтаны. По предложенію преосвященнаго, келейникъ его проводилъ меня къ какому-то іеромонаху, въ келію котораго принесены были для меня черная ряса и такого-же цвѣта кафтанъ, а вмѣстѣ съ ними и поясъ усменъ на чресла мои. У этого іеромонаха на жесткомъ ложѣ я и переночевалъ, а слѣдующаго дня въ крестовой архіерейской церкви рукоположенъ во діакона, а на слѣдующій день во іерея. Затѣмъ со врученными мнѣ бумагами отправился я къ настоятелю Кіево-Притиской Николаевской церкви, о. протоіерею Іоакиму Орлову, для практическаго изученія богослуженія. Вышедши изъ Михайловскаго монастыря, я, въ монашескомъ облаченіи, окольными путями пробрался въ квартиру, за канавою, своего брата, наставника Кіевской дух. семинаріи. Когда я появился въ томъ облаченіи въ залъ и меня первая увидала жена его, то всплеснула руками и кликнула своего мужа: „посмотри, Петръ Гаврииловичъ, въ какомъ маскарадѣ пожаловалъ къ намъ Андрей Гавриловичъ“. Братъ мой, не зная, что я уже рукоположенъ,—такъ какъ эти двѣ ночи провелъ въ монастырѣ,—строго замѣтилъ мнѣ—„что это за маскарадъ!“ Такъ выразился по тому, что за два дня передъ симъ, по случаю масляницы, въ маскарадномъ видѣ являлись въ квартиру его, въ которой и я помѣстился, студенты кіевскаго университета, родственники жены его, съ нѣкоторыми знакомыми барышнями. Я извинился передъ ними за продолжительное отсутствіе изъ квартиры ихъ и разсказалъ имъ всю исторію своего быстраго посвященія. Практическое изученіе богослуженія начато мною въ Притиско-Николаевской церкви съ понедѣльника первой седмицы великаго поста и окончено въ субботу.

За принятіемъ ставленнической грамоты изъ святительскихъ рукъ митрополита Филарета прибылъ я, по особому увѣдомленію секретаря его, въ Кіево-Печерскую лавру зъ 8 часовъ утра, въ первое воскресеніе четыредесятницы, а въ 9 вошелъ въ пріемную. Карета митрополита стояла у подъѣзда; онъ самъ, одѣтый въ полную форму и готовый къ отъѣзду въ Кіево-Софійскій соборъ для совершенія литургіи въ недѣлю православія, сидѣлъ на диванѣ. Преподавъ мнѣ благословеніе и вручивъ ставленническую грамоту, какъ бы угадывая мои мысли, обратился ко мнѣ съ такими знаменитыми словами: „Ты противился прежде сдѣланному мною назначенію о тебѣ, можетъ быть и теперь еще хочешь сказать, что-то вопреки; но я скажу тебѣ, что судьба всякаго человѣка зависитъ отъ воли Божіей, а судьба пастырей совершается по волѣ Божіей волею архипастырей. Пойми сіе. Касательно нехоты твоей идти пастыремъ въ Лузановку, я скажу тебѣ теперь только то, что при объѣздѣ епархіи я былъ самъ тамъ, литургисалъ, ознакомился съ дворомъ помѣщичьимъ и увѣренъ былъ, что не останешься въ обидѣ отъ моего назначенія; за подробностями совѣтую тебѣ обратиться къ о. ключарю, бывшему со мною въ Лузановкѣ“. За симъ владыка, поднявшись къ выходу, еще осѣнилъ меня крестнымъ знаменемъ. По выслушаніи литургіи въ Софійскомъ соборѣ, я отправился къ о. ключарю, протоіерею Сухобрусову, и онъ, расписавши Лузановскую церковь, хоръ пѣвчихъ, дворецъ помѣщичій и многое другое въ самомъ лучшемъ видѣ, окончилъ свой панегирикъ тѣмъ, что еслибъ владыка далъ ему Лузановскій приходъ, то и сегодня отправился бы туда.

Описаніе Лузановскаго прихода, сдѣланное мнѣ въ Кіевѣ, вполнѣ отвѣчало дѣйствительности: церковь каменная, просторная, величественная; резонансъ въ ней такой сильный, что и при слабости голоса, я дѣлалъ прекрасные возгласы; звукъ колоколовъ сильный, мелодичный, хоръ пѣвчихъ превосходный, ризница богатая, клирики—діаконъ и дьячокъ обладали хорошимъ голосомъ. На богослуженіе, кромѣ помѣщичьей семьи, нерѣдко пріѣзжали изъ ближайшихъ мѣстъ отставные генералы—

Дризенъ, Гревсъ, Бѣлокопытовъ. Красовскіе пригласили меня для преподаванія ихъ дѣтямъ Закона Божія и русской и гражданской исторіи. Года черезъ два глава этого семейства умеръ, спустя еще три года—двѣ дочери Красовскихъ вышли замужъ, два сына поступили въ кадетскіе корпуса, мать же ихъ большую часть времени проводила то въ Кіевѣ, то за границей,— отчего положеніе мое измѣнилось. Преосвященный викарій Аполинарій при обозрѣніи церквей, по ревизіи Лузановской церкви, зашелъ ко мнѣ въ домъ и сказалъ, что, по порученію Высокопреосвященнѣйшаго владыки, хочетъ знать, какъ мнѣ поживается въ Лузановкѣ. Я отвѣтилъ, что при измѣнившихся обстоятельствахъ желалъ бы перейти на другой приходъ.

Не прошло и года послѣ сего, какъ я по случаю страшнаго волненія крестьянъ, особенно въ Корсунщинѣ, т. е. въ громадномъ имѣніи князя Лопухина, а преимущественно въ Спасскомъ приходѣ, за смертью священника Спасской церкви м. Корсуня, скончавшагося въ самый разгаръ этого волненія,— помимо всякаго своего прошенія, ордеромъ митрополита Кіевскаго Филарета былъ назначенъ священникомъ Спасской церкви м. Корсуня. Ордеръ о семъ мѣстнымъ благочиннымъ былъ препровожденъ мнѣ, несмотря на 50-ти верст. разстояніе, въ тотъ же день нарочнымъ, съ предписаніемъ немедленно явиться къ мѣсту своего назначенія. Я прибылъ на новое мѣсто, когда, такъ сказать, потоки крови крестьянской, пролитой высланными изъ Кіева воинскими командами, были еще свѣжи, и какъ владѣлецъ Корсунскихъ имѣній, такъ особенно Корсунская паства были рады миротворцу—новому священнику. Объ удачной миссіи моей касательно умиротворенія съ похвалою отзывался, посѣщая м. Корсунь, митрополитъ Кіевскій Арсеній, уже по выбытіи моемъ въ Царство Польское.

Положеніе мое во время священства моего въ Корсунско-Спасской церкви было самою счастливѣйшею порою въ моей жизни во всѣхъ отношеніяхъ. Церковь нерукотвореннаго образа Христа Спасителя, огромная по размѣрамъ, съ каменною же въ 4 яруса колокольнею и часами на 3-мъ ярусѣ, бой которыхъ

производился въ 150 пудовый колоколъ, была архитектуры рѣдкой. Посѣщавшій ее въ мое время одинъ знаменитый художникъ изъ Петербурга дивился смѣлости возведенія громаднаго купола на ней въ 16 большихъ оконъ безъ столбовъ внутри церкви подъ нимъ. Генералъ-Губернаторъ Кіевскій, Н. Н. Анненковъ, осматривавшій ее въ первый разъ посѣщенія ея въ будничный день, въ личномъ присутствіи моемъ, находилъ въ ней сходство съ храмомъ св. Петра и Павла въ Римѣ. Въ мраморномъ иконостасѣ надъ Царскими вратами высилась икона Тайной вечери Господней—копія Винчи; всѣ образы въ иконостасѣ въ нижнихъ ярусахъ были писаны рукою художника Шубуева—въ Петербургѣ. Митрополитъ Кіевскій Исидоръ, пріѣзжавшій въ Корсунь при мнѣ, попросилъ князя Лопухина снять посредствомъ его художника копію съ образа Св. ап. Павла для какой-то строившейся церкви въ имѣніи графовъ Браницкихъ, кажется, въ м. Бѣлой Церкви на Зарѣчьѣ; но графомъ Браницкимъ былъ командированъ для снятія копіи какой-то художникъ, находившійся при университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ. Архитектурность постройки Корсунско-Спасской церкви и художественность живописи иконостаса зависѣли отъ того, что строителемъ сей церкви былъ отецъ князя Петра Павлов. Лопухина, Петръ Васильевичъ Лопухинъ, предсѣдатель Государств. Совѣта при импер. Павлѣ I, ворочавшій всѣми дѣлами государственными и имѣвшій вліяніе и на всѣхъ лицъ, понадобившихся ему при постройкѣ церкви. Богатая ризница прежняго времени была часто пополняема выпискою на средства князя Лопухина изъ Москвы облаченій новыхъ. Для благолѣпія церковнаго богослуженія содержимъ былъ на счетъ князя хоръ, состоящій изъ разныхъ голосовъ (коихъ я, по предложенію князя, выписывалъ изъ разныхъ мѣстностей); хоръ обходился князю въ годъ 12 тысячъ рублей, несмотря на то, что мальчики для пѣнія были изъ музык. княж. школы; и даже нѣкоторые изъ басовъ были изъ той же школы. Кромѣ діакона изъ штатнаго причта, князь на свой счетъ содержалъ за довольно высокую плату сверхштатнаго діакона, весьма представительной наружности. Самъ митрополитъ Исидоръ при посѣщеніи Кор-

сунско-Спасской церкви, былъ восхищенъ пѣніемъ княжескаго хора, а также какъ внѣшностью, такъ и голосомъ вольнонаемнаго діакона. Мой духовный сынъ, свѣтлѣйшій князь Павелъ Петровичъ Лопухинъ, родной внукъ императора Петра Великаго, клонилъ свою сѣдую голову, принималъ отъ меня благословеніе, гдѣ-бы я ни видѣлся съ нимъ, и вообще питалъ ко мнѣ глубокое уваженіе [1]). По собственному своему вызову онъ былъ крестнымъ отцемъ всѣхъ моихъ дѣтей во время 12-ти лѣтняго священства моего въ Корсунѣ,—вызывая заблаговременно до родовъ лучшихъ акушерокъ изъ Москвы, и одѣляя щедро золотою монетою родившую и рожденное послѣ его крещенія. Дарилъ для кормленія своихъ крестниковъ и крестницъ голендерскихъ коровъ, а мнѣ, для разъѣзда, по благочиннической и наблюдательской должности, по ста приходскимъ школамъ Каневскаго уѣзда, уступалъ по весьма уменьшеннымъ цѣнамъ изъ своего завода экипажныхъ лошадей. Даже и нѣсколько экипажей было сдѣлано по очень удешевленной цѣнѣ въ его мастерскихъ. Квартира моя, какъ и прежде удобно имъ устроенная и обширная по числу комнатъ, ежегодно ремонтировалась и подновлялась внутри окраскою стѣнъ, потолковъ, оконъ и дверей дворскими его людьми и красками изъ его двора, соотвѣтствующими назначенію каждой комнаты. Однажды, по случаю возбужденія вопроса главно-управляющимъ о томъ, кто имѣетъ право на безплатное полученіе лѣкарствъ по рецептамъ доктора изъ княжеской аптеки, онъ собственноручно написалъ на большомъ листѣ о правахъ и моихъ, какъ духовнаго его отца, и велѣлъ повѣсить на видномъ мѣстѣ въ аптекѣ.—Знаменитый врачъ князя, докторъ медицины и акушерства Генрихъ

---

1) Памятникомъ сего уваженія его ко мнѣ и доселѣ сохранились въ домашнемъ моемъ письменномъ архивѣ нѣкоторыя изъ писемъ его, въ которыхъ онъ просилъ моего совѣта по предпринимаемымъ имъ дѣламъ или общеблаготворительнымъ учрежденіямъ, особенно въ Псковской губ.—родовомъ его имѣніи, или же по части еще большаго благолѣпія мѣстной Спасско-Корсунской церкви, которой состоитъ прихожаниномъ и усерднымъ попечителемъ.

Стан. Тритшель, отецъ нынѣшняго профессора Кіевск. университета, Карлъ Генр. Тритшеля, былъ докторъ и моего дома.

Матеріальное обезпеченіе мое, помимо получаемаго мною жалованья по Епархіальной службѣ, увеличивалось отъ князя за преподаваніе Закона Божія въ музыкальной княжеской школѣ мальчикамъ изъ крѣпостныхъ людей, а также благодаря присутствію князя въ качествѣ воспріемника при крещеніи почти всякаго служившаго при дворѣ его, не исключая и сажотрусовъ. Щедро получалъ я отъ лицъ служившихъ въ главной конторѣ по управленію его имѣніями, каковыхъ лицъ въ качествѣ бухгалтеровъ было получавшихъ жалованья по тысячѣ рублей до 30-ти, не считая главно-управляющаго. Немалые доходы имѣлъ я отъ отдаваемой мною въ аренду церковной земли. Вообще получаемое мною содержаніе было такое, какимъ едва-ли кто пользовался изъ священниковъ Кіевской Епархіи.

Климатическія условія мѣстности—превосходны, а къ тому и не безъ пріятныхъ развлеченій.[1]) Ежегодно ко дню Ангела (29 іюня) и ко дню рожденія (4 августа) свѣтлѣйшаго князя пріѣзжали на соборное богослуженіе въ Корсунско-Спасскую церковь Кіевскіе генералъ-губернаторы. Въ числѣ генералъ-губернаторовъ, пріѣзжавшихъ сюда, были князь И. И. Васильчиковъ, Ник. Ник. Анненковъ, Александръ Павловичъ Безакъ; а изъ губернаторовъ Кавнаковъ, Гессе. Высокопоставленныя эти лица, гостя у князя дня по два по три, слушали музыку и въ домѣ

---

1) Содержавшійся на счетъ князя оркестръ, подъ управленіемъ капельмейстера, выписаннаго изъ Чехіи, пользовавшійся громкою славою, игралъ въ саду княжескомъ, расположенномъ на 7-ми скалистыхъ островахъ, обтекаемыхъ р. Росью,—всякій воскресный и праздничный день, и по четвергамъ въ лѣтнюю пору. И послушать игру его съѣзжались изъ разныхъ губерній помѣщичьи семейства для лѣтняго пребыванія въ Корсуни, большинство-же и для пользованія у доктора Тритшеля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для купанья въ каскадахъ водъ р. Роси въ мѣстахъ, гдѣ она била волнами о подводные камни.

князя за обѣдомъ и ужиномъ, и въ послѣобѣденное время до вечера въ саду княжескомъ.

Не оставляли безъ особеннаго вниманія князя и церкви Спасской духовные владыки кіевскіе. Выѣзжая для ревизіи церквей, они останавливались, на время пребыванія своего въ Корсунѣ, въ дворцѣ князя, построенномъ въ швейцарскомъ вкусѣ по архитектурѣ и на высокой скалѣ; совершали всегда торжественное богослуженіе въ Спасской церкви, хотя бы пріѣздъ ихъ былъ и въ будничный день; обѣдали въ томъ же дворцѣ со всѣмъ духовенствомъ, участвовавшимъ въ богослуженіи, отъѣзжали въ сосѣднія села для обозрѣнія церквей и опять возвращались къ князю на ночлегъ. За время служенія моего при Корсунско-Спасской церкви, въ ней богослуженіе совершали: митрополитъ Исидоръ,[1]) двукратно—митрополитъ Арсеній и викарій Аполинарій. Въ Корсунѣ, по случаю послѣдовавшаго предъ назначеніемъ меня къ Спасской церкви волненія крестьянъ, преждевременно добивавшихся освобожденія отъ крѣпостной зависимости,[2]) въ теченіи 12-ти лѣтняго служенія моего въ немъ находились всѣхъ сортовъ оружія войска со штабами—дивизіоннымъ, кавалерійскими, бригадными—артиллерійскими, саперными баталіонными и нѣсколькими пѣхотными ротами.

Все это придавало мѣстечку оживленный видъ и отпечатокъ важнаго города.

Въ вечернюю пору, особенно въ дни ангела и рожденія свѣтлѣйшаго князя и его супруги свѣтлѣйшей княгини Іоанны, праздновавшей день своего ангела въ день рожденія крестителя Господня (24 іюня), съѣзжались, для гулянья, въ княжескомъ саду и для слушанія игры оркестра, и семейства священниковъ имѣнія князя (а священниковъ въ имѣніи князя въ одной Кор-

---

[1]) Къ пріѣзду митр. Исидора князь экстренно вызвалъ изъ Кіева знаменитаго пѣвца, Г. Соловцева, который пѣлъ, какъ единолично, такъ и принималъ участіе въ пѣніи кіевскаго хора въ дворцѣ въ вечернюю пору, чередуясь съ музыкальнымъ оркестромъ.

[2]) См. объ этомъ печатаемую въ настоящей книгѣ «Записку» П. Г. Лебединцева.

сунщинѣ считалось 28). Въ сумерки нѣкоторыя изъ этихъ семействъ по приглашенію моему, а другія и безъ приглашенія, сходились въ мою квартиру и были угощаемы чаемъ и ужиномъ, для чего, по распоряженію князя, былъ присылаемъ заблаговременно сахаръ головами, вина изъ погребовъ, пиво, боченками изъ его завода, разные продукты изъ его оранжерей, повара и другая необходимая прислуга. Кондиторъ княжескій за день до наступленія празднествъ въ нѣсколькихъ кадкахъ заготовлялъ для моихъ гостей мороженое.

Жизнь при такихъ обстоятельствахъ могла ли быть скучною, хотя, преимущественно для меня, была и докучливою? Въ общемъ можно сказать, что это было доброе старое время. А потому не естественно-ли мое настоящее желаніе—передать объ этомъ добромъ старомъ времени и отдаленному потомству? А чрезъ посредство чье-же, какъ не черезъ журналъ „Кіевская Старина", такъ какъ всѣ воспоминаемые мною событія совершались въ губерніи Кіевской? Да и основатель сего журнала былъ родной братъ мой Θеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ, объ коемъ, по обученію его со мною въ Зеленянской школѣ, Богуславскомъ духовномъ училищѣ и въ Кіевск. Духовной семинаріи, говорятъ эти мои воспоминанія.

Протоіерей Андрей Лебединцевъ.

Новая библіографическая находка.

Переводная статья кн. А. М. Курбскаго: „Ѿ дрѹгїе дїалектики ӥѡна спанинъбергера ѡ силогизме вытолковано" [1]).

Мѣстонахожденіе новооткрытаго *печатнаго* экземпляра статьи кн. Курбскаго: „*От другіе діалектики Иона Спанинъбергера о силогизме вытолковано*"—сборникъ Московской синодальной типографской библіотеки № 4217 [2]). Тутъ онъ помѣщенъ среди другихъ старопечатныхъ произведеній конца XVI и начала XVII ст., въ числѣ которыхъ, рядомъ съ нимъ, находится экземпляръ славянской грамматики, изданной въ Вильнѣ, въ типографіи Мамоничей, въ 1586 г. [3]). Послѣднее обстоятельство даетъ ключъ къ опредѣленію мѣста и времени изда-

---

[1]) Сообщеніе въ засѣданіи Императорскаго общества любителей древней письменности 8 января 1899 г.

[2]) Здѣсь находится собственно два экземпляра статьи: полный, изъ шести листковъ in 8-vo, и неполный—изъ четырехъ первыхъ, которые помѣщены между пятымъ и шестымъ листками полнаго экземпляра.

[3]) До сихъ поръ были извѣстны только два экземпляра этого изданія—собора Іоанна Крестителя въ Перемышлѣ и Императорскаго общества любителей древней письменности въ Петербургѣ (*Каратаевъ*, Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами, 1883 г., I, № 113). Найденный нами экземпляръ грам-

нія самой статьи: одинаковые въ грамматикѣ и статьѣ форматъ и качество бумаги, отсутствіе на ней водяныхъ знаковъ, кромѣ линій, тожество шрифтовъ—все это позволяетъ думать, что статья Курбскаго издана въ той-же типографіи и, быть можетъ, въ томъ-же году, что и грамматика, и, вѣроятно, въ связи съ нею.

Содержаніе статьи Курбскаго, извѣстной до сихъ поръ только въ рукописяхъ [1]), слѣдующее. Опредѣленіе силлогизма;

матики—дефектный: въ немъ недостаетъ трехъ первыхъ листковъ, но онъ нѣсколько полнѣе петербургскаго, въ которомъ не хватаетъ четырехъ.

[1]) Таковы: а) Списокъ Московскаго Румянцевскаго музея въ рукописи XVII в., л. 337 об. и слѣд. (Описаніе—*А. Востокова*, 1842 г., стр. 242); б) того-же музея—въ рукописи изъ собранія Пискарева, XVII в., № 189 (Чт. въ Москов. общ. исторіи и древн. Рос., 1888, I. Приложенія къ статьѣ А. С. Архангельскаго: «Борьба съ католичествомъ и зап.-русская литература конца XVI—первой половины XVII в.», стр. 155, 165, 166; здѣсь изложено содержаніе статьи въ видѣ заголовковъ и начальныхъ фразъ ея параграфовъ, по рук. Румянцевскаго музея № 193 съ варіантами по рук. Пискарева); в) Московской дух. академіи въ рук. (?) в. (*Архим. Леонидъ*, Описаніе вып. II, стр. 122); г) Казанской дух. академіи, изъ собранія Соловецкихъ рукописей, № 102 (по Описанію—№ 260), лл. 215—220 (XVII в.; данный списокъ представляетъ почти точную копію съ печатнаго экземпляра,—даже опечатки нѣкоторыя сохранены); д) Московскаго Никольскаго единовѣрческаго монастыря,—изъ собранія рукописей А. И. Хлудова (по Описанію *А. Н. Попова*—№ 60, стр. 116); е) Московскаго Чудова монастыря, въ сборникѣ 1600 г. № 34, лл. 193—199. Интересно, что послѣдній списокъ заставилъ покойнаго А. Н. Попова сдѣлать нѣсколько поспѣшный выводъ относительно напечатанія данной статьи. Въ сборникѣ Чудова монастыря вслѣдъ за статьей Курбскаго и «сказомъ» помѣщенъ выходъ виленской грамматики 1586 года. А. Н. Поповъ, прочтя въ выходѣ вм. «грамматика»—«грамотка», отнесъ ее къ статьѣ и утверждалъ напечатаніе ея въ Вильнѣ въ 1586 г., въ типографіи Мамоничей («Свѣдѣніе о неизвѣстной книгѣ виленской печати 1586 г.—Чтенія въ Моск. общ. ист. и древн. росс., 1881, II, Матеріалы, XI, 53—55.

раздѣленіе силлогизмовъ на „утверждающіе и прящіе" (положительные и отрицательные) и примѣры ихъ. Энтимемы,—опредѣленіе ихъ и примѣры энтимемъ безъ большей посылки и безъ меньшей. Опредѣленіе „образца" (фигуры) силлогизмовъ и примѣры силлогизмовъ трехъ „образцовъ". Опредѣленіе „чиновъ" (модусовъ) силлогизмовъ и примѣры ихъ по всѣмъ тремъ фигурамъ. Правила объ отношеніяхъ силлогизмовъ. Въ заключеніи статьи—„Сказъ Андрѣя чего ради сіи (т. е. правила о силлогизмахъ) написаны". Отсюда читатель узнаетъ, что хотя не всѣ силлогизмы защищаютъ истину,—иные и „сопротивъ правды глаголютъ", однако знать всѣ ихъ очень важно: во-первыхъ, ради самого знанія („иже-бы есте вѣдали чинъ и мѣру (напечатано—„вѣру") силлогизмовъ, яко въ нихъ среду изобрѣсти и гдѣ положити"); во-вторыхъ, чтобы умѣть отличить правду отъ неправды и истину отъ лжи; въ третьихъ, чтобы умѣть бороться съ противниками истины, указывая имъ, въ чемъ они отступаютъ отъ нея и какіе логическіе промахи они допустили. Тѣмъ болѣе нужно знать все это, что ложными силлогизмами пользовались всѣ еретики противъ догматовъ истинной вѣры, и ихъ искусно опровергали „святые нашіе страны премудрые, навыкши тоя словесной силѣ". Сказъ оканчивается словами „единаго премудраго": „все потреба вѣдати, да не всему вѣрити, но точію правде и истинне" [1]).

При печатномъ экземплярѣ статьи нѣтъ ни выходного листа, ни послѣсловія, но принадлежность ея кн. Курбскому не подлежитъ сомнѣнію, въ виду, прежде всего, приложеннаго къ ней „Сказа Андрѣя". Подобнымъ образомъ Курбскій обозначалъ свое авторство и въ другихъ случаяхъ. Такъ надписаны его пояснительныя замѣчанія въ рукописномъ сборникѣ твореній Іоанна Дамаскина, принадлежащемъ къ Хлудовскому собранію [2]); здѣсь-же предисловіе къ твореніамъ надписано: „Пре-

---

[1]) «Сказъ Андрѣя» полностью напечатанъ А. Н. Поповымъ въ Описаніи рукописей А. И. Хлудова, стр. 117—118, по рукоп. № 60.

[2]) *Поповъ А.*, Описаніе рукописей А. И. Хлудова (М., 1872), стр. 106. 115.

дисловіе Андрея грехми исполънена"[1]); въ предисловіи къ „Новому Маргариту" кн. Курбскій называетъ себя „многогрѣшнымъ Андреемъ Ярославскимъ" [2]). Затѣмъ, что Курбскій—авторъ данной статьи, это доказывается отношеніемъ ея ко всѣмъ переводнымъ трудамъ Курбскаго и къ общему характеру его литературной дѣятельности въ западной Россіи.

Бѣжавъ ночью 30 апрѣля 1564 г. изъ-подъ Дерпта въ Литву, кн. А. М. Курбскій получилъ отъ короля Сигизмунда Августа помѣстья на Волыни и такимъ образомъ попалъ въ самый круговоротъ религіозныхъ движеній, волновавшихъ тогда Польшу и западную Россію. Католики и протестанты различныхъ толковъ, воюя другъ съ другомъ, попутно задѣвали и православную церковь, которая тогда не располагала еще тѣми духовными средствами для борьбы съ своими врагами, развитію которыхъ такъ много содѣйствовали и братства, и отдѣльныя лица, въ родѣ кн. К. К. Острожскаго, Ю. Слуцкаго, А. М. Курбскаго. Князю Курбскому едва-ли не принадлежитъ починъ въ томъ умственномъ движеніи, какое проявило западно-русское православное общество въ сторону защиты своей вѣры. Какъ человѣкъ строго православный, князь Курбскій не могъ подпасть ничьему инославному вліянію; солидное образованіе, полученное имъ подъ руководствомъ знаменитаго писателя-богослова преп. Максима Грека [3]), позволило ему сразу оріентироваться въ массѣ рели-

---

[1]) *Поповъ*, Описаніе рукоп. Хлудова, стр. 100.

[2]) Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, II, 308 (Id. Чт. Моск. общ. ист. и древн. Рос., 1888, I. *А. Архангельскій.* Прилож. къ очеркамъ, стр. 7; ср. 24). Иногда онъ называетъ себя и полнымъ именемъ: «Андрѣя Коурпскаго сказ ѿ лоике (*Поповъ*, ibid., 117).

[3]) Въ предисловіи къ Новому Маргариту Курбскій называетъ Максима «превозлюбленнымъ учителемъ своимъ», «зъ самыхъ преподобныхъ устъ» котораго онъ слышалъ о переходѣ на западъ писаній греческихъ отцовъ (Чт. въ Моск. общ. ист. и древн. росс., 1888, I. Приложеніе къ очеркамъ *проф. Архангельскаго:* «Борьба съ католичествомъ и зап.-рус. литература к. XVI—первой полов. XVII в.», стр. 12).

гіозныхъ движеній, а литературный талантъ и писательская жилка помогли ему принять видное участіе въ разыгравшейся борьбѣ. Не касаясь всѣхъ литературныхъ произведеній кн. Курбскаго [1]), мы остановимся только на переводахъ твореній І. Дамаскина, какъ имѣющихъ непосредственное отношеніе къ нашему предмету.

Толчокъ къ переводческой дѣятельности дали кн. Курбскому пришедшія ему на память слова Максима Грека о томъ, что изъ св. отцевъ немногіе переведены на славянскій языкъ, тогда какъ на латинскій—почти всѣ. Видя, что „нашихъ учителей чуждые наслаждаются, а мы гладомъ духовнымъ таемъ, на свои зряще", кн. Курбскій приложилъ усилія къ тому, чтобы и самому изучить латинскій языкъ, и приготовить себѣ помощниковъ съ знаніемъ славянскаго и латинскаго языковъ. Въ концѣ концовъ при дворѣ его организовалась цѣлая переводческая комиссія. Къ переводу намѣчены были и были пріобрѣтены творенія свв. Василія вел., Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Кирилла александрійскаго, Григорія и Нила, митрополитовъ солунскихъ, хроника Никифора Каллиста и др. [2]). Но главное вниманіе было обращено на творенія св. Іоанна Дамаскина. Причины этого обстоятельно выяснены самимъ Курбскимъ. Въ „Предисловіи Андрея грехми исполнена на книгу св. Іоанна Дамаскина, глаголемую Небеса" [3]), онъ вспоминаетъ, какъ однажды въ собраніи сочиненій Максима Грека

---

[1]) Полный перечень оригинальныхъ и переводныхъ трудовъ Курбскаго, съ указаніемъ, какіе изъ нихъ напечатаны, находится въ статьѣ *А. Ясинскаго*: «Сочиненія кн. Курбскаго, какъ историческій матеріалъ» (Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1889, № 10, стр. 60—61).

[2]) Посланія кн. Курбскаго къ кн. К. Острожскому и Марку Сарыгозину (Сказаніе кн. Курбскаго, изд. 1833 г., II, 158. 164—166); ср. Предисловіе къ «Новому Маргариту» (Чт. въ Моск. общ. ист. и древн. росс., 1888, I, прилож. къ Очеркамъ А. С. Архангельскаго, стр. 10—13).

[3]) Библіографическія записки, 1858, I, 358—361.

натолкнулся на посланіе его къ нѣкоему Егорію, въ которомъ послѣдній предостерегался отъ ложныхъ писаній и утверждался въ правыхъ догматахъ, причемъ ему совѣтовалось читать книгу Дамаскина, „по истинѣ подобную красотѣ небесной и сладчайшую меда и сота", но, къ сожалѣнію, „не право переведенную". Князь Курбскій со вниманіемъ прочелъ книгу Дамаскина и нашелъ, что она „зело премудра и много намъ потребна (бо онъ былъ учитель последне(і)й и избираючи отъ всѣхъ учителей вкратце описалъ), яко-бы зерцало церкви и щитъ, альбо бронь крѣпкая ото всѣхъ еретиковъ". У Курбскаго составилось опредѣленное убѣжденіе, что этотъ „свѣтлый и апостолоподобный мужъ" равняется въ богословіи Діонисію Ареопагиту и Григорію Назіанзину, „въ глубочайшихъ-же духа изысканіяхъ"—Василію Великому, въ защитѣ церковныхъ догматовъ—Іоанну Златоусту, и что въ борьбѣ съ еретиками онъ крѣпко держится Аѳанасія великаго и премудраго Кирилла іерусалимскаго [1]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ Курбскій нашелъ, что Дамаскинъ переведенъ „недобре" и „несполна", при томъ-же „отъ преписующихъ отнудъ растлѣнъ" и „ко выразумѣнію неудобенъ и никому же познаваемъ" [2]). Пріобрѣтши изданіе Дамаскина на греческомъ и латинскомъ языкахъ (Базельское 1548 г.), кн. Курбскій сталъ править по нему древній славянскій переводъ и дополнять его, но по причинѣ „бѣдъ и напастей страньства своего", не могъ перевести до конца „всю его книгу священную и многополезную".

Дополненіямъ и исправленіямъ кн. Курбскаго прежде всего подвергся переводъ Богословія Іоанна Дамаскина—третьей части его знаменитаго творенія, обнимающаго всю истину философскаго и богословскаго вѣдѣнія,—„Источника знанія" (Πηγὴ γνώ-

---

[1]) Ср. посланіе (2-ое) Курбскаго къ К. Мамоничу, гдѣ о Дамаскинѣ говорится, что «онъ паче всѣхъ острѣйше ихъ (латинянъ) новоявленную ересь обличаетъ о прохожденію Духа святаго» (Сказанія кн. Курбскаго. II, 178).

[2]) Ср. Эпистолію ко Кадіану Чаплію (Сказ., II, 189).

σεως) [1]). Переводъ этотъ былъ совершенъ еще въ X в. извѣстнымъ Іоанномъ, экзархомъ болгарскимъ, который впрочемъ изъ 100 главъ перевелъ только 48, наиболѣе важныхъ для новокрещеннаго болгарскаго народа, причемъ дѣлалъ отъ себя дополненія [2]). Курбскому пришлось переведенное уже исправить и обновить, такъ сказать, а прочее—вновь перевести [3]). Но въ системѣ Дамаскина Богословіе составляло заключительную часть и ему не даромъ были предпосланы „философскія главы". Онѣ должны ввести читателя въ кругъ философско-богословскихъ занятій и терминовъ, какіе употреблялись св. отцами греческой церкви для изобличенія еретиковъ и раскрытія праваго ученія и какими злоупотребляли еретики, напоенныя философскими ученіями, на свою и простыхъ людей погибель. Въ виду этого „философскія главы" являются столь важными, что, по выраженію редактора ихъ въ изданіи Миня, кто пренебрежетъ ими, тотъ окажется далекъ не только отъ богословія Дамаскина, но и другихъ учителей восточной церкви (t. XCIV, col. 519—520). Понималъ значеніе ихъ и кн. Курбскій. Въ своемъ „Сказѣ о лоике", ко-

---

[1]) *Migne*, Patrologiae cursus completus, series graeca, t. XCIV, col. 521—1228. Двѣ первыя части—*Κεφάλαια φιλοσόφικα* (Dialectica) и Περὶ *αἱρέσεων*. Третья часть въ греческомъ подлинникѣ озаглавлена: Ἔκδοσις ἀκριβὴς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως. Въ славянскихъ переводахъ она называется: «Слово о правѣй вѣрѣ», «Небеса», иногда—Увѣріе (Журн. мин. нар. просв., 1888, іюль, 247. *А. Архангельскій*, Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности).

[2]) Переводъ этотъ сохранился во многихъ спискахъ, изъ которыхъ древнѣйшій—XIII в.—принадлежитъ Московской синодал. библіотекѣ (Описаніе, отд. II, т. 2, № 155). По данному списку переводъ Іоанна эксарха напечатанъ въ Чтеніяхъ Моск. общ. ист. и древн. росс. 1877, IV. См. Журн. мин. нар. пр. 1888, іюль, 246, прим. 1.

[3]) Переводъ Курбскаго сохранился между прочимъ въ рукоп. Румянц. Музея (№ 193) и въ Хлудовскомъ собраніи (№ 60). Совершенъ онъ между 1575 и 1579 гг. (Журн. Мин. нар. пр., 1888, іюль, 260, 261).

торымъ заключается переводъ ихъ, Курбскій выражается, что діалектика—что клещи въ рукахъ кузнеца: „философскіе вещи аще хто хощетъ разоумѣти. на добромъ сердцоу аки-бы на наковалне. оумом-же аки-бы млатомъ оударяетъ троудолюбне со потщателнымъ разоумомъ тѣми словесными клещами аки троудолюбною роукою дѣло духовное держаще прилѣжнымъ разоумомъ изваряетъ и оумягчаетъ“ [1]. Потому то необходимо было перевести на славянскій языкъ и „философскія главы“ Дамаскина. Правда, уже до Курбскаго существовалъ древній переводъ ихъ, приписываемый въ нѣкоторыхъ рукописяхъ тому-же экзарху болгарскому Іоанну [2]. Но этотъ переводъ не былъ извѣстенъ Курбскому, о чемъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ предисловіи къ переводу твореній Дамаскина („Послѣди-же книги сее (т. е. Богословія) обрѣтохъ діалектику, зело нарочито написану и отъ философіи указанія, послану къ Козьмѣ, еписко-

---

[1]) *А. Н. Поповъ*, Описаніе рукописей А. И. Хлудова, 117. 118.

[2]) Древній переводъ Діалектики Дамаскина существуетъ во множествѣ списковъ. Таковы, напр.: Румянц. музея №№ CXCI и CXCII (Описаніе, стр. 238. 239), Моск. синод. библіотеки №№ 107. 156. 158 (Описаніе, отд. II, ч. 2, стр. 5, 308. 320), Императорской публ. библіотеки № XLIX (Описаніе *А. Ѳ. Бычкова*, ч. I, № 231) и въ рукописи XV в. (Отчетъ библіотеки за 1883 г. № 44), Казанской дух. академіи №№ 119. 247. 251. 257. 259. 260—262. 264. 266. 268 (По описанію рукописей Соловецкой библіотеки), Московской дух. академіи, №№ 22. 23. 25. 26 (по Описанію *архим Леонида*, т. II, стр. 117. 122. 124. 125), Собранія гр. Уварова № 220 (Описаніе *архим. Леонида*, т. I). Принадлежность этого перевода экзарху Іоанну отрицается Горскимъ и Невоструевымъ (а вслѣдъ за ними—и другими) въ виду того, между прочимъ, что языкъ его новѣе вѣка экзархова, и по причинѣ немалаго количества въ немъ сербизмовъ (Описаніе рукоп. Моск. синод. библ., отд. II, ч. 2, 314—318).—Данный переводъ діалектики Дамаскина представляетъ довольно свободное отношеніе къ греческому оригиналу (о пропускахъ, сокращеніяхъ и добавленіяхъ см. въ Описаніи рукоп. Моск. синод. библ., отд. II, ч. 2, стр. 313—314).

пу Маюмскому, и иные потребные и прекрасные повѣсти, ихже у насъ нѣсть преведено" [1]) Діалектика Дамаскина переведена Курбскимъ съ латинскаго языка, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ въ сказѣ о логикѣ, гдѣ объясняетъ и причину этого, со словъ Максима Грека, который сообщилъ ему, что „словесныя науки", т. е. физика, метафизика и логика, бывъ переведены по разрушеніи греческаго царства на латинскій языкъ, на немъ только и существовали, такъ какъ латиняне „многіе ради зависти пожьгли" греческіе оригиналы [2]).—Сдѣланный Курбскимъ переводъ Діалектики, подобно переводу, приписываемому Іоанну экзарху, не совсѣмъ совпадаетъ съ греческимъ подлинникомъ,— въ немъ и главы не всѣ (50 изъ 68), и порядокъ ихъ не тотъ, и въ изложеніи ихъ есть разница, кромѣ того есть нѣкоторыя вставки [3]).

Уже эти измѣненія даютъ видѣть, что Курбскій не вполнѣ доволенъ былъ Діалектикой Дамаскина. Въ „Сказѣ о лоикѣ"

---

[1]) Библіограф. записки, 1858, I, 360. ср. «Андрѣя Коурпскаго сказъ о лоикѣ», гдѣ говорится, что логика Дамаскина «отъ грецка языка к намъ не пріиде, не вѣмъ если по зависти не узычили (греки), або по нашей лѣности не преведено, но отъ дроугаго языка сіе Богъ далъ» (*А. Поповъ*, Описаніе рукописей А. Хлудова, 118).

[2]) *Поповъ*, Описаніе рукописей Хлудова, 118. Переводъ Дамаскиновой Діалектики, сдѣланный Курбскимъ, сохранился въ рукописяхъ Румянц. музея—№№ 193 (лл. 286—336) и 189—изъ собр. Пискарева (Ж. М. Н. Пр. 1888, іюль, 258, прим.), въ Хлудовской № 60, лл. 1—59 (отд. нумер.). Принадлежность этого перевода именно Курбскому можетъ быть доказываема между прочимъ тѣмъ, что въ немъ, въ главѣ: «Толкованіе на тщіцу каѳегорій», приводятся имена Вереса и Катилины (Приложеніе къ Очеркамъ А. Архангельскаго, стр. 164), не встрѣчающіяся ни въ подлинникѣ, ни въ латинскомъ переводѣ Діалектики Дамаскина, но имѣющіяся въ переводной статьѣ Курбскаго: «Отъ другіе діалектики»...

[3]) См. перечень главъ у Миня, т. XCIV, ст. 525—528, и Описаніе рукописей Румянц. музея, № 193—*А. Архангельскаго* (Чт. Моск. общ. ист. и др. росс., 1888, I, III прилож. къ Очеркамъ, стр. 155—156).

онъ выразился, что она „кратко отъ него написана“ [1]). Дѣйствительно, состоя изъ ряда главъ, выясняющихъ основныя философскія понятія „существеннаго“ и „случайнаго“, „сходства и различія“, „количества“ и „качества“, „рода“ и „вида“, „ипостаси“ и „лица“ и т. п., діалектика Дамаскина нѣсколько отдалялась отъ того содержанія этой науки, какое давали западно-европейскіе учебники ея. Въ предисловіи къ твореніямъ Дамаскина Курбскій выразился о логикѣ, что она „учить яко мѣрами слогни (силлогизмы) складати, чѣмъ правду и истинну отъ лжи и потвари раздѣлити“ [2]). Эта именно сторона всего важнѣе была въ то время, когда въ религіозныхъ диспутахъ представителей различныхъ исповѣданій больше успѣвалъ у слушателей не тотъ оппонентъ, который былъ ближе къ истинѣ, а тотъ, кто искуснѣе владѣлъ способностію играть понятіями и строить *хитрорѣчные*, по выраженію Іоанна Вышенскаго, *силогизмы*, кто изучилъ *лживую діалектику, зъ бѣлого черное, а зъ черного бѣлое перетворяти учащую* [3]). Такого рода діалектика изучалась въ инославныхъ школахъ того времени, она-же имѣла мѣсто и въ публичныхъ и частныхъ диспутахъ проповѣдниковъ латинства. Не даромъ кн. Курбскій въ своихъ письмахъ и пояснительныхъ замѣчаніяхъ къ переводамъ изъ Дамаскина такъ часто отмѣчалъ, что враги православія вооружаются противъ истины „ядовитыми слогнями“ (силогизмами), „діалектическими софизматами“, „ораторскими штуками“, что они „софистицки превращаютъ и растлѣваютъ апостольскую теологію“, что книжки ихъ „поваплены поганскими силогизмами“ [4])... Правда, и діалектика Дамаскина не обходила ученія о силлогизмѣ, но оно изложено здѣсь очень кратко, составляя содер-

---

[1]) *Поповъ*, Описаніе рукописей Хлудова, 118.

[2]) Библіограф. Записки, 1858, I, 365.

[3]) «Зачапка». *Голубевъ С. Т.*, Петръ Могила, т. I, Прилож., стр. 73.

[4]) Сказаніе кн. Курбскаго, 1833, т. II, стр. 171. 173. 177. 179

жаніе только двухъ главъ [1]). Все это и побудило кн. Курбскаго дополнить переводъ Дамаскиновой Діалектики статьей „От другіе діалектики Іона Спанинъбергера“.

Кто-же такой Спанинбергеръ и въ какое отношеніе къ нему сталъ Курбскій въ своей статьѣ?

Автора той діалектики, изъ которой Курбскій взялъ нѣсколько параграфовъ о силлогизмѣ, еще А. Востоковъ предположительно видѣлъ въ „Іоаннѣ или Іонѣ Спангенбергерѣ“ [2]). Независимо отъ него мы въ своемъ изслѣдованіи о западнорусскихъ школахъ XVI и начала XVII в. [3]) высказали предположеніе, что оригиналомъ для этой статьи было изданіе: Trivii erotemata. Hoc est, Grammaticae *Dialecticae*, Rhetoricae quaestiones: Ex doctissimorum nostri seculi virorum libris, in puerorum usum congestae, per *Ioannem Spangenberg*, Herdesianum, apud Northusianos verbi Dei ministrum, вышедшее въ Краковѣ дважды, въ 1544 и 1552 г. [4]), и въ 1560 г.—въ Будишинѣ (Budissinae), у Іоанна Вольбрама [5]).

Сличеніе статьи Курбскаго съ будишинскимъ изданіемъ Спангенберга, гдѣ ученіе о силлогизмѣ, какъ одномъ изъ видовъ

---

[1]) Въ главѣ 64-ой даны опредѣленіе силлогизма, составъ его, опредѣленіе терминовъ, общее требованіе отъ правильнаго силлогизма —истинности посылокъ и соотвѣтствія имъ заключенія, о составѣ посылокъ и о видахъ сужденій; въ 65 главѣ говорится о различномъ положеніи логическихъ терминовъ и кратко о различныхъ видахъ силлогизмовъ.

[2]) Описаніе рукописей Румянц. музея, стр. 242.

[3]) Казань, 1898 г., стр. 428, прим. 6.

[4]) *Th. Wierzbowski*, Bibliographia polonica XV et XVI s., №№ 1225. 1298.

[5]) Экземпляръ послѣдняго изданія имѣется въ Императорской публичной библіотекѣ.—Въ этомъ изданіи перепечатано изъ перваго посвященіе, адресованное авторомъ Modesto et studioso adolescenti Ioanni Meyenburgo, ornatissimi viri D. Michaelis Meyenburgij filio s. d. Northusiae 1541 ad idus Nouembris.

аргументаціи, изложено на 102—112 листахъ, позволяетъ придти къ слѣдующимъ выводамъ относительно характера „толкованія Курбскаго“.

Кн. Курбскій начинаетъ съ понятія о силлогизмѣ, но почему то переводитъ не то опредѣленіе, какое находится на л. 102 подлинника, а находящееся на л. 111 об., гдѣ рѣчь идетъ о „силлогизмѣ вытолкованномъ“ (De syllogismo expositorio). Указавши затѣмъ примѣры силлогизмовъ утвердительныхъ и отрицательныхъ (не всѣ однако, что въ подлинникѣ), Курбскій перескакиваетъ на л. 113 об. и переводитъ отдѣлъ объ энтимемахъ. Послѣ того онъ возвращается къ л. 102 и начинаетъ переводить по порядку—о фигурахъ и модусахъ силлогизмовъ и о превращеніи ихъ. Но при этомъ онъ дѣлаетъ пропуски: не даетъ указанія простыхъ и сложныхъ частей силлогизма (т. е. терминовъ и посылокъ,—л. 102), опускаетъ стишокъ (versus) о томъ, сколько модусовъ даетъ каждая фигура силлогизма, и о мѣстѣ постановки средняго термина (л. 104 об.), раздѣленіе силлогизмовъ на полные и неполные и опредѣленіе тѣхъ и другихъ (л. 105), правило о способѣ превращенія въ каждой фигурѣ (л. 105), правило о превращеніи въ Barbara чрезъ невозможное (per impossibile,—л. 107 об.), параграфъ о сравнительномъ достоинствѣ и значеніи трехъ фигуръ (но оставляетъ евангельскій примѣръ силлогизма по третьей фигурѣ,—л. 108), правила о модусахъ (л. 108 об.), правила о послѣдовательности, причемъ оставляетъ по одному примѣру къ 2 и 5 правиламъ (лл. 109 и 111). Кромѣ перестановокъ и опущеній переводчикомъ были произведены нѣкоторыя незначительныя измѣненія (изъ нихъ самое большое—распространенный заголовокъ §-а De enthymemate.—**Ѡѥнтимемах, а̂ погре́цку е̂нти́мин, апослове́нску ѡ̂разоуме ѿбъѧ̂тїю, або и̂зоѡ̀бретенїю. и̂паки полати́не коме̂нтоумъ а̂бо коме̂нтацнѡ̀, снреч и̂зоѡ́бретенїе, а̂бо подпора вещи**) и дополненія—не въ текстъ, а на поляхъ. Изъ нихъ первое сообщаетъ, что „Вересъ былъ разбойникъ прелютый въ Римѣ“ (2 стр. невуѧ,—къ л. 102 оригинала), второе выясняетъ, въ чемъ состоитъ „отзываніе“ (апелляція; стр. 6—

къ л. 104 об.) и третье сообщаетъ о вертепѣ, въ которомъ родился Христосъ и который есть образъ церкви христіанской (стр. 11—къ л. 109 [1]).

За исключеніемъ отмѣченнаго, все прочее представляетъ буквальный и очень близкій къ подлинному переводъ, кромѣ двухъ мѣстъ: а) res secundae переведено въ меньшей посылкѣ „преизобильными вещами", въ заключеніи—словомъ „излишные" (стр. 5—л. 104); б) ignauus переведено—„неискусный", быть можетъ вслѣдствіе смѣшенія съ ignarus (10—л. 107 об.).

Для ближайшаго ознакомленія съ характеромъ перевода и діалектическими терминами, созданными Курбскимъ, приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ него и Спангенберга и отмѣтимъ самые термины.

1) Quid est Enthymema? Est mutilatus sillogismus: Vel est syllogismus imperfectus, in quo non omnibus praemissis antepositis festina infertur conclusio (л. 113).	Что есть ентимема́. Есть окромленыи силогизм або есть силогизмъ нецѣлы, внемже не всѣмъ въ предположенномъ скоро бываетъ полагаемо замкненіе (стр. 1).
2) Quid est figura (sillogismi)? Est ordinatio medij in duabus praemissis, secundum debitum subjectionem et praedicationem (л. 102 об.).	Что есть образецъ. Есть уложеніе восредѣ водву проповѣданыхъ повиновному подлежащему и проповѣданію (стр. 2).
3) Quid est modus? Est ordinatio duarum propositionum, in debita qualitate et quantitate (л. 103).	Что есть чинъ. Естъ оустроеніе дву непреоборимыхъ, въ виновномъ качествѣ и великости (стр. 3).
4) Nulla virtus est fugienda, Omnis virtus paratur labore, Ergo,	Ниедина доброта оставляти подобаетъ. всякая доброта труды оуготовляется. а сего ради

[1]) Эти три замѣчанія Курбскаго напечатаны проф. Архангельскимъ въ приложеніи къ своимъ Очеркамъ (стр. 128) по рук. Румянц. музея. № 193.

Quidam labor non est fugiendus (л. 104).	нѣкоторыхъ трудовъ не подобаетъ возбранятися (стр. 5).
5) Quid est reducere per impossibile? Est sumere oppositum contradictorium conclusionis, cum altera praemissarum, et inferre oppositum alterius praemissae (л. 105 об.).	Что естъ относитиси, чрезъ неоудобные вещи. Естъ взяти положеніе сопротивное конъклюзіи, содругою предреченною, и вносити положеніе другому предреченному (стр. 6).
medium (средній терминъ)	„среда“
propositio (посылка)	„утверждающее“ (въ одномъ мѣстѣ—проповиція“).
conclusio (заключеніе)	„замкненіе“, но чаще—„конклюзія“.
syllogismus expositorius	„силогизмъ вытолкованый“.
affirmativus	„укрѣпляющій“.
negativus	„прящій“.
exemplum	„уподобленіе“.
seditiosus	„желатель (въ другомъ мѣстѣ—потщатель) междоусобные брани“.
figura	„образецъ“.
modus	„чинъ“.
praedicatio (сказуемое)	„проповѣданое“.
quantitas	„великость“.
universalis (modus)	„соборный“.
adulteri	„преблудодѣи“.
voluptarius	„сладострастенъ“, „сластемъ (по опечаткѣ—властемъ) парабощенный“.
calamitosus (exitus)	„окаянный (въ др. мѣстѣ—бѣдный) конецъ“.
reductio	„отношеніе“.
perfectus et imperfectus (syllogismus)	„цѣлый и нецѣлый“.
schema Rhetoricum	„вещъ риторъская“.

К. Харламповичъ.

ПАЛІИ.

— Уже й не знаю, пани, якъ вамъ и розсказуваты про свое лыхо, бо таке воно болюче, що й казаты важко. Та такы треба казаты... Бо вы-жъ такы, пани, розумни, а панъ на законахъ знаются, то можете мене, невыдющу, напутыты: куды мени податыся, якъ мени своему гореньку гиркому запомогты? Вы-жъ, якъ у Васъ Харыта моя служыла, то насъ разъ-у-разъ запомогалы и добрымъ словомъ пораду давалы. До кого-жъ мени, вдови, теперъ и податыся?

Отъ, думала пры дитяхъ вику дожыты, що й смерты моеи доглянуть, а теперъ онъ якъ!.. Воны й добри до мене— и дочка й зять,—дакъ колы-жъ лыхо не мынуло...

Що й початы—не знаю якъ... И все воно зъ сваркы постало,—ото якъ посварылася наша громада зъ økономыческымъ управытелемъ, зъ Паценкомъ. Та дежъ такы й не посварытыся? Скилько годъ мы въ ёго степъ на сино бралы... Вы-жъ знаете, що въ насъ синця того якъ китъ наплакавъ,—уже зъ початку зимы не стае свого. А винъ узявъ та торикъ и не давъ. Винъ и дававъ, та по два карбованця на десятыну накынувъ, та ще каже, щобъ коженъ хазяинъ по тры возы лозы ёму въ болота прывизъ. Де-жъ такы выдано таку цину та ще й одбуткы? Кынулыся наши по иншыхъ økономіяхъ, такъ де тамъ! Усюды вже повиддавано. Та ще й те: округы насъ усе ціеи та й ціеи økономіи земля, а инши зємли—хто й зна

де,—якъ-же намъ зъ такои далечыни сино возыты? Шукалы-шукалы, бидкалысь-бидкалысь, та й зновъ до Паценка.

— Вже й по два карбованци доточымо и лозу прывеземо,—тилько дайте сина!

Такъ де тоби!

— Теперъ,—каже,—дакъ и до мене, а то не хотилы. Не дамъ!

Давай наши просыты, давай благаты—ни! Якъ затявся не даты, такъ и не давъ.

— Треба,—каже,—васъ, мужлаивъ, провчыты, щобъ вы знали якъ слухатыся. Самъ покосю, а теперъ у городи полкъ стоить,—усе салдатамъ продамъ.

Косаривъ звидкись понаводывъ и покосывъ и все до зилыночкы у двиръ до себе позвозывъ, а въ осены справди все у полкъ продавъ, а намъ не давъ ничого,—щобъ провчыты.

И провчывъ-же!

Наши вже бачуть лыхо, та такъ и зъ тымъ синомъ бережутся та потрошку товарови дають. Та хочъ якъ береглыся, а тилько до половыны зимы дотяглы. А тамъ хочъ порижъ скотынку, хочъ сама хай здыхае. Де-хто попродавъ, а де-хто кынувся по далекыхъ свитахъ сина добуваты. А воно ще, якъ на те, не дуже й уродыло торикъ. Пойихавъ и мій зять Мыхайло. Йиздывъ, йиздывъ и такы добувъ два возы сина. Та хыба-жъ того надовго стане? Пойила скотынка й те, а сама вже така, що й ребра свитются. Якъ глянемо съ Харытою на коривчыну, такъ ажъ слёза побывае. Бычкы въ насъ булы, пара доморослыхъ—сами выгодувалы й у плугъ можна було благословыться,—продавъ Мыхайло. Тилько коривчына та коняка й зосталыся. Насылу ходють.

Молока вже нема,—диты плачуть:

— Недобри баба, недобри мама: то давалы молочка, а то вже й не дають.

А, мои голубята! колы-бъ я прыумила,—я-бъ вамъ свого серця вколупнула!.. Колы-жъ коривка не дае!

Пишлы воны, двое меньшенькыхъ, дивчатка, до коривкы:

— А чого ты молочка не даешъ? га?

А тая коривка стоить, похнюпылась,—тилько жыва. Облылы мене слёзы...

Такъ-сякъ до весны дожылы. Половыны худобы село збулося: попродало.

Прыйшла весна. Повыпускалы бидолашну тую тварыну на зелену зилыночку. А сами до Паценка:

— Помылуйте вже, не карайте! якъ дайте, то дайте!

— А,—каже,—навчылыся слухатыся! Добре, дамъ, да тилько щобъ вы мени байрачокъ одступылы, бо винъ не вашъ, а окономыческькый.

А байрачокъ,—то въ насъ такый клаптыкъ середъ поля е. Колысь тамъ лисокъ бувъ, да вырубалы, тилько тры дерева стоить та трава росте. И саме на межи зъ окономыческькою землею той байрачокъ. Дакъ ото й зачавъ Паценко позыватыся: „се",—каже,—„по планахъ выходыть окономыческье". А мы кажемо—наше. Позывалысь, позывалысь, и довго се було, и такы не выпозывавъ ничого Паценко: намъ той клапоть зоставсяя. Дакъ ото теперъ щобъ оддаты його. Чы то-жъ выдано? Тилько-жъ тамъ и е де пастыся худоби нашій, а бильше й нийде. Чы то-жъ можна за такъ оддаты його? Ни въ свити Божому!

— Ни,—кажуть наши,—мы байрачка не одступымо.

— Колы-жъ такъ,—винъ одказуе,—дакъ нема-жъ вамъ и степу.

Пъять разивъ ходылы до його,—не давъ.

Тоди вже й наши розлютувалыся. Де-жъ такы? Се-жъ усіеи худобы, всёго хозяйства збудься та й иды зъ торбамы попидъ-виконню. Провчаешъ ты насъ,—ну й мы-жъ тебе провчымо! Удруге вже не будешъ такъ надъ намы коверзуваты!

Надумалы воны накараты Паценка.

А мы, жинкы, того й не знаемо, бо воны видъ насъ ховалыся,—се вже теперъ выявылося, якъ воно було.

Посходылыся нышкомъ у громаду та й давай радытыся—що його робыты. Рада въ раду, рада въ раду, а дали хтось и каже:

— Спалимо ёму все сино на степу: нехай ни намъ, ни ёму. Знатыме, що якъ намъ не виддасть, то й самъ не поживе,—то вдруге виддаватыме.

Котри прыстають на се, а котри кажуть—ни. А дали уси й прысталы.

— А хто-жъ,—кажуть,—палытыме?

Прысудылы жеребкы на двохъ кынуты: кому прыпадуть, то ти й пидпалють.

Почалы кыдаты жеребокъ, а нашъ сусида Гапонъ и каже:

— Страшно, якъ піймають: на Сибиръ запровадють. Давайте не сами будемо палыты, а дитей пошлемо.

— Якъ то—дитей?—уси здывувалыся.

— А такъ!—говоре.—Дитямъ ничого не буде, бо то диты: а ни судытымуть ихъ, а ни каратымуть, хыба чуба намнуть, якъ довидаются, та й не довидаются, абы хлопъятъ меткыхъ та розумныхъ на се добраты.

Знову рада въ раду, рада въ раду—и такы врадылы дитей послаты. Тутъ уже годи жеребокъ кыдаты, а заходылыся хлопцивъ перебираты—яки розумниши. И такыхъ, щобъ невелыкыхъ,—щобъ не суджено ихъ. Сама громада й выбрала: Гапонового Стецька, та Васыля кумыного, та нашого Петруся. И такъ громада звелила, щобъ сами батькы нышечкомъ сынивъ понавчалы, якъ и що треба робыты, та й послалы. И запрысяглысь уси про те мовчаты, никому й словечкомъ не пробовкнутыся.

Ото-жъ якъ Мыхайло запрысягся, то вже винъ ничого й не сказавъ ни жинци, ни мени,—дакъ мы й не зналы, що таке лыхо на нашого Петруся впало. А винъ такый меткый та моторный хлопець, дакъ ёго и обибрано,—бодай-бы того обибрання й до вику не було!

Воно хочъ и мале, тилько восьмый рочокъ ёму, а таке втишне було... Усе було Мыхайло зъ Харытою сварются за ёго: той до себе тягне, а та до себе. А воно своею билявенькою головкою и туды й сюды ныкае. И до мене прыбижыть, прымыляется:

— Бабусю! а чого на васъ така свыта драна?

— Бо нема за що новои справыты.

— Я якъ выросту, то зароблю багато-багато грошей та й справлю вамъ свыту теплу-теплу, бо вы стари, дакъ вамъ треба, щобъ тепло.

— А мени-жъ що справышъ, сыну?—вже не втѐрпила маты й озывается.

— А вамъ куплю намыста й дукачивъ, бо вы молоди, дакъ щобъ гарни-гарни булы!..

Маты такъ и засяе.

— А татови шапку смушеву сыву—якъ у старшыны...

Се ще якъ менше було, то такъ утишае насъ. Маты й не наслухается ёго. А пидросло, то вже й до роботы берется саме, и пидганяты не треба. За погоныча ходыть, а на плугъ поглядае:

— Тату, може-бъ вы одпочылы, а мене-бъ за плугъ пустылы?

А саме таке, що й не выдко буде зъ-за плуга.

Та ще якъ воно одынъ сынъ, то вже такъ ёго вси пестылы...

Дакъ ото-жъ, кажу... Нашп люде такы трохы вхопылы травы, та мало и дуже далеко довелося наняты. Да що вже робыть? И тому ради.

Мынае весна, лито вже наступае. Пороcлы травы высоки, поросла и въ Паценка трава. Скоро й косыты. Поклыкалы батькы своихъ хлопцивъ та й давай ихъ навчаты:

— Отакъ и отакъ,—пидить и пидпалить! Та никому не кажить—и матиркамъ.

А хлопцямъ хыба що? Все малеча. Найстаршый кумынъ Васыль, та й тому тилько девъять годъ,—де-жъ имъ розибраты що й до чого? Воны ще й ради.

Кумынъ Васыль потимъ усе й розсказавъ, якъ воно було.

Середъ степу бувъ зрубокъ невелыкый. Тамъ помижъ травою хмызъ сухый валявся, а то ще наши трое батькивъ нышкомъ у ночи туды соломы виднеслы та й роскыдалы помижъ

зрубомъ и дали помижъ травою,—щобъ швыдче зайнялося. И хлопцивъ у той зрубъ направылы,—воно-жъ тамъ и сховатыся лекше.

Набралы хлопци сирныкивъ та й побиглы въ степъ. Зрубокъ одъ шляху далеко, до ёго стежечка—мижнымъ середъ травы бижыть. Воны тією стежкою хыльци-хыльци помижъ травою та й прыбигли у зрубокъ. Прычаилысь тамъ та й обзыраюгь, чы не иде хто, чы не йиде. Диждалыся такого часу, що ниде никого не выдко—ни середъ степу, ни на шляху̑, та й ну до роботы. Нагреблы купку соломы, ночалы пидпалюваты,—добре розгоряется. Лито пекуче було, все повысыхало. Стецько-жъ та Васыль изъ цёго краю пораются, а Петрусь:

— Я,—каже,—ще зъ того краю въ зруби пидпалю, щобъ швыдче горило.

Та й побигъ.

А витеръ такый,—ажъ реве. Покы тамъ соломы нагрибъ та покы пидпалывъ,—може не заразъ и зайнялося,—ажъ уже й зъ другого боку полумъя сухымъ хмызомъ та соломою бижыть. Винъ выскочывъ, а товарыши вже геть одъ зруба навколишкахъ у трави попрыпадалы та й дывлются—що зъ того буде. Прыбигъ и винъ до ихъ та й соби ставъ дывытыся якъ огонь огня наздоганяе. А Васыль кумынъ глянувъ на ёго та й каже:

— А де-жъ твій картузъ?

Лапъ винъ за голову,—нема картуза. А ёму батько тилько оце новый картузъ купывъ, дакъ воно страхъ ёму раде було. Мабуть якъ выскакувавъ зо зрубу, якась гилляка збыла, а винъ за поспихомъ и не помитывъ того.

— Це-жъ,—каже,—я тамъ ёго загубывъ. Скочу,—визьму.

— Не ходы,—кажуть,—бо онъ уже якъ блызько вогонь до вогню,—ще сгорышъ.

А вогонь такъ и насувае, такъ и жере и траву и зрубъ. Зъ одного боку сей огонь розгорився, а зъ другого той наступае. Тилько мижъ имы ще невелычка смужка неспалена.

А ёму-жъ то жалко картуза. Якъ кынется туды!.. А витеръ якъ ирвоне́, мовъ буря, полумъя якъ бухне,—такъ ёго й покрыло... Тилько крыкнувъ та уже й ничого...

Тилько крыкнувъ...

А хлопци злякалысь та назадъ у село. Прыбиглы, заховалысь у повитку до Гапона та й сыдять нышкомъ,—уже боятся й прызнаватыся, щó скоилось. Прыходыть Гапоныха.

— Вы чого тутъ?

Воны мовчать... Били, били та ажъ трусются. Вона такы въ ихъ допыталась,—усе й розсказалы.

Гапоныха до насъ. Я та Харыта въ хати булы.

— Ой, сусидонькы! Чы знаете-жъ вы, що вашъ Петрусь изгоривъ.

Мы такъ и понимилы. А Харыта шыроко очи роскрыла та дывытся на неи, дывытся... А Гапоныха розсказуе... И не дослухала Харыта—якъ крыкнула, якъ побигла... Я за нею, а вона вже за дворомъ. Диты маленьки гралыся въ двори, побачылы, що маты побигла, та въ крыкъ та за нею... Я дитей покы прыпынила, а Харыты вже й не выдно. Побигла-бъ и я за нею,—такъ де вже мени, старій! А теперъ злякалась такъ, що й ногы не служуть. Колы на ворота Мыхайло возомъ.

— Мыхайле, рятуй сына!

Винъ якъ почувъ, такъ и стрепенувся:

— Чого се вы, мамо?

— Казала Гапоныха, шо згоривъ у степу.

Винъ уже й коня завертае. Я вчепылася за визъ:

— Стрывай, не кыдай мене!

Скочыла я на визъ; Мыхайло погнавъ коня такъ, що тилько курà по дорози курыть. Перебиглы селомъ, выбиглы въ степъ,—ажъ усе небо въ дымахъ, а вже геть далеко шырока смуга вогняна, довга-довга, иде по-надъ землею, иде й жéвріе' за собою чорну пожарыну покыдаючы.

Харыты не выдно: мабуть не шляхомъ, а навпростець мижныкамы побигла.

Жене Мыхайло коня, зубы зцапывшы, блидый та страшный. Я за полудрабкы держусь.

Середъ пожарыны кущыкы стремлять обгорили. Ото-жъ и Петрусь тамъ.

А може хлопци збрехалы, або може не побачылы, якъ винъ выскочывъ на другый бикъ?

Добиглы до зрубу, вскочылы въ ёго. Мыхайло попереду бижыть, я за имъ плутаюсь... Не выдно Харыты. Добиглы на край зруба...

Лежыть вона тамъ, и Петрусь лежыть,—вона биля ёго впала...

Нахылывся батько надъ сыномъ. Обгорила, почорнила билява головонька... Облыччемъ до земли прыпало. Повернувъ батько голову сынови та й застогнавъ:

— Очи,—каже,—очи!..

Все лыченько спикъ огонь и очи выйивъ.

— Сыну!.. сыну мій!..

Де вже воно озветься!..

Мовчкы пиднявъ батько сына и понисъ до возу. Ручка въ ёго звысла, а въ ій картузыкъ недогорилый... одежа спопелила, опадае... Положывъ сына Мыхайло на визъ, тоди жинку пиднявъ и іи биля сына положывъ,—вона й не почула того.

Завернувъ коня, веде ёго самъ. Я за возомъ насылу иду.

Згодомъ мабуть витеръ Харыту обвіявъ: очутылась, подвелась, мене побачыла.

— Мамо,—каже.

А дали зыркъ на бикъ, а ти выпечени очи на неи якъ глянуть!.. Скрыкнула, зирвалася зъ воза та и подалася просто до села—бижыть и крычыть, бижыть и крычыть... Мы вже іи й не наздогонялы.

Вйихалы въ село,—люде обступають, роспытуются, а мы й слова не промовымо.

Вйихалы въ двиръ, унисъ Мыхайло сына въ хату, положывъ на полу...

Тилько положывъ, а тутъ уже й урядныкъ набигъ... А тамъ становый, слидство, допытують усихъ... И ховаты не дають...

Ажъ на третій день поховалы мы Петруся.

Уси ци тры дни Харыта и словомъ не озвалась ни до кого и до сына не пидходыла и не дывылась на ёго, на двори й ночувала.

Передъ похороном пидійшла до труны, глянула.

— Не Петрусь,—каже. И одійшла.

Друга моя дочка вже тужыть по мертвому за матиръ:

Мій небожыку, мій соловеечку!
Мій небожыку, мій риднесенькый!
Мій роботнычку дрибнесенькый!
Мій орачыку, мій косарыку!
Та батько-маты твого зросту дожыдалы,
Якъ сонечка выглядалы,
А теперъ уже й не дйждутся:
Та палке полумъе твое лычко спалыло,
Та жаркы́й огонь твои очи выйивъ...

Я за слёзамы й свита не бачу, а батько ажъ до земли хылытся. Тилько Харытя якъ нима.

А на́ що-жъ ты такои смутнои,
Невеселои хаты забажавъ?
Та тамъ-же тебе сонечко не зогріе,
Буйный витеръ не обвіе!..

Народу за труною йде—сыла. Усяке знало, черезъ що Петрусь умеръ, дакъ и шлы, й велыки й мали. Плачуть уси, тилько маты—ни.

И труну въ яму спустылы, и землею засы́палы,—вона ничого. Така й до дому вернулася.

Тилько въ двиръ, а урядныкъ зъ соцькымъ та зъ десятныкомъ за намы та до Мыхайла:

— Ходимъ!

— Чого?

— Ще й роспытуется! Пидпалылы панську траву, хлопця спалылы жывцемъ, а ще й не зна чого!

Потяглы Мыхайла. А Харыта въ хати и не бачыть того. Я вже ій и не кажу. Помынувъ увесь день,—нема Мыхайла, а надъ вечиръ прыбигае Гапоныха, голосыть:

— Ой забралы-жъ, забралы!.. И Гапона забралы, и вашого Мыхайла, и Охрима... Въ острогъ повезлы...

— За що въ острогъ?

— За пидпалъ.

Глянула, а Харыта стоить проты насъ.

— За пидпалъ?—каже.—Ни, ни, тамъ Петруся не було, се не винъ. Его не було: я скризь шукала,—ничого не знайшла. Тилько купочку знайшла... купочку... тилько купочку обгорилу... А волоссячка биляненького нема... Де воно подилося, биляненьке волоссячко?..

И озырается по хати...

Пани моя ласкава та добра! Порадьте-жъ-бо мени—щò мени робыты? Мыхайло въ тюрми сыдыть, кажуть,—на Сибиръ зашлють... Та винъ-же й такъ накараный!.. А якъ-же мы будемо безъ ёго? Чы не можна ёго вызволыты!.. Колы чого не знаете,—въ пана попытайте... Чы мени до ликаривъ дочку везты, чы мени що зъ нею робыты? Бо кажу-жъ вамъ,—отъ уже другый тыждень... Люде говорють, що вона вже въ Божій воли... И ничòго не промовыть, тилько все одно... Возьме двохъ меньшенькыхъ, дивчатокъ, прыпыныть та й пытае:

— Не бачылы Петруся, диткы? Тамъ ёго нема: тамъ купочка тилько, попилець... А дежъ биленьке волоссячко?..

Б. Гринченко.

По поводу нашихъ неолитическихъ находокъ съ церамикой до-микенскаго типа.

Мой уважаемый другъ, проф. Л. Нидерле, въ введеніи къ своей не такъ давно переведенной мною книгѣ, съ большой справедливостью замѣтилъ уже, что «задача доисторической археологіи вовсе не заключается въ выкапываніи и описываніи древнихъ предметовъ» и еще менѣе въ томъ, чтобы «очистивши ихъ отъ земли, разставлять въ музеяхъ съ надписями, кто былъ ихъ великодушнымъ жертвователемъ». Если-же задача доисторической археологіи заключается не въ этомъ, а въ возможно болѣе полномъ возстановленіи типа, происхожденія, миграцій, бытовой обстановки, общественныхъ отношеній, вѣрованій культа и всей вообще соматической и психической дѣятельности или если угодно—культуры древнѣйшихъ обитателей земли, то само собой разумѣется, что и археологическія раскопки должны быть направлены къ достиженію *всѣхъ* этихъ данныхъ и производиться соотвѣтственно *всѣмъ* научнымъ требованіямъ и съ соблюденіемъ всѣхъ пріемовъ, которые-бы обезпечивали возможно полное и всестороннее изслѣдованіе остатковъ старины. Эта возможно большая научность и полнота раскопокъ тѣмъ болѣе необходимы и *обязательны*, что остатки старины далеко не такъ многочисленны и представляютъ собою драгоцѣнность, которую, разрушивши одинъ разъ, возстановить уже невозможно. Производя раскопки, мы, съ одной стороны, спасаемъ древніе памятники, но съ другой стороны—безвозвратно и навсегда *уничтожаемъ* то, чего не съумѣли или не захотѣли спасти по незнанію и небрежности или по одностороннему отношенію къ дѣлу.

Какъ ни нова еще наука доисторической археологіи, но въ Западной Европѣ все-таки успѣли уже выработаться извѣстныя научныя требованія, безъ соблюденія которыхъ ни одинъ сколько-нибудь серьезный археологъ не рѣшится уже ни произвесть раскопку, ни опубликовать ея результаты, зная прекрасно, что такіе результаты не будутъ имѣть ни малѣйшаго научнаго значенія и подвергнутся самому строгому осужденію въ научной критикѣ. Совсѣмъ другое у насъ. Выработавши себѣ путемъ многолѣтнихъ трудовъ почтеннаго В. Б. Антоновича извѣстную научную технику раскапыванія кургановъ, съ которыхъ началась у насъ доисторическая археологія, мы пока не пошли дальше, а если намъ встрѣчается что-нибудь другое то мы теряемся и дѣйствуемъ совершенно ощупью или какъ Богъ на душу положитъ, заботясь только о томъ, чтобы накопать побольше орудій, горшковъ и т. п. музейныхъ предметовъ. [1]) Въ тѣхъ

---

[1]) Даже при раскопкѣ кургановъ еще не такъ давно находимыя кости или просто оставлялись въ ямѣ, или, въ лучшемъ случаѣ, изъ нихъ брали только черепа, да и то только потому, что находилось учрежденіе (не наше мѣстное даже), которое интересовалось антропологіей курганныхъ племенъ и давало деньги на раскопки съ тѣмъ, чтобы черепа доставлялись ему. У насъ же въ университетахъ тогда еще не было ни лицъ, которыя бы интересовались доисторической антропологіей, ни помѣщеній для находимыхъ костей. Судя, впрочемъ, по замѣткѣ А. М. Покровскаго, помѣщенной въ майскомъ номерѣ Археологич. Лѣтописи, можно думать, что и теперь дѣло обстоитъ немногимъ лучше. Невозможно допустить, чтобы европейски-образованный молодой ученый могъ иначе, какъ только въ отчаяніи просить о томъ, чтобы сохранялись при раскопкахъ хоть нѣкоторыя части скелета, и скрѣпя сердце согласиться на погибель всѣхъ прочихъ... А между тѣмъ, чтобы указать на величайшую научную цѣнность этихъ остатковъ доисторическаго человѣка достаточно только сказать, что, напр., въ богатѣйшихъ въ мірѣ коллекціяхъ парижскаго музеума я могъ найти для своей работы одинъ единственный полный скелетъ въ качествѣ представителя всей славянской расы, да и тотъ съ надписью *Cosaque*, заставляющей сомнѣваться, не принадлежалъ-ли онъ какому-нибудь башкиру, которыхъ въ 1814 году тоже считали въ Парижѣ козаками. Въ Musée Broca при Парижскомъ Антропологическомъ Обществѣ оказался опять таки единственный для всей славянской расы скелетъ какой-то польки, да и тотъ безъ ногъ... И этими двумя скелетами исчерпывается, сколько мнѣ извѣстно, весь матеріалъ для полной остеологіи славянъ, имѣющійся въ цѣломъ Парижѣ! Но истративши нѣсколько сотенъ рублей, или даже просто хорошенько похлопотавши, парижскіе музеи и лабораторіи могутъ очень легко пріобрѣсть прекрасныя коллекціи скелетовъ всѣхъ славянскихъ племенъ, такъ какъ племена эти еще существуютъ... Но интересно знать, гдѣ возьмутъ наши будущіе антропологи (не говоря уже о европейскихъ, которые навѣрно позаботятся объ этомъ раньше) скелеты какихъ-нибудь древлянъ

же чрезвычайно рѣдкихъ и поэтому требующихъ совершенно исключительнаго вниманія случаяхъ, когда намъ приходится имѣть дѣло съ палеолитической находкой, мы довольствуемся общимъ геологическимъ разрѣзомъ мѣстности, не заботясь ни о горизонтальномъ, ни о вертикальномъ разрѣзахъ самого археологическаго пласта, опредѣляемъ его древность по глубинѣ залеганія и оставляемъ спорнымъ вопросъ о его до-, между или послѣ-ледниковомъ возрастѣ, оставляемъ найденныя кости мамонта на «попахъ» по нѣскольку дней, не зная какъ ихъ предохранить отъ разрушенія, не ведемъ этимъ костямъ никакого подсчета, почти ничего не знаемъ о костяхъ другихъ животныхъ—и въ концѣ концовъ должны только сердечно благодарить неутомимаго Ч. В. Хвойку за то, что по милости его чешской любознательности и энергіи *все* содержимое этой, одной изъ рѣдчайшихъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ находокъ, не ушло на планировку какого-нибудь Афанасьевскаго яра или на постройку днѣпровской дамбы...

Не болѣе удовлетворительно производятся у насъ и раскопки мѣстонахожденій неолитической эпохи, особенно если онѣ не обращаютъ на себя почему нибудь общаго вниманія. Богатѣйшія неолитическія станціи въ дюнахъ по берегамъ Днѣпра остаются неизслѣдованными въ теченіе многихъ уже лѣтъ, и мы едва упоминаемъ о нихъ, прибавляя точно въ насмѣшку, что стоитъ только прогуляться по этимъ дюнамъ послѣ дождя и вѣтра, чтобы набрать цѣлую коллекцію каменныхъ стрѣлъ и т. п. Что такое представляютъ собой эти станціи: остатки-ли жилищъ, сорныя-ли кучи, мастерскія-ли для выдѣлки каменныхъ орудій, рыболовныя-ли стоянки—до сихъ поръ совершенно неизвѣстно. Хронологическія наслоенія разрабатываемой такъ усердно хищниками-крестьянами Княжей Горы тоже остаются и до сихъ поръ загадкой, и мы до сихъ поръ не имѣемъ никакихъ ни антропологическихъ, ни культурныхъ данныхъ о составѣ и смѣнѣ народностей у насъ въ неолитическія времена. Этими недостатками

или радимичей, когда при нынѣшнемъ истребленіи кургановъ ихъ больше не останется?!! А вѣдь, по мнѣнію Брока, для того чтобы дѣлать какіе-нибудь антропометрическіе выводы, необходимы серіи *по крайней мѣрѣ* 20 субъектовъ одного и того-же происхожденія... и само собою разумѣется, чѣмъ больше серіи, тѣмъ выводы достовѣрнѣе. А между тѣмъ скелетовъ изъ уничтоженныхъ уже въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ кургановъ можетъ быть хватило-бы уже для снабженія минимальными серіями хоть нашихъ только южныхъ университетовъ...

страдаютъ почти всѣ наши неолитическія раскопки, такъ какъ нигдѣ почти не было обращаемо должнаго вниманія ни на характеръ станцій, ни на точное раздѣленіе и опредѣленіе заключающихся въ нихъ культуръ, и европейскіе ученые, когда имъ приходится имѣть дѣло съ результатами нашихъ раскопокъ, только разводятъ руками при видѣ той каши, которая имъ преподносится... Привыкши имѣть дѣло съ курганами, наши раскапыватели прилагаютъ курганные пріемы, напр., къ неолитическимъ станціямъ, роютъ круглыя или четыреугольныя ямы и затѣмъ вмѣсто плановъ и разрѣзовъ своихъ раскопокъ рисуютъ «землянки» чуть-ли не съ диванами, каминами и т. п. Успокоившись на томъ, что у насъ, напр., желѣзная культура иногда соприкасается съ каменной, они часто совсѣмъ не заботятся о наслоеніяхъ разныхъ культуръ и сваливаютъ все въ одну кучу, какъ это показалъ В. Б. Антоновичъ въ своихъ недавнихъ замѣчаніяхъ по поводу «аборигеновъ кіевскаго края»...

А между тѣмъ очень быстро слѣдующія у насъ одно за другимъ и чрезвычайно интересныя открытія, относящіяся именно къ неолиту, дѣлаютъ изслѣдованіе у насъ этой эпохи все болѣе и болѣе важнымъ, могущимъ пролить свѣтъ на очень многіе загадочные вопросы общеевропейской археологіи. Уже одинъ тотъ фактъ, что каждое изъ этихъ открытій отличается какой-нибудь оригинальностью, указываетъ, что въ нашемъ неолитѣ мы имѣемъ дѣло, вѣроятно, и съ разными племенами, и съ разными періодами долго длившейся у насъ этой эпохи. Поэтому возможно болѣе тщательное изслѣдованіе этихъ нашихъ находокъ является и очень интереснымъ, и настоятельно необходимымъ.

По поводу именно этого-то изслѣдованія я и позволилъ себѣ высказать все предыдущее. Въ настоящее время изслѣдуются, или лучше сказать начинаютъ изслѣдоваться, замѣчательныя находки уважаемаго Ч. В. Хвойки въ окрестностяхъ Триполья и Веремья и вполнѣ аналогическія мѣстонахожденія, открытыя недавно В. Н. Доманицкимъ въ Звенигородскомъ и Уманскомъ уѣздахъ. Предметы, найденные уже г. Хвойкой, обратили на себя особенное вниманіе на Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ, и мѣстностямъ, гдѣ производились его раскопки, была посвящена спеціальная экскурсія. По поводу реферата объ этихъ находкахъ А. М. Покровскаго и Ч. В. Хвойки, проф. Милюковъ замѣтилъ, по словамъ «Извѣстій XI Арх. Съѣзда» (стр. 176), что такая-же точно культура была найдена въ Галиціи,

на Балканскомъ полуостровѣ и т. п. и шла, надо полагать, съ юга на сѣверъ и сѣверо-востокъ». Если дополнить это замѣчаніе (вѣроятно, впрочемъ, не съ особенной полнотой переданное «Извѣстіями») указаніями на то обстоятельство, что спиральная орнаментація найденныхъ г. Хвойкой сосудовъ составляетъ исключительное явленіе въ неолитическихъ находкахъ всей Европы и что какъ эти сосуды, такъ и статуэтки обнаруживаютъ несомнѣнное сходство съ подобными же предметами такъ назыв. до-микенской культуры, извѣстнымъ намъ центромъ которой была повидимому Малая Азія и острова Архипелага, что совершенно аналогическія статуэтки и сосуды были найдены затѣмъ г. Шантромъ въ Каппадокіи, гг. Бутцуряну, Діаманди и др. возлѣ Кукутени въ Румыніи, Готфр. Оссовскимъ и другими въ Галиціи, что очень много аналогическаго заключаютъ въ себѣ знаменитыя неолитическія находки покойныхъ Радимскаго и Фіалы въ Бутмирѣ въ Босніи, очень старательно изученныя г. Гёрнесомъ въ его предисловіи къ великолѣпному и потому рѣдкому изданію *Die Neolithishe Station von Butmir* (2 vol. in folio Wien 1895 и 1898) и въ не такъ давно вышедшемъ капитальномъ трудѣ *Urgeschichte der bilden den Kunst in Europa,* и что, наконецъ, культура эта является главнымъ критеріемъ въ вопросѣ о восточномъ или, какъ теперь начали увѣрять нѣкоторые (Sal. Reinach), западномъ происхожденіи чуть-ли не всей европейской культуры вообще,—то находки Ч. В. Хвойки оказываются фактомъ первостепеннаго интереса и гораздо большаго значенія, чѣмъ просто коллекція курьезныхъ и въ первый разъ только найденныхъ въ предѣлахъ Россіи вазочекъ и статуэтокъ. [1]) Въ виду этой то именно важности находокъ Ч. В. Хвойки, и было-бы очень интересно изслѣдовать ихъ со всей подобающей ихъ значенію тщательностью и научной точностью.

Между тѣмъ, не уменьшая ничуть личныхъ заслугъ уважаемаго Ч. В. Хвойки я присоединяясь вполнѣ къ общимъ одобреніямъ, выраженнымъ ему на кіевскомъ арх. съѣздѣ, я не могу не сказать, что судя по реферату, сжато переданному въ «Извѣстіяхъ Съѣзда», и по

---

[1]) Возможно болѣе полное изложеніе открытій г. Хвойки и ихъ болѣе подробную научную оцѣнку я надѣюсь сдѣлать въ сообщеніи, приготовляемомъ мною къ Парижскому международному археологическому съѣзду настоящаго года, которое потомъ будетъ напечатано in extenso въ львовскихъ „*Материялах до українсько-руської етнольогії*“.

гораздо болѣе обширнымъ сообщеніямъ, очень любезно сдѣланнымъ мнѣ самимъ Ч. В. Хвойкой, въ этихъ раскопкахъ его довольно многое остается еще далеко не достаточно выясненнымъ. Эти-то именно пробѣлы и тѣ desiderata, которые сами собою являются въ виду этихъ пробѣловъ, а также и въ виду дальнѣйшихъ раскопокъ какъ г. Хвойки, такъ и другихъ, и составляютъ главную цѣль настоящей замѣтки, которая, можетъ быть, окажется небезполезной.

Какъ только что было сказано, всякая научно-производимая раскопка должна имѣть задачей не только извлеченіе изъ земли древнихъ предметовъ, но и возможно полное возстановленіе всей той культуры, остатками которой они являются передъ нами. Въ виду этого, первой заботой археолога должно быть опредѣленіе прежде всего самой структуры находки и затѣмъ ея характера. Главнымъ, такъ сказать, архитектурнымъ признакомъ нашихъ находокъ домикенскаго типа оказываются такъ наз. «площадки» или, вѣрнѣе, слои обожженной глины на извѣстной глубинѣ подъ нынѣшней поверхностью земли. Что-же представляли собой эти слои: крышу-ли, или полъ сохранившихся сооруженій, или-же, наконецъ, и то и другое, если такихъ слоевъ было два или болѣе? Въ изложеніи реферата гг. Покровскаго и Хвойки въ «Извѣстіяхъ» сказано, что археологическіе предметы находимы были «на площадкахъ и около нихъ», въ рукописномъ сообщеніи мнѣ г. Хвойки—что они находились «ниже поверхности сооруженій», а въ замѣткѣ г. Бѣляшевскаго о раскопкахъ В. Н. Доманицкаго возлѣ с. Колодистаго, что они были «*подъ* пластами обожженной глины». Если принять за болѣе правдоподобное послѣднее или два послѣднихъ заявленія, то приходится полагать, что мы имѣемъ дѣло съ какими-то находившимися подъ землей или по крайней мѣрѣ на уровнѣ поверхности земли сооруженіями. Предположивши это, является вопросъ: какъ же были устроены эти сооруженія и для какой цѣли могли они служить? Отвѣтомъ на первую часть этого вопроса могли бы быть планы и разрѣзы изслѣдованныхъ «площадокъ», но ни о тѣхъ, ни о другихъ даже не упоминается ни въ одномъ изъ названныхъ, доступныхъ намъ источниковъ; не упоминается также и о стѣнахъ сооруженій, если не принимать за остатки ихъ «пирамидальныя кучи камней», о которыхъ говорится въ рефератѣ; хотя если даже и предположить, что сооруженія эти были просто ямами съ дномъ и крышей изъ обожженной глины, то и въ этомъ случаѣ это должно было быть замѣтно при

раскопкѣ, такъ какъ тронутую землю всегда легко отличить отъ нетронутой, какъ по плотности, такъ и по сложенію. [1]) Вторая половина вопроса разрѣшается повидимому различно: самъ г. Хвойка, какъ кажется, считаетъ эти сооруженія жилищами, другіе, сколько намъ извѣстно, полагаютъ, что это скорѣе гончарныя мастерскія, а можетъ быть и печи для обжиганія посуды, наконецъ, раскапывавшій совершенно подобныя же сооруженія въ Галиціи Готфр. Оссовскій считаетъ ихъ мѣстомъ погребенія, увѣряя, что въ каждомъ изъ найденныхъ сосудовъ было, по крайней мѣрѣ, хоть по одному куску обгорѣлой человѣческой кости. Хотя нѣкоторыя находки покойнаго Готфр. Оссовскаго и были сильно оспариваемы очень авторитетными учеными, но все-таки это единственный авторъ, дающій разрѣзъ сооруженій аналогичныхъ трипольскимъ въ нашихъ мѣстностяхъ, и поэтому результаты его изслѣдованія должны быть непремѣнно приняты во вниманіе. Въ пользу его мнѣнія говоритъ, между прочимъ, еще то обстоятельство, что многіе изъ сосудовъ, найденныхъ Ч. В. Хвойкой, были прикрыты или другими сосудами, или плоскими камнями, что обыкновенно бываетъ только съ погребальными урнами, а также и то, что до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, еще ни въ одномъ курганѣ сосѣднихъ съ до-микенской культурой мѣстностей не найдено было ни погребальныхъ урнъ трипольскаго типа, ни статуэтокъ, или другихъ подобныхъ признаковъ, которые бы указывали на существованіе погребенія трипольскихъ гончаровъ, помимо разсматриваемыхъ нами сооруженій. Какъ бы то ни было—будемъ-ли мы принимать объясненіе Г. Оссовскаго или нѣтъ, но вопросъ о назначеніи трипольскихъ и прочихъ сооруженій того же типа все таки остается открытымъ и выяснится, вѣроятно, только будущими раскопками.

Также точно мало выясненнымъ оказывается и соотношеніе между двумя главными типами находимой въ трипольскихъ сооруженіяхъ посуды: сосудовъ съ орнаментаціей изъ вытисненныхъ по свѣжей глинѣ спиральныхъ линій и сосудовъ съ росписной орнаментаціей. Ч. В. Хвойка въ одномъ изъ своихъ любезныхъ сообщеній

[1]) Въ Бутмирѣ, гдѣ уцѣлѣли только основанія построекъ (fonds de cabane), при чемъ археологическій слой прерывался прослойками нанесенной водой глины, все таки удалось съ полной ясностью возстановить ихъ планъ и устройство, какъ это можно видѣть на чертежахъ, помѣщенныхъ въ вышеупомянутомъ описаніи Радимскаго и Фіалы.

мнѣ утверждаетъ категорически, что онъ находилъ оба эти типа сосудовъ въ однѣхъ и тѣхъ же сооруженіяхъ вмѣстѣ. Между тѣмъ, извѣстный знатокъ керамики, консерваторъ керамическаго отдѣленія Луврскаго музея г. Потье (Pottier), которому я показывалъ черепки того и другого типа, рѣшительно подтвердилъ мое собственное мнѣніе, что первый типъ имѣетъ несомнѣнно болѣе древній или можетъ быть, лучше сказать, болѣе примитивный характеръ. Какъ ни противорѣчатъ другъ другу эти два отзыва, но тѣмъ не менѣе они не непримиримы. Очень возможно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чѣмъ нибудь въ родѣ того, что было обнаружено въ Бутмирѣ. Тамъ было найдено два типа посуды съ спиральной орнаментаціей—одинъ, очень тонкой работы съ рельефнымъ орнаментомъ, какъ полагаетъ г. Гёрнесъ, привозный, и другой мѣстный, болѣе грубой работы съ орнаментомъ изъ вытисненныхъ на мокрой глинѣ линій, составляющихъ очевидное подражаніе первому. Но чтобы освѣтить это обстоятельство, опять таки необходимы данныя, которыя могутъ быть получены путемъ очень тщательной статистики всѣхъ найденныхъ керамическихъ предметовъ съ выясненіемъ ихъ назначенія посредствомъ изслѣдованія ихъ содержимаго и путемъ сравнительнаго изученія ихъ орнаментаціи.

Все сводится, слѣдовательно, къ тому, что по крайней мѣрѣ въ будущихъ раскопкахъ желательна была-бы нѣсколько большая методичность.

Указывать какіе-нибудь техническіе пріемы при раскопкахъ въ высшей степени трудно и даже опасно, такъ какъ пріемы должны неизбѣжно мѣняться въ каждомъ данномъ случаѣ, въ зависимости отъ обстоятельствъ и условій раскопки, и диктуются главнымъ образомъ сознаніемъ самого раскапывателя, который долженъ вполнѣ отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ хочетъ привести въ ясность. Тѣмъ не менѣе я позволю себѣ высказать нѣсколько пожеланій, исполненіе которыхъ, по моему мнѣнію, можетъ обезпечить всесторонность и полноту изслѣдованія.

Такимъ образомъ мнѣ казалось-бы очень полезнымъ:

1) Обнаруживши присутствіе слоя обожженной глины, подъ которымъ находятся археологическіе предметы, снять прежде всего какъ можно осторожнѣе покрывающій его пластъ растительной земли и совершенно очистить всю его наружную поверхность настолько хорошо,

чтобъ можно было определить составъ его и способъ его устройства, а также и заметить и срисовать или сфотографировать всѣ могущіе находиться на поверхности его оттиски и т. п. Затѣмъ, точнѣе нанести эту поверхность слоя обожженной глины на планъ въ достаточно большомъ масштабѣ, раздѣляя ее поперечными чертами углемъ или мѣломъ на извѣстномъ разстояніи (10—20 стм.) одна отъ другой и нанеся эти раздѣленія также на планъ. Послѣ этого можно, въ видѣ предосторожности отъ дождя и вывѣтриванія, покрыть обнаженную поверхность пласта обожженной глины брезентомъ, соломой или наконецъ просто опять землей или дерномъ.

2) Затѣмъ, выбравши одну изъ узкихъ сторонъ слоя обожженной глины (предполагая напр., что общее его очертаніе имѣетъ видъ прямоугольника или овала), отступить отъ края его по крайней мѣрѣ на 2—3 метра и начать рыть траншею, углубляя ее постепенно въ видѣ наклонной плоскости по направленію къ основанію предполагаемаго сооруженія и наблюдая при этомъ, чтобъ вынимаемая земля имѣла однообразное сложеніе (была непорушенная). Если земля окажется порушенной, или другого цвѣта, или будетъ заключать въ себѣ что нибудь, надо отступить еще больше, такимъ образомъ, чтобъ начать непремѣнно съ непорушенной земли, и опредѣлить точно, откуда начинается земля порушенная. Траншея должна быть немного шире самаго широкаго поперечника слоя обожженной глины, и ея бока должны непремѣнно проходить по непорушенной землѣ, въ противномъ случаѣ ее надо расширить. Когда траншея дойдетъ до археологической почвы, стѣны сооруженія или просто порушенной земли, ее надо углубить настолько, что-бъ дно ея въ низкой части дошло до несомнѣннаго «грунта».

3) Когда такимъ образомъ будетъ обраружена одна изъ сторонъ археологической залежи (или сооруженія), то ее надо какъ можно точнѣе нанести на разрѣзъ № 1, соотвѣтствующій крайней чертѣ плана, и сфотографировать. Разрѣзъ долженъ быть также раздѣленъ по своей высотѣ поперечными линіями въ извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, что даетъ возможность правильно обозначить на немъ всѣ подробности обнаженной стороны залежи (каменную кладку, буде она окажется, остатки деревянныхъ частей и разнообразный составъ земли съ относительнымъ расположеніемъ частей ея).

4) Нанеся обнаженную сторону залежи или сооруженія на разрѣзъ, осторожно снять край слоя обожженной глины до первой поперечной черты. Снимать эту обожженную глину надо возможно большими кусками и затѣмъ, перенеся ихъ въ сторону, уложить ихъ въ прежнемъ порядкѣ, для того, чтобы, перевернувши ихъ потомъ, можно было видѣть передъ собою нижнюю поверхность всего пласта обожженной глины съ могущими быть на ней оттисками и т. п. Если пластъ этотъ состоитъ изъ кусковъ въ родѣ грубыхъ кирпичей или плитъ, то стараться вынимать ихъ цѣликомъ, не разбивая.

5) Удаливши край слоя обожженной глины, снимать находящуюся подъ нимъ землю, идя сверху внизъ и дѣйствуя заступами или лучше ручными лопатками въ горизонтальномъ направленіи. Встрѣченные предметы, расположеніе прослойковъ земли, съ обозначеніемъ цвѣта ея, и проч. остатки наносить на разрѣзъ № 2, соотвѣтствующій, слѣдовательно, 2-ой поперечной линіи плана, точно отмѣчая высоту, на которой предметъ найденъ, и его поперечное положеніе, названія самихъ предметовъ съ ихъ №№ (которые отмѣчаются на этикеткахъ, наклеиваемыхъ сейчасъ-же по вынутіи изъ земли), и всѣ прочія подробности заносятся, разумѣется, въ дневникъ.

6) Окончивши разрѣзъ № 2, такимъ-же образомъ вести разрѣзъ № 3 (т. е. ту часть земли, которая заключается между 2 и 3 поперечными чертами на поверхности обожженной глины и на планѣ) затѣмъ 4, 5 и т. д. до конца, наблюдая при этомъ неуклонно, чтобъ боковыя стороны траншеи проходили по ненарушенной почвѣ, и въ случаѣ надобности расширяя траншею, сколько потребуется, и разумѣется нанося это расширеніе сейчасъ-же на планъ и на разрѣзы, которыхъ получится столько, сколько было проведено чертъ на поверхности площади.

7) Находимые предметы, въ томъ числѣ черепки, кости, уголь, куски дерева, комья обожженной глины, образцы пепла и пр. надо брать *всѣ безъ исключенія* (изъ черепковъ могутъ быть составлены сосуды, кости должны быть опредѣлены, равно какъ уголь и куски дерева, на комьяхъ глины могутъ оказаться отпечатки, а въ пеплѣ остатки сожженія труповъ). По составленіи полнаго инвентаря и послѣ вторичнаго внимательнаго пересмотра, все лишнее можетъ быть отброшено.

8) Всѣ болѣе интересные разрѣзы, особенно заключающіе въ себѣ ниши съ сосудами и т. п., должны быть сфотографированы. Вообще фотографія, какъ документъ, должна предпочитаться рисунку, хотя-бы очень искусно сдѣланному. Такъ-же точно должны быть сфотографированы *на мѣстѣ* всѣ предметы, могущіе при отчисткѣ отъ земли или перевозкѣ подвергнуться разрушенію.

Какъ руководство къ производству раскопокъ и особенно къ сохраненію найденныхъ предметовъ, можно указать упомянутыя уже въ моемъ переводѣ книги Нидерле: *J. Novotny*—Nàvod ku sbirâni a zachranovani predhistorickich pamàtek (Praha, 1894), *Heierli*—Uebersicht ueber die Urgeschichte der Schweiz (Zürich, 1894) и *R. v. Weinzierl*—Die jungere Steinzeit (neolitihsche Culturepoche) in Böhmen (Prag, 1895). Но лучше всего было-бы, разумѣется, составить специальное руководство для нашихъ мѣстностей, чѣмъ слѣдовало-бы заняться будущему археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

Наконецъ, не достаточно произвесть раскопку и сдать вещи въ музеи, а дневники въ архивы: чтобъ раскопка имѣла научное значеніе, надо ее описать и издать. Наши раскопки заключаютъ въ себѣ не меньше научнаго интереса, чѣмъ самыя крупныя изъ западно-европейскихъ, и если онѣ до сихъ поръ не занимаютъ соотвѣтственнаго ихъ важности положенія въ наукѣ, то только потому, что онѣ неумѣло производятся, небрежно описываются и очень плохо издаются. Недавнія изданія Б. И. Ханенка показали, что у насъ возможны и роскошныя изданія, но эти изданія, какъ они не важны съ документальной и художественной стороны, будутъ имѣть вполнѣ серьезное значеніе только тогда, когда они будутъ также и *научны*, заключая въ себѣ *всѣ* необходимые элементы для возстановленія древней культуры.

Парижъ. Іюнь, 1900.

Ѳ. Волковъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Истребленіе еврейскихъ безцензурныхъ книгъ и судебное преслѣдованіе евреевъ за ихъ утайку. Въ 1830-хъ годахъ, въ эпоху общаго усиленія цензурныхъ строгостей въ Россіи, и особенно въ западномъ краѣ (послѣ польскаго возстанія), было обращено вниманіе и на еврейскія книги, результатомъ чего явился указъ Правит. Сената отъ 27 ноября 1836 года, въ которомъ объявлялось, что, по положенію Комитета министровъ, высочайше повелѣно: 1) объявить чрезъ кого слѣдуетъ евреямъ, что всѣ имѣющіяся у нихъ книги, напечатанныя безъ цензуры или привезенныя изъ-за границы безъ дозволенія, они должны въ теченіе года представить мѣстнымъ начальствамъ, не опасаясь за то наказанія, но что по прошествіи этого срока съ тѣми изъ нихъ, у которыхъ такія книги окажутся, поступлено будетъ по строгости законовъ, для чего градскимъ и земскимъ полиціямъ вмѣнялось въ обязанность разыскивать и арестовывать такія книги, а ихъ владѣльцевъ представлять начальству для преданія суду; 2) пересмотръ представляемыхъ евреями книгъ поручить надежнымъ раввинамъ съ тѣмъ, чтобы они, подъ личною отвѣтственностью, одобренныя цензурою книги означали надписью, а неодобренныя представляли свѣтскому начальству для доставленія въ министерство внутреннихъ дѣлъ на дальнѣйшее по усмотрѣнію онаго распоряженіе. Черезъ годъ (29 ноября 1837 г.) былъ изданъ дополнительный указъ, которымъ разрѣшалось мѣстнымъ главнымъ начальствамъ, по надлежащемъ разсмотрѣніи еврейскихъ книгъ, тѣ изъ нихъ, которыя будутъ признаны подлежащими уничтоженію, не отсылать въ Петербургъ,

а предавать сожженію на мѣстѣ, сообщая въ министерство лишь о количествѣ сожженныхъ книгъ и представляя по одному экземпляру каждаго уничтоженнаго сочиненія для храненія въ библіотекѣ министерства внутр. дѣлъ.

Въ исполненіе этихъ указовъ, такой пересмотръ еврейскихъ книгъ производился въ теченіе 1837—1844 г. г. и въ Кіевѣ, при управленіи генералъ-губернатора, и много ихъ подверглось сожженію. Были случаи, что евреи, преимущественно раввины, скрывали имѣвшіяся у нихъ безцензурныя книги, и въ такихъ случаяхъ ихъ предавали суду. Но тутъ совершалась удивительная метаморфоза, столь характерная для тогдашняго бюрократическаго режима. Правительство издавало суровые указы, мѣстное главное начальство разсылало съ своей стороны строжайшія предписанія о неуклонномъ ихъ исполненіи, и, казалось, что нарушителямъ закона грозитъ неминуемая и жестокая кара. Но лишь только открывалось преступленіе и въ ходъ пускалась тогдашняя неуклюжая административно-судебная машина, тотчасъ начиналась неизмѣнно и все на одинъ ладъ повторявшаяся картина какъ-бы намѣреннаго издѣвательства надъ закономъ со стороны его непосредственныхъ блюстителей, и рѣдкое дѣло, послѣ безконечной волокиты, не оканчивалось изморомъ. Такъ было и съ преслѣдованіемъ евреевъ за утайку безцензурныхъ книгъ. Для примѣра разскажемъ одинъ изъ такихъ процессовъ.

Въ ноябрѣ 1841 года, т. е. спустя пять лѣтъ послѣ указа 27 ноября 1836 года, приставъ 2-го стана Таращанскаго уѣзда арестовалъ въ еврейской школѣ м. Животова книгу въ 3-хъ экземплярахъ подъ названіемъ Бахъ, оказавшуюся въ спискѣ запрещенныхъ. Привлеченный къ слѣдствію, мѣстный раввинъ Лейба Бурда показалъ, что въ должности казеннаго раввина въ Животовѣ онъ состоитъ съ 1836-го года и съ того времени постоянно, одинъ разъ въ мѣсяцъ, пересматриваетъ находящіяся въ его школѣ еврейскія книги, нѣтъ-ли между ними вредныхъ, запрещенныхъ законами и не пропущенныхъ цензурою, и никогда такихъ не находилъ. Но въ 1841 году онъ однажды замѣтилъ въ школѣ новыя книги, подъ названіемъ Бахъ, коихъ до того времени здѣсь не было, и спросилъ бывшаго въ то время старостою школы еврея Барскаго, откуда онѣ взялись. Оказалось, по словамъ Барскаго, что эти книги за нѣсколько дней передъ тѣмъ принесъ еврей-корчмарь Шулимъ Ружичанскій и сообщилъ, что его отецъ Янкель, умирая, завѣщалъ ему передать эти книги въ Живо-

товскую школу. Онъ, раввинъ, не успѣлъ еще хорошенько пересмотрѣть эти книги, какъ пріѣхалъ приставъ и арестовалъ ихъ.

По обычаю того времени, слѣдствіе велось весьма вяло и необыкновенно медленно, такъ что, когда въ 1847 году слѣдователи надумались провѣрить ссылку раввина на бывшаго школьнаго старосту Барскаго и жертвователя Ружичанскаго, то ни того, ни другого уже не оказалось въ живыхъ.

Первоначально раввинъ Бурда, по опредѣленію кіевскаго губернскаго правленія, былъ преданъ суду Таращанскаго городового магистрата, который постановилъ таковой о немъ приговоръ: такъ какъ Бурда по дѣлу сему въ знаніи и принятіи въ школу книгъ не изобличенъ, то на основаніи т. XV ст. 1169 оставить его по дѣлу сему свободнымъ. Но кіевская палата уголовнаго суда не соглашалась съ такимъ приговоромъ и, имѣя въ виду, что дѣла по преступленіямъ должностныхъ лицъ предварительно должны разсматриваться губернскими правленіями, препроводила и настоящее дѣло для разсмотрѣнія дѣйствій раввина Бурды въ кіевск. губерн. правленіе, гдѣ оно собственно говоря, уже раньше разсматривалось. Губ. правленіе долго не могло рѣшить, куда еще направить это злополучное дѣло, наконецъ въ январѣ 1851 г. надумалось: такъ какъ раввинъ Бурда обвиняется въ непредставленіи начальству запрещенной книги, то для разсмотрѣнія означеннаго поступка и произнесенія о немъ приговора назначить, согласно 1283 ст IX. т. св зак., собраніе изъ трехъ раввиновъ: таращанскаго, липовецкаго и каневскаго, которымъ велѣть явиться въ таращанскій городовой магистратъ и, по разсмотрѣніи сказаннаго дѣла, произнести о раввинѣ Бурдѣ приговоръ, который затѣмъ представить въ губ. правленіе. Это постановленіе, составленное какъ-будто по рецепту извѣстной крыловской басни о судѣ надъ щукой, менѣе всего могло страшить подсудимаго. Прежде всего оказалось почти невозможнымъ понудить трехъ раввиновъ съѣхаться къ назначенному сроку въ Таращу: то каневскій раввинъ не пріѣдетъ, то липовецкій не явится, то таращанскій не кстати отлучится изъ дому.

Пять разъ назначались новые сроки, посылались раввинамъ грозныя предписанія; каневскій раввинъ, какъ особенно неисправный, былъ замѣненъ бѣлоцерковскимъ; наконецъ соборъ раввинскій былъ собранъ, и въ іюлѣ 1851 г. произнесъ приговоръ: «Какъ изъ дѣла видно, что найденныя въ 1841 г. въ Животовской еврейской школѣ книги были подброшены въ оной школѣ старостою Барскимъ, уже умершимъ,

раввинъ же Буда о таковыхъ книгахъ не былъ свѣдомъ, то оставить его по сему дѣлу свободнымъ».

Губернское правленіе никакъ не могло согласиться, будто Бурда не былъ свѣдомъ о книгахъ, которыя самъ же просматривалъ, но оно рѣшительно недоумѣвало, какому же суду и взысканію подвергнуть животовскаго раввина. По его мнѣнію, слѣдовало бы взыскать съ него по 15 рублей за каждый экземпляръ утаенной имъ книги, да и дѣлу конецъ; но такъ какъ въ ст. 1286 IX т. св. зак. опредѣляющей порядокъ разсмотрѣнія должностныхъ проступковъ раввиновъ, не объяснено, какому именно взысканію губернское начальство можетъ подвергнуть ихъ, если не будетъ согласно съ приговоромъ, произнесеннымъ собраніемъ раввиновъ, то посему губ. правленіе рѣшило представить это недоумѣніе на разсмотрѣніе генералъ-губернатора и просить у него руководства. Но генералъ-губернаторъ тоже затруднился рѣшеніемъ этого судебнаго казуса и представилъ его на усмотрѣніе Сената.

Долго пришлось ожидать сенатскаго разъясненія. Лишь въ концѣ 1855 года полученъ былъ указъ, разъяснившій, что за преступленія по должности раввины должны быть предаваемы губернскимъ начальствомъ суду уголовной палаты. Такъ было поступлено и съ Животовскимъ раввиномъ. Не скоро кіевская уголовная палата разсмотрѣла его дѣло; лишь въ іюлѣ 1857 года послѣдовалъ ея приговоръ слѣдующаго содержанія: «Такъ какъ въ дѣлѣ нѣтъ доказательствъ на обвиненіе раввина Бурды въ утайкѣ и непредставленіи начальству книги подъ названіемъ Бахъ, которая потомъ признана подлежащею запрещенію, по объясненію же Бурды книга эта была при напечатаніи пропущена цензурою Виленской академіи, а таковое объясненіе Бурды по дѣлу ничѣмъ не опровергнуто, то посему угол. палата, руководствуясь 1169 ст. XV т. зак. угол., опредѣляетъ: раввина Бурду отвѣтственности не подвергать».

Выходитъ, что дѣла, длившагося въ теченіе 16-ти лѣтъ и разросшагося въ канцелярскомъ производствѣ до нѣсколькихъ сотъ листовъ, вовсе не слѣдовало и начинать. Хотя изъ мотивовъ приговора уголовной палаты вовсе не вытекало заключенія о невинности Бурды, а вытекало лишь заключеніе о необходимости дополнить слѣдствіе по его дѣлу и выяснить, точно ли арестованныя у него книги были пропущены цензурою и не были раньше арестованія включены въ списокъ запрещенныхъ изданій, но администрація это

безконечное дѣло, повидимому, такъ надоѣло, что она и не подумала опротестовать приговоръ палаты, обычно восходившій на утвержденіе губернатора, и Животовскій раввинъ, послѣ многолѣтней волокиты, вѣроятно не мало ему стоившей, могъ наконецъ вздохнутъ свободно, не опасаясь болѣе столь долго грозившей ему отвѣтственности «по всей строгости законовъ».

О. Л.

Могила гетмана Дорошенка. *(Изъ дѣтскихъ воспоминаній).* Пишущій эти строки родомъ оттуда, гдѣ проживалъ на закатѣ своей жизни и погребенъ гетманъ войска запорожскаго Петро Дорошенко. Какъ извѣстно, послѣ гетманства, Дорошенко проживалъ сначала въ г. Сосницѣ, а затѣмъ въ пожалованномъ ему, вмѣстѣ съ 1000 р. содержанія въ годъ, въ с. Ярополъцѣ, Московской губ., въ ста тридцати верстахъ отъ нелюбившей его и не любимой имъ Москвы. Объ этомъ упоминаетъ и украинскій поэтъ:

«Иды, Петре, въ Межыгорье,
Молытыся Богу!
Не пустылы Дорошенка,
У ряси пизналы,
Закувалы у кайданы,
Въ Сосныцю послалы,
А зъ Сосныци въ Ярополье
Вику дожыватыɩ».

(«Кобзарь». 445—446 стр.)

А великорусскій поэтъ Пушкинъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ женѣ отъ 1833 года, изъ того же Ярополъца пишетъ о мѣстной владѣлицѣ: она живетъ очень недалеко и тихо въ своемъ разоренномъ дворцѣ и разводитъ огороды надъ прахомъ своего прадѣдушки Дорошенки, къ которому ходилъ я на поклоненіе. Сем. Фед., съ которымъ мы большіе пріятели, водилъ меня на его гробницу и показывалъ мнѣ прочія достопамятности Ярополъца.» (Сочин. А. С. Пушкина. Томъ 8. Письма. стр. 408. Изд. Суворина). Извѣстенъ и еще одинъ этапъ скитаній Дорошенка, а именно: онъ былъ, до заключенія въ Ярополъцѣ, еще и воеводою въ Вяткѣ.

Могила знаменитаго гетмана, какъ я ее помню въ с. Ропольцѣ, будучи 9—10-лѣтнимъ мальчикомъ, представляла часовню сажня въ четыре въ вышину, считая и крестъ, и сажень трехъ въ квадратѣ въ ширину, съ яблокообразной крышей коричневаго цвѣта—не то отъ ржаваго желѣза, не то такъ она была выкрашена; подъ ней стоялъ покачнувшійся на бокъ деревянный крестъ въ аршинъ вышины. Это было въ 1887—88 году. У меня и теперь еще въ памяти удержались стихи мѣстнаго деревенскаго стихоплета, уходившаго съ родины на заработки:

«Прощай, могила Дорошенки,
Что въ одиночествѣ стоитъ...
Въ плохой, убогой часовéнкѣ
Забытый прахъ его лежитъ»...

Часовня никогда не запиралась, хотя и имѣла желѣзныя двери. Стояла она среди села, на берегу рѣки Ламы. Много дѣтскихъ проказъ и приключеній, много воспоминаній изъ беззаботнаго дѣтства связаны у меня съ этой часовенкой. Въ ней были иконы и рѣзные изъ дерева золоченые херувимы съ распростертыми крылышками. Почти всю часовню занималъ огромный камень, лежавшій надъ прахомъ гетмана, пудовъ въ полтораста. На немъ лежалъ черный суконный покровъ, превратившійся отъ времени въ клочья, бурыя отъ пыли; стояла кружка для денегъ и копѣечки, грошики, полушки лежали покрытыя пылью, прямо на камнѣ: это проходящіе и богомольцы заходятъ молиться о его душѣ и кладутъ на свѣчку. На выступахъ подъ куполомъ внутри часовни жили голуби, а снаружи подъ крышей воробьи, и вся часовня, и иконы, и камень были усыпаны ихъ пометомъ. Въ Пасху камень бывалъ уставленъ разноцвѣтно-раскрашенными яйцами.

Когда-то на мѣстѣ часовни этой стояла церковь, подъ правымъ клиросомъ которой и лежалъ гетманъ, но изъ опасенія-ли, что высокій берегъ все болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ подмывался рѣкою и угрожалъ церкви, такъ что даже въ мое дѣтство подъ берегомъ часто послѣ половодья видны были гробы, кости, черепа, крестики вслѣдствіе размыва древняго кладбища, бывшаго около церкви, или по другой причинѣ,—церковь была далеко перенесена къ барскому дому; надъ прахомъ же гетмана соорудили часовню, какъ говорили тогда старожилы, по совѣту Пушкина, а въ двухъ шагахъ отъ часовни

стоитъ низенькая колонка, сложенная изъ кирпича, надъ мѣстомъ бывшаго церковнаго престола, а въ двадцати—трактиры, кабаки и лавочки.

Когда бывали въ селѣ ярмарки, отличавшіяся осенью многолюдствомъ и оживленіемъ, благодаря производству и сбыту льна въ широкихъ размѣрахъ, то часовенку едва было видать изъ-за лѣса оглобель и телѣгъ. Она едва огорожена жердочками, къ которымъ и привязываются крестьянскія лошади; и часто вѣтеръ надуваетъ въ нее массу травы, сѣна, соломы, шелухи сѣмячекъ изъ подсолнуховъ. Въ десяти шагахъ въ сторону, противоположную трактирамъ, раздается шарманка, бубенъ паяцовъ и пискъ петрушки на вышкѣ ярмарочнаго балагана, совмѣщавшаго въ себѣ и циркъ, и театръ... А тутъ и не одна могила Дорошенка! Тутъ, подъ трактирами и балаганами, видны слѣды древняго кладбища, вокругъ бывшей церкви, на что указываютъ торчащіе бѣлые камни—памятники, по которымъ тогда стучали колеса телѣгъ и подковы лошадей, превращая ихъ въ порошокъ. И на часовнѣ никакой надписи. Часто бывало, напримѣръ, кавалькада офицеровъ остановившагося въ селѣ дневкой полка отправится сначала къ церкви, потомъ на сельское кладбище—діаметрально противоположные концы, въ оба раза мимо этой часовни, а потомъ вернутся да и станутъ спрашивать какого-нибудь мальчугана: «гдѣ могила гетмана Дорошенка»? и не сразу найдутъ даже среди взрослыхъ знающаго человѣка, что за часовня стоитъ вблизи лавокъ и трактировъ.

Крестьянскія дѣти, устраивая игру въ солдаты, таскали оттуда херувимовъ на знамя и такъ и ходили по селу съ пѣснями, пока кто нибудь изъ взрослыхъ, поймавъ коновода за вихорь, заставлялъ херувима или икону пустить по водѣ или отнести обратно въ часовню. Или, напримѣръ, накладутъ благочестивые люди, можетъ быть по преданію сохранившіе какое-либо представленіе о Дорошенкѣ, на камень-памятникъ надъ гетманомъ въ Пасху яицъ, копѣекъ и грошиковъ, а дѣти подберутъ яйца и начнутъ ихъ съ азартомъ спекулянтовъ катать изъ лубка—кто чье яйцо стукнетъ своимъ, тотъ и беретъ себѣ; а копѣечки и грошики превращали въ пряники, конфекты и сѣмячки подсолнуховъ. Пишущій эти строки во времена своего дѣтства во всемъ этомъ участвовалъ и потому свидѣтельствуетъ о точныхъ фактахъ.

Въ такомъ видѣ стояла часовенка лѣтъ около ста, простояла бы и еще полтораста, не мозоля глаза равнодушныхъ обывателей, не препятствовавшихъ ей разрушиться, а дѣтямъ мародерствовать и кощунствовать въ ней, и голубямъ съ воробьями плодиться и множиться и засиживать выступы внутри ея и карнизы крыши снаружи,— если-бы не случилось событіе, взволновавшее всю округу и апатичныхъ обывателей, на цѣлые мѣсяцы приковавшее самое напряженное вниманіе въ этой забытой часовенкѣ, усердно пытавшееся приподнять завѣсу минувшаго относительно судьбы и личности гетмана и возбудившее безконечные толки и догадки. Все, что лежало подъ спудомъ времени и передавалось лишь шепотомъ въ сараяхъ или на полатяхъ еще во времена барщины—«крѣпатства», всплыло теперь наружу и горячо обсуждалось на завалинкахъ около избъ, въ трактирахъ, на ярмаркахъ... Смыслъ и значеніе этого событія, всколыхнувшаго всю округу и круто измѣнившаго отношенія къ часовенкѣ, стали ясны мнѣ лишь теперь, когда я очутился въ Украйнѣ и видѣлъ, съ какимъ горячимъ интересомъ слушали меня, выспрашивали самыя малѣйшія подробности событія, уже тускнѣвшаго въ моей памяти, потомки славныхъ героевъ —сподвижниковъ Дорошенка.

Вотъ что случилось въ концѣ осени или въ началѣ зимы 1887—88 года. Я тогда учился вторую зиму въ земской школѣ и жилъ на противоположномъ концѣ села, такъ что часовенка была мнѣ по пути въ школу. Однажды, идя изъ школы, мы, кучка мальчиковъ—школьниковъ, остановились около часовни—просто такъ, посмотрѣть, нельзя-ли чѣмъ поживиться—грошикомъ, копѣечкой, и увидали небольшую кучку свѣжевзрытой земли между боковою стѣной и камнемъ. У насъ въ селѣ былъ въ то время Арсеній—юродивый, ходившій зимой босикомъ и купавшійся въ Крещенье въ проруби,—такъ мы и порѣшили, что это онъ хочетъ тутъ спасаться и роетъ себѣ пещеру. Какъ хорошо и сейчасъ помню, это было наканунѣ какого-то праздника; а на другой день, идя отъ обѣдни, мы опять подошли къ часовенкѣ и увидали земли еще больше, и за обѣдомъ я сказалъ своему дѣду, что молъ Арсеній-дурачекъ роетъ себѣ пещеру въ часовнѣ. А на другой день къ вечеру меня вызвали изъ школы къ мировому судьѣ, жившему въ нашемъ селѣ. Тамъ было много народа въ мундирахъ—это пріѣхали изъ города чиновники для производства слѣдствія и меня вызвали давать свидѣтельскія показанія о видѣнномъ въ часовнѣ; подъ протоколомъ, помню хорошо, меня заста-

вили подписаться. Слѣдствіемъ было выяснено, что такъ какъ въ народѣ ходили толки, что гетманъ былъ погребенъ со всѣми знаками своего сана и достоинства: драгоцѣнною булавою, шапкою съ бриліантами и алмазами и дорогимъ оружіемъ, то злоумышленники и устроили подкопъ подъ тяжелый камень, чтобы добраться къ праху гетмана и похитить сокровища. Когда производилось слѣдствіе, то кости гетмана были извлечены изъ могилы и выложены на камнѣ, и я отчетливо помню лязгъ и стукъ желѣзнаго лома о склепъ и какую-то металлическую плиту, и хрустѣнье костей, когда ихъ веревками извлекали изъ земли, потому что камень, вѣроятно, плотно притиснулъ ихъ, и кости потомъ (кстати сказать, хорошо сохранившіяся и богатырскихъ размѣровъ, какъ говорили тогда кругомъ), съ черепомъ вмѣстѣ, лежали мѣсяца два непреданными землѣ на верху камня, наводя страхъ на насъ, дѣтей, и мы далеко обходили часовенку, когда случалось вечеромъ идти за виномъ въ трактиръ, или за чѣмъ въ лавочку. Что установило слѣдстіе, найдены ли злоумышленники,—мнѣ тогда не могло быть извѣстно. Съ тѣхъ поръ часовня заперта цѣпью и на замокъ.

Изъ массы слуховъ и толковъ народныхъ, носившихся тогда относительно личности гетмана, мнѣ помнится такое представленіе, что это онъ, Дорошенко, ушелъ изъ монастыря и былъ на Полтавской битвѣ и ранилъ въ ногу Карла XII. Этому способствовалъ бывшій тогда въ обращеніи среди населенія романъ «Таинственный монахъ». А камень-памятникъ надъ гетманомъ былъ своего рода мѣстомъ вздоховъ, во времена крѣпатства. Говорили тогда, что была на томъ камнѣ какая-то надпись—завѣщаніе гетмана, да исчезла, какъ говорили, по желанію помѣщиковъ стараго времени, и если-бы та надпись была цѣла, то въ селѣ и округѣ не было-бы крѣпатства, и что гетманъ, умирая, завѣщалъ свободу крестьянамъ, что и было написано на камнѣ. Лично я слышалъ тогда отъ своего дѣда, старика, умершаго лѣтъ пять тому назадъ въ глубокой старости, что онъ самъ помнилъ и указывалъ на жившихъ еще тогда стариковъ, участвовавшихъ нѣкогда, по приказу помѣщика, въ уничтоженіи этой надписи;—по его словамъ, они стесывали ее топорами,—камень былъ бѣлый, извѣстковый. При этомъ дѣдъ вспоминалъ сосѣдняго богатаго землевладѣльца графа Чернышева, вельможу Екатерининскаго времени, котораго онъ считалъ потомкомъ гетмана Дорошенка, и такъ объяснялъ происхожденіе его фамильнаго прозвища. Была-де у него рана,

полученная въ походѣ, между бровью и ухомъ, которую онъ, по обычаю запорожцевъ, затеръ порохомъ, отчего и остался на ея мѣстѣ черный шовъ. Когда впослѣдствіи его возвели въ графы, то бывшая его кличка «Черный шовъ» была дана ему въ фамилію, и онъ сталъ называться графъ Чернышовъ.

В. Красновъ.

На могилѣ Е. П. Гребенки. На дняхъ намъ пришлось посѣтить могилу Е. П. Гребенки, погребеннаго на отдѣльномъ кладбищѣ въ саду, принадлежащемъ гг. Мазараки при х. Убѣжищѣ, пирятинскаго уѣзда, полтавской губ. Грустно было видѣть, въ какомъ видѣ находится могила человѣка, въ свое время игравшаго видную роль въ литературномъ мірѣ и занимающаго не послѣднее мѣсто въ исторіи украинской литературы.

Небольшое фамильное кладбище Гребенокъ окопано рвомъ и одной стороной прилежитъ къ проѣзжей дорогѣ. Черезъ ровъ отъ дороги перекинуты кладки, ведущія къ запертымъ на замокъ воротамъ.

Когда сторожъ находящагося неподалеку земскаго училища, присматривающій и за кладбищемъ, отперъ ворота, то нашимъ взорамъ представился небольшой квадратный участокъ земли, окруженный съ трехъ сторонъ вѣковымъ садомъ и усѣянный рядомъ могилъ, изъ которыхъ только на одной—могилѣ Анны Павловны Свѣчко, урожденной Гребенка, имѣется металлическій крестъ, съ соотвѣтствующей надписью, на другихъ же вкопаны обыкновенные деревянные кресты безъ всякихъ надписей. Когда сторожъ указалъ намъ могилу Е. П. Гребенки, то онъ добавилъ при этомъ, что находящійся на ней ветхій деревянный крестъ перенесенъ съ сосѣдней могилы, гдѣ онъ замѣненъ новымъ,—а что до того на могилѣ Е. П. Гребенки нѣсколько лѣтъ никакого креста не было, такъ какъ первоначально поставленный давно подгнилъ и прибранъ. Кромѣ того, сторожъ сказалъ, что подъ сравнительно высокой могильной насыпью покоятся два праха— Е. П. Гребенки и его жены.

Неужели наша интеллигенція, всегда такъ отзывчиво относящаяся къ сохраненію памятниковъ родной старины, не соберетъ средствъ для сооруженія соотвѣтствующаго надгробнаго памятника

на могилѣ Е. П. Гребенки для увѣковѣченія его имени въ памяти потомства.

Н. Стороженко.

С. Великая Круча. 1 іюля 1900 г.

Чудотворная икона Божіей Матери въ с. Ржавцѣ, Прилуцкаго уѣзда, Полтавской губерніи. Въ церкви с. Ржавца у сѣверныхъ дверей въ алтарѣ помѣщается въ отдѣльномъ кіотѣ икона Богородицы стараго южно-русскаго рѣдкой красоты письма. Изображеніе Богоматери, поясное, съ младенцемъ на рукахъ, непорочно-скорбное, съ исходящими изъ очей слезами, производитъ неотразимое впечатлѣніе.

Объ этой иконѣ имѣется слѣдующее, занесенное изъ церковной лѣтописи, преданіе:

Въ XVII в. икона эта находилась въ церкви въ с. Мошнахъ Черкасскаго уѣзда, Кіевской губ. Когда однажды около 1715 г. козаки с. Ржавца и сосѣдняго мѣстечка Ични, Иванъ Даценко, Даніилъ Полувоный, Іеремія Голикъ, Иванъ Чистый и Ѳедоръ Фастовецъ, возвращаясь изъ похода въ Турцію, проходили черезъ с. Мошны, то они нашли эту икону въ опустѣлой церкви этого села и, взявши ее съ собою, передали ее священнику с. Ржавца Якову Кушакевичу. Послѣдній, видя, что икона потерта, такъ что мѣстами исчезло самое изображеніе, рѣшилъ ее обновить, если найдетъ жертвователя. Таковымъ оказался сторожъ при царинѣ (въѣздныхъ воротахъ) при въѣздѣ въ с. Ржавецъ по имени Григорій. Выразивши желаніе дать необходимыя для обновленія иконы средства, Григорій, съ согласія священника, отвезъ икону для обновленія въ Густынскій монастырь въ томъ же Прилуцкомъ уѣздѣ, гдѣ и передалъ монастырскому иконописцу, іеродіакону Венедикту. «Когда работа была окончена и иконописецъ собирался отвезть икону въ с. Ржавецъ, по словамъ церковной лѣтописи, произошло необыкновенное явленіе. Ночью противъ того дня, въ который іеродіаконъ намѣренъ былъ отвезть икону, онъ былъ разбуженъ необыкновеннымъ свѣтомъ, наполнявшимъ его келію. Прійдя немного въ себя, онъ увидѣлъ, что отъ стоящей въ келіи иконы исходили лучи на подобіе солнечныхъ и самое изображеніе было теперь гораздо въ благолѣпнѣйшемъ видѣ, чѣмъ прежде. Пораженный такимъ необыкновеннымъ явленіемъ, иконописецъ на дру-

гой же день поспѣшилъ въ Ржавецъ». Пріѣхавши въ Ржавецъ, иконописецъ разсказалъ объ этомъ священнику, а когда 24 мая 1716 г. икона была поставлена въ Ржавской церкви, то-опять таки по словамъ церковной лѣтописи—«изъ глазъ Пречистаго лика Богоматери начали течь слезы, которыя въ теченіе трехъ дней видимы были всѣми приходящими»... На четвертый день, когда священникъ отеръ ликъ покровцемъ, каплящіяся слезы далѣе видимы уже не были, только изъ праваго глаза длинная струя долго оставалась, и знакъ ея до сихъ поръ замѣтенъ на иконѣ».

Объ иконѣ сообщили митрополиту Іосафу Кроковскому, и онъ назначилъ комиссію для удостовѣренія въ чудодѣйственной силѣ ея изъ священниковъ м. Ични Константина Соколовскаго, Іоанна Тимоѳеева и с. Ноевки Василія Миловича, а также сотника Иченскаго Григорія Стороженка.

Послѣ этого была выстроена, существующая понынѣ, каменная церковь, въ которой и была поставлена икона 9 мая 1723 года.

Н. Стороженко.

Засѣданіе музыкально-этнографической комиссіи въ Москвѣ.

Въ публичномъ засѣданіи музыкально-этнографической комиссіи, состоящей при этнографическомъ отдѣлѣ общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, 13 мая сего года было сдѣлано два сообщенія о народной музыкѣ—Н. А. Янчукомъ и А. Л. Масловымъ. Доклады того и другого имѣютъ отношеніе къ народной музыкѣ малороссовъ, а потому содержаніе ихъ, полагаю, будетъ не безъинтересно и для читателей «Кіевской Старины».

Сообщеніе г. Маслова „О лирѣ и лирникахъ въ Орловской губерніи“ не отличалось особенной новизною и интересомъ. Дѣло въ томъ, что, будучи три года тому назадъ въ Ливенскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, онъ имѣлъ возможность въ одномъ изъ селъ этого уѣзда встрѣтить лирника, игрою котораго, а также и инструментомъ докладчикъ заинтересовался. Изъ разсказовъ лирника выяснилось, что лира получила въ этомъ уѣздѣ права гражданства, по крайней мѣрѣ, лѣтъ сорокъ тому назадъ: лирникомъ были указаны нѣкоторыя села и деревни, въ которыхъ обитаютъ его товарищи по ремеслу. Производствомъ, лиръ занимаются или сами лирники, или особые спеціалисты.

Самъ инструментъ по формѣ такой же, какъ и у малороссійскихъ лирниковъ, но по размѣрамъ значительно меньше; имѣетъ девять клавишей. Докладчикъ затѣмъ вошелъ въ подробное разсмотрѣніе исторіи происхожденія лиры и постепеннаго ея распространенія въ Западно-европейскихъ государствахъ и, наконецъ, въ Россіи. Появленіе лиры въ нашемъ отечествѣ докладчикъ относитъ къ началу XV столѣтія, куда она сперва черезъ Польшу попала въ Малороссію, а уже отсюда проникла и въ Великороссію. Существованіе лиры въ Великороссіи отмѣчается хотя бы тѣмъ обстоятельствомъ, что во время Новгородскаго погрома при Іоаннѣ IV мѣстнаго епископа возили по городу, увѣшаннаго всевозможными шутовскими и скоморошническими принадлежностями, и среди нихъ между прочимъ фигурировала и лира. Упоминаніе о лирѣ встрѣчается и в ъэпоху патріар. Никона, когда, по распоряженію послѣдняго, для поддержанія благочестія въ народѣ и духа религіозности отъ всѣхъ московскихъ обывателей отбирались всѣ музыкальные инструменты, въ томъ числѣ лиры, и на берегу р. Москвы были преданы торжественному аутодафе, во славу Всевышняго. Хотя лира, какъ музыкальн. инструментъ, и былъ знакомъ въ Великороссіи въ XVI и XVII столѣтіи, но дѣлать отсюда выводы о ея распространенности между населеніемъ великорусскимъ было-бы ошибочнымъ,—ея существованіе, по крайней мѣрѣ при дворѣ московскихъ царей, носило скоморошній оттѣнокъ. Далѣе, докладчикъ упомянулъ о нѣкоторыхъ чертахъ жизни лирниковъ Ливенскаго уѣзда, чертахъ, ничѣмъ не отличающихся отъ таковыхъ у малороссійскихъ лирниковъ: тѣ-же „поводатыри", свой языкъ, своеобразная школа выучки и т. п. Докладчикъ заставлялъ лирника нѣсколько разъ пропѣть свой репертуаръ, состоящій изъ пьесъ религіозно-просвѣтительнаго характера, такъ напримѣръ—„о Егоріи", «Алексіи Божьемъ человѣкѣ» и т. д. Въ заключеніи доклада нѣсколько отрывковъ пьесъ были пропѣты однимъ изъ любителей подъ акомпаниментъ піанино. (Напѣвы были записаны самимъ докладчикомъ). Самое чтеніе сопровождалось демонстраціей тѣневыхъ картинъ.

Докладъ г. Маслова представляетъ изъ себя обыкновенное сообщеніе безъ всякой претензіи на научность. Въ немъ только вскользь упомянуто о постепенномъ распространеніи лиры въ Европѣ и затѣмъ высказаны кое-какія, впрочемъ уже давно извѣстныя, соображенія о появленіи этого инструмента въ Великороссіи. Не можемъ не высказать нашего сожалѣнія, что докладчикъ не потрудился болѣе

подробно войти въ разсмотрѣніе этого имѣющаго на нашъ взглядъ весьма важное значеніе вопроса. Прежде всего интересно было-бы прослѣдить, какими путями лира проникала въ великорусскую среду, и получаетъ-ли она тамъ распространеніе, и въ какой степени? Принимая во вниманіе, что Ливенскій уѣздъ расположенъ въ восточной части Орловской губерніи и окруженъ уѣздами (Новосильскимъ, Землянскимъ, Малоархангельскимъ и Елецкимъ), въ которыхъ малорусскаго населенія нѣтъ, интересно было-бы выяснить всѣ особенности въ языкѣ духовно-нравственныхъ пьесъ, ихъ музыки, манеры передачи напѣвовъ, мимики, жестикуляціи и т. д., словомъ отмѣтить всѣ признаки, дающія возможность прослѣдить измѣненія, которымъ пьесы подвергаются въ случаѣ появленія ихъ изъ Малороссіи, или самобытныя ихъ черты, присущія великорусскимъ пьесамъ. Этимъ вопросамъ мы придаемъ существенное значеніе, и полная разработка ихъ была-бы цѣннымъ вкладомъ въ исторіи народной музыки, какъ Великороссовъ, такъ и Малороссовъ. Этими соображеніями мы, конечно, не ставимъ въ упрекъ докладчику неполноту его сообщенія, а высказываемъ единственно пожеланія, чтобы начинающій изслѣдователь народной музыки по возможности прослѣдилъ интересующій насъ вопросъ на мѣстѣ и собралъ весь относящійся къ нему матеріалъ, какъ въ видѣ пьесъ, языка, обстановки, такъ равно и общественнаго положенія орловскихъ лирниковъ.

Докладъ Н. А. Янчука «Изъ поѣздки въ Полтавскую губернію» съ исполненіемъ новыхъ музыкальныхъ записей, сдѣланныхъ самимъ докладчикомъ, былъ прослушанъ съ большимъ интересомъ. Сущность доклада г. Янчука заключалась въ слѣдующемъ.

Отправляясь на лѣтнюю экскурсію въ Полтавскую губернію, докладчикъ не имѣлъ въ виду разработать или изучать какую-либо сторону народной жизни, а просто замѣчалъ и къ свѣдѣнію принималъ все то, что по его мнѣнію заслуживало вниманія. Главное, что бросается въ глаза для наблюдателя мѣстной жизни, это рѣзкая перемѣна въ самомъ строѣ жизни—какъ внутреннемъ, такъ и внѣшнемъ малоросса. Отошли въ область преданія семейныя добродѣтели малороссовъ, главными признаками коихъ были чувства сыновней признательности и послушанія родителямъ; авторитетъ послѣднихъ, какъ главъ семействъ, окончательно палъ или падаетъ. Чувство солидарности, уваженія между членами одной и той же семьи исчезли безвозвратно: братъ въ братѣ, сынъ въ отцѣ и матери и т. п. видятъ

опасныхъ претендентовъ на свое «добро»; является затаенная и глухая борьба, которая не можетъ не отразиться деморализующимъ образомъ на самомъ укладѣ деревенской жизни. И подобная деморализація семейныхъ нравовъ совершается на нашихъ глазахъ, въ теченіе какихъ-нибудь 10—20 лѣтъ. Главныя причины этого прискорбнаго явленія коренятся въ неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, въ коихъ поставлена современная малорусская деревня, о которыхъ докладчикъ, разумѣется, не распространялся. Затѣмъ развитіе желѣзно-дорожныхъ путей сообщенія, отечественной промышленности, наконецъ, уложеніе самой жизни повели къ тому, что многіе отрасли домашняго производства и др. уступаютъ мѣсто предметамъ фабричныхъ издѣлій; прежнія мазанки—хаты изъ камыша или лозы, обмазанныя глиною, уступаютъ мѣсто каменнымъ домамъ или деревяннымъ на городской ладъ. Словомъ, подъ воздѣйствіемъ вышеуказанныхъ причинъ деревня все болѣе и болѣе проникается вліяніями города. Пройдутъ еще 10—20 лѣтъ, и по всей вѣроятности многія характерныя черты малоросса, какъ въ костюмѣ, такъ и въ воззрѣніяхъ, канутъ въ вѣчность. Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, что въ послѣднее время все настойчивѣе и настойчивѣе, ну хотя бы въ интересахъ науки, чувствуется потребность въ самыхъ тщательныхъ этнографическихъ изысканіяхъ. Не смотря на то, что Малороссія, какъ ни одна мѣстность въ Россіи, издавна привлекала къ себѣ вниманіе туристовъ, ученыхъ и т. п., все таки въ устахъ народа этого, а также и въ особенностяхъ его жизни есть еще многое, что представляло-бы изъ себя значительный интересъ. Отъ этнографической, выставки, устройство которой предполагается въ Харьковѣ въ 1902 г., нужно ожидать весьма важныхъ результатовъ, такъ какъ по полнотѣ коллекцій и серьезности требованій, представляемыхъ къ ней, она будетъ единственная въ своемъ родѣ. Вообще подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій, въ Малороссіи и до сихъ поръ нигдѣ не имѣется общественныхъ и казенныхъ музеевъ, тогда какъ во многихъ даже уѣздныхъ городахъ, положимъ, Сибири, Кавказа таковыя существуютъ. Съ особеннымъ вниманіемъ и любовью остановился докладчикъ на музеѣ и библіотекѣ г-жи Скаржинской въ Лубенскомъ уѣздѣ, при чемъ какъ зданіе музея, или лучше дома г. Скаржинской, такъ и внутренній видъ комнатъ съ витринами, а также нѣкоторыя витрины были демонстрированы тѣневыми картинами. По словамъ докладчика, въ библіот. г-жи Скаржинской ему попадались такія рѣдкія книги, кото-

рыхъ ему уже не приходилось встрѣчать даже въ Петербургской и Румянцевской москов. библіотекахъ. Для тѣхъ, кто желаетъ ознакомиться съ національными чертами малоросса, авторъ рекомендуетъ производить наблюденія во время ярмарокъ. Одной изъ такихъ ярмарокъ въ с. Крыныцяхъ, Лубенскаго уѣзда, авторъ посвятилъ довольно картинное описаніе. Эта ярмарка, продолжающаяся три дня, по мнѣнію докладчика, ведетъ свое начало съ языческихъ временъ, въ честь какого-то бога, принявшаго потомъ подъ воздѣйствіемъ христіанской религіи видъ святой Пятницы, которая понынѣ и является покровительницей этой ярмарки. Съ этой ярмаркою и св. Пятницей связывается много легендъ и разсказовъ. На этой ярмаркѣ докладчику пришлось услышать много пѣсенъ отъ «хлопцивъ и дивчатъ». У докладчика явилось было намѣреніе фонографировать ихъ, но фонографа съ резонаторами не оказалось. Вообще же, для болѣе яснаго представленія объ особенностяхъ народныхъ пѣсенъ, слѣдовало-бы всѣ пѣсни фонографировать или по крайней мѣрѣ ея лучшіе и типичнѣйшіе образцы. Докладчику удалось записать на ноты нѣсколько пѣсенъ; изъ нихъ только три историческихъ, затѣмъ нѣсколько любовныхъ, сатирическихъ и веселыхъ. Послѣ окончанія доклада—соло, дуэтомъ и хоромъ было исполнено нѣсколько пѣсенъ. Хоромъ дирижировалъ самъ докладчикъ. Фуроръ произвела пѣсенка «Ой у лузи, лузи червона калына, тожъ не калына—а молода дивчына», спѣтая безукоризненно двумя любительницами.

Доклады г. г. Маслова и Янчука, а также пѣніе любителей, принявшихъ на себя трудъ разъучить пьесы, были покрыты шумными рукоплесканіями и вызвали въ присутствующей публикѣ оживленные разговоры и горячую признательность комиссія за интересные доклады.

А. Г. Хат—ъ.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. *Недовѣріе, внушаемое молодыми людьми «изъ разныхъ мѣстъ» каневскимъ обывателямъ.* Въ мартѣ 1862 г. елисаветградскій 3-й гильдіи купецъ, Варѳоломей Шевченко, вошелъ въ переговоры съ каневскою думою относительно уступки ему, подъ проектированное художественное училище, земельнаго участка на горѣ *Черничей*, въ части города «*Мо-*

настырки», неподалеку отъ могилы художника Тараса Шевченка, памяти котораго предполагается посвятить заведеніе.

Но каневскіе граждане, едва о томъ прослышавъ, пришли въ ужасъ и возбудили предъ генералъ-губернаторомъ ходатайство, съ цѣлью воспротивиться осуществленію задуманной уступки цѣлыхъ 10 десятинъ, якобы крайне нужныхъ городу.

Каневцы при этомъ откровенно признаются, что ихъ не мало страшитъ возможность возникновенія подъ городомъ заведенія «гдѣбы было много молодыхъ людей изъ разныхъ мѣстъ», а потому просятъ главнаго начальника края для сказанной надобности указать какой-либо другой городъ...

Между тѣмъ, торги на облюбованныя Варѳоломеемъ Шевченкомъ четыре десятины, по несоблюденію какихъ-то формальностей, утверждены не были, и встревоженные обыватели свободно вздохнули.

—

Отношеніе становою пристава и земскаю судьи къ чудесному явленію. Въ послѣднихъ числахъ мая 1846 года, въ Уманскомъ у., въ с. Легезинѣ, крестьянка Евдокія Крайсвитня (40 л.) пошла по обыкновенію по-воду. Но едва наполнила ведро, какъ въ колодцѣ, на глубинѣ полуаршина, увидѣла икону съ изображеніемъ Божіей Матери, держащей на правой рукѣ Спасителя нашего Іисуса Христа, а въ лѣвой крестъ; *каковая икона была въ маломъ масштабѣ, въ золотомъ и серебряномъ украшеніи.*

Вѣсть о чудесномъ явленіи быстро разнеслась по селенію. Къ колодцу стали стекаться богомольцы и любопытные. Нѣкоторые видѣли икону, но уже на бо̀льшей глубинѣ, другіе ничего различить не могли, и въ народѣ пошелъ о нихъ говоръ, будто «недостойны того у Бога».

Когда доложили о случившемся помѣщику, онъ распорядился тщательно очистить колодезь, при чемъ иконы обрѣсти не удалось...

Тѣмъ не менѣе, народъ съ неослабнымъ усердіемъ шелъ на молитву, умывался водою изъ источника и возжигалъ вокругъ него свѣчи...

Становой приставъ счелъ, по долгу службу, необходимымъ распорядиться: *чтобы на будущее время никто не вѣрилъ о чудесномъ явленіи въ колодцѣ иконы и не приходилъ къ оному для приношенія молитвъ и другихъ жертвъ.*

При производствѣ затѣмъ дознанія исправникомъ, показаніями двадцати душъ удостовѣрено явленіе иконы, вслѣдствіе чего земскій судъ *распоряженіе пристава съ воспрещеніемъ вѣровать въ таковое явленіе* потому только, что иконы въ колодцѣ не обрѣтено—призналъ преждевременнымъ и неосновательнымъ, предписавъ Легезинской экономіи *не препятствовать желающимъ приносить молитвы Всевышнему при означенномъ колодцѣ*, такъ какъ это не противно религіи. *Съ жертвоприношеніемъ-же, объявить имъ, воздержаться, впредь до дальнѣйшаго распоряженія Духовной Консисторіи.*

—

Средство къ отклоненію тучъ. Въ 1847 году Заславскій земскій судъ рапортовалъ генералъ-губернатору:

...«Арендный владѣлецъ с. Великихъ Каленичъ, Оберманъ, какъ только собираются дождевыя тучи (во время уборки), приказываетъ своимъ крестьянамъ звонить во всѣ колокола, дабы *отклонить* тучу, чѣмъ причиняетъ убытокъ церкви, ибо, звоня продолжительно и сильно, повредилъ цѣлость большого колокола»...

На всѣ увѣщанія приходского священника Оберманъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія...

Начальнику губерніи предложено: въ случаѣ *если по слѣдствію поступки Обермана подтвердятся—немедленно сдѣлать распоряженіе къ законному воздержанію его отъ оныхъ*, а церковь удовлетворить за причиненные убытки.

—

Татаринъ-психіатръ на Волыни. Осенью 1846 г., до генералъ-губернатора дошелъ слухъ, будто въ м. Коростышевѣ проживаетъ татаринъ, излѣчивающій сумасшествіе.

Получивъ запросъ, исправникъ донесъ, что дворянинъ Брацлавскаго уѣзда, изъ татаръ, Александръ Иванов. Юзефовичъ, жительствуетъ въ м. Коростышевѣ около 9 лѣтъ, занимаясь лѣченіемъ однихъ только сумасшедшихъ, при чемъ—удачно вылѣчилъ сына и дочь Овручскаго помѣщика Матусѣвича (юный М. удачно послѣ того окончилъ Кіевскій университетъ); возвратилъ сознаніе капитану Добровольскому, а нынѣ пользуетъ Бердическаго у. помѣщичьяго сына Бояльскаго, но, зная, что за нимъ слѣдитъ полиція, ходитъ къ паціенту неохотно, тайкомъ, отъ чего страдаетъ самое лѣченіе.

Принимаясь за врачеваніе, какъ дознано изъ-подъ рукъ, «онъ вывариваетъ извѣстное ему количество карточекъ, писанныхъ татар-

скими красными буквами, которыхъ пріуготовленіемъ самъ занимается, и вываренную воду даетъ пить больному. Входятъ-ли въ составъ сей какіе медикаменты—неизвѣстно... Ибо въ томъ ни самъ, ни родственники пользуемыхъ имъ лицъ не сознаются. Сверхъ напитка, употребляемаго больнымъ, онъ, Юзефовичъ, что-то говоритъ по-татарски, а послѣ такого лѣченія сумасшедшій возвращается къ здоровому разсудку»...

—

„*Видимая простота*". Въ іюлѣ 1845 года, въ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви, крестьянка Домна Голобоярова, придя къ о. протоіерею, объявила, что во дворѣ ея произошло нѣчто необычайное.

Въ ея хатѣ, свыше 30 лѣтъ, имѣется писанная масляными красками икона, изображающая Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, Воскресеніе Господне и Григорія (?) Побѣдоносца; отъ давности лики на ней были потемнѣлые. Надумавшись ту икону омыть, она бережно это исполнила, а затѣмъ отерла воду полотенцемъ, послѣ чего, къ величайшему ея изумленію, лики показались ей обновившимися...

О. протоіерей и мѣстный приставъ, тщательно осмотрѣвъ предъявленную имъ икону, нашли таковую лишь аккуратно вытертою и, ради прекращенія «народной молвы и истеченія», образъ взятъ въ приходскую церковь.

Въ заключеніи сего рапорта приставъ объясняетъ: «настоящее объявленіе Голобояровой ни отъ какихъ либо другихъ видовъ произошло, какъ отъ *видимой простоты*».

Сообщилъ А. Мёрдеръ.

Въ Лебединскомъ „будынкѣ" Г. П. Галагана. Въ прошломъ маѣ мнѣ пришлось посѣтить Дегтяревскую земскую ткацкую мастерскую. По пути изъ Дегтярей на желѣзную дорогу, я завернулъ въ с. Лебединецъ съ цѣлью осмотрѣть, по возможности обстоятельно, «будынокъ», сооруженный незабвеннымъ Г. П. Галаганомъ. Благодаря любезности г. управляющаго имѣніемъ, я получилъ доступъ въ будынокъ и могъ составить приводимое ниже описаніе.

Экономическая усадьба отличается весьма просторнымъ дворомъ или скорѣе площадью, но бросается въ глаза лишь густою зеленью мощныхъ дубовъ и др. лиственныхъ деревьевъ. Всѣ экономическія

постройки, жилыя и хозяйственныя, крыты исключительно соломой. При въѣздѣ въ обыкновенныя деревянныя ворота, съ правой стороны расположены въ послѣдовательномъ порядкѣ: одноэтажныя деревянныя, выбѣленныя мѣломъ, экономическая контора, домъ для управляющаго и „будынокъ“. Далѣе, по другую сторону двора, расположены конюшни, а противъ будынка—два корпуса рубленныхъ коморъ (амбаровъ) съ открытыми галлерейками на колонкахъ.

«Будынокъ» имѣетъ видъ старосвѣтскаго панскаго обиталища. Параднымъ подъѣздомъ служитъ широкій «кганокъ» подъ соломенною крышею, на винтообразныхъ точеныхъ столбахъ съ рѣзьбою. Потолокъ зашитъ досками, безъ побѣлки ихъ. Входная дверь старосвѣтскаго типа, въ видѣ шестиугольника, окаймлена рѣзнымъ бордюромъ на некрашенныхъ дубовыхъ луткахъ. По бокамъ двери имѣются окна въ 8 стеколъ, съ своеобразно расположеннымъ переплетомъ между стеклами. По фасаду съ правой стороны такое-же двойное окно съ витою рѣзною колонкою; съ лѣвой стороны два такихъ же окна. Входная дверь снаружи имѣетъ вороненыя желѣзныя массивныя «шпуги» съ украшеніемъ въ видѣ завитковъ. Дверныя и оконныя лутки дубовыя съ рѣзнымъ бордюромъ, небѣленыя. Дверь открывается съ помощью обычной «клямки», а извнутри запирается надежнымъ желѣзнымъ «засовомъ.» Просторная передняя, выбѣленная мѣломъ, имѣетъ двѣ двери въ комнаты. Налѣво—широкая дугообразная дверь открываетъ входъ въ залъ; эта дверь отдѣлана широкимъ дубовымъ наличникомъ съ рѣзнымъ двойнымъ бордюромъ и розетками вверху. Наличники оконъ также съ бордюрами. Комната имѣетъ 10 шаговъ въ длину и 7 шаговъ въ ширину; стѣны изъ тщательно выстроганныхъ широкихъ липовыхъ брусьевъ, плотно сфугованныхъ. Потолокъ закрытъ сосновыми чистыми досками на пяти «слежахъ», поддерживаемыхъ массивнымъ липовымъ «сволокомъ». Посрединѣ сволока съ лицевой стороны художественно исполненное рѣзное изображеніе св. креста въ кругу. Съ лѣвой стороны рѣзная надпись громаднымъ шрифтомъ: «Благословеніемъ Бога Отца, изволеніемъ Сына и содѣйствіемъ Святаго Духа, аминь». На правой сторонѣ: Року Божого ₰ѰН создася сей домъ коштомъ пана Григорія Галагана, місяца Іуніа 1 числа». На оборотной сторонѣ сволока посрединѣ рѣзное звѣздообразное украшеніе въ кругу и надпись: «Домъ сей сооруженъ для оживленія преданія о жизни предковъ въ памяти потомковъ». Съ лѣвой стороны: «Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе труждающіеся и зиждущіе. Соломонъ

пѣснь PBS». Низъ сволока украшенъ широкимъ бордюромъ съ двумя розетками и въ кругѣ звѣздообразно расположенные дубовые листья. Въ переднемъ углу комнаты дубовый треугольникъ для образовъ съ рѣзьбой. Ниже божницы, въ простѣнкѣ между окнами большой фотографическій портретъ Г. П. Галагана, въ рѣзной дубовой рамкѣ съ щитомъ и его инициалами. Подъ портретомъ помѣщено слѣдующее стихотвореніе, безъ рамки:

«Въ будынкѣ Галагана».

Раскрыта здѣсь передо мной
Забытой повѣсти страница;
Тутъ вѣетъ давней стариной,
Встаютъ событія и лица.
Вотъ гдѣ святая простота
Съ изящнымъ вкусомъ сочеталась!
И эта дивная чета
Въ нашъ вѣкъ бездѣтною осталась!
Счастливъ, кто можетъ воскресить
Давно забытыя дѣянья,
И также просто станетъ жить,
Храня завѣтныя преданья».

Н. П. П—ръ.

18 Іюня 1893 г.

Заднюю стѣну занимаетъ массивная печь изъ кафель зеленаго цвѣта во всю вышину стѣны, съ карнизами. Кафли гладкія, съ рельефными украшеніями въ видѣ медальона посрединѣ. Подъ окнами два дубовыхъ дивана съ точеными ножками; спинка съ переплетами и балясинами; посрединѣ спинки рѣзныя звѣздообразныя украшенія. Подъ стѣнками разставлены 14 стульевъ съ высокими спинками съ рѣзными украшеніями. На диванахъ и стульяхъ сидѣнья изъ некрашенной кожи. Изъ зала прямо ходъ въ гостинную, въ которой простой столъ, широкій большой диванъ, два меньшихъ дивана и 10 креселъ—всѣ съ точеными ножками и рѣзными украшеніями, какъ и въ залѣ, съ кожаными сидѣньями изъ краснаго сафьяна. Печь здѣсь съ бѣлыми кафлями съ цвѣтной маіоликой въ видѣ герба, съ изображеніемъ въ щитѣ стрѣлка съ лукомъ и фантастическаго четвероногаго съ змѣевидною головой. Верхній этажъ печи съ зелеными

и желтыми полосками на кафляхъ. Изъ гостиной выходъ на крытую широкую веранду съ рѣзными колонками. Противъ веранды тянется далеко и теряется въ перспективѣ широкая липовая аллея. Налѣво ходъ, можно думать въ уборную, съ боковымъ крыльцомъ. Здѣсь печь изъ зеленыхъ кафель и прибитый къ стѣнѣ висячій большой умывальникъ изъ массивнаго бѣлаго металла съ оригинальными чеканными украшеніями. Отсюда входъ въ диванную, въ которой двѣ стѣны заняты турецкими диванами съ подушками полосатаго тика и 4 дубовыхъ точеныхъ стула съ красными сафьянными сидѣньями. Направо ходъ въ выбѣленный мѣломъ корридоръ, а затѣмъ въ комнату съ широкою кирпичною лежанкою. Слѣдующая комната—спальня, съ двумя деревянными некрашенными кроватями съ выгнутыми оконечностями, простымъ дубовымъ столомъ съ ящикомъ и 4 стульями съ красными сафьянными сидѣньями.

Изъ первой передней ходъ въ комнату, какъ мы сказали, покойнаго «Павлуся» Галагана, но здѣсь ничего не осталось, кромѣ двухъ стульевъ и диванчика. Столы въ залѣ и гостиной покрыты килимами, какъ мнѣ показалось, далеко не важными, и помнится—не тѣми, которыя я видѣлъ раньше. Изъ украшеній остались рушники на образахъ, но посуды и т. п. нѣтъ. Домъ снаружи обнесенъ кругомъ широкою «призьбою» изъ достокъ; поверхность призьбы и стѣны подъ окна смазаны желтою глиной. Крыша на домѣ уже порядочно обветшала, такъ-же, какъ и нѣкоторая мебель, такъ что не мѣшало бы произвести основательную ремонтировку.

Въ домѣ для управляющаго подъѣздъ и входная дверь въ такомъ-же родѣ, какъ и въ будынкѣ; окна-же и все остальное—современные. Въ одной комнатѣ изразцовая печь изъ бѣлыхъ кафель съ тою-же маіоликой, какъ и въ будынкѣ.

Обширный тѣнистый паркъ при будынкѣ носитъ слѣды запущенія: нѣкоторыя деревья на аллеяхъ имѣютъ уже сухія или усыхающія вершины и вѣтви; фруктовыя деревья значительно запущены и дичаютъ. Садовника не держатъ. Арендаторъ имѣнія по договору обязанъ содержать паркъ въ порядкѣ, но ограничивается тѣмъ (да едва-ли и можно больше требовать), что во время моего посѣщенія (14 мая) на дорожкахъ были убраны листья, убраны сваленныя бурей старыя яблони, и главныя дорожки прочищены—въ ожиданіи пріѣзда г. директора Коллегіи Галагана, которой принадлежитъ теперь имѣніе. Въ паркѣ нѣсколько липовыхъ и смѣшанныхъ съ кле-

номъ и т. п. аллей; изрѣдка встрѣчаются березы и одиночные дубы, между которыми есть одинъ гигантъ, широко раскинувшій свои могучія вѣтви. По окраинѣ парка тянется длинный рядъ громаднаго роста и объема вербъ съ прямыми стволами.

Пѣніе многочисленныхъ соловьевъ и другихъ птичекъ способствовало оживленію нѣсколько сумрачнаго парка. Бросается въ глаза совершенное отсутствіе около будынка цвѣточныхъ грядъ или клумбъ, хотя-бы изъ многолѣтнихъ растеній и цвѣтущихъ кустарниковъ, требующихъ сравнительно меньше ухода. [1]) Мнѣ говорили, что много лѣтъ управлявшій имѣніемъ г. Хуторненко, послѣ смерти Гр. П. Галагана, нѣсколько измѣнилъ видъ парка, засадивъ нѣкоторыя куртины фруктовыми деревьями, которыя теперь закрыли виды на окрестность. И дѣйствительно, теперь съ веранды взоръ теряется лишь въ густой зелени парка, но, напримѣръ, сельской церкви, расположенной на возвышенности за паркомъ, совсѣмъ не видно.

Нельзя не пожалѣть, что въ настоящемъ его видѣ будынокъ не въ достаточной мѣрѣ соотвѣтствуетъ намѣренію строителя—содѣйствовать «оживленію преданія о жизни предковъ въ памяти потомковъ»: отсутствіе домашней утвари оставляетъ въ нѣкоторомъ родѣ гнетущее впечатлѣніе. Я слышалъ, что семья покойнаго Г. П. Галагана иногда живала въ будынкѣ и что здѣсь было много старинной утвари.

Неизвѣстно, въ какомъ видѣ будынокъ перешелъ въ собственность Коллегіи, которая обладаетъ теперь чуть-ли не 12 тыс. десятинъ земли въ Полтавщинѣ и Черниговщинѣ, но позволительно думать, что наслѣдники такого огромнаго состоянія не могутъ считаться свободными отъ нравственной обязанности, изъ уваженія къ памяти и стремленіямъ щедраго наслѣдодателя, принять зависящія мѣры къ возможно полному возстановленію обстановки будынка, какъ историческаго памятника, назидательнаго во многихъ отношеніяхъ.

Я хорошо понимаю, что предложенное мною описаніе слишкомъ безцвѣтно, чтобы удовлетворить читателей, но я разсчитываю главнымъ образомъ на то, что прекрасно сохранившійся рѣзной орнаментъ будетъ сфотографированъ или воспроизведенъ спеціальнымъ художникомъ. По желанію г. директора Миргородскаго Гоголевскаго

---

[1]) Въ паркѣ, возлѣ дома для управляющаго, устроенъ сарай для скота и еще какія-то клѣтушки. Это совсѣмъ не кстати и портитъ впечатлѣніе.

училища я входилъ въ 1896 г. въ сношеніе съ г. директоромъ Коллегіи и получилъ благосклонное разрѣшеніе на снятіе рисовальщикомъ училища образцовъ кафель въ Погарщинѣ и въ Лебединцѣ, но почему-то командировка не состоялась. Конечно, отъ училища зависитъ воспользоваться образцами кафель, рѣзныхъ украшеній, килимовъ, рушниковъ и т. п., но не менѣе желательно водвореніе въ Лебединскомъ будынкѣ вывезенныхъ вещей или воспроизведеніе ихъ въ иллюстрированномъ видѣ къ настоящему посильному описанію.

В. Василенко.

Текущія извѣстія.

Премія Одесскаго общества исторіи и древностей. Еще въ 1889 году, по поводу 50-тилѣтія существованія Одесскаго общества исторіи и древностей объявленъ былъ конкурсъ на премію въ 500 руб. за лучшее сочиненіе по исторіи или археологіи Украины. Такъ-какъ на этотъ конкурсъ въ теченіе 10 лѣтъ не представлено ни одного сочиненія, то Одесское Общество разсчитываетъ выдать премію за лучшій трудъ по исторіи или археологіи, явившійся въ печати въ теченіе послѣднихъ 5 лѣтъ. (Kwartalnik Histor. № 2).

Русины, которыхъ судьба загнала за океанъ, въ Бразилію (въ Парану), въ количествѣ до 30000 чел., начинаютъ пробуждаться къ народной жизни. Такъ напр., въ колоніяхъ— Ріо-Кларо и Прундентополисъ, гдѣ найболѣе сгруппировано семействъ русиновъ, благодаря неусыпнымъ стараніямъ священника Роздольскаго, построены 4 церкви. Затѣмъ, въ главномъ городѣ Куритыбѣ, гдѣ имѣется также до 200 душъ русиновъ, преимущественно ремесленниковъ, основалось недавно русинское общество «Руска читальня въ Куритыби», цѣлью котораго служитъ сплотить всѣхъ здѣшнихъ русиновъ, насколько возможно, въ одну «громаду» для общей народной работы. Въ цѣляхъ сохраненія чистоты языка и вѣры, распространенія образованія, общество основало библіотеку, выписало нѣкоторыя русинскія газеты: «Дѣло» (Діло), «Свободу», но незначительныя средства не позволяютъ производить болѣе крупныя затраты на пріобрѣтеніе желательнаго количества книгъ и періодическихъ изданій. Поэтому «Русская чи-

тальня» въ Куритыбѣ обращается съ просьбой ко всѣмъ землякамъ и редакціямъ газетъ не отказать въ своемъ содѣйствіи. Всякія пожертвованія (книжки и проч.) просятъ присылать по адресу секретаря общества: Antonio Tymcio. Gurityba, Rua Comandatore Aranio en casa de St. Emanuel Miro Iunior.

—

Чествованіе украинцами памяти А. С. Пушкина. Извѣстный П. Драгановъ, неоднократно писавшій въ газетахъ о Пушкинѣ, между прочимъ о переводахъ произведеній послѣдняго на малорусскій языкъ (см. Кіев. Стар. 1899 г., май, стр.), помѣстилъ недавно въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 150) статью «Пушкинъ въ оцѣнкѣ соединенныхъ обществъ Гётевскаго, Шиллеровскаго и Шекспировскаго въ Веймарѣ и Комитета международнаго союза писателей и артистовъ въ Парижѣ», которая заканчивается слѣдующими словами:

«Кстати сказать, нашей юбилейной печатью прошлаго года было обойдено молчаніемъ слѣдующее телеграфное привѣтствіе изъ Львова, на имя Императорской Академіи Наукъ, отъ общества имени Шевченка: «Украінско-руске Наукове Товариство імени Шевченка у Львові засилае свій привіт на велике свято братнёго Великоруского народа в соти роковини уродин великого поета, батька нової великоруской літератури. Бажаемо братам Великорусам і всім народамъ Росиї успішного розвою в дорозі свободи, вказаній геніемъ Пушкина».

Подпись: За Товариство секретар Володимир Гнатюк.

—

Вопросъ о народныхъ примѣтахъ о погодѣ. Послѣдній метеорологическій съѣздъ въ Петербургѣ возбудилъ вопросъ о народныхъ примѣтахъ о погодѣ и передалъ его на обсужденіе въ Императорское русское географическое Общество. Въ настоящее время при названномъ Обществѣ уже образована для разработки возбужденнаго вопроса особая спеціальная коммиссія. Между прочимъ, коммисіей рѣшено собрать литературный матеріалъ по вопросу о народныхъ примѣтахъ о погодѣ, а также выработать особую программу для собиранія примѣтъ и напечатать ее въ «Метеорологическомъ Вѣстникѣ» и журналѣ общества «Живая Старина». (Полт. Губ. Вѣд.).

—

Участіе русиновъ въ юбилеѣ Ягеллонскаго университета (въ Краковѣ). 25 іюня происходило въ Краковѣ великое торжество—чество-

ваніе пятисотлѣтней годовщины открытія университета. Въ этомъ торжествѣ, среди огромнаго количества делегатовъ и депутацій отъ различныхъ государствъ, учрежденій и обществъ, приняли участіе также и галицкіе русскіе: Пр. Колесса—отъ Товарнства імени Шевченка и И. Шараневичъ—отъ лица Ставропигіальнаго института. Проф. Колесса въ своей рѣчи отмѣтилъ, что «праздникъ поляковъ является праздникомъ и для русиновъ, ибо и дѣти Украины помогали зажечь тотъ огромный очагъ просвѣщенія, который кидалъ искры на востокъ, создавая меньшіе очаги, какъ напр.—кіевск. Академія. Желаемъ, чтобы Ягеллонская Академія лелѣяла далѣе идеалы правды и науки и чтобы существовалъ всегда союзъ народа польскаго съ украинскимъ». Послѣднія слова проф. Колессы были покрыты бурными аплодисментами. (Gazeta Lwowska, № 131).

—

Юбилей Генр. Сенкевича. По случаю 25-лѣтія юбилея литерат. дѣятельности Генр. Сенкевича, выдающіеся представители славянскихъ народностей и редакціи славянскихъ періодическихъ изданій въ Австро-Венгріи рѣшили поднесть юбиляру художественно исполненный альбомъ съ соотвѣтствующими выраженіями признательности. Въ альбомѣ подписалось болѣе 80 редакцій найболѣе солидныхъ изданій политическихъ и научныхъ и множество лицъ съ высокимъ положеніемъ. Здѣсь можно видѣть, наравнѣ съ подписями Сербовъ, Хорватовъ, Словинцевъ и Словаковъ, подписи Чеховъ и Моравапъ, Русиновъ и Лужичанъ. (Gazeta Lwowska, № 130).

—

На какомъ языкѣ написана «Наталка-Полтавка» Котляревскаго? Въ г. Иваново-Вознесенскѣ (Влад. губ.) недавно прибыла труппа русско-малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Португалова. Для открытія сезона должна была итти оперета «Наталка-Полтавка». Афиши были расклеены; артисты поѣхали въ Шую къ исправнику за разрѣшеніемъ, но послѣдній не разрѣшилъ ставить именно эту пьесу, говоря, что онъ имѣетъ отъ губернатора циркуляръ, чтобы подобнаго рода пьесы не игрались въ его уѣздѣ. Въ данномъ случаѣ отказъ мотивируется тѣмъ, что «Наталка-Полтавка написана на *иностранномъ языкѣ*. Вслѣдствіе этого вмѣсто объявленной «Наталки-Полтавки» сыграна была другая пьеса, къ великому удивленію публики, пришедшей послушать «Наталку-Полтавку». (Сѣв. Край).

—

Третій съѣздъ польскихъ историковъ. 22, 23 и 24 іюня происходилъ въ Краковѣ съѣздъ польскихъ историковъ, третій по счету (1880 г.—въ Краковѣ, 1890 г.—во Львовѣ). Съѣздъ распадался на 4 секціи: 1) исторія политическая и исторія права; 2) исторія литературы, 3) археологія и исторія искусства; 4) этнографія. Всѣхъ докладовъ было представлено 63: 25—по 1-ой секціи, 15—по 2-ой, 13—по 3-ей и 11—по 4-ой. Число участниковъ съѣзда превышало 200. Большинство изъ нихъ были поляки изъ Галиціи; изъ Россіи прибыли: г. г. Яблоновскій, Корзонъ, Бодуэнъ де-Куртенэ и друг. Кромѣ хозяевъ—поляковъ, на съѣздѣ были и гости: чехи—профессора изъ Праги (Голль, Поливка, Бидло), равно какъ русскіе профессора Львовскаго университета г.г. Колесса и Студзинскій; первые явились во имя «исконной чешско-польской научной взаимности и внѣ всякихъ связей съ политикой», вторые—какъ «люди, не отрекшіеся отъ своего народа отъ Карпатъ до Дона и идущіе охотно рука объ руку тамъ, гдѣ видны научная работа и серьезный обмѣнъ мысли, гдѣ народы мѣряютъ крылья своего духа».

Изъ докладовъ, имѣющихъ отношеніе къ нашей области вѣдѣнія, можно отмѣтить—въ первой секціи: «Монографіи городовъ, какъ матеріалъ для познанія внутренней стороны края» (г. Витановскаго); «О необходимости изслѣдованія и собиранія муниципальныхъ, цеховыхъ, братскихъ и др. памятниковъ» (г. Чоловскаго); «Что сдѣлано до сихъ поръ въ Галиціи для сохраненія архивныхъ матеріаловъ городскихъ и сельскихъ гминъ и что еще остается сдѣлать» (г. Винаржа); «Историческій атласъ русскихъ земель Короны въ эпоху перехода изъ XVI въ XVII вѣкъ (г. Яблоновскаго). (Послѣдній докладъ имѣетъ выдающійся интересъ). «Главныя направленія въ развитіи науки сравнительной исторіи славянскихъ правъ и ея основныя задачи» (проф. Бальцера).

Во второй секціи: «Центральность (środkowość») польщизны среди славянскихъ языковъ (г. Карловича); «Русскій элементъ въ польской литературѣ» (проф. Третьяка). Въ этомъ послѣднемъ докладѣ авторъ внимательно прослѣживаетъ всѣ произведенія польской литературы, гдѣ говорится о Руси-Украйнѣ, начиная отъ латинскаго трактата краковскаго богослова Секрана (кон. XV в. и нач. XVI в.) и кончая произведеніями Сенкевича. «Взглядъ на современное состояніе изученія исторіи украинско-русской литературы» (г. Колессы) «Украинско-русская и польская ритмика» (г. Колессы).

«Въ третьей секціи «Инвентаризація памятниковъ искусства въ Польшѣ и особенно въ Галиціи» (г. Пагачевскаго), «Значеніе христіанской археологіи (К. С. Пильчевскаго); «Значеніе научныхъ работъ на полѣ доисторической археологіи въ Польшѣ и вопросъ объ ихъ улучшеніи» г. (Деметрикевича), «Доисторическія внѣшнія отношенія кіевской земли» (г. Хамеца), «Сарматы и Роксоланы въ римскомъ искусствѣ (г. Беньковскаго), «Древнѣйшіе памятники христіанства на Руси» (г. Болсуновскаго).

Въ четвертой секціи: «Объ изслѣдованіи границъ и числа населенія на границахъ польской этнографической территоріи (г. Царчевскаго), «О современномъ названіи «ляхъ» и значеніи его для этнографическихъ изученій (г. Млынска), «О народной орнаментикѣ и ея значеніи для искусства и промышленности края» (г-на Удзели).

Вечеръ въ память М. П. Драгоманова. 1 іюля во Львовѣ товариществомъ «Академічна Громада» при участіи хора «Львівский Боян» въ залѣ отеля «Belle vue» устроенъ былъ вечеръ въ память 5 годовщины смерти М. П. Драгоманова. Программа вечера была слѣдующая: 1) Вступительная рѣчь, 2) Вязанка народних писень,—хоръ, 3) Рефератъ, 4) «Килько думъ ту переснилось»,—соло, слова Ю. Шнайдер, муз. Д. Січинського, 5) Зъ писень болю, В. Пачовскаго,—декламація, 6) «Молитва козакивъ», слова Шевченка, и «На морю» слова Кониського,—хоръ. (Русланъ, ч. 145).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Юбилейный сборникъ въ честь Всеволода Өедоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями. *Подъ редакціей Н. А. Янчука. Москва, 1900, I—XXII, 1—368, in 4⁰. Цѣна 3 рубля.*

Лежащій передъ нами Юбилейный сборникъ въ честь 30-лѣтней научной дѣятельности В. Ө. Миллера, исполнившейся въ настоящемъ году, заключаетъ въ себѣ статьи (болѣе 40) учениковъ и почитателей юбиляра по тѣмъ именно отдѣламъ, которые составляютъ предметъ научныхъ интересовъ его,—преимущественно языкознаніе, востоковѣдѣніе, этнографія вообще и кавказская въ особенности, также древняя письменность, народная словесность и пр. Уже одинъ рядъ именъ стяжавшихъ литературно-научную извѣстность авторовъ, принявшихъ участіе въ изданіи „Юбилейнаго Сборника", свидѣтельствуетъ о солидности и важности настоящаго крупнаго изданія, представляющаго рѣдкое явленіе въ русской литературѣ. Не касаясь цѣнныхъ изслѣдованій, преимущественно по востоковѣдѣнію, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ задачамъ нашего журнала, мы остановимся лишь на тѣхъ, которыя входятъ въ сферу подлежащаго намъ изслѣдованія.

Прежде всего отмѣтимъ, что кромѣ чисто-научныхъ статей, въ видѣ исключенія, помѣщены въ сборникѣ также три стихотворенія, спеціально посвященныя юбиляру и помѣщенныя вслѣдъ за очеркомъ его научной дѣятельности (составл. В. М. Михайловскимъ). Въ числѣ этихъ стихотвореній находится «*Приходъ Кобзаря въ село*» (изъ неоконченной поэмы Шевченка: «Черныця Марьяна»), переве-

денное на русскій языкъ А. Грузинскимъ (переведено лишь вступленіе, оканчивая словами подлинника: «слухайте-жъ, дивчата, та кайтеся»...) Переводъ исполненъ довольно удачно, съ сохраненіемъ ритма оригинала, во многихъ мѣстахъ довольно близокъ къ послѣднему, хотя и не всегда.

Весьма солиднымъ изслѣдованіемъ является статья *А. А. Шахматова «Начальный Кіевскій лѣтописный сводъ и его источники»*.

Исходя изъ того, что сравнительное изученіе «Повѣсти временныхъ лѣтъ» и первой части (до 1074 года включительно) Новгородской 1-й лѣтописи, показываетъ, что въ основаніе лѣтописнаго свода начала XII вѣка, озаглавленнаго «Повѣсти временныхъ лѣтъ» положенъ другой, болѣе древній сводъ, сохранившійся до насъ въ *позднѣйшей* передѣлкѣ и съ *позднѣйшими* добавленіями въ Новгородской 1-й лѣтописи, авторъ, идя регрессивнымъ путемъ, къ отысканію первоисточниковъ, достигъ слѣдующихъ результатовъ. Составитель начальнаго свода для разсказовъ о греко-русскихъ событіяхъ пользовался не Повѣстью временныхъ лѣтъ, а какимъ-то первоисточникомъ, т. е. хроникой Амартола или въ отдѣльномъ ея видѣ, или въ составѣ какой-нибудь хронографической компиляціи; возможнѣе всего, что это былъ протографъ рукописи Троицко-Сергіевской лавры № 728. Такъ какъ составъ этого послѣдняго ничѣмъ не разнится отъ состава знаменитой рукописи собранія Ундольскаго, № 1, то необходимо предположить, что обѣ онѣ восходятъ къ одному общему оригиналу, которымъ является памятникъ, названный А. Н. Поповымъ 2-ю редакціею Еллинскаго лѣтописца. Этотъ-же послѣдній возникъ изъ появившейся въ X в. въ Болгаріи своеобразной энциклопедіи историческихъ знаній, извѣстной въ Россіи уже въ XI в. Такимъ образомъ, дойдя до первоосновы, авторъ устанавливаетъ слѣдующую хронологическую послѣдовательность для разсмотрѣнныхъ имъ памятниковъ и отдѣльныхъ ихъ редакцій: 1) Еллинскій лѣтописецъ возникъ въ Болгаріи. 2) Первая редакція начальнаго свода (не содержащая ни разсказовъ о несчастныхъ походахъ Руссовъ, ни также, въ древнѣйшей своей части—хронологическихъ датъ и не оставшаяся безъ вліянія греческихъ переводныхъ источниковъ. 3) Особая редакція Еллинскаго лѣтописца, пользовавшаяся первою редакціей Начальнаго свода (гдѣ главное мѣсто отводилось библейскимъ книгамъ—протографъ Ундольскаго № 1 и Троицкаго № 728); составитель этой редакціи прибавилъ въ концѣ своего труда два разсказа о русскихъ событіяхъ,

извлекши ихъ изъ первой редакціи начальнаго свода. 4) Вторая редакціи начальнаго свода, дошедшая до насъ въ позднѣйшемъ соединеніи съ Новгородской лѣтописью, пользовавшаяся указанною редакціею Еллинскаго лѣтописца; сюда внесены изъ Еллинскаго лѣтописца разсказы о столпотвореніи Вавилонскомъ и о несчастныхъ походахъ Руссовъ; въ связи съ этимъ установлена хронологія древнѣйшихъ русскихъ событій, передававшихся въ первой редакціи начальнаго свода внѣ хронологической связи; наконецъ, 5) Первая редакція Повѣсти временныхъ лѣтъ, составленная въ 1116 году игуменомъ Сильвестромъ на основаніи второй редакціи Начальнаго свода.

Этимъ изслѣдованіемъ почтеннаго автора уясняется многое въ сложномъ составѣ Кіевскаго Лѣтописнаго свода, надъ чѣмъ уже давно безуспѣшно останавливался не одинъ пытливый умъ изслѣдователя.

«Къ вопросу о бытѣ геродотовскихъ будиновъ» *Ѳ. Мищенка.* Въ этой небольшой статейкѣ уважаемый авторъ, прекрасный знатокъ древне-классическаго міра, даетъ разъясненіе бытовыхъ особенностей будиновъ, засвидѣтельствованныхъ Геродотомъ.

«Апокрифы, собранные въ Кубанской области» *А. М. Дикарева.*

Въ статьѣ покойнаго М. А. Дикарева, составляющей предисловіе къ собраннымъ имъ апокрифамъ и написанной имъ незадолго до смерти, путемъ сравнительной филологіи доказывается, что большая часть разнообразныхъ религіозныхъ взглядовъ, излагаемыхъ въ апокрифахъ, являлось уже въ языческомъ мірѣ въ связи съ понятіемъ о дняхъ счастливыхъ и несчастливыхъ; самый терминъ «Богородица» существовалъ ранѣе введенія христіанства въ Европѣ, и на апокрифическую Богородицу перенесенъ культъ хтоническихъ божествъ; затѣмъ «небесная эпистолія» («Іерусалимскій листъ», или «свитокъ»), гдѣ излагаются обстоятельства, при которыхъ она найдена, и указаны лица, черезъ руки которыхъ она проходила,—также въ подробностяхъ можетъ быть объяснена непосредственнымъ вліяніемъ міра языческаго.

Вообще-же разсмотрѣніе данныхъ апокрифовъ въ свѣтѣ филологической критики приводитъ автора къ тому заключенію, что апокрифы стоятъ въ непосредственной связи съ языческой миѳологіей и языческимъ культомъ, и такъ какъ хранительницы этого культа были Эриніи, каравшія людей нечестивыхъ, неисполнявшихъ священныхъ уставовъ, то и самые апокрифы представлены какъ-бы исходящими изъ рукъ хтоническихъ богинь, властвовавшихъ надъ Эриніями.

Такое перенесеніе языческаго культа на христіанскую почву лучше всего наблюдать въ малорусскихъ щедривкахъ, несомнѣнно заимствованныхъ съ греческаго и представляющихъ отраженіе миѳа о «хожденіи Богородицы по мукамъ». Наконецъ, если-бы мы стали разсматривать ветхозавѣтныя событія, пріуроченныя къ пятницамъ по «Сказанію о двѣнадцати пятницахъ», то увидѣли-бы, что эти событія имѣютъ дополненія не изъ библейскихъ сказаній, а изъ греко-языческой миѳологіи, при чемъ въ весьма широкихъ размѣрахъ примѣнена игра словъ.

Какимъ образомъ апокрифы перешли на русскую почву? На это авторъ даетъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что авторы апокрифовъ, еретики, производя интерполяцію языческихъ миѳовъ и языческаго культа, старались эксплоатировать ихъ въ свою пользу. Греческое-же духовенство, очистивъ апокрифы отъ еретическихъ ученій, признало описываемыя въ апокрифахъ чудеса и событія совершившимися и подлежащими распространенію въ средѣ христіанъ. Въ такомъ очищенномъ видѣ многіе апокрифы перешли и на русскую почву.

Въ заключеніе авторъ приводитъ 6 апокрифовъ: 1. Сонъ Богородицы. 2. Іерусалимскій листъ. 3. Іерусалимскій свитокъ. 4. Страсти Господни. 5. Великія пятницы. 6. Бракская небесная эпистолія.

Мы могли-бы высказать нѣкоторое сомнѣніе въ безусловномъ объясненіи изъ міра языческаго каждой подробности въ содержаніи апокрифовъ, не оставляющемъ мѣста для непосредственнаго вліянія на послѣднія христіанскаго міра; но, какъ заявляетъ и редакція Сборника,—«статья покойнаго автора подлежала переработкѣ, но за смертью автора осталась неисправленною, исключить-же ее изъ состава Сборника редакція не рѣшилась изъ уваженія къ памяти покойнаго, который однимъ изъ первыхъ съ горячимъ сочувствіемъ отнесся къ мысли настоящаго изданія».

За статьей М. А. Дикарева слѣдуютъ, въ качествѣ прибавленія, «*Апокрифы, записанные въ Волынской губерніи*» (А. Н. Малинкой) (Изъ рукописи, находящейся у мѣщанки Рощукъ въ г. Острогѣ, Волынской губ.) Этихъ апокрифовъ всего лишь три: 1. Сонъ Пресвятыя Богородицы и Приснодѣвы Маріи. 2. Свитокъ Іерусалимскій. 3. 12 пятницъ.

«*Богородица въ народной поэзіи*» А. Кирпичникова (отрывки и замѣтки).

Авторъ приводитъ замѣтки, собранныя имъ отовсюду при работѣ о Богоматери въ средневѣковомъ искусствѣ и литературѣ: о слѣдѣ

ноги мула Богоматери, о ревности Іосифа, объ особыхъ правахъ, которыми пользуются женщины въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи въ богородичные праздники, и т. п. Онъ указываетъ, что тотъ особый почетъ, который въ Рождественскую ночь воздается скоту (между прочимъ и у насъ),—легко объясняется изъ иконографіи Рождества Христова; иконографическіе оселъ и быкъ въ драматическомъ изображеніи Р. Христова естественно влекутъ за собою всѣхъ другихъ млекопитающихъ и птицъ, которыя, подъ предводительствомъ льва и орла, являются на поклоненіе новорожденному; буквальное пониманіе Евангелія и церковныхъ пѣснопѣній характерно выступаетъ въ редакціи вертепа въ Купянскомъ уѣздѣ, гдѣ послѣ волхвовъ къ Ироду является *бабка Рахиль* съ ребенкомъ на рукахъ и проситъ пощадить ея дѣтей.

«Древне-русское жилище по былинамъ» (къ матеріаламъ для изслѣдованія бытовой стороны русскаго эпоса) С. Шамбинаго.

Цѣлью автора было—представить, на основаніи былинныхъ описаній, картину древне-русскаго жилища и попутно сравнить ее съ тѣмъ матеріаломъ, который собранъ г. Забѣлинымъ для исторіи царскаго дворца XVII-го вѣка (Бытъ русскихъ царей и царицъ, 2 тома). Онъ предупреждаетъ, что его очеркъ — не изслѣдованіе, а лишь опытъ сводки матеріаловъ былиннаго и историческаго. Его очеркъ имѣетъ своимъ содержаніемъ описаніе наружной стороны двора со всѣми строеніями, самого жилища внутри: расположеніе комнатъ, меблировка, украшенія. Сопоставленіе былиннаго описанія съ историческими свидѣтельствами привело автора къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) Былинное изображеніе жилища вѣрно исторической дѣйствительности. 2) Это жилище--богатый домъ XVI—XVII вѣка. 3) Окончательная редакція описанія принадлежитъ скоморохамъ XVI—XVII вв. 4) Форма и содержаніе былинъ, какъ мы имѣемъ ихъ въ настоящее время, выработались въ XVI—XVII вв. 5) Въ настоящее время эпосъ, не имѣя «питательнаго источника», старѣетъ и замираетъ.

«Одинъ русскій анекдотъ и его западный источникъ» Ю. Поливки.

Авторъ говоритъ объ извѣстномъ анекдотѣ о томъ, какъ, забредшій къ мужику на ночь солдатъ предложилъ ему отдагать три загадки: 1) что такое *чистота*? (кошка), 2)—*благодать*? (вода), 3)—*красота*? (огонь). Указавъ великорусскіе, бѣлорусскіе, малорусскіе и польскіе варіанты этого анекдота и оттѣнивъ оригинальный элементъ

въ каждомъ, авторъ высказываетъ предположеніе, что русскіе пересказы—варіанты, можетъ быть, одного общаго оригинала, въ довольно самостоятельной передѣлкѣ изъ юго-западнаго анекдота, знакомаго по крайней мѣрѣ отъ половины XVI вѣка въ Западной Европѣ и до сихъ поръ любимаго въ южныхъ краяхъ, особенно въ Италіи, *гдѣ, можетъ быть, была его родина.* На востокъ, въ Польшу и Россію, онъ проникъ, несомнѣнно, книжнымъ путемъ, благодаря посредничеству помѣщичьихъ дворовъ и западно-русскихъ бурсъ. Польскій пересказъ гораздо ближе къ подлинному разсказу, который записали два иностранные разсказчика XVI вѣка. Затѣмъ авторъ приводитъ двѣ наиболѣе старыя записи этого анекдота: 1) въ сборникѣ французскаго писателя Bonaventura Des Périers (+1544): Nouvelles récréations et joyeux devis (№ 22) и 2) въ книгѣ италіанскаго разсказчика Страпаролы «Piacevoli notti», № 4 (ночь IX), изд. 1577 г.

Вообще-же выводъ автора тотъ, что разница между русскими пересказами и западно-европейскими настолько велика, что врядъ-ли можно предполагать между ними какое нибудь отношеніе Анекдотъ не могъ проникнуть въ Россію устною передачей отъ одного народа къ другому, но только на основаніи книжнаго разсказа могла гдѣ-нибудь въ Западной Россіи возникнуть передѣлка его, изъ которой произошли разсказы, до сего дня распространенные въ средѣ простого народа.

«Повѣсть о томъ, какъ чортъ разсорилъ супруговъ». (Литературная родня разсказа А. П. Стороженка: «Се така баба, що чортъ їй на маховыхъ вылахъ чоботы подававъ») Н. Ф. Сумцова.

Авторъ приводитъ сходные варіанты: сказка, записанная въ Смоленской губ., литовская сказка, польскій пересказъ, чешскій, испанскій разсказъ дона Жуана Мануэля Conde Lucanor, № 42, первой половины XIV в. Очевидно, что повѣсть о злой бабѣ и чортѣ—захожая. Проникла она къ русскимъ изъ западной Европы; но какъ, какими путями, когда?—*трудно отвѣтить опредѣленно*,—говоритъ авторъ. Это не совсѣмъ правильно: различные варіанты этой повѣсти изъ различныхъ эпохъ извѣстны въ европейской литературѣ указываютъ болѣе или менѣе на родство нашей повѣсти съ прототипами. (см. замѣчаніе г. Перетца въ «Сѣв. Курьерѣ», въ одномъ изъ апрѣльскихъ №№ наст. года).

«Очеркъ сказокъ, обращающихся среди одесскаго простонародія» Ал. Маркевича.

Авторъ записалъ около 50 сказокъ со словъ дѣтей, обучавшихся въ одесскихъ народныхъ училищахъ; огромное большинство этихъ дѣтей принадлежитъ къ одесскому простонародію, и сказки, сообщенныя ими, стали извѣстны имъ путемъ устной передачи отъ родителей или родственниковъ; хотя, какъ усматривается изъ самаго сюжета сказокъ, нѣкоторыя уже имѣютъ книжный источникъ, эти сказки, нарочно записанныя безъ всякой системы, почти всѣ сходны съ тѣми, которыя обращаются вообще въ Малороссіи, или даже по всей Россіи. Въ данной статьѣ авторъ ограничился лишь указаніемъ, какія *лица* дѣйствуютъ въ сказкахъ, группируя ихъ приблизительно по системѣ, указанной О. Контомъ. Нѣсколько наиболѣе оригинальныхъ сюжетовъ авторъ передаетъ и указываетъ частности, заслуживающія, по его мнѣнію, быть отмѣченными.

«*Вовкулаки*» (Матеріалы для характеристики міровоззрѣнія крестьянъ-малоруссовъ) П. Иванова.

По мнѣнію автора, ближайшимъ источникомъ вѣрованія въ оборотничество, въ превращенія, слѣдуетъ считать не религіозно-миѳическія представленія славянъ сѣдой старины, а апокрифическія сказанія и нравоучительныя повѣствованія христіанской эпохи. Онъ собралъ матеріалъ объ оборотняхъ въ Малороссіи—вовкулакахъ. Эти послѣдніе бываютъ: «родыми» и «зроблени»; родымый обращаетъ другихъ людей въ вовкулаковъ большею частью на свадьбахъ; этой способностію обладаютъ также «москали», а нерѣдко и знахарки-чаровницы, большею частью старыя бабы. Чтобы сдѣлаться вовкулакой, нужно перекинуться черезъ «сокиру»; кромѣ того, колдуны знаютъ такія слова, что только взглянетъ онъ на человѣка да скажетъ это слово,—человѣкъ тотъ сейчасъ-же сдѣлается волкомъ, и т. п. Авторъ собралъ очень интересный матеріалъ для даннаго вѣрованія Можно лишь поставить ему въ упрекъ то, что, сообщая матеріалъ, онъ указываетъ лишь слободу и фамилію разсказчика,—а этого далеко недостаточно для опредѣленія мѣста записи матеріала.

„*О малорусскихъ отглагольныхъ существительныхъ на* **єннє** и **ïннє**“. А. Крымскаго.

По важнѣйшему закону малорусской фонетики прарусскіе звуки **є** и **о**, въ положеніи передъ павшими глухими гласными (**ъ** и **ь**), удлинились и, прошедши черезъ стадію дифтонговъ, дали современный малорусскій і (прарусское **камєньє** обрат. у малоруссовъ сперва въ камêнье, затѣмъ, вѣроятно сейчасъ-**же**,

въ каміенье, и наконецъ,—повидимому, не позже 14-го вѣка въ современное камінне). Но иногда правило малорусскаго языка о замѣстительной долготѣ, обыкновенно въ силу какихъ-нибудь нефонетическихъ причинъ, имѣло свои исключенія. Однимъ изъ такихъ исключеній являются современные малорусскіе рефлексы формъ отглагольныхъ сущ. ср. р. на **енье**: эти формы съ окончаніемъ **енье** не дали въ малор. яз. окончанія **інне**, а дали **енне**, напр. ходити: прамалорусс. (и, вѣроятно, общая прарусская) форма—**хо̑женье**, однако теперь говорится не **хо̑жінне**, но **хо̑женне**; а параллельно съ **хо̑женне** живетъ особая, своеобразная форма на **інне**: **ходінне**. Для уясненія особенностей такихъ отглагольныхъ существительныхъ авторъ приводитъ огромное количество глаголовъ и образуетъ отъ каждаго, если это допустимо, оба отглагольныя существительныя. Разбирая рядъ приведенныхъ имъ примѣровъ, равно припоминая себѣ множество другихъ, онъ устанавливаетъ правило: а) если при образованіи отглагольнаго существительнаго согласный звукъ глагольнаго корня испытаетъ переходное смягченіе, отсутствующее въ неопредѣленномъ наклоненіи, то существительное оканчивается только на **енне**: **хо̑женне** (отъ ход—ити), **ловлення** (отъ лов—ити), **ношенне** (отъ нос—ити) и т. д.

б) и в) Если-же согласный звукъ глагольнаго корня не подвергнется переходному смягченію, отсутствующему и въ неопредѣленномъ наклоненіи, то—или допускаются оба окончанія **енне** и **інне** (везенне и везінне), или употребляется исключительно **інне** (говорится только **ходінне**, **ловінне** и вовсе не существуетъ **ходенне ловенне**.

Но такъ какъ образованіе отглагольныхъ существительныхъ на **нье** однородно съ образованіемъ страдат. причастій на (**енъ**, **енний**), гдѣ звукъ **е**, не предшествуя слогу съ павшей глухою, долженъ сохраниться въ чистотѣ и не измѣниться въ і, то, принимая это въ соображеніе, можно формулировать правило объ образованіи отглагольныхъ существительныхъ на *енне* и *інне* такъ:

1) тѣ формы отглагольн. существит., которыя ясно напоминаютъ о своей близости къ страдат. причастіямъ на *ений*, сохранили свой звукъ *е* и оканчиваются на *енне*. При переходномъ смягченіи эта близость *вполнѣ* чувствительна (напр. моло-

ченнй и молоченне при корнѣ „молот“) и потому имена существительныя типа молоченне, хоженне всегда оканчиваются на *енне*. При отсутствіи переходнаго смягченія эта близость не такъ очевидна (вед—ений и вед—енне при корнѣ „вед“), и потому при *веденне* можетъ быть и *ведінне*, при *говоренне—говорінне* и т. д.

2) тѣ формы отглаг. сущ. на нье, связь которыхъ съ прич. страд. на *ений* не очевидна, имѣютъ *інне*. Въ вышеприведенныхъ отглаг. сущ. отъ „вести“ и „говорити“ эта связь хоть и замѣчается, но она *мало очевидна*,—оттого параллельно существ. *двѣ* формы. Если-же форма отглагольн. существ. не содержитъ въ себѣ *никакихъ* указаній на связь съ прич. на *ений*, то она никогда не оканчивается на *енне*; потому, напр., отглагольныя существит. отъ „ходити“ и „молотити“, образованныя безъ переходнаго смягченія (котор. въ страд. прич. вѣдь есть), звучатъ всегда *ходінне*, *молотінне* и никогда не *ходенне*, *молотенне*.

Въ слѣдующей затѣмъ главѣ авторъ разрѣшаетъ вопросъ: каково происхожденіе звука *і* въ ходінне, молотінне, робінне и друг.?

По его мнѣнію это *і* въ малорусскихъ формахъ восходитъ не къ *е*, а къ основному *ѣ* и этотъ послѣдній происходитъ отъ глаголовъ 4-го класса (на—*ѣти*) или прямо, или путемъ аналогіи, путемъ взаимодѣйствія, существующаго между глаголами классовъ 4-го (на—*ѣти*) и 3-го (на—*ити*).

Статья представляетъ большой интересъ не только въ научномъ отношеніи, но и въ смыслѣ примѣненія ея выводовъ къ нуждамъ малорусскаго языка, испытывающаго насущную потребность въ подобнаго рода филологическихъ изслѣдованіяхъ.

«Нѣсколько мелочей». 1. Перецъ. 2. Вьсь, вьсе, вьса. 3. Человѣкъ. 4. Акцентныя крохи. Романа Брандта.

Не останавливаясь на содержаніи самой статьи, имѣющей слишкомъ общій характеръ, не можемъ не выразить удивленія по поводу терминологіи, употребляемой авторомъ: напр., «теперешній *называникъ* перецъ есть *новотворка* къ *косвенникамъ*»; падежи именуются: назывный, давальный, творный; множный назывникъ, родникъ, давальникъ; двоины, назывно-винильный и т. п.

Нѣсколько догадокъ и соображеній по поводу «Слова о полку Игоревѣ» Вл. Каллаша.

Авторъ прежде всего указываетъ рядъ чертъ, сближающихъ «Слово о полку Игоревѣ» съ «Пѣснью о Роландѣ», какъ по обычной цѣли, поставленной ими—воспѣть національное горе, такъ и по формѣ: въ томъ и другомъ можно найти богатые слѣды народно-поэтической техники; въ томъ и другомъ замѣтно смѣшеніе такихъ элементовъ, какъ: вѣра въ знаменія, въ таинственную и вѣщую силу предзнаменованій, близость человѣка къ природѣ.

Относительно личности автора «Слова» можно несомнѣнно утверждать, что онъ не принадлежалъ къ духовенству, но нѣтъ основаній причислять его и къ князьямъ; онъ могъ быть только дружинникомъ, но не Игоря, а скорѣй всего Святослава Кіевскаго; онъ не былъ участникомъ несчастнаго похода. Что до обвиненія его въ проникновеніи языческимъ настроеніемъ, въ «двоевѣріи»,—оно не заслуживаетъ вѣроятія. Авторъ «Слова» генетически связанъ съ народной поэзіей, и въ своемъ отношеніи къ природѣ идетъ по проторенной тропѣ, которой шли, идутъ и будутъ итти поэты всѣхъ временъ и народовъ. Съ какой цѣлью написано «Слово»?

«Слово» дѣлится на двѣ неравныя части разнаго происхожденія и характера: одна оканчивается плачемъ Ярославны, другая—поѣздкой Игоря въ Кіевъ и описаніемъ общей радости. Послѣднія строчки—позднѣйшая, очень неумѣстная и неумѣлая приписка. Вся первая часть «Слова»—призывъ на помощь Игорю; но такъ какъ Святославъ одинъ управиться не могъ, а между тѣмъ ему очень хотѣлось помочь Игорю, другіе-же князья туго шли на его приглашенія, то нашъ поэтъ и задумалъ прійти на помощь своему «князю-господину» и русской землѣ горячимъ поэтическимъ призывомъ. Вторая часть была написана позднѣе, когда распространились слухи о бѣгствѣ Игоря. Обѣ части возникли, одна за другой, съ небольшимъ промежуткомъ, въ концѣ 1185 и началѣ 1186 г.

«Къ исторіи и характеристикѣ женскихъ типовъ въ героическомъ эпосѣ» Н. Янчука.

Подмѣтавъ въ поэтическомъ народномъ творчествѣ рядъ женскихъ типовъ, созданныхъ народной фантазіей,—женщинъ-воительницъ и женщинъ-героинь въ смыслѣ ихъ необычайной смѣлости, соединенной нерѣдко съ хитростью,—авторъ имѣетъ въ виду прибавить нѣсколько новыхъ данныхъ къ этому вопросу и обратить вниманіе

на нѣкоторыя менѣе изслѣдованныя стороны его. Онъ указываетъ на то, что подъ установившимся названіемъ дѣвушки-воина смѣшивается часто двѣ разновидности типа воинственной женщины: настоящая дѣвица - воинъ, замѣняющая на войнѣ старика отца (въ пѣсняхъ романскихъ, южно слав. и др.), и затѣмъ—когда она выручаетъ не отца, а безпомощную мать, которая получаетъ приказъ поставить отъ своего двора на войну солдата, между тѣмъ у нея нѣтъ сыновей, а одна только дочь, которая и отправляется на войну (главнымъ образомъ въ малорусскихъ пѣсняхъ). Этотъ простой и, повидимому, болѣе первичный типъ пѣсни иногда осложняется: вмѣсто одной дочери является три, изъ которыхъ первыя двѣ отказываются итти на войну, и только меньшая принимаетъ это рѣшеніе.

Авторъ отмѣчаетъ варіанты этого сюжета, указанные Антоновичемъ и Драгомановымъ (по поводу пѣсни о Марусѣ Богуславкѣ), Созоновичемъ («Пѣсни о дѣвушкѣ воинѣ) и дополненія акад. А. Веселовскаго (Жур. М. Н. Пр. 1890, мартъ), и приводитъ два варіанта волынскихъ пѣсенъ изъ Львовскаго журнала «Жите і Слово» (1894, кн. II, стр. 280 и 283—4) и варіантъ г. Гринченка въ брошюрѣ «Смилыва дивчына» (Черниговъ, 1899).

Съ своей стороны мы могли-бы указать варіанты въ Записк. Имп. Геогр. Общ., 1873, V, № 43, 258; И. Романовъ, Бѣлор. Сб. Витебскъ, 1886, I и II, № 60 и наиболѣе интересные варіанты, недавно помѣщенные г. В. Милорадовичемъ въ нашемъ журналѣ (1900, май, отд. II, стр. 82—86).

Переходя далѣе, ко второму (собственно первому) типу женщинъ-воительницъ, авторъ подмѣчаетъ здѣсь также двѣ разновидности: женщина-воительница первой категоріи, переодѣтая мущиной, отличается своей отвагой, между тѣмъ какъ второй—хитростью: переодѣтая въ костюмъ мущины, пріобрѣтаетъ симпатіи врага и затѣмъ, согласно обѣщанію, выбираетъ любого изъ плѣнниковъ,—конечно того, за кѣмъ пришла. Этотъ типъ извѣстенъ съ давнихъ поръ, еще съ конца XV в. въ Западной Европѣ, у насъ-же въ Малороссіи, сохранился въ думѣ о «княгинѣ—кобзарѣ». Остановившись на послѣднемъ, авторъ приводитъ цѣликомъ эту думу изъ брошюры «Колоски» (Одесса, 1891), отмѣчаетъ балладу на эту-же тему г. Кононенка («Княгиня—Кобзарь». Кіевъ, 1893), «Думу» про княгиню—кобзаря. В. Чайченка (Харьковъ 1893 и галицкій «Дзвінок», 1891). Автору, очевидно, не извѣстенъ интересный варіантъ въ «Літерат.

Науков. Вістникъ» за 1899 г. май, стр. 117—140—«Поэма про білу сорочку» Івана Франка.

Въ концѣ своей статьи авторъ касается вопроса о тѣхъ условіяхъ, какія способствовали если не созданію типа женщины-богатырши, то во всякомъ случаѣ удержанію въ народной памяти такого образа,—подъ ними онъ разумѣетъ историческо-бытовыя. Въ частности, по отношенію къ Малороссіи, не трудно найти въ народѣ отголоски преданій о воинственныхъ женщинахъ прежнихъ временъ, такъ напр., въ Смилянщинѣ (Черк. у.) о женщинахъ-правительницахъ, своего рода амазонкахъ, много ходитъ старыхъ сказокъ, хотя всѣ онѣ коротки и однообразны. Даже самое названіе мѣстечка «Смила» произошло будто-бы отъ имени защитницы бывшей здѣсь польской крѣпости, княжны Любомирской, которая сама вела защиту крѣпости противъ Зализняка, такъ что послѣдній, безуспѣшно осаждавшій продолжительное время, наконецъ отступилъ, похваливъ Любомирскую: «та и *смила*-жъ баба!»

Въ заключеніе авторъ напечаталъ житіе «святыя Марины и отца ея Евгенія, списанъ отъ Метафраста» по неизданной еще рукописи XVII вѣка, изъ собранія гр. Румянцева, на западно-русскомъ нарѣчіи. Житіе это, очевидно, переведено съ польскаго и вѣроятнѣе всего Петра Скарги. Здѣсь также есть эпическій мотивъ переодѣванія мужчиной.

Статья г. Янчука представляетъ немалый интересъ для этнографа.

Таковъ краткій пересказъ цѣлой серіи цѣнныхъ статей, имѣющихъ извѣстное отношеніе къ прошлому и настоящему нашего юга, освѣщающихъ многія темныя стороны въ разработкѣ духовнаго богатства нашего народа. Юбилейный Сборникъ сдѣлается безъ сомнѣнія необходимой книгой для каждаго, дорожащаго судьбами своего народа, будучи въ то-же время достойнымъ привѣтомъ въ день юбилея почтенному учителю.

В. Д.

Иванъ Левицькый. *Повисти й оповидання. Т. II, Старосвитськи батюшкы та матушкы. Повисть. Зъ портретомъ автора. Кіевъ, 1900.*

Прекрасное изданіе сочиненій извѣстнаго малорусскаго писателя Ив. Сем. Левицкаго продолжается. Вышелъ недавно второй томъ

его, заключающій въ себѣ длинную повѣсть автора про «старосвитськихъ батюшокъ та матушокъ» на малороссійскомъ языкѣ. Повѣсть эта въ восьмидесятыхъ годахъ была напечатана въ «Кіевской Старинѣ» на русскомъ языкѣ, только съ разговорами по малорусски.

Содержаніе повѣсти заимствовано, какъ показываетъ самое заглавіе, изъ хорошо вѣдомой нашему автору среды сельскихъ священниковъ первой половины настоящаго столѣтія. Вѣдаетъ Ив. Сем. Левицкій эту среду, какъ лицо, происходящее изъ духовнаго званія, жившее среди «батюшокъ и матушокъ», и какъ воспитанникъ Кіевской Духовной Академіи. Мѣсто дѣйствія тоже взято изъ предѣловъ Кіевской губерніи, окрестностей м. Богуслава, родины автора. При такихъ условіяхъ повѣсть преисполнена реальными чертами и вполнѣ уясняетъ положеніе духовенства въ нашемъ краѣ въ первой половинѣ настоящаго вѣка.

Открывается повѣсть смертью священника с. Вильшаныци Моссаковскаго. Идутъ поминанія его собравшеюся во дворѣ покойнаго громадою, и вслѣдъ за поминаніями вся громада приступаетъ къ выбору себѣ новаго священника, руководясь въ данномъ случаѣ давнимъ православнымъ обычаемъ всѣмъ обществомъ избирать себѣ пастыря. Въ началѣ настоящаго столѣтія такой обычай держался еще въ Кіевщинѣ, въ Полтавщинѣ, на Волыни, и вслѣдъ за избраніемъ кого-либо на данное священническое мѣсто слѣдовало утвержденіе избраннаго отъ архіерея. Избранъ былъ въ Вильшаныци на священничество сынъ покойнаго отца Моссаковскаго Харитонъ, въ то время состоявшій въ дьячкахъ, но успѣвшій полюбиться громадѣ своею простою, немудрою рѣчью и хорошимъ отношеніемъ къ людямъ. Онъ не былъ ни въ какомъ училищѣ, но учился дома подъ руководствомъ отца и готовъ былъ теперь держать экзаменъ на право быть священникомъ.

Оставалось только ему жениться и тогда подвергнуться рукоположенію. Не долго искалъ онъ себѣ невѣсту. Ему уже раньше на ярмаркѣ въ Богуславѣ приглянулась дочь священника Прокоповича въ с. Чапляхъ. Однажды онъ несмѣло поѣхалъ въ Чапли, понравился тамъ отцу Прокоповичу, выслушалъ отъ него повѣствованіе о томъ, какъ онъ украшаетъ свою церковь, и между прочимъ о томъ, что «Страшный судъ» онъ нанялъ рисовать для церкви мѣстнаго богомаза, причемъ обязалъ его нарисовать въ пеклѣ становою да столоначальника духовнаго правленія, извѣстнаго «хапторныка», «що бере зъ па-

нивъ хабары». О предложеніи дочкѣ Прокоповича Онисіи Степановнѣ Харитонъ еще и не помышлялъ.

Но Онисія Степановна была предметомъ ухаживанія еще и семинариста философа Марка Павловича Балабухи. Отецъ и мать больше склонялись имѣть зятемъ семинариста философа, ибо знали, что такіе всегда успѣютъ получить лучшій приходъ и скорѣе пойдутъ по степенямъ духовнаго служенія. Впрочемъ, когда съ слѣдующимъ пріѣздомъ Харитона онъ объявилъ, что избранъ въ Вильшаныци на попа прихожанами, то и сама Онися, и родители ея не прочь были на замужество съ Харитономъ. Да и еще бы было не торопиться съ бракомъ! Она была уже невѣста «на выданіи», а между тѣмъ и другимъ женихамъ отказала, и не такъ давно еще надавала гарбузивъ Балабухѣ, такъ что и онъ перестaлъ уже за нею ухаживать. Разсерженный Балабуха, узнавши отъ своего отца, что Вильшаныця свободный приходъ и при томъ большой, и что на приходъ этотъ мѣстится его счастливый соперникъ у Онысн, немедленно рѣшилъ отправиться въ Кіевъ къ архіерею и просить у него себѣ Вильшаныци.

Архіерей, руководясь своими соображеніями относительно выбора священника, счелъ удобнымъ предоставить Вильшаныцьку нарафію Балабухѣ, какъ человѣку, обучавшемуся въ Кіевской семинаріи, и утвердилъ за нимъ Вильшаныцю. Между тѣмъ Моссаковскій пріѣхалъ къ архіерею вмѣстѣ съ титаремъ и двумя старыми парафіянами изъ Вильшаныци проситься, основываясь на избраніи его громадой, въ Вильшаницкіе священники. Но архіерей сказалъ, что Вильшаницкая парафія уже отдана другому, болѣе ученому, что онъ, архіерей, вообще большіе приходы намѣренъ замѣщать людьми, прошедшими извѣстную школу. Моссаковскому же пообѣщалъ рукоположить его въ священники и во вниманіе къ тому, что онъ «вчывся дома въ батька та въ карапышанського дяка, вывчивъ часословець, псалтырь, вміе чытаты апостола и евангеліе, знае добре церковный уставъ, вміе спиваты на гласы: и на «Господи воззвахъ» и на «Богъ Господь»—во вниманіе ко всему этому, обѣщалъ дать ему небольшой приходъ. Бѣдный Харитонъ вышелъ отъ владыки, какъ въ воду опущенный. Онъ разсчитывалъ быть попомъ на старомъ отцовскомъ мѣстѣ, въ старомъ своемъ домѣ. Боялся онъ также, что Онися не пойдетъ за него замужъ, если ему дадутъ только малую парафію. Утѣшили его титарь да два старыхъ прихожанина: они сказали, что все равно они не пу-

стать къ себѣ въ попы Балабухи, и что они еще разъ будутъ просить владыку назначить къ нимъ Харитона.

Дѣйствительно, пріѣхалъ въ Вильшаныцю Балабуха, но ему тамъ не позволили поселиться въ домѣ Моссаковскаго, построенномъ на ружной землѣ, сказавши, что ключи отъ дома у избраннаго громадой на эту парафію Моссаковскаго, и что онъ самъ запечаталъ домъ и уѣхалъ. Напрасно Балабуха и благочинный упрашивали громаду дать квартиру вновь поставленному священнику и сплатить за домъ покойнаго панъ-отця,—громада упорно твердила, что она выбрала себѣ священникомъ Харитона и намѣрена еще разъ просить владыку, чтобы онъ назначилъ къ нимъ его. Балабуха нѣсколько времени побылъ въ Вильшаныци, а потомъ счелъ за лучшее уѣхать оттуда; онъ рѣшилъ самъ попросить у владыки другого прихода. Тогда, послѣ усиленныхъ просьбъ посланцевъ отъ Вильшаницкой громады, архіерей согласился отдать Вильшаницкій приходъ Моссаковскому.

Еще раньше, до полученія іерейскаго чина, Балабуха долженъ былъ жениться. Онъ, отклоненный Онысею Прокоповичевною, направилъ стопы свои въ с. Хохитву, къ тамошнему батюшкѣ, женатому на какой-то шляхтянкѣ, силившейся не допустить въ своей семьѣ старыхъ священническихъ обычаевъ, не одѣвавшейся по простому, не кормившей у себя гостей до сыта. Очень претило семинаристу жениться на дѣвушкѣ, хотя и красивой, но преисполненной шляхетскихъ фанаберій и цуравшейся, подобно матери, старыхъ дѣдовскихъ порядковъ. Но онъ женился: Олеся, чувствуя, что ей пора выйти замужъ, согласилась на этотъ бракъ. Ничего хорошаго новое супружество не обѣщало, ибо невѣста въ день самихъ заручинъ кокетливо хихикала съ пріѣзжимъ шляхтичемъ, служившимъ у какого-то пана, Бонковскимъ. Косился на этого Бонковскаго Балабуха, но все же стерпѣлъ ухаживанія за своей невѣстой.

Выпхнувши Балабуху изъ Вильшаной и получивши отъ владыки обѣщаніе дать Вильшаницкую парафію ему, Моссаковскій немедленно поѣхалъ въ Чапли и скоро съигралъ тамъ свадьбу. «Весилье» справлено было на славу. Ѣли, пили, шумѣли тамъ батюшки въ волю. Затѣмъ переѣхалъ Моссаковскій съ женою Онысею въ Вильшаницу. Оныся оказалась хорошей хозяйкой. Жили они по давнимъ обычаямъ своей среды, близкой къ простому народу; Оныся, носила свою малорусскую одежду, обвязывала голову платкомъ.

Тутъ началась рабочая жизнь и Моссаковскихъ, и Балабухъ. Моссаковскій говорилъ крестьянамъ нѣкоторыя проповѣди, но говорилъ просто, ясно, на ихъ родномъ языкѣ, который только и зналъ, и тѣмъ, да и всей жизнью своею, своею невзыскательностью большой платы за требы онъ былъ любимъ крестьянами и жилъ съ ними мирно. Матушка его, Онися, какъ очень рьяная хозяйка, нерѣдко враждовала съ наймытами, которые ея не любили за крайнюю ея взыскательность. Какъ женщина, едва умѣвшая читать, Онися не думала и дѣтей своихъ обучать чему-нибудь. Она отдала всего на годъ въ мѣстный богословскій пансіонъ сперва одну дочку, а затѣмъ на такой же срокъ другую. Тамъ научили дѣтей одѣваться по панському, говорить съ кавалерами всякій вздоръ, немножко грамотѣ. Большая собственница, Онися послѣ смерти мужа ревностно оберегала вишни въ своемъ саду отъ сельскихъ дѣтей, которыхъ подчасъ била, и въ большихъ неладахъ жила съ первымъ зятемъ своимъ, желавшимъ «такъ якъ у городи» пить утромъ чай, обѣдать въ полъ-дня, а не утромъ, какъ обѣдали по старому обыкновенію Моссаковскіе.

Интересно, что вся жизнь Харитона Моссаковскаго прошла въ вѣчныхъ опасеніяхъ утратить Вильшаницкую парафію; онъ оказался въ зависимости отъ давняго врага своего Балабухи, поставленнаго благочиннымъ въ Богуславѣ да еще и протопопомъ, и вѣчно подвергался нареканіямъ за неисправное веденіе церковныхъ книгъ. Онъ нерѣдко прибѣгалъ къ взяткамъ, которыя давалъ и благочинному Балабухѣ, отправивъ ему «глечиківъ» производства Вильшаницкаго старосты, давалъ и столоначальнику уѣзднаго Духовнаго Правленія, великому хапугѣ, провѣрявшему иногда церковныя записи отца Харитона и пріѣхавшему однажды къ нему на ревизію вмѣстѣ съ дочками своими, изъ которыхъ двухъ оставилъ на долго гостить у Моссаковскихъ. Давалъ ему Харитонъ не мало мѣшковъ ржаной и пшеничной муки. Въ общемъ жизнь Моссаковскаго оставляетъ тяжелое впечатлѣніе, впечатлѣніе жизни человѣка, не подходящаго для высокой роли пастыря народнаго по своему малому образованію. Умеръ онъ послѣ пріѣзда въ Вильшаныцю архіерея, который всѣмъ остался въ Вильшаныци недовольнымъ, подговоренный отчасти къ строгому отношенію къ Харитону благочиннымъ Балабухой.

Въ иномъ родѣ шла жизнь Балабухи. Его супруга, Олеся, была мало расположена къ веденію хозяйства. Она все мечтала о любви къ подходящему къ ней человѣку и то ухаживала за шляхтичемъ Бонковскимъ,

то вѣшалась на шею становому приставу Ломачевскому, то наконецъ увлекалась сильно гусаромъ изъ числа прибывшихъ на зимнюю стоянку въ Богуславъ. Большія непріятности терпѣлъ вслѣдствіе этого Балабуха Онъ страдалъ нравственно за жену, когда ее якобы увезъ гусаръ, ей полюбившійся, и когда она была больна потомъ; страдалъ онъ и вслѣдствіе необходимости добывать много средствъ на жизнь свою и своей семьи, и долженъ былъ постоянно увеличивать плату за требы, къ неудовольствію прихожанъ своихъ. Была и у Балабухи дочь, которую Олеся воспитала по своему, съ шляхетскими фанаберіями, въ мѣстномъ пансіонѣ въ Богуславѣ. Предстояли огромныя траты на выѣзды и пріемы гостей изъ сосѣдней Мироновки, гдѣ существовалъ сахарный заводъ. Одно время уже Олеся совсѣмъ думала, что выдастъ дочь за сына директора сахарнаго завода, но и самъ директоръ, и чинная семья его, разсорившись съ владѣльцемъ завода, неожиданно должны были уѣхать за границу. Въ концѣ концовъ выдала она дочь за новаго станового, человѣка обремененнаго дѣтьми и далеко не молодого.

Балабуха, прошедшій философію въ семинаріи, игравшій въ свое время въ семинаріи комедіи, писавшій вирши и охотно вспоминавшій о томъ времени, когда онъ выступалъ на сценѣ,—былъ человѣкъ вполнѣ неподходящій для руководства нравственною жизнью простого народа въ селѣ. Въ годы семейнаго несчастья своего, онъ только и отводилъ душу веденіемъ «діаріуша». Это была большая книжка, переплетенная въ деревянныя доски, величиною примѣрно въ церковную минею. «Въ тому діаріушови винъ записувавъ, по звычаю людей того часу, ще якъ винъ бувъ студентомъ—то *канты*, то всяки вирши, то писни, то латыньськи фразы, такъ написани квадратомъ, що ихъ можно було чытаты на вси чотыры боки зъ усихъ бокивъ, и вгору и вныз, и выходыла та сама фраза; то булы позапысувани квадраты зъ цыфръ такъ, що на всихъ стовпчыкахъ выходыло однакове число. Ставшы священныкомъ, Балабуха почавъ записуваты туды про погоду, про урожаи хлиба й сина, записувавъ, де проявылась яка чудотворна икона, записувавъ часомъ свои думкы, свои погляды, навить компонувавъ вирши, хочъ и поганеньки, на усяки выпадкы зъ свого життя». Тутъ же была записана имъ исторія про злыхъ женъ и исторія ухаживанія Дафниса за Хлоей по поводу видѣннаго имъ въ собственномъ садку ухаживанія станового Ломачевскаго за Олесей. «Господы, просты навиженну Хлою!»—закончилъ

Балабуха это писаніе: наведы іи на розумъ и сокрушы ребра Гафнисови! Прискорбна душа моя навить до смерты. Господы, дай мени сылы й терпиння, да не погыбну до кинця!»

Таково содержаніе «Старосвитськыхъ батюшокъ та матушокъ», Несомнѣнно, мы имѣемъ въ этомъ произведеніи талантливую фотографію жизни, вполнѣ точную, съ знаніемъ тогдашнихъ людей, съ знаніемъ мѣстности. Передъ нами, какъ живые, встаютъ и Харитонъ, и Онися, и Балабуха. Съ наслажденіемъ прочитываемъ мы такія художественныя описанія, какъ описаніе «весилья» Онысн, сопровождавшагося незамысловатыми шутками одного стараго іерея. Необыкновенно удачно изображенъ приходъ въ Богуславъ гусарскаго полка, препровожденіе времени гусарами въ попойкахъ, балахъ и ухаживаніяхъ и за попадьями, и за молодыми еврейками, дочерьми содержателей кабаковъ. Прекрасно очерченъ семинаристъ Балабуха, вспоминающій вмѣстѣ съ отцомъ Терлецкимъ давнюю игру свою въ комедіи «Суета». Хорошъ и діаріушъ Балабухи. Не дурно изображена хозяйственная сутолока, въ которой пребываетъ неустанно Онися, и вѣчное опасеніе за свою парафію отца Харитона. Яркой чертой проходитъ предъ глазами читателя крайняя необразованность и Моссаковскаго, и Балабухи, ихъ непригодность для выполненія великой миссіи—просвѣщать народъ. Но гдѣ найти образованіе, при условіи, что и выучившійся въ кіевской семинаріи непригоденъ для жизни—этого вопроса авторъ не касается. Видимъ мы также, какая образованность перепадаетъ въ священническую среду изъ Богуслава, изъ тамошняго пансіона, гдѣ обучаются дочки іереевъ.

Все это прекрасно изображено Ив. Сем. Левицкимъ. Но какое тяжелое выводное положеніе изъ всего этого выходитъ. Невольно при такихъ условіяхъ склоняешься на сторону неученаго отца Харитона, умѣющаго хотя кой-какъ говорить съ своими прихожанами, хотя и не умѣющаго вести нѣкоторыхъ церковныхъ записей. Невольно предпочтешь также сварливую Онысю, усердно хозяйничающую, якобы просвѣщенной Олесѣ, убѣгающей съ гусаромъ. Иныхъ, лучшихъ людей нѣтъ въ повѣсти.

Данное произведеніе если и можно упрекнуть въ чемъ нибудь, то развѣ въ томъ, что здѣсь видимъ болѣе фотографическое воспроизведеніе жизни, чѣмъ типическое. Ни Харитонъ, ни Онися, ни Балабуха, ни Олеся не представляютъ въ произведеніи изъ себя

типовъ, ни положительныхъ, ни отрицательныхъ. Между тѣмъ въ художественномъ произведеніи типичность есть первое условіе.

Л. Ч.

«Отчетъ благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ за 1899». *С.-Петербургъ, 1900, 1—37*, in *36⁰*.

Предъ нами лежитъ первый отчетъ открывшагося 27 декабря 1898 года «Благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ», издавшаго понынѣ пять брошюръ на малорусскомъ языкѣ: «Корыстни звирятка» —о. Степовыка, «Про городыну»,—его же, „Молодыча боротьба"—Ганны Барвинокъ, «Спасенна пора,—Вирна пара.—Въ осены лито»—ея же, «Орыся»—Кулиша, изъ которыхъ первыя двѣ составляютъ цѣнный вкладъ въ нашу народную литературу. Изъ отчета явствуетъ, что общество, еще молодое, хотя и не успѣло достичь особенно выдающихся результатовъ, какіе были бы желательны для основателей его и участниковъ, тѣмъ не менѣе постепенный ростъ какъ числа лицъ, сочувствующихъ дѣлу его, такъ и матеріальныхъ средствъ, ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что положенная въ основу дѣятельности Общества идея нравственнаго и экономическаго подъема народной массы уже нашла сочувственный отзывъ въ средѣ нашей интеллигенціи.

Въ началѣ текущаго года въ обществѣ состояло 4 почетныхъ члена—(Софья Абрамовна Драгомирова, генер. А. И. Косичъ, Алекс. Михайл. Кулишъ, Иванъ Семен. Левицкій), 9 членовъ сотрудниковъ и 250 дѣйствительныхъ членовъ. Средства общества составлялись изъ членскихъ взносовъ и пожертвованій, составившихъ къ концу 1899 года 799 р. 19 к.; изъ этой суммы на изданіе первыхъ трехъ брошюръ и печатаніе устава, протокола и другіе расходы Общество издержало 511 р. 39 к.,—сумма не такъ ужъ большая, если принять во вниманіе, что печатаніе брошюръ производится въ количествѣ 5000 экземпляровъ (кромѣ первой, которой напечат.—3000), съ иллю- и въ художеств. обложкѣ.

Въ теченіе года состоялось 4 засѣданія правленія и 4 Общихъ собранія. Въ числѣ обсуждавшихся правленіемъ вопросовъ принципіальной важности, заслуживаетъ упоминанія вопросъ о необходимости изданій духовно-нравственныхъ и популярно юридическихъ брошюръ

на единственно доступномъ толковому пониманію населенія малорусскихъ губерній—природномъ его языкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ признано было необходимымъ, для возможно широкаго развитія дѣла и для живого обмѣна съ сочувствующими обществу и его задачамъ лицами, изданіе спеціальнаго печатнаго органа Общества. Выполненіемъ этихъ предположеній обществу предстоитъ заняться въ будущемъ.

Въ Правленіе Общества избраны на 1900 годъ: предсѣдателемъ Д. Л. Мордовцевъ, товарищемъ предсѣдателя П. П. Пелехинъ, казначеемъ В. В. Игнатовичъ, секретаремъ П. Я. Стебницкій.

Пожелаемъ отъ души этому симпатичному и полезному Обществу дальнѣйшаго широкаго развитія и надѣемся, что всякій дорожащій задачами, которыя преслѣдуетъ оно, внесетъ свою лепту, въ видѣ-ли матеріальной поддержки, записавшись въ члены его, въ видѣ ли сотрудничества,—безразлично.

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русская Старина, № 6 и 7; 2) Вѣстникъ Европы, № 6 и 7; 3) Историческій Вѣстникъ № 6 и 7; 4) Русск. Филологическій Вѣстникъ № 1—2; 5) Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 6; 6) Записки Императ. Харьк. Унив. кн 2 и 3. 7) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 5 и 6; 8) Русскій Архивъ, № 6; 9) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 6; 10) Літературно-Науковий Вістник, № 6—7; 11) Kwartalnik Historyczny № 2; 12) Восходъ, № 5—6; 13) Slovanský Přehled, № 9—10; 14) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, № 5 и 6; 15) Biblioteka Warszawska, № 6; 16) Ateneum № 6; 17) Варшавскія Университетскія Извѣстія № 3 и 4; 18) Przewodnik naukowy i literacki, № 6; 19) Wisła, № 3.

Русская Старина № 6 и 7.

Въ статьѣ *«Состояніе царства Польскаго въ 1861 и 1862 г.г.»* (№ 6-й, стр. 621—642), представляющей донесенія генералъ-адъютанта Лидерса военному министру, есть нѣсколько строкъ, характеризующихъ положеніе въ Галиціи святоюрской партіи, которой польскіе помѣщики приписывали всю вину своихъ неудачъ въ примире-

ніи съ крестьянами. Вмѣстѣ съ тѣмъ «польскіе помѣщики не могутъ хладнокровно смотрѣть на усилія русиновъ выбиться изъ польскихъ оковъ и злятся, что русины, въ ожиданіи, пока выработается ихъ языкъ, хотятъ лучше учиться въ школахъ по-нѣмецки, нежели по-польски».

Записка слободско-украинскаго губернатора Муратова о статскомъ совѣтникѣ Каразинѣ (№ 7-ой, стр. 153—154) знакомитъ насъ съ тѣмъ, въ какомъ положеніи очутился извѣстный Василій Каразинъ послѣ освобожденія его изъ Шлиссельбургской крѣпости въ 1821 году и водворенія его на жительство въ своемъ имѣніи Кручикѣ, въ Богодуховскомъ уѣздѣ. По мнѣнію слободско-украинскаго губернатора, В. Каразинъ, хотя ничего предосудительнаго не дѣлалъ, но «безпокойный и затѣйливый характеръ его останется въ немъ, кажется, невсегда неизлѣчимымъ», а «самолюбивыя его умствованія въ людяхъ, менѣе укрѣпленныхъ зрѣлымъ разумомъ, могутъ иногда поселить и противныя общему порядку мнѣнія, особенно при томъ дарѣ слова и литературной способности, которыми Каразинъ обладаетъ въ высокой степени».

—

Русскій Архивъ № 6 и 7.

Подмосковная старина (Петровско-Разумовское). П. Б. (№ 6-й стр. 159—165). Въ этой маленькой замѣткѣ сообщается краткая исторія знаменитой подмосковной дачи *Петровско-Разумовское*, такъ тѣсно связанной съ графомъ Кирилломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ, малороссійскимъ гетманомъ. Благодаря ему, а особенно трудамъ его земляковъ, малороссовъ-крестьянъ, разведенъ былъ тамъ великолѣпный садъ, выкопаны пруды, устроены оранжереи и создался великолѣпный для того времени гетманскій домъ, рисунокъ котораго, сдѣланный по картинѣ, принадлежащей автору замѣтки, приложенъ тутъ-же.

—

Вѣстникъ Европы № 6 и 7.

Статья «Учебные контрасты и нужды» *Л. К—ка* разсматриваетъ отчетъ кіевскаго учебнаго округа за 1898-й годъ и обращаетъ особенное вниманіе на положеніе учебнаго дѣла въ неземскихъ и земскихъ губерніяхъ округа, особенно что касается народныхъ училищъ, при чемъ преимущество, конечно, отмѣчается въ губерніяхъ земскихъ. (стр. 604—619).

Въ «Литературномъ обозрѣніи» (№ 6-й) помѣщенъ отзывъ о книгѣ Т. Осадчаго «Силы деревни», написанной главнымъ образомъ на основаніи наблюденій надъ деревней въ Новороссіи (стр. 804—809).

—

Историческій Вѣстникъ № 6 и 7.

Въ маленькой статейкѣ *Д. Миллера* «В. Н. Каразинъ и князь Ц. И. Трубецкой» дается еще одна страничка, въ дополненіе къ прежнимъ (см. № 3 Историч. Вѣстн.), изъ печальнаго житія В. Н. Каразина, когда онъ, послѣ заточенія въ Шлиссельбургской крѣпости, поселившись въ своемъ имѣніи Кручикѣ, долженъ былъ дать подписку въ томъ, что «будетъ воздерживаться отъ всякаго сужденія, къ нему не принадлежащаго». Однако, затѣявъ изданіе рукописнаго журнала «Гражданинъ вѣрноподанный», онъ одинъ номеръ его послалъ Харьковскому губернатору, князю П. И. Трубецкому, что и вызвало грозное распоряженіе губернатора, приводимое полнымъ текстомъ въ статьѣ Д. Миллера (стр. 887—889).

—

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 6.

О поученіи Владиміра Мономаха. Н. Шлякова (продолженіе). Въ этой главѣ авторъ пытается опредѣлить болѣе точно время написанія Владиміромъ Мономахомъ своего поученія, т. к. въ предыдущей главѣ было только установлено, что оно написано зимою 6613-го мартовскаго года. Здѣсь, на основаніи очень кропотливаго анализа цитатъ, внесенныхъ Мономахомъ въ поученіе, авторъ приходитъ къ заключенію, что поученіе написано въ великій постъ, т. е. весною 1106 года, а болѣе точно—въ концѣ первой недѣли поста, т. е. въ первыхъ числахъ февраля. (№ 6 й, стр. 209—258).

—

Записки Императорскаго Харьковскаго Университета № 2 и 3.

Лѣтопись Харьковскаго Университета проф. М. А. Поповъ. Профессоръ Иванъ Дмитріевичъ Книгинъ, его служебная и литературная дѣятельность (Матеріалы для исторіи Императорскаго Харьковскаго университета) (стр. 1—46).

Проф. Д. И. Багалей. Опытъ исторіи Харьковскаго университета. Томъ II (1815—1835). 1-я глава. Университетское самоуправленіе *(Продолженіе).* Попечительство Е. В. Карнѣева и Алексѣя Алексѣевича Перовскаго (кн. 2-ая, стр. 47—126); окончаніе періода попечительства А. А. Перовскаго и начало попечительства В. И. Филатьева (кн. 3-я, стр. 1—64).

Труды Харьковскаго предварительнаго комитета по устройству XII-го археологическаго съѣзда (кн. 3-я, стр. 1—37). Кромѣ протоколовъ трехъ засѣданій комитета, напечатаны здѣсь: 1) Письмо Ив. Щелкова съ указаніемъ тѣхъ мѣстностей въ Харьковщинѣ, которыя могутъ представлять интересъ по части старины; 2) статья г. Леваковскаго о подземныхъ ходахъ въ г. Харьковѣ; 3) статья о нѣкоторыхъ мѣстныхъ древностяхъ, *Е. Г. Ходской*; 4) программы для собиранія свѣдѣній: по первобытнымъ древностямъ, по древностямъ историческимъ, по церковнымъ древностямъ; программы для собиранія этнографическихъ предметовъ къ выставкѣ, для собиранія свѣдѣній о кобзаряхъ и лирникахъ, для собиранія писанокъ и свѣдѣній о нихъ.

—

Варшавскія Университетскія Извѣстія № 3 и 4.

Е. Ѳ. Карскій. Очеркъ славянской кирилловской палеографіи. (Продолженіе).

Исторія славянскаго кирилловскаго письма.—Изобрѣтеніе кирилловской азбуки, сравненіе ея съ греческой. Типы письма: уставъ, полууставъ, скоропись. Различіе между полууставомъ и скорописью западнорусскими и восточнорусскими. Древнѣйшіе печатные шрифты: 1) Краковскіе, венеціанскіе, пражскіе, несвижскіе и древнѣйшихъ юго-слав. изданій; 2) шрифтъ русскихъ изданій—въ западн. и южн. Руси (напоминаетъ младшій полууставъ); 3) шрифтъ литовскаго статута (курсивъ къ полууставу).—Начертаніе и употребленіе отдѣльныхъ буквъ въ разное время, начиная съ устава и оканчивая скорописью. (кн. 3, стр. 153—192; кн. 4-я, стр. 193—216).

—

Труды Кіевской Духовной Академіи № 5 и 6.

Свящ. Ѳ. Титовъ. О русскомъ сектантствѣ вообще и въ частности о томъ, чѣмъ опасно современное наше русское сектантство (стр. 3—39).

Существованіе ересей и сектъ въ древне-русской церкви. Раціоналистическія секты въ XIX столѣтіи: духоборы, штундисты; мистическія; скопцы. Причины возникновенія сектантства. Стремленіе въ послѣднее время въ русскомъ сектантствѣ превратиться изъ чисто религіознаго движенія русской народной жизни въ соціально-политическое броженіе.

Н. И. Петровъ. Объ упраздненной стѣнописи великой церкви Кіево-Печерской Лавры (Окончаніе) (стр. 40—70).

Важныя указанія по данному вопросу въ описаніи великой лаврской церкви у Павла Алеппскаго, изображающаго состояніе ея въ Могилянскую эпоху ея исторіи.—Новый элементъ въ стѣнописи, принесенный реставраторами 1720-хъ гг. въ сравненіи съ прежней росписью.—Переписка заново обветшалой стѣнописи въ 1772—1777 гг. іеромонахомъ Захаріей Голубовскимъ, начальникомъ «малярни» Кіево-Печерской лавры. Частичное поновленіе работы Голубовскаго въ 1813, 1824, 1829, 1830 и 1831 гг., общее—въ 1840—42. Уничтоженіе этой послѣдней стѣнописи въ 1893 году.

—

Книжки Восхода № 5 и 6.

А. Я. Гаркави. Изгнаніе евреевъ изъ Кіева и другихъ городовъ Литвы (1495—1503) (По еврейскимъ источникамъ) (стр. 3—20).

Авторъ, на основаніи литературныхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ раввинистской и караимской литературъ и изъ памятниковъ, хранящихся въ рукописи, доказываетъ, что въ концѣ 15 и нач. 16 вв. произошло всеобщее изгнаніе евреевъ изъ Литвы и изъ Кіева въ частности.

—

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи № 4.

Къ вопросу о суевѣрномъ почитаніи народомъ пятницы. А. Червинскаго (стр. 95—104). Здѣсь разсматривается извѣстный издавна на Руси вообще, а въ Малороссіи въ частности, обычай чествованія *Пятницы*, при чемъ авторъ приходитъ къ выводу, что почитаніе пятницы имѣетъ свое основаніе въ міросозерцаніи славянъ-язычниковъ, а именно—оно объясняется культомъ языческой богини Фреи или Сивы.

Въ *приложеніи* продолжается печатаніе «Генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ Нѣжинскаго полка», подъ редакц. *Н. П. Василенка* (стр. 81—112).

—

Przewodnik naukowy i literacki, № 6.

Br. Łoziński. Agenor hr. Gołuchowski w pierwszym okresie rządów swoich (1846—1859). (Продолженіе) (стр. 529—548) 1848 годъ. Положеніе Львова послѣ бомбардировки.—Революціонныя дѣйствія

русской народной Рады и анногонизмъ ея по отношенію къ гр. Голуховскому.

Korespondencya Józefa Bohdana Zaleskiego (Продолженіе) (стр. 549—561). На стр. 556—557 приведена выпись изъ метрическихъ книгъ с. Ставищъ, Кіевск. губ. о крещеніи Jósef'а Залескаго.

Rawita-Gawroński. Uposażenie duchowieństwa rzymsko-katolickiego na kresach ukrainnych w końcu XVIII w. (стр. 562—570). (Продолженіе слѣдуетъ).

Авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи часть списковъ инвентаря духовныхъ имуществъ, монастырскихъ и свѣтскихъ, доставшихся Россіи въ концѣ прошлаго столѣтія; на основаніи этого матеріала онъ задался цѣлію описать состояніе имуществъ духовныхъ въ концѣ прошл. столѣтія въ Кіевскомъ воеводствѣ. При описаніи костеловъ и монастырей, онъ придерживается географическаго порядка, подвигаясь съ сѣвера на югъ. Въ данной статьѣ касается овручскихъ базиліанскихъ монастырей, ихъ матеріальнаго положенія и общественныхъ повинностей.

I. Horoszkiewicz. Pamiętnik o stroju narodowym w rzeczypospolitej polskiej (стр. 606—613) (Продолженіе).

Авторъ излагаетъ исторію шапки (четырехугольной—кучма у малороссовъ). По его мнѣнію фактъ сохранности донынѣ этого типа шапки у народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе, какое она имѣла у высшихъ сферъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что она—единая народная шапка.

—

Kwartalnik Historyczny № 2.

Въ отдѣлѣ «Recenzye i Sprawozdania» даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ: 1) *Bieliński Josef.* Uniwersytet Wileński (1579—1831 г.) Tom. I, II, i III. Krakow 1899—1900. Реценз. ***Antoni Karbowiak*** (стр. 262—270; 2) ***Wołyniak.*** O Bazylianach w Humaniu. Lwow. 1899. Реценз. ***Henryk Ułaszyn*** (стр. 271—274); 3) ***Ясинскій М.*** «Матеріалы для исторіи Луцкаго трибунала. Кіевъ 1899 г. ***Его-же.*** «Луцкій трибуналъ, какъ высшая судебная инстанція для волынскаго, брацлавскаго и кіевскаго воеводствъ въ послѣдней четверти 16-го вѣка. Кіевъ. 1900 г. Реценз. ***O. Balzer*** (стр. 292—296); 4) *Gawroński Rawita Franciszek.* «Michał Czaykowski (Sadyk-Pasza), jego życie, działalność wojskowa i literacka. Petersburg. 1900. Реценз. *Stanisł. Schnür-Popłowski* (стр. 313—314).

—

Ateneum № 6.

Ernest Luniński. Na Huculszczyźnie (Garść wrażeń) (стр. 487—515).

Авторъ посѣтилъ родныя мѣста извѣстнаго галицкаго опрышка Олексы Довбоша (Довбощизну), Яремче съ селомъ Ямной и присилкомъ Вахровцемъ. Послѣ краткаго, но интереснаго описанія образа жизни и характера современныхъ гуцуловъ, куда между прочимъ вошелъ подробно изложенный сказочный мотивъ о трехъ задачахъ: прійти такъ, чтобы ни идти, ни ѣхать, ни голымъ, ни одѣтымъ, пріятелемъ и непріятелемъ, а также пѣсня о жолнѣрѣ: «Похылывся дубъ, до дуба явиръ зелененькый» (9 куплетовъ). Авторъ записалъ разсказы о похожденіяхъ наиболѣе выдающихся мѣстныхъ опрышковъ: Стефана Капитаньчука и Олексы Кабалюка (Довбоша).

—

Літературно-Науковий Вістник № 6 и 7.

№ 6. Наш альбомъ: Із поэзий Г. Комарівни, Одарки Романовои, Тарана, Богдана Лепкого (стр. 243—248).

Палїи. Оповиданне Василя Стефаника (стр. 249—261) Художественное изображеніе народной психологіи: отношенія богачей къ бѣднякамъ, месть одного изъ послѣднихъ богачамъ (поджогъ).

Тихі драми. Студиі Марти: І. Лист. II. На порозі (стр. 262—279).

Двѣ душевныхъ драмы молодой дѣвушки.

Перехресні стежки. Повість Івана Франка (стр. 280—301) (Продолженіе).

Ескізи і малюнки. V. *Сільский верховод.* В. Доманицького. (стр. 302—305).

Картинка изъ общественной жизни села.

VI. *Пташенята.* М. Дерлиці. (306—309).

Картинка изъ жизни городского пролетаріата.

Переспіви з Г. Гайне. (стр. 310—315). І. Бойовище біля Гастингсу. II. Лорелея. III. Die holden Wünsche blühen. IV. An dem stillen Meeresstrande. V. Mit schwarzen Segeln segelt mein Schiff. — Б. Гринченко; VI—X—Осипа Доброхольского.

Із оповидань Марії Янічек. I. Подорож на Гарц. II. Хлопський син (стр. 316—348). Переклали А. К. і І. Ф. Художественные разсказы молодой нѣмецкой писательницы.

Із оповідань Анатоля Франса: I. Олований салдат (стр. 349—356). Переклав К. Пилинський.

Із Дантовою «Пекла»: I. Вхід до пекла і пробуток байдужних. II. Франческа з Ріміні (стр. 357—362).

Панько Олелькович Куліш. Огляд його діяльности. Написав Осип Маковей (стр. 169—188) (Продолженіе).

Пребываніе Кулиша въ Петербургѣ въ 1845—1847 и 1851—1853 гг. Знакомство съ московскими славянофилами. Вліяніе Грабовскаго.—Отношенія Кулиша къ Русскимъ и Полякамъ.

Данте Аліґієрі. Студия Альфреда Жанруа (стр. 189—199). Переклав із французького Іван Франко.

Юбилейная статья о Данте, извлеченная изъ «La grand Encyclopedie», t. XIII.

Улиця Шевченка у Львові. М. Грушевского (стр. 200—202). Небольшая статейка съ фотографіей такъ называемой улицы Шевченка во Львовѣ,—грязнаго закоулка, гдѣ-то за городомъ, извѣстнаго подъ именемъ ulicy Blotnej, наименованіемъ котораго «улицей Шевченка» львовскій магистратъ *почтилъ* память поэта.

Хроніка і бібліографія (стр, 203—220).

№ 7. Кромѣ беллетристики, какъ оригинальной, такъ и переводной,помѣщены статьи: 1) *Юрія Кмита* «Карпенко-Карый», представляющая оцѣнку драматическихъ піесъ этого писателя (стр. 1—22); 2) *Б. Гринченка* «Народный театръ», дающая свѣдѣнія о томъ, какія малорусскія піесы ставились на народныхъ сценахъ въ разныхъ мѣстахъ Украины, и какое впечатлѣніе производили онѣ на публику. Статья эта еще не окончена. (стр. 23—46). Изъ беллетристики напечатаны слѣдующія произведенія: 1) *М. Чернявскаго* «Панъ-Падура»—поема; 2) *Ив. Стешенка* «На заводѣ»—нарысъ; 3) *Марка Черемшыны* «Образкы зъ гуцульського жытя. Ш. Основины; 4) *В. Кравченка* «Чому»?—нарысъ; 5) *Ив. Франка* «Перехресни стежкы»—повисть (продолженіе); 6) *Роберта Борнса* «Старчача гульня»—кантата, переспивъ *Павла Грабовського*; 7) Изъ оповидань *Жана Ришпена*: «Жертва науки», «Вымушене», «Майстерный злочынъ»; 8) Изъ циклю «симъ легендъ» *Готфрида Келлера:* «Марія и монахыня» «Легенда про танець».

Slovansky přehled, č. № 9 и 10.

№ 9. Въ отдѣлѣ „Rozhledy a zprávy" (стр. 441—442) говорится о херсонскихъ артеляхъ, основанныхъ Н. В. Левитскимъ, объ эмиграціи крестьянъ изъ Буковины, объ ассигновкѣ 130000 коронъ на просвѣтительныя цѣли галицкихъ русиновъ, о дѣятельности школьной коммиссіи въ Галиціи.

№ 10. Přehled literatur slovanskych za r 1899. Ukrajinsko-ruska. D-r Ivan Franko (стр. 475—480). Дается краткое обозрѣніе того, что въ минувшемъ году представила въ дѣлѣ литературно-научномъ Галиція, въ такомъ учрежденіи, какъ „Наукове товариство имени Шевченка", и Украина съ ея журналомъ „Кіевская Старина". Сверхъ того, данъ перечень отдѣльныхъ изданій, выпущенныхъ, какъ въ Россіи, такъ и въ Галиціи.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 66 газеты «Буковина» помѣщенъ біографическій очеркъ *Владиміра Бонифатьевича Антоновича*, по случаю 30-лѣтняго юбилея профессорской и 40-лѣтней литературно-научной его дѣятельности.

Въ № 21 американской «Свободы» нѣкто А. Гончаренко, кіевлянинъ по происхожденію, помѣстилъ статью «На спомыны по праведному Тарасу Шевченку» (Лепта видъ убогой вдовицы).

Статья эта замѣчательна тѣмъ, что въ ней нѣтъ ни одной строчки правды о Шевченкѣ, хотя авторъ, быть можетъ и не имѣлъ въ виду вводить читателей въ заблужденіе. Здѣсь сообщаются, напримѣръ, такіе факты, что Шевченко былъ арестованъ въ 1844 году въ Броварахъ за пѣніе имъ недозволенныхъ пѣсенъ. Десятскій схватилъ его за шиворотъ и велъ изъ Броваровъ въ Кіевъ. По дорогѣ билъ Тараса „кіемъ" по головѣ. Шевченка сослали въ Оренбургскую губ. въ Новопетровскую крѣпость (!) Изъ острога онъ прислалъ въ Кіевъ рисунокъ, изображающій, какъ его, бьютъ нагаями: «Такъ мене бьють, и самъ не знаю за що и про що». Этотъ рисунокъ его пріятели въ Кіевѣ передали о. Антонію Сосновскому, *великому патріоту, любимцу граф. Орловой.* По его просьбѣ, обращенной къ графинѣ,

и по просьбѣ графини, обращенной къ ея брату, Шевченко былъ освобожденъ въ 1857 году, но здѣсь его снова постигла бѣда. Какой-то «лыхый пипъ» (?), во время исповѣди назначилъ ему эпитимію: нарисовать намѣстныя иконы: Спасителя и Богородицы. Шевченко не захотѣлъ, и за это его, отдали подъ надзоръ полиціи за «вольнодумство». Тогда Семиренко и другіе перевели Шевченка въ Петербургъ, гдѣ онъ и умеръ 26 февраля 1861 года. Передъ смертью онъ прислалъ автору въ Лондонъ гостинецъ на новый годъ (1861 г.) „Кобзарь" съ собственноручной подписью.

Въ № 11 «Кіевскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей» помѣщена статья прот. В. Липковскаго: „Канунный медъ".

Авторъ указываетъ на важное историческое значеніе кануннаго братскаго меда въ западной Руси, говоритъ о его приготовленіи и освященіи, сыченьи меду при церквахъ съ конца прошлаго столѣтія, о состояніи пчеловодства въ то время и въ первой половинѣ истекающаго столѣтія. Статья заканчивается пожеланіемъ, чтобы вновь возродилось сыченіе кануннаго меда въ храмовой и другіе праздники при всѣхъ церквахъ Кіевской епархіи.

Въ № 12—13 „Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей" помѣщена статья «Происхожденіе и значеніе пасхальныхъ яицъ».

Упоминается о приготовленіи и употребленіи писанокъ въ Малороссіи.

Тамъ-же: «Обычай освящать въ праздникъ Св. Пасхи нѣкоторыя пасхальныя снѣди».

Историческая справка о пасхальныхъ снѣдяхъ: осужденіе чрезмѣрнаго уваженія къ нимъ южно-русскаго народа патріархами Іоакимомъ и Іереміею, опредѣленіе по этому поводу Гедеона Балабана, состояніе этого вопроса послѣ Сагайдачнаго.

Въ «Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» продолжается печатаніе интересныхъ матеріаловъ г. Гульдмана «Памятники старины въ Подоліи»: Городища (№ № 40, 41, 42), сторожевыя башни (№ 43), курганы (№ № 43—48).

Въ № 4467 газ. „Кіевское Слово" и въ одномъ изъ іюньскихъ № № газ., «Русскія Вѣдомости» помѣщены сочувственные отзывы о

недавно вышедшемъ въ свѣтъ сборникѣ стихотвореній на малорусскомъ языкѣ „Викъ" (1798—1898).

—

Въ № 864 газ. «Приднѣпровскій Край» помѣщенъ весьма сочувственный отзывъ о 2-мъ томѣ собран. сочиненій И. С. Левицкаго: «Старосвицьки батюшкы и матушкы».

—

Въ послѣднемъ (XXII) томѣ нѣмецкаго журнала «Archiv für slavische Philoloqie» между прочимъ помѣщена статья проф. Брикнера: Urzitze der Slaven und Deutschen», въ которой авторъ разбираетъ новѣйшіе взгляды на первоначальное разселеніе славянъ, изложенные въ изслѣдованіи Кентшинскаго, Богуславскаго и Брауна, и, насколько эти взгляды основаны на этимологіи давнихъ названій, остроумно разбираетъ ихъ, нерѣдко съ ѣдкимъ юморомъ, не оставляя отъ нихъ камня на камнѣ.

Въ той-же книгѣ проф. Браунъ помѣстилъ статью, посвященную оцѣнкѣ дѣятельности Наукового Товариства (стр. 291—300) и далъ отзывъ о новомъ трудѣ Ал. Яблоновскаго. «Akademija Kijovska Mohilańska», а проф. Поливка помѣстилъ богатыя параллели къ сказкамъ и анекдотамъ, опубликованнымъ въ послѣднихъ номерахъ «Этнографічного Збірника» и далъ краткій отзывъ о I т. «Етнольогічних Матеріялів» и I т. «Розвідок М. Драгоманова».

Археологическая лѣтопись.

Къ Археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

25 мая въ университетѣ состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Оно посвящено было исключительно выработкѣ плана раскопокъ въ Харьковской губ. и распредѣленію различныхъ научныхъ экскурсій съ цѣлью изученія прошлаго въ краѣ. Засѣданіе было въ присутствіи заслуженнаго профессора университета св. Владиміра В. Б. Антоновича.

Проф. *В. Б. Антоновичъ* въ обширномъ, весьма важномъ докладѣ, послѣ указанія на весьма малое изслѣдованіе Харьковской губ. въ археологическомъ отношеніи, намѣтилъ, какъ опытный ученый и изслѣдователь курганныхъ древностей южной Россіи, даже на основаніи пока скуднаго матеріала, какого рода курганы можно встрѣтить на почвѣ этой губерніи. По словамъ почтеннаго ученаго—эта почва должна дать отвѣты на многіе вопросы, освѣтить такіе пункты въ русской научной археологіи, которые пока остаются въ темнотѣ, благодаря отсутствію матеріала. Весьма важный матеріалъ, можно надѣяться, найдется здѣсь для рѣшенія вопроса о курганахъ степныхъ кочевниковъ, погребальнаго ритуала ихъ (хазары, печенѣги, тюрки и половцы). На принадлежность нѣкоторыхъ кургановъ кочевникамъ указываютъ предметы, найденные въ четырехъ случаяхъ, при раскопкахъ;—

равно присутствіе на многихъ изъ нихъ (извѣстны пока 20) каменныхъ бабъ.

Этого рода курганы извѣстны пока главнымъ образомъ въ Старобѣльскомъ, Купянскомъ, Изюмскомъ уѣздахъ. Не менѣе интересный матеріалъ можно ожидать въ курганахъ *славянскихъ*, въ сѣверной части губерніи (уѣздахъ Сумскомъ, Лебединскомъ, Ахтырскомъ); аналогію предполагаемаго содержимаго этихъ кургановъ можно найти въ предметахъ кургановъ бывшаго Переяславскаго княжества. Можно ожидать въ этой части губерніи нахожденія и кургановъ каменнаго вѣка, хотя пока извѣстны лишь стоянки; въ этихъ курганахъ съ погребеніемъ—покойникъ лежитъ глубоко, на боку, со скорченными ногами; кости его окрашены охрой. Въ сѣверной области возможно нахожденіе небольшихъ кургановъ, съ покойникомъ на незначительной глубинѣ, на подсыпкѣ бѣлаго вещества; равно возможно, но только случайно, нахожденіе не въ курганахъ—ящиковъ изъ плитъ, покрытыхъ плитами, съ сосудами, заключающими въ себѣ жженныя кости, угли, отъ 2 до 10 каменныхъ орудій и полированные топоры. При наличности стоянокъ каменнаго вѣка, возможно нахожденіе кургановъ этого времени.

Что касается кургановъ такъ называемыхъ *скиѳскихъ*, то желательно, по мнѣнію докладчика, установленіе ихъ сѣверной границы: раскопки же ихъ стоятъ, при ихъ громадной величинѣ, весьма дорого и требуютъ много времени; составъ же вещей, находимыхъ въ нихъ, типъ погребенія, устанавливаемый ими, уже достаточно извѣстенъ въ научной литературѣ. Послѣ замѣчаній проф. Д. И. Багалѣя о томъ, что историческія данныя идутъ въ параллель съ данными археологическими, была выражена благодарность почтенному докладчику и постановлено: просить проф. В. Б. Антоновича и г-жу Е. Н. Мельникъ принять на себя трудъ производства раскопокъ въ Старобѣльскомъ и Купянскомъ уѣздахъ; въ помощь къ нимъ командировать проф. Е. К. Рѣдина, проф. В. И. Савву и г. г. Е. П. Трифильева, Н. А. Ѳеодоровскаго; а въ Изюмскомъ уѣздѣ проф. А. М. Покровскаго, для сл. Райгородки Н. А. Ѳеодоровскаго.

Для изученія архивовъ рѣшено командировать въ Харьковскую губ. Д. П. Миллера, Е. М. Иванова, М. М. Плохинскаго. Для собиранія этнографическаго матеріала, составленія инвентаря вещей, необходимыхъ къ пріобрѣтенію для этнографической выставки при съѣздѣ

и для общаго знакомства съ населеніемъ въ этнографическомъ отношеніи рѣшено командировать въ Харьковскій уѣздъ проф. А. Н. Краснова, въ Изюмскій уѣздъ проф. А. М. Покровскаго, въ Старобѣльскій уѣздъ г-жу Е. П. Рудакову, въ Ахтырскій уѣздъ проф. Н. Ѳ. Сумцова.

Для изученія діалектовъ населенія Курской губ. и нѣкоторыхъ памятниковъ древности рѣшено командировать проф. М. Г. Халанскаго; для изученія архивовъ церквей и монастырей Бѣлгорода и Курска—проф. А. С. Лебедева; для изученія древностей церквей Бѣлгорода—проф. Е. К. Рѣдина.

Кромѣ того, еще въ предыдущемъ засѣданіи состоялось постановленіе о командированіи проф. Е. К. Рѣдина въ Харьковскую губ. для изученія церковныхъ древностей.

Для совершенія всѣхъ указанныхъ научныхъ экскурсій рѣшено ходатайствовать предъ московскимъ археологическимъ обществомъ о доставленіи денежныхъ средствъ; а для безпрепятственнаго совершенія ихъ и объ оказаніи помощи и содѣйствія со стороны мѣстнаго свѣтскаго и духовнаго начальства—обратиться съ соотвѣтствующей просьбой къ высокопреосвященнымъ харьковскому, курскому, и начальникамъ губерній харьковской и курской.

Проф. *М. Г. Халанскій* познакомилъ съ своими наблюденіями надъ славянской рукописью, присланной для выставки при археологическомъ съѣздѣ; рукопись XVII в., заключаетъ въ себѣ переводъ твореній Іоанна Дамаскина, сдѣланный княземъ Курбскимъ; переводъ имѣетъ сходство съ тѣмъ, что въ хлудовскомъ спискѣ; рукопись имѣетъ значеніе для критики текста.

Проф. *Е. К. Рѣдинъ* доложилъ о согласіи харьковской духовной консисторіи и канцеляріи попечителя округа—разослать программы комитета всѣмъ священникамъ епархіи и народнымъ учителямъ и учительницамъ Харьковской губ.

Постановлено выразить за это благодарность, равно и лицамъ, приславшимъ комитету предметы для выставокъ при съѣздѣ, при чемъ частью уже пожертвововавшимъ ихъ музею изящныхъ искусствъ при университетѣ. (Харьк. Вѣдом.).

Желая возможно шире распространить свѣдѣнія объ *этнографической выставкѣ*, устраиваемой при съѣздѣ, какъ предварительными комитетами, такъ и отдѣльными лицами, принимающими близкое участіе въ устройствѣ выставки, время отъ времени помѣщаются въ мѣстныхъ газетахъ статьи, предназначенныя для широкой публики,

гдѣ указываются значеніе и цѣли выставки и способы ея осуществленія. Обращеніе за помощью къ обществу—единственный надежный путь, ведущій къ цѣли; только при широкомъ участіи общества, особенно тѣхъ представителей его, которымъ часто приходится наблюдать народную жизнь, имѣть близкія сношенія съ народомъ,—и можно положить начало этому вообще новому у насъ дѣлу, а по отношенію къ Украинѣ—первому опыту.

Въ газетѣ „Южный Край", отъ 5-го іюня, проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ помѣщена обширная статья по вопросу о выставкѣ, гдѣ, между прочимъ, высказываются нижеслѣдующія соображенія. «Устройство этнографической выставки—предпріятіе настолько трудное, сложное и хлопотливое, что невольно возникаютъ сомнѣнія, «unde ingenium par materiae»?—по силамъ ли задача? Но съ другой стороны, было бы чрезвычайно жаль упустить исключительно благопріятный моментъ—археологическій съѣздъ въ Харьковѣ, моментъ, когда могутъ быть созданы новые научные интересы, и къ поддержанію ихъ могутъ быть привлечены новыя нравственныя и матеріальныя средства. Харьковскому комитету, въ числѣ другихъ его трудныхъ и многосложныхъ задачъ, прійдется считаться съ живой народной стариной и позаботиться о приведеніи ея въ извѣстность. Большая трудность широкой постановки этнографической выставки обусловлена тѣмъ, что вездѣ и во всемъ нужно работать заново, собирать впервые матеріалы и при этомъ вырабатывать попутно самые пріемы и методы реальной этнографіи, отрасли знанія, у насъ еще совершенно новой. Есть у насъ описательная этнографія; есть небольшіе опыты сравнительной этнографіи, захватывающіе и мѣстные матеріалы; но гдѣ у насъ собраніе вещественныхъ памятниковъ народнаго быта? гдѣ коллекціи рисунковъ и моделей жилищъ, одежды, дѣтскихъ игрушекъ, свадебныхъ караваевъ и шишекъ, обрядовыхъ весеннихъ игръ и проч.? Такихъ коллекцій нѣтъ нигдѣ, ни въ музеяхъ, ни въ собраніяхъ частныхъ лицъ. А между тѣмъ, такія коллекціи имѣли бы и научный, и живой общественный интересъ. Старина и даже глубокая древность вовсе не такъ далеки, какъ это можетъ казаться. Возьмите въ руки глиняныя дѣтскія свистульки или пастушьи свирѣли, и вы будете имѣть параллель къ ассирійскимъ и египетскимъ древностямъ. Войдите въ курную лѣсную сторожку, безъ трубы, съ очагомъ въ углу на землѣ, и вы имѣете передъ собой одну изъ первыхъ стадій древне-славянскаго жилища. Но вотъ сосѣдняя хата,

чисто выбѣленная, съ кирпичнымъ поломъ, съ изразцовой печкой, съ рѣзнымъ сволокомъ—это ужъ хата XVII столѣтія, съ очевидными нѣмецкими культурными вліяніями, что обнаруживается изъ такихъ названій, какъ грубка (Grube—яма, потомъ печь), ганокъ (Gang—ходъ), шибка (Scheibe,—стекло въ окнѣ), комора (Kammer) и др. И тутъ же рядомъ можетъ быть XIX столѣтіе въ видѣ домика подъ желѣзной крышей, съ занавѣсками, цвѣтами на окнахъ и стѣнными часами. И такъ во всемъ, въ одеждѣ, орудіяхъ, повѣрьяхъ, обрядахъ—вездѣ обнаруживаются разные слои культуры, разныя наслоенія; вѣка древніе стоятъ рядомъ съ вѣками новыми; но новизна уже сильно тѣснитъ и стираетъ старину, и съ каждымъ годомъ новизна одерживаетъ все большія и большія побѣды, благодаря громадному содѣйствію торговли и промышленности. Старое, доморощенное, иногда прочное и красивое, исчезаетъ подъ напоромъ новаго, привозного, болѣе дешеваго, подчасъ гнилого и фальшиваго»

—

Для выставокъ при съѣздѣ и для музея изящныхъ искусствъ и древностей при Харьковскомъ университетѣ продолжаютъ поступать различные предметы. Изъ послѣднихъ поступленій упомянемъ о нѣкоторыхъ предметахъ старины: серьги, пожертвованныя г-жей А. В. Стороженко; бумажникъ, вышитый гладью, 1798 г.—отъ П. В. Иванова, картина масляными красками съ изображеніемъ бандуриста—отъ г-жи Т. К. Гавриловой, и т. п.

Засѣданія обществъ.

6-го іюня состоялось засѣданіе *Комиссіи по описанію и изданію памятниковъ мѣстной старины* подъ предсѣдательствомъ проф. В. Б. Антоновича, предсѣдателемъ было доложено, что Московскимъ Археологич. Обществомъ присланы деньги на расходы во время экскурсій лицъ, изъявившихъ желаніе совершить таковыя въ теченіе настоящаго лѣта (см. «Лѣтопись», іюнь,—засѣданіе Комиссіи 3-го мая), но еще не присланы программы отъ того-же общества и «метрики» изъ Имп. Археологической Комиссіи. На этомъ-же засѣданіи многіе изъ лицъ, обѣщавшихъ отправиться въ экскурсію, заявили, что въ виду небольшого времени, имѣющагося въ распоряженіи на подготовку

къ экскурсіямъ, они не считаютъ возможнымъ начать описаніе памятниковъ на мѣстѣ, такъ какъ не собраны и не обработаны еще и относящіеся сюда матеріалы, имѣющіеся въ литературѣ. Въ результатѣ, изъ 17-ти лицъ, отправляются въ экскурсіи лишь 3: о. Е. Сѣцинскій—по Подольской губерніи, О. А. Фотинскій—по Волыни и Н. Ф. Бѣляшевскій—по Кіевской губ.

—

22 мая было *засѣданіе церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи.* Въ виду предположенныхъ причтомъ Кіево-Андреевской церкви работъ по укрѣпленію холма, на которомъ основана эта церковь, и придавая особое значеніе сохранности этого сооруженія, г. кіевскій губернаторъ Ѳ. Ѳ. Треповъ образовалъ техническую комиссію подъ предсѣдательствомъ кіевск. губ. инженера В. А. Безсмертнаго, и просилъ церковно-археологическое общество назначить въ составъ этой комиссіи представителя церковно-археологическаго общества. Такимъ представителемъ общество назначило профессора С. Т. Голубева, въ послѣднее время спеціально изучавшаго вопросъ о мѣстоположеніи Андреевской церкви.

Изъ новыхъ поступленій въ музей Общества заслуживаютъ вниманія кирпичи, ценинныя плитки и куски мозаики и фресокъ изъ недавно открытыхъ развалинъ древней церкви въ г. Гадячѣ, Полтавской губ., и нѣсколько такихъ-же предметовъ изъ древней церкви Гиилецкаго монастыря у с. Лѣсниковъ, Кіевскаго у.

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки могильника у д. Богданова, Глуховскаго у. Черниговской губ. У д. Богданова, въ 8-ми верст. отъ г. Глухова, въ полуверстѣ отъ господской усадьбы, находится небольшой курганный могильникъ, въ настоящее время, благодаря распашкѣ, почти совсѣмъ сравнявшійся съ землей. Желая изслѣдовать этотъ памятникъ старины до его полнаго уничтоженія, владѣлецъ Богданова А. П. Литвиновъ предложилъ мнѣ произвести раскопку кургановъ. Въ среднихъ числахъ іюня мной, совмѣстно съ А. Н. Малинкой, и были произведены раскопки, краткія предварительныя свѣдѣнія о которыхъ состоятъ въ слѣдующемъ.

Могильникъ лежитъ на возвышенности, составляющей правый берегъ рѣчки Вербовки, до которой отъ могильника не болѣе полуверсты. На лѣвомъ, также возвышенномъ, берегу рѣчки расположено село Полошки, и съ могильника открывается прекрасный видъ на село. Площадь могильника окружена съ трехъ сторонъ лѣсомъ (кромѣ сѣверо-восточной, гдѣ спускъ къ рѣкѣ); лѣтъ 50 тому назадъ и самъ могильникъ бытъ занятъ лѣсомъ, какъ объ этомъ разсказываютъ старики и какъ это видно на старомъ планѣ Богдановскаго имѣнія.

Въ настоящее время курганы, какъ уже упомянуто, сильно распаханы и ихъ едва можно примѣтать; одинъ курганъ болѣе или менѣе представлялъ замѣтную возвышенность, будучи высотой около метра, остальные-же, очень немногіе, положеніе которыхъ удалось установить, имѣли высоту, немногимъ превышающую $^1/_2$ метра; по разсказамъ стариковъ, въ прежнее время курганы достигали высоты двухъ аршинъ. Благодаря той-же распашкѣ, несомнѣнно измѣнилась и форма кургановъ: теперь это плоскія, расплывчатыя возвышенности, 40—50 шаговъ окружностью, у которыхъ поперечная кривая почти совпадаетъ по величинѣ съ діаметромъ.

Могильныя насыпи настолько незначительны, что, приступая къ раскопкамъ, за исключеніемъ одного кургана, трудно было быть увѣреннымъ, дѣйствительно-ли начинаешь раскапывать могилу и правильно-ли опредѣленъ центръ ея. Вслѣдствіе этого, пришлось ограничиться раскопкой всего четырехъ возвышенностей, изъ которыхъ три, лежащія вблизу одна отъ другой на разстояніи 10-ти—15-ти шаговъ, дѣйствительно оказались могилами, четвертая-же, взятая немного въ сторонѣ отъ предыдущихъ, кромѣ нѣсколькихъ пережженныхъ косточекъ не дала ничего, вслѣдствіе чего очень вѣроятно, что могила лежала гдѣ-то далѣе отъ раскопаннаго мѣста.

Число кургановъ, при теперешнемъ состояніи могильника трудно, почти невозможно, опредѣлить: кромѣ трехъ раскопанныхъ, замѣтно было еще 3—4 возвышенности, по словамъ-же мѣстныхъ людей, кургановъ въ прежнее время было до 12-ти.

Раскопки производились колодцами, діаметр. въ 4—5 метровъ, и дали во всѣхъ трехъ случаяхъ аналогичные результаты: начиная съ глубины 40—50 стм. въ различныхъ частяхъ, особенно же у центровъ, начали встрѣчаться пережженныя человѣческія кости, очень измельченныя; встрѣчались онѣ или спорадически, или небольшими скопленіями. Такой пластъ чернозема съ костями шелъ до глубины

90 стм.—1 метра, далѣе залегалъ черноземъ съ примѣсью глины, а еще ниже—чистая глина; два послѣднихъ слоя имѣли характеръ непорушенной земли. Кромѣ пережженныхъ костей, наряду съ ними, встрѣчались черепки отъ сосудовъ, сравнительно хорошей выдѣлки, но не съ равномѣрнымъ обжигомъ и повидимому приготовленныхъ безъ гончарнаго круга. Кости и черепки—главное содержаніе культурнаго пласта; кромѣ нихъ, встрѣчены еще небольшіе кусочки угля, обломки бронзовыхъ колецъ и пластинокъ, кусочекъ бронзоваго сплава, часть желѣзнаго ножика и глиняная пряслица. Въ одномъ случаѣ (курганъ № 3) у края колодца обнаружены 2 сосуда, раздавленные землей, сравнительно большихъ размѣровъ; въ одномъ изъ нихъ помѣщался большой кусокъ угля.

Какъ въ общемъ ни незначительны находки, но онѣ позволяютъ вполнѣ возстановить типъ погребенія даннаго могильника. Нахожденіе пережженныхъ человѣческихъ костей указываетъ на сожженіе; отсутствіе на мѣстѣ большой массы углей, которые непремѣнно остались-бы отъ погребальнаго костра, говоритъ за то, что сожженіе происходило гдѣ-то въ сторонѣ отъ могильника. Послѣ сожженія, оставшіяся кости, пепелъ и уцѣлѣвшія отъ огня части предметовъ переносились на мѣсто могильника, клались прямо на поверхность земли, или, б. м., на небольшой токъ, возлѣ этихъ остатковъ ставились сосуды, б. м., съ пищей, въ одинъ сосудъ помѣщались угли отъ погребальнаго костра, и надъ всѣмъ этимъ насыпался небольшой холмъ. Очень интересной ритуальной особенностью здѣсь является сосудъ съ углемъ отъ костра.

Всѣ вышеизложенныя обстоятельства не оставляютъ никакого сомнѣнія въ вопросѣ о принадлежности Богдановскаго могильника: могильникъ—славянскій, датируемый IX—X вв.

Н. Б.

—

Раскопки на мѣстѣ неолитическаго поселенія съ керамикой домикенскаго типа у. с. Колодистаго, Звенигородскаго уѣзда Кіевской губ. Будучи очень заинтересованъ въ выясненіи различныхъ сомнительныхъ вопросовъ, на которые бывшія до сихъ поръ раскопки «площадокъ трипольской культуры» не дали пока отвѣта, а также желая хотя отчасти помочь въ этомъ дѣлѣ уважаемому Ѳ. К. Волкову, такъ ревниво относящемуся ко всѣмъ находкамъ доисторической культуры на нашемъ югѣ, умѣющему оцѣнить ихъ и страстно доби-

вающемуся истины, я охотно принялъ предложеніе В. Н. Доманицкаго произвесть раскопки на площадкахъ у с. Колодистаго, открытіемъ которыхъ мы обязаны ему-же. Раскопки производились въ 20-хъ числахъ іюня; къ этому-же времени прибылъ въ Колодистое членъ Имп. Археолог. Комиссіи А. А. Спицынъ съ той-же цѣлью—на мѣстѣ, путемъ раскопокъ, разъяснить, наконецъ, что такое представляютъ изъ себя пресловутыя «площадки»? Къ сожалѣнію и А. А. Спицынъ, и я располагали очень незначительнымъ временемъ, но и при такомъ положеніи все таки удалось добыть нѣкоторые положительные результаты.

Не сомнѣваясь, что А. А. Спицынъ своевременно подѣлится съ публикой своими наблюденіями, въ нижеслѣдующихъ бѣглыхъ набросках я буду говорить лишь о моихъ раскопкахъ.

Мѣсто раскопокъ было выбрано на возвышенности, окаймленной съ одной стороны р. Гнилымъ Тикичемъ, а съ другой—ручьемъ Колодистымъ, впадающимъ въ этомъ мѣстѣ въ Тикичъ. Здѣсь въ прошломъ году В. Н. Доманицкимъ была уже раскопана одна площадка; рядомъ съ ней при помощи щупа опредѣлено присутствіе другой и начаты раскопки. Характеръ мѣстности, гдѣ лежитъ площадка—небольшая покатость къ р. Колодистому. При производствѣ раскопокъ имѣлась въ виду инструкція Ѳ. К. Волкова, помѣщенная выше, но на практикѣ пришлось сдѣлать отъ нея нѣкоторыя отступленія; въ общемъ-же, инструкція сослужила большую службу. Во все время раскопокъ, въ нужныхъ моментахъ, пускалась въ ходъ фотографія, и я вполнѣ согласенъ съ Ѳ. К. Волковымъ, что въ каждый рисунокъ всегда привносится извѣстная доля фантазіи, фотографія-же является надежнымъ и, прибавимъ, необходимымъ помощникомъ каждаго, кто занимается раскопками.

Опредѣливши щупомъ границы площадки, приступлено было къ снятію верхняго слоя почвы, толщиной въ среднемъ въ $^1/_2$ метра; работу эту производили рабочіе, однако съ той предосторожностью, чтобы съ площадки снималась не вся земля, а оставался небольшой слой—это легко было дѣлать, пуская въ ходъ щупъ. Дальнѣйшая очистка отъ земли производилась уже маленькими лопатками, лично мной, а также В. Н. и П. Н. Доманицкими, принимавшими самое горячее участіе и въ дальнѣйшей работѣ, благодаря чему и работа двигалась быстрѣе. Мнѣ кажется, что вообще при раскопкахъ площадокъ, если можно думать, что онѣ не испорчены (плугомъ, рытьемъ), необходимо примѣнить такую очистку и пустить въ дѣло не рабочихъ,

а отчищать самолично, или опытными рабочими,—въ данномъ случаѣ этотъ моментъ работы можно сравнить съ очисткой костяка въ могилѣ.

Благодаря тщательной очисткѣ, при которой всѣ предметы, находившіеся сверху, остались на своихъ мѣстахъ, площадка предстала въ томъ видѣ, въ какомъ была вѣроятно оставлена нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, измѣнивъ лишь немного, благодаря дѣйствію времени, свой внѣшній видъ. Это былъ четыреугольникъ, 12 метр. длиной и $4^1/_2$—5 м. шириной, расположенный въ длину съ в. в. с. на з. з. ю. (къ р. Колодистому); края четыреугольника не составляли прямыхъ линій, что по всей вѣроятности зависитъ отъ разрушенія площадки временемъ.

Верхъ площадки представлялъ изъ себя бугристую поверхность, состоящую частью изъ комьевъ пережженной глины, частью изъ кирпичныхъ плитокъ неправильной формы, расположеніемъ своимъ очень напоминавшихъ растрескавшійся и покоробившійся ледъ.

Въ различныхъ мѣстахъ на поверхности лежали черепки отъ сосудовъ (м. п. отъ двойного), цѣлые сосуды (горшочекъ и перевернутая вверхъ дномъ плошка), большіе камни съ одной сглаженной поверхностью (одинъ на самой площадкѣ, другой немного въ сторонѣ) и полировочные небольшіе камни; тутъ же на поверхности найдена одна миніатюрная кремневая стрѣлка треугольной формы, $1^1/_2$ стм. высотой.

Послѣ нанесенія на планъ и снятія фотографіи съ обнаруженной площади, было приступлено къ разборкѣ и изслѣдованію того пласта, изъ котораго она состояла. Здѣсь въ особенности требуется внимательность и осторожность, дѣло касается конструкціи сооруженія, а это нужно имѣть на первомъ планѣ,—добыча въ видѣ сосудовъ и другихъ предметовъ должна быть второстепеннымъ дѣломъ. Разработка данной площади заняла 5 дней усиленной работы и въ результатѣ дала возможность, если не вполнѣ опредѣлить характеръ сооруженія, то во всякомъ случаѣ близко подойти къ цѣли.

Въ вертикальномъ разрѣзѣ пластъ состоялъ изъ кирпичныхъ плитокъ и кусковъ пережженной глины, на которыхъ иногда были отпечатки въ видѣ продольныхъ полосъ—широкихъ и узкихъ, круглыхъ и съ прямыми и косыми углами; обжигъ этихъ кусковъ глины очень неравномѣренъ—начиная отъ самаго незначительнаго, давшаго

пористую массу чернаго цвѣта, легко разламываемую руками, и кончая кирпичнымъ стекловиднымъ шлакомъ, очень большой крѣпости.

Въ большинствѣ случаевъ кирпичныя плитки были смѣшаны съ комьями глины въ безпорядкѣ: лежали сверху, между и подъ ними, въ горизонтальномъ, вертикальномъ и косомъ направленіяхъ; пустота между плитками и глиной были заполнены землей, измельченной обожженной глиной, и изрѣдка кусками пережженнаго камня. Слой этотъ былъ отъ 20 до 30 стм. толщиной, спорадическіе-же кусочки обожженной глины, шли иногда до глубины 65—70 стм., залегая въ почвенной желтоватой глинѣ. Въ слоѣ, въ разныхъ частяхъ площадки встрѣчались черепки, цѣлые и распавшіеся сосуды, камни съ сглаженной поверхностью и кусочки костей, преимущественно пережженныхъ.

Вышеописанное состояніе культурнаго пласта пока не давало мѣста никакимъ заключеніямъ. Но на разстояніи $3^1/_2$ метр. отъ западнаго края площадки, въ лѣвой ея части, подъ этимъ слоемъ впервые встрѣтился нетронутый слой почти необоженной растрескавшейся глины, представлявшій изъ себя гладко смазанный точекъ (по выраженію рабочихъ— «чирипъ»—подъ печи); слой этой смазки имѣлъ 5 стм. толщины; подъ нимъ шла непорушенная почва.

Осторожно разбирая пластъ обожженной глины и плитокъ, лежащій подъ смазкой, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно было констатировать еще несдвинувшіеся съ мѣста и неперемѣшанные куски этого пласта, и здѣсь порядокъ залеганія слоевъ, составлявшихъ пластъ, былъ слѣдующій: сверху—плитки, толщиной въ 5 стм., далѣе слой хорошо обожженной глины, толщиной въ 15 стм., также гладко смазанный сверху и растрескавшійся, подъ этимъ слоемъ—вторая смазка, о которой говорено выше, составлявшая основу пласта.

При дальнѣйшемъ изслѣдованіи верхняго пласта до конца площадки можно было еще установить, что: 1) верхнія плитки иногда шли въ два ряда, 2) толстый промежуточный слой глины въ самомъ низу, непосредственно надъ первоначальной смазкой, заключали куски съ отпечатками, прилегавшими къ смазкѣ и 3) между смазкой и слоемъ обожженной глины, а иногда между этимъ слоемъ и плитками изрѣдка встрѣчались черепки отъ посуды.

Что касается плитокъ, то они встрѣчены разной толщины: 1,8—$2^1/_2$—$3^1/_2$—$4^1/_2$—5 стм.; у иныхъ изъ нихъ обѣ поверхности совершенно гладки, у другихъ—одна гладкая, другая-же хотя и ровная,

но шероховатая; обжигъ почти всегда очень хорошій—разбить плитку можно только молоткомъ; въ изломѣ, какъ и сверху, плитки различныхъ оттѣнковъ краснаго цвѣта; приготовлены изъ хорошо размѣшанной глины.

Второй слой—обожженная глина разной консистенціи; въ нетронутыхъ мѣстахъ слой представлялъ изъ себя довольно компактную массу краснаго цвѣта, отъ напора лопатки разсыпавшуюся на довольно крупные куски; этотъ слой хорошо обожженъ—иногда до степени шлака, но, матеріалъ, его составляющій, повидимому, не подвергался предварительной обработкѣ—не былъ измельченъ, размѣшанъ.

Послѣдній слой—смазка—иногда совсѣмъ не обожженъ, иногда обожженъ очень слабо, легко разламывается руками, въ изломѣ даетъ черную, пористую массу.

Тотъ «чирипъ», о которомъ упоминалось выше, занималъ площадь въ квадратный метръ; стороны его не имѣли правильныхъ очертаній и непосредственно сливались съ землей,—несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло лишь съ частью болѣе обширнаго смазаннаго пространства, которое отъ времени разрушилось. На разстояніи 4 $^1/_2$ м. отъ западнаго края площадки, съ правой стороны ея, открыта снова небольшая часть обмазки.

Подвигаясь далѣе, на разстояніи 8-ми метр. отъ того-же края, посрединѣ площадки обнаруженъ уступъ, имѣющій видъ ступеньки, сдѣланный изъ слабо обожженной глины; уступъ, какъ и предыдущая смазка, лежалъ подъ слоями плитокъ и обожженной глины. Направленіе уступа—с. с. з.—ю. ю. в.—совершенно перпендикулярное направленію площадки; длина сохранившейся части уступа (концы его не имѣли правильной отдѣлки)—1, 60 стм., ширина 23 стм., толщина 8 стм. По отношенію къ раньше открытой смазкѣ уступъ лежалъ выше ея на 15 стм.

Еще далѣе на 2,45 м.—новый уступъ въ лѣвой части площадки, по направленію параллельный первому. Этотъ уступъ составлялъ край довольно большой площади смазки, шедшій далѣе къ восточному краю площадки; какъ уступъ, такъ и смазка покрыта сверху такими-же слоями плитокъ и глины. Уступъ длиной 1 м., лѣвый край его разрушенъ, правый-же закругленъ, и въ этомъ мѣстѣ ширина уступа 35 стм. при толщинѣ 8—9 стм.; отъ этого мѣста уступъ, все время окаймляя смазку, послѣ новаго закругленія принимаетъ направленіе къ в. в. с. и на разстояніи 1,40 м. соединяется съ новымъ уступомъ,

занимающимъ уже среднюю часть площади и идущимъ на протяженіи 1,40 м. параллельно предыдущимъ, т. е. поперекъ площадки. Второй уступъ выше перваго на 22 стм., а третій выше второго на 15 стм.

За третьимъ уступомъ культурный слой продолжался не болѣе, какъ на 1 метръ и площадка оканчивалась.

Вотъ тѣ наблюденія, касающіяся конструкціи сооруженія, которыя дала раскопка *одной лишь площадки*.

Добытые факты не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ поломъ, или правильнѣе, съ наслоеніями нѣсколькихъ половъ древняго жилища. Эти-же факты даютъ возможность болѣе или менѣе правдоподобно возстановить и процессъ устройства пола—единственной, дошедшей до насъ части жилища. Выбиралось мѣсто, поверхность земли немного расчищалась и выравнивалась и затѣмъ смазывалась глиной. Въ настоящемъ случаѣ мѣстность была выбрана съ небольшимъ уклономъ и вслѣдствіе этого основаніе жилища пришлось разбить поперекъ на нѣсколько частей и устроить уступы иногда съ выгибами, о которыхъ говорилось выше. Слѣдующій моментъ работы еще достаточно не выясненъ,—имѣемъ въ виду непосредственно прилегавшіе къ обмазкѣ куски обожженной глины съ отпечатками въ видѣ полосъ. При раскопкахъ А. А. Спицына былъ открытъ правильный рядъ такихъ отпечатковъ, доходившихъ въ ширину, если не ошибаемся, до 12—13 стм., и ихъ съ большой долей вѣроятности можно принять за отпечатки расколотаго и уложеннаго рядомъ дерева, а также и вѣтокъ; такимъ образомъ, можно предположить, что смазка покрывалась слоемъ дерева, на которое затѣмъ накладывался пластъ глины, толщиной 10—12 стм.; пластъ этотъ выравнивался, смазывался и подвергался сильному обжиганію, вслѣдствіе чего истлѣвалъ и слой дерева и отчасти обжигалась и первая нижняя смазка. Послѣдующая стадія—этотъ пластъ покрывался гораздо болѣе тонкимъ слоемъ хорошо размѣшанной глины, который снова обжигался; впослѣдствіи этотъ слой растрескался на неправильной формы куски, которые я называлъ плитками. И этотъ слой, въ свою очередь, иногда былъ покрытъ другимъ тонкимъ, также хорошо обожженнымъ слоемъ, давшимъ такія-же плитки, но факта покрытія новымъ слоемъ въ данномъ случаѣ съ точностью нельзя было установить.

Вскрытое мной сооруженіе повидимому является простѣйшимъ видомъ, здѣсь культурный слой достигалъ не болѣе какъ 30—40 стм; въ другихъ случаяхъ, какъ напр. у Триполья, онъ былъ гораздо большей мощности; реставрировать конструкцію сооруженія здѣсь было легче, но и тутъ надвигаются нѣкоторые вопросы, отвѣтить на которые пока трудно, напр.: устраивались-ли эти напластованія пола одновременно, въ одинъ пріемъ, или изношенный полъ чинился путемъ новой обмазки и обжиганія въ послѣдующее время, чрезъ болѣе или менѣе длинные промежутки времени? Выступаютъ и болѣе существенные вопросы: каковы были стѣны и крыша даннаго сооруженія—глинобитныя, изъ обмазаннаго хвороста или изъ дерева? каково было расположеніе жилищъ — рядами-ли или кругами? каково количество жилищъ, составлявшихъ одно поселеніе? и т. п. На эти вопросы несомнѣнно дадутъ отвѣты дальнѣйшія *систематическія* раскопки, веденныя, какъ справедливо требуетъ этого Ѳ. К. Волковъ, съ необходимой научной точностью.

При изслѣдованіи даннаго основанія жилища найдено было болѣе 20-ти сосудовъ, какъ цѣлыхъ, такъ преимущественно распавшихся, кромѣ того, много черепковъ отъ сосудовъ. Сосуды эти требуютъ еще очистки, склейки и систематизаціи по выдѣлкѣ и формамъ. На основаніи поверхностныхъ наблюденій посуду можно раздѣлить на три сорта: 1) тонкая хорошаго обжига, преимущественно въ формѣ горшковъ разной величины, нерѣдко украшенная росписью черной краской въ видѣ параллельныхъ полосокъ, толстыхъ полосъ съ завитками и рѣшетчатаго орнамента, 2) съ толстыми стѣнками (до 1 стм.), сѣраго цвѣта въ изломѣ, замѣчательно плотнаго обжига, форма—главнымъ образомъ миски, плошки и двойники, 3) всего только нѣсколько черепковъ—пористая, слабаго обжига, съ выдавленнымъ по сырой глинѣ орнаментомъ, вполнѣ напоминающая посуду изъ извѣстныхъ стоянокъ неолитическаго періода (какъ дюнныхъ, такъ и не дюнныхъ).

Что касается мѣстъ нахожденія посуды, то, какъ уже сказано, она встрѣчена на поверхности, въ смѣшанномъ слоѣ обожженной глины и даже (одинъ горшочекъ) подъ этимъ слоемъ; бывало и такъ, что верхняя часть сосуда находилась на поверхности, нижняя-же, отломившаяся, залегала гораздо ниже. Во всѣхъ случаяхъ, когда посуда находилась въ слоѣ пережженной глины, слой этотъ потерялъ свою первоначальную консистенцію; послѣдовательные пласты, наблюдаемые въ нетронутыхъ мѣстахъ, были перемѣшаны, лежали въ безпо-

рядкѣ. Все это даетъ право положительно утверждать, что первоначально, когда основаніе жилища еще не подверглось разрушенію, *всѣ сосуды, какъ и другіе предметы, находились на поверхности* и только впослѣдствіи попали въ слой обожженной глины и даже подъ него.

Какимъ-же путемъ произошло такое перемѣщеніе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ послужитъ также отвѣтомъ и на то, почему пласты въ нетронутомъ состояніи сохранились лишь въ видѣ незначительныхъ оазисовъ, повсюду-же были разрушены, а также, почему кусочки обожженной глины встрѣчались гораздо ниже линіи культурнаго слоя, спускаясь иногда до глубины 70-ти стм. Раскопки объяснили причину: разрушеніе площадки произведено малыми и большими грызунами, проводившими въ теченіе тысячелѣтій норы и ходы къ нимъ подъ основаніемъ жилища; ходы заваливались, трескался и опускался и полъ, а вмѣстѣ съ нимъ и все, помѣщенное сверху; во время раскопокъ, разбирая пластъ, то и дѣло приходилось наталкиваться на такія норы, еще незаваленныя землей; нѣкоторыя изъ нихъ были до 15 стм. діаметромъ, шли они въ разныхъ направленіяхъ; въ двухъ случаяхъ можно было наблюдать, какъ плитки и обмазка образовали какъ бы своды надъ норами,—черезъ нѣкоторое время сводики бы обвалились и произошли бы перемѣщенія и сдвиги слоевъ.

Кромѣ посуды, культурный слой далъ нѣсколько камней (преимущественно гранитъ) съ одной сглаженной поверхностью, служившихъ для растиранія зеренъ или для шлифовки каменныхъ орудій. Камни круглой и овальной неправильной формы, нѣкоторые изъ нихъ были до $1/2$ метра длиной; какъ ни бережно вынимались камни, они обыкновенно на воздухѣ распадались на нѣсколько кусковъ.

Изъ органическихъ остатковъ найдена всего лишь одна фаланга быка, нѣсколько мелкихъ необожженныхъ костей и сравнительно больше обожженныхъ, наконецъ, раковина Unio pictorum. Нигдѣ не найдено ни кусочка угля.

На этомъ заканчиваю настоящій краткій отчетъ о раскопкахъ. Продолжать раскопки у Колодистаго будетъ В. Н. Доманицкій, и можно надѣяться, что его изысканія послужатъ къ еще большему выясненію конструкціи данныхъ сооруженій, такъ и другихъ деталей.

Н. Бѣляшевскій.

Разныя извѣстія.

Находки въ урочищѣ «Церковщина» у с. Лѣсниково, Кіевск. у. Въ «Археолог. Лѣтописи» (іюнь 1899 г.) мы передали содержаніе статьи покойнаго П. А. Лашкарева, посвященной этой мѣстности, гдѣ былъ Гнилецкій монастырь, и гдѣ въ до-татарскій періодъ существовала каменная церковь. П. А. Лашкаревъ высказалъ предположеніе, что церковь существовала и въ литовскій періодъ и окончательно разрушена въ XV вѣкѣ. Послѣ этого, мѣстность, гдѣ былъ Гнилецкій монастырь, принадлежала, въ качествѣ угодія, то кіевскому митрополиту, то Выдубицкому монастырю, пока, наконецъ, не отобрана была при Екатеринѣ II, вмѣстѣ съ другими монастырскими имѣніями, въ казну. Въ 1830-хъ годахъ бывшій настоятель Кіево-Братскаго монастыря и ректоръ кіевской духовной академіи архимандритъ Иннокентій выпросилъ у казны эту мѣстность во владѣніе Братскаго монастыря и предпринималъ нѣкоторыя мѣры для поддержанія пещеры и приведенія самой мѣстности въ порядокъ. Нынѣшній настоятель Братскаго монастыря преосвященный Димитрій задумалъ очистить пещеру, построить небольшой храмъ на мѣстѣ древняго и при немъ жилье для престарѣлыхъ и немощныхъ монаховъ изъ своего монастыря.

Проф. В. З. Завитневичъ, вполнѣ правильно полагая, что при выемкѣ земли подъ фундаментомъ для новой церкви могутъ встрѣтиться остатки старины, испросилъ разрѣшеніе у преосвящ. Димитрія присутствовать при земляныхъ работахъ и о своихъ наблюденіяхъ помѣстилъ замѣтку въ «Кіевлянинѣ» (№ 152), слѣдующаго содержанія. Число найденныхъ предметовъ оказалось не велико, но научная цѣнность ихъ несомнѣнна. Такъ, прежде всего удалось добыть нѣсколько цѣлыхъ кирпичей, изъ которыхъ, какъ есть основаніе думать, построена была древняя церковь; длина кирпича 7 вершк., шир. 5 в., толщина 1 в. Ясно, что мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ древнѣйшей формой кирпича княжеской эпохи. Затѣмъ, найдено нѣсколько ценинныхъ плитокъ, которыми, повидимому, вымощенъ былъ полъ церкви; по своему типу онѣ тожественны съ тѣми, которыя открыты были на хорахъ великой лаврской церкви и отличаются отъ нихъ только нѣсколько большимъ объемомъ: каждая сторона нашихъ плитокъ равняется

$3^1/_2$ вершк., онѣ также покрыты цвѣтною глазурью; глазурь нашихъ плитокъ желтаго и темно-коричневаго цвѣта. Найдено, далѣе, нѣсколько кусковъ фресковой штукатурки краснаго, желтаго, темносиняго, зеленаго и свѣтло-голубого цвѣта; слѣдовъ орнамента на штукатуркѣ не видно; только на нѣкоторыхъ кускахъ замѣтны слѣды ясно очерченной каймы. Найдена, наконецъ, узкая оловянная, пробитая желѣзнымъ гвоздемъ, полоска, подобная той, какая раньше здѣсь-же встрѣтилась покойному проф. П. А. Лашкареву. Наша полоска служила, повидимому, для скрѣпленія какого-то шва. Оказалось также при выемкѣ земли много человѣческихъ костей, но безъ гробовъ и безъ слѣдовъ погребальныхъ ямъ. Кости эти, при внимательномъ изслѣдованіи ихъ положенія, не производятъ, однако-же, впечатлѣнія случайно набросаннаго мусора: большею частью это болѣе или менѣе цѣльные костяки, которымъ недостаетъ лишь нѣкоторыхъ частей, напримѣръ, головъ, рукъ и др. членовъ, находимыхъ тутъ-же по сосѣдству. Вообще, наблюдатель выноситъ такое впечатлѣніе, что эти кости принадлежатъ людямъ разныхъ половъ и возрастовъ, погибшихъ во время какой-то катастрофы, правдоподобнѣе всего войны.

Вотъ и все, что вынуто было въ моемъ присутствіи изъ земли. Находки эти въ количественномъ отношеніи незначительны; но онѣ цѣнны въ томъ отношеніи, что, независимо отъ свидѣтельства письменныхъ источниковъ, даютъ основаніе для несложнаго, но вполнѣ точнаго вывода. Именно, онѣ свидѣтельствуютъ, что этотъ, теперь глухой и забытый, уголокъ въ до-татарскую эпоху былъ предметомъ особаго вниманія и любви кіевлянъ и что здѣсь сооружена была каменная церковь, полъ которой былъ устланъ ценинными плитками, а стѣны были расписаны фресками.

Новая церковь строится на мѣстѣ старой, которая сооружена была въ центрѣ сравнительно незначительной площадки, какъ вѣнцомъ окруженной высокимъ подъемомъ горъ, покрытыхъ въ настоящее время вѣковымъ лѣсомъ. Ходъ на эту площадку идетъ съ востока, отъ Днѣпра, который въ этомъ мѣстѣ приблизительно на полверсты удаляется отъ своего естественнаго крутого берега и на пологіе, покрытые зеленою муравою, берега котораго съ высотъ урочища открывается очаровательный видъ. При движеніи названнымъ ходомъ на площадку, съ правой стороны, надъ прудомъ, наблюдается крутой подъемъ, на склонѣ котораго виднѣются какъ-бы двѣ норы, это ходы въ пещеры: одинъ съ юго-западной, другой—съ юго-восточной сто-

роны. Пещеры эти въ настоящее время еще мало расчищены и потому невполнѣ доступны изслѣдованію. Но то, что доступно наблюденію, даетъ основаніе предполагать, что мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ цѣлою, довольно сложною, системою пещеръ, расположенныхъ къ тому-же въ два яруса одинъ надъ другимъ. Въ расчищенной части пещеръ открыты три келіи съ лежанками въ двухъ изъ нихъ и церковь. При выемкѣ земли для церкви посрединѣ вставленъ былъ сплошной столбъ, который, на высотѣ въ поясъ человѣка, прорѣзанъ накрестъ двумя траншеями (одна широкая, другая узкая); образовавшіеся по угламъ четыре столба съ потолкомъ составили такимъ образомъ естественный киворій надъ престоломъ. Стѣны пещеръ испещрены въ позднѣйшее время проникавшими въ нихъ посѣтителями. Но въ кельяхъ и церкви сохранилось на стѣнахъ нѣсколько вырѣзанныхъ крестовъ, несомнѣнно принадлежащихъ древности: кресты четырехконечные, на постаментахъ, вышиною въ $^1/_4$ арш. Надъ верхнею перекладиною, отчетливо начертано уставными буквами: іс. хс. съ титломъ; а на крестѣ въ церкви, подъ поперечною перекладиною, сверхъ того имѣется надпись: ника. Съ этихъ крестовъ необходимо снять фотографическіе снимки.

Изолированность урочища «Церковщина» отъ остального Божьяго міра, какой-то своеобразный шумъ дѣвственнаго лѣса, обиліе въ немъ пернатыхъ обитателей, нашедшихъ здѣсь мирный пріютъ послѣ опустошенія окрестностей, прекрасный видъ съ высоты горъ на Днѣпръ и на Кіево-Печерскую Лавру,—все это на любителя природы производитъ чарующее впечатлѣніе и до нѣкоторой степени объясняетъ причину того, почему этотъ уголокъ сдѣлался предметомъ любви и вниманія нашихъ древнихъ подвижниковъ».

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРОДАЕТСЯ

во всѣхъ книжныхъ магазинахъ книга *„Драмована Трылогія"* *П. А. Кулиша.* Харьковъ. 1900. Ц. 2 руб. безъ пересылки, а съ пересылкой 2 р. 40 коп. Трилогія состоитъ изъ трехъ драмъ: 1) Байда, князь Дм. Вышневецькій; 2) Гетьманъ Петро Сагайдачный; 3) Наказный гетьманъ Северынъ Налывайко.

МУЗЫКАЛЬНАЯ НОВОСТЬ:

Только что вышла изъ печати и поступила въ продажу у **Леона Идзиковскаго въ Кіевѣ.**

УТОПЛЕНА

(*Майська Ничъ*):

Лирычно-фанастычна опера у трёхъ діяхъ и четырёхъ одминахъ; текстъ по Гоголю склавъ

Мих. Старыцькый,

музыка

М. ЛИСЕНКА.

Цина 4 руб. съ пересылкою 4 руб. 40 коп.

Левко (Теноръ). *Галя* (Лиричне-сопрано). *Горпына* (зовыця) (Меццо-сопрано). *Голова* (Спивочный басъ). *Пысарь* (Барытонъ). *Вынныкъ* (2-й басъ). *Каленыкъ* (2-й басъ). *Панночка* (Утоплена). (Драматычне-сопрано). *Русалкы* (Жин. хоръ). *Соцьки* (хоръ).

Парубкы (хоръ) й *дивчата* (хоръ). Справа 1-ой діи ведется въ сели на Украини, 2-ои діи въ Головыній хати, 3-ёи діи коло ставу, поблызу руинъ Єотныкового будынку.

Діеви особы.

ДІЯ ПЕРША.

Интродукція.

1. Хоръ. *Туманъ хвылямы лягае.*
2. Письня Левка. *Ой, ты мисяцю зоре.*
3. Речитативъ и серенада Левка. *Ниченька спускается.*
4. Арія Левка. *Не лякайся и не гайся.*
5. Кантилена Гали. *Козаченьку мылый.*
6. Дуетъ Левка й Гали. *Дивчыно кохана.*
7. Балляда Левка. *Давно въ тимъ будынку.*
8. Парубочый хоръ (а capella). *Та туманъ яромъ.*
9. Парубочый хоръ. *Туманъ яромъ котытся.*
10. Дивочый хоръ (Троицька). *Ой, завъю винкы.*
11. Письня Каленыка. *Колы-бъ мени зранку.*
12. Тріо (Галя, Левко, Голова). *Боже ,щожъ мени початы?*
13. Финалъ 1-ои діи. Парубочый хоръ. *А въ нашого Головы.*

ДІЯ ДРУГА.

Антрактъ.

14а. Письня Горпыны. *Ой, выйду я на морижокъ.*
14б. Письня Горпыны. *Докы жъ мени журытыся.*
15. Романсъ Пысаря. *Горпыно Стахивно, горытъ.*
16. Письня Пысаря. *Якъ вступывъ я въ цю свитлыцю.*
17. Дуэтъ Пысаря й Горпыны. *Ой капусто, ой розсадо моя.*
18. Терцетъ (Голова, Вынныкъ, Горпына). *Въ мене, ой бида!*
19. Парубочый хоръ. *А въ нашого Головы.* (Дыв. № 13. першои діи).
20. Финалъ 1-и одслоны (Голова, Пысарь, Вынныкъ, Горпына, Соцьки). *Сватъ! Сватъ! це зовыця!*

Одслона друга.

21. Левко и парубочый хоръ. *А въ Головы зъ нашого села.*
22. Парубочый хоръ. *Ой, гопъ такы такъ.*
23. Финалъ 2-и дiи (Горпына, Голова, Пысарь, Вынныкъ, Каленыкъ, Соцькы, Левко, и парубочый хоръ), *А! Безокый сатанюко!*

ДIЯ ТРЕТЯ.

24. Интродукцiя и письня Левка. *Ой, не спытся й не лежытся.*
25. Чаривный сонъ. Сцена Левка и утопленои. *Ой, мисяцю ясный.*
26. Сцена. Панночка, Левко й русальный хоръ. *Вже мисяць надъ намы высоко.*
27. Таноъ русальчынъ. *Охъ, и глупои поры.* Сцена. (Панночка, Левко, русалкы).
28. Сцена й арiя. Гра у „ворона" й остання арiя панночкы. *Спасыби, спасыби: я вильна рыбчына.*
29. Финалъ. Сцена. Левко, Галя, Голова, Пысарь, Горпына, Вынныкъ, Каленыкъ, парубочый й дивочый хоръ. а) Дивочый хоръ *Гоминъ по диброви.* б) Септетъ съ хоромъ. *Я не стямлюсь зъ того дыва.*
30. Сцена заручынъ. *Батько насъ благословляе,* и прославный хоръ (мишаный) до Головы: *Честь тоби, пане Голово, й слава!*
31. Финальный прославный хоръ до Левка и Гали, *Слава нашымъ молодятамъ!*

Отдѣльныхъ номеровъ въ продажѣ нѣтъ.

членъ „весельной компаніи“), думающій сегодня поспѣть на ночь въ Хомутецъ, и такимъ образомъ опередить насъ, успѣетъ сообщить вм. м. пану нужныя объ этомъ свѣдѣнія. А мы, по выѣздѣ отсюда, донесемъ, кто съ нами „въ приданѣхъ“, (т. е. въ сопровождающей „молодыхъ“ компаніи) будетъ находиться... [1])

Относительно замысла Мазепы Носъ, повидимому, находился въ единомысліи съ своимъ патрономъ; по крайней мѣрѣ, когда Дмитрій Г—ко пошелъ вслѣдъ за Мазепою къ шведамъ, то Носъ оставался въ Батуринѣ, въ составѣ его гарнизона, причемъ преданіе прибавляетъ, что будто бы Носъ указалъ Меншикову—какимъ путемъ можно безъ препятствій проникнуть въ городъ..... Во всякомъ случаѣ, Носъ оказалъ русскому войску при осадѣ Батурина какую то важную услугу, такъ какъ за эту услугу Носъ, по царскому указу, поставленъ былъ Прилуцкимъ полковникомъ. [2]) Надежда Носа получить вмѣстѣ съ этимъ урядомъ и маетности своего предмѣстника, какъ мы видѣли, не сбылась. Сорвалъ Носъ свое сердце, по этому случаю, тѣмъ только, что побилъ этого, самого Андрея Горленка, котораго онъ за девять лѣтъ передъ тѣмъ возилъ въ Сорочинцы для вѣнчанья съ Апостоловною... Не удалось Носу и досидѣть на полковничьемъ урядѣ до смерти, какъ это обыкновенно водилось; урядъ этотъ потребовался, въ 1714 г., для человѣка еще болѣе ловкаго, чѣмъ былъ Носъ, и послѣдняго поремѣстили на урядъ *второго* генер. судьи; по два генер. судьи, бывало при Самойловичѣ, а потомъ, урядомъ генер. судейства правило всегда одно лицо. Но такъ какъ Носа некуда было дѣвать, то для него опять возобновили урядъ второго генер. судьи, при чемъ дали на этотъ урядъ и маетность. [3]) Нельзя не замѣтить, что Носъ менѣе всего годился въ генер. судьи, будучи неграмотнымъ... Но Носъ недолго оставался на этомъ урядѣ: черезъ годъ онъ умеръ. [4])

[1]) Кіевск. Стар. 1892 г. янв., 138. Приведенное письмо прочтено или напечатано—очень неисправно.

[2]) Истор. Мал. Рос., Б.-Каменск., изд. 1842 г., III, примѣч. 130.

[3]) См. Генер. слѣдствіе о маетн. Прилуцкаго полка, въ XI-й кн. Чтен. въ Общ. Нестора-Лѣтописца, *село Липовое*.

[4]) Позднѣйшее преданіе говоритъ, что Носъ умеръ «на 105 году», но это преданіе, сообщаемое г. Маценкомъ въ его *«Прилукщинѣ»*

Отъ брака съ Настасьей Ракович, Носъ имѣлъ сына Степана и дочь Меланью. Степанъ Носъ былъ человѣкъ „ума несовершеннаго", и кромѣ того „пьянственный"; отъ пьянства онъ и умеръ: „какъ ѣхалъ пьянъ изъ шинку, лошади ему голову разбили и отъ этого бою и умре". Степанъ былъ женатъ и оставилъ дѣтей. Дочь Меланья была сначала замужемъ за какимъ-то панкомъ Быстрановскимъ, а оставшись послѣ него вдовою, вторично вышла замужъ за державцу с. Гирявки Радича. (*См. с. Гирявка*).

Не успѣвъ захватить маетностей своего предмѣстника, Носъ не получилъ отъ Скоропадскаго и никакихъ другихъ. Владѣлъ онъ только Голубовкою и Щуровкою. Видимо, что Носъ не смогъ заслужить расположенія у нового гетмана, вѣроятно, за его настойчивость въ домогательствѣ Горленковскихъ маетностей. Не нажилъ Носъ большого богатства и въ деньгахъ. При спорѣ вдовы сына его Степана съ свекровью, за неполный выдѣлъ ей части изъ свекровской движимости, „господарь" (управляющій) умершаго полковника Михаилъ Гондзакъ на судѣ показалъ, что Носъ незадолго передъ смертью, идя въ походъ, отдавалъ ему на сохраненіе всего 12 тысячъ золотыхъ... (ок. 2500 р.).

Оставшимися послѣ Носа маетностями владѣла его вдова до своей смерти въ 1721 г.; а когда она умерла, то сынъ Носового пасынка выпросилъ себѣ у Скоропадскаго (при помощи гетманскаго „господаря", а своего зятя, Даровскаго универсалъ на с. Щуровку, и владѣлъ ею до смерти; но когда потомъ Щуровка перешла къ дѣтямъ Петра, то вдова Степана Носа начала въ 1743 г. противъ Носенковъ судебный споръ, доказы-

---

(стр. 77), видимо не вѣрно, какъ не вѣрны и многія другія свѣдѣнія о Носѣ, приводимыя въ этой плохо составленной книжкѣ,— напр., г. Маценко говоритъ: «отъ второй жены Носъ имѣлъ сына Ивана бывшаго въ Сѣчи кошевымъ атаманомъ». Очевидно, что здѣсь, дано слишкомъ много вѣры *семейнымъ преданіямъ позднѣйшаго времени*... Тутъ же можно упомянуть и о томъ, что не вѣрны свѣдѣнія о Носѣ и въ «Истор. Русовъ» (стр. 202 и 206); свѣдѣніе о полковничествѣ Носа въ охочекомонномъ полку—явно выдуманное, а о сношеніяхъ съ Меншиковымъ изъ Батурина—преукрашено *преданіями*...

вая, что село это неправильно отдано Скоропадскимъ **Носенку**, и процессъ свой выиграла: Щуровка была ей возвращена. Сыновья Степана Носа умерли бездѣтными и маетности полковника перешли къ его внукѣ, Марьѣ Степановнѣ, бывшей замужемъ за бунч. тов. Николаемъ Троцкимъ. [1])

Преемникомъ Носа былъ **Игнатъ Галаганъ**, тоже прошедшій запорожскую школу. Галаганы были родомъ изъ м. Омельника (Кременч. у.); у тамошняго, должно быть, козака Ивана Галагана было два сына: Игнатъ и Семенъ; семья была бѣдная, такъ какъ оба эти брата были неграмотны. Старшій Игнатъ, желая выбиться въ люди, пошелъ на Запорожье; въ 1706 году онъ былъ тамъ уже полковникомъ и начальствовалъ запорожскимъ отрядомъ, который былъ высланъ изъ Сѣчи на помощь Петру В. противъ шведовъ. Затѣмъ Г—нъ является полковникомъ одного изъ охочекомонныхъ полковъ; полковниковъ этихъ выбиралъ самъ гетманъ; значитъ, Г—нъ былъ выбранъ Мазепою.

При отходѣ Мазепы къ шведамъ, Г—нъ пошелъ за гетманомъ, но, кажется, скорѣе другихъ распозналъ тщету замысла патрона и—вернулся къ царю. Слѣдовавшіе затѣмъ удачные „поиски“ Г—на за шведскими отрядами, заслужили ему новое довѣріе Петра В., и въ мартѣ 1709 г., въ самое тревожное значитъ время, Г—нъ былъ назначенъ Чигиринскимъ полковникомъ. Въ гетманскомъ универсалѣ объ этомъ назначеніи говорится, что Чигиринскій сотникъ Григорій, съ товариствомъ, просилъ, чтобы въ виду происходившей на Украинѣ смуты, назначить имъ въ Чигиринъ полковникомъ, „якого полуфалого и въ войсковыхъ дѣлахъ искусного товарища“, почему и выбранъ былъ Г—нъ. Выборъ этотъ принадлежалъ, конечно, самому Петру В., который въ это время за всѣмъ слѣдилъ самъ. Съ Чигиринскимъ полкомъ Г—нъ принималъ дѣятельное участіе въ изгнаніи шведовъ изъ Малороссіи и за эту службу, въ августѣ 1709 г., получилъ, по царскому указу, на правомъ берегу Днѣпра, четыре

---

[1]) Кіевск. Стар. 1888 г., октябрь, 370. О спорахъ невѣстки полковника Носа, Марьи «Степанихи» съ Бѣлецкими-Носенками за Голубовку и Щуровку—см. ниже, при описаніи этихъ селъ.

села: Боровицу, Худяки, Шабельники и Вороновку; [1]) а въ слѣдующемъ году Скоропадскій прибавилъ къ нимъ еще и с. Липовое, [2]) на лѣвомъ берегу, въ Чигриндубровской сотнѣ.

Но когда, по Прутскому договору, правый берегъ Днѣпра отошелъ къ Польшѣ, то Г—нъ долженъ былъ лишиться и своего уряда, и полученныхъ тамъ маетностей. За эти потери Г—на въ правобережныхъ маетностяхъ, Скоропадскій далъ ему на лѣвомъ берегу большое мѣстечко Веремѣевку. Новый полковничій урядъ для Г—на найденъ былъ тоже на лѣвомъ берегу: для него перемѣстили Носа на другой урядъ (с. 33.), и въ к. 1714 г. Г—нъ былъ назначенъ Прилуцкимъ полковникомъ. Все это было сдѣлано, конечно, по высшему указанію.

Неожиданное это назначеніе всполошило всю Прилуччину: слава о Г—нѣ, какъ о человѣкѣ крутомъ и самовластномъ, извѣстна была по всей Украйнѣ. О произшедшемъ по этому поводу смятеніи между Прилуцкими полчанами, расказывалъ впослѣдствіи (въ 1722 г.) полковой есаулъ Панкевичъ, что когда въ Прилукѣ прослыхали о назначеніи Г—на, то „видя, что тотъ полковникъ не ихъ полку родимецъ и никакихъ тамъ своихъ грунтовъ не имѣетъ, просили гетмана и стольника Протасьева, чтобъ онъ обидъ и налоговъ имъ, полчанамъ, не чинилъ.“ Эту просьбу Прилучанъ относительно Г—на—Скоропадскій нашелъ уважительною, зная конечно и самъ, что это былъ человѣкъ, котораго необходимо было сдерживать. Вотъ по этой то причинѣ гетманъ, при врученіи Г—ку полковыхъ клейнодовъ, далъ ему „за своею рукою пункты, которые полковникъ публично читавъ, обязался ихъ исполнять, послѣ чего пункты тѣ были отданы на сохра-

---

[1]) «Объявляю указомъ царскаго величества въ селахъ Боровицы, Худяковъ, Шабельниковъ и Вороновки войтомъ, бурмистромъ и всей старшинѣ и черни, кромѣ козаковъ, вел. государь, его ц. в—во пожаловалъ Чигиринскаго полковника Галагана..... указалъ вамъ, помянутыхъ селъ жителямъ быть въ подданствѣ... И вамъ бы сей указъ вѣдать и всякое послушаніе и повинность ему отдавать... Данъ въ Чигиринѣ, 31 авг. 1709 г. Князь (Дм. Мих.). Голицынъ». Не смотря на этотъ «указъ», Скоропадскій выдалъ Г—ну на тѣ же села и свой универсалъ, въ октябрѣ того-же года. *Дѣло о Галаганахъ въ Полтавск. дворянск. архивѣ.*

[2]) Чтенія въ Общ. Нестора-Лѣтоп., XI, отд. 3-е, стр. 192.

неніе судьѣ". Такимъ образомъ, при врученіи Г—ну полковничьяго пернача, ему вмѣстѣ съ тѣмъ вручены были отъ гетмана и особые „пункты", для руководства, и главнымъ образомъ для ограниченія его произвола... Эти „пункты", которые въ гетманщинѣ ни прежде, ни послѣ не практиковались, сразу оказались нужными для ограниченія того ожидавшагося отъ полковника произвола, въ которомъ никто, повидимому, не сомнѣвался. Получивъ эти „пункты", Г—нъ тутъ-же нашелъ нужнымъ попросить у гетмана позволенія—перемѣнить полковую старшину, которая, какъ онъ успѣлъ прослыхать, уже заранѣе возбуждаетъ полчанъ противъ него. Гетманъ такого разрѣшенія Г—ну однако-жъ не далъ. Далѣе—опасенія Прилучанъ оказались справедливы. Начать съ того, что сейчасъ-же, по прибытіи въ Прилуку, Г—нъ отобралъ отъ судьи гетманскіе „пункты", желая конечно тѣмъ развязать себѣ руки и, какъ кажется, прежде всего для того, чтобы не стѣсняться при перемѣнѣ полковой старшины. Это видно изъ письма Г—на къ гетману, писаннаго въ октябрѣ 1714 г., въ которомъ читаемъ: „Было мнѣ устное ваше панское росказаніе, чтобъ только Михайло Мовчанъ урядъ свой есаульства полкового сохранилъ, а о другихъ урядникахъ, вельможность ваша, тогда не вспоминали; *теперъ же выданъ указъ вашъ,* чтобъ и другой есаулъ (Панкевичъ) и писарь полковой—также оставались при своихъ урядахъ. Хотя я не противлюсь вашей волѣ, но ничего добраго отъ этихъ урядниковъ себѣ не ожидаю." [1]) Особенно Г—нъ желалъ перемѣнить полкового писаря, потому что будучи неграмотнымъ, онъ долженъ былъ въ лицѣ писаря имѣть человѣка вполнѣ довѣреннаго. Поэтому, не смотря на приказъ гетмана не трогать тогдашняго полкового писаря Андрея Себастіановича, Г—нъ уже въ декабрѣ 1714 г. перемѣстилъ его на урядъ судейства, а писаремъ назначилъ Федора Галенковскаго. Остальную старшину Г—нъ лишалъ всякой дѣятельности и она жаловалась въ 1717 г., гетману, что послѣ того, какъ отобралъ полковникъ гетманскіе „пункты", полковые урядники три года не допускаются къ „правленію опредѣленныхъ дѣлъ". Поставленная въ такое положеніе Прилуцкая старшина обратилась къ гет-

---

[1]) См. Русск. Арх. 1875 г., I, 319, гдѣ по ошибкѣ сказано—въ 1717 г.

ману съ просьбою—выдать ей „оборонный“ противъ своего полковника универсалъ. Хотя такой универсалъ и былъ выданъ, но онъ ничего не помогъ, какъ это видно изъ слѣдующаго донесенія старшины гетману, писаннаго въ январѣ 1720 г.—„Просили мы передъ симъ у ясневельможности вашей поважного рейментарского универсалу, чтобы его мил. п. полковникъ нашъ—попрежнему до насъ былъ склоненъ, каковой универсалъ и получили. Но прибывши съ нимъ въ Прилуку, два раза ходили съ нимъ въ домъ полковника, желая универсалъ тотъ, при нижайшемъ нашемъ поклоненіи, ему объявить; однако его м—ть очей своихъ до насъ не явивши, отъѣхалъ за какимъ то своимъ дѣломъ въ Кіевъ. А когда оттуда возвратился, то мы снова пошли къ нему и отдали вашъ панскій универсалъ до рукъ его м—ти; взявъ ту бумагу, полковникъ положилъ ее въ карманъ („въ кишеню“) и ушелъ, ничего намъ не сказавши. А черезъ три дня возвратилъ универсалъ чрезъ писаря „мѣского“, сказавъ: „нехай собѣ его держатъ...“ И отъ того времени никакихъ дѣлъ не сталъ намъ поручать, а когда прійдемъ къ полковнику во дворъ, то онъ ни добрымъ, ни злымъ насъ не трогаетъ, повторяя, что у него ни есауловъ, ни писаря (?)—нѣтъ. И такъ, милостивый пане, писали Прилучане, еще горше на насъ теперь сталъ гонити п. полковникъ, ибо и сихъ мимошедшихъ святъ (праздниковъ) не только приказалъ п. войту Прилуцкому, чтобы, по обычаю святочному, въ домы наши съ хлѣбомъ-солью не смѣлъ ходить, но и всѣмъ цеховымъ велѣлъ пригрозить, чтобы тоже не смѣли идти къ намъ съ поклономъ [1])“...

Такимъ образомъ для безусловнаго подчиненія старшины, Г—нъ старался лишить ее возможности пользоваться тѣми доходами, которыми старшина жила... Мѣра была дѣйствительная.

Такъ-же точно поступалъ Г—нъ и съ сотнянами. Тутъ, прежде всего, онъ увеличилъ *ралецъ* и другіе „датки“, которые обязаны были сотенныя ратуши подносить полковнику. Сотняне большею частью молчали. Одинъ только Сребрянскій сотникъ Троцина, вышедшій въ сотники изъ царскихъ пѣвчихъ и потому

[1]) Прошеніе подписано: «Старшина полковая Прилуцкая и сотники того-жъ полку зъ товариствомъ и посполствомъ обидимыми». Изъ рукопис. нашей б—ки.

бывшій смѣлѣе другихъ, обратился къ гетману съ жалобсю на увеличеніе Г—номъ сотенныхъ „датковъ“ и на другія его притѣсненія. Гетманъ выдалъ и Троцинѣ свои универсалы, предписывавшіе Г—ну удовлетворить жалобы Сребрянъ. Но и эти универсалы остались безъ результатовъ. „Получивъ въ Глуховѣ два ваши универсала, доносилъ Троцина Скоропадскому,—одинъ на уменьшеніе *ральця* и другихъ „датковъ“, которые беретъ полковникъ съ нашей ратуши, а другой,—о заплатѣ жалованья старымъ полевымъ сторожамъ, оба тѣ универсале я передалъ полковнику, который, прочитавъ ихъ, ничего не сказалъ и замолчалъ до сего времени... А теперь онъ, п. полковникъ, желая заспокоить подданныхъ своего села Сокиринецъ, за долгъ ихъ въ 600 золот. Сребрянской ратушѣ, приказалъ мнѣ съ моею старшиною—пріѣзжать въ Прилуку; а по пріѣздѣ нашемъ туда, обругалъ полковникъ старшину мою, какъ самъ хотѣлъ, и затѣмъ отпустилъ ее по домамъ, а изъ-подъ меня взявши коня, оставилъ въ Прилукѣ, пока я не заплачу жалованья новымъ полевымъ сторожамъ. Послѣ этого полковникъ поѣхалъ по своимъ хуторамъ, а я сижу въ Прилукѣ и теряю дорогое для хозяйства время“... Молчаливо, но настойчиво преслѣдовалъ Г—нъ свою цѣль—добиться отъ полчанъ безпрекословнаго повиновенія...

Подчиняя мало-по-малу старшину своей власти, Г—нъ въ тоже время ревностно накоплялъ свои богатства въ разныхъ его видахъ. На первомъ мѣстѣ стояли, конечно, *маетности*.

Вслѣдъ за полковничествомъ, Г—нъ получилъ, въ ноябрѣ 1716 г., с. Сокиренцы да сталъ распоряжаться селомъ Рясками, считавшимся урядовымъ. Затѣмъ, посредствомъ искусныхъ ухищреній, завладѣлъ двумя селами—Озерянами и Дехтярами. Кромѣ того, Г—нъ успѣлъ устроить нѣсколько хуторовъ и водяныхъ мельницъ. Подробности о томъ, какъ пріобрѣтались эти имѣнія разсказаны будутъ ниже, при описаніи селъ, а здѣсь только скажемъ, что получивъ отъ гетмана одно село Сокиренцы, Г—нъ сталъ хлопотать о полученіи царской грамоты на другія свои пріобрѣтенія, для чего въ нач. 1722 г. отправился въ Петербургъ. Въ это время тамъ находился и Скоропадскій. Г—нъ просилъ коллегію иностранныхъ дѣлъ укрѣпить за нимъ:

Сокиренцы, Ряски и Озеряне, пять водяныхъ мельницъ и два хутора. Коллегія потребовала заключенія гетмана, который отвѣчалъ: 1) Сокиренцы отдать можно, 2) Ряски принадлежатъ на полковничій урядъ и потому въ вѣчность отдавать ихъ нельзя и 3) селомъ Озерянами полковникъ завладѣлъ невѣдомо коимъ образомъ, ибо на тое село универсалъ ему не выдавался; о мельницахъ, показаннымъ купленными, гетманъ отвѣчалъ, что если они куплены, то должны быть представлены урядовыя купчія, но ихъ нѣтъ. Вслѣдствіе такого отвѣта коллегія Г—ну въ грамотѣ на маетности отказала, кромѣ Сокиренецъ. Г—нъ увидѣлъ, что нужно подождать, тѣмъ болѣе, что какъ разъ въ это время умеръ Скоропадскій и для гетманщины настали трудныя времена. Учрежденная въ 1722 г., Глуховская коллегія почти уничтожала гетманскую власть, а вмѣстѣ съ нею подрывались и старые порядки, при которыхъ козацкая старшина царила надъ народомъ. Назначенный сенатомъ временный (наказный) гетманъ Полуботокъ сталъ прилагать было свои усилія къ спасенію „давнинъ“ и для этого прежде всего хотѣлъ сплотить воедино высшую старшину, чтобы дѣйствуя отъ имени ея, показать высшему правительству, что его домогательства идутъ отъ лица всѣхъ представителей гетманщины. Полковниками въ этотъ моментъ оставались: Данило Апостолъ, Михайло Милорадовичъ, Андрей Марковичъ, Игнатъ Галаганъ, Антонъ Танскій и Петръ Толстой. Всѣ они хорошо понимали, что протесты Полуботка противъ распоряженій президента Глуховской коллегіи—могутъ оказаться очень опасными для личнаго благосостоянія каждаго изъ нихъ, и на призывъ наказнаго гетмана—дѣйствовать сообща—откликались крайне неохотно. Видя неуспѣхъ частныхъ своихъ ходатайствъ—предъ высшимъ правительствомъ—о разрѣшеніи избрать новаго гетмана, Полуботокъ задумалъ, весною 1723 г., послать къ царю депутацію, состоящую изъ всѣхъ наличныхъ полковниковъ, которые должны были повезти съ собою челобитныя, подписанныя всѣми ихъ полчанами. Такая депутація, являясь представительницею всего народа, должна была, по мнѣнію Полуботка, обратить на себя вниманіе царя. Рѣшивъ собрать такую депутацію, Полуботокъ сталъ звать полковниковъ въ Глуховъ, но они—не ѣхали... Не ѣхалъ и Га-

лаганъ, „отмовляясь“ разными полковыми дѣлами. Полуботку особенно хотѣлось привлечь къ депутаціи Г—на, конечно, потому что послѣдній пользовался вниманіемъ царя. Вслѣдствіе этого нак. гетманъ сталъ было пугать Прилуцкаго полковника коллегіей: на отговорки Г—на Полуботокъ отвѣчалъ, что если Г—нъ отказывается отъ поѣздки въ Петербургъ, то пусть пріѣзжаетъ въ Глуховъ для отвѣта противъ поданныхъ на него въ судъ жалобъ, а если и засимъ не пріѣдетъ въ Глуховъ, „*то когда челобитчики на него удадутся въ коллегію*, то большая учинится ему трудность и турбація.“ [1]) Но разумѣется Г—нъ не боялся этихъ угрозъ, понимая, что Глуховской коллегіи пріятнѣе было видѣть у полковниковъ не единомысліе, а разномысліе съ Полуботкомъ... Затѣмъ, когда, лѣтомъ того же 1723 г., Полуботокъ былъ вызванъ въ Петербургъ, то онъ все-таки попробовалъ повезти съ собою челобитную (о выборѣ гетмана), подписанную главною старшиною, а въ томъ числѣ, разумѣется, и полковниками. Снова сталъ звать Полуботокъ послѣднихъ въ Глуховъ, уже только—лишь для одной подписи челобитной. Но пріѣхали немногіе, а въ числѣ непріѣхавшихъ былъ и Г—нъ. Тогда Полуботокъ рѣшилъ, по близости Прилуцкаго полка къ Глухову, послать челобитную для подписи въ Прилуку, но уже не къ Г—ну, а „до п. обозного Прилуцкого съ предложеніемъ, что такъ какъ, *послѣ троекратнаго писанія*, тамошній полковникъ (т. е. Г—нъ) для свиданія пріѣхать въ Глуховъ не захотѣлъ, то въ Прилуку посылается самая челобитная для подписи ея обознымъ и другою старшиною.“ [2]) Какъ видно, Полуботокъ понималъ, что Г—нъ и въ Прилукѣ не подпишетъ чолобитной!.. Изъ всего этого разсказа ясно, что Г—нъ въ своей общественний дѣятельности держался правила—„моя хата скраю“, хорошо понимая, что это самое лучшее средство для устройства личнаго благосостоянія.

Дождавшись новаго гетмана въ лицѣ Апостола, Г—нъ немедленно обратился къ нему съ просьбою — о прибавкѣ,

---

[1]) Русск. Архивъ, 1880 г., I, 175.

[2]) Тамъ-же, 182.

къ прежнимъ своимъ маетностямъ, с. Толкачовки. Просьба эта была уважена; но вслѣдъ затѣмъ село это отъ Г—на было и отобрано, вслѣдствіе полученныхъ гетманомъ свѣдѣній, что у Г—на и безъ того уже есть въ „подданствѣ" болѣе 800 дворовъ. „Понеже по справцѣ въ генер. канцеляріи явилось (писалъ Апостолъ Г—ну) что, ваша милость, многія маетности наданнія имѣешь, именно: Сокиренцѣ—192 дв., Озеряне—150 дв., Дехтяри—48 дв., Веремѣевка съ д. д. Погорѣлою и Миклашевкою—283 дв. и Липовое—128 дв., итого 806 двор., а панове старшина енералная, оставивши домы свои, при насъ тутъ въ Глуховѣ незъиздно живутъ и всякія войсковыя дѣла отправляютъ, а на чинъ свой жадного (никакого) опредѣленія, чѣмъ, тутъ живучи, контентоватись—не имѣютъ и (потому) просятъ, абы на ихъ чины маетностей учинить опредѣленіе; того ради и тое село Толкачовку, кому зъ нихъ п. п. старшины енералной опредѣлить, назначилисмо, для того объ ономъ селѣ намъ стужати болшъ не имѣешь". Такъ заключилъ свой отказъ Апостолъ.—Затѣмъ, Г—нъ опять началъ хлопотать о царской грамотѣ на маетности и для того снова отправился, въ началѣ 1732 г., въ Петербургъ. *Узнавъ* объ этомъ, Апостолъ поспѣшилъ отправить туда же уже извѣстнаго намъ Троцину для собранія свѣдѣній— о чемъ Г—нъ будетъ просить коллегію. Исполняя это порученіе, Троцина въ нач. апрѣля доносилъ гетману: „заледво зъ великою трудностью получилъ видѣть челобитную п. полковника (т. е. Г—на), въ коллегію поданную, въ которой коротко написано—проситъ монаршой грамоты на всѣ свои села и грунта, въ вѣчность ему, женѣ и дѣтямъ, а вѣдѣніе особо подалъ, въ которомъ написаны: Веремѣевка, село Липовое, хут. подъ Горошиномъ, хут. подъ Переводомъ, хут. Озерянскій, с. Сокиринцѣ и проч. И то вѣдѣніе полковника показано мнѣ въ коллегіи по приказу Курбатова (членъ коллегіи), и я прочитавъ то вѣдѣніе п. Галагана, подалъ отъ себя въ коллегію спорную челобитную, въ которой изъяснилъ и письмомъ Прилуцкой старшины подтвердилъ, что хуторъ Озерянскій, который въ челобитной прописанъ подъ именемъ „селища" Озерянъ, есть старинное село, заключающее въ себѣ больше 150 хатъ, которымъ селомъ п. полковникъ самовластно завладѣлъ; да къ тому же хутору и другой хуторъ,

купленный п. п. Сабастіановичами, съ поселенными въ немъ людьми, п. полковникъ насильно отнялъ и уничтоживъ гетманскіе на тотъ хуторъ универсалы, таковымъ завладѣлъ... И въ виду той моей челобитной коллегія п. Галагану отвѣтила, что такъ какъ возникаетъ споръ объ указанныхъ имъ маетностяхъ, то грамота ему не можетъ быть выдана, а потому пусть п. полковникъ ѣдетъ на Украину и тамъ очиститъ судомъ всѣ свои маетности, выпроситъ на нихъ универсалъ, да тогда уже пусть и проситъ грамоты.—Но затѣмъ, продолжаетъ Троцина, я снова черезъ нѣсколько дней, зашелъ въ коллегію, желая еще разъ посмотрѣть „вѣдѣніе" п. полковника; а когда мнѣ его показали, то я увидѣлъ, что то „вѣдѣніе" уже перемѣнено, такъ, напр., хуторъ Переводскій написанъ Гнилицкимъ. Узнавъ, что я постерегъ сдѣланныя полковникомъ измѣненія въ его „вѣдѣніи", онъ сейчасъ же, послѣ этого, послалъ своего племянника въ Прилуку... Догадываюсь, что ищетъ п. полковникъ какой то, въ своей неправдѣ, тамъ помощи"... Но главная помощь Галагану всецѣло зависѣла отъ Курбатова, который будучи первымъ въ коллегіи дѣльцомъ, [1] распоряжался тамъ съ просителями по своему усмотрѣнію. Быть можетъ, не получивъ изъ Прилуки желаемыхъ дополненій, Г—нъ, какъ видно, еще разъ попробовалъ склонить Курбатова на свою сторону, безъ всякихъ дополнительныхъ свѣдѣній о маетностяхъ, и—успѣлъ: въ коллегіи было рѣшено, что протестъ Троцины для нея не можетъ имѣть значенія, почему и было рѣшено—выдать Г—ну просимую грамоту...

Кромѣ маетностей, Г—нъ нажилъ и большіе для того времени капиталы. [1]) Наживалъ онъ ихъ разными способами, но, разумѣется, пользуясь при этомъ своею большой властью.

---

[1]) Какъ видно изъ дневника Як. Марковича, Курбатовъ былъ всемогущимъ въ коллегіи дѣльцомъ и пріѣзжавшіе въ Петербургъ украинцы считали непремѣннымъ долгомъ—явиться къ нему съ «поклономъ».

[2]) Сынъ Игн. Г—на говоритъ, въ своемъ завѣщаніи, что въ одной изъ Прилуцкихъ церквей онъ поставилъ *отческій сундукъ*, «въ которомъ всей суммы было 6400 рублей...» Кіевск., Стар. 1883 г. окт., 461.

Однимъ изъ такихъ способовъ была переписка крестьянъ въ козаки. Въ 1732 г. гетманъ Апостолъ писалъ генер. хоружему Горленку: „Зъ певного донесеня вѣстно намъ учинилось, что п. полковникъ Прилуцкій, мимо тамошней полковой старшины, природныхъ мужиковъ, которыхъ отцы и дѣды посполитую отбывали тяглость и сами они въ мужицкомъ пребывали званіи, кого похощетъ, вписываетъ въ козацкій компутъ (реестръ), имѣя себѣ совѣтника своего полкового писаря (Галенковскаго), который въ дворѣ его полковника, край конюшни, полковою канцеляріею правитъ, такъ, что старшина тамошняя никогда ни о чемъ не вѣдаетъ... И хотя старшина многократно указывала полковому писарю, что по просьбѣ о возвращеніи въ козачество неправильно записанныхъ въ крестьяне, слѣдуетъ о козачествѣ такихъ просителей публично спрашивать свидѣтелей, а не такъ какъ у п. полковника Прилуцкаго дѣлается, что какъ слышатъ (чуютъ) у кого деньги, то хотя и не слѣдуетъ, но писарь—по пристрастію—„производитъ“ ихъ въ козаки, а п. полковникъ „поставляетъ“... И много они напринимали такимъ образомъ мужиковъ въ козаки изъ разныхъ селъ, но мало кого по справедливости, а больше все—ради денегъ“... Далѣе гетманъ писалъ, что, желая получить точныя свѣдѣнія о справедливости этого донесенія, онъ поручаетъ генер. хоружему произвести слѣдствіе—объ этихъ нововписавшихся въ полку Прилуцкомъ до компуту козацкихъ мужикахъ—были-ли дѣды и отцы ихъ въ козацкой службѣ, и гдѣ, и въ какихъ походахъ они служили и пр. По слѣдствію Горленка открылось, что Г—нъ болѣе ста человѣкъ вписалъ въ козацкіе компуты, при чемъ нѣкоторые изъ „нововписныхъ“ указали во сколько обошлось имъ козачество. Напр., крестьянинъ с. Дальн. Сорочинецъ Мажола показалъ, что желая записаться въ козаки, онъ „положилъ“ п. полковнику: сперва, 4 рубля, а какъ „принято у значокъ“, далъ ему еще 3 рубля; п. писарю, какъ принято въ „козацтво“, далъ рубль, а какъ „принято у значокъ“, далъ другого рубля.—Харченко изъ Смоши, показалъ, что далъ п. полковнику 3 рубля 50 коп., полковому писарю—три „деревѣ великихъ“ и денегъ рубля, сотниковѣ полковому—три копи денегъ, писарю сотенному—полтину и т. д. Слѣдствіе произведено было успѣшно, потому что Г—на въ эго время не было дома, онъ былъ въ походѣ. Несомнѣнно,

что это обстоятельство имѣлось въ виду, когда Горленко ѣхалъ въ Прилуку на розыскъ, такъ какъ Г—нъ врядь-ли допустилъ бы, чтобы „нововписные“ давали такія обстоятельныя показанія о его взяткахъ...

Получивъ о результатахъ слѣдствія донесеніе, Апостолъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы взятыя съ „нововписныхъ“ Г—номъ и его подручными—деньги, были съ нихъ „доправлены“... Но разумѣется, что такого распоряженія, при тогдашнихъ порядкахъ, исполнить нельзя было...

Переписывая такъ легко крестьянъ чужихъ маетностей въ козаки, Г—нъ въ своихъ маетностяхъ поступалъ наоборотъ. Вотъ интересный въ этомъ отношеніи документъ, показывающій какъ это у Г—на дѣлалось. Въ 1723 г. два козака с. Дегтярей Манджуренко и Грищенко даютъ такую подписку Г—ну: „хотя покойные отцы наши, а по нихъ и мы, козацко, а не посполито служачи, до сихъ временъ воинскую повинность отбували, однако, теперь до крайняго убожества и скудости пришедши и не могучи впредь козацкой службы отбывать, продали мы его мил. п. Игн. Ив. Г—ну дворовое мѣсто, на которомъ хаты наши построены, гдѣ мы оставаясь жить, обязываемся полковнику посполито, а не козацко служить и всякія повинности отбывать, и не повинны уже будемъ въ будущія времена „до козацкого чину отзываться“. Интересно, что эту подписку Г—нъ взялъ какъ разъ въ то время, когда Глуховская коллегія принимала строгія мѣры къ огражденію козаковъ отъ „подданства“ старшинѣ. Какъ много Г—нъ въ своихъ маетностяхъ переписывалъ козаковъ въ крестьяне и какія мѣры практиковалъ онъ при этомъ, видно изъ того, что въ богатомъ м. Веремѣевкѣ—онъ переписалъ въ крестьянство чуть не половину козачьяго населенія. Уже будучи „абшитованнымъ полковникомъ“, Г—нъ продолжалъ принимать самыя крайнія мѣры для того, чтобы заставить тамошнихъ козаковъ „подписаться ему въ подданство“: „высылаетъ своихъ „куренчиковъ“ съ оружіемъ въ рукахъ, по козачьимъ дворамъ и дворы тѣ разоряетъ, въ хатахъ двери и окна снимаетъ, забираетъ скотъ и возитъ имъ въ свой дворъ всякое дерево... А кто съ того принужденія ему, Г—ну, быть подданнымъ подпишется, тому все забратое возвращаетъ“... Такъ разсказывалъ мѣстный сотникъ Бутов-

скій, добавляя, что не видалъ онъ, сотникъ, нигдѣ, не только межъ христіанами, но и по чужимъ землямъ, чтобъ противъ зимы козаковъ можно было выгонять изъ ихъ дворовъ безъ указа и безъ суда или—чтобы можно насильно писать ихъ въ подданство...[1]) Но Г—нъ зналъ что̀ дѣлалъ. Когда по жалобѣ Бутовскаго произведено было въ Веремѣевкѣ слѣдствіе и донесеніе сотника подтвердилось, то Г—нъ выхлопоталъ (1747 г.) въ Глуховѣ разрѣшеніе, чтобы бывшіе Веремѣвскіе козаки были спрошены: *желаютъ ли они остаться подъ сотнею, т. е. въ козачествѣ, или согласны перейти въ подданство къ Г—ну?*—При этомъ 23 двора галагановскихъ „бояръ" (козаковъ, исполнявшихъ разныя службы во дворѣ) заявили, что они желаютъ остаться у Г—на въ подданствѣ... И ген. канцеярія утверждала такія заявленія, не смотря на то, что тутъ же рядомъ, въ другой маетности, преслѣдовала переписку козаковъ въ крестьянство, чтобы „не убавлялось количество людей воинскаго чина."

Практиковалъ Г—нъ и тотъ способъ легкаго добыванія денегъ, который былъ измышленъ еще Горленкомъ (стр. 21) и который заключался въ освобожденіи тяглыхъ ратушныхъ подданныхъ отъ общественныхъ повинностей за опредѣленный денежный „чиншъ", уплачиваемый лично полковнику. Послѣ Г—на остались, выданые имъ по этому случаю „листы", которые даютъ намъ возможность ближе познакомиться съ этимъ видомъ полковничьяго произвола. Приводимъ здѣсь одинъ изъ этихъ листовъ, выданный Г—номъ, повидимому, тотъ часъ же по прибытіи его въ Прилуку на полковничество. „Листъ" былъ выданъ 29 декабря 1714 года, жителю м. Журавки Бущаку: „Всѣмъ кому вѣдать будетъ слѣдовать, а именно—сотнику Журавскому съ товариствомъ и войтови съ посполитыми людьми, симъ нашимъ писаніемъ извѣщаемъ, что Василь Бущакъ, житель Журавскій, далъ намъ годовой чиншъ копъ шесть, съ братомъ своимъ, за 1714 годъ, котораго Василя и брата его увольняемъ отъ всякихъ общественныхъ повинностей, „такъ поборовыхъ, яко воженя подводъ, отъ стацін (постоя) компанейцевъ и великоросійскихъ

[1]) Чтенія въ общ. Нестора-Лѣтоп., кн. XI, отд. 3, стр. 152.

людей, всякихъ тяглостей мірскихъ и сторожовщины", на цѣлый годъ отъ нижеписаннаго числа..."[1])

Изъ всѣхъ приведенныхъ фактовъ видно, что Г—нъ былъ типическимъ представителемъ того старшинскаго круга людей въ гетманщинѣ XVIII в., члены котораго, видя безсиліе или равнодушіе мѣстной власти, стали употреблять всякія средства для наживы путемъ притѣсненія подчиненнаго имъ народа. Направляя такимъ образомъ свою дѣятельность исключительно къ личному обогащенію, Г—нъ правилъ полкомъ *двадцатъ пятъ лѣтъ*. Времени было достаточно, чтобы разбогатѣть.

Скажемъ нѣсколько словъ о семьѣ Г—на. Женился онъ, повидимому, очень поздно, такъ какъ первое (и единственное) дитя родилось у него въ 1716 году, т. е. уже во время его Прилуцкаго полковничества. Женою его была вдова Елена Антоновна, происходившая изъ стариннаго Кіевскаго рода Тадринъ. [2]) Отъ нея Г—нъ имѣлъ единственнаго сына Григорія.

---

[1]) Кіевск. Стар. 1883 г., окт., 450. На приведенномъ «листѣ» имѣются слѣдующія надписи Г—на: «За сей рокъ 1715 дали чинша Василь копъ 6, съ братомъ своимъ, волни во всемъ, Дек. 9. —И за сей 1716 отдалъ Василь копъ 6, уволенъ зостаетъ отъ тяглостей посполитыхъ». Такихъ «листовъ», выданныхъ Игнат. Г—номъ, мы видѣли въ семейномъ архивѣ покойнаго Г. П. Галагана, въ Сокиренцахъ, около 30-ти.

[2]) Хотя семейное преданіе и желаетъ произвести Елену Ант—ну изъ рода Тупталовъ, къ которому принадлежалъ святитель Димитрій Ростовскій, но никакими историческими данными преданіе это не подтверждается. По тому-же семейному преданію, Елена Ант—на была вдовою Кіевскаго сотника Акександровича (Записка о родѣ Галагановъ, напечатанная въ книгѣ «*25-лѣтіе Коллегіи Павла Галагана*», стр. 5), но такого Кіевскаго сотника мы не встрѣчали. (См. ниже, о полков. писарѣ Ив. Александровичѣ). О своемъ родствѣ съ Тадринами, Елена А—на сама говоритъ, называа Петра Тадрину своимъ братомъ. (Русск. Арх. 1875 г., I., 324). Изъ Тадринъ намъ извѣстны: Федоръ Ждановичъ Тадрина, Кіевскій бурмистръ, 1657 г., Жданъ Федоровичъ Т—на, Кіевскій войтъ, 1677—1684 г., Захарій Тадрина, Кіевскій бурмистръ, 1693 г., Иванъ Герасимовичъ Т—на, Кіевск. житель, 1714 г.—Въ Сокиренской усадьбѣ сохранился портретъ Елены А—ны, показывающій, что это была замѣчательная красавица. Преданіе говоритъ, что эта красота была замѣчена и Петромъ Велик.

Въ концѣ 1739 г. императрицею былъ утвержденъ докладъ тогдашняго правителя Малороссіи А. И. Румянцева—объ увольненіи отъ службы Игната Г—на и объ опредѣленіи на мѣсто него—сына его **Григорія Галагана.**[1]) Полковничій перначъ новому полковнику врученъ былъ, по словамъ Як. Марковича, самимъ Румянцовымъ, 26 февраля 1740 г.

Увольненіе Игн. Г—на, какъ видно, не было вынужденно, такъ какъ вмѣсто отца—назначался сынъ. Новому полковнику въ это время было всего только 23 года (род. 1716 г.). Такого молодого полковника на Украинѣ еще не бывало... Причину этого небывалаго назначенія можно объяснить такъ. Въ это время правилъ Малороссіею А. И. Румянцовъ, при чемъ правителемъ письменныхъ дѣлъ у него былъ извѣстный Безбородко, въ то же время правившій и урядомъ ген. писаря, за смертью Турковскаго. Пользуясь полнѣйшимъ довѣріемъ Румянцова, Безбородко очень скоро сталъ злоупотреблять своимъ положеніемъ и началъ раздавать разные войсковые уряды за взятки. Доносъ Яготинскаго сотника Купчинскаго раскрылъ любопытныя подробности этого взяточничества. [2]) Едва-ли ошибочно будетъ предположеніе, что назначеніе 23-лѣтняго Григорія Г—на на Прилуцкое полковничество устроено было при помощи Безбородка и должно было обойтись старому Г—ну не дешево... Никакихъ такихъ обстоятельствъ, по которымъ Григорій Г—нъ могъ получить полковничій перначъ безъ какой-нибудь чрезвычайной помощи, повидимому, не было.—Къ этому можно добавить, что Румянцовъ—докладъ свой о молодомъ Г—нѣ—послалъ въ Петербургъ изъ похода (въ Глуховъ Румянцевъ вернулся 22 декабря 1739 г.), а слѣдовательно вопросъ о назначеніи молодого Г—на на мѣсто отца, рѣшенъ былъ уже раньше, при чемъ послать докладъ изъ похода, а не изъ Глухова, представлялось почему нибудь удобнѣе...

Григорій Г—нъ былъ человѣкъ, повидимому, душевно-больной; болѣзнь его выражалась сначала, какъ кажется, маніей преслѣдованія, а потомъ обратилась въ меланхолію. Видно это изъ

[1]) Архивъ Правит. Сената, Баранова, II, № 7218.

[2]) Русск. Архивъ, 1875 г., I, 313.

коротенькой автобіографической записки Григорія Г—на, которую мы здѣсь и приводимъ въ сокращеніи.[1]) Въ этой запискѣ инте-

[1]) «1716 года родился, въ окончаніи года.—Въ три года убитъ былъ мало не до смерти.—Въ пять лѣтъ боленъ былъ цѣлый годъ.—Въ семь лѣтъ паки упаль и зъ того убился.—Вь 11 лѣтъ въ Кіевѣ былъ боленъ горячкою.—Въ 15 лѣтахъ былъ боленъ отчаянно, а послѣ годъ въ Пѣтербурхи былъ.—Въ 18 лѣтахъ убился съ коня мало не до смерти, отчего и теперь во весь вѣкъ не въ состояніи здоровья.—Въ 20 лѣтахъ паки боленъ цѣлый годъ.—Въ 22 года оженился некстати и не по своей волѣ, и терпѣлъ неудоволство чрезъ десять лѣтъ.—Въ 1740 г. пожалованъ околнимъ (?) полковникомъ.—Въ 1741 г. в розграниченю коло Азова, (при) подорваніи его мѣнами, и во всѣхъ сихъ походахъ претерпѣвалъ несказанную трудность и бѣды.—1747. Жена моя умре и дѣтей, трое (покинула?) Въ сей годъ много претерпѣлъ печали.—1748. Отецъ мой умре. Послѣ сей несностной печали претерпѣлъ еще превеликія клопоти и напасти.—1749. Також не меншій клопотъ и бѣда была мнѣ по ложному дѣлу Струтинцкого.—1760. Отправленъ былъ съ тисячною командою въ Прусскій походъ, и тамъ чрезъ цѣлый годъ при арміи, въ чрезвычанныхъ трудахъ и бѣдахъ, з немалимъ убиткомъ имѣній, моихъ, обритался.—1763. Матка моя скончалась, отъ якой несносной печали я и самъ толко не луснувъ. И того жъ того году, все оставивши, переселился на свое уединеніе вѣчно.—1764 и 1765. Сіи годы оба прожилъ въ своемъ уединеніи якъ-бы благополучно; и казалось, что *судьбина утомившись мене гнать,* оставила на нѣсколько въ покои; но и тутъ не совсѣмъ спокоенъ билъ, яко же сусѣду одному по мировой принужденъ заплатить напасти 2700 рублей напрасно.—1766 Сей безщаснѣйшій годъ всѣхъ годовъ въ жизни своей окаянной; обещещенъ, обезславленъ, зовсѣмъ негоднимъ здѣлався в свѣтѣ человѣкомъ.—1767. Еще мнѣ годъ не лучше прошлого билъ, яко жъ еще и отъ того шпари не отошли, а тутъ немного прежней печали и безчестія вновь послѣдовало отъ болшихъ сусѣдовъ, которіе пронесли имя мое по всему свѣту, отчего уже и на свѣтъ не хочется ходить.—1770. И сей годъ билъ в великом страхи по нѣкоторому случаю. Однако-жъ Богъ и Мати Божія недовѣдомими судбами мене грѣшника не допустили у вѣчное посрамленіе.—1771. Сей годъ окончилъ слава Богу спокойно, кромѣ скуки и обыкновенной моей слабости, нѣчого болшъ не претерпѣлъ. И такъ, якъ разсмотрѣть мою жизнь обстоятелно, которая уже продолжается 55 лѣтъ, то немного въ ней можно найти благополучныхъ лѣтъ, которія за нѣчто почестся могутъ.»—Ср. Кіевск Ст. 1883 г., окт., 459, гдѣ нѣкоторыя фразы изъ 1766 и 1767 г.г. были опущены по желанію покойнаго Г. П. Галагана.

ресно указаніе Г—на, что женился онъ „некстати и не по своей волѣ“, вслѣдствіе чего и терпѣлъ „неудовольство“ до смерти жены. Къ сожалѣнію, никакихъ поясненій тутъ нѣтъ, а между тѣмъ женился Г—нъ на очень видной невѣстѣ. Это была дочь бунч. товар. Михайла Борковскаго (сынъ генер. обознаго) и жены его Прасковьи Даниловны Апостолъ (дочь гетмана); отецъ ея Борковскій рано умеръ и его вдова вторично вышла замужъ за Михайла Скоропадскаго, но пожила недолго и умерла. Оставшаяся круглою сиротою Елена Михайловна Борковская была взята на воспитаніе бабкою гетманшею Апостолъ, которая ее и замужъ выдавала за Г—на. Значитъ, невѣста была и богата, и знатна. Но бракъ этой дѣвушки былъ почему-то неудаченъ; быть можетъ, вслѣдствіе душевной болѣзни мужа. Овдовѣвъ въ 30 лѣтъ, Г—нъ во второй уже разъ не женился не смотря, на то, что на рукахъ у него осталось трое малыхъ дѣтей. Въ уходѣ за ними вдовцу Г—ну, конечно, помогала его мать, которая жила съ сыномъ еще 16 лѣтъ послѣ смерти невѣстки. Не смотря на свой тогда 50-лѣтній возрастъ, Г—нъ послѣ смерти этой матери и „самъ только что не луснувъ“... Настойчиво жалуется Г—нъ, въ своей запискѣ, на свои бѣды,—что былъ онъ и обезчестенъ, и обезславленъ, что безчестіе его какіе то большіе сосѣди „пронесли“ по всему свѣту... На всѣ эти жалобы никакихъ объясненій не имѣется. Можемъ дать здѣсь лишь нѣкоторое поясненіе о личности Струтинскаго, который тоже причинялъ Г—ну „клопотъ“ и „бѣду“. Лукьянъ Струтинскій былъ у Игната Г—на старостою его Веремѣевскихъ крестьянъ. У этого Лукьяна былъ сынъ Романъ, который какъ то попалъ въ Петербургъ въ придворные служители, и въ 1743 г. писался—„двора ея имп. в-ва гайдукомъ“. Вѣроятно, сначала ростъ Струтинскаго доставилъ ему придворную службу; но кромѣ роста онъ, повидимому, обладалъ и проворствомъ, такъ какъ въ 1757 году Струтинскій былъ уже капитанъ-поручикомъ и лейбъ-кампаніи вице-капраломъ. Возможно, что Струтинскому въ его карьерѣ помогло его землячество съ старшимъ Разумовскимъ, такъ какъ въ 1758 году Струтинскій былъ уже полковникомъ. Живя въ Петербургѣ, Струтинскій скупалъ землю у своихъ земляковъ—

Веремѣевскихъ козаковъ.[1]) Въ это время право на Веремѣевку у Галагановъ оспаривалъ Пустынно-Николаевскій монастырь; очень можетъ быть, что Струтинскій, по своимъ близкимъ сношеніямъ съ вліятельными царедворцами, имѣлъ возможность помочь монахамъ—отнять у Галагановъ родное Струтинскому мѣстечко. Въ 1749 г. сенатъ рѣшилъ этотъ процессъ въ пользу монастыря и Веремѣевка у Галагановъ была отобрана.

Не смотря на тотъ душевный гнетъ, о которомъ Г—нъ такъ настойчиво говоритъ въ своей запискѣ, онъ велъ свое хозяйство, повидимому, такъ же ревниво и заботливо, какъ и отецъ. Потерявъ Веремѣевку, Г—нъ успѣлъ выпросить (въ 1752 г.) взамѣнъ этого богатаго мѣстечка не менѣе богатую Ичню, въ которой по ревизіи 1764 года значилось болѣе тысячи крестьянъ—мужчинъ.

Передъ уходомъ въ свое „уединеніе", Гр. Галаганъ оставлялъ своему сыну болѣе *четырехъ тысячъ* крестьянъ м. п. [2])

Семья Г—на состояла изъ сына Ивана и дочерей Елены и Прасковьи. Сына Г—нъ женилъ въ 1754 г. на племянницѣ гетмана, Катеринѣ Ефимовнѣ Дараганъ, за которою въ приданое даны были богатыя маетности. [3]) Дочери были выданы за-

---

[1]) Свѣдѣнія о Струтинскомъ взяты нами изъ его купчихъ, находившихся при (Румянцовской) описи м. Веремѣевки, которою мы когда-то пользовались въ Полтавск. каз. палатѣ. О Струтинскомъ есть свѣдѣніе, что въ 1758 г. онъ, въ чинѣ полковника, посыланъ былъ въ Польшу, при чемъ ему дано было на дорогу 500 р. *Оп. Сенатск. Арх.*, Баранова, III, № 11156.

[2]) По ревизіи 1764 г. за Г—номъ значилось: г. Прилука и хутора—204 муж. пола душъ, с. Рудовка—32, с. Сергіевка—4, х. Гнилицкій—269, м. Монастырище—30, с. Заудайка—14, с. Андреевка—14, м. Ичня—1101, с. Озеряне—542, с. Остановка—37, с. Дехтяри—231, с. Иванковцы—88, с. Леляки—2, с. Оробьевка—5, с. Сокиренцы—704, м. Веремѣевка—13, с. Липовое и х. Криворудскій—408 и д. Селичовка (Перепсл. п.)—316. *Всего 4014 душъ м. п.* Интересно, что изъ перечисленныхъ здѣсь маетностей только Липовое, Сокиренцы и Ичня получены были Галаганами по универсаламъ; остальное было пріобрѣтено *рукою властною*.. Подробности о пріобрѣтеніи нѣкоторыхъ изъ этихъ маетностей приведены ниже при описаніи селъ. См., напр., с.с. Дегтяри и Озеряне.

[3]) См. записку о родѣ Галагановъ, напеч. въ книгѣ *«25-лѣтіе Кол. П. Галагана»*, стр. 11.

мужъ: Елена за бунч. тов. Петра Андреевича Миклашевскаго, а Прасковья—за Ст. Ив. Лашкевича. [1]) Здѣсь же слѣдуетъ замѣтить, что дочери Г—на были хорошо грамотны, судя по нѣсколькимъ письмамъ Прасковьи Лашкевичъ, писаннымъ ею къ дѣтямъ. [2])

Въ 1769 г. умерла у Гр. Г—на мать. Какъ видно, въ это время онъ уже оставался одинъ, такъ какъ всѣ дѣти были устроены. Можетъ быть, оттого смерть матери такъ и подѣйствовала на Г—на, что онъ рѣшилъ удалиться въ „давно на-

---

[1]) См. Опис. Ст. Малорос., I, 182. Изъ реестра приданаго, которое получено было Прасковьей, при выходѣ ея замужъ за Лашкевича, видно, что кромѣ разныхъ драгоцѣнностей, сребра («подъ гербомъ Борковскихъ») и богатой одежды, ей было дано деньгами: 1000 червонцевъ и 2000 «рублевъ». Кіевск. Стар. 1883, ноябрь, 466.

[2]) Приводимъ здѣсь одно изъ такихъ писемъ, интересное для исторіи женскаго образованія въ старой Малороссіи.—

«Любезниѣ дѣти Иванъ Степановичъ и Настасія Петровна. Слава Богу, досунулась кой какъ до логва теперъ. Виходитъ на тую пословицю: хто людей не слухаетъ, то и Бога не боѣца. Вчера поехала въ восѣмъ часовъ поутру з Ломаковки, а приехала сюда въ десять санками. Где хотя маленкой ложокъ, то и бѣда. Карету оставила въ Ломаковцѣ; кибитку вашу оставила здесь, она будетъ вцѣлости, ибо колесами не доедете (за?) цѣлой день до Брахлова. Дай Боже, чтобъ стали морози, а безъ того очень худая дорога, вразужениѣ болшой води по ложкахъ. Раставшись с вами, не могу вамъ, любезниѣ дѣти, вообразить, какая тоска и скука. Дай Богъ, чтобъ дорога направилась, чтобъ ви благополучно доехали до Савинокъ, куда и я приташчусь. А теперъ прошчайте, любезниѣ дѣти, дай Богъ вамъ благополучной путь и здравие, чего отъ матерняго сердца желаю, пребивая вамъ усердная и доброжелателная мать Параскевия Лашкевичева.

Любезнихъ дѣтей вашихъ, а моѣхъ дражайшихъ внучокъ цѣлуйте отъ мене. Да благословитъ ихъ Всевышняго десница! Посилаю вамъ булокъ три, желаю во здравие кушать, а карасѣ спортились.

Здесь досѣдева нѣчево отъ предводитель нема; однакъ я стараюсь зъготовить рекрута; теперъ посилаю двохъ человѣкъ въ Любечане, тамъ здешнихъ два молодцѣ волочаца; говоратъ про нихъ, что преискусниѣ, в кого не служили, то пообъкрадали. Посилаю дѣвки на сподници мухояру, а кохъточка отъдана Матвѣю.

Galaganовка. Ноября 20 (ок. 1790 г.). *(Съ подлинника)*.

мѣренное уединеніе"... По этому случаю онъ написалъ слѣдующее письмо сыну: „Я иду въ давно намѣренное уединеніе, куди мене Богъ приведетъ, не дожидаясь лѣта, *когда мой рокъ сталъ сиръ.* Вамъ же желаю всякаго благополучія и тихого, мирного житя, дабы щасливѣе жите было отъ моего ваше. А не дай Богъ такого, якъ мое било, *и татарамъ не желаю.* Притомъ все вамъ и тое, чимъ я владѣлъ, препоручаю. Владѣйте и користи со всего отбирайте себѣ и обстоюйте, такъ какъ найлутче". Затѣмъ Гр. Галаганъ перечисляетъ тѣ „провента", которые сынъ долженъ былъ доставлять отцу въ его „уединеніе" и говоритъ, что если ему понравится уединеніе, то можетъ быть онъ „и вѣкъ" тамъ останется. „Ежели же, продолжаетъ Г—нъ, паче чаянія, не понравится и не схочется тамъ, въ пустынѣ умѣрать, а между тимъ *бура вьющая утихнетъ* и Богъ насъ помилуетъ чимъ добрымъ, то може и къ вамъ еще навернуся. Ежели вамъ батько надобенъ и непротивенъ, то ви его увѣдомьте повремени обо всемъ чрезъ того человѣка, который будетъ знать, *гдѣ я обрѣтаюсь*"... [1]) Какъ видно изъ записки Г—на, въ „уединеніи" онъ пробылъ два года—„якъ бы благополучно; казалось, что судьбина утомившись мене гнать, оставила на нѣсколько времени въ покоѣ"... Но первый же годъ, послѣ возвращенія изъ уединенія, былъ для Г—на „безчаснѣйшимъ изъ всѣхъ годовъ жизни его; ему пришлось испытать такую напасть, страхъ, печаль и клопотъ, что уже не радъ былъ жизни своей"... И десять лѣтъ еще прожилъ Г—нъ послѣ этого, жалуясь на „судьбину". Умеръ онъ въ 1777 году въ Сокиренцахъ и похороненъ въ тамошней „старой" церкви. Надъ его могилой и донынѣ виситъ обычный для того времени „эпитафіонъ"... [2])

Передъ уходомъ въ свое „уединеніе", въ 1763 г., Г—нъ просилъ гетмана уволить его отъ уряда. Разумовскій отвѣчалъ: „мы по той просьбѣ вашей нынѣ отъ исправленія полку При-

---

[1]) Кіевск. Стар. 1883 г., ноябрь, 461.

[2]) Напечатанъ въ Кіевск. Стар., указ. выше. Авторомъ эпитафіона подписался *Петръ Тарновскій.* Это былъ бунчук. товар. Петръ Даниловичъ Т—ій (р. 1736 г.), жившій въ м. Варвѣ.

луцкого полковыхъ дѣлъ, по причинѣ слабости и болѣзни вашой, впредь до разсмотрѣнія, васъ увольняемъ; а дабы за онымъ вашимъ увольненіемъ въ дѣлахъ по полку Прилуцкомъ остановки быть не могло, для того къ присутствію въ полковой Прилуцкой канцелярiи обще съ старшиною полковою до того времени, пока вы дѣйствительно отъ всѣхъ службъ увольненіе, по желанію вашему, получите, опредѣленъ отъ насъ бунч. тов. Иванъ Галаганъ". [1])

Вѣроятно, Ив. Галаганъ завѣдывалъ полкомъ не долго, [2]) потому что въ 1767 году полкомъ правилъ уже бунчуковый товарищъ Петръ Горленко (см. с. Заиздъ). Засимъ, по спискамъ Прилуцкаго шляхетства за 1772 г., значится полковникъ **Иванъ Даниловичъ Тарновскій** (р. 1738 г.) съ отмѣткою, что онъ находится (въ 1772 г.) „въ заграничномъ походѣ *полковымъ командиромъ надъ козаками полку Прилуцкого*". Значитъ ли это, что онъ былъ назначенъ, послѣ Гр. Г—на, Прилуцкимъ полковникомъ или же—только то, что имѣя чинъ полковника, командовалъ козаками Прилуцкаго полка во время турецкой войны—неизвѣстно; другихъ свѣдѣній о Прилуцкомъ полковничествѣ Тарновскаго мы не встрѣтили.

Послѣднимъ Прилуцкимъ полковникомъ былъ **Александръ Яковлевичъ Якубовичъ** Это былъ старшій сынъ генер. есаула Якова Якубовича (см. *Журавскіе сотники*), начавшій и продолжавшій службу въ великорусскихъ полкахъ. Участвуя въ первой турецкой войнѣ, Якубовичъ, въ чинѣ подполковника, особенно отличился въ 1771 г. взятіемъ крѣпости Гирсова, а потомъ—какой-то батареи, за что получилъ Георгія 4-го. [3]) Румянцовъ обратилъ на него вниманіе и Я—чъ въ 1773 г., будучи „отъ арміи полковникомъ", былъ назначенъ Прилуцкимъ полков-

---

[1]) Изъ семейнаго архива Галагановъ въ с. Сокиренцахъ.

[2]) По спискамъ Прилуцкаго шляхетства за 1772 г. Иванъ Галаганъ значится «отставнымъ коллежскимъ асессоромъ».

[3]) Истор. Россіи, Соловьева, изд. Т-ва О. П., VI, 733. Георгій былъ данъ за «дѣло» 20 окт. 1771 г., когда Я—чъ взялъ какую-то «береговую батарею съ 8-ю пушками и 6 знаменъ турецкихъ». (*Ркпсь).*

никомъ. Изъ дальнѣйшей общественной дѣятельности Я—ча, намъ извѣстно его участіе въ усмиреніи Пугачевскаго бунта, причемъ онъ былъ едва-ли не начальникомъ особаго тысячнаго отряда малороссійскаго войска, отправленнаго на востокъ въ 1774 г., и остававшагося тамъ до 1781 г. [1]) Послѣ упраздненія полковаго управленія въ Малороссіи въ 1781 г., Я—чъ продолжалъ службу въ регулярныхъ полкахъ и былъ произведенъ въ генеральскій чинъ. Я—чъ былъ живъ еще и въ 1810 году, когда въ Прилуцкомъ земскомъ судѣ производилось дѣло по обвиненію его, Я—ча, однимъ изъ его сыновей „въ разныхъ чародѣйствахъ"... Я—чъ былъ женатъ на Марьѣ Михайловнѣ Иваненко (племянницѣ Переяславскаго полковника Григорія Иваненка), отъ которой имѣлъ двухъ сыновей, Ивана и Александра, и дочь Надежду. Послѣдняя была замужемъ за извѣстнымъ богачемъ Дем. Дем. Оболонскимъ, владѣльцемъ м. Горошина, а сыновья Я—ча служили въ военной службѣ, дослужившись въ ней до чиновъ ротмистровъ. Между младшимъ изъ этихъ сыновей, Александромъ, и отцомъ существовали какіе-то нелады, слѣдствіемъ которыхъ была жалоба отца въ Полтавскій совѣстный судъ на этого сына—„о порицаніи послѣднимъ его, отца, богоотступникомъ и чародѣемъ". На это обвиненіе сынъ отвѣчалъ, что отецъ его г.-м. Александръ Я—чъ „возымѣлъ къ нему недоброхотство съ давнихъ временъ, имѣя внутрь себя нечистый, заразительный духъ и одержимъ (будучи?) всѣми нечистыми духами, такъ что многихъ уже крестьянъ своихъ подобя (sic) и тому (sic) привелъ къ общевредительнымъ дѣяніямъ; первое, разныя чародѣянія, ворожбы и другія врагу подобныя дѣянія (чинитъ?), да и самъ тотъ-же отецъ его, какъ уже не

---

[1]) Въ этомъ отрядѣ, кромѣ Якубовича, участвовалъ Стародубскій полков. обозный Кондратъ Лайкевичъ и «малороссійскихъ войскъ за полковника», полков. хорунжій Прокопъ Адасовскій. Свѣдѣніе объ участіи малороссійскаго отряда въ усмиреніи Пугач. бунта и о нахожденіи въ немъ Якубовича взято изъ рукописн. аттестата Глинскаго сотеннаго атамана Емельяна Шрамкова, выданнаго ему изъ Лубенск. полк. к—ріи въ 1781 г.

безъизвѣстно и стороннимъ, вблизи его живущимъ въ сосѣдствѣ, запрашиваетъ къ себѣ всякаго встрѣчающагось случайно (изъ?) людей и при угощеніи оныхъ, при питьи водки и кушаньи, въ повиновеніе нечистому и сильному духу (отдаетъ?), а къ тому изъ чернокнижества его приговариваетъ всякому человѣку у жолудокъ..... чрезъ что самое уже немалое количество людей изъ числа крестьянъ подвергло(сь?) несчастному подобному бѣдствію, которыхъ употребляетъ и упрочиваетъ для пользы своей, а роду христіанскому къ одному вреду....“! Это малопонятное обвиненіе отца сыномъ—мы приводимъ по копіи оффиціальнаго документа, [1]) не имѣя возможности дать при этомъ никакихъ разъясненій, по отрывочности тѣхъ бумагъ, въ которыхъ найдено приведенное обвиненіе.—Отецъ возражалъ, что обвинитель его, ведя „распустную“ жизнь, вообще не имѣетъ „здраваго разсудка“. Сынъ отвѣчалъ, что онъ ведетъ жизнь „честную, соотвѣтственную званію и вообще благородному дворянству“ и имѣетъ здравой разсудокъ, въ подтвержденіе чего ссылался на сосѣдей: кн. Андр. Ив. Кекуатова, Дан. Ив. Ключаревскаго, Дем. Дем. Оболонскаго, Ник. Ант. Милорадовича, Гр. Ал. Смирнова, Андрея и Николая Богдановичей Брежинскихъ, Григ. и Ив. Ив—чей Мазаракіевъ и друг. Но когда земскій судъ потребовалъ отъ сына представленія фактовъ о „чародѣяніяхъ“ его отца, то молодой Я—чъ отвѣчалъ: „Отступство и чародѣйство истцево (т. е. отца) заключаетъ отвѣтчикъ изъ того, что въ одно время, ввечеру, въ селѣ Алексинцахъ (гдѣ жилъ старикъ Я—чъ), въ саду истцевомъ, а когда именно не припомнитъ, въ шинелѣ истцевой малиноваго цвѣту, садомъ, отъ рѣчки, неизвѣстно что прошло и повѣсившись на винокуренной крышѣ, висѣло... что онъ, отвѣтчикъ, и жена его видѣли, а какъ скоро послали туда человѣка, то оное изчезло“... Тутъ же сынъ добавляетъ, что „онъ, отвѣтчикъ, прошлого 1809 г., въ маѣ мѣс., хотя былъ въ домѣ истцевомъ Алексинскомъ, но въ ономъ никакова разбою и грабежа не производилъ“. О дальнѣйшей судьбѣ этого дѣла свѣдѣній у насъ не имѣется.

---

[1]) Сборникъ бумагъ о Якубовичахъ, ркпсь нашей б—ки.

Полковые обозные. Малошъ Вовченко, 1658. Григорій Филиповъ, 1672. Василій Собастіановичъ, 1672, 1674. Иванъ Носъ, 1677, 1706. Михаилъ Низкоглядъ, 1678. Григорій Дмитріевичъ Чернявскій, 1685, 1688, 1693, 1697—699. Семенъ Федоровичъ, 1709—1716. Михаилъ Григорьевичъ Огроновичъ, 1717—737. Федоръ Галенковскій, 1741—755. Яковъ Михайловичъ Огроновичъ, 1767—770. Яковъ Дмитріевичъ Кисель, 1771—77. Никита Уминь, 1779—1781.

Себастіановичъ, (полонизов. Севастьяновичъ), извѣстенъ съ 1669 г., когда онъ, при Выговскомъ, занималъ урядъ полковаго писаря; затѣмъ, повышаясь на полковыхъ урядахъ, С—чъ послѣдовательно былъ судьею и обознымъ. Это былъ несомнѣнный дѣлецъ, котораго цѣнили и въ Батуринѣ, такъ какъ Самойловичъ давъ С—чу двѣ маетности, с. Гурбинцы и д. Игнатовку. С—чъ оставилъ двухъ сыновей Ивана и Андрея, которые были потомъ послѣдовательно полковыми писарями. См. ниже.

Носъ. О его обозничествѣ сказано выше, с. 30.

Чернявскій Григорій былъ сынъ полковника Дмитрія Ч—аго. Обозничество Ч—аго продолжалось (повидимому, непрерывно) не менѣе пятнадцати лѣтъ. Извѣстенъ сынъ Григорія Ч. — Никита, постригшійся въ Густыни монахомъ: по акту 1697 г. Григорій Ч—ій, отдавая часть своего имѣнія этому м—рю, говоритъ: „гдѣ и сынъ мой Никита принявъ габѣтъ и нареченъ Нифонтомъ".

Семенъ Федоровичъ, не сохранившій своего прозвища, сначала былъ полков. писаремъ (1688 г.), а потомъ есауломъ, причемъ Мазепа далъ ему, въ 1691 г., с. Обичевъ; обознымъ С. Ф—чъ былъ назначенъ послѣ Мазепиной измѣны и оставался на этомъ урядѣ до 1716 г., когда долженъ былъ уступить его Огроновичу. По смерти С. Ф—ча (1721 г.), половину Обичева Скоропадскій отдалъ преемнику С. Ф—ча по уряду, а другую половину утвердилъ за зятемъ С. Ф—ча, бунч. тов. Захаріемъ Прокоповичемъ.

Огроновичъ былъ сынъ Прилуцкаго войта Григорія Корнѣенка, который вышелъ въ люди, женившись на дочери Лубенскаго полковника Леонтія Свѣчки. Сыновья этого Корнѣенка стали прозываться Огроновичами. Старшій изъ нихъ Михайло

сначала значился въ числѣ значковыхъ товарищей, но по родству съ Свѣчками былъ настолько замѣтенъ, что Дмитрій Горленко далъ ему д. Рудовку, въ которой Огроновичи посредствомъ „скупли“ остались замѣтнымы владѣльцами и послѣ того какъ Рудовка отдана была другому лицу. При нашествіи шведовъ О—чъ получилъ урядъ полк. судьи, а потомъ поставленъ обознымъ. Послѣдній урядъ О—чъ занималъ болѣе 20-ти лѣтъ. Въ какое положеніе становились иногда эти высшіе полковые урядники, показываетъ жалоба О—ча, поданная гетману въ 1727 г.: „прошедшаго октоврія 24 д., пришелъ я, пишетъ О—чъ, въ ратушу (Прилуцкую) къ правленію государственныхъ судовыхъ дѣлъ и при моей въ ратуши бытности, прислалъ прапорщикъ прозваніемъ Вѣтень, племенникъ генерала Роппа, хлопца къ нашему къ войтови, требуючи подводъ, а войтъ сказалъ, чтобъ ему сначала показали „указъ“ (на право брать подводы). Послѣ этого въ ратушу явился самъ Вѣтень и на личное требованіе подводъ, получилъ отъ войта тотъ-же отвѣтъ.—Затѣмъ произошелъ такой между ними разговоръ.—*Вѣтень*. „Я съ дикреціи прошу!“ *Войтъ*. „А когда съ дикреціи, то нужно просить полковника“. *Вѣтень*. „А почему ты самъ не явился ко мнѣ на квартиру?“ *Войтъ*. „Мнѣ некогда было отлучаться отъ правленія дѣлъ“... И какъ только войтъ сказалъ эти слова, Вѣтень сейчасъ-же „ударилъ его въ щеку“... Тогда я обратился, говоритъ далѣе О—чъ, къ прапорщику съ такими словами: „для чего въ палатѣ государевой онъ дѣлаетъ такой разбой и не поважаетъ ни грамоты монаршой, ни универсалу рейментарского, которыми мы защищаемся (отъ самоволія чиновниковъ при требованіи подводъ)? И тогда прапорщикъ, оставивши войта, подскочивъ ко мнѣ и подобравъ („изобгавши“) канчукъ (нагайку), ударилъ мене плетью и кнутовищемъ (державномъ) по головѣ и пробилъ мнѣ голову...“ [1]) Это грубое насиліе прошло безнаказаннымъ, какъ это почти всегда бывало въ тѣ времена, особенно, если виновными оказывались нѣмецкіе генералы или ихъ родственники ..

Одинъ изъ сыновей Мих. О—ча, **Яковъ Огроновичъ** занималъ урядъ обозничества уже при Румянцовѣ. Объ этомъ О—чѣ

---

[1]) Арх. Генер. канц., по Черниг. оп. № 3923.

извѣстно лишь, что уволенъ онъ былъ въ отставку по старости, такъ какъ по вѣдомости отставныхъ Прилуцкихъ чиновниковъ за 1772 г., о немъ сказано: „обрѣтается за старостью и слабостью его здоровья, а особливо, что на его мѣсто обозный опредѣленъ, въ домѣ своемъ подъ г. Прилукою, надъ р. Удаемъ, на фольваркахъ Пескахъ." Як. О—чъ женатъ былъ на дочери протопопа м. Краснополья (Харьк. губ.) Коколевской и оставилъ трехъ сыновей: Василія, который въ 1772 г. былъ подсудкомъ въ Прилуцкомъ земскомъ судѣ, Ивана, который женившись на родинѣ матери въ с. Купьевахѣ, тамъ и служилъ поручикомъ въ Ахтырскомъ слободскомъ полку, и Якова, который, называясь войск. товарищемъ, жилъ ок. брата въ Слободской Украинѣ.—Послѣ Якова О—ча осталось 62 „подданыхъ" м. п., въ хут. Яценковскомъ (около с. Малютинецъ), и кромѣ того, подсосѣдковъ: на Пескахъ, около Прилуки,—14, въ самой Прилукѣ—3, въ хут. Нежировскомъ, около с. Колесниковъ—4, въ с. Рудовкѣ—45, въ с, Сорочинцахъ—9, въ с. Городнѣ—10 и въ с. Переволочной—3.—Видно, что и Михаилъ, и Яковъ О—чи, занимая долгое время вліятельные въ полку уряды, „скупали" понемногу грунта, чтобы туда-же садить на нихъ подсосѣдниковъ, которыхъ такимъ образомъ и насобирали къ к. XVIII в.—84 челов.

Кисель. Прилуцкіе Кисели ведутъ свой родъ отъ Журавскаго сотника Ивана, внукъ котораго, Яковъ К—ль началъ службу въ полк. канцеляріи въ 1737 г., затѣмъ въ 1740 г. поставленъ былъ сотникомъ (?), въ 1757 г.—полк. хоружимъ, въ 1754 г.—есауломъ и въ 1771 г.—обознымъ. Женатъ былъ К—ль на дочери польскаго шляхтича Бродовскаго и оставилъ трехъ сыновей: Андрея, Федора и Дмитрія. Оставилъ онъ также 50 д. „подданныхъ" (въ с. Дѣдовцахъ?).

Уминъ былъ послѣднимъ обознымъ; это былъ совсѣмъ незамѣтный человѣкъ, начавшій службу въ канцеляріяхъ, а потомъ получившій, въ 1747 г., мѣсто Прилуцкаго городничаго. Въ 1764 г. У—нь назначенъ хоружимъ, въ 1771 г.—есауломъ, а затѣмъ закончилъ собою Прилуцкое обозничество. За всю свою службу У—нь могъ нажить только 6 двор. подсосѣдковъ (въ с. Заиздѣ).

Полковые судьи. Федоръ Лавриновичъ, 1657. Вурой, 1669. Лазарь Горленко, 1671, 1678. Иванъ Маценко, 1672, 676, 680. Василій Себастіановичъ, 1677. Янъ Христофоровичъ, (Иванъ Грекъ), 1685, 687. Тарасъ Кондратенко, 1688. 693. Иванъ Носъ, 1695, 697, 699, 1701, 703. Михаилъ Григорьевичъ Огроновичъ, 1709—1716. Андрей Васильевичъ Себастіановичъ, 1715—1719. Иванъ Марковичъ, 1719—1721. Василій Зеленскій, 1728. Михайло Ягельницкій, 1728—1741. Яковъ Михайловичъ Огроновичъ, 1743—1755. Иванъ Александро́вичъ, 1761. Яковъ Кисель, 1764—1771. Яковъ Ивановичъ Александровичъ, 1771—1781.

Янъ Христофоровичъ (иначе—**Иванъ Грекъ**) былъ одинъ изъ тѣхъ грековъ, которые поселившись въ Нѣжинѣ и около его, распоряжались всею внѣшнею торговлею гетманской Малороссіи. Иногда эти греки пробирались и въ старшину [1]); изъ нихъ происходилъ и Янъ Христофоровичъ. Онъ былъ женатъ на дочери полковника Ворончека (с. 6), по смерти котораго получилъ Кіевскій его домъ; половину этого дома Я. Хр—чъ подарилъ своему полковнику Дм. Горленку, который мож. быть за это и помогъ ловкому греку получить судейскій урядъ. Повидимому, Я. Хр—чъ смѣщенъ былъ съ судейства вслѣдъ за Коломацкимъ переворотомъ. Послѣ этого Я. Х—чъ съ женою поселились въ Кіевѣ, гдѣ и умерли обое въ 1707 г.

Тарасъ Кондратенко былъ назначенъ судьею вслѣдъ за смѣщеніемъ Яна Христофоровича, едва-ли не по выбору самаго Мазепы, такъ какъ уже въ 1689 г. новый гетманъ далъ Т. К—ку с. Мамаевку, которое и оставалось у К—ка до его смерти, въ 1705 г. К—ко пробылъ на судействѣ, кажется, до 1695 г.

Себастіановичъ Андрей, см. ниже, полк. писари.

Марковичъ Иванъ, см. ниже, полков. сотники.

Ягельницкій Михаилъ, см. ниже, Журавскіе сотники.

Огроновичъ Яковъ, см. выше, обозные.

Александровичъ Иванъ съ 1734 г. служилъ въ генер. канцеляріи и должно быть считался дѣльцомъ, потому что вмѣстѣ съ представленіемъ о „подвышеніи“ стараго полк. писаря

---

[1]) Опис. Стар. Малор., II, 59—61.

Галенковскаго въ обозные, Галаганъ [1]) просилъ Глуховскихъ властей о назначеніи на мѣсто Галенковскаго—Александровича; несомнѣнно, что прошенъ объ этомъ былъ не кто иной, какъ всесильный тогда въ Глуховѣ Безбородко, а если съ его помощью молодой Галаганъ получилъ полковничество (с. 48), то конечно въ назначеніи Александровича полков. писаремъ, отказа быть уже не могло. Дѣти Ивана Александровича, записываясь въ дворянскія книги, показали, что родъ ихъ происходитъ отъ „Габріеля Станиславовича Бѣлицкаго“, (ихъ пра-прадѣда), который де былъ „рейментаромъ“ (?), при чемъ добавили, что „королевскій видъ“ (вѣроятно на званіе рейментара) „въ давнихъ годахъ, въ кіевское моровое повѣтріе, не вѣдомо гдѣ дѣвался“ [2])... Это было обычное объясненіе отсутствія письменныхъ доказательствъ—у просившихся въ дворянство—о происхожденіи ихъ отъ „рейментаровъ“, „рефендаріевъ“ и другихъ важныхъ лицъ... Въ спискахъ дворянъ Н.-Сѣверскаго намѣстничества за 1788 г. [3]) о происхожденіи А—чей читаемъ: „сей родъ начало свое благородное имѣетъ отъ *польскихъ шляхтичей*, съ коихъ прапрадѣда показателева (сынъ Иванъ А—ча) отецъ вышедши съ Польши, былъ въ *Кіевѣ* рейментаромъ“ и проч. Но всѣ эти свѣдѣнія были, по тогдашнему обычаю, сочинены; въ дѣйствительности Иванъ Александровичъ былъ сыномъ Кіевскаго „бурмистра“, какъ объ этомъ значится въ спискѣ канцеляристовъ генер. войсковой канцеляріи, составленномъ въ 1739 г., гдѣ сказано, что Иванъ А—чъ началъ службу въ этой к—ріи и что онъ—„*сынъ Кіевскаго бурмистра*“. Выборъ А—ча въ преем-

---

[1]) Просилъ собственно молодой Галаганъ (онъ былъ въ это время полковникомъ), но выборъ Александровича сдѣланъ конечно Галаганомъ-отцомъ, который, зная Глуховскихъ канцелярскихъ дѣльцовъ, могъ сдѣлать и выборъ межъ ними. Можетъ быть сдѣлано впрочемъ и такое предположеніе, что А—чъ былъ родственникомъ жены Галагана-отца, которая по семейному преданію была вдовою *Кіевскаго* сотника Александровича (с. 47). Очень могло быть, что семейное преданіе намѣренно переиначило *бурмистра* въ *сотника*...

[2]) Дѣло Полтавск. Двор. Арх., № 818.

[3]) Рукопись нашей б—ки.

ники Галенковскому оказался, повидимому, удачнымъ, такъ-какъ А—чъ пробылъ на писарствѣ двадцать лѣтъ. Въ 1760 г., по универсалу Разумовскаго, А—чъ былъ повышенъ по полковые судьи, при чемъ и на этомъ урядѣ оставался болѣе десяти лѣтъ, а въ 1771 г., по причинѣ „крайняго изнеможенія“, уволенъ былъ въ отставку бунчук. товарищемъ. Чрезъ пять лѣтъ послѣ отставки (въ 1776 г.) А—чу, по представленію Румянцова, было пожаловано с. Бережовка. Такая необычная награда за прежнюю службу отставного бунчукового товарища можетъ указывать, что А—чъ не былъ зауряднымъ дѣльцомъ и человѣкомъ, а имѣлъ особыя заслуги, которыя и привлекли къ нему вниманіе царскаго намѣстника. Къ сожалѣнію, бѣдны наши свѣдѣнія о людяхъ Румянцовскаго времени и объ ихъ общественной дѣятельности, и поэтому общественная дѣятельность А—ча остается неизвѣстною; извѣстны лишь „формулярныя“ о немъ свѣдѣнія, т. е., что женатъ онъ былъ на дочери Глуховскаго сотника Степана Уманца—Аннѣ, за которою получилъ крестьянскіе дворы въ с.с. Студенку и Полошкахъ, Глуховской сотни [1]). Въ Прилуцкомъ полку А—чъ не нажилъ богатства, такъ какъ за вдовою его въ 1779 г. показано только 34 „поспольтыхъ хатъ“: въ Прилукѣ, въ хуторѣ около города и въ с.с. Молькахъ и Городнѣ. Въ этотъ счетъ Бережовка, разумѣется, не входитъ. Иванъ А—чъ оставилъ четырехъ сыновей: Якова (р. 1746), Антона (р. 1751), Ивана (р. 1753) и Федосія (р. 1762). Изъ нихъ старшій **Яковъ Александро́вичъ** началъ службу въ 1765 г. въ генер. судѣ, а въ 1771 г. былъ назначенъ Прилуцкимъ полк. судьею, вмѣсто отца, имѣя отъ роду, значитъ, всего 25 лѣтъ. И въ этомъ назначеніи нельзя не видѣть особой милости Румянцова къ старш. А—чу. Яковъ А—чъ закончилъ собою рядъ Прилуцкихъ полк. судей, и при введеніи въ Малороссіи общихъ губернскихъ учрежденій, въ 1782 г., былъ назначенъ предсѣдателемъ верхней расправы Кіевскаго нам—ва. Яковъ А—чъ былъ женатъ на дочери писаря генер. суда Высоцкаго—Марьѣ. Второй сынъ стараго А—ча, Антонъ, началъ службу въ полк. Прилуцк. к—ріи, въ 1766 г.;

[1]) Опис. Стар. Малороссіи, II, 440 и 479.

въ 1775 г. онъ былъ избранъ земскимъ писаремъ Прилуцкаго повѣта, а черезъ годъ—тамошнимъ-же подсудкомъ земскимъ; послѣ реформы, былъ назначенъ засѣдателемъ того-же Прилуцк., суда, но уже „уѣзднаго“. Младшій А—чъ, Федосій, послѣ реформы, имѣлъ чинъ полкового писаря, полученный имъ значитъ при отставкѣ, послѣ какой-то службы.

Полковые писари. **Василій Себастіановичъ, 1659. Семенъ Раковичъ, 1672—685. Семенъ Федоровичъ, 1688. Петръ Патока, ок. 1690. Иванъ Васильевичъ Себастіановичъ, 1697—1701. Игнатій Лисаневичъ, 1706. Андрей Васильевичъ Себастіановичъ, 1709—1714. Федоръ Васильевичъ Галенковскій, 1715—1740. Иванъ Александровичъ, 1740—1757. Иванъ Шнурчевскій, 1760—1766. Иванъ Ягельницкій, 1766—1773. Андрей Федоровичъ Галенковскій, 1776—1781.**

Раковичъ былъ женатъ на дочери Лазаря Горленка, Агафьѣ, при чемъ получилъ с. Галицу и имѣлъ одного сына Павла, женатаго на дочери охочекомоннаго полковника Пашковскаго. Отъ этого Павла и пошли Раковичи, заселившіе окружавшіе Галицу степи. (См. Монастырск. сотня).

Себастіановичи. Послѣ Василія С—ча остались два сына, Иванъ и Андрей; оба они были, какъ видно, дѣльцами и послѣдовательно занимали урядъ полковаго писаря. Иванъ С—чъ былъ писаремъ до постриженія своего въ монахи (въ Густынск. м—рѣ); въ 1703 г., онъ, передавая одинъ изъ своихъ „грунтовъ“ этому м—рю, говоритъ, что тутъ-же онъ принялъ и „габѣтъ“. Послѣ Ив. С—ча осталось два сына Петръ—священникъ и Григорій—войск. товарищъ; оба они были бездѣтны, и скоро поумирали; доставшееся имъ село Гурбинцы перешло къ дѣтямъ Андрея С—ча.

Лисаневичъ, повидимому, замѣстилъ Ив. С—ча и оставался писаремъ до 1709 г., когда перемѣнилъ писарскій урядъ на Прилуцкое протопопство, при чемъ Скоропадскій подтвердилъ Л—чу с. Ювковцы, которое онъ получилъ отъ Горленка, будучи писаремъ.

Себастіановичъ Андрей замѣстилъ Лисаневича и оставался писаремъ во все время Носового полковничества. Замѣнившій

Носа Галаганъ желалъ сейчасъ-же смѣстить С—ча, находя его вѣроятно мало податливымъ, но гетманъ, какъ мы видѣли (с. 37), хотѣлъ было поудержать Галагана отъ самовластныхъ распоряженій и взялъ С—ча подъ свое покровительство. Однако-жъ уже въ декабрѣ 1714 г. Андрей С—чъ былъ перемѣщенъ на судейскій урядъ, конечно, по старанію Галагана, которому желалось выбрать писаря по своему усмотрѣнію. Кромѣ отцовскихъ маетностей, Андрей С—чъ на писарствѣ получилъ с. Грицовку, которую передалъ дѣтямъ и самъ осадилъ слоб. Брагинцы (см. Варвинск. с.). У Андрея С—ча было три сына, Иванъ, Василій и Матвѣй. О дѣятельности этихъ трехъ братьевъ см. с. Грицовку, въ Сребрянск. сотнѣ.

Галенковскій былъ сынъ знатн. тов. Василія Галенка и сначала служилъ въ генер. войск. канцеляріи, какъ видно изъ слѣд. „листа" полковника Носа, 1712 г.,—„симъ отвористимъ листомъ нашимъ ознаймуемъ, ижъ просилъ насъ п. Василь *Галенко*, знатн. товар. Прилуцкій, абисмо позволили ему зъ млина его власного о двохъ колахъ, на р. Удаѣ, подъ Прилукою стоячого, часть войсковую зъ размѣровыхъ приходовъ на свой обирати пожитокъ. Мы, прето, давши его п. Василя слушному прошенію въ себе мѣстце, а распектуючи на заслуги *сына его п. Федора Галенковского* въ канцеляріи войсковой зостаючого, стверждаемъ... Тутъ-же прекладаемъ, абы зъ переѣзжающихъ всякихъ людей въ дворѣ его п. Галенка, въ самомъ городѣ будучомъ, ставити не смѣли, упоминаемъ и грозно приказуемъ" [1]). Отсюда видимъ, что войсковая часть мельничнаго дохода отдана была незамѣтному Прилуцкому обывателю Галенку за заслуги его сына (уже не Галенка, а Галенковскаго), который, находясь въ это время въ генер. войсковой канцеляріи, видимо былъ нужнымъ человѣкомъ для Прилуцкаго полковника. Такимъ образомъ, когда Галаганъ явился въ Прилуку на полковничество, репутація Галенковскаго, какъ канцелярскаго дѣльца, была уже извѣстна. Этого самого дѣльца Галаганъ и намѣтилъ въ полковые писари, конечно, надѣясь найти въ немъ человѣка, готоваго исполнять всѣ его распоряженія. Мы видѣли уже, что

[1]) Арх. Полтавск. дворянства, № 158.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXX.

1900 г.

СЕНТЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 26 іюля 1900 года.

Въ книжномъ магазинѣ редакціи

журнала

„Кіевская Старина"

поступили для продажи слѣдующія книги.

Андріевскій. Изслѣдованіе текста пѣсни Игорю Святославичу. Ч. 1-я гл. I и III-я, ч. II гл. IV. Ц. 1 р. за часть.

Антоновичъ В. Къ вопросу о галицко-русской литературѣ (оттискъ изъ журн. Кіевской Старины). Кіевъ, 1900 г., ц. 15 к.

Барвинокъ. Молодыча боротьба. С.-Пб. 1899 г., ц. 1 коп.

— Вирна пара С.-Пб. 1900 г., ц. 3 коп.

Бигдай. Пѣсни Кубанскихъ козаковъ. Выпуски 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 9-й и 10-й. Екатеринодаръ, 1898 г., ц. за вып. 1 руб.

Бѣляшевскій. Археологическая лѣтопись Южн. Россіи, Т. I-й, Кіевъ, 1899 г., ц. 2 руб.

Верзиловъ. Очерки торговли Южной Руси. Черниговъ, 1898 г., ц. 50 коп.

Вовчокъ. Выкупъ (на русскомъ языкѣ). Кіевъ, 1899 г., ц. 50 к.

— Даныло Гурчъ. Кіевъ, 1899 г., ц. 3 коп.

— Максымъ Гримачъ. Выкупъ и др. оповидання. Кіевъ, 1900 г., ц. 4 коп.

— Свекруха, Отець Андрій. 1900 г., Кіевъ, ц. 2 коп.

Василевскій. Современная Галиція. Петерб., 1900 г., ц. 80 коп.

Викъ. Збирникъ поэзій (1798—1898). Кіевъ, 1900 г., ц. 2 р., въ переплетѣ 3 руб.

Гринченко. Народные спектакли. Черн., 1900 г. ц. 25 коп.

Грабына. Дивоче серце. Кіевъ, 1899 г., ц. 25 коп.

Демченко. Образованіе и сочетаніе словесныхъ звуковъ. Кіевъ, 1900 г., ц. 25 коп.

Дашкевичъ. Описаніе Черноморья. Кіевъ, 1891 г., ц. 40 коп.

— Вопросъ о литературномъ источникѣ И. П. Котляревскаго. Кіевъ, 1893 г., ц. 40 коп.

Дашкевичъ. Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и Болоховцахъ. Кіевъ 1884 г. ц. 40 коп.

— Еще разысканія и вопросы о Болоховѣ и болоховцахъ. Кіевъ, 1899 г., ц. 60 коп.

— 25-лѣтіе историч. общества Нестора Лѣтописца. Кіевъ, 1899 г., ц. 60 коп.

— Средневѣковая греко-славянская литература (преимущественно поэтическая) и ея отношеніе къ западно-европейской поэзіи. Кіевъ, 1887 г., ц. 30 коп.

— Міровая скорбь, мрачное міровоззрѣніе и пессимизмъ. Кіевъ, 1895 г. 40 к.

— Приднѣпровье и Кіевъ по нѣкоторымъ памятникамъ древне-сѣверной литературы. 1886 г., ц. 30 к.

— Зезенгеймская идиллія. Эпизодъ изъ исторіи юношескихъ стремленій, увлеченій и творчества Гёте. Кіевъ, 1897 г., ц. 50 коп.

— Литература св. Граселя за послѣдніе годы (1876—1888 г.). Кіевъ, 1888 г., ц. 50 к.

— Романтика круглаго стола въ литературахъ и жизни запада. Кіевъ, 1890 г. 2 р.

Дикаревъ. Малорусское слово «Паляныця» и греческое «πέλανος». Ц. 10 к.

Житецкій. Энеида Котляревскаго и древній списокъ ея. Кіевъ, 1900 г., ц. 2 руб.

— Описаніе Пересопницкой рукописи. К., 1876 г., ц. 1 р.

Зиневичъ. Панъ Штукаревичъ, або оказія якои ныбувало. Каменецъ-Подол. 1900 г., ц. 50 коп.

Землякъ. Отъ тоби й монополія! Сцена въ 1-мъ дѣйствіи. Одесса, 1899 г., ц. 15 коп.

Кропивницкій. Передъ волею. Драма въ 5-діяхъ. Оттискъ изъ Кіевск. Стар. Кіевъ, 1900 г. 20 коп.

Кулишъ. Оповидання. Бахмутъ 1900 г. ц. 50 коп.

— Чорна рада. Выдання друге. Одесса, 1900 г., 50 коп.

— Драмована трилогія. Харьковъ, 1900 г., ц. 2 руб.

— Орыся (С.-Пб.) 1900 г. ц. 2 коп.

— Воспоминанія дѣтства. Повѣсть. Бахмутъ, 1899 г., ц. 1 р. 25 коп.

Конопницкая. Христа. Кіевъ, 1899 г., ц. 6 коп.

Комаровъ. Нова збирка прыказокъ. Одесса, 1900 г., ц. 50 коп.

— Къ біографіи Стороженка. Кіевъ, 1900 г. ц. 15 к

Кониссkій. Грошолюбка. Черкассы, 1900 г., ц. 5 к. и на лучшей бумагѣ ц. 10 коп.

— Творы, т. Ш-й. Ялта. 1900 г. ц. 1 руб. и на веленевой бумагѣ ц. 1 р. 50 коп.

Каниевецкій. Изъ былого Черноморіи. Екатеринодаръ, 1900 г., ц. 1 руб.

Конощенко. Украинськи писни зъ нотамы. Одесса, 1900 г., ц. 30 к.

Мачтетъ. Смотрины. Кіевъ, 1899 г., ц. 3 коп. Изд. Ком. грамотности.

— Два «міра». Кіевъ, 1899 г., ц. 10 к. Изд. Ком. грам.

— Въ святое утро. Кіевъ, 1899 г., ц. 3 к. Изд. Ком. грам.

— Пять тысячъ. Кіевъ, 1899 г., ц. 5 коп. Изд. Комит. грамотности.

Макаровскій. Наталя. Черн. 1899 г., ц. 5 коп.

Немоловскій. Про бжилныцтво. С.-Пб. 1900 г., ц. 8 коп.

Науменко. Рѣшенъ-ли проф. Т. Д. Флоринскимъ вопросъ о книжной малорусской рѣчи? Кіевъ, 1900 г., ц. 15 к.

Осадчій. Козацкій батько Палій. Кіевъ, 1900 г., ц. 8 коп.

Пихно. Бесѣда сельского хозяина. Кіевъ, 1899 г. ц. 40 коп.

Р. С. Братства въ юго-западной Руси. 1895 г., Харьк., ц. 4 коп.

Степовыкъ. Про городыну. С.-Пб. 1899 г., ц. 5 коп.

Станюковичъ. Человѣкъ за бортомъ. Кіевъ, 1899 г., ц. 5 к. Изд. Комитета грамотн.

Тобилевичъ. По-надъ Днипромъ. Черк., 1900 г. ц. 10 коп.

Толстой. Воскресеніе. Романъ, ч. I-я и II ч. С.-Пб. 1900 г., ц. 60 к.

Угадько. Харьк., 1900 г., ц. 5 коп.

Фотографическіе портреты Т. Г. Шевченка. С.-Пб. ц. 65 к. и 80 коп.

Хвыля за хвылею. Збирныкъ. Черн., 1900 г., ц. 1 руб.

Чикаленко. Розмова про сельське хозяйство. Сіяни травы, кукуруза та бурякы. Кн. III. Одесса, 1900 г., ц. 8 коп.

Щыри слёзы надъ могылою П. О. Кулиша, 1900 г., Бахмутъ, ц. 15 к.

Яновская. Смерть Макарыхы. Кіевъ, 1900 г., ц. 10 к. (Оттискъ «Кіевск. Стар.»).

— На зеленый клынъ. Кіевъ, 1900 г., ц. 15 к. (Оттискъ «Кіевск. Стар.»)

Ясинскій. Кара Божа. Луцкъ, 1899 г., ц. 6 коп.

ЛѢСНАЯ ЛУБЕНЩИНА.[1]

Глава 1-я.

Тишковская волость.

С. Крутой Берегъ, Хитцы. Преданія о войнахъ, кладахъ, разбойникахъ, о старинномъ привольи. Рыбацкая деревня Лучники. С. Тишки, Тишковскій богатырь. Бывшія монастырскія владѣнія: Заудай, Лука, Мгарь, лубенской волости; историческія о нихъ воспоминанія.

Противъ м. Городища, лохвицкаго у., виднѣющагося на нижней террасѣ рр. Удая и Многи, расположилось на песчаной площадкѣ, входящей острымъ угломъ въ болото, пограничное лубенское село Крутой Берегъ—нѣсколько небольшихъ помѣ-

---

[1]) Настоящіе историко-этнографическіе очерки сѣверной лѣсной части лубенскаго у., занятой Тишковской, частью Лубенской и Тарандинцовской волостями, ограниченной съ сѣверной и сѣверо-восточной сторонъ рр. Удаемъ и Сулой, а съ остальныхъ—сливающейся со степью, составляютъ продолженіе «Снѣтинской Старины», напечатанной въ IX и X книгахъ «Кіев. Стар.» 1897 г., и также основаны преимущественно на народныхъ разсказахъ. Лѣсной участокъ входитъ въ представленіе о Лубенщинѣ такъ тѣсно, что почти отожествляется съ ней. Онъ особенно типиченъ для уѣзда, геологическій, археологическій, этнографическій интересъ котораго соединенъ главнымъ образомъ съ этимъ участкомъ.

щичьихъ усадьбъ, разбросанныхъ среди садовъ, группъ итальянскихъ тополей и крестьянскихъ хатъ. Берегъ Удая, невысокій, только мѣстами обрывистый, не оправдываетъ названія села. Осадчимъ послѣдняго былъ козакъ Голубъ. „Винъ оселывсь коло церквы, а потимъ набралось чымало мыра“—разсказываютъ старожилы. Осадивъ село, Голубъ ушелъ въ степь, а землю продалъ двумъ братьямъ Ирклієнкамъ, по уличному Бережнымъ, оставивъ воспоминаніе о себѣ только въ названіи части рѣки (Заголуба). У каждаго изъ покупщиковъ было по нѣсколько сыновей, и размножившійся такимъ образомъ родъ занялъ „Затинъ“, старѣйшій кутокъ села, у церкви. Ирклѣенки, судя по имени, фамильнымъ преданіямъ и ремеслу предковъ—дубленію кожъ, происходятъ отъ горожанъ м. Ирклѣева, золотоношск. у., одно время (въ XVII ст.) бывшаго полковымъ городомъ. За Затиномъ слѣдуютъ: Пичкуривка, жительство Пичкуривъ, Кушнирка, Дубогріевка, гдѣ поселился многочисленный козачій родъ Дубогріевъ, и два кутка угасшихъ древнѣйшихъ родовъ, пришедшихъ за Голубомъ: Крыкунивщына, жилье Крыкунивъ, и Ребидивщына, теперь Засилье-Ребидей. Отъ послѣднихъ двухъ козачьихъ родовъ ничего не осталось, кромѣ названій. Козаки составляютъ четвертую часть жителей Крутого Берега; остальное населеніе—крестьяне, прежде ранговые, а съ 1773 года подаренные императрицей Екатериной II статскому совѣтнику Якову Павловичу Козельскому, въ числѣ 60 дворовъ, вмѣстѣ съ крестьянами д. Потерюхъ, лохвицкаго уѣзда. Указъ о пожалованіи сгорѣлъ, устныя же преданія повѣствуютъ о дарѣ такъ: „Якивъ Козельскій бувъ учытель царськои фамыліи, и царыця Катерына подарувала ёму Крутый Берегъ и Вязивець. [1]) Винъ бувъ на служби у Глухови, и нашы батьки преставлялы ему провіантъ: бочку рыбы и

---

[1]) Вязивець или Козловщына—хуторъ за Лубнами. О пожалованіи его Козельскимъ въ дворянскомъ протоколѣ послѣднихъ не упоминается. Якову Козельскому пожалованы были также императрицей перстень и портретъ, но гдѣ они, неизвѣстно. О Яковѣ Козельскомъ извѣстно, какъ о переводчикѣ книгъ во 2-й половинѣ XVIII в. (Кіевск. Стар. 1891 г., IV, 97)

бочку оліи. Одробитокъ бувъ: два дни въ недилю зъ кожнои симьи. Мирка мукы зъ симьи у годъ. Винъ не прынуждавъ людей, утишався имы, якъ дитьмы". Впослѣдствіи князь Кудашевъ, зять Козельскихъ, получивъ по раздѣлу часть Крутого Берега, выселилъ изъ него 300 душъ въ Екатеринославскую г. въ слободы: Софіевку, Николаевку, Кудашевку и Жовту, чѣмъ ослабилъ село настолько, что въ немъ и теперь только 1105 душъ. Жизнь крестьянъ у преемниковъ Якова Козельскаго изображается народомъ такими чертами: крестьяне работали панамъ 3 дня въ недѣлю, если сами платили подушное, а 4—въ противномъ случаѣ; женщины пряли по 6 мотокъ въ годъ; толкли по 4 мѣрки проса въ день; пшеницу на пасхи мололи въ ручныхъ жорнахъ по 1 пуду или около того въ день, а въ періодъ жатвы должны были нажинать по 2 копы ежедневно.

Крутой Берегъ, не смотря на близость Городища, прежнюю отъ него административную зависимость [1]) и постоянное обще-

---

[1]) Эта зависимость видна между прочимъ изъ книги «Метрическія записи, веденныя съ 1716 г. пресвитеромъ Мирономъ Ивановичемъ, веси Крутого Берега, уѣзду Городиского». Въ этихъ метрическихъ записяхъ невѣсты-крестьянки обычно называются *паннами*. Напр. «сталы до шлюбу молодыкъ Журавленка съ панною Анною Удайскою». Между старинными мѣстными козачьими и крестьянскими фамиліями, кромѣ перечисленныхъ выше, встрѣчаются: Чайки, Соколы, Журавленки, Сывокони, Ведмиди, Чернокуны, Каракаши, Перервы, Чорнышенки, Болюченки, Багнюки, Мозоленки, Ляшенки, Бревусы, Усы и др. Къ концу метрической книги подшитъ краткій рукописный учебникъ подъ такимъ названіемъ «Первое ученіе отрокомъ, въ немъ же буквы и слоги таже краткое толкованіе законного Десятословія, молитвы Господни, символа вѣры и десяти Блаженствъ, повелѣніемъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества Перваго Всерос. Императора второе напечатася при С. Петербурхѣ, в Троецкомъ Ал. Невск. Монаст. 20 мая 1721 г.». Кромѣ этихъ книгъ, въ мѣстной церкви хранятся еще: Рукописный Трипѣснецъ 29 октября 1672 г., въ немъ заглавныя буквы написаны киноварью; Нотное пѣніе 1759 и небольшая плащаница Пинской іезуитской Радзивиловской колле-

ніе жителей на городисскихъ базарахъ въ настоящее время, успѣлъ сохранить свои лубенскія этнографическія особенности. Въ Городищѣ, какъ и вообще въ южной части лохвицкаго у., мужская и женская одежда длинная, сзади въ плоскихъ складкахъ („до днища"); цвѣтъ женскихъ свитъ (юбокъ) бѣлый. Очипки круглые, ровные, видны посрединѣ на повязанной платкомъ головѣ. И дѣвичьи головы открыты посрединѣ, платокъ обернутъ только вокругъ головы („въ кружкы", „соняшныкомъ"). Въ Крутомъ Берегу моды лубенскія: одежды короче, со сборами сзади („до фантивъ"), очипки низкіе, переломленные посрединѣ; женскія и дѣвичьи головы плотно закрыты платкомъ („клапономъ"). Головныя повязки, впрочемъ, гораздо ниже и шире снѣтинскихъ и волчковскихъ, [1]) такъ что похожи на чалму и не такъ надвинуты на лобъ. Крутобережцы худощавы, средняго и вышесредняго роста, лица продолговатыя, глаза и волосы темные. Особенность мѣстной рѣчи выражается въ произношеніи буквы *е*, наклоняющемся къ среднему *и*, почему сосѣдніе хитцяне, выговаривающіе букву *е* очень открыто, дразнятъ крутобережцевъ: „гличикъ", „пиривисло", „динь". Мѣстный весильный ритуалъ, какъ всей Тишковской и частью Тарандинцовской волостей, разнясь отъ обряда степной Лубенщины, приближается къ кіевскому. Здѣсь, какъ и въ кіевской губ., во время domum deductio, молодыхъ переводятъ черезъ огонь. Въ понедѣльникъ свекоръ дразнитъ молодую кускомъ сала на палочкѣ, а родителей молодой обманываютъ, подводя имъ чужую женщину въ одеждѣ молодой съ завѣшеннымъ лицомъ. [2]) Населеніе

гіи 15 іюля 1705 г., плохой живописи, на блѣдно-желтой шолковой матеріи, съ оранжевой бахрамой. Быть можетъ, плащаница эта принадлежала предкамъ Козельскихъ, католикамъ изъ Сѣдлецкой губ.

[1]) См. Снѣт. Старину. Кіевъ, 1897 г., 18.

[2]) См. Nowosielski. Lud Ukr. I, 229—232, и мои Нар. Обр. и пѣсни Луб. у. 124, 125. Послѣдній обычай—обманъ родителей молодой встрѣчается еще и въ Волынской губ., о чемъ см. у Потебни. Объясненіе Малор. и сходныхъ пѣсенъ, II, 327, со ссылкой на Свадебн. Обряды. Н. Ѳ. Сумцова.

Крутого Берега земледѣльческое, земля супесчаная, подзолистая. [1])

—

Въ верстѣ отъ Крутого Берега по прямому направленію чрезъ Удай разбросаны по длинному, узкому оврагу Хитцы, самое значительное и интересное село Тишковской волости. Въ старыхъ документахъ ихъ называютъ то *Хицъ*, то *Хѣци* и прибавляютъ *Чернечи*, въ отличіе отъ другихъ Хитцовъ—Сенецкихъ, [2]) близъ м. Сенчи, лохвицкаго у. Хитци-Чернечи, притаясь въ оврагѣ, замѣтны лишь съ горъ, обнаженныхъ и печальныхъ, годныхъ развѣ для вальпургіевыхъ ночей. Эти горы стоятъ со всѣхъ сторонъ надъ селомъ, раздвигаясь только къ востоку въ долину Удая. Основаніе села приписывается мѣстными преданіями сказочному разбойнику. „Якыйсь Хыць (Хытець, Хытцянынъ), розбійныкъ, воръ, забравсь у яръ и ставъ тамъ жыть у землянци. До ёго прыставъ другый, третій, и стало село. Ту балку, де винъ жывъ, зовуть Одмилкивщына. Хыць бувъ вояка, выскочыть изъ яру зъ сёма сынамы и обижа людей, а потимъ ёго прытиснылы, стало народу бильшъ. Винъ бувъ хытрый, хытрякъ здоровый". Древнѣйшими кутами признаются: Силовка, гдѣ сѣлъ старинный размножившійся родъ Мартюки, Западня, занятая Билимами, на которой старѣйшіе и лучшіе сады, Зуивка, гдѣ церковь св. евангелиста Іоанна. [3]) За-

---

[1]) Сб. Хоз. стат. Полт. губ. Полт. 1885 г., IV, Лубенскій у., 228; Мат. оц. зем. Полт. губ. Спб. 1889, II, Луб. у. 31.

[2]) Описанію послѣднихъ посвящена ст. В. П. Горленка «Захолустье» (Южно-рус. очерки и портреты. Кіевъ, 1898 г., 202—211). Это описаніе въ рецензіи Полт. Губ. Вѣдомостей (1898 г., № 7, 3.) неправильно отнесено къ Хитцямъ-Чернечимъ. Основателемъ Хитцовъ-Сенецкихъ былъ запорожецъ Хитько. Никакой связи между этими двумя селами въ настоящее время установить невозможно.

[3]) Время основанія церкви неизвѣстно, но въ 1722 г. она уже была. Въ церковномъ архивѣ хранится рукопись: «Экстрактъ з книги Статуті малороссійскихъ правъ 1767 г.», а изъ иконъ обращаютъ на себя вниманіе древностью: земная жизнь Спасителя, Іисусъ Христосъ,

тѣмъ слѣдуютъ куты по именамъ жителей: Кордивка, жилье Кордивъ, Глушкивъ, Путривъ. Корды—крѣпкій народъ: дѣдъ ихъ жилъ, говорятъ, 140 лѣтъ [1]) и всю зиму ходилъ босымъ; Карпыливка, жилище козаковъ Карпенкивъ; Ризныкивка—казенныхъ крестьянъ Ризныкивъ, пришедшихъ изъ монастыря, какъ и другіе казенные крестьяне; Коречына въ глубокомъ яру, гдѣ живутъ Дудки. На горѣ къ западу живутъ козаки Велички, изъ нихъ Темишъ обладалъ необыкновенной физической силой. Разъ сваливъ на возъ 15 четвертей уголья, онъ вскатилъ потомъ возъ на гору; 15 верстъ носилъ по 6 пуд. хлѣба, а вязанку сѣна въ 5 пуд. несъ однажды 35 верстъ.

Вокругъ Хитцовъ есть много остатковъ старины. Важнѣйшій изъ нихъ Городище, въ верстѣ отъ села, на выступающей въ долину Удая горѣ, съ трехъ сторонъ почти отвѣсной, съ

сидящій на тронѣ, и Вознесеніе. По преданію, иконы эти, съ наивнымъ рисункомъ, блѣдными красками и выразительными лицами, взяты изъ бывшей Онуфріевской мужской пустыни, основанной архимандритомъ Мгарскаго монастыря Іоасафомъ Горленкомъ въ 1744 году, имѣвшей двѣ церкви; Св. Онуфрія и св, Захарія, и числившейся за Мгарскимъ монастыремъ до упраздненія указомъ Екатерины II 10 апрѣля 1786 г. (Полт. Епархіальн. Вѣд. 1898 г. №№ 20 и 21, 794; Арендаренко. Зап. о Полт. губ. Ш., 41). О пустыни въ народѣ говорятъ такъ: «Перва гора одъ Тышкивъ на Лубни зветься Онопривська; на ій бувъ манастырь св. Оноприя. Такъ винъ той святый зійшовъ звидтиль и труну покынувъ,—чогось не понравылось. Де престолъ, такъ тамъ и теперъ обгорожено мисто и горбъ и хрестъ зъ цеглы зробленый». По другому сказанію: „у великимъ лиси бувъ Онофрій. Тоди винъ зійшовъ, якъ святытель Афанасій объявывсь. Нихто не знае, куды винъ зійшовъ. Тамъ, де бувъ Онофрій, тамъ бувъ дворець. Тамъ колысь бувъ и ставъ. Вербы въ обыймыще". Говорятъ, еще «Манастырь разбойныкъ Третякъ розорывъ».

[1]) До ста и болѣе лѣтъ жили еще въ Хитцахъ: дидъ и баба Рѣзниковъ, Сиротъ, дидъ Федора Копаня, а отець его 90 лѣтъ, и Сегеда.

четвертой—примыкающей къ плоской возвышенности, господствующей надъ Хитцами. На немъ валъ и три кургана. По остаткамъ кирпича и костей въ почвѣ видно, что здѣсь было жилье, по предположенію мѣстной церковной лѣтописи, какого-нибудь польскаго пана или князька. Мнѣ показалось это городище гораздо болѣе древнимъ. Вблизи его расположены Саливоновы могилы. Удайская низина у самаго городища называется „головою", а дальше къ рѣкѣ—„велыкою лукою". По лукѣ извивается ручей Грешайка, часть котораго называется Казанокъ. Къ этимъ мѣстамъ пріурочены слѣдующія народныя преданія: „Надъ Хытцямы йе урочыще Салывоново и тамъ городыще: гора зъ валамы. Лёхы тамъ и покійни ховани, найшлы чоловика чотыри аршынъ зъ каменемъ круглымъ въ руци. Якъ прыйшлось копать канаву, такъ рушена земля; пройшлы 5 аршынъ, колы впять нерушена. Зачалы копать и докопалыся до кости,—хованый на схидъ сонця, пальци на ногахъ по четверти, цивкы по 5 четвертей. Захованный милко чы такъ розсунулася земля. Стегна не обіймешъ и двома рукамы. И рукы такъ до ликтя одъ кисточкы дви четверти, самого пальця 5 вершкивъ. Сурени (до плеча) аршынъ, пивтора аршына въ плечахъ. Вынялы голову—шисть четвертей кругомъ обмирялы. Мижъ очима мало не дви четверти. Шисть вершкивъ самого лоба. [1])

У городыщи жылы шведы, чы якись велыкгоны. Якъ пидйихалы запорозци, чы козакы, чы що, такъ не моглы ніякимъ прымиромъ звоювать,—крипость страшна. Прыспособлять пушку, то або перелетыть зарядъ, або не долетыть, въ землю вгрузне. И козакы до самои воды докопалыся и воду спустылы. Тоди давай велыкгоны погыбать. Такъ воны повкыдалы въ колодезь

---

[1]) О такихъ великанахъ въ лубенскомъ у. упоминается въ моей Снѣт. Стар., 3; въ переяславскомъ у.—Арендар. Зап. III, 374; за границей — у Is. Teirlinck. Le folklore flamand. Въ Гаммѣ, напр., сохраняютъ, какъ святыню, кости великана: бедро 4 фут. 1 дюймъ длины, 13 дм. ширины. Улицу, на которой жили великаны, называютъ Reusenstrate (151—153).

дзвоны и орудія, загорнулы землю и заклялы. И такъ осталася середъ городыща яма одъ колодязя. Пробувалы копать, такъ неможна: земля сунется на нызъ. Тилько й выкопалы дви грошыны старихъ. Великгоны вывезлы казанъ зъ деньгамы, золотомъ и серебромъ, и вкынулы въ Удай на яму. Биля городыща йе Салывонови могылы. Зъ тихъ могылъ воювалы городыще, щобъ выще кыдать черезъ стины, изъ ихъ выкыдалы хлагъ.

Розсказують, шо надъ Удаимъ высило на дрюку не знать що. Козакы щыталы—непрыятель страшный, колы одынъ прокопавъ пидъ землею погребъ, долизъ,—колы высыть кичка зъ хомута. Знявъ и прынисъ, каже: „ось шо мы воювалы тры годы". Мижъ могыламы йе ходъ, щобъ чоломкалысь и на тимъ свити. Въ тихъ могылахъ Тышкивській мужыкъ выкопавъ ящыкъ справжнёго намыста, а Снитыньци выкопалы ратыще, зализный бочонокъ, мидну тарилку и кускы миди. У Салывоновій йе крынычка и кущъ бузыны и пидъ тіею бузыною погребъ, а въ погреби складена зброя, зелени сукна, ружжя, шабли. Одынъ старыкъ знайшовъ биля Салывоновыхъ могылъ хрестыкъ изъ шнуркомъ; ставъ брать, ажъ шнурокъ у земли. Почавъ тягнуть, вытягнувъ шисть аршынъ, показалось ёму важко, позвавъ товарыша, такъ тилько загуло.

Въ ричци Грешайци мовъ-бы дзвинъ золотый та срибный укотылы и човенъ зъ гришьмы прыкованый на дни, а дали де Казанокъ, тамъ мидный казанъ упущенный зъ гришьмы на дно,— и все те закляте. Одынъ батюшка зъ давнихъ давенъ одправыть було службу и полизе по ямахъ, и найшовъ той дзвинъ, де саме у ями, у води, и той човенъ, который обкованый, понаходывъ, а тамъ оказалось: „шо ты не становывъ тутъ, такъ ты и не возьмешъ, бо воно закляте, ажъ передъ концемъ вика, якъ вода высхне—тоди найдется, времена пидійдуть у послиднихъ годахъ. Есть кладови лёхы пидъ симъ городыщемъ и тамъ йе у тихъ лёхахъ усячына: сребро, золото, сукни, ружжа. Отамъ шукай, а тутъ зъ воды не возьмешъ ты". Пастухъ пасъ коней проты страсной пьятныци на Велыкій луци. Ставъ у ночи иты дощъ. Пишовъ винъ заховаться у лёхъ

пидъ горою. Увійшовъ у лёхъ, колы дывытся—стоить плугъ изъ усіею снастю, зеленый. Винъ хотивъ взять той плугъ у рукы, ну самъ побоявсь. Тамъ було ще два товарыши. Винъ выйшовъ, гукае: „идить, братци, сюды!" Ти два сталы иты до ёго, такъ винъ тилько почувъ, що загремило. Прыйшлы, не вглядилы ничого. Пастухы паслы скотъ коло рудкы, колы йиде два чоловика парою киньмы и шарабаномъ зеленымъ и пытають тихъ пастухивъ: „чы не можна-бъ тутъ переночувать?" Пастухы звелилы переночувать. Ти люде выпряглы кони, сталы огонь класты, а пастухы погналы скотъ до дому. Гонять у ранци скотъ на пашу, дывлятся, колы на тимъ мисти, де ночувалы ти люды, купа земли; прыходять блыжче, ажъ тамъ яма изъ пивтора аршына глыбыны и знать стоявъ здоровый чавунъ и вкрученый дротомъ, такъ одъ дроту непечаталось у ями на земли. Воны подывылысь тай пишлы. Пыталы двое людей, одынъ старый, другый парубокъ, хутцянськихъ пастухивъ: „де у васъ тутъ Сухомлынъ?" Пастухы розсказалы: „оце Сухомлынъ, а це Коломакъ надъ Тышкамы". Осталысь воны тамъ ночувать. На другый день пастухы выгналы вивци, и на тимъ мисти, де ночувавъ дидъ, лежыть купа земли и яма, де знать стоявъ казанъ. Пастухы знайшлы шисть загубленыхъ мидныхъ грошынъ [1]).

Къ западу отъ села на небольшой лѣсной полянѣ есть валы, сажня 2 ширины, съ одними воротами. По преданію, здѣсь жили разбойники, о которыхъ разсказываютъ слѣдующее: „Було въ Рештокахъ дванадцять розбойныкивъ; одынадцять ходыть красты, а дванадцятый, старый отаманъ, глядыть дому. Ишовъ стовповою дорогою парень, одъ пана посланый. Схватылы розбойныкы того парубка и кажуть: „поборы нашого ота-

---

[1]) Повѣрья о кладахъ поддерживаются частыми находками. Такъ, въ огородѣ хитцянскаго крестьянина найдены римскія монеты. (Ляскоронскій. Ист. Переяслав. земли. Кіевъ. 1897 г. 231). Выше Саливоновыхъ, у „Супруневимъ" вырыты кости мужчины, женщины и трехъ дѣтей и при нихъ—сабля, крышка и мѣдная чаша.

мана. Якъ поборышъ ёго, то будешъ отаманъ". Парень дума: „хочъ такъ, хочъ такъ смерть". Узявся зъ нымъ. Подавсь разъ, поборовъ той старыкъ. А вдруге якъ хватывъ, такъ и убывъ. И посадылы воны тоди ёго на стилъ, кажуть: „будешъ нашъ отаманъ". Винъ оставсь и жывъ дванадцять годъ, не выходывъ зъ землянкы. Потимъ сталы ти розбойныкы обижать панивъ, лавкы обкрадать. Начальство городске стало жалуваться. Выслалы салдативъ обискать, де воны проживають. И зачувъ отаманъ слыхъ, що ихъ шукають, каже: „нуте, брацця, убирайтесь зо мною, бо пропащи будемъ". И тры пишло мымо, а восимъ зъ нымъ осталось и выйшлы зъ Рештокъ у Катеринославську губернію. Тамъ отаманъ казавъ хитцянскому старыку Максыму Сиряку: „есть у Рештокахъ два бересты и повыще ихъ землянка и тамъ гроши есть: мышови (кожани) штаны милочи, а сукна и все у лёху". Отаманъ пытавъ: „а тихъ трёхъ вы чулы?"—„Чулы, предкы розсказували, каже Максымъ: йшло тры жинкы у манастырь. Одна йшла вагитною и другый бувъ зъ нею хлопець. И розбойныкы угналысь за тимы женщынамы. Дви скрылыся въ лисъ, а третя пожалила свого хлопця и сама важка и не втекла. Поймалы іи и знущалысь зъ неи, потимъ іи зарызалы, вытяглы ту дытыну, котора въ еи и „пидъ рядовымъ" кыдалы дытыну на дуба. Кынулы разъ—воно впало, кынулы вдруге—воно впало, втрете кынулы—завысло. И говорять воны: третёго дня мы погыбнемъ. А бувъ въ „Глыбокимъ" козакъ Мосигрега и въ ёго була така винныця невелыка, шо могла зробыть съ пуда водкы. И розбойныкы туды учащалы до ёго, а хитцяне дозналы, сталы просыть Мосигрегу, шобъ дававъ горилкы доволи, а якъ напьются, шобъ въ Хици давъ знать. И пидобрани булы люды, пишлы туды и піймалы ихъ тамъ. Такъ двохъ убылы зразу, а третёго убылы на роспутти и тамъ загреблы.—За Сыливкою бувъ панъ, що державъ розбой. Людей пошле красты и самъ пиде. Такъ воны убылы у Ризныка двохъ воливъ и 'друбалы лопаты, шобъ було що йисты. Убылы свыню зъ ружжа и чоловика того, чія свыня, прыбылы. И зайшла жалоба. А зимою укралы воны у городыського попа

кобылу, и люды бачылы, що посидалы на іи и кобылу у лёхъ затяглы. На утро пипъ оглядивсь, що нема конякы. А въ еи одна пидкова перебыта. Зачавъ слидыть. Дойшлы до двору пана. Потимъ слиду нема въ двори. Народа зибралось багато, и тоди пипъ ставъ клыкаты: „кось, кось!" И вона заржала. Кынулысь въ лёхъ, ажъ вытягты вже не можна. Узялы, вытяглы догоры ногамы. Та зъ тихъ пиръ якъ пишла жалоба, и зогналы и пана и людей на ссылку [1]).

Кромѣ вышеприведенныхъ урочищъ, въ Хитцахъ интересны еще по воспоминаніямъ или названіямъ слѣдующія: Значково, вѣроятно бывшее владѣніе извѣстной фамиліи Значковъ-Яворскихъ; Турова, по народному мнѣнію жилище турокъ, вѣрнѣе—туровъ; Ложечына, граница монастырскихъ владѣній по дарственному акту Раины Вишневецкой Мгарскому монастырю [2]); Площа, на мѣстномъ говорѣ равнина, Пивнева, Дихтярня, Кузюбова, Здыхальныця—крутая гора, на которую нельзя взойти безъ задышки, Стриганка, Ваганокъ, Довгый шпыль, въ казенномъ лѣсу (бекети)—бывшія монастырскія пасики; тамъ есть еще пасики и вишникъ [3]).

Хитцы—самое больше село Тишковской волости. Населеніе, достигавшее по мѣстнымъ исповѣднымъ росписямъ уже въ 1788—1796 гг.—1200 душъ [4]), состоитъ частью изъ козаковъ, частью изъ казенныхъ крестьянъ, бывшихъ монастырскихъ. Козаки, считающіе себя древнѣйшими мѣстными жителями, ника-

---

[1]) Приведенные разсказы записаны отъ крестьянъ: Нагорянскихъ, Сиротъ и козака Ф. Копаня.

[2]) Лазаревскій. Лубенщина и Вишневецкіе. Кiев. Стар. 1896, II, 210.

[3]) О лѣсѣ Вербыщина или Вербыцкивщына разсказываютъ: «У Вербыщыни пастухы скотыну паслы. Чуютъ, за яромъ шось тужыть. Воны пишлы шукать—на другый бикъ голосъ подае. На тимъ боци впять плаче. И нихто не найшовъ. Якъ умерла та баба, що тужыла, тоди найшлы».

[4]) Причина слабаго прироста населенія (теперь 1800 душъ)—выходъ жителей «на вольный степъ».

кихъ преданій о переселеніи не имѣютъ, изъ крестьянъ только Нагорянскіе объясняютъ, что предки ихъ вышли изъ Любара, новградволынскаго уѣзда, волынской губ. „Предкы тикалы писля войнъ и пидійшлы пидъ монастырь, шобъ ихъ не трямалы". Но типъ, обувь, кустарное производство заставляютъ предположить въ хитцянахъ переселенцевъ изъ Бѣлоруссіи или смежныхъ съ нею малорусскихъ мѣстностей, и когда видишь гдѣ-нибудь на базарѣ или на ярмаркѣ высокаго хитцянына съ продолговатымъ лицемъ, сѣрыми глазами, длинными русыми или темнорусыми волосами, въ лаптяхъ [1]), нагруженнаго ложками, тогда на умъ невольно приходитъ бѣлоруссъ [2]).

---

[1]) Лапти (лычакы) въ лубенскомъ у. попадаются только въ Хитцахъ и сосѣднихъ Калайдинцахъ.

[2]) По поводу высказаннаго мною однажды («Къ вопросу о колон. Посулья въ XVI и XVII в.» въ Кіев. Ст. 1899 г., VII) предположенія о бѣлорусскомъ происхожденіи нѣкоторой части лубенскаго населенія одно глубокоуважаемое и весьма извѣстное въ малорусской литературѣ и наукѣ лицо отнеслось ко мнѣ письменно съ замѣткой, въ которой, разсматривая доводы, приводимые въ моей статейкѣ, между прочимъ замѣчаетъ: «степовики, т. е. жители полт. губ., зовутъ литвинами даже пограничныхъ съ черниговскою губ. жителей прилукскаго у., гдѣ въ говорѣ слышится хоть намекъ на дзяканье или *у*, *уи* вмѣсто *о*, однимъ словомъ литвинами зовутъ жителей былой Сѣверіи, былыхъ севрюковъ. Повидимому, этимъ литвинамъ скорѣе можно было появиться у насъ, чѣмъ бѣлоруссамъ». Дѣйствительно, значеніе слова «литва» неопредѣленно. По мнѣнію Потебни, оно употреблялось въ смыслѣ противуположенія чужого, поганого, языческаго, своему священному. (Объяс. малор. и сродн. пѣсенъ. II, 280). И теперь еще у насъ иногда подъ «литвой» понимаютъ пришельцевъ, разный сбродъ; чаще однако этимъ именемъ обозначаютъ бѣлоруссовъ и сѣверно-малоруссовъ, поэтому безпрестанно встрѣчающіеся въ лубенскомъ у. названія: *Литвяки*, *литва*, *литвины*, могутъ указывать и на тѣхъ и на другихъ; при томъ въ образованіи населенія черниговской и сѣвера полт. губ. участвовали, вѣроятно, и Бѣлоруссы (Крымскій. Кіевск. Стар. 1899 г., IX, 305).

Производство ложекъ, не встрѣчающееся нигдѣ въ лубенскомъ у. (кажется и въ сосѣднихъ), кромѣ Хитцовъ, создано здѣсь взаимодѣйствіемъ трехъ причинъ: прежде всего безплодіемъ почвы, общимъ почти всему лѣсному участку [1]), затѣмъ обиліемъ въ старину породъ деревъ, годныхъ для производства ложекъ, и наконецъ наслѣдственностью ремесла, очевидно принесеннаго въ Хитцы предками настоящихъ жителей изъ лѣсныхъ мѣстностей. Число лицъ, занимающихся въ Хитцахъ производствомъ ложекъ, достигаетъ 300 мужчинъ и подростковъ; женщины, конечно, не участвуютъ въ немъ. Есть лица, содержащія семью исключительно издѣліемъ ложекъ. Весной личнаго труда бываетъ недостаточно, и кустари нанимаютъ рабочихъ на 5—6 дней для скобленія и выглаживанія ложекъ, съ платой 10 коп. отъ сотни. Кустарь изготовляетъ 30—50 ложекъ въ сутки. Теперь уже замѣтна недостаточность матеріала въ Хитцахъ, поэтому кустари пріобрѣтаютъ годное дерево въ окрестныхъ селахъ: Хелепцахъ, Калайдинцахъ и Біевцахъ, иногда въ долгъ, съ разсрочкой и платежомъ по окончаніи работы зимой. Рыночная цѣна ложекъ колеблется, завися отъ времени года, качества товара и способа продажи. Такъ, при продажѣ оптомъ, 1000 березовыхъ, грушевыхъ и кленовыхъ ложекъ стоитъ 8 руб., а осиновыхъ и вербовыхъ—5—6 руб. Цѣна ложекъ въ розницу: $1^1/_2$—2 коп. ложка, 8—10 коп. десятокъ лучшаго матеріала и по 1 коп. ложка худшаго. „Бракови, лыси“ ложки, изъ красной вербы, на которыхъ часто бываетъ красная полоса, идутъ только по 4 коп. десятокъ. Предъ Рождествомъ цѣна на ложки падаетъ до 45 коп. сотня, лѣтомъ увеличивается до 1 р.—1 р. 20 коп.

Лучшій ктстарь зарабатываетъ такимъ образомъ 23—40 к. въ день, худшій 15 коп., считая цѣну матеріала въ 10 коп. на сотню ложекъ. Мѣстами сбыта ложекъ, какъ и вообще издѣлій

---

[1]) Верхній слой земли лѣсного участка лубенскаго уѣзда сѣровато каштановый, супесчаный, только съ 3% гумуса; переходной горизонтъ бурый, вязкій, подзолистый, особенно у Хитцовъ. (Мат. для оцѣнки земель Полт. г., Ш, Луб. у., 29, 30 и 31).

изъ дерева, служатъ ярмарки и базары въ окрестныхъ городахъ и мѣстечкахъ. На ярмарку кустарь несетъ тысячи три ложекъ, да столько-же на каждый базаръ въ м. Городище. Кромѣ того, нѣсколько мѣстныхъ крестьянъ побогаче забираютъ большія партіи ложекъ, тысячъ пятьдесятъ и больше, и сбываютъ ихъ въ южныя губерніи, преимущественно таврическую. Эти заказчики даютъ кустарямъ задатки въ 2—3 руб., а въ крайности открываютъ имъ кредитъ въ нѣсколько рублей.

Ложечное производство проникло и въ мѣстную поэзію.

Ой, матинько черешенько!
Засыдилась дуже:
Колыбъ мене той узявъ,
Що ложечкы струже [1]. и т. д.

Но хитцяне нисколько не заботились о правильномъ пользованіи лѣсомъ, такъ что „тамъ, де теперъ коноплыща, такый лисъ бувъ, що якъ глянь у гору, то й шапка спада". Старый лѣсъ кишѣлъ зайцами, которыхъ ловили сѣтями; птицами, которыхъ иногда мальчики захватывали на яйцахъ, набирая по мѣркѣ послѣднихъ. Въ лѣсу попадалось въ разное время множество фіалокъ, полуницъ, бѣлыхъ грибовъ, а въ Удаѣ—рыбы. Тогда рыбакъ закинетъ бывало неводъ, выберетъ нѣсколько рыбъ, а остальной уловъ пускаетъ опять въ рѣку. Особенно много попадалось лящей и сомовъ. Теперь рыбы мало, за нею ѣдутъ въ пограничную рыбацкую деревню Лучники, жители которой, наравнѣ съ старыми кличками хитцянъ: „лапотники", „йижаки", прыкладають новую: „жаболупы", намекая на недостатокъ рыбы въ Хитцахъ. Жизнь вообще была безпечнѣе, привольнѣе. Восемь дядькивъ спрягались, давали по волу, пахали, а по возвращеніи съ поля выпрягали воловъ и выгоняли въ

---

[1]) Въ моихъ «Народ. обр. и пѣсни Луб. у», № 97, 105. Въ Хитцахъ дѣлаютъ еще гребни, лучшіе кленовые и грушевые, цѣной по 20—70 коп., но этимъ производствомъ занято не больше десятка кустарей.

лѣсъ. Волы паслись цѣлый день, гдѣ хотѣли; иногда на третій только день разыскивали скотину. О спашахъ и помину не было. Содержаніе скотины обходилось дешево; казенный сѣнокосъ дѣлился на души и нанимался за 5 гривенъ или злотъ, накашивали-же на нанятомъ пространствѣ копицъ 15. Старина вообще представляется народу золотымъ вѣкомъ: „Ниде не було такъ добре, якъ у Хитцяхъ.“ Все было тогда дешево: „За винчанье платылы тоди шагъ, та 2—3 шагы платылы архіерею въ городъ. А потимъ платылы грывню, и казалы люды, що дорого [1]). Тоди попы булы доморосли, изъ батька сынъ заходыть, ажъ до Костянтына [2]), той уже зайизжый“. При мѣстной церкви, нѣкогда маленькой, крытой тесомъ, до послѣдняго времени существовало братство. Начало братства совпало съ закрытіемъ Онуфріевскаго скита. Оно состояло изъ 15—20 мѣстныхъ козаковъ и крестьянъ.

Попасть въ братчики могъ каждый мѣстный зажиточный хозяинъ, кромѣ неуживчивыхъ, съ общаго согласія всѣхъ братчиковъ. Братство поддерживалось, какъ временными взносами братчиковъ въ 2—3 руб., такъ особенно пасѣкой. Она составилась изъ подаренныхъ членами роевъ. „Улья булы велыки якъ жлукто,—не таки мали, якъ наськи“. Пасѣка помѣщалась въ садку подъ горой, въ которой вырытъ былъ погребъ для ульевъ. Однажды онъ обрушился, и большая часть пчелъ задохлась. Тогда выкопали другой, которому тоже лѣтъ девяносто. Братской пасѣкой завѣдывалъ поочередно одинъ изъ членовъ—пасѣчниковъ. Ему́ поручали: „гляды й братеньськи“. Доходъ отъ пасѣки шелъ отчасти на церковь, большею же частью на народное угощеніе въ осенній храмовый праздникъ. Къ этому дню братчики сытили медъ, покупали водку, кололи кабана и угощали гостей обѣдомъ. Братство закрылось само собой: „той

---

[1]) Въ мѣстныхъ церковныхъ метрикахъ обозначается слѣдующая плата за вѣнчаніе: священнику гривню, панамарю шагъ и протопопу Орѣховскому—(неразборчиво).

[2]) О. Константинъ Боровскій былъ благочиннымъ въ 1860-хъ годахъ.

соби не схотивъ, той соби,—загубылы рядъ, такъ и нема братства". Послѣднимъ пасѣчникомъ—братчикомъ былъ Демидъ Рѣзникъ.

Привольная жизнь создала многіе праздники, такъ что мѣстная поговорка гласитъ: „якъ хочъ празныкувать, ступай у Хитци". Между прочимъ сохранилось обыкновеніе совершать каждый годъ два крестныхъ хода на поля: въ маѣ—на озими и во второй половинѣ іюля—на гречки. Не смотря на обиліе праздниковъ и старую веселую жизнь, нравы въ Хитцахъ строже, чѣмъ въ панскихъ и подгородныхъ селахъ. Здѣсь былъ послѣдній случай общественной расправы съ деревенской кокеткой, о которомъ очевидцы передаютъ такъ: „Зазнавсь чоловикъ изъ бабою чужою и такъ якъ изъ винчаною ставъ ухажувать. Его схватылы мужыкы ночнои добы, порвалы штаны и на ій запаскы, звязалы поворозкамы ихъ обохъ. Ти найдуть коробочку, а ти видро дране, и бьють и спивають поганыхъ писень, такъ якъ тоди, якъ негарне весилля. Велы ихъ у полицію. Вернулысь до жыда; купывъ той зьязаный чоловикъ людямъ повъвидра, а потимъ ище съ четвертыну. Далы тій жинци пьять ризокъ, и простылы. Побигла вона до-дому лаючысь, а винъ пывъ съ чоловикамы. Такъ баба не покаялась, прыманыла до себе другого. Тоди ихъ зновъ водылы, іи прывьязалы до его поперека и сорочку іи пиднялы и закрутылы выще пояса, высиклы, десяткивъ тры ій всыпалы, а винъ четвертыну купывъ" [1])

—

[1]) Прежде прелюбодѣевъ повсемѣстно водили по селу, наказывая розгами, обмазывая дегтемъ или медомъ, осыпая пухомъ и перьями. Такъ было въ Англіи и Германіи въ средніе вѣка (Сумцовъ. Культ. переж. въ Кіев. Стар. 1889 г. XI, 294), въ Испаніи, гдѣ сводница Селестина была «de tres veces emplumada» (В. В. Лесевичъ. Происх. соврем. романа въ Рус. Мысли 1898 г. XI, 54). Даже Мазепа, по разсказу Отвиновскаго, за прелюбодѣяніе былъ высѣченъ розгами, съ ногъ до головы вымазанъ дегтемъ и обсыпанъ пухомъ (Костомаровъ «Мазепа» въ Рус. Мысли 1882 г., I, 11 и 12). Въ 1899 г. въ Лубенскомъ окружномъ судѣ слушалось дѣло объ истяза-

Отъ Хитцовъ вдоль Удая изгибается подковой горная цѣпь, кое-гдѣ покрытая еще отдѣльными осинами, березками и кустарникомъ. Дорога вьется по кручамъ надъ самимъ Удаемъ. Надъ рѣкой же, въ мѣстѣ, гдѣ горы немного раздвинулись, образовавъ площадку, расположена рыбацкая деревенька Лучники, съ 545 жителями, основавшаяся, по мѣстнымъ сказаніямъ, такимъ образомъ: „Посередъ Удая йе острывъ Садовый, тамъ йе вышни. Предкы казалы, шо тамъ жывъ первый жытель Лушнык, рыбалка, и винъ завивъ соби садокъ. Видтиль прыходу нема зъ Слобидкы [1]) и одъ Удая, велыки болота [2]), а видсиль одъ Лушныкивъ може винъ човномъ переихать до Хытцивъ. Въ Хытцяхъ жывъ Хыцъ. Лушныкъ рыбальствомъ занимавсь, а Хыць хлибопашествомъ. Той наловыть рыбы, а сей пашеть хлибъ. Той сёго нагодуе рыбою, а сей того хлибомъ. И до тихъ пиръ дожывся, шо велыке стало посемейство. Такъ Лушныкъ тавай перебираться на сей бикъ и выйшовъ на Лушныкивську толоку за млыны на Деркачку, де недавно жывъ чоловикъ Собко. Е урочыще Стрыманка, спустытся круча надъ Удаемъ, тамъ горбыкъ зветея Баранка. Тамъ жывъ Баранъ, у ёго булы лёхы и тамъ крадени вещи и клункы зъ грышьмы. Винъ бувъ отаманъ и хотивъ зійты такъ, шобъ не дать деньги товарыству. Такъ ёго товарыство пекло на сковороди. Тоди винъ перейшовъ у Лушныкы зъ Баранкы,—такъ люде поносять ту кручу". Въ настоящее время населеніе Лучниковъ козацкое, одно время здѣсь жилъ панъ Баладуря (Барадулинъ) изъ Слободки съ своими крестьянами, но послѣдніе возвратились въ Слободку, такъ какъ не имѣли надѣловъ въ Лубенскомъ у. Луч-

---

ніи женщины, которой смазали голову смолой за прелюбодѣяніе. Вѣроятно, такое смазываніе дегтемъ—смягченіе обычая обрѣзанія косы, о чемъ у Тацита: «abscisis crinibus nudatum uxorem coram propinquis expellit domo maritus» (I. Bedier. Les fabliaux. Paris 1895, 184).

[1]) Село Лохвицкаго у., на той сторонѣ Удая.

[2]) Заливная долина Удая у Лушниковъ—сплошной торфяникъ. (Гуровъ. Геолог. Опис. Полт. Губ. 465).

ники дѣлятся на Рудивщыну, занятую козацкими родами Рудей и Гулаковъ, и Кутъ, въ которомъ живутъ: Швеци, Грабки, Скребци, Совы Лукьянци, изъ которыхъ одинъ прожилъ 100 лѣтъ и помнилъ запорожцевъ. Жители небольшого роста, темнорусы, крѣпко сложены, стригутся въ кружокъ, моды лубенскія. Земля плохая, перерѣзана оврагами [1]). Въ старину выручали немного винокурни, у Граяковъ, Гулаковъ и Скребцовъ. Затеры бывали пудовъ 5, получалось 3—5 ведеръ водки, которую обмѣнивали на хлѣбъ.

Болѣе важнымъ подспорьемъ мѣстному хозяйству служила рыбная ловля огромными неводами. Всѣ еще помнятъ уловы рыбы въ Удаѣ и Хелепскомъ озерѣ въ 120, 150, даже въ 300 пудовъ. Рыбы оказывалось столько, что ее выбрасывали на ледъ изъ хохли руками и везли потомъ на 12 саняхъ. Теперь количество рыбы уменьшается и остается только вода. „Воды багато та ничого запываты“—говорятъ Лушниковцы.

—

Къ югу отъ Крутого Берега мѣстность понижается до небольшого пригорка, за которымъ среди удайской низины стоятъ Тишки на пескѣ и солонцахъ, мѣстами кажущихся пятнами снѣга. Удай здѣсь раздваивается: одинъ рукавъ идетъ къ Хитцамъ, а другой подъ именемъ Рештокъ или Калгана—къ Лукѣ. До основанія въ 1725 г. [2]) церкви, Тишки были хуторомъ, лучше сказать соединеніемъ хуторовъ; такое хуторное расположеніе замѣтно еще и теперь. О началѣ села старожилы разсказываютъ: „Зъ Лохвыци на запорозцивъ ишлы ляхы и воювалысь пидъ Хитцямы на поли. За Коломакомъ [3]) есть могылы и пересыпъ. Въ могыли выкопалы двое пистолей и дви шабли, а у меньшій намысто. Крый Боже, шо у тій могыли есть! Якъ

---

[1]) Сборн. Хоз. Стат. Полт. губ., IV, Лубенск. у. 228.

[2]) Первымъ по времени мѣстнымъ священникомъ былъ о. Никита Кіяшка, за нимъ о. Матвѣй Войнаровскій, а съ 1789 г. непрерывно священники изъ фамиліи Григорьевыхъ.

[3]) Самая высокая гора надъ Тишками.

розбылы запорозцивъ, воны розбиглысь той туды, а сей сюды. Прыйшовъ Тышко (Тыхинъ), оселывся тутъ и завивъ село". Тишко жилъ въ срединѣ села, возлѣ церкви, на Бученкивци, гдѣ живетъ теперь многочисленный родъ Бученковъ, быть можетъ происходящій отъ Тишка. Сосѣди Бученкивъ Блыскавки, также старинный козацкій родъ, по преданію разбогатѣли находкой такимъ образомъ: „Антинъ рыбальчывъ и десь пидъ мостомъ найшовъ бочонокъ сребра и прыткнувъ тычкою; вечеромъ вызвавъ хазяйху та удвохъ узялы. Одъ тихъ поръ ставъ багатить [1]). Антонъ Блискавка нажилъ до ста десятинъ, что тогда было легко, такъ какъ Пыхимъ купилъ у Демка $1^1/_2$ дес. земли за таляра, а Феденко вымѣнялъ у Бученка десятину за кусокъ сала. Возлѣ церкви живутъ Фесенки на Фесенкивци и Маротченки, пришедшіе изъ с. Окопа, Лохвицкаго у. У послѣднихъ прежде была своя винокурня. На краю села, отъ хутора Гребищъ, живутъ особымъ хуторомъ Олійныки или Ткачи, зажиточный родъ, имѣвшій до послѣдняго времени водяную мельницу. Двойное прозвище этой фамиліи объясняется занятіями предковъ. О главномъ предкѣ сохранилось слѣдующее сказаніе: „Грыгорій Олійныкъ бувъ манастырськый. Якъ освобождено, тавъ почавъ быть олію. Винъ бувъ сыльный багатырь. Ишовъ разъ повкъ москаливъ черезъ Тышкы, а Грыцько Олійныкъ йихавъ у Лубни у ярмарокъ и не схотивъ звертать москалямъ. Воны кынулысь до его, а винъ узявъ ваговый дрюкъ, и скилько зачепывъ, чы десятокъ, чы два москаливъ, стилько й полетило. Тоди начальныкъ сказавъ: „бросьте сего старыка, бо винъ и повкъ весь побье". Москали кынулы, и Грыцько пойихавъ своимъ порядкомъ у ярмарокъ [2]). Колысь Копытькы [3]) хотилы

[1]) По варіанту разсказа, бочонокъ утраченъ былъ торговцемъ скота, уронившимъ его, переѣзжая Удай, на лодкѣ, въ половодье.

[2]) По другому варіанту: Москали хотилы Олійныковій кобыли хвистъ острыгты, винъ заходывсь быть, а воны до его—трыдцять чоловикъ. Ротный казавъ: «годи старыка брать».

[3]) Копытьки—разбойники. О нихъ въ «Снѣтинской Старинѣ», стр. 15.

у ёго деньгы узять, такъ винъ выскочывъ у дымарь и сказавъ: „усихъ васъ выбью". Копытькы утеклы. Навкулачкахъ якъ ставъ Ткачъ, такъ и занявъ лучанъ у Луку; якъ ёго нема, а зъ Лукы выйде Ивашко, то тышкивцивъ ганялы. Грыцько дожывъ до ста литъ". За Ткачами расположены: Писки, жилье Марченковъ, Пиндюривка и Жебельня или Жебливка, жилище козаковъ Жебелей, отдѣленная отъ Исачковскихъ каменоломней болотистой балкой Маларихой. Крестьяне принадлежали въ старину мѣстному роду изъ войсковой старшины Значкамъ-Яворскимъ, у которыхъ былъ свой дворъ въ Лубнахъ [1]). Одинъ изъ нихъ Карпъ Значокъ былъ съ 1757—1763 г. Лубенскимъ полковымъ сотникомъ [2]). Изъ этой-же фамиліи происходитъ игуменъ Лубенскаго монастыря Мельхиседекъ [3]). О комиссарѣ Николаѣ Ивановичѣ Значкѣ старожилъ Жебиль передавалъ такъ: „Панъ бувъ хорошый, изъ людьмы хороше обиходывся. И мого батька клыкавъ пидъ себе, такъ батько сказавъ: „шо-жъ ити пидъ пана, то й диты будуть паньски? краще служыть". Пишовъ у козакы, ходывъ козакомъ дванадцять литъ, козакомъ и выйшовъ". Но сохранивъ свободу, Жебли все-же утратили часть владѣній по слѣдующему случаю: „Коло Жебливъ була панська вынокурня. Жебель заснувъ коло бочкы и пидъ ёго хтось выпустывъ водку. Тоди ніякыхъ судивъ не було. Сказавъ той панъ: „дай леваду". Оддавъ ище зъ дубыною такою, що страсть.

Тишки, какъ и всѣ села Тишковской волости, невелики. По мѣстнымъ исповѣднымъ росписямъ можно прослѣдить движеніе населенія съ 1762 г., когда числилось въ Тишкахъ 418 жителей; затѣмъ во второй половинѣ XVIII в.—465; въ первой половинѣ XIX в.—744 и въ 1897 г.—1135. Населеніе красиво, особенно женщины; нѣсколько улучшеннаго снѣтинскаго типа [4]),

---

[1]) Лазаревскій. Лубенщина въ XVII и XVIII в. стр. 49—51, 57.

[2]) Ibid.

[3]) Яновскій. Общежит. Луб. монастырь. въ Полт. Епарх. Вѣдом. 1868 г., № 18, 702.

[4]) См. мою «Снѣт. Ст.» 20, 22.

такъ что если-бы можно было сдѣлать заключеніе о происхожденіи жителей на основаніи одного наружнаго сходства, то Тишки съ окрестными хуторами, особенно Козубовкой, можно бы счесть снѣтинской колоніей, но только одинъ родъ Луцей завѣдомо снѣтинскій. Волосы и глаза тишковцевъ, за исключеніемъ: Жебелей, Маротченковъ, Фесенковъ и Бученковъ, свѣтлы; моды совершенно такія, какъ въ волчковской волости. Сюда берутъ изъ Литваковъ искусныхъ портныхъ.

—

За тишковскимъ мостомъ на гористой террасѣ Удая виденъ особый хуторъ въ 30 хатъ—Заудай. Этотъ хуторъ связанъ съ Тишками въ административномъ отношеніи, а въ церковномъ съ сосѣднею Лукой, которую напоминаетъ. Заудай разбросанъ на пригоркахъ и у подошвы горы; хаты межъ деревомъ, подъѣзды къ нимъ круты. На самомъ высокомъ гребнѣ построенъ хлѣбный магазинъ; около него остатки большого вала. Отсюда взоръ тонетъ въ глубинѣ долины Удая, среди извилинъ и синѣющихъ рощъ. Время основанія хутора письменными данными и народными преданіями опредѣляется точно. Въ 1653 г. универсаломъ Богдана Хмельницкаго данъ монастырю млинокъ въ Тишкахъ; черезъ два года Мгарской монастырь купилъ здѣсь еще млинъ, а въ 1657 г. Богданъ Хмельницкій далъ новый универсалъ на три млина [1]). По показаніямъ-же старожиловъ: „Возли мосту булы монастырськы млыны. Одна клитка розвалена, а друга ще була тилько роспущена. Крыши не було и чотыри камени лежалы на березиʺ.

Эти мельницы держались въ такомъ видѣ до половины сороковыхъ годовъ, и теперь еще видны пали въ зеленоватой тинѣ Удая. „Купылы ти млыны, говорятъ старожилы, монахы и прыслалы сюды дви симьи. Тоди було дви хаты. Изъ тихъ хатъ пишлы: Шевци, Шевченки, Боцы, Рекманы, Гаманы, Гречкы, Шпакы, тилько Бакалы пизниши. Воны прыкидькы,

---

[1]) Лазаревскій. Архив. отрывки Полт. епарх. Полтава, 1887 г., 67—72.

каренія (т. е. безмѣстные). Народъ въ Заудаѣ русявый, небольшого роста, довольно полный, не такъ красивъ, какъ въ Тишкахъ или Лукѣ.

От Заудая до Луки терраса Удая покрыта рощами осинъ, тополей и садами; рѣка протекаетъ вдоль Луки узкой лентой по широкому поемному лугу, давшему названіе селу [1]), сливаясь съ Сулой ниже Луки подъ Бересточью. Лука выстроена въ одну линію. Съ улицы только и видны ряды высокихъ, темныхъ плетней изъ толстаго прочнаго хвороста съ остришками, досчатыхъ воротъ и тѣ изъ хатъ и надворныхъ построекъ, которыя разбросаны по подворью. Хаты, за немногими исключеніями, просторныя, свѣтлыя, но подъѣздъ къ нимъ по скату горы и узенькимъ проулкамъ затрудненъ. На улицу свѣшиваются вѣтки берестовъ, дубовъ, кленовъ; за плетнями зеленѣютъ сады, полные венгерскихъ сливъ (угорокъ), одичавшіе, похожіе на рощи. Посреди села на полгоры стоитъ церковь св. Николая; къ ней ведетъ деревянная лѣстница. По преданію церковь эта построена запорожцами, но когда—неизвѣстно. Она недавно поновлена, причемъ намѣстные образа стараго иконостаса помѣщены сбоку. Образа эти, также поновленные, красивы, но чисто земной красотой, и въ Богоматери совсѣмъ не выражена идея безмятежнаго материнства.

Надъ церковью на вершинѣ горы построены мельницы; здѣсь, какъ и въ другихъ селахъ, есть сторожевая могила, на которой „сторожа хылыла виху на село, якъ набигала лядщына". Въ другой могилѣ въ урочищѣ Городыщи или Кладвыщи „годивъ двадцять тому назадъ тышкивській чоловикъ Шпыль найшовъ казанокъ серебра, на ёму сама голова напысана, и другый казанокъ миди—тамъ напысани кони". Есть въ Лукѣ и своя криница съ цѣлительной водой, о которой разсказываютъ: „Вилъ бигъ, ступывъ, колы вода цвиркнула и потекла потокомъ. Люды зибралы, зробылы зрубъ; що году

[1]) Лука—поемный лугъ съ раститальностью. (Гуровъ. Геолог. Опис. Полт. губ. 317).

святять на другый день Тройци. Молодыця дытыну обрикала. Поставыла свичу, покы молебень одправыла—дытына оздоровила". Криница эта, впрочемъ, совсѣмъ неизвѣстна за предѣлами села. Преданія объ основаніи послѣдняго затеряны, но старѣйшимъ родомъ общее мнѣніе признаетъ Баклановъ, поселившихся въ западной части села, къ Мгарю. „Бакланы зажылы Луку". Многіе участки лѣса и левады называются ихъ именами; у нихъ была и винница. Баклановъ было три брата. Они казенные, бывшіе монастырскіе крестьяне, какъ и большинство лучанъ: Трубокъ, Киричковъ, Сириковъ. Козачьи роды только Перепелицы, выходцы изъ хорольскаго уѣзда, и Фурсы—изъ с. Окопа, лохвицкаго уѣзда. Въ Лукѣ 150 дворовъ; въ ней въ періодъ съ 1814—1843 г. всего жителей среднимъ числомъ было 890, а къ концу XIX в. болѣе 1000. Большинство жителей свѣтлорусые, вышесредняго роста, красивые; между женщинами встрѣчаются красавицы; моды волчковскія. Лучане поставлены въ тяжелыя экономическія условія: земля [1]) вся нарѣзана на горѣ надъ селомъ, она грубопесчаная съ кварцевыми зернами [2]) (глей, жорства). Поля перерѣзаны ярами. Дача маленькая, всего 800 дес. Степи у Ромодана, какъ у другихъ казенныхъ крестьянъ лубенскаго у., у лучанъ нѣтъ. Въ добавокъ, поля въ двухъ только смѣнахъ, изъ которыхъ одна идетъ поочередно подъ хлѣбъ, другая въ толоку, такъ что третью руку приходится нанимать, выгоновъ почти нѣтъ [3]). Единственное достояніе жителей—сады; они могли-бы служить большимъ подспорьемъ народному хозяйству, еслибы велись раціонально. Правда, лучане торгуютъ еще лѣсомъ, но не всегда удачно.

—

[1]) Цѣна земли въ XIX в. по разсмотрѣннымъ документамъ была такая: 3 дня оранки продано Андрею Перепелову за 60 руб., въ 1804 г. Въ 1818 г. 2 дня оранки ему-же Кравченкомъ продано за 50 руб. 18 Апрѣля, 1829 г., козакъ Тарасъ Перепеловъ продалъ Петру Перепелову 4 упруги за 30 руб. «за согласіемъ жены, дѣтей и всѣхъ родственниковъ близкихъ и далекихъ съ устраненіемъ всѣхъ родныхъ» и безъ права выкупа.

[2]) Мат. къ оцѣнкѣ земель Полт. губ. Вып. II, Луб. у., 32—34.

[3]) Сборн. хоз. стат. Полт. губ. II, Луб. у. 228.

За Лукой сады и рощи незамѣтно переходятъ въ молодой, свѣжій лѣсъ, которымъ покрыты горы. Различныя лѣсныя породы тѣснятся здѣсь въ борьбѣ за существованіе. Между коричневыми и сѣрыми стволами дуба, липы, клена, береста, граба виднѣются изрѣдка блѣдныя, зеленоватыя осины. У самой дороги огромные вѣковые дубы вросли въ ровъ. Дорога вьется лѣсомъ, съуживаясь. Иногда вѣтви сплетаются надъ головой, и проѣздъ даже верхомъ затруднителенъ. Приходится раздвигать руками вѣтки, и лошадь пугливо поводитъ ушами. Мѣстами лѣсъ рѣже, сквозь широкіе листья видны солнечныя пятна, чернѣютъ пни. Какъ незамѣтно Лука прячется за лѣсомъ, такъ-же незамѣтно выплываетъ изъ него Мгарь, во всёмъ напоминающій первую. Та-же узкая главная улица, тѣ-же одичавшіе сады, сбѣгающіе къ болотистой поймѣ Сулы и уходящіе съ другой стороны улицы подъ гору. Въ садахъ тѣ-же угорки, только по словамъ Мгарцевъ болѣе сладкія, [1]) тѣ-же узкіе, извилистые проулки,

[1]) Сады въ Мгари и сосѣдней Лукѣ расположены на южномъ склонѣ сульской террасы. Они дѣлятся на участки, мѣрой $1/4$—$1\ 1/2$ десятины и полны яблокъ, грушъ и сливъ. Славу этихъ садовъ составляютъ угорки, темныя, продолговатыя и сладкія сливы, годныя для наливокъ, сушки и соленія. О нихъ говорятъ всѣ описатели Полт. губ. Короновскій замѣчаетъ, что угорки въ луб. у. посажены по приказанію Петра В., не указывая, откуда почерпнуто имъ это свѣдѣніе. (Статист. Опис. Луб. у. въ Полт. Губ. Вѣд. 1800 г., № 54, 2). По мѣстнымъ преданіямъ, всѣ сады завелись изъ монастырскаго сада, бывшаго въ концѣ Мгаря къ Лукѣ. При продажѣ угорокъ лучанскимъ козакомъ Степаномъ Киричкомъ владѣльцу Качановки въ 40-хъ годахъ оказалось, что лубенскія сливы одинаковы съ привезенными тогда-же изъ с. Потокъ, кіев. губ., сливами. Мѣстные сады не улучшаются, напротивъ еще отчасти корчуются для очищенія мѣстъ подъ постройки вслѣдствіе увеличенія населенія; въ послѣднее время сады въ Мгари стали высыхать и слабѣть. Жители, смотря по обстоятельствамъ, или закупаютъ сады на сторонѣ, или запродаютъ свои сады сами, или продаютъ свой урожай. Цѣна садовъ: 25—50 рублей. Выше 100 руб. „закупокъ“ (арендъ) не бываетъ. Лучше всего мгарскія угорки, лу-

взбѣгающіе какъ змѣйки на горы. По срединѣ горы стоитъ церковца, затемненная деревьями, на кругломъ, крутомъ возвышеніи. Время основанія ея неизвѣстно [1]). По мѣстнымъ разсказамъ, церковь прежде крыта была шелевками (драницами), на которыхъ наросъ мохъ почти въ четверть. „Церква почесть бокомъ стояла". Помостъ былъ кирпичный. При обновленіи церкви стерты всѣ остатки старины. Изъ стараго иконостаса останавливаетъ на себѣ вниманіе икона Богоматери на холстѣ, изображенной юной дѣвой съ продолговатымъ носомъ, довольно полными щеками и ясными, полными благоволенія глазами, мѣстнаго типа и очевидно мѣстной кисти. Вокругъ церкви тѣснятся въ прихотливомъ безпорядкѣ: хаты, повитки, клуни. Плетни не такъ высоки, постройки меньше и хуже лучанскихъ, да и вообще Мгарь выглядываетъ менѣе нарядно, чѣмъ Лука. Послѣднія хатки почти доходятъ до подошвы холма, на которомъ стоитъ Спасопреображенскій монастырь. Со стороны монастыря виднѣются яры: Жыдивня Мала и Велыка, въ которыхъ будто-бы жили евреи.

чанскія больше, но кислѣе. Мгарь—страна сливъ, и мгарцевъ даже дразнятъ венгерцами, поэтому продавцы другихъ селъ: Хеленцовъ, Тарандинецъ берутъ свидѣтельство мгарскаго сельскаго старосты и проводятъ подъ мгарскимъ флагомъ и свои сливы. Мѣста сбыта: Пирятинъ, Прилука, Золотоноша и Кременчугъ; прежде и черниговская губ. (Аренд. Зап. II, 345). Отдѣльная слива даетъ 15 ф.—4 пуд. урожая, до 7,8 ведеръ; ведро стоитъ на мѣстѣ 15—50 коп., при неурожаѣ 80—1 руб. Въ Кременчугѣ—80 к.—1 р. 20 к. и 1 р. 40 к. Въ 50-хъ годахъ цѣны: 15—40 к. ведро (Коронов. № 54, 2). Дички сливъ для посадки: 1—3 коп.

[1]) Въ спискѣ густынской лѣтописи, любезно сообщенной о. В. Р. Романовымъ, заключается свѣдѣніе, что игуменъ Исаія Копинскій находясь въ 1627 г. въ Густыни, наблюдалъ оттуда за постройкой: лубенской церкви Св. Троицы, мгарскимъ монастыремъ и «на Мгару на веси у саду покой и церковь Св. Арх. Михаила и Гавріила», но такъ какъ мгарская церковь крестовоздвиженская, то, вѣроятно, приводимое мѣсто лѣтописи относится не къ ней, а къ одной изъ монастырскихъ церквей.

По народному разсказу, здѣсь въ колодцѣ закопаны бочонки съ золотомъ и серебромъ, забитымъ шерстью. Въ этомъ мѣстѣ сверлили землю, но ничего не нашли. Находка сдѣлана была на мгарскомъ полѣ, какъ свидѣтельствуетъ слѣдующій разсказъ: „Зобрався мужыкъ Шокалъ орать на жыто и нанявъ соби погонычивъ двохъ хлопцивъ. Литъ пивтораста якъ се було, бо ще йе поколиння Шокала. Оравъ винъ до самихъ обидъ, выпригъ волы пасты. Напась волы, запригъ, опять орать зачавъ, напоившы. Обійшовъ чотыри раза ныву, пьять разъ зачепывся плугъ, восимъ воливъ не потяглы. Винъ туды, волы сталы. Нащупавъ прутъ зализный утовшкы якъ палець. По тому пруту дойшовъ— колы винця (въ казани).—„Выпрягайте, каже, хлопци волы, гонить пидъ Малюжыну и возьмить соби по куску хлиба“. Погналы волы хлопци пасты. Винъ заходывся, огрибъ землю, тоди плугъ кынувсь выймать,—не выйме. Ставъ колишню назадъ источывъ, тоди взявъ тяжъ искынувъ изъ градиля, заходывся за градиль ворочать. Ставъ плугъ ворушыться. Шокалъ узявъ за чепигы, назадъ потягъ, вытягъ. Узявъ плугъ вывернувъ на неорану землю; давай землю одгрибать коло казана того. Одгрибъ, колы той казанъ закрытъ зализною крышкою и въ тій крышци ручка. То винъ двыгавъ, двыгавъ, неподвыгне́, заиржавыла кругомъ казана. Давай винъ объ крышку быть обухомъ, сокырою; тоди узявъ за крышку, изорвавъ, пиднявъ у гору, роскрывъ. Колы тамычка той казанъ насыпанъ повенъ золота, червонцивъ самихъ. Тоди винъ узявъ прыбирать ихъ на визъ. Пудивъ шисть, може й бильшъ того. Тоди поставывъ виху: дрючокъ на визъ и наложывъ шапку, щобъ гналы волы сюды. А погонычи чужи, такъ винъ одъ ихъ ховавсь, щобъ не взналы. То винъ, покы прыгналы, потерявъ плугъ, щобъ не можна орать. Прыгналы волы хлопци.— „Запрягайте тры пари у плугъ, а четверту у визъ; буду дома плугъ лагодыть, бо тутъ ничимъ“. Прыйихалы до-дому.—„Выпрягайте, хлопци, волы та гонить пасты и пасить вже до вечора, а я буду плугъ лагодыть,—каже Шокалъ. А винъ заходывсь уже ти червонци у комору носыть. Тоди чы довго-коротко роздумавсь соби: оце Господь давъ мени щастя, чимъ-же я Бо-

гови теперъ услужу?—Исправлю я въ манастырь рызы.—Убувся у постолы, волоками пообмотуввавъ до самихъ колинъ и надивъ на себе юпку, латка на латци. Набравъ тихъ червонцивъ кошыкъ и понисъ у монастырь до гумена.—Здрастуйте, батюшка!—Взявъ благословення.—А чого ты, Божый старче прыйшовъ? Шо ты мени скажешъ?—Ось що я вамъ, батюшка, скажу. Я хочу вамъ у монастырь таки рызы справыть, щобъ нигде не було такихъ рызъ.—Яки-жъ ты хочешъ рызы справыть?—Золоти, щобъ саме золото.—Эге, старче, не можна такыхъ рызъ справыть.—Чому, батюшка?—Дуже дорого стоять, нема сумы. А Шокаль кошыкъ держыть пидъ плечемъ.—Ось де, батюшка, я прынисъ; чы можна за си гроши справыть?—То батюшка и рукы опустывъ, якъ глянувъ.—Старче Божый, говорыть, мало сихъ, а якъ бы до сихъ ще прыбавыть, то було бъ за що справыть таки рызы.—Скилько-жъ, батюшка, прыбавыть?—Скилько можна. Дывытся гуменъ, що непerелывкы.—Я, каже, могу ище прыбавыть.—Пишовъ до-дому, прынисъ ище пивковшыка, пытае: а шо, батюшка, отсихъ уже буде?—Отсихъ буде вже.—Тоди гуменъ пислявъ свого калейного: пійды ты, брате, скажы жыво: хай до мене сходятся старыкы. Зойшлысь.—Братія, говорыть, отъ Божій старець принисъ намъ золота, щобъ отаки то рызы справыть. Дывиться, чы можно справыть за се золото? То братія сказала, що предовольно буде справыть таки рызы. Монахы сталы хвалыться купцямъ, то пишла пословыця, шо въ Мгари прыносывъ якыйсь чоловикъ кошыкомъ золото. И взналы купци и господа. Пишла скризь слава и, говорять, дойшло ажъ до царя, що въ Полтавскій губерніи, у Лубняхъ городи кошыкамы золото носять мужыкы. То царь заславъ газеты скризь и по чужихъ земляхъ. То то, шо булы часто войны, такъ чужи земли хотилы добыться у Лубни-городъ, що то воно за Лубни-городъ, шо золото кошыкамы мужыкы носять? Такъ имъ Богъ не помигъ добыться сюды".

Въ срединѣ села помѣщается Сича,—круглые склоны горы между двумя ярами съ насыпью, такъ называемой Шылымовою горою. Отъ бывшаго здѣсь нѣкогда сада остались деревья бѣ-

лыхъ и черныхъ черешенъ. Другой садъ былъ на Виноградѣ—ровной возвышенности надъ селомъ, теперь занятой мельницами. На Виноградѣ видны остатки жилья, старый, крѣпкій большой кирпичъ, вѣроятно изъ той стѣны, въ которую закладывались скарбы лубенцевъ [1]). Здѣсь однажды крестьянинъ Костырь выкопалъ саблю и копье. Въ срединѣ села кутокъ Польша, жители котораго назывались польщане, впослѣдствіи переименованный народнымъ остроуміемъ въ Рашевку! [2]) Ближе къ Лукѣ урочище Денисовка, владѣніе Дениса Панченка, о которой разсказываютъ: „Жинка йшла зъ поля и зійшла на могылу подывыться телятъ, и дывытся—лежыть шнурокъ красный, и взяла вона той шнурокъ и вытягла аршына тры и каже: „що воно за чортъ тягнется?" „Такъ воно перервалось и брязнуло, вcподъ загуло". На Сулѣ показываютъ слѣдующія мѣста: Козачку—„тамъ колысь козакъ купавъ коня и втонувъ", Рубань,—колысь шисть дивокъ йихалы зъ Мгаря у Пискы, забывши олію, и потопылысь". На Сули „булы и монастырськи млыны, стоять и доси пали, а каминня и зализа лежалы на огороди. Годивъ трыдцять, якъ казна ихъ продала,"—говорятъ старожилы.

Названіе села, вѣроятно, происходитъ отъ ручья Мгарецъ, прежде Мгарь. [3]) Здѣсь были пасѣки и хуторокъ еще до построенія монастыря; послѣдній отданъ Вишневецкими Исаіи Копинскому въ самый годъ основанія монастыря—1624-й, а въ 1628 г. мѣщанинъ Деревянченко продалъ ему же свой садъ на „Siele Mharu". [4]) Вѣроятно, эти первоначальные жители удали-

---

[1]) Костомаровъ. Гетм. Выгов. Основа 1861 г. VII и VIII, 26. Кулишъ. Выговщ. Основа. XI и XII. Величко. Лѣтоп. 1, 329. Густын. Лѣтоп. рукопись. Яновскій. Полтавск. Епарх. Вѣдом. 1886 г., № 18, 672.

[2]) По слѣдующему поводу: «Якъ пшовъ щетынныкъ зъ Рашивки, то взявъ обидравъ чорного кота, писля того той кутокъ звуть Рашивка».—Рашевцевъ зовутъ котолупы. (Потебня. Объясн. малорус. и сродн. пѣсенъ., 243).

[3]) Rzeczka Mhar.

[4]) Лубенщ. и Вишневец. Лазаревскій Кіев. Стар. 1896, I, 210. Лазаревскій. Лубенщина въ XVII и XVIII в., 57.

лись изъ Мгаря, не желая оставаться подъ властью монастыря, такъ какъ, по мѣстнымъ народнымъ воспоминаніямъ, предки настоящихъ мгарцевъ переселены изъ Густыни; по густынской же лѣтописи изъ Густыни даны въ Мгарь плугъ воловъ, 150 овецъ, скирда пшеницы и рабочіе. [1]) Село началось отъ Луки, гдѣ мѣстность лучше для садовъ, и заключалось при монастырѣ всего лишь въ 7 дворахъ; да и теперь оно не велико, всего 800 съ небольшимъ душъ казенныхъ, бывшихъ монастырскихъ, крестьянъ: Кульчіивъ, Третякивъ, Мандрыкъ, Шабративъ, Мазуривъ, Кочергъ, Кучеренкивъ, Панченкивъ, Гриней и др. Монастырь переводилъ лучшихъ мастеровыхъ изъ другихъ селъ поближе; такъ переведены Майстренки, по уличному Подоплички. Послѣднее прозвище объясняется слѣдующимъ случаемъ: „Зибравъ війтъ людей строить мельныци, и дерева прыготовылы. И війтъ сказавъ: „я визьму видро водкы и заходьтесь работать“. Ось Майстренко пишовъ у трахтырь, каже: „усыпъ видро водкы“. Трахтырщыкъ пыта: „гроши е?“—„Війтъ прыйде оддасть.“—„Не всыплю безъ грошей“. Винъ напавсь „усыпъ“.—Не всыплю.—„Ну, каже Майстренко, пидожды я тебе пидоплечу“. Узявъ винъ та Удай справывъ на хату шынкаря. Вода затоплюе хату, шынкарь крычыть: „ратуйте хто въ Бога вируе!“—„А що, каже Майстренко, не всыпавъ?“ Шынкарь каже: „идить, я пятеро видеръ усыплю“. Тоди Майстренко одвернувъ. Такъ черезъ то якъ пишовъ—Пидопличка тай Пидопличка; и мала дытына скаже“.

Мгарцы ниже лучанъ, менѣе красивы. Въ обоихъ селахъ попадаются иногда голубые глаза при темныхъ волосахъ, но опредѣленнаго типа мгарцевъ нѣтъ. Всё здѣсь разнообразно: лица, цвѣтъ волосъ, сложеніе—даже въ одномъ и томъ же семействѣ. Нравы видимо вольнѣе: чувствуется близость города. Въ устахъ народа появляются разсказы, напоминающіе содержаніемъ французскія фабло XIII в. и нѣкоторыя новеллы Декамерона.

---

[1]) Истор. статистич. очеркъ Луб. Мгарск. Монастыря. Полтава 1855 г., 5.—

Самая рѣчь еще южная, прелестная у женщинъ, у мужчинъ уже измѣнена и характерное малорусско *и* часто переходитъ въ *о*.

Глава II-я.

Лубенскій мгарской преображенскій монастырь и часть его бывшихъ владѣній.

Дорога богомольцевъ. С. Пѣски, засульской волости—предверіе монастыря. Монастырь, мѣстоположеніе, мѣстныя святыни; легенды о св. Аѳанасіѣ, константинопольскомъ патріархѣ, Историческій очеркъ монастыря, поземельныя владѣнія. Разсказы объ освобожденіи монастырскихъ крестьянъ. С. Вильшанка, лубенской волости.

Богомольцы, такъ называемые *кіяне* или *доны*, входятъ въ лубенскій уѣздъ двумя торными дорогами, „шляхами": „Комышаномъ изъ м. Комышной, миргородскаго у., и историческимъ „Ромоданомъ". Большинство кіянъ сворачиваетъ въ сторону отъ большой дороги и направляется на большія слободы: Литвяки и Волчекъ, описанныя въ моей „Снѣтинской старинѣ". Широкая дорога за Волчкомъ пестрѣетъ уже съ утра разноцвѣтными толпами народа, въ высокихъ шляпахъ, голубыхъ и розовыхъ рубашкахъ, лаптяхъ, женщинъ изъ глубины Россіи въ красныхъ платкахъ и бѣлыхъ свиткахъ, также малороссіянъ Воронежской, Полтавской, Харьковской губерній. По краямъ дороги виднѣется равнина, похожая на скатерть, вышитую разноцвѣтными шелками. Темная зелень конопли отдѣляется отъ блѣдножелтыхъ поспѣвающихъ хлѣбовъ. Дальше бѣлѣетъ и дымится въ утреннемъ туманѣ поле гречки, какъ пролитое молоко; потомъ огромное поле ярко-желтой, мѣстами краснѣющей, озимой пшеницы. Вправо отъ дороги, вдали постепенно развертываются возвышенности праваго берега Сулы: блѣдные, желтоватые, обрывы надъ Лукой, лучанскія мельницы и церковь на горѣ, и синіе

участки лѣса, Мгарь въ ущельяхъ также съ мельницами на горѣ, и бѣлыя монастырскія зданія, отчетливо выдѣляющіяся въ лиловомъ освѣщеніи утра. Ближе къ дорогѣ Бересточь, вся въ рощахъ, съ высокими итальянскими тополями, окружающими панскую усадьбу. У пригорка подъ мельницами лежатъ два, три бересточца и приглашаютъ прохожихъ на свой перевозъ, но большинство послѣднихъ тянется дальше. Вскорѣ черноземная супесь и солонцы смѣняются широкой песчаной полосой съ дюнными образованіями, опускающейся круглыми холмами въ сульскую пойму. На этой полосѣ и на горбахъ расположилось бывшее монастырское село Пѣски. Оно состоитъ изъ безпорядочной массы крестьянскихъ построекъ и извилистыхъ, узкихъ, грязныхъ улицъ. Старое село было за рѣкой въ урочищѣ Гала, о которомъ мѣстные старожилы разсказываютъ: „Возли бытои дороги Комышана у робленыхъ могылахъ козакъ стоявъ изъ вихою, и люды, що жнуть на поли, поглядають на ти могылы. Якъ тилькы побачылы, шо козакъ хылыть виху на слободу, тикають у село и переправляются черезъ ричку Гало на левады и остривъ. Та йе огородци и черипья, глына, выдно, що було жылье. Задній переходыть ричку и прыймаеть доскы. Непріятель прыбигъ до ричкы; въ долони плещуть, крычять; гала, гала [1]) А не перебредуть, боятся воды, степни люды. Якъ нашихъ людей розмножылось, такъ наши собралысь и хотилы прогнать тихъ розбійныкивъ—ляхивъ. Прыйшлы, а ляхы у карты грають и одынъ спытавъ: „чого вы прыйшлы, гулять?—Гулять.—Ну, гуляйте-жъ, каже". Воны простоялы цилый день до самого вечора, а въ вечери, якъ ляхамъ остыло граючы въ карты, сказалы: „а що нагулялысь? ну, идить теперъ до-дому". Ти розбійныкы подалысь дали, забралы усе свое. Тилько, стари люде розсказують, шо свичка горыть проты велыкодня, проты Яновського хутора. Булы таки, що доходылы, такъ свичка погасне. Одійдуть одъ могылы —опьять загорытся. И потимъ стало набыраться ще бильшъ людей и помищенія за Галомъ нема, и сталы люды селыться по сей

[1]) Вѣроятно, воспоминаніе о крикѣ татаръ: алла!

бикъ рикы на Хохули, сталы размножаться—и названіе Пискы, шо багато писку. [1]) Итакъ хуторокъ на Хохули былъ началомъ лѣвобережныхъ Пѣсокъ. Еще недавно на немъ оставалась последняя хатка крестьянина Ясеневого, но и онъ, гонимый пескомъ, переселился на Новоселовку, главную часть села, гдѣ надъ оврагомъ стоитъ маленькая, узкая успенская церковь съ ветхимъ иконостасомъ, но прочной постройки. „Церковъ дубова, та сама, шо й преже, старозавитна. Дубына крипка, пласты шыроки, побили нема. Теперъ такои дубыны нема". Центръ села такъ и называется Средня. Вокругъ села размѣстились урочища: Гребля, гдѣ нѣкогда были монастырскія водяныя мельницы, Торговица, общественное болото, и Крынка (криница). О ней разсказываютъ: „Возли крынкы трахтыръ бувъ и жывъ череватый жыдъ, ризавъ людей, складавъ у лёхъ и ляда була. Наймычка вызнала, и усихъ тихъ розбійныкивъ забралы у Сыбирь". Пѣски встрѣчаются уже на картѣ Боплана первой половины XVII в., но и теперь еще они не очень значительное село, всего 1300 съ небольшимъ жителей, а въ 30-хъ годахъ, съ какого времени только и сохранились исповѣдныя росписи, число жителей не превышаетъ 900. Большинство жителей казенные крестьяне, бывшіе монастырскіе; козаковъ меньше: 30 дворовъ изъ 230. Потомковъ старыхъ козачьихъ родовъ: Толоченковъ, Момотенковъ, нѣкогда продавшихъ свои левады монастырю, теперь не встрѣчается; первенствующіе козачьи роды въ настоящее время: Скибы, Грушкы, Горбы, Поповичи, а крестьянскіе: Коки, Грубы, Павлыки, Ковали, Савченки, Кисели и Христичи. Ростъ пищанъ до 7 вершковъ, сложеніе крѣпкое и хорошее; волосы русые и темнорусые, глаза свѣтлые. Несмотря на близость города, на пищанахъ незамѣтно городского отпечатка: тѣ-же люди, тѣ-же запаски и плахты, что и въ волчковской волости; нѣсколько различенъ только женскій головной уборъ: очипки круглые, повязки дѣвушекъ слегка сжаты у боковъ, „перижечкомъ", на городской манеръ. Въ Пѣскахъ хорошо

---

[1]) Отъ Ив. Рябича.

сохранились старинные сказки, пѣсни и обряды. На Рождество, напримѣръ, здѣсь отдѣльные кружки молодежи соединяются въ просторной хатѣ" на „грыща" и подъ Новый годъ разыгриваютъ святочный фарсъ Меланку, изображающій ухаживанье стараго волокиты за молодицей; а въ сезонъ свадьбъ въ узкихъ уличкахъ села по субботамъ встрѣчаешь невѣсту съ веселой свитой дивчатъ, кричащихъ свадебныя пѣсни, при чемъ какая-нибудь молоденькая рѣзвушка вдругъ начнетъ прыгать, какъ козлёнокъ. Въ понедѣльникъ счастливую молодую сопровождаетъ по селу красное знамя. Перезовъ пышный, и разодѣтыя пищанки танцуютъ съ упоеніемъ! [1]) Пищане пользуются извѣстнымъ благосостояніемъ; къ нимъ особенно примѣнимо замѣчаніе мѣстныхъ статистиковъ, что у казенныхъ крестьянъ лубенскаго у. преобладаетъ среднесостоятельная группа, а у козаковъ крайнія. [2])

Въ Пѣскахъ главный перевозъ, но до него богомолецъ долженъ еще долго тонуть въ глубокихъ пескахъ, переходить по гатямъ или соединеннымъ лодкамъ грязные протоки и ручьи, переправиться чрезъ Сулу, и только тогда по пѣшеходной тропѣ чрезъ крутую гору достичь цѣли паломничества. Прежде, впрочемъ, богомолецъ не претерпѣвалъ столькихъ мытарствъ, такъ какъ въ половодье паломниковъ подвозили прежде на лодкѣ къ самой подошвѣ монастырскаго холма, теперь же воды Сулы уменьшились, особенно послѣ уничтоженія мельничныхъ запрудъ за Лубнами. Но и людская волна стала теперь меньше приливать къ мгарскому монастырю, отвлеченная частью во вновь открытый козельщанскій монастырь, куда подъѣзжаютъ по желѣзной дорогѣ. Даже въ великій весенній лубенскій праздникъ, 2 мая, день св. Аѳанасія, число паломниковъ уже не достигаетъ теперь 1000, какъ нѣкогда [3]). Предъ монастыремъ, между большой каменной гостинницей и оградой, на площадкѣ помѣщаются экипажи и возы́ пріѣзжихъ; на ней же, въ оградѣ и въ самомъ

---

[1]) См. мои Нар. обряды и пѣсни Луб. у., 61 и 124.

[2]) Сб. Хоз. Ст. Полт. Губ. IV., 50 и 56.

[3]) Истор.-стат. очеркъ. Луб. Мон. Одесс. 1894 г., 32.

храмѣ толпятся богомольцы. Розовыя кофточки и цвѣтные платки мѣщанокъ, темные корсеты и платки крестьянокъ, яркія ленты дивчатъ смѣшиваются съ рѣзкими загорѣлыми чертами, бѣлыми свитами, цвѣтными рубашками великороссіянъ. Входъ въ храмъ ведетъ по длинному помосту чрезъ высокую въ четыре яруса колокольню, чуть замѣтно наклоненную, похожую на почаевскую— на рисункѣ Шевченка. Она заложена въ 1837, а окончена въ 1844 г.[1]), такъ что старожилы помнятъ еще эту постройку. „Пры насъ ще звоны булы на сохахъ,—разсказывалъ пищанинъ Иванъ Рябичъ,—а колокольня симъ литъ строилась. Ще люды возылы цеглу зъ монастырскои цегельни. Колоколъ стягалы два дни, винъ не хотивъ иты, потимъ упросылы и винъ тронувсь". Наклонъ же колокольни—по замѣчанію[2]) строителя Е. И. Червинскаго, случился оттого, что архимандритъ приказалъ забросать кирпичемъ цилиндрическія пустоты въ основаніи колокольни, и такъ какъ эти пустыя мѣста засыпаны неравномѣрно, то получилась неправильная осадка.

Преображенскій храмъ—обширное зданіе съ толстыми каменными стѣнами, снаружи бѣлыми, внутри—розовыми. Когда сквозь большія подковообразныя окна въ монастырь льются солнечные лучи, то стѣны покрываются теплыми, огненными тонами. Арки храма массивны, и стѣны покрыты бѣлымъ лѣпнымъ орнаментомъ; пилястры въ видѣ колоннъ съ іоническими завитками. Иконостасъ зеленый съ золотомъ. Влѣво отъ входа большой образъ Св. Николая, архіепископа мирликійскаго, полученный изъ с. Лазирокъ, благословляющій, съ потемнѣвшимъ ликомъ. Лѣвѣе въ стѣнѣ задѣланъ гробъ кіевскаго митрополита Іосифа Нелюбовичъ-Тукальскаго, о которомъ Янъ Собѣскій говорилъ: „гетьманъ и цила Украина жиють ёго духомъ"[3]), и о кончинѣ котораго эпитафія (nagrobek), сочиненная Лазаремъ Барановичемъ

---

[1]) Ib. 16.

[2]) Любезно сообщенному В. В. Г—вичемъ.

[3]) О. Целевичъ, въ Зап. Наук. Товар. имени Шевченка 1898 г., в. V, 15.

чемъ, выражается такъ: W cierniach rostące smierć urwala róże. [1]) Его останки перенесены сюда во вторую чигиринскую войну въ 1678 г. [1]) Противъ гроба на стѣнѣ портретъ іерарха въ золоченой рамѣ. О Тукальскомъ народъ замѣчаетъ: „Намисныкъ и теперъ йе замурованый у стини. Оконка ёго вышла зъ стины. Посылалы двичи, щобъ ёго одмуровать, такъ все николы". Далѣе въ глубь храма, подъ зеленымъ куполомъ или навѣсомъ, поддержаннымъ золочеными коринѳскими колонками, серебряный гробъ святителя Аѳанасія, царьградскаго патріарха, и его мощи. Знатнаго происхожденія, блестяще образованный, философъ, ораторъ и поэтъ, св. Аѳанасій посвятилъ свои таланты церкви, и вначалѣ митрополитъ солунскій, былъ потомъ трижды возводимъ на патріаршій престолъ, затѣмъ проѣздомъ въ Москву видѣлся, какъ извѣстно, съ Богданомъ Хмельницкимъ, а на обратномъ пути скончался въ мгарской обители 6 апрѣля 1654 г. Черезъ десять лѣтъ обрѣтены его мощи. [3]) О святителѣ Аѳанасіи встрѣчаются слѣдующіе мѣстные разсказы, частью приближающіеся къ приведенной біографіи. „Святый Аѳанасій бувъ у Рыми, у монастыри Костянтынополи, священыкомъ. Непріятели розбывалы монастырь. Такъ винъ пысавъ до царя и йиздывъ, шобъ пидпомогы дававъ, жалованния. Такъ винъ роздававъ свое все жалованния на братію и ныщыхъ. И то бъ-то винъ якъ одъ царя йихавъ, то заболивъ и остановывсь и Богу молывсь у лиси. За престоломъ винъ и духъ спустывъ, черезъ то винъ сыдячый.—Св. Аѳанасій ишовъ Сулою зъ Констянтынополя, впросывся на ничъ до бидного чоловика. Той чоловикъ сказавъ: „у мене ничого йисты, а онъ де жыве багатый." Такъ св. Аѳанасій до багатого не схотивъ; переночувавъ у бидного, сказавъ: „изъ

---

[1]) Лѣтопись Велички II., 348.

[2]) Ib., 461, Лазаревскій. Огр. мгарск. лѣтоп. Кіевъ, 1889 г., 63.

[3]) Житіе св. Аѳанасія, XII изд. Лубны 1896 г., 4, 24, 33, 35, 37. Истор. статист. очеркъ Луб. мон. Одесса. 1894 г., 24, 31, 32. Яновскій. Общеж. Лубенск. мон. въ Полтавск. Епарх. Вѣд. 1886 г., XVIII, 674.

вашого села нихто не буде на Сыбири"—и пишовъ. Святый Аѳанасій йиздывъ до мылостывого царя изъ Аѳона на одынъ монастырь сосуды, на другый иконы, а на третій гроши просыть. Зъ святыхъ горъ зайихавъ у Жданы [1]) до Савыцькои и кушавъ рыбу, а якъ выйшовъ на Лубни, то обома рукамы благословывъ, щобъ хлибъ родывъ. А потимъ прыйихавъ у Лубни. И манастырь бувъ маленькій; понаравылось ёму буть у монастыри, такъ винъ на могылку ходывъ Богу молыться. Колясочкою винъ йихавъ, вона зосталась гуменови. Іи вже нема.—Кажуть, ходывъ якыйсь старыкъ и пытавсь манашкы: „де мени систы?" То манашка сказала: „сядьте, старыкъ, отамъ пидъ дубомъ одпочыньте". То на другый день усталы, колы могыла роздвоилась и выйшовъ гробъ и св. Аѳанасій у тому гроби. Св. Аѳанасій нагый бувъ, старцемъ дило ходывъ, а потимъ умеръ. Та якъ прысвятывся, то выйшла труна на могыли. Сыдячый и прысвятывся. Де колиньмы стававъ, тамъ ямкы; де рукамы, и тамъ ямкы, и знать де поклинъ ударывъ, а потимъ выйшовъ та на ногы ставъ, пидъ дубомъ спочывавъ. Изъ-пидъ дуба узялы у Божый храмъ, такъ сыдячого и посадылы у кіотку за склом и клубукъ золотый наложылы, а ставъ винъ мылувать усякыхъ.—За святого Аѳанасія такъ сказано. Два святыхъ прыйшло морямы, водамы. Сей оставсь тутъ у Мгари, а Макарій подавсь у Переяславъ. Тамъ мисто соби обибравъ. Аѳанасій Богу молывся на могыли, и ёго узялы у церковъ и хотилы, щобъ винъ бувъ у олтари, такъ винъ не пожелавъ и выходывъ на середъ церквы, тутъ и сяде. Такъ ёму и зроблено.—Св. Аѳанасій по-пидъ землею прыйшовъ, остановывсь у Почаеви. Мисто ёму не понравылось, и винъ ходà сюды. Спочывавъ на камени, потимъ мижъ древо.—Святый Аѳанасій выйшовъ изъ земли изъ гробомъ у садовій церкви.—Тамъ лисъ, чотыри дуба стоить, и тамъ винъ выйшовъ пидъ дубомъ гробомъ. Уперадъ гробъ выйшовъ. На гроби була подпысь: св. Аѳанасій. И якъ сталы молебствовать, то винъ самъ увійшовъ у церкву. Прыйшовъ ночю, нихто не бачывъ, побачылы утромъ,

---

[1]) Село лохвицкаго уѣзда.

що винъ сыдыть. Такъ винъ хотивъ вернуться зъ своею трункою. Уже стоявъ коло царскихъ вратъ. Сталы молебствовать; и винъ остався. Винъ мылостывый, мылуе одъ болизни.—Якъ занявсь монастырь, такъ святый Аѳанасій выйшовъ. [1])

Обрѣтеніе мощей святѣйшаго патріарха придало необыкновенный блескъ мгарскому монастырю. Съ этого времени начинается приливъ богомольцевъ и даровъ; гетманы также обратили вниманіе на обитель. Самойловичъ положилъ основаніе каменному храму св. Преображенія, взамѣнъ старой церкви Исаіи Копинскаго. На закладинахъ 23 апрѣля 1684 г. присутствовали гетманичи Семенъ и Яковъ, полковникъ лубенскій Максимъ Ильяшенко, судья Мотяшъ Попкевичъ, Андрей Гамалѣя, Иванъ Кулябка, протопопъ Яковъ Орѣховскій. Достроилъ церковь Мазепа въ 1694 г., но верхъ ея рушился, и въ настоящемъ видѣ она возстановлена при Императрицѣ Елисаветѣ лубенскимъ архимандритомъ, впослѣдствіи епископомъ бѣлгородскимъ Іосафомъ Горленкомъ, съ помощью принца Людвига Гесенъ-Гомбурскаго [2]).

За церковью растутъ старыя груши и волоскіе орѣхи, а вдоль ограды расположена узкая площадка, съ которой открывается далекій видъ на долину Сулы, синѣющей подъ горою. Сула вьется здѣсь по широкому лугу, усѣянному желтыми цвѣтами, точно звѣздами, въ открытыхъ берегахъ, лишь иногда исчезая за купами вербъ, осокорей и серебристыхъ тополей. За лугомъ, голубоватыя засульскія и матяшовскія степи сливаются

---

[1]) Приведенные народные разсказы записаны отъ З. Бойка и старухъ: Прихидькиной, Косенковой, Макухиной, Купріевой.

[2]) Рукописная густын. лѣтопись; отр. мгар. лѣт., 7, и Истор. стат. очеркъ луб. мгар. преобр. монастыря. 15. Въ послѣднемъ сочиненіи перечислены важнѣйшіе предметы и принадлежности обители: икона лубенской Божіей Матери въ драгоцѣнной ризѣ, греческой кисти; портреты св. Аѳанасія и др. іерарховъ, богослужебныя вещи, нѣсколько евангелій первой половины XVII в., одно изъ которыхъ подарено митрополитомъ Петромъ Могилой, Speculum Saxonum 1610 roku. (Стр. 15, 18—21.)

съ горизонтомъ. Площадка ведетъ въ лѣсъ, у подошвы холма берестовый, выше дубовый. Среди яркой, пышной зелени вдругъ подымается черный стволъ вѣкового дуба, прямой, какъ колонна. Другіе развѣтвляются на нѣсколько толстыхъ вѣтокъ. Есть дубы до 20 четвертей въ объемѣ, а священный дубъ, подъ которымъ будто-бы отдыхалъ патріархъ, гораздо толще, но измѣрить его нѣтъ возможности за частоколомъ, окружающимъ его со всѣхъ сторонъ—предосторожность необходимая, такъ какъ кора внизу и даже довольно высоко на вѣтвяхъ ободрана и изгрызена зубами кіянъ, вѣрящихъ въ цѣлебную силу этой коры отъ зубной боли. Дубъ растетъ въ формѣ люстры: сажня на два отъ ствола, отдѣляются двѣ толстыя вѣтки, дѣйствительно похожія на руки благословляющаго пастыря. О дубѣ разсказываютъ: „Св. Аѳанасій пидъ дубомъ почывавъ, дубъ такый якъ домъ. Люды йдуть, гилля ламлють, кору деруть и лупають, щобъ зубы не болилы. Монахы обмазалы, частоколомъ оббылы, нихто не дряпается, не доходыть. Тамъ, де святый Афанасій молывсь и колинкамы стоявъ, тамъ доны (?) повыбиралы ямы“. За дубомъ расположено небольшое кладбище и Благовѣщенская церковь на могилѣ, куда ведетъ деревянная лѣстница.

Вокругъ монастыря есть подземный ходъ, о которомъ народные разсказы передаютъ слѣдующее: „Якись паны прыйихалы у манастырь. Кучеръ кони вивъ до воды напувать, кинь обвалывся и оказалысь печери. Прыйшлы монахы, сталы смотрить, взялы двохъ мужыкивъ нарядылы, далы имъ по свичи по здоровій и сказалы: „идитъ, може край де найдете“. Пишлы воны, може верстъ десятокъ, потимъ вернулысь, говорять: „Богъ ёго зна, де той край: не дошлы“. Кажуть, тамъ зводъ звоженый. Може воно ажъ у чужу землю.—У манастыри биля Афтанасія давно вже мовъ завалылась дирка. Узялы монахы пишлы зъ процесіею, найшлы тамъ срибло й злото, тарилкы сребряны, золоти и ложкы, гроши давніе, Катерыны ще. Воны одчынылы ришотку и забралы те и оддалы на манастырь; ище одни двери булы, такъ не наткнутся: така буря пидійметця, не можна війты, свичи гаснуть. Такъ и доси туды не ввійдуть“.

Мысль объ устройствѣ мгарскаго монастыря принадлежала Исаіи Копинскому, человѣку непреклоннаго характера и больших организаторскихъ способностей, нечуждаго поэтическому настроенію, какъ видно изъ выбора „мисця красна" подъ монастырь въ 1618 г. Въ слѣдующемъ году Раина Вишневецкая подарила какъ выбранное мѣсто, такъ и матеріалъ на монастырь изъ стараго лубенскаго замка Вишневецкихъ. Инвентарь и рабочіе взяты изъ Густынскаго монастыря. Вскорѣ устроены пещера, кельи и основана Преображенская церковь. [1]) Но послѣ первыхъ успѣховъ настали смутные дни. Во время возстанія Остранина отрядъ рейтаровъ явился въ монастырь, и начальникъ отряда въѣхалъ на конѣ въ церковь, а въ 1638 году игуменъ съ монахами допрошены въ польскомъ станѣ. [2]) Скоро, однако, повѣялъ вѣтеръ съ Низу. Іеремія съ семействомъ и остатками войска оставилъ навсегда Лубны, а вслѣдъ за нимъ и шляхтичи, по словамъ мѣстной народной пѣсни, кидали „свои пасики и левады" [3]) и бѣжали за Днѣпръ. Вслѣдъ затѣмъ и при Богданѣ Хмельницкомъ монастырю подтверждены прежнія вла-

---

[1]) Густынская лѣтопись. Яновскій, Общ. Луб. мгар. мон. Полт. Епар. Вѣдом. 1886 г., № 17, 634, 636, 638, 641. Истор.-стат. очер. Луб. мон. 5. Черниг. лѣт. въ Кіев. Стар. 1890 г.. Лазаревскій, Луб. и Вишневецкіе, Кіев. Стар. 1896 г., I, 210. Раина Могилянка. Кн. Вишневецкая. Кіевъ, 1887.—Никакихъ рукописей, имѣющихъ историческое значеніе для мгарскаго монастыря, кромѣ напечатанныхъ уже, въ архивѣ монастыря нѣтъ, какъ свидѣтельствовали историки Костомаровъ и Лазаревскій. По мѣстнымъ справкамъ, часть бумагъ сгорѣла, часть уцѣлѣвшихъ взята игуменомъ о. Нектаріемъ въ Густынь. Народныя сказанія передаютъ лишь «де манастырь выстроився, була пасика Вишневецькои. Манастырь бувъ деревьянный, якыйсь князь (Іеремія) розорывъ, винъ бувъ не нашои виры».

[2]) Яновскій. Полт. Епар. Вѣд. 1886 г. № 17, 669.

[3]) Отрывокъ изъ этой пѣсни приведенъ у Антоновича и Драгоманова въ Истор. пѣс. малор., нар., т. II, в. 1, 48; записанъ С. Носомъ. Самые тщательные мои поиски за этой пѣсней остались безплодными.

дѣнія и прибавлены новыя „на убовство“. Но послѣ него начались новыя испытанія. Въ 1658 году войско Ромодановскаго, въ соединеніи съ извѣстными дейнеками, въ день св. Нестора ограбили монастырь „до щенту“, забравъ скарбы лубенскихъ жителей, заложенные въ стѣнѣ „на Виноградѣ“. [1]) а въ 1663 г. игуменъ Викторъ Загоровскій взятъ и отвезенъ въ Москву, какъ сторонникъ Сомка. [2]) Вообще замѣтно, что мгарскій монастырь въ теченіе своей исторической жизни придерживался стороны, охранявшей порядокъ и собственность монастыря весьма значительную.

Къ первоначальному дару Раины Вишневецкой, опредѣлившей монастырю пространство между Сулой, ручьями Ольшанкой, Мгаремъ и Ложечиной Лукой и двумя млинами надъ рѣчкой Ольшанкой, съ „подданными на томъ-же грунтѣ мѣшкаючими“, [3]) вскорѣ присоединены въ 1624 году Мгарскій хуторъ, [4]) затѣмъ передано Богданомъ Хмельницкимъ монастырю бывшее владѣніе бернардиновъ—Терны, [5]) возлѣ Лубенъ; въ 1653 г. выданъ имъ

---

[1]) См. примѣч. въ 1-й главѣ, урочище Виноградъ надъ Мгаремъ.

[2]) Костомаровъ. Гетм. Ю. Хмельн. въ Вѣстн. Европы 1868 г., III, 212, и Яновскій. Полт. Еп. Вѣд., № 18, 690, 691—По извѣстію Конисскаго (рукопись), повторенному Арендаренкомъ (Зап. III, 177) и Богдановичемъ (Свѣд. о Полт. губ.), около того-же времени Юрій Хмельницкій, разбитый войсками Сомка и Ромодановскаго противъ Канева, пришелъ въ мгарскую обитель тайно, закрывая лицо плащемъ, и жилъ здѣсь во второй половинѣ 1662 и въ 1663 г.; но извѣстіе это сомнительно, а на самомъ дѣлѣ Юрій Хмельницкій проживалъ въ Корсунскомъ монастырѣ, въ которомъ постриженъ (Антоновичъ и Бецъ. Историч. дѣят, Юго-Зап. Россіи. Кіевъ. 1884 г., 41. Яновскій Полт. Еп. Вѣд. 1886 г,, № 18, 691).

[3]) Густ. лѣтопись. Лазаревскій: Луб. и Вишнев. Кіев. Стар. 1896 г., I, 210.

[4]) Ib. 225.

[5]) Лазаревскій: Луб. и Вишнев. Кіев. Ст. 1896 г., III, 337. Его-же: Архивн. отр. Полт. Еп. Полтава, 1887 г., Его-же: Лубенщина въ XVII и XVIII в. (оттискъ,) 70.

же универсалъ на млинъ, потомъ на владѣнія въ Тишкахъ; [1]) въ слѣдующемъ году на с. Вязовокъ, подтвержденный впослѣдствіи Ю. Хмельницкимъ и Многогрѣшнымъ. Универсаломъ 28 апр. 1655 года подтверждены привилегіи монастыря на грунты, „а тые (жители) зась, которые на грунтахъ монастырскихъ седять и оныхъ уживають, росказуемъ, абы вшелякую повинность монастыревѣ отдавали". [2]) Въ томъ-же году куплена монастыремъ часть с. Юсковецъ за Лубнами у Маріи Бутихи и полученъ универсалъ на Ольшанку, раньше пріобрѣтенную. [3]) Въ 1656 г. Богданъ Хмельницкій отдалъ монастырю Луку и Хитцы „выдечи убозству братіи". [4]) Въ 1660 г. козакъ Федоръ Толоченко заложилъ монастырю свои владѣнія въ с. Пѣскахъ, универсалъ на которыя данъ потомъ Самойловичемъ. [5]) Тогда же лубенскій полковникъ Засядка отдалъ монастырю мѣсто на лубенскомъ рынкѣ, и въ Лубнахъ было впослѣдствіи 3 монастырскихъ двора. [6]) Въ 1661 г. универсаломъ Юрія Хмельницкаго укрѣплены за монастыремъ млины на Сулѣ, подъ Лысой горой, Сивоглазчинъ и Полонѣевъ. [7]) Въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. вдова полковника Григорія Лѣсницкаго подарила половину лѣса „Товстого" монастырю; [8]) вѣроятно на мѣстѣ этого бывшаго лѣса расположены теперь хутора Кремянка и Стадня, населенные бывшими монастырскими крестьянами. Затѣмъ и Мазепа подтвердилъ владѣніе монастыря 3 ставами, грунтами и хуторомъ въ с. Бересточи, купленными у Вербицкихъ, „мѣючы особливую нашу ку святой обители... прихильность. [9]) Кромѣ того, Мгар-

---

[1]) Арх. Отр. 67—72.

[2]) Густ. Лѣтопись.

[3]) Лазаревскій. Луб. въ XVII и XVIII в., 63.

[4]) Ib. 58.

[5]) Лазаревскій. Арх. Отр. 67—72.

[6]) и [7]) Лазаревскій. Луб. въ XVII и XVIII в. 49—51 и Арх. Отр. 67—72.

[8]) Лазаревскій. Люди стар. малор. въ Кіевск. Стар. 1886 г., 454.

[9]) Нѣкот. докум. Густ. и Мгар. монастыр. въ Сбор. Харьк. Ист. филол. Общ. 1892 г., IV., 102. Здѣсь же—о принадлежавшихъ одно время мгарскому монастырю 2 млинахъ на Новой гребли, пирят. у. Кому они потомъ отошли, неизвѣстно (100, 106 и 111).

скому монастырю принадлежали еще части селъ: Волчка,[1]) Засулья, Воронинецъ, Пулинецъ и Пятигорецъ.[2]) Хозяйство во всѣхъ этихъ имѣніяхъ достигло высокой по тому времени степени совершенства. Многочисленные остатки водяныхъ мельницъ, пасѣкъ, садовъ доказываютъ это. Также славилась монастырская порода рогатаго скота, содѣйствовавшая улучшенію скотоводства вокругъ Лубенъ.[3]) Такое образцовое веденіе хозяйства должно было тяжело ложиться на подвластныхъ монастырю посполитыхъ, хотя никакихъ фактовъ жестокости, подобныхъ обнародованнымъ о Черниговскихъ, Курскомъ и Бѣлгородскомъ монастыряхъ,[4]) о Мгарскомъ неизвѣстно. Неизвѣстенъ даже съ точностью размѣръ повинностей, отбывавшихся мѣстными монастырскими крестьянами. Вѣроятно, къ нимъ примѣнялось „Постановленіе подданнымъ, якъ мають панщину робиты", написанное въ 1628 г. Исаіей Копинскимъ для Ладина. По этой инструкціи посполитый, имѣющій пасѣку или плугъ, обязанъ былъ въ косовицу одинъ день косить толокою сѣно, другой гребти, потомъ третій день возить сѣно въ монастырь; въ періодъ жатвы одинъ день толокой убирать жито, а другой ярины. Кромѣ того, каждый хозяинъ привозилъ 10 возовъ дровъ; каждые 10 хозяевъ поставляли 4 подводы для нуждъ монастыря и всѣ чинили монастырскія плотины.[5]) Вообще въ началѣ обязанности крестьянъ лѣвобережной Украйны ограничивались гаченіемъ плотинъ, доставкой дровъ, уборкой хлѣба и сѣна, десятиной урожая и двумя днями панщины.[6]) По воспоминаніямъ же мѣстныхъ крестьянъ,

---

[1]) Кіев. Стар. 1895 г, II, 52, приложеніе.

[2]) Лазаревскій. Луб. въ XVII и XVIII в., 66.

[3]) Бантышъ-Каменскій Ист. Мал. Россіи, III, гл. 46, 194.

[4]) Лазаревскій. Сбор. акт. по истор. монаст. землевл. 20, 22, 35, 38. Лебедевъ. Вотчин. бытъ мон. Курск. и Бѣлг. въ Сб. Хар. Ист. Фил. Общ. 1892 г., IV 156, 186.

[5]) Ib. Нѣкот. докум. Густ. и Мгарск. монаст. 93. Я. Шульгинъ Развитіе крѣп. пр. въ Малор. въ Сѣв. Вѣстн. 1887, VI, 55, 56.

[6]) Мякотинъ Прик. кр. въ лѣвоб. Малор. въ Рус. Бог. 1894 год., II, 37.

предки ихъ работали по 3 дня въ недѣлю на монастырь. Такимъ образомъ не столько особенности монастырскихъ порядковъ, сколько крѣпостное право въ его существѣ возбудило историческую непріязнь крестьянъ къ монастырю, какъ вотчинному владѣльцу, о чемъ свидѣтельствуютъ: гетманскіе полковничьи универсалы, [1]) нежеланіе крестьянъ тушить загорѣвшіяся монастырскія постройки 20 іюля 1676 г., [2]) также приводимые ниже разсказы мѣстныхъ казенныхъ крестьянъ объ освобожденіи ихъ предковъ императрицей Екатериной II, о которой крестьяне эти сохранили благодарное воспоминаніе, какъ объ освободительницѣ. Въ самихъ-же разсказахъ слѣдуетъ искать не конкретныхъ историческихъ данныхъ, а лишь возрѣній народа на причину отмѣны крѣпостной зависимости, для какихъ возрѣній нашлась готовая фабула въ народной поэзіи. [3])

---

1) Рукопись густ. лѣтописи.

2) Нѣкотор. докум. Густ. и Мгар. монаст. 93.

3) Нѣкоторые изъ приводимыхъ народныхъ разсказовъ говорятъ о паханіи поля людьми, запряженными въ плугъ жестокимъ экономомъ. Этотъ способъ истязаній встрѣчается во всеміpныхъ преданіяхъ. Изъ древней исторіи извѣстно, что Камбизъ заставилъ провесть въ узлечкѣ сына Псамменита предъ побѣжденнымъ отцемъ, а Самнитяне провели обезоруженное и полунагое римское войско подъ ярмомъ въ Кавдинскомъ ущеліи. Въ такихъ дѣйствіяхъ скрывается идея объ униженіи плѣнныхъ обращеніемъ съ ними, какъ съ животными. Въ свою очередь и побѣжденные уподобляются рабочему скоту для умилостивленія побѣдителей. Напримѣръ, Афганцы въ 1503 г. пришли къ Акберу съ кусками дерна въ зубахъ. Жеваніе травы побѣжденными и теперь замѣчается въ Африкѣ (Mélusine 1898, IX, № 2, 33). Народъ страны Каффа хваталъ зубами землю при видѣ своего побѣдителя Менелика (Новое Время 1899 г., № 8220, 4). Въ нашей исторіи ту же идею выражаетъ запряганіе обрами (аварами) дулѣбскихъ (антскихъ) женщинъ въ телѣги; паханіе литвою, произведенное Романомъ Галицкимъ; подобныя же насилія надъ малороссіянами (Лясковоронскій. Переясл. земля. 105; Номисъ. Укр. приказки, 14. Костомаровъ. Борьба укр. коз. съ Польшей, 228). Такое обращеніе съ плѣн-

Вотъ эти разсказы.

„Экономы заходылысь пашыть людьмы до тихъ поръ, шо й кнутомъ порють, шобъ визъ. Катерына выйихала въ манастырь и пишла тайно зъ своимы слугамы, та зъ-за дуба высмотрила и сказала: „бросайте роботы!“ Люды послухалы, поскыдалы шлейкы. И вона сказала: „ожыдайте случая“. И указъ выйшовъ, шо свободны. Выйихавъ козакъ и вычытавъ бумагу, и шо хто взявъ, такъ и не шкалы бильшъ. (с. Пѣски).—Царыця Катерына правувала царствомъ покы сынъ вырисъ. Вона прыйиздыла на богомолля и бачыла, якъ монахы нуждылы людей: копалы канавы, древо садылы, хлибъ робылы и за несправность ихъ ризкамы дралы. Соберуть шисть людей и орють имы. Вона на то нагодылась и одибрала людей. (Пѣски)—Йихала Катерына на Лохвыцю, чы що, а монахы оралы

ными впослѣдствіи перенесено изъ военнаго быта въ гражданскій, какъ наказаніе (Кулишеръ. Символизмъ въ правѣ, въ Вѣст. Евр. 1883 г.», IV, 198) и попадается какъ пережитокъ въ дѣйствительности (Сумцовъ. Кіевск. Стар. 1889 г., XI, 295, 296) и особенно часто въ народномъ творчествѣ. Помѣщикъ за порчу слѣпцами травы запрегъ ихъ въ плугъ и оралъ ими (Зап. Ю.-З. Отд. геогр. общ. 1874 г. II, 112) Зять запрягаетъ тещу въ плугъ, а жену въ возъ, (Рудченко. Народн. ю. рус. сказки I, № 67, 179—181 и 68, 181—183); крестьянинъ мужъ запрягаетъ жену-дворянку въ повозку, (Кіев. Стар. 1893 г., IX, 447—449 и Зап. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ. I, 36—41), а парни грозятъ орать дивчатами на гречку или просо, а молодицами волочить (Ib. № 358, 589 и Гринченко Этнограф. Мат. III, 646), или какъ въ настоящей пѣснѣ, записанной мною въ селѣ Мацковцахъ:

...Нашъ панъ прыкаже
Тройку хлопцивъ запряже.
Хлопцивъ пидпряже
Дивчатъ повезе.

Въ самое послѣднее время крестьянку Лузанову припрягли къ лошади въ повозку, на которой поѣхали: мужъ, свекоръ, деверь несчастной и полицейскій сотскій (Сынъ Отеч. 1900 г., № 60, 4).

людьмы у ярмахъ. Идуть, тягнуть плечьмы по 8—10 душъ. Диты лежалы пидъ кущамы, а жинкы деренъ носылы и греблю выкладалы. Катерына вернулась назадъ (д. Клепа̀чи).—Якъ чоловикъ не пиде у манастырь на роботу, то ёго ловылы, у плугъ запрягалы и нагайкамы былы. Якась княгына пидйиздыла саме тоди, якъ тымы людьмы оралы.—„За яки проступкы ото ихъ такъ наказуете?“ пытае вона. „Може воны душы губылы, чы що?—За ихъ невслушность.—Шо жъ воны не слухалы?—Не хотилы робыть.—Се жъ велыке наказаніе зъ христянъ отакъ внущаться“. Вона не була вже й въ манастыри, обратылася назадъ, и потимъ выйихавъ якыйсь наслиднывъ настоятельно узнать. Якъ выйихавъ винъ и своимы очима побачывъ, скоро получылы лю́ды манифестъ: вольны вы и куды хочете, туды й идитъ. Дадуть вамъ казенни земли, бо й лиса, и земля и вы сами—казенни. Лиса жъ забрала казна, а полеву землю стала надилять людямъ (с. Хитцы)—Йихавъ купець дорогою коло монастыря, тамъ монахы оралы людьмы. Купець дывывся—людей нызка. Винъ каже кучеру: „пиды спытай: шо вы робыте?“ А монахы кажуть „яке твое дило?“ та за истыкъ та за нымъ. Кучеръ прыбигъ, каже купцю: „оруть людьмы“. Пидйихавъ самъ купець, такъ монахы ёму истыкамы—ледве утикъ. Черезъ мисяцъ прыйшовъ манифестъ (с. Калайдинцы).—У сёму монастырю монахы оралы людьмы восьмерыкомъ. Катерына прыслала посланныка, шобъ узнавъ: чы истино правда, шо людьмы орють. Винъ, якъ прыйихавъ, то шукавъ скризь тихъ плугивъ, шо людьмы оралы, а одынъ сарай стоить и туды ёго не ведуть. А винъ говорыть: шо се за сарай?—Та то такъ.—Ничого, одчынить.—Одчынылы; колы тамъ плужкы стоять ишлейки.—Кавъ бы узнать, каже, шо воно таке, и я соби зробывъ бы такъ. Ну, воны прызвалы восимъ чоловикъ людей и давай орать имы.—Благодарю, и я такъ зроблю и въ мене люды есть. На цвиты буду орать.—Тоди винъ осмотривъ, пойихавъ соби, бильшъ ничого и не сказавъ. Тоди, якъ пойихавъ винъ, и выйшла бумага: одибрать людей. Монахы не послухалы. И друга бумага выйшла тоже: одибрать людей. А третя якъ выйшла бумага, саме въ жныва и

косовыцю, и туда прыйихалы жандары; якъ вычыталы бумагу, такъ люды порозбиралы, чимъ хто робывъ. А ти, шо не взялы ничого, такъ тимъ монахы казалы: „обидайте". Такъ люде не схотилы—та бигты у рось (с. Мгарь).—У одного чоловика було тры сыны и тры невисткы, самъ четвертый. И экономъ мучывъ усю симью важкою роботою, у плугъ запригъ трехъ сынивъ, батька четвертого. Поoралы день, и свекоръ напысавъ прошеніе до государя. Выслано звидтиля одютанта дознать, чы орють, чы не орють. И винъ выйихавъ на кони, осмотривъ и сказавъ: „якъ робылы, такъ и робить до слушного времени". Выкынувъ запыску, де ставокъ бувъ, и пойихавъ назадъ. Такъ люды жылы чы годъ, чы бильшъ, ажъ до того времени, шо пора хлибъ косыть. И робылы воны, де роблени могылы. Выйихавъ билымъ конемъ на могылы той одютантъ и давъ знать усимъ: „Слухайте, буду чытать вамъ волю!" И тоди якъ зибралысь, чытавъ: „полно монастырю робыть, выйшла воля!" И хто якъ вырвався зъ душею. А котори управляющи, прыказчыкы, забиралы возы, волы. (с. Хитцы).—Манастырь строила якась барыня чы княгыня;[1]) вона й людей манастырю прыручыла у помочи. А Катерына прыйихала у манастырь, нихто не знавъ. И почула гласъ, послала свого кучера: „пойды услышъ шо тамъ такое? крычыть чоловичій гласъ, а крычыть не по чоловичи". Пишовъ кучеръ, подывывся, и прыйшовъ назадъ, объявывъ: „чоловика розопьялы на станку и по пидошвахъ бьють. Пидить, якъ шо мени неймете виры, подывытесь своимы очыма". Вона тамъ переночувала у гостыныци. Була така, тай нема. Пойихала до дому и келейныкъ оглядився вымитать, ажъ вона вже зйихала. Найшовъ ту роспыску, шо вона кынула, узявъ однисъ игумену. Игуменъ подывывсь, прочытавъ: „а се царыця ночувала". У погонь киньмы, шобъ нагнать іи. Такъ не вхопылы тропы за нею бигты—опизнылысь. Довго не довго прыбигла бумага „Шо вы дѣлаете? Какъ можна такъ дѣлать, надъ людьми такъ знущаться? Ненада ченцямъ людей". Тоди

---

[1]) Воспоминаніе о Раинѣ Вишневецкой.

ченци давай просыть соби хуторця. Катерына сказала: „пидождить, я сама съѣжу, осмотрю“. Подывылась на Кремянку, ажъ воно не хуторець, а село чымале,—не дала (Заудай).—Катерына прыйихала у манастырь Богу молыться и нихто не знавъ. И вона бачыла, шо наказувалы чоловика по пидошвахъ и кормылы людей овсянымъ кисилемъ. Тоди вона коней пустыла у лучку, кони перескочылы у манастырську землю и Катерына сказала: ничимъ оплатыться за спашъ за кони, а йихать мени треба у свою сторону; нате вамъ одежу“. А въ одежи напысала, хто вона така, и въ воротныку ту запыску найшлы, тоди взналы. И напысала въ запысци: „одберутся люды“ (с. Вильшанка).—Якъ уйихала царыця у манастырь, такъ тамъ наказувалы жинку. Царыця не війшла въ манастырь, а прыказала одибрать людей. На степу, биля Чекысовои балкы, робылы люды монастырю, и тоди, якъ зайшбвъ манифестъ, такъ воны позабиралы воливъ, граблі, мидни котлы (с. Лука).—Булы люды чернечи; отъ пословыця, шо одберуть людей одъ ченцивъ. Саме у петривку косылы траву. Ось хлакъ выкынулы обидать. Попрыходылы люды, посидалы обидать, колы бижыть верхы конемъ. Прыбигаеть: „Здрастуйте“—Здрастуйте—„Послушайте я буду чытать“. Люды бросылы ложкы, усталы. Винъ начавъ чытать. Дакъ якъ вычытавъ, такъ хто захватывъ юпку, а другый одну одежыну—бижять. Прыказщыкъ гукае: „вернится, хочъ обидъ пойижте“. То другый сказавъ: „Богъ зъ вамы, зъ вашымъ обидомъ“. А другый: „слава Богу, шо Богъ вызволывъ!“ (с. Юсковцы).

По освобожденіи посполитыхъ въ монастырь назначались 17 рабочихъ на 20 лѣтъ.[1]) По народнымъ разсказамъ, каждое мѣстное общество бывшихъ монастырскихъ крестьянъ избирало изъ среды своей по два рабочихъ „у штатъ“, называвшихся: штатови, штатни, заштатни, изъ тѣхъ, что не годились въ солдаты, и изъ тѣхъ семействъ, гдѣ было по 3 рабочихъ. Умершихъ замѣняли новыми. Они были чернорабочими и мастеро-

---

[1]) Короновскій. Стат. Опис. Луб. у. въ Полт. губ. Вѣд. 1890 г. № 46, 2.

выми. О самой работѣ заудайскій крестьянинъ передавалъ: „Мене взято двадцяты литъ. Мы тамъ косылы, жалы, греблы, сино кыдалы,—що заставлялы; зимою въ лисъ по дрова рубать. Кажный день роботавъ, а потимъ выпросывсь, шобъ дви недили тамъ, а тры соби. Тяжола робота була, оддыхалы два часа писля обида. Мы получалы у рикъ 25 карбованцивъ на асигнаціи".

За монастыремъ, по склонамъ оврага, пріютилось небольшое село Ольшанка или Вильшанка, съ разбросанными постройками, мельницами на горѣ и рѣдкими деревьями. Нѣкогда она отражалась, какъ въ зеркалѣ, въ большомъ монастырскомъ прудѣ, теперь прудъ спущенъ, и самая деревня не успѣла еще оправиться послѣ недавняго пожара. Вездѣ въ усадьбахъ среди уцѣлѣвшихъ или начатыхъ строеній и небольшихъ садовъ чернѣютъ обгорѣлыя сохи. Узкая долина покрыта остатками ольховаго лѣса, по ней протекаетъ ручей Вильшанка, давшій названіе селу. На полгоры воскресенская церковь, построенная въ началѣ XIX в. Она маленькая, образа и иконостасъ новые; старые образа и и статуи ангеловъ распроданы. [1]) Погостъ сливается съ кладбищемъ, идущимъ до самой вершины. Въ церкви нѣтъ никакихъ остатковъ старины.

Ольшанка возникла въ началѣ XVII в. вокругъ водяныхъ мельницъ, устроенныхъ разными лицами, и посредствомъ купли и дара [2]) пріобрѣтена монастыремъ. Нѣкогда Ольшанка состояла лишь изъ 20 дворовъ, затѣмъ въ первой половинѣ XIX в. въ ней насчитывалось до 500 жителей, въ тридцатыхъ годахъ—до 700 и въ настоящее время—1215. Древнѣйшимъ родомъ мѣстные жители считаютъ Власенковъ. У предка была винница. „Якись розбойныкы пидошлы и на сковороди становылы Власенка и пеклы

---

[1]) Одна изъ такихъ деревянныхъ статуй изображаетъ архангела Гавріила съ синими глазами, въ золоченомъ платьи съ вырѣзомъ у шеи. Надъ головой сіяніе въ видѣ вилокъ съ двумя зубцами.

[2]) Отъ Луней въ 1645 г. (Лазаревскій. Луб. въ XVII и XVIII в., 64).

ёго на гарячому, щобъ оддавъ деньги. Винъ оддавъ". Расположеніе кутовъ слѣдующее. Отъ монастыря—Гыгивка, жители которой Гыги; имъ кричатъ бывало другіе кучане: „Гыги! купить сало въ вербы". Мѣстность вовлѣ дома, гдѣ помѣщалось бывшее ольшанское волостное правленіе, называется Кутокъ. Тамъ живутъ Боярскіе и Курочки. Дальше идутъ: Квачивка, жительство Ищенковъ и Савченковъ, Осередокъ—Даценковъ и Лавриковъ, Ракивка, населенная бѣднѣйшими жителями Вѣричами и Фесенками. „У ихъ худобы нема, лазять якъ раки". Коршакивка, гдѣ живутъ Коршаки, Фенивка—Власенки, и Лаврикивка—жительство Лавриковъ и Комиссаровъ. Вильшане средняго роста, волоса и глаза темные; у вильшанокъ неправильныя черты лица; носы коротки, толстоваты, часто вздернуты, губы толстыя, но лица оживленныя, румяныя, глаза большіе и выразительные; моды подгороднія. Вильшане, какъ и вся группа монастырскихъ крестьянъ лѣсного участка, богаты пѣснями, сказками, преданіями; характеръ ихъ привлекательный, хотя можетъ быть и легкомысленный. Оцѣнка, дѣлаемая имъ жителями окрестныхъ селъ, сурова. „Вильшанка погана слобода, гола, бидна. Земли имъ мало тутъ, а въ Ромодани. Видтиля трудно жыть, якъ скотыны нема; прывезты $2^1/_2$ копы стоить рубъ. И сина въ ихъ нема, пасты худобы нигде. Горюють ти люды, тилькы жывуть изъ лису. Построить повитку, заплете тынъ весною, а въ осени прода на дрова, купыть хлиба и тимъ жыве. Ныкола Лаврыкъ [1]) скупывъ землю Бутовычей и окружывъ всю Вильшанку; винъ тилькы поддержуе ту церкву въ Вильшанци. Дивкы и жинкы хороши, такъ пидкрашуются краскамы, а сорочкы нема путнёи, народъ неакуратный. И розговоры у ихъ пусти; и недалеки люды, а розговоры погани, мовъ воны зъ загряныци вывезени, мовъ воны полякы. Воны не скажуть „сестра", а „систра", не „упадешъ", а „упадишъ"; кажуть „полозёкъ" замисть „полозокъ", „опленъ" у санкахъ замисть „оплинъ"; по нашому у ярми „снызка", а по ихнёму „снузка" [2]).

---

[1]) Единственный состоятельный человѣкъ въ Ольшанкѣ.

[2]) Судя по этимъ фонетическимъ особенностямъ вильшанской рѣчи, можно бы допустить сѣверно-малорусское происхожденіе вильшанъ.

Вильшанкой оканчиваются большія монастырскія владѣнія лѣсного участка, дальше слѣдуютъ уже частновладѣльческія: затерянная среди лѣса Шепелевка, основанная, по предположенію А. М. Лазаревскаго, [1]) вдовой лубенскаго войта Шепеля, теперь состоящая изъ помѣщичьей усадьбы и двухъ крестьянскихъ хатъ; Александровка въ Сумрачномъ лѣсу, извѣстная еще въ XVI в., [2]) потомъ принадлежавшая Кулябкамъ, а въ настоящее время заключающаяся лишь въ усадьбѣ бывшаго городского головы М. К. Шемета безъ крестьянскаго поселка. Вблизи Александровки поселенъ былъ предкомъ настоящаго владѣльца, литовскимъ шляхтичемъ Скаржинскимъ, хуторъ Кругликъ. Бѣлыя крестьянскія хатки лѣпятся здѣсь на округленныхъ холмахъ и у подножія ихъ возлѣ большого пруда. Всѣхъ дворовъ 90 и до 1000 жителей. Фамиліи послѣднихъ: Островскіе, Манджары, Масюки, Шепелюки, Лыхваренки, Кулеши, Снисари, Хылюки, Кочерги, Шарки, Цимбалы, Литвины, Хрущи, Крывуненки, Рыженки, Красюки. Наружность и одежда жителей такія же, какъ въ сосѣднихъ Новакахъ. Широкая лѣсная дорога изъ Круглика на городъ сходится съ дорогой изъ Александровки. Лѣсъ постепенно рѣдѣетъ. Мелькаютъ рощи, садки, паровыя мельницы, подгородныя дачи, затѣмъ городская площадь и самые Лубны.

В. Милорадовичъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) и [2]) Лазаревскій. Луб. въ XVII и XVIII в., 64.—

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ ШЕВЧЕНКА[1].

Письма разныхъ лицъ къ Шевченку. Два письма Квитки-Основьяненка. Четыре письма П. А. Кулиша. Семь писемъ А. И. Лизогуба и одно письмо Сергѣя Левицкаго. Шуточное посланіе поэта Забѣлы къ Шевченку.

Немаловажнымъ для біографіи матеріаломъ нашего знаменитаго украинскаго поэта служатъ письма къ нему земляковъ, очарованныхъ пѣніемъ его музы. Письма эти, захваченныя при двухъ обыскахъ, кіевскомъ (май 1847) и оренбургскомъ (конецъ апрѣля 1850 г.), находятся при *Дѣлѣ о Художникѣ Шевченкѣ*, хранящемся въ Архивѣ Департамента полиціи. Кромѣ писемъ кн. В. Н. Репниной, нами уже изданныхъ, тутъ находятся письма Основьяненка, Кулиша, Лизогуба и др. Наибольшій литературный интересъ представляютъ письма двухъ первыхъ. Свое уваженіе и симпатію къ Основьяненку Шевченко выразилъ посылкою вышедшаго въ 1840 г. *Кобзаря*, который произвелъ на патріарха украинской словесности потрясающее впечатлѣніе. „Когда мы съ женой—писалъ онъ къ Шевченку—стали читать Кобзаря (гдѣ—замѣтимъ мимоходомъ—было помѣщено знаменитое посланіе *До Основьяненка*), волосы на головѣ поднялись,

---

[1]) Кіевская Старина 1893. Мартъ и 1898. Мартъ.

въ глазахъ зеленѣло, а сердце какъ-то болитъ. Гляжу—жена плачетъ. Я прижалъ Вашу книгу къ сердцу. Хорошо! очень хорошо! Больше не умѣю сказать [1]). Съ тѣхъ поръ между Шевченкомъ и Основьяненкомъ началась переписка, непрерывавшаяся до самой смерти послѣдняго. Находящіеся въ издаваемыхъ нами письмахъ рѣзкіе отзывы о русской литературѣ и о москаляхъ, которыхъ Основьяненко не иначе называлъ какъ кацапами, находятъ свое объясненіе во враждебныхъ отношеніяхъ тогдашней русской критики къ произведеніямъ украинской словесности. И Кобзарь Шевченка, и повѣсти изъ народнаго быта Основьяненка были встрѣчены русской критикой единодушнымъ глумленіемъ. Не говоря уже о Сенковскомъ и Булгаринѣ, даже такіе люди какъ Бѣлинскій были повинны въ брезгливомъ отношеніи къ повѣстямъ изъ народнаго быта. Все это нужно имѣть въ виду, чтобъ понять рѣзкія выходки противъ москалей, которыми изобилуютъ письма Основьяненка.

I.

22 ноября 1841. Основа.

Будте здоровы съ пылыпивкою, мій любезный панночку! Спасыби Вамъ за Ваше письмо и усяку добру мову напысану тамъ. Читавъ у Литературной Газети, що Ваша дивчына, що черезъ тынъ ворожыла у цыганки, продалась, та й зрадовавсь, бо я такъ и надіявся. Спасыби Вамъ, що не дывытесь у вичи оттымъ дурнямъ кацапамъ, що, не вмивши нашои мовы и не розибравшы у неи ничого, кричать мовъ жиды у шабашъ: „што, да што это наверняканo? Мы не понимаемъ-ста ничего!“ Спасыби, що плюете на се, да не перестаете пысаты. Пышить, пышить! Нехай Вамъ Господь поможе! Велыке спасыби скажу, колы прышлете хочъ подывытысь, а вже не втерплю—прочытаю. Та дежъ Ваши билеты? Пишете, що посылаете—такъ нема. Чурхнить ихъ до насъ, може таки якый небудь десятокъ збу-

---

[1]) Конисскій «Жизнь Шевченка», стр. 147.

демо [1]). Ажъ тричы спасыби попереду кажу за обицянку намалеваты мою Сотныкивну; се якъ змалюете, та пришлете, ще дужче дяковаты буду за добру Вашу память и, дивлячись и любуючись на неи, буду завсегда дякуваты Вамъ.—А нуте теперъ е пыльни дила до Васъ. Глядить-же зробить по нашому, а не по кацапському: скаже добре, а зробыть худенько. Знайшовся и у насъ парень друзьяка до дила штепный, та й хоче збыты збирныкъ, по панському альманахъ, и давъ ёму имення *Молодыкъ* [2]) и хоче назбираты усякихъ штучокъ по московскому и по нашому написанныхъ. Московски штучки и вирши е *преотмѣнные-ста*, и уси шлють ёму, такъ наськихъ ще трошки. Будьте ласкови пришлить ёму думку Вашу, або видирвить видъ готового чого якій шматокъ, та й пришлить на мое имя ажъ у самисенькій Харькивъ—велыке вамъ спасибо скаже. Объ симъ попросить видъ мене усихъ люблящихъ читаты усе добре, нашого Е. П. Гребинку; нехай утне яку приказку наську. Не будете жалковаты: у чесной компаніи, та межъ добрыми людями будете. Та коли-бъ хутенько, бо вже скоро видошле у цензуру. Здилайте мылость ище скажить пану Гребинци, що й ёго билеты не дуже повзуть зъ рукъ. Тильки скажить кому, то заразъ и втнуть: знаемъ мы ёго—се Петербургъ! А де ихъ Исторія Русскаго Народу [3])? а де пьяте, десяте?" То й кажешъ: Та ни, батечки! Се вже не то, се добра, чесна, правдыва душа, не збреше. Такъ ни! Подай кныжку, возьму и гроши принесу. Отъ якои спиваютъ! Та колы хоче и нашъ край надилиты своимъ *Богданомъ*, то нехай присыла—заразъ збудемо. А *Ластивки* ёго [4]) нема тутъ овси. Покланявся Вамъ панъ Артемовскій. Я ему казавъ, що Вы писалы про него, а винъ сказавъ: ни, я тилько прочитавъ его Кобзаря, та й знаю, яку винъ мае душу и яке серце

---

[1]) Здѣсь рѣчь идетъ о только что отпечатанной поэмѣ Гайдамаки, которая вышла въ свѣтъ въ 1842 г.

[2]) Молодикъ издавался въ Харьковѣ Бецкимъ (1843—1844); въ немъ помѣщено нѣсколько стихотвореній Шевченка.

[3]) Намекъ на неаккуратно выходившее сочиненіе Полевого.

[4]) Альманахъ, издаваемый Гребенкой.

въ его и знаю его думки. Отъ и усе. Бувайте здорови и не переставайте любыты и не забувайте.

Щыро Вамъ преданного Григорія Квитки.

II.

29 Апрѣля 1842 г. Основа.

Милый и добрый мій паночку Тарасъ Григорьевичъ!

Ну оже такъ що порадовалы Вы насъ своими Гайдамаками! Якъ кажу: читаешь, да й облызуесся. Якъ-разъ къ велыкодню прислалы Вы намъ сюю писанку, а я заразъ и розиславъ по рукамъ. Панъ Артемовскій ажъ пидскакуе та хвалыть. Якъ такого добра не хвалыть? Пишить-же, панычу, у усю руку. Напишить намъ ще таке, дайте виддохнуты видъ московскихъ брехень, що читаешь, читаешь, та або заснешь гарненько, або на живитъ затошныть, а на зубы паде оскома, що три дни не хочется дывыться на кныжку.—Артемовскій самъ хотивъ до Васъ пысаты и не збреше—напише, бо дуже похваляе.—Корсуна писля того не бачывъ. Билеты Ваши уси цилы лежять у мене—нихто не взявъ ни одного; кажуть: нехай пришле книжки.—Бисова Москва провчыла: грошики зчистыть, а книжки овва! Записалося у мене душъ зъ пятнадцять, що певно дадуть гроши; пришлить десяткивъ зъ два, то гроши заразъ певно вышлю. А де Гребинка? Все я писавъ до його—знай мовчыть, такъ я и годи сказавъ. Може за що сердытьця? А щобъ его Богъ любывъ! Або—нехай Богъ бороныть,—обмоскалився, у ихъ виру уступывъ. А спытайте його видъ мене, колы побачите, що винъ дума? Пославъ-бы я, батечку, Вамъ и десять моихъ книжокъ, такъ нема ихъ у мене. Уси у москаливъ; ни грошей, ни книжокъ не бачу—обдурили добре.

Колы хочете, то отъ писулька; по неи дадуть Вамъ. Пишить-же, пишить еще; потишайте наши души такимъ смашнымъ, та й Гайдамакивъ шлить до мене—я Вамъ грошики вышлю. Та не розлюбляйте щыро Васъ кохающаго

Григорія Квитку.

Совершенно другимъ характеромъ отличаются письма Кулиша. Вѣчно увлекавшійся Кулишъ былъ тогда въ періодѣ увлеченія идей созданія украинской литературы и видѣлъ въ Шевченкѣ украинскаго Пушкина. Высоко цѣня Шевченка, какъ славу и гордость родной поэзіи, Кулишъ считалъ своимъ долгомъ направлять первые шаги неопытной музы поэта и высказывать ему подчасъ горькую правду. Въ письмахъ Кулиша мы найдемъ тонкій эстетическій разборъ произведеній Шевченка, какъ со стороны языка, такъ и со стороны содержанія. Особенно интересно въ этомъ отношеніи четвертое письмо, заключающее въ себѣ художественный разборъ Кобзаря и поэмы Гайдамаки. Здѣсь даровитый и одаренный тонкимъ эстетическимъ чутьемъ критикъ высказываетъ мысли, имѣющія общее значеніе и свидѣтельствующія объ его способности проникать въ самую сущность художественнаго творчества. Таково, напримѣръ, въ высшей степени тонкое замѣчаніе, что въ Гайдамакахъ нѣтъ борьбы двухъ враждебныхъ силъ, что Ляхи вездѣ оказываются трусами и что вслѣдствіе этого читатель не сочувствуетъ торжеству побѣдителей, ибо это торжество мясниковъ, а не воиновъ, встрѣтившихъ сильный отпоръ. Отмѣтимъ еще глубокое психологическое замѣчаніе о соотношеніи между созданіемъ поэта и душею читателя. Не всегда впрочемъ чисто художественная критика оказывается достаточной въ приложеніи къ произведеніямъ Шевченка. Стоя исключительно на эстетической точкѣ зрѣнія, разсматривая эпизоды и подробности только по отношенію къ гармоніи цѣлаго, Кулишъ, напр., совѣтуетъ поэту выбросить изъ Гайдамакъ цѣлую главу подъ заглавіемъ *Гупаливщина* на томъ основаніи, что повѣсть любви Яремы и Оксаны въ ней не развивается, а драма Коліивщины не пріобрѣтаетъ ни одной новой черты; критикъ забываетъ, что Гупаливщина представляетъ для читателя высокій интересъ и въ другомъ отношеніи, ибо въ ней высказывается личный взглядъ поэта на описываемыя въ поэзіи кровавыя событія [1]).

---

[1]) Припомнимъ, напр., слѣдующіе стихи:

Оттаке-то було лыхо
По всій Украини!

Письма П. А. Кулиша.

I.

Милостивый Государь,

Тарасъ Григорьевичъ!

Писалъ я къ Вамъ два раза изъ Украины, но видно Вы не получили ни одного моего письма. Я написалъ первую часть *Украины.* Это составитъ отдѣльную малорусскую поэму до Богдана Хмельницкаго; Хмельницкій составитъ вторую; междоусобіе—третью; Мазепа въ Шведчинѣ—четвертую. Знающіе люди восхищались первой частью и уговорили меня скорѣе напечатать, что я и сдѣлалъ. Украина печатается въ Кіевѣ и скоро выйдетъ въ свѣтъ. Посылаю Вамъ 30 билетовъ. Раздайте ихъ пожалуйста въ Петербургѣ, а я Вамъ экземпляры немедленно вышлю. Изъ своей поѣздки извлекъ я величайшіе результаты.— Вы это со временемъ увидите. О Гайдамакахъ я записалъ прекраснѣйшіе разсказы, которые вмѣстѣ съ другими составили томъ и будутъ изданы подъ заглавіемъ *Малороссійскія преданія.* Вашего дидуся я не нашелъ въ Чигиринѣ. Шкода, что не будете въ Кіевѣ. А мнѣ-бы очень пригодилось поговорить съ Вами кой-о-чемъ.

Съ истиннымъ уваженіемъ П. Кулишъ

Кіевъ. Октября 20, 1843.

Датой этого письма исправляется между прочимъ неточность показаній Г. Петрова, который въ своей *Исторіи Укра-*

Гирше пекла... А за вищо,
За що люде гынуть?
Того-жъ батька, таки-жъ диты,—
Жыты-бъ да брататься,
Ни, не вмилы, не хотилы
Треба розъеднаться! и т. д.

инской Литературы, Кіевъ, 1884, стр. 265, увѣряетъ, что Кулишъ познакомился съ Шевченкомъ только въ 1845 г. въ Кіевѣ.

II.

Коханый земляче! Спасыби за кныжечку *Тризну* [1]). Дещо въ ій промовляе до самого серця. Ще жду *Гамаліи, Кобзаря и Гайдамакъ.* Де хочъ берш, а не пришлешь, то й на очи мени не показуйся. Ой, якъ же я зрадивъ, довидавшись зъ твоеи суплики, що ты не марнышъ дармо часу у тіи Петровій бурси! Нехай тоби, пріятелю, Господь помогае на все добре, а объ мени будь певенъ, що вже я не гритымусь даромъ коло твого куреня; чы дровець, то и дровець прынесу, чы пшона на кашу, то й пшона прыдбаю; сказано, що Богъ пославъ!

Аже-жъ не дурно ведетця помижъ людьмы та гуторка, що колысь Богъ посажавъ людей кругомъ ваганка съ кашею, да й подававъ таки ложки, що держало довше руки (а треба за самый кинець держаты), то премудрый Соломонъ и сказавъ: „Будете, каже, вси голодны, якъ коженъ объ соби тилько промышлятыме, а годуйте одынъ одного сими ложкамы, то й не загинете зъ голоду". Розумни булы стародавни люде, багацько въ ихъ було такихъ прыказокъ, що буцимъ такъ соби вытребенька а розмизкуй, до чого воно йде, такъ ой, ой, ой! Оттакъ-же и намъ, що взялысь протирать своимъ землякамъ очи, треба одынъ одному пособлять, одынъ одному радыты, а то не буде добра зъ нашого пысання. И Латыны добре зналы, що робытьця отъ конкордіи, а що отъ дискордіи, да й батько козацкій старый Хмельныцкій не згирше того латына Салюстія промовывъ умираючы:

„Тымъ и сталась, каже, страшенная козацькая сыла,
Що у васъ, панове молодци, була воля и дума едына."—

[1]) Поэма Шевченка на русскомъ языкѣ, посвященная княжнѣ В. И. Репниной.

Теперъ вже не така годына настала, шобъ брязкотать шаблюками; Ляхивъ и Татарву мовъ дидько злызавъ, усе утыхомырылось; прійшла пора поорудоваты ще головою. Ну-те-жъ робить такъ, шобъ и Богу була хвала за те, що давъ намъ розумъ, и людамъ темнымъ кругомъ було выдно, якъ одъ свички, що стоить на высокому лыхтари. *Тако да просвѣтится свѣтъ Вашъ предъ человѣки.* Йиду знову на три мисяци на Вкраину. Присылайте Ваши картыны въ Чигиринъ зъ надписомъ *Михаилу Грабовскому.* Я въ ёго буду и винъ знатыме, куды мени ихъ переслать. Да розтолкуйте мени хорошенько, що и якъ Вы хочете робыть, а то не второпаю, що для Васъ компоноваты. Бувайте здоровы!

Щирый землякъ П. Кулишъ. Рука власная.

Зъ Кіева 1844 г. Іюля 5 дня.

III.

М. Г. Тарасъ Григорьевичъ!

Вы получили-бъ отвѣтъ гораздо скорѣе, если-бы я не отлучился изъ Кіева. Мнѣ досадно, что Вы, не списавшись со мною, объявили мое имя въ числѣ сотрудниковъ, тогда какъ я понятія не имѣю о Вашемъ литературномъ предпріятіи. Объявленіе Ваше пахнетъ такъ сильно спекуляціей, что я рѣшился было, какъ только выйдетъ въ свѣтъ Ваша *Украина*, написать рецензію и указать всѣ ошибки, какихъ безъ сомнѣнія будетъ бездна въ текстѣ Вашей скороспѣлой книжки. Но время уменьшило мое негодованіе. Вы, господа, принимаясь въ ребяческомъ легкомысліи за Малороссію, безъ совѣтовъ людей, серьезно занятыхъ этимъ предметомъ, вредите во мнѣніи публики самому предмету и компрометируете насъ. Выбачайте за сю мову! Въ Харьковѣ предположено издавать *Записки объ Южной Россіи и о Славянахъ.* Издатели Костомаровъ (онъ-же и Іеремія Галка), Кулишъ, Метлинскій (онъ-же и Могила) и Срезневскій.—Тамъ будутъ помѣщаться, кромѣ статей ученаго содержанія, и статьи въ прозѣ и стихахъ по-малороссійски. Если Вы имѣете что-

нибудь новое, просимъ до гурту. Неизвѣстно, сколько издадимъ въ годъ книжекъ. Ваше имя также поставили въ числѣ издателей на заглавномъ листкѣ. Чы у васъ на столыци уси таки дурни, якъ Подберезкій? Рядомъ съ Вашимъ и отъ него я получилъ письмо.

Съ должнымъ уваженіемъ Вашъ покорный слуга

П. Кулишъ.

1844 г. 31 Декабря.

IV.

М. Г. Тарасъ Григорьевичъ!

Перечитывая нѣсколько разъ здѣсь въ Петербургѣ *Кобзаря* и *Гайдамакъ*, я отъ души восхищался ими и многія мѣста заучилъ наизусть, но въ то же время замѣтилъ осязательнѣе, чѣмъ прежде, ихъ недостатки. Одни изъ этихъ недостатковъ происходятъ отъ Вашей безпечности, небрежности, лѣни или чего нибудь подобнаго; другіе отъ того, что Вы слишкомъ много полагались на врожденныя Ваши силы и мало старались согласить ихъ съ искусствомъ, которое само по себѣ ничтожно, но въ соединеніи съ такимъ талантомъ, какимъ Богъ одарилъ Васъ, могло-бы творить чудеса еще поразительнѣе тѣхъ, какія оно творило въ соединеніи съ талантомъ Пушкина. Ваши созданія принадлежатъ не однимъ Вамъ и не одному Вашему времени, они принадлежатъ всей Украинѣ и будутъ говорить за нее вѣчно. Это даетъ мнѣ право вмѣшиваться въ семейныя дѣла вашей фантазіи и творчества. Вы можете мои замѣчанія принять и отвергнуть; по крайней мѣрѣ я исключу себя изъ общества толпы, которая восхищается Вами безусловно и восхищеніе котораго для сознающаго свое достоинство поэта должно быть такъ ничтожно, какъ „гоненье низкаго невѣжды".—Самое мужественное изъ Вашихъ произведеній въ Кобзарѣ, самое оконченное и самое народное по складу и простотѣ есть *Тарасова ничъ* (безъ пропусковъ). Съ нею могутъ поспорить *Тополя* и *Думка*, но здѣсь исторія важное дѣло! Потомъ нужно поставить *Перебендю*,

какъ превосходную характеристику поэта вообще и украинскаго въ особенности.—Оба Ваши введенія къ Кобзарю и Гайдамакамъ, какъ-бы ни противорѣчили тому-другому, но это по новости чувствъ и рѣчи такія огненныя созданія, на которыя ни одинъ эстетикъ не осмѣлится наложить руку. Я только замѣчу, что начало введенія къ Гайдамакамъ до стиха *И про вашу долю любыла спиваты* слѣдовало-бы поставить эпилогомъ послѣ Гайдамакъ; два слѣдующіе стиха уничтожить, а начать просто: *Сыны мои Гайдамаки* и т. д.

Первая часть *Ивана Подковы* пришлась-бы введеніемъ къ *Гамаліи*; вторую-же часть нужно уничтожить, ибо въ ней и отдѣльно нѣтъ поэтическихъ красотъ (кромѣ стиха, нигдѣ Вамъ неизмѣняющаго, но, вспоминая великаго Пушкина, не щадите стиха для цѣлости созданія), а послѣ *Гамаліи* она совсѣмъ становится неинтересной. Въ посланіи *До Основьяненка* нужно исправить стихъ *на степи козачій*; къ риѳмѣ *плаче* придется и украинскій родъ: *на степу козачимъ* [1]). Далѣе вы превозносите Головатаго—лицо не очень важное и мало извѣстное народу и историкамъ:

Наша писня, наша дума
Не вмре, не загине и т. д.

Добираюсь теперь до двухъ самыхъ трудныхъ для Васъ передѣлокъ: *Катерины и Кобзаря.* Если Вы возможете пересоздать вторую половину *Катерины* совсѣмъ—да поможетъ Вамъ Богъ! Если-же нѣтъ, то ее можно усилить только исключеніями. По моему слѣдовало-бы затереть слѣдующіе стихи на стр. 45—46 отъ стиха *Правда ваша, правда люды* до стиха *Зъ Ивасемъ мандруе.* Эти стихи ослабляютъ то чувство, какое вложено въ душу читателя предыдущими. Пушкинъ въ этомъ отношеніи долженъ служить всѣмъ намъ образцомъ. Какъ только онъ тронулъ въ душѣ читателя желанную струну, тотчасъ-же оста-

[1]) Это исправленіе принято во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ Кобзаря.

навливаетъ себя съ удивительной властью надъ своей фантазіей; иногда онъ только броситъ зерно въ наше сердце и отходитъ къ другимъ трудамъ, увѣренъ будучи, что собственныя наши силы его раскроютъ и возрастятъ въ мысль или образъ. На этомъ основаніи нужно исключить на стр. 48—50 отъ стиха *Люде гнутся якъ ти лозы* до стиха *Де жъ Катруся блудыть* включительно.—А слѣдующіе затѣмъ стихи написать такъ:

По-пидъ тынью Катерина
Не разъ ночувала.

Стихи, осужденные здѣсь на исключеніе, могли-бы сдѣлать честь иному поэту, но Вы, Т. Г., должны быть подобны богачу, который, наслаждаясь только лучшимъ въ яствахъ, бросаетъ то, что другіе охотно-бы съѣли. На стр. 50—56 исключить отъ стиха *Полетила, зострилася* до стиха *Що москаль клыче.* Тутъ есть нѣкоторыя частности, годящіяся къ дѣлу, но вообще эти страницы замедляютъ драматическое движеніе, потому что здѣсь нѣтъ равносильныхъ предыдущему чертъ, а словъ много. Шекспиръ такъ умѣлъ располагать заманчивѣйшія вещи въ своихъ драмахъ, что нигдѣ онѣ не навалены грудою въ ущербъ другимъ мѣстамъ, и новыя впечатлѣнія у него слѣдуютъ въ скрытомъ механизмѣ драмы со строго разсчитанною послѣдовательностію. На этомъ основывается равновѣсіе частей, цѣлость, единство впечатлѣнія и вообще гармонія во всякомъ эпическомъ и драматическомъ произведеніи.

Послѣ означеннаго пропуска нужно на стр. 57 переправить третій стихъ такъ: *Зупынылась середъ шляху.* Чтобы усилить сцену между любовниками, нужно выпустить на стр. 58 стихи 1—4 и на стр. 59 стихи 11—18, а 20-й стихъ переправить такъ

Куды-жъ ты помчався?

На стр. 62—63 Вы скажете больше, если исключите стихи 9—12 и потомъ отъ стиха *Що осталось*—? до конца главы. Глава пятая превосходна!

Теперь *Гайдамаки.* О введеніи я уже сказалъ.—На стр. 26—27 исключить отъ стиха *Выбачайте добри люде* до стиха *Що тамъ робытся.* Изъ послѣдняго стиха слово *Жидюга* должно остаться; чтобы составить полный стихъ, Вы что-нибудь прибавьте къ нему. На стр. 40—41 исключить отъ стиха *Ажъ обрыдло слухаючы* до стиха *Обнявшысь, сумуе,* на стр. 42 въ стихѣ 23 вмѣсто *въ углу* нужно напечатать *въ кутку* [1]). На стр: 50 исключить отъ начала до пѣсни Волоха; оставить только въ скобкахъ *Кобзарь спивае.* На стр. 51 уничтожить стихи 7—11; на стр. 54 уничтожить отъ начала до словъ *Ляхивъ бачышъ ризать.* Потомъ написать такъ:

Гайдамакъ

Добре, ей-Богу, добре! Въ словахъ этого Гайдамака нужно исключить *Нехай стара въязне.* На стр. 72—74 исключить отъ стиха *Кругомъ пекло* до стиха *Гайдамаки, йде Ярема.* На стр. 78 исключить отъ стиха *А Зализнякъ гайдамакамъ* до конца страницы, потомъ уничтожить всю главу *Гупаливщина.* Повѣсть любви въ ней не развивается, а драма Коліивщины не выигрываетъ ни одной новой черты. Вамъ хотѣлось сохранить преданіе о червонцѣ Зализняка, но такія вещи нужно говорить мимоходомъ, или основать на нихъ часть драмы, а сдѣлать этотъ эпизодъ во вредъ драматическому ходу не нужно. Вообще она слаба и ее не жаль уничтожить. Освобожденіе Оксаны весьма слабо и темно. Нужно передѣлать, если можете. А мотивъ тутъ прекрасный: во 1-хъ *Шкода мужу! Старосвитська штука*; во 2-хъ противоположность веселости съ бѣдствіемъ ляховъ и мученіемъ Галайды за свою Оксану; въ 3-хъ опасенія читателя, чтобы козаки не вздумали рано идти на приступъ; въ 4-хъ *черезъ греблю повалылы.* Воспользуйтесь переходомъ черезъ греблю въ моемъ переводѣ съ польскаго, заставьте Ляховъ, не выпросившихъ пощады, рѣшиться на отчаянное предпріятіе—пробиться. Заставьте Ярему найти свою Оксану или по моему въ рукахъ Ляха, или въ пылающей крѣпости.—Это будетъ лучше.—А то

---

[1]) Это исправленіе тоже принято.

вѣдь замѣтьте, что въ Вашей драмѣ нѣтъ борьбы силъ: Ляхи вездѣ трусы, никакого отпора, вездѣ гибнутъ. Отъ этого читатель не сочувствуетъ торжеству побѣдителей, ибо это торжество мясниковъ, а драма Ваша кровавая бойня, отъ которой поневолѣ отворачиваешься. Вспомните стихъ: *На беззащитныя сѣдины не поднимается рука*—у кого-же? У разбойниковъ по ремеслу! Слѣдовательно, кровь здѣсь должна быть только слѣдствіемъ борьбы, а не предметомъ жажды.—Дайте побольше человѣчества Вашимъ гайдамакамъ. Посмотрите у Шекспира: одно лицо въ слѣпотѣ звѣрской ярости проливаетъ кровь своихъ враговъ, а другое говоритъ голосомъ человѣчества; иногда то же самое лицо содрогается и тѣмъ доказываетъ истину, что человѣческое начало никогда не подавляется звѣрскимъ. Постигните, Тарасъ Григорьевичъ (не въ гордости мнимаго превосходства это говорю, но въ простотѣ сердца художника-брата), соотношеніе между созданіемъ поэта и душею читателя; тогда Вы будете истинно великимъ! Не полагайтесь на природныя силы! Задача всякаго смертнаго—заслужить наслажденіе совершенствомъ. Вамъ много дано отъ природы; нужно много и потрудиться, а Вы часто впадаете въ совершенно ошибочныя мнѣнія о творчествѣ. Не однѣ книги даю я Вамъ въ руки, читайте цѣлый міръ, но пусть Ваша душа бодрствуетъ. (N. B. Для этого нужно отвергнуть многіе знакомства или лучше сказать препровожденія времени съ людьми будто-бы образованными). Но это другое дѣло. Обратимся къ Гайдамакамъ. Если Вы не возгорите желаніемъ передѣлать эту часть поэмы, то исключите по крайней мѣрѣ на стр. 86 стихи отъ 15—18; на стр. 87 отъ 2 до 5; на стр. 95—97 отъ стиха *Якъ була я молодою преподобныцею* до стиха *Да пошукай броду, броду!*; на стр. 104 исключите стихи отъ 12—23, на стр. 106—107 отъ стиха *Пекла мало! люде, люде!* до стиха *Лягли Ляхы трупомъ*; на стр. 124 конецъ отъ стиха *Тилько часомъ у вечери.* Послѣ торжественнаго стиха *На тѐ Божа воля* никакой стихъ не годится. (N. B. Если не до ладу Вамъ покажется поставить эпилогомъ начало введенія—такъ какъ эпилогъ уже, можно сказать, есть—

то можно оставить это поэтическое мечтаніе особой думой, но въ началѣ введенія она нейдетъ ни къ дѣлу, ни къ тону).

Вотъ Вамъ голосъ человѣка, отъ всей души желающаго, чтобы Украина имѣла поэта, который-бы всему свѣту сказалъ за нее свое могучее гармоническое слово. Примете Вы его или нѣтъ, по крайней мѣрѣ надѣюсь, что Вы не усомнитесь въ благородствѣ моихъ побужденій къ строгой рецензіи Вашихъ несравненныхъ созданій и къ рѣшительному тону совѣтовъ. Прошу Васъ не уничтожать этого письма, а спрятать его такъ, чтобы оно Вамъ могло попасть въ руки лѣтъ черезъ пять, когда Вы насытитесь куреньемъ всеобщихъ похвалъ и внутренній Вашъ человѣкъ возжаждетъ иныхъ наслажденій поэтическихъ, наслажденій глубокимъ сознаніемъ красоты творчества, недоступной для публики.—Можетъ быть, тогда они наведутъ Васъ на такія мысли, которыя мнѣ никогда и не приснятся! Если-же Вы согласитесь теперь исправить *Кобзаря и Гайдамаки*, то я бы желалъ во время моего пребыванія за границею напечатать ихъ для славянскаго міра съ нѣмецкимъ переводомъ, введеніемъ и коментаріями на нѣмецкомъ языкѣ—да славится украинское имя на всѣхъ языкахъ! А Вы-бы намалевали свою персону, то и персону Вашу я-бъ штихомъ нимецькимъ изобразивъ. Гроши на изданіе я знайду, колы захоче Ник. Ивановичъ (Костомаровъ), да еще де хто, а колы ни, то отъ Вамъ козацькее слово, що своимъ коштомъ надрукую, хочъ-бы не выручивъ описля ни копійки. Якъ-же-бъ якому нимцеви продавъ, то не взявъ-бы соби й копійки, а доставывъ-бы Вамъ.

П. Кулишъ.

N. B. Я желалъ-бы, чтобы это осталось между нами, такъ чтобъ дома и не знали, какимъ образомъ явились Ваши сочиненія въ Нѣмеччинѣ!

Какъ отнесся-бы къ предложеннымъ поправкамъ Шевченко, если-бы это замѣчательное письмо было у него подъ рукою въ 1860 г., когда онъ выпускалъ въ свѣтъ второе изданіе Кобзаря—объ этомъ мы можетъ дѣлать однѣ догадки, но несомнѣнно, что

поэтъ вообще дорожилъ мнѣніемъ Кулиша, какъ человѣка и умнаго, и одареннаго поэтическимъ чутьемъ, который могъ иногда сказать ему правду, хотя-бы и горькую. И въ послѣдніе годы жизни Шевченка Кулишъ продолжалъ быть строгимъ пѣстуномъ его музы. „Если имѣешь хорошія произведенія—писалъ онъ поэту въ 1857 г.—пришли ко мнѣ на просмотръ, чтобы они прошли черезъ мои руки, такъ, какъ твоя поэма *Наймычка*, которую, какъ видишь, я не испортилъ". [1]).

Сохранившіяся при дѣлѣ семь писемъ А. И. Лизогуба относятся къ самой печальной эпохѣ жизни Шевченка, эпохѣ пребыванія въ Орской крѣпости и на Аральскомъ морѣ. „Какъ жаль—писала къ поэту княгиня В. Н. Репнина отъ 20 декабря 1844 г., что Вы незнакомы съ А. И. Лизогубомъ. Съ какимъ теплымъ сочувствіемъ цѣнитъ онъ Ваши поэмы и какъ сожалѣетъ, что не знаетъ Васъ лично!"—Познакомившись въ слѣдующемъ году съ Лизогубомъ, Шевченко скоро подружился съ нимъ, часто гостилъ въ его помѣстьи, Седневѣ, и, разставаясь съ нимъ въ 1847 г., отдалъ ему на сохраненіе свою только-что оконченную поэму *Наймычка*. Узнавъ объ арестѣ Шевченка, Лизогубъ спряталъ рукопись гдѣ-то подъ стрихой, гдѣ она и пролежала до 1856 г., когда она была переслана Кулишу въ Петербургъ [2]). Когда надъ Шевченкомъ стряслась бѣда и онъ былъ сосланъ въ Орскую крѣпость по обвиненію въ политическомъ преступленіи, Лизогубъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые ради страха іудейска не отвернулись отъ него и, рискуя собственнымъ положеніемъ, продолжали сноситься съ разжалованнымъ въ рядовые поэтомъ.

—

[1]) Наймычка была впервые помѣщена во второмъ томѣ Записокъ объ Южной Руси Кулиша.

[2]) Кониссkій. Жизнь Шевченка стр. 474.

Письма А. И. Лизогуба.

I.

20 октября 1847.

Бувъ я сёго року у Кыеви и вельми зрадувався якъ прочытавъ Вашъ лыстъ, коханый Тарасе Григоровычу! Сажинъ давъ мени прочытать той лыстъ. Дякую Господа, що надилывъ Васъ терпинямъ. Блаженъ рабъ, его же Господь обрящетъ бдяща! недостоинъ, его же обрящетъ унывающа! Молюсь Господеви за Васъ, шобъ винъ пиддержавъ Васъ, шобъ давъ и сылу и волю несты хрестъ, хочъ дуже важкый, що Вамъ пославъ, безъ жалю на Господа и на людей, а кохаясь у кари, якою Васъ испытуе.—Колы выноватъ—терпы, що Богъ пославъ и дякуй Господа; колы здается, що й не выноватъ, а Богъ карае, усе таки дякуй Господа; пысано бо: кого люблю, того и караю, а кара и испытаніе завсигда добро намъ суть, бо роблють насъ лучшымы, до бидныхъ мылостывымы, до терпящыхъ жалостлывымы; тоди мы и самы лучче шануемось, и другыхъ бильше жалуемо, и усякого чоловика за брата маемо, а колы робымось лучшымы, то й до Бога намъ блыжче, а пры Бози спасеніе, мыръ и любы. Не знаю хто, а тилько хтось колысь десь пысавъ и друковавъ, а я чытавъ тожъ колысь да десь. Несчастье, каже, таке страшыло, що мае голову свитлу якъ сонце, а ногы циповы; колы хто, страшыла злякавшысь, упаде на землю, то воно ёго ростопче своимы важкымы ногамы; колы жъ, не злякавшысь, зырне ёму въ вичи, тоди лыхо уробытся чоловикови добромъ; воно й правда. Терпить же и Вы, коханый Тарасе, и дякуйте Бога, и Богъ Васъ помылуе, дасть покій и тыхую радость серцю, щастя на неби, и пошле прощеніе и мылость на земли. И мени, коханый друже, не безъ лыха було: ликаръ нашъ добрый Шраге казавъ, що треба моій жинци у мори купаться; отъ мы и сталы збыраться до Одессы, але зъ мая я заразъ занедужавъ, а тамъ жинка, а тамъ на малую доньку мою напала трасця, та тилько о-пивъ іюля покынула. Ото-жъ мы рушылы зъ господы 1 августа, доихалы до

Кыева, дяка Богови здорови; у Кыеви моя доня Лызочка—Вы іи знаете—знову занедужала, а тымъ часомъ сталы розсказувать, що въ Одесси холера; изъ Кыева мы пойихалы у Яготынъ; у Яготыни жылы цилый мисяць, бо наша дытына вельмы недужа була и 5 сентября вернулась до Бога такымъ же ангеломъ, якъ и намъ дана була. Богъ давъ—Богъ и взявъ, буди имя Ёго благословенно во вики! Теперъ мы знову тягнемось у Одессу, але недалеко отъ Билои цěрквы братъ мій Илья крипко занедужавъ, да теперъ, дяка Господу, поправывсь. Важко ховаты дытя свое, але Ёго свята воля усюды и завсигда.

Въ Ёго рукахъ усе на свити
Ёго свята воля!
Нехай буде такъ якъ буде,
Така наша доля.

Якъ прыйиздывъ я у Кыевъ вже зъ Яготына, то й бачывъ Сажина; винъ мени показувавъ Вашъ лыстъ, де Вы просыте переслать до Васъ рисункы, альбомъ и ще де що, да й казавъ мени, що винъ подававъ докладну запыску объ тыхъ рисункахъ, щобъ ёму ихъ отдалы, але, кажуть, ихъ немае, кудысь буцимъ воны повтикалы чы що, тилько вже ничого нема, послалы, кажуть, у Питербургъ—шукай де знаешь! Зъ того лыста я бачу, що Вамъ можно и що Вы думаете не кыдать малёвання—благо що есть; чого нема—того не найдешъ, такъ и тіеи Вашои худобы, що по лысту доправляете, але напышить мени у Одессу, колы Вамъ можно малёвать, то я зроблю що могу, щобъ Вамъ прыслать акварельни краскы. Знаете мій маленькый ящычокъ, де усе е, буде Вамъ на памъять; у мене е и пензли Шаріана, прямо зъ Парыжа, то й Вамъ пару перешлю. Напышить тилько швыдко и якъ Вамъ посылать, чы просто на Ваше имя, чы може треба посылать черезъ комындантя, то напышить, якъ ёго велычають и хто винъ такый, напышить гарненько и толковно Вашъ адресъ, то я Вамъ заразъ прышлю акварели и альбомъ чистый, а тамъ колы треба и олійныи краскы. Що тилько можно Вамъ

получать, а мени посылать, скилько по сыламъ, усе зроблю, а до того цилую Васъ, и молюсь за Васъ. Зостанусь покы жывъ.

Щырый до Васъ Андрей Лызогубъ.

II.

Одесса 1847. 31 декабря.

Ни, я не мовчавъ, коханый друже, мій бидный Тарасе! Не дожыдаючысь вашого лыста, я пысавъ до Васъ не згадаю теперъ якого чысла, але повынно буть отъ 15 до 28 октября и у тымъ моимъ лысти дававъ Вамъ и мій адресъ у Одесси, але мени здается, що Вы того лыста не получалы—я пысавъ просто у Орскую крипость. Сёгодня я получывъ Вашъ лыстъ отъ 22 октября, его пысалы у Седневъ, а изъ Седнева мени переслалы сюды; заразъ и одвитъ готовъ. У симъ пысьми скажу Вамъ усе тее, що казавъ и у тымъ. Я знавъ, що Васъ потяглы до Питербурга, але довго не знавъ, що зъ Вамы опісля зробылось. Мы съ жинкою прыйихалы у Одессу, а у Кыеви я бачывъ Сажина. Винъ мени розсказавъ, що Вы у Орскій крипости и показавъ Вашъ лыстъ до якогось незнакомого мени пана; у тымъ лысти Вы ёго просыте прыслать Вамъ полытуру и кысти и краскы, чого ёму и зробыть було не можно, бо все тее попропадало. Прыйихавшы у Ольгополь коло Балты, я до Васъ пысавъ ось-що (або хочъ не совсимъ такъ, а блызько): Молысь Богу, коханый Тарасе, Богъ тебе кара за грихи, дякуй Ёго; колы вынenъ, терпы кару и дякуй Бога; колы невыненъ, терпы и дякуй Господа за испытаніе и прыймай кару Божу, мало того що съ покорностью Ёго святій воли, а ще бильшъ кохайся у гори, радуйся, що Господь Отець Нашъ Небесный учыть насъ и Господь нагородыть за терпиння, за покорность, за любовъ нашу и пошле мыръ серцю и розуму и смягчыть, а може й перемыныть, гнивъ на мылость. Горе, бида, напасть—се чоловикови найлучша школа; се батькивській поцилуй Бога своему творенію. Горемъ та бидою Господь очыщае насъ, прыблыжае до себе, робыть насъ лучшымы. Не жалуваться, а радуваться треба Божій

кари. Ось що я Вамъ казавъ. Господь давъ Вамъ несты хрестъ дуже важкый, несить и не журитесь и все буде добре, тилько молитесь Богу отъ серця и молитесь не объ тымъ, щобъ переставъ васъ карать, а щобъ давъ сылу и волю переносить кару безъ ропота и жалю. И ще я до Васъ пысавъ, що колы вамъ можно малювать, то напышить гарненько адресъ и що я заразъ прышлю акварельни краскы, мій маленькый ящыщокъ, де е краскы и карандашы и все належное для малювання. Ще пысавъ и объ соби: и мене Господь поцилувавъ якъ батько, одиявъ у мене мою маленьку дочку Лызу; Вы іи зналы. Але я дякую Господа за Ёго мылость. И мылость Ёго велыкая до мене тая, що Винъ давъ мени сылу перенесты мое горе безъ жалю, хочъ дуже, вельмы тяжко ховать дитей. Я сказавъ: Богъ давъ—Богъ и узявъ! Буды имья Ёго благословенно во викы! Ангела я пріявъ отъ Господа, Ангела и вернувъ Господу. Правда, дытятко сее було намъ велыкою втихою, але я не жалкую о тымъ, що вже іи нема, а дякую Господа за те, що вона у насъ була, за те, що вона, по мылосты Божои, тры года насъ радувала. Памьять намъ зосталась не горькая, а хороша, а все таки иноди плачу, якъ згадаю про мою дытыну. Богъ простыть мои слёзы, серце часомъ не слухае розума.—Треба бъ, щобъ не тилько розумомъ, щобъ и серцемъ и душею кохатысь у Бози, радуваться горю, тоди запевно булы бъ мы счастлывы на симъ свити и благословывъ бы насъ Господь и па тымъ. До другого разу, коханый друже, напышить, колы Вамъ чого треба; може краскы, може гроши и колы по сёму адресу, то якъ тилько зберусь, що матыму—прышлю. Княжна тоже до Васъ пысала, але выдно Вы нашыхъ лыстовъ не получалы. Да укрипыть Васъ Господь! Да дасть Вамъ сылу несты важкій хрестъ и дякувать Бога за биду серцемъ и розумомъ. Пышить до мене и пышить часто, тилько щобъ я знавъ, що Вы мои лысты получаете и що зъ Вамы діется, а я буду пысать до Васъ часто. Да благословыть Васъ Господь.

Щырый до Васъ Андрей Лызогубъ.

III.

Одесса 7 января 1848.

Лыстъ Вашъ, коханый друже, я получывъ на самисенькый Новый годъ. Превелыкая Вамъ дяка и за лыстъ и за Васъ; тилько важко на васъ дывытысь. Що маемо робыть? будемо молытся Богови—се найлучше. Якъ мени прывытать Васъ новаго года рады? Да пошле Вамъ мылосердный Богъ здоровья, бо безъ ёго и въ доли погано, а безъ доли ще гирше. Да пошле здоровья, терпиння и сылу тягты Вашу недолю, несты іи, не жалкуя, а дякувать Бога, началство слухать, товарыство любыть и жыть якъ Богъ дае, покы Богови угодно. Ось чого я молю у Господа Вамъ, коханый друже! Да послухае Спасъ нашъ мылостывый моеи гришнои, але щырои отъ серця молытвы! Дякуйте Господа и за те, що Вамъ досталось. Вамъ зосталось те, що е люде, що Васъ кохають и жалують. Хочъ недоля отъ сёго и не поменшае, а все такы трохы легче, якъ знаешъ, що е таки люде, що жалкують. Вашъ третій лыстъ отъ 22 октября я получывъ 29 декабря и одиславъ 31 по адресу тамъ напысанному у Оренбургъ до Лазаревского съ передачею. Вашу цыдулку до Варвары Ныколаевны (кн. Репниной) пославъ по адресу; вона хотила до Васъ пысать, якъ тилько прочула, де Вы жывете, та мабуть що небудь ій помишало. Глафыра [1]), дякувать Богу, здорова, а сестра іи Татьяна Ивановна усе нездужае, а теперъ стало ій гирше. Жыве вона у Кыеви; Цыцурынъ личыть, да все немае луче. Выдно Богу угодно, щобъ вона бидна страждала. Така Ёго свята воля, нехай такъ и буде! Я такои виры, що Богъ усе робыть къ лучшому. Важко, вельмы важко мени було, и теперъ ще плачу, якъ згадаю, якъ моя малюсенька донечка Лызочка отходыла до Бога, да страждала ажъ двое сутокъ, а тоди благодарыть Богу давъ мени сылу и розумъ дякувать Ёго за мое горе, бо не радости, а туга да недоля робыть чоловика луччимъ и сблыжае ёго до Нашого Отця Небесного. Шукавъ я кныги, що Вамъ хочется. Одыссеи (пере-

---

[1]) Проживавшая у кн. Рѣпниной, ея другъ г-жа Псіолъ.

водъ Жуковскаго) печатнои ще нема и нихто іи ще не чытавъ опричъ Гоголя, що помянувъ у своихъ пысьмахъ. Колы покажется, то прышлю; Шекспыра найшовъ и скоро прышлю. Поджыдаю грошей зъ дому, бо тутъ зовсимъ процвындрывся, и якъ тилько роздобуду грошенятъ, то заразъ усе и куплю—и ящычокъ, и Шекспыра, и все прышлю. Вы знаете, що я не вельмы заможный, але готовъ дилытысь чимъ маю: що Вамъ треба, да колы у мене е, то зроблю. Да не скаже мени Господь у день судыща: былъ боленъ и въ темныци и не нноситысте мене! Не могу посититъ персонально—прывитаю словомъ и вельмы-вельмы бъ радувавсь, якъ бы мое слово та Вамъ прыносыло покой и закрипляло бы Ваше серце на недолю. О, щаслывый бы я бувъ тоди! Будьте же здорови и пышить до мене.

Щырый до Васъ Андрей Лызогубъ.

IV

Одесса 7 февраля 1848.

Не жалкуйте на мене, коханый друже, за те, що не швыдко зполнывъ те, що вже давно пообищавъ. Сегодня ровнисенько мисяцъ, якъ я пысавъ до Васъ, дякувавъ за Вашъ лыстъ, пысавъ Вамъ, що Одиссеи Жуковського нема ще друкованои, а що Шекспыръ Кетчера е и що усе що Вамъ треба прышлю, якъ тилько зберусь зъ грошенятамы. Отъ тутъ-то и вся новына. Воли зробыть Вамъ що-небудь прыгодне у мене доволи, але робыла иноди зовсимъ не мае, то Вы сее соби на усъ намотайте, та й ждить терпилыво; колы що трапытся—зроблю и прышлю; колы жъ ни—выбачайте и майте мене за найщыршого соби прыятеля. Теперъ зъ ласкы Божои що змигъ, то й посылаю, а именно ось-що: Шекспыръ переводъ Кетчера 13 выпусковъ; я ихъ у дви кныжкы перепливъ, бо такъ краще буде; папыру щобъ було на чымъ до мене пысать двохъ сортивъ: тонисенькои и трошкы товстои; папыру Ватмана одна десть; карандашивъ 12 и мій ящычокъ, де е уся справа; тамъ пензливъ велыкыхъ чотыры, та зъ ихъ тилько одынъ настоящій Шаріона; я ёго надпысавъ, а тры

другыхъ я тутъ купывъ; воны хочъ трошкы поганши одъ Іларіона, одначе годящи, а альбома чыстого не посылаю, бо треба платыть пошлыны бильшъ, чымъ винъ самъ стоить—нехай на другый разъ, колы розжывусь. Заразъ якъ получыте сей мій лыстъ и посылку, то, розгледившы усе гарненько, мени напышить, не барючысь, чы все справно дійшло, чы не поламалось що, чы хороши пензли? Да будьте ласкави—заразъ напышить. Що сказать про себе, доброго не багато; жыву соби и дякую Господа за все; жинка моя не овси здорова; ждемо лита, може море поможе, якъ купатыметсл.—Я прывизъ зъ собою велыкій патретъ, що у Седневи почавъ; Вы бачылы—уся моя симья тамъ намалевана, але дорогою грунтъ облизъ—паскудне полотно попалось—да такъ облизъ, що треба кынуть; то я тилько копырую мою дочку, шо теперъ у Бога за насъ молытся, да колы можно, то іи фыгуру выриху, та й перетягну на другу раму. Оттака оказія! До другого пысьма! Я незабаромъ пысатыму, а до того нехай Богъ мылосердный Васъ шануе, жалуе, пиддержуе и сохраняе; нехай Вамъ дае здоровья и терпиння, а Вы дякуйте Ёго за все, и за радисть и за горе, и не забувайте

Щырого до Васъ Андрія Лызогуба.

V.

23 февраля, Одесса.

Позазчора одибравъ я третій лыстъ Вашъ, коханый друже, вельмы Васъ за ёго дякую, радію и хвалю Господа за те, шо Винъ Васъ пиддержуе, кохае и шануе. Кохае—скажете може—а наславъ таку годыну, у якій Вы теперъ, и нудьгу и болизнь, а я все такы кажу—кохае. Не едынъ хлибъ есть на потрибу чоловику, но и всякъ глаголъ Господень; не о единомъ тили маемо думать и трудытысь; треба и за душу мыркувать, а я вже це добре знаю, на соби бачывъ, що въ знегоди чоловикъ лучшій серцемъ, легше прощае свого ворога, швыдче помагае тому, хто помочы просыть, а колы чоловикъ душею лучшій, то й Богъ ёму блыжче; тоди винъ душу свою спасе; тымъ то й

Господь нашъ мылосердый кого жалуе, того до себе прывертае слизьмы да знегодою, и благо чоловикови тому, колы зъуміе почуть голосъ Спасытеля и колы не зъ скорбію, а въ радостію прыме лобзаніе Господне. Зъ вашого лыста, зъ того, що Вы мени кажете про мою тугу, мени здается, що Вы неволю свою несете якъ треба хрыстіаныну, и за цее-то я дякую Господа, бо покирность Ёго святій воли е настояще щастя чоловику на земли. Объ соби скажу, що я не жалкую на Бога за те, що Винъ узявъ до себе мою Лизу, а дякую и хвалю; а пысавъ Вамъ про се у-друге, бо не знавъ, чы Вы прынялы мій першый лыстъ, написанный у октябри. Не безъ того, що якъ згадаю про мою доньку, то и слёзы покапають, але не за іи и не за себе, а такъ соби воны льются. За іи не жалкую, бо вона коло Бога—ій лучче, и за себе не жалкую, бо це лобзаніе Господа зробыло мене трохы луччимъ, чымъ я бувъ. Я маю гадку, що Вы вже получылы мій четвертый лыстъ и справу малярську, и папиръ рисовальный и поштовый, и карандаши, и Шекспира. Про брыстольскій папиръ не згадавъ—выненъ; почекайте трохы, колы роздобудусь, то прышлю и кныгы тожъ, але не заразъ: не все то робытся, що хочешь. Тилько у однимъ Васъ завиряю—у добрій воли служить Вамъ чымъ Богъ пославъ. Княжны теперъ нема дома; вона йиздыла до сестры своій у Орловскую губернію; якъ вернется, то пытатыме. Вона не така, якъ тіи други, що Вы розсказуете, та и тыхъ не треба лаять. Вы пысалы, щобъ я взявъ у Сажина ваши дрибни рисункы, тилько я сёго не зроблю разъ затымъ, що я того Сажина може й не побачу, а друге за тымъ, що винъ мени ихъ не отдасть. Жинка моя и братъ Вамъ кланяются, а я молю за Васъ Бога и остаюсь

Щырый до Васъ Андрей Лизогубъ.

Напышить, чы получылы те, що я Вамъ пославъ, чы не поламалось що?

VI.

7 апрѣля 1848. Одесса

Христосъ воскресе!

Симъ почну пысмивку мою до Васъ, коханый друже, да и що матыму лучшого якъ прывитаты друга цилованіемъ святымъ: Хри-

стосъ Воскресе! Нашп диды добре выгадалы, що зъ симъ праздныкомъ поздравляють; сей найбильшый праздныкъ христіанамъ, не даромъ казано—великъ день! Далеби, що такъ; цей день закинчаніе жизни чоловика-Христа и початокъ Бога. За симъ днемъ уся жизнь Спаса нашого на земли лежить тропою и намъ гришнымъ; цією тропою и намъ треба шкандыбаты, шобъ у царство небесное попасты; кажу шкандыбаты, бо зъ нашымы немощамы хочъ-бы дошкандыбать до Бога. Що-жъ маемо робыты? Те саме, що робывъ Спасытель на земли: прощай ворогамъ, добро робы діющимъ тоби напасть, молысь за лютыхъ, не жены бидныхъ, не одвертайся отъ просящихъ, отъ и все. Помолымся же Господеви, шобъ давъ намъ и волю и силу усе це діять во славу имяни ёго святого, на добро людямъ, братамъ нашимъ. Дякую я вельми мылосердного Спаса нашого, що сподобавъ мене мылости хочъ трохи розигнать тугу Вашу, коханый Тарасе; радію, читаючи лысты Ваши, и молюся Богови, шобъ Винъ осинывъ Васъ своею благодатью. Аще Господь зо мною, кого убоюся? Посылаю Вамъ пысанку, трохи папиру брыстольского—малюй на здоровье, да мене згадуй! А степу безлюдного ничого лякаться, може таки и туда будутъ доходыть лысты, хочъ не такъ швыдко; абы яка чутка була. Колы вже потягнетесь на те Аральске море, то якъ можно пыльнуйте, шобъ мени дать знать, куды и якъ пысать, то я заразъ озовусь, и Варвара Николаевна тожъ. Бувай здоровъ, коханый друже, дякуй Господа и терпы, поки Ёго свята воля того схоче.

Щирый до Васъ Андрей Лизогубъ.

N. B. Теперъ посылаю 18 штукъ билои и 6 штукъ зъ одного боку жовтоватои. Напышить, чи хороше и годяще.

VII.

15 іюля 1848. Хуторъ близь Одессы.

Лыстъ Вашъ, коханый друже Тарасе, що до мене пысалы ще 9 го мая, я получивъ и цей лыстъ мене дуже зрадувавъ. Дяка Господеви Мылосердому, що Винъ змыловался надъ Вамы

и давъ Вамъ покій и покирность Его святій воли. Я казавъ: терпы, друже, и дякуй Господа, то Винъ наградыть и душу заспокоить и може гнивъ на мылость оберне. Отъ тоби поки разрѣшеніе малюваты. Одно це чого небудь да стоить. Дякуй-же Спаса нашого мылостивого, терпы, пильнуй, шануй, може Господь наградыть бильшъ за терпѣніе, може и кара, ею-же и посѣтилъ Васъ, у добро обернется, а поки що мое слово, мое щире слово побижыть за Вамы на край свита, знайде и на Раиму, и на березп Аральскаго моря и лоскотатыме во ушію твоею ридною мовою и утишатыме сердце твое щирою дружбою. Мабуть не скоро добижить до Васъ оцей мій листъ, але думка така, що винъ добижить, и зрадіе Тарасъ, якъ почуе на степу безкраему голосъ зъ Украины. Шо объ соби сказать? Доброго мало; у Одесси холера, поситывъ Господь насъ карою за грихи наши, да буде имя Его благословенно! Але купаться у мори не можно, ликарь не велыть, то я миркую, якъ-бы швыдче до дому потягты, и колы дасть Богъ, то у ту пору, якъ цей лыстъ поспіе до Васъ на Аральске, я вже опынюсь у Седневи.—Скучавъ я безъ Седнева, тутъ усе таки на чужыни, а у Седневи якось то веселише.—Якъ тилько доберусь до господы, то заразъ напышу до Васъ, а Вы до мене напышить у Седневъ. Княжни я напышу про Васъ, що знаю; до осени воны хочуть прыйихать у Одессу; тутъ и зимоватымуть. Якъ що про ихъ прочую, або що воны мени напышуть, про все тее я й Вамъ розскажу, а поки отдаю Васъ, друже мій, на ласку Божію, нехай сохраняе Васъ и держить у своей благодати Господь нашъ І. Х., его-же милости и любви нѣсть миры, ни кинця.

Щирый до Васъ Андрей Лизогубъ.

А. И. Лизогубъ не ошибся, что его письмо рано или поздно, но добѣжитъ до Шевченка; оно дѣйствительно и добѣжало, но безъ малаго черезъ полтора года, ибо Шевченко получилъ его и отвѣчалъ своему другу только въ ноябрѣ 1849 г. въ Оренбургѣ, по возвращеніи своемъ изъ Аральской экспеди-

ціи [1]). Этимъ и закончилась переписка между друзьями, ибо захваченные при Оренбургскомъ обыскѣ письма Лизогуба навлекли на него гнѣвъ всемогущаго тогда шефа жандармовъ Гр. Орлова, который сдѣлалъ Лизогубу сильное личное внушеніе, послѣ чего писать къ Шевченку было уже дѣломъ рискованнымъ. (Кониск., жизнь Шевченка, стр. 565).

Къ эпохѣ Оренбургскаго обыска у Шевченка (апрѣль 1850 г.) относится интересное письмо къ Шевченку Сергѣя Левицкаго, бывшее причиной гибели талантливаго астронома, магистра Харьковскаго Университета Н. А. Головко, пустившаго себѣ пулю въ лобъ, когда его пришли арестовать [2]). Вотъ это злосчастное письмо:

С.-Петербургъ. Марта 6, 1850 г.

Оце вже и третій мисяцъ якъ мы не бачылысь зъ Вамы, мій дорогій земляче! Неначе третій рокъ тому пошовъ—такъ довге мени показалось се время. Выбачайте, будте ласкави, за те, що я до сихъ поръ не пысавъ къ Вамъ, бо мени совисно и въ руки перо узять для того шобъ сказать, шо я ще доси не бачывся ни зъ Остроградскимъ, ни зъ Чернышевымъ, въ которыхъ у каждого бувъ разъ по 5 и ни разу не застававъ дома, а мени хотилось разомъ сказать Вамъ объ усихъ, къ которымъ Вы пысалы. Да поки що скажу хочъ те, що знаю. Добравшысь до Москвы, пысьмо Ваше къ Репниной я отправывъ и пишовъ до Бодянского; насылу достукався, да вже-жъ за то якъ сказавъ, що я видъ Васъ и ще маю пысульку, то изъ ёго зробылось щось таке, якъ буцимъ винъ чуе объ брати, або объ кимъ небудь дуже блызкимъ ёго щырому серцю. Довго балакалы про Оренбургъ, якъ жыть тамъ усимъ и якъ жыть Вамъ: бидкувалы и горювалы вмисти, а описля, поговорывши якъ родычи,

---

[1]) Чалый. Жизнь Шевченка, стр. 75.

[2]) См. о немъ въ моей статьѣ «Новые матеріалы для біографіи Шевченка». (Кіевская Старина 1898 г. Мартъ).

розійшлысь, и чы зійдемось знову—святый знае. Винъ на прощаніи давъ мени билетикъ до Рѣдкина, що вмисто Даля при Перовскомъ, и той, спасибо ёму, прывитавъ добрымъ словомъ и тожъ розспрошувавъ якъ жывете Вы, да тилько мени кажется, що се вже не то що Бодянскій; видно, що воно чы боится чого, чы вже мабудь такъ набрався того кепского духу Питенбургского и дывытся якъ-бы соби гарно, а не другимъ. Бачывся на дняхъ зъ Бутаковымъ, казавъ винъ мени, що начавъ дило и двынувъ бабъ за Васъ, да не знаю, каже, що буде. Багацько есть тутъ нашихъ, да кажется таки люде, що проминявъ-бы ихъ на нимця, не тилько що на хрещеного, а есть межъ ными, поки конешно знаю, одынъ—се Николай Алексѣевичъ Головко, магистръ математическихъ наукъ изъ Харькова. Отде справедлыва душа! Якъ зійдемось, то перве слово ёго объ Васъ. Винъ сотрудникомъ у нѣкоторыхъ журналахъ и хлопецъ дуже розумный; жаль тилько, що своею правдывистью чы не наробыть того шобъ не запроторылы и ёго куды, бо вже и теперъ подъ надзоромъ полиціи. Винъ часто бувае у Остроградскаго, и я помандрую колы небудь зъ нымъ до ёго. Багацько есть тутъ такихъ, що згадують Васъ, а Головко каже, що Васъ не стало, а на мисто того стало бильшъ ажъ до 1000 людей, готовыхъ стоять за все, що Вы казалы и що кажуть люде, для которыхъ правда така голосна и правдыва штука, що хочъ-бы іи казаты и при самомъ Карли Ивановичи [1]), то не спугалысь-бы. Прощавайте-же мій друже.

Вашъ Сергій.

P. S. Казалы мени, да я не вирю, що буцимъ Остроградскаго, который теперь только академикъ, не захотилы здѣшніе профессора университета, шобъ винъ бувъ ихъ товарыщъ, бо кажуть—винъ безпокойный чоловикъ.

---

[1]) Карлъ Ивановичъ Гернъ, капитанъ генеральнаго штаба, прикомандированный къ Обручеву и близкій пріятель Шевченка.

Во время кіевскаго обыска (апрѣль 1847 г.) у Шевченка въ числѣ другихъ бумагъ было отобрано шуточное посланіе поэта Забѣла, содержащее въ себѣ отвѣтъ на негодующую записку Шевченка. Объ этомъ посланіи упомянуто въ стат. Н. Бѣлозерскаго „Т. Г. Шевченко по воспоминаніямъ разныхъ лицъ" (Кіев. Ст. 1882 г. № 10, стр. 71). Тамъ сказано, что оно находится у И. И. Бѣлозерскаго, но очевидно не въ подлинникѣ, т. к. таковой оказался въ другомъ мѣстѣ.

За шо ты лаешся, Тарасе,
Шо не найшовъ въ Борзни запасу,
Якого ты тоди бажавъ?
Самъ ты такій якъ мене лаешь.
За що?—ты може поспытаешъ.
Зате що въ хуторъ не забигъ.
Якій-же ты землякъ? якій-же ты пысака?
Неначе гнавъ тебе собака,
Боявся день подарувать,
Шобъ побувать у мене въ хати,
Шобъ писень вмисти заспиваты,
Якіи сердце намъ грызуть.
Мы-бъ на бандурци забряжчалы,
А циганчата-бъ танцювалы
Хочь-бы вже зъ лыхомъ пополамъ.
Я радъ-бы бувъ тоби якъ брату,
Якъ бы забигъ до мене въ хату,
Неначе-бъ сваху шановавъ.
Въ мене худобы дуже мало,
Да ще-бъ найшовъ горилку, сало,
Изъилы-бъ трошки, запылы
Да розсказавъ-бы де-що гарне
Про земляквъ, не иностранне,
Бо я до языкивъ не вдавсь.
Такъ ни! Зазнався бачъ зъ панами,
Зъ пысакамы, богатырямы,

А земляка такъ и забувъ.
Бодай тоби за сюю штуку
Послалы видьмы отцю муку,
Послухай заразъ и скажу:
Борщу, вареныкивъ, ковбасъ, лытивки,
Сеньги, чухони и скубрійки
Съ пивгоду шобъ не коштувавъ,
Шобъ цилый день не пывъ горилки,
Не довелось шобъ и налывки
Хочъ разъ одынъ ковтнуть на смихъ;
Да щобъ прыснылось: бужаныва,
Вьюны, ласкирка и свынына
Зъ сметаною, да и зъ хринкомъ.
Оттыи щи шобъ йивъ ты русски,
Оттыи соусы хранцюзски,
Що тилько въ животи бурчять.
Лютую я на тебе друже,
Тоби-жъ дакъ може и байдуже,
Мене-жъ за сердце зачепывъ!
Ище скажу словце Тарасу:
Бида жыть въ свити безъ запасу,
Грошима люде шо зовуть;
Я-бъ ще побувъ у Питербурси
И побувавъ бы въ вашій бурси,
Що Академіей зовуть.
Побачывъ-бы тебе, Тарасе,
Того, що напысавъ Торквато-Тассо [1]),
Того, що славный медальеръ [2]).
Тамъ Григоровичъ йе добряка [3]).
Да ще-бъ найшовся чоловьяга

---

[1]) Н. В. Кукольникъ.

[2]) Вѣроятно К. П. Брюлловъ.

[3]) В. И. Григоровичъ, секретарь Академіи Художествъ и близкій пріятель Шевченка.

И серце-бъ трохи пожыло.
Тамъ Глынка той, що добре грае,
Що писень всякихъ винъ спивае,
Якъ-бы весною вси птахи.
Дакъ що-жъ робыть? Не маю доли,
Живу у свити якъ въ неволи,
Якъ пташка въ клитци, такъ и я!
Спивають пташки у неволи,
Да все не такъ якъ-бы на воли,
Що ажъ звири танцюють имъ.
Прощай! не хочу бильшъ пысаты,
Папиру бильшъ шобъ не псоваты,—
Нехай судовыки псують.

Викторъ Забѣла.

21 іюня 1844 г.

—

Г. Петровъ (Исторія Украинской литературы стр. 149—150), увѣряетъ, что Забѣла познакомился съ Шевченкомъ около 1846 г. Это не вѣрно, ибо уже въ 1844 г. они были на пріятельской ногѣ. Такъ какъ въ 1842 г. они еще не были знакомы (посылая въ 1842 г. Забѣлѣ свою поэму Гайдамаки, Шевченко сдѣлалъ надпись: на заочное знакомство), то остается предположить, что они познакомились въ пріѣздъ Шевченка на Украину въ 1843 г. и всего вѣроятнѣе въ Качановкѣ въ домѣ Г. С. Тарновскаго, на семейные праздники котораго съѣзжалась чуть-ли не вся Малороссія.

Н. Стороженко.

Въ началѣ реформы бурсы.

(*Изъ воспоминаній*).

I.

Первый блинъ.

Каникулы въ годъ реформы бурсы прошли тревожно: мысль о томъ, что новый учебный годъ прійдется начать уже при иныхъ, никому невѣдомыхъ условіяхъ, сама по себѣ не могла не смущать всѣхъ. Смущеніе это въ сильной степени усиливали папеньки и маменьки: первые—нескрываемой боязнью, что реформа принесетъ поблажки, и „дѣтей распустятъ", вопреки опасеніямъ самихъ дѣтей, вторыя—безконечными охами и вздохами, имѣвшими совсѣмъ другое основаніе, а именно—невольный страхъ за судьбу сынковъ, не на шутку дрожавшихъ, сами не зная почему. И нужно было начальству, отпуская своихъ питомцевъ на лѣто, не только не поселить въ нихъ розовыхъ надеждъ, но убить послѣднюю бодрость, лишить и послѣдней надежды, спѣть, что называется, въ руку достаточно уже прискучавшимъ скептикамъ.[1]) Дѣло было такъ. Препрославлен-

[1]) Скептики—бурсаки, не вѣрившіе въ благодѣтельность реформы и предупрежденные противъ нея. О нихъ говорилось въ предыдущихъ очеркахъ, съ которыми настоящій имѣетъ связь. См. «Кіевская Старина» за 1896 г. № 5 («Майскія рекреаціи въ бурсѣ») и

ный своей удивительной лѣнью господинъ[1]) ректоръ, Андрей Яковлевичъ, являвшійся въ училище разъ въ недѣлю, обыкновенно по субботамъ, съ единственной цѣлью, воспользовавшись урокомъ катехизиса, поддержать страхъ и трепетъ, нашелъ нужнымъ устроить особенно торжественный или, какъ говорили бурсаки, небывалый актъ. Послѣдній, кромѣ чтенія списка переведенныхъ, оставленныхъ, исключенныхъ, лишенныхъ казеннаго содержанія, переведенныхъ на содержаніе „полуказенное" и т. под., заключалъ въ себѣ всего одинъ, но правда—небывалый, номеръ, такой, о которомъ воспоминаніе осталось, я думаю, у многихъ на всю послѣдующую жизнь. Этотъ ужасный номеръ была рѣчь самого Андрея Яковлевича, длинная, какъ его классическій носъ, плавная, какъ теченіе красивой Сулы, увѣренная, какъ слово искусившагося проповѣдника... „Не забывайте", говорилъ ораторъ: „послѣ каникулъ вы явитесь уже не въ старую бурсу, и вамъ не простятъ того, что до сихъ поръ прощали! Вы явитесь..." Но—нѣтъ: я не могу, я не въ силахъ передать всю его рѣчь: припоминаніе ея переноситъ меня въ это дальнее время, въ эту тѣсную залу, въ эту толпу печальныхъ

1898 г. № 4 («Передъ реформой бурсы»). Въ первыхъ, однако, очеркахъ авторъ имѣлъ въ виду бурсу въ уѣздномъ городѣ П—й губ. П—лѣ, а здѣсь—уѣздный городъ той-же губерніи Л—ны, захудалый и убогій 30 лѣтъ тому назадъ, живой и очень бойкій—нынѣ... Существенная разница: въ П—лѣ вовсе не было общежитія, въ Л—хъ оно было, хотя небольшое, не для всѣхъ учащихся.

Не лишнимъ считаю сдѣлать маленькое поясненіе. Нѣкоторые старые товарищи замѣтили мнѣ, что въ очеркахъ моихъ иные годы смѣшаны. Весьма возможно, и не потому только, что за 30—35 лѣтъ иное забыто, а по другой причинѣ: очерки не имѣютъ въ виду одного опредѣленнаго года; многіе факты передаются, какъ типичные, повторявшіеся и характеризующіе не одинъ годъ или мѣсяцъ жизни бурсы. Удерживается вообще періодъ реформы, которой долго ожидали, которая и вводилась долго.

[1]) «Господинъ», а не «отецъ»: въ Л—хъ ректоромъ былъ свѣтскій человѣкъ.

слушателей, на глазахъ которыхъ я вижу слезы, какъ достойнѣйшую дань непостижимому искусству оратора, и я чувствую, что не справлюсь съ непосильной задачей. Да и зачѣмъ это? Достаточно сказать, что бурсаки разошлись, повѣсивъ головы и опустивъ очи долу, точно стыдясь взглянуть въ лицо дальновиднымъ товарищамъ-скептикамъ, ничего добраго отъ этой реформы и не ожидавшимъ...

„Что будетъ?! Что будетъ?!"

Вотъ вопросъ, отвѣта на который напрасно искали бѣдные бурсаки все лѣто, вопросъ, съ которымъ оставили они бурсу послѣ достопамятнаго „акта", съ которымъ и возвратились въ Л—ны послѣ каникулъ, проведенныхъ въ тревогѣ, достигшей особеннаго напряженія въ этотъ злосчастный, прежде веселый, переѣздъ... Почти вѣдь два дня приходится плестись на безногой кляченкѣ и два дня слушать и слушать, какъ возница-отецъ неумолкаемо твердитъ одно и тоже: реформа, реформа... новые порядки... поблажка въ томъ, что поважнѣе, и исключеніе за ничто съ казеннаго содержанія...

„Ну, та если ужъ я буду учиться и вести себя хорошо?"— недовольнымъ тономъ отбояривается сынъ, чувствующій себя уже синтактикомъ, съ которымъ нельзя же обращаться, какъ съ какой-то фарой.

— Учиться!.. знаемъ мы васъ... Осень... Сливы въ казенномъ саду поспѣваютъ. Э—э!...

И распекаемый вынужденъ замолчать: во-первыхъ, порка за кражу сливъ—самое непріятное изъ всѣхъ его воспоминаній, а во вторыхъ... во вторыхъ... какъ знать? Можетъ быть, и въ реформированной бурсѣ нельзя будетъ не полакомиться тѣми же сливами, тѣмъ болѣе, если и въ самомъ дѣлѣ поркѣ—конецъ...

Близко вечеръ. Давно уже виденъ монастырь: онъ все такой-же величественный, гордый, спокойный, все такъ-же стройно-величаво выходитъ изъ густой чащи лѣса и такъ-же торжественно возносится къ облакамъ... Еще часокъ—и Сула уже видна: она все такая-же свѣтлая и свѣжая, и все такъ же вьется безконечной змѣей-лентой по роскошному лугу... Городъ... Сады...

Гора... Мостъ... Странно! Рѣшительно ни въ чемъ никакой перемѣны!.. Точно сонъ какой-то эта самая реформа! Точно не касается она никого и ничего... Проѣхали мостъ, взошли пѣшкомъ на длинную гору, сѣли, проѣхали одну улицу, другую, повернули въ третью—корпусъ! Хоть-бы намекъ на перемѣну! Даже правая половина старыхъ досчатыхъ воротъ лежитъ подъ плетнемъ, какъ лежала она и до реформы...

Въ большомъ и по прежнему пустынномъ дворѣ уже расхаживаютъ раньше пріѣхавшіе бурсаки. Они встрѣчаютъ новоприбывающихъ товарищей и спѣшатъ подѣлиться уже накопившимися наблюденіями, какъ первые соглядатаи земли обѣтованной. Оказывается, что Андрей Яковлевичъ все лѣто и „носа не показывалъ“ въ корпусъ, что Демьянъ Максимовичъ, его помощникъ и фактическій хозяинъ общежитія, попрежнему, дни и ночи пропадаетъ на охотѣ, что старый Мишка ворчитъ, какъ и ворчалъ, и роется въ грядахъ своей „левады“, какъ рылся и раньше, что грязный поваръ за лѣто превратился во что-то совсѣмъ противное, а лѣнивый экономъ еще больше облѣнился...

„Однимъ словомъ: ре—фор—ма!“—зло подчеркиваетъ новоприбывшій.

— Она самая!—подтверждаютъ всѣ.

Поваръ сердито и нетерпѣливо приглашаетъ „ужинать“. Бурсаки отказываются: кто же изъ нихъ не имѣетъ еще запасовъ домашнихъ? Кстати, соглядатаи уже обѣдали и разсказываютъ поразительныя вещи: въ кухнѣ за лѣто столько развелось прусаковъ, а столовая за то же лѣто превратилась въ такой хлѣвъ, что даже самъ Осипъ, этотъ отвратительно неряшливый и никогда не обнаруживавшій брезгливости Осипъ, возмущается и съ миской борщу выходитъ во дворъ. За кухню онъ, положимъ, спокоенъ: не топилъ, ну и завелась „Пруссія“ (Осипъ—отставной солдатъ и любилъ политическія остроты); начнетъ жарить—всѣ повымрутъ, а вотъ на счетъ столовой...

— Реформа, Осипъ?—острятъ бурсаки.

— А мнѣ что? все одно!—совершенно основательно отвѣчаетъ Осипъ.

Сторожъ объявилъ, что сейчасъ запретъ „цейхаузъ", а потому-молъ-кому нужно изъ сундуковъ, то и т. д. Это какъ будто что-то новое, а новое именно теперь всего интереснѣе. И хотя всѣ понимали, что въ дѣйствительности вниманіе сторожа могло быть скорѣе всего слѣдствіемъ законнаго желанія получить что нибудь изъ содержимаго въ сундукахъ, при открытіи которыхъ ему всегда перепадала малая толика, однако же бурсаки рады были, что называется, придраться къ случаю.

— А что приказано рано запирать?

— Та не приказано!... Кому какое дѣло?.. А тольки... Мало чиво... Въ сундукахъ нонче полно... Кто жъ будетъ отвѣчать?

— Ну, а Демьянъ Максимовичъ ревизуетъ цейхаузъ?

— А имъ што? Кушать у нихъ нѣту чиво? Вотъ дикія утки цѣлёхоньки стоятъ... какъ зажарили... Не видѣли они, думаете, вашихъ кнышовъ?

Наивное разъясненіе совершенной ненужности „ревизіи цейхауза" развеселяетъ бурсаковъ и нѣсколько сглаживаетъ непріятное чувство: какъ ни какъ, а въ тайнѣ всѣ вѣдь ожидали, что реформа вызоветъ вниманіе начальства хоть къ тому, что заставляло несчастнаго бурсака голодать, у вовсе небрезгливаго вызывало отвращеніе и далеко неприхотливаго дѣлало капризнымъ и требовательнымъ... Чего же ожидать въ будущемъ, если даже теперь до всего „кому какое дѣло", или—„а имъ што?"

Начался ужинъ. Въ рукахъ каждаго—аппетитныя издѣлія сердобольныхъ маменекъ, въ виду реформы наготовившихъ всего особеннно обильно: Богъ его-молъ-знаетъ, что тамъ еще будетъ, такъ пусть дѣтки хоть не сразу почувствуютъ перемѣну. Разговорамъ нѣтъ конца, и всѣ они около одного и того-же вращаются, однимъ и тѣмъ-же начинаются, однимъ и тѣмъ-же кончаются. Кто-то заговорилъ объ осеннихъ походахъ за добычей. Его оборвали: не пора, положеніе дѣлъ не опредѣлилось... Кто-то предложилъ нанести вечерній визитъ Мишкѣ и, атаковавъ его, повыспросить, что можно. Поднялся смѣхъ: съ Мишкой говорить о реформѣ! Да развѣ онъ знаетъ что-нибудь, не касающееся ни

географіи, ни его левады? Послышалось дерзкое предложеніе: начать годъ жалобой на неряшливость повара. Болѣе благоразумные нашли, однако, что надо дождаться всѣхъ... Словомъ: утро мудренѣе вечера, а пока довольно и того, что могли узнать. Но человѣкъ, какъ извѣстно, только предполагаетъ, и бурсакамъ готовили совершенно неожиданный сюрпризъ... Въ ворота вошелъ Демьянъ Максимовичъ, конечно, въ высокихъ сапогахъ, венгерской курткѣ, съ ягдташемъ, ружье за плечами,—все какъ слѣдуетъ. Бурсаки скучились, сняли шапки, отвѣсили низкій поклонъ. Демьянъ Максимовичъ не обратилъ никакого вниманія даже на тѣхъ, которые прибыли въ его отсутствіе, и молча прошелъ въ корпусъ. Бурсаки переглянулись: тучи не собираются безъ причины, гдѣ-нибудь да будетъ дождь... Не прошло и пяти минутъ, какъ всѣ пріѣхавшіе были позваны „въ канцелярію". Такъ почему-то названа первая комната квартиры Демьяна Максимовича въ корпусѣ, комната, въ которой обыкновенно жили его квартиранты—ученики.

— Вы это почему до сихъ поръ не ложитесь спать?

Если бы Демьянъ Максимовичъ спросилъ такъ же сердито почему это бурсаки не сняли ни одной звѣзды съ неба, или почему не подожгли корпуса, увѣряю васъ, онъ ничуть не больше поразилъ бы ошеломленныхъ преступниковъ. И не тереби онъ въ этотъ моментъ своихъ кокетливыхъ бакенбардовъ, вопросъ его непремѣнно приняли бы за шутку, къ которой кстати же и любилъ онъ прибѣгать, когда былъ въ веселомъ расположеніи духа. Посудите сами. По достовѣрнѣйшимъ, не подлежащимъ рѣшительно никакому сомнѣнію, преданіямъ бурсы, удостовѣряемымъ, если на то пошло, даже и писаніемъ, дни до начала ученія всегда были днями полной воли, какъ бы продолженіемъ лѣтней каникулярной свободы, какъ бы... Да что говорить? Не Демьяну ли Максимовичу принадлежатъ слова, относящіяся именно къ этимъ вольнымъ днямъ: „пусть побалуются, чтобы переходъ къ училищнымъ порядкамъ не былъ такъ рѣзокъ". Въ этихъ словахъ всѣ усматривали когда-то проявленіе мудрыхъ педагогическихъ пріемовъ... и вдругъ:

„Вы это почему до сихъ поръ не ложитесь спать?“..

Чѣмъ, скажите, могли отвѣтить бурсаки, кромѣ страшнаго недоумѣнія и молчанія? Если же у кого-нибудь, болѣе впечатлительнаго, потому и менѣе сдержаннаго, недоумѣніе это проявилось, положимъ, въ нѣсколько даже непочтительной формѣ, то слѣдовало-ли придавать этому значеніе, забывъ все, все: и то, что сегодня бурсаки еще внѣ всякихъ правилъ, и то, что они не успѣли еще покончить съ ужиномъ, и то, что для этого злосчастнаго вечера они не имѣли прецедента... Можетъ быть, не удачна была охота, а можетъ быть Демьянъ Максимовичъ потерялъ табакъ и цѣлый день не курилъ,—но при чемъ тутъ бурсаки? Увы, прежде чѣмъ вытаращенные глаза наиболѣе недоумѣвавшаго успѣли достигнуть предѣловъ расширенія, его уши очутились въ охотничьихъ дланяхъ разсвирѣпѣвшаго Демьяна Максимовича.....

Когда бурсаки вышли изъ „канцеляріи“, прошли длинный и темный корридоръ, затѣмъ вошли въ узкую и тоже длинную спальню, они застали тамъ двухъ только-что пріѣхавшихъ грамматиковъ. Узнавъ отъ цейхаузнаго, что идетъ какая-то распеканція, они, полные недоумѣнія, скрылись въ первой же спальнѣ и тамъ поджидали товарищей, сгорая понятнымъ нетерпѣніемъ скорѣе узнать, что могло случиться въ такое неурочное время и года, и дня. Не сразу, однако, удалось имъ удовлетворить сильно возбужденное любопытство. Всѣ направились къ своимъ койкамъ, небрежно снимали и швыряли, куда попало, платье, иные сердито плевали, кто-то въ полъ-голоса ругался, и только синтактикъ, очевидно, меньше прочихъ ошеломленный случившимся, обратился къ грамматикамъ, стоявшимъ, смущеннымъ и ровно ничего не понимавшимъ:

— Вамъ чего? Хочется знать про реформу? Спросите Середу... Вонъ тамъ видите? уши въ порядокъ приводитъ...

Это была, разумѣется, только гипербола: уши Середы, въ сущности, пострадали не такъ сильно, чтобы безпорядокъ ихъ можно было замѣтить при свѣтѣ немилосердно коптившей керосинки.

II.

Старыя пѣсни.

Изъ писемъ старшихъ товарищей, уже семинаристовъ, бурсаки узнавали, между прочимъ, что существеннѣйшей стороной реформы должна явиться перемѣна учителей: будутъ-де назначены молодые, непремѣнно студенты, [1]) значитъ, умные и—ео ipso—гуманные... Чѣмъ-то чисто сказочнымъ отдавало отъ этихъ писемъ. Ихъ перечитывали, списывали „на память,“ копіи посылали роднымъ, но вѣрили имъ все-таки мало: бурсакъ слишкомъ былъ пріученъ къ опредѣленнымъ порядкамъ, чтобы въ разглагольствованіяхъ на тему объ измѣненіяхъ этихъ порядковъ такъ и увидѣлъ правду... Въ головѣ его совсѣмъ не укладывалось пониманіе возможности замѣны колотушекъ—словами ласки, ругани—мирной бесѣдой, бездѣлья—дѣломъ и т. под.; не укладывалось тѣмъ болѣе, что и колотушка, и ругань, и бездѣлье въ представленіи бурсака неизмѣнно связывались съ такими грозными представителями режима, смѣна которыхъ казалась чуть ли не равносильной упраздненію самой бурсы, какъ ни какъ, а все же своего рода единственнаго храма, хотя бы въ Л—хъ, науки. Но съ другой стороны: все таки довольно вѣскія основанія ожидать кое-чего, по крайней мѣрѣ, хоть пополненія учительской корпораціи новыми членами. Тѣмъ понятнѣе, разумѣется, общее разочарованіе, наступившее сразу, какъ только неумолимая дѣйствительность положила предѣлъ даже этимъ скромнымъ надеждамъ. Значитъ: опять однѣ нотаціи Андрея Яковлевича, опять безтолковые уроки Демьяна Максимовича; опять старыя причуды Мишки.... Ну!.. Угрожающій вздохъ незамѣтно легъ въ основу мести въ видѣ продолженія того, что, казалось, вдругъ должна была прекратить реформа. Каждый, конечно, былъ увѣренъ въ томъ, что и возмездіе со стороны

---

[1]) Окончившіе духовную семинарію по первому разряду.

начальства, при такихъ условіяхъ, не отольется въ иную форму, но къ возмездію бурсаку не привыкать стать. Можно было бояться раскола: иные въ самомъ дѣлѣ вообразили себя питомцами уже реформированной бурсы; но тутъ на выручку явилось одно весьма важное обстоятельство. Дошла-ли Л—ская бурса до nec plus ultra, объяснялось-ли дѣло случайностью, только дружина героевъ бурсы имѣла громадное и почти неотразимое вліяніе на всѣхъ. Не аплодировать подвигамъ членовъ этой дружины, обнаружить нежеланіе тянуться за нею, стать въ сторонѣ—значило рисковать, по меньшей мѣрѣ, своей физіономіей... Это—говорю—важное обстоятельство выработало даже совершенно оригинальный среди бурсаковъ типъ своего рода маленькихъ Одиссеевъ, замѣчательно ловко умѣвшихъ лавировать между Харибдой и Сцилой: служить нашимъ и вашимъ, Богу и Мамонѣ, дружинѣ и начальству...

Урокъ русскаго языка. Демьянъ Максимовичъ сіяетъ отъ радости. М-чъ, по прозванію „плюгавенькій", аристократъ, бурсакъ, чисто случайный въ бурсѣ, кажется, племянникъ и „ужасный" любимецъ самого ректора,—написалъ сочиненіе мало того что „великолѣпное," но вотъ самое главное—какъ разъ точь въ точь такое, какого желалъ Демьянъ Максимовичъ... Всѣ въ неудомѣніи: прозвище не дается, вѣдь, даромъ, а ученики всегда лучше учителя знаютъ силы товарищей. Въ сочиненіи былъ описанъ прудъ въ лѣтнюю ночь. Кто-то ядовито замѣтилъ, что М—чъ никогда въ своей жизни не видалъ пруда; Демьянъ Максимовичъ краснорѣчиво опровергъ, доказавъ ясно, что видѣть вовсе и не нужно было, что самъ онъ, напримѣръ, никогда не видалъ моря, однако же картина восхода солнца на морѣ такъ вотъ и стоитъ предъ нимъ, и онъ сейчасъ напишетъ цѣлую книгу объ этомъ дивномъ явленіи природы.... Кто-то сталъ увѣрять, что въ сочиненіи есть такія слова, какъ „нимфы" и „наяды," которыхъ М—чъ не понимаетъ; Демьянъ Максимовичъ назвалъ возраженіе глупостью, такъ какъ „дѣло не въ томъ, понимаетъ или нѣтъ, а въ томъ—кстати ли употребилъ"... Возражавшіе получили „дурака", одинъ очутился на колѣняхъ, сочиненіе одного

подверглось безпощадной издѣвательской критикѣ, кончившейся приказаніемъ написать „за это“ два сочиненія.... Тогда дружина приняла свои мѣры: тотчасъ послѣ урока надъ М—мъ учинила она нѣкоторое насиліе, произвела тщательный обыскъ и... о ужасъ! Найдена была черновая, писанная въ тетрадкѣ рукой кого же? самого, да—самого господина ректора!... Эффектъ получился, разумѣется, невѣроятный, классъ необыкновенно наэлектризовался, съ М—мъ сдѣлалась почти истерика. Послышалась, однако, команда „смирно,“ и высшій судъ главарей дружины объявилъ милостивый и поучительно мотивированный приговоръ: М—чу, по этой мотивировкѣ, все прощено, какъ товарищу, который, не смотря на особое положеніе свое въ домѣ грознаго и сильнаго родственника, не взирая на шикарныя манишки и лакированные ботинки, не смотря на все это, умѣлъ слиться съ бурсой и не только никому не дѣлалъ ничего дурного, но... какой ядовитый и какъ хорошо обезпечивающій мотивъ!... но даже самъ участвовалъ въ заговорѣ противъ Мишки... О, съ какой радостью ушелъ плюгавенькій бурсачокъ домой, гдѣ, конечно, даже и случайно не проронилъ словечка о случившемся...

„Чш... чш... чш... Подлецъ!.. Подлецъ!..“

Это значило: Мишка идетъ. Его любимая, давно вошедшая въ поговорку ругательская фраза, съ которой онъ обращался къ бурсаку, не разбирая вины, сдѣлалась его же прозвищемъ. И нужно было особое со стороны бурсака благоволеніе и особенно хорошее расположеніе духа, чтобы, говоря о Мишкѣ, онъ назвалъ его хотя бы просто Мишкой, а не „чш—подлецъ“. Въ сущности, если не считать совершенно простительнаго въ то время пристрастія Михаила Матвѣевича къ наказаніямъ—ударамъ по лбу суставомъ одного только указательнаго пальца, ставленію на колѣни и сажанію въ карцеръ, „подлецомъ“ назвать его было уже слишкомъ; каждый и понималъ это прекрасно, иные даже публично каялись въ винѣ, но Мишку все-таки называли „чш—подлецомъ“, съ такимъ же правомъ, съ какимъ и Мишка обращался такъ къ ученику, поставившему ему даже самый невинный вопросъ.

„Господинъ учитель! Кто такой Гумбольдтъ?"

—Чш... подлецъ. Я тебѣ дамъ Гумбольдта!..

Скажите, на милость Божію: виноватъ-ли вопросившій, что болѣзненная подозрительность Мишки, или его „меланхоличность", какъ объясняли бурсаки, усматривала насмѣшку даже въ вопросѣ о непонятномъ ему собственномъ имени? И удивляться-ли послѣ того корпоративнымъ продѣлкамъ бурсаковъ на урокахъ Мишки? Что могло сдержать ихъ? Одинъ страхъ, но—„на людяхъ и смерть красна," а полученіе щелчковъ, стояніе на колѣняхъ, сидѣніе въ карцерѣ...—да помилуйте: бываютъ положенія, при которыхъ только одни „плюгавенькіе" не хотятъ подвергнуться тому или другому взысканію. Вотъ и сейчасъ. Перспектива взысканія, если не заманчива, то во всякомъ случаѣ и не страшна. Теперь всѣ безъ исключенія синтактики рѣшили продѣлать съ Мишкой то, до чего не додумались ихъ предшественники даже въ то время, когда о реформѣ не было еще и помину.

Каждый—по нерушимому уговору—долженъ былъ вести себя такъ, чтобы, кромѣ „чш...—подлецъ", непремѣнно получить приказаніе стать на колѣни. Достигнуть этого было не трудно: нужно было только знать „систему" Мишки, заключавшуюся въ простомъ знакѣ равенства между ударомъ по лбу и приказаніемъ стать на колѣни.. И то и другое слѣдовало уже послѣ „чш—подлеца", но первое обусловливалось географической близостью провинившагося къ Мишкѣ, а второе являлось въ обратномъ случаѣ. Во время урока лбами рисковали только сидѣвшіе на первой скамьѣ, всѣ прочіе, въ случаѣ нарушенія правилъ особой, чисто Мишкинской, дисциплины, рисковали колѣнями. Ergo: первые и должны были до поры до времени сидѣть смирно. Не прошло десяти минутъ, какъ все пространство между печью, дверью, скамьями и „кахведрой" уже было занято наказанными: стояли на колѣняхъ почти въ плотную. Странная тишина не останавливала вниманія учителя; онъ продолжалъ спрашивать вызваннаго къ доскѣ, на которой висѣла географическая карта. По „условію", отвѣчавшій долженъ былъ,

когда все будетъ „готово“, посадить Мишку на его любимаго конька, т. е. заставить говорить о его любимой домашней птицѣ, съ которой, къ слову сказать, бурсаки продѣлывали тоже преуморительныя и препакостныя штуки. Какъ это удалось отвѣчавшему, не помню: кажется, заставилъ онъ гдѣ-то на совсѣмъ неподходящемъ мѣстѣ земного шара завестись породѣ нашихъ куръ или гусей. Этого было достаточно, чтобы заставить Мишку сперва расхохотаться, потомъ назвать отвѣчающаго дуракомъ, потомъ вытянуться на стулѣ и начать рѣчь о домашней птицѣ. Увлекся онъ до самозабвенія: сталъ говорить особенно громко, жестикулировалъ неестественно, чаще и чаще повторялъ любимое „то-то-то,“ топалъ ногами.... Какъ вдругъ... О, если бы мнѣ перо Грима, или Андерсена!.. Какъ вдругъ дверцы печки безшумно открылись, и классъ наполнился голубями, воробьями, крысами, мышами, лягушками.... Читатель не вѣритъ: ему кажется это положительно невѣроятнымъ? Успокою его откровеннымъ сознаніемъ, что и мнѣ самому это кажется столь же невѣроятнымъ; больше того: кажется иной разъ фактомъ только потому, что подобная глупость не могла бы никому присниться... Увы! Это было точь въ точь, какъ разсказано, и въ живыхъ найдутся авторы этой фантастической траги-комедіи; они развѣ внесутъ только одну поправку: не ручаюсь, весьма возможно, что мною пропущенъ тотъ или другой представитель дворовой фауны. И такъ, говорю, классъ наполнился всякой живностью. Голуби и воробьи тревожно ударились въ окно; сперва обрадовавшись, а вслѣдъ за тѣмъ и перепугавшись, крысы и мыши разбѣжались по классу, ища выхода; лягушки вывалились на полъ и оставались неподвижны, почувствовавъ подъ собою неудобную почву... Стоявшіе на колѣняхъ, разумѣется, „страшно перепугались“ вскочили на скамьи и окна, одинъ взобрался даже на „кахведру“, а совершенно растерявшійся Мишка инстинктивно бросился къ выходу, и только тогда, когда увидѣлъ, что дверь предупредительно заперта снаружи, повернулся къ классу, нервно затопалъ ногами и почти сквозь слезы произнесъ: „чш... подлецы!“ Отсюда пошло въ бурсѣ одно преданіе, а именно—о томъ, какъ

Мишка научился «чш—подлецъ» склонять во множественномъ числѣ...

Разсказанное произошло въ пятницу, и всѣ были, разумѣется, крайне заинтересованы: что скажетъ завтра господинъ ректоръ? Мишки онъ не долюбливаетъ: когда, годъ тому назадъ, услыхалъ онъ, что Михайло Матвѣевичъ вынулъ изъ кармана пальто вмѣсто носового платка воробьиное гнѣздо съ только что народившимися птенцами, онъ не только хохоталъ до упаду, но и изрекъ что-то вродѣ «по дѣломъ ему». Все это такъ, но... то было иное время: вѣдь теперь въ сущности Андрей Яковлевичъ и «ректоромъ» зовется по старой памяти, а по настоящему же онъ просто „смотритель", и отставка его возможна, и семинарія стала внимательнѣе. Съ другой стороны: что онъ и сдѣлать можетъ? Всѣхъ не выгонитъ; порка общая едва-ли мыслима, изгнаніе коноводовъ рискованно. Реформа-ли виновата, личное-ли нерасположеніе Андрея Яковлевича къ Мишкѣ, необычайное-ли остроуміе бурсаковъ, только къ вечеру того же дня стало извѣстно, что утренняя исторія оставляется безъ послѣдствій: всѣ посмѣялись и—дѣлу конецъ. Такъ продолжали бурсаки пѣть старыя пѣсни или, говоря точнѣе, допѣвать ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, сквозь смѣхъ участниковъ всевозможныхъ продѣлокъ слышались уже своего рода слезы, и нѣчто все-таки „новое" больше и больше давало себя чувствовать. Вотъ хоть бы и эта невѣроятная исторія съ дворовой фауной: вызови она порку, и повтореніе ея не заставило бы себя долго ждать; а между тѣмъ невѣроятное, какъ сама исторія, оставленіе ея безъ послѣдствій, больше того—безъ вниманія, на многихъ подѣйствовало положительно удручающе, и автору этихъ строкъ памятны мнѣнія иныхъ бурсаковъ: „дурачье!" „Ей-Богу, все открылъ бы, если-бъ спросили".—„Что за глупости?"... и т. под. Замѣчу кстати: говоря, что исторія оставлена „даже безъ вниманія", я не считаю „вниманіемъ" внушенія, выговоровъ, потоковъ краснорѣчія Андрея Яковлевича. И вы понимаете, конечно, почему не считаю: дѣло касается того еще момента, когда „вниманіемъ" начальства называлась, по меньшей мѣрѣ, порка, а слѣдовательно ничто другое не могло явиться ея замѣной,—переходъ

слишкомъ тонкій къ чему-то новому... Замѣчу и другое: осуждавшіе продѣлку не были вполнѣ искренни, попросту—врали, ибо не только по добру по здорову, но и подъ розгой они все же не назвали-бы виновныхъ: первое дѣло—и сами участвовали, а второе и самое главное—еще жилъ страхъ дружины, какъ послѣднихъ остатковъ старой бурсы...

III.

Изъ послѣднихъ подвиговъ.

Я сказалъ уже, что дружина героевъ бурсы имѣла весьма сильное на всѣхъ вліяніе. Въ Л—ской бурсѣ дружина эта не была особенно велика, но мѣстныя условія были самыя благопріятныя и для образованія дружины, и для ея подвиговъ. Въ г. П—лѣ, положимъ, долгое время находилась семинарія, и фары, грамматики, синтактики,—весь составъ низшей бурсы,—постоянно могли имѣть передъ собой живые примѣры, свои идеалы: это, конечно, дѣйствовало, какъ прекрасное въ своемъ родѣ воспитательное орудіе. Но съ другой стороны — герои низшей П—ской бурсы невольно попадали въ положеніе тѣхъ деревьевъ, которыхъ—по пословицѣ—не видно за лѣсомъ: на нихъ гораздо меньше смотрѣли со стороны, чѣмъ на героевъ семинаристовъ, ими меньше интересовались, ихъ меньше одобряли обыватели, они были, слѣдовательно, лишены очень важнаго условія для выработки истиннаго бурсацкаго героизма... Лишь послѣ перевода семинаріи въ губернскій городъ, оставшіеся синтактики явились въ П—лѣ единственными въ своемъ родѣ и могли отчасти проявить себя; они и стали, было, проявлять, но... наступила реформа и послышалась команда: „стопъ!“ Въ Л—хъ было иначе: герои низшей бурсы воспитывались, правда, не на примѣрахъ, а на разсказахъ о подвигахъ семинаристовъ, зато все прочее было, несомнѣнно, на ихъ сторонѣ: не говоря уже о томъ, что и разсказы-то, всегда полные гипер-

болизма и гораздо болѣе фантастичные, чѣмъ дѣйствительность, должны были дѣйствовать подъ-часъ не слабѣе примѣровъ; но „общественное мнѣніе“, всеобщее вниманіе не отвлекалось рѣшительно никѣмъ и ничѣмъ... А условія мѣстныя? Корпусъ—почти за городомъ. Къ громадному училищному двору примыкали: съ одной стороны—безконечное поле, а съ другой—непроходимый лѣсъ, отдѣленный отъ двора такимъ глубокимъ провальемъ, которое даже иному бурсаку внушало невольный страхъ... Въ свободные отъ занятій дни и часы бурсаки исчезали, и лишь изрѣдка и съ трудомъ можно было услышать ихъ пѣсни да громкое перекликаніе въ дали степи или въ глубинѣ лѣса. Тамъ-то создавались ихъ необычайные по смѣлости и оригинальности планы, оттуда приносились въ бурсу рѣшенія, туда направлялось все, что требовало свободнаго сужденія и что боялось даже дремлющаго ока начальства.

Во главѣ дружины въ изображаемую эпоху стоялъ Махводъ. Что это за удивительный былъ типъ бурсака! Обладая превосходными способностями, онъ, однако, остается вѣренъ традиціямъ бурсы, всегда по своему направлявшей и способности, и прилежаніе. Книжка существуетъ для него лишь настолько, насколько отдаленность отъ нея можетъ вызвать нежелательныя лично для Махвода послѣдствія, считая таковыми увольненіе изъ училища или оставленіе въ томъ-же классѣ на третій курсъ, но отнюдь не пустое взысканіе въ видѣ хотя-бы горячаго компресса. Идея товарищества развита въ немъ въ высокой степени, и будь направлена она на что-либо путное, его имя долго жило-бы, какъ живутъ имена дѣятелей покрупнѣе и пошире. Правда, у Махвода были большіе задатки деспотизма, но вольно-же другимъ проявлять слабость, податливость, покорность? И за нимъ шли всѣ немногочисленные дружинники, его боялись плюгавенькіе, ему почтительно давали дорогу даже сильнѣйшіе его физически: сила—силой, но одинъ не воинъ въ полѣ, а за Махводомъ—не одинъ сорванецъ, готовый въ огонь и воду. Полные молодыхъ силъ, они не знали, куда приложить эти силы, и одинъ планъ дѣйствій смѣнялся другимъ, одна

продѣлка уступала мѣсто другой. Никому и въ голову не приходило подвергнуть критикѣ то или другое дѣйствіе, ту или другую продѣлку: все казалось совершенно нормальнымъ, и каждый только ждалъ съ нетерпѣніемъ вечера, чтобы услышать нѣчто новое и, конечно, интересное.

Вечеръ. Въ кучѣ бурсаковъ, корпусныхъ и квартирныхъ, замѣтно большое оживленіе: слышится хохотъ, одобреніе, удивленіе. Что случилось? Махводъ разбилъ цѣлое полчище жидовъ. Послѣдніе, извольте видѣть, были обложены своеобразной контрибуціей: вопервыхъ, они не должны были мѣшать Махводу, или его уполномоченнымъ, ежедневно выдоить одну козу и воспользоваться ея молокомъ; а во-вторыхъ, при встрѣчѣ лично съ Махводомъ должны были снимать шапку, т. е., употребляя военный терминъ дружины, игравшей роль своего рода завоевателей, отдавать ему честь—„тимй“ [1]). Всѣ евреи въ предѣлахъ названной области, особенно же левады, гдѣ имѣли они несчастіе пасти своихъ козъ, должны были знать этотъ пароль и безропотно снимать шапки. Надоѣло это евреямъ, и рѣшили они показать свое право не подчиняться требованію. Явилась цѣлая толпа сыновъ Израиля. Уполномоченный доить козу былъ прогнанъ ими безъ всякой „тимй“; парламентеру „наклали“; вѣстника объ угрожающемъ приходѣ самого Махвода выдрали за уши... Въ толпу ринулся тогда самъ Махводъ съ орудіемъ, кажется, Сампсона, и... вышелъ побѣдителемъ, по крайней мѣрѣ, сегодня: что будетъ завтра—неизвѣстно, ибо проклятые жиды не перестаютъ поджидать Демьяна Максимовича, пропадающаго весь день на охотѣ...

Въ преданіяхъ Л—ой бурсы долго хранился разсказъ и о дальнѣйшемъ. Жидки такъ и не дождались инспектора, а на другой день Махводъ образовалъ уже цѣлое войско, съ которымъ и направился усмирять мятежниковъ. Оказалось, что усмирять было некого: мятежники сами назначили дни перемирія и вовсе не показывались на левадѣ, а начальству все-таки

---

[1]) Греческое слово—честь.

о подвигѣ Махвода донесли, и „войско" предстало предъ грозныя очи не только младшаго, но, кажется, и старшаго начальства.

„Ну, покажи, какъ ты требуешь „тимú?"

Махводъ молчитъ. Толпа бурсаковъ сострадательно смотритъ и ободряетъ шопотомъ.

„Долго ты еще будешь штукарить"?

Начальство, какъ видите, говорило иногда съ бурсаками языкомъ послѣднихъ. Махводъ продолжаетъ упорно молчать.

„Розги!"

Чего ждали, то и получается, а ждали вотъ чего: дѣло касалось Махвода, такъ какой-же, хотя-бы и довѣреннѣйшій, сторожъ не открылъ-бы тайны? Больше того: розга ослабѣла, къ ней прибѣгаютъ уже рѣдко, ею больше угрожаютъ по старой привычкѣ, слѣдовательно, можно и свести ее на одну формальность, умѣючи выбрать вѣтви и т. под. И не особенно „страшныя" розги явились.

„Раздѣвайся!"

Махводъ молчитъ.

„Ну?"

— Не могу...

„Что—о—о? Почему?"

— У меня заперто, а ключъ потерялъ...

И Махводъ отворотилъ полы нанковаго сюртука, обнаруживая запертыя на громадный замокъ брюки. Раздался громкій хохотъ. Шутка для всѣхъ была неожиданностью. Самъ ректоръ хохоталъ, какъ дуракъ, но, боясь, чтобы въ самомъ дѣлѣ таковымъ не сочли его всѣ окружающіе, послалъ „дурака" Махводу и ушелъ въ учительскую, гдѣ, говорятъ, продолжалъ хохотать до слезъ. Тѣмъ и кончилась экзекуція, прибавившая въ лавровый вѣнокъ Махвода еще одинъ листочекъ, а бурсаки во всемъ этомъ не безъ основанія увидали перстъ реформы, все благодѣтельнѣе и благодѣтельнѣе проявлявшейся...

Осень. Къ вечеру. Грязный Осипъ усердно маслитъ свою лысую голову отвратительнымъ рижейнымъ масломъ, вытирая

руки о грязные сапоги, чтобы ни одна, значитъ, капля масла не пропала даромъ. Бурсаки привыкли къ подобнымъ картинамъ, отворачиваются и только вскользь касаются ихъ.

„Мажь, мажь, Осипъ: ѣсть все равно не будемъ"...

— Не бу—де—те?.. Нѣшто параванское получили изъ Питербурха?

„Нѣтъ: сливочное"...

— Понимаю. Ну што-жъ? Оставимъ на завтра.

Разговоръ, съ потугами на остроты, прекращается: и Осипъ, и бурсаки другъ друга отлично понимаютъ. Это значитъ, что дружина, по-просту говоря, обокрала „казенный", давно кѣмъ-то заарендованный садъ, наполнила сундуки прекрасными яблоками, сливами и на нѣсколько дней обезпечила себя и всѣхъ корпусныхъ голодающихъ. Нашествіе на казенный садъ прошло благополучно: были у самой бѣды, но, благодаря все тому-же Махводу, остались цѣлы и невредимы. А дѣло было вотъ какъ. Всѣ полѣзли на деревья и спокойно снимали яблоки, груши, сливы. Сторожа не заставили себя долго ждать: ихъ явилось нѣсколько человѣкъ. По плану Махвода, всѣ бурсаки должны были безпрекословно сдаться, возвративъ собранные фрукты и лишь выговоривъ себѣ право безнаказанно уйти, а въ крайнемъ случаѣ оставить ту или другую принадлежность костюма. Глупые сторожа легко поддались, не допуская никакого злого умысла, и согласились даже ограничиться только фруктами да ничтожнымъ откупомъ въ видѣ брошенныхъ на условленное мѣсто мѣдныхъ монетъ. Чтобы бурсаки не обманули, каждый сторожъ долженъ былъ только подойти къ дереву и все получить изъ рукъ бурсака, пока послѣдній еще не слѣзъ на землю: вѣдь, бурсаковъ все-же больше, чѣмъ сторожей, могутъ улизнуть. Сказано—сдѣлано. Каково-же было пораженіе сторожей, когда разыгралась неожиданная траги-комедія! Не успѣли они занять позиціи у деревьевъ, какъ глаза каждаго оказались засыпанными ѣдкимъ сыпучимъ пескомъ... Вырвался у всѣхъ болѣзненный крикъ, послышались проклятія, но имъ вторилъ только безжалостно-веселый хохотъ бурсаковъ

которые преблагополучно спрыгивали на землю и удирали изъ сада съ нетронутымъ запасомъ фруктовъ, въ ненарушенныхъ костюмахъ и даже съ подобранными мѣдными монетами...

„Это уже гадость, безчеловѣчіе,“ возмущался Демьянъ Максимовичъ, когда арендаторъ сада грозилъ чуть-ли не искомъ за искалѣченіе сторожей, „и знай я, кто это...“

Но знать было трудно: Махводъ и наиболѣе подозрѣваемые легко доказали, что вчера даже со двора не выходили, и какъ разъ въ то время, когда „это случилось,“ ужинали и учились, что подтвердили и Осипъ, и всѣ товарищи..

Но не всегда бурсаки тратили свои силы на подобныя дѣла. Иногда скука давала себя чувствовать: евреи покорно снимали шапки, фруктовъ нѣтъ, дома все уже перечудили, издѣваться надъ Мишкой надоѣло... Тогда они находили другое „дѣло“. Вотъ они поставили себѣ цѣлью, напримѣръ, „валяніе скалъ“. Провалье, о которомъ я упомянулъ выше, представляло собою какое-то точно заколдованное мѣсто: необыкновенно глубокое, въ иныхъ мѣстахъ заросшее берестнякомъ, всегда темное, оно имѣло къ себѣ доступъ только со стороны лѣса, и очень часто случалось слышать въ немъ вой волковъ... Съ училищнымъ дворомъ оно соединялось узенькой тропиночкой, искусственно сдѣланной подъ стѣной сосѣдняго высоко подымавшагося сада. Перейти въ лѣсъ по этой тропинкѣ опасно было и въ сухое время года, а малѣйшій дождь дѣлалъ ее рѣшительно непроходимой: даже собаки срывались и летѣли въ провалье, неудачно конкурируя съ бурсаками... Расширяясь и расширяясь вслѣдствіе обваловъ, провалье это образовывало массу „скалъ,“ державшихся нерѣдко только благодаря корнямъ деревьевъ. „Валяніемъ“ этихъ-то „скалъ“ и занимались иногда бурсаки... Для чего? Съ какой цѣлью? И теперь, черезъ 30 лѣтъ, у меня волосы встаютъ на головѣ, когда я вспомню, какимъ невѣроятнымъ опасностямъ подвергались юноши, а въ подражаніе имъ и дѣти. И какъ знать? Быть можетъ, не одинъ изъ нихъ впослѣдствіи ломалъ голову надъ вопросомъ: откуда у него развитіе того или другого дефекта въ организмѣ? Но

мы знаемъ только тѣхъ, которые не ломаютъ головы надъ вопросомъ объ испорченной карьерѣ, не видя связи между ею и тратой силъ на „валяніе скалъ"... „Этихъ дураковъ самъ Богъ хранитъ и спасаетъ", говорили сосѣди, видя одинаково страшный и одинаково безплодный рискъ, какому подвергали себя бурсаки.

„Ну, пусть уже Махводъ", говорила часто своимъ квартирантамъ сердобольная хозяйка: „ему головы не жалко... а то и вы туда-же! Вотъ, ей-Богу, не стану держать на квартирѣ!.. Что это за новости? Когда-нибудь несчастье"...

Но, говорю, молодыя силы искали для себя приложенія, а изъ четырекъ грамматикъ [1]) ни одна не могла удовлетворить ихъ; что же было дѣлать? Въ П—лѣ бурсаки шли на „кулачки", но въ Л—хъ этотъ спортъ нашелъ мало благодарную почву. А между тѣмъ господинъ ректоръ продолжалъ являться только по субботамъ, господинъ инспекторъ продолжалъ пропадать по цѣлымъ днямъ и даже недѣлямъ на охотѣ, Мишка продолжалъ чудить... Удивительно, какъ еще не явилось желаніе заняться валяніемъ не „скалъ", а колонъ корпуса или стѣнъ его.

Вотъ на что ухлопывались силы, вотъ какъ спеціализировались способности бурсаковъ даже въ то время, когда бурса de jure считалась уже преобразованной. Понятно, что при такихъ условіяхъ, реформа должна была долго вызывать одни сомнѣнія. Брешь пробивалась слишкомъ медленно. Сначала хоть много говорили, а потомъ и говорить перестали: поплыли по теченію, которое, къ счастію, само хоть и едва замѣтно, но измѣнялось и измѣнялось, и разсказанные подвиги бурсаковъ были уже послѣдними изъ достойныхъ этого названія...

IV.

Безпризорные.

Въ доброе старое время бурсаки вообще не знали другого надзора, кромѣ учительскаго. Пожалуй, квартирныя хозяйки,

1) Русская, латинская, греческая, славянская.

уполномоченныя батюшками да маменьками, имѣли нѣкоторое значеніе, и то для фаръ, отчасти лишь для грамматиковъ. Дежурные „старшіе“ играли роль ничтожную. Однако, всѣ вмѣстѣ—и учителя, и хозяйки, и старшіе—составляли кое-что, и назвать, напр., П—скихъ бурсаковъ безпризорными нельзя было, не допустивъ преувеличенія. Даже синтактикъ, совершенно игнорировавшій хозяйку, въ нуждѣ прибѣгалъ къ ней, а въ болѣзни пользовался такимъ съ ея стороны уходомъ, какого иной, пожалуй, не могъ бы имѣть и дома. И учителей въ П—лѣ было больше, и общежитія не было... Бѣдная Л—ская бурса въ этомъ отношеніи не пользовалась никакими благами: квартиръ было мало, объ учителяхъ уже сказано... Какой-же разговоръ могъ быть о призорѣ? И полная безпризорность, несомнѣнно, была также не послѣдней причиной и продѣлокъ бурсаковъ, и всѣхъ ихъ похожденій, и даже большихъ несчастій...

—

„На мѣсто!—Чего торчите?“

— Съ Шма—мъ началось...

И учитель, привыкшій къ подобнымъ заявленіямъ, преспокойно подходитъ къ окну или возвращается въ корридоръ и ждетъ, пока ему скажутъ, что—молъ—„уже кончилось“. А началось“ и продолжалось добрыхъ десять минутъ нѣчто такое ужасное, о чемъ и теперь тяжело и больно вспоминать. Шма—скій страдалъ, кажется, падучей; бурсаки обыкновенно называли его болѣзнь „пляской“, не прибавляя для краткости имени Вита. Падучая-ли это была дѣйствительно, иные-ли припадки—не знаю, но только въ одной Л—ской бурсѣ подобное могло чуть-ли не считаться нормальнымъ порядкомъ. Вонъ этотъ несчастный на послѣдней скамьѣ, у самой стѣны. Глаза его сдѣлались зелеными и начинають выпучиваться—кажется, вотъ-вотъ вылѣзутъ на лобъ; руки, особенно пальцы, невѣроятно корчатся; лицо дѣлается мертвенно-блѣднымъ; изъ груди слышенъ точно предсмертный хрипъ; клубы пѣны заливаютъ все—и платье, и скамью... Слышатся какія-то безсвязныя слова больного... Кто-то изъ бурсаковъ отпустилъ глупую остроту, комментируя его бредъ... Сосѣди спѣшатъ убрать книги и те-

тради... Не многіе вышли изъ класса... Но припадокъ окончился; Шма—скій, всегда здоровый и цвѣтущій съ виду, успокоился и тяжело-тяжело дышетъ, а лицо его выдаетъ страшные слѣды перенесеннаго страданія...

„Что-то ужъ больно часто это съ тобой стало повторяться"— жестко говоритъ Демьянъ Максимовичъ, проявляя такъ свое, какъ ему кажется, состраданіе къ несчастному... Бѣдный Шма—скій дальше уѣздной бурсы, разумѣется, и не пошелъ, да едва-ли могъ-бы пойти: не въ ученьи онъ нуждался...

—

Ночь. Кто-то выходилъ и, вернувшись, разбудилъ всѣхъ печальной новостью: „Нечаевъ умеръ"! Одни только удивились, другіе и удивленія особеннаго не выразили, иные, однако, заплакали. О, какая это въ самомъ дѣлѣ грустная строчка изъ жизни Л—ской бурсы! Юноша, подававшій блестящія надежды, физически здоровый, по уму стоявшій выше учителей... Какъ онъ писалъ! Какъ зналъ всѣ предметы! Сколько читалъ! И напрасно учителя гордились имъ: кому-кому, а учителямъ-то онъ былъ обязанъ развѣ только преждевременной смертью. Вѣдь, онъ переводилъ Цицерона въ то время, когда въ классѣ еще не окончили спряженій латинскихъ; онъ читалъ книги, о существованіи которыхъ иные учителя и не подозрѣвали; онъ превосходно писалъ и цитировалъ поэтовъ, которые извѣстны были учителямъ только по имени... Чѣмъ онъ заболѣлъ—никто не зналъ: простудился-ли и не могъ на сквозникахъ залы и коррядора бурсы освободиться отъ простуды, получилъ-ли катарръ желудка и не могъ излѣчить его кулешемъ на рижейномъ маслѣ, переутомился-ли и не могъ окрѣпнуть, проводя безсонныя ночи за работой,—не все-ли равно? Никто не интересовался его здоровьемъ, пока не обнаружилось, что его нельзя уже держать въ общей спальнѣ, а такъ какъ больницы своей не было, и назначенная для нея комната пошла подъ карцеръ, то Нечаева отправили въ богоугодное заведеніе, гдѣ онъ и умеръ. Многіе товарищи искренно любили покойнаго и остатокъ ночи провели въ... мертвецкой городской больницы. Согласитесь, это была достойная дань товарищу.

—

„Демьянъ Максимовичъ! Ко—ро—ста...“

— Ко—ро—ста... Мужичье!.. Какая „короста“?

„Чесотка...“

— А ты не лазь по провальямъ...

„Я не виноватъ... я заразился...“

— Гадость этакая...

Но заявленіе уже не первое, и безъ мѣръ обойтись нельзя. Велѣно было освободить и очистить комнату, дать „больницѣ“ ея назначеніе, помѣстить туда всѣхъ зараженныхъ и снабдить ихъ, по указанію фельдшера, медикаментами. Запахъ сѣры и дегтя понесся по корпусу...

„Демьянъ Максимовичъ! Они затягиваютъ...“

— Кто они?

„Ко—рост... Че—со—точные...“

— Это что еще за новости?

Въ сущности, если это и было ново, то только для одного инспекторскаго надзора: нельзя-же, находясь за десять верстъ отъ города на охотѣ, знать, что дѣлается въ „странѣ прокаженныхъ“. А дѣлалось въ этихъ палестинахъ вотъ что. Въ числѣ „прокаженныхъ“ были и дружинники. Послѣднихъ томила скука, и у нихъ явилась геніальная мысль: увеличить число „изолированныхъ“. И вотъ они подстерегаютъ проходящихъ мимо двери, силой тащатъ его въ „больницу“ и тамъ „крестятъ“, погружая несчастнаго въ купель смрада и вони, говоря проще, заражая его умышленнымъ прикосновеніемъ рукъ, полныхъ если не опаснаго для жизни, то отвратительнаго яда...

—

„Идемъ на охоту.“

— А порохъ гдѣ?

„Осипъ дастъ“...

— За сколько?

„За всѣ латинскія“.

Конспиративный разговоръ этотъ обозначалъ слѣдующее. Денегъ у бурсаковъ не было, а старое ружье, маленькаго калибра, было. Подражать начальству такъ естественно! Гдѣ взять пороху? Осипъ и создалъ особый видъ торговли: за

одинъ—два заряда пороху онъ бралъ кучу старыхъ тетрадей. Что онъ дѣлалъ съ бумагой—не извѣстно, но, вѣроятно, мѣна была не невыгодная, иначе не производилась-бы она охотно. Зарядъ давался маленькій, правда, но это дѣлалось или изъ предосторожности, или-же въ увѣренности, что изъ такого ружья все-равно ничего не убьешь. Если, однако, у Осипа было и послѣднее соображеніе, то таковаго никакъ нельзя было назвать вполнѣ правильнымъ: ружье, положимъ, очень плохое, стволъ трижды запаянъ, но во всякомъ случаѣ владѣльцу его всегда возможно было самого себя отправить ad patres. Никто, кромѣ бурсаковъ, и то не всѣхъ, объ этомъ не зналъ, и благополучный исходъ покупался только счастіемъ безпризорныхъ.

Іюнь. Всѣ разъѣхались. Въ корпусѣ—полный каникулярный безпорядокъ. Въ пустомъ корридорѣ свободно разгуливаютъ собаки, единственные свидѣтели того, что совершается въ одной изъ пустыхъ спаленъ. На грязномъ, полномъ клоповъ матрацѣ лежитъ больной. Онъ только-что „кончилъ курсъ". Экзамены прошли благополучно, и семинарія улыбается ему. Какъ случилось, что къ концу экзаменовъ слегъ онъ въ горячкѣ—не извѣстно, но слегъ: сильнѣйшій жаръ, частый бредъ, все пьетъ воду, обильно заготовленную на весь день, благо „посуда слабодна"; ничего не ѣстъ. Въ минуты сознанія онъ горько плачетъ; не отъ радости-ли? Вѣдь самъ Демьянъ Максимовичъ зашелъ и ободрялъ совѣтомъ „потерпѣть—скоро-де должны пріѣхать или прислать подводу..." Но дни идутъ, а все не легче, и подвода все не является... Особенно тяжелы ночи, длинныя, не смотря на лѣто, тоскливыя... Въ одну изъ такихъ ночей больному какъ-то особенно отчетливо представилась его живописная родина: вся Остаповка потонула въ зелени... слышатся пѣсни косарей... съѣзжаются братья... мать покончила съ запасомъ провіанта на каникулы... не забыла она ничего, даже о лишнихъ постеляхъ подумала... Почему-же о немъ точно забыла и она, и всѣ? Э, да не забыли вовсе: просто ждутъ случая, чтобы дешевле было, а то подводчикъ занятъ,

или не знаютъ навѣрное, когда „роспускъ"... А хорошо тамъ!.. И больной принимаетъ безумное рѣшеніе. Чуть свѣтъ онъ встаетъ, одѣвается. Удивительно: откуда силы, бодрость, точно выздоровѣлъ,—не потому-ли и боленъ онъ, что лежалъ? Роется въ сундукѣ: полученныя за кондицію и предназначенныя было уже для семинаріи деньги всѣ цѣлы,—за вычетомъ обѣщаннаго служителю, остается гораздо больше двухъ рублей. Болѣзненно-бодрымъ шагомъ направляется онъ на базаръ и тамъ договариваетъ перваго попавшагося мужика отвезти его въ О—ку: недалеко, вѣдь, а день теперь длинный, и полъ-сотни верстъ можно проѣхать въ одинъ день, но, въ крайности, ночлегъ... Мужикъ попался такой сговорчивый, добрый, сострадательный: если нужно, онъ готовъ даже сказать инспектору, что онъ и присланъ изъ О—ки... Увидѣвъ въ окно, что больной подъѣзжаетъ къ корпусу на телѣгѣ, Демьянъ Максимовичъ и удивился, и точно обрадовался.

„А!.. Значитъ, тебѣ лучше?.. И подвода пріѣхала—ну, вотъ видишь... Съ Богомъ!.. Смотри же, хохландія, хорошо довези: видишь, паничъ еще крѣпко боленъ"...

Черезъ нѣсколько минутъ, понадобившихся на несложные сборы, изъ воротъ корпуса выѣхала телѣга, въ которой не сидѣлъ, а лежалъ въ полу-забытьи на сѣнѣ больной. Служитель, получивъ свое, пожелалъ счастливой дороги и поспѣшилъ похвалиться Осипу для всѣхъ пріятной новостью:

„Уѣхавъ!.. Завсёмъ слободны!.." [1]).

---

[1]) Единственно изъ опасенія, чтобы читатель не заподозрилъ точности послѣдняго разсказа о случаѣ, имѣвшемъ мѣсто послѣ того, когда всѣ уже разъѣхались, и не предположилъ желанія сгустить краски на картинѣ безпризорности бурсаковъ, авторъ долженъ признаться, что разсказъ этотъ касается его самого, долго испытывавшаго и всѣ послѣдствія болѣзни и поѣздки...

Авт.

V.

Первыя ласточки.

Не дѣлаетъ весны первая ласточка, не дѣлаетъ ея и вторая, но ни одна все таки не прилетаетъ зимой... Въ то же время, съ прилетомъ и первой оживаютъ надежды, и весна уже кажется гораздо ближе. Такъ было и въ Л—ской бурсѣ. Когда получено было сенсаціонное письмо семинаристовъ, извѣщавшее о назначеніяхъ въ Л—ны новыхъ учителей, никто не считалъ безусловно похороненными старыхъ порядковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый невольно чувствовалъ, что „пріѣдетъ баринъ", который не станетъ чудить, какъ Мишка, или ради охоты забывать о бурсѣ, какъ Демьянъ Максимовичъ. Пріѣдутъ молодые, полные силъ и энергіи, умные, добрые, гуманные...

„А вы же откуда знаете, что они такіе умные и добрые?"—не безъ плохо скрытой зависти спрашивалъ Демьянъ Максимовичъ, когда, въ минуты хорошаго расположенія духа, что называется, „нарывался" на изліянія бурсаковъ.

— А намъ пишутъ...

И шла подробная передача содержанія письма.

„Гм... Ну, что-жъ? подождемъ... повидимъ... слава Богу!"

Нѣсколько иначе относился къ подобнымъ сообщеніямъ Мишка. Вѣстнику онъ не посылалъ „чш—подлеца" (что и замѣчалось всѣми), злобы не обнаруживалъ; онъ улыбнется своей нервной улыбкой, хныкнетъ какъ-то курьезно, и заведетъ рѣчь о чемъ-нибудь другомъ: видно было, что старому рѣшительно все равно... Бурсаки связывали такое достаточно корректное отношеніе съ окончаніемъ Мишкой домика на левадѣ и его намѣреніемъ выйти въ отставку; хотя подобными предположеніями онъ и не дѣлился ни съ кѣмъ. О главѣ бурсы—Андреѣ Яковлевичѣ—говорить нечего: къ нему никто не дерзалъ лѣзть „съ новостями", и только иногда М—чъ подъ „ужаснымъ" секретомъ сообщалъ, что, по мнѣнію дяди, давно пора освѣжить

атмосферу, зараженную провонявшейся дичью да птичьимъ наметомъ,—какой тонкій намекъ на охотника и птицевода! А сказано было точно такъ: плюгавенькій даже записалъ слова дядюшки. Былъ, правда, случай, что Андрей Яковлевичъ самъ снизошелъ до интимной бесѣды. Это было на урокѣ. По обыкновенію, ученикъ что-то отвѣчалъ, господинъ ректоръ читалъ „Московскія Вѣдомости“, а весь классъ не то спалъ, не то полудремалъ.

„Съ будущаго года... *это* объяснитъ вамъ уже новый преподаватель...“

— Значитъ, вѣрно?—сорвалось у бурсаковъ.

„Что вѣрно?“—огорошилъ Андрей Яковлевичъ.

— Да... гово...

Произошло невольное замѣшательство, изъ котораго онъ самъ-же и вывелъ.

„Что—рады?“

Бурсаки весело улыбнулись, лукаво переглянулись, но отвѣта на вопросъ не дали,—вотъ что значитъ чувствовать силу и понимать дисциплину, что и вмѣнялъ себѣ въ заслугу начальникъ.

„Радоваться-то особенно нечему... Кто хотѣлъ, тотъ и теперь учился... А вотъ для такого болвана, какъ этотъ... все равно!“

Тутъ было указано на извѣстнаго не только всей бурсѣ, но и цѣлому городу, верзилу и тупицу Ваську Пр—му, который стоялъ, переминаясь съ ноги на ногу, теръ свой узкій лобъ, грызъ указательный палецъ и рѣшительно недоумѣвалъ: „почему сіе важно?“ А шло выспрашиваніе катехизиса. И опять бурсаки—ни слова.

„Критика“, продолжалъ господинъ ректоръ, „хороша въ устахъ того, кто имѣетъ право ее дѣлать... Я вотъ читаю (указаніе на № „Московскихъ Вѣдомостей“), и интересуюсь, а вы что? Козъ доить... Скалы валять... Жидовъ бить... А еще: подай имъ новыхъ учителей!..“

Странно: дипломатія это или плюгавенькій вралъ? Смотри, какъ онъ теперь спряталъ свою голову подъ скамью... Ой, вралъ!.. Но—это пустяки: въ итогѣ распеканціи все-таки получается очевидное подтвержденіе сообщенія семинаристовъ. И бурсаки ждали слѣдующаго года.

Если бы впечатлѣніе отъ пріѣзда новыхъ учителей нужно было выяснить сравненіемъ, я сказалъ бы, что они сыграли роль очень маленькаго луча свѣта въ темномъ царствѣ бурсы, но все таки роль луча. Сдѣлать много они не могли: не было у нихъ для этого ни необходимой власти, ни особыхъ данныхъ. И Андрей Степановичъ М—ій, и Θедоръ Григорьевичъ З—ій окончили только семинарію. Въ пику старымъ учителямъ, бурсаки, правда, не замедлили отыскать случайныя причины, почему ни тотъ, ни другой не поступилъ въ академію, но сущность дѣла отъ этого не измѣнилась, и, напр., господинъ ректоръ, какъ академистъ, могъ хоть de jure стоятъ головой выше каждаго изъ нихъ. Но за новыми учителями было то, въ чемъ особенно нуждалась бурса: молодость, умъ, а главное тотъ лоскъ, который и лучшими семинаристами не пріобрѣтался, пока семинарія не была въ губернскомъ городѣ. М—ій и З—ій не могли, не въ состояніи были обмолвиться даже и сказать бурсаку „ты", а тѣмъ паче—грубость. Больше того: точно умышленно, они превосходно умѣли своимъ обращеніемъ даже сдержать грубость иного бурсака: грубіяновъ и лѣнтяевъ они умѣли заставлять *устыдиться*... Въ самомъ искусномъ пересказѣ всѣ бесѣды новыхъ учителей съ учениками неизбѣжно показались бы чрезчуръ банальными: такъ все было ординарно, не ново и не оригинально для нынѣшняго времени, такъ просто для любого нынѣшняго школьника; но гдѣ-же теперь есть и учебное заведеніе, такъ пропитанное запахомъ провонявшейся дичи и птичьяго намета, какъ пропитана была хотя бы Л—ская уѣздная бурса 30—40 лѣтъ тому назадъ?

— Это вы такъ отличились вчера?

— Какъ, Θедоръ Григорьевичъ?

— Да жидка то побили...

— Такъ онъ... давно уже...

— Ну, положимъ, онъ обидѣлъ васъ, очень даже обидѣлъ, ударилъ... Скажите хорошо ли онъ поступилъ? Нѣтъ, нѣтъ... отвѣчайте на вопросъ...

— Да, конечно, нехорошо...

— Чѣмъ же вы лучше его поступили?

И все въ такомъ родѣ. Повторяю: не ново, не оригинально для нынѣшняго времени, а между тѣмъ *тогда* въ результатѣ подобныхъ бесѣдъ являлось то, что подвиги Махвода стали осуждаться бурсаками довольно откровенно...

Бесѣды, въ общемъ не особенно, впрочемъ, частыя, касались и провалья, и доенія козъ, и кражи сливъ, и результаты получались одинаковые.

Иногда оправданія бурсаковъ ставили, повидимому, втупикъ менторовъ. Вступать въ длинные разговоры о томъ, чѣмъ лучше было замѣнить валяніе скалъ, значило нарываться на слишкомъ откровенныя характеристики старѣйшихъ сослуживцевъ, не исключая и самого господина ректора, т. е. смотрителя. Сколько разъ онъ, положимъ, толковалъ восьмую заповѣдь? Какъ часто говорилъ онъ о бездѣльи, пребывая въ которомъ бурсаки занимались даже доеніемъ козъ? А помнитъ ли кто-нибудь, чтобы заповѣдь „не укради“ и грабительское доеніе козъ поставлены были въ связь? Конечно, нѣтъ, и высшій баллъ за отвѣтъ объ этой заповѣди нисколько не противорѣчилъ карцеру за доеніе козъ.

Симпатіи новымъ учителямъ были выражены бурсаками наглядно и, если хотите, оригинально: одинъ изъ нихъ вовсе не получилъ прозвища, а другой лишь иногда и безъ злобы передразнивался, какъ погрѣшавшій въ чистотѣ произношенія какой-то шипящей буквы. Особенно нравился Ѳедоръ Григорьевичъ, и духовно голодные бурсаки нерѣдко злоупотребляли его покоемъ: наступитъ праздникъ, они идутъ къ З—му. Явятся подъ благовиднымъ предлогомъ, по дѣлу, но останутся до вечера, послушаютъ музыку (Ѳедоръ Григорьевичъ чудно игралъ на скрипкѣ, которую бурсаки цѣнили „больше ста рублей“), побе-

слѣдують, многое узнають и все вечеромъ же передадутъ въ бурсѣ, гораздо меньше восхищавшейся подвигами Махвода...

Ѳедоръ Григорьевичъ выкинулъ удивительную штуку: возьми да и прочти въ церкви не то часы, не то каѳизмы. Вотъ предесть! Заслушались всѣ, въ городѣ ни о чемъ больше и не говорили, а на слѣдующее воскресеніе ни одинъ чтецъ не явился на клиросъ. Это былъ уже не похвальный стыдъ, и священникъ положительно скрежеталъ зубами.

„Да пойми же ты, глупая голова твоя: это-то и есть истинно церковное чтеніе, а то что? Романъ, комедія, театръ, соблазнъ?..“

— Такъ оно такъ... а не могу... Вѣдь онъ въ семинаріи учился... въ академію готовится... Какъ протяну окончаніе... Что—о—ося умн—о—о—жи... Ну, не могу и кончено!

„Дуракъ!“

Въ знакъ выраженія симпатій, бурсаки рѣшили доставить учителямъ удовольствіе и затѣяли театръ. О, что это за удивительный спектакль! Ни книги, ни рукописи не было: играли по памяти, Богъ вѣсть откуда взявшейся... Какъ было весело! А учителя помирали, вѣдь, со смѣху... Помирали проказники даже въ то время, когда сынъ Максимиліана, маленькій черненькій бурсачокъ, съ бумажной лентой черезъ плечо и въ бумажномъ колпакѣ, пѣлъ такую грустную-грустную пѣсню, какъ:

Я въ пустыню удаляюсь
Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ—
Сколько горестей и муки
Мнѣ въ разлукѣ должно снесть...

Восторгъ не зналъ предѣловъ, когда на тронъ, сдѣланный изъ простого стола, покрытаго листами разноцвѣтной бумаги, взошелъ самъ царь и представился, держа руку у сердца, прикрытую золотой звѣздой, и размахивая скипетромъ сказалъ: „Я—самъ Царь Максимиліанъ, побѣдитель всѣхъ восточныхъ и западныхъ странъ!“ Восторгъ выразился и вещественно и невещественно: актеры получили на орѣхи, а всѣ—удостовѣреніе, что, молъ, „это—лучше, чѣмъ валяніе скалъ“...

Слышались иногда и печалованія. Возникали они преимущественно въ злосчастной столовой, которой, какъ на зло, не касалась реформа, въ которой несокрушимо продолжали царить Осипъ, грязь и прусаки.

— Посадить бы ихъ сюда: не то бы запѣли!

— А они, думаешь, не были въ этомъ переплетѣ?

— То прошло...

— Все-таки молодчины: любятъ насъ.

— Ихъ любовью сытъ не будешь...

— Да что же они подѣлаютъ?

— Въ семинарію пустъ пишутъ—вотъ что.

Бѣдные бурсаки! Скоро-ли вы дождались, что „они" написали въ семинарію? Долго-ли грязь и прусаки владѣли вашей житницей? Долго-ли грязный Осипъ маслилъ свою лысую голову и „сапоги венгерской кампаніи" тѣмъ самымъ рижейнымъ масломъ, на которое указывали вамъ, какъ на невѣдомую будто бы дома роскошь? И знаютъ-ли нынѣшніе ваши преемники то, что перенесли вы? Прошли годы, разрослись Л—ны, новый громадный корпусъ давно и окончательно реформированной бурсы уже споритъ съ корпусомъ гимназіи,—не узнать города, не узнать и бурсы...

П. Борзаковскій.

ПОКУПКА.

— Здорови булы!

— Здрастуйте! А чого завгодно?

— Та онъ сынови треба...—Голосъ у старого ввирвався.

Крамарь Уласовычъ глянувъ на сына. Молоде облычча рокивъ двадцяты,—ще й вусивъ нема. На щокахъ румянець, якъ у дивчыны. А самъ худый, якъ смерть. Закашлявся и кашлявъ довго, вхопывшыся за груды. Крамарь зрозумивъ, що винъ хворый.

— Мабуть ликарствія вамъ треба. Кажить—якого. Усяке е: скопытарь, лыповый цвитъ, сыній каминець, грудна трава...

Уласовычъ, промижъ бакаліею й крамомъ, державъ и оти „ликарствія", бо знахаркы й бабкы иноди посылалы до ёго людей, якъ у самихъ у ихъ на той часъ не було чого даты.

— А то ще е декохтъ; недавно зъ города прывизъ; дуже пользовытый,—додавъ винъ.

— Не хоче вже винъ ничого!—безнадійно махнувъ рукою сывый батько.

— Хыба не пособляють?

— Де тамъ!.. До трёхъ бабокъ ёго возывъ, и до тройчатського Охрима, и до оврамивського ликаря... Скилько винъ тыхъ ликивъ попывъ та ростырокъ усякыхъ поростыравъ,—ничого!

— Чихотка?

— А то жъ...

— Зъ чого жъ воно сталося?

— А Богъ ёго знае!.. Каже ликарь: спавъ по весни на сырій земли та й застудывся. Мы на сырій земли змалку спымо, та й ничого. Де жъ такы, щобъ изъ того сталося!

— Такъ Богъ давъ...—тыхо сказавъ хворый и знову почавъ довго и тяжко кашляты. Батько дывывся на сына. Ёго старе, порыте глыбокымы зморшкамы, загориле облыччя якось мовъ бильше зморщылося, зобгалося, а очи ёму поняло безнадійнымъ жалемъ.

Парубокъ позырнувъ по крамныци де-бъ систы, побачывъ ослона, сивъ и довго ще виддыхувався, а батько все дывывсь на ёго.

— Оце тебе такъ пылъ давыть, сыну. Усю дорогу пылъ такый бувъ...

— Эге, пылъ...

До крамныци вступылы двое селянъ. Поздоровкалыся, прывиталы зъ недилею и побачылы хворого.

— Ба! Се ты, Якове, возывъ мабуть свого Андрія до дида?

— Де тамъ, Панасе! Уже й личытыся не хоче.

— Тату, на́ що жъ ёго личытыся, колы однакъ не пособыть?

— Сыну, та ты жъ у насъ одынъ. Хто жъ нашу старисть догляне? Кому жъ я хазяйство передамъ?

— Мотри та Семенови все виддасте, тату. И то-жъ ваши диты.

— Э, дочка—чужа дытына, а зять—не сынъ. Та ты жъ ище молодый, сыну! Тоби бъ же ще по степу зъ косою пышатыся... Ты-жъ ище й не нажывся й не нагулявся!..

— Такый мени викъ Богъ давъ...—одказавъ усе тымъ тыхымъ, ривнымъ голосомъ хворый, тилько ёго облыччямъ мовъ биль перебигъ.—Годи про се, тату,—набирайте чого треба.

— Та нехай такъ, сыну... Прыйихалы до васъ, Уласовычу, набраты ёму на смерть.

— Якъ-то на смерть?—спытавъ Уласовычъ.—Винъ ще жывый!

— А шо-жъ я зъ имъ зроблю? Хоче за жыття набраты всёго самъ, щобъ похоронъ бувъ такый, якый самому до впо-

добы. Оце заразъ йиздылы до церквы—выcповидався й запрычастывся, а теперъ каже набиpаты.

— Эге,—додавъ парубокъ,—уже-жъ я выcповидався й запрычастывся... отъ наберу ще соби чого треба,—тоди вже на смерть зовсимъ готовый...

— Добре дило, добре!—промовылы чоловикы:—якъ самъ теперъ схоче, такъ и буде.

— Ну, шо-жъ, можно й на смерть,—згодывсь Уласовычъ.— Заразъ вамъ треба попови та дякови хустокъ на свичку.

— И пидъ псалтырь,—додавъ батько.

— Глядить-же, тату, нехай псалтырь чытають, якъ годытся, все, а не перекыдають... А то мени погано буде й у труни лежаты... Вы вже злотого якого накыньте...

— Накыну...

— На хрестъ та на корогвы треба хустокъ,—нагадувавъ крамарь.

— На хрестъ та корогвы не треба,—видказавъ хворый,— маты рушныкамы поперевьязують... Я, тату, не хочу билои труны,—наберимо чого чорненького, дешевенького,—нехай выбьють. И вико горбате нехай зроблють...

— Та се можна.

— Оце вамъ и чорненьке; саме годяще буде,—показувавъ крамарь.

Купылы на труну, щобъ выбыты, купылы ще де-чого.

— Ще пряныкивъ дитямъ треба взяты,—нехай маленьки за мою душу поласують... А медъ дома е...

— Усе, сынку, хвалыты Бога, е,—отъ тилько тоби здоровля Богъ не дае.

— А отъ и забулы серпанку мени на рукы.

— Эге, забулы... Дайте й серпанку!

— Якъ бы зъ пивчымы!.. Боже, гарно, якъ изъ пивчымы ховалы нашу пани!.. Несуть іи въ труни, а сонце такъ на нéи й сяе, а пивчы якъ заспивають, якъ заспиваютъ вичную память!.. А народу сыла... и вси плачуть... Хто й не любывъ покійну,

дакъ и той плакавъ... Такъ гарно, що всяке вмерло-бъ, абы такъ поховано.

— Не стече въ насъ сылы на пивчыхъ, сыну.

— Та я знаю, тату... Вы тымъ не журиться,—се я такъ...

— Здается, ты й самъ, хлопче, спивавъ на крыласи,—згадавъ Уласовычъ.

— Спивавъ... покы голосъ бувъ...

— Хороша штука церковный спивъ...

— Хороша... усякый спивъ... Якъ выйдешъ у степъ та пустышъ голосъ... Трава хвылямы хвылюе, сонце на ій вылыскуется... а воля навкругы, така воля!... Такъ бы й полынувъ, колы-бъ крыла... И спивавъ бы, и жывъ бы, якъ той птахъ крылатый!...

— А ладану треба?—перепынывъ Уласовычъ.

— Ни, мы въ тытаря вòзьмемо,—казавъ зайихаты писля службы... Усе вже тутъ покупылы, тату? Теперъ треба до тытаря: свичокъ, хрестъ мени въ рукы...

— А я-жъ сподивався, сыну, що въ тебе плугъ у рукахъ буде!..

— Годи вамъ, тату!.. Не знаю, може ще чого треба? Колы бъ не забуты! Може вы, тату, що здумаете?

— Не думается мени, сыну... Тамъ тытарь скаже,—винъ самъ знае, чого треба.

— Та й намъ щобъ не забуты... Щобъ усе було добре... Бо то-жъ мое прощання-розставання зъ свитомъ билымъ буде...

Заплатывъ батько, забравъ пòкупку й пишлы. Старый звивъ сына зъ схидцивъ, посадывъ на визъ.

— Грубый народъ,—казавъ крамарь Уласовычъ до свого нового покупця, тутешнёго вчытеля.—Понимаете: ще жывый, а вже самъ соби на смерть купуе! Ніякого чувствія! Та я тилько згадаю про смерть, то такъ увесь похолону.

— И хочется ото вамъ балакаты про таке! Отъ, лучче про смерть зовсимъ не згадуваты,—одказавъ учытель, и ёго нервове облыччя такъ и перекрывылося.

А батько зъ сыномъ пойихалы до тытаря: свичокъ купыты, хрестъ у рукы...

У рукы, що малы догодуваты до смерти батька й матиръ га й соби збудуваты нове щаслыве жыття...

Якымы слёзами вмыють ти рукы батько-маты, вкладаючь въ ихъ той хрестъ, що заразъ сынъ купуе?

Б. Гринченко.

Изъ исторіи малорусской литературы 20 и 30-хъ годовъ XIX вѣка [1].

(*Библіографическія справки*).

II.

Въ исторіи малорусской литературы до сихъ поръ еще очень много крупныхъ пробѣловъ; между отдаленными ея звеньями до сихъ поръ еще не установлена связь. Тщательные розыски въ старой русской журналистикѣ свободно могутъ дать рядъ неожиданныхъ и очень цѣнныхъ новыхъ фактовъ, которые прольютъ яркій свѣтъ на самую эволюцію малорусской литературы XIX в.

Намъ удалось сдѣлать нѣсколько такихъ открытій. Въ „Новомъ живописцѣ общества и литературы“ (1831, декабрь, № 23, стр. 379—391), издававшемся при „Московскомъ Телеграфѣ“, напечатана небольшая пьеса: „Бытъ Малороссіи въ первую половину XVIII столѣтія“, подписанная неразгаданными нами буквами *Т. М.* Редакція прибавила къ ней слѣдующее примѣчаніе: „*Живописецъ* искренно благодаритъ за сію статью, такъ живо представляющую прежній бытъ Малороссіи“. Но пріуроченіе къ первой половинѣ XVIII в.—только маленькая авторская хитрость: даже и невнимательный читатель сразу по-

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1900 г. № 5.

чувствуетъ за драматическимъ изложеніемъ вѣянія современной автору дѣйствительности...

Въ виду рѣдкости изданія воспроизводимъ съ документальной точностью [1]) этотъ прекрасный по смыслу и выполненію его памятникъ. Особенно удивителенъ его языкъ—чистый, мягкій и изящный, за рѣдкими исключеніями.

Длинная бричка, называемая Краковскою, влекомая четвернею пестрыхъ лошадей, показалась изъ лѣсу и остановилась передъ обширнымъ домомъ, обнесеннымъ высокимъ частоколомъ; изъ нея вышелъ г. Провинціаленко, Никодимъ Тимоѳеевичъ.

Провинціаленко. Петро, Пе—тро, —чого ты тамъ маракуешь на запяткахъ? А це-жъ твое було дило виттиль спрыгнуты и вывесты мене за руку: хиба мини самому треба велизаты изъ брычкы, чи що?—дывысь! якый винъ дурень!..

Петръ. Та сыхъ-же вытребенькивъ напередъ не було, покы не издылы въ Москву.

Провинціаленко. А що-жъ, хиба ты, видминокъ, не бачывъ, якъ тамъ вси лакеи панивъ своихъ за рукы водять? Чы може забувъ, що я твій панъ? Чы може думаешь, що такъ буде, якъ напередъ було? о ни! не даромъ, бачь, я издывъ въ Москву и не даромъ дывывся на розумныхъ людей, щобъ мини не переняты обычаю москьковьского!

Петръ (*про себя*). Отъ ищѐ ставъ вередоваты! Може ще захоче, щобъ я іого и за нисъ водивъ. О ни!—сіого не буде:—я не дурень.

Провинціаленко. Та чого-жъ ты тамъ мурлыкаешь? Чого ище тамъ моргаешь губамы?—Иды, скажы старій пани, що я пріихавъ изъ Москвы: щобъ вона заразъ съ дочками

---

[1]) Мы только мѣстами измѣняли знаки препинанія—въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ употребленіе слишкомъ расходилось съ современнымъ. Нѣкоторая неровность правописанія объясняется, вѣроятно, великорусскою корректурою.

вийшла на крильце и приняла мене, якъ слидуе розумній жинци; а я тутычкы трохы пидижду, закимъ вона прыбырется. Чи чуешъ?

Петръ. Та чую! чую! (*тыхо*) отъ якъ ставъ перебендіовать—и самъ нечистый не потрапыть.

Провинціаленко. А ты, Грыцьку (*обращаясь къ кучеру*), якъ будешъ пидъизжаты пидъ крыльце, то закрычы такъ куріёзно, якъ въ Москви; тилько, сдилай мылость, не ляскай батогомъ и не свыщы: си выхлестасы не престалы уже паньскимъ погоничамъ.

Грыцько. Слухаю! (*про себя*) О, теперь уже не буде мини жытья: челядь осміе мене, якъ учуе, якъ я галясую.

Провинціаленко. Здается мини, що вже пани зъ панночками на порози стоить (*садится въ бричку—ѣдутъ*).

Провинціаленко. Бороны-жъ тебе Боже, Грыцьку, якъ ты мини що-небудь не до шмыгы зробышъ! (*подъѣзжаютъ*).

Провинціаленко. Ну, галясуй! (*скоро*) галясуй-же, Грыцьку!

Грыцько. „Гей—вы—пой—ды".—

Провинціаленко. Та не такъ, плюгавцю! Ахъ, якый соромъ! мовъ жаромъ тебе осыпало. Пострывай-же мини: я-жъ тоби наперу спыну. (*Подъѣзжаютъ и останавливаются*).

Провинціаленко (*выглянувши изъ брички, закричалъ гнѣвно*). А що се? Вы, мабуть, панночкы, и не пизналы уже свого батька? Та ходите-же сюда, дурочки, та поможите мини трохы выбратця изъ брычкы.

Уліяна (*супруга Провинціаленка*). А! здоровъ-же бувъ, мій сызій голубчыкъ! Та чого-жъ ты такъ запышнывся? чы заботативъ—чы що?

Провинціаленко. Та стрывай лышь—покы я выйду—яка ты кудесна!—мини здаетьця, що розумна жинка напередъ-бы чоловика поцилувала, а потимъ уже здоровкалась-бы—ось якъ воно бувае у розумныхъ людей.

Дочери Провинціаленка: Наталка, Прыська и Домаха ведутъ батюшку на крыльцо, цѣлуя по очереди его руку.

Провинціаленко (*взойдя на крыльцо, останавливается и кланяется*). Ну!—Желаю здравствовать вамъ, любезна супруга и любезни дочкы! Дуже радуюсь, що бачу васъ жывыми и здоровымы; думаю, що и вы веселытеся, забачывшы батька, и дуже тошковалы, покы я бувъ въ Москви?

Дочери (*всѣ вмѣстѣ*). А якъ-же!

Уліяна. И дуже-дуже ради! (*цѣлуетъ супруга, и всѣ уходятъ внутрь комнатъ*).

Провинціаленко. Напередъ всіого, любезна жинка, скажу тоби, що вже я ставъ не той дурень, якій поихавъ въ Москву; теперь у мене багацько прыбавылось розуму!—Тамъ въ Москви вси люды, бачь, умни; тамъ не можно, щобы дурень не набрався розуму.—Та сдаетьця мини, що я за симъ-же добромъ туда и издывъ? Теперъ у насъ все пиде на новый ладъ: и мы не одного сусида зибьемъ зъ панталыку!!

Уліана. А ну! ну!—роскажы, що бачывъ? що выдавъ тамъ, въ тій Москви?

Провинціаленко. Теперь николы—треба напередъ добре поисты, а потимъ опочыты, а завтра уже зачнемъ все гобзоваты на новый штыль! Такъ, бачь, роблять и тамъ: зъ дороги заразъ ѣдять и лягають спать—э! постій—бтъ—трохы не забувъ!—заразъ, Уляно, поставъ Панаса у воритъ и скажы іому, щобъ винъ никого не пускавъ и всимъ говорывъ: „панъ не веливъ теперычкы никого допускаты, бо тильвось що прыихавъ изъ Москвы."—Ище скажы іому, щобъ винъ нарядывся въ свытку, гобзовану шнурками; нехай обуе жовти чоботы и визьме замисто булавы... що-бы такѐ?—(*думаетъ*) та хоть ковиньку або макогинъ! Нехай винъ держитъ іи на плечи, якъ рушныцю. А столяру скажы, щобъ заразъ мини покынувъ винъ всяку роботу, та швыдко будовавъ іому возли воритъ будку и гарно покрывъ-бы іи новбю соломою.

Уліяна. Хиба-жъ такъ и въ Москви водытця? Оце дыво!—Сусиды подумають, що розбійныкъ жыветь у насъ пры воротихъ: тильки подивлятця, то и будуть чимъ глядь удырать до дому.

Провинціаленко. Бо воны дурни—не знають, якъ потребуе жыть свитлымъ панамъ; а завтрычкы буде мини багацько роботы, а теперичка добре-бъ було чого-нибудь поѣсты.

Уліяна. Та оцежъ и снидане уже на столи:—ось млынци, ковбасы, пырижкы зо сметаною—и холодець зъ поросячими нижками: годуйтесь, Никодимъ Тимофиіовичъ! ось заразъ буде и гарячій буханець.

Провинціаленко. А яка теперъ годына? (*смотритъ на часы и вскрикиваетъ*) Ахъ! беры-жъ, беры се снидане скорище, се вже бо не до шмыгы: ище тильки висьма годына!—Чы-жъ я ошоломонивъ!—Та за се-бы въ Москви бо зна бы що сказалы!.. Та мини-же и не хочетьця ѣсты, я вже бачь привыкъ жить по-паньски; въ сю саму пору тамъ тилько пьють горяче; скорище грійте самоваръ, та, здилай мини мылость, сама около іого не стряпай, а ныхай Наталка се дило зробыть. А пиднисъ давать кто буде? (*думаетъ*). Та визьмы хоть чоботаря—та нехай винъ заразъ обуе чоботы—тильки мини щобъ ни олія, ни сало не воняло одъ ныхъ, а то заразъ заболыть у мене голова.

Уліана. А чымъ-же? Смальцемъ мазать—чи що?

Провинціаленко. А, бороны Боже!—Чоботы треба мазать—*вапсою*! э, ни! не такъ (*вынимаетъ записную книжку и читаетъ*). О... *ваксою*. Ось бачь, яка вона блестяча (*показываетъ женѣ сапогъ*).

Уліяна. Мабуть, зъ купорвасу зроблена, що така чорна, якъ галка?

Провинціаленко. А, де тоби! тамъ стильки около ей забобонивъ, що и въ пивгода не выучишся; але я купывъ іи на десять рубливъ, и миркую, що, може, стане на два мисяци. Ище прошу тебе, щобъ Прокипъ и Андрій (отъ що роблять у насъ на вынныци), щобъ безприминно все булы тутъ въ маленькій кимнати: ся кимната буде зватыся *прохожа*. Ныхай воны тамъ соби играють въ карты, або въ дзыгу, а якъ хто прійде,—щобъ заразъ пыталы: „а хто вы? а виткиль? а що маете за дило до пана? а якъ сказать пану о вашей мосци?“—И тоди уже доносылы мини, а я вже скажу, чы допустыты, чы

прогнаты—або скажу, що сіогодня багацько дуже письма, и нема никому до мене прыпуску. Ось якъ воно!

Уліяна. Далебище-же, будуть зъ насъ сміятьця люды, и отцураютьця видъ насъ вси хрещени. Схаменуйся, Ныкодыме!

Провинціаленко. Ныхай дурни цураютьця! Уже-жъ, бачь, не прыстало теперь намъ жыты по мужыцькы—ныхай-же вси знають, що мы жывемъ по-московськи!

Наталка. Батюшка, бат...

...Цыть—цыть! (*прервалъ ее Провинціаленко*). Треба клыкаты „папа".

Уліяна. И що вже бо се такѐ? Чы видано-жъ бо де въ свити, щобъ дочка̀ клыкала батька свого попомъ?

Провинціаленко. Та не попомъ-же, а папою.

Уліяна. Що-жъ то? рымськымъ бы то, чи що?

Провинціаленко. Що бо ты—глузуешь? Я тоби говорю, що мене нехай воны кличуть „папа", тебе „мама", а мы будемъ ихъ клыкаты. старшу—„Натуша", середущу—„Присуша", а найменьшу—„Домуша", а коли треба всихъ трёхъ, то „медузели": вось якъ воно водитьця въ розумній Москви!

Уліяна. Чи бачите! у мене и розуму не достане, щобъ памятова̀ты оцю коверзію!

Провинціаленко. Ну, а ты, Домуша, гарна моя дочка, що скажешь?

Домаха. А якъ тамъ убираютьця пани и панночкы?

Провинціаленко. Ось якъ. Въ чоботихъ нихто теперъ уже не ходять, а все въ черевыкахъ, але не въ червоныхъ, а въ пистріовыхъ, плетеныхъ,—мабуть, изъ заполочи; панчохы довги до самыхъ колинъ, а на колинахъ пидперезани шырокою стіожкою; у сорочокъ пазухъ теперыча уже нема, и не знаю самъ, для якій се прычыны; карсеты, кохточкы, спидныцы и мантиліи ниде уже не носютьця, и наряжаютьця въ дуже довге и шыроке платье—таке́, що я думаю, якъ-бы ты въ іого нарядылась, то не прійшла-бы и въ двери! Рукава у іого, якъ у рясы, шыроки, а сзади растипируетьця и дуже далеко оддуваетьця. У пояса дуже тисно, такъ що ажъ ребра знать, и пид-

перезуется стрижкою; шыя гола; на рукахъ до локтивъ довги рукавычки—мабуть, для тŏго, щобъ рукамы не пачкалы платья; на шыи шырокій пистровій платокъ, буває иноди червоній абь (sic) зеленій. Въ ухахъ превелечении серги, мало що до плечь не досягають; на голови волосья скручене, якъ перевесла у снопивъ, и заткнуте велыкимъ гребинцемъ; иноди носять квиткы, иноди брыли: зверху чорни, а въ середыни червони; а на брылыкахъ зверху тилипаєтьця якась ситка! Панночкы теперь уже не швендяють такъ, якъ у насъ, а ходять зъ выхилясамы, зъ вывертасамы, зъ векрутасамы, такъ що ажъ любо дывытьця; а въ танцяхъ уже не плыгають на-въ-прысядки, а стрыбають помаленьку по-двое въ разъ; а якъ зачнуть точыты балясы, то ихъ уже не опынешь, такъ що якъ-бы чоловикъ одъ нудьгы не скрибъ соби голову, то имъ бы николы не було кинця. Ище я примитывъ, що тамъ паны не чвыркають уже до-долу, а въ маленьки скрыньки, бо дилъ выстланъ коцями, кылымами и рябымы пивстьмы.

Домаха. Ахъ! матиночка моя, що тамъ за дыво! На що-жъ та ситка у панивъ и панночокъ?

Провинціаленко. Того уже и самъ я не знаю, а маракую, що то зроблено для тŏго, щобы тыплище було въ лиціо. Ище слухайте, дочки,—нехай завтрычка прыйде цырулныкъ—я іому розтолкую, якъ васъ острыгты по-моськовски и заплесты косы: ось якъ (*вынулъ и показалъ картинку модной прически).* Ище пишлите безпреминно за маніой и малюйте щокы—такѐ бачь теперь поведенья, безъ іого теперь а не зызыркъ передъ людей!

Всѣ дочери вдругъ. О, ей-Богу, не хочемъ—и цуръ іому, пекъ іому, осына іому.

Провинціаленко. А ни, нельзя,—треба червоныть щокы, а то будуть называть мужычкамы (*дочери показываютъ видъ изумленія*).

Провинціаленко (*продолжаетъ*). Э—нельзя! не можно ни якъ. Ище треба бы натыратьця и крохмалькомъ, але вы дуже били и безъ іого.—Слухайте ище: масломъ головы теперь

уже не мажуть, а чымъ то пахучымъ—якъ бачъ воно клычется—забувъ!.. Воно пахнеть такъ гарно, якъ ладанъ (*ищетъ*). Ось воно вамъ—чы бачите! (*даетъ духи и помаду*).

Приська. А що тамъ таке ѣдять?

Провинціаленко. А я прывизъ зъ собою мусе-кухаря: винъ знае стряпать всяки нимецьки потравы. А вы уже, донечкы, на кухню—а не шиширь!

Дочки всѣ вмѣстѣ. О, якъ то можно, та насъ и замужъ нихто не визьме.

Провинціаленко. Теперь вамъ замужъ иты не тутычкы, а вже въ розумній Москвѣ—я васъ туды и одвезу, колы настанеть пора, а теперь побалакаемъ о тимъ, якъ-бы вамъ зробитьця такыми чемными панночкàми, щобъ ажъ ангелы зазырàлы вамъ въ очи!..

Домаха (*смотритъ въ окно*). Дивитеся онъ иде до насъ и дядюшка, Поликарпъ Семеновычь!

Провинціаленко (*въ суматохѣ*). Пé—тро, Пèтро, а ходы скорище сюда, вражій сыну: биже шведенько [1]) на крильце и подывыся: колы у Поликарпа Семеновича чоботы змазаны дигтемъ, то скажы іому, що мене нема дома, та не коверяй-же а иды моторненько.

Поликарпъ Семеновичъ. А що, Пéтре, панъ дома?

Петръ. Дома, та, бачь, казавъ, колы у васъ чоботы змазаны дигтемъ, то сказать вамъ, що іого нема дома, бо въ іого бачь, все голова болыть отъ дигтю.

Поликарпъ Семеновичъ. А се що такè? О, дій іого кату честы! дывысь, якъ винъ чванетьця! А то що за чоловикъ ходе у васъ зъ макогономъ попередъ виритьмы?

Петръ. Щобъ не допущаты гостивъ до пана.

Поликарпъ Семеновичъ (*качаетъ головою*). Скажи-жъ, Петре, моему братику, що я первій разъ одь (sic) іого чую,

---

1) Повидимому, замѣна *и* чрезъ *е*—черта говора, широкое *е*: биже, шведенько, ковеляй, чванетьця, престалы, велизаты, ане, опынешъ и пр. Кстати, характерно *вузьме*, *тутычкы*, *вирить*, *визли*, *ходе*.

щобы можно ище дурнишымъ прыихаты изъ Москвы, якъ туда поидешъ (*уходитъ*).

Провинціаленко (*Петру*). А щó?

Петръ. Та що—дигтемъ. Винъ ище сказавъ, що вы, мабуть, теперь дурнійшій, якъ въ Москву поихалы.

Провинціаленко. Що ты кажешь? Стрывай-же мени, мужицька порода! Я-жъ тоби оци на табенькы зибью, а дывы! Яку-жъ винь (sic) каписть мини робеть! Ай! гай!.. Виднеси-жъ заразъ іому оце письмо: нехай винъ знае, що я тамъ знався зъ *Высокородными*, и нехай винъ передо мною не чванитьця, мовъ свинья въ болоти. А ты, Присуша, наробы заразъ билыхъ карточокъ и скажы пысьцю на всякій напысать: „Ныкодымъ Тымофиіовичъ Провинціаленко, тилько що прыихавъ изъ Москвы". А якъ се все буде готове, то ныхай горбатій Панько запряжеть въ визъ сывого коня и повезеть ти карточкы до нашыхъ знакомыхъ и до родни, а якъ будуть іого пытаты: „на що се?", нехай имъ, дурнямъ, росказуе всимъ, що теперь, бачь, вси розумни люды замисть себе посылаютъ съ чоловикомъ въ гости пысулькы, що значе, мось бутто самы ѣздылы.

Петръ (*подавая обратно письмо*). Поликарпъ Семеновичъ щось тамъ нарыговавъ.

Провинціаленко. Ке сюды! (*смотритъ*). Що сé? (*читаетъ*). „Капоуху хоть родзинками кормы, а вона вçе таки капоуха". Дывысь! що-бы се значыло? А?!—Догадався: то, мабуть, значе, що винъ хоть и чытавъ се письмо, а все такы дурень остався, якій и напередъ бувъ, бо не могъ добре прослюбозоваты розумного письма! гей! гей! Отака дурнивъ доля!

Приська. А дивитьця-жъ! Сорока пидъ самисенькимъ викномъ кажеть гостей.

Провинціаленко (*смотритъ*). Ага! Пé—тро, Пé—тро, отъ скоро будуть до насъ гости; обидъ уже готовій, бо вже муся-кухарь спыть, а ты заразъ мини роспечатай бутелку съ тымъ дорогымъ выномъ—якъ бось воно клычетьця? шам-шапшампаське—такъ! И поставъ іого на пичку, та затычкы мини не видтыкай, а то визьмешь стусана въ спыну. Кажуть, що

якъ воно въ тепли постоить, то дуже добре на смакъ и гарно шумуе, а я, докы прыйдуть гости, пиду, трохи опочину. (*Всѣ расходятся*).

Какой свѣжій, богатый юморъ! Какъ характеренъ этотъ представитель „вчерашняго панства,“ который „недаромъ йиздывъ въ Москву и недаромъ дывывся на розумныхъ людей, щобъ... не переняты обычаю моськовського“! Его ужасъ передъ всѣмъ „мужицкимъ“—глубоко подмѣченная бытовая черта.

Вся пьеса—симптомъ высокаго подъема реализма и общественнаго самосознанія въ малорусской литературѣ XIX в., а съ нею генетически связанъ—Гоголь.

Вл. Каллашъ.

ИДЕАЛЬНЫЙ БАТЬКО.

Величезна парова молотылка подала про себе першу звистку. Гучный оклыкъ іи до праци пронисся по селу, пишовъ луною по степу, оповищаючы блыжни хуторы про певный заробитокъ. Пидъ соломьяныmы дахамы почалась суперечка: циле лито и мали, и стари сподивалыся молотьбы въ экономіи, пестылы надію заробыты на спидныцю, черевыкы, смушеву шапку або на оплаткы, нарешти диждалы побачыты молотылку на гармани, и теперъ свекрухы даремно нагадувалы невисткамъ становытысь до печи, даремно посылалы батькы сынивъ до свого току, або до скоту; навить найслухнянишi змагалыся й самовильно простувалы въ экономію, де ихъ сподивалася може и сутужниша, нижъ дома, зате оплачена добрымы гришмы праця.

Рыпнулы двери и у крайній одъ выгону хати. На порози зъявывся высокый, незвычайно худый та блидый парубокъ, роживъ висимнадцяты. На ёму була чорна, полатана у двохъ мисцяхъ смушева шапка, сира, трохы короткувата чумарка, выбойчани штаны и стареньки чоботы зъ шырокымы халявамы; але билый, якъ снигъ, вымережаный комиръ сорочкы та чепурно залатани рукава чумаркы свидчылы, що маты не шкодувала праци, прыбираючы сына, и напевне не пошкодувала-бъ грошей на краще убрання, колы-бъ тилько постачало у неи на це снагы.

Парубокъ постоявъ хвылыну на порози, пыльно подывывся праворучъ на дорогу, що простяглася темною стёжкою повзъ жовту стерню ажъ до сусиднёго хутора, znявъ шапку зъ головы, подывывся на неи, выбывъ добре въ рукахъ, потимъ надивъ іи знову латкамы назадъ и пишовъ до маленького прыкладку соломы, що стоявъ зразу за хатою.

У виконце вызырнуло стурбоване, заплакане облыччя чорнявои, ще не старои, вродлывои жинкы. Вона видсунула обережно кватырку и стала стежыты за парубкомъ. Ось винъ вытягъ зъпидъ соломы чіись выла, взявъ грабли, перекынувъ и те й друге черезъ плече, ще разъ зыркнувъ на дорогу и попростувавъ, не оглядаючысь, до воритъ. Молодыця накынула платокъ и мыттю выбигла зъ хати.

— Не йды, сынку, не йды, Иване!—зупынила вона парубка биля воритъ.—Я жъ тебе цилый ранокъ благала, я и теперъ прохаю: не ходы ты въ экономію!

— Чого то такъ?—запытавъ на-пивъ зъ усмишкою, на-пивъ зъ жалемъ парубокъ.—Чого вы боитесь видпустыты мене въ экономію? Вси ходять туды, вси тамъ заробляють добри гроши... чому-жъ тилько мени не можна?

— Не ходы, мій сыночку! Не ходы, прохаю тебе!—благала тремтячымъ голосомъ безъ краю стурбована молодыця...

— Я васъ пытаю: чого мени не можна заробляты, якъ людямъ? Чого коженъ лодарь, коженъ пьяныця може безпечно иты въ экономію, тилько я та вы не сміемо навертатыся навить до панського гарману?—запытавъ у-друге парубокъ, и ёго блакытни очи метнулы блыскавкы.

— Чы вже-жъ такы ты не можешъ уволыты мою волю? Я жъ тебе ще разъ прохаю—не ходы!—мовыла молодыця, не видповидаючы на пытанне, которе, наче гострымъ ножемъ, пройняло іи серце.

— Я пиду, мамо! Я пиду сёгодни! Я ходытыму, покы буде робота, покы схочу ходыты! Я хочу тежъ маты и картузъ, и поясъ, и чумарку хочъ до церквы... Я не допущу и васъ стрыбаты у постолахъ зимою...—видповивъ Иванъ.

— Мы пидемо сёгодни на баштанъ—тамъ тежъ гроши платять,—нагадала молодыця...

— На баштанъ? Ни, годи по баштанахъ поневирятыся! Годи! Прызвели вы й такъ мене до сорому отымы баштанамы. Черезъ васъ мени прызвыща иншого немае, якъ „тонконигъ", або „кавунныкъ".

— Хай Господь того покарае, хто сміется зъ твого безздоровья, а тоби, сыну, не можна встряваты у важку роботу... Адже-жъ памьятаешъ, якъ ты зомливъ торикъ биля віялкы? Ты слабый у мене... зовсимъ слабый!—зитхнула молодыця.

— Ото-жъ вы сами й опорочылы мене передъ селянамы. Торочыте усякому про мое безздоровья, а мени черезъ те,—хочъ мижъ челядь не ходы. Думаете, легко мени було вчора слухаты, якъ Марко та Максымъ знущалысь зъ мене? Легко зносыты, що кожна дытына зважуется бытысь зо мною?... А все черезъ васъ. Я такый самый, якъ и иншыи парубкы, я такый, якъ и чужи диты, мени вже висимнадцять рокивъ мынуло, а вы все видъ своеи пелены мене не видпускаете,—докорявъ Иванъ матиръ, нервово оправляючы разъ-у-разъ выла та грабли на плечахъ.—Я пиду туды, куды йдуть всп мои однолиткы; я робытыму те, що воны роблять;—я пиду туды, де кращи гроши платять, бо не можу я дали зносыты своихъ злыднивъ, обирванымъ старцемъ по селу ходыты!—додавъ Иванъ ще нервовише.

— Не раджу, не раджу я тоби, сыночку мій любый, въ экономію иты... Послухай мене, Иване, послухай матерынои порады!—мовыла мало не зъ плачемъ молодыця, заступаючы сынови дорогу до воритъ.

— Мамо! вы не пыталы у мене порады, якъ... (Иванъ не домовывъ чогось), не пытатыму теперъ и я у васъ порады, якъ мени на свити жыть,—видповивъ парубокъ и видчынывъ ворота.

— Страму наберешся! Не пустять тебе... Прыкажчыкъ прожене тебе!—не спынялася молодыця.

— Мене?—запытавъ Иванъ матирь, та такъ запытавъ, такъ подывывся, що молодыця ажъ зохолола...

Ни, николы не бачыла вона свого Ивана у такому настрію, якъ сёгодни, николы не чула видъ ёго такыхъ неввичлывыхъ ричей, не бачыла такого суворого погляду... Що трапылося зъ нымъ? Хто ставъ по-мижъ двохъ сердець, що такъ добре розумилыся, такъ щыро кохалыся до останнёго часу! Хто цей ворогъ лютый, що розризнывъ безталанну матирь зъ іи едынымъ скарбомъ—изъ сыномъ? Чы то вона не зумила сёгодни ёго умовыты, чы то винъ зробывся такымъ камьяныиъ. Ни, слова іи, полыти гарячымы слёзамы, напевне пройнялы ёго чуле серце—вона сама бачыла, якъ высоко здымалыся груды іи любого сына, колы винъ слухавъ у-досвита іи речи... Але все-жъ такы винъ іи не послухавъ... Щось страшне, несподиване трапылося зъ нымъ учора, обгорнуло чорною пеленою и думкы, и душу, и серце ёго, и теперъ вона перестала розумить свого сына. Вчора винъ повернувся зъ вулыци мовъ несамовытый, пошпурывъ шапкою черезъ усю хату, лигъ спаты не вечерявшы, довго перевертався на лижку, потимъ схопывся, побигъ, довго гулявъ десь по надвирью або у садку, вернувся и тилько передъ свитанкомъ заснувъ. Хто жъ знае, хто скаже, чы на вулыци, чы у-ночи спало ёму щось на думку? Чы дивоцьки очи, чы ясни зори зворушылы ёго душу, чы докирлыви речи челяди, чы гоминъ неспокійнои ричкы закынулы у серце парубка нови бажання, нови почуття, а чы, може, то девьятнадцята весна дае себе у знакы...

Иванъ выйшовъ за ворота, але не зводывъ очей зъ дорогы. Нарешти зъ-за могылкы зъявывся невелычкый гуртокъ челяди... Серце Ивана раптомъ забылося дужче, щокы зачервонилыся—винъ пизнавъ видразу ту дивчыну, котрои все сподивався.

Челядь—пять невелычкыхъ хлопцивъ-погонычивъ, та тры дивкы—шла въ одынъ рядъ, а попереду, наче за ватажка, выступавъ здоровый высокый парубокъ у чорній, новій, накынутій на плечи чумарци. Поручъ зъ нымъ дриботила невысока, довгообраза, гостроносенька, чорнява дивчына. Вона, здавалося, щось доводыла, впевняла у чимсь, або спорылася зъ парубкомъ, що йшовъ по ливу руку видъ неи, бо разъ-у-разъ зверталася до ёго и махала

рукою. Парубокъ цей сміявся, де килько разивъ показувавъ рукою на хату Иванову, на самого Ивана, звертався до челяди, що йшла позаду,—одно слово, не стыхавъ ни на хвылыну, але Иванъ певенъ бувъ, що винъ проказуе не свои речи, що глузуе винъ зъ ёго хаты, зъ ёго самого, абы догодыты Маркови, що працюе винъ взагали биля Оныськы на корысть свого товарыша—Марка, и не звертавъ на ёго ніякои увагы. Цикавыла ёго далеко бильше постать мовчазного, похмурого, але певного у соби Марка. Винъ ввесь часъ мовчавъ и навить, поривнявшысь зъ Иваномъ, не прывитавъ ёго; проте Иванъ ввесь часъ почувавъ на соби ёго суворый поглядъ, наче чытавъ наскризь ёго думкы...

— Добры-день тоби, Иване!—прывиталась перша Оныська.—А що, Максыме, не я тоби казала, що сёгодни Иванъ выйде на роботу до молотылкы?—звернулася вона жваво до Максыма.

— Невже справди и вы... якъ васъ по батюшци... до молотылкы?—запытавъ ихыдно ухмыляючысь Максымъ.—А чы васъ же прыймуть туды на роботу?—запытавъ винъ дали, наблызывшысь до самого Ивана.

— Знайдется тамъ и мени мисце,—видповивъ Иванъ, рушаючы у-слидъ за челядью, поручъ зъ Оныською.

— Мисця-то про всихъ стане—гарманъ у пана просторный,—а чы знайдется робота про тебе—ото скажы намъ!—запытавъ Марко.

— Тамъ побачымо!—буркнувъ Иванъ.

— Ось гляньте, братця, яки у ёго вила! Крутороги, якъ чумацьки волы—разъ штыркне и въ одынъ разъ усю скырту забере...—засміявся Максымъ.

— Твои, мабуть, кращи? Точнисенько, якъ та нехворощына зъ торишнёго вcredo...—заступылася за Ивана Оныська.

— Заведено: якый робитныкъ, таки й выла. Я, якъ зроду не кыдавъ снопивъ, не клавъ ожередивъ, то у мене й выла позычени; а якъ Иванъ мытець и скырты, и ожереды кыдаты, то въ ёго выла кращи.

— Ничого сміятыся, що выла повычени, абы не крадени— видказала Оныська, налягаючы на останне слово.

— Це выла справди крадени,—мовывъ ни крапли не засоромывшысь Максымъ... И Иванъ укравъ-бы любисенько, колыбъ вовкивъ не боявся.

— Я тебе не чипаю, и ты мене не займай!—обизвався Иванъ.

— И справди, чого ты, Максыме, вьязнешъ до Ивана? Я знаю, що тоби зъ Маркомъ ажъ до плачу доходыть, що Иванъ выйшовъ на роботу и стане поручъ зъ тобою на гармани; такъ що робыть—ничого не вдіешъ, даремно тилько гавкаешъ! А тебе, Иване, я бъ оце ажъ поцилувала за те, що ты такы выйшовъ сёгодни до молотылкы, ій-же Богу! Вчора, якъ ты пишовъ, такъ воны, оци каты, якъ заходылыся передражнюваты тебе, якъ ты и тонконигъ на баштани полешъ, якъ кавуны збираешъ, такъ я...

— Цилуй же, цилуй.—Гляды тилько, щобъ винъ тебе не заслынывъ!—перебывъ іи ричъ Максымъ.

— И ото сорому немае выхвалятыся! Ну, и цилуй соби скилько влизе, та тилько же не хвастай, не сорòмъ дивчатъ!—обизвався Марко.

— Та ты не блыкай, не грымай—я тебе не боюся. Тебе, звисно, ни одна дивчына не схоче цилуваты, а Ивана усяка поцилуе. Чы такъ, дивчата?—звернулася Оныська до дивчатъ, лукаво имъ пидморгуючы.

— А вже-жъ такъ!—згодылыся дивчата.

— А вже-жъ такъ!—пидхопывъ и соби Максымъ—бо Ивана нихто и за парубка не вважае.

— Брешешъ, брешешъ! Це ты зъ заздрощивъ кажешъ!— завважыла Оныська.

— Пфу!—сплюнувъ зъ серцемъ Марко.—Не знаиы, про вищо балакаты! Та задавысь ты зъ твоимъ Иваномъ! Сатана симъ паръ чобитъ зносывъ, покы васъ до купы звивъ! Потрибни вы комусь обое! Ходимъ, Максыме, напередъ, ходимте уси швыдче, залышымо ихъ самыхъ,—може воны, дасть Бигъ, хочъ икъ вечеру доплентають до гарману!—додавъ винъ, выступаючы напередъ.

У-слидъ за нымъ поспишыла й челядь. Онысьва та Иванъ зосталыся у-двохъ.

— Гляды, Иване, робы сёгодни скилько мочи, скилько сылы, хочъ черезъ сылу, щобъ воны бильше на сміялыся зъ тебе!—пораяла Онысьва Иванови, колы челядь одійшла на скилькось ступнивъ напередъ.

— Мени байдуже, колы воны зъ мене сміются, я звыкъ змалечку чуты видъ челяди насмишкы.—Ты мене вчора вразыла у саме серце! Я якъ угледивъ, що и ты сміешся вкупи зъ нымы, такъ не тямлю, якъ й выскочывъ зъ клуни.

— Колы-жъ ты, братику, такъ чудно молотывъ горохъ, що меній и доси, якъ згадаю, сміятысь хочется. Оце высоко-высоко пидіймаешъ ципъ, потимъ зъ усіеи сылы объ горохъ луснешъ; выдно, якъ и рукы тремтять одъ натугы и самъ ажъ засапався, а горохъ лежыть цилисенькый, наче и ципу не бачывъ.

— Хиба жъ то я навсправжкы вчора молотывъ? то-жъ я только грався,—збрехавъ Иванъ.

— Я имъ такъ и казала, такъ хиба-жъ воны виры піймуть? Ты ось сёгодни нарошне добре-добре робы, то воны й замовкнуть. Марко може и вьязнутыме, бо Маркови досадно, що я зъ тобою гуляю...—мовыла стыха Онысьва...

— Хиба я не знаю?—видповивъ теперъ стыха Иванъ.

Бильше воны не промовылы ни слова, але ця коротенька розмова не пройшла за-для Ивана безъ наслидкивъ: колы въ ёго може була ще краплына непевносты у соби, у своихъ сылахъ, то и та краплына зныкла писля Онысьчыныхъ ричей...

II.

Онысьва та Иванъ трохы спизнылыся и прыйшлы на гарманъ, колы прыкажчыкъ Сыдиръ Степановычъ кинчавъ розстановлюваты людей, але Онысьва певна була, що про неи завжды найдется робота и смишлыво запытала, куды ій иты?

— На верхъ, до барабанщыкивъ,—звеливъ прыкажчыкъ.

— А мени де становытысь? — запытавъ надто смилыво, выступаючы впередъ усихъ, Иванъ.

— Тоби?—тоби, парубче, мандруваты туды, звидкиль тебе прынесло, та памьятаты торишню гребовыцю!—засміявся прыкажчыкъ.

* Максымъ та Марко преглянулыся.

— Я не знаю, за вищо насъ торикъ прогналы зъ гребовыци, не розумію, черезъ вищо й теперъ женете зъ току, — мовывъ зблидлый Иванъ.

— Спытайся про те у пана, а мени данъ прыказъ: ни тебе, ни матери твоеи не прыйматы на роботу, и край—мовывъ прыкажчыкъ, одходячы геть до паровыка.

Прыймить бо, Сыдоре Степановычу, мене на роботу,—попрохавъ Иванъ такъ тыхо, що Марко та Максымъ ничого не почулы.

— Не можу я тебе прыйняты, одвьяжыся ты видъ моеи души,—мовывъ безъ серця, але твердо прыкажчыкъ.

— Винъ роботы просыть? Пидъ полову ёго!—пораявъ Марко.

— Куды ёму, „тонконогу", „баштанныку" сердешному, та пидъ полову? Ёго тамъ полова мыттю задавыть, воно-жъ нижного заводу!—мовывъ Максымъ, перелываючы, по загаду прыкажчыка, воду зъ одного перериза у другый...

— Не журыся, Иване, мы тебе замисть чопа заткнемо у бочку—якъ разъ же чипъ загубылы,—обизвався водовозъ, братъ Маркивъ. Але Иванъ наче не чувъ ничого; винъ стоявъ и терпляче сподивався, покы прыкажчыкъ розскаже возіямъ., зъ якыхъ стаёкъ почынаты возыты пшеныцю.

— Де-жъ звелыте мени становытысь?—запытавъ знову Иванъ, якъ тилько возіи одійшлы видъ прыкажчыка.

— Ты й доси стоишъ надъ моею душею?—грымнувъ прыкажчыкъ: я-жъ тоби вже казавъ не разъ и не два, що роботы про тебе немае въ економіи. Отъ наказаніе!—звернувся винъ до нимця-машыныста:—ніякымъ робомъ не одвьяжусь одъ цёго парубка, наче зважывся дратуваты мене! Проженить ёго хоть вы, Карло Хведоровычу!—Машыныстъ вызырнувъ зъ-за паровыка.

— Зашемъ онъ такъ бледъ и худъ?—запытавъ замисть видповиди нимець.

— То-жъ то и йе: у тили ледве-ледве душа держытся, а воно й соби лизе до молотылкы.

— Мало кушалъ?!—не то запытавъ,—не то про себе завважывъ нимець.

— Роботу мени яку-небудь дайте!—наблызывся Иванъ до машыныста.

— Нема тоби роботы! геть иды зъ току безъ клопоту!—видповивъ за нимця Сыдиръ Степановычъ.

— Зашемъ нема роботы? Ого! робота йе! Буде робота Много буде робота!—засміявся нимець, прыемно ударяючы долонею по паровыку.— Это молотилка дастъ работа! Ого! Ему тоже буде робота!—додавъ винъ, показуючы пальцемъ на Ивана.

— Въ экономіи нема и не буде николы тоби роботы,—мовывъ прыкажчыкъ.—Иды соби зъ Богомъ, не клопочы моеи головы!—

— Зашемъ иди? Онъ бледъ, онъ худъ, онъ мало кушалъ, онъ хотелъ зароблятъ,—заступывсь машыныста за Ивана.—Ты сталъ тутъ—потягъ нимець Ивана до себе,—а ты, громадна, пашолъ снопъ кидаль!—додавъ винъ, энергично видпыхаючы видъ грубкы паровыка якогось гладкого парубка. Иванъ весело усмихнувся. Мыттю скынувъ винъ грабли та выла зъ плечей, роздягся зъ чумаркы, ухопывъ оберемокъ соломы и хотивъ вже пхаты въ паровыкъ.

— Бытыму, якъ що не пидешъ звидсиль по добрій воли!—грымнувъ навспражкы розгниваный прыкажчыкъ.—Ты знаешъ, що панъ забороняють тоби ходыты въ економію—ну, и не ходы.

— Зашемъ кричаль? Онъ скоро бѣгаль?—здывувався нимець.

— Ему не дозволяють панъ ходыты въ экономію,—мовывъ прыкажчыкъ.

— Зашемъ не дозволяйтъ? Онъ краль? онъ пьянъ? онъ грубій?—допытувався нимець.

— Це.... мовывъ щось пошепкы прыкажчыкъ на вухо нимцеви...

— А-а! О-о-о-о?—протягъ машынистъ и уставывъ свои сири кругли банькы на Ивана. Иванъ не вытрымавъ цёго погляду и опустывъ, наче вынуватый, очи до долу. Пройшла хвылына, несказанно довга та тяжка для Ивана... Прожене! прожене и нимець! думавъ зъ мукою, зъ билью на серци Иванъ и не смивъ вже звесты своихъ очей вгору.

— Иды соби, Иване, зъ Богомъ! Радъ-бы у прыгоди тоби статы, та не можу.. Ты вже велыкый, повыненъ и самъ розумиты, що тоби тутъ не мисце,—звернувся Сыдиръ Степановычъ значно мылостывише до Ивана.

— Зашемъ иди? Я зоставлялъ Иванъ!—потягъ несподивано машынистъ знову Ивана....

— Неможна, Карло Хведоровычъ! Не можна—яки бо вы! Це-жъ... тее, це, знаете.... Не зоставляйте ёго!—ставъ умовляты прыкажчыкъ.

— Я зоставлялъ Иванъ... уперто мовывъ нимець и ще дужче прытягъ парубка до себе..

— Ваша воля, Карло Хведоровычъ, тилько глядить, щобъ я потимъ не бувъ вынуватымъ....

— Не, не.... я винуфатъ! я зоставлялъ Ифанъ... я винуфатъ!—мовывъ весело нимець, ударяючы себе у груды.—Ифанъ паровикъ, а громадна пашоль сичасъ снопъ кидаль!—скомандувавъ винъ и, глянувшы на годынныкъ, подавъ третій свыстокъ.

Робота закыпила. Осинне сонечко тилько-тилько що пиднялося надъ краевыдомъ и прывитало першымъ проминнямъ новеньку, блыскучу молотылку. Це бувъ першый день іи праци, перша проба іи здибносты, и вона не загаялася показаты свою сылу. Не дали, якъ черезъ годыну робитныкы вже втомылыся, надаючы роботу іи гострымъ бычамъ. Шестеро дивчатъ, що стоялы на платхворми, поскыдалы платкы, карсеткы, але все не встыгалы надаты розвьязаныхъ снопивъ; барабанщыкы вырывалы зъ рукъ снопы, кыдалы ихъ въ барабанъ зъ перерывамы, запыхалы цили оберемкы—молотылка вымагала ще бильшого поспиху. Прыкажчыкъ бигавъ, крычавъ, переставлявъ людей зъ мисця на мисце, лаявся.... Нервовый настрій охопывъ робочыхъ—воны вже пересталы

розумиты, чы праця видповидна ихъ физычній сыли, пьялыся черезъ сылу, зъ серцемъ, проклёномъ, але машыниста ще подававъ свыстки, вымагавъ ще бильшого спиху, бо молотылка йшла на-пивъ у порожни. Нарешти прыкажчыкъ схаменувся.

— Зупынить іи хочъ на хвылыну, хай ій всячына! И солома не складена, и полову по всёму гармани роскыдано, рады ніякъ ничому не дасы!—попрохавъ Сыдиръ Степановычъ нимця.

— Ага! Кому нима роботы?—ажъ покотывся одъ смиху нимець.—Ифанъ нема роботы? Ого! Ифанъ чубъ мокра!

— Я ввесь облываюся потомъ, не-то вашъ Иванъ. Зупынить іи, каторжну;-зроду-вику не бачывъ такои скаженои молотылкы, Сюды треба у-двое бильше робочыхъ клыкать; я пиду прыведу хочъ зъ десятокъ людей,—мовывъ прыкажчыкъ...

Машынистъ трохы у долони не плескавъ: це-жъ винъ самъ пораявъ іи купыты.... Хай, хай прыкажчыкъ прыведе ще робочыхъ—винъ добавыть ще пары...

— Нема роботы? Нетъ бедный Ифанъ роботы?—звернувся весело нимець до Ивана, зупынывшы молотылку.—Теперъ ты, Ифанъ, отдыхаль, кушай-на булка, вся кушай, а потомъ знову молотиль!—додавъ винъ и подався прочыщаты решета. Люде радисно прывиталы ци перши хвылыны спочынку...

Дивчата посидалы на платхворми, чоловикы побиглы курыты; хто бувъ пидъ половою—побиглы вытрушуваты зъ-за комира та пазухы колючу полову; але ранише одъ усихъ кынувъ роботу Марко. Кыдаты снопы на платхворму—це завжды тяжка и непрыемна робота, але на цей разъ Маркови вона здалася у-десятеро тяжчою и непрыемнишою, нижъ завжды. Ввесь часъ, кыдаючы снопы, Марко не забувавъ ни на хвылыну, що Иванъ не тилько на гармани, але ще й биля зовсимъ легкои роботы, и ця думка наче додавала вагы до кожного снопа, що винъ мусывъ кынуты, лягала каминемъ на серце, навить зменьшала сылу у рукахъ.

Якъ тилько молотылка зупынылася, Марко побигъ до паровыка.

— А що? ще жывеньки? не пидвередылыся соломкою?—напався зразу винъ на Ивана.

— Ще брыкають, слава Богу: нимець булочкою пиддержалы!—пидтрымавъ Марка Максымъ.

— Може-бъ вы такы пожалувалы ще до насъ, попокыдалы снопивъ? Ввечери гроши однакови, що й мы, визьмете, а робыты однаково зъ намы не хочете?—прысикався знову Марко.

— Тутъ, биля паровыка, повынна стояты дивка, або хлопьякъ—хай-же теперъ и Иванови заплатять таки гроши, якъ и дивчатамъ—мовывъ Максымъ.

— Ты платытымешъ? Твои гроши?—скыпивъ Иванъ.

— Дарма, що не мои гроши—всякому досадно зносыты отаку неправду: мы ось пропадаемо за-рады полтынныка, а ты за играшкы визьмешь ти сами гроши...—завважывъ Максымъ.

— А мени, братця, ось що найдосаднише: оце-жъ винъ пхае сёгодни солому у грубу, а ввечери прыйде на вулыцю, тай выхвалятыметься: я бувъ на гармани, заробывъ, якъ и инши парубкы, полтынныка,—мовывъ Марко, закурюючы биля паровыка цыгарку.

— Колы-бъ хочъ Оныська угледила его на роботи!—нагадавъ Марчивъ братъ.

— Що зъ того? Вона скаже: винъ не вынуватый, що ёго тутъ настановылы; ёму, де звелили, тамъ винъ и ставъ—видповивъ Марко.

— Чого вы вьязнете, чого вамъ треба? Одійдить геть, бо ще комусь голову роскраю!—крыкнувъ на хлопцивъ Иванъ.

— Чы ба! И до снидання не побувъ биля молотылкы, а вже страща!—засміявся Максымъ.

— Кажу—одійдить одъ гриха!—скыпивъ ще дужче Иванъ.

— Зашемъ ви тутъ? Зашемъ не згрибалъ солома, полова? Пашоль работай!—скрыкнувъ на хлопцивъ нимець, що саме нагодывсь тутъ.

— Карло Хведоровычъ! Онъ Иванъ просытся до снопивъ—видпустить ёго, а на ёго мисце я прыведу яку-небудь дивчыну!—звернувся несподиванно Марко до машыныста.

— Зашемъ Иванъ снопи?—здывувався нимець...

— Винъ тутъ не хоче бильше стояты—каже, проби ёму тутъ скушно.

— Зашемъ скучно?—здывувався ще дужче нимець.

— Ёму, бачыте, соромно, що винъ такый здоровый парубокъ, та биля паровыка стоить. Пустить ёго до снопивъ, Карло Хведоровычъ, бо, дывиться, у ёго вже и слёзы на очи навертаются,—мовывъ не зморгнувшы Марко.

Нимець глянувъ на стурбоване, блиде, у червоныхъ плямахъ, облыччя Ивана.

— Тибе скучно? хочъ снопи, Ифанъ? Иды, иды,—згодывся нимець.

Загальный регитъ покрывъ останни слова машыниста.

— Ви радъ?—зрозумивъ нимець по-своему цей регитъ,—ви радъ, што Ифанъ до васъ?

— Эге, эге!.. пидхопылы Марко та Максымъ—скучылы, Карло Хведоровычу, за Иваномъ.

Иванъ взявъ выла и мовчкы пишовъ до скырты...

Тымъ часомъ прыкажчыкъ повернувся зъ села и прывивъ за собою душъ десять робочыхъ. Незабаромъ прыбралы на току, и нимець знову пустывъ у ходъ молотылку. На помичъ дивчатамъ стала ще одна дивка, а на скырту злизло ще два парубкы; але Марко норовывъ, щобъ Иванови доходылося найважче й нарошне ставъ напередъ, прымушуючы и Ивана зайняты постать поручъ.

— Дивчата! дывиться, якого я вамъ кыдія прывивъ! Теперъ вже не буде угайкы за снопамы. Оныською, ось глянь, кого я до тебе прытарабанывъ! — крыкнувъ цилкомъ задоволеный своею помстою Марко.

— Иванъ снопы кыдатыме? Боже поможы!—пидхопылы дивчата.

— Отъ яке дыво, що Иванъ снопы кыдатыме! Адже кыдае снопы и Марко, и Дорошъ, и Степанъ, и ось Спырыдонъ кыдатымуть—та й не дывуетеся... Тилько все зъ Ивана вамъ дывно!—заступылася за Ивана Оныська.—Почынай, Иване, кы-

даты, щобъ заздалегидь накыдаты. Ты кыдай Мотри, а Марко хай постачае мени.

— Думаешъ, не постачу, чы що?—засміявся Марко.

— Тамъ побачымо! видповила пышаво Оныська и одвернулася видъ Марка. Иванъ настромывъ на вила снипъ и кынувъ ёго зъ усіеи сылы. Снипъ перелетивъ черезъ молотылку и упавъ на голову якоись дивчыны.

— Якый тамъ катъ шпурляется?—скрыкнула зъ серцемъ дивчына, у котру улучывъ Иванъ.

— Цытьте! Терпы, хрещеный мыръ—Иванъ снопы кыда!—сповистывъ на увесь гарманъ Марко.

— Годи хвастаты! Чого це ты справди глузуешъ? Ачъ якый самъ робитныкъ вдатный!—обизвався дядько Хведиръ, що перекыдавъ биля скырты снопы.

— Ты ось краще поминяйся мисьцемъ зъ Иваномъ, колы ты справди такый мытець кыдаты. Ты стань на цей бикъ, а Иванъ хай становытся за витромъ, то ёму легше буде,—додавъ дядько Степанъ.

— А нуте, якъ васъ по батюшци, становиться на мое мисце—звернувся трохы засоромленый Марко до Ивана. Але Иванъ не рушывъ зъ мисця.

— Не комызыся, Иване, не дывыся на Марка—стань, куды люде радять—мовыла Оныська и нарошне перейшла на другый бикъ платхвормы. Иванъ мусивъ перейты тежъ и ставъ навпроты Мотри.

Почалась робота. Иванъ ставъ кыдаты снопы. Спочатку снопы не здавалысь важкымы—иноди зъ пересердя винъ навитъ и не прымичавъ ніякои вагы, але трохы дали, якъ тилько скырта стала ныжчаты, а на души заспокоилося, снопы значно поважчалы и иноди сталы спрысаты зъ вылъ. Проте винъ надававъ Мотри роботы и ни разу ще не чувъ видъ неи: „сноцивъ!" Зате Маркови прыйшлося насправжкы до скруту: разъ не зручно було проты витру кыдаты, а вдруге и Оныська не давала й дыхнуты.

— Сноцивъ! сноцивъ!—крычала вона, якъ тилько прымичала, що Марко хотивъ хочъ хвылыну перепочыты.

— На, йижъ! на, йижъ, ненажерлыва!—сміявся Марко, шпурляючы снопамы, але почувавъ, що сылы ёго значно меньшають.

— Вже сопышъ? Передыхаешъ, спочываешъ? Утомывся вже?—напався Марко зъ пересердя на Ивана, котрый справди ледве переводывъ духъ и хотивъ спочыты.—Я за двохъ не робытыму: я прыкажчыкови поскаржуся.

— Адже у Мотри немае угайкы: снопы йе,—видповивъ Иванъ, самъ одначе гараздъ не розуміючы, колы и якъ винъ надавъ таку купу снопивъ.

— Снопивъ! снопивъ!—ажъ затупотила Оныська.

Марко не встыгъ гараздъ обитерты й поту.

Иванъ кынувъ снипъ, другый, третій и знову ставъ спочываты.

— Вже спочываешъ?—запрымитывъ Марко.

— Снопивъ! снопивъ!—гукнула Оныська.

Марко скыпивъ: черезъ хвылыну Оныська була закыдана снопамы трохы не зъ головою.

— Теперъ задовольнылася, ненажерлыва? — запытавъ Оныську Марко, прысидаючы на скырти, щобъ хочъ трішечкы перепочыты.

— Снопивъ! снопивъ!—закрычала черезъ хвылыну Оныська.

Марко ажъ пидскочывъ.

— Та що то за знакъ? Куды ты снопы диваешъ? А! онъ що!—нарешти зрозумивъ винъ.—Це ты Мотри мои снопы пересуваешъ. Такъ ни-жъ, цёго я дали не попущу! Ачъ, що прырозумилы! Иванъ гавъ ловыть, а я за ёго працюю... Кыдай, кыдай, котячый недойидокъ, колы прыйшовъ на роботу!—накынувся винъ на Ивана.

— Адже я кыдаю!—видповивъ Иванъ, настромляючы на выла снипъ.

— Адже винъ увесь часъ кыдавъ—у мене не було николы угайкы за снопамы,—заступылася и Мотря.

— Знаю я, бачывъ я, якъ винъ кыдавъ! Ну, теперъ я тоби й снопа не подарую—кыдай наривни зо мною, колы берешъ однакови гроши. Оныську! колы ты хочъ одынъ снипъ передасы Мотри, то я покыну роботу.

— Нужни комусь твои снопы! Иванъ самъ надае намъ обомъ снопивъ—видповила, ледве здержуючы смихъ Оныська.

А Иванъ тымъ часомъ скынувъ шапку, скынувъ чумарку и заходывся шпурляты снопы.

— А що, а що? Дывыся, скилько у Мотри снопивъ! У мене и въ половыну нема стилько, якъ у неи—дратувала Оныська похмурого, безъ краю сердытого, Марка.

— Побачымо дали!—буркнувъ винъ... Побачымо, що дали буде.

— Все добре й дали буде—мовыла зъ певнистью Оныська.

Иванъ тежъ певенъ бувъ, що „дали все добре буде". Чого справди цей Марко каркае. Адже-жъ винъ самъ снопы кыдае! По шисть парубкивъ зъ кожного боку молотылкы стоять на такій же самій роботи; ще тамъ, що зъ того боку стоять, важче доходытся, бо треба снопы кыдаты зъ-долу... Маркови тежъ сутяжнишъ проты витру кыдаты; до того кыдавъ винъ ввесь часъ майже за двохъ. Проте вси воны управляются, вси наривни роблять. Чому-жъ тилько винъ не здолае свого накыду, не управытся зъ снопамы? „Хочется тоби, братику, опорочыты мене передъ людьмы, а найпаче передъ Оныською—та я не попущу себе до того",—подумавъ самъ соби Иванъ и ставъ ще жвавише працюваты.

Пройшло якъ съ пивгодыны. Мотря ни разочку не нагадала Иванови про снопы. Оныська тежъ мовчала и тилько, зустрившысь зъ поглядомъ Ивана, лукаво пидморгувала на Марка. Марко наче у ротъ воды набравъ: не звертався, не обзывався ни до кого и пыльно поглядавъ, щобъ жаденъ снипъ не попавъ до Мотри.

Але ось щось несподиване трапылося зъ Иваномъ: у голови помутылося, зачервонило у виччю... кольнуло разъ, вдруге у ливый бикъ... ось пройняла колька все сердце наскризь. „Спочыты-бъ трохы"—промайнуло въ ёго голови.

— Не сопы! Не хекай! Кыдай!—прошыпивъ надъ самымъ ёго вухомъ Марко.

— Ось зразу... кыдатыму... видповивъ наче трохы очунявшы одъ цыхъ сливъ Иванъ.

— Кыдай! я вдруге за тебе не робытыму! У всихъ снопы йе; тилько у тебе немае!—мовывъ знову Марко.

Иванъ глянувъ на платхворму—у Мотри справди сночивъ не було, а Оныська наче скамьянила и зъ невымовнымъ жахомъ дывылася на ёго...

— Кыдай-бо!—грымнувъ ще дужче Марко.

Иванъ перевивъ духъ, перемигъ кольку и ставъ знову кыдаты, кыдаты, та ще кыдаты нависни снопы...

III.

Прыкажчыкъ, здавалося-бъ, не мавъ теперъ на вищо скаржытысь: ни за лантухамы, ни за водою, ни за соломою не було вгайкы; роспорошени по всимъ току робочи давалы ладъ кожній соломыни, кожній збоини. кожній зерныни; адже Сыдиръ Степановычъ ходывъ невеселый. На вищо винъ вставъ сёгодни спозаранку, рады чого бигавъ по селу, йиздывъ верхы по хуторахъ, колы той, на корысть чію винъ працювавъ, не хоче выйты хочъ на хвылыну та подякуваты Сыдорови Степановычу за ёго порядкы? Ось вже сонечко на обидъ звертае, а пана все нема... Даремно прыкажчыкъ выбигае за тикъ, даремно вызырае, даремно посылае въ экономію то за тымъ, то за другымъ, абы нагадаты панови, що на гармани йде молотьба—панъ все не йде.

Але панови й справди теперъ не до молотылкы...

Блидый, безъ краю стурбованый, бигае винъ мовчазный взадъ и впередъ по просторимъ кабинети и, здается, не бачыть, не розуміе, не памьятае ничого, опричъ тіеи думкы, що цилкомъ опанувала нымъ. На шырокій, крытій оксамытовымъ кылымомъ турецькій канапи сыдыть ликарь. Винъ тежъ мовчыть, але спокійне облыччя ёго доводыть, що винъ не тилько не прыймае нiякои участи у турботахъ пана, але навить не розуміе ёго и нетерпляче сподивается тіеи хвылыны, колы нарешти панъ заспокоится и покладе кинець цій довгій, непрыемній и до того незрозумилій аудіенціи.

— Выбачте!—мовывъ нарешти ликарь, пидводячысь зъ канапы—дали я не можу, на превелыкый жаль, зоставатысь у васъ. Вже девята годына, а я мушу сёгодни неодминно одвидать своихъ амбулаторныхъ.

— Благаю васъ, добродію, погодить трохы, не покыдайте мене... Вы бачыте, у якому я настрію. Я стилько покладавъ надіи на васъ... нарешти я хочу запобигты у васъ порады зъ прыводу пытання, дорожчого за-для мене надъ саме жыття—попрохавъ Петро Ивановычъ.

— Впевняю васъ, що ангина вашого сынка пройде черезъ два дни, проте... колы вы, може, не йметe виры мени, то запрохайте иншого ликаря.

— Не те, зовсимъ не те!—перепынывъ Петро Ивановычъ ричъ ликаря... Про ангину я навить забувся и думаты.

— У такимъ рази я вже зовсимъ не розумію, на вищо я вамъ здався?—завважывъ ликарь.

— Сядьте, прохаю васъ, подаруйте мени якъ зъ пивъ годыны, и вы впевнытеся, що я не даремно запрохую васъ зостатысь у мене, що я дійсно маю до васъ, якъ до ликаря, якъ до молодои, интелигентнои людыны, велыке дило.

Ликарь поклавъ свій картузъ на мисьце и сивъ знову на канапи.

— Вы сами звернулы, добродію, увагу на те, що сынокъ мій, колы вы оглядалы ёго, обирвавъ несподивано ричъ на пивслови и зомливъ на короткый часъ.

— Такъ, я звернувъ на це увагу, але особлывого значиння не прыдавъ, бо, здается, сынокъ вашъ—кремьязный хлопець и ни на яки нервозы не може поскаржытысь.

— Помыляетесь, помыляетесь вы, добродію!—мовывъ зъ одчаемъ Петро Ивановычъ. Це винъ вже въ третій разъ зомливае и сёгодни я впевнывся, що те, объ чимъ я боявся подуматы, згадаты,—гирка правда: я певенъ, що мій Сергій эпилептикъ.

— Може вы поспишаете зъ діагнозомъ?—завважывъ ликарь...

— Ни, ни! на превелыке горе мое, на безталання мое, я не помыляюся. Люта, немылосердна прырода не схотила

поступытысь и на ступинь видъ своихъ законивъ за рады мого безталанного сына, не помылувала вона и ёго нещаслывого...

— Хиба эпилепсія у васъ у роду?—запытавъ ликарь.

— Ця хвороба проклёномъ лежыть на всій моій родыни видъ самыхъ пращуривъ... Никого вона не мынула, ридко кому не скоротыла на половыну жыття. Вси мы, родычи, це знаемо. Я йиздывъ за кордонъ, я радывся зъ ликарямы, я личывся, не зважувався довгый часъ женытысь, бо певенъ бувъ, що тягаръ ціеи проклятои хворобы не мыне й моихъ дитей. Але ось на трыдцятимъ роци эпилепсія мене покынула.—Я наче на свитъ народывсь, але ще висимъ рокивъ оберигався женытысь, нарешти я зробывъ цю мерзенну гыдоту—я оженывся и давъ жыття безталанному эпилептику. Уявить-же теперъ мое становыще, зрозумійте мукы моеи совисти!

— О!—поспишывся ликарь заспокоиты стурбованого пана:—це звычайна ричъ! У нашъ викъ батькы залышають своимъ дитямъ писля себе далеко бильше рижныхъ недугивъ, нижъ червонцивъ.

— Звычайна ричъ? Злочынство всяке, душогубство тежъ, добродію, звычайна ричъ; адже я певенъ, що колы-бъ я пидъ вплывомъ помсты або якого хыжого инстинкту утявъ кому-небудь ногу або руку, колы-бъ я вчынывъ навить своему ворогови яке зло,—вы-бъ першый осудылы мене и не схотилы поводытыся зо мною, якъ зъ ривнымъ соби... Бильшъ того,—колы бъ, напрыкладъ, зналы, що я, маючы яку-небудь заразну хворобу, пишовъ помижъ здоровыхъ людей—вы бъ вважалы за свій обовьязокъ зупыныты мене. Черезъ вищо жъ батькы корыстуются окремымы прывилегіямы? Хто давъ прывилегію батькамъ обрикать свою дытыну на виковични мукы, надаючы ій то хворе серце, то туберкулёзъ, то эпилепсію? Якъ можете вы, ликарь, натуралыстъ, называты спокійно таки вчынкы звычайною ричью?

— Одъ усёго серця стыскую вашу руку, Петре Івановычу, обизвався ликарь.—Я васъ спочатку не зрозумивъ. Мы, ликари, краще нижъ хто иншый бачымо те горе, ти страшенни наслидкы батькивськои необережносты, жертвамы котрои заповнени дитськи

больныци, вьязныци, дома для божевильныхъ. Вы, прынаймни, вкупи зъ наслидуваною хворобою передаете сынови и наслидувани маеткы, вы обезпечуете жыття своій хворій дытыни, вы даете можлывисть жыты у пидхожыхъ за-для ёго слабого организму умовахъ; а скилько такыхъ батькивъ, що, надилывшы дытыну своимъ слабымъ организмомъ, кыдають іи на голодъ, холодъ, вымагають видъ дытыны боротьбы, колы вона не здатня навить на спокійне життя...

— О! про це вже ничого й казаты!—завважывъ Петро Ивановычъ.—Колы бъ я не мавъ достаткивъ, щобъ забезпечыты свою дытыну, то я бъ напевне не оженывся. Але, бачыте...—повивъ Петро Ивановычъ свою ричъ дали:—таку дытыну, якъ мій хворый сынъ, мало забезпечыты матеріяльно—ёму насампередъ потрибенъ спокій моральный.

— Ну, це вже не видъ васъ залежыть,—мовывъ ликарь.

— Трохы й видъ мене,—завважывъ Петро Ивановычъ.—Я, по соби знаю, постилько жыття наше, интелигентныхъ людей, залежыть видъ того чы иншого идеалу, видъ того чы иншого свитогляду. Я, напрыкладъ, увесь викъ свій бувъ мученыкомъ, дякуючы тому, що батько мій, людына сороковыхъ рокивъ, пестывъ мене у идеалахъ своихъ молодыхъ годивъ.

— Ну-те?

— Я хочу уберегты свого сына видъ траты сылы и энергіи на даремну боротьбу зъ жыттямъ; я выробывъ соби окрему програму для выховання свого сына и попрохаю у васъ маленькои допомогы.

— Чымъ можу статы вамъ у прыгоди?—запытавъ ликарь.

— Вы недавно скинчылы университетъ, напевне маете звьязокъ де-зъ-кымъ зъ своихъ товарышивъ... порадьте мени, будьте ласкави, кого-небудь у воспытатели до сына. Людына ця повынна буде насампередъ выховуваты зъ мого сына индиферентного, спокійного по-всякъ-часъ, и въ гори, и въ радосты, стоика. Бильшъ того, заради спокою, заради здоровья свого сына, за котре я повыненъ буду ввесь викъ свій даваты видповидь

передъ судомъ своей совисти, я здатенъ видступыться видъ найдорожчыхъ принцыпивъ и радо прывитаю ту людыну, що навчыть мого сына не прымичаты, прынаймни не звертаты увагы ни на зло, ни на неправду, ни на яку околышню гыдоту—одно слово: ни на вищо, що могло-бъ стурбоваты ёго хвори нервы.

— Ну, такого воспытателя вы напевне не знайдете!—засміявся ликарь, бо наврядъ, щобъ яка интелигентна, дійсно освичена людына погодылася зъ такою програмою эгоистычного индиферентызму... Гадаю, що трохы згодомъ, колы вы заспокоитеся, то вы й сами іи видкынете... Але у всякимъ рази, якубъ программу не натхнуло вамъ ваше горе, я буду завжды згадуваты часъ прыемного знаёмства зъ вамы и видъ щырого серця кажу вамъ: вы—идеальный батько! Дайте намъ якъ найбильшъ такыхъ батькивъ, якъ вы, людей зъ такымы принципамы, зъ такымъ певнымъ, яснымъ поглядомъ на свои батькивськи обовьязкы, на свою видповиднисть за долю своеи дытыны,—и видъ разу въ якыхъ-небудь пивсотни рокивъ, хворыхъ, злочынцивъ, божевильныхъ и взагали нещастныхъ людей поменьшае на добру четвертыну...

— Сергій йисты хоче... звелышъ даты, чы хай пидожде?—запытала, увиходячы у кабинетъ, молода, повновыда пани, жинка Петра Ивановыча.

— Ни, хай ще перетерпыть до десятои годыны—видповивъ Петро Ивановычъ, зазырнувшы на свій годынныкъ...

— Вы сами и за йижою наглядаете?—здывувався ликарь...

— И за йижою, и за одягомъ, и температурою—за всимъ винъ самъ доглядае; мени, якъ матери, ничого и робыть,—завважыла весело пани...

— Я тилько що назвавъ вашого чоловика идеальнымъ батькомъ. На превелыку радисть свою, зъ кожною хвылыною впевняюся, що я не помылывся,—звернувся ликарь до паніи.

— О, Петро Ивановычъ, якъ батько, не мае, здается, соби и ривни. Тымъ-то винъ и доларубкувався до сорока рокивъ, що все боявся цихъ страшенныхъ батькивськыхъ обовьязкивъ,—видповила пани.

— Кони подани! сповистыла дивчына... Ликарь мавъ прощатысь...

— Я не довивъ своеи речи до кинця, вы такъ поспишаетесь...—мовывъ панъ.

— Другымъ разомъ радо побалакаемо. Вы зачепылы пытання, съ прыводу котрого йе багацько що казаты; але теперъ я не можу, выбачте мене,—видповивъ ликарь, простуючы до переднёи. Петро Ивановычъ выйшовъ ёго проводыты.

— Дуже васъ прохаю, колы маете яку добру кныжку про эпилепсію, то передайте мени—я вамъ незабаромъ поверну іи,—попрохавъ панъ въ передній.

— Не ражу вамъ чытаты ликарськи кныжкы,—завважывъ на-пивъ зъ жартомъ ликарь.

— Ни, ни! Гроши, выхованяя, медыцыну—все мушу поклыкаты на допомогу соби, щобъ хочъ трошечкы заспокоиты свою совисть,—мовывъ палко панъ.—Тяжко, знаете, невымовно тяжко почуваты себе ворогомъ своеи дытыны,—додавъ винъ трохы згодомъ, одвертаючысь до викна, передъ которымъ давно сподивалася ликаря пара чудовыхъ сирыхъ коней, запряженыхъ у блескуче нове ландо.

— Машынистъ ликаря клычуть!—крыкнувъ несподивано пидъ самымъ викномъ якый-сь хлопець...

— На вищо?—запытавъ панъ.

— Парубокъ кинчается!—мовывъ хлопець.

— Якый парубокъ? Де винъ?—запытавъ Петро Ивановычъ.

— На гармани—кыдавъ снопы... зомливъ, упавъ, а теперъ кинчается—видповивъ якось несмилыво хлопець.

— Якый-же це парубокъ?—запытавъ панъ.

— Не знаю... лыбонь Иванъ Степанидынъ,—мовывъ хлопець.

— Спизнюся я сёгодни до моихъ паціентивъ, але ничого робыты—треба бигты на гарманъ,—мовывъ ликарь, спишно одягаючы пальто.

— Ни, ни... не турбуйтесь про цёго хлопця: це зъ нымъ звычайна ричъ... винъ давно не здужа... Тутъ йе у насъ больныця—

я звелю зразу одвезты ёго!—поспишывся Петро Ивановычъ заспокоиты ликаря.—Впевняю васъ, що вамъ нема для чого гаяты часу биля ёго... А ты,—звернувся панъ до хлопця, видразу зминывшы голосъ,—гукны до мене прыкажчыка!—Скажы, щобъ все кыдавъ та йшовъ!—додавъ винъ надто, якъ здалося ликареви, суворо. Хлопець майнувъ, скилько духу, до прыкажчыка, а ликарь сивъ спокійно у ландо и выйихавъ зъ двору.

IV.

Ландо завернуло за садъ, помынуло гарманъ и покотылось по-надъ крутымъ берегомъ узенькои, але глыбокои чыстои рички. Ликарь обиперся объ подушкы экипажа и закурывъ цыгарку. Винъ почувавъ себе у цей соняшный, осинній ранокъ незвычайно гарно. Чы то чудова панорама на ричку, на витрякы, на ростягнуте довгою стёжкою по-надъ ричкою село изъ садкамы, шырокый степъ, чы то безхмаре небо, що, злываючысь десь далеко на краёвыди зъ темнымъ лисомъ, робыло наче ряму кругъ сёго щастлывого куточка, де люде, напевне, жывуть спокійно пидъ пуховымъ крыльцемъ такои освиченои, такои гуманнои людыны, якъ панъ Петро Ивановычъ; чы то свиже тыхе повитря чудового ранку, а чы, може, це несподиване знаёмство, ця коротенька розмова зъ „идеальнымъ“ батькомъ, зробылы таке вражиння на молоду, чулу душу ликаря? Напевне, напевне це винъ, самъ панъ, навіявъ своимы словамы, своимъ ридкымъ у наши часы свитоглядомъ цей настрій, а краевыдъ и небо, и повитря, и село, и ричка—це тилько эстетычни додаткы до того вражиння, що зробывъ самъ панъ,—це той винокъ, котрымъ уквитчала сама прырода людыну, пизнавшу, прызнавшу и поклавшу соби за обовьязокъ маты завжды іи певни, нерухоми законы на увази.

— Тпрр!—спынывъ несподивано визныця коней.

— Що тамъ таке?—запытавъ ликарь.

— Онъ хтось гукае! Здается, нимець бижыть,—показавъ рукою визныця у ту сторону, звидкиль доносывся гулъ молотылкы.

Ликарь глянувъ туды. Справди, якыйсь чоловикъ, весь у билому, бигъ навпереймы ландо и махавъ платкомъ.

— Винъ щось и крычыть, та не розберу ничого,—мовывъ визныця... Винъ якъ поблызу балака, то не утнешъ видразу, а здалека зовсимъ не розберешъ ничого—додавъ винъ.

— Це винъ, здается, мене гукае!—мовывъ ликарь.

— Може и васъ,—мабуть, чы не до Ивана.

— Господинъ докторъ, господинъ докторъ!—донеслося до ликаря.

— Такъ и йе—це винъ васъ клыче: мабуть, тому сердешному Иванови не перелывкы, бо нимець даремно не побижыть, завважывъ визныця.

Ликарь вставъ зъ ландо и пишовъ машыныстови назустричъ.

— Господинъ докторъ! Ифанъ вмирай! Ради Богъ, скорей!—мовывъ запыханый, червоный нимець, поздоровкавшысь зъ ликаремъ.

— Петро Ивановычъ казавъ, що ёго заразъ одвезуть у больныцю,—спробувавъ одмигтыся ликарь.

— Ифанъ вмирай! Нельзя больныць... Пожальста, господинъ докторъ! Пожальста... одинъ секундъ...—прохавъ нимець, важко переводячы духъ и вытыраючы зъ лоба зъ горохъ завбильшкы крапли поту.

— Николы мени—отъ горе!—мовывъ наче про себе ликарь...

— Пожальста, пожальста, одинъ секундъ!—прохавъ ще пыльнише нимець и повернувъ до гарману. Ликарь пишовъ за нымъ. Нимець простувавъ прямо черезъ канавы до гарману и зупынывся биля вузенького суточка по-мижъ двохъ жытнихъ скыртъ.

— Кидаль снопъ...упаль и—конвульсій... Теперь слава Богъ! прошоль конвульсій, тилько обморокъ!—мовывъ Карлъ Хведоровычъ, опускаючысь навколюшкы передъ лежавшымъ на земли зомлилымъ Иваномъ. Ликарь оглядивъ парубка. „Де я ёго бачывъ?"—промайнуло у ликаря въ голови—„Я певенъ що десь и, здается, недавнечко, бачывъ я и цей высокый, трохы одлогый лобъ,

и цей тонкый, ривный нисъ, и це на-двое передилене пидбориддя, и навить цей русявый кучерявый чубъ, що такъ неслухняно падае на очи. Але де? Колы?"

— Теперъ ёму вже полегшало—винъ чы не заснувъ, а за хвылыну таке було, що не прыведы Царыце Небесна! Думалы, що винъ скаличытся на викы: и ногы, и рукы корчыло, й выдъ корчыло на бикъ,—обизвався дядько Хведиръ, скыдаючы зъ гарбы снопы.

— О! какой биль конвульсій!—додавъ нимець... И рукы, и ногы, и голова... Ну, теперъ онъ буде спокойнъ? не будетъ больше конвульсій?—запытавъ винъ, трохы заспокоившысь, ликаря.

Але ликарь не встыгъ видповисты на це пытання, якъ Иванъ знову засипавъ рукамы, ногамы, знову затрипалося усе тило, изнову налыти кривью банькы забигалы, перекосылыся, зъ рота выкотылася темнымъ клубкомъ пина...

— Ищо конвульсій!—мало не крыкнувъ зъ одчаемъ Карлъ Хведоровычъ.

— Хлороформу, швыдче!—звеливъ ликарь.

— Хлороформъ! Жифо бижаль, штобъ даваль помещикъ!—скомандувавъ Карлъ Хведоровычъ, доручаючы нагодывшомуся погонычу клаптыкъ спысаного паперу.

— Винъ, мабуть, помре! Ачъ, якъ ёго кыда, сердешного—ще дужче, нижъ ранише,—обизвався зъ скырты Степанъ.

— Це ёму, мабуть, вже не вперше трапляется?—запытавъ дядькивъ ликарь, покрываючы выдъ Ивана машынистовымъ платкомъ.

— Ни, такого ще зъ нымъ николы не було. Млявый винъ бувъ видъ самыхъ пелюшокъ: якъ розсердытся було, або попоробыть дуженько, такъ и зомліе видразу; а про чорну болисть ще не було доси чуткы,—видповивъ Степанъ.

— Сёгодни винъ попоробывъ трохы черезъ сылу: хотивъ, бачте, довесты челяди, що й винъ здатенъ до роботы, а воно ёму зразу й показало,—завважывъ Хведиръ.

— Воно тамъ и роботы було зъ ёго, Бога рады: копу чы й скынувъ на молотылку, чы й ни?... Мій Опанасъ молодшый за

ёго, проте видъ самого ранку любисенько кыдае снопы,—обизвався знову Степанъ.

— Хиба тилько Опанасъ кыда? И Марко, и Корній, и Тимохвій—уси ёго однолиткы на тій самій роботи. Робота не завадыть, якъ здоровья йе—видповивъ Хведиръ.

— То жъ то й йе! А у цёго безталанного Ивана ни тила, ни сылы и звання нема. Ачъ, якый худый,—мовывъ Степанъ, злазючы зъ скырты.

— Да, да! онъ ошень слабъ, ошень слабъ. Нетъ жиръ, нетъ тѣло!—пидхопывъ нимець, тяжко зитхнувшы и показуючы пальцемъ на росхристани, важко дыхаючи груды Ивана.

Але, властыво кажучы, тутъ не могло буты навить и речи про абы-якый жыръ, абы-яке тило. Незвычайно тонки за-для простои людыны кисткы, обтягнени жовтою, сухою, якъ пергаментъ, шкурою, ситка темныхъ, налытыхъ венозною кривью жылъ, та попсовани, хвори нервы складалы собою ввесь той организмъ, що повыненъ бувъ здобуваты соби коженъ шматокъ хлиба сутяжною працёю.

— Завертай, Хведоре, воливъ, та везы Ивана у больныцю!—гукнувъ несподивано, надиходячы до хворого, чымсь розгниванный прыкажчыкъ.

— Нетъ, нетъ!—запротестувавъ Карлъ Хведоровычъ,—онъ слабъ, онъ конвульсій!

— Ни, годи, Карло Хведоровычъ! теперъ васъ бильше николы не послухаю: нагорило й такъ мени видъ пана, дякуючы вамъ за Ивана!

— Я принялъ Ифанъ, я самъ сказалъ помещикъ!—мовывъ нимець, ударяючы себе у груды.

— Завертай воливъ та везы швыдче у больныцю,—звеливъ вдруге прыкажчыкъ, не звертаючы ніякои увагы, ни на протестъ нимця, ни на побильшавши ще конвульсіи Ивана.

— Я не дозволю займать Ивана, покы винъ зовсимъ не заспокоится и не очуняе!—мовывъ властно ликарь.

— Онъ вже Матвій и ликы несе,—обизвалася дивчынка зъ гурту дитей, що зибралысь до скырты дывытысь на хворого парубка.

— Ну, жифо, жифо! Давай скорій!—гукнувъ Карло Хведоровычъ на наблызывшогося до гармана хлопця.

— Нема ничого!—видповивъ хлопець и пиднявъ у-гору, наче на доказъ, порожни рукы.

— Якъ-то нема? Що ты брешешъ? ты квитокъ загубывъ?—скыпивъ ликарь.

— Ни, я давъ панови квитокъ, воны прочыталы та й не далы ничого: проби, у больныцю,—тамъ, кажуть, дадуть всёго, чого треба, а машыныстъ хай идуть заразъ до молотылкы.

— Ты жъ казавъ панови, що я на гармани, що це я, ликарь, пославъ тебе?—запытавъ ликарь хлопця.

— Ни, не казавъ.

— То жъ то й йе! Побижить, прохаю васъ, вы, до дому, Хведоре. Ось я напышу зразу до пана. Не гайтесь тилько, бо парубкови погиршало. Скажить тамъ панови...

— Степанъ молодшый—хай винъ пійде!—перебывъ Хведиръ ричъ ликареву.

— Васъ посылають—вы и йдить!—видмигся и соби Степанъ.

— Оба бижаль! оба разомъ, жифо бижаль!—скомандувавъ нимець.

— Але ни Степанъ, ни Хведиръ не рушылы зъ мисця.

— Та що це таке? Оглухлы вы, чы що? Говорытся бо вамъ: идить швыдче до пана!.. грымнувъ на дядькивъ ликарь.

Дядькы почухалыся, переглянулыся и, наче змовывшысь, одійшлы заразомъ геть за скырту.

Ликарь ажъ пидскочывъ.

— Та що це справди таке? Це не люде—це хыжи звири! Вы—прыкажчыкъ; звелить хочъ вы своимъ робочимъ пійты въ экономію.

— Воны не пійдуть!—видказавъ прыкажчыкъ.

— Якъ то не пійдуть? Идить у такимъ рази вы сами до пана. Розуміете—парубокъ помырае у васъ на гармани.

— Ни́колы мени бигаты—у мене тежъ свое дило йе,—буркнувъ прыкажчыкъ и одійшовъ и соби геть.

— Свинь! Скотъ! Я тибе показаль, я тибе... кынувся бувъ Карло Хедоровычъ за прыкажчыкомъ, але мыттю схаменувся и повернувъ назадъ.

— Я сичасъ самъ бижаль! Я жифо!—мовывъ винъ до ликаря, и въ ту-жъ хвылыну зныкъ за ожередомъ.

Ликарь зоставсы самъ биля Ивана. Молотылка гула за скыратмы; по всёму степу биля довгыхъ скыртъ пшеныци метушывся скотъ, люде. Купка загорилыхъ, чорвоновыдыхъ здоровенькыхъ дитокъ, нагледив пысь на Ивана, почалы гратысь на сусидній левади. Передъ ликаремъ, наче зъ земли, выросталы велычезни ожыреды соломы; що хвылыны пройиздылы то пидводы зъ лантухамы, то водовозы, то возіи; праця, жыття кыпило навкругы. И здалося ликареви, що ци конвульсіи, ци мукы хворого Ивана—не що инше, якъ тежъ видгукъ слабого организму на околышній настрій, околышній рухъ здоровыхъ людей. Хто винъ цей парубокъ? Чы мае винъ родыну, чы круглый сырота? Чы батько, чы ненька надилыла свого безталанного сына цымъ нездатнымъ до праци организмомъ? Чы розуміють воны свою провыну передъ сыномъ? Наврядъ! И пригадалося ликареви тепле, спокійне лижко маленького паціента Сергія, прыгадалося стурбоване, замыслене облыччя надъ лижкомъ хворого сына Петра Ивановыча, прыгадалася до останнёго словечка коротенька щыра розмова зъ „идеальнымъ" батькомъ. О, колы-бъ, колы-бъ побильшало на свити такыхъ батькивъ!.

Але ось зашелестила солома—ликарь обернувся. Зъ-за скырты несмилыво вызырнула якась дивчына. Вона окынула едынымъ, безъ краю смутнымъ, переляканымъ поглядомъ Ивана и, наче засоромывшысь ликаря, мыттю сховалась за скыртою.

— Онысько!—гукнувъ хтось биля молотилкы.

Солома изнову зашелестила, и дивчына побигла.

А тымъ часомъ Иванови гиршало зъ кожною хвылыною. Затыхшы було трохы, конвульсіи почалыся ще зъ бильшою сылою. Ликарь ставъ пидмощуваты, що мавъ пидъ рукою, пидъ голову Ивана, пидложывъ пидъ рукы роспущени снопы и нетерпляче выглядавъ нимця...

— Свистокъ давай! Не надо молотыть!—гукнувъ несподиванно нимець, перестрибуючы канаву, и черезъ хвылыну склянка зъ хлороформомъ полетила зъ-за скырды и упала повзъ самого ликаря.

— Свистокъ давай!—доносылося до ликаря вже зъ-за клуни.

— Не надо снопъ! Не надо! Не надо молотиль!—гукнувъ ще дали нимець, и ликарь почувъ, якъ здоровенный пасъ молотилкы гепнувся зъ усіеи сылы объ землю.

Молотылка видразу замовкла. Робочи наче скамьянилы: дивчата захололы зъ снопамы у рукахъ, чоловикы задублы зъ пидведеннымы вгору выламы, возіи сталы, якъ вкопани, середъ току, водовозы дывылыся и не бачылы, що вода давно лылась поверхъ цебра; тилько самъ Карло Хведоровычъ не бачывъ, наче не примичавъ того вражиння, що робылы ёго слова, и ще дужче гукавъ, ще дужче спынявъ роботу.

— Що це за знакъ? Карло Хведоровычу, що трапылося?— кынувся переляканo прыкажчыкъ до машыныста.

— Не хотѣлъ молотиль! Не будетъ больше молотиль! Не смей ѣхаль по снопы, не смей подаваль!—лютувавъ, наче самъ не свій, Карло Хведоровычъ, бигаючы помижъ оторопилыхъ мовчазныхъ робитныкивъ, вырываючы зъ ихъ рукъ снопы, выла, оберемкы соломы

— Що тамъ скоилося? Молотилка потерялался, чы панъ може заборонылы молотыть?—допытувався прыкажчыкъ.

— Карлъ Өедоровичъ не хотѣлъ молотиль! Карлъ Өедоровичъ не хотѣлъ служиль у такой помешшикъ! Карлъ Өедоровичъ не хотѣль бралъ денегъ у такой шеловѣкъ. Онъ скверни шеловѣкъ помешшикъ Марьенковъ! Пошоль! Всѣ пошоль! Нихто работаль на гарманъ!—крыкнувъ ще дужче нимець и кынувся до терезивъ, де чоловикы доважувалы пшеныцю. Чоловикы розступылыся, лантухъ упавъ до-долу. Нимець перескочывъ черезъ розсыпану пшеныцю, перебигъ черезъ купу розистланого на брезенти послиду и майнувъ прямо туды, де лежавъ Иванъ.

— Онъ уже спокоинъ? Онъ спаль? Я ёго взяль съ собою, я ёго сдѣлаль майстръ, бедни Ифанъ!—мовывъ нимець, уздрившы

прыкрытого платкомъ, протягшогося у весь зристъ, нерухомого теперъ Ивана.

— Иванъ вже умеръ; не вытримавъ останнихъ конвульсій!—мовывъ сумно ликарь, видкрываючы сыне, ажъ чорне облыччя парубка.

— Умеръ! Ифанъ умиралъ?—перепытавъ не своимъ голосомъ нимець.

— Вмеръ!—мовывъ вдруге ликарь.

— О-о-о-о!—протягъ Карло Хведоровычъ и мовъ скамьянивъ.—Прикащикъ, прикащикъ! подвода мени! Сичасъ подвода! Я—вонъ зъ экономіи... Геръ дохторъ! Геръ дохторъ! Ви знайтъ?.. ви слихалъ?.. Это Ифанъ... Это худъ, это бледъ,.. это слабъ Ифанъ—это сынъ нашъ помешшикъ Марьенковъ! Да! да! сынъ помешшикъ!...

Ликарь схопывся на ногы и обвивъ гуртъ людей, що зибрався тымъ часомъ биля Ивана, здывованнымъ поглядомъ.

— Невже цёму правда?—запытавъ винъ.

— А вже-жъ правда! Степаныда, мать Иванова, служыла у пана въ горныцяхъ, покы винъ ще не женывся, тамъ и сына прыдбала,—мовывъ Хведиръ.

— Тымъ-то мы, панычу, и за ликамы Иванови боялыся иты. Хиба-бъ же мы такы не пишлы, колы-бъ воно, мовлявъ, не... тее?—додавъ Степанъ.

Ликарь не промовывъ бильше ни слова, але теперъ винъ зрозумивъ, чіе облыччя прыгадалося ёму, колы винъ дывывся на полумертвого Ивана; теперъ винъ знавъ, якый батько надилывъ свого сына такымъ организмомъ: „идеальный" батько щыро подилывся и слабымъ организмомъ, и попсованымы нервамы, и нездатнимъ серцемъ зъ своимъ старшымъ сыномъ, навить лыченько свое, вроду свою панську давъ ёму, и тилько дрибныцю—маеткы та батькивськи обовьязкы залышывъ про другыхъ, „законныхъ" дитей.

— Вамъ кони подани!—нагадавъ прыкажчыкъ ликареви.

— Подякуйте панови за ёго ласку—я пойиду на пидводи, а поперёдъ треба одвезты Ивана до-дому,—мовывъ ликарь.

Хведиръ побигъ до своеи гарбы, вымостывъ іи соломою, и черезъ хвылыну безпатентного сына идеального батька скынулы на гарбу и одвезлы до хатыны, де жыла ёго маты у сусидахъ.

— Нумо й мы йихаты—звернувся ликарь до Карла Хведоровыча, котрый саме выводывъ якись каракули на клаптыку паперу, вырваного зъ запыснои кныжечкы.

— Я писалъ сичасъ помешшикъ... Я завтра прислалъ за чемоданъ... я все бросалъ. Я бросалъ 25 рублей въ экономіи... Да, да! Карлъ Өедоровичъ не хотѣлъ деньги помешшикъ Марьенковъ,—пусть онъ отдаваль другой сынъ!..

— Хиба йе й другій сынъ?

— Да, да! въ другой село—другой сынъ!

Л. Яновская.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Празднество 8-го сентября въ Холмѣ.— Административный центръ малорусскаго Забужья —Холмъ—служитъ, какъ извѣстно, и религіознымъ центромъ края, благодаря древней иконѣ Божіей Матери, привлекающей къ себѣ на поклоненіе толпы богомольцевъ изъ Холмщины, Волыни и Галиціи. Въ Холмѣ-же сосредоточило свою дѣятельность православное братство, организованное вскорѣ послѣ возсоединенія уніатовъ и руководимое высшими представителями мѣстнаго духовенства при участіи и поддержкѣ администраціи. Оффиціально уніаты въ Холмской Руси перестали существовать еще въ 1875 г., но и до сихъ поръ извѣстная часть мѣстнаго малорусскаго населенія, оправдывая усвоенное ей по административной терминологіи прозвище «упорствующихъ», уклоняется отъ полнаго общенія съ православною церковью. Трудно сказать, какую роль въ причинахъ этого упорства играетъ вліяніе польской культуры, помѣщиковъ — поляковъ и котолическаго духовенства; весьма вѣроятно, что въ извѣстной мѣрѣ всѣ элементы содѣйствуютъ сохраненію въ народѣ привязанности къ старой вѣрѣ,—но главнымъ факторомъ, обусловливающимъ такую продолжительную борьбу съ уніей, является весь укладъ народной психики, съ которымъ тѣсно связанъ фанатизмъ въ дѣлахъ вѣры. Народъ съ трудомъ, и только послѣ упорной борьбы, примиряется съ ломкою своего культа, но, разъ подчинившись этой ломкѣ, онъ переноситъ старую страстность въ новыя формы вѣры и съ такимъ же фанатизмомъ отстаиваетъ новыя религіозныя привычки, съ которыми онъ уже умѣлъ сродниться, съ какимъ когда-то его предки боролись противъ насильниковъ, посягавшихъ на ихъ

тогдашнюю «святую вѣру». Такимъ образомъ, духовная жизнь холмскихъ русиновъ еще до сихъ поръ протекаетъ нѣкоторымъ образомъ въ условіяхъ «военнаго положенія», которыя немало способствуютъ сохраненію особенностей этого края, выработавшихся подъ вліяніемъ его своеобразной исторіи и дѣлающихъ Холмщину средоточіемъ обильнаго и любопытнаго этнографическаго матеріала.

Особенно удобнымъ моментомъ для наблюденія является праздникъ Рождества Богородицы—8 сентября, когда въ Холмъ стекаются тысячи народа для поклоненія иконѣ и присутствія при богослуженіи, въ этотъ день совершаемомъ съ особою торжественностью. Годъ назадъ мнѣ пришлось самому видѣть холмское торжество, краткое описаніе котораго, полагаю, будетъ небезынтересно и для читателей «Кіевской Старины».

Вся религіозная жизнь Холма сосредоточена на возвышающейся надъ городомъ горѣ, гдѣ расположенъ соборъ, братство съ музеемъ, духовная семинарія и помѣщеніе епископа. У подножія этой горы раскинулся остальной—торговый и штатскій городъ, схожій, въ общемъ, съ крупными уѣздными городами юго-западнаго края. Видъ на городъ съ соборной горы очень живописенъ, напоминая нѣсколько перспективу Подола и Заднѣпровья, открывающуюся съ Андреевской горы въ Кіевѣ. 8 сентября холмская гора съ ранняго утра уже заполнена богомольцами. Соборная площадь, окружающій ее скверъ, склоны горы—все залито сплошною массою народа, численность которой можно опредѣлить во всякомъ случаѣ не менѣе десятка тысячъ. Широкая лѣстница, соединяющая верхнюю площадку горы съ нижнимъ городомъ, и прилегающія дорожки сквера окаймлены рядами нищихъ, преимущественно слѣпцовъ, съ поклонами и настойчивыми выкриками требующихъ къ себѣ участія ради «пресвѣнтой Матухны Холмскѣй». Говоръ нищихъ смѣшанный, съ сильнымъ польскимъ вліяніемъ, или чисто польскій. Вотъ передъ вами лирникъ, обыкновеннаго украинскаго типа, но исполняемыя вирши—также польскія. Рѣзкимъ диссонансомъ поражаетъ слухъ гармоника, на которой одинъ изъ слѣпцовъ аккомпанируетъ своимъ виршамъ вмѣсто лиры; чѣмъ вызвана это замѣна,—стремленіемъ-ли выдѣлиться изъ среды своихъ собратій болѣе «культурнымъ» инструментомъ, или личнымъ вкусомъ пѣвца, трудно сказать, но впечатлѣніе получается не особенно благопріятное, тѣмъ болѣе, что пѣвецъ плохо владѣетъ своимъ инструментомъ и лишь однимъ пальцемъ повторяетъ на немъ мелодію вирши,

аккордами. Волнующееся вокругъ море богомольцевъ—сплошь состоитъ изъ простого народа, въ которомъ были бы совсѣмъ незамѣтны нѣсколько десятковъ представителей средняго класса, если-бы они не сгруппировались въ центрѣ, у деревяннаго помоста, приготовленнаго для торжественнаго молебствія. Необыкновенное разнообразіе типовъ и костюмовъ простонародья отвѣчаетъ многочисленнымъ уголкамъ украинскаго юго-запада, разъ въ году сливающимся въ общемъ религіозномъ чувствѣ. Впрочемъ, судя по внѣшности, уроженцевъ коренной Украины здѣсь почти нѣтъ,—все—украинцы западные, приграничные. Вотъ бритыя лица съ длинными волосами, вотъ сѣрыя съ красною оторочкою свитки, подпоясанныя монашескими, ременными поясами; вотъ—бѣлыя рубахи навыпускъ, при жилеткахъ съ четырмя рядами мѣдныхъ пуговицъ и при бѣлой, грубаго полотна, шапочкѣ съ цвѣтными набойчатыми крапинками. Еще больше разнообразія въ женскихъ головныхъ уборахъ: платки, повязанные длинными концами на спину, платки подъ подбородкомъ съ концомъ на грудь, двойныя повязки—съ бѣлыми платками подъ подбородкомъ, наконецъ повязка, сохранившаяся чуть не отъ великокняжескаго періода—бѣлое полотенце вокругъ головы, съ концомъ закинутымъ черезъ плечо на спину; въ такой повязкѣ изображаютъ нерѣдко св. княгиню Ольгу. Волосы тоже убраны своеобразно: у дивчатъ на лобъ спущены гривки, у замужнихъ—выпущены длинныя пряди изъ-за ушей. Все это пестритъ, колышется, и надъ всѣмъ стоитъ жужжаніе многотысячной толпы. Говоръ преимущественно галицкій, съ обиліемъ шипящихъ звуковъ и даже съ польскими носовыми: „зконд прибулишьте? Ми вже булишьмо скрізь і вшьо роздивилишь“... На вопросъ—кто они такіе,—богомольцы называютъ себя русинами и, повидимому, несмотря на внѣшнее разнообразіе, дѣйствительно, представляютъ цѣльную этнографическую массу, окраинную Русь.

Кончилась служба въ соборѣ. Почтенные старики—церковники, стали готовить длинную эстраду къ молебствію. Помостъ усыпали живыми цвѣтами и сосновою зеленью. По обѣ стороны установились два оркестра военной музыки. На особыхъ деревянныхъ помостахъ показались представители мѣстной администраціи, среди сѣрой толпы стали замѣтнѣе пробившіеся къ центру «паны», заблестѣли генеральскіе мундиры, захлопотала полиція. Вотъ показалась изъ соборныхъ дверей процессія, встрѣченная колокольнымъ звономъ и звуками «Коль славенъ». Два архіерея, пройдя помостъ, сѣли на пригото-

вленныхъ сѣдалищахъ; десятка два священниковъ выстроились двумя рядами вдоль полотна, у конца котораго, на особомъ возвышеніи, установили чтимый образъ; послѣдовало соборное молебствіе, какъ и остальное богослуженіе ничѣмъ, конечно, не отличавшееся отъ обычныхъ церковныхъ службъ. Единственнымъ, но крупнымъ отличіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе интереснымъ моментомъ во всемъ богослуженіи—оказалась произнесенная въ концѣ молебна однимъ изъ священниковъ проповѣдь. Молодой представительный батюшка взошелъ на устроенную сбоку каѳедру и началъ, при глубокой тишинѣ, свою «казань», на малорусскомъ языкѣ. Помимо языка, необыченъ былъ и общій характеръ проповѣди, которая представляла собою не сухое, схоластическое развитіе извлеченной изъ текстовъ священнаго писанія темы, а живую, образную рѣчь, съ ораторскими пріемами и жестами; такъ, вѣроятно, говорили свои проповѣди южно-русскіе духовные ораторы XVII—XVIII вв., такъ отчасти и теперь говорятъ католическіе проповѣдники. Не располагая точнымъ текстомъ прослушанной мною любопытной проповѣди, я могу передать лишь ея общую схему, въ приблизительныхъ выраженіяхъ.

«Сьогодня, православни хрыстіяны, мы святкуемо день рождества Пресвятои Богородыци. Колы хто межы намы празднуе свои именыны, то йому прыносять въ даръ те, що йому прыемне. Теперъ Маты Божа празднуе на неби свои именыны, и мы повынни прынесты Ій дороги для Неи дары. Що-жъ ій найбильше прыемно? Колы Хрыстосъ бувъ на весилли въ Кави Галилейській, Маты Божа сказала слугамъ: робить те, що Винъ вамъ скаже. Отже ій найбильше буде прыемно, колы мы будемо робыты такъ, якъ велыть намъ Ісусъ Хрыстосъ. Слухайте заповидивъ Божыхъ и робить добри дила, щобъ пекельный вогонь васъ не мучывъ. А вы, начальныкы! Вы повынни жыты такъ, щобы даваты собою прыкладъ прóстымъ людямъ и щобы не можна було сказаты такъ, якъ теперъ говорять, що наука псуе чоловика». Произнося послѣднюю тираду, проповѣдникъ обращался къ группѣ мундировъ и лентъ, носители которыхъ смиренно выслушали увѣщаніе. Затѣмъ, обратившись къ представителямъ духовной власти—епископамъ, проповѣдникъ заговорилъ на общерусскомъ литературномъ языкѣ: «А вы, наши духовные отцы и пастыри, молитесь Господу и Пресвятой Богородицѣ, чтобы Они дали намъ силы совершать достойно возложенное на насъ служеніе. Ты-же, Пресвятая Покровительница наша», продолжалъ ораторъ, обращаясь опять-таки

по-русски къ образу Богородицы, «моли Сына Твоего и Бога нашего, да укрѣпитъ и поддержитъ насъ...»

Съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ народъ проповѣдь. Въ особенно патетическихъ мѣстахъ ея, при упоминаніи «пекельного вогню» и другихъ перспективъ загробной жизни,—слышались массовые вздохи толпы, а кое-гдѣ и всхлипыванія. Ораторъ сошелъ съ каѳедры и вновь занялъ свое мѣсто въ рядахъ священниковъ. Молебны продолжались въ обычномъ порядкѣ и затѣмъ процессія, съ хоругвями и образомъ, прослѣдовала обратно въ соборъ. Праздникъ кончился. Толпа постепенно стала рѣдѣть, гора понемногу очистилась. Тамъ и сямъ расположились на травѣ отдѣльныя группы богомольцевъ для отдыха. Подъ горою, на нижней площади и прилегающей улицѣ открылся базаръ, довольно, впрочемъ, мелкій. Пряники, съѣстные припасы, желѣзныя издѣлія, лубочная литература, образки, крестики, ленты,—словомъ, обычный товаръ сельскихъ праздничныхъ ярмарокъ. Между ларями ходили «дядьки» и дивчата, присматриваясь къ выставленному «краму». Вотъ два длинноволосыхъ подолянина въ сѣрякахъ съ ременными поясами и высокихъ шапкахъ приторговываютъ ножи; бойкій торговецъ-тулякъ оживленно расхваливаетъ свой товаръ почему-то ломанною польскою рѣчью: «вѣле даецѣ, пане добродзѣю, вѣле даецѣ?» пристаетъ онъ къ флегматичнымъ покупателямъ, молчаливо переворачивающимъ въ рукахъ облюбованныя вещи. Къ ларю подходятъ двое гимназистовъ, и тулякъ быстро поворачивается къ нимъ, чистымъ московскимъ говоромъ предлагая свой товаръ ихъ вниманію.

Въ этотъ-же день, черезъ нѣсколько часовъ послѣ богослуженія, бываетъ торжественное годичное собраніе православнаго холмскаго братства, при участіи всѣхъ прибывшихъ къ празднику представителей высшей духовной и свѣтской власти. Какъ и всякое подобное собраніе, оно имѣетъ вполнѣ формальный характеръ, но въ качествѣ внѣшняго проявленія мѣстной духовной жизни, собраніе холмскихъ братчиковъ является характернымъ дополненіемъ къ программѣ праздника 8 сентября. Своеобразный и яркій этнографическій колоритъ торжества, крестный ходъ, братчики и, всего болѣе, малорусская проповѣдь—все это переноситъ зрителя въ эпоху религіозныхъ движеній, одухотворявшихъ и объединявшихъ когда-то общественную жизнь южной Руси.

Къ вечеру постепенно богомольцы разъѣзжаются и расходятся по всѣмъ направленіямъ. Любопытную картину представляетъ отъѣздъ богомольцевъ по желѣзной дорогѣ. Къ вокзалу подается длинный рабочій поѣздъ, съ товарными вагонами, которые переполняются сотнями богомольцевъ. Вотъ изъ одного вагона послышалось пѣніе; оно подхватывается въ сосѣднихъ вагонахъ, и скоро вся толпа пассажировъ превращается въ многотысячный хоръ, болѣе или менѣе нестройно, но съ чувствомъ поющій церковныя пѣснопѣнія. Тихо трогается подъ это пѣніе поѣздъ, постепенно ускоряя свой ходъ по направленію къ Волыни, но еще долго издали доносятся отголоски пѣнія одушевленной общимъ религіознымъ порывомъ толпы...

Общее впечатлѣніе, производимое холмскимъ торжествомъ, носитъ какой-то двойственный характеръ. Народный колоритъ празднества и мѣстная связь его съ преданіями мѣстной исторической жизни въ очень благопріятномъ свѣтѣ рисуетъ отношеніе между этими традиціями и современнымъ административнымъ укладомъ холмскаго края. Но... почему-же въ другихъ частяхъ той-же Малороссіи, съ тѣмъ-же кореннымъ населеніемъ, не нашелъ себѣ въ такой-же мѣрѣ примѣненія принципъ уваженія къ мѣстнымъ особенностямъ? Почему въ остальныхъ малорусскихъ губерніяхъ не только не слышна церковная проповѣдь на языкѣ мѣстнаго населенія, не дозволяются даже къ печати существующія сборники малорусскихъ проповѣдей? Казалось бы, ясно, что религіозныя и нравственныя истины могутъ найти гораздо больше доступа къ душамъ и сердцамъ слушателей, когда онѣ преподаются на родномъ языкѣ и не облекаются въ ту книжную, сухую форму, которую неизбѣжно придаетъ имъ чуждая, «панская», оффиціальная рѣчь. Казалось-бы, что если въ краѣ, гдѣ издавна шла горячая и упорная борьба между православіемъ и католицизмомъ, малорусскій языкъ въ проповѣди признанъ былъ важнымъ орудіемъ религіознаго просвѣщенія, то зачѣмъ-же оставлять безъ этого орудія остальное малорусское населеніе? Не потому-ли такъ сильно развито въ Холмщинѣ религіозное чувство и не потому-ли въ остальной Малороссіи такъ процвѣтаетъ религіозный индифферентизмъ и сектантство?

А. Ирпенскій.

Печатное дѣло въ Малороссіи въ началѣ XIX ст. Любопытные матеріалы для исторіи печатнаго дѣла въ Малороссіи извлекаемъ изъ не такъ давно опубликованныхъ Матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи. [1]) Въ 1802 году министръ только что учрежденнаго тогда Министерства Народнаго Просвѣщенія графъ П. В. Завадовскій обратился къ министру Юстиціи Г. Р. Державину съ оффиціальнымъ отношеніемъ отъ 16 октября, дабы онъ приказалъ, кому слѣдуетъ, собрать и доставить полныя свѣдѣнія о типографіяхъ, подчиненныхъ по манифесту 8 сентября министерству Нар. Просвѣщ. Того-же года, отъ 28 ноября, министръ Юстиціи препроводилъ графу Завадовскому вытребованную имъ изъ канцеляріи Правительствующаго Сената записку о всѣхъ казенныхъ и вольныхъ типографіяхъ, съ означеніемъ, на какомъ основаніи были они учреждены. Изъ этой записки мы беремъ лишь интересующія насъ данныя.

Записка изъ дѣлъ Правительствующаго Сената 1-го департамента о казенныхъ и вольныхъ типографіяхъ съ означеніемъ, на какомъ основаніи были онѣ учреждены. «Въ вѣдомствѣ Святѣйшаго Синода находятся типографіи въ Москвѣ, въ Кіевѣ и Черниговѣ, которыя учреждены: въ Москвѣ—по указу государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича въ 7061 году, по Рождествѣ—1553-го года; въ *Кіевѣ*—по грамотѣ отъ Всероссійскаго князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго (sic!), данной въ 6667-мъ, по Рождествѣ—1159-мъ году, которая и отъ Всероссійскихъ Государей и императоровъ подтверждена; а въ *Черниговѣ*—по указу государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича. Въ нихъ печатаются книги однѣ церковныя, съ апробаціи Святѣйшаго Синода, подъ просмотромъ: въ Москвѣ—опредѣленнаго отъ Синода директора, въ Кіевѣ—печерскаго архимандрита, а въ Черниговѣ—тамошняго архіерея». «Въ *Новороссійской* губерніи, по аппробованному въ 1764 году той губерніи штату, хотя для напечатанія духовныхъ и свѣтскихъ книгъ назначено учредить типографію, но заведенъ тамъ только одинъ станъ, и изданы въ печать азбука и *комедія*, также тамошнимъ купцамъ и поселянамъ пашпорты и карантинныя свидѣтельства; печатаніе жъ духовныхъ и гражданскихъ книгъ, за неполученіемъ о печатаніи

---

[1]) Сборн. матер. для истор. просвѣщ. въ Россіи извлеченныхъ изъ Архива Министер. Нар. Просвѣщ. С.-Петер. 1897, т. II., стр. 59—138.

первыхъ отъ Святѣйшаго Синода на представленіе резолюціи и занесыскомъ типографическихъ служителей, не происходило. Цензуру жъ положено имѣть губернскимъ чинамъ; а чтобъ къ наблюденію касающагося до вѣры и духовныхъ книгъ опредѣленъ былъ протопопъ Савурской, какъ ученой человѣкъ, о томъ представлено въ Святѣйшій Синодъ».

Въ томъ же 1802 году 23 ноября гр. Завадовскій послалъ отношенія 40 военнымъ и гражданскимъ губернаторамъ, а также попечителямъ округовъ С.-Петербургскаго и Харьковскаго Н. Н. Новосильцеву, Московскаго, Дерптскаго, Казанскаго и Виленскаго, съ приложеніемъ «Записки, по которой нужно доставить свѣдѣнія о типографіяхъ»: 1) есть ли въ губерніи вольныя типографіи, въ какихъ именно городахъ и сколько? 2) Въ которомъ году онѣ заведены, кѣмъ и съ чьего позволенія? 3) Какія даны имъ при заведеніи привилегіи? 4) Кто ихъ настоящій содержатель? 5) На какихъ языкахъ производится печатаніе? 6) Какія именно книги и ландкарты отпечатаны были въ типографіяхъ со времени ихъ заведенія?

Изъ отвѣтовъ попечителей и губернаторовъ графу Завадовскому мы выбираемъ лишь тѣ, которые относятся къ области Малороссіи.

Отвѣтъ попечителя С.-Петербургскаго и Харьковскаго учебныхъ округовъ Н. Н. Новосильцева отъ 28 декабря 1803 года.

...«честь имѣю донести, что я предписалъ всѣмъ директорамъ училищъ о доставленіи мнѣ объ оныхъ свѣдѣній; сколько же могу судить по полученнымъ мною до сихъ поръ, во всемъ пространствѣ онаго нѣтъ типографій, зависящихъ отъ училищъ. При Харьковскомъ университетѣ учреждается теперь одна, которая въ теченіе слѣдующаго года будетъ въ дѣйствіи... Въ Харьковѣ хотя и существуетъ типографія подъ надзираніемъ директора училищъ, но оная поручена ему отъ тамошняго губернскаго правленія; при томъ же она столь маловажна, что едва заслуживаетъ имя типографіи».

Отвѣтъ Малороссійскаго (черниговскаго) генералъ-губернатора князя А. Б. Куракина (съ приложеніемъ) отъ 9-го января 1804 года:

«Честь имѣю представить у сего записку о находящейся здѣсь въ *Черниговѣ* одной гражданской типографіи, съ надлежащимъ по предмету сему объясненіемъ; при чемъ долгъ имѣю донесть Вамъ, милостивый Государь, что въ *Полтавской* губерніи никакихъ типо-

графій не имѣется, а хотя въ самомъ городѣ Полтавѣ и есть одинъ станокъ, но и сей за малостію литеръ остается безъ употребленія».

Приложеніе.

1) Въ Малороссійской Черниговской губерніи, кромѣ одной духовной въ городѣ Черниговѣ, въ Троицкомъ Ильинскомъ монастырѣ, имѣется одна гражданская типографія въ Губернскомъ Правленіи.

2) Оная въ Губернскомъ Правленіи типографія состоитъ въ небольшомъ количествѣ литеръ и нужныхъ инструментовъ; заведена по содержанію Высочайшаго указа, 1783 года генваря 15 состоявшагося, онымъ Правленіемъ 1797 года.

3) Привилегій никакихъ не дано.

4) Содержателя не имѣется, а состоитъ въ вѣдѣніи Губернскаго Правленія.

5) Печатаніе производится на одномъ Россійскомъ языкѣ.

6) Книгъ и ландкартъ печатано не было, а одни только исходящіе къ распубликованію указы и другія по указнымъ дѣламъ бумаги отпечатывались и нынѣ отпечатываются».

Отвѣтъ Кіевскаго и Минскаго военнаго губернатора А. П. Тормасова (съ приложеніемъ) отъ 14 февраля 1804 года.

Губернаторъ увѣдомляетъ, что въ Кіевской и Минской губерніяхъ состоятъ типографіи: при Губернскихъ правленіяхъ—по одному только станку, «заведенныя изъ суммы, на расходы Губернскихъ правленій опредѣленной, единственно для облегченія переписокъ въ дѣлахъ канцелярскихъ»,—въ *Кіевѣ* въ 1800, а въ Минскѣ —въ 1798 г., «на коихъ происходитъ печатаніе однихъ только указовъ и экземпляровъ съ нужныхъ дѣлъ на русскомъ и польскомъ языкахъ; да кромѣ сихъ существуетъ типографія въ Кіевской губ. въ уѣздномъ [1]) городѣ *Махновкѣ*, принадлежащая по праву купли содержателю, Московскому купцу Селезневу». Въ препровождаемомъ при отношеніи «приложеніи» владѣлецъ Махновской типографіи даетъ точныя свѣдѣнія:

1) Типографія заведена въ 1793 году на счетъ графа Прото-Потоцкаго и первоначально была сдана нѣкоему Геринку.

---

[1]) Съ 1796 и до 1846 г.

2) Послѣ присоединенія къ Россіи украинскихъ земель, когда Маховскія имѣнія съ типографіей подверглись кофискаціи, послѣдняя по контракту была сдана купцу Селезневу, который и началъ съ 1802 г. печатаніе книгъ, давъ предварительно подписку о непечатаніи и непродажѣ запрещенныхъ указомъ Правительств. Синода отъ 30 апрѣля соблазнительныхъ книгъ; но съ 21 декабря этого-же года типографія была объявлена въ продажу съ аукціона за 3520 злотыхъ и пріобрѣтена въ полную собственность тѣмъ же купцемъ Селезневымъ.

3) При покупкѣ типографіи въ ней находилось: «4 станка и литеръ Россійскихъ и Польскихъ старыхъ 30 пудовъ, которая (типогр.) по свѣдѣнію съ начала учрежденія ея состояла на языкахъ: русскомъ, латинскомъ, польскомъ, греческомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и еврейскомъ». Печатаніе же Селезневымъ производилось только на 3-хъ языкахъ: польскомъ, русскомъ и нѣмецкомъ. [1])

Объ этой Махновской типографіи А. А. Чарторыйскій упоминаетъ въ своей окружной вѣдомости о типографіяхъ Виленскаго округа, отправленной 24 августа 1804 года гр. Завадовскому, говоря, что въ ней книги печатаются на яз.: «польскомъ, нѣмецкомъ, русскомъ, французскомъ и еврейскомъ. Изданы нѣкоторыя молитвенныя и учебныя книги. Содержитъ купецъ 3-ей гильдіи Семенъ Селезневъ».

Въ той же самой вѣдомости А. А. Чарторыйскій сообщаетъ свѣдѣнія о *Бердичевской* типографіи, основанной въ 1758 г. обществомъ ксендзовъ Кармелитовъ Босыхъ. Печатаются книги на язык.: польскомъ, россійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ.

Но наиболѣе подробныя свѣдѣнія о типографіяхъ представлены были Подольскимъ и Волынскимъ губернаторомъ Ив. Эссеномъ при отношеніи его отъ 10 мая 1804 года.

Изъ его вѣдомости мы видимъ, что типографіи существовали:

Въ Волынской губерніи.

1) *Въ Луцкѣ* съ 1787 г. заведена Луцкимъ Доминиканскимъ кляшторомъ по привилегіи, данной польскимъ королемъ 1783 г., «которой

---

[1]) Напечатано имъ на рус. яз: „Колесо счастья", „Мечъ воинствующаго христіанина", „Новая Россійская азбука для обученія дѣтей чтенію"; на русско-нѣмецк.: „Новые нѣмецкіе и россійскіе разговоры"; на польск.: „Афиціумъ дневного набоженства".

предоставлено на разныхъ языкахъ печатаніе, которая (типографія) и нынѣ содержатся тѣмъ-же клашторомъ. Печатаніе производится на яз.: россійскомъ, латинскомъ, французскомъ и польскомъ». Въ 1803 г. случился въ Луцкѣ пожаръ, и потому не имѣется свѣдѣній, какія были напечатаны книги. Изъ упомянутыхъ въ вѣдомостяхъ 30-ти книгъ, вышедшихъ изъ Луцкой типографіи, большинство составляетъ учебныя пособія.

2) *Въ Дубнѣ* съ 1802 г. заведена княземъ Любомирскимъ и нынѣ (1804 г.) содержится Дубенскимъ мѣщаниномъ евреемъ Іанасомъ Якубовичемъ. Книги печатаются только на еврейскомъ языкѣ.

3) *Въ Житомірѣ*: а) съ 1803 г. заведена Новоградъ-Волынскимъ мѣщаниномъ, евреемъ Гершкомъ Шимановичемъ съ разрѣшенія Губернскаго правленія. Печатаются лишь еврейскія книги; б) *Главнаго Житомірскаго Суда* 2 департ. Основана въ 1783 г. этимъ судомъ. Печатаются только дѣла суда на польск. яз. Содержитъ секретарь суда—Рожанскій.

4) *Въ Острогѣ* съ 1792 г. заведена мѣстными мѣщанами, евреями Шмулемъ Берковичемъ и Арономъ Іосіовичемъ съ разрѣшенія владѣльца города, референдаря Малаховскаго. Печатаются книги лишь на еврейскомъ яз. «для богомоленія», съ разрѣшенія Рижской цензуры.

5) *Въ м. Корцѣ, Новоградъ-Вол. повѣта*, съ 1790 г. заведена евреемъ Шмулемъ Берковичемъ,—еврейская.

6) *Въ м. Славутѣ, Заславскаго у.*, съ 1790 г., заведена евреемъ Мошкомъ Иписаховичемъ съ разрѣшенія владѣльца мѣстечка, кн. Сангушко,—еврейская.

7) *Въ м. Полонномъ* съ 1788 г. заведена евреемъ Шмулемъ Берковичемъ,—еврейская.

8) *Въ Почаевѣ* съ незап. времени при Почаев. Базил. монастырѣ, кѣмъ и съ чьего дозволенія—неизв.; несомнѣнно, что въ 1618 уже печатались книги. Печатаются книги на яз.: польскомъ, славяно-Россійск. и латинск. До сего времени издавались лишь молитв. и духовн. книги. Содержится ксендзами Базиліанами.

Въ Подольской губерніи:

1) *Въ Каменцѣ-Подольскомъ*, при Губернскомъ правленіи съ 1798. Печатаются книги на россійскомъ и польскомъ языкахъ. Книгъ и ландкартъ не печаталось, а лишь циркуляры и указы.

2) *Въ Миньковцахъ*, Ушицкаго у. а) завед. съ 1792 майоромъ Мархоцкимъ, безъ всякаго разрѣшенія; съ 1798—1802 была закрыта, съ 9 февр. 1802 снова открыта. Печатаніе производится на польскомъ яз.: экономическіе регистры, формы рапортовъ, собственно для экономіи Мархоцкаго, изданъ для малолѣтнихъ дѣтей букварь, а съ 1802 г.—только экономическіе регистры; б) Завед. съ 1792 г. съ разрѣш. помѣщ. Мархоцкаго, но съ 1798—1802 была закрыта; содержитъ еврейка Эстера Мошкова; печатаніе только на еврейскомъ языкѣ; в) Завед. съ 1802 г. евр. Мордкою Шельваховичемъ съ разрѣшенія помѣщика Мархоцкаго—еврейская.

3) Въ *м. Межиричьѣ*, Литинск. у., съ 1787—евр. Михелемъ Дувидовичемъ, съ разрѣшеніи помѣщика Орловскаго,—еврейская; б) съ 1787—евр. Хаскелемъ Шейваховичемъ, съ раз. помѣщ. Орловскаго,—еврейская.

4) *Въ Яновѣ*, съ 1801 г.—евр. Хаимомъ Гершковичемъ,—еврейская.

Отношеніе военнаго губернатора А. Г. Розенберга отъ 17 мая 1809 года.

...«въ Херсонской и Таврической губ. типографій никакихъ не имѣется, кромѣ одной въ г. Николаевѣ», но она въ вѣдѣніи Черноморскаго адмиралтейства, и свѣдѣній о ней безъ разрѣшенія морскихъ силъ получить нельзя было.

Въ Екатеринославской губерніи есть типографія только въ самомъ Екатеринославѣ, подвѣдомственная мѣстному Приказу Обществ. Призрѣнія; въ 1787 г. она была взята Потемкинымъ изъ Государственной Военной Коллегіи и находилась при немъ до смерти, а послѣ этого поступила въ вѣдомство Приказа. Привил. никакихъ не имѣетъ, т. к. существовала подъ именемъ княжей походной типографіи. Ландкарты не печатались, а изъ книгъ лишь: «Изслѣдованіе христіанства» и «Опытъ о человѣкѣ».

В. Д.

Варьянтъ пѣсни про голоту. Настоящій варьянтъ пѣсни *про голоту* далеко отступаетъ отъ извѣстныхъ уже въ печати въ разныхъ сборникахъ (см. между прочимъ думу о Ганжѣ Андыберѣ, помѣщенную въ Записках о Южной Руси П. А. Кулиша, т. I, стр.

200—209 и приложенія стр. 319—321), а потому считаемъ умѣстнымъ дополнить имъ печатные этнографическіе матеріалы.

—

Изъ-за горы зъ-за крутои хмарка наступа,
А зъ-пидъ тіи та хмарочкы дощыкъ накрапа,
А мы того та й дощыку та и не врабылы,
Взялы кварту, другу зъ жарту та на доши силы,—
Пылы, пылы горилочку ще й солодкый медъ.
Та веселая бесидушка, де ридъ зъ родомъ пье,
А ще лучче, а ще краще, де отаманъ йе;
Та хочъ же винъ не купуе,—порядокъ дае.
Прыйшовъ багачъ, прыйшовъ дукачъ, та въ порога ставъ
Та зъ нашои голеченькы сміяться начавъ.
А якъ крыкнувъ нашъ отаманъ та на свою голь:
«Та возьмить дуку та за руку, та выведить вонъ!»
Одынъ веде за рученьку, другый за плече,
Третій иде позадъ ёго, та все въ шыю бье:
«Не йды багачъ, не йды дукачъ, де голеча пье».
А винъ выйшовъ за ворота, всимъ людамъ рече:
«Не йдить, братця-товарыши, де голеча пье,
Бо мижъ тею голечою тамъ отаманъ йе,
То хто ввійде—не займае,—й того въ шыю бье».

(Записано въ 1898 г. отъ кр. с. Литвяковъ, Лубенскаго уѣзда, Ганны Кириченковой, 56 л.).

Сообщилъ **В. Милорадовичъ.**

Варьянтъ пѣсни про дурня. Въ № 12 «Кіевской Старины» за минувшій годъ (стр. 126—128) помѣщенъ варіантъ пѣсни про дурня изъ пѣсеннаго матеріала, собраннаго Максимовичемъ въ 1830—40-хъ годахъ, при чемъ тамъ было указано, что до того времени извѣстно было въ печати лишь два стихотворныхъ варіанта: въ «Этнографическомъ Збирныкѣ», т. V, и въ «Кіев. Ст.», 1889 г., кн. XII. [1]) Въ настоящее время намъ присланъ В. К. Харламповичемъ еще

---

[1]) Вслѣдствіе корректурнаго недосмотра вм. 1889 г. напечатано 1883.

одинъ стихотворный варіантъ, четвертый по счету, по темѣ очень близкій къ напечатанному въ «Этнографическомъ Збирникѣ» (тѣ же проявленія крайней глупости) и довольно близкій къ помѣщенному въ № 12 минувшаго года; въ отношеніи къ послѣднему онъ короче на одинъ куплетъ. Любопытно отмѣтить, что въ печатаемомъ ниже варіантѣ фигурируетъ впервые вмѣсто обычнаго «Кузьма, Кузьмына, Космына»—болѣе соотвѣтствующее имя Савки.

1) Погнавъ Савка вóлы,
Вòлы по дорози,
Вóлы по дорози,
Босый по морози.

2) Ажъ тамъ чоловикъ
Гòрохъ молотыть,
А винъ ёму каже:
«Дай тоби, Боже,
Сто возовъ избыты—
Решето набыты!»

3) А тамъ Савку былы,
Былы—волочылы,
Былы—волочылы,
Розуму учылы.

4) «Ой ты-жъ, моя маты,
Маты Васылыхо,
На що-жъ ты навчы́ла
На такее лыхо?»

5) «Ой ты, сынку, дурню,
Ой ты, нерозумный!
Кòлы тоби трапытся
Та́кую ричь ба̀чыты,
Тò ты имъ ска̀жы:
«Дай тоби, Боже,
Не переносыты,
Не перевозыты,
Возы поломыты,
Копи потомыты!»

6) Повторяется 1-ый стихъ.

7) А-жъ тамъ чоловикъ
Мерця везе,
А винъ ёму каже:
«Дай тоби, Боже,
Не переносыты,
Не перевозыты,
Возы поломыты,
Кони потомыты!»

8) Повторяется III-ій стихъ.

9) Повторяется IV-ый стихъ.

10) «Ой ты, сынку, дурню,
Ой ты-жъ, нерозумный!
Ко́лы тоби трапытся
Тàкую ричь бачыты,
То ты имъ скажы:
«Вичная памьять!»

11) Повторяется I-ый стихъ.

12) А-жъ тамъ чоловикъ
Коня запрягае,
Коня запрягае,
До шлюбу всядае.

13) А винъ ёму каже:
«Дай, тоби, Боже,
Вичную памьать!»

14) Повторяется III-ій стихъ:

15) Повторяется IV-ый стихъ.

16) «Ой ты, сынку, дурню,
Ой ты, нерозумный!
Ко́лы тоби трапытся
Тàкую ричь бачыты,
То ты имъ скажы:
«Дай тоби, Боже,
Зъ нею шлюбъ узяты
И викъ скоротаты!»

17) Повторяется I-ый стихъ.

18) А жъ тамъ чоловикъ
Свыню смалыть,
А винъ ёму каже:
«Дай тоби, Боже,
Зъ нею шлюбъ узяты
И викъ скоротаты!»

19) Повторяется III-ій стихъ.

20) Повторяется IV-ый стихъ.

21) «Ой ты, сынку, дурню,
Ой ты, нерозумный!
Ко́лы тоби трапытся
Та̀кую ричь бачыты,
То ты имъ скажы:
Дай тоби, Боже,
Хороше зробыты
И тое спожыты!»

22) Повторяется I-ый стихъ.

23) Ажъ тамъ чоловикъ
Штаны спускае,
Штаны спускае

. . . .

24) А винъ ёму каже:
«Дай тоби, Боже,
Хороше зробыты
И тое спожыты».

25) А тамъ Савку былы,
Былы—волочылы,
Былы—волочылы,
Розуму учылы.

Два неизвѣстныя письма И. П. Котляревскаго. Въ №№ 140, 144, 153 и 158 «Полт. Губ. Вѣд.» за текущій годъ помѣщена статья В. П. Симоновскаго «Участіе Малороссійскихъ казаковъ въ Отечественной войнѣ 1812 года». (Посвящается землякамъ-казакамъ Городнянскаго и Роменскаго уѣздовъ).

Остановившись нѣсколько на біографіи предка своего, Петра Симоновскаго, автора «Кратк. опис. о козацк. малоросс. народѣ. Москва, 1765 г.», авторъ, на основаніи дѣлъ канцеляріи Малороссійскаго губернатора (Я. Лобанова-Ростовскаго), имѣетъ въ виду освѣтить вопросъ объ участіи малороссійскихъ козаковъ въ Отечественной войнѣ 1812 г. Съ этой цѣлью онъ приводитъ подлинныя распоряженія государственныхъ дѣятелей того времени. Изъ напечатанныхъ: «дѣло о формированіи полковъ и о роспускѣ ихъ» и «предварительныя распоряженія къ образованію Украинскаго казачьяго войска» (въ іюнѣ 1812 г.) явствуетъ, что уже 30-го іюля того-же года были готовы: 9 полковъ въ Полтавск. губ. и 6—въ Черниговской. Между прочимъ 5-ый полтавскій полкъ формировалъ капитанъ *Котляревскій*, авторъ «Энеиды». Такъ какъ въ дѣлѣ, подъ № 15 (на 372 листахъ), начатомъ 29 іюля 1812 года, содержится, между прочимъ, два подлинныя письма *Котляревскаго* къ князю Я. П. Лобанову-Ростовскому, характеризующія отношенія ихъ между собою и обрисовующія отчасти нравственную личность автора «Наталки-Полтавки», то небезынтересным будетъ привести оба эти документа въ подлинникѣ:

(Л.: 13). «Сіятельнѣйшій Князь, Милостивый Государь! По препорученности Вашего Сіятельства, 10 числа сего мѣсяца началъ я пріемъ казаковъ къ сформированію 5-го казачьяго полка; но по медленному сначала доставленія (?) казаковъ не такъ успѣшно дѣлается, какъ-бы хотѣлось. Впротчемъ люди принятые мною хороши, стариковъ нѣтъ и очень молодыхъ мало большею частью поступаютъ въ казаки съ удовольствіемъ, охотностію и безъ малѣйшаго унынія; всѣ съ пиками, но много сабель есть изъ косъ передѣланныхъ. Есть съ ружьями и писталетами, но сіе оружіе въ посредственной исправности; лошади небольшія, но къ службѣ годныя; одѣяніе все новое, но надобно будетъ привесть въ единообразіе; въ однихъ шапкахъ не соблюдена мѣра, ибо однѣ довольно высокія, а у другихъ низки, но всѣ одинакаго вида. Всѣ силы употреблю, чтобы оправдать довѣренность Вашего Сіятельства и заслужить продолженіе Вашихъ ко мнѣ милостей. Твердо уповаю на увѣреніе Вашего Сіятельства, что я

только употребленъ Вами *для сформированія* полка, а не для служенія въ ономъ. Я и по бѣдности моей и по старости матери моей, которую поддерживать есть мой долгъ, никакой службы несть внѣ Полтавы не могу. Если должность моя надзирателя (при школѣ приказа общественнаго призрѣнія) заслуживаетъ предъ Вашимъ Сіятельствомъ какое одобреніе, то оставленіе меня при оной будетъ знакомъ Вашихъ ко мнѣ милостей; моя награда есть та, что я служу подъ начальствомъ Вашего Сіятельства и всегда въ глазахъ Вашихъ. Неоставте Ваше Сіятельство моего положенія безъ вниманія. Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и душевною приверженностію къ особѣ Вашего Сіятельства честь имѣю быть, Сіятельнѣйшій Князь Милостивый Государь, Вашего Сіятельства нижайшимъ слугой Иванъ Котляревскій. Августа 12-го дня 1812 г. М. Горошинъ».

(Л.: 45). «Сіятельнѣйшій князь, Милостивый Государь! Наконецъ, 5 конный казачій полкъ сформированъ, однихъ только офицеровъ и унтеръ-офицеровъ не достаетъ. Люди въ полку очень хороши, лошади лучше посредственныхъ, о амуниціи хлопочу съ отдатчиками, чтобы была въ исправности, равно уравниваю шапки, полукафтаны и пики, коихъ одно древко безъ желѣза будетъ въ 4 аршина; недоимки въ людяхъ и лошадяхъ скоро не будетъ никакой. Не взыщите Ваше Сіятельство за дерзость мою о представленіи для разрѣшенія о котлахъ. Я думаю не одному мнѣ покажется сія статья затруднительною; то казакамъ артели имѣть необходимо, а посему и артельныя деньги нужны и безъ котловъ обойтись невозможно. Обращаюсь съ покорнѣйшею просьбою къ Вашему Сіятельству о присылкѣ въ 5 казачій полкъ командира и объ отпускѣ меня къ моей должности. Сверхъ того, что я не имѣю никакого приготовленія ни на службѣ, ни къ походу, воспитанники остаются до сего времени безъ зимняго платья. По множеству заботъ Вашему Сіятельству невозможно вспомнить объ нихъ; Полтавскій приказъ очень безпеченъ; у Григорія Алексѣевича также теперь множество занятій, а помощники мои исполнители только, и такъ бѣдныя дѣти до сего пользовавшіеся отеческими Вашими попеченіями, теперь оставленные безъ должнаго призрѣнія потерпѣть могутъ. Сжальтесь надъ сими сиротами Ваше Сіятельство и удостойте ихъ меня взаимнаго Вашего вниманія и благоволенія. Съ глубокимъ высокопочитаніемъ и душевною преданностію къ особѣ Вашего Сіятельства имѣю честь быть, Милостивый

Государь, Вашего Сіятельства, нижайшимъ слугою Иванъ Котляревскій. Августа 27-го дня 1812 г. Горошинъ».

Оба письма написаны собственноручно и переданы съ буквальною точностію.

Глуховская сатира. Намъ попалъ въ руки листочекъ, довольно потертый и истрепанный, судя по почерку и правописанію—начала нынѣшняго столѣтія, содержащій въ себѣ стихотворную сатиру на глуховскую администрацію. Если не ошибаемся, въ печати это стихотвореніе не было извѣстно, а потому, думаемъ, небезъинтересно будетъ опубликовать его, такъ-какъ оно, помимо общаго тона, обнаруживающагося въ содержаніи піесы, касается нѣкоторыхъ именъ, которыя, можетъ быть, помогутъ лицамъ, знакомымъ съ недавнимъ прошлымъ Глухова, опредѣлить болѣе точно и время написанія этой сатиры.

—

Подано въ нѣшнюю (?) канцелярію, года извѣстнаго, мѣсяца небеснаго, а числа въ святцахъ. [1])

Всепресвѣтлѣйшій Царю,
Всемилостивѣйшій Владико!
Ты создалъ мало и велико.
Просять Отца Адама чады
У Тебя Бога пощады,
А о чемъ, тому слѣдують пункты,
Самъ Создатель узришь Ты.

I.

Господи Боже нашъ Милосердный Спасъ!
Ты сотворилъ всяку тварь и насъ;
Мы тебя, яко рабы, просимъ
И жалобу нашу на полицію Глуховскую приносимъ.
Помилуй насъ и сохрани
И отъ такова сквернаго начальства оборони,

---

[1]) Сохраняемъ правописаніе подлинника.

Кое безъ законно поступаетъ съ нами,
И приказние играютъ въ карти вмѣстѣ съ жидами,
За тѣ денги, что въ насъ отнимаютъ,
И свои судные карманы набиваютъ,
А намъ никакой помощи не подаютъ
И съ насъ что грабятъ, то и продаютъ.
Ето такъ дѣлаютъ приказные,
Дворяне, мѣщане и самозванцы разные.
А еще господа повѣтчики
Самые страшные обидчики,
Кои за нашу собственную сумму
Сажаютъ насъ подъ стражу въ тюрму,
Приказывая намъ, чтобъ мы гдѣ хотя брали...
(Строка совершенно истрепана)

II.

Пуще-же всего разорили насъ кварталные,
Какъ въ Москвѣ людей мошенники карманные.
О Царю! Воззри на нашъ сей плачевный восторгъ!
Скоро нелзя будетъ вивезти нѣчего на торгъ,
Потому что нелзя такъ продать,
Чтобъ приказному празниковаго не дать.
Нѣкто-же болше, какъ господинъ Хаманъ
Дбаетъ себѣ поболше въ карманъ.
Хочетъ, чтобъ у него было, какъ у добрыхъ людей,
На сахаръ, чай, а осталные для б...ей.
О Господи, Царю! Что дѣлаютъ женатие люди,
Не знаютъ того, что на томъ свѣтѣ имъ буде.
Бѣдному-жъ Заворочаю нигдѣ поживится,
Приходитъ въ контору, чтобъ водки хоть напиться.
  Сей превеликій простакъ
  Всегда дѣлаетъ такъ.

III.

Сколько ни будешъ вертѣть,
А нигдѣ и Малиненка дѣть.
Сей для насъ человѣкъ смирній

И Государю своему слуга вѣрній.
Хоть онъ Кислинчихинъ зять,
Но умѣе потроху *снишку* (sic!) брать.
А про полицмайстра после скажу,
Какъ немного получше сложу,
А теперь не найдешъ мѣри,
Ибо Богъ его знае, какои онъ вѣри.
Писмоводитель-же, какъ бы вамъ сказать мясникъ,
Попросту-же луче назвать ризникъ,
Сей со всякаго умѣеть такъ поживится,
Чтобъ было на что подивится.
Когда-то и съ насъ цѣлковики бралъ,
Чтобъ ему чортъ кожу содралъ.
И всякъ можеть разсудить, что изъ Хама
Нѣкогда, нѣкогда не будеть пана.
И дабы высочайшимъ
Временемъ кратчайшимъ
Дўши таковыхъ началниковъ Владыко погубилъ
И такое грабытелство въ городѣ истребылъ,
Чтобы съ евреевъ поткупу не брали
И христіянъ-бы безвинно въ тюрму не сажали.
Всемилостивѣйшій Владыко Царю!
Тебя милостиво просимъ
И сію прозбу со слезами приносимъ.
Явы намъ милость свою многу,
Дабы мы благодарили Тебѣ Богу;
Чтобъ тотъ Твоеи милости лишился,
Кто изъ узятковъ много розжился.

Къ сему прошенію, жалобъ нашихъ приношенію, подписались тѣ, которые соч... *(конецъ оторванъ).*

Сообщ. В. Н.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ дополненіе къ суммѣ 1693 р. 33 к., поступившей до сихъ поръ въ редакцію на сооруженіе памятника И. П. Котляревскому въ Пол-

тавѣ (см. № 6-й), вновь пожертвовано: г-номъ Стельмаховичемъ—25 руб., г-номъ Кокошинскимъ—15 р., г. Ястржембскимъ—7 р. 45 к., г. Фридландомъ—5 р., г. Коссовичемъ—2 р., гг. Головинымъ, Дьяковымъ, Сердечнымъ, Пушковымъ, Савиничемъ, Судзиловскимъ, Ждановъ, Стратановичемъ и г-жей Горячковской—по 1 руб. каждымъ (всего 9 руб.), г-номъ Генцелтомъ—70 коп., г-номъ Степановымъ—20 к., и собранныхъ по мелочамъ—9 р. 65 к.,—всего *74 рубля*, что̀ вмѣстѣ съ прежними составитъ *1767 р. 33 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

Текущія извѣстія.

Увѣковѣченіе памяти Е. П. Гребенки. Въ предыдущемъ номерѣ «Кіевской Старины» (отдѣлъ II-й, стр. 10) нашъ уважаемый сотрудникъ Н. Стороженко, сообщая о печальномъ состояніи могилы Е. П. Гребенки, заключилъ свое сообщеніе обращеніемъ къ чувству національнаго патріотизма почитателей таланта покойнаго писателя. Въ настоящее время, какъ сообщаютъ «Биржевыя Вѣдомости» (№ 193), можно констатировать отрадное движеніе въ этомъ направленіи, а именно: для увѣковѣченія памяти покойнаго писателя рѣшено переименовать ст. «Петровку» въ «Гребенку», а слѣдующая станція будетъ названа по мѣсту погребенія Е. П. Гребенки—«Убѣжищемъ». По инициіативѣ одного изъ учениковъ Гребенки, занимающаго въ настоящее время видный постъ въ московскомъ военномъ округѣ, среди почитателей таланта покойнаго писателя собирается сумма на постановку ему памятника вблизи ст. «Убѣжище».

Новонайденный фотографическій портретъ Т. Г. Шевченка. Художнику Сластіону въ Петербургѣ удалось отыскать негативъ фотографіи Т. Г. Шевченка, донынѣ мало извѣстной. Снимокъ былъ произведенъ художникомъ Доссомъ, лѣтъ около 20 уже тому назадъ умершимъ. По смерти Досса, вдова его продала все, что осталось въ фотографическомъ ателье мужа, его бывшему ученику—Здобнову. Этотъ послѣдній, пріобрѣтя наслѣдіе Досса, не подозрѣвалъ, что среди всевозможнаго хлама находится и негативъ портрета Шевченка. Въ по-

слѣднее время г. Здобновъ разыскалъ затерявшійся негативъ и теперь производитъ съ него прекрасные снимки. («Літературно-Науковий Вістник», кн. VIII).

Чествованіе памяти Маркіана Шашкевича. 2 августа въ память Маркіана Шашкевича филіей «Просвіти» въ Каминци Струмиловій устроенъ былъ музыкально-вокальный вечеръ въ обширномъ помѣщеніи цирка, артистически убранномъ стараніями д-ра Яцева. Эстрада имѣла видъ живого города. Гостей явилось болѣе 300 особъ,—изъ Львова, Бродовъ, жовкивського, сокальскаго и ярославскаго повѣтовъ. Явился и мѣстный польскій элементъ. Непріятно поражало и удивляло всѣхъ то обстоятельство, что изъ т. наз. старорусской партіи явилось лишь нѣсколько особъ, хотя всѣмъ были отправлены приглашенія. А вѣдь на такое торжество, какъ чествованіе памяти Маркіана Шашкевича, должны были-бы явиться всѣ Русины!

Послѣ рѣчи о. Сидора Зельскаго, въ которой были изображены эпоха Маркіана Шашкевича и его заслуги, слѣдовала музыкально-декламаціонная часть, безукоризненно исполненная. Чистый доходъ, поступившій съ этого вечера, предназначенъ въ пользу потерпѣвшихъ въ этомъ году отъ наводненія. (Дѣло ч. 186).

Конкурсъ на соисканіе преміи за драматическое произведеніе. Въ «Кіевск. Старинѣ» за текущій годъ сообщалось о назначеніи галицкимъ «краевымъ выдиломъ» конкурса на соисканіе преміи—премій четыре, въ 500, 400 и двѣ по 300 кронъ—за наилучшее оригинальное драматическое произведеніе, написанное на украинск. языкѣ. 8 іюля, какъ сообщаетъ «Літературно-Науковий Вістник», кн. VIII, состоялось засѣданіе конкурсной коммиссіи подъ предсѣдательствомъ члена краевого выдила д-ра Верещинскаго, въ присутствіи д-ра Савчака, которое разсмотрѣло 13 присланныхъ драматическихъ произведеній. Изъ этого числа—10 признаны совершенно неподходящими ни въ литературномъ, ни въ сценическомъ отношеніяхъ. Что-же касается остальныхъ 3 произведеній (комедія «Поводатир», драмы: «Пристрасти» и «В народі»), то коммиссія признала, что хотя они и заслуживаютъ вниманія, но по причинѣ множества недостатковъ въ нихъ, нельзя ни одной удостоить преміи. Въ результатѣ—назначенъ новый конкурсъ, срокомъ по 1 августа 1901 года.

Украинскіе курсы для учителей народныхъ школъ. «Руске Товариство педагогічне» въ октябрѣ и ноябрѣ текущаго года устраиваетъ публичные курсы для учителей народныхъ и «выдиловыхъ» школъ по нижеслѣдующей обширной программѣ.

1) Педагогика, психологія и логика (др. В. Коцовскій и др. Тадей Мандыбуръ); 2) Русскій (украинскій) языкъ (проф. А. Колесса, В. Коцовскій, Теофиль Грушевичъ, Илья Кокорудзъ); 3) Польскій языкъ, 4) Нѣмецкій яз.; 5) Географія (обзоръ географіи Украины-Руси); 6) Исторія (проф. М. Грушевскій, Стеф. Томашивськый и Юліянъ Левицкій). (Дило, ч. 155).

Г. І. Деркачъ. *(Некрологъ).* Въ Томскѣ скончался извѣстный антрепренеръ малорусской труппы—Деркачъ. Покойный былъ родомъ изъ г. Екатеринослава, гдѣ его отецъ служилъ протоіереемъ при каѳедральномъ соборѣ. Родился онъ въ 1846 году и послѣ домашней подготовки поступилъ въ мѣстную гимназію. Не окончивши полнаго курса гимназіи, Деркачъ поступилъ въ юнкерское училище. Успѣшно окончивши его, онъ поступилъ корнетомъ въ Уманскій уланскій полкъ. Вскорѣ Деркачъ отдается всецѣло артистической дѣятельности. У него была драматическая труппа; держалъ онъ также и оперетку и затѣмъ составилъ малорусскую труппу. Въ составѣ труппы Деркача мы находимъ имена лучшихъ русскихъ артистовъ, какъ напримѣръ— гг. Горевъ, Правдинъ, г-жа Глама-Мещерская и др. Въ 1893 г. Деркачъ цѣлый зимній сезонъ игралъ въ Парижѣ.

Въ день празднованія 300-лѣтія уральскаго козачества, покойный былъ приглашенъ атаманомъ козачества г. Шиповымъ играть во дворцѣ, въ присутствіи Его Величества Императора Николая II, бывшаго въ то время Наслѣдникомъ Престола. Ставилась, говорятъ «Сиб. В.», на сценѣ «Наталка-Полтавка»; за прекрасное исполненіе ея покойный удостоился получить отъ Его Величества золотой перстень съ монограммой. (Одес. Лист. № 162).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта, какъ матеріалъ для исторіи Малороссіи XVIII в. (*Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томы: 55, 56, 63, 69, 79, 84, 94, 101).*

Верховный Тайный Совѣтъ былъ учрежденъ 8 февраля 1726 г. Вѣдѣнію его подлежали, во-первыхъ, дѣла чужестранныя, т. е. касающіяся сношеній съ иностранными государствами, а во-вторыхъ, и тѣ внутреннія дѣла, которыя требовали собственнаго рѣшенія императорской власти. Эти послѣднія были изъяты изъ вѣдѣнія Сената и Коллегій, которые во всемъ остальномъ должны были дѣйствовать на основаніи своихъ прежнихъ уставовъ. Позволялось и аппеллировать къ Верховному Тайному Совѣту на Сенатъ и на Коллегіи иностранную и морскую подъ угрозой только, что аппеллировавшій лишается жизни, чести и имѣнія, если его аппелляція окажется неосновательной. Верховному Тайному Совѣту принадлежалъ также и высшій надзоръ надъ всѣми коллегіями и другими учрежденіями.

Въ первой половинѣ существованія Верховнаго Тайнаго Совѣта малорусскія дѣла вѣдались въ Сенатѣ; но указомъ 18 августа 1727 года они были перенесены въ коллегію иностранныхъ дѣлъ [1]. Это перенесеніе дѣлъ находится, по всей вѣроатности, въ связи съ возстановленіемъ гетманства въ Малороссіи и является, такимъ образомъ, какъ-бы возстановленіемъ того стараго порядка, при которомъ на Малороссію смотрѣли, какъ на страну «чужеземную», имѣющую

[1]) Сборникъ Рус. Имп. Общ. т. 69, стр. 255 и 257.

свои особыя права и привилегіи. Раньше Малороссія вѣдалась въ посольскомъ приказѣ.

Въ архивѣ посольскаго приказа, коллегіи иностранныхъ дѣлъ и Сената и слѣдуетъ, поэтому, главнымъ образомъ, искать наиболѣе существеннаго матеріала для политической исторіи Малороссіи XVII и XVIII вѣковъ, для исторіи ея отношеній къ Великороссіи и наоборотъ. Въ архивахъ же этихъ учрежденій должно заключаться и много данныхъ для характеристики различныхъ сторонъ внутренней жизни Малороссіи, такъ какъ, особенно начиная съ XVIII вѣка, дѣла, начинаясь въ Малороссіи, нерѣдко переходили и заканчивались въ Сенатѣ, унося съ собой изъ Малороссіи много документальнаго матеріала.

Сравнительно съ Сенатомъ и Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ, Верховный Тайный Совѣтъ не могъ проявлять широко свою дѣятельность въ отношеніи Малороссіи. Ко времени учрежденія его страна уже въ значительной степени перестала быть «чужеземной», а, судя по протоколамъ, и дѣлъ-то, для которыхъ-бы требовалось собственное рѣшеніе императрицы, было сравнительно немного. Аппелляціи на Сенатъ и Коллегіи, въ виду страшной угрозы, доходили до Верх. Тайн. Совѣта тоже чрезвычайно рѣдко.

Все это, конечно, не даетъ еще права занимающемуся исторіей Малороссіи XVIII в. игнорировать протоколы Верх. Тайн. Совѣта. Среди немногочисленнаго матеріала, разсѣяннаго въ нихъ и относящагося къ исторіи Малороссіи, находятся въ высшей степени важныя данныя, которыя, съ одной стороны, рисуютъ намъ характеръ отношеній Петербургскаго правительства къ Малороссіи послѣ смерти Петра, съ другой—дополняютъ и проливаютъ нѣсколько новый свѣтъ на факты малорусской исторіи XVIII вѣка, въ отрывочномъ видѣ уже появившіеся въ печати.

«Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта» издаются Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ, подъ редакціею академика Н. Ф. Дубровина. Печатаются они цѣликомъ, безъ выпусковъ и ничего общаго не имѣютъ съ тѣми «Протоколами Верховнаго Тайнаго Совѣта», которые были напечатаны въ III книгѣ «Чтеній Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1858 годъ подъ этимъ ошибочнымъ заглавіемъ. Тогдашній начальникъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ кн. М. А. Оболенскій въ томъ-же 1858 г. въ «Библіографическихъ Запискахъ»

указалъ на ошибку редакціи «Чтеній», напечатавшей подъ именемъ «Протоколовъ Верх. Тайн. Совѣта» копію съ рукописи А. Ф. Малиновскаго, хранящейся въ архивѣ М—ва Иностр. Дѣлъ подъ заглавіемъ: «Управленіе Всероссійской Имперіи во время бывшаго Верховнаго Тайнаго Совѣта съ 1726 по 1730-й годъ».

Рукописью издаваемыхъ теперь академикомъ Н. Ф. Дубровинымъ протоколовъ пользовался раньше покойный С. М. Соловьевъ. Имъ, между прочимъ, извлечены оттуда данныя относительно малорусскихъ дѣлъ, которыя мы находимъ въ XVIII и XIX т. его «Исторіи Россіи». Но Соловьевъ, интересуясь, главнымъ образомъ, политической судьбой Малороссіи, далеко не исчерпалъ содержанія «Протоколовъ.» Поэтому, мы, повторяя нѣкоторыя данныя, сообщенныя уже Соловьевымъ, постараемся дополнить ихъ на основаніи напечатанныхъ «Протоколовъ» и указать и на другія свѣдѣнія по малорусской исторіи, которыя можно почерпнуть оттуда.

I.

Первыя засѣданія Верховнаго Тайнаго Совѣта были посвящены обсужденію дѣлъ персидскихъ и турецкихъ. Столкновеніе Россіи съ этими государствами, происшедшее въ концѣ царствованія Петра I, не уладилось и въ первый годъ послѣ его смерти. Дѣла русскихъ шли очень плохо: войска едва удерживали занятыя раньше персидскія области, откуда всѣ жители разбѣжались, податей не платили, а постоянно угрожали возмущеніемъ. Турки помогали Персамъ, и никакія старанія русскихъ дипломатовъ въ Константинополѣ, Неплюева и Румянцева, удержать Порту отъ этой помощи не удавались. При такомъ положеніи дѣлъ требовалось особое напряженіе государственныхъ силъ, требовались новыя финансовыя средства и войска— съ одной стороны, а затѣмъ полное спокойствіе внутри государства— съ другой.

Послѣ измѣны Мазепы Малороссія всегда возбуждала подозрѣніе у петербургскаго правительства. Исторія Полуботка и К° еще болѣе усилила эту подозрительность. Немудрено, поэтому, что, обсуждая вопросъ о турецкихъ и персидскихъ дѣлахъ, Верховный Тайный Совѣтъ вспомнилъ и о малорусскихъ дѣлахъ. 11 февраля 1726 года члены Совѣта разсуждали о томъ, чтобы представить на усмотрѣніе императрицы слѣдующія ихъ мнѣнія: 1) пока еще не дошло до

разрыва съ Турками, слѣдуетъ «ради удовольства и приласканія тамошняго народа» выбрать изъ малороссіянъ персону годную и вѣрную въ гетманы; 2) подати, которыя теперь собираются, всѣ сложить, оставивъ только тѣ, которыя собирались раньше при гетманахъ; войско содержать, по прежнему, какъ было при гетманахъ и какъ объ этомъ сказано въ статьяхъ; 3) суды отправлять самимъ малороссіянамъ, давъ право апелляціи на ихъ рѣшенія въ малороссійскую коллегію [1]). Въ этомъ мнѣніи Верховнаго Тайнаго Совѣта сказывалась, конечно, значительная уступка требованіямъ старшины, какъ они были заявлены, между прочимъ, въ послѣдній разъ Полуботкомъ и его товарищами.

Уступки, проектированныя Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, не всѣ тогда-же получили реальное осуществленіе. 23 февраля члены Совѣта опять разсуждали о томъ, быть-ли гетману въ Малороссіи? Мысль эта вызвала сильный протестъ со стороны графа Толстаго, который заявилъ, что онъ «не можетъ совѣтовать» возстановить гетманство въ Малороссіи, такъ какъ покойный императоръ Петръ I не позволилъ выбирать гетмана и власти у полковниковъ и старшинъ поубавилъ съ той цѣлью, чтобы «Малую Россію къ рукамъ прибрать». Вслѣдствіе этого полковники и старшина «пришли въ немалую ссору съ подданными», и если снова возстановить гетманство и возвратить прежнюю власть старшинамъ, то, при настоящемъ положеніи дѣлъ съ Турціей, могутъ возникнуть опасныя затрудненія» [2]). Вопросъ на этомъ, повидимому, и прекратился, такъ какъ на этотъ разъ въ Совѣтѣ онъ уже больше не поднимался.

Въ связи съ вопросомъ о гетманствѣ стоялъ вопросъ и объ отпускѣ домой старшины, задержанной въ Петербургѣ по дѣлу Полуботка. Въ числѣ задержанныхъ были, кромѣ самого Полуботка, умершаго вскорѣ затѣмъ въ Петропавловской крѣпости генеральный судья Чарнышъ, генеральный писарь Савичъ и миргородскій полковникъ, старикъ Даніилъ Апостолъ, самъ добивавшійся быть назначеннымъ въ малороссійскіе гетманы. 28 марта 1726 года члены Верховнаго Тайнаго Совѣта разсуждали о малороссійской старшинѣ, въ особенности о миргородскомъ полковникѣ Даніилѣ Апостолѣ. Къ дальнѣй-

---

[1]) Сбор. Рус. Ист. Общ. т. 55 стр. 25—26. Соловьевъ Исторія Россіи т. XVIII стр. 923 (Изд. Общ. Пользы).

[2]) Сборн. Рус. Ист. Общ. т. 55 стр. 60.

шему удержанію послѣдняго въ Петербургѣ, по мнѣнію Совѣта, не представлялось никакого серьезнаго повода; его слѣдуетъ отпустить домой въ полкъ, а въ Петербургѣ оставить его сына въ качествѣ, конечно, заложника въ вѣрности отца [1]. 1 апрѣля мнѣніе Совѣта было представлено на усмотрѣніе императрицы, но послѣдняя не рѣшилась утвердить его, а отложила до поры до времени [2], и только 5 мая 1726 г. мнѣніе Верховнаго Тайнаго Совѣта было утверждено: Апостолъ былъ отпущенъ въ Малороссію, при чемъ съ него была взята «крѣпкая» присяга въ вѣрности и въ видѣ заложника былъ оставленъ одинъ изъ его сыновей [3]. 16 мая вопросъ объ отпускѣ Данiила Апостола домой былъ рѣшенъ окончательно [4], а 18 мая того-же года съ него была взята присяга, въ которой онъ обѣщался и клялся быть вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ рабомъ и подданнымъ какъ императрицѣ, такъ и ея наслѣдникамъ, «по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности, не щадя въ нужномъ случаѣ живота, предостерегать и оборонять всѣ права и преимущества, направляемыя къ Высокому Ея Величества Самодержавству, силѣ и власти; стараться обо всемъ, что можетъ касаться вѣрной службы и пользѣ государственной»! «Также, говорилось далѣе въ присягѣ, обѣщаюсь и клянуся азъ, что лишь, будучи въ Малой Россiи безъ указу и безъ повелѣнія Ея Императорскаго Величества съ турки, съ крымцы, съ поляки, съ запорожцы и съ другими ни съ которыми посторонними областьми ни о чемъ не списываться и корреспонденцій не имѣть, и самому никуда не отъѣзжать и, живучи въ Малой Россiи, никакихъ возмущеній не токмо самому не чинить, но и другихъ къ тому не подущать». Въ заключеніе Апостолъ клялся, что «какъ скоро и за кѣмъ увѣдаетъ что-нибудь клонящееся во вредъ Императрицѣ и Государству, то будетъ не только заблаговременно доносить, но будетъ стараться всѣми мѣрами отвращать и недопускать [5]. Съ этимъ старый миргородскiй полковникъ былъ отпущенъ на родину. Предосторожность русскаго правительства въ то самое время, когда, по отзыву самого уже Верх. Тайн. Совѣта, къ

---

[1] Сбор. Им. Рус. Ист. Общ. т. 55 стр. 150.
[2] Ibid. стр. 178—179.
[3] Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 55 стр. 263.
[4] Ibid. стр. 293.
[5] Ibid стр. 294.

удержанію Апостола въ Петербургѣ не представлялось никакой серьезной или даже просто никакой причины, показываетъ, какъ преувеличенно смотрѣли тогда въ Петербургѣ на малороссійскія дѣла вообще и на Полуботковскую исторію въ частности. При ближайшемъ изслѣдованіи тогдашнихъ отношеній, никакихъ данныхъ для возникновенія серьезныхъ протестовъ въ Малороссіи противъ великорусскаго правительства не было, а потому не было никакихъ поводовъ для опасеній, высказывавшихся въ Петербургѣ. Группа, поддерживавшая Полуботка, не являлась представительницей всего малорусскаго населенія и интересы ея рѣзко расходились съ интересами большинства малорусскаго народа [1]). Петербургское правительство имѣло, во всякомъ случаѣ, превратное понятіе о положеніи дѣлъ въ Малороссіи. Для историка, который-бы занялся исторіей инкорпораціи Малороссіи въ XVIII вѣкѣ, важно будетъ выяснить процессъ, какимъ образомъ у петербургскаго правительства образовался тотъ пристрастный и односторонній взглядъ, при помощи котораго оно такъ боязливо смотрѣло на Малороссію и такъ превратно понимало всѣ возникающія въ ней отношенія. Архивы Сената и Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ должны бросить свѣтъ на этотъ вопросъ. Имѣющійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ даетъ право предположить, что великорусскія учрежденія, основанныя Петромъ Великимъ въ Малороссіи, играли тутъ рѣшающую роль... Созданная для сравнительно узкихъ цѣлей, Малороссійская Коллегія, въ силу порядка вещей, заняла сразу политическое положеніе и начала ту борьбу противъ малорусскихъ понятій въ области внутренней политики, которая продолжалась полъ вѣка, отличалась такого страстностью и внесла столько путаницы въ малорусскія отношенія. Подъ вліяніемъ этой страстности слагались и отношенія петербургскаго правительства къ Малороссіи, ускорявшія ломку малорусскаго строя и отнимавшія у этой ломки какую-бы то ни было систему...

Сынъ Апостола остался, такимъ образомъ, въ С.-Петербургѣ; остались также Яковъ Лизогубъ, Иванъ Чернышъ и Василій Жураховскій. 17 октября 1726 года въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ былъ поднятъ вопросъ объ отпускѣ трехъ послѣднихъ въ Малороссію на тѣхъ-же основаніяхъ, на какихъ былъ отпущенъ Даніилъ Апостолъ, т. е. чтобы взять съ нихъ присягу въ вѣрности и оставить въ Пе-

---

[1]) *Ал. М. Лазаревскій* Павелъ Полуботокъ въ Рус. Арх. 1880 г. кн. I

тербургѣ ихъ дѣтей въ видѣ заложниковъ [1]). 21 октября слушался докладъ объ этомъ, причемъ для дѣтей старшины предполагалось выстроить дома на Васильевскомъ Островѣ [2]). Докладъ рѣшено пополнить, но чѣмъ—изъ Протоколовъ не видно. 11 ноября опять говорили въ Совѣтѣ о генеральной старшинѣ и рѣшили доложить о ней императрицѣ [3]); 19 декабря тайный совѣтникъ Макаровъ взялъ дѣло о старшинѣ для доклада [4]); а 23 декабря въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ была объявлена резолюція, что «Ея Величество не только не соизволила, но повелѣла, чтобъ они, по прежнему Ея Величества указу (8 февраля 1725 г.), жили здѣсь, въ С.-Петербургѣ, и побудить ихъ къ строенію домовъ, какъ тотъ прежній ея величества указъ повелѣваетъ» [5]).

Оставшійся заложникомъ Петръ Апостолъ, судя по его дневнику, напечатанному Ал. М. Лазаревскимъ въ іюльской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1895 годъ, былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ съ кн. Меньшиковымъ, въ домѣ котораго онъ немало проводилъ вечеровъ. При силѣ и затѣмъ всевластіи Меньшикова, молодому Апостолу жилось, вѣроятно, хорошо, свободно. Но вотъ его патронъ падаетъ—и въ протоколахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта за 10 сентября 1727 года мы встрѣчаемъ такую запись: «призыванъ гетманскій сынъ Петръ Апостолъ и сказанъ ему указъ, чтобъ онъ съ княземъ Меньшиковымъ не ѣздилъ, а жилъ въ Санктпетербургѣ безсъѣздно и почасту-бъ являлся въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ» [6]). Указъ этотъ вызванъ, очевидно, тѣмъ обстоятельствомъ, что когда Меньшикова посылали въ ссылку въ Раненбургъ, то было объявлено, что съ нимъ можетъ ѣхать всякій, кто захочетъ. Связанный дружбой Апостолъ, вѣроятно, также хотѣлъ ѣхать съ опальнымъ княземъ, но здѣсь-то ему и напомнили, что онъ не вольный человѣкъ, а политическій заложникъ [7]). 16 сентября 1727 года въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ допрашиванъ по дѣлу Меньшикова секретарь его Вистъ, какая дана инструкція посланному въ Ригу генералу Урбановичу?

---

[1]) Сб. Рус. Ист. Общ. 56 т, стр. 269—270.

[2]) Ibid. 290.

[3]) Ibid. 364.

[4]) Ibid. 538 и 603.

[5]) Ibid. 601.

[6]) Сбор. Рус. Ист. Общ. 63 т. стр. 274.

[7]) Ibid. стр. 275.

Вистъ отвѣтилъ, что не знаетъ, и указалъ при этомъ на бывшихъ при Меньшиковѣ Апостола, Потемкина и Даровскаго, которые объ этомъ знаютъ. Рѣшено ихъ вызвать и допросить [1]).

Это было уже въ то время, когда Даніилъ Апостолъ выдвигался со стороны петербургскаго правительства кандидатомъ въ гетманы. 1 октября состоялось его избраніе [2]). Казалось, что все недовѣріе къ нему исчезло—однако, этого не видно, судя по обхожденію съ его сыномъ. Въ «Протоколахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта» подъ 4 октября мы находимъ запись: «Апостолова сына удержать отъ полковничества» [3]). Вѣроятно около этого времени выставлена была кандидатура Петра Апостола на полковничій урядъ. Въ 1728 году гетманъ пріѣхалъ на коронацію въ Москву. Онъ, понятное дѣло, употребилъ всѣ усилія, чтобы дать возможность выдвинуться своему сыну—заложнику. Старшій сынъ его Павелъ былъ въ то время уже миргородскимъ полковникомъ. 7 апрѣля 1728 года Петръ II былъ на обѣдѣ у гетмана. Послѣ обѣда, говоритъ «Журналъ о поѣздкѣ гетмана въ Москву»—Петръ II «пошолъ въ канторку тую, гдѣ ясновельможного ложко стояло, и тамъ съ ясновельможными милостиво разговаривалъ и смотрѣлъ булавы и бунчуки, якіе въ той конторцѣ на стѣнѣ висѣли, а между тѣмъ изволилъ пожаловать пана Петра Апостола, сына ясневельможнаго, лубенскимъ полковникомъ, за что ясневельможный публично повергъ себя подъ ноги Его Им. Величеству, всеподданнѣйше благодарилъ и просилъ на все отечество малороссійское милостивѣйшаго Его Имп. Вел. призрѣнія» [4]). Указъ объ этомъ назначеніи появился, впрочемъ, гораздо позже и, вѣроятно, вышелъ противъ ожиданія гетмана. Совѣтники юнаго императора нашли, вѣроятно, преждевременнымъ отпускать сына гетмана въ Малороссію, а потому подъ 9 сентября 1728 г. въ «Протоколы» занесено, что государь «пожаловалъ гетмана Апостола сына его Петра, указалъ ему быть полковникомъ казацкимъ, а жить ему въ *Москвѣ*. Только лѣтомъ 1730 года, значитъ уже въ царствованіе Анны Ивановны, послѣ уничтоженія Верховнаго

---

[1]) Сбор. Русск. Ист. Общ. 63 т. 294 стр.

[2]) Соловьевъ Исторія Россіи (изд. Общ. Пользы) Т. IV, стр. 1106.

[3]) Сбор. Рус. Ист. Общ. 63 т. стр. 430.

[5]) Матеріалы для отечественной исторіи Судьенка т. I отд. I стр. 34.

Тайнаго Совѣта, Петръ Апостолъ былъ отпущенъ въ Малороссію и вступилъ въ управленіе лубенскимъ полкомъ, оставаясь на урядѣ до 1757 года.

—

II.

Мы видѣли, что уже въ одно изъ первыхъ засѣданій Верховнаго Тайнаго Совѣта былъ поднятъ вопросъ объ уменьшеніи налоговъ, взимаемыхъ съ малорусскихъ жителей. Налоги эти были увеличены въ 1723 году. 31 марта этого года президентъ тогда только что учрежденной Малороссійской Коллегіи бригадиръ Вельяминовъ представилъ Петру I свои «пункты», свои соображенія какъ относительно порядка взыманія, такъ и распредѣленія налоговъ. Петръ утвердилъ эти пункты. Всякіе доходы въ Малороссіи, какъ денежные, такъ и хлѣбные, по указу императора, полученному въ Малороссійской Коллегіи 3 іюня 1723 года, должны были собираться въ казну урядниками и войтами малороссійскаго народа, какъ и раньше собирались. Малороссійская Коллегія должна принимать эти сборы и давать изъ нихъ жалованье по пунктамъ Богдана Хмельницкаго и по даннымъ инструкціямъ. Покуховное, показанщина, пчелиная, табачная десятины, войсковая часть съ мельницъ и др. сборы шли прежде на гетмана, полковниковъ, сотниковъ и др. старшину; собирались эти сборы, главнымъ образомъ, съ убогихъ козаковъ и посполитыхъ людей; старшина, значные козаки, полковые товарищи, монастырскіе и церковные владѣльцы были отъ нихъ свободны. Указомъ Петра велѣно собирать эти сборы со всѣхъ, «равно отъ высшихъ и до нижнихъ чиновъ, не выключая никого». Покуховное бралось въ Малороссіи только съ шинкарей и съ вышинкованныхъ куфъ; между тѣмъ малороссійскіе обыватели продавали водку великороссійскимъ обывателямъ, платя только скатное по 6 алтынъ и 4 деньги и по 8 алтынъ и 2 деньги. Указъ Петра предписываетъ брать покуховное и въ этомъ послѣднемъ случаѣ [1]).

Объ отмѣнѣ этихъ сборовъ и была рѣчь въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ 11 февраля 1726 года. Но вопросъ былъ рѣшенъ только 1 іюня: постановлено было послать въ Малороссійскую Кол-

[1]) Кіев. Ст. 1888 Октябрь 175—182.

легію указъ, чтобы въ казну съ малороссійскаго народа собирались только сборы, существовавшіе раньше указа 1723 года. Сборы же, установленные этимъ указомъ, пріостанавливались до истребованія отъ Вельяминова вѣдомостей, сколько какихъ сборовъ взымается въ отдѣльности [1]).

Большая часть засѣданія 1-го іюля 1726 года была посвящена малорусскимъ дѣламъ по преимуществу. По инструкціи, данной Вельяминову, и по указу Сената въ 1722 г. велѣно присутствовать въ Малороссійской Коллегіи шести чиновникамъ изъ штабъ-офицеровъ кіевскаго и глуховскаго гарнизоновъ, перемѣняясь погодно. Вельяминовъ просилъ теперь объ измѣненіи этого порядка: слѣдуетъ назначить постоянныхъ членовъ, потому что перемѣнные, какъ къ «коллежскимъ вновь сочиняемымъ дѣламъ не заобычайны», не могутъ вести ихъ исправно, они только учатся, а потому и въ дѣлахъ правленія чинится остановка. Сенатъ присоединился къ просьбѣ Вельяминова, и въ Малороссійскую Коллегію были назначены непремѣнными членами оберъ-кригсъ-коммиссаръ Афанасій Арсеньевъ вице-президентомъ, полковникъ Петръ Кошелевъ, майоръ Андрей Колычевъ и мѣстный комендантъ Филиппъ Толбухинъ—совѣтниками [2]). Тогда же Сенатъ сдѣлалъ еще нѣкоторыя представленія въ Совѣтъ, по которымъ самъ онъ не могъ постановить рѣшенія. По указу 1722 года Малороссійской Коллегіи поручено было разсмотрѣть, какіе налоги слѣдуетъ наложить на малороссійскій народъ, чтобы они не составляли тягости для населенія, и какими путями слѣдуетъ ихъ взымать? Малороссійская Коллегія обратила вниманіе Сената на то, что въ Малороссіи существуютъ торговцы-мѣщане, не платящіе ничего со своихъ торговъ въ казну; малороссійскіе и великороссійскіе владѣльцы, имѣющіе въ своемъ владѣніи мосты, перевозы, торговыя бани, рудни, гуты, рыбныя ловли и содержащіе ихъ на свой счетъ, также въ казну ничего не даютъ. Коллегія предполагала обложить и тѣхъ и другихъ—торговцевъ, смотря по промысламъ, на томъ основаніи, что они имѣютъ ничѣмъ неоправдываемую свободу предъ казаками и посполитыми, изъ которыхъ первые несутъ военную службу, вторые—или работаютъ на своихъ владѣльцевъ, или-же несутъ извѣстныя подданическія повинности. Предполагала коллегія

---

[1]) Сбор. Рус. Ист. Об. т. 55 стр. 322—323, 339.

[2]) Сб. Рус. Ист. Общ. т. 55 стр. 323—324.

обложить также и владѣльцевъ четвертою частью ихъ доходовъ съ промысловъ, такъ какъ они собираютъ ихъ не съ своихъ подданныхъ, а съ постороннихъ. Сенатъ соглашался на обложеніе мѣщанъ; что-же касается обложенія владѣльцевъ, то высказался противъ этого на томъ основаніи, что «напередъ сего съ тѣхъ званій никакихъ сборовъ не бывало» [1]. Когда дѣло перешло въ Верховный Тайный Совѣтъ, онъ остался вѣренъ принципамъ первоначальнаго своего рѣшенія и постановилъ резолюцію: «о наложеніи вновь доходовъ прислать прежде смѣту, сколько всѣхъ будетъ, а безъ указу не собирать». [2]

При Скоропадскомъ резиденціей гетмана сдѣланъ пограничный съ Великороссіей городъ Глуховъ, въ которомъ и поставлены два гарнизонные полка. Коллегія просила перенести резиденцію куда-нибудь въ центръ Малороссіи, въ Нѣжинъ или въ Прилуки, такъ какъ отдаленность положенія Глухова отъ центра Малороссіи и его окраинъ отражается на дѣлопроизводствѣ: на пересылку дѣлъ тратится много времени; къ тому же далекое разстояніе удерживаетъ многихъ жителей отъ подачи прошеній въ Коллегію о своихъ обидахъ. Сенатъ поддерживалъ въ своемъ представленіи Верх. Тайному Совѣту ходатайство Малороссійской Коллегіи [3], но Совѣтъ не согласился съ этимъ, и Коллегія была оставлена въ Глуховѣ [4].

Былъ поднятъ вопросъ и о помѣщеніи для Коллегіи. Въ сенатскомъ указѣ 1722 г., изданномъ по случаю учрежденія Коллегіи, было сдѣлано распоряженіе объ отводѣ ей для помѣщенія дома, а коллежскимъ членамъ и служителямъ—квартиръ, причемъ со временемъ предполагалось построить собственный для Коллегіи домъ «какими людьми и съ какихъ доходовъ пристойно»; но въ 1723 г. это предположеніе отмѣнено: дома строить не велѣно. Въ 1726 г. Коллегія доносила въ Сенатъ, что она нѣсколько разъ требовала отъ войсковой генеральной канцеляріи отвода себѣ приличнаго помѣщенія, потому что домъ, гдѣ она помѣщается, обветшалъ; но канцелярія не могла удовлетворить этого требованія, потому-что соотвѣтствующаго дома въ Глуховѣ не находилось. Коллегія опять

---

[1] Сбор. Рус. Ист. Общ. т. 55 стр. 326.

[2] Ibid. 322.

[3] Ibid. стр. 326.

[4] Ibid. стр. 324.

подняла по этому поводу вопросъ о постройкѣ собственнаго зданія для нея и для конторъ съ каменными подвалами для казны; необходимо было построить также дома для членовъ Коллегіи и ея служителей, для чего слѣдовало собрать съ малороссійскаго народа по восьми копѣекъ или по 3 алтына со двора. [1]) Верховный Тайный Совѣтъ не рѣшилъ окончательно вопроса, но потребовалъ по этому поводу отъ Вельяминова точную смѣту, «чтобъ казнѣ излишней траты не было» [2]).

Слѣдующее предложеніе Сената касалось опять фискальныхъ цѣлей. 1 іюня 1722 года сенатскимъ указомъ велѣно для челобитчиковыхъ дѣлъ употреблять въ Малороссійской Коллегіи простую бумагу; съ вершенныхъ челобитчиковыхъ дѣлъ пошлинъ и денегъ на канцелярію не брать. Въ Малороссіи сверхъ того сдѣлки, какъ малороссіянъ, такъ и великороссіянъ, по покупкѣ грунтовъ, мельницъ и др. заводовъ, о бѣглыхъ крестьянахъ, крѣпости на нихъ, заемныя и др. письма писались или въ ратушахъ или-же своеручно, а пошлинъ съ нихъ никакихъ не бралось. Коллегія предполагала ввести для челобитчиковыхъ дѣлъ пошлину и канцелярскія деньги, а также учредить особую крѣпостную контору, въ которой бы записывались всѣ крѣпости и взымалась съ нихъ особая крѣпостная пошлина [3]). Совѣтъ не согласился съ этимъ мнѣніемъ: все оставалось по прежнему, только прошенія должны были подаваться на гербовой бумагѣ [4]).

Затѣмъ слѣдовалъ вопросъ о бѣглыхъ, занимавшій вообще видное мѣсто въ сношеніяхъ Великороссіи съ Малороссіей съ самаго момента присоединенія послѣдней.

Указомъ Сената отъ 8 марта 1723 года велѣно бѣжавшихъ за рубежи и пойманныхъ на заставахъ бить кнутомъ и отсылать на прежнія жилища; подговорщиковъ-же къ побѣгу, по жестокомъ наказаніи, ссылать на вѣчную каторгу; если-же на заставахъ будутъ пойманы малороссіяне, то распрашивать ихъ, откуда они, и отсылать на прежнее ихъ мѣсто жительства, не подвергая ихъ наказанію. 1 сентября 1725 года, уже, значитъ, послѣ смерти Петра I, былъ

---

[1]) Сб. Рус. Ист. 55 стр. 326.

[2]) Ibid. 324.

[3]) Ibid. стр. 326.

[4]) Ibid. стр. 324 и 338.

изданъ новый, дополнительный указъ, которымъ подговорщиковъ къ побѣгу и проводившихъ чрезъ рубежъ бѣглецовъ велѣно казнить смертью, вѣшать на тѣхъ порубежныхъ мѣстахъ, чрезъ которыя они проводили бѣглецовъ, и тѣлъ ихъ для страха не снимать съ висѣлицъ. Малороссійская Коллегія затруднялась, какой изъ этихъ указовъ примѣнить къ малороссіянамъ? [1]). Сенатъ предполагалъ сравнить ихъ съ великороссіанами, и Верховный Тайный Совѣтъ согласился съ этимъ: съ бѣглецами великороссами, рѣшилъ онъ, слѣдуетъ поступать по указу 1723 г., малороссіянъ-же наказывать не кнутомъ а батогами; что-же касается подговорщиковъ, то здѣсь, безразлично къ происхожденію, долженъ былъ примѣняться указъ 1725 года [2]).

Далѣе слѣдовалъ вопросъ о выборѣ старшины. По пунктамъ Богдана Хмельницкаго, представляла Коллегія, малороссамъ дано право выбирать между собой на уряды войсковые, по прежнему; но 9 января 1715 года выданъ указъ гетману и полковникамъ, которымъ запрещался прежній выборъ и поставленіе полковой старшины и сотниковъ. Если-же гдѣ-нибудь открывалась вакансія, то полковникъ долженъ былъ составить раду и посовѣтоваться съ полковою старшиною и сотниками о кандидатахъ на оказавшуюся вакансію и затѣмъ, выбравъ изъ нихъ человѣкъ двухъ или трехъ заслуженныхъ и неподозрительныхъ въ вѣрности, представлять ихъ гетману, которому предоставлялся уже окончательный выборъ кандидата и утвержденіе его универсаломъ въ должности, а также и приведеніе его къ присягѣ. Коллегія доносила Сенату, что во многихъ малороссійскихъ полкахъ нѣтъ многихъ сотниковъ и полковой старшины; вслѣдствіе этого въ дѣлахъ является замедленіе и остановка; генеральная канцелярія шлетъ въ Коллегію промеморіи, въ которыхъ ставитъ на видъ, что, за отсутствіемъ обозныхъ, судей, писарей, сотниковъ и др. чиновъ — въ управленіи много неисправностей, такъ какъ наказные чины не могутъ со всѣмъ управиться, да къ тому-же и почтеніе къ нимъ со стороны обывателей не такъ велико, какъ къ настоящей старшинѣ. На разрѣшеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта ставился Сенатомъ вопросъ, за отсутствіемъ гетмана, и при примѣненіи указа 1715 года, кому назначать старшину изъ кандидатовъ: Войсковой-ли Генеральной Канцеляріи, или-же Малороссійской Коллегіи сообща съ Канцеля-

---

[1]) Сб. Рус. Ист. Общ. 55 стр. 327.

[2]) Сб. Рус. Ист. Общ. 55 стр. 325 и 338.

ріею [1])? Совѣтъ подтвердилъ порядокъ выбора кандидатовъ по указу 1715 года. Если не будетъ гетмана въ Малороссіи, то изъ представленныхъ полковниками кандидатовъ, Коллегія сообща съ Генеральною Канцеляріею должна выбрать годныхъ къ отправленію должности и затѣмъ, не назначая ихъ, писать въ Сенатъ [2]). Отъ послѣдняго уже зависѣло дальнѣйшее распоряженіе. Съ указомъ 1 іюня 1726 г. сдѣланъ, такимъ образомъ, еще важный шагъ къ ограниченію малорусскаго самоуправленія и къ уничтоженію малорусскаго самобытнаго строя.

—

III.

Указъ 4 іюля 1726 года, которымъ уничтожались всѣ сборы съ малороссійскаго населенія, установленные въ 1723 году, кажется, и не приводился въ исполненіе, хотя и былъ посланъ Вельяминову. Онъ является только любопытнымъ образчикомъ колебанія русской политики въ отношеніи Малороссіи. Отмѣна сборовъ съ малорусскаго народа, при безпорядочности русскаго бюджета первой половины XVIII в., не могла не отразиться сильно на общемъ состояніи русскихъ финансовъ: требовалось или замѣнить уничтожаемые въ Малороссіи сборы чѣмъ-нибудь другимъ, или-же вернуться опять къ старому, оставить всѣ сборы до поры до времени дѣйствующими. Верховный Тайный Совѣтъ вначалѣ предпочелъ обождать съ окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса до полученія точныхъ свѣдѣній изъ Малороссійской Коллегіи, сколько казна теряетъ, отмѣняя сборы, введенные Петромъ I. 21 іюня, какъ-бы спохватившись, онъ издалъ новый указъ, которымъ отмѣнялось постановленіе отъ 4 іюня 1726 г. и возстановлялась сила Петровскаго указа отъ 16 апрѣля 1723 года, при чемъ дѣйствія послѣдняго нѣсколько даже расширялись, такъ какъ не только великороссійскіе и малороссійскіе владѣльцы должны были платить сборы, введенные въ 1723 г., но также и крестьяне, отписанные въ Малороссіи на Государя, которые до сихъ поръ отъ платежей были свободны. Указъ 21 іюня требовалъ отъ Коллегіи присылки свѣдѣній, какъ о количествѣ отдѣльныхъ сборовъ, такъ и

---

[1]) Сбор. 55 стр. 324.

[2]) Сборн. 55 стр. 325 и 338.

о видахъ ихъ [1]). Этимъ указывалось на временное значеніе указа, который дѣйствительно, какъ увидимъ, имѣлъ только силу полгода, до полученія вѣдомостей отъ Вельяминова о количествѣ сборовъ, взимавшихся по указу 1723 года.

За это время случился маленькій эпизодъ, который отчасти показываетъ, кто и почему являлся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ защитникомъ интересовъ малороссійскаго народа.

23 марта 1727 года Верховный Тайный Совѣтъ слушалъ прошеніе свѣтлѣйшаго князя Меньшикова относительно освобожденія отъ поборовъ въ Малороссійскую Коллегію пожалованныхъ ему городовъ Почепа и Янполя. Въ прошеніи своемъ Меньшиковъ указывалъ на то, что Почепъ и Янполь пожалованы ему въ 1709 году «съ принадлежащими къ нимъ мѣстечками, селами и деревнями и со всякими съ нихъ, что шло на гетмановъ, пожитками и доходами»; но Малороссійская Коллегія, основываясь на указѣ 1723 года, продолжаетъ брать поборы, которые раньше шли на гетмана, а затѣмъ на Меньшикова. А между тѣмъ въ 1724 году на докладной выпискѣ по межевому дѣлу Меньшикова съ почепскими козаками Петръ написалъ, чтобы князь владѣлъ всѣмъ тѣмъ, что укрѣплено за нимъ жалованною грамотою. Основываясь на этомъ, и Сенатъ 19 августа 1725 года отмѣнилъ сборы съ Меньшиковыхъ имѣній и послалъ указъ объ этомъ въ Коллегію. Изъ присланныхъ послѣднею вѣдомостей оказалось, что съ 1723 по 1726 годъ съ Меньшикова взыскано 4090 р. 24 к. деньгами и 2172 четверти 3 четверика разнымъ провіантомъ тѣхъ сборовъ, которые раньше шли на гетмана; да сверхъ этого, по указу 1723 г., было взыскано, наравнѣ съ другими владѣльцами, новыхъ сборовъ съ заводовъ и подданныхъ 1960 руб. 81 коп. Первые сборы Сенатъ 26 апрѣля 1726 года постановилъ возвратить Меньшикову, относительно же вторыхъ усумнился, имѣя въ виду указъ 17 августа 1726 года, оставлявшій въ силѣ Петровское распоряженіе 1723 года, и предложилъ, поэтому, этотъ вопросъ на разрѣшеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта. Послѣдній утвердилъ рѣшеніе Сената, оставивъ за Меньшиковымъ сборы, которые шли раньше на гетмана: «а какіе порознь доходы въ Малороссійскую Коллегію нынѣ собираются и по сколько чего въ годъ, о томъ на основаніи указа отъ 3 іюня 1726 г. прислать вѣдомость». Далѣе Совѣтъ постановилъ

[1]) Сб. т. 55 стр. 489 и 56 стр. 1.

потребовать отъ Коллегіи объясненій, отчего вѣдомости до сихъ не присланы и отчего она, не смотря на указы, продолжаетъ взымать доходы съ Янполя и Почепа.

9 мая, наконецъ, подъячій Гаврило Замятнинъ подалъ изъ Кабинета запечатанный пакетъ, въ которомъ оказались доношенія Малороссійской Коллегіи на всѣ указы и вопросы Верховнаго Тайнаго Совѣта: о несобираніи въ Малороссіи поборовъ съ куфъ и заводовъ, о присылкѣ соображеній по поводу разныхъ сборовъ, установленныхъ въ 1723 году, что можно изъ нихъ убавить, а что прибавить; наконецъ, объясненія по поводу взыманія поборовъ съ имѣній свѣтлѣйшаго князя Меньшикова. При этомъ Коллегія прислала двѣ вѣдомости—одну о неокладныхъ сборахъ, собиравшихся раньше на гетманскую булаву и кухню въ Шептаковской и Чеховской волостяхъ, и въ дворцахъ Баклановскомъ, Обмочевскомъ, Подлипенскомъ, Самбурскомъ и Переволоченскомъ, и сколько этихъ сборовъ предполагалось въ 1724 году, за раздачею нѣкоторыхъ изъ гетманскихъ маетностей; другая вѣдомость содержала въ себѣ свѣдѣнія о доходахъ, какіе вообще собирались сборщиками въ Малороссійскую Коллегію [1]); причемъ было присоединено мнѣніе о томъ, какіе изъ нихъ можно убавить.

Въ доношеніи своемъ Коллегія писала о полученіи всѣхъ указовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта относительно сборовъ и давала объясненія, почему замедлила отвѣтомъ и почему, несмотря на указы, она взымала поборы съ имѣній свѣтлѣйшаго князя Меньшикова. «Посылкою оная вѣдомость умедлена для того, что Малороссійская Коллегія . . . . . имѣла смотрѣніе, какіе доходы могло убавить или прибавить». Что-же касается Меньшиковскихъ имѣній, то Коллегія ссылалась на указъ 20 іюня 1726 г., оставившій въ силѣ Петровское распоряженіе, по которому сборы взымались со всѣхъ безъ исключенія. Но какъ только Коллегія получила указъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, она сдѣлала распоряженіе сборщикамъ, чтобы Почепъ и Янполь оставили въ покоѣ, а съ другихъ малороссійскихъ и великороссійскихъ владѣльцевъ продолжали взымать доходы по прежнему [2]).

Присланная Коллегіей вѣдомость даетъ слѣдующія свѣдѣнія о доходахъ, поступившихъ въ Молороссійскую Коллегію въ 1724 г.

---

[1]) Сб. Р. И. Общ. т. 63 стр. 479.

[2]) Тамъ-же стр. 484—486.

Всего разныхъ сборовъ поступило 72128 р. $24^3/_4$ коп.; въ числѣ ихъ были: покуховное и скатное съ вина—22284 р. $78^1/_4$ к.; съ продажи вина поведернаго—888 р. $22^1/_2$ коп.; покуховнаго и скатнаго съ дегтю—1260 р.; съ винокуренныхъ заводовъ—8094 р. 38 к.; съ пчелъ 3145 р. 88 коп.; табачная десятина 1241 р. $9^1/_2$ коп.; съ мельницъ—1004 р. 26 коп.; сборъ съ купцовъ за ярмарки и торги 4367 р. 5 коп.; вѣсовыхъ съ пуда товаровъ—1094 р. 29 коп.; налогъ съ пивоваровъ (броваровъ)—248 р. 83 коп.; съ вишнякованнаго волошскаго и вишневаго вина 258 р. 63 коп.; съ мостовъ, перевозовъ и гребель 6710 р. 83 коп., индуктныхъ пошлинъ (ввозныхъ) 18697 р. 62 коп.; съ откупныхъ статей 1495 р. $20^1/_2$ коп.; съ свадебъ выводныхъ 124 р. 72 коп.; съ мясниковъ и чиншевыхъ, также за увольненіе городовыхъ мѣщанъ годоваго платежа 261 р. 50 коп. Съ купцовъ, ѣздящихъ за границу, сборъ съ возовъ и воловъ—60 р. 10 к.; съ полковыхъ сѣнокосовъ, отдаваемыхъ въ наемъ 4 р. 72 коп.; съ шинкарей торгующихъ брагой, съ калачницъ и годового съ подданныхъ ратушныхъ селъ—19 р. 40 коп.; съ торговой ратушной бани—836 р. 48 коп.; наконецъ, съ рыбныхъ ловель и за проданную рыбу 30 р. 25 коп.

Доходы эти распредѣлились слѣдующимъ образомъ: 14372 р. $61^1/_2$ коп. шли до скарбу войскового; 30079 р. $88^1/_4$ к.—на гетмана; 48 р. $7^1/_2$ коп. на генеральную старшину; 224 р. 18 к. на генеральнаго писаря и генеральную канцелярію; 15633 р. $9^3/_4$ коп.—на полковниковъ и полковую старшину; 103 р. 5 коп.—до полкового скарбу и на полковую артиллерію; 245 р. $82^1/_2$ коп.—на сотенную и городовую старшину; 22 р. 22 к.—на бунчуковыхъ товарищей; 7251 р. $84^1/_4$ коп.—на ратуши; 3393 р. 80 к.—на монастыри и церкви; 753 р. 61 коп.—на великороссійскихъ владѣльцевъ.

Сверхъ этого раньше на гетмана и старшину не собирались еще 42366 р. $95^1/_4$ коп., которые стали поступать въ казну только послѣ указа 1723 года, и, такимъ образомъ, денежный доходъ составился въ 114495 р. 20 коп.

Доходы, впрочемъ, этимъ не исчерпывались. Съ мельницъ шли они натурой, а съ торговъ сыпучими тѣлами бралось покошевное; количество этихъ доходовъ простиралось до 30578 четв. 4 четвериковъ.

Въ 1725 г. доходы были: 98559 р. $20^1/_2$ коп. деньгами 24068 четв. $1^1/_4$ четв. хлѣбомъ; 19 пуд. 16 ф. меду; 120 пуд. $32^1/_2$ ф. соли; 56 пуд. табаку; 869 ведеръ 13 кв. вина простаго; 48 ведеръ масла конопляпаго.

Въ 1726 году деньгами собрано 92391 р. $35^1/_3$ к.; хлѣбомъ 1955 четв. $6^1/_2$ четв.; меду въ сборѣ не было; соли 156 п. 24 ф.; табаку 72 пуд. 4 ф.; вина 769 вед. $^1/_2$ кв.; масла 8 ведеръ 7 квартъ [1])

Посылая вѣдомость о сборахъ, Малороссійская Коллегія присоединила къ нимъ и свои соображенія на счетъ того, какіе сборы можно убавить. Она предполагала, во-первыхъ, отмѣнить $^1/_4$ часть хлѣба съ мельницъ. Обыватели привозили его сырымъ, долго держать его было невозможно, сборщикамъ онъ, поэтому, доставлялъ не мало затрудненій. Отъ отмѣны этого сбора убывало доходовъ на 10403 р. 94 к., а присоединивъ къ нимъ поколювщину и покабанщину съ мельницъ 4047 р. $19^1/_2$ к.—всего убывало 14451 р. $13^1/_2$ к. Предполагалось отмѣнить затѣмъ покошовное, которое бралось по ковшу отъ воза съ провозимаго для продажи хлѣба—на 1814 р. $31^1/_2$ коп. Табачная десятина бралась по 60 коп. за пудъ; Коллегія предполагала уменьшить ее до 30 коп., отчего сборовъ можетъ уменьшиться на 2934 р. 12 коп. А всего, съ отмѣною указанныхъ Коллегіей сборовъ, доходы должны были уменьшиться на 19199 руб. 57 коп., или выразиться въ общей суммѣ 105305 р. $40^1/_2$ коп. Всѣ эти сборы были неокладные, сколько сборщики успѣвали собрать, въ окладные-же ихъ и помѣстить было невозможно, потому что окладныхъ сборовъ и не было въ Малороссіи.

При докладѣ Верховному Тайному Совѣту было указано на 7-й пунктъ договорныхъ статей Богдана Хмельницкаго, гдѣ шла рѣчь о сборахъ, а также на 2-й пунктъ инструкціи Малороссійской Коллегіи, гдѣ говорилось о сборахъ по пунктамъ Богдана Хмельницкаго. Это и послужило исходнымъ пункомъ для уменьшенія сборовъ съ малорусскихъ обывателей: 12 мая 1727 года былъ изданъ указъ, въ которомъ заявлялось, что императоръ, «милосердуя о своихъ подданныхъ малороссійскаго народа, пожаловалъ ихъ, указалъ съ нихъ доходы денежные и хлѣбные собирать тѣ, которые подлежатъ по пунктамъ гетмана Богдана Хмельницкаго, и которые сбирали при

[1]) Сбор. Рус. Ист. Общ. т. 63 стр. 484—508.

бытности бывшихъ потомъ гетмановъ. А также всякіе доходы положены съ опредѣленія Коллегіи по донесеніямъ генералъ майора Вельяминова вновь, тѣ отставить вовсе и впредь съ нихъ не сбирать». Въ этомъ-же указѣ малороссійскій народъ былъ «обнадеженъ», что скоро у него будутъ опредѣлены гетманъ и старшина [1]).

12 мая былъ рѣшенъ и другой важный вопросъ—великороссіянамъ было запрещено покупать земли въ Малороссіи. Кто купилъ до этого указа, у того полки должны взять земли обратно, заплативъ имъ сумму, означенную по купчимъ; если-же кто купитъ послѣ указа, у тѣхъ отбирать земли безденежно.

Интересны мотивы, которые побудили Верховный Тайный Совѣтъ издать этотъ указъ.

Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Прилуцкій полковникъ Галаганъ донесъ въ Малороссійскую Коллегію, что въ м. Монастырищахъ капитанъ стоящаго тамъ Олонецкаго полка Бершнякъ купилъ у многихъ посполитыхъ грунта и захватилъ въ подданство самыхъ посполитыхъ; другіе посполитые хотятъ тоже послѣдовать ихъ примѣру и идти въ подданство къ Бершняку. Между тѣмъ въ Малой Россіи во владѣльческихъ селахъ и деревняхъ, кромѣ державцевъ, грунтовъ никто покупать не долженъ. Галаганъ спрашивалъ, какъ поступать, если случаи, подобные этому, будутъ повторяться? Малороссійская Коллегія не рѣшила сама вопроса, а 13 сентября 1726 года обратилась въ Сенатъ, а послѣдній въ Верховный Совѣтъ, причемъ представлялъ свои соображенія, что на основаніи уложенія и гетманскихъ пунктовъ слѣдуетъ запретить великороссіанамъ покупку земель въ Малороссіи, «ибо по указамъ и по пунктамъ всѣхъ гетмановъ о покупкѣ въ Малой Россіи великороссіанамъ земель ни малаго позволенія не показано» [2]).

—

IV.

Приведенныя свѣдѣнія изъ Протоколовъ Верховнаго Тайн. Совѣта далеко не исчерпываютъ ихъ содержанія, какъ источника для Малорусской исторіи. Мы, напр., совершенно опускаемъ здѣсь свѣдѣнія

---

[1]) Сб. Рус. Ист. Общ. т. 63 стр. 464.

[2]) Сб. Рус. Ист. Общ. т. 63 стр. 510—512.

о посылкѣ козаковъ къ крѣпости св. Креста, о тѣхъ страшныхъ потерахъ въ людяхъ, какія испытывало козацкое войско отъ климата, потеряхъ, вынудившихъ правительство замѣнить козацкіе походы на Гилянъ денежными сборами. Протоколы заключаютъ въ себѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія о великорусскихъ полкахъ и ихъ расквартированіи въ Малороссіи; нѣкоторыя свѣдѣнія по исторіи управленія, на сколько это, конечно, касалось Верховнаго Тайнаго Совѣта. Интересна, напр., исторія назначенія Милорадовича Гадячскимъ полковникомъ, и т. д.

Въ заключеніе мы остановимся только на данныхъ протоколовъ, относящихся къ исторіи стародубскаго полковника Пашкова, тѣмъ болѣе, что у историка Стародубскаго полка А. М. Лазаревскаго о Пашковѣ говорится слишкомъ кратко и только слѣдующее: «Вмѣсто Кокошкина въ 1724 году въ Стародубъ назначенъ былъ подполковникъ Илья Ивановичъ Пашковъ, который пробылъ полковникомъ до 1728 года и смѣщенъ вслѣдствіе поданныхъ на него жалобъ за взятки и другія насилія» [1]). Данныя протоколовъ говорятъ намъ, что это были за насилія? По жалобѣ полчанъ Пашковъ допрашивался какъ въ Глуховѣ, такъ и въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ и показалъ, что стоящимъ на заставахъ офицерамъ онъ давалъ инструкціи о сборѣ на него съ проѣзжавшихъ купцовъ съ парококнаго воза по 20, съ одноконнаго по 16 коп., а съ ярмовъ и меньше; одинъ москвитянинъ, купивъ въ Стародубѣ нѣсколько куфъ вина, уѣхалъ оставивши при немъ солдата. Когда послѣдній умеръ, Пашковъ велѣлъ отписать вино на ратушу, а затѣмъ взялъ на себя. Стародубскіе полчане жаловались кромѣ того на неправильные суды Пашкова, взятки, отниманіе мельницъ и грунтовъ. Докладывая обо всемъ этомъ Верховному Тайному Совѣту, Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ говоритъ: «понеже Петръ I изволилъ въ Малой Россіи въ нѣкоторыхъ полкахъ полковникамъ изъ великороссійскихъ людей быть для того, чтобы они, по примѣрамъ прежнихъ тамошнихъ полковниковъ, не были и тѣмъ-бы народъ тамошній отъ чинимыхъ имъ отъ старшинъ тягостей, обидъ, грабительствъ, отнятіемъ грунтовъ, лѣсовъ, мельницъ, весьма былъ свободенъ, и судъ и расправу чинилъ правдою, безъ волокитно и безъ взятковъ, и безъ накладовъ. Ежели кто въ

[1]) Описаніе Старой Малороссіи т. I стр. 50.

томъ преступитъ и станетъ жить съ примѣра прежнихъ тамошнихъ полковниковъ, то и за одно малое преступленіе повиненъ казни; а довольство имъ, полковникамъ, велѣно имѣть съ полковыхъ маетностей». 11 января 1729 года Верховный Тайный Совѣтъ положилъ резолюцію, по которой у Пашкова были отобраны всѣ деревни и онъ отрѣшенъ отъ должности; все награбленное имъ должно быть возвращено прежнимъ владѣльцамъ [1]). Послѣ этой резолюціи слѣдствіе надъ Пашковымъ не было еще закончено. Оно продолжалось, и, вѣроятно, были открыты еще новыя злоупотребленія; но о нихъ намъ не говоритъ Протоколъ Верховнаго Тайнаго Совѣта...

Ник. Василенко.

А. Лотоцкій. *Народное образованіе въ Подоліи въ его прошломъ и настоящемъ* (*„Образованіе“, 1899 г. апрѣль—іюнь, стр. 71—91, 29—53).*

Вопросъ о народномъ образованіи, какъ объ одной изъ наиболѣе существенныхъ нуждъ народныхъ, въ послѣднее время, вполнѣ естественно, пріобрѣтаетъ все большее и большее общественное значеніе. О немъ много пишутъ, еще больше говорятъ, но разрѣшеніе давно уже назрѣвшаго вопроса не подвигается впередъ, по крайней мѣрѣ въ желательной степени. Вполнѣ очевидно, что для того, чтобы поставить его на твердую почву, необходимо изученіе дѣйствительнаго положенія дѣла, необходимо болѣе близкое знакомство съ нимъ. Но именно въ этомъ случаѣ исторія и статистика народнаго образованія страдаютъ слишкомъ крупными пробѣлами, и мы съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ готовы привѣтствовать каждую серьезную попытку разрѣшенія или освѣщенія той или иной части въ области народнаго образованія,—такова цитированная выше статья г. Лотоцкаго.

Авторъ послѣдней, задавшись цѣлью—разсмотрѣть состояніе школьнаго дѣла „въ одномъ изъ наиболѣе обиженныхъ, въ отношеніи изученія, уголковъ Россіи—въ Подольской губерніи“, приступаетъ къ этому разсмотрѣнію съ указанія на дьячковскія школы въ прошломъ столѣтіи и раньше, на состояніе народнаго образо

---

[1]) Сб. Р. Ист. Общ. т. 94 стр. 22—24.

ванія подъ вліяніемъ крѣпостного права въ началѣ истекающаго нынѣ столѣтія (дѣятельность Чацкаго) и затѣмъ переходитъ къ болѣе подробному изложенію хода образованія со времени закрытія основанныхъ Чацкимъ школъ,—отдѣльно остановившись на исторіи развитія свѣтскихъ (министерскихъ) и церковныхъ школъ для народа, какъ учрежденныхъ независимо другъ отъ друга и существенно различавшихся между собою по самой организаціи.

Болѣе близкое разсмотрѣніе положенія какъ тѣхъ, такъ и другихъ заставило автора прійти къ печальнымъ выводамъ. Потребность въ образованіи глубоко сознавалась и сознается народомъ, но наличность народныхъ школъ не въ состояніи удовлетворить этой потребности народа (на 2.150.000 жителей, въ томъ числѣ 322.000 душъ дѣтей школьнаго возраста, въ настоящее время—министерскихъ 284, 2172 церковно-приходскихъ и 728 школъ грамотности; всего—одна школа на 25,4 кв. вер., на 1.485 душъ и на 200 дѣтей школьнаго возраста; внѣ школы остается 240.000 дѣтей школьнаго возраста, т. е. около 75%.). Лучше обставленными въ матеріальномъ и педагогическомъ отношеніяхъ являются школы М. Н. Просвѣщенія, но школъ этихъ мало сравнительно съ общимъ количествомъ населенія и территоріальною обширностью губерніи (на одну такую школу приходится въ среднемъ до 10.000 душъ населенія, средній районъ ея равняется почти 150 верстамъ). Болѣе значительнымъ съ количественной стороны является церковный типъ школы. Но за то внутреннія качества школы этого типа ставятъ подъ большое сомнѣніе самый существенный вопросъ—объ успѣшности обученія въ ней: въ силу различныхъ отрицательныхъ условій, половина всего числа учащихся въ этой школѣ не обнаруживаетъ никакихъ успѣховъ и, вслѣдствіе этого, оставляется на повторительный курсъ въ тѣхъ же группахъ; но помимо всего, существующія школы не могутъ удовлетворять образовательнымъ потребностямъ народа даже со стороны количественной (одна школа на 200 дѣтей школьнаго возраста). Едва-ли можно надѣяться, чтобы всѣ эти дефекты въ народномъ образованіи могли быть поправлены при помощи скудныхъ бюджетовъ М. Н. Просвѣщенія и Епархіальнаго училищнаго совѣта. Остается лишь ожидать, что земство, введеніе котораго ожидается въ Юго-Западномъ краѣ, съ должнымъ вниманіемъ отнесется къ образовательнымъ нуждамъ мѣстнаго населенія и энергично возьмется за удовле-

твореніе насущнѣйшей его потребности—широкаго распространенія образованія.

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 7; 2) Русская Старина, № 8; 3) Историческій Вѣстникъ, № 8; 4) Журналъ Министерства Народн. Просвѣщ., № 7 и 8; 5) Вѣстникъ Европы, № 8; 6) Русская Мысль, №№ 6, 7 и 8; 7) Научное Обозрѣніе, №№ 6, 7 и 8; 8) Кіевскія Университетскія Извѣстія, 7 и 8; 9) Варшавскія Университетскія Извѣстія, № 5; 10) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 7 и 8; 11) Земскій Сборникъ Черниг. губ., № 5; 12) Книжки Восхода, № 7; 13) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, № 7—8; 14) Літературно-Науковий Вістник, № 8; 15) Ateneum, № 7—8; 16) Biblioteka Warszawska, № 7 и 8; 17) Przewodnik naukowy y literacki, № 7 и 8.

Русская Старина № 8.

Изъ записокъ Д. А. Кармазина (1839—1857 г.) Кармазинъ—уроженецъ Новороссіи; воспитывался въ Одессѣ, сначала въ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ гимназіи и наконецъ въ лицеѣ. Во время обученія его въ гимназіи попечителемъ округа былъ назначенъ Н. И. Пироговъ, кратковременное правленіе котораго (1857—1858) показало въ немъ «не только великаго мыслителя и замѣчательнаго хирурга, но и выдающагося администратора и педагога.» Предоставивши лицеистамъ право имѣть „свою“ библіотеку, кассу и право сходокъ, Пироговъ являлся нерѣдко среди молодежи и напоминалъ, что предоставленіе извѣстныхъ правъ налагаетъ и обязанности, и что для студентовъ будетъ горькимъ упрекомъ, если предоставленныя имъ права будутъ отняты по ихъ винѣ. При новомъ подъемѣ духа среди молодежи зародилась добрая мысль о преобразованіи лицея въ университетъ, а помѣщеніе въ газетѣ «Nord» статьи объ освобожденіи крестьянъ вызвало въ молодежи пирушку съ восторженными тостами, которые «соглядатаями» записаны въ «государственное преступленіе». Гуманное вліяніе Пирогова и тутъ сказалось—исторія была забыта. Но скоро и Пироговъ оставилъ Одессу.

Историческій Вѣстникъ № 8.

М. А. Щепкинъ. Воспоминанія о М. С. Щепкинѣ (стр. 435—465). (Окончаніе слѣдуетъ).

Авторъ печатаетъ интересныя воспоминанія о своемъ дѣдѣ, знаменитомъ артистѣ, Михаилѣ Семеновичѣ Щепкинѣ, записанныя со словъ родителей и другихъ близкихъ родственниковъ; разсказываетъ между прочимъ о рѣдкой памяти М. С. Щепкина, знавшаго наизусть всего «Ревизора», «Тараса Бульбу», «Мцыри», «Кобзаря» Шевченка (стр. 444), объ участіи его въ малорусскихъ пьесахъ («Наталкѣ-Полтавкѣ, Москалѣ Чаривныкѣ»), о болѣзни его и смерти. (9 августа 1863 г.)

Баронъ Н. В. Дризенъ. Очеркъ театральной цензуры двухъ эпохъ (1801—1856 гг.) (стр. 556—585).

Авторъ сообщаетъ новые, любопытные матеріалы по исторіи русской цензуры въ Александровскую и Николаевскую эпоху. Матеріалы ярко обрисовываютъ положеніе театральнаго дѣла, между прочимъ и въ Малороссіи.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» (стр. 712) данъ отзывъ о книгѣ *А. В. Стороженка* «Очерки Переяславской старины. Изслѣдованія, документы и замѣтки». Кіевъ, 1900 г.

—

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 7 и 8.

Н. В. Шляковъ. О поученіи Владиміра Мономаха. (Окончаніе) (№ 7, стр. 1—21). Опредѣливъ въ прежнихъ главахъ время написанія Поученія, авторъ теперь останавливается на опредѣленіи мѣста, гдѣ Владиміръ Мономахъ писалъ его. Мѣсто это устанавливается имъ въ Угличѣ, раньше именовавшемся погостъ Волга, неподалеку отъ Ростова. Въ заключеніи этой статьи даны итоги главныхъ положеній автора, изъ которыхъ важнѣйшее: *написано Поученіе въ 1106 году 8—10 февраля на погостѣ Волга.*

Въ отдѣлѣ *библіографіи* помѣщенъ *С. Пташицкимъ* обстоятельный разборъ «Палеографическаго сборника, издан. кіевской коммиссіей для разбора древнихъ актовъ; вып. 1-й». (№ 8, стр. 385—398). Тамъ-же данъ краткій отзывъ о книгѣ *А. В. Стороженка* «Очерки Переяславской старины». (стр. 411—412).

—

Вѣстникъ Европы № 8.

Ѳ. Воропоновъ. Крестьянская реформа въ юго-западномъ краѣ. (По личнымъ воспоминаніямъ). Въ этой прекрасной статьѣ авторъ, лично принимавшій дѣятельное участіе въ крестьянской реформѣ въ юго-западномъ краѣ, замѣчательно живо и просто разъясняетъ сущность осложненій, которыя явились въ крестьянскомъ дѣлѣ для нашего края. Чтобы понятнѣе были дальнѣйшія затрудненія при введеніи реформы, онъ кратко, но вполнѣ удобопонятно, знакомитъ читателя съ основнымъ положеніемъ такъ называемыхъ «Бибиковскихъ инвентарей», а затѣмъ отмѣчаетъ характерныя особенности въ дѣятельности по крестьянскому вопросу трехъ губернскихъ комитетовъ юго-западнаго края и кіевской общей коммиссіи для обсужденія способовъ крестьянскаго устройства по всѣмъ тремъ губерніямъ. Далѣе авторъ разсматриваетъ моментъ приведенія въ дѣйствіе крестьянскихъ положеній въ тотъ первый періодъ, когда это дѣло находилось въ рукахъ мировыхъ посредниковъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, и отмѣчаетъ факты неудобствъ, вытекавшихъ изъ этого. (Стр. 754—804).

Въ *Литературномъ Обозрѣніи* данъ отзывъ о слѣдующихъ книгахъ: 1) *П. Житецкаго.* «Энеида и древнѣйшій списокъ ея, въ связи съ обзоромъ малорусской литературы XVIII вѣка»; 2) «Викъ» (1798—1898 гг.); 3) *В. Антоновичъ.* «Къ вопросу о галицко-русской литературѣ». (По поводу статьи проф. Т. Д. Флоринскаго).

—

Русская Мысль № 6, 7 и 8.

Въ отдѣлѣ библіографическомъ данъ отзывъ о журналѣ «Кіевская Старина», 1900 г. №№ 1—6 (№ 8-й, стр. 321—323).

—

Кіевскія Университетскія Извѣстія №№ 7 и 8.

М. В. Довнаръ-Запольскій. Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ (№ 7, стр. 1—88). Напечатана пока 1-я глава, составляющая введеніе и выясняющая классификацію средствъ, шедшихъ на удовлетвореніе потребностей государства, а также тѣ условія, при которыхъ возникли извѣстные источники доходовъ. На выясненіи этого послѣдняго авторъ останавливается болѣе подробно, опредѣляя, что какъ самое происхожденіе Литовскаго государства, такъ и различіе въ этнографическомъ составѣ его населенія имѣли вліяніе на установленіе извѣстной системы государственнаго хозяйства.

—

Варшавскія Университетскія Извѣстія № 5.

Очеркъ славянской кирилловской палеографіи. Изъ лекцій проф. *Е. Ѳ. Карскаго.* (Продолженіе). Окончивъ обзоръ начертанія кирилловскихъ буквъ, авторъ останавливается на слѣдахъ глаголическихъ начертаній въ рукописяхъ кирилловскаго письма, на обозначеніи числовыхъ величинъ, на обозначеніи лѣтоисчисленія, на знакахъ препинанія, на знакахъ надстрочныхъ и на нотныхъ знакахъ. Далѣе слѣдуетъ разсмотрѣніе порядка письма, т. е. *внѣшняго вида написанной страницы,* главнымъ-же образомъ—характеръ сплошного письма и вязи (№ 5-й, стр. 217—248).

—

Труды Кіевской Духовной Академіи № 7 и 8.

А. Бѣлгородскій. Кіевскій митрополитъ Іероѳей Малицкій (1796—1799 гг.), (№ 8-й, стр. 569—616). (Продолженіе слѣдуетъ).

Біографія Іероѳея Малицкаго до вступленія его на каѳедру Кіевской митрополіи (включительно). Дѣятельность митрополита (церковное благоустройство). Устройство правильной организаціи въ системѣ епархіальнаго управленія.

—

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи № 5.

Добровольскій П. М. Старинные украинскіе тракты. Авторъ на основаніи «Любопытнаго мѣсяцеслова на 1775-й годъ» перечисляетъ всѣ украинскіе тракты, причемъ въ этомъ перечисленіи обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что всѣ тракты въ районѣ собственно Черниговской земли имѣютъ направленіе отъ Глухова, какъ малороссійскаго центра.

Василенко Н. П. Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка. (Продолженіе).

—

Літературно-Науковий Вістник № 8.

Наш альбом: I. Перезва, В. Залізняка, II. Поезия в прозі, Гната Хоткевича, III. Еврейські мельодиі, Лесі Украінки, IV. Із поэзий Осипа Дорохольського, V. Із наддунайських мельодий, Сильвестра Яричевського. (Стр. 121—127).

Із малюнків Одарки Романової: I. Віковічня кріпачка, II. Баба Марина. (Стр. 128—143).

На заводі, нарис Ів. Стешенка (III—IV), стр. 144—163.

Перехресні стежки, повість І. Франка (XXXIII—XXXVII), стр. 164—189.

Оповідання Івана Липи. І. Прохожалий. (Стр. 190—211).

Челкаш, оповідане М. Горкого (І—III). (Стр. 212—247).

Із французьких поетів. І. Із Манюеля, переклав Павло Грабовський. (Стр. 248).

Стефан Ковалів, написав Осип Маковей. (Стр. 81—91).

Біографическій очеркъ съ критической оцѣнкой литературной дѣятельности Стефана Коваліва.

Народний театр, Б. Гринченка (далі). (Стр. 92—104).

Объ общенародности театра, о формахъ и обработкѣ, необходимой въ лучшихъ произведеніяхъ народнаго театра, о сюжетахъ драмъ народнаго театра, о требованіяхъ отъ народныхъ драмъ.

З российськои України. Новини нашої штуки, написав Гнат Хоткевич. (Стр. 105—122).

Обширный обстоятельный разборъ художественнаго альбома, изданнаго А. Марксомъ,—«Изъ Украинской Старины».

Євген Борисів, посмертні згадки,—М. Комара і Ів. Франка (стр. 123—128). Обширный некрологъ, посвященный этому безвременно угасшему дѣятелю на народной нивѣ.

Хроніка і бібліографія. (Стр. 129—144).

Przewodnik naukowy i literacki, №№ 7 и 8.

№ 7. Fr. Rawita-Gawroński. Uposażenie duchowieństwa rzymsko-katolickiego na kresach ukrainnych w końcu XVIII w. (Продолженіе). (Стр. 675—682).

Авторъ продолжаетъ разсматривать даренія и легаты, а затѣмъ экономическія условія селъ, бывшихъ во владѣніи духовенства: Чорнобыль, Хабне, Иваньковъ, Макаровъ.

I. Horoszkiewicz. Pamiętnik o stroju narodowym w Rzeczypospolitej polskiej. (Продолженіе). (Стр. 724—730).

Исторія пояса; различіе поясовъ съ точки зрѣнія матеріи, формы и способа ношенія. Исторія сабли; нововведеніе въ XIII в. въ видѣ кривой сабли. Весь костюмъ.

№ 8. Fr. Rawita-Gawroński. Uposażenie duchowieństwa rzymsko-katolickiego na kresach ukrainnych w końcu XVIII w. (Окончаніе). (Стр. 788—798).

Матеріальное обезпеченіе р.-катол. духовенства въ м. Коростышевѣ, Ржищевѣ, Фастовѣ, Паволочи, Былыловкѣ, Умани.

I. Horoszkiewicz. Pamiętnik o stroju narodowym w Rzeczypospolitej polskiej. (Окончаніе). (Стр. 837—842).

Уборы, возникшіе послѣ четырехлѣтняго сейма: «czamara», «kapota», а также простонародные: сукманы или свиты (бѣлыя и черныя на Руси); свитки или гуни, бурки, которыя впервые явились въ Украйнѣ и затѣмъ уже отсюда распространились и на Польшу; опанча.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 162 газ. «Кубанскія Областныя Вѣдомости» помѣщенъ разборъ новой драмы сочин. Барвинка «Жертва», игранной въ іюлѣ мѣс. въ Екатеринославѣ, сюжетъ которой заимствованъ изъ поэмы Т. Г. Шевченка: «Гайдамаки». По сообщенію газеты, драма не выдерживаетъ самой снисходительной критики, являясь произведеніемъ прямо уродливымъ: гайдамаки только и дѣлаютъ, что пьютъ «горилку» или «отдираютъ трепака»; Гонта представленъ фанатикомъ-изувѣромъ; Оксана принуждена умереть въ 4-мъ актѣ, хотя смерть эта къ ходу драмы не имѣетъ никакого отношенія.

Въ № 16 «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» помѣщена интересная статья свящ. А. Недѣльскаго:—«*Кіево-Софіевское училище по воспоминаніямъ 1847—1853 г.*

Авторъ вспоминаетъ время своего пребыванія въ Софіевской бурсѣ, живописно рисуетъ порядки, существовавшіе тогда въ этомъ училищѣ, тождественные во всѣхъ духовныхъ училищахъ того времени, съ голоданіемъ, сѣченіемъ, авдиторами и т. п. аттрибутами.

Воспоминанія читаются съ большимъ интересомъ.

Въ № 138 «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» помѣщена статья М. Діонисьева под загл. «*Изъ мѣстной старины*».

Авторъ, на основаніи записи, занесенной въ древнюю церковную опись градской Харьковской Николаевской церкви, пополняетъ фактами описаніе путешествія константинопольскаго патріарха Афанасія

черезъ Украину—въ Москву (около 1654 года). Попутно авторъ останавливается на изложеніи нѣкоторыхъ любопытныхъ свѣдѣній объ упомянутой Николаевской церкви.

—

Въ № 172 газ. «Волынь» помѣщена статья А. О—каго «Мстиславовъ храмъ въ г. Владимірѣ-Волынскѣ».

Авторъ даетъ историческую справку о времени основанія храма, о его первоначальной архитектурѣ, говоритъ о состояніи его послѣ Брестской уніи до конца прошлаго столѣтія. Въ заключеніи вкратцѣ разсказываетъ объ исторіи реставраціи храма въ концѣ истекающаго столѣтія.

—

Въ № 915 газ. «Приднѣпровскій край» помѣщена статья А. Л. «*Маркъ Лукичъ Кропивницкій*», въ которой послѣднему воздаются похвалы, какъ виновнику необычайнаго расцвѣта малорусской сцены за послѣдніе годы, въ особенности въ 80—тые. Остановившись на исторической заслугѣ М. Л. Кропивницкаго, авторъ воздаетъ затѣмъ должное таланту его, какъ артиста-художника.

—

Въ «Подольскихъ Губернск. Вѣдомостяхъ» продолжается печатаніемъ обширный трудъ г. Гульдмана «*Памятники старины въ Подоліи*». Глава XIV. «Фигуры» (придорожные кресты, столбы, статуи и т. п.); гл. XV. Церковныя древности (храмы, монастыри и иконы).

—

Въ послѣднихъ №№ «Gazet'ы Lwowsk'ой» помѣщается цѣлый рядъ писемъ Стефана Витвицкаго къ Богдану Залескому. Въ одномъ изъ такихъ писемъ, а именно отъ 11 сентября 1839 г. (№ газеты 190) изъ Парижа, Витвицкій по адресу польско-украинской литературной школы выражается слѣдующимъ образомъ: «Украинская дичь производитъ, какъ вижу, нешуточные наѣзды на нашу литературу; Грабовскій, не удовольствовавшись тремя своими томами о «Krytyce i literaturze», предпринялъ, какъ слышу, романъ въ 4-хъ томахъ о какомъ-то *Гуляйполѣ*. Сумасшедшій шляхтичъ!».

—

Въ № 176 «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» помѣщена большая «библіографическая замѣтка» А. Д—скаго о сборникѣ «Викъ (1798—1898)».

Давая въ общемъ сочувственный отзывъ объ упомянутой книгѣ, авторъ высказываетъ между прочимъ нѣкоторыя сужденія, съ которыми трудно согласиться; такъ напр., авторъ предлагаетъ «редактирующимъ разные сборники на украинскомъ языкѣ» избѣгать словъ «съ неславянскими корнями» (!): «къ чему такія слова какъ *«друкарня»* и редаще (?) (очев.—редагуе). На замѣчаніе автора о желательности внесенія въ сборникъ не только однихъ стихотвореній, но и другого рода литературныхъ произведеній, написанныхъ въ теченіе указаннаго періода, можно отвѣтить, что это недопустимо хотя бы уже самимъ объемомъ книги, содержащей и такъ до 500 страницъ. Что же касается идеи изданія въ видѣ сборника и другихъ родовъ лучшихъ литературныхъ произведеній, то, какъ намъ достовѣрно извѣстно, таковое изданіе предполагается осуществить въ недалекомъ будущемъ, а именно: отдѣльный томъ (или даже два) прозаической художественной литературы, отдѣльный томъ драматической и отдѣльный томъ музыкальныхъ произведеній.

—

Во Львовѣ вышла «Księga pamiątkowa Uniwersitetu lwowskiego», изданная ко дню 500-лѣтняго юбилея основанія ягеллонскаго университета. Эта памятная книжка, въ нѣсколько десятковъ печатныхъ листовъ, состоитъ изъ весьма цѣнныхъ изслѣдованій и работъ профессоровъ львовскаго университета и др. польскихъ ученыхъ. Среди другихъ, отмѣтимъ статьи Ал. Колессы—«Ukraińska rytmika ludowa w poezyach Bohdana Zaleskiego«, Tadeusza Pilata «Przyrost wewnętrzny ludności Galicyi w latach 1874 –1898».

—

Малорусскія пьесы, дозволенныя драматическою цензурою къ представленію по 1 мая 1900 года:

1. *Дочь запорожца XVII в.* Малорусская мелодрама въ 5 дѣйствіяхъ. Соч. Николая Мартыновича Качинскаго (сюжетъ заимствованъ).

2. *Повишеный.* Водевиль у одній діи зъ спивамы. Сочиненіе А. Н. Десятинникова-Васильева (Василенко).

3. *Тетушка изъ Глухова.* Музыкальное поппури въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Соч. Д. А. Мансфельда.

По 1 iюня 1900 г.

1. *Панъ Штукаревичъ, або оказія, якои не бувало.* Сельськи сцены въ 2-хъ діяхъ и 4 одминахъ. Зъ спивамы. Соч. С. Е. Зиневича (По печатному изданію. Каменецъ-Подольскъ, 1900).

2. *Галька, або хата въ лиси.* Драматычни картыны въ 4 діяхъ, зъ писнямы, танцямы и народными сценами. Сочиненіе З. И. Фигнера (Бурлаченка).

3. *Маруся, Кочубей и Мазепа.* Малороссійская драма въ 5 дѣйствіяхъ и 6 картинахъ временъ гетманщины, съ пѣніемъ и танцами. Соч. А. Н. Десятинникова-Васильева (Василенко).

4. *Пажъ Мазепы.* Драма у 5 діяхъ и 7 картынахъ. Перероблено зъ южно-словацького Катерыною Гай-Сагайдачною та К. А. Туркевичемъ.

5. *Панъ Халявскій.* Комедія-фарсъ въ 4 дѣйствіяхъ, сочинен. А. Т. Грабины.

6. *У черкеській неволи.* Драма изъ Кубанського и черкеського побуту, зъ спивамы и танцямы въ 4 діяхъ. Сочин. А. Н. Десятинникова-Васильева (Василенко).

По 15 iюня 1900 г.

На Зеленый Клынъ. Комедія въ 5 діяхъ—Л. Яновской.

(«Правительств. Вѣстникъ, №№ 122, 138).

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Авдикович Орест. Метелики. Львів, 1900. Накладом А. Хойнацкого, стр. 1—80.

Авдикович Орест. Нетлї. Львів, 1900. Накладом А. Хойнацкого З друк. В. А. Шийковского. Ст. 150, in 16, ціна 2 кор. Зміст: Хмари, До місяця, Перший сніг, Нерви, Ялинка, Requiescat, Марево, Акорди, Хрести, Nocturno.

Алфавитные списки драматическихъ произведеній, разрѣшенныхъ къ представленію на народныхъ театрахъ. Изд. состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Е. И. В. Государя Императора Русскаго театральнаго Общества. С.-Пбр. 1899, тип. А. Лейферта, in 8°, 1—44. Ц. 20 коп.

Безшляхъ Г. (Пущанській-Крывый). Не любо—не слухай, брехать не мишай. Фантазія югового руського народу. Выдане 2, выправл. и доповнене. Николаевъ, 1899. Тип. А. Шнейдера, in 16°, 39 стр.

Бертенсонъ. В. А. «По югу Россіи». Сельско-хозяйственные очерки, наблюденія и замѣтки. Выпуск. III., in 8°, стр. 1—116. Одесса, 1900 г. ц. 60 коп.

Бібліотека «Молодои України». Книжка II. Вернер Сомбарт: Социялізм і социяльний рух у XIX століті. Переклав Льонгин Цегельский. У Львові. Накладом українськоі молодіжи. «Друкарня Уділова». 1900, ст. 197, in 16°. Ціна 1 кор. 40 сот.

Борисякъ. А. Геологическія изслѣдованія въ зап. части Изюмскаго у. Харьковской губерніи (Отд. отт. изъ т. XVIII «Извѣст. Геологич. Комитета»). Спбр. 1899, in 8°, стр. 139—250. Ц. 15 к.

Викъ. Збирныкъ найкращыхъ поэзій украинськыхъ (1798—1898). Кыивъ, 1900. Друкарня С. В. Кульженко, in 4°, 1—464+1—IX. Ц. 2 р., на велен. пап.—3 р., слонов.—4 р.

Вовчокъ Марко. Оповидання: 1) Максымъ Грымачъ, 2) Выкупъ, 3) Даныло Гурчъ. Изданіе Кіевскаго Общества Грамотности. Кіевъ, 1900, in 16°, 1—32. Ц. 4 к.

Вовчокъ Марко. Оповидання: 1) Свекруха, 2) Отецъ Андрій. Изданіе Кіевскаго Общества Грамотности. Кіевъ, 1900, in 16°, 1—14. Ц. 2 коп.

Видане Р. У. П. Ч. 2. Дядько Дмитро. Оповидання. Ціна 30 сот. Львів, 1900. Видае Е. Косевич з «Друкарні Уділовоі». Ст. 35, in 16

Домашний писар, збірка примірів, як укладаты ріжні письма: I. Родинні листи, II. Ділові письма, III. Приватні грамоти, IV. Урядові подання. Видав Др. Теодот Галіп. Власним накладом. Чернівці, 1900. З друк. «Руськоі Ради». Ст. 147, 8°. Ціна 1 кор. 60 сот.

Зиневичъ. Панъ Штукаревичъ, або оказія, якои не бувало. Сельськи сцены въ 2-хъ діяхъ и 4-хъ одминахъ зо спивамы. Каменецъ-Подольскъ, 1900, 1—52, in 8°. Ц. 50 коп.

Ібзен Генрих. Як ми мертві воскреснемо. Драматичний епільогъ у 3-х актах. Переклав Антін Крушельницкий. Львів, 1900. Накладом Товариства «Академична Громада».

Катерина. Опера у трехъ діяхъ. Музыка Н. Аркаса, либретто по Т. Г. Шевченку. Склавъ Н. Аркасъ. Николаевъ, 1900. Цина 3 р. 50 к. Стр. 137, in 8°.

Кіевъ и его святыни. I. Жизнь преп. Антонія и Θеодосія Печерскихъ. II. Кіево-Печерская Лавра съ ея святынями и драгоцѣнностями. III. Пещеры Кіево-Печерскія Лавры и украшенія ихъ церквей, IV. Достопримѣчательности г. Кіева. Изд. 4-ое. Москва, 1899. Тип. Полякова, in 8°., 1—111.

Kolessa Alexander. Ukraińska rytmika ludowa w poezyach Bohdana Zaleskiego. Lwow, 1900. Nakladem autora. Стр. 1—78, in 4° (Оттискъ изъ Памятн. книги, изданной львовскимъ университетомъ въ честь 500-лѣтняго юбилея краковскаго университета).

Коробка, Н. И. Весенняя игра-пѣсня «Воротаръ» и пѣсни о князѣ Романѣ. Спб. 1899. Тип. Имп. Акад. Наукъ, in 8°, 1—52 (Отд. отт. изъ «Извѣст. Отд. рус. яз. и Словес. Им. Акад. Наукъ, т. IV, кн. 2).

Краткій каталогъ малорусскихъ книгъ, имѣющихся въ книжной торговлѣ редакціи журнала «Кіевская Старина», Кіевъ, 1900, 1—8, въ два столбца) (Безплатно).

Кулишъ, П. О. Оповидання. Зъ переднимъ словомъ М. Чернявського. Бахмутъ, 1900, 1—159+I—VIII, in 16°. Печатня М. Крамарева. Цина 40 коп. Содержаніе: Передне слово (I—VIII), Орыся (1—3), Сичови гости (14—34), Гордовыта пара (35—47), Дивоче серце (48—75), Сира кобыла (76—81), Пивпивныка (82—88), Цыганъ (89—93), Лысты зъ хутора (I—V) (94—149).

Кулишъ П. О. Чорна рада. Хроника 1663 року. Выдане друге. (Зъ портретомъ автора). Одесса, типогр. Е. И. Фесенко, 1900, in 8°, 1—249+III (словарь). Ц. 50 к.

Левицкій Кость. Новий закон для селян, поменьших міст і місточок. В додатку: *Франко Іван.* Старорускі оповідання. Видане Товариства «Просвіта».

Мешко Франц. Драма на селі. Повість. З словинського переклавъ Ілько Кузів. Львів, 1900. Ц. 10 сотиків.

Народный календарь для южной Россіи на 1900 годъ (Годъ 36-й) Изд. И. Федорова. Одесса, 1899. тип. Л. Нитче, in 4°, 1—57.

Неврозовъ А. Иванъ Степановичъ Мазепа, малороссійскій Гетманъ. Историческая повѣсть. Изд. книгопродавца Т. Губанова. Кіевъ, 1899. Тип. Н. Чоколова, in 16°, 108 стр. Ц. 5 к.

П—кій. За батьковскій грѣхъ. Повѣсть изъ украинскихъ преданій. Изд. книгопрод. Т. Губанова. Москва, 1899, тип. П. Булгакова, in 16°, стр. 1—108. Ц. 15 к.

Перебендя. Острожница і К. Зорян. Хто винен. Львів, 1900. Накладом А. Хойнацкого. З друкарни В. А. Шийковского.

Розвідки Михайла Драгоманова про українську народню словесність и письменство, том II. (Збірник фільольогічної секциі Наук. Тов. ім. Шевченка, т. III). У Львові 1900. стр. 238. Зміст: 1) Байка Богдана Хмельницького. 2) Українські пісні про волю селян. 3) Два українські «фабльо» та іх джерела, нарис із історні загальноі порівняноі літератури. 4) Шолудивий Буняка в українських народніх оповіданях. 5) До оповідань про Шолудивого Буняку. 6) Українські народні оповіданя у французькій мові. 7) Іще про укр. нар. оповіданя у французькій мові. 8) Фатальна вдова, карно-псіхольогічна тема в укр. нар. пісьні 9) Псоване українських нар. пісень. 10) Покажчик до тт. I и II.

Сборникъ лучшихъ новыхъ сценъ, разсказовъ и анекдотовъ изъ русскаго, еврейскаго, малорусскаго, цыганскаго и нѣмецкаго быта лучшихъ авторовъ. Изд. книготор. Е. Губанова, Москва, 1899, in 16°, стр. 1—104+IV. Ц. 15 коп.

Собко Н. П. Словарь русскихъ художниковъ-ваятелей, живописцевъ, зодчихъ, рисовальщиковъ, граверовъ, литографовъ, медальеровъ и пр. съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней (XI—XIX вв.). Составл. на основаніи лѣтописей, актовъ, архивн. документовъ, автобіогр. замѣтокъ и печатныхъ матеріаловъ (съ 1867 по 1892 г. включит.) Томъ III, вып. 1 (700 именъ) Спб. 1899. Тип. М. Стасюлевича, in 4°, 1—508 столб. Ц. 3 р.

Сперанскій М. Южнорусскіе тексты апокрифич. евангелія св. Луки. Кіевъ, 1899, тип. Унив. св. Владиміра, in 8°, стр. 1—22.

Справоздане дірекциі Ц. К. академічноі гімназиі у Львов за рік шкільний 1899—1900. У Львові, 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Стр. XXI+57. Зміст: 1) *Ілля Кокорудз.* Ягайлонський університет, его засновок, розвиток і значіне; 2) Урядова часть.

Стороженко А. В. Очерки Переяславской старины. Изслѣдованія, документы и замѣтки. Кіевъ, 1900, 235 стр.

Сужденіе православнаго галичанина о реформѣ церковнаго управленія проэктируемой русскими либералами нашего времени. Харьк., типографія губернск. правленія, 1899.

Сумцовъ Н. Ѳ. Къ исторіи изданій малорусскихъ историческихъ пѣсенъ. Спб. 1899. Тип. Акад. Наук., in 8°, стр. 15.

Толстой Лев. Два старці. З великоруського перівів М. Павлик. Виданне «Народноі бібліотеки М. Яцкова і С—ки», ч. 3. Ц. 20 сот.

Трушъ К. А. О духовныхъ завѣщаніяхъ древнерусскихъ князей. Москва, 1899. Тип. Университета, in 8⁰, 1—8.

Флоринскій Т. Д. «Зарубежная Русь и ея горькая доля». Кіевъ, 1900. Ц. 25 коп.

Франко Іван. Із днів журби. Поезиі. Львів, 1900. З друкарні В. Шийковского. Накладом автора. 127 стр., in 8⁰. Ціна 2 кор. Зміст: Із днів журби (I—XII), Спомини (I—XII); В плен-ері (I—X); Іван Вишенський, поема; на Святоюрській горі д. 30 жовтня 1655—поема.

Хвыля за хвылею. Вирши и проза (Альманахъ). Выдавъ Б. Гринченко. У Чернигови, 1900, стр. 1—343, in 8⁰. Цина 1 р. Змистъ: 1) *Бордулякъ.* Першый разъ. Оповидання; *Гринченко.* Зъ поезій, I—IV и Середъ бури. Драма; *Днипрова Чайка.* Морськи малюнкы; *Зинькивськый.* Кудою йты. Риздвяна повистка; *Коцюбынськый.* За для загального добра. Оповидання; *Крымськый.* Самотою на чужыни,— вирши; *Маковей.* Вуйко Дорко. Оповидання; *Самійленко.* Зъ поезій, I—III и Драма безъ горилкы,—жартъ; *Франко.* Зъ поезій, I—IV и Лесышына челядь. Оповидання.

Хроника Наукового Товариства імени Шевченка у Львові. 1900, січень—цьвітень. Ч. 2. З друк. Наук. Тов. ім. Шевч. Ст. 30 вел. 8⁰. Зміст: Загальні збори. Засідання Виділу. Засідання секций.

Ц..... батько, О. Стародавня Украина въ драматычныхъ справахъ: VII. Злыгодни. VIII. За булаву. Одесса, 1899, тип. акціон. юж.-рус. Общества печ. дѣла, in 4⁰, 104+106. (Литографированное).

Чернявськый В. Пантелеймонъ Олександровычъ Кулишъ и його оповидання (зъ портретомъ). (Оттискъ изъ «Оповидання М. О. Кулиша»). Бахмутъ, печатня М. М. Крамарева, 1900, I—VIII.

Ясинскій Евгеній. Кара божа. Оповидання. Луцкъ, 1899, 1—19, in 16⁰. Ц. 12 коп.

Ясковичъ Г. Псалма (Изъ псалма). Полтава, 1900, тип. Д. Подземскаго, стр. 1—4.

Ясковичъ Г. Швець (изъ казкы). Полтава, 1899, стр. 1—15. Цѣна 5 коп.

Археологическая лѣтопись.

Собираніе свѣдѣній о памятникахъ украинской старины.

Нижеслѣдующія строки написаны подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что совершенной экскурсіи, къ сожалѣнію очень кратковременной, порученной мнѣ Импер. Московскимъ Археологич. Обществомъ. Читатели «Лѣтописи» знакомы съ ходомъ этого дѣла, всѣмъ очевидна своевременность возбужденія этого вопроса, но очевидны также и трудности, съ которыми приходится считаться. Прежде всего отсутствуютъ данныя, которыми можно руководиться при избраніи того или другого пути экскурсіи; если-же такія данныя и существуютъ о нѣкоторыхъ памятникахъ старины, то они такъ разбросаны, что первая задача—составить имъ болѣе или менѣе систематическіе своды. Этотъ послѣдній пунктъ, какъ извѣстно, и вошелъ въ программу дѣятельности коммиссіи, образованной при Обществѣ Нестора Лѣтописца, это-же отсутствіе данныхъ и было поводомъ отказа большинства лицъ, предполагавшихъ отправиться въ экскурсіи въ настоящемъ году, отъ совершенія таковыхъ до слѣдующаго лѣта. Смущала затѣмъ и обширность задачи—на долю каждаго изъ экскурсантовъ приходилось по нѣсколько уѣздовъ, свободнаго-же времени было maximum два мѣсяца—при выполненіи цѣлей экскурсіи въ полномъ видѣ, куда входятъ не только замѣтки о видѣнномъ, но и подробное описаніе предметовъ, обмѣры памятниковъ зодчества, нанесеніе ихъ на планы, фотографированіе и т. п.—хотя-бы и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ многаго не сдѣлаешь. Несомнѣнно, что на собираніе свѣдѣній, сводку ихъ, на экскурсіи для систематическаго и полнаго знакомства съ памятниками старины на мѣстѣ потребуется не одинъ годъ работы.

Наша экскурсія имѣла лишь пробный характеръ,—это былъ опытъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Осмотрѣно нѣсколько мѣстностей по прибрежной полосѣ въ южной части Кіевскаго у. и въ уу. Каневскомъ и Черкасскомъ. Осмотрѣны исключительно лишь церкви, такъ какъ другихъ памятниковъ зодчества въ данныхъ мѣстностяхъ не было. Пункты остановокъ выбраны отчасти на основаніи «Сказаній о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи» Л. Похилевича, отчасти на основаніи очень немногочисленныхъ, имѣвшихся для Кіевской губерніи, «Метрикъ» Академіи Художествъ 1887 г. Свѣдѣнія, помѣщенныя какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, очень неполны, руководствоваться лишь ими нельзя. Вотъ примѣръ: с. Жуковцы, Кіевск. у. «Метрики» для него нѣтъ, въ «Сказаніяхъ» Похилевича, въ четырехъ строчкахъ, сообщается лишь о числѣ населенія и о томъ, что въ этомъ селѣ существовала церковь еще въ XVI. Между тѣмъ, въ теперешней церкви, построенной въ началѣ настоящаго столѣтія, находится грандіозный рѣзной иконостасъ съ превосходными образцами иконописи XVIII в., перенесенный сюда изъ какой-то кіевской церкви. Такимъ образомъ, для полной регистраціи памятниковъ необходимы разъѣзды и разспросы на мѣстѣ. Въ вышеприведенномъ примѣрѣ дѣло идетъ о цѣломъ иконостасѣ,—что-же говорить объ отдѣльныхъ иконахъ и другихъ предметахъ церковной утвари, облаченій? Ихъ никто не знаетъ, не интересуется ими и они преспокойно валяются гдѣ-нибудь въ коморахъ, сжигаются, обмѣниваются, продаются...

Въ посѣщенныхъ мной селахъ и мѣстечкахъ, гдѣ еще существуютъ церкви (деревянныя) старой постройки,—всѣ они такъ или иначе передѣланы въ послѣдующее время, главнымъ образомъ пристройкой боковыхъ придѣловъ и колоколенъ. Конечно, нечего было и думать встрѣтить въ данномъ раіонѣ церкви XVII в., нѣтъ уже и церквей начала прошлаго столѣтія, рѣдки—середины, чаще встрѣчаются—конца XVIII в; обычный типъ церквей—въ формѣ корабля, съ тремя куполами. Съ каждымъ годомъ старыя церкви разбираются, на ихъ мѣста ставятся новыя, при этомъ отъ старыхъ не остается и слѣда, хотя бы въ видѣ рисунковъ или фотографій внѣшняго вида и плановъ. Въ одномъ селѣ мнѣ какъ-то посчастливилось захватить тотъ моментъ, когда рядомъ съ новой церковью самой шаблонной архитектуры еще стояла крошечная, старая трехкупольная, постройки середины прошлаго вѣка, предназначенная къ продажѣ на сносъ,—

только благодаря этому случаю можно было снять съ нея фотографію и обмѣрить—въ сотняхъ-же другихъ случаевъ церкви, почти единственные у насъ остатки стариннаго зодчества, исчезаютъ безслѣдно.

Не лучше, если не хуже, обстоитъ дѣло съ иконостасами. Почти во всѣхъ осмотрѣнныхъ мною церквахъ старинные иконостасы замѣнены новыми, старые же или совсѣмъ уничтожены, или жалкіе, изломанные остатки ихъ валяются на колокольняхъ. Старинная рѣзьба иконостасовъ, носящая характерные признаки эпохи, отличавшаяся зачастую вкусомъ и выдержкой стиля, требовавшая для выполненія затраты большого труда, пошла на дрова. Иконы изъ иконостаса, если замѣняются новыми,—или разбираются прихожанами, или подвергаются той-же участи, что и рѣзьба; если-же переходятъ въ новый иконостасъ, то безбожно уродуются новѣйшей «реставраціей». Напримѣръ, одна большая икона изъ церкви с. Жуковецъ, объ иконостасѣ который мы упомянули выше, икона, бывшая такой-же хорошей кисти какъ и остальныя, къ счастью еще не обновленныя, попала въ одну изъ сосѣднихъ церквей, такъ какъ въ жуковецкую церковь весь иконостасъ не вмѣщался; здѣсь какіе-то маляры изъ м. Обухова привели ее въ неузнаваемый видъ, и такъ повсюду.

Старинная церковная утварь исчезаетъ еще съ большей легкостью. Во время поѣздокъ то и дѣло приходилось слышать, что раньше и то, и то было въ церкви, кое-гдѣ удавалось найти старую опись церковнаго имущества, причемъ оказывалось, что почти ничего изъ помѣщеннаго въ описи въ настоящее время нѣтъ, удавалось узнавать и тѣ пути, по которымъ разошлись предметы. Большинство ихъ уничтожено (главнымъ образомъ сожжено) за ненадобностью, часть пошла въ обмѣнъ на новые предметы. Еще не такъ давно разъѣзжалъ по Кіевской губ. нѣкто Теленковъ, онъ возилъ за собой возъ съ различной церковной утварью, очень не важнаго достоинства, и въ обмѣнъ за нее получалъ массу цѣнныхъ и въ прямомъ, и въ переносномъ значеніи предметовъ. Въ одной изъ посѣщенныхъ мной церквей онъ получилъ, напр., за пару поручей, износившихся уже черезъ годъ, старинный поясъ, шитый серебромъ, набедренникъ изъ плотной шелковой матеріи и, кажется, еще что-то! Исчезли предметы и другимъ путемъ,—тутъ уже независимо отъ воли блюстителей церквей. Во многихъ церквяхъ побывалъ въ свое время г-нъ Кибальчичъ, снабженный различными оффиціальными полномочіями, имъ и было

увезено все, что болѣе или менѣе заслуживало вниманія и что можно было увезть. Самая незначительная часть взятыхъ предметовъ передана въ кіевскій Церковно-Археологическій музей, куда же ушли остальные—неизвѣстно.

Вопросъ объ уничтоженія памятниковъ церковной старины—старый вопросъ. На него не разъ обращали вниманіе и періодическая печать, и ученыя общества, духовное начальство издавало соотвѣтствующія распоряженія, но все это, какъ видно, не дѣйствовало и не дѣйствуетъ: памятники старины гибнутъ безвозвратно. Непростительно махнуть рукой на это дѣло. Но какъ помочь? Намъ кажется, что циркулярныя распоряженія начальства не оказываютъ надлежащаго дѣйствія въ силу своей неопредѣленности: говорится о сохраненіи старинныхъ предметовъ,—этого мало: нужно хотя въ общихъ чертахъ обозначить, что именно нужно хранить, такъ какъ не спеціалистамъ, какими являются сельскіе священники, трудно составить надлежащее мнѣніе о цѣнности того или другого предмета. Болѣе раціонально было-бы вообще запретить отчужденіе изъ церквей и уничтоженіе какихъ-бы то ни было предметовъ, до обломковъ старыхъ иконостасовъ включительно.

Но, конечно, самымъ надежнымъ средствомъ являются осмотры церквей и церковнаго имущества спеціальными лицами, т. е. именно то, что и предполагается предпринять въ болѣе широкихъ размѣрахъ съ будущаго года. Экскурсіи разсчитаны всего лишь на одно лѣто. Этого конечно очень мало. Во время нашей пробной поѣздки, не смотря на вышеуказанное массовое исчезновеніе предметовъ старины, *во всѣхъ безъ исключенія церквяхъ* удавалось найти еще кое-что интересное какъ по старинѣ, такъ, въ особенности, по художественному исполненію: въ одной церкви образа изъ старинпаго иконостаса, въ другой—рѣзной ставникъ, въ третьей—шитую серебромъ епитрахиль или расшитые шелкомъ подризники и т. д. Такимъ образомъ, представляется необходимымъ подвергнуть осмотру всѣ церкви,—только тогда регистрація памятниковъ украинской старины будетъ доведена до конца. Но для этого нужны люди, нужны средства. Московское Археологическое Общество сдѣлало починъ, пора отозваться и мѣстному обществу,—послѣднему должна быть ближе родная старина. Жаль будетъ, если дѣло остановится, съ нимъ нужно спѣшить, иначе будетъ уже поздно.

Н. Бѣляшевскій.

Изслѣдованія и раскопки.

Экскурсія отъ Городецкаго музея Волынской губ. барона Ѳ. Р. Штейнгель. 10-го іюля вернулась въ с. Городокъ экскурсія, снаряженная барономъ Штейнгелемъ въ Житомирскій, Овручскій и отчасти Новоградъ-Волынскій уу. Изслѣдованія экскурсантовъ продолжались безъ малаго мѣсяцъ, всего пройдено около 500 верстъ, осмотрѣны слѣдующія мѣстности: *въ Житомирскомъ у.*: предм. Гоголевка, кол. Песчанка, с. Троковичи, с. Б. Горбаши, м. Черняховъ, кол. Андреевъ, с. Топорища, с. Селецъ, с. Каменный Бродъ, д. Рудня Боровая, д. Ковали, уроч. Веселовка, кол. Лисовщина, м. Ушоміръ, д. Ушица, с. Бѣлка, д. Баскаки, с. Расное, с. Бараши; *въ Овручскомъ у.*: с. Могильно, м. Искорость, д. Шатрище, д. Немеровка, с. Ходаки, с. Татариновичи, с. Сарновичи, хут. Тартакъ, с. Закусилы, д. Селецъ, м. Нерадичи, с. Ласка, с. Кацовщина, с. Раковщина, д. Яцковичи, г. Овручъ, с. Шоломки, д. Жуки, с. Збрадки, д. Бондары, Рудня Папирня, м. Норинскъ, м. Веледники, Рудня Мощаница, д. Полчъ, м. Лугины, д. Литки; *въ Новоградъ-Волынскомъ у.*: с. Андреевичи, г. Новоградъ-Волынскъ, с. Пилиповичи, с. Дидовичи, м. Корецъ. Кромѣ этой главной линіи, нѣкоторыми экскурсантами совершались также поѣздки и въ стороны. Благодаря массѣ посѣщенныхъ мѣстъ, опредѣлился и характеръ экскурсіи: это были развѣдки, давшіе однако довольно много и положительныхъ результатовъ; во всякомъ случаѣ, можно сказать, что вездѣ, гдѣ только ни побывали экскурсанты, все болѣе интересное отмѣчено, зарегистрировано, сфотографировано.

Археологической секціей (бар. Ѳ. Р. Штейнгель, И. С. Абрамовъ, Н. К. Рексъ, Е. И. Корниловичъ) сняты планы городищъ: въ м. Искорости, м. Ушомірѣ, м. Норинскѣ и с. Топорищахъ; кромѣ Ушомірскаго городища, въ остальныхъ были сдѣланы пробныя раскопки—въ результатѣ получилось небольшое собраніе предметовъ—колецъ, пряслицъ, бусъ, черепковъ и т. п., по которымъ можно опредѣлить эпоху и принадлежность городищъ; собраніе это было пополнено покупкой предметовъ у крестьянъ изъ случайныхъ находокъ на городищахъ.

Обслѣдованы затѣмъ стоянки неолитической эпохи каменнаго вѣка около м. Норинска, с. Збранокъ, д. Бондарей, Рудни Папирни—все на правомъ берегу р. Норина. Здѣсь собрана большая коллекція каменныхъ орудій, къ которой присоединены также прекрасные образцы

издѣлій этого рода, пріобрѣтенные у крестьянъ (м. п. у извѣстнаго собирателя каменныхъ орудій Ивана Кныша) и у торговца древностями Дубинскаго (въ г. Овручъ). Такъ что, въ общемъ, въ Городецкій музей, благодаря экскурсіи, поступило около 250-ти предметовъ каменнаго вѣка, происходящихъ изъ 20-ти мѣстностей Овручскаго у.

Пробныя раскопки кургановъ произведены въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ Руднѣ Боровой (трупосожженіе), въ д. Коваляхъ (трупосожженіе), въ кол. Веселовкѣ (погребеніе безъ гроба), въ м. Искорости (одиночныя погребенія въ гробахъ), въ с. Татариновичахъ (одиночныя и двойныя погребенія въ гробахъ), въ с. Кацовщинѣ (ярусныя погребенія въ гробахъ, въ одномъ курганѣ погребенія шли въ 3 яруса и заключали 9 гробовъ), въ м. Норинскѣ (погребенія). Составъ предметовъ изъ кургановъ—обычный въ славянскихъ могилахъ Волынской губ.: кольца для волосъ и пальцевъ, бусы, пряжки, грузила, ножи, глиняные сосуды. Помимо раскопокъ, обмѣрены отдѣльные курганы (м. п. «Игорева могила» у с. Воронева и «Олегова могила» у г. Овруча), а нѣкоторые изъ могильниковъ нанесены на планъ.

Историческая секція (А. А. Матвѣевъ, Я. В. Яроцкій, А. Я. Яроцкая, В. В. Нейкирхъ) производила фотографическую съемку старинныхъ церквей, иконостасовъ, иконъ, городищъ, замчищъ, снимала копіи старинныхъ плановъ нѣкоторыхъ, интересныхъ въ историческомъ отношеніи, мѣстностей, занималась разборкой архивнаго матеріала, при чемъ нѣкоторые изъ старинныхъ актовъ были пріобрѣтены для музея или подарены. Записывались также преданія и легенды, относящіяся къ тѣмъ или другимъ памятникамъ старины. Особое вниманіе секціи было обращено на г. Овручъ и на имѣющіеся тамъ развалины церкви св. Василія.

Этнографическая секція (В. А. Мошковъ и И. Х. Воговскій) собирала матеріалы по матеріальной культурѣ и фольклору (для записей иногда служилъ фонографъ), снимала фотографіи съ народныхъ построекъ, костюмовъ и т. п. Матеріалъ этотъ будетъ разработанъ В. А. Мошковымъ и поступитъ въ историко-географическіе сборники музея. Для коллекцій музея пріобрѣтено около 60-ти различныхъ предметовъ—различныхъ частей народнаго костюма, вышивокъ и т. п. Собирались также данныя и по кустарной промышленности.

Всѣми тремя секціями, за время экскурсіи, было сдѣлано болѣе 250-ти фотографическихъ снимковъ.

Помимо вышеуказанной дѣятельности, члены экскурсіи (кромѣ перечисленныхъ еще—А. В. Думанскій, Ю. В. Мошкова, Д. В. Мошковъ) собирали коллекціи по ботаникѣ, зоологіи, палеонтологіи и минералогіи.

Благодаря вниманію, съ какимъ отнесся къ цѣлямъ экскурсіи волынскій губернаторъ І. Я. Дунинъ-Борковскій, экскурсанты всюду встрѣчали радушный пріемъ и содѣйствіе мѣстныхъ властей.

Раскопки кургановъ у с. Колодистаго, Звенигородскаго у. Кіевской губ. Въ концѣ іюля и началѣ августа В. Н. Доманицкимъ были произведены у названнаго села раскопки остатковъ жилищъ съ церамикой до-микенской культуры и кургановъ. О раскопкахъ жилищъ мы сообщимъ въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ «Лѣтописи», пока же даемъ краткія свѣдѣнія объ изслѣдованіи кургановъ, пользуясь любезно намъ предоставленнымъ дневникомъ раскопокъ.

Раскопанные курганы лежатъ на в. и ю.-в. отъ села по направленію къ мѣсту впаденія ручья Колодистаго въ Гнилой Тикичъ; тянутся они по направленію съ с.-в. на ю.-з. и занимаютъ въ данной мѣстности самый возвышенный пунктъ; многіе изъ нихъ едва примѣтны, а нѣкоторые и совсѣмъ исчезли—лишь болѣе желтый цвѣтъ земли или мелкіе каменья даютъ знать объ ихъ существованіи.

Изъ имѣющихся здѣсь 15-ти кургановъ раскопано 9. Оказалось, что курганы заключаютъ въ себѣ погребенія, относящіяся къ всевозможнымъ эпохамъ, начиная съ каменнаго вѣка и кончая кочевниками X—XI в. При изложеніи мы будемъ слѣдовать тому порядку, въ какомъ шли раскопки.

Курганъ № 1, высотой 2 ар. 12. в. На поверхности его, на глубинѣ 4-хъ вершк. оказались остатки костяка, по направленію съ з. на в., головой на в.; у правой ключицы костяка—нѣсколько кусковъ обожженнаго дерева и обгорѣлая половинка повидимому конскаго зуба. Въ западной части насыпи, на глубинѣ 1 арш.—второй костякъ въ скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, въ томъ же направленіи, что и первый; у скелета—обернутое вверхъ днище грубаго сосуда, а немного глубже костей, по направленію къ центру—небольшой шлифовальный камень. Въ центральной части насыпи—третій костякъ, сильно пострадавшій отъ времени, въ направленіи с. с. в.—ю. ю. з., головой на с. с. в.; на костяхъ—слѣды красной охры, подъ

ними—подстилка изъ березовой коры. На 12 вершк. глубины оказались истлѣвшіе дубовые брусья, закрывавшіе собой могильную яму. Могильная яма—12 вершк. глубины, на днѣ ея, также на подстилкѣ изъ березовой коры—четвертый костякъ, головой на з., со скорченными ногами; въ правой ключевой кости его найдена застрявшая и сломавшаяся кремневая стрѣлка; скелетъ густо окрашенъ красной охрой. Итакъ, здѣсь мы имѣемъ погребенія каменнаго вѣка.

Курганъ № 2, высотой $1^3/_4$ арш. Въ восточной части насыпи обнаружено вставное, позднѣйшее погребеніе (женское); костякъ въ вытянутомъ положеніи, головой на сѣверъ; у лѣвой руки—изящный глиняный кувшинъ съ ручкой, у ногъ—небольшая глиняная чашка, грубой работы; кромѣ того, у костяка, въ разныхъ мѣстахъ собрано до 80-ти бусъ, главнымъ образомъ изъ стекляной композиціи и перламутровыхъ. Подъ насыпью, въ центрѣ—могила, въ ней—сожженный скелетъ, со слѣдами окраски.

Слѣдующій курганъ, № 3, оказался совершенно разрушеннымъ, повидимому въ недавнее время.

Курганъ № 4, въ 1 арш. высотой; основаніе его—кругъ изъ валуновъ, сложенныхъ въ одинъ рядъ, а иногда въ 2 и 3, одинъ надъ другимъ; повидимому, въ нетронутомъ видѣ курганъ былъ весь обложенъ камнями—владѣлецъ поля вывезъ изъ кургана не одинъ возъ «бутягъ» (булыжныхъ глыбъ). Подъ слоемъ камней, у края круга, было положено 6 дубовыхъ бревенъ, образовавшихъ довольно правильный шестиугольникъ; подъ насыпью—яма, въ которой головой на с. с. в. лежалъ отличной сохранности скелетъ, въ вытянутомъ положеніи; у лѣвой руки его—желѣзныя ножницы, на пальцѣ—серебряный перстень съ овальнымъ камнемъ, на которомъ вырѣзана надпись, какъ кажется, арабская.

Курганъ № 5, по сосѣдству съ предыдущимъ; раньше раскопанъ кладоискателями. Въ могильной ямѣ—скелетъ въ безпорядкѣ, помѣщавшійся въ досчатомъ гробѣ (найдены остатки), скрѣпленномъ желѣзными скобами; въ ямѣ найдены: желѣзная ромбовидная стрѣла, куски желѣза и кожи. Почти параллельно съ упомянутой ямой, на разстояніи 2-хъ аршинъ, оказалась другая яма, гдѣ найденъ остовъ лошади въ опрокинутомъ положеніи съ желѣзными удилами въ зубахъ.

Курганъ № 6 заключалъ, подобно предыдущему, также двѣ ямы—въ одной лошадь съ удилами, въ другой—скелетъ человѣка, въ

вытянутомъ положеніи, въ гробу изъ дубовыхъ досокъ, скрѣпленныхъ скобами. У костяка найдены: часть бронзоваго зеркала, желѣзный ножъ съ орнаментированной костяной рукояткой, бронзовая серьга, бронзовая застежка, кусочки перстней и шелковой матеріи. Сверху на гробѣ находилась пара желѣзныхъ стремянъ.

Всѣ три вышеописанные курганы принадлежатъ кочевникамъ.

Курганъ № 7, съ основаніемъ, обложеннымъ камнями, совершенно разрушенъ кладоискателями; на днѣ могильной ямы, въ кучѣ костей найденъ кусокъ желѣзнаго ножика и дѣтскій черепъ.

Болѣе всего интересъ представляютъ курганы №№ 8 и 9. Курганъ № 8 не имѣлъ въ настоящемъ положеніи сверху никакой насыпи,—онъ былъ обставленъ по окружности валунами гранита, въ 2 и 3 слоя шириной $^1/_2$—1 арш; отдѣльные камни встрѣчались и въ срединѣ; кромѣ того, въ ю.-з. части каменнаго обвода оказалась огромная плита (3 ар. дл. и около $2^1/_2$ арш. шир.), упавшая болѣе тонкимъ концемъ внутрь круга и первоначально, вѣроятно, находившаяся въ стоячемъ положеніи. На глубинѣ не болѣе 4—5 вершковъ оказалось два скелета на разстояніи одинъ отъ другого $1^1/_2$ арш. Одинъ скелетъ былъ въ вытянутомъ положеніи, головой на з.; другой—съ согнутыми ногами и руками, головой на в. Оба костяка носятъ на себѣ слѣды окраски охрой, въ особенности черепа и нижнія конечности. Все пространство между костяками и вокругъ перваго изъ нихъ заполнено сосудами различной величины и формы; сосуды хорошей выдѣлки, въ глинѣ имѣется примѣсь кварца и песку. Нѣкоторые изъ сосудовъ помѣщались одинъ въ другомъ, встрѣтилось даже три горшечка, вставленные одинъ въ другой. Большинство сосудовъ (ихъ всѣхъ болѣе 10-ти) было наполнено пережженными костями животныхъ и рыбъ, среди которыхъ встрѣчались кремневые отбивные ножи, скребки, костяныя орудія и глиняныя грузила. Сосуды имѣютъ ушки, украшены выдавленнымъ *и расписнымъ* орнаментомъ. Подъ этими погребеніями, на глубинѣ 2-хъ аршинъ, въ могильной ямѣ, встрѣчено еще одно погребеніе; скелетъ со слѣдами окраски, лежавшій головой на ю.-з., совершенно истлѣлъ.

Въ двадцати-пяти шагахъ къ востоку обнаружена совершенно аналогичная могила (№ 9), оказавшаяся совершенно испорченной. На глубинѣ $^1/_2$ арш., въ перекопанной землѣ найдены 2 костяка, лежавшіе почти параллельно. Возлѣ костяковъ обнаружены двѣ кучи пе-

реженныхъ костей животныхъ, гдѣ были также черепки, кремневые ножи и скребки, костяныя шила, грузило.]

Найденные сосуды по формамъ и орнаментаціи очень напоминаютъ сосуды изъ лежащихъ тутъ-же по близости остатковъ жилищъ съ церамикой до-микенскаго типа. Если тождество будетъ доказано болѣе точнымъ изслѣдованіемъ добытыхъ предметовъ, то въ данномъ случаѣ мы имѣемъ очень любопытный, новый и давно ожидаемый фактъ—открытіе могилъ племени, оставившаго намъ остатки своихъ жилищъ, что дастъ возможность прослѣдить ритуальную сторону погребальнаго обряда и сдѣлать антропологическія наблюденія. Раскопанная могила (№ 8) интересна еще и потому, что заключала въ себѣ два яруса: болѣе раннее погребеніе и болѣе позднее.

Кромѣ вышеописанныхъ, В. Н. Доманицкимъ были вскрыты еще 3 курганныя насыпи; одна въ $1^1/_2$ верст. отъ с. Колодистаго на поляхъ с. Беребисъ (Гуляйполе) и двѣ у самаго села Колодистаго. Всѣ три кургана оказались уже раскопанными и испорченными.

Подробный отчетъ о раскопкахъ будетъ представленъ В. Н. Доманицкимъ въ Имп. Археологическую Коммиссію.

Палеолитическая стоянка на Кирилловской улицѣ въ Кіевѣ за послѣднее время дала нѣсколько интересныхъ предметовъ. Здѣсь открыты части громадныхъ деревьевъ, принадлежащихъ повидимому къ фаунѣ, уже не существующей въ нашихъ широтахъ. Затѣмъ найденъ бивень молодого мамонта, 175 стм. длиной, съ искусственно продѣланнымъ почти по всей длинѣ бивня желобкомъ, 4—5 стм. шириной и 1—3 стм. глубиной. Выдающійся интересъ представляетъ находка конца бивня мамонта, 30 стм. длиной, сплошь покрытаго рисунками, вырѣзанными вглубь гравировкой. Намъ пришлось видѣть его въ тотъ моментъ, когда онъ подвергался консервировкѣ, а потому нельзя было хорошо разсмотрѣть рисунковъ. Отчетливо видно изображеніе какого-то животнаго, скорѣе всего птицы, затѣмъ предмета, напоминающаго лодку. Сохранившійся кусокъ составляетъ лишь незначительную часть бивня; расположеніе рисунковъ показываетъ, что они покрывали и дальше поверхность бивня. Своевременно мы постараемся дать болѣе подробное описаніе этой находки и снимокъ съ рисунковъ.

Музеи и собранія древностей.

Въ Кіевскій Музей Древностей и Искусствъ поступила коллекція древностей недавно умершаго Е. А. Зноско-Боровскаго. Коллекція состоитъ изъ 356 номеровъ, въ свою очередь заключащихъ до 1500 отдѣльныхъ предметовъ. Покойный Е. А. Зноско-Боровскій, въ сотрудничествѣ съ Е. И. Шиллинской, въ теченіе многихъ лѣтъ производилъ раскопки, главнымъ образомъ въ Каневскомъ у. Большинство предметовъ коллекціи и происходитъ изъ личныхъ раскопокъ покойнаго; сюда присоединены немногочисленные въ общемъ предметы изъ случайныхъ находокъ. Въ топографическомъ отношеніи предметы имѣются изъ Каневскаго, Черкасскаго и Кіевскаго уу. Кіевской губ. и Переяславскаго и Золотоношскаго уу. Полтавской. Такъ что и въ этомъ отношеніи коллекція представляетъ извѣстную цѣльность. Еще болѣе цѣльной является коллекція по составу предметовъ: преобладающая масса ихъ относится къ скифо-сарматской эпохѣ, и здѣсь мы имѣемъ довольно полную характеристику культуры, сладывававшейся изъ мѣстныхъ издѣлій и привозныхъ греко-римскихъ. Кромѣ кургановъ скифо-сарматской эпохи довольно часты въ Каневскомъ у. могилы кочевниковъ. Въ коллекціи есть содержимое раскопки единственнаго въ своемъ родѣ погребенія этого типа (у с. Ковали); скелетъ помѣщался въ деревянномъ гробу, по обѣ стороны котораго стояли скелеты двухъ лошадей; при покойникѣ найдено полное вооруженіе: желѣзный шишакъ съ предохранительной сѣткой сзади, желѣзная маска съ бронзовыми ушами (это скорѣе принадлежность погребальнаго обряда), желѣзная кольчуга, окислившаяся въ то время, когда тѣло еще не разложилось, такъ что складки кольчуги обрисовываютъ формы туловища, воротникъ кольчуги немного отвороченъ, приподнята и нижняя часть съ лѣвой стороны—здѣсь висѣла кривая сабля; тутъ-же были: стремена, наконечники копья и стрѣлъ, желѣзный боевой топоръ и др.; характеръ предметовъ этого погребенія указываетъ на XII—XIII в. Всѣмъ раскопкамъ велись дневники, поступившіе также въ Музей, и вообще коллекція оставлена покойнымъ въ образцовомъ порядкѣ.

Разныя извѣстія.

Реставрація церкви Трехъ Анастасій въ г. Глуховѣ, Черниговск. губ. Въ настоящее время въ г. Глуховѣ производится реставрація старинной церкви во имя Трехъ Анастасій, основанной въ 1717 г. гетманшей Анастасіей Скоропадской на мѣстѣ, гдѣ раньше былъ деревянный храмъ Воскресенія. Церковь эта была придворной гетманской; въ 1722 г., послѣ пожара, она возобновлена и затѣмъ, въ 1784 г. снова пострадала отъ пожара. Въ 1816 г. надъ одноэтажной первоначальной церковью былъ надстроенъ второй этажъ, и въ такомъ видѣ церковь просуществовала до послѣдняго времени, когда пришла въ полный упадокъ, такъ что былъ даже указъ св. Синода о полной разборкѣ церкви. Возобновляется церковь на средства П. П. Скоропадскаго,—изъ нея будетъ устроена часовня въ стилѣ малорусскихъ церквей конца XVII вѣка. При реставраціи будутъ сохранены лишь тѣ части, которыя остались отъ первоначальной постройки, именно: склепы и алтарная часть со сводчатымъ потолкомъ. Можно лишь пожалѣть, что не былъ пощаженъ этотъ сводчатый потолокъ: для того, чтобы сдѣлать часовню выше, его разобрали; этимъ нарушенъ старинный характеръ постройки.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 70-го:

ІЮЛЬ-АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ, 1900 г.

Книга первая и вторая—іюль-августъ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II.

Книга третья—сентябрь,

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXI.

1900 г.

ОКТЯБРЬ.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра,
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 11 сентября 1900 года.

Епифаній Славинецкій, литературный дѣятель XVII в.

Глава I.

Отсутствіе какихъ-либо извѣстій о первоначальной жизни Епифанія Славинецкаго. Мѣсто родины, сословіе, время рожденія и мірское имя. Домашнее воспитаніе и обученіе. Обученіе въ Кіевской Коллегіи и за границей. Принятіе монашества. Учительство въ Кіевской Коллегіи. Первый литературный трудъ Епифанія.

Не случайное явленіе тотъ фактъ, что почти всѣ, изучавшіе и изучающіе жизнь многихъ историческихъ дѣятелей допетровской эпохи, жалуются на чрезвычайную скудость біографическихъ извѣстій о нихъ. Этотъ фактъ находитъ свое объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что нашимъ предкамъ въ XVII в. былъ чуждъ важный въ историческомъ отношеніи обычай—сообщать о своихъ современникахъ, выдающихся дѣятеляхъ, какія-либо біографическія извѣстія: воспоминанія, мемуары, біографіи, а тѣмъ болѣе автобіографіи не привились еще русскому обществу того времени. Поэтому-то изучающему жизнь какого-либо историческаго дѣятеля до-петровской эпохи приходится по крупицамъ собирать какъ-бы случайно оброненныя автобіографическія сообщенія, наичаще—намеки, въ сочиненіяхъ самихъ изучаемыхъ лицъ и біографическія извѣстія преимущественно въ полемическихъ сочиненіяхъ другихъ писателей, современныхъ изучаемому.

Епифаній Славинецкій въ указанномъ отношеніи не представляетъ какого-либо пріятнаго исключенія. Правда, московскій періодъ его жизни (1649 г. 12-е іюля—1675 г. 19 ноября) былъ полонъ разносторонней церковно-литературной дѣятельности, о которой сохранилось не мало свидѣтельствъ; но эти свидѣтельства слишкомъ кратки, часто неточны, неопредѣленны, а потому въ біографическомъ отношеніи малоцѣнны. Говоря это, мы разумѣемъ біографическія сообщенія объ Епифаніи его современниковъ. Если-же обратимся къ различнымъ оффиціальнымъ документамъ, то найдемъ, что и этотъ источникъ очень скуденъ: Малороссійскія дѣла Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, заключающія въ себѣ между прочимъ и Епифаніевы челобитныя (съ 1652 г. по 1661 г.) царю о жалованьи, даютъ намъ точныя свѣдѣнія только о матеріальной обстановкѣ жизни Епифанія—его столѣ, жалованьи. Расходныя же книги, напр. Никона (Моск. Арх. Минист. Юстиціи, кн. 36, 38, 41), заключаютъ въ себѣ очень немного данныхъ для характеристики отношенія этого знаменитаго іерарха русской церкви къ Славинецкому.

Если примемъ во вниманіе, что самъ Епифаній не оставилъ о себѣ никакой автобіографической записки, то для насъ ясно станетъ, что даже московскій періодъ его жизни, богатый—какъ мы сказали—широкой и разносторонней литературной дѣятельностью, не можетъ быть представленъ съ надлежащею полнотою, достойною такого крупнаго литературнаго дѣятеля, и потому придется обратиться, при изображеніи его, къ разнаго рода предположеніямъ и догадкамъ, которымъ (собственно говоря) не должно быть мѣста въ историческомъ изслѣдованіи.

Еще въ худшее положеніе приводитъ изучающаго жизнь Епифанія желаніе представить себѣ ея кіевскій періодъ. Скудость біографическихъ извѣстій здѣсь поразительна. Она нисходитъ почти до полнаго отсутствія какихъ-либо опредѣленныхъ, ясныхъ и точныхъ указаній. Прежде всего ничего неизвѣстно о мѣстѣ рожденія Епифанія. Въ Московскихъ архивахъ Министер. Иностр. Дѣлъ и Юстиціи нѣтъ никакихъ извѣстій о родинѣ

Епифанія. Разработка архивовъ Юго-Западной Руси также не дала до сихъ поръ никакихъ разъясненій и указаній по этому вопросу.

Изъ свидѣтельствъ современниковъ Епифанія также невозможно почерпнуть ясныхъ, точныхъ и опредѣленныхъ указаній. Эти немногія свидѣтельства такого характера, что сами нуждаются въ сопоставленіяхъ и разъясненіяхъ, т. е. другими словами, не обладая точностію и опредѣленностію, даютъ матеріалъ для болѣе или менѣе правдоподобныхъ догадокъ, предположеній—и только. Обратимся къ разъясненію этихъ свидѣтельствъ. Такихъ свидѣтельствъ, имѣющихъ за собой авторитетъ современности, мы имѣемъ три: первое—въ предисловіи къ переводамъ твореній Григорія Богослова, Василія Великаго, Аѳанасія Александрійскаго и Іоанна Дамаскина, изданнымъ въ Москвѣ въ 1665 г.[1]); второе—въ первомъ библіографическомъ русскомъ трудѣ—„Оглавленіи книгъ, кто ихъ сложилъ" Сильвестра Медвѣдева, и третье—въ рукописномъ сборникѣ библіотеки М. П. Погодина (нынѣ № 41-й библіотеки Синодальной Типографіи).

Въ предисловіи къ переводамъ святоотеческихъ твореній между прочимъ сказано, что книга составлена „труды и тщаніемъ его великаго государя богомолца, во философіи и богословіи изящнаго дидаскала и искуснѣйшаго во Еллиногреческомъ и Словенскомъ діалектѣхъ, пречестнаго отца, господина іеромонаха Епифанія, *Кіевскія страны*".

Такого-же характера—указаніе о мѣстѣ родины Епифанія и въ „Оглавленіи книгъ" Медвѣдева, гдѣ подъ § 79 читаемъ: „Епифаній іеромонахъ Славинецкій, *отъ Малыя Россіи*".

Оба приведенныя указанія родины Епифаніевой, какъ видимъ, слишкомъ общи, а территорія, обозначаемая ими, слишкомъ обширна.

---

[1]) Мы имѣли подъ руками экземпляръ, принадлежащій Троицко-Сергіевой Лаврѣ. По рукописному каталогу этотъ экземпляръ значится въ V отдѣлѣ подъ № 69.

Правда, инокъ Евеимій, ученикъ и послѣдователь Епифанія, ограничиваетъ большую территорію родины Епифанія болѣе мелкимъ округомъ, но и его свидѣтельство страдаетъ тѣмъ-же характеромъ общности и неопредѣленности, что и предыдущія два, хотя и въ меньшей степени. Въ сборникѣ библіотеки Московск. Синод. типографіи № 41, противъ каталога Словесъ, напечатаннаго здѣсь, написано рукою монаха Евеимія: „Новый Завѣтъ Господа Нашего Іисуса Христа... рукописная, преводу и стяжанія многомудраго мужа въ Философіи и Богословіи іеромонаха Епифанія Славинецкаго, родомъ *Бѣлорусца*... [1])

Вотъ и всѣ свидѣтельства современниковъ Епифанія о мѣстѣ его родины. Нѣкоторый намекъ о послѣдней, помимо указанныхъ свидѣтельствъ, находимъ въ Описи книгъ и имущества Епифанія [2]). Здѣсь читаемъ: „Августа въ... день (184 г., т. е. 1676 года), по грамоткѣ изъ Печерскаго Кіевскаго монастыря архим. Иннокентія Гизеля, послано съ грекомъ Христофоромъ Петровымъ Томаромъ, купцемъ, по старцѣ Епифаніи въ Печерскій монастырь сто осмьдесятъ золотыхъ червонныхъ да двадесятъ ефимковъ..., да на Троицкій Печерскій больничный монастырь десять золотыхъ червонныхъ..., да *на Пинскій монастырь двадесятъ золотыхъ червонныхъ, да на убогую братію и на шпитали на дробную милостыню двадесятъ червонныхъ золотыхъ, да деадесятъ ефимковъ*". Итакъ, на Пинскій монастырь съ братіею и шпиталемъ при немъ Епифаній даетъ на поминовеніе по себѣ довольно крупную цифру и при этомъ съ точнымъ указаніемъ, на что именно она должна быть израсходована (убогая братія, шпиталь). Чѣмъ объяснить такое вниманіе Епифанія къ Пинскому монастырю и его нуждамъ? почему зналъ Епифаній о существованіи тамъ „шпиталя", объ убожествѣ тамошней братіи? За отсутствіемъ прямыхъ, опредѣленныхъ разъясненій

---

[1]) Чтеніе Общества Истор. и Древн. Россійск. 1846 г. кн. 4. см. статью Ундольскаго «Ученые труды Епифанія Славинецкаго» прим. 2.

[2]) Временникъ Москов. Общест. Исторіи и Древн. Россійск. 1850 г. стр. 73—83.

этого, приходится обращаться къ предположеніямъ. Ставя въ связь фактъ пожертвованія въ Пинскій монастырь довольно значительной суммы съ свидѣтельствомъ инока Евфимія, который называетъ Епифанія Славинецкаго „бѣлорусцемъ", мы и предполагаемъ, что родиной Епифанія былъ городъ Пинскъ. Такое предположеніе единственно возможно изъ тѣхъ данныхъ, какія у насъ имѣются подъ руками.

Переходимъ теперь къ вопросу о сословіи, къ которому принадлежалъ Епифаній, и времени его рожденія. И въ этомъ случаѣ мы не находимъ никакихъ положительныхъ, опредѣленныхъ указаній. Одно только можно сказать, что Епифаній по рожденію своему принадлежалъ къ зажиточной семьѣ. Только это, а не иное какое-либо обстоятельство могло доставить ему возможность побывать за-границей для завершенія своего образованія; если для обученія въ Кіевской коллегіи, пожалуй, еще не требовалось большой затраты матеріальныхъ средствъ, потому что—мы знаемъ—сюда принимались дѣти и бѣдняковъ, для которыхъ существовало, согласно волѣ фундаторши Анны Гулевичевой, общежитіе,—то ужъ для того, чтобы завершить свое образованіе за границей, несомнѣнно, нужно было располагать средствами, превышающими зажиточность въ обычно-житейскомъ пониманіи этого слова [1]).

О времени рожденіи Епифанія также не сохранилось никакихъ извѣстій. Въ тѣхъ архивныхъ документахъ Москвы, которыми намъ приходилось пользоваться, мы не нашли точнаго указанія на годъ его рожденія. Въ сочиненіяхъ современниковъ, а также самого Епифанія, нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ объ этомъ. Въ литературѣ позднѣйшаго времени имѣется всего лишь одно указаніе и то не года рожденія, а времени воспитанія Епифанія. Мы разумѣемъ Историческій Словарь митр. Евгенія, гдѣ

---

[1]) Только со времени Петра Могилы, съ 1632 г., для подготовки учителей посылались за границу молодые даровитые люди на *братскій* счетъ: до этого-же времени отправлявшіеся за границу съ образовательными цѣлями ѣздили—нужно думать—на свой счетъ.

сказано, что Епифаній „обучался въ Кіевской и заграничныхъ Академіяхъ въ началѣ XVII вѣка". [1])

Мірское имя Славинецкаго неизвѣстно, равнымъ образомъ нѣтъ никакихъ извѣстій о томъ, въ какой обстановкѣ онъ росъ, каково было его домашнее воспитаніе. Только съ поступленіемъ Епифанія въ число учениковъ Кіевской Братской школы—что могло быть въ послѣднихъ годахъ перваго десятилѣтія или первыхъ второго—для насъ немного выясняется обстановка, въ которой росъ и воспитывался Епифаній. Онъ воспитывался въ Братской школѣ до преобразованія ея Петромъ Могилою, т. е. до 1632 г., въ такое время, когда въ ней тщательно изучался греческій языкъ. Этимъ только и можно объяснить то обстоятельсто, что Епифаній положилъ въ основу своего образованія глубокое знаніе греческаго языка, какое онъ проявилъ впослѣдствіи, въ своей учено-литературной дѣятельности въ Москвѣ. Сопоставленіе отличительныхъ особенностей Епифаніевой литературной дѣятельности съ кругомъ наукъ и характеромъ ихъ преподаванія въ Братской Богоявленской школѣ еще болѣе подтверждаетъ это предположеніе.

Преподаваніе греческаго языка въ Братской Кіевской школѣ, бывшей до преобразованія ея Петромъ Могилою точнымъ снимкомъ съ львовской и луцкой братскихъ школъ, было не книжное, а живое, не теоретическое, а практическое: ученикамъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность разговаривать между собою по-гречески [2]).

Точно такимъ же методомъ пользовался Епифаній при преподаваніи греческаго языка Евѳимію. Изучалъ этотъ языкъ Евѳимій не по опредѣленному руководству, а практически, путемъ переводовъ и необходимаго въ такихъ случаяхъ настойчиваго вникапія въ смыслъ текстовъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Силь-

---

[1]) Митр. Евгеній. Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи писат. духовн. чина. Т. I, стр. 172.

[2]) Труды Кіевск. Дух. Академіи 1870 г., т. III. Линчевскій. Педагогія древнихъ братскихъ школъ, стр. 123.

вестръ Медвѣдевъ. „Евѳимій“ —говоритъ онъ—„*грамматики совершенно не точію греческія, но и славянскія не разумѣетъ*; точію нѣчто греческихъ реченій памятствуетъ. И тому нача учитися не во училищи, но въ монастырѣ за медомъ, за пивомъ и виномъ, *и съ лексиконовъ—нѣкая словеса.* [1])“

Изученіе церковно-славянскаго языка въ Братской Кіевской школѣ было прекрасно поставлено, гораздо лучше, чѣмъ въ позднѣйшій періодъ ея, по преобразованіи. Изученіе этого языка совершалось сначала практическимъ путемъ, посредствомъ чтенія и объясненій Св. Писанія и церковно-богослужебныхъ книгъ. Самымъ сильнымъ побужденіемъ къ изученію славянскаго языка служило слѣдующее обстоятельство. Въ числѣ главныхъ средствъ, которыми латины старались ввести унію въ юго-западномъ краѣ, была порча нашихъ священно-богослужебныхъ книгъ [2]). Съ этою цѣлью они старались изгладить въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ все несогласное съ римскимъ ученіемъ и даже прямо вносить въ нихъ латинскіе обряды и потомъ вводить ихъ въ употребленіе между православными. Бороться съ этимъ-то зломъ и поставила для себя задачей Кіевская Братская школа. Съ теченіемъ времени (послѣ того, какъ былъ нѣсколько исправленъ текстъ богослужебныхъ книгъ на помѣстныхъ соборахъ южно-русской церкви съ 1619—1541 гг. и предохраненъ отъ порчи) преподаваніе славянскаго языка значительно пало.

Въ указанномъ нами положеніи славянскаго языка въ Кіевской Братской школѣ мы и находимъ объясненіе того факта, что Епифаній прекрасно имъ владѣлъ. Правда, переводный языкъ его плохъ, страдаетъ чуждой ему греческой конструкціей рѣчи (причины этого мы укажемъ ниже), но за то оригинальный его языкъ чистый славянскій. Напротивъ, оригинальный языкъ Симеона Полоцкаго, типичнаго представителя Кіевской Коллегіи

---

[1]) Мирковичъ. О пресуществл. св. даровъ. Споръ, бывшій въ Москвѣ въ половинѣ XVII в., стр. 77.

[2]) См. объ этомъ у Мирковича. Срв. Руковод. для сельск. пастыр. 1860 г. т. I, статьи г. Крыжановскаго.

послѣ ея реформы, значительно ниже по достоинству, силѣ и чистотѣ—языка Епифаніева[1]).

Далѣе. Какъ вообще въ древнихъ братскихъ школахъ, такъ въ частности и въ Кіевской, до ея преобразованія, особенное вниманіе было обращено на изученіе Свящ. Писанія и святоотеческихъ твореній отцовъ восточной церкви[2]). Это было необходимо для сохраненія чистоты православія и для успѣховъ полемики съ иновѣрцами—„баламутами", которые, искушая православныхъ, утверждали, „ижъ будто-бы тамъ церковъ Божія правдивая мѣла быти, гдѣ владза свѣцкая зъ духовною змѣшалася, гдѣ пыха гнѣздо собѣ збудовала, гдѣ мудрость свѣта сего пануетъ, гдѣ философія поганская, Аристотелева наука слово Божіе выворачиваетъ и инако вѣрити кажетъ". [3])

Церковно-литературная дѣятельность Епифанія Славинецкаго и въ этомъ отношеніи не отступала отъ завѣтовъ воспитавшей его школы: въ ней господствовалъ характеръ строгой церковности и той серьезной и осмотрительной сосредоточенности богословствующей мысли, какая естественно возникаетъ при постоянныхъ занятіяхъ переводами изъ св. Писанія и святоотеческихъ твореній. До конца своей жизни Епифаній остался вѣренъ принципу—руководствоваться „божественными писаніями, а не человѣческими силлогисмами, рекше умышленіями многолгущими[4]).

Такимъ образомъ, въ позднѣйшей литературной дѣятельности Епифанія вполнѣ отразились характеръ и направленіе Кіевской Братской школы до ея преобразованія.

Когда окончилъ Епифаній Братскую школу—неизвѣстно; можно предполагать, что школьная реформа 1632 г. уже не за-

---

[1]) Только послѣ встрѣчи въ Полоцкѣ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, рѣшивъ избрать мѣстомъ своей дѣятельности Москву, Полоцкій принялся за изученіе церковно-славянскаго языка. См. І. Татарскій. Сим. Полоцкій, стр. 51.

[2]) Труды Кіевск. Духов. Акад. 1870 г. т. III, стр. 137.

[3]) Акты Западн. Россіи, т. IV, № 149, стр. 235.

[4]) Рукопись Кіевск. Лавры № 290 по описанію проф. Петрова, а по библіотечному инвентарю № 145, л. 968-й.

стала его въ школѣ. По окончаніи ея Епифаній отправился за границу для завершенія своего образованія. У насъ не имѣется никакихъ свидѣтельствъ о томъ, какія Академіи онъ посѣтилъ, даже нѣтъ прямыхъ указаній на то, что онъ обучался за границей. Митр. Евгеній въ своемъ историческомъ словарѣ о писателяхъ духовнаго чина очень обще выражается: „Епифаній Славинецкій обучался въ заграничныхъ академіяхъ въ началѣ XVII в. [1])". Это же до сихъ повторяютъ всѣ послѣдующіе писатели, касавшіеся такъ или иначе Славинецкаго [2]). Но митр. Евгеній не указываетъ источника, откуда имъ заимствовано это свѣдѣніе. Правда, въ словахъ самого Епифанія Славинецкаго есть намекъ—(но только намекъ, не больше),—дающій нѣкоторое право строить догадку, что онъ былъ въ заграничныхъ коллегіяхъ (можетъ быть, въ Краковской). Мы разумѣемъ его слова о пагубности латинскаго ученія. „Яко вмалѣ не прельстихся латинскаго мудрованія лестію", говоритъ о самомъ себѣ Епифаній,—„дондеже не прочитая святыхъ отецъ писаній греческихъ книгъ, но точію читая латинскія; егда-же, озарився благодатію святаго Духа, начавъ прочитати греческія книги, тогда лесть латинскую познахъ, и въ писаніихъ ихъ новшество и блуды и растлѣнія уразумѣхъ, и вся ихъ оплевахъ, заеже вся лживо и противно святымъ древнимъ отцемъ пишутъ. И оттолѣ писахъ, яже писахъ, съ греческихъ книгъ, и себѣ написахъ книгу греческимъ діалектомъ, собравъ разумѣнія святыхъ отцевъ множайшихъ, яже всегда прочитахъ; латинская же мудрованія вся отвергохъ" [3]). На основаніи этой выдержки можно заключать, что въ научныхъ убѣжденіяхъ Епифанія былъ переломъ. Если при-

---

[1]) Евгеній. Словарь Историч. т. I, стр. 172.

[2]) Аскоченскій. Кіевъ, въ древн. училищ. ч. I, стр. 161; Костомаровъ. Русск. Истор. въ жизнеопис. в. V, стр. 388; Пѣвницкій. Труды Кіевской Духовной Академіи 1861 г. т. II, стр. 480; Словарь Брокгауза и Ефрона—XXII полут., стр. 667; Галаховъ, Исторія русск. литер. и мн. друг.

[3]) Ркп. Моск. Синод. Библ. № 597. «О ученіи греческаго писанія», л. 77 об.

нять во вниманіе, что въ Кіевской Коллегіи онъ обучался до преобразованія ея Петромъ Могилою, когда греческое вліяніе нераздѣльно царило въ ней, то это увлеченіе латинскою наукою должно быть отнесено ко времени его пребыванія за границей. И это тѣмъ вѣроятнѣе предположить, что Епифаній отправился за границу въ такое время, когда научное движеніе широкой волной развернулось тамъ. Въ юго-западной части Польши во главѣ научнаго движенія свояли такіе безпристрастные мыслители и строгіе ученые, какъ Григорій Кнапскій, пользовавшійся извѣстностью не только въ своемъ краю, но и по цѣлой Европѣ вплоть до Москвы [1]), Павелъ Пясецкій и др. А заграничныя академіи, располагавшія въ обиліи серьезными научными пособіями и во многомъ превосходившія молодую Кіевскую Коллегію, естественно, могли увлечь молодого ученаго, котораго привела къ нимъ жажда знанія. Принимая во вниманіе эти обстоятельства, Безсоновъ предполагаетъ, что Епифаній Славинецкій въ своемъ „Филологическомъ Словарѣ" явился подражателемъ Григорія Кнапскаго, составившаго въ трехъ томахъ Словарь-сборникъ („Скарбецъ"— Thesaurus) польскихъ, латинскихъ и греческихъ реченій [2]).

По возвращеніи изъ-за границы на родину Епифаній принялъ монашество въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Существуетъ въ русской исторической наукѣ предположеніе, что монашество онъ принялъ въ Путивльскомъ Молченскомъ монастырѣ и здѣсь, прежде Кіева, нѣкоторое время жилъ. Принадлежитъ оно Безсонову [3]). Основаніемъ для такого предположенія послужили слѣдующія соображенія: а) въ Путивльскій Молченскій монастырь

---

[1]) По латыни Cnapius, у насъ съ польскаго выговора Кнапіушъ, сокращенно—Кнапъ. Въ библіотекѣ митр. Сарскаго и Подонскаго Павла была между прочимъ и «книга Кнапіушъ, полская» (латино-польскій словарь). См. Книги и имущ. м. Павла. Времен. Моск. Общ. Истор. 1850 г.

[2]) Безсоновъ. Юрій Крижаничъ. Прав. Обозр. 1870 г. II, стр. 667.

[3]) Ibidem I, стр. 131.

пошли дары Епифанія послѣ его смерти, [1]) и б) Молченская обитель дала многихъ дѣятелей на поприщѣ церковной литературы, XVII в., какъ-то: Сильвестра Медвѣдева, игумена Сергія, Каріона Истомина и др. Оба эти основанія слишкомъ шатки для того, чтобы можно было утверждать на нихъ какой-либо выводъ. Изъ того, что въ Путивльскій монастырь пошли дары Епифанія, еще не слѣдуетъ, что Епифаній жилъ въ немъ. Вѣдь, кромѣ Путивльскаго монастыря, дары Епифанія послѣ его смерти получили и многіе другіе монастыри, напр. Купятицкій, Спасскій, Козеручскій въ Холмогорахъ, Томскій монастырь въ Ярославскомъ уѣздѣ, Песоченскій Костромского уѣзда и многіе другіе [2]). Слѣдуетъ ли отсюда, что въ нихъ жилъ Епифаній? То обстоятельство, что изъ Молченской обители вышли такіе литературные дѣятели XVII вѣка, какъ Сильвестръ Медвѣдевъ, Каріонъ Истоминъ и др., также не даетъ права заключать, что въ ней жилъ и Епифаній Славинецкій. Поэтому правильнѣе мнѣніе м. Евгенія [3]), что онъ принялъ монашество въ Кіево-Печерской Лаврѣ и здѣсь же жилъ до того времени, когда ему предложено было учительство въ Кіевской Братской школѣ. Въ пользу такого мнѣнія говорятъ „памяти" Алексѣя Михайловича объ Епифаніи, когда онъ жилъ въ Москвѣ, въ Посольскій приказъ, и челобитныя самого Епифанія Алексѣю Михайловичу. Въ этихъ челобитныхъ Епифаній называетъ себя „старцемъ *Печерскаго* монастыря" [4]), „еромонахомъ [5]), черно-

---

[1]) Роспись имуществу Епифанія. Временникъ Моск. Общ. Истор. и Древн. 1850 г. 73—83 стр.

[2]) Ibidem.

[3]) Словарь Историч. т. I, стр. 172.

[4]) Москов. Главн. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. Малорос. Дѣла св. 15, 1658 г. № 19: «Государю царю... бьетъ челомъ богомолецъ твой киевленинъ *печерскаго монастыря старецъ* Епиѳаней еще перевожду я богомолецъ твой зъ славенскихъ книгъ на русскую печать письмо...»

[5]) Ibid. связка 29, челобитная отъ 30 сент. 1669 г. 24: «...богомолецъ твой ис Киева Печерскаго монастыря еромонахъ Епиѳаней

попомъ [1]) ис Киева печерскаго монастыря". Правда, въ государевыхъ „памятяхъ" и „указахъ" Епифаній часто называется старцемъ „Брацкого Киевского святыхъ Богоявленій монастыря" [2]). Но это нисколько не отрицаетъ сдѣланнаго нами заключенія: его называли такъ потому, что въ Москву онъ прибылъ изъ Братскаго монастыря, въ вѣдѣніи котораго, какъ учитель Братской школы, онъ состоялъ предъ прибытіемъ въ Москву. Слова старца Ѳеодосія, сопровождавшаго Епифанія и Арсенія въ Москву, вполнѣ подтверждаютъ такое пониманіе. „Съ радостію царскаго Вашего Величества повелѣнію повинувся"—говоритъ онъ въ своей рѣчи царю—„сихъ двухъ честныхъ старцовъ *отъ нашего монастыря Брацкого избранныхъ* посла (митр. Сильвестръ Коссовъ) Вашему царскому величеству" [3]). Такимъ образомъ, разнорѣчивыя показанія документовъ должны быть понимаемы такъ: по мѣсту жительства предъ прибытіемъ въ Москву Епифаній называется старцемъ Братскаго монастыря, а по мѣсту постриженія въ монашество—старцемъ Кіево-Печерскаго.

Итакъ, Епифаній принялъ монашество въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ. Сколько времени онъ пробылъ здѣсь, за неимѣніемъ прямыхъ свидѣтельствъ, трудно опредѣлить. Можно предположительно думать, что въ 1642 году онъ уже перешелъ въ Братскій Монастырь, въ школѣ котораго и учительствовалъ вплоть до 1649 года; слѣдовательно, учительствовалъ онъ не менѣе семи лѣтъ. Въ „оглавленіи книгъ" Сильвестра Медвѣдева, между прочимъ, читаемъ: „Епифаній Калепінъ пре-

---

по твоему великаго государя указу сижу я богомолецъ твой въ Чудовѣ монастыре, въ церковной книге, въ переводехъ зъ разныхъ языковъ....»

[1]) Ibid. св. 17, № 16, челобитная отъ 1661 г. 6 сент. Cfr. «Греческія Дѣла» 1660 г. № 3.

[2]) Ibid. св. 10, 1655 г. № 3.

[3]) Ibid. св. 4. 1649 г. № 4, л. 18.

ложи [1]) безъ толкованія, отъ книги изданныя въ Басиліи (Базелѣ), лѣта Христова MDLXXVII (1577) марта, нач. лѣта 7151 т. е. 1643 [2]).

Такимъ образомъ, будучи еще въ Кіевѣ, въ мартѣ 1643 года Епифаній предпринялъ первый свой литературный трудъ, который отличается чисто филологическимъ характеромъ. Это обстоятельство даетъ намъ право думать, что уже въ 1642 году Епифаній состоялъ учителемъ Братской школы, потому что такой трудъ, какъ словарь, могъ удовлетворять въ то время нужды школы, а не общества; что онъ преподавалъ здѣсь, вѣроятно, греческій языкъ, потому что только родомъ занятій его можно объяснить, почему первый трудъ—филологическаго характера. Чтобы понять громадное значеніе этого труда для того времени, необходимо принять во вниманіе, что Братская школа чрезвычайно нуждалась въ такихъ научныхъ пособіяхъ, а между тѣмъ латино-славянскихъ и греко-славянскихъ словарей въ то время не имѣла, и при переводахъ съ латинскаго и греческаго языковъ питомцамъ ея приходилось обращаться къ польскимъ пособіямъ. Объ этомъ мы находимъ свидѣтельство въ предисловіи къ латино-славянскому словарю 1724 года, написанномъ Іоанномъ Максимовичемъ. „Дивно",—говоритъ онъ здѣсь—„что училища латинская въ Малой Россіи отъ Петра Могилы, митрополита кіевкаго, вящше отъ осьмидесяти лѣтъ въ Кіевѣ основанная, даже доселѣ отъ полоно-латинскихъ и латино-польскихъ лексиконовъ въ ученіяхъ своихъ пользовашася и сего ради въ свойственномъ себѣ словенскомъ оскудѣваху языцѣ" [3]).

---

[1]) Выраженіе—неточное: этотъ трудъ Епифанія не переводъ, а передѣлка. Словарь Амвросія Калепина не латинскій только, а словарь языковъ—латинскаго, греческаго, еврейскаго, итальянскаго и др. См. объ этомъ въ статьѣ Браиловскаго: «Филологическіе труды Епиф. Славинецкаго». Рус. Филолог. Вѣстн. т. XXIII (1890 г.), стр. 239.

[2]) «Оглавленіе книгъ» § 79, 19.

[3]) Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Вел. т. I, стр. 194.

Изъ времени учительства Епифанія въ Братской школѣ больше не имѣется никакихъ свѣдѣній. Такъ скуденъ свѣдѣніями до-московскій періодъ жизни Епифанія Славинецкаго.

Глава II.

Причины, побудившія Московское Правительство обратиться въ половинѣ XVII в. съ просьбой въ Кіевъ о присылкѣ ученыхъ людей въ Москву. Вызовъ Епифанія Славинецкаго въ Москву. Разборъ установившагося въ исторической наукѣ мнѣнія, что Епифаній былъ вызванъ Ртищевымъ. Прибытіе его въ Москву. Пріемъ, оказанный Славинецкому Московскимъ Правительствомъ. Мѣсто жительства, отведенное для него. Путешествіе его на богомолье въ Сергіеву лавру.—Характеристика эпохи, въ которую пришлось Епифанію дѣйствовать. Наплывъ новыхъ идей. Отраженіе ихъ въ литературѣ и живописи. Неудовлетворенность мыслящаго москвича половины XVII в. существующими обычаями и строемъ жизни. Въ области церковно-практической эта неудовлетворенность вызываетъ возникновеніе новаторскаго кружка на почвѣ національнаго благочестія. Враждебное отношеніе этого кружка къ грекамъ въ высшихъ слояхъ московскаго общества и сознаніе необходимости церковныхъ реформъ. Вліяніе Епифанія Славинецкаго. Первыя попытки исправленія книгъ по греческимъ подлинникамъ. Рѣшеніе вопроса, какое участіе принималъ Епифаній Славинецкій въ дѣлѣ книжнаго исправленія и какова была его роль.

XVII вѣкъ является однимъ изъ самыхъ интересныхъ моментовъ во внутренней исторіи Московскаго государства. Вмѣстѣ сь закончившимся собираніемъ земли русской, принесено было въ Москву и здѣсь сконцетрировалось много новыхъ идей. Нѣкоторые изъ нихъ стали зародышами тѣхъ историческихъ явленій и фактовъ, которые въ дальнѣйшемъ ходѣ внутренней исторіи составили ея существенное содержаніе. Это обстоятельство вызвало настоятельную потребность подвести итоги шестисотлѣтней предшествовавшей народной жизни и сдѣлать оцѣнку ихъ. Этимъ и объясняется господствующее направленіе XVII вѣка—урегулировать, подчинить извѣстному уставу все и въ

государствѣ, и въ жизни общественной, даже частной. Въ законодательствѣ оно выразилось цѣлымъ рядомъ земскихъ соборовъ (1618, 1621, 1632, 1637 годовъ), изданіемъ Уложенія (1648 г.); въ центральной администраціи—болѣе правильнымъ разграниченіемъ дѣлъ между приказами; въ областной администраціи—урегулированіемъ отношеній воеводъ къ головамъ и цѣловальникамъ; въ вопросахъ финансовыхъ—составленіемъ писцовыхъ и переписныхъ книгъ.

Такимъ-же точно направленіемъ характеризуется и дѣятельность церкви въ этотъ періодъ. Около половины XVII вѣка для русской церкви наступила пора церковно-іерархической зрѣлости. Естественно было при этомъ осмотрѣться кругомъ и дознать, что есть у насъ, чѣмъ до сихъ поръ питалась русская религіозная мысль. Это дознаніе обнаружило чрезвычайную скудость внутреннихъ началъ церковнаго образованія и управленія. Святоотеческія творенія распространялись случайно: церковь, какъ власть, не знала, сколько у насъ ходило переводовъ, какихъ именно отцевъ творенія были переведены, каково достоинство этихъ переводовъ. Вслѣдствіе слабости судящаго и опредѣляющаго голоса церкви, на Руси распространилось много апокрифовъ и подложныхъ сочиненій. Состояніе церковно-богослужебныхъ книгъ, было не лучшее. Приходилось русской церкви начать все съизнова; настояла нужда исправить текстъ богослужебныхъ книгъ, очистить средства религіознаго образованія и распространить въ обществѣ упорядоченную и правильно переведенную отеческую письменность [1]). Чтобы совершить всю эту работу, не достаточно было тѣхъ образовательныхъ силъ, какими обладала Москва: для такой работы мало было простого начетчества; требовались солидныя и обширныя знанія, объединенныя въ систему однимъ принципомъ, требовался умъ, критически образованный, требовались въ достаточной мѣрѣ и филологическія познанія. И вотъ взоры

---

[1]) См. объ этомъ у проф. Пѣвницкаго. Труд. Кіев. Дух. Акад. 1861 г. т. II, стр. 415—420.

лучшихъ московскихъ людей того времени обратились въ юго-западной Руси: здѣсь, въ частности—въ Кіевѣ, они надѣялись найти то, въ чемъ наиболѣе нуждались.

Таковы были причины, побудившія Московское Правительство, искавшее выхода изъ обрисованнаго нами положенія, обратиться въ Кіевъ съ просьбой о присылкѣ ученыхъ людей. Многіе изслѣдователи полагаютъ, что Епифаній Славинецкій былъ вызванъ въ Москву бояриномъ Ѳеодоромъ Михайловичемъ Ртищевымъ. [1]) Это не вѣрно. Нужно замѣтить, что около половины XVII вѣка, когда нужда въ научно-образованныхъ людяхъ довольно интенсивно ощутилась въ Москвѣ, было два вызова—Ртищевскій и правительственный, какъ это вполнѣ справедливо признаетъ г. Сторожевъ [2]). Малорусскіе иноки ртищевскаго вызова явились въ Москвѣ между 1645—49 гг., а правительственнаго—въ іюлѣ 1649 г. Къ этому-то послѣднему вызову и принадлежалъ Епифаній Славинецкій: онъ прибылъ въ Москву согласно просительной грамотѣ Алексѣя Ми-

---

[1]) Костомаровъ. Русск. Истор. въ жизнеоп. в. IV, стр. 170; в. V, стр. 387. Проф. Пѣвницкій въ Труд. Кіев. Дух. Акад. 1861 г. т. II, стр. 408; Энциклоп. Словарь Крайя, т. IV, стр. 278; Татарскій. Сим. Полоцкій, стр. 22. Всѣ они утверждаютъ это со словъ «Житія Милостиваго мужа Ѳеодора Ртищева» (Древняя Россійская Вивліоѳика, ч. XVIII), гдѣ сказано, что Ѳеодоръ Ртищевъ «призва отъ Кіева, изъ святыя Лавры Печерскія, священномонаха Епифанія, мужа мудраго, и въ язицѣ Славенскомъ и Греческомъ и во иныхъ изящнаго (стр. 401). Но довѣрять этому Житію нельзя: многія свѣдѣнія въ немъ объ Епифаніи не вѣрны; такъ напр., Житіе говоритъ, что Епифаній, по пріѣздѣ въ Москву, поселился въ Андреевскомъ монастырѣ, что въ Плѣнницахъ, а потомъ переселился въ Чудовъ; подлинные-же документы о пріѣздѣ въ Москву Епифанія и Арсенія прямо говорятъ, что сначала они были поселены на большомъ посольскомъ дворѣ, а оттуда были переведены прямо въ Чудовъ монастырь. См Малорос. Дѣла Главнаго Архива Минист. Иностран. Дѣлъ, связка 4, 1649 г. № 4; 1650 г. № 3.

[2]) См. его статью: «Къ исторіи русск. просвѣщ. въ XVII в.» Кіев. Стар. 1889 г. т. XXVII.

хайловича отъ 14 мая 1649 г. [1]). Послѣ того, какъ южно-русскіе иноки ртищевскаго вызова уже водворились на Москвѣ и не вызвали въ средѣ москвичей бурнаго недовольства и протеста, чего такъ опасалось, вѣроятно, правительство [2]), уже и само правительство рѣшилось, наконецъ, вызвать ученыхъ кіевлянъ. Еще въ 1648 г. государь посылалъ въ Кіевъ инока Марка въ печерскій монастырь къ епископу Зосимѣ (за отсутствіемъ митрополита), прося его прислать въ Москву Дамаскина Птицкаго. Но въ этотъ разъ Дамаскинъ не былъ отпущенъ: „монастырскія потребы“ удержали его въ Кіевской Лаврѣ [3]). Въ маѣ 1649 года царь Алексѣй Михайловичъ вторично обратился въ Кіевъ уже къ митрополиту Сильвестру Коссову съ грамотой слѣдующаго содержанія: „Вѣдомо намъ учинилося, что учители священно-иноки Арсеній (Сатановскій) да Дамаскинъ Птицкій божественнаго писанія вѣдущи и еллинскому языку навычны, и съ еллинскаго языка на словенскую рѣчь перевести умѣютъ, и латинскую рѣчь достаточно знаютъ, а нашему царскому величеству такіе люди годны; и мы, великій государь, наше царское величество, велѣли о тѣхъ учите-

---

[1]) Это мнѣніе теперь прочно установилось. Его раздѣляютъ: Филаретъ. «Обзоръ рус. духов. литер.»; Горскій и Невоструевъ. Описаніе ркп. Син. библ. II, 3, № 291; м. Макарій. Исторія русск. церкви, т. XI, стр. 132; Н. Ѳ. Каптеревъ. Прав. Обозр. 1887 г. т. I, стр. 163; Сторожевъ. Кіев. Стар. 1889 г. т. XXVII; Эйнгорнъ. Чтен. Общ. Исторіи и Древ. 1893 г. кн. II, стр. 37; Е. Е. Голубинскій. Къ нашей полемикѣ со старообр.» Богосл. Вѣст. 1892 г. т. I, стр. 285. Проф. Николаевскій. «Москов. Печатн. дворъ при патр. Никонѣ». Христ. Чтен. 1890 и 91 гг.

[2]) Этою осторожностію правительства только и можно объяснить тотъ фактъ, что хотя Московское правительство отнеслось сочувственно къ предложенію Петра Могилы еще въ 1640 г. устроить въ Москвѣ монастырь—школу, сознавая, что это—самое цѣлесообразное средство для удовлетворенія неотложныхъ нуждъ московскаго правительства, однако въ видѣ опыта сперва предоставило вызовъ ученыхъ иноковъ изъ Кіева частному лицу.

[3]) Малор. Дѣла, св. 4, 1650 г. № 8.

ляхъ послати нашу царскаго величества грамоту къ Зосимѣ, епископу Черниговскому, потому что тебя, митрополита, въ то время въ Кіевѣ не было; а нынѣ мы, великій государь, наше царское величество, велѣли о томъ къ тебѣ послати нашу царскаго величества грамоту: и вамъ бы, митрополиту, намъ, великому государю, послужить и нашего царскаго жалованья къ себѣ поискать, и тѣхъ учителей приговорити и прислати къ намъ, великому государю, для справки Библіи греческія на словенскую рѣчь, на время намъ, великому государю, послужити; а на Москвѣ у нашего царскаго величества побыти имъ вольно, по ихъ волѣ и хотѣнію". [1]) Съ этой грамотой былъ отправленъ на этотъ разъ торговый человѣкъ Порфирій Зеркальниковъ съ соотвѣтствующей инструкціей Путивльскому воеводѣ Плещееву, въ которой повелѣвалось „отпустить Зеркальникова изъ Путивля за рубежъ не задержавъ и проѣзжей листъ ему дать чтобъ его за рубежомъ пропускать вездѣ безъ задержанія". [2]) На обратномъ-же пути Зеркальникова, уже вмѣстѣ съ учеными кіевскими иноками, путивльскій воевода обязанъ былъ дать имъ въ провожатые пристава, суточныя деньги („кормъ") до Москвы и подводы до Сѣвска [3]). Въ отвѣтъ на эту вторичную просьбу Алексѣя Михайловича кіевскій митрополитъ и власти Братскаго монастыря послали въ Москву Арсенія Сатановскаго и Епифанія Славинецкаго, вмѣсто просимаго въ грамотѣ Дамаскина Птицкаго, потому что Дамаскинъ, какъ инокъ Печерской лавры, не зависѣлъ отъ властей Братскаго монастыря. Въ провожатые къ посылаемымъ въ Москву инокамъ былъ данъ кіевскій старецъ Ѳеодосій, которому были вручены двѣ просительныхъ грамоты: отъ митрополила Сильвестра Коссова и отъ игумена Братскаго Богоявленскаго монастыря Иннокентія Гизеля на имя царя. Въ этихъ грамотахъ митрополитъ и игуменъ, завѣряя царя въ своей всегдашней готовности при-

---

1) Собраніе Государ. грамотъ и договоровъ, ч. III, № 136.
2) Малор. Дѣла, св. 4, 1649 г. № 4.
3) Ibidem.

сылать на служеніе царю нужныхъ людей, просили у Алексѣя Михайловича милостыни для Братскаго монастыря, пришедшаго въ оскудѣніе послѣ Петра Могилы [1]).

Когда именно они выѣхали изъ Кіева въ Москву, въ точности неизвѣстно; можно думать, что въ 20-хъ числахъ іюня, такъ какъ грамоты митрополита и Братскаго игумена были заготовлены 20-го іюня. 27-го іюня 1649-го года Епифаній Славинецкій былъ уже въ Путивлѣ, гдѣ встрѣтился съ патр. Паисіемъ и Арсеніемъ Сухановымъ, направлявшимися изъ Москвы въ Грецію [2]). Согласно царскому наказу, путивльскій воевода Алексѣй Плещеевъ отпустилъ въ тотъ-же день кіевлянъ въ Москву, прикомандировалъ къ нимъ пристава путивльца Аѳанасія Ширяева, далъ 9 подводъ до Сѣвска и суточные (кормъ) вплоть до Москвы на двѣ недѣли, считая съ 27-го іюня: „старцамъ Арсенію да Епифанію да Ѳеодосію по осми денегъ человѣку на день, служкамъ ихъ пять человѣкъ по четыре денги человѣку на день [3])“. Епифанію, слѣдовательно, дано было на дорогу отъ Путивля до Москвы 112 денегъ, т. е. 56 коп., что въ переводѣ на современный курсъ равняется девяти съ половиною рублямъ [4]).

Въ Москву прибылъ Епифаній (вмѣстѣ съ Арсеніемъ и Ѳеодосіемъ) 12-го іюля. По прибытіи въ Москву, они остановились не въ Андреевскомъ, что въ Плѣницахъ, братствѣ, какъ ошибочно думаютъ всѣ тѣ, которые признаютъ Епифанія Славинецкаго и Арсенія Сатановскаго прибывшими въ Москву по вызову Ртищева, а, согласно инструкціи, данной имъ еще въ

---

[1]) Ibid., лл. 22—23 включительно.

[2]) Ibid., л. 4.

[3]) Ibidem л. 4.

[4]) Цѣнность московскихъ денегъ около половины XVII в. была выше нынѣшней въ 17 разъ: тогдашній рубль равнялся 17 нынѣшнимъ. См. Ключевскій. „Русскій рубль XVI—XVIII вв. въ его отношеніи къ нынѣшнему“, стр. 61.

Путивлѣ воеводою, явились въ Посольскій приказъ къ думному дьяку Михаилу Волошенинову [1]).

Съ полною вѣроятностію должно предположить, что въ тотъ-же день Волошениновъ доложилъ государю о прибытіи кіевскихъ старцовъ, послѣ чего послѣдовалъ государевъ указъ—„память", какъ тогда выражались, на имя боярина князя Хованскаго объ отпускѣ вновь прибывшимъ старцамъ содержанія, или—по тогдашнему—„поденного корму", начиная съ 12-го іюля „до тѣхъ мѣстъ, пока они на Москвѣ будутъ". Епифанію отпущено было, во исполненіе этой государевой памяти, столовыхъ по „гривне" на день [2]), т. е. на наши деньги одинъ рубль девятнадцать коп [3]). На слѣдующій день, 13-го іюля, по государевой памяти боярину-дворецкому А. Львову, велѣно было отпускать къ столу вновь прибывшихъ иноковъ „поденного питья июля с 12 числа, пока они на Москве побудутъ, по двѣ чарки вина доброго, по кружке меду, двѣ кружки пива доброго на день человѣку; велѣть то питье посылать въ готовыхъ судѣхъ" [4]).

Ровно черезъ недѣлю, 20-го іюля, Ѳеодосій, Епифаній и Арсеній были „у государевой руки", т. е. представлялись царю Алексѣю Михайловичу. Здѣсь, передъ обычными въ то время поклонами и цѣлованіемъ государевой руки, старецъ Ѳеодосій произнесъ передъ царемъ довольно витіеватую рѣчь, въ которой говорилъ, что митрополитъ кіевскій Селивестръ „съ радостію царскаго величества повелѣнію повинувся, сихъ двухъ честныхъ старцевъ (Арсенія и Епифанія), отъ монастыря Брацкого Киевскаго Святыхъ Богоявленій храму избранныхъ и его (т. е.

---

[1]) Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Малор. Дѣла, св. 4, 1649 г. № 4, л. 4.

[2]) Ibid. л. 7.

[3]) Гривна равнялась 14 деньгамъ (см. Востокова. Опис. Рум. Муз., 46, № XXXVIII), т. е. 7 коп., а по нашему курсу 1 р. 19 к. См. Ключевскій. Русскій рубль... стр. 61.

[4]) Малор. Дѣла св. 4, 1649 г. № 4, л. 8.

Θеодосія) съ ними въ провождателя мѣсто посла достолѣпное Царскаго величества великоименитое престолу поклоненіе сотворити" [1]), затѣмъ описалъ бѣдственное положеніе Кіевскаго Братскаго монастыря послѣ смерти Петра Могилы [2]), засвидѣтельствовалъ всегдашнюю готовность монастыря присылать на служеніе царю нужныхъ людей [3]), и, въ заключеніе, просилъ государя дать чрезъ него жалованную грамоту Братскому монастырю [4]). Послѣ этого вновь прибывшимъ кіевлянамъ были пожалованы щедрые царскіе дары: по сорокъ соболей [5]) и по двадцать пять руб. [6]) и увеличено столовое содержаніе—вмѣсто прежняго, велѣно было отпускать къ ихъ столу изъ дворца „по кружки пива доброго" [7]). Со слѣдующаго дня было опредѣлено мѣстожительство для каждаго. Епифанію отведена была квартира на дворѣ Большого Посольскаго Приказа, очевидно, въ тѣхъ видахъ, чтобы всегда близко имѣть полезнаго, знающаго человѣка, когда этого требуютъ нужды печатнаго дѣла [8]), такъ какъ Θеодосій засвидѣтельствовалъ, что Славинецкій своими познаніями можетъ быть болѣе полезенъ для Москвы, чѣмъ Дамаскинъ Птицкій [9]).

---

[1]) Ibidem л. 18.

[2]) Ibidem л. 22.

[3]) Ibid. л. 23

[4]) Ibid. д. 30.

[5]) «По Государеву указу отъ 7157 г. іюля въ 20 день казначею Богдану Дубровину велѣно отпустить Епифанію да Арсенію по сороку соболей». Ibid. л. 39.

[6]) «По Государеву указу отъ 7157 г. іюля въ 20 день на имя князя Хованскаго велѣно отпустить государева жалованья Арсенію и Епифанію по 25 руб.» Ibid. л. 40.

[7]) Ibid. 41/а.

[8]) Приказъ Большого Двора до 1654 г. завѣдывалъ печатнымъ дворомъ. См. Румянцева. Древнія зданія Моск. Печат. Двора, стр. 13 и прим. 69.

[9]) Малор. Дѣла, св. 4, л. 30. Замѣтимъ здѣсь кстати, что назначеніе содержанія Епифанію изъ Приказа Большого Двора, отве-

Еще въ Кіевѣ, передъ отъѣздомъ въ Москву, Өеодосій, Епифаній и Арсеній дали себѣ обѣтъ побывать на богомольи въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ, и вотъ теперь, 2-го августа, они обратились къ царю съ просьбой отпустить ихъ „въ Троицкой Монастырь помолиться", что и было разрѣшено имъ. Указомъ государя велѣно было дворецкому Львову послать грамоту въ Троицкую Лавру, чтобъ тамъ „учинили почести пріѣзжимъ", а окольничему Милославскому приказано дать Кіевлянамъ отъ Москвы до Сергіева монастыря и обратно подводы для нихъ и ихъ служекъ, пристава и переводчика [1]).

По возвращеніи изъ Лавры въ Москву, т. е. съ 1650 г., такъ какъ въ то время годъ начинался съ сентября, для Епифанія наступаетъ трудная жизнь. Но прежде чѣмъ перейти къ изображенію дѣятельности Епифанія, постараемся представить себѣ эпоху съ ея нестроеніями, нуждами и стремленіями,—тогда для насъ станетъ яснымъ направленіе и характеръ дѣятельности Епифанія, которые всецѣло обусловливались именно нуждами и стремленіями того времени.

Какъ мы уже замѣтили выше, къ половинѣ XVII в. въ Московской Руси сложилось чрезвычайно своеобразное положеніе, которое до этой поры ни разу не возникало, да и не могло возникнуть. Положеніе это было полно глубокаго историческаго значенія: такого обилія новыхъ идей, широкой волной ворвавшихся въ Московскую Русь, она еще до сихъ поръ не испытывала. Новшества стали обнаруживаться вездѣ и всюду съ неотразимой силой. Въ различныя сферы умственной и общественной жизни проникаютъ совершенно новые принципы, дотолѣ невѣдомые московскимъ людямъ. Таковъ, напр., принципъ, высказанный изуграфомъ Іосифомъ: „истина не слѣдуетъ за обы-

---

деніе квартиры для него на дворѣ Большого Посольскаго Приказа—все это такіе факты, которые рѣшительно опровергаютъ мнѣніе, будто Епифаній Славинецкій былъ вызванъ въ Москву Ртищевымъ.

[1]) Ibid. л. 43.

чаями невѣжественными, но обычай невѣжественный долженъ истинѣ повиноваться" [1]).

Лучшіе московскіе люди уже настолько умственно созрѣли, что для нихъ утратилъ всякое значеніе традиціонный московскій девизъ: „до насъ положено, лежи оно такъ во вѣки вѣковъ [2]).

Началось это культурное движеніе съ улучшеній чисто житейской обстановки. Съ этой именно стороны западная цивилизація снискала симпатіи въ московскомъ обществѣ: она создавала удобства жизни [3]), давала удовольствія, развивала эстетическое чувство [4]), вызывала щеголеватость, роскошь и искусственность потребностей вмѣсто царившей до сихъ поръ простоты [5]). Такимъ образомъ, житейская бытовая обстановка, воспринявшая въ себя много новаго, иноземнаго, надорвала господствовавшую въ московскомъ обществѣ нетерпимость ко всему, что не русское. Первые шаги были сдѣланы: настала „поруха" старому преданію, и Русь—сильно „зашаталась". Новшества не ограничились чисто бытовою стороною,—они стали проникать въ область мысли и знаній, расширять кругозоръ, развивать въ московскихъ людяхъ навыкъ и любовь къ критицизму.

Какъ же обнаруживалось это новое теченіе въ литературѣ и живописи?

Трудно прослѣдить тѣ пути, какими шла „поруха" стараго въ области литературы: слишкомъ мало обслѣдованы главныя

---

1) Буслаевъ. Историческіе очерки рус. народ. словесн. и искус. т. II, стр. 405. Этотъ принципъ высказанъ имъ въ соч. объ иконописаніи; но по своему характеру онъ выходитъ изъ рамокъ только иконописанія и приводится Іосифомъ въ качествѣ общаго руководящаго принципа для всякой дѣятельности.

2) Житіе протопопа Аввакума. Соловьевъ. Истор. Росссіи XIII т., 217 стр.

3) Масса фактовъ, иллюстрирующихъ это положеніе, собрано въ статьѣ Цвѣтаева «Къ Исторіи культуры въ Россіи въ XVI и XVII в.

4) Буслаевъ. Истор. очерки рус. народ. слов. и искус. стр. 403.

5) Русск. Госуд. половины XVII в. Рукопись, издан. Безсоновымъ.

литературныя формы до-петровской Руси. Все же съ несомнѣнностію можно сказать, что уже съ XVI вѣка въ установившіяся формы литературныхъ произведеній начали проникать западныя вліянія. Въ Хронографы конца XVI в. заимствуются статьи изъ латино-польскихъ хроникъ Бѣльскаго, Стрыйковскаго и др. [1]). Такимъ образомъ І. Малала, Георгій Амартолъ, Манасія, Зонара и другіе греческіе писатели, хроники которыхъ служили главнымъ источникомъ русскихъ хронографовъ до половины XVI вѣка, утратили свое исключительное право на вниманіе. Въ Лѣчебникахъ и Травникахъ съ XVI в. появляются статьи западнаго происхожденія, наряду съ прежними византійскими и болгарскими дѣлаются выписки изъ „Тайная тайныхъ" Аристотеля („Secreta Secretornm"—средневѣковый сборникъ, весьма распространенный на Западѣ), изъ Альберта Великаго, Михаила Скота, Раймунда Люллія и др. [2]). Эти новыя статьи, отличныя отъ традиціонныхъ статей прежняго времени по изложенію и характеру, несомнѣнно, вліяли на развитіе литературнаго вкуса и подготовляли ослабленіе византійско-аскетическаго направленія нашей литературы: съ половины XVII в. въ разныхъ сборникахъ уже появляются наряду съ нравоучительными статьями и статьи „потѣшнаго" содержанія. Таковы, напр., „Повѣсти смѣхотворны, есть же и злыхъ обыклостей обличительны"—переводъ съ польскаго [3]); „повѣсть утѣшная о купцѣ, который заложился съ другимъ о добродѣтели жены своея" [4]) и др. Уже съ сороковыхъ годовъ XVII ст. новаторскія идеи пріобрѣтаютъ значеніе въ глазахъ начетчиковъ, а во второй половинѣ вѣка уже находятъ себѣ защитниковъ. Примѣръ такой защиты новшества находимъ у Строева, [5]) гдѣ приводится статья: „О пѣніи божественномъ,

---

[1]) Архангельскій. Образов. и литер. Москов. Руси XVII в. Ученыя Записки Казан. Универ. 1898 г. VII—VIII кн., стр. 214.

[2]) Ibidem стр. 233.

[3]) Строевъ. Описаніе рукописей библ. гр. Ѳ. А. Толстого, Отд. II, № 47, 1, л. 1—68.

[4]) Ibidem. л. 86.

[5]) Строевъ. № 116, лл. 43, Отд. I.

по чину мусикійскихъ согласій состроенномъ, ради благочинія церковнаго отъ любомудрыхъ художниковъ и хитрецовъ составленномъ... отъ многихъ же святыхъ писаній свидѣтельство прилѣжно избранно, яко благо и зѣло во истину благочиннѣ въ Малой Россіи сіе вчинися". Сознаніе необходимости науки, а слѣдовательно неудовлетвореніе простымъ начетчествомъ уже въ началѣ XVII в. начинаетъ прорываться на поверхность общественнаго сознанія. Въ рукописяхъ начала XVII в. появляются статьи на тему „о силѣ книжной", о „членовномъ преобразованіи словеснаго сложенія" и т. п. [1])

Въ области живописи еще шире и сильнѣе сказалось вліяніе Запада. Оно начало проявляться прежде всего въ области гравюръ и стѣнописи. Русскіе бояре покровительствовали живописному западному стилю [2]). Къ прежнимъ сюжетамъ стѣнописи въ ихъ хоромахъ (каковы: символическія изображенія временъ года, „бѣги небесные", лунное теченіе, четыре стихіи и пр.) присоединились картины перспективныя и ландшафты) [3]). Потѣшные нѣмецкіе листы, гравированные иноземцами на мѣди и деревѣ, шли навстрѣчу пробудившимся эстетическимъ потребностямъ народа и попали на московскій рынокъ въ овощный рядъ въ большомъ количествѣ [4]). Глазъ привыкалъ къ изящнымъ очертаніямъ, къ артистической драпировкѣ; живость колорита поражала тѣмъ невѣдомымъ на Руси обаяніемъ, какое способно производить на душу только истинно художественное произведеніе. Эти новшества вызывали пробужденіе интереса къ одухотворяющей ихъ мысли. И вотъ мы видимъ, что новыя потребности—эстетическія и критическія—проникаютъ въ область теоріи. Русскихъ иконописцевъ уже не удовлетворяетъ, даже раздражаетъ византійскій

---

[1]) Строевъ. Опис. ркп. Толстого, отд. II, № 195, лл. 17—19,

[2]) Покровскій. Евангеліе въ памятникахъ иконографіи. Труды VIII Археологическаго съѣзда въ Москвѣ. 1890 г. т. I, LIII.

[3]) Цвѣтаевъ. Къ Исторіи культуры Россіи въ XVI—XVII вв. стр. 4.

[4]) Ibid., стр. 11.

иконографическій стиль. „Гдѣ таково указаніе изобрѣли"—возмущается изуграфъ Іосифъ—„неосмысленные любопрители, которые одною (т. е. одинаковою для всѣхъ святыхъ) формою смугло жило и темновидно святыхъ лица писать повелѣваютъ? Весь-ли родъ человѣческій во едино обличье создавъ? Всѣ-ли святые смуглы и тощи были?" [1]).

Всѣ эти, новыя для того времени, явленія свидѣтельствуютъ о народившейся въ московскомъ обществѣ потребности провѣрить и критически отнестись ко всему тому, чѣмъ и какъ оно жило. Обращеніе къ явленіямъ окружающей общественной жизни вызывало на самыя печальныя размышленія лучшихъ людей. Нестроенія въ ней были велики. Еще Стоглавый соборъ отмѣчаетъ, что „мнози отъ неразумія простая чадь православныхъ христіанъ во градѣхъ и въ селѣхъ творятъ елинское бѣснованіе—различныя игры и плясанія; въ навечеріи Рождества Христова и противъ праздника Рождества Іоанна Предтечи въ нощи и въ праздникъ весь день мужи и жены и дѣти въ домѣхъ, по улицамъ глумы творятъ всякими играми и пѣсньми [2]) Прошло столѣтіе, а жизнь общественная нисколько не улучшилась. Въ тридцатыхъ годахъ XVII ст. народъ разгульно проводилъ праздники „ходяще по улицамъ, безчинствующе, пьянствующе, наругающеся праздникомъ святымъ Божіимъ, вмѣсто духовнаго торжества восприимше игры и кощуны бѣсовскія, повелѣвающе медвѣдчикомъ и скомрахомъ на улицахъ и на торжищахъ и на распутіяхъ сатанинскія игры творити, и въ бубны бити, и въ сурмы ревѣти, и руками плескати и плясати, и иная неподобная дѣяти". [3])

Состояніе духовенства было не лучше. Изъ памяти патр. Іоасафа узнаемъ, что священники во время богослуженія „ходятъ

---

1) Буслаевъ. Истор. Очерки, т. II, стр. 403—404.

2) Стоглавъ. изд. Кожанч. стр. 261.

3) А. А. Э. III. 1636 г. № 264, стр. 402. Память патр. Іоасафа тіуну Манойлову и поповскому старостѣ, Никольскому попу Панкратію о прекращеніи въ Московскихъ церквахъ разнаго рода безчинствъ и злоупотребленій.

во образѣ пустынническомъ, во время святаго пѣнія въ церквахъ ползаютъ, пискъ творяще, и великъ соблазнъ полагаютъ въ простыхъ человѣцѣхъ [1]). Патр. Іосифъ свидѣтельствуетъ, что въ храмахъ священники безчинствуютъ, „въ церкви приходятъ яки разбойники съ палки, и подъ тѣ палки у нихъ бываютъ копѣйца желѣзные и бываетъ у нихъ межъ себя драка до крови и лая смрадная“ [2]).

Такое безотрадное состояніе жизни міряне и духовенства вызвало у лучшихъ людей того времени сознаніе необходимости реформъ. На этой почвѣ возникъ реформаторскій кружокъ около царскаго духовника Стефана Вонифатьева. Членами его были: Логгинъ, Нероновъ, Никонъ, Ртищевъ и др. Этотъ кружокъ причину всѣхъ нестроеній видѣлъ въ новыхъ идеяхъ, шедшихъ съ Запада, въ томъ, что Русь стала „переставлять свои обычаи“; что стала „яко благодѣевъ принимать и честію веліею почитать скверныхъ поляковъ, нѣмцевъ и прочихъ безбожныхъ языковъ“. Отсюда-то, по его мнѣнію, и пошла „поруха“ старому преданію. Кружокъ признаъ необходимость критики въ отношеніи къ окружающимъ явленіямъ общественной жизни; боязни предъ всякою живою мыслію онъ былъ чуждъ. Но жестокая ошибка его заключалась въ томъ, что онъ весь пропитанъ быдъ узкими націоналистическими тенденціями. Вслѣдствіе этого онъ судилъ о явленіяхъ не по ихъ собственному достоинству, а по источнику, изъ котораго они шли. Все, что шло отъ грековъ и изъ запада, было скверно [3]). Но такъ какъ нужно все-таки имѣть

---

[1]) Ibidem.

[2]) А. Э. IV. См. Дополненіе къ IV т. 1646 г. февр. 16. Окружной патріаршій наказъ духовнииу чину о соблюденіи поста и церковнаго благочинія. Стр. 481.

[3]) Правда, не всѣ члены кружка отличались нетерпимостью и національной исключительностію. Были въ немъ и люди, способные признавать достоинство и во многомъ иноземномъ. Такъ напр., Ртищевъ, который самъ учился у кіевскихъ иноковъ своего монастыря латинскому языку.

высшій авторитетъ, то они и признали таковой за „стариной". „Старина" же русская была убѣждена, что вѣра православная „испроказилась" у грековъ, утратила свою первоначальную чистоту. Политическія событія въ Византіи подтверждали этотъ предвзятый взглядъ. Разграбленіе Константинополя нечестивыми агарянами было въ глазахъ русской „старины" справедливой карой грекамъ за ихъ несохраненіе чистоты и неповрежденности христіанства. Такимъ образомъ, греческая церковь утратила свой прежній авторитетъ. Если прежде русская церковь въ своей жизни прислушивалась къ голосу и суду греческой церкви, то теперь такое отношеніе, неизбѣжно, должно было измѣниться. Роли перемѣнились: не русская церковь должна была признавать авторитетъ за греческой, а наоборотъ, ибо истина христіанская въ ея неповрежденности сохранилась только на Руси. Этотъ-то взглядъ русской старины на грековъ вполнѣ сохранился въ кружкѣ наваторовъ-націоналистовъ. Этимъ и объясняестя тотъ фактъ, что, за исключеніемъ одного или двухъ членовъ его, остальные были противниками Никоновскаго исправленія церковныхъ книгъ по *греческимъ* подлинникамъ. Они признавали необходимость живой церковной проповѣди, какъ средства для исправленія нравственной жизни общества, признавали необходимость устранить безчинія въ церковномъ богослуженіи, но исправленіе самыхъ чинопослѣдованій церковныхъ было—по ихъ убѣжденію—уже измѣной „station"старинѣ".

Наряду съ этимъ теченіемъ русской жизни, довольно сильно заявляло себя другое, совершенно свободное отъ національной и религіозной исключительности. Это теченіе началось и совершалось главнымъ образомъ въ передовомъ, высшемъ, болѣе образованномъ московскомъ обществѣ. Здѣсь старорусскій взглядъ на грековъ только на время поколебалъ довѣріе къ нимъ, но потомъ все болѣе и болѣе сталъ уступать тому взгляду, который господствовалъ на Руси до Флорентійской уніи, именно, что греки во всемъ держатъ православную вѣру неповрежденною. Уже въ XVI в. поколебался въ высшемъ обществѣ узко-національный взглядъ русскаго большинства на грековъ. Русскіе пу-

тешественники по святымъ мѣстамъ Востока, возвратясь на родину, приносили съ собой убѣжденіе въ неповрежденности христіанства у грековъ: для нихъ становилось яснымъ, что флорентійская унія была дѣломъ только немногихъ, а не всего народа; что греческій народъ относился къ ней враждебно и никогда не принималъ ея; что господство турокъ нисколько не мѣшало грекамъ сохранить въ чистотѣ христіанство.

Борьба юго-западной Руси съ уніей съ половины XVI и въ XVII вв., въ которой такую громадную роль играли іерархи греческой церкви, также не могла не оказать своего вліянія на ослабленіе недовѣрія московскаго правящаго класса къ грекамъ. Пребываніе іерусалимскаго патріарха Паисія въ Москвѣ (27 января 1649 г.—10 іюня 1649 г.) окончательно подорвало долго царившее въ Москвѣ недовѣріе, хотя, правда, и не уничтожило его совершенно. Самъ Паисій испыталъ это на себѣ; тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву онъ имѣлъ свиданіе и бесѣду съ Никономъ, тогда еще спасскимъ архимандритомъ: Никону—есть основаніе такъ думать—поручено было поразузнать взгляды и убѣжденіе вновь прибывшаго патріарха. Такимъ образомъ, хотя недовѣріе пало, но „сумлѣніе" въ отношеніи къ грекамъ у москвичей было еще сильно вплоть до 1650 г., когда пришлось уже Епифанію Славинецкому считаться съ этимъ явленіемъ. Эта перемѣна въ настроеніи Москвы по отношенію къ грекамъ имѣла громадное значеніе въ выработкѣ ученаго взгляда на дѣло книжной *справы*: она шла на встрѣчу все болѣе и болѣе крѣпнувшему сознанію, что необходимо книжное исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ; при наличности же духовной розни между русскими и греками не могло бы быть и книжной *справы*. Этимъ можно объяснить и то обстоятельство, что только послѣ выхода Никона изъ кружка націоналистовъ-реформаторовъ, послѣ рѣшительнаго перехода его на сторону грековъ, онъ начинаетъ исправленіе книгъ.

Другой отличительной чертой этого теченія мысли въ высшихъ слояхъ московскаго общества, по сравненію съ кружкомъ націоналистовъ, было сознаніе необходимости распространить

реформы не только на нравственно-практическую жизнь общества, но и на церковныя чиноположенія. Если же на соборѣ 1649 года 11 февраля разсуждали только объ единогласіи [1]) и не касались церковныхъ чиноположеній, то это объясняется тѣмъ, что а) не знали, какъ приняться за дѣло и вести его, и б) не имѣли нужныхъ для этого людей. Обратиться же къ грекамъ еще не рѣшались.

Послѣ того, какъ „сумлѣніе“ относительно справедливости своего недовѣрія къ грекамъ возникло въ правящихъ сферахъ и довольно настойчиво заявило себя, естественно было имъ разобраться въ тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ утверждалось это недовѣріе, естественно было провѣрить себя. А такъ какъ для всякой провѣрки требуется сличеніе, то для насъ вполнѣ понятнымъ становится, почему первымъ трудомъ Епифанія Славинецкаго по прибытіи его въ Москву былъ переводъ съ греческаго языка на славянскій литургіи Іоанна Златоустаго, каковой трудъ онъ совершилъ въ августѣ 1649 года [2]). Вѣроятной причиной такого труда, возложеннаго на Епифанія московскимъ правительствомъ, и могло быть желаніе узнать, насколько наша славянская литургія разнится отъ современной греческой, потому что—по справедливому замѣчанію Е. Е. Голубинскаго—„если живѣйшимъ образомъ интересовались вопросомъ, то ясно, что нисколько не были противъ возможности того, чтобы онъ былъ рѣшенъ въ пользу грековъ: иначе разслѣдованію дѣла предпочитали-бы невѣдѣніе“ [3]),

Обратимся теперь къ дѣятельности Епифанія. Должно замѣтить прежде всего, что Епифаній сразу внушилъ къ себѣ довѣріе московскихъ людей. Чѣмъ объяснить этотъ фактъ? Нужно думать, въ этомъ прежде всего сказалась рекомендація, данная

---

[1]) Бѣлокуровъ. Дѣянія Моск. Церков. Собора 1649 г. 11 февр. См. Чт. Общ. Исторіи и Древностей Рос. 1894 г. кн. 4.

[2]) Сильвестръ Медвѣдевъ. Оглавленіе книгъ, кто ихъ слож. § 79.

[3]) Богослов. Вѣстн. 1892 г. т. I, стр. 289—290. См. статью Е. Е. Голубинскаго: «Къ нашей полемикѣ со старообрядцами».

о немъ московскому правительству Ѳеодосіемъ. Такъ какъ московское правительство не вызвало Епифанія, а онъ явился непрошеннымъ вмѣсто просимаго Дамаскина Птицкаго, то наилучшая рекомендація являлась необходимою, чтобы успокоить нѣсколько недовѣрчиво относящееся къ кіевлянамъ московское правительство. Очень скоро обнаружилось, что Епифаній будетъ болѣе полезенъ для нуждъ московской церкви, чѣмъ его спутникъ Арсеній Сатановскій, не знавшій греческаго языка: переводъ литургіи—трудъ, имѣвшій громадное значеніе для разрѣшенія самыхъ животрепещущихъ вопросовъ въ ту пору—сразу далъ Епифанію громадный научный авторитетъ въ глазахъ московскихъ людей.

Не безъ вліянія оказались и научныя симпатіи, убѣжденія и пріемы Епифанія. Мы выше отмѣтили уже недовѣрчивое отношеніе Епифанія къ схоластической діалектикѣ. Онъ требовалъ, чтобы всякое „сказаніе было отъ божественныхъ писаній а не отъ человѣческихъ силлогисмовъ, рекше умышленій многолгущихъ"; „аще бо силогисмомъ вѣру оставимъ"—говорилъ онъ—„погибнетъ вѣра наша: не Богу бо, но человѣкомъ вѣровати имамы" [1]). Во время своего разговора съ Симеономъ Полоцкимъ о времени пресуществленія св. даровъ, онъ еще рѣшительнѣе высказываетъ свой принципъ: „силлогисмамъ, паче же латинскимъ (аще и доволенъ есмь въ тѣхъ), не послѣдую, ниже вѣрую: бѣгати бо силлогисмовъ, по св. Василію, повелѣваемся, яко огня". [2]) Такія рѣчи, несомнѣнно, должны были нравиться москвичамъ. По этой особенности своего научнаго міровоззрѣнія, Епифаній очень близко подходитъ къ типу московскихъ начетчиковъ. Разница была только въ томъ, что начетчики боялись силлогизмовъ по своему полному невѣдѣнію въ области діалектики, а Епифаній, хорошо знакомый съ этой наукой, признавалъ ее совершенно

---

[1]) Ркп. К. Печерск. Лавры № 145, л. 969.

[2]) Ibidem. См. «разглагольство Епифанія съ Симеономъ Полоцкимъ о пресуществленіи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову» л. 913.

неумѣстной въ вопросахъ вѣры. Прекрасное знаніе греческаго и славянскаго языковъ и св. писанія, большая начитанность въ святоотеческихъ твореніяхъ восточной церкви, солиднымъ доказательствомъ которой является его Филологическій Словарь, неотразимо должны были привлечь къ нему московскихъ правящихъ людей и создать ему высокій авторитетъ въ ихъ глазахъ. Наилучшей иллюстраціей этого можетъ служить то, что уже въ 1650 году въ іюлѣ мѣсяцѣ, т. е. черезъ годъ по прибытіи Епифанія въ Москву, Алексѣй Михайловичъ поручаетъ ему написать службу новоявленной святой Аннѣ Тверской [1]). Понятно послѣ всего этого, что Епифаній долженъ былъ сразу принять участіе въ рѣшеніи самыхъ животрепещущихъ вопросовъ того времени.

Первымъ такимъ вопросомъ и былъ вопросъ объ отношеніи къ грекамъ. Выше мы указали, какъ ревностно оберегали юго-западную Русь отъ уніи высшіе іерархи греческой церкви. Епифаній изъ текущихъ событій на своей родинѣ вынесъ глубокое убѣжденіе о ревности грековъ по вѣрѣ, о сохранности у нихъ православія въ чистотѣ и неповрежденности. Понятно, что онъ былъ пораженъ, если не возмущенъ, тѣмъ взглядомъ на грековъ, какой онъ здѣсь встрѣтилъ. Чуждый московскихъ традицій, онъ не могъ понимать не только недовѣрія къ грекамъ, но даже сомнѣнія въ ихъ православіи. Въ его очахъ такое настроеніе русскихъ людей по отношенію къ грекамъ было жестокимъ и ничѣмъ не оправдываемымъ оскорбленіемъ послѣднихъ. И онъ, какъ только освѣдомился объ этомъ взглядѣ, тотчасъ же сталъ бороться съ нимъ и совершилъ ту перемѣну въ Москвѣ, безъ которой немыслимо было бы самое исправленіе книгъ. Въ этомъ то смыслѣ Е. Е. Голубинскій называетъ Епифанія „однимъ изъ виновниковъ никоновскаго исправленія книгъ [2]).

---

[1]) Медвѣдевъ. Оглавленіе книгъ № 79, § 8. Cfr. Голубинскій. Истор. канонизаціи святыхъ, стр. 116.

[2]) «Къ нашей полемикѣ со старообрядцами. См. Бог. Вѣст. 1892 г., т. I, стр. 288.

Какимъ же образомъ удалось Епифанію достигнуть этого?

Нужно думать, что первоначально—путемъ личныхъ бесѣдъ съ тѣми лицами, которые сильно усомнились въ справедливости своего недовѣрія и такимъ образомъ подготовили себя къ слушанію рѣчи въ защиту современныхъ грековъ. „Глаголаше (Епифаній) во многихъ слухи, наипаче честныхъ и властелей, мужей благоумныхъ и доброразсудныхъ"—свидѣтельствуетъ современная о немъ записка [1]).

Нѣтъ опредѣленныхъ указаній на то, съ кѣмъ первоначально бесѣдовалъ по этому поводу Епифаній. Несомнѣнно только, что не Никонъ былъ его первымъ собесѣдникомъ. Когда Епифаній прибылъ въ Москву, Никона здѣсь уже не было: еще въ мартѣ того-же, т. е. 1649, года онъ былъ поставленъ на митрополичью каѳедру въ Новгородѣ. Познакомиться съ Епифаніемъ онъ могъ только въ свой пріѣздъ изъ Новгорода въ Москву зимою 1649—1650 гг. Кто же были эти лица?

Въ опредѣленіи ихъ мы вполнѣ присоединяемся къ авторитетному мнѣнію Е. Е. Голубинскаго. „Заинтересованныхъ вопросомъ, кромѣ Никона",—говоритъ онъ—„должно быть предполагаемо еще трое: самъ царь Алексѣй Михайловичъ, духовникъ его протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ и его воспитатель Борисъ Ивановичъ Морозовъ. Самъ царь, сколько знаемъ, не имѣлъ личныхъ сношеній съ Епифаніемъ, и, слѣдовательно, первый, кто велъ съ нимъ непосредственныя рѣчи о грекахъ съ цѣлью рѣшенія вопроса о нихъ, и кто тотчасъ же болѣе или менѣе былъ расположенъ имъ въ пользу грековъ, чтобы расположить и остальныхъ двоихъ, былъ или Стефанъ Вонифатьевъ, или Борисъ Ивановичъ. Между двумя лицами—духовникомъ и свѣтскимъ, конечно, вся вѣроятность думать о первомъ, а не о второмъ" [2]).

Итакъ, царскій духовникъ, нужно думать, первый былъ расположенъ Епифаніемъ къ современнымъ грекамъ. Нѣкоторымъ

---

[1]) М. Евгеній. Словарь Историч. стр., 178.

[2]) Богосл. Вѣстн. 1892 г. т. I, стр. 290.

подтвержденіемъ этого предположенія служитъ знаменитый фактъ изъ исторіи книжной справы при Іосифѣ. Діаконъ Ѳеодоръ свидѣтельствуетъ, что книга о вѣрѣ игумена Нафанаила „на Москвѣ въ печать издана повелѣніемъ царевымъ и *тщательствомъ благого духовника его Стефана Вонифатьевича* во время благочестивое и тихое [1])". Этотъ фактъ даетъ основаніе предположить, что и въ данномъ Епифанію порученіи—перевести литургію Іоанна Златоустаго, сказалось вліяніе Вонифатьева. Несомнѣнно, что новое настроеніе Стефана по отношенію къ грекамъ было принято и другими, а главнымъ образомъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Этимъ только и можно объяснить то, что еще до патр. Никона въ дѣло книжной справы дѣлаются попытки внести новый принципъ—исправленіе по *греческимъ* подлинникамъ. Правда, это внесеніе новаго пріема отличается характеромъ случайности, частичности, но это объясняется тѣмъ, во-первыхъ, что силенъ былъ старо-московскій взглядъ на грековъ, а во-вторыхъ, что во главѣ этого дѣла еще не стояло лицо, обладавшее высшимъ церковнымъ авторитетомъ и властію. Тѣмъ не менѣе еще въ 1650 году дѣлаются попытки исправленія славянскихъ книгъ по греческимъ. Въ Шестодневѣ 1650 г., т. е. въ собраніи дневныхъ церковныхъ службъ недѣли, дѣлается поправка относительно пѣнія кондаковъ на повечеріяхъ и полунощницахъ по трисвятомъ и на утрени послѣ шестой пѣсни. Ипакой—„Заступнице усердная", пѣтый до этого года въ русской церкви, былъ замѣненъ воскреснымъ кондакомъ „Высоты ради воскреснаго дня." Объясненіе этого новшества приводится слѣдующее: «понеже и въ *греческихъ преводахъ* по сему же уставу (какъ предписано въ послѣсловіи) обрѣтохомъ, сего ради и послѣдующе сему (т. е. указанію греческаго текста) также указахомъ и положихомъ на концѣ книги сея; на ряду же (т. е. въ самомъ текстѣ) указанному не дивится никто же, ниже смущается о семъ, зане съ прежнихъ переводовъ печатано, а греческихъ еще не видѣхомъ" [2]).

---

[1]) Матеріалы для исторіи раскола, т. VI, стр. 143.

[2]) Каптеревъ. Патр. Никонъ, какъ реформаторъ. Правосл. Обозр. 1887 г. т. I, стр. 321. Стр. Макарій. Исторія русск. церк. т. XII, 112—113.

Несомнѣнно, что эта поправка, внесенная въ Шестодневъ уже по напечатаніи его, принадлежитъ Епифанію Славинецкому [1]). Основанія, по которымъ мы такъ думаемъ, слѣдующія: во первыхъ, изъ двухъ кіевскихъ иноковъ, прибывшихъ въ Москву, знаніе греческаго языка принадлежало Епифанію; во вторыхъ, переводъ литургіи съ греческаго, сдѣланный Епифаніемъ, расположилъ имѣвшихъ вліяніе лицъ давать ему же всѣ подобныя порученія, а мы знаемъ, что въ Москвѣ не было знавшихъ греческій языкъ; и, въ третьихъ, наконецъ, объ участіи Епифанія Славинецкаго въ печатаніи богослужебныхъ книгъ въ 1650 г. мы имѣемъ и положительное свидѣтельство. Въ „Оглавленіи книгъ" Медвѣдева сказано, что переводъ Аѳанасіева посланія къ Маркеллину о толкованіи псалмовъ принадлежитъ Епифанію, а этотъ переводъ былъ печатаемъ въ началѣ 1651 г. [2]). Слѣдовательно, уже въ 1650 г. Епифаній принялъ близкое участіе въ дѣлахъ печатнаго двора. Можно съ несомнѣнностію думать, что при печатаніи этихъ толкованій не кто иной, а именно онъ наблюдалъ за печатаніемъ своего переводнаго труда. По крайней мѣрѣ о многихъ переводныхъ его трудахъ, которые были напечатаны, есть прямыя свидѣтельства (какъ это увидимъ ниже), что корректурныя тетради провѣрялъ и дѣлалъ на нихъ поправки самъ Епифаній.

Теперь намъ предстоитъ рѣшить вопросъ, какое участіе принималъ Епифаній въ дѣлѣ книжнаго исправленія, какова была его роль. Всѣ изслѣдователи, касавшіеся почему-либо Епифанія Славинецкаго въ своихъ сочиненіяхъ, утверждаютъ, что въ числѣ никоновскихъ справщиковъ былъ и Епифаній [3]).

---

1) Филаретъ. Обзоръ дух. лит. § 223.

2) «Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ», № 63 Cfr. Голубинскій. Е. «Къ нашей полемикѣ...» Богосл. Вѣстникъ 1892 г. т. I, стр. 291.

3) М. Евгеній. Словарь Историческій., стр. 177; Филаретъ. Обзоръ дух. литер. § 223; м. Макарій. Истор. рус. церк. т. XII, стр. 155; Румянцевъ. Древн. здан. Моск. Печат. Двора, стр. 13; Костомаровъ. Рус. Истор. въ жизнеоп. въ V. стр. 388; Дополн. къ Актамъ Истор.

Но въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся со слѣдующимъ недоумѣніемъ. В. Румянцовъ въ своемъ изслѣдованіи „Древнія зданія Московскаго Двора“, составленномъ по первоисточникамъ и обильно снабженномъ приложеніями, цѣнными въ научномъ отношеніи, причисливъ (на 13-й стр.) къ никоновскимъ справщикамъ и Епифанія, въ 67 примѣчаніи заявляетъ, что въ расходныхъ книгахъ печатнаго приказа сохранились росписки всѣхъ поименованныхъ (въ текстѣ, стр. 13) лицъ, за исключеніемъ только Славинецкаго, въ полученіи ими жалованья изъ типографіи по должности справщиковъ. Какъ понимать такое отсутстіе документальныхъ свидѣтельствъ объ исправленіи Епифаніемъ должности справщика? Если Епифаній былъ справщикомъ, то непонятно молчаніе о немъ приходо-расходныхъ книгъ печатнаго двора, въ особенности если принять во вниманіе его громадный авторитетъ въ средѣ москвичей. Если же онъ не былъ справщикомъ, то почему составленіе предисловій ко многимъ печатавшимся тогда книгамъ поручалось ему? Объясненіе этого факта мы находимъ въ „Реестрѣ (1727-го года) книгамъ россійскимъ печатнымъ и рукописнымъ, хранившимся въ типографской библіотекѣ“. Въ этомъ реестрѣ подъ № 68 имѣется слѣдующее любопытное замѣчаніе составителя каталога (вѣроятно, справщика типографіи Ивана Максимовича): по сихъ книгахъ (т. е. выше прописанныхъ въ реестрѣ) раритетныхъ судилося за благо книгу великія естимы достойную званіемъ Лексиконъ Греко-Славено-Латинскій нѣкіимъ Епифаніемъ, *корректоромъ Московскія типографіи*, въ Москвѣ трудолюбно сочиненную, а во всей Европѣ еще не практикованную, въ особливый раритетъ почесть и поставить его надъ шкафою... [1])“. Такимъ образомъ, мы имѣемъ свидѣтельство московскаго справщика той поры, когда,

---

VI, 191; Пѣвницкій. Труды Кіевск. Дух. Акад. 1861 г. т. II, стр. 409; Галаховъ. Истор. рус. слов. I, 236; Безсоновъ. Юрій Крижаничъ. Правосл. Обозр. 1870 г. т. I, 132 и мн. другіе.

[1]) Рукопись Москов. Духовн. Академ. № 106 фундам. библ., л. 35—36.

быть можетъ, слишкомъ живы были преданія о минувшихъ дѣятеляхъ московской типографской справы. На основаніи этого свидѣтельства мы можемъ утверждать, что Епифаній, принимая близкое и активное участіе въ дѣлѣ книжнаго исправленія, не былъ справщикомъ въ собственномъ, техническомъ смыслѣ этого слова, т. е. не правилъ книгъ, какъ это дѣлали, напр., Иванъ Насѣдка, Александръ Мезенеръ, Шестой Мартемьяновъ и др., а *наблюдалъ за правильностію справы въ тѣхъ случаяхъ, когда требовались сличенія печатныхъ книгъ съ греческими подлинниками,* ибо только при этомъ условіи онъ могъ выступать въ своихъ предисловіяхъ предъ лицемъ всѣхъ образованныхъ съ свидѣтельствомъ о правильности всякихъ измѣненій, внесенныхъ въ новопечатанныя книги. Быть можетъ, онъ также слѣдилъ за тѣмъ, чтобы справщики правильно правили свои книги. О томъ, что на печатномъ дворѣ существовала должность особыхъ надзирателей за справщиками, свидѣтельствуетъ Арсеній Сухановъ. Описывая заведенный на московскомъ печатномъ дворѣ порядокъ справы, онъ въ преніяхъ съ греками о вѣрѣ говоритъ: «а у печати сидятъ книги правятъ избранныя люди и безпрестани надъ тѣмъ сидятъ; а *надъ тѣми людмі* (т. е. справщиками), *надзираютъ,* по Государеву указу, митрополитъ и архимандритъ и протопопы, кому Государь укажетъ, и о всякомъ дѣлѣ докладываютъ Государя и патріарха [1]).»

Чтобы видѣть, насколько почетнымъ было положеніе Епифанія на печатномъ дворѣ, должно замѣтить, что такую же самую обязанность исполняли позже Симеонъ, бывшій архіепископъ тобольскій—съ 1664 г. [2]) и Павелъ, митрополитъ Сарскій и Подонскій—съ 1667 г. [3]).

—

[1]) С. Бѣлокуровъ. Арсеній Сухановъ, ч. II, см. «Статейный Списокъ», стр. 61.

[2]) Каталогъ русскихъ архіереевъ.

[3]) Акты Археогр. Эксп. т. VI, стр. 205.

Итакъ, свидѣтельство Ивана Максимовича объясняетъ намъ отсутствіе какихъ-либо свидѣтельствъ объ Епифаніи, какъ справщикѣ, въ приходо-расходныхъ книгахъ печатнаго двора. Такъ какъ онъ не былъ справщикомъ въ техническомъ значеніи этого слова, то вполнѣ естественно, что имя его и не могло попасть на страницы приходо-расходныхъ книгъ.

Ив. Ротаръ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЛѢСНАЯ ЛУБЕНЩИНА.[1]

Глава III.

Тарандинцовская волость.

Страна криницъ и садовъ: Хелепцы, Калайдинцы, калайдинская криница, лядскій городокъ; Клепачи, Новаки, Енковцы, енковская криница; дѣвичій ярмарокъ, народные разсказы о его происхожденіи. Западная часть долины Удая: Біевцы, Оробьи, Гонцы и Карпиловка. Переходъ къ степи: Тарандинцы и Губское. Кулачные бои.

На плоской возвышенности между Тишками, Хитцами, Калайдинцами и Клепачами разстилаются поля легкой подзолистой лѣсной земли, цвѣта шоколада или кофе со сливками, уступающей плодородіемъ чернозему.[2] Рыжеватыя толоки сплошь усѣяны розовыми цвѣтами будяка (carduus nutans. L). По краямъ поля мелькаютъ лѣски. Вправо отъ дороги крутой спускъ въ долину Удая. Въ горѣ какъ будто прорубленъ узкій корридоръ съ отвѣсными стѣнами. На верху этихъ стѣнъ большіе грабы, клены, черноклены и ясени, внизу же между рощами и

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 9.

[2]) Содержаніе гумусу въ этой землѣ 2,5%—2,6%, мощность 2,3 ф. (Мат. оцѣн. зем. Полт. губ. II, 29, 71).

садами виднѣется небольшое село Хелепцы, вдвинувшееся клиномъ въ широкую долину Удая. Ярко-зеленая пойма пересѣкается синѣющими купами деревъ, очеретами, узкой полоской рѣки и заводами. [1]) Отъ смежныхъ Лучниковъ, также выдвинутыхъ полукруглымъ мысомъ въ удайскую низину, Хелепцы отдѣлены озеромъ, шириной до версты, спокойно дремлющимъ, какъ большое стекло, подъ высокой обнаженной высокой горой. У въѣзда самая некрасивая часть села. Узкая улица, сжатая съ обѣихъ сторонъ загонами, по срединѣ пересѣкается ручьемъ Грешаихою, идущей отъ Калайдинецъ топкой до того, „шо у Грешаивци кобыла провалылась и хвоста не знайшлы". Объ этой Грешаихѣ оба сосѣднія села разсказываютъ: „Годивъ трыста надъ Грешаихою жылы ляхы, такъ ихъ короля зогналы,—манифестъ зійшовъ. Тамъ булы покопани лёхы и цегла була. Грошей ихъ багато тутъ зосталось" (Хелепцы). „Тутъ жылы корольки, симдесятъ симъ. Одынъ жывъ по той бикъ Удая, а другый по сей. Потокомъ проведенъ цепъ. Якъ-бы ёго докопать та найты. Тамъ усячына понакладувана: посуда, гроши йе тамъ; шо незакленени—вже повыходылы. Одкопують головы таки якъ гарбузы, черепокъ товстый и зубы хороши" (Калайдинцы). По другому варіанту: „по надъ Грешаихою було шведське, або гетьманське село. Якъ гетьманивъ зогналы, такъ цари переселялы людей". По срединѣ села маленькая церковь св. Іоанна Крестителя. Только куполъ да колокольня видны изъ-за зелени. Церковь выстроена въ 1859 году, затѣмъ расширена, обведена деревянной, вмѣсто прежней плетневой, оградой; къ церкви пристроена колокольня изъ дерева, оставшагося отъ старой лубенской троицкой колокольни. Прежняя-же церковь, по преданію и мѣстной церковной лѣтописи основанная въ 1791 г., была въ началѣ плетневая съ мазаннымъ поломъ, затѣмъ срублена, какъ комора, 7 аршинъ съ двумя придѣльчиками. Затѣмъ выстроена новая церковь, но она сгорѣла со множествомъ ста-

---

[1]) Послѣднихъ особенно много (Гуровъ. Геолог. описаніе Полт. губ., 448.)

рыхъ бумагъ, такъ что настоящая церковь уже третья по счету. И старая колокольня стояла на столбахъ, наклонившись на сторону, такъ что колокольня могла упасть. Хелепская церковь до послѣдняго времени считалась внѣштатной, и общество платило священнику 75, потомъ 150 руб. За церковью усадьбы лучше, вездѣ сады, полные венгерокъ. Бѣлыя хатки, отдѣляясь отъ яркой зелени горы, прячутся за вѣтвями вѣковыхъ яблонь и грушъ. Встрѣчаются уединенные уголки, напоминающіе старую романтическую Малороссію, въ которыхъ испытываешь настроеніе, разлитое въ картинахъ Жемчужникова, Волоскова, Штернберга и въ дивныхъ пѣсняхъ Шевченка. Здѣсь яснѣе понимаешь, почему покойный Г. П. Галаганъ называлъ Лубны „центромъ національности“. [1]) О началѣ села сохранилось слѣдующее преданіе: „Сёбро и Якуба жылы на поли пидъ Калайдынцямы, а Галушка прыйихавъ по Удаю на човни зъ Черныговськои губерніи [2]) и ожывсь и ти прыйшлы до ёго.“ Галушки заявили

---

[1]) См. въ Кіев. Стар. 1898 г., X, 215.

[2]) Вслѣдствіе настоящаго заявленія и приводимыхъ ниже свидѣтельствъ о переселеніи части жителей въ Лубенскій у. изъ Черниговской губ., въ связи съ мнѣніемъ о возможности такого переселенія, высказаннымъ въ письмѣ ко мнѣ (гл. I-я настоящей статьи) знатокомъ малорусской этнографіи, и особенностями фонетики вильшанъ (гл. II)—предлагается мною вниманію читателя слѣдующее небольшое сличеніе черниговскихъ пѣсенъ уѣздовъ: Остерскаго, Черниговскаго, Борзенскаго и Нѣжинскаго по Сбор. г. Б. Д. Гринченка «Этногр. Мат. Ш., Черниговъ 1899 г. съ собранными мною въ разныхъ ст. и сбор. Лубенскими.

Черниговской губ.	*Лубенскаго у.*
№ 4., Г., 5. Щедривка о 3-хъ праздникахъ.	Въ рукописи.
Колядка, № 20, 58, 18, 19, 41 (объ орлѣ)	«Къ вопр. о колониз. Посулья» 8 и Рожд. св. сѣвер. части Луб. у., 18.
Колядка № 24, 23 (три подарка)	Ib., 9.

Галушкивку или Солонецъ, Якубы—Якубивку, Слыньки—Слыньскивку, Сёбры[1])—кутокъ предъ церковью; возлѣ нея поселились Руди, внизу къ Лушникамъ на Бувивци—Плахотники, по уличному Бувенки, выходцы изъ с. Волчка, предокъ которыхъ,

Колядка № 64, 46 (недовольство дѣвицы)	Ib. 17.
№ 80, 52 (танецъ шекгеръ)	Къ вопр. о колониз. Посулья. 8 (—шенгеръ, бѣлор. магеръ)
№ 91, 59 (чы було лито?)	Народ. обр. и пѣсни Луб. у. № 3, 84, 85 —петривка.
№ 96, 62 (жалобы на ворогивъ)	Ib., № 65, 75 веснянка.
№ 97, 63 (о привязанной дивчинѣ)	Ib., № 70, 76 веснянка.
№ 105, 65 (що въ Ганночкы бривоньки).	Ib., № 14, 97 трендычка.
№ 107, 66 (приглашеніе)	Ib., № 20, 66 веснянка.
№ 131, 75 (удаленіе жениха)	№ 9, 113 любовная.
№ 258, 128 (гребовицкая)	въ рукописи—строковская.
№ 315, 157 (любовная)	№ 20, 99 любовная
№ 394, 190 (о ворогахъ)	№ 6, 112 любовная
№ 648, 350 (квасолына)	въ рукописи
№ 706, 390 (журьба въ лиси)	также.
№ 737, 413 (вовкы зйилы дивку)	Литерат. прилож. къ Одесскому журналу «По морю и сушѣ». 1895 г., I, 52.— Истор. пѣсня въ Кіев. Стар. 1895 г.
№ 1414, 582 (турки и татары убиваютъ козака)	Докум. 43—45 (панъ Журавскій убиваетъ козака)

Есть еще нѣсколько схожихъ свадебныхъ и семейныхъ пѣсенъ, но вообще всѣ черниговскія пѣсни не настолько близки къ лубенскимъ, какъ кіевскія. Слѣдуетъ еще прибавить, что въ Кіевской губ. есть село Хелепы, почему въ образованіи Хелепцовъ, т. е. маленькихъ Хелепъ, могли участвовать оба элемента: черниговскій и кіевскій совмѣстно.

[1]) Объ одной вдовѣ этого семейства старожилы передаютъ: Сёбрыха колысь позывалась у Глухови. Баба—а выхлопотала!

быть можетъ, присталъ въ пріймы къ Бубенковой. Позднѣйшіе куты: берегъ Удая, гдѣ прежде росъ очеретъ, и ярокъ къ Калайдинцамъ—жилье Лытвыхивъ. Населеніе невелико. По уцѣлѣвшимъ исповѣднымъ росписямъ видно, что въ 1768 г. всѣхъ жителей было 367, число ихъ къ концу вѣка достигло—400. Въ 1-й половинѣ XIX в.—470—500; въ 70-хъ годахъ доходило до 700, теперь—900. Такимъ образомъ населеніе утроилось съ послѣдней четверти XVIII в. Оно почти исключительно козацкое, всего 3 семейства крестьянскихъ. Жители средняго роста, русые и темнорусые, худощавы. Моды лубенскаго у.: одежды „до фантивъ"; у мужчинъ встрѣчаются „куртажи", похожіе на гусарскіе мундиры, короткіе, плоскіе сзади. Женщины и дѣвицы повязываются платками „пидъ гульку", т. е. узелкомъ спереди; очипки низкіе, широкіе, переломлены пополамъ, но не такъ глубоко, какъ въ лохвицкомъ у., „не таки сидловани". Въ Хелепцахъ сохранились старые, добрые нравы. Здѣсь неизвѣстно дѣтоубійство; въ восьмидесятыхъ годахъ не было ни одного незаконнорожденнаго. Хелепчанъ, какъ и всѣхъ вообще жителей лѣсного участка, дразнятъ „оводами" (слѣпень, tabanus), вслѣдствіе множества этихъ назойливыхъ насѣкомыхъ въ лѣсахъ; хелепчане-же дразнятъ степняковъ „ящурками", хитцянъ—„штыбныками", а лушниковцамъ кричатъ: „лушныкивци—пыжи! шукайте межи!", намекая этимъ восклицаніемъ на то обстоятельство, что описанное выше хелепское озеро не раздѣлено между сосѣдними поселеніями. Озеро это служило прежде значительнымъ подспорьемъ къ существованію. Однажды рыба въ озерѣ сбилась такъ, что большимъ неводомъ, который тянуло 6 человѣкъ, поймано въ одну тоню 300 пуд., и часть рыбы: лящей, вязей, окуней, щукъ,—„все велычъ", везли на 7 саняхъ, а теперь за всю зиму поймано рыбы рублей на 30. Кромѣ рыболовства, жители занимаются еще издѣліями изъ дерева, особенно колесами и плетеніемъ лукошекъ (кошыкивъ) изъ рогиза (typha andustifolia L). Земли мало, у двухъ только семействъ по 20 десятинъ, у большинства 1—2 дес., есть и безземельные, обладающіе только грунтами. Земля глинистая; крутые горные „узбичи", куда нельзя нагнать воловъ, копаютъ заступами, получая 5—7 копъ ржи. Поле въ трехъ

смѣнахъ: 1-я „до Сёбрового купа“, 2-я—до „Десятои пятныци“ [1]) и третья—до „Грешаёвои долыны“. Въ хелепскихъ дачахъ есть священная криница, о которой разсказываютъ: „Баби Уляни Якубыній (Гальвыси) у сни прыснылося, шо пишла вона въ десяту пятныцю и прыйшла до дому, лягла одпочыла. И прыйшла Божая Маты и говорыть до неи: „ты ходыла у десяту пятныцю Богу молыться, а то пиды у довгый яръ на луци, тамъ взялась цямрыня, летыть зъ горы, зъ облока и упала на землю и стала крыныця, и умыйся тією водою, то ты оздоровіешъ. И скажы людцямъ, шобъ очыстылы, изрубылы и освятылы“. Встала баба, каже невисци: „поведы мене въ Довгый яръ, я хочъ помаленьку дойду; я те мисто найду, де лежала“. И пишла шукать те мисто—и нема ничого. И сказала: „отутъ я лежала“. Гребнула те мисто и вода хлынонула. Люде зрубылы и двичи освятылы крыныцю, а баба оздоровила. [2])— Хелепська баба Якубына була больна, прыснылось ій, шо крыныця каже: „я въ такому урочыщи выйшла,—ты, бабусю, постарайсь, опрячъ мене, зрубы. Вона сходыла до крыныци и оздоровила, потимъ сказала батюшци: „освятить крыныцю!“ Батюшка созвавъ общество, найшлы крыныцю. Вода розлыла по всёму яру. Зрубылы и хрестъ зробылы и каплыцю и обградылы“.

Ближайшее къ Хелепцамъ село Калайдинцы расположено на равнинѣ въ лѣсу у пересохшаго потока Лимана, нѣкогда расширеннаго въ большой прудъ. По остаткамъ паль видно, что на этомъ потокѣ были нѣкогда водяныя мельницы. Къ востоку Лиманъ образуетъ новый прудикъ, продолговатый, узкій и затѣмъ течетъ въ Онуфріевскую гору и с. Мгарь. Края потока невысоки, покрыты ясенями и дубами. Калайдинская интеллигенція считаетъ названіе села патронимическимъ, происходящимъ отъ воеводы Калайды, о которомъ, впрочемъ, ничего не извѣстно. По замѣчанію Арендаренка, [3]) названіе села напоминаетъ татаръ;

---

[1]) Урочище въ дачѣ с. Енковецъ, въ которомъ собирается ярмарокъ на десятую пятницу послѣ свѣтлаго праздника.

[2]) Отъ В. Слынька.

[3]) Зап. о Полт. губ. II, 5.

населеніе-же приписываетъ основаніе Калайдинецъ Мысникамъ, многочисленному козачьему роду, живущему на Мысникивкѣ; возлѣ нея Бабакивка, жилье козаковъ Бабаковъ, перешедшихъ изъ смежныхъ Клепачей. Кутокъ и Мгарь занятъ позднѣйшими пришельцами Лысенками. „Лысенкы прыйшлы найпозади и на худши земли. Предокъ знайшовъ колысь сывого коня, прывивъ до куреня, винъ розсыпавсь гришмы“. Къ востоку отъ Мысникивки и Бабакивки находятся: Чубаровка, жительство Кайдъ, фамилія которыхъ, быть можетъ, представляется сокращеніемъ слова Калайдъ, и Хомяковъ; Гурбатовка, гдѣ живутъ Перевалы; Щербаковка—Щербаки; Литва, отъ с. Новаковъ, жительство: Кравченковъ, Проценковъ, Шутей [1]) и Гавриленковъ, перешедшихъ изъ Хелепцовъ по слѣдующему поводу: „Катерына дарувала землю пидъ Хелепцамы Базилевскому. Винъ прыйихавъ и сказавъ Гаврыленку: якъ шо будешъ мій, то оставайся, а то йидь соби куды хочешъ. Такъ винъ перейшовъ у Калайдынци“. Березникъ занятъ крестьянами, которыхъ 40 дворовъ. На Мысникивкѣ въ рощѣ стоитъ мѣстная церковь [2]) св. Андрея Первозваннаго, извѣстная съ 1727 года. Въ церкви есть чудотворная икона Божіей Матери въ ризѣ, сдѣланной на пожертвованіе мѣстныхъ женщинъ, и два родовые образа патроновъ фамилій: Мысниковъ и Курилъ-Сементовскихъ, родомъ изъ Хелепцовъ. Изъ послѣдней фамиліи происходитъ этнографъ, интересныя статьи котораго помѣщались: въ Москвитянинѣ 1842 г., XII: „Очерки демонологіи малороссіянъ“, въ Маякѣ 1843 и Молодикѣ 1844 г., „Очеркъ малорусскихъ повѣрій и обычаевъ“ и вѣроятно двѣ статьи, подписанныя К. Калайденскій. [3]) Сементовскіе—послѣдняя уцѣлѣвшая мѣстная дворянская фамилія, другія:

---

[1]) Однофамильцы въ м. Александровкѣ, Сосницкаго у., Черниговской губ. (Кулишъ. Зап. о Южн. Руси. I. 13).

[2]) Въ церковной библіотекѣ есть книга: Materia nauk i umiętnosci w Szkole Powiatowej Humanskiej', XX. Bazylijanow.

[3]) А. Н. Пыпинъ. Изуч. рус. народности, въ Вѣстн. Евр. 1882 г. VII, 44.

Галецкіе, Мозулевскіе, Дешпиты, Воеводскіе—исчезли. Исчезли и Кулябки, которымъ въ XVIII в. принадлежала почти вся средина лѣсного участка, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, кромѣ названій урочищъ. [1]) Небольшое крестьянское населеніе введено въ Калайдинцы преимущественно Кулябками. Большинство жителей, достигающихъ цифры 1700 душъ, козаки. Жители средняго роста, темнорусы, одежда такая-же, какъ вобще въ лѣсномъ участкѣ, такіе же обычаи. Молодыхъ осыпаютъ орѣхами; къ родителямъ подводятъ на перезвѣ чужую молодицу, переодѣтую въ платье молодой. Свекоръ дразнитъ молодую саломъ на спичкѣ или булкой, намазанной медомъ на тарелкѣ. На сочельникъ семья садится на кожухъ. Кромѣ земледѣлія, жители занимаются еще издѣліями изъ дерева [2]) и садоводствомъ. [3]) На

---

[1]) Имъ принадлежали: Калайдинцы, Клепачи, часть александровскаго лѣса (Лазаревскій. Кіев. Стар. 1885 г., V, 8). Быть можетъ, мѣстныя названія урочищъ: Корцево, Корречына происходятъ отъ Кулябокъ—Корецкихъ.

[2]) Издѣліями изъ дерева занимается болѣе 500 кустарей въ Хитцахъ, Хелепцахъ, Калайдинцахъ, Новакахъ и Клепачахъ. Здѣсь дѣлаютъ плуги, бороны, сани, колеса, возы; въ послѣдней деревнѣ еще и гарбы (мажары). Цѣны произведеніямъ: плуги и бороны—1 р.—1 р. 50 коп., сани 1 р.—6 р., станъ колесъ 2 р.—6 р., биды (двухколесныя) 3 р.—5 р., возы: 4 р.—10 р., арбы—20 р. Сбываются эти издѣлія на ярмаркахъ въ окрестныхъ городахъ и на мѣстныхъ сельскихъ. Въ 50-хъ годахъ Калайдинцы и Клепачи торговали на 200 р. издѣліями изъ дерева и выжиганіемъ угля (Короновскій. Стат. опис. Луб. у.,—Полт. губ. Вѣд. 1890 г. № 54).

[3]) Сады расположены по всему лѣсному участку лубенскаго у., кромѣ самыхъ окраинъ. Особенно много садовъ въ срединѣ участка; мѣрой они 1/4 дес.; Сорта яблонь и грушъ вѣроатно не могли-бы быть опредѣлены даже помологами. Мѣстныя названія яблонь: бугаи, вороньки, дидивки, кантельни, колоздри, мукови, олявкы (зимнія), опортни, писани, путивкы, склянкы, солодки, спасовкы и сумкы; грушъ: бергамоты, глывы, дули, зимныци, круглякы, куцохвости, омелькы или омельянкы (зимнія), пахущи, пидлулькы, почынкы и пшонянкы (раннія). Изъ сливъ преобладаютъ угорки, венгерки, терновки и раннія; вишенъ мало, абрикосовъ и шелковицы также. Отдѣльная яблоня даетъ 5—

Баковкѣ и Литвѣ древнѣйшіе и лучшіе сады. Особенность калайдинскихъ садовъ та, что они не сплошные; фруктовыя деревья смѣшаны съ дикими на зеленѣющихъ левадахъ, огражденныхъ плетнями. По мѣрѣ удаленія отъ села, щепы попадаются все рѣже и рѣже одинокими. Въ верстѣ отъ Калайдинецъ, въ урочищѣ Кравцивське, между двумя полянами поспѣвающей ржи замѣтна трещина, переходящая въ узкій, глинистый ярокъ съ невысокими, отвѣсными боками, на которыхъ высятся рѣдкіе, большіе дубы, груши, грабы и кустарникъ. На днѣ оврага дубовая часовня съ крестомъ, на которомъ изображенъ Спаситель, и нѣсколькими иконами на полкѣ. Помостъ и срубъ криницы дубовые, послѣдній 1½ аршина ширины, до воды не болѣе сажня. Въ сторонѣ за каплицей плетневый курень для приходящихъ и далѣе свѣжій, зеленый, густой лѣсъ. Полное уединеніе, спокойствіе и тишина этого уголка производятъ на душу успокоительное дѣйствіе. О криницѣ записаны мною слѣдующіе мѣстные разсказы. „Игнать Задорожный больный; спыть винъ и снытся: пый воды зъ Кравцивськои калюжкы. И ставъ винъ пыть воду зъ тіеи калюжкы и снытся: вычысть-же и зрубы и посвяты, и буду я мылувать больныхъ. А винъ не рубыть. И впьять возновылась та боль у ёго. Лигъ винъ опочывать,—ёму ввыжается, шо йде якась дивка у цвиткахъ у хату. И ти цвиты

---

10 и больше пудовъ, груша 3—4. Цѣна въ урожайный годъ на мѣстѣ: 1 п. яблокъ 50 к., грушъ—30—70, ведро вишенъ 30—40 к. (О сливахъ сказано раньше во II-й главѣ), въ Кременчугѣ: 1 п. абл. 1 р., грушъ—1 р. 20 коп. Въ 50-хъ годахъ сотня яблокъ стоила 1 р. а грушъ—80 коп. (Ib. 2). Въ неурожайные годы цѣна на мѣстѣ за 1 п. яблокъ—1 р., грушъ—1 р. 20, а въ Кременчугѣ: 1—70, 2 р. за пудъ, также и груши. Часть фруктовъ развозится по селамъ для промѣна на хлѣбъ и крупу; степняки и сами пріѣзжаютъ изъ Оржицы, Золотухъ, Онишокъ для такого промѣна. Въ Калайдинцы и Клепачи пріѣзжали торговцы изъ Курска и Кременчуга въ 50-хъ годахъ и закупали 120—200,000 пуд. яблокъ на 2500—4000 р. сер. (Ib. 2). Въ урожайный 1897 г. доходъ отъ однихъ Калайдинскихъ садовъ далъ по приблизительному разсчету мѣстныхъ жителей 15,000 руб., но урожай былъ исключительный.

зашелестилы въ ёго. Вона каже: чы ты спышъ?—Сплю.—Чы ты-жъ сповнывъ?—Нитъ.—Якъ ты не сповнышъ, то тоби тилько до весны жыть (а тобѣ то вже вмырать). Винъ зрубывъ и посвятывъ. И вньять женщыни въ Лушныкахъ прысnылось: „пиды ты до тіи крыныци и наберы тіи воды—обмыйсь.—И съ чымъ же я пиду?—Возьмы дви копійкы и обмины свичку, и тебе Богъ помылуе. И скажешъ людямъ, и Господь буде мылувать усихъ. Стало людямъ увижаться. Хлопчыкъ литъ чотырнадцяты погнавъ быкы; напасъ, гоныть до дому; думае: зажену я до святои крыныци и тутъ напою. Загнавъ,—стоить дивчынка литъ у тры. Злякáвся хлопець и не напоивъ воливъ. Прыгнавъ до дому ажъ сыній. Батько пытае: „чого ты такый страшный?—Бачывъ коло крыныци дивчыну якусь; де вона дилась—не вгледивъ. Се було на зеленихъ святкахъ.—Прыснылось чоловикови: пиды вычысты ту крыныцю, шо скотъ затоптувавъ, прыберы и попросы батюшку, та освятить іи, то ходытымешъ, якъ и ходывъ. Такъ винъ пишовъ, прыбравъ, освятылы іи и давъ Богъ, шо ёму получчало: у ёго ногы болилы, на костыляхъ винъ ходывъ. Выстроилы камплыцю и возли повитку невелыку до горы прыроблено. Пользуе одъ усихъ болизней. Люды, якъ идуть, такъ гроши кыдають у крыныцю, або хто прынесе хусточкы, чы свичечку у церкву. Пьютъ, мыются, и до-дому узять можна. Гроши выбирають изъ крыныци. Мыру иде хто зна й скилькы.—У крыныци съ-пидъ камня иде вода. Деньгы туды кыдають, и вона выкыда на зрубъ назадъ. Одходять люде и одежу знимають, обмыются и кыдають навикы тамъ одежу, а нову надивають. Ту покынуту одежу продають на церкву".

Между Калайдинцами и Клепачами, въ сторонѣ отъ дороги, въ густомъ лѣсу, пестрѣющемъ тысячью розовыхъ, желтыхъ, голубыхъ цвѣтовъ, притаился „Лядський городокъ", или городище, [1])—пространство въ 20 десятинъ, обведенное со всѣхъ

[1]) Кажется, въ этомъ городищѣ найдены: 2 серебряныхъ кольца, серьга, желѣзные наконечники и топоры, заставляющіе предположить здѣсь славянское городище. (Ласкоронскій. Истор. Переясл. земли, 131).

сторонъ валомъ, шириной въ 5, вышиной—болѣе 3 саженъ, и канавой въ 2 сажня ширины. Валъ, канава и городище заросли кустами и деревьями. Кое-гдѣ на валъ взобралось ржаное поле, или огородина, или порыжѣлая трава. Въ городокъ ведутъ два въѣзда. У одного изъ нихъ со стороны Калайдинецъ яма, гдѣ, можетъ быть, была башня. Съ трехъ сторонъ городокъ обнятъ оврагами. Все въ этомъ мѣстѣ молчаливо, смутно, таинственно. На умъ приходитъ невольно стихъ Кондратовича, переданный Меемъ:

Всё минуло... только листочки калины
Шумятъ по обломкамъ былой Украины.

О городкѣ я слышалъ въ Калайдинцахъ слѣдующій разсказъ: „На Клепачи якъ йихать—йе городыще. Пастухы паслы, найшлы шнурокъ и сталы тягты и змотувать. Найшлы хрестыкъ и зачулы пивнивъ, и сталы люды крычать пидъ землею. Пастухы почулы, полякалысь и бросылы. Прыйшлы до-дому, кажуть своимъ: „идить, подывиться." А ти кажуть: „се вы насъ дурыте; якъ пидемо по грыбы, та й побачымо тоди." Пишлы люде и побачылы, шо будто могыла—и бильшъ ничого. Тамъ ляхськый городъ запавъ и писни спивають у земли. Колысь пивень выбигъ наверхъ".

—

Клепачи [1]) названы по имени осадчаго Клепача, поселившагося около толоки на Толочанскомъ кутѣ. Кромѣ Клепачей, на толокѣ живутъ еще: Петренки, Бабаки. Другой кутокъ Хохулю заняли: Михайленки, Грыценки, Нечипоренки и Пидтоптанные; на Ломакивкѣ оселились: Ломаки, Демуры, Яременки; на Пожаривци—Пожары, на Шепеливкѣ—Шепели, Корсуны, Диденки, Карпци и Лохвицкіе. Клепачи отданы были лубенскимъ полковникомъ Савичемъ Григорію Кулябкѣ и гетманскимъ универсаломъ 1713 г. утверждены за нимъ! [2]) Отсюда же происхо-

[1]) Здѣсь найдены бронзовые кельты и амфоры. (Ляскоронскій. Ист. Пер. земли, 86, 98).

[2]) Лазаревскій. Кіев. Стар. 1885, V, 8.

дитъ и мѣстная старинная фамилія Яновскихъ. Здѣсь былъ ихъ домъ и винокурня. Теперь въ Клепачахъ воспоминаніе о панахъ изгладилось. „Козакы одвоювалы сю землю одъ ляхивъ", говорятъ клепачивцы. Деревня невелика, 136 дворовъ, до 500 жителей. Жители типомъ и одеждой не отличаются отъ сосѣдей: калайденскихъ и новаковскихъ, только выше ростомъ. Прежде ихъ не хвалили, часто гоняли по ярмаркамъ, есть даже брань: „клепачивськый злодій" [1]). За Клепачами въ лѣсу есть урочище Посичъ. „Тамъ найбильша война була. На потоци якись розбойныкы булы. Ямы, захысты, кружала пороблени; яры глыбоки обнялы".

Большой дубовый лѣсъ, тянувшійся отъ Александровки по склонамъ, окружающимъ потокъ Ольшанку, [2]) отдѣляется отъ Новаковъ полемъ, за которымъ село. Оно, по предположенію [3])

---

[1]) Номисъ. Укр. прык., 267.

[2]) Гуровъ. Геол. опис. Полт. губ., 357.

[3]) На основаніи такого предположенія, высказаннаго въ ст. «Лубенщина въ XVI и XVII в.», 63, приводятся мною слѣдующія одинаковыя пѣсни, по сборнику г. Хатемкина, записанному въ Радомысльскомъ у., и по моимъ Лубенскимъ, появившимся одновременно.

Сб. Хатемкина.	*Сб. Милорадовича.*
Кіевск. Стар. 1897 г., IX.	Нар. обр. и пѣсни Луб. у. Харьковъ, 1897 г.
№№ 1, стр. 287 и 7 Ib.	№ 8, 113.
3, Ib.	57, 73.
6, 286.	1, 110.
21, 293.	17, 116.
26, 295.	13, 115 (сходство въ началѣ).
36, 299.	21, 118.
69, 205.	24, 120.
61, 311.	№ 9, 8. Прощ. рекр. и рекр. пѣсни Луб. у. Кіевъ, 1897 г.
10, 288.	
17, 290.	
40, 301.	Оказались одинаковыми съ лубенскими пѣснями, въ моихъ рукописяхъ.
41, 302.	
50, 307.	
64, 313.	

А. М. Лазаревскаго, населено выходцами изъ Радомысльскаго у. Кіевской губ., въ которомъ есть тоже село съ такимъ названіемъ, разоренное татарами. Мѣстные жители, не сохранивъ никакихъ воспоминаній о переселеніи, производятъ названіе села отъ ручейка Новачки, извивающагося по низинѣ подъ вербами. Новаки состоятъ изъ двухъ частей: древней, низменной, къ сѣверу отъ главнаго протока Ольшанки, и южной, нагорной, сравнительно новой. Южная часть занята кутомъ Долиной, на которой осели-лись древнѣйшіе козацкіе роды, положившіе основаніе селу: Подпалые, Сердюки, Михали. Ближе къ Клепачамъ живетъ Щербань, предокъ котораго присталъ къ дочери богатаго козака Кота. Къ западу отъ долины будетъ ярокъ, гдѣ живутъ: Щербани, Кіяшки, Фенченки. Къ сѣверу отъ села—яръ Пырське и урочище Черница, гдѣ среди поля стоитъ уединенно верба. Въ горной части Новаковъ, обращенной къ степи и большой пирятинской дорогѣ, больше кутовъ. Къ западу, по направленію къ Тарандинцамъ расположена Корениька, жительство козацкихъ родовъ: Куренивъ, Пожаривъ, Ревъ; южнѣе въ яру—Залативка, гдѣ живутъ Залаты; выше нея Слобидка, жительство: Чупырей, Кубраковъ, [1]) Касьяновъ, Оробьевъ, Ковалей. Къ востоку, къ Лубнамъ, у самой степи помѣщается Шкиривка, жительство Ставицкихъ, по уличному Шкирей; далѣе Зацеркивка или Севастьянивка, гдѣ живетъ также старинный родъ Севастьянивъ и Морозы, также Демченки; затѣмъ Литва, населенная козаками: Соломахами, Деркачами и крестьянами: Олейниками, Дригами, Педьками, Бабенками, Ушканями и Солдатенками, частью приведенными изъ Черниговской губерніи. Въ верхней же части села на обширномъ погостѣ, среди кленовъ и итальянскихъ тополей, виднѣется Вознесенская церковь, [2]) желтая, съ бѣлыми

Кромѣ содержанія, и языкъ пѣсенъ Радомысльскаго у. сходенъ съ лубенскимъ. Напр. встрѣчается въ обѣихъ мѣстностяхъ metathesis доломына, вмѣсто довомына—домовына.

[1]) Kobrak— по польски верхняя одежда, свита.

[2]) Среди иконъ выдѣляются: чудотворный образъ пресвятой Дѣвы съ привѣсками фигурокъ и серебряныхъ членовъ; намѣстный образъ

отводами и пилястрами, и такая же колокольня. Кровля остроконечная. Построена церковь въ 1858 г., а старая существовала съ 1782 г. На погостѣ памятникъ и колонна надъ могилами бывшихъ мѣстныхъ помѣщиковъ, генераловъ Н. И. Ушакова и Е. Р. барона Менгдена. По церковнымъ документамъ, Новаки имѣли въ 1824 г. 998 жителей, изъ которыхъ восьмую часть составляли крестьяне, остальные—козаки. Въ самый годъ отмѣны крѣпостного права число жителей обоего пола было 2261, а въ настоящее время—2776. Крестьяне во второй половинѣ XVIII в. отданы Савичемъ Григорію Кулябкѣ, отъ котораго достались Василію Кулябкѣ, экономія котораго въ х. Пышномъ-Колодцѣ разрушена была Новаковскою, Тарандинцовскою и Булатицкою сельскими громадами. [1]) М. Я. Кулябка былъ лубенскимъ маршаломъ, его дочь и жена продали имѣніе А. Я. Сторожеву, а дочь Стороженка, вышедшая за Ушакова—Менгдену, у котораго уже купили козаки. [2]) И теперь въ Новакахъ пановъ [3]) нѣтъ; въ дачахъ же села возлѣ большихъ, длинныхъ валовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Котовыхъ могылъ, [4]) сохранился еще небольшой панскій хуторокъ. Объ одномъ изъ пановъ сохрани-

---

также Божьей Матери, будто-бы привезенной изъ Дрездена генераломъ Ушаковымъ, огромная картина на холстѣ, изображающая насыщеніе семью хлѣбами, очень плохой кисти, внесенная въ церковь изъ дома капитана В. В. Ревы, начальника летучаго отряда въ 12-мъ году. Изъ старыхъ церковныхъ вещей есть: серебряный крестъ, подаренный въ 1761 г. «козакомъ Григоріемъ Ревой, Агрипиною и чадомъ Прокофіемъ» и Минея за іюль и августъ, пожертвованная въ 1778 г. Тимошемъ Лохвицкимъ.

[1]) Лазаревскій. Луб. въ XVII и XVIII в., 63. и Люди старой Малор. въ Кіев. Ст. 1885 г., V, 8.

[2]) Сб. хоз. ст. Полт. губ. IV, Луб. у., 230.

[3]) При крѣпостномъ правѣ крестьяне работали 4 дня пану, 2—себѣ. Женщины пряли по 2 мотка въ годъ и должны были столочь по двѣ четверти проса каждая.

[4]) Какъ объ этихъ валахъ, такъ и объ урочищѣ Билогородка, къ Тарандицамъ, гдѣ тоже валы, никакихъ преданій не сохранилось.

лось преданіе, какъ о покровителѣ воровъ. По возвращеніи крестьянъ съ ярмарки онъ тщательно пересматривалъ и перебиралъ накраденныя вещи и лучшія оставлялъ себѣ. Дѣло дошло до того, что новаковцы однажды втащили по доскамъ похищеннаго вола на чердакъ, такъ что прибѣжавшій хозяинъ ничего не нашелъ. Дурныя обыкновенія держались въ Новакахъ такъ долго, что уже послѣ отмѣны крѣпостного права выселены были административнымъ порядкомъ изъ села 19 семей „безшабашныхъ“ воровъ. Новаковская дача расположена по направленію къ пирятинской дорогѣ, дѣлящей западную часть Лубенскаго уѣзда на двѣ неравныя части. Земля въ селѣ суглинистая, въ дачѣ—черноземная. Поля въ 4-хъ смѣнахъ, гречку бросили въ виду ея прихотливости и рѣдкихъ урожаевъ. Система половничества оставлена. Только одно козацкое владѣніе достигаетъ 60 дес; 4 семейства имѣютъ по 30—40 дес., большинство же по 1—1½ дес.; есть и безземельные. Крестьянскій надѣлъ составляетъ 2—3 дес. на семью. Пастбищъ и сѣнокосовъ въ Новакахъ нѣтъ. Въ жатву переводятъ на сжатую полосу скотъ и даже свиней. Вслѣдствіе такого дурного хозяйственнаго положенія изъ Новаковъ выселилось уже 60 семей. Подспорьемъ жителямъ, какъ выше замѣчено, является деревянное производство и садоводство. [1]) Наваковцы выше средняго роста, лица продолговатыя. Они темнорусы и чернявы, бѣлокурыхъ мало, и то больше женщинъ, между которыми много красивыхъ. Старики еще удерживаютъ стрижку въ кружокъ, но молодежь стрижется коротко. Мужчины носятъ дубленные полушубки съ откиднымъ воротникомъ, темныя свиты, обложенныя синимъ сукномъ. Одежды длиннѣе волчковскихъ. Женскія моды измѣнились; вмѣсто прежняго очипка съ кобылкою, повелись теперь низенькіе, круглые,

---

[1]) Крестьянинъ П. Олейникъ развелъ въ Новакахъ виноградъ, до 12 лозъ, двухъ сортовъ; бѣлый,—взятъ изъ бывшаго сада генерала Ушакова, и черный, разведенный изъ крымскихъ черенковъ, принесенныхъ въ торбѣ. Урожай въ нѣсколько пудовъ. Олейникъ продаетъ въ Лубнахъ по 8—10 коп. фунтъ.

въ сборахъ („съ пухлыками“), оттого и платокъ кругло охватываетъ голову, открывая кайму и китицы. „Юпки“ (свиты) средней длины, темныя, „до фантивъ“, поясокъ изъ плиса; какъ онъ, такъ и закавраши и грудь обшиты зеленой или синей тесьмой. Сзади выпущена широкая лента изъ намиста. Подолъ рубахи (пелена) очень низко выпущенъ, такъ что бѣлѣетъ изъ-подъ темной сподницы. Праздничныя и свадебныя обыкновенія такія же почти, какъ въ волчковской волости. Многихъ особенностей брачнаго обряда лѣсной Лубенщины—переведенія молодыхъ черезъ огонь, маскированія молодой, поддразниванія саломъ на спичкѣ—здѣсь нѣтъ.

—

Вблизи Калайдинецъ и Клепачей разбросаны на нѣсколькихъ горбахъ надъ глубокими оврагами [1]) по берегамъ потока Ольшанки,—Енковцы или Еньки. Уже при въѣздѣ встрѣтившійся крестьянинъ охарактеризовалъ село такимъ образомъ: „Енькѝвци не красыви, уси въ ярахъ“. Особенно бросается въ глаза, что въ Енковцахъ нѣтъ, какъ въ другихъ селахъ, группъ мельницъ у въѣзда, такъ какъ выгонъ здѣсь въ котловинѣ и каждый хозяинъ долженъ строить мельницу особо, на своемъ участкѣ. [2]) Улицы узки, по дорогѣ къ церкви нельзя проѣхать тройкой. Усадьбы лѣсныя. Среди дубовъ, осинъ и берестовъ попадаются отдѣльныя фруктовыя деревья и небольшіе сады съ такими же сортами плодовъ, какъ въ Калайдинцахъ. Во времена крѣпостного права здѣсь процвѣтало шелководство у полковницы Катерины Крыловой. Ей присуждена была серебряная медаль на сельско-хозяйственной выставкѣ 1858 г. за представленные на выставку большіе, крѣпкіе коконы и сученый шелкъ шести цвѣтовъ. [3]) Почва Енковецъ суглинокъ и черноземъ. [4]) Поля въ трехъ

---

[1]) Гуровъ. Геолог. опис. Полт. губ., 450.

[2]) Сборн. хоз. ст. Полт. губ., IV, 6.

[3]) Описаніе выст. сельск. произв. Полт. 1858 г., 20, 30; Арендаренко. Зап. П., 355.

[4]) Мат. для оц. зем. Полт. губ. II, 29; Сборн. хоз. ст. Полт. губ. IV., 229.

смѣнахъ, [1]) и во второй рукѣ здѣсь сѣютъ, какъ въ Тишковской волости, преимущественно гречку. Енковцы извѣстны съ первой половины XVII в. и до конца XVIII в. были свободны.[2]) Основателемъ села мѣстными народными преданіями признается козакъ Таранъ, родоначальникъ обширной фамиліи Тарановъ, по уличному Кучеренкивъ. Прежде Тараны жили въ яру, но потомъ прадѣдъ Гаврыло выбрался на гору и занялъ настоящую Таранивку, иначе Гаврышивку или Кучеривку. Онъ былъ зажиточенъ, имѣлъ много воловъ, чумачилъ. На Таранивкѣ живутъ еще слѣдующіе козацкіе роды: Гунци, Олійныки. За нею расположенъ кутокъ Гостынець или Гостривка, на которомъ живутъ: Бутримы, Чеверды, Курилы, Демочки и Мысники, выходцы изъ Калайдинецъ. Одинъ изъ Демочекъ, по воспоминаніямъ старожиловъ, „у косахъ служывъ.[3]) Поты служывъ, поки царыця дытя родыла, а тоди уси жонати—маршъ до-дому!“ За Гостинцемъ слѣдуютъ: Карпцивка, жительство Карпцивъ, Забродокъ—Симановъ, Цёхлъ; Тымошивка или Дидивка—Тимошенокъ. Возлѣ Тимошенокъ жилъ дворянинъ Стаховскій, уже умершій. Онъ застрѣлилъ единственнаго сына и тѣмъ прекратилъ свой родъ. Его имѣніе, садъ, усадьбу, низы подъ Енковцами и пахать 118 дес. купили Енковскіе козаки за 21000 руб. съ содѣйствіемъ крестьянскаго банка. [4]) Въ сторонѣ отъ села на обширномъ, безлѣсномъ, кругломъ холмѣ выстроена въ 1892 г. новая просторная церковь св. Михаила; изъ нея видъ на овраги, холмы и лѣса. Кѣмъ и когда была выстроена старая церковь, неизвѣстно, подчинена же была въ 1816 г. помѣщицей маіоршей Значко-Яворской. Въ церкви есть старинное евангеліе: „Евангеліонъ. Изданіе братства Львовскаго Ставропигіальнаго въ Львовѣ 1609 г., Ноемріа 28, подаренное ко храму св. Преображенія Господня Зеленскимъ, полковникомъ войска запорожскаго Лубенскаго“. Изъ церковныхъ исповѣдныхъ

---

[1]) Ib. 229.

[2]) Лазаревскій. Лубенщ. въ XVII и XVIII в., 58.

[3]) Т. е. при императорѣ Павлѣ Петровичѣ.

[4]) Сборн. хоз. ст. Полт. г. IV., 6.

росписей видно, что жителей въ концѣ XVIII в. было 370, въ 30-хъ годахъ это число удвоилось, а къ концу XIX в. достигло 1332. Населеніе почти исключительно козачье, темнорусое, высокаго роста. Одеждой и обыкновеніями не разнится отъ окрестныхъ селъ.

„Межи селъ" Енковецъ, Калайдинецъ, Хелепцовъ, Біевецъ бываетъ ежегодно на десятой недѣлѣ послѣ пасхи Криницкій ярмарокъ въ котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ крутыми, скользкими горами. Трава на горахъ стерта толпами народа, лѣпящагося здѣсь цѣлую недѣлю, въ количествѣ до 5000 душъ. [1]) Горы покрыты частью рѣдкими кустами и купами деревьевъ, частью сплошнымъ лѣсомъ. Посреди котловины нѣсколько рядовъ палатокъ съ разными товарами. Слѣва обыкновенный точокъ и обыкновенныя ярмарочныя сцены. Здѣсь видишь красныя, непривлекательныя лица барышниковъ, продавцевъ воловъ, цыганъ. Вотъ горячится барышникъ, жестикулируя, проклиная; противъ него крестьянинъ, продавецъ воловъ, стоитъ молча, спокойно, обозначивъ цѣну; вокругъ надвинулись знатоки, съ открытыми ртами, затаивъ дыханіе. Изъ толпы вырывается съ гиканьемъ лихой наѣздникъ, но увы! на тощей съ отвислыми ушами и губой клячѣ, которая, очевидно, и свѣту не рада. Похромавъ немного, наѣздникъ опять скрывается въ толпѣ. Съ горъ на всемъ пространствѣ точка видишь толпы людей. Цвѣтныя одежды затерялись въ массѣ, бѣлаго и темнаго цвѣтовъ. Поднятыя оглобли, возы, лошадиныя и бычачьи головы,—представлются издали муравейникомъ, въ которомъ снуютъ муравьи съ своими куколками или подушками. Въ сторонѣ стоитъ нѣсколько экипажей пріѣхавшей на ярмарку интеллигенціи. Вправо отъ палатокъ на болотистомъ лугу помощена гать, переходящая въ довольно длинный дубовый помостъ, ведущій въ часовню, въ которой широкій срубъ надъ криницей, глубиной въ нѣсколько саженъ. У криницы [2]) толпится народъ, зажигая свѣчи передъ

---

[1]) Торговля уже въ 50-хъ годахъ доходила до 7000 р. (Короновскій. Стат. опис. Луб. у. Полт. Губ. Вѣд. 1890 г., № 57, 2).

[2]) Криница утверждена св. синодомъ, что доказываетъ ящикъ, прибитый на столбѣ. Когда именно—неизвѣстно.

образомъ св. Прасковьи, прекрасной иконійской дѣвы, обезглавленной при Діоклетіанѣ, [1]) патронессы дивчатъ, изображенной бѣлокурой дѣвицей, и набирая ведрами, кувшинами, тыквами мутную бѣловатую воду. Прежде, по народнымъ разсказамъ, вода въ криницѣ никогда не мутилась и выбрасывала сама, вычищала, деньги, которыя туда бросали. Особый этнографическій интересъ Криницкой ярмарки соединенъ съ кануномъ десятой пятницы и всею этой короткой лѣтней ночью. Толпы дивчатъ сходятся со всѣхъ сторонъ и занимаютъ склонъ горы отъ вершины до подошвы, располагаясь группами односельчанъ. Виднѣются пригожія лица хитцянскихъ, берестоцкихъ, литвяковскихъ дивчатъ. Ихъ легко узнать по чернымъ платкамъ, низко и широко повязаннымъ вокругъ головы. Часть лба открыта; русыя косы выпущены сверхъ темныхъ корсетокъ. Видно также много лохвицкихъ дивчатъ съ лѣваго берега Удая, изъ Слобидки, Городища, Харкивець, Гапонивкы. На нихъ темносинія съ цвѣтами сподницы и темные корсеты. Головы не повяваны платками, а только покрыты, „запьяти", какъ у мѣщанокъ; много молодицъ и дѣвушекъ и изъ глубины лохвицкаго и пирятинскаго уѣздовъ: Чернухъ, Жабокъ, въ длинныхъ бѣлыхъ свиткахъ; попадаются женщины изъ еще болѣе далекихъ краевъ, напримѣръ,

---

[1]) Бахметева. Избр. житія свят. Москва 1870 г. X, 146—149. Св. Прасковья въ представленіяхъ народа лубенскаго у. смѣшивается какъ съ Богоматерью,—по крайней мѣрѣ исачковскій образъ Божьей Матери называютъ «Божа маты—Парасковея», по воспоминанію о старой исачковской церкви въ честь св. Прасковьи, престолъ которой и до сихъ поръ сохранился на хорахъ,—такъ и съ св. великомученицей Варварой, какъ видно изъ слѣдующей легенды, заключающей въ себѣ подробность объ исцѣленіи ранъ изъ житія св. Варвары. (Ib. XII, 31). «Ии мучено дуже пятныцю. Вона була хороша дивка. Отець іи сохранявъ дуже, не допускавъ ни гулять, ни що. Унадывся до неи такый нечестывый царенко, нехрыщеный, що хотивъ пидвесты. А вона не хотила. Такъ винъ дравъ дрешпакомъ тило проты пятныци, колы на ій наросло таке, якъ и було. (Отъ крест. с. Литвяковъ Ганны Кириченковой).

изъ-подъ Ромна, съ головными повязками, плоскими, какъ блины. Здѣсь рѣшительное царство женщинъ; только кое-гдѣ мелькаютъ парни и мужчины. Новыя группы дивчатъ и одиночки все еще прибываютъ изъ ближайшихъ селъ. Вотъ проходитъ вильшанская кокетка, похожая на макъ. Вечерѣетъ. На небѣ обозначился мѣсяцъ, но свѣтитъ тускло. Бѣлыя, голубоватыя волны тумана стоятъ надъ ярмаркомъ. Часто въ этотъ вечеръ накрапываетъ дождь, иногда бываетъ ливень и градъ. Внизу на ярмаркѣ туманъ прорѣзывается красноватымъ огонькомъ восковой свѣчки, потомъ другимъ, третьимъ. Въ полночь тысячи огней мелькаютъ на горѣ,—„якъ зори блыщать, такъ свичкы горять“. Кое-гдѣ сквозь темную зелень мерцаетъ еще свѣтъ костровъ. Срывается отдѣльная пѣсня и умолкаетъ. То навѣрное какая-нибудь женщина, которая „обриклась“: „колы-бъ мене Богъ помылувавъ, пиду до крыныци на всю ничъ спивать.“ Въ эту ночь всѣ, старыя, молодыя, обязательно должны пѣть. Однажды распространился слухъ, что дѣвки не пѣли на десятую пятницу, отчего произошла засуха, и начальство принуждено было сганять ихъ къ Криницѣ. Нѣкоторое время слышны только отдѣльные голоса, затѣмъ хоръ дивчатъ посмѣлѣе заводитъ петривку. Тотчасъ надвигается толпа цѣнителей. Раздаются критическія замѣчанія: „се петривка? справди?—Мени чудно, що такъ крычять“. Но дивчата невозмутимо продолжаютъ пѣть, какъ будто выполняя обрядъ. На верху горы начинаетъ пѣть другой хоръ дѣвицъ. Затѣмъ хоры звенятъ неумолкая, сливаясь между собою и къ утру переходя въ смѣшанный звонъ голосовъ, далеко слышный кругомъ. [1]) Вдругъ среди пѣнія раздается какъ-то особенно не въ тактъ общему настроенію дешевый вальсъ или полька городского оркестра, къ счастью скоро покрываемые дѣвичьими голосами.

О происхожденіи Криницкой ярмарки и самой Криницы существуетъ нѣсколько варіантовъ народныхъ разсказовъ, постоянно

---

1) «Что-то стихійное, чудный хаосъ звуковъ» Лоначевскій. Въ Зап. Ю. З. отдѣла Геогр. Общ. 1874 г., II, 134.

добавляющихъ новыя черты къ основному мотиву: открытію ключа дѣвицей. Напримѣръ, въ нѣкоторыхъ варіантахъ встрѣчается обращеніе самой дѣвицы въ источникъ, столь частое въ классической миѳологіи.[1]) Вотъ эти разсказы.[2]) „Оце яръ, а оцє

[1]) Аполлонъ обращаетъ нимфу въ кастальскій ключъ, Діана—Аретузу въ источникъ и т. д. (Musée classique. Paris, 1860, 369).

[2]) Варіанты приводимыхъ разсказовъ, кромѣ указанной статьи г. Лонaчевскаго, напечатаны были еще въ разное время въ Кіевскомъ Телеграфѣ, Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ и въ ст. г. О. Левицкаго: «Необыкновенная ярмарка» (Кіев. Стар. 1883 г., IX и X, 301—309). Отвергая объясненія о сохраненіи въ криницкихъ ярмарочныхъ обычаяхъ пережитковъ: умыканія и празденства языческой Лады, авторъ видитъ въ этихъ обыкновеніяхъ остатокъ старинняго народнаго чествованія св. пятницы, можетъ быть скрывающей за собою какое-либо древнее до-христіанское народное божество. Мнѣ кажется, что если пережитокъ умыканія сохранился въ дѣтскихъ играхъ и весильномъ обрядѣ, то могъ, конечно, сказаться и въ ярмарочныхъ обычаяхъ; но, разумѣется, никакого умыканія на Криницкой ярмаркѣ нѣтъ; нѣтъ также пережитка праздника Лады, такъ какъ и такого языческаго божества, по разъясненію покойнаго профессора Потебни (Объяс. малор. и сход. пѣс. Варшава 1883 г., 16—38), никогда не было. Мнѣ кажется далѣе, что нѣкоторый свѣтъ на данный вопросъ проливаютъ слѣдующія всемірныя обыкновенія: африканцы, австралійцы, индусы, остяки, чествуя воду, бросаютъ въ рѣки, ключи, колодцы: зерна, плоды, животныхъ, пироги, ткани, деньги и другія цѣнности. (Тейлоръ. Перв. культ. II, 270, 326, 327). Затѣмъ, вездѣ въ западной Европѣ есть священныя воды: во Франціи близъ Тулузы, въ Англіи—ключъ Ланмеръ и др. (Лёббокъ. Нач. цив. 215—220). Также и у славянъ, у которыхъ гаданія и богослуженія происходили у водъ. Славяне, по словамъ Прокопія, обожали рѣки, а русскіе, какъ свидѣтельствуютъ наши лѣтописи, «кладяземъ и езерамъ жертву приношаху», «погани жряху идоломъ въ козодязѣхъ.» Къ жертвамъ водъ относится также бросаніе въ воду вѣнковъ и соломенныхъ чучелъ поляками и силезцами, маштаиты болгарами, костромы великороссіянами, марены малоруссами и кушаньевъ чехами и словаками. (Срезневскій. О языч. богослуж. др. Славянъ въ Финск. Вѣстникѣ 1847 г., IX, 19—23). Итакъ, если въ Криницкой ярмаркѣ и есть остатки язычества, то развѣ въ почитаніи источника. Затѣмъ въ

гора, и св. Параскове на гори выйшла. Прыйшовъ мужыкъ косыть болота. Вона спрашуе того мужыка: „де мени спочыть систы?“ А винъ ій одказуе: „пиды въ болоти сядь!“ Сміется. Такъ вона пишла и сила въ болоти, а потимъ крыныцею стала. Той мужыкъ объявывъ людямъ. Пишлы, очыстылы крыныцю. Вона якъ сила,—иконою оказалась. И на тій икони пидпысь: шобъ на десяту пятныцю собиралысь, молебствовалы. Узялы іи охранылы, дзвонычку зробылы, и на десятую пьятныцю молебствують и воду беруть, умываются, якъ раны, боль, одъ лыхорадкы. И на ту пятныцю собирается ярмарокъ, горять свичкы цилу ничъ. Писень спивають, петривкы,—такъ ій пожелалось тій Парасковеи. Обрикаются спивать и молебни правыть. Спивають цилу ничъ. Парасковея пидишла водою изъ чужого краю“ (м. Снѣтинъ).

— „Пятныця ходыла соби дивкою по полю и по лисахъ, усякъ ходыла. Та пишла сила на ныви та спива писень усякыхъ. А чоловикъ каже: „чого ты сыдышъ тутенькы?—А де-жъ мени систы? Скажы, де мени систы, я тамъ пиду та й сяду.— Пиды у болоти сядь!—Такъ вона пишла та впьять такы на ёго помирку и сила биля болота та впьять спива. Такъ впьять тамъ, де вона сыдила, зробылась крыныця. Такъ винъ якъ узявъ возыть у ту крыныцу гній, хотивъ іи забыть. Возывъ, возывъ тры, або чотыри дни, такъ ничого не зробывъ. Иде вода, роз-

---

пріуроченіи Криницкой ярмарки къ десятой пятницѣ видно уже древнее христіанское вліяніе, потому что почитаніе пятницъ вызвало стеченіе людей къ церквамъ въ эти дни и усвоило пятницамъ торговое значеніе, особенно десятой пятницѣ послѣ Пасхи. (А. Н. Веселовскій. Опыты по разв. христ. легенды. Сказан. о двѣнад. пятницахъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1876 г., IV, 367.) Поэтому пятницы въ древней Руси были днями торговъ, суда, расправы и казни. (Кавелинъ. Соч. IV. 193). Между прочимъ, на девятой пятницѣ бываетъ и извѣстная ярмарка на Коренной монастырской пустыни у Курска, на которой люди покупаютъ монастырскія свѣчи «и многія деньги кладутъ въ кладязь» (Сбор. Харьков. Ист.-Филол. Общ. IV., 197)—какъ у насъ.

мыва. Такъ винъ опьять пишовъ до тіеи дивкы, шо спива, пыта: „скажы мени, прекрасная дивыця, шо мени робыть, шо таке на ныви робытся?—„Було бъ мени не казать такъ, а теперъ пиды та попросы священныка, хай винъ одмолебствуе тамъ. Пиды та визьми трепудній каминь та положы тамъ, тоди воно вньчтожытся тоби“. Вона тамъ закрыла крыныцю, а пидъ болотомъ изробылась. Пятныця спивала тамъ тры недили въ-ночи и сказала: „я свята пятныця, прекрасная дивыця Парасковея.“ Туды ходять до тіеи крыныци у ничъ ту спивать, такъ вона помылуе. Дивчата спиваютъ тому, шо вона дивка. И снитыньски ходять, хорошкивськи, и видъ-усюду“ (Свѣтинъ).

— „Вона пишла дивкою та крыныця,—такъ ій Богъ давъ. Чоловикъ оравъ на поли, прыходыть дивка хороша: лыце биле, чорноброва, прыбрана хороше и каже: „Я сяду на твоій ныви“. Винъ каже: „сядь у болоти“! Пишла и сила тамъ. Чоловикъ оглухъ и онимивъ. Такъ винъ бувъ, покы ёму не прыснылось: у симъ мисци сила дивка и тамъ крыныця, охраны іи и освяты и вызвы ярмарокъ на десяту пятныцю. Той чоловикъ уставъ и ставъ балакать и клопотаться. И вызвавъ ярмарокъ у крыныцю“. (С. Литвяки).

— „Чоловикъ оре, а дивка иде хороша, убрата у квитци, у косныкахъ, у стричкахъ, у запасци червоній, чорнява, и пытается: „чоловиче добрый! де мени систы?“—Де-жъ тоби систы? у болоти пиды сядь!—Вона пишла и сила у болоти. И чоловикова левада велыка, и давай высыхать те болото, а крыныцю водою обняло. Ну, а винъ прыйихавъ до дому, повечерявъ и лигъ спать. И снытся ёму, шо: „вычысты мене и зрубъ изробы и освяты, я свята пятныця.“ А та левада панова. Пишовъ винъ и розсказавъ панови: „выйшла крыныця.“ А панъ и каже слугамъ: „идить, забыйте іи, гноемъ затаскайте.“ Воны гноемъ забылы. Панъ ослипъ и начало ёго корчыть. И снытся ёму: подары ты ту леваду на святу Парасковею, Енкивську церкву, и зрубъ изрубы и вычысты мене. И шобъ на десяту пятныцю булы игры, булы музыкы и шобъ бувъ ярмарокъ, шобъ нанималы паны спивать писень. Ты тоди будешъ бачыть и пере-

станешъ болить." Пишлы, и того гною немае, опьять ро́злывъ. И давай молебствовать, и ставъ панъ здоровый". (с. Бересточь).

— „Выйшла на горби „на Залёщи" дивчына, прычисана, гарна; косарь косыть. Вона пыта: „де мени систы?"—„Пиды у болоти сядь!" Вона пишла и сила. Потимъ стала крыныця. Бувъ панъ Андреевъ и хотивъ іи затащыть навозомъ. Шо навозыть за день, а за ничъ де динется—незвисно. А потимъ винъ бочку смолы туды утащывъ, и те все потащыло, а ёго скаличыло. Козака Демочкы дочка була больна очыма и родытели обратылысь до Параскевы, и въ трое сутокъ дочка исцылылась". (с. Енковцы).

— „Чоловикъ хлибопашествувавъ на поли, дывытся—иде дивыця и начала въ ёго просыть воды: „дай мени воды напыться!"—Тутъ далече набрать!—„Де-жъ мени напыться?"—Пиды унызъ.—Вона пишла и сила унызу и такъ начала рвуть, шо синокосы сталы потопать. Панъ начавъ іи забывать. Хтось ёму сказавъ: „вовною якъ забьешъ, такъ не буде рвуть вода". Потимъ якъ попало того пана, якъ начало корчыть, нельзя ёму жыть стало. И во сни ёму прывыдилось: „якъ ты зрубышъ крыныцю, такъ выздоровіешъ". Якъ зрубывъ, такъ и выздоровивъ". (с. Хитцы).

— „Мужыкъ оравъ, явылась дивка: „здрастуйте! Боже поможы."—Здрастуйте, спасыби. «Де мени мисто укажете систы»? Пиды у болоти сядь.—Пишла вона у болоти сила; крыныця выйшла на панській земли. Панъ узлывсь, шо вона водою розлылась, давай затаскувать, гноёмъ забывать. Вона ёго покарала: рукы и ногы поодбирало. И ёму прыснылось: „ты мене обчысть, зрубы, посвяты." Винъ такъ и зробывъ. И ярмарокъ вызвалы. Вона пользувала хороше, а то прыснылась вона одній женщыни: „тамъ мене вже нема, а теперъ я уже въ яру въ Хелепцяхъ". (с. Тишки).

— „Косари косылы; прыходыть дивка гарна въ одній сорочци, пыта: „де вы мени скажете систы?" Другый косарь пыта: „до кого ты гомонышъ?"—Дивка до мене говорыть.—Чого?—Спрашуе, де систы.—А хиба ты не знаешъ, де систы?

онъ у болоти!—Вона пишла сила. Тамъ ставъ прогной. Хазяинъ ставъ залывать, закыдать, каже: „берить гной тарасуйте!“ Іи закыдалы; утромъ—уже вычыщена.—Ну, то-жъ вы такъ робылы, каже хазяинъ,—вы тилько обманъ зробылы! Закыдалы, сталы на друге,—прогной упьять вымыло, выкыдало. На третю ничъ ёму снытся: не забывай вже сёго, буде худо тоби. Посля его сынъ ставъ больный, каже: „тату! мени сонъ прыснывсь.“—Якый?—Шобъ вы крыныцю сю изрубылы и освятылы, такъ Господь помылуе, буде окона тамъ Парасковеи.“ Изрубывъ винъ, повизъ сына, обмывъ ёго. Прыйихалы,—сынъ здоровъ ставъ. Выходыть винъ у свою компанію и говорыть: „спасыби Богу, нашъ панычъ здоровъ ставъ. Шобъ вы зналы, шо буде тамъ свята крыныця, буду святыть.“ А тамъ, де косылы косари, на гори вырослы дви очеретыны. Отъ тыхъ пиръ обрикаются люде, свичкы сучать, несуть туды, молебни Парасковіи правлять.“ (с. Калайдинцы).

— „Косывъ чоловикъ, а дивка ходыть, пытае: „де мени, чоловиче, систы?“ А тамъ потикъ. Чоловикъ каже: „пиды сядь у тимъ потоци на купци“. Богъ зна, де вона и дилася. Колы дывытся чоловикъ, ажъ слезыть вода саме на тій купци, де указувавъ систы. Колы до вечора слезыть дужче, колы вже й на другый день ще й дужче. И сказавъ винъ: „ходыла дивка и просыла: де мени систы. Я показавъ,—колы тамъ блыщыть вода“. И давай воны забывать тарасомъ и гноемъ. Черезъ ничъ упьять прочыстыло, де то й дилось усе. Потимъ стало балакать: „годи вже мене забывать; якъ я у стоющаго хазяина пытала, де мени систы, а винъ показавъ на потикъ,—не зженете вже мене!“ Усюды я (продолжала разсказчица) просыла Бога за хлопчыка, винъ больный бувъ, обидрало ёму ручку и ножку, було не прыведе правою ручкою до рота; а тутъ пидходыть десята пятныця. Повезла я, молебень наняла, посвятылы водыцю на голови, обмылы тою водычкою—и, благодарыть Бога мылосердного, получчало. То я прыйшла до воза, купыла бублыкъ и дала ёму въ ручку. Ставъ мій хлопчыкъ доносыть до рота. У-ночи спать лягла я, и прыснылось мени, мовъ прый-

шовъ старыкъ и сказавъ: „догадалась ты, що туды на молебинь ёго обрикала.“ (м. Снѣтинъ).

— „Оравъ чоловикъ свою земельку на поли, ходыть по полю дивка и спивае, дуже гарна, убрана, голова гладенька и стричка на голови. Спрашуе: „позволь, де-бъ мени систы?“— „Пиды, у болоти сядь.“ Вона пишла у яръ, тамъ и сила. Наконець у догадъ тыхъ жытелей, тихъ Еньокъ, сталы смичать, що въ тимъ яру нема ни комаря, ни мухы, ни овода, и показалась вода тычія, и въ жарке время, у жытни жнива, у той яръ ходять женци воды брать, и холодна и здрава на все. И прысныдося священныку: хай прыхожане мене (сю крыныцю) одобрять, поставлять зрубъ. Одобрылы воны. И прыгласывъ ихъ священныкъ: хай тутъ буде ярмарка“ (с. Пески).

— „Десь надъ провальямъ дивка ходыла та пытала пастухивъ: „де-бъ мени систы?“ А ти пастухы говорять: „де жъ ты тутъ сядешъ? Тутъ шпыль крутый, а пиды ты краще сядь у болоти на купци“. Ну, отъ вона пишла, сила на тій купци. Потимъ сталы слои иты, вода; сталы люде скотыну прыгоныть напувать, вона все выходыть вода. Стала вона людей мылувать. Потимъ іи люде вычыстылы, зробылы зрубъ и каплычку, купылы Парасковеи, бо вона на Параскы выйшла“ (с. Біевцы).

— „Хлопци паслы скотъ, а тамъ гора була и очеретець бувъ, и дивка тамъ стоить, спива и косу чеше; и прыйшлы хлопци и на еи гомонять. И вона пыта: „де-жъ мени систы?“— Пиды въ болоти сядешъ!—Вона пишла и сила въ болоти и стала крыныцею“ (с. Калайдинцы).

— „Якъ се першъ крыныця выходыла, то вона въ чоловика потопыла половыну огорода. Потимъ той чоловикъ якъ ставъ забывать, такъ вона видтиля перейшла у друге мисце въ долыну. И прыснылось у сни чоловикови: не зганяйте мене зъ сёго мисця, а зрубить мене, то буду я мылувать людей. И стало таке, мовъ озырце. Потимъ сталы болящи люде туды ходыть. Побреде у воду, якъ слипе умыется—стане бачыть; якъ нечыстота побреде и очыстытся,—нема струпивъ ніякыхъ. Давнійшъ мовъбы въ неи ума вывирялы, а вона выкыдала, хто що пустыть

То оце дивчата зазыраютъ, у одніи упало намысто, а крыныця и выкынула угерхъ“ (д. Шеки).

—

Біевцами, иногда называемыми въ церковныхъ бумагахъ Буевцами, открывается рядъ небольшихъ селъ на сѣверо-западной окраинѣ лубенскаго уѣзда. Всѣ они расположены въ одну линію на второй террасѣ праваго берега Удая; часть построекъ разбросана на вершинѣ горъ. Улицы узки, некрасивы, потому что на нихъ выходятъ повитки и высокіе плетни. Только въ ворота виднѣются хатки въ небольшихъ садахъ. Вездѣ краснѣютъ глинистые обрывы съ уединенными мельницами. Большинство послѣднихъ на удайской низинѣ, въ которую вдались и части селъ. По преданію, основателемъ села былъ козакъ Бей, имѣвшій пасѣку на островѣ, гдѣ сохранились грушевыя деревья. Онъ жилъ въ Беевомъ лѣсу. Потомъ Біевцы заселились съ двухъ концовъ. Въ горной, пересѣченной части отъ Енковецъ поселились Громы, назвавъ свой кутокъ Громи́вкой. За ней потянулась Дворянивка, гдѣ жили паны Маньки, потомъ Андрускіе и ихъ крестьяне, приведенные со Слѣпорода: Прыйменки или Суріи и Махынни. Здѣсь же жилье козаковъ: Мысниковъ, калайдинскихъ выходцевъ, Кушнирей, Канивцевъ, Остапенковъ, Кулябъ. За Дворянивкой лежитъ Библивка, гдѣ живутъ Библи. Другую оконечность села отъ Оробьевъ занялъ знатный зажиточный родъ козаковъ Ступокъ, вышедшихъ изъ с. Поставмукъ, Лохвицкаго у. Съ этой стороны села видна круглая „лысая“ гора, называемая „Костёлъ“, на которой будто-бы былъ настоящій костелъ. О ней разсказываютъ: „Ти люде, которыхъ зогнано, казалы: у тій гори наши сохранности зосталысь, тилько не возьмете—закляти. Проты тіи горы ричка Удай и яма Быбыха, а въ тій ями нискилькы бочонкивъ золота поопущано. Якъ-бы воду спустыть, можна-бъ ти бочонкы понаходыть. Глыбшои ричкы нема, якъ Быбыха. На западъ сонця йе яръ Безюкивщына и въ яру прыяркы Романивськи. Тамъ лёхы таки глыбоки, шо звязалы дви осыкы и не досталы дна. И свитло бачылы. Тамъ булы сохран-

ности; разъ выкопалы сикачку.[1]) Въ срединѣ села церковь. Изъ нея далекій видъ на долину Удая и на горы по ту сторону рѣки, расположенныя полукругомъ. Церковь построена въ 1749 г., но существуютъ доказательства болѣе ранняго ея существованія: синодикъ 1740 г., указы въ Біевскую церковь 1744 г., книги 1727 г. и др. Мѣстный иконостасъ, по преданію, перенесенъ изъ упраздненной Красногорско-чернусской мужской обители, стоявшей на лѣвомъ берегу Удая, гдѣ нынѣ деревня Красногорка, Лохвицкаго у., основанная въ 1710 г. гетманомъ Скоропадскимъ.[2]) Онъ своеобразной формы въ видѣ храма, баню котораго составляетъ продолговатая икона Спасителя. Края иконостаса округлены и на нихъ лежитъ два большихъ вырѣзанныхъ ангела въ красномъ одѣяніи, съ распростертыми крыльями. По бокамъ иконостаса сохранились статуи ангеловъ въ 1 аршинъ величиной въ золотомъ облаченіи, короткомъ, немного ниже колѣнъ. На двери, ведущей въ алтарь, изображенъ архангелъ Михаилъ съ мечемъ и ножнами кожаными, какъ у козацкой шашки. Весь иконостасъ наполненъ старыми иконами съ группировкой фигуръ такой же, какъ въ средневѣковой живописи. На церковномъ[3])

---

[1]) Вокругъ села находятся урочища: Ляшкивськый яръ, Осняги, по направленію къ Гонцамъ, гдѣ (по преданію) поле сраженія и 40 могилъ, Повстинъ яръ и поля: Прыйма и Мерзлякы.

[2]) Закрыт. монаст. въ Полт. Епарх. Вѣд. 1897 г., № 20, 21, 797; Арендаренко. Зап. III, 188.

[3]) Въ церкви хранятся: кипарисный крестъ, изящно отдѣланный серебромъ, съ надписью: «сей крестъ надалъ козакъ Сѣчи Запорожской, куриня Шкуринскаго, Олекса Коляда въ село Біевцѣ, до храму святителя Николая, 1758 году;» серебряная вызолоченная чаша съ надписью: «сея чаша вызолочена Анні и Улиани Юркевечевенъ и Сидора Кислевича коштомъ и стараніемъ 1795 г., Марта 26 дня». Сверху на стаканѣ приписано: «сія чаша подчинена Маріею Ступкиною 1832 г.»; другая чаша серебряная, вызолоченная съ красивымъ орнаментомъ и надписью: «до храму святителя Христова Николая надалъ сей келехъ Василій Савичъ, полковникъ Лубенскій, в село Биевцѣ, року 1709». Есть еще гетманскія (подаренныя гетманомъ) ризы изъ чисто серебряной парчи съ цвѣточками клевера,

погостѣ похороненъ Манько, котораго портретъ масляными красками, посредственной кисти, сохранился у его потомковъ по женской линіи мѣстныхъ дворянъ Кубицкихъ, съ надписью: портретъ Сибирского драгунского полку прапорщикъ Александръ сынъ Манько. Родился 1788 г., Марта 16, сьписань 1806 года въ городѣ Лохвицѣ. Артемъ Си .... вскій. [1]) По сохранившимся въ церкви исповѣднымъ росписямъ видно, что въ 1825 г. число жителей было 356, въ 1855 г.—461, въ 1866 г.—560 и лишь къ концу вѣка населеніе достигло 638. По предположенію А. М. Лазаревскаго, [2]) высказанному вскользь, основаніе селу могло быть положено выходцами изъ Подольской губ., гдѣ (въ Брацл. у.) есть также Біевцы. [3]) Біевчане, какъ и жители слѣдующихъ вверхъ по Удаю селъ, средняго, рѣдко выше средняго, роста, худощавы; лица у нихъ продолговатѣе, волоса и глаза темнѣе, чѣмъ у населенія снѣтинской и тишковской волостей. Одежды совершенно такія же, какъ въ Хелепцахъ и Калайдинцахъ: покрой до фантивъ, у женщинъ—запаски и плахты, очипки кобылкою, головныя повязки съ клапономъ.

—

Отъ Біевецъ рукой подать въ Оробьи, Воробьи, а по стариннымъ церковнымъ бумагамъ Горобьи, самое меньшее село Лубенскаго уѣзда. [4]) Оно, какъ и Біевцы, расположено у рѣки

подложенныя старинной полотняной крашаниной. Среди бумагъ указъ кн. Репнина 3 Дек. 1830 г. о принятіи предохранительныхъ мѣръ отъ холеры.

[1]) Подпись неразборчива.

[2]) Лубенщ. и Вишнев. въ Кіев. Стар. 1896 г., 1., 125. Насколько можно судить по трудамъ Шейковскаго, Свидницкаго и Чубинскаго, какъ типъ жителей, такъ и праздничныя, свадебныя, погребальныя обыкновенія, а также пѣсни и сказки Подольской губерніи не обнаруживаютъ близкаго родства съ лубенскими.

[3]) С. *Біевцы* есть и въ Каневскомъ у. Кіевской, губ. вблизи м. Богуслава; здѣсь же и с. *Корандинцы*, почти однозвучное съ именемъ Лубенскаго села *Тарандинцы*, ближайшаго къ Біевцамъ. *Примѣч. ред.*

[4]) Съ такимъ же названіемъ существуетъ два села въ Овруцк. у. Вол. губ.—Старые-Воробьи и Новые-Воробьи. *Примѣч. ред.*

подъ горой. О началѣ села мѣстные жители передають: „У Духовій було село, въ Гонцяхъ жывъ Очеретько, а Оробьивъ ще не було; потимъ, говорылы предкы, ожывсь тутъ хуторомъ богатый чоловикъ Горобей изъ сынамы. [1]) Село недавно бильшеньке стало, а то бувъ хуторець. Горобей жывъ коло церквы. Потомства нема, воны выйшлы на вольну службу тоди, якъ выклыкалыся охотныкы". Кутовъ въ Воробьяхъ два: Пидгирья и Яцютивка. Населеніе козацкое, состоитъ изъ слѣдующихъ фамилій: Балицкихъ, Науменкивъ, Журмановъ, Дмитренковъ, Кондратенковъ, Михаленковъ, Бондаренковъ, Гунченковъ, Гребенчуковъ и Данченковъ; крестьянъ бывшаго владѣнія Мельника [2]) только десять хазяиновъ. Изъ духовнаго завѣщанія лубенскаго полковника Свѣчки видно, что въ концѣ XVII в. ему принадлежали между прочимъ и Оробьи, которые отданы въ приданое за дочерью полковника, вышедшей замужъ за Вакуленка. [3]) Почва Оробьевъ глинистая, мѣстами черноземная; поля, какъ и въ сосѣднихъ селахъ, въ трехъ смѣнахъ; пользуются патріархальнымъ способомъ, именно—каждый набиваетъ себѣ тростника сколько необходимо [4]). Въ мѣстной церкви св. Іоанна Богослова, извѣстной съ 1714 г., сохранились лишь слѣдующія старинныя богослужебныя книги: Правило молебное къ божественному параклиту, пресвятому Духу, твореніе инока Максима Святогорца,

---

[1]) Патронимическія названія большинства селъ Лубенскаго у. и народныя преданія объ основаніи селъ подтверждаютъ положеніе, высказанное авторомъ статьи «Къ истор. колон. лѣвоб. Украины въ XV—XVI в.» (Сб. Харьк. Ист. Фил. Общ. IV, 22), что колонизація лѣвобережья произведена народомъ непрерывно. Шляхта двинулась за нимъ, поэтому заслуга послѣдней въ дѣлѣ колонизаціи преувеличена.

[2]) Изъ этой дворянской фамиліи происходитъ уважаемый докторъ Н. М. Мельникъ, занимавшійся этнографіей въ Лубенскомъ у. и доставившій народныя произведенія въ Сборникъ Чубинскаго.

[3]) Кіевск. Стар. 1891 г., 145—148.

[4]) Сб. Хоз. Ст. IV, 9 и 229. Мѣстныя урочища: Окипъ, Стинка, Коваленкы, Попельныцьке, Свидчына, Диды, Горобьивъ горбъ.

при ней письма Ѳеофана Прокоповича,[1]) Цвѣтная тріодь кіевской печати 1702 съ надписью по листамъ: „В року 1714, октоврия 30 дня я, Григорый Івановичъ Шкарупа, сотникъ Лубенский, сию книгу Триодионъ Цвѣтную, купивши за золотихъ за двадцять, надалемъ оную до храму святого славного и всехвалного апостола и Евангелиста Христова Іоана Богослова в село Горобі, сотнѣ и уѣзду нашого Лубенского, за презвитерства честного отца Андрея Симеоновича, которую книгу от мененого храму вѣчне нѣхто не повиненъ отдаляти; а если би хто важился тое учинити, таковии святихъ отцовъ на вселенскихъ соборахъ собраныхъ клятвѣ да подлежить". Старыхъ исповѣдныхъ росписей не сохранилось, изъ метрическихъ же книгъ видно, какъ невелико было мѣстное населеніе въ концѣ XVIII в. Въ 1782 г. родилось только 5, въ 1783 г.—4 дѣтей; да и черезъ столѣтіе населеніе не превысило 500 душъ. Въ ближайшемъ разстояніи отъ Воробьевъ расположены Гонцы, частью на взгорьяхъ и подъ горою, а частью на мысѣ, обращенномъ къ м. Куренькѣ, лохвицкаго уѣзда. Въ илистой и песчаной почвѣ Гонцовъ найдена стоянка человѣка каменнаго періода и кости мамонта,[2]) за четыре же версты отъ нихъ проходитъ граница лѣсной земли лубенскаго уѣзда и за этой границей разстилается супесчаный черноземъ.[3]) Названіе села объясняется различнымъ образомъ. Мѣстная интеллигенція производитъ это названіе отъ гонцовъ или нарочныхъ, посланныхъ изъ Лубенъ въ Куреньку и перемѣнявшихъ лошадей здѣсь на Старосильи. Крестьяне представляютъ другое объясненіе. „Колысь булы охотныкы и на Старосильи занималы соби будку, и тутъ булы лиса и межъ йимы проходъ. Ти охотныкы звалысь гонци и ловылы, гонылы звиря. Тутъ було тоди багато всякого звиря:

---

[1]) См. сообщеніе объ этой книгѣ и письмахъ Кіевск. Стар. 1899 г., XI, Докум., 65.

[2]) Гуровъ. Геолог. опис. Полт. губ., 452. Лысоронскій. Истор. Пер. земли., 28.; Антоновичъ. Кіевск. Стар. 1899 г. VIII, стр. IV.

[3]) Мат. оцѣнки зем. Полт. губ., II, 32.

бобры, дыки кабаны. Годивъ може пятьдесятъ, якъ прыйихалы въ батькомъ у лисъ, колы кабанъ рыется. Загледивъ насъ, якъ чмыхнувъ—тилько й бачылы". [1]) Такимъ образомъ обѣ версіи считаютъ Старосилье началомъ села. Въ немъ живутъ козачьи роды: Сметанокъ, Калайтановъ, Клышей; дальше на Пидлисьи основался древній козацкій родъ Легуши. [2]) Вправо отъ церкви на Заричьи или Заставьи живутъ Заваліи и Гудзи; затѣмъ къ Удаю протянулся обширный выгонъ съ мельницами, а за нимъ мѣстность къ Духовой сохранила названіе Березникъ, отъ покрывавшаго ее нѣкогда сплошного березоваго лѣса. На краю села, къ Духовой, въ зелени стариннаго сада, среди итальянскихъ тополей и тѣнистыхъ аллей ясеня видна бывшая усадьба покойнаго Лубенскаго предводителя дворянства, предсѣдателя съѣзда и земской управы, потомъ мирового судьи Г. С. Киріякова [3]). Недалеко отъ усадьбы стоитъ, нѣсколько покривившись на бокъ, маленькая Вознесенская церковь съ готической кровлей, колокольня отдѣльно въ углу ограды. Церковь эта новая [4]) съ новымъ иконостасомъ; намѣстные образа съ надписью: „сіи иконы сооружены молодыми юношами". Изъ старыхъ иконъ обращаютъ на себя вниманіе три образа: висящая въ ризницѣ

---

[1]) Вокругъ Лубенъ еще недавно устраивались облавы на дикихъ кабановъ. (Ляскоронскій. Ист. Пер. зем, 61). Уже въ XV в. Каневцы промышляли въ опустѣвшей Лубенщинѣ ловлей звѣрей. (Лазаревскій. Луб. и Вишнев. Кіев. Стар. 1896 г., I, 117). Были и бобровые гоны. Гоны значатъ еще: разстояніе въ 120 саж. и небольшіе нивки, такъ что Гонцы могутъ означать: маленькія короткія, гоны.

[2]) Вѣроятно, въ началѣ насмѣшливое прозвище, какъ Ракъ и т. п., вызванное болотистостью жилья.

[3]) Г. С. Киріяковъ былъ однимъ исъ типичныхъ представителей части стараго украинскаго панства. Разносторонне образованный, хорошо воспитанный, остроумный и любезный, онъ былъ большимъ любителемъ исторіи, археологіи, палеонтологіи. Онъ имѣлъ большую предковскую библіотеку.

[4]) Старая церковь сгорѣла. Она существовала съ 1781 г., но и до того въ Гонцахъ была церковь.

икона Божьей Матери, изображенной, какъ итальянскія мадонны, большою полной женщиной, но съ своеобразнымъ круглымъ лицемъ. Грудь пронзена шестью мечами, по три съ каждой стороны; другой образъ Богоматери, пронзенной мечомъ, и третій—копія явившейся въ 1739 г. иконы ахтырской Божіей Матери. Въ церковный полъ вдѣланы двѣ чугунныя плиты надъ могилами покойныхъ гонцовскихъ помѣщицъ: Нѣжинцевой и Минькевичъ-Петровской. Число жителей въ настоящее время 1229, поровну козаковъ и крестьянъ. Послѣдніе—„переходни", т. е. переселены панами въ Гонцы изъ хорольскаго и кременчугскаго уѣздовъ. Прежде мѣстнымъ владѣльцемъ былъ Павловъ, потомъ Пріймы, изъ бывшей лубенской войсковой старшины. На Пріиминой женился Ограновичъ, на Ограновичевой—Нѣжинцевъ, на Нѣжинцевой—помѣщикъ кременчугскаго у. С. Г. Киріяковъ, [1]) отецъ предводителя. Въ Гонцахъ, какъ и вездѣ, гдѣ жили паны, жизнь пріобрѣтаетъ драматическій интересъ вслѣдствіе сословныхъ столкновеній, о которыхъ старожилы передаютъ слѣдующее. „Предокъ Легушъ заспорывъ зъ паномъ Потомскымъ [2]) за Дибраву. Той панъ бувъ пріёмщыкъ и оддавъ ёго у козакы. Прыйшовъ зъ козакивъ Легуша, колы на Дибровци вже й панська цегельня. Такъ винъ розигнавъ робочыхъ и взявъ запалывъ цегельню. Такъ люды далы знать пану Потомському, шо тутъ горыть заводъ, а Легуша на коню грае. Той прыйихавъ, колы пизнавъ Легушу—и тикать, а Легуша ёго зъ пыстолета,—не попавъ. И Дибровка

---

[1]) Но и до того фамилія Киріяковыхъ встрѣчается въ Лубенскомъ у., что видно, между прочимъ, изъ акта о продажѣ 20 апрѣля 1771 г. сыновьями хорунжаго второ-пирятинской сотни Арсеня Григоріемъ и Гавриломъ Арсененками хутора «съ трома подсусѣдочными хатами» женѣ войскового товарища Федосіи Киріяковой. На документѣ подписи судьи И. Кулябки и подсудка Ф. Булюбаша.

[2]) Жительство Потомскаго указано въ усадьбѣ Киріякова, и панъ этотъ распоряжался козаками. Можетъ быть, это былъ Семенъ Пріймa въ 1740 г. сотникъ, а съ 1749—1750 г. есаулъ.

зосталась за Легушою. Такъ панъ той пидкынувъ вещи: шубы и друге, та пиднисъ, та у солому и пхнулы. Уставъ Легуша и иде, колы пбтопъ (слиды). Винъ дывытся, колы поворушена солома,— вещи. Розвернувъ.“ Э! дума соби, „се шось воно не таке. Э, се вещи Потомського!“ Та напалывъ грубу та тоди ти вещи въ грубу, и перепалывъ и перебывъ. На утро струсъ. Потомського обикрадено,—трусйть. Берутся до Легуши, трусять, трусять— нема вещей. Тымъ Потомськый доволенъ. Пидйизжае потимъ панъ до двора Легуши.—„Легуша, садысь, пойидемъ помолымся.“— „Ни, пане, я не имію гриха“. А дали согласывсь йихать.—„Ну, мы идемъ въ Божый храмъ; скажы, де ты вещи дивъ? Ну, я божусь, шо никому не скажу!“ Розскававъ Легуша. Помырылысь и панъ пидпыску давъ“. Объ одной изъ старинныхъ паней такъ же разсказываютъ. „Дивокъ вона сикла на конюшни. Побыла вона дивчыну и нахвалялась ище быть. Пишла та дивчына до матери. Маты каже: „не могу я тебе удержать,—иды до барыни“. Такъ дивчына та пишла у Удай утопылась. Потимъ пани поодризувала косы у дивокъ и выкыдала косы на выгинъ. И хто не найде, думае: шо воно за косы, де воны взялысь? Хоть буде миръ, а хочъ пожаръ. И люде ихъ закопалы“.

—

Отъ Гонцовъ къ Духовой тянется высокій уступъ,[1]) на которомъ надъ кручами разбросаны мельницы. Въ просвѣтѣ горъ виднѣется церковь и село, за нимъ долина Удая съ узкой рѣкой, заводями, озерами, заливами, похожими на куски стекла, и противуположнымъ гористымъ берегомъ. Духовая не такъ красива, какъ другія села этой мѣстности. Деревьевъ здѣсь мало, садовъ почти нѣтъ, улицы перекрещиваются на бѣловатыхъ площадкахъ среди пустырей. Названіе села происходитъ отъ находящихся вблизи на Удаѣ незамерзающихъ родниковъ,—„духовъ.“ Надъ горной частью села—Пидгирьемъ „йе могыла, тамъ виха була. Якъ непрыятель иде, то ховалысь въ очерета. Винъ стре-

[1]) Гуровъ. Геолог. опис. Полт. губ., 452.

лявъ лучкомъ". На Пидгирьи жили древніе козачьи роды: Семейки, изъ которыхъ одинъ дослужился до эсаула, и Холодняки. Въ средней части села, на толокѣ отъ Гонцовъ, живутъ на Гудзивскимъ кутку Гудзи--Крятченки, также многочисленный и древній козачій родъ. На средней же улицѣ живутъ Кононы, Логвинци, Морозы. На концѣ улицы, на пидлуци, отъ Карпиловки: Петренки, Оропаи, Василенки, Кочуры, Коптѣлые. На нижней части села—Побережьи живутъ Хвири и Ефименки. На Пидгирьи стоитъ новая церковь, построенная въ 1863 г., старая же существовала съ 1768 г. Изъ старыхъ образовъ замѣчательны: пресвятая Дѣва, пронзенная мечами, и св. великомученица Варвара съ круглымъ лицемъ и вдохновенными, выразительными глазами. Духовая—небольшое село; въ 40-хъ годахъ въ ней насчитывалось 780 жителей, въ настоящее время—1250. Село козачье, крестьянъ не болѣе 10 семей. Кромѣ земледѣлія, жители занимаются еще рыбною ловлею особымъ способомъ „на посвитьи", неизвѣстнымъ въ сѣверной части долины Сулы. Въ лодку ставятъ горшокъ или котелокъ, такъ чтобы огонь освѣщалъ пространство шаговъ на 10 вокругъ и въ глубину аршина на два. Бьютъ остью изъ восьми желѣзныхъ когтей.

—

За Духовой слѣдуетъ Карпиловка, хотя и другой, Лазорской, волости, но по условіямъ мѣстности, типу и одеждѣ жителей, почти ничѣмъ не отличающаяся отъ сосѣднихъ—Духовой и Гонцовъ. Карпиловка расположена при входѣ Удая въ Лубенскій уѣздъ и дальше всѣхъ селъ углубилась въ удайскую низину. Почти посреди этой низины виднѣется Покровская церковь, красивой архитектуры, въ одной связи съ колокольней. Вокругъ разбросаны березовыя рощи. Мѣсто возлѣ церкви, такъ называемые Хрестки, нѣсколько возвышается надъ низиной; здѣсь осунувшаяся земля часто обнажаетъ старыя могилы и кости. Здѣсь же началось село. „Карпыливка давня; тутъ колысь жывъ рыбалка Карпо." Древность села видна и по особой заботливости о безопасности жителей; такъ оно было прежде на островѣ,

окруженномъ со всѣхъ сторонъ рѣкой [1]) Надъ самой рѣкой помѣстился кутокъ „Волощына". „Тамъ якись волохы жылы". Вправо, къ Духовой Раково займыще или Ракивъ кутокъ, гдѣ прежде жили козаки Раки, и Выповзкивъ кутокъ, населенный выходцами изъ с. Выповзкивъ, Переяславскаго уѣзда. Теперь старое село представляется островомъ только въ половодье; въ остальное время года оно отдѣляется отъ новаго поселка обширнымъ топкимъ выгономъ Свыдыновкою, [2]) на которомъ только недавно сдѣлана узкая гребелька, а до того люди изъ новой части села не могли говѣть въ мѣстной церкви, а должны были итти черезъ гору въ Духовую и тамъ же святить пасхи. Новѣйшая часть села за выгономъ подъ горой носитъ названіе хутора. Недавно въ немъ было только 3—4 хозяина. Первые переселились Раки, за ними: Гриньки, Прищепы, Савченки, Долады, Пасюки и др. Причиной переселенія могли быть отчасти и наводненія. „Въ 20-хъ годахъ на два аршына воды було по хатахъ, усе село потопыло, тилько коло церквы воды не було. Я тоди трохы не втопывсь,"—разсказывалъ старожилъ Андрей Ракъ. Церковь перевезена, по сказанію однихъ, изъ Монастырыща, т. е. Красногорскаго монастыря, по другимъ изъ Онуфріевскаго скита. [3]) „Церковця була маленька, покрыта драныцею. Вона лыбонь погорила и метрыкы погорилы." На сякахъ старыхъ дверей въ колокольнѣ сохранилась такая надпись: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа созданъ храмъ сій лѣта 1738, ноября 19 дня, коштомъ отца Іоасафа Горленка игумена

---

[1]) Есть и озера: Смаглево, Сириково, Жовте; часть Удая называется Стружка, а сѣнокоса—Пристань.

[2]) Отъ Свидина (Cornus sanguinaea. L.)

[3]) Первое сказаніе ничѣмъ не подтверждено; второе какъ будто бы подтверждается приводимою въ текстѣ надписью о постройкѣ храма 1738 г. игуменомъ Іоасафомъ Горленкомъ; изъ печатныхъ же данныхъ (О закрыт. монастыр. въ Полт. Епарх. Вѣд. 1897 г. №№ 20 и 21., 794) видно, что Онуфріевская пустынь основана Горленкомъ только въ 1744 г., значитъ и второе сказаніе не вполнѣ достовѣрно, и двери съ надписью, а можетъ быть, и вся церковь привезена не изъ Онуфріевскаго скита.

монастыря Мгарскаго.“ Среди церковныхъ древностей замѣчаются иконы: Богоматери на жести; срѣтенія Господня, гдѣ Симеонъ Богопріимецъ изображенъ съ мечемъ, выходящимъ изъ рта, и голова Іоанна Крестителя на блюдѣ, сдѣланномъ изъ серебра; также очень интересна старая жестяная крестильница, на которой сверху звѣзда съ лучами, надпись вязью „Марія“ и рисунокъ масляными красками таинства крещенія. Здѣсь изображены: священникъ, кума въ длинномъ свѣтломъ платьи, кумъ, лице котораго стерто, и не вполнѣ понятная фигура, стоящая за священникомъ. Глаза фигуры огромные, пылающіе, но роговъ и хвоста нѣтъ. Искуситель-ли то, или пономарь—неизвѣстно. Число жителей отъ 425-ти въ половинѣ XVIII в. достигло къ концу XIX в.—1576 душъ, большинство которыхъ козаки; крестьянъ только 5 дворовъ. Зажиточныхъ людей мало, только Раки имѣютъ по 40 десятинъ на семью; треть жителей безземельныхъ. По мѣстнымъ преданіямъ, [1]) изъ Карпиловки происходилъ характерникъ Гринько, содѣйствовавшій покоренію Крыма. „Непрыятель бувъ у крипости въ Крыму. Якась галдовныця, знахурка непевна, сыдила на крипости и показуючы соби на спыну казала: „сюды стреляйте!“ Полковныкъ Свичка (зъ Свичкыного Городыща) засмутывсь, ничого не подѣлавъ, а Гринько дидъ бувъ знаюковатый и сказавъ: „не пожалійте срибнои пуговыци.“ Свичка давъ пуговыцю. Сейчасъ Гринько зарядывъ оружіе и вбывъ іи. Одбылы ворота и пишлы въ крипостъ—нашъ городъ! Безъ Гринька нихто ничого не подѣлавъ бы: Гринько такый бувъ, шо й кулю у жменю визьме“.

—

[1]) Это преданіе, въ которомъ появляется лубенскій полковникъ Л. В. Свѣчка, можетъ относиться или къ неудачному походу на Крымъ въ 1689 г. кн. Голицына съ Мазепой и гетманскимъ региментомъ (Костомаровъ. «Мазепа», въ Рус. Мысли 1882 г., I., 29, 33), или ко взятію Азова въ 1696 г., гдѣ были городищанская, чернусская и сенецкая сотни лубенскаго полка съ Свѣчкой (Кіев. Стар. 1899 г., IV, Докум. 10), если можно допустить помѣщеніе въ народномъ представленіи Азова въ Крыму.

Тарандинцовская волость оканчивается переходной полосой отъ лѣсной земли къ степной. На этой полосѣ раскинулись лучшія села волости: Тарандинцы и Губское. По народному замѣчанію, „село Тарандинци стоить пры лиси Ламанци, пры крыничынци [1]) Вязовыци". Лѣса, впрочемъ, нигдѣ не видно. По Арендаренку, [2]) названіе села, какъ и недалекихъ Калайдинецъ, напоминаетъ татаръ. И въ народныхъ представленіяхъ эти названія связаны между собой. „Тарандынци завивъ Леонтій Таранда, а въ Калайденцяхъ жывъ якыйсь Калайда". Таранда жилъ въ Шматкивщинѣ и на ней же другой древній козацкій родъ Косяки. На смежной Опанасовщинѣ была старая церковь и усадьбы пановъ: Свирскихъ и Величокъ. За нею расположены: Гаркавивщына, по направленію къ Губскому, жительство: Кайдашей, по уличному Гарькавенкивъ, Монастырныхъ, Глущенковъ, Нагайныковъ, Голядъ; Мустипанивка, населенная Мостипанами, выходцами изъ Хелепцовъ; далѣе къ Пирятину—Юркивщина, жилье бывшихъ крестьянъ Свирскаго: Юрченкивъ и Сорокъ; Миклашивщына, на которой живутъ Сидоренки, Демченки и др. О ней разсказываютъ: „На Мыклашивщыни жывъ старый Гринь. Ёго робитныкъ Головченко копавъ канаву и выкопавъ казанокъ грошей, прыйшовъ до хазяина, каже: „отакъ, и отакъ выкопавъ казанъ грошей."—Цыть, каже Грынь, не явы никому!—Поладналысь. Гринь каже: „ходимъ закопаемъ: хай ще трохы полежять; тоди ночи диждемъ, одкопаемъ, роздилымось, шобъ нихто не выдивъ, якъ будемъ дилыться". Якъ прыйшла ничъ, Гринь роботныка пославъ, а ти грошенятка одкопавъ и забравъ соби, а въ казанъ щось наробывъ и закрывъ упьять. Явывсь робитныкъ, пишлы одкопалы,—грошей нема, а таке нечепурне. Гринь каже: „бачъ, хлопче, хтось подглядивъ, якъ мы ховалы, та й посміявсь зъ насъ."—Було-бъ зразу забрать,—каже робитныкъ,—фортуна наша, и не намъ досталась.—Э, може той, шо дывывсь, хитришый насъ". Съ того Гринь розбогативъ, унукы мають сотъ

---

[1]) Ручьѣ или рѣчонкѣ.

[2]) Зап. о Полт. губ. II., 5.

по симъ земли. [1]) Затѣмъ есть еще куты и урочища: Польща (тамъ живутъ бѣдняки, крестьяне Федоренки), Довбышивка, жительство: Довбышей, Литвиненковъ, Ворожченковъ, Сугробовъ и др., Лупарь—„у ёму лёхъ одкрывавсь", Ольшанка и Рудка, потоки, текущіе къ востоку къ Новакамъ; къ Лазиркамъ—Волошськи могилы вблизи недавно заселеннаго тарандинскими выходцами хутора Вилъ, и Сорокъ могилъ, Федоренкови майданы и крамарськый ярокъ, названный такъ по слѣдующему случаю. „Гаркавенко бувъ пьяныця. Ишовъ изъ шыночка выпывшы, а крамарь ишовъ. Встритылысь. Гаркавенко каже: „здрастуй! наторгувавъ?"—Яка въ мене торговля? крамокъ пороздававъ жытелямъ наборъ, а грошей совсимъ нема.—„Шо-жъ, у тебе нема грошей, ну, оддай мени сумку зъ крамомъ, я возьму соби! Крамарь схылывсь, положывъ сумку, роззьязавъ пидручья, каже: „возмить, ну только мене пустить жывого." Сейчасъ спустывъ, каже: „надивай!". Гаркавенко заложывъ руку въ одно заручье, потимъ въ друге.—Давай, каже крамарь, я тебе увьяжу!—Узявъ изъязавъ заручье.—„Теперъ, каже, вставай та иды соби зъ крамомъ; спасыби, шо хоть мене жывого пускаешъ". Гаркавенко пидвивсь на рукы, а сумка зверху, а той тоди иззаду ёго у сумку, шобъ Гаркавенко стовбула заоравъ; повернувъ его крамарь до горы черева, та бычагою здоровою поперебывавъ ёму рукы й ногы. Тоди взявъ розвьязавъ сумку зъ ёго и подавсь, а Гаркавенко годивъ тры хыривъ. Оттого той крамарськый ярокъ". [2])

Вблизи дороги на Губское стоитъ церковь св. Георгія Побѣдоносца, въ которой замѣчательна икона, подаренная въ церковь мѣстной старинной фамиліей Величекъ въ память двухсотлѣтняго (съ 1699—1899 г.) пребыванія ихъ въ Тарандинцахъ, и кіотъ съ образомъ, сооруженный въ 1771 г. Евтихіемъ Величкомъ, обновленный его правнукомъ. [3]) По исповѣднымъ роспи-

---

[1]) Отъ Ив. Сахна.

[2]) Ibid.

[3]) Изъ церковныхъ древностей примѣчательны: вѣнцы изъ волосъ, быть можетъ внесенные въ церковь по обѣту, и синодикъ

сямъ число жителей въ концѣ XIX в.—1750. Значительное большинство козаки. Панскихъ фамилій было двѣ: Свирскіе, уже угасшіе, но оставившіе по себѣ добрую память: они освободили крестьянъ съ надѣломъ въ 4 дес. на душу, дали по парѣ воловъ на семью и оставили капиталъ, процентами съ котораго выплачиваются поземельныя подати, и Велички, предокъ которыхъ Василій купилъ Тарандинцы въ первой половинѣ XVII в. у дочери Станислава Яблонскаго Анны за 20 таляровъ. [1]) Жители Тарандинецъ средняго роста, темнорусы, лица продолговатыя, покрой одежды такой же, какъ и въ Новакахъ, занимаются исключительно земледѣліемъ; земля хорошаго качества, [2]) притомъ и распредѣлена довольно равномѣрно, отсюда извѣстное благосостояніе населенія.

Губское отдѣлено отъ Тарандинецъ только узкой долиной, по обѣимъ сторонамъ которой на круглыхъ холмахъ, расположены усадьбы, почти безъ садовъ, изрѣдка только осѣненныя деревьями. Большая часть села по ту сторону долины на взгорьяхъ. Тамъ основные куты: Панькивка—по лѣвую и Гаврыкивка по правую сторону отъ церкви. На Панькивкѣ угловой кутокъ Назарскій, гдѣ живутъ Назарци и Ярмоленки, за нимъ Богиничевскій, жилье древняго рода Богиничей, предокъ которыхъ, судя по фамиліи, былъ сербскимъ или черногорскимъ юнакомъ, а также: Савусей, Рѣзниковъ, Ковтюхъ, Харчуковъ и Федченковъ. На самой Панькивкѣ, отъ мостика до церкви, живутъ Панченки и Павленки; за нею на Га-

---

1776 года, въ который, кромѣ тарандинцовскихъ перечисленныхъ древнихъ козачьихъ фамилій, вписаны еще: родъ благородной пани лубенской Софіи Орѣховской, родъ Евтихія Велички, Степана Яблонскаго, Павленчихи Губской, Чернухскаго жителя Савелія Шостака, Лубенскаго атамана Павла Самуйловскаго, Федора Шамрицкаго лубенскаго и прихожаго Литвина Якова Васильева. На поминовеніе вписаны: лѣсъ—Кайдашемъ и нива въ Тарандивскомъ—Рѣзниченкомъ.

[1]) Лазаревскій. Лубенщ. въ XVII и XVIII в.

[2]) $3^1/_2$ и 4% гумуса (Мат. къ оцѣн. зем. Полт. губ. II., 34).

врыкивкѣ древнѣйшій [1]) родъ Гаврики, производящіе себя отъ польскаго выходца начала XVII в.; сѣвернѣе Гаврыкивки лежатъ: Пелыпынськый кутокъ, жительство Шостаковъ, и Ковальнивськый—Романютъ. Внизу горы—Бальвивка, Ручки и Малюкивъ яръ, жительство Онищенкивъ, а на восточной сторонѣ долины къ Тарандинцамъ—Кайдивка, занятая Павленками. „У Кайдивщыни свичка горила, Мыкыта Дидыкъ тамъ гроши одкопавъ.“ Всѣ восемнадцать перечисленныхъ фамилій признаются коренными: „изъ ихъ семени пишло село“ [2]), старѣйшимъ же кутомъ считается Гаврыкивка,—тамъ среди горы и церковь св. Николая съ деревянной къ ней лѣстницей. Эта церковь новая, построенная въ 1872 г., старая же сгорѣла такимъ образомъ: „На страстяхъ хлопчыкъ, попивъ сынъ, упустывъ на хорахъ свичку за шалёвку, а тамъ булы горобьячи гнизда, стружкы, и одъ того загорилось. Винъ никому не сказавъ. Було тепло и двери поодчыняни. Люде выйшлы, роздывылысь, шо можно вынесты. Иконостасъ, престолъ, рызы и паныкадыло знялы. Церковъ и дзвоны погорилы. На паску очыстылы мисто и на тимъ мисти паскы святылы. Батюшка заболивъ, зробылось умопомишательство. [3]) Губское большое село. Уже въ 1861 г. въ немъ насчитывалось 1776 жителей, а къ концу вѣка число это возросло

---

[1]) Если не считать миѳическаго осадчаго Губу, давшаго будто бы названіе селу. Названіе Губське можетъ въ переводѣ значить: грибное, обильное грибами, такъ какъ губы—грибы. По Лазаревскому (Лубенщ. въ XVII и XVIII в., 58), село извѣстно съ 1-й половины XVII в.

[2]) По окрестностямъ села расположены слѣдующія урочища: Васюкова долына, Дубына, Ковалькова левада, Скаржынського долына, Губська долына, Майданы—«тамъ могылы скризь посыпани черезъ усе поле», Куци могылкы и Велыке озеро (мѣрой 10 дес.),—о немъ говорятъ: «Насередъ поляпыны, на ривноти купья есть, а колысь кажуть бы то було село и провалылось. Балакалы, шо й собакы якъ гавкалы—чуть. За шо провалылось—незвисно (Тарандинцы). У велыкимъ озери була слобода, було и я орю, то и черипья выорю. (Губское).

[3]) Отъ Р. Т. Степаненка.

до 2260. Населеніе козацкое, крестьянъ не болѣе сотни. Ихъ и совсѣмъ не было до 1752 г., когда Губское отдано Разумовскимъ [1]) обозному Ивану Кулябкѣ. Никакихъ печальныхъ воспоминаній изъ временъ крѣпостнаго права не сохранилось; нѣкоторые мѣстные паны жили заодно съ крестьянами. „Панъ обида за столомъ, люде пидъ прыпичкомъ. Панъ иде до млына безъ клунка, а крестьянка несе клунокъ"—только и различія. Губское—благосостоятельное село. Есть три семьи, обладающія ста десятинами каждая; семей 25 имѣютъ по 50 дес.; но не менѣе 50 семей существуютъ съ участкомъ въ 1—2 дес.; семей 20 совсѣмъ безземельныхъ. Цѣна земли, теперь доходящая уже до 200 р. за десятину, еще въ 60-хъ годахъ стоила 25—30 р. и вплоть до размежеванія—35 р. Изъ стараго документа Назарца видно, что 7 марта 1809 г., „продано въ полномочное, спокойное владѣніе оранки на два дни" (т. е. приблизительно $1^1/_2$ дес.) за 35 руб. Въ голодные годы земля въ Губскомъ, какъ и повсемѣстно въ Лубенщинѣ, шла за безцѣнокъ. Старожилы вспоминаютъ: „Выйихавъ чоловикъ зъ Духовои, а другый зъ Губськои, Лазоренко. За тры коробкы борошна и за трое хлиба узявъ Лазоренко $1^1/_2$ дес. зъ того Духовського". Подобныя сдѣлки заключались и въ предѣлахъ села. „Панченко узявъ у Богынча тры десятыны земли за тры четверыка хлиба (18 пуд.) Дача при Губскомъ обширна, черноземная, поля въ четырехъ смѣнахъ, выгона 100 десятинъ. [2]) Населеніе исключительно земледѣльческое. Достаточность замѣтна во всемъ: въ постройкахъ, одеждѣ, лицахъ жителей, въ ихъ привѣтливости и гостепріимствѣ. Губщане средняго роста, широкоплечи, съ толстыми шеями и полными щеками, нѣсколько неуклюжи. Особенностью мѣстныхъ нравовъ является сохраненіе до настоящаго времени кулачныхъ боевъ. Бои происходятъ какъ въ предѣлахъ села, такъ и съ сосѣдними Тарандинцами. Предъ боемъ никакихъ предваритель-

---

[1]) Лазаревскій. Лубенщ. въ XVII и XVIII в., 58, и люди Стар. Малор. Кіев. Стар. 1885 г., V., 8.

[2]) Сб. хоз. ст. Полт. губ., IV, 229.

ныхъ подразниваній не бываетъ.—Давай! кричатъ губщане съ своего холма.—Давай, давай!—отвѣчаютъ съ тарандинцовской горы. Мѣстные жители разсказываютъ объ этой опасной забавѣ слѣдующее: „Зійдутся те село и те, и мальчыкы начнуть, къ мальчыкамъ парубочкы и заведуть драку. Потимъ люде, чоловикы. Установа така, що лежачого быть нельзя. Губськи нагналысь, а я упавъ, и я иду мижъ губчанамы и мене не займають, ажъ покы я не дійду мижъ свои. Повернесся лыцемъ, тоди може быть упьять. Таки булы кулачкы, що гора, якъ помистъ, излыта кровью, червона. У того пыка розбыта, у того зубъ, у того нисъ розбытый. Бувае такъ, шо зубы сципыть, шо пидводять и на витеръ. Одна сторона якъ затопыть, такъ выляжуть уси. У насъ Голяды и Монастырни здоровійши люде, перви бойци на все село" (Тарандинцы).

—„Я пытавъ дида: одъ чого кулачкы сталы? Щипка и Шимлянськый вывезуть видеръ по 5 водкы, барыло. Якъ губщане проженуть, такъ и Щипкы пьють, а ежели проженуть тарандынци губськыхъ, то Шимлянського пьють. И теперъ кулачкы йе, такъ нема водкы. Не хороше дило, чоловикъ тры дня не доживе до вику. Бувае занедужа и померъ. Якъ упавъ—не трогай, устае—упьять валяй. Я выйду було пидъ Тарандынци, такъ и одного не налучу, сидають. Мени варунку не було зроду, не пухну. А инше у Риздво опухне, а въ жныва провалытся, каже: „хоть бы червы не зйилы" (Губское).

—„Бьются було кутокъ на кутокъ. Ныже церквы часть видсиля, а часть видтиля (одъ Оныщенкивъ). Лить сто тому назадъ кажуть и пипъ стоявъ за Назарцивъ та за Гаврыкивъ,—пидпережется, у кожушанци и иде; пидвяже платочкомъ бороду та тоди—ну быться. И його не мыналы. Тилько лежачого обмынають, бижять за другымы. Одынъ разъ салдаты стоялы у Тарандынцяхъ. Одынъ офыцеръ поступывъ видро водкы тимъ, котори подоліють. И черту назначывъ, куды доженуть. Бій сочыняется на той бикъ мостка пидъ горою. Начынають изъ малыхъ, потимъ звидтиля бильши. Потимъ якъ зачнуть! Губщане подолилы, выгналы на выгинъ до млынивъ, порозгонялы по дво-

рахъ. Бабы выходылы съ кочергамы. Було всёго, багато не подожывалы вику. Сельскый староста ишовъ зъ волосты и ударывъ ципкомъ Тарандынського, шобъ розигнать. Такъ воны колкамы былысь. Салдаты давалы помочи на кулачкахъ, хазяинъ иде и винъ иде. То салдатъ або шапку схопыть, або въ рукавыци бруса та начне брусомъ посмалювать, або каминцемъ фунтивъ пьять. А салдата застукають, то и ёму накладуть. Кулачкы скилькы разъ у годъ, зъ другого дня празныка и до окончанія, покы воду не освятять. Сей годъ (1900-й) днивъ два бытва була здорова. (Губское).

В. Милорадовичъ.

НЕУДАЧНЫЯ ПРЕДПРІЯТІЯ НАРОДОЛЮБКИ.

(Къ біографіи Н. С. Сохановской-Кохановской).

I.

Въ исторіи общественныхъ движеній 60-хъ годовъ нѣкоторое мѣсто занимаетъ небезызвѣстная народолюбка и писательница Надежда Степановна Соханская (Кохановская). [1])

Идеалистка высокой пробы, воплотившая отвлеченныя народническія воззрѣнія въ своихъ разсказахъ народно-сантиментальнаго, идиллическаго направленія, Соханская совершенно не извѣстна русской читающей публикѣ со стороны „хожденія въ народъ“ и тѣхъ практическихъ предпріятій, которыми она думала поднять умственное и матеріальное убожество „мужика.“ Этихъ предпріятій было, кажется, не много; да и тѣ оказались очень непрактичными, какъ можно судить по нижеслѣдующему разсказу объ организаціи ею братствъ и сельскихъ банковъ въ одномъ изъ захолустныхъ уголковъ юго-западнаго края.

---

[1]) Соханская Надежда Степановна (родилась 17 февраля 1825 г. † 3 декабря 1884 г.), дочь Степана Павловича и Варвары Григорьевны, урожденной Лохвицкой. Воспитаніе получила въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Она писала подъ псевдонимами: Надежда***, Кохановская и Макаровская.

Главнымъ источникомъ настоящей статьи служили непосредственно добытыя авторомъ собственноручныя письма Соханской-Кохановской, хранящіяся у разныхъ лицъ и въ архивѣ яполотской и степанской преображенской церкви. Письма Соханской, касающіяся яполотскаго и др. братствъ, имѣютъ безспорное значеніе для сужденія объ ихъ авторѣ. „Изъ всѣхъ рукописей Сохановской-Кохановской, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей ея писемъ, въ высокой степени интересны письма самой Сохановской, къ кому бы она ихъ ни писала. Это... автобіографія ея. Книжка ея писемъ была-бы истинно-благодѣтельною для многихъ молодыхъ сердецъ. Она писала свои письма съ полнымъ сердечнымъ участіемъ; она вкладывала въ нихъ душу живую. Сама она не обинуясь придавала имъ достоинство и громко говорила, что придетъ время, когда каждое письмо ея будетъ стоить 25 рублей. [1]) Занимаясь маленькой, но не лишенной интереса „исторіей“ участія Сохановской въ юго-западныхъ братствахъ и ставя себѣ задачей выяснить по возможности всѣ стороны неудачныхъ предпріятій Сохановской на Волыни, я въ настоящей работѣ представляю сводъ всего добытаго по этому предмету матеріала.

По существу, это очень грустная исторія. Она лишній разъ убѣждаетъ читателя, какъ велико разстояніе между словомъ и дѣломъ лицъ, надѣленныхъ отъ природы хорошей способностью проектовъ, мечтаній и лишенныхъ вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ возможности осуществить хоть часть своихъ проектовъ въ дѣйствительности.

II.

Польскія движенія начала 60-хъ годовъ обратили на юго-западный край вниманіе многихъ русскихъ публицистовъ того времени. Яснѣе и громче говорилъ въ Россіи о дѣлахъ этого

---

[1]) «Русс. Обозр.» 1896 г. VI кн. стр. 477.

края И. С. Аксаковъ въ своемъ „Днѣ“, на страницахъ котораго помѣщался матеріалъ, спеціально посвященный интересамъ западной и юго-западной Руси. Онъ посылалъ своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ для изученія русскихъ окраинъ. Въ журналѣ Аксакова помѣщалъ изрѣдка корреспонденціи подъ псевдонимомъ „Волынянинъ“ о. Василій Абрамовичъ, священникъ села Яполоти, ровенскаго уѣзда, волынской губерніи. Этотъ священникъ и былъ косвеннымъ виновникомъ вмѣшательства Сохановской въ дѣла яполотскихъ крестьянъ.

Но прежде нѣсколько словъ о селѣ Яполоти. Село расположено въ одномъ изъ глухихъ мѣстъ ровенскаго уѣзда волынской губерніи. Земля болотно-песчаная, малоурожайная. Лѣса и болота окружали нѣкогда Яполоть со всѣхъ сторонъ. Крестьяне занимаются земледѣліемъ, вывозкой дровъ и отхожими промыслами. Съ уничтоженіемъ лѣсовъ, почва изсякла еще болѣе. Расширяющіеся съ каждымъ годомъ пустыри и песчаныя заросли придаютъ окрестности грустный видъ. До ближайшаго города—50 в., до губернскаго—до двухъ сотъ верстъ.

Въ этомъ оторванномъ уголкѣ во время крѣпостничества страннымъ образомъ сошлись интересы *восьмерыхъ помѣщиковъ*, одновременно владѣвшихъ селомъ и претендовавшихъ на подневольный трудъ мѣстнаго крестьянина. Въ Яполоти въ 60-хъ годахъ, согласно метрическимъ даннымъ, было всего 45 дворовъ. Добрая часть села принадлежала крупному мѣстному помѣщику Радзивиллу, остальные 20 дворовъ дѣлились между 7 мелкими помѣщиками. Можно судить о положеніи крестьянъ. Они до сихъ поръ хорошо помнятъ свое недавнее прошлое. Старикъ яполотецъ охотно и теперь разсказываетъ, какъ онъ нѣкогда жилъ. Своего у него рѣшительно ничего не было, въ своей хатѣ нечего было ѣсть; ѣлъ онъ на дворѣ у пана, который, „якъ ласка его,“ могъ дать что-нибудь поѣсть за дневную работу. Характерно одно бранное выраженіе яполотца—„ахъ, ты панскій байструкъ.“ [1]) Выраженіе само въ себѣ заключаетъ

---

[1]) «Байструками» въ Малороссіи называютъ незаконорожденныхъ.

свое достаточное основаніе. Если будущій историкъ мѣстнаго края пожелаетъ найти послѣ Яполоти мѣсто, гдѣ-бы условія крестьянина были еще хуже,—то сомнительно, чтобы его поиски увѣнчались успѣхомъ. Этими невозможными условіями быта объясняются тѣ черты забитости и угрюмости, которыми и теперь еще отличается типъ крестьянина с. Яполоти, не смотря на почти 40-лѣтіе его свободнаго положенія.

Здѣсь, по случайному стеченію обстоятельствъ, суждено было выступить въ роли народной піонерки Надеждѣ Степановнѣ Сохановской-Кохановской. Судьба не могла, кажется, дать другого мѣста, на которомъ такъ безжалостно могли-бы разбиться лучшія народническія предпріятія.

Дѣло было такое.

Въ 1865 году священникъ с. Яполоти, о. Василій Абрамовичъ послалъ И. С. Аксакову воззваніе, въ которомъ обращался къ русскимъ благотворителямъ съ просьбою помочь нуждамъ мѣстныхъ крестьянъ селъ Яполоти, Збужа, Вульки, Жалина и въ частности нуждамъ яполотской церкви. Чтобы чувствительнѣе тронуть сердца благотворителей, Абрамовичъ высокимъ стилемъ изобразилъ патріотическую ревность мѣстныхъ крестьянъ, сказавшуюся въ противодѣйствіи польскому мятежу. Если вѣрить его словамъ, крестьяне не имѣли времени подумать о нуждахъ церковныхъ, а вооруженные пиками и ружьями бродили по лѣсамъ, не давая сформироваться бродягамъ послѣ разбитыхъ шаекъ въ новыя шайки, „Яполотцы молодцы,“ говорится въ воззваніи дальше, „сознаютъ и самые недуги ихъ, послѣ того какъ сіи „молодцы“ передали не мало мятежниковъ въ городъ Луцкъ, въ военно-судную коммиссію. Теперь они протягиваютъ руку помощи на храмъ ихъ ко всѣмъ христолюбивымъ Великоруссамъ.“ Въ томъ-же воззваніи священникъ писалъ, что имъ основано въ Яполоти братство (въ 1861 году), которое тоже нуждается въ помощи. Читатели изъ дальнѣйшаго узнаютъ, что братство не было основано въ 61 году и что выраженіе священника о братствѣ было фразой, разсчитанной лишь на возбужденіе благотворительныхъ чувствъ у читателей.

И. С. Аксаковъ, издававшій тогда „День“, помѣстилъ воззваніе въ 24 нумерѣ своей газеты въ отдѣлѣ смѣси. Воззваніе, дышущее нѣсколько личными планами автора, но съ увлеченіемъ написанное и помѣщенное въ извѣстномъ и столь распространенномъ тогда славянофильскомъ органѣ, нашло отзывъ нѣкоторыхъ благотворителей. Въ числѣ первыхъ отозвалась 75-ти-лѣтняя помѣщица села Макаровки, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи, Варвара Григорьевна Соханская, приславшая на починку церкви 25 рублей. Въ небольшомъ письмѣ, написанномъ по этому поводу священнику с. Яполоти, Варвара Григорьевна говоритъ о необходимости благолѣпія церковнаго и о единой православной церкви въ польско-русскомъ краѣ. Кромѣ того Соханская извѣщала, что благотворители отозвутся на ихъ нужды съ разныхъ концовъ Россіи.

Въ м. августѣ 1865 года, по иниціативѣ священника, въ с. Яполоти былъ созванъ сходъ около церкви, на которомъ письмо Соханской было прочитано крестьянамъ. На этомъ сходѣ священникъ впервые предложилъ мысль объ устройствѣ братства. Крестьяне не понимали, что такое братство; но съ предложеніями, на первыхъ порахъ ни къ чему не обязывавшими, согласились и въ числѣ первыхъ братчицъ записали своихъ благотворительницъ Варвару Григорьевну и дочь ея Надежду Степановну Соханскую-Кохановскую.

Вспоминая впослѣдствіи обстоятельства своего вступленія въ члены Яполотскаго братства въ письмахъ, помѣщенныхъ въ аксаковской „Москвѣ“, Надежда Степановна такъ говоритъ.

„Посылая первый матушкинъ вкладъ въ братскую бѣдную казну, я должна была написать, и мое простое сочувственное письмо показалось добрымъ людямъ чѣмъ-то особенно заслуживающимъ ихъ вниманія, такъ что они, принимая матушку старшей сестрой, объявили мнѣ, что, по моему письму, братство, даже не испрашивая моего согласія, записываетъ меня въ свои младшія сестры. Это было два дѣла въ однѣ и тѣ-же руки. Я потому и не искала сама записаться въ какое-либо братство, что все матушкино братское дѣло очень естественно

должно было лежать на мнѣ и вся переписка по немъ, хлопоты и сношенія итти неминуемо черезъ меня. Слѣдовательно, дѣло у меня было, а объ имени я не заботилась. Но вотъ и имя вспало на меня совершенно неожиданно. Не принять его? Отказываться отъ простодушно предложенной чести быть младшею сестрою между 30-ю крестьянами неизвѣстнаго братства? Чтобы поступить такимъ образомъ,—я не могла. Но я и не съ радостью приняла это избраніе, а напротивъ, я его приняла съ заботою и мыслью о томъ, что я сдѣлаю, дабы мнѣ не даромъ носить это имя младшей сестры Свято-Георгіева Яполотскаго братства". [1])

Намъ не удалось добыть „протокола" (если такъ можно выразиться) яполотскаго собранія. Ни въ степанской волости, ни въ стидинской (сосѣднія съ с. Яполоть волости) этотъ протоколъ, кажется, не явленъ. По разсказамъ крестьянъ, постановленіе „громады" писалъ одинъ солдатъ (кажется учитель яполотской школы) около церкви „на колодѣ". Священникъ о. Абрамовичъ тотчасъ-же написалъ Сохансвой о впечатлѣніи, произведенномъ на крестьянъ ихъ пожертвованіемъ. Къ письму былъ приложенъ и „протоколъ" собранія. Изъ возникшей по этому поводу переписки между мѣстнымъ священникомъ и Сохансвими оказывается, что священникъ и крестьяне, поднимая вопросъ о братствѣ, всю надежду по его устройству возлагали почему-то на Сохансвихъ. Должно быть краснорѣчивѣе всѣхъ другихъ писалъ объ этомъ Сохансвимъ Абрамовичъ, судя по слѣдующему отвѣтному письму Сохансвой въ прихожанамъ.

„Съ большой радостью узнала я о начинающемся у васъ добромъ дѣлѣ объ устройствѣ братства, о которомъ мнѣ писалъ вашъ батюшка. Богъ да благословитъ ваше начинаніе, а св. великомученикъ Георгій [2]) своими молитвами да испроситъ у Бога милостей на доброе дѣло. Знаменитыя братства, слагавшіяся постепенно и питавшія въ себѣ крѣпкую народную силу

---

[1]) «Москва» 1867 г. № 67 («Поѣздка на Волынь»).

[2]) Церковь въ с. Яполоти построена въ честь св. Георгія.

православія украинской и литовской Руси, сдѣлали много въ свое время для края. Вамъ пришла хорошая мысль. Нужно только чтобы эта искра не погасла. Чтобы ей погаснуть,—я не думаю... Вашъ край, находившійся столь долгое время во власти поляковъ, и теперь требуетъ помощи со стороны истинно православныхъ русскихъ людей, которые, конечно, сердечно отозвутся, какъ только узнаютъ объ устроеніи братства. Горю желаніемъ видѣть васъ всѣхъ, дорогіе яполотцы, и быть можетъ буду у васъ осенью. Теперь-же посылаю пока свой русскій вамъ привѣтъ и прошу васъ обращаться ко мнѣ при всѣхъ затрудненіяхъ братства. Если я что могу, то помогу вамъ. Матушка вамъ кланяется." [1])

Мать Надежды Степановны Соханской Варвара Григорьевна, не смотря на свой преклонный возрастъ, была женщиной воспріимчивой, интересовавшейся народничествомъ и принимавшей живое участіе въ вопросахъ, касавшихся народнаго быта. Ея мечтой была идея всеславянскаго единства. „Матушка моя была одною изъ старухъ, помолодѣвшихъ возбужденнымъ чувствомъ русскаго всенароднаго единства", [2]) говорила о своей матери Надежда Степановна.

Подъ вліяніемъ Соханскихъ былъ составленъ уставъ братства, въ которомъ отмѣтимъ, какъ наиболѣе характерные—2, 9, 10, 11 и 12 пункты. Согласно второму пункту, цѣлью братства полагалось: „огражденіе православной вѣры и уставовъ святой нашей Церкви отъ всякой примѣси другихъ неправославныхъ исповѣданій, поддержаніе въ народѣ благочестія и миролюбія, содѣйствіе распространенію просвѣщенія и всегдашняя готовность содѣйствовать интересамъ и пользѣ Церкви, казны и государства." Девятый и десятый пункты касались устройства яполотскаго училища. Постановлялось—„поддерживать, сколько возможно, училище въ порядкѣ, снабжая его нужными по степени образованія книгами" и заботиться о „пріумноженіи числа

---

[1]) Письмо Варвары Соханской отъ 13 іюля 1866 года.

[2]) «Москва» 1867 г. № 67 («Поѣздка на Волынь», письмо 1-е).

учениковъ." Словомъ, долгъ братства, говорилось въ девятомъ пунктѣ, „стараться распространять грамотность въ народѣ сколь возможно въ обширномъ объемѣ". Учителю яполотскаго училища—отставному вахмистру Нестерчуку—опредѣлялось жалованье въ 30 руб. и 20 корцевъ „збожа" въ зернѣ. По десятому пункту предполагалось позаботиться о постройкѣ сельскаго училища или на громадской землѣ, или для этой цѣли купить землю у помѣщика. Одиннадцатый пунктъ гласитъ слѣдующее: „братство, въ случаѣ появленія какого-нибудь волненія близь села Яполоти со стороны крамольниковъ Россіи, не только обязано донести мѣстной полиціи, но и само, по первому требованію, спѣшить на защиту любезнаго отечества." По двѣнадцатому пункту проектировалось изъ 200 рублей учредить сельскую вспомогательную кассу съ умѣренными процентами (3 коп. въ годъ съ рубля). Проектъ устава, при прошеніи о. Василія и прихожанъ, былъ представленъ въ мѣсяцѣ мартѣ 1866 года на разсмотрѣніе Преосвященному Антонію, Архіепископу Волынскому.

Сохансків на первыхъ порахъ приняли дѣятельное участіе въ организаціи братства. Самый текстъ устава былъ составленъ ими и присланъ изъ Макаровки въ Яполоть. Имѣя многихъ знакомыхъ въ различныхъ кругахъ состоятельныхъ классовъ общества, Сохансків легко побуждали благотворителей къ пожертвованіямъ на братство. Пожертвованія церковными вещами и деньгами присылались въ Яполоть въ особенности послѣ того, какъ младшая братчица Н. С. Соханская выступила во многихъ періодическихъ изданіяхъ съ краснорѣчивой и увлекательной „просьбой". Характерно по силѣ выраженія начало этой просьбы: „Выйти печатно и просить общество, какъ я выхожу и прошу, кланяясь по-русски на всѣ четыре стороны, для этого надобно вѣрить въ благородство своего общества, что оно не можетъ отказать въ просьбѣ", такъ начиналась просьба. Изобразивъ далѣе въ увлекательныхъ, сильныхъ выраженіяхъ бѣдственное положеніе народа въ юго-западномъ краѣ, Надежда Степановна звала общество къ посильной помощи яполотскому братству,

членомъ котораго, какъ она сама говоритъ, „она была выбрана и записана безъ ея вѣдома". „Глубоко убѣжденная, что добро должно быть совершеннымъ добромъ въ цѣли и средствахъ, я,—такъ оканчивала Надежда Степановна свою просьбу,—по совѣсти не могу прибѣгнуть ни къ лоттереямъ, ни къ музыкальнымъ и литературнымъ вечерамъ. У общества есть и не можетъ не быть чистаго чувства христіанской любви, которое слышитъ зовъ и идетъ на помощь".[1])

Соханская не ошиблась „въ благородномъ упованіи". „Общество услыхало мой зовъ, писала Н. С. Соханская, и во всю ширину Россіи отъ Томска до Кавказа прислало мнѣ свои приношенія на братскую помощь. Деньги были присланы изъ Петербуга въ количествѣ 369 руб. 16 коп.,[2]) изъ Москвы 243 р.,[3]) изъ Харькова и Изюма 74 р. 15 коп., изъ Кіева, Таганрога, Херсона, Одессы—44 р. 15 к., изъ Урюпинской станицы, Ставрополя, Тифлиса 170 р., изъ Томска—51 р.; всего 951 р. 46 к." Для глухого бѣднаго села такой капиталъ въ то время казался необыкновеннымъ. Кромѣ того пожертвованія присылались еще и вещами.[4]) Къ этому должно прибавить, что „нѣкто купецъ Шодчинъ, находясь въ ссорѣ съ ближайшими своими наслѣдниками и минуя ихъ, отказалъ по духовному завѣщанію огромный капиталъ въ 200,000 рублей на церковь и благотворитель-

---

[1]) «Просьба» Соханской напечатана въ «Днѣ» 1860 г. № 52; перепечатана въ сборникѣ М. Погодина «Утро».

[2]) Въ числѣ Петербургскихъ жертвователей были: графъ Борисъ Перовскій, пожертвовавшій 100 рублей, Дружининъ и сынъ 100 р., Николай Кузнецовъ 50 р., граф. Блудова 25 р., Потемкинъ—25 р., сенаторъ Корніолинъ-Пинскій 10 р. и др.

[3]) М. П. Погодинъ пожертвовалъ 200 р. графъ Сологубъ 10 р. и др.

[4]) Разныя вещи присланы были волынскимъ губернаторомъ Михаиломъ Чертковымъ, Борисомъ Перовскимъ, Кузнецовымъ, Пастуховымъ. Московскіе купцы въ этомъ отношеніи оказались особенно щедрыми.

ныя дѣла". Изъ числа этихъ денегъ на яполотское братство предполагалось 5000 руб. Этотъ предполагаемый взносъ окрылилъ надежды Сохановской. Она такъ была рада, что, по ея словамъ, „готова была взлѣзть на колокольню Ивана Великаго и кричать:—„Ой, спасибо тебѣ, златоглавая Москва..."—„Мысль моей просьбы встрѣтили довольно сочувственно и въ самыхъ разнородныхъ слояхъ общества,—писала Сохановская Аксакову,—я почти вдесятеро имѣю болѣе того, о чемъ просила. Мих. Петр. Погодинъ пожертвовалъ 200 р., Перовскій больше, чѣмъ на двѣсти. Я цѣлыми вязанками пишу отвѣтныя письма. У меня теперь не литературное, а жизненное дѣло на рукахъ! Благослови, Господи, довести до конца". [1])

Эти деньги Сохановская не нашла удобнымъ для себя переслать почтой. Она рѣшила лично ѣхать на Волынь, передать деньги и ознакомиться съ дѣлами братства. По поводу этой своей подписки Сохановская писала И. С. Аксакову, съ которымъ находилась въ непрерывной перепискѣ: „Я должна была весной ѣхать въ Кіевъ и на Волынь, въ *свое* братство. По моей просьбѣ общество довѣрило мнѣ свои деньги, и я не смѣю и не могу, по мѣрѣ всѣхъ моихъ силъ, не отвѣчать на это довѣріе. Я сама ѣду—своими руками довезти до мѣста деньги и, какъ поможетъ Господь, лучше устроить все дѣло... Маменька не только не удерживаетъ, а побуждаетъ меня къ тому. И первая мысль поѣздки на Волынь принадлежитъ ей. Я было отступила передъ ней. Скажите мнѣ ваше доброе пожеланіе. Я вѣрую въ силу сердечнаго слова." [2]) „Чѣмъ болѣе я принимала этихъ благородныхъ приношеній, писала она черезъ годъ, тѣмъ живѣе у меня начало опредѣляться чувство той отвѣтственности, которая этимъ самымъ возлагалась на меня. Общество вниманіемъ и своимъ высокимъ довѣріемъ почтило меня и мои слова. Оно вручило мнѣ почти въ десять разъ болѣе того, что я искала получить.

---

[1]) «Русс. Обозр.» 1896 г. VI кн. письмо отъ 1 мая 1866 г.

[2]) Письмо отъ 1 мая 1866 г. «Русс. Обозр.» 1896 г. VI кн.

Распорядиться заглазно ста рублями еще было возможно, но о девятистахъ пятидесяти слѣдовало подумать. Кому, на чьи руки и подъ чью отвѣтственность я передамъ деньги? Положимъ, что уставъ братской помощи написанъ мною точно и опредѣлительно; но вслѣдствіе этой самой опредѣлительности, онъ довольно дли- ненъ, а братство сельское безграмотно. И уставъ написанъ по-русски; а на Волыни говорятъ нарѣчіемъ малороссійскимъ, испорченнымъ сильной примѣсью польскаго. Какъ его прочтутъ, и какъ растолкуютъ, и какъ его поймутъ? Если я искала получить деньги не для того только, чтобы одною рукою взять ихъ у общества, а другою передать кому случится,—то ни даже приходскому священнику, хотя бы и старшему братчику, я не могла, по совѣсти, сдать эти 950 руб. и думать, что все мною сдѣлано. Нѣтъ! Общество довѣрило эти деньги моему имени и моему слову, а никому другому. Я должна отвѣчать за самое вѣрное употребленіе ихъ къ той цѣли, для которой эти деньги пожертвованы.[1])

Весной 1866 г. Сохансжимъ не удалось однако быть на Волыни. Лишь осенью въ концѣ сентября того-же года Н. Степ. съ матерью пріѣхали въ с. Яполоть, остановились у священника и на мѣстѣ познакомились съ положеніемъ новаго братства и его проектируемымъ уставомъ.

Раньше Соханскихъ въ Яполоть для знакомства съ юго-западнымъ краемъ и братствомъ пріѣзжалъ сотрудникъ „Дня" Кокошкинъ, посланный сюда Аксаковымъ, но встрѣтилъ у мѣстнаго священника не особенно дружелюбный пріемъ. Размашистость натуры Кокошкина и нѣкоторая своеобразность костюма при смѣлости и широтѣ сужденій были достаточными основаніями для того, чтобы осторожный волынскій священникъ, привыкшій видѣть почти во всемъ польскую интригу, отнесся къ московскому корреспонденту съ подозрѣніемъ. Соханская, которой о. Абрамовичъ разсказалъ о посѣщеніи Кокошкинымъ с. Яполоти, впослѣдствіи такъ написала объ этомъ Аксакову. „А знаете-ли,

---

[1]) «Москва» 1867 г. № 67.

кто священникъ моего братства, гдѣ я была? Вашъ корреспондентъ въ „Днѣ", который подписывалъ „Волынянинъ". Онъ очень комически разсказывалъ мнѣ, какъ явился къ нему Кошкинъ. „Богъ его знаетъ, что за проява така? Рубашка красная, сапоги повстанскіе, шапка заломлена, на всю Волынь козыремъ глядитъ! Не то полякъ, не то русскій! Вотъ напасть-то на меня, раба Божія, пришла! Хоть-бы отъ г. Аксакова у него записочка была, въ удостовѣреніе, что вотъ онъ отъ редакціи „Дня". А то явился невѣдомо кто, не знаемъ откуда,—и разсказывай. Нѣтъ, я себѣ языкъ прикусилъ." [1]) Аксакову Соханская писала о своей поѣздкѣ. Иванъ Сергѣевичъ очень интересовался западными окраинами и совѣтовалъ Надеждѣ Степановнѣ заняться описаніемъ своихъ дорожныхъ впечатлѣній. „Я желаю имѣть у себя въ газетѣ вашу „Поѣздку на Волынь", писалъ онъ ей. Думаю, что общее наше русское дѣло отъ того выиграетъ... Не знаю, какую форму вы дадите вашему описанію, но для меня было-бы удобнѣе, если-бы вы придали ему форму писемъ". [2]) Весной 1867 г. Н. С. послала „Поѣздку на Волынь" и обѣщала подсылать по мѣрѣ продолженія. „Кажется, все-таки отдѣлы вышли длинноваты, писала она Аксакову, и если вы найдете ихъ такими, то я обозначила мѣста, гдѣ ихъ можно раздѣлить". [3]) Въ „Днѣ" письма Соханской не могли однако появиться, потому что газета была пріостановлена. Нѣсколько писемъ изъ „Поѣздки на Волынь" было помѣщено въ аксаковской „Москвѣ" 1867 года Нѣкоторыя обстоятельства мѣшали систематическому появленію писемъ.

Въ Яполоти Соханскія съ живѣйшимъ интересомъ изучали типъ полѣшуковъ, имѣвшихъ въ своей жизни не мало особенностей. Не малороссы въ строго-этнографическомъ смыслѣ и не бѣлоруссы, они своимъ смѣшаннымъ типомъ представляютъ много оригинальнаго, рѣзко бросающагося въ глаза для свѣжаго на-

---

[1]) Письмо Соханской Аксакову отъ 27 дек. 1866 г.

[2]) Письмо Соханской къ Аксакову отъ 6 дек. 1866 г.

[3]) Письмо отъ 11 марта 1867 г.

блюдателя. Забитость и умственное убожество при мягкости и неподвижности характера, незлобивость въ отношеніи къ евреямъ и полякамъ, косность въ хозяйственной области, крайняя непритязательность въ домашнемъ быту (курныя избы, пребываніе домашнихъ животныхъ въ одномъ помѣщеніи съ людьми)— вотъ основныя черты, характеризующія типъ волынскаго полѣшука и въ настоящее время.

Соханскія ѣздили по сосѣднимъ селамъ, разспрашивали обо всемъ, принимали участіе въ положеніи наиболѣе бѣдныхъ семействъ, записывали даже полѣсскія пѣсни, пословицы и побуждали всѣхъ интеллигентовъ, съ которыми имъ приходилось встрѣчаться, заняться серьезнымъ изученіемъ этого края. Посѣщая мѣстныя, въ то время убогія, школы, онѣ экзаменовали учениковъ, раздавали имъ подарки и почему-то совѣтовали вести учителямъ дневники и присылать ихъ въ Макаровку. Для чего понадобились дневники Соханской, мы не знаемъ. Нѣкоторые изъ учителей посылали ей, кажется, какія-то записи.

Но главнымъ образомъ Соханскія интересовались, конечно, устройствомъ братства въ Яполоти. Разсказываютъ, что на первомъ сходѣ, созванномъ съ этою цѣлью „на цвинтарѣ", толпа попросила у Соханскихъ денегъ „на свою биднôту". Какой-то мѣстный грамотѣй подалъ ей по этому поводу прошеніе. У „доброй пани" не хватило духу отказать бѣдной толпѣ почти нищихъ. Соханскія дали имъ „недилкового" (сходъ былъ въ воскресенье). Это было большой ошибкой въ исторіи устройства братства. На слѣдующій сходъ толпа почти удвоилась: пришли крестьяне сосѣднихъ деревень, до которыхъ дошелъ слухъ о необыкновенной благотворительности Соханскихъ. Въ мѣстныхъ кабакахъ пьянство усилилось. Крестьяне соглашались на все, только-бы получить что-нибудь съ „украинской пани".

Всѣ благотворители зачислены были будущими членами проектируемаго братства (въ книгѣ, хранящейся при яполотской церкви, насчитываютъ до 40 братскихъ фамилій). Странно, что въ числѣ братчиковъ значились лица, жившія въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Кіевѣ и не было *ни одного* интеллигента изъ

обывателей сосѣднихъ мѣстечекъ и городовъ (если не считать мѣстнаго священника).

Не забыта была благотворителями и бѣдная яполотская школа, попечительницей которой была избрана Надежда Степановна. Нѣкто Ѳеодоръ Ивановичъ Рычинъ изъ Москвы въ мѣсяцѣ январѣ 1867 г. выслалъ на имя ровенскаго благочиннаго 55 книгъ въ яполотскую школу и церковную библіотеку. Съ книгами этими вышло недоразумѣніе. Ровенскій протоіерей о. Даніилъ Клюковскій, должно быть не разобравъ въ чемъ дѣло, раздалъ всѣ полученныя для братства книги по церковно-приходскимъ школамъ своего округа. Соханская возмущалась нерасторопностью протоіерея и даже жаловалась на него консисторіи. [1]) Въ частномъ письмѣ къ Абрамовичу Соханская писала, что „такая небрежность благочиннаго возмутительна. Если городскіе протоіереи таковы, то каковы должны быть у васъ сельскіе священники и что, спрашивается, можно сдѣлать въ народѣ при такой небрежности со стороны лицъ, коимъ ввѣрено высокое попеченіе о духовномъ благѣ народа? Вы одинъ, батюшка, можете еще дѣлать дѣло и на васъ моя главная надежда: убѣждайте, говорите, проповѣдуйте неотступно и главное съ самоотверженіемъ, ибо безъ самоотверженія пастырская дѣятельность превращается въ ремесло, мало чѣмъ уступающее кузнечеству, плотничеству и пр. Да, о. Василій, дерзайте и не падайте духомъ! Въ окружающемъ Васъ темномъ людѣ ищите сами себѣ поддержки. Вамъ ввѣрено попеченіе о сельскихъ школахъ, постарайтесь ихъ поставить какъ можно лучше. Добрая школа въ народѣ это—свѣтъ Христовъ, проникающій души людей.—А относительно книгъ не безпокойтесь; я уже написала преосвященному и еще напишу, чтобы онъ принялъ соотвѣтствующія мѣры, потому что оставить этого дѣла нельзя.“ [2])

---

[1]) Жалоба Соханской писана отъ 13 дек. 1867 г.

[2]) Письмо отъ 4 декабря 1867.

Между тѣмъ, уставъ братства ходилъ по различнымъ административнымъ инстанціямъ и разсматривался гражданскими и церковными властями. Преосвященный предложилъ его на разсмотрѣніе Волынскому губернатору генералъ-маіору Черткову. [1]) Губернаторъ, по разсмотрѣніи, нашелъ уставъ составленнымъ неудовлетворительно: 11-й пунктъ оказался неумѣстнымъ, 12-й весьма неопредѣленнымъ, а въ 9-мъ были введены излишнія подробности. Уставъ былъ возвращенъ консисторіи, а консисторія возвратила его Абрамовичу для исправленія. [2]) Вернувшійся уставъ уже не засталъ о. Василія въ Яполоти, онъ былъ переведенъ въ Бѣлостокъ, луцкаго уѣзда. Исправленіе устава было поручено его преемнику свящ. Шумскому. Большой ошибкой епархіальнаго начальства было назначеніе въ с. Яполоть о. Шумскаго, человѣка узко-практическаго и съ странностями въ характерѣ (онъ черезъ нѣкоторое время повѣсился въ своей клунѣ). Мало-заинтересованный уставомъ братства, онъ отложилъ порученное ему исправленіе братскаго устава ad calendas graecas. На этомъ и остановилась дѣловая,—оффиціальная сторона братства. А Соханская посылала письмо за письмомъ и къ братчикамъ, и къ священнику и ждала „плодовъ отъ новонасажденнаго виноградника,“ какъ она выражалась въ одномъ изъ писемъ.

„Бога ради поторопитесь окончательной редакціей устава и представьте его куда слѣдуетъ, писала она яполотскому священнику (должно быть Шумскому, дата на письмѣ не обозначена). Вы пишете, что правительство не разрѣшило братства. Это не вѣрно, и вы своимъ несообразнымъ толкованіемъ только смущаете умы. Правительство только не согласно съ нѣкоторыми статьями устава, которыя нужно измѣнить или даже выбросить. Хотя и жаль вычеркивать одиннадцатый пунктъ, однако дѣлать нечего: воля высшаго начальства для насъ приказъ. Съ своей стороны мы должны стараться, чтобы сдѣлать

---

[1]) При отношеніи отъ 25 марта 1867 г. за № 215.

[2]) Указъ консисторіи отъ 15 іюня 1867 г. за № 5962.

все, что отъ насъ зависитъ, дабы не быть изобличенными въ неумѣніи взяться за дѣло. На нашемъ братствѣ, не забывайте этого, лежитъ святая обязанность просвѣтить народъ."

Въ другомъ письмѣ Соханская, поздравляя прихожанъ съ наступающимъ церковнымъ праздникомъ, пишетъ, между прочимъ, такимъ образомъ: „Ну, что-же нашъ новонасажденный виноградъ? скоро-ли онъ принесетъ желанные плоды? Я положительно мучусь судьбой нашего братства, которое уже нѣсколько лѣтъ не можетъ даже дойти до своего устава. До какихъ поръ мнѣ ждать извѣстій о немъ? Сдѣлано-ли то, что я просила? Если вамъ, батюшка, нѣтъ возможности заняться уставомъ, то неужели въ селѣ не найдется грамотнаго человѣка, который переписалъ-бы уставъ и прислалъ-бы его по крайней мѣрѣ мнѣ? Какое невѣжество! Когда вы меня записали въ число братчицъ, я переболѣла душой за западно-русскій край и думала, что вы и сами не откажетесь отъ какойнибудь работы, а теперь съ удивленіемъ вижу, что вы надѣетесь только на меня и должно быть ждете, чтобы я опять пріѣхала въ вашъ далекій край. Всё, что я могу сдѣлать, сдѣлаю и, если-бы не мое нездоровье, я, быть можетъ, пріѣхала-бы къ вамъ, но по нездоровью и домашнимъ обстоятельствамъ не могу. Вмѣстѣ съ симъ я пишу волынскому губернатору и преосвященному и прошу ихъ помочь вамъ. Но я знаю, что сами они ничего для васъ не сдѣлаютъ, если вы не позаботитесь о себѣ. Вѣдь когда человѣкъ самъ о себѣ не заботится, то и Богъ ему не поможетъ, не то что губернаторъ." [1]) Идеальные вопли народолюбки были тщетны. Оффиціальная сторона братства на этомъ остановилась и дальше не пошла.

III.

Не ограничиваясь устройствомъ яполотскаго братства, Соханскія задумали организовать братства меньшихъ размѣровъ

---

[1]) Отъ 5 апрѣля 1868 года.

въ сосѣднихъ селахъ Космачевѣ, Збужѣ, Золотолинѣ и др. Съ этой цѣлью онѣ во время своего перваго пребыванія на Волыни ѣздили по разнымъ селамъ, собирали гдѣ можно было сходы и толковали крестьянамъ о пользѣ братствъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Съ этой-же цѣлью Соханская кажется раздавала народу своего рода прокламаціи. До сихъ поръ еще среди грамотной части населенія ходитъ тетрадка съ надписью: „Призывъ къ братской помощи." Мы имѣли возможность видѣть одинъ экземпляръ этого призыва, хранящагося въ архивѣ спасо-преображенской церкви въ м. Степани. Приводимъ его дословно, исправляя орфографическія неправильности, допущенныя переписчиками. „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Братства, это возможное исцѣленіе, это исторически передѣланное (переданное) намъ орудіе древней православной силы побороть нашего врага. Въ чемъ теперь весь вопросъ правительства и вся забота тѣхъ людей, у которыхъ болитъ сердце за западно-Русскій народъ? Въ томъ, чтобы высвободить народъ изъ подъ вліянія панства и жидовъ, которые не смотря на объявленную волю, держатъ бѣдное истощенное народонаселеніе въ самой тяжкой неволѣ—въ своей кабалѣ. И чтобы посмотрѣть, что это за панско-жидовская кабала? Загляните въ № 38 „Дня", въ „Областное обозрѣніе". Это ссуженный рубль за 100 и 130 процентовъ, оплачиваемыхъ работою! Это позорные 8 рублей обольщенной женщины и за которые однако-же взимается процента въ недѣлю по копѣйки съ рубля! Это 17 р. на цѣлый годъ закрѣпощеннаго въ работу человѣка по два дня въ недѣлю мужицкихъ (мужскихъ) и по одному женскому! И это еще вещественная цѣна, а во что поставить невещественную оцѣнку того, что является бѣднякъ съ поклономъ въ ноги пану или его клеврету жиду и слышитъ: „Что? Сладка Московская воля? Что-же ты не къ Москалямъ идешь, собачья твоя вѣра и собачья кровь (psia viara i psia krew)!" Во имя Христа Бога, во имя брата нашего единовѣрнаго и едино-Русскаго, изъ котораго тянутъ жилы и надъ которымъ ругается исконный врагъ Христа и безумный врагъ всего, что есть Русское—братства,

возобновленныя братства должны прійти на помощь! Снять поруганіе съ этой называемой Москвы, не дать убить вѣру въ насъ, нашего брата и, что важнѣе всего, братской помощью ослабить мертвый бселъ, который затягиваютъ они вмѣстѣ, жидъ и панъ, на шеѣ освобожденнаго народа. Но какъ сдѣлать? Въ чемъ можетъ состоять эта „братская помощь". Въ ста рубляхъ—которые пусть братчики, записавшіеся изъ насъ, постараются положить въ основу своихъ братствъ и сдѣлаютъ эту сумму братской помощью въ своемъ приходѣ для всякаго, кому прежде нужно было идти продавать себя жиду, или отдаваться въ кабалу къ пану—сдѣлаютъ эти сто рублей приходскимъ заемнымъ банкомъ, изъ котораго братство будетъ выдавать свои суды за проценты; но эти проценты, безъ сомнѣнія, не могутъ быть ни панскими, ни жидовскими процентами. Эта сумма: сто рублей! намъ можетъ показаться ничтожною и не стоющею того, чтобы съ нею приступать къ дѣлу, но могу васъ увѣрить, она стоитъ великаго для бѣднаго народа. Его нужды потому то являются крайними вопіющими нуждами, что онѣ составляютъ послѣднее, въ чемъ можетъ себѣ отказать человѣкъ и бываютъ такъ ничтожно-малы, что не превышаютъ трехъ-четырехъ рублей—но эта трехрублевая нужда гнетомъ смерти лежитъ на Бѣлорусцѣ, обутомъ въ дрянныя лапти, одѣтомъ въ бѣлую безцвѣтную одежду и который ѣстъ хлѣбъ пополамъ съ мякиною и еще добавляетъ его древесной корой! Неужели вы думаете, что содержатель корчмы еврей, который съ тѣмъ вмѣстѣ держитъ все населеніе въ кабалѣ, имѣетъ всегда въ наличности болѣе, чѣмъ сто рублей, которые онъ раздаетъ на свои жидовскіе проценты? Нѣтъ, онъ очень часто не имѣетъ половины этой суммы; но все дѣло въ томъ, что въ этомъ бѣдномъ селеньѣ, въ этомъ „родномъ краѣ долготерпѣнья", гдѣ люди живутъ даже не на мѣдный грошъ, а на вѣники и на сушеные грибы—а государственную подать и еще теперь усиленную выкупною ссудою платятъ не грибами и не вѣниками—жидъ есть единственное лицо, которое звенитъ деньгой передъ бѣднымъ народомъ и у котораго рубль-два ли, но есть возможность получить взаймы,

не стоя уже ни за какими жидовскими процентами. И вотъ здѣсь-то именно на этой посредствующей ступени между государствомъ съ его необходимыми тяжелыми требованіями и бѣднымъ истощеннымъ народомъ съ его піявками, нашей общественной силою пусть воздвигнутся и станутъ возобновленныя братства съ ихъ сторублевой братской помощью—чтобы московская воля не показалась хуже панской неволи. Имѣющій уши слышать да слышитъ.... Аминь".

Соханская умѣла писать... Сомнительно, конечно, чтобы кто либо изъ малограмотныхъ помѣщиковъ, слѣдуя призыву, заглядывалъ въ „Областное обозрѣніе" „Дня", едва-ли многіе изъ нихъ понимали смыслъ и значеніе братствъ, но самый фактъ существованія „призыва" въ нѣсколькихъ спискахъ показываетъ, какъ высоко ставилъ полѣшукъ авторитетъ Соханской. Каждое ея слово звучало для него среди глухихъ лѣсовъ полѣсья, какъ символъ избавленія отъ нужды и экономическаго гнета и это слово, быть можетъ, тѣмъ болѣе его электризовало, чѣмъ менѣе онъ его понималъ. Неизвѣстно, какъ появился „призывъ" въ видѣ литературнаго отдѣльнаго произведенія. Такъ какъ содержаніе „призыва" за малыми исключеніями почти буквально схоже съ частью „Письма изъ Волыни", напечатаннаго въ 67 № „Дня", то естественнѣе всего предположить, что Соханская прислала этотъ номеръ мѣстному священнику, а тотъ распространилъ его среди крестьянъ, придавъ ему форму призыва. Читатель изъ дальнѣйшаго увидитъ, что для такого предположенія есть основаніе.

Любопытна попытка Н. С. Соханской реорганизовать старинныя, такъ называемыя цеховыя братства въ м. Степани[1]), ровенскаго уѣзда.

Это мѣстечко и теперь считаетъ у себя болѣе десятка братствъ. Организованныя на началахъ литовско-польскихъ статутовъ и насчитывающія столѣтія своего существованія степанскія братства, съ прекращеніемъ польскаго режима въ краѣ,

---

[1]) Степань отстоитъ отъ Яполоти въ 20 верстахъ.

приняли очень своеобразную форму, въ которой существуютъ и до настоящаго времени. Степанскія цеховыя братства заслуживаютъ особеннаго вниманія, уже потому одному, что успѣли до сихъ поръ сохраниться не въ формѣ отжившей традиціи (какъ въ другихъ мѣстечкахъ), а въ формѣ все еще живучихъ, дѣйствующихъ и усердно поддерживаемыхъ крестьянами общинъ. Всѣхъ цеховыхъ братствъ въ м. Степани въ настоящее время девятнадцать. До настоящаго времени степанскіе цехи держатся еще своей давней, довольно стройной организаціи. Старшій братчикъ—цехмистръ (или цехмистриха, смотря по тому мужскій ли цехъ, или женскій) представляютъ первую и самую главную инстанцію въ этой организаціи. Онъ главный распорядитель въ цехѣ. Въ домѣ у него—цеховой сундукъ съ цеховыми деньгами, документами, книгами, разными квитанціями и записями по дѣламъ цеха. Но распорядительная власть его значительно ограничена „подскарбіями". „Подскарбій", (или „подскарбая")—повѣренный цехмистра. Одинъ безъ другого не въ правѣ ничего предпринять, даже открыть цеховой сундукъ, такъ какъ ключи отъ стоящаго въ домѣ цехмистра сундука хранятся у подскарбія—жителя иногда совершенно другой улицы. Подскарбій и цехмистръ составляютъ родъ постояннаго цехового совѣта. Третью инстанцію въ организаціи цехового начальства составляютъ три „лавника" (или „лавнички"), исполняющіе второстепенныя обязанности, возлагаемыя на нихъ цехмистромъ. Это въ своемъ родѣ цеховая полиція,—сотскіе по дѣламъ цеха. Цеховые братскіе праздники, представляютъ въ настоящее время картину общаго пьянства. На праздникѣ, кромѣ братчиковъ, могутъ присутствовтть и посторонніе, но съ нихъ взимаются особыя денежныя пожертвованія, которыя тоже пропиваются. Для этой цѣли въ хатѣ цехмистра во все время пиршества стоитъ кружка для сбора пожертвованій отъ постороннихъ посѣтителей. Цеховой праздникъ иногда превращается въ шумную оргію разгулявшихся крестьянъ и бабъ. Въ хатѣ цехмистра подымается въ это время невообразимый шумъ и гамъ, для усмиренія котораго даже власть цехмистра оказывается безсильною.

По сознанію самыхъ крестьянъ, на рыбарскомъ цеховомъ праздникѣ ими пропивается до 100 рублей, а на пахарскомъ—обыкновенно продолжающемся 10 дней (отъ перваго января), выпивается 40 ведеръ водки и съѣдается цѣлый быкъ, который покупается для этой цѣли на братскія деньги. Особенно шумно празднуютъ свои годовые праздники тѣ цехи, праздники которыхъ приходятся осенью и зимою, когда у крестьянъ бываетъ меньше хозяйственныхъ хлопотъ и больше досужаго времени; таковы: пахарскій, шевскій, кушнирскій и братскіе цехи. Эти послѣдніе празднуютъ иногда до двухъ недѣль; другіе цеховые праздники длятся недѣлю и только немногіе бѣднѣйшіе цехи (какъ пречистскія сестры, бортники и др.) празднуютъ свой праздникъ только три дня. Въ дни цеховыхъ торжествъ пропивается весь капиталъ, собранный годовыми взносами братчиковъ. Послѣ праздниковъ цеховая кружка совершенно пуста. Сами крестьяне сознаютъ, что отъ цеховыхъ праздниковъ наибольшая прибыль бываетъ только еврею Мошку.

Сохансвія еще до пріѣзда на Волынь знали объ этихъ братствахъ, такъ какъ въ воззваніи Абрамовича, напечатанномъ въ „Днѣ“, было упомянуто объ одномъ изъ этихъ братствъ. Ознакомившись, по слухамъ, съ ненормальными сторонами этихъ братствъ, Надежда Степ. задалась цѣлью ихъ переустройства. Одно случайное обстоятельство содѣйствовало ея участію въ дѣлахъ степанскихъ братствъ. Во время пребыванія Сохансвихъ въ Яполоти, чрезъ это село возвращались „изъ жнивъ“ (мѣстнаго отхожаго промысла, очень развитого здѣсь) нѣкоторые члены степанскихъ цеховыхъ братствъ (въ числѣ ихъ находился самъ цехмейстеръ ткацкаго цеха). Крестьяне были позваны въ училище къ Сохансвой, которая обстоятельно разспрашивала ихъ о братствахъ, школѣ и, какъ говорилъ мнѣ одинъ участникъ этой аудіенціи, „дала намъ якіись книжечки и стильки грошей, скильки мы не заробылы на жнивахъ“. Быть можетъ сумма данныхъ денегъ сильно преувеличена въ воспоминаніяхъ крестьянъ, но безспорно, что заработки ихъ тогда были очень не велики, а Соханская, въ порывѣ своей симпатіи къ народу,

была щедрой благотворительницей. Для какого назначенія были даны Сохансной деньги крестьяне не помнятъ; но деньги они взяли себѣ. Придя домой, крестьяне такъ расхвалили „чудную пани", что многіе изъ почтенныхъ крестьянъ м. Степани потянулись въ одинъ изъ воскресныхъ дней въ Яполоть за новыми подачками, но вернулись ни съ чѣмъ. Соханскія уже выѣхали изъ Яполоти въ свое имѣнье. Какія книжечки были даны Соханской и куда онѣ дѣвались,—никто ничего не можетъ сказать.

Участіе Соханской въ дѣлахъ степанскихъ братствъ было менѣе замѣтно, и потому степанскіе крестьяне мало помнятъ Соханскую. Сама она хорошо понимала, что воскресить прежнее значеніе братствъ было не въ ея силахъ. „Но вопросъ о самыхъ возобновляемыхъ братствахъ и возможной судьбѣ ихъ, говоритъ она, *привлекъ все мое вниманіе.* Быть тѣмъ, чѣмъ была и осталась въ исторической памяти благотворная дѣятельность знаменитыхъ братствъ, слагавшаяся постепенно и которая наконецъ впитала въ себя всю народно-православную духовную силу литовской и украинской Руси,—быть этимъ блѣдной тѣни, едва поднимающейся изъ гроба, конечно, нечего было ожидать. И однако же не ожидая на первыхъ порахъ многаго—о самомъ существованіи возобновляемыхъ братствъ, являлся пытливый, неотступный вопросъ: жизнь ли въ нихъ, или одна вспышка, которая блеснетъ и погаснетъ? И вотъ, чтобы не погасла эта искра былой народной жизни, объявляющаяся въ наше время, мнѣ казалось необходимымъ дать церковнымъ братствамъ однажды навсегда залогъ, который бы упрачивалъ имъ существованіе помимо всѣхъ колеблющихся и преходящихъ личныхъ вліяній. Такой залогъ, которымъ бы братство, не оставляя своихъ приходскихъ попеченіи о церкви, съ тѣмъ вмѣстѣ расширило свою дѣятельность, подступило бы съ нею къ самому народу и въ непроходимую чащу его крайнихъ вопіющихъ нуждъ могло-бы внести свою „братскую помощь". [1])

---

[1]) «Москва» 1867 г. № 67.

Чтобы поддержать эту „искру былой народной жизни", Соханская писала мѣстнымъ священникамъ длинныя письма о значеніи братствъ. Одно изъ такихъ писемъ было адресовано степанскому священнику о. С. К—у [1]). „Я узнала, что у васъ. о. С., издавна существуютъ братства, которыя, польско-латинскими обычаями, не только не содѣйствуютъ развитію добрыхъ понятій въ народѣ, но напротивъ разрушаютъ и тѣ понятія, какія сохранились въ немъ подъ покровомъ православнаго духовенства. Я очень была возмущена, когда услышала, что такое у васъ дѣлается по братству и потому намѣрена сказать вамъ, о. Симеонъ, нѣсколько словъ о значеніи братствъ въ русско-западномъ краѣ". Далѣе слѣдуетъ на полторы страницы разъясненіе значенія историческихъ братствъ Львовскаго, Виленскаго, Острожскаго и др. „Братство—великое христіанское дѣло, пишетъ Соханская далѣе, но какъ можно допустить, чтобы такое дѣло получило столь неправильное теченіе, совершенно противное духу правительства. Развѣ знаменитые защитники православія для того основывали братства, чтобы ихъ преемники находили въ братскихъ суммахъ лишь одинъ источникъ для пьянства и народнаго безобразнаго разгула? Сердце мое сжимается, когда я узнала, какъ добрые и порядочные изъ прихожанъ даже совершенно непьющіе, напиваются именно въ братскій день; и главное суммы для этого берутъ изъ братской кружки, въ которой послѣ праздника не остается ничего. И хоть бы что нибудь осталось для храма Божія; я уже не говорю о разныхъ добрыхъ учрежденіяхъ, которыя должны бы поддерживаться на средства братства. Почему бы на эти братскія суммы, которыхъ, какъ я освѣдомлена, собирается очень много, но соорудить икону или по крайней мѣрѣ помочь бѣдной школѣ". Посему, мой вамъ искренній совѣтъ, о. Симеонъ, употре-

---

[1]) Письмо отъ 28 іюня 1867 года (письмо сохранилось въ неоконченномъ видѣ). По странной случайности оно хранится у цехмейстера ткацкаго цеха въ м. Степани, хотя адресовано степанскому священнику.

бите все свое усиліе и пастырскій авторитетъ, чтобы вывести бѣдный народъ изъ его заблужденій; это прямое ваше дѣло, о которомъ вы дадите строгій отвѣтъ Господу Богу. Посылаю взносъ для братства 5 рублей и прошу васъ писать мнѣ обо всемъ, что касается вашихъ дѣлъ. Примите къ свѣдѣнію и то, что о степанскихъ братствахъ отъ меня послѣдуетъ особое донесеніе волынскому преосвященному, потому что этого дѣла такъ нельзя оставить". Невѣдомо, куда пошли присланныя при письмѣ деньги, потому что записей о братскихъ суммахъ въ степанскихъ братствахъ не велось. Можно одно сказать, что не одно трогательное письмо на эту тему, должно быть, вышло изъ подъ пера отзывчивой народолюбки—и все таки результатъ дѣятельности Сохановой на устройство братствъ въ ровенскомъ уѣздѣ, волынской губерніи, свелся къ нулю [1]). Съ какими подчасъ недоразумѣніями приходилось считаться Н. С. Сохановой при устройствѣ братствъ, можно судить хотя бы по слѣдующей выдержкѣ изъ письма о. С. К—го, писаннаго Сохановой. Письмо въ черновомъ видѣ сохранилось въ бумагахъ, относящихся къ братствамъ преображенской степанской церкви. „Сегодняшняго дня 20 сего октября въ восемъ часовъ вечера степанскіе жители крестьяне Максимъ Цецыкъ съ женою своею Агриппою, зятемъ Прокопіемъ и прочими братчиками, по прозванію мнѣ неизвѣстными, вошли ко мнѣ въ домъ и какъ въ то время по хозяйскимъ занятіямъ не былъ въ домѣ, то они напали на жену мою безъ всякой причины, будучи въ разъяренномъ видѣ, ругаясь съ поносными словами, приговаривая, что я и жена моя воры и воровъ у себя удерживаемъ и болѣе. Какъ же это обидно для сана священника, и я съ женою моею невинно страждемъ на чести въ нынѣшнихъ крайнихъ обстоятельствахъ, что и дѣти больны"... и т. д. и т. д. „Посему вашу свѣтлость заблаговременно спѣшу увѣдомить, что если вы не войдете въ сіе дѣло братчиковъ съ аккуратною выправкою и удовлетвореніемъ

---

[1]) О степанскихъ цеховыхъ братствахъ и ихъ современномъ значеніи см. мою статью въ «Кіевс. стар.» 1890 г. VII.

за невинную обиду, то я теряю почву подъ собою. А что они (?) вамъ пишутъ, то все я предупреждаю суть клевета древняго змія достойная. Настоящее письмо посылаю чрезъ нарочнаго въ Кіевъ"...(?) Такіе эпизоды въ понятіи священника удивительнымъ образомъ связывались съ реорганизаціей братства. И чего только, подумаешь, не доводилось читать Н. С. Сохан-ской по поводу широко-задуманныхъ ею предпріятій. Конечно, изъ однихъ писемъ ничего не вышло.

IV.

Больше сочувствія въ народѣ нашли для себя попытки Сохан-ской организовать для нуждающагося населенія сельскіе банки. Замыслы ея въ этомъ направленіи были очень широки. Къ осуществленію ихъ она побуждалась фактами еврейской эксплоатаціи, о которыхъ не могла не знать, побывавъ въ юго-западномъ краѣ. Еще въ своей „Просьбѣ" она поэтому настойчиво проводила мысль о необходимости учрежденія въ краѣ приходскихъ заемныхъ банковъ по крайней мѣрѣ въ 100 руб. для того, чтобы избавить сельское населеніе отъ еврейской эксплоатаціи. По смыслу 12-й статьи братскаго устава, дѣйствительно въ селѣ Яполоти учреждался банкъ въ 200 руб. Уставъ банка о. Абрамовичъ съ братчиками предоставилъ выработать его основательницѣ. Надежда Степановна Соханская дѣйствительно составила 1-го октября 1866 года уставъ „Братской помощи на твердыхъ и неизмѣнныхъ основаніяхъ".

Эти основанія,—столь же мѣстами непрактичныя, сколько и наивныя,—во всякомъ случаѣ заслуживаютъ серьезнаго вниманія—какъ фактическія данныя, свидѣтельствующія о попыткахъ практически разобраться въ одномъ изъ сложныхъ вопросовъ, объ устройствѣ сельскихъ банковъ,—до сихъ поръ еще представляючемъ много затрудненій для своего разрѣшенія. „Во-первыхъ,—помощь изъ банка дается только православнымъ,—гласитъ уставъ.—Во-вторыхъ, заемъ выдается на полгода; про-

центъ $1/2$ копѣйки съ рубля (въ братскомъ уставѣ проектировалось % три копѣйки съ рубля въ годъ); въ третьихъ, единократно можетъ быть выдано нуждающемуся не менѣе рубля и не болѣе 15 руб.; въ четвертыхъ, ссуда дается на крестьянскія недоимки и подати прежде всего; въ пятыхъ, должникъ, не возвратившій черезъ полгода занятой суммы, не имѣетъ болѣе правъ получать деньги изъ банка; равнымъ образомъ отказывается въ займѣ и его дѣтямъ до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не выплатятъ долгъ отца; въ шестыхъ, проценты съ заемныхъ суммъ приращаются къ основному капиталу; въ седьмыхъ, братскія суммы должны храниться въ особомъ сундукѣ, въ восьмыхъ, для храненія и выдачи избираются періодически четыре крестьянина изъ каждаго села (т. е. Яполоти и приписанныхъ: Жалина, Збужа и д. Вульки); въ девятыхъ, эти хранители и распорядители суммъ избираются только на годъ; дважды въ годъ долженъ быть контроль суммъ (въ Воскресенье 23 Апрѣля и предъ праздникомъ Покрова); и, наконецъ, въ десятыхъ, „братская помощь учреждается доброхотными пожертвованіями русскихъ добрыхъ людей изъ Петербурга, Москвы и другихъ далекихъ городовъ Россіи и свидѣтельствуется подписью и печатью Надежды Степановны Сохансқой-Кохановской—младшей сестрицы“.

На такихъ „твердыхъ и неизмѣнныхъ основаніяхъ“ въ с. Яполоти основался сельскій банкъ. Основной капиталъ его въ количествѣ 450 руб. сложился изъ 300 руб., пожертвованныхъ Надеждою Степановной, 100 руб. отъ полковника Никифора Ежева и 50 рублей Четверикова. Надежда Степановна ревностно и горячо принялась за устройство Яполотскаго банка. Она искренно вѣрила въ силу своего дѣла и продолжала его усердно и съ увлеченіемъ. Своими „пламенными“ письмами она побуждала своихъ знакомыхъ къ содѣйствію ея планамъ. До какой степени широки были ея планы о яполотскомъ банкѣ и какъ могли-бы при другихъ обстоятельствахъ счастливо пойти его дѣла,—можно судить по слѣдующему письму къ ней П. Н. Б., помѣщенному въ „Волыни“ Н. И. Петрова: „Г. Четвери-

ковъ надѣется въ скоромъ времени, писалъ Б., исполнить ваше желаніе учредить сельскій банкъ и на этотъ предметъ прислать въ распоряженіе ваше до 500 рублей. Поздравляю васъ съ такимъ блестящимъ релультатомъ, покорнѣйше прошу и впредь о нуждахъ вашего братства (о которомъ я много слышалъ отъ Б. А. Перовскаго) увѣдомлять меня и быть увѣренной въ полномъ моемъ участіи къ доброму дѣлу, вами предпринятому" [1]). Но не суждено было устроиться Яполотскому банку на такихъ широкихъ и „неизмѣнныхъ", какъ писала Соханская, основаніяхъ. Яполотцы не умѣли оперировать и съ сложными 450 рублями. Они поступили съ ними такъ, какъ и должны были поступить бѣдняки, предъ глазами которыхъ открылась для безконтрольнаго пользованія сумма въ 450 рублей. Не успѣла еще касса открыться, какъ масса нуждающихся явилась съ спросомъ и чрезъ нѣсколько недѣль весь почти капиталъ очутился на рукахъ заемщиковъ. Ни одна статья изъ составленнаго Соханской устава „Братской помощи" не выполнилась. Проценты платились только на первыхъ порахъ, а затѣмъ совсѣмъ прекратились. Взявшіе ссуды въ 60 годахъ, держатъ ихъ до настоящаго времени, не выплачивая ни процента, ни заемнаго капитала. Въ числѣ первыхъ неплательщиковъ числился долгое время псаломщикъ яполотской церкви П. А., взявшій изъ братскаго капитала 20 рублей и заслужившій справедливое порицаніе отъ Надежды Степановны, которую братчики увѣдомляли иногда о давнихъ неплательщикахъ. „Это не простительно и неизвинительно ничѣмъ, писала по этому поводу Соханскаа, вѣдь если-бы А. взялъ эти деньги у жида, онъ-бы давно уплатилъ ихъ со всѣми жидовскими процентами" [2]). Деньги брались все мелочами.

О распорядителяхъ (по смыслу 8 и 9 ст. устава) и помину не было. Собраніе четырехъ распорядителей изъ разныхъ селъ, кромѣ своего неудобства взаимнаго сообщенія, при даль-

---

[1]) «Волынь» Н. И. Петрова, примѣчаніе 369-ое.

[2]) Письмо Соханской отъ 2 марта 1878 г.

ности разстоянія селъ, было совершенно излишнимъ, такъ какъ банковый сундукъ скоро оказался почти пустымъ. Записная книга братской помощи представляетъ лабиринтъ безконтрольныхъ, неопредѣленныхъ записей безъ обозначенія времени выдачи и срока отдачи. Достаточно сказать, что нѣкоторыя записи представляютъ собою такія строки: „№ 1—5 рублей, № 2—3 рубля, № 3—2 рубля и т. п.“, или-же такъ: „взято на Юрія (т. е. на праздникъ) 50 копѣекъ, да еще на преполовенье два злота“; или: „дано штрафу пять злотыхъ“... Кто взялъ, кому дано, о какомъ штрафѣ рѣчь—неизвѣстно. Записи велись какъ на лоскуткахъ, такъ и въ записной книгѣ. Экстренныя выдачи помѣчались на косякѣ церковнаго притвора. Когда дѣла кассы окончательно запутались, братчики написали Сохановой, чтобы она прислала еще денегъ на ихъ нужды. Сохановая отвѣтила слѣдующимъ замѣчательнымъ письмомъ.

„Привѣтъ мой братству! Получила я ваше письмо, въ которомъ вы говорите о своихъ нуждахъ; и обрадовалась я и огорчилась. Обрадовалась я потому, что вы помните свою далекую братчицу, которая изъ далекаго края протянула свою руку помощи, а огорчилась узнавъ, какъ повели вы свои дѣла съ кассой. Развѣ можно поступать, какъ вы поступаете? Разобрать въ какихъ-нибудь полъ-года почти всѣ деньги безъ записей, безъ свидѣтелей и потомъ не отдавать ихъ, не смотря на требованіе старшихъ братчиковъ, могутъ только люди, у которыхъ совершенно нѣтъ никакихъ понятій. А что-же глядятъ управители? или они быть можетъ думаютъ, что такъ и должно быть? Хуже всего попрошайство, когда человѣку не хочется самому работать. Вѣдь касса устроена для того, чтобы помогать неимущимъ, а не для всѣхъ; открылись деньги—и бери неимущій, а не всѣ кто хочетъ. До меня дошли даже слухи, что многіе берутъ деньги изъ кассы на попойку и пропиваютъ ихъ въ корчмѣ у невѣрнаго жида. Постыдитесь, люди добрые, своего званія! Вѣдь вы христіане, а ведете себя можно сказать въ нѣкоторыхъ случаяхъ хуже жида. Передайте отъ меня неисправнымъ должникамъ, что я на нихъ гнѣваюсь и что если они не

внесутъ во время процентовъ, то я совершенно отступлюсь отъ братства [1]).

Письмо, конечно, оказалось безсильнымъ исправить злоупотребленія. Эти злоупотребленія были, впрочемъ, совершенно понятны. Загнанный, забитый крестьянинъ, работавшій на восьмерыхъ пановъ, никогда невидавшій денегъ въ большомъ количествѣ, но за то видѣвшій кнутъ въ рукахъ управляющаго, вдругъ неожиданно очутился въ сосѣдствѣ почти полъ тысячи рублей и при томъ очутился съ сознаніемъ, что во всякое время онъ можетъ взять изъ этой суммы сколько нужно. Соблазнъ былъ великъ... и касса расплылась. Въ этой исторіи заставляетъ говорить о себѣ не столько мужикъ, сколько наивная учредительница банка, полагавшая, что дать въ руки старшихъ крестьянъ деньги и написать уставъ для ихъ пользованія—значитъ помочь крестьянамъ въ ихъ нуждахъ.

Должно быть братчики не разъ безпокоили Соханскую письмами о неустройствѣ своихъ дѣлъ, потому что въ 1877 году Соханская нашла нужнымъ вторично пріѣхать въ Яполоть. Ей представили счетныя книги. Съ большимъ трудомъ могла свести она счеты банка (по ея повѣркѣ братскій капиталъ равнялся 538 руб., да кромѣ того училищныхъ 200 рублей). На общественномъ сходѣ Соханская предложила, между прочимъ, въ 1877 г. дѣлать всѣмъ братчикамъ ежегодный взнось по 30 коп. Сходъ принялъ предложеніе, и, дѣйствительно, за первый годъ деньги были внесены (Соханская прислала отъ себя 3 рубля), но на слѣдующій годъ братчики сказали, чтобы „имъ еще кто далъ по два злоты", и взносы прекратились. Потерявъ всякую надежду научить крестьянъ правильному веденію дѣла, Соханская соглашалась даже нарушить нѣкоторыя статьи своего устава и требовала уплаты денегъ только съ неисправныхъ должниковъ. Вотъ что она писала священнику изъ Макаровки: „въ нашемъ Георгіевскомъ братствѣ приближается покровскій

[1]) Письмо Соханской отъ 5 февр. 1877 г.

срокъ уплаты суммы и процентовъ. Потрудитесь сказать завѣдующему суммой, чтобы сполна требовалъ деньги только съ тѣхъ, кто былъ давнимъ должникомъ и до моего пріѣзда по 6 и 10 лѣтъ не вносилъ ни процента, ни столба, а другіе, кто желаетъ оставить за собою деньги, пусть только вносятъ проценты безотлагательно"... [1]) Но это была напрасная просьба: долги не возвращены и до настоящаго времени. Не безъ труда намъ удалось установить количество заемщиковъ за слѣдующіе годы: 1866 г. съ 1 октября по 1 янв. было 40 заемщиковъ, за весь 1867 г.—50 человѣкъ, пользовавшихси ссудой (за эти $1^1/_2$ года видны еще попытки платить проценты). Съ 67 по 81 годъ объ операціяхъ банка нѣтъ извѣстій. Въ 1881 году было 20 заемщиковъ; въ 1882 г.—14; въ 1883 г.—16; въ 1884 г.—14; въ 1885 г.—5; въ 1886 г.—9; въ 1887 г.—2. Вслѣдствіе невозможности сбора банковыхъ займовъ и отсутствія болѣе прочныхъ гарантій возвращенія ссуды, яполотская касса истощила свои деньги и прекратила свое существованіе. Жаль, что въ числѣ розданныхъ безвозвратно суммъ числится 200 рублей училищныхъ, которые при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ могли-бы оказать большую матеріальную поддержку очень бѣдному яполотскому сельскому училищу, которое и теперь еле влачитъ свое существованіе.

Надежда Степановна, повидимому, задалась цѣлью раскинуть цѣлую сѣть ссудо-сберегательныхъ кассъ въ этомъ глухомъ уголкѣ. Извѣстно, что такіе же банки, только съ меньшимъ капиталомъ были основаны Н. С. Сохансвою въ с. Тростенцѣ (въ 200 руб.), въ с. Космачевѣ (въ 100 руб.), въ д. Чудвахъ (въ 100 руб.). Эти ссуды, получившія ту-же организацію, пошли по слѣдамъ яполотской ссуды и ихъ постигла та-же участь. Сама учредительница отказалась разобраться въ дѣлахъ и операціяхъ этихъ второстепенныхъ банковъ. Впослѣдствіи мѣстнымъ мировымъ посредникомъ былъ поднятъ проектъ взысканія этихъ суммъ полицейскимъ порядкомъ чрезъ волостныя

---

[1]) Письмо отъ 22 авг. 1877 года.

правленія. Но такъ какъ определенныхъ документовъ о ссудахъ не сохранилось, а сохранившіяся бумаги (лоскутки) давали слишкомъ неустойчивыя данныя для возбужденія дѣла, то проектъ былъ оставленъ.

V.

Въ организаціи какъ братствъ, такъ и банковъ заслуживаютъ быть отмѣченными двѣ особенности. Во-первыхъ, учрежденія открылись и стали дѣйствовать раньше своего оффиціальнаго утвержденія. Они жили, пока могли, и кончились, не получивъ оффиціальныхъ правъ на существованіе. Во-вторыхъ, всё, что было тогда интеллигентнаго въ деревнѣ, было отстранено отъ участія въ дѣлахъ кассы и братства. Не будемъ говорить о сосѣднихъ мѣстечкахъ (родъ посадовъ)—Степани и Деражномъ, гдѣ, конечно, могли бы найтись интеллигентныя лица, для которыхъ возможно было-бы участіе въ дѣлахъ братствъ, но даже сельскій священникъ съ причтомъ совершенно былъ оставленъ въ сторонѣ и не причастенъ ни къ дѣламъ братства, ни къ дѣламъ сберегательной кассы. Только о. Василій Абрамовичъ, какъ основатель братства, имѣлъ кой-какое отношеніе къ кассѣ. Живя уже въ Бѣлостокѣ, онъ пріѣзжалъ иногда въ Яполоть, интересовался положеніемъ братскихъ дѣлъ и даже контролировалъ братскія суммы, какъ объ этомъ можно заключать, напримѣръ, изъ одной приписки, сдѣланной имъ въ братской книгѣ противъ записи о пожертвованныхъ въ 1867 г. 50 руб.: „А гдѣ эти деньги? Забрать справки. Старшій братчикъ В. Абрамовичъ“. Слѣдовавшіе за нимъ священники: Шумскій и Снѣгуровскій не имѣли никакого значенія въ братскихъ дѣлахъ. Эта особенность находитъ, впрочемъ, для себя достаточное объясненіе въ томъ, что Соханская первоначально мало довѣряла приходскимъ яполотскимъ священникамъ. Ея симпатіи, какъ искренней народницы, болѣе тянули къ простому народу, въ простоту и чистосердечіе котораго она вѣрила. По-

ощренные близкимъ участіемъ къ себѣ Соханской и пріобрѣвши въ лицѣ ея вліятельную защитницу своихъ интересовъ, крестьяне начали сильно злоупотреблять довѣріемъ своей благотворительницы. Они то и дѣло посылали въ Макаровку письма, писанныя сельскими полуграмотѣями и наполненныя жалобами на священниковъ и помѣщиковъ. Старшая братчица, помогшая крестьянамъ на нѣкоторое время, естественнымъ ходомъ дѣлъ превращалась въ судью для разбора житейскихъ недоразумѣній между крестьянами—съ одной стороны, и батюшками и помѣщиками—съ другой. Эта роль была совсѣмъ не въ духѣ Соханской.

Въ письмахъ къ своей благотворительницѣ они величали её „свѣтлостью", „сіятельствомъ" и даже „фрейлиною при дворѣ". Замѣчательно, что эти эпитеты, безспорно вызванные у крестьянъ уваженіемъ къ необычайной благотворительности Соханской, ввели въ заблужденіе и автора статьи о япологскомъ братствѣ подъ заглавіемъ: „Свѣтлыя страницы изъ лѣтописи Япологскаго Георгіевскаго братства, состоящаго подъ покровительствомъ фрейлины Ея Императорскаго Величества Надежды Степановны Соханской-Кохановской". Къ сожалѣнію, до сихъ поръ неизвѣстно, что составляло собственно свѣтлыя страницы этой кутерьмы, которую неизвѣстному автору вышеприведенной статьи угодно было назвать „лѣтописью".

Соханская принимала всѣ письма и жалобы братчиковъ къ сердцу. Довѣріе Соханской къ крестьянамъ и ихъ жалобамъ доходило до того, что она посылала имъ въ черновой прошеніе на священника Шумскаго къ епархіальному начальству. Во время своего пребыванія въ Япологи, благотворительница посѣщала многихъ крестьянъ, принимала къ сердцу ихъ нужды, радовалась всеобщему сочувствію къ себѣ народа, выражавшемуся, напримѣръ, въ томъ, что при каждомъ въѣздѣ въ каждое село ее встрѣчали съ хлѣбомъ и солью. Но, къ сожалѣнію, Соханская не умѣла отдѣлить въ этихъ оваціяхъ показную, театральную сторону отъ существенной. Дѣло въ томъ, что при каждой подобной встрѣчѣ она клала на столъ нѣсколько ассигнацій встрѣчавшимъ ее крестьянамъ. При каждомъ ея въѣздѣ

представлялся, такимъ образомъ, удобный случай поживиться на счетъ благотворительнаго кошелька Надежды Степановны. Этимъ и объясняется, главнымъ образомъ, обиліе въѣздныхъ торжествъ, которыя крестьяне устраивали для Сохансkой. Къ какимъ подъ-часъ печальнымъ недоразумѣніямъ приводили подобныя оваціи, можно судить по слѣдующему факту. Однажды къ Надеждѣ Степановнѣ пришелъ одинъ отставной солдатъ съ жалобой, что „громада" отнимаетъ у него деньги, данныя ему Сохансkою за хлѣбъ и соль, выставленные имъ при въѣздѣ благотворительницы въ Яполоть, „тогда какъ хлѣбъ и соль, наивно прибавлялъ солдатъ, принадлежатъ не громадѣ, а мнѣ... а я, извѣстно, человѣкъ бѣдный" и проч. Положеніе Сохансkой было крайне щекотливое...

Вмѣшательство Сохансkой въ церковныя дѣла испортило отношенія между священникомъ с. Яполоти и крестьянами. Привыкнувъ вѣдаться лишь съ Сохансkой, братчики часто враждовали съ священниками, не обращали вниманія на ихъ заявленія и часто противились ихъ требованіямъ. Священнику с. Яполоти приходилось лавировать, угождать Сохансkой и прихожанамъ.

Трудно сказать, къ чему привело-бы такое положеніе дѣлъ, если-бы для Сохансkой, со времени ея второго визита въ Яполоть (въ 1877 г.), не наступилъ періодъ разочарованія въ основанномъ ею братствѣ. А разочароваться было чѣмъ. Дошло до того, что дѣла ссудной яполотской кассы сосредоточились въ рукахъ одного крестьянина, который, напримѣръ, выдавалъ деньги нуждающемуся только подъ тѣмъ условіемъ, если послѣдній угощалъ его и братчиковъ водкою, а безъ водки: „нема грошей", говорилъ онъ. Нежелавшій платить процентовъ обыкновенно освобождался отъ нихъ послѣ того, какъ достаточно угостилъ свое братское начальство. Эти и подобные имъ факты не могли быть неизвѣстными Надеждѣ Степановнѣ, которая могла дѣйствовать лишь однимъ орудіемъ—пламеннымъ перомъ, не приносившимъ на этотъ разъ никакой пользы.

Переписка Соханской 80-хъ годовъ съ о. Іаковомъ Тарановичемъ (новымъ священникомъ с. Яполоти послѣ Снѣгуровскаго) даетъ возможность документально показать, какъ постепеннымъ разочарованіемъ въ братчикахъ Н. С. Сохавская постепенно измѣнила и свою политику по отношенію къ яполотскому братству. Сохранившіяся у о. Іакова письма Сохавской, дышущія неподдѣльнымъ чувствомъ и чистосердечіемъ, представляютъ небезынтересный психологическій матеріалъ для изученія этой замѣчательной женщины, умѣвшей какъ горячо любить, такъ и ненавидѣть.

„Съ большимъ огорченіемъ прочла я ваше письмо. Терпѣніе, терпѣніе и одно терпѣніе, которое можетъ дѣлать дѣло вообще въ жизни нашей, а тѣмъ болѣе въ вашей, пастыря строптивыхъ духовныхъ овецъ, невѣжественныхъ и грубыхъ и гордыхъ этой сухой невѣжественностью и грубостью. Созижди вамъ, Господи, эту твердыню, въ которой-бы можно было укрыться, не изнемогая нравственно и не падая въ тягчайшее изъ золъ—уныніе!.. Въ утѣшеніе ваше и свое собственное я вамъ передамъ слова покойнаго Высокопреосвященнаго Филарета Московскаго, который, вообще, въ духовныхъ дѣлахъ своихъ и своихъ взглядахъ выражался свѣтло и мѣтко. Такъ онъ сказалъ однажды, что „дѣла дѣлаютъ не люди, а человѣкъ". Много-премного можетъ собраться людей и всѣ они будутъ кричать, спорить, толковать, а дѣло сдѣлаетъ одинъ человѣкъ, молча и терпѣливо. И этимъ человѣкомъ все-таки приходится вамъ быть; итакъ, почтеннѣйшій о. Іаковъ, дѣлайте ваше дѣло, какъ душевный подвигъ, въ терпѣніи; простите этой грубой злобѣ, клеветѣ, какъ и Христосъ простилъ всѣмъ намъ". Сохавская совѣтовала для устройства иконостаса выписать „иконостасныхъ дѣлъ мастера и живописца Рыжкова". „Тогда, говоритъ она, вся ваша мѣстность узнала-бы, какъ украшаются святыя церкви въ великой Россіи". „Впрочемъ, прибавляла она, дѣлайте, какъ знаете... Заранѣе я говорю вамъ, т. е. братству, что я все дѣло сдѣлала: написала св. иконы, а въ ваше общее крикливое и спорное дѣло я не стану мѣшаться". Характери-

стиченъ post scriptum этого письма: „я бы написала братству и попеняла бы ему, что такое святое и великое дѣло, какъ обновленіе святаго храма, они начинаютъ омерзительнымъ и, можно сказать, богохульнымъ поступкомъ: пьянствомъ у жида и взяткою у мастера въ три ведра водки,—т. е. дѣло Господне начинаютъ не съ молитвою и благословеніемъ отца духовнаго, а мерзко и отвратительно пропиваютъ его на могарычѣ. Но я боюсь, что такое мое обращеніе къ братству еще болѣе повредитъ вамъ: васъ назовутъ ябедникомъ и проч. Поступайте, какъ найдете лучше". [1])

Большою силою справедливаго негодованія и оскорбленнаго чувства недостигнутой цѣли, непонятой дѣятельности, дышитъ слѣдующее письмо: „что-то сердце мое не чуетъ отрады и отказалось отъ всякаго желанія безъ силы исполненія..; и васъ и меня огорчаютъ однѣ и тѣ-же дѣла нашего несчастнаго братства, отъ котораго въ душѣ я уже совершенно отказалась. Никакой простоты и мягкости сердечной не оказалось въ этихъ людяхъ, надменныхъ и грубыхъ, именно „жестоковыйныхъ", какъ упоминается въ Священномъ Писаніи. Св. великомученикъ Георгій взыскалъ ихъ своей милостью... Онъ изъ-за тысячи верстъ привелъ людей, которые не почему другому, какъ только по дѣйствію христіанской любви и готовы были, и сдѣлали, что могли, въ помощь и наученіе бѣднаго заглохшаго народа... Совершенно угнетеннымъ людямъ дарствовалась свобода, и эту-то свободу хотѣлось просвѣтить школою и оживотворить союзомъ освященнаго историческаго братства. Вы на мѣстѣ знаете, какъ первый свидѣтель и цѣнитель этой свободы, какъ она постоянно ведетъ къ одному: къ распрямъ, къ несогласію, къ совершенной невозможности, даже при деньгахъ, завести мало-мальски порядочную и постоянную школу. Совершенно въ микроскопѣ польскій сеймикъ, гдѣ возгласъ одного „не позвалямъ" пріостанавливалъ совершеніе всякаго дѣла. Душа моя отврати-

---

[1]) Письмо отъ 11 іюля 1881 г.

лась отъ этихъ грубыхъ и гордыхъ нелюбовныхъ людей. Я ничего ни знать, ни слышать не хочу о нихъ больше". 1)

Сохранилась цѣлая конфиденціальная переписка между Сохансокю и яполотцами. Братчики очень дорожатъ письмами Надежды Степановны и не соглашаются показать ихъ даже своему батюшкѣ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Кохановская писала между прочимъ: „Яполотскому Св.-Георгіевскому братству. Увѣдомляю братство, что я получила письмо, которое года черезъ четыре братство вздумало написать ко мнѣ. Не отвѣчала я потому, что, во-первыхъ, я была тяжко больна; а, во-вторыхъ, не заслуживаете вы отвѣта той, которая за 1000 верстъ обратилась къ вамъ съ любовію и сдѣлала для васъ то, что ни отцы, ни матушки ваши не могли для васъ сдѣлать. И чего я желала и просила у васъ? Чтобы у васъ была школа; что если вы сами, отцы,—грубые и невѣжественные, то чтобы дѣти ваши стали лучшими, узнали законъ Божій, научились читать святыя молитвы правильно и смысленно, и могли-бы вамъ—своимъ родителямъ—въ хатахъ вашихъ читать св. евангеліе и смягчать жестокія и злобныя сердца ваши. Что же, вы послушали меня? Въ послѣдній свой пріѣздъ, прощаясь, я со слезами просила васъ: „живите мирно! На то и братство, чтобы между вами были любовь и согласіе и усердіе ко всякому общему дѣлу, церкви касающемуся, школы, наученія дѣтей уму и добру". А вы какъ исполняете мою просьбу? Что ни лучше найдется учитель въ школѣ, то вы тѣмъ хуже поступаете съ нимъ. Когда три-четыре человѣка пошлютъ дѣтей учиться, а пять-десять злобствуютъ, не хотятъ учителя знать и всячески стараются выжить его изъ училища. Постыдитесь добрыхъ людей и бойтесь Господа Бога! Семь лѣтъ тому назадъ, когда я была у васъ, вы уже говорили о колокольнѣ и теперь еще не приступили къ постройкѣ и пишете мнѣ, чтобы я отсюда выхлопотала вамъ планъ. Когда вамъ понадобился планъ, который вы, по лѣности вашей и нерадѣнію, не успѣли выхлопо-

1) Письмо 17 марта 1883 г.

тать, тогда вы два письма написали ко мнѣ, а сколько годовъ прошло, что вы, братство, и не думали вспомнить, что у васъ есть далекая сестра; жива-ли она, или умерла? Да, она жива, чтобы сказать вамъ эти горькія справедливыя слова". [1])

Для сужденія о Сохански особенно характерно послѣднее предсмертное ея письмо. „Поздравляю васъ съ приближающимся днемъ нашего общаго празднества св. Великомученику. Въ прошломъ году, въ этотъ самый день началась моя тяжелая смертельная болѣзнь, отъ которой меня возстановило таинство св. Елеосвященія; но задатки ея остались и теперь оказываются въ полномъ ихъ развитіи. Въ прошломъ октябрѣ я ѣздила въ Москву лечиться, слегла тамъ отъ другой простудной болѣзни, едва не умерла и едва могла добраться домой къ празднику Рождества Христова. Какъ ни думали меня заговорить московскія знаменитости, но теперь это уже несомнѣнно, что у меня ракъ внутри. Обыкновенная медицина его не излѣчиваетъ, но электро-гомеопатія гр. Матеи даетъ средства, и вотъ употребляю эти средства и по описанію нахожу, что у меня болѣзнь уже въ такомъ періодѣ развитія, когда и средства Матеи ничего не помогутъ. Слѣдовательно, нужно смотрѣть тяжкой, страдальческой смерти прямо въ глаза со смиреніемъ и терпѣніемъ и покорной преданностью въ волю Божію. Благословимъ Отца и Сына и Святаго Духа, лобызая милующую и карающую насъ по грѣхамъ нашимъ десницу Господню! Это мой удѣлъ отъ Бога, и я должна принять его и потрудиться въ немъ. Помогите мнѣ вашею высокою и священною молитвою и именно молясь о дарованіи мнѣ смиренія и терпѣнія, потому что вы знаете: „духъ бодръ, а плоть немощна". Въ великую субботу я сподобилась пріобщиться св. Таинъ у себя въ домѣ и всю пасхальную ночь провела, бодрствуя въ креслѣ; но на другой день св. праздника началась у насъ какъ-бы осенняя погода, дождь съ снѣгомъ, буря, и теперь тре-

---

[1]) Письмо отъ 23 мая 1883 г.

щатъ морозы, не перемѣняются; такъ что я даже не выглянула еще изъ комнаты и всю свѣтлую седмицу перетомилась, вставая съ постели, чтобы опять лечь. Вотъ вамъ мои обстоятельства не въ жизни, а къ смерти. Передайте мой поклонъ, прощаніе и прощеніе братству. Оно, кромѣ огорченія, ничего не принесло мнѣ и ничѣмъ не порадовало мою душу. [1])

P. S. Заказала на чугунно-литейномъ заводѣ большой крестъ на оградку, гдѣ покоятся мнѣ присные и гдѣ я сама надѣюсь скоро лечь. Какъ у васъ народъ? У насъ совсѣмъ обнищалъ пятилѣтнимъ неурожаемъ и нарядами молодежи. Что заработали сынъ и дочь, все убито на наряды, а въ семью на хлѣбъ—ничего. И что ни самая парадная на улицѣ дѣвка и пара,—то и самая голодная въ домѣ". [2])

„Адресованное въ глухую деревню къ смиренному деревенскому священнику, это письмо, говоритъ Русскій Странникъ, настолько характеризуетъ покойную писательницу, что было-бы искренно жаль, если-бы ея будущій біографъ не воспользовался этимъ цвѣткомъ, достойнымъ украсить ея могилу и заставить потомство уважать ея память не только какъ писательницы, но и какъ истинно-русской женщины. „Съ 14 окт. я вся опухла; открылась водянка. Вамъ не надобно говорить, что это значитъ. 22 окт. я сподобилась пріобщиться св. Таинъ и принять великое елеосвященіе". [3])

Надежда Степановна умерла въ декабрѣ 1884 года. Съ ея смертію и кончилась вся лѣтопись Яполотскаго Георгіевскаго братства. Начатое по личной иниціативѣ предпріимчиваго о. Василія Абрамовича, поддерживаемое капиталомъ и вліяніемъ Сохансксй, призвавшей къ матеріальной помощи братству многихъ благотворителей, братство кончилось и должно

---

[1]) Письмо отъ 17 апр. 1884 г.

[2]) Письмо отъ 17 апр. 1884 г.,—было напечатано въ «Нов. Вр.» № 3419 «Русскимъ Странникомъ».

[3]) Письмо Сохансксй А. Ѳ. Аксаковой отъ 6 ноября 1884 г.

было кончиться по смерти его иниціаторовъ. Вся исторія братства показываетъ, что оно было частнымъ дѣломъ доброй, сердобольной женщины, упустившей изъ виду, что для жизни братства не было самаго главнаго нерва—умѣлаго руководства дѣломъ, представлявшимъ собою явленіе особое и новое въ средѣ народа, чуждаго грамоты и только что очнувшагося отъ крѣпостной летаргіи.

Въ заключеніе скажемъ еще объ одной сторонѣ дѣятельности Н. С. Сохановской-Кохановской въ юго-западномъ краѣ. Во время своихъ двукратныхъ поѣздокъ на Волынь она привозила съ собой много разныхъ брошюръ и тетрадокъ (писанныхъ и печатныхъ) просвѣтительнаго содержанія и раздавала ихъ народу. Крестьяне до сихъ поръ вспоминаютъ „харьковскую пани, що давала гроши та кныжечки". Предназначая просвѣтительныя книжечки для народа, она въ то-же время мѣстную интеллигенцію просвѣщала особыми брошюрами того общественно-политическаго направленія, которое называлось славянофильствомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Брошюры эти въ краѣ, гдѣ русская газета не знала еще путей, считались мѣстной полуобразованной интеллигенціей „запрещенными", охотно переписывались, распространялись и зачитывались до дыръ. Въ числѣ этихъ, якобы запрещенныхъ, книгъ встрѣчались нумера „Дня", „Руси", „Москвы", нѣкоторыя книжки „Утра", изд. Погодинымъ. Статьи, касающіяся церковныхъ вопросовъ, нашли для себя большое распространеніе среди мѣстнаго духовенства. Это были передовыя статьи, писанныя по этимъ вопросамъ Иванцовымъ-Платоновымъ. Но наибольшей популярностью среди мѣстной интеллигенціи пользовалась „Рѣчь предсѣдателя московскаго славянскаго комитета, сказанная 6 марта (годъ не обозначенъ) по поводу ополченія русскихъ добровольцевъ въ русско-турецкую войну". Эта рѣчь прошла въ массѣ списковъ среди мѣстной интеллигенціи. Нѣкоторыя ея мѣста такъ нравились, что заучивались даже наизусть. Устарѣвшая по содержанію и малопонятная въ настоящее время „рѣчь" тѣмъ не

менѣе усвоялась многими, какъ нѣчто особенное... Обличеніе высшихъ классовъ петербургскаго общества отмѣчалось мѣстными читателями, какъ высшая степень либерализма. Мы видѣли полный неиспорченный текстъ этой въ свое время замѣчательной рѣчи у нынѣ здравствующаго батюшки с. Яполоти о. І. Т—а, которому много обязаны содержаніемъ настоящей статьи.

Ѳ. А. Кудринскій.

Письма митрополита Кіевскаго Арсенія къ протоіерею Петру Гавриловичу Лебединцеву.

(Съ пояснительными примѣчаніями свящ. І. Гордіевскаго).

Благодаря любезности свящ. Іоанна Гордіевскаго, редакція „Кіевской Старины“ получила въ свое распоряженіе интересный матеріалъ—32 письма Кіевскаго митрополита Арсенія (Москвина) къ прот. П. Г. Лебединцеву, писанныя въ періодъ времени съ конца 1862 по 1876-й годъ, т. е. какъ-разъ въ тѣ годы, когда митр. Арсеній былъ ежегодно вызываемъ въ Петербургъ для присутствованія въ святѣйшемъ синодѣ. Оба названныя лица хорошо памятны нашему Кіеву и кіевской епархіи по той роли, которую играли они въ дѣлѣ духовнаго и народнаго просвѣщенія, особенно въ 60-хъ годахъ, когда такъ осложнились отношенія между духовными и свѣтскими властями по вопросу о народныхъ школахъ. Будущій историкъ когда-нибудь найдетъ возможность освѣтить эту страницу въ жизни нашего края и высказать свой безпристрастный судъ; мы-же пока обязаны опубликовать тотъ матеріалъ, который поможетъ этому освѣщенію. Съ этой-то стороны, какъ увидитъ читатель, письма митр. Арсенія представляютъ большой интересъ. Но и помимо этого, данныя письма, принадлежащія перу такого крупнаго іерарха и писанныя въ тонѣ неоффиціальномъ, являются особенно интересными, такъ-какъ касаются многихъ вопросовъ,

волновавшихъ мѣстную кіевскую жизнь, и даютъ намъ возможность узнать откровенныя мнѣнія о нихъ, а равно и нѣкоторыя дѣянія со стороны такихъ лицъ, какъ мѣстный представитель духовной власти и его ближайшій другъ и помощникъ, хорошо вѣдомый Кіеву въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ своей пастырской и ученой дѣятельностью—Петръ Гавриловичъ Лебединцевъ. Письма эти во многихъ частяхъ получаютъ еще бо́льшее значеніе, благодаря тому, что они снабжены цѣнными примѣчаніями родственника П. Г. Лебединцева, свящ. І. Гордіевскаго, имѣвшаго возможность пользоваться копіями писемъ П. Г. Лебединцева къ митр. Арсенію, именно тѣхъ писемъ, на которыя мы читаемъ здѣсь отвѣтныя заключенія послѣдняго. Въ тѣ годы, къ которымъ относится эта переписка, митр. Арсеній, отправляясь ежегодно на нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ въ Петербургъ, имѣлъ возможность не терять нити текущихъ событій въ своей епархіи, не только получая оффиціальныя донесенія изъ Кіева, но имѣя еще и такого частнаго корреспондента, какъ П. Г. Лебединцевъ, который во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся кіевской епархіи, былъ его правой рукой.

Изъ 32 писемъ митр. Арсенія, доставленныхъ намъ въ подлинникѣ, мы печатаемъ только то, что касается вопросовъ общихъ или имѣющихъ общественное значеніе; все-же, носящее личный характеръ, опускается совсѣмъ.

1862 г.

1.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей.

Бумаги, отъ 5 сего декабря ко мнѣ посланныя, Вамъ возвращаю и прежде всего благодарю Васъ за благоразумную распорядительность и бдительность Вашу по училищному дѣлу. Затѣмъ статью о народныхъ училищахъ, за исключеніемъ изъ нея словъ, мною зачеркнутыхъ, пустите съ Богомъ въ путь. Причину исключенія этихъ словъ, думаю, Вы поймете и безъ

моего особаго объясненія. Но самое дѣло, въ нихъ указанное, т. е. открытіе педагогическаго отдѣленія, только не при Академіи, а при Семинаріи, постарайтесь подготовить и ко мнѣ представить. Хорошо было-бы, если-бы добрый Сильвестръ Сильвестровичъ [1]) съ своимъ столько-же добрымъ товарищемъ сами въ частномъ ко мнѣ письмѣ вызвались съ своею готовностію послужить безмездно духовному юношеству въ педагогическомъ его образованіи въ свободное для нихъ время. Эта инціатива была-бы для нихъ почетна, а для меня удобна въ испрошеніи на то разрѣшенія у высшаго начальства. Если-же на это они не согласятся, то пусть Вашъ комитетъ о необходимости сей мѣры и добровольномъ и притомъ безмездномъ вызовѣ на сіе дѣло какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ наставниковъ, ко мнѣ отъ себя представитъ. О допущеніи въ составъ комитета г.г. Ригельмана и Гогоцкаго [2]) переговоры продолжайте: дѣло весьма полезное. Протеста подольскаго (духовенства), какъ написаннаго въ формѣ жалобы на свое Епархіальное начальство и вмѣстѣ съ тѣмъ проэктирующаго о гласномъ судопроизводствѣ по духовному вѣдомству, въ нашихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, принять нельзя, а взамѣнъ того постарайтесь доставить ему возможность быть напечатаннымъ въ какомъ-либо свѣтскомъ журналѣ, напр.—въ Телеграфѣ, Днѣ, или Сынѣ Отечества: думаю, что тамъ отказа не будетъ; а предметъ стоитъ вниманія образованной публики [3]). Ожесточенная злость противъ насъ,

---

[1]) Профессоръ университета Гогоцкій.

[2]) Ригельманъ—помѣщикъ и членъ крестьянскаго губернскаго присутствія.

[3]) Редакторъ Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей протоіерей Павелъ Троицкій въ 17 № за 1862 г. порицалъ выборное начало въ церковномъ управленіи, называя его новшествомъ. Петръ Гавриловичъ въ 23 № Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей цѣнными историческими справками совершенно опровергъ о. Троицкаго и доказалъ, между прочимъ, что выборы благочинныхъ не новизна въ русской церкви, а древній обычай нашъ, проживш³ій многіе вѣка

народныхъ образователей, неудивительна: имъ изъ-за насъ, еще до моего прибытія въ Петербургъ, посланъ строгій отъ министерства выговоръ. Это значитъ, что на огонь вылита смола: естественно пламя, и безъ того довольно сильное, должно было послѣ сего вспыхнуть; но авось Богъ дастъ, когда г. Шульгинъ [1]) съ своею высокоученою братіею, по пророчеству Ѳоменка [2]), увидятъ не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ свою несостоятельность,—оно само собою погаснетъ, якоже возгорѣвшееся въ терніи. Надобно только пока и намъ не зѣвать и повсюду свои старанія усилить. Напоминайте объ этомъ чаще и подтверждайте изъ комитета или инымъ какимъ-либо образомъ. За всѣмъ слѣдите зорко и ничего не оставляйте безъ вниманія, а когда свѣдѣніе объ окончательномъ распоряженіи Попечителя и Ригельманъ и Вы отпечатаете, тогда войдите ко мнѣ изъ комитета съ представленіемъ, что всѣ, такъ называемыя, народныя школы, образовались изъ церковно-приходскихъ, изъ коихъ двѣ, т. е. Хабнинская и Малинская снова пришли въ прежнее состояніе церковно-приходскихъ—и только. Всѣмъ Вамъ поклонъ и благословеніе.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній, м. Кіевскій.
1862 г. 18 декабря.

и только уничтоженный реформами Петра Великаго на сѣверѣ, а на югѣ Россіи павшій въ началѣ 19 вѣка. Названіе благочиннаго принадлежитъ концу 18 вѣка, но должность эта не нова и существовала у насъ издревле, хотя съ большими или меньшими правами и подъ другими наименованіями: старѣйшинъ, волостелей, поповскихъ старостъ, поповскихъ десатскихъ. Во время печатанія своей статьи, Петръ Гавриловичъ получилъ изъ г. Ушицы Подольской губерніи протестъ подольскаго духовенства противъ статьи о. Троицкаго. Не смѣя безъ разрѣшенія своего архипастыря сдѣлать изъ нея какое-либо употребленіе, онъ представилъ этотъ протестъ на благоусмотрѣніе митрополита Арсенія.

[1]) Профессоръ Университета.

[2]) Священникъ с. Темберщины Василій Ѳоменко. Пророчество его заключалось въ слѣдующемъ: 4 декабря былъ онъ у Петра Гавриловича и говорилъ, что народныя школы не встрѣчаютъ сочувствія въ народѣ и должны скоро пасть.

1863 г.

2.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

Благодарю за Ваши хлопоты: продолжайте. Г. Ригельмана поблагодарите отъ моего имени за его благородную готовность оказать намъ свое великодушное содѣйствіе. Только мнѣ думается, не лучше ли будетъ, вмѣсто членства въ комитетѣ, которое, по многимъ отношеніямъ, можетъ быть для него стѣснительнымъ, или по крайней мѣрѣ покажется таковымъ, открыть для него болѣе обширный и свободный кругъ дѣятельности въ званіи почетнаго попечителя по хозяйственной части надъ церковно-приходскими училищами въ нѣсколькихъ уѣздахъ, которые онъ, по близости къ своему имѣнію, самъ изберетъ? Переговорите съ нимъ объ этомъ и объ отзывѣ его увѣдомьте меня, съ обозначеніемъ, въ случаѣ его согласія, какіе именно уѣзды избираетъ онъ. Не знаю, какъ ему и вамъ это представится, а мнѣ кажется, что дѣло это будетъ солиднѣе и для него почетнѣе. Представленіе о педагогіи я внесъ въ св. Синодъ: будетъ ли успѣхъ, не знаю. Къ сожалѣнію, на педагогику здѣсь не только духовные, но и свѣтскіе люди высшей сферы смотрятъ не больше, какъ новомодное шарлатанство. Да правду сказать, я и самъ-то не далекъ отъ того, и если хлопочу объ открытіи ея при Семинаріи, то для того только, чтобы зажать ротъ нашимъ порицателямъ. О награжденіи священниковъ и причетниковъ и даже лицъ женскаго пола, оказавшихъ наибольшую ревность и успѣхи въ обученіи дѣтей, ожидаю представленіе изъ консисторіи: прошу напомнить о семъ Михаилу Михайловичу [1]). Жалованье законоучителямъ въ народныхъ школахъ, надѣюсь крѣпко, будетъ значительно увеличено, а потому и раздѣленіе приходовъ, въ которыхъ эти школы будутъ заведены, между двумя священниками будетъ почти не-

---

[1]) Секретарь консисторіи Хижняковъ.

чувствительно: потому что и жалованье это будетъ также между ними раздѣлено, слѣдовательно, если приходскіе священники потеряютъ нѣсколько въ приходахъ, за то получатъ вознагражденіе въ жалованьѣ. Кромѣ того, мнѣ желательно,—наши церковно-приходскія училища, преобразованныя стараніемъ Тулова [1]) въ народныя, возвратить въ первобытное ихъ состояніе, а г. Тулова съ товарищами, т. е. мировыми посредниками и чиновниками особыхъ порученій, заставить набрать для своихъ народныхъ школъ новыхъ учениковъ и ученицъ, и думаю, что если крестьянскія общества покажутъ правду, какимъ образомъ происходило это превращеніе церковно-приходскихъ школъ въ народныя, по ихъ ли собственному желанію, или по волѣ г.г. открывателей, ссылавшихся даже на волю царскую, непремѣнно успѣю.

Да благопоспѣшитъ Господь къ намъ и Вамъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній, м. Кіевскій.

3 февраля 1863 г.

3.

Высоко-преподобнѣйшій о. протоіерей, возлюбленный о Господѣ братъ!

Присланный Вами указъ возвращаю Вамъ. Извините, что поздно отвѣчаю Вамъ: причинъ на это бездна, а между ними главная та, что Вы, зная мои мысли объ нашихъ училищахъ, и безъ особаго моего напоминанія, будете умѣть дѣйствовать въ тактъ въ своемъ новомъ положеніи члена консисторіи и совѣщателя въ новоучрежденномъ г. Генералъ-Губернаторомъ училищномъ комитетѣ, а въ случаѣ, если-бы Вашъ голосъ не былъ уваженъ, то хотя-бы онъ оставался одинъ, написать и подать въ комитетъ сильный протестъ, копію съ котораго выслать ко мнѣ. Хорошо бы, конечно, было, если-бы и ректоръ Академіи и

---

[1]) Окружной Инспекторъ Кіевскаго Учебн. Округа, впослѣдствіи помощникъ Попечителя.

протоіерей Ѳаворовъ присоединился къ Вамъ [1]), но куда они склоняются, или склонились уже, про то знаетъ ихъ совѣсть, а мы увидимъ впослѣдствіи. Ваше-же дѣло, во всякомъ случаѣ, предложить имъ принять Вашу сторону. Вся моя претензія въ этомъ дѣлѣ, какъ извѣстно Вамъ, состоитъ только въ томъ, чтобы школы, у духовенства отнятыя министерскими чиновниками съ полиціею, ему были возвращены, а министерство потрудилось-бы завести свои школы, куда я и готовъ назначить законоучителей, лишь-бы только положили для нихъ достаточное жалованье, а именно отъ 150—200 р. Такое-же жалованье священникамъ съ причетниками было-бы назначено и въ школахъ чисто церковно-приходскихъ. Само собою разумѣется, такой суммы въ полной мѣрѣ не дадутъ; но поторговаться не мѣшаетъ и авось, послѣ долгихъ споровъ и отрицаній, дадутъ сумму, хотя сколько нибудь къ помянутой цифрѣ приблизительную. Вѣдь не соглашались-же прежде дать законоучителю болѣе 50 р. въ годъ, а теперь даютъ уже 75 р. Кромѣ того, мнѣ желательно было-бы, чтобы народныя школы, въ видѣ образцовыхъ, допущены были только въ городахъ и развѣ въ нѣкоторыхъ значительныхъ мѣстечкахъ, и я эту мысль, куда слѣдуетъ, забросилъ, но примется-ли она, не знаю. Забавно, что г. попечитель въ отнятіи у насъ церковно-приходскихъ школъ здѣсь заперся, увѣряя министра, а министръ меня, что такихъ случаевъ не бывало. Извольте вести дѣло и переписку съ такими фальшивыми людьми. Придется доказывать эту ложь формальнымъ слѣдствіемъ. Но для сего надобно въ каждой мѣстности имѣть въ виду надежныхъ депутатовъ съ нашей стороны. Хорошо было-бы, если-бы Вы это дѣло извѣстными Вамъ путями подготовили, да и меня о томъ увѣдомили. При этомъ слѣдствіи надобно, чтобы твердо было доказано, что такъ называемые общественные приговоры о народныхъ школахъ, составлены были безъ

---

[1]) Ректоръ академіи Филаретъ и профессоръ Богословія Университета протоіерей Ѳаворовъ были лучшіе друзья Петра Гавриловича.

согласія самихъ обществъ, по наговору, или даже приказанію, съ угрозами, или съ обманомъ относительно сліянія церковно-приходскихъ школъ, мировыхъ посредниковъ, генералъ-губернаторскихъ чиновниковъ и проч. и волостныхъ старшинъ, равно какъ подробно было-бы раскрыто, какія непозволительныя средства для подговора старшинъ и крестьянъ были употреблены и проч. т. п.

Въ оправданіе Тулова съ компаніею относительно неправильнаго награжденія Коваленка [1]) министръ сослался на Ваши Епархіальныя Вѣдомости, гдѣ сказано, что награда эта дана по донесенію не Тулова, а мѣстнаго гражданскаго начальства. Охота-же вамъ была печатать о семъ. И вообще Вамъ нужно было, ужъ если печатать о семъ, то съ большою оговоркою, а не съ однимъ словомъ, въ скобкахъ поставленнымъ, котораго иной читатель и не замѣтитъ, слѣдовательно цѣль не будетъ достигнута. Теперь успѣхъ или проигрышъ дѣла въ Вашихъ рукахъ. Если кіевское духовенство, предъ лицемъ цѣлаго свѣта столько возвысившееся, упадетъ снова въ грязь и свѣтскою гордынею будетъ потоптано, то оно должно жаловаться на своихъ собратій, которые не умѣли или не хотѣли поддержать его и словомъ и дѣломъ на должной высотѣ.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. Кіевскій.

27 марта 1863 г.

4.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

За два письма Ваши благодарю Васъ, а за медленность отвѣта прошу меня извинить. Но чтобы подобной медленности въ другомъ отношеніи не произошло съ Вашей стороны, считаю неизлишнимъ напомнить Вамъ, что насталъ декабрь, а

---

[1]) Волостной старшина Герасимъ Коваленко, которому начальство Кіевскаго Учебнаго Округа черезъ князя Васильчикова выхлопотало медаль.

съ окончаніемъ декабря кончился и годъ, къ концу-же года всякіе счеты и отчеты должны быть въ добромъ хозяйствѣ оканчиваемы. Церковному-ли хозяйству оставаться позади другихъ? Надѣюсь, что для Васъ не нужно объясненія, къ чему мое слово [1]). Случайная и, конечно, кратковременная, а теперь, вѣроятно, давно уже окончившаяся размолвка съ сослуживцами меня огорчила. Вы имѣете столько силы ума и воли, что легко могли поставить себя такъ, чтобы ни суетность, ни зависть, ни тщеславіе не могли коснуться Васъ. Знаю, что въ извѣстныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ положенія это трудно; но что доброе безъ труда дѣлается? Постарайтесь-же со всѣми, и даже съ Говорскимъ, [2]) войти въ миролюбное согласіе и, забывъ все, въ чемъ и какъ можно, помочь ему. Онъ стоитъ порицанія за многое, а главное за неумѣренность въ языкѣ; но есть въ немъ также и добрыя стороны, изъ-за которыхъ можно быть къ нему снисходительнымъ. Поддержаніе-же Вѣстника, особенно въ настоящее время, это неотложная обязанность каждаго изъ насъ, искренно любящаго церковь и отечество, не Великороссійское, но и Малороссійское, какъ одно цѣлое и нераздѣльное и по вѣрѣ и по плоти. Мы можемъ, пожалуй, въ недобрый часъ другъ съ другомъ и побраниваться не слишкомъ благозвучными словами: хохолъ и москаль, или кацапъ; но и среди самой жаркой перебранки взаимно другъ друга уважать и любить изъ уваженія къ единству вѣры и крови, общаго бѣдствія и славы. А споръ объ языкѣ—это чистое ребячество, въ которомъ

---

[1]) Не имѣя своей канцеляріи, Петръ Гавриловичъ съ перваго года поступленія м. Арсенія на Кіевскую каѳедру, по его-же порученію, составлялъ годичные отчеты о состояніи епархіи для отсылки въ Св. Синодъ. Эту обязанность несъ онъ и при митрополитахъ Филаретѣ и Платонѣ. Неудивительно, если при массѣ обязанностей Петръ Г. иногда запаздывалъ съ проектами донесеній въ Св. Синодъ.

[2]) Редакторъ издававшагося въ Кіевѣ журнала «Вѣстникъ Юго-Западной Россіи».

та и другая сторона одинаково и по одинаковой причинѣ не права. Когда Котляревскій перевелъ на малороссійскій языкъ Енеиду, кто противъ него спорилъ, кто запрещалъ ему? Никто, а напротивъ всѣ съ удовольствіемъ читали ее. Но когда нѣсколько буйныхъ, но къ несчастію ученыхъ людей, вздумали языкъ сдѣлать орудіемъ своихъ возмутительныхъ идей (теперь это уже не тайна) и посредствомъ разныхъ брошюръ возбуждать и поощрять народъ къ ненависти противъ такъ называемой Московщины, тогда, по моему мнѣнію, не только великороссы, но и благоразумные малороссы должны возстать противъ такихъ гибельныхъ затѣй и самое орудіе на время положить въ сторону. Неужели для насъ мало печальнаго зрѣлища нашихъ братьевъ нѣмецкихъ и турецкихъ славянъ? Что ихъ губитъ и содержитъ въ рабствѣ, какъ не взаимный споръ объ языкѣ и даже буквахъ, какими должно писать—русскими или латинскими,—споръ въ теченіе многихъ вѣковъ нерѣшенный, да едва ли когда и могущій быть рѣшеннымъ? Что-же? Хотимъ-ли и мы умножить собою эту и безъ того огромную массу славянъ страждущихъ? О, враги наши тому порадуются, и вся Европа, доселѣ къ намъ враждебная, заговоритъ объ насъ языкомъ для насъ сладостнымъ, а сама между тѣмъ въ-тихомолку будетъ смѣяться надъ нами, и одно племя наше за другимъ будетъ прибирать къ рукамъ своимъ. Не то-же-ли она дѣлаетъ и теперь съ безмозглыми поляками? Не то-же-ли съ Чехами и Галиціанами? Гдѣ наши Моравляне, гдѣ Шлёнзаки и проч. и проч.? Потонули въ безднѣ нѣметчины, и все это отъ того, что всякій изъ нихъ хотѣлъ быть первымъ и свой языкъ поставить выше всѣхъ другихъ,—хотѣлъ лучше принять чужія буквы и чужое правописаніе, съ насиліемъ для своихъ родныхъ звуковъ, природнаго чувства и свѣжей мысли, такъ что послѣ сего изъ слова—*былъ* вышло—*билъ*, изъ *щедушный—сшедушный* (Szczeduchny), нежели допустить, чтобы какой-либо одноплеменный языкъ сдѣлался, по крайней мѣрѣ въ дѣловыхъ бумагахъ, общимъ для всѣхъ племенъ славянскихъ. Ну, скажите на милость, не странно-ли, не смѣшно-ли это? И однако-же объ этомъ го-

ворятъ и судятъ люди солидные и умомъ, и лѣтами, и званіемъ почтенные... На что это похоже? Всякій разъ, когда мнѣ приходится встрѣчаться съ людьми сего рода и слышать ихъ такъ говорящихъ и разсуждающихъ, я припоминаю себѣ одного стараго съ сѣдыми волосами, почтенной наружности поляка въ Подоліи, явившагося ко мнѣ въ желтыхъ сафьяновыхъ полусапожкахъ, въ синемъ кунтушѣ, съ краснымъ широкимъ поясомъ и съ малымъ дѣтскимъ изъ зеленаго сафьяна картузомъ съ красною на верху кисточкою. Не смѣшонъ только, но наиболѣе жалокъ мнѣ былъ этотъ полякъ въ такомъ несвойственномъ его лѣтамъ убранствѣ. Смѣшными и жалкими мнѣ представляются и всѣ тѣ, которые о мелочахъ разсуждаютъ съ важностію, а о предметахъ важныхъ говорятъ и судятъ легкомысленно. Не объ отдѣленіи другъ отъ друга намъ славянамъ помышлять теперь должно, а о дружномъ и единодушномъ противодѣйствіи совокупному напору Европы, испоконъ вѣку насъ немилующей.

Рѣшеніемъ училищнаго дѣла, конечно, я доволенъ и всѣхъ Васъ, въ томъ числѣ и г.г. попечителя и Вилуева [1]) благодарю.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. Кіевскій.

2 декабря 1863 г.

1864 г.

5.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

Благословенъ Богъ, времена и лѣта въ своей власти положивый и въ новомъ лѣтѣ благодатіею, къ намъ нисносылаемой, новую милость даровавый намъ. Благодарю за поздравленіе Ваше меня съ сею милостью Божіею и, взаимно поздравляя Васъ, призываю на Васъ благословеніе Божіе. Не менѣе того благодаренъ я и за Ваши вѣсти и повѣсти о дѣлахъ и

---

[1]) Директоръ 2 Кіевской гимназіи.

дѣйствіяхъ, въ нашей преславной консисторіи совершающихся. Для водворенія мира съ немирными и для охраненія чести губернскаго и главно-епархіальнаго присутственнаго мѣста, прошу Васъ, всякаго рода споры и ссоры при зерцалѣ прекратить и на предложенной Вами перемѣнѣ въ дѣлопроизводствѣ не настаивать. Пусть будетъ пока statu quo: можно и при этомъ порядкѣ, другимъ незамѣтнымъ образомъ достигнуть тойже цѣли и быстроты въ ходѣ дѣлъ и правосудія въ рѣшеніи оныхъ. По крайней мѣрѣ мнѣ удалось это сдѣлать въ Тверской консисторіи. О новомъ членѣ консисторіи я представленія еще не получилъ, а когда оно придетъ ко мнѣ, я посмотрю и по всей широтѣ правды законной разсужду. Думаю впрочемъ, что и состязанія, и опасенія Ваши, т. е. той и другой стороны, были напрасны, или по меньшей мѣрѣ преждевременны. Нашъ общій знакомецъ златопольскій смотритель училища Николай, кажется, Гавриловичъ Сторожевскій пишетъ ко мнѣ съ большою скорбію, что церковь его остается безъ священника и слѣд. безъ богослуженія. Позаботьтесь, пожалуйста, о пріисканіи туда кандидата, который, помнится, и былъ уже, но вѣрно отказался, и напишите къ нему, какъ о положеніи сего дѣла, такъ и о моемъ ему съ семействомъ благословеніи [1]). О. ректоръ семинаріи [2]), съ которымъ, я надѣюсь, уже помирились Вы, пригласитъ Васъ, безъ сомнѣнія, къ себѣ, для предъявленія Вамъ, по моему порученію, нѣкоего писанія къ нему и къ

---

[1]) Смотритель Златопольскаго дворянскаго училища Сторожевскій напрасно утруждалъ м. Арсенія своею просьбою о священникѣ для своей церкви, такъ какъ тамъ былъ на мѣстѣ законоучитель и священникъ о. Крамаренко. Дѣло въ томъ, что Сторожевскій разладился съ учителями и Крамаренковымъ. Директоръ 2 кіевской гимназіи Вилуевъ нарочно ѣздилъ въ м. Златополь для дознанія о растратѣ Сторожевскимъ училищной суммы (2000 р.) и только по вниманію къ его семейному положенію далъ ему время покрыть эту растрату, съ условіемъ перемѣщенія его на другое мѣсто.

[2]) Архимандритъ Ѳеоктистъ.

Вамъ равно относящагося [1]). Примите сіе писаніе къ своему соображенію и въ предостереженіе. А за брошюру о французскихъ школахъ я весьма Вамъ благодаренъ, и если есть у Васъ

---

[1]) Подъ «нѣкіимъ писаніемъ» разумѣется письмо митрополита московскаго Филарета, строго слѣдившаго за направленіемъ духовныхъ журналовъ, къ митрополиту Арсенію. Вѣроятно, кромѣ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, оно касалось и «Руководства для сельскихъ пастырей», редакторомъ которыхъ состоялъ тогда ректоръ семинаріи, архимандритъ Θеоктистъ, иначе непонятно, почему м. Арсеній послалъ это письмо не прямо къ Петру Гавриловичу, а черезъ посредство другого лица. Въ свое время я списалъ копію съ этого письма и, кажется, только то, что касалось Петра Гавриловича, какъ редактора Вѣдомостей. Вотъ текстъ его: «Въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ есть полезная для нынѣшняго времени статья о народныхъ школахъ во Франціи; не такова статья (№ 20, 1863 г.) о улучшеніи быта духовенства, особенно рѣшительныя резолюціи. Писатель хочетъ составить духовенство изъ всѣхъ сословій; здѣсь впрочемъ предполагается, что тысячи семействъ нынѣшняго духовенства надобно живыхъ въ землю зарыть или въ воду бросить. И чего хотятъ? Мы и нынѣ принимаемъ изъ другихъ званій способныхъ; въ Москвѣ есть архіерей изъ флотскихъ офицеровъ и архимандритъ изъ студентовъ Университета. Нужно вразумлять нашихъ скороспѣлыхъ писателей и преобразователей. Нѣтъ примѣра въ другихъ вѣроисповѣданіяхъ, чтобы духовенство такъ крошило себя въ куски». На это Петръ Гавриловичъ въ письмѣ къ м. Арсенію отвѣтилъ: «Лице, писавшее извѣстное письмо, кажется, забудетъ Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости, прочитавши статью объ улучшеніи быта духовенства въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Раздѣляя общее всѣхъ къ нему уваженіе, я позволю себѣ думать, что лучше-бы насъ вразумлять печатными опроверженіями, какъ напр., сдѣлано по вопросу о монашествѣ епископовъ. Въ Москвѣ не пропускаютъ новыхъ идей въ духовные журналы, за то тѣмъ рѣзче тѣ-же духовныя лица кричатъ въ «Вѣстникѣ» «Днѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Что здѣсь лучшаго? У насъ не налагаютъ печать на уста, за то изъ Кіева нѣтъ духовныхъ корреспонденцій въ «Днѣ». Запретили-бы въ «Днѣ», найдутъ другіе выходы, и чѣмъ строже запретъ, тѣмъ злѣй будутъ

нѣсколько экземпляровъ готовыхъ, то пришлите ихъ ко мнѣ. Ея Высокопревосходительству Вѣрѣ Ивановнѣ [1]) за такую готовность ея на доброе дѣло прошу предъявить мою большую благодарность. На почетную попечительницу я охотно согласенъ; только смотрите—не огорчились-бы вельможныя. Не нужно-ли предложить сіе званіе княгинямъ Васильчиковой, или Голицыной?

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

2 генваря 1864 г.

6.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

За присылку отчетныхъ проектовъ и печатной брошюры благодарю Васъ. Брошюры этой 15 экземпляровъ я послалъ къ преосвященному митрополиту московскому, по его желанію, въ письмѣ ко мнѣ выраженному. Это дѣлаетъ честь Кіевскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ и ихъ редактору. Новому журналу [2]), если-бы онъ въ мудрости и силѣ Божіей начался и пошелъ, я радъ; но нисколько не желаю, чтобы съ появленіемъ его другіе журналы уничтожились, развѣ только одни

кричать. По словамъ письма, мы гонимъ своихъ въ воду, или хотимъ зарыть живыхъ въ землю. А кто подписывалъ опредѣленія о разборѣ духовенства? (Разумѣется, русскіе іерархи). Что хуже—разборъ и насильственная отдача въ военную службу, или выходъ свободный изъ духовнаго званія? Если какіе либо причетники, по нашему проекту, и выйдутъ даже въ мѣщане, неужели они будутъ несчастнѣе тѣхъ, которые цѣлыми массами были отдаваемы въ военную службу»?

[1]) Супруга генералъ-губернатора Анненкова.

[2]) Новый журналъ, названіе котораго я забылъ, думалъ издавать одинъ только протоіерей Григорій Крамаревъ, но не заручившись сотрудниками, которыхъ въ Кіевѣ почему-то не оказалось, совершенно оставилъ мысль объ изданіи журнала.

„Труды Кіевской Академіи", какъ для Академіи трудныя и для большинства публики неудобные, могутъ быть оставлены; но и то, по моему мнѣнію, лучше-бы было измѣнить для нихъ программу, нежели вовсе отмѣнять и упразднять ихъ, т. е. вмѣсто нынѣшнихъ ученыхъ статей, печатать въ нихъ професс. лекціи и лучшія студенческія сочиненія. Чрезъ это для публики они сдѣлались-бы доступнѣе и интереснѣе, а для Академіи выгоднѣе. Редакція-же того журнала, какой у меня въ головѣ, очевидно не можетъ быть поручена одному о. Крамареву, но вмѣстѣ и о. Фаворову: надѣюсь, что онъ не откажется. О Сухобрусовскомъ домѣ можете затѣять по консисторіи дѣло и ко мнѣ представить съ мнѣніемъ, а о вѣнчиковой суммѣ, какъ имѣющей свое спеціальное назначеніе, и не думайте. Ея Высокопревосходительству Вѣрѣ Ивановнѣ прошу предъявить мой поклонъ и благословеніе, а вмѣстѣ и благодарность за попеченіе ея объ окончательномъ устройствѣ церкви. Вамъ-же, по моему мнѣнію, всего лучше было-бы быть при сей церкви постояннымъ священникомъ въ родѣ капеллана, если-бы только назначено было постоянное жалованье въ достаточномъ количествѣ, а В. И. безъ сомнѣнія, можетъ это сдѣлать, представивъ о томъ министру снова, съ иниціативы будто-бы городского общества, которое, изъ уваженія къ Его Высокопревосходительству, захотѣло принять на себя поддержку устроенной въ его домѣ церкви и содержаніе особаго при ней причта. Не сказать-ли В. И. всю правду? Мнѣ хотѣлось-бы, чтобы и при этой церкви, и при Спасской, и при училищной были особые настоятели, хотя, само собою разумѣется, главный распорядитель училища имѣетъ полное право служить въ сей церкви, когда только захочетъ. Испанскій-же и вообще католическій обычай, какъ противный правиламъ древней церкви и выражающій собою духъ прямо противохристіанскій, у насъ не можетъ быть допущенъ [1]). За вниманіе Археографическую комис-

---

[1]) Относительно «испанскаго обычая» нужно замѣтить слѣдующее. Ея Высокопревосходительство Вѣра Ивановна Анненкова,

сію, благодарю: оно для меня дорого по тому уваженію, какое я имѣю къ лицамъ, въ ней дѣйствующимъ. Касательно училищной попечительницы поступите такъ, какъ совѣтъ Вашъ признаетъ за лучшее. О болѣзни, вторгшейся въ училище, скорблю и молю Господа да сохранитъ Онъ питомцевъ нашихъ отъ смертоносныя язвы подъ своимъ отеческимъ кровомъ. Увѣдомьте меня о послѣдствіяхъ и ходѣ болѣзни.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

7 февр. 1864 г.

7.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей.

Мысль Вашу о Спасской церкви я вполнѣ раздѣляю: напишите ко мнѣ прошеніе о перемѣщеніи Васъ къ генералъ-

---

устроивши при генералъ-губернаторскомъ домѣ церковь, обратилась къ Петру Гавриловичу за совѣтомъ, какъ-бы устроить дѣло такъ, чтобы онъ, состоя священникомъ при Печерской Спасской Церкви, которой подлежалъ и генералъ-губернаторскій домъ, могъ постоянно служить въ ея церкви. На это Петръ Гавр. отвѣтилъ ей: «въ Испаніи и во многихъ католическихъ странахъ приходъ есть нераздѣльное цѣлое, и потому тамъ настоятель приходской церкви есть вмѣстѣ настоятель и всѣхъ церквей въ своемъ приходѣ: домовыхъ, училищныхъ, или другихъ, лично совершая богослуженіе, или чрезъ викаріевъ. Это правило, писалъ Петръ Гавриловичъ м. Арсенію, полезно-бы, по многимъ причинамъ, ввести и у насъ. Для осуществленія его въ Спасскомъ приходѣ, все-же нужны деньги, чтобы имѣть священника другого; а деньги можетъ дать городъ, хотя-бы тѣ самыя, которыя онъ производилъ причту Андреевской церкви до 1842 г. изъ городскихъ доходовъ. Если будетъ окладъ, то возможно къ Спасской церкви пріискать священника 2-го. Богослуженія будемъ совершать я или онъ по усмотрѣнію, или попеременно, какъ это было при губернаторѣ Желвухинѣ, когда въ губернаторскомъ домѣ была церковь, а при Спасской церкви 2 священника. Такимъ образомъ я не оставлю штатного мѣста при древнѣйшей церкви и по желанію В. И. буду служить въ домѣ генералъ-губернатора. Этотъ проектъ въ ходу, городъ уже назначаетъ 500 р.». Подробностей этого дѣла я не знаю,— знаю только, что при Спасской церкви при Петрѣ Г. служилъ въ качествѣ викарнаго, священникъ Симеонъ Бинецкій.

губернаторской церкви, но въ прошеніи упомяните, что такъ какъ Вы своимъ стараніемъ открыли въ ней древніе фрески, то Вамъ желательно было-бы, при своемъ непосредственномъ наблюденіи, совершить, когда пріищутся къ тому способы, и возобновленіе оныхъ, не требуя за то ни отъ церкви, ни отъ прихожанъ никакого вознагражденія, а единственно по своему усердію къ древней знаменитой святынѣ. Прозоровскій діаконъ на томъ положеніи, какое Вы ему предъявили, можетъ быть прикомандированъ къ генералъ-губернаторской церкви. Спасскій пономарь тоже, по крайней мѣрѣ до времени. Спасибо Вамъ за столь значительное пожертвованіе въ пользу подвѣдомаго Вамъ училища. Вы, значитъ, вполнѣ достойный своего имени распорядитель [1]). Передайте учащимъ и учащимся мое и вмѣстѣ Божіе благословеніе. Отъ души радуюсь и благодарю Бога и Васъ, что Вы своими молитвами и внимательной заботливостію, а Богъ своею силою и благостію не допустилъ укорениться и распространиться въ новомъ нашемъ разсадникѣ

---

1) Что это за значительное пожертвованіе Петра Гавриловича на училище дѣвицъ д. званія, не знаю,—можетъ быть здѣсь сдѣлано указаніе на то, что П. Г. съ 1864 г. изъ редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей вносилъ ежегодно по 150 р. Между разными источниками на нужды училища дѣвицъ дух. званія, онъ, между прочимъ, указывалъ и на кіевскій народный календарь. Вотъ что писалъ онъ митрополиту: «Календарь, изданный г. Андріяшевымъ, довольно плохо составленъ. М. А. Максимовичъ имѣетъ желаніе составить лучшій календарь вмѣстѣ со мною, съ нѣкоторымъ ему за это вознагражденіемъ. Имѣя въ виду, что Никейскимъ 1-мъ соборомъ право обнародованія времени празднованія Пасхи предоставлено Епископу, а не мирянамъ, было-бы сообразно съ канонами церкви, чтобы календарь православный издавался отъ церкви кіевской, а не отъ кіевскаго учебнаго округа и былъ предоставленъ въ пользу кіевскаго училища дѣвицъ духовнаго званія, а не въ пользу министерскихъ школъ. Если это будетъ благословлено Вами, то мы приступимъ къ дѣлу, испрашивая при этомъ единственной гарантіи, чтобы этотъ календарь былъ отпечатанъ въ лаврской типографіи и кромѣ его никакой другой тамъ не печатался».

опасной болѣзни. Со смѣтою, когда будетъ представлена, поступлю по совѣту добраго старца полковника Чеснока. А дабы былъ мнѣ поводъ дать такой дѣлу оборотъ, то Вы въ своемъ представленіи на этотъ путь напомните мнѣ.

Вашего Высокопреподобія покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

5 марта 1864 г.

8.

Высокопреподобнѣйшій о. протоіерей, возлюбленный о Господѣ братъ!

На пасхальный привѣтъ Вашъ, пасхальный-же и отвѣтъ посылаю Вамъ: воистину воскресе Христосъ! и произнося сіи слова, заочно съ Вами христосуюсь, призывая на Васъ и на общихъ дѣтей нашихъ благодать и милость воскресшаго Господа. Будущему возобновленію фресковъ Спасской церкви, благодаря доброму Николаю Николаевичу и Вашему старанію, заранѣе отъ души радуюсь. О Высочайшемъ утвержденіи Ея Величествомъ новой попечительницы нашего училища Вѣры Ивановны теперь, думаю, Вы уже знаете. Поздравляю Васъ и прошу передать ей отъ меня особый поклонъ и благословеніе, а за ходатайство ея объ ассигновкѣ 5 тысячъ р. и мою благодарность.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

22 апр. 1864 г.

1865 г.

9.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

За открытіе хронологической путаницы въ лукавомъ прошеніи каневскихъ почитателей Шевченка я весьма Вамъ благодаренъ. Я впрочемъ и безъ того имѣлъ таки намѣреніе отка-

зать имъ, но только искалъ благовиднаго къ тому предлога, предполагая, что, можетъ быть, со стороны гражданскаго начальства, при разсмотрѣніи рисунка, мнѣ укажется какое-либо препятствіе, и дѣло было-бы съ концемъ [1]). Противъ Ольгинскаго Братства мнѣ никто не говорилъ: не грѣшите напрасными подозрѣніями. А только какъ тогда, когда требовали отъ меня отзыва, такъ и теперь, я признаю сущею нелѣпостію въ одномъ городѣ, для одинаково благотворительной цѣли имѣть два отдѣльныя братства. Согласитесь сами, что это довольно странно. Впрочемъ я въ своемъ отзывѣ не отвергнулъ ни пользы, ни устава Вашего общества, а только сказалъ, что, по моему мнѣнію, приличнѣе было-бы соединить его съ Брат-

---

[1]) Относительно хронологической путаницы. Въ письмѣ къ м. Арсенію Петръ Г. писалъ: «Каневское городское общество входило съ прошеніемъ о разрѣшеніи построить часовню въ Каневѣ, на горѣ Московкѣ въ память присоединенія Юго-Западнаго края къ Россіи, выставляя, что дѣло это рѣшено въ Каневѣ и именно на горѣ Московкѣ, гдѣ въ 1793 г., въ пріѣздъ Императрицы Екатерины, собирались русскіе и польскіе дипломаты въ палаткѣ. Разрѣшеніе еще не дано, а только резолюціей Вашего Высокопреосвященства потребованъ проектъ часовни. Въ томъ-же прошеніи Каневцы перепутали исторію. Екатерина плыла по Днѣпру въ 1787 г., переговоровъ тогда въ Каневѣ никакихъ не было, на горѣ дипломаты никогда не собирались, край присоединенъ въ 1793 г. не въ слѣдствіе переговоровъ каневскихъ, а вслѣдствіе побѣдъ Суворова. Для чего-же эта перестановка и подлогъ фактовъ? Умыселъ иной былъ. За горой Московкой могила Шевченка; погребеніе его совпадаетъ близко съ днемъ стоянки Екатерины подъ Каневомъ. Вотъ и вздумали, подъ симъ предлогомъ, учредить крестный ходъ на гору Московку, а затѣмъ творить головщину погребенія Шевченка. Въ отклоненіе этой затѣи, которая могла-бы имѣть послѣдствія нежелательныя, въ № 5 Епархіальныхъ Вѣдомостей напечатана статья, которая обличаетъ историческую путаницу и даетъ другое направленіе дѣлу, а поводъ къ напечатанію считаю необходимымъ довести до свѣдѣнія Вашего Высокопреосвященства».

ствомъ, уже существующимъ, въ видѣ особаго отдѣленія, и мнѣ доселѣ кажется, что это вполнѣ раціонально [1]).

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

18 марта 1865 г.

10.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

Въ дѣло о монастырскихъ окладахъ напрасно Вы впутались: оклады эти, какъ Вы могли видѣть изъ самаго оберъ-прокурорскаго отношенія ко мнѣ, предназначены уже высшимъ начальствомъ исключительно для канцелярскихъ чиновниковъ; отъ насъ-же требовалось только для формы, или изъ пустой вѣжливости согласіе; значитъ, здѣсь не о чемъ было и спорить.

---

[1]) Относительно Ольгинскаго Братства отъ 4 марта 1865 г. Петръ Гавриловичъ писалъ митрополиту слѣдующее: «Владиміръ И. Бутовичъ отправляется въ Петербургъ 7 марта и между прочимъ хочетъ просить отъ себя и Софіи Васильевны благословенія Вашего Высокопреосвященства на учрежденіе предположеннаго ими еще въ минувшемъ году Св. Ольгинскаго Общества. Иниціатива этого дѣла принадлежала Н. Н. Анненкову, который въ мартѣ 1864 г. оффиціальнымъ письмомъ просилъ С. В. о содѣйствіи ея съ сотрудницами снабженію церковной утварью церквей, имѣвшихъ строиться на сумму, отпущенную изъ 10% польскаго сбора. Софія В. отвѣчала готовностію съ своей стороны, если частное ея общество будетъ преобразовано въ формальное съ уставомъ. Затѣмъ на страстной недѣлѣ были приглашены Богдановичъ, С—ковъ и я для составленія устава общества. Редакція устава и названіе общества принадлежитъ мнѣ. Вотъ истинная исторія ходатайства объ открытіи Св. Ольгинскаго женскаго общества. Но мнѣ не безъизвѣстно, что нѣкоторые люди приписали все дѣло и иниціативу его мнѣ по побужденіямъ будто враждебнымъ Св. Владимірскому Братству и доложили о семъ Вашему Высокопреосвященству въ августѣ минувшаго года. Не желая вызывать сдѣланнаго мною неумышленно В. В—у огорченія, я доселѣ удерживался отъ оправданія въ семъ обвиненіи, а теперь представляю оное въ поясненіе имѣющаго быть ходатайства Владиміра Ивановича».

Жалованье Вамъ генералъ-губернаторъ обѣщаетъ и думаю, что исполнитъ, а если не такъ, то найдетъ средства помочь Вамъ другимъ способомъ. Труды Ваши я знаю и умѣю достойно цѣнить ихъ. Ревность Ваша по домѣ Божіемъ мнѣ также хорошо извѣстна и въ моемъ мнѣніи высоко ставится, правда, безплатно, но вѣдь не всегда-же и не всѣмъ можно утѣшаться, за что намъ щедро платятъ, а иногда и безплатная оцѣнка бываетъ лучше и пріятнѣе для насъ щедро платимой. Не дай Богъ никому попасть въ число людей, уже слишкомъ на задѣльную плату расчитывающихъ. Не удивляйтесь, что Вашъ братъ и г. Крыжановскій нашли дѣла въ Польшѣ и даже въ Холмѣ въ положеніи не совсѣмъ благопріятномъ: послѣ такой тревоги, какая была въ тамошнемъ краѣ, и при такомъ близорукомъ до возстанія и даже во время возстанія управленіи, это иначе и быть не могло. Но благоразумная и вмѣстѣ осторожная дѣятельность новыхъ дѣятелей все можетъ, и въ короткое время, исправить и на лучшій ладъ поправить. Чѣмъ труднѣе борьба, тѣмъ славнѣе побѣда. Скажите имъ отъ меня поклонъ и благословеніе. Пусть не унываютъ и бодрствуютъ. Мысль ваша о надѣленіи нѣкоторыхъ уніатскихъ священниковъ ризами прекрасная и преполезная: но мнѣ, ни даже Синоду за нее взяться нельзя: это было-бы сочтено въ Польшѣ и Европѣ сигналомъ привлеченія уніатовъ къ православію и произвело-бы преждевременное волненіе, а надобно эту мысль передать князю Черкаскому: тогда это будетъ и въ порядкѣ и весьма благоплодно [1]).

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

31 марта 1865 г.

---

[1]) Петръ Гавриловичъ писалъ митрополиту, что полезно было-бы чрезъ директоровъ учебныхъ дирекцій въ царствѣ польскомъ подарить нѣкоторымъ уніатскимъ священникамъ по ризѣ церковной, именно тѣмъ, которые болѣе окажутъ себя на русской сторонѣ. Это возбудило-бы и другихъ, такъ какъ есть священники, весьма интересующіеся лучшей ризницей, а утварь уніатская крайне бѣдна.

11.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей.

Прежде всякаго отвѣта на письмо Ваше отъ 30 октября, предлагаю Вамъ мой добрый совѣтъ—разориться на покупку хорошихъ чернилъ, по крайней мѣрѣ на тѣ случаи, когда вздумается писать ко мнѣ, а то такъ плохи, что съ большимъ трудомъ можно было прочитать написанное ими. Затѣмъ Ея Высокопревосходительству Любви Ивановнѣ [1]) прошу предъявить мою благодарность за ея воспоминаніе о моемъ недостоинствѣ и взаимно ей и чрезъ нее Его Высокопревосходительству Александру Павловичу мое высокопочитаніе и благословеніе. О погрѣшности-же въ назначеніи ей, какъ предсѣдательницѣ благотворительнаго общества, пособія на пріюты тужить нечего, во первыхъ потому, что пріюты, какъ полагалъ я, входятъ-же въ составъ благотворительныхъ заведеній, а строгаго раздѣленія ихъ между завѣдывающими оными, правду сказать, я не зналъ, а во вторыхъ потому, что въ назначеніи моемъ указано самое имя предсѣдательницы общества, слѣд. недоразумѣнія здѣсь никакого и не должно и не можетъ быть, и отъ ея воли уже будетъ зависѣть, употребить эту сумму, какъ она заблагоразсудитъ. Съ другой стороны, я не отрекаюсь и Е. С. на завѣдываемые ею исключительно пріюты дать особое пособіе. Брату и г. Крыжановскому напишите при случаѣ отъ меня поклонъ и благословеніе и скажите, чтобы они дѣлали свое дѣло, какъ начали, потому что начали прекрасно, вздорными слухами нисколько не безпокоились: въ мірѣ болтовни много, мало ли что и о комъ не говорятъ, всего не переслушаешь. При томъ же я не совсѣмъ вѣрю тому, что Вамъ кто-то передалъ о развѣдываніяхъ Трепова въ Кіевѣ; мнѣ кажется, что если-бы онъ въ самомъ дѣлѣ что-нибудь подобное

---

[1]) Любовь Ивановна—супруга генералъ-губернатора Александра Павловича Безака.

отъ кого-бы то ни было услышалъ, то непремѣнно сказалъ-бы мнѣ, а между тѣмъ онъ ни слова объ этомъ мнѣ не говорилъ. Какъ-же это могло статься? Ужъ не подшутилъ ли кто изъ почтенныхъ особъ надъ Вашимъ на этотъ разъ легковѣріемъ [1]). Къ заготовленному Вами отчету по епархіи не позабудьте присоединить по указанной формѣ вѣдомость о совратившихся изъ православія и присоединившихся къ оному, да и поспѣшите съ симъ дѣломъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

12 ноябня 1865 г.

12.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей.

О духовномъ завѣщаніи Бредихина, будетъ-ли оно утверждено, или не будетъ, я нисколько не безпокоюсь: въ первомъ случаѣ я исполню волю покойнаго въ точности, а во второмъ— передамъ, кому будетъ приказано, съ полнымъ удовольствіемъ, ибо избавлюсь чрезъ то лишнихъ хлопотъ. Калистратовъ можетъ быть трудился не даромъ, а мнѣ изъ-за чего? Развѣ я могъ-бы воспользоваться хотя бы одною копѣйкою собственно для себя? Боже избави! Покойный не разъ являлся ко мнѣ, умолялъ и упрашивалъ меня принять на себя эти хлопоты, и я, опасаясь отказать благочестивому желанію человѣка, собирающагося умирать, принялъ; но если судъ присудитъ иначе, то значитъ жертва покойнаго Богу не угодна и должна разсѣяться на воздухъ, а мнѣ какое до того дѣло? Впрочемъ думаю, что Любовь Ивановна и Елисавета Сергѣевна, при новомъ оборотѣ дѣла, не только ничего не потеряютъ, но еще болѣе пріобрѣтутъ въ пользу своихъ заведеній, а то монахи только на церкви, да на монастыри употребляютъ пожертвованія, а какая отъ того польза? Прошу предъявить имъ мое почтеніе и

---

[1]) Петру Гавриловичу передавали, будто Феофана Гавриловича записали въ 3 отдѣленіе канцеляріи Его Величества.

поздравленіе съ наступающимъ праздникомъ Р. Христова и новымъ годомъ. Александру Павловичу и Николаю Геннадіевичу (кіевскій губернаторъ Казнаковъ) тоже. Отъ всей души желаю и молю Господа, чтобы Онъ всѣхъ благословилъ своимъ благословеніемъ благостнымъ и благопоспѣшнымъ имъ во всемъ. А Любовь Ивановну попросите, чтобы по прибытіи своемъ въ Петербургъ она извѣстила меня о томъ, съ указаніемъ своей квартиры. О положеніи дѣлъ въ Вашемъ Губернскомъ присутствіи преосвященный викарій извѣстилъ меня: за то, что сдѣлано, спасибо, а о прочемъ позаботьтесь. Отчета по училищу дѣвицъ д. званія ожидаю, и не менѣе и не позже того ожидаю и отчета о состояніи епархіи. Позаботьтесь. Новое отдѣленіе Острожскаго Братства въ Кіевѣ насмѣшило меня до глубины души. Что это за дикая мысль? И люди почетные и умные, каковы напр., протоіерей Лебединцевъ, Галаганъ, Ригельманъ, Юзефовичъ, Туловъ, Воронинъ и проч.—съ перваго-же раза не отвергли ее, какъ нелѣпую и неумѣстную! Здѣсь пришли мнѣ на память недавнія усилія поляковъ отрицать у насъ славянское происхожденіе. Напрасное усиліе. Въ опровержение ихъ намъ оставалось бы только указать на факты, подобные настоящему, и они невольно должны были бы воскликнуть—нѣтъ, нѣтъ: русскіе такіе-же славяне, какъ и мы, ибо никакой другой народъ, кромѣ славянскаго, не можетъ допускать подобныхъ нелѣпостей. Только у славянъ, если одинъ затѣетъ что-нибунь, то и другой затѣетъ тоже самое и непремѣнно врозь, а вмѣстѣ у него и энергіи нѣтъ. И братъ, и Крыжановскій дѣйствуютъ въ Польшѣ отлично—да поможетъ имъ Господь! Мощей Іосафата я самъ не видѣлъ, но моя свита видѣла и увѣряла меня—что-то по росту похожее на младенческую фигуру видѣла она, а Іосафатъ, [1]) какъ извѣстно, былъ росту болѣе средняго: какъ-же онъ въ мощахъ своихъ сокра-

---

[1]) Іосафатъ Кунцевичъ, патронъ уніи Литвы и Польши, фанатическій гонитель православія, убитый православными въ Витебскѣ въ 1627 г.

тился, Богъ вѣсть. И почему-бы, кажется, при освидѣтельствованіи мощей не допустить кого либо изъ схизматиковъ? Вѣдь допускаемъ-же мы въ наши пещеры и лютеранъ, и католиковъ. Но довольно. Господь да благословитъ Васъ на новый годъ, а себѣ прошу Вашихъ молитвъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

23 декабря 1865 г.

1866 г.

13.

Высокопреподобнѣйшій о. протоіерей.

Прежде всего благодарю Васъ за скорое погашеніе взаимной распри братолюбнымъ примиреніемъ, а на будущее время прошу Васъ всемѣрно избѣгать всего, что такъ или иначе можетъ оскорбить самолюбіе ближняго, хотя-бы свой поступокъ и можно было оправдать внѣшними формами, ибо Вы знаете, что сердцевѣдецъ Господь нашъ будетъ судить насъ не только за дѣла внѣшнія, но и за помышленія сердечныя, и за грѣхи неосторожности и невѣдѣнія. То, что Вы сдѣлали, можно было сдѣлать иначе, и миръ Вашъ и мой не былъ-бы нарушенъ. А и худой миръ, даже и не совсѣмъ съ хорошими людьми, всегда лучше доброй брани, какъ говоритъ древняя пословица. Благодарю также и за новый проектъ донесенія о состояніи кіевской епархіи; онъ написанъ въ порядкѣ и языкомъ приличнымъ. А то Вы прислали ко мнѣ кучу разнаго хвороста, даже соломенною веревкою не связаннаго—услуга, признаться, незавидная. Рукопись о Станиславѣ возвращаю къ Вамъ, она составлена хорошо и вѣрно; я самъ въ Варшавѣ прочиталъ Длугоша и Галла, не разъ говорилъ объ этомъ съ моимъ добрымъ знакомымъ Мацеіовскимъ, и оба удивлялись, какъ можно такого человѣка, какъ Станиславъ записать въ святые; но у папъ съ іезуитами все возможно. Если Калигула могъ своего буцефала

(коня) включить въ число сенаторовъ, то какъ-же папѣ, кровному потомку Калигулы по прямой линіи per Maximos Pontifices, съ тройною въ добавокъ тіарою на главѣ и съ двумя ключами отъ рая и ада, не имѣть возможности какого-нибудь Станислава или Іосафата прямо съ мѣста преступленія отъ преподобныхъ дѣлъ государственной измѣны и безчеловѣчнаго варварства вознести въ рай и поставить у престола Божія въ сонмѣ Архангеловъ и Ангеловъ? Въ чемъ-же ему болѣе и обнаружить свое могущество, если не въ этихъ нечестивыхъ сумасбродствахъ? Поблагодарите автора статьи и отъ себя, и отъ меня, а когда я, если Богъ велитъ, возвращусь въ Кіевъ, пригласите его ко мнѣ на чашку чаю. Тѣмъ не менѣе этой статьѣ въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ не мѣсто, а всего лучше отпечатать ее въ какомъ нибудь свѣтскомъ журналѣ, напр.—въ Виленскомъ Вѣстникѣ, или въ Западномъ Вѣстникѣ, тоже въ Вильнѣ издаваемомъ, или въ другомъ какомъ-либо, только не въ духовномъ: тамъ она будетъ имѣть вѣсъ и силу, а въ духовномъ теряла-бы то и другое на половину.

Надѣюсь, что кіевское духовенство и въ устройствѣ судьбы своихъ учебныхъ заведеній покажетъ не меньшую въ сравненіи съ другими ревность, хотя нѣкоторыя въ этомъ отношеніи его уже опередили. Смоленскому въ ряду всѣхъ другихъ, конечно, принадлежитъ честь, какъ первому; но костромское далеко превзошло его: оно своими пожертвованіями не только покрыло всѣ потребныя издержки по семинаріи и училищамъ, но успѣло изъ тѣхъ-же пожертвованій образовать и запасной капиталъ на чрезвычайныя надобности. Впрочемъ авось Богъ и у насъ все приведетъ къ желаемому концу. Благословеніе Божіе да будетъ надъ всѣми Вами.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

13 марта 1866 г.

1868 г.

14.

Высокопреосвященнѣйшій о. протоіерей, возлюбленный о Господѣ братъ!

За присылку училищной вѣдомости благодарю Васъ и щедрою рукою раздаю всѣмъ желающимъ и нежелающимъ, любящимъ и ненавидящимъ церковно-приходскія наши школы; успѣлъ передать нѣсколько экземпляровъ и во дворецъ, и министру просвѣщенія, и двумъ членамъ государственнаго совѣта и слышу, что впечатлѣніе произведено самое благопріятное. Планъ Вашъ о Бѣлоцерковскихъ зданіяхъ вполнѣ одобряю, и далъ-бы Богъ, чтобы дѣло это удалось намъ [1]). Только Алек-

---

1) Положеніе Петра Гавриловича при генералъ-губернаторской церкви, отъ которой, за назначеніемъ на мѣсто каѳедральнаго протоіерея, отчисленъ 18 іюля 1868 г., незавидное въ матеріальномъ отношеніи, дало ему возможность сдѣлать много добра для духовенства: онъ проектировалъ, при посредствѣ того-же Безака, открыть въ м. Бѣлой Церкви параллельные классы кіевской д. семинаріи. «12 ноября, пишетъ Петръ Гавриловичъ въ письмѣ къ митрополиту, за обѣдомъ, даннымъ депутатамъ духовенства, Александръ Павловичъ высказалъ свое сожалѣніе о несостоявшемся открытіи прогимназіи въ Умани; я упомянулъ, что, по моему мнѣнію, не уменьшая числа учебныхъ заведеній, въ Умань надлежало-бы перевести гимназію изъ Бѣлой Церкви, гдѣ чрезъ скопленіе польской шляхты только усиливается польскій духъ въ юношествѣ, съ чѣмъ А. П. согласился. На другой день я дополнилъ свой проектъ мыслію въ зданіяхъ Бѣлоцерковской гимназіи открыть параллельные классы кіевской православной семинаріи, которая будетъ дѣйствовать на центръ полонизма въ противоположныхъ цѣляхъ, т. е. содѣйствовать его обрусѣнію, и что графъ Браницкій не можетъ противорѣчить открытію здѣсь православной семинаріи, въ подтвержденіе этого я указалъ на контрактъ его отца съ правительствомъ, гдѣ говорится, что зданія устрояются Браницкимъ для учрежденія гимназіи или другого наименованія, но равнаго ей учебнаго заведенія, и зданія эти (пунктъ 10-й) только въ такомъ случаѣ переходятъ въ вотчинную собственность графа

сандръ Павловичъ что-то ничего опредѣленнаго не высказываетъ, а безъ него, конечно, ничего нельзя будетъ сдѣлать. Проектъ семинарскій о постройкѣ для семинаріи 100 тысячнаго корпуса не только не помѣшаетъ нашему плану, но можетъ даже помочь намъ. Начальство естественно устрашится огромной цифры и будетъ тѣмъ усерднѣе. хлопотать за насъ.

Браницкаго или его наслѣдниковъ, если правительство не признаетъ нужнымъ имѣть въ Бѣлой Церкви среднее учебное заведеніе. Къ этой мысли я пришелъ по поводу состоявшагося въ тоже время въ семинарскомъ правленіи соображенія о потребности, для преобразованія кіевской семинаріи по новому уставу, построить на тѣсномъ семинарскомъ дворѣ еще 3-хъ этажный корпусъ, большій настоящаго, на что потребуется болѣе 100 т. рублей. Александръ Павловичъ, выслушавъ мой проектъ, поручилъ мнѣ дать ему записку объ этомъ предметѣ. Записка мною составлена, въ предположеніи, что приведеніе въ исполненіе 2-й ея половины, т. е. объ открытіи въ зданіяхъ Бѣлоцерковской гимназіи параллельныхъ классовъ семинаріи, будетъ зависѣть отъ благоусмотрѣнія Вашего Высокопреосвященства, и съ нынѣшней почтой отправлена къ генералъ-губернатору. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія Вашего В—ва, считаю нужнымъ доложить В. В—ву, что зданія Бѣлоцерковской гимназіи построены отлично, лучше и помѣстительнѣе 2 кіевской гимназіи, съ квартирами для директора, инспектора, эконома и надзирателей, больницей и проч., и могутъ вмѣщать въ себѣ свободно до 200 казеннокоштныхъ воспитанниковъ. Лѣстницы въ зданіи чугунныя, полы въ залѣ, библіотекѣ и классахъ паркетные. Если намъ дадутъ это зданіе, то вмѣстѣ съ тѣмъ въ наше распоряженіе перейдетъ мебель, ежегодный отпускъ изъ экономіи Браницкаго по 2 т. рублей на ремонтъ зданія и 6 человѣкъ прислуги на счетъ графа Браницкаго, такъ какъ все это по контракту привязано къ тому учебному заведенію, которое помѣщается въ зданіи Браницкихъ. Что касается разстоянія м. Бѣлой Церкви отъ Епархіальнаго Управленія, то съ устройствомъ желѣзной дороги оно весьма сокращается, такъ какъ одна изъ станцій Кіево-Балтской дороги будетъ въ с. Кожанкѣ, въ 20 вер. отъ Бѣлой Церкви, а Бѣлая Церковь и нынѣ въ 84 верстахъ отъ Кіева. Духовенство кіевской Епархіи тѣмъ болѣе было-бы радо исполненію этого проекта, что квартиры въ Кіевѣ неимовѣрно вздорожали и уже становятся не по средствамъ многимъ отцамъ, у которыхъ 2—3 сына

объ уступкѣ Бѣлоцерковскихъ зданій. Надобно только предварительно расположить въ нашу пользу графа Браницкаго: постарайтесь чрезъ кого и какъ знаете. Любовь Ивановна въ новый годъ сдѣлана статсъ-дамою Ея Величества; готовлюсь встрѣтить поздравленіемъ. Не замедлите присылкою донесенія о состояніи Епархіи въ прошедшемъ 1867 г. Позаботьтесь пред-

---

въ училищѣ. Св. Синодъ избавится весьма отъ значительнаго расхода. И весьма замѣчательно было-бы видѣть православную семинарію на мѣстѣ езуитскаго коллегіума на пунктѣ, который езуиты избрали операціоннымъ пунктомъ римской пропаганды. Православная проповѣдь, хоръ пѣвчихъ и торжественное богослуженіе сами собою войдутъ въ м. Бѣлую церковь въ глазахъ польской шляхты, привыкшей видѣть богослуженіе только убогихъ сельскихъ церквей; наставники семинаріи привнесутъ въ массу католическую болѣе ясное и болѣе правильное понятіе о православной церкви, чѣмъ какое внушено ей ксензами. Вмѣсто того, чтобы испрашивать и затрачивать капиталъ на постройку зданія на тѣсномъ дворѣ и ждать нѣсколько лѣтъ окончанія ея, лучше всего, раздѣливъ кіевскую семинарію на двѣ половины, параллельные ея классы открыть въ м. Бѣлой Церкви, а первыя ихъ отдѣленія оставить въ нынѣшнемъ зданіи кіевской семинаріи, и такимъ образомъ имѣть въ кіевской епархіи, вмѣсто одной, двѣ семинаріи. Въ зданіяхъ Бѣлоцерковской гимназіи могутъ быть открыты также и сверхштатные параллельные классы на средства самого духовенства, если бы встрѣтилась въ нихъ надобность. Особенная выгода этого предположенія та, что преобразованіе кіевской семинаріи можетъ быть произведено съ сентября наступающаго года, а сельскимъ священникамъ сократится путь къ учебному заведенію и удешевится самое содержаніе дѣтей».

Сохранилась черновка письма Петра Гавриловича, при которомъ отослана имъ записка къ генералъ губернатору о Бѣлоцерковской гимназіи. «Во исполненіе желанія Вашего, имѣю честь представить при семъ записку съ соображеніями о Бѣлоцерковской гимназіи, которыя основаны на близкомъ десятилѣтнемъ моемъ наблюденіи. Молю Бога, да поможетъ Вамъ въ исполненіи Вашихъ намѣреній о благѣ края и русскаго въ немъ дѣла». Очевидно, неожиданная кончина Александра Павловича Безака послужила препятствіемъ къ осуществленію проекта Петра Гавриловича объ открытіи православной семинаріи въ м. Бѣлой Церкви.

ставить въ возможно большей полнотѣ и аккуратности. Отчетъ по губерніямъ А. П. Его Величеству понравился; надобно, чтобы нашъ отчетъ, сколько возможно болѣе, съ нимъ гармонировалъ, гдѣ и какъ окажется возможнымъ, не только безъ вреда, но и съ пользою для церкви. Благословеніе Божіе посылаю Вамъ и начальницѣ училища съ ея воспитанницами.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

2 генваря 1868 г.

15.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей Петръ Гавриловичъ!

За письмо Ваше отъ 23 февраля благодарю, а отчета нѣсколько ранѣе назначеннаго срока ожидаю, дабы имѣть мнѣ время разсмотрѣть внимательно. О Бѣлоцерковскихъ гимназическихъ зданіяхъ я говорилъ уже съ министромъ, и онъ на уступку оныхъ охотно изъявилъ согласіе, но съ требованіемъ платы. Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, у Васъ отберетъ ихъ графъ Браницкій, какъ свою собственность, и такимъ образомъ Вы ни себѣ не сдѣлаете пользы, ни намъ не окажете благодѣянія, а денегъ у насъ на уплату нѣтъ, и Вы еще сверхъ того должны будете намъ дать 100 тысячъ р. на постройку для параллельныхъ классовъ семинаріи особаго корпуса. Тогда онъ задумался и сказалъ: ну, да если Браницкій согласится отдать Вамъ эти зданія, то я спорить не буду. Слѣд., намъ теперь нужно будетъ хлопотать о семъ у Браницкаго, чтобы онъ на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и для гимназіи, передалъ оныя намъ для семинаріи, и хлопоты эти я поручаю Вамъ, какъ человѣку вполнѣ компетентному. Дай Богъ, чтобы удалось это дѣло къ тому времени, какъ перемѣщеніе гимназіи въ Умань послѣдуетъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ Висковатый 19 тысячъ р. на прогоны истратилъ? Не ошибка-ли это? Справьтесь, пожалуйста, повѣрнѣе и меня увѣдомьте. Начальницѣ и общимъ намъ съ Вами дѣтямъ прошу передать благословеніе Божіе, а себѣ самому за бдительный надзоръ и благоустройство заведе-

нія принять мою благодарность. Господь да управитъ вся во благое и въ грядущее время по своей великой милости и благоволенію. Александра Павловича и Любовь Ивановну прошу въ свое время поздравить отъ меня съ свѣтлымъ праздникомъ и сказать имъ, что я отъ всей души заочно съ ними христосуюсь.

Вашего Высокопреподобія покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

10 марта 1868 года.

16.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

Охотно желалъ-бы я за г. М—скаго [1]) ходатайствовать, но во-первыхъ, г. министръ теперь новый и мнѣ вовсе незнакомый, а во-вторыхъ, свойство дѣла М—скаго таково, что съ моимъ званіемъ никакъ не гармонируетъ: моимъ ходатайствомъ въ высшей оффиціальной сферѣ можно даже навести на самого себя нѣкое подозрѣніе въ полонофильствѣ. Слѣдовательно, М—каго употребить въ посредство предъ Браницкимъ невозможно. Остается Вамъ пользоваться такими средствами, которыя у Васъ найдутся подъ руками, а если не найдется никакихъ и въ дѣлѣ этомъ придется потерпѣть полное фіаско, то такъ тому и быть. Нужно во всемъ предаваться волѣ Божіей. Всею душею желаю успѣха въ ходатайствѣ моемъ за законоучителей, но опредѣленнаго отвѣта еще не получилъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

14 апрѣля 1868 г.

---

[1]) Эдуардъ М—скій, бывшій управляющій Ставищанскаго имѣнія графа Браницкаго, обращался къ Петру Гавриловичу съ просьбою ходатайствовать объ освобожденіи его отъ ссылки въ Олонецкую губернію, по подозрѣнію въ участіи его въ польскомъ мятежѣ 1863 года.

1869 г.

17.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

...Ея Высокопревосходительству—Любви Ивановнѣ прошу передать мой поклонъ и благословеніе, а вмѣстѣ и общую нашу благодарность, что она и на будущее время изъявила желаніе остаться для нашего училища покровительницею и попечительницею. Не забудетъ Господь милосердный и правосудный трудъ любви ея и за вся благая ея въ пользу сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей, да и сами дѣти по гробъ свой не престанутъ въ молитвахъ своихъ воспоминать ее, какъ свою благодѣтельницу. Да, не разъ скажешь благодарность Господу Богу, что Онъ сохранилъ наше училище: бѣда была-бы большая и теперь невознаградимая, а между тѣмъ приближается время, когда можно надѣяться посѣщенія училища Августѣйшею покровительницею. Кстати совѣтую Вамъ, въ ожиданіи этого высокаго счастія, сдѣлать все возможное, чтобы показать товаръ лицемъ и не посрамить себя предъ свѣтскими учебными заведеніями. Само собою разумѣется, что богатою обстановкою намъ нельзя похвалиться, но опрятностію и скромностію, умѣніемъ держать себя во всякомъ случаѣ и предъ всякимъ лицемъ и особенно основательнымъ знаніемъ своего дѣла и искусными пріемами въ передачѣ сего знанія можно и должно. Прошу позаботиться. О жалованьѣ для причта домовой Николаевской церкви я говорилъ съ новымъ генералъ-губернаторомъ, и онъ обѣщалъ обратить на это дѣло вниманіе свое. Хорошо было-бы, если-бы здѣсь назначено было постоянное жалованье: чрезъ это прибавился-бы у насъ еще одинъ способный священникъ. Благодать и миръ да будетъ со всѣми Вами.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

13 февр. 1869 г.

1873 г.

18.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

За письмо Ваше отъ 17 сего февраля душевно благодарю Васъ и спѣшу отвѣтомъ. Затѣя преосвященнаго викарія о проломѣ древнихъ монастырскихъ стѣнъ дѣйствительно дѣло ребяческое. Консисторія, за моимъ отсутствіемъ, должна рѣшительно остановить исполненіе ея посылкою монастырскому управленію повторительнаго указа, на основаніи моей прежней резолюціи, воспрещающей всякаго рода постройки и починки безъ моего на то особаго разрѣшенія, присовокупивъ къ сему и то, что это предпріятіе было-бы противно Высочайшему повелѣнію о всѣхъ древнихъ зданіяхъ, о послѣдствіяхъ-же сей мѣры мнѣ донести. О пристройкахъ къ училищному зданію дѣвицъ д. званія можете ко мнѣ представить. О Владимірскомъ Соборѣ я самъ напишу къ министру. Дѣйствительно Штромъ [1]) и Дейнека здѣсь служатъ большимъ препятствіемъ. Но можетъ быть удастся ослабить ихъ вліяніе. Вызову Терлецкаго [2]) побесѣдовать съ штундистами я очень радъ и надѣюсь отъ того пользы. Пусть подастъ онъ свое заявленіе о семъ въ консисторію, а консисторія съ своимъ заключеніемъ представитъ о семъ прямо ко мнѣ, объявивъ при томъ, что посылка эта нужна безотлагательно, а надежнаго сотрудника изъ православныхъ въ томъ-же представленіи указать мнѣ. Донесеній протоіереевъ о провѣркѣ росписанія церквей все-таки дожидаюсь, хотя-бы и до осени, а теперь займитесь тѣми, которыя уже доставлены. Прошу Васъ принять за правило, чтобы при тѣхъ церквахъ, къ которымъ есть приписныя, кромѣ настоятеля, назначаемъ былъ помощникъ и два причетника, или псаломщика. Въ Бѣлую Церковь настоя-

---

[1]) Архитекторъ.

[2]) Священникъ изъ Галиціи Владиміръ Терлецкій.

телемъ назначенъ священникъ Мокринскій[1]), университантъ и академикъ: чего же Вамъ больше. А для законоучительской должности всегда есть довольно изъ студентовъ семинаріи, лишь бы университетское начальство позаботилось пріискать и обласкать лучшихъ между ними, съ моей-же стороны отказа, конечно, не будетъ. Вы удивляетесь, что прежде профессора академіи и семинаріи охотно поступали во священники, а нынѣ нѣтъ. Не удивляйтесь, нынѣ они и безъ священническихъ мѣстъ сыты; на нихъ сбывается слово пророка, сказанное объ Израилѣ: уты, отолстѣ и забы Бога сотворшаго его. Церковь воспитала ихъ на свой счетъ и для себя, а они повернулись къ ней спиной. Неблагодарность въ мірѣ—явленіе обыкновенное. Съ другой стороны и то сказать: Богъ гордымъ противится, смиреннымъ-же даетъ благодать. Древняя церковь Александрійская отвергла многоученаго Арія и поставила патріархомъ смиреннаго Александра и отъ того много выиграла. Г. генералъ-адъютантъ Треповъ обратился къ г. оберъ-прокурору съ новой жалобою на бѣднаго священника В—скаго за его яко-бы вредное вліяніе на Селезеновскій приходъ чрезъ зятя Игнатовича. Я назначилъ по этой жалобѣ слѣдствіе: постарайтесь избрать слѣдователя—человѣка толковаго и свѣдущаго, да постарайтесь разузнать обстоятельно, что управляющій Трепова въ Селезеновкѣ будто-бы полякъ и католикъ, и сообщить мнѣ. Помнится, что В—скій что-то доносилъ мнѣ на него за его отвлеченіе крестьянъ отъ исполненія православныхъ христіанскихъ обязанностей; справьтесь и, если это дѣйствительно было, помѣстите въ проектѣ требуемаго мною проекта отношенія г. оберъ-прокурору.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

24 февраля 1873 г.

---

[1]) Священникъ Василій Мокринскій, бывшій инспекторъ Кіево-Софійскаго духовнаго училища.

19.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

Не совсѣмъ такъ поступили Вы въ отношеніи къ командировкѣ о. Терлецкаго: въ администраціи много бываетъ случаевъ, когда лучше начинать дѣло снизу, нежели сверху; но такъ и быть: добрый вызовъ его мною принятъ. Позаботьтесь объ отправленіи и обезпеченіи его какъ въ пути, такъ и въ пребываніи его на мѣстѣ подвига. Прогоны, говорите Вы, и путевое содержаніе консисторія можетъ дать отъ себя, а для остального потребное количество денегъ можно будетъ, если Владимірское Братство на Ваше предложеніе не согласится, заимствовать изъ остаточной Бредихинской суммы, переданной мною въ училищную. О допущеніи командируемаго нынѣ въ Таращанскую тюрьму къ Балабану [1]), кажется, достаточно снестись съ однимъ исправникомъ, а если потребуется что-либо большее, то перо и бумага въ Вашихъ рукахъ; экипажа простого, но удобнаго попросите у о. эконома митрополитанскаго дома: можетъ быть найдете годный. Къ Игнатовичу [2]) и благочиннымъ напишите особо, что они при о. Терлецкомъ должны состоять первый въ качествѣ помощника и сотрудника его, а послѣдніе въ качествѣ содѣйствователей, да чтобы не завели какой-либо распри и ссоры, а о недоумѣніяхъ своихъ доносили-бы чрезъ Васъ ко мнѣ. Изъ здѣшнихъ новостей одна только для Васъ можетъ быть интересна: докторская диссертація Янышева [3]) лопнула; Св. Синодъ запретилъ ея печатаніе. О благоуспѣшномъ движеніи дѣлъ по консисторіи прошу позаботиться, а объ отношеніяхъ преосвященнаго викарія (Порфирій) къ свѣтскимъ властямъ не безпокоиться: его подъ ними имя, его и отвѣтственность.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

9 марта 1873 г.

---

[1]) Главный распорядитель штунды въ кіевской епархіи.

[2]) Священникъ города Таращи Иннокентій Игнатовичъ.

[3]) Ректоръ Петербургской д. академіи.

20.

Высокопреподобнѣйшій о. протоіерей.

За письмо Ваше отъ 17 сего марта благодарю и спѣшу на оное отвѣтомъ. Благочинные наши дѣйствительно большею частію не состоятельны; но они таковые же были и даже хуже, когда были безсрочными, слѣд., уничтоженіе срока, кромѣ разнаго рода неудобствъ другого рода, болѣе важныхъ и тяжкихъ по своимъ послѣдствіямъ, не приведетъ къ желаемой цѣли, а гораздо лучше всякаго благочиннаго, который о дурномъ поведеніи подвѣдомственнаго лица въ свое время не доноситъ, а въ клировыхъ вѣдомостяхъ будетъ отмѣчать съ хорошей стороны, между тѣмъ какъ отъ гражданскаго начальства, или другимъ стороннимъ путемъ получится свѣдѣніе о соблазнительномъ образѣ жизни сего лица, отрѣшать немедленно отъ должности и предоставлять духовенству избирать на мѣсто ихъ другихъ благонадежныхъ лицъ, а исправленіе должности временно поручать помощникамъ благочинныхъ. О штундизмѣ дѣло было въ разсмотрѣніи Св. Синода по Подольской епархіи. Это есть не что иное, какъ смѣшеніе молоканской и духоборческой секты, выродившейся изъ протестантства, съ новымъ только названіемъ „Часовенники", по подражанію нашимъ часовенникамъ раскольническимъ. Это естественное слѣдствіе мудрой мѣры правительства переселять сектантство на молочныя воды въ Таврическую и Херсонскую губерніи, а къ намъ оно перешло по сосѣдству. Мѣра, принятая нами противъ сей секты, въ настоящее время достаточна, а что нужно будетъ сдѣлать впослѣдствіи, покажетъ время. О питейныхъ домахъ и трактирахъ на церковныхъ земляхъ на преосвященнаго викарія нечего сердиться: это дѣйствительно дѣло крайне безобразное; но къ сожалѣнію, виновато само новое законодательство, которое оставило для порока не большую, но весьма удобную лазейку. Что же касается до подобныхъ заведеній при Лаврахъ и монастыряхъ, то сравненіе съ ними въ семъ отношеніи приходскихъ церквей не совсѣмъ

равно: монастыри и Лавры суть организованныя общества, а не частныя юридическія личности, состоящія изъ одного священника и причетника, каковы наши нынѣ приходскія церкви. А это не все равно. Касательно церковно приходскихъ школъ, духовенство само виновато, что не умѣетъ, или не хочетъ удержать за собою обученія народнаго и не видитъ искусной ловушки, для него поставленной. Впрочемъ, постарайтесь хорошенько исполнить мою вчерашнюю резолюцію, на отношеніи ко мнѣ г. попечителя кіевскаго учебнаго округа данную, и тогда, быть можетъ, намъ что-нибудь и удастся. А о 10000 р. и сборѣ $7^1/_2$ коп. заготовьте отношеніе къ г. оберъ-прокурору.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

24 марта 1873 г.

1874 г.

21.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

Всѣхъ Васъ да проститъ и да благословитъ Господь Богъ, даруя Вамъ мірная и премірная благая своя, по неизреченной своей милости. Кстати: поспѣшите присылкою по мнѣ проекта донесенія о состояніи Епархіи за прошлый 1873 г. Да не найдете-ли случая и возможности внушить нашему духовенству подъ рукою, чтобы оно, по примѣру собратій своихъ въ другихъ Епархіяхъ, своими пастырскими увѣщаніями располагало своихъ прихожанъ ходатайствовать, гдѣ и какъ слѣдуетъ, о сокращеніи питейныхъ заведеній и уменьшеніи въ народѣ пьянства. Порученіе мое преосвященному викарію осмотрѣть Вашу училищную постройку самому непосредственно, вѣроятно, Вамъ не понравилось; но не скорбите и не сѣтуйте: на это есть причина важная и для Васъ полезная.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

21 февраля 1874 г.

1875 г.

22.

Высокопреподобнѣйшій о. протоіерей, возлюбленный о Господѣ Братъ!

Надѣюсь, что кромѣ отчета о состояніи епархіи къ срочному времени приготовленнаго, Вы не оставили безъ своего особаго вниманія и двухъ отношеній г. министра просвѣщенія о церковно-приходскихъ школахъ и оберъ-прокурора по донесенію г. генералъ-губернатора о быстромъ распространеніи штундизма. Прошу Васъ покорнѣйше, на обработку этихъ предметовъ обратить свое стараніе и знаніе: важность ихъ въ результатахъ, даже не слишкомъ отдаленныхъ, Вамъ, болѣе нежели кому-либо другому изъ сущихъ въ нашей кіевской области, вполнѣ понятна. Постарайтесь въ сихъ нашихъ отзывахъ дать понять и другимъ, что мы кое-что также смыслимъ и увлечь себя далѣе границъ, указываемыхъ христіанскимъ благоразуміемъ и опытностію, не позволимъ, а въ случаѣ нашего безсилія, покажемъ, по крайней мѣрѣ, роду грядущему, что вина за дурныя послѣдствія не для церкви только, но и для всего государства, не на насъ лежитъ. Впрочемъ sapienti sat.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

4 февраля 1875 г.

1876 г.

24.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

За извѣщеніе Ваше объ осмотрѣ Владимірскаго Собора особымъ командированнымъ отсюда чиновникомъ усердно бла-

годарю и вмѣстѣ радуюсь, что наконецъ правда наша выходитъ на бѣлый свѣтъ; радуюсь и за бѣднаго Беретти [1]), что и ему явилось теперь нѣкое утѣшеніе. Архитекторъ Николаевъ еще ко мнѣ не являлся, и я даже не вижу въ этой явкѣ никакой надобности; для меня Вашего извѣщенія вполнѣ достаточно, а архитектора, которому угодно будетъ министерству поручить достройку собора, будетъ-ли то г. Иконниковъ, Беретти или Николаевъ, я готовъ принять всякаго, безъ предварительныхъ о семъ со мною переговоровъ. Посмотримъ, что и какъ будетъ дальше. Не позабудьте прислать ко мнѣ въ свое время проектъ донесенія о благосостояніи епархіи. Позаботьтесь также, чтобы во всѣхъ церквахъ имѣнія графа Шувалова уманскаго уѣзда, школы приведены были въ возможно лучшее состояніе: графъ говорилъ, что онѣ существуютъ только по имени, и потому я слѣдующею весною или осенью намѣренъ, если Богъ дастъ буду живъ и здоровъ, всѣ эти школы осмотрѣть съ Вами лично и обревизовать тщательно, а также всѣ штундистскіе приходы и школы. Пусть благочинные, приходскіе священники и учителя приготовятся къ сему надлежащимъ образомъ, такъ чтобы мнѣ, вмѣсто хулы и порицанія, пришлось только хвалить и благодарить ихъ. Хорошо было-бы, во всѣхъ этихъ селахъ отслужить, а для этого нужны пѣвчіе, но мнѣ своихъ пѣвчихъ брать въ епархію не хотѣлось-бы: нельзя-ли будетъ въ этихъ мѣстностяхъ устроить хоры, способные отправить архіерейскую службу, изъ мѣстнаго духовенства и школьниковъ; въ такомъ случаѣ они-бы изъ мѣста въ мѣсто за ними переѣзжали, а мы вездѣ успѣли-бы совершить, къ утѣшенію народа, въ разныхъ мѣстахъ богослуженіе. Мнѣ въ Тамбовѣ однажды удалась эта операція и послѣдствія были добрыя. Во всякомъ случаѣ, если гдѣ это дѣло окажется возможнымъ, благочинные должны донести о томъ консисторіи заблаговременно, дабы намъ не довелось потерпѣть забавное и вмѣстѣ вредное фіаско. Сообразно

---

[1]) Строитель Владимірскаго собора, академикъ А. В. Беретти.

съ этою цѣлію прошу составить и выслать ко мнѣ сюда маршрутъ для обозрѣнія епархіи, принявъ за точку отправленія напр., 9 сентября. При семъ можно, кажется, ограничиться только тремя, или четырьмя уѣздами: Звенигородскимъ, Таращанскимъ, Уманскимъ, пожалуй, еще и Сквирскимъ. Да хранитъ и помогаетъ Господь въ дѣлахъ служенія Вашего своею благодатію.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

31 генваря 1876 г.

„Симсотъ первый и симсотъ вторый законъ“.

Смеркало. На дворѣ стояла пасмурная погода; небо заволоклось тучами; на улицѣ грязь непролазная; пройти въ калошахъ и думать было нечего. А тутъ моя Васильевна отпросилась къ дочери, и вотъ уже вечеръ, а ея какъ нѣтъ—такъ нѣтъ. Очевидно, опять встрѣтилась съ кумою,—кстати у нея ихъ тутъ полная слобода—и, разумѣется, выпила. А ужъ стоитъ ей только прорваться.... такъ и пошла. Самовара мнѣ не подали, лампы не налиты и засвѣтить нечѣмъ, а ужъ пора...

Но вотъ кто-то затопалъ на крылечкѣ моей квартиры; я порѣшилъ, что это пришла Васильевна и ужъ приготовился выслушивать ея оправданія и вычитывать ей укоры за ея неисправность, какъ изъ передней послышался мужской голосъ, обычный въ той мѣстности привѣтъ:—„Здрастуйте. Днювалы соби.“—

„Здрастуйте. Войдите сюда“—сказалъ я, зажигая взятую съ ночного столика стеариновую свѣчку.

Вошедшій въ переднюю чего-то мѣшкалъ. Какъ оказалось, обтиралъ ноги, и затѣмъ ужъ вошелъ ко мнѣ, въ мой кабинетъ-спальню и по приглашенію, повторенному раза три, сѣлъ на стулѣ.

Что вы скажете?—спросилъ я, осмотрѣвъ гостя. Это былъ крестьянинъ, судя по одеждѣ не нашъ слободской, а изъ какого-нибудь хутора.

— Та отъ до вашои мылосты. Почытайте отъ-цюю бомагу. Чы вона такъ напысана?—

Я взялъ поданный мнѣ листъ бумаги и прочиталъ слѣдующее:

„Б...скому окружному съѣзду

хрестьянына собственника хутора Верховаго Шереметьевской волости Б...скаго уѣзда Степана Федоровыча Прылѣпына

Опеляція и жалоба.

Какъ Его высокородія господынъ мыровой судя неправыльно прысудылъ узыскать изъ меня по моему неудовольствыю на счетъ отставного унтерцера Николая Никитича Исаковыча, какъ онъ самый есть узыскатель по вехселю недостаточно, что усю суму спольна 68 рублей серебромъ, но даже и выдымую неустойку ищо 68 рублей серебромъ супроты закона и ещо десять рублей серебромъ за судьбыще, то я у такому прынужденіи супроты моево прозволу покорнѣйше прошу у другой разъ зыскъ этотъ пересудыть и мине отъ усякаго прозволу и прысужденія ослобоныть увъ окружному съѣздѣ. Такъ какъ онъ самый и есть выхрестъ Исаковычъ".

Затѣмъ слѣдовала подпись за неграмотнаго жалобщика какого-то Петра Иванова Штанькова.

И смѣшно и сердито было: всегда вотъ такъ пойдутъ зря къ кому-нибудь и имъ напишутъ такую „опеляцію и жалобу", думалъ я досматривая ее, между тѣмъ какъ гость мой, молча, смотрѣлъ на меня, что называется во всѣ глаза, ожидая моего слова.

— Якый це дурень пысавъ вамъ цю нисенитныцю?— сказалъ я.

— Та це отъ Петро Ивановычъ. Воны оттутъ,—спокойно отвѣтилъ вопрошаемый, и я услышалъ какое-то движеніе въ передней и затѣмъ увидалъ, присмотрѣвшись, стоящаго тамъ человѣка.

— Войдите сюда,—сказалъ я, сконфуженный наличностью того, кого я обозвалъ дурнемъ.

Вошелъ человѣкъ, ничѣмъ по платью не отличающійся отъ перваго гостя, и, перекрестившись на икону, по моему приглашенію сѣлъ.

— Хиба це вы пысалы цю бумагу?—спросилъ я его.

— А што? Разви не такъ напысана?—отвѣтилъ онъ, какъ-бы изумляясь услышанному моему неодобренію его работы.

— Та хто-жъ такы такъ пыше... Ця бумага не годытся—отвѣтилъ я.

— Такъ отъ вы й напышить правыльнійше: мы за тымъ и прыйшлы до васъ, бо законъ мы знаемо, а толькы що напысать по судебному не можемо. Отъ и скопія самого суда,—сказалъ онъ, подавая мнѣ еще какую-то бумагу.

Это была копія рѣшенія мироваго судьи N участка по дѣлу о взысканіи отставнымъ унт.-офицеромъ Исаковичемъ—извѣстнымъ мнѣ мѣстнымъ ростовщикомъ—съ Прилѣпина 68 р. по долговой распискѣ и 68 р. по особой неустоечной записи, на случай неуплаты въ срокъ долга.

Просмотрѣвъ копію рѣшенія, я спросилъ моихъ гостей, что они скажутъ еще. Прилѣпинъ началъ было что-то говорить, но Штаньковъ перебилъ его и даже отстранилъ рукою и началъ:

Дозвольтеся мени выказать про все, а то винъ не розскаже, якъ слидъ. Тутъ усё дило у тому, што розпыска недійствытельная..

— Якъ це недійствытельная?—спросилъ я.

— Та отъ я вамъ усё и розскажу. Звисно чоловикови потребувалося грошей,—прызнаться, шкапу задумавъ купыть, щобъ було чимъ пахать землю. Ну, туды-сюды поткнувся та и знайшовъ отцёго саме Исаковыча,—може и вы знаете. Давъ винъ йому 50 рублывъ, а розпыску напысалы на 68 рублывъ. Висимнадцять прыпысано росту за тры мисяци и ще и другу розпыску напысано, що значыть, колы у срокъ не будутъ оддани гроши, то може зыськаты неустойкы 68 рублывъ. У волости засвидительствувалы,—я ще и самъ за нёго пидпысувався й свидителивъ ажъ трое...

— Ну, думалося, якъ-небудь розплатытся, а воно не́ прыйшлося. Попросывся винъ на яке времья, хоть до Покровы, а винъ ото бачъ и подавъ зыскъ.. А вона розпыска отта друга про неустойку недійствытельна.

— Чомъ же вона недійствытельна?—спросилъ я.

— А тимъ, що не по закону: вона выдана по прынужденію. Такъ и напысано у симсотъ второму закони..

— У якому це симсотъ второму?

— У якому?... Такый законъ напысаный. Тамъ сказано, што прозволъ и согласія должны быть слободны, а слобода и согласія знарушаеться, когда було прынужденіе..

— А!—сказалъ я, догадавшись, что это цитируется 701 и 702 статьи X т. Ч. I св. законовъ гражданскихъ.

— Яке-жъ у цёму дили прынужденіе? Хто-жъ его заставлявъ выдаваты Исаковычу тіи розпыскы? Це-жъ его була воля выдаваты, чы ни... А вже колы выдавъ, то вже треба було заплатыты ёму гроши у срокъ. А то якъ-же судьи не прысудыты, колы такъ прыходыться по закону...

— Та отъ же и по закону... У закони такъ и сказано, що розпыска недійствытельна, когда вона выдана по прынужденію обвязательства.

— Та ёго-жъ нихто не сылувавъ выдаваты розпыску и позычаты гроши въ Исаковыча. Це-жъ було ёго согласіе, про которе и у закони напысано...

— Яка-жъ тамъ вже согласія, колы винъ ёго прынудывъ напысаты отту другу розпыску про неустойку, бо инакше не хотивъ и грошей позычать. А винъ, звисно—куды ёму податься, и подпысавъ розпыску. Це-жъ и выходыть, по прынужденію. А то такъ безъ прынуды ставъ-бы винъ самъ на себе петлю надивать...

— Ни, вы зовсимъ не такъ розуміете цей законъ. Якъ-бы такъ ёго розумить, тоди-бъ усяке дило, яке люде роблять промежъ собою, було-бъ по прынужденію. Це й чоботы шевци шьють по заказу—отъ хоть-бы Батечкивъ, чы тамъ Головчанивъ, чы другыхъ закупщыкивъ—по прынужденію. И гроши люде одынъ въ другого позычае по прынужденію...

— А то якъ же? Звисно, що и це все робытся по прынужденію. Хиба, якъ бы не було прынужденія, то сталы-бъ шевци шыты чоботы по двугрывенному одъ пары, або черевыкы по пьятаку... Це вже не що якъ прынужденія. Йому, сердези, никуды податься, а той й сугыбыть ёго, якъ хоче. Тому можна зо своимы грошыма подержатыся, а бидному шевчыкови куды податься... Яка тутъ слобода и согласія,—объяснялъ Петро Ивановичъ, все больше и больше воодушевляясь. Я только смотрѣлъ на него и удивлялся этому своеобразному у насъ, но не новому за границею, взгляду.

— Ну, що-жъ робыть? Може воно по вашому й такъ, та тильно въ насъ нема такого закону, и мыровый не мигъ инакше розсудыты...—сказалъ я, когда замолчалъ Петро Ивановичъ. Но мои слова ничуть не убѣдили его, и онъ опять возразилъ:

— Та якъ же нема закону... А цей-же симсотъ первый и вторый... Аже винъ напечатаный у кнызи цей законъ... Якъ же нема?.. Отъ тилькы, що я не захопывъ зъ собою, а то-бъ я показавъ-бы вамъ...

— Та показать це й я можу. Въ мене есть цей законъ. Тутъ не въ тому сыла, а въ тому, що вы не такъ розуміете цей законъ...

Я досталъ X томъ св. законовъ ч. I изданіе Анисимова и, нашедши 701 и 702 статьи, прочиталъ ихъ. Петро Ивановичъ даже нагнулся, всматриваясь въ читаемое мною, и послѣ прочтенія какъ-то побѣдоносно посмотрѣлъ на Прилѣпина, какъ-бы указывая ему на то, что вотъ-же законъ и не въ одной его книжкѣ напечатанъ.

Я счелъ себя обязаннымъ разъяснить смыслъ этихъ статей.

— Такъ отъ бачыте, якъ тутъ напысано: „Произволъ и согласіе должны быть свободны. Свобода произвола и согласія нарушается: 1—принужденіемъ и 2—подлогомъ". А отъ дали у закони сказано такъ: „Принужденіе бываетъ, когда кто-либо, бывъ захваченъ во власть другого, принуждается къ отчужденію имущества или вступленію въ обязательство насильственно, страхомъ настоящаго или будущаго зла, могущаго постигнуть его

лицо или имущество". Це выходыть, що тоди тилько законъ прызнае понуду-прынужденіе, колы васъ сылою, чы лякомъ якымъ прысылувано що-небудь продаты, купыты або объ чимъ-небудь договорыться не такымъ побытомъ, якъ-бы вы хотилы, якъ-бы вамъ бажалося, а такымъ, якъ другому захотилося, и колы зробыть цее все васъ прымусылы сылою, чы страхомъ чого небудь гиршого. Та й то законъ наказуе заразъ-же объясныты сябрамъ чы начальству, щобъ воны моглы запобигты тому прысылуванню або хоть засвидчыты, що таке то й таке сталося. А то якъ такъ розумиты, якъ вы розуміете, то тоди коженъ, хто надумався писля продажи, або домовы якои, заразъ-же й одказувався-бъ. Нанявся-бъ на роботу, а черезъ дватры дни сказавъ-бы, що винъ наймався по нужди, по прынужденію; позычывъ грошей на яку потребу, ростъ на стовбъ пообицявъ—а писля скаже, що винъ позычавъ по нужди, по прынужденію, и росту не захоче оддаваты. Такъ не можна, такъ не буде ни торгу, ни якого дила промежъ людьмы.

Я полагалъ, что слушатели мои вполнѣ убѣждались моими аргументами. Прилѣпинъ понурился, а Петро Ивановичъ не спускалъ съ меня глазъ и, очевидно, внимательно слушалъ мои объясненія. Когда я кончилъ, онъ пошаталъ головою и сказалъ:

— Це вирно. Усе воно такъ, якъ и слидуе—вы кажете. Такъ ёму й порядокъ вказаный... Та тилькы... якъ-же теперъ зробыть, щобъ воно було обсуждено якъ слидъ по закону. Тутъ усяке зрозуміе, що винъ не по добрій воли подпысавъ отту другу розпыску про неустойку, бо якъ бы винъ не пидпысавъ іи, то той выхрестъ не давъ бы ёму грошей... А теперъ и геруе зъ нёго у-двое.

Очевидно, что Петро Ивановичъ соглашался со мною въ пониманіи разсматриваемыхъ нами статей закона въ общемъ ихъ смыслѣ, но когда дѣло коснулось конкретнаго случая этого самаго принужденія Исаковичемъ Прилѣпина выдать росписку о неустойкѣ, у него стушовывались всѣ эти общія понятія, а оставалось свое сознаніе принужденія въ дачѣ этой росписки и, разумѣется, это пониманіе никакими толкованіями выбить изъ головы нельзя было.

— Такъ якъ-же? Напышете жалобу?—спросилъ онъ меня.

Я отказался писать жалобу и объяснилъ, что она будетъ напрасна, такъ какъ рѣшеніе судьи совершенно правильно и законно. Совѣтовалъ я какъ-нибудь сойтись съ Исаковичемъ, который, по всему вѣроятію, не станетъ-же взыскивать всего присужденнаго ему, а удовлетворится какою-нибудь надбавкою на сумму долга по первой роспискѣ. Но такъ какъ мнѣ хотѣлось списать жалобу въ мою коллекцію куріозовъ, то я предложилъ жалобу оставить мнѣ для разсмотрѣнія и прійти за окончательнымъ моимъ совѣтомъ дня черезъ два-три. Съ тѣмъ они и ушли отъ меня.

Вскорѣ явилась совсѣмъ пьяная Васильевна и стала разсыпаться въ извиненіяхъ и ея ко мнѣ любви и между прочимъ сказала, что она не пѣшкомъ пришла, а пріѣхала на лошади, присланной за мною отцомъ Симеономъ, куда я сейчасъ-же и отправился, захвативъ съ собою для прочтенія въ компаніи жалобу „Опеляцію".

II.

Я между прочимъ расчитывалъ, если придетъ ко мнѣ одинъ Прилѣпинъ, уговорить его не подавать жалобы. Но дня черезъ два явились оба съ тѣмъ-же требованіемъ—только выправить написанное. При этомъ Петро Ивановичъ вытащилъ изъ-за пазухи вложенную въ двѣ отдѣльныхъ картонки „кныжочку". Это была часть очевидно растерянныхъ листковъ Анисимовскаго изданія гражданскихъ законовъ. Петро Ивановичъ не безъ особаго рода важности подалъ мнѣ эту „кныжочку". Да, на самомъ дѣлѣ это было Анисимовское изданіе, даже новенькое въ то время— „девятое дополненное изданіе". На первомъ листкѣ крупнымъ шрифтомъ напечатано: Гражданскіе законы; на второмъ листкѣ шло оглавленіе и т. д. до 32 страницы включительно; затѣмъ сразу 215 страница съ этою самою 701 статьею, а затѣмъ на 256 страничкѣ и кончалась книжка. Сшита она была по-китайски, по

корешку, и сохранялась въ двухъ отдѣльныхъ картонкахъ, очевидно оторванныхъ старыхъ переплетахъ, которые перевязывались шнурочкомъ. Петро Ивановичъ разсказалъ мнѣ, что его покойный братъ, солдатъ, занимался переплетничествомъ, и онъ послѣ его смерти спасъ отъ растерзанія дѣтьми вотъ эту самую, такъ пригодившуюся ему, „кныжочку".

Всѣ мои разъясненія о правильности рѣшенія судьи и безуспѣшности жалобы на это рѣшеніе не привели ни къ чему: Петръ Ивановичъ настаивалъ на томъ, что именно и составляло обязанность судьи обсудить въ данномъ случаѣ очевидность принужденія со стороны Исаковича въ выдачѣ и подписаніи Прилѣпинымъ росписки о неустойкѣ. Что законъ на этотъ предметъ вотъ на лицо и что на то и „понаставляни" судьи, чтобъ все разобрать и выяснить, а нашъ мировой судья ничѣмъ не захотѣлъ себя утруждать, а только посмотрѣлъ вотъ въ такую, какъ та, что лежитъ у меня на столѣ, раскрашенную по обрѣзу книжку и сейчасъ-же написалъ рѣшеніе. Я самъ зналъ о склонности нашего судьи къ своего рода буквоѣдству, но въ тоже время понималъ, что ему ничего иного не оставалось дѣлать по этому дѣлу, какъ только присудить требуемое. Но тѣмъ не менѣе, видя такую настойчивость и убѣжденность руководившаго дѣломъ Петра Ивановича и зная, что они, такъ или иначе, да подадутъ „Опеляцію", я взялся написать имъ ее, увѣряя, что толку изъ этого никакого не будетъ, а потому и денегъ за написаніе не взялъ. Я даже условился съ ними, что перепишетъ апеляцію самъ Петро Ивановичъ, при чемъ объяснилъ о необходимости написанія копіи для противной стороны, о порядкѣ подачи тому же судьѣ, а не по почтѣ, какъ хотѣли сдѣлать они. Тогда еще производство у мировыхъ судей велось безпошлинно. Разумѣется, я отказался поддержать эту апеляцію въ мировомъ съѣздѣ.

Мнѣ случилось присутствовать при разборѣ этого дѣла въ съѣздѣ мировыхъ судей.

Предсѣдательствовалъ въ засѣданіи самъ предсѣдатель, онъ же участковый судья, генералъ С—скій. Вслѣдъ за вызовомъ къ судейскому столу Прилѣпина, вышелъ и Штанько. Генералъ

всегда въ военномъ мундирѣ и въ эполетахъ съ куафюрой, похожей на куафюру Государя на портретѣ, висѣвшемъ за судейскимъ столомъ, держалъ себя важно, начальнически. Увидавъ выходящаго за Прилѣпинымъ Штанька тогда, когда Исаковичъ занялъ знакомое ему мѣсто около одного изъ пюпитровъ (по своимъ многочисленнымъ дѣламъ Исаковичъ всегда самъ предстательствовалъ)—генералъ спросилъ Прилѣпина:

— Это что-жъ? свидѣтеля вы привели съ собой?—

Прилѣпинъ замялся и не нашелся что отвѣтить, но Штанько, отстранивъ рукою его, отчетливо сказалъ:

— Ѣнто вонъ, ваше превосходительство, желаеть мене за себе въ одговорщикомъ поставить, мени свое недоумія передать.

На отдувающемся лицѣ генерала скользнула улыбка, и онъ сказалъ:

— Значитъ вы будете его повѣреннымъ?

— Повиреннымъ, ваше превосходытельство, какъ вонъ у ѣнтому дили подписавъ по прынужденыю и вона недиствытельна.

— Ну, это послѣ, въ свое время будете говорить...—сказалъ генералъ и наклономъ въ сторону докладчика головы предложилъ прочитать рѣшеніе и апеляцію.

Въ апеляціи между прочимъ была разсказана исторія всего займа и разумѣется того, въ какомъ положеніи былъ заемщикъ, подписавши росписку о неустойкѣ.

По приглашенію генераломъ добавить еще что нибудь къ апеляціи, Штанько довольно складно, но только, разумѣется, коверкая русскую рѣчь, къ чему уже привыкли судьи, имѣвшіе дѣло съ мѣстными хохлами, началъ объяснять, что Прилѣпинъ занялъ у Исаковича только пятьдесятъ рублей по шесть процентовъ въ мѣсяцъ и что онъ не отказывается уплатить и капитальный долгъ и проценты, но только не хочетъ уплатить неустойки, что онъ просилъ Исаковича подождать и тотъ согласился, а послѣ и предъявилъ искъ, что расписку онъ подписалъ по принужденію, такъ какъ иначе Исаковичъ не хотѣлъ давать денегъ, а ему необходимы были они на покупку лошади. Затѣмъ онъ степенно развязалъ свою „кныжочку“ и сталъ читать „симсотъ первой законъ“, но генералъ его перебилъ:

— Читать не нужно, намъ законы извѣстны. Вы говорите, если имѣете что еще сказать...

— Што-жъ болше говорыть, господа праведныи судьи! Тутъ усякому выдно, що розпыска подпысана по прынужденыю: по своёму слободному прозволу вонъ не ставъ-бы самъ на себе петлю надивать,—закончилъ Штанько весьма удачно.

— Вы, что-же растовщичествомъ занимаетесь?—строго спросилъ генералъ Исаковича, который еще не отрѣшился отъ усвоеннаго имъ въ кантонистахъ, а послѣ и въ солдатахъ страха передъ военнымъ начальствомъ, какъ-то умалился, съежился и съ отвратительнѣйшимъ еврейскимъ акцентомъ отвѣчалъ:

— Ну, какое растовщицтво? Я ему, какъ бѣдному человѣку, хатѣлъ помагать лошадка купить, а онъ...

— Такъ это вы изъ сожалѣнія къ нему по шесть процентовъ въ мѣсяцъ драли съ него?...—еще суровѣе спросилъ генералъ.

— Ну, какой пурцентъ? Я доволенъ, если-бы онъ отдалъ хоть самый капиталъ... Какой пурцентъ изъ него узять?

— То есть вы хотите получить только свои пятьдесятъ рублей?—все также грозно спросилъ опять генералъ.

— Ну, а што-же больше изъ него узять, хоть-бы минѣ мои гроши взыскать...—прорвалось у Исаковича.

— Запишите въ протоколъ засѣданія, что истецъ соглашается только свои пятьдесятъ рублей получить... Судъ удаляется для совѣщанія,—сказалъ, вставая съ мѣста, генералъ, и за нимъ вышли и засѣдавшіе съ нимъ судьи.

Исаковичъ отошелъ въ публику сконфуженный, шаталъ головой и цмокалъ, но когда надумался подойти къ секретарю, оставшемуся за судейскимъ столомъ въ залѣ засѣданія, раздался звонокъ и вошедшій съ судьями генералъ прочиталъ:

„По указу Его Императорскаго Величества Б—скій съѣздъ мировыхъ судей... въ виду заявленнаго на судѣ согласія истца, отставнаго унтеръ-офицера Николая Никитина Исаковича, опредѣлилъ съ кр—на Степана Федорова Прилѣпина взыскать въ его Исаковича пользу пятьдесятъ рублей, въ остальной части

обжалованное рѣшеніе мирового судьи № участка по этому дѣлу отмѣнить".

— Недовольная этимъ рѣшеніемъ сторона можетъ обжаловать рѣшеніе въ Правительствующій Сенатъ въ 4-хъ мѣсячный срокъ. Засѣданіе по этому дѣлу окончено.—Такъ закончилъ генералъ какъ-бы отстраняя всякія объясненія со стороны выступившаго было впередъ Исаковича. Штанько перекрестился на образъ и, поклонившись судьямъ, отошелъ въ публику, а затѣмъ ушелъ изъ залы, сопровождаемый Прилѣпинымъ.

Проходя изъ съѣзда въ свою квартиру, спустя часа два послѣ, я наткнулся на выходящихъ изъ трактира Прилѣпина и Штанька; послѣдній, немного подвыпивши, поклонился мнѣ и сказалъ:

— Отъ выдите, господынъ аблокатъ, якъ наше дило выйшло. Законъ винъ одынъ для всихъ, тилькы судьи не однакови...

Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что „кныжочка" ему во всемъ непомогла, и рѣшеніе состоялось такое потому, что расписка о неустойкѣ была выдана „по прынужденыю".

III.

Не разъ мнѣ послѣ этого приходилось встрѣчать Петра Ивановича въ камерѣ мироваго судьи, не разъ онъ заходилъ ко мнѣ „совитаться". До тѣхъ поръ, пока вышли правила о повѣренныхъ, пока ходатайство въ судѣ за другое лицо не стало въ зависимость отъ полученія на то свидѣтельства, онъ постоянно бывалъ въ камерѣ судьи и выступалъ „одговорщикомъ" за тѣхъ, кто передавалъ ему „свое недоуміе".. Судья называлъ его психопатомъ и всегда кривился, когда приходилось разсматривать дѣла, въ которыхъ онъ выступалъ повѣреннымъ. Во всѣхъ дѣлахъ онъ неизмѣнно приводилъ одну и ту-же теорію объ отсутствіи произвола и о принужденіи. Писалъ онъ болѣе чѣмъ плохо, но аргументировалъ на судѣ складно, держась неуклонно своего разумѣнія 701 и 702 ст. X тома ч. I св. граж. законовъ, кото-

рые называлъ прямо „симсотъ первый и симсотъ вторый законъ“. У него выходило, что попавшійся въ потравѣ впускалъ скотину въ чужое поле „по прынужденію“, такъ какъ у него не было гдѣ пасти скотину; что кредиторъ не долженъ взыскивать въ опредѣленный долговымъ обязательствомъ срокъ потому, что срокъ назначенъ по прынужденью не въ то время, въ какое хотѣлось должнику по его „прозволу“; что нанявшійся къ подрядчику каменщикъ не явился на работу тоже по принужденію, такъ какъ у него умерла жена и не на кого было бросить малолѣтнихъ дѣтей, что неявившіеся къ уборкѣ хлѣба въ экономію, забравшіе еще весною деньги впередъ рабочіе не обязаны исполнять договоры, такъ какъ договоры эти были заключены по принужденію по дешевой цѣнѣ, когда имъ грозилъ старшина взысканіемъ недоимокъ и угрожало будущее зло—весенняя голодовка. Дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, онъ дошелъ до того, что отстаивалъ право жены уйти отъ мужа, за котораго она была отдана насильно.

Отстаиваніемъ такой теоріи Петро Ивановичъ возбудилъ противъ себя кулаковъ своего хутора и даже многихъ въ слободѣ. Особенно возсталъ противъ него одинъ изъ богатыхъ мѣстныхъ винокуренныхъ заводчиковъ, содержавшій много кабаковъ въ той мѣстности для сбыта своего вина. Обыкновенно онъ платилъ довольно большія суммы денегъ сельскимъ обществамъ за право открытія въ ихъ селахъ кабаковъ. Договоры эти совершались обыкновенно передъ новымъ годомъ, т. е. передъ выборкою документовъ. Разумѣется, въ договорѣ оговаривалось исключительное право торговать водкою въ томъ селѣ и недопущеніе къ тому кого другого. Петро Ивановичъ подбилъ общество своего хутора, послѣ сдачи права открытія кабака въ хуторѣ этому заводчику, сдать это-же право еще другому лицу за особую плату, разсуждая, что при отдачѣ права исключительной торговли заводчику не было „слободного прозвола“ общества, а было „прынужденіе“ со стороны захватившихъ власть въ обществѣ нѣкоторыхъ міроѣдовъ и пріѣзжавшихъ съ приказчикомъ заводчика волостного старшины и писаря, что „слобода“ нару-

шалась еще тѣмъ, что на сходѣ было выпито два ведра водки. Это допущеніе продажи въ хуторѣ водки двухъ фирмъ имѣло однако-жъ для хуторянъ нехорошія послѣдствія: во первыхъ, явилась конкуренція у кабатчиковъ, удешевленіе вина, легкость кредита, а слѣдовательно и увеличеніе пьянства въ хуторѣ, а затѣмъ еще и то, что заводчикъ не только не захотѣлъ платить въ іюлѣ условленные триста рублей, но еще предъявилъ искъ о возвратѣ раньше внесенныхъ, мотивируя свои требованія тѣмъ, что такъ какъ взыманіе платы за право торговли не дозволяется [1]), то значитъ и договоръ его съ обществомъ не дѣйствителенъ, а потому каждая изъ договаривающихся сторонъ должна стать въ положеніе, бывшее до договора, а поэтому триста рублей, полученные съ него обществомъ, должны быть ему возвращены. Это взысканіе было присуждено заводчику въ двухъ инстанціяхъ, и хотя онъ денегъ съ общества не взыскалъ, но на слѣдующій годъ право открытія кабака было ему отдано за четыреста руб. вмѣсто прежнихъ шестисотъ, и что главное—подорвалось довѣріе общества въ юриспруденцію Штанька.

А тутъ еще подвернулся такой случай:

Въ большомъ имѣніи одного генерала вся земля обрабатывалась рабочими, нанимаемыми еще раннею весною, разумѣется, по дешевой весенней цѣнѣ. Когда-же, по случаю хорошаго урожая въ томъ году, цѣны на уборку хлѣба страшно поднялись, то нанятые съ весны рабочіе отказались убирать по этой цѣнѣ. Пріѣхавшій на лѣто въ имѣніе самъ генералъ заволновался, поѣхалъ къ губернатору жаловаться, выписалъ откуда-то изъ центральныхъ губерній рабочихъ, которые ему очень дорого стоили, и въ концѣ концовъ попредъявлялъ массу исковъ объ убыткахъ и затѣмъ порѣшилъ взыскать эти убытки уже по исполнительнымъ листамъ безо всякаго снисхожденія. Разумѣется, Петро Ивановичъ по всѣмъ этимъ дѣламъ явился повѣреннымъ съ обычною своею аргументаціею о томъ, что всѣ эти договоры

---

[1]) Тогда такія сдачи монопольной торговли были запрещены.

недѣйствительны, такъ какъ они заключались не по свободному произволу, а по принужденію подъ страхомъ предстоящаго зла, весенней нужды, и кромѣ того, онъ этотъ дешевый весенній наемъ называлъ „ростовствомъ", т. е. ростовщичествомъ.

— Оце понайма на уборку по 2 р. 40 коп., або по 2 р. 60 к., позадае по пивтора рубли впередъ ще до Евдокіи (1 марта), а черезъ чотыри мисяци требуе на роботу, що вже стоить по-шисть, по шисть зъ половыною рубливъ за десятыну. Хиба-жъ це не ростовство? Це винъ бере вже росту на пивтора рубли по чотыри, по чотыри зъ полтыною за чотыри мисяци. Це караулъ крычать треба!...—говорилъ въ крайнемъ возбужденіи Петро Иванновичъ, выходя изъ суда послѣ присужденія исковыхъ требованій генерала.

Самое исполненіе всѣхъ этихъ рѣшеній вызвало сопротивленіе крестьянъ при описи и продажѣ имущества, требованіе помощи вооруженной силы и затѣмъ привлеченіе къ суду виновныхъ въ сопротивленіи и въ подстрекательствѣ. Въ послѣднемъ былъ обвиненъ и Петро Ивановичъ, легко однако отдѣлавшійся только двухъ-мѣсячнымъ арестомъ при полиціи.

За время этого сидѣнья подъ арестомъ, онъ познакомился съ однимъ молодымъ писцомъ полицейскаго управленія и начитался, какъ онъ разсказывалъ, всякихъ законовъ. Особенно онъ старался проникнуть въ смыслъ и значеніе межевыхъ законоположеній, такъ какъ у нихъ, хуторянъ, издавна ведется со слободою споръ изъ-за границъ земельныхъ участковъ.

Я вскорѣ переселился въ недалекій городъ на жительство и потерялъ изъ виду Петра Ивановича, который, вѣроятно, былъ, что называется, приборканъ въ своей одговорщицкой дѣятельности понесеннымъ имъ наказаніемъ и—главное—правилами о частныхъ повѣренныхъ.

IV.

Прошло три-четыре года. Изрѣдка мнѣ приходилось бывать въ Шереметовкѣ, заканчивать оставшіяся недоконченными прежнія дѣла. Въ одинъ илъ такихъ пріѣздовъ мнѣ разсказали о случившихся въ то лѣто столкновеніяхъ слобожанъ съ хуторянами. Въ виду трудности охраненія полей отъ все болѣе и болѣе повторяющихся потравъ на границѣ съ хуторскими землями, о каковыхъ границахъ и шелъ уже судебный процессъ,—слобожане, безсильные въ охраненіи своихъ отдѣльныхъ душевыхъ пайковъ, порѣшили окрайные земли вырѣзать въ отдѣльные болѣе крупные участки и таковые сдавать на нѣсколько лѣтъ въ аренду съ торговъ. Арендаторами явились мѣстные богачи, позаводившіе на участкахъ хутора, „заведенія“—какъ ихъ называли; построили жилые дома, риги, скотные дворы и оборы... Хуторяне въ этомъ усмотрѣли, разумѣется, полнѣйшее завладѣніе спорными землями и уже вмѣсто единичныхъ протестовъ, выражавшихся по сю пору потравами и запашками, порѣшили воспрепятствовать этому завладѣнію по-просту разореніемъ строющихся хуторовъ. Собравшись толпою, они разнесли два хутора, при-чемъ не обошлось безъ побіеній арендаторскихъ приказчиковъ и рабочихъ. Но на одномъ изъ такихъ арендаторскихъ участковъ они встрѣтили серьезное сопротивленіе: молодой и энергичный арендаторъ, мѣстный торговецъ Прыдыбайловъ, вооружилъ бывшихъ у него на хуторѣ приказчиковъ и рабочихъ ружьями и револьверами и порѣшилъ не допустить нападающихъ къ разоренію своего хутора. Самъ онъ съ револьверомъ большого калибра системы Смита и Вессона сталъ во главѣ своего гарнизона. Нападающіе были предупреждены, что если только не остановятся, то въ нихъ будутъ стрѣлять. Въ толпѣ хуторянъ былъ и Петро Ивановичъ, прибѣжавшій на мѣсто побоища съ цѣлью воздержать своихъ односельцевъ отъ „принужденія и прозволу“, но роковая пуля, минувъ ринувшихся на стоявшаго впереди своей команды Прыдыбайлова, попала въ самое сердце несчастнаго Штанька, пробивъ по пути имѣвшуюся всегда у него за пазухой „кныжочку“ очень

можетъ быть черезъ ту самую 701 статью. Онъ палъ со словами: „вотъ ѣто самое прынужденіе и прозволъ“.

Отхлынувшая было при выстрѣлѣ толпа все таки ринулась впередъ и разнесла хуторъ Прыдыбайлова, избивъ до смерти его самого и его рабочихъ...

Такъ кончилъ несчастный „одговорщикъ“ свое поприще народнаго трибуна съ его своеобразною теоріею пониманія отношеній договаривающихся сторонъ.

Б. Познанскій.

Еще о памятникахъ искусства Кіево-Печерской лавры.

По поводу моей статьи въ іюньской книжкѣ „Кіевск. Старины“ о памятникахъ искусства XVI и XVII ст. въ Кіево-печерской лаврѣ, появилось въ № 205 „Кіевлянина“ довольно пространное письмо г. Эртеля. Собственно, поводомъ для письма была даже не самая статья, а лишь небольшое примѣчаніе къ ней относительно того, что г. Эртель, въ подтвержденіе своего мнѣнія о позднѣйшемъ происхожденіи памятника кн. К. И. Острожскаго, ссылается на несуществующій рисунокъ этого памятника въ Тератургимѣ Кальнофойскаго. Теперь оказывается, что г. Эртель совсѣмъ и „не думалъ утверждать, что это (т. е. мнимый рисунокъ надгробія) и есть надгробіе“,—онъ только сказалъ, что „тамъ есть изображеніе надгробнаго памятника“. Отказываюсь разбирать эту игру словъ, но чтобы доказать, насколько основательно мое обвиненіе, постараюсь объяснить при помощи фактовъ. Вотъ мѣсто изъ реферата г. Эртеля, на основаніи котораго я считаю, что онъ сдѣлалъ ссылку на несуществующій рисунокъ надгробнаго памятника. „Надгробіе, существующее теперь, *ничего общаго не имѣетъ съ упомянутымъ рисункомъ* Кальнофойскаго ни по формѣ, ни по стилю. Не значитъ ли это, что и самое надгробіе сдѣлано уже послѣ 1718 года? Во всякомъ случаѣ такой вопросъ можетъ быть возбужденъ съ пол-

нымъ основаніемъ". [1]) Если г. Эртель „не думалъ утверждать, что это и есть наддробіе", такъ незачѣмъ сравнивать съ существующимъ памятникомъ—это во-первыхъ, а во вторыхъ, не съ чѣмъ и сравнивать, такъ какъ рисунка надгробнаго памятника въ Тератургимѣ все-таки не существуетъ вовсе, не смотря на усилія г. Эртеля доказать противное. Орнаментированная же заставка Тератургимы (родъ высокаго треугольника на узкомъ основаніи, подставка котораго украшена масками и птичьими головками), не даетъ ни малѣйшаго права утверждать, что заставка эта представляетъ собою изображеніе надгробнаго памятника. Справедливость этого положенія станетъ очевидной и безспорной изъ словъ самого-же автора.

Г. Эртель въ своемъ письмѣ, описывая въ назиданіе мнѣ „рисунокъ надгробія", высказываетъ предположеніе, которое служитъ какъ-бы дальнѣйшимъ развитіемъ только что процитированнаго мною мѣста, что „*форма треугольника* изъ орнаментовъ, включающаго въ себѣ эпитафію (Всевидящее Око?)—*одна изъ довольно употребительныхъ въ стѣнныхъ надгробіяхъ, гдѣ мѣсто не позволяетъ ставить что-либо иное*".

Значитъ, свидѣтельство свящ. І. Лукьянова о видѣнномъ имъ въ 1701 г. изваяніи „изъ камене" фигуры князя К. Острожскаго ничего незначущая мелочь? А между тѣмъ, у Лукьянова, при описаніи надгробія, совершенно ясно сказано, безъ возможности перетолкованія какъ-нибудь иначе—„лежитъ на боку въ латахъ, какъ живой". Какое же отношеніе можетъ имѣть къ этой фигурѣ, лежащей на боку въ латахъ, такъ понравившійся г. Эртелю „треугольникъ?" Разумѣется никакого. Г. Эртелю неловко сознаться въ томъ, что онъ сдѣлалъ грубую ошибку, ему во что-бы то ни стало нужно выпутаться изъ затруднительнаго положенія,—вотъ онъ и вздумалъ пристроить на мѣсто монументальнаго памятника „треугольникъ изъ орнаментовъ", форма

---

[1]) О стѣнописи въ великой Успенской церкви Кіево-Печерской лавры—«Труды Кіевской Дух. Академіи», 1897 г. апрѣль.

котораго „одна изъ довольно употребительныхъ въ стѣнныхъ надгробіяхъ, *гдѣ мѣсто не позволяетъ ставить что-либо иное*".

Способъ доказательствъ г. Эртеля не вяжется не только съ имѣющимися точными историческими данными о памятникѣ Острожскаго, но въ то же время онъ противорѣчитъ здравому смыслу, потому, что если бы даже не было цѣлаго ряда однородныхъ надгробій, относящихся къ XVI столѣтію, и если бы не было драгоцѣннаго по своей ясности указанія Лукьянова, то и тогда лишено всякаго основанія утвержденіе, что „мѣсто не позволяетъ ставить что-либо иное", кромѣ треугольника, такъ какъ для существующаго, по прекрасному выраженію Максимовича, величаваго надгробія нашлось-же мѣсто [1]).

Установивши такимъ остроумнымъ образомъ на мѣсто памятника Острожскаго „треугольникъ изъ орнаментовъ", г. Эртель съ такой-же свободой раздѣлывается со старой живописью Великой лаврской церкви. Вотъ способъ его умозаключеній: „Что касается цѣнности остальныхъ произведеній „искусства", уничтоженныхъ въ лаврѣ, то эта цѣнность ихъ установлена въ свое время *безповоротно* и достаточно компетентными людьми"...

Кто-же эти „компетентные" люди, которые взяли на себя неблагодарный трудъ хоронить и смѣшивать съ мусоромъ такія произведенія искусства, какъ единственные въ своемъ родѣ пор-

---

[1]) Въ своей статьѣ я не упомянулъ о времени сооруженія памятника Острожскаго,—оно извѣстно съ точностью изъ эпитафіи этого вельможи, извлеченной изъ рукописнаго сборника конца 17 стол. проф. Н. И. Петровымъ (Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга первая. К. 1879 г.). «Животъ свой скончалъ, гласитъ эпитафія, у 70 лѣтъ з великою жалостю и плачемъ людскимъ. Здѣ же бысть погребено тѣло его в лаврѣ преподобныхъ отецъ нашихъ Антонія и Θеодосія Печерскихъ. Гробъ-же сей выбіенъ бысть сыномъ его благовѣрнымъ княземъ Константиномъ во св. Крещеніи Василіемъ Острозкимъ, воеводою Кіевскимъ, Маршалкомъ земли Волынской, старостою Володимерскимъ, и на память его поставися року 1579, мѣсяца августа 7».

треты царей Михаила Ѳедоровича, Алексѣя Михайловича, Іоанна Алексѣевича и Петра І?

При попыткѣ разобраться въ литературѣ, возникшей по поводу уничтоженной лаврской живописи, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить работу, которая стоитъ совершенно отдѣльно отъ остальныхъ работъ, какъ по своему рѣзко отрицательному тону, такъ и по притязанію на оцѣнку уничтоженной живописи,—я говорю о цитированномъ уже мною рефератѣ г. Эртеля.

Я сказалъ, что работа эта стоитъ совершенно отдѣльно отъ остальныхъ работъ, и это безусловно справедливо, такъ какъ всѣ остальныя работы не имѣютъ притязанія на оцѣнку названныхъ произведеній и лишь косвенно относятся къ самой живописи, потому-что центръ тяготѣнія этихъ работъ скорѣе письменные источники, касающіеся исторіи возникновенія живописи, чѣмъ сама живопись. Значитъ, „компетентные люди", имѣвшіе такое безповоротно—рѣшающее значеніе въ этомъ вопросѣ, не иной кто, какъ самъ г. Эртель со своимъ рефератомъ.

Разъясненіе этого вопроса настолько интересно, что я считаю своей обязанностію остановиться нѣсколько подробнѣе на рефератѣ г. Эртеля. При помощи выдержекъ, читателю станетъ ясна вся неосновательность притязаній г. Эртеля на наименованіе себя компетентнымъ лицомъ въ такомъ серьезномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ, какъ безповоротное уничтоженіе памятниковъ; съ другой стороны, какъ неоспоримый противовѣсъ измышленіямъ г. Эртеля, я приведу мнѣнія людей, дѣйствительно компетентныхъ въ этомъ вопросѣ, мнѣнія, какъ увидитъ читатель, совершенно совпадающія въ конечныхъ результатахъ съ моей оцѣнкой уничтоженныхъ предметовъ искусства.

Я сосредоточу вниманіе читателя собственно на сужденіяхъ г. Эртеля о живописи, потому что онѣ-то и составляютъ всю суть его взглядовъ по данному вопросу, все-же остальное, какъ-то: перечисленіе настоятелей лавры, выписки изъ Синопсиса Гизеля и многое другое въ такомъ родѣ, лишено всякаго значенія.

„Въ художественномъ отношеніи, разсуждаетъ г. Эртель, снятыя изображенія ниже всякой критики: грубѣйшія ошибки въ пропорціяхъ, рисункѣ, постановкѣ фигуръ, доходящія до того, что *головы нѣкоторыхъ изъ нихъ нарисованы не въ одной плоскости съ туловищемъ*, уродливость позъ, выпяченные впередъ животы, искривленные и совершенно неестественные повороты рукъ—вотъ отличительные признаки живописи, изъ-за которой идетъ столько разговоровъ. Мастеръ, рисовавшій ихъ, былъ не то что неискусенъ—это былъ просто безграмотный маляръ". Все это очевидная неправда. Изданные Е. М. Кузьминымъ портреты служатъ тому достаточнымъ доказательствомъ—*и головы тамъ въ одной плоскости съ туловищемъ*, и повороты рукъ совершенно естественны, и пропорціи какъ слѣдуетъ, не говоря уже о портретахъ русскихъ государей, и въ особенности о портретѣ Петра I, который долженъ занять соотвѣтствующее ему мѣсто въ иконографіи портретовъ царя Преобразователя.

Неизвѣстно, въ силу какихъ соображеній г. Эртель приходитъ къ убѣжденію, что портреты писаны кіевскимъ мастеромъ 70-хъ годовъ 18 столѣтія по имени Захаріей Голубовскимъ [1]). Сдѣлано это, судя по ходу дѣла, съ той цѣлью, чтобы найти лишній предметъ для скучныхъ глумленій и издѣвательствъ. Чтобы окончательно уронить значеніе лаврскихъ портретовъ, г. Эртель беретъ для примѣра совершенно изуродованныя ретушью фотографіи съ портретовъ князей Сангушекъ, Вишневецкихъ и Острожскихъ, и въ выраженіяхъ, которыя обрисовываютъ въ ихъ авторѣ полное незнаніе южнорусскаго костюма XVI—XVII ст., издѣвается надъ тѣмъ, что названные князья одѣты съ царскимъ великолѣпіемъ (какъ будто на медали 16 ст. изъ недавно найденной лаврской казны кн. К. К. Острожскій одѣтъ иначе?),

---

[1]) Читатель помнитъ, что объ этихъ портретахъ есть упоминаніе въ путешествіи Лукьянова еще въ 1701 г. («а въ церкви стѣнное писаніе, говоритъ Лукьяновъ, всѣ князья русскіе написаны»), такъ что объ авторствѣ Голубовскаго въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи.

наконецъ, съ развязностью говоритъ, что будто „всѣ эти князья совершенно напоминаютъ карточныхъ королей, съ той разницей, что нарисованы они неизмѣримо хуже. Все это, продолжаетъ г. Эртель, отнимаетъ даже надежду предположить, что Захарія Голубовскій имѣлъ подъ руками какіе-либо заслуживающіе вниманія образцы [1]). Онъ писалъ такъ, какъ пишутъ до сихъ поръ наши иконописцы, если можно такъ выразиться, *чисто эмпирически*, что еще болѣе подтверждаетъ ту печать *индивидуальности*, которая лежитъ на его работахъ и отъ которой не можетъ освободиться ни одинъ художникъ, разъ онъ пишетъ самостоятельно, а не копируетъ съ образцовъ".

Это—центральное мѣсто реферата г. Эртеля и въ то же время самое безсвязное. Г. Эртель совершенно запутался въ своихъ собственныхъ философствованіяхъ. Что значитъ въ данномъ случаѣ выраженіе „чисто эмпирически"? Я убѣжденъ, что дать ему какое-либо объясненіе никто не въ силахъ, не исключая даже самого Эртеля. Что-же касается *печати индивидуальности*, то г. Эртель, самъ того не сознавая, вмѣсто порицанія, высказалъ величайшую похвалу уничтоженной живописи, такъ какъ каждому, серьезно занимающемуся искусствомъ, извѣстно, что только то художественное произведеніе и можетъ имѣть дѣйствительную цѣну, которое художникъ пишетъ *самостоятельно* и на которое онъ, въ силу этой самостоятельности, налагаетъ *печать индивидуальности*—качество, которымъ только лишь и можетъ быть опредѣлена интенсивность взаимоотношенія и внутреннее сродство между творящей личностью и ея произведеніемъ, т. е. самое дорогое во всякомъ художественномъ произведеніи; въ противномъ случаѣ, это будетъ мертвый и безжизненный шаблонъ, чуждый какой-бы то ни было связи съ живымъ искусствомъ.

---

[1]) Въ примѣчаніи къ этому мѣсту г. Эртель какъ-бы размышляетъ самъ съ собою: «хотя, разумѣется, вполнѣ отрицать этого нельзя. Портретъ П. Могилы имѣетъ нѣкоторое сходство съ извѣстнымъ портретомъ этого іерарха». Надо прибавить, что портретъ этотъ одинъ изъ искаженныхъ ретушью, тѣмъ не менѣе, г. Эртель призналъ въ немъ сходство „съ извѣстнымъ портретомъ этого іерарха".

Приведенныхъ мною выдержекъ достаточно, чтобы показать степень компетентности г. Эртеля.

Перехожу теперь къ мнѣніямъ людей, которые по праву могутъ быть названы компетентными въ данномъ вопросѣ.

Въ 1840 г. кіевскій митрополитъ Филаретъ предпринялъ по собственному почину возобновленіе живописи въ великой лаврской церкви, чѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе императора Николая I, обратившаго на это поновленіе свое личное вниманіе при посѣщеніи Кіева въ 1842 году. Вслѣдъ за этимъ, въ 1843 г., былъ командированъ по высочайшему повелѣнію для осмотра, какъ новой, такъ и оставшейся нетронутой поновленіемъ живописи, академикъ живописи (впослѣдствіи профессоръ), большой знатокъ стариннаго искусства и очень извѣстный археологъ Ѳ. Г. Солнцевъ. Послѣ внимательнаго обслѣдованія живописи, Солнцевъ далъ такое заключеніе:

1) „Всю новую живопись сдѣлать темнѣе, на всѣхъ образахъ золотыя украшенія исполнить тщательнѣе, перспективу и пейзажи сдѣлать легче и не такъ рѣзкими, равно и фигуры въ дальнихъ планахъ облегчить; 2) орнаменты, вмѣсто бѣлыхъ, написать желтыми, какъ было прежде; букеты цвѣтовъ между орнаментами совершенно уничтожить; 3) *оставшуюся старую живопись—портреты царей, великихъ князей и архимандритовъ осторожно вымыть и заправить*; и 4) наконецъ, раку съ частями св. мощей на аршинъ отодвинуть отъ стѣны или перенести въ одинъ изъ боковыхъ придѣловъ, чрезъ что откроется надгробный монументъ князя Константина Острожскаго, и самый памятникъ очистить отъ пыли“ [1]).

---

[1]) П. Г. Лебединцевъ. Возобновленіе стѣнной живописи въ великой церкви Кіево-Печерской лавры. („Университетскія Извѣстія“, 1878 г, мартъ).

Г. Эртель игнорируетъ мнѣніе Солнцева, но за то ему въ высшей степени любезны мнѣнія комиссіи 1843 года, которая въ параграфѣ 4 своего заключенія говоритъ: „Нынѣ не осталось уже ни одного предмета для сравненія, по которому комиссія могла-бы произнести рѣшительное мнѣніе насчетъ достоинства настоящей живописи

Вотъ голосъ компетентнаго лица и настоящаго ученаго. Способъ выраженій его тбченъ, простъ и ясенъ—черта, характеризующая подлиннаго знатока и спеціалиста. Въ немногихъ словахъ онъ охватываетъ всю сущность предмета. Многимъ, мнящимъ себя знатоками въ дѣлахъ искусства, для того чтобы умѣрить свой разрушительный пылъ, слѣдовало бы поучиться у этого стараго археолога если не знаніямъ, то по крайней мѣрѣ *осторожности*.

Къ этому безусловно авторитетному заключенію Ѳ. Г. Солнцева должно присоединить не менѣе цѣнное заключеніе комиссіи, составленной изъ среды членовъ церковно-археологическаго общества, по осмотру лаврской живописи въ 80-хъ годахъ истекающаго столѣтія. Комиссія, хотя и не высокаго мнѣнія о живописи, но, тѣмъ не менѣе, пришла къ такому рѣшенію относительно портретовъ, что они, и при всемъ своемъ несовершенствѣ и противорѣчіи съ древнимъ росписаніемъ, представляютъ извѣстный историческій интересъ и нѣкоторыя части этой живописи *заслуживаютъ сохраненія*" [1]). Кромѣ того, было

въ отношенія оной къ прежней, ибо живописные остатки, еще не обновленные на нижней части стѣнъ большого храма, такъ почернѣли отъ времени, или пострадали отъ обвалившейся на нихъ штукатурки, что судить о ихъ бывшемъ достоинствѣ нѣтъ никакой возможности", а передъ этимъ въ параграфѣ 3 сказано, что *„весь иконостасъ* и всѣ св. иконы, находящіяся въ разныхъ мѣстахъ церкви, остались неприкосновенными". Читатель можетъ видѣть изъ сохранившихся фотографій портретовъ, что живопись «на нижней части стѣнъ» была довольно ясна, но комиссія, включавшая въ своемъ составѣ «спеціалиста» —учителя рисованія Капитона Павлова, вѣроятно, не сочла нужнымъ внимательнѣе осмотрѣть находившуюся въ темномъ углу старую живопись.

[1]) Не могу не замѣтить, что мнѣніе комиссіи о портретѣ Петра I лишено всякаго серьезнаго основанія. Въ заключеніи комиссіи сказано, какъ бы въ доказательство, что портреты всѣ вообще «вымыселъ плохописцевъ прошлаго вѣка», что фигура Петра I изображена «въ вымышленномъ псевдо-классическомъ одѣяніи». Во первыхъ, характеръ одѣянія не имѣетъ никакого отношенія къ качеству работы

рѣшено, что „со всѣхъ остатковъ живописи XVIII в., которые по иному или другому случаю пришлось бы подвергнуть уничтоженію, *должны быть сняты предварительно точныя копіи* [1])".

Наконецъ, гр. П. С. Уварова, сознавая всю важность потери благодаря „реставраціи" лаврской церкви, въ своемъ заключительномъ словѣ XI археологическому съѣзду считаетъ подобные способы „сохраненія" памятниковъ вопросомъ давно наболѣвшимъ и самымъ постыднымъ въ исторіи нашего просвѣщенія, науки и искусства.

Изъ приведенныхъ мною авторитетныхъ мнѣній читатель можетъ убѣдиться, что уничтоженіе живописи совершено произвольно и безъ одобренія какихъ-бы то ни было дѣйствительно компетентныхъ лицъ.

Въ заключеніе, не могу не сдѣлать замѣчанія по поводу нѣсколько странныхъ полемическихъ пріемовъ г. Эртеля. Въ вопросѣ о памятникахъ искусства Кіево-Почерской лавры г. Эртеля, повидимому, занимаютъ гораздо больше отношенія къ какимъ то лицамъ „извѣстной группы", чѣмъ самые предметы искусства. Этимъ только и можно объяснить то странное обстоятельство, что въ своемъ письмѣ, посвященномъ вопросу о реставраціи лавры, г. Эртель удѣляетъ самое видное мѣсто моимъ пріятельскимъ отношеніямъ съ Е. М. Кузьминымъ. Если г. Эртель думаетъ, что онъ изобрѣлъ нѣчто новое и оригинальное, то это непростительная ошибка, потому что этотъ самый литературный пріемъ получилъ свою окончательную форму еще

художника, а во вторыхъ, комиссіи должно было быть извѣстно, что на всѣхъ лучшихъ портретахъ, какъ напримѣръ Кнеллера, Купецкаго, Танауэра, Натье и наконецъ, на превосходномъ портретѣ Моора преобразователь Россіи представляется въ этомъ «псевдо-классическомъ одѣяніи». Лаврскій портретъ Петра I подходитъ ближе всего къ типу Купецкаго, 1711 г. (ср. Ровинскій. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Т. III, Спб. 1888 г. стр. 1563).

[1]) Н. И. Петровъ. Объ упраздненной стѣнописи великой церкви Кіево-Печерской лавры. (Труды К. Д. академіи 1900 г. апрѣль).

подъ перомъ извѣстнаго Ѳ. Булгарина. Впрочемъ, если г. Эртель считаетъ, что мои отношенія къ кому-нибудь могутъ имѣть какой-либо общественный интересъ, то ужъ конечно гораздо лучше, вмѣсто того, чтобы брать на себя безполезный трудъ будущихъ доказательствъ незначительности и нехудожественности памятника Острожскаго, заняться ему моей біографіей—это онъ можетъ сдѣлать, „если можно такъ выразиться, чисто эмпирически", что еще болѣе подтвердитъ ту „печать индивидуальности, которая лежитъ на его работахъ".

Ст. Яремичъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ начальной исторіи Кіевскаго народнаго училища (1789—1803). 1782 года 7 сентября основана Екатериной II «Коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ». Въ этомъ-же году открыто въ Петербургѣ, на суммы, отпущенныя изъ кабинета Императрицы, и по утвержденному ею плану, *первое народное училище* въ Россіи, а 22 сентября 1786 г.—главныя народныя училища были открыты одновременно въ 25 внутреннихъ губерніяхъ. Три года спустя—такія училища открыты были еще въ 17-ти губерніяхъ, въ томъ числѣ и въ Кіевской, Харьковской, Черниговской и Новгородъ-Сѣверской. Но прежде чѣмъ открыть послѣднія, необходимо было принять предварительныя мѣры къ ихъ открытію («все нужное къ таковому открытію училищъ пріуготовить»). Въ этомъ направленіи, какъ видимъ изъ подлинныхъ источниковъ того времени, [1]) главнымъ образомъ дѣйствовала та-же «Коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ», по представленію которой и былъ утвержденъ «Планъ къ установленію народныхъ училищъ въ Россійской имперіи». [2]) Тотчасъ по своемъ учрежденіи въ 1782 году она занялась прежде всего составленіемъ и печатаніемъ учебныхъ книгъ и приготовленіемъ учителей изъ питомцевъ Александро-Невской и другихъ православныхъ духов-

---

[1]) Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія. Спб. 1893, т. I.

[2]) Этотъ планъ представленъ былъ въ Коммиссію Янковичемъ-де-Миріево, австрійскимъ сербомъ, вызваннымъ Екатериной II въ Петербургъ по рекомендаціи Іосифа II.

ныхъ семинарій. Съ этою цѣлью, въ 1783 году въ С-Петербургѣ была открыта специальная учительская семинарія, наполняемая воспитанниками различныхъ духовныхъ заведеній. Такъ напр., изъ Высочайшаго рескрипта П. В. Завадовскому, предсѣдателю Коммиссіи, отъ 16 октября 1786 г. мы видимъ, что митрополиту Кіевскому и прочимъ архіереямъ предписано прислать въ Коммиссію—изъ Кіевской духовной Академіи 30 человѣкъ, изъ Черниговской и Переяславской семинарій по 15, да изъ прочихъ ближайшихъ епархій—40 [1]). «Выбираемые къ сему люди должны уже имѣть довольныя основанія въ наукахъ, какія въ оныхъ духовныхъ училищахъ преподаются, и природными своими способностями обѣщать впредь вящшіе успѣхи въ тѣхъ знаніяхъ, коимъ они для главныхъ народныхъ училищъ будутъ обучаемы. При томъ поведеніе ихъ и нравы долженствуютъ соотвѣтствовать неотмѣнно качествамъ и способности ихъ разума. Какъ видимъ изъ того-же рескрипта, упомянутые въ немъ 100 человѣкъ предназначались спеціально для снабженія 16 остальныхъ губерній потребнымъ числомъ учителей и, сверхъ того, *для посылки въ Англію* для обученія разнымъ полезнымъ занятіямъ.

Въ 1788 г. въ учительской семинаріи былъ произведенъ выпускной экзаменъ. Удостовѣрившись на послѣднемъ, что «приготовленные въ учители студенты въ количествѣ 100 человѣкъ предназначенныя имъ должности отправлять въ состояніи», Коммиссія постановила приступить къ открытію главныхъ народныхъ училищъ въ остальныхъ 16 губерніяхъ. Директоръ семинаріи Кохъ составилъ уже и проектъ, кого именно и куда назначить. [2])

Дѣйствительно, спустя 2 мѣсяца послѣдовалъ Высочайшій указъ Коммиссіи, которымъ дано было соизволеніе на открытіе народныхъ училищъ въ 14 губерніяхъ, а генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ этихъ губерній предписано: «все нужное къ таковому открытію училищъ пріуготовить, а потомъ оныя и дѣйствительно открыть, сколь скоро присланы къ нимъ будутъ отъ Коммиссіи учители съ нужными книгами и прочимъ до сего заведенія потребнымъ».

---

[1]) Подобн. образомъ въ 1790 г. было отправлено изъ Кіева 25 академиковъ.

[2]) По его проекту, въ Кіевское главное народное училище предположены: Иванъ Карбановскій, Максимъ Берлинскій, Максимъ Громницкій и Семенъ Стефановичъ—первый и третій уроженцы Кіевскаго намѣстничества, 2-й—Курской и послѣдній—Черниговской. Всѣ они первоначально обучались въ Кіевской Академіи, но по требованію Коммиссіи отправлены были въ учительскую семинарію.

Немедленно Коммиссія занялась приведеніемъ въ исполненіе зависящихъ отъ нея дѣйствій. Учителей рѣшила отправить по мѣсту назначенія первымъ зимнимъ путемъ, отдала приказаніе изготовить къ отправленію книги и др. пособія, какъ-то: географическія карты, готовальни и т. п. По изготовленіи же всѣхъ нужныхъ книгъ и вещей для каждаго открываемаго главнаго училища и по наступленіи зимняго пути, постановила начать отправку въ эти училища учителей такъ, чтобы они къ 1 января 1789 г. были всѣ на назначенныхъ имъ мѣстахъ.

—

Послѣ этихъ предварительныхъ указаній, перейдемъ къ послѣдовательному изложенію исторіи возникновенія и дѣятельности перваго не-духовнаго просвѣтительнаго учрежденія въ Кіевѣ [1]).

Еще въ 1786 году послѣдовало соизволеніе Императрицы, чтобы въ бывшемъ Кіево-Софійскомъ монастырѣ, «кой переименованъ Кіевскимъ Софійскимъ Соборомъ, и гдѣ учрежденъ архіерейскій домъ», помѣщено было главное народное училище и *Кіевская Академія*, со всѣми къ ней принадлежащими заведеніями. Кіевскій митрополитъ Самуилъ Миславскій, интересы котораго въ данномъ случаѣ были болѣе всего затронуты, обратился съ письмомъ къ П. В. Завадовскому, прося послѣдняго заблаговременно указать: сколько для училища потребно будетъ оставить покоевъ? «Ибо въ бывшемъ Софійскомъ монастырѣ имѣется два только флигеля каменныхъ покоевъ: первый объ одномъ этажѣ, состоящій изъ четырехъ келій, въ коихъ долженъ я помѣстить всѣ духовные чины, при домѣ архіерейскомъ по штату положенные, и 25 человѣкъ пѣвчихъ; второй—о двухъ этажахъ: въ ономъ, въ нижнемъ этажѣ 8 покоевъ съ чуланами, а въ верхнемъ этажѣ 10 съ чуланами-же; всѣ оные покои, какъ верхніе, такъ и нижніе, со сводами и каменными простѣнками, въ длину каждый 7 аршинъ, а въ поперечникѣ—5. Верхній этажъ я назначиваю для классовъ главнаго народнаго училища и Академіи, а въ нижнемъ должны жить учители, числомъ до 12 человѣкъ, ежели по нынѣшнему положенію не убавятся. [2]) А при лаврѣ Печерской, кромѣ другихъ

---

[1]) По этому-же вопросу см. Кіевск. Стар. 1889, № 11. Отд. II, 423—429 и 1893, № 8, Отд. II, стр. 136—138.

[2]) Намекъ на послѣдовавшее въ 1785 году распоряженіе Императрицы, чтобы въ семинаріяхъ и другихъ духовныхъ училищахъ установленъ былъ способъ преподаванія, узаконенный для всѣхъ училищъ въ Имперіи.

непреодолимыхъ препятствій, ничего пристойнаго и выгоднаго вовсе нѣтъ: всѣ келіи объ одномъ этажѣ построены, темнотою и тѣснотою наполнены, по примѣру погребовъ сдѣланы; и одну только кучу кирпичей составляютъ». Далѣе затѣмъ митрополитъ выражаетъ свою радость по поводу того, что Академія будетъ вмѣстѣ съ главнымъ народнымъ училищемъ, т. к. студенты первой и ученики послѣдняго могутъ съ удобствомъ «заимствовать образъ ученія въ народныхъ училищахъ преподаваемаго, коему *сообразоваться и всѣмъ духовнымъ училищамъ предписано*». «Одно только невыгодное положеніе стараго Кіева,—заканчиваетъ свое посланіе митрополитъ,—гдѣ теперь будетъ Академія и оное училище, какъ такого мѣста, которое есть *пустое*, *безлюдное*, *безводное*, *бездровное* и, по причинѣ горъ, всегда разрушающихся, *непроходимое*,—подвергаетъ меня неописаннымъ затрудненіямъ».

Въ отвѣтъ на это, Завадовскій прислалъ «записку, какого расположенія быть домамъ для главныхъ народныхъ училищъ», въ которой означено, что зданіе, опредѣленное для училища, должно содержать 4 большіе покоя для классовъ и 4 класса для библіотеки и прочихъ пособій: для 2 учителей высшихъ классовъ по 2 комн. и по кухнѣ и одной избѣ для сторожей, и кромѣ того для каждаго учителя по чулану или погребу. Расположеніе комнатъ должно быть таково, чтобы комната для учителей и служителей была въ нижнемъ жильѣ, классныя-же комнаты, комнаты для библіотеки и др. надобностей—въ верхнемъ.

1 мая 1788 года послѣдовало открытіе училища [1]), но, какъ оказывается, не при Кіево-Софіевскомъ Соборѣ, а на Подолѣ, въ домѣ упраздненной банковой конторы,—«до поправленія при Софіевскомъ соборѣ имѣющагося каменнаго строенія». Впрочемъ, судя по вышеприведенному замѣчанію митрополита объ удобствахъ существованія въ старомъ городѣ и по подобнымъ же донесеніямъ правителя Кіевскаго намѣстничества С. Е. Ширкова и директора народныхъ училищъ Кіевскаго намѣстничества Петра Симоновскаго П. В. Завадовскому, успѣхъ училища, благодаря своему положенію на Подолѣ, былъ въ достаточной степени гарантированъ. «Въ училищѣ ученики всѣ почти суть подольскіе жители. Отцы и матери

---

[1]) О торжествѣ открытія см. упомянутыя выше замѣтки въ „Кіевской Старинѣ“.

ихъ неотступно просятъ меня, чтобы сіе училище въ семъ домѣ продолжалось—въ разсужденіи отдѣленія Стараго Кіева горами и что въ весеннее и осеннее время бываетъ великая грязь, а потому и неудобностію себѣ поставляютъ туды дѣтей своихъ посылать». «Число учениковъ обоего полу довольное, кое однако съ однихъ токмо Подольскихъ жителей состоитъ и болѣе еще пріумножится, какъ уже о томъ отъ многихъ и стороннихъ отзывы бываютъ, если только на семъ же одномъ мѣстѣ училища останутся. Буде же въ Старый Городъ, въ бывшій Софійскій монастырь (какъ положено), оныя переведены будутъ, то смѣло сказать могу, по собственному моему отъ гражданъ извѣданію, что и третья часть нынѣшняго числа учениковъ въ силу-жъ остаться можетъ, ибо изъ Подола въ Старый городъ причиной горы и на случай ненастнаго времени, а паче осенняго и вешняго, весьма трудный переходъ и проѣздъ, а дѣтямъ и неудобный. По семъ обстоятельствамъ смѣю вашему высокопревосходительству доложить: не соизволите ли, принявъ въ уваженіе таковыя неудобности о учрежденіи училищъ въ Старомъ городѣ, оставить оныя навсегда на Подолѣ? ибо училища славны всегда множествомъ охотныхъ учениковъ, которыхъ въ Старомъ городѣ имѣть не можемъ. И ежели сіе ваше высокопревосходительство аппробовать соизволите, то къ отведенному нынѣ для училищъ дому и нужныя пристройки и перестройки скорѣе, нежели въ Софійскомъ монастырѣ, исправлены быть могутъ; и граждане въ разсужденіи своихъ дѣтей, такъ какъ и сами учители въ разсужденіи мѣста, которое всѣмъ изобилуетъ, не какъ Старый городъ, останутся довольнѣйшіе».

Желанія подолянъ осуществились: домъ, въ которомъ помѣщалось училище, Правленіе Государственнаго Банка продало для губернскаго почтамта, а подоляне пріобрѣли на свой счетъ помѣщеніе для училища у генер.-майора Нилуса. «А сей домъ,—доноситъ Ширковъ П. В. Завадовскому въ концѣ сентября 1789 г.,—не только обширный, но и выгодный, гдѣ можетъ и болѣе 200 учениковъ помѣститься, куда на сихъ дняхъ и училище переведется». 4 октября училище было уже на новомъ мѣстѣ. [1]) Что же сталось съ приготовленнымъ двухъ-этажнымъ домомъ о сорока покояхъ близъ Софіевскаго собора,—изъ настоящаго матеріала неизвѣстно.

---

[1]) На Рождественской улицѣ, въ приходѣ Николая Добраго.

Что касается внутренней стороны новооткрытаго просвѣтительнаго учрежденія, то на основаніи данныхъ матеріаловъ она представляется въ слѣдующемъ видѣ.

При открытіи училища 1 мая 1789 г. въ училище поступило 58 мальчиковъ и 18 дѣвочекъ. Пріемъ продолженъ былъ до 7 мая, къ каковому времени число поступившихъ возросло до 134: 99 мальчиковъ и 35 дѣвочекъ. Въ этотъ же день произведенъ былъ «переборъ» ученикамъ, и болѣе способные опредѣлены во второй (35 мальчиковъ и 7 дѣвоч.), а остальные въ первый классъ. Но такъ какъ и въ этомъ послѣднемъ находились ученики «разнаго понятія», то его раздѣлили на двѣ части: на первый высшій и первый низшій классы, и съ этого времени начато дѣйствительно продолженіе ученія. (Въ высшій классъ опредѣлены 35 учениковъ и 10 ученицъ, а въ низшій—29 учениковъ и 18 ученицъ). 1 августа еще прибавилось 50 воспитанниковъ и воспитанницъ. Въ концѣ этого года, 18 и 19 декабря, было произведено публичное испытаніе. [1]) Многіе изъ учащихся говорили рѣчи, а затѣмъ два ученика вели между собой диспутъ: одинъ защищалъ ученость, а другой опровергалъ. «И сіе такъ побудило отцовъ и матерей не только учащихся тутъ ихъ дѣтей, но и другихъ, представлять въ сіе училище своихъ дѣтей знаменитымъ числомъ; и совершенную надежду полагаю, что черезъ попеченіе г. директора Симоновскаго и учителей. къ будущему экзамену и въ лучшемъ видѣ возрастетъ». Предположеніе Ширкова сбылось. Спустя нѣсколько дней послѣ испытанія, восхищенные отрадными плодами наукъ граждане подольскіе «дѣтей своихъ отдавать весьма многіе начали» и къ 13 января представили ихъ въ училище 130 душъ, и такимъ образомъ съ прежними 120—къ этому времени въ наличности оказалось 250, при чемъ болѣе 200 въ первыхъ двухъ классахъ, а остальные въ—3 и 4-мъ.

Что касается до преподавателей и преподаванія, то извѣстно, что, по проекту директора учительской семинаріи Коха, въ Кіевское главное народное училище назначены были въ декабрѣ 1788 г. Коммиссіею объ учрежденіи училищъ 4 учителя, а именно: *Иванъ Карбановскій*,—преподавателемъ 3 и 4 классовъ по ариѳметикѣ, геометріи, механикѣ, архитектурѣ гражданской, физикѣ и языкамъ латинскому

---

[1]) Къ этому дню въ училищѣ всѣхъ учениковъ оказалось 119.

и Россійскому; *Максимъ Берлинскій*—въ 3 и 4 классѣ по географіи, исторіи политической и естественной; *Максимъ Громницкій*—по всѣмъ предметамъ 2 класса (катихизисъ, священная исторія, о должностяхъ человѣка и гражданина, ариѳметикѣ, новымъ языкамъ, чистописанію); *Семенъ Стефановичъ*—по всѣмъ предметамъ 1 класса (чтеніе, письмо, латинскій яз. и одинъ изъ новыхъ языковъ) и при томъ рисованію во всѣхъ классахъ. Директоромъ народныхъ училищъ Кіевскаго намѣстничества С. Е. Ширковъ назначилъ Петра Ивановича Симоновскаго. Уже спустя 3 мѣсяца по открытіи училища Ширковъ доносилъ П. В. Завадовскому о «прилежности» этихъ учителей, «чрезъ которую въ обученіи примѣчаю за такъ короткое время довольный успѣхъ и въ рисованьѣ, и ко усмотрѣнію вашего превосходительства нѣсколько рисунковъ имѣю честь приложить». [1]) Одновременно съ Ширковымъ о томъ же пишетъ Завадовскому и Симоновскій... «ученики 2 нижнихъ классовъ и въ начаткахъ третьяго, такъ какъ и въ рисованіи, много уже успѣли—по особливой прилежности учителей, кои всѣ вообще къ благу общества и къ успѣху учениковъ довольное имѣютъ попеченіе, высшій же четвертый классъ, такъ какъ и латинскій языкъ, объ новомъ годѣ начнется. Что же принадлежитъ до иностраннаго языка, то еще, какому здѣсь быть, господиномъ правителемъ намѣстничества не рѣшено, да и букварей и грамматикъ на иностранные языки въ присылкѣ нѣтъ.» [2]) Въ октябрѣ того же года Ширковъ посѣтилъ училище и нашелъ «желаемый успѣхъ, и учащихся какъ мужеска, такъ и женска полу, особливую съ расторопностью склонность».

Съ января 1790 г., какъ и предполагалось, въ училищѣ начато преподаваніе латинскаго и нѣмецкаго языковъ, для каковой цѣли Ширковъ выписалъ изъ Коммиссіи «Книги и предметы для иностранныхъ языковъ» на двадцать учениковъ. Въ виду того, что четыремъ душамъ трудно было управиться съ своими обязанностями, для низшаго перваго класса былъ выписанъ изъ Академіи студентъ философіи, уроженецъ кіевскаго намѣстничества, Лелянскій, а для нѣмецкаго языка, уроки котораго должны были начаться съ января 1790

---

[1]) Къ подлинному письму приложены два ученическихъ рисунка краснымъ карандашемъ: на одномъ изображена кисть руки, на другомъ—рука и нога.

[1]) Вообще же эта присылка изъ Коммиссіи содержала въ себѣ: книгъ и прочихъ пособій на 655 р. 45 к. и архитектурныхъ чертежей 1 экз. на 115 р.

года, приглашенъ преподаватель нѣмецкаго языка въ Академіи Карлъ Ремеръ, «природный нѣмецъ».

27 мая училище посѣтилъ Кіевск. генер.-губерн. Кречетниковъ и былъ встрѣченъ привѣтственной рѣчью, говоренною ученицей Авдотьею Шишкиною. Поздравительницѣ Кречетниковъ велѣлъ сдѣлать новое платье, а другому ученику младшаго класса за порядочное чтеніе пожаловалъ два червонца.

25 іюня въ училищѣ происходило открытое испытаніе въ присутствіи генер.-губернатора Ширкова, штабъ и оберъ-офицеровъ. На балконѣ училища все утро гремѣла городская музыка. Кречетниковъ былъ встрѣченъ у воротъ привѣтственной рѣчью, говоренною ученикомъ третьяго класса Иваномъ Лобкомъ. Стоявшіе по одну сторону ученики, а по другую—ученицы усыпали путь его къ училищу цвѣтами. По вступленіи же въ залъ испытанія, гдѣ уже находились высокопоставленныя духовныя и свѣтскія лица и множество кіевскихъ гражданъ, была произнесена привѣтственная рѣчь ученицею 3-го класса Дарьею Левандовою. Затѣмъ, послѣ диспута двухъ учениковъ о пользѣ наукъ, началось испытаніе изъ предметовъ 3-го класса, особливо изъ географіи, исторіи, ариѳметики и алгебры, къ всеобщему удовольствію зрителей. Отличившіеся награждены были книгами, и испытаніе заключено благодарственною ко всему собранію рѣчью. «Нельзя изъяснить удовольствія зрителей, плѣняющихся порядочными отвѣтами чрезъ столь краткое время обучавшихся еще учениковъ, ниже выразить тѣхъ чувствованій, которыми наполнены будучи серца родителей, восхищенныхъ неожиданными отвѣтами юныхъ лѣторослей своихъ, изъявляли признательность свою извлекаемыми изъ очей своихъ слезами радости и благодарности, приносимыми въ жертву сего неожидаемаго счастія потомковъ своихъ». Подобная же церемонія, въ присутствіи знатнѣйшихъ дворянъ и гражданъ обоего пола, происходила и на другой день,—производилось испытаніе учениковъ перваго и второго классовъ. Въ этотъ же день послѣдовала благодарность генер.-губернатора и намѣстника директору училища за похвальные успѣхи учениковъ и благоустройство училища, а учителямъ—благодарность на словахъ и на дѣлѣ (400 рублей награды). Ко дню испытанія всѣхъ учащихся въ училищѣ оказалось 218 (150 мальч. и 68 дѣв.), въ томъ числѣ въ 3-мъ классѣ 24 и 4, во второмъ—63 и 29, въ первомъ высшемъ 43 и 29 и въ первомъ низшемъ 20 и 20.

7 янв. 1791 г. публичное испытаніе произведено было въ обычномъ порядкѣ. [1]) Въ первый день привѣтственную рѣчь намѣстнику говорилъ *пятилѣтній* ученикъ Александръ Скребицкій, а во второй—ученикомъ второго класса читана была ода «Просвѣтительница Россовъ». Учащихся оказалось 223 (161 и 62). 15 января начато ученіе, и открытъ 4-ый классъ, въ который вступило 10 учениковъ и 3 ученицы. Къ началу слѣдующаго года число учащихся достигло 219 (159+60),—въ томъ числѣ въ четвертомъ классѣ было 16 учениковъ и 3 ученицы [2]).

Съ 1791 г. вмѣсто преподавателя Максима Громницкаго мы уже видимъ Семена Кохановскаго, а вмѣсто Лелянскаго—Василія Козачинскаго. [3])

Съ 1794—4-й классъ получилъ вообще названіе математическаго, а 3-й историческаго.

Въ 1798 назначенъ новый Дирек. Николай Политковскій, пробывшій въ этой должности всего лишь 2 съ лишнимъ года. Въ этомъ же году оставилъ далжность учитель Семенъ Кохановскій.

Въ 1800 г. назначенъ учитель Николай Шульговскій и препод. нѣм. яз. Самуилъ Храпановъ. Явился и новый директоръ училища Иванъ Глейнигъ.

Съ 1801 г. Иванъ Карбановскій, учитель математическаго класса, ушелъ по болѣзни, а вмѣсто него назначенъ Василій Берлинскій, [4]) который, какъ аттестуетъ Коммиссія объ учрежд. школъ—«родиною изъ Малороссіи, имѣетъ желаніе службу свою продолжать въ своей отчизнѣ».

---

[1]) Такія публичныя испытанія производились ежегодно два раза: въ концѣ декабря или началѣ января и въ концѣ іюня или въ началѣ іюля.

[2]) Число учащихся въ дальнѣйшіе годы выражается слѣдующими цифр.: въ 1792 г. въ іюнѣ всѣхъ учащихся было 178, въ 1792 г. въ концѣ декабря—122; 1793—въ іюнѣ—134, въ декабрѣ—111; 1794—въ іюнѣ—84 (въ 4-мъ классѣ не было ни одной души), въ декабрѣ—63 (въ 4-мъ классѣ—6); 1795—въ іюлѣ—58, въ декабрѣ—88; 1796 г.—въ іюнѣ—84; въ январѣ 1797—88.; 1797—въ іюнѣ—93, а въ декабрѣ—94; въ 1798 г. въ іюнѣ—100, въ декабрѣ—109; 1799—въ іюнѣ 108; въ 1800—въ іюлѣ 135; въ январѣ 1801—157; въ іюлѣ 1801—180; въ январѣ 1802—171; 1802—въ іюлѣ 194; въ январѣ 1803—152, въ концѣ года—140.

[3]) Сынъ кіевскаго мѣщанина, обучался въ Кіевской дух. Акад.

[4]) Окончивш. Кіевск. дух. Ак. и Спбр. учит. гимназію по математ. предмет., изучалъ также въ Горномъ Корпусѣ—химію, пробирное искусство, металлургію и минералогію.

Намъ извѣстно также и матеріальное обезпеченіе служебнаго персонала. Оклады, получаемые преподавателями изъ поезуитскихъ имѣній, были слѣдующіе: Васил. Берлинскій и Макс. Берлинск.—по 400 р., Николаю Шульговскому—275, Семену Стефановичу—350 р., Васил. Козачинскому—150 р., Самуилу Храпанову 300 р., директору 500 р., не считая квартиры и проч. Въ 1803 г. на содержаніе кіевской школы [1]) отпущено было изъ Минской Каз. Палаты—3736 р. 46 коп. на счетъ Эдукаціоннаго Фундуша. Таковы тѣ свѣдѣнія, которыя мы можемъ почерпнуть изъ интересныхъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Министерства Нар. Просвѣщенія, о первыхъ годахъ существованія перваго кіевскаго народнаго училища, преобразованного впослѣдствіи въ Кіевскую 1 гимназію. Будемъ надѣяться, что дальнѣйшее изданіе этихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ принесетъ немало новыхъ фактовъ и подробностей, могущихъ способствовать уясненію хода развитія просвѣщенія въ нашемъ краѣ въ началѣ истекающаго столѣтія.

В. Д.

Тетрадки-альбомы начала XIX-го вѣка. На страницахъ нашего журнала намъ приходилось уже помѣщать свѣдѣнія о старинныхъ тетрадкахъ-альбомахъ, въ которые переписывались всякаго рода произведенія: [2]) то богословскія разсужденія, почему-либо привлекшія къ себѣ вниманіе, то разнаго рода вирши, то историческія выписки, то народныя пѣсни, то, наконецъ, разнообразныя рѣчи на всякіе случаи. Значеніе такихъ альбомовъ для изучающихъ литературныя теченія недавняго прошлаго въ нашей Малороссіи ясно само по себѣ, а потому, пока всеуничтожающее время не истребило ихъ въ конецъ, слѣдовало-бы такія тетрадки использовать и передать въ печати все болѣе интересное изъ содержащагося въ нихъ. Больше всего намъ приходилось встрѣчать такія тетрадки записи конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, т. е. изъ того періода жизни нашей малорусской интеллигенціи средней руки, который представляетъ особенный интересъ, въ виду того, что въ этотъ именно періодъ

---

[1]) Высочайшимъ указомъ 5 авг. 1799 г. повелѣно называть народн. училища—школами.

[2]) См., наприм., 1889 г., № 2.

болѣе всего сказались колебанія нашихъ предковъ въ дѣлѣ установленія для себя литературныхъ вкусовъ: русская книга, а вмѣстѣ съ нею и литературный русскій языкъ все болѣе и болѣе проникаютъ въ эту малорусскую среду, но одновременно съ этимъ не могутъ исчезнуть совершенно и тѣ естественныя симпатіи къ своему родному, которыя выражаются, можетъ быть и безсознательно, въ любви къ своей народной пѣснѣ, къ своей своеобразной виршѣ и т. п. Вотъ почему въ такихъ тетрадкахъ-альбомахъ всегда можно найти наряду съ какой-нибудь записью русской статьи или стихотворенія, также и малорусскія произведенія.

Намъ любезно доставлены недавно М. С. Сѣкаловымъ двѣ такихъ тетрадки, въ очень истрепанномъ уже видѣ, безъ начала, причемъ первыя страницы такъ выцвѣли, что невозможно разобрать въ нихъ ни одного слова. Судя по почерку и правописанію, онѣ писаны въ первые годы нынѣшняго столѣтія неизвѣстнымъ переписчикомъ, который въ одной изъ тетрадокъ помѣстилъ свои расходныя записи, свидѣтельствующія о томъ, что онъ связанъ былъ съ какими-то торговыми оборотами; по записи-же копіи контракта, заключеннаго по поводу покупки соли, видно, что участвующіе въ контрактѣ лица принадлежали къ Конотопскому повѣту (дворянинъ Власъ Викторъ, казенный крестьянинъ Ерофѣй Римаръ и Почепскій мѣщанъ Пахомъ Семеновъ Байдала). Тутъ-же рядомъ, впрочемъ, находится выпись изъ дѣла въ Недригайловскомъ уѣздномъ судѣ по жалобѣ помѣщика Сергѣя Яцина, поданной въ 1794 году. Изъ этихъ данныхъ можно видѣть, что и въ этомъ случаѣ, подобно многимъ другимъ, мы имѣемъ дѣло съ записями, веденными въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ лѣвоберной Украинѣ, гдѣ, кажется, было больше всего любителей этого рода писаній.

Содержаніе присланныхъ намъ теперь двухъ тетрадокъ самое разнообразное: тутъ, наряду съ выдержками изъ статей богословскаго содержанія, на ряду со всякаго рода привѣтствіями (на прибытіе гостя; рѣчь Рождеству Христову; рѣчь къ родителямъ; рѣчь благодарственная и пр.), съ дѣловыми записями, о которыхъ сказано раньше, находимъ *«Показаные россійской древности, сокращеное изъ сочиняющейся пространой исторіи»*. Это *«Показаніе»*, судя по предисловію, составленное въ царствованіе Елизаветы Петровны, сообщаетъ краткія сдѣдѣнія о славянахъ, а затѣмъ, въ видѣ конспекта, знакомитъ съ русскими князьями отъ Рюрика до Василія Темнаго. Въ перемежку съ вышеуказаннымъ матеріаломъ, вписаны четкимъ и кра-

сивымъ почеркомъ разныя изреченія, въ родѣ такого: «Учитеся, дѣти, въ младія лѣта; когда прыйдетъ старость, ни била-бъ тогда жалость»; тутъ же пѣсня «Ой за реченькой слабодушка била, въ той слободки хороша вдова жила»; или:

Житие велико море,
Въ немъ челнокъ я малій;
Посредѣ водъ впалъ я въ горе,
Бютъ отъ всюду вали.
и т. д.

Или вотъ еще:

Ахъ вы реки-речушки,
Холодныя водушки!
Хотятъ мене потопить
Съ милимъ другомъ разлучать.
и т. д.

Здѣсь же встрѣчаемъ и такіе стихи:

Днесь миръ играя торжествуетъ
Всякъ другъ съ другомъ и сосѣдъ,
Что Божія рука царствуетъ,
Всѣхъ избавляюща отъ бѣдъ.
и т. д.

Есть тутъ и «Молитва, отгоняющая злие трясовицы»; есть и извѣстная псальма «Видѣлъ Богъ, видѣлъ Творецъ, за что миръ погибае».

Но для насъ наибольшій интересъ представляютъ тѣ произведенія изъ переписанныхъ сюда, которыя имѣютъ отношеніе къ малорусскому творчеству. Въ этихъ тетрадкахъ мы находимъ ихъ нѣсколько и считаемъ не лишнимъ помѣстить ихъ полностію.

I.

Крий дорижеников тожъ кума моя,
А въ куми дѣвча—тожъ душа моя.
Ой я съ кумою роскумаюся,

Съ куминимъ дѣвчамъ повѣнчаюся.
Дамъ-же я попу срѣбную копу,
Щобъ мене звинчавъ съ куминимъ дѣвчамъ.
Пѣпъ не вѣнчае—за сина чае,
Паламаръ моркоче—за себе хоче.
Бодай того попа трясця напала,
Щобъ его трясла повтора рока,
Щобъ витрясла срѣбную копу.

II.

Сухии дуби, мокрѣ калюжѣ,
Якъ розгнѣвалася жена на мужа,
Та злѣзла на печъ, будто недужа.
Устань, устань, моя мила! привѣзъ тобѣ пива.
Цуръ тобѣ, пекъ тобѣ—не буду я жива.
Устань, устань, моя мила! привѣзъ я дубину,
А на твое бѣле тѣло та на гладку спину.
Мила устала, якъ не лежала,
Обняла милого тай поцилувала.

III.

Питро Ярошенко
Пиетъ вино хорошенко,
Пиетъ часто попиваетъ
И на Грицка Лобченка поглядаетъ.
А синъ, брате, ще пивъ кварти,
Загадаю таки жарти,
Нумъ ми грати, брате, въ карти!
Ти-жъ, бачу, брате Петре, дуракъ,
Що ти пустився на се такъ.
Теперъ, брате, скоро празникъ,
А ти пиешъ, якъ той бражникъ.
Иди, брате, та проспися,
Та и скажешъ, що я впився,
Або пиды, куди знаешъ,
Коли (*зачеркнуто*) соби маешъ.
Пройшовъ, брате, тоби строкъ....
(Конецъ совсѣмъ затертъ).

Но самымъ драгоцѣннымъ матеріаломъ является запись извѣстной пасхальной вирши «Христосъ воскресъ, радъ міръ увесь», о которой мы скажемъ въ особой замѣткѣ.

В. Науменко.

Пасхальная вирша по старой записи. Извѣстная уже въ печати вирша «Хрыстосъ воскресъ, радъ мыръ увесь» до сихъ поръ печаталась по записямъ, сдѣланнымъ въ сравнительно позднее время, т. е. не ранѣе 30-хъ годовъ. Если не ошибаемся, варіанты ея были помѣщены: 1) въ книгѣ Терещенка «Бытъ русск. народа», ч. 6-я, стр. 112—115; гдѣ и когда она записана, тамъ не указано, но варьянтъ очень слабый. 2) Въ Кіевск. Епар. Вѣдомост. 1877 г. № 7-й—совсѣмъ испорченный варьянтъ. 3) Въ Кіевск. Стар. 1882 г. № 4, стр. 168—171; это сводный варьянтъ по двумъ рукописямъ, изъ которыхъ одинъ сообщенъ А. Скальковскимъ, неизвѣстно когда и гдѣ записанный, а другой по списку Н. Гоголя, тоже никакъ не датированный. Этотъ варьянтъ напечатанъ съ пропусками, по усмотрѣнію редактора. 4) Въ Кіевск. Стар. 1882 г. № 9, стр. 567—571, было напечатано дополненіе къ этой виршѣ, по списку Д. Мороза, сдѣланному имъ съ рукописи 1839 года; это дополненіе къ виршѣ, по нашему мнѣнію, представляетъ собой позднѣйшую прибавку, которой можно въ данномъ случаѣ и не принимать въ разсчетъ. 5) Въ галицк. журналѣ „Жите и Слово“ 1894 г. кн. 3-я, стр. 444—451, въ статьѣ М. Драгоманова «Матеріали до істориі віршів українських». Здѣсь напечатано три варьянта: одинъ по рукописи, принадлежавшей Максимовичу, безъ указанія времени и обстоятельствъ записи; другой—по рукописи Гоголя, безъ тѣхъ пропусковъ, какіе были сдѣланы въ напечатанномъ текстѣ въ „Кіевск. Старинѣ“ 1882 г.; третій—по рукописи Д. Мороза (см. подъ № 4).

По преданіямъ, вирша эта будто-бы сочинена была Головатымъ и произнесена въ видѣ привѣтствія Потемкину при поздравленіи его черноморскимъ войскомъ, образованнымъ изъ запорожцевъ, при чемъ относили ее къ 1786—1787 году,[1]) и даже

---

[1]) Кіевск. Стар. 1882 г., № 4.

къ 1781 году. [1]) Д. Морозомъ было высказано, впрочемъ, мнѣніе, что основа этой вирши гораздо древнѣе, что ее можно относить ко временамъ Хмельницкаго, и что запорожцы только воспользовались готовымъ матеріаламъ. [2]) Съ этимъ мнѣніемъ не согласна была редакція „Кіевск. Стар.", что и указала сейчасъ-же, печатая записку Д. Мороза, [3]) и ея доводовъ нельзя не признать. Для рѣшенія вопроса о томъ, можно-ли дѣйствительно связывать эту виршу съ запорожцами, интересно было-бы имѣть запись ея, по возможности близкую по времени къ тому моменту, когда она, согласно преданіямъ, могла быть произнесена, какъ привѣтствіе, запорожцамъ. Въ настоящее время мы имѣемъ такую запись въ своихъ рукахъ—это въ той тетрадкѣ-альбомѣ, которая любезно доставлена намъ М. С. Сѣкаловымъ. Мы указали уже выше, [4]) что тетрадка эта писана въ первые годы текущаго столѣтія, и потому списокъ этой вирши является самымъ старымъ и, слѣдовательно, самымъ близкимъ ко времени произнесенія ея запорожцами, какъ датируется въ этой рукописи, не въ 1786 или 1787 году, а въ 1791 году. Въ общемъ варьянтъ этотъ очень близокъ къ напечатаннымъ, особенно къ тому, который помѣщенъ въ «Жите и Слово» по рукописи Максимовича, но представляетъ нѣкоторыя отличія, на нашъ взглядъ исправляющія текстъ уже извѣстный; правописаніе въ немъ соблюдено такое-же, какимъ характеризуются малорусскія рукописи конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Въ виду этого мы находимъ вполнѣ умѣстнымъ напечатать этотъ варьянтъ полностію, съ сохраненіемъ правописанія подлинника, и только исправляемъ явно испорченныя переписчикомъ мѣста. Всѣ болѣе характерныя разночтенія въ напечатанныхъ уже варьянтахъ указываемъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Варьянтъ «Кіев. Стар.» обозначаемъ буквою *а*, а «Жите и Слово» буквою *б*.

Вѣрша, говореная гетману запорозцами на свѣтлій празникъ Воскресенье Христово 1791 года.

1. Христосъ воскресъ, радъ миръ увесъ, дождавъ [5]) Божои ласки.
Теперъ то всякъ наився въ смакъ свяченои паски.

---

[1]) См. Терещенко „Бытъ русск. народа" Ч. 6-я, стр. 112.

[2]) Кіевск. Стар. 1882 г. № 9, стр. 568—569.

[3]) Тамъ-же стр. 570—571.

[4]) См. въ этомъ-же номерѣ, въ отд. документовъ.

[5]) *а*) дождавшись; *б*) дождались.

2. Всѣ гуляють, зухваляють [1]) воскресшаго Бога,
Що вже тая всѣмъ до рая [2]) простерта [3]) дорога.
3. Злии духи, власныи мухи [4]) всѣ уже послизли,
Загнавъ Исусъ въ пекло покусъ, [5]) щобъ християнъ не жерли. [6])
4. И смерть люта, що намъ тута вельми [7]) докучала
По болотамъ, очеретамъ бижучи кричала.
5. Тамъ суцѣга теперъ бѣга, якъ шалена зъ ляку,
Бо Бѣгъ хрестомъ [8]) чорта съ хвостомъ прогнавъ, якъ собаку.
6. Сей чортъ темний, князь пекельный, зъ смертью полигался,
Всѣхъ зажерти, во адъ вперти [9]) такъ то измовлялся [10]).
7. Воны тое вкупѣ [11]) двое знюхавшись шанцюють, [12])
Хоть старого, хоть малого, где попавъ глабцюють. [13])
8. Була воля—хоть и кроля у рай не пускаты, [14])
По всѣхъ трактахъ и воротахъ [15]) сторожамъ стояты.
9. Середъ шляху за шияху [16]) до пекла хватали, [17])
Безъ уваги чорты зъгаги (*згага*—жажда; вѣроятно—*зъ згаги*, т. е. отъ жадности) якъ въюновъ (вьюновъ) глитали. [18])
10. Того святци, попы, ченци не минали шляху,
Философи, крутопопи набѣрались жаху. [19])
11. Пропавъ той [20]) страхъ, зарѣсъ той шляхъ купямъ та болотомъ,
Гдѣ той злий духъ глитавъ, якъ мухъ, ненаситнимъ ротомъ.
12. Теперъ скорый, шляхъ просторый до раю протертый, [21])
Безъ сторожей, всѣ настежей [22]) ворота отперти. [23])

---

1. *а*) выхваляють; *б*) восхваляють. 2. *а*) и *б*) Ужо тая, що до рая. 3. *а* и *б*) протерта. 4. *а*) такъ якъ мухи; *б*) власно—что нужно признать болѣе правильнымъ, т. к. и дальше вездѣ это слово употребляется въ смыслѣ *словно*. 5. *а*) по усъ—что совсѣмъ неправильно. 6. *а* и *б*) не грызли—какъ того требуетъ и риема. 7. *а*) дуже. 8. *а*) съ Христомъ—что, конечно, неправильно. 9. *а* и *б*) во адъ заперти. 10. *а*) такъ винъ умовлявся. 11. *б*) въ кучу—что, конечно, неправильно. 12. *а*) и *б*) сацюють—слово непонятное, между тѣмъ какъ *шанцюваты* можно объяснить отъ слова *шанци*—оковы. 13. *а*) всихъ туды лабцюють; *б*) то такъ излабцюють. 14. *а* и *б*) не пускають; послѣ этого идетъ цѣлая строка, отсутствующая въ нашемъ варьянтѣ. „Хоть бы святыхъ, воны и тихъ у пекло таскають". 15. *а* и *б*) болотахъ—что, конечно, неправильно; эта вся строка составляетъ здѣсь первый стихъ и потому оканчивается: *сторожи стояли*, риемуясь со 2-й строкой—*хватали*. 16. *а* и *б*) у тюряху. 17. *а*) хапалы. 18. Этого стиха нѣтъ въ напечатанныхъ варьянтахъ, но онъ имѣется въ одномъ рукописномъ спискѣ позднѣйшей записи, доставленной намъ. 19. *а*) страху. 20. *а*) вже. 21. *а*) протерли. 22. *а*) Нема стражи, вси навстяжи... 23. *а*) отперли.

13. Уже велять яблука рвать изъ райского древа,
Зъ якого, охъ,[1] не веливъ Богъ, а вкусила Ева.

14. Давно той ужъ кричить недужъ, що спокусивъ Еву,
Упавъ на низъ, що ажъ полѣзъ по своему череву.[2]

15. Вещить, охлявъ, бо Бѣгъ заклявъ[3] лазити на чревѣ,[4]
За оной[5] грѣхъ, що вѣнъ на смѣхъ такъ набрехавъ Евѣ.

16. Бѣдна Ева одну съ древа вирвала кисличку,
Збула власти, сѣла[6] прясти на гребенѣ мичку.

17. За нею-жъ тамъ бидный Адамъ щось, кажуть, прокудивъ,[7]
Землю копать,[8] цѣпомъ махать[9] Бѣгъ зъ раю пропудивъ.

18. За ту-жъ[10] ѣду Ева бѣду заслужила сію.
Честь[11] Адаму, що за браму вибили у шию.

19. Глупа[12] жона! сама она яблуко трощила,
За той-же[13] плодъ увесь народъ въ пекло затащила.[14]

20. Бѣгъ милостивъ, Еву простивъ, Адаму пробачивъ,
Для визволу самъ до долу лѣзти зъ неба[15] рачивъ.

21. Тутъ чортище, старый псище, не хоче смириться.
Крутить хвостомъ,[16] еще съ Христомъ думае свариться.

22. Лише-жъ тутъ Бѣгъ самъ на порѣгъ[17] въ пекло поточився,
То Велсевулъ попустивъ мулю зъ ляку и вмочився.

23. Зарѣвъ[18] грѣзно, якъ вовкъ рѣзно,[19] голосомъ собачимъ,
Кричить пробу, що особу Христову побачивъ.

24. Не втѣкъ хлости, що всѣ кости поламавъ по роги,[20]
И самого духа злого пидгарбавъ подъ ноги.

---

1. *а* и *б*) плодъ; для звучности правильнѣе *охъ*, какъ находимъ и въ упомянутомъ выше рукописномъ спискѣ. 2. *а*) За ту болизнь ажъ полизъ по райскому древу—совершенно испорченный стихъ; *б*) За то боливъ, що ажъ полизъ на своему чреву—начало тоже перековеркано. 3. *а*) проклявъ—менѣе удачно, чѣмъ *заклявъ*. 4. *б*) на древи—нѣтъ смысла. 5. *а* и *б*) іого. 6. *а* и *б*) треба. 7. *а*) принудивсь; *б*) принудивъ—и то и другое не имѣютъ тутъ смысла; *прокудыты*—слово намъ неизвѣстное. 8. *а*) оравъ; *б*) пахать. 9. *а*) махавъ. 10. *а* и *б*) одну. 11. *б*) Нечесть; *честь* лучше, т. к. тутъ проявляется иронія. 12. *а*) Дурна. 13. *а* и *б*) за одинъ. 14. *а*) въ пекли потопила. 15. *а*) зъ неба зійты. 16. *б*) Зъ короткимъ хвостомъ. 17. *а*) Лишень-же Богъ самъ на порогъ; *б*) Лишъ тилько Богъ... 18. *а*) завывъ. 19. *а*) рѣзко—конечно, неправильно. 20. *б*) Давъ Богъ хлосты, що вси кости поламавъ и роги.

25. *Кричить на пупъ, що* [1]) *всюди струпъ, нельзя доторкнути,*
Надуло духъ, заперло брюхъ [2])—*не дае дихнути.* [3])
26. А смерть шлюха стоя Слуха, що човнуть надъ дядкомъ, [4])
Стала трястись, мислить спастись видъ хлости у радности [5])
27. Пустила дуръ, бьется объ муръ, дерется на стѣну,
Якъ шалена, тороплена, пустила и пѣну. [6])
28. Дакъ сихъ покусъ знае Исусъ хитрие обмани,
За ихъ [7]) дѣло на все тѣло наславъ злии рани,
29. *Бо всю пищу и гузищу* [8]) *опала короста.*
Крутить гузномъ, прийшло зъ озломъ (?) [9]), *бо болѣзнь не проста.*
30. *Въ такомъ мѣстѣ, что нѣ сѣсти, а нѣ почесати,*
Нудга-тоска такъ якъ луска, гдe—соромъ сказати.
31. *Зъ нудги-жъ тоски все на куски на собѣ порвала,*
Смердять кости вѣдъ короcти,—кожу всю подрала. [10])
32. *Якъ бобонъ жрупъ* (?) [11]), *продовбавъ струпъ, сороки напали* [12])
Зъ усѣхъ сторонъ много воронъ къ стерву прилитѣло [13]).
33. *На той-же трупъ, почувши струпъ, мухи прилѣтали,*
Костомахи ризно птахи съ тѣломъ [14]) *розмитали*
34. *Карность злая! якъ бо тая зъ людми поступала,*
Такъ по дѣломъ душа съ тѣломъ уся [15]) *пропала.*
35. *Також* [16]) *Июда, съ того студа* [17]) *зъюродившись якъ макуха* [18])
То синѣе, то краснѣе, бо бере сокруха.
36. *Вельми заблякъ, а мѣхъ заклякъ* [19]) *въ гришми за плечима,*
За смертелной [20]) *грѣхъ той клятвиній* [21]) *мѣхъ все* [22]) *передъ очима.*

---

1. *б)* бо. 2. *б)* надуло брюхъ, заперло духъ. 3. Эти двѣ строки, напечатанныя курсивомъ, совсѣмъ пропущены въ варьянтѣ „Кіев. Стар.", вѣроятно, въ зависимости отъ усмотрѣнія редактора, находившаго подобныя строки неинтересными (см. 1882 г. № 9-й, стр. 571). Всѣ пропуски въ дальнѣйшемъ текстѣ тоже напечатаны курсивомъ. 4. *а)* що робится зъ дядкомъ. 5. Стихъ этотъ испорченъ; въ печатн. варьянтахъ стоитъ такъ: *а)* .. думала спастись неякимсь порядкомъ; *б)* ...прехитрымъ порядкомъ; въ рукописи позднѣйшей, о которой упоминалось, стоитъ—*хлисткимъ украдкомъ.* 6. *а)* попустила слину; *б)* пустила зъ рота пину. 7. *а)* За те 8, *б)* Усю п—цю и г—цю зсыпала короста. 9. *б)* узломъ—мало понятно. 10. *б)* Смердять кости, бо въ короcти нагло все стаскала—мало понятно. 11. *а* и *б)* Якъ бубонъ трупъ—въ обоихъ варьянтахъ мало понятно. 12. *б)* рвуть тило—что, конечно, правильнѣе, въ виду послѣдующей рифмы. 13. *б)* налетило. 14. *б)* уси. 15. *б)* и нини. 16. *б)* Сей. 17. *б)* стыда—что для риемы менѣе правильно. 18. *б)* уродивсь макуха—совсѣмъ непонятно. 19. *б)* Въ Юды сей знакъ: и михъ заклякъ—намъ кажется болѣе искусственнымъ въ построеніи рѣчи. 20. *б)* За его... 21. *б)* клятый. 22. *б)* всегда.

37. *Въ землю вкопавъ*[1]*), щобъ мњхъ пропавъ,—та окоменњла,*
Посохъ тамъ цвњтъ, и травы нњтъ, болше не зеленњла.
38. *Въ води рибу, мњхъ изъ глыбу, розпужавъ и раки,*
Вирнувъ злий духъ изъ води сухъ до Юди и паки.
39. *Злую мару пњкъ у жару тай*[2]*) не загорњвся,*
Мњцно по щитъ[3]*) чортомъ подбитъ, щобъ не розвалився*[4]*)*
40. *А изъ печи*[5]*) вњьять на плечњ берется на Юду,*
Щобъ зъ тњмъ мњшкомъ[6]*) ходить пњшкомъ въ пеклњ и повсюду.*[7]*)*
41. *Бњгъ бо велњвъ,*[8]*) щобъ мњхъ не тлњвъ до оного вњку*[9]*)*
Для утњхи безъ суплњки злому человњку[10]*)*
42. Тутъ[11]) крутенько всѣмъ хутенко давъ Богъ цара Пора[12])
Адъ разоривъ, чорта стребивъ, смерть изчезла[13]) хвора.
43. Прадѣдъ Адамъ и дядко Хамъ давно въ пеклѣ ныдѣлъ[14])
Уже-жъ теперъ пекло вѣдверъ,[15]) якъ Христа повидѣлъ.[16])
44. И всякъ[17]) узникъ крутый узликъ зъ шии розвязали,
Сусу Христу[18]) якъ на листу усе росказали.
45. Ева згнута була тута отъ злого[19]) шайтана,
Сей покуса злѣйшій Пруса и Крымського хана.
46. Мучить дарма, у ныхъ ярма зъ шии не злазили,[20])
Струпъ на плечахъ, бо по печахъ всѣ[21]) дрова возили[22])
47. Зъ ярма-жъ въ хомутъ, зъ узлами кнутъ, дротяныи пугы
Зъ шии до пятъ на спинѣ знатъ кровавыи смуги.
48. *И старуху бьють по брюху пятныцю святую*[23]*)*
На подпрягу колымагу запряглы и тую.[24]*)*
49. Щобъ скакала, не брикала,[25]) кладуть въ ротъ удила,[26])
Сѣчуть плетью, щобъ тамъ мѣтью ступою ходила.[27])

---

1. *б)* Земаю копавъ. 2. *б)* такъ. 3. *б)* Мицно пошитъ. 4. *б)* що й не загоривсия—конечно неправильно. 5. *б)* Зъ огню, въ печи. 6. *б)* Изъ тимъ мишкомъ. 7. *б)* въ пекли повсюду. 8. *б)* Богъ повеливъ. 9. *б)* до страшного суду. 10. *б)* Этой строки совсѣмъ нѣтъ въ этомъ варьянтѣ. а въ варьянтѣ *а* отсутствуютъ всѣ 26 строкъ напечатанныхъ курсивомъ. 11. *б)* Такъ. 12. *а)* Тамъ крутенько, тутъ хутенько давъ Богъ всему порай. 13. *а)* излыха. 14. *а)* ...Хамъ заиграли въ свырили. 15. *б)* одперъ. 16. *а)* Закричали, задрожали, якъ Христа зглядилы. 17. *а)* Усякъ. 18. *а)* Исусъ-Христу. 19. *б)* того. 20. *а)* у всѣхъ ярма зъ шыи не злизали. 21 *а)* во адъ. 22. *б)* Струпъ на плечахъ, все по печахъ—а дрова возылы; въ такомъ видѣ въ этой строкѣ нѣтъ смысла. 23. *б)* И въ тимъ страси бьютъ по с—ци пятныцю святую. 24. *а)* Этихъ двухъ строкъ нѣтъ совсѣмъ. 25. Щобъ скакалы, не брикалы... 26. *а)* удилы. 27. *а)* ходили.

50. *Понедѣлокъ, хоть не смѣлокъ* [1])—*тажъ ему заслуга,*
Змикулився, вступлився [2])—*ледвѣ утѣкъ съ плуга.* [3])
51. Сию [4]) налогу скоро въ Богу донесли въ [5]) ушѣ,
Не забаривъ, адъ разоривъ, випустивъ всѣ душѣ.
52. Святый Афетъ узявъ мушкетъ, якъ стреливъ на гасло, [6])
Выйшла здрая немалая, [7]) ажъ пекло захрясло. [8])
53. Всѣ [9]) ожили и загули, [10]) якъ весною мухи
Съ пекла народъ бѣгъ навзаводъ, а иншии изъ муки [11])
54. Дочувсь Аврамъ, що вже Адамъ изъ пекла удрызавъ, [12])
Вѣнъ зъ Саакомъ ледве ракомъ и собѣ поклизавъ [13])
55. Свята Сара, хоча стара, да женщина руча;
Вся пѣхота шла въ ворота,—вона-жъ куды луча [14])
56. Племиныкъ Лотъ въ купу сиротъ якъ изобралъ бѣдныхъ,
Такъ нѣ дверей, а нѣ верей не осталось [15]) мѣдныхъ.
57. *Бо все тая сильна здрая,* [16]) *съ пекла потащила* [17])
Власне туча, куды луча, такъ закопотѣла. [18])
58. У Божу путь только сопуть, Христа захваляя, [19])
Спѣшать во градъ, другъ другу радъ по стезцѣ до рая. [20])
59. Мусѣй пророкъ двери, замокъ и муръ [21]) пробивъ рогами,
Адъ сплюндрувавъ, п●мандрувавъ пѣшими ногами.
60. Власне [22]) бугай съ кошари въ гай виперся голодный,
Пекло вѣдперъ и шляхъ простеръ [23]) до раю свободный. [24])
61. Адаме грай, одвертый [25]) рай, иды, поспѣшайся, [26])
Райскимъ плодомъ зъ усѣмъ родомъ радъ будь, утѣшайся. [27])
62. Веди всѣхъ въ радъ у райской садъ яблука збирати,
Ѣжъ [28]) одъ древа, бо вже [29]) Ева не буде вмирати.

Конецъ вѣршѣвъ гетмановъ запоровцовъ.

Сообщ. **В. Науменко.**

---

1. *б)* не милокъ. 2. *б)* замулывся. 3. *а)* Этихъ двухъ строкъ совсѣмъ нѣтъ; 4. *а* и *б)* Всю. 5. *а)* во; *б)* увъ. 6. Написано *нечласно,* но конечно по ошибкѣ. исправляемъ по варьянтамъ *а* и *б*). 7. *а)* Выйшла зъ рая сила немалая; *б)* Выйшла зграя немалая. 8. *а)* затрясло. 9. *а)* Гуртомъ; *б)* Вдругъ. 10. *а* и *б)* всѣ загулы. 11. *а* и *б)* трюхи. 12. *а)* удравъ; *б)* подрыкгавъ. 13. *а)* поплыгавъ; *б)* поклыкгавъ. 14. *б)* куды влуча. 15. *б)* въ пекли нема. 16. *б)* Бо якъ тая сыльна зграя. 17. *а)* Этой строки нѣтъ совсѣмъ. 18. *а)* Якъ та туча, куды луча, такъ и покотили; *б)* .... залопотила. 19. *а* и *б)* У Божу путь тилько сопуть, що ажъ попотилы. 20. *а)* Этой строки нѣтъ совсѣмъ; *б)* Та врываютъ, поспишаютъ, й исты не схотилы. 21. *а)* въ дверяхъ замокъ и муръ. 22. *а)* Якъ той...; *б)* Власный... 23. *б)* протеръ. 24. *а)* Такъ изъ ада йде громада, рада що свободна. 25. *б)* одпертый. 26. *а)* Рай одпертый, шляхъ протертый, Адамъ поспишайся! 27. *а)* ......зъ усимъ родомъ тамъ ты утишайся, 28. *б)* Ажъ—что, конечно, неправильно. 29. *а)* бильшъ.

Арестъ осетра. Въ концѣ 1850-хъ годовъ въ м. Горошинѣ, хорольскаго у. полт. губ., распространился однажды тревожный слухъ, что въ р. Сулѣ появилось какое-то чудовище, пожиравшее утокъ, гусей и даже будто-бы купавшихся дѣтей. Мѣстнымъ рыбакамъ по этому случаю былъ данъ приказъ изловить во что-бы то ни стало этого кровожаднаго звѣря и донести о томъ полиціи. Спустя нѣсколько дней рыбаки точно поймали невиданную ими до того времени рыбу очень крупныхъ размѣровъ и дали знать въ мѣстную становую квартиру. Поѣхалъ туда приставъ и видитъ—въ сѣтяхъ бьется великолѣпный осетеръ, какимъ то чудомъ заплывшій изъ Днѣпра.—Вотъ,—думаетъ приставъ,—прекрасный будетъ презентъ г. исправнику! Какъ бы только не перекупилъ кто-либо такую рѣдкую добычу!

— А що, ваше благородіе, чы не це та звирюка що дитей хапае?—спрашивали простодушные рыбаки.

— Она самая, братцы, и теперь я долженъ ее арестовать и подъ крѣпкимъ конвоемъ отправить въ земскій судъ для поступленія съ нею по всей строгости законовъ.

И точно, въ тотъ же день преступная рыба увезена была, въ сопровожденіи благонадежныхъ сотскихъ, въ Хоролъ и попала прямо на кухню къ г. исправнику, не оставшемуся, конечно, въ долгу предъ услужливымъ приставомъ.

L.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Тріумфальныя ворота въ г. Кіевѣ.* [1]) 6 октября 1857 года Кіевское купечество возбуждаетъ предъ генералъ-губернаторомъ ходатайство о сохраненіи воздвигнутыхъ на средства просителей Тріумфальныхъ воротъ *навсегда*, дабы увѣковѣчить въ памяти отдаленнѣйшаго потомства первое посѣщеніе города ихъ Императорскими Величествами Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ и Государынею Императрицею Маріей Александровною.

Сооруженіе предполагалось не только сохранить, но и надлежащимъ образомъ упрочить.

---

[1]) При пересѣченіи кадетскаго шоссе съ Бибиковскимъ бульваромъ.

На ходатайство купцовъ, тогда же всеподданнѣйше доложенное княземъ Васильчиковымъ, Его Величество всемилостивѣйше соизволилъ.

9 ноября купеческое общество составляетъ приговоръ объ ассигнованіи на сіе потребной суммы, имѣющей образоваться изъ пожертвованій, на что генер.-губернаторъ даетъ разрѣшеніе (Мартъ 1858 г.).

Купцами постановлено впредь, начиная съ 1858 по 1874 годъ, при объявленіи капиталовъ, представлять на предметъ поддержанія Тріумфальныхъ воротъ съ каждаго свидѣтельства 1-ой гильдіи по 12 р., 2-ой гильдіи по 8 р., а 3-ей гильдіи отъ 3 до 5 р.—по состоянію доходовъ, на что генералъ-губернаторомъ дано согласіе.

Но первое увлеченіе кіевлянъ-купцовъ быстро прошло, а уже въ іюнѣ 1861 г. Главному Начальнику края пришлось указывать городскому управленію, что ворота требуютъ ремонта и окраски.....

Нынѣ лишь выставка скромныхъ меблированныхъ компатъ напоминаетъ о высившихся здѣсь Тріумфальныхъ воротахъ.

—

2) *Къ пребыванію Шамиля и его семейства въ Кіевѣ.* Въ 1868 г. Имаму Шамилю Высочайше указано водвориться въ Кіевѣ. Отъ земства предположенъ къ отводу особый домъ въ 22 комнаты. Прибывшій въ городъ Гази Магома (сынъ Шамиля) останавливаетъ свой выборъ на домѣ Масаловой (Александр. ул. въ Липкахъ), который и занимаетъ со всѣми флигелями, службами и садами. Деньги, потребныя на наемъ, ремонтъ и отопленіе, отпускаются изъ Государственнаго казначейства въ распоряженіе губернатора, на коего возлагается обязанность заботиться о приличномъ и исправномъ содержаніи плѣнника и его семейства.

Прибытіе самого Шамиля съ женами и дѣтьми ожидалось въ концѣ сентября 1868 г.

Чрезъ два года арендный контрактъ возобновленъ (плата 2500 р.), но Имаму было не суждено долго пользоваться кіевскою квартирою: зиму онъ провелъ въ Аравіи.

23 декабря 1870 г. къ нему на свиданіе въ Мекку выѣзжаетъ Гази Магома, и въ февралѣ 1871 г. Шамиль умираетъ въ Мединѣ.

25 мая Высочайше повелѣно: выдавать изъ казны Гази Магомѣ, котораго ожидали въ Кіевѣ въ іюлѣ, по 5000 р. въ годъ; брату его, штабъ-ротмистру собственнаго Его Величества конвоя, Магомету Шеффи, по 1000 р., въ добавокъ къ получаемому по службѣ содер-

жанію, и обѣимъ женамъ Шамиля, на случай ихъ возвращенія изъ Годбраса въ Россію, по 1000 р. ежегодно. Что касается отпуска денегъ на домъ, дачи и довольствіе, то таковой прекращается.

Однако расходы по поѣздкѣ за-границу были настолько велики, что братья возбуждаютъ ходатайство объ ассигнованіи на сей предметъ особыхъ *суммъ*; одновременно съ симъ Гази Магома проситъ разрѣшить ему выѣздъ въ безсрочный отпускъ въ Турцію для устройства быта обѣихъ вдовъ покойнаго Шейха и попеченія о судьбѣ ихъ. (Семьѣ Шамиля въ Константинополѣ принадлежитъ домъ съ полною обстановкою, пожалованный Султаномъ).

17 августа Высочайше повелѣно отпустить на нужды семьѣ всю сумму, оставшуюся свободною отъ умножившихся въ 1871 году расходовъ казны на содержаніе покойнаго и наемъ для него помѣщенія, вслѣдствіе чего Гази получаетъ на руки 9111 р.

Высочайшее соизволеніе на безсрочное пребываніе за границею, по словамъ Военнаго Министра, «должно послужить лестнымъ выраженіемъ Высочайшаго довѣрія къ благороднымъ и честнымъ правиламъ сыновей Шамиля».

Гази Магома выѣзжаетъ 25 ноября изъ Кіева въ Одессу, откуда 4 декабря отправляется въ Константинополь, гдѣ у семьи былъ свой особый повѣренный въ дѣлахъ.

За это время одна изъ вдовъ Шейха—Захидата умираетъ, не выѣзжая изъ Мекки. Назначенная ей пенсія по Высочайшему повелѣнію сохранена ея 8-лѣтнему сыну Магомету.

Въ 1874 Гази Магомѣ Высочайше дозволено возвратиться изъ заграницы въ Россію, съ водвореніемъ въ Кіевѣ, но сколько извѣстно, онъ этимъ разрѣшеніемъ не воспользовался.

—

3) *Проектъ учрежденія подъ г. Кіевомъ «пригородка» для богомольцевъ и евреевъ.* Въ 1873 году главное россійское и международное коммиссіонерство «Указатель» предложило начальнику юго-западнаго края свои услуги по устройству подъ самимъ городомъ особаго новаго квартала «для богомольцевъ», а также и «евреевъ, не имѣющихъ права жительства въ Кіевѣ»...

Согласно проекту, въ пригородѣ въ распоряженіе временныхъ, случайныхъ обывателей предоставлялись особые рынки, бойни, водопроводы, уличное освѣщеніе, бани, больницы, общественный садъ.

По словамъ представителя агентства, городъ, такимъ образомъ, оказался бы огражденнымъ отъ наплыва богомольцевъ, которые, скопляясь, несомнѣнно производятъ загрязненіе городскихъ зданій и самой почвы, служа источникомъ «зараженія и безпорядковъ».

Что же касается высылаемыхъ изъ Кіева иногороднихъ евреевъ, то пригородъ, давая имъ въ стѣнахъ своихъ пріютъ, «соотвѣтствовалъ бы не только уваженіямъ человѣколюбія, но и экономическимъ....»

На проектѣ генералъ-губернаторомъ положена резолюція «оставить безъ вниманія».

—

4) *Переселеніе нѣмцевъ колонистовъ съ Волыни на Дунай.* Въ ноябрѣ 1879 года въ Новоградволынскѣ, во время призыва, въ одной корчмѣ царило необычайное оживленіе среди собравшихся за кружкою пива нѣмцевъ колонистовъ. Одинъ изъ нихъ, пришлый изъ Житомірскаго уѣзда, разглагольствовалъ о предстоящихъ распоряженіяхъ правительства, задумавшаго якобы поголовное выселеніе нѣмцевъ изъ юго-западнаго края на земли, отошедшія отъ Турціи къ Россіи. Намѣренія эти сдѣлались оратору доподлинно извѣстными, когда онъ въ качествѣ погонца, участвовалъ въ Русско-Турецкой кампаніи и прошелъ изъ конца въ конецъ Румынію и Болгарію.

Слухъ началъ быстро распространяться по уѣздамъ Новоградволынскому, Житомірскому и Острожскому, а въ началѣ февраля 1880 г. колонисты Оженина (Острожск. у.) выступили съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ уже предъ главнымъ начальникомъ края.

Губернаторъ, съ своей стороны, принялъ мѣры къ прекращенію толковъ, въ которыхъ, по его заключенію, нашла отголосокъ обсуждавшаяся германской печатью мысль о колонизаціи русскими подданными изъ нѣмцевъ земель между Дунаемъ и Балканами.

Сообщ. **А. Мѣрдеръ.**

Текущія извѣстія.

25-тилѣтіе со дня смерти А. С. Аѳанасьева-Чужбинскаго. 6 сентября исполнилось 25 лѣтъ со дня кончины А. С. Аѳанасьева, извѣстнаго въ литературѣ подъ именемъ Аѳанасьева-Чужбинскаго. Сочувственная замѣтка по поводу смерти его помѣщена въ газетѣ «Одесскій

Листокъ» (№ 230) Ф. М—томъ, а также довольно обстоятельный біографическій очеркъ въ № 73 «Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» и въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

—

Состояніе могилы И. П. Котляревскаго. Въ свое время [1]) мы сообщали о печальномъ состояніи могилы И. П. Котляревскаго. Въ настоящее же время, какъ передаетъ «Кіевская газета» № 139, на южномъ углу стараго полтавскаго кладбища, гдѣ погребенъ прахъ Ивана Петровича Котляревскаго, въ началѣ нынѣшняго лѣта, на средства губернскаго земства поставленъ новый мраморный сѣрый, на гранитномъ фундаментѣ, памятникъ, взамѣнъ прежняго, поставленнаго въ 1869 году и пришедшаго уже въ значительное разрушеніе; самый памятникъ имѣетъ въ вышину около $2^1/_2$ арш. На памятникѣ сдѣланы слѣдующія надписи, приводимыя нами дословно:

1) «Будеш', батьку, панувати,
Поки живуть люде,
Поки сонце з'неба сяе
Тебе не забудуть».

2) «Іван Котляревский, перший украiнський народний поэт».
3) «Родився року Божого 1769, почив' 1838».
4) «Коштом' Полтавского губернского земства».

Вокругъ памятника отведено небольшое для сквера мѣсто и обнесено приличною деревянною оградою.

—

Малорусская секція на международномъ медицинскомъ конгрессѣ въ Парижѣ. 2 августа въ Парижѣ, въ залѣ des Fêtes à de l'Exposition былъ открытъ международный конгрессъ, на который собралось нѣсколько тысячъ лицъ, причастныхъ къ медицинѣ.

Передъ открытіемъ конгресса Чехи созвали делегатовъ всѣхъ славянъ на общій совѣтъ по вопросу основанія всеславянскаго медицинскаго журнала или Revue. На этомъ предварительномъ собраніи оказались представители отъ всѣхъ славянскихъ народовъ, въ томъ числѣ и отъ галицкихъ Русиновъ въ количествѣ нѣсколькихъ (6-ти) душъ, которые и составили, подъ предсѣдательствомъ доктора В. Сименовича, малорусскую секцію. Надъ дверями, гдѣ происходили засѣданія послѣдней, была надпись «Petite Russie». Всѣ постановленія малорусской секціи будутъ напечатаны въ отчетахъ конгресса.

---

[1]) Кіев. Стар. 1900 г., май, отд. текущ. извѣст., стр. 87.

Предварительное собраніе всѣхъ славянъ постановило: 1) издавать ежемѣсячный всеславянскій журналъ (Revue) на французскомъ языкѣ, въ которомъ должны помѣщаться резюме всѣхъ работъ, какія появятся гдѣ-либо на какомъ-либо изъ славянскихъ языковъ, 2) стараться постепенно вводить болѣе или менѣе во всѣхъ славянскихъ языкахъ общеславянскую терминологію и собирать, каждая нація сама по себѣ, свои собственные медицин. термины, изъ которыхъ впослѣдствіи можно было бы создать одну общую терминологію, 3) устраивать всеславянскіе медицинскіе съѣзды такимъ образомъ, чтобы каждый народъ могъ ихъ устраивать по собственной иниціативѣ; на нихъ будутъ приглашены иныя славянскія націи съ тѣмъ, что каждая нація будетъ говорить и реферировать на родномъ своемъ языкѣ.

При обсужденіи послѣдняго пункта др. Семерадъ предостерегалъ собравшихся, чтобы не случилось того, что произошло на послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ съ малорусскимъ языкомъ.

Затѣмъ избраны изъ каждой народности по одному члену-корреспонденту въ упомянутое Revue; въ качествѣ такового для галицкихъ Русиновъ избранъ докторъ Евгеній Кобрынськый, для Америки же—представителемъ всѣхъ славянъ конгрессъ избралъ доктора В. Сименовича. Корреспондентамъ также поручено заняться собираніемъ національной народной терминологіи. (Русла‍н, ч. ч. 169, 170).

—

Русинская художественная выставка во Львовѣ. 2 сентября во Львовѣ состоялось открытіе выставки произведеній русинской промышленности и искусства, главнымъ образомъ церковныхъ предметовъ: иконостасовъ, олтарей, иконъ, рѣзьбы и т. п. Среди множества художественныхъ произведеній обращаютъ на себя вниманіе небольшая деревянная статуя Богдана Хмельницкаго верхомъ на конѣ, портретъ Богдана Хмельницкаго—кисти Мыколы Ивасюка и друг. (Дѣло, ч. 201 и 207).

—

Открытіе новой русинской гимназіи. 21 августа въ Коломыѣ состоялось торжественное открытіе самостоятельной, третьей [1]) въ Галиціи, русинской мужской гимназіи. На торжествѣ произносились рѣчи на тему о необходимости братскаго единенія учащихъ и учащихся

---

[1]) Третьей—въ смыслѣ самостоятельности, т. к. существуетъ нѣсколько утраквистичныхъ гимназій, т. е. съ параллельнымъ преподаваніемъ на малорусскомъ и польскомъ языкахъ.

обѣихъ (русинской и польской) народностей, которыя должны помнить, что имъ въ жизни предстоитъ совмѣстная работа для общаго блага въ родной землѣ. (Gazeta Lwowska, № 206).

—

Дѣятельность Товариства «Просьвіта» во Львовѣ. Львовское Товариство «Просьвіта» въ настоящее время имѣетъ въ Галиціи 895 своихъ читаленъ (въ томъ числѣ 77 открыты въ текущемъ году). Новыхъ членовъ принято въ этомъ году въ Товариство 961, со времени же основанія, т. е. за 32 года, «Просьвіта» имѣла 13,007 членовъ. (Буковина, ч. 100).

—

Цѣнный даръ университету св. Владиміра. Вдова камергера графиня Кассини пожертвовала Кіевскому университету библіотеку покойнаго своего отца, генералъ-адъютанта Д. Г. Бибикова, бывшаго кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора въ періодъ 1837—1852 годовъ. Библіотека эта заключаетъ 14000 томовъ и значительно обогатитъ библіотеку кіевскаго университета, которая вообще по числу книгъ и качеству ихъ принадлежитъ къ одному изъ наиболѣе крупныхъ книжныхъ собраній въ Россіи. («Историч. Вѣстникъ» № 8).

—

Цѣнный даръ одесской публичной библіотекѣ. Наслѣдники извѣстнаго одесскаго старожила и изслѣдователя исторіи Новороссіи А. А. Скальковскаго принесли въ даръ одесской публичной библіотекѣ почти всю библіотеку покойнаго. Въ числѣ подаренныхъ книгъ имѣется много цѣнныхъ и рѣдкихъ экземпляровъ. (Биржев. Вѣдом. № 240).

—

Украинская труппа во Львовѣ. Съ начала сентября во Львовѣ, въ залѣ общества «Gwiazda», даетъ спектакли украинская труппа товарищества «Рускоі Бесіди» подъ дирекціей Гриневецкаго. Судя по отзыву польской печати, труппа эта отлично сыгралась и къ тому-же обладаетъ несомнѣнными талантами. Составъ публики, посѣщающей спектакли въ большомъ количествѣ (нерѣдко не хватаетъ билетовъ), въ значительной степени пополняется польской интеллигенціей. До сихъ поръ труппа играла слѣдующія пьесы: «Ой не ходы, Грыцю, на вечерныци», «Чумакы» —Тобилевича, «Нещасне кохання» —драма Манька, «Учытель» —комед. Івана Франка, «Хата за селомъ» —драма, передѣлка изъ повѣсти Крашевскаго, оперетка «Цыганськый баронъ», драма Л. Толстого «Власть тьмы», «Запорожець за Дунаемъ», «За двома зайцямы» —Старицкаго, «Цыганка Аза», и др. (Дѣло и Gazeta Lwowska).

—

Предположенныя малорусскія изданія. Харьковское земство предполагаетъ издать нѣсколько брошюръ о заразныхъ болѣзняхъ на малорусскомъ языкѣ, для раздачи населенію. (Кіевск. Газ. № 272).

—

Шевченко на языкѣ будущаго. Шведскій журналъ «Esperato Linguo Internacia» (Будущій международный языкъ), выходящій въ Упсалѣ, помѣстилъ по словамъ «Руслана» (№ 280) въ №№ 6 и 7 три стихотворенія Шевченка въ переводѣ С. Свиридова на «будущій международный языкъ», а именно: «И шырокую долыну, и высокую могылу» (Largan valon, altan tombon...), «Чого мени тяжко? Чого мени нудно»? (Kial mi suferas? Kial mi doloras?...) и «Не такъ тіи вороги, якъ добріи люде»... Приводимъ послѣднее съ сохраненіемъ правописанія оригинала.

El Ŝevĉenko.

Malamikaj estas bonaj
Pli ol «bonaj homoj»,
Kiuj vokas vin kunmangi
En gastamaj domoj.

Bedaurante ili trompas,
Kunplorante mokas,
Ili, por kondamni, ridi,
Konfeson elvokas.

Malamikojn, iafoje,
Ne donas la sorto;
«Bonaj homoj» estas ĉie,
Ili do vin ne forgesos
Eĉ post via morto.

—

Безграничная любовь къ «ъ». Редакція газеты «Руслан», придерживающаяся, какъ извѣстно, фонетическаго правописанія, получила отъ одного изъ подписчиковъ слѣдующее письмо: «Прошу васъ, честный редактор, неприсилайте менѣ віенци ваших чиселъ бо менѣ віенци непотрѣбно затое вамъ дякую щомъ прочитавъ кôлка чиселъ я люблю читати твердѣ знаки я єстем церковним пѣвцемъ Почтеніе Мое Соллогубъ Павло». (Руслан, ч. 208).

—

«Писня про Кытай». Редакціи газ. «Волынь» доставлена однимъ изъ народныхъ учителей нижеслѣдующая «писня про Кытай», «вылившаяся,—по его словамъ—изъ народной души».

Ой не дарма чорна хмара та дощу не мае,
Ой не дарма сонце ясне хмару осушае.
Ой не дарма по всимъ свити ходять тылиграмы;
Ой не дарма вже безъ конивъ йиздять люде сами.
Свитъ велыкый, ниде дитысь, за землю сварятся.
Передъ нашымъ самъ Царь-Кытай ставъ вже велычаться,
Та поставывъ мирку маку, каже: пробачайте,
Ото стилько людей маю—хочете: счытайте.
Наши вынеслы цыбули: мирка—якъ въ Кытая.
Ой цыбуля гирка дуже—ребра посчытае!
Глянувъ Кытай на цыбулю, не считавъ—заплакавъ
И запросывъ прымыренья: шкода стало маку...

(Волынь, № 191).

—

Предполагаемыя публичныя лекціи въ Москвѣ. Бывшій учитель кишиневской женской гимназіи С. Кулябко въ теченіе 1900 года прочтетъ въ Москвѣ рядъ публичныхъ лекцій: «Шевченка, Пушкинъ, Бѣлинскій, Жизнь и поэзія Шевченко», «Два учителя полтавской гимназіи 50-хъ годовъ—Стронинъ и Поллевичъ», «Фонетика русской азбуки и звуковой методъ обученія русской грамотѣ», «19 февраля и 5 марта 1861 г.» и др. (Одесск. Листокъ, № 230).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Maryan Dubiecki. *Kudak, twierdza kresowa i jej okolice. Monografia historyczna, nagrodzona przez Akademię Umiejętności w Krakowie. Wydanie nowe, przejrzane i powiększone. Warszawa, 1900. (Пограничная крѣпость Кудакъ и ея окрестности. Стр. 154).*

Г. Дубецкій выступилъ въ исторической литературѣ съ нѣсколькими очерками, посвященными, между прочимъ, исторіи Южной Руси и, въ частности, Запорожья. Не задаваясь суровыми изысканіями въ области нашей стороны, авторъ видимо заботится о доступности для широкихъ круговъ читателей и, по мѣрѣ силъ, стремится высказать безпристрастіе, но это безпристрастіе, такъ сказать, cum grano salis. Упругіе факты исторіи видимо наклоняютъ автора къ соблюденію мѣры, но наряду съ фактами остается еще широкое поле для исторической декламаціи, область которой, по существу безграничная, въ достаточной мѣрѣ разрабатывается и г. Дубецкимъ. Съ легкой руки блестящаго Шайнохи, у нѣкоторыхъ историковъ явился родъ недуга—разыгривать цѣлыя симфоніи на тему о «добыткахъ польскаго плуга» на нашемъ югѣ, «объ очагахъ западно-европейской цивилизаціи», которые создавались тамъ въ оныя времена благодаря шляхетской колонизаціи, и о тому подобныхъ неблагодарныхъ сюжетахъ.

Нелишенные интереса образчики такой декламаціи встрѣчаемъ кое-гдѣ и въ монографіи г. Дубецкаго. Первое изданіе ея вышло болѣе 20 лѣтъ назадъ къ юбилею Крашевскаго. Нынѣ авторъ дополнилъ свой очеркъ нѣкоторыми новыми подробностями на основаніи рукописныхъ источниковъ. Главный изъ нихъ—рукопись ягеллонской

библіотеки въ Краковѣ подъ № 90, гдѣ приведенъ актъ капитуляціи Кодака въ 1648 году и формула присяги полковника Максима Нестеренка.

Авторъ излагаетъ судьбы Кодака въ связи съ общей характеристикой исторической обстановки, добавляя къ этому меланхолическія свои размышленія. Послѣднія далеко не вяжутся съ приводимыми фактами.

Дѣло обстоитъ такъ.

Въ 1635 г. шляхетская олигархія, изъ страха передъ угрозами Турціи, рѣшается ассигновать деньги на постройку крѣпости у Кодацкаго порога на Днѣпрѣ, чтобы доканать козаковъ, обезсилить Запорожье и не допускать набѣговъ на турецкія владѣнія по берегамъ Чернаго моря, пока эти набѣги не признаны будутъ удобными. Ни одна польская крѣпость не сооружалась съ такой быстротой и энергіей, какъ Кодакъ: въ глазахъ сейма она была залогомъ окончательнаго пригнетенія козачества. Великій гетманъ коронный Стан. Конецпольскій до конца дней своихъ посвящалъ крѣпости особое вниманіе и не щадилъ средствъ на ея устройство и оборудованіе. Исполнено было сооруженіе подъ руководствомъ извѣстнаго франко-польскаго инженера Боплана. Первый гарнизонъ былъ сформированъ изъ нѣмецкихъ драбантовъ, прошедшихъ знаменитую школу въ бойняхъ 30-лѣтней войны, губернаторомъ назначенъ французскій кондотьеръ Маріонъ, при немъ комиссаромъ шляхтичъ Шіялковскій (или Пшіялговскій), фигура въ стилѣ извѣстнаго Чаплинскаго.

Важную миссію свою этотъ избранный гарнизонный персоналъ открылъ военными дѣйствіями, но не противъ татаръ или бунтовщиковъ, а противъ рыболововъ, звѣролововъ и монаховъ. Добычи на правомъ берегу было мало, пустыня не вознаграждала драбантовъ, и они тотчасъ-же обратили свои взоры на лѣвый берегъ, гдѣ по р. Самарѣ издавна осѣли хуторами козацкіе рыболовы и звѣроловы, гдѣ процвѣталъ самарскій монастырь, съ «шпиталемъ» для престарѣлыхъ козаковъ и школой для козацкихъ дѣтей. Земля эта, по выраженію мѣстной хроники, была «добре гарна», и тотчасъ пошли запреты въ дѣлѣ пользованія давними «уходами». Навѣдываясь на благословенную Самару, вѣроятно подъ предлогомъ надзора и водворенія порядка, драбанты учинили разбойное нападеніе на монастырь, захватили уже добычу. Но монахи защищались съ оружіемъ въ рукахъ, добыча отбита, немало разбойниковъ пало въ бою, комиссаръ Шіялковскій взятъ

въ плѣнъ, повѣшенъ на полѣ доблестной брани и тамъ же насыпана надъ нимъ могила.

Этотъ разбой былъ прелюдіей къ штурму Кодака въ томъ-же 1635 г. козацкимъ атаманомъ Сулимою, который за это погибъ на плахѣ въ Варшавѣ, послѣ того какъ реестровые козаки отобрали крѣпость отъ низовыхъ. Послѣ штурма Сулимы нѣмецкій гарнизонъ вырѣзанъ, комендантъ Маріонъ разстрѣлянъ.

Къ осени 1637 г. крѣпость была возстановлена въ лучшемъ видѣ гетманомъ, гарнизонъ усиленъ, комендантомъ и комиссаромъ назначены шляхтичъ Жолтовскій и гетманскій родичъ Адамъ Конецпольскій. Съ Жолтовскимъ явились въ Кодакѣ и оо. доминикане,— колонизаторъ-шляхтичъ не показывался въ этомъ суровомъ и опасномъ краѣ, а козацкіе хутора и уходы по Самарѣ еще не нуждались въ этомъ колонизаторѣ, управлялись безъ него и боролись съ крымцами своими средствами. Доминикане явились съ цѣлью обращать еретиковъ въ истинную вѣру, получили отъ короля пожалованіе на обширныя земли для заселенія «людьми», построили сперва каплючку за крѣпостными валами, а въ 1643 г. уже завели монастырь. Ихъ пришло съ Жолтовскимъ два или три, но къ 1648 г. ихъ было немало, судя по т. наз. «Яцковымъ могиламъ», гдѣ были схоронены они послѣ избіенія козаками. Послѣ Жолтовскаго явились начальствовать въ крѣпости еще два Конецпольскихъ—Яковъ (погибъ въ стычкѣ съ татарами) и Александръ, и губернаторъ Криштофъ Гродзицкій, полковникъ артиллеріи, вояка гнѣзда Валленштейнова. Гродзицкій завелъ въ крѣпости суровую гарнизонную дисциплину, но грабежи драбантовъ, по догадкамъ нашего автора, продолжались, козацкіе хутора и пасѣки страдали, скотъ крали. Вел. Коронный гетманъ развилъ на козацкомъ Низу цѣлую систему шпіонства. Словомъ, обстановка была такова, что нашъ авторъ, отдавая дань безпристрастію, долженъ сознаться, что Кодакъ не могъ стать очагомъ европейской цивилизаціи и былъ простымъ военнымъ таборомъ, вокругъ котораго кипѣло море народной злобы и ожесточенія. Чтобы смягчить тяжкій колоритъ этой картины военнаго гнета, близорукаго и безсмысленнаго, авторъ догадывается, что кодацкій гарнизонъ оборонялъ страну отъ татаръ. Однако, объ этомъ что-то не слышно, хотя въ крѣпость нерѣдко являлись шляхетные гости и, конечно, не преминули бы разсказать о подвигахъ драбантовъ. За то есть прямое указаніе

что у козаковъ отбирали татарскій полонъ, и надо думать, что это дѣлалось не въ интересахъ человѣколюбія.

Въ мартѣ 1646 г. умеръ Стан. Конецпольскій, создатель Кодака, и крѣпость потеряла своего покровителя, который мечталъ объ изгнаніи татаръ изъ Крыма, но мысль свою думалъ выполнить путемъ низведенія козачества на степень рабской касты. Поселокъ за крѣпостными валами развивался туго, созданіе «оазиса цивилизаціи» не удалось, крѣпость окружена была пустыней, полной угрозъ и засадъ. Припасы доставлялись по Днѣпру байдаками изъ кіевскаго полка. «Panowie Odrzychłopscy», въ родѣ Іереміи Вишневецкаго, появлялись сюда лишь погостить, но «слободъ» не закладывали: не было надлежащаго матеріала.

Послѣ бунта реестровыхъ въ Каменномъ Затонѣ и желтоводскаго пораженія Стеф. Потоцкаго началась долгая и тяжкая для козаковъ осада Кодака по приказу Хмельницкаго. Гродзицкій защищался храбро, но помощи не было, и въ концѣ августа 1648 г. онъ долженъ былъ сдаться козацкому полковнику Максиму Нестеренку. Гарнизонъ частью перебитъ, частью уведенъ въ плѣнъ, гдѣ также погибло немало въ страшныя годины 1649 г.

На основаніи одной рукописной замѣтки авторъ утверждаетъ, что Гродзицкій сдался Нестеренку на почетныхъ условіяхъ: козаки обязались присягою не только никого не брать въ плѣнъ, но даже доставить освобожденный гарнизонъ въ безопасное мѣсто подъ своимъ конвоемъ, дать пропитаніе въ дорогѣ, отослать шумейковъ и волошенковъ полки, а при гарнизонѣ долженъ былъ остаться только Нестеренко съ 200 человѣкъ, и пр. Выходитъ, что козаки, избивая или уводя плѣнниковъ въ Чигиринъ, нарушили присягу.

Возможно, что такъ и было. Нарушеніями присяги и требованій человѣколюбія полна исторія того жестокаго времени, предательство встрѣчалось не только въ козацкомъ, но, не менѣе того, и въ польскомъ лагеряхъ: гдѣ чаще—еще вопросъ. Однако, обсуждая данный случай, надо имѣть въ рукахъ точныя данныя. Документы, приводимые авторомъ (стр. 145—148), не могутъ имѣть значенія достовѣрнаго свидѣтельства. Они помѣщены въ какой-то современной реляціи въ видѣ копіи. Что это за реляція—изъ книги г. Дубецкаго не видно, документъ не описанъ, даже не датированъ, безъ подписей. На такомъ свидѣтельствѣ нельзя основываться. Правда, Янъ Казиміръ въ 1649 г. упрекалъ Хмельницкаго за задержку плѣнныхъ вопреки при-

сягѣ, но извѣстно, что Хмельницкій и отпускалъ плѣнныхъ, которые не были перебиты въ свалкахъ; даже Янъ Казиміръ не обвинялъ Хмельницкаго или Нестеренка въ вѣроломномъ избіеніи кодацкихъ плѣнниковъ. Ясно, что вопросъ этотъ не разрѣшается такъ просто, какъ это дѣлаетъ г. Дубецкій. Гораздо лучше было-бы издать цѣликомъ цитируемую реляцію и описать весь документъ, который можетъ оказаться лишь проектомъ—или апокрифомъ.

Таковы основные факты, которые можно извлечь изъ монографіи г. Дубецкаго. Большинство ихъ не новость, но есть черточки неизвѣстныя доселѣ и не лишенныя интереса. Къ сожалѣнію, авторъ не можетъ удержаться отъ декламаціи. Онъ признаетъ, напримѣръ, что тогдашніе правящіе польскіе круги отнюдь не задавались колонизаціонными планами, что колонизація шла сама собою помимо центральнаго правительства, двигалась народной массой, за которою гнался на окраины поработитель—шляхтичъ. И тутъ же рядомъ встрѣчаются въ книгѣ пространныя разглагольствованія о культурныхъ завоеваніяхъ польскаго плуга, о высокихъ цивилизующихъ началахъ, которыя якобы стремилась насадить шляхта въ темной и грубой народной массѣ, и пр. и пр. Сопоставленіе такихъ лирическихъ отступленій съ голыми фактами, изложенными въ книгѣ, производитъ прямо таки комическое впечатлѣніе. Если это не юморъ или иронія, то прямо не знаешь какъ понимать, напр., заключительныя слова монографіи г. Дубецкаго: «Послѣ взятія Кодака Нестеренкомъ, дальнѣйшая историческая судьба уже лишила Польшу возможности ширить въ этомъ одичаломъ краѣ работу польскаго плуга, а съ нею и благодѣянія цивилизаціи... Всѣ лучшія вліянія, какія привнесла туда Рѣчь Посполитая на протяженіи вѣковъ, погибли за время братоубійственной борьбы Хмельницкаго»...

Ржавый тотъ плугъ и убога та культура, которой можно преподносить такое testimonium paupertatis, какъ вся монографія г. Дубецкаго въ ея фактической части.

Н. М.

Записки наукового Товариства імени Шевченка., т. т. XXXI—XXXII. *Львів, 1899 р., кн. V и VI.*

Означенный двойной томъ этого цѣннаго періодическаго изданія содержитъ въ себѣ одни лишь рефераты членовъ наукового То-

варниства імени Шевченка, предназначавшіеся на XI археологическій съѣздъ въ Кіевѣ въ минувшемъ году, но не доложенные съѣзду по причинамъ, извѣстнымъ хорошо читателямъ «Кіевской Старины». Ознакомившись съ содержаніемъ лишь этого тома, заключающаго статьи и изслѣдованія по археологіи, исторіи и этнографіи, и принимая во вниманіе, что въ специальномъ XXXV—XXXVI томѣ будутъ помѣщены изслѣдованія по исторіи литературы и языку, не считая еще рефератовъ, которые не попадутъ въ оба специальные томы и будутъ помѣщены и въ другихъ,—можемъ безъ преувеличенія сказать, что минувшій съѣздъ много потерялъ, будучи лишенъ возможности ознакомиться съ весьма солидными научными трудами галицкихъ ученыхъ.

Какъ уже упомянуто, настоящій томъ заключаетъ статьи по археологіи, исторіи и этнографіи. Такъ какъ читатели «Кіев. Стар.» знакомы уже съ содержаніемъ рефератовъ по археологіи, [1])—то намъ приходится говорить лишь объ остальныхъ. Изъ изслѣдованій по исторіи прежде всего остановимся на *«Суспільні верстви та політичні партиі в Галицькім князівстві до половини XIII столітя»—Д-ра Мирона Кордуби.* Справедливо указавъ на тотъ фактъ, что внутреннія отношенія въ Галицкомъ княжествѣ донынѣ оставлялись историками въ сторонѣ, авторъ приступаетъ къ разсмотрѣнію состава общественныхъ слоевъ и ихъ взаимоотношеній въ упомянутомъ княжествѣ: бояръ и простого населенія—невольниковъ, крестьянъ и мѣщанъ, обративъ особенное вниманіе на первыхъ, какъ на элементъ, имѣвшій наибольшее значеніе въ исторической жизни Галицкаго княжества того времени. Хорошо изложены:—постепенный переходъ дружины—военной единицы въ земельную аристократію, пріобрѣтеніе ею бóльшаго политическаго значенія въ княжествѣ въ эту новую эпоху, возникновеніе двухъ партій среди бояръ—династической (демократической) и оппозиціонной (аристократической), ихъ вліяніе на внутреннюю исторію въ первой половинѣ XIII ст. Переходя къ другимъ общественнымъ единицамъ,—авторъ немного говоритъ о политической жизни крестьянъ, гораздо болѣе о таковой-же—мѣщанъ, сыгравшихъ немаловажную роль въ исторіи галицкаго княжества, и, наконецъ, остановившись на опредѣленіи значенія княжеской власти, разсматриваетъ административные порядки въ Галиціи, перечисляетъ княжескихъ чиновниковъ во всѣхъ сферахъ государственной жизни, из-

[1]) Археологическая лѣтопись, мартъ, стр. 197—201.

лагаетъ финансовое состояніе княжества и заканчиваетъ изслѣдованіе свое указаніемъ на составъ войска и его способы вооруженія.

Не смотря на нѣкоторыя рискованныя утвержденія автора, какъ напр. установленіе различія между терминами «бояре» и «галицкіе мужи» и другія мелочи, трудъ его можетъ служить важнымъ подспорьемъ для изслѣдователей нашего отдаленнаго историческаго прошлаго.

Далѣе слѣдуетъ небольшая статья проф. М. Грушевскаго *«До питання про правно-державне становище Київських князів XV в.»* Авторъ приводитъ два любопытныхъ документа, найденные имъ среди позднѣйшихъ документовъ Русской Метрики Московскаго архива Министерства Юстиціи, проливающихъ новый свѣтъ на невыясненный донынѣ вопросъ о положеніи кіевскихъ князей династіи Владиміра Ольгердовича на столѣ давняго русскаго политическаго центра. До сихъ поръ въ исторической литературѣ господствовалъ тотъ взглядъ, что эти князя, а въ особенности Олелько Владиміровичъ, «распоряжались въ странѣ, какъ полноправные владыки», взглядъ, основанный на томъ, что Олелько титулуетъ себя «государемъ—отчичемъ» кіевскимъ, раздаетъ земли монастырямъ и служилымъ князьямъ. Найденные проф. Грушевскимъ документы: наказъ в. кн. Казиміра Олельку Владиміровичу, отъ 19 мая 1453 г.—вернуть Ивашку Юршиному сыну его «отчину», и подтвержденіе владѣльческихъ правъ Ивашка Юршиного сына на его имѣнія въ Кіевщинѣ, отъ 21 сентября 1453 года, ясно свидѣтельствуютъ, что до-нынѣшній взглядъ на кіевскихъ князей Володимеричей, какъ на совершенно самостоятельныхъ властителей—ошибоченъ: категорическій, безцеремонный наказъ великаго князя кіевскому князю въ сферѣ чисто мѣстныхъ кіевскихъ отношеній и утвержденіе въ правахъ кіевскаго земянина помимо кіевскаго князя доказываютъ, что послѣдніе небыли самостоятельными владыками и во внутреннихъ дѣлахъ своей земли находились въ зависимомъ отношеніи отъ великаго князя, ограничивавшаго власть ихъ въ сильной степени.

Слѣдующее довольно крупное изслѣдованіе принадлежитъ Стефану Рудницкому *«Руські землі польськоі корони при кінці XV в.* Ворожі напади й організация пограничноі оборони». Авторъ поставилъ цѣлью разсмотрѣть исторію организаціи пограничной обороны земель короны польской въ послѣдніе годы XV ст. Раздѣляя ее на два періода, первый изъ нихъ онъ опредѣляетъ временемъ отъ XV до вто-

рой половины XVI в., а второй—отъ половины XVI до XVIII в. Коренная разница между тѣмъ и другимъ заключается въ томъ, что въ первый періодъ польское государство, еще достаточно могущественное, принимало въ большой степени участіе въ оборонѣ русскихъ пограничныхъ земель, между тѣмъ какъ со второй половины XVI в., съ упадкомъ силы и энергіи польскаго государства, роль охранителей взяли на себя вельможи (воеводы, каштеляны, старосты), лично заинтересованные въ сохраненіи мира и спокойствія въ своихъ владѣніяхъ. Въ данной статьѣ авторъ подробно разсматриваетъ событія, происшедшія на червонорусскомъ и подольскомъ пограничьяхъ лишь въ самомъ концѣ XV ст.—въ 1498 и 1499 гг., и кромѣ того—организацію пограничной обороны въ этихъ краяхъ, преимущественно на основаніи новоизданныхъ актовъ. Въ первой части своего труда, послѣ краткаго обзора политическихъ отношеній ю.-в. Европы во второй половинѣ XV ст., надлежащимъ образомъ излагаются обстоятельства, сопровождавшія страшный турецко-татарскій набѣгъ 1498 года, разорившій до тла червонорусскія земли, событія 1498 года на червонорусскомъ и подольскомъ пограничьяхъ, набѣгъ 1499 года; во второй—излагается система организаціи пограничной обороны, при чемъ оказывается, что, въ зависимости отъ природныхъ и общественныхъ отличій восточной части русскихъ земель отъ западной, и система пограничной обороны въ нихъ выработалась иная. Въ то время, какъ на Червоной Руси пограничную службу несутъ наемные жолнѣры и туземная шляхта, которую необходимо всегда побуждать,—въ восточной Подоліи охрана производилась при помощи туземнаго населенія,—шляхтичей, мѣщанъ и крестьянъ,—оказачившагося благодаря постоянному пребыванію подъ дамокловымъ мечемъ. Такимъ образомъ, и происхожденіе козачества, по мнѣнію автора, можетъ быть объяснено именно этими историческими условіями жизни въ восточной части украинныхъ земель. Въ концѣ своего изслѣдованія авторъ останавливается на организаціи наемнаго войска, его боевой цѣнности и, наконецъ, на оборонной системѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. на размѣщеніи войска и расположеніи въ то время на пограничьи замковъ, пребывавшихъ, благодаря нерадѣнію старостъ, въ весьма печальномъ состояніи.

Вообще-же авторъ, близко ознакомившись съ даннымъ вопросомъ, признаетъ, что состояніе оборонной системы въ описываемое имъ время производитъ непріятное, тяжелое впечатлѣніе организація обороны

носитъ характеръ какой-то новизны, неоконченности и непригодности; правительство, хотя еще достаточно могущественно и старается все централизировать, не въ состояніи ничего подѣлать. Когда же затѣмъ дѣло обороны взяли въ свои руки вельможи и берегли при этомъ только свои интересы, отношенія немного исправились лишь съ развитіемъ козачества. Но никогда въ Польшѣ не выработались пограничная оборона до той степени, чтобы соотвѣтствовать дѣйствительно своей задачѣ...

Изслѣдованіе это, представляющее вообще большой интересъ по самой темѣ, разработанной въ немъ, пріобрѣтаетъ еще большую цѣнность благодаря выясненію внутреннихъ сторонъ жизни украинскаго населенія въ весьма любопытный моментъ—въ моментъ зарожденія такого важнаго общественнагс явленія, какъ козачество.

Не менѣе цѣнной является и слѣдующая затѣмъ статья проф. М. Грушевскаго «*Материяли до істориї козацьких рухів 1590-хъ рр.*» Занимаясь въ архивѣ Министерствѣ Юстиціи въ Москвѣ, проф. Грушевскому удалось отыскать въ книгахъ Русской Метрики цѣлый рядъ документовъ 1595—1598 гг., связанныхъ съ движеніемъ Лободы и Наливайка—преимущественно акты королевскаго суда по дѣлу о конфискаціи имущества участниковъ въ козацкомъ движеніи. Добавивъ къ нимъ еще нѣсколько документовъ, смежныхъ по времени, хотя и не относящихся непосредственно къ упомянутому движенію, авторъ такимъ образомъ обогатилъ историческую науку важнымъ матеріаломъ для исторіи козацкаго движенія 1590-хъ г. г., а еще болѣе—для уясненія вообще возникновенія козачества.

Среди приведенныхъ документовъ находится королевское пожалованіе Станиславу Жолкевскому Барышполя и Горошина, въ которомъ между прочимъ оказывается очень важное, очевидно на основаніи реляцій самого Жолкевскаго составленное, изложеніе событій 1596 г., въ частности, битвы у Бѣлой-Церкви и подъ Лубнами. Приводятся нѣкоторыя весьма интересныя подробности о главныхъ предводителяхъ движенія. Такъ, напр. видимъ, что Лобода находился въ близкихъ сношеніяхъ съ кіевскими монастырями, пряталъ въ нихъ какъ говорили, свое имущество; вообще же изъ приводимыхъ документовъ явствуетъ, что онъ былъ богатый человѣкъ. Шаула (а не Саула) повидимому происходилъ изъ черкасскихъ мѣщанъ и также былъ довольно состоятельный человѣкъ; между предводителями находился также и Полоусъ, впослѣдствіи представитель родикальной

партіи козачества; видимъ, что за участіе въ возстаніи обвиняли даже нѣкоторыхъ шляхтичей и среди нихъ такое замѣтное лицо, какъ Матвѣя Немирича, сына кіевскаго земскаго судьи; наконецъ видимъ, что возстаніе вызвало многочисленныя конфискаціи: конфискованъ козацкій Трахтемировъ, движимое и недвижимое имущество Лободы, Шаулы и другихъ лицъ, замѣшанныхъ въ возстаніи, а процессы о конфискаціи тянулись болѣе года.

Таковы любопытныя подробности, касающіяся исторіи самого движенія. Но гораздо важнѣе данныя, выясняющія общественное и экономическое положеніе участниковъ возстанія и бросающія новый свѣтъ на современное козачество. Прежде всего констатируется весьма любопытный фактъ—существованіе среди современнаго козачества крупныхъ владѣльцевъ (въ концѣ XVI в. можно насчитать около 10 владѣльцевъ крупныхъ маетностей, какъ напр. Григорій Лобода, гетманъ Шаула, Гришко Халепській и др.); при томъ многіе изъ нихъ были не nullo jure possidentes въ глазахъ правительства, но обладали королевскими привилегіями. Такимъ образомъ и на Поднѣпровьи мы видимъ среди козачества немалочисленный и со значеніемъ элементъ землянъ—аналогичный съ тѣмъ мелкимъ землянствомъ, изъ котораго вербовалось козачество на Побожьи. Существованіемъ козаковъ—землянъ объясняются сношенія, существовавшія, въ дѣйствительности или по слухамъ, между козачествомъ и болѣе видными представителями украинскаго шляхетства (напр., Лободы съ Семеномъ Бутовичемъ, кіевскимъ войскимъ; Немирича съ козаками [1]).

Другой общественный классъ, который мы замѣчаемъ среди козаковъ, но, конечно, значительно болѣе многочисленный, это мѣщане. Извѣстенъ фактъ тѣсной связи съ козачествомъ мѣщанъ Канева и Черкасъ въ XVI и XVII в., тѣсной до того, что трудно было поставить границу между тѣми и другими. Теперь вновь открытые документы и единичный, напечатанный г. Истоминымъ, [2]) даютъ возможность утверждать о существованіи козачества и среди кіевскаго мѣщанства.

---

[1]) Въ подтвержденіе правоподобности такихъ сношеній можемъ сослаться на неопубликованный еще документъ въ Liber inscriptionum grodu Camienieckiego, № 3616, хранящейся въ Кіевск. Центр. Архивѣ, изъ котораго можно заключить о тѣснѣйшихъ сношеніяхъ Андрея Тарановскато, извѣстнаго польскаго дипломата, съ Наливайкомъ.

[2]) Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца, т. XII, стр. 28.

Такимъ образомъ. отмѣченные выше факты связи козачества съ мѣстнымъ мѣщанствомъ и шляхтою, снова, повидимому, подтверждаютъ высказанное уже и раньше г. Грушевскимъ мнѣніе, что козачество въ самомъ началѣ явилось результатомъ не столько соціальныхъ, сколько колонизаціонно-хозяйственныхъ причинъ, что оно первоначально не составляло особаго сословія, а было лишь занятіемъ, подобно, напр., чумачеству въ XVIII и XIX в. в., и что только со временемъ оно вырабатывается въ особое сословіе, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ идеи козацкаго иммунитета. [1])

Весьма солиднымъ научнымъ изслѣдованіемъ является также и трудъ Стефана Рудницкаго *«Українські козаки в 1625--30 р. р.*, въ которомъ авторъ задался цѣлью подобрать и детально разсмотрѣть факты изъ внѣшней исторіи козачества въ 1626—1630 г. г.

Послѣ общаго обзора различныхъ источниковъ, относящихся къ эпохѣ, которую авторъ подраздѣляетъ на три періода, послѣдній переходитъ къ детальному разбору историческихъ событій въ означенный періодъ времени. Первый періодъ, отъ куруковскаго договора и до весны 1628 г., гетманство Дорошенка—имѣлъ довольно мирный характеръ. Новый гетманъ, достойный преемникъ Сагайдачнаго, составляетъ, не встрѣчая противодѣйствія, реестръ; «выписчики», еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ неудачи, не предпринимаютъ ничего особенно важнаго противъ правительства и даже, по приглашенію послѣдняго, участвуютъ въ шведской войнѣ. Партійная ненависть между реестровыми и выписчиками повидимому улеглась. Дорошенко можетъ безпрепятственно оказывать помощь польскимъ войскамъ въ дѣлѣ обороны границъ отъ татаръ и, между прочимъ, благодаря участію реесторовыхъ, способствовалъ Бѣлоцерковской побѣдѣ. Взаимныя отношенія польскаго правительства и козаковъ въ теченіе всего этого періода были наилучшія, какъ никогда впослѣдствіи. Но такой порядокъ вещей не могъ быть прочень вслѣдствіе ненормальнаго положенія козаковъ въ польско-шляхетскомъ обществѣ. Въ силу того, что козачество являлось какъ бы status in statu, его втягивали или, по крайней мѣрѣ, старались втянуть въ свою политику сосѣднія страны. Въ означенный періодъ, въ 1626 году, козаковъ прежде всего старались перетя-

---

[1]) Т. е., что козакъ со своимъ грунтомъ исключается изъ сферы административнаго воздѣйствія и всякой обычной судебной или административной компетенціи.

нуть на свою сторону Швеція и князь семиградскій, но безуспѣшно: козаковъ значительно больше интересовали болѣе близкія дѣла: постройка турецкихъ крѣпостей въ Днѣпровскихъ гирлахъ и борьба за престолъ въ Крымѣ. Первое обстоятельство до того озлобляетъ козаковъ, что весной 1628 г. козаки по просьбѣ калги Шагинъ-гирея, устремляются въ Крымъ, уничтожаютъ турецкія крѣпости, хотя походъ въ общемъ оказался неудаченъ; въ немъ, между прочимъ, палъ и Дорошенко. Съ этого момента начался второй періодъ, періодъ агрессивныхъ дѣйствій козачества. Возникаетъ прежняя борьба партій. Партія лойяльныхъ избираетъ гетманомъ Гришка Чорного, который вскорѣ становится непопулярнымъ у выписчиковъ. Реестровые и выписчики предпринимаютъ два похода въ Крымъ, но оба неудачно. Выписчики совершенно отказываютъ въ повиновеніи реестровому гетману, избираютъ въ Запорожьѣ гетманомъ Тараса Трясыла и начинаютъ открытую агитацію противъ лойяльной партіи. Второй періодъ оканчивается въ разгарѣ партійной войны.

Третій періодъ обнимаетъ 1630 годъ и козацкое возстаніе. Борьбу начинаютъ козаки сами. Причиной послужилъ прежде всего гнетъ народа со стороны коронныхъ войскъ, расположившихся постоемъ на Украинѣ, а затѣмъ распространившіеся въ народѣ слухи о томъ, что правительство имѣетъ враждебныя намѣренія противъ православія. Къ этому присоединился еще и безтактный поступокъ Грыцька, который, чтобы отомстить своимъ противникамъ, вычеркнулъ ихъ изъ реестра. Выписчики являются съ Тарасомъ на Украину и, соединившишись съ большинствомъ реестровыхъ, производятъ нападеніе на польскія хоругви. Конецпольскій выступаетъ противъ возставшихъ съ короннымъ войскомъ; послѣднее окапывается подъ Переяславомъ. Битвы, происходившія здѣсь, были въ большинствѣ случаевъ несчастливы для поляковъ. Но партійные раздоры помогли Конецпольскому заключить съ козаками переяславскій договоръ, и послѣдніе снова подчиняются постановленіямъ Куруковскаго договора, хотя въ деталяхъ переяславскаго есть немного оффиціальныхъ уступокъ, а дальнѣйшіе затѣмъ факты указываютъ еще на множество неоффиціальныхъ.

Таково содержаніе этого весьма интереснаго изслѣдованія. Давая надлежащее освѣщеніе многимъ оставляемымъ донынѣ изслѣдователями въ сторонѣ фактамъ изъ указанной, въ высшей степени любопытной, эпохи въ исторіи украинскаго козачества, авторъ привнесъ своимъ

трудомъ немало новаго благодаря тому обстоятельству, что обратилъ особое вниманіе на взаимоотношеніе партій внутри козацкой массы, чѣмъ и обусловливались въ извѣстное время тѣ или иныя послѣдствія въ соціально-политической жизни козачества.

Этнографическій отдѣлъ въ разсматриваемыхъ нами томахъ «Записокъ» представленъ двумя статьями: «*Останки комуністичного устрою у галицьких Бойків—Верховинців*,—д-ра Володимира Охримовича и «*Словацький опришок Яношік в народній поезиї*,—Володимира Гнатюка. Въ первой изъ упомянутыхъ статей—авторъ, будучи хорошо ознакомленъ съ бытомъ Бойковъ—Верховинцевъ, живущихъ въ Карпатскихъ горахъ, въ Скильщинѣ и Долынщинѣ (надъ истоками Свичи и надъ Опоромъ, притокомъ Стрыя), собралъ нѣкоторыя, довольно интересныя, переживанія архаическаго коммунизма въ ихъ обычаяхъ и воззрѣніяхъ, хозяйственномъ, общественномъ и юридическомъ быту. Этотъ первобытный коммунизмъ сохранился тамъ. по словамъ автора, въ двоякой формѣ; 1) общественной и 2) родовой, въ доказательство чего авторъ приводитъ факты изъ настоящаго и недавно минувшаго быта упомянутыхъ Бойковъ. Не касаясь вопроса вообще о возможности сохраненія въ чистомъ видѣ переживаній первобытнаго коммунизма до нашего времени, мы полагали бы рискованнымъ признать справедливость за нѣкоторыми изъ приведенныхъ фактовъ въ доказательство положенной авторомъ въ основѣ его работы тенденціи. Обыкновенное явленіе: непризнаваніе частной, индивидуальной собственности на лѣсъ и воду, свободная порубка дерева, свободная охота, рыболовство, собираніе грибовъ, орѣховъ, ягодъ и т. п., сплошь и рядомъ встрѣчающееся и у насъ, и повсюду, гдѣ народъ не доросъ до сознанія правъ своей и чужой личности и собственности,—врядъ ли можно считать «остаткомъ, первобытнаго коммунизма въ формѣ собственности и въ способѣ продукціи».

Что же касается изслѣдованія г. Гнатюка, то авторъ, обрисовавъ вкратцѣ характеръ опрышництва, существовавшаго уже въ XVI ст., переходитъ къ изображенію личности наиболѣе славнаго словацкаго опрышка Яношика, жившаго въ началѣ XVIII в., равнаго по значенію гуцульскому Довбушу и украинскому Кармелюку, славнаго въ особенности тѣмъ, что онъ сталъ героемъ народныхъ пѣсенъ и разсказовъ не только словацкихъ, но малорусскихъ и польскихъ. Очертивъ личность и всю жизнь Яношика на основаніи актовъ судебнаго процесса и данныхъ народной поэзіи, авторъ указываетъ на три цикла

балладъ, связанныхъ съ именемъ Яношика. Вообще же фактъ прибытія малорусскихъ варіантовъ о Яношикѣ изъ Словаччины имѣетъ, по мнѣнію автора, немаловажное значеніе, свидѣтельствуя еще объ одномъ пути, по которому прибывали къ намъ западныя пѣсни вообще, а западно-славянскія—въ частности.

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 8; 2) Русская Старина, № 9; 3) Историческій Вѣстникъ, № 9; 4) Журналъ Министерства Народн. Просвѣщ., № 9; 5) Вѣстникъ Европы, № 9; 6) Русская Мысль, №№ 9; 7) Русское Богатство, №№ 3—8; 8) Этнографическое Обозрѣніе, № 1; 9) Научное Обозрѣніе, № 9; 10) Русская Школа, № 7—8; 11) Земскій Сборникъ Черниг. губ., № 6; 12) Книжки Восхода, № 8; 13) Извѣстія Имп. Русск. Географическаго Общества, № 1; 14) Літературно-Науковий Вістник, № 9; 15) Ateneum, № 9; 16) Biblioteka Warszawska, № 9; 17) Przewodnik naukowy y literacki, № 9.

Историческій Вѣстникъ № 9.

М. А. Щепкинъ. Воспоминанія о М. С. Щепкинѣ. (стр. 798—824). Окончаніе).

Воспоминанія о знаменитомъ артистѣ, къ сожалѣнію, не представляютъ ничего новаго, такъ какъ все это можно найти въ книгѣ «Записки и письма М. С. Щепкина».

К. П. Бочкаревъ. Городъ Лубны. Историческій очеркъ (стр. 973—990).

Авторъ въ краткихъ чертахъ прослѣдилъ исторію города Лубенъ, начавъ съ отдаленнѣйшихъ временъ (съ X в.) и доведя до нашихъ дней. Статья снабжена прекрасными иллюстраціями—фотографическими снимками видовъ г. Лубенъ: полтавскаго спуска, полтавской улицы, долины р. Лубянки, Замковой горы.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» (стр. 1084—1086) данъ сочувственный отзывъ о книгѣ К. В. Харламповича. «Іосифъ Курцевичъ, архіепископъ суздальскій, бывшій Владимірскій и брестскій (1621—1624). Почаевъ, 1900».

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 9.

А. А. Шахматовъ. Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV вѣковъ (стр. 90—176). (Продолженіе слѣдуетъ).

Исходя изъ того, что вопросъ объ общерусскомъ характерѣ московскаго лѣтописанія въ XVI в. стоитъ въ какой-то связи съ политической жизнью Москвы въ то время, авторъ ставитъ своей цѣлью объяснить указанный характеръ древнѣйшихъ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ и поставить его въ дѣйствительную связь съ идеями и интересами современной имъ эпохи. Прежде всего онъ подвергаетъ обсужденію вопросъ, когда и при какихъ условіяхъ могъ составиться общерусскій лѣтописный сводъ, для чего и занялся сравнительнымъ изученіемъ дошедшихъ до насъ памятниковъ XV и XVI в. в: Софійскихъ лѣтописей (1 и 2), Новгородской, Воскресенской, Николаевской, Львовской и др. Результатомъ изученія ихъ оказывается, что для нихъ существовалъ общій для всѣхъ источникъ—общерусскій лѣтописный сводъ, возникшій въ Москвѣ въ первой четверти XV вѣка. Въ настоящей части своего капитальнаго изслѣдованія г. Шахматовъ излагаетъ данныя, приводящія къ возстановленію общерусскаго свода XV вѣка, составленнаго въ великое княженіе Василія Дмитріевича, указывая на отраженія этого свода на цѣломъ рядѣ другихъ лѣтописныхъ компиляцій XV и XVI вѣковъ, какъ напр. Хронографъ Пахомья (1488 г.), Liatopisiec Litwy i Kronika Ruska (изданная Даниловичемъ) и друг.

—

Вѣстникъ Европы № 9.

Ѳ. Ѳ. Воропоновъ. Крестьянская реформа въ юго-западномъ краѣ. (По личнымъ воспоминаніямъ) Гл. IV V (стр. 63—89).

Въ этихъ главахъ мы знакомимся съ тѣмъ моментомъ въ работахъ по крестьянскому дѣлу, который называется авторомъ *новымъ направленіемъ*, состоявшимъ въ томъ, что въ помощь генералъ-губернатору учреждена была въ Кіевѣ «Временная коммиссія для исполнительныхъ распоряженій по Высочайшему указу 30 іюля 1863 года». Характеристикѣ лицъ, вошедшихъ въ составъ этой коммиссіи, а также обзору дѣятельности ея и посвящена глава 4-ая; тутъ, между прочимъ, находимъ указаніе на почти поголовную замѣну прежнихъ мировыхъ посредниковъ новыми, болѣе подходящими людьми. Въ 5-ой главѣ подведены итоги тѣмъ главнымъ положеніямъ, кото-

рыя выработаны были въ этой «Коммиссіи», при чемъ отмѣчаются и тѣ шатанія, какія происходили при рѣшеніи этихъ вопросовъ, благодаря нѣкоторому недовѣрію со стороны администраціи къ дѣйствіямъ «Временной коммиссіи». Результатами этого недовѣрія явилась поѣздка въ Кіевъ министра внутрен. дѣлъ Валуева. Къ сожалѣнію, эта интересная статья не доводитъ обзора крестьянской реформы въ нашемъ краѣ до конца, хотя авторъ обѣщаетъ въ будущемъ продолжать свои воспоминанія.

Русское Богатство, №№ 3—8.

Въ № 8, въ отдѣлѣ «Новыя книги» даны отзывы о книгахъ: «Викъ. (1798—1898. Киивъ, 1900 р.» и И. С. Левицкій «Старосвитськи батюшкы та матушкы.»

Этнографическое Обозрѣніе, № 1.

А. Марковъ. Къ вопросу о прозвищѣ Ильи Муромца (стр. 159—161.)

Авторъ замѣтки дѣлаетъ попытку рѣшить вопросъ о прозвищѣ Ильи Муромца на основаніи разъясненія смысла г. Мурома, какъ географическаго названія, основываясь на показаніяхъ самихъ былинъ. Въ Муромѣ авторъ видитъ Моровійскъ, городъ Черниговскаго княжества, лежавшій на Деснѣ и извѣстный въ XVI—XVII вв. подъ именемъ Муромеска, и въ эпоху сложенія былины Илью, какъ Муромца, производили изъ теперешняго Мурома.

Митроф. Дикаревъ. Толки народа въ 1899 году (стр. 162—166). Покойный записалъ циркулировавшія въ 1899 году по поводу конца міра три легенды объ антихристѣ.

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи № 6.

О. Бѣлозерскій. Украина-Мать (стр. 112—116), Хозяйка (стр. 116—120).

Авторъ создаетъ типы украинки-матери и хозяйки, на основаніи однихъ лишь данныхъ украинской поэзіи.

Н. П. Василенко. Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ нѣжинскаго полка, (стр. 177—208). (Продолженіе).

Літературно-Науковій Вістникъ, № 9.

Наш альбом: Із поезий Сергія Павленка; Із співів і переспівів Ол. Гавриша; Із поэзий Евгена Мандичевського (стр. 249—245).

Під голим небом. Нарис Ольги Кобилянської (стр. 255—267).

Без пуття. Оповідание по декадентському Івана Левіцького. I. стр. 268--276).

На заводі. Нарис Ів. Стешенка (V—VI) Стр. 277—298).

Перехрестні стежки. Повість I. Франка (XXXVIII—XLIII) (стр. 299—321).

Потомки Марса. Образки з військового житя Андрея Верховинця I. По штрайку». II. Материв. лист. III. Бабій (стр. 322—338).

Із російських поетів. Із Рилеева, Кольцова, Фета, Майкова, Лермонтова, Надсона) (стр. 338 — 343).

Неминуча. (L'intruse). Драма въ одній дії Моріса Метерлінка (стр. 344—358).

Із оповідань Габріеля д'Анунціо. III. Скрипя (стр. 359—363).

Із болгарських поетів. (Із Петра Славейкова, Любена Каравелова, Ксенофонта Жинзифова) (стр. 364).

Панько Олелькович Куліш. Огляд його діяльности. Нап. о. Маковей (Далі) (стр. 145—161).

Разсматриваются отношенія Кулиша къ украинской исторіи, народу, языку и литературѣ; излагаются его заслуги, какъ этнографа. Упоминается объ отношеніяхъ Кулиша къ Плетневу, С. Т. Аксакову, Катенину, гр. Алексѣю Толстому, М. Грабовскому, Срезневскому, Бодянскому, Юзефовичу, В. Тарновскому—отцу, Г. П. Галагану, Шевченку, М. Вовчку, В. Бѣлозерскому и Костомарову.

Народній театр. Б. Грінченко (докінчение) (стр. 162— 175).

Із чужих літератур: Епільог Генрика Ібзена 176—184).

Поет жіночого горя М. О. Кулішева. Нап. Борисъ Гринченко, (стр. 185—203).

Хроніка і библіографія (стр. 205—216).

Ateneum, № 9.

Iósef Tokarzewicz. Zamiast kroniki (стр. 593—609).

Разборъ любопытной книги проф. Семирадскаго «Polacy za morzem», посѣтившаго лично колоніи поляковъ и русиновъ въ Бразиліи.

Przewodnik naukowy i literacki, № 9.

Dr. Bronisław Łosińskij. Agenor Gołuchowski w pierwszym okresie Rządów swoich (1846—1859), стр. (865—898).

Въ настоящей главѣ опредѣляются отношенія гр. Голуховскаго къ «русской справѣ.» Сообщаются любопытныя свѣдѣнія о первыхъ слѣдахъ національнаго возрожденія галицкихъ русиновъ (святоюрцевъ) до и послѣ 1846 г., о Русинскомъ Народномъ домѣ, о провинціальныхъ филіяхъ «Русской Ради».

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 190 «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» помѣщена статья В. Василенка, «Еще поминка объ И. П. Котляревскомъ». Авторъ высказываетъ сожалѣніе, что вопросъ о постановкѣ памятника И. П. Котляревскому, повидимому, не составляетъ предмета заботливости полтавскаго городского управленія: до сихъ поръ не выясненъ родъ матеріала и стоимость постамента, самое мѣсто для постановки памятника почему-то не отведено въ натурѣ, и ничего не дѣлается для предположеннаго расширенія бульвара вокругъ памятника. «Все это,—по словамъ автора,—является горькими плодами отчужденности нѣкоторыхъ городскихъ представителей отъ мѣстныхъ этнографическихъ интересовъ, такъ что выходитъ: «свои люде, якъ чужіи, ни зъ кымъ говорыты».

—

Въ №№ 179—182 газеты «Руслан» помѣщена обширная статья Кирила Студинсьвого «*Козацтво і гайдамаччина в „Енеїді" Котляревского*». Отмѣтивъ тотъ фактъ, что про уничтоженіе Гетманщины въ украинскомъ народѣ не сохранилось ни одной пѣсни, въ то время, какъ про Сичъ записано болѣе 70, авторъ разрѣшаетъ вопросъ: какъ отнесся Котляревскій къ Гетманщинѣ и Запорожью и насколько замѣтно здѣсь вліяніе народныхъ пѣсенъ. Оказывается, что Котляревскій не дѣлаетъ разницы между той и другимъ: апоѳеозъ славы Гетманщины рѣзко выступаетъ въ «Энеидѣ». Запорожцевъ поэтъ изображаетъ такъ, какъ про нихъ разсказываютъ народныя пѣсни и разсказы, т. е. обладающими необычайной силой и всевозможными отрицательными качествами. Что же касается гайдамачества, то Котляревскій не только не симпатизировалъ ему, но и осудилъ его.

—

Въ № 962 газ. «Приднѣпровскій Край» г. В. Гофштеттеръ помѣстилъ обширную статью подъ загл. «Изъ личныхъ воспоминаній»,

въ которыхъ припоминаетъ впечатлѣніе, произведенное на него труппой Кропивницкаго двадцать лѣтъ тому назадъ, впервые игравшей тогда въ Екатеринославѣ, и сравниваетъ его съ впечатлѣніемъ нынѣшняго года отъ труппы того же Кропивницкаго, въ которую вошли и Заньковецкая, и Карпенко-Карый, и Саксаганскій, и Садовскій. Опасеніе автора, что «безжалостное время должно было наложить печать на этихъ геніальныхъ тружениковъ украинской сцены», оказались совершенно напрасными. «Правда, наружность артистовъ за двадцать лѣтъ нѣсколько измѣнилась: кое-гдѣ появились морщины, кое-въ чемъ сказалась старость, но не жалкая старость, а величественная, которая превращаетъ человѣка въ полубога.. Предъ нами играли уже не прежняя зеленая начинающая молодость, а зрѣлые, получившіе обще-россійскую извѣстность, артисты».. Въ концѣ своей статьи авторъ высказываетъ пожеланіе, чтобы и другія малорусскія труппы послѣдовали примѣру своихъ «мейнингенцевъ» и по ихъ стопамъ внесли въ общество уваженіе и любовь къ украинской сценѣ.

—

Въ № 723 газ. «Югъ» помѣщена статья (въ фельетонѣ) подъ заглав. «Херсонская Старина», неизвѣстный авторъ которой передаетъ впечатлѣнія, полученныя княз. Ив. Мих. Долгорукимъ при посѣщеніи имъ въ 1810 г. Херсона и Николаева. Впечатлѣнія эти были изданы Бодянскимъ въ Чтеніяхъ въ Имп. обществѣ исторіи и древностей росс. при Моск. Университ. 1869 г. подъ заглав. «Славны бубны за горами или путешествіе мое кое-куда 1810 года».

—

Въ № 206 газ. «Волынь» помѣщена обстоятельная статья, авторъ которой задался цѣлью возстановить въ памяти читателей исторію Мстиславова храма и его возобновленія.

—

Въ № 6771 газ. «Южный Край» помѣщена статья подъ загл. «Собираніе матеріаловъ для исторіи г. Харькова», въ которой неизвѣстный авторъ даетъ краткія свѣдѣнія о подготовительныхъ работахъ проф. Д. И. Багалѣя по составленію исторіи г. Харькова, указывая на наиболѣе интересные матеріалы.

—

Въ № 70 газ. «Восходъ» помѣщенъ переводъ съ древнееврейскаго языка очерка М. З. Фейерберга подъ загл. «Талисманъ», относящійся ко времени, близкому эпохѣ Хмельницкаго, о которомъ авторъ

очерка разсказываетъ слѣдующую легенду: «Мой товарищъ Шлуміэль разсказывалъ мнѣ, что во времена Хмельницкаго дѣти не шли въ хедеръ. Разъ зашелъ Хмельницкій въ одинъ хедеръ и нашелъ въ немъ кучу дѣтей, съ которыми ребе и помощникъ его проходили еврейскую азбуку. Тогда „ребе сказалъ имъ: „не бойтесь, дѣти мои, оставимте этотъ міръ, полный грязи и нечисти, въ рукахъ этихъ „козаковъ", а мы именемъ Бога нашего, войдемъ въ „Сады Эдема", къ „святымъ праотцамъ", Аврааму, Исааку и Іакову. И такъ, Хмельницкій рѣзалъ дѣтей, а „ребе" читалъ съ ними „Шма". Отъ большого шума сбѣжались матери этихъ дѣтей, и козаки зарѣзали также ихъ и пролили ихъ кровь на кровь ихъ дѣтей. Тогда пришли отцы, съ которыми козаки расправились такъ же: ихъ кровь была смѣшана съ кровью дѣтей и женъ. И тогда—такъ разсказывалъ мнѣ Шлуміэль—вся эта кровь разлилась потокомъ по всѣмъ улицамъ города, влилась въ рѣку и окрасила ее въ кровянистый цвѣтъ».

—

Въ № 174 газеты «Руслан» помѣщена передовая статья «Другій наклад Фльорйньского» по поводу обширнаго изслѣдованія какого-то A. I. P. «Die Sprachenfrage bei den oesterreichischen Kleinrussen» (Языковый вопросъ о австрійскихъ малороссахъ), помѣщеннаго въ нѣскольких номерахъ вѣнскаго журнала «Slavischec Echo». Изслѣдованіе анонимнаго автора имѣетъ цѣлью сказать славянскому міру, что австрійскіе русины стоятъ на ложномъ пути, трудясь надъ развитіемъ своей родной письменности, въ то время, когда уже создалась и разрослась широко письменность великорусская—близкая къ русской. Неизвѣстный авторъ сплошь политической статьи скорбитъ по поводу несчастнаго «сепаратизма», зародившагося на Руси въ концѣ прошлаго столѣтія, разросшагося благодаря вліянію Шевченка и охватившаго послѣ 1861 г. всю Галицію и Буковину, гдѣ онъ нашелъ благодарную для себя почву. Говоря о Шевченкѣ (наиболѣе геніальный поэтъ I. (!) Шевченко), авторъ, не отказывая ему въ «свѣжести, живости и пластичности» его произведеній, признаетъ однако у него отсутствіе классической формы и метрики». За то ужъ превозноситъ до небесъ такихъ писателей, какъ Н. Устьяновичъ, Гушалевичъ, Могильницкій, Дѣдицкій и Наумовичъ, произведенія каторыхъ признаны (!) не только въ Австріи, но и въ Россіи, благодаря чистотѣ (!?) языка и понятности (?) для всѣхъ «русскихъ».

—

Въ № 6786 газ. «Южный Край» нѣкто г. *М. Ш.* помѣстилъ «Воспоминанія о Буковинѣ» (обществѣ старо-русской партіи въ Вѣнѣ). Послѣ краткаго и довольно неправильнаго изложенія положенія вещей въ Галиціи и Буковинѣ, въ смыслѣ развитія политическаго самосознанія русскаго элемента въ Австро-Венгріи (напр., различаются «такіе маленькіе народцы, какъ галичане и *буковинцы*»), авторъ дѣлится съ читателями своими воспоминаніями, представляющими мало интереса, о пребываніи въ вѣнскомъ обществѣ студентовъ, партіи старо-руссовъ — «Буковинѣ», находящемся въ крайнемъ антагонизмѣ съ украинскимъ обществомъ «Січ». Въ концѣ авторъ останавливается на дѣятельности «общества имени Михаила Качковскаго», основаннаго покойнымъ о. Наумовичемъ, которое, по словамъ автора, «продолжаетъ дѣйствовать, но дѣятельность его не отличается тою жизненностью, которая характеризовала ее при о. Наумовичѣ».

—

Въ № 14 журнала «Сѣверъ» помѣщена статья Уманова-Каплуновскаго «Малороссійскій театръ съ его современными артистами» съ біографіями и портретами артистовъ: Левицкаго, Суслова, Глазуненка, Зарницкой и Тарновской. Въ статьѣ, хорошей вообще и по содержанію, и по направленію, къ сожалѣнію встрѣчаются и крупные промахи; такъ, П. П. Гулаку-Артемовскому приписана опера «Запорожець за Дунаемъ»; И. С. Левицкій именуется «послѣдователемъ (?)» Тургенева и Островскаго, и др. неточности, зависящія отъ слишкомъ большого довѣрія къ «Очеркамъ украинской литературы“ Петрова. Тѣмъ не менѣе, авторъ, повидимому, надлежащимъ образомъ понимаетъ положеніе и сущность украинскаго театра, какъ это видно изъ слѣдующихъ его словъ: «Исторія украинскаго театра—это лѣтопись безконечныхъ споровъ и сплошной борьбы съ извѣстными литературными партіями, враждебно настроенными противъ украинской словесности и малорусской рѣчи, какъ самостоятельнаго языка...».

—

Въ № 4 журнала «Славянскій Вѣкъ», издающагося въ Вѣнѣ подъ редакціей Д. Вергуна и по направленію являющагося преемникомъ извѣстнаго, преждевременно прекратившаго свое существованіе журнала «Живое Слово», въ отдѣлѣ «Почтовый ящикъ» помѣщенъ любопытный матеріалъ, на которомъ нельзя не остановиться.

Дѣло въ томъ, что «Славянскій Вѣкъ»—«всеславянскій органъ», помѣстилъ на обложкѣ заголовокъ журнала, кромѣ русскаго языка,

также и на польскомъ, чешскомъ, словенскомъ, сербо-хорватскомъ и наконецъ болгарскомъ, т. е. на всѣхъ языкахъ крупныхъ славянскихъ единицъ, кромѣ малорусскаго.

По этому поводу г. Gaidoz, профессоръ парижской школы политическихъ наукъ, прислалъ слѣдующее письмо: «Заголовокъ вашего журнала повторенъ на различныхъ славянскихъ языкахъ—за исключеніемъ одного—языка двадцатимилліонной націи, желающаго существовать и также занимать свое мѣсто въ подсолнечномъ мірѣ,—малорусскаго или украинскаго. Это упущеніе стоитъ въ противорѣчіи съ вашимъ заглавіемъ «Всеславянскій органъ». Это упущеніе—безъ сомнѣнія умышленное; но оно производитъ непріятное и тяжелое впечатлѣніе на людей, желающихъ возможности свободнаго развитія для каждой націи».

Второе письмо прислалъ г. И. В. К., который между прочимъ пишетъ: «... неужели нетерпимость къ чужимъ убѣжденіямъ ляжетъ въ основу журнала? Пусть не только «украинцы», но и лужичане и словаки «куютъ свою мову», отъ этого ровно никакой бѣды нѣтъ. Силою нельзя никого склонять къ своимъ убѣжденіямъ. Наконецъ 20-ти милліонный почти народъ южнорусскій, представителями котораго являлись Костомаровъ и Шевченко, заслуживаетъ нѣкотораго уваженія къ его хотя бы даже и «нарѣчію» (а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ—будущему языку!) и т. д.

Въ отвѣтъ на эти письма редакція заявляетъ, что она выбрала при помѣщеніи въ заголовкахъ только тѣ славянскія группы, которыя «*политически идутъ въ разсчетъ*». Но вѣдь чехи и поляки «идутъ въ разсчетъ», а галицкимъ малороссамъ нѣтъ мѣста...

—

Въ №№ 200, 202 и 203 газеты «Дѣло» перепечатана изъ нашего журнала статья Ореста Левицкаго подъ заглявіемъ: «Звычаеви формы заключуваня супружя на Руси въ XVI—XVII ст.».

—

Въ №№ 165—168, 171—178 помѣщена, напечатанная въ минувшемъ году въ «Кіевской Старинѣ», повѣсть Мырного. «Морозенко».

—

«Громадськии голос», органъ украинско-русской радикальной партіи, выходившій во Львовѣ два раза въ мѣсяцъ, превратился въ иллюстрированную еженедѣльную газету. Въ первомъ номерѣ помѣщенъ портретъ Шевченка. (Дѣло, ч. 192).

—

Въ 6766 № газ. «Южный Край» проф. Н. Ѳ. Сумцовъ посвятилъ обширную статью разбору украинскаго сборника стихотвореній «Викъ» (1798—1898).

Признавая вообще за этимъ сборникомъ «полезное и пріятное явленіе, пріятное тѣмъ болѣе, что самимъ своимъ появленіемъ указываетъ на возможность дальнѣйшихъ изданій въ этомъ родѣ», авторъ высказываетъ по поводу его не мало замѣчаній, иногда и не вполнѣ основательныхъ. Къ числу послѣднихъ можно отнесть упрекъ составителямъ: почему «Викъ» представленъ лишь стихами, а совсѣмъ заброшена малорусская проза, а также мнѣніе, что галицкую поэзію можно было бы оставить *совсѣмъ* въ сторонѣ, и т. п.

—

Въ №№ 8 и 9 «Ежемѣсячныхъ Литературныхъ приложеній журнала Нива» съ сочувствіемъ отмѣчено появленіе въ свѣтъ сборника поэтическихъ произведеній «Викъ» (1798—1898) и «Старосвитськи батюшкы та матушкы»—И. С. Левицкаго.

—

Въ № 957 газ. «Приднѣпровскій Край» помѣщенъ сочувственный отзывъ о сборникѣ лучшихъ поэтическихъ произведеній украинскихъ писателей «Викъ» (1798—1898). Кіевъ, 1900 г.

—

Драматическія произведенія, дозволенныя драматической цензурою къ представленію по 1 августа 1900 г.

1) Байда, князь Вышневецькій. Староруська драма (1553—1564). П. О. Кулиша.

2) Гетьманъ Петро Сагайдачный. Староруська драма (1621),—его же.

3) Наказный гетьманъ Северынъ Налывайко. Староруська драма (1596),—его же.

4) За Нѣманъ иду. Малоруська оперетка, зъ старолавнього быту, въ 2 актахъ и 4 картынахъ. Скомпонувавъ В. Алновъ. Писни на фортепьяно положила Людмила Алнова.

5) Максымъ Лобода и ёго бида. Водевиль въ 1 діи. Переробывъ зъ повисти К. П. Мир—ского Ѳ. Т. Заремба.

6) Росцвило и завьяло. Историческа малоруська драма въ 4 діяхъ. Скомпонувавъ Г. Абрамовъ.

(Правительств. Вѣстн., № 191).

—

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Артемовскій Л. Пчеловодство южноросса. (Оттискъ изъ журн. «Церковно-приходская школа» за 1899 г.). Кіевъ, 1899. Тип. С. Кульженко, 8 д., 20+1 стр.

Владиміровъ П. В. Научное изученіе апокрифовъ—отреченныхъ книгъ въ русской литературѣ во второй половинѣ XII ст. (Отт. изъ Кіев. Унив. Извѣст.). Кіевъ, 1900, in. 8 д., стр. 65, ц. 60 к.

Р. Ганінчакъ=Коломыйки. Накладом А. І. Хойнацкаго. Львовъ, 1900, ц. 1 кор. 40 с.

Гуцков Кароль. Урпель Акоста, трагедия в 5 актах. З німецького переклав віршом Лев Лопатинській. Львів, 1900. Накладом «Видавничоі Спилки». З друкарні В. А. Шийковського. Стр. 106, in. 8°. Ціна 1, 40 кор.

Двѣнадцатый археологическій съѣздъ въ Харьковѣ въ 1902 г. Москва, 1900. Тип. т—ва А. І. Мамонтова, 4 д. 34 стр.

Добровольскій Ст. Ярема. Оповидане з запорожского житя. З росийского переповив Алекс. Борковскій. Ч. 241. Видавництво Товариства «Просьвіта». Львів, 1900, з друкарни Н. Т. ім. Шевченка. Ст. 42, in. 8°. Ціна 25 сот.

Е. С. Церковно-іерархическ. отношенія Подоліи къ Кіевской и Галицкой митрополіямъ (Историческій очеркъ). (Изъ «Подольскихъ Епарх. Вѣдомостей» 1899 г.). Каменецъ-Подольскъ, тип. С. Кирпанскаго, 8 д., 15 стр.

Енгельс Фр. Початок родини, приватноі власности і держави на підставі Л. Г. Моргана. Накладом украінсько-руськоі Видавничоі Спілки. З друкарні Н. Т. ім. Шовченка. Ст. 182, 8°. Ціна 1, 50 кор.

Жарти для розривки руского селянина. Друкарня «Рускои Ради». Чернівці, 1900. Ціна 20 сотиків.

Жерела до істориі Украіни-Руси. Видае Археографічна Комісия Н. Т. ім. Шевченка. Т. III. Люстрациі королівщин в землях холмській, белзькій і львівській з 1564—5 рр. Вид. М. Грушевській. Зміст.: I) Передмова, II) Економічний стан селян в Сяноцькім старостві в середині XVI в. на основі описей королівщин, III) Староства: Красноставське, Холмське, Городельське, Грубешивське, Тишовецьке, Грабовецьке, Белзьке, Сокальське, Любачівське, Камянецьке, Жидачівське, Львівське, Городецьке. У Львові, 1900. Накладом Н. Т. ім. Шевченка. Стр. II+28+586, вел. 8°. Ціна 5 корон.

Закшевскій Вінкентій. Всесвітна історія для висших кляс середних шкіл. Том I. *Старинна Історія.* З 3-го польского видання переложив з дозволу автора Олександер Барвиньскій. У Львіві, 1900, ціна 2 кор. і 40 сотиків. Накладом краевого фонду. З друкарні наукового Товариства імени Шевченка. Ціна 2. 40 кор.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Т. XXXVIII. Кн. VI за 1900 р. Накладомъ Н. Т. ім. Шевченка. Львів., 1900. Ціна 3 корон. Зміст.: 1) Печатки з околиць Галича, подавъ Михайло Грушевській (з рисунками), ст. 1—4. 2) Зносини гетьмана Івана Виговського з Польщею в р. 1657—158, написавъ Денисъ Коренець, ст. 1—20. 3) Карпаторуське письменство XVII—XVIII віків, подав др. Іванъ Франко; додаток—XII—XXV (кі ець), стр. 91—162. 4) Miscellanea: а) з віденськои революциі 1848 р.—под. І. К—ий; б) Е. Руліковський—В. Лущкевич (некрольогічна згадка), подав М. Грушевський, ст. 1—4. 5) Наукова хроника і бібліографія.

Записки протоіерея Петра Гавриловича Лебединцева о «козащинѣ» 1855 года. Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина», Кіевъ, 1900, 1—50.

Збірник математично-природописно-лікарськои секціи Наукового Товариства імени Шевченка. Т. VI. Випуск I. Часть математично-природописна під редакциею Івана Верхратского і Володимира Левицького. У Львові, 1900. Накладом Н. Т. ім. Шевченка. in. 8°. Ціна 2 корони Зміст: Іван Пулюй. Безпечна стация телофонів. 2) Симеон Сидоряк: Студня анатомічна над взаімними відношенами снаряду слухового і міхура плавного у риб шарановатих (Cyprinidae) і вюноватих (Cobitidae). 3) Володимир Левицкий. — Клясифікація наук математичнихъ. 4) Бібліографія і хроніка математично-фізична.

Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скифіи и Кавказѣ. Собралъ и изд. съ русск. переводомъ В. В. Латышевъ. Томъ I. Греческіе писатели. Вып. 3-й. Съ 1 картою. Ц. 2 р.

В. Каллашъ. Къ исторіи малорусской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. Отт. изъ журн. «Кіев. Ст.», 1—11.

Карпенко-Карый (И. К. Тобилевычъ). По-надъ Днипромъ. Черкассы. 1900 р., 1—96, № 14. Цина 10 к.

Карповъ В. П. Харьковская Старина, изъ воспоминаній старожила. Съ портретомъ автора (1830—1860 г.). Харьковъ, 1900. Цѣна 1 р. 50 к.

Картавовъ П. А. Историческія свѣдѣнія о гербовой бумагѣ въ Россіи. Выпускъ I, 1699—1801. Спб. 1900. Тип. штаба отд. корпуса жандармовъ, in 77+13. Ц. 5 р.

Карцовъ. Огородничество на югѣ Россіи. Пособіе для хозяевъ. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.

Кілька рад і пересторог для хліборобів, годуючих худобу. 242. Видавництво Товариства „Просьвіта». Львів, 1900. З друкарні Н. Т. ім. Шевченка. Ст. 48, in 8°. Ціна 25 сот. Зміст: 1) Про ветеринарский нагляд торгів, 2) Як ставити і уладжувати стайні, 3) Як хоронити худобу від пошестий.

Кобриньска Натолья. Про «Нору» Ібзена. Львôвъ, 1900. Зъ друкарни Ставропигійскаго Института. in 16°, стр. 1—28 (передрюкъ зъ «Дила»).

Кониськый Олександеръ. Дидъ Евменъ. Спомынкы бабы Уляны Красючкы. Выданье 3-е. Изданіе Издат. Комит. Харьк. Общ. распространенія въ народѣ грамотности. Харьків, 1900. Друкарня И. Варщавчика, in 16°, 29 стр. (20.000 экз.).

Коренець Денис. Зносини гетьмана Івана Виговського з Польщею въ р. 1657—58. (Відб. із 38 т. Записок). Ст. 20, in 8°. Ціна 20 сот.

Котляревскій И. П. Наталка Полтавка. Украинская опера. Москва, 1900. Тип. товар. И. Д. Сытина. in 16°, стр. 108 (12.000 экз.).

Крыжановскій О. Учебно-просвѣтительное дѣло въ Польшѣ накануне послѣдней реформы виленскаго университета (1803 г.) и главные дѣятели пореформеннаго періода въ ихъ перепискѣ (Предисловіе къ III тому «Сборника матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи», издаваемаго М. Н. Просв.). Спб., 1899, тип. А. Лопухина, in 8°, CXXVII стр.

Кукель. Черная хмара. Малороссійская повѣсть. Изд. Е. Коноваловой. Москва, 1899. Тип. Н. Булгакова, 16 д., 108 стр.

Кукель. Пидъ яворомъ три могилы. Повѣсть. Изд. Е. Коноваловой. Москва, 1899. Тип. Н. Булгакова, 16 д., стр. 108.

Кулаковскій Платонъ. Русскій языкъ и литература предъ судомъ въ Австро-Венгріи. Вильна, 1900. Тип. М. Дворжеца, in 8°, стр. 63. (Отт. изъ «Виленск. Вѣст.»).

Кулида Д. Сліпець. Нарысъ. Кременчугъ, 1900. Друкарня Д. Жолковского, in 16°, 8 стр. (400 экз.).

Лебединцевъ Андрей, прот. Мои воспоминанія. Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». Кіевъ, 1900, стр. 1—68.

В. Левенко. Старе и нове. Оповидання. Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». Кіевъ, 1900, стр. 1—98.

Левицкій Володимир. Класифікация наук математичнихъ. (Вндбитка із VI т. 1 в. Збірн. м.-пр.-лік. секціи). Ст. 16, in 8^0. Ціна 15 сот.

Левицкій Кость. Про неважність в новім процесі цивільнім. Розвідка з австрійского права процесового. (Відб. з X т. Час. права). У Львові, 1900. Ст. 46, in 8^0. Ціна 1 корона.

Линниченко И. А. Археологія на XI археологическомъ съѣздѣ. Одесса, 1899. Тип. «Экономическая», in 16, 100 экз.

А. Лотоцкій. Памяти протоіерея В. Я. Гречулевича (по поводу 30-лѣтія со дня его смерти). Отт. изъ журн. «Кіев. Стар». Кіевъ 1900, отъ 1—9.

Мешко Франц. Драма на селі. З словинського перевів Ілья Кузів. Львів, 1900. Накладом перекладчика і С—ки. З друкарни В. А. Шийковского, стр. 80. Ц. 70 сотик.

Насоновъ Вл. Писни и думки Украйны. Сборникъ малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ, арранжированныхъ для одной балалайки по нотной и цифровой системѣ. Съ прилож. полнаго текста пѣсенъ. Изд. Ю. Циммермана. Москва, 1900. Лит. В. Гроссе, in 8^0. Вып. 1—23 стр., вып. 2—3 стр., по 300 экз. Ц. по 1 р. 25 к.

Немоловскій Ф. И. Бжильныцтво. Доглядъ за звычайною и рамковою пасикою. Изд. благотв. общ. изд. общеполезн. и дешев. книгъ. № 6. С.-Петерб., 1900, in 16, стр. 1—105. Ц. 15 к.

Новаковский Михайло. Спілки для ощадности і позичок системы Райфайзена. Ч. 240. Видавництва товариства «Просьвіта». У Львові, 1900. З друкарни Н. Т. ім. Шевченка. Ст. 36, in 8^0. Ціна 20 сот.

Общее обозрѣніе по народному образованію въ Борзенскомъ уѣздѣ за 1898—1899 г. Черниговъ, 1899. Тип. губ. правленія, in 8^0, стр. 50.

Огоновскій Іляріон. Словар до Гомерової Одисеі і Іліяди. У Львові, 1900. Накладом краевого фонду. З друкарні Наукового Товариства імени Шевченка. Ст. 12+436, in 8^0.

Острожинскій. Разсказы: Подлогъ.—Сельскій заправило.—Свидѣтель.—Не любитъ пьяный трезваго. Изд. типогр. М. Дененмана. Москва—Житоміръ, 1900. 1—48, стр. 16^0. Цѣна 10 коп.

Отчетъ о дѣятельности харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности за 1898 годъ. Харьковъ, 1899. Тип. губ. правл., in 8⁰, CXVII+370+37+6 стр.

Памятная книжка кіевскаго учебнаго округа на 1900 годъ. Изд. управленія учебнаго округа. Кіевъ, 1900. Тип. тов. И. Н. Кушнерова и К⁰, in 8⁰. Часть I—Кіевская губ. Ч. II—Подольская губ. Ч. III—Волынская губ. Ч. IV—Черниговская губ. Ч. V—Полтавская губ.

Пнуляк Еротей. Верховиньски згадки. Повість. Чернівці, 1900, in 8⁰. Накладом „Рускои Бесіди».

Письма къ графу П. А. Румянцову отъ его родителей. 1745—1768 гг. Изд. съ предисл и примѣчан. А. Барсукова. Спб., 1900. Тип. М Стасюлевича. 8 л., 35 стр.

Попович Омелян. Із житя Цісаря Франца-Йосифа I в 70 уродини Цісарські для рускої молодіжи. Накладом «Рускої Ради». Чернівці. Ціна 20 сотик.

Проскурниковъ Т. В. Изъ исторіи Слободской Украины. Городъ Короча при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ. Харьковъ, 1900. Тип. И. А. Гессенъ, in 16⁰, стр. 1—28. Ц. 15 к.

Русская исторія въ разсказахъ. I—Кто были наши предки славяне и какъ они жили. II—Первые русскіе князья. III—Владиміръ святой и крещеніе Руси. IV—Великій князь Ярославъ и основаніе Кіево-Печерскаго монастыря. V—Владиміръ-Мономахъ и Андрей Боголюбскій. VI—Нашествіе татаръ и Александръ Невскій. М., 1900. Цѣна кажд. брош. 5 коп.

Руссофилъ. Народное образованіе въ Россіи. Харьковъ, 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архива Министерства Народнаго Просвѣщенія. Томъ 3-ій. Учебныя заведенія въ западныхъ губерніяхъ 1805—1807. Изд. М—ства Н. Просв. Спб., 1898. Тип. А. Лопухина, in 8⁰, CXXVII+1186+92+200 стр. столб.

Сборникъ музея по антропологіи и этнографіи при Имп. Академіи Наукъ. Спб., 1900. Тип. Акад. Наукъ, in 8⁰, XX+153+1 стр. Ц. 1 р. 60 к.

Сондерманъ. Мазепа. Историческій романъ въ 3 частяхъ; передѣно съ нѣмецкаго. Изд. книгопр. Т. Кузина Спб. 1900 Тип. «Центральная» М. Минкова, in 16⁰, 94 стр.

Сидоряк Семен. Студия анатомична над взаимними відношенями снаряду слухового і міхура плавного у риб шаранових і вюноватих (Видб. із IV т. збір. мат. прир. лік. секц.). Львів 1900. Накладом автора. З друкарні Н. Т. ім Шевченка. Ст. 50. Ціна 1 кор.

Статистико-экономическій обзоръ Херсонской губерніи за 1898 годъ. Годъ 12-тый. Изданіе Херсонской губ. земской управы. Херсонъ, 1900, 303 стр.

Тараньскій Ал. Історія библійна старого завѣта для гр.—кат. молодежі середних школ Львів 1900. Ціна 1 к. 60 гл.

Флоринскій Т. Д. Малорусскій языкъ и «украіньско-руський» сепаратизмъ. Спб. 1900 г. (Оттискъ изъ газеты «Кіевлянинъ»). Ціна 60 к.

Франко Іван. Карпато-руське письменство XVII—XVIII вв. У Львові, 1900. З друкарні Н. Т. ім Шевченка. Зміст.: I. Карпато-русска література XVII—XVIII віків. II. Додаток: XV рукописів. Ст. 160, in 8°.

Хижняковъ В. М. Черниговская Старина (1608—1810). По архивнымъ бумагамъ городской думы. Изд. редакціи Земск. Сборника Черниг. губ. Черниговъ, 1900, in 8°, 42 стр.

М. Чалый. Вторая кіевская гимназія. Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». Кіевъ, 1900, стр. 1—80.

Часопись правнича. Розвідки правничі секціі історично-философічнои Наукового Товвриства імени Шевченка. Редактор др. Кость Левицкий. Рочник X. У Львові, 1900 Накладом Наук. Тов. ім. Шевченка. Ціна 4 кор. Зміст.: 1) Др. Петро Стебельский.—Австрийский процес карний, коментар. Ст. 1—70. 2) Кость Левицкий.—Про неважність в новім процеси цивільнім, ст. 1—46. 3) Др. Station Дністрянський.—Чоловік и его потреби въ правній системі. 4) Библіография і Miscellannea,

Шевченко Т. Кобзарь въ переводѣ русскихъ писателей. Изд. подъ ред. Бѣлоусова. Москва, 1900, in 8. 365 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Шевченко Т. Г. Малый Кобзарь. Черкассы, 1900, 1—70+I—II, in 16°, № 15. Цѣна 5 кои.

Шекспір Уілліям. Коріолян. Переклад П. А. Кулиша. Виданний з передмовою і поясненями д-ра Ів. Франка. Накладом українсько-руськоі Видавничоі Спілки. У Львові, 1900. З друкарні Наук. Тов, ім. Шевченка. Ст. XII—170, in 8°. Ціна въ оправі 1, 80 кор.

Штрейнеръ Я. «О мохнатой бронзовкѣ въ южной Россіи», in. 8. стр. 28, Спб. Изд. департ. земледѣл. Ц. 5 к.

Археологическая лѣтопись.

Изслѣдованія и раскопки.

Н. Е. Бранденбургомъ за истекшее лѣто были произведены раскопки въ Полтавской, Кіевской и отчасти Подольской губ. Всего разрыто до 50-ти кургановъ, большинство которыхъ, къ сожалѣнію, оказалось разграбленнымъ еще въ древности, такъ что и научный матеріалъ, добытый въ курганахъ, былъ не особенно великъ.

О раскопкахъ *въ Полтавской губ.* (у с. Аксютинецъ) мы уже сообщали (см. «Лѣтопись», іюнь наст. года).

Въ Кіевской губ. раскапывались курганы скифо-сарматской эпохи у сс. Пастырскаго и Оситняжки, Чигиринскаго у. Въ одной изъ разоренныхъ могилъ у Оситняжки найдена золотая проволочная серьга въ видѣ кольца; затѣмъ, фалангъ пальца съ двумя кольцами изъ толстой серебряной проволоки, нѣсколько бронзовыхъ стрѣлокъ, остатки желѣзнаго молотка и нѣсколько терракотовыхъ черепковъ. Въ Черкасскомъ у., у с. Макіевки, изъ 9-ти разрытыхъ кургановъ, только въ одномъ могила оказалась въ цѣлости, но за то безсодержательная; въ ней заключался небольшой дубовый срубъ (1×2 арш. внутри), съ такимъ-же дномъ и крышей, на днѣ сохранились лишь слѣды костяной пыли отъ двухъ, лежавшихъ рядомъ, скелетовъ и найдены два бронзовыхъ проволочныхъ колечка, пряслица, бронз. удила, обломки желѣза и нѣсколько глиняныхъ сосудовъ. Изъ скудныхъ находокъ въ прочихъ разоренныхъ курганахъ интересны только экземпляры глиняныхъ сосудовъ съ вырѣзаннымъ орнаментомъ, заполненнымъ какимъ-то бѣлымъ веществомъ, такъ что получился бѣлый

орнаментъ на черномъ фонѣ—типъ орнамента, извѣстный въ Штиріи, Венгріи, Балканскихъ странахъ и другихъ мѣстахъ Зап. Европы

На Днѣстрѣ, *въ Подольской губ.*, возлѣ с. Кузьмина, Ольгопольскаго у., раскопанъ большой курганъ, имѣвшій болѣе 70 саж. въ окружности и 6 арш. высоты. Но въ такой громадной насыпи оказались только 3 могилы со скорченными скелетами, положенными на глубинѣ всего около 3 арш. отъ вершины въ ямахъ, покрытыхъ толстымъ дубовымъ накатникомъ; у двухъ скелетовъ черепа были окрашены ярко красной краской, но вещей не оказалось никакихъ.

—

У с. Глубочка, Уманскаго у., Кіевской г., В. Н. Доманицкимъ, въ началѣ августа, раскопанъ курганъ, расположенный на дорогѣ изъ с. Колодистаго въ с. Глубочекъ. Окружность кургана—22 саж., высота 2 арш.; по основанію курганъ обложенъ глыбами булыжника, ширина этой каменной кладки достигаетъ мѣстами 2—3 аршинъ; причемъ, въ крайнемъ (отъ поля) ряду камень уложенъ въ одинъ слой, а по направленію къ ямѣ—въ 2 и 3 ряда; кладка производилась на самой почвѣ. Непосредственно за каменной грядой начялась выемка: земля оказалась снятой вглубь на $1^1/_2$ арш. на всемъ пространствѣ, заключенномъ внутри. Затѣмъ, въ центрѣ этой выемки оказалась погребальная яма, въ формѣ удлиненнаго эллипсиса (3 арш. длины, $1^1/_2$ арш. шир. и 2 арш. 12 верш. глуб.). Къ сожалѣнію, какъ это было замѣтно уже въ началѣ раскопки, курганъ оказался раскопаннымъ кладоискателями: лежавшій на днѣ ямы костякъ частью сдвинутъ съ первоначальнаго мѣста, но по костямъ, оставшимся нетронутыми, можно было опредѣлить его положеніе: головой на W, съ вытянутыми ногами и руками. У костей найдена шиферная пряслица, обломокъ желѣзнаго ножика съ частью деревянной ручки и зеленая бусина изъ композиціи, четыреугольной формы.

—

Въ слободѣ Овньково, Купянскаго уѣзда Харьковской губ., въ 1898 г., Е. Рѣдинымъ и Е. Трифильевымъ осмотрѣнъ и частью раскопанъ курганъ, въ которомъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, была открыта пещера «съ искусственно возведеннымъ сводомъ». Въ 12-мъ томѣ «Сборника Харьковскаго Историко-филологическаго Общества» (Харьковъ, 1900 г.), помѣщены отчетъ Е. Рѣдина о раскопкѣ и составленное Н. А. Федоровскимъ описаніе и изслѣдованіе добытаго матеріала.

Какъ оказалось, никакой «пещеры» въ курганѣ не было, а образовался небольшой обвалъ насыпи при копаніи могильной ямы на площади кургана,—могильными ямами послѣдняго времени занято уже около половины кургана. По изслѣдованіи части кургана, гдѣ была вырыта яма (обслѣдовать весь курганъ не представилось возможности), обнаружены слѣды погребенія, нарушеннаго гробокопателями; это были части скелета, при которомъ находились: кости коровы, овцы и свиньи, куски дерева, кусочки красной краски, фрагменты каменныхъ шлифованныхъ орудій, кремневые осколки, глиняные черепки отъ сосудовъ съ орнаментомъ ямочками и веревочкой и бронзовый ножикъ, 9 стм. длиной.

На основаніи находокъ, курганъ можно отнести къ типу погребеній съ окрашенными скелетами, въ большомъ числѣ обнаруженныхъ въ другихъ мѣстахъ южной Россіи, въ Харьковской же губерніи—впервые.

—

Раскопки Ольвійскаго городища. Истекшимъ лѣтомъ проф. Кулаковскимъ, по порученію Имп. Археолог. Комиссіи, производились раскопки на одной изъ улицъ с. Парутина (Одесскаго у. Херсонской губ.), ведущей къ Ольвійскому городищу. Здѣсь обнаружено кладбище населявшихъ Ольвію древнихъ грековъ. Въ разрытыхъ могилахъ, только въ трехъ оказалось трупосожженіе, въ массѣ же другихъ покойники были погребены. При покойникахъ найдена античная посуда изящныхъ формъ, иногда украшенная рисунками, небольшіе сосуды изъ разноцвѣтнаго стекла, монеты и другіе предметы обихода древнихъ грековъ. («Кіевл.»).

—

Раскопки на островѣ Березани. Предсѣдателемъ Херсонской губернской ученой архивной комиссіи Г. Л. Скадовскимъ, лѣтомъ н. г. производились раскопки на островкѣ Березани, лежащемъ въ морѣ, вблизи г. Очакова. Островокъ этотъ изобилуетъ памятниками древне-греческой культуры. Добытые раскопками предметы предназначены для Херсонскаго музея. («Югъ»).

Музеи и собранія древностей.

Естественно-историческій музей Полтавскаго Губернскаго Земства. Въ настоящемъ году музей заканчиваетъ первое десятилѣтіе

своего существованія, а потому мы считаемъ современнымъ удѣлить ему нѣсколько строкъ, пользуясь свѣдѣніями, помѣщенными въ книжечкѣ, заключающей описаніе коллекцій музея (Полтава, 1900 г.). По времени возникновенія, Полтавскій музей является первымъ въ нашемъ краѣ музеемъ, типа областныхъ или погуберискихъ музеевъ. Мысль объ устройствѣ такого музея подалъ земской управѣ проф. В. В. Докучаевъ, производившій почвенныя изслѣдованія губерніи. Земская управа, въ докладѣ очередному губернскому собранію, въ 1890 г., указала на значеніе и задачи мѣстныхъ естественно-историческихъ музеевъ и представила проектъ организаціи музея, составленный на основаніи нормальнаго устава мѣстныхъ земскихъ естественно-историческихъ музеевъ, выработаннаго по инціативѣ В. В. Докучаева С.-Петербургскимъ обществомъ естествоиспытателей. Докладъ былъ принятъ собраніемъ, назначены средства на устройство и содержаніе, приглашёнъ завѣдывающій (кандидатъ естественныхъ наукъ М. А. Олѣховскій) и въ 1891 г. отведено особое помѣщеніе для музея. Съ того времени музей начинаетъ правильно функціонировать, постепенно пополняясь, служа двумъ цѣлямъ: просвѣтительной и практической. Въ настоящее время въ музеѣ имѣется болѣе 17-ти тысячъ предметовъ; большинство ихъ составляютъ естественныя коллекціи (по геологіи, минералогіи, палеонтологіи, ботаникѣ, зоологіи) затѣмъ коллекціи, служащіе для практическихъ цѣлей (образцы полезныхъ ископаемыхъ, модели орудій, коллекціи по шелководству, по кустарнымъ промысламъ и т. п.). наконецъ, есть коллекціи и по культурной исторіи края. Начало археологическому отдѣлу было положено въ 1891 г., пріобрѣтеніемъ у мѣстнаго любителя И. А. Зарѣцкаго коллекціи древностей; теперь этотъ отдѣлъ, хотя и не особенно великъ, но все-таки даетъ понятіе о ступеняхъ культуры, чрезъ какія прошло человѣчество, причемъ большинство остатковъ старины мѣстнаго происхожденія. Изъ послѣдняго отчета музея (за 1898 г.) видно, что земствомъ, совмѣстно съ городомъ, устроено новое зданіе для музея (гдѣ будетъ помѣщаться также общественная библіотека); отсутствіе соотвѣтствующаго помѣщенія въ значительной степени тормозило развитіе музея,—препятствіе это теперь устранено и можно пожелать музею, при вступленіи въ новое десятилѣтіе, еще большаго успѣха въ тѣхъ просвѣтительныхъ задачахъ, которымъ онъ служитъ.

—

Собраніе древностей Подоліи. Въ августѣ мѣсяцѣ, въ помѣщеніи Каменецъ-Подольской городской управы, состоялось подъ предсѣдательствомъ заступающаго мѣсто городского головы *М. А. Трублаевича*, совѣщаніе по вопросу объ учрежденіи въ г. Каменцѣ-Подольскомъ общественнаго музея древностей Подоліи, на которомъ присутствовали мѣстные изслѣдователи и любители подольской старины. Инициіаторъ дѣла—М. А. Трублаевичъ доложилъ собранію всю исторію даннаго вопроса, а также выработанный имъ проектъ устава будущаго музея, примѣнительно къ нормальному уставу губернскихъ и областныхъ музеевъ, а равно и къ тѣмъ указаніямъ, которыя были получены имъ въ результатѣ предварительныхъ сношеній съ Московскимъ археологическимъ обществомъ, въ лицѣ его предсѣдателя—графини П. С. Уваровой. Докладъ М. А. Трублаевича вызвалъ оживленный обмѣнъ мыслей, причемъ рѣшено на первыхъ порахъ ходатайствовать передъ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ о передачѣ въ вѣдѣніе будущаго музея епархіальнаго «Древнехранилища», а передъ губернскою администраціею—объ отводѣ соотвѣтственнаго помѣщенія для музея въ ремонтируемомъ нынѣ по-доминиканскомъ зданіи, въ коемъ, по проекту распредѣленія помѣщеній между разными учрежденіями, предположено дать мѣсто и епархіальному «Древнехранилищу». Затѣмъ, рѣшено заблаговременно снестись съ извѣстными въ губерніи любителями старины, археологами, нумизматами и коллекціонерами, въ цѣляхъ заручиться съ ихъ стороны необходимымъ содѣйствіемъ и помощью въ дѣлѣ скорѣйшаго осуществленія намѣченнаго плана по устройству музея. Проектъ же устава и вообще все это симпатичное дѣло предположено внести въ обсужденіе мѣстной городской думы. (Под. Губ. Вѣд.)

—

Проектъ Конотопскаго уѣзднаго земскаго музея. Нами полученъ докладъ (отъ 27 августа с. г.) Конотопской Уѣздной Земской Управы очередному уѣздному Собранію слѣдующаго содержанія. „Согласно предложенію г. предсѣдателя Конотопскаго Земскаго Собранія К. Ѳ. Кулябки, Земское Собраніе сессіи 1899 года постановило поручить Управѣ выработать къ предстоящему очередному собранію проектъ устройства при Конотопскомъ Земствѣ мѣстнаго историческаго архива и музея и просило гласнаго А. М. Лазаревскаго принять участіе въ разработкѣ означеннаго вопроса.

Во исполненіе постановленія Земскаго Собранія, Земскою Управой, въ засѣданія 21-го іюля с. г., при участіи гласныхъ А. М. Лазаревскаго, Л. Н. Кандибы и А. В. Соколовскаго выработанъ нижеслѣдующій проектъ устройства при Конотопскомъ Земствѣ мѣстнаго историческаго архива и музея:

I. Имѣя въ виду собрать и сохранить отъ истребленія памятники мѣстной старины, письменные акты, вещественные предметы, дѣла и бумаги общественныхъ учрежденій, однимъ словомъ, всѣ тѣ данныя, которыя такъ необходимы для изученія и пониманія не только прошлой но и настоящей жизни мѣстнаго края, желательно учрежденіе при Конотопской Земской Управѣ собранія мѣстной старины или историческаго музея.

II. *а*) Въ музей должны войти всякаго рода памятники мѣстной старины, какъ письменные, такъ и вещественные, а равно предметы, хотя и составляющіе принадлежность настоящаго обихода, но имѣющіе непосредственную связь со стариной. *б*) Въ собраніе письменныхъ памятниковъ должны войти всякаго рода историческіе и юридическіе акты, какъ-то: гетманскіе универсалы, оффиціальныя и частныя переписки, купчія крѣпости, духовныя завѣщанія и т. п. Время составленія сихъ актовъ ограничивается 1861 годомъ. Сюда-же должны войти разнаго рода бумаги общественныхъ учрежденій, сохранившіяся внѣ архивовъ, а равно дѣла мѣстныхъ мировыхъ учрежденій за время 1861—1863 гг. *в*) Вещественные памятники составляютъ: старинныя иконы, всякаго рода оружіе, предметы домашняго обихода, портреты, картины... *г*) Предметы стариннаго производства: узоры на одеждахъ и пасхальныхъ яйцахъ (писанки), гончарныя издѣлія разныхъ оригинальныхъ формъ. *д*) Желательно собрать въ музей всѣ тѣ печатныя сочиненія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ исторію мѣстности, занимаемой Конотопскимъ и сосѣдними съ нимъ уѣздами. *е*) Желательно собрать свѣдѣнія о существующихъ въ уѣздѣ могилахъ, городкахъ и другихъ памятникахъ, имѣющихся на поверхности земли. При этомъ весьма интересно было-бы получить описанія этихъ памятниковъ съ планомъ ихъ расположенія, причемъ, на планъ должны быть нанесены находящіяся вблизи этихъ памятниковъ рѣки и яры. Примѣчаніе: при собираніи свѣдѣній о могилахъ, городкахъ и другихъ мѣстныхъ памятникахъ, существенную помощь могли-бы оказать учителя народныхъ школъ; они-же могли-бы собирать и памятники

народнаго творчества: пѣсни, сказки, поговорки и т. п., собраніе каковыхъ произведеній могло-бы составить особый отдѣлъ въ музеѣ.

Въ III и IV пунктахъ говорится о томъ, что музей долженъ находиться при Конотопской Уѣздной Земской Управѣ и быть въ вѣдѣніи предсѣдателя Управы или одного изъ ея членовъ и что всѣ поступающіе въ музей предметы должны вноситься въ инвентарь. V-ый пунктъ гласитъ слѣдующее: «По полученіи разрѣшенія на учрежденіе при Кононтопской Земской Управѣ мѣстнаго историческаго музея, Земская Управа должна ознакомить населеніе уѣзда съ цѣлью учрежденія музея и его задачами, а также принимать всѣ зависящія отъ нея мѣры къ сохраненію отъ истребленія памятниковъ мѣстной старины и къ пополненію музея». Въ заключеніе Управа испрашиваетъ на устройство музея небольшую (всего 100 руб.) сумму.

Мы умышленно привели почти цѣликомъ настоящій проектъ, такъ какъ онъ, особенно по отношенію къ письменнымъ памятникамъ, можетъ служить образцомъ и для другихъ подобнаго рода музеевъ. Конотопскій музей, если онъ осуществится, будетъ первымъ въ нашемъ краѣ уѣзднымъ музеемъ. Такому развитію музейнаго дѣла можно только порадоваться. Если сосредоточиваніе памятниковъ старины въ центрахъ имѣетъ свои преимущества, то не меньшее значеніе представляетъ устройство и провинціальныхъ небольшихъ хранилищъ: обнимая меньшій раіонъ, будучи ближе къ мѣстнымъ памятникамъ, такого рода учрежденія будутъ только способствовать детальной разработкѣ исторіи края и сохраненію остатковъ его прошлой жизни.

Екатеринославскій музей. Подъ такимъ заглавіемъ нѣкто Петръ Южный помѣстилъ въ № 924 «Приднѣпр. Края» статью, гдѣ приводитъ историческую справку о возникновеніи идеи Екатеринославскаго музея и снова поднимаетъ вопросъ объ его устройствѣ.

«Ровно 20 лѣтъ тому назадъ, говоритъ г. Южный, въ 1880 году, при губернской земской управѣ основанъ былъ изъ остатковъ губернской выставки музей. Черезъ 3 года, въ 1883 году, на съѣздѣ естествоиспытателей въ Одессѣ нашъ соотечественикъ К. Г. Лавриченко сдѣлалъ докладъ о необходимости учрежденія погубернскихъ естественно-историческихъ и техническихъ музеевъ. Мысль Лавриченко чрезвычайно понравилась членамъ съѣзда и затѣмъ нѣсколько позднѣе она была привита въ Нижегородской губерніи, научныя изслѣдованія

въ которой производились, по приглашенію земства, лицами, участвовавшими въ одесскомъ съѣздѣ.

Прошло 20 лѣтъ. Что-же сдѣлано въ этомъ направленіи нашимъ земствомъ. Въ 1885 году учредили педагогическій музей, истратили на него около 10 тыс. руб. и затѣмъ закрыли, раздавъ жалкіе остатки предметовъ въ нѣкоторыя учебныя заведенія. Около этого-же времени поднятъ былъ вопросъ о юбилейной преміи за два сочиненія—по естественно-историческому и историко-географическому описанію губерніи. Но и эта затѣя потерпѣла крушеніе. И мы до сего дня не имѣемъ чего-нибудь подходящаго по исторіи и научному описанію нашего района, являющагося одною изъ богатѣйшихъ горнопромышленныхъ областей не только въ Россіи, но и во всей Европѣ.

Такъ продолжаться долѣе не можетъ, не должно. Пора устыдиться американствующему краю и въ серьезъ приняться за осуществленіе идеи, насчитывающей уже нѣсколько десятилѣтій со времени своего рожденія. Разбираясь въ историческомъ матеріалѣ, мы можемъ увидѣть, что начало музею положено, собственно говоря, еще 50 лѣтъ тому назадъ. Извѣстный екатеринославскій губернаторъ Фабръ (1847—1858 гг.) основалъ въ Екатеринославѣ «Музей древностей Екатеринославской губерніи»; музей былъ богатъ и коллекціями минераловъ, и остатками старины, и предметами растительнаго и животнаго царствъ. Такъ какъ помѣщеніе городской думы въ то время было слишкомъ мало, то музей находился въ потемкинскомъ дворцѣ, при депутатскомъ собраніи. Что сталось съ нимъ въ позднѣйшія времена, мы не имѣемъ о томъ свѣдѣній...».

Въ дальнѣйшемъ, авторъ, относясь скептически къ учрежденію музея земствомъ или городомъ, предлагаетъ обратиться къ частной иниціативѣ, причемъ изъ статьи видно, что самъ авторъ является иниціаторомъ этого дѣла: «Уже первые шаги сдѣланы нами. Мы обратились кое къ кому изъ имѣющихъ вліяніе въ мѣстномъ обществѣ съ предложеніемъ организовать комитетъ по изысканію средствъ для пріобрѣтенія богатой коллекціи археологическихъ предметовъ, принадлежавшихъ А. Н. Полю, и для постройки спеціальнаго зданія музея памяти А. Н. Поля. Въ настоящее время нами ожидаются отвѣты отъ спеціалистовъ-археологовъ съ опредѣленіемъ цѣнности музея А. Н. Поля.

Когда выяснится вопросъ о стоимости и значеніи для нашего края коллекція А. Н. Поля, тогда будетъ приступлено къ практическому осуществленію намѣченной нами цѣли».

Обращаясь затѣмъ къ отзывчивости всѣхъ интеллигентныхъ слоевъ мѣстнаго общества и приглашая ихъ принять участіе въ этомъ симпатичномъ дѣлѣ, г. Южный высказываетъ увѣренность, что музей будетъ учрежденъ. Дѣйствительно, Екатеринославу давно-бы пора обзавестись мѣстнымъ естественно-историческимъ музеемъ, всѣ данныя для этого—налицо.

выборъ Галагана вполнѣ оправдался, и Галенковскій пробылъ на писарствѣ столько-же лѣтъ, сколько патронъ его пробылъ на полковничествѣ.—Послѣ выхода своего въ отставку, Галаганъ позаботился и о дальнѣйшей судьбѣ своего вѣрнаго помощника. Конечно, по желанію отца, новый полковникъ Григ. Галаганъ просилъ (въ февр. 1740 г.) генеральную канцелярію о „подвышеніи“ Галенковскаго въ чинъ обознаго; при этомъ полковникъ писалъ, что Г—ій въ теченіи 25-ти лѣтъ ревностно несъ службу въ походахъ и разныхъ коммиссіяхъ, а теперь за „маловидѣніемъ“ требуетъ повышенія въ чинъ обозничества полковаго, и для полученія того обозничества полковникъ посылаетъ въ Глуховъ, за подписомъ рукъ старшины полковой и сотниковъ и имени его полковничьяго, на Г—аго учиненный вольными голосами выборъ, добавляя, что повышеніе Г—аго требуется еще и для того, „дабы артиллерія полковая въ состояніи быть могла при своемъ надлежащемъ смотрѣніи...“ Такимъ образомъ Галаганы, отецъ и сынъ, устроили судьбу стараго писаря, поставивъ его въ полку на высшій послѣ полковника урядъ. И на этомъ урядѣ Г—ій пробылъ лѣтъ пятнадцать.

Александровичъ замѣстилъ Галенковскаго на писарствѣ. См. выше, с. 60.

Шнурчевскій, по происхожденію мѣщанинъ, вмѣстѣ съ братомъ, „откупщикомъ“ [1]) Прилуцкаго и Кіевскаго полковъ, „за показанное ими въ томъ сборѣ приращеніе въ скарбъ войсковой денегъ“, награжденъ былъ чиномъ войск. товарища; Иванъ этотъ чинъ получилъ въ 1745 г., а затѣмъ, въ 1760 г., изъ Глухова былъ назначенъ полк. писаремъ. Можетъ быть тутъ помогъ Шн—му его тесть Ив. Пироцкій, который по своему родству, имѣлъ въ Глуховѣ связи. О писарской службѣ Шн—аго имѣется между прочимъ любопытная отмѣтка въ служебномъ его спискѣ, что Ш. „былъ штрафованъ въ 1765 г., по опредѣленію войск. генер. к—ріи, за взятіе у сотника Корибутовского Рудковскаго парчи и денегъ за приводъ въ 1762 г. на вѣр-

---

[1]) Отдавались на откупъ право продажи вина и табаку. См. Кіевск. Стар. 1885 г., май, «Крыжановскіе».

ность ея и. в-ва той Корибутовской сотнѣ разныхъ чиновъ и козаковъ къ присягѣ, сидѣніемъ на пушкѣ чрезъ два дни, всякого—по три часа; а послѣ этого, въ 1775 году, генваря 16, въ полковой канцеляріи арестованъ (лишеніемъ?) саблѣ и сидѣніемъ подъ карауломъ за ослушность въ неисполненіи полковника Прилуцкого предложенія"... Шн—ій былъ женатъ на дочери Пироцкаго, Аннѣ, отъ которой у него было три сына: Иванъ, служившій въ 1772 году въ коллегіи канцеляристомъ, Константинъ, служившій въ тоже время въ Сѣчи Запорожской, въ тамошней войсковой канцеляріи, и Алексѣй. Никакихъ имѣній Шн—ій за свое писарство, повидимому, не нажилъ, такъ какъ въ 1774 г. за нимъ не числилось ничего.

Ягельницкій поставленъ былъ полков. писаремъ въ 1766 г., тоже изъ войсков. товарищей; оставался на урядѣ до 1773 г., когда уволенъ былъ съ чиномъ бунчук. товарища. Нажилъ Я—ій 26 дворовъ въ разныхъ мѣстахъ полка: въ г. Прилукѣ, с. Голубовкѣ, д. Вороновкѣ и въ х.х. Рудовскомъ и Слободскомъ. Яг—ій женатъ не былъ.

Галенковскій Андрей, сынъ Федора, закончилъ полковое писарство. Службу онъ началъ въ 1766 г. въ Глуховской коллегіи, откуда въ 1771 г. былъ назначенъ полковымъ хоружимъ.

Полковые есаулы. **Яковъ Трофимовичъ, 1669. Иванъ Маценко, 1669. Григорій Чернявскій, 1672. Зѣнецъ Корнѣенко, 1676. Федоръ Молчанъ, 1677. Иванъ Носъ, 1685, 1687, 1692. Семенъ Федоровичъ, 1688, 1693, 1695. Михайло Федоровичъ Молчанъ, 1711—1741. Василій Самойленко, нач. XVIII в. Григорій Панкевичъ (Панченко), 1714—1729. Никифоръ Петровичъ Вѣлецкій Носенко, 1738—1761. Михайло Величко, 1741. Яковъ Степановичъ Величко, 1742—1764. Яковъ Кисель, 1764—1771. Григорій Ивановичъ Мазарака, 1770—1771. Никита Уминь, 1771—1776. Яковъ Антоновичъ Яновскій, 1771—1781.**

Молчанъ былъ одинъ изъ сыновей убитаго подъ Чигириномъ полковника Федора Молчана. По смерти отца, Мих. М—нъ остался почему-то въ Прилуччинѣ, гдѣ отецъ его никакихъ маетностей не оставилъ. Вообще видно, что по смерти

отца, сынъ его Михаилъ остался безъ призора, чѣмъ слѣдуетъ объяснить его и неграмотство, и скитальчество, По собственному показанію М—на, онъ началъ службу съ 1679 г., причемъ въ 1683 г. участвовалъ въ Вѣнскомъ походѣ Баторія; потомъ служилъ у Самойловича и былъ съ нимъ въ походѣ въ 1687 г. подъ Перекопомъ, а послѣ поставленія гетманомъ Мазепы М—нъ перешелъ на службу къ Палѣю, у котораго оставался повидимому до 1700 г. [1]). Послѣ этого М—нъ оставался въ Прилуччинѣ и служилъ рядовую козачью службу въ разныхъ походахъ, перечисленныхъ въ одной его челобитной 1739 г. [2]). Нѣсколько странно, что сынъ бывшаго полковника и притомъ убитаго въ сраженіи, не получилъ отъ Мазепы никакого уряда. Быть можетъ тутъ сводились какіе-нибудь счеты, возникшіе при совмѣстной службѣ Мазепы съ отцемъ М—на у Дорошенка. Возможно, что эта догадка подтверждается и тѣмъ, что послѣ измѣны Мазепы М—нъ сразу получилъ (въ 1711 г.?) урядъ Прилуцкаго есаульства, которымъ новый гетманъ какъ-бы поспѣшилъ вознаградить долгую службу въ то время уже пожилаго М—на [3]). Въ томъ-же 1711 г. Скоропадскій далъ М—ну и маетность—с. Талалаевку. Есауломъ М—нъ оставался до 1740 г., т. е. около сорока лѣтъ, а въ августѣ 1742 г. онъ умеръ. У него сыновей не было, а было двѣ дочери, Марья и Катерина; первая была замужемъ за Степаномъ Юрченкомъ, а вторая—за Демьяномъ Мазаракою. Обоихъ зятьевь М—нъ пережилъ, причемъ у Юрченка потомства не осталось, а Марья оставшись вдовою, „не имѣя на чемъ жить, пришла къ отцу и жила“ на его грунтахъ. „Мужа младшей дочери зн. в. тов. Демьяна Мазараку М—нъ „принялъ на житіе къ себѣ за сына“, который живя при тестѣ, „въ низовомъ Дербентскомъ походѣ, на службѣ монаршей, умре“. Вскорѣ затѣмъ умерла и жена Мазараки. Послѣ нихъ осталось четыре сына, изъ которыхъ Петръ умеръ рано, а остальные три были: Андрей, Иванъ и Григорій; жили

---

[1]) Кіевск. Стар. 1885 г., янв., 77 и слѣд.

[2]) Тамъ-же, 79.

[3]) Если Молчанъ во время Вѣнскаго похода (1683 г.) имѣлъ хотя 20 лѣтъ, то въ 1710 г. ему было подъ 50-тъ.

они у тестя и тамъ-же „обучались грамотѣ“. За три дня до смерти (4 августа 1742 г.), М—нъ написалъ свой „тестаментъ“, причемъ завѣщалъ тѣло свое „погребсти въ монастиру Густынскомъ, въ которой для погребенія тамъ дано уже (Молчаномъ) денегъ рублей сто“.—„Оставшіеся по мнѣ добра, говоритъ далѣе М—нъ, яко-то с. Талалаевку, которое по милости монаршей за службы въ вѣчность жаловано и универсаломъ гетмана г. Скоропадскаго утверждено, такожъ хуторѣ, мелницы, лѣси, гаи и сѣнокосніе и пахатніе поля и прочіе угодія, мною самимъ куплею набитіе и показавніе въ записной моей домовой книгѣ [1]) и въ купчихъ крѣпостяхъ... женѣ моей Параскевіи, по смерть еи, въ спокойное владѣніе вручаю. А по смерти еи, жены моей, оніе мои добра . . . должны остатись дочери моей Маріи да двомъ внукамъ Андрею и Ивану Мазаракіямъ, и раздѣлитись имъ по ровной части, для того, что они Андрей и Иванъ... мнѣ, яко прародителевѣ своему, отдавали честно всякое послушаніе и за мене, респектомъ моей старости и драхлости, войсковіе службы отбывали... А третому ихъ брату, меншому Григорію ничого не опредѣляю, потому что онъ Григорій такъ изъ малихъ лѣтъ тожъ при мнѣ находясь, обикновенной синовской чести мнѣ не отдавалъ, приказовъ моихъ и наставленій ослушался и въ такое развращеніе пришелъ, же похищая якіенебудь вещи зъ дому моего и денги, попропивалъ и попроигривалъ въ карты, и прочіе немаліе и непристойніе шалости дѣлалъ и дѣлаетъ, яко жъ и самъ я въ нѣкоторіе шинки заплатилъ за его напой денегъ немало... Особливо-же, для потомнаго случаю, сіе завѣщаю, что по смерти жены моей Параскевіи, егда достанется опредѣленная часть моихъ добръ вишереченной дочери моей Маріи, то должна бить тая часть у еи ненарушимомъ владѣніи, да толко по смертъ еи дочери Маріи, потому что она безпотомна и въ удовствѣ уже при старости лѣтъ, которой части всякихъ грунтовъ она Марія уживать и користоватись имѣетъ по своей волѣ, а пустошить тѣхъ, опредѣленныхъ грунтовъ ей, никому продавать оныхъ и никакъ ихъ

---

[1]) Объ этой книгѣ см. Кіевск. Стар. 1885 г., январь.

утерять она, Марія, не должна и неповинна, подъ неблагословеніемъ моимъ родителскимъ тое ей запрещаю. А по смерти еи Маріи и тая третая часть всѣхъ грунтовъ и пожитковъ имѣетъ прійти въ спокойное владѣніе помянутихъ моихъ унуковъ Андрея и Ивана..." [1]).

Черезъ три дня послѣ написанія этого завѣщанія (7 августа) М—нъ умеръ и согласно завѣщанію былъ похороненъ въ Густынскомъ м—рѣ, *въ склепу каменномъ* подъ церквою". Черезъ четыре года (въ 1746 г.) умерла и вдова М—на, и похоронена въ томъ же м—рѣ, „подъ церквою, на лѣвой сторонѣ, *въ дубовомъ склепу*". Черезъ двадцать лѣтъ послѣ смерти вдовы М—на, (въ 1766 г.) умерла и дочь М—новъ Марія [2]) и была похоронена въ с. Блотницѣ, „подъ церквою, близъ дверей паламарныхъ, *въ склепу дубовомъ* [3]). По мѣсту погребенія Маріи М—нъ можно думать, что она свою часть Талалаевки отдала племянникамъ еще до смерти. Во всякомъ случаѣ Талалаевка и всѣ имѣнія Мих. М—на всецѣло перешли къ Мазаракамъ. (См. с. Талалаевка).

Панкевичъ былъ сынъ „Панка (Пантелеймона) Аврамовича, мѣщанина Прилуцкаго", послѣ котораго остались дѣти: отъ перваго брака—Григорій и Прасковья и отъ второго—Юско (Осипъ) и Иванъ. Второю женою Панька была какая-то Анна Галювна, первымъ мужемъ которой былъ грекъ Николай Урсалъ, оставившій послѣ своей смерти въ Прилукѣ торговыя лавки, но съ долгами. Женившись на вдовѣ Урсала, Панько поплатилъ его долги, въ томъ числѣ и „Алоеви кгрекови, дядкови Урсаловому", и сталъ владѣльцемъ Урсаловыхъ лавокъ, въ которыхъ и началъ торговать. Живя при отцѣ, Григорій помогалъ ему въ торговлѣ, которую тотъ велъ такимъ порядкомъ: скупалъ въ Малороссіи сало („лой"), отвозилъ его „до Шліонска" (въ Силезію), и тамъ на вырученныя отъ продажи сала деньги, покупалъ *красные* товары для перепродажи ихъ

---

1) Копія завѣщанія въ нашей б—кѣ.

2) Кіевск. Стар. 1885 г., янв., 79.

3) Можно думать, что для каждаго гроба подъ поломъ церкви устраивался особый склепъ, кирпичный или изъ дубовыхъ бревенъ.

въ Прилукѣ. При этомъ старый Панько иногда посылалъ заграницу и одного Григорія, который пріобрѣталъ такимъ образомъ опытъ и знаніе людей. По смерти отца въ 1702 г., сынъ унаслѣдовалъ хорошіе достатки, при помощи которыхъ Григорію Панкевичу не трудно было уже пробраться и въ козацкую старшину. Сначала П—чъ переписался въ „товариство", а потомъ, вѣроятно при помощи Глуховскихъ дѣльцовъ въ родѣ Семена Савича, П—чъ при Носѣ поставленъ былъ полковымъ есауломъ. Мы видѣли уже, что Галаганъ, получивъ Прилуцкое полковничество, очень желалъ смѣстить П—ча, вѣроятно, подозрѣвая въ немъ человѣка неуступчиваго; но въ Глуховѣ есаула поддержали. Впрочемъ, и самъ П—чъ, повидимому, умѣлъ за себя постоять. Только по смерти Скоропадскаго, когда власть въ гетманщинѣ раздвоилась, Галаганъ рѣшился смѣстить П—ча; послѣдній пожаловался въ коллегію, которая отослала жалобу П—ча къ Полуботку; нак. гетманъ отвѣчалъ Вельяминову, что „о обидахъ и гоненіи П—чу, асауловѣ полк. Прилуцкому, отъ полковника Галагана дѣючомся, писанъ листъ до оного полковника о прибытіи оного въ Глуховъ второй недѣлѣ посту (1723 г.), якая справа ихъ тогда слѣдоватися и рѣшитися на судѣ войск. енералномъ будетъ" [1]). Но съ Галаганомъ не легко было дѣло дѣлать. Когда въ назначенный срокъ Галаганъ въ Глуховъ не пріѣхалъ, Полуботокъ повторилъ требованіе о пріѣздѣ, а 27 марта въ „дневникѣ" генер. канцеляріи записано: „пишучи уже *третій* листъ до п. полковника Прилуцкого противъ челобитя Панкевича, въ отставцѣ его отъ уряду осаулства, предложено, абы поколя тая справа его зъ Панченкомъ судомъ енералнымъ не окончится, жадныхъ обидъ домови скаржачого и тяжестей не наносилъ..." Засимъ, Полуботокъ предложилъ Галагану „пріѣздить до суду, для росправы, подъ часъ святъ прійдуючихъ воскресенскихъ, конче," т. е. всенепремѣнно; но Галаганъ не пріѣхалъ и на пасху, такъ какъ въ маѣ Полуботокъ писалъ уже не Галагану, а П—ку, что

[1]) Чтенія въ Общ. Нестора Лѣтоп., XII, отд. 3-й, стр. 117.

если полковникъ въ Глуховъ не пріѣдетъ, то нечего и ему П—чу напрасно пріѣзжать [1])... Такъ Галагана Полуботокъ и не дозвался въ Глуховъ для расправы съ П—комъ. Впрочемъ, П—ку отнятый урядъ былъ возвращенъ и онъ оставался на немъ до смерти. П—чъ былъ женатъ на дочери Прилуцкаго городоваго писаря (т. е. секретари Прилуцкой ратуши) Мединскаго, по смерти котораго получилъ занятый тестемъ „загонъ на степу волномъ за Рудовкою" (изъ Гнилицкой степи) и „грунтъ" въ д. Пироговкѣ. Не смотря на преслѣдованія Галагана, П—чъ съумѣлъ поселить около Пироговки слободу и выпросить у Скоропадскаго двѣ деревни—Буды и Сезьки. Послѣ П—ча осталось два сына, Павелъ и Федоръ, и двѣ дочери. Имѣнія свои онъ передалъ, по тогдашнему обычаю, въ пожизненное владѣніе женѣ, которая должна была затѣмъ сама распредѣлить ихъ между дѣтьми; но вдова П—ча пережила своихъ сыновей и потому мужнины имѣнія были ею предназначены дочери умершаго сына Ивана—Евдокіи и дѣтямъ дочерей. Между тѣмъ у Евдокіи случился романъ, разстроившій планы бабки, которая объ этомъ разсказывала, что Евдокія, будучи лѣтъ отъ рожденія своего дорослыхъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1751 г., за совѣтомъ и согласіемъ своимъ, а по своему особливому намѣренію, за вѣдомомъ моимъ и благословеніемъ, пожелала войти въ супружество полку Прилуцкого за сына значк. тов. Ивана Романовича, и уже была оному зговорена и приручена постоянно; а потомъ, забывши страхъ Божій и воспитаніе и милость прародителную, самоумышленно, по непостоянству своему, оставя его Романовича, безъ жадной причины, декабря 31 дня (1751 г.) поздно ввечерѣ, невѣдомо съ кимъ подъѣхавшимъ по ней санми, взявъ свое убранство и фанты, збѣжала невѣдомо куда, безъ вѣдома и благословенія моего и кревныхъ своихъ; и то учинила въ едину мнѣ скорбь и печаль, при моихъ въ слабости старыхъ лѣтахъ... Нынѣ же, какъ слышно, (говоритъ бабка о внучкѣ), Евдокія въ Чернѣговѣ, въ дому умершаго бурмистра Чернѣговского, прозываемаго Карповича, зъ сыномъ его Миха-

[1]) Тамъ-же, стр. 122 и 127.

иломъ обвѣнчалась и живетъ..." За такое „поношеніе чести дому" бабка лишила внуку права на назначенную ей часть Пироговки и отдала эту часть дѣтямъ дочери Прасковьи, бывшей замужемъ за Семеномъ Козельскимъ. Но „не оставляя и Евдокіи по склонности своей прародительской," бабка назначила ей Буды и Сезьки, „если только эти поселки будутъ отсуждены отъ Будлянской" (племянницы Разумоскаго), мужъ которой отнялъ ихъ у вдовы П—ча.

Бѣлецкій-Носенко Никифоръ, сынъ полк. сотника Петра Н—ка, былъ женатъ на дочери Лубенск. полк. есаула Семена Слюза Пелагеѣ, имѣлъ сына Петра и нѣсколько дочерей. Имѣнія его находились въ с. Рудовкѣ,—24 м. п. и въ с. Щуровкѣ—51 м. п. „подданныхъ." Въ отставку Н—ко получилъ чинъ полк. судьи.

Величко Михаилъ. Происхожденіе его, какъ и родство съ его преемникомъ по уряду,—намъ не извѣстно.

Величко Яковъ службу началъ въ 1730 г. въ полк. Прилуцкой к—ріи; въ 1742 г. назначенъ полк. есауломъ и оставался на этотъ урядѣ до 1764 г.; затѣмъ, выбранъ въ 1764 г.—земскимъ судьею, а въ 1775 г.—подкоморіемъ Прилуцкаго повѣта. Въ 1778 г. за нимъ показано 267 д. м. п. „поданныхъ", вѣ Прилукѣ, хуторахъ, с. с. Ковтуновкѣ и Антоновкѣ и д. Будахъ. Женатъ В—ко былъ на дочери „войск. капелана" Мойсея Богаевскаго Настасьѣ и имѣлъ сыновей: Василія, подпоручика, и Ивана—корнета Ямбурскаго карабинернаго полка.

Яновскій изъ канцеляристовъ коллегіи, куда поступилъ въ 1767 г., а въ 1771 г. былъ назначенъ есауломъ полковымъ. Имѣлъ ранговыхъ въ с. Стрѣльникахъ 25 д. посполитыхъ.

Полковые хоружіе. Семенъ Портянка, 1699. Андрей Семеновъ, 1672. Семенъ Даценко, ок. 1700. Иванъ Семеновичъ, 1715—1744. Петръ Носенко, 1722—1724. Антонъ Маценко, 1744. Данило Савинъ, 1747—1755. Антонъ Яновскій, 1749—1751. Яковъ Кисель, 1757—1764. Антонъ Яновскій, ок. 1760 г. Никита Уминъ, 1767—1770. Федоръ Марковскій, 1771. Андрей Федоровичъ Галенковскій, 1771—1775. Иванъ Троцкій, 1771—1781.

Носенко Петръ, см. ниже, полк. сотники.

Яновскій неизвѣстнаго происхожденія. Умирая, оставилъ при г. Прилукѣ, „на форштатѣ Квашинскомъ, да и по другихъ около г. Прилуки жъ форштатахъ, тако-жъ въ с. Рудовкѣ, всѣхъ м. пола душъ 70.

Галенковскій поступилъ въ коллегію канцеляристомъ въ 1766 г., а въ 1771 г. назначенъ хоружимъ, на мѣсто умершаго Марковскаго.

Троцкій началъ службу съ 1766 г. значк. товарищемъ, а въ 1771 г. назначенъ хоружимъ; въ Голубовкѣ, Рудовкѣ и въ г. Прилукѣ имѣлъ 85 м. п. поспол.

Географическій очеркъ Прилуцкаго полка. Область Прилуцкаго полка занимала бѐрега Удая, который дѣлилъ эту область на двѣ неравныя части, причемъ послѣднія, по своей природѣ, рѣзко отличались одна отъ другой. Западная часть области представляетъ собою равнину, пересѣченную болотистыми ложбинами. Восточная часть области—вся почти изрѣзана глубокими, поросшими лѣсомъ оврагами, по которымъ текли рѣки и ручьи, большею частью—лѣвобережные притоки **Удая**[1]). Несомнѣнно, что восточная часть полка по своему гористому и лѣсистому характеру, должна была (послѣ татарскаго разоренія) издавна привлечь къ себѣ тѣхъ заднѣпрскихъ *уходниковъ*, которые и были первыми здѣсь насельниками. Болотистыя рѣчки, среди овраговъ, поросшихъ лѣсомъ, представляли собою защитныя мѣста и потому—по берегамъ этихъ рѣчекъ—могли возникать хутора̀ очень рано, б. м. уже съ XV вѣка. Западная часть области заселилась гораздо позже, не раньше нач. XVIII в.

Главною рѣкою Прилуччины былъ **Удай**, отличающійся особою извилистостью своего теченія [2]). На берегахъ **Удая** расположены слѣдующія поселенія: м. Монастырище, сс. Обичевъ, Толкачевка, дд. Замостье, Лапинцы, Пироговщина, Густынскій

---

[1]) «Прилуцкій уѣздъ». Изд. Полт. губ. з. управы. Полтава, 1891. Стр. 2.

[2]) Подробное описаніе теченія Удая см. въ той-же книгѣ «Прилуцкій уѣздъ», стр. 4—8.

м—рь, д. Манджосовка, сс. Боршна, Валки, Мольки, Мацѣевка, Высокое, м. Переволочна, сс. Лиски, Дегтяри (около озера, образуемаго сліяніемъ Удая съ Лисогоромъ) д. Рыбецъ, сс. Леляки, Подище и Ладинъ.

Кромѣ **Удая** область Прилуцкаго полка орошалась еще и слѣдующими его притоками.

Правобережные притоки Удая.

Галка [1]) начинается отъ с. Лосиновки и течетъ мимо сс. Галицы, Петровки, Вел. и Мал. Дѣвицъ и Толкачевки, около которой вливается въ **Удай**.

Руда—по названію своему—указывающая, что на мѣстѣ ея нѣкогда текла настоящая рѣчка, затѣмъ обсохшяя и обратившаяся въ *руду* или *рудку*, т. е. въ обсыхающую лѣтомъ ложбину, по которой въ это время виднѣютсь лишь ржавыя лужи... **Руда** наиболѣе замѣтна около с.с. Рудовки и Дубоваго-Гая, около котораго рѣчка носила (1762 г.) названіе **Руды-Росоши**.

Переводъ начинается въ Нѣжинскомъ полку и течетъ—въ предѣлахъ Прилуцкаго полка—мимо сс. Погребовъ, Поддубовки и Туровки.

Рыбецъ—ок. с. Краслянъ и д. Рыбца.

Лѣвобережные притоки Удая.

Ичѳнка [2]) начинается у м. Ични, течетъ мимо с. Хаенокъ и вливается въ Удай около д. Грабова.

Радьковка вливается въ Удай ок. с. Радьковки. На картѣ Шуберта эта рѣчка названа **Нежировой** [3]) и это названіе, по-

---

[1]) Въ актѣ 1740 г. рѣчка эта называлась «рудкою Дѣвицею» и это названіе повидимому правильнѣе: вѣрнѣе, что отъ *рѣчки* Дѣвицы получили свои названія оба теперешнія села *Дѣвицы*, а не на оборотъ... У Шафонскаго (стр. 491) тоже—*Дѣвичка*.

[2]) Въ описаніи 1740 г. назыв. рч. *Ичанка* и около м. Монастырища, но эта рѣчка, повидимому, совсѣмъ другая.

[3]) Въ книгѣ «Прилуцк. Уѣздъ», стр. 9, говорится что *Нежеровка* составляетъ прав. притокъ *Половой*, но это свѣдѣніе видимо

видимому, старѣе и вѣрнѣе. Верхняя часть рч. Радьковки, у х. Дзюбина, въ настоящее время называется **Мошковкою** („Прилуцк. уѣздъ", стр. 9). Оч. вѣроятно, что тутъ-же находилось и село *Мошковка*, которое упоминаеття въ актахъ 1693—1700 г.г. („село Мошковичи или Мошковцы области Прилуцкой") и затѣмъ изчезаетъ...

Полова̀ начинается у с. Половой и вливается въ Удай немного выше Прилуки.

Смошъ начинается у с. Ржавца и протекаетъ мимо м. Иваницы, сс. Ступаковки, Щуровки, Рясокъ и Смоши, недалеко отъ которой вливается въ Удай. Притоки Смоши: рч. **Иваница** (иначе, **Солоха**) [1]) начинается у д. Верескуновъ, протекаетъ мимо с. Березовки, вливается въ Смошъ у м. Иваницы, **Городянка** (теперь—**Бугай**)—у с. Городни и **Ольшанка**— у с. Ольшаны.

Утка начинается ок. с. Сокиринецъ, протекаетъ мимо с.с. Калюжинецъ и Охонекъ и вливается въ Удай ок. м. Переволочны. Притокъ Утки съ правой стороны—**Лозовая** (по Шуберту), или **Селезень**, какъ и у Шафонскаго (стр. 491).

Лисогоръ начинаетси у д. Лисогора и протекаетъ мимо сс. Ярошовки, Блотницы, Юрковцовъ, Алексинцовъ, Грицовки, м. Сребнаго, сс. Подола, Деймановки, Гурбинецъ и Иванковцовъ. Притоки Лисогора съ лѣвой стороны: **Березовица** у с.с. Березовки и Талалаевки; **Галка**—протекаетъ мимо сс. Грицовки, Карпиловки и Харитоновки; **Довжикъ Грузской** (въ 1740 г., а теперь—**Глинная**)—у с. Оробьевъ. Притоки Лисогора съ правой

невѣрно и б. м. объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что по словамъ того-же автора—„въ настоящее время ни рч. Половой, ни притока ея Нежировки собственно говоря уже *не существуетъ*, а сохранился лишь оврагъ, наполняющійся водою только въ весеннее время»; отсюда видно, что нынѣ названія многихъ рѣчекъ сохраняются лишь по преданію. У Арандаренка (Зап. о Полт. губ., III, 284) тоже—не **Радьковка**, а Нежирова; тоже и у Шафонскаго (стр. 490).

[1]) *Иваницею* рѣчка называется въ описаніахъ 1740 и 1766 гг., а *Солохою*—теперь.

стороны: **Сребрянка** у м. Сребнаго и **Тростянецъ** ок. с. Васьковцовъ. [1])

Варвица—у м. Варвы. По описанію 1740 г. та-же рч. Варвица показывается и ок. с. Остаповки.

Журавка—у м. Журавки (по опис. 1740 г.) [2]).

Кромѣ Удайскаго бассейна область Прилуцкаго полка орошалъ еще и одинъ изъ притоковъ Сулы—**Роменъ**; по берегамъ этой рѣчки расположены сс. Корибутовъ, Фесевка, Дептовка, Красн. Колядинъ, Рябуха, Грицовка, Липовое и Коренецкая. Притоки Ромна съ правой стороны: **Торговица** у с.с. Куриловки и Гирявки, **Самборъ** (назв. нач. XVI в.) у с. Б. и М. Самборовъ, **Зарукавная** (иначе **Голубовка**) у с. Голенки, **Гайворонъ**—у с.с. Гайворона и Григоровки и рч. **Дегтяровка** (по Шуберту) у сс. Дмитровки и Крапивной.

Изъ этого перечня несомнѣнно ускользнули нѣкоторыя мелкія рѣчки, названія которыхъ—нынѣ забытыя, встрѣчаются лишь въ бумагахъ прежняго времени. Нѣкоторыя изъ этихъ рѣчекъ будутъ названы при отдѣльныхъ описаніяхъ селъ.

Дѣленіе Прилуцкаго полка на сотни. Изъ „Реестровъ" 1649 г. (изд. Бодянск.) видно, что черезъ годъ послѣ изгнанія поляковъ, Прилуцкій полкъ заключалъ въ себѣ до 20-ти сотенъ; названія ихъ слѣдующія: четыре (повидимому) сотни полковыя, двѣ Варвинскія, Сребрянская, Переволочанская, Иваницкая, Краснянская (Колядинская) Корибутовская, Голенская, Кропивенская, Гужовская, двѣ Иченскія, Городнинская, Монастырищенская, Галицкая и Дѣвицкая. Кромѣ того, отдѣльно показаны „Липовчане", т. е. козаки с. Липоваго, почему-то непріуроченные къ сотнѣ. Затѣмъ, по спискамъ за 1713—1741 г.г. въ Прилуцкомъ полку называются слѣдующія восемь сотенъ: полковая, Журавская, Варвинская, Сребрянская, Иваницкая, Красноколя-

---

[1]) У Арандаренка, (Зап. о Полт. г., III, 284) указаны слѣд. притоки Тростянца: *Лисица. Бобровая* и *Галка*.

[2]) Въ книгѣ «Прилуцк. Уѣздъ» рѣчки Варвица и Журавка вовсе не называются, изъ чего можно заключить, что ихъ теперь уже нѣтъ.

динская, Иченская и Монастырищенская. Впослѣдствіи въ этомъ дѣленіи произошло нѣкоторое измѣненіе, такъ какъ въ 1779 г. значились только слѣдующія сотни: полковая, двѣ Варвинскихъ, Журавская, Переволочанская, Сребрянская, Красноколядинская, Голенская, Иченская и Монастырищенская.

Значительное уменьшеніе числа въ нач. XVIII в. изъ показанныхъ въ 1649 г. сотенъ послѣдовало не отъ увеличенія сотенныхъ округовъ, а отъ уменьшенія народонаселенія; такъ слѣдуетъ полагать потому что во второй полов. XVII в. изъ лѣвобережной Малороссіи ушло множество народа въ будущую Слободскую Украину, отъ чего многія многолюдныя поселенія обѣднѣли народомъ до того, что изъ *мѣстечекъ* обратились въ незначительныя поселенія.

Описывая здѣсь Прилуцкій полкъ, мы беремъ сотенное его дѣленіе за первую половину XVIII в., такъ какъ собранныя нами здѣсь свѣдѣнія касаются преимущественно этого времени.

Полковой городъ Прилука. Прилука принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ южно-русскихъ поселеній. Начальная лѣтопись упоминаетъ о ней два раза: въ 1092 г. („и взяша три града—Пѣсоченъ, Переволоку, *Прилуку*“) и въ 1146 г. („приде Володимеръ и взя *Прилукъ*“). Но это двѣ Прилуки—разныя: упоминаемая въ 1092 г. находится на лѣвомъ берегу Днѣпра, а другая—на правомъ. Первая Прилука есть при-Удайская Прилука, бывшая полковымъ городомъ Прилуцкаго полка, а другая—находится въ Бердичевскомъ уѣздѣ, при рч. Деснѣ, впадающей въ Бугъ [1]). При-Удайскую Прилуку упоминаетъ и Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи, называя ее городомъ («и ходихомъ за Супой (изъ Переяслава) и ѣдучи къ Прилуку городу...» Прилукою этотъ городъ названъ потому что расположенъ онъ былъ при лукѣ, (поемный лугъ). Извѣстно, что въ южно-русскихъ степныхъ мѣстахъ защитные городки очень часто устраивались среди низменностей, а иногда и болотъ, подъ защи-

[1]) См. Соловьевъ, Истор. Р., I, 388. (Изд. Т-ва О. П.)

тою которыхъ крылись отъ нападеній враговъ [1]) Весьма вѣроятно, что ради этихъ-же причинъ и Прилука поселена была около *лукй* т. е. около поемнаго луга. Лѣвый, нагорный берегъ Удая не представлялъ слѣдовательно въ древности такой прочной защиты, какъ болото, къ которому доступъ лѣтомъ былъ очень труденъ... [2]).

Упомянутая лѣтописью въ XI в. Прилука остается затѣмъ на долгое время невѣдомою. Слѣдуетъ предполагать, что послѣ разоренія южной Руси татарами, запустѣла и Прилука. Засимъ, въ грамотѣ кн. Семена Олельковича (внукъ Владиміра Ольгердовича) 1459 года, значится, что грамота эта писана „на Прилуце за Днѣпромъ“, въ іюнѣ 6967 г. [3]).—Можетъ-ли относиться это свѣдѣніе въ Прилукѣ лѣвобережной и насколько оно достовѣрно?—Сохранилась грамота 1455 года Олелька Владиміровича (отца кн. Семена Олельковича), по которой этотъ князь отдаетъ своему боярину Олехну Сохновичу „огромныя пространства земли“ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, причемъ значительная часть этихъ земель находилась на лѣвой сторонѣ и принадлежала къ области Переяславской [4]). Отсюда видно, что при Олелькѣ Владиміровичѣ въ составъ Кіевскаго княжества входила и область Переяславская; къ этой области могла принадлежать и лѣвобережная Прилука, которая по отношенію къ своему центру—Кіеву—находилась „за Днѣпромъ“. Сынъ кн. Олелька Семенъ могъ, слѣдовательно, писать свою грамоту въ этой Прилукѣ „за Днѣпромъ“, если только эта

---

[1]) См. Опис. Стар. Малор., II, 239.

[2]) Описывая Прилуку въ 1653 г. Павелъ Алеппскій говоритъ между прочимъ, что «съ южной стороны этой крѣпости находится озеро, огромное, какъ море, въ которое впадаетъ много рѣкъ». (Перев. Муркоса, II, 83). Несомнѣнно, что за 500 лѣтъ передъ тѣмъ, это «озеро» представляло собою еще бóльшее «море»; подъ его защитою должно быть и возникла Прилука.

[3]) Грамоты вел. князей Литовскихъ, изд. Вл. Антоновича и К. Козловскаго (Кіевъ, 1868), стр. 20.

[4]) Очерки Переяславской Старины, А. Вл. Стороженка. (Кіевъ, 1900) стр. 73.

Прилука была уже отновлена къ полов. XV в.—Фактъ-же такого отновленія „заднѣпровской“ Прилуки въ это время—исторически былъ возможенъ. Такъ можно полагать потому что при спорахъ Москвы съ Польшею въ полов. XVII в. о „Путивльскомъ рубежѣ“, поляками были представлены „привилія короля Казиміра (1447—1492) на волость Роменскую и—короля Александра (1492—1506 г.), на волость Торговицу [1]). Несомнѣнно, что какое-нибудь населеніе въ этихъ волостяхъ тогда уже существовало, а по близости Ромна и Торговицы [2]) къ Прилукѣ можно думать, что въ полов. XV в. могла уже отновляться и Прилука. Въ то-же время мы знаемъ, что существовавшая въ концѣ XV в. Торговицкая волость черезъ сто лѣтъ уже—„лежала впустѣ,“ будучи вѣроятно разорена при нашествіи Менгли-Гирея въ самомъ концѣ XVI в. Тогда-же могла еще разъ запустѣть и Прилука, потому что изъ грамоты Стефана Баторія 1578 г. Байбузѣ на „пустыню—рѣку Удай“ (с. 2) видно, что никакого города въ это время тутъ не было. Вновь возникла Прилука, повидимому, послѣ того какъ „пустыня“ рѣки Удая перешла отъ Байбузы къ Вишневецкимъ. Ставъ хозяевами Посульщины и Поудайщины, Вишневецкіе повели здѣсь усиленную колонизацію и уже въ к. XVI в. даны были ими грамоты на магдебурское право городамъ Лубнамъ и Пирятину. Тогда-же возникла и Прилука съ окружающими селами. Документъ полов. XVII в. говоритъ, что всѣ эти „осады“ возникли „za czasu impostorów“ (с. 3, прим. 2). Случилось, что уже въ первые годы своего отновленія Прилука была разорена войсками Бориса Годунова. На это разореніе указывали польскіе послы московскимъ боярамъ въ 1608 г., упрекая послѣднихъ за разныя неправды ихъ правительства. Обвиняя Бориса за то, что тотъ уклонялся отъ исполненія договора о проведеніи „рубежа“ „промежъ Остра и Чернигова“, поляки говорили, что Борисъ не только не выслалъ своихъ „судей“ для проведенія „рубежа,“ но „послалъ воеводъ своихъ съ Чернигова и Путивля, съ вой-

[1]) См. Опис. Стар. Малороссіи, II, 238.

[2]) Дворцов. Разряды, II, 899.

скомъ, съ пушками и съ иншими нарядами, военнымъ обычаемъ, которые городъ и мѣсто князей Вишневецкихъ Прилуки, въ которомъ было *больш шести сотъ домовъ осады*, збурили и сожгли, людей многихъ мужскоѣ и женскоѣ плоти, на остатокъ и дѣтокъ на смерть побили и помордовали, и много крови христіанской пролили, а иншихъ живыхъ непріятельскимъ обычаемъ въ полонъ побрали..." [1]) Разореніе это должно относиться къ 1604 г. [2]) Въ свѣдѣніи польскихъ пословъ о томъ, что въ Прилукѣ въ то время было болѣе 600 домовъ можно сильно сомнѣваться, если только поляки при этомъ не имѣли въ виду и окольныхъ Прилуцкихъ селъ, которыя должны были пострадать вмѣстѣ съ своимъ городомъ.

---

[1]) Акты Зап. Россіи, IV, 36. Объ этомъ-же разореніи Прилуки встрѣчается свѣдѣніе и у Когновицкаго (Życia Sapiehów, Варшава, 1791, т. III, стр. 154), который разсказывая о недовольствѣ поляковъ на Шуйскаго, говоритъ: «można mówić że kniazia Szuyskiego tak okrutny z polakami postępek delikatnosc Sapiehy bardziey obraził, niż priwatna xiązat Wisniowieckich na maiątku i dobrach ich skoda im uczynił niedawno Boris Hodunow przez zburźenie i splondrowanie Przyluki zamku».

[2]) Петрушевичъ въ своей *Сводной Галицко-Русской лѣтописи* (Львовъ. 1874), говоритъ, что «въ 1604 г. козаки подъ наказн. гетман. Иваномъ Заруцкимъ соединились съ поляками и помогали Лжедимитрію, и что въ этомъ же году великорусскія войска разорили Прилуку». (стр. 405). Источникъ этого свѣдѣнія неуказанъ, но именно въ 1604 г. въ Посульи, около Лубенъ и Прилуки, происходило сильное народное движеніе, вызванное появленіемъ Лжедимитрія, которое, и могло привлечь сюда московское войско. Объ этомъ народномъ движеніи находимъ свѣдѣніе у Гиршберга, который на основаніи письма Януша Острожскаго, писаннаго въ февралѣ 1604 г., говоритъ: «Tym czasem i w polskiej Ukrainie czyniono przygotowania do podięcia walki z Borysem. W wielu stronach zbierały sie oddziały zbrojnych z niemałem utrapieniem mieszkańców tamtejszych. Oddziały te już w styczuiu r. 1604 zgromadziły się w Lubnach, miasteczku księcia Michała Wiśniowieskiego, a z początkiem marca t. r. miały wtargnąć w granice moskiewskie». («Dymitr Samozwaniec», стр. 26).

Засимъ, въ актѣ 1617 г. находимъ указаніе, что въ это время существовали двѣ Прилуки: *старая* и *новая*. Слѣдуетъ думать что здѣсь *старою Прилукою* называется „городокъ" или „зàмокъ," съ его населеніемъ, а *новою*—поселеніе возникшее внѣ замка, на „фольваркахъ" [1]). Въ 1628 г. въ обѣихъ этихъ Прилулахъ считалось 40 „дымовъ" и одинъ священникъ. [2]) Въ 1636 г. Іеремія Вишневецкій выдалъ Прилукѣ свой „листъ", разрѣшавшій устроить цехъ, „*рѣзницкій*". [3]) Это обстоятельство указываетъ, что Прилукѣ въ это время уже присваивалось значеніе извѣстнаго центра, о развитіи котораго и заботился Вишневецкій. А послѣ того какъ послѣдній совсѣмъ переселился на лѣвый берегъ, Прилука становится однимъ изъ замѣтныхъ здѣсь городовъ, потому что Вишневецкій устроилъ въ немъ одинъ изъ своихъ украинскихъ зàмковъ, который подъ конецъ своего пребыванія въ *Заднѣпріи*, какъ будто даже предпочиталъ своей здѣшней столицѣ—Лубнамъ. Изъ дневника Машкевича видно, что Вишневецкій въ 1648 г. напр., почти, безвыѣздно жилъ въ Прилукѣ; [4]) жилъ онъ здѣсь, занимаясь постройкою великолѣпнаго дворца, вѣроятно разсчитывая совсѣмъ переселиться изъ Лубенъ въ Прилуку, причемъ Прилука могла быть предпочтена Лубнамъ, по большей своей защитности, какъ укрѣпленнаго мѣста. Однако жъ Вишневецкій не успѣлъ окончить своего Прилуцкаго дворца; помѣшало ему въ этомъ народное возстаніе въ Малороссіи. Живя въ Прилукѣ, Вишневецкій услыхалъ въ февралѣ 1648 г. о „какомъ-то" Хмельницкомъ; здѣсь онъ находился и въ маѣ, того-же года, когда народъ взволновался уже по всему *Заднѣпрію* и когда о Вишневецкомъ „доложили" пограничному русскому воеводѣ, что онъ находится „въ Прилукахъ, въ монастырищѣ, въ окопѣ..." [5]) Изъ этого упоминанія объ „окопѣ" и о какомъ то

[1]) Ср. *Старые и Новые Лубны*, о которыхъ говоритъ актъ 1618 г. Чтен. въ Общ. Нестора, XI, отд. 2, стр. 70.

[2]) Żrodła Dziejowe, XXI, 295, 598.

[3]) См. ниже, о цехахъ.

[4]) Zbior pamiątn. histor. o dawnej Polszcze, Niemcewicza, изд. 1840 г., V, 64.

[5]) Акты Моск. Госуд. (Спб. 1894), II, 220.

„монастырищѣ" можно догадываться, что Вишневецкій въ Прилукѣ думалъ укрываться отъ возставшаго народа; но въ полов. мая, Вишневецкій уже уходилъ за Днѣпръ... [1])

Въ какомъ видѣ Вишневецкій оставилъ Прилуку, это видно изъ ея описанія, сдѣланнаго Павломъ Алеппскимъ въ 1653 г., т. е. черезъ пять лѣтъ послѣ ухода Вишневецкаго. Называя Прилуку „большимъ благоустроеннымъ городомъ," путешественникъ говоритъ: „цитадель (зáмокъ) внутри этого города удивительна по своей вышинѣ, укрѣпленіямъ, башнямъ и пушкамъ, по своей облицовкѣ и глубинѣ рва съ проточною водою... Къ цитадели ведутъ потаенные подземные ходы. Внутри нея находится величественный и очень высокій дворецъ, вверху и внизу удивительный по обширности, высотѣ, громадности бревенъ и полированныхъ внутри и снаружи досокъ, плотно приложенныхъ другъ къ другу, по огромнымъ, высокимъ печамъ, превышающимъ кипарисы. Дворецъ не достроенъ. Дата его написана на верху горбообразной его крыши—1647 годъ. Этотъ дворецъ принадлежалъ Вишневецкому..." [2]) И по этому описанію можно полагать, что Вишневецкій думалъ сдѣлать Прилуку своей резиденціей, взамѣнъ Лубенъ.—Описывая Прилуку, Павелъ Ал—ій нислова не говоритъ ни о какомъ въ ней монастырѣ; а между тѣмъ Кулишъ, разсказывая—въ своей книгѣ „Отпаденіе"—о пребываніи Вишневецкаго въ лѣвобережной Украинѣ, говоритъ между прочимъ, что Іеремія устроилъ костелы—въ Лубнахъ, Ромнѣ, Лохвицѣ и „другихъ городахъ," а въ Прилукѣ де былъ устроенъ имъ и доминиканскій м—рь. То-же самое—объ этихъ костелахъ и о м—рѣ въ Прилукѣ—говоритъ и Костомаровъ въ своей книгѣ „Б. Хмельницкій." Въ другомъ мѣстѣ мы объяснили ошибочность этихъ свѣдѣній относительно существованія въ Вишневеччинѣ нѣсколькихъ костеловъ (которыхъ прежде всего—*не для кого* было здѣсь строить) и указали на невѣрность свѣдѣнія о Прилуцкомъ католическомъ м—рѣ, заимствованнаго изъ непровѣреннаго из-

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1896 г., мартъ, 348.

[2]) Путешеств. Макарія, въ переводѣ Мурвоса, II, 83.

вѣстія Несѣцкаго (Herbarż Polski), который говоря о доминиканскомъ м—рѣ въ *Прилукѣ*, видимо разумѣлъ Прилуку правобережную. [1])—Тѣмъ не менѣе, во время ухода Вишневецкаго изъ Прилуки, это былъ сравнительно уже большой городъ, заключавшій въ себѣ—800 домовъ, какъ объ этомъ сообщаетъ актъ того времени (см. с. 3). [2]) Поэтому, при раздѣленіи лѣвобережной Украины на полки, въ 1649 г., въ Прилукѣ и ея „фольваркахъ" было образовано, повидимому, четыре полковыхъ сотни, какъ объ этомъ значится въ „Реестрахъ" 1649 г. [3]). Затѣмъ Прилуку встрѣчаемъ въ числѣ тѣхъ лѣвобережныхъ городовъ и городковъ, которые приближенные Богдана Хмельницкаго выпросили себѣ у царя вслѣдъ за Переяславскимъ договоромъ о соединеніи. [4]) Особенно щедро надѣлена была въ этотъ моментъ семья Выговскихъ, т. е. самъ генер. писарь, его отецъ и братья. Эти лица, ходатайствуя у царя о надѣленіи ихъ маетностями, повидимому, не стѣснялись и—тѣмъ не менѣе—всѣ ихъ просьбы Московское правительство удовлетворяло, выдавая одну грамоту за другою. Напр., самому Ивану Выговскому, по его просьбѣ, даны были царскія грамоты на г. Остеръ *„съ селы"*, м. Козелецъ, м. Бобровицу и на г. Роменъ *„съ селы и со всякими доходы и угодьи, къ тому належачими."* Несомнѣнно, что въ этомъ случаѣ и самъ Выговскій не имѣлъ яснаго представленія о составѣ и величинѣ этихъ „маетностей," а въ жалованной грамотѣ лишь повторялось то, что́ указывалось въ прошеніяхъ. Братъ генер. писаря Данило просилъ и получилъ грамоту на *гор. Прилуки* и мм. Барышполе, Барышевку, Во-

---

[1]) Кіевск. Старина 1896 г., мартъ, 337.

[2]) Въ другомъ мѣстѣ (Podole, Wołyń, Ukraina, I, 42) указывается, что ок. полов. XVII в. въ Прилукѣ было 366 «господарей»; можно думать, что документъ, напечатанный Пршездѣцкимъ, относится ко времени болѣе раннему, чѣмъ свѣдѣніе найденное въ Стокгольмѣ. Въ 1654 г. въ Прилукѣ «приведено къ вѣрѣ», «рядовыхъ козаковъ и мѣщанъ» всего 1423 человѣка, при чемъ указываются конечно одни взрослые мужчины.(Акты Ю. З. Р., X, 294). Но въ числѣ этихъ лицъ несомнѣнно были и жители сосѣднихъ съ Прилукою поселеній.

[3]) «Реестры», изд. Бодянскаго, 304, 305 и 308.

[4]) См. Опис. Стар. Малор., II, 255.

роньковъ и Басань... [1]) Такимъ образомъ была выпрошена и Прилука. Но разумѣется, всѣ эти пожалованія ограничивались одною выдачею грамотъ: новые державцы такихъ обширныхъ и богатыхъ маетностей не только не осуществляли своихъ правъ, но въ большинствѣ, конечно, и не видѣли этихъ выпрошенныхъ маетностей... [2]) Не попавъ въ державу Выговскаго, Прилука въ 1664 г. неожиданно попала подъ власть польскаго короля.— Рѣшивъ возвратить Польшѣ „Заднѣпріе,“ Янъ-Казиміръ, какъ извѣстно, предпринялъ въ 1664 г. сюда походъ, причемъ отрядъ козаковъ подъ началомъ Богуна былъ направленъ въ Переяславскій и Прилуцкій полки для занятія тамъ главныхъ центровъ. Самовидецъ разсказываетъ, что Богунъ, при этомъ безпрепятственно занималъ „городы“ пока не встрѣтилъ перваго сопротивленія въ сотенномъ городкѣ Монастырищѣ. Едва-ли не здѣсь встрѣтилъ Богуна тогдашній Прилуцкій полковникъ Песоцкій (с. 8), о которомъ Самовидецъ замѣтилъ, что онъ „юже здавшися, з войскомъ лядскимъ былъ“. Можно думать, что Песоцкій сдался Богуну вмѣстѣ съ Монастырищемъ. Сказавъ о

---

[1]) Акты Ю. З. Р., X, 671—672.

[2]) Любопытное явленіе представляетъ эта мнимая раздача Московскимъ правительсвомъ маетностей въ только что присоединенной области, еще почти невѣдомой и самому правительству. Какую цѣль имѣло это послѣднее, такъ щедро раздавая цѣлые города «съ селы» — людямъ, тоже еще почти невѣдомымъ этому самому Московскому правительству?—Можно думать, что правительство считало вопервыхъ, важнымъ—самый фактъ признанія за нимъ—со стороны просителей права на пожалованіе, а вовторыхъ, могло имѣть въ виду—привязать къ себѣ этихъ просителей... Еще любопытнѣе другой вопросъ: какую власть думали получить эти самые просители въ выпрошенныхъ маетностяхъ, состоявшихъ изъ цѣлыхъ городовъ?— Намъ кажется, что у Выговскихъ, напр., рисовалась при этомъ картина того самаго *державства* въ выпрошенныхъ маетностяхъ, какимъ располагали только что вытѣсненные изъ этихъ маетностей польскіе паны... Значитъ, никакихъ демократическихъ идеаловъ у представителей только что освободившагося отъ польскаго ига народа не было и они готовы были наложить на этотъ народъ прежнее иго, замѣняя польскихъ пановъ—собою.

взятіи М—ща, Самовидецъ продолжаетъ: „и у Прилуцѣ юже отъ гетмана Тетерѣ залога стала и туды вся дорога ляхамъ была на Ичню, Нѣжинъ объѣзжаючи“. Это не совсѣмъ ясное извѣстіе можно, такъ объяснить: пока Богунъ занималъ „городы“—по дорогѣ отъ Днѣпра къ М—щу, Тетеря пошелъ другою дорогою (южнѣе) и достигнувъ Прилуки, занялъ городъ и оставилъ въ немъ „залогу“ (гарнизонъ), чтобы обезпечить путь польскому войску съ юга на сѣверъ, (гдѣ находился въ это время король. [1]) Во всякомъ случаѣ, такой большой городъ какъ Прилука—занятъ былъ польскимъ войскомъ безъ сопротевленія. Вѣроятно Прилуки некому было защищать послѣ того, какъ Песоцкій передался полякамъ. Любопытно, что при занятіи Прилуки Тетерею, послѣднему при этомъ очень помогли Густынскіе монахи, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ грамота Яна-Казиміра, данная тогда же монастырю. Въ ней мы читаемъ: „памятаючи на вѣрность и зичливость побожныхъ законниковъ м—ра Густынского, которій до освобожденія зъ рукъ тиранской неволѣ мѣста нашого Прилука названого, *великою помощію были*, тутъ же стосуючися до суплѣки благородного гетмана (Тетери?) и цѣлого войска нашего Запорожского, до насъ за ними внесенной, охотно мы на то соизволили, абы мы ихъ при спокойной млиновъ на рѣцѣ Удаи стоячихъ, отъ князей побожныхъ наданныхъ, поссесіи заховали, яко-жъ и и заховуемъ и зоставуемъ тимъ листомъ нашимъ, которіе то млини помянутіе побожніе законницы имючи, держать и заживать будутъ...“ Изъ содержанія этой грамоты можно заключать, что—при занятіи Прилуки Тетерею —Густынскіе монахи уговорили прилучанъ не сопротивляться...

Но Прилука скоро была и освобождена: неудачная осада Глухова Яномъ-Казиміромъ сразу уничтожила всѣ его успѣхи въ „Заднѣпріи“.

---

[1]) Ср. у Костомарова, «Руина», 23.

[2]) Грамота Яна-Казиміра сохранилась въ копіи при Румянц. Описи. Въ грамотѣ значится: «данъ въ обозѣ подъ Мѣною, м—ця генваря 10 дня. 1664 году». (О взятіи королемъ Мены въ январѣ 1664 г., см. Zbiór Pamiętnik. Bröel-Plater'a, IV, 136). Изъ Приве-

Мы назвали выше Прилуку большимъ городомъ, потому что такимъ онъ тогда считался среди городовъ южной Малороссіи:—при упоминаніи о ней въ 1668 г., современникъ говоритъ—„а городъ де Прилука болшой...“ [1]) Но у этого большого города хозяйство было очень не большое.

Городское хозяйство. Почти всѣ города въ гетманщинѣ имѣли свои имѣнія, заключавшіяся въ земляхъ и водяныхъ мельницахъ. Кромѣ доходовъ съ недвижимыхъ имѣній, города получали доходы еще отъ „арендъ“ (пока они не были уничтожены послѣ измѣны Мазепы), т. е. за откупъ торговли водкою и табакомъ, и отъ ярмарокъ. Но всѣ эти доходы, большею частью, шли на военныя нужды полка, вслѣдствіе чего распоряженіе ратушныхъ урядниковъ городскимъ хозяйствомъ находилось въ полной зависимости отъ полковой или сотенной старшины. Такъ было и въ Прилукѣ: всѣми городскими доходами почти всецѣло распоряжался полковникъ, а ратушнымъ урядникамъ (войту и бурмистрамъ) оставалось лишь слушаться его велѣній. Принадлежавшее Прилукѣ недвижимое имѣніе заключалось въ Гнилицкой степи и въ правѣ на помолъ („розмѣръ“) въ Смошенской водяной мельницѣ. Право на „розмѣръ“ съ этой мельницы — отдано было Прилуцкой ратушѣ въ 1670 году гетманомъ Многогрѣшнымъ, по слѣдующему универсалу: „Респектуючи мы на великій ратуши Прилуцкое недостатокъ, которій що разъ пріймаючы частіи наѣзды, скарбницу свою мѣскую мѣетъ оскудну, теды мы оной вспоможене хотячи учинити, млинъ Мойсѣевъ Ювхименковъ зъ двома каменми мучными въ с. Смоши стоячій, надалисмо, позволяючи войтовѣ Прилуцкому всякій съ того млина припадаючій розмѣръ до скарбу ратушного мѣского, чрезъ своихъ на тое выставленныхъ вѣрныхъ людей, одбирати...“

Свѣдѣнія о пространствѣ Гнилицкой степи были собраны въ нач. втор. полов. XVIII в. и по этому разслѣдованію оказа-

---

девной грамоты видно, что Прилука занята была Тетерею въ самомъ нач. 1664 г.

[1]) Акты Ю. З. Россіи, VII, 17.

лось, что еще при Лазарѣ Горленкѣ къ городу Прилукѣ причислялось огромное пространство степи между рчрч. Рудою и Переводомъ, и „степъ тотъ былъ волній, и невозбранно было никому зъ обывателей Прилуцкихъ оного косити“, какъ показывали Прилуцкіе старожилы въ 1719 г.; но „за полковництва п. Носа, на этомъ степу загоны и концы были починены и уже возбранно было всякому на немъ траву косити зъ тамошнихъ обывателей“. Ограничено было пользованіе городскою степью, потому что уже и ко времени Носового полковничества много ея было захвачено разными лицами, преимущественно, разумѣется, власть имѣвшими. При повѣркѣ въ 1719 г. захватовъ изъ городской степи, оказалось, что они были сдѣланы слѣдующими лицами. Степанъ Тарновскій прихватилъ къ своему селу Манджосовкѣ часть степи на томъ основаніи, что это село было „оскудно на поля и сѣножати“. 2. Носъ, будучи еще есауломъ, занялъ „загонъ степу.“ 3. Янъ Грекъ, будучи судьею, занялъ „мѣстце степу.“ 4. Степанъ Чернявскій, будучи полк. есауломъ, занялъ часть степи „для сѣнокошення,“ „до котораго и за полковництва уже п. Носа, будучи ему свойственнимъ, знатній злишокъ степу причинилъ.“ 5. Въ той степи „ратушная давняя сѣножать „еще покойнымъ п. родителемъ п. Федора Марковича, Прилуцкого сотника, занята. 6. Густынскіе монахи многіе „загоны“ степи заняли къ своему селу Поддубновкѣ. Но наибольшіе захваты изъ Прилуцкой степи были сдѣланы Обидовскимъ, во время бытности его Нѣжинскимъ полковникомъ, и—Галаганомъ; первый на захваченной степи устроилъ село *Погребы* а второй—*Гнилицу*. (См. ниже, села сотни полковой). Кромѣ этихъ захватовъ, урѣзки Прилуцкой степи продолжались и въ послѣдствіи. Къ половинѣ XVIII в. изъ Гнилицкой степи остались у города только двѣ „сѣножати“, „лежащія за Рудою“. „Первая мѣрою вдлину на 1 версту, а вширь на 480 саж., на которой сѣножати въ 752 году въ заготовленіи было сѣна, съ третины [1]) укошенного, скирдъ семь, въ

[1]) Т. е. въ пользу города поступила третья часть собраннаго сѣна, а двѣ трети его отданы косцамъ за ихъ трудъ.

коихъ было копенъ по 80, а въ 753 году, за неурожаемъ травы, шесть стожковъ, въ коихъ копенъ 200."—„Другая сѣножать, мѣрою вдлину 1 верста и 380 саж., а вширь на 1 версту и 160 саж., на которой сѣножати обознымъ полков. Прилуцкимъ г. Федоромъ Галенковскимъ на полковую артиллерію сѣно косится, а въ 753 году укошено на той сѣножати на полковую артиллерію скиртъ 30, въ которыхъ копенъ по сто, вкругъ по 15 сажн., да на заводние овцы едну скирту въ 100 коп., вкругъ сажн. въ 15, да на ратушъ укошено для расходовъ сѣна чотири стожки, въ коихъ коп. по 50, а вкругъ по $7^1/_2$ сажн.". „Сверхъ тѣхъ сѣножатей, по вышеозначеннымъ крѣпостямъ, съ принадлежащого до ратуши городовой Прилуцкой степу, близъ хутора Кривенковского лежачого, мѣрою вдлину—верстъ 3 и 300 сажн. а вширъ 400 саж., на которомъ въ прошлихъ годахъ десятинного хлѣба бываетъ въ лѣто до 60 копъ, а сѣна съ третини по 7-ми стожковъ, а въ 753 г. за запущеніемъ на томъ степу толоки, хлѣба яко и сѣна въ приходѣ немало нѣту." „Да кромѣ того степу до владѣнія ратуши Прилуцкой принадлежащого, особливо бунч. товар. Яковъ Жураковскій немалую часть Гнилицкого степу, по крѣпостямъ общого Прилуцкимъ обывателямъ принадлежащого, завладѣлъ, о томъ въ судѣ в. генеральномъ и дѣло съ онимъ Жураковскимъ имѣется".

Принадлежала Прилуцкой ратушѣ еще комора на ринку Прилуцкомъ", т. е. лавка на городской площади. Объ этой лавкѣ въ 1754 г. говорилось, что она прежде нанималась по 10 р. въ годъ, а потомъ, по отсутствію нанимателей,—по 6 р.

Доходы города отъ „арендъ" были неопредѣлены. Самый порядокъ ихъ поступленія былъ разнообразенъ, смотря потому—отдавалась ли торговля водкою и табакомъ на откупъ одному лицу или же она предоставлялась всѣмъ жителямъ города. [1])

[1]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о порядкѣ поступленія «арендовыхъ прибылей» какъ въ войсковой скарбъ, такъ и въ городскую «скарбницу», можно видѣть изъ универсала Мазепы 1698 г., въ которомъ говорится, что въ 1697 г. состоялось постановленіе старшихъ и мень-

Въ какомъ количествѣ получалъ городъ „арендовыя прибыли“ до полковничества Дм. Горленка—не извѣстно, но затѣмъ свѣдѣнія объ этомъ доходѣ имѣются, и изъ нихъ видно, что „до скарбцу полкового“ поступало отъ „аренды“ въ годъ ок. ста рублей. Впрочемъ доходомъ этимъ Дм. Горленко распоряжался самовластно и куда онъ шелъ—Прилучане не знали, но подозрѣвали, что чуть-ли не весь этотъ доходъ присвоивался полковникомъ. [1])

Вообще городское хозяйство Прилуки находилось, какъ видно, въ печальномъ положеніи, и уже при Скоропадскомъ

шихъ войсковыхъ обывателей малороссійскихъ, «абы аренды всюду по городахъ и городкахъ не поединковымъ особамъ були запродаваны, але всюди всѣми обще жительми були содержаны, такъ и теперъ тое постановлене заховуемъ. Прето и на сей рокъ 1698, отъ дня 12 іюня преподобного Онуфрія починаючийся, а въ пришломъ 1699 о томъ-же часѣ кончитися маючий, позволяемъ п. сотнику Прилуцкому, атаманови съ товариствомъ и войтови тамошнему съ посполъствомъ, горильчаный и тютюнный шинкъ имѣти въ зуполномъ завѣдованю ко лучшей своей выгодѣ и общему мѣскому пожиткови, при которомъ то обнятю аренды и отобраню интерцизіи, маютъ оные и повинны будутъ належигую до скарбу войсковую суму 1500 золотыхъ отдаты, безъ жадной отволоки. А докладаемъ тое, абы волно було кождому, якъ съ козаковъ, такъ и съ посполитыхъ людей на хрестины и на веселле любо викуриты соби кадку едну и другу горѣлки, любъ купиты собѣ на сторонѣ, хто похочетъ 100 квартъ або 50, тилько бъ не меншъ, якая купля гуртовой горѣлки маетъ бути за вѣдомомъ сотника, атамана и войта, альбо тихъ людей, которые съ полѣцення мѣского арендою завѣдовати будутъ. А если хто съ козаковъ или посполитыхъ людей 100 альбо 50 квартъ горѣлки купить не похочетъ, а схочеть на меньшомъ частованю перестати, то повиненъ купить оную въ аренди; лечъ на такіи оказіи маетъ имъ продавана бути горѣлки кварта дешевшою цѣною. Варуемъ однакъ тое, абы старшина не важилась горѣлокъ своихъ давати въ арендовіе шинки дорожшею цѣною... А медомъ, пивомъ и брагою волно всѣмъ, якъ козакамъ, такъ и посполитимъ людямъ, шинковать.» *Изъ бумагъ Н. А. Маркевича, въ копіи.*

[1]) Ниже, въ приложеніи къ описанію г. Прилуки, мы приводимъ любопытное «вѣдѣніе» о томъ, какіе расходы долженъ былъ нести городъ на военные нужды полка и какъ эти расходы производились.

городъ затруднялся удовлетворять самыя настоятельныя общественныя нужды. Особенно потерпѣло городское хозяйство послѣ раздачи при Апостолѣ такъ назыв. свободныхъ селъ высшей старшинѣ на уряды. Печальную картину своихъ нуждъ „мѣскій Прилуцкій урядъ" представлялъ гетману Апостолу, въ 1730 г., въ слѣдующемъ видѣ:—„Городъ нашъ Прилука, яко посередъ Украины найдуючійся, перехрестные имѣетъ въ себе шляхи, и въ вистаченью и отбуваню повинностей и подводъ—не малые дознаетъ трудности, которыхъ когда самые тяглые люде, до ратуша Прилуцкого належные, отбувать весьма не зволили (не здолили?), то о томъ покойному гетману Скоропадскому суппликовали, просячи милости; и онъ... повелѣвъ, дабы паны державцѣ духовного и свѣцкого стану въ одбуваню въ городѣ нашомъ Прилуци уставичной почты въ помочь давать подводъ не забороняли, и тое двома унѣверсалами ствердивъ, якіи и нынѣ у себе имѣемъ. А теперъ не токмо державскіе села жадного помоществованія городу Прилуцѣ въ томъ не чинять, но и люде до ратуша Прилуцкого принадлежащіе, въ селахъ сотнѣ полковой Прилуцкой жителство свое имѣючіе, одъ оной ратуши вси зостали одобраны, которые будучи при ратушѣ, тие совокупне съ городомъ Прилукою одбували повинности. *Primo.* Сторожу зимнего и лѣтнего времени подлѣ вартигарни, где со всего полку Прилуцкого не малое число вязнювъ (арестантовъ) содержится, и сторожу плецовую для обереженя полкового города Прилуки, на що всѣхъ сторожей виходитъ человѣка до трицяти. *Secundo.* Сѣно косятъ для коней артилеріи полковой, якіе въ Прилуцѣ зимуются, для коней почтовыхъ въ Прилуцѣ содержачихся и для пріѣзжаючихъ въ Прилуку всякихъ персонъ. *Tertio.* Почту уставичную въ городи Прилуци коней по-десять отбуваютъ. *Quarto.* Дрова куплею или изъ своихъ лѣсовъ вистачаютъ до ратуша Прилуцкого, где одправуются со всего полку судебние дѣла и наизди многіе буваютъ, тако-жъ и для пріѣзду знатныхъ персонъ оние дрова на квартири видаются. *Quinto.* Поборъ вистачаютъ городовий, котрий взимався до ратуша для разныхъ расходовъ, а именно до полковихъ дѣлъ и до ратуша покупали було: папиръ, смолка, воскъ, минія, олива, кгаласъ и другіе потребности, а нинѣ оній по-

боръ взимается до скарбу войскового и вишеписанныхъ рѣчей, безъ которихъ въ направленню дѣлъ обийтись весма невозможно, покупать теперь не за-що. *Sixto.* И надъ тие вишепоказанние повинности вновь еще начали одбувать съ 1726 году почты въ Кіевскомъ полку, въ сели Броварахъ, на которую по очереди въ годъ два разы по 14 копей вистачаютъ". [1]) Въ заключеніе Прилучане просили гетмана указать—откуда имъ можно получить помощь въ отбываніи повинностей, такъ какъ безъ этой помощи—городъ прійдетъ „въ крайнее разореніе и опустѣніе."

Почти то-же самое и тогда-же—писала гетману и полковая Прилуцкая старшина.—„Понеже ихъ мил. паномъ старшинѣ войск. енералной роздани въ полку Прилуцкомъ, на ранги ихъ, маетности свободніе войсковіе... а бывало съ тихъ свободныхъ маетностей посполитіе люде зъ мѣскими (городскими) людми, по указу вашомъ рейментарскомъ, почту въ полку Прилуцкомъ, такожъ и Кіевскомъ, въ с. Броварахъ, отбуваютъ, подводы для всякихъ ѣздаковъ выдаютъ, сѣно для войсковыхъ арматскихъ и почтовыхъ мѣскихъ коней, такожъ для переѣздовъ, косятъ и возятъ, сторожу плецовую и около колодниковъ отправуютъ, и бывало передъ симъ на служителей войсковыхъ и мѣскихъ денежную и хлѣбную видають належитость... И еже ли, ясневелм. добродѣю, помянутіе тяжести самимъ городомъ Прилукою прійдется отбувати, то мѣскіе люди (т. е. жители Прилуки) произойдутъ въ крайное разореніе и куди видя розійдутся..." [2])

Когда одно изъ „свободныхъ" селъ—Смошъ отдано было Лысенку, то послѣдній вмѣстѣ съ селомъ завладѣлъ и тою водяною мельницею, съ которой помолъ опредѣленъ былъ по особымъ гетманскимъ универсаломъ—Прилуцкой ратушѣ. Поэтому поводу Прилуцкій войтъ писалъ въ 1732 г. Апостолу, что когда с. Смошъ отошло отъ ратуши и отдано ген. есаулу Лысенку, то послѣдній завладѣлъ и розмѣровымъ хлѣбомъ съ мельницъ на р. Смоши, принадлежавшихъ ратушѣ; а между тѣмъ, этотъ хлѣбъ былъ необходимъ для удовлетворенія

---

[1]) Изъ бумагъ Н. А. Маркевича, въ копіи.

[2]) Арх. генер. канц., по Черниг. описи № 5001.

многихъ городскихъ расходовъ, при чемъ войтъ приводитъ примѣры: „Когда артиллерія полковая Прилуцкая идетъ въ войско, то такъ для служителей артиллерійскихъ, яко и для музыки войсковой—всякій харчевой выдается запасъ; [1]) а продавши того борошна (т. е. ржаной муки) покупаются подъ оній запасъ—возы, колеса въ зайвину (въ запасъ), желѣзо, деготь и прочіе до арматъ, палубовъ и возовъ потребности.— Когда хто съ знатнихъ персонъ великороссійскихъ въ городъ пріѣдетъ, то надлежитъ достойную отдати честь и чимъ колвекъ поклонится, що такожъ продавши борошна, покупается; а безъ того, якъ усѣмъ вѣдомо есть, обийтися весма въ полковомъ городѣ невозможно. Папѣръ, воскъ, олива, сургучъ и кгалясъ до полковыхъ дѣлъ, яко и на ратушние всякіе расходи, покупается, свѣчки для судовихъ дѣлъ и до ратуша покупаются, писаровѣ мѣскому и подпискамъ ратушнимъ на кормъ по умовѣ (по договору) дается съ тихъже млиновъ борошна; слугамъ ратушнимъ, якіи неисходно при ратушу живутъ, безъ которихъ ратушу обийтися невозможно, зъ онихъ же млиновъ видается борошно и прочіе мѣскіе чинятся расходи, продавши того-жъ борошна.“ [2])

Безправно захваченная Лысенкомъ Смошенская мельница была ратушѣ возвращена, но въ 1754 г. Прилуцкій войтъ снова жаловался, уже гетману Разумовскому, что „съ 1 сентября 1749 г. ихъ высокородія гг. бунчук. товарищи Діонисій и Герасимъ Демьяновичи означенною мельницею ратушъ владѣть, невѣдомо почему, не допускаютъ“. Эту жалобу Прилуцкой ратуши Разумовскому трудно было удовлетворить, такъ какъ Денисъ и Герасимъ Демяновичи были родные дядья гетмана, братья его матери... На этотъ разъ Смошенская мельница была отобрана отъ ратуши уже навсегда.

---

[1]) Сообщаемъ при этомъ, кстати, свѣдѣніе о составѣ Прилуцкой полковой артиллеріи въ 1736 г. «Асаулъ полковій—1, хоружій полков.—1, пушкаровъ—2, армашовъ—4, коваль—1, пушекъ—2, лошадей—9, возовъ—1, палубовъ—1, крейцаровъ (пыжовниковъ)—2, шуфлей—2, пуль—199, картечей—5, трубачей—4, литаврщикъ—1, пороху—8 п. 38 ф.» (Изъ бумагъ Н. А. Маркевича).

[2]) Оттуда-же, гдѣ бумаги эти находятся въ копіяхъ.

Приведенныя свѣдѣнія о Прилуцкомъ ратушномъ хозяйствѣ даютъ основаніе заключить, что общіе непорядки въ гетманской администраціи—подрывали и городское хозяйство.

Прилуцкіе войты. Нѣтъ сомнѣнія, что ратушное управленіе въ Прилукѣ существовало уже и при Вишневецкомъ, потому что Прилука и тогда уже была *городомъ*. Послѣ устройства полковаго управленія въ Малороссіи, ратушное управленіе продолжало существовать на прежнемъ основаніи. Всѣ акты, требовавшіе публичности, писались въ ратушѣ, предъ ратушными урядниками, и записывались въ ратушныя книги. Напр., актъ 1658 г. (объ уступкѣ недвижимаго имѣнія) надписывается такимъ образомъ: „Передъ нами Хвескомъ Загуменнымъ, войтомъ Прилуцкимъ, а Гришкомъ Корнѣенкомъ и Куриломъ Демяненкомъ, бурмистрами Прилуцкими, *при бытности на тотъ часъ въ ратуши нашой Прилуцкой п. Малоша Вовченка, атамана городового Прилуцкого*. Ставши очевисте Данило Сороченко“ и т. д. На актѣ значится, что онъ представляетъ собою „выпись съ книгъ мѣскихъ Прилуцкихъ“ и что эту выпись „кориговалъ съ книгами Юрей Кречковскій писарь мѣскій Прилуцкій“. Черезъ 13-ть лѣтъ послѣ этого, публичные акты совершаются уже предъ полковымъ урядомъ, при чемъ урядъ ратушный при этомъ тоже присутствуетъ, но остается уже на второмъ планѣ; напр., актъ 1671 г. (о продажѣ недвижимости) надписывается уже такъ: „Передо мною Семеномъ Третякомъ, полковникомъ в. е. у. пр. в. Запор. Прилуцкимъ, при бытности Лазара Горленка, судьи полку Прилуцкого, Ивана Носа, атамана городового Прил., *Костѣ Ничипоровича, войта Прилуцкого, Савки Носулѣ и Андрѣя Корнѣенка, бурмистровъ*, ставши очевисте Тимошъ Шкуратовичъ“ и т. д. Актъ пишется тѣмъ-же мѣскимъ писаремъ, но уже, повидимому, безъ записка его въ книги: „за вѣдомостю и позволеннемъ вишеменованнихъ п.п. старшихъ писалемъ сее писмо Юрей Кречковскій, писарь мѣскій Прилуцкій.“ Такимъ образомъ ратушный урядъ долженъ былъ уступить полковой старшинѣ первое мѣсто даже въ тѣхъ дѣлахъ, которыя и по давнему обычаю подлежали вѣдѣнію ратуши. Полковники не только что оттѣснили войтовъ на задній планъ, но и

вполнѣ подчинили ихъ своей власти. Такимъ образомъ войты потеряли всякое значеніе. Слѣдуетъ думать, что поэтому ни одинъ изъ Прилуцкихъ войтовъ и не выдвинулся на столько, чтобы оставить хоть какой нибудь слѣдъ своей общественной дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, мы приводимъ здѣсь списокъ Прилуцкихъ войтовъ, который можетъ указывать хотя продолжительность ихъ службы.

Феська Загуменный, 1654, 1658. Костя Ничипоровичъ, 1663, 1663, 1671. Леско Кирпичъ, 1676, 1684, 1688. Григорій Огроновичъ (изъ бурмистровъ), **1685, 1687. Давыдъ Давыдовичъ, 1699, 1701. Савва Ивановичъ 1706. Тимофей Васильевичъ, 1709—1711. Федоръ Сененко, 1714—1716** [1]**. Евстафій Мойсеевичъ, 1717, 1719. Федоръ Малка** (изъ бурмистровъ), **1720—1724. Леонтій Васильевичъ, 1729—1738, 1742. Савва Мойсеевъ, 1740. Евстафій Капля, 1746. Евстафій Евстафіевичъ Соломаха, 1747—1754. Андрей Гуленко, ок. 1760.**

Изъ этого ряда войтовъ выдѣляется лишь одинъ Гуленко; о немъ будетъ говорено ниже, при перечисленіи полковыхъ сотниковъ.

Прилуцкіе цехи. Цеховому устройству Прилуцкихъ ремесленниковъ начало положилъ Іеремія Вишневскій, выдавъ въ 1636 г. рѣзницкому цеху слѣдующій „листъ“: „По прошенію мѣщанъ, подданныхъ моихъ Прилуцкихъ цеху резничого, позволилемъ имъ цехъ свой особливій имѣть, а для лучшого въ томъ цеху ихъ порадку, маютъ себѣ цехмейстера, человѣка доброго и честного избрать, который начальство обыкновеніемъ инших мѣстъ въ томъ ихъ цеху имѣть будетъ. А рѣзники всѣ тамъ въ мѣстѣ (городѣ), яко и футорахъ до единого цеху належаты будутъ; зъ другихъ-же маетностей, которіе до Прилуки не надлежатъ, егда рѣзникъ якій зъ рѣзницствомъ для торгу пріѣдетъ, маетъ тотъ объявитись цехмистрови подъ виною на замокъ трохъ копъ литовскихъ, а до скринки ихъ подъ половиною той вины, такъ якъ и въ прочихъ мѣстахъ моихъ, т. е. въ Лубнахъ. Позволяю имъ каноновъ два на рокъ виситись, единъ на

---

[1]) Въ 1736 г. Сененко былъ значк. товарищемъ.

Божіе рожество, а другій на святую Покрову, по двѣ кадѣ; а они тую повинность на замокъ отдавать будутъ, якъ и въ другихъ моихъ мѣстахъ. Которій то листъ для крѣпости и вѣры лутшой, рукою моею власною подписалемъ и печать мою притиснути повелѣлъ. Данъ въ Прилукѣ, дня 21 дек. 1636 года". [1])

О другихъ Прилуцкихъ цехахъ сохранились слѣдующіе „листы" Прилуцкихъ полковниковъ, данные ими цехахъ: 1) *рѣзницкому*, Дмитрія Горленка, 1694 г., и Игн. Галагана, 1718 г.; 2) *музыцкому*, Лазаря Горленка, 1686 г., Ивана Стороженка, 1687 г. (10-го дек.), Дмитрія Горленка, 1692 г., и Ивана Носа, 1709 г.; 3) *кравецкому*, Ив. Носа, 1709 г. и Игн. Галагана, 1715 г., и 4) *калачницкому*, Игн. Галагана, 1719 г.

Въ „листѣ" рѣзницкому цеху Дмитрія Горленка, сравнительно съ листомъ Вишневецкаго, добавлено, что члены цеха должны отдавать выбранному ими цехмистру—„послушенство, которій бы ихъ за выступки цеховіе и поточніе, опрочъ кривавихъ и крѣминалнихъ, зъ братіею своею засѣвши, моглъ судити"... Кромѣ того, указывается, что члены цеха должны быть „вольными" отъ „стацій и датковъ войсковыхъ". „Листъ" Галагана почти повторяетъ „листъ" Горленка.

Въ листѣ Лаз. Горленка *музыцкому цеху*, читаемъ: „якъ зaпрежде бившихъ антецессоровъ нашихъ такое постановлене ухвалено, же хто колвекъ игрою музицкою бавячися, пожитокъ себѣ мѣетъ, таковій всякій во всемъ полку нашемъ мешкаючій, аби подъ протекціею братства, отъ нихъ самихъ въ городѣ нашомъ Прилуце заведенного, при отдаванню постановленной належитости до скринки братерской знайдовался, а то такъ не толко для лутчого порядку въ онихъ справованню, лечъ, аби ку хвалѣ Божой свѣча, якую они зъ своихъ доходовъ и складки установленной три рази на рокъ, въ обохъ церквахъ божественныхъ, зобикли становити, не уставала. Якого то прежде

---

[1]) Съ копіи, прилож. къ Румянц. Описи и списанной, повидимому, съ подлинника, такъ какъ на копіи при обозначеніи мѣста печати замѣчено: «на которой вкругъ витиснено латинскимъ языкомъ такъ: Иеремѣй Михаилъ Корибутъ гетманъ Висневецке». Судя по языку копіи, подлинникъ писанъ по-польски.

ухваленого постановленя и мы не нарушаючи, симъ нашимъ ствержаемъ писанемъ, пилно мѣии хотячи, аби всякій музика во всемъ полку нашомъ, любъ осѣдлій, любъ вандровпій, музицтвомъ бавячійся здавна, звичайно доходу пягничного(?) и веселного и ярмаркового до скринки братства Прилуцкого не зборолся (не зборонялся?) и отнюдь не билъ спречнимъ давати"... Три „листа" другихъ полковниковъ тому-же цеху заключають въ себѣ повтореніе Горленкового „листа".

Въ „листѣ" Дм. Горленка *кравецкому цеху* читаемъ: „вѣдому чинимъ симъ унѣверсаломъ, ижъ суплѣковалъ до нась цехмистръ кравецкій зъ братіею своею, по килкокротне прекладаючи то, же онимъ великая въ томъ дѣется долегливость, що не тилко барву (одежду) на войско пѣхотное, по указу ясневелможного добродѣя его мил. п. гетмана, щорочне шіють и до двору нашего полковничого всякую кравецкую на челядь роботизну всегда отправуютъ, але надъ то, надъ звичай давній и ихъ волности, до стаціи роковой гетманской и нашой подводъ и иншихъ людямъ посполитимъ обиклой тяглости, онихъ притягаютъ и примушаютъ, и просили у насъ такового респекту, аби одъ того що надъ давній звичай на нихъ вимагается, цехъ ихъ былъ волнимъ. Мы прето давши мѣстце такъ слушному прошенію ихъ, а респектуючи на то, ижъ они издавна и теперъ на войско пѣхотное, по указу ясн. велм. добр. его мил. п. гетмана, щорочне барву робятъ безъ жадной нагороды и отъ двора нашего полковничего, яко и за антецесоровъ нашихъ прежде бывшихъ п.п. полковниковъ, не меншая цеховѣ ихъ работизною приключаючихся на челядь потребъ дѣется докука и овшемъ и отъ наѣздовъ въ роботѣ кравецкой и кушнерской частокротъ бываетъ имъ долегливость, уволняемъ всѣхъ здавна въ цеху кравецкомъ обрѣтаючихся людей въ городѣ Плилуцѣ и по селахъ, до полковой Прилуцкой прилеглихъ сотнѣ мешкаючихъ, отъ роковой зсыпаня стацѣи, такъ до двору ясн. велм. его мил. п. гетмана, яко и до нашего полковничого належачой, либо который зъ братѣи ихъ воломъ еднимъ албо и двома хлѣба пашетъ и пахати будетъ, тактежъ уволняемъ отъ воженя подводъ притрафляючихся, кромѣ таковой навалной (чрезвычайной) потребы, подъ часъ которой и козаки одъ подводъ

Издатель **К. М. Гамалѣй.** Редакторъ **В. П. Науменко.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXI.

1900 г.

НОЯБРЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.

1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

„Кіевская Старина“,

Ежемѣсячный Историческій журналъ

въ 1901-мъ году

(20-й годъ изданія)

будетъ по прежнему посвященъ разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три основные отдѣла журнала: 1) оригинальныя статьи; 2) документы, извѣстія и замѣтки; 3) критика и библіографія, Сверхъ того, въ каждой книжкѣ будутъ печататься *археологическая лѣтопись* и *приложенія,* въ которыя войдутъ: а) научные матеріалы, б) по мѣрѣ надобности — рисунки. Каждая книга журнала будетъ давать статьи, представляющія изслѣдованія по исторіи, литературѣ и этнографіи юга Россіи, а равнымъ образомъ—цѣнные матеріалы, касающіеся той-же области; сверхъ того, будутъ печататься русскія и малорусскія беллетристическія произведенія, а также по возможности полныя библіографическія извѣстія о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, касающихся юга Россіи и Галицкой Руси.

Объемъ каждой книжки журнала *не менѣе 12 печатныхъ листовъ.*

Въ 1900 году, въ №№ 1—11, на страницахъ „Кіевской Старины“ были помѣщены слѣдующія изслѣдованія, статьи и беллетристическія произведенія:

1) *Ор. Левицкій.* Обычныя формы заключенія браковъ въ Южной Руси въ 16 и 17 ст.

2) *П. Житецкій.* Энеида И. П. Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея.

3) *В. Милорадовичъ*. Народная медицина въ лубенскомъ уѣздѣ, полтавской губ.

4) *Его-же*. Лѣсная Лубенщина.

5) *Н. Молчановскій*. Донесеніе Венеціанца Альберто Вимина о козакахъ и Богданѣ Хмельницкомъ.

6) *В. Науменко*. Рѣшенъ-ли проф. Флоринскимъ вопросъ о книжной малорусской рѣчи?

7) *К. Оберучевъ*. Къ біографіи Т. Г. Шевченка (пребываніе его въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи).

8) *В. Беренштамъ*. Т. Г. Шевченко и простолюдины, его знакомцы. (Изъ встрѣчъ и воспоминаній).

9) *М. Комаровъ*. Къ біографіи А. П. Стороженка.

10) *В. Антоновичъ*. Къ вопросу о галицко-русской литературѣ.

11) *П. Гавриловъ*. Характеристика польскихъ и южно-русскихъ литературныхъ теченій послѣдней четверти 17 вѣка.

12) *М. Чалый*. Вторая Кіевская Гимназія.

13) *Его-же*. Бѣлоцерковская Гимназія.

14) *И. Лучицкій*. По поводу одного научнаго открытія.

15) *Н. Бѣляшевскій*. Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

16) *В. Каллашъ*. Къ исторіи малорусской литературы 20 хъ и 30-хъ годовъ 19 го вѣка.

17) *В. Храневичъ*. Выборное начало въ средѣ волынскаго духовенства въ концѣ 18-го и въ началѣ 19-го вѣка.

18) *А. Лотоцкій*. Памяти протоіерея В. Я. Гречулевича.

19) *С. Яремичъ*. Памятники искусства 16 и 17 ст. въ Кіево-Печерской Лаврѣ (двѣ статьи).

20) Записки прот. П. Г. Лебединцева о козащинѣ 1855 года.

21) Воспоминанія прот. *Андрея Лебединцева*.

22) *К. Харламповичъ*. Новая библіографическая находка.

23) *Ѳ. Волковъ*. По поводу нашихъ неолитическихъ находокъ съ керамикой до-микенскаго типа.

24) *Н. И. Стороженко.* Новые матеріалы для біографіи Шевченка.

25) *П. Борзаковскій.* Въ началѣ реформы бурсы (изъ воспоминаній).

26) *И. Ротарь.* Епифаній Славинецкій, литературный дѣятель 17 вѣка.

27) *Ѳ. Кудринскій.* Неудачныя предпріятія народолюбки (къ біографіи Н. С. Соханской-Кохановской).

28) Письма *митр. Арсенія* къ прот. П. Г. Лебединцеву.

29) Первая страничка изъ исторіи Полтавскаго института.

30) *Е. М. Кузьминъ.* Нѣсколько словъ о южно-русскомъ искусствѣ и о задачахъ его изслѣдованія.

31) *Любка* или сватанье въ с. Рихмахъ. Старинная малорусская оперетта.

32) *Б. Познанскій.* Картынкы сучасного селянського побыту.

33) *Его-же.* Симсотъ первый и симсотъ вторый законъ (Разсказъ).

34) *Л. Яновская.* Смерть Макарыхы.

35) *Ея-же.* На Зеленый клынъ (Комедія).

36) *Ея-же.* Идеальный батько (Разсказъ).

37) *М. Кропивницкій.* Передъ волею (Драма)

38) *В. Чырынецъ.* Злодій. (Разсказъ).

39) *В. Левенко.* Старе и нове (Повѣсть).

40) *Б. Гринченко.* Хвесь, преславный гайдамака (Стихотв).

41) *Его-же.* Паліи (Разсказъ).

42) *Его-же.* Покупка (Разсказъ).

43) *Грыцько Грыгоренко.* Пересельци (зъ дому и до-дому). (Очеркъ).

44) *А. Лазаревскій.* Описаніе старой Малороссіи. Т. 3-й. Прилуцкій полкъ. (Въ приложеніяхъ; будетъ продолжаться въ 1901 году).

Подписная цѣна на журналъ *10 руб. въ годъ* съ доставкою и пересылкою, а на мѣстѣ *8 руб. 50 к.*; за границу — *12 руб.* Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціей. Отдѣльныя книжки журнала по *1 рублю.*

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за прежніе годы: 1883—1885 и 1887 годы—*по 10 рублей за годъ* (1882 и 1886 г. въ продажѣ нѣтъ), а начиная съ 1888 года до 1900 г. включительно—по 8 руб. за годъ. При покупкѣ нѣсколькихъ годовъ дѣлается уступка. Отдѣльныя книжки за эти-же годы—*по 1 руб.*

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина„ (Тарасовская, 15), въ книжной торговлѣ редакціи „Кіевская Старина“ (Безаковская, 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Книжная торговля „Кіевской Старины“ (Безаковская, 14) значительно расширена сравнительно съ прежними годами, имѣя для продажи всѣ изданія, выходящія въ Россіи и касающіяся нашего южно-русскаго края. Здѣсь-же находится главный складъ „Кобзаря“ Т. Г. Шевченка, изданнаго редакціей „Кіевской Старины“ въ 1889 году въ двухъ видахъ: дешевое—*35 коп. за экз.*, а въ обыкновенномъ переплетѣ—*50 коп.*, и на лучшей бумагѣ большаго формата—*1 р. 50 к.* Выписывающимъ *не менѣе 1000 экз.* дешеваго изданія дѣлается *уступка 30 %*, *не менѣе 500 экз.*—25%; выписывающимъ *не менѣе 100 экз.* лучшаго изданія дѣлается *уступка—30%*. Уступка на экземпляры въ меньшемъ количествѣ—по соглашенію.

Издатель К. Гамалѣй. Редакторъ В. Науменко.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXI.

1900 г.

НОЯБРЬ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мерингчовская улица.
1900.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 12 октября 1900 года.

Епифаній Славинецкій, литературный дѣятель XVII в.

Глава III [1]).

Вліяніе Епифанія Славинецкаго на Никона въ рѣшимости послѣдняго предпринять исправленіе книгъ по греческимъ подлинникамъ. Показаніе предисловія къ Служебнику 1655 года. Какъ оно должно быть понимаемо. Первыя исправленныя при Никонѣ книги: слѣдованная псалтирь и часословъ 1653 года. Отправленіе на Аѳонъ за рукописями Арсенія Суханова. Служебникъ 1655 года и предисловіе къ нему. Хронологическія неточности послѣдняго. Скрижаль. Статьи, принадлежащія въ немъ Епифанію. Обозрѣніе содержанія ихъ. Остальныя изданныя при участіи Епифанія Славинецкаго въ патріаршество Никона книги. Книги, изданныя послѣ Никона, въ исправленіи которыхъ Епифаній принималъ участіе. Печатаніе Епифаніевыхъ переводовъ святоотеческихъ твореній.

Съ вступленіемъ Никона на патріаршій престолъ вліяніе Епифанія Славинецкаго въ дѣлѣ книжнаго исправленія усилилось. Еще до занятія патріаршаго престола, Никонъ, какъ мы видѣли, уже отрѣшился отъ старорусскаго взгляда на грековъ. За этимъ первымъ шагомъ съ логической необходимостью долженъ былъ послѣдовать и второй—убѣжденіе въ необходимости издавать печатныя книги, правленныя по греческимъ оригиналамъ. Это-то убѣжденіе онъ и пріобрѣлъ подъ сильнымъ вліяніемъ Епифанія. Что это было такъ, мы имѣемъ прямое свидѣтельство въ совре-

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 10.

менной Епифанію записи, принадлежащей, какъ принято пока думать, иноку Евѳимію. Здѣсь читаемъ: „Святѣйшій Никонъ патріархъ нача съ греческихъ правити книги славенскія *по мудрѣйшаго іеромонаха Епифанія разсмотрѣнію и возвѣщанію,* яко книга Литургіаріонъ премного не согласоваше въ самомъ священнодѣйствіи къ греческимъ святыя литургіи".[1])

Какъ-же, какимъ путемъ велъ Епифаній Никона къ усвоенію этого убѣжденія?

Помимо рѣчей, „во слухи многихъ наипаче-же честныхъ и властелей мужей благоумныхъ и доброразумныхъ", въ отношеніи къ Никону путь этотъ былъ особенный. Въ предисловіи къ новоисправленному служебнику 1655 года, написанному самимъ Епифаніемъ, путь этотъ изображенъ, правда, не детально, но въ общихъ существенныхъ моментахъ.

По вступленіи на патріаршій престолъ, Никонъ пожелалъ ближе и основательнѣе познакомиться съ обстоятельствами занимавшаго его дѣла упорядоченія церковно-обрядовой и богослужебной практики. Въ этихъ видахъ онъ началъ знакомиться съ драгоцѣнными сокровищами патріаршей библіотеки. „Возшедъ на престолъ великія и святыя церкви,—говоритъ о немъ Епифаній въ предисловіи,—(Никонъ) вложися въ трудъ, еже бы святое писаніе разсмотрити, и входя въ книгохранительницу, со многимъ трудомъ многи дни въ расмотреніи положи." [2])

Здѣсь онъ нашелъ подлинныя грамоты, за подписью восточныхъ патріарховъ, объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, и дѣянія Константинопольскаго собора 1593 года по этому поводу, описанныя греческимъ языкомъ.

Чтеніе этихъ рукописей познакомило Никона со взглядомъ восточныхъ патріарховъ на всякія новшества въ религіозной области. „Праведно есть намъ—писали патріархи—всякую церковныхъ огражденій новину потребляти, видящимъ новины всегда виновны бывати церковнаго смятенія же и разлученія, по уста-

[1]) Евгеній. Словарь Историч. 179 стр.

[2]) Предисловіе къ Служеб. 1655 г., стр. 4.

вомъ послѣдовати святыхъ отецъ и яже на ученная невредима безъ приложенія коего либо и отъятія пріемлющихъ". [1])

Завѣтъ восточныхъ патріарховъ своему собрату—Московскому патріарху—блюсти „яко да во всемъ великая Россія православная со вселенскими патріархами согласна будетъ"—повергъ Никона въ великое смущеніе. „Прочетъ сію книгу",—свидѣтельствуетъ Епифаній,—„Государь Святѣйшій патріархъ Никонъ въ страхъ великъ впаде, не есть-ли что погрѣшно отъ ихъ православнаго греческаго закона, и нача въ нуждныхъ разсмотряти, еже есть символъ православныя вѣры, и узрѣ на сакѣ святительскомъ, его же отъ грекъ въ царствующій градъ Москву прежде 250 лѣта принесе Фотій Россійской митрополитъ, символъ православныя вѣры воображенъ греческими шитыми письмены, во всемъ согласующся святѣй восточнѣй церкви.—Потомъ узрѣ той-же символъ въ московскихъ въ новыхъ въ печатныхъ книгахъ: и много обрѣте несогласія. Также и святую литургію разсмотривъ, обрѣте въ ней ово прибавлено, ово же отъято и превращено. По семъ и во иныхъ книгахъ узрѣ многая несходства". [2])

Убѣдившись путемъ сличеній славянскаго текста съ греческимъ, что въ церковно-славянскихъ книгахъ „ово прибавлено, ово же отъято и превращено"; проникнувшись сознаніемъ лежащаго на немъ, какъ главѣ русской церкви, долга—блюсти, чтобы православная Русь была во всемъ согласна съ вселенскими восточными патріархами,—Никонъ обратился къ царю съ просьбой созвать соборъ, „вся ему сказавъ, коея ради вины".

Такъ изображаетъ предисловіе къ Служебнику 1655 года обстоятельства дѣла. Но признавать, что все происходило такъ именно, какъ писано въ этомъ предисловіи,—нельзя.

За несомнѣнное можетъ быть принято только слѣдующее: во-первыхъ, что Никонъ началъ съ изученія нужныхъ для него рукописей патріаршей библіотеки; что по его желанію ему чи-

---

[1]) Ibidem, стр. 7.

[2]) Ibidem, стр. 8—10.

тали (самъ Никонъ не зналъ греческаго языка настолько, чтобы читать греческія рукописи) грамоту восточныхъ патріарховъ объ учрежденіи патріаршества на Руси и дѣянія Константинопольскаго собора 1593 года по этому поводу; что онъ познакомился этимъ путемъ съ несогласіями русской церкви съ греческой въ символѣ вѣры, литургіи и другихъ книгахъ.

Все это мы должны принять какъ несомнѣнное. Но вопросъ въ томъ, сколько самостоятельности проявилъ въ этомъ Никонъ.

Если сопоставить показанія предисловія съ другими современными-же свидѣтельствами, то увидимъ, что часть того, что предисловіемъ приписано *исключительно* Никону, должно быть отнесено на долю другихъ.

Предисловіе говоритъ, что мысль о сличеніи символа вѣры, напечатаннаго въ московскихъ новыхъ книгахъ, съ символомъ греческой церкви возникла у Никона самостоятельно.

Посланіе-же Константинопольскаго патріарха Паисія, изъ котораго выдержки приведены немного ниже въ томъ-же предисловіи, свидѣтельствуетъ, что о прилогахъ въ символѣ вѣры Никонъ узналъ благодаря указаніямъ другихъ лицъ. Предисловіе далѣе говоритъ: тоже и святую литургію разсмотривъ, обрѣте (Никонъ) въ ней ово прибавлено, ово же отъято и превращено."

А въ современной запискѣ объ Епифаніи, напечатанной въ Словарѣ Евгенія, сказано, что „по мудрѣйшаго іеромонаха Епифанія *разсмотрѣнію* и *возвѣщанію*" Никонъ узналъ, „яко книга Литургіарій премного не согласоваше въ самомъ священнодѣйствіи къ греческимъ святыя литургіи". [1])

Такимъ образомъ, показанія предисловія, написаннаго Епифаніемъ, съ одной стороны, и посланія Паисія Константинопольскаго, вмѣстѣ съ запиской объ Епифаніи, съ другой—расходятся между собой: первое представляетъ дѣло такъ, что Никонъ вполнѣ самостоятельнымъ путемъ пришелъ къ рѣшенію исправлять обряды

---

[1]) Евгеній. Словарь Историч., стр. 179.

и богослужебныя книги, руководясь практикой греческой церкви; вторыя, напротивъ, на долю Никона въ этомъ дѣлѣ оставляютъ только желаніе внимать убѣжденію другихъ и рѣшимость реализировать свое новое убѣжденіе, пріобрѣтенное подъ сильнымъ стороннимъ вліяніемъ.

Какой-же изъ этихъ двухъ взглядовъ долженъ быть признанъ болѣе вѣрнымъ, болѣе близкимъ къ истинѣ?

Е. Е. Голубинскій и проф. Николаевскій признаютъ таковымъ второй взглядъ.

Признавая болѣе достовѣрности за свидѣтельствами Паисіеваго посланія къ Никону и записки Евфимія объ Епифаніи, Е. Е. Голубинскій даетъ и свое объясненіе того, почему въ предисловіи къ служебнику дѣло представляется совершенно не такъ, какъ оно было въ дѣйствительности.

„Представлять его такъ, какъ оно было"—говоритъ онъ—„т. е., что почти все зависѣло отъ прихода въ Москву кіевскаго монаха (въ данномъ случаѣ Голубинскій разумѣетъ Епифанія Славинецкаго), должно было-бы казаться оскорбительнымъ для чести московскихъ русскихъ и для чести самого Никона и вообще было-бы неудобно". [1])

Итакъ Голубинскій въ вопросѣ о принятіи Никономъ рѣшенія исправлять обряды и богослужебныя книги значительную долю вліянія приписываетъ Епифанію.

То же должно сказать и о проф. Николаевскомъ. Въ своемъ сочиненіи о Московскомъ печатномъ дворѣ при патріархѣ Никонѣ онъ еще детальнѣе старается изобразить участіе Епифанія въ занимающемъ насъ вопросѣ. „Вмѣстѣ съ лицами, знатоками греческаго языка, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занималъ ученый инокъ Епифаній Славинецкій, патріархъ, „входя въ книгохранительницу, со многимъ трудомъ многи дни въ разсмотреніи положи". [2])

---

[1]) Голуб. Къ нашей полемикѣ. Богос. Вѣстн. т. I. стр. 294 примѣч.

[2]) Николаевскій. Моск. Печ. Двор. при патр. Никонѣ. Христ. Чт. 1891 г. т. II, стр. 153.

Что это было дѣйствительно такъ, т. е. что Епифаній вмѣстѣ съ Никономъ разбиралъ греческія рукописи, хранившіяся въ патріаршей библіотекѣ и нужныя для Никона по обстоятельствамъ того времени, на это имѣются прямыя указанія, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и переходимъ.

А) Переводъ дѣяній Константинопольскаго собора 1593 г. принадлежитъ Славинецкому. Въ „Оглавленіи книгъ, кто ихъ сложилъ“ прямо сказано, что „Соборное дѣяніе о Іовѣ патріархѣ“ переведено Епифаніемъ „отъ еллинска (языка) лѣта 7160 (т. е. въ 1652 году)“. [1])

Выше мы видѣли, что эти Дѣянія были найдены и прочитаны Никономъ въ то время, когда онъ, „входя въ книгохранительницу, со многимъ трудомъ многи дни въ разсмотреніи положи“. Если сопоставить эти два обстоятельства, то невольно напрашивается единственно возможный изъ нихъ выводъ, именно, что прежде чѣмъ перевести эти дѣянія для всеобщаго ознакомленія, онѣ были читаны и переводимы для Никона во время его занятій въ патріаршей библіотекѣ; что, слѣдовательно, Никонъ не одинъ „ходилъ въ книгохранительницу“, а вмѣстѣ съ лицами, знавшими греческій языкъ.

Кто-же ихъ читалъ и переводилъ Никону?

Естественнѣе всего предположить, что тотъ, кто перевелъ эти дѣянія для напечатанія, т. е. Епифаній Славинецкій.

Б) Въ служебникѣ, изданномъ въ Москвѣ 1658 г., есть прямое указаніе на то, что Никонъ не самостоятельнымъ путемъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости править богослужебныя книги по греческимъ рукописямъ.

Между „послѣдованіемъ утрени“ и „чиномъ божественной литургіи Іоанна Златоустаго“ находятся двѣ статьи. Вторая озаглавлена такъ: „Сказаніе вкратцѣ, како и кимъ исправился чинъ проскомидіи, божественныя литургіи въ велицей Россіи и въ кая лѣта“.

---

[1]) «Оглавленіе...» 79, 24; Ундольскій «Ученые труды Епифанія Славин.»; Рук. Кіев.-Печер. лавры № 145, стр. 923.

Въ ней мы, между прочимъ, читаемъ и слѣдующее: Никонъ „*не отъ себе на сіе* (т. е. чтобы привести въ согласіе чины и богослужеб. книги русской церкви съ чинами и богослужебными книгами церкви греческой) *мыслію превзятся*... но отъ духа премудрости и кротости подвигся не токмо отъ Бога наставляемъ, но и *иноплименнича* совѣта употребляя". [1])

Такъ Никонъ пришелъ къ убѣжденію—исправлять книги по греческимъ подлинникамъ.

Послѣ этого исправленіе нашихъ книгъ было поведено съ особенной энергіею.

11-го февраля 1653 года вышла налойная или Слѣдованная псалтирь. Въ ней выпущены по сравненію съ прежними изданіями: а) статья о 12 великихъ поклонахъ (вмѣсто четырехъ) при чтеніи молитвы св. Ефрема Сирина и б) статья о двоеперстіи для крестнаго знаменія, какъ несогласныя съ древнепечатными и рукописными книгами (Хрис. Чт. 1891 г. т. II, стр. 160. См. о послѣдов. Филарета. Обз. дух. лит.).

Въ часословъ, изданный въ 1653 г. (печатался съ 21 марта по 22-е іюля), внесены измѣненія сравнительно съ предыдущимъ изданіемъ 1652 года.

Измѣненія эти сдѣланы „противъ древнихъ греческихъ печатныхъ переводовъ" Епифаніемъ Славинецкимъ. [2])

Въ этомъ-же году была переведена Епифаніемъ книга Арменопула (кормчая), но не была напечатана, такъ какъ „Божіемъ попущеніемъ, наставшю чрезъ тлетворный воздухъ моровому губительству, изгибла". Вторично переведенная Епифаніемъ-же, она могла появиться въ печати только въ 1677 г. (См. бар. Розенкампфъ. Обозрѣн. Кормчей. Прибавл. № III стр. 91—92).

Большимъ затрудненіемъ къ приведенію этого намѣренія въ исполненіе должно было служить то обстоятельство, что въ

---

[1]) Служеб. 1658 года, стр. 156—157. Экземп. Румянц. музея $16^{82}/_{83}$.

[2]) Филаретъ. Обз. дух. литер. § 223 стр. 340 Послѣс. перепеч. у. Н. М. Строева въ «Описан. Старопеч. книгъ Царскаго» № 178.

Москвѣ мало было греческихъ оригиналовъ рукописей. Относительно только что помянутаго часослова послѣсловіе прямо свидѣтельствуетъ, что при исправленіи его имѣлись „Древніе греческіе *печатные* переводы". Относительно-же исправленія другихъ книгъ мы можемъ такъ думать на томъ основаніи, что Епифаній совершалъ свои переводы съ *печатныхъ* книгъ, какъ это видно изъ „Оглавленія книгъ, кто ихъ сложилъ". [1])

Но къ греческимъ книгамъ, напечатаннымъ „въ Венецыи и во Аглинской землѣ," русскіе относились съ большимъ недовѣріемъ, считая ихъ испорченными. Самымъ типичнымъ выразителемъ въ данномъ случаѣ можетъ служить Арсеній Сухановъ.

Въ своихъ „преніяхъ съ греками о вѣрѣ" онъ высказываетъ такія мысли: „А все то (т. е. всѣ бѣды, какія онъ нашелъ у грековъ) вамъ прилучилося отъ римлянъ занеже еллинскаго ученія печатной дворъ у себя не имате и *книги вамъ печатаютъ въ Венеціи и во Англіи*, и еллинскому писанію ходите учитись въ Римъ и Венецію". (Бѣлокуровъ. „Арсеній Сухановъ", ч. II „пренія о вѣрѣ" стр. 92).

Поэтому, чтобы устранить лишніе поводы для всякихъ упрековъ и нареканій со стороны лицъ, не сочувствовавшихъ предпринимавшемуся новому исправленію славянскихъ богослужебныхъ книгъ, для власти Московской настояла нужда восполнить пробѣлъ—пріобрѣсти въ возможно большемъ количествѣ греческія рукописи.

Мысль о собраніи греческихъ рукописей была подана патр. Никону, нужно думать, тѣми лицами, которыхъ это ближе всего касалось, кому патр. Никонъ довѣрилъ все дѣло исправленія слав. богослужеб. книгъ, т. е. Епифаніемъ Славинецкимъ. Такъ думать даетъ полное право приведенное нами выше свидѣтельство современной Епифанію записки, что „Святѣйшій Никонъ патр. нача съ греческихъ правити книги славенскія по мудрѣйшаго іеромонаха Епифанія" *разсмотрѣнію* и *возвѣщанію* (Евгеній.

---

[1]) Оглавленіе книгъ, § 79. о большинствѣ переводовъ Епифанія сказано здѣсь: «преведено отъ книги *изданныя въ*...»

Слов. Истор. I, 179 стр.; Викторовъ. Очеркъ собр. рукописей В. М. Ундольскаго, что при каталогѣ славяно-русск. рукописей В. Н. Ундольск. стр. 5). Въ этихъ видахъ былъ отправленъ Никономъ старецъ Арсеній Сухановъ за рукописями „въ Афонскую гору и во иныя святыя старожитныя мѣста, къ держащимъ еще греческаго закона уставы непреложно". [1])

Въ предисловіи къ служебнику 1655 г. Епифаній говоритъ, что Сухановъ отправился на Аѳонъ послѣ собора 1655 г. Но это показаніе невѣрно. С. Бѣлокуровъ, основываясь на оффиціальныхъ документахъ (греческія дѣла Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Д.), неопровержимо доказалъ, что Сухановъ выѣхалъ изъ Москвы за рукописями въ октябрѣ 1653 года (см. Бѣлокуровъ. Арсеній Сухановъ, ч. I, стр. 335, примѣч. 18). Моровое повѣтріе, бывшее въ Москвѣ, на время прекратило дѣятельность печатнаго двора: онъ былъ закрытъ съ 3 авг. 1653 г. по мартъ 1654 г. [2]). Но послѣ этого дѣло книжнаго исправленія было начато съ особенной энергіей. Уже на пятой недѣлѣ Великаго поста (25—31 марта [3]) былъ созванъ по дѣлу книжнаго исправленія второй соборъ. Въ промежутокъ между первымъ и вторымъ соборомъ на печатномъ дворѣ исправлялся и готовился къ печати Служебникъ: справщики спѣшили съ нимъ, чтобы представить на одобреніе и утвержденіе собора.

Предисловіе къ этому служебнику написалъ Епифаній. Въ немъ онъ подробно изложилъ исторію того, какъ постепенно въ Москвѣ пришли къ убѣжденію исправить церковно-богослужебныя книги по греческимъ оригиналамъ.

Изложимъ вкратцѣ содержаніе его.

О многихъ „несогласіяхъ" въ слав. богослужебныхъ книгахъ узналъ сперва Никонъ (какъ слѣдуетъ представлять дѣло— мы выше сказали). Объ этомъ онъ сообщилъ царю. Царь и Патріархъ, „совѣтъ сотворивше", рѣшили созвать соборъ (1654 г.). На

---

[1]) Предисловіе къ служебн. 1655 года, стр. 30.

[2]) Николаевскій. Христ. Чт. 1891 г. II, стр. 176.

[3]) Смирновъ. Истор. раск. стр. 44.

соборѣ Никонъ въ своей рѣчи указалъ на поврежденность богослужебныхъ книгъ, напомнилъ объ обязанности іерарховъ заботиться о чистотѣ и правильности книгъ и предложилъ на соборное рѣшеніе вопросъ: „новымъ ли московскимъ печатнымъ книгамъ послѣдовати, или древнимъ греческимъ и славенскимъ". Соборъ постановилъ: „достойно и праведно исправити противъ старыхъ харатейныхъ и греческихъ." Послѣ этого соборъ рѣшилъ собрать изъ русскихъ монастырей нужныя для исправленія книги, харатейныя „за 500 лѣтъ, и вящше преведенныя, а къ восточнымъ патріархамъ съ Мануиломъ грекомъ отправить грамоты съ вопрошеніями о погрѣшенныхъ въ книгахъ". Въ слѣдующемъ году этотъ грекъ возвратился съ грамотой патріарха Паисія Константинопольскаго, и на соборѣ 1655 г. была прочитана грамота Паисія къ Никону, побудившая царя и патріарха послать съ великою милостію Арсенія Суханова на Аѳонскую гору за старинными греческими рукописями (перечисляются монастыри, въ которыхъ побывалъ Сухановъ, и рукописи, вывезенныя имъ оттуда).

Такъ излагаетъ дѣло Епифаній въ своемъ предисловіи. Должно замѣтить, что въ немъ есть хронологическія неточности. Во-первыхъ, старинныя книги изъ русскихъ монастырей были собраны въ Москву Никономъ въ 1653 году, слѣдовательно до собора 1654 г., на которомъ поэтому и не могло быть рѣчи объ этомъ. Въ „описи книгамъ, въ степенныхъ монастыряхъ находившимся", читаемъ: 161 (т. е. 1653) году генваря въ 11 день, по указу Великаго господина, святѣйшаго Никона патр. Московскаго и всея Россіи, выписано степенныхъ монастырей, изъ отписныхъ книгъ, въ которыхъ монастыряхъ обрѣтаются церковныя книги четьи, книгъ печатново дѣла исправленія ради". [1]) Во 2-хъ, грамота Патр. Паисія Никону была получена въ Москвѣ 14 мая 1655 года, слѣдовательно спустя полтора мѣсяца послѣ Московскаго собора, происходившаго въ концѣ марта (Макарій. Ист. Русск. церк. т. XII стр. 179); и въ 3-хъ, Ар-

---

[1]) Ундольскій. Библіографическія разъясненія.

сеній Сухановъ выѣхалъ на Аѳонъ за рукописями до собора 1654 г., въ 1653 году (см. Бѣлокуровъ. Арсен. Сухан. т. I, 335).

Соборъ, какъ гласитъ предисловіе къ Служебнику, „отъ греческихъ и словенскихъ древнихъ книгъ истинное избравше и сію святую книгу Служебникъ во всемъ справя, и согласну сотворя древнимъ греческимъ и славянскимъ повелѣша въ царствующемъ градѣ Москвѣ напечатати въ лѣто 7163 (1655) [1]).

Постановленіе собора было исполнено: книга была напечатана 31 августа.

Вѣроятно, въ періодъ времени отъ 20 декаб. 1654 г., когда закончились засѣданія перваго (1654 г.) собора [2]) по августъ 1655 г. включительно, Епифаній или самъ занимался сличеніемъ Служебника прежней Москов. печати съ Служебниками греческими, или наблюдалъ за нимъ.

Послѣ изданія новоисправленнаго чина литургіи предстояла потребность, въ объясненіе сдѣланныхъ въ немъ измѣненій, дать толкованіе на него. Еще въ 1653 году патріар. Іерусалимскій прислалъ Никону Скрижаль Іоанна Наѳанаила [3]).

Такъ какъ она вполнѣ удовлетворяла этой нуждѣ, то Никонъ велѣлъ Арсенію греку перевести ее на славянскій языкъ [4]).

А Епифаній въ это время переводилъ для напечатанія при ней нѣкоторыя изъ твореній Афанасія Александрійскаго.

Чтобы опредѣлить, насколько близкое и дѣятельное участіе принималъ Епифаній въ изданіи этой книги, обратимся къ составу ея. Изъ статей Скрижали однѣ принадлежатъ Арсенію греку, другія—Епифанію Славинецкому.

Послѣднему должны быть приписаны:—1) „Предисловіе къ читателю“, начинающееся словами: „чинъ благолѣпный“... (Скрижаль, стр. 1—18). [5]). 2) „Соборное дѣяніе, еже бысть въ Кон-

---

[1]) Предисловіе, стр. 38.

[2]) Смирн. Истр.-раск. 42 стр.

[3]) «Оглавленіе книгъ», § 99.

[4]) Ibidem.

[5]) Ундольскій. Ученые труды Епиф. Слав.: Cfr. Ркп. Кіево-Печер. Лавры № 145 (по описанію Петрова № 290) на стр. 947—951; здѣсь

стантинополи, написася убо тамо еллиногрецкимъ діалектомъ; внь же облеченно притече въ преславный православноцарствующій градъ Москву, въ немъ же стяжа си словенска діалекта одѣяніе, его же красоту да зритъ всяко вѣрныхъ состояніе"; къ нему приложено краткое изображеніе дѣяній собора, бывшаго въ Москвѣ, при державѣ великаго Государя Алексіа Михайловича" (1654 г.) [1]); и переводныя статьи Афанасія Александрійскаго:

а) „Ко Антіоху начальнику о множайшихъ и нужныхъ вопросахъ, въ божественныхъ писаніяхъ недоумываемыхъ, и отъ всѣхъ христіанъ вѣдомымъ быти должнствуемыхъ". [2])

б) „Реченія и толкованія притчей святаго евангелія. [3]).

находится «каталогъ на словеса, сочиненная Епифаніемъ Іером. Славинецкимъ, яже здѣ не положишася», буквально сходный съ тѣмъ современнымъ реестромъ трудовъ Епифаніевыхъ, который приводится у Ундольскаго. У Филарета (Обз. дух. литер. § 223) вм. «чинъ благолѣпный»—«Титъ благолѣпный». «Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ» приписываетъ «предисловіе къ читателю», повидимому, самому Никону (§ 99, 2), но изъ содержанія предисловія, къ которому мы немного ниже обратимся, видно, что оно не могло принадлежать Никону.

[1]) «Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ». § 79, 24; Ундольскій «Ученые труды Епиф. Слав.», Ркп. Кіево-Печерской лавры № 145 (по описанію Петрова № 290) стр. 923—941.

[2]) Напечатаны въ приложеніи къ Скрижали послѣ «Соборнаго дѣянія»... стр. 1—232; переведены съ греческаго изданія Montfaucon'a Opp. s. Athanasii, t. II, 161. «Προς Αντιοχον ἄρΧοντα περὶ πλὲιστον καὶ αναγκαίων ζητημάτων, τῶν ἒν ταῖς θεἰαις γραφαῖς ἀπορονμένων, καὶ παρὰ πᾶσι χριστιανοῖς γινώσκεσθαι ὀφειλομένων». Объ этихъ вопросахъ къ князю Антіоху (всѣхъ вопросовъ 137) должно замѣтить, что всѣ они не Аѳанасіевы, а какого-нибудь позднѣйшаго писателя, потому что въ нихъ упоминается І. Лѣствичникъ, Максимъ и Никифоръ Константинопольскій, жившіе послѣ св. Аѳанасія.

[3]) Напечатаны въ Скрижали послѣ вопросо-отвѣтовъ къ Антіоху (стр. 1—144). Переведены съ Парижскаго изданія 1627 года (См. Opp. s. Athanasii Alexandr. Parisiis, 1627, t. II, стр. 394—435: Ρήσεις καὶ ἑρμηνεἰαι παραβαλῶν του ἁγίου ἐναγγελίου»). Эти притчи евангельскія также не Аѳанасіевы, а подложны. Обозрѣніе содержанія

и в) вопросы о божествѣ и воплощеніи сына Божія. [1]).

Первыя двѣ статьи—предисловіе и соборное дѣяніе—отличаются апологетическимъ характеромъ: въ нихъ Епифаній старается объяснить и оправдать предпринятое Никономъ книжное исправленіе.

Чтобы рельефнѣе отмѣтить великое значеніе для церкви дѣятельности Никона, Епифаній раскрываетъ предъ читателемъ въ своемъ предисловіи громадное литургическое значеніе издаваемой книги (скрижали), которая вызвала въ обществѣ „пагубносное—по выраженію Епифанія—роптаніе".

Она сообщаетъ христіанамъ вѣдѣніе того, „что (есть) святая, соборная, апостольская, одушевленная церковь, съ вещественною церковію въ ней же божественныя тайны совершаются; что—божественный жертвенникъ и благословенная трапеза, на ней же безкровная жертва всеблагому Богу приносится; что катапетасма трапезная, литонъ священный.....; что хлѣбъ и вино ихже овъ убо въ пречестное тѣло Христово дѣйствомъ всесвятаго Духа пресуществляется, ово же въ пречестную кровь Христову прилагается [2]) и т. д. въ этомъ родѣ.

„Сего ради (т. е. ради такого великаго значенія Скрижали для русской церкви) пресвѣтлый, православный, христолюбивый и боговѣнчанный государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ

этихъ толкованій обнаруживаетъ плохое знакомство ихъ неизвѣстнаго автора съ синоптическими евангеліями. Въ отвѣтѣ на 41-й вопросъ (Скрижаль, стр. 31) излагается фактъ, о которомъ ничего не говорится въ евангеліяхъ; достаточно сопоставить разсказъ XX-й главы евангелія Іоанна съ 43 вопросомъ (Скрижаль, стр. 34), чтобы видѣть всю нелѣпость послѣдняго. Этотъ вопросъ читается такъ: «Како видѣ Марія (Магдалина) Господа и коимъ образомъ; ибо стояше плачющи во гробѣ предъ ангелы, скорбнымъ обычаемъ и смиреннымъ лицемъ, како убо видѣ его вслѣдъ ея ходяща и грядуща».

[1]) Напечатаны послѣ притчей евангельскихъ стр. 146—195. Переведены съ того же Парижскаго изданія 1627 года, гдѣ (на стр. 436—450, т. II-й) они озаглавлены Ἀθανάσιου... ἕτεραι τινες ἐρώτησεις (у Епифанія—*нѣцыи* вопросы).

[2]) Ibidem. 6—7 стр.

о защищеніи православныя церкве благоревностнѣ пекійся, и патр. Никонъ, богоданный въ свѣтоводительство всея великія и малыя и бѣлыя Россіи свѣтоводитель [1]) сію благополезную книгу—божественныя литургіи толкованіе—въ велію духовную всего священнаго православнаго Россійскія церкви причта ползу, типомъ издати повелѣли" [2]).

Поэтому должно принять эту книгу съ благодарностію и съ убѣжденіемъ въ ея пользѣ и необходимости для Русской церкви, ибо „сей первопрестольный священоначальникъ (Никонъ) гласомъ вопіющаго въ пустыни реченное правы творити стези, благотщательнѣ исполняя, правы стези творитъ, скривленное исправляетъ, косвенное отмѣтаетъ и стропотное соглаждаетъ; любяй благолѣпіе дому Божія....., о благолѣпіи дому Божія опасно печется", памятуя завѣтъ ап. Павла—„вся благообразно и по чину да бываетъ,—о благолѣпномъ учиненіи чина церковнаго прилежно тщится" [3]).

Казалось-бы, что нужно радоваться такой ревности верховнаго начальника русской церкви: „Кому нѣсть благопріятно—съ недоумѣніемъ спрашиваетъ Епифаній?—Кому нѣсть радостотворно? Кому нѣсть любезно? А между тѣмъ, „на первопрестольнаго священноначальника, свѣтоводителнаго таинника (Никона) въ пагубоносное души своея повреждeніе злокозненнѣ роптати дерзаютъ". Этимъ ропотникамъ Епифаній напоминаетъ объ участіи Корея, Даѳана и Авирона, которые, „возставъ на Богоизбраннаго священноначальника Аарона, погибоша,—яко живы во адъ снидоша".

Гибелью можетъ окончиться ропотъ и новыхъ израильтянъ, помраченныхъ „умовредною завистью", и „дебелымъ невѣжествомъ". Чтобъ избѣжать имъ этого, Епифаній совѣтуетъ въ заключеніи своего предисловія, „истребить (въ себѣ) многокозненную зависть, насадить въ сердцѣ своемъ искреннюю любовь,

---

[1]) Предисловіе къ Скрижали, стр. 7—8.
[2]) Ibidem. стр. 10—11.
[3]) Ibidem, стр. 11—13.

возненавидѣть богомерзкое безчиніе, а боголюбезное благочиніе возлюбить, самому же первопрестольному чиноначальнику во всемъ покориться и воздавать благодареніе за то, что онъ заботится о благочиніи церковномъ и о истовомъ исправленіи книжномъ. [1]) Вторая Епифаніева статья въ Скрижали—соборное утвержденіе 1593 г. въ Константинополѣ патріаршества на Руси и дѣянія Московскаго собора 1654 г.—также апологія Никона.

Первая половина о Константинопольскомъ соборѣ 1593 г. по поводу утвержденія на Руси патріаршества (переводъ съ греческаго—см. выше) имѣетъ цѣлью напомнить русскому обществу того времени о правахъ и власти Московскаго патріарха; вторая (оригинальная)—указать, что въ дѣлѣ книжнаго исправленія Никонъ не вышелъ изъ предѣловъ полномочій и власти, данныхъ ему, какъ патріарху, Константинопольскимъ соборомъ патріарховъ въ 1593 году.

На Константинопольскомъ соборѣ были опредѣлены власть, права и полномочія патріарха Московскаго.

По авторитету своему онъ равенъ патріархамъ восточной церкви: „во священныхъ помянникахъ и въ церковныхъ собраніяхъ онъ долженъ имѣти мѣсто свое по всесвятѣйшемъ Іерусалимскомъ патріархѣ; [2]) чиномъ и достоинствомъ равенъ патріархамъ восточнымъ и называется ихъ братомъ. [3]) Онъ—глава всея Россіи и сѣверныхъ странъ, поэтому епископамъ должно имѣти его яко главу, и ничтоже творити излишнее безъ оного мысли.“ Но чтобы сохранялось единомысліе и патріархъ „безъ всѣхъ мысли ниже что да творитъ.“ [4])

Какъ верховный глава церкви, патр. Московскій долженъ „всякую церковныхъ огражденій новину потребляти, видя новины всегда виновны быти церковнаго смятенія же и разлученія [5])

---

[1]) Предисловіе, стр. 16—17.

[2]) «Соборное дѣяніе въ прилож. къ Скрижали, стр. 30.

[3]) Ibidem, стр. 32.

[4]) Ibidem, стр. 31.

[5]) Ibidem, стр. 14.

Вторая половина статьи стоитъ въ непосредственной связи съ изложеніемъ дѣяній Константинопольскаго собора, и начинается поэтому словами: сего ради, т. е. ради тѣхъ правъ и полномочій, какія даны патріарху Московскому Константинопольскимъ соборомъ, долженъ есмь—говорится отъ лица Никона—нововводныя чины церковныя къ намъ объявити[1]) и далѣе излагаются вопрошенія патр. Никона на соборѣ 1654 г.

Выраженіе: „долженъ есть" еще не даетъ основанія думать, что статья эта приготовлена къ печатанію самимъ Никономъ; въ этомъ видно только желаніе автора этой статьи, Епифанія Славинецкаго, приводить рѣчи Никона, говоренныя имъ на соборѣ, въ подлинномъ ихъ видѣ. Что это такъ, можно ясно видѣть изъ дальнѣйшаго изложенія соборныхъ дѣяній: предъ каждымъ новымъ вопрошеніемъ слѣдуетъ замѣчаніе автора статьи: „патріархъ рече".

Епифаній этою статьею желаетъ привести читателя къ убѣжденію, что въ дѣлѣ книжнаго исправленія патріархъ Никонъ является не самочиннымъ новаторомъ, а исполнителемъ завѣта св. отцовъ, о которомъ (завѣтѣ—„всякую церковныхъ огражденій новину потребляти" напоминали патріархамъ Московскимъ восточные вселенскіе патріархи на соборѣ константинопол. 1593 года. Начать же „потребляти новины" могъ только тотъ, кто облеченъ въ церкви наивысшими правами и полномочіями, т. е. патріархъ.

Недовольные могли указать на то, что патріархъ безъ мысли всѣхъ ничего не можетъ творить.

И въ этомъ пунктѣ патріархъ былъ вполнѣ свободенъ отъ упрека. Рѣшеніе „впредь быти исправленію въ печатномъ тиснеіи Божественнымъ книгамъ противъ древнихъ харатейныхъ и греческихъ книгъ уставовъ, потребниковъ, служебниковъ же и часослововъ",—это рѣшеніе не одного Никона, а соборное; митрополиты, архіепископы и епископы со архимандриты, и

---

[1]) Ibidem., стр. 45.

игумены и съ протопопы, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ своими святительскими руками подписаніемъ затвердили, яко да имать въ предъидущія лѣта непремѣнно сему быти. [1])

Переводныя статьи, помѣщенныя въ Скрижали, чужды всякихъ апологетическихъ задачъ: первыя двѣ изъ нихъ—вопросо-отвѣты ко кн. Антіоху (1—232 стр. приложенія Скрижали), и притчи евангельскія (1—144 стр. новаго счета)—это compendium богословскихъ свѣдѣній въ духѣ средневѣковыхъ, таковы, напр. вопросы: „колико убо ангеловъ число есть", (6-й вопросъ); „должно-ли ослята цѣловати, понеже на осля Христосъ всѣде?" (40 в.); „кому предвчинятися: дню ли прежде нощи, или нощи прежде дне?" (52 в.); „чесо ради множшіи отъ человѣкъ въ нощи раждаются, и внощи скончаются?" (105 в.) и мн. другіе въ этомъ родѣ.

Есть здѣсь вопросы и изъ области психологіи, напр. вопросъ 10-й: «что сама вещь есть душа человѣча, и откуда сія составляется въ тѣлеси и когда и како отъ тѣла разлучается?» Видно въ этихъ вопросахъ знакомство автора и съ философскими теоріями; таковъ, напримѣръ, вопросъ 133: какъ смотрѣть на ученіе нѣкоторыхъ суемудрыхъ, что душевное существо человѣка смертно?

Притчи евангельскія—подложныя, какъ мы уже выше указали—представляютъ собою мистико-аллегорическое толкованіе отдѣльныхъ евангельскихъ изреченій совершенно въ духѣ схоластическаго богословствованія.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Слова Спасителя къ апостоламъ: „идите во преднюю весь, и обрящете человѣка въ скудели воду носяща"—такъ толкуется: „Кій градъ?"—церковь. Что скудель водный?—Святое крещеніе. Кто человѣкъ?—Предтеча. Что горница?—Царство небесное (вопр. 1-й). Еще примѣръ: „человѣка нѣкоего богата угобзися нива". Кто человѣкъ?—„Іуда и по немъ лихоимца и сребролюбцы" (притча 4).

---

[1]) «Соборное дѣяніе» въ прил. къ Скрижали, р.ст 58—5.

Третья переводная статья о божествѣ и воплощеніи Сына Божьяго—вполнѣ удовлетворяла потребности того времени: она являлась необходимымъ богословскимъ комментаріемъ къ символу вѣры, который въ исправленномъ видѣ былъ тогда напечатанъ въ Скрижали.

Изъ обозрѣнія состава Скрижали видно, что Епифаній принималъ самое близкое и дѣятельное участіе въ изданіи ея. Правда, положительно утверждать это можно было-бы только въ томъ случаѣ, если-бы было доказано, что на корректурныхъ экземплярахъ, служившихъ оригиналами при печатаніи, имѣются поправки и замѣтки, сдѣланныя рукою Епифанія; но все-таки въ качествѣ наиболѣе вѣроятнаго предположенія можно думать, что наблюденіе за справой и печатаніемъ переводовъ естественнѣе всего было поручить тому, кѣмъ эти переводы были сдѣланы, т. е. самому Славинецкому.

Скрижаль была окончена печатаніемъ въ октябрѣ 1655 года, [1]) а вышла въ свѣтъ въ іюнѣ 1656 г., послѣ соборнаго утвержденія ея 23 апрѣля 1656 г. [2])

Вслѣдъ за Служебникомъ и Скрижалью продолжалось исправленіе и печатаніе другихъ богослужебныхъ книгъ. При участіи Епифанія были исправлены и изданы слѣдующія книги: въ 1656 году тріодь постная [3]) въ листъ, и евангеліе напрестольное, въ первый разъ изданное съ раздѣленіемъ на главы и стихи [4]). Въ 1657 году былъ пересмотрѣнъ Букварь и съ перемѣнами, между прочимъ—съ прибавленіемъ посланія патр.

---

[1]) Мк. т. XII, 188 стр.

[2]) Ibidem, 191 стр.

[3]) Фил. Обз. дух. лит. Cfr. Сопиковъ. Рос. библіогр. I, 1517. Строевъ. Допол. къ Опис. № 91. Въ послѣсловіи, принадлежащ. Епифанію, воздается похв. Алексію Михайловичу и Никону за духъ разума и ревности, съ какимъ ведется книжное исправленіе, затѣмъ указывается, чего касалось это исправленіе, именно: «чиновъ, реченій, орѳографіи, именъ и глаголовъ и прочихъ частей словеснаго любомудрія»...

[4]) Смирнов. Истор. раск. стр. 49.

Паисія къ Никону о крестномъ сложеніи. (Филаретъ. Обз. дух. лит.) Всѣ измѣненія, внесенныя въ него при печатаніи, принадлежатъ Епифанію Славинецкому, такъ какъ въ корректурномъ экземплярѣ эти измѣненія писаны его рукою. [1]) Въ 1658 г. „псалтирь слѣдованная [2]) прежде множицею изданная," а въ этотъ разъ „съ прилежнымъ писаніемъ съ греческихъ книгъ исправленная" [3]), и цвѣтная тріодь. [4]).

Послѣ добровольнаго удаленія Никона отъ дѣлъ правленія, дѣло книжнаго исправленія, начатое имъ, не прекратилось; книги по прежнему издавались въ исправленномъ видѣ, повелѣніемъ Тишайшаго, благословеніемъ же преосвященнѣйшихъ митрополитовъ и архіепископовъ и боголюбивѣйшихъ епископовъ межъ патріаршества [5]). Печатный дворъ все время (1659—1666 г.) работалъ въ Никоновскомъ направленіи.

При участіи Епифанія за этотъ періодъ времени были изданы слѣдующія книги.

Въ 1660 г.: а) Минея общая въ десть; начата бысть сія богодохновенная книга въ лѣто 7168, мѣсяца марта въ 1 день; совершена же бысть, того же лѣта, мѣсяца августа въ 17 день" [6]). По сравненію съ предыдущимъ изданіемъ, въ этомъ „не положенны седмичныя службы въ среду и четвертокъ и въ субботу для того, что есть общая седмичная служба; а мѣсяцесловъ и уставъ вкратцѣ не положенъ для того, что уставъ зъ греческимъ и съ прежнимъ Московскимъ уставы во многихъ мѣстахъ не сходенъ. [7])

---

[1]) Бѣлокур. Арсен. Сух. ч. I стр. 436 прим. 45.

[2]) Филар. Обз. дух. лит. § 223.

[3]) Строевъ. Допол. № 94. Cfr. Сопиковъ. Опытъ рос. библіогр., I, 998.

[4]) Филаретъ. Об. дух. лит. § 223.

[5]) См. Предислов. къ твор. Григор. Богос., Вас. Вел., Іоанна Дам., изданнымъ въ Москвѣ., 1665 г. № 69 Троиц. Серг. Лавра.

[6]) Строевъ. Опис. (старопечатныхъ) кн. библіот. гр. Толстого № 123. Cfr. Обз. дух. л. § 223.

[7]) Бѣлокуровъ. Ар. Сух. ч I, прил. къ VI главѣ № 3. Б. М. С. Б. Приходо-расх. книги Моск. печат. двора № 69 л. 73 об. 75.)

Вначалѣ Минеи напечатано сказаніе о пользѣ и употребленіи этой книги (Строевъ. Опис. старо-печ. кн. Толстого № 124).

и б) Шестодневъ, „рекше вкратцѣ избранное отъ книги октоиха написанное правило церковное, повседневнаго ради пѣнія и моленія.[1])

1662 годъ.

Каноникъ,[2])—начатъ печатаніемъ въ 7170 (1662) году 12 мая, а оконченъ въ томъ же году 30 іюня, въ 8 долю листа.[3])

1663 годъ.

а) Библія, вышедшая изъ печати 12 декабря.[4]) Сопиковъ въ своемъ опытѣ Россійской библіографіи приводитъ мнѣніе проф. Миллера, что эту библію исправлялъ патр. Никонъ.[5])

Едвали-ли это мнѣніе можетъ быть принято, потому что Никонъ устранилъ себя отъ дѣлъ. Болѣе достовѣрнымъ должно быть признано мнѣніе Филарета, по которому исправленіемъ библіи, изданной въ 1663 году, занимался Епифаній Славинецкій. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ, то, что Епифаній былъ вызванъ въ Москву Московскимъ правительствомъ спеціально для „справки Библіи греческія на Словенскую рѣчь,[6]) тѣмъ болѣе что въ двѣнадцать лѣтъ, прожитыхъ въ Москвѣ до времени исправленія и печатанія библіи, онъ успѣлъ пріобрѣсти въ средѣ Москвичей славу знатока греческаго языка. Проф. Пѣвницкій полагаетъ,[7]) что Славинецкій не участвовалъ въ этомъ изданіи, потому что, по мысли Епифанія, требовалось совершенное обнов-

---

[1]) Строевъ. Допол. № 95, Cfr. Филар. Обз. дух. лит.

[2]) Филар. Об. дух. лит. § 223.

[3]) Строевъ. Опис. старопеч. кн. Толстого № 120. Cfr. Сопиковъ. Опытъ рос. биб. I, № 521.

[4]) Филаретъ. Обз. дух. лит. § 223.

[5]) Сопиковъ. I, № 110.

[6]) Собр. Госуд. грам. и догов. ч. Ш, № 136.

[7]) Труды Кіев. Дух. Ак. 1861 г. т. II, стр. 427—429.

леніе славянск. текста библіи, т. е. ея новый переводъ". Очень возможно, что такое изданіе, какъ Московское 1663, не нравилось ему, но трудно допустить, чтобы Епифаній совершенно устранилъ себя отъ всякаго сотрудничества въ этомъ дѣлѣ. Епифаній смотрѣлъ на переводъ библіи, какъ на самый высокій подвигъ, какъ на вѣнецъ своихъ трудовъ, и московскіе люди прекрасно понимали, что для дѣла не безразлично лишиться руководства и указаній такого свѣдущаго въ Св. Писаніи лица, какимъ былъ Епифаній. Думать такъ намъ даетъ полное основаніе современная записка объ Епифаніи.[1]) „Іеромонахъ Епифаній, „живый сый въ царствующемъ градѣ Москвѣ",—повѣствуетъ она—„по времени между иныхъ дѣлъ, яко есть обычай мудрымъ мужемъ, читаше книгу библію Ветхій и Новый Завѣтъ Еллинскій печатный, семдесятыми преводники преведенный, спущая съ Славенскою библіею, въ Острозѣ градѣ и на Москвѣ (1581 и 1653) печатными, испытуя и толкованіе Святыхъ Отецъ на нѣкая реченія и разумѣнія, глаголаше во многихъ мужи, наипаче честныхъ и властелей мужей благоумныхъ и доброразсудныхъ, яко грѣхъ величайшій есть намъ Славеномъ Православнымъ и укоризна и безчестіе крайнѣйшее отъ иностранныхъ народовъ, совершенно добрѣ знающихъ Еллинскій и отчасти Славенскій, и укоряющихъ ны, яко не имамы Библіи добрѣ преведенныя, паче же въ Священномъ Евангеліи премногая суть погрѣшенія, въ нихъ же самъ превѣчное слово Пребезначальнаго Бога Отца Іисусъ Христосъ глаголаше Боговѣщанная своя словеса". Самъ Епифаній называетъ себя трудившимся въ исправленіи этой Библіи (1663 г.), а другихъ участниковъ сотрудниками—„сотруждающимися" (См. первое предисловіе къ Библіи. Строевъ. Опис. старопеч. книгъ биб. гр. Толстого, № 133).

Такимъ образомъ мысль о напечатаніи исправленной Библіи всегда занимала Епифанія. Если же теперь, въ 1663 г., была издана библія, отличающаяся отъ Острожской только немногими

---

[1]) М. Евгеній. Словарь истор. т. I стр. 176—177.

орѳографическими поправками,[1]) то это объясняется наличностію трудно устранимыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, отодвинувшихъ ученый переводъ библіи, основанный на сличеніи съ греческими подлинниками, до 1674 года. Во второмъ предисловіи къ библіи [2]) Епифаній перечисляетъ эти обстоятельства. Таковы, во-первыхъ, неимѣніе ,,переводовъ добрыхъ, древнихъ писаній глубочайшаго языка и письма Еллинскаго, еже отъ самыхъ 72 богомудрыхъ преводниковъ отъ языка Еврейскаго преведен-

---

[1]) Эти поправки заключаются въ постановкѣ гласныхъ буквъ на мѣсто полугласныхъ (напр. «сотворимъ» вм. сътворимъ), въ замѣнѣ архаизмовъ новыми словами и въ нѣкоторыхъ поправкахъ перевода, напр: «изыдоша седмь кравъ» вм. «изъядоша седмь кравъ», «жреца иліопольскаго», вм. «жерца града солнечна» (Быт. 41, 45), и др. См. объ этомъ Гор. и Нев. «Опис. рукоп». I, 1 стр. 167—176.

[2]) За первымъ, такъ называемымъ выходнымъ, листомъ слѣдуютъ на оборотѣ «Стихи на гробъ» (числомъ 12), затѣмъ *первое* предисловіе, чрезвычайно важное для характеристики его составителя Епифанія. Изъ него видно, что Славинецкій на переводъ библіи смотрѣлъ, какъ на самый высокій подвигъ, какъ на жертву человѣческаго ума и знаній Богу. «Боже Отче Вседержителю, ты вѣси, единъ свѣдый сердечная, яко на твою великую силу надѣющеся, коснухомся пречестному дѣлу (приготов. къ печати библіи)... дерзнухомъ на сіе, уповающе на милосердіе твое, вѣдуще, яко неудобно человѣкомъ спастися, токмо храненіемъ заповѣдей Твоихъ, ихъ-же роду человѣческому благоизволилъ еси предложити и возвѣстити божествомъ и всесвѣтлымъ писаніемъ... И аще, за немощь прегрѣшеній нашихъ и *намъ соструждающихся дѣлателей* недоумѣніемъ укратися, или преложися или отмѣнися, самъ исправи дѣйствомъ пресвятаго Духа» (3—4 стр.) Между первымъ и вторымъ предисловіемъ находятся стихи къ читателю (числомъ 20). Такъ какъ оба предисловія принадлежатъ перу Епифанія, то можно думать, что авторомъ стиховъ является онъ-же. Внутренніе признаки принадлежности предисловія Епифанію таковы: широковѣщательность изложенія, когда при изложеніи главной мысли въ нее вводится много второстепенныхъ опредѣлительныхъ (параллелизмъ церковныхъ пѣснопѣній, акафистовъ); конструкція рѣчи близко подходитъ къ языку церковныхъ книгъ; наличность словъ, которыя Епифаній часто употребляетъ въ другихъ своихъ трудахъ, напр.— истинствовати и др.

ныхъ въ Еллинскій; во-вторыхъ, недостатокъ лицъ, знающихъ греческій языкъ (преводникомъ греческимъ немнозѣмъ сущимъ обрѣтатися); въ третьихъ, „неудобоносимое время, сіе есть настоятельство браней", слѣдствіемъ чего было оскудѣніе матеріальныхъ средствъ, потребныхъ для широкой постановки дѣла исправленія библіи, такъ что для всякаго было очевиднымъ, яко никакоже удобно понуждатися кому къ начинанію зданія, сіе есть исправленія божественныя сея книги". Таковы причины внѣшнія.

Къ внутреннимъ причинамъ, тормозившимъ дѣло исправленія библіи по греческимъ оригиналамъ,—принадлежалъ господствовавшій въ то время предразсудокъ, что у грековъ повредилось благочестіе, что ихъ книги испорчены и самый правильный текстъ заключается въ старыхъ славянскихъ переводахъ: „Народи сему (т. е. исправленію славян. книгъ по греческимъ подлинникамъ) усомлѣвахуся" — свидѣтельствуетъ Епифаній— мняще неистинны быти за порабощеніе странъ ихъ, обычаемъ паче влекущеся, на древнее права своего склоняхуся, первыя изданныя книги похваляху, настоящія-же (исправленныя) презираху и хуляху.[1])

Между тѣмъ потребность имѣть вновь отпечатанную библію сильно давала себя чувствовать: „рукописныя бо (библіи) отнюдь обрѣтахуся вмалѣ же едва гдѣ, уже печатнымъ Острозскимъ обрѣстися, имъ-же отъ многа времени оскудѣти". Поэтому-то рѣшено было „исправити ю (вполнѣ) *въ прочее время*, егда вся поспѣшатся вкупѣ въ благое", а пока Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ *вскорѣ* издати съ готоваго перевода, князя Константина Острозскаго печати, неизмѣнно, кромѣ орфографіи и нѣкихъ вмалѣ именъ и реченій нуждѣйшихъ, явственныхъ погрѣшеній".

Какъ видно изъ этого предисловія, Епифаній прекрасно былъ освѣдомленъ съ положеніемъ дѣла и ясно сознавалъ, что

---

[1]) Предисловіе (второе) къ библіи 1663 г. Строевъ. Описан. старопеч. кн. Толстого № 133.

неотложная нужда Русской церкви [1]) должна быть удовлетворена „*вскорѣ*“. Поэтому, повторяемъ, онъ принялъ живое участіе въ переизданіи библіи, и, какъ одинъ изъ видныхъ участниковъ въ приготовленіи ея къ напечатанію, считаетъ нужнымъ просить прощенія (въ предисловіи) за тѣ отмѣны и несогласія (съ греческою библіей), какія въ новоизданной библіи не могли быть устранены только вслѣдствіе неотложности и поспѣшности работы.

„Когда, вникнувъ въ эту Божественную книгу—обращается Епифаній къ читателю—ты найдешъ въ ней, помимо исправленнаго въ текстѣ (внутрь лежащая) и на поляхъ (на краяхъ страницъ) еще много несогласнаго съ греческимъ, то умоляемъ тебя: не ставь этого намъ въ вину, думая, что это оставлено такъ по небреженію; или когда сличишь славянскую вновь отпечатанную библію съ греческой, то не спѣши возглашать съ недоумѣніемъ: „если не исправлено во всемъ съ греческою библіею, то зачѣмъ было и издавать ее“, но прежде узнай причину этого. А причина такова, что едва гдѣ уже печатнымъ Острозскимъ (библіямъ) обрѣстися“. [2])

Если-бы Епифаній устранился отъ переизданія библіи, какъ думаетъ проф. Пѣвницкій, то едва-ли бы онъ счелъ нужнымъ умолять читателя о снисхожденіи и неосужденіи трудившихся надъ переизданіемъ библіи.

Второй, изданной въ этомъ 1663 году, книгой, въ которой принималъ участіе Епифаній, была Общая Минея въ 4-ку, напечатанная въ лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1663, мѣсяца іунія въ 1-й день. [3]) Предисловіе, принадлежащее Епифанію, перепечатано у Строева. (Дополн. 97).

---

[1]) Печатной Острожской библіи не было и въ библіотекѣ Моск. печат. двора; для переизданія этой библіи пользовались экземпляромъ, принадлежавшимъ чтецу печ. двора стар. Ѳеодосію. См. проф. Николаевскій. Моск. печат. дворъ при патр. Никонѣ. Христ. Чт. 1891 г.т. I, стр. 170.

[2]) Предисловіе. Строевъ. Опис. Толстого, № 133

[3]) Филаретъ. Обз. дух. лит. § 223.

Въ *1664* г. при участіи Епифанія была издана книга о священствѣ, въ которой содержится: „1) Житіе св. Іоанна Златоустаго, 2) Шесть словъ о священствѣ, 3) Разныя статьи, приличныя священству, 4) Посланіе св. Василія Великаго о хиротоніи на мздѣ бываемой, такоже Геннадія Патріарха и другихъ о томже".

Всѣ эти статьи переведены съ греческаго Епифаніемъ.[1]) Эти святоотеческія творенія были напечатаны въ Москвѣ первый разъ („первое изобразися печатнымъ тисненіемъ"), въ количествѣ 2400 экз.[2]) Вышли изъ печати 5 августа.

Въ 1665 г. были изданы въ одной книгѣ, наконецъ, творенія Григорія Богослова (50 словъ), Афанасія Александрійскаго 4 слова противъ Аріанъ, Василія Великаго Бесѣды на Шестодневъ и Догматика Іоанна Дамаскина. [3])

Переводомъ этихъ твореній Епифаній занимался уже давно. Изъ „Оглавленія книгъ" мы узнаемъ, что переводъ ихъ напечатанъ еще въ 1656 году. Здѣсь читаемъ: „4. Преложи (разум. Епифаній) Слова св. Григорія Богослова отъ Елинска, съ книги изданныя въ Парисѣ: лѣта M D C XXX (1630) нача 7164 (т. е. 1656), соверши же 7165 (1657) Іуп. 5. Преложи св. Аѳанасія Александрійска слова 4 на Арія лѣта 7164 (1656). Со-

---

[1]) Сопиковъ. Опытъ рос. биб. I, 477; Cfr. м. Евгеній. Словар. Истор. т. I, 173 стр. Строевъ. Опис. кн. Царск. № 190; Его-же. Опис. кн. Толст. № 134.

[2]) Б. М. С. Т. Приходорасх. книга печ. двора № 69, л. 79—81 (см. приложенія къ шестой главѣ изслѣд. Бѣлокурова: Арсеній Сухановъ, прилож. первое.

[3]) См. Сопиковъ. Опытъ библіогр. I, 247. Здѣсь приводится подлинное заглавіе книги и прилагается для показанія слога выписка изъ 2-й бесѣды Василія Великаго: о еже невидима бѣ земля и не устроена» Cfr. Строевъ. Описаніе старопеч. книгъ биб. гр. Толстого № 136, гдѣ перепечатанъ весь выходной листъ. Его же. Опис. книгъ биб. Царскаго № 193. Мы пользовались экземпляромъ изъ библіотеки Троиц.-Сергіев. Лавры, который въ писанномъ реестрѣ этого книгохранилища значится подъ № 69 V отдѣла (печатныя святоотеческія творенія).

верши-же Априліа съ книги, изданныя въ...; 20. Книгъ 4 о православной вѣрѣ преложи отъ Еллинска. Нача лѣта 7168 (1660) св. Іоанна Дамаскина, отъ книги изданныя въ...; 25. Св. Василія вел. Кесарійскаго бесѣда 11 на Шестодневъ. Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю,—преложи отъ книги друкованныя въ Бастиліи M D LI (1551) Opera Graeca cum gratia et privillegio Imp. Majestatis ad annos: V. Froben, въ десть". [1])

—

Чтобы опредѣлить все громадное значеніе этого труда Епифаніева, должно представить себѣ, въ какомъ положеніи была Русская церковь того времени въ этомъ отношеніи. До патріарха Никона святительскія творенія являлись въ Русской церкви *случайно*, переводились онѣ въ тиши монастырей по почину и благочестивому усердію частныхъ лицъ, безъ объединеннаго контроля высшей центральной іерархической власти; распространялись путемъ переписыванія, въ рукописяхъ; при переписываніи часто искажались; при списываніи и составленіи новаго списка нерѣдко вносилось много подложныхъ сочиненій, апокрифовъ, которые однако выдавались за твореніе того или иного отца и потому пользовались авторитетомъ наравнѣ съ подлинными святительскими твореніями.

Вполнѣ естественно, что такія сочиненія только разносили по всей Руси много суевѣрныхъ преданій и понятій. Насколько велика была спутанность агіографическихъ свѣдѣній, можно судить по тому, что въ русскихъ лѣчебникахъ первой половины XVII в. Аристотель называется „преподобнымъ". [2])

Въ виду такого состоянія святоотеческой литературы въ то время, переводъ четырехъ важнѣйшихъ отцевъ восточной церкви былъ громадною услугой для чадъ Русской церкви. Ближе всего

---

[1]) «Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ» § 79; Cfr. м. Евгеній: Словарь Историческій, стр. 173—174; Филаретъ. Обзоръ духов. литер. § 223.

[2]) Архангельскій. Образ. и литер. въ Моск. Госуд. XV—XVII в. Ученыя Записки Казан. Универ. 1898 г. кн. VII—VIII, стр. 233.

къ истинѣ, кажется намъ, думать, что выборъ святоотеческихъ твореній для перевода принадлежалъ самому Епифанію, потому что въ немъ обнаружилось прекрасное знакомство съ относительнымъ достоинствомъ разныхъ отеческихъ произведеній.

Значеніе труда Епифаніева еще болѣе увеличивается отъ того, что онъ получилъ высшую оффиціальную санкцію отъ патріарха и такимъ образомъ получилъ право на всеобщее распространеніе.[1]) Въ увѣщаніи отъ лица патріарха сказано: „сіи, (т. е. митр. Алексій, Максимъ грекъ и Епифаній Славинецкій,—о которыхъ рѣчь была выше) опасно храняху реченій, искреность діалектовъ, каноны сочиненія и чиноположеніе правописанія, просодіи, и препинанія реченій. Сего ради сія рекошася нами, да не возмнитъ кто-либо таковая (т. е. нѣкая реченія не тождесловна суща реченіемъ прежде погрѣшенію написаннымъ) отъ самомнѣнія преводника самосмышленно положена быти, и новая нѣкако и необычна. Ни убо, никако. Но истинно и праведно, исправлена бо суть сія вся (разум. Новый Завѣтъ митр. Алексія, бесѣда св. Іоанна Злат. на евангеліе—переводъ Максима Грека и переводы твореній Григорія Богослова, Василія Великаго, Аѳанасія, Александра и догматика Іоанна Дамаскина) по свойству обѣихъ діалектовъ, славенскаго и греческаго, имже діалектомъ греческимъ, явленно писаша святіи евангелисти самая устоглаголанная Христова словеса и апостоли, и селенстіи синоди, и отци святіи и оттуду переведены суть на славенскій языкъ искренно и истинно досточюдными и мудрыми мужи“.[2])

Разсмотримъ теперь, насколько близко было участіе Епифанія въ самомъ печатаніи ихъ.

Уже апріорно можно заключать, что такъ какъ перевелъ эти святоотеч. творенія Епифаній, то при печатаніи ихъ онъ-же, а не кто-либо иной, долженъ былъ наблюдать за справой ихъ

---

[1]) Книга (святоот.) твореній 4 отцевъ вост. церкви была издана въ количествѣ 2400 экземпл. Приходорас. книги печат. двора № 69 л. 79—81 (Бѣлокуровъ. Арсеній Сухановъ, I прил. къ шестой главѣ).

[2]) Горск. и Нев. Описан. Слав. рукоп. II, 2. № 196, л. 19.

на печатномъ дворѣ, за самымъ печатаніемъ. Болѣе подробное обслѣдованіе этого вполнѣ подтверждаетъ справедливость апріорнаго заключенія.

Въ Москов. Синодальн. библіотекѣ есть рукопись, [1]) содержащая въ себѣ Епифаніевъ переводъ словъ св. Григорія Богослова. Изъ типографскихъ помѣтокъ, имѣющихся на ней, видно, что она служила оригиналомъ при печатаніи. На поляхъ, и частію надъ строками, встрѣчаются очень часто, поправки, сдѣланныя рукою Епифанія. Правда, эти поправки—по свидѣтельству Горскаго и Невоструева—не приняты въ печатное изданіе; но для насъ въ данномъ случаѣ важно не это, а то, что на корректурномъ оригиналѣ имѣются Епифаніевы замѣтки и поправки: онѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что Епифаній посѣщалъ печатный дворъ и слѣдилъ за печатаніемъ своихъ переводовъ.

При напечатаніи словъ св. Аѳанасія Александр. на рукописи, служившей оригиналомъ для этого изданія, [2]) также имѣются собственноручныя поправки Епифанія Славинецкаго, таковы напр., л. 27, вмѣсто „ходатайствоваше" имъ испразлено „средствоваше"; л. 77. об. вм. „хулити"—вредословити"; л. 78 вм. „распясте"—„укрестовасте".

То же должно сказать и о рукописномъ славянскомъ оригиналѣ догматики Іоанна Дамаскина, съ котораго производилось печатаніе ея. [3])

Послѣдней книгой, напечатанной при участіи въ ея исправленіи Епифанія Славинецкаго, была служебная минея на сентябрьскую четверть, напечатанная въ 1666 году „мѣсяца ноемврія въ 15 день". [4])

---

[1]) По каталогу Саввы № 594. У Горск. и Нев. II, 2, № 124.

[2]) См. Гор. и Нев. II, 2. № 112 (по прежнему кат. № 360).

[3]) Ibidem, № 157 (прежн. кат. 441).

[4]) Филаретъ. Обз. дух. литер. § 223. Cfr. Сопиковъ. Опытъ рос. биб. I, 647. У него сказано, что Минея мѣсячныя изданы на цѣлый годъ, а не по сентябрьскую только четверть. Но это не вѣрно: въ приходорасходной книгѣ печат. двора № 69 л. 79—81,—читаемъ:

Послѣ этого года не видно, чтобы Епифаній принималъ участіе въ исправленіи книгъ, выходившихъ съ Московскаго печатнаго Двора.

Обобщая все сказанное нами о дѣятельности и значеніи Епифанія въ книжномъ исправленіи Моск. Руси второй половины XVII в., мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Епифаній окончательно разрушилъ и уничтожилъ въ высшихъ слояхъ Моск. общества еще раньше поколебленное предубѣжденіе противъ грековъ; 2) то направленіе, какое Никонъ далъ дѣлу книжнаго исправленія, въ значительной мѣрѣ должно быть объяснено вліяніемъ Епифанія; 3) съ самаго начала исправленія, съ первыхъ его попытокъ еще до Никона, вплоть до 1666 г., Епифаній принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ печатнаго двора, и 4) наконецъ, онъ слѣдилъ за печатаніемъ не только своихъ переводовъ, но и исправлялъ богослужебныя книги, какъ это ясно показываютъ его поправки на корректурномъ экземплярѣ напрестольнаго евангелія 1657 года.

Ив. Ротаръ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Минеи съ сентября з мѣсяца 2400 кн. (Бѣлокуровъ. Арсен. Сухан. ч. I., прилож. къ VI главѣ); см. также Строевъ. Опис. кн. Царскаго № 195.

Бѣлоцерковская гимназія.

(1862—1869).

Оставляя Винницкую гимназію въ 1845 году, я не думалъ, что черезъ 17 слишкомъ лѣтъ мнѣ придется снова встрѣтиться на службѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ старыхъ сослуживцевъ, но уже не въ качествѣ „попыхача", параллельнаго учителя, а въ роли начальника заведенія.

Въ одномъ изъ прежнихъ своихъ очерковъ я имѣлъ случай сообщить, въ какомъ жалкомъ состояніи находилась Винницкая гимназія въ началѣ 40-хъ годовъ. Занимаемое ею помѣщеніе въ поіезуитскихъ „мурахъ" ничѣмъ не отличалось отъ солдатскихъ казармъ самаго низшаго разбора, на постройку же для нея приличнаго зданія, по ограниченности средствъ, отпускаемыхъ министерству народнаго просвѣщенія, нечего было и думать. На помощь казнѣ явилась частная благотворительность. Извѣстный польскій магнатъ графъ В. С. Браницкій, унаслѣдовавшій отъ своей матери колоссальныя Потемкинскія богатства, [1]) пред-

---

[1]) Гр. Вл. Ст. Браницкій, старшій изъ четырехъ братьевъ, по раздѣлу получилъ: въ Васильковскомъ уѣздѣ мѣстечко Бѣлую Церковь, и 79 селъ и деревень; въ Сквирскомъ у.—2, въ Радомысльск.—2, въ Черкасскомъ—3, въ Херсонскомъ—3, въ Звенигородск.—11, а всего 100 селеній.

ложилъ министерству свои услуги, если только Правительство согласится перевесть гимназію изъ Винницы въ Бѣлую Церковь. Заручившись его согласіемъ, графъ выстроилъ зданіе, въ которомъ должна была помѣститься гимназія съ общею ученической квартирой на 150 человѣкъ.

Такое капитальное пожертвованіе графа ва пользу просвѣщенія, превознесенное и препрославленное какъ высокопатріотическій подвигъ, въ сущности было коммерческое предпріятіе; ибо съ переводомъ гимназіи въ Бѣлую Церковь, мѣстечко это, во-первыхъ, стало приносить ему въ пять разъ больше дохода, а во-вторыхъ, дало возможность множеству оффиціалистовъ дать образованіе своимъ дѣтямъ.

Построивъ зданіе, графъ обусловилъ свое пожертвованіе между прочимъ такимъ пунктомъ, что зданіе останется собственностію Министерства до тѣхъ поръ, пока въ немъ будетъ помѣщаться гимназія, „а закроютъ гимназію,—какъ выразился графъ,—я въ немъ заводъ устрою".

Бѣлоцерковская гимназія долго слыла въ народѣ подъ именемъ „Графской", въ которой существованіе служащихъ—отъ сторожа до директора включительно—яко-бы зависѣло отъ щедротъ Его Сіятельства наравнѣ съ его оффиціалистами.

Какъ бы тамъ ни было, а въ 1847 году Винницкая гимназія съ ея многосемейнымъ директоромъ Аристархомъ Александровичемъ Яковлевымъ и старымъ холостякомъ инспекторомъ Андріевскимъ (онъ же Барилко), замѣнившимъ Мазепича Минича Самойленка, съ любителемъ шарпанины Персидскимъ, скаредомъ фонъ-Мерсомъ, Омегой Осмоловскимъ, [1])—переселилась въ Бѣлую Церковь. Четырнадцатилѣтнее существованіе этого заведенія съ 1847 по 1862-й годъ, при трехъ директорахъ, Яковлевѣ, Науменкѣ и Вилуевѣ, до моего назначенія не входитъ въ предѣлы моихъ воспоминаній, и я перехожу прямо къ началу своего директорства.

---

[1]) См. о всѣхъ этихъ лицахъ въ Кіев. Стар. 1894 г. № 12.

Переселеніе мое изъ Богоспасаемаго града въ жидовское мѣстечко совершилось въ самое ужасное время года—въ началѣ февраля 1862 года. Зима въ этомъ году была жестокая, обильная снѣгами и сугробами. Почтовый 80-тиверстный трактъ оказался почти непроѣзднымъ; а между тѣмъ ждать тепла, оставаясь въ Кіевѣ, не было никакой возможности. Новое начальство 2-й гимназіи, пользовавшейся со времени Гренковской исторіи кличкою „мятежной", въ лицѣ директора Вилуева и инспектора Слѣпушкина, поспѣшило занять квартиры, оставивъ для меня съ женой и со всѣмъ моимъ скарбомъ одну лишь комнату, и то съ условіемъ очистить ее къ извѣстному, ими же назначенному сроку. По всему было видно, что меня колѣномъ выпирали изъ Кіева, считая дальнѣйшее мое пребываніе въ гимназіи почему то небезопаснымъ,—такъ по крайней мѣрѣ доложено было бар. Николаи новой администраціей, и потому nolens-volens, для пользы службы, я долженъ былъ при 15° мороза пуститься въ путь на двухъ жидовскихъ балагулахъ, съ женой, прислугой и коровами, по страшнымъ сугробамъ. Ну, развѣ мое якобы повышеніе, не было ссылкой въ мѣста не столь отдаленныя?

Переночевавъ въ Васильковѣ въ заѣздномъ жидовскомъ домѣ, мы на другой день, 2 февраля прибыли въ мѣстечко и поселились въ квартирѣ страшно запущенной, нѣсколько лѣтъ остававшейся безъ всякаго ремонта. Поутру въ квартиру мою явился безносый экономъ общей квартиры и гнусявымъ голосомъ повелъ такую рѣчь:

— Я пришелъ спросить, вешескородіе, сколько прикажете доставлять вамъ на кухню говядины?

— А что, развѣ у васъ собственная мясная лавка?

— Нѣтъ, г. директоръ, но я беру у мясника говядину для воспитанниковъ въ большомъ количествѣ, изъ котораго есть возможность выбрать лучшіе куски.

— Куда жъ у васъ идутъ эти лучшіе кутки?

Для гг. директора и инспектора—такъ у насъ всегда дѣлалось въ прежнія времена.

— И что-же? вамъ, конечно, уплачивалось за лучшую говядину дороже базарной цѣны?

— Помилуйте, г. директоръ, какъ можно, развѣ я осмѣлился бы требовать платы?

— Ну, такъ я вамъ разъ навсегда приказываю: лучшіе куски мяса оставлять для воспитанниковъ, а остатки для вашего семейства и прислуги; о директорѣ же и инспекторѣ не заботьтесь: они сами должны думать о своемъ продовольствіи.

Экономъ сдѣлалъ большіе глаза: повидимому его очень удивило такое странное распоряженіе новаго начальства. Сказавши обычное „слушаю-съ“, онъ повернулся къ выходу, но, вспомнивъ, что еще не все сказалъ, воротился и предложилъ мнѣ еще одинъ вопросъ:

— А хлѣба сколько прикажете доставлять на кухню?

— Какъ? неужели вы и хлѣбомъ довольствуете начальство? да вы, почтеннѣйшій, и сами останетесь безъ хлѣба! А интересно знать, однако-жъ, сколько фунтовъ хлѣба вы обыкновенно отправляли на кухни ежедневно?

— Директору Аристарху Александровичу, такъ какъ у нихъ было большое семейство и нѣсколько пансіонеровъ, требовалось порядочное количество и говядины и хлѣба, а другимъ гораздо меньше, смотря по числу пансіонеровъ.

Первый день моего пребыванія въ гимназіи былъ посвященъ бѣглому осмотру зданія, посѣщенію классовъ и закрытаго заведенія. Зданія состоятъ изъ трехъ корпусовъ: главнаго—трехъэтажнаго, въ которомъ помѣщались классы, библіотека, физическій кабинетъ и квартира инспектора, и двухъ двухъ-этажныхъ флигелей, гдѣ помѣщалось закрытое заведеніе. При постройкѣ зданій, инспекторъ случился холостякъ, и потому для инспекторской квартиры, не заботясь о будущемъ, назначены были три комнаты, безъ кухни и кладовой, а когда Барилку смѣнилъ семейный человѣкъ Токарскій, то онъ долженъ былъ служительскую комнату обратить въ кухню, а парадныя сѣни, заколотивъ наглухо роскошное entrée съ колоннами, превратить въ кладовую, гдѣ хранилась не только вся провизія, но и разнаго рода живность, отъ курицы до поросенка включительно. Тутъ же, по обѣимъ сторонамъ инспекторской квартиры, помѣщались три

первые класса, а насупротивъ дверей передней—сборная учительская. По коридору безпрерывно шмыгала не только женская прислуга, но и самая барыня въ дезабилье—другого выхода въ кухню не имѣлось, а во время уроковъ по корридору постоянно доносился пискливый бабій крикъ, а иногда раздавались и звонкія пощечины, которыми щедро надѣляла своихъ крѣпостныхъ дѣвокъ г-жа инспекторша.

Поднявшись на 2-й этажъ, я вошелъ въ парадный залъ для торжественныхъ собраній—и моему изумленію не было границъ, когда я на желѣзныхъ крючьяхъ, поддерживавшихъ царскій портретъ, увидѣлъ двѣ женскія юбки съ широчайшими кринолинами! Изъ этого, между прочимъ, можно усмотрѣть, до какой халатности дошли отношенія бѣлоцерковской администраціи ко ввѣренному ей заведенію и до какой крайности дошло пренебреженіе къ внѣшнему декоруму благодаря своеобразно понятому принципу Пирогова объ уничтоженіи мундирной выставки и высокоторжественныхъ актовъ, послѣ чего парадныя залы оказались годными лишь для гардеробныхъ.

Общая ученическая квартира занимала обширное помѣщеніе, но воспитанниковъ въ ней, какъ и вообще во всей гимназіи, оказалось весьма немного. Трехъ надзирателей, ни за чѣмъ не надзиравшихъ, для такого количества вовсе не требовалось; ни одинъ изъ нихъ не заглядывалъ во время своего дежурства ни въ столовую во время обѣда, ни въ учебныя комнаты во время занятій, возложивъ эту обязанность на инспектора. Дѣло въ томъ, что надзирательскія должности исполняли учителя; получая по 300 рублей добавочныхъ и пользуясь казенными квартирами со столомъ, они по цѣлымъ ночамъ лишь рѣзались въ карты.

Вникнувъ въ экономическую часть закрытаго заведенія, всецѣло находившуюся въ рукахъ инспектора, я ужаснулся: безбожная, безсовѣстная эксплуатація! Постройка одежды и обуви, носильнаго и постельнаго бѣлья, письменныя принадлежности, освѣщеніе, отопленіе—сколько матеріала для хищенія!

„Дайте намъ,—говоритъ русская поговорка,—только за хвостъ казеннаго козла подержать—мы шубу сошьемъ“.

Не будучи, подобно инспектору, математикомъ, я не берусь высчитать точный процентъ по каждой изъ статей расхода на содержаніе закрытаго заведенія, остававшійся ежегодно въ его карманахъ, а ограничусь на сей разъ самымъ незначительнымъ. Спрашиваю надзирателя Лятошинскаго: кѣмъ и какъ снабжаются ученики чернилами? И получаю курьезный отвѣтъ, что чернила собственноручно приготовляетъ инспекторша и получаетъ за то изъ суммъ общей квартиры 75 руб. серебромъ ежегодно.

— А вы, Николай Леонтьичъ, умѣете дѣлать чернила?

— О, еще какія!

— А сколько вамъ нужно денегъ на изготовленіе годовой пропорціи чернилъ для гимназіи и для закрытаго заведенія?

— Дайте, говоритъ, пока рубля три на матеріалъ, а тамъ, если будетъ мало, еще попрошу.

И что же? Двѣ громадныя сулеи превосходныхъ чернилъ обошлись въ четыре съ полтиной. По этой одной ничтожной операціи можно заключить о болѣе серьезныхъ. 70 рублей, заработанныхъ г-жею инспекторшей на чернилахъ, были каплей въ морѣ въ сравненіи съ тѣмъ, что выручалось ея супругомъ отъ постройки одежды, освѣщенія, отопленія и т. д.

Въ общей квартирѣ, устроенной на 150 человѣкъ, не оказалось и полсотни воспитанниковъ, съ тремя надзирателями. Посѣтивъ учебныя комнаты во время вечернихъ занятій, я нашелъ у каждаго воспитанника высшихъ классовъ по нѣсколько польскихъ книгъ. Значитъ, и здѣсь продѣлывалось то же самое, что и во второй гимназіи: существовала частная библіотека польскихъ книгъ тенденціознаго содержанія, которою завѣдывалъ преподаватель польскаго языка. Но я порѣшилъ до конца учебнаго года не прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ, а лишь приглядываться къ тому, что заведено до меня и было терпимо такъ долго; тѣмъ болѣе, что содѣйствія къ искорененію разныхъ безобразій въ своихъ сослуживцахъ я не чаялъ, по тѣмъ не менѣе готовился къ борьбѣ со зломъ, насколько у меня хватитъ силъ и умѣнья.

Обычные свои визиты я началъ съ ясновельможнаго графа, который всю зиму проживалъ въ своемъ бѣлоцерковскомъ домѣ. Принятъ я былъ не особенно привѣтливо—и очень понятно почему. Когда онъ узналъ о моемъ назначеніи въ „его гимназію", то просилъ содѣйствія губернатора Гессе избавить его отъ такого отчаяннаго хлопомана: „онъ мнѣ всѣхъ крестьянъ взбунтуетъ". Гессе отвѣтилъ ему, что онъ это самъ знаетъ, но помимо генералъ-губернатора ничего нельзя сдѣлать. Предвидя, въ будущемъ еще большія инсинуаціи со стороны его с—ва, я счелъ необходимымъ побывать у кн. Васильчикова и предупредить его объ этомъ, а также заявить, что, дорожа честію и достоинствомъ заведенія, я, какъ представитель русскаго начала въ краѣ, не намѣренъ заискивать милостей у польскаго магната, который мнитъ себя какою-то владѣтельною особой.

— Онъ меня такъ принялъ, что я въ другой разъ не рѣшусь пойти къ нему,—прибавилъ я въ заключеніе.

— Да вы къ нему послѣ этого ни ногой,—сказалъ князь. Браницкій—извѣстный гордецъ и невѣжа.

Осмотрѣвши, такъ сказать, à vol d' oiseaux состояніе гимназіи, я приступилъ къ болѣе подробному ознакомленію съ ней, обративъ прежде всего вниманіе на учебную часть. Новыя вѣянія конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, еще со временъ директора Яковлева, создали въ бѣлоцерковской гимназіи особаго рода олигархію изъ нѣсколькихъ учителей, и мнѣ предстояла нелегкая борьба съ оппозиціей, тѣмъ болѣе, что въ помощникѣ своемъ, инспекторѣ Токарскомъ, я встрѣтилъ человѣка двуличнаго. Получивъ первоначальное воспитаніе у базиліанъ въ Уманской школѣ, онъ заразился іезуитизмомъ и, будучи на нѣсколько лѣтъ старше меня по службѣ, считалъ себя обойденнымъ, готовый при всякомъ удобномъ случаѣ подставить мнѣ ножку. Чтобы показать, съ какими людьми пришлось мнѣ работать для общественной пользы, я приведу нѣсколько краткихъ характеристикъ.

Учитель математики и физики, человѣкъ несомнѣнно даровитый, оставленный было проф. Кноррингомъ при университетѣ въ качествѣ стипендіата, но потомъ имъ-же удаленный

за любовныя шашни, продѣланныя стипендіатомъ въ его семействѣ, поступивъ на службу въ Бѣлоцерковскую гимназію, сразу принялъ на себя роль заправилы всей училищной корпораціи: онъ подчинилъ своему вліянію не только преподавателей и самого директора, но даже всѣ „ученыя дамы" не избѣжали его нахальства. Сегодня, напр., онъ посылаетъ къ инспекторшѣ своего служителя съ увѣдомленіемъ, что онъ намѣренъ у нея обѣдать, заказавъ при этомъ и меню самаго обѣда; въ слѣдующій день назначаетъ пикникъ въ ближайшемъ лѣсу, или, ѣдучи въ Кіевъ, приглашаетъ за-компанію и жену надзирателя К—скаго. Наконецъ, не задолго до моего прибытія, выкинулъ такое колѣнце. Бывшій директоръ Яковлевъ, вскорѣ послѣ переселенія въ Бѣлоцерковскую гимназію, потерялъ свою властолюбивую и энергичную супругу, крѣпко державшую въ рукахъ этого стараго сластолюбца. Овдовѣвъ, нашъ Аристархъ не выдержалъ и одного года. У гимназическаго врача Потэна была смазливая 16-ти лѣтняя племянница, приглянувшаяся старику; онъ окрестилъ ее и женился. Физикъ повелъ противъ нея атаку, и она, обобравши мужа до нитки, ушла отъ него и поселилась въ заранѣе приготовленномъ ей убѣжищѣ; туда нашъ Донъ-Жуанъ часто уѣзжалъ безъ разрѣшенія начальства, манкируя своими обязанностями.

Преподаватель русскаго языка и словесности, заразившись господствовавшей въ то время маніей ложно понятаго прогресса, когда громкія фразы ничего не дѣлающихъ крикуновъ принимались за дѣла, избавляя ихъ отъ обязанности трудиться, мало того что не приносилъ ни малѣйшей пользы своимъ небрежнымъ преподаваніемъ воспитанникамъ, но положительно былъ вреденъ для заведенія. По крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ моего прибытія, ко мнѣ явился главноуправляющій имѣніями графа панъ Зелинскій и заявилъ, что его с—ву, какъ почетному попечителю, занесена родителями дѣтей жалоба на учителя словесности, внушающаго ученикамъ безбожныя идеи, при чемъ графъ велѣлъ передать, что, если я не уйму либерала, то онъ напишетъ министру. Когда

сдѣланныя мною предостереженія на словесника не подѣйствовали, то я предоставилъ вѣдаться съ нимъ инспектору казенныхъ училищъ М. А. Тулову, обративъ вниманіе на его преподаваніе. Въ концѣ учебнаго года, приступая къ экзамену въ VII классѣ, я продиктовалъ ученикамъ небольшой отрывокъ изъ христоматіи и былъ пораженъ безграмотностью молодыхъ людей; философствуя, со словъ своего наставника объ ученіи Будды, нѣкоторые изъ нихъ на одной страницѣ диктовки сдѣлали около 25 грубыхъ ошибокъ, непростительныхъ и для учениковъ 2-го класса.

Назначено было засѣданіе Педагогическаго Совѣта.

— Какъ вы, господа, находите вотъ эту диктовку?—обратился я къ членамъ, предложивъ имъ разсмотрѣть писаніе одного изъ пансіонеровъ: можно-ли подобнаго субъекта допустить къ дальнѣйшему испытанію?

— Разумѣется, можно,—возвысилъ свой голосъ физикъ.

— На какомъ-же основаніи, позвольте васъ спросить?

— Я такъ думаю—и кончено.

Отобравши голоса, я, разумѣется, остался въ значительномъ меньшинствѣ,—но когда я сказалъ, что войду къ попечителю съ особымъ мнѣніемъ, предоставивъ ему рѣшить столь важный вопросъ, то большинство перешло на мою сторону. На экзаменахъ по другимъ предметамъ тоже оказались значительные пробѣлы. Да можно-ли было ожидать хоть какихъ-нибудь успѣховъ, напр. хоть у преподавателя законовѣдѣнія Подгаецкаго, который въ продолженіе учебнаго года находился на службѣ не болѣе одного мѣсяца, проживая все время въ Кіевѣ? Дѣлалось это такимъ образомъ: отбывъ годичный экзаменъ по своему предмету, онъ бралъ билетъ на каникулы; затѣмъ въ августѣ представлялъ въ Округъ медицинское свидѣтельство и получалъ отпускъ на четыре мѣсяца—до декабря. Передъ Рождествомъ пріѣзжалъ въ Бѣлую Церковь, получалъ за полгода жалованье и уѣзжалъ въ Кіевъ на праздники; оттуда опять получалось увѣдомленіе объ отпускѣ по болѣзни до весны и т. д.

Все это беззаконіе нашъ законовѣдъ продѣлывалъ съ помощью Могилянскаго, находившагося съ нимъ въ какомъ-то родствѣ.

Учитель латинскаго языка,—а послѣ преобразованія гимназіи въ реальную,—нѣмецкаго языка, уже знакомый читателю по Винницкой гимназіи, Оттонъ фонъ-Мерсъ—олицетвореніе историческаго Плюшкина—оставленный женой, обзавелся новой семьей и еще болѣе опошлѣлъ. Скаредство его дошло до колоссальныхъ размѣровъ. Чѣмъ питался онъ самъ и его многочисленное потомство—объ этомъ никто не зналъ ничего достовѣрнаго, такъ какъ никто никогда у него не бывалъ. Лошади его—настоящіе одры—въ теченіе цѣлой недѣли кормились бурьяномъ да соломой, и только въ субботу, отбывши уроки, Оттонъ запрягалъ ихъ въ разслабленную и дребезжащую нетычанку и отправлялся къ своему пріятелю садовнику—Іенцу въ Александрію; тамъ его лошади кормились до вечера, затѣмъ, наполнивъ свою нетычанку сѣномъ, онъ возвращался домой. Лошади его, отправляясь изъ дому, еле передвигали ноги, а разъ даже на половинѣ дороги и пристали, за то домой бѣжали изрядною рысцой. Странное существо былъ этотъ *фонъ*. При всей своей скаредности, онъ, помимо лошадиной страсти, любилъ разводить всевозможныхъ домашнихъ птицъ, даже рѣдкой породы кохинхинки у него не переводились, но никому онъ не уступилъ ни одного яйца. Въ отдѣльной комнатѣ помѣщался цѣлый птичій заводъ; но въ одну изъ зимъ всѣ его птицы угорѣли и поголовно околѣли.

У него было два дома: одинъ изъ нихъ каменный двухъэтажный находился среди базарной площади, на бойкомъ мѣстѣ, и приносилъ изрядный доходъ. Спустя лѣтъ 10 послѣ оставленія мною Бѣлой Церкви, мы встрѣтились съ Мерсомъ, какъ старые сослуживцы—эмериты, въ Кіевѣ.

— Какъ поживаете Оттонъ Карловичъ?—спрашиваю его.

— Вообразите, я сильно былъ боленъ въ запрошлый годъ. Жиды узнали объ этомъ и уговорили продать имъ мой каменный домъ. „Вы, говорятъ, умрете, а жена завладѣетъ имъ“. Я, по глупости, и продалъ очень дешево, а теперь желѣзная дорога

прошла черезъ Бѣлую Церковь—большой доходъ приносилъ-бы мнѣ этотъ домъ.

Вслѣдствіе своего флегматическаго темперамента и однообразія учительскихъ занятій, Мерсъ превратился въ бездушную машину. Изъ года въ годъ аккуратнѣйшимъ манеромъ по звонку ходилъ на уроки, садился на каѳедру и спрашивалъ заданное; въ пятницу-же, свободный отъ уроковъ, весь день проводилъ на базарѣ съ жидами, а въ субботу ѣздилъ въ Александрію кормить лошадей. Служба для такого автомата—благодѣяніе; отставка—нравственная смерть. Прослужилъ же онъ болѣе 40 лѣтъ; но пользы отъ его долговременной службы получилось очень мало.

При такихъ педагогахъ учебная часть въ Бѣлоцерковской гимназіи находилась въ самомъ жалкомъ положеніи, въ чемъ наглядно можно убѣдиться по количеству пропущенныхъ учителями уроковъ: въ $18^{59}/_{60}$ г. ихъ было 790; въ $18^{60}/_{61}$—431; въ $18^{61}/_{62}$—555.

Изъ этихъ данныхъ видно, что пропускать уроки обратилось въ привычку, и какую тяжелую борьбу я долженъ былъ вынести съ закоренѣлымъ годами зломъ для того, чтобы изъ 790 пропущеныхъ уроковъ въ 1860 г.—въ 1864 ихъ было только 86, и то по уважительнымъ причинамъ.

Если къ приведеннымъ цифрамъ манкировокъ прибавить промежутки между перемѣщеніями или увольненіемъ одного преподавателя и прибытіемъ на его мѣсто другого, то для занятій не оставалось и половины положенныхъ по уставу часовъ. А перемѣщеній и увольненій за послѣдніе десять лѣтъ съ 1855 по 1865 годъ—было не мало, а именно: законоучителей—6, русскаго языка и словесности—8, математики и физики—8, исторіи и географіи—6, новѣйшихъ языковъ—5.

При частыхъ пропускахъ уроковъ и перемѣщеніяхъ преподавателей, учебные часы по цѣлымъ мѣсяцамъ оставались не занятыми, и ученики, какъ овцы безъ пастуха, бродили по мѣстечку между жидами, о чемъ мнѣ съ озлобленіемъ высказалъ, при первомъ моемъ визитѣ, почетный попечитель и при этомъ изъявилъ сожалѣніе о своихъ пожертвованіяхъ.

Не даромъ Н. И. Пироговъ, посѣтивъ Бѣлоцерковскую гимназію, возъимѣлъ о ней самое презрительное мнѣніе, порѣшивъ обратить ее въ штрафную гимназію, въ родѣ пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ, куда-бы со всего Кіевскаго округа высылались для исправленія самые отчаянные негодяи.

—

Передъ Пасхой, на страстной недѣлѣ, на гимназическій дворъ въѣхала телѣга съ какими-то двумя мѣшками. Привезъ ихъ человѣкъ изъ графской экономіи, преподнесъ мнѣ лоскутокъ бумаги, на которой было написано по-польски: „Dla wielmożnego p. dyrektora—mąki pierwszego gatunku“—одинъ мѣшокъ, а другой — для инспектора, за подписью завѣдующаго мельницами пана Филипповича, сынъ котораго учился въ гимназіи. На оборотѣ этой записки я написалъ: „Г. Филипповичъ! Получите обратно вашу муку да напеките пироговъ, да помяните недавнюю старину, когда представитель учебнаго сословія ничѣмъ не отличался отъ станового пристава. Позвольте вамъ сказать, что я ни въ какихъ подачкахъ изъ экономіи его с—ва не нуждаюсь, получая достаточное жалованіе отъ правительства и проч.

Панъ вломился въ амбицію и прислалъ мнѣ пространное письмо съ претензіей, что я его оскорбилъ, и чуть не потребовалъ отъ меня удовлетворенія: Ja jestem człowiek honoru i uczucia, повторилъ онъ въ письмѣ два раза. На это я ему отвѣтилъ еще пространнѣе. Письмо мое долго ходило по рукамъ между шляхтой и даже побывало въ рукахъ самого графа и заслужило одобреніе умной Ставищенской графини „Александрóвой“.

Не смотря однако-жъ на мое заявленіе о томъ, что я не намѣренъ пользоваться отъ щедротъ его с—ва никакими приношеніями, спустя нѣкоторое время ко мнѣ явился панъ Зелиньскій (главноуправляющій) и еще разъ попробовалъ искусить меня соблазнительными приманками, въ родѣ дачи подъ Росью, пары заводскихъ рысаковъ и экипажа въ мое распоряженіе, но я и на сей разъ остался вѣренъ своимъ принципамъ.

—

Попечительство Θ. Θ. Витте.

(1862—1864).

Отправивъ бренные останки своей супруги въ фамильный склепъ въ Финляндію, баронъ Николаи не могъ оставаться долѣе въ Кіевѣ, гдѣ все напоминало ему о невозвратной потерѣ страстно любимаго существа. На его мѣсто былъ назначенъ Θ. Θ. Витте, о которомъ профессоръ Никитенко такъ отозвался въ своихъ посмертныхъ запискахъ:

„Витте—человѣкъ весьма обыкновенный. Говоритъ онъ очень много, но у него все выходятъ больше слова, чѣмъ мысли. Онъ самъ себѣ придаетъ цѣну за то, что служилъ съ пользою русскому дѣлу въ Польшѣ. Его вывелъ въ люди Лейхтенбергскій, у котораго онъ былъ домашнимъ человѣкомъ“.

Здѣсь съ точностью не указано, какую именно должность занималъ Θедоръ Θедоровичъ при особѣ Лейхтенбергскаго, но всѣмъ служившимъ при немъ въ Кіевскомъ учебномъ Округѣ скоро стало извѣстно, что онъ „докторъ правъ“—такъ онъ самъ рекомендовалъ себя каждому являвшемуся къ нему провинціалу и даже ученикамъ гимназіи, при посѣщеніи имъ классовъ. Человѣкъ онъ былъ не злой и не прочь былъ сдѣлать какое-нибудь добро для ввѣреннаго ему Округа, но вовсе не подготовленный къ занятію высокаго поста попечителя учебныхъ заведеній пяти губерній, онъ ограничился одними добрыми намѣреніями, какими, какъ извѣстно изъ „Божественной комедіи“, вымощенъ адъ. Невѣжество свое въ трудномъ дѣлѣ управленія такого района онъ, съ чисто придворною ловкостію, маскировалъ пышными фразами о просвѣщеніи вообще и о священныхъ обязанностяхъ воспитателя юношества въ особенности. Самъ онъ не рѣшилъ ни одного сколько-нибудь серьезнаго вопроса, не посовѣтовавшись съ помощникомъ своимъ Михневичемъ или, вѣрнѣе, съ

правителемъ канцеляріи Губеромъ. Поѣдетъ по Округу, выслушаетъ доклады директора о вопіющихъ нуждахъ заведенія, со всѣмъ согласится безпрекословно и насулитъ ему горы обѣщаній, а въ концѣ концовъ все-таки не преминетъ присовокупить: „вы изложите все это на бумагѣ и пріѣзжайте въ Кіевъ—тамъ все это порѣшимъ“. Пріѣзжаетъ директоръ въ Кіевъ, является въ назначенный часъ на квартиру попечителя—за столомъ сидитъ тройца: по срединѣ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, по-правую его руку Осипъ Григорьевичъ, по лѣвую—Осипъ Ивановичъ. Прибывшему указываютъ мѣсто напротивъ.

— Извольте, говоритъ попечитель, читать, что у васъ тамъ? Прочитаешь одну бумагу; Ѳ. Ѳ. обращается сперва на право: „Какъ вы находите, Осипъ Григорьевичъ?“ Тотъ промычитъ что-то, какъ будто-бы и подходящее; но когда попечитель обратится налѣво—другой Осипъ, ероша волосы, торчавшіе и безъ того щетиной, прямо говоритъ безапелляціонно: „этого сдѣлать нельзя“, при чемъ загнетъ какой-нибудь канцелярскій крючекъ—и какъ гвоздемъ прибьетъ. „Ну, да—вторитъ ему докторъ правъ,—этого дѣйствительно разрѣшить нельзя. Что у васъ тамъ еще?“

Читаешь вторую бумагу—та же исторія: нельзя-съ — и конецъ. КѲ мнѣ онъ особенно не благоволилъ за Гренковскую исторію и вѣчно пакостилъ. Ни одно мое представленіе о настоятельнѣйшихъ нуждахъ заброшенной Бѣлоцерковской гимназіи, во все продолженіе попечительства Витте, не имѣло успѣха. Доложишь попечителю на словахъ:—прекрасно; попала бумага въ руки Губера—нельзя-съ! А тутъ подвернулся еще одинъ приспѣшникъ—директоръ 2-й гимназіи В. В. Вилуевъ. Онъ довольно долго прозябалъ въ кожѣ учителя бѣлоцерковской гимназіи и, удостоенный съ помощью гимназическаго врача Крохмаля, серьезнаго спеціалиста по математикѣ и химіи, степени магистра химіи, быстро выдвинулся впередъ и сталъ также величаться своимъ какъ попечитель величался своимъ, не менѣе сомнительнымъ, магистерствомъ, доктор-

ствомъ. Θедоръ Θедоровичъ и Василій асильевичъ стали неразлучными друзьями. „Я—докторъ правъ!“ —говоритъ каждому встрѣчному Θ. Θ. „Я—магистръ химіи!“—вторитъ ему В. В. при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. И вотъ этотъ самый господинъ, чрезъ своихъ старыхъ знакомыхъ бѣлоцерковскихъ получалъ свѣдѣнія обо всемъ, что творилось въ гимназіи во все продолженіе моей службы, и сообщалъ попечителю.

Первое мое знакомство съ новымъ попечителемъ началось въ грязномъ заѣздномъ домѣ. Въ маѣ мѣсяцѣ, около полудня прибѣгаетъ въ гимназію запыхавшись жидокъ и доноситъ, что „пріихавъ попецитель!“ Облачившись въ мундиръ, являюсь.

— Какъ это вы такъ скоро узнали о моемъ пріѣздѣ?—удивился тотъ.

— У насъ въ мѣстечкѣ, отвѣчаю, благодаря мишурисамъ, ничего не удержишь въ секретѣ. Жидки наши люди праздные, пронырливые—они все знаютъ. Затѣмъ, подобно Гоголевскому городничему, присовокупилъ: „Напрасно Вы, В. П—во, остановились въ этомъ ужасномъ помѣщеніи: у насъ въ гимназіи, по неимѣнію въ мѣстечкѣ гостинницъ, спеціально для пріѣзда ревизоровъ устроена совершенно отдѣльная комната—тамъ вамъ было-бы удобнѣе“.

— Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ остаться здѣсь: это мой принципъ.

— Ну, думаю себѣ, принципъ такъ принципъ. Попробуй-ка переночевать въ этомъ кабакѣ—узнаешь Кузькину мать!

И дѣйствительно, на другой день поутру, еще до звонка, къ моей квартирѣ подъѣхалъ дорожный экипажъ попечителя со всѣмъ его скарбомъ.

— Укажите, говоритъ, ради Бога, предложенную Вами вчера комнату—у жида нѣтъ никакой возможности оставаться: всю ночь не могъ уснуть—тамъ столько гадости.

Вотъ тебѣ и принципъ!

Въ залу собрались преподаватели. Попечитель выступилъ съ широковѣщательной рѣчью. Фразы, фразы и фразы! въ родѣ напр. слѣдующей:

— Господа, держите русское знамя высоко! Потрясайте имъ смѣло! Я—докторъ правъ! — и проч. и проч.

Затѣмъ, обходя классы, онъ и воспитанникамъ наговорилъ съ три короба вовсе ненужныхъ и мало для нихъ понятныхъ фразъ. А по окончаніи уроковъ, отбросивъ въ сторону свои принципы, онъ не только принялъ съ удовольствіемъ мое приглашеніе у меня отобѣдать, но подъ предлогомъ ближайшаго ознакомленія съ учительскимъ персоналомъ, навязалъ мнѣ весь штатъ служащихъ. За обѣдомъ говорилъ онъ одинъ, не давая никому и рта разинуть. Нѣсколько рюмокъ сливянки и вина открыли всѣ шлюзы, сдерживавшіе до того напоръ водяного краснорѣчія въ предѣлахъ оффиціальности, и рѣчь нашего ревизора подъ конецъ вечера стала смахивать на безшабашную болтовню Ивана Александровича Хлестакова.

На другой день онъ слушалъ приготовленные мною доклады о нуждахъ заведенія; я указалъ ему всѣ замѣченные мною недостатки: несостоятельность преподавательскаго персонала, подавляющее преобладаніе польщизны въ 80 верстахъ отъ метрополіи православія, необходимость усилить русскія начала въ заведеніи назначеніемъ стипендій и проч. А въ заключеніе заявилъ, что безъ коренного преобразованія въ указанномъ мною направленіи трудно ручаться за успѣхи учебнаго дѣла въ ополяченномъ краѣ. Согласившись со мной во всемъ ему доложенномъ и насуливъ мнѣ многое множество обѣщаній, попечитель уѣхалъ съ миромъ, сказавъ на прощанье: „До свиданія въ Кіевѣ“! А тамъ, какъ уже сказано выше, ожидали меня два Іосифа—и ни одно изъ моихъ представленій не прошло.

Кратковременное управленіе Кіевскимъ учебнымъ Округомъ попечителя Витте ознаменовано сильнымъ возбужденіемъ въ кругу кіевскихъ педагоговъ и университетской молодежи. Съ

освобожденіемъ крестьянъ впервые явилось сознаніе необходимости распространенія грамотности въ народѣ посредствомъ сельскихъ школъ. Воскресныя школы росли, какъ грибы послѣ дождя; въ Кіевѣ при первой гимназіи заведена педагогическая школа для приготовленія учителей въ открываемыхъ министерствомъ училищахъ, и по поводу этого открытія началась борьба митрополита Арсенія съ администраціей Кіевскаго учебнаго округа.

Бѣлоцерковская гимназія въ первые 15 лѣтъ своего существованія исключительно удовлетворяла потребностямъ мѣстной шляхты. Небольшая цифра учащихся, доходившая до 130 человѣкъ, несмотря на то, что многіе изъ воспитанниковъ пользовались стипендіями гр. Браницкихъ, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ бывшей Винницкой гимназіи большая часть учениковъ перешла въ сосѣднюю Немировскую, а нѣкоторые поступили въ гимназіи кіевскія. Да и изъ оставшихся на долю Бѣлоцерковской весьма немногіе оканчивали полный курсъ, легко находя службу въ экономіяхъ гр. Браницкихъ—на заводахъ, фабрикахъ и фольваркахъ, гдѣ не требовалось особеннаго образованія. Они-то впослѣдствіи и составили готовый контингентъ для повстанія 1863 года. Находясь въ такомъ жалкомъ положеніи въ теченіе 15 лѣтъ, Бѣлоцерковская гимназія мало чѣмъ отличалась, по своему направленію, отъ дореформенныхъ школъ Чацкаго съ подавляющимъ большинствомъ католиковъ. Число православныхъ воспитанниковъ относилось къ числу католиковъ какъ 1 : 3, да и та горсточка русскихъ, подъ вліяніемъ среды, скоро ассимилировалась. Не только поляки въ обращеніи съ русскими не допускали другого языка кромѣ польскаго, но и русскіе люди между собою говорили по польски. Даже многіе священники и ихъ семейства считали польскій языкъ языкомъ образованнаго класса, а свой природный—мужицкимъ. Въ православную церковь русская интеллигенція заглядывала на нѣсколько минутъ и вслѣдъ затѣмъ отправля-

лась въ костелъ. Отъ этой слабости не были свободны жены и дочери учителей гимназіи. Въ католическіе праздники отъ уроковъ освобождались всѣ ученики—и православные, и католики. Никто изъ служащихъ не рѣшался явно высказаться противъ такого безобразія. На Boże Ciało подъ окномъ инспекторской квартиры устраивались ołtarzyki, гдѣ служили ксендзы.

Пользуясь продажностію полиціи и непонятнымъ послабленіемъ высшей администраціи, польская пропаганда шибко повела свое дѣло не только въ гимназіяхъ, дѣйствуя на воспитанниковъ посредствомъ ксендзовъ и преподавателей польскаго языка, но и по селамъ среди крестьянъ чрезъ поссесоровъ, экономовъ, мировыхъ посредниковъ, волостныхъ писарей и т. п. Съ цѣлью такой же пропаганды среди женскаго пола, были открыты въ мѣстечкѣ разомъ два женскихъ пансіона фанатичными польками, Цишевской и Балицкой. Въ нихъ не слышалось ни одного русскаго звука. Директоръ гимназіи считался ихъ начальникомъ номинально, а въ дѣйствительности воспитаніемъ заправлялъ ксендзъ пробощъ, не смотря на то, что между дѣвицами было нѣсколько дочерей окрестныхъ священниковъ. Русская исторія въ пансіонахъ не преподавалась вовсе.

Помимо пробоща Могильницкаго и его викарія, законоучитель гимназіи С—й всецѣло овладѣлъ умами и совѣстію не однихъ воспитанниковъ, но и вообще всѣхъ бѣлоцерковскихъ католиковъ. Тайна такого вліянія заключалась, во-первыхъ, въ томъ, что этотъ ксендзъ былъ человѣкъ весьма умный и безукоризненно нравственный, притомъ основательно образованный: Одесская гимназія, Ришельевскій лицей, университетъ Св. Владиміра и наконецъ римско-католическая академія участвовали въ его образованіи. Онъ говорилъ совершенно правильно по-русски, по-французски, основательно зналъ языки латинскій, нѣмецкій и итальянскій, слѣдилъ за современной литературой, обладалъ значительнымъ даромъ слова. Во-вторыхъ, тайна такого вліянія заключалась въ безукоризненномъ образѣ жизни,

религіозности, доходившей до фанатизма, ловкости, изворотливости, чисто іезуитской, помогавшей ему вкоренять въ сердца вѣрныхъ и послушныхъ ему духовныхъ чадъ чувства нетерпимости и замкнутости въ своей средѣ. По моему мнѣнію, онъ былъ бы менѣе вреденъ гдѣ-нибудъ въ большомъ городѣ, чѣмъ въ нашемъ маленькомъ мѣстечкѣ: тутъ ему гораздо легче было удерживать въ своей духовной власти воспріимчивую и крѣпко сплоченную молодежь.

Весь почти 1862 годъ и часть 63-го, вплоть до 26 апрѣля, когда наконецъ wybuchnęło powstanie, прошли въ дѣятельномъ приготовленіи и демонстраціяхъ. По мѣстечку безпрерывно шныряли заѣзжіе студенты и праздношатающіеся „балагулы" съ наполеоновскими бородками, появлялись наконецъ и заграничные эмиссары, электризуя пылкую молодежь патріотическими иллюзіями; ксендзы, съ своей стороны, не дремали, имѣя въ рукахъ могучее средство—исповѣдь и дѣйствуя внѣ всякаго контроля полиціи. Да что такое наша продажная полиція? Вотъ одинъ изъ множества примѣровъ ея патріотическихъ подвиговъ.

Прибѣгаетъ ко мнѣ въ какой-то праздникъ изъ костела надзиратель Лятошинскій и говоритъ запыхавшись:

— Тамъ ксендзъ читаетъ такую ужасную проповѣдь, что всѣ навзрыдъ плачутъ и ученики плачутъ.

— Идите къ становому!—Тотъ сейчасъ-же отправляется въ костелъ. Ксендзъ сходитъ уже съ амвона.

— А пожалуйте вашу проповѣдь! обращается къ нему приставъ.

Проповѣдь оказалась о Zbużeniu Jerózolemy, гдѣ разгромленіе іудейской столицы Титомъ принаровлено ко взятію штурмомъ Варшавы въ 1831 году Паскевичемъ.

— Ну, что-же вы намѣрены дѣлать съ этимъ зажигательнымъ казаньемъ?—спросилъ я становаго, просмотрѣвши проповѣдь.

— О, теперь добродзѣю ксендзу не сдобровать! Сегодня-же я отправляю ее эстафетой къ генералъ-губернатору.

И дѣйствительно отправилъ, но взявши предварительно съ ксендза 300 рублей и давши ему передѣлать казанье.

Съ наступленіемъ весны 1863 года на столбахъ фонарныхъ и на воротахъ гимназическаго двора стали появляться пасквили на русскихъ и воззваніе къ патріотизму поляковъ. Напрактиковавшись уже довольно во 2-й гимназіи, при безпрерывной вознѣ съ мальчишескими выходками ошалѣвшей молодежи, я и въ Бѣлой Церкви не давалъ спуску ни малымъ, ни старымъ, возстановляя вездѣ законный порядокъ и спокойствіе и подвергая строгимъ взысканіямъ за отступленія отъ требованій дисциплины. Новые мои питомцы, повидимому, не привыкли къ крутымъ мѣрамъ со стороны податливой администраціи; имъ до моего пріѣзда все сходило съ рукъ, и мой помощникъ, инспекторъ, какъ человѣкъ болѣе меня знавшій шляхетскую натуру, не разъ предостерегалъ меня дѣйствовать осторожнѣе, но я ему на это замѣтилъ, чтобы онъ самъ не смотрѣлъ сквозь пальцы на дурачество мальчугановъ да почаще-бы посѣщалъ ученическія квартиры, гдѣ по ночамъ происходятъ сборища.

— Вы мнѣ, Ѳедоръ Антоновичъ, пророчите большой скандалъ, разбитіе оконъ, пасквили и т. п. ужасы, за мое слишкомъ смѣлое противодѣйствіе польскимъ затѣямъ, и думаете, что васъ они боготворятъ за ваши черезчуръ лагодныя отношенія къ нимъ, а я вамъ докажу совершенно противное.

И затѣмъ, выдвинувъ ящики письменнаго стола, предъявилъ ему такую картинку: нарисовано два столба съ перекладиной, на веревкѣ виситъ, болтая ногами, инспекторъ Токарскій.

— А знаете, гдѣ была приклеена эта бумажка? Подъ окномъ вашей квартиры, со стороны площади; тамъ, гдѣ съ вашего позволенія, устраивались ołtarzyki.

Дѣло въ томъ, что, въ ожиданіи со дня на день повстанья, я постоянно вставалъ съ разсвѣтомъ, обходилъ все зданіе и даже ближайшія къ гимназіи улицы и срывалъ приклеенные въ

разныхъ мѣстахъ пасквили и прокламаціи, какихъ у меня образовалась цѣлая коллекція.

Воспитанники низшихъ классовъ изъ обезьянства, свойственнаго дѣтскому возрасту, не отставали отъ взрослыхъ, запасаясь огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ, дрянными пистолетами и ножами. Кстати, съ ножами случилась цѣлая исторія.

Докторъ Стемпинскій, рьяный охотникъ, собираясь на медвѣжью травлю въ Минскую губернію, поручилъ своему сыну гимназисту заказать слесарю, отставному саперу изъ нѣмцевъ, большой охотничій ножъ. Но слесарь, получивъ отъ пристава строжайшій наказъ ни продавать, ни починять никакого оружія, къ которому онъ, со страху, причислилъ и ножи—отказалъ гимназисту, а тотъ сообщилъ объ этомъ товарищамъ. Проказники гимназисты, чтобы подразнить нѣмчуру, одинъ за другимъ стали приходить въ его мастерскую съ заказами ножей. Слесарь побѣжалъ къ становому и сообщилъ ему, что вся гимназія хочетъ вооружиться, а тотъ донесъ исправнику, исправникъ генералъ-губернатору—и пошла писать губернія.

Вызываютъ меня для личныхъ объясненій. Я объявилъ попечителю, что вся эта исторія не что иное, какъ продѣлка шалуновъ. Выслушавъ меня, Витте отъ души посмѣялся надъ тупоуміемъ полиціи и отправилъ меня къ генералъ-губернатору Анненкову.

Вхожу въ пріемную. Изъ кабинета, какъ шальной, выскакиваетъ генералъ и, не давъ мнѣ сказать ни одного слова, накинулся на меня съ азартомъ.

— А, а! у васъ ножи заказываютъ, вмѣсто того чтобы учиться! Ваши гимназисты запасаются оружіемъ... Я строго буду взыскивать съ начальниковъ частей и т. д.

— Да позвольте, в. в—во, разъяснить вамъ всю эту путаницу съ ножами, которую полиція...

— Не хочу слушать! ученики должны учиться, а они ножи заказываютъ. Что вы, коммунистъ, что-ли?..

Видя, что генералъ въ данную минуту мало чѣмъ отличается отъ Коробочки, я сталъ ретироваться къ вы-

ходу. Въ передней, когда я надѣвалъ пальто, и онъ появился. Жандармъ и ему подалъ пальто. Совершенно для меня неожиданно, генералъ обратился ко мнѣ съ тѣми словами, какими долженъ былъ начать аудіенцію:

— Давно-ли вы служите? Гдѣ воспитывались? Хорошо-ли вамъ живется въ Бѣлой Церкви? Бываете-ли въ Александріи? и проч.

Удовлетворивъ его любопытство, я вышелъ изъ передней. Заѣзжаю къ попечителю и заявляю претензію, зачѣмъ онъ отослалъ меня къ этому генералу? Хохочетъ. „Но позвольте, в. п—во, за что онъ обозвалъ меня коммунистомъ?"

— А, это вѣрно польскіе паны на васъ насплетничали за ваши хлопоты по народному образованію.

Наконецъ дождались и самаго повстанья...

Отсылая своихъ читателей къ изданной мною въ 1867 г. брошюрѣ за подробностями этой трагедо-комедіи, здѣсь я ограничусь краткими очерками относительно одной лишь гимназіи.

Еще я не ложился спать, какъ ко мнѣ часу въ первомъ прибѣжалъ неутомимый надзиратель Н. Л. Лятошинскій съ рапортомъ, что наши гимназисты пошли до лясу. Вооружившись фонаремъ, мы обошли сперва общую квартиру и, не досчитавшись нѣсколькихъ человѣкъ семиклассниковъ, тѣмъ же порядкомъ осмотрѣли и частныя квартиры, разбросанныя по всему мѣстечку у разныхъ бѣдныхъ вдовицъ. Здѣсь оказался такой-же недочетъ; а всего въ сложности не хватило 13 человѣкъ. Собственно въ Бѣлоцерковскую шайку навербовано было гораздо больше, но мои храбрые воины струсили. Они хотя и выступили въ походъ, но вернулись домой и, сбросивъ амуницію, легли спать. Сонныхъ я и нашелъ ихъ въ квартирахъ. У нѣкоторыхъ подлѣ кроватей разбросаны были чамарки, сапоги съ большими голенищами, чапечки, патронташи и проч. принадлежности „народовой милиціи".

На другой день послѣ выступленія изъ мѣстечка шайки мятежниковъ, двухъ изъ ушедшихъ гимназистовъ привелъ изъ черкасской волости старшина въ становую квартиру. Ихъ нашли въ лѣсу спящими въ пяти верстахъ отъ мѣстечка. Они вмѣстѣ съ другими сосланы на каторгу. Мнѣ особенно было жаль ученика V класса Чубинскаго, за нѣсколько мѣсяцевъ предъ повстаньемъ перемѣстившагося изъ Черниговской гимназіи. Въ немъ не было и тѣни польской закваски, и я полюбилъ его душевно. По просьбѣ отца его, отставного офицера, я бдительно слѣдилъ за поведеніемъ юноши, охраняя его отъ вредныхъ вліяній, но въ то-же время не дремали и поляки. Не прошло и полгода, какъ мой любимецъ Фульгентій сблизился съ подозрительными личностями, а въ началѣ апрѣля я уже видѣлъ его галопирующимъ на бѣломъ конѣ о-бокъ съ ксендзомъ-викаріемъ. Ну, подумалъ я, пропалъ мой бѣдный мальчикъ! И дѣйствительно, въ ночь на 26 апрѣля онъ пошелъ до лясу. Одобрительные мои отзывы о его прежнемъ поведеніи, отосланные въ слѣдственную коммиссію, по ея требованію, нисколько не облегчили его участи.

Прошло семь лѣтъ. О Чубинскомъ ни слуху, ни духу. Но вотъ въ 1869 году получаю письмо изъ Сибири, изъ котораго я узналъ, что онъ до 1866 г. находился въ Александровскомъ заводѣ на каторжныхъ работахъ; въ 66-мъ г. по манифесту вышелъ на поселеніе въ Братскую волость, Иркутской губерніи, гдѣ, какъ видно изъ письма, онъ находился до 1869 года...

Польская рухавка 63 года развязала мнѣ руки. Я зналъ, что мнѣ теперь дѣлать. Не уповая на содѣйствіе много обѣщающаго, но ничего не исполняющаго „доктора правъ", я началъ дѣйствовать на пользу русскаго дѣла самостоятельно.

Прежде всего я принялся за устройство ученической библіотеки. Перевезенная изъ Винницы довольно обширная ученическая библіотека, пріумноженная учителемъ русской словесности И. Я. Шульгинымъ, продана по распоряженію директора Яковлева жидамъ съ аукціона и съ начала 50 года перестала существовать. Заведенная-же нелегально учителемъ польскаго языка

Козловскимъ частная библіотека польскихъ книгъ находилась сперва въ вѣдѣніи основателя, а потомъ перешла къ ученику VII класса Ш—скому, ловкому малому, который всѣхъ дурней-товарищей снаряжалъ въ походъ, а самъ остался чистъ, какъ голубь. Отобрать у него книги можно было только хитростью.

И вотъ я объявилъ ему, что заводится *настоящая* ученическая библіотека русскихъ и польскихъ книгъ, изъ которой каждый воспитанникъ будетъ получать книги не украдкой, а открыто, а потому предлагаю вамъ внести въ заведенный мною каталогъ находящіяся у васъ на храненіи польскія книги, которыя будутъ храниться въ особомъ шкапу вмѣстѣ съ русскими.

Книги эти Ш—скій передалъ мнѣ не всѣ разомъ, а приносилъ ихъ по частямъ, по мѣрѣ поступленія въ библіотеку сочиненій русскихъ писателей. Такимъ образомъ мнѣ удалось отобрать у него изрядное количество польскихъ сочиненій, большею частію историческихъ, между которыми было не мало весьма нежелательныхъ. Затѣмъ послѣ формальнаго упраздненія преподаванія польскаго языка въ гимназіи, я исключилъ изъ каталога ученической библіотеки массу книгъ, передавъ ихъ частію въ библіотеку фундаментальную, частію отослалъ въ Варшаву. Осталось только около 20 сочиненій по всеобщей литературѣ—переводы съ иностранныхъ языковъ, какихъ не имѣлось въ литературѣ русской.

Въ то-же время прекращено преподаваніе польскаго языка и исторіи въ женскихъ пансіонахъ, куда, по моему настоянію, были приглашены двѣ классныхъ дамы изъ окончившихъ пансіонъ графини Левашовой. Преподаваніе русскаго языка въ послѣднемъ классѣ я взялъ на себя.

На пожертвованныя разными лицами деньги я завелъ при гимназіи небольшой складъ книжекъ и брошюръ для раздачи крестьянскимъ дѣтямъ и для обмѣна на польскія, которыми щедрою рукою надѣляли крестьянъ разные поссессоры и экономы во время пропаганды предъ повстаньемъ. Этой мѣрой уничтожена масса элементажей (польскихъ букварей), находившихся у крестьянъ.

Открыто при гимназіи училище, сыгравшее роль приготовительнаго класса и приходского училища: способнѣйшіе изъ крестьянскихъ дѣтей поступали изъ него въ гимназію, а маловаровитые по окончаніи училища возвращались въ семью къ сельскимъ работамъ.

Вскорѣ послѣ усмиренія мятежа, на сельскомъ народномъ праздникѣ 19 февраля 1864 года, по моему предложенію, при содѣйствіи мирового посредника Бурцова, положено начало подписки и заведена, такъ называемая, *Синяя книга*, куда вносились пожертвованія на стипендіи крестьянскимъ дѣтямъ, будущимъ гимназистамъ, и собрано за одинъ разъ 200 рублей.

Въ томъ же 1864 году, по приглашенію Варшавскаго намѣстника гр. Берга, нашъ докторъ правъ перешелъ на службу въ привислянскій край, не прослуживъ въ Кіевскомъ Округѣ и полныхъ двухъ лѣтъ. Онъ потянулъ за собою цѣлую ораву золотопромышленниковъ—педагоговъ, для которыхъ ubi bene, ibi patria, въ числѣ первыхъ изъ таковыхъ былъ и магистръ химіи В. В. Вилуевъ достигшій тамъ степеней извѣстныхъ.

Съ перемѣщеніемъ Витте въ Варшавскій Округъ у насъ настало междуцарствіе: до назначенія новаго попечителя въ управленіе Округомъ вступилъ помощникъ его О. Г. Михневичъ, человѣкъ дѣла, а не фразы. Воспользовавшись такимъ благопріятнымъ случаемъ, я поспѣшилъ въ Кіевъ и вошелъ съ докладомъ о настоятельной необходимости употребить радикальныя мѣры для поднятія уровня жалкаго состоянія гимназіи, какъ въ учебномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, чего положительно нельзя было достигнуть, не устранивши тормозящихъ своимъ вреднымъ вліяніемъ всѣ благія начинанія личностей. А для того, чтобы убѣдиться въ справедливости моего донесенія, я умолялъ Осипа Григорьевича основательно обревизовать бѣлоцерковскую гимназію, на что онъ и далъ согласіе.

А тутъ, какъ нарочно, между нашей ученой братіей произошло нѣсколько весьма некрасивыхъ исторій, которыя, помимо меня, сдѣлались извѣстны начальству (другими путями). Ревизія должна была состояться. Результатомъ ея были увольненія и перемѣщенія въ другія заведенія тѣхъ самыхъ преподавателей, отъ которыхъ я старался избавить гимназію; на

ихъ мѣсто мнѣ самому предоставленъ былъ выборъ новыхъ, мнѣ хорошо извѣстныхъ, большею частію моихъ бывшихъ учениковъ по 2-й Кіевской гимназіи.

Обновленіе учительскаго персонала совпало съ преобразованіемъ Бѣлоцерковской гимназіи въ реальную, по уставу министра Головина, съ двумя новыми языками, вслѣдствіе чего классикъ фонъ-Мерсъ превратился въ преподавателя нѣмецкаго языка, замѣнившаго собой латинскій. Для преподаванія естественныхъ наукъ изъ Петербургскаго университета назначенъ весьма опытный учитель, стипендіатъ, находившійся подъ наблюденіемъ пр. Бекетова, П. К. Стефановичъ—и дѣло пошло на ладъ. Окруживъ себя молодыми, честными и способными сотрудниками, я былъ увѣренъ въ преуспѣваніи ввѣреннаго мнѣ заведенія. Мы зажили дружно, безъ всякихъ интригъ и сплетенъ, обыкновенно отравляющихъ жизнь людей, заброшенныхъ судьбой въ глушь, подобную мѣстечку Бѣлой Церкви. Мы часто собирались по вечерамъ не для однихъ картъ и ужиновъ; картами пробавлялись два-три человѣка, большинство же молодыхъ учителей находило удовольствіе въ чтеніи журналовъ и въ научныхъ бесѣдахъ о прочитанномъ. По иниціативѣ преподавателя исторіи В. К. Зозулина, у насъ нѣкоторое время существовали даже ученыя собранія, въ которыхъ по временамъ читались рефераты, писались на нихъ критики и т. п.

Въ одно изъ такихъ собраній старый 70-тилѣтній учитель французскаго языка въ низшихъ классахъ, послѣдній изъ могиканъ, уцѣлѣвшій какими-то судьбами отъ временъ Чацкаго—панъ Кудельскій прочелъ намъ свою своеобразно написанную критику на рефератъ Зозулина „о Гамбургской частной гимназіи Ланге“. Въ пику молодымъ педагогамъ, безъ достодолжнаго уваженія относящимся къ старикамъ, онъ привелъ весьма курьезныя уподобленія. Помѣщаю здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ этой „критики“.

„О учителяхъ можно тоже само сказать, что о скрипкахъ: могутъ онѣ быть одлично издѣланы, но всѣ онѣ пока еще новыя, имѣютъ что-то остраго и хриплаго. Долго и долго надобно на нихъ играть, чтобы выдали тонъ чистый и милый. Долго и долго надобно бороться съ природой училищныхъ юношей, лѣностью и неразвитыми головами, чтобы умѣть найти прямую

дорогу къ ихъ убѣжденіямъ: ибо что другого умѣть, а что другого учить. Голова учениковъ есть какъ крѣпость, которую невозможно взять приступомъ, не обошедши нѣсколько разъ въ округъ ея, чтобы найти слабую сторону, черезъ которую можно бы туда достаться. Учитель такъ долженъ питать нѣжные еще умы учениковъ, какъ бѣлка кормитъ свои малюты: она сперва снимаетъ съ орѣха кислую зеленую кору, разгрызаетъ твердую скорлупу и подаетъ чистое зерно въ пищу.

Въ сообщеніи наукъ, особенно въ публичныхъ заведеніяхъ, удобнѣе можетъ дѣйствовать старый, опытностью богатый учитель, нежели молодой и даже звѣзды съ неба собирающій наставникъ. Старый учитель, какъ старый солдатъ, обнюхавшійся уже съ порохомъ; молодой же учитель, какъ молодая лошадь, чувствуя себя запряженную въ телѣгу съ грузомъ, и рвется, и прыгаетъ, и пиряетъ, и наконецъ съ половины дороги устаетъ.

Не все то Эвангелія, что пишутъ за границей... Просвященіе должно примѣняться къ характеру и обычаямъ всякаго народа: вздумать преобразовать русскаго бородача въ парижскаго франта—такое вознамѣреніе есть равно смѣшное, какъ и неудачное. Старуха наша Россія, въ своемъ древнемъ кафтанѣ прожила тысячу лѣтъ и какъ великанъ какой стоитъ одною ногой на Сѣверномъ океанѣ, а другой на Черномъ морѣ: будетъ ли ей къ лицу въ щегольской бедуинѣ, въ которую думаютъ одѣть наши реформаторы, передѣлается ли она въ молодую красавицу—это еще загадка трудна къ угаданію".

Въ заключеніе своей критики г. К. выругалъ молодыхъ учителей нигилистами, бунтарями—послѣдователями Герцена.

„А такъ въ мѣсто того, чтобы тщетно противъ нашихъ народныхъ училищъ кричать и, подражая подлому Искандеровому „Колоколу" наше родное осквернять, лучше взяться за руки, пополнить въ нашихъ училищахъ недостатки и завѣять умы и сердца русскіе. Ежели желаемъ, что бы училищные юноши пользовались нашими трудами, станьмо имъ примѣромъ воздержности, усердія и вѣры, а убѣдимся тогда, нѣтъ что завидовать Ланговой гимназіи".

М. Чалый.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ исторіи малорусской литературы 20 и 30-хъ годовъ XIX вѣка.

(*Библіографическія справки*). [1])

III.

Въ „Молвѣ“ 1835 г. (часть X, стр. 388—394) напечатанъ „Корній Овара. Думка I. Якъ поконтрактувавсь козакъ Корній Овара изъ бисомъ, и шо зъ того було“ [2]).

Стихотвореніе это подписано своеобразнымъ псевдонимомъ: „Антонъ Майко Келеберда. Зъ Почаёва поломарь Богородицькой звоницы“. Судя по обозначенію: „1836 года 25 января Харьковъ“ и примѣчанію редакціи „доставленъ г. Срезневскимъ“,— можно предполагать, что оно принадлежитъ перу И. Срезневскаго.

Къ тексту сдѣланы примѣчанія: „*Койдакъ*—порогъ близъ Екатеринослава; *Тритинъ* — три звѣзды всреди созвѣздія Оріона“.

Четырехстрочныя строфы обозначены цифрами, которыя мы опускаемъ.

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1900 г. № 9.

[2]) Цензур. дозволеніе дано 1 марта 1836 г.

Вотъ самое стихотвореніе

Койдакъ шумить, гуде Койдакъ,
Коргуе филею, мовъ чвара,
Генъ—скеля. Генъ—сидить козакъ,
Козакъ небога—панъ Овара.
Шумыть пидъ скелей хуртовый,
А по-надъ скелей гай шумуе;
По фили вставъ туманъ сидый,
По лавахъ ходить и ляцкуе.
А хмара на неби стоить.
Зирокъ не видко. Витеръ вые.
Мижъ комышемъ кажанъ кружыть;
Очима зъ гая вовкъ мурліе.
Сидить, зничившися, козакъ.
Винъ думу думае, гадае.
Сумуе тяжко неборакъ,
Шо доли бидному немае.
Симъ литъ вже винъ козакувавъ,
Симъ литъ ходивъ на Крымъ зъ Кравчиной,
На мори Турка выпытавъ,—
Та все—бездольною годиной.
Зъ ничимъ винъ зъ бою выхожавъ,
Зъ ничимъ вертався винъ до дому.
Зъ ничимъ? Ой, ни! Винъ добувавъ
Мижъ Агарянъ соби сорому.
Озвали раду козаки,
Овару присудили вбити,
Тай, повыходивъ на шляхи,
До себе почали просити.
Почувъ Овара й утикавъ
Зъ Ляхамы славы добувати;
До католиковъ пристававъ
Святую виру руйновати.
Тай тутъ жене ёго бида,
Тай тутъ ёго цькуе недоля.

Небога! Е ще въ насъ Орда:
Чого журиться! Божа воля!
Приставъ Овара до Орды
И на Ляхивъ пишовъ зъ Ордою...
Недоля зъ имъ, и зъ имъ биды...
Пропавъ Овара—втикъ изъ бою.
Утикъ, тай—ось. Гуде Койдакъ,
Коргуе филею, мовъ чвара.
Сидить на берези козакъ—
Козакъ небога, панъ Овара.
Шо буде зъ имъ? Шо жде ёго?
Чи, мабуть, вже прійшлось втопиться?..
Генъ—блись: Мара! Тай до ёго,
Тай ну попередъ имъ казыться.
Мара бисовська то, дидёкъ.
Очима лупае, вырляе;
Дугой зигнувшись из [1]) кіёкъ,
Иде, не йде винъ, шкандибае.
Пиджавши хвистъ, мара хремтить,
Рогами крутить, колодіе,
Сопе, зубами клаць, свистить,
Тай ка': „Здоровъ бувай, Корнію!"
Козакъ сидить, козакъ мовчить.
— „А шо", пыта Мара: „недоля?
Чого-жъ мене бъ не попросить?
Тоди-бъ ты знавъ, шо то за доля!"
И озира Мару козакъ,
И труситься, и [2]) зубами клаца:
— „А шо ты?"—„Шо? я твій батракъ:
Кажи, яка до нуды праця?
Кажи, усе зроблю"—„Га, цурь!"
—„Чого цураться видъ чортяки?

---

[1]) Sic. Слѣд. *на*.

[2]) й?

Чи злодій я? чи я ховтуръ?
Не бійсь. Побачишъ. Знайдешъ дяки.
Ось слухай, пане, мій совитъ.
Жене тебе бида, недоля,
Псуе тобою цилый свитъ,
Псуе тобою добра доля;
Недоли тій кинець мижъ насъ,
Мижъ насъ. У пекли винъ кирпатый.
А въ насъ добро, добро у насъ;
Всимъ насъ шануе наша мати.
И я, старшій зъ твоихъ братывъ,
Я для тебе знайшовъ пригоду,
Богацько дамъ круглевикивъ,
Богацько всякого розводу.
Богацько й славы дамъ тоби.
Тебе свитъ стане шанувати.
Чого лякаться? не рябій!
Виддай-же душу до заплаты.
Але... злякався нашъ козакъ.
Хреста не може положити.
Регоче бисъ.—„Шо, пане, якъ?
Чи до контракту приступити?"
— „Ой, ни! Лякаюсь пекла я."
— „Зъ чого-жъ лякатися повады?"
— „Якъ згине тамъ душа моя?.."
— „А де-жъ кажи, іи порада?
Бида на свити жить тоби;
Бида й загинути изъ свита:
Вона зъ тобой, хоть що роби,
Хочь цилу ничъ молись до свита:
А пекло—матерью на викъ.
Та не горюй. Добро мижъ нами.
Абы-бъ ты зачный человикъ,
А то зживешся, якъ зъ братами.

Музыка ѐ й у пекли въ насъ,
Та ще, козаче, якъ играе!
Якъ ваяне будько у ковбасъ,
То вси регочуть, все стрибае.
Горилка е́, медъ, пиво е́;
Якъ скажешъ, зваримо й ковтырю...
Такъ въ насъ; а дали—все твое,
Що ты ни взришъ по коломірю.
Всимъ будешъ, пане мій, богатъ;
Тай буде все тоби въ пойгранокъ,
Чи схоче сердце до дивчатъ,—
Богацько знайдемо панянокъ.
Чи золотыхъ круглевикивъ,
Чи то якой худобы, пане...
Козаченьку, якъ-бы-бъ зхотивъ,—
То все твое, твое падбане.
Отъ-такъ въ насъ, пане. Та за тимъ
Охочи такъ до насъ и люди,—
Пани, князи,—всихъ не зличимъ,
А козаки, хопы(?) та судьи...
Гай, гай! Вже ничого казать:
Така кравчина, хочъ на Ляха.
И верховодить вашу рать
Старый Богданко сиромаха.
Коли що вивъ тоби не любъ,
Е въ насъ Сирко и Дорошенко,
И зъ Бруховецькимъ Лизогубъ,
И зъ Пушкаремъ Линчай Кравченко.
Мазепа въ насъ ганчирки пре,
Латае кунтоши Выговскій;
Тетерю Полубитокъ тре,
А кашоваромъ Розумовській.
Отъ-такъ въ насъ, пане, и на викъ,
На вичный викъ. Добро мижъ нами.

А-бы-бъ ты зачный чоловикъ,
А то зживешся, якъ зъ братами.
Тимъ часомъ, щобъ ты все пизнавъ,
На свити симъ дамъ тоби волю:
Живи соби, гуляй соби,
И забувай свою недолю.
И воля та на десять литъ.
Якъ изойдуть—опивничь, свату,
Прійдеть Дидёкъ не дай-Бигъ—свитъ
У паньскую твою палату,
Прійдеть—тоди всёму кинець".
Задумавъ думу панъ Овара.
Блеснувъ тритиръ, мовъ каганець,
Тай зиркъ, тай впять чорніе хмара.
— „Чого-жъ гадати, пане мій?
Ось и кишеня грошей—плата
Въ задатку. Грошей не жалій—
На викъ кишеня приськовата.
Задумавъ думу панъ козакъ,
Тай каже: „буде то, що буде!
Хиба я первый?.. Де контрактъ?..
И хай Овару взнаютъ люди!"
Розризавъ руку панъ козакъ,
Тай пидписавъ контрактъ изъ бисомъ.
Койдакъ шумитъ, гуде Койдакъ,—
Козакъ изъ бисомъ вже за лисомъ.

Въ „Молвѣ" 1836 г. продолженіе этого стихотворенія не помѣщено, и мы не знаемъ, было-ли оно гдѣ-нибудь и когда-нибудь напечатано. Это есть, какъ видитъ читатель, подражаніе Жуковскому („Громобой"), но сохраненъ только остовъ разсказа, обстановка и герой приспособлены къ мѣстнымъ условіямъ. Такіе переводы—передѣлки были вообще въ литературныхъ нравахъ 20 и 30-хъ годовъ. Языкъ, искусственный, не вездѣ складный и правильный, сильно напоминаетъ „Запорожскую Старину" Срезневскаго.

IV.

Особенно богатъ малорусскимъ матеріаломъ „Вѣстникъ Европы“. У Каченовскаго были несомнѣнныя симпатіи къ Малороссіи и прочныя литературныя связи съ ея интеллигенціей.

Онъ помѣщаетъ малорусскія пѣсни, матеріалы по исторіи козачества, малорусскіе переводы и самостоятельныя произведенія.

Остановимся пока на двухъ послѣднихъ.

Въ маѣ и іюнѣ 1828 г. (стр. 53—55) напечатанъ „отрывокъ“ *Молодыця* (преданіе) съ эпиграфомъ: improbe amor, quid non mortalia pectora cogis? Virgil. En. IV. Подписанъ онъ N—й и снабженъ примѣчаніемъ: „Чувствую великій недостатокъ сего отрывка—*перваго* моего опыта; но тѣмъ не меньше онъ для меня пріятенъ: въ немъ слышны звуки языка моей родины! N“.

Ватàгамы ходылы хмары;
Мижъ ными молодыкъ блукàвъ;
Витры́ въ очеретáхъ бурхалы,
И Псьолъ стогнавъ и клекотàвъ.
Шумилы вèрбы... ввáлись лыстя;
Гулы витры по-пидъ мòстомъ...
На пни сыдила молодыця,
Пидперши щоку кулакомъ:

„Повій, витре, повій, буйный,
Повій зъ того краю,
Де живе мое серденько—
Де мылый вытае.
Принесить хоть слово ридне
Буйними витрами:
Якъ ты тамъ въ чужій сторонци
Жывешъ зъ Москалямы?
Ты покынувъ на родыни
Мене сыротою;

Я знизналась, я зриднилась
 Зъ долею лыхою!
Понесы, сердыта хвыле,
 Сльозы на чужбыну:
Нехай скажуть тамъ про мене—
 Я въ недоли згыну!..
Змандрувавъ! забувъ! покынувъ!..
 Де-жъ знайшовъ другую?
Сирота—одна безъ тебе
 Горе я горюю!..
Якь-же жить? де-жъ сердце диты?
 Съ кымъ нымъ подилюся?
Де-жъ теперъ я, мій мыленькый,
 Въ свитоньку динуся?
Розступысь вода—въ тоби я
 Погублю все горе..
Охъ, мій мылый, охъ мій мылый!..
 Доле моя, доле!.."

Вона реве, вона блидніе;
Волосся дыбомъ пиднялось;
Псьолъ гоготыть, выхрыть, дуріе...
— „Прощай!.. ты мій..."—и внызъ шубовсь!
Заклекотала хвыля въ Псьоли;
Клубкамы пина надулась;
Озвався голосъ на подоли,
И лисъ, очнувшысь, захытавсь.
Ватагамы ходылы хмары;
Мижъ нымы молодыкъ блукавъ;
Витры въ очеретахъ бурхалы,
И Псьолъ стогнавъ и клекотавъ.

Въ 1830 г. (май и іюнь, стр. 51—52) напечатаны „два сонета малороссійскіе", подписанные буквой *Ш*, съ слѣдующимъ орѳографическимъ примѣчаніемъ сочинителя: „правописаніе здѣсь соблюдено совершенно сообразное выговору, исключая

одной буквы—*ѣ*, которая всегда малороссіянами выговаривается за русское *и*“.

1.

— ∪ ∪ ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪
— ∪ ∪ ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪

Тилько тебе вбачыла, мій мылый коханый;
Тилько ясны оченьки ты на мене взвивъ—
О якъ, мое серденько, ты тилько глядивъ;
Билый свитъ заслали скризь якися туманы;
Паше зъ мене поломьемъ, и, въ день литній, ясный,
Лютый морозъ типа всю; стою, обмертвивъ;
Мовити хотила я—языкъ занимивъ;
Сумно мени сталося; духъ гвалтъ пиднявъ страшный.
Серце мало-бъ вырвалось; я млію, тремчу,
Мру и оживаю впять; слизьми якъ залъюся,
Руки вризь розкинулись, до тебе лечу;
Моцно жму до серденька, и вже не пущу.
Хоть вмру я биля тебе, а ни розлучуся;
Або твоя, мылый, або—утоплюся.

4.

— ∪ — ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪
— ∪ — ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪ ∪ —

Знаешъ, Саню—серденько!.. О мила година!
Въ весну, въ лузи темному, мы рвали квитки;
Нѣжни твои рученьки плели мни вѣнки.
„Швыдче стане,“ мовила ты, „чорна калина,
Нижъ покине милого ввѣкъ вѣрна дѣвчина“.
Въ щичкахъ твоихъ нѣжненькихъ угнулись ямки,
Въ ясныхъ чорныхъ оченькахъ тремтилы слизки;
Въ руки мои впала, мовъ маленька дѣтина;
Стонешъ, нибы горлиця, и къ груди грудь льне;
Мовишъ: „чи хохаешъ, якъ кохавъ ты мене“?

— Хай, хай люди стануть всѣ тверди, якъ камни,
Хай барвинокъ въ весночку завяне, посхне,
Бѣлый свѣтъ весь въ чорному потопне тумани,—
Вѣрный ввѣкъ останусь все коханій я Сани.

Выше мы уже видѣли характерный образчикъ украинской переработки русскаго произведенія. Въ „Вѣстникѣ Европы“ 1829 (II, 117—127) мы разыскали и другой—„Маруся“ (баллада), передѣланная изъ „Свѣтланы“ Жуковскаго. Повидимому было вполнѣ опредѣленное стремленіе усвоить украинской литературѣ классическія произведенія литературы русской (срв. переводы Пушкина, другихъ произведеній Жуковскаго и пр.).

„Маруся“ подписана: „В*** 4—6 февр. 1829“ (Л. Боровиковскаго) и сопровождена слѣдующимъ примѣчаніемъ редактора, т. е. самого Каченовскаго: „Маруся, т. е. *Марья*, это есть подражаніе *Свѣтланѣ* Жуковскаго; ежели въ немъ

Очень мало складу,

то принесу въ извиненіе бѣдность полузабытаго нарѣчія моей родины“—говоритъ скромный переводчикъ; а мы прибавимъ, что его Маруся доставитъ многимъ читателямъ нашимъ удовольствіе, какъ нѣкогда *Твардовскій* г—на Г. А—го [1]). Сіе прекрасное подражаніе извѣстной піесѣ Мицкевича было напечатано сперва въ *Вѣстникѣ Европы* (1827, № 6). [2]), потомъ не замедлило явиться въ *Славянинѣ*, а вскорѣ и въ одномъ изъ варшавскихъ журналовъ (Dziennik). Успѣха подобнаго желаемъ и малороссійской соперницѣ *Свѣтланы*“.

Звечера пидъ новый годъ
Дивчата гадалы:

---

1) Гулакъ-Артемовскій. Подписана была только буква Г.

2) I, 116—129. Съ очень интереснымъ предисловіемъ Каченовскаго.

Выбигалы въ огородъ,
Въ викна пидслухалы;
Зъ тиста бгалы шышечкы;
Олыво топылы;
Слухалы собакъ; въ пусткы
О-пивничъ выхрылы;
Вискъ топылы на жарку
И зъ водою въ черепку
Долю вылывалы;
Бигалы на шляхъ воны;
Съ прыказкамы въ комены
Суженыхъ пыталы.
Темно. Мисяць надъ лискомъ
Въ хмары завернувся...
Прыгорнувшысь, пидъ викномъ
Рюмала *Маруся*.
„Ты жъ, сестрыце, ты чого
Зъ намы не гадаешъ?
Пидъ виконечкомъ кого—
Видкиль выглядаешъ?..
Встань, голубко, не журысь:
Выйды зъ хаты, подывысь,
Де каганчыкъ свитыть—
Видтиль буде милый твій...
Пидъ виконечкомъ постій—
Слухай, хто одвитыть"...
— „Охъ, сестрыци, якъ мыни
Зъ вами ворожыты:
Въ дальній мылый сторони,
Якъ безъ іого жыты!
Годъ мынувъ—а все не чуть,
Де, чи живъ мій мылый?
Дни, недилоньки плывуть—
Свитъ гиркый, остылый!

Слова, висточкы нема;
А безъ любого сама
Горе я горюю!
Де жъ мыни іого найты?
Що робыть, куда питы?
Де я помандрую"?
Въ хати каганець блыщыть;
Жаръ пидъ пичью тліе;
Повна мысочка стоить—
Вискъ Маруся гріе.
„Ну, Марусю, загадай,
Вискъ на воду вылый;
Що тамъ выллецця—пизнай,
Якъ жыве твій мылый:
Чи живе винъ, чи мертвець,
Чи зъ тобою пидъ винець
Пиде зъ старостамы:
Звяжуть рукы рушныкомъ,
Коло столыка кругомъ
Обведуть зъ свичкамы...
Вискъ шкварчыть—а въ серци тіохъ!
Къ печи пидбигае:
Ухватыла черепокъ—
Въ воду вылывае...
Тыхо въ хати; пидъ кутком
Разъ цвиркунъ цвириньк нувъ.
Пивничъ: трычи пидъ викномъ
Пивень кукурикнувъ;
А Марусенька дрожыть:
Страшно, страшно ворожыть,
Трусыцця небога;
Слуха—мовъ що въ хату йде,
Мовъ балака, мовъ гуде...
Рыпнуло въ порога...
Що жъ Маруся?—На води

Плытка воску плава,
И дивчынонька тоди
На ній прочытала:
Домовына, хрѐстъ, свичкы,
Заступъ, дви лопаты,
Поясъ, яма, рушныкы,
Мара, склепъ дощатый...
„Горе! мылый мій мертвець“!
Загасыла каганець—
Дивка лыхо чуе...
Сила, бидна, у викна,
Серце бьецця, серце зна,
Серце щось вищуе...
Цс!—Пидъ хатою скрыплять
Санкы на прычилку:
Въ двиръ; бояры гомонять—
Ьидуть [1]) сватать дивку.
Тыхо дверчыкы скрыплять,
Молодый уходыть:
„Пипъ насъ жде, свичкы горять“,
Дивчыни говорыть:
„Въ церкви вже ревуть дякы,
Ждуть свитылкы, ждуть дружкы,
Ждуть хусткы весилни“.
За вгородомъ санкы ждуть,
Кони—зміи съ серця рвуть
Поводы реминни.
Силы въ санкы: кони мчать,
Ажъ искрять ногамы,
Полозочкы ажъ шумлять,
Снигъ летыть клочкамы;
Ззаду такъ якъ дымъ курыть,
Степъ кругомъ сыніе,

[1]) Своеобразное обозначеніе мягкости.

Мисяць изъ-за хмаръ блыщыть,
Тилко—тилко мріе.
Сердце въ дивчыны дрожыть:
„Що жъ мій молодый мовчыть?
Забалакай, мылый“!
Ни пивслова: все мовчыть
И насупывшысь сыдыть—
Такъ, якъ глына, билый.
Кони по полю летять:
Зъ поля витеръ віе;
А навитшыбъ—гинъ за пять—
Церква бованіе.
Двери выхоръ видхылывъ;
Люды въ церкви; тліють
Ставныкы и видъ кадылъ
Тилко-тилко мріють.
Середъ церквы чорный грибъ
И надъ нымъ спивае пипъ:
„Буде вична память“!
Гирше дивчына дрожыть;
Кони мымо; все мовчыть
Блидный мылый въ сапяхъ.
Заверюха пиднялась;
Рвецця снигъ клочкамы:
Чорный воронъ разъ-у-разъ
Кряче надъ санкамы:
Чорный воронъ не добро
Дивчыни вищуе!
Лыхо въ душу залягло,
Лыхо серце чуе.
На́ поли огонь блыщыть:
Мижъ заметамы стоить
Хутирокъ чи малый:
Кони швыдче понеслы,
Дымъ ногамы пиднялы—

Къ хутору прымчалы.
Прылетилы до дверей,
Зупынылысь, сталы:
Кони, санкы, молодый—
Якъ у воду впалы!
Сыпле снигъ—якъ зъ рукава;
Крутыть заверюха:
Въ поли витеръ завыва,
Надувае фуга...
Ьий вернуця?—Шляхъ пропавъ!
Отъ, каганчыкъ заблыщавъ—
И, перехрестывшысь,
Двери тыхо видвела,
Поподумала, ввійшла,
Богу помолывшысь.
Що-жъ найшла?—Мертвець лежыть—
Въ головахъ у тила
Свичка воскова горыть—
Дивка обимлила!
Передъ мертвымъ на столи
Образъ—Божа Маты...
Страшно въ хати буть самій,
Страшно кыдать хаты!
Въ поли витеръ все свыстыть...
Дивка блидная стоить—
Богу помолылась.
Страшно пидійты къ столу:
Передъ прыпичкомъ въ углу
Тыхо прыслонылась.
Витеръ стыхнувъ, все мовчыть;
Буря утыхае;
Свичка тилко що блыщить,
Свичка догоряе.
Темно въ поли; въ хутирку
Змовкло, занимило;

Сумно въ хати... цс!.. въ кутку
Щось загоготило—
Мовъ-бы витеръ зашумивъ.
Глядь—изъ покутя злетивъ
Голубокъ биленькый:
Крылечкамы замахавъ,
Дивчыни на груды павъ,
Прыгорнувсь легенько.
Змовкло впять усе кругомъ...
Блидная Маруся
Глядь—пидъ билымъ полотномъ
Мертвый повернувся...
Впало полотно: мертвець
(Тварь—темниша ночи)
Звився; на́ лоби винець,
Видимкнулысь очи...
Хоче ногы розвесты,
Хоче мертвый росплесты
Рукы омертвили;
А Марусенька?—Дрожыть:
Лыхо блызьке, а не спыть
Голубокъ биленькый.
Стрепенувся, розвернувъ
Крылычка легенько:
Къ мертвому на стилъ порхнувъ—
Сивъ на нимъ тыхенько:
Застогнавъ, заскреготавъ
Билымы зубамы,
На Марусю загарчавъ
Тыхымы словамы.
Знову мертвый поблиднивъ,
Зъ столу голубъ излетивъ—
Дивка прыглядилась:
Хто-жъ?—„О, Боже мій святый!“—
То Марусынъ молодый—

„Охъ“!—и пробудылась.
Де жъ? На лави, у викна,
Въ хати, де гадала,
Де, задумавшысь, вона
Вчора задримала.
День сиріе; за лискомъ
Жовтый мисяць зныкнувъ;
Трычи ранній пидъ викномъ
Пивень кукурикнувъ.
А Маруся не встае—
Ьий покою не дае
Сонъ: щось серце чуе...
— „Охъ, чого жъ то ждать мыни:
Жывъ мій мылый, чи въ земли—
Що мій сонъ вищуе“?
Такъ, якъ вкопана, сыдыть
Пидъ викномъ небога
И въ кватырочку глядыть
Въ поле, де дорога;
Скризь сидый туманъ налигъ
На шыроке поле;
А въ садочку иній лигъ
На деревья голе...
Кони черезъ мерзлый снигъ
Санкы мчать; зъ-пидъ киньскыхъ нигъ
Дымъ пиднявся билый;
Ьидуть, ьидуть до воритъ,
Въ санкахъ парубокъ сыдыть—
Хто?—Марусынъ мылый!
Що жъ, Марусенька, твій сонъ?—
Суженый зъ тобою!
Изъ далекыхъ винъ сторонъ
Зъ серцемъ и любовью
До дивчыны прылетивъ:
Пипъ васъ обвинчае—

Выбирайте старостивъ,
Хай музыка грае.
Русу косу росплитай,
Хусточкы заготовляй,—
Пидъ винець идите!
Заготовте рушныкы,
Засьпиваютъ вамъ дякы
Въ церкви „многа лита"!

Усерднымъ вкладчикомъ журнала Каченовскаго былъ Артемовскій-Гулакъ. Его произведенія обыкновенно печатались сначала на страницахъ „Вѣстника Европы", а потомъ уже перепечатывались другими изданіями.

Въ VI томѣ 1827 г. напечатаны: казка „Батько та Сынъ", „Рыбочка" (Казка) [1]) и Двѣ оды Горацієвы до Пархома (стр. 130—135). Всѣ онѣ подписаны буквой N.

Къ первой Гулакъ прибавилъ слѣдующее примѣчаніе: „кто учился у дьяка по старинному славянскому букварю, тотъ знаетъ, что значитъ *тма*, *мна*, *здо*, *тло*, *гдѣ*, *кто*, *что*, *мню* и пр. Сколько воспоминаній"!.. „Оды" сопровождены латинскими эпиграфами и такимъ общимъ замѣчаніемъ: „кто съ чувствомъ безпристрастія вникнетъ въ духъ нѣкоторыхъ одъ Горація, равно какъ и въ настоящую, такъ сознается, что его философія немногимъ чѣмъ различествуетъ съ философіею нашихъ малороссійскихъ *Пархомовъ*: *фалернское и горилка*—вотъ вся розница"!..

Въ V томѣ того же года (стр. 286—290) напечатана его же малороссійская баллада „*Рыбакъ*" (изъ Гете), подписанная „—й—27 окт. 1827". Самъ Каченовскій прибавилъ къ переводу очень интересное предисловіе.

„Всякому счастливому произведенію истиннаго таланта желаемъ такого успѣха, какой имѣлъ *Твардовскій*. Безъ предварительныхъ внушеній, безъ посредства слишкомъ ужъ извѣст-

---

1) Т. е. «Плиточка» (см. «Кобзарь» Артемовскаго-Гулака).

ныхъ способовъ втираться въ храмъ славы, баллада любезнаго нашего поэта въ короткое время была напечатана *три раза*. Слышно впрочемъ, что между благосклонными читателями стихотвореній малороссійскихъ есть и неблагосклонные къ сему нарѣчію—хранящемуся въ устахъ пяти милліоновъ соотчичей нашихъ и по многимъ отношеніямъ драгоцѣнному для славянскаго филолога. Несговорчивыхъ мудрено переувѣрить, но для другихъ сошлемся на *аллеманскія* стихотворенія покойнаго *Гебеля*, съ любопытствомъ и наслажденіемъ читаемыя во всѣхъ государствахъ Германіи, частію напечатанныя и у насъ рядомъ съ нѣкоторыми изъ прекрасныхъ переводовъ В. А. Жуковскаго (см. его Für Wenige. Для немногихъ. М. 1818). Кажется, позволено просить снисхожденія къ нарѣчію многочисленныхъ однородцевъ, соотечественниковъ и сограждань *нашихъ*, снисхожденія, подобнаго тому, какое оказываютъ нѣмцы къ остаткамъ языка, уцѣлѣвшимъ въ одномъ уголкѣ прежней Швабіи. Почтенный поэтъ (Гулакъ-Артемовскій), упомянувъ о нѣкоторыхъ особливыхъ побужденіяхъ, заставившихъ его передать на родномъ языкѣ („на языкѣ, почти уже *забытомъ мною*"—пишетъ онъ къ редактору. Прекрасно! Многіе изъ громкихъ словесниковъ, право, не остались-бы въ накладѣ, промѣнявши всѣ сокровища памяти своей на подобную забывчивость) своемъ Гетеву балладу, говоритъ далѣе въ обязательномъ письмѣ къ редактору, что между прочимъ и по влеченію любопытства, захотѣлъ онъ *попробовать*, нельзя-ли на малороссійскомъ языкѣ, передать чувства нѣжныя, благородныя, возвышенныя, не заставляя читателя или слушателя смѣяться, какъ отъ Энеиды Котляревскаго и отъ другихъ, съ тою же цѣлію писанныхъ стихотвореній. Указывая далѣе на нѣкоторыя народныя пѣсни малороссійскія, на пѣсни самыя нѣжныя, самыя трогательныя, онъ, съ благородною неувѣренностію въ успѣхѣ, выдаетъ балладу свою единственно, какъ простой *опытъ*.

Судьба его стихотворенія будетъ рѣшена знатоками и любителями малороссійскаго слова. Намъ остается только поставить на видъ одно обстоятельство: какъ въ *Твардовскомъ* выдер-

жанъ сочинителемъ тонъ *мужеско-гайдамацкій*, такъ здѣсь принятъ имъ *женскій малороссійскій* способъ объясненія".

Въ 1830 г. I (стр. 113—116) помѣщенъ: „урывокъ зъ казкы *Видьма*", подписанный буквой Б. [1]) Авторскія примѣчанія разъясняютъ принятый размѣръ и ставятъ вопросъ объ орѳографіи.

„Размѣръ этой баллады:

◡ – ◡◡ – ◡◡ – ◡◡ –
◡ – ◡◡ – ◡◡ – ◡

Показанъ размѣръ—можно читать правильно безъ подстрочныхъ знаковъ".

„Касательно *письма* малороссійскаго—quot capita, tot sensus. Г. *Максимовичъ*, въ изданіи малороссійскихъ пѣсенъ (очень невѣрныхъ), слѣдуя *этимологіи* словъ, измѣнилъ выговоръ и затруднялъ малороссіянина въ чтеніи; *панъ Котляревскій*, слѣдуя *самому выговору*, писалъ, какъ произносятъ, но прекрасная Энеида—малороссіянка (думаю, по волѣ писца или типографщика) принуждена была надѣвать русскій *кокошникъ* къ мужицкой *плахтѣ*: какъ не къ лицу! Нѣкоторые, наконецъ, думаютъ, что слова малороссійскія лучше писать по-польски! Съ этимъ (хоть для разнообразія) и я согласенъ. Съ условными знаками поляковъ для *ж*, ь и пр. (безъ *ъ* обойтись можно) легко вполнѣ выражается языкъ малороссійскій, со всею его гармоническою точностію—буквами латинскими; притомъ же этимологія несравненно большей части словъ малороссійскихъ—съ польскаго видно будетъ яснѣе". Самъ авторъ, впрочемъ прибѣгъ къ обычному правописанію.

Садылося сонце за сынимъ Днипромъ;
За сонечкомъ вечиръ спускався;
За вечеромъ—ниччу, якъ сывымъ сукномъ,
И поле и лисъ укрывався.

---

[1]) Боровиковскій?

Мижъ хмарамы мисяць тыхенько котывсь,
И на неби звизды займалысь;
А пиняви хвыли Днипровы дулысь
И берегъ высокый лызалы.
Задумалось поле; утыхло кругомъ;
Хиба де собака залае;
Хиба де рыбалка заплеще весломъ
Та хвылею писню спивае;
Хиба де въ рыбалокъ багаття блыщыть,
Та часомъ голосыть сопилка,
Та де-где гадюкою вныгзъ пролетыть,
Изъ неба зирвавшыся, зирка.
Пидъ Кыевомъ лисъ есть, надъ самымъ Днипромъ,
Нихто нымъ прійты не посьміе,
И сумно въ тимъ лиси, и сумно кругомъ:
Огонь въ нимъ серéдъ ночи тліе;
Щось плаче, мовъ диты, гуде вечиркомъ
И вые щось, мовъ бы собакы;
А що найстрашнище—въ тимъ лиси гниздомъ
Давно завелысь гайдамакы—
Не разъ бородатыхъ давылы купцивъ,
И коней, и крамъ видбиралы;
Не разъ подорожнихъ богатыхъ панивъ,
Якъ лыпку сыру, обдиралы.
У лиси куринь; въ курини—гомитня;
Бурлакы багаття розводять;
Осидлани кони кругомъ куриня
Непутани, попаскы ходять.
На коняхъ розъизжують два сторожи—
Изъ крамомъ купцивъ выглядають;
Ти сучать арканы, ти гострять ножи,
Ти ружжа свои заряжають...
Понурый отаманъ пидъ дубомъ сыдыть
И усы на палецъ мотае:
Не хоче винъ рады ни съ кимъ роздилыть,—

Нихто іого думкы не знае.
Надходыла пивничъ. Зибравшысь въ кружокъ,
Казокъ гайдамакы казалы:
Про Динъ, про Гаркушу, про гарныхъ дивокъ,
Про парнивъ, що Сичъ боронылы;—
Про злыхъ вовкулакъ; про Твардовського ридъ;
Про мертвыхъ, що челядь лякають;
Про військо московське; про кыевськихъ видьмъ;
Про змій, що до бабъ прылитають...

Одынъ гайдамака.

Есть хатка (sic) пидъ лисомъ—гинъ двое видъ насъ,
Въ ній баба стара прожывае;
Опивничъ до бабы (я бачывъ не разъ)
Коромесломъ змій прылитае.
Ще въ Кыеви жывъ я. Тамъ цилый Подолъ
Про знахарку-бабу городыть,
Про скрыню, про гроши...

Отаманъ.

Я й самъ видглядивъ,
Якъ зъ Кыева вчора вертався
Лужкомъ поузъ хату: якыйсь сатана
Непевный до бабы спускався...
И гроши е въ бабы?

Гайдамака.

Йимъ лику нема—
Якъ въ нехрыста жида.

Отаманъ.

— Ну, диты!
Не лышне-бъ у бабы замкы пидтрусыть,
Та рукы въ калытци погриты...

Ему-же (Б., 20 мая 1829) принадлежитъ переводъ „Два ворона“ Пушкина, размѣромъ подлинника (ib., стр. 185).

Ему-же (Б—й. 1828. Харьковъ) принадлежитъ „Подражаніе Горацію“ (ib., стр. 184—185).

Размѣръ:

◡ – ◡ – ◡ – ◡ – ◡ – ◡ –

◡ – ◡ – ◡ – ◡ – ◡

Beatus ille etc.

Epod. Car. II.

Щаслывый въ свити той, хто такъ уміе жыть,
Якъ наши прадиды жывалы:
Воламы риднымы дидивскый степъ кроить,
Довгы затылка не згыналы,
Не кличе барабанъ впивничъ на розбыття,
На море човна не спускае,
Не тягне брата въ судъ; чупрыною смиття
Съ порогивъ паньськыхъ не змитае;
А хто на хутори розсажуе садокъ,
Доридни вышенькы кохае,
И ножыкомъ крывымъ до яблуньокъ, грушокъ,
Спылывшы, ризочкы счипляе;
Розлигшысь на трави, въ сопилочку сурмыть
И за воламы поглядае;
Або изъ сцилныкивъ въ лыпянку медъ сочыть,
Зъ овечокъ вовныцю зстрыгае;

Або, якъ блидную покаже Осинь тварь,
И спила овощъ пожовтіе,
Винъ трусыть яблука и сушыть на узварь,
Та на зиму озыме сіе;
Або, розлигшысь, спыть пидъ дубомъ на трави;
Пидъ бокомъ ричечка лепече,
Въ левади писеньокъ спивають косари,
И соловеечко щебече;
Або, якъ пидъ Риздво прытрусыть землю снигъ,
Ричкы морозець постынае,
Забравшы парубкивъ, за поясъ взявшы ригъ,
Съ собакамы вовкивъ ганяе;
Або, роскынувшы здрадлыви тенета,
Кругомъ пролиска обставляе,
А тамъ зъ усихъ краивъ крычать: га—ту! га—та!—
И заець въ ситку застрявае...
И на ничь для зайцивъ винъ ситку заставля
(И все сусидови безъ шкоды)...
А блысне зирочка—винъ зъ добыччу чвала
До жинкы, дитокъ, до господы.
Винъ тилко що на двиръ, а жинка на поригъ,
Іого изъ радощу вытае,
Вечеря на столи, а дитвора, якъ рій
На матку, батька обсидае.
Якъ смачно на печи, забравшысь на черинь,
Писля охоты видпочыне!
Якъ завтра весело покыне свій куринь
И знову до роботы кыне!

По словамъ И. Кирѣевскаго, для русскихъ писателей конца 20-ыхъ годовъ Мицкевичъ былъ однимъ изъ любимѣйшихъ „властителей думъ". О силѣ его вліянія свидѣтельствуетъ громадное количество переводовъ и подражаній.

Это увлеченіе передалось и малорусскимъ писателямъ. Въ „Вѣстникѣ Европы" 1830 (I, 72—73) напечатанъ „малороссійскій переводъ изъ Крымскихъ сонетовъ Мицкевича *Акерманськи степы*" Ш. (Шпигоцкаго?).

Ђапливъ я на розлигъ сухого океяну,
Ныряе въ зильи визъ и, мовъ межъ хвиль човнокъ,
Плыве межъ пойныхъ лукъ по келему квитокъ;
Минаю острови зелены я бурьяну.
Смеркае вже; нигде ни шляху, ни кургану;
Шукаю шляховыхъ на неби я зирокъ.
Гень, блысь! Чи хмара то? то зироньки свитокъ?
Ни! то синіе Днистръ—то свитло Акерману.
Пождимъ... Якъ тихо все! Я чую журавливъ;
А ихъ ключа бъ не вздривъ бачнійшій зъ соколивъ
Я чую, якъ въ трави метеликъ колыхнется,
Якъ гадына слизька до зилья доторкнется.
Въ тиши сей слухаю такъ пильно, занимивъ,
Що зъ родыни бъ чувъ гукъ. Нихто не отклыкнется!

Тамъ-же (стр. 177—183) помѣщенъ и „Фарысъ, зъ Мицкевича", переводъ Л. Боровиковскаго (съ помѣткой *Іюля 1829. С. Милютки* и примѣчаніемъ переводчика:

„Размѣръ:

◡ (◡) — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — (◡) и пр.
— ◡ — ◡ — ◡ — ◡ (◡) и пр.

Этотъ размѣръ болѣе приближается къ подлиннику... и, можетъ быть, *только этотъ размѣръ*... Что-жъ дѣлать? Мицкевичъ неподражаемъ, тѣмъ болѣе на ограниченномъ нарѣчіи Малороссіи".

Якъ човенъ веселый, видчалывшы въ море,
По сынимъ крыштали за витромъ летыть

И веслами воду и пиныть, и дре,
Лебежею шыею въ хвыляхъ шумыть:
Такъ дыкый Арапъ, поводы видпустывшы
Коню вороному, въ пустыню бижыть;
Кинь шибкый, копыты въ писку потопывшы,
Якъ крыця горяча въ води, клекотыть.
Вже кинь мой по морю сухому ныря
И хвилю писчану грудьмы ростына,
    Далше—глыбше, далше—глыбше,
    Въ гору курява выхрыть;
    Далше—выще, далше—выще,
    По-надъ пылью кинь летыть.
Мій кинь вороный такъ якъ хмара литае,
И лысина въ лоби—якъ зъ мисяца ригъ,
И шовкова грыва по витрови мае,
Кругомъ блыскавкы роскыдае зъ-пидъ нигъ.
    Мчы, литавче билоногый!
    Лисъ и горы—причъ зъ дорогы!
    Дармо мене пальма въ поли
    Жде зъ шышкамы й холодкомъ.
    Утикаю я по воли—
    Пальма скрылася зъ стыдомъ
    И въ повитри утонула
И шелестомъ лысця зъ гинця усмихнулась.
Тамъ скалы—понура сторона пустынь—
Пиддержують неба кинци головою [1])
И дражнять, що гупа копытамы кинь,
И сварятця слидомъ за мною:
    „О невигласъ! де винъ гоныть—
    Тамъ видъ сонця весь скыпыть;
    Де пискамы кинь летыть,
    Головы тамъ не прыклоныть

[1]) Прим. переводчика: «въ подлинникѣ этотъ стишокъ:
Dziką na Bednina poglądają twarzą».

Пидъ шатеръ середъ пустынь—
Небо тамъ шатеръ одынъ.
Тилько скалы тамъ ночують,
Тилько звизды тамъ кочують".
Витеръ свару розимчавъ;
Я присвыснувъ—кинь помчавъ.
Глядь назадъ—понуры скалы
Вси видъ мене повтикалы:
Довгымъ рядомъ въ степъ бижать,—
Слызлы—слиду ихъ не знать.
Гракъ, почувшы, що сваряця горы, гадае,
Що въ пустыни коня й бедуина піймае,
И, розправывшы крыла, погнався гинцемъ—
Трычи голову чорнымъ обвивъ обручемъ [1]):
„Чую", кракнувъ, запахъ трупій,
Самъ ты глупый, кинь твій глупый!
Хочъ найты въ пискахъ дорогы,
Хоче пашн билоногый—
Лышня праця: хто зайшовъ,
Не выходыть видсилъ зновъ.
Симъ шляхомъ витры блукають,
Слидъ пискамы замитають.
Травъ лука ся не несе,
Ся лука гадюкъ пасе.
Тилько трупы тутъ кочують(?)—
Тутъ тилько гракы кочують".
И крачачы когти на мене справлявъ;
Зъ гракомъ мы зглянулысь око на око—
Хто-жъ злякавсь? Гракъ злякавсь и порвався высоко.
Я хотивъ закарать и майданъ напынавсь
И очыма грака я слидывъ за собою—
Гракъ мій чорною плямкою въ витри повысъ:

---

1) Примѣч. переводчика: «блыже—трычи голову чорнымъ окынувъ винцемъ».

Показавсь горобцемъ, и жукомъ и бжолою,
А дали въ повитри цилкомъ ростопывсь.
Мчы, литавче билоногый!
Скалы и гракы—зъ дорогы!
Я оглянувсь—ажъ зъ За́ходу хмара летыть
На крылахъ шырокыхъ по сыньому склепу:
Въ неби хмара гинцемъ такъ хотила прослыть,
Якъ литавъ воронымъ я по степу,—
И завысла надо мною,
„Зъ витромъ свыснула враждою:
О невигласъ! тамъ тоби
Спека груды вси ростопыть,
Дощыкъ зъ хмары не окропыть
Курявы на голови.
Джерело въ пику степовымъ
Не озвеця срибнымъ словомъ.
Росу тамъ—къ земли не ссяде—
Вльотъ голодный витеръ краде“.
Дармо, дармо лякае; я мчусь по пискахъ;
Хмара, мовъ занудывшысь по небу слоняе,
Нызче голову склоняе
И застряла на горахъ.
А ще разъ якъ хмару очыма я скынувъ—
Ьии за всимъ небомъ позаду покынувъ:
Що въ серци ховала—я бачывъ въ очахъ:
Обимлила, счервонила
И видъ злосты поблиднила—
А дали счорнила, якъ трупъ, и сховалася въ горахъ.
Мчы, литавче билоногый!
Гракъ и хмары—причь зъ дорогы!
Око небо обвело;
Я оглянувсь коло себе:
Ни въ пустыня, ни на неби
Вже никого не було.
Мервый степъ—и свитъ наставъ—

Людськыхъ нигъ не циловавъ.
Все тамъ сномъ мертвецькымъ спыть,
Якъ звирякъ ватага дыка
Не боитця, не бижыть,
Вперше вздривши чоловика.
Мій Боже! Тутъ я вже не перший! Въ пискахъ
Чи люды, чи видьмы въ степу бованіють?
Чи бродять, чи добычи ждуть тамъ въ горахъ?
Ѣиздци вси, якъ снигъ, и ѣихъ кони биліють!
Прыбигъ—вси ни зъ мисця; гукнувъ—вси мовчать!
То—кисткы:
Стародавня каравана
Витромъ зъ пйскивъ выгрибана.
На шкилетахъ верблюжыхъ—зъ людей маслакы:
Въ ямы, де лежалы очи,
Въ голи щокы, мижъ кистокъ,
Буйный витеръ пйскы точыть...
И ворожыть той писокъ:
„Бедуине ошуканый!
Де летышъ—тамъ гураганы!“
—„Не боюсь!“ Кинь мчытся вскокъ.
Мчы литавче билоногый!
Видьмы, гураганъ—зъ дорогы!
Гураганъ, старшый братъ зъ афрыканськыхъ выхривъ
Середъ степу гуля, середъ жовтыхъ пискивъ:
Мене вуздривъ здалека—и ставъ оглядаты,—
Вертячыся на мисти, соби зашумивъ:
„Що за выхорь летыть?.. Зъ моихъ меншыхъ бративъ,
Мабудь, вырвавсь, никчемный, писокъ розмитаты...
Якъ посьмывъ винъ мое дидивськé розсыпаты?
Заревивъ—и до мене горою порвавсь,
Зблидъ, посынивъ, що я не втикавъ, не злякавсь;
Землю рывъ, писокъ сыпучый,
Всю Арапію измучывъ
И, якъ грыцъ-птахъ, мене зъ вороного зирвавъ:

Виддыхомъ огнистымъ палыть,
Кыда вверхъ, объ землю бье,
Крутыть, рве, писокъ шпуе.
Вырвавсь я, борюся смило,
Рву, кочкомъ писокъ несу,
Роздыраю іого тило
И зубамы мну, грызу.
Гураганъ зъ моихъ рукъ хотивъ въ небо втекты—
Та не вырвавсь: въ пивтила зирвався и рунувъ
И писщанымъ дощомъ мене зверху облывъ,
Але лигъ биля нигъ моихъ валомъ—и лунувъ.
Виддохнувъ я! На звизды тоди поглядивъ,
И все небо якъ разъ зототымы очыма
Зрило все на бедуина,
Бо причь мене нихто на земли тамъ не жывъ.
Якъ то любо по воли дохнуты грудьмы!
Виддохнувъ я такъ шыроко,
Що повитря въ Арбыстани
Ледве на виддышку стане.
Якъ то любо поглянуть очыма всимы!
Роспистерлось мое око
Такъ далеко, такъ шыроко,
Що бильшъ свита засяга,
Нижъ—якъ небо заляга.
Якъ то любо розкынутця середъ степивъ!
Я роскынувся тиломъ и рукы рознявъ,
И, здаетця, свитъ зъ зходу на захидъ обнявъ:
Моя думка въ повитри литае и рветця
Выще, выще и выще—ажъ въ небо несетця.
Якъ бжола топыть зъ жаломъ кинець животивъ,
Такъ я зъ думкою й душу у небо втопывъ.

Въ VI томѣ „Вѣстника Европы“ 1822 Каченовскій помѣстилъ нѣсколько „малороссійскихъ анекдотовъ“ (стр. 61—68 и 157—162). Имъ предпосланы два коротенькія предисловія редактора.

„Нарѣчіе малороссіянъ является уже не только въ книжкахъ печатныхъ, но и на сценѣ въ обѣихъ столицахъ. [1]) Желательно, чтобы малороссіяне говорили намъ дѣйствительно своимъ языкомъ— напримѣръ, какъ въ сихъ анекдотахъ“. „Подобные анекдоты разсказываются самими малороссіянами въ досужное время и единственно для невинной забавы. Что говорится о *лицахъ особенно*, то никакъ не можетъ относиться къ цѣлому народу или къ званію. Есть, конечно, люди, которые о многомъ судятъ по своимъ собственнымъ догадкамъ и подозрѣніямъ, но за то есть и другіе, умѣющіе цѣнить *безвредную* занимательность правдоподобнаго веселаго разсказа. Сіи послѣдніе, какъ мы думаемъ, были бы отмѣнно довольны, когда бъ случилось имъ найти гдѣ-нибудь въ журналѣ искусно предложенное сказаніе, напр., о козакахъ (задолго передъ симъ), приходившихъ въ Петербургъ жаловаться на помѣщика Кулябку“.

Считаемъ нужнымъ привести эти анекдоты, представляющіе ранюю и, кажется, первую запись произведеній малорусскаго народнаго юмора. Нѣкоторые изъ нихъ встрѣчаются намъ впервые, другіе даютъ интересныя версіи общеизвѣстныхъ разсказовъ.

1.

Л а в р и н ъ вывезъ на торгъ продать мѣшокъ муки съ тѣмъ, чтобы за вырученныя деньги купить нужное для дома. Остановившись на площади въ городѣ среди множества людей, онъ рѣшился не вставать съ воза, весьма прилежно караулить свой товаръ и глазъ съ него не спускать, нижѐ ни на секунду Подходитъ одинъ служивый, посматриваетъ на продавца, на мѣшокъ

---

[1]) Намекъ на «Козака-стихотворца» кн. Шаховскаго?

съ мукою, поглаживаетъ его, пошевеливаетъ. Лавринъ бормочетъ про себя: *„одже не думае купыть, а хоче вкрасты"*. Служивой, видя, что хозяинъ, уставивши на него большіе глаза, спокойно, впрочемъ позволяетъ осматривать товаръ свой, поднялъ мѣшокъ, взвалилъ къ себѣ на плечо и удаляется тихимъ шагомъ. Лавринъ, между тѣмъ съ лукавою усмѣшкою говоритъ себѣ: *„Вражій сынъ думае, що я не бачу, якъ винъ краде. Бачъ, взявъ! А ну, а ну! Бачъ, пишовъ! Одже и вкравъ!"* Когда служивый скрывался въ толпѣ народа, нашъ Лавринъ привсталъ на телѣгѣ и смотрѣлъ вслѣдъ за проворнымъ служивымъ, пока онъ совсѣмъ не скрылся. Тогда Лавринъ сказалъ въ отраду самъ себѣ: *„Уже сказано, уже колы не купе, то вкраде. Вже-жъ я и дывывся—такы прыйшовъ, та такъ такы и вкравъ. А ну, сынку, впрягай волыкивъ, поидмо до-дому!"*.

2.

Стеха, пожелавъ имѣть новый *очипокъ*, сказала мужу: *„чы знаешъ, що Денысе? Повезы лышенъ завтра на базаръ хвастку маслычка, що я за Петривку прыдбала; продай іого, та купы мени очипокъ, та ще чого треба, то солы, то тарани, то ще чого знаешъ. Та гляды пыльненько, щобъ не вкралы, яка у нашого кума Лаврина муку. Гляды та й гляды, а то, колы вкрадуть, далеби усю потылыцю обирву тоби. Уже ты знаешъ мене, що я не збрешу. Впрягай воливъ. Отъ хвастка, поганяй. Та гляды-жъ!"*—*„Не бійсь, не вкрадуть"*, отвѣчаетъ Денисъ, кладетъ кадочку на телѣгу и отправляется въ городъ. Тамъ отпрягъ воловъ, купилъ дыню и для безопасности садится на кадочку съ масломъ. Явились охотники посмотрѣть, а, можетъ быть, и купить товаръ Денисовъ, но нашъ Денисъ ни съ мѣста. Кушаетъ свою дыню со скорлупою, сокомъ запиваетъ (такъ многіе лакомятся въ Малороссіи) и на всѣ вопросы, что у него продается, вяло отвѣчаетъ: *„масло!"*.—*„Покажи!"*.—*„Отъ такъ, щобъ укралы! Напередъ купы, то тоди и встану."* Разумѣется, что покупщики оставили его; но другіе проворные

хитрецы всячески увивались около Дениса. Тщетно! продавецъ нашъ сидитъ на кадкѣ и бодрствуетъ.

Наконецъ, уже почти къ вечеру, подошелъ къ нему одинъ служивой; всматривается и восклицаетъ: здорово, пріятель!

Денисъ. Здоровъ.

Служивой. Узналъ ты меня?

Денисъ. Ни.

Служ. Какъ не узналъ! Да я у васъ въ прошломъ годѣ въ деревнѣ съ командою стоялъ.

Денисъ. Де?—щобъ то у насъ у Куликовци?

Служ. Такъ, тамъ, пріятель! У васъ у Куликовки стоялъ.

Денисъ. Та брешешъ! У насъ зъ роду постою не було, а то, колы хочъ тямыты, такъ то у Тернивци стоялы биля нашои слободы недалеко.

Служ. Тьфу пропасть, я все ошибаюсь! Такъ точно! Я у тебя часто въ гостяхъ бывалъ и лавренички ѣдалъ.

Денисъ. Може й такъ, Ходывъ одынъ москаль, такъ той тилько бувъ молодшій, та й дуже молодшій!

Служ. Эхъ, братъ! Кого служба молодитъ? А братъ твой дома? Здоровъ?

Денисъ. Се бъ то Серіога? Здоровъ!

Служ. Такъ, онъ, онъ! Жаль мнѣ его! Охъ!

Денисъ. А що тамъ таке?

Служ. Наборъ, братъ, есть. Меня капитанъ послалъ съ мѣрою вездѣ набирать, а Серіога выйдетъ въ мѣру.

Денисъ. Та вже Серіога и старый.

Служ. Такъ что-же? Старички-то теперь и понадобились.

Денисъ. Та винъ горбатый и малый—ище нымче мене.

Служ. Какое нишче? Вотъ мѣра—какъ разъ выйдетъ, хоть и ниже тебя. Вотъ смѣряй!

Служивой приставилъ къ нему на телѣгу мѣру; Денисъ поднялся, примѣривается, вытягивается, съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что онъ ниже мѣры; служивой удивляется, что почиталъ Серіогу годнымъ въ рекруты, и уходитъ. Денисъ, проводивъ его глазами, хотѣлъ было сѣсть по-прежнему, но кадки съ масломъ не стало. Огорченный продавецъ запрягъ воловъ своихъ и поѣхалъ домой.

Стеха, встрѣтивши мужа, спросила: *А що, чы купывъ очипокъ? очипокъ купывъ?* Денисъ отъ горести и стыда безмолвствуетъ. Наконецъ, жена спросила: *мабудь забувъ?*

Денисъ. Ни.

Стеха. Ну, такъ загубывъ?

Денисъ. Ни,

Стеха. Ну, такъ укралы.

Денисъ. Кажу тоби, що ни.

Стеха. Маслычко-жъ де?

Денисъ. Нема.

Стеха. А що? укралы?

Денисъ. Але! лыха укралы! Весь ранокъ ходылы, та не вкралы, и съ пивдня прыходылы, та такы не вкралы, та же насылу-насылу къ вечеру...

3.

Крымскіе татары дѣлали набѣги на пограничныя селенія слободскихъ полковъ даже въ мирное время, неоднократно разоряли деревни, уводили съ собою жителей со всѣмъ, со скотомъ и имуществомъ. Напуганные обыватели, при малѣйшемъ шумѣ, для нихъ подозрительномъ, покидали дома свои, крылися, кому гдѣ можно было, оставляя все имущество на произволъ злодѣевъ. Въ одномъ селеніи вдругъ раздался крикъ: *Татарва, татарва*! Всѣ бросились въ лѣса, въ сады и куда глаза глядятъ. Въ одномъ семействѣ одинъ изъ братьевъ спрятался подъ мостикъ, другой—въ саду вскарабкался на грушу, третій-же, отъ безпечности, или желая спрятать *батькову скрыньку* отъ татаръ подальше, хлопоталъ у себя въ хатѣ. Вдругъ слышитъ онъ у самыхъ уже дверей голоса татарскіе. Что дѣлать бѣдному *Миколѣ*? Куда въ избѣ спрятаться? Одно убѣжище—на печи. Засѣвши тамъ, съ горестью смотрѣлъ онъ, какъ сіи хищники вездѣ шарили, все забирали, укладывали. Вотъ они уже вышли. Бѣдный Микола началъ было оживать и уже прислушивался къ исчезающему шуму, какъ вдругъ снова вбѣгаетъ одинъ татаринъ—ни съ чѣмъ болѣе, какъ напиться воды, которую онъ замѣтилъ въ хатѣ.

Микола опять безъ души, но увидѣвъ, что татаринъ пьетъ смирно, пріободрился и не утерпѣлъ, чтобы не сказать обыкновеннаго при семъ случаѣ комплимента: *здоровъ пывъ*! Татаринъ, не понимая привѣтствія, бросился на печь, связалъ арканомъ бѣдному Миколѣ руки и потащилъ его къ своимъ товарищамъ. Сидѣвшій подъ мосткомъ, увидѣвъ, что брата его ведутъ злодѣи, не выдержалъ и закричалъ въ свою очередь: *Прощай, Миколо!* Тотчасъ схватили и этого. Только лишь управилися съ ними, какъ третій братъ, смотрѣвшій на грушѣ и видѣвшій все происходившее, вздумалъ ихъ пожурить и въ свою очередь воскликнулъ: „*чого було вамъ дурнымъ витзыватъся?*". Не нужно сказывать, что и его татаре не оставили дома.

4.

Одинъ малороссіянинъ, полтавскій житель, за вѣрное въ своемъ кругу разсказывалъ: „якъ дойшовъ Бонапартъ до Москвы, тай хотивъ було тамъ зимовать; ажъ ось бижыть гонець: Динци рушылы! А винъ тилько усомъ моргонувъ (Бонапартъ !). Дали другый прыбигъ, що вже козацтво (вообще малороссіяне) настыга! Бонапартъ каже: нехай ихъ; намъ тутъ тепленько! Ажъ ось бижить третій: Полтавци рушають!—Тоди вже баче, що не перелывкы—засумовавъ! тай каже: ге-гей, хлопци! бида! щобъ не було намъ того, що й шведови!—Якъ гляды завтра, чуть маленькій свитокъ, и побиглы, не оглядаючысь. А вармія въ Москву А то бъ воны, пожалуй, и довгенько тамъ бы паньˌкалысь!"

5.

Одинъ путешественникъ увѣрялъ, что онъ не находилъ ничего глупѣе, какъ *хахлы*. Въ примѣръ сему разсказывалъ, что, въѣхавъ въ одно малороссійское селеніе поздно вечеромъ, искалъ постоялаго двора, и гдѣ ни спрашивалъ, вездѣ слышалъ одинъ отвѣтъ: „ни, нехай Богъ мылуе!"

Потерявъ терпѣніе путешественникъ началъ въ первой избѣ просить ночлега.—„*Та для чого? Можно*! *паняйте въ двиръ*!"

Вотъ, наконецъ, нашли пристанище и въѣхали.—„Мужичокъ! нѣтъ-ли у тебя продажнаго сѣна и овса?"—„*Нема, нехай Богъ мылуе! се не постоялый двиръ, а іе тамъ у садочку, то нехай хлопци ваши наберуть, скилько имъ треба.—Геге! послухайте: тамъ стоить велыкій стигъ, то съ того не берить, бо сино осоковате, а биля іого маленькій, копычокъ съ пъятнадцять, то того наберите*". Люди пошли и набрали сколько имъ надобно было.—А овсеца нѣту? спросилъ проѣзжій.—„*Та іе и овесъ. Нехай хлопци пійдуть въ комору, та и наберуть, а я вже далеби самъ не пиду, бо за день утомывся*". Сколько-же мѣрокъ взять?—спросили его.—„*Э, голова! Та беры, скилько треба: уже не впхаешъ конямъ въ горло лышніого. Нехай идять, скилько треба*". Людямъ также поставили добру миску борщу, каши *та варениковъ полумысокъ*. На завтрашній день *глупой хахолъ* сказалъ проѣзжему: „*Одже, пане, я пиду у лисъ, а жинка до конопливъ, тилько диточкы остаются—то якъ будете выизжаты, то нехай ваши хлопци позачыняють хату и ворота!*"—А деньги кто возьметъ? „*Яки?*"—А за квартиру?—„*Та що за недобра маты! Хиба се постоялый, а бо що? Мы симъ не торгуемо, той грошей вашыхъ не треба.*"—Такимъ образомъ, не смотря ни на какія убѣжденія, по словамъ сего путешественника, *глупой хахолъ* не взялъ ни копѣйки ни за квартиру, ни за кормъ людей и лошадей.—И это приписываютъ глупости! Хорошо, какъ бы такихъ глупцовъ поселить *поболье* по столбовымъ дорогамъ!!

6.

Чумаки съ фурами пришли въ Москву. Сдавъ клажу по принадлежности, два товарища пошли бродить по городу. *Потапъ такы бувавъ на Москви уже не разъ*—вотъ о́нъ и повелъ Охрима съ собою смотрѣть всѣ диковины. Подошли къ Ивану Великому.—„Дывись бра! дзвиныця! ще выща, нижъ у Куряжи (въ просторѣчіи такъ называется Старо-Харьковскій монастырь заштатный). А галкы́, галкы́! тай до пропасти ихъ! Одна ихъ, дви ихъ, тры..." Гдѣ ни взялся удалая головушка служивый, который уже давно ходилъ вслѣдъ за чупрунами,

чтобы отъ нихъ чѣмъ-нибудь поживиться. Подбѣжалъ и грозно спрашиваетъ· Хахолъ! что ты считаешь?—„А щіо, галдкъ!"— Сколько насчиталъ? —„*Та... ваше благородге, ище тилькы шисть*".—Давай-же шесть рублей.—„Іо? За вищо се?"—Велѣно отъ команды: сколько кто галокъ насчитаетъ, за каждую брать по рублю штрафу.—„Отце-жъ лыхо! Господы! служивый! та чы не можна половыны?"—Молчи, безмозглой! Давай поскорѣе шесть рублей, а не то въ тюрьму!—Нечего Потапу дѣлать: вынимаетъ мошну и робко отсчитываетъ деньги. Только лишь скрылся служивый, какъ вдругъ нашъ заѣзжій отводитъ удивленнаго товарища въ сторону (къ стѣнѣ Кремлевской, между консисторіи и сената) и разсказываетъ ему съ удовольствіемъ человѣка, обрадованнаго неожиданною удачей: „*Охрыме, я одурывъ: я насчытавъ дванадцять галдкъ, а іому сказавъ, що тилькы шисть, а винъ, мовъ дурный, повирывъ, та шисть рублывъ узявъ*! Похохотавши довольно долго надъ оплошностью служиваго, Охримъ промолвилъ: *не безъ розумныхъ людей таки и у нашому народови*.

7.

На Крымской границѣ, въ одномъ селеніи, находилась отдѣльная команда для содержанія карауловъ. Начальнику велѣно было имѣть при себѣ также и сотню тогдашнихъ козаковъ малороссійскихъ. Важнѣйшіе посты охранялись армейскими; козакамъ-же поручена была большая дорога. Въ предосторожность отъ чумы, всѣ обозы, идущіе изъ Крыма въ Россію, должны были въ семъ пунктѣ поворачивать въ сторону на пять верстъ къ учрежденному карантину. Несмотря на карантинъ, обозы шли безостановочно мимо козаковъ, и начальникъ всей команды долженъ былъ затрудняться препровожденіемъ обозовъ сихъ въ обратный путь и къ карантину. На взысканіе его козаки отвѣчаютъ: „*що-жъ! мы бъ и радниши не пускать, такъ не сыла на нашому бекетови*". Прибавили имъ еще смѣну козакокъ, все тоже.

Наконецъ, являются къ начальнику нѣкоторые изъ козаковъ съ объясненіемъ. „Вже-жъ мы ихъ не пускаемъ, вже и просымо и лаемо, такъ такы народъ такый, такъ и лизе! Та ще

въ очы сміются! Будьте ласкави, дайте хочъ зъ пару салдатъ, а то безъ ныхъ далеби ничого не зробымъ". Какъ ни строгъ былъ начальникъ, но, позабавившись простодушіемъ сихъ неопытныхъ своихъ подчиненыхъ, для пробы послалъ къ нимъ шесть солдатъ русскихъ. Новые товарищи не долго думали: поставивъ ружья въ пирамиду среди дороги, сами подсѣли къ *галушкамъ съ саломъ*, которыми на ту пору, по обыкновенію, козаки утоляли свой голодъ. Только лишь обозъ приближался, вдругъ солдатъ, выдавшись изъ кучи обѣдавшихъ козаковъ—своихъ товарищей, закричалъ: „не ѣзди, караулъ сломаешь!" И обозъ постепенно удалился въ сторону. Начальникъ, видя, что все пошло исправно, спрашивалъ солдатъ, научили-ли они малороссіянъ караулить.—„*Позвольте еще, ваше высокоблагородіе, поучить ихъ съ недѣльку!*" сказалъ одинъ, который былъ отважнѣе прочихъ: „*хотя козакъ та и простоватъ, да галушечки его съ сальцемъ вкусны*".

Вл. Каллашъ.

Первая страничка изъ исторіи Полтавскаго института благородныхъ дѣвицъ.[1]

Полтавскій институтъ открытъ 12 декабря 1818 года по мысли жены малороссійскаго военнаго губернатора князя Н. Г. Репнина, Варвары Алексѣевны.

Княгиня В. А. Репнина была дочь министра народн. просвѣщенія графа Разумовскаго, при которомъ были открыты многія учебныя заведенія въ Россіи; сама она, до переѣзда въ Полтаву, была предсѣдательницею не задолго передъ тѣмъ основаннаго петербургскаго женскаго благотворительнаго общества, вотъ почему и понятно, что когда князь Н. Г. Репнинъ былъ назначенъ малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ въ 1816 г., то 17 января 1817 г. предложено было собранію дворянства Полтав. г. губернскимъ маршаломъ маіоромъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Данилевскимъ выслушать „полученный имъ отъ лица, исполненнаго духомъ истинной благотворительности, проектъ и объяснительную къ нему записку объ учрежденіи въ Полтавѣ *дворянскаго благотворительнаго для дѣвицъ института*". Проектъ состоялъ изъ 25 § и опредѣлялъ цѣль учрежденія института, составъ управленія, правила пріема и выпуска дѣвицъ съ краткимъ перечисленіемъ предметовъ обученія.

---

[1]) Составл. по документ. архива Полтавскаго института.

Основная цѣль института состояла въ воспитаніи на счетъ дворянскаго сословія 15 бѣднѣйшихъ дѣвицъ, по одной изъ каждаго повѣта губерніи, съ предоставленіемъ маршаламъ ихъ выбора, и въ доставленіи дворянамъ удобнѣйшихъ способовъ къ образованію дочерей за умѣренную (500 р. въ годъ) плату. Предполагалось дѣвицъ 1-го разряда принимать изъ фамилій, доказавшихъ дворянство; а своекоштныя могли быть и купеческаго сословія двухъ первыхъ гильдій, но всѣ онѣ должны быть христіанской религіи.

Управленіе дѣлами института предполагалось возложить на совѣтъ изъ дворянъ и въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдателя, двухъ членовъ, казначея и письмоводителя. Совѣтъ этотъ „никому частно не даетъ отчета и лишь ежегодно даетъ его обществу при публичныхъ актахъ въ институтѣ, а потомъ публикуетъ его черезъ напечатаніе и сообщаетъ дворянскому собранію“. Опредѣлялось испросить всемилостивѣйшаго соизволенія Императрицы на принятіе учрежденія, какъ „образовавшагося изъ дѣйствій патріотическихъ чувствъ“, подъ высочайшее покровительство.

О пріемѣ дѣвицъ въ запискѣ сказано: установить его на основаніи правилъ, дѣйствующихъ въ институтахъ: въ число воспитанницъ принимать дѣвицъ 8—10 лѣтъ, а въ число пансіонерокъ 9—12 л; для первыхъ обязательный курсъ обученія 9-ти лѣтній, съ выпусками черезъ каждые 9 лѣтъ; что же касается вторыхъ, то время ихъ поступленія, воспитанія и выпуска изъ заведенія предоставляется на волю родителей.

Собраніе дворянства по прочтеніи проекта и записки опредѣлило того же 17 января: 1) проектъ утвердить за исключеніемъ ст. о предсѣдателѣ совѣта и 2-хъ его членовъ, 2) на устройство и сохраненіе института пожертвовать по 50 к. съ души принадлежавшихъ каждому владѣльцу крестьянъ, внеся эту плату въ двухгодичный срокъ, 3) просить княгиню В. А. Репнину принять на себя предсѣдательство въ совѣтѣ съ правомъ избранія ею 2-хъ членовъ женскаго пола и 4) настоящій актъ представить на благоусмотрѣніе малороссійскаго военнаго губернатора.

Князь Репнинъ немедленно далъ ходъ дѣлу, и 20-го февраля состоялся журналъ комитета министровъ, которымъ 1) дозволялось дворянству полтавской губ. приступить къ учрежденію въ Полтавѣ института, 2) пожертвованія дворянства принимать не по числу душъ крестьянскихъ, а по мѣрѣ усердія и возможности каждаго дворянина, и 3) просьбу дворянъ о принятіи Императрицею института подъ высокое покровительство представить на высочайшее соизволеніе. Государь Императоръ утвердилъ первые два пункта, а относительно послѣдняго повелѣлъ представить на утвержденіе тогда, „когда самое заведеніе приметъ свое начало и содержаніе его обезпечится“.

Кн. Репнинъ увѣдомилъ дворянъ о монаршемъ одобреніи, приложилъ и копію письма къ нему министра юстиціи Д. П. Трощинскаго, который, какъ дворянинъ Полт. губ., „готовъ выполнить предположеніе о взносѣ слѣдующей съ него суммы по числу имѣнія и увеличить ее по своему желанію“. Въ тоже время кн. Репнинъ обратился съ письмами къ разнымъ владѣльцамъ въ губерніи, или изъ знатнѣйшихъ фамилій, или извѣстныхъ по своей образованности. Большинство ихъ отозвалось съ полнымъ сочувствіемъ, а въ числѣ ихъ первый—маршалъ вновь открытой Полт. губ. Семенъ Михайловичъ Кочубей въ письмѣ къ княгинѣ отъ 24 авг. 1817 г. жертвуетъ принадлежащій ему въ Полтавѣ домъ со всѣми строеніями и землей и проситъ княгиню располагать его домомъ, какъ одною изъ ея собственностей, опредѣленныхъ ею „для человѣколюбивыхъ упражненій“.

Сборы на институтъ поступали къ повѣтовымъ маршаламъ, и къ дворянскимъ выборамъ 3 января 1818 г. исчислялось всей жертвуемой суммы приблизительно отъ 150 до 175 т. р. На этихъ же выборахъ былъ пересмотрѣнъ первоначальный проетъ института, измѣнены и дополнены нѣкоторыя статьи, а 12 января и утверждены дворянствомъ: 1) учрежденіе, т. е. „положеніе о благотворительномъ для дѣвицъ въ Полтавѣ институтѣ“, 2) штатъ его и 3) правила для выбора 15 воспитанницъ по повѣтамъ. Въ этомъ же собраніи дворянство постановило пригласить кн. Репнину къ принятію званія попечительницы института, а 15

января поручили избранному въ члены совѣта института надворному совѣтнику Левенцу „принять въ свое вѣдѣніе какъ собранныя уже повѣтовыми маршалами пожертвованныя суммы, такъ и долженствующія поступить, и вести счетъ приходу и расходу по распоряженіямъ попечительницы". Левенецъ принялъ по вѣдомости 36187 р. 12 к., а 4 апрѣля 1818 г. совѣтъ института открылъ свои дѣйствія. Онъ состоялъ изъ кн. Репниной, маршаловъ: губернскаго Чарныша, уѣзднаго—Левенца, и приглашенныхъ княгинею—В. В. Капниста, М. Н. Новикова и С. М. Кочубея. Совѣтъ ассигновалъ 10 т. р. и поручилъ Левенцу приспособить для института подаренный Кочубеемъ домъ; попечительница приняла на себя приглашеніе служащихъ лицъ женскаго пола, и сдѣлано распоряженіе объ увѣдомленіи маршаловъ, что совѣтъ функціонируетъ, и потому, чтобы всѣ пожертвованія и направлялись къ нему. Домъ Кочубея былъ приспособленъ къ сентябрю 1818 г. Съ 1 октября вступили въ должность 4 классныя дамы, а 1 ноября и директорша института Реньи, вызванная изъ Парижа. 12 декабря—въ день рожденія Государя—состоялось торжественное открытіе института въ присутствіи всѣхъ виновниковъ учрежденія, дворянства и властей. На этомъ торжествѣ было: 15 воспитанницъ общественнаго иждивенія, 4 пансіонерки кн. Репниной и одна своекоштная. Черезъ три дня послѣ открытія института совѣтъ въ полномъ своемъ составѣ постановилъ: „такъ какъ институтъ открытъ и содержаніе его уже обезпечено значительною суммою, то—вмѣняя въ обязанность себѣ удовлетворить намѣреніямъ благороднаго дворянства—приступить нынѣ къ принесенію всеподданнѣйшаго прошенія Ея Имп. Величеству объ удостоеніи его Всеавгустѣйшимъ Ея покровительствомъ". Рескриптомъ 28 іюля 1819 г. на имя кн. Репниной Имп. Елизавета Алексѣевна изъявила свое согласіе на просьбу совѣта.

Послѣ открытія института стало дѣйствовать „Учрежденіе", по которому управленіе института ввѣрено было: 1) попечительницѣ института и 2) совѣта. Права и обязанности попечительницы были таковы: она предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ и имѣетъ

два голоса при рѣшеніи вопросовъ объ управленіи институтомъ, объ его капиталѣ, постройкѣ зданій, обезпеченіи воспитанницъ по окончаніи образованія; кромѣ того, все, что касалось внутренняго порядка заведенія и исполненія утвержденныхъ опредѣленій, зависѣло исключительно отъ попечительницы. Дѣла по вопросамъ воспитанія и обученія, содержанія хозяйства „Учрежденіе" возлагало на начальницу заведенія, которой поставлено въ обязанность дѣйствовать только по указаніямъ попечительницы и отдавать ей во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ отчетъ, а въ отсутствіе попечительницы—совѣту. Штатъ института при 15 воспитанницахъ и 65 пансіонеркахъ состоялъ изъ начальницы, надзирательницы по воспитанію, 5 смотрительницъ (т. е. классныхъ дамъ по числу 5 классовъ, въ каждомъ отъ 15—20 дѣвицъ), смотрителя дома, экономки и ея помощницы, смотрительницы при больницѣ и учителей: Закона Божія, русскаго, французск. и нѣмецкаго языковъ, математики, исторіи, географіи, рисованія, танцевъ, рукодѣлія и музыки. Прислуги полагалось 16 человѣкъ: 3 мужскихъ и 13 женскихъ. Штаты эти на первыхъ порахъ колебались, и только въ 1822 году опредѣленъ слѣдующій составъ должностныхъ лицъ съ получаемыми ими окладами:

I часть воспитательная.

Директриса съ жалованіемъ 3 т. р. и по 50 р. за каждую пансіонерку, т. е. за 88 панс. 4400 р.

Инспектриса классовъ	. . . .	3 т. р.
„ по хозяйств. части	. . . . .	2 т. р.

9 клас. дамъ 5800 р., при чемъ дамѣ высшаго класса 1 т. р.

II часть учебная.

Учителя:	Закона Божія	1500 р.
„	Русской исторіи и географіи . .	1 т. р.
„	Нѣмецкаго языка.	1 т. р.
„	Живописи.	3 т. р.
„	Рисованія.	800 р.
„	Танцевъ.	1500 р.

„	Пѣнія	1500 р.
„	Музыки 1-й учитель	3 т. р.
„	„ 2-й „	2 т. р.
„	Мастерица рукодѣлій.	1 т. р.
„	Музыкантъ и настройщикъ. . .	500 р.
„	Регентъ	400 р.

Церковь 500 р., канцелярія 1500 р., больница 2900 руб., прислуга 5470 р. и содержаніе воспитанницъ 38480 р. Общій итогъ расходовъ 87350 р.

Всѣ должностныя лица служили въ институтѣ по найму, на основаніи заключенныхъ съ ними контрактовъ. Особенную заботу доставляло кн. Репниной пріисканіе начальницы съ французскимъ образованіемъ и надлежащихъ преподавателей искусствъ. Съ первою начальницею Реньи былъ заключенъ кн. Репниной контрактъ въ Парижѣ, а потомъ въ Полтавѣ совѣтомъ. Г-жа Реньи обязывалась по контракту принять должность директрисы на 3 года и наблюдать за всѣмъ тѣмъ, что относится къ нравственности, наукамъ и поведенію дѣтей. Въ контрактѣ было оговорено, что если Реньи послѣ 3 лѣтъ пожелаетъ оставить институтъ, она должна объявить объ этомъ за 6 мѣсяцевъ до срока, а попечительница и совѣтъ обѣщали обставить ее тѣми же удобствами, при которыхъ она прибыла изъ Парижа, т. е. хорошимъ экипажемъ, надежнымъ проводникомъ, по крайней мѣрѣ до Вѣны, и всѣ путевыя издержки отнести на счетъ института (издержки при пріѣздѣ Реньи изъ Парижа въ Полтаву обошлись институту въ 3376 р.). Въ 1821 г. контрактъ съ Реньи былъ возобновленъ на безсрочное время (она оставалась директрисой по октябрь 1829 г.), съ нѣсколько измѣненными условіями: въ случаѣ отказа, она обязывалась объявить о томъ совѣту за шесть мѣсяцевъ до срока и получить отъ совѣта 5 т. путевыхъ издержекъ. Кстати замѣтить, что средства института съ 1825 г. постепенно уменьшались, вслѣдствіе чего совѣтъ не всегда выплачивалъ жалованье директрисѣ, и къ 1829 г. долгъ совѣта ей возросъ до 22 т. р., при чемъ совѣтъ при отъѣздѣ Реньи уплатилъ ей до 12 т. р., да кн. Репнина 11 т.

Количество инспектрисъ установлено въ 1822 г. Инспектриса по учебной части была вызвана изъ Франціи, а другая—какъ сказано въ контрактѣ—за порядкомъ по внутренности дома была приглашена изъ Москвы. Директриса, инспектриса по учебной части и 8 классныхъ дамъ преподаютъ французскій яз., а также исторію всеобщую, миѳологію и всеобщую географію по учебникамъ, выписаннымъ изъ Франціи. Нѣмецкому яз. сначала обучали кл. дамы, но съ 1821 г. былъ приглашенъ спеціальный учитель этого языка.

Преподаваніе Закона Божія съ постояннымъ законоучителемъ началось съ 1820 г., когда прибылъ на покой въ Крестовоздвиженскій монастырь бывшій профессоръ переяславской семинаріи архимандритъ Сильвестръ, который преподавалъ также риторику и логику. Русскую грамматику, ариѳметику, географію Россіи, исторію русскую и естественную преподавалъ штатный смотритель Полтавскаго повѣтоваго училища Зозулинъ съ титуломъ преподавателя „россійскихъ предметовъ". Лучшими учителями по музыкѣ были Руссель и особенно Летанъ, которому платили 3 т. р. въ годъ; рисованію и танцамъ обучалъ воспитанникъ Харьковскаго университета Сплитетейстеръ, пѣнію—„пѣвица" Полина, а мастерица рукодѣлій Мартенъ была выписана изъ заграницы.

Институтъ состоялъ изъ 5 классовъ: курсъ I и II кл. былъ однолѣтній, III и IV—двухлѣтній, а V-аго трехлѣтній. Въ I кл. преподавались Законъ Божій, русское и французское чтеніе и танцованіе; во II—Законъ Божій, русская и французская грамматика, ариѳметика, нѣмецкое чтеніе и письмо, музыка, рисованіе и танцы, въ III—къ предметамъ II-го класса прибавлялись: русская географія и нѣмецкая грамматика; въ IV—прибавлялись: русская, греческая и римская исторія, всеобщая географія и миѳологія; въ V кл. учили: русскую словесность, физику, естественную исторію на русскомъ языкѣ; всемірная же исторія, всеобщая географія и французская словесность на французскомъ яз. Девятилѣтній курсъ былъ обязателенъ только для стипендіатокъ дворянства.

Въ объяснительной запискѣ къ преподаванію разъяснено, что исторія русская и всеобщая преподаются на яз. французскомъ, а хронологія на русскомъ, на француз. же языкѣ преподаются географія и миѳологія, при чемъ послѣдняя „есть неизбѣжная надобность людей, долженствующихъ жить въ большомъ свѣтѣ“.

Распредѣленіе учебнаго дня воспитанницъ сдѣлано было такое: въ 6 ч. утра всѣ воспитанницы встаютъ отъ сна и это время до 8 ч. назначено для одѣванія, молитвы и завтрака, съ 9 до 12 уроки; съ 12—2 обѣдъ и отдыхъ; съ 2—4 уроки, съ 4—4½ „полдникъ“, отъ 4½—7 уроки, отъ 7—8 ужинъ и отдыхъ, съ 8—9 молитва и приготовленіе ко сну; въ 9 ч. всѣ дѣвицы должны быть въ постели. Въ субботу послѣ обѣда уроковъ не было, а это время назначалось для повторенія уроковъ всей недѣли.

Институтъ былъ открытъ при наличности 20 воспитанницъ (15 общественныхъ воспитанницъ и 5 пансіонерокъ); въ 1819 г. въ разные сроки прибыло 34 дѣвицы въ возрастѣ отъ 7 до 17 лѣтъ. Всѣ онѣ дѣлились на группы и обучались предметамъ по ланкастерской, тогда модной, системѣ: дѣвицы дѣлились на дивизіи, а младшія дамы были монитрисами. Первый правильный выпускъ былъ въ 1827 г., когда окончили общественныя воспитанницы, но для пансіонерокъ допускались выпуски и раньше.

Между тѣмъ доходы института къ 1 января 1828 г., получавшіеся изъ процентовъ на капиталъ 205339 р., внесенный дворянами, составляли ежегодно отъ 40 до 45 т. р.; на эти средства институтъ существовать не могъ, входилъ въ долги и даже не удовлетворялъ жалованьемъ служащихъ.

О такомъ положеніи дѣлъ кн. Репнинъ довелъ до свѣдѣнія Государя. Послѣдовало изданіе положенія и штата 7 февраля 1828 г., которымъ утверждался институтъ казенный, унаслѣдовавшій отъ института дворянскаго домъ съ землею и инвентаремъ.

Пересельци (зъ дому и до-дому).

(*Оповиданння*).

Гнатъ Соболенко бувъ соби тыхый, роботящый чоловикъ; бувъ винъ майстерный чоловикъ—плотнычавъ. Хочъ мало не кожный майстеръ—пьяныця, але-жъ Гнатъ зовсимъ не вжывавъ горилкы, черезъ те було у ёго скризь багато роботы: людямъ выгоднійше такый майстеръ, що не пье, бо „порціи“ ёму не треба. Хочъ було у Гната багато роботы, хочъ винъ и не пьяныця, а все жъ такы у ёго грошей бракувало, бо земли не було, а дитей було четверо, та ще недавно й жинку поховавъ. Люды про ёго жинку Ходолю казалы, що вона „никуды не способна“, а винъ, мабуть, думавъ, що способна, бо николы іи не бывъ, а якъ умерла, то казавъ, що безъ жинкы погано; самъ-же не женывся вдруге: боявся мачухы для своихъ дитей, боявся, що друга буде гирша и що другій жинци треба буде годыты. Взявъ іи Гнатъ зъ велыкои семьи одъ матери. Мачуха іи багато была и все зъ неи глузувала, наче вона ій на потиху далася. Други диты (браты та сестры Ходоли) не давалы себе обижаты: булы зубати, дакъ мачуха на Ходолю нападалась, бо Ходоля була тыха та ще й не дуже проворна. Часто мачуха прыказуе ій що-небидь робыть, а тая и прыступытысь не вміе. Мачуха сердытся, крычыть: „робы мени заразъ! що ты дарма хлибъ йисты будешъ, чы що“? Крычыть, а показаты, якъ ёго треба

робыты, не покаже ни-въ-свити; Ходоля-жъ своимъ розумомъ не дійде, и плаче, покы старша сестра (Мотря) не покаже, не поможе, а бильше того, що сама за неи зробыть. Мачуха побачыть тее и почне Ходолю быты по щоци и въ ухо—куды попаде, и лае: „дакъ це за тебе други роблять, ледащо проклятe, куды ты способна!" — и чыстыть Ходолю, поки чы братъ, чы старша сестра не оступытся: „що це вы справди, мамо, все іи печете, годи вже"!—

Дуже добре Ходоля памьятала, якъ-колысь (ще вона була зовсимъ мала) за те, що вона не догледила, якъ свыня гарбуза вхопыла на городи, мачуха погналась за нею зъ пугою; Ходоля на-втёкы по селу—мачуха й соби; трохы досталося ій пугою: разъ получыла вона по спыни, разъ зачепыло по вуху; вона прыпустыла швыдче—мачуха за нею изъ лайкою, ажъ покы не добиглы до хаты, де жыла титка Ходолына,—такъ тая выскочыла на крыкъ, бо Ходоля на все село верещала: „ой, не буду, рятуйте"!—та заступыла Ходолю и сказала спокійно мачуси: „я вамъ, кумо, не позволю дытыну каличыты"! Мачуха—червона, ажъ задыхалась, а зъ розгону хотила ще бигты, одняты, достягты Ходолю, побыты іи, може вбыты, абы сердце одійшло; не подывылась вона на молодыцю, лизла прямо впередъ, наче слипа, хлёстала пугою на вси бокы,—тилько кума двери замкнула и не пустыла іи. Ходоля такъ тремтила, якъ лысточокъ, и ледве могла проковтнуты пырижка, що титка сунула ій въ руку; винъ ажъ солоный зробывся одъ іи слизъ, що все теклы мымоволи. До-дому вона цилый день ни за що не хотила вертатысь, покы титка ввечери іи не одвела сама; хочъ мачуха трохы и одумалась, та все жъ такы дала Ходоли дватры штурханци за те, що титка іи пожалила.

Батько за Ходолю николы не заступався; винъ ридко дома сыдивъ: бувъ винъ пьяныця,—що зароблявъ, те и пропывавъ, та ще де-колы и зъ дому тягавъ що-небудь въ шынокъ. Колы жъ напьется, бье себе въ груды и доказуе: „яке та горилка—чортове зилля, що одъ нёго чоловикъ пропадае". Мачуха дуже часто докоряла дитямъ за батька: „Якій винъ у васъ е, халера бъ ёго забрала!"

Ходоля плакала и за себе, и за батька, и одъ голоду, и одъ холоду, бо покы диты булы мали, заробиткивъ було мало и часто ни хлиба, ни соломы не ставало на зиму,—такъ и сыдилы, якъ червы въ земли, безъ вогню, безъ стравы, покы мачуха не вхытрытся: не вытягне у батька скилько-небудь грошей, якъ тверезый, або вкраде, якъ пьяный, або якъ винъ не вспишытся забраты у того хазяина, де винъ робыть (винъ бувъ укрывальщыкъ). Инши ій давалы, бо зналы, що чоловикъ іи пьяныця и все на горилку переводыть, а други не давалы, бо зналы, що винъ, якъ пьяный, то дешевше за роботу бере и не замича, чы ёму вирно гроши далы.

Хата Ходолыного батька була знадвору дуже стара (винъ все збирався нову становыты, та такъ до смерти и не поставывъ), а въ середыни брудна, тисна и скризь повна лайкы, крыку, сваркы, бо багато тамъ жыло (у Ходоли було ще тры сестры и два браты ридныхъ—то шисть, та у мачухы своихъ одъ першого чоловика двое дитей, та зновъ одъ Ходолыного батька двое—то десятеро, та двое старыхъ: дванадцать душъ жыло разомъ).

Скризь, було, одно одному чого-небидь не дае: „не займай, то мое!“, одно одного проганяе: „геть, иды соби къ чортовій матери!“.

А надъ усимъ цимъ голосъ мачушынъ:

„Цытьте мени, лядськи диты, бо якъ возьму пугу, то побачыте“!

Тутъ заразъ іи диты почынають жалитысь:

„Винъ мене вдарывъ... а вона мени гребинкы не дае“...

Почынается розправа: бійка, слёзы... чысте пекло! А до того-жъ всимъ ривно хочется йисты (може, мачушынымъ—трохы меньшъ), всимъ ривно холодно!

Колы-жъ выпаде день, що не голодни, не холодни и весели, то въ хати зновъ счынытся такый крыкъ, що хочъ святыхъ выносъ: одно кукурика, друге мявчыть, трете гавка, четверте пыщыть, пьяте крычыть просто: „дддя—цяяя—дяяя!“

або „ла—ла—ла—ламъ"! Одни въ кони граются, други шпурляются шулупашками одъ цыбули, насиння, картошкы и реготутся и гыкають, дытячи ногы перемишуются, якъ березка, дытячи голоскы перехрещуются, якъ стрекотання цвиркунчыкивъ, дытячи рукы переплитаются, якъ паутыння, дытячи очи переглядаются, якъ свитлячкы маленьки, и тутъ вже нихто ничого не розбере!

Скилько не обрикався Ходолынъ батько не пыты, николы не мигъ вытриматы бильше тыждня: непреминно ёго хто-небудь та зведе, и винъ, добре пидпывшы, почына наказуваты:

„Не треба пыты!.. Соромъ!.. Ой, брацця, брацця, не треба пыты!.. Ось у мене дитки... эге... дитки... на що жъ я пью"? Писля иде до дому. Диты, тилько винъ въ хату, розсыпаются, якъ просо, по куткахъ (не такъ одъ батька, якъ одъ мачухы ховаючысь), а винъ слёзно просыть жинку: „ну, теперъ, жинко, ты мене бый, бый, бо я пьяненькый... ну, що-жъ я зроблю, колы я пья...невь...кый? Диткы мои, де вы, голубья... та подывиться, якый вашъ батько... никуды... неспособ...".

„Ось лягай, лягай спаты", каже жинка та такъ тыхенько, що Ходоля ажъ очи вытрищыть: чы то іи мачуха говорыть, чы ни, чы то вона, що вранци кляла батька: „ну, и батько у васъ, трасця и розтрясця ёго матери, зновъ потягся въ шынокъ—пьяныця"!

А батько ще довго, покы не засне провадыть: „я... майстер... ре... (николы не мигъ винъ цёго слова выговорыты) чоловикъ... и у мене тилько и е... е... оцп рукы... десять пальцивъ... бильше ничого...! а голова... моя голоооовааа... де жъ це"?

Меньши диты вылизалы зъ своихъ куткивъ и смило вже лизлы до ёго на колина и реготалысь: „татку, а татку, осё-сё голова"!..

Батько хапався за голову и плакавъ: „бидна моя голоновоньк—а—а—а"!..

Колы батько умеръ, а старши диты понаймалысь хто куды, жыты стало легше, а якъ и мачуха вмерла, то Ходоли, іи братамъ та сестрамъ и зовсимъ полегшало, тилько ни-

колы вже Ходоля не зробылась ни веселою, ни розумною, ни балаклывою, ни смилою (вона, якъ той цвитъ, що вже разъ морозъ ударывъ, погано одходыть); ще до того вона була не зовсимъ здорова: скризь жовта, зморщена, зъ переляканымы круглымы сирымы очыма, нечыстымъ лыцемъ, блидымы губамы и поганымы зубамы,—однымъ словомъ, якъ казалы мачуха та люде, никуды „не способна". А ось же найшовся такый, що іи за себе взявъ. Колы сказаты правду, то винъ того іи и взявъ, що знавъ, якъ вона ёму пидійде, того й не послухавъ людей, що ему казалы, буцимъ слаба вона и погана.

Гнатъ Соболенко бувъ соби сырота (батько и маты померлы, якъ ще малымъ бувъ) и жывъ у жонатого брата (ихъ двое братывъ), або у кого-небудь зъ людей за шматокъ хлиба. Винъ рано пизнавъ недолю и не любывъ ни челяди веселои, ни вулыци, ни тыхъ дивокъ, що очамы грають, насиння въ лице хлопцямъ плюють та по-за тынкамы цилуются. Гнатъ не любывъ, щобъ зъ ёго глузувалы, того и взявъ за себе Ходолю; вона-жъ, здается, и сміятысь не вмила. Вона все соби сама, якъ горлыця мижъ гайвороннямъ, и винъ соби самъ, якъ будякъ середъ жыта; вона сырота и винъ соби безъ роду; вона тыха и винъ тыхый, та тилько вона тыхша, бо винъ не любывъ, щобъ жинка верхъ мала.—Отъ и поженылысь. Старша сестра Ходоли, Мотря, сказала, що, покы не отдасть своихъ трёхъ сестеръ замижъ, и сама не пиде, и скилько іи не сваталы, не пишла, ажъ покы Ходолю за Гната не отдала; тоди рукы ій розвьязалысь, и вона скоро сама выйшла замижъ, хочъ була вже прыстаркувата. Вона бильше всихъ сестеръ Ходолю жалувала, що вона така тыха и всёго боится.

Боялась Ходоля и чоловика свого, хочъ и не було чого бояться; боялась, мабуть, вона и ридныхъ дитей, що ходылы за нею уси четверо, одно за однымъ, якъ гусенята, на довгыхъ нижкахъ, довгошыи, зъ одкрытымы роткамы и вылупленымы круглымы сирымы очыма, кругловыди, якъ копійка; мабуть, боялась вона ихъ, бо николы не осмилылась завернуты ихъ до дому, хочъ ій ажъ стыдно, що воны все слидкомъ за нею

ходять. Почне вона ихъ просыты: „идить, диточкы, до дому, ось идить, любеньки, я скоро вернуся“, а имъ,—якъ объ стину горохомъ; хлопци (два) верещать: „и мы зъ вамы, и мы зъ вамы, ого—гооо—о!“, а дивчата (тежъ дви) почынають кыснуты: „и мы хоцемо, и мы... мы... а насъ“!.. И никуды не може питы за своимы дитьмы Ходоля, хиба втиче такъ, щобъ не бачылы; якъ же часомъ несмило скаже: „геть мени“!—то вси стануть такъ ревты и чиплятысь за іи спидныцю, що вона мусыть або зостатысь, або иты разомъ зъ нымы, якъ гуска —, гусенятамы (воны скризь ходылы одно за другымъ, наче на шнурочку). Оттакъ балувала Ходоля своихъ дитей и воны у неи все вередувалы, булы сердыти и горлати, багато йилы и часто слабувалы; тоди вона вже сама не своя метушылася по хати, бо диты—то було іи едыне добро и дило, и воны усе знaлы и роздыралы іи на вси бокы, якъ витеръ кущъ: одно крычыть: „мамо йисткы“, друге: „мамо, кажы казку“... та вси разомъ скыглять, тягнуть іи, або розсердывшысь, лупцюють іи маленькымы кулачкамы, куды попало. Самый меньшый бувъ самый балованый: все лазыть по столу и, щобъ не було на столи або на лави, все трахъ объ доливку. Ходоля тилько и дывылась, щобъ ничого ни на лави, ни на столи не лежало. Старшый-же все ножи кравъ, щобъ майструваты, и губывъ ихъ. Дивчата булы не таки забіякы, та проте дуже капрызни: все, було, кыснуть и сами не знають чого, а якъ Ходоля спытае, то старшенька ще гирше розплачется, розкрычытся, сяде доли, бье ногамы и крычыть: „хоцу, хоцу, хоцу“—„Чого?“ Зновъ такъ само: „хоцу, хоцу, хоцу“! Тьху, на тебе! А меньша усе прядыво, було, переплутае и намысто порве и собы пыщыть: „хоцу, хоцу, хоцу“!

Розуміется, писля Ходолынои смерты трудно було такымъ балованымъ дитямъ жыты, трудно було для ихъ добру мачуху знайты, и черезъ те Гнатъ не женывся.

Хочъ було у Ходоли багато роду и багато сусидокъ, та прыятелёкъ не було, хиба отъ-тилько стара Лысыха часто іи одвидувала. Це була вдова, що все свое добро писля смерты

чоловика пропыла, а добра того було чымало, бо чоловикъ іи бувъ скупый и дитей у ихъ не було зроду. Лысыха и при ёму очи горилкою залывала, ну, та ще не була вона настояща пьяныця: все бильше тилько „одъ зубей" горилкою личылысь, бо чоловикъ іи не пывъ и ій не дававъ, а колы винъ умеръ та спродала вона все чысто, то у неи на рукахъ стилько грошей найшлося, що вона думала—николы не переведутся, и почала гуляты, пыты, замисть того, щобъ отдаты ихъ кому-небидь: іи бы до смерты догодувалы за тіи гроши. Пыла, пыла и солодко йила, ажъ покы до послиднёго гроша все не прогуляла; тоди пишла до людей просыты, щобъ іи хто прыйнявъ. Хто жъ бы іи теперъ схотивъ? грошей у неи вже не було, сама пьяныця, та ще й вонюча така, що не можно навернуться, бо була вона слаба и не було слыве ніякои одежи: одна сорочка, одна спидныця, одынъ карсетъ та хустка—бильше ничого ни за собою, ни передъ собою; николы вона теперъ не вмывалась, не чесалась, не прала соби плаття, и вси сусидки гидылыся и проганялы іи геть одъ себе. Одна Ходоля прыймала цюю Лысыху до себе. Часомъ, одившы іи въ свою кожушанку, прала ій сорочку, часомъ годувала, а то й яку копійку давала; тоди Лысыха, що скризь така тыха, якъ собака прыбытый, робылась горлата: крычала, спивала, лаяла всихъ на все село, ще й саму Ходолю, що така „дурна, безумна, годуе іи, стару Лысыху". Це вже Ходоли було зовсимъ не зручно, бо вона-жъ ховалась зъ ціею Лысыхою одъ чоловика и одъ людей, и вона казала соби, що вже ни за що вдруге ничого не зробыть для Лысыхы, та все-жъ такы, якъ тая прыйде зновъ и поклянется, що вже „не буде такъ", то вона и ткне ій кусокъ сала и шматокъ хлиба, и сорочку выпере, тилько грошей не дасть, ажъ покы Лысыха не почне такъ просыты и плакаты, що не можна справди одказаты.

Окримъ Лысыхы булы у Ходоли ще прыятели: вси старци, калики, слипци й лирныкы. Вона николы не кыдала сухого хлиба въ корыто для свыней, якъ други роблять, а скризь збирала для старцивъ, и кожный лирныкъ знавъ, що, якъ е у неи

яка страва, то скорійше сама не буде йисты, а ёго нагодуе и буде слухаты ёго писни безъ кинця, безъ краю, абы спивавъ, и буде плакаты гирко надъ веселою и надъ сумною.

Ще була одна товарышка у Ходоли: нима дивка Устя. Що-дня забигала вона до Ходоли, звала іи „ммамм", цилувала и крутыла по хати, колы була весела; колы-жъ була сумна, то такъ жалибно и сердыто крычала, и мукала, и дывылась, якъ слаба телыця; Ходоля-жъ хытала головою и жалувала іи. Кожный день Устя жалилася, що іи одынъ парубокъ одурывъ, покынувъ ій дытыну, а самъ ни винчатысь не хоче, ни жыты зъ нею, щобъ вона була молодыця, а повіявся десь далеко, іи покинувъ. Якъ ни досадно було нимій, що іи одурено, що вона замижъ не пишла, а хлопця свого вона страхъ любыла и все бигала до Ходоли хвалыться Кырылкомъ, а якъ вже винъ пидрисъ, то зновъ стала жалитысь, що не слуха, що іи перекрывля. Такъ-то часто Устя до Ходоли ходыла, що накинець Ходоля стала іи балачкы краще розумиты, нижъ іи ридный батько, а Устя такъ до Ходоли прывыкла, що якъ тая вмерла, то довго плакала, была себе кулакамы въ груды, бигала по селу и всимъ розсказувала, що Ходоли нема и що ій, бидній, робыты? Писля похоронъ Ходоли нима цилый тыждень навидувалась що-дня въ хату до Гната, довго роздывлялась по хати, прыдывлялась до Гната, що майстрювавъ не перестаючы, до дитей, що сыдилы перемишани, дурни, въ кучи, якъ слипи кошенята, дали была себе рукамы по бокахъ и почынала плакаты, а диты и соби, тилько вона того не чула. Краще-бъ ій було помогты Гнату зъ дитьмы жыты, та вона, хочъ усе умила робыты, не догадувалась, що ёму треба, а винъ самъ не прыказувавъ, то вона поплаче та й побижыть до дому. Де-жъ бы Гнату шукаты помочи? Якъ бы не Мотря, Ходолына сестра, пропадать бы ёму, бо прыходылось самому пичъ топыты, варыты, хлибъ пекты, плаття праты и дитей доглядаты, а женытысь не хотивъ та й годи! Мотря, хочъ іи чоловикъ и лаявъ, такы було выбере хвылыну, забижыть до Гната—попоратысь. Прыбижыть, заразъ почне крычаты грубымъ голосомъ на дитей:

„ну ты, паршывець, иды сюды, я тоби сорочку зашыю, обирвався-жъ якъ“! „Ну, ты, соплывый, тоби жъ треба носа вытерты!“ „Иды, иды, сороко, й ты, курчя, ось каши дамъ; аже-жъ вы тутъ голодни сыдыте, дурни, мали“!

И всихъ разомъ нагодуе, розчеше, прыбере, пичъ вытопыть, зварыть, посуду помые, латкы понидшывае, старшу дивчыну налае, щобъ доливку замела, покрычыть, щобъ сыдилы тыхо, мазне тамъ-сямъ, пичъ полагодыть, повернется туды-сюды, дижу, що звечера росчыныла, замисыть, писля хлибы повыробляе посадыть въ пичъ, а якъ случается тутъ нима, звелыть ій повыйматы, якъ буде готовый, а сама бижыть до-дому и сміется про себе: „хиба у цёго Гната багато роботы?—и горобець-бы переробывъ; ни свыней, ни гусей,—вже про худобу ничого и говорыть: коровы нема, а коняку самъ пόрае“.

Нима Устя, якъ найшовся хтось, що ій прыказувавъ, почала и соби помагаты Гнату: прыносыла свого Кырылка и сыдила по цилыхъ дняхъ въ хати у Гната, ажъ батько іи розсердывся, що свое дило стоить, а вона шляется, и набывъ іи добре. Гнатъ-же самъ якось вывивъ іи за двери, злегка вдарывъ по плечу и показавъ: геть! Вона розсердылась, плюнула, кулакомъ на нёго погрозылась и перестала ходыть.

Писля того вже Мотря справлялась зъ Гнатомъ разомъ. Диты по-первáхъ боялысь іи, а дали попрывыкалы до неи, тилько боялысь пыщаты та вередуваты, якъ пры матери було.

Якъ не умовляла Мотря Гната, що треба ему оженытысь, що не викъ же вона буде зъ ёго дитьмы поратысь, винъ тилько казавъ, що якъ ій нема часу и чоловикъ сердытся, то нехай вона ёго кыне, а винъ вже самъ якъ-небудь перебуде, покы диты пиднимутся, а мачухы для ихъ браты винъ не хоче. Мотря крычала, що хиба вона икъ тому усе говорыть, що ій трудно, а ёму жъ самому „невдобно“ безъ жинки; и що винъ соби думае,—хиба гарнои молодыци не можна для нёго знайты? отъ хочъ бы Параска Кыселыха, молода вдова; у неи и хата йе—не треба буде Гнату въ чужій хати жыты.

Гнатъ уперся, якъ вилъ, не хотивъ ничого слухаты и жывъ, якъ и ранійше, самъ, а Мотря бигала мало не що-дня „дитей пораты“, якъ вона казала.

Не женывся Гнатъ; була у нёго друга думка, другый клопитъ въ голови: надумався винъ иты на Томську. Була у нёго цяя думка ще пры Ходоли; винъ все ій казавъ: „ось нехай, нехай мы такы пожывемо ще! Нехай пидемъ и мы кудысь: не будуть диты безземельни“! Вона жъ на все була согласна, ни про що сама не думала, все на Гната покладала, и все бъ стерпила, все-бъ перенесла, щобъ дитямъ було добре.—Тоди вже де-хто выбирався зъ другихъ селъ на Томську, та Гнатъ ще не ришався иты, якось чудно було ёму „почати“; теперъ же, якъ люде сунулы разомъ, и винъ пиднявся. Винъ любывъ дило зо всихъ бокивъ розглядаты, та, якъ не круты, выходыло такъ, що хочъ буде и погано, то и тутъ же погано—разъ, та якъ же може буты погано тамъ, колы земля буде и буде іи стилько, скилько самъ схочешъ запахаты—два! Такъ и ришывъ иты, а колы вже Гнатъ сказавъ: „пиду“, то нихто не мигъ ёго вдержаты. Перше винъ метыкувавъ такъ: що жъ, справди, невже безъ земли оттутъ и пропадаты? Невже мои два хлопци будуть, якъ и я, на чужій латци города сыдиты, купованый хлибъ йисты, будуть по чужыхъ людяхъ за шматокъ хлиба тынятысь? Э, ни, не буде цёго! Треба соби десь мисця шукаты, треба иты, куды очи бачать, ити й иты! Аже-жъ повыненъ десь й для моихъ сынивъ надилъ буты, повынна буты вильна земля тамъ въ Томській! Скилько жъ людей теперъ туды збирается! Йе тамъ земли багато, на всихъ стане! Нихто на ій не жыве, и всяке може заораты іи, скилько око бачыть! Отъ тамъ можна жыты, отъ тамъ можна забагатиты“!

Чымъ бильше Гнатъ думавъ, тымъ бильше хотилось ёму схопытысь, бигты, зибратысь одразу и перелетиты въ ту сторону у одну мыть, одмиряты соби земли, походыты по своему полю; рукы кортилы у ёго ораты, волочыты, сіяты, косыты и молотыты свое жыто, поставыты свою хату; винъ наче бачывъ тую рублену хату (непреминно рублену, бо тамъ-же лису до-

чорта!), що винъ поставыть; отъ тоди винъ покаже на своій хати, якый винъ плотныкъ!

Тилько й думкы, тилько й балачкы було у нёго, що про Томську, зъ кожнымъ чоловикомъ, а ще бильше зъ тымы, що сами збиралысь зъ нымъ у далеку дорогу. Це булы: Васыль Куцый, що ридный батько выгнавъ ёго зъ хаты и не давъ ни латкы поля,—якъ знаешъ, такъ и жывы; Васыль Рябый, що бувъ шостымъ въ семьи и получавъ на свою долю зъ надилу пьять сажень земли; Максымъ Пугачъ, що скризь по заводахъ служывъ, по свиту ходывъ, и увирывся, що нигде нема гирше, якъ у насъ; Васыль Рудый, що було такъ багато дитей, що ажъ въ хати тисно стало.

Булы й таки, що не нужда ихъ гнала; ось хочъ Ермыла багатырь, що хотивъ забагатиты ще бильше,—того и йшовъ; або Мытрохванъ Билый,—душно ёму було вдома, хотилося бачыты свиту, людей, не хотилось сыдиты, якъ грыбъ, цилый викъ свій на одному мисци, не хотилось умыраты, не побачывшы, що було тамъ за риднымъ селомъ, за риднымъ степомъ. И гыдка ёму стала ёго хата зъ очерету, хотилось чогось иншого, чогось кращого...

Инши збиралысь иты просто того, що имъ було все йидно, чы тутъ буты, чы въ другому мисци, и воны, якъ трискы за водою, ишлы за другымы. А то булы й таки, що зъ радистью розносылы и спродувалы свои хаты и хазяйство, наче хто ихъ въ шыю гнавъ.

Багато назбиралося народу, и вси почалы спродуватысь, гроши складаты, прыготовлятысь. Поля нихто зъ ихъ вже не пахавъ, не сіявъ; що-недили збиралысь воны, балакалы, крычалы, спорылысь, радилы, що ось-ось выберутся и пидуть; а куды?—и сами добре не зналы.

Гнатъ продавъ коня, посправлявъ гроши, що ёму було слидъ за роботу, взявъ зъ брата выкупъ за свою латку города и вже бувъ готовый податы прошеніе земському, щобъ получыты квитокъ на выхидъ, колы надумався самый обережный зъ ихъ усихъ чоловикъ, Ермыла (той, що хотивъ иты на Томську,

щобъ розбагатиты), що такъ не можна: иты хто ёго знае куды, треба хочъ що-небидь знать про тую сторону. Отъ побалакалы, скынулысь вси людци и ришылы выбраты и послаты двохъ ходакивъ на розвидкы. Выбралы сына Царенка Костянтына, що бувъ учытылемъ въ далекому сели; товарышемъ ёму поставылы Мазлыцю, одынокого чоловика (дитей у ёго не було, а жинка давно ёго покынула). Отъ снарядылы тыхъ ходакивъ въ дорогу. Пишлы воны та й загаялысь: и мисяць—нема, и другый наступывъ—нема. Людямъ не терпилось, людямъ не сыдилось, а бильше всихъ кортило Гната, що и спавъ и бачывъ рублену хату зъ поцяцькованымы одвиркамы; ёму здавалося, що и такъ винъ багато часу перевивъ дарма, що треба було иты, ще якъ Ходоля була жыва,—може-бъ вона и не вмерла тоди. А тутъ саме зновъ прыйшла чутка, що можна выселятысь и що дають тамъ земли, скилько вгодно, скилько душа схоче, и що люде все идуть туды и зновъ идуть, все ламають, якъ ричка лидъ, и идуть, бо тамъ добре. Отъ тутъ-то Гнатъ заходывся непреминно иты, якъ можна скорійше, почавъ пидмовляты другыхъ иты, не дожыдаючы, щобъ ходакы поверталысь, тилько тіи не слухалы. Тоди винъ самъ подавъ прошеніе на квитокъ и все поглядавъ то на небо, де рожеви хмарынкы казалы, що вже весна блызенько, то на землю, що потроху одтавала, йила снигъ латка за латкою, та мягшала, якъ подушка: треба ораты, охъ, треба сіяты!

— „Що вы соби, куме, думаете? що вы тилько робыте?— накынулась Мотря на Гната, якъ хуртовына, крутячысь по ёго хати.

— „А що“?—спытався той.

— „Та де жъ вашъ розумъ“?

Той подывывся и зъ серцемъ сказавъ: „та що тамъ таке“?

— „Эге, що таке?—передражныла Мотря,—а же жъ ось хочете везты дитей, хто ёго зна куды и на що, та ще безъ матери; безъ матери—це мудро“!

— „Я самъ знаю, куды и на що я ихъ везу, а вы, кумо, не мишайтесь не въ свое дило“,—одризавъ Гнатъ.

Мотря сплеснула рукамы: „вы думаете я ихъ одпущу? эге, дыво“!

— „Та що це справди за опека така! Идить вы соби! Я самъ знаю, що роблю“! Остыгло мени якъ проклята душа по людяхъ тынятысь! Оттамъ на Томській може и соби, и дитямъ своимъ мисце знайду и васъ не спытаюсь“. Гнатъ одвернувся.

Мотря ни крихты не образылась и сказала: „ну, добре, вы идете на Томську, такъ теперъ треба вамъ, значыть, жинку шукаты“.

— „На чорта вона мени“?—

— „Эге, на чорта! хиба оттакихъ-о дитей можна безъ матери у таку путь волочыты зъ собою? Щобъ на дорози вси поздыхалы! оттакыхъ-о неспособныхъ, такыхъ малыхъ-о!“—и Мотря покрутыла жартомъ та боляче за чуба меньшого хлопця.

Гнатъ подывывся на цёго меньшого, писля на другыхъ, трохы зажурывся и дали сказавъ: „ничого, якъ-небудь до мисця доставымось“.

Мотря ударыла себе по чолу, наче щось згадала, и побигла зъ хаты.

Одъ того дня стала вона шукаты жинку для Гната и найшла, а якъ найшла, то напалась на Гната, щобъ оженывся; до неи прыставъ и братъ, и братова Гнатова, и вси родычи Ходоли, и вси сусиды, такъ що выходыло, що, не оженывшысь, ніякъ не можна на Томську выпрявлятысь, бо безъ жинкы не можна обійтысь ни въ дорози, ни на новому мисци: Гнату и такъ клопоту буде багато, а тутъ ще диты пыщатымуть, то й голова завернется. Кримъ того, у тіеи вдовы, що ёму совитувалы, була хата и корова—можно ихъ спродаты: гроши-жъ здадутся на чужій сторони; и вона сама була ще молода, весела и роботяща, а найголовнише—согласна иты на Томську. Гнатъ, якъ капуста, що гнитомъ надушена, одъ усихъ цихъ ричей помякшавъ и згодывся оженытысь; сподобалась ёму и вдовына хата, що продаты можна.

Гнатову молоду звалы Лысавета Балдына. Це була ще не стара жинка, кругловыда, зъ велыкымы очыма и ривнымы, якъ шнурочокъ, бровамы, здорова, шырока въ плечахъ; особлыво передъ людьмы хвастала вона своею сылою: бралася за косу, за ципа, або пиднимала таки здорови мишкы, що якъ якый чоловикъ, то й не подужавъ бы. Вона служыла по разныхъ экономіяхъ и мало не кожный годъ соби дытынку прыдбае, бо була вона така, якъ тая яблонька, що не може, щобъ кожный годъ не цвисты и яблукъ на соби не несты.—Одынъ парубокъ ій тымъ сподобается, що чорнявый; другый тымъ, що кучерявый; третій—хто ёго знае чымъ: на вси очи винъ поганый, а ій гарный—и гуляе зъ нымъ, покы можна, а писля спокутуе, плаче, кляне и того „сатану, щобъ ёму не диждаты свита бачыты", и всихъ парубкивъ, а, дывысь, на другый годъ зновъ гуляе. Одъ чоловика зосталась у неи одна дочка, Гапуня, литъ 12-ть; други трое дивчатъ булы не щеплени яблунькы, а дычкы. Часомъ дуже строго держала Лысавета своихъ дочокъ, все крычала на ихъ, а часомъ кыдала ихъ самыхъ, и все йидно ій було, чы воны голодни, чы ни (тоди старшенька, Гапуня, за хазяйку була), и тилько того й було, що обшывала ихъ и водыла, якъ квиточокъ: то всихъ у жовтому, якъ гвоздыкы, то въ червоному, якъ макъ, то въ голубому, якъ волошкы, то въ зеленому, якъ трава. Вона була дуже чепурна и коло себе, любыла шыты и выгадуваты разну моду, та тилько якъ на неи найде: то нечесана сыдыть, а то уберется, якъ пава. Бильше всёго вона любыла, що могла жыты, якъ хотила: чы варыты, чы не варыты, чы робыты, чы не робыты, чы гуляты де вгодно, покынувшы и хату и дитей; иншый день вона смачно йила, а другый—тилько одынъ сыровець пыла; то въ неметеній хати сыдила, то нападе на неи таке, що вона всю хату переверне, прыбираючы та чепурывшы іи; и зъ дочокъ требувала, щобъ булы роботящи и чепурни. „Чому ничого не робышъ"?—було, крычыть на Гапуню;—„чому сестеръ не прыберешъ"?—А то зновъ загуляе, заведе, покыне все печене и варене и грае, якъ метелыкъ.

Якъ же Мотря не подумала, що четверо дивчатъ та Гнатовыхъ четверо малыхъ—це вже багато буде? Якъ вона Гнату таку молоду выбрала? Хиба не було другои, щобъ дитей поменьшъ? Эге, вона и думала на другу, дакъ тилько одна Лысавета согласна була на Томську мандрувать, а зъ другыхъ—ни одна не хотила иты за „Томця". Скилько чоловикы тяглы впередъ, стилько жинкы повертали назадъ. Одъ того дня, якъ думка иты на Томську, наче вогонь, запалыла чоловичи головы, одь того дня жинкы почалы плакаты и журытысь и дорикаты. Чоловикамъ вдома тисно було и гирко, а жинкамъ—абы никуды не иты, бо тутъ вже звисно якъ, хочъ и погано, а тамъ—ще хто ёго знае якъ, хочъ и добре; имъ здавалось, що Томська—це край свита, це на тимъ свити. Одна Лысавета ничого не боялась, хотила иты, хотила бачыты щось кримъ свого села, и за Гната тымъ бильше согласылась иты, що винъ тыхый и майстерный, ще й на Томську подавався.

— „А ну, ну, побачу и я свита"—казала Лысавета и радила, хочъ маты іи плакала и голосыла: „Бидна моя головонька! Куды ты пидешъ, дурна? Ты тамъ пропадешъ. Вы тамъ зъ голоду попухнете".

— „Не попухнемо, аже жъ и тамъ хлибъ йе"—сміялась Лысавета.

— „Та де винъ тамъ йе? Може йе, а може и нема! Що то за сторона? Де вона? Ось Мартынъ Цяпоръ пишовъ, де-жъ винъ? пропавъ! Ой, горечко тяжке!... И чого иты, и куды иты? Нихто николы никуды не ходывъ, а тутъ нá тоби—показылыся!.. Якъ-бы Гнатъ тутъ зоставався, то я-бъ ничого не казала, бо винъ чоловикъ, ничого казаты, гарный... а якъ винъ туды иде, то нехай ёго батько сказытся! Не иды, доню, за ёго, прошу тебе"...

— „Та чого вы, мамо, такъ журытесь? Аже-жъ други люде идуть—и я пиду".—

— „Хиба тебе вже нихто не посвата, що ты за такого мандра пидешъ? Найдутся люде".—

— „Якый же винъ мандеръ? А я хочъ зъ нымъ свита побачу".—

„Прычынна ты!.. свита побачышъ... положышъ свои гаргела на чужій сторони... Ой, я нещасна, що мени робыты! Чого иты, ну чого иты? Тутъ погано, дакъ тутъ все свое! Погано? Дакъ колы вже такъ Богъ давъ, що жъ робыты? Хиба наши батькы, чы матеркы куды-небидь ишлы? Дома сыдилы, а й жылы й померлы на своій сторони!.. Ну, чого я не иду? Якъ бы бувъ твій батько, и винъ бы не пишовъ; братъ твій не йде-жъ, бо тутъ же своя—ридна сторона: кожву вербу, кожный колодязь, кожну межу знаешъ и воно тебе знае... Вже жъ я тебе, доню, николы не побачу! Тамъ буде гирше, нижъ тутъ,—ось вирь мени"...

„Хочъ гирше, абы инше",—упиралась Лысавета.

„Ну, то будь ты проклята, якъ ты матери не слухаешся... Ось визьму и проклыну".

„Проклынайте, про мене"!

Хочъ стара Параска и не прокляла своеи дочкы, та ходыла до весилля зъ червонымы очыма и ще скилько разъ пробувала іи зупыныты; та тая не послухалась.

Плакала и старшенька дивчына Лысаветына, Гапуня; вона вже багато чого розбирала и не разъ пыталася у матери: „На що вамъ, мамо, замижъ иты? Ось мы пиднимемось на ногы, мы й сами себе прогодуемо! И на що на тую Томську иты? Охъ, чуе мое сердце, бида буде тамъ... И на що намъ той „чоловикъ" здався? На що-жь намъ иты? Намъ тутъ добре. Пожалійте вы насъ, мамо, мамо"!—

„А, це тебе баба навчыла! Це тебе баба прыслала"!

„Ни, ни, ій-Богу не баба, ій-Богу, я сама. Ось не идить, мамо, замижъ, ось нехай мы поростемо, ось нехай"...

„Цыть, кажу тоби! чого ты свого носа сюды сунешъ? Якъ ты сміешъ мени балакаты оттутъ-о"? И Лысавета часомъ навить была Гапуню.

Гапуня верещала: „ой, не буду, мамо, не буду"!..

А черезъ килька днивъ зновъ почынала та спершу несмило, якъ ячмень колосомъ шелестыть, а дали смилійше: „мамо, ось не пидемъ мы на Томську! тамъ погано, я знаю, що погано... тутъ у насъ и хата, и корова, а тамъ ничого нема"!

„Дурна ты,—тамъ тежъ саме буде; мы ище тамъ забагатіемо, бо тамъ земли дають по багато, людей, свита побачымо... тамъ, кажуть, уси чай пьють, дакъ и мы будемо ёго пыты“.

Мали дивчата слухалы и повторялы, якъ сороченята: „цаю, цаю“, а Гапуня все свое: „ни, ни, чуе мое серце, що буде намъ бида“!

„А ты, проклята, ще й биду наклыкаешъ“!—розсердытся Лысавета и зновъ попобье іи.

Такъ надокучалы Лысавети то маты, то Гапуня. Матери вона сказала разъ: „мени вже остыгло тутъ изъ вамы сыдячы, якъ печерыця пидъ деревомъ,—сами сыдить; якъ хочете, а мени байдужкы,—пиду соби, и не плачте и не просить, бо не хочу я цёго слухаты“.

Гапуни-жъ маты сказала, що якъ вона ще обизвется зъ свого кутка, то вона ій языка голкою наколе.

Такъ обыдви и замовклы, тильки плакалы, та баба Параска мижъ жинкамы жалкувалась, що ій вже не бачыты своеи дочкы, а Гапуня бигала жалитысь до бабы и просыла іи одвернуты биду:

— Нехай той дядько соби десь другу молоду знайде; на що винъ намъ здався? Нехай винъ до нашои матери не чипляется; бачъ, якый розумный! Вы скажить ёму, бабусю, скажить, нехай не займае!

И смихъ и горе баби зъ тіею дивчыною.

— Богъ зъ тобою,—каже вона,—хиба винъ мене послуха? Хиба я ёму що таке?

— Ну, то нехай винъ своихъ дитей веде на Томську, чы куды знае, а мы не хочемо, не хочемо... мы тамъ пропадемо...

— Эге, пропадéте,—то жъ бо и я кажу.

И баба, и внучка—обыдви—почнуть плакать, а якъ выплачутся, то имъ и полегша; баба нышкомъ одъ невисткы (бо вона жыла у жонатого сына) вытягне зъ печи картоплю, дасть Гапуни, а тая стане йисты, повеселійша и пытается:

— Ну, що то таке тая Томська?

— А хто ёго знае, мое серденько, мисто якесь,—одвича стара:—ось туды той, якъ ёго... отъ забулась..., еге, Мартынъ пишовъ... Да-а-алеко це!... ось и звисткы одъ нёго нема, пропавъ десь, може, вовки зйилы!

Гапуня зновъ почына плакаты:—отъ и мы такъ пропадемо!

— Та ни, не бійся, моя люба!—успокоюе баба и іи и себе разомъ; може, то воны ще насъ дурять, може, и не пидуть, де-жъ таки! Ни, ни, твоя маты зостанется: побоится иты. Ось не плачъ, любенька, ось годи!—

Багато такъ баба зъ Гапуней балакалы.

Колы Гнатъ оженывся и перейшовъ зъ дитьмы жыты въ Лысаветыну хату, то и баба и внука заспокоилысь, що вже не пиде винъ на Томську, бо якъ бы йшлы, то продалы бъ хату. Не продавъ же Гнатъ хату черезъ те, що Земськый не дозволывъ продаваты ни хаты, ни города, бо це дитське добро. Гнатъ дуже пожалкувавъ, та ничого було робыты, а покы выйде ёму квитокъ иты на Томську, винъ перейшовъ до Лысаветы жыты. Загуло въ Лысаветыній хати, якъ зъ ульи, бо стало дитей багато, наче ягидъ на кущи. Гапуня була рада, бо еи „команда" побильшала; держала вона усихъ малыхъ строго, Гнатовыхъ ще бильше, нижъ своихъ, бо не булы воны прыучени ни до якого порядку.

Тилько й було чуть Гапунине: „цыть, сыдить тыхо! А що то ты робышъ? Пряды такъ, а не такъ!" Гапуня сама була, хочъ зъ выду не гарна, та ловка, проворна и чепурна така, що маты колысь іи жартамы прозвала „мушка-чепурушка". Теперъ цилисенькій день вона була заклопотана: того умый, тій косы выплеты, тому шапку розшукай, тій хустку повьяжы (та ловко, якъ дивки повязуются—тугенько), тій ляльку зробы... та Господы! хиба мало роботы! Вона имъ и цыбулю, и хлибъ дилыла, и дывылась, щобъ кому-небидь бильше не досталось, и все повторяла: „ось я тоби дамъ, я тоби покажу, ты у мене гляды!" Колы вона була весела, то казала имъ казку про „Билого бычка", тую казку, що можно казаты одъ ранка до вечора

и одъ вечора до ранку и не скиньчыты; вона могла іи казаты, якъ робыла що-небидь: сама каже, а въ другому кутку прыбирае, картоплю чыстыть, доливку маже—тилько тоненьки киски, якъ мышачи хвостыкы, то тамъ, то тамъ трипаются; тутъ вона коло лавы, и вже зновъ іи нема: генъ побигла ажъ на другый кинець хаты и все торохтыть: „Ты кажешъ—хороша, и я кажу—хороша. Розсказаты тоби казку про билого бычка"!—и зновъ спочатку. Тилько диты бильше любылы тую, що про квиткы, що вона сама выдумала, и розсказувала въ недилю, сыдячы пидобгавшы ногы та лузаючы насиння.

— У трыдесятимъ царстви, у трыдевятимъ государстви случылася разъ буря, та така буря, що вси стрихы сторчъ поставыло, виконныци побылыся, а хаты завалылыся. Схопывся витеръ, що вси дерева зъ коринням повыдеравъ и на землю повалявъ, а квиткы и въ садкахъ и въ поли уси чысто поодрывавъ. Ось квитки зрадилы, бо надокучыло имъ весь викъ свій на одній нижци стояты, зрадилы и почалы танцюваты метелыцю. И було дуже весело! Тамъ булы и повнякы, и волошкы, и гвоздыкы, и макъ, и не займай-мене, и кручени панычи, и квасоля, и троянда, и гайстры, и красоля, и медуныця, и березка, и кульбаба, и чорнобрывци,—та чы мало ихъ тамъ було, переличыты не можна! Отъ пишлы воны уси метелыцю, а биленьки, голубеньки и червони дзвиночкы булы за музыку. И було дуже весело! Колы гвоздыкы сказалы медуныци: „якъ вы, кумо, воняете"!—тая заразъ образылась, выйшла зъ круга, лягла на траву и зовьяла, а петрови батоги побылы гвоздыкы, покы не обидралы лыстячко, ну, все-жъ такы други квиткы ще танцювалы та й танцювалы. И було дуже весело, покы гайстры не настрыкнулыся на колючу троянду; тоди такъ-сякъ паутынням затяглы вавку, и вси побиглы до ставка водыцю пыты, бо стало дуже жарко.

Якъ побачылы гусенята, що плавалы на ставку, таке військо, ажъ остовпилы.

— Здрастуйте!

— Здрастуйте! А видкиль васъ Богъ несе?

— А мы вже вильни, одвичалы квиткы, куды хочемо, туды й бижымо, якъ вы.

— Охъ-хо-хо, стервенята, кажуть гусенята, сыдилы-бъ вы краще дома та не рыпалысь, сыдилы-бъ тыхо, бо буде вамъ лыхо!

Квиткы засміялысь, а гусенята поплылы дали.

Якъ побачылы себе квиткы въ води, такъ зрадилы, таки соби гарни здалыся изъ своимы рожевымы, сынимы, билымы головкамы, що имъ зробылось ще веселійше, тилько кульбаба, якъ нахылылась надъ водою, то все свое волосся загубыла и стала лыса, якъ дидъ лысый. Ну, це ничого! Вси квиткы побралысь за ручки и побиглы дали. Зъ трояндою вже нихто не хотивъ бигты рядомъ, бо така лыха; вона сама соби попереду скакала. Отъ зустрилы воны перекоты-поле, що гналось по степу, и почалы реготатысь, що воно безъ нигъ, безъ рукъ, а бижыть,—такъ реготалысь, що гайстры и чорнобрывци рострусылы по дорози свое пирьячко.

Подывылыся метелыкы, що квитокъ ниде, ни на левади, ни въ садку, ни въ поли нема, здывовалыся: „де-жъ це воны дилыся“? Зажурылыся, колы бачать—здалека бижать: биліють, червоніють, голубіють, жовтіють, якъ стричкы, якъ намысто.

— Де-жъ це вы, сякы-такы, булы?

— А мы теперъ вильны: куды хочемо, туды й бижымо. Доганяйте насъ!

Зареготалысь, и стало имъ всимъ дуже весело! Побиглы навыпередки и такъ бигалы до пиздпёи ночи; ажъ ось полизлы на дуба спаты, та довго не спалы, бо метелыкы все имъ казку про „Билого Бычка“ казалы, а якъ поснулы, то й попадалы доли, бо нычимъ було зачепытысь за дерево: корыннячка не було та й не прывыклы высоко спаты; одна троянда на колючкахъ высила. Вранци прыйшлы диты, побачылы пидъ дубомъ стилько квитокъ, наче хто виночкы хотивъ плесты, позбиралы ихъ, бо квиткы не вспишылысь утикты: не такъ то легко було заразъ зъ земли пидвестысь и бигты; троянду, що зачепылась на дереви, тежъ досталы. И було дитямъ дуже весело!

Писля почалы у москалыкы квиткамы гратысь, усимъ квиткамъ головы позбывалы, поламалы. А комарыкы кругомъ литалы и пыщалы: „ото було не ходыты, ото було не радиты, ото було на мисци стояты, бо такъ вже Богъ велывъ“!

Такъ не зосталось квитокъ и на насиння: вси перевелысь, и не було одъ того дня въ тимъ царстви, въ тимъ государстви ни однисенькои квиточкы,—одна трава зелена“!

Такъ казала казку Гапуня, а пьятеро дивчатъ и два хлопци слухалы и все прыставалы: „ще, ще, ще“! або: „ну, ну, дали“! и не вирылы, що вже казци кинець.

— Що ты тамъ брешешъ, що ты имъ плетешъ?—усмихнется, було, Лысавета.

Гапуня и мали заразъ замовкнуть,—имъ не хотилося, щобъ „люде“ зналы про ихъ дитськи балачкы, про ихъ казкы: на що имъ? то не ихъ дило! И плела Гапуня въ куточку „своимъ дитямъ“, якъ вона ихъ звала, багато и веселого, и смишного, и страшного, и одъ себе, и те, що чула, и коротко, и довго, и зъ спивомъ, и зовсимъ пышкомъ — на вухо, — це вночи, тоди, якъ маты загасять свитло, вси полягають спаты, а воны (дивчата) зализуть на пичъ та спаты имъ не хочется; въ голосъ же балакаты не можна. Ось Гапуня прытулыть щильно свои губы до правого вуха блызчои дивчыны и скаже щось, а та такъ само зробыть третій, и потече слово за словомъ съ пьятёхъ устъ та черезъ пьятеро вухивъ, наче вода по канавци, и балакають такъ, покы чы крайня, чы середня не засне такъ, що не можна передаваты балачкы.

Колы Гнатъ продавъ Лысаветыну корову, то й баба и Гапуня догадалысь, що винъ не покынувъ думку иты на Томську, и зновъ почалы тужыты. Гапуня и „своихъ дитей“ всихъ такъ настроювала, якъ бандуру, що вси разомъ, въ одынъ голосъ, скыглылы и кыслы, не розбираючы объ чимъ и чого. Колы Гапуня, було, скаже: „тамъ васъ вовкы зйидять“, то, розуміется, не можна не журытысь, не лякатысь, хочъ старшенька дивчына Гната, що батько, посадывшы на колина, часто казавъ: „ось пи-

демо далеко, далеко, буде намъ добре-добре", все повторяла: „батько казалы: буде добре-добре, буде добре-добре—казалы батько"!—Гапуня все думала: „ну и маты яки вредни! Щобъ було упертысь и сказаты: „не хочу и не хочу",—батько и зосталысь-бы, а то!"... Вона дула губы и по цилыхъ дняхъ не обзывалась до матери, та не просыла остатысь, бо знала, що тая буде ін быты: вона тилько все бигала до бабы и умовляла щобъ баба зоставыла іи пры соби, та баба не знала, якъ це зробыты?

Баба разъ обисмилылась просыты Гната, щобъ винъ не йшовъ на Томську, бо якъ вона подывытся туды, куды имъ иты, то наче въ колодець загляне: все тамъ темно, глыбоко, ничого не выдно, страшно! Винъ-же сказавъ: „якъ хоче ваша дочка зоставатысь, нехай зостается,—я й самъ пиду"!

— Та побійся Бога, ты-жъ дитей загубышъ!

— Не ваше дило.

Пiсля цёго баба вже рота не роззявляла.

Колы-жъ, було, Лысавета почуе, що мали диты пыщать: „тамъ насъ вовкъ изйисть", то вона вже знала, чіи то штукы, и была и дитей, и Гапуню.

Отъ повертались и ходакы. Погано воны балакалы. Учытель, Костянтынъ, казавъ, що не стоить и не стоить на Томську иты, бо тамъ хлибъ поганый, земля погана, люде погани, що воны вымирялы своимы ногамы кожный сажень, передывылысь своимы очыма кожный колосочокъ, переслухалы кожну балачку мижъ людьмы про Томську, вси гроши перевелы, не йилы, не пылы и черезъ сылу до дому досталыся. Громада заразъ побачыла, що учытель хвастае и себе выхваляе; тилько ридный батько его послухавъ, а бильше нихто. Другый ходакъ, Мазныця, ничого такого не казавъ,—винъ тилько плюнувъ и процидывъ кризь зубы: „нехай того батько скаэытся, хто туды пиде"!

Ось-же люде и цёму не повирылы, хочъ одразу наче ихъ хто по голови трахнувъ та выскубъ зъ неи вси надіи, якъ нытки зъ полотна на мережку. Тилько воны поришылы такъ,

що ходакы ихъ грошы пропылы, въ Томській не булы та все брешуть—и слухаты ихъ ничого, и вирыты имъ нема чого, а треба збиратысь и иты. Бильше всихъ бувъ выноватый Гнатъ, що не хотилы ходакивъ слухаты, бо винъ, що ранійше такъ ридко балакавъ, теперъ роспустывъ языка и писля кожного ихъ слова казавъ: „не слухайте ихъ, хлопци! ходимъ—та и все тутъ“!

А тутъ якъ-разъ прыславъ Мартынъ Цяпоръ до жинкы пысьмо зъ Томськои губерніи, щобъ заразъ збиралась зъ дитьмы, все продавала и до него прыбувала, бо ему добре, гроши у него йе, и щобъ жонатый братъ ёго тежъ ишовъ, бо, скилько-бъ не прыйшло, всимъ буде тамъ добре.

Вси повеселійшалы и сталы выбиратысь въ дорогу. Тилько и речи було,що про Томську. Хтось сказавъ (а хто—незвисно, наче само слово вродылося), що тамъ водытся якыйсь змій, що жывцемъ людей ковтае, та „переселыци“ тилько сміялысь и казалы: тю, тю! Якъ жывцемъ хапае, то можна и ножа зъ собою взяты: черево ёму зъ середыны розризаты и выйты зновъ на свитъ Божый“! Казалы, що якъ такому злодію, якъ Мартынъ, добре жывется, то, значыть, тамъ справди добре.

— Колы иты, такъ и иты!—мовлявъ Гнатъ.

Накинець получылы квиткы, найнялы до городу пидводы, наклалы горы всякого добра, посадылы дитей зверху, якъ на копахъ, що зъ поля возять, побралы земли зъ могылъ, поклалы за пазуху, перехрестылысь, попрощалысь зъ своимъ родомъ, що зоставсь дома, и пишлы.

Вже Гнатъ бувъ зовсимъ готовый иты, колы Гапуня пропала; шукалы іи, шукалы и Лысавета, и диты, насылу найшлы десь въ бурьяни, прывелы іи. Вона плакала и крычала: „ой, рятуйте, люде добри, не хочу я, не хочу... ой, не пиду я... намъ тутъ добре було... ой, мамо, що вы робыте? ось, слухайте, зостанемось тутъ... ось я“...

Лысавета ажъ заплакала и почала тыхенько уговоряты дочку: „ну, чого-жъ бо ты? Бачъ, скилько людей идуть, чого-жъ ты боишся? Не плачъ! Якъ погано буде, то вернемось... а

теперъ треба иты, бо земськый веливъ, чуешъ ты? Та щозъ тобою багато розговарювать, цыть мени"!—додала маты строго.

Дивчына трохы замовкла, выдряпалась сама на воза, обняла Марушку и плакала вже тыхенько: тилько, якъ баба почала тужыты, вона зновъ скочыла доли, вчепылась за бабыну спидныцю и не хотила бабы зоставыты, покы Гнатъ не одирвавъ іи сылкомъ, не вдарывъ пугою по кобыли, не сипнувъ одніею рукою поводъ, а другою Гапуню за руку и не пишовъ скоро впередъ, не обертаючысь, хоча Параска лаяла його, що дочку веде на край свита, а Мотря крычала: „куме, чы взялы соли, чы взялы сала? Ось стійте, я жъ вамъ пампушокъ напекла, розвьяжить торбынку, то покладу... Не слухае, бодай його...! Стійте!". А нима тежъ щось мукала и бигла слидкомъ, щобъ його задержаты. Дарма!

Лысавета насылу одъ матери вызволылась, бо тая все плакала:

— Дай на тебе надывлюся, дай побачу, яка ты е?—и не пускала іи.

Лысавета спробувала засміятысь: „може, въ Томській ще краще зроблюсь, ось побачыте", а дали заплакала и сама, вырвалась и побигла за Гнатомъ, що бувъ вже далеко на краю села.

Колы выйихалы за село, потяглыся степы ажъ до самого неба, ривни, довги та шыроки; жыто саме цвило, и скризь стояла золота, пахуща курявка, ярына зеленила нызенько и тыхенько хылылась то на той, то на другый бикъ. Чоловикы йшлы коло коней, понуро дывлячысь въ землю, жинкы и старшенькі диты—за нымы мовчкы; инши вытыралы рукавамы юпокъ очи и часто зитхалы; мали диты, якъ курчата въ кучи, сыдилы высоко на вози; воны булы весели, прыдывлялысь до всего; саму Гапуню тишыло розглядаты всихъ тихъ людей, що йшлы за нымы и по переду ихъ и зъ свого, и зъ чужого села; вона замичала, де у кого що лежало на вози, де червонила, або сынила яка-небудь юпка, де стырчала драчка, або ночвы.

А ось якась стара жинка поспишае и не тилько слизъ не вытырае, а ще усмихается, дывлячысь впередъ своимы старымы

очыма; поручъ зъ нею иде, мабудь, чы не сынъ іи зъ жинкою, жинка закрыла лыце обома рукамы, такъ що не бачыть куды йде, а чоловикъ штовхае іи въ бикъ и каже: „годи, годи!“ „Ну и чого вже оттакій старій баби тягатысь?—дума Гапуня—чысто старый черевыкъ!“ Ермыло богатыръ иде и веде ажъ тры пидводы, винъ хочъ самъ и снаряжавъ ходакивъ и чувъ одъ ныхъ, що иты не стоить, та ришывъ, що зъ грошыма ниде не пропадешъ, а може ще й щастя знайдешъ: а ну, спробувать!—А ось иде Максымъ Пугачъ. Винъ хочъ знавъ добре, що гирше, нижъ у насъ, ниде нема, та очы ёго якось погаслы, мижъ бровамы лягла глубока бганка, а губы булы, наче злиплени—такъ мицно зведени. Максымъ йшовъ ще тыхше, нижъ ёго коняка, наче ёго хтось стреножывъ, и все то скыдавъ свою шапку, дывывся въ середыну—буцимъ тамъ щось було, то зновъ надивавъ іи на сами очи. Мытрохванъ Билый, навпакы йшовъ дуже скоро; здавалось, ось-ось винъ здіймется и помандруе черезъ степъ, якъ гайстеръ выставляючы впередъ свій довгый нисъ.—Инши все хрестылыся, други рвалы и теребылы романъ-зилля, або волошки край дороги и соромлыво ховалы за пазуху, або подавалы дитямъ на визъ гратыся, и диты крычалы, щобъ имъ ще далы, чы спустылы побигаты.

Дивчата не булы дуже смутни и лузалы насиння идучи. Гапуня пидійшла до ихъ, колы батько пустывъ іи руку, що мицно державъ у своій руци.

— А ты була колы въ городи?—спыталысь дивчата Гапуню тыхенько, бо нихто не балакавъ въ голосъ.

Вона видповила, що ни, и якась дивка почала розсказуваты, яки вона „чудасіи“ бачыла, якъ жыла въ городи.

Якъ ни багато визъ Гнатъ дитей, та на вози Васыля Рудого, що тягся позаду одъ всихъ, ихъ було ще бильше: бо ажъ десятеро сыдило тамъ, та таки вси дрибни, якъ голубьята, укутани въ щось дране, такъ, що весь визъ бувъ похожый на визъ тряпошныка зъ ганчиркамы. Маты ихъ йшла рядомъ и

гирко плакала, та и батько, здается, вытыравъ очи чорнымъ, здоровымъ кулакомъ.

Гнатъ ще разъ обернувся и подумавъ: „вже николы не побачу“.

Ёго наче щось за серце схопыло: чы добре жъ винъ робыть, що иде, що своихъ дитей на чужу сторону веде?

— У насъ буде своя земелька, у насъ буде тамъ свое жытечко, своя ярына, хочъ вже не на цей годъ,—ажъ на той. Жалко тилько, що такъ пизно выбралысь! Ну, поки що построимось, а тамъ!... „А цёго вже не побачу, ни!—пронеслось, якъ блыскавка въ ёго голови“—и гирко ёму стало и повернувся винъ, и подывывся въ остатній разъ на свое село и махнувъ рукою.

— Краще буде,—проговорыла Лысавета до Гната, наче вгадала, про що винъ дума.

— Эге, сказавъ винъ, а тилько чи таке воно тамъ?

— Чого?—спыталася жинка не розибравши, що винъ каже.

Гнатъ зновъ махнувъ рукою и подывывся на хмары, що биглы куды скорійше одъ ныхъ и кыдалы свои тини на возы, на людей, на жыто, на ярыну и закрывалы на мыть сонце.

По дорози зустрилысь имъ якись люде. Переселыци, якъ одынъ чоловикъ, зняли шапкы и поклонылысь нызенько; въ другый разъ, може, нихто бъ не кланявся такъ ныценько гуртомъ незнакомымъ людямъ, а теперъ, колы ти крыкнулы: „Боже поможы!“,—воны зновъ уклонылысь, хочъ ти вже пройихалы соби.

— Ціи до дому, а мы зъ дому! Ба, та вже не можно вернутысь, хочъ бы й схотилы!—подумавъ Гнатъ. И вси переселыци, наче у ныхъ одна голова на плечахъ, подумалы такъ.

Степъ розлягався, розгортавъ свои зелени роздолля, а переселыци йшлы та йшлы. Знявся витеръ, погнавъ скорійше хмары, жовту куряву и переселыцивъ, а куды?—нихто зъ ихъ цёго не знавъ; такъ само не знавъ, якъ не знавъ того слипенькій хлопецъ Мартынивъ, що сыдивъ зъ матирью та братомъ на вози и наводывъ свои очи прямо на сонце.

Писля того, якъ дочка пишла на Томську, стара Параска не могла дня прожыты, щобъ не згадаты іи и не поплакаты; ій здавалося, що вона все йидно, що поховала свою дочку; та ни—гирше: бо наче и йе вона, и нема іи, николы и не побачутся! Бильшъ всёго ій було жалько, що вона не зоставыла пры соби Гапуню. А якъ тая іи просыла, якъ плакала, якъ ховалася! Поскилько тоди Парасци здавалося, що не можна дивчыну у себе зоставыты, постилько теперь ій було ясно, що Гапуню зовсимъ легко було зоставыты вдома; треба було тилько попросыты сына та невистку взяты іи за няньку до своихъ малыхъ, чы наняты на тютюнъ, и вона бъ имъ выплатыла той хлибъ, шо зйила-бъ за зиму. Стара Параска все себе пытала: „ну, чому я не зоставыла справди дивчыну“?—и не знала чому: чы того що сына боялася, чы того, що думала—Лысавета ни за що не покыне такои, якъ Гапуня, дивчыны; тилько теперь вона часто сусидкамъ казала: „бильшъ всёго мени дивчыны жалько: такъ вона не хотила иты!...“

Що-дня Параска заглядала у хату своеи дочкы, и кожный день іи серце болило, бачучы тую пустку: нихто не находытся, щобъ іи наняты, бо багато переселыци покыдалы хатъ, а населыты ихъ зновъ ще не вспилы,—отъ и стоялы порожни.

Писля выхода переселыцивъ, стало на сели трохы пустійше и просторійше, тилько не для бидныхъ людей, у которыхъ було по-багато дитей: воны, якъ и ранійше, тиснылыся въ своихъ старыхъ хатахъ, новыхъ не купувалы (грошей не выстарчало) и все тилько думалы, щобъ пиднятысь и соби на Томську.

Парасчынъ сынъ, що бувъ назначеный опикуномъ сестрыныхъ дитей, бачучы, що хата доходу не дае, ришывъ іи спродаты зъ городомъ. Такъ и зробывъ, а грошы, що взявъ, потратывъ на свое хазяйствечко. Старои Параскы, розуміется, не пыталысь, та вона-бъ ничого не сказала, бо думала, що вже іи дочка и внучкы николы не вернутся,—такъ нехай хочъ сыновымъ дитямъ буде.

Насылу-насылу Параска диждала лыста одъ зятя. Винъ пысавъ, що все „благополушно“, що вже воны поставылы соби „збу“ и купылы пару коней, що вси здорови и кланяются.

Здается, треба бъ було радиты, а стара Параска заплакала гирко и ни слову не повирыла въ цимъ лысту, бо казала вона: „чуе мое серце, що то за „зба“: то яка-небидь катрага та и вже! Пара коней? Нема у ихъ тыхъ коней? Пышуть такъ абы тилько, що добре... Охъ—хо—хо, жаль мени дивчыны, чому я іи тутъ не зоставыла?... Я и не жалію, що Лысавета за Гната выйшла: винъ чоловикъ смырный, тыхый, та якъ бы жъ то винъ тутъ!

Сусидкы слухалы Параску и казалы: „такъ, такъ“.

Скоро прыйшла звистка, що сынъ однієи старои жинкы, що и сама зъ охотою пишла на Томську, и сына зъ невисткою потягла за собою, ума тронувся, покы дійшлы у ту сторону, а вона сама онимила зъ переляку та нудьгы.

Одъ того разу новыны все прыбувалы, якъ вода на весни, и стара Параска, сыдячы въ недилю коло церквы, багато наслухалась страшного, черезъ що вона плакала ще бильше. Казалы, що Мартынъ набрехавъ, колы пысавъ, що въ Томськії добре: винъ тилько хотивъ пидманыты свого брата, щобъ прыйшовъ, бо самому було трудно бидуваты, то нехай и другый спробуе! Казалы, хтось вернувся и розсказувавъ, якый тамъ хлибъ: чорный, якъ земля, гиркый, якъ полынь, що тилько першый годъ родыть, а на другый, третій—ничого нема, ни снопа, а щобъ ораты, треба лисъ выкорчуваты, а це степовымъ людямъ не можна робыты; що и лисъ такый поганый—рубленои хаты не поставышъ; треба-жъ жыты въ землянци пидъ хворостяною стрихою; що холодно такъ на весни (икъ святій недили), що въ колодязяхъ стаѐ лидъ, а земля така мерзла, що не вкопаешъ заступомъ, такъ що колы де-яки пересельци тамъ померлы, треба було имъ сокырою могылу вырубаты; що писля, одразу якъ пиде снигъ, по колина вода стане, и мошкари налетыть стилько, що не можна робыты въ день, тилько въ ночи, а то зайидае; що селъ нема (по дви, тры семьи переселъцивъ ростуть у лиску), церквы нема, лавокъ нема

нема де купыты ни соли, ни сирнычкивъ, ни гасу, ни горилкы, хиба за сорокъ верстовъ йихаты; нема де заробыты, бо нема ни панивъ, ни жыдивъ; що по селахъ „киргизы" жывуть и земли не дають, а якъ и дадуть за велыку цину, то дывлятся, якъ звири, и якъ-що не по ихъ—заразъ готови заризаты чоловика; що скризь по дорози бродять розбійныкы, злодіи и каторжни, що готови зъ-за кутка задушыты; що пересельци, бильшъ диты, часто боліють: губы пухнуть и йисты не можна...

Одъ такыхъ балачокъ Парасчыне серце розрывалось, и надумалась вона напысаты дочци черезъ жыда, щобъ хочъ дивчыну вона назадъ прыслала изъ людцямы, що верталысь до-дому.

Тилько трудно було-бъ Лысавети самій безъ Гапуни справлятысь на чужій сторони. Якъ тилько побачыла Лысавета, що „не такъ воно склалось, якъ бажалось", то и рукы ій опустылысь и почала вона голосыты та проклынаты свою лыху долю, що іи туды занесла; по цилыхъ дняхъ простоювала вона, дывлячысь на маленькый лисочокъ, що торчавъ передъ іи очыма замисть зеленого степу, стояла и тужыла: „ой, мои ниженькы! скилько вы попоходылы, скилько вы намерзлыся". Вона скризь була така, що тилько що не по ій, заразъ плаче и кляне; що скажы,—заразъ образытся, ничого не хоче робыты, а сяде и тужыть: зъ малечку іи маты, якъ едыну дочку, балувала, покы замижъ не отдала, та и чоловикъ по іи робывъ, и вдовою і й жылося легко, а тутъ на́-тоби! Вона не могла помырытысь изъ тымъ, що жылы въ темній землянци безъ виконъ; инщый разъ, було, вона зъ серцемъ колупала земляни стины и прыказувала: „розступыся, сыра земле, розступысь могыло"! Дитей вона разъ-у-разъ была безъ розуму, абы душу одвесты; сама не вмывалась, не чесалась, ничого не робыла (вона любыла робыты на людяхъ, а тутъ ни людей, ни вулыци, ни лавкы, ни ярмарку, ни церквы, хочъ пропады: не знаешъ—колы будень, колы празнычокъ), тилько якъ Гнатъ вже дуже розсердытся и крычыть, то вона за що-небудь визьмется та робыть такъ нескоро, безъ охоткы, що ажъ нудно на неи дывытысь.

Гапуня одна трохы давала помогы батькў, бо, побачывшы, що маты такъ сумують и зъ ихъ ніякого дила нема, сказала: „хто-жъ буде варыты, хто-жъ буде робыты?"—та й стала варыты такъ-сякъ юшку то въ крупивъ, то зъ кропывы, збирала хворостъ, грыбы и тишыла дитей, колы воны почыналы дуже тужыты, що голодни. Багато було роботы Гапуни: кримъ дитей, вона часомъ и матирь годувала, бо тая, якъ заголосыть: „на що ты мене, матинко моя, породыла, якъ мени оттутъ пропасты!",—то не хоче ни йисты, ни пыты, ничого не бачыть и не чуе. Тоди Гапуня якъ визьме іи просыты: „мамочко, та ій-Бо, мамочко, та годи вамъ! Мамочко, аже жъ дитямъ треба даты, а другои ложкы-мыскы немае; йижте-жъ бо швыдче, мамочко, а то якъ батько побачать, то буде вамъ лыхо". Лысавета послухае, почне, не дывлячысь, у горшку ложкою бовтаты та тежъ не дывлячысь до рота несты, а дали кыне росплачется, обниме Гапуню и скаже: „золотая ты моя голowонька! Добре я зробыла, що тебе баби не оддала."—Трохы писля цёго пидчынытся Лысавета, почына робыты, а дали ще дужче засумуе, що жывуть воны, якъ въ острози

Самъ Гнатъ багато робывъ: винъ то тынокъ заплитавъ кругомъ свого горо̆ду, то хворостъ на хату рубавъ (доброго дерева на рублену не найшовъ), то глыну копавъ, то де-що справлявъ по хозяйству. Трудно ёму було тутъ справлятысь: и дерево негодяще, и земля—солонци, и диты крыклыви, и жинка вередлыва,—все було проты ёго, и згадувавъ винъ свою Ходолю и думавъ, що зъ нею було-бъ куды способнійше, и зробывся винъ лыхымъ, все крычавъ: „убью"! Одну Гапуню винъ жалувавъ, не крычавъ на неи, а вона, було, все до нёго бигала: „тату, а тату, зъ цихъ ягидъ можна кисиль зварыты? А, дывиться, скилько я гилля натягала! А, бачыте, яки грыбы? Тату, а тату, а якъ же тепереньки: у насъ силь выйшла, що тепереньки? Хиба побигты до дядька Васыля позычыты (Васыль Рябый не дуже далеко одъ ихъ поселывся). Тату, а Марушка та Максымка найшлы якесь кориннячко, що ёго йисты можна: дуже солодке. Хочете спробувать? ось".

Якось Гнатъ спытався іи: „а що, Гапуню, хочешъ до бабы?
— Якъ?—вылупыла на нёго свои маленьки очи Гапуня.
— Такъ!—Ось и лыстъ одибравъ, якъ у волость ходывъ. Пыше, щобъ тебе прыслаты зъ кымъ-небудь, хто видсиль буде иты,—то я знайду кого-сь".

У Гапуни ажъ очи заблыщалы, а дали вона подумала, подумала и сказала:

— Ни, я не пиду.

— Чому?

— Що жъ зъ васъ тутъ буде безъ мене?

— Эге, зъ насъ!—усмихнувся Гнатъ, мы вже якось-то будемъ!

Гапуня заплакала.

— Чого ты, чого?—пытався Гнатъ.

Довго вона казала „такъ, такъ, такъ",—а писля—„якъ тамъ весело у насъ: ягоды вже, мабудь, есть и огирочкы маленьки вже позавьязувалысь...

Гнатъ самъ трохы не заплакавъ и сказавъ:

— Не журысь! Ось я тебе одправлю скоро до бабы.

— Ни, ни, тату, я не хочу до бабы, ій Богу, не хочу! не пиду, не пиду! А диты жъ якъ?—добавыла зъ переляком, наче вона ихъ маты.

— Дарма! у бабы краще,—умовлявъ Гнатъ.

— Ой не кажить такъ, бо, ій-Богу, розсержусь!

Гнатъ замовкъ, провивъ рукою по очахъ, а писля по чорненькій головци Гапуни. Гапуня побигла до матери, тильки ничого не сказала ій про усе; Гнатъ тежъ не хвалывся про лыстъ, що заполучывъ одъ тещи.

Гнатъ думавъ такъ-сякъ перебытысь черезъ лито, щобъ побачыты, якый выйде ячминь, що винъ такы успивъ посіяты; тильки зъ Лысаветою ніякъ не можна було, бо вона, бачывшы, якъ тамъ холодно на весни, не соглашалась зоставатысь на осинь и зиму и въ одну душу голосыла: „хочъ бый мене, хочъ рижъ мене, а я тутъ не зостанусь! Хочъ бы вмерты! на що ты мене сюды завивъ? Мабудь повишусь у тому лиси на березі, бо все йидно

не выйдемо видсиль жывымы". Ну, та це дарма, що Лысавета балакала, а ось диты почалы слабуваты: одъ комаривъ, чы що, покыдавъ у ихъ по тилу сыпъ, а меньшенькый хлопець умеръ; простудывся, чы Богъ ёго знае, лежавъ тры дни червоный, якъ малына, и гарячый, и все бчкы заплющувавъ, наче ёму трудно було дывытысь, а на четвертый день схопывъ батька, що нахылывся надъ нымъ, за чорну здорову пучку своимы спотилымы тоненькымы пучечкамы и не пустывъ ёго, покы не заснувъ, та не заснувъ на викы, не похоловъ... Самъ батько поховавъ ёго безъ молытвы, безъ помынокъ и подумавъ: „ну, що якъ другый тутъ пропаде?!... ни, треба вертатысь!" До того ще пидъ кинець и йисты ничого було; свое перейилы, нового не було, гроши то сюды, то туды перевелысь: на дорогу, на коней зъ возомъ, що кыргызы ёму навьязалы; вже почалы зновъ выкопувать зъ земли тую картоплю що на весни трохы посадылы. Ось Гнатъ и ришывся иты до дому, хочъ, якъ бы винъ бувъ самъ, безъ дитей, безъ прычынноі Лысаветы, що ще була ваготна, то й пережывъ бы якъ-небудь въ землянци, а дали поставывъ бы хату и... Ну, ничого робыты! Продавъ коней, пооддававъ де-що пересельцямъ, що ще зоставалыся тамъ, передавъ имъ свій ячминь, що зеленивъ добре, и ришывся тикаты, покы тепло, а лито було и въ Томській таке гаряче, що ажъ Лысавета на жару жалилася.

Колы Гнатъ вертався до-дому, хлибъ вже бувъ знятый, мисцямы и звезеный, такъ що на поли тилько де-не-де стоялы копы, якъ золоти хаткы. Степъ вже почавъ и чорниты, наче убраный довгымы и узькымы шматкамы поризаного плису, бо багато людей вспишылось поораты, а зоставлена стерня яснила, якъ коротеньке биленьке волосся на хлопьячій голови. День бувъ ясный, хочъ сонечко и не хотило вже гориты и свитыты, якъ ранійше. Пахло землею, та сытый духъ жыта обступавъ кругомъ. Хмары булы куды бильши, нижъ весняни, и били складалысь зъ сирымы, робылысь чорни и рослы; та по одынъ бикъ сонце ще блыщало, а по другый въ рижныхъ мисцяхъ смугы дощу зводылы небо зъ землею; здавалось, що хтось точывъ сирый

макъ кризь диряве решето. Дорога жъ не була сыра, курява вставала цилымы стовпамы та кущамы, бо сыльный витеръ розганявъ хмару, зрывавъ хустку зъ головы у Лысаветы та Гапуни, хотивъ поскыдаты дитей зъ воза, якъ комахъ, а коняци (що наняли у городи) все закрывавъ очы грывою, и замитавъ такъ дорогу, що трудно було що-небидь розглядиты передъ собою; одначе Гнатъ здалека пизнавъ свое село и сказавъ:

— Ось и зновъ побачылы!

Лысавета, якій було важко тягтысь такъ далеко, перехрестылась.

— Слава тоби, Господы!

Диты заверещалы, запыщалы на вси голосы и заскакалы, якъ клубочкы, на вози,—мало не скотылылыся вси до-долу. Гапуня сплеснула рукамы, плыгнула и побигла швыдче конякы впередъ такъ, що скоро счезла зъ очей.

Гнатъ и жинка ёго булы теперъ похожи на тіи вербы, що на степу пры дорози вырослы, що витеръ, якъ не зовсимъ зламае, та повыкручуе такъ, що воны ни на що не похожи, наче ихъ хто заставлявъ проты воли танцюваты, ажъ покы головъ не позверталы соби; диткы жъ ихъ булы похожи на сухее лыстячко скручене, маленьке, що буря жене и не дае оддыхаты; воны булы блиди и наче пыломъ прысыпани, зъ шырокымы, голоднымы очыцямы.

Гнатъ згадавъ, якъ воны йшлы на Томську гуртомъ, цилою смугою, а теперъ винъ вертався одынъ зъ однымъ тилько хлопцемъ и, хоча було ёму и тоди не весело, та теперъ же було ще смутнійше: не подержавъ винъ колосся зъ свого жыта, не молотывъ свого хлиба, не пробувавъ ёго та вже й не спробуе... „Треба зъ хлопця майстра робыты!“

Ото вже зрадила стара Параска, колы зновъ побачыла свою дочку.

— Та якъ-же ты змарнила!—сплеснула вона рукамы.

Лысавета розсказала матери уси свои мукы, розсказала, якъ перша жинка зъ ихъ стороны, що воны зайшлы до неи въ

землянку у Томській, сказала: „Охъ, сестрычкы жъ мои, чого жъ вы сюды попрыходылы? Я ось другый годъ борщу не куштувала: все надъ сухымъ хлибомъ!"

Прыйшлы-жъ до дому, и вдома не було ни що йисты, ни де жыты, бо той чоловикъ, що купывъ Лысаветыну хату, не хотивъ іи пускаты, бо казавъ винъ:

— Якъ такъ купуваты, що треба знову отдаваты, то я не хочу, бо не забирае жъ чоловикъ корову назадъ, якъ продасть у ярманку.

У Гната не було грошей, щобъ одкупыты хату,—треба було ще тягатысь зъ опекуномъ, що продавъ, а покы що поселывся винъ знову въ чужій и ставъ тамъ зъ Лысаветою жыты, ставъ знову по людяхъ робыты; та жылы воны биднійше, хочъ дитей знову було восьмеро (одно въ Томській вмерло, а друге—найшлося, якъ прыйшлы до дому), та диты мали: помочи не давалы.

Колы Гната теперъ пыталы про Томську, винъ тилько рукою махавъ и казавъ:

— Було-бъ краще не ходыты! Думавъ, що все обдумавъ, а выйшло не такъ!

Винъ теперъ ище меньшъ ставъ балакать, нижъ перше, а до Лысаветы и зовсимъ переставъ говорыты, все черезъ Гапуню ій прыказувавъ: „нехай маты те зробыть, нехай друге прынесе", бо спротывылась вона ёму писля Томськои.

Лысавета жъ знову стала весела, якъ перше була, и багато розсказувала про Томську матери та сусидкамъ, що все дывовалысь: „ну, скилько-жъ цяя Лысавета перетерпила—то страхъ!" Ій же ажъ весело було розсказуваты про свое нещастя та недолю, бо цее все мынулося (а бабы слухалы такъ ловко), весело казаты, що „въ Томській николы лита та тепла не бувае, а все лидъ та лидъ! Николы сонце не лягае, а все день та день!"

Маты якъ ни зрадила Лысаветы, та все докоряла: „я жъ тоби казала, донько, я жъ тоби говорыла, що такъ воно й буде. Ага, не послухалась, пишла! Ага! Старыхъ людей треба слухаты, а зять то мій думавъ, що винъ одынъ розумный е!"

Гапуня одійшла дома—стала веселійша, не така заклопотана; почала вона дитямъ нови казкы плесты про вовкивъ, „людей-сопляживъ“, про машыну-змія зъ червоными очыма. Диты сыдилы та слухалы, наче прычаровани, и дывылысь на Гапуню, якъ на саму мудру людыну въ свити. Скоро іи въ тютюнъ почалы посылаты гроши заробляты, и вона стала така горда, що й не пидступайсь; усе каже: отъ ще днивъ тры—таке здорове пасыння поросте, зовсимъ сылу стягне!“—або: „пора вже й тютюнъ обризуваты! що той дурень табашныкъ соби думае, я и не знаю!“. Черезъ годъ оддавъ Лысаветынъ братъ Гнату гроши. Гнатъ купывъ латку гороху, почавъ строитысь и взявъ земли десятыну въ оренду, и посіявъ соби хлибъ.

Де жъ други пересельци, що разомъ зъ Гнатомъ йшлы?

Одни прыйшлы назадъ ранійше, други — пизнійше. Максымъ Билый вернувся до-дому и заразъ подався на заводъ, жинку зъ дитьмы зоставывъ у батька зъ братомъ, и тамъ вси, одъ велыка до мала, іи лаялы, буцимъ-то вона була вынована, що на Томській погано жыты. Ермола не вернувся, бо зъ грошыма всюды добре, и попавъ винъ якось ловко добрый надилъ, то й оброблявъ ёго добре. Васыль Рудый вернувся и завирявъ всихъ, що не въ Томську треба було подаватысь, а на Херсонщыну, и що винъ непреминно на той годъ пиде туды. Васыль Рябый та Васыль Куцый зосталысь въ Томській, бо не було зъ чымъ вызволытысь, ни зъ чымъ було назадъ вернутысь, а то бъ воны давно утиклы видтиль. Мартынъ Цяпоръ, злодій, тежъ зостався, бо дила ёго пидчынылысь: винъ и тамъ почавъ тую „прахтику“, що у себе дома, и ничого—покы не зловылы кыргызы, або пересельци,—жылось ёму добре. Братъ-же ёго вернувся и такъ клявъ Мартына за те, що ёго звавъ, що ажъ страшно робылося. Инши повертались зовсимъ голи, и такъ, якъ хатъ у ихъ не було, то прыйшлося иты въ мандры, або по людяхъ жыты, хто прыйме, та робыты за кусокъ хлиба.

Такъ, ходакы не набрехалы, а старыхъ людей та бабъ тра було слухаты, бо, мовляла Параска: „все, що хто ёго знае де и що таке, все—погане, а хочъ и добре, то не для насъ“.

Грыцько Грыгоренко.

Нѣсколько словъ о южно-русскомъ искусствѣ и о задачахъ его изслѣдованія.

Въ то время, какъ неоднократно приходится слышать и читать о малорусской поэмѣ, малорусской драмѣ, музыкѣ, лирикѣ,—на малорусскую пластику наброшенъ какой-то таинственный покровъ. Правда, изрѣдка, урывками говорится объ отдѣльныхъ предметахъ: то о красивомъ старинномъ зданіи, то о своеобразномъ портретѣ или рѣдкой иконѣ, то о чудесной вышивкѣ шелкомъ или серебромъ, случайно найденной среди стародавняго хлама какой-нибудь разрушающейся часовенки; но о малорусской архитектурѣ, о малорусской пластикѣ, живописи, какъ о чемъ-то вполнѣ самостоятельномъ, значительномъ и цѣнномъ, не говорится ничего.

И благодаря этому непонятному замалчиванію одной изъ интереснѣйшихъ чертъ малорусской культуры, сплошь и рядомъ съ горечью приходится наблюдать, какъ безпощадная рука времени, а еще чаще современныхъ вандаловъ въ лицѣ реставраторовъ, ревнителей—меценатовъ, порою даже „знатоковъ"—годъ за годомъ уничтожаетъ и безъ того уже немногочисленные остатки искусства XVI—XVII вѣковъ—эпохи, которая по справедливости можетъ быть названа Эпохой Возрожденія Южной Руси.

И стройная, гибкая линія церковныхъ куполовъ, такъ смѣло уходящая въ прозрачное синее небо, все чаще и чаще

сворачивается въ неуклюжую луковицу современнаго псевдо-византійскаго стиля; старинныя узорчатыя ризы, цвѣтистыя, какъ породившій ихъ вѣкъ, пережигаются для добыванія крупинокъ золота и серебра; старинныя фрески сбиваются, какъ „безграмотная мазня“, чтобы уступить мѣсто патентованнымъ копіямъ съ иллюстрированныхъ журналовъ; величавыя статуи прячутся по чердакамъ, дѣлаясь добычей мусора и пыли, или, какъ позорный остатокъ неблагочестія, заслоняются первой попавшейся мазнею маляра.

И то, что должно бы вызвать справедливый гнѣвъ не одинокаго любителя, а цѣлаго общества, гордаго своимъ геніемъ,— проходитъ незамѣченнымъ, становясь зауряднымъ, сѣренькимъ явленіемъ, не привлекающимъ даже празднаго любопытства.

А между тѣмъ достаточно даже поверхностнаго взгляда на географическое и историческое положеніе южно-русскаго края, чтобъ предугадать, сколько своеобразнаго и интереснаго должна въ себѣ таить страна, нѣсколько столѣтій служившая ареной борьбы самыхъ противоположныхъ міровоззрѣній и связанныхъ съ ними пластическихъ формъ.

Съ одной стороны—замкнутая, строгая Москва, вся проникнутая аскетическими идеалами древняго, византійскаго Востока,—вся ея духовная жизнь сосредоточилась на вѣрѣ или, правильнѣе сказать, на формахъ ея; съ другой—бурный, тревожный Западъ, со всей утонченностью высоко развитой культуры, съ дивными образцами искусства и смѣлой, пронизывающей и анализирующей мыслью, Западъ чувственный, манящій, сверкающій.

На долю Южной Руси выпала роль соединительнаго звена между этимъ европейскимъ блескомъ и однотонною Москвой. И оба эти чуждые, даже враждебные другъ другу лагеря, именно въ силу своихъ рѣзко подчеркнутыхъ особенностей, не могли не передать ей нѣкоторыхъ изъ свойственныхъ имъ чертъ; это тѣмъ болѣе естественно, что, если Западъ чаровалъ Южную Русь своей иноземной прелестью, то съ Москвою связывала единая греческая вѣра, все-же въ концѣ концовъ перетянувшая чашу вѣсовъ.

Но сильный народъ, какимъ былъ народъ южно-русскій, выросшій и окрѣпшій въ непрестанной борьбѣ, не могъ совсѣмъ ужъ рабски воспринимать чужіе образцы; внѣшнія заимствованныя формы онъ долженъ былъ оживить своимъ собственнымъ національнымъ духомъ, и весь вопросъ лишь въ томъ, чтобъ съумѣть его уловить.

Какъ я уже сказалъ, черезчуръ мало еще сдѣлано, чтобъ можно было съ полнымъ основаніемъ опредѣлить характерныя черты малорусскаго стиля. Въ *архитектурѣ*, напр., это несомнѣнно должно послужить одной изъ основныхъ задачъ будущаго изслѣдователя; пока-же можно лишь провести кое-какія аналогіи, не лишенныя, быть можетъ, значенія, какъ указаніе на части тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ малорусскій стиль слагался, но все-же далеко не разрѣшающія вопроса вполнѣ.

Между прочимъ я позволю себѣ отмѣтить нѣкоторое сходство южно-русскихъ церквей XVII и даже начала XVIII вѣка съ постройками нѣмецкаго Возрожденія. Какъ примѣръ, приведу университетъ, бывшій коллегіумъ, въ Гельмштедтѣ (начало XVII в.), древнюю гравюру съ котораго можно видѣть въ типографіи Меріяни, [1]) и замокъ Лейтцкау въ Альтморкѣ (1566—1595), гдѣ мы можемъ видѣть высокіе, четырехгранные, увѣнчанные башенкой куполы, по изгибу линій нѣсколько напоминающіе каску и составляющіе столь характерную особенность нашихъ мѣстныхъ церквей; нарисованная-же еще Т. Г. Шевченкомъ „Богданова церква у Субботови", своимъ узорчатымъ фронтономъ, покоющимся на нѣсколько грузномъ корпусѣ, невольно просится на сравненіе съ другимъ нѣмецкимъ зданіемъ XVII вѣка—ратушей г. Мюндена, построенной архитекторами Фридрихомъ Вейтманомъ и Георгомъ Гроссманомъ. Многочисленныя орнаментаціи, украшающія эти церкви, носятъ ужъ болѣе опредѣленно-самобытный характеръ. Хотя въ нихъ и можно угадать вліяніе тѣхъ или иныхъ западныхъ школъ, но вліяніе это отнюдь

---

[1]) Снимокъ съ этой гравюры воспроизведенъ въ «Denkmaeler deutscher Renaissance», стр 45.

не лишаетъ ихъ своеобразной красоты, присущей имъ, какъ и образцамъ *гравировальнаго* искусства той-же эпохи, съ которыми ихъ связь несомнѣнна. Кто внимательно просматривалъ южно-русскія изданія конца XVII и даже половины XVIII столѣтія, тотъ навѣрно замѣтитъ крайнее разнообразіе, какъ въ способахъ трактовки сюжетовъ, заставокъ, заглавныхъ буквъ, такъ и въ самомъ мастерствѣ исполненія. Наряду съ виньетками, точно скопированными съ картинъ итальянскихъ мастеровъ,—какого-нибудь Тинтбратто, попадаются образчики другого, болѣе простого, наивнаго стиля, стремящагося, порою и неумѣло, передать свое, родное—мѣстные типы, мѣстную обстановку. Укажу для примѣра на иллюстраціи Печерскаго Патерика той эпохи: нѣкоторые пейзажи въ немъ—виды Днѣпра, а дѣйствующія лица сплошь и рядомъ одѣты въ богатые парчевые кафтаны съ широкими откидными рукавами знатныхъ пановъ. Заставки и буквы также даютъ богатый матерьялъ для изученія. Вліяніе Запада въ нихъ также несомнѣнно, но вмѣстѣ съ тѣмъ вы чувствуете, что Западъ давалъ въ этомъ дѣлѣ лишь образцы, по которымъ учились творить самостоятельно. Эти переплетенныя виноградныя листья и сложныя завитушки чужды волшебной легкости итальянскихъ арабесокъ; въ нихъ есть какая-то скрытая твердость, порою даже грубость, но, по моему, такими и должны быть работы современниковъ Хмеля и Петра Могилы. Другимъ, несомнѣннымъ уже, отраженіемъ западныхъ вкусовъ нужно считать присутствіе въ нѣкоторыхъ церквахъ *статуй*, то въ видѣ надгробныхъ памятниковъ, въ родѣ Константина Острожскаго Великой Лаврской церкви, то въ родѣ простыхъ архитектурныхъ украшеній—каріатидъ, амуровъ; послѣдніе большей частью изъ дерева.

Въ этомъ случаѣ скульптура входитъ въ тѣсное соприкосновеніе съ *рѣзьбой* и *литьемъ*.

Снова тутъ является необходимость отдѣлить чисто занесенныя черты отъ чертъ національныхъ—работа, которая, думается мнѣ, должна дать много въ высшей степени интересныхъ и цѣнныхъ сопоставленій.

Конечно, при изученіи этихъ произведеній малорусскаго искусства, не слѣдуетъ упускать изъ виду и попутнаго изслѣдованія образчиковъ производства *ткацкаго*, а также разнообразныхъ узоровъ и рисунковъ то шелкомъ, то серебромъ на полотенцахъ, воздухахъ и т. п. предметахъ домашней и церковной утвари.

Такъ какъ, по самому своему характеру, эти работы зачастую являются произведеніями не мастеровъ-спеціалистовъ, а самыхъ разнообразныхъ представителей тогдашняго общества—отъ простого крестьянина до именитой панны, движимой ревностью къ вѣрѣ или связанной обѣтомъ,—то онѣ, эти работы, въ большинствѣ случаевъ характеризуются особенно яркимъ отпечаткомъ мѣстныхъ особенностей или чисто индивидуальнаго творчества. Поэтому, въ нихъ и должно, мнѣ кажется, главнымъ образомъ искать излюбленныхъ мотивовъ южно-русскаго орнамента, мотивовъ наиболѣе интимныхъ, а потому и наиболѣе типичныхъ.

О *живописи* я нарочно рѣшилъ заговорить въ концѣ, такъ какъ изъ всѣхъ пластическихъ искусствъ она несомнѣнно доставитъ наибольшее количество матеріала для изслѣдователя какъ художественной, такъ и чисто бытовой стороны жизни южно-русскаго народа.

Нѣсколько словъ Павла Алеппскаго, сказанныхъ по поводу видѣнныхъ имъ образцовъ, довольно мѣтко опредѣляютъ характерную ея особенность: „Въ этомъ городѣ (Кіевѣ), говоритъ онъ, среди козацкихъ живописцевъ есть много искусныхъ мастеровъ, которые обладаютъ большою изобрѣтательностью ума въ изображеніи людей, какъ они есть...“ [1]) Упоминанье о существованіи еще обычая писать портреты со всѣхъ пріѣзжающихъ патріарховъ, равно какъ и сохранившіяся до послѣдняго времени сравнительно многочисленныя изображенія нѣкоторыхъ знатныхъ и чѣмъ-либо замѣчательныхъ особъ, свидѣтельствуютъ о томъ,

---

[1]) Путешествіе Патріарха Макарія, опис. Павломъ Алеппскимъ Вып. II, стр. 76.

что „портретъ“ являлся однимъ изъ излюбленныхъ мотивовъ „козацкихъ“ художниковъ XVII вѣка.

Дѣйствительно, портретъ проникаетъ даже въ церковь. Какъ примѣръ, приведу хотя-бы прекрасные, уничтоженные нынѣ, портреты русскихъ царей и князей, украшавшихъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ стѣны Великой Лаврской церкви, портретъ Дмитрія Ростовскаго въ библіотекѣ той же лавры, большое характерное изображеніе строителя церкви и трапезы Выдубицкаго монастыря—Михайла Миклашевскаго и совсѣмъ почти неизвѣстный портретъ Иннокентія Монастырскаго (1684—1692) на стѣнѣ праваго придѣла Кирилловской церкви.

Оставляя въ сторонѣ чисто техническую сторону вопроса, я укажу лишь на нѣкоторыя внѣшнія черты, характеризующія эти произведенія и придающія имъ, помимо искусства, чисто историко-археологическую цѣнность.

Я говорю о массѣ деталей—покроѣ платья, утвари, узорахъ парчи и др. мелочахъ, существующихъ на портретахъ въ видѣ придатковъ, но, какъ матеріалъ, получающихъ вполнѣ самостоятельное значеніе; къ числу ихъ нужно прибавить и гербы изображенныхъ лицъ съ начальными буквами титуловъ или званія. Но помимо портретовъ, южно-русская живопись характеризуется въ высшей степени интересными образцами иконографическаго искусства, представляющими въ большинствѣ случаевъ удивительную смѣсь византійскихъ, западныхъ и чисто мѣстныхъ чертъ. Любовь къ портретности и тутъ сказалась во всей силѣ: сплошь и рядомъ святыя мученицы принимали видъ женъ или сестеръ заказчиковъ, или же эти послѣднія, какъ на Западѣ, изображались предстоящими или молящимися Предвѣчной Дѣвѣ въ облакахъ. Самые лики Спасителя и Божьей Матери тоже, вслѣдствіе значительныхъ уклоненій отъ византійскаго прототипа, заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны любителя древняго искусства.

Трудно, да и врядъ ли нужно, подробнѣе останавливаться на всѣхъ вопросахъ, могущихъ возникнуть при изученіи малорусскаго искуства XVI, XVII и начала XVIII вѣка. Набрасывая

этотъ бѣглый очеркъ, я имѣлъ лишь въ виду указать на дѣйствительно въ высшей степени странное обстоятельство: въ то время какъ доисторическій и княжескій періоды нашего края разработаны чуть ли не до мелочей, эпоха, о которой я говорю—этотъ богатый и пышный расцвѣтъ южно-русской культуры, какъ въ области мысли, такъ и въ области искусства, почти не находитъ себѣ изслѣдователя, а уцѣлѣвшіе остатки старины—заботливой руки, охраняющей ихъ отъ разрушенія. Возбудить къ нимъ интересъ, котораго они, на мой взглядъ, вполнѣ заслуживаютъ—вотъ задача настоящаго очерка.

Е. М. Кузьминъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Кому въ дѣйствительности принадлежитъ проектъ объ уничтоженіи сословности духовенства въ юго-западномъ краѣ?

Въ майской книжкѣ «Странника» за текущій годъ г. Марковъ познакомилъ публику съ проектомъ бывшаго генералъ-губернатора юго-западнаго края А. П. Безака объ уничтоженіи сословности духовенства въ нашемъ краѣ. Фактъ проведенія генералъ-губернаторомъ А. П. Безакомъ этого проекта черезъ законодательныя инстанціи извѣстенъ, конечно, давно, но кто былъ дѣйствительный авторъ его, остается еще въ печати нераскрытымъ. Благодаря тому, что въ упомянутой выше статьѣ г. Маркова приведенъ текстъ проекта, можно теперь не ошибаясь сказать, что составителемъ его былъ покойный каѳедральный протоіерей Кіево-Софійскаго собора П. Г. Лебединцевъ. Первымъ доказательствомъ тому служитъ черновая записка, найденная въ бумагахъ П. Г. Лебединцева и сообщенная намъ родственникомъ его о. Іоанномъ Гордіевскимъ. Свѣривъ эту записку съ напечатаннымъ въ «Страникѣ» текстомъ проекта, не трудно видѣть, что проектъ есть дословное воспроизведеніе сохранившейся записки. Кромѣ того, изъ нѣсколькихъ писемъ Д. Г. Лебединцева къ брату своему, Петру Гавриловичу, несомнѣнность ближайшаго участія послѣдняго въ составленіи этого проекта становится очевидною, и конечно, черезъ генералъ-губернатора Безака проведена была по всѣмъ высшимъ инстанціамъ записка составленная П. Г. Лебединцевымъ.

По этому вопросу мы находимъ въ письмахъ Д. Г. Лебединцева къ брату слѣдующія мѣста.

1) Въ письмѣ отъ 10 февр. 1868 г.

«Спѣшу сообщить тебѣ о ходѣ дѣла по запискѣ Безака объ уничтоженіи сословности духовенства въ юго-западномъ краѣ. Въ Синодѣ, какъ тебѣ извѣстно, дѣло о гражданскихъ правахъ православнаго духовенства уже производилось, а именно—въ комитетѣ объ улучшеніи быта духовенства. Комитетъ этотъ требовалъ денегъ для улучшенія быта духовенства, но какъ таковыхъ въ государственномъ казначействѣ не очень густо, то комитетъ и притихъ. Записка Безака побудила Синодъ заняться безотлагательно обсужденіемъ вопроса о гражданскихъ правахъ духовенства; но вопросъ желаютъ теперь рѣшить не для одного юго-западнаго края, а для всей Россіи.

2) Когда дѣло это приняло благопріятный оборотъ, Даніилъ Гавриловичъ писалъ брату:

«Безаку и кому-то другому большое спосибо скажетъ вся Россія, что не дали заснуть этому дѣлу. Въ Синодѣ немного недовольны, что предвосхитили у нихъ честь почина, а я думаю, что безъ записки Безака они едва-ли бы что сдѣлали, такъ-какъ изъ всѣхъ архіереевъ только кіевскій митрополитъ да курскій епископъ заявили, и то довольно робко, объ уничтоженіи сословности духовентсва, да еще херсонскій архіерей. Что духовенство наше не было приготовлено къ уничтоженію его сословности, видно изъ того, что въ духовной нашей литературѣ нѣтъ ни одного серьезнаго сочиненія по этому предмету. Такимъ образомъ, въ канцеляріи юрисъ-консульта пришлось писать историко-богословскій трактатъ о началѣ и распространеніи духовной касты и о несогласіи этого учрежденія съ ученіемъ соборовъ греческой церкви и духомъ православія. Можетъ быть, это зависѣло и отъ того, что духовная цензура едва-ли бы пропустила такое сочиненіе».

3) Въ маѣ мѣсяцѣ 1869 года Д. Г. Лебединцевъ писалъ такъ.

«Наконецъ дѣло объ упраздненіи сословности духовенства прошло и въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта. Говорятъ, что оно принято единогласно, и только одинъ изъ членовъ предложилъ вопросъ—не произойдетъ-ли черезъ это недостатка въ кандидатахъ для замѣщенія священо-служительскихъ мѣстъ, но, получивъ успокоительный отвѣтъ, согласился съ прочими. Послѣ этого Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, великій князь Константинъ Николаевичъ, сказалъ, что *это третье 19 февраля*. По окончаніи засѣданія нѣкоторые изъ членовъ подходили къ графу Толстому съ поздравленіемъ. *За симъ поздравляю и я тебя*».

Въ тѣсной связи съ вопросомъ объ уничтоженіи сословности духовенства въ юго-западномъ краѣ находится другое дѣло—объ улучшеніи содержанія духовенства въ этомъ краѣ, дѣло, разрѣшившееся въ благопріятномъ смыслѣ немного раньше перваго дѣла (въ 1867 году) и тоже не миновавшее рукъ П. Г. Лебединцева. Тотъ-же родственникъ Лебединцева, о. Іоаннъ Гордіевскій, сообщаетъ намъ слѣдующее:

«6 ноября 1867 года депутаціею почетнѣйшихъ лицъ мѣстнаго (кіевскаго) духовенства были поднесены иконы и прочитаны благодарственные адресы генералъ-губернатору А. П. Безаку за исходатайствованіе имъ средствъ для улучшенія содержанія духовенства. Изъ представителей духовенства никто не зналъ, что среди нихъ находится то лицо, по запискѣ котораго Безакъ исходатайствовалъ прибавку жалованья духовенству. Этимъ лицомъ былъ П. Г. Лебединцевъ. Записка эта читалась въ комитетѣ министровъ, въ присутствіи Государя-Императора и Безака. Во время чтенія лицо Государя сіяло, а по окончаніи чтенія Государь сказалъ: ты снялъ, Александръ Павловичъ, большой камень съ юго-западнаго края». У меня имѣлась въ рукахъ собственноручная замѣтка Петра Гавриловича Лебединцева, что эта записка составлена имъ. Онъ до смерти Безака (30 декабря 1868 г.) никому не открывалъ этой тайны и только въ іюнѣ 1869 года, какъ видно изъ переписки его, въ первый разъ сказалъ объ этомъ своему старшему брату, Арсенію, а потомъ и другимъ ближайшимъ родственникамъ. Не говорилъ онъ и о томъ, что я случайно узналъ по прочтеніи рукописныхъ его воспоминаній о крестьянскихъ волненіяхъ въ 1855 г., [1]) какъ онъ подалъ записку Безаку объ отмѣнѣ натуральныхъ крестьянами повинностей въ пользу духовенства, положенныхъ 20 іюля 1842 года. 16 января 1867 г. Высочайше повелѣно: повинности эти отмѣнить съ 1 янв. 1868 года и съ того-же времени начать поземельный сборъ въ юго-западномъ краѣ на поддержаніе и возобновленіе церковныхъ домовъ».

Письмо П. А. Кулиша къ М. Грабовскому. Приводимое ниже письмо П. А. Кулиша къ М. Грабовскому относится къ іюню мѣсяцу

---

[1]) См. Кіев. Стар., 1900 г. № 7—8.

1856 года, когда Кулишъ, окончивъ составленіе второго тома «Записокъ о южной Руси» во время пребыванія у себя на хуторѣ, вернулся снова въ Петербургъ, гдѣ и занялся подготовленіемъ къ выходу въ свѣтъ «Чорной рады». Въ качествѣ предисловія къ послѣдней Кулишъ, какъ извѣстно, [1]) приготовилъ статью «О духовномъ соединеніи Южной Руси съ Сѣверной», относительно содержанія которой онъ находился въ сомнѣніи. Раньше чѣмъ отдать ее въ печать, онъ разослалъ ее въ рукописи своимъ знакомымъ (В. В. Тарновскому—отцу, М. Грабовскому), съ просьбой подѣлиться съ нимъ по поводу ея своими мыслями. Каковъ былъ отвѣтъ со стороны В. В. Тарновскаго—мы не знаемъ; что же касается Грабовскаго, то онъ, какъ видимъ изъ приводимаго ниже письма, а также знаемъ изъ прежде опубликованныхъ матеріаловъ, [2]) обстоятельно отвѣтилъ Кулишу, сдѣлавши свои замѣчанія. Далѣе, изъ даннаго же письма мы видимъ, что предисловіе также было послано и Аксаковымъ, въ Москву, которые нашли, что хотя оно написано хорошо, но вызываетъ нѣкоторыя возраженія. Отношенія Кулиша къ Аксаковымъ въ это время были самыя лучшія. «Я можу буты прыстрастный до Аксакова, которого *дуже поважаю и люблю»*,—писалъ онъ въ январѣ 1856 г. В. В. Тарновскому—отцу. [3]) Съ другой стороны, и Аксаковъ (отецъ) просилъ Кулиша прислать ему «Чорную Раду» на русскомъ языкѣ, которую, какъ видимъ изъ письма, Кулишъ собирался лично отвезти Аксаковымъ, въ ихъ деревню, для «Русской Бесѣды», энергичными сотрудниками которой, со времени ея основанія въ 1856 году, явились—сначала Константинъ, а затѣмъ Иванъ Аксаковы. [4])

Весьма любопытна выраженная Кулишемъ въ письмѣ идея о возникновеніи «звесты до-купы тры народы» (великорусскій, малорусскій и польскій).

---

[1]) Кіевск. Стар. 1896, II, 116.

[2]) Кіев. Стар. 1898, IV, 358.

[3]) Кіевск. Стар. 1898, II, 111.

[4]) Переводъ „Чорной Рады" напечатанъ былъ въ „Русской Бесѣдѣ" въ томъ же 1856 году, вмѣстѣ съ упомянутымъ предисловіемъ, или, точнѣе, послѣсловіемъ, въ виду цензурныхъ затрудненій. Это послѣсловіе Кулишъ, какъ видно, нѣсколько передѣлалъ,—вѣроятно на основаніи указаній, сдѣланныхъ ему его пріятелями, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо Кулиша къ В. В. Тарновскому-отцу отъ 24 октября 1856 г.; „не давайте списка (передмовы) никому: въ нему багато сказано не такъ, якъ треба. („Кіев. Стар." 1898, II, 124)

1856, іюня 12. Спб.

Зрадивъ я дуже, побачывшы Вашъ любый мыни лыстъ отъ 19 мая. Спасыби Вамъ за увагы, що робыте объ моій передмови до Чорнои рады. Ще не знаю, чы дозволять выпустыть у свитъ сю историю; а передмову я передавъ у Москву Аксаковымъ, и воны кажуть, що гарно напысано, тилько мають щось мыни навпротывъ сказаты, а що—не знаю, бо то люде непосыдящи, знай бигають по Москви або у ихъ народъ товчется зъ ранку до вечора, то имъ николы и до стола прысисты, добрымъ словомъ изъ прыятелемъ перекынуться. Ось якъ самъ пойиду до ихъ у село, бо вже вырвалысь изъ Москвы на спочывокъ, то тоди й порадымось, що зъ тією передмовою чыныты.

Я и самъ зъ мисяць жывъ оце на дачи, чы то-бъ-то по нашому на хутори, да якъ мыни ніяка ледарь не докучала, то я спорядывъ гарненько другый томъ *Записокъ о Южной Руси* да оце й пославъ у Москву до цензора. Первый артыкулъ: *Сказкы и сказочныкы*; другый: *Разсказъ современника поляка о походахъ противъ гайдамакъ*, съ передмовою и эпилогомъ одъ мене самого, третій: *Универсалъ гетмана Остряницы съ замѣчаніями М. А. Грабовскаго*. (Чы не розгниваетесь?) [1] и съ дополненіямы одъ мене самого; четвертый: *Критическій обзоръ источниковъ для исторіи Южной Руси*, да ще де що. Первый томъ скончытся друкомъ черезъ мисяць. Тоди я, вхопывшы оберемокъ кныжокъ, махну на Вкраину и заразъ, не гаявшы часу, прибуду до Васъ у Александровку и попрывожу Вамъ тацю и кошыкъ изъ того мельхіору и всяку всячыну, которои бажалы (колы-то все познахожу), бо въ насъ Пушкыныхъ такыхъ ляплять, якъ цыганъ, або жыдивъ!

А що пышете, добродію, про *Руську Бесиду*, то повезу самъ до Аксаковыхъ и все те имъ вычытаю. Я й самъ изъ нымы часомъ змагаюсь, да, бачте, въ насъ дуже вже прывернулысь до космополи-

---

[1]) Въ одномъ изъ писемъ къ Юзефовичу (въ янв. 1857 г.) Кулишъ пишетъ: „Бувшы въ Кыиви, чыталы мы зъ паномъ Грабовськымъ универсалъ гетьмана Остряныци и мизкувалы надъ нымъ—винъ польскою и шляхетською, а я южно-руською и козацькою головою. Посли мы спысалы свое мизкування на папиръ и теперъ його цензура, посли довгои волокыты, пропустыла... Панъ Грабовськый мого пысання не знае, а прочытавшы (се нехай буде межъ намы), може и винъ носомъ закрутыть (Кіев. Ст. 1899, мартъ 31.

тызма, то реакція й верне круто; а якъ трошкы хрыщеный мыръ одумается, то все те перемелется—и мука зъ того буде. Тимъ-то, шановный пане, дорого и мени теперъ и соби подать якыйсь голосъ, щобъ Москали не дуже брынькалы зъ своею народностью, що стоить наче та колюча сосна; тилько серце вьяне, на неи дывлячысь, а втихы зъ неи жывій души мало. Тымъ-то добре було бъ проявыты Руському мырови й польську народовость изъ іи буйною красою, щобъ не дуже забиралысь московськи люде у свои пущи да снигы, и щобъ усмихнулось прыязнымъ смихомъ ихъ облыччя, споглянувшы на ридну красу южного чоловика. *Може зъ часомъ Богъ и поможе намъ звесты до купы си тры народы*, що ставшы одынъ до одного спынамы, позыраютъ далеко одъ себе, а не хочуть назадъ озырнуться.

Зрадивъ я ще й того, що Вы не занедбалы своеи литерацькои праци. Треба, треба Вамъ докинчаты свое дило, которе роспочалы съ такымъ шановнымъ запаломъ! Не вважайте на никчемность газетъ и журналивъ. Ваши труды принесуть багато корысти розумнымъ людямъ. Ось уже и въ насъ скилько одъ Васъ пролылось свиту на исторыю! А се жъ тилько зоря! Зъ велыкою жадобою (буду?) дожыдать одъ Васъ потишнои звисткы про вашу роботу.—Вашій высоконоважній дружыни ныженько вклоняюсь.

П. Кулишъ.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *8-ми лѣтній герой.* 17 іюля 1837 года, въ полдень, надъ с. Бѣліовкою, Клеванской волости Ровенскаго уѣзда (владѣніе кн. Чарторыйскаго), нависла темная грозовая туча. Вырвавшаяся изъ нея молнія ударила въ уголъ крестьянской избы, гдѣ въ ту минуту находилась древняя старуха съ двумя малолѣтними внуками и внучкою. (Изъ прочихъ обитателей двора одни были въ лѣсу, другіе на барщинѣ). Бабку убило на мѣстѣ, а восьмилѣтній Данило Киндысь-Левковъ выскочилъ во дворъ, взывая о помощи. Замѣтивъ, однако, что весь домъ объятъ пламенемъ, и что сосѣди не оставляютъ своихъ дворовъ, озабоченные сохраненіемъ собственнаго имущества, Данило бросился въ огонь и, схва-

тивъ свою трехлѣтнюю сестренку Федосью и двоюроднаго брата грудного младенца Германа, чрезъ нѣсколько мгновеній выскочилъ со своею ношею изъ пламени, на глазахъ остолбенѣвшихъ сосѣдей. Волосы на немъ опалило, но самъ онъ и спасенныя дѣти остались невредимы.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ, изволилъ всемилостивѣйше наградить юнаго героя серебряною медалью на Владимірской лентѣ, для ношенія на груди, съ выдачею единовременно 300 рублей, которые положены на имя Левкова на храненіе.

---

2) ***Янтарь, подобный «бриллiанту»***. Въ 1844 году, во время сплава, крестьянинъ Радомысльскаго уѣзда дер. Церковья, Онисимъ Казанюкъ, придя на плотахъ въ Екатеринославъ, отправился какъ-то выкупаться въ Днѣпрѣ и половить раковъ; вдругъ увидѣлъ онъ *«яркое свѣтило, отъ коего лучи по поверхности образовали на волнахъ разноцвѣтные блески»*. Нырнувъ, Казанюкъ схватилъ рукою камень, который, якобы, *«разилъ своимъ блескомъ его глаза»*. Находка, спрятанная за пазуху, не ускользнула, однако, отъ вниманія товарищей, пожелавшихъ прежде всего, испытать ея твердость: ее положили на пень и хватили топоромъ. При этомъ, утверждаютъ очевидцы-показатели,—топоръ,—якобы, *«выломался»*, а отъ камня отскочила только *«крошка»*.

Удостовѣрившись, что находка диковинная, плотовщики стали отнимать ее у Казанюка, который, въ борьбѣ съ товарищами, подорвался и сталъ похварывать.

Между тѣмъ, въ Кіевѣ, камень признанъ кускомъ необдѣланнаго *янтаря* и возвращенъ, по принадлежности, сильно разочарованному владѣльцу, почитавшему его за *бриллiантъ*!

---

3) *Сѣверное сіяніе въ Каменцѣ-Подольскомъ*. 1848 г. ноября 5 дня «въ девятомъ часу вечера на сѣверной части неба замѣчено малое облако, снизу освѣщенное и окрашенное. Увеличиваясь въ объемѣ, среднею частію поднялось на значительную высоту надъ горизонтомъ, а нижними концами образовало на небѣ широкій поясъ темнокраснаго облачнаго вида, сквозь который можно было видѣть сіяющія звѣзды. Въ то же время, подъ темнокраснымъ поясомъ, появилось

сіяніе ясновеленаго цвѣта, котораго напряженіе увеличивалось до 11 часовъ вечера. Въ это время весь сѣверъ былъ освѣщенъ яснымъ темнозеленымъ отливомъ, который имѣлъ на малой высотѣ надъ горизонтомъ, прямо противъ сѣвера, самый большій свѣтъ. Отъ этой точки сила освѣщенія терялась и нечувствительно переходила въ цвѣтъ неба. Кромѣ сего замѣчаемы были, по временамъ, на красномъ облачномъ поясѣ свѣтлые столбы, которые вначалѣ были едва замѣтны, потомъ расширялись и перемѣняли цвѣтъ въ красный, синій и зеленый; затѣмъ они сіяли почти солнечными лучами и, наконецъ, мало по малу теряли блескъ, цвѣтъ, ясность и оставляли послѣ себя кроваво-освѣщенныя облака. Напряженіе краснаго цвѣта въ различныхъ мѣстахъ пояса не вездѣ было одинаково, равно какъ цвѣтъ и ясность столбовъ. Сіе явленіе показывалось то въ восточной части неба, то при зенитѣ, то на западѣ, то, наконецъ, принимало другой порядокъ представленія. Около часу явленіе сѣвернаго сіянія начало терять ясность и вскорѣ совершенно прекратилось»....

Сообщ. **Алексѣй Мёрдеръ.**

Еще одинъ старый списокъ Пасхальной вирши. Напечатанный нами въ № 10-мъ варьянтъ извѣстной Пасхальной вирши, якобы произнесенной запорожцами въ видѣ привѣта Потемкину, вызвалъ сообщеніе въ редакцію В. Ф. Дурдуковскаго о томъ, что онъ, занимаясь въ библіотекѣ Кіево-Печерской лавры, отыскалъ еще одну, тоже старую, запись этой вирши въ рукописи, состоящей изъ разныхъ статей и относящейся, по его опредѣленію, къ концу XVIII-го или къ первымъ годамъ XIX-го вѣка (рукоп. № 210). Произнесеніе вирши запорожцами въ привѣтъ гетману по этому списку относится къ 1795 году. Сличеніе варьянта, любезно сообщеннаго намъ г. Дурдуковскимъ, съ напечатаннымъ у насъ обнаруживаетъ почти полное тождество, что и придаетъ особую цѣну напечатанному у насъ тексту.

Письмо въ редакцію. Пирятинское уѣздное земское собраніе въ засѣданіи своемъ 30 сентября с. г. постановило ассигновать на благоустройство могилы Е. П. Гребенки 300 рублей. Въ высшей степени желательно было-бы, чтобы почитатели памяти покойнаго

писатели присоединяли и свои доброхотныя пожертвованія къ ассигнованной земствомъ суммѣ. Тогда общими усиліями дѣйствительно можно бы соорудить памятникъ и ограду вокругъ него, достойные памяти даровитаго труженика пера, а оставшіяся деньги употребить на постановку портрета Е. П. Гребенки въ находящемся какъ разъ рядомъ съ могилой его земскомъ училищѣ и на благоустройство послѣдняго, съ ходатайствомъ передъ земствомъ о наименованіи его «училищемъ имени Е П Гребенки».

Удобнѣе всего было-бы направлять пожертвованія въ г. Пирятинъ, Полтавской губ., въ Пирятинскую уѣздную земскую управу, которая и могла-бы присоединить печатный списокъ жертвователей, а также отчетъ объ израсходованіи всѣхъ имѣвшихся въ ея распоряженіи суммъ на вышеуказанный предметъ, къ своему ежегодному отчету очередному земскому собранію, имѣющему быть въ сентябрѣ будущаго года. Данныя отчета могли бы быть распубликованы во всеобщее свѣдѣніе путемъ печати.

Н. В. Стороженко.

Текущія извѣстія.

Присужденіе уваровскихъ премій въ академіи наукъ. 25-го сентября происходило торжественное засѣданіе Императорской академіи наукъ, посвященное чтенію отчета о сорокъ второмъ присужденіи наградъ графа Уварова. Изъ прочитаннаго академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ отчета видно, что на соисканіе наградъ графа Уварова въ нынѣшнемъ году было представлено 12 сочиненій и одно, отложенное отъ предыдущаго конкурса, за непредставленіемъ въ срокъ отзыва рецензента. Между прочимъ присуждены малыя преміи по 500 руб. за слѣдующія сочиненія, касающіяся нашего юга: преподавателю казанской духовной семинаріи *Харламповичу* за трудъ *«Западно-русскія православныя школы 16—18 вѣка»*, *Эйнгорну*—за сочиненіе *«Сношенія малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ при Алексѣѣ Михайловичѣ»*, и помощнику завѣдующаго кіевскимъ центральнымъ архивомъ древнихъ актовъ *Каманину* за сочиненіе *«Матеріалы для исторіи южно-русскаго письма въ 15—18 вѣкахъ»*.

Малорусскіе народные спектакли въ Одессѣ. Одесскій особый комитетъ попечительства о народной трезвости особенно широко посмотрѣлъ на свои задачи и принимаетъ самыя энергичныя мѣры къ тому, чтобы его стремленія, направленныя на пользу нашего рабочаго люда, достигли желанной цѣли. Комитетъ избралъ спеціальную коммиссію, на обязанности которой доставлять духовную пищу простому народу. Коммиссія составила двѣ драматическія труппы: русскую и малорусскую. На содержаніе этихъ труппъ до Великаго поста ассигновано 5 тыс. руб. Въ теченіе сезона будетъ поставлено 110 пьесъ, по 12 въ мѣсяцъ; въ недѣлю—три русскихъ и одна малорусская пьесы. (Одесск. Листокъ).

Отдѣлъ имени Н. В. Гоголя. 22 сентября въ Полтавѣ, въ засѣданіи общаго собранія членовъ Полтавской общественной библіотеки, г. Я. К. Имшенецкій доложилъ собранію о желательности учредить при библіотекѣ, въ новомъ зданіи, которое предположено наименовать «Гоголевскимъ», отдѣлъ имени Н. В. Гоголя, гдѣ должно быть собрано все, относящееся къ личности и произведеніямъ этого писателя: его портреты, рукописи, переводы его сочиненій, все написанное о немъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, и въ заключеніе ходатайствовалъ, чтобы собраніе разрѣшило комитету произвести расходъ на этотъ предметъ въ размѣрѣ 100 р., съ чѣмъ собраніе согласилось. Означенный отдѣлъ предположено открыть въ февралѣ 1902 г., въ день 50-лѣтія со дня смерти Н. В. Гоголя. (Полт. Губ. Вѣд. № 211).

Предстоящіе выборы въ Галиціи. Въ русинскихъ лагеряхъ чувствуется большое оживленіе. Каждая изъ пяти русинскихъ партій дѣйствуетъ самостоятельно и безъ системы. Исключеніе составляютъ одни націоналъ-демократы, располагающіе самой сильной организаціей, значительными денежными средствами и людьми, цѣнными въ агитаціонномъ отношеніи. Націоналъ-демократы почти вездѣ намѣтили кандидатовъ и намѣрены энергически взяться за дѣло, лишь только будетъ объявленъ срокъ выборовъ. Въ сельской куріи Львова, которая до сихъ поръ выбирала поляка, русины выставили кандидатуру Константина Левицкаго—извѣстнаго національнаго дѣятеля. Го-

раздо больше шансовъ имѣетъ, впрочемъ, Ганкевичъ, одинъ изъ вожаковъ русинской соціалъ-демократіи, который, по слухамъ, будетъ выступать кандидатомъ въ томъ же округѣ. Въ сельской куріи тарнопольскаго округа націоналъ-демократы выставили кандидатуру редактора «Дила», В. Будзиновскаго; въ этомъ же округѣ выступаетъ кандидатомъ и извѣстный писатель Иванъ Франко, вышедшій изъ націоналъ-демократической партіи, въ составъ правленія которой онъ еще не такъ давно входилъ. Радикалы, очень слабые въ настоящее время, тоже выставляютъ кое-гдѣ свои кандидатуры. Др. Окуневскій, долгое время бывшій единственнымъ представителемъ радикаловъ въ парламентѣ, больше не выступаетъ кандидатомъ.

Выставляютъ свои кандидатуры въ нѣсколькихъ округахъ и старорусины, хотя и безъ надежды на какой-бы то ни было успѣхъ. Кое-гдѣ появляются и самостоятельныя крестьянскія кандидатуры.

По слухамъ, центральное правительство не будетъ оказывать давленіе на исходъ выборовъ, но нельзя заранѣе сказать, какъ отнесутся къ выборамъ галиційскія власти, находящіяся въ рукахъ станчиковъ. Не даромъ клерикальныя нѣмецкія газеты уже теперь каркаютъ, что въ Галиціи «конечно» потечетъ кровь... («Сѣв. Курьеръ»).

Русинское паломничество въ Римъ. 9 октября отбыла изъ Львова толпа пилигримовъ подъ руководствомъ о. Билецкаго. Среди участниковъ болѣе всего священниковъ (Чеховичъ, Билецкій, Волошинскій, каноникъ Мельницкій) и крестьянъ. Маршрутъ предположенъ на Стрый, Будапештъ и Фіуме до Реки, оттуда на кораблѣ—до Анконы, а изъ Анконы по желѣзной дорогѣ въ Римъ. По пути число участниковъ возросло до 100 душъ, которые 12 октября были уже въ Фіуме, гдѣ совершали торжественное служеніе по восточному обряду. Мѣстные жители съ любопытствомъ разсматривали пришельцевъ, одѣтыхъ въ кожухи и бараньи шапки, а кто посмѣлѣе—то даже дотрагивался до ихъ одежды, чтобы убѣдиться, что шубы ихъ на самомъ дѣлѣ бараньи, а не поддѣлка подъ таковыя. «Серьезнымъ, образцовымъ поведеніемъ пилигримы вызывало удивленіе и почтеніе у гражданъ Фіуме». Для представленія паломниковъ папѣ Льву XIII въ Римѣ остался епископъ Шептицкій, пріѣхавшій туда для сопровожденія на родину останковъ умершаго бывш. митрополита Львовскаго—

Іосифа Сембратовича. 14 октября паломники прибыли въ Римъ и представлены были папѣ епископами Шептицкимъ и Чеховичемъ. («Gazeta Lwowska» № 248 и „Руслан“, ч. 231 и 234).

Русины въ Америкѣ. 1) *Русины въ Канадѣ.* Среди галицкихъ русиновъ, поселившихся въ Канадѣ, существуетъ три партіи съ тремя газетами и тремя обществами: «руско-народна,» „гр.—католических русинів“, і „московских ренегатів“. Первая имѣетъ газету „Свобода“ и организацію „Руско-народный союзъ“, къ которому принадлежитъ болѣе 3000 членовъ; вторая—газету „Америк.-Руській Вѣстникъ» и организацію „Соединеніе“ съ количествомъ болѣе 8000 членовъ и третья—съ газетой „Свѣтъ“ и организаціей „Взаимопомощь“, насчитывающей около 1500 членовъ. „Народно-руска“ партія—достаточно сплоченная, поставившая себѣ опредѣленныя задачи и цѣли. Вторая партія—распадается на три совершенно противоположныя между собой партіи: 1) Редакція „А.-Р. Вѣстника“ 2) партія мадьярскихъ священниковъ-патріотовъ и 3)—темный народъ и тѣ патріоты, которые ни во что не мѣшаются и ничего не желаютъ... Третья партія—предводимая свящ. Грушкой, также подраздѣляется на три болѣе мелкія партіи, враждующія между собой. („Буковина“, ч. 120).

II. *Русины въ Южной Америкѣ.* Русины Южной Америки, въ Бразиліи, главнымъ образомъ поселились въ Паранѣ, у Прудентополиса, на три четверти заселеннаго ими. Недавно туда выѣхалъ изъ Галиціи монахъ о. Малинякъ, который будетъ издавать въ Прудентополисѣ газету „Бразилійська Русь“; цѣлью ея явится организація тамошнихъ русиновъ противъ вліянія иныхъ народностей. До сихъ поръ между русинскими колоніями въ Паранѣ не существуетъ почти никакой связи, а есть ихъ нѣсколько, гдѣ Русины поселились въ числѣ отъ 5—20 тысячъ. Наибольшіе колоніи—Прудентополисъ и Ріо-Кларо, на разстояніи 150 километровъ одна отъ другой, а отъ Антлантическаго океана—500 километровъ („Дѣло“).

Лекціи малорусскаго языка. 7 октября во Львовскомъ Университетѣ началось чтеніе лекцій малорусскаго языка проф. Ильи Кокурудза для тѣхъ лицъ, которые или совсѣмъ не знаютъ этого языка, или знаютъ очень мало. Лекціи предназначаются не только

для слушателей университета, но также и для чиновниковъ, знаніе малорусскаго языка для которыхъ необходимо при исполненіи ихъ служебныхъ обязанностей. (Дѣло, ч. 217).

Дѣятельность общества „Просвіта“ въ Стрыѣ, въ Галиціи. Филія товариства „Просвіта“ въ Стрыѣ рѣшила устраивать еженедѣльные литературные вечера для простого народа. 22 сентября проф. Ів. Вахнянинъ прочелъ «Про передісторичного чоловіка», а о. Ол. Вобикевич «Про відродженє Русинів в Галичині по прилученю до Австриі»; 6 октября Юліянъ Кмита — «Про знаряди людськоі праці» и Володимиръ Устіяновичъ «Про парову машину» („Руслан“, ч. 232).

Состояніе библіотеки и читальни Наукового Товариства імени Шевченка во Львовѣ. Къ 15 іюля 1900 г. въ библіотекѣ Наукового Товариства імени Шевченка состояло 4.195 сочиненій въ 7.997 томахъ. Читальня при библіотекѣ открыта для публики съ начала іюля 1899 г., отъ 2—6 ч. пополудни. Читальню посѣщаютъ преимущественно воспитанники средне-учебныхъ заведеній. Книги выдаются также и на домъ. По постановленію Выдила—съ 19 сентября читальня изъ библіотеки превращена въ комнату для научныхъ занятій. («Літературно-Науковий Вістник, кн. X).

Народный Домъ въ Стрыѣ, въ Галиціи. Народный Домъ въ Стрыѣ имѣетъ нынѣ 153 члена. На дняхъ окончена постройка самого дома, который съ начала ноября начнетъ функціонировать. Украшеніемъ его служатъ прекрасно исполненные бюсты Котляревскаго, Шевченка, Н. Устіяновича, Федьковича и Лисенка, помѣщенные на фронтовой стѣнѣ Народнаго Дома. Кромѣ того, стѣны извнѣ и огромный залъ декорированы весьма художественно. (Дѣло, ч. 228).

Галичанинъ—Китаецъ. Тсунгъ-Бо-Бра, наивысшій мандаринъ китайскаго двора, назывался первоначально Иваномъ Боберскимъ и былъ родомъ изъ Галиціи. Очутившись въ 1847 году въ Китаѣ, Боберскій, по рекомендаціи французскаго миссіонера Августина Шампелена, назначенъ былъ адъютантомъ наслѣдника престола, а

затѣмъ достигъ чина мандарина I класса. Въ 1863 году въ Нанкинѣ составился заговоръ, и Тсунгъ-Бо-Бра геройски палъ вмѣстѣ съ горстью вѣрныхъ ему союзниковъ.—Семья Боберскихъ происходитъ изъ ходачковой русинской шляхты изъ-подъ Самбора. (Буковина, ч. 119).

Некрологъ. 23-го октября скончался въ Римѣ бывшій митрополитъ Галицкій—Іосифъ Сембратовичъ. Покойный родился въ 1821 г. Рукоположенный въ санъ священника въ 1841 г. онъ долгое время былъ профессоромъ Богословія во львовскомъ университетѣ. Въ началѣ 1865 г. былъ вызванъ въ Римъ въ качествѣ предсѣдателя гр.-кат. церкви въ Ватиканѣ и въ томъ-же году былъ назначенъ архіепископомъ Нанзіанскимъ. Два года спустя ему была дана въ управленіе перемышльская епархія, а въ 1870 году 18 мая вступилъ въ управленіе митрополичьей каѳедрою, въ каковомъ санѣ и пребывалъ до 1882 г. Въ 1891 г. онъ переселился въ Римъ, откуда уже ему не разрѣшалось выѣзжать. (Руслан, ч. 231).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. т. XXXIII и XXXIV. ***Львів, 1900 р., книжки I и II.***

Первый изъ упомянутыхъ томовъ этого научнаго періодическаго изданія содержитъ всего лишь три изслѣдованія: Проф. Михайла Грушевського.—«Бронзові мечі з Турецького повіту (Галичина)», др. Володимира Охримовича—«Про наголос в українсько—руській мові» (рефератъ, предназначавшійся на кіевскій XI археологическій съѣздъ) и Олександра Кониського—«Варианти на декотрі Шевченкові твори».

Въ первой, коротенькой статейкѣ, г. Грушевскій даетъ описаніе трехъ бронзовыхъ мечей, изъ числа одиннадцати, найденныхъ въ 1899 г. на полѣ с. Комарникивъ, на верхнемъ Стрыѣ (на угорской границѣ). Всѣ три меча относятся къ широко распространенному и характерному типу средне-дунайской бронзовой культуры, ея позднѣйшаго періода, именно—эпохи расцвѣта, котораго она достигла особенно на карпатскомъ подгорьѣ.

Вторая статья—*«Про наголос в українсько-руській мові»* (стр. 1—64) представляетъ интересное изслѣдованіе въ области изученія украинскаго языка съ формальной его стороны, изслѣдованіе тѣмъ болѣе цѣнное и практически важное, что эта область донынѣ не можетъ считаться въ достаточной степени разработанной и даже разрабатываемой. [1]) Авторъ упомянутой статьи поставилъ своей зада-

[1]) Въ частности же, въ отношеніи акцентологіи,—до сихъ поръ никѣмъ не было высказано общей теоріи ея не только по отношенію къ украинско-русскому языку, но даже и по отношенію къ семьѣ всѣхъ славянскихъ языковъ,

чей опредѣлить, отъ какихъ именно причинъ зависитъ мѣсто ударенія въ украинскомъ словѣ. Матеріаломъ для его работы послужили главнымъ образомъ его собственныя наблюденія, а также, въ меньшей степени, наблюденія другихъ изслѣдователей, занимавшихся вопросами акцентологіи, какъ-то: д—ра Кл. Ганкевича, проф. Івана Верхратскаго, І. Ганушa и д—ра Ом. Огоновскаго. Методъ его изслѣдованія—вполнѣ индуктивный: онъ сравниваетъ между собой различныя слова, имѣющія одинаковое удареніе, и замѣчаетъ, что́ общаго между этими словами; съ другой стороны, сравнивая сходныя слова, имѣющія различное удареніе, подмѣчаетъ, чѣмъ эти слова разнятся между собой. Такимъ путемъ авторъ приходитъ къ отысканію причины сходства или различія ударенія въ различныхъ словахъ. Произведя множество наблюденій надъ акцентомъ въ самыхъ разнородныхъ группахъ словъ, онъ признаетъ существованіе тѣсной связи между удареніемъ и значеніемъ словъ, и приходитъ къ тому выводу, что въ украинско-русскихъ словахъ удареніе падаетъ или на коренной слогъ, или на суффиксъ, или на префиксъ, въ зависимости отъ того, который изъ упомянутыхъ элементовъ оказываетъ наибольшее вліяніе на значеніе даннаго слова; то-есть, въ украинско-русскомъ словѣ удареніе имѣетъ та часть, какая по отношенію къ данному значенію слова имѣетъ наибольшее значеніе и силу. Это основное положеніе свое онъ поясняетъ массой примѣровъ, анализируя въ различныхъ группахъ словъ ихъ значеніе въ связи съ ихъ удареніемъ.

Признавая за авторомъ крупныя заслуги въ созданіи цѣльной теоріи ударенія въ украинско-русскомъ языкѣ и въ установленіи новыхъ, болѣе мелкихъ, правилъ въ этой области, вполнѣ заслуживающихъ серьезной критики со стороны ученыхъ лингвистовъ, считаемъ необходимымъ однако сказать, что едва-ли возможно безграничное довѣріе акцентуаціи къ словарю Желеховського, служившему автору, повидимому, однимъ изъ крупныхъ пособій въ его изслѣдованіи.

Не меньшій интересъ представляетъ статья. г. Кониского «*Варіянти на декотрі Шевченкові твори*». Автору посчастливилось найти среди бумагъ одного изъ оставшихся еще въ живыхъ пріятелей Тараса Григорьевича (Л. М. Жемчужникова)—три переплетенныхъ рукописи, въ форматѣ книжекъ, написанныя каждая различнымъ почеркомъ, съ нѣкоторыми поправками и добавленіями, сдѣланными несомнѣнно самимъ Шевченкомъ. По словамъ г. Кониского—рукописи эти, безъ сомнѣнія, переписаны подъ наблюденіемъ автора и перепи-

саны съ оригиналовъ, но не для того, чтобы подавать ихъ въ цензуру Подъ многими произведеніями, какія казались хоть немного «нескромными», подписано рукою переписчика «Стихотвореніе это въ оригиналѣ зачеркнуто». Кромѣ того, г. Кониссвому О. Я. Кухаренко (сынъ Якова Герасимовича) любезно прислалъ письма Шевченка къ его отцу, въ которыхъ оказались поэмы: «Москалева Криница» и «Чернецъ» и стихотвореніе «Вечиръ». По сравненіи этихъ произведеній съ печатными, оказалось, что они представляютъ значительныя отступленія отъ первыхъ. Въ настоящей статьѣ (еще не оконченной) г. Кониссвій помѣстилъ варіанты къ произведеніямъ: «Чернецъ», Москалева Крыныця», «Княжна», «Неофиты», «Русалка», «Лилея» и «Петрусь», варіанты, представляющіе настолько большой интересъ, что мы считаемъ необходимымъ ознакомить съ ними читателей спеціально, въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ „Кіевской Старины".

Во второмъ, разсматриваемомъ нами, томѣ «Записокъ» (*XXXIV*) въ первый отдѣлъ вошли два крупныхъ изслѣдованія: проф. Михайла Грушевського «*Сторінка з історії сільського духовенства* (по самбірским актам XVI в.) (стр. 1—82) и Юліяна Романчука «*Де-які причинки до поправнійшого видання поезий Тараса Шевченка*» (стр. 1—32).

Первое изслѣдованіе, предназначавшееся для доклада на XI археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, касается любопытнаго, но крайне мало изслѣдованнаго вопроса въ нашей исторіи—вопроса о сельскомъ духовенствѣ, главнымъ образомъ, о его экономическомъ и юридическомъ положеніи. Почтенный авторъ, занимаясь два года тому назадъ въ Архивѣ Министерства Юстиціи, подобралъ богатую коллекцію, содержащую LXVII документовъ о сельскихъ церквахъ и духовенствѣ въ Самборщинѣ въ 20—40-хъ гг. XVI ст. (Сборникъ грамотъ въ Самборскомъ инвентарѣ 1568 г.—въ Литовской Метрикѣ, т. IV, кн. 22). Это было время интензивной колонизаціи въ Самборщинѣ, по иниціативѣ правительства, почему и упомянутые документы даютъ главнымъ образомъ отвѣтъ на такіе вопросы, какъ время и обстоятельства основанія новыхъ церквей и парафій, количество донацій, условія, на которыхъ священники или кандидаты на этотъ санъ получали эти новыя и всякія вообще парафіи, и порядокъ передачи послѣднихъ изъ рукъ въ руки и т. п. Какъ самые документы, такъ и предпосланное имъ изслѣдованіе представляютъ не только мѣстный интересъ, но могутъ служить цѣн-

нымъ подспорьемъ при изученіи быта сельскаго духовенства въ смежой Украинѣ въ современную упомянутымъ документамъ эпоху.

Наконецъ, въ послѣдней статьѣ (г. Романчука)—авторъ имѣетъ въ виду указать значительныя погрѣшности въ изданіяхъ Кобзаря Шевченка, какъ-то: ошибки корректурныя, пропуски (отсутствіе цѣлыхъ произведеній), вставка не принадлежащихъ Шевченку произведеній, неправильное размѣщеніе ихъ. Авторъ не думалъ дать полной и всесторонней изданій оцѣнки поэтическихъ произведеній Шевченка; онъ не прочелъ всего даже «Кобзаря»,—онъ указываетъ лишь тѣ неправильности, какія попались ему на глаза при чтеніи различныхъ изданій и на которыя никто не обратилъ до сихъ поръ вниманія. Упомянувъ вкратцѣ о распредѣленіи «Кобзаря» и о неавтентичныхъ произведеніяхъ Шевченка, авторъ главнымъ образомъ останавливается на погрѣшностяхъ текста, которыя слѣдуетъ исправить—погрѣшностяхъ со стороны правописанія, интерпункціи и формы, а также предлагаетъ не мало поправокъ и дополненій къ тексту (къ обоимъ томамъ). Несомнѣнно, очень многія, высказанныя авторомъ соображенія, заслуживаютъ полнаго вниманія, хотя далеко нельзя сказать этого обо всѣхъ...... Тѣмъ не менѣе, всякому, кому дорого возстановленіе истиннаго текста произведеній незабвеннаго нашего поэта, рекомендуемъ обязательно ознакомиться со статьей г. Романчука.

Въ отдѣлѣ «Miscellanea» въ обоихъ томахъ помѣщены: *«Замітка про гетьмана Сагайдачного»* О. Щуровського (см. Кіев. Стар. 1900 г. май, отдѣлъ II: «Какъ звали гетмана Бородавку»), «Якъ австрийський уряд заінтересувався був Бойками», «Петиция до митрополита і полеміка з-за неі» (относящаяся къ 1849 году). «Про збірник пісень Бодянського», приписываемый О. М. Бодянскому, на самомъ же дѣлѣ принадлежащій Федору Бодянскому, свояку перваго; «До істории вірші на Вкраіні»—напечатаны вірші, записанныя въ Липовецк. у., Кіевск. губ.: «Про Адамів гріх», «Празник въ селі Перемиськім»; некрологи Петра Лашкарева и Митрофана Дикарева. Кромѣ того, въ отдѣлахъ «Наукова хроніка» и «Библіографія» удѣлено очень много мѣста весьма обстоятельному обзору западно-европейской литературы по всемірной исторіи и исторіи литературы и искусства (глава IV. Новое время), обзору періодическихъ изданій, украинскихъ и другихъ (за 1898 и 1899 годы) и въ особенности обстоятельному и цѣнному

разбору огромнаго количества книгъ и изданій, касающихся области нашего изслѣдованія.

В. Д.

Петръ Гильтебрантъ (Рязанскій): Гедеонъ Балабанъ и его три книги. *Спб. 1900.*

Въ настоящее время Императорская археографическая коммиссія заканчиваетъ печатаньемъ третью книгу «Памятниковъ полемической литературы въ Западной Руси». Первое примѣчаніе къ содержанію этой книги вышло въ настоящее время отдѣльнымъ оттискомъ въ виду своей цѣльности и большого (для примѣчанія конечно) объема. Оно принадлежитъ перу опытнаго библіографа и знатока древнихъ западно-русскихъ печатныхъ книгъ, П. А. Гильтенбрандта. Имъ напечатаны: «Матеріалы для западно-русской старопечати». («Памятники рус. старины въ западныхъ губерніяхъ Имперіи» подъ редакціей П. Н. Батюшкова, вып. VI, стр. 140—160); «Перечень по типографіямъ и годамъ западно-русскихъ старопечатныхъ изданій церковно-славянск. шрифта» (ibid. стр. 171—193), и «По поводу разбора г. Вержбовскимъ статьи г. Головацкаго: «Sweipolt Fiol und seine Kiril—Buchdrükerie in Krakau» (Древн. и Нов. Россія, 1880 г. № 2.) Названный выше трудъ г. Гильтебрандта имѣетъ предметомъ изслѣдованія опредѣленіе отношенія львовскаго епископа Гедеона Балабана къ новому въ то время дѣлу заведенія типографій съ цѣлью болѣе быстраго распространенія богослужебныхъ книгъ, какъ предметовъ самой первой необходимости въ религіозно-церковной жизни общества въ тяжкую пору возникновенія уніи въ концѣ XVI и началѣ XVII-го вѣка. Дѣло это не было въ ту пору такимъ выгоднымъ коммерческимъ предпріятіемъ, какимъ является оно теперь, а напротивъ—безкорыстной жертвой и службой на пользу отечественнаго просвѣщенія; оттого заведеніе типографій дѣлается или наиболѣе горячими общественными дѣятелями, не щадящими своихъ личныхъ средствъ ради общаго интереса, какимъ былъ и Гедеонъ Балабанъ, или богатыми монастырями, имѣющими возможность вынести расходъ на печатаніе книгъ, или такими религіозно-просвѣтительными учрежденіями, какими являлись тогда братства наиболѣе важныхъ въ церковномъ отношеніи городовъ, ведшихъ упорную борьбу со сторонниками единенія русской церкви съ

римской и врагами православія. Печатаніе богослужебныхъ книгъ для нуждъ православнаго населенія Рѣчи посполитой и полемическихъ сочиненій противъ своихъ противниковъ было однимъ изъ могучихъ орудій въ борьбѣ за вѣру и составляло великую заслугу тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которые владѣли этими орудіями. Съ этой точки зрѣнія смотритъ на дѣятельность Гедеона Балабана и достопочтенный авторъ въ краткомъ біографическомъ очеркѣ знаменитаго львовскаго епископа, относясь къ нему безпристрастно и находя, что во вторую половину его дѣятельности заслуги его для православія и русскаго народа вполнѣ покрываютъ ошибки и проступки первой половины. Нельзя не согласиться, что дѣятельность Гедеона Балабана до сихъ поръ не оцѣнена еще въ достаточной степени полно, и потому авторъ для выясненія значенія его дѣятельности ставитъ цѣлью своего библіографическаго изслѣдованія издательскую дѣятельность Балабана, ради которой были основаны имъ на собственныя средства типографія Стрятинская и Крылосская, при ближайшемъ содѣйствіи его племянника Θедора Юрьевича. Въ Стрятинской типографіи напечатаны только двѣ книги.: въ 1604 г.—служебникъ и въ 1609 г.—Требникъ; въ томъ же году въ Крылосской типографіи имъ напечатано «Евангеліе учительное». Г. И. Гильтебрандтъ подробно разсматриваетъ сначала внѣшнюю сторону, а потомъ и содержаніе этихъ книгъ. Описывая первую, онъ различаетъ размѣры шрифта, киноварь, дефисы, пагинацію, рисунки, вязь, рамки, гербы, заставки, начальныя и заключительныя украшенія и рисуночныя буквы; при этомъ авторъ даетъ снимки въ нормальную величину выходныхъ листовъ и шрифтовъ. При изложеніи содержанія авторъ описываетъ гербъ Балабановъ и сравниваетъ его съ нѣкоторыми описаніями; предисловіе авторъ приводитъ цѣликомъ и затѣмъ подвергаетъ разбору заключающіяся въ немъ историч. данныя. Далѣе авторъ выписываетъ заглавія входящихъ въ составъ книги статей, приводя начальныя и конечныя слова ихъ; подъ каждой статьей указываются ея отличія отъ такихъ-же статей болѣе позднихъ изданій; послѣсловія также печатаются цѣликомъ и въ свою очередь разбираются со стороны фактовъ; наконецъ, помѣщается перечень опечатокъ. Описаніе старинныхъ книгъ по этой подробной программѣ примѣняется къ дѣлу у насъ впервые; до сихъ же поръ этой программы держались только при описаніи рукописей, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ; такъ напр., отличія или сходство описываемаго памятника съ другими ему по-

добными позднѣйшими или даже современными, до сихъ поръ не указывались. И хотя такую подробную и всеобъемлющую опись книгъ авторъ мотивируетъ важностью этихъ трехъ Балабановскихъ изданій, но въ библіотечной и библіографической практикѣ давно уже чувствуется нужда именно въ такого рода описаніяхъ. Представимъ примѣръ: мы встрѣчаемъ старопечатную книгу. Изъ общаго числа страницъ ея уцѣлѣли лишь срединныя, остальныя—въ началѣ и концѣ книги—исчезли безъ слѣда. Какъ опредѣлить заглавіе книги, время и мѣсто напечатанія? При старыхъ библіографическихъ описаніяхъ можно было опредѣлить лишь гадательно; при такомъ же библіографическомъ описаніи, какое даетъ уважаемый авторъ опредѣлить по уцѣлѣвшей части цѣлое можно положительно и безошибочно. Разсмотрѣнная нами книга открываетъ громадное поле для работъ библіографовъ. Желаемъ отъ души, чтобы у П. А. Гильтебрандта нашлись продолжатели и послѣдователи.

И. Каманинъ.

Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Годъ 5. *Кіевъ, 1900.*

По примѣру прежнихъ лѣтъ, Ежегодникъ и въ 1900 г. состоитъ изъ 2-хъ частей, оффиціальной, гдѣ помѣщены некрологи, отчетъ и актовая рѣчь, и неоффиціальной, раздѣляющейся, въ свою очередь, на три части: 1) Труды преподавателей, 2) Матеріалы для исторіи коллегіи и біографіи Г. П. Галагана, и 3) Приложенія. Украшенъ Ежегодникъ портретомъ К. Н. Ламсдорфъ-Галагана и тремя рисунками видовъ и построекъ въ имѣніяхъ коллегіи.

Что касается отчета, то изъ него видно, что воспитанниковъ въ коллегіи 80; число это предполагается увеличить до 100, «значительно расширивъ помѣщеніе заведенія». Тогда же обѣщаетъ отчетъ внести изученіе естествознанія. Вообще отчетъ сулитъ, при расширеніи помѣщенія, улучшеніе преподаванія физики, химіи, искусствъ и «устройства образцовыхъ библіотечекъ, благодаря чему можно упорядочить внѣклассное чтеніе воспитанниковъ».

Изъ дѣятельности правленія пріятною новинкою является докладъ директора о ходатайствѣ, «чтобы была возвращена фактическая сила тому § устава коллегіи, въ силу котораго греч. яз. преподается

въ коллегіи только для желающихъ». Доходы коллегіи за 1899 г. опредѣляются въ 129243 р. 75 к., а расходы въ 68125 р. 45 к., причемъ приходъ составляется изъ доходовъ съ имѣній коллегіи (115419) и платы за содержаніе своекоштныхъ восп., при чемъ содержаніе каждаго воспитанника ежегодно опредѣляется около 840 р. Къ отчету приложена замѣтка и положеніе о степендіи имени покойныхъ учредителей. Съ 1890 г. среди бывшихъ коллегіатовъ явилась мысль объ увѣковѣченіи памяти учредителя коллегіи; сложился комитетъ, разослано циркулярное письмо ко всѣмъ товарищамъ, и на этотъ зовъ откликнулось изъ 526 б. коллегіатовъ 68, внесшихъ менѣе 100 р. каждый, 19 лицъ—100 р. и болѣе, а 7 лицъ заявили желаніе сдѣлать взносъ; собрано всего 5300 р., изъ процентовъ съ которыхъ и получаетъ ежегодно стипендію одинъ изъ б. воспитанниковъ.

Въ отдѣлѣ неоф. помѣщены три статьи:

а) Вукъ Караджичъ и его школа, Степовича.

2) Максимъ Горькій и его сочиненія, Г. Александровскаго.

3) Учебный отдѣлъ на Парижской выставкѣ, З. Архимовича.

Особенный интересъ представляетъ ст. г. Архимовича, какъ касающаяся учебнаго дѣла въ Россіи. Мы узнаемъ, что % грамотныхъ новобранцевъ въ Кіев. губ. колеблется отъ 30—35%, тогда какъ, напримѣръ, въ Ярославской—85%. Всѣхъ народныхъ школъ на Руси въ 1832 г. было 1203 съ 68846 учащимися, а въ 1898 г.—министерскихъ школъ 37046 съ 26500058 учен. и съ 84121 преподавателей, и сверхъ того, въ другихъ министерствахъ числилось 41635 училищъ съ 1553188 учащихся и 70531 учащихъ.

Расходы на народныя школы распредѣляются такъ: земство даетъ 21,8%, госуд. казначество 21,3%, сельскія общества 18%, городскія 13,5% и частныя пожертвованія 12,9%. Наибольшее число грамотныхъ новобранцевъ въ Кіевск. округѣ приходится на черниговскую (48,4%) и полтавскую (47,5%), т. е. на земскія губерніи, а въ Кіевской (37,8%), подольской (31,2%) и волынской (28,4%), т. е. въ неземскихъ губерніяхъ оно равняется въ среднемъ 32,7%

Авторъ подробно останавливается на экспонатахъ нижегородскаго земства, г. Нижняго и вятскаго земства, а также на воскресной школѣ Алчевской. Статья г. Архимовича представляетъ очень интересные матеріалы, и можно только пожалѣть, что она появилась въ спеціальномъ и малораспространенномъ изданіи.

Въ отдѣлѣ III (Матеріалы для исторіи Коллег. Павла Галагана) на первомъ мѣстѣ поставленъ «Отрывокъ изъ воспоминаній покойнаго Поч. Попечителя Коллегіи гр. К. Н. Ламсдорфа-Галагана». Чтеніе этого отрывка невольно вызываетъ нѣкоторыя поправки и дополненія, которыя слѣдовало-бы сдѣлать отъ лица, редактировавшаго «Ежегодникъ». Дѣло въ томъ, что въ 1879 г., послѣ ухода изъ коллегіи директора Н. М. Шульженка, покойный учредитель К. въ пріисканіи новаго директора остановился на извѣстномъ всему кіевск. учебн. округу педагогѣ и администраторѣ М. А. Туловѣ. У послѣдняго были свои счеты съ тогдашнимъ министромъ просвѣщенія гр. Д. А. Толстымъ, а потому его кандидатура и была отклонена съ заявленіемъ — «кого угодно», но не Тулова. Такова суть дѣла. Между тѣмъ графъ Ламсдорфъ узнавши отъ Гр. Пав., что нѣтъ отвѣта изъ министерства по поводу представленія Тулова, тайкомъ отъ Гр. П. ѣдетъ въ имѣніе гр. Толстаго, но получаетъ отвѣтъ «кого угодно», но не Тулова. Съ тѣмъ графъ и уѣхалъ, любезно простившись съ хозяевами. Отдавая — со словъ Гр. Пав.—должное Тулову, графъ добавляетъ, что всѣ были убѣждены въ его назначеніи, что самъ Туловъ былъ въ томъ увѣренъ, такъ какъ «счелъ нужнымъ занять въ коллегіи директорскую квартиру». Дѣло было и такъ, и не такъ. М. А. Туловъ долго келебался не только на счетъ квартиры, но и на счетъ своего устроенія въ Коллегіи, и. ч. помнилъ свои отношенія къ гр. Толстому, и только настойчивыя увѣренія заставили его позабыть свое открытое письмо гр. Толстому. Эту поправку необходимо сдѣлать изъ уваженія къ памяти покойнаго М. А. Тулова, который, по словамъ «Отрывка изъ воспоминаній гр. Ламсдорфа-Галагана», будто бы самъ счелъ нужнымъ занять въ коллегіи директорскую квартиру. Разсказывая дальше о представленіи въ директора коллегіи И. И. Ничипоренка, графъ добавляетъ, что Гр. П. спѣшилъ съ представленіемъ, такъ какъ Кол. «давно уже оставалась безъ директора, и дальнѣйшее промедленіе въ этомъ дѣлѣ могло грозить большими неудобствами и даже опасностями для ея жизни». Не говоритъ графъ точнѣе объ этихъ опасностяхъ, а намъ не приходилось о нихъ слышать. Между тѣмъ, въ дѣлахъ Кол. есть распоряженіе попечителя Антоновича о томъ, чтобы до пріисканія новаго директора коллегіею правилъ бывшій директоръ Шульженко, который ежедневно и бывалъ въ коллегіи, давая ей тонъ и направленіе. Вкравшіяся неточности выраженій въ воспоминаніяхъ графа, неисправленныя редакторомъ, и тутъ набрасываютъ какую-то тѣнь не только на заведе-

ніе, но и на тѣхъ лицъ, которыя отдавали коллегіи всѣ свои силы и здоровье. Особенно-же дѣло о назначеніи Тулова директоромъ К. настолько личное со стороны гр. Толстого, что приходится только удивляться той своеобразности, съ какою оно разрѣшилось, и о немъ слѣдуетъ говорить или со всѣми деталями, или—при невозможности или несвоевременности—лучше до поры до времени умолчать.

Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщено нѣсколько писемъ Петра Гр. Галагана, историка Марковича и одно—И. С. Аксакова къ Григ. Пав. Однородныя письма помѣщались на страницахъ нашего журнала и рисуютъ родныхъ и друзей Гр. П., а также ту среду, которая его окружала.

Ежегодникъ оканчивается переводною статьею восп. Петрушевскаго «Янъ Жижка», подъ редакціей составителя Ежегодника.

Н. Ш.

Краткій историческій очеркъ Кіевской губернской типо-литографіи за столѣтній періодъ 1799—1899 г. *(Кіевъ, 1899 г.) Стр. 70. 2 снимка, 17 фототипій.*

27 іюля 1899 г. исполнилось столѣтіе со дня открытія Кіевской губернской типографіи, и книга, заглавіе которой выписано выше, является изданіемъ юбилейнымъ.

Кіевская губернская типографія, согласно общему указу 1775 г., возникла «во облегченіе излишняго приказнослужителямъ затрудненія, а паче къ постепеннѣйшему восполненію налагаемыхъ по входящимъ документамъ резолюцій».

Анонимный составитель настоящей книги задался цѣлью освѣтить судьбы кіевской типографіи въ связи съ общей характеристикой эпохъ, администраторовъ и лицъ, ближайшимъ образомъ стоявшихъ у дѣла. Поэтому въ книгѣ находимъ статистико-техническія данныя, общія историческія соображенія и историко-біографическіе этюды.

Основана типографія въ 1799 г. при губернаторѣ Коробкинѣ, «проявлявшемъ плодотворную дѣятельность въ другомъ направленіи: [1])

---

[1]) О предмѣстникѣ Коробкина Милешевичѣ сообщается, что онъ предписалъ вывозить навозъ въ провалье около Кіево-печерской крѣпости.

ябедническимъ жалобамъ онъ не всегда придавалъ значеніе и признавалъ бездѣятельными тѣхъ, на которыхъ не получалось жалобъ» При немъ куплена въ Махновкѣ у Тадеуша Дерича типографія и перевезена въ Кіевъ. Печатались сперва лишь афиши и служебныя бумаги; къ апрѣлю 1806 г. типографія имѣла чистаго дохода 415 р. Вскорѣ машины и шрифты обветшали. Митрополитъ не дозволилъ отлить новые шрифты въ кіево-печерской словолитнѣ. Попробовали въ 1805 г. отыскать Дерича въ Махновкѣ, чтобы помочь бѣдѣ, но Деричъ уже умеръ. Московскій купецъ Селезневъ поставилъ въ 1806 г. 20 пудовъ литеръ на 900 рублей, впрочемъ изъ той-же Махновки Бердичевскаго уѣзда. Въ 1805 г. въ типографіи работали три мастера, три помощника и переплетчикъ съ ученикомъ, получавшіе вознагражденія 127 руб. 6 к. ассигнаціями (въ мѣсяцъ).

Періодъ 1812—1839 г. «не ознаменовлся ничѣмъ выдающимся». Работы производились на одной машинѣ простѣйшей конструкціи и двухъ станкахъ. Шрифты испортились и лишь въ 1815 г. заготовлено до 30 пудовъ новыхъ литеръ чрезъ Московского купца Селивановскаго. Отчетовъ о доходахъ не сохранилось. Въ 1837 г. потребовалось въ старомъ станкѣ «сдѣлать новый деколь и сковать голову двумя длинными желѣзными гвинтами». Въ 1839 г. въ типографіи работало уже 13 человѣкъ, жалованья получали 175 р. ассигнаціями въ мѣсяцъ.

Съ 1836 г. въ типографіи началось печатаніе періодическаго органа подъ заглавіемъ «Кіевскихъ Объявленій», подъ редакціей начальника отдѣленія Данилевскаго, съ подписной цѣной въ 2 рубля. Помѣщались свѣдѣнія о продажѣ имѣній, домовъ, о наймѣ квартиръ, концертахъ, театрахъ, курсахъ на золото и серебро. Въ разрѣшеніи на изданіе этого органа было оговорено, чтобы въ «Объявленіяхъ» не имѣли мѣста статьи «оскорбительнаго содержанія и противныя закону». «Но—повѣствуетъ авторъ—вслѣдъ за жизнью идетъ законодательство, санкціонируя и регулируя то, на чемъ уже остановилась нормально текущая жизнь. Эта общая мысль невольно напрашивается подъ перо по поводу судьбы «Кіевскихъ Объявленій». Не прошло и двухъ лѣтъ со времени разрѣшенія этого изданія, какъ законодательное развитіе губернскихъ учрежденій 1775 года, выразившееся въ законѣ 3 іюня 1837 г., косвеннымъ образомъ рѣшило участь «Кіевскихъ Объявленій», вмѣсто которыхъ слѣдовало издавать „Кіевскія Губернскія Вѣдомости“... «Такимъ образомъ, прогрессъ жизни вы-

велъ губернскую типографію изъ оцѣпенѣнія, въ которомъ она пребывала 35 лѣтъ, лѣниво печатая на ломаныхъ станкахъ свои бланки и циркуляры». Въ неоффиціальной части губернскихъ Вѣдомостей печатались извѣстія о базарныхъ цѣнахъ и предстоящихъ ярмаркахъ, лоттереяхъ, о лицахъ прибывшихъ и выбывшихъ, о происшествіяхъ и частныя объявленія. «Заглядывая въ справочныя цѣны, пріятно видѣть, что въ то время были цѣны: за фунтъ говядины 1 коп., фунтъ рыбы 2 коп. и сажень дровъ 5 р. 5 к.»

Въ 1839 г. губернаторомъ назначенъ Фундуклей, которому нашъ авторъ приписываетъ «собственноручное составленіе» научнаго описанія Кіевской губерніи, забывая, что этотъ почтенный трудъ принадлежитъ извѣстному статистику Журавскому. Фундуклей, по словамъ автора, описалъ между прочимъ бытъ, одежду и пищу народа, «которую самъ испробовалъ»; заполнилъ пустующіе хлѣбозапасные магазины. Въ неоффиціальной части «Губ. Вѣд.» стали появляться научныя статьи: о вліяніи погоды, о прививкѣ оспы и даже о наводненіи 25 мая 1839 г. (статья о наводненіи перепечатана цѣликомъ на стр. 20—22, очевидно, какъ явленіе замѣчательное въ тогдашней губернской литературѣ).

Періодъ 1840—1885 г. начинается разсказомъ о происхожденіи кіевскаго герба, при чемъ первый кіевскій митрополитъ ошибочно названъ Михаиломъ. Редакція «Губернскихъ Вѣдомостей» иногда «вводитъ своихъ читателей въ область политическихъ идей и въ этой сферѣ проявляетъ глубокое патріотическое направленіе». Такъ, напр. въ № 47 за 1845 г., авторъ неоффиціальной статьи, описавъ значеніе Россіи въ Европѣ, говоритъ: „Заслоняя собою Европу отъ Азіи, Россія служитъ какъ-бы звеномъ между этими двумя частями міра и проводникомъ истиннаго свѣта въ Азію"... Образованъ въ губернскомъ правленіи газетный столъ, но начальниками стола бывали люди безъ образованія, и для неоффиціальной части пришлось приглашать вольнонаемныхъ редакторовъ, не состоящихъ въ штатѣ губернскаго правленія. До половины 50-хъ годовъ типографія находилась въ Липкахъ, а губернское правленіе рядомъ съ Андреевской церковью. Въ 1858—1865 и 1875 г. пріобрѣтены три скоропечатныхъ машины. Ко дню юбилея въ типографіи работали два наборщика, начавшіе службу въ 1862 и 1864 гг. Авторъ удивляется ихъ выносливости, ибо наборщики, работая 10—14 часовъ въ сутки, «подвергаются разслабленію органовъ кровообращенія; сердца ихъ и пищева-

рительные органы дѣйствуютъ слабо и неправильно, а отсутствіе другихъ занятій способствуетъ ослабленію функцій мыслительныхъ»; бѣдность и необезпеченность вызываетъ горе, безнадежность и апатію ко всему; обыкновенно, рабочіе (кіевской губернской типографіи?) кончаютъ жизнь въ крайней нуждѣ, не доживая и 45 лѣтъ (стр. 26). Съ переводомъ въ присутственныя мѣста, подъ типографію отведенъ подвалъ, гдѣ она оставалась и къ юбилейному торжеству.

Кромѣ губ. вѣдомостей, типографія печатала «Кіевскій телеграфъ», «Воскресное Чтеніе», «Труды Кіев. Дух. Академіи». Завѣдывали типографіей все время люди малосвѣдущіе въ техническомъ и коммерческомъ дѣлѣ, изъ лучшихъ чиновъ канцеляріи губернскаго правленія. Лишь одинъ чиновникъ, Осиповъ (1865—1874), обнаружилъ энергію и познанія, но запуталъ счетоводство и застрѣлился, благодаря завистничеству въ успѣхѣ и злой кляузѣ, «этому постоянному орудію канцелярской тли». Устроенная Осиповымъ словолитня, за отсутствіемъ знающаго дѣло человѣка, сама собою упразднилась. «Такъ вихрь зависти направляется лишь на тѣхъ, кто стоитъ выше посредственности, и проносится надъ ничтожествомъ, не касаясь его».

Въ 1864 г. часть типографіи (1 становъ съ наборщикомъ) была перевезена въ канцелярію губернатора Казнакова для сокращенія переписки, въ виду тревожныхъ событій въ краѣ. Въ 1871 г. утверждена такса за печатаніе казенныхъ объявленій. Съ 1862 г. Губ. Вѣдомости выходили, вмѣсто одного, три раза въ недѣлю, но это не увеличило доходовъ типографіи. Въ 1882 г. дефицитъ по этому изданію вычисленъ въ 2586 р. Поэтому повышена годовая плата, и оригинально: губернскія и уѣздныя учрежденія платили и платятъ по 3 р., а волостныя правленія, мѣщанская и ремесленныя управы по 8 р.! Какъ бы то ни было, въ 1840 г. типографія имѣла дохода 1438 р., а въ 1880 г. 28.286 р., т. е. почти въ 20 разъ болѣе. Съ 1857 г. значительная часть доходовъ типографіи отчислялась въ пособіе на содержаніе губернскаго правленія, но въ какомъ именно размѣрѣ—изъ книги не видно, о чемъ должно пожалѣть: кажется, можно сказать безошибочно, что здѣсь именно кроется основная причина печальной постановки типографіи, какъ правительственнаго учрежденія, которое, кромѣ прямой своей задачи, служитъ для затыканія дыръ въ бюджетѣ губернскаго правленія и статистическаго комитета и потому не можетъ принять серьезныхъ мѣръ для улучшенія быта типографскихъ служащихъ.

Періоду 1885—1894 г. посвящена пятая, самая обширная и живописная, глава книги (стр. 36—70). Къ концу 80-хъ годовъ въ Кіевѣ было уже 17 типографій, 2 литографіи, 4 скоропечатни. Подъ вліяніемъ конкуренціи, и губернская типографія начала совершенствоваться. 18 періодическихъ кіевскихъ изданій рѣзко оттѣняли безжизненность Губ. Вѣдомостей. Для улучшенія неоффиціальной части ихъ, приглашенъ редакторомъ Алексѣй Александровичъ Андріевскій [1]), который извлекъ изъ губернскаго архива множество любопытныхъ для исторіи края документовъ и опубликовалъ какъ въ Губ. Вѣдомостяхъ, такъ и особыми выпусками; онъ же помѣстилъ въ вѣдомостяхъ рядъ историческихъ очерковъ по мѣстной старинѣ. Въ 1895 г. участіе г. Андріевскаго въ вѣдомостяхъ прекратилось. Кіевскимъ губернаторомъ назначенъ былъ въ этомъ году Л. П. Томара, при которомъ «учрежденія, призванныя охранять общественную безопасность и государственные устои, находили большую поддержку въ авторитетной его власти,—поддержку, доходившую у него до гражданскаго эгоизма» (?—стр. 39). «Такъ какъ, по справедливому замѣчанію одного изъ современныхъ писателей, «чувство долга растетъ не снизу вверхъ, а распространяется сверху внизъ,» [2]) то примѣръ руководящей дѣятельности (Л. П. Томары) создалъ школу, которая, за немногими исключеніями жертвъ прирожденной тупости и нравственнаго уродства, создала полезныхъ и безкорыстныхъ тружениковъ. Высоко поддерживая престижъ губернаторской власти, будучи точнымъ и чрезвычайно аккуратнымъ, Л. П. Томара вносилъ нѣкоторую сухость и холодность въ свои отношенія къ подчиненнымъ, но эти качества сглаживались теплотой сердца, мягкостью характера и общительностью его помощника, вице-губернатора А. П. Баумгартена. Первый вездѣ и во всемъ поспѣвалъ, а послѣдній всегда и вездѣ опаздывалъ, иногда по самымъ наивнымъ причинамъ, формально ссылаясь, для успокоенія, на то, что онъ занятъ былъ серьезнымъ дѣломъ или чтеніемъ «Правительственнаго Вѣстника». Въ дѣйствительности же его задерживало и отвлекало отъ занятій участіе къ обиженнымъ и обездоленнымъ. Оказывая помощь, онъ никогда не интересовался узнать,

---

[1]) Неизвѣстно почему авторъ называетъ уже въ 1881 г. «старикомъ» этого энергическаго педагога и писателя, который и нынѣ работаетъ на педагогическомъ и ученомъ поприщѣ въ одной изъ южныхъ земскихъ губерній.

[2]) Ссылка на «Руководство для подготовки къ бою».

кого онъ благодѣтельствуетъ. Однажды пришелъ въ его квартиру молодой бѣдно одѣтый человѣкъ и разсказалъ ему, что, состоя на морской службѣ въ Одессѣ, онъ упалъ съ мачты, сломалъ руку и, пролежавъ въ больницѣ, потерялъ мѣсто, а потому проситъ оказать ему содѣйствiе къ полученiю мѣста на Днѣпровскихъ пароходахъ. А. П. даетъ просителю рекомендательное письмо. Дней черезъ 8—10 молодой человѣкъ приходитъ въ формѣ капитана парохода и сердечно благодаритъ его за полученное мѣсто. «Очень радъ, только я васъ совсѣмъ не знаю и не припомню, когда я для васъ писалъ письмо». Наполняя карманы разными прошенiями во время исправленiя должности губернатора, А. П. за многихъ бѣдныхъ самъ уплачивалъ паспортныя пошлины, говоря въ досадѣ: «денегъ не имѣютъ, а еще ѣдутъ за границу». Въ это время «Губ. Вѣд.» стали получать нѣкоторый казенный оттѣнокъ, и стремленiя къ развитiю неоффицiальной части нѣсколько ослабѣли. Зато стали появляться въ изобилiи руководящiе служебные циркуляры».... (стр. 40, 41). «Увеличивающееся съ каждымъ годомъ число дѣлъ въ губ. правленiи и необходимость въ болѣе скоромъ разрѣшенiи ихъ отвлекали А. П. Баумгартена отъ особыхъ заботъ объ улучшенiи типографiи»....

До сихъ поръ о типографiи. Но типографiя находится при губ. правленiи. Итакъ, въ сотрудники себѣ по губ. правленiю А. П. Баумгартенъ намѣтилъ совѣтника губ. правленiя Наркисса Осиповича Брановскаго, съ возложенiемъ на него завѣдыванiя типографiей. Г. Брановскому на стр. 42—44 посвященъ теплый бiографическiй эскизъ, который необходимо привести полностью, такъ какъ онъ имѣетъ, вѣроятно, отношенiе къ задачѣ книги—историческому очерку губернской типографiи. И вотъ что узнаемъ: «Брановскiй прошелъ суровую школу жизни, испыталъ крайнiя степени нужды и воспитанъ на черномъ хлѣбѣ, пройдя тяжесть ученiя отъ монастырской и семинарской школьной скамьи до Петровской земледѣльческой и лѣсной академiи, находясь въ которой безъ средствъ, онъ успѣвалъ прiобрѣтать ихъ, при содѣйствiи директора академiи Королева, путемъ работъ на фермѣ и политехнической выставкѣ, а также переписыванiемъ лекцiй, дѣлясь порцiей скромнаго обѣда съ товарищами и отсылая часть своего скуднаго заработка на родину нуждавшимся родителямъ. Начавъ службу съ низшей ступени писца и проходя ее затѣмъ то въ тѣхъ, то въ другихъ должностяхъ по разнымъ вѣдомствамъ, представляя изъ себя мѣшокъ, набитый въ равной мѣрѣ

пороками и добродѣтелью, онъ въ трудѣ былъ оригиналенъ, въ жизни необщителенъ и, посвящая все время работѣ, игнорировалъ другія потребности и нужды семьи. Забывая невзгоды, онъ въ юности совершилъ цѣлый рядъ шалостей и претерпѣлъ не мало случайностей, подвергавшихъ его непріятностямъ и даже серьезной опасности. Въ описаніи юбилея Почаевской Лавры онъ упоминается, какъ совершившій прыжокъ съ пятнадцати-саженей высоты изъ-за полученія поджаренной сайки; тамъ же сочинилъ молитву: «Къ Тебѣ, о Мати Пресвятая» и, путемъ добытаго въ лаврской типографіи шрифта, напечаталъ ее на страницахъ казенныхъ учебниковъ, за что и былъ наказанъ, но молитва и теперь въ ходу и печатается легально; прервавъ въ 1863 году, на время, занятіе, онъ стремится съ ружьемъ въ м. Радзивиловъ для участія въ отраженіи польскихъ мятежниковъ, но здѣсь чуть не былъ заколотъ своими, заподозрившими въ молодомъ партизанѣ инсургента; въ г. Ровно онъ замертво падаетъ съ бѣшеной лошади и послѣ долговременнаго безсознательнаго положенія выздоравливаетъ, благодаря добросердечію и заботамъ Андрея Ивановича Косича—нынѣ помощника командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа, и командированнаго имъ артиллерійскаго врача Яблоньскаго; въ С.-Петербургѣ, спасая дочь съ опрокинутаго буксирнымъ пароходомъ катера, онъ самъ тонетъ въ Невѣ и случайно выплываетъ, ухватившись за свою собаку; въ Кіевѣ, желая послѣ утомленія глазъ промыть ихъ по рецепту, захватилъ вмѣсто черемуховой воды карболовую кислоту [1]); отъ несчастливой этой промывки былъ спасенъ усиліями врача Гальперина. Къ счастью, на службѣ онъ нигдѣ не считался вреднымъ и во многихъ случаяхъ даже пользовался нѣкоторымъ вниманіемъ. Такъ, состоя на службѣ въ Петербургѣ, онъ пользовался особымъ расположеніемъ бывшаго градоначальника Ѳедора Ѳедоровича Трепова, по порученію котораго читалъ лекціи околоточнымъ и городовымъ въ школѣ полицейскаго резерва и принималъ участіе въ составленіи учебника по этому предмету. Вниманіе Ѳ. Ѳ.—этого достойнаго лучшихъ страницъ исторіи администратора—выразилось въ публичной благодарности за труды, послѣ произнесенія прощальной рѣчи [2]). Брановскій и нынѣ служитъ въ

---

[1]) Надо думать, въ растворѣ?

[2]) Слѣдуетъ примѣчаніе, гдѣ приведена цѣликомъ рѣчь градоначальника.

Губернскомъ Правленіи, завѣдывая типографіей, въ духѣ новыхъ требованій и желаній начальства, направленныхъ къ прогрессивному улучшенію дѣла, драблѣя (sic) лишь подъ вліяніемъ времени, уносящемъ (sic) все прошлое его и надежды въ архивную связку».

«Хотя техническая часть губернской типографіи не улучшалась, доходность ея однако не падала, и избытки обращались преимущественно на нужды канцеляріи губ. правленія, а также на пособія бѣднѣйшимъ чиновникамъ». Дабы доходы не падали, изобрѣтено было оригинальное средство. Положимъ, содержатель ссудной кассы печатаетъ въ Губ. Вѣдомостяхъ *одно* объявленіе о продажѣ *пяти* вещей: публикаціонныя деньги взыскиваются съ него какъ за пять отдѣльныхъ объявленій. Содержатель кассы протестуетъ, но тщетно. Протестуетъ противъ подобныхъ же операцій хозяйственный комитетъ Кіевскаго мѣстнаго арсенала, но тщетно, и платитъ 13 р. 50 к. вмѣсто 1. р. 50 к.; протестуетъ Кіево-Подольское управленіе гос. имуществами, которое имѣло несчастіе напечатать одно объявленіе о продажѣ лѣса въ 49 дачахъ: взыскивается какъ за 49 отдѣльныхъ объявленій; тщетно протестуетъ и волынское губернское правленіе: за одну публикацію о 139 коробочныхъ сборахъ со слезами на глазахъ уплачиваетъ сіе правленіе еврейскими деньгами какъ за 139 отдѣльныхъ публикацій,—вмѣсто 1 р. 50 к.—208 р. 70 к. При всемъ томъ, правительственныя учрежденія неохотно дѣлаютъ заказы губернской типографіи, которая до 1895 г. оставалась при старыхъ машинахъ, плохихъ шрифтахъ и первобытныхъ двигателяхъ. И однако, доходы типографіи увеличиваются: въ 1885 г. 23 283 р., а въ 1895 г. уже 44 944 р.; расходъ въ 1895 г. превышаетъ доходъ и образуется до $13^1/_2$ т. руб. долга, потому что типографія должна покрывать дыры бюджета губ. правленія, но въ какой мѣрѣ, не видно и теперь. Въ виду необезпеченности рабочихъ, въ 1895 г. поднятъ вопросъ о распространеніи устава кассы чиновниковъ на служащихъ въ типографіи, «но вопросъ этотъ остался открытымъ и по настоящее время (т. е. къ столѣтнему юбилею), а между тѣмъ рабочіе типографіи, дающіе своимъ тяжелымъ трудомъ въ распоряженіе начальства избытки доходовъ, сами, въ минуту бѣдствій, не находятъ покровительственнаго учрежденія, могущаго предложить имъ мелкій кредитъ, а послѣ утраты работоспособности, по старости или инымъ недугамъ,—пенсію или единовременное пособіе. Поэтому вопросъ объ учрежденіи

кассы мелкаго кредита для типографскихъ рабочихъ и объ обезпеченіи ихъ подъ старость представляется вполнѣ назрѣвшимъ» (стр. 50).

Почему же сей назрѣвшій вопросъ не получаетъ дальнѣйшаго движенія по установленному порядку, согласно съ дѣйствующими на сей предметъ правилами, узаконеніями и особыми распоряженіями? На это авторъ отвѣчаетъ такъ: „Частая смѣна служащихъ, имѣющихъ отношеніе къ описываемому предмету, отчасти затрудняетъ открытіе объективной истины и установленіе причинной или эволюціонной связи между фактами и явленіями, а между тѣмъ задачи историческаго очерка, главнымъ образомъ, и должны заключаться съ одной стороны въ возстановленіи дѣйствительной связи фактовъ, а съ другой, отличаться тѣмъ безпристрастіемъ, которое называется историческимъ объективизмомъ».

Что-то темно, но спорить трудно: конечно, объективность прежде всего, затѣмъ точные факты, затѣмъ согласные съ закономъ и логикой выводы.

Къ сожалѣнію, ни фактовъ, ни выводовъ нѣтъ, остается лишь объективизмъ, и читатель остается въ тяжкомъ раздумьи. Ибо дальше повѣствуется вотъ о чемъ.

Вице-губернаторъ Д. С. Өедоровъ, при которомъ куплены новыя машины и возбужденъ (кѣмъ?) вопросъ объ улучшеніи быта типографскихъ рабочихъ, прослужилъ весьма короткое время, оставилъ службу и начальникъ газетнаго стола. Вице-губернаторомъ назначенъ П. А. Слѣпцовъ. «Послѣ этихъ перемѣнъ наступило затишье, продолжавшееся около двухъ лѣтъ, до наступленія болѣе существенныхъ измѣненій въ составѣ высшей администраціи, или измѣненій, которыя можно отнести къ новой эпохѣ какъ исторіи края, такъ и исторіи скромнаго учрежденія губернской типографіи»... П. А. Слѣпцовъ «очаровывалъ окружающихъ благовоспитанностью и тактомъ, обладалъ вполнѣ зрѣлой административной мудростью и высокой научной подготовкой, которая давала ему возможность безъ особыхъ напряженій раздѣлять и облегчать власть губернатора и разрѣшать особенно удачно и легко тѣ вопросы по ввѣренному ему Правленію, или такъ наз. текущія дѣла, надъ которыми, изнемогая въ безсиліи, сидѣли по цѣлымъ суткамъ чиновники». Куплена литографская машина, установленъ электрическій двигатель, упразднены рабочіе вертельщики. Въ 1898 г. доходъ типографіи достигъ 55.318 р.

Но «этимъ еще не исчерпывается характеристика двухлѣтняго періода, которому можно дать названіе либеральнаго»: «снова возобновилось пополненіе неоффиціальной части «Губ. Вѣд.», хотя съ меньшею тенденціозностью на популярность» (cur, quomodo, quibus auxiliis?!). Именно—въ 1896 и 1897 г. напечатаны статьи о государственныхъ сберегательныхъ кассахъ, о переоцѣнкѣ земель въ европейской и азіатской Россіи, о нуждахъ церковнаго дѣла на сибирской желѣзной дорогѣ и Забайкальи, о жучкѣ древоточкѣ и амбарномъ долгоносикѣ, о пріютахъ самопомощи, о вліяніи климата на урожаи зёрна и о 900-лѣтіи Десятинной церкви въ Кіевѣ; наконецъ, измѣненъ форматъ вѣдомостей, съ сокращеніемъ расхода на бумагу. «Въ дѣлахъ мірскихъ, увлекаясь прибылью, или огорчаясь убытками, мы всегда стоимъ на почвѣ матеріальной,—измѣнчивой и ничтожной. Возвышающая чувства и чуждая матеріализма идея бытія и Бога наиболѣе свойственна средѣ, пребывающей въ нуждѣ и трудѣ». Уже въ 1799 г. рабочіе типографіи на трудовые гроши соорудили для типографіи икону святителя чудотворца Николая; въ 1895 г. иждивеніемъ наборщиковъ поставлена икона св. Дмитрія; въ 1897 г.—икона св. Кирилла и Меѳодія, патроновъ печатнаго дѣла, съ неугасимыми лампадами, огонь въ коихъ поддерживается на средства устроенной наборщиками кружки. 11 мая рабочіе празднуютъ память первоучителей славянскихъ.

«Характеристика послѣднихъ двухъ лѣтъ 1898 и 1899 годовъ составляетъ послѣднее наслоеніе впечатлѣній и живую картину. Какъ въ отношеніи общаго состоянія административныхъ дѣлъ, такъ и въ частности состоянія губернской типографіи можно сказать, что «со свѣтомъ истины и счастья мы приближаемся къ двери будущаго». Назначены новые генералъ-губернаторъ, губернаторъ, вице губернаторъ, факторъ типографіи и начальникъ газетнаго стола,—впрочемъ, вліяніе этой послѣдней перемѣны въ газетномъ столѣ «на ходъ дѣла въ типографіи покажетъ будущее». «Такіе счастливые исходы и замѣщенія въ высшей администраціи, по истинѣ, имѣютъ характеръ событія послѣднихъ двухъ лѣтъ. Съ одной стороны у насъ всемірный авторитетъ военной науки и военнаго краснорѣчія, сердцевѣдъ русскаго солдата и знатокъ народныхъ нуждъ; съ другой—администраторъ, унаслѣдовавшій весьма цѣнныя данныя по истроріи полицейскаго права, изучившій современныя требованія этого права и обладающій добрымъ

сердцемъ и сильной энергіей. За нимъ слѣдуетъ его достойный помощникъ, полный благородства, опытности и дѣловитости. Для осуществленія высокихъ административныхъ задачъ, которыя должны выразиться: въ ясности, простотѣ, силѣ и спѣшности, умѣньи овладѣть довѣріемъ подчиненныхъ и населенія, создать послѣднему условія, охраняющія жизнь, здоровье, имущество, общественный порядокъ и безопасность, словомъ, въ стремленіи къ идеалу общаго благополучія — ничего другого и не нужно, равно не нужно и другихъ поясненій, ибо «никогда не сильтся растолковать то, что видно только изъ дѣла» [1]).

«А изъ дѣла видно, что и губернская типографія ко дню своего столѣтія не старѣетъ, а обновляется новыми силами и новымъ порядкомъ, словомъ идетъ по слѣдамъ прогресса»...

Гигіеническія условія работы въ типографіи очень нехороши. Поэтому возбужденъ вопросъ о постройкѣ особаго зданія, да денегъ нѣтъ, и вопросъ остался открытымъ. Выписаны нѣкоторыя машины, введено электрическое освѣщеніе.

Въ 1899 г. работало до 60 человѣкъ съ содержаніемъ въ мѣсяцъ отъ 1000 до 1240 р. Ко дню юбилея типографія имѣла долга болѣе 21 т. руб. Предположено дать движеніе вопросу о допущеніи типографскихъ служащихъ къ участію въ ссудо-сберегательной кассѣ чиновниковъ губ. правленія. Приказано устроить предохранители у машинныхъ приводовъ, для предупрежденія несчастій. Устроена гимнастика для малолѣтнихъ рабочихъ [2]). Многое еще нужно устроить, многое намѣчено на будущее время, ибо «наша типографія далеко уступаетъ требованію жизни, а между тѣмъ «царство науки не знаетъ предѣла, всюду слѣды ея вѣчныхъ побѣдъ»....

Вотъ все существенное, что можно извлечь изъ настоящей книжки, представляющей собою, можно сказать, явленіе безпримѣрное въ юбилейной литературѣ всѣхъ временъ и народовъ.

Авторъ, какъ видно, съ одной стороны задался цѣлями слишкомъ широкими, съ другой — чрезмѣрно съузилъ рамки разсказа. Оттого, вмѣсто изложенія фактовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ

---

[1]) Ссылка на „Программу для обученія рядовыхъ“.

[2]) Авторъ подтверждаетъ пользу гимнастики ссылками на Софокла, Сократа, Ликона, Пиѳагора, Платона, Руссо и Локка.

исторіи губернской типографіи, приходится узнать много такого, чему мѣсто скорѣе въ литературѣ мемуаровъ.

Съ этой точки зрѣнія, книга, по безхитростной манерѣ изложенія и по теплотѣ стиля, возвышающагося иногда до истиннаго паѳоса, заслуживаетъ несомнѣннаго вниманія. Конечно, желательно было-бы встрѣтить въ юбилейномъ изданіи больше фактовъ и больше связности въ группировкѣ хотя-бы и скуднаго матеріала,—но что отложено, то не потеряно: нѣтъ сомнѣнія, что въ 1999 году двухсотлѣтній юбилей кіевской губернской типографіи будетъ отмѣченъ изданіемъ болѣе полнымъ фактически; едва-ли, однако, это будущее изданіе можетъ стать выше нынѣшняго по теплотѣ чувствъ и мастерству характеристикъ.

Книга украшена многими портретами мѣстныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ и такихъ, которые не имѣютъ никакого отношенія къ исторіи губернской типографіи.

Н. М.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 9; 2) Русская Старина, № 10; 3) Историческій Вѣстникъ, № 10; 4) Журналъ Министерства Народн. Просвѣщ., № 10; 5) Вѣстникъ Европы, № 10; 6) Русская Мысль, № 10; 7) Научное Обозрѣніе, № 10; 8) Русская Школа, № 9; 9) Книжки Восхода, № 9; 10) Літературно-Науковий Вістник, № 10; 11) Ateneum, № 10; 12) Biblioteka Warszawska, № 10; 13) Slovanský Přehled № 10 (1); 14) Труды Кіевской Духовной Академіи № 9; 15) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета № 9; 16) Kwartalnik Historyczny № 3; 17) Przewodnik naukowy i literacki, № 8.

Русскій Архивъ № 9.

Изъ моей старины. Воспоминанія князя А. В. Мещерскаго (продолженіе), (стр. 71—84).

Воспоминанія автора относятся къ 1839 году, проведенному имъ въ Москвѣ. Онъ разсказываетъ о знакомствѣ съ Лермонтовымъ,

разсказываетъ о нѣкоторыхъ особенностяхъ Лермонтова, характеризующихъ личность послѣдняго; между прочимъ, упоминаетъ, что Лермонтовъ *хорошо* говорилъ по-малорусски и неподражаемо умѣлъ разсказывать малорусскіе анекдоты. Имъ, будто-бы, былъ пущенъ извѣстный анекдотъ о томъ хохлѣ, который ѣхалъ по непомѣрно широкой почтовой дорогѣ, задремалъ, волы свернули съ дороги и зацѣпились за поверстный столбъ, а проснувшійся хохолъ обругалъ «бисову тисноту, що не можна и возомъ розминутыся»!

С. И. Кедровъ. Настоящее и будущее архивныхъ коммиссій (стр. 85—104) (по поводу книги Д. Я. Самоквасова: «Централизація государственныхъ архивовъ Западной Европы въ связи съ реформой въ Россіи» М. 1899).

Авторъ считаетъ необходимымъ будущую реформу архивнаго управленія въ Россіи совершить въ направленіи государственномъ и въ основу ея положить начала централизаціи архивнаго управленія и матеріаловъ; но соотвѣтственно ходу исторической жизни Россіи распредѣленіе матеріаловъ въ Русскихъ архивахъ получилось-бы иное. Дѣла до-Екатерининскаго времени (до 1775 г.—времени учрежденія губерній) удобнѣе всего сосредоточить въ особо устроенныхъ центральныхъ архивахъ, а позднѣйшія—въ губернскихъ. Къ участію въ расходахъ на нужды спеціальнаго архивнаго управленія могли бы быть привлечены земства и городскія думы, а кромѣ того могла бы быть отчисляема часть доходовъ губернскихъ типографій. Но съ проведеніемъ упомянутой реформы пришлось бы произвести нѣкоторыя измѣненія въ существующемъ устройствѣ архивныхъ коммиссій, и, прежде всего—«было-бы естественно не спѣшить открытіемъ новыхъ коммиссій». Что-же касается до существующихъ, то: 1) необходимо снабдить ихъ денежными средствами, 2) освободить отъ почтовыхъ расходовъ, 3) предоставить право безвозмезднаго печатанія въ губернскихъ типографіяхъ всякаго рода бланковъ, описей, каталожныхъ книгъ и вобще «Трудовъ» коммиссіи.

«Словомъ, настоящее положеніе архивныхъ коммиссій нуждается въ преобразованіи, какъ вообще все архивное дѣло въ Россіи, въ интересахъ развитія исторической науки и связаннаго съ нимъ народнаго самосознанія».

Николай Лернеръ. Письмо А. С. Пушкина къ Е. И. Люценку (стр. 143—144).

Еще въ 1888 г. въ «Кіевской Старинѣ» (№ 1—3, стр. 39—40), «Землякъ изъ-подъ Глухова» въ отдѣлѣ «Для справокъ» называетъ переводчикомъ изданной А. С. Пушкинымъ въ 1836 г. книги «Вастола, повѣсть въ стихахъ,—соч. Виланда»—Ефима Петровича Люценка, родомъ Черниговца, служившаго съ 1811—1813 секретаремъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ. Въ настоящей замѣткѣ г. Лернеръ приводитъ письмо А. С. Пушкина къ Е. П. Люценку, содержаніе котораго касается изданія «Вастолы».

—

Русская Старина № 10.

Алексѣй Мердеръ. Почаевская лавра въ 60-хъ годахъ (стр. 110).

Приведено содержаніе записки, полученной, въ срединѣ 60-хъ годовъ, главнымъ начальникомъ Юго-Западнаго края, изображающей порядки Почаевской лавры.

Высочайшая благодарность митрополиту кіевскому и галицкому Евгенію за его трудъ (стр. 140).

Рескриптъ императора Александра I митрополиту Евгенію отъ 28 августа 1825 года за составленное послѣднимъ описаніе Кіево-Софійскаго собора и Кіевской іерархіи. «Сей трудъ вновь удостовѣряетъ меня, что вы, назидая во спасеніе паству, вамъ ввѣренную, споспѣшествуете въ то-же время къ распространенію познаній церковной нашей исторіи».

Н. К. Шильдеръ. Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго. 1824 годъ (Продолженіе) (стр. 201—218).

Авторъ воспоминаній, историкъ отечественной войны, назначенный бригаднымъ командиромъ въ Полтавскую губернію, сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о бытѣ нѣкоторыхъ городовъ Полтавской губерніи (Кременчугъ, Лубны, Золотоноша) въ началѣ истекающаго столѣтія, о жизни мѣстныхъ помѣщиковъ (Родзянко, Требинскіе, Булюбашъ, Лисенко, бывшій министръ юстиціи Трощинскій), о положеніи въ то время Малороссіи вообще. «Я не находилъ въ Малороссіи ни одного человѣка, съ которымъ мнѣ удавалось говорить, выгодно къ Россіи расположеннымъ; во всѣхъ господствовалъ явный духъ оппозиціи» (стр. 212).

«Я замѣтилъ еще, что при каждомъ удобномъ случаѣ малороссіяне осуждали правленіе Александра и выхваляли царствованіе Екатерины. Къ распространенію сего мнѣнія способствовалъ преимущественно жившій недалеко отъ Лубенъ, бывшій министръ юстиціи,

Трощинскій, старикъ лѣтъ 80, почитавшійся въ Малороссіи оракуломъ. Домъ Трощинскаго служилъ въ Малороссіи средоточіемъ для либераловъ; тамъ, напримѣръ, находились безотлучно одинъ изъ Муравьевыхъ-Апостоловъ, сосланныхъ впослѣдствіи на каторгу, и Бестужевъ-Рюминъ, кончившій жизнь на висѣлицѣ» (стр. 213—214).

«Такая ненависть происходила отъ нарушенія правъ Малороссіи, отъ упадка кредита и промышленности, отъ возвышенія налоговъ, которые въ Малороссіи произвели повсемѣстную бѣдность, и отъ дурнаго устройства судебныхъ мѣстъ, гдѣ совѣсть была продажная». «Крестьяне находились въ самомъ бѣдственномъ состояніи, они стонали подъ тягостію налоговъ, для взиманія коихъ, особенно для сбора накопившихся въ значительномъ количествѣ недоимокъ, употребляли самыя жестокія мѣры, напримѣръ—лѣтомъ клали подъ рубашку крапиву, а зимою выводили несчастныхъ козаковъ на улицу, снимали обувь и обливали голыя ноги водою, отъ чего происходили ужасныя мученія, или земская полиція выламывала окна и печи у тѣхъ казенныхъ крестьянъ, на коихъ числились недоимки».

«Я не нашелъ въ Малороссіи ни одной отрасли промышленности, которая-бы въ чемъ-либо дѣлала успѣхи, или то, что англичане называютъ improvements». «Хлѣбопашество и рукодѣлія были въ дѣтствѣ, овцеводство, могущее быть источникомъ изобилія подъ ея благословеннымъ небомъ, почти было неизвѣстно, торговля едва существовала на мелочныхъ ярмаркахъ, а о наукахъ и художествахъ не стоитъ упоминать. Въ просвѣщеніи малороссіяне находились едва-ли на высшей степени, на какой они были при гетманахъ» (sic!).

Вѣстникъ Европы № 10.

Въ «Литературномъ обозрѣніи» г. *Т.* помѣстилъ коротенькій, но весьма опредѣленный отзывъ о двухъ брошюрахъ проф. ***Флоринскаго*** «Малорусскій языкъ и украінсько-руськый литературный сепаратизмъ» и «Зарубежная Русь и ея горькая доля». Первая изъ этихъ брошюръ есть не что иное, какъ изданіе отдѣльной книгой извѣстныхъ уже читателямъ статей изъ газ. «Кіевлянинъ», а вторая представляетъ рѣчь г. Флоринскаго въ годичномъ собраніи Кіевскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Упрекая автора брошюръ за то, что онъ «внесъ въ изслѣдованіе малорусскаго литературнаго сепаратизма такую раздражитель-

ность, которая не подобала-бы человѣку науки и способна помѣшать даже благимъ его пожеланіямъ относительно зарубежной Руси»,—г. Т. указываетъ на причины развитія этого сепаратизма, скрывающіяся отчасти и въ тѣхъ методахъ рѣшенія вопроса, какіе употребляетъ самъ г. Флоринскій. По вопросу о протестѣ г. Флоринскаго противъ допущенія на XI археологическомъ съѣздѣ чтенія галицко-русскими учеными рефератовъ на своемъ книжномъ языкѣ, авторъ замѣтки высказываетъ слѣдующую прекрасную мысль: «Намъ представляется унизительнымъ для *необъятной силы русской ученой литературы и для міровогo значенія обще-русскаго языка* (слова г. Флоринскаго) этотъ малодушный страхъ, что ихъ достоинство понесетъ ущербъ оттого, что нѣсколько галичанъ (которые, какъ мы знаемъ по собственному наблюденію, дѣйствительно иногда очень плохо владѣютъ русскимъ разговорнымъ языкомъ,—даже люди ученаго круга) прочли-бы рефераты на своемъ языкѣ. Объ этой воображаемой опасности смѣшно говорить; но нравственный авторитетъ русскаго языка и науки несомнѣнно выросъ-бы еще болѣе, когда-бы *русское* научное предпріятіе, какимъ былъ кіевскій съѣздъ, равно обнимали всѣ славянскія силы, безъ различія и безъ мелкихъ счетовъ» (стр. 842—845).

Літературно-Науковий Вістник, № 10.

Наш альбом. Із поезий Одарки Романової (I—XI). (стр. 1—6).

Без пуття. Оповіданне по декадентському Івана Левіцького (далі) (стр. 7—28).

Похорони. Нарис Сергія Ефремова (стр. 29—34).

Зъ галицьких образків Андрія Веретельника: 1. Шкода, 2. Квіток. 3. Батькова шапка. 4. Пані. 5. Або сиди, або плати. 6. Школярі (стр. 35—49).

Перехресні стежки. Повість Івана Франка (далі) (стр. 50—79).

Понад наші сили. Драматичні картини Бернштерна Бернзона (I—II) (стр. 80—108).

Із студий і нарисів Марка Твайна. I. Страховища німецької мови, (стр. 109—120).

По за межами можливого, Ів. Франка (стр. 1—9).

До життепису М. О. Дикарева, Олександра Кониського (далі буде) (стр. 10—29). Авторъ, на основаніи личной переписки, соста-

вилъ возможно полный очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго съ указаніемъ на его литературные (этнографическіе) труды.

Панько Олелькович Куліш. Огляд його діяльности. Написав Осип Маковей (стр. 30—43) (продолженіе) Пребываніе Кулиша въ Варшавѣ въ 1864—1867.—Причины оставленія имъ службы въ Варшавѣ.—Служба въ Петербургѣ въ 1873—1874 гг.

Новини нашої літератури. (Тарас Бульба, нова перерібка М. П. Старицького). Г. Г—а (стр. 44—49). Черезчуръ придирчивый разборъ пьесы г. Старицкаго «Тарасъ Бульба».

Друга руська артистична вистава у Львові,—М. Грушевського (50—54). Впечатлѣнія, вынесенныя авторомъ при посѣщеніи выставки.

Хроніка і бібліографія (55—68). По обыкновенію, интересный и цѣнный матеріалъ для текущей культурной жизни Украины—Руси.

Ateneum, № 10.

Bronisław Gubrynowicz (стр. 97—110). Trzeci zjazd historyków polskich w Krakowie (стр. 97—110). Авторъ даетъ обзоръ рефератовъ, прочитанныхъ на съѣздѣ, значительная часть которыхъ касалась вопросовъ, близкихъ нашей области изслѣдованія, какъ напр. проф. Tretiaka «O żywiole ruskim w literaturze polskiej»; О. Колессы—два реферата по украинско-русской литературѣ; Piotra Bieńkowskiego—«Sarmaci i Roksolanie w sztuce rzymskiej»; K. Bołsunowskiego: 1) Najdawniejsze pomniki chrześcijaństwa na Rusi, 2) «Wiadomości o domniewanym kalendarzu litewskim» Berto Gedymina «zwanym»; Ksawerego Chamca: «Przeddziejowe stosunki zewnętrzne ziemi Kijowskiej»; Juliana Pagaczewskiego—«W sprawie inwentaryzacyi zabytków sztuki w Polsce, a zwłazcza w Galicyi».

Въ отдѣлѣ «Rozbiory i sprawozdanio» (стр. 178—180)—помѣщена рецензія на книгу. Zygmunta Glogera: «Geografia historyczna dawniej Polski», z dodaniem mapy Rzeczypospolitej I. Babireckiego.

Slovansky přehled, č. I (годъ III), № 10.

Въ отдѣлѣ «Rozhledy a zprávy» (стр. 47—48) упоминается о дѣятельности «Рускоі Ради» і «Галицко-Рускоі Матіци» въ Галиціи и Буковинѣ, «объ эмиграціи изъ Херсонской губерніи, о дѣятельности Харьковскаго и Черниговскаго комитетовъ трезвости, о поло-

женія церковно-приходскихъ школъ въ Новороссіи, о русинахъ въ Бразиліи.

—

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, № 9.

А. Архангельскій. Образованіе и литература въ Московскомъ Государствѣ кон. XV—XVII вв. (стр. 33—130) (продолженіе; начало—въ 1898, № 4).

Упоминая о польскомъ вліяніи (въ XVI и XVII вв.) на Московскую Русь, авторъ перечисляетъ, между прочимъ, произведенія, носящія слѣды пребыванія ихъ въ Юго-Западной Руси, какъ-то: переводы: Описанія Сарматіи Гваньини, Ogroda Krolewskiego (Вертоградъ Королевскій); «Хроника Свѣта»—М. Бѣльскаго, переведенная съ западно-русскаго оригинала, «Позорище всея вселенныя, или Атласъ Новый», *Блеу*—переводъ отчасти «Епифаніевъ», отчасти «Исаіи, товарища Епифаньева»; Сборникъ путешествій въ Индію—м. Готарда Артхуса, «Управленіе здравія врачевъ парижскихъ царю аглицкому списанное и т. д.», Великое Зерцало.

—

Kwartalnik Historyczny № 3.

Dr. Zbigniew Pazdro. Sądy konfederacyjne z roku 1672—1673. Epizod z dziejów sądownictwa polskiego (стр. 409—446). Авторъ отыскалъ во Львовскомъ архивѣ о.о. Бернардиновъ акты конфедераціоннаго суда, функціонировавшаго съ января до конца апрѣля 1673 г. Между прочимъ онъ указываетъ, что въ русскомъ воеводствѣ одновременно дѣйствовали 3 конфедераціонные суда, особые для каждой земли: львовской, перемышльской и саноцкой (въ галицкой землѣ ихъ не было, о холмской ничего неизвѣстно). Засѣданія судовъ происходили въ главномъ городѣ каждой земли: Львовѣ, Перемышлѣ, Саноке; мѣстомъ «obrad» былъ замокъ, гдѣ происходили городскіе суды.

Dr. Zbigniew Pazdro. Ordynacya sądu konfederacyjnego przemyskiego z. r. 1673 (стр. 457—462). Приложеніе къ предыдущей статьѣ: регуляминъ, утвержденный судомъ на первомъ засѣданіи.

Въ отдѣлѣ «Recenzye i Sprawozdanie» (стр. 494—497 и 518—519) помѣщены отзывы: о трудѣ Jablonowskiego Alexandra: «*Akademia Kijowsko-Mohilańska.* Zarys historyczny na tle rozwoju ogòlnego cywilizacyi Zachodniej na Rusi. Kràkòw. 1899—1900», и Емиліана

Терлецкого «*Козаки на Білій Руси в р. 1654—1656* (Зап. наук. Тов. ім. Шевченка, т. XIV).

—

Przewodnik naukowy i literacki, № 8.

Dr. Bronisław Loziński. Agenor hr. Gołuchowski w pierwszym okresie rządów swoich (1846—1859) (стр. 977—1013) (продолженіе).

Весьма любопытные матеріалы, характеризующіе борьбу русинской народности съ польской въ 1849 году. Разсказывается о введеніи нѣмецкаго языка, въ качествѣ употребляемаго въ школахъ, и малорусскаго языка—какъ обязательнаго предмета,—въ школахъ восточной Галиціи.—Дѣятельность свящ. Шашкевича.—Уничтоженіе обязательности малорусскаго языка въ школахъ.—Введеніе утраквизма. Первое признаніе правительствомъ руссофильства въ Галиціи.—Дѣло свящ. Головацкаго.—Вопросъ о введеніи латинскаго алфавита въ малорусское правописаніе и объ уравненіи календарей.—Общій взглядъ на святоюрское движеніе.

Korespondencya Józefa Bohdana Zaleskiego (стр. 1014—1020) (продолженіе).

Интересное письмо Залескаго изъ Парижа ксендзу Ипполиту Терлецкому, въ Римѣ, отъ 17 іюля 1848 г., въ которомъ онъ совѣтуетъ послѣднему, въ виду политическихъ осложненій въ Галиціи, отправиться въ Русь галицкую. «Ruś zadziera na seryo z Lachami, chce niepodległego, osobnego bytu»; создались русскіе (малорусскіе) комитеты... Однако есть среди духовенства и свѣтскихъ болѣе разсудительныя личности, совѣтующія сохранять согласіе и единодушіе съ Поляками, поставивъ цѣлью свободное развитіе Русской народности — «Owoż tych mężów godzi się podpierać całemi siłami»,—а это возможно лишь на мѣстѣ, во Львовѣ». Самъ Залескій надѣется получить позволеніе на переселеніе во Львовъ, въ особенности, если Вацлавъ Залевскій будетъ назначенъ губернаторомъ послѣ Стадіона. «Замышляютъ во Львовѣ издавать русскій (малорусскій) журналъ,— и въ этомъ отношеніи братъ Владиславъ былъ бы имъ въ высшей степени надобенъ, «bo wielki brak pisarzy ruskich»: кромѣ кс. Цеглевича нѣтъ никого во Львовѣ, кто-бы былъ въ состояніи писать газетныя статьи по-русски».

—

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ 27 выпускѣ «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа» (Тифлисъ, 1900 г.) помѣщена, между прочимъ, любопытная статья М. Г. Джанашвили: *«Осада Константинополя скиѳами, кои суть русскіе, и походъ императора Ираклія въ Персію»* (стр. 1—64).

Любопытный во многихъ отношеніяхъ разсказъ этотъ о нападеніи скиѳовъ-русскихъ на Константинополь въ 626 г., появившійся въ свѣтъ въ 1042 году въ Грузіи, составленъ на основаніи византійскихъ хроникъ, частью извѣстныхъ намъ, частью же утерянныхъ для исторической науки или, можетъ быть, еще не разысканныхъ. Это не простой переводъ съ неразысканной еще какой-нибудь греческой хроники, но повѣствованіе, составленное по многимъ византійскимъ источникамъ.

До сихъ поръ ни одинъ изъ греческихъ писателей, говорившихъ объ участіи скиѳовъ въ упомянутомъ походѣ, не упоминалъ ничего о русскихъ. Откуда же они взялись у неизвѣстнаго автора повѣствованія? Допуская, что неизвѣстный намъ греческій первоисточникъ назвалъ враговъ, осаждавшихъ въ 626 г. Византію, русскими подъ вліяніемъ походовъ Аскольда и Дира, Олега, Игоря, а равно и походовъ Святослава, войска котораго Левъ Діаконъ назвалъ также скиѳами,—г. Джанашвили высказываетъ предположеніе, что авторъ повѣствованія (грузинъ) самъ вставилъ въ названіе *скиѳы* поясненіе, что они тѣ-же *русскіе*. «Тогдашняя Грузія не могла не знать Кіевской Руси. Это былъ славный вѣкъ Ярослава Мудраго, когда Мстиславъ Тмутараканскій воевалъ съ косожскимъ княземъ, и потому, естественно, у грузинскаго лѣтописца могла явиться мысль, что и въ началѣ VII в. стучался у воротъ Византіи не кто иной, какъ русскій хаганъ (каганъ), съ русскою ратью».

—

Въ № 6 «Всеславянскаго органа» —«Славянскій вѣкъ» —г. Вѣди-како, въ статьѣ *«Малорусскій или общерусскій языкъ?»* распространяется объ «искусственности и условности» книжнаго малорусскаго языка, дѣлаетъ ссылки по этому поводу на книжку проф. Флоринскаго «Малорусскій языкъ и украинско-русскій сепаратизмъ» (Спб. 1900), совѣтуетъ галицкимъ «русскимъ» принять обще-русскій языкъ и, наконецъ, подаетъ, неизвѣстно къ чему, совѣтъ «отбросить на время ни на чемъ не основанную щепетильность и поглубже и повнимательнѣй заглянуть въ русскую литературу и въ русскую

жизнь; при всѣхъ несовершенствахъ этой жизни, и опи (различные мелкіе народы) найдутъ въ ней много для себя новаго, интереснаго и поучительнаго»...

И никто противъ послѣдняго не споритъ... Какую бы мы славянскую народность ни взяли,—будутъ ли это чехи, поляки, галицкіе малоросы—у всѣхъ ихъ замѣчаемъ живѣйшій интересъ къ знакомству съ русскими талантливыми писателями, какъ Л. Толстой, Горькій, Чеховъ и др. Автора же, не видящаго всего этого, можно упрекнуть въ умышленной или неумышленной близорукости.

—

Въ №№ 231 и 234 газеты «Русланъ» помѣщено интересное изслѣдованіе (не оконченное еще) подъ загл. *«Характеристика поэзіи Петра Гулака-Артемовского»*. Разсмотрѣвъ всѣ принадлежащія перу Г.—Артемовскаго произведенія, авторъ приходитъ къ выводу, что украинская литература въ позднѣйшихъ произведеніяхъ своихъ писателей значительно пошла впередъ, въ сравненіи съ предыдущими. Главнымъ мотивомъ произведеній Артем., по словамъ автора, является—протестъ противъ крѣпостничества, въ соединеніи съ горячей любовью къ родному слову.

—

Въ №№ 221—226, 228, 233—234, 236 газ. «Дѣло» печатается обширное изслѣдованіе Ив. Рудовича *«Унія въ Львовской епархіи»*. Авторъ, начавъ съ 1596 года, касается дѣятельности еп. Балабана, отмѣчаетъ слѣды уніи во львовской епархіи въ началѣ XVII в., останавливается на попыткахъ еп. Іосифа Шумлянскаго ввести унію указываетъ постепенный упадокъ православія во львовской еп. и вообще въ Польшѣ и на причины этого упадка, разсказываетъ о неудачномъ соборѣ 1694 г., о провозглашеніи уніи во львовской епархіи въ 1700 г. и о принятіи уніи львовской Ставропигіей въ 1708 г.

—

Въ № 6817 газ. «Южный Край» помѣщена статья М. Павловскаго *«Выставка картинъ художника С. И. Васильковскаго»*. Авторъ раздѣляетъ картины г. Васильковскаго по содержанію на три типа: Украина и украинская Старина, иллюстраціи Крыма и итальянскіе и восточные мотивы. Что до перваго цикла, то отзывъ критика о работахъ художника въ этой области не слишкомъ хвалебный.

—

Въ № 981 газ. «Приднѣпровскій Край» г. Петръ Южный помѣстилъ статью *«О народной пѣснѣ»*, въ которой, отмѣчая повсемѣстный упадокъ народнаго творчества, или, по крайней мѣрѣ, сильное видо-

измѣненіе содержанія подъ вліяніемъ новаго уклада жизни, призываетъ къ дѣятельности малорусскихъ авторовъ и композиторовъ, указывая на почтенную дѣятельность въ этомъ направленіи мѣстнаго изслѣдователя Я. П. Новицкаго, автора «Малорусскихъ пѣсенъ Екатеринославской губерніи».

—

Въ сентябрьской книжкѣ журнала «Жизнь» помѣщена статья талантливой молодой писательницы г-жи Л. Украинки о малорусскихъ писателяхъ въ Буковинѣ, а именно—о Юріи Федьковичѣ, Ольгѣ Кобылянской и Стефаникѣ. Эти писатели пользуются гораздо большей извѣстностью въ Австріи и Германіи, чѣмъ въ Россіи, для которой, въ сущности, они могли бы имѣть болѣе интереса и значенія.

Яркій, напр., оригинальный талантъ Стефаника привлекъ вниманіе не только соотечественниковъ автора; переводы его разсказовъ начинаютъ появляться въ польскихъ, русскихъ (два его разсказа помѣщены въ «Сѣв. Кур.») и нѣмецкихъ изданіяхъ. Въ концѣ прошлаго года въ берлинской «Gesellschaft» былъ помѣщенъ переводъ одного разсказа Стефаника («письмо арестанта») съ восторженнымъ примѣчаніемъ редакціи. Между тѣмъ, по справедливому замѣчанію автора цитируемой статьи, нѣмцы не очень щедры на похвалы писателямъ новыхъ литературъ, и только выдающіеся представители такихъ литературъ имѣютъ шансы на успѣхъ у нѣмецкой критики. Уже одинъ этотъ фактъ доказываетъ, по мнѣнію г-жи Л. Украинки, что молодая литература маленькой малорусской вѣтви представляетъ вовсе не малую художественную цѣнность. Кромѣ художественнаго, эта литература имѣетъ и общественное значеніе.

Въ заключеніе своей интересной статьи авторъ, указавъ на тотъ фактъ, что малочисленное населеніе захолустной провинціи, поставленной въ невыгодныя условія для развитія литературы, могло дать за короткое время своего національнаго пробужденія три сильныхъ таланта, относитъ это явленіе насчетъ творческихъ силъ народа, которыя при болѣе благопріятныхъ условіяхъ могли бы развернуться еще шире. («Сѣв. Кур.»)

—

Въ № 207 «Куб. Областныхъ Вѣдомост.» помѣщена корреспонденція учителя Л. К. Розенберга изъ ст. Родниковской (Лабинск. отд.) подъ загл. «*Повѣрія и предразсудки*». Авторъ собралъ нѣсколько мѣстныхъ повѣрій, какъ то: вѣра въ вѣдьмъ и колдуновъ и въ хожденіе мертвыхъ, а также записалъ отъ станичниковъ разсказы о происхожденіи родовъ и видовъ нѣкоторыхъ животныхъ и птицъ: медвѣдя, аиста и цапли, павлина, крысы и кошки, рябой собаки, паука

—

Въ 220 газ. «Волынь» помѣщена статья *Я. В. Яроцкаго* *«Изъ Искорости въ Народичи»* (Путевыя замѣтки).

Авторъ, посѣтивъ лично нѣкоторыя села волынскаго полѣсья— Ходаки, Татарновичи, Каменку, сообщаетъ попутно любопытныя свѣдѣнія объ этихъ селахъ и окружающихъ мѣстностяхъ по археологіи, исторіи—прошлой и современной—и этнографіи.

—

Въ № 212 газ. «Волынь» въ статьѣ *«Св-Владимірское братство»*, заимствованной изъ газ. «Новое Время» и принадлежащей г. Прокофьеву, даются не лишенныя интереса свѣдѣнія о музеѣ братства въ г. Владимірѣ-Волынскѣ, въ которомъ собраны разные предметы древности, находимые при раскопкахъ и передѣлкахъ, а также фотографіи и снимки древностей Волыни, рукописи и старинныя иконы. Среди предметовъ древности многіе дѣйствительно заслуживаютъ большого интереса.

—

Въ № 6 журнала «Дѣтское Чтеніе» помѣщена популярная статья Д. Эварницкаго *„Забытый украинскій философъ Сковорода"* съ видомъ могилы (въ с. Панъ-Ивановкѣ, Харьк. губ.), автографомъ и отдѣльнымъ портретомъ Сковороды.

—

Въ № 6819 газ. «Южный Край» помѣщена статья профессора Н. Ѳ. Сумцова *„Субботы Св. Дмытра.* Памяти Якова Ивановича Щоголева". Указавъ на нѣкоторыя, болѣе сильныя произведенія покойнаго Я. И. Щоголева, авторъ спеціально останавливается на одномъ изъ нихъ—„Субботы Св. Дмытра», какъ на произведеніи, болѣе всего отразившемъ личную тяжелую жизнь поэта.

—

Въ № 10 журнала «Журналъ для всѣхъ» помѣщенъ переводъ съ малорусскаго *М. Р.* извѣстнаго этюда М. Л. Кропивницкаго *„По ревызіи"*.

—

Въ томѣ V, кн. I. «Извѣстій Отдѣленія Русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ (1900) помѣщены, между прочимъ:

В. Н. Веселовскаго. Изъ исторіи древнихъ германскихъ и славянскихъ передвиженій. (Стр. 1—35). Рецензія на кн. Ѳ. Брауна «Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній». Спб. 1899 г. Въ отдѣлѣ библіографія: *Д. И. Абрамовичъ.* Памятники языка и письма и древности южныхъ и западныхъ славянъ на XI Археологическомъ съѣздѣ въ г. Кіевѣ (стр. 324—339) и *А. Л. Погодинъ.* Рецензія на „Materyały

antropologiczno—archeologiczne i etnograficzne, wydaw. staraniem Komisyi Antropolog. Akad. Umiejętności w Krakowie, t. III, 1899 (стр. 358—362).

—

Новая карта Галиціи. Во Львовѣ недавно вышла новая подробная карта Галиціи (на польск. яз.) Ю. Герриха. На карту нанесено раздѣленіе края на 78 староствъ, коммуникаціонныя линіи, правительств. дороги,—мѣстныя, уѣздныя и окружныя, а также желѣзныя—существующія уже и проектированныя. Цѣна $3^1/_2$ кор.

—

Въ журналѣ «Педагогическій Листокъ» (издаваемомъ редакціей «Дѣтскаго Чтенія»), въ кн. 5 и 6 помѣщенъ «Библіографическій Справочникъ о книгахъ для народнаго и дѣтскаго чтенія по 1898 годъ». Заимствуемъ оттуда свѣдѣнія о книгахъ, переведенныхъ съ малорусскаго языка.

1. ***Батрачка.*** Шевченка. Изд. С-Прб. Комит. Грамотн. 24 стр. Ц. 3 к.—Высш. отзывъ въ «Образованіи», 1895, № 2 и въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», 1895 г., № 3.

2. *Грицко.* Б. Гринченка (для дѣтей средняго возраста). Изд. «Посредника», 32 стр. Цѣна $1^1/_2$ к.—Посредств. отзывъ въ «Образованіи», 1896 г., № 4 и въ «Воспитаніе и Обученіе», 1896 г., стр. 342.

3. *Иголка.* Разсказъ изъ малороссійской жизни. Изд. Прянишникова, 16 стр. Цѣна 3 к.—Посредств. отзывѣ: «Русск. Мысль», 1895 г., № 7, «Русская Школа», 1895, № 9, стр. 194 и неодобрительный—въ «Мірѣ Божьемъ», 1895 г., № 10.

4. *Козачка. Одарка. Горпина.*—М. Вовчокъ. Изд. С-Пбр. Ком. Гр—ти. 40 стр. Цѣна 4 к.—Высш. отзывъ «Сѣверный Вѣстникъ», 1895 г., № 5, «Міръ Божій», 1896, № 2. «Русская Мысль», 1895 г., № 3; Посредств.—«Начальный учитель», 1896 г., стр. 71, и «Образованіе», 1895 г., № 5—6.

5. ***Маруся.*** М. Вовчокъ. Изд. Ком. Гр—ти. 116 стр. Цѣна 10 к.— Одобрена Министр. Нар. Просв. для начальныхъ библіотекъ и читаленъ. Отзывы:—Высшіе—въ «Русск. Мысли», 1896, № 8 и «Мірѣ Божьемъ», 1896, № 2; посредственный—въ «Образованіе», 1897 г., № 1.

6. ***Павло Чернокрылъ.*** Маркъ Вовчокъ. Изд. С-Пбр. Ком. Грам. 48 стр. Цѣна 3 к. (для взрослыхъ).

Высш. отзывъ—«Міръ Божій», 1896 г., № 2; посредств.—«Образованіе», 1897 г., № 1 и «Русская Мысль», 1896 г., № 8.

7. *Перекаты - поле.*—Основьяненко.—Посредств. отзывъ—«Сѣверный Вѣстникъ» 1895 г., № 5.

8. *Работница.*—Шевченко. Изд. Москов. Ком. Грамотн. Цѣна 3 коп.

Высш. отзывъ—«Русск. Мысль», 1895 г., № 4, и «Образованіе 1895 г., № 7—8.

9. *Саша.* М. Вовчокъ. Изд. С-Пбр. Ком. Грамотн. 24 стр. Ц. 3 коп.

Высш. отзывъ—«Сѣверный Вѣстникъ», 1895 года, № 5; Посредств.—«Русская Мысль», 1895 года, № 3; низшій—«Начальный учитель» 1896 г.. стр. 71.

10. *Сестра. Ледащая.* М. Вовчекъ. Изд. С-Пбр. Ком. Грам. 46 стр. Цѣна 4 коп.

Высш. отзывъ—«Русск. Мысль», 1895 г., № 3; «Начальный Учитель», 1896 г., стр. 71; «Міръ Божій», 1896 г., № 2; „Сѣверный Вѣстникъ", 1895 г., № 5.

11. *Сестрица Галя, Украла и Грицко.*—Б. Гринченко. Изд. „Посредника". 30 стр. Цѣна $1^1/_2$ коп. (Для дѣтей средняго возраста). Посредств. отзывъ въ „Образованіе" 1896 г., № 4 и «Воспитаніе и Обученіе" 1896 г., стр. 342.

12. *Сказка о девяти братьяхъ разбойникахъ.*—М. Вовчекъ. Изд. С-Прб. Ком. Грам.—Высш. отзывъ въ „Мірѣ Божьемъ" 1896 года, № 2.

13. *Три доли.* Маркъ Вовчекъ.—Посредст. отзывъ въ «Вѣстникѣ Воспитаніе» 1897 г., № 3.

14. **Украла.** (Разсказъ для дѣтей). Б. Гринченко. Изд. „Посредника".—Посредств. отзывъ въ «Образованія» 1896 г., № 4.

Драматическія сочиненія, дозволенныя драматическою цензурою къ представленію, по 1 сентября 1900 года.

1) *Въ мори безъ кормыла.* Малорусская драма въ 5 дѣйствіяхъ. Сочиненіе Н. М. Качинскаго. Діется въ наши дни на правомъ берегу Днѣпра. (По литографированному изданію. Литографія московской театральной библіотеки С. К. Разсохина. Москва, 1900 года).

2) *Дивчына—атаманъ банды розбійныкивъ.* Драматычни картыны у 5 діяхъ и 8 одминахъ, зъ спивамы и танцямы. Сочиненіе Н. М. Качинскаго. Діется на Нѣманѣ въ XVII вѣку. (Сюжетъ заимствованъ). (По литографированному изданію. Литографія московской театральной библіотеки С. Ѳ. Разсохина. Москва, 1900 года).

3) *Дочка Запорожця XVII вику.* Малорусская мелодрама въ 5 дѣйствіяхъ Н. М. Качинскаго. (Сюжетъ заимствованъ). (По литографиров. изданію. Литографія московск. театральной библіотекѣ С. Θ. Разсохина. Москва, 1900 года).

4) *За сыротою—Богъ зъ калытою.* Малорусская мелодрама въ 5 дѣйствіяхъ. Першои половыны XVII вику. Сочиненіе Н. М. Качинскаго. (По литограф. изданію. Литографія московской театральной библіотеки С. Θ. Разсохина. Москва, 1900 года)-

5) *Мое кохання* (або «Безъ висты пропавша»). Драма въ 3 дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ивана Степанченкова.

6) *Палке серце—загублена доля.* Малорусская драма въ 4 дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ (Сюжетъ заимствованъ). Сочиненіе Н. М. Качинскаго. Дѣйствіе происходитъ въ началѣ XVIII вѣка (По литографированному изданію. Литографія московской театральной библіотеки С. Θ. Разсохина. Москва, 1900 года).

7) *Промежъ молотомъ та наковадломъ* (!). Комедія въ 5 дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ. Сочиненіе Н. М. Качинскаго. Дѣйствіе происходитъ въ началѣ XVIII вѣка. (По литографированному изданію. Литографія московск. театральной библіотеки С. Θ. Разсохина. Москва, 1900 года).

—

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Багенскій Чеславъ. Указатель къ матеріаламъ, собраннымъ г. Чубинскомъ въ «Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго общества въ Западно-Русскій Край». Подъ редакціей профессора Е. Θ. Будде. Казань, 1900, in 8°, I—XVII, 1—36.

Бахметева А. Н. Начало христіанства въ Россіи и крещеніе Руси при великомъ князѣ Владимірѣ. Изд. 3-е. Москва, тип. Гатцука, in 16°, стр. 48.

Бібліотека для рускои молодежи. Выпускъ XXV,—Т. 39:—Селянська дитина. Написавъ Данило Лепкій.—т. 40. Зъ сельскихъ образкôвъ. Написавъ Данило Лепкій. Коломыя. Зъ печатнѣ І. Брука і спôлки. 1900. Ст. 64+82. Ціна 35 кр. (70 сот).

Bieliński Józef. Uniwersitet Wileński, 1579—1831, tom III (Fontes et commentationes historiam scholarum superiorum in Polonia illustrantes, IV). Kraków, 1899—1900.

Bolcewicz B. Katalog monet polskich i z polską styczność maiących od czaśow najdawniejszych do roku 1795. Варшава. Тип. І. Сикорскаго, 8 д., 96 стр.

Борзаковскій П. Въ началѣ реформы бурсы. (Изъ воспоминаній). (Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина»). Кіевъ, 1900, стр. 1—31.

Веселовскій, А. Н. Изъ исторіи древнихъ германскихъ и славянскихъ передвиженій (Отд. отт. изъ «Извѣст. отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ». Т. V (1900 г., кн 1). Спб. 1900 г. Тип. акад. наукъ, 8 д., 35 стр.

Witkiewicz Stanisław. Juliusz Kossak. Warszawa, 1900. Nakład Gebethnera i Wolffa.

Вилинскій С. Г. Византійско-славянскія сказанія о созданіи храма Св. Софіи цареградской. Одесса, тип. «Экономическая», 8 д., 109 стр.

Gawroński Rawita. Fr. Studya i szkice historyczne, serya II: *Losy wielkiej fortuny na kresach ukrainnych*; *Filip Orlik, nieuznany hetman kozacki*; Kartka z życia społeczeństwa kresowego; *Prawo bratne XVI w.*; *Pogląd na historyę rolnictwa w Polsce*; *Siabrostwo, jako forma władania ziemią*; *Ludowe sąde kupne czyli kopne na Polesiu*; Przygoda Imć. pana Józefa Sieńkiewicza, namiestnika chorągwi tatarskiej; *Kilka słów o rodzinie i miejscu rodzinnem Tarasa Szewczenki*; Ludwika Sniadecka.—Lwów, 1900.

Гоголь Микола. Тарас Бульба. (Виданне «Народноі бібліотеки», ч. 4—6). Переклав з поясненями др. В. Щурат. Чернівці, 1900 р.

Грінченко Борис. Привітанне Ганні Барвінок за сороколітню літературну діяльність. Накладом редакції «Літ.-Н. Вістника». У Львові, 1900. Ст. 19, in 8. Ціна 25 сот.

Dunin—Karwicki Józef. Z zamglonej i niedawno minionej przeszłości,—wołynskie opowiadania historyczne. Warszawa, 1900.

Збирныкъ народныхъ украинськыхъ писень. Зибравъ и для хору уложывъ М. Лысенко. Девьятый десят. Лит. Редера въ Лейпцигѣ. 8 д., 21 стр. Ц. 50 коп. (300 экз.).

Ілюстрований календар Просьвіти на р. 1901. Львів, 1900. Ціна 60 сот. Зміст: Черниrівка, правдива подія з другої половини XVII віку—за М. Костомаровим переповів А. Б.; Добра продаж, купно ще ліпше—оповід. Теод. Яницкого; Про управу найважнійших стручкових рослин; Народні оповіданя про пана Каньовского; Господарські ради; Народні вигадки; Десять заповідий здоровля; Де-що про Київ і его памятки—із ілюстраціею; Гетьман Петро Дорошенко—з трема ілюстрациями; Хорватский епископ Йосиф Штросмаер,—з ілюстраціею; Народні рускі товариства у Львові; Правила для руских громад і для Русинів.

Ілюстрований буковиньский православний Календар на рік 1901 (річник XXVIII). Чернівці, виданне «Руской Бесіди» (ч. 160), з

друкарні «Руска Рада». Ціна 25 кр. Въ литературномъ отдѣлѣ: Поезиі — *Сид. Воробкевича*, *Щурата*, Галіпа; «Там звізди пробивались» — Ол. Кобилянськоі; «Зачароване місце» — М. Гоголя; «Як дяків Юстинко допровадив до золотого ковніра»; «Найзнаменитші Київські святині» — подорожні враженя проф. Еремійчука; «Де-що зъ домашних ліків — Д. Цігуляка.

Карцовъ, А. С. Огородничество на югѣ Россіи. Пособіе для хозяевъ. Статья о строеніи и систематикѣ растеній, составленная академикомъ С. И. Коржинскимъ. Цѣна 2 р.

Кобищанова, Марѳа Яковлевна. «Не до пары побралысь. Малороссійская драма въ пяти дѣйствіяхъ и семи картинахъ. Курскъ, 1900. Типографія Губернскаго правленія, in 8⁰, 61 стр. Цѣна 40 коп. (1.000 экз).

Kochanowski J. K. Witold, Wielki książę litewski, studyum historyczne. Lwów, 1900.

Kolessa Alexander. Ukraińska rytmika w poezyach Bohdana Zaleskiego. Lwów, 1900.

Краткій указатель историко-археологической выставки городскаго музея. Кіевъ, 1900 г. Тип. Г. Розенберга. 16 д., 12 стр. Ц. 15 коп.

Kraushar Alexander. Książę Repnin i Polska w pierwszem czteroleciu panowania Stanislawa—Augusta (1764—1798), wydanie nowe. Warszawa—Kraków, 1900.

Księga pamiątkowa uniwersitetu lwowskiego ku uczczeniu pięćsetniej rocznicy fundacyi Jagiellońskiej Uniwersytetu krakowskiego. Lwów, 1900.

Лепкий Богдан. Стрічки. Заходом К. Студинського. Львів, 1901. Накладом А. Хойнацкого. З друкарні В. А. Шийковского. Ст. 106, мал. 8⁰. Ціна въ оправі 2 кор. Зміст: 1) Посьвята. 2) Засьпів 3) Думки і пісні (26 поэзий). 4) Любов і жаль (12 поезий). 5) Село (9 поэзий). 6) Зъ чужини (6 поэзий).

Лотоцкій Ігнатій, священникъ. Винница—Браиловскій женскій монастырь и его святыни. Немировъ, 1900, in 8⁰, 1—62 (съ 6 фототипіями). Цѣна 75 коп.

Majewski Erazm. Rodzina Krukòw (Corvinae) w mowie, pojęciach i praktykach ludu polskiego (odbitka z XIV tomu' «Wisly».) Warszawa, 1900.

Mox Рудольф. Справа въ селѣ Клекотинѣ. Драматични сцены зъ панщизнянихъ часôвъ. Друге поправлене выдане зъ житеписомъ автора. Львôвъ, накладомъ А. Хойнацкого. 1900, стр. XVI+120, in 16⁰. Ціна 70 сот.

Ожеговъ М. Казачка. Пѣсенникъ. Изд. Т. Губанова. Кіевъ, 1900. Тип. В. Кона и Одерфельда въ гор. Ченстоховѣ. 12 д., стр. 108. Ц. 20 к.

Перебендя. Острожниця и «Хто винен»—картина К. Зоряна. Львів, 1900. Накладом А. Хойнацкого, in 8°, стр. 31. Ціна 30 сот.

Перетцъ В. Н. Къ исторіи кіево-могилянской коллегіи. Панегирики и стихи Б. Хмельницкому, И. Подковѣ и арх. Лазарю Барановичу (От. изъ 1 в. XIV кн. «Чтеній въ истор. общ. Нест. Лѣтоп.») Кіевъ, тип. Т. Мейнандера, 8 д., 19 стр.

Перетцъ, В. Н. и А. И. Соболевскій. Западное вліяніе на литературу московской Руси XV—XVII вѣковъ» (Спб. 1899). Рецензія. (Отд. отт. изъ Извѣст. отд. рус. яз. и словес. Имп. акад. наукъ. Т. IV (1899), кн. 4). Спб. 1900. Тип. акад. наукъ. 8 д., 7 стр.

Приходскія фундушевыя училища въ Юго-Западномъ краѣ;—ихъ возникновеніе и средства содержанія (приложеніе къ циркуляру по Управленію кіевск. учебн. округ. за 1900 годъ). Кіевъ, 1900, in 8, 1—175.

Підручник для спілок ощадности і позичок системи Ф. В. Райфайзена. Зладив др. Фр. Стефчик, управитель бюра Патронату для спілок ощадности і позичок при Виділі краевім у Львові. Львів, 1900. Накладом Виділу краевого Королівства Галичини і Володимирії з Вел. Княз. Краковським у Львові.—З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка, стр. 322, in 8°.

Письма А. А. Безбородка къ графу П. А. Румянцову 1775—1793. Изданы съ предисловіемъ и примѣчаніями П. М. Майкова. Спб. 1900. Тип. М. Стасюлевича, 8 д., 154 стр.

Профессоръ Николай Өедоровичъ Сумцовъ. (По поводу двадцатипятилѣтія учено-педагогической дѣятельности его). Харьковъ, 1900, in 16°, 1—15.

Равинъ А. Гетманъ Степанъ Остряница. Повѣсть изъ русской исторіи. 1638. Съ рисунками. Изд. 4-е книгопр. М. Клюкина. Москва, 1900 г., тип. Вильде 8 д., 80 стр. ц. 40 коп.

Ремезовъ, М. Разсказы изъ русской исторіи. Начало удѣловъ на Руси. Съ 9-ю рисунками («Библіотека Дѣтскаго Чтенія»). Москва, 1900 г. Тип. А. Васильева, 8 д., стр. 32. Цѣна 10 к.

Rachunkowość w gminach wiejskich. Podręcznik o prowadzeniu ksiąg i rachunków gminnych wraz z wzorami przepisanych druków. Зложив Віктор Кробіцкий. Львів, 1900. Ціна 1 корона.

Романовъ Василій, свящ. Объ изученіи нашей церковной старины. Полтава, 1900, 8 д., 35. стр.

Салтыкова М. Н. Хроника воскресныхъ школъ. Подъ редакціей Х. Алчевской (Изъ журн. «Русская Школа» за 1897 и 1898 г.) Москва, 1900. Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 8 д., 321+II стр.

Самостойна Украина. Вôдповѣдь Романа Стефановича на статью п. з. «Українська держава», помѣщену въ 67 ч. «Буковина». Львôвъ, 1900. Накладом В. Будзиновского. З друкарнѣ Ставропигійского института. Ст. 28, in 12. Ціна 10 сот.

Слôво абъ проклятой гарэлцы абъ жыцьци и смърци пѣяницы. Добраму бѣлорускаму народу, на покрапленьня яго душы и рóзуму, разказау прыняцяль яго поплчпцяль трэзвасьци *А. І.* Друковàна у Пицярбурху 1900 року. Тип. г. Бернштейна, 8 д., 9 стр. (1600 экз).

Соловьевъ В. Великій князь Ярославъ II-й. Съ рисунками. Изд. 3-е Н. Аскарханова. Спб., тип. Столичная, 12 д., 16 стр., ц. 5 коп.

Стороженко Н. И. Новые матеріалы для біографіи Шевченка. (Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина»), Кіевъ, 1900, стр. 1—32.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга 14, выпускъ II. Изданъ подъ редакціею Н. П. Дашкевича. Кіевъ, 1900. 41—61; 45—58; 73—123; 29—90; 3—33. Содержаніе: Археологическая находка въ с. Ласковѣ, Влад. Вол. у., въ 1610 г.—*Е. И. Де-Витте*; Старинные польско-русскіе календари—*А. М. Лазаревскаго*; Матеріалы по исторіи землевладѣнія князей Вишневецкихъ въ Лѣвобережной Украинѣ, №№ I—III,—*Ѳ. Д. Николайчика*; Славяно-русская выставка въ С.-Петербургѣ въ январѣ 1900 г. —*И. М. Каманина* и друг.

Хроніка українсько-руського Наукового Товариства імени Шевченка у Львові, 1900, май—серпень. Ч. 3.

Шевченко Т. Г. Пѣсни и думы кобзаря. Въ пер. И. Бѣлоусова. Москва, 1900. Тип. т—ва Владиміръ Чичеринъ. 8 д., 43+1 стр. Ц. 20 коп.

Эварницкій. Д. И. Исторія запорожскихъ козаковъ. Томъ I. Съ рисунками. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Москва, 1900 г. Тип. Е. Гербекъ., 8 д., 688 стр. Ц. 4 р.

Jajko wielkanocne. Варшава. Тип. Леннерта, in 16, стр. 39.

Ясинскій М. Н. Къ исторіи апелляціонныхъ судовъ въ Польшѣ и Литвѣ. Луцкій трибуналъ, какъ высшая судебная инстанція для волынскаго, брацлавскаго и кіевскаго воеводства въ послѣдней четверти XVI в. (Съ приложеніемъ архивныхъ матеріаловъ для исторіи луцкаго трибунала.) (Отт. изъ 1 в. XIV кн. «Чтенія въ Истор. Общ. Нест. Лѣтоп.) Кіевъ, 1899—1900. Тип. Г. Мейнандера, in 8°, 72+34 стр.

Як пильнувати виборів до Ради державної, аби добре для нас випали? Львів, 1900. Накладом товариства «Народна Рада». З друкарні Наукового Товариства імени Шевченка. Ст. 18, in 12°. Ціна 10 сот.

Яновская Л. Идеальный батько. (Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина»). Кіевъ, 1900, стр. 1—32.

Яцків Михайло. В царстві Сатани. Іронічно-сентиментальні картини (Бібліотека «Укр.-руської Видавничої Спілки.» Ч. 21). Накладомъ укр.-руської Видавничої Спілки. Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 112, мал. 8°. Ціна 1.60 кор. Зміст: 1. Осіння неділя в косарні. 2. Погонич і коняка. 3. Собака. 4. Недоумна. 5. Затроєна шпилька. 6. Що ж робити. 7. Весняний захват. 8. Поганство юрби. 9. З циклю вічних поэзий. 10. Готуріди. 11. Білі вівці. 12. Diva. 13. У наймах. 14. Нухим. 15. Посуди.

Археологическая лѣтопись.

Къ Археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

10 октября с. г. состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Оно было спеціально посвящено докладамъ лицъ, совершившихъ по порученію комитета раскопки и различнаго рода археологическія экскурсіи.

Въ началѣ засѣданія проф. Д. И. Багалѣй сказалъ рѣчь, посвященную памяти недавно скончавшагося проф. харьковскаго университета, члена комитета, *Ю. И. Морозова*. «Признательная память о немъ, по словамъ Д. И. Багалѣя, должна сохраниться въ томъ учрежденіи, которое подготовляетъ археологическій съѣздъ въ Харьковѣ, потому что онъ не мало потрудился на пользу археологіи Харьковскаго края; можно сказать, что онъ былъ нашимъ предшественникомъ и долгое время единственнымъ представителемъ Харькова и харьковскаго университета въ русской археологической наукѣ и на археологическихъ съѣздахъ». Ю. И. Морозовъ явился собирателемъ вещественныхъ памятниковъ южно-русской старины; долгіе годы онъ былъ единственнымъ человѣкомъ въ Харьковѣ, который интересовался ими съ научной точки зрѣнія, собиралъ ихъ и затѣмъ одну часть самъ передалъ въ географическій кабинетъ университета, а другая передается нашему предварительному комитету его вдовой. Изъ научныхъ археологическихъ трудовъ покойнаго выдающійся—*О городищахъ Харьковской губерніи.* («Х. В.», 1881 № 43, 45). Здѣсь онъ касается вопроса о происхожденіи городищъ и городковъ, какъ его

трактовали въ русской исторической литературѣ, дѣлаетъ перечень харьковскихъ городищъ на основаніи труда преосвященнаго Филарета, причемъ пополняетъ этотъ списокъ Сѣверскимъ городищамъ и даетъ болѣе подробное описаніе двухъ, ближайшихъ къ Харькову—Хорошевскаго и Донецкаго, на основаніи личнаго осмотра и измѣренія. Нельзя не привести здѣсь окончанія статьи проф. Морозова:

«...Что пропало, то пропало (говорятъ малороссы)—не будемъ завистливы: еще много историческихъ памятниковъ остается у насъ не расхищенныхъ, почти не тронутыхъ! не будемъ также равнодушны къ нашимъ древнеисторическимъ богатствамъ, и подумаемъ, какъ бы собрать ихъ и наполнить ими нашъ музей древностей, зачатокъ котораго уже и существуетъ при харьковскомъ университетѣ».

Проф. *Д. И. Багалѣй* познакомилъ съ результатами своихъ поѣздокъ въ Екатеринодаръ и Новочеркасскъ для организаціи въ нихъ мѣстныхъ отдѣленій предварительнаго комитета по устройству археологическаго съѣзда въ Харьковѣ. По наблюденіямъ докладчика, екатеринодарское и новочеркасское отдѣленія комитета осуществятъ предложенныя ими задачи (собраніе археологическаго матеріала по программамъ, собираніе предметовъ—для выставки, археологическія раскопки и др. экскурсіи), въ томъ числѣ составятъ и археологическія карты Кубанской и Донской областей, изъ коихъ—первая уже почти закончена г. Фелицынымъ, а вторая подготовляется г. Сулиной. При посѣщеніи проф. Багалѣемъ въ Сумахъ П. И. Харитоненка, послѣдній подтвердилъ ранѣе данное обѣщаніе—принять на себя всѣ расходы по раскопкамъ, которыя будутъ произведены въ его имѣніяхъ Харьковской губ.

Проф. *М. Г. Халанскій* доложилъ о результатахъ своей научной поѣздки въ Курскую губ. М. Г. Халанскій посѣтилъ г. Путивль и нѣкоторыя села Путивльскаго уѣзда, затѣмъ нѣкоторыя села Курскаго уѣзда, съ цѣлью изученія, такъ называемыхъ, сяновъ. Въ Щигровскомъ уѣздѣ посѣщено село Красная Поляна—съ цѣлью изученія преданій о битвѣ русскихъ съ татарами на красно-полянской равнинѣ и памятниковъ этой битвы. Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ прослѣжена бѣлгородская черта укрѣпленій и осмотрѣны древности села Болховца, прежде города Болховца.

Въ г. Путивлѣ вниманіе проф. Халанскаго привлекъ, такъ называемый, «городокъ», кремль стараго Путивля. Здѣсь осмотрѣнъ имъ надгробный камень съ именемъ князя Василія и возвышеніе изъ му-

сора, прикрывающее собою основаніе стариннаго храма. Собраны свѣдѣнія отъ старожиловъ о находкахъ на городкѣ. Изъ храмовъ г. Путивля, осмотрѣнныхъ г. Халанскимъ, особенно много предметовъ хранитъ Молгенскій монастырь. Въ немъ имѣются пожертвованія русскихъ царей и царицъ. Любопытны также памятники эпохи самозванца: тронъ самозванца, икона Жировицкой Божьей Матери и др.

Осмотрѣны также древности Преображенскаго собора XV—XVI вв. церквей Николаевской и Воскресенской XVII в.

Самой замѣчательной сокровищницей города Путивля является библіотека изъ старо-печатныхъ изданій, находящаяся при ремесленномъ училищѣ имени Маклакова. Здѣсь собраны первопечатныя изданія московскія и львовскія, затѣмъ многія книги, изданныя въ Краковѣ, Вильнѣ, Львовѣ, Кіевѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ и др.

Изученіе преданій села Красной Поляны, связанныхъ съ такъ называемымъ «голубцомъ», поставленнымъ недалеко отъ Муравской дороги, привело профессора Халанскаго къ выводу, что здѣсь была дѣйствительно битва русскихъ съ татарами, но не въ древнее время, а въ XVII вѣкѣ. Объ этомъ страженіи, окончившимся побѣдой курскаго воеводы и отнятіемъ полона, набраннаго татарами подъ Ливнами, Ельцомъ и другими городами, есть извѣстіе въ мѣстныхъ курскихъ лѣтописяхъ.

Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ профессоръ Халанскій имѣлъ въ виду выяснить направленіе старой бѣлгородской черты укрѣпленій. Ему удалось достать матеріалъ для полнаго отвѣта на вопросъ, поставленный г. Иловайскимъ: бѣлгородская, называемая здѣсь «татарской», граница направлялась въ одну сторону отъ Бѣлгорода—на Болховецъ, Кульбаки, Карповъ, Гутово, Ракитное и Суджу, а въ другую сторону на Старый Городъ, Игуменку, Нежигель или Нежигольскъ, Бекарюково, Сурково, Новый Осколъ.

Изъ старинныхъ поселеній на бѣлгородской чертѣ укрѣпленій профессоръ Халанскій посѣтилъ село, прежде городъ, Болоховецъ и осмотрѣлъ церковные и книжные памятники древности, находящіеся въ церквахъ Болховца.

Изслѣдованіе говоровъ Курской губерніи привело проф. Халанскаго къ установленію слѣдующихъ группъ: а) великорусскіе и в) малорусскіе. Великорусскіе говоры распадаются на двѣ большія группы: а) «егуны» и в) «евуны». Въ группѣ «евуновъ» наблюдаются еще два или три частныя подраздѣленія. «Егуны», т. е. употребляющіе

форму «его» или «яго» вмѣсто «ево», а вь мѣстѣ съ тѣкъ и оканчивающіе имена прилагательныя на «аго» въ родительномъ падежѣ единственнаго числа, повидимому, встарину принадлежали къ литовско-русскому государству; «евуны» относились къ московскому государству. Такимъ образомъ, въ раздѣленіи старинныхъ русскихъ областей на московскія и литовско-русскія, повидимому этнографическія и діалектическія различія играли извѣстную роль.

Прочитанъ былъ отчетъ г-жи *Е. Н. Мельникъ*, которая по порученію комитета производила раскопки въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи въ теченіи іюля. Ею раскопано 11 кургановъ въ четырехъ могильникахъ, расположенныхъ у г. Купянска и деревни Воронцовки. Всѣ изслѣдованные курганы, по мнѣнію г-жи Мельникъ, относятся къ концу каменнаго вѣка; только одинъ заключалъ погребеніе варварскаго характера. Они представляютъ весьма значительнаго объема насыпи, покрывающія коллективныя могилы, по нѣсколько въ каждомъ курганѣ. Скелеты въ скорченномъ положеніи сопровождались глиняными орнаментированными сосудами и красною краскою въ большомъ количествѣ.

Е. П. Трифильевъ, участвовавшій вмѣстѣ съ г-жей Мельникъ въ указанныхъ раскопкахъ, сообщилъ подробныя свѣдѣнія о процессѣ раскопокъ и о предметахъ, найденныхъ при этомъ. Всѣ раскопанные курганы, по словамъ докладчика, представляютъ могилы съ большимъ или меньшимъ количествомъ скелетовъ въ каждомъ, отъ одного до двухъ. Большинство скелетовъ съ поджатыми къ животу ногами, съ прижатыми къ груди и сцѣпленными у рта руками. Черепа почти во всѣхъ случаяхъ—долгіе, съ сильно развитыми надбровными дугами, съ очень низкимъ лбомъ. Во всѣхъ могилахъ были найдены куски угля то разбросанные, то въ видѣ круговъ съ остатками въ серединѣ сгнившаго уже дерева, причемъ ясно видно, что это были колья, предназначенные для поддержанія крыши склепа. Погребеніе сопровождалось большею частью помѣщеніемъ возлѣ покойника, у головы, живота, въ ногахъ, отъ одного до четырехъ глиняныхъ сосудовъ. Покойниковъ погребали или просто въ ямахъ на подпочвѣ съ подстилкой изъ золы, или строили для этого деревянный склепъ. Краска находится то подъ головой, то у тазовыхъ костей; въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказываются всѣ кости окрашенными. На основаніи добытыхъ данныхъ, по мнѣнію докладчика, можно раскопанные курганы ввести въ общую классификацію типовъ погребенія, которую даетъ

профессоръ В. Б. Антоновичъ для кургановъ Кіевской губерніи, именно, отнести къ послѣднему типу погребенія каменнаго періода.

Въ курганѣ, раскопанномъ у Сватовой-Лучки Е. П. Трифильевымъ, у черепа найдено двѣ бронзовыхъ вещи.

Н. А. Федоровскій представилъ въ своемъ докладѣ отчетъ о произведенномъ имъ изслѣдованіи въ археологическомъ отношеніи мѣстности около Райгородки, Изюмскаго уѣзда. Обслѣдованіе этой мѣстности показываетъ, что она въ смыслѣ существованія городищъ въ настоящее время не представляетъ интереса и въ этомъ отношеніи почти не даетъ археологическаго матеріала. Но подпочвенные пески окрестностей Райгородки заключаютъ нѣкоторый матеріалъ, свидѣтельствующій намъ о жизни здѣсь доисторическаго человѣка, каменнаго вѣка или, вѣрнѣе, переходной эпохи. Райгородка стоитъ, однако, въ этомъ отношенія не единственной. Судя по нѣкоторымъ указаніямъ и литературнымъ даннымъ, и въ другихъ пунктахъ Изюмскаго, Старобѣльскаго и Купянскаго уѣздовъ по Донцу и его притокамъ, находятся признаки стоянокъ каменнаго вѣка въ видѣ оббитыхъ кремней и глиняныхъ черепковъ.

А. М. Покровскій доложилъ о результатахъ своихъ раскопокъ въ селѣ Прелестномъ, Изюмскаго уѣзда. Референтомъ раскопано было четыре кургана; первые три кургана дали вещи совершенно аналогичныя: грубую глиняную посуду, сдѣланную безъ круга, покрытую узорами, кремневые осколки и кремневыя орудія. Въ третьемъ курганѣ было два слоя погребеній; въ первомъ, не глубоко отъ поверхности — скелеты лежали на боку съ подогнутыми ногами и пригнутыми руками къ туловищу; скелеты были, повидимому, обожжены; второй слой былъ ниже насыпи кургана; тутъ были у покойниковъ крашеные костяки; они лежали на спинѣ, руки сложены на животѣ и ноги подогнуты; густо были окрашены голова и конечности — кисти рукъ и ступни. Всѣ три кургана докладчикъ относитъ къ каменному періоду. Четвертый курганъ, по его мнѣнію, принадлежитъ къ другому типу погребеній, но онъ былъ уже кѣмъ-то нарушенъ: всѣ кости въ полномъ безпорядкѣ.

Проф. *Л. Ю. Шепелевичъ* познакомилъ съ результатами своихъ раскопокъ въ окрестностяхъ г. Невеля, Витебской губ. Имъ раскопано 55 кургановъ, давшихъ довольно большое количество памятниковъ, весьма важныхъ для изученія культуры древнѣйшихъ поселенцевъ этого края. Результаты этихъ раскопокъ тѣмъ цѣннѣе, что

Невельскій уѣздъ почти не подвергался археологическому изслѣдованію. Кромѣ кургановъ, проф. Шепелевичемъ изслѣдовано нѣсколько городищъ и добыто нѣсколько цѣнныхъ вещей.

Всѣми докладчиками демонстрированы были добытыя, наиболѣе интересныя, вещи. По предложенію г. предсѣдателя, отъ лица комитета была выражена имъ глубокая благодарность за труды и дано порученіе будущимъ лѣтомъ продолжать свои раскопки и изслѣдованія въ тѣхъ-же мѣстахъ, въ которыхъ производились настоящимъ лѣтомъ. Кромѣ того, приняты предложенія М. Г. Халанскаго: произвести раскопки стариннаго храма на «городкѣ» стараго Путивля, обратиться съ просьбой къ духовному начальству о предоставленіи на археологическую выставку при съѣздѣ нѣкоторыхъ предметовъ, хранящихся въ церковныхъ ризницахъ и складахъ безъ употребленія, и особенно старопечатныхъ книгъ, (предположеніе и о. І. Филевскаго) и объ изысканіи средствъ и способовъ къ полученію библіотеки старопечатныхъ книгъ, находящейся въ г. Путивлѣ при ремесленномъ училищѣ имени Маклакова.

Отчеты другихъ членовъ комитета, совершившихъ научныя экскурсіи, будутъ доложены въ слѣдующемъ ближайшемъ засѣданіи Выбрана единогласно въ члены комитета г-жа Радакова.

Въ полное распоряженіе комитета и для археологической выставки поступили различные памятники, предметы старины: писанки (отъ учительницы Е. С. Карповой), русскія старинныя монеты (отъ В. И. Николаева), старинныя карты Африки, Америки и Австраліи (отъ г-жи Ю. Лобковской), писанки (отъ студента В. М. Бойкова), иконы св. Митрофанія и Великомученицы Варвары (отъ п. Чудного), три иконы (отъ г-жи К. С. Ткаченко), бронзовые и желѣзные предметы (отъ И. В. Голоперова); вновь монеты (отъ Т. В. Проскурникова), синодикъ XVIII вѣка, мѣдныя иконы, указъ отъ 1794 года (отъ священника отца Сагарды-Николенко), фотографіи съ нѣкоторыхъ иконостасовъ церквей (отъ о. І. Филевскаго), монеты (отъ А. В. Ветухова). Комитетъ приноситъ всѣмъ этимъ лицамъ, а также г-жѣ Н. Л. Морозовой, глубокую благодарность. («Южн. Край»).

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки могильника у с. Нежиловичъ, Радомысльскаго уѣзда Кіевской губерніи. Раскопки произведены въ сентябрѣ н. г. М. К. Якимовичемъ. Въ полуверстѣ отъ с. Нежиловичъ, съ с.-западной стороны, надъ дорогой въ д. Комаровку, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ расположенъ могильникъ, состоящій изъ 14-ти невдалекѣ другъ отъ друга разбросанныхъ кургановъ. Мѣстность, на которой расположенъ могильникъ, песчаная и еще недавно была покрыта лѣсомъ, слѣды котораго остались на нѣкоторыхъ курганахъ, въ видѣ пней вѣковыхъ деревьевъ; благодаря лѣсу курганы остались нераспаханными и отчасти сохранили свою первоначальную форму; но, по разсказамъ старожиловъ с. Нежиловичъ, лѣтъ 30 тому назадъ нѣкоторые курганы были раскапываемы однимъ изъ управляющихъ графа Браницкаго, владѣльца с. Нежиловичъ, какъ видно, съ цѣлію найти кладъ. Послѣднее обстоятельсво вполнѣ подтверждается какъ внѣшностью нѣкоторыхъ кургановъ, такъ и безпорядкомъ внутри послѣднихъ, что обнаружено при настоящихъ раскопкахъ.

По характеру насыпей, въ могильникѣ можно различить два типа кургановъ.

Курганы перваго типа (ихъ всего 6) имѣютъ видъ расплывшихся конусовъ, достигающихъ до 1,5 метр. высоты, окружностью-же въ среднемъ до 34 метр., и обведены болѣе или менѣе глубокими рвами, прерванными по большей части въ трехъ мѣстахъ мостками, соединяющими внѣшній берегъ рва съ насыпью; изъ этихъ рвовъ и бралась земля для образованія насыпей. Курганы этого типа содержатъ погребенія безъ сожженія.

Вскрытіе всѣхъ кургановъ этого типа дало слѣдующіе результаты:

1-ый курганъ. Подъ песчаной насыпью въ 1 метръ, считая отъ вершины кургана, на одномъ уровнѣ съ окружающей почвой, лежалъ скелетъ, очень плохо сохранившійся, въ вытянутомъ положеніи, головою на западъ. Въ области таза найдена бронзовая, круглой формы, пряжка, снабженная поперечной иглой. Въ насыпи, надъ скелетомъ, найдена часть глинянаго сосудика, изготовленнаго на кругѣ и украшеннаго волнистымъ орнаментомъ; форма сосуда напоминаетъ и нынѣ употребляемые поваренные горшечки.

2-ой курганъ. При тѣхъ-же обстоятельствахъ, какъ и въ предыдущемъ курганѣ, обнаруженъ скелетъ, повидимому, женщины, такъ какъ у шейныхъ позвонковъ и въ области груди найдена масса стеклянныхъ, разной формы и цвѣтовъ, (посеребренныхъ, позолоченныхъ, инкрустированныхъ) буссъ, четыре сердоликовыя буссы и одна бронзовая привѣска въ видѣ лунницы; у праваго плеча найдено проволочное серебряное неспаянное кольцо, діаметромъ въ $2^1/_2$ сант., а у правой руки—такія-же два кольца, діаметромъ въ 2 сант. каждое; съ лѣвой стороны скелета, возлѣ таза, найдены двѣ лунницы, тождественныя первой, нѣсколько стеклянныхъ буссъ, части бронзоваго, сильно окислившагося, предмета, неопредѣленнаго назначенія и, какъ бы, части истлѣвшаго деревяннаго гребешка, окованнаго бронзовыми пластинками.

3-й курганъ. Подъ песчаной насыпью, въ 1,15 метр., лежалъ скелетъ въ такомъ какъ и въ предыдущихъ курганахъ положеніи, но сравнительно лучше сохранившійся, вслѣдствіе чего было возможно измѣрить его длину, каковая оказалась равной 1,7 метр.; черепъ, по строенію, можетъ быть отнесенъ къ разряду мезоцефаловъ. У лѣваго бока этого скелета находился желѣзный, сильно заржавѣвшій, ножъ, длиной въ 15 сант., имѣющій форму узкой полоски (1 снт. ширины), съ одной стороны отточенной и къ концу съуживающейся; у ножа сохранялись остатки истлѣвшей деревянной рукоятки. Съ правой стороны скелета, прикасаясь обухомъ къ колѣну, лежалъ желѣзный заржавѣвшій топоръ, съ сильно вытянутымъ полукруглымъ лезвеемъ; съ этой-же стороны, около руки, лежала серебряная семилучистая серьга (московскаго типа), съ шариками на концахъ лопастей; между колѣнъ найдена бронзовая, сильно окислившаяся, пряжка.

4-ый курганъ. Курганъ оказался поврежденнымъ кладоискательскими раскопками; лишь восточная часть кургана оказались нетронутой, такъ какъ находившіяся здѣсь конечности ногъ лежали въ такомъ-же направленіи и на томъ-же уровнѣ, какъ и въ предыдущихъ курганахъ. У извлеченной изъ этого кургана части черепа, съ правой стороны, найдены куски четырехъ семилучистыхъ серегъ; благодаря окиси, у этихъ серегъ сохранились пряди черныхъ волосъ, заключенныя между этими подвѣсками.

5-й и 6-й курганы. И эти курганы оказались поврежденными. Удалось лишь извлечь изъ кургана № 5 черепъ, ничѣмъ не разнящійся отъ обнаруженнаго въ курганѣ № 3.

Курганы второго типа (8) имѣютъ форму бугровъ, достигающихъ $^1/_2$ метр. высоты, окружностью-же въ среднемъ до 30 метр.; окружныхъ рвовъ нѣтъ. Почти всѣ этого типа курганы имѣютъ въ центрѣ небольшія углубленія, повидимому, признакъ прежней ихъ раскопки. По изслѣдованіи трехъ изъ нихъ, оказалось, что подъ насыпью, на одномъ уровнѣ съ окружающей почвой, въ южной части, ближе къ краямъ, лежало по четыре обугленныхъ дубовыхъ бревна, причемъ, два изъ нихъ, достигая почти 2-хъ метровъ длины, лежали параллельно, въ разстояніи $^1/_2$ метр., одно отъ другого по направленію съ запада на востокъ, два же остальныхъ бревна соединяли съ обѣихъ концовъ предыдущія, образуя такимъ образомъ четыреугольники. Между этими бревнами попадалось незначительное количество угля, пережженныхъ-же костей или какихъ-либо предметовъ не обнаружено.

Въ Радомысльскомъ у. Кіевской губ. *М. К. Якимовичемъ* и въ теченіи истекшаго лѣта продолжались изслѣдованія *дюнныхъ стоянокъ каменнаго вѣка* (о прежнихъ изслѣдованіяхъ см. «Лѣтопись», май н. г.). При впаденіи р. Уши въ Припять, возлѣ с. Яновки, около урочища Козій Скокъ, открыта новая стоянка, давшая тѣ-же находки, что и предыдущія; здѣсь интересны находки кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ съ прямой острой стороной и съ полукруглымъ тупымъ основаніемъ. Слѣды такой-же стоянки замѣчены и у с. Гриней.

Истекшимъ лѣтомъ *И. П. Закревскимъ* было раскопано около десяти курганов могильника, находящагося въ 3-хъ верстахъ отъ с. Березовая Рудка, Пирятинскаго у. Полтавской губ. Могильникъ заключаетъ около 120-ти невысокихъ насыпей, расположенъ на берегу р. Переводъ. Въ раскопанныхъ курганахъ оказались погребенія какъ на поверхности почвы, такъ и въ материкѣ; въ нѣкоторыхъ курганахъ встрѣчено по нѣсколько погребеній. Покойники клались головой на западъ, помѣщались въ гробахъ, сколоченныхъ желѣзными гвоздями. Изъ предметовъ найдены кольца и буссы. Могильникъ несомнѣнно славянскій.

Случайныя находки.

На горѣ Нетеребкѣ, расположенной рядомъ съ Княжей горой (у с. Пекарей, Черкасскаго у. Кіевск. г.), истекшимъ лѣтомъ найдена превосходной сохранности каменная рѣзная иконка XI—XII в. Высота ея 4,6 стм., ширина—3 стм., верхняя часть сведена полукругомъ. Рѣзныя (высокимъ рельефомъ) изображенія помѣщены на обѣихъ сторонахъ; по краямъ иконки оставлены ободки. На одной сторонѣ находится болѣе чѣмъ нагрудное изображеніе св. Николая, по бокамъ головы котораго выгравирована вглубь надпись N H (K) O | Л A. На другой сторонѣ—двѣ фигуры святыхъ во весь ростъ, съ крестами въ правыхъ рукахъ, надписей незамѣтно. Рѣзьба отличается замѣчательной тонкостью, особенно отчетливо отдѣланы складки на одеждахъ двухъ святыхъ; вообще, настоящая иконка можетъ бить отнесена къ числу перворазрядныхъ образцовъ древнерусскаго рѣзного искусства. (Поступила въ собраніе Б. И. Ханенко).

—

Въ то-же собраніе Б. И. Ханенко поступила другая иконка, найденная на Княжей горѣ. Иконка изъ обожженной глины, четыреугольной формы ($6^1/_2 \times 5^1/_2$ стм.). На ней рельефомъ исполнено погрудное изображеніе Іоанна Крестителя, благословляющаго правой рукой, а въ лѣвой держащаго крестъ, поднимающійся выше плеча. Работа иконки очень груба, но вмѣстѣ съ тѣмъ и характерна для русскихъ произведеній этого рода нашего княжескаго періода.

—

Въ Смѣлянское собраніе древностей графа А. А. Бобринскаго недавно поступилъ очень рѣдкій образецъ древняго ювелирнаго искусства. Это золотой, полый внутри, браслетъ, украшенный тончайшей византійской перегородочной эмалью разныхъ цвѣтовъ. Браслетъ найденъ гдѣ-то въ окрестностяхъ м. Мошенъ, Черкасск. у., Кіевской губ. и долго провалялся у находчика—крестьянина, не придававшаго никакого значенія и цѣны этой находкѣ. Одинъ изъ скупщиковъ—крестьянъ пріобрѣлъ его у находчика за... 5 коп. и продалъ затѣмъ гр. Бобринскому за солидную сумму. Неудивительно послѣ этого, что среди крестьянъ Каневскаго и Черкасскаго уу. скупка и торговля древностями превратилась въ промыселъ.

—

Близъ с. Салькова, Переяславскаго у. Полтавской губ., въ 3-хъ верстахъ отъ Днѣпра, при паханіи поля, найденъ сосудъ, 3 вершка высотой, украшенный примитивнымъ орнаментомъ изъ полукруглыхъ и косыхъ насѣчекъ. Сосудъ приготовленъ безъ гончарнаго круга и относится, повидимому, къ каменному вѣку. Вообще на поляхъ с. Салькова встрѣчается масса грубыхъ черепковъ, что указываетъ на вѣроятное присутствіе въ данномъ мѣстѣ стоянки.

Возлѣ того-же села, на пескахъ, найдено около 15-ти серебряныхъ золотоордынскихъ монетъ XIV вѣка.

Всѣ эти находки поступили къ Б. К. Жуку, живо интересующемуся мѣстными памятниками старины и собирающему о нихъ свѣдѣнія.

—

Въ Кіевѣ, въ усадьбѣ Реальнаго училища (на Михайловской площади), при производствѣ земляныхъ работъ для расширенія зданія училища, найдено нѣсколько предметовъ, относящихся къ великокняжеской эпохѣ; именно: сосудъ, двѣ серебряныя монетныя гривны и обломокъ витого браслета.

—

Въ Кіевѣ, въ усадьбѣ Покровскаго женскаго монастыря, при земляныхъ работахъ, на глубинѣ приблизительно 2-хъ аршинъ, открыто кирпичное сооруженіе въ видѣ погреба со сводчатымъ потолкомъ, длиной 3 сажня, шириной нѣсколько менѣе. Въ данной мѣстности при Петрѣ I, а затѣмъ, въ 1732—37 годахъ, Минихомъ были устроены земляныя укрѣпленія («ретраншаменты»)—вѣроятно и открытый погребъ представляетъ изъ себя одно изъ крѣпостныхъ сооруженій этого періода.

Разныя извѣстія.

XII-ый международный съѣздъ доисторической антропологіи и археологіи. Съѣздъ происходилъ въ Парижѣ, съ 20 по 25 августа. Кромѣ делегатовъ отъ разныхъ государствъ, ученыхъ институцій и обществъ, на съѣздѣ присутствовали также многочисленные ученые изъ Франціи и со всѣхъ странъ свѣта. Делегатомъ отъ Наукового Товариства ім. Шевченка во Львовѣ состоялъ Хв. Вовкъ. Рефератовъ

предложенныхъ присутствующеми членами и присланныхъ, было такъ много, что большую часть ихъ пришлось докладывать лишь въ сокращеніи. Читались они въ хронологическомъ порядкѣ, соотвѣтственно содержанію и согласно программѣ, выработанной бюро съѣзда: сначала рефераты, касающіеся палеолита, затѣмъ неолита, переходной эпохи, бронзоваго и желѣзнаго вѣка. Рефератовъ, трактующихъ южно-русскія древности, было два: проф. Грушевскаго—Похоронное поле въ с. Чехахъ (объ этомъ рефератѣ см. «Лѣтопись», мартъ н. г.) и Хв. Вовка—О до-микенской индустріи въ неолитическихъ находкахъ на Украинѣ. Послѣдній докладъ заключалъ въ себѣ обзоръ трипольскихъ и другухъ развѣдокъ гг. Хвойки, Бѣляшевскаго и Доманицкаго. Давъ описаніе находокъ, референтъ высказалъ предположеніе, что если найденныя глиняныя сооруженія и представляютъ изъ себя остатки жилищъ (мнѣнія гг. Хвойки и Бѣляшевскаго), то, во всякомъ случаѣ, извѣстная часть ихъ могла быть гончарными печами и мѣстами сожженія покойниковъ.

Представивъ затѣмъ членамъ съѣзда многочисленные рисунки и фотографіи различныхъ найденныхъ предметовъ (сосудовъ и глиняныхъ статуэтокъ), характерныя особенности которыхъ сближаютъ ихъ съ т. н. до-микенской культурой, референтъ перешелъ къ сравненію украинскихъ находокъ съ подобнаго-же рода находками въ Малой Азіи (болѣе всего въ Каппадокіи), въ Галичинѣ (въ Золотомъ Бильчи), въ Буковинѣ, въ Кукутени, въ Угорщинѣ, въ Бутмирѣ, въ Чехіи и въ Моравіи. Сравненіе находокъ, по мнѣнію Хв. Вовка, хотя и обнаруживаетъ большое схоество между ними, но не даетъ возможности считать возникновеніе данныхъ сооруженій результатомъ миграціи какого-нибудь одного племени или народа, миграціи, шедшей съ востока на западъ, скорѣе, остатки этой культуры были занесены въ различныя части Западной Европы независимо одна отъ другой. Обративъ вниманіе на то, что всѣ эти находки обнаружены по берегамъ или большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море, или ихъ притоковъ: Днѣпра (Бобрицы и Роси), Буга (Гнилой Тыкичъ), Днѣстра (Збручъ) и Дуная (Прутъ, Сава, Морава), референтъ останавливается на мысли, что распространеніе этой культуры шло въ среднюю Европу воднымъ путемъ черезъ Черное море и впадающія въ него большія рѣки. Упомянувъ затѣмъ о теоріи д-ра М. Гернеса о восточномъ происхожденіи европейской куль-

туры, докладчикъ заявилъ, что онъ вполнѣ присоединяется къ этой теоріи. («Літерат.-Науков. Вістник»).

На уничтоженіе остатковъ старины въ г. Переяславѣ, Полтавской губ., обращаетъ вниманіе корреспондентъ «Кіевлянина» въ № 266 этой газеты. «До настоящаго времени, говоритъ корреспондентъ, въ Переяславѣ сохранились слѣдующіе остатки прежнихъ укрѣпленій: во-первыхъ, громадный валъ, съ обширнымъ наружнымъ рвомъ, тянущійся отъ лѣваго берега Альты до праваго берега Трубежа, и во вторыхъ, незначительныя части валовъ, сконцентрированныя въ районѣ, прилегающемъ къ соборной Успенской церкви. И тѣ, и другіе обломки сѣдой старины мало возбуждаютъ интереса въ средѣ мѣстныхъ обывателей». Остатки валовъ у собора составляютъ части древняго переяславскаго дѣтинца. «Отъ валовъ послѣдняго уцѣлѣли лишь небольшія частицы. Но и теперь лежащій съ юго-западной стороны соборнаго погоста валъ имѣетъ въ ширину сажени 3—4, при высотѣ до 2 саж. И этимъ драгоцѣннымъ памятникамъ старины грозитъ опасность полнаго уничтоженія: въ іюлѣ нынѣшняго года причтъ соборной церкви постановилъ «расчистить валъ, находя, что онъ, не представляя ничего особеннаго въ историческомъ отношеніи, приноситъ собору только вредъ». Грустно подумать, что это постановленіе можетъ быть приведено въ исполненіе, и тогда посѣтителю древнѣйшей части Переяслава ничто уже не будетъ говорить о былыхъ временахъ этого города, на престолѣ котораго когда-то возсѣдалъ Владиміръ Мономахъ. Мы думаемъ, что Императорская археологическая комиссія, на обязанности которой прежде всего лежитъ охраненіе отъ разрушеній памятниковъ старины, не позволитъ исчезнуть съ лица земли остаткамъ древнѣйшихъ укрѣпленій 1000-лѣтняго Переяслава».

Московскимъ археологическимъ обществомъ выработанъ проектъ правилъ, запрещающихъ вывозъ за границу древнихъ русскихъ предметовъ; кромѣ того, въ виду все усиливающихся раскопокъ, производящихся иностранцами, предполагается воспретить послѣднимъ производить эти раскопки въ Россіи. («Нов. Дня»).

Въ настоящее время въ Министерствѣ Юстиціи обсуждается вопросъ о денежномъ пособіи провинціальнымъ ученымъ архивнымъ комиссіямъ. Это давно наболѣвшій вопросъ, на который много разъ было обращаемо вниманіе, главнымъ образомъ, на археологическихъ съѣздахъ.

видання не могли-би бити волними; надто уволняемъ отъ всякого жнива, кошеня и воженя сѣна на потребу войсковую и нашу, одъ податковъ, кромѣ мѣсячного на компанцовъ (компанейцовъ?) даючогося и отъ инших всѣхъ, людемъ посполитимъ звичайнихъ тяглостей; мѣютъ еднакъ они и повинни будутъ ремесломъ своимъ войсковую, т. е. когда колвекъ указоватиметь потреба на войско пѣхотное робити барву и до двора нашого, по древнему обыкновенію, щоколвекъ будетъ на челядь шити или направовать потребно отбувати повинность; поборы тежъ саміе тилко цеховіе и податки ведлугъ давного звичаю знати и тими зъ цехомъ, а не съ посполитими людми, общой городовой потребы бити прикладними...“ Въ „листахъ“ тому же кравецкому цеху полковниковъ Носа и Галагана—заключается лишь подтвержденіе правъ, указанныхъ Горленкомъ.

Калачницкій цехъ установленъ былъ впервые при Галаганѣ, и въ „листѣ“ послѣдняго находимъ указаніе основаній для этого установленія: „симъ нашимъ ознаймуемъ унѣверсаломъ, ижъ донесли намъ вѣдати обыватели Прилуцкіе Филонъ Гордѣевичъ, зъ товариствомъ, же зде, въ Прилуцѣ, доселѣ цеху калачницкого нѣтъ, и того ради въ дѣлѣ калачницкомъ многіе походятъ нестроенія, зачимъ вишеписанние просили насъ, полковника, бисмо позволили имъ, яко то дѣломъ калачницкимъ бавячимся, особливій свой завести цехъ и цехмистра обрати. А такъ ми за слушность прозбу ихъ до насъ внесенную принявши... цехъ дѣла калачницкаго позволяемъ въ полковомъ нашемъ городѣ Прилуце завести... А якъ въ самомъ мѣстѣ Прилуце, такъ и по селахъ до него приналежащихъ, не повиненъ никто съ козаковъ и посполитыхъ людей безъ позволеніи цехмистрового калачовъ и бубликовъ пекти и продавати. А побори на цехъ ихъ, наложенние за ратуша мѣского Прилуцкого, повиненъ кождій подлугъ своего предложеня отдавати...“[1])

---

[1]) Приведенные полковничьи «листы» приложены были къ Румянц. Описи.

Приведенные документы не указываютъ намъ всѣхъ Прилуцкихъ цеховъ; вѣроятно ко времени составленія Румянцовской описи нѣкоторые цехи или уже разстроились или—потеряли свои документы. Изъ другихъ свѣдѣній мы знаемъ, что въ Прилукѣ въ нач. XVIII вѣка было шесть цеховъ: кравецкій, ткацкій, шевскій, бондарскій, калачницкій и рѣзницкій. По ревизской книгѣ 1729 г.—въ нихъ показано „хозяевъ": въ кравецкомъ—62, ткацкомъ—55, шевскомъ—42, бондарскомъ—11, калачницкомъ—11 и въ рѣзницкомъ—10 (?). Въ ревизской книгѣ 1740 г.—цехи въ Прилукѣ уже не указываются, а обозначаются лишь „мастеровые люди"; въ это время ихъ показано: кравцовъ—70, шевцовъ—37, кузнецовъ—23, ткачей—19. Но цеховое устройство у Прилуцкихъ ремесленниковъ существовало еще и въ 1786 г., когда Прилуку описывалъ Шафонскій; цеховъ было тогда пять: кравецкій, шевскій, ткацкій, ковальскій и рѣзницкій. [1])

Упоминаніе уже въ листѣ Вишневецкого о „канунѣ", указываетъ, что тотъ или другой цехъ, получая извѣстныя права, вмѣстѣ съ тѣмъ обязывался заботиться о благолѣпіи одной изъ церквей, причемъ образовывалъ изъ себя церковное братство. Повидимому, каждый цехъ, получивъ право па свое устройство, вмѣстѣ съ тѣмъ бралъ на себя обязанности церковнаго братства, при той или другой приходской церквѣ. Если цеха не было, то для заботы о благолѣпіи приходской церкви образовывалось самостоятельное церковное братство, на обязанности котораго главнымъ образомъ лежало устройство *кануновъ*. [2])

Населеніе Прилуки. Польское свѣдѣніе о томъ, что въ Прилукѣ въь 1604 г. было больше 600 домовъ „осады" (с. 80)

---

[1]) Шафонскій, 518. Тутъ-же описаны цеховые «значки» и «цешки».

[2]) Объ отношеніяхъ церковныхъ братствъ къ цехамъ см. любопытный актъ 1687 г., святит. Феодосія Углицкаго—объ установленіи церковнаго братства въ м. Лѣткахъ, Остерск. уѣзда. (Кіевск. Стар. 1897 г., окт., 7). При этомъ можно вспомнить и обстоятельную монографію—о «Южнорусскихъ братствахъ» («Слово», 1880 г., №№ 9—11), въ которой, между прочимъ, выражено затрудненіе при разрѣшеніи вопроса—объ отличіи ремесленныхъ братствъ отъ церковныхъ.

невѣроятно, потому что и въ главномъ городѣ Вишневеччины—Лубнахѣ—въ 1628 г. числилось только ок. 170 домохозяевъ. Слѣдуетъ думать, что цифра польскихъ пословъ о населеніи Прилуки имѣла въ виду—усилить впечатлѣніе свѣдѣнія о степени разоренія города.. Въ томъ же въ 1628 г., въ Прилукѣ, по тарифамъ, показано всѣхъ „дымовъ"—40; считая, что каждый „дымъ" (жилая постройка) заключалъ въ себѣ даже пять душъ, окажется, что населеніе Прилуки въ 1628 г. не превышало 200 душъ.[1]) Затѣмъ, о населеніи Прилуки во втор. четверти XVII в.—имѣется два свѣдѣнія: одно въ документѣ, напечатанномъ Шпездѣцкимъ о 366 „господаряхъ" (с. 86), а другое—въ Стокгольмскомъ документѣ—о 800 „домахъ" (с. 3). Къ сожалѣнію, происхожденіе этихъ документовъ необъяснено и оба они не имѣютъ точной даты, почему и трудно судить о ихъ достовѣрности; но быть можетъ свѣдѣніе Стокгольмскаго документа и правдоподобно, въ виду того значенія, которымъ Прилука пользовалась въ послѣдніе годы пребыванія Іереміи Вишневецкаго въ „Заднѣпріи".

За первую половину XVIII в. свѣдѣнія о населеніи Прилуки имѣются за четыре момента: 1713, 1728, 1731 и 1740 гг., причемъ свѣдѣнія за первые два момента касаются, впрочемъ, одного только посполитаго населенія.

1713 г. По переписи, произведенной лѣтомъ этого года, в. тов. Степ. Тарновскимъ, въ Прилукѣ было 569 хозяевъ „посполитыхъ.

1729 г. По этой переписи въ Прилукѣ оказалось „посполитыхъ людей можныхъ—69 двор., убогихъ—479, весьма убогихъ—302 и вдовъ 53, всего 903 домохозяевъ, жившихъ въ отдѣльныхъ хатахъ. Кромѣ того, мастеровыхъ было: портныхъ—62, ткачей—55, сапожниковъ—42, бондарей—11, хлѣбниковъ—11 и мясниковъ—(?); всѣхъ мастеровыхъ было 181 домохоз. безъ мясниковъ, свѣдѣніе о числѣ которыхъ въ рукописи утратилось, но, считая, что ихъ было десять, всѣхъ домохозяевъ посполитаго званія въ Прилукѣ, значитъ, было около 1100, а считая семью

---

[1]) Źródła Dziejowe XX, 85 и 69

каждаго домохозяина въ три человѣка, все посполитое населеніе опредѣляется въ *3300 душъ.*

1731 г. Въ этомъ году произведена была перепись козаковъ и посполитыхъ, при чемъ въ Прилуцкомъ полку оказалось: козаковъ 86 домохозяевъ [1]) и козачьихъ подсосѣдковъ—48 домохозяевъ; а посполитыхъ „свободныхъ"—1075 и ихъ подсосѣдковъ 37 домохоз. Всѣхъ домохоз. было 1246, а душъ, считая по три на семью,—3738. Но здѣсь нѣтъ ни старшины, ни духовенства, вмѣстѣ съ которыми все населеніе приблизительно можно опредѣлить въ *3800 душъ.*

1740 г. По этой ревизіи въ Прилукѣ оказалось *свободныхъ* дворовъ—81, [2]) козаковъ: выборныхъ 25 дворовъ, 29

---

[1]) Козаки были подѣлены на четыре *куреня:* Пукасевъ, Олихвѣровъ, Кустовской и Замостскій. Городскіе козачьи курени обыкновенно назывались по имени своихъ куренныхъ атамановъ, почему и здѣсь первые два куреня назывались по имени куренныхъ атамановъ Пукася и Олихвѣра. Кустовцы и Замостье составляли предмѣстья Прилуки.

[2]) Изъ числа хозяевъ «свободныхъ» дворовъ показано: 18 священниковъ, діаконовъ, дьячковъ и пономарей, «откупщикъ збору государевого» Иванъ Шнурчевскій, четыре ратушныхъ урядника, два «подрядчика Броварской почты», четыре «конюха государевыхъ кобылицъ», «стадникъ при государевыхъ кобылицахъ», «досмотрщикъ государевыхъ сѣновъ», «почтарь почты Прилуцкой», «досмотрщикъ мостовъ, гребель и гатей», бывшій войтъ Леонтій Васильевъ («за службы уволенъ полковою Прилуцкою канцеляріей» отъ повинностей), «индуктарь» Тимофей Браславскій, Евстафій Евстафіевичъ—«въ отчотѣ денегъ о роздачи на чиновниковъ полковыхъ и служителей сотенныхъ», «писаръ двору хоружого енералного», дворъ братерскій кравецкій», «дворъ братерскій шевскій», шесть домовъ, принадлежавшихъ лицамъ «подъ протекціей его высокографскаго сіятелства (Миниха?) по лѣбертаціи застаючимъ», пять цехмистровъ, два церковныхъ сторожа, три домохозяина «опредѣленныхъ для вывозу изъ улицъ г. Прилуки», пять «служителей баштовыхъ», два дома старцовъ («Марія Столецковна и Галка дѣвка»), девять дворовъ принадлежавшихъ родителямъ сыновей, служившихъ въ разныхъ канцеляріяхъ («Иванъ Дрофанъ, сынъ его канцеляристомъ судовымъ, Иваниха Гуленкова, сынъ ея при войск. енер. к—ріи, Андрей Гуленко, Василь Соляникъ, сынъ его при ратуши»), Андрей Гуленко «при роздачи денегъ на чиновниковъ полковыхъ и служителей сотенныхъ», четыре школы, четыре «шпиталя» и т. д.

хатъ, подмощниковъ—124 двора, 134 хаты, и козачьихъ подсосѣдковъ—105 хатъ, всего 149 дворовъ съ 163-мя хатами и бездворныхъ хатъ—105 [1]). Посполитыхъ, безъ ремесленниковъ, 257 дв., 265 хатъ; мастеровыхъ (цеховыхъ)—156 дв., 257 х., старшинской „скупли"—37 дв., 37 х., и подсосѣдковъ посполитыхъ (т. е. людей, жившихъ въ хатахъ принадлежавшихъ посполитымъ Прилуки)—26 хатъ. Всѣхъ посполитыхъ было 450 дв., 484 х. Въ числѣ послѣднихъ были какъ тѣ, которые работали на ратушу (будущіе „мѣщане"), такъ и владѣльческіе [2]). Все населеніе Прилуки, безъ жителей „свободныхъ дворовъ", заключалось въ 599 двор., 752 хатахъ. Здѣсь мы имѣемъ уже опредѣленное количество хатъ; полагая, что и семей было столько же и полагая каждую семью въ три души, все козачье населе-

---

[1]) По этой ревизіи Прилуцкіе козаки подѣлены на три куреня: „Олихвѣровъ", Кустовскій и Замостскій.

[2]) Это различіе посполитыхъ указывается въ слѣдующей надписи надъ ихъ перечнемъ въ ревизской книгѣ: «Посполитые свободные, до ратуши Прилуцкой прислухаючіи, и въ смотрѣніи старшины сотенной и городовой содержачіесь». Отсюда видно, что здѣсь перечислены посполитые люди какъ ратушные, такъ и владѣльческіе. Къ послѣднимъ принадлежали 37 дворовъ «посполитыхъ скупленныхъ разными владѣльцами и на тѣхъ же грунтахъ жіючихъ» и 26 хатъ посполитск. подсосѣдковъ, «зъ работы питающихся». Общественное положеніе тѣхъ и другихъ въ ревизской книгѣ пояснено такъ: «съ оныхъ посполитыхъ въ скарбъ войсковій собирается ежегодно по 70 р., 60 коп., да осыпъ годовой (т. е. сборъ зерномъ)—овса и ячменю по 10 четвертей; и оные деньги, овесъ и ячмень отдаются сборщикамъ». А затѣмъ добавляется: «Вышеписаніе жъ свободніе, до ратуша городового Прилуцкого прислухаючіи люде—зъ владѣльческими подданными въ расположеніи для общенародныхъ повинностей и консистенской дачи (*квартирная повинность*) бываютъ въ равенствѣ; точію въ томъ не въ равенствѣ, что изъ оныхъ свободныхъ посполитыхъ, отъ 1732 г. по сей 1740 г., по унѣверсалу покойного гетмана Апостола собирается ежегодно для заплаты таковымъ чиновникамъ, сотеннымъ служителямъ и на канцелярскіе расходы, денегъ 92 р. 84 коп., которые деньги отдаются въ Прилуцкую полковую к—рію». Слѣдуетъ думать, что эта послѣдняя денежная повинность была наложена на «свободныхъ» посполитымъ—послѣ раздачи Апостоломъ «свободныхъ» селъ старшинѣ въ ранговое пользованіе.

ніе за 1740 г. опредѣлится въ 2256 душъ. Присоединивъ сюда населеніе „свободныхъ дворовъ“ и полагая, что тутъ было 81 семья, окажется въ нихъ 284 душъ. Остается неподсчитаннымъ еще населеніе старшинскихъ дворовъ (полковника, обозваго и друг., которые сами жили большею частью въ своихъ селахъ), которое опредѣляя примѣрно въ 20 душъ, все населеніе 1731 г. Прилуки опредѣлится, приблизительно въ *2550 душъ*. Сравнивая населеніе 1731 года съ населеніемъ 1740 года, мы видимъ разительное умаленіе населенія въ средѣ посполитыхъ „свободныхъ“. Умаленіе это вполнѣ объясняется тѣми жалобами Прилуцкаго мѣскаго уряда, которыя приведены выше (с. 90) относительно тяжести повинностей, требовавшихся въ это время съ этихъ „свободныхъ“ жителей Прилуки. Послѣднимъ стало не подъ силу отбывать городскія повинности и они разбрелись по селамъ...

За вторую половину XVIII в. свѣдѣнія о населеніи Прилуки имѣются за 1753 и 1781 годы.

1753 г. По ревизіи этого года въ Прилукѣ оказалось козаковъ—170 дв. и 27 бездвор. хатъ; посполитыхъ—306 дв. и 119 бездв. хатъ и, наконецъ, подсосѣдковъ—518 дв. и 242 бездв. хатъ. Считая, что каждый дворъ заключалъ въ себѣ одну хату съ одной семьей, окажется, что всѣхъ хатъ (включая и бездворныя) было 1338 и въ нихъ столько-же семей, а считая въ каждой семьѣ по три души, все населеніе, безъ старшины и духовенства, опредѣляется въ 4014 д. Въ ревизіи 1753 г. „свободные дворы“ не показаны, слѣд. въ указанной цифрѣ не достаетъ еще и населенія, жившаго въ этихъ дворахъ. Округляя цифру 4014 прибавленіемъ къ ней 136-ми душъ, жившихъ въ старшинскихъ и въ „свободныхъ“ дворахъ, все населеніе опредѣлится въ *4150 душъ*.

Сравнивая населеніе 1740 и 1753 гг., оказывается, что за 13 лѣтъ, оно увеличилось приблизительно на тысячу душъ, при чемъ прибыль, и прибыль оч. обольшая, оказалась въ подсосѣдческомъ населеніи; по ревизіи 1740 г. подсосѣдковъ было 63 хаты, а черезъ 13 лѣтъ ихъ оказывается—595 хатъ, т. е, число подсосѣдковъ почти *удесятиряется*. Козачье населеніе въ 1753 г. сравнительно съ 1740 г., уменьшилось на 70 хатъ. Нѣтъ

сомнѣнія, что населеніе этихъ хатъ было „скуплено“ или—переписалось въ подсосѣдки; остальные, вновь прибывшіе подсосѣдки—явились въ Прилуку изъ другихъ мѣстъ, призванные новыми владѣльцами тѣхъ „плецовъ“, которые пустѣли съ уходомъ изъ Прилуки „свободныхъ“ посполитыхъ.[1])

Указанное въ ревизіи 1753 г. число подсосѣдческихъ хатъ (595) принадлежало 67-ми владѣльцамъ, при чемъ послѣдніе, по своему общественному положенію, представляютъ чрезвычайное разнообразіе; кромѣ старшины, тутъ видимъ: „служителя дому его ясневельможности—Саввы Тимофеевича“, „цилюрика полкового Василія Василіева“, „писара протопопского Захарія Капленича“, „господаря асаула енералного г. Якубовича—Василіева Прохоровича“, „козаковъ Прилуцкихъ Турковскихъ“ (имъ принадлежитъ одинъ подсосѣдокъ) и проч. Всѣ эти лица стремились селить на пріобрѣтенныхъ „плецахъ“ подсосѣдковъ, чтобы сначала пріобрѣсти право на нѣкоторый ихъ трудъ, а потомъ, при послѣдующихъ ревизіяхъ, записать ихъ своими „подданными“...

1781 г. Наканунѣ открытія намѣстничествъ, все населеніе гетманщины приведено было въ извѣстность по сословіямъ и въ Прилукѣ оказалось: шляхетскихъ—36 двор., розночинцовъ—34 дв., духовенства—10 дв., церковниковъ—8 дв., а всего 88 двор., принадлежавшихъ привиллегор. сословіямъ. Остальное населеніе составляли: козаки—168 хатъ, мѣщане—365 х. и подсосѣдки, владѣльческіе, разночинческіе и козачьи—294 х., а всѣхъ хатъ—827. Къ этой цифрѣ, для сравненія съ прежними, слѣдуетъ прибавить хаты, находившіяся на предмѣстьяхъ: Чернявщинѣ—85 и

[1]) При постоянномъ передвиженіи населенія, «плецы» уходившихъ, большею частью, оставались пустыми, какъ это видно изъ ревизской книги за 1740 г., гдѣ, при указаніи ушедшихъ изъ г. Прилуки посполитыхъ, говорится, что ихъ «плецы» оставались большею частью ***пустыми***, потому конечно, что некому было ихъ продавать,—вслѣдствіи множества уходившихъ. О пустыхъ «плецахъ» въ ревизской книгѣ сдѣланы такія поясненія: «Павло Шептунъ—1736 г. зійшовъ въ м. Журавку, а по немъ остался плецъ пустъ, которимъ плецомъ нихто не владѣетъ...» Такихъ плецовъ, оставшихся «пустыми» по уходѣ изъ Прилуки ихъ хозяевъ, въ ревизской книгѣ 1740 г. показано—76-ть.

въ Замостьи—103; всего такимъ образомъ въ Прилукѣ окажется козаковъ и посполитыхъ 1015 хатъ, т. е. гораздо меньше, чѣмъ ихъ было въ 1753 г. Нѣкоторое объясненіе этой убыли можно найти въ тѣхъ хуторахъ, которые послѣ 1753 года возникли около Прилуки. Хутора̀ эти были устроены преимущественно старшиною, которая могла переводить сюда своихъ городскихъ подсосѣдковъ. Такимъ образомъ, въ 1781 г., въ Прилукѣ съ предмѣстьями было примѣрно—*3045 душъ*.

При перечисленіи Прилуцкаго населенія въ 1781 г., въ первый разъ встрѣчается названіе *мѣщанъ*. Не смотря на то, что это слово южнорусскаго происхожденія, [1]) городское поспольство стало именоваться мѣщанами лишь въ к. XVIII в.; впрочемъ мѣщанами стало именоваться лишь то городское поспольство, которое было подвѣдомо ратушѣ, при чемъ тутъ главную роль играли цеховые ремесленники и промышленники; остальное поспольство, состоявшее изъ владѣльческихъ подсосѣдковъ, впослѣдствіи переименовано въ крестьянъ; жившіе въ Прилукѣ козаки такъ и остались козаками. [2])

---

[1]) Мѣщанинъ отъ слова *мѣсто*=торговый центръ (базаръ) и въ этомъ смыслѣ—городъ; *предмѣстье*—окраина города.

[2]) Когда въ 1749 г. генер. канцелярія потребовала отъ полковыхъ канцелярій свѣдѣній—«какіе именно обыватели, обрѣтающіеся въ малороссійскихъ городѣхъ и мѣстечкахъ, по гражданскому состоянію,—мѣщанами быть должны, «то изъ Прилуцкой полк. к—ріи былъ посланъ въ Глуховъ отвѣтъ, что «по справкѣ съ малороссійскими правами, *коихъ именно гражданскаго состоянія обывателей мѣщанами числить должно и что формально мѣщанинъ есть*, хотя точного права не сыскивается, однако по примѣрамъ о головщизнахъ и навязкахъ разнаго чина и званія людемъ, въ малороссійскомъ правѣ статутовой книги положенныхъ и по древнимъ малороссійскимъ обычаямъ мѣщанами быть тѣ должны: 1) гдѣ въ малороссійскихъ городѣхъ и мѣстечкахъ магистраты или ратуши и при тѣхъ имѣются ратушахъ государственніи грамоты и древніе привиллегіи и протчія крѣпости албо указы, по коимъ оніи ратуши состоятъ особымъ правленіемъ и имѣютъ особыхъ урядниковъ, якъ-то: войтовъ, бурмистровъ, райцовъ, писаря и протчіихъ чиновъ, управляютъ гражданство—и судомъ и росправою и пристойными градскими распорядки, по малорусскимъ правамъ, *то всѣ обыватели, кои таковому правле-*

Прилуцкія церкви, школы и богадѣльни. Въ Прилукѣ была церковь уже въ 1628 г., потому что въ тарифахъ этого года

нію подвластны и подсудственни, по мнѣнію полк. Прилуцкой к—ріи, *должны быть мѣщанами*, якъ о томъ зъ примѣрного малороссійского книги статута розд. 12, арт. 6 права подтверждать сіе неотмѣнно можно, гдѣ мѣщанъ якъ упривилегованнихъ, такъ и меншихъ мѣстъ, имянуя тѣмъ именемъ отъ *мѣста*, т. е. гдѣ уже слѣдовательно—таковому, какъ выше писано, мѣскому правленію быть должно, различаетъ отъ людей простого стану, якъ-то: слугъ и подданныхъ владѣльческихъ, положа имъ навязку большую нежели простому тяглому человѣку, какъ о томъ ясно оный 6-й артикулъ гласитъ. 2) При городѣхъ и мѣстечкахъ ремесленніи всякого ремесла люди также и всякіи промысленніи обыватели, которіи имѣютъ торговые промыслы и сидятъ съ большими и мелкими товарами въ лавкахъ или и не имѣютъ лавокъ да имѣя въ городѣхъ дворѣ своя, а за промысломъ съ рыбою, солью и протчимъ—ѣздятъ по другимъ городамъ, *оніи*, по вишеписанному въ 1-мъ пунктѣ изображенному обстоятельству, *должны быть мѣщанами*, яко подсудственнимъ (ніе?) особому надъ ними управленію, ибо обыкновенно не только при меншихъ, но и при самихъ большихъ и упривилеованныхъ мѣстахъ гражданскаго состоянія обыватели большою частью ремесломъ, купечествомъ и другими промыслы живутъ, а повинностми градскими, такожъ и судомъ зависятъ отъ командъ своихъ, си есть отъ магистратовъ и ратушей, особливо же ремесники всякого званія, якъ то: кравци, шевци, ткачи, золотари, слесари и протчіи при городѣхъ имѣютъ цехи свои и при цехахъ, особій цеховій урядъ и за древній обычай, во знакъ того цехового правленія, хоругви, чрезъ что все отъ селянъ и протчого тяглого посполиства—имѣютъ немалую разнь, а къ тому жъ по силѣ статутового розд. 4, арт. 5—права въ окладѣ головщизны предвозвышенны надъ прочій простый народъ. 3) Въ ревизіальныхъ давнихъ и нынѣшнихъ ревизій книгахъ Прилуцкого полку, въ городѣхъ и мѣстечкахъ, градского званія обыватели писанны неодинаково: иногда сами знатнѣйшіи показыванны мѣщанами, а убогшіи и рукодѣліемъ питающіеся, такожъ подварчане и пашенніи—писаны были посполитыми, а иногда всѣ генерально—знатніи и убогія, купечествомъ и ремесломъ и пахaніемъ земли упражняющіяся, писывали равно—посполитими и сіе для того, что въ акуратномъ о томъ въ ревизіяхъ показываніи особливой нужды и надобности не бывало, и ревизори въ томъ по произволеніямъ писывали, ибо ревизіи сочиняемы были не для чего иного, но къ единому уравненію всѣхъ обще, какъ козацкаго, такъ посполитскаго званіевъ людей, ко одбуваню общенароднихъ

здѣсь показанъ „1 попъ“. [1]) По Шафонскому (стр. 515) это была церковь Рождества Богородицы, построенная, по его свѣдѣніямъ, въ 1618 г. Въ 1724 г. въ Прилукѣ было четыре церкви: Преображенская, Рождества Богородицы, Іоанна Предтечи (на Квашинцахъ) и Трехсвятительская (въ Кустовцахъ). Преображенская церковь называется уже въ 1653 г. (Акты Ю. З. Р., X, 199); но затѣмъ, въ к. XVII или нач. XVIII в., церковь эта, вѣроятно, сгорѣла, такъ какъ вмѣсто ея построена была полковникомъ Игн. Галаганомъ новая, каменная. Главною церковью однакожъ считалась Рождество-Богородицкая. Къ к. XVII в., она настолько обветшала, что въ 1697 г. взамѣнъ ея была построена новая, деревянная же. Эта церковь сгорѣла въ 1781 г., въ большой пожаръ. (Шафонск., 315). [2])

Изъ Румянц. описи видно, что и въ 1765 г. въ Прилукѣ были тѣ же четыре церкви, при чемъ при каждой изъ нихъ была школа, а при Преображенской и Богородицкой еще и по богадѣльнѣ (*шпиталь*). Въ школахъ жили „молодики и школьники“; напр., въ Преображенской школѣ жило семь человѣкъ „молодиковъ и школьниковъ“ слѣдующихъ возрастовъ: 39, 28, 25, 25, 24, 15 и 15 лѣтъ. Въ школѣ Предтеченской жило также семь человѣкъ „молодиковъ и школьниковъ“, слѣдующихъ лѣтъ: 25, 21, 20, 19, 16, 16, 15 и 12-ти. Кромѣ этихъ лицъ, при каждой церкви было по дьячку и по одному или по два пономаря; иногда у дьячка былъ помощникъ, называвшійся подьячимъ. Судя по возрасту указанныхъ „молодиковъ и школьниковъ“, это были молодые люди, повидимому, готовившіе себя

указнихъ повинностей и дабелей, отъ коихъ по указамъ, какъ козаки, такъ мѣщане и мужики, кромѣ обоихъ званіевъ чиновниковъ и урядовыхъ и протчіихъ разночинцовъ, не виключаются». Подписали: Обозн. полк. Ѳедоръ Галенковскій. Судія полк. Яковъ Огроновичъ. Полков. писарь Иванъ Александровичъ. Полков. асаулъ Никифоръ Бѣлецкій-Носенко. (Изъ бумагъ Н. А. Маркевича).

[1]) Zródła Dziejowe, XX, 69.

[2]) Шафонскій упоминаетъ еще о Николаевской церкви, находившейся въ Преображенской каменной колокольнѣ; церковь эта сгорѣла въ тотъ же большой пожаръ 1781 г.

на дьячковскія должности и для того изучавшіе, при той или другой церкви, дьячковскую науку; изъ числа этихъ „молодичовъ" вѣроятно и выходили такъ называвшіеся „мандрованные дьяки", т. е. дьяки, блуждавшіе по гетманщинѣ, въ поискахъ за мѣстами. Показанные въ описи 1765 г. жильцы Прилуцкихъ школъ были, по своему происхожденію, большею частью, люди пришлые; напр., изъ семи школяровъ Преображенской школы,—уроженцовъ г. Прилуки было только двое; затѣмъ, два пришло изъ селъ Заизда и Половой, два—изъ Миргородскаго полка и одинъ—изъ Нѣжина. Изъ трехъ Прилуцкихъ дьяковъ, занимавшихъ эти мѣста въ 1765 г., Преображенскій дьякъ былъ родомъ изъ Обухова (ок. Кіева), Предтеченскій—изъ с. Фащовки (ок. Хорола) и только третій былъ уроженецъ Прилуцкій. Отсюда видно, что дьяковскія должности замѣщались преимущественно людьми *прихожими*.

Изъ списка лицъ, жившихъ въ церковныхъ богадѣльняхъ (*шпиталяхъ*) видно, что тутъ находили пристанище преимущественно калѣки, но были между ними люди и совершенно здоровые—изъ числа мужей или женъ калѣкъ.[1]) Въ богадѣльнѣ

---

[1]) «Григорій Журавленко, житель Прилуцкій, 40-ка лѣтъ, слѣпъ «на обѣ очи».—Семенъ Булденко, родимецъ полку Переяславского, 25 л., слѣпъ на оба глаза. Жена его Ульяна Куценкова, жителька Прилуцкая, 25 л., никакими болѣзнями не заражена; дочь ихъ Домникія 1-го года.—Тишко Тарановскій, родимецъ полку Сумского, 35 л., никакими болѣзнями не зараженъ, живетъ въ шпиталѣ 6 лѣтъ; жена его Феодосія Бугаенкова, жителка с. Припутень, 40 лѣтъ, слѣпа на обѣ очи.—Іосифъ Лещинскій, житеть с. Половой, 30 л., на рукахъ и на ногахъ имѣетъ раны; жена его Пелагія Крившенкова, никакими болѣзнями не заражена, жителька с. Сергіевки, 30 л.; сынъ ихъ Иванъ 7-ми лѣтъ.—Ефимъ Столѣтненко, родимецъ Прилуцкій, 25 л, слѣпъ на обѣ очи.—Григорій Загородненко, родимецъ с. Дубоваго Гая, 23 л., едной ноги не имѣетъ.—Ярофей Хиграккъ, родимецъ с. Ювковецъ, 30 л., на ногахъ имѣетъ раны.—Яковъ Савченко, родимецъ полку Сумского, 35 л., зараженъ черною болѣзнію.—Яковъ Гладченко, родимецъ с. Линовицѣ, 18 л., слѣпъ на обѣ очи.—Иванъ Онищенко, родимецъ Прилуцкій, 14 л., слѣпъ на обѣ очи.—Ефимъ Ткаченко, родимецъ м. Борзны, 10 л., никакими болѣзнями не зараженъ; живетъ въ шпиталѣ будетъ одинъ годъ.—Якимъ Хиженко, родимецъ и.

Преображенской церкви въ 1765 г. жило 12 душъ и при нихъ дѣтей, имъ же принадлежавшихъ—4. Персоналъ богадѣльни церкви Рождества Богородицы приведенъ выше полностью.

Укрѣпленія Прилуки. Объ укрѣпленіяхъ Прилуки, кромѣ извѣстія, сообщаемаго Павломъ Алеппскимъ, имѣются свѣдѣнія относящіеся къ 1738 г., когда въ виду турецкой войны, по распоряженію Румянцова (А. И.), тогдашняго правителя Малороссіи, были осмотрѣны въ послѣдней всѣ города и городки, которые въ прежнее время были окружены валами. Осмотръ Прилуцкихъ укрѣпленій былъ порученъ бунч. тов. Степ. Томарѣ, который о состояніи ихъ доносилъ Румянцову слѣдующее: „Полковой городъ Прилука—отъ поля валомъ землянымъ вкругъ, а отъ р. Удая высокостью самородной горы—обнесенъ и палисадомъ укрѣпленъ. Около того города валъ во многихъ мѣстахъ осыпался, коло бойницъ земля поосововалась, рогатки вокругъ не всюди поставлены, а которые поставлены, тѣ не снозованы (не соединены между собою), а нѣкоторые и повалялись; стежки (дорожки) по валу пороблены, ровъ мисцями затаскався и не вычищенъ; въ пригородкахъ—воротъ, а въ вилазкахъ фортъ и запоровъ никакихъ не имѣется...“ Изъ другаго свѣдѣнія, относящагося къ 1781 г., видимъ, что и въ это время центръ Прилуки назывался *замкомъ*, а его окружность—*городомъ*. Въ этомъ году, 14 сентября, въ Прилукѣ случился большой пожаръ, о которомъ бригадиръ Андрей Салигнакъ доносилъ Румянцову (П. А.), что сгорѣли: „въ *замкѣ*—острогъ, ворота одни, пустой пороховой погребъ и церковный домъ. гдѣ учились школяры, а въ *городѣ*: церкви Рождества Богородицы, Николая Чудотворца и великомуч. Варвары (недостроенная), лавки и дома: Горленка, майора Маркевича, Носенка, Ивана Маркевича, капитанши Сиповой, Пятигорскаго, Огроновича“.[1]) Шафонскій, въ своемъ описаніи Черни-

---

Кіевского, 12 л., кривій на обѣ ноги.—Параскева Кондратовна, родимка п. Лубенского, 25 л., слѣпая на обѣ очи; сестра ея въ первыхъ Акилина, 13 л., никакими болѣзнями не заражена, родственниковъ въ себе не имѣетъ.—Карпъ Колюченко, родимецъ Прилуцкій, 21 года, кривій на ногу и руку». (Изъ Румянц. Описи).

[1]) Оба документа изъ бумагъ (въ копіяхъ) Н. А. Маркевича. Въ пожаръ 1781 г. пострадали и Прилуцкія предмѣстья, въ которыхъ

говскаго намѣстничества, о Прилукѣ говоритъ, что центръ города „составляетъ самый земляной старый городъ и въ немъ лежащій замокъ или цитадель, и за городомъ предмѣстье Квашинцы и тѣ два предмѣстья, которыя за валомъ, между Кіевскими и Пирятинскими воротами, лежатъ. Главная крѣпость имѣетъ четыре развалившіяся ворота: Кіевскія или Черниговскія, Глуховскія, Роменскія и Пирятинскія.

Предмѣстья Прилуки назывались: *Квашинцы*, по дорогѣ на Пирятинъ, *Кустовцы*—по дорогѣ на Роменъ и *Плескуновка*—за Кустовцами, по Роменской дорогѣ. Всѣ эти три предмѣстья соединены непосредственно съ городомъ. На противоположномъ берегу Удая находились два предмѣстья: *Замостье* и *Чернявщина*, иначе—*Лапинцы*. Замостье—поселеніе извѣстное уже съ 1618 г., когда оно называлось и *Гущинцами*.[1]) Судя по мѣстоположенію Замостья и близости его къ Прилукѣ, можно предполагать, что это поселеніе возникло, какъ защитное мѣсто для жителей Прилуки, на случай нападенія татаръ. *Чернявщина* поселена была, вѣроятно, полковникомъ Чернявскимъ.

Приложеніе. *Виденіе въ малороссійскую коллегію, какіе зборніе денги въ полковомъ Прилуцкомъ скарбцѣ найдовались, в чіемъ завѣдованю били и на якіе росходи оніе употреблени. 1725 року.*

За гетманства Ивана Самойловича с прибели арендовой, в городѣ Прилуцѣ будучой, обранно било грошей до скарбцу полкового належачыхъ, чрезъ десять годовъ, 900 рублей, а тіе денги Димитрій Горленко у килка годовъ, когда уручено ему урядъ полковництва Прылуцкого, забралъ до себе и не вѣдаемъ того, где оные подѣвалъ. Повторе, тотъ же Димитрій Горленко взялъ до своихъ рукъ готовыхъ денегъ з таковой же прибели арендовой, за гетманства уже змѣнника Мазепы, отъ року 1690 до року 1697, Василемъ шафаромъ собранной а до скарбцу полкового належачой, 800 рубл.; а если на якіе росходи з оной сумми употреблено що или нѣтъ, о томъ незвѣстни. А що

сгорѣло: мостъ, четыре мельницы на Удаѣ, винокурня Грудницкаго. Всего въ Прилукѣ сгорѣло въ этотъ пожаръ 74 двора:

[1]) Źródła Dziejowe, XXI, 209, 315 и XXII, 175, 233.

болшъ по томъ времени збиралося оной прибели, до запродання аренди, именно до року 1702 іюня 12, о томъ уже нѣхто не свѣдомъ, кромѣ помянутого Горленка, якъ тоею прибелаю завѣдуючого и до рукъ своихъ обираючого.—Потомъ, когда въ року 1702, знатніе мѣщане Прилуцкіе, человѣка шесть, закупили аренды въ Прилуцѣ, видали чрезъ 6 годовъ тожъ зъ прибели арендовой до рукъ оного жъ Горленка 1200 рубл., яко о томъ Ѳедоръ Киричъ, тогдашній арандиръ, посвѣдчаетъ, кромѣ ярмарковъ, которіе онъ же, Горленко, запродаючи, до рукъ своихъ отбиралъ гроши и що зъ оныхъ пошло в росходъ, того мы не свѣдомы, понеже оный Горленко тими усѣма, прибелними денгами самъ завѣдовалъ и реестра всѣ, приходніе и расходніе, въ его найдовалися. По отшествіи тежъ помянутого Горленка на противную сторону (т. е. послѣ его ухода съ Мазепою) немѣючи за що нѣ пороху купити, а нѣ жадной аммуниціи до артиллеріи полковой Прилуцкой належной, справити, просили покойного гетмана Скоропадского о опредѣленне намъ певной части з добръ Горленковихъ въ награжденіе прибелной сумми, онимъ Горленкомъ забранной, и помянутій гетманъ опредѣлилъ былъ намъ куховъ сорокъ селѣтри, з которой продали 30—за 1100 рублей, а 10 куховъ оставили для пороху, з якой селѣтры дѣлаючи порохъ, всякіе походы войсковіе и прочіе въ городѣ нашемъ публѣчніе отправовали окказіи. А взятіе вишиписанніе денги за оную селѣтру были въ завѣдованню Михайла Григорьева (Огроновича), бившого судіи, а нынѣшнего обозного; потомъ въ Андрея Васильева, тожъ судѣ полкового Прилуцкого, а по немъ въ Івана (Марковича), такожде судѣ Прилуцкого, и что которій зъ тоей сумми въ росходъ пустилъ, о томъ ниже сего слѣдуетъ. *Росходъ Михайла Григорьева.* Року 1710, когда фелтмаршалъ г. Шереметевъ пришолъ з Прутовской батальи въ Прилуку, на кватеру, далъ на поклонъ, за совѣтомъ всей старшины, 10 червонихъ, по 2 рубля розмѣненнихъ, а матерію купили въ Нѣжинѣ за 40 рублей.—Року 1711, по указу гетманскомъ, далъ Тимофѣю Василіеву, войтови прилуцкому, на росплатку долговъ ратушнихъ, за разніе рѣчи под дивизій великороссійскихъ, з под Полтавы чрезъ Прилуку простуючихъ, набратіе, 300 р.—Того жъ году, помянутому войтови, когда ездилъ в градской потребѣ до Глухова, далъ 8 рублей —На позолоченіе булави полковой далъ 6 червоныхъ, по два рубля розмѣненнихъ.—Року 1713, якъ пришолъ помянутій фелтмаршалъ г. Шереметевъ зъ Москвы въ Прилуку, далъ, за совѣтомъ же всей старшины, на поклонъ червонихъ 10, по 2 рубля розмѣненнихъ.—И того въ росходѣ Мих. Григорьева 400 рубл. А

осталнихъ 700 р. онъ Мих. Григорьевъ, отдалъ з рукъ своихъ в завѣдование Андрею Васильеву. *Росходъ Андрея Васильева.* Року 1716, априля 10, на узваръ велик. князя государя царевича Петра Петровича далъ 50 чирвонихъ, по 2 рубля розмѣненнихъ.—Когда фелтмаршалъ г. Шереметевъ простовалъ чрезъ Прилуку въ Лубнѣ, за совѣтомъ всей старшины, на поклонъ далъ 10 чирвоннихъ, по 2 р. розмѣненнихъ.—Для куплення коней подемнихъ до артиллеріи полковой, далъ 137 руб.—Року 1717, марта 1, Безсалскому (изъ с. Безсалъ) пороховниковѣ Мартину Хведоренку, по указу полковничомъ, далъ р. 3 и 25 коп.—Марта 12, Прилуцкимъ пороховникамъ Матвѣю Семидѣ и Грицку Джигеленку далъ р. 4 и коп. 50. Марта 15, на сѣрку до ярмарку Борзенского, Ониcковѣ Шапошниковѣ далъ р. 2.—Априля 3, Матвѣю Давидовичу на сѣрку далъ 2 р. и 40 коп.—Апр. 7, на казанъ пороховникамъ Прилуцкимъ Матвѣю Семидѣ и Грицку Джигеленку далъ 3 р.—Априля 12, Грицку Дубелю, атамановѣ городовому, на сѣрку 3 р. 45 коп.—20, пороховникамъ Семидѣ и Джигеленку—2 р.—Мая 6, имъ же—2 р. 50 коп.—20, Грицку Дубелю на сѣрку 40 к. іюня 16, Ониску Шапочнику на камень (50 ф.) сѣрки.—2 р.— іюля 3, Гр. Джигеленку и Матв. Семидѣ, за 15 каменей пороха—7 р. 50 к.—Року 1718, апр. 17, ишелъ полкъ Прилуцкій до Царицына на ленѣйную работу, далъ для всякихъ войсковыхъ потребъ Мих. Григорьеву обозному полковому, рубл. 100. Итого в росходѣ Андрея Васильева—390 р. А попреставленію помянутого Андрея Васильева, принялъ за совѣтомъ всей старшины Иванъ Марковъ до своихъ рукъ оставшихъ 310 р. *Росходъ Ивана Маркова. В року 1719.* Леонтію людвисару, за вилитте арматъ, штукъ чотирохъ,—46 р. Книжокъ купилъ до церкви войсковой 4 р. За 30 дубовъ, якие пошли на рештованне для вилиття арматъ, заплатилъ 3 р. 60 к., на сѣрку—70 к.—Мих. Кгондзаку, отаману Прилуцкому, для заплачення пороховникамъ Матвѣю Семидѣ и Грицку Джигеленку за зроблене пороху 10 р. По словесному указу покойного п. гетмана Скоропадского, далъ въ Глуховѣ г. капитану Чевкину—60 р. Когда Федоръ Марковичъ, сотникъ тогдашній полковій Прилуцкій, пошолъ въ походъ Ладожскій, далъ для войсковой потребы—120 р.—Року 1722, плучи в походъ Дербенскій, купилъ коней до арматъ за 40 р.; въ томъ же походѣ далъ писару полковому Ѳ. Галенковскому для росходовъ войсковыхъ—16 р.—Да въ томъ же походѣ слугамъ войсковымъ, армашамъ и пушкарамъ, на провіантъ стратилъ 9 р. 70 к. Итого въ росходѣ Ивана Маркова 310 р. А всѣхъ денегъ въ расходѣ 1100 р.—Михайло Григоріевичъ, обозній полковий Прилуцкій. Ѳедоръ Голенковскій, писаръ полк. Прил.

Михайло Мовчанъ, асулъ полк. Прил. Иванъ Семеновичъ, хорунж. полков. Григорій Николаевичъ, прапорщикъ полков. Петръ Носенко сотникъ полков. Леонтій Василіевъ, войтъ Прилуцкій». [1])

Полковая сотня. На основаніи „Реестровъ" 1649 г. можно полагать, что тогда было четыре полковыхъ сотенъ (см. стр. 304, 305 и 308); но изъ послѣднихъ свѣдѣній за XVII в. важна уже только одна полковая сотня, при чемъ Переволочанская сотня, показанная по „Реестрамъ"—отдѣльно, съ к. XVII в. сливается съ полковою. Полковая сотня была наибольшею въ полку; она занимала оба берега Удая и заключала въ себѣ до 50-ти поселеній, кромѣ хуторовъ.

Полковые сотники. **Иванъ Шкуратовичъ, 1649**. **Иванъ Даниловъ, 1659. Федоръ Семеновъ, 1669** (Акт. Ю. З. Р., VIII, 61). **Остапъ Маценко, 1687—688. Яковъ Кондратьевичъ Золотаренко, 1690—1709. Иванъ Марковичъ, 1709—719. Федоръ Марковичъ, 1719—724. Петръ Ивановичъ Носенко (Бѣлецкій), 1724—733. Степанъ Степановичъ Лукомскій, 1737—744. Андрей Ивановичъ Гуленко, 1747—751. Георгій Петровичъ Бѣлецкій-Носенко, ок. 1760 г. Григорій Гудима, 1769—781.**

Шкуратъ или **Шкуратовичъ**, по свѣдѣніямъ Максимовича, (с. 5) былъ потомъ полковникомъ и убитъ подъ Берестечкомъ. Сотникомъ онъ значится по „Реестрамъ" 1649 г., но болѣе раннее извѣстіе о немъ имѣется въ актѣ Іер. Вишневецкаго 1643 г., откуда видно, что въ это время онъ былъ Густынскимъ *мельникомъ*. [2])

---

[1]) Арх. генер. канцел., по Черниг. опис. № 2559.

[2]) Приводимъ актъ полностью—«Іеремія Михаилъ Корибутъ князь на Вышневцу. Вѣдомо чинимъ симъ листомъ моимъ рукою власною подписаннымъ и печатію утвержденнымъ, яко назначилъ и назначаю *Ивановѣ Шкуратовичу*, *мельниковѣ Густынскому*, взглядомъ коштовъ его, роненнихъ на млинъ на р. Удаи построеный, въ которомъ колъ двѣ—мучное, а другое ступное, копъ 80 литовской лѣчби, на томъ млинѣ ассекуруючи певность тоей сумми, ему и потомкомъ его или кому бы онъ... далъ, даровалъ, продалъ, съ права

Маценко—сынъ полковника—получилъ въ 1690 г., отъ Мазепы, с. Дѣдовцы, которое по смерти М—ка перешло къ сыну его Антону, бывшему полк. хоружимъ.

Золотаренко сотниковалъ при Мазепѣ, который уже въ 1690 г. далъ З—ку д. Буды. Сотникомъ З—ко отставался и въ 1709 г., когда Скоропадскій прибавилъ ему къ Будамъ и сосѣдніе Сезьки; но въ этомъ же году З—ко отъ сотничества былъ отставленъ, вѣроятно, потому только, что это мѣсто потребовалось дла одизъ братьевъ гетманши. З—ко въ 1717 г. былъ взятъ въ Москву, едва ли не будучи привлеченъ къ слѣдствію о Мазепинцахъ. Изъ Москвы З—ко писалъ къ одному изъ Густынскихъ монаховъ: „Честній отче Дамаскинъ, мой зичливій пріятелю. Узятій я по указу до Москви, прошу честности вашей—зволте поражать (рада—совѣтъ) мою господиню въ чемъ потребовать. Приказую честности вашей всѣ ґрунта Колесницкіи, за гроши купленіи, зволте, честность ваша, обѣхати и оглядѣти, где якіе есть. Ежели послетъ Господь мнѣ смерть—половина на монастырь, за душу мою, а половина жонѣ моей, а дворъ жонѣ моей у мѣстѣ (т. е. въ Прилукѣ) зо всѣмъ набиткомъ, що маетъ въ рукахъ; а зъ моихъ кревныхъ нѣхто не повиненъ еи турбовать; а

отъ мене принятого, вступилъ доброволнѣ; самъ ведлугъ обичая давного, употребляя пожитковъ поки похощетъ не отдаляти млина отъ себе, такъ въ мѣрочкахъ, яко и въ готовыхъ грошей (грошахъ?), сохранивъ и порядокъ здешнихъ маетностей. Податки жъ и повинности всякіе зъ инними мелниками отдавати имѣетъ или до скарбу моего или кому то належати за правомъ, албо за особливою ласкою моею будетъ, которій вступати млина своего никому не обовязуется, естли-бы въ державѣ его хотѣлъ кто имѣти, своити, ижъ развѣ бы за доволнимъ награжденіемъ собѣ сумми тимъ листомъ вышеописаннымъ. Однакъ, когда бы не тщаливый былъ въ направи млина, можетъ арендаръ за вѣдомостью и рѣшеніемъ о томъ зъ державцею или самъ державца отобрати млинъ имѣетъ и отдати суму, а иначе жадной не творитъ перешкоди, когда исполняти повинности своей никогла не занедбаетъ. Данъ зъ Лохвицѣ, 29 дня октоврія, року 1643». (Изъ Румянц. Описи). Смыслъ этого рѣдкаго акта не вездѣ понятенъ, конечно, отъ неточнаго перевода съ польскаго, но тѣмъ не менѣе отсюда мы получаемъ нѣкоторое понятіе о хозяйствѣ В—аго въ «Заднѣпріи».

родному брату що далемъ писмо на Голѣвщину, по волѣ вашой з отцемъ Дамаскиномъ, ежели будетъ жону мою слухать... Тое ознаймую, же я братови своему и шеляга не виненъ... И отчизна вся ему осталась. Кромѣ, далемъ на м—рь Густынскій въ Корсунѣ, на Росѣ, купленій отъ Кандиби млинъ на Вышшихъ Букахъ за душу отцеву и матчину... 1717 року, августа 5 дня. Яковъ Кондратовичъ Золотаренко рукою" [1]). Изъ этого письма видно, что З—ко былъ выходецъ съ праваго берега Днѣпра и что онъ былъ хорошо грамотенъ. Изъ Москвы З—ко повидимому не вернулся, потому что по акту 1721 г. жена его Марья отдала Густынскому м—рю разные „грунта, legованніе" покойнымъ мужемъ ея, а въ томъ числѣ „между Колесниками, Будами, Сорочинцями и Половою найдуючійся кутъ, прозываемій Пороховщина". Въ 1724 г. вдова З—ка уже была замужемъ за Климомъ Янжуломъ, сотникомъ Топальскимъ, продолжая владѣть Сезьками и Будами.

Марковичъ Иванъ—одинъ изъ сыновей „славетнаго пана Марка Аврамовича", отца гетманши Скоропадской [2])—былъ назначенъ полк. Прилуцкимъ сотникомъ, повидимому, вслѣдъ за поставленіемъ Скоропадскаго гетманомъ, такъ какъ въ универсалѣ, написанномъ въ Лукомлѣ, 21 марта 1709 г., М—чъ называется уже сотникомъ: „респектуючи мы на згодность до услугъ войсковыхъ п. Ив. М—ча, сотника полк. Прилуцкого, надаемъ ему часть войсковую въ млинахъ Семенюты Коломійця, на Новой Греблѣ, о чтирохъ колахъ"... Засимъ, Скоропадскій далъ М—чу еще пять универсаловъ на маетности: 1) 1709 г., 21 сент., на с. Кроты (при р. Удаѣ); 2) 1711 г., янв. 10, на укрѣпленіе за М—чемъ всего Новогребельскаго имѣнія Коломійца, сыновья котораго продали М—чу двѣ мельницы на Нов. Греблѣ за 1100 золот.; 3) 1711 г., 21 сент., на с. Колесники и на „сѣножать" при рч. Росоши; 4) 1714 г., 5 янв., на водяныя мельницы въ м. Переволочнѣ, „да къ тому гетманъ далъ М—чу четырехъ рыбалокъ и восемь человѣкъ

---

[1]) Изъ Румянц. Описи.

[2]) См. Опис. Стар. Малороссіи, II, 419.

тяглыхъ людей, для помощи до двора Переволочанского, тамъ-же около двора его живущихъ, въ полное его владѣніе". 5) 1714 г., 10 сент., подтвержденіе „на десять хатъ посполитыхъ въ м. Переволочнѣ, данныхъ М—чу Прилуцкимъ полковникомъ" и 6) 1717 г., 15 іюня, подтвержденіе на мельницу въ уроч. Нежеровскомъ, данную М—чу тѣмъ-же полковникомъ, и „на людей около дворовъ Переволочанского и Нежеровского, на власныхъ его, М—ча, купленыхъ земляхъ живущихъ". Всѣ эти маетности были укрѣплены за М—чемъ царскою грамотою 7 іюля 1718 г. [2]) Нѣтъ сомнѣнія, что всѣми этими милостями М—чъ обязанъ былъ близкому своему родству съ гетманшею Скоропадскою.—На сотничествѣ М—чъ оставался до 1719 г., когда за смертью Андрея Себастіановича, былъ поставленъ полков. судьею. Любопытнымъ памятникомъ судейской дѣятельности М—ча сохранилось его письмо къ своему полковнику Галагану—о защитѣ юрисдикціи полковаго суда отъ „чина духовнаго". Какъ видно, этотъ вопросъ интересовалъ всю полковую старшину, которая и просила гетмана защитить „свѣтскую власть" отъ духовной. М—чъ, въ августѣ 1719 г., писалъ „Любо вм. м. п. и добродѣй, зо всею полку Прилуцкого старшиною, подалъ... его м. п. гетману, подъ часъ бытности его панской велм—ти въ Прилуцѣ, на санъ духовный суплѣку, же въ мирскіе наши дѣла интересуются; однакъ оніе и до днесь не занехаялы намъ чинити препятіа, поневажъ и самому вм. м. пану явно есть, же если где случится справа въ протопопіи Прилуцкой о блудодѣяніи или о забойствѣ (убійствѣ), то нѣмъ еще учинится передъ судомъ нашимъ розискъ и ферование справы (производство дѣла), напередъ оніе особы духовніе на свой санъ поберутъ знатніе, по своему хотѣнію, неналежне вины (штрафы), чого нѣкогды въ полку нашемъ не бывало, ибо въ томъ не траждаючися, неприлично и брати. Якожъ и прошлого тижня, еще при битности вм. м. пана, Антоновского человѣка, въ семидесятъ годовъ далѣй будучого, учинивши забойцю, же яко бы жону свою

---

[2]) Изъ этой-же грамоты беремъ и свѣдѣніе о перечисленныхъ универсалахъ, кромѣ перваго и третьяго, подлинниками которыхъ мы пользовались изъ семейн. архива Н. А. Маркевича.

убилъ, прежде розиску и певного свидѣтелства, о. намѣстникъ Варвинскій озлѣ (возлѣ) тѣла (убитой) цѣлую ночь держалъ, и насилно взялъ въ оного человѣка на 70 золот. вини, которому теперь, при старости лѣтъ, нѣчимъ и контентоватися, бо хочай то тотъ человѣкъ и самъ признаетъ, же разовъ три жону свою ударилъ паличкою тоненкою, однакъ, потомъ, оная ходячи безъ стогнаня, що потребно бывало робила, и уже у килка дній лѣгши, у тиждень померла. О чомъ изволь, вм. м. панъ, его панской велможности предложити и просити знову его панского респекту, чтобы зъ сану духовного в такіе дѣла не интересовался нѣхто, але своими би парафіалними доходами, якіе по своему хотенію, безъ всякой перепони, берутъ, контентовалися, бо если-бы мѣла духовная власть тіе себѣ неналежніе подгорнути приходи, *то зъ чого будетъ и власть свѣцкая жити*, развѣ зъ того, чтобы тилко градскіе порядки устроевати и всякіе трудности отбувати дармо! Да и се новий образецъ отъ духовнихъ особъ является, ижъ бы зъ мирской власти до настановленния ктиторовъ нѣхто не интересовался, развѣ для того самого, щобъ не вѣдали що въ приходахъ церковнихъ будетъ прибели, а до того, ижъ-бы волно было имъ ктиторовъ нѣбъ (какъ будто) своихъ поданныхъ, куда потреба посилати и побори необычніе зъ ихъ брати, а общеналежитой бы повинности не отбувати"... Изъ этого любопытнаго письма видно, что „свѣтская власть", отстаивая юрисдикцію полк. суда, боялась потерять тѣ доходы, на которыя она жила. Духовенство, съ своей стороны, боялось выпустить изъ своего вѣдѣнія тѣ преступленія, преслѣдованіе которыхъ можно было связать съ обязанностями пастырей... Какъ видно, обѣ власти ревниво боролись за получаемые доходы. [1])

М—чъ пробылъ на судействѣ пять лѣтъ и въ 1724 г. умеръ, оставивъ пространное духовное завѣщаніе, сущность котораго приводимъ здѣсь вкратцѣ.—Литературная часть въ завѣщаніи, по обыкновенію, забыта не была.—„Вѣдаючи не тилко отъ писанія божественного, но и отъ повседневного искуства и

---

[1]) Съ подлинника въ арх. Н. А. Маркевича.

досвѣдченія на всемъ родѣ человѣческомъ собивающагося декрету Божія исполненіе,—земля еси (человѣче) и въ землю паки возвратишися, по которомъ всякому рожшемуся предлежитъ конецъ житія смерть; тая же частокротъ безвѣстно, аки тать, прежде здравія, а потомъ и житія людского дражайшое похищаетъ сокровище. И себѣ таковаго, а иле (особенно) при слабости здоровя, опасуючися случая, еще при доброй и совершенной памяти, Богомъ данное мнѣ таковимъ чиномъ распоражаю имѣніе".—Прежде всего шла рѣчь о душѣ, причемъ указывается, что „молитвами и милостынями и по смерти творимими, очищаются грѣхи и душамъ на одолѣніе воздушнихъ митарей весма бываетъ помощъ", почему завѣщатель прежде всего назначаетъ „опредѣленную сумму" на „сорокоустныя прошенія", поручая женѣ и брату Федору роздать деньги по принадлежности. Тѣло свое М—чъ завѣщаетъ похоронить въ Густынскомъ м—рѣ, причемъ „на незабвенное въ той же обители моего недостоинства, говорится въ завѣщаніи, поминаніе, кромѣ суммы денегъ опредѣленной, леgую тому жъ святому мѣстцу зъ половины сребра и цѣни (олова), сколько оныхъ ваги винайдется, часть едну цѣлкомъ маетъ туда отдатися, а другая часть таковая жъ на м—рь Мутинскій повинна быть отдана". Затѣмъ идутъ слѣдующія распоряженія: 1) „Ясневелможной еи м—ти панеи Анастасіи Марковнѣ, гетмановой, *яко паче матцѣ и добродѣйцѣ моей дознанной, нежели сестрѣ*, на *Новой Греблѣ* коло едно млива, заразъ по смерти моей въ вѣчную леgую посессію". 2) Его мил. п. брату моему Андрею Марковичу, полковн. Луб—у, хуторъ мой *въ Перервинцяхъ*, на незабвенную и по смерти любовъ, отписую". 3) „Тысяча золотыхъ, по преставленіи славнія памяти покойного его м. п. родича моего, взятая мною за пай противъ млиновъ, которіе паномъ братомъ моимъ осталися, маетъ данна быти въ вѣчную мою памятку, на ровній подѣлъ всѣмъ панѣямъ сестрамъ моимъ, кромѣ панеи Павловой (Имшенецкой), которая, яко потомства неимущая, вѣмъ певне подѣлу того не требуетъ". 4) „Другое коло млина, тамъ же на *Новой Греблѣ* будучого, дѣтемъ брата моего Феодора—Димитрію и Григорію—отписую, зъ которого мѣютъ они такъ на свои труда въ наукахъ будучи, якъ и потомъ доросши

лѣтъ, спокойне приходъ себѣ употреблять. А сукнѣ (платье) мои и ввесь войсковый аппараментъ и модерунокъ мой всѣмъ уже дѣтемъ того п. брата моего Федора леgую". 5) „А понеже панѣ малжонка моя и сожителница моя одъ первого дне своего зо мною сожитія, честно и безъ всякого порока жизнь свою провождала, любовъ свою ко мнѣ всегда вѣрно и вѣрность малженскую всегда любовне хранила, въ господарскихъ (хозяйскихъ) дѣлехъ тщателно, сколко силъ ея ставало, труждалася къ собранію того, что Господь Богъ намъ, по богатству милости своеѣ, до шафунку (для жизни) благоволилъ дати, яко помощница мнѣ отъ его божественного промысла дарованная, прилежную денно и нощно помощъ подавала и моей къ себѣ любвѣ и пріязни супружеской, чрезъ все сожитіе свое зо мною, неповредити пилно старалася; того ради все имѣніе мое, движимое и недвижимое, зъ нею набитое, кромѣ того тилко что кому въ семъ же тестаментѣ легковалося и нижей въ реестрахъ положится, оной въ зуполное и безпрепятственное владѣніе *доколь живота ея и доколь на вдовиномъ столцу* (столу) *сидѣти будетъ*, симъ моимъ послѣднимъ тестаментомъ записую, а именно: *села Колесники и Кроты*, монаршою грамотою премилостиво стверженные, *дворъ въ г. Прилуцѣ*, въ которомъ жию, *дворъ шинковній* за городомъ и *хуторъ надъ Муховцемъ* и комору въ ринку стоячую, *дворъ въ Сорочинцяхъ, хуторъ въ Колесникахъ, хуторъ въ Нежеровѣ, дворъ въ Переволочноѣ* за мѣстечкомъ и людей на власныхъ моихъ купленныхъ грунтахъ сидячихъ и тихъ, которіи по наданню гетманомъ, монаршою закрѣплении грамотою, тамъ же найдуются, *хуторъ въ Линовицѣ*, млины въ *Новой Греблѣ...*" (а за симъ слѣдуетъ перечисленіе разныхъ „сѣножатей"). „Сребра и цѣни, сколко того всего ваги винайдется, половина при ней же панѣ малжонце моей мѣетъ знайдоватись. Виключивши однакъ грунта Переволочанскіе, дворъ за мѣстечкомъ, дворъ въ мѣстечку, млинъ въ Новой Греблѣ и лѣсъ подъ Ичнею—Поповскій—ей, панеи малжонце моей, во вѣчность легую и даю волю ей же тими грунтами, яко и всѣмъ движимимъ имѣніемъ, такъ за живота своего, яко и при кончинѣ, якъ хотѣтъ владѣти, дати, продати или кревнимъ своимъ даровати, чили на церкви божественніе албо

монастыри леговати. Варую, жебы що кромѣ сихъ, во вѣчность ей легованныхъ грунтовъ, зъ того нѣчого не продала и не отдала нѣкому по смерть свою. По смерти же ея, грунтами мнѣ зъ дому отческого доставшіесь, такимъ маютъ и повинни будутъ роспорядитися чиномъ: его м. п. брату, полковнику Луб-му, дворъ шинковній на предградіи Прилуцкомъ, дворъ городовій, въ которомъ жию, синовцу моему, а п. брата моего Феодора синовѣ Димитрію, хуторъ надъ Муховцемъ и хуторъ въ Колесникахъ—другому синовцу моему, а синовѣ того жъ п. брата моего Григорію; хуторецъ въ Рудовцѣ отческій—п. сестрѣ моей Иринѣ Миклашевской, кутъ сѣнокосній подъ Варвою—сестрѣ моей Пелагіи Кондзеровской. Протчіими же всѣми грунтами ...по смерти сожителницы моей, тотъ зъ кревнихъ моихъ, а не ея, маетъ владѣти, кто оной будетъ во всемъ житіи ея приклоненъ, поволенъ и услуженъ, и кому она, зъ любвѣ своей и прихилности, изволитъ отписати и отказати, а именно зъ дѣтей п. брата моего Феодора непремѣнне или зъ дѣтей панѣ и сестеръ моихъ, если отъ нихъ яковая небудетъ на честь ея произиходити противность. *А мѣло бъ, уховай Боже, что таковогo—одъ тихъ то намѣненнихъ дѣтей—чести и особѣ ея бити когда колвекъ противного, то волно ей будетъ всѣ тіи грунта, купно нами нажитіе, спродати и спродавши, всю сумму за оніе взятую, за вѣдомомъ кревнихъ моихъ и иннихъ людей годнихъ, на обители святіе и церкви божественнія, за души наши, а некому инному зъ кревнихъ своихъ или моихъ отдати*, а безъ выраженной тутъ вины до дѣтей братнѣхъ, не повинно иначей бити, тилко такъ, яко выше естъ воля моя выраженна... Если бы мѣла (хотя по статечной ея ко мнѣ чрезъ все житіе пріязни, того весма не надѣюся) тая жъ панѣ сожителниця моя, оставивши столецъ удовинній празденъ, війти за мужа второго, то волно ей будетъ толко виключенними вишеименованними грунтами, якіе ей въ вѣчность записалемъ, якъ хотя владѣти и движимій тилко набитокъ, яко то гроши, бидло, сребро, цѣнь и свое все ношеніе женское зъ собою взяти“, а всѣ другія имѣнія завѣщатель назначилъ разнымъ своимъ роднымъ, преимущественно сыновьямъ брата Федора,—Дмитрію, Григорію, Михаилу, Андрею и Василію. Въ заключеніе слѣдуетъ заклинаніе

противъ тѣхъ, кто отважился бы завѣщанію „чинити противность и насиліе",—„таковій, яко неправдолюбецъ и права натуралного... гвалтовникъ и разоритель, праведнымъ судомъ Божіимъ и отмщеніемъ да будетъ проклятъ, яко же Каинъ и да будетъ жена его—вдова, дворъ его—пустъ и въ жилищи его да не будетъ живущого, и его самаго жива суща да пожретъ земля, якоже Дафана и Авирона, и часть его во второе пришествіе нелицемѣрного Судіи да будетъ съ невѣрными и нечестивими, которіе не воскреснутъ на судъ, но во осужденіе и не узрятъ слова Господня". Къ духовному завѣщанію приложенъ списокъ монастырей, цервей и духовенства, которымъ завѣщаются деньги (всѣхъ 586 рубл.). Наибольшія суммы назначены: „до катедры Кіевской" и монастырямъ: Никольскому Пустынскому, Кирилловскому, Петропавловскому и Густынскому—по 20 р.; затѣмъ Гамалѣевскому (устроенному сестрою завѣщателя)—18 р., „до пещеръ обохъ, ближней и далекой"—16 р., на Прилуцкую Рождество-Богородицкую церковь—16 р., „до великого Печерского м—ря"—15 р., Прилуцкой Прображенской церквѣ—10 р. „до катедри Чернѣговской"—12 р., „Замѣской (Квашинской) церкви св. Іоанна настоятелевѣ"—2 р., Кустовскому (т. е. Трехсвятительскому) священнику—2 р. Всѣхъ монастырей, исключительно Малороссійскихъ, указано 36. Въ концѣ завѣщанія завѣщатель, находя назначенную на молитвы сумму недостаточною, прибавилъ еще „двѣ тысячи золотыхъ за душу", уже не указывая кому именно слѣдуетъ роздать эти деньги.

Приведенные отрывки изъ завѣщанія М—ча указываютъ, что тѣ условія, которыми завѣщатель старался обезпечить свою вдову, не вовсемъ согласовались съ литовскимъ статутомъ, но писанный законъ тогда исполнялся нестрого, и грамотный завѣщатель хорошо зналъ, что обычай признавалъ за всякимъ „тестаментомъ"—силу того же закона. Сколько знаемъ, воля, выраженная въ этомъ завѣщаніи, была нарушена только относительно с. Кротовъ; нарушена она была братомъ Федоромъ, который въ 1729 г. село это успѣлъ выпросить себѣ у Апостола. Вдова жаловалась гетману, что деверь ея выпросилъ себѣ универсалъ на Кроты, скрывъ братнее завѣщаніе, по которому и

Кроты, и Колесники, завѣщаны были по смерть ей, вдовѣ; но разъ универсалъ былъ выданъ,—уничтожать его не приходилось...

Иванъ М—чъ умеръ ex obstructione hepatis, какъ записалъ его племянникъ Яковъ.

Марковичъ Федоръ—младшій изъ сыновей Марка Аврамовича,—службу свою началъ „у войску козацкомъ“, какъ онъ самъ говоритъ, „року 1700, когда покойный гетм. Ск—ій былъ на урадѣ асаулства енералного; въ тотъ часъ оный (Ск—ій) былъ посланъ наказнымъ гетманомъ и стоялъ зъ войскомъ за Днѣпромъ, на Омелнику, при которомъ войску и я служилъ“. Въ это время еще былъ живъ отецъ Федора, который и женилъ его на дочери Переяславскаго полковника Томары—Катеринѣ, при чемъ сватами были—будущій полковникъ Носъ и Прилуцкій протопопъ Магеровскій. При этомъ сватовствѣ отецъ жениха обѣщалъ своему „свату“, что онъ отдаст сыну все свое тогдашнее имѣніе, такъ какъ остальныя дѣти его, Марка, уже отдѣлены. Обѣщаніе это однакожъ исполнено не было, какъ увидимъ ниже. Самъ М—чъ смолоду уже началъ пріобрѣтать себѣ разнаго рода „грунта“, какъ видно изъ слѣд. универсала Скоропадскаго:— „презентовалъ намъ п. Федоръ Марковичъ, знатн. товар. войск., купчіе записи на кгрунта у рожныхъ людей за власніе свои гроши покупленніе, около хуторовъ своихъ же: Рудковского и Туровского знайдуючіеся, и просилъ на оніе нашего потвержекня... Респектуючи на ронячіеся въ Войску Запорозкомъ услуги, помянутіе кгрунта ствержаемъ и... варуемъ особливе сусѣдовъ его на тыхъ кгрунтахъ, въ хатахъ его мешкаючихъ, аби до жаднихъ не потягано повинностей, пилно приказуемъ“. (Въ Кіевѣ, 1713 г.) Черезъ три года, въ 1716 г., М—чу былъ выданъ другой универсалъ на купленные грунта: „на фолварки“ Рудовскій, Туровскій и Стрѣльницкій, млины—подъ Журавкою и подъ Переволочною, и на „сѣножати, едну у Двохъ-Могилъ, а другіе въ Пяти-Могилъ, за Рудовкою лежачіе“. Немало и другихъ грунтовъ пріобрѣлъ Федоръ М—чъ, какъ видно, свободно располагая деньгами. Изъ населенныхъ маетностей Ф. М—ча получилъ, въ 1711 г., отъ Лубенскаго полковника Савича

с. Гурбинцы,[1]) а въ 1712 г. отъ гетмана—с. Туровку; кромѣ того, при женитьбѣ онъ получилъ отъ тестя с. Козловъ,[2]) какъ бы въ приданое. А въ 1719 г., когда старшій братъ получилъ судейство, на мѣсто его полков. сотникомъ поставленъ былъ Федоръ. Изъ общественной его дѣятельности извѣсто, что когда въ 1721 г., отрядъ козацкаго войска отправленъ былъ на канальную работу подъ Ладогу, то М—чъ былъ наказнымъ полковникомъ Прилуцкаго полка. Пользуясь этимъ случаемъ и жалуясь на убытки отъ похода, онъ просилъ гетмана, изъ-подъ Ладоги, дать ему во временное подданство крестьянъ с. Высокаго, чтобы они „маленко помогли домашнимъ его“ въ полевыхъ работахъ.[3]) Письмо это успѣха не имѣло, можетъ быть и по-

---

[1]) Такъ говоритъ Ф. М—чъ въ одномъ своемъ прошеніи 1729 г.—«посполитые люде села Гурбинецъ чрезъ 18 годъ во владѣніи моемъ найдовалися по универсалному опредѣленію перве, покойного полковника Лубенского Савича, а опосля и гетманскимъ унѣверсаломъ умершаго п. Скоропадского стверженіе...»

[2]) Универсалы на Козловъ въ «Сборн. матеріал. для исторіи общ. земель», Лучицкаго, стр. 139.

[3]) «Ясневелможний мосцѣ пане гетмане, премилостивѣйшій мнѣ пане и добродѣю. Служебничой довлетворя должности, не оставляю до в. панской велможности листовного моего восписати посѣщенія, чрезъ которое яко желаю, абы Господь Богъ в крѣпкомъ своемъ защищеніи здравіе велможности вашой, всему отечеству нашему благопотребное, в долготу дний содержати благоизволилъ; такъ при обятіи добродѣйскихъ ногъ вашой п. в—сти, отважаюся всепокорнѣе о таковой его п. особу благати респектъ, аби в—сть ваша, по своей природной милости, отчески на мя милосердуя, в награжденіе вѣрнихъ моихъ нынѣ роначихся трудовъ, при которыхъ надстрадавши здоровя, до немалого въ сей многобѣдной краинѣ прийшолемъ убитку, благоволилъ высоцеповажнимъ своимъ рейментарскимъ повелѣть указомъ, абы сотнѣ моей села прозиваемого Высокого обивателѣ принаймнѣй маленко помогли домашнимъ моимъ подъ сее время толко— сѣна подкосити да хлѣбъ в полю надпорати. На що, ежели панское в—сти в. взблаговолитъ сердце, теди указъ о томъ братови моему, п. судіи полк. Пр—му, опредѣлити до обявленія его м. п. полковникови нашему, ибо ежели тое высокое в. п—ской в—сти повеленіе

тому, что Ф. М—чъ особою прiязнью сестры-гетманши не пользовался, какъ это видно изъ его духовнаго завѣщанiя, о которомъ скажемъ ниже. Да и вообще Ф. М—чу судьба не благоволила. Въ 1722 г. умеръ Скоропадскiй и положенiе Марковичей сильно пошатнулось, бывшая ихъ заступница—сестра потеряла всякое значенiе и помогать братьямъ уже не могла; а между тѣмъ Марковичей въ гетманщинѣ вообще не любили и имъ пришлось испытать отъ новыхъ правителей разныя невзгоды. Такая невзгода прежде всѣхъ постигла Ф. М—ча, который въ 1724 г., въ прiѣздъ А. И. Румянцова въ Малороссiю, былъ отставленъ отъ сотничества и очутился зауряднымъ бунч. товарищемъ. Послѣ этого Ф. М—чъ прожилъ еще тринадцать лѣтъ и умеръ должно быть въ 1734 г., судя по томъ, что въ этомъ году онъ написалъ свое завѣщанiе, а „тестаменты" въ гетманщинѣ писались обыкновенно тогда, когда завѣщатель находился уже на „божьей дорогѣ". Въ этомъ завѣщанiи, *предисловiе* котораго *буквально* списано съ завѣщанiя старшаго брата Ивана М—ча, Ф. М—чъ разсказываетъ, какъ обдѣлили его братья и сестры по смерти отца, отъ котораго онъ надѣялся получить все его наслѣдство, еще нерозданное другимъ дѣтямъ.

Списавъ начало съ братниного завѣщанiя, далѣе Ф. М—чъ говоритъ: „Прошенiя и поминанiя за убогую мою душу мѣетъ любезнѣйшая моя жена Екатерина Томаровна по возможности зъ трудовъ нашихъ не оставить и христiанскимъ обрядкомъ должна учинить задосить, а тѣло мое грѣшное да будетъ похоронено въ обители св.-тр. Густинской вкупѣ, где покойный братъ мой Иванъ М—чъ лежитъ, узъ его, вчинивши склепъ, непремѣнно...[1])

з листомъ *самому его м. п. п—ковъ достанется, певне вѣдаю, что его м—ть до событiя оного привести не похощетъ*, в чомъ всемъ на м—ть и благоупотробiе в—ти вашой несумѣнную полагая надежду, некончаемо есмъ ясн—ти в. всего добра вѣрне желаючий слуга и подножокъ Федоръ Марковичъ, сотникъ полковой Прилуцкiй. З Новой Ладоги, отъ каналу. Июля 21, року 1721». (*Съ подлинника*).

[1]) Но въ концѣ завѣщанiя имѣется такая приписка:..... «однакъ я розсудивши себѣ тое, что не мѣстце человѣка святитъ, но человѣкъ мѣсце, желаю я того, дабы тѣло мое, сдѣлавши склепъ, поховали тутъ въ Сорочинцяхъ».

Даби всякому било вѣдомо, якіе и исъ чего имѣются у мене зъ сожителницею грунта и протчая субстанція, симъ остатней волѣ моей тестаментомъ... обявляю. Покойный отецъ мой Марко съ покойнимъ тестемъ моимъ Томарою, чиня приговоръ сваталній за мене, утверждалъ тимъ, что всѣ его отческіе грунта и вся движимость—по смерти его мѣютъ при мнѣ, яко при меншому его сину, во владѣніи моемъ вовся найдоватись,' яко о томъ приговорѣ и утвержденіи того слова отческого—листы отъ покойнихъ полковника Прилуцкого Ивана Носа и протопопи Прилуцкого Ивана Магеровского, до покойного жъ тестя моего Томары писаніе, свидѣтелствуютъ. [1]) А когда отецъ умеръ и сестри мои

[1]) Оба эти «листа» сохранились въ арх. Н. А. М—ча въ подлинникѣ; изъ нихъ—писанный Носомъ въ 1712 г.—приводимъ здѣсь: «Велце естемъ того памятенъ, же когда милое прнятелство славной памяти его мил. п. Марка зачиналося з вм. м. м. паномъ въ спораженіе дочери, вм. м. м. пана, з милимъ паномъ синомъ его Ѳеодоромъ, тогда чинилъ вм. м. панъ таковий упоминокъ покойному свату своему—на чомъ, мовитъ, п. сынъ вм. м. м. пана, а мой п. зять, взявши дочеръ мою за себе, зоставати будетъ?—И за тимъ упоминкомъ вм. м. м. пана, при причестн. г. отцу протопопѣ нашомъ Прилуцкомъ и при мнѣ, в дому вм. м. м. пана, была отъ небожчика его мил. п. свата вашего таковая словесне объявлена лекгація, ижъ нихто иний толко милий синъ мой Ѳеодоръ домови моему и иныним добрамъ моимъ, якіе я мѣю, по зестю моемъ, посессоромъ и владцею будетъ; що готовъ такъ я, яко и его мил. отецъ протопопа нашъ, котории при зачинанню того приятелского домовъ вм. м. панства союзу, купно зо мною ходатаемъ былъ и чулъ овую доброхотную покойного его мил. п. Марка словескую синови своему п. Ѳеодору, на сей часъ милому п. зятю вм. м. м. пана таковую дому своего, в якомъ самъ мешкалъ, и всѣхъ добръ своихъ лекгацію, если того будетъ указовати потреба праведно сознати. А якъ чинился остатней волѣ небожчика п. свата вашего тестаментъ, чили реестръ споражался, при томъ не билемъ и не вѣдаю що кому лекговано. О томъ вм. м. м., пану и брату, извѣстно чинячи, и его жъ неотмѣнной братерской себе навсегда полѣцаючи зичливости, зостаю вм. м. м. пану зичливому приятелеви и брату, всего добра упрейме щирозичливий приятелъ, братъ и радъ служить. Его царск. пресв. величества Войска Запор. полковникъ Прилуцкій Іванъ Яремовичъ Носъ. С Прилуки, сентевр. 15 д., 1712 року». (Съ подлинника, писаннаго вмѣстѣ съ подписью, однимъ и тѣмъ же писарскимъ почеркомъ, указывающимъ, что самъ Носъ не умѣлъ и подписаться;

тое отческое завѣщаніе вовся уничтожили, и якая осталась въ рухомости субстанція, тую всѣ они, брати мои и сестри, по смерти родителской—заразъ отъ мене позабирали и на десять частей оную дѣлили и между себе розобрали, и якъ имъ хотѣлось, такъ мене меншого отъ себе обидрали, ошарпали и совсѣмъ обибрали и оставили нѣ при чомъ... Денги всѣ панѣ гетманова Скоропадская одибрала на Кондзеровскую, а мнѣ съ тихъ отческихъ денегъ оставила на господарство копъ семь... Маетности, которыми отецъ владѣлъ, а именно двѣ селѣ Мал. и Вел. Дѣвицы,—въ тиждень по смерти отческой отъ мене одибрано. Зъ срѣбра, сколко осталось ложокъ и чарокъ срѣбнихъ, тое все при подѣлѣ—сестри мои себѣ позабирали; сукнѣ отческіе блаватніе, сколко било, съ футрами рисѣми, лисѣми и попеличатими (sic) и легкие, то оние всѣ братъ мой Андрей М—чъ зъ дядкомъ нашимъ обознымъ полк. Прилуцкимъ Михайломъ Огроновичемъ, на три части раздѣлили, едну часть (Андрей) себѣ взялъ, другую братъ Иванъ М—чъ взялъ себѣ, а третую часть минѣ оставили. Зъ грунтовъ отческихъ брати мои Андрей и Иванъ взяли себѣ двѣ части, а мнѣ оставили третую... Итакъ, по смерти отческой, зосталъ я совсѣмъ ошарпанъ и обибранъ. То покойный тесть мой Томара и теща, видя меня такъ совсѣмъ разоренного, стали мене знатне всѣмъ по своей родителской милости спомогати... А то по таковому ихъ родителей вспоможенію, стало въ грунтахъ и въ другихъ достаткахъ въ домѣ моемъ расширеніе и всякое доволствіе. До того любимѣйшая моя сожителница Екатерина Томаровна, проводячи житіе свое зо мною честно и непорочно, чрезъ все оное свое житіе около господарства нашего совокупного денно и нощно неуспино имѣла тщателное радѣніе и попеченіе... Что било у нея сожителницы моей вношеня знатнихъ клейнотовъ и протчіихъ отческихъ ей даннихъ сплендоровъ (драгоцѣнностей), тое все она спродавши, грунта въ домъ мой покупила...“ За симъ

отсюда видна его неграмотность). Это свидѣтельство Носа подтверждено и тогдашнимъ Прилуцк. протопопомъ Іоаномъ Магеровскимъ, добавившимъ: «а когда вже панъ Марко мѣлъ сей свѣтъ жегнати и духовницу распоражалъ, того вже не вѣдаю...»

М—чъ перечисляетъ земли, купленныя главнымъ образомъ, какъ онъ говоритъ, на деньги жены. Куплено было *множество* грунтовъ, млиновъ, лѣсовъ, сѣножателей... (*Перечень ихъ занимаетъ нѣсколько страницъ*). Всѣ эти земли М—чъ завѣщалъ женѣ: „Всѣ выше выраженніе покупленніе, обополне набутіе и отческіе мои грунта въ зуполную диспозицію и волю отдаю и вручаю наилюбезнѣйшей моей паніи малжонцѣ Екатеринѣ Томаровнѣ, такожъ и маетности всѣ, якіе имѣю я по милости монаршей и по универсалахъ гетманскихъ... вручаю ей сожителници моей владѣть оними маетностями до кончини житія ея спокойне, до волѣ монаршой и рейментарской. А зъ дѣтей моихъ, по моей смерти, со всѣхъ вишеписаннихъ грунтовъ нѣкому не легую и не записую ни единого кутка; да и она сожительница моя зъ грунтовъ моихъ отческихъ и нѣ зъ якихъ—за своего живота—нѣкому би зъ синовъ нашихъ не опредѣляла и не отдавала, и по ихъ желанію отнюдь бы того не чинила, Богомъ въ Тройци св. славимого ея за сіе упоминаю и приказую, ибо зъ того бываетъ такъ, же дѣти маючи у себе въ рукахъ доволство, бываютъ роспустніе и легкомисляіи и родителницѣ своей непослушливіе, по отцу своему оставшіеся, а до того, якъ видимо по сторонамъ, по синахъ, же матерей своихъ родныхъ лестію подпишовши, грунти и маетности отъ матки своей потбирали и самы панують, а матки онихъ нищету терплять. И когда по годности мѣлъ бы которій ожинигись, тогда бы всякъ зъ синовъ нашихъ зъ рукъ у сожительницы нашей, а своей матки, смотрѣтъ що дастъ, тое бъ и взялъ, а ежели ничего не дастъ, то нехай терпитъ и самъ о себѣ старается..." И здѣсь, какъ видно, главная забота завѣщателя сосредоточена была на томъ, чтобы вдову какъ нибудь не обидѣли дѣти. Въ этомъ отношеніи завѣщаніе Ф. М—ча было точно исполнено, не смотря на то, что вдова его вышла вторично замужъ (за какого-то Александра Сакевича).[1] Только въ 1747 г. вдова М—ча составила „уступное письмо", по которому распредѣляла земельныя угодья между дѣтьми своими

---

[1]) Въ завѣщаніи Ф. М—ча нѣтъ тѣхъ условій на случай вторичнаго замужества его вдовы, которыя помѣщены въ завѣщаніи Ив. М—ча.

и то лишь на случай своей смерти. („Все то мною владѣемое имѣніе утверждаю раздѣлить дѣтямъ между себе слѣдующимъ порядкомъ, дабы по окончаніи жизни моей во вѣчномъ владѣніи ихъ состояли сіи угодіи...“). Въ этомъ актѣ названы слѣдующіе наслѣдники: дѣти умершаго сына Ивана, сыновья—Дмитрій, Андрей и Василій и дочь Марья, бывшая замужемъ за Шираемъ. Кромѣ трехъ селъ, Туровки, Гурбинецъ и Козлова, вдова М—ча перечислила длинный рядъ всякаго рода земельныхъ угодій, которыя точно до мелочей—распредѣлила между своими наслѣдниками. Не былъ забытъ и второй мужъ. „Александру Саковичю, мужу моему, утверждаю, дабы онъ по окончѣніи жизни моея, все движимое мое имѣніе, яко то хлѣбъ въ ямахъ и стогахъ, что въ тѣ поры будетъ накошено сѣна, все безъ остатка, особливо-же сребра и цени и 12 котловъ винокурныхъ и при нихъ 30 трубъ—ему-жъ, мужу моему, такожъ скотъ весь рогатой, якото: коровы, волы, яловникъ и овцы, лошадѣ и кобылици, оставя толко на упбминовеніе яловицъ 10 да барановъ 15...“

О потомствѣ Ф. М—ча можно сказать, что изъ четырехъ его сыновей,[1]) Василій былъ капитанъ-лейтенантомъ Преображенскаго полка. Это былъ *первый* гвардеецъ изъ сыновей малороссійской старшины перв. полов. XVIII в. Попалъ В. М—чъ въ гвардію, повидимому, при помощи Ал. Разумовскаго.

Носенко Петръ былъ внукъ Настасьи Раковичъ, на который—по смерти перваго ея мужа Бѣлецкаго—женился Ив. Носъ (с. 29). Отъ брака съ Бѣлецкимъ у Настасьи остался сынъ Иванъ, бывшій потомъ сотникомъ Сребрянскимъ; онъ умеръ рано, оставивъ сыновей Петра и Өедора. Оба они писались Носенками, п. ч. уже и отецъ ихъ Ив. Бѣлецкій, живя у вотчима, усвоилъ себѣ прозвище послѣдняго. (См. сотники Сребрянскіе). Изъ этихъ

---

[1]) Можетъ быть и другіе у Федора М—ча сыновья, но ясныхъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ. См. въ брошюрѣ А. И. Маркевича— «Марковичи», прилож. къ Кіевск. Стар. 1890 г. Отъ Федора Марковича происходятъ всѣ Прилуцкіе Марковичи, которые, съ нач. настоящ. столѣтія, стали писаться, полонизуя свое прозвище—Маркевичими. Марковичами—пишутся потомки старшаго изъ сыновей Марка Аврамовича—Андрея.

двухъ Носенковъ—Петръ сталъ виднымъ въ Прилуччинѣ человѣкомъ, благодаря своей ловкости. Къ нему очень расположенъ былъ и Носъ, который ставъ полковникомъ, уже въ 1709 г. далъ этому сыну пасынка с. Рудовку. (См. это село). Затѣмъ, Петру Н—ку въ его исканіяхъ очень помогалъ его зять Ив Даровскій, бывшій «господаремъ» у Скоропадскаго. Благодаря «старательству» послѣдняго, Н—ко въ 1720 г. получилъ полк. хоружество и универсалъ на с. Щуровку. Хоружимъ Н—ко оставался до 1724 г., когда поставленъ былъ полк. сотникомъ, послѣ смѣщенія Ф. М—ча. Какъ извѣстно, этотъ моментъ былъ очень тревожный для Малороссіи: въ этомъ году пріѣзжалъ въ гетманщину А. И. Румянцовъ для личной повѣрки настроенія въ ней народа—послѣ того, какъ протесты Полуботка родили у правительства разныя подозрѣнія относительно этого края. Извѣстно, что Румянцовъ объѣхалъ при этомъ всю Малороссію, при чемъ нѣкоторыхъ изъ старшинъ смѣстилъ и на мѣсто ихъ поставилъ новыхъ.[1]) Въ этотъ моментъ и Н—ко поставленъ былъ сотникомъ, послѣ смѣщенія Марковича.[2]) Очень вѣроятно,

---

[1]) См. въ Русск. Арх. 1880 г., I, статью «Павелъ Полуботокъ».

[2]) Назначеніе Н—ка на сотничество Румянцовымъ виднѣется, между прочимъ, и изъ слѣд. незначительнаго факта, въ которомъ Н—ко обнаружилъ необычайную для того времени самостоятельность въ столкновеніи съ такимъ сильнымъ въ полку человѣкомъ, какимъ былъ любимецъ полковника—полк. писарь Галенковскій. Въ окт. 1724 г. послѣдній жаловался на Н—ка только что устроеннымъ Румянцовымъ «правителямъ» генер. канцеляріи: «Въ семъ 1724 г., по милости *вашего императорскаго величества*, велѣно намъ, нижеподписаннымъ, за прошлій 723 годъ выбрать належитость грошовую (денежный сборъ) по давному обыкновенію, зо всѣхъ сотенъ полку Прилуцкого зъ козаковъ; яко жъ зъ иншихъ сотенъ помянутую належность и вибралисмо, а сотникъ полк. Прилуцкій Петръ Н—ко, выбравши нашой грошовой належитости зъ сотнѣ полковой—50 талерей, удержалъ у себе оніе, не вѣдаемъ ради якихъ причинъ, и до тихъ часъ намъ не отдаетъ». Поэтому Галенковскій и полк. хоруж. Ив. Семеновичъ—просили генер. к—рію распорядиться о возвратѣ имъ захваченной «належитости». Дѣло шло о денежномъ сборѣ съ козаковъ на жалованье

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ

(КІЕВСКИХЪ)

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1901 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподователяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонниxъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ къ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1901 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ *Извѣстій* безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе *Университетскихъ Извѣстій* 3 руб сер,, а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ **В. Иконниковъ.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXI.

1900 г.

ДЕКАБРЬ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1900.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 17 ноября 1900 года.

Записи И. П. Котляревскаго о первыхъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ турецкую войну 1806 года.

Дневникъ Ивана Петровича Котляревскаго представляетъ собою двоякій интересъ. Съ одной стороны онъ имѣетъ значеніе для историка войны 1806 года, какъ ясная и точная по своему оффиціальному характеру запись очевидца о вступленіи русскихъ войскъ въ Турцію въ 1806 г. и о первыхъ въ ней дѣйствіяхъ; съ другой стороны онъ обращаетъ на себя вниманіе историка литературы, какъ рукопись отца и возродителя новой малорусской литературы, уже въ то время знаменитаго автора переложенной на малороссійскій языкъ Энеиды.

Первое, что поражаетъ читателя рукописи,—это полное несходство облика ея составителя, какимъ онъ является въ дневникѣ, съ тѣмъ обликомъ поэта Котляревскаго, который слился съ его именемъ въ представленіи всякаго; только почеркъ выдаетъ Ивана Петровича и заставляетъ видѣть именно его, а никого другого въ томъ исправномъ русскомъ офицерѣ, преданномъ службѣ и уважаемомъ начальствомъ, который, не мудрствуя лукаво, велъ оффиціальный дневникъ похода.

Военная служба Котляревскаго началась въ 1796 году, когда онъ былъ опредѣленъ въ Сѣверскій драгунскій полкъ кадетомъ (1-е апрѣля). Дальнѣйшая служба его проходила такъ: въ 1796 г. (11 Іюля) онъ былъ произведенъ въ аудиторы, въ 1798 г. переименованъ въ прапорщики, въ 1799 г. произведенъ

послѣдовательно въ подпоручики (8 января) и въ поручики (5 февраля).

Около этого времени онъ былъ прикомандированъ въ качествѣ инспекторскаго адъютанта къ инспектору Днѣстровской и Крымской инспекціи генералу отъ кавалеріи маркизу Дотишампу; аттестатъ, выданный Котляревскому маркизомъ Дотишампомъ 15 февраля 1806 г., отзывается о немъ съ похвалою, какъ объ офицерѣ, исправлявшемъ „свою должность и званіе съ отличною рачительностію и прилежаніемъ" и исполнявшемъ „всякія возлагаемыя на него препорученности" „съ тою расторопностію и точностію, которая означаетъ во всѣхъ частяхъ хорошаго офицера", достойнаго „вниманія начальства къ его способностямъ" [1]). По оставленіи Дотишампа Котляревскій продолжалъ службу въ качествѣ адъютанта барона Мейндорфа, командира 2-го корпуса войскъ, предназначенныхъ для войны съ Турками. Весьма вѣроятно, что до занятія этой должности Котляревскій вернулся къ своему полку въ Умань, гдѣ полкъ въ то время квартировалъ; можно думать, что здѣсь онъ и сталъ извѣстенъ барону Мейндорфу, имѣвшему въ Умани свою главную квартиру.

Опредѣленіе Котляревскаго на должность адъютанта барона Мейндорфа, кажется, произошло при самомъ выступленіи въ походъ. Дѣло въ томъ, что корпусъ Мейндорфа долженъ былъ переправиться черезъ Днѣстръ частью у Дубосаръ, частью у Могилева и, соединившись у Оргѣева, двинуться къ Бендерамъ съ тѣмъ, чтобы ими овладѣть. Изъ журнала Котляревскаго явствуетъ, что онъ былъ при томъ отдѣленіи корпуса, которое должно было переправиться черезъ Днѣстръ у Дубосаръ; между тѣмъ Сѣверскій полкъ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ находился въ составѣ отдѣленія, долженствовавшаго перейти Днѣстръ у Могилева [2]); это, такимъ образомъ, указываетъ, что къ началу войны Котляревскій уже былъ не въ строю Сѣверскаго полка,

---

[1]) Изъ подлиннаго аттестата 1806 г.

[2]) См. Петровъ. Война съ Турціей 1806—1812 гг. ч. 1., стр. 85.

а при Мейндорфѣ, лично начальствовавшемъ надъ частью, переправлявшеюся у Дубосаръ. Надо сказать, что къ этому времени Котляревскій былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны (12 апрѣля 1806 г.). Дѣятельность его въ теченіе кампаніи 1806—1807 гг. была довольно видной. Особенно важная заслуга его заключается въ исполненіи дипломатическаго порученія привлечь къ Россіи Буджацкихъ татаръ [1]). Подвергая жизнь свою опасности, онъ достигъ своей цѣли и убѣдилъ ихъ прислать заложниковъ. Рескриптъ императора Александра I и орденъ Анны третьяго класса были наградой его „похвальнаго исполненія“ всѣхъ на него возложенныхъ порученій. Въ томъ же 1806 году декабря 17-го, когда пришли войска наши къ крѣпости Измаильской и открыта была отъ непріятеля сильная пушечная пальба съ крѣпости, Котляревскій, какъ говорится въ аттестатѣ, данномъ ему отъ Мейндорфа [2]), „былъ посыланъ съ приказаніями къ начальникамъ, гдѣ и отличилъ себя неустрашимостью“, за что получилъ Высочайшую благодарность; того же года 2-го апрѣля „вторительно при крѣпости жъ Измаильской, когда оная окружена была нами, при вылазкахъ непріятеля посыланъ былъ отъ меня также съ приказаніями къ начальникамъ, и оказалъ въ семъ случаѣ храбрость“.

Свѣдѣній о дальнѣйшей дѣятельности Котляревскаго въ кампанію 1806—1807 гг. не сохранилось. Можно сказать только, что адъютантомъ Мейндорфа онъ состоялъ до 3-го ноября 1807 г.; послѣ выхода въ отставку Мейндорфа, Котляревскій перевелся въ Псковскій драгунскій полкъ, расположенный въ тогдашней Литовской губерніи въ мѣстечкѣ Лидѣ, куда и былъ отправленъ 3-го декабря 1807 г. [3]). Изъ Псковскаго драгунскаго полка Котляревскій былъ отставленъ по прошенію капитаномъ съ мунди-

---

[1]) Буджацкими татарами назывались татары, населявшіе Буджакъ—часть нынѣшней Бессарабской губ. (уѣзды Аккерманскій и Бендерскій).

[2]) Изъ подлиннаго аттестата 1807 г.

[3]) Изъ подлиннаго дѣла.

ромъ 23-го января 1808 г. [1]), и выѣхалъ изъ Лиды 16-го іюня 1808 года [2]).

Такъ закончилась его военная служба. Онъ вернулся къ ней въ 1812 году, когда ему было поручено сформировать 5-й Полтавскій конный козачій полкъ; это порученіе, по свидѣтельству формуляра, онъ „исполнилъ съ особою дѣятельностью, такъ что въ половинѣ августа, въ какое время приступлено къ сформированію, полкъ выступилъ въ походъ съ надлежащею исправностью наступившаго потомъ мѣсяца сентября 2-го числа" [3]); наградою Котляревскому было монаршее благоволеніе 15 марта 1817 года.

Вс. Срезневскій.

Журналъ военныхъ дѣйствій 2-го Корпуса войскъ подъ командою господина генерала отъ кавалеріи и кавалера барона Мейндорфа.

1806 года ноября съ 15 числа.

1806 года ноябрь.

15 числа командующій корпусомъ прибылъ съ своимъ штатомъ въ Дубосары, гдѣ предположено было главнымъ начальникомъ войскъ, что генераломъ отъ кавалеріи и кавалеромъ Михельсономъ, по наведеніи чрезъ рѣку Днѣстръ моста, переправиться войскамъ на молдавскую сторону, но по прибытіи въ Дубосары не только моста наведеннаго не найдено, но даже и матеріаловъ къ тому не заготовлено.

16-го. Бригадиръ Катаржи [4]) былъ посланъ въ Бендеры къ тамошнему пашѣ Гассану [5]) о переговорѣ съ нимъ для занятія

---

[1]) Формуляръ Котляревскаго.

[2]) Подлинное свидѣтельство Псковскаго драгунскаго полка.

[3]) Изъ формулярнаго списка.

[4]) Въ указ. соч. Петрова названъ Каторжи.

[5]) У Петрова бендерскій паша названъ Гусейнъ.

россійскими войсками крѣпости безъ кровопролитія; въ случаѣ же сопротивленія жители Бендеръ и военные люди будутъ приняты за непріятелей и поступлено съ ними будетъ по праву войны.

18-го. Свиты Его Величества по квартирмистерской части полковникъ баронъ Клотъ былъ отправленъ отъ Дубосаръ по дорогѣ къ Бендерамъ для положенія на планъ дороги и селеніевъ, по оной лежащихъ.

Сего числа бригадиръ Катаржи возвратился изъ Бендеръ и донесъ командующему, что отъ паши будутъ присланы чиновники для переговоровъ, на какомъ основаніи россійскія войска хотятъ занять крѣпость.

Въ теченіи сего времени сколько ни заботился командующій корпусомъ о наведеніи моста черезъ Днѣстръ, однако никакого успѣха имѣть было невозможно, по причинѣ, что никакихъ матеріаловъ заготовлено не было и что привозъ ихъ не ближе долженъ быть какъ изъ Одессъ ожидаемъ; въ семъ случаѣ, чтобы не потерять времени и не дать чрезъ то опомниться пашѣ отъ сдѣланныхъ предложеній, рѣшился командующій войска и полковую артилерію переправить чрезъ находящіеся при Дубосарскомъ карантинѣ два небольшіе парома и, не взирая на холодное время, ни на ліодъ идущій по рѣкѣ Днѣстру, далъ повелѣніе генералъ-майору Войнову начать переправу съ завтрешняго числа.

19-го. 11-й Егерскій полкъ и 200 козаковъ 1-го Бугскаго полка переправлены черезъ Днѣстръ.

Сего числа пополудни прибыли два чиновника съ переводчикомъ изъ Бендеръ въ Дубосары.

20-го. Турецкіе чиновники были представлены командующему и заключено было, чтобы паша съ рѣшительнымъ отвѣтомъ прислалъ къ командующему 22-го числа непремѣнно, а между тѣмъ заготовлялъ бы провіантъ и фуражъ для войскъ въ Бендерахъ.

Сего числа переправленъ на другую сторону Днѣстра Новгородскій мушкатерскій полкъ.

Сего же числа отправились обратно турецкіе чиновники въ Бендеръ, бывъ награждены отъ командующаго подарками.[1])

21-го. Стародубовскій драгунскій и Нашебургскій мушкатерскій полки переправлены на молдавскую сторону къ Бендерамъ.

Сего же числа командующимъ приказано строить лѣстницы по причинѣ дѣлаемыхъ турками отклоненій о сдачѣ крѣпости.

Сего числа предписано генералъ-лейтенанту Ротгофу переправиться со ввѣреннымъ ему Нарвскимъ мушкатерскимъ полкомъ за границу, у Дубосарахъ же, и слѣдовать въ Кишеневъ, оставя команду въ ближайшихъ деревняхъ къ Дубосарамъ по правой сторонѣ Днѣстра для печенія хлѣбовъ и пересушки сухарей.

Сего числа переправился Донской козачій Платова 3-го полкъ и назначенъ къ Бендерамъ.

Главная квартира командующаго назначена за Днѣстромъ въ селеніи Телицѣ разстояніемъ отъ Бендеръ въ 25-ти верстахъ.

23-го. Командующій корпусомъ войскъ сего числа выѣхалъ со своимъ штатомъ изъ Дубосаръ и переправясь черезъ Днѣстръ при Дубосарскомъ карантинѣ на паромѣ, того же дня прибылъ въ главную свою квартиру въ селеніе Телицу.

Сего числа посланные отъ Бендерскаго паши чиновники къ командующему повстрѣчались на дорогѣ съ нимъ между Креулень (?) и Водславады (?) и возвратились на ночь въ Телицу.

24-го отданъ былъ приказъ войскамъ, состоящимъ изъ полковъ Стародубовскаго драгунскаго, мушкатерскаго Новгородскаго, Нашебургскаго 11-го Егерскаго козачьяго Донского Платова 3-го и 1-го, Бугскаго козачьяго, выступить изъ Телицы и слѣдовать къ Бендерамъ и въ занятіи крѣпости поступить слѣдующимъ образомъ:

Драгуны въѣзжаютъ впереди и, проѣзжая скоро ворота, занимаютъ улицы, имѣя передъ собою стрѣлковъ; за ними скорымъ шагомъ идутъ егери, имѣя при каждомъ батальонѣ по одной пушкѣ изъ Нашебургскаго полка; одинъ батальонъ идетъ

---

[1]) Ср. у Петрова, указ. соч. с. 110—111.

въ Каушанскія ворота, другой въ Ясскія, а третій занимаетъ тѣ ворота, въ которыя вошелъ, не мѣшая однако-жъ другимъ чрезъ оныя сходиться.

Новгородскій полкъ, вошедши въ городъ, посылаетъ налѣво одинъ батальонъ, а сей оставляетъ при каждой батареи одну роту; при каждой ротѣ имѣть должно нѣсколько артилеристовъ съ однимъ фейерверкеромъ, чтобы они поворотили пушки изъ батареи, какія можно, на городъ, а занявшая батарею рота дѣлаетъ имъ въ томъ помощь; восемь же ротъ идутъ направо и исполняютъ то-же. Нашебургскаго полка одинъ батальонъ съ тремя пушками входитъ въ городъ и слѣдуетъ къ замку, поставя пушки противу ведущихъ воротъ, другой батальонъ идетъ къ низлежащимъ батареямъ и занимаетъ оныя, а третій батальонъ остается передъ крѣпостью.

1-й Бугскій козачій полкъ объѣзжаетъ крѣпость по гласису и становится противу Каушанскихъ воротъ; Донского Платова 3-го полка 200 человѣкъ становятся противъ Ясскихъ воротъ, а 300 человѣкъ противъ нижней батареи.—Козаки сіе исполняютъ, когда пѣхота займетъ валъ и батареи. Войскамъ, вошедшимъ въ городъ, приказано жителямъ не только не дѣлать обидъ или притѣсненій, но даже ихъ не трогать вовсе и въ разговоръ не вступать, а тѣмъ паче строжайше запрещено выходить изъ фрунту и входить въ домы.—Тѣмъ ротамъ, кои пойдутъ по валу, подтверждено, буди повстрѣчаютъ или застанутъ на батареи турокъ, таковыхъ не бить и не выгонять, но задерживать, чтобы они не могли дѣйствовать. Въ прочемъ ожидать дальнѣйшихъ повелѣній.

Въ 9-ть часовъ поутру двинулся корпусъ подъ предводительствомъ самого командующаго изъ селенія Телицы и пошелъ по дорогѣ прямо къ Бендерамъ. Командующій имѣлъ при себѣ посланныхъ отъ паши чиновниковъ. Когда приближались къ крѣпости, то паша выслалъ еще чиновника сказать командующему, что войска могутъ занять форштатъ, сколько въономъ помѣстится, а остальные могутъ расположиться по ближайшимъ деревнямъ, но крѣпости не занимать. Командующій на сіе не

отвѣчая ничего и чиновника оставивъ при себѣ, приказалъ генералъ-майору Войнову съ Стародубовскимъ драгунскимъ полкомъ со 2-мъ батальономъ и 11-го Егерскаго полка идти къ Ясскимъ воротамъ и, пройдя оныя, занять улицы и валъ, что и исполнено съ особливою скоростью и точностью, а самъ командующій, пройдя съ нѣсколькими драгунами и батальономъ егерей между крѣпости и форштатомъ, со стороны Стамбулскихъ воротъ, и видя, что ворота сіи не заперты, въѣхалъ въ крѣпость и приказалъ Новогородскому мушкетерскому полку занять валъ и батареи, а Нашебургскому полку нижнія батареи, лежащія по Днѣстру, козачіе же полки заняли форштатъ. Такимъ образомъ Бендерская крѣпость занята безъ всякаго кровопролитія. Паша о занятіи оной тогда узналъ, когда россійскія войска мгновенно заняли валъ, батареи, улицы и ворота, и вездѣ, гдѣ нужно, учредили посты и караулы.

Сего числа командующій сдѣлалъ нужныя распоряженія въ городѣ относительно полицейскаго порядка, внутренней безопасности и размѣщенія полковъ по казармамъ въ крѣпости и по квартирамъ на форштатѣ.

25-го. Генералъ маіоръ Войновъ[1]) назначенъ отправлять должность коменданта въ крѣпости.

Сего же числа послано къ главнокомандующему донесеніе о занятіи Бендеръ, съ испрошеніемъ разрѣшенія о посылкѣ части войскъ для занятія Киліи и Измаила.

26-го. Командующій требовалъ отъ Бендерскаго паши Гассана, чтобы обревизовать арсеналъ, на что паша отвѣчалъ, что русскимъ союзникамъ и друзьямъ турковъ не должно имѣть никакой претензіи до арсенала, и командующій, для сохраненія благовидности, а болѣе, чтобы съ татарами буджацкими, коихъ до 40 тысячъ простираются, не сдѣлано никакого положенія, хотя уже переговоры и начаты,—принужденъ былъ оставить требованіе свое безъ дальнѣйшаго настоянія.

---

[1]) У Петрова сказано, что комендантомъ былъ назначенъ генералъ майоръ Хитровъ.

28-го числа было праздновано благополучное разрѣшеніе отъ бремени Ея Величества государыни Императрицы рожденіемъ великой княжны Елисаветы, по случаю чего отправляемо было молебствіе въ Греческой церквѣ на Бендерскомъ форштатѣ, а изъ крѣпости изъ 51-й турецкой пушки было выстрѣлено при пѣніи многолѣтствія и всѣ войска были въ парадѣ и производили бѣглый огонь.

30-го. Командующій, хотя и не входилъ въ настоятельное требованіе, чтобы взять крѣпость Бендерскую въ совершенное овладѣніе, однако-жъ за нужное сочтено, чтобы всѣхъ жителей и воинскихъ людей, въ крѣпости и на форштатѣ живущихъ, переписать и арсеналъ обревизовать по поверхности, приставить къ нему свой караулъ, что сего числа исполнено, жителей въ крѣпости и на форштатѣ найдено магометанскаго исповѣданія—5981, да другихъ націй и исповѣданій—1900, военныхъ снарядовъ въ крѣпости: пушекъ осадныхъ на лафетахъ и безъ лафетовъ—128, на лафетахъ полевыхъ—11, мортиръ—10. Пороху до 2000 пудовъ, ядеръ разнаго калибера—30000, картечь вязанныхъ—300, картечь въ жестянкахъ—600; ружейныхъ пуль—60000, сабель и ружьевъ въ ящикахъ трехъ сортовъ изъ каждаго сорта по 100. Сверхъ сего шанцеваго инструмента, лѣсу для лафетовъ и другихъ разныхъ матеріаловъ въ большомъ количествѣ.

При семъ случаѣ командующій объявилъ туркамъ, чтобы они ни мало не тревожились и не взирали бы съ худой стороны на перепись имъ сдѣланную, что сіе есть порядокъ; полиція и караулъ при арсеналѣ—взаимная безопасность. Командующій увѣрилъ ихъ, что препятствія не будетъ имъ ни въ отправленіи религіи ихъ обычаевъ, торгу, промысла, рукодѣлія, и чтобы они, почитая россіянъ своими защитниками, остались спокойными.

ДЕКАБРЬ.

2-го декабря получено донесеніе отъ г-на генералъ лейтенанта Дюка де Ришелье, что соотвѣтственно повелѣнію коман-

дующаго 2-мъ корпусомъ укрѣпленіе Паланка и крѣпость Аккерманъ съ 6-ю батальонами пѣхоты заняты (?)ноября.

Въ теченіи прошедшихъ дней послѣ занятія крѣпости Бендеръ командующій корпусомъ, кромѣ учрежденія внутренняго въ крѣпости устройства и доставленія войскамъ безнужнаго продовольствія, простирая свои виды на Измаилъ, великую имѣлъ заботу къ преклоненію Буджацкихъ татаръ къ сторонѣ Россіи. Татарскіе начальники и почетнѣйшіе въ поколѣніяхъ были въ колебаніи къ принятію дружелюбно россійскихъ войскъ. Командующій корпусомъ предложилъ бригадиру Катаржи ѣхать въ Татарію съ адъютантомъ командующаго штабсъ-капитаномъ Котляревскимъ, взявъ съ собою переводчика, и убѣждать татарскихъ старшинъ къ принятію миролюбивыхъ предложеній, обѣщавая имъ дружбу и самыя выгоды отъ россійскихъ войскъ, если они останутся пріязненными Россіи и пребудутъ спокойными при переходѣ войскъ чрезъ ихъ земли. Бригадиръ Катаржи и адъютантъ Котляревскій, не дорожа собою для пользы своего отечества, безъ малѣйшихъ сомнѣній рѣшились на предложеніе и, получивъ отъ командующаго наставленія, отправились въ Татарію.

Странствуя нѣсколько дней по смиреннымъ жилищамъ варварскаго народа сего, и переходя изъ деревни въ деревню къ старшинамъ и начальникамъ ихъ, находили вездѣ толпы вооруженныхъ татаръ, собирающихся для совѣтовъ на счетъ россійскаго войска; Татары, хотя знали по разнесшимся слухамъ, съ какою добротою и пріязнью обращаются войска россійскія въ Бендерахъ, и что, будучи властителями города, не входятъ ни въ какое распоряженіе противу обычая турковъ, однако-же а между тѣмъ отъ посланныхъ услышавъ обѣщаніе дружелюбія, даже выгодъ тѣхъ, что войска за все взимаемое у татаръ будутъ платить наличными деньгами, согласились мало по малу къ преклоненію на россійскую сторону и первый уѣздъ Орумъ-бетъ-оглу, въ коемъ 76 деревень, послалъ къ командующему чиновниковъ съ увѣреніемъ отъ стороны начальниковъ добраго къ русскимъ расположенія и оставили аманата.

Послѣ сего уѣздъ Оранъ-оглу, въ которомъ 36 деревень, приклонился на нашу сторону и прислалъ аманата; за симъ уѣздъ Еть-исинъ кой съ 61-ю деревнею, прислали чиновниковъ въ засвидѣтельствованіе преклонности своей къ Россіи и дали двухъ аманатовъ. Наконецъ уѣздъ Измаилской съ округами Киргизскою, Дженбуламентскою и Кіоибескою и Коелескою, въ которыхъ 32 деревни, преклонились и прислали аманата. Къ увѣнчанію-же своей препорученности, съ неожидаемымъ успѣхомъ счастливо исполненной, прибыли отправленные на возвратномъ пути въ Каушаны къ тамошнему надъ татарами воеводѣ и сего убѣдили въ знакъ вѣрности своей къ нашей сторонѣ и преклонности къ Россіи прислать къ командующему брата своего въ залогъ. Такимъ образомъ сей варварскій, жестокій и недовѣрчивый народъ былъ благополучно преклоненъ къ россійской сторонѣ и успокоенъ тогда, когда могъ до 30 тысячъ собрать вооруженнаго народа; одни татарскія деревни, принадлежащія такъ называемой раи измаильской, коихъ числомъ семь, остались непреклонными.

8-е декабря. Командующій корпусомъ, рѣшившись итить съ войсками къ Измаилу, писалъ г. генералъ-лейтенанту Дюку-де-Ришелье отрядить изъ 13-й дивизіи пять батальоновъ пѣхоты, одинъ драгунскій полкъ для замѣщенія взятыхъ изъ Бендеръ войскъ, а лейбъ-кирасирскій Ея Величества назначить къ занятію Кишинева.

9-го отданъ былъ приказъ войскамъ о пріуготовленіи въ походъ, въ который имѣютъ выступить изъ Бендеръ 11-го числа въ Каушане; полки назначены къ походу Стародубовскій драгунскій, Новгородскій мушкетерскій 11-й Егерскій, батарейная рота артилеріи, полурота конной Донской артилеріи, 50 піонеровъ и Донской козачій полкъ Платова 3-го.

Другой отрядъ войскъ, подъ командою генералъ-маіора Герарда изъ Кишинева, назначенъ также къ выступленію 11-го числа въ Каушане. Полки сей отрядъ составляющіе: сѣверскій драгунскій, малороссійскій гренадерскій, два баталіона Нарвскаго полка и 3-й Бугскій козачій полкъ.

10-го числа генералъ-маіоръ Хитровъ назначенъ отъ командующаго корпусомъ въ Бендерахъ комендантомъ, и распоряжено такъ, чтобы 11-го числа рано при выступленіи изъ крѣпости назначенныхъ полковъ въ походъ заняли въ то-же самое время крѣпость другія войска, кои требованы отъ Дюка де-Ришелье.

11-го числа, по выступленіи войскъ изъ Бендеръ въ 10-ть часовъ пополуночи, прибылъ командующій, равно какъ и войска, въ три часа пополудни въ мѣстечко Каушане, гдѣ жительство имѣетъ татарскій воевода Агасы; хотя намѣреніе командующаго не было здѣсь дневать, однако-же по незаготовленію отъ татаръ разныхъ нужныхъ къ продовольствію войска потребностей, принужденъ былъ назначить войскамъ 12-е число имѣть роздыхъ. Къ сему числу полки и отрядъ генералъ-маіора Герарда прибыли въ Каушане, гдѣ корпусъ и соединился.

Сего-же числа предписано генералъ-маіору Хитрово отправить во 2-й корпусъ Житомирскій драгунскій и Нашебургскій мушкетерскій полки и понтонную роту, лейбъ-же-кирасирскій Ея Величества полкъ, назначенный было въ Кишеневъ, поворотить въ Бендеры.

12-го получено донесеніе отъ генералъ-лейтенанта Заса, что 9 числа сего мѣсяца россійскія войска заняли крѣпость Килію.

Сего числа командующій предписалъ генералъ-лейтенанту Дюку-де-Ришелье, дабы воспользоваться обстоятельствами и благопріятствующею теплою погодою къ споспѣшествованію видамъ и мѣроположеніямъ командующаго находящуюся при Аккерманѣ и Одессѣ флотилію выслалъ-бы въ Дунай, и чтобы сіе исполнилъ генералъ-лейтенантъ Дюкъ-де-Ришелье съ возможною быстротою, дабы медлительностью не навесть такихъ послѣдствій, которыя могутъ сдѣлать великія въ предпріятіяхъ помѣшательства.

Сего числа командующій раздѣлилъ войска на двѣ колонны; первая колонна состояла изъ полковъ Стародубовскаго и

Сѣверскаго драгунскихъ, Новгородскаго и Нарвскаго мушкетерскихъ, 11-го Егерскаго, полуроты конной Донской артилеріи, 50-ти піонеровъ и Донского казачьяго Платова 3-го полка, подъ командою генералъ-маіора Войнова. Вторая колонна подъ командою генералъ-маіора Герарда, въ коей полки состояли: Житомирскій драгунскій, Малороссійскій гренадерскій, Нашебургскій мушкетерскій, батарейная рота артилеріи подполковника Бертье-де-ла-Гарда, понтонная рота, остальная часть піонеровъ и 3-й Бугскій казачій полкъ.

Командующій назначилъ свое пребываніе при первой колоннѣ.

Симъ двумъ колоннамъ назначено итти разными дорогами; первая колонна имѣла свое направленіе отъ Каушанъ къ Измаилу черезъ татарскія деревни Пеливань, Чабы, Докузь бай, Карагуртъ и Челебе;—вторая колонна на Оиматъ, Кыслыкъ, Мамбетъ Казы аджи, Ашага и шеши и Кошькунаръ.

13-го обѣ выступили въ 6 часовъ по полуночи изъ Каушанъ—первая до Пеливанъ, а вторая—до Оимата.

Сего числа главная квартира была въ деревнѣ Абаклы джиба.

14-го войска выступили изъ Оимата и Абаклы джиба и прибыли въ Докузь бай.

15-го войска имѣли квартиры въ Карагуртѣ. Отсюда командующій корпусомъ предписалъ второй колонны начальнику генералъ-маіору Герарду, чтобы онъ 16-го числа выступилъ съ войсками изъ селенія Кошькунаръ и слѣдовалъ въ селеніе Челебе для соединенія съ первою колонною и составленія корпуса, оставивъ въ Кошькунарѣ весь обозъ и партикулярныя повозки. Подобное распоряженіе сдѣлано и въ первой колоннѣ и велѣно оставить въ Карагуртѣ весь обозъ казенный и партикулярный при пристойномъ караулѣ; наполнивъ палаточные ящики сухарями съ пропорціею крупъ, взять съ собою для варенія людямъ кашъ.

Сего числа генералъ-маіоръ Войновъ откомандированъ въ полночь къ деревнѣ Челебе съ полками Стародубовскимъ дра-

тунскимъ, Донскимъ Платова 3-го и однимъ батальономъ Егерей и полуротой конной артилеріи для преслѣдованія Пегливанской шайки разбойниковъ [1]), которые, сдѣлавъ наѣздъ на оную деревню, грабили.

16-го изъ Карагурта войска выступили въ 7 часовъ по полуночи къ деревнѣ Челебе, въ которую и прибыли въ полдень. Въ сей деревнѣ соединились вторая колонна съ первой, и генералъ-маіору Войнову даны еще къ его передовому отряду Житомирскій драгунскій и 3-й Бугскій казачій полки, съ которыми онъ тотчасъ и отправился къ Измаилу, отстоящему отъ Челебе въ 15-ти верстахъ.

Всему корпусу сдѣланъ въ Челебе привалъ; деревня найдена разоренной и ограбленною; жителей часть увлечена разбойниками въ Измаилъ, а часть разбѣжалась.

Въ часъ пополудни корпусъ выступилъ изъ Челебе и слѣдовалъ къ Измаилу.

Главнокомандующій со своею гауптъ-квартирою поѣхалъ впередъ и, подъѣзжая къ Измаилу, услышаны были пушечные изъ крѣпости выстрѣлы; они возвѣстили, что генералъ-маіоръ Войновъ подступилъ подъ Измаилъ.

Главнокомандующій, прибывши къ войскамъ, подъ Измаиломъ стоящимъ, увидѣлъ, что злодѣй Пегливанъ, находясь въ корпусѣ, встрѣчаетъ россійскія войска непріязненно, производя сильную канонаду по войскамъ ядрами и бомбами.

Должно при семъ упомянуть, что 14-го числа изъ селенія Докузь-бая отправленъ отставной прапорщикъ Голицынъ съ прокламаціею къ жителямъ Измаила, чтобы они не противились и войска россійскія впустили-бы въ крѣпость для сбереженія своихъ семействъ, имѣнія и своей жизни, на случай ежели несогласіемъ своимъ принудятъ русскихъ брать крѣпость силою, но на то не получено никакого отвѣта изъ Измаила и въ то время, когда войска подошли къ крѣпости и посланный былъ задержанъ въ крѣпости.

---

[1]) Т. е. находящейся подъ начальствомъ Пеглеванъ-оглу.

Епифаній Славинецкій, литературный дѣятель XVII в.

Глава IV.[1]

Епифаній и Никонъ. Ихъ взаимныя отношенія. Участіе Епифанія въ дѣлѣ Никона. Соборъ 1660 г. Первая редакція соборнаго опредѣленія. Сказки Епифанія, представленныя послѣ соборнаго засѣданія 27 февраля. Изложеніе содержанія каждой изъ нихъ. Вторая редакція соборнаго дѣянія 14 августа, написанная Епифаніемъ. Дѣло Никона послѣ этого собора. Почему Епифаній отстранился отъ оффиціальнаго участія въ это время. Его проектъ соборныхъ опредѣленій послѣ подачи Никономъ письменныхъ условій отреченія 14 янв. 1665 г.

Когда Епифаній Славинецкій прибылъ въ Москву (12 іюля 1649 г.), Никона въ это время, какъ мы уже указали выше, здѣсь не было: поставленный въ минувшемъ мартѣ на новгородскую митрополичью каѳедру, онъ жилъ въ Новгородѣ съ 24 марта 1649 г. Поэтому нужно думать, что первое знакомство Никона съ Епифаніемъ произошло въ первый пріѣздъ Никона

[1]) См. Кіевск. Стар. 1900 г. № 11.

въ Москву зимою (1649—50 года). [1]) По пріѣздѣ своемъ Никонъ, вѣроятно, услышалъ про Епифанія отъ царскаго духовника и пожелалъ съ нимъ познакомиться и побесѣдовать. Гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ произошло ихъ знакомство—объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Несомнѣнно только, что результатомъ этихъ бесѣдъ была рѣшительная перемѣна въ Никонѣ взгляда на малорусскихъ ученыхъ: послѣ встрѣчи съ Епифаніемъ Никонъ уже не говорилъ такихъ рѣчей, какія прежде неоднократно говаривалъ, что „малые Россіи потеряли вѣру, и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ, что покой и честь тѣхъ прельстила, и своимъ де нравамъ работаютъ, а постоянства въ нихъ не объявилося и благочестія нимало". [2])

Громадное значеніе нужно приписать, конечно, личному характеру Епифанія. Сосредоточенность, предпочтеніе научныхъ занятій всякимъ искательствамъ почестей, скромность при громадной по тому времени эрудиціи, безупречная честность, умѣнье не раздражать другихъ заявленіемъ о своемъ умственномъ превосходствѣ—все это такія качества, которыя способны разрушить всякое предубѣжденіе и вызвать полное довѣріе и уваженіе къ обладателю ихъ и готовность внимать рѣчамъ его. Предметомъ ихъ бесѣдъ, можно думать, прежде было то, что непріятно должно было поразить Епифанія въ Москвѣ; разумѣемъ многогласное пѣніе и чтеніе въ церквахъ и другія многочисленныя церковныя нестроенія. Способный по своему крот-

---

[1]) А что Никонъ, будучи уже митрополитомъ Новгородскимъ, въ каждую зиму пріѣзжалъ въ Москву, объ этомъ есть прямое свидѣтельство Ивана Шушерина, который говоритъ, что такъ какъ «Государь Царь присно желаше Преосвященнѣйшаго Митрополита всегда въ царствующемъ градѣ имѣти и съ нимъ благословенною бесѣдою наслаждатися», то хотя «врученное ему (Никону) отъ Бога стадо и надсмотрѣніе за градскими дѣлами не давали ему возможности всегда бесѣдовати съ Государемъ, однако онъ «по вся зимы изъ Великаго Новгорода въ царствующій градъ Москву пріѣзжалъ». Шушеринъ. Житіе патріарха Никона. Спб. 1784 г. стр. 22.

[2]) Матеріалы для истор. раск. Т. *I*, стр. 331—332.

кому и сосредоточенному характеру болѣе искренно скорбѣть душою изъ-за всякихъ нестроеній, чѣмъ возмущаться и негодовать, имѣвшій полную возможность, благодаря своей громадной начитанности въ святоотеческихъ твореніяхъ, убѣжденно раскрыть передъ слушателемъ высокое значеніе для христіанина общественнаго богослуженія, низведеннаго практикой московскаго духовенства на степень какой то обрядовой повинности, чуждой всякаго внутренняго смысла, [1])—Епифаній обладалъ всѣми средствами, чтобы окончательно убѣдить Никона въ необходимости положить предѣлъ всѣмъ нестроеніямъ и возвратить богослуженію и богослужебнымъ книгамъ ихъ первоначальную чистоту, тѣмъ болѣе, что почва въ этомъ отношеніи была уже раньше подготовлена. И дѣйствительно, мы видимъ, что во второй годъ (1650 г.) своего митрополичьяго служенія Никонъ уже вводитъ въ Новгородъ не только единогласное, но и партесное „греческое и кіевское пѣніе, одушевленное паче бездушнаго органа“, а также и единогласное чтеніе. [2])

Сдѣлавшись патріархомъ московскимъ, Никонъ еще болѣе сближается съ Епифаніемъ: этому въ высшей степени способствовало ихъ совмѣстное занятіе въ патріаршемъ книгохранилищѣ въ началѣ Никонова патріаршества, съ конца 1652 года до собора 1654 года. Довѣріе Никона къ знаніямъ Епифанія, такъ блистательно обнаруженнымъ имъ въ дѣлѣ книжнаго исправленія, въ переводахъ и другихъ его литературныхъ произведеніяхъ—въ особенности въ трудахъ филологическихъ (въ этой области Епифаній заявилъ себя еще въ Кіевѣ),—довѣріе къ нравственной личности Епифанія, отличавшагося нравственной чуткостью и благородствомъ, росло и крѣпло все болѣе и

---

[1]) Вотъ описаніе тогдашняго богослуженія въ Московской Руси: „единъ чтетъ съ начала полунощницу съ каѳисмою, другій чтетъ вѣрую и тропари, и даже до конца полунощницы; на часахъ единъ псалмы, другій уже слава и нынѣ, тропари; тотъ то, а другой—другое; и тако въ два гласа чтуще единъ единаго поспѣшнѣе...“ (Шушеринъ. Житіе патр. Никона, стр. 24—25).

[2]) Ibidem.

болѣе. По вступленіи на патріаршій престолъ, онъ дѣлаетъ Епифанія оффиціальнымъ проповѣдникомъ слова Божія, отъ своего имени поручаетъ ему написать утѣшительное посланіе княгинѣ Радзивиловой, [1]) поручаетъ ему спеціально для себя переводы разныхъ сочиненій, въ которыхъ ощущался недостатокъ. [2])

О томъ, какъ высоко цѣнилъ Никонъ труды Епифанія и, вообще, какое вниманіе оказывалось ему, можно судить по тѣмъ,—правда отрывочнымъ, но тѣмъ болѣе драгоцѣннымъ,—указаніямъ, какія имѣются въ записяхъ расходной книги патріаршаго казеннаго приказа. Здѣсь читаемъ: „162 (т. е. 1654) г. ноября 10 кіевленину старцу Епифанію, что переводитъ патріарху греческія книги на русскій языкъ [3]), въ приказъ 10 рублевъ дано сполна [4]);" „26 іюля (того-же года) кіевленину старцу Епифанію, что переводитъ патріарху греческія книги на русскій языкъ, въ приказъ 10 рублевъ дано сполна [5]); 162 г. маіа 8

---

[1]) „Оглавленіе книгъ" § 79, 22: Посланіе утѣшительное къ княгинѣ Радівила князя Віленска, писанное лѣта 7165 (1657), маіа 17, отъ лица Нікона патріарха Московскаго. Начало: «Маловременныя»... Cfr. Ундольскій. „Ученые труды Епифанія Слав.;" Филаретъ. Обз. дух. лит. § 223.

[2]) Таковы: Анатолія Вессалія (съ латинскаго), Географія—Европа и Азія и «О убіеніи краля Аггельскаго (съ латинскаго-же). См. „Оглавленіе книгъ" § 79, 14, 15, 16; Cfr. Ундольскій. Учен. труды Епифанія; Филаретъ. Обз. дух. лит. § 223; Ркп. Кіево-Печ. Лавры № 145 (по описанію Петрова № 290: «Каталогъ на словеса, яже здѣ (въ кіевскомъ сборникѣ) не положишася». стр. 947—951.

[3]) На основаніи этого мѣста можно думать, что законоположительныя книги, каковы: Синтагмы Матѳея Властаря, правила Ѳ. Вальсамона, Климентовы зачинанія Св. Апостолъ, книга Арменопула, Правила св. апостолъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и Фотіевъ намоканонъ, Уставы гражданоправительственныя»—что всѣ эти книги Епифаній переводилъ по просьбѣ Никона и, быть можетъ, отчасти для его нуждъ.

[4]) Расх. кн. патр. каз. прик., кн. № 36. л. 334 об., Москов. Арх. Мин. Юстиціи.

[5]) Ibidem. л. 348.

кіевлянамъ преводникамъ старцамъ Епифанію да Дамаскину послано по 20 рублевъ человѣку [1]); 165 г. іюня 13 кіевленину старцу Епифанію, что живетъ въ Чудовомъ монастырѣ, послано 10 рублевъ [2]); 166 г. маіа 8 кіевленину старцу Епифанію, что въ Чудовѣ монастырѣ живетъ, перевелъ на русскій языкъ государю патріарху дохтурскую книгу, въ приказъ 10 рублевъ дано сполна; тѣ деньги по казначееву велѣнью старцу Епифанію въ Чудовъ монастырь отнесъ подъячей Иванъ Зерцаловъ [3]). Это жалованье шло Епифанію изъ патріаршей казны, было выраженіемъ личной патріаршей благодарности за его особые труды для патріарха и выдавалось не въ зачетъ того жалованья, которое Епифаній получалъ изъ посольскаго приказа.

Относясь самъ такъ внимательно къ Епифанію, Никонъ вліялъ въ этомъ направленіи и на другихъ. Только его вліяніемъ можно объяснить тотъ фактъ, что въ теченіе одного (1652) года жалованье, шедшее Епифанію изъ посольскаго приказа, дважды было значительно повышено. 20-го іюля 1649 г., черезъ недѣлю послѣ его прибытія въ Москву, ему положено было жалованья по гривнѣ въ день, что въ мѣсяцъ составитъ 70 алтынъ, или иначе—2 руб. съ небольшимъ. Въ половинѣ-же 1652 г., когда Никонъ былъ уже въ Москвѣ, онъ сталъ получать 120 алтынъ въ мѣсяцъ, т. е. $3^1/_2$ руб. Равнымъ образомъ и „питье", выдававшееся ему къ столу, было увеличено: пожаловано было „поденнаго корму по 4 алтына, да питья зъ дворца по 2 чарки вина, по 2 кружки меду цежоного, по 2 кружки пива доброго ячного [4]). Въ самомъ непродолжительномъ времени это жалованье было удвоено. „Лѣта 7160 іюля въ 17 день по указу боярину Волконскому пожаловалъ Государь царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи киевскаго старца Епифанія—велѣлъ ему давать своего государева жалованья по-

---

[1]) Ibidem. кн. 38, л. 158.

[2]) Ibidem. кн. 41, л. 263.

[3]) Ibidem, кн. 43. л. 251.

[4]) Малорос. Дѣла. Связка 5, 1652 г. № 1.

денного корму мая съ 22-го числа і съ прежним по осми алтынъ по две денги на день [1]),“ что составитъ въ мѣсяцъ 250 алтынъ, или $7^1/_2$ руб. Въ переводѣ на нашъ курсъ эта сумма равняется 127 руб. 50 коп.—сумма, какъ видимъ, очень почтенная.

Съ своей стороны и Епифаній относился къ Никону съ глубокимъ уваженіемъ: онъ видѣлъ въ немъ, прежде всего, искренняго и убѣжденнаго архипастыря, въ духѣ Иліиной ревности пекущагося о благоустроеніи русской церкви. Эту мысль Епифаній неоднократно высказываетъ въ своихъ предисловіяхъ, изъ которыхъ особенно предисловія къ Служебникамъ 1655, 1656 и 58 гг. и къ Скрижали 1656 г. являются наилучшимъ матеріаломъ дли характеристики его отношенія къ Никону. Богъ—виновникъ всѣхъ благъ,—говоритъ Епифаній въ предисловіи къ служебнику 1655 г.,—благоволилъ утѣшить православную русскую церковь неповрежденностью догматовъ и избралъ для этой цѣли мужа по сердцу своему, подобнаго Иліи, великаго государя Святѣйшаго Никона, патріарха Московскаго и всея Великія и Малыя Россіи и вручилъ ему пасти и соблюдать святую церковь [2]) Чтобы доказать читателю, что Никонъ по ревности своей вполнѣ напоминаетъ Илію, Епифаній изображаетъ его реформаторскую дѣятельность въ Русской церкви. „Сей первопрестольный священноначальникъ“—говоритъ онъ—„гласомъ вопіющаго въ пустыни реченное, правы творите стези, благотщательнѣ исполняя, правы стези творитъ, скривленное исправляетъ, косвенное отметаетъ, и стропотное соглаждаетъ: моляй благолѣпіе дому Божія, и съ богодухновеннымъ псаломникомъ глаголяй присно, Господи возлюбихъ благолѣпіе дома твоего, о благолѣпіи дому Божея опасно печется: видяй божественнымъ Павломъ реченное: всяже благообразно и по чину да бываютъ, да вся таинственная священнодѣйства, въ православной россійской церквѣ, въ честь и славу Божію благолѣпнѣ

---

[1]) Малорос. Дѣла Св. 5, 1652 г. № 1.

[2]) Предисл. къ Служебн. 1655 г. стр. 2—3.

совершаема, по благолѣпному богоносными отцы святыми ученнному чину церковному бываютъ, прилежно тщится [1]). Въ представленіи Епифанія Никонъ является истиннымъ пастыремъ, вдумчиво и серьезно относящимся и къ дѣлу духовнаго руководства пасомыхъ. „Не иныхъ мірскихъ богатыхъ касается разсмотрѣти,“—свидѣтельствуетъ онъ о Никонѣ,—но яже належитъ пастыреви, якоже глаголетъ божественный апостолъ: „подобаетъ епископу быти безъ порока, яко Божію строителю, пособствующу по вѣрнѣмъ словеси ученія, да силенъ будетъ утѣшити въ здравѣмъ ученіи, и противящіяся обличити, и сія внушивъ упразднися отъ всѣхъ и вложися въ трудъ, еже бы святое писаніе разсмотрѣти“. [2])

Желая наглядно изобразить значеніе Никоновой дѣятельности для русской церкви, Епифаній пользуется сравненіемъ: беретъ библейскій фактъ (напоеніе Іаковомъ овецъ) и примѣняетъ его—въ духѣ схоластическаго параллелизма—къ обстоятельствамъ даннаго времени. „Яко древле патріархъ Іаковъ, въ напоеніи овецъ безсловесныхъ, вещественен камень отъ вещественна кладезя отвалилъ есть: тако онъ (Никонъ) нынѣ мысленный неявленства, паче-же невѣжества, во многихъ умѣ лежащаго камень, во еже словеснымъ овцамъ христовымъ, чистого извѣстнаго священнодѣйствительныхъ знаменованій вѣдѣнія водою напоеннымъ быти, отъ мысленнаго таинственныхъ священнодѣйствъ кладезя отвалити потщася. [3])

Такія рѣчи высказывалъ Епифаній о Никонѣ. Предположить въ нихъ лесть, въ основѣ которой всегда лежитъ скрытая надежда пользоваться благотвореніями восхваляемаго,—едва-ли возможно. Эти рѣчи говорились не въ частной перепискѣ, а въ печатномъ трудѣ, къ свѣдѣнію всѣхъ читателей, и при томъ въ цѣляхъ полемическихъ: въ нихъ Епифаній является защитникомъ и истолкователемъ реформъ Никона, а защита Никона, противъ

---

[1]) Предислов. къ Скрижали 1656 г. стр. 12.

[2]) Предислов. къ Служебн. 1655 г. стр. 4.

[3]) Предисловіе къ Скрижали, стр. 9.

котораго въ Московскомъ обществѣ было сильное возбужденіе и вражда, не представляла никакой выгоды: можно было не только лишиться довѣрія, но и возбудить противъ себя вражду. При такихъ обстоятельствахъ требовалась отъ защитника убѣжденность въ правильности своего пониманія защищаемаго и вѣра въ правоту послѣдняго. Что такъ дѣйствительно и было, это лучше всего видно изъ „дѣла объ осужденіи оставившаго свой престолъ Никона,—дѣла, въ которомъ Епифаній занялъ особенное и единственное положеніе. Размолвка между „собиными“ друзьями, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и патр. Никономъ, происшедшая въ лѣто 1658 года, вызвала Никона на чрезвычайно смѣлый и рѣшительный шагъ: въ надеждѣ, быть можетъ, вызвать царя на объясненіе и полное примиреніе, Никонъ 10 іюля 1658 года, послѣ торжественной службы въ Успенскомъ соборѣ, отрекся отъ патріаршества. Небывалый фактъ—ссора двухъ друзей, царя и патріарха,—овладѣлъ вниманіемъ всѣхъ. Масса недовольныхъ Никономъ постаралась воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и осложнить ссору царя и патріарха настолько, чтобы примиреніе ихъ было невозможнымъ. Личный характеръ разошедшихся друзей еще болѣе запутывалъ дѣло. Прошелъ цѣлый годъ, а взаимныя отношенія царя и патріарха нисколько не улучшились; напротивъ, отдѣльныя событія на протяженіи его слишкомъ ощутительно дали почувствовать Никону невыгоду созданнаго имъ для самого себя положенія. Враги Никона употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы раздражать патріарха и тѣмъ вызывать на рѣзкіе, могущіе оскорбить царя, поступки. Обвиненіе Никона въ растратѣ казны, вмѣшательство свѣтскихъ лицъ въ духовныя дѣла, и въ особенности осмотръ его келіи и бумагъ—вызвали бурное негодованіе Никона: рѣзкимъ и смѣлымъ языкомъ онъ писалъ по этому поводу обличительное письмо. „Дивлюсь, какъ ты дошелъ до такого дерзновенія!—писалъ онъ царю. Прежде ты боялся произвести судъ надъ простымъ церковнымъ причетникомъ, а теперь захотѣлъ видѣть грѣхи и тайны того, кто былъ пастыремъ всего міра, и не только самъ видѣть, но и мірскимъ объявить... Убойся,

государь, глаголющаго: еже себе не хощеши, инѣмъ не твори; а хочешь-ли ты, чтобы твои тайны, противъ твоей воли узнавали другіе?[1] Послѣ такихъ рѣзкихъ и справедливыхъ обвиненій Никона, идти царю на примиреніе съ нимъ было уже неудобно и оскорбительно.

Новый 1660 годъ принесъ съ собой событіе, сыгравшее роль послѣдней капли въ переполнившемся сосудѣ воды. Въ мартѣ мѣсяцѣ въ недѣлю Вайй крутицкій митрополитъ Питиримъ совершилъ торжественный обрядъ шествія на осляти. Никонъ, соединявшій съ этимъ обрядомъ послѣднюю надежду на примиреніе съ царемъ, былъ чрезвычайно раздраженъ и написалъ второе, очень рѣзкое письмо государю, обвиняя его въ томъ, что онъ допустилъ „олюбодѣйствовать сѣдалище великаго архіерея всея Русіи." Раздраженный царь послалъ къ Никону думнаго дьяка Прокофія Елизарова и Алмоза Иванова потребовать у Никона объясненія. И вотъ теперь-то Никонъ въ первый разъ рѣшительно и опредѣленно высказался, какія права онъ желаетъ оставить за собой по избраніи новаго патріарха. Патріархъ говорилъ: „что де ему нарицатися патріархомъ, и онъ де того имени не отрицался; только не хочетъ имяноватись Московскимъ, потому что престолъ архіерейскій Великія Россіи оставилъ своею волею..; что попеченія о истинѣ не оставилъ и впредь о какомъ духовномъ дѣлѣ, требующемъ исправленія, услышитъ, молчати не учнетъ[2]). Такимъ образомъ Никонъ заявилъ свое желаніе остаться въ силѣ патріарха при вновь выбранномъ патріархѣ и право вмѣшиваться въ духовныя дѣла, которыя потребуютъ исправленія. Оставаться долѣе

---

[1]) Это письмо Никона напечатано въ изданномъ археографической коммисіей «Дѣлѣ о патріархѣ Никонѣ»; см. № 4, стр. 6—12; Cfr. Приложеніе I къ сочиненію Н. И. Субботина: „Дѣло патріарха Никона".

[2]) Дѣло о патріархѣ Никонѣ. Изданіе археографической коммисіи по документамъ Моск. Синод. Библіотеки № 5. Сказка Прокофія Елизарова, стр. 14.

въ неопредѣленномъ положеніи для царя и московскихъ властей уже нельзя было: нужно было дать русской церкви новаго патріарха вмѣсто отрекшагося. Возникли вопросы: „можно-ли, не низложивъ соборнѣ Никона, возвести другого патріарха; можно-ли низложить Никона и возвести инаго, еще живу ему сущу, правильно и мн. др. [1]). Разрѣшить всѣ выдвинутые обстоятельствами вопросы можно было только путемъ соборныхъ опредѣленій. И вотъ, въ февралѣ 1660 года царь рѣшился наконецъ составить соборъ для разсужденія объ избраніи новаго патріарха. Къ участію въ соборномъ разсмотрѣніи дѣла въ качествѣ общепризнаннаго въ Москвѣ ученаго авторитета и былъ приглашенъ Епифаній Славинецкій. 16 го февраля въ царской Золотой палатѣ собралось, по желанію царя, много архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ [2]). Здѣсь царь объявилъ имъ свою волю, чтобъ они занялись устроеніемъ церкви, втеченіи полутора лѣтъ остававшейся безъ пастыря. На слѣдующій день члены собора снова собрались, но уже въ крестовой патріаршей и безъ царя. Въ этотъ день былъ рѣшенъ соборомъ вопросъ: своею-ли волею Никонъ оставилъ патріаршескій престолъ? Еще раньше былъ подобранъ необходимый для этого матеріалъ. 15 го февраля, вѣроятно по указу царя, были собраны сказки (показанія): 1) князя Алексѣя Трубецкаго, посыланнаго царемъ, 10 іюля 1658 г., въ Успенскій соборъ узнать о причинахъ оставленія Никономъ патріаршаго престола; 2) его-же и Ларіона Лопухина, посланныхъ царемъ въ Воскресенскій монастырь къ патр. Никону 1658 г. іюля 12 съ приглашеніемъ возвратиться на патріаршескій престолъ, и 3) сказки лицъ, присутствовавшихъ 10 іюля 1658 г. въ Успенскомъ соборѣ на обѣднѣ, по окончаніи которой патр. Никонъ отказался отъ патріаршаго престола и въ простомъ монашескомъ одѣяніи ушелъ на Воскресенское подворье [3]). По прочтеніи и разсмотрѣніи

---

1) Ibidem № 24.

2) Списокъ лицъ, участвовавшихъ въ соборѣ 14 авг. 1660 г., приведенъ въ томъ же изслѣдованіи. См. № 27, стр. 109—111.

3) Сказки эти помѣщены въ „Дѣлѣ о патр. Никонѣ, издан. археографической коммиссіей. См. № 6, 7 и 9.

этихъ-то сказокъ соборъ рѣшилъ, что Никонъ оставилъ патріаршескій престолъ своею волею. Это рѣшеніе было сообщено царю, который послѣ этого указалъ собрать возможно больше сказокъ и тщательно провѣрить ихъ до слѣдующаго засѣданія [1]), а также сдѣлать выписки изъ Номоканона и соборныхъ правилъ объ архіереяхъ, самовольно оставляющихъ свои престолы. По указу царя „преосвященный соборъ велѣли выписать изъ правилъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, а у выписки (согласно желанію царя) велѣли быть преосвященнымъ архіепископамъ Маркеллу, Иларіону и Макарію и архимандриту Павлу и игумену Симону." Выписки были сдѣланы слѣдующія: а) 16-е правило перваго и второго собора въ церкви святыхъ апостолъ (т. е. двукратнаго Константинопольскаго); б) Кареагенскаго собора правило 88-е; в) отъ епистолія, яже къ Домну, Кирила о отреченіи епископовъ; г) 9-е правило Вселенскаго Собора (третьяго, Ефесскаго); д) помѣстнаго собора Сардикійскаго правило 18-е (по славянск. кормчей, но по греческой 16-е); е) Кирилла Александрійскаго правило 3-е; ж) Кареагенскаго собора правило 72 (по греческ. кормчей 83-е).

Мы не имѣемъ подробныхъ записей о преніяхъ, происходившихъ на этомъ соборѣ (27 февраля), но несомнѣнно, что отцами собора было обращено преимущественное вниманіе на 16-е правило двукратнаго собора и 9-е третьяго вселенскаго [2]); что въ пониманіи этихъ правилъ произошло раздѣленіе между ними, причемъ громадное большинство толковало ихъ въ смыслѣ неблагопріятномъ для Никона. Епифаній Славинецкій выступилъ съ своимъ особеннымъ мнѣніемъ. Началась полемика между нимъ и греками, которыхъ въ этотъ разъ было уже нѣсколько [3]).

---

[1]) Сказки эти перепечатаны тамъ-же, см: №№ 10—16 включительно. Стр. 37—51.

[2]) Это видно изъ сказки, поданной на соборѣ старцемъ Епифаніемъ Славинецкимъ позже, 15 іюля. См. Дѣло о Никонѣ, изд. археогр. ком. № 26.

[3]) Подъ дѣяніемъ Москов. собора 14 авг. того-же года находимъ слѣдующія подписи: 1) Μητροπολίτης Θηβῶν Παρθένιος, 2) Ἀρχιε-

Девятое правило Эфесскаго собора въ славянской кормчей читалось такъ: „Терпѣти подобаетъ Евстафіеви, въ епископіи крѣпко. Се бо всякому епископу должно есть, онъ же плещи давъ, неполезно отречеся: Θедоръ же въ того мѣсто поставленъ бысть, онъ же плачася и моляся, чести прося, неповиненъ. Поставленъ же въ него мѣсто имый явѣ того отреченіе, безъ грѣха есть". Это правило было установлено соборомъ по поводу памфилійскаго епископа Евстафія, который письменно отрекся отъ своей епархіи. Когда на его мѣсто былъ поставленъ памфилійскимъ соборомъ новый епископъ Θеодоръ, Евстафій явился на Ефесскій соборъ и просилъ оставить за нимъ имя и честь епископа. Соборъ призналъ за нимъ и то и другое и въ этомъ слыслѣ постановилъ свое опредѣленіе. Къ нему были приложены и два толкованія ихъ—напечатанное въ Славянской кормчей и Матθея Властаря. Епифаній Славинецкій принималъ толкованіе Славянской Кормчей и утверждалъ, что Евстафій былъ оправданъ *„безъ всякаго прекословія,"* что соборъ призналъ за нимъ право именоваться епископомъ, имѣть честь святительскую и сѣдалище, служить и поставлять пресвитеровъ и діаконовъ. Примѣняя къ данному случаю это рѣшеніе Ефесскаго собора, Епифаній говорилъ, что и къ патріарху Никону такъже должны отнестись отцы Московскаго собора, какъ отнеслись къ Евстафію отцы собора Ефесскаго.

Греки же и ихъ сторонники, напротивъ, усиливались доказать, что къ данному случаю болѣе примѣнимо толкованіе Матвѣя Властаря, который утверждалъ, что отрекшійся епископства долженъ быть лишенъ и священства, что отцы собора Ефесскаго признали санъ епископа сохраняющимся за Евстафіемъ только во уваженіе его слезъ и глубокой старости и по боязни, „да не ему нѣчто прилучится отъ безмѣрныя печали".

πίσκοπος Κυζίκου ἐκ της ἁγίας καὶ βασιληκῆς μονῆς τῆς ἐν Χίῳ; 3) Αρχιεπίσκοπος Ιωγονιαννῆς Νεκτάριος и 4) Δαμιάνος ἀρχημανδρίτης Ὑοτζήτης. Вѣроятно эти же іерархи присутствовали на соборѣ 27 февр. и съ ними-то полемизировалъ Епифаній.

Другимъ правиломъ, принятымъ соборомъ въ руководство при разсмотрѣніи Никонова отреченія, было 16-е правило двукратнаго собора. Въ немъ, между прочимъ, говорится: „Аще который епископъ не радитъ о своемъ стадѣ, ни болѣзнію, ни церковнымъ повелѣніемъ, ни патріарховымъ одержимъ, вящше шести мѣсяцъ время отъ своея церкве отшедъ сотворитъ, епископскаго сана и чести да будетъ чюжъ". Такъ читается это правило въ Славянской Кормчей. Но Греки,—какъ это видно изъ сказки, поданной впослѣдствіи Епифаніемъ [1])—увѣряли, что въ томъ-же правилѣ есть и такія слова: „безумно есть епископства отрицатися, держати же священство." Не имѣя подъ руками греческой кормчей, чтобы провѣрить справедливость утвержденія грековъ, Епифаній въ это время не могъ имъ серьезно возражать и потому далъ свое согласіе на лишеніе Никона архіерейства. Но для него—знатока церковныхъ каноновъ, много потрудившагося надъ переводомъ разныхъ законоположительныхъ книгъ съ греческаго языка на славянскій,—эта мысль казалась несогласною съ общимъ духомъ церковныхъ каноновъ; у него зародилось сомнѣніе: выражена-ли подобная мысль въ 16-мъ правилѣ. Несмотря на такое разногласіе въ средѣ членовъ собора, постановленіе относительно Никона все таки состоялось въ смыслѣ очень неблагопріятномъ для него: соборъ опредѣлилъ поставить на мѣсто Никона новаго патріарха, а его самаго почитать чуждымъ архіерейства, чести и священства. Послѣ этого осталось только составить актъ соборнаго рѣшенія и закрѣпить его подписями. Алексѣй Михайловичъ составленіе акта поручилъ Епифанію. Но послѣдній, не признавая справедливымъ постановленіе собора, смѣло и рѣшительно заявилъ царю: „готовъ есмь сіе сотворити о избраніи и постановленіи новаго патріарха, сіе бо есть праведно, благополезно и правильно. О низверженіи же Никона, бывшаго патріарха, не дерзаю писати сего рода, яко не обрѣтохъ сице-

---

[1]) См. Дѣло о патріархѣ Никонѣ, изд. археографическ. ком., № 26.

ваго правила, ежебы архіерея, оставившаго убо престолъ свой, архіерейства-же не отрекшагося, низвергало и чюждо творило архіерейства. Таже пресвѣтлаго величества вашего царьскаго молю, да повелитъ дати мнѣ дѣяніе соборное составленіе слова соборнаго" [1]). Просьба Епифанія была удовлетворена: дѣяніе соборное выдано. Это дало возможность ему обстоятельно ознакомиться съ аргументаціей соборнаго рѣшенія, провѣрить и критически обслѣдовать тѣ основанія, на которыхъ оно утверждалося. Слѣдствіемъ этой работы были—1) подача царю докладной записки, въ которой онъ предложилъ четыре вопроса, подлежащіе предварительному обсужденію собора, и далъ свое собственное рѣшеніе ихъ; 2) рѣшительное заявленіе мнѣнія о невозможности лишить Никона архіерейства за самовольное оставленіе имъ своего престола; 3) отказъ отъ даннаго имъ раньше, по невѣдѣнію, согласія на лишеніе Никона архіерейства вмѣстѣ съ опроверженіемъ тѣхъ основаній, на которыхъ соборъ утверждался въ своемъ постановленіи, и 4) просьба къ царю и собору о снисхожденіи къ Никону. Къ руководству же собору при дальнѣйшихъ его разсужденіяхъ—какъ дополненіе къ выпискамъ каноновъ—Епифаній счелъ нужнымъ представить выборку изъ византійской церковной исторіи случаевъ, когда іерархи греческой церкви отрекались отъ своихъ престоловъ [2]). Къ изложенію этихъ документовъ Епифаніевой защиты Никона и обратимся теперь. Начнемъ по порядку—съ докладной записки [3]).

---

[1]) Ibidem № 26, стр. 90.

[2]) Всѣ эти документы перепечатаны въ изданномъ археографич. коммиссіей Дѣлѣ о патр. Никонѣ, см. №№ 24, 25, 26, 64 и 52.

[3]) Въ Дѣлѣ о патр. Никонѣ, гдѣ собраны подлинные документы, относящіеся къ нему (дѣлу), приводится и эта докладная записка подъ № 24 (стр. 84—87). Здѣсь она озаглавлена такъ: «1660 г. *мнѣніе, неизвѣстно кѣмъ поданное царю*, съ разрѣшеніемъ вопросовъ: 1) можно-ли, не низложивъ соборне Никона, возвести новаго патріарха? 2) Можно-ли Никона, отрекшагося своего престола, возвести паки? 3) Можно-ли низложить Никона и возвести инаго,

Продолжительнымъ размышленіемъ, православный царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, пришелъ я—говоритъ Епифаній въ своей запискѣ—къ мысли, что въ вещественныхъ явленіяхъ ничто не сохраняетъ своего состоянія непрерывно, но все подлежитъ измѣненію. Возведу ли глаза свои горѣ, вижу обширное небо со всѣми его свѣтилами безпрестанно движущимися отъ востока къ западу; обращусь къ низу—все здѣсь непостоянно и мимолетно: огонь подлежитъ быстрому уничтоженію, земля, нынѣ украшенная благовонными цвѣтами, на утро внезапно оказывается нагою и безплодною. Отъ дѣйствія того-же закона (безпрерывнаго во всемъ измѣненія) и мы теперь страдаемъ „въ мысленномъ корабли Россійскія церкве:“ приключилося при наличности кормчаго безкормчество, невѣстѣ Христовой (церкви) при жизни жениха—вдовство, намъ, имѣющимъ отца—сиротство. Событіе новое и необычайное! Сдѣлалъ это („въ сицевыя воведе насъ труды“) святѣйшій Никонъ, архіепископъ царствующаго града, не преставленіемъ отъ міра, но добровольнымъ оставленіемъ престола своего. Теперь намъ надлежитъ разсудить: его-ли снова возвести на престолъ или избрать иного. Я, что мнѣ свободная, непредубѣжденная совѣсть („совѣсть всякую страсть отчуждивше“) и разумъ повелѣваетъ, по силѣ моей, возвѣщу, умоляя при этомъ,—„да свободнымъ разумѣнія моего и совѣсти глаголомъ никто-же негодуетъ себѣ“. Итакъ, надлежитъ разсудить:

еще живу ему сущу, правильно? и 4) аще Никона низложить, то отъ патріаршаго-ли престола токмо, или вкупѣ и отъ архіерейства?» Мы утверждаемъ, что это «мнѣніе» принадлежитъ Епифанію, а не кому-либо другому, и вотъ на какихъ основаніяхъ: во-первыхъ, манера изложенія та-же, что у Епифанія; во-вторыхъ, по содержанію своему оно во многомъ сходно съ подлинною сказкою Епифанія, въ которой онъ отрицается отъ даннаго раньше согласія на лишеніе Никона архіерейства; въ третьихъ, наконецъ, въ немъ предполагается по дѣлу Никона такое-же рѣшеніе, какое признавалъ справедливымъ Епифаній, именно: „подобаетъ Никона чести и служенія архіерейскаго не отчуждати.“

а) Можно-ли, не низложивъ соборомъ Никона, возвести другого?

б) Можно-ли Никона, отрекшагося отъ своего престола, снова возвести?

в) Можно-ли низложить Никона и при его жизни правильно возвести иного?

и г) Если Никона низложить, то какъ: отъ самого-ли престола, или вмѣстѣ и отъ архіерейства?

По первой статьѣ мое разумѣніе таково, что, не низложивъ соборомъ Никона, невозможно возвести другого. Если кто-либо возразитъ на это, что Никонъ самъ низложилъ себя и отрекся отъ престола, то я отвѣчу: онъ отрекся *устами* для того, чтобы ему покорились непокорные, а *не дѣломъ*, потому-что не письменно отрекся и не соборно, къ тому-же онъ удалился въ архіерейской мантіи и теперь „архіерейская дѣйствуетъ".

Въ разъясненіе второго вопроса должно сказать слѣдующее. Допустимъ даже, что онъ отрекся дѣломъ. Отсюда еще не слѣдуетъ то, что хотятъ видѣть. По святому Кириллу, архіепископу Александрійскому, если-бы даже кто и письменно отрекся, по достоинъ святительства, то таковой *да служитъ*: поэтому Никоново отрицаніе—ничто, и если *онъ не имѣетъ никакого недостоинства, пусть служитъ*. Думать такъ насъ научаетъ 16-е правило соборовъ перваго и второго, которое говоритъ: „ни по которому же образу да не взыйдетъ кто на епископію, ея же епископъ живъ есть; подобаетъ бо вину изыскати, и по изверженіи его другого поставить." Итакъ *другого патріарха избрать при жизни Никона намъ кажется невозможнымъ*. Но кто либо можетъ сказать: Онъ никому не пріятенъ, поэтому пусть не возводится. Отвѣтъ: врачъ не долженъ угождать волѣ больного, но долженъ дѣлать то, что признаетъ полезнымъ для него. Точно также и пастырь не долженъ удовлетворять всякимъ желаніямъ пасомыхъ. Поэтому, я думаю, что святѣйшій Никонъ, много разъ прочитывая исторію первосв. Илія, который пострадалъ за ненаказаніе сыновъ, заботился о

томъ, чтобы не пострадать самому подобнымъ образомъ. Если не для всѣхъ терпимъ Никонъ, то отсюда еще нисколько не слѣдуетъ, что онъ достоинъ изверженія. Слѣдуетъ съ любовью умолять, да исправится въ нравѣ своемъ. Судить же его кто изъ насъ можетъ? Какой сынъ приметъ на себя дерзость судить отца?

9 правило Халкидонскаго собора гласитъ: „аще епископы имѣютъ что на митрополита своего, Константія града патріарху да возвѣстятъ, ему же подъ иными патріархи архіереевъ сущихъ судити.“ У насъ же—не митрополитъ, а патріархъ всея Россіи, пастырь пастырей. Эти разсужденія разъясняютъ намъ по 3-ему вопросу, что *„нелѣпо намъ есть по сихъ правильныхъ Никона судити и низложити, послѣдственнѣ же иного возвести, ему сущу живу.*

Впрочемъ—говоритъ Епифаній—кромѣ правилъ церковныхъ, у насъ есть примѣры изъ церковной практики, одобренные самими вселенскими соборами и наравнѣ съ положительными правилами церкви служащіе къ руководству въ нѣкоторыхъ случаяхъ Такъ, св. Григорій Богосл. оставилъ престолъ свой, и на его мѣсто былъ возведенъ другой; то же было въ Памфилійской церкви послѣ отреченія Евстафія. Прилагая данные примѣры къ настоящему нашему дѣлу, *можно—утверждаю—при жизни Никона возвести другого.* Но такъ какъ ни св. Григорій, ни Евстафій памфилійскій не были лишены архіерейскаго сана, то „*подобаетъ и Никона чести и служенія архіерейскаго не отчуждати, аще и безпрестоленъ будетъ.*“ Сдѣлать такъ, мнѣ думается, будетъ и Богу угодно, и оставившему престолъ не безчестно, намъ безгрѣшно, и всему народу пріятно. „Симъ четвертую статью замыкающе“—заключаетъ Епифаній свою докладную записку—„и моего разумѣнія конецъ творяще со блуженіемъ, аще какая суть, прощенія желаю, и вся высочайшему разуму твоего пресвѣтлаго царскаго величества, и всему преосвященному собору, ничесому же прекословяще, вручаю.“ Вслѣдъ за докладной запиской Епифаній 26-го мая заявилъ свое мнѣніе такого содержанія: чтобы Ни-

конъ, бывшій патріархъ, былъ чуждъ архіерейства и священства, объ этомъ не только писать, но даже говорить не осмѣливаюсь. Во-первыхъ, чтобы не быть прокляту тѣмъ, отъ кого принималъ благословеніе. Во-вторыхъ, боюсь, чтобы за неправильное мнѣніе и писаніе душа моя во адъ не низошла, ибо я не нашелъ такихъ правилъ, которыя бы отчуждали архіерейства и священства архіерея, добровольно оставившаго свой престолъ, архіерейства же не отрекшагося [1]).

Самымъ интереснымъ документомъ является отказъ Епифанія отъ даннаго имъ раньше (27 февр.) согласія на лишеніе Никона архіерейства. Изъ него видно, что Епифаній, получивъ дѣло соборное, критически обслѣдовалъ, путемъ сличенія съ подлиннымъ греческимъ Номоканономъ и вникая въ смыслъ приложенныхъ въ немъ различныхъ толкованій, тѣ правила, на которыхъ было обосновано соборное опредѣленіе. „Греки—заявляетъ Епифаній—на соборѣ изъ своей греческой книги прочитали такое реченіе: „безумно убо есть епископства отрещися, держати жъ священства,“ и утверждали, что это реченіе находится въ шестнадцатомъ правилѣ двукратнаго собора. Я принялъ это ихъ утвержденіе за истину и не рѣшился возражать имъ, поэтому далъ свое согласіе на низверженіе Никона, бывшаго патріарха. Сдѣлалъ это я потому, что былъ введенъ въ заблужденіе греческимъ реченіемъ, котораго однако не оказалось ни въ славянскихъ, ни въ греческихъ правилахъ. Такъ какъ теперь я прочиталъ истинное греческое правило и этого реченія—„безумно есть епископства отрещися, держати жъ священства“—не нашелъ, то отрицаюсь отъ согласія моего на низверженіе Никона, какъ неправеднаго и неправильнаго, и въ этомъ каюсь.“ Для доказательства справедливости своихъ словъ Епифаній приводитъ дальше свой переводъ 16-го правила двукратнаго собора по греческому номоканону.

---

[1]) Ibidem № 25.

Διά τάς φιλονειχίας τε *χαί ταραχάς τάς* ἐν τῇ τοῦ Θεοῦ ἐκκλησίᾳ συμβαινούσας, καί τοῦτο ὁρίσαι ἀναγκαῖον ἐστι. Τό, μηδενὶ τρόπῳ Ἐπίσκοπον καταστῆναι ἐν τῇ Ἐκκλησίᾳ, ἧς ἔτι ὁ προεστὼς ζῇ, καί ἐν τῇ ἰδίᾳ συνίσταται τιμῇ, εἰ μὴ αὐτός ἑκὼν τήν ἐπισκοπήν παραιτήσεται. Χρή γάρ πρότερον τήν αἰτίαν τοῦ μέλλοντος τῆς ἐπισκοπῆς ἐκδιώκεσθαι κανονικῶς ἐξεταζομένην εἰς πέρας ἄγεσθαι, εἶθ' οὕτω, μετά τήν αὐτοῦ καθαίρεσιν, ἕτερον ἀντ' αὐτοῦ εἰς τὴν ἐπισκοπὴν προβιβάζεσθαι. Εἰ δὲ τις τῶν Ἐπισκόπων ἐν τῇ ἰδίᾳ συνιστάμενος τιμῇ, μήτε παραιτεῖσθαι βούλοιτο, μήτε τὸν οἰκεῖον ἐθέλοι ποιμαίνειν λαόν, ἀλλά τῆς οἰκείας ἀποστάς ἐπισκοπῆς ὑπὲρ τὸ ἑξάμηνον ἐν ἑτέρῳ διατρίβοι τόπῳ, μήτε βασιλικῷ προστάγματι κατεχόμενος, μήτε ταῖς τοῦ οἰκείου Πατριάρχου λειτουργίαις ὑπηρετούμενος, μήτε μὴν ὑπὸ νόσου χαλεπῆς τε καί ἀκινησίαν ἐμποιούσης παντελῆ συνεχόμενος ὁ τοιοῦτος οὖν ὁ κατα μηδεμίαν τῶν εἰρημένων κωλυόμενος, τῆς οἰκείας ἀφιστάμενος ἐπισκοπῆς, καὶ ὑπέρ τόν ἑξαμηναῖον χρόνον ἐν ἑτέρῳ διατρίβων τόπῳ, τῆς τοῦ Ἐπισκόπου τιμῆς τε και ἀξίας ἀλλοτρίῳ θήσεται παντελῶς.

Ради любопреній же и мятежъ въ Божіи церкви случающихся, и сіе опредѣлити нужно есть. Ни единымъ образомъ епископу поставитися въ церкви, ея же еще предстатель живетъ и въ свойственной состоитъ чести, развѣ самъ волно епископства отречется. Подобаетъ бо первіе вину будущаго епископства изгнатися, правильно истязуемую въ конецъ привести. Тожъ тако о его низверженіи иному вмѣсто того на епископство провозвестися. Аще жъ кто епископовъ во свойственной состояй чести, ниже отврещися хощетъ, ниже свой хочетъ паствовати людъ, но своего отступивъ епископства паче шестомѣсечія во иномъ закоснѣти мѣстѣ, ниже царскимъ повелѣніемъ содержимъ, ниже своего патріарха служеніемъ служа, ниже убо отъ недуга стужатися и недвиженіе творящаго всеконечное содержимъ. Сицевый убо по ни единому реченныхъ извѣтовъ возбраняемый своего отступая епископства и паче шестомѣсечнаго времене во иномъ мѣстѣ временно косня, епископскіе чести же и достоинства отчуждится всеконечно."

Затѣмъ, Епифаній обращается къ самому опредѣленію собора 27 февраля. „Соборное изволеніе—говоритъ онъ—сугубое.

Первое, чтобы былъ избранъ новый патріархъ; второе, чтобы Никонъ, патріархъ Московскій, былъ низвергнутъ и лишенъ архіерейскаго сана, и не только архіерейскиго, но и священническаго.

Первое постановленіе—богоугодно, правильно и благополезно, ибо необходимо, чтобы вдовствующая церковь Христова была, наконецъ, обручена, чтобы словесное стадо Христово не оставалось безъ пастыря. И въ греческой церкви, когда случалось, что патріархи добровольно оставляли свой престолъ, то на мѣсто ихъ были соборно поставляемы другіе, „яко *и свитокъ мню, прежде* по благощасливому пресвѣтлаго царскаго величества повелѣнію *написанный, являетъ* [1]).

Что же касается второго опредѣленія, то оно для моего дебелаго ума непонятно („сіе изволеніе соборное дебелому уму моему нѣсть достижимо").

Во-первыхъ, второй вселенскій соборъ не низвергъ Св. Григорія Богослова, самовольно оставившаго свой Константинопольскій престолъ: не только священство, но и санъ архіерейскій, даже архіерейскую власть у него не отняли.

Во-вторыхъ, говорятъ (несомнѣнно, такъ говорили греки и ихъ сторонники въ полемикѣ съ Епифаніемъ Славинецкимъ на соборѣ 27 февр.), что оставленіе престола равносильно отреченію отъ архіерейства. Это—неправильно, потому что, кто по качествамъ своимъ достоинъ быть архіереемъ, того добровольное отреченіе не дѣлаетъ недостойнымъ архіерейства, а кто былъ недостоинъ архіерейства, тотъ и до отреченія былъ таковымъ. Поэтому-то второе правило Кирилла Александрійскаго и

---

[1]) Изъ этихъ словъ Епифанія можно видѣть, что выписка изъ византійской церковной исторіи съ перечисленіемъ высшихъ іерарховъ греческихъ, по собственной волѣ оставившихъ свои престолы, была сдѣлана имъ-же. См. „Дѣло о патр. Никонѣ, издан. археограф. коммиссіей" № 52, стр. 275—281. Эта выписка была сдѣлана не въ 1666 г., хотя и значится въ этомъ „дѣлѣ" подъ 1666 г., а въ 1660 г., какъ это видно изъ Епифаніева свидѣтельства. Объ этой выпискѣ—рѣчь будетъ ниже.

гласитъ: „Аще достоинъ, да литоргисуютъ, аще же ни, да не отрицаются, но яко осужденныи да отходятъ.“ Примѣры изъ исторіи церкви восточной вполнѣ подтверждаютъ это. Θеодолъ, епископъ Макрійскій, Евстафій, епископъ Пaмфилійскій, и іерей Віанoръ, хотя отреклись—первые два отъ епископства, а последній отъ іерейства,—однако не были лишены прежняго своего сана.

Въ-третьихъ, должно замѣтить, что епископы не могутъ низложить епископа безъ перваго ихъ епископа, какъ ясно говоритъ 9-ое правило Антіохійскаго собора: „безъ перваго изъ епископа, да ничтоже творятъ епископы.“ Да и какъ смогутъ низложить митрополиты патріарха или его экзарха? Не подобаетъ сыну лишать чести своего отца.“ Вѣроятно въ полемикѣ съ Епифаніемъ въ свою защиту Греки ссылались на слова Матθея Властаря: „кто оставилъ епископство, тотъ уже не епископъ, а слѣдовательно и не архіерей.“ Это положеніе Епифаній неотразимо опровергаетъ, очень тонко устанавливая различіе между епископствомъ и архіерействомъ. „На это положеніе Матθея—говоритъ онъ—я такъ отвѣчаю: епископство и архіерейство—не одно и то-же. Во-первыхъ, всякій епископъ есть архіерей, но не всякій архіерей есть епископъ. Патріархъ есть архіерей, но не епископъ, потому что онъ—патріархъ; во-вторыхъ, по власти епископъ, архіепископъ, митрополитъ и патріархъ не равны: первые три должны подчиняться послѣднему; по архіерейству же всѣ они вполнѣ равны: епископъ есть такой-же архіерей, какъ и архіепископъ, митрополитъ и патріархъ. Въ-третьихъ, епископствомъ означаются права власти, а архіерействомъ права священнодѣйствія: запрещеніе, отлученіе отъ общенія, низложеніе—все это право епископства, а священнодѣйствіе-же и посвященіе во діакона и іерея—право архіерейства. Такъ что архіерей можетъ отречься епископства и сопряженныхъ съ нимъ дѣлъ, и въ то-же время сохранить за собой архіерейство и архіерейскія права (священнодѣйствіе).

Кромѣ того, положеніе Матѳеево—неблагославно и весьма не твердо потому еще, что не подтверждается ни однимъ правиломъ или дѣяніемъ соборнымъ. Въ виду послѣдняго обстоятельства я изъ Матѳеевой книги принимаю только то, что согласно съ правилами св. отцовъ, а что несогласно, того не принимаю."

Такъ опровергъ Епифаній Славинецкій тѣ положенія, на которыхъ было обосновано соборное опредѣленіе 27 февраля. Зная, какъ враждебно были настроены къ Никону очень многіе изъ членовъ собора, Епифаній счелъ нужнымъ приложить еще просьбу къ царю и собору о томъ, чтобы царь и отцы собора, въ подражаніе Ефесскому собору, человѣколюбиво отнесшемуся къ епископу Памфилійскому Евстафію, явили снисхожденіе и человѣколюбіе въ отношеніи къ Никону, потому что хотя Никонъ, какъ человѣкъ, погрѣшилъ во внѣшнихъ дѣлахъ и своемъ отреченіи, но въ догматахъ православной вѣры былъ благочестивѣйшій и правый и очень ревностенъ въ апостольскихъ и отеческихъ преданіяхъ Восточной Церкви. „Сего ради, аще отъ престола своего самъ, Никонъ, отринуся, достоинства же священства благоутробіемъ и человѣколюбіемъ святаго твоего царства и святаго собора приличнымъ образомъ да имать священство за нѣкое малое утѣшеніе, якоже повелитъ твое царство, и да не явимся тяжки въ томъ, *молимъ* великое твое царство, якоже христіаннѣйшему и кротчайшему и благоутробнѣйшему царю, съ дерзновеніемъ пишемъ." [1]) Такъ заканчивается эта просьба.

---

[1]) Ibidem № 64. Здѣсь эта просьба озаглавлена такъ: „мнѣніе, *неизвѣстно кѣмъ поданное* царю и собору о томъ, что Никонъ не долженъ быть лишенъ священства." Мы признали авторомъ этого мнѣнія Епифанія, и вотъ по какимъ основаніямъ: во-первыхъ, дѣло объ Евстафіи Памфилійскомъ изложено въ просьбѣ въ такомъ же освѣщеніи и толкованіи, какъ и въ сказкѣ Епифанія; во-вторыхъ, о Никонѣ говорится въ очень почтительныхъ и теплыхъ выраженіяхъ; въ-третьихъ, у другихъ постороннихъ лицъ едва-ли могли быть побужденія ходатайствовать передъ царемъ и соборомъ о снисхожденіи

Кромѣ изложенныхъ документовъ, какъ мы сказали выше, Епифаній представилъ собору выборку изъ церковной византійской исторіи случаевъ, аналогичныхъ съ подлежащимъ соборному разсмотрѣнію [1]).

Этотъ документъ, какъ видно изъ словъ самаго Епифанія, былъ написанъ „по благощасливому пресвѣтлого царскаго величества повелѣнію." [2]) Выписка дѣлится на шесть рубрикъ:

а) „патріархи самоволно престолъ свой оставлшіи и паки не возвратившіися на престолъ свой;

б) патріархи, самоволно оставлшіи престолъ свой и паки возвращенныи на престолъ свой;

в) Архіерее самоволно архіерейства отрекшеися и паки архіерейства сподоблшеися;

г) патріарху самоволно престолъ свой оставлшу, инъ патріарха поставляетца;

д) епископу самоволно престолъ оставлшу, живу сущу, инъ епископъ поставляетца;

и е) патріархъ, самоволно точію убо престолъ свой оставивъ, архіерейства-же не отрекся, архіерейская дѣйствуетъ."

Подъ каждой рубрикой приводятся соотвѣтствующіе факты, при чемъ указывается, гдѣ объ этомъ можно найти свидѣтель-

---

къ Никону, и въ-четвертыхъ, наконецъ, не всякій посторонній человѣкъ могъ обратиться съ подобной просьбой къ царю, который самъ являлся обвинителемъ Никона и въ угоду которому всѣ старались быть обвинителями, а не защитниками. Это могъ сдѣлать человѣкъ, помимо нужныхъ для этого душевныхъ качествъ, пользовавшійся авторитетомъ и расположеніемъ, что можно съ несомнѣнностью сказать про Епифанія. Въ этомъ документѣ есть нѣкоторое отличіе отъ предыдущихъ трехъ. Тамъ рѣчь ведется отъ одного лица, отъ самого Епифанія, и употребляются выраженія: „*мню*", *моему дебелому уму недостижимо*" и др. въ этомъ родѣ. Здѣсь рѣчь ведется отъ лица нѣсколькихъ: „*молимъ*", „*пишемъ*". Вѣроятно, подъ этой просьбой подписано нѣсколько лицъ, сочувствовавшихъ во главѣ съ Епифаніемъ Никону.

[1]) Ibidem № 52.

[2]) Ibidem № 26, стр. 91.

ства. Перечислены слѣдующіе іерархи: Константинопольскіе патріархи: Григорій Богословъ, Григорій Мамма, Іоаннъ, Трифонъ, Геннадій Схоларій, Митрофанъ, Пирръ, Діонисій, Кипрскій архіепископъ Николай Музолонъ и епископы: Ѳеодулъ макрскій и Евстафій памфилійскій. Процитованы—первая и четвертая книги Арменопула, церковныя исторіи—Мануила Малакса и Георгія Пахимера, и гражданская исторія Ѳеодосія Зыгомаха, протонотарія константинопольской патріархіи.

Такъ защищалъ Никона Епифаній Славинецкій. Убѣжденныя рѣчи Епифанія вызвали со стороны Грековъ объяснительную записку, поданную ими царю Алексѣю Михайловичу [1]). Но довольно сравнить эту ихъ записку съ Епифаніевымъ разборомъ соборнаго (27 февр.) опредѣленія, чтобы видѣть, какъ слабо они защищались. Прежде всего, замѣчательно то, что они совсѣмъ молчатъ о прибавкѣ къ 16-му правилу двукратнаго собора словъ: „безумно есть епископства отрещися, держати-жъ священство", какъ будто о нихъ раньше ничего и не говорилось, вслѣдствіе чего получается такое впечатлѣніе, что они молчаливо признали себя виновными въ искаженіи правила.

Преимущественное вниманіе въ своей запискѣ они обратили теперь на то, чтобы подорвать, или по крайней мѣрѣ ослабить впечатлѣніе отъ Епифаніевой выписки. Такъ какъ единственный выводъ изъ нея былъ тотъ, что никто и никогда не думалъ считать чуждымъ чести и архіерейства отрекшихся іерарховъ, то греки усиливались доказать неприложимость этихъ примѣровъ къ Никону. Они утверждали, что греческіе іерархи оставляли свои престолы, убѣгая отъ насилій турокъ, чего съ Никономъ въ православномъ государствѣ, да еще при

1) См. „Дѣло" № 21, стр. 73—77: „Переводъ съ греческаго письма о томъ, что не слѣдуетъ въ Россіи руководствоваться существующимъ въ Восточной церкви обыкновеніемъ давать въ управленіе лишившимся отъ гоненія турокъ престоловъ патріаршихъ низшія ерархіи, съ правомъ присутствованія на соборахъ." Переводъ сдѣланъ послѣ марта. Слѣдовательно, „выписка изъ византійской исторіи" была сдѣлана Епифаніемъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1660 года.

такомъ благочестивомъ царѣ, какъ Алексѣй Михайловичъ, никогда не могло быть. Чтобы видѣть всю слабость ихъ опроверженія, нужно замѣтить, что изъ приведенныхъ Епифаніемъ одиннадцати іерарховъ только одинъ (Григорій Мамма) дѣйствительно оставилъ Константинополь по боязни подвергнуться истязаніямъ турокъ.

Эта записка грековъ—нужно думать—не имѣла никакого вліянія на царя, тогда какъ представленія Епифанія оказали свое дѣйствіе. Актъ соборнаго опредѣленія былъ составленъ не въ томъ смыслѣ, какъ предполагалось раньше: о лишеніи Никона священства въ немъ ничего не говорится; все сводится къ тому, что вмѣсто благоговѣйнаго Никона „иному святѣйшему патріарху московскому, въ велію православныя церкве Россійскія ползу благопоспѣшно избранну . . . . . и на престолъ патріаршескій возведену быти, праведно, благополезно и правильно" [1]). Такая формулировка соборнаго опредѣленія можетъ быть объяснена только тѣмъ, что составленіе соборнаго акта во второй редакціи принадлежитъ Епифанію Славинецкому [2]). Послѣ этого соборнаго опредѣленія обстоятельства сильно измѣнились. Взаимныя отношенія царя и отрѣшоннаго патріарха обострились до крайности. Раздраженіе съ обѣихъ сторонъ росло, и дѣлу патр. Никона не суждено было окончиться соборнымъ опредѣленіемъ 14 авг. 1660 года. Оно было подвергнуто новому соборному разсмотрѣнію въ 1666 г. уже въ присутствіи патріарховъ Паисія

---

1) Ibidem № 27, стр. 107.

2) Это видно изъ словъ самого Славинецкаго: „бысть пресвѣтлаго величества вашего царскаго повелѣніе, да азъ слово соборное составлю" (См. Дѣло. № 26, стр. 90). Въ исторіи рус. Церкви, т. XII, митр. Макарія приводится свидѣтельство, что соборное дѣяніе составлено Епифаніемъ. На стр. 356, прим. 229 читаемъ: „въ СПБ. государств. архивѣ есть два списка дѣяній этого собора, черновой и бѣловой. Въ первомъ есть такая замѣтка: „переводить-бы (грамату съ греческаго) старцу Епифанію (Славинецкому), а Арсенію бы (греку) не переводить."

алекс. и Макарія антіохійскаго. На этомъ второмъ соборѣ ни опредѣленія прежняго московскаго собора, ни вызванныя этими опредѣленіями возраженія Епифанія не были разсмотрѣны, даже не было обращено никакого вниманія на предложенныя Никономъ въ 1665 г. условія, на которыхъ онъ соглашался навсегда отказаться отъ патріаршества.

Соборъ этотъ больше заботился о томъ, чтобы угодить царю, чѣмъ безпристрастно разсмотрѣть дѣло и произнести справедливый судъ: 12 декабря 1666 г. было прочитано соборное опредѣленіе: „Познавше убо мы, яко Никонъ не Архіерейскія употребляше кротости, но мучительски неправдамъ приложися.. *сотворихомъ его всякаго священнодѣйства чюжда*: но еже бы ему къ тому *не дѣйствовати Архіерейскихъ*. Ибо его совершенно извергохомъ и низложихомъ мы Божіею милостію Патріарси съ омофори и съ епитрахили, со всѣмъ помѣстнымъ Преосвященнымъ соборомъ и со греческими прилучившимися Архіереи, изъявляюще, еже *отъ нынѣ вмѣнятися именоватися простымъ монахомъ* Никону, а не къ тому патріархомъ“ [1]).

Такъ сильно измѣнилось дѣло Никона послѣ собора 1660 г. Возникъ вопросъ, если до 1660 Епифаній такъ горячо, такъ убѣжденно защищалъ Никона, то почему онъ не настаивалъ на своемъ мнѣніи въ то время, когда обстоятельства сильно измѣнились не въ его пользу. Костомаровъ полагаетъ, что причиной этого была скромность монаха. „Вѣрный своему скромному монашескому сану,—говоритъ онъ—Епифаній не сталъ спорить съ сановитыми противниками Никона и воротился къ своему ученому уединенію“ [2]). Едва ли это мнѣніе можетъ быть принято: трудно допустить, чтобы въ этомъ сказалась монашеская скромность. Вѣдь и на соборѣ 1660 г. были сановитые іерархи греческой церкви—митрополитъ и архіепископы. Болѣе близкой къ истинѣ намъ кажется мысль, что Епифаній устранился отъ оффиціальнаго

[1]) Ibidem. Дѣянія москов. собора, дѣяніе 14-е, стр. 450.
[2]) Костомаровъ. Рус. Истор. въ жизнеоп. Вып. V, стр. 389.

участія въ дѣлѣ: на соборѣ 1666 г. его имени между присутствующими не встрѣчается; и устранился потому только, что видѣлъ полную безполезность всякой защиты. Но устранившись оффиціально отъ дѣла, Епифаній, какъ искренній, нелицемѣрный другъ [1]), зорко слѣдилъ за всѣми перипетіями Никонова дѣла, и лишь только замѣчалось колебаніе въ пользу Никона, принималъ самое живое, самое дѣятельное участіе. Такъ было въ 1665 г. Въ началѣ этого года отношенія между Алексѣемъ Михайловичемъ и Никономъ улучшились [2]). Никонъ рѣшился однимъ рѣшительнымъ поступкомъ распутать чрезвычайно осложнившееся дѣло и возвратить себѣ патріаршій престолъ: 18 дек. онъ внезапно явился въ Успенскій соборъ, гдѣ, вѣроятно, предполагалъ снова принять бразды патріаршаго управленія русской церковью. Послѣ того, какъ эта попытка окончилась неудачей, Никонъ понялъ, что ему едва-ли удастся удержать за собой патріаршій престолъ и сталъ предлагать условія, на которыхъ онъ согласенъ рѣшительно навсегда отречься отъ патріаршества.

14 янв. 1665 г. онъ представилъ и письменное изложеніе этихъ условій. По поводу этого письма былъ созванъ соборъ, на которомъ были разсматриваемы Никоновы условія. Въ это-то время Епифаній снова принялъ самое дѣятельное участіе въ дѣлѣ. Составленіе проекта въ 1666 г. этихъ соборныхъ опредѣленій, нужно думать, принадлежитъ ему. Проф. Н. И. Субботинъ приводитъ слѣдующія основанія, по которымъ составленіе предположительныхъ соборныхъ опредѣленій должно быть приписано Епифанію: 1) основательность и глубокое знаніе церковныхъ правилъ, подобранныхъ здѣсь; 2) почтительность,

---

[1]) Греки писали царю (послѣ подачи Епифаніева опроверженія соборнаго рѣшенія 1660 г.): „суть нѣцыи или дружбою носими прежнего патр. Никона, или не разумѣюще добрѣ разумѣваемо правилъ, скорбятся о изверженіи его.“ См. „Дѣло о Никонѣ“ № 21, стр. 72. Этою фразою греки хотѣли подорвать значеніе Епифаніевой защиты, выводя ее изъ побужденій дружбы.

[2]) См. Субботина. Дѣло патр. Никона, стр. 88 и слѣд.

съ какою говорится о патр. Никонѣ, и 3) сходство содержанія статей съ представленнымъ на соборѣ 1660 г. мнѣніемъ Епифанія объ избраніи преемника Никону и о правахъ послѣдняго по отреченіи. Кромѣ этихъ основаній Субботинъ приводитъ еще одно, именно: наличность между статьями черноваго списка такого рода замѣтки: „сказываютъ, что Иверскій монастырь написанъ уже въ степени,—*провѣдалъ Іаковъ*". По объясненію Субботина здѣсь разумѣется „черный попъ Іаковъ, по прозванію философъ"—одинъ изъ сотрудниковъ Епифанія въ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ [1]). Но это основаніе не можетъ имѣть никакого значенія. Дѣло въ томъ, что замѣтка эта въ послѣдней части своей читается не такъ, какъ приведена у г. Субботина: „Сказываютъ, что и Иверскій монастырь написанъ уже въ степени. *Провѣдать, тако-ли?*" [2]). Такимъ образомъ, ни о какомъ Іаковѣ нѣтъ упоминанія здѣсь, а потому и соображеніе Н. И. Субботина теряетъ свое значеніе.

Проектъ соборныхъ опредѣленій по поводу Никоновыхъ условій заключаетъ въ себѣ 34 статьи [3]). Изъ нихъ мы приведемъ только тѣ, которыя по содержанію напоминаютъ опредѣленія собора 1660 г.; таковы—21 статья: „Священный соборъ изгласи: Благочестивый царь пожалуетъ и святѣйшій патріархъ настоящій благословитъ, и мы повелѣваемъ, и царскій синклитъ не возбраняетъ *христіаномъ къ нему приходити* (за благословеніемъ); ст. 23: „отнынѣ лѣта 7173, генваря съ 14 дня писатися ему въ началѣ своихъ грамотъ, посылаемыхъ отъ него: смиренный Никонъ, Божіею милостію *патріархъ*.

---

[1]) Субботинъ. Дѣло патр. Никона, стр. 118, прим. 2-е.

[2]) См. Дѣло о Никонѣ, издан. археграф. коммис. № 43, стр. 233.

[3]) Что это черновой оригиналъ, видно, во 1-хъ, изъ того, что никакихъ подписей подъ нимъ нѣтъ, и во 2-хъ, что въ немъ между статьями находятся различныя замѣтки, напр. послѣ 4-й ст.: Пристойно-ли Сардикійскаго собора правило 10-е, листъ 111, здѣ написати,—изволите сказати»; немного ниже: «Есть-ли правила или иное какое писаніе о томъ, что сослужителемъ наименовати» и мн. др.

Священный соборъ присуди сему по воли его тако быти;" ст. 26: „священный соборъ святѣйшему Никону патріарху *засѣдати подъ настоящимъ патріархомъ* Московскимъ *превыше* митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ повелѣ (егда прилучится Никону духовныя ради ползы на соборъ пріити) [1]. Эти предположительныя соборныя опредѣленія впослѣдствіи не были приняты во вниманіе, но въ этомъ, конечно, не вина Епифанія. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ съ цѣлію облегчить участь Никона. Впрочемъ, должно сказать, что въ Епифаніевой защитѣ Никона проявилось не только расположеніе друга, но и безпристрастіе убѣжденнаго защитника истины, какъ это можно видѣть изъ другихъ статей того-же проекта.

Глава V.

Заботы Московскаго правительства о насажденіи въ Москвѣ «риторическаго ученія». Школы въ Москвѣ во второй половинѣ XVII вѣка. Былъ-ли Епифаній Славинецкій учителемъ Ртищевской школы? Словено-греко-латинскій Лексиконъ. Школа Арсенія Грека. Существовала ли Чудовская школа? Былъ-ли Епифаній ея начальникомъ?

—

Борьба Епифанія съ латинскимъ направленіемъ въ Москвѣ. Трактатъ объ иконописаніи. Его «разглагольство» съ Симеономъ Полоцкимъ о времени пресуществленія Св. Даровъ. Характеристика на основаніи «разглагольства» діалектическихъ пріемовъ Полоцкаго и Славинецкаго. Ихъ взаимныя отношенія.

—

Послѣдній трудъ Епифанія Славинецкаго. Его сотрудники. Источники и пособія. Смерть Епифанія.

Во второй половинѣ XVII в. высшимъ передовымъ обществомъ Москвы ясно была сознана несостоятельность предшествующей умственной жизни: развалившіяся государственныя

---

1) «Дѣло о патр. Никонѣ, № 43.

потребности на каждомъ шагу давали чувствовать это. За этимъ первымъ шагомъ необходимо долженъ былъ наступить второй—сознаніе необходимости научнаго образованія. Естественнымъ результатомъ этого сознанія являются хлопоты Московскаго правительства объ устройствѣ въ Москвѣ школы. Восточные патріархи этого времени, прекрасно освѣдомленные съ положеніемъ дѣлъ въ Москвѣ, охотно шли на встрѣчу назрѣвшей потребности. Они не только указывали (какъ и раньше неоднократно) Московскимъ царямъ на необходимость завести въ Москвѣ греческую школу, но и предлагали свои услуги въ отысканіи „учительныхъ и честныхъ мужей", которые-бы могли и „переводити (царю) греческіе книги на славенскій языкъ и учити на учителномъ дворѣ малыхъ робятъ греческаго языку и грамоте" [1]). Вѣроятно, и кіевск. митрополитъ Петръ Могила провѣдалъ о сознанной въ Москѣ потребности имѣть научно-образованныхъ людей, когда предлагалъ (въ 1640 г.) царю Михаилу Ѳеодоровичу прислать въ Москву кіевскихъ старцевъ, которые-бы жили въ особомъ монастырѣ и обучали русскихъ юношей.

Это сознаніе въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XVII вѣка было еще достояніемъ только правительства да немногихъ лицъ изъ высшаго сословія. Поэтому отъ царя не послѣдовало никакого рѣшенія на предложеніе Петра Могилы. Но нужно думать, что эта мысль очень занимала правительство, которое рѣшило въ видѣ опыта предоставить вызовъ кіевскихъ старцевъ почину частныхъ лицъ. На частныя средства—и, конечно, съ согласія и одобренія царя—былъ устроенъ близъ Воробьевыхъ горъ Преображенскій монастырь при церкви Андрея Стратилата. Въ промежуткѣ между 1645 и 1647 годами вызвано было туда до тридцати иноковъ изъ Кіевской лавры, Межигорскаго монастыря и др. [2]). Предоставивъ почину частнаго лица завести въ Москвѣ ри-

---

[1]) Бѣлокуровъ. Адамъ Олеарій о греко-латинской школѣ... стр. 23. (М. Г. А. М. И. Д. Греческія дѣла. Книга 15, дѣло № 2).

[2]) Малорос. Дѣла. Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Д. 1651 г., св. 5, №№ 11, 12, 13 и 17.

торическое ученіе, правительство съ своей стороны озаботилось около половины XVII вѣка проведеніемъ въ сознаніе общества своей мысли; оно начало пропагандировать путемъ печатнаго станка. Въ 1648 г. вышла изъ печати славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго. Въ ней было помѣщено чрезвычайно любопытное по своему содержанію предисловіе, главной задачей котораго было раскрыть необходимость научнаго образованія. Примѣрами знаменитѣйшихъ отцевъ церкви—Афанасія Великаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста и Іоанна Дамаскина, изучившихъ грамматику, философію, риторику, землемѣріе и астрономію—доказывается необходимость широкаго богословскаго образованія. „Не знающій грамматики—говорится въ этомъ предисловіи,—и въ писаніяхъ покушаяся изслѣдити, аще и зѣло преимѣя разумомъ будетъ, всячески погрѣшити имать: како бо кому взыти возможно на послѣднія степени, первыхъ не причащшуся; или како разрѣшити возможно въ писаніяхъ обрѣтаемыя творческія силлогизмы, паче же писати и читати и глаголати добрѣ, аще не сей, кто первѣе пріобщится?“ [1]). Въ немъ даже доказывается необходимость „внѣшняго (т. е. свѣтскаго) образованія и выдвигается совершенно новый для того времени принципъ, именно—критическое отношеніе къ области изучаемаго: „восхотѣвши смыслити о небеси и о прочихъ тварехъ, мы о сихъ добрѣ разумѣвающе, елика потребна къ животу и наслажденію сія плодствимъ, елика же враждающая—отметаемъ“ [2]). Несомнѣнно, это былъ крупный шагъ въ культурной исторіи Московскаго государства. Несомнѣнно также, что въ средѣ Московскаго общества подъ вліяніемъ отчасти Ртищевскаго братства, а отчасти правительственной пропаганды—уже порядочно насчитывалось лицъ съ такимъ убѣжденіемъ. Около этого времени въ Московскомъ обществѣ сталъ распространяться обычай частнаго келейнаго обученія. Не только въ монашествѣ,

---

[1]) Каптеровъ. Патр. Никонъ, какъ церковн. реформ. и его противн. Прав. Обозр., 1887 г., т. I, стр. 765.

[2]) Ibidem.

гдѣ желали себѣ обезпечить быстрое движеніе по ступенямъ іерархической лѣстницы (о многихъ епископахъ и архіепископахъ того времени извѣстно, что они знали греческій языкъ, хотя школьнаго обученія не проходили,—напр., архіепископъ Афанасій Холмогорскій); но среди свѣтскихъ лицъ многіе частно обучались греческому или латинскому языку. „Какъ де былъ на Москвѣ"—говорилъ въ 1650 г. Степанъ Олябьевъ, одинъ изъ числа искавшихъ греческаго ученія, „Арсеній грекъ, котораго въ это время сослали въ Соловки, и онъ, Степанъ, хотѣлъ было учитца по латыни" (Бѣлокуровъ. Адамъ Олеарій о греко-латинской школѣ. Стр. 39). Поэтому правительство смѣлѣе и увѣреннѣе дѣйствуетъ въ этомъ направленіи.

Естественнымъ слѣдствіемъ такихъ просвѣтительныхъ стремленій Московскаго правительства и лучшей части общества должно было быть возникновеніе въ началѣ второй половины XVII вѣка школъ.

Въ обширной русской исторической литературѣ по этому вопросу признается существованіе четырехъ школъ во второй половинѣ XVII вѣка: Ртищевской Андреевской, основанной въ 1645—47 годахъ, греко-латинской школы Арсенія грека, основанной патріархомъ Никономъ въ 1653 году, Чудовской школы и Спасской. Мы будемъ говорить только о первыхъ трехъ, такъ какъ если могъ имѣть какое-либо соприкосновеніе съ школами того времени Епифаній Славинецкій, то только съ этими тремя, какъ однородными по своему направленію (греческому), тому направленію, которому такъ симпатизировалъ Славинецкій. Начнемъ по порядку. Итакъ, существовала-ли школа Андреевская и, если существовала, то причастенъ-ли былъ къ ней Славинецкій?

Одни ученые, касавшіеся этого вопроса, отвѣчаютъ на него утвердительно,—что Андреевская школа существовала и что Епифаній былъ ея руководителемъ [1]); другіе, признавая су-

---

[1]) М. Евгеній. Словарь Истор. I, 173; Костомаровъ. Русская Исторія въ жизнеоп., в. V, стр. 388; Горскій. О духов. школахъ въ

ществованіе школы, отрицаютъ участіе въ ней Епифанія [1]); наконецъ, Н. Ѳ. Каптеревъ совершенно отрицаетъ существованіе Андреевской школы, а слѣдовательно и учительство въ ней Епифанія (Прибавленіе къ Твор. св. отцевъ, 1889 г., ч. 44, стр. 613—615). Разсмотримъ всѣ эти мнѣнія. Такъ какъ первое изъ нихъ утверждается главнымъ образомъ на свидѣтельствѣ—„Житія милостиваго мужа Ѳ. М. Ртищева“, то для опредѣленія его научной цѣнности обратимся къ анализу этого „Житія“. „Призва (Ртищевъ) отъ Кіева,—гласитъ она—изъ святыя лавры Печерскія Священномонаха Епифанія, мужа мудраго, и въ языцѣ Славенскомъ и Греческаго и во иныхъ изящнаго, къ сему же и другихъ иноковъ во ученіи грамматики Славенской и Греческой, даже до риторики и философіи, хотящимъ тому ученію внимати. И за его благимъ потщаніемъ тіи иноци отъ греческаго языка на Славенскій многія душеполезныя книги преведоша. Епифаній же, за его же (т. е. Ѳеодора Михайловича) прошеніемъ, многимъ трудомъ и тщаніемъ сочини книгу Лексиконъ, реченій языка Словенска и Греческа, и со инѣми языки, въ наученіе и во уразумѣніе учащимся потребный“ [2]).

Такимъ образомъ, здѣсь отмѣчены слѣдующія черты:

а) Епифанія призвалъ въ Москву Ртищевъ;

б) призвалъ изъ Кіево-Печерской лавры,

в) „для хотящихъ тому ученію (т. е. грамматикѣ Славенской и риторики и даже философіи) внимати“;

Москвѣ XVII в. Прибавленіе къ твор. св. отцевъ, 1845 г., стр. 157; Мирковичъ. О школахъ и просв. въ патр. періодъ. Журналъ Минист. Народн. Просв., 1878 г. іюль, стр. 8. Всѣ они основываются на показаніи Житія Милостив. мужа Ѳеодора Ртищева (Древ. Рос. Вивліоѳика, ч. XVIII, стр. 401) и на свидѣтельствѣ Крижанича, который въ книгѣ о Крещеніи причисляетъ къ отцамъ Андреевскаго монастыря и Епифанія Славинецкаго. См. Опис. Слав. ркп. Гор. и Нев. II, 3, № 284, л. 64 об.

[1]) Сторожевъ. Къ истор. Рус. просв. XVII в. Кіев. Стар. 1889 г. т. XXVII, стр. 341.

[2]) Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. XVIII, стр. 401.

и г) по просьбѣ Ртищева Епифаній составилъ Славено-Греко-Латинскій Лексиконъ („реченій Славенска и Греческа и со всѣми языки") „во уразумѣніе учащимся потребный".

Невѣрность первыхъ двухъ показаній уже была нами раскрыта: мы выше упоминали, что Епифаній прибылъ въ Москву по вызову правительственному, а не частному, и не изъ Кіево-Печерской Лавры, а изъ Братскаго монастыря.

Если прослѣдимъ жизнь Епифанія въ Москвѣ, то съ логической необходимостью придемъ къ признанію ложности и третьяго положенія.

По прибытіи въ Москву, какъ мы уже знаемъ, Епифаній остановился не въ Андреевск. монастырѣ, а, согласно Государеву указу, сообщенному ему еще въ Путивлѣ воеводою Плещеевымъ, на дворѣ посольскаго приказа, гдѣ думный дьякъ Волошениновъ отвелъ для него и прибывшихъ съ нимъ временное помѣщеніе [1]). Послѣ представленія государю было указано ему постоянное мѣсто жительства опять таки на томъ же дворѣ посольскаго приказа [2]). Равнымъ образомъ, жалованье шло не отъ Ртищева, а изъ Приказу Большаго дворца [3]).

Находясь въ вѣдѣніи Посольскаго Приказа, Епифаній, Арсеній и Θеодосій обращаются съ просьбой объ отпускѣ ихъ въ Троицкую лавру на богомолье не къ боярину Ртищеву, а чрезъ дворецкаго князя Алексѣя Михайловича Львова, завѣдывавшаго тогда посольскимъ Приказомъ и Печатнымъ дворомъ [4]), къ царю Алексѣю Михайловичу [5]). Если прослѣдимъ челобитныя Епифанія и „памяти" государя о немъ, то увидимъ, что онъ все время получалъ жалованье изъ „Приказа Большого Прихода", что, слѣдовательно, все время состоялъ въ вѣдѣніи Посольскаго Приказа: „163 г. мая 29 дня въ *Большой Приходъ*, давати кіевскимъ

---

[1]) Малорос. Дѣла. 1649 г., св. 4, № 4, л. 4.

[2]) Ibidem, л. 45.

[3]) Ibidem, л. 7.

[4]) Румянцевъ. Древн. Здан. Московск. Печат. Двора. Примѣч. 66 и 69.

[5]) Малорос. Дѣла. Св. 4, 1649 г., д. № 4, л. 43.

старцомъ Епиѳанію да Дамаскину (Птицкому) мая съ 28 числа по возу дровъ на недѣлю [1]); Челобитная Епифанія:... „По твоему великаго государя указу давано мнѣ богомолцу твоему изъ *Большого Приходу* поденной кормъ помѣсячно...“ [2]) Даже послѣ перехода Епифанія на житье въ Чудовъ монастырь, онъ по прежнему состоитъ въ вѣдѣніи Посольскаго приказа и по прежнему жалованье получаетъ изъ Прихода Большого Дворца [3]). Такимъ образомъ, Епифаній совсѣмъ не жилъ въ Андреевскомъ братствѣ и потому не могъ состоять начальникомъ тамошней школы. Это, конечно, не исключаетъ возможности близкихъ отношеній къ инокамъ того монастыря, тѣмъ болѣе, что тамъ жили его земляки. Вполнѣ возможно, что къ нему обращались за разъясненіями разныхъ недоумѣній, встрѣчавшихся при переводческой дѣятельности иноковъ Андреевскаго монастыря.

Къ нему, какъ къ филологу, заявившему уже себя въ этой области еще въ Кіевѣ, могъ обратиться съ просьбой о составленіи словаря и Ѳ. М. Ртищевъ [4]). Такимъ образомъ, Епифаній могъ имѣть и, вѣроятнѣе всего, имѣлъ частныя связи и сношенія съ Ртищевской школой—монастыремъ, могъ помогать своими совѣтами и указаніями, но учителемъ ея или начальникомъ онъ не состоялъ.

Н. Ѳ. Каптеревъ, какъ мы уже упомянули, отрицаетъ существованіе самой школы, а, слѣдовательно, возможность какихъ-либо связей съ нею. Приведя свидѣтельство о ней изъ привилегіи на Академію изъ „Житія“, онъ, затѣмъ, продолжаетъ: „при-

---

[1]) Ibidem, св. 10., 1655 г., д. № 3, л. 8.

[2]) Ibid., св. 15, 1658 г., д. № 19.

[3]) Ibidem, св. 25, 1667 г., д. № 12; св. 29, 1669 г., д. № 24; св. 34, 1671 г., д. № 13.

[4]) Составлять свой Словено-Греко-Латинскій Лексиконъ Епифаній началъ, можно предполагать, въ 1664 г., такъ какъ Греко-латинскій лексиконъ Іоанна Скопулы, которымъ онъ пользовался въ качествѣ пособія, имѣлся у него въ изданіи 1663 г. (Брайловскій. Филологическіе труды Епифанія Славинецкаго. Рус. Филол. Вѣстн. 1890 г. т. XXIII, стр. 244. прим.).

веденныя извѣстія говорятъ только, что при основаніи Андреевскаго монастыря и заселеніи его образованными иноками изъ разныхъ малороссійскихъ монастырей, имѣлось въ виду между прочимъ русскимъ, „хотящимъ ученію внимати“, дать возможность поучиться у кіевлянъ способнымъ наукамъ; но вовсе не говорится того, чтобы въ Андреевскомъ монастырѣ дѣйствительно была греческая или греко-латинская школа, въ которой-бы русскіе люди дѣйствительно обучались у кіевлянъ разнымъ наукамъ“.

Но трудно согласиться съ этими словами. Если изъ словъ „Житія“: „хотящимъ ученію внимати“—не видно, чтобы это хотѣніе было приведено въ исполненіе, чтобы намѣреніе учиться было осуществлено, то слова того-же „Житія“, что Лексиконъ былъ потребенъ „въ наученіи и уразумѣніи *учащимся*“ прямо указываютъ, что не только *имѣлось* въ виду учить, но и на самомъ дѣлѣ учили желающихъ внимать ученію. Въ самомъ дѣлѣ, если въ Словарѣ была потребность, то необходимо предположить существованіе лицъ, ощутившихъ эту потребность. А что въ Словарѣ нуждались не только переводчики, но главнымъ образомъ учащіеся, на это указываетъ прямой, непосредственный смыслъ свидѣтельства: „въ наученіе и во уразумѣніе *учащимся* потребный (Словарь)“. Конечно, если-бы мы имѣли только одно историческое свидѣтельство „Житія“, къ показаніямъ котораго нужно относиться съ большой осторожностію, то нельзя было-бы дѣлать такого вывода, какъ мы сдѣлали. Но мы имѣемъ, кромѣ того, несомнѣнныя историческія данныя, свидѣтельствующія о томъ, что въ Ртищевскомъ братствѣ были учащіеся.

Такимъ даннымъ является для насъ слѣдственное дѣло по доносу чернеца Саула, производившееся въ апрѣлѣ 1650 г. [1]). Изъ этого дѣла видно, что въ 1650 году ученики Ртищевской школы—кружка Перфирка Зеркальниковъ да Иванъ Озеровъ поѣхали въ Кіевъ доучиваться у старцевъ—кіевлянъ по-латыни“. Итакъ, мы принимаемъ второе мнѣніе (г. Сторожева), т. е. при-

[1]) М. Макарій. Истор. рус. церкви, т. XI, стр. 134—136.

знаемъ, что школа-монастырь, въ которой учились не малые „робята“, а взрослые искатели греческой и латинской мудрости,—*существовала*, но Епифаній начальникомъ или *учителемъ* ея *не былъ*, да и не могъ быть, а частныя сношенія съ нею имѣлъ, какъ это можно думать на основаніи Словено-Греко-Латинскаго Лексикона.

Второю школою, существованіе которой въ пятидесятыхъ годахъ XVII вѣка признается нашей исторической наукой, была греко-латинская школа Арсенія грека. Г. Бѣлокуровъ въ своемъ рефератѣ, читанномъ на VII археологическомъ съѣздѣ, путемъ сопоставленія двухъ изданій (1643 и 1656 г. г.) „Описанія путешествія“ Адама Олеарія, основательно доказалъ существованіе этой школы, основанной около 1653 года. Эти соображенія его относительно педагогической дѣятельности Арсенія грека вполнѣ подтверждаются свидѣтельствомъ оффиціальныхъ документовъ того времени. Въ расходной книгѣ патріаршаго приказа № 34, подъ 6 апр. 1653 года имѣется такая, напр., запись: „заплочено за пять стопъ бумаги книжной доброй, которой взято на борисовскій дворъ гречанину старцу Арсенію *для училища дѣтемъ*, по рублю 13 алт. 2 деньги за стопу, всего 7 рублей [1]). Трудно рѣшить вопросъ, была-ли эта школа основана въ Чудовскомъ монастырѣ, или гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ? Бѣлокуровъ склоненъ, кажется, думать, что она учреждена на патріаршемъ дворѣ, а проф. Николаевскій,—что въ Чудовомъ монастырѣ.

Уже самое названіе школы именемъ Арсенія грека указываетъ на то, что главнымъ учителемъ ея былъ онъ, а не Епифаній.

Третья школа—Чудовская. Всѣ изслѣдователи, за исключеніемъ одного только Н. Ѳ. Каптерева (вышеупомянутая статья его), существованіе Чудовской, иначе патріаршей, школы, считаютъ несомнѣннымъ историческимъ фактомъ [2]).

---

[1]) Николаевскій. Моск. Печ. Дворъ при патр. Никонѣ. Христ. Чтен. 1891 г., ч. II, стр. 173, примѣч. 1.

[2]) Филаретъ. Обз. дух. лит. § 223; Булгаковъ. Истор. Кіевск. Акад., стр. 34; Горскій. О дух. школ., Приб. къ Твор. св. отцевъ,

Всѣ они полагаютъ, что учительствовалъ въ ней Епифаній Славинецій [1]). Въ пользу такого мнѣнія говоритъ свидѣтельство Ѳеодора Поликарпова въ припискѣ къ филологическому Словарю Епифанія: ...„подарилъ сію премудрую книгу, творенія и рукъ самыя трудъ богомудраго отца Епифанія Славинецкаго, *ученикъ его*, пречестный отецъ Евфимій [2]). На основаніи этого свидѣтельства можно думать, что учениками ея состояли не „малые робята", а взрослые люди, желавшіе научиться греческой и латинской грамотѣ, риторикѣ и, быть можетъ, другимъ наукамъ. Неотложныя нужды тогдашняго московскаго правительства, заставлявшія его преслѣдовать во всѣхъ своихъ начинаніяхъ прежде

1845 г. стр. 157; Аскоченскій, Кіевъ съ древн. учил. I, стр. 161; Костомаровъ. Рус. Истор. въ Жизнеоп., в. V, стр. 388; Мирковичъ. О школ. и просв. въ патр. періодъ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 г., ч. 198, стр. 9; проф. Пѣвницкій. Тр. Кіевск. Дух. Акад., 1861 г., т. 2, стр. 409; Сторожевъ. Кіевск. Стар. 1889 г., т. XXVII, стр. 341; Майковъ. Очерки изъ истор. рус. лит. XVII и XVIII в. в., стр. 18 и 51; проф. Николаевскій. Моск. Печ. Дворъ. Христ. Чтен. 1891 г. II, стр. 174, прим. Почти всѣ указанные авторы не приводятъ данныхъ, на которыхъ они обосновываютъ свое мнѣніе; повидимому они повторяютъ мнѣніе Филарета, и только А. В. Горскій и проф. Николаевскій приводятъ свои соображенія въ пользу существованія Чудовской школы. Для А. В. Горскаго такимъ косвеннымъ доказательствомъ является подпись Паисія Лигарида (въ 1666 г.) подъ отвѣтомъ шведскому посланнику Лиліенталю «о вѣрѣ грековъ и Росіянъ относительно св. Евхаристіи», гдѣ сказано, что отвѣтъ сей писалъ «in Alexiano Musaeo». Подъ именемъ музея онъ разумѣетъ училище, названное Алексіевскимъ, или по имени Св. Алексія, въ обители котораго оно было учреждено, или по имени царя. Проф. Николаевскій приводитъ свидѣтельство оффиціальныхъ документовъ (Расх. книга патр. казен. прик. № 43 и 57).

[1]) Впрочемъ проф. Николаевскій, признавая существованіе Чудовской школы, не касается вопроса о томъ, учительствовалъ-ли въ ней Епифаній.

[2]) Ундольскій. Библіограф. разысканія по случаю выхода Описанія Библіот. Общ. Истор. и Древн. Россійск., стр. 100.

всего практическія цѣли, даютъ нѣкоторое подтвержденіе для подобнаго заключенія.

Съ какого же времени начала существовать эта школа и когда, слѣдовательно, Епифаній сталъ въ ней учительствовать?

Помѣщеніе для школы въ новыхъ патріаршихъ палатахъ (эти палаты были соединены съ Чудовымъ монастыремъ особою перекидною аркою; быть можетъ, этимъ только и можно объяснить то, что эта школа безразлично называется то Чудовской, то патріаршей) не было закончено при Никонѣ; съ октября 1657 г. здѣсь только приступили къ постановкѣ печей и затворовъ; 24 марта 1658 г. „поденщики *въ школахъ* чистили *обѣ палаты* и печи починивали, въ іюнѣ дѣлали мѣста для учениковъ“ [1]). Такимъ образомъ, помѣщеніе для школы готовилось въ половинѣ 1658 года. Если теперь обратимся къ Епифанію, то увидимъ, что именно около этого-же времени онъ перешелъ на жительство изъ Посольскаго подворья въ Чудовъ монастырь. Во всѣхъ государевыхъ памятникахъ и указахъ о немъ до 1657 года не указывается его мѣстожительства; это было излишне, потому что онъ жилъ въ одномъ и томъ же разъ навсегда опредѣленномъ для него мѣстѣ; съ 1657 года, когда говорится о немъ, то всегда прибавляется „что живетъ (который живетъ) въ Чудовомъ монастырѣ“ [2]). Сопоставляя эти два обстоятельства (время перехода Епифанія на житье изъ Посольскаго подворья въ Чудовъ монастырь и приспособленіе патріаршихъ палатъ для школьныхъ надобностей), мы и предполагаемъ, что Епифаній былъ переведенъ въ Чудовъ монастырь въ качествѣ учителя или начальника имѣющагося открыться новаго патріаршаго училища. Можно думать, что эта школа предназначалась къ тому, чтобы удовлетворить на-

---

[1]) См. Николаевскій. Хр. Чтен. 1891 г. II, 174 стр. Здѣсь приведены выдержки изъ расходн. книгъ патр. казен. прик.

[2]) Таковы: Запись расходной книги патр. казен. Приказа, кн. № 41, л. 263; кн. № 43, л. 251; Государевы «памяти» отъ Сентяб. 17-го 1667 г. и 30 сент. 1669 г. (Малороссійскія дѣла, св. 25 и 29, д. № 12 и 24).

сущнымъ потребностямъ Московскаго правительства: если школа Арсенія грека должна была дать необходимый контингентъ справщиковъ, которые бы могли вести дѣло книжной справы соотвѣтственно новымъ требованіямъ, то Чудовская школа должна была дать ученыхъ переводчиковъ, знакомыхъ съ греческой и латинской грамотой, риторикой и другими науками. О томъ, какъ велось обученіе въ этой школѣ, не сохранилось никакихъ извѣстій. Многіе ученые, основываясь на показаніи Сильвестра Медвѣдева, литературнаго врага Евѳиміева, [1]) думаютъ, что въ Чудовской школѣ „преимущественно учили по греческому, и при томъ, не столько по учебному, сколько практически, чрезъ вниканіе въ смылъ текстовъ и переводы“ [2]). Н. Ѳ. Каптеревъ отрицаетъ существованіе Чудовской школы, а, слѣдовательно, и фактъ учительства въ ней Епифанія. Основанія его слѣдующія.

I. Епифаній Славинецкій въ своемъ поученіи, направленномъ противъ невѣжества, и Паисій Лигаридъ въ опроверженіи Соловецкой челобитной заявляютъ, что невѣжество у насъ погибнетъ тогда, когда пресвѣтлое царское величество „благоволитъ ясному ученію свѣту сіяти и природный разумъ человѣческій просвѣщати“ [3]).

Намъ кажется, что эти слова не отрицаютъ существованія школъ; онѣ могутъ быть поняты какъ жалоба на недостатокъ ихъ. Въ наше время, не смотря на существованіе школъ, во многихъ періодическихъ изданіяхъ можно читать такія же рѣчи,

---

[1]) Медвѣдевъ говорилъ про Евѳимія, что онъ, «точію нѣчто греческихъ реченій памятствуетъ. И тому нача учитися не младъ и не во училищѣ, но во монастырѣ за медомъ... и со Лексиконовъ нѣкая словеса». (Мирковичъ. О времени пресущ. св. даровъ, стр. 77).

[2]) Мирковичъ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 г., ч. 198, стр. 9; Майковъ. Очерки изъ истор. лит. XVII в., стр. 19; Татарскій. Симеонъ Полоцкій, стр. 73; С. Брайловскій. Чт. Общ. люб. дух. просв. 1890 г.; Очерки изъ исторіи Просв. Москов. Руси XVII в., Мартовка., стр. 429 и др.

[3]) Прибав. къ Твор. св. Отцевъ, 1889 года, ч. 44, стр. 615—618.

и если бы будущій историкъ, основываясь на подобныхъ жалобахъ, сдѣлалъ выводъ, что школы народныя отсутствовали въ наше время, то, конечно, онъ бы сильно ошибся. Приведенное нами (изъ статьи проф. Николаевскаго) свидѣтельство расходной книги патріаршаго приказа № 34, гдѣ прямо сказано, что закупка писчей бумаги 6 апр. 1653 года была сдѣлана *„для училища дѣтемъ“*, вполнѣ подрываетъ значеніе приведеннаго Н. Ѳ. Каптеревымъ общаго основанія.

II. Второе основаніе, приводимое Каптеревымъ, то, что Епифаній въ своихъ челобитныхъ царю нигдѣ не упоминаетъ о своемъ учительствѣ, хотя о переводческой дѣятельности говоритъ [1]).

И это основаніе далеко не можетъ похвалиться характеромъ непоколебимости, потому что на протяженіи двадцати пяти лѣтъ жизни Епифанія въ Москвѣ сохранилось всего только семь челобитныхъ (1652, 1655, 1661, 1664, 1667, 1669 и 1671 годовъ), и изъ нихъ только въ трехъ Епифаній указываетъ, чѣмъ онъ занимается.

Итакъ, резюмируя все изложенное нами по вопросу о школахъ и педагогической дѣятельности Епифанія, должно сказать, что онъ изъ трехъ школъ, существовавшихъ во второй половинѣ XVII вѣка, по всей вѣроятности учительствовалъ только въ Чудовской.

Кромѣ педагогической дѣятельности, Епифаній очень дѣятельное участіе принималъ въ начинавшейся тогда борьбѣ двухъ направленій—греческаго и латинскаго.

Отсутствіе положительныхъ свидѣтельствъ о характерѣ педагогической дѣятельности восполняется данными, относящимися къ его борьбѣ съ латинскимъ направленіемъ. Въ этой борьбѣ съ наибольшею опредѣленностію выразились его убѣжденія, а слѣдовательно и характеръ его воздѣйствія на современниковъ. Поэтому, мы теперь и обратимся къ ней.

---

[1]) Ibidem, стр. 605—606.

Съ сороковыхъ годовъ XVII вѣка, подъ мощнымъ давленіемъ культурныхъ пріобрѣтеній Запада, началось у насъ на Руси латинское направленіе. Началось оно сперва съ улучшеній чисто житейской обстановки. Съ этой именно стороны, какъ мы упоминали раньше, западная цивилизація снискала себѣ симпатіи въ московскомъ обществѣ: она создала удобства жизни [1]), давала удовольствія, развивала эстетическое чувство [2]), вызвала щеголеватость, роскошь [3]), искусственность потребностей вмѣсто царившей до сихъ поръ простоты. Къ прежнимъ сюжетамъ стѣнописи въ боярскихъ хоромахъ (каковы: символическія изображенія временъ года, „бѣги небесные", лунное теченіе, четыре стихіи и др.) присоединились картины перспективныя и ландшафты [4]). Потѣшные нѣмецкіе листы, гравированные иноземцами на мѣди и деревѣ, шли навстрѣчу пробудившимся эстетическимъ потребностямъ народа и попали на московскій рынокъ, въ овощный рядъ, въ большомъ количествѣ. [5])

Наряду съ этимъ, такъ сказать, непроизвольнымъ всасываніемъ русской жизнью элементовъ западной культуры, шла и намѣренная пропаганда протестантизма, открывшая русскому человѣку новыя точки зрѣнія уже въ области его вѣрованій [6]). Пока западное вліяніе ограничивалось только бытовой, житейской областію и областію знаній свѣтскихъ, такъ называемой внѣшней мудростію, оно не вызывало еще на борьбу Епифанія, признававшаго значеніе западной науки въ этой области (онъ самъ своими переводами свѣтскихъ сочиненій, каковы—напр., космо-

---

1) Буслаевъ. Истор. очерки рус. нар. Слов. и искус., стр. 403.

2) Масса фактовъ, иллюстрирующихъ это положеніе, собрано въ статьѣ Цвѣтаева „Къ исторіи культуры въ Россіи въ XVI и XVII в. в."

3) Русск. госуд. въ половинѣ XVII в.

4) Цвѣтаевъ. Къ истор. культ. Россіи въ XVI и XVII в. в., стр. 4.

5) Ibidem, стр. 11.

6) Соколовъ. Отношеніе протестантизма къ Россіи XVI и XVII в., стр. 71 и слѣд.

графія, анатомія Вессалія Брюссельскаго и др., содѣйствовалъ пересадкѣ ея на русскую почву); но когда, вслѣдъ за этимъ, западное вліяніе стало проникать въ область церковныхъ традицій (иконописаніе) и вѣрованій, то Епифаній Славинецкій вступилъ въ борьбу съ нимъ.

Многихъ русскихъ людей того времени, подъ вліяніемъ протестантовъ, въ обиліи населявшихъ Москву, занимали такіе вопросы, какъ: какая польза отъ молитвъ и благотвореній нашихъ за умершихъ, что намъ помощь въ молитвахъ св. умершихъ и др.[1]).

Славинецкій выступаетъ на защиту этихъ истинъ православной церкви и пишетъ поученія: о молитвѣ за умершихъ [2]) и „чесо ради поминаются святіи" [3]). Въ области иконописанія во время Епифанія въ Москвѣ сильно распространилось подражаніе западнымъ образцамъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ онъ самъ: „не издавна"—говоритъ онъ—„начаша иконописцы съ латинскихъ и лутеранскихъ образцовъ писати всемилостиваго Спаса, Богородицу и святыхъ апостоловъ" [4]). Это обстоятельство побуждаетъ его написать цѣлый трактактъ объ иконописаніи, въ которомъ онъ излагаетъ тѣ начала, какими долженъ руководиться православный иконописецъ въ своемъ занятіи.

Но особенно для насъ важно въ смыслѣ характеристики строго православнаго направленія Епифанія его „разглагольство" съ Симеономъ Полоцкимъ о времени пресуществленія св. даровъ на литургіи. Это разглагольство является первымъ актомъ той великой борьбы, какая разгорѣлась уже послѣ Епифанія, той

---

[1]) Ibidem., стр. 73.

[2]) „Поученіе о молитвѣ за умершихъ собра и написа чиномъ реторичнымъ, якоже въ потребникахъ напечатано". Строевъ. Библіогр. Словарь, стр. 255; Гор. и Нев. II, 3, № 256, л. 112—122 и № 257; № 337, л. 279.

[3]) Гор. и Нев. II, 3, № 337, л. 279.

[4]) Рук. Кіево-Печерской Лавры. № 145 (по опис. Петрова 290). Объ иконописаніи стр. 961.

борьбы, поводомъ къ которой былъ вопросъ о времени пресуществленія, но которую въ сущности ея—по справедливому замѣчанію Мирковича—должно разсматривать какъ борьбу двухъ цивилизацій, двухъ міровоззрѣній, двухъ типовъ мышленія.

Уже въ 1667 году во время споровъ католиковъ съ мыслителями Портрояля, католиками были получены письменныя мнѣнія объ этомъ предметѣ Николая Спафарія и митрополита Паисія Лигарида—оба близкія къ католическому ученію. Въ томъ же духѣ отвѣчалъ крестовый священникъ Іоаннъ Іоановъ, бывшій при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ (1668—1669 г).

Въ Москвѣ въ первый разъ вопросъ о времени пресуществленія св. даровъ былъ возбужденъ Симеономъ Полоцкимъ въ 1673 году [1]).

Во дни патріаршества Питирима, всероссійскаго патріарха—разсказываетъ статья объ Епифаніи—по его приглашенію случилось быть Епифанію и Симеону у патріарха, въ его крестовой палатѣ. Когда приходилось Симеону Полоцкому бывать гдѣ-бы то ни-было вмѣстѣ съ Славинецкимъ, то онъ обыкновенно обращался къ послѣднему съ вопросами „о многихъ неудобоуразумѣваемыхъ вещахъ". Такъ было и въ этотъ разъ.

Во время ихъ разговора Симеонъ обратился къ Епифанію съ такимъ вопросомъ: „Какъ, отче, святыня твоя вѣруетъ о пресуществленіи хлѣба и вина на божественной литургіи въ тѣло и кровь Христову, словами-ли Христовыми: „пріимите, ядите" и слѣдующими—или молитвою священника: „сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло и т. д..."

Епифаній. Я вѣрую, и мудрствую, и исповѣдую такъ, какъ вѣруетъ и проповѣдуетъ святая каѳолическая *восточная*

---

[1]) Мы будемъ излагать этотъ разговоръ Епифанія съ Полоцкимъ по рукописи Кіево-Печерской Лавры № 145, стр. 911—923, такъ какъ въ немъ онъ гораздо полнѣе изложенъ; въ Остнѣ же (стр. 70—74) приведена часть бесѣды; второй части бесѣды, въ которой Епифаній приводитъ и филологическія соображенія въ доказательство своего мнѣнія (лл. 917—922 кіевск. рукоп.), въ Остнѣ нѣтъ. Въ свою очередь статья «Остна» оканчивается выпиской изъ предисловія Никоновой Скрижали 1656 г.

церковь. Силлогизмамъ же, въ особенности латинскимъ (хотя и въ нихъ я силенъ—„доволенъ есмь въ тѣхъ") я не слѣдую, потому что святой Василій Великій повелѣваетъ уклоняться отъ силлогизмовъ, какъ отъ огня, а Григорій Богословъ называетъ силлогизмы (въ 37 словѣ, о Св. Духѣ) „вѣры развращеніемъ и тайны истощеніемъ". Поэтому-то, я слѣдую преданію и ученію святыхъ отцовъ—учителей Восточной церкви. Всѣ тѣ, кто не такъ вѣруетъ, еретики и отступники отъ своей матери,—Восточной церкви.

Симеонъ. Западные учители говорятъ, что тѣло Христово пресуществляется только произнесеніемъ словъ Христовыхъ (пріимите, ядите и слѣд.). Правильно-ли это, отче?

Епифаній. Неправильно, потому что восточные учители учатъ и проповѣдуютъ такъ, какъ написано Св. Василіемъ Великимъ и Іоанномъ Златоустомъ въ литургіи. А эти отцы въ своихъ чинахъ литургіи словамъ Христовымъ придаютъ значеніе напоминанія того, что происходило на тайной вечери („написаша словеса Христова воспоминательно дѣянныхъ на тайной вечери"), именно, что Христосъ, принявъ хлѣбъ, благодаривъ Богу Отцу, благословивъ, освятивъ, преломивъ, далъ ученикамъ своимъ говоря: пріимите, ядите" и далѣе. Хлѣбъ и вино въ это время еще служатъ только *прообразомъ* тѣла и крови („еще *антитипа* суща, рекше вообразнымъ тѣла и крове Христовы"). Послѣ этого священникъ молится Богу Отцу о томъ, чтобы Онъ ниспослалъ Духа Святаго на него и на предлежащіе дары, чтобы освятилъ ихъ и сотворилъ хлѣбъ тѣломъ Христовымъ, а вино—кровію Христовою, преложивъ ихъ Духомъ Святымъ. Послѣ этой-то молитвы священника наитіемъ и дѣйствіемъ Св. Духа претворяется хлѣбъ и вино и становится истиннымъ тѣломъ Христовымъ и истинною кровію Его.

Симеонъ. Если кто по ученію западныхъ учителей мыслитъ, не грѣшенъ-ли?

Епифаній. Если кто такъ мудрствуетъ, тотъ еретикъ.

Симеонъ. Въ Кіевѣ наша Русь ученая также мыслятъ, что только словами Христовыми пресуществляется хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христову. Развѣ и они грѣшатъ?

Епифаній. Наши кіевляне учились и учатся только по-латыни, и читають книги только латинскія и поэтому такъ мудрствують, а по гречески не учились и книгъ греческихъ не читають; по этой причинѣ они истины не знають и сильно въ этомъ погрѣшили, впавъ въ латинскую ересь [1]). Восточная церковь держить отъ самыхъ св. апостоловъ ученіе о времени пресуществленія, такъ какъ священнодѣйствовали сами апостолы и ихъ преемники, какъ предали намъ святые отцы Василій Великій и Іоаннъ Златоустъ. Объ этомъ вполнѣ достаточно писали многіе восточные учители церкви [2]).

Что въ потирѣ послѣ произнесенія словъ: установленія таинства еще не кровь Христова, а вино, это показываеть мѣстоименіе, ибо говорится въ тайносовершительной молитвѣ: „а *еже* въ чаши сей“...

---

[1]) Г. Шляпкинъ въ своемъ трудѣ «Димитрій Ростовскій» (стр. 137) подвергаеть сомнѣнію подлинность этого «разглагольства». «Такъ выражаться врядъ-ли могъ *Кіевлянинъ* Епифаній» (курсивъ его)—говорить онъ. Кромѣ того «разглагольство» кажется ему сомнительнымъ въ виду существованія сочиненія Епифанія (Сбор. син. непер. № V, л. 376—386) о томъ же вопросѣ, составленнаго отъ словесъ писанныхъ и устоглаголанныхъ Епифанія Славинецкаго. Но, во-первыхъ, разговоръ происходилъ чрезъ 40 лѣтъ послѣ преображенія Могилою Кіев. Братской школы. Въ 70-хъ годахъ XVII в. характеръ Кіево-Могилянской Коллегіи дѣйствительно былъ такимъ, какъ его характеризуетъ Епифаній (читали точію латинскія книги, а греческихъ не читали); во-вторыхъ, Епифаній уже 23 года съ небольшимъ прожилъ въ Москвѣ, слѣдовательно могъ отнестись вполнѣ объективно и безпристрастно къ новому направленію кіевской науки, которому—какъ мы видѣли—онъ никогда не сочувствовалъ. Существованіе труда Евфимія о томъ же предметѣ скорѣе подтверждаетъ разглагольство, чѣмъ отрицаетъ. Указывая источникъ своего труда, Евфимій ясно и опредѣленно говоритъ, что онъ написалъ отъ *„устоглаголанныхъ“* словесъ Епифанія.

[2]) На этомъ оканчивается разглагольство по „Остну“. Дальше по рук. Кіево-Печ. Лавры.

Мѣстоименіе „еже“, произносимое въ совершеніи надъ чашею,—средняго рода; относится оно („еже“) къ подразумѣваемому слову—„вино“, а не „кровь“; такъ какъ слово—„вино“—средняго рода, то и мѣстоименіе употребляется средняго рода. „Кровь“ же—имя женскаго рода и если бы въ то время, когда произносятся эти слова, была въ потирѣ уже истинная кровь, то, конечно, было бы употреблено и мѣстоименіе въ женскомъ родѣ, именно, было бы сказано въ молитвѣ: а *юже* въ чаши сей“...

И далѣе: хлѣбъ—имя мужскаго рода и мѣстоименіе при немъ должно быть въ томъ же родѣ, именно: „сей;“ „Тѣло“ же—средняго рода и мѣстоименіе при немъ должно быть „сіе“. Поэтому то не сказано въ молитвѣ „и сотвори убо хлѣбъ сіе“, а, напротивъ, и „по естественному разуму и по грамматическому сочиненію“ сказано: „сотвори убо хлѣбъ сей—честное тѣло“...

Въ этомъ вопросѣ—продолжаетъ Епифаній—средины не можетъ быть, какъ не можетъ быть никакихъ уступокъ. Если истиненъ латинскій догматъ, что таинство совершается словами Господними, то лживо ученіе наше, Восточной церкви, по которому таинство совершается чрезъ призываніе священника натіемъ и дѣйствіемъ Св. Духа. Если же истиненъ нашъ догматъ, то, конечно, ложнымъ должно быть ученіе ихъ, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. „Того бо ради—заключаетъ Епифаній свою бесѣду съ Симеономъ—„и разлучахомся мы восточніи отъ западныхъ, яко не послѣдуютъ святыхъ апостоловъ преданіемъ, и отцевъ святыхъ ученіемъ, но вся, яже оныхъ растлѣваютъ и примѣняютъ, своя же новины вымышляютъ и врѣютъ“.

Этимъ разглагольствомъ прекрасно характеризуется строго-православное міровоззрѣніе Епифанія; несомнѣнно, что въ такомъ же направленіи онъ воздѣйствовалъ на своихъ изслѣдователей. По крайней мѣрѣ такъ же понимали его и его современники и послѣдователи.

Въ „Отвѣтахъ“ іеродіакона Дамаскина на „Вопросы“ Гавріила Домецкаго читаемъ: „Епифаній, отходя отъ сей жизни, завѣщалъ по душѣ своей милостыню, а книги, какія имѣлъ, при-

казалъ отдать Евфимію, *котораго находилъ въ вѣрѣ православной непоколебимымъ и правдивымъ*, къ тому же умѣющимъ переводить божественное Писаніе съ греческаго языка на славянскій“ [1]).

Это „разглагольство“ для насъ важно и въ другомъ отношеніи: въ немъ прекрасно обрисованы взаимныя отношенія Полоцкаго и Епифанія Славинецкаго. „Разглагольство“ ихъ—не споръ, не преніе, а вопросы Симеона „о неудомѣнныхъ вещехъ“ и разъясненія увѣреннаго въ своей правотѣ Епифанія [2]). Симеонъ только спрашиваетъ, но въ его вопросахъ слышится осторожность и сдержанность человѣка дипломатичнаго, относительно котораго можно сказать, что онъ предлагаетъ вопросы не для того, чтобы разъяснить для самого себя „неудоборазумѣнную вещь“. Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи вопросъ: въ Кіевѣ ученые также мудрствуютъ, что только словами Христовыми пресуществляется хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христову; развѣ и они грѣшатъ? Такъ и чувствуется въ немъ скрытое желаніе привести своего собесѣдника въ смущеніе. Заключительныя слова Епифанія, въ которыхъ онъ говоритъ, что средины между православнымъ и католическимъ ученіемъ быть не можетъ, даютъ основаніе предположить, что Полоцкій не высказался ясно и опредѣленно, что онъ, слѣдовательно, лавировалъ между Сциллой и Харибдой. Напротивъ, въ рѣчахъ Епифанія слышится увѣренность въ самомъ себѣ, убѣжденность въ своей правотѣ, прямолинейность. Онъ прямо и рѣшительно заявляетъ, что кіевляне увлечены латинскими книгами и потому такъ мудрствуютъ „и того ради истины не вѣдятъ“.

---

[1]) Яхонтовъ. Іеродіак. Дамаскинъ, рус. полемистъ XVII в., стр. 26.

[2]) Н. И. Костомаровъ утверждаетъ, что Симеонъ Полоцкій находился вообще подъ сильнымъ вліяніемъ Славинецкаго. «Въ проповѣдяхъ Симеона Полоцкаго—говоритъ онъ—ощутительно подражаніе Славинецкому, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ оба проповѣдника касались одного и того же предмета, какъ, напримѣръ, заведенія училищъ и обличеній раскола: есть одинакія сравненія, одинакія выраженія.

Если принять во вниманіе скромность Епифанія, то такая прямолинейность, могущая задѣть собесѣдника, станетъ для насъ понятной: Епифаній—нужно думать—понималъ, что въ вопросахъ Полоцкаго видно было не желаніе его уяснить истину, а, напротивъ, его симпатія такому рѣшенію вопроса, какое онъ находилъ у латинскихъ авторовъ. Этимъ только, по нашему мнѣнію, и можно объяснить тотъ фактъ, что Епифаній послѣ этого разговора устранилъ Симеона Полоцкаго отъ участія въ переводѣ Библіи, предпринятомъ имъ въ 1674 году.

Замѣчательно, что не смотря на такое разномысліе этихъ двухъ кіевлянъ въ вопросахъ первостепенной важности, оба они сохранили до самой смерти Епифанія добрыя отношенія. Хотя Епифаній и устранилъ Полоцкаго отъ сотрудничества въ переводѣ Библіи, тѣмъ не менѣе въ другихъ случаяхъ не отказывался отъ его помощи. Это видно изъ поученія Епифанія „о молитвѣ за умершихъ". Это поученіе собралъ и написалъ „чиномъ риторичнымъ" Епифаній, а на вопросы и доводы „чиномъ расположи ради удобнаго поятія Симеонъ Полоцкій" [1]). Нужно думать, что, не симпатизируя научнымъ убѣжденіямъ и симпатіямъ Полоцкаго, Епифаній все-таки и уважалъ его, какъ человѣка ученаго, и цѣнилъ его познанія. При своей смерти онъ не забылъ Симеона и оставилъ ему такой денежный подарокъ (2 золотыхъ) [2]), который по своей цѣнности значительно превосходитъ подарки важнѣйшимъ московскимъ архимандритамъ.

Съ своей стороны и Симеонъ навсегда сохранилъ почтительное отношеніе къ Епифанію и выразилъ въ пяти своихъ Эпитафіяхъ, въ которыхъ называетъ его „искуснымъ богословомъ и изслѣдникомъ правыхъ св. Писаній во многихъ языцѣхъ, мужемъ исполненнымъ мудрости, кротости и честности [3])".

---

[1]) Гор. и Нев. II, 3, № 256, л. 112—122; Cfr. Строевъ. Библіогр. Слав., стр. 255.

[2]) Имущество и книги Епифанія. Чт. Общ. Истор. и Древ. 1846 г., кн. 4.

[3]) Майковъ Л. Очерки изъ Истор. литер. XVII в., стр. 55.

Чрезъ годъ послѣ бесѣды Епифанія Славинецкаго съ Симеономъ Полоцкимъ о времени пресуществленія св. даровъ, Епифаній приступилъ къ послѣднему своему труду, для котораго собственно и былъ призванъ онъ въ Москву, т. е. къ переводу Библіи.

Мы раньше указали, какъ постоянно „зазиралъ" Епифаній по поводу неправильностей въ Московской печатной Библіи. Слова его, конечно, доходили до слуха Алексѣя Михайловича [1]), но „настоятельство браней и скудость средствъ" надолго отодвинули ученый обстоятельный переводъ Библіи. Наконецъ, въ сентябрѣ 1674 года былъ созванъ соборъ русскихъ архіереевъ по вопросу о новомъ обстоятельномъ исправленіи и переводѣ всей Библіи. Соборъ благословилъ „преводити всю Библію вново, Ветхій и Новый Завѣтъ, іеромонаху Епифанію Славинецкому съ книгъ греческихъ самыхъ семдесятыхъ преведенія, въ Франкфортѣ печатныхъ въ десть лѣта 1597, и съ другихъ въ Лондиніи печатанныхъ лѣта 1600, и иныя изданія лѣта 1587" [2]).

Наблюдать за переводомъ и заботиться объ обезпеченіи трудящихся надъ нимъ государь указалъ митрополиту Сарскому и Подонскому Павлу, какъ блюстителю въ то время патріаршаго престола, послѣ смерти патріарха Питирима. Выборъ сотрудниковъ былъ предоставленъ самому Епифанію, который и избралъ: Сергія, бывшаго игумена Путивльской Молченской обители, Евѳимія, инока Чудова монастыря, справщика священника Никифора, іеродіакона Чудова монастыря Моисея и писцовъ печатнаго двора Михаила Родостамова и Флора Герасимова. Симеона же Полоцкаго—какъ мы упомянули уже—Епифаній совершенно отстранилъ „зане аще и ученъ бѣ (Симеонъ)"—говоритъ современная записка—„и знаяше нѣчто, но латински точію". Митрополитъ Павелъ позаботился приспособить для

[1]) «Епифанія словеса доидоша въ слухи и самаго благочестивѣйшаго Государя-Царя.» М. Евгеній. Словарь Историч. См. прилож. записки, стр. 179.

[2]) М. Евгеній. Словарь Историч. 180 стр.

потребностей предпринятаго дѣла зданія на своемъ митрополичьемъ подворьѣ, на Крутицахъ, и обставилъ переводчиковъ внѣшне такъ, что они ни въ чемъ не нуждались, ничѣмъ не отвлекались отъ своего серьезнаго дѣла. По крайней мѣрѣ авторъ записки о переводѣ Библіи, вѣроятно, самъ бывшій въ числѣ сотрудниковъ Епифанія, съ любовію изображаетъ заботливость, какою окружилъ трудившихся митрополитъ Павелъ. „Преосвященный Павелъ митрополитъ—говоритъ онъ—тако, яко и Филадельфъ, устрои въ дому своемъ архіерейскомъ сущемъ внѣ града Москвы, именуемѣмъ Крутицы на горахъ высокихъ и крутыхъ надъ рѣкою Москвою, тихомъ сущемъ мѣстѣ и безмолвнемъ, приличномъ дѣлу сему, храмины приличны содѣла, и вертоградъ разныхъ видовъ древъ и цвѣтовъ и зелій всякихъ насади, и источники ископа тещи сладководныи за утѣшеніе и отъ труда преставшимъ за упокоеніе и оградою огради ради прохожденія, яко инъ нѣкій рай, и по трудѣ вкусити хотящимъ пищу и питіе подобающее, и служащія оному пріуготови“ [1]).

Дѣло перевода было поставлено Епифаніемъ серьезно, вполнѣ научно. Кромѣ указанныхъ соборомъ изданій Библіи, Епифаній счелъ нужнымъ пользоватьси при исправленіи и древними рукописями. Изъ нихъ особенно замѣчательны: пергаментная греческая рукописная Библія 551 года, принадлежавшая библіотекѣ печатнаго двора; евангеліе митрополита Московскаго Алексія, написанное имъ въ 1355 году, и Славянская рукописная же Библія 1382 г. („письма цареградскаго“). Пособіями при переводѣ служили: 1) бесѣды св. Іоанна Златоустаго на св. Евангеліе, переведенныя Максимомъ Грекомъ въ 1524 г.; 2) бесѣды Іоанна же Златоустаго на Посланія ап. Павла, напечатанныя въ Кіево-Печерской Лаврѣ въ 1623 г., и 3) наконецъ, творенія Григорія Богослова, Василія Великаго, Аѳанасія Великаго и Іоанна Дамаскина, переведенныя прежде Епифаніемъ Славинецкимъ и изданныя въ 1665 году.

---

1) Ibidem, стр. 181.

Пользованіе переводчиковъ святоотеческими трудами свидѣтельствуетъ ясно, что дѣло исправленія и перевода Библіи было поставлено широко и строго научно. Переводчики заботились не только о близости своего перевода къ греческому оригиналу, но при пособіи святоотеческихъ толкованій старались правильно понять мысль подлинника и точно выразить ее не только въ главныхъ ея частяхъ, но и въ оттѣнкахъ. Этому дѣлу Епифанія не суждено было окончиться. Девятаго сентября 1675 г. умеръ митрополитъ Павелъ, а черезъ два мѣсяца и 10 дней, т. е 19 ноября того же 1675 года, не стало и главнаго дѣятеля по переводу Библіи, Епифанія Славинецкаго [1]).

Въ теченіе года былъ переведенъ Епифаніемъ новый Завѣтъ [2]) и пятокнижіе [3]) только вчернѣ: „точію начисто не прочтеся"—свидѣтельствуетъ предисловіе къ переведенному Епифаніемъ Новому Завѣту [4])—„и не исправися преводникомъ іеромонахомъ Епифаніемъ".

---

[1]) Въ письмѣ Инока Евфимія къ Ректору Кіевской Могилянской Коллегіи Сильвестру Головчику сказано: «отъиде (Епифаній) отъ житія сего привременнаго въ будущее безконечное блаженство лѣта Господня 1675 ноемвріа подъ 20-е число». Ундольскій. Ученые труды Епифанія Славинецкаго. Также точно говоритъ и Филаретъ, но м. Евгеній въ своемъ словарѣ считаетъ годомъ смерти Епифанія 1676 годъ. Это—ошибочно. Ошибка произошла отъ того, что митрополитъ Евгеній изъ 7184 (годъ смерти Епифанія—по счету отъ сотворенія міра) вычелъ 5508, а нужно (въ тѣхъ случаяхъ, когда событіе произошло въ періодѣ отъ Сентября по Декабрь—включительно) при переводѣ на нашъ счетъ вычитать 5509, потому что при введеніи Петромъ Великимъ новаго гражданскаго счета, эти четыре послѣднихъ мѣсяца были опущены.

[2]) Четвероевангеліе въ переводѣ Епифанія находится въ Рум. Пуб. Музеѣ, въ собраніи рукописей Ундольскаго, № 1291. См. Викторовъ. Очеркъ собр. рвп. Ундольскаго, стр. 5.

[3]) Ундольскій. Ученые труды Епиф. Славин.; cfr. Филаретъ Обз. дух. лит. § 223.

[4]) Историч. записка, напеч. въ словарѣ м. Евгенія, есть не что иное, какъ извлеченіе изъ предисловія къ Епифаніеву переводу Новаго Завѣта.

Такъ, смерть застала Епифанія среди самаго серьезнаго его труда, которымъ онъ занимался, по выраженію современной о немъ записки, „наипаче ради спасенія души своея.“ Предъ своею смертію онъ назначилъ душеприказчикомъ инока Евфимія, который и распоряжался всѣмъ его имуществомъ. Какъ видно изъ росписи, послѣ Епифанія осталось всего 518 золотыхъ, 520 ефимковъ, 362 рубля, одинъ алтынъ и двѣ деньги (деньгами), да 4 золотыхъ, 73 рубля и 14 алтынъ вещами и книгами. Все это имущество—согласно завѣщанію—было разослано Евѳиміемъ по разнымъ монастырямъ „въ вѣчное помяновеніе по іеромонасѣ Епифаніи“. Въ своемъ завѣщаніи Епифаній не забылъ монастырей своей родины: онъ одарилъ ихъ самыми богатыми дарами; въ Печерскій, напр., монастырь пошло послѣ его смерти 180 золотыхъ червонныхъ, что въ переводѣ на наши деньги составитъ очень внушительную сумму. По цѣнности вклада слѣдуютъ далѣе Братскій монастырь (80 золотыхъ), Межигорскій—(50 золотыхъ), затѣмъ всѣ, какъ мужскіе такъ и женскіе, кіевскіе монастыри (по 10 золотыхъ) [1]). Кромѣ денегъ, въ пользу Братскаго монастыря онъ отказалъ еще и 38 книгъ изъ своей библіотеки [2]), въ числѣ ихъ между прочимъ находятся двѣ еврейскихъ грамматики и еврейско-халдейскій лексиконъ. На этомъ основаніи можно полагать, что кромѣ греческаго, латинскаго и польскаго языковъ, Епифаній зналъ и еврейскій языкъ. Многія книги Епифанія поступили въ даръ иноку Евѳимію, пользовавшемуся большимъ расположеніемъ

---

[1]) См. книги и имущество Епифанія Славинецкаго. Временникъ Московск. Общ. Истор. 1850 г. кн. V.

[2]) Ѳеодосій Васковскій, игуменъ Межигорскаго монастыря, получилъ для передачи въ Братскій монастырь 31 книгу, а 7 книгъ были удержаны въ Москвѣ; за нихъ было уплочено въ Братскій монастырь 40 ефимковъ. Списокъ книгъ, отправленныхъ въ Братскую школу, приведенъ въ росписи книгъ и имущества Епифаніева, а какія книги были оставлены, объ этомъ не находимъ никакихъ указаній. Оставленныя въ Москвѣ книги, нужно думать, поступили въ библіотеку Печатнаго Двора.

Епифанія [1]), но какія именно, объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій; скудность такихъ извѣстій о книгахъ, составлявшихъ собственную библіотеку Епифанія, до чрезвычайности затрудняетъ вопросъ объ источникахъ его оригинальныхъ трудовъ.

Погребенъ былъ Епифаній въ Чудовомъ монастырѣ. На гробницѣ его находится слѣдующая надпись:

Преходяй человѣче! здѣ ставъ да взираеши,
Дондеже въ мірѣ семъ обитаеши.
Здѣ бо лежитъ мудрѣйшій отецъ Епифаній,
Претолковникъ изящный Священныхъ Писаній,
Философъ и іерей въ монасѣхъ честный,
Его же да вселитъ Господь въ рай небесный,
За множайшіи его труды въ писаніихъ,
Тщанно-мудрословые въ претолкованіихъ,
На память ему да будетъ
Вѣчно и не отбудетъ.

Эта надгробная надпись представляетъ собою сводъ четвертой и пятой эпитафіи Симеона Полоцкаго.

Ив. Ротаръ.

---

[1]) Яхонтовъ. Іеродіаконъ Дамаскинъ, стр. 26.

Бѣлоцерковская гимназія.

(Окончаніе [1]).

Попечительство кн. А. П. Ширинскаго-Шихматова.

1864—1867.

Прошло три года со времени увольненія Н. И. Пирогова. Въ эти три года перемѣнилось три попечителя, но за короткостію времени, до кн. Ширинскаго особенныхъ старовведеній не случилось. Строгій консерваторъ, баронъ Николаи, призванный съ Кавказа задержать яко-бы слишкомъ быстро шагнувшее въ Кіевскомъ учебномъ Округѣ просвѣщеніе и по возможности повернуть ретиваго коня на старую дорогу, опѣшившись на Гренковѣ и потерявъ жену, утратилъ всю свою энергію и желалъ какъ можно скорѣе оставить опротивѣвшій ему Кіевъ. Смѣнившій его „докторъ правъ," рисуясь либераломъ и боясь уронить себя въ глазахъ кіевской интеллигенціи и отчасти сдерживаемый Михневичемъ, мало коснулся преобразованій Пирогова. За то третій преемникъ Николая Ивановича, кн. Шихматовъ, возгорѣвъ веліею ревностію къ искорененію плевелъ въ

[1]) См. Кіев. Ст. № 11.

Юго-Западномъ краѣ, началъ рубить съ плеча все, что только носило на себѣ слѣды пироговскаго новшества.

Мы видѣли, какъ знакомился „извѣстный Пироговъ" съ кіевскими предержащими властями при началѣ своего попечительства. Совершенно иначе повелъ себя князь. Представившись Генералъ-Губернатору, Митрополиту Арсенію и его викарію Порфирію, онъ счелъ для себя обязательнымъ сдѣлать визиты даже полиціймейстеру, каѳедральному протоіерею Крамареву и редактору „Вѣстника Ю.-З. и З. Россіи," пресловутому Говорскому. По этому, такъ сказать, первому шагу бывшаго моряка можно было судить о его будущей дѣятельности въ роли попечителя.

Получивъ бумагу о вступленіи на должность новаго начальства, я поспѣшилъ въ Кіевъ представиться. При входѣ въ кабинетъ, въ дверяхъ, носомъ къ носу, столкнулся я съ редакторомъ сѣробумажнаго „Вѣстника"—встрѣча, не предвѣщавшая ничего хорошаго.

Кое-кто, безъ сомнѣнія, успѣлъ уже отрекомендовать Е. С—ву бѣлоцерковскаго директора, какъ такого человѣка, котораго не слѣдовало бы терпѣть на службѣ въ юго-западномъ краѣ, какъ украинофила и противника церковно-приходскихъ школъ.

Въ кіесвкомъ учебномъ округѣ, какъ извѣстно, со времени открытія министерскихъ школъ началась борьба окружного начальства въ съ митрополитомъ Арсеніемъ [1]), который циркулярно и совершенно секретно оповѣстилъ свое *non possumus* между сельскимъ духовенствомъ, пригрозивъ каждому священнику за допущеніе открытія въ его селѣ министерской школы лишеніемъ прихода. Находясь на службѣ въ Бѣлой Церкви, въ окрестностяхъ которой заведено было нѣсколько такихъ школъ, я имѣлъ полную возможность ознакомиться съ бѣдственнымъ ихъ положеніемъ вслѣдствіе противодѣйствія священниковъ, наэлектризованныхъ

---

[1]) См. объ этомъ „Письма митр. Арсенія къ прот. П. Г. Лебединцеву (Кіев. Стар. № 10).

циркулярами владыки. Въ защиту этихъ школъ я помѣстилъ въ газетѣ „День“ статью, направленную противъ фиктивно существующихъ церковно-приходскихъ школъ, большая часть которыхъ числилась только на бумагѣ. За эту корреспонденцію меня жестоко обругали въ „Вѣстникѣ“ Говорскаго, пожаловавъ меня въ нигилисты, сепаратисты и т. п. Я огрызнулся въ Кіевлянинѣ, чѣмъ возбудилъ сильнѣйшее негодованіе въ кіевскихъ іерархахъ, которые не преминули очернить меня передъ новымъ начальствомъ.

Пригласивъ меня сѣсть, князь началъ длинную-предлинную обвинительную орацію. Возстановить ея содержаніе въ цѣлости я не берусь; за 35 лѣтъ многое изъ сказаннаго въ назиданіе изгладилось изъ памяти, но впечатлѣніе, произведенное ею, осталось навсегда: оно было равносильно дѣйствію холоднаго душа, внезапно окатившаго неприготовленнаго къ тому человѣка. И чего-чего не наговорилъ мнѣ князь! Начавъ свою орацію съ того, что онъ человѣкъ русскій, прямо высказывающій свои убѣжденія, что онъ покорный сынъ православной церкви, уважающій ея представителей, что онъ до самоотверженія преданъ престолу и отечеству и проч. и проч.,—онъ обрушился на меня съ грознымъ и угрожающимъ обличеніемъ: что я враждебно отношусь ко всему русскому и, идя въ разрѣзъ съ цѣлями правительства, провозглашаю самобытность малорусскаго народа и его нарѣчія; что я, унижая православное духовенство въ ополяченномъ краѣ, дѣйствую за одно съ поляками и т. д. Выслушавъ обличеніе князя, конечно, со словъ Говорскаго и прот. Крамарева, я сказалъ, что оправдываться мнѣ неудобно: propria laus sordet, а если онъ вѣритъ возведеннымъ на меня клеветамъ, то мнѣ ничего не остается болѣе сдѣлать, какъ уйти изъ Кіевскаго округа, благо меня приглашаютъ въ Варшаву. Пригрозивъ мнѣ строжайшей ревизіей, попечитель отпустилъ меня съ миромъ.

Примѣрявши къ кіевскому учебному Округу все то, что оставлено имъ въ Виленскомъ, и не найдя въ немъ ничего похожаго, князь началъ пригонять всѣ наши порядки къ своему идеалу.

Прежде всего онъ принялся за наши убогія народныя школы, которыя и безъ того едва дышали. Будучи открыты въ южныхъ губерніяхъ на самыя ограниченныя средства, онъ во многомъ и многомъ еще нуждались, а тутъ—противодѣйствіе духовенства, которое, по печальной случайности, за-одно съ поляками стало тѣснить сельскихъ учителей, возбуждая противъ нихъ народъ и лишая средствъ къ существованію. Надобно знать, что заведеніе школъ въ ополяченномъ, закрѣпощенномъ краѣ—явленіе совершенно небывалое, какъ для пановъ, такъ и крестьянъ. Да и само окружное начальство было въ немаломъ затрудненіи: ему предстоялъ вопросъ—гдѣ взять учителей? Учительскія семинаріи для приготовленія сельскихъ учителей—учрежденіе позднѣйшаго времени, а для школъ понадобились учителя тотчасъ-же. Какъ тутъ быть? И вотъ, по инициативѣ М. А. Тулова, при канцеляріи попечителя ex promptu появились педагогическіе курсы. Нѣкоторые профессора изъ молодыхъ, учителя гимназій, студенты—безвозмездно взялись за преподаваніе, чтобы, по возможности, въ кратчайшій срокъ подготовить навербованныхъ разночинцевъ для сельскихъ школъ и, по мѣрѣ открытія таковыхъ, посылать на мѣста. Князю не понравилось это благодѣтельное учрежденіе, не стоившее правительству ни гроша: ему захотѣлось имѣть исключенныхъ за неуспѣшность семинаристовъ и дьячковъ. Курсы однимъ почеркомъ пера были закрыты.

Закрывъ педагогическую школу, князь передалъ оставшееся послѣ нея имущество (картины для нагляднаго обученія, грифельныя доски, книги и пр.) на храненіе учителю Богатинову. Въ числѣ книгъ было 500 экземпляровъ „баёкъ" Глѣбова. Басни эти Ширинскій велѣлъ немедленно сжечь, какъ зловредную брошюрку, ядовитое вещество; „чтó было исполнено мною немедленно съ удовольствіемъ, и только ради смѣха, я оставилъ себѣ на память одну—эту именно смѣхотворную книжонку",—заявляетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Богатиновъ.

Послѣ неоднократнаго свиданія съ митрополитомъ Арсеніемъ, князь вошелъ съ нимъ въ такой компромиссъ: окончившимъ

курсъ семинаристамъ, до посвященія ихъ въ іереи, онъ пообѣщалъ отъ 300 до 400 рублей жалованья, если они примутъ на себя обязанность учителей. Митрополитъ, повидимому, согласился; но когда одинъ изъ „богослововъ", заручившись обѣщаніемъ князя—дать ему мѣсто сельскаго учителя, пошелъ, по совѣту его, къ митрополиту за благословеніемъ, тотъ отвѣтилъ ему сурово:

— Нѣтъ тебѣ благословенія! Ты не нашъ, иди къ твоему князю!

Князя чуть ударъ не прихлопнулъ; до того онъ былъ взбѣшенъ этимъ.

Не смотря, однако-жъ, на полнѣйшее разочарованіе въ этихъ своихъ ожиданіяхъ, князь и княгиня выказывали глубокое уваженіе къ духовенству. Каждое воскресенье настоятель домашней церкви 1-й гимназіи, законоучитель Каменскій, послѣ обѣдни, являлся въ квартиру попечителя съ просфорой и каждый разъ княгиня, со всѣмъ своимъ семействомъ, встрѣчая его, съ благоговѣніемъ цѣловала его руку. Она могла-бы поставить въ тупикъ любого раскольничьяго начетчика знаніемъ церковнаго обихода, а тропари, ирмосы и кондаки знала наизусть.

Не могу умолчать о другомъ фактѣ, котораго я былъ очевидцемъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими директорами, собравшимися, по случаю съѣзда директоровъ, въ кабинетѣ князя для предварительныхъ совѣщаній.

Попечитель жилъ тогда на Лютеранской улицѣ, подлѣ нѣмецкой кирхи. Сидимъ мы и скромно бесѣдуемъ о предстоящихъ намъ занятіяхъ. Входитъ въ кабинетъ лакей и таинственно что-то шепнулъ князю. Полновѣсная фигура князя вскочила со стула и бѣгомъ кинулась въ залу. На бѣгу онъ сбрасываетъ парусинный пиджакъ, надѣваетъ черный сюртукъ и начинаетъ въ открытое въ садъ окно громко звать жену. Затѣмъ черезъ залу бѣжитъ въ переднюю, оттуда къ подъѣзду. Что-бы это значило?—недоумѣваемъ мы. Смотримъ—нашъ попечитель возвращается изъ передней съ викаріемъ, преосв. Порфиріемъ.

Когда волынскій директоръ Пристюкъ устроилъ для попечителя обѣдъ, пригласивъ на оный всѣхъ сослуживцевъ, то сіятельный гость, отклонивъ поднесенное ему блюдо, омочивъ въ солило кусочекъ ржаного хлѣба, промолвилъ: „сегодня середа!“ Каково было положеніе хозяина и его гостей?

Держа себя въ отношеніи людей, почему-либо ему несимпатичныхъ, на благородной дистанціи, этотъ князь любилъ окружать себя личностями весьма сомнительной репутаціи. Это были отъявленные плуты, старавшіеся поддѣлаться подъ его вкусы, и притомъ люди ума недалекаго, корчившіе изъ себя патріотовъ. Хотя сами они были малороссы по происхожденію, но готовы были учинить земляку своему всякую пакость, лишь-бы выслужиться передъ начальствомъ. Довольно привести въ примѣръ отъявленнаго тартюфа К., получившаго мѣсто директора Каменецъ-Подольской гимназіи въ 1865 году [1]).

И такіе-то людишки возымѣли при Ширинскомъ преобладающее, импонирующее значеніе. Эти маніяки, которыхъ прежніе попечители устраняли вовсе отъ дѣлъ, въ родѣ Каллистратова, при князѣ стали играть роль обрусителей и насадителей православія въ трехъ Юго-Западныхъ губерніяхъ. Ихъ разсылалъ попечитель открывать сельскія школы, ревизовать ихъ и наставлять на путь истинный учителей.

Не знаю, что помѣшало князю привесть въ исполненіе затѣю, какая едва ли могла придти въ голову даже такому антагонисту малорусской народности, каковымъ былъ пріятель его, старикъ Кулжинскій съ братіей. А онъ затѣвалъ ни больше, ни меньше, какъ переселить въ Юго-Западный край учителей изъ великороссійскихъ губерній, а туда послать хохловъ. Да, онъ готовъ былъ призвать даже Мордву и Китайцевъ,—пусть хохлы станутъ китайцами, лишь-бы не оставались хохлами.

---

[1]) См. «Кіевская Старина» 1893 г. № 6. Воспоминанія Солтановскаго.

Ардаліонъ *Каллистратовъ*—этотъ калифъ на часъ, разжалованный Ребиндеромъ изъ директоровъ гимназіи въ чиновника особыхъ порученій при канцеляріи Попечителя,—вплоть до Ширинскаго, впродолженіе девяти лѣтъ не только не исполнялъ ни одного „особаго порученія,“ но просто никакого: жилъ себѣ въ Кіевѣ, получалъ жалованіе и вѣчно надоѣдалъ попечителямъ, чтобы вернули ему директорскую должность. Устроивши какое-то таинственное дѣло съ умирающимъ генераломъ Бредихинымъ [1]), онъ выстроилъ себѣ порядочный двухъ-этажный домъ на Андреевской улицѣ и завелъ тамъ лавочку, гдѣ продавались иконы, крестики, кольца отъ Варвары великомученницы, четки и т. п. Но главнѣйшій доходъ доставилъ ему Образъ Спасителя, за который онъ взималъ по серебряному рублю, толкуя темному люду, что эта аляповатая литографія, которой вся цѣна гривенникъ, имѣетъ значеніе чудотворной иконы, о чемъ онъ не устыдился заявить даже печатно въ „Телеграфѣ“ Юнга. Между тѣмъ „чудесное“ происхожденіе этого образа объясняется самымъ естественнымъ образомъ. Дѣло было такъ. Учитель рисованія и чистописанія 1-й гимназіи Бѣляевъ, возвращаясь однажды на квартиру, вывихнулъ себѣ руку; произошло-ли это отъ случайнаго паденія, или его побилъ какой-нибудь босякъ—дѣло темное. На другой день, протрезвившись, онъ далъ клятву, что если выздоровѣетъ, то непремѣнно напишетъ образъ Спасителя. Каллистратовъ сталъ ждать съ большимъ нетерпѣніемъ выздоровленія своего пріятеля, и какъ только Бѣляевъ былъ въ состояніи взяться за кисть, заставилъ его исполнить данную въ его присутствіи клятву. Получивъ написанный образъ, Ардаліонъ надѣлалъ тысячи литографій и, прибавивши, для привлеченія богомольцевъ, подпись: „въ память освобожденія крестьянъ,“ пустилъ его въ продажу. Въ годъ „освобожденія“ въ богоспасаемый

1) Намекъ на это см. въ «Письмахъ митр. Арсенія» (Кіев. Стар. № 10, стр. 145).

градъ нашъ нахлынуло богомольцевъ видимо-невидимо. Естественно, каждый крестьянинъ спѣшилъ въ Кіевъ помолиться св. угодникамъ за Царя Освободителя. Вотъ этимъ то моментомъ молитвеннаго настроенія крестьянъ и воспользовался какъ нельзя лучше промышленный Каллистратовъ для сбыта своего товара, и, говорятъ, выручилъ порядочную сумму изъ мозолевыхъ крестьянскихъ рублей.

Не довольствуясь безбожной эксплуатаціей бѣднаго захожаго люда, Ардаліонъ задумалъ потрусить карманы и кіевской аристократіи. Съ Аѳона прибыли въ Кіевъ два какіе-то проходимца монаха съ реликвіями святыхъ. Каллистратовъ мигомъ сообразилъ, что это пахнетъ наживой. Выговоривъ себѣ отъ монаховъ извѣстный процентъ отъ торговли святостями, онъ напечаталъ въ мѣстной газетѣ объявленіе, что вотъ-де съ Востока прибыли св. мужи и привезли съ собой рѣдкостныя святости, остановились они на Старомъ городѣ въ такомъ-то домѣ; желающіе приложиться къ реликвіямъ на мѣстѣ платятъ столько-то, желающіе отслужить службу надъ мощами на мѣстѣ столько-то, у себя на дому—столько-то. Конечно, въ городѣ нашлось не мало барынь и старыхъ дѣвъ, завѣдомыхъ ханжей, которыя неудержимо ринулись на эту приманку: однѣ приходили, другія пріѣзжали или присылали за монахами кареты—и Каллистратовъ торжествовалъ. Проведя въ подобныхъ благочестивыхъ упражненіяхъ 26 лѣтъ, числясь на коронной службѣ, Ардаліонъ сталъ хлопотать у попечителя Антоновича о пенсіи, прося представить его къ директорскому пенсіону за три мѣсяца своей директорской службы. Покойный Платонъ Александровичъ, разумѣется, не захотѣлъ себя компрометировать предъ министерствомъ; тогда Каллистратовъ поѣхалъ въ Петербургъ и самъ себѣ выхлопоталъ директорскую пенсію.

Учитель 1-й гимназіи *Богатиновъ* приглянулся Попечителю своими педагогически-клерикальными статьями, направленными противъ духа тьмы, обуявшаго грѣшный міръ въ видѣ прогресса. Къ чести его, однако-жъ, надобно сказать, что все,

о чемъ онъ писалъ и говорилъ, вытекало изъ его искреннихъ убѣжденій. Религіозное направленіе привилось къ нему отъ частаго обращенія съ духовными лицами. Мать его и сестра, перезрѣлая дѣвица, жили постоянно въ домѣ, принадлежащемъ Флоровскому монастырю. Въ квартирѣ у нихъ постоянно бывали монахини, архимандриты и студенты академіи. При такойго обстановкѣ прошли и дѣтство, и студентскіе годы Богатинова. Благочестіе его сразу было замѣчено княземъ, и онъ постоянно указывалъ на него либераламъ, какъ на образецъ для подражанія.

Направленіе кн. Ширинскаго, исполненное нетерпимости въ отношеніи иновѣрцевъ, чуждое компромиссовъ и уступокъ, а еще болѣе неудачный выборъ сотрудниковъ, людей нравственно несостоятельныхъ, вызвали среди педагоговъ недовольство, выразившееся сатирой. Сохранились два стихотворные памфлета, ходившіе по рукамъ не только между преподавателями, но и между воспитанниками.

Характеристика попечительства кн. Ширинскаго была-бы далеко не полна, если-бы я ко всему сказанному не прибавилъ еще одну весьма важную черту, характеризующую его трехлѣтнее управленіе Кіевскимъ учебнымъ округомъ: это неуклонное стремленіе князя къ искорененію въ учебныхъ заведеніяхъ Юго-Западнаго края иновѣрческихъ элементовъ, присосавшихся къ нашему коренному православному населенію. *Ни шагу уступки ни поляку, ни жиду*—вотъ девизъ его дѣятельности по части обрусѣнія.

Идя въ тонъ этому направленію, я сталъ въ Бѣлоцерковской гимназіи употреблять тѣ средства, которыя мнѣ казались болѣе желательными.

Для того чтобы составить противовѣсъ подавляющему большинству польско-католическаго элемента и тѣмъ, по воз-

можности, ослабить его вліяніе на православно-русское меньшинство, я долженъ былъ прибѣгнуть къ нетронутому до того времени культурой православному населенію, только что освобожденному отъ гнета помѣщичьей власти, и даже къ многочисленному въ Юго-Западномъ краѣ племени іудейскому. Въ годъ моего прибытія въ Бѣлую Церковь учениковъ изъ крестьянскаго сословія числилось въ гимназіи два-три человѣка и почти столько-же еврейскихъ мальчиковъ—дѣтей мѣстнаго водочнаго откупщика Кременецкаго. Въ слѣдующіе затѣмъ годы крестьянъ и евреевъ было:

въ	1863	году	крестьянъ	6	евреевъ	18
въ	1864	„	„	8	„	30
въ	1865	„	„	17	„	43
въ	1866	„	„	32	„	30
въ	1867	„	„	35	„	25
въ	1868	„	„	37	„	23
въ	1869	„	„	41	„	21

Къ достиженію такихъ результатовъ задуманнаго мною плана—ослабленія польскаго элемента—способствовало, во-первыхъ, открытіе при гимназіи приготовительнаго класса, во-вторыхъ,—учрежденіе (усиленное) стипендіи для евреевъ, и въ третьихъ—упраздненіе пансіона при гимназіи.

Съ открытіемъ приготовительнаго класса церковно-приходскія школы, и безъ того еле дышавшія, совершенно опустѣли. Училище наше исполняло двоякаго рода обязанность—простой народной школы для мальчиковъ мало способныхъ, и приготовительнаго класса для подготовки даровитыхъ мальчугановъ къ поступленію въ гимназію; первые курсомъ этого училища и ограничивались, возвращаясь домой и принимаясь за соху; изъ поступившихъ-же въ гимназію, конечно, не всѣ доходили до VII класса, выходя большею частію изъ среднихъ классовъ и поступая или прямо въ сельскіе учителя, или предварительно

окончивъ учительскую семинарію. Сколько мнѣ удалось прослѣдить дальнѣйшую судьбу этихъ піонеровъ просвѣщенія изъ крестьянской среды,—нѣкоторые изъ нихъ, по окончаніи гимназіи, поступили въ технологическій институтъ и въ университетъ, большая-же часть подвизалась на поприщѣ учительства въ сельскихъ школахъ.

Что касается быстраго наплыва въ бѣлоцерковскую гимназію еврейскихъ мальчиковъ, то явленіе это объясняется увеличеніемъ числа стипендій изъ коробочнаго сбора съ 300 р. до 750. Дѣло въ томъ, что, по распоряженію министерства, въ гимназіяхъ Кіевскаго учебнаго округа изъ того-же источника учреждены для евреевъ стипендіи по 300 рублей на каждую гимназію, а такъ какъ въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской еврейскихъ учениковъ въ достаточномъ количествѣ не оказалось, то я просилъ попечителя неизрасходованныя тамъ на сей предметъ суммы перечислить въ Бѣлоцерковскую гимназію, такъ что въ моемъ распоряженіи оказался капиталъ въ 750 р.; этимъ и объясняется быстрый наплывъ іудеевъ. Хотя я принималъ ихъ съ большою разборчивостью, но плутовства и обмана, врожденнаго имъ съ дѣтства, искоренить былъ не въ силахъ. Дознано было, что бѣднѣйшіе еврейчики мѣстечка изъ получаемыхъ ихъ дѣтьми стипендій дѣлали изрядный гешефтъ, а мальчики продолжали ходить на уроки оборванцами безъ книгъ и тетрадей. Сталъ я выдавать стипендіи натурой, т. е. велѣлъ шить для нихъ обувь и одежду, выдавать имъ книги и тетради, уплачивать за продовольствіе живущихъ на квартирѣ. Все это весьма ловко продѣлывалъ незамѣнимый помощникъ мой, надзиратель Н. Л. Лятошинскій; но и тутъ евреи находили лазейку надуть меня. Приходитъ, напр., ко мнѣ содержательница квартиры и рапортуетъ: ученикъ Гринблятъ не сидитъ дома, шляется по ночамъ и играетъ въ карты. Дождавшись перваго числа, я лишаю его стипендіи. Бѣжитъ ко мнѣ опять еврейка, лишившаяся платы за продовольствіе, и говоритъ, что я ошибся: это не Гринблятъ въ карты гуляе—винъ сыдыть дома и все у

кныжку читае, а въ карты гуляе и не ночуе дома Розенфельдъ (за котораго она уже получила деньги).

До какой наглости дошли мошенническія продѣлки не только невѣжественныхъ родителей учениковъ, но даже ученаго раввина, преподавателя Закона Вѣры, котораго я пригласилъ съ цѣлію черезъ него дѣйствовать на искорененіе порочныхъ наклонностей его единовѣрцевъ, можетъ служить нижеслѣдующая исторія.

Въ 1864 году, по рекомендаціи раввина, поступилъ къ намъ, яко-бы изъ домашняго приготовленія, въ 3-й классъ ученикъ Гершъ Глуховичъ. Въ концѣ учебнаго года онъ перешелъ въ высшій классъ съ наградой. Затѣмъ въ каникулы изъ Житоміра полученъ доносъ, вслѣдствіе котораго личность этого ученика оказалась въ иномъ свѣтѣ; а именно:

Въ 1853 году въ житомірское раввинское училище поступилъ Гиршъ З—ъ, а въ 1857 сей З—ъ изъ училища былъ исключенъ. Черезъ пять лѣтъ, въ 1861 г., въ то-же училище поступилъ тотъ-же З—ъ подъ именемъ Голухія, а въ 1863 былъ исключенъ вторично. Въ Бѣло-Церковскую гимназію онъ поступилъ подъ третьей фамиліей, сдѣлавъ подчистку изъ Голухія—Глуховича и представивъ метрическое свидѣтельство о томъ, что онъ родился въ 1846 г. въ м. Бѣлопольѣ, тогда какъ онъ родился въ с. Стрижевкѣ въ 1839 г., такъ что ему было не 16 л., а 23 года, и что онъ учился въ раввинскомъ училищѣ вмѣстѣ съ нашимъ раввиномъ, который опредѣлилъ его въ гимназію. Спрашиваю раввина: „отчего вы мнѣ не сказали, что этотъ проходимецъ учился съ вами въ Житомірѣ?

— Оттого, что вы меня, г. директоръ, о томъ не спрашивали.

Разумѣется, послѣ подобныхъ исторій, раввинъ былъ изгнанъ, а число стипендій сократилось до минимума, вслѣдствіе чего и количество учениковъ изъ евреевъ значительно уменьшилось.

Года полтора бился я надъ тѣмъ, чтобы уничтожить гнѣздо полонизма при гимназіи—общія ученическія квартиры, и

только послѣ долго длившейся переписки при двухъ попечителяхъ мнѣ наконецъ удалось этого достигнуть при третьемъ. Оставшееся свободнымъ помѣщеніе распредѣлено между преподавателями, которые страшно бѣдствовали съ квартирами. Тутъ-же съ большими удобствами помѣщенъ былъ и приготовительный классъ, а впослѣдствіи въ одной изъ залъ главнаго зданія устроена домашняя церковь въ память 19 февраля 1861 года.

Въ 1866 году наше мѣстечко посѣтила настоящая азіатская холера, найдя у насъ весьма удобную почву для своего развитія. Гимназія во все время эпидеміи отъ занятій освобождена не была, не смотря на значительное число заболѣваній, особенно между евреями. Но не одни евреи сдѣлались жертвою эпидеміи,—стали заболѣвать и воспитанники гимназіи. Что дѣлать? Никакой больницы, кромѣ т. н. графской, предоставленной спеціально для однихъ крестьянъ, въ мѣстечкѣ не существовало. Изолировать заболѣвшихъ дѣтей было весьма затруднительно, а помочь бѣдѣ все-таки нужно было. И вотъ мы съ гимназическимъ врачемъ Крохмалемъ избрали такой способъ: гимназическую баню, съ обширнымъ предбанникомъ и комнатой для раздѣванья, обратили въ больницу. Поставили кровати, ванну, нарядили для ухода за больными прислугу изъ своихъже гимназическихъ служителей, съ двойнымъ жалованьемъ; запаслись достаточнымъ количествомъ медикаментовъ, грѣлками и т. п. Паціенты не заставили себя долго ждать: иногда прямо изъ класса брали мальчика и укладывали въ постель, а во внѣклассное время мой фактотумъ Лятошинскій неусыпно бодрствовалъ и днемъ, и ночью, обходя частныя квартиры, и чуть какой-нибудь мальчуганъ почувствуетъ себя не хорошо, его сейчасъ отправляли къ доктору. Такихъ больныхъ перебывало въ импровизированной больницѣ около 30 человѣкъ. Докторъ

Крохмаль дѣйствовалъ энергически, даже ночевалъ иногда въ гимназіи.

Результаты нашей посильной дѣятельности въ борьбѣ съ холерой были весьма утѣшительны: изъ 30 воспитанниковъ, заболѣвшихъ въ болѣе или менѣе сильной степени, умеръ только одинъ, ученикъ V класса, и то лишь потому, что родные не позволили его взять въ больницу, подъ наблюденіе Крохмаля. Изъ служащихъ-же въ гимназіи никто не заболѣлъ.

Получивъ мое донесеніе о состояніи гимназіи въ санитарномъ отношеніи въ продолженіе эпидеміи, Попечитель прислалъ мнѣ выговоръ: какъ де я допустилъ, что такъ много воспитанниковъ заболѣло холерой, и не донесъ своевременно?

Для разъясненія дѣла я представилъ ему пространную записку, въ которой наглядно доказалъ, что удивляться слѣдуетъ не тому, что заболѣло 30 учениковъ, а тому, что ихъ не оказалось втрое больше, если принять въ соображеніе санитарныя условія нашего жидовскаго мѣстечка: такое безобразіе, какое царило въ то время въ Бѣлой Церкви, едва-ли можно было найти гдѣ-бы то ни было.

Во-первыхъ, предшествовавшая холерѣ эпизоотія въ сильной степени содѣйствовала зараженію воздуха, такъ какъ евреи, содравъ кожу съ павшей скотины, трупъ ея отвозили на ярмарочную площадь и оставляли его тамъ незарытымъ, послѣ чего цѣлыя стаи собякъ въ нѣсколько дней обгладывали мясо, кости въ сыромъ видѣ подбирали жиды и складывали подлѣ своихъ жилищъ въ дощатыхъ сараяхъ для продажи на сахарные заводы. Вонь по всѣмъ улицамъ была невыносимая.

Во-вторыхъ, въ ста шагахъ отъ гимназическихъ зданій помѣщается еврейская баня и двѣ бойни на самомъ берегу Роси, въ которую сваливались отбросы съ убитыхъ животныхъ; подъ поломъ боенъ, утвержденныхъ на высокихъ сваяхъ, вѣчно стояли вонючія лужи крови, и какъ подуетъ вѣтеръ со стороны этого вмѣстилища заразы, то даже въ классахъ трудно дышать.

Въ-третьихъ, наконецъ: самый образъ жизни евреевъ и все устройство ихъ жалкихъ жилищъ весьма много содѣйствовали развитію эпидеміи: бѣднѣйшіе изъ нихъ живутъ по нѣсколько семействъ въ лачугѣ и живутъ впроголодь; самыя хаты стоятъ неогороженныя, безъ дворовъ и ретирадныхъ мѣстъ, заражая воздухъ экскрементами.

Получивъ мое донесеніе, князь отнесся къ губернатору, а тотъ къ исправнику, а исправникъ пріѣхавши запечаталъ бойни, велѣлъ немного почистить баню, и уѣхалъ въ свой Васильковъ. А евреи все-таки продолжали убивать скотъ подъ поломъ и по прежнему всѣ внутренности или оставляли тутъже на мѣстѣ, или сваливали въ рѣку. Становой приставъ, взявъ съ жидовъ по 100 рублей, смотрѣлъ на все это безобразіе сквозь пальцы. Тогда я вновь обратился къ попечителю. Кончилась эта переписка тѣмъ, что губернаторъ приказалъ въ 24 часа разрушить бойни до основанія, и зловонное мѣсто, гдѣ они стояли, засыпать землею, что и сдѣлано подъ моимъ наблюденіемъ.

Вскорѣ послѣ прекращенія холеры, Бѣлая Церковь понесла весьма чувствительную потерю, въ особенности для бѣднѣйшаго населенія мѣстечка: послѣ 37-лѣтнихъ трудовъ на пользу страждущаго человѣчества скончался штабъ-лѣкарь *Мартинъ Матвѣевичъ Стемпинскій.*

Окончивъ въ 1824 г. Кременецкій лицей и затѣмъ Виленскій университетъ, онъ поступилъ на службу въ сибирскій пѣхотный полкъ въ самый разгаръ Турецкой войны 1829-го года. Переправясь черезъ Дунай, онъ слѣдовалъ съ полкомъ черезъ Болгарію за Балканы и оставался въ Румыніи до 1830 г., т. е. до заключенія мира.

Свирѣпствовавшая въ то время въ Турціи чума еще увеличивала бѣдствія походной жизни. Съ истинно-христіанскимъ самоотверженіемъ покойный ухаживалъ за больными солдатами; перенесъ чуму, отъ которой, по его словамъ, онъ самъ себя вылѣчилъ. Въ 1831 году участвовалъ въ Польской кампаніи. За службу свою онъ получилъ три медали и польскій знакъ

отличія за военныя заслуги. По выходѣ въ отставку, около 12 лѣтъ практиковалъ въ имѣніяхъ Сакена, Бердяева, Гр. Комоловскаго и др. Затѣмъ нѣсколько лѣтъ проживалъ въ Пинскихъ лѣсахъ, съ увлеченіемъ предаваясь охотѣ, а въ 1856 году, для воспитанія дѣтей, поселился въ Бѣлой Церкви. Кромѣ турецкой чумы, покойный пережилъ три холеры (1831, 1848 и 1866 годовъ) и неутомимо подвизался въ лѣченіи крестьянъ и евреевъ.

Въ мѣстечкѣ онъ засталъ нѣсколькихъ врачей, успѣвшихъ до его прибытія захватить въ свои руки прибыльнѣйшую практику, оставивъ на долю М. М—ча однихъ бѣдняковъ. Вотъ отчего покойникъ, при усиленныхъ трудахъ, едва былъ въ состояніи прокормить свою семью. Къ чести его нужно сказать, что стѣсненныя его обстоятельства и ничтожное вознагражденіе (иногда состоявшее изъ рюмки водки) не лишали его энергіи и не доводили до ожесточенія и мизантропіи. Это былъ человѣкъ сильнаго закала: оставаясь неизмѣнно вѣрнымъ своимъ гуманнымъ принципамъ, лѣча безвозмездно бѣднѣйшее населеніе мѣстечка, онъ не отказывался отъ приглашенія къ больнымъ ни въ дождь, ни въ холодъ; его часто будили въ полночь, и онъ спѣшилъ иногда за версту отъ своего жилища къ какому-нибудь бѣдняку. Умеръ онъ въ ночь на 20 мая 1866 г. на 64-мъ году жизни.

Дождавшись утра, старшій сынъ, ученикъ V класса гимназіи, отправился къ пробощу Могильницкому условиться на счетъ погребенія. Ксендзъ не обинуясь объявилъ, что покойный лишается христіанскаго погребенія, такъ какъ онъ нѣсколько лѣтъ не говѣлъ. Изрекши свое non possumus, пробощъ уѣхалъ по епархіи, запретивъ своему викарію хоронить доктора. Ни слезы, ни мольбы не подѣйствовали на этихъ неумытныхъ судей, глядѣвшихъ на терзанія опозоренной семьи съ такимъ-же тупымъ хладнокровіемъ, съ какимъ отцы инквизиціи смотрѣли на горящаго еретика.

Потерявъ всякую надежду похоронить своего мужа по обряду той церкви, которой умершій принадлежалъ во все продол-

женіе своей 64 лѣтней жизни, вдова обратилась къ настоятелю православной церкви съ просьбою позвонить о душѣ и проводить тѣло до могилы. Тотъ согласился. Вся наша ученая корпорація приняла самое дѣятельное участіе въ похоронахъ: три священника, хоръ пѣвчихъ, хоругви и большое стеченіе народа придали похоронамъ торжественный видъ. За процессіей толпилась огромная масса народа и множество евреевъ; нѣкоторые изъ нихъ плакали навзрыдъ съ причитаніями.

Не вдаваясь въ разбирательство каноническихъ правилъ римско-католической церкви, на основаніи коихъ ксендзъ-пробощъ позволилъ себѣ такую оскорбительную для памяти покойнаго выходку, я долженъ сказать лишь слѣдующее. Умирали въ Бѣлой Церкви и не такіе грѣшники, какъ бѣднякъ докторъ, не ходившій нѣсколько лѣтъ до spowiedzi по обстоятельствамъ, о которыхъ ксендзы не потрудились узнать при его жизни, а совершенные язычники по жизни, и ихъ не только безпрепятственно хоронили съ честію, но и надгробныя рѣчи надъ ними говорили, прославляя небывалыя добродѣтели умершаго. За одну изъ подобныхъ рѣчей, сказанную надъ сіятельнымъ тѣломъ, ораторъ получилъ 500 рублей.

Въ одно прекрасное майское утро ко мнѣ пожаловали васильковскій исправникъ Рѣшетиловъ и бѣлоцерковскій приставъ Кашинскій съ покорнѣйшей просьбой уступить мою директорскую квартиру имѣющему прибыть въ мѣстечко Генералъ-Губернатору Беваку, такъ какъ въ Бѣлой Церкви нѣтъ для него подходящаго помѣщенія; въ графскомъ-же палацѣ хотя и была предложена ему квартира, но онъ не согласился занять ее. Какъ ни стѣснительно было это для меня, но я долженъ былъ, скрѣпя сердце, очистить для генералъ-губернатора переднія комнаты; помѣстившись съ женой въ двухъ заднихъ.

Такъ какъ пріѣздъ по маршруту совпадалъ съ обѣденной порой, то я обязанъ былъ позаботиться о приготовленіи для именитаго гостя обѣда. Накрытый столъ со всѣми принадлеж-

ностями ожидалъ его въ залѣ. Но увы! всѣ мои издержки были напрасны, и я, вмѣсто благоволенія начальства, заслужилъ отъ него одно обидное пренебреженіе.

Уже вошедши въ переднюю, Безакъ обошелся со мной до крайности сурово, не отвѣтивъ даже на мой поклонъ. Процѣдивъ сквозь зубы: „сейчасъ пойдемъ въ гимназію!"—онъ сталъ облачаться въ парадную форму. Такъ какъ приставъ объявилъ мнѣ, что въ день пріѣзда генералъ-губернаторъ осмотритъ только гимназическія зданія и займется съ мировыми посредниками и только на другой день будетъ смотрѣть учениковъ, то я и повелъ своего гостя въ главное зданіе: показалъ ему библіотеку, кабинеты—физическій и естественный, отрапортовалъ, гдѣ у насъ что помѣщается, но онъ мнѣ гнѣвно прорычалъ:

— „Что-жъ вы мнѣ однѣ стѣны показываете? Гдѣ ваши воспитанники? Обѣдъ для меня приготовили, а учениковъ спрятали?"

— Здѣшній приставъ передалъ мнѣ распоряженіе в. в—ва собрать учениковъ на завтрашній день.

— Вотъ еще новость: есть у меня время возиться съ вашей гимназіей два дня.

— Если в. в—во прикажете, черезъ полчаса будутъ собраны всѣ ученики, а тѣмъ временемъ не угодно-ли вамъ будетъ осмотрѣть два частные женскіе пансіона и еврейское училище.

Онъ согласился.

Пансіонами генералъ остался доволенъ. Заставивъ ученицъ послѣдняго класса читать подвернувшуюся на глаза русскую исторію Иловайскаго, которую онѣ знали наизусть, онъ тѣмъ и ограничился. Узнавъ отъ начальницы, что русскимъ языкомъ въ пансіонѣ занимается съ дѣвицами самъ директоръ, превосходительный ревизоръ тутъ-же поблагодарилъ меня за „дѣвочекъ," такъ хорошо прочитавшихъ заученный ими наизусть отрывокъ.

Въ еврейское училище онъ почему-то не зашелъ, хотя мы и проходили мимо. Поспѣшили въ гимназію, гдѣ все сошло съ рукъ благополучно.

Когда уѣхалъ этотъ суровый проконсулъ Юго-западнаго края, я какъ ни старался, но не могъ сообразить, за что онъ былъ, повидимому, лично мною недоволенъ.

Не взирая, однакожъ, на все вышесказанное, этому гордому администратору, напомнившему мнѣ Д. Г. Бибикова, въ десятую годовщину его назначенія Начальникомъ Юго-Западнаго края, мнѣ пришлось, volens nolens, по приказанію нашего правовѣрнаго князя, отослать въ Кіевъ написанный мною панегирикъ для напечатанія въ „Кіевлянинѣ.“

Князь Ширинскій изволилъ пожаловать къ намъ безъ всякаго предварительнаго оповѣщенія со стороны канцеляріи, о чемъ такъ сильно хлопочутъ нѣкоторые директоры, чтобы не застали ихъ врасплохъ, имѣя всегда въ канцеляріи попечителя вѣрнаго человѣка. Въѣхалъ онъ на гимназическій дворъ очень скромно и, по указанію дежурнаго служителя, занялъ ревизорскую квартиру, не велѣвъ безпокоить директора, такъ какъ время было довольно уже позднее. Пріѣхалъ князь въ половинѣ мая и потому не испыталъ у насъ тѣхъ прелестей, какія бросаются въ глаза и поражаютъ обоняніе ранней весной, когда разверзаются хляби земныя и небесныя и оживаютъ засыпающіе зимой бациллы и микробы, порождая разныя болѣзни.

Май мѣсяцъ, благодаря живописнымъ окрестностямъ мѣстечка и близости Роси съ ея скалистыми берегами, доставляетъ намъ не мало удовольствія. Великолѣпный садъ Александрія, въ мое время постоянно открытый для публики, замѣнялъ для насъ тѣ общественныя мѣста для гулянья, какими кіевляне пользуются за деньги. Но для нашего сіятельнаго ревизора, повидимому, наслажденіе красотами природы не существовало: какъ заключился онъ въ своей квартирѣ, такъ и просидѣлъ тамъ болѣе 4-хъ сутокъ,—одинъ только разъ выглянулъ за во-

рота для осмотра женскихъ пансіоновъ. Во все время своего пребыванія въ Бѣлой-Церкви онъ не только не принялъ ни одного обѣда отъ директора, питаясь сквернѣйшими порціями изъ мѣстнаго ресторанчика, но даже чашки чаю у него не выпилъ, а посылаемыя ему два раза въ день домашнія сливки пожиралъ его лакей.

Первый день ревизіи посвященъ былъ личному знакомству съ педагогическимъ персоналомъ, которымъ князь остался вполнѣ доволенъ. Въ большинствѣ это были люди молодые, умные, энергичные, обладавшіе знаніемъ своихъ предметовъ въ совершенствѣ, не то, что́ ихъ предмѣстники, съ которыми мнѣ пришлось мучиться впродолженіе двухъ первыхъ лѣтъ моей бѣлоцерковской ссылки. Хорошее впечатлѣніе, произведенное на ревизора симпатичными личностями преподавателей, совершенно оправдалось послѣ ближайшаго знакомства съ ихъ преподаваніемъ. У каждаго изъ нихъ князь побывалъ на урокахъ по нѣсколько разъ. Только преподаваніе предмета Закона Божія ему не понравилось...

Четвертый день пребыванія князя въ гимназіи былъ посвященъ осмотру кабинетовъ физическаго и естественнаго и библіотекъ. Нашъ физическій кабинетъ былъ довольно богатъ инструментами, доставшимися Бѣлоцерковской гимназіи по наслѣдству отъ бывшей Подольско-Винницкой и пріумноженный новѣйшими пріобрѣтеніями.

Кабинетъ Естественныхъ наукъ только что былъ заводимъ тогда. Пользуясь распродажей чучелъ звѣрей и птицъ Юго-Западнаго края, объявленной Кіевской Палатой Государственныхъ имуществъ, я командировалъ преподавателя Стефановича для участія въ торгахъ, и онъ доставилъ въ Бѣлую Церковь около 50 экземпляровъ, изрядно впрочемъ попорченныхъ молью. Покупка съ пересылкой и ящиками обошлась весьма недешево.

Вслѣдствіе преобразованія Бѣлоцерковской гимназіи изъ классической въ реальную, я, помимо обогащенія кабинетовъ, обязанъ былъ позаботиться о пріобрѣтеніи спеціальныхъ сочиненій по естественнымъ наукамъ какъ для фундаментальной,

такъ и для ученической библіотеки. Этому весьма поблагопріятствовало господствовавшее въ 60-хъ годахъ направленіе нашей литературы, ежегодно обогащаемой массою книгъ по разнымъ отраслямъ естествовѣдѣнія, большею частію переводныхъ изъ иностранныхъ языковъ. Располагая довольно значительной экономической суммой, я разновременно пріобрѣлъ все, что только появилось до того времени въ печати замѣчательнаго. И вотъ, дождавшись посѣщенія попечителемъ гимназіи, я надѣялся получить отъ него одобреніе за обогащеніе библіотекъ капитальными сочиненіями фундаментальной, ученической и приходскаго училища, изъ коихъ послѣднія двѣ были мною вновь заведены; но увы! вмѣсто благодарности, я получилъ строжайшій выговоръ. Самыя лучшія сочиненія по естественнымъ наукамъ, по физіологіи и геологіи признаны имъ вредными, и онъ рукою власною похѣрилъ ихъ, не позволивъ оставить ихъ даже для фундаментальной библіотеки въ пользованіе преподавателей, а велѣлъ отослать въ свою канцелярію, считая, вѣроятно, эти книги (напр. Вундта, Дарвина и др.) менѣе вредными и болѣе подходящими для служащихъ въ ней чиновниковъ, чѣмъ для учителей гимназіи. Эти весьма цѣнныя сочиненія, я увѣренъ, пошли за безцѣнокъ кіевскимъ книгопродавцамъ, а выручка за нихъ поступила въ карманы писцовъ.

— Вы, обратился ко мнѣ князь, постарались обогатить библіотеки сочиненіями нигилистическаго направленія, а о книгахъ религіозно-нравственнаго содержанія не позаботились.

— Позвольте мнѣ, в. с—во, въ свое оправданіе сказать, что пріобрѣтенныя книги для реальной гимназіи весьма необходимы, какъ учебное пособіе для преподавателей и ихъ учениковъ: онѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ современнымъ требованіямъ науки; что-же касается книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, то, признаюсь, я не знаю, существуютъ-ли въ нашей богословской литературѣ книги, популярно написанныя для всенароднаго чтенія.

— Что вы разсказываете? наша богословская литература весьма обильна превосходными сочиненіями, которыя только для васъ остаются неизвѣстными.

— Совершенно согласенъ: я не богословъ и не компетентенъ въ выборѣ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія и потому не угодно-ли будетъ в. с—ву, по возвращеніи въ Кіевъ, составить коммиссію изъ людей болѣе меня компетентныхъ, которые-бы указали мнѣ, какія именно книги слѣдуетъ пріобрѣсть для душеспасительнаго чтенія воспитанникамъ старшаго возраста: я увѣренъ, что таковыхъ найдется очень не много, потому-что наши духовные писатели совершенно не умѣютъ писать общедоступнымъ языкомъ.

— Посмотримъ. Я это непремѣнно сдѣлаю.

И что-же? спустя мѣсяцъ я получилъ списокъ, въ которомъ рекомендовано было не болѣе 10 сочиненій. Я ихъ выписалъ, переплелъ, и они, вѣроятно и до сихъ поръ стоятъ на полкѣ въ ученической библіотекѣ нетронутыми.

Если въ порывѣ усердія къ пріобрѣтенію книгъ по естествовѣдѣнію я, вмѣсто благодарности, получилъ порицаніе, то третья моя библіотека—для приходского училища, въ которой князь мнилъ найти массу книжекъ и брошюръ украинофильскаго пошиба, о чемъ ему натолковали въ Кіевѣ Крамаревы и Говорскіе, привело его въ неописанный восторгъ. Эта скромная библіотека, заведенная на частныя средства и стоившая около 300 рублей, предназначена была для чтенія не только ученикамъ, читавшимъ въ кругу семейномъ, въ зимніе вечера, но и для взрослыхъ людей грамотѣевъ, не принадлежащихъ училищу.

Послѣдній вечеръ пребыванія попечителя въ гимназіи былъ посвященъ изысканію средствъ для поднятія въ заведеніи уровня религіозно-нравственнаго состоянія училища.

Наша гимназія была не первою, гдѣ онъ нашелъ несостоятельность преподаванія Закона Божія и душевно скорбѣлъ о томъ, что помочь этому горю онъ не находилъ возможности. Бесѣдуя на эту тему со мной и придумывая разные способы достигнуть того, чтобы наши православные законоучители сравнялись своими качествами съ католическими, въ совершен-

ствѣ выполняющими свою миссію въ нравственно-религіозномъ отношеніи, мы пришли къ такому заключенію.

Надобно предварительно замѣтить, что положеніе законоучителя въ гимназіи въ мое время было поставлено такъ, что преподаваніе Закона Божія нигдѣ почти не могло похвастаться своими успѣхами. Преподаватель этого важнаго предмета, занятый своими вѣчными требами по приходу, составлявшему для него главный источникъ дохода, смотрѣлъ на свою учебную службу, какъ на что-то прибавочное. Получая за свои уроки всего 400 р., онъ мало дорожилъ этою службой; отрываемый постоянно отъ гимназіи, онъ не могъ аккуратно исполнять обязанности законоучителя, а тѣмъ болѣе имѣть вліяніе на нравственность учащихся. Слѣдовательно, чтобы поставить преподаваніе Закона Божія наравнѣ съ другими предметами, нужно радикально измѣнить отношеніе законоучителя къ гимназіи, а именно—чтобы преподаваніе составляло для него главнѣйшую обязанность, а для этого прежде всего его слѣдуетъ освободить отъ исполненія требъ по приходу, уравнивъ его жалованье съ другими преподавателями. При этомъ я, для достиженія предположенной цѣли, предложилъ еще одну, совершенно новую мѣру: пригласить въ законоучители, въ видѣ опыта, только-что окончившаго курсъ Кіевской духовной академіи, еще не принявшаго священства, не въ рясѣ, а во фракѣ, и если онъ, не опираясь на іерейскій санъ, одними своими личными достоинствами успѣетъ пріобрѣсть доброе вліяніе на нравственность воспитанниковъ, заслужитъ ихъ уваженіе и любовь, если онъ, будучи вполнѣ обезпеченъ матеріально, всецѣло отдастся гимназіи, сольется съ общими интересами заведенія, то успѣшное преподаваніе Закона Божія будетъ обезпечено.

Кстати, прибавилъ я, въ этомъ-же 1867 году состоится выпускъ 23-го курса студентовъ—любого можно выбрать [1]).

---

[1]) Изъ числа окончившихъ избранъ магистръ Александръ Дмитричъ Брянцевъ, нынѣ архіепископъ Казанскій Арсеній.

Въ этомъ же совѣщаніи рѣшено было, для усиленія наблюденія за религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ православныхъ учениковъ, подавляемымъ огромнымъ большинствомъ католиковъ, устроить въ зданіи гимназіи домашнюю церковь, представлявшую настоятельную потребность и въ другомъ отношеніи: посѣщеніе воспитанниками приходской церкви не всегда бываетъ удобно по многолюдству прихода и по отсутствію теплаго придѣла въ зимнее время. Черезъ годъ благая мысль сія осуществилась. Церковь устроена на третьемъ этажѣ главнаго корпуса, вмѣстимостью въ 500 человѣкъ. Помимо спеціальныхъ средствъ заведенія, употребленныхъ на устройство храма, успѣшному окончанію этого святого дѣла не мало содѣйствовали разныя лица—одни пожертвованіемъ необходимыхъ предметовъ церковнаго обихода, другіе—безвозмездными трудами. Православная графиня Александра Васильевна Браницкая, возъимѣвъ благое желаніе построить каменныя церкви въ 12 селеніяхъ своихъ владѣній, заготовила для нихъ утварь, но скоро затѣмъ послѣдовавшая кончина ея лишила ее возможности привести въ исполненіе задуманную мысль; при наслѣдникахъ же ея, католикахъ, 12 большихъ ящиковъ съ церковною утварью простояли безъ употребленія, заколоченные наглухо въ кладовой среди разнаго хлама. Одинъ изъ такихъ ящиковъ, по моему ходатайству, былъ пожертвованъ гр. Владиславомъ на нашу церковь. Въ немъ оказались серебряные вызолоченные предметы: потиръ, дискосъ, звѣздица, копіе, лжица, ковшикъ, дарохранительница, напрестольный крестъ, два евангелія и три священническія облаченія.

Въ числѣ означенной церковной утвари нынѣ находится евангеліе, полученное въ даръ Бѣлоцерковской гимназіей при ея открытіи въ 1847 году отъ приснопамятнаго митрополита Филарета.

Изъ лицъ, потрудившихся при устройствѣ церкви, первое мѣсто принадлежитъ учителю рисованія И. Г. Осмоловскому. Этотъ ревностный строитель иконостасовъ, извѣстный не въ одной Кіевской губерніи, съ особеннымъ усердіемъ производилъ

работы при весьма скудномъ вознагражденіи за труды, почти равномъ стоимости матеріала. Иконостасъ состоитъ изъ одного яруса образовъ, съ позолотой по бѣлому полю. Мѣстныя иконы Спасителя, Богоматери и святителя Николая вышли изъ мастерской Осмоловскаго; храмовая-же икона св. апостоловъ Архипа и Филимона, плащаница и еще два образа Кн. Владиміра и Александра Невскаго написаны художникомъ Сошенкомъ. Послѣднія двѣ—въ память двукратнаго чудеснаго спасенія жизни Императора Александра II отъ покушенія на оную 4 апрѣля 1866 и 25 мая 1867 года, съ надписью: „отъ учащихъ и учащихся."

Наша гимназическая церковь устроена въ память Св. апостоловъ Архипа и Филимона, празднуемыхъ 19 февраля. Руководящею мыслью устроить церковь въ память сихъ святыхъ было закрѣпить въ памяти бывшаго крѣпостного люда, обитателей м. Бѣлой Церкви, великій день 19 февраля 1861 года. Святъ этотъ день для крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостнаго гнета, который былъ особенно чувствителенъ для нихъ въ нашемъ Юго-Западномъ краѣ. Въ Бѣлой Церкви въ этотъ день въ мое время совершаемъ былъ крестный ходъ изъ главной приходской церкви въ волостное правленіе, гдѣ всенародно отправлялся благодарственный молебенъ.

Свѣдѣнія о жизни и дѣятельности святителей Архипа и Филимона заимствованы живописцемъ изъ Четь-миней; они заключаются въ слѣдующемъ:

Въ I вѣкѣ христіанства, въ небольшомъ малоазійскомъ городѣ Колоссахъ, жилъ весьма именитый и благочестивый мужъ Филимонъ, ревностный послѣдователь Христова ученія, вмѣстѣ съ женой своей Апфіей и сподвижникомъ Св. апостола Павла Архипомъ; онъ-то и положилъ начало христіанской церкви въ родномъ городкѣ. Живя посреди язычниковъ, небольшая горсточка христіанъ собиралась въ домъ Филимона слушать проповѣди Архипа. Въ одно изъ такихъ собраній, когда въ домѣ Филимона совершалась безкровная жертва, язычники въ своемъ храмѣ праздновали вакханаліи. Пылая злобой на послѣдователей но-

ваго ученія, буйная толпа нечестивыхъ ворвалась въ домъ Филимона и умертвила всѣхъ находившихся христіанъ.

Художникъ избралъ моментъ, когда ап. Архипъ говорилъ послѣднюю свою проповѣдь. Спереди на первомъ планѣ стоитъ домовладыка Филимонъ и жена его Апфія, въ богатыхъ одеждахъ, за ними небольшая группа людей бѣдно одѣтыхъ; на лицахъ отражается напряженное вниманіе къ словамъ божественнаго ученія; а тамъ вдали возвышается языческое капище, съ колоннами и пляшущими вакханками. Митрополитъ Арсеній, коему былъ мною представленъ этюдъ на утвержденіе, нашелъ неприличнымъ изображать на св. иконѣ нагихъ женщинъ и совѣтовалъ живописцу если не уничтожить ихъ вовсе, то по крайней мѣрѣ отодвинуть на самый дальній планъ, что И. М. Сошенко и исполнилъ въ точности.

Главная идея храмовой иконы, которую желалъ выразить художникъ—показать совпаденіе сюжета картины съ событіемъ 19 февраля—осталась не вполнѣ выраженной; по крайней мѣрѣ, всякій, кто знакомъ съ житіемъ Филимона, при взглядѣ на икону, не замѣтитъ главной мысли, а она заключается въ слѣдующемъ:

У аристократа Филимона былъ рабъ, который, провинившись передъ господиномъ, изъ страха наказанія, сбѣжалъ и очутился въ Римѣ, гдѣ въ то время томился въ темницѣ ап. Павелъ; къ нему-то и обратился бѣглецъ, прося защиты. Апостолъ внялъ моленію раба и написалъ свое боговдохновенное посланіе къ Филимону (гл. I ст. 10, 11, 12,—18) ...„прошу тебя о сынѣ моемъ Онисимѣ, котораго родилъ я во узахъ моихъ... я возвращаю его тебѣ, ты же прими его, какъ мое сердце... онъ для того быть можетъ отлучился, чтобы вернуться къ тебѣ не рабомъ, но выше раба—*братомъ возлюбленнымъ*"...

Онисимъ вручилъ господину апостольское посланіе и по слову Апостола принятъ Филимономъ не какъ рабъ, а какъ братъ о Господѣ.

Въ числѣ предстоящихъ христіанъ художникъ помѣстилъ на картинѣ и Онисима, который ничѣмъ особеннымъ не отли-

чается отъ другихъ лицъ, и потому цѣль живописца не вполнѣ достигнута. Во всякомъ случаѣ, пріятель мой Сошенко имѣлъ въ виду провести пераллель между освобожденіемъ отъ рабства чрезъ посланіе апостольское Онисима и освобожденіе по манифесту 19 февраля 23 милліоновъ такихъ-же рабовъ, какимъ былъ восемнадцать столѣтій тому назадъ духовный сынъ апостола Павла.

Если покойному Ивану Максимовичу не удалось выразить эту аналогичную параллель (чему отчасти не мало препятствовали тѣсныя рамки картины), то сюжетъ ея достоинъ того, чтобы какой нибудь выдающійся своимъ дарованіемъ иконописецъ написалъ такую, которая бы была вполнѣ достойна событія 19 февраля 1861 года[1]).

По характеру управленія Кіевскимъ учебнымъ Округомъ Н. И. Пироговъ и кн. А. П. Ширинскій представляютъ два контраста, если хотите—двѣ крайности, а французы говорятъ: les extrémités se touchent. Пироговъ своимъ космополитизмомъ далъ усилиться въ Юго-западныхъ гимназіяхъ польскому элементу, а евреи подъ его покровительствомъ высоко подняли голову, какъ нація избранная; господствующее-же коренное населеніе въ краѣ—народныя массы—для него ничего не значили: онъ игнорировалъ эти массы.

Кн. Ширинскій—безпощадный гонитель евреевъ и поляковъ, ксендзовъ и раввиновъ, ни въ какія компромиссы съ ними не входилъ, не дѣлая ни шагу уступки ни одной, ни другой національности ко вреду народно-русской, хотя народность эта понята имъ узко, своеобразно.

Отношенія наши, натянутыя сначала, сразу измѣнились, коль скоро онъ воочію убѣдился во время своей ревизіи, что я

---

[1]) Подробности устройства храма въ Бѣлоцерковской гимназіи желающіе могутъ найти въ Епархіальныхъ Вѣд. 1868 г. № 10.

безъ всякихъ съ его стороны внушеній, не спрашивая у него оффиціальныхъ разрѣшеній, много уже для гимназіи дѣлалъ самостоятельно, на свой страхъ. Его печатный отчетъ о ревизіи Бѣлоцерковской гимназіи полонъ однихъ похвалъ и одобреній всѣмъ моимъ дѣйствіямъ по управленію заведеніемъ.

Въ заключеніе воспоминаній о попечительствѣ Ширинскаго помѣщаю два письма его изъ Москвы, послѣ оставленія имъ К. Уч. Округа.

I.

М. Г. М. К—чъ! За добрый прощальный привѣтъ вамъ примите мою искреннюю признательность! Сердечно жалѣю, что мнѣ не суждено оставаться далѣе въ Кіевскомъ Округѣ и быть участникомъ въ предстоящемъ преобразованіи западной половины его. Если останется за мною доброе слово моихъ сослуживцевъ (не всѣхъ, конечно,—на это я не претендую, а нѣкоторыхъ: тѣхъ, которымъ я вѣрилъ и которые мнѣ вѣрили), то я останусь вполнѣ доволенъ трехлѣтнею моею здѣсь службою. Позвольте мнѣ отъ души поблагодарить васъ и вашихъ почтенныхъ сослуживцевъ за ваши труды по гимназіи во время моего управленія Округомъ, за ваши сердечныя, а не казенныя отношенія къ дѣлу. Бѣлоцерковская гимназія не дала мнѣ ни одной минуты неудовольствія. Если она и не дошла еще до той степени процвѣтанія, до которой, безъ сомнѣнія, достигнетъ со временемъ при такихъ отношеніяхъ ея состава къ дѣлу, какія теперь существуютъ,—то это не вина служащихъ и начальствующихъ ею, а скорѣе вина неизбѣжнаго слѣдствія той ломки, которой подвергаются всѣ наши заведенія, и которая, конечно, будетъ благотворна,—но только тогда, когда дѣло установится на прочныхъ началахъ и переходная эпоха кончится. Отъ души желаю вамъ долго и долго управлять вашей гимназіей и радоваться, глядя на то, какъ вашими стараніями она годъ отъ году будетъ улучшаться.

Примите увѣреніе и пр. 13 іюля 1867 г.

II.

Возвратясь на дняхъ изъ продолжительной поѣздки по Округу, я имѣлъ удовольствіе найти у себя на столѣ письмо ваше отъ 6 іюля и № „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ [1]).

Отъ души поздравляю Васъ, какъ храмоздателя, дождавшагося освященія храма, и искренно благодарю за вашу добрую память и вниманіе ко мнѣ. Дай Богъ, чтобы храмъ Божій имѣлъ то благотворное вліяніе на воспитаніе нашихъ полурусскихъ, которыми переполнены наши западныя гимназіи, котораго мы вправѣ ожидать, если настоятели и законоучители будутъ столько же ревностны и заботливы, каковы (нужно отдать имъ справедливость) милые ксендзы.

Здѣсь я совершенно въ другой сферѣ. Весь округъ состоитъ изъ единовѣрной и единокровной массы, и нѣтъ у насъ никакихъ смахивающихъ на политику вопросовъ. Казалось-бы, чего и желать, когда все, благодаря Бога, кругомъ тихо и спокойно! Но 10-лѣтнее пребываніе въ Западномъ краѣ пріучило какъ то къ борьбѣ съ вражьей силой, что, согласитесь, имѣетъ также свою добрую сторону, и потому мнѣ кажется, что я попалъ въ кукую-то штилевую полосу, говоря по морскому, и право не прочь бы былъ возвратиться опять къ порывистому и подчасъ свѣжему вѣтру. Такъ созданъ человѣкъ!

Впрочемъ, въ мои лѣта жалѣть о томъ, что попалъ въ мирную сторону изъ боевой, ужъ не приходится. Инвалидамъ нужны мирныя занятія, а здѣсь они таковы, и дай Богъ, чтобы другихъ у насъ и не было, да надѣюсь, что и быть не можетъ. Молодежью и состояніемъ большей части гимназій я доволенъ. Годъ прошелъ въ знакомствѣ съ Округомъ.

Позвольте пожелать вамъ и всѣмъ вашимъ почтеннымъ сослуживцамъ продолженія той-же энергіи, той-же заботливости

---

1) По совершеніи освященія домашней гимназической церкви, устроенной по инициативѣ Князя, ему былъ посланъ № „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, въ которыхъ напечатано какъ самое торжество освященія, такъ и рѣчь законоучителя Брянцева.

о молодежи, вамъ ввѣренной, какими отличалась Бѣлоцерковская гимназія во время моей службы въ Кіевѣ. Да поможетъ вамъ Богъ сдѣлать всецѣло русскими вашихъ полуополяченныхъ питомцевъ и крѣпко вкоренить въ нихъ твердость въ Вѣрѣ и общерусскаго чувства въ любви къ родинѣ. Задачи трудныя, но съ Божьей помощью и настойчивостью въ ея исполненіи выполнимыя на вѣчную славу исполнителя! Поручаю себя доброй памяти Вашей, искренно уважаемый Михаилъ Корнѣевичъ.

Прошу васъ принять и проч. 26 іюля 1868 г. Москва.

---

9 сентября 1844 года Попечителемъ Кн. Давыдовымъ подписано мое опредѣленіе на службу въ Винницкой гимназіи, а 9 сентября 1869 года исполнилось 25-лѣтіе моей учебной службы. Сотрудники мои принесли мнѣ задушевное поздравленіе и почтили въ этотъ замѣчательный для меня день обѣдомъ въ квартирѣ инспектора и танцовальнымъ вечеромъ въ гимназическомъ залѣ, закончившимся ужиномъ съ большимъ возліяніемъ.

М. Чалый.

ЗЕМСЬКЫЙ ГЛАСНЫЙ.

— Охо—хо—хо—а—а! Матери його ковинька, якъ погано! Чы я не выспався, чы заслабъ? Ихе!.. А може вже й часъ вставаты?

Петрусь ледве пидвився на лижку, протягъ руку до гардыны и одкынувъ іи на бикъ. Въ кимнати зразу зробылось выдно, такъ що Петрусь заплющывъ очы и нарешти знову упавъ головою на подушкы. Полежавшы такъ ще скилько хвылынъ, винъ знехотя протягъ руку до маленького столыка, що стоявъ биля лижка, налапавъ тамъ годынныкъ и пиднисъ до своихъ заспаныхъ очей.

— Тю, тю! Та вже девьята годына!.. Кулыно!.. Кулывó, говъ!—скилько сылы зарепетувавъ винъ, якъ несамовытый.

Въ зали почулысь тыхи ступни, нибы хто йшовъ у панчохахъ, а незабаромъ у дверяхъ спальни Петруся выявылась стара женщына, чымало зигнута у стани и одягнута въ панську одежу. То була маты Петруся, стара Кущивна.

— Вже й ты, Петрусю, прокынувсь... А я двичи зазырала до тебе въ кимнату... ты такъ гарно та мицно спавъ, що я пожалила тебе будыты и стривожыты твій покій. Вставай-же мерщій, мій мылый сыну, бо вже й кофе готове, ще перекыпыть...—Въ голоси матери чулась ласкависть, прыхыльнисть и щыра любовъ.

Тымъ часомъ до лижка пидійшла дуже красыва, породыста собака; швыдко кываючы хвостомъ и высолопывшы червоного языка, вона пыльно дывылась въ очи панычა, а дали своимъ носомъ наблызылась надто до самыхъ вустъ Петруся.

— Альфа!... молодець собака!.. Иси—ту! Ну...—И Петрусь хлопнувъ рукою по лижку биля своихъ нигъ. Собака скочыла на лижко, двичи окрутнулась на однимъ мисци, пидобгала пидъ себе хвистъ и протяглась, не зводячы выразныхъ очей зъ Петруся.

Стара маты постояла трошкы на порози кимнаты и, не диждавшысь видъ сына прывиту, повернулась и пишла въ столову, схылывшы ничымъ непокрыту, вже сыву голову.

— Чы вы и досы спыте? Ось побачыте, якъ такъ довго будете спаты, то звидкилясь выросте верба. А, ій-же Богу, правда!.. Вставайте, та мерщій, бо треба кимнаты попрыбирать, а вже й не рано, да мени й николы... Чуете? Панычу!—И Кулына, высока, повновыда, ще молода, та до того гарна на облыччя дивчына метнулась по кимнати, стыха ступаючы босымы ногамы по-пидлози, взялась було за стилець, потимъ кынула ёго, схопыла зъ канапкы панычеву одежу, кынула іи на лижко, а дали ухопыла одежану щитку й нащось положыла іи на полыцю, де лежало килька кныжокъ.

— М—м—мъ!—потягся панычъ, не розплющуючы очей.

— Чы вы чуете, що я кажу? Якъ не встанете заразъ, то й кимнаты не буду прыбирать!

— М—м—мъ!.. Ку—лы—но...—панычъ нибы зпросоння мымрывъ.

— Чого тамъ „Кулыно“? Аже-жъ я тута!...

— Пиднимы мене! м—м—мъ!

— Дывиться, люде добри! Ото кумедія!.. нибы мала дытына... Ще, може, въ ротъ чого треба даты? Кажу вамъ, що часъ вставаты!

— Кулыно... м—м—мъ... мени щось не тее... у мене щось таке...—мымрывъ той, неначе й справди мала дытына.

— Ще выгадаете чого инчого... Чы не переспалы часомъ вы, панычу, а може вчора у-вечери обйилысь чымъ?

— Кулыно, мое серце... ой! ну-жъ-бо, пидійды до лижка блыжче!

— Знову за свое! Якъ я бачу, вы ще не выспалысь, то й спить соби—про мене... А я пиду до роботы!—И Кулына пишла була у залу.

— Кулыно, постій! я тоби кажу... сердытымъ голосомъ сказавъ панычъ.—Дай мени чоботы!

— Адже воны стоять коло лижка...

— Кажу тоби—подай!

— Ну, то й нате...

Не вспила Кулына взять чоботы у рукы, якъ панычъ раптомъ пидвився зъ лижка и ухопывъ Кулыну за плечи.

— Чы вы не здурилы? Одчепиться, кажу вамъ. Мабудь ничого робыть зъ жыру. Тьфу!—Кулына вырвалась одъ паныча и прожогомъ кынулась у залу.

— О, та й превража дивчына!—зъ серцемъ проказавъ панычъ.—Ну, зажды: колы-небудь и на моій вулыци буде празныкъ...—Його молоде лыце розчервонилось, очи посоловилы, а у грудяхъ нибы щось спырало, такъ що тяжко було дыхаты.

Посыдившы ще трошкы, панычъ знехотя почавъ одягатысь, чипляючысь до собакы. Та скочыла на пидлогу, потяглась та понюхала, якъ це звычайно роблять собакы, а дали почала скакать коло паныча.

— Не смій... Иси-ту! Кушъ! Ахъ, ты вовча! а ляпаса не хочешъ?—Петрусь замирывся на собаку кулакомъ; та одразу похылыла голову до-нызу и, ледве ступаючы по пидлози, посунулась въ кутокъ кимнаты.

II.

— Мамо, говъ!! а налыйте мени кофе, бо я заразъ!—закрычавъ Петрусь на всю пельку такъ, що собака зляκалась, схопылась зъ мисця и securitylизла пидъ лижко.

Стара пани здригнулась всимъ тиломъ и зляканымы очыма зазырнула черезъ двери столовои у залу, де Петрусь крутывся передъ здоровымъ дзеркаломъ, роздывляючысь на свое лыце, зубы и

свою постать. Крутнувшысь ще разъ на йидному мисци, Петрусь пиднявъ рукы у-гору и на одній нози пострыбавъ черезъ залу у столову, килько духу заревившы писню:

Ой, продала дивчынонька сало,
Та купыла козаку кресало...

— Ну и чого ты репетуешъ на всю хату? Тилько мене лякаешъ. Килько разъ я просыла тебе не робыты такого гвалту у хати...—тыхо й прывитно одказала маты Петрусю, якъ той выйшовъ въ столову.

— Альфа, сюды!.. Иси-ту! кушъ!.. та ну-жъ-бо, вовкъ тебе рижъ! Иси-ту!—заревивъ Петрусь на собаку.—Ахъ ты, падло, ще не слуха! Ну!..—Петрусь бехнувся на стилець, заложывъ рукы въ кышени, простягъ килько можна було свои ногы и позихнувъ.

— Що це ты позихаешъ? не выспався, чы що?

— А хто ёго знае... може й такъ... Миркую, що на непогоду, бо у жывоти неначе каминь лежыть... А—а—а!—Петрусь знову позихнувъ такъ, що мало було щелепивъ не звернувъ.

— Тьфу! ото прытычына!

— Ты-бъ що-небудь робывъ, Петрусю, то такъ довго-бъ не спавъ,—несмилыво проказала маты.

— А чомъ-же вы мене не збудылы? Може-бъ я що-небудь у-ранци й утнувъ.—

Стара пани зитхнула, а Петрусь, звисывшы голову на груды, почавъ злегенька мишаты кофе. Маты хотила щось запытаты сына, але винъ зразу пидвивъ голову, зареготався и дуже голосно свыснувъ.

— Оце такъ штуку учора упоролы мы зъ Лапченкомъ, такъ штуку!.. Ха—ха—ха! Йшлы лисомъ, отымъ що выходыть на болото. Колы въ самій гущыни Лапченко уздривъ стару Катрычку, оту вйидлыву, языкату та зубату видьму, що на хутори никому спокою не дае. Вона збирала грыбы. Ахъ ты, вовкъ тебе рижъ! Килько разивъ було наказувано всимъ и цій капосній бабі, щобъ не тынялысь по нашому лиси та не товклы

травы! Такъ ни! бисова Катрычка робыть свое... Що ій робыты? Колы Лапченко удумавъ штуку... ха—ха—ха! Піймалы мы тую бабу, завернулы спидныцю до-горы и звьязалы на голови, а клунокъ зъ грыбамы повисылы на шыю. До того Лапченко ще скилько разивъ улупывъ іи арапныкомъ. Треба було бачыты, якъ вона тыкалась то туды, то сюды!.. Ха—ха—ха! Дали мы нибы пишлы до-дому, сховалысь за стовбурамы дубивъ, та дывымось, що буде робыть капосна баба: то мы було жывоты урвалы регочучысь, якъ вона почала пручатысь, щобъ якъ-небудь розвьязать спидныцю. Я—такъ ажъ за землю хватаюся та регочусь; а Лапченко ще й прыказуе стыха: оце тоби, бабо, грыбы, а це печерыци! Не ходы, превража баба, куды не велять! Ха—ха—ха! Колы-бъ вы бачылы, мамо, ту кумедію!.. Жаль, що попалась стара: отъ колы-бъ молода, то мы-бъ упоролы штуку, вовкъ ёго рижъ!.. Ха—ха—ха!

Петрусь одкынувся на спынку стильця и ще дужче зареготався.

Стара пани почервонила зъ лыця и нервово почала перетыраты посуду. Петрусь знову звисывъ голову на груды и чогось замыслывся.

— Ты-бъ, сыну, пройихавъ сёгодня у городъ и зробывъ-бы те, що я казала тоби учора. Мени чогось сёгодня нездужается, рукы й ногы якъ не мои... Пойидешъ?—спытала маты.

— Этъ не хочу... хай воно западется! Мы сёгодня зъ Лапченкомъ та Суховіемъ пидемо бекасивъ трощыть.

— Я-жъ тоби кажу, що не здужаю... а йихаты треба... Колы-бъ знаття, що Мыкола сёгодня прыйиде, то я-бъ тебе й не просыла... Пойидь-но, мій сыночку, пожалій стари матерыны кисткы!

— Ото прысикалысь: пойидь да пойидь! А що я тамъ буду робыть? Чы я знаю, якъ и що? Треба ходыты, та балакаты, та людей шукаты, а я цёго не вважаю. Хай воно западется,—я не пойиду! Альфа, иси-ту!—крыкнувъ Петрусь, якъ навиженый и, зирвавшысь зъ стилця, прожогомъ кынувся у двери, а дали черезъ залу у квитныкъ.

Стара пани тяжко зитхнула, вытерла на лыци слёзу, що скотылась зъ викъ, и пишла у свою горныцю.

III.

Квитныкъ бувъ чымалый и дуже гарный,—винъ прыходывся якъ-разъ проты дверей залы. Навкругы квитныка тисныдыся груши, яблуни, вышни, а тамъ дали манячилы роскишни кущи поричокъ, агрусу, малыны и де-чого другого. Одъ квитныка на вси стороны разбигалысь чысти, посыпани пискомъ дорожкы и ховалысь десь по-за кущамы ягидъ и квитокъ. Ранокъ бувъ чудовый. Тыхо, тепло й свитло. Чысте-чысте небо, ажъ сыне, роскынулось надъ головою; сонце сыпало зверху теплымъ проминнямъ. Одъ квитныка нисся дуже прыемныйароматъ, такъ що груды роспырало й здавалося, нибы не хватало воздуху. Въ трави й кущахъ цвиринькалы коныкы, гулы мухы й бжолы; горобци и инчи птахы перелиталы зъ дерева на дерево й голосно щебеталы. Навкругы було залено-зелено й дуже гарно.

Выскочывшы у квитныкъ, Петрусь зразу зупынывся на мисци, оглянувся навкругы, потягъ килько сылы було у груды свижого ароматычного воздуху, а зъ вустъ вырвалысь слова: „Ото гарный день!.. Ху, якъ гарно дыхнуты!

Альфа подывылася на Петруся своимы выразнымы розумнымы очыма, нибы тямыла мову панычa, захытала хвостомъ и лызнула руку ёго.

— А, бисова, ще цилуватысь до вустъ полизешъ!—закрычавъ той и давъ ляпаса собаци.

Петрусь забрався пидъ грушу, зирвавъ спилійшу, зйивъ, а дали посунувся до малыны й почавъ ею набываты соби рота. Колы це щось недалеко хруснуло. Винъ глянувъ туды й убачывъ Кулыну. Все лыце Петруся спалахнуло нибы жаромъ, винъ покынувъ йисты малыну и метнувся до Кулыны.

— О, теперъ, бисова дивчыно, я тебе спіймавъ!—жартовлыво проказавъ Петрусь и схопывъ іи за рукы.

— Тю—тю на васъ! чы вы не здурилы? знову прысикалысь? Чы вы хочете, щобъ я пишла матери вашій жалиться?

Що це за напасть,—одъ васъ, якъ одъ шевськои смолы, неможна одкараскатысь. Гетьте! не зачипайте!.. Онде, на городи, други дивчата—до ихъ чипляйтесь!..

— Якого ты биса репетуешъ, чы я тоби що роблю?—аже-жъ я тилько жартую!

— Одчепиться зъ своимы жартамы!.. Йидять та сплять та одъ жыру бисятся. Чы до лыця вамъ чиплятысь до простыхъ дивчатъ? Адже барышни ваши до простыхъ хлопцивъ не вьяжутся!

— Гмъ... Ты, Кулыно, дурна есы! То хлопци, а то барышни... Намъ, хлопцямъ, все можна; а барышнямъ — зась! Да й гедзьковата-жъ ты, Кулыно, хай ты здорова будешъ! ну, попытать у тебе—чого ты брыкаешся?

— Ой, не давайте воли рукамъ, кажу вамъ; я не подывлюсь, що вы панычъ... Идить соби до другои, а мене не зачипайте.

— Тьфу на тебе, яка ты брыклыва... И цуръ тоби и пекъ тоби! Бильшъ не буду чипляться!..

Петрусь сердыто позырнувъ на Кулыну и подався у гущыну сада, звидкиля нисся тыхый дивочый голосъ.

Петрусь тыхенько пидійшовъ до того мисця, звидкиля чулася писня, и стыха почавъ наблыжатысь мижъ кущамы, держачы Альфу за ошыйныкъ. Мижъ лыствою выднилась дивчына; вона збирала смородыну и тонкымъ голосомъ выводыла смутну писню. Це була ще зовсимъ молода, повногруда дивчына, зъ гарнымъ довгообразымъ лыцемъ, чорнымы бровамы й карымы очыма. Хустка була повьязана нызько на голови, щобъ сонячне проминня не падало на лыце; зъ-пидъ хусткы кари очи тилько, блыщалы, якъ вона позырала навкругы. Петрусь не зводывъ своихъ очей зъ дивчыны й любовався ею, якъ вона безпешно рвала смородыну, въ думкахъ не маючы, що такъ блызько одъ неи винъ. Колы це зразу:—а держы—ы... а—ту іи... А—о—а—гы—ы!—заревивъ панычъ и якъ куля вылетивъ зъ-за кущивъ, а за нымъ гавкаючы Альфа. Дивчына пыснула й хотила було побигты, але побачывшы паныча, зупынылась и стала. Петрусь схопывъ іи за талію и пиднявъ, якъ малу дытыну, на рукахъ.

— Попалась, Оксаночко! Чы бачъ, якого злодія піймавъ!

— Ой, не давить такъ, цуръ вамъ! Пустить, а то закрычу!—Петрусь спустывъ іи до-долу, держучы одною рукою за талію.

— Злякалася?—реготавея винъ.

— Ато-жъ й ни!—усмихнувшысь сказала Оксана.—Хибажъ такы можна лякать отакъ... зразу, та ще й зъ собакою... Ой, якъ же я злякалася, ажъ серце тёпается...

— Тёпается? а ну, де въ тебе серце? нехай и я почую, якъ воно тамъ тёпается...

— Чекайте-но! пустить,—дивчата убачать.

— Отже-жъ и у мене серце тёпается, Оксано... Ой, колы-бъ ты знала, моя люба, якъ ты мени сподобалася!

— Кажить ще що-небудь...—Оксана вся зачервонилась й пыльно-пыльно подывылась въ очи паныческі.

— Чомъ же ты мени виры не ймешъ?.. Оксано, мое серце! нехай мене правцемъ поставыть, колы брешу... Не вирышъ?— Петрусь ще блыжче прытыснувъ до себе дивчыну; вона вже не пручалась, а якъ пидбыта горлыця, притулылася до шырокыхъ, высокыхъ грудей Петруся, прыслухаючысь до тіеи мовы, котра виддавалась въ іи молодій души чудовою музыкою; вона почувала, якъ тило іи въ цыхъ дужыхъ рукахъ млило, а духъ у горли спырало. А Петрусь тымъ часомъ тыхо та ласкаво говорывъ.

— Чому вчора у-вечери не выйшла пидъ лыпу? Я тебе тамъ ждавъ—ждавъ... Ой, выйды, моя дивчыно, моя рыбчыно, я-жъ тебе кохаю! Выйдешъ сёгодня?

— Ой, паныч, боюся я выходыть, бо дознаются други, то пропало мое жыття,—буде поговиръ на все село й хутора...— Оксана засоромылась и спустыла очи до-долу; высоки груды тяжко пидіймалысь и спускалыся. Петрусь не спускавъ зъ іи очей, а дали знову схопывъ іи, якъ малу дытыну, на рукы, закынувъ іи голову назадъ и своимы палкымы вустамы, якъ пьявка, упывся въ губы Оксаны.

— Я тебе зовсимъ розчавлю, я тебе...

— Паны—ы—чу, говъ! почувся недалечко дужый гукъ Пантюха, кучера Кущивъ.

Оксана, мовъ птаха, рванулась изъ рукъ Петруся и зныкла у кущахъ смородыны.

— Атъ, чорты ихъ розносылы!—зъ серцемъ гукнувъ Петрусь.—Гляды-жъ, Оксано, мое серденько, выходь у-вечери пидъ лыпу... а? прыйдешъ?

— Па—ны—ы—чу... го—о—овъ! гукавъ Пантюхъ.

— Выйды жъ серденько, а то безъ тебе пропаду!...—Та чую, не позакладало! И чого ты надсидаешся? адже я не глухый...—казавъ Петрусь, выходячы изъ кущивъ.

Пантюхъ стоявъ на дорижци, оглядався на вси бокы та потягавъ коротеньку люльку.

— Ось де вы, а я все гукавъ-гукавъ, ажъ горлянку увирвавъ,—отъ сучый сынъ буду, колы брешу!

— А и брешешъ...

— Цебъ то я? ни, кажу—якъ передъ Богомъ: гукавъ-гукавъ...

— Гукавъ-гукавъ!—передражнывъ ёго панычъ.—Я-жъ кажу, що гукнувъ двичы, чы трычы, та вже й гукавъ... Бачъ, брешешъ!

— Нехай собакы брешуть... Я гукавъ може развъ зъ двадцять, ще ажъ на двори... колы жъ вы такы, що васъ ніякъ не доклычешся... Брешешъ! Пантюхъ, ще николы не брехавъ!—

— Ну, базикай соби... По якому дилу гукавъ?

— Та це нащотъ Ваты... чы пойидете на ій сёгодни, чы може якъ и вчора... адже вона може застоятысь...

— Тю—на твого лысого батька и тебе дурного! Такъ оце по цёму дилу й гукавъ?

— А що-жъ!—вытрищывшы очи на Петруся спытавъ Пантюхъ.

— Якъ-то „а що-жъ“? я тоби скилько разивъ заказувавъ, щобъ ты не пытавъ, а такы запрягавъ коня та й годи!

— Колы-бъ такъ—то й добре... Адже вы у-чора ще зъ ранку заказувалы, щобъ я вамъ нагадавъ сёгодня?

— Нагадавъ! онъ бачъ, що дурный... Ну, ходимъ, побачымо, що и до чого.

Пантюхъ выйнявъ зъ рота люльку, плюнувъ на бикъ и стыха проказавъ: „колы-бъ вси булы таки розумни, якъ ты, то мабуть на свити все робылось инакше“.

— Панычу! на що це вы по грядкахъ йдете? адже жъ дывится, скилько шкоды наробылы...

Петрусь и самъ не знавъ, якъ винъ забрався у грядкы зъ клубныкою.

— Тю—тю! а я й не прымитывъ. Ну, та ничого,—поросте вдруге!—усмихаючысь казавъ винъ.

Пантюхъ и соби осмихнувся, переложывъ люльку зъ одного бока рота на другый и юморыстычно проказавъ:

— Мабудь такъ вона поросте, якъ торикъ порослы на городи огиркы та квасоля, що вы зъ собакамы вытовклы...

Але Петрусь не чувъ мовы Пантюха. На двори винъ уздривъ табунъ гусей. Петрусь схопывъ Альфу за морду, повернувъ до гусей и скилько духу закрычавъ;

— Ату ёго! а та—та—та! Беры—ы...

Гусы сполохнулысь и кынулысь зъ двору на поле, за нымы Петрусь и Альфа.

— А та—та—та!.. А—ту—у!

— Оть-туды къ бису!—зъ досадою проказавъ Пантюхъ,— и що ёму ціи гусы зробылы?... Теперъ жды ёго...

Тымъ часомъ зъ поля нисся крыкъ панычa, гучне гавкання Альфы. Гусы кынулысь въ ростичъ, хто куды. Альфа бигла за гусьмы й озыралась на Петруся, нибы пытала чы навсправжкы треба хапаты гусей, чы може такъ соби—полякать... Але побачывшы, що Петрусь навсправжкы ударывся за гусьмы та килько духу крычавъ, увьязалась и соби за йидною гускою. Побачывшы, що неперелывкы, гуска кынулась у просо, прямуючы у высоке жыто, а дали, почувшы, що собака, якъ кажуть вже на хвости,—упала й перевернулась до-горы, видкынувшы голову й ногы, нибы нежыва. Альфа стала надъ нею, уткнула свій нисъ въ черево гускы й зомлила на мисти. Петрусь, не

жаліючы своёго проса, куёвдывся на ёму, якъ Марко по пеклу... Може-бъ довго ще товкся винъ въ поли, колы-бъ зненацька не наблызывся до того мисця на биговыхъ дрожкахъ Мыкола, старшый братъ Петруся.

Убачывшы таку шкоду, винъ гнивно подывывся на брата, а лыце ёго спалахнуло полумьямъ.

— Чы вже часъ наставъ просо косыть, чы що?—спытавъ винъ Петруся.

Петрусь кынувъ гуску и пидійшовъ до брата. Ёго очи сяялы, увесь винъ розчервонився, а красыве й добре на выразъ лыце було веселе.

— Вовкъ ихъ рижъ, цыхъ гусей! просто горе зъ нымы,— тилько й знають, що лазять у нашъ двиръ, нибы имъ мисця немае у другыхъ... Я якъ уздривъ ихъ на двори, та якъ нацьковавъ Альфу, то треба було бачыты, якъ гаспыдськи гусы порснулы у вси стороны... Та ось бачъ, бисови тварюкы куды попрямовалы,—прямисенько у наше просо...

Слухаючы сю просту и веселу мову, Мыкола осмихнувся, вытягъ зъ кышени цыгарку, закурывъ и сказавъ:

— Ну, сидай, щырый хазяинъ!.. Добре доглядаешъ свое добро, будешъ колысь багатый, чортове ты опудало!

Петрусь сивъ на дрожкы, зареготався и ткнувъ Мыколу кулакомъ у бикъ. Мыкола зъ серцемъ стёбнувъ коня, той зразу рванувъ й пишовъ рысью.

— И колы ты за розумъ визьмешся? Подывысь ты на себе, яка изъ тебе выросла здорова дубына?... заввышкы ажъ до неба, а дурный, кажуть, якъ треба... У цимъ роци вже третя шкода: вытовкъ овесъ зъ гончакамы, постреляв чужыхъ качокъ, а теперъ вытолочывъ просо...

Але Петрусь не чувъ, що бубонивъ Мыкола: винъ зоглядивъ горлыць, що силы на березахъ коло гуральни и почавъ соби мирковаты, якъ бы ихъ пострелять. Не встыглы дрожкы вкотыться у ворота, якъ винъ раптомъ зскочывъ зъ ихъ и кынувся у будынокъ. Въ коридори мало було не збывъ зъ нигъ стару матирь, та винъ цёго и не прымитывъ, ускочывъ въ свою

кимнату, схопывъ рушныцю й прожогомъ кынувся зъ хаты. Альфа не одставала одъ свого хозяина: вона крутылась на мисци, задравшы у-гору хвоста и высолопывшы червоного языка, та пыльно прыдывлялась до панычa.

Прыбигшы до стбгивъ дровъ, що зложени коло гуральни, Петрусь давъ ляпаса собаци, щобъ вона не вырывалась упередъ, и почавъ наблыжаться до березъ, де посидалы горлыци. Але ихъ вже тамъ не було.

— А, вовкъ васъ рижъ: утиклы, сибирни!—съ серцемъ крыкнувъ Петрусь, и знову давъ ляпаса собаци.

— Ну! иси—ту!

Петрусь постоявъ трошкы коло березъ, озырнувсь на вси бокы й потягъ у гай, що роскишно й важно розрисся навкругы одъ гуральни.

Въ гаю було тыхо и хороше. Петруся одразу обгорнуло прохолодою. Винъ зупынывся на мисци й замыслывся: на лыци розлылась нибы нудьга, а очи згаслы и спустылысь до-долу. Зразу у всимъ тили винъ почувъ нибы яку хвористь: ёго такъ и потягло до-долу...

— А, хочъ бы Лапченко або Суховій прыйихалы... нудьга бере за печйнкы... Та й ніякого биса нема у гаю!.. А ну, хлопче, ходы сюды!—крыкнувъ винъ на пастуха, що пасъ коло гаю бычкивъ.

Очи Петруся засяялы знову, а на губахъ розлывся усмихъ, нибы винъ удумавъ що-небудь хороше.

Невелычкый на зристъ пастушокъ пидійшовъ и одказавъ: „здрастуйте!“

— Знаешъ що, Омельку? Ты кумедіи любышъ? Хочешъ побачыть штуку?

— А чомъ же и не побачыть!

— Отъ здійми свого капелюха, та пидкынь у-гору, то зъ нёго вылетыть качка,—зъ повагою сказавъ Петрусь.

Омелько дывывся на Петруся, неймучы ёму виры.

— А звидкиля жъ визьмется та качка, хиба вона сыдыть у капелюси, чы що?—спытавъ винъ.

— Я тоби кажу, що вылетыть качка: дурню! Ось пидкынь-бо!

— Та воно не дыво пидкынуть; а тилько кумедно, якъ це воно такъ зробытся, що зъ капелюха вылетыть качка?...

— Ну, мерщій... Отъ же й я тебе навчу робыть цю штуку; а ты на сели будешъ хлопцямъ та дивчатамъ тежъ робыть таку кумедію... Ну-жъ, дывысь! Ачъ й собака, й та жде качкы...

— Якъ що такъ, то й добре!—Омелько знявъ капелюха и хотивъ вже було шпурляты.

— Зажды! Стань оттакъ.—Петрусь повернувъ Омелька спыною до себе.—Ну, теперъ, якъ я прокажу: разъ—два—тры! тоди шпурляй... Слухай же—разъ! два! тры!

Омелько скилько сылы шпурнувъ у гору капелюха. Колы це зразу надъ головою ёго—бахъ! бахъ! Омелько прысивъ одъ ляку, а одъ капелюха одлетило декилько шматкивъ. Не встыгъ капелюхъ упасты до-долу, а вже Альфа пидхопыла ёго й почала шарпаты.

Убачывшы, що одъ капелюха полетило шмаття, Омелько погнався за собакою, а панычъ стоявъ та реготався.

— А що убачывъ качку? Ой, утикла! Альфа, иси—ту! Ну!

Собака прынесла капелюха й положыла биля панычевыхъ нигъ.

— Що-жъ, це вы зробылы панычу? аже-жъ у мене другого капелюха немае... Омелько надувъ губы, нибы зибрався заплакать...

Панычъ реготався, закладаючы нови патроны у рушныцю.

— Матвійку, заплачъ, дамъ калачъ: тоби покажу, а самъ зйимъ,—почавъ винъ дразныть Омелька.

— Я пиду до пани жалиться на васъ!

— О, бачь, якый ты дурный есы! Адже-жъ я самъ соби тутечкы панъ... Ось не плачъ, дурню! прыйдешъ до мене у-вечери, то я тоби дамъ такого капелюха, що дивчата ажъ подуріють, якъ убачать ёго на тоби.

— А не обдурыте?

— Выгадай ще, дурню, що-небудь: я буду тебе обманювать! Прыйдешъ—то й дамъ!..

— Якъ колы що такъ, то про мене—нехай зъ мого капелюха и ще летять качкы!., А ну, панычу!

— Отъ, молодець, Омелько... Шпурляй!

Качкы литалы доты, покы зъ капелюха Омелькового зосталось одно шмаття.

Натишывшысь доволи, Петрусь зырнувъ на годынныкъ и, убачывши, що настала обидня пора, почувъ въ жывоти, нибы що стыснуло ёго. Свыснувшы Альфи, винъ линывою ходою пишовъ до-дому. На лыци знову розлылась нудьга, а очи стухлы. Ёму не хтилось ступаты ногамы, винъ почувавъ себе нибы розвареныть.

— А що вбылы, панычу?—гукнувъ до ёго зъ гуральни Шлёма, вынокуръ.

— Оттакого пранцюватого жыда, якъ ты, Шлёма!

— Шуткуете, панычу, нехай здорови будете! Хе—хе—хе... А знаете, панычу, що я вамъ мушу казаты? чомъ вы не доглядаете пидвалу? бороны Боже, щобъ чого не лучылося?

— А, видчепысь ты зъ пидваломъ! Мени йисты хочется, ажъ печинкы тягне, а винъ зъ пидваломъ... Тамъ-же Мордко сыдыть!

— Пхе, Мордко! Ёму що? винъ свій интересъ мае, а що ёму до вашого?... Якъ хочете,—мое дило сторона.

— Счезны ты зъ Мордкомъ и зъ пидваломъ и во всимы жыдамы!... Тутъ колы-бъ мерщій до хаты дошхатыся, да допастыся до стравы...

Шлёма подывывся у-слидъ панычеви, поцмокавъ губамы и покывавъ своею головою.

— Ой, ой, що то за хазяинъ! и худоба, и все... а до того и повага и панство... Ой —ой! Колы-бъ не Мыкола Дмытровычъ, вже давно одъ ціеи экономіи и шматка не зосталося-бъ! Здается й чоловикъ, а про те... пхе!

IV

— Ху, ото утомывся... нехай ёму абы-що!... Ой, йисты хочу!—казавъ Петрусь, увиходячы у столову и кыдаючысь на канапу, не вважаючы, що биля стола сыдилы маты й Мыкола.

— Зъ велыкого дила, мабуть?—иронычно промовывъ Мыкола.

— Ажъ рукы й ногы заболилы... ой—ой! хай ёму цуръ! Тай спека до того,—ледве ворочаючысь на канапи, казавъ Петрусь.

— Якъ тоби не соромно, Петрусь, ганяться за гускамы по своёму просови, та товкты ёго?—почала стара маты.—Адже-жъ и такъ що-дня яку-небудь шкоду та зробышъ. Вже-жъ пора й за розумъ братысь, бо скоро стукне двадцять пьять рокивъ, а ты й доси якъ мала дытына тыняешся безъ дила; а ще й до того и въ гласни по земству збираешся!...

— Ото прысикалыся знову... Якъ трапытся що робыть, то й буду робыть... Отже я й теперъ роблю!

— Що ты робышъ, недотепный ты гультяю?—зъ паломъ проговорывъ Мыкола.

— Якъ що? А гуральню й пидвала хто доглядае! Моеи роботы не выдно!—зобиженымъ голосомъ сказавъ Петрусь.

— Добре доглядаешъ, що въ пидвали здорова нехватка спырту, а въ кныжкахъ щось понапысувано такъ, що й не прыведы Боже! Одъ прыйиде чыновныкъ на ревызію, знову зробыть протокола...

— Оце надойидлыви, якъ мухы! Чы у мене дви головы, четверо рукъ и нигъ, щобъ я усюды знавъ, що и якъ робытся. Якъ що не такъ, то дывысь самъ... Ой, йисты хочу!... О, несуть!

Кулына увійшла зъ стравою, постановыла на стилъ и скоса, усмихаючысь, подывылась на Петруся.

— Сыну!—почала стара пани:—на що ты вьяжешся до Кулыны? Вона и сёгодня жалилась на тебе,—казала, що якъ ты ще будешъ чипляться до неи, то вона покыне насъ и пиде у

друге мисце; а вона-жъ така хороша робитныця, працюе, якъ у себе вдома...

— О, теперъ зъ Кулыною прысикалысь, нехай вона вамъ кризь землю провалытся! Якый чортъ іи займае? Не бачывъ такого добра,—уплитаючы страву такъ, що ажъ за вухамы лящало, казавъ Петрусь и трохы почервонивъ зъ лыця.

— Такъ на вищо-жъ вона скаржытся?—спытавъ Мыкола и стукнувъ кулакомъ по столу.

— Пиды спытай іи... колы вона дурна!

— Мабуть, що розумнійша одъ тебе, чортове ты опудало! Якъ горохомъ объ стинку!..

Петрусь мовчавъ та йивъ. Мовчалы маты й Мыкола.

— Ху! Ото найився, ажъ тяжко стало,—проказавъ Петрусь, скинчывшы обидъ.—Колы-бъ до лижка добраться!

— Куды-куды, а до лижка доберешся, щырый хазяине! Твоя робота—одъ стола до лижка та одъ лижка до стола!—пославъ ёму навздогинци Мыкола.

— Кажы соби, а я тебе нибы не чую...

Увійшовшы у свою кимнату, винъ бехнувся на постиль, повернувся на бикъ—и не схаменувся, якъ викы закрылысь и винъ заснувъ глыбокымъ сномъ.

V.

— Зовсимъ недотепный выйшовъ зъ ёго чоловикъ! Бевзь тай годи!—казавъ Мыкола матери, якъ Петрусь выйшовъ зъ столовои.—Мабудь ничого путнёго не выйде зъ нёго. Дыво те, що вси шкоды и збыткы, яки винъ робыть, не мають характера злого... а такъ соби—зъ дурного розуму. Щастя, що ще нема у нёго прыхыльносты до горилкы та ще до де-чого другого...

Маты тяжко зитхнула и понуро дывылась доли. Въ іи голови ворушылысь думкы и надіи, яки вона мала, якъ Петрусь бувъ ще маленькымъ. Покійный іи чоловикъ, умыраючы, казавъ, щобъ доглядалы Петруся и—килько сылы й праци—прыкладалы рукъ до ёго вчення, бо якъ не втовчете ёму въ голову,—казавъ старый,—того, що потрибно знаты теперечкы кожному молодому чоло-

викови, котрый почынае жыть своимъ розумомъ, то потимъ вже ничого не выйде: пропадуть и гроши и праця!—А вже якъ ходылы биля Петруся—и Боже мій мылостывый! Переводылы изъ гимназіи въ гимназію; наймалы по два репетытора; переплатылы чымали гроши... Вже маты й плакала, Богу молылась и Петруся просыла... Такъ ни!.. Петрусь дійшовъ до четвертои кляссы—ёму тоди бувъ 18-й рикъ—и дали, якъ кажуть, ни тпру, ни-ну! Репетыторы одмовлялысь заниматься зъ имъ дали, а дыректоръ гимназіи ій такъ сказавъ:—Вашъ сынъ зовсимъ не може заниматься, бо у ёго нема ніякои охоты. Здается, нибы винъ и слуха урокы, якъ слидъ, не балуется... а про те до вчення винъ не ладенъ. И товарыши ёго люблять за ёго веселый характеръ... Краще буде, якъ вы визьмете ёго, да прыставыте до хазяйства... Може зъ ёго буде добрый хазяинъ. Да вже винъ и чы-малый левенець...

Тяжко було слухаты матери таку мову: кожне слово, якъ гаряче олово, падало на іи серце и немылосердно пекло ёго... Але и зъ хазяйства ничого путнёго не выйшло: Петрусь бильше возывся зъ собакамы, киньмы, рушныцямы, та велосипедомъ. Потимъ зробылося такъ, що Петрусь зовсимъ переставъ торкатысь до хазяйства, да воно було й краще, бо куды ни совався Петрусь, тамъ роботы не було. Прыйшлось самій старій пани на старости литъ бигать по хазяйству и давать усяки порядкы. Головне-жъ дило по экономіи було у рукахъ Мыколы, хуторъ котрого бувъ въ пьяты верстахъ одъ батькивського... А Петрусь бувъ далеко не дурный: у ёго розумъ, якъ кажуть, бувъ свій, мавъ винъ серце добре. Посередъ людей Петрусь выглядавъ бравымъ и веселымъ хлопцемъ. Вси сусиды, прыхыльни до ёго, звалы Петромъ Дмытровычомъ, зазывалы до себе у гости, особлыво туды, де булы молоди панны. У гостяхъ винъ балакавъ про хазяйство, гравъ у преферанса и стукалку, зъ кумпаніей йиздывъ на полювання, справлявъ маёвкы,—одно слово жывъ и робывъ такъ, якъ жылы и робылы вси сусиды—паны й панкы. Зъ паннамы Петрусь зовсимъ бувъ инчымъ: винъ бувъ и веселый, и делыкатный; въ танцяхъ и писняхъ винъ бувъ не зъ послиднихъ. Панны

до ёго залыцялысь дуже, а де-яки нышкомъ зитхалы, дывлячысь на Петрусеву вроду й пышну постать. Була така чутка, що зъ де-якымы паннамы у ёго вже булы й романы, але Петрусь про це никому не розсказувавъ, навить й свому прыятелеви—Лапченку, зъ якымъ у ёго була така дружба, що ихъ звалы навкругы Орестомъ и Пыладомъ.

VI.

— Ну, якъ-же винъ пройде у земство? Дай Боже, щобъ ёго выбралы у гласни: може-бъ на людяхъ порозумнійшавъ. Я й сама не знаю чого, а у мене така надія йе, що зъ ёго колынебудь выйде добра людына; винъ-же не дурный... тильки гульвиса,—казала стара пани Мыколи.

Той тильки покрутывъ головою и, уздривши въ дверяхъ Суховія, що зятемъ прыходывся Кущамъ, проказавъ:

— Нехай вже ёго прыятели роблять, якъ хотять... Ну, Иване, ось и ты,—сидай, та будемо радытысь...

— Та оце й я... може заскучалы за мною? Якъ вы тутъ маете?.. У насъ все благополушно...,—казавъ винъ дзвинкымъ голосомъ, нибы торохтивъ по якій металычній дошци.

— Може йисты хочете? Мы оце тильки—що пообидалы... Якъ що хочете, то кажить... Кулыно!—заходылася стара пани коло Суховія.

— Дякую за ласку: я вже по обиди. Не хтилося спаты, а ще до того мы умовылысь зъ Петрусемъ та Лапченкомъ пійты по болоту, може побьемо бекасивъ... А де-жъ Петрусь? Чы вже може хропе?

— А ёму що робыты, якъ не хропты,—сказавъ Мыкола и почавъ розсказуваты про просо й про Кулыну.

Суховій почавъ реготаться, та додававъ ще де-що до мовы Мыколы.

— Такъ оце миркуемо, якъ-бы ёго прыстроить до дила—хочъ у земськи гласни. Може, на людяхъ визьмется за розумъ. Вы-жъ такы намъ родычъ, а ёго прыятель, та ще до того гласный,—казала пани.

— Выберемо, ось побачыте... Тилько-жъ треба ёго отдилыты, щобъ у ёго бувъ цензъ. Выборы будуть зъ весны, то треба хапатысь. Нехай послужыть обществу.

— А якъ не выберуть?—зъ журбою спытала пани.

— Я кажу, що выберуть!.. До нашои партіи належыть половына усихъ гласныхъ, да ще на прымити йе чоловикъ зъ пьять, до того й родычивъ до сто-биса... Треба тилько на якый часъ покынуть собакъ, коней та полювання, та пойиздыть по суcидахъ, щобъ и себе показать, и другыхъ побачыть. Ну, та то пусте: це вже я зъ нымъ пойиду.

— Добре буде земство, якъ оттаки гласни визьмутся за дило,—иронычно сказавъ Мыкола.

— А хиба що?—поважно спытавъ Суховій и згорда подывывся на Мыколу.—Яке було, таке й буде! Бильше того, що зробылы, не зроблять.

— Певно, що зъ такымы гласнымы та членамы ничого бильшого не зроблять... Отъ ты вже тры рокы гласнымъ,—скажы, що вы зробылы такого, за щобъ васъ можна було подякувать?

— Ще й пытае! А хто зробывъ экономію на всёму? Хто агытуе, щобъ земське земельне обложення на помищыкивъ було менче?

— Такъ що-жъ зъ того? Правда, экономію нагналы здорову: усихъ акушорокъ порозганялы, якъ непотрибныхъ; осушытельни канавы, що почалы було копаты пры старимъ земстви, закынулы; статистычну комиссію знычтожылы... Эгъ, та й що балакать!...—зъ досадою махнувъ рукою Мыкола.

— Такъ чомъ-же ты, й други таки, якъ ты, не йдете служыть по земству? Мы робымо, що належыть робыты земству, якъ воно у законахъ опредилено, словомъ—„по пысанію“...

— Хиба що „по пысанію“: свое добро боронyты, а на крестьянське тяготу ще дужчу наложыты...

— А ты-жъ якъ думавъ: щобъ я, гласный, та робывъ соби збыткы? Отъ якъ крестьяне визьмуть верхъ, тоди воны будуть боронyты свои интересы, а покы мы у земстви—поты будемо трыматы свою, якъ кажуть, лынію!..—насмишкувато казавъ Суховій, дывлячысь на Мыколу, якъ на малу дытыну.

Эть!—зъ серцемъ сказавъ Мыкола...—Годи! все йидно не буде мижъ намы въ цимъ дили згоды... Краще, давай миркувать, якъ бы намъ оцёго бевзя навесты на путь праведный...

— Та що-жъ теперь миркувать?... Потимъ буде выдко... Та вже й часъ бы ёму уставать. Пиду, побачу, якъ винъ хропе.

Суховій пидійшовъ до кимнаты Петруся и подывывся на лижко. Петрусь розкынувся на лижку и спавъ мицнымъ сномъ. Коло ёго на постили-жъ лежала Альфа. Побачывшы Суховія, вона закрутыла хвостомъ и почала облызуваться.

— Петрусь, уставай! годи вже хропты, а то уси качкы та бекасы повтикають... Чуешъ?

Петрусь лупнувъ очыма, вытягнувся на всю довжыну тила и знову захрипъ.

— Ну, тутъ треба гармату прывезты!—Суховій пидійшовъ до лижка, взявъ Петруся за ногы и потягъ до себе.

Петрусь одразу прокынувся й учепывся обома рукамы за постиль, зляканымы очыма дывлячысь на регочучого Суховія.

— Ажъ ось колы розбуркалы! Уставай мерщій, та пидемо на болото!

— А—а!.. оце заснувъ гарно, вовкъ ёго рижъ! фу!.. Це ты, Иване? А де-жъ Лапченко? Тьху, якъ у роти погано!.. Кулыно! Стехо!—закрычавъ Петрусь.

— Такъ воны до тебе заразъ и прылынуть!—сміючысь казавъ Мыкола.

— Треба що-небудь солодкого зйисты, а то... пху! А—а! оце розиспався.

— Ну, годи-годи потягатысь та вылежуватысь... Ходимъ, а то и справди бекасы за намы заскучылы,—казавъ Суховій.

— Оце ричъ до-ладу... Заразъ!—Петрусь схопывся зъ лижка и почавъ клопотаться биля рушныци и набою. Глядючы на це, Альфа и соби заклопоталась.

— Земство пишло на роботу,—казавъ Мыкола, входячы у кимнату старои пани.

VII.

Биля болота Петрусь и Суховій розійшлысь въ рижни стороны, якъ кому забажалося. Петрусь зъ Альфою потягся по-пидъ лисомъ и все прыказувавъ Альфи: иси-ту, вовча! Про те Альфа на це не вважала и якъ скажена бигала по болоту, то ховаючысь въ осоци, то вырынаючы зъ неи. По всёму було выдко, що вона зовсимъ була незвычайна до охоты. Килько разивъ зрывалысь, якъ навижени, бекасы; паничъ стрилявъ по ихъ, а про те ще ни одного не убывъ. Було багато лементу и крыку; бекасы и инша дычына розлиталысь у вси стороны; Петрусь ще гирше крычавъ, покы не втомывся.

— Этъ, хай воны показятся, ци бекасы!..—зъ досадою крыкнувъ Петрусь, увійшовшы въ дубнякъ и простягаючысь на трави. Винъ уставывся очыма въ ясне голубе небо и дывывся, якъ маленьки, нибы выковани зъ срибла, хмары пиднималысь зъ-за очерету и ховалысь за лисомъ. Ёму здавалось, що и винъ тежъ несется кудысь,—и ёму зробылось на души и серци такъ гарно та весело. Надъ нымъ гулы мухы, у трави дзвенилы птахы; навкругы була поэтычна картына. Петрусю хотилось лежать довго-довго, прыслухаться до тіеи тышы; тилько ёму не довго прыйшлось почуваты на серци таки мысли; ёму раптомъ спогадалысь сёгодняшній обидъ и мова матери. Ёму зробылось ніяково; лыце трохы почервонило, и винъ зъ досадою крутнувъ головою, нибы одганяючы уйидлывыхъ мухъ.

— А, нехай воно западется! и лизе у голову щось непотрибне!...—Винъ перевернувся лыцемъ у-нызъ и уткнувся носомъ въ долони рукъ. Въ ёго очахъ зъявылась фыгура Кулыны и іи ризки, правдыви слова; а дали журлывый поглядъ матери и гнивный голосъ Мыколы. Петрусь зразу зирвався зъ мисця.

— А, бый тебе нечыста сыла!.. оце спокою и тутъ нема одъ ихъ!.. Ого—го—го! Иване!—почавъ винъ звaты Суховія и посунувся у ту сторону, де почувся гукъ одъ рушныци Суховія.

— Хиба вже годи стриляты? адже ще рано?—спытавъ Суховій.

— Атъ, нехай воно западется зъ ціею охотою!.. Нудьга за серце бере; ходимъ, лышень, та краще утнемо у преферанса, покы Мыкола тута.

— Про мене, якъ у преферанса, то й добре... Знаешъ що, Петрусь, а воно штука гарна выйшла-бъ, якъ-бы въ цимъ роци ты зробывся гласнымъ! Отъ я вже тры рокы гласнымъ, а далеби що добре!

— А що я тамъ буду робыты?—спытавъ Петрусь.

— Якъ то що робыты? Овва! А те, що и я: йизжу у городъ, на охоту, у гости, граемось у карты и де-що друге. Яка наша робота? На собраніе прыйихавъ, послухавъ, що треба, сказавъ до ладу, додержавъ свою партію—та й добре. А потимъ до гурту на выпывку, або до панночокъ и паній залыцятысь...

Петрусь осмихнувся.

— А якъ жинка дознается?—спытавъ винъ.

— Робы такъ, щобъ не знала... Аже-жъ уси такъ роблять,—чомъ же и намъ не робыть? Окримъ того, завше буваешъ помижъ людей, чуешъ нову мову, де-чому и самъ навчышся... Ни, такы справди я тоби кажу, що земськымъ гласнымъ добре буть...

— Та я ничого протывъ не маю; чому и не послужыть? бо вже я й самъ миркую, що оттаке мое жыття мени вже осточортило,—хоть зъ нудьгы окрутытысь зъ кымъ-небудь!

— Зъ кымъ-небудь?—насмишкувато перепытавъ Суховій.— А Лагодивну забувъ?

— Лыце Петруся одразу спалахнуло полумъямъ и винъ залупавъ очыма.

— Що таке, Лагодивна?.. Хиба я...

— Ага, попався, хлопче! То-то: хиба я... Але и мы що-небудь прымичаемо... Ты думаешъ, що мы таки дурни? Хто звивъ зъ розуму Лагодивну? Кого двичи застукалы у кутку, якъ вы, нибы голубкы, циловалысь?.. А вона була-бъ такы тоби до пары: хорошого роду и до того дочка заможнёго батька, десятынъ зъ чотырыста на прыдане визьмешъ... А що, зйивъ печеного рака?—реготався Суховій.

— Одчепысь ты зъ своею Лагодивною!.. Ну, цилувавъ и обнимавъ! тоби заздрисно, чы що?

— А чому и ни! Дивчына хороша, вродлыва и дуже пышна...—Суховій заплямкавъ губамы, нибы въ ротъ попало щось солодке, а очи ажъ заблыщалы. Винъ захихикавъ, а дывлючысь на ёго, зареготався и Петрусь.

— О, то правда, що дивчына! Тамъ така палка, та жвава та пухка—якъ свижа паляныця. Одъ іи поцилункивъ у мене ажъ духъ выпырае, а у голови и очахъ нибы метелыкы почынають литать. Якось у цихъ дняхъ у квитныку за бузкомъ вона схопыла мене за шыю, прытягла до себе, та якъ упылась своимы губамы у мои, нибы пьявка, то я, сучый сынъ буду, думавъ, що здурію; казала, що никого такъ ще не любыла, якъ мене.

— Щаслывый! сами панны чипляются тоби на шыю, не то що намъ гришнымъ... Ну, дакъ на чому-жъ стало? Жинка вже на прымити йе, а земство тежъ не втиче!

— Миркуй вже ты, Иване, а мени якось не тее... О, що це за галасъ такый? А, дивчата купаются у ставу! Петрусь и Суховій зупынылысь и почалы прыдывляться.

VIII.

— А и справди купаются!—крыкнувъ Суховій и ажъ закрутывся на мисци.—Давай врижемо штуку!

— Яку?

— Зъ-за стосивъ дровъ выпалымо зъ рушныць и кынемось до воды, та поховаемо ихню одежу,—побачымо, що воно зъ того буде!

— Отъ такъ штука!—Петрусь зареготався, ажъ прысивъ на мисци.

— Воны познималы рушныци зъ плечъ и тыхенько посунулысь до ставу по-за стосамы дровъ, докы не убачылы дивчатъ у ставу. Тіи соби безпешно булькалысь у води, брызкалыся, чиплялысь одна до однои, плавалы, якъ кажуть, наче жабкы, и гралысь незвычайно, якъ мали диты.

Колы це зразу,—трахъ! трахъ! Ату—ту! Ого—го—го! Альфа! Лордъ!

Суховій, Петрусь и собакы зразу опынылысь коло ставу.

Дивчата переляколысь и спершу скаменилы на мисци, а дали, убачывшы Суховія и Петруся, заверещалы килько сылы, кынулысь, де глыбче, и прысилы у води, такъ що надъ водою булы выдко тилько ихъ головы.

— Пиль, Альфа! Лордъ, беры! А, да й качкы добри, матери ёго бисъ! Отъ такъ дычына!—реготучысь казалы Суховій и Петрусь.—А ну, вылазьте, мои мыли каченятка!

Дивчата и соби почалы реготаться.

— Краще вы лизьте до насъ у воду, тутъ не такъ душно.

— Дивчата, дывиться, що мы зробымо зъ вашою одежою!—крыкнувъ Петрусь, беручы одежу дивчатъ.

— Ой, паничу, що вы робыте? На що забирать одежу? Хиба жъ це намъ доведется сыдиты отутъ ажъ до ночи?

— Про насъ, сыдить хоть до свита... Адже вы теперъ русалкы, а не дивчата!

— Ой, якъ же це мы будемо безъ одежи! Паничу, не робить-бо шкоды! Намъ же треба ще й до роботы йты...

— Якъ треба, то й підете... Якъ що у пивночи будете йты, то люде полякаются,—подумають, що видьмы, та повтикають...—реготався Суховій.—Ну, плывить блыжче до берега, та вылазьте на траву! Чуете? А то позабыраемо одежу навсправжкы, щобъ не паскудылы воду у ставу. Вылазьте!

— Такъ що воно буде зъ цёго?—спытала одна дивчына.

— Якъ що? Побачымо, якъ вы одягаетесь...

— На що воно вамъ здалось?—пыталы дивчата.

— Э, що зъ вамы балакать! беримо одежу!—крыкнувъ Суховій.

Дивчата загвалтовалы.

— Ганко! вылазь ты перша, бо ты смилійша!

— Выдумайте ще що-небудь! Про мене, нехай беруть, я буду сыдить хоть до пивночы...—казала Ганка.

— Чы не соромъ оце вамъ зачипать насъ?—казалы дивчата.—Нибы парубкы, а не паны...

— Базикай соби!—реготався Петрусь.—Сыдить у води, а мы пійдемо. Одежу знайдете коло клуни!—крыкнувъ винъ.

Воны покыдалы одежу коло клуни, а сами сховалысь за дверыма и пильновалы дивчатъ, колы тіи выйдуть за одежою.

Незабаромъ зъ-за кущивъ вызырнула одна дивчына, а дали и друга. Побачывшы, що коло клуни нема никого, воны швыдко побиглы до одежи и почалы хватать іи. Колы це въ клуни зъ галасомъ и реготомъ повыбигалы Суховій и Петрусь и погналысь за дивчатамы. Тіи ще гирше заверещалы и прожогомъ кынулысь до ставу.

— Ой, видьмы! ловы ихъ... а—та—та!—якъ скаженый крычавъ Петрусь.

— Ну, буде зъ ихъ! Пошутковалы и де-що бачылы!—казавъ Суховій.—Ходимо теперъ хоть малу пульку заграемо у преферанса.

Воны, якъ божевильни, реготалысь та згадувалы дивчатъ, якъ воны втикалы одъ ныхъ.

IX.

Мыкола тилько осмихався, слухаючы, якъ Петрусь и Суховій, перебываючы одынъ другого, розсказувалы про дивчатъ.

— Молодци, козакы! будете добрымы земцямы, бо до усёго додывляетесь, а до дивчатъ особлыво; адже и дивчата до земства належать... Якъ що грать у карты, то мерщій, бо мени треба йихаты: до захода сонця треба побуваты по-де-куды.

— Паначу! почувся голосъ Пантюха.

— Чого тоби?—спытавъ Петрусь, розставляючы стилъ и розбыраючы карты.

— А якъ же Вату? Може самому пройихатысь на ій?

— Счезны зъ моихъ очей, сатано! Ото прысикався... Хиба жъ ты не бачышъ, що я занятый? Тутъ саме дило, а винъ зъ Ватою розносывся! Йидь самъ!...

Пантюхъ почухавъ потылыцю и проказавъ:

— Ото горе! Сами ще звелилы... и отакъ кожный день... Вже мени остогыдло...

— Тоби кажуть—счезны, то й счезны!—крыкнувъ Петрусь.

— Якъ день не пограю у карты, то нибы чого не хватае: така нудьга за серце бере, що й не знаю, що робыты!—казавъ Петрусь, здаючы карты и розглядаючы свою здачу.

— У, братци вы мои! А ну, хто каже? Пасъ? А у мене, вовкъ ёго рижъ, ажъ разъ!

— А що буде, якъ я скажу два?—одказавъ Суховій.

— Два? а, лыхо ёго матери! то нехай будуть мои... Лыце Петруся розчервонилося, а пальци нервово перебиралы карты.

— Дывысь, чы ба? а ну, нехай буде тры!

— А бый тебе нечыста сыла! мои!—ажъ крыкнувъ Петрусь.

— А чотыри?...

— Мои!

— Ну, колы и чотыре твои, то нехай буде по твоёму. Беры прыкупку!—регочучысь казавъ Суховій, выразно поглядаючы на Мыколу.

Рукы тряслысь у Петруся, колы винъ бравъ прыкупку и перевернувъ карты. Тамъ бувъ король и тузъ, якъ-разъ до масти Петрусевои карты.

— Ой, братци мои! Ой! отъ такъ купывъ! Ха—ха!—зарепетувавъ винъ на вси кимнаты.—И не сподивався на таку прыкупку... Ой! а ну, девьять жыривъ!

Мыкола и Суховій покыдалы карты и почалы роздывляться Петрусевы: тамъ було усихъ десять!

— Ну й щастыть тоби, чортовому опудалови!—сміючысь промовывъ Мыкола.—Не сіе, якъ сказано у пысаніи, не жне, а збирае у свои жытныци.

— Петрусь бувъ якъ несамовытый: винъ реготався, крычавъ на уси кимнаты, такъ що выйшла стара пани подывыться, якъ іи любый Петрусь росходывся.

Вона сила на кресли, дывылася на Петруся и думала:

— Отъ якъ-бы до роботы такый бувъ щырый, якъ до картъ! И лыце горыть, очи блыщать,—зовсимъ якъ покійныкъ Дмытро Семеновычъ,—якъ вылытый; тилько винъ до роботы бувъ дуже прыхыльный.

Вона задумалась навить такъ, що не чула ни гвалту, ни лементу, якый счынылы грачи. Вси думкы іи вылыся коло давно уже знышшого часу, колы вона и покійныкъ булы молоди, весели, щаслыви и повни надіи на грядущи рокы...

X.

— Хиба теперъ пойидемо до Лагоденкивъ?—спытавъ Суховій Петруся, якъ воны скинчылы граты у карты.

Той сполохнувся, але, щобъ не даты Суховію поводу задля жартовання и насмишкы, проказавъ:

— Та хто ёго знае; вже нибы и пизно...

— То пусте! Посыдымо тамъ трошкы. Та мени такы зъ старымъ Лагоденкомъ треба про де-що побалакаты. Ну-жъ, рушаймо! тилько тры верствы, а ничъ буде мисячна...

Петрусь мнявся, нибы ёму зовсимъ не хтилось йихаты.

— Чого це ты гедзькаешся?—сказавъ Мыкола.—Йидь, а то сыдячы оттута, ще, бороны Боже, занедужаешъ.

— Ну, то й пойиду. А якъ мени йихаты? Пойиду на велосипеди!—ришывъ Петрусь.

Хутиръ Лагоденкивъ бувъ поручъ зъ хуторомъ Кущивъ. Ци два семейства завше булы у добримъ прыятельстви здавна, ще за прадидивъ. Дорижка йшла помижъ высокымы стинкамы шпеныци, а дали, гонивъ зъ чотыры до хутора, повелась мижъ молодымъ дубовымъ лисомъ. Петрусь на велосипеди обигнавъ Суховія и вкотывся у одчынени ворота панського двору.

На ганку будынка стояла молода Лагодивна, нибы дожыдаючы гостей. Це була высока на зристъ панна, красыва, повнобыда, зъ червонымы, якъ жаръ, губамы, чорнымы бровамы, сынимы очыма и роскишнымъ волоссямъ. Вона була одягнена въ просту сукню, и ця сукня во всій краси выявляла іи роскишну, якъ у Венеры, постать.

Убачывшы Петруся, вона весело усмихнулась и проказала:

— Ажъ ось и вы... Насылу такы прыйихалы! Це вже четвертый день, якъ я васъ не бачу. Чы що случылось у васъ на

хутори? Чы може, бороны Боже, хто заслабъ? Якъ ненька пожывае?

— Та хто ёго знае!—казавъ Петрусь, здоровкаючысь.— Здается, нибы у насъ все благополушно...

— Ну, такъ чомъ не прыйизжавъ?.. А це хто йиде? Суховій... Ну, то винъ до батька по дилу, а мы, молоди, ходимъ у садъ...

— Про мене, якъ у садъ, то и у садъ...—промовывъ Петрусь, йдучы за Лагодивною и не зводячы очей зъ роскишнои іи постати.

Воны увійшлы у бесидку, що стояла такы далеченько одъ будынка. Сонце вже зовсимъ ховалося за горызонтъ, и въ бесидци було темно.

Лагодивна сила на лавци и взяла рукы Петруся.

— Ну, теперъ кажы, чому не прыйизжавъ ціи дни?

— Та... булы дила!—Петрусь зпустывъ очи до-долу передъ іи палкымъ и гострымъ поглядомъ, котрый нибы пронызувавъ ёго наскризь и мовъ чытавъ у ёго души все, що тамъ робылось.

— Яки тамъ теперъ у тебе дила? байдыкы мабуть бывъ! кажы по правди?... Я за тобою скучыла, навить хотила було вже сёгодни навидатысь до васъ... Ну, кажы-жъ!

— А... та не такъ дила, якъ...—заплитаючысь, казавъ Петрусь и почувавъ, якъ ёго нибы хто окропомъ облывавъ; навить ажъ вуха почервонилы.

— Ну, ну! що? якъ?—стыснувшы ёго рукы, казала Лагодивна.

— Та... я й самъ не знаю...—тыхо проказавъ Петрусь и подывывся своимы добрымы очыма на Лагодивну.

Та стыха засміялась, пыльно подывылась на ёго своимы чудовымы очыма и ще блыжче схылылась до ёго.

— Господы, яка ты ще дытына! Але жъ яка гарна, мыла, та щыра дытына!.. зовсимъ мале хлопья.—Кажы: бывъ байдыкы?

— Бывъ...—якъ зачарованый одказавъ Петрусь.

— Зъ собакамы за зайцямы та качкамы ганявъ?

— Ганявъ...

— Ну, а... за... за...—Лагодивна одпыхнула ёго одъ себе, стала передъ нымъ во весь свій пышный зристъ, іи бровы гризно здвынулысь, а очи заблыщалы.—Ты дывысь мени: за зайцямы та качкамы бигай скилько хочъ, а якъ тилько почнешъ ганятысь за отымы... Ну, та ты и самъ добре знаешъ, за кымъ,—то я не знаю, що тоби зроблю! чуешъ?—Вона посварылась на ёго маленькымъ пальцемъ.—Утямывъ? Ты щыра, проста душа, и про те—дуже збалована...

Петрусь и справди бувъ передъ Лагодивною нибы мала дытына. Винъ, якъ школяръ передъ вчытелемъ, стоявъ спустывшы очи до-долу, переступаючы зъ ногы на ногу.

Побачывшы Петруся у такій пози, Лагодивна осмихнулась, взяла ёго знову за рукы и сказала ласкавымъ голосомъ, якъ маты каже своій дытыни:

— Годи—годи, мое серце! Це-жъ я тилько пожартувала! Бильше не буду... Злякався? думавъ, що розсерджусь? Эге? Та подывысь мени ў вичи...

— Ой, Галю, не вражай такъ мого серця!—почавъ винъ трохы збентеженый.—Якъ побачу твои очи, твои вустонькы, почую твою мову, то не знаю, що зо мною робытся. У мене и паморокы заморочуются, якъ ты отакъ на мене дывышся своимы дывнымы очыма!

Петрусь рванувся до неи, обнявъ за тонкый, ривный, якъ тополя, станъ, прыгорнувъ до себе и почавъ іи цилуваты: и въ вуста, и въ шыйку, и въ волосся. Лагодивна нибы зомлила въ ёго дужыхъ рукахъ; вона одкынула голову и рукы; очи блыщалы зъ-пидъ спущенныхъ викъ; вона зблидла на лыци и почула, нибы у неи серце перестало быться. Дали вона раптово обхопыла рукамы Петруся за шыю, прытулыла ёго до своихъ грудей и гаряче поцилувавшы въ ёго губы, одразу одпыхнула одъ себе.

— И хто ёго знае, чого ты мени сподобався? Чы твоя врода мене прычарувала, чы твое просте та добре серце и душа мене зъ розуму зводять—я и сама не знаю... Ну, годи вже, годи... Пора и до будынка,—казала Лагодивна, оправляючы свое волосся и сукню й выходючы зъ бесидкы.

Петрусь бувъ нибы пьяный: винъ не твердо ступавъ ногамы и тяжко дыхавъ: ёму здавалося, що у ёго щось рвется въ грудяхъ и въ голови.

Лагодивна ёго заспокоювала и стыха прыказувала:

— Годи вже... нибы и справди дытына.—Вона взяла ёго пидъ руку и почала полегеньку сипать ёго.

— Що-жъ ты дали нагадавъ робыты, Петрусь? Чы дома зовсимъ зостанешся байдыкы быть, чы може пидешъ по служби якій-небудь? Я чула, нибы ты хочешъ питы по земству?

— Та про мене, хочъ и по земству... Якъ що ты скажешъ, то я и у гласни згоденъ иты.

— Що—я! Не я буду служыть по земству, а ты... Навсправжкы—чы хочешъ самъ ты, чы ни?

— До мене вже и дома чипляются зъ цимъ диломъ, а сёгодня прычепывся и Суховій,—казавъ, що якъ я хочу, то небезпреминно проведе у гласни.

— Ну, то й добре... Все-жъ такы хочъ ничого не робытымешъ, а про те нибы у дила стоишъ. Мій тато та ридня зъ охотою дадуть тоби свои голосы,—це вже я на себе беру; ридня Суховія тежъ, а у ёго ридни, здается, мало не пивъ-повита.

— Петрусь одразу зареготався и махнувъ рукою.

— Чого це ты?—спытала Лагодивна.

— Ха—ха! и якый зъ мене буде гласный? И що я тамъ буду робыты? Суховій казавъ, що буцимъ-то весело тамъ на засиданіяхъ: будемо у карты граты, бенькетувать и де-що инше...— Лагодивна и соби засміялась.

— Та то пусте! Будемъ робыть те, що и други роблять.

— Да вже потимъ побачымо!—одказала вона, прытулюючысь блыжче до ёго и пыльно зазыраючы ёму у вичи.

— То-й побачымо!—безпешно проказавъ Петрусь, ввиходячы у кимнату будынка, де сыдилы старый Лагоденко и Суховій.

Прывитавшысь до Петруся, Лагоденко, вже сывый, а про те дужый та мицный чоловикъ, розгладывъ свои роскишни вусы и проказавъ:

— Такъ оце вы, Петро Дмытровычъ, маете намиренвя по земству питы. Що-жъ, вже часъ и пора послужыты обществу... Да и кому-жъ служыты, якъ не такымъ молодымъ людямъ, якъ вы, та ще-й до того такымъ обезпеченымъ... За мною дило не стане, мій голосъ за васъ... Послужить, та наши интересы боронить, бо старе земство на насъ, помищыкивъ, насило було добре... Дякувать теперешнёму земству (винъ схылывъ трошкы голову у сторону Суховія)—нибы стало легче... Послужить, послужить!

— Ничого, послужыть! Буде зъ ёго добрый гласный, винъ додержыть своій кумпаніи... Головне дило у кумпаніи спильній, тоди можна усе робыть, що намъ схочется!—додавъ сміючысь Суховій.

XI.

Мисяць вже высоченько пидбывся, якъ Петрусь пидйихавъ до воритъ своеи оселя... Чудова ничъ, палки речи и поцилункы Лагодивны, іи ривна, якъ тополя, постать—розпалылы серце Петруся, и винъ почувавъ себе якось ніяково. Винъ зупынывся у воротяхъ и подывывся навкругы... Передъ нымъ була така картына, на котру годи було не задывыться. Навкругы було тыхо-тыхо! Ничъ, тепла и ароматычна, нибы зачарувала усе жыве,—ниде а-ни телень! Шыроке поле упыралось у темный лисъ и блыщало та перелывалось одъ мисячного проминня. Дывлячысь на цю картыну, Петрусь тяжко зитхнувъ и подывывсь на дорогу, що вела до хутора Лагоденкивъ. Сыни выразни очи нибы глянулы звидтиля на ёго, а изъ тыши ночнои почувся нибы іи голосъ, що достававъ ажъ до серця. Винъ ще зглянувъ у ту сторону, зитхнувъ и посунувся у квитныкъ, щобъ звидтиля питы до себе. Але у квитныку винъ зупынывся и оглядився на стороны, а дали прыставывъ велосипеда до стины, махнувъ въ гущыну сада до лыпы, що стояла посередъ саду, якъ здорова башта, спустывшы до самои землм свои виты; де-яки изъ гылякъ врослы у землю и пустылы молоду поросль навкругы лыпы.

— Чы выйшла Оксана?—думавъ Петрусь, тыхо наблыжаючысь до лыпы.

Лыпа була облыта мисячнымъ свитомъ и стояла нибы выкована зъ срибла; ни одынъ лыстокъ не стрепенувся: лыпа стояла нибы зачарована.

Петрусь увійшовъ у прыродну бесидку пидъ лыпою и прыдывывся: тамъ не було никого!

— Не выйшла, капосна дивчына,—думавъ винъ.—А може сховалася та жде, покы я іи знайду?—И винъ почавъ усюды прыдывляться, та потыхеньку гукаты.

— Нема!—зъ серцемъ проказавъ винъ и сивъ на шырокій лавци. Пидъ лыпою воздухъ бувъ теплійшый и тяжчый, нижъ на простори, а до того сповненый дуже ароматамы. Петрусь глыбоко дыхавъ и почувъ, що нибы у ёго голова завертилась,— ёго потягло лягты на лавку...

— Не въ биса якъ гарно тута!.. Чы прыйде, чы ни?— думавъ винъ, дывлячысь, якъ мисячне проминня де-не-де пробывалось мижъ густою лыствою и блыщало на лыстяхъ. Петрусь заплющывъ очи и почавъ прыгадувать Оксану, іи повногруду постать, кари очи...—„Не давить-бо такъ... серце тёпается!"— Винъ усмихнувся и потягся усимъ тиломъ, нибы зъ просоння.— А все жъ такы ій далеко до Гали!—думавъ винъ дали, и передъ ёго очыма несподивано, якъ жыва, встала Лагодивна. Вона сварылась на ёго пальцемъ и гнивно блыщала очыма. Петрусь схопывся зъ лавкы, озырнувся на вси бокы и протеръ соби очи.— Чы я не заснувъ часомъ? Оце, нибы жыви булы тутъ коло мене! Ажъ излякався!

Винъ знову протягся на лавци, хотивъ було думать про Оксану, але у ёго очахъ вывылась Галя и знову сварылась пальцемъ.—И звидкиля вона знае, що я жартую зъ дивчатамы? Мабуть пытае у дивчатъ, чы може ій дивчата розсказують про мое чиплянння? Мабуть, що у всёму вынна Кулына; недурно вона перейшла до насъ одъ Лагоденкивъ... А такы я злякався, якъ вона почала сварытысь пальцемъ, бо дознается, то бида...

Колы це коло лыпы щось зашелестило, и незабаромъ виты роздвынулысь, и выявылась голова Оксаны. Петрусь схопывся, якъ опеченый, кынувся до неи, нибы тыгръ на свою здобычъ. Не встыгла Оксана, якъ звычайно роблять дивчата на Украини, злякатысь, якъ опынылась на рукахъ Петруся, котрый зъ усіеи сылы тыснувъ іи до своихъ шырокыхъ грудей, забувшы усе на свити, навить и Галю и іи палець...

XII.

Торикъ,—якъ кажуть, по диламъ службы,—прыйшлось мени побуваты у повитовому городи N. Погода була дуже погана: дощъ вже цилый тыждень лывъ безъ перестанку, нибы ёму и кинця не було. Чорна земля зовсимъ розмьякла, и зробылась така грязюка, що йихаты дали не можна було ніякымъ побытомъ. До того було и холодно.

Я звеливъ фурманови звернуты у зайиздъ, де завше стававъ, якъ траплялось буваты у цимъ городи.

— А що, свободни номера йе?—спытавъ я коридорного.

— Та одынъ тилько и зоставсь... Мерщій займайте.

— А хиба що?

— Та теперъ саме земське собраніе, такъ понайихало багато панивъ. Казалы, що ще и сёгодня повынни де-котори прыйихать.

Не встыгъ я зробыть по коридору килько крокивъ, якъ двери зъ одного номера одчынылысь и звидтиля зъявылась фигура Суховія, котрого я добре знавъ и зъ котрымъ не разъ доводылось полюваты.

— А, Спырыдонъ Ныкыфоровычу, це вы? Якымъ це витромъ васъ занесло сюды, у наши краи!—зарепетувавъ винъ, убачывшы мене и кыдаючысь цилуватысь.

— А у насъ тутъ саме робота,—засиданія; зибралысь усе свои, це-бъ то наша партія... Отъ добре, що и вы надйихалы,—бо тута йе винтёры, и на грихъ, якъ кажуть, нема четвертого. Мерщій роздягайтесь, та до насъ; у насъ и чаю напьетесь и

пойисте. Опанасе!—гукнувъ винъ на коридорного:—мерщій прыбирай пана, та веды до насъ! Чуешъ?

— Та чую! Оце вже мени осточортилы оци земськи! Нема имъ ни въ день, ни въ ночи спокою... Чыстее горе! Бигаешъ якъ скаженый, то по лавкахъ, то по гласныхъ, то по усихъ усюдахъ...—казавъ Опанасъ, пораючысь коло умывальныка.

Трохы прычепурывшысь, я увійшовъ у номеръ Суховія. За дымомъ одъ тютюну я спершу ничого не розгледивъ,—тилько чувъ галасъ та регитъ...

— А, прошу покорно!—почувсь голосъ Суховія.—Тутъ, мабудь, знайдутся де-яки знаёми люде... Панове, рекомендую, прошу любыты и жалуваты; а до того ще й у винта грае!

Въ двохъ кимнатахъ набылося чоловикъ зъ двадцять. Вси воны сыдилы за зеленымы столамы и гралы у карты. На одному столи стоялы пляшкы зъ вынамы та горилкою, коло ихъ усяки закускы... За однымъ столомъ я убачывъ и Петруся. Винъ ще покращавъ и нибы зробывся повнищый. Одъ грання у карты лыце ёго зовсимъ росчервонилось, и очи блыщалы. Винъ весело гукавъ та реготався, ажъ одляскъ йшовъ одъ ёго голоса по кимнатахъ.

Не встыгъ я ще навить до всихъ прыдывытысь, а вже мени тыкалы у рукы карту и просылы сидаты за стилъ, щобъ золотого, якъ кажуть, часу не втерять.

— Ци уси належать до нашои партіи,—казавъ мени Суховій:—теперъ наши у земстви вси...

— А що, засиданія интересни? Яки доклады?—пытаюся.

— А, чортъ-зна що! Такъ соби; у карты въ кумпаніей краще грать, нижъ сыдить тамъ та слухать оту сухоту—про болныци, статыстычне бюро... Пусте!

— А чого це Петро Дмытровычъ тута?

— Якъ чого? Аже-жъ винъ гласный, уже два рокы... и добрый изъ ёго выйшовъ гласный: за своихъ держытся, якъ ракъ за мнясо. Хиба-жъ вы цёго не зналы? Та винъ и одружывся до того—и знаете, зъ кымъ? Зъ Лагодивною... знаете? Жинка узяла ёго у рукы такъ, що винъ повыненъ робыть

тилько те, що ій забажается, навить и по земству. Тамъ така бидова та хазяйка, що й сказаты не можна. Всю округу прыворожыла до себе,—не тилько нашого предсидателя, а навить справныка и предводытеля. Ціи двое такъ и не вылазять звидтиля, такъ и трутся коло неи... Петрусеви тилько й волн, що зо мною, особлыво тутъ, у городи...—

Тымъ часомъ пидійшовъ до насъ и Петрусь.

— Що-жъ тамъ про школы завтра будете балакать?— спытавъ я его.

Винъ осмихнувся и махнувъ рукою.

— Пусте,—про передачу земськыхъ шкилъ духовенству.

— Якъ-же вы й ваши товарыши про се удумалы?—

— Та якъ? Колы духовенству такъ забажалось взяты пидъ свою руку наши школы, то нехай беруть. Хиба намъ що? Одъ цёго мы ничого не втеряемъ, клопоту зъ нымы буде менче... Баба зъ возу, конямъ легче!

Вси зареготалысь и загомонилы.

— Отъ вы кажете, що школы погиршають,—почавъ знову Петрусь!—ну, такъ хто-жъ тутъ выненъ? Колы имъ тіи школы мабуть и въ сни снятся, все одно, якъ котови сало... Мы дамо имъ малу субсидію, щобъ одъ ихъ одкараскатысь, а остатни гроши пидуть на що-небудь друге: чы на кинськый заводъ, чы богадильню, або що инче,—казавъ Петрусь, позыраючы на всихъ своимы выразнымы веселымы очыма.

— Правду каже Петро Дмытровычъ!—загомонилы де-яки;— на що намъ той клопитъ? Нехай соби беруть, якъ имъ такъ захотилося... Отъ, колы-бъ ще имъ отдаты болныци та богадильни!...

Суховій торкнувъ мене пидъ бикъ и моргнувъ на Петруся.

— А що, чымъ не молодець? Свое дило знае...—

Я бильшъ не ставъ роспытувать ихъ про земськи дила...

А. Хатемкинъ.

ПРОБУЖДАЮЩІЙСЯ КРАЙ.

(*Л. Василевскій. Современная Галиція. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Цѣна 80 к. СПБ. 1900*).

Въ текущемъ 1900-мъ году появилась въ продажѣ книга г. Л. Василевскаго „Современная Галиція“, книга, дающая цѣльный образъ этого пробуждающагося края, почему мы находимъ полезнымъ поговорить о ней теперь, когда вновь затронутъ въ литературѣ вопросъ о Галиціи, о ея литературномъ языкѣ, и затронутъ притомъ безъ всякаго пониманія особенностей этой страны и естественныхъ влеченій ея населенія. Спору нѣтъ „Современная Галиція“ г. Василевскаго преисполнена и фактическихъ ошибокъ, и опечатокъ, спору нѣтъ, что авторъ ея не воспользовался даже всѣми русскими источниками и даетъ поэтому подчасъ сомнительныя свѣдѣнія, тѣмъ не менѣе въ общемъ книжка оставляетъ въ читателѣ вполнѣ опредѣленный образъ, вѣрный дѣйствительности. И во всякомъ случаѣ подобный цѣльный очеркъ близкой намъ славянской земли—явленіе въ высшей степени желательное въ нашей современной литературѣ.

Цѣль автора показать читателямъ, что уныніе, всегда могущее овладѣть ими, при сравненіи благъ, обрѣтенныхъ великими и богатыми европейскими народами, съ нашими бѣдами, съ нашею непросвѣщенностью, не имѣетъ основанія существовать, стоитъ только обратить вниманіе на такую бѣдную страну,

какъ Галиція, которая, будучи съ конца шестидесятыхъ годовъ поставлена въ мало мальски сносныя условія существованія, стала въ настоящее время и значительно грамотнѣе, обрѣла и сносную культуру земли своей, обзавелась всякаго рода полезными обществами, въ родѣ земледѣльческихъ кружковъ, развила для обрѣтенія средствъ разныя отрасли промышленности, сперва мало сулившія благъ населенію. Возможенъ подобный успѣхъ для Галиціи, возможенъ онъ слѣдовательно и намъ, и отчаянію по этому нѣтъ мѣста. Въ частности авторъ вспоминаетъ и насъ, южанъ, и говоритъ, что знакомство съ современной Галиціей, родственной южно-русскому племени, необыкновенно полезно, ибо нерѣдко и народъ, и условія жизни у насъ, и у нихъ близко подходятъ одни къ другимъ.

Начинаетъ авторъ съ историческаго очерка прошлыхъ судебъ Галиціи, носящей теперь офиціальное названіе Галиціи и Лодомеріи съ великимъ княжествомъ Краковскимъ и княжествами Освѣцимомъ и Заторомъ. Галиція и Лодомерія это ничто другое, какъ исковерканныя названія древнерусскихъ княжествъ Галича и Владиміра. Великое княжество Краковское, княжество Освѣцимское и Заторское—это польскія земли, которыя, какъ напримѣръ первая, всегда принадлежали Польшѣ, или были присоединены къ ней съ теченіемъ времени, какъ двѣ послѣднихъ. Минуя давнюю исторію Галицкаго княжества и удѣльный періодъ, отмѣтимъ, что въ XIV вѣкѣ оно было присоединено къ польской Рѣчи Посполитой и вело жизнь одинаковую съ другими подвластными Польшѣ землями вплоть до 1772 года, когда, по первому раздѣлу Польши, Галиція была отдана подъ власть Австріи. Не мало претерпѣло за это время русское населеніе Галиціи, находясь сперва подъ польскимъ режимомъ, а затѣмъ подъ австрійскимъ. Австрійское правительство непосредственно послѣ раздѣла Польши напрягало всѣ усилія онѣмѣчить страну, всѣ чиновники въ ней были нѣмцы, и офиціальнымъ языкомъ считался нѣмецкій; польскій же языкъ былъ устраненъ изъ школъ, судопроизводства и администраціи. Есте-

ственно было, что поляки стали заявлять протесты противъ нѣмецкихъ покушеній правительства, русское же населеніе, подавленное въ своихъ національныхъ стремленіяхъ долгою зависимостью отъ поляковъ, молчало и не подавало признаковъ національнаго протеста; русская интеллигенція начала пробуждаться только съ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, да и то на первыхъ порахъ очень слабо. Послѣ 1831 года борьба польскаго населенія съ австрійскимъ правительствомъ принимаетъ все болѣе и болѣе крупные размѣры, сливаясь съ широкимъ демократическимъ теченіемъ, теперь проявившимся среди поляковъ и стремившимся къ улучшенію быта крестьянъ. Много вліяли въ демократическомъ смыслѣ эмигранты 1831 года изъ Царства Польскаго; у нихъ то прорывались идеи, что поляки только тогда достигнутъ полнаго благополучія, когда простой народъ и крестьянство пойметъ, что они поляки; для пробужденія же національнаго самосознанія среди крестьянъ нужно сдѣлать ихъ полноправными членами націи, вступить на путь широкихъ реформъ, обучить народъ и прежде всего освободить его отъ барщины. Въ 1832 году было основано „Демократическое Общество" въ Парижѣ, находившееся въ тѣсной связи съ западно-европейскими сообществами подобнаго же характера. Явилось и въ Галиціи общество „Простой польскій народъ", считающее въ числѣ своихъ членовъ поэтовъ, историковъ, государственныхъ дѣятелей. Многіе члены этого общества скрывались среди крестьянъ по глухимъ горскимъ деревушкамъ, распространяя среди народа національное самосознаніе и подготовляя его къ возстанію противъ австрійскаго правительства. Послѣднее принялось за противодѣйствіе. Австрійскимъ властямъ удалось напасть па слѣдъ дѣятельности общества среди народа и среди молодежи, что послужило поводомъ къ многочисленнымъ арестамъ и высылкѣ эмигрантовъ изъ предѣловъ Австріи. Не было тогда ни одной семьи среди образованнаго класса Галиціи, которая не имѣла-бы въ числѣ заключенныхъ въ тюрьму хотя бы одного изъ своихъ членовъ. Тѣмъ не менѣе „Демокротическое Общество" подготовляло почву къ всенародному воз-

станію, которое должно было начаться съ уничтоженія барщины и надѣленія крестьянъ землею. Возстаніе должно было вспыхнуть въ ночь съ 21 на 22 февраля 1846 годъ. Начальники волости получили приказъ созывать крестьянъ по волостямъ и объявлять имъ свободу и гражданское равенство, уничтоженіе барщины и всякихъ повинностей, признаніе за крестьянами права собственности на ту землю, которою они подъ какимъ либо видомъ владѣли, и надѣленіе пятью моргенами земли всѣхъ безземельныхъ, которые примутъ участіе въ возстаніи противъ Австріи. Тогда Австрійское правительство прибѣгло къ крайней мѣрѣ: оно объявило, что само оно намѣрено уничтожить барщину, и что польскіе помѣщики этому препятствуютъ, бунтуютъ въ разсчетѣ и впредь угнетать народъ. Крестьяне тарновскаго и бохнянского округовъ повѣрили, возстали противъ поляковъ, и число убитыхъ крестьянами помѣщиковъ доходило до нѣсколькихъ десятковъ. Усмиривъ возстаніе, австрійское правительство принуждено было сдѣлать кое что для крестьянъ, хотя барщины не отмѣнило, а только немного ее упорядочило. Но вотъ наступилъ 1848 годъ, и Галиція, въ слѣдъ за другими странами, вновь заволновалась. Составлена была петиція, требовавшая полной отмѣны барщины и всѣхъ повинностей, оставшихся со временъ крѣпостнаго права, затѣмъ полнаго политическаго и гражданскаго равенства, самостоятельной провинціальной администраціи, всеобщей политической амнистіи, представительства въ сеймѣ всѣхъ классовъ общества, уничтоженія цензуры, введенія суда присяжныхъ, польскаго языка въ школахъ, судахъ и присутственныхъ мѣстахъ и т. д. Правительство было тогда достаточно слабо и не могло открыто противостать противъ всѣхъ требованій петиціонеровъ. Оно 18 апрѣля 1848 года издало рескриптъ, уничтожающій барщину и другія повинности. Правительство не только прикидывалось искреннимъ другомъ крестьянства и защитникомъ его противъ помѣщиковъ,—оно точно также приняло подъ свою защиту и русиновъ противъ поляковъ, хотя съ другой стороны всѣми силами поддерживало крупныхъ помѣщиковъ противъ мелкихъ, настроенныхъ болѣе демок-

ратически, и противъ городской интеллигенціи, для которой крестьянскіе интересы были въ высшей степени дороги. Затѣмъ всѣ недовольные приняли участіе въ вспыхнувшемъ тогда возстаніи венгерцовъ, и комендантъ Львова Гаммерштейнъ рѣшился бомбардировать свой городъ, причемъ погибло нѣсколько десятковъ человѣкъ, сгорѣла городская ратуша и университетъ съ богатой библіотекой. Гаммерштейнъ распустилъ всѣ общества политическаго характера, изгналъ эмигрантовъ, заключилъ въ тюрьму многихъ демократовъ и ввелъ осадное положеніе. Галиціи вновь пришлось выдерживать напоръ германизаціи; но 1848 годъ не прошелъ безъ слѣда: общество воспользовалось пріобрѣтеніями этого года—уничтоженіемъ барщины и расширеніями гражданскихъ правъ населенія. Кой какъ послѣ этого года велась въ странѣ культурная работа. Но совершенно нормально могла страна развиваться только послѣ 1866 г., когда Австрія, потерпѣвъ пораженіе въ войнѣ съ Пруссіей, должна была порвать со всей своей прежней политикой. Австрійское правительство увидѣло уже послѣ 1848 года, что всѣ усилія превратить поляковъ, чеховъ и другихъ славянъ въ нѣмцевъ не привели ни къ чему. Оно поняло, что всякому народу слѣдуетъ дать право развиться самостоятельно и самому черезъ своихъ представителей рѣшать свою судьбу. Но только послѣ Садовой различные народы Австріи получили возможность распоряжаться своею судьбою самостоятельно. Галиція тогда также воспрянула. Изъ Галиціи стали призываться государственные дѣятели на самые высокіе посты. Министрами Австріи, президентами парламента были назначаемы галиційскіе поляки, нерѣдко даже изъ такихъ, которые въ молодости принимали участіе въ возстаніяхъ противъ Австріи (напр. Дунаевскій, Смолька); полякъ министръ графъ Бадени издалъ законъ о реформѣ избирательнаго права, вводящій въ одной избирательной куріи всеобщую подачу голосовъ; въ послѣднее время министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Австріи состоитъ галиційскій полякъ—графъ Голуховскій. Естественно, что при такихъ условіяхъ стала возможна культурная работа

въ Галиціи, гдѣ поляковъ не преслѣдуютъ больше за ихъ національность. языкъ, обычаи и пр.

Прежде, чѣмъ перейти къ начавшемуся въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія возрожденію придавленнаго поляками и нѣмцами русинскаго населенія, мы считаемъ полезнымъ отмѣтить здѣсь, что въ историческомъ очеркѣ г. Василевскаго древній сравнительно періодъ преисполненъ ошибокъ. Во-первыхъ авторъ совсѣмъ пропускаетъ и время княженія въ Галиціи Владимірка, и Ярослава Осмомысла, затѣмъ не упоминаетъ о княженіи Романа Мстиславьевича и сына его Даніила Романовича, между тѣмъ въ эти періоды, при княженіи названныхъ князей, Галиція достигла наибольшаго расцвѣта своихъ русскихъ силъ. Затѣмъ авторъ говоритъ, будто съ люблинской уніи (1569 г.) до возстанія Богдана Хмельницкаго весь малорусскій край начинаетъ жить общею жизнью; къ этому времени относятся первыя проявленія южно-русской литературы, писанной на языкѣ, приближающемся къ тому говору, который употребляло малорусское мѣщанство и крестьянство. Между тѣмъ время до Богдана Хмѣльницкаго, отличалось наибольшимъ гнетомъ поляковъ. Мысль же автора, будто казацкія войны нанесли смертельный ударъ проявившемуся въ предшествующую эпоху національному единенію малороссовъ, совсѣмъ не основательна; напротивъ, если что подняло національное самосознаніе, то это именно казацкія войны, и только эти войны ослабили попытку окончательно ополячить край со стороны гораздо ранѣе начавшейся религіозной уніи. Вѣрно только заявленіе авторомъ, что въ XVII и XVIII вѣкахъ Галиція потеряла связь съ другими южно-русскими провинціями. Съ присоединеніемъ же ея къ Австріи она очутилась въ положеніи, совсѣмъ не похожемъ на положеніе остальныхъ частей южной Руси. При западно-европейскихъ условіяхъ политики и культуры, эта частъ Руси была окончательно подавлена поляками, ихъ литературой, ихъ языкомъ. Неудивительно поэтому, что даже въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія въ Галиціи не было интеллигентныхъ русиновъ, употребляющихъ

въ обиходѣ другой разговорный языкъ, кромѣ польскаго, а отчасти и нѣмецкаго.

Инстинктивное сознаніе своего русскаго происхожденія проявилось раньше всего въ средѣ того духовенства, которое ближе стояло къ русинской массѣ и меньше имѣло соприкосновеній съ интеллигентнымъ или якобы интеллигентнымъ польскимъ обществомъ. Духовенство это обратилось къ изданію церковныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ, но вполнѣ чистоты этого языка не придерживалось, примѣняя нерѣдко малорусскія слова и польскія. Начало возрожденія малорусской національности относится къ 1837 году, когда Маркіанъ Шашкевичъ и Головацкій, оба студенты философскаго факультета львовскаго университета, издали сборникъ „*Русалка Днѣстрова*“ въ количествѣ тысячи экземпляровъ. Дѣло въ томъ, что Маркіанъ Шашкевичъ заинтересовался славянскмми дѣлами и принялся за изученіе славянскихъ языковъ. Онъ познакомился съ сочиненіями Шафарика, Линде, Раковицкого, Караджича, а также съ нѣкоторыми руско-украинскими изданіями, какъ напримѣръ „Малорусскія народныя пѣсни“ Максимовича, „Грамматика малорусскаго языка“ Павловского и „Энеида“ Котляревскаго. Изучая славянство, Шашкевичъ видѣлъ, какъ народность, которая уже всѣми считалась давно погибшею, неожиданно возрождалась и съ видимымъ успѣхомъ боролась за свои національныя права, и вотъ у него явилась мысль, что если бы галицкіе русины захотѣли идти по слѣдамъ чеховъ или хорватовъ, то они, пожалуй, достигли бы не меньшихъ результатовъ и вскорѣ заняли бы подобающее имъ мѣсто среди остальныхъ славянъ. Такъ какъ въ то время почти единственными представителями русинской народности въ Галиціи были крестьяне, то Шашкевичъ рѣшилъ, что дѣло національнаго возрожденія нужно начать съ образованія темныхъ народныхъ массъ. Подъ вліяніемъ же сочиненій украинцевъ Шашкевичъ пришелъ къ убѣжденію, что народу нужно дать образованіе не на церковно-славянскомъ или польскомъ, а на единственно-понятномъ ему народномъ малорусскомъ языкѣ. Такое убѣжденіе вполнѣ понятно въ галичанинѣ, предки

котораго съ XIV вѣка были отрѣшены отъ другихъ русскихъ славянъ, имѣвшихъ уже свой литературный языкъ, образованный на основѣ великороссійскаго нарѣчія; только разработка своего вѣдомаго малорусскаго нарѣчія и была мыслма для Шашкевича и Головацкого въ моментъ появленія ихъ „Русалки Днѣстровой". Прекрасные образцы украинскаго языка въ сочиненіяхъ, доходившихъ къ нимъ изъ Россіи, еще больше окрыляли ихъ мысль о возрожденіи русинской народности, подобномъ возрожденію чеховъ, хорватовъ. „Русалка Днѣстрова", явившаяся на малорусскомъ языкѣ, наполовину заключала въ себѣ народныя пѣсни, наполовину стихи Шашкевича и его пріятелей. Содержаніе стиховъ было самое невинное, и тѣмъ не менѣе „Русалка" встрѣтила препятствіе къ выходу. У Шашкевича былъ даже обыскъ, и ему стоило довольво много усилій, чтобы оправдаться передъ полиціей и консисторіей. Когда консисторія, которой былъ подвластенъ Шашкевичъ, какъ священникъ, рѣшила, что въ обысканномъ помѣщеніи нѣтъ ничего преступнаго, Шашкевичъ тогда вмѣстѣ съ Головацкимъ рѣшилъ, что дѣло съ изданіемъ „Русалки Днѣстровой" надо довести до конца. Головацкій полагалъ, что это удастся осуществить въ Пештѣ, гдѣ онъ короткое время былъ въ университетѣ. Дѣйствительно Пештская цензура дозволила въ 1837 году издать представленную Шашкевичемъ рукопись. Но не въ добрый часъ появилась „Русалка". Какъ разъ въ это время во Львовѣ былъ открытъ заговоръ, въ которомъ принимали участіе и нѣкоторые члены кружка Шашкевича, сотрудники „Русалки". Заговоръ былъ затѣянъ по иниціативѣ Польскаго „Демократическаго Общества", и хотя русины большого активнаго участія въ немъ не принимали, тѣмъ не менѣе сотрудники „Русалки" были арестованы и заключены въ крѣпость. Такимъ образомъ не дешево обошлось желаніе писать на простомъ малорусскомъ языкѣ, обозванномъ поляками и австрійскимъ правительствомъ языкомъ „хлоповъ". Очевидно, полякамъ остался не разрѣшеннымъ вопросъ, поставленный Шашевичемъ своимъ соотчичамъ въ небольшомъ его стихотвореніи, которое считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь:

Руська маты насъ родыла,
Руська маты насъ новыла,
Руська маты насъ любыла,—
Чому жъ мова ій не мыла?
Чомъ стыдатысь іи маемъ?
Чомъ чужую полюбляемъ?

Принялись одновременно русины, по убѣжденію Шашкевича, говорить и проповѣди въ церквахъ на родномъ языкѣ. Но насколько трудно было ввести родной языкъ въ церкви—это видно было по началу. Одинъ изъ воспитанниковъ семинаріи, давшихъ слово произносить проповѣди по малорусски, приготовилъ малорусскую проповѣдь для произнесенія ея въ одной изъ львовскихъ церквей. Взошелъ онъ на амвонъ, прочиталъ славянскій текстъ и евангеліе и уже хотѣлъ начать проповѣдь, но, увидѣвъ передъ собою интеллигентную публику, смутился такъ, что не могъ произнести ни одного слова по малорусски и сталъ, путаясь и сбиваясь, переводить по тетрадкѣ проповѣдь на польскій языкъ. Но впослѣдствіи Шашкевичъ вмѣстѣ съ двумя товарищами держалъ малорусскую проповѣдь въ трехъ львовскихъ церквахъ. Съ тѣхъ поръ народный языкъ сталъ все чаще и чаще раздаваться съ амвоновъ какъ сельскихъ, такъ и городскихъ уніатскихъ церквей. Но послѣ конфискаціи „Русалки“ послѣдовалъ разгромъ всего кружка Шашкевича, и онъ самъ въ 1843 году скончался на тридцать второмъ году жизни, измученный и изломанный непрекращающейся травлей.

Такая мученическая жизнь постигла первыхъ возродителей своей малорусской рѣчи въ Галиціи. Не мало также страданій испытали изъ за той же идеи и дальнѣйшіе борцы на томъ же поприщѣ. Но они не оставляли мысли образовать свой языкъ. Вѣроятно, идея эта не кажется токою ужасающею въ странахъ не славянскихъ. Въ Германіи, напримѣръ, какъ извѣстно, два главныхъ нарѣчія, hochdeutsch и plattdeutsch., имѣли не одинаковую судьбу. Hochdeutsch послужилъ основой для образованія литературнаго языка Лютеромъ и другими его послѣдователями, plattdentsch оставался литературно не обработаннымъ и имѣлъ

только свою мѣстную литературу, правда прекрасную, но все-же мѣстную. Затѣмъ голандцы, владѣвшіе plattdentsch'омъ, образовали изъ него литературный языкъ свой, ставшій называться голландскимъ. Никто не кричитъ по этому поводу, что совершается подламываніе основъ филологической науки, никто, даже нѣмцы. Только въ славянскомъ мірѣ возможно было подымать изъ за литературнаго языка цѣлую бучу. Сперва казалось такъ естественно заговорить галицкимъ русинамъ по польски, теперь считаютъ безсмыслицей заведеніе имъ своего языка, когда возможно гиличанамъ и украинцамъ говорить на россійскомъ языкѣ. Легко такимъ способомъ рѣшать эти вопросы въ кабинетахъ ученыхъ, но не такъ стоитъ дѣло въ жизни.

Послѣ разгрома кружка Шашкевича снова ноступило затишье, продолжавшееся вплоть до конца сороковыхъ годовъ. Въ это время всецѣло направляетъ литературу галицкую св. Юръ, т. е. монастырь въ Львовѣ, мѣсто пребыванія уніатского митрополита, и, конечно, онъ поддерживалъ изданія на церковно-славянскомъ языкѣ. Наступилъ 1848 годъ. Въ Галиціи раньше, чѣмъ въ другихъ областяхъ Австріи, было объявлено объ отмѣнѣ барщины. Графъ Стадіонъ, губернаторъ Галиціи, рѣшилъ, что австрійскому правительству гораздо выгоднѣе дать русинамъ то, чего они въ ближайшемъ будущемъ съумѣютъ добиться собственными силами. Какъ дольновидный политикъ, Стадіонъ рѣшилъ опереться въ Галиціи на русинскій элементъ, противопоставивъ его не надежнымъ въ политическомъ отношеніи полякамъ. По его почину была созвана въ Львовѣ „Головна рада руска“ представителей русинскаго народа. Съѣхалось болѣе трехсотъ русиновъ, преимущественно священниковъ, которые должны были выработать политическую программу для Галицкой руси. Эти представители заявили, что галицкіе русины принадлежатъ къ пятнадцатимилліонному малорусскому племени, отдѣльному и отъ поляковъ, и отъ русскихъ. Они заявили, что цѣлью ихъ будетъ возрожденіе русинской національности и обезпеченіе данныхъ ей правительствомъ правъ. Первымъ средствомъ къ достиженію этого Головна рада считаетъ сохраненіе греко-ка-

толической вѣры и уравненіе уніатского духовенства съ правами священниковъ другихъ обрядовъ. Затѣмъ Головна рада рѣшила стараться ввести народный языкъ во всѣ школы и стремиться къ тому, чтобы языкъ русиновъ былъ признанъ въ Восточной Галиціи оффиціальнымъ. Въ Львовѣ появилась первая русинская газета „Заря Галицка“, которая стала органомъ Головнои рады. Чтобы и другіе славяне знали о стремленіяхъ галицкихъ русиновъ, Головна рада послала на славянскій съѣздъ въ Прагу трехъ уполномоченныхъ. О просвѣщеніи крестьянъ и вообще галицкихъ русиновъ Головна рада не особенно торопились заботиться. Она рѣшила сперва создать въ Львовѣ разныя просвѣтительныя общества, задачей которыхъ было бы развитіе русинской литературы. Въ Львовъ собрался между прочимъ съѣздъ русинскихъ ученыхъ, которые выработали планъ литетурной дѣятельности русиновъ. Они признали прежде всего, что галицко-русинская литература должна развиваться на народномъ языкѣ, хотя нѣкоторые изъ членовъ съѣзда склонялись къ мнѣнію, что для этой цѣли самымъ подходящимъ языкомъ былъ бы церковно-славянскій. Въ виду мнѣнія большинства съѣзда рѣшено было попереводить на малорусскій языкъ молитвенники, а также издать переводъ законовъ и составить учебники по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса. Съѣздъ основалъ для веденія подобныхъ дѣлъ общество народнаго просвѣщенія, которое вскорѣ получило названіе „Галицко-руской Матыци“. Матыця издала на первыхъ же порахъ „Читанку“ для дѣтей, и на этомъ закончилась ея дѣятельность. Былъ еще основанъ главной радой „Народный домъ“, который долженъ былъ вмѣщать библіотеку, типографію, музей, книжный магазинъ, залъ для собраній и сцену для театральныхъ представленій. Учрежденіе „Народнаго дома“ было послѣднимъ дѣломъ Главной рады; въ 1851 г. она прекратила свои засѣданія и распалась. Головна рада, при хорошихъ цѣляхъ, на дѣлѣ поддерживала интересы только духовенства, а не крестьянъ; поэтому крестьяне скоро отвернулись отъ нея. Головна рада разсчитывала на продолжительную поддержку ея австрійскимъ правительствомъ, и эта поддержка была до тѣхъ

поръ, пока правительство находило въ русинахъ своего союзника, но потомъ, примирившись съ поляками, въ такой поддержкѣ оно не чувствовало надобности. Изсчезла Головна рада, и въ Галиціи снова получили преобладаніе поляки.

Наступило опять затишье для русиновъ, длившееся до начала шестидесятыхъ годовъ. Въ это время нѣкоторое движеніе проявили галицкіе русины по поводу новаго правописанія, выдуманнаго для малороссовъ секретаремъ министерства народнаго просвѣщенія чехомъ Иречекомъ. Проектъ этотъ встрѣтилъ дружную оппозицію—и прежнее правописаніе было спасено.

Послѣ неудачной для Австріи итальянской кампаніи, въ Львовѣ былъ возстановленъ сеймъ (1861 г.), а изъ Россіи стали проникать въ Галицію сочиненія украинскихъ писателей. Но открытіе сейма не особенно оживило русинскую интеллигенцію. Затѣмъ послѣдовало и дальнѣйшее развитіе правъ русиновъ: они получили право являться депутатами въ рейхсратъ общеавстрійскій. Но и въ рейхсратѣ они не имѣли большого значенія и предпочитали добиваться чего-нибудь отъ правительства не путемъ конституціонной борьбы, а путемъ непосредственныхъ просьбъ къ министерству, на которые обыкновенно слѣдовалъ отъ правительства вѣжливый отказъ. Гораздо больше вліянія оказывала на русиновъ та украинская литература, которая проникала въ Галицію изъ Россіи. Вскорѣ послѣ 1861 года появилась въ Львовѣ поэма Т. Г. Шевченка „Гайдамаки“. Ею зачитывались студенты и распространяли въ большомъ количествѣ въ переписанныхъ экземплярахъ въ народѣ. Тогда явно склонилось большинство галицкой интеллигенціи къ языку малорусскому и оставило церковно-славянскій. Газета „Слово“ стала тогда украинофильскимъ органомъ и перепечатывала статьи изъ „Основы“. Но этотъ украинофисьскій органъ все же продолжалъ печатать статьи галицкою смѣсью церковно-славянскаго и малорусскаго языковъ съ придачей словъ польскихъ и нѣмецкихъ. Тогда молодежь стала издавать болѣе украинофильскія газеты: „Вечерныци“, „Мету“, „Ниву“. „Народный домъ“ тогда же основываетъ первую читальню.

Неудачная война Австріи съ Пруссіей въ 1866 году въ значительной степени ослабили первую. Снова и венгры, и поляки подняли головы, и правительство пошло имъ на уступки. Поляки получили „краевой школьный совѣтъ", во всей Галиціи языкъ польскій сдѣлался оффиціальнымъ. Русиновъ же австрійское правительство оставило не при чемъ. Между русинами тогда начали распространяться слухи, будто вскорѣ Россія овладѣетъ Галиціей. Святоюрцы поэтому открыто стали высказываться за одинъ тождественный съ Россіей литературный языкъ для Галиціи, и одинъ изъ нихъ Б. Дѣдицкій, недавно еще украинофилъ, издалъ брошюру: „Въ одинъ часъ малорусину выучиться по великоруски". Такое заявленіе однако не мѣшало ему во всѣхъ своихъ произведеніяхъ употреблять невѣроятный жаргонъ, ничего общаго съ русскимъ литературнымъ языкомъ не имѣющій. Но ничего существеннаго до предполагаемаго прихода русскихъ войскъ святоюрцы не дѣлали. Украинофилы же, числившіе въ своей средѣ не мало молодежи, продолжали открыто работать для народа, и въ 1868 году основали общество для изданія народныхъ книжекъ „Просвита", которое имѣетъ не малое значеніе въ исторіи просвѣщенія въ Галиціи. Много книжекъ для чтенія крестьянамъ было имъ издано, изданы были имъ же и учебники гимназическаго курса. Явился и у святоюрцевъ дѣятель, искренно сперва относившійся къ русинскому народу. Это—Иванъ Наумовичъ, сперва полонофилъ, потомъ украинофилъ и наконецъ москалефилъ. Онъ издавалъ газеты „Русску Раду", а потомъ „Науку" и въ газетахъ этихъ помѣщалъ статьи свои для крестьянъ. Онъ же повсюду открывалъ читальни для народа, и такихъ читалень открылось до 150. Въ качествѣ святоюрца онъ пожелалъ для противовѣса народовской „Просвитѣ" имѣть свое издательское общество и, на капиталъ, завѣщанный старорусинской партіи умершимъ въ 1873 г. галичаниномъ Михаиломъ Качковскимъ, устроилъ „Общество Качковскаго", которое сразу привлекло къ себѣ нѣсколько тысячъ крестьянъ. Тѣмъ не менѣе скоро вліяніе святоюрцевъ стало ослабѣвать, крестьяне охладѣли къ его начинаніямъ, и, вѣроятно, не малую долю вліянія

въ этомъ смыслѣ оказало то „язычіе", на которомъ святоюрцы писали свои книги и на которомъ не говоритъ ни одинъ народъ. Мелкія пререканія, которыми въ свою очередь заняты были украинофилы, заставили охладѣть къ нимъ прежнихъ ихъ послѣдователей. Въ это время особенно поддерживался споръ о малорусскомъ правописаніи: святоюрцы стояли за этимологическую правопись, украинофилы за кулишивку, т. е. правопись фонетическую; къ главному спору примѣшивались еще вопросы о кулишивкѣ и о Максимовичевскомъ правописаніи съ сохраненіемъ *ѣ*, *о* съ дашками (^) въ значеніи *і*.

Тогда подъ вліяніемъ извѣстнаго дѣятеля Драгоманова начала проявляться партія искренно преданная русинскому народу и отстаивавшая его интересы. Иванъ Франко и Михаилъ Павликъ являются сперва издателями „Громадського Друга", а впослѣдствіи газеты для интеллигенціи „Народъ" и для крестьянъ „Хлиборобъ." Кромѣ того, имъ же принадлежитъ изданіе „научно-литературной библіотеки." Въ настоящее время русинская крестьянская партія выдвигается все больше и больше на первый планъ, пріобрѣтаетъ все новыхъ сторонниковъ среди людей изъ образованнаго класса.

Значительную поддержку партіи, прибавимъ отъ себя, даетъ „Наукове Товариство імени Шевченка" съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ его сталъ воспитанникъ Кіевскаго университета М. С. Грушевскій. „Записки Наукового Товариства імени Шевченка" въ его рукахъ оказались высоко-цѣннымъ научнымъ изданіемъ, необходимымъ для ознакомленія съ прошлымъ Галиціи. Параллельно ему выходитъ уже три года „Літературно-Науковий Вістник," подъ ред. Грушевского, І. Франка и В. Гнатюка, журналъ по содержанію близко подходящій къ лучшимъ изданіямъ европейскимъ. Особенно много его успѣху способствуетъ участіе Ивана Франка, помѣщающаго тамъ свои цѣнныя беллетристическія произведенія и не менѣе цѣнныя научныя статьи.

Вотъ съ какимъ трудомъ совершилось возрожденіе галичанъ и вотъ какихъ результатовъ пока что они достигли. Не-

сомнѣнно еще большаго добьются они въ будущемъ при столь-же упорномъ трудѣ.

Наравнѣ съ историческимъ краткимъ очеркомъ Галиціи интересны въ книгѣ г. Василевскаго и другія данныя. Онъ указываетъ, что Западная Галиція, лежащая въ бассейнѣ Вислы, отдѣляется отъ Восточной рѣкою Сяномъ, впадающей въ Вислу, и представляетъ страну, заселенную Поляками; Восточная же Галиція расположена въ бассейнѣ Днѣстра и отчасти Прута и заселена Русинами. Всего населенія въ этой провинціи Австріи имѣется по переписи 1890 года 6607816 человѣкъ, а теперь, вѣроятно, уже 7000000. Это населеніе почти поровну распадается на Западную и Восточную части страны. Населеніе Западной составляютъ слѣдующія польскія племена: 1) подгаляне, населяющіе гористую мѣстность Подгале, тянущуюся до притока Вислы Дунайца и 2) хробаты и мазуры, жители низменной части Западной Галиціи. между которыми особенно выдѣляются краковяне. Населеніе Восточной Галиціи составляютъ русскія племена; одни изъ нихъ горцы, другіе—подоляне. Горцы извѣстны подъ именемъ лемковъ, бойковъ, тухольцевъ, полонинцевъ и гуцуловъ. Авторъ характеризуетъ только лемковъ, бойковъ и гуцуловъ; о тухольцахъ и полонинцахъ совершенно умалчиваетъ. Русинское крестьянство говоритъ на малорусскомъ языкѣ, на томъ-же нарѣчіи, которое употребляетъ малорусское населеніе Юго-Западнаго края Россіи.

Интересны нѣкоторыя бытовыя черты, приводимыя авторомъ о гуцулахъ. Высокорослые, статные, хорошо сложенные, съ черными глазами, смуглыми лицами и черными какъ смоль волосами, гуцулы напоминаютъ скорѣе сербовъ или вообще жителей Балканскаго полуострова, нежели русиновъ. Въ прежнее время среди гуцуловъ было сильно распространено разбойничество. Близость румынской границы и Венгріи способствовала его развитію. Разбойничество было чѣмъ-то въ высшей степени почетнымъ, и парень, который не участвовалъ-бы по крайней

мѣрѣ въ двухъ-трехъ разбойничьихъ предпріятіяхъ, не могъ разсчитывать на любовь красивой, богатой дѣвушки изъ своего села. Обыкновенно парни, лѣтъ 18—20, соединялись въ шайки, выбирали себѣ атамана и отправлялись на свой промыселъ, иногда довольно далеко. Они нападали на помѣщичьи усадьбы, на купцовъ, везущихъ товаръ, и возвращались домой съ добычей. Многіе изъ нихъ пробирались въ Балканскія горы, гдѣ они соединялись съ сербскими и болгарскими гайдуками и вмѣстѣ съ этими послѣдними грабили и рѣзали турокъ. Привлекала ихъ къ такимъ походамъ не столько добыча, сколько свободная, независимая жизнь въ горахъ, веселыя пирушки, возможность показать свою молодецкую удаль. Послѣ двухъ-трехълѣтняго занятія разбойничествомъ, гуцулъ возвращался въ свое село, женился и становился примѣрнымъ „честнымъ", трудолюбивымъ хозяиномъ. Разбойники-гуцулы, называемые „опрышками", представляются въ народныхъ пѣсняхъ чѣмъ-то сказочно-геройскимъ. Они грабятъ богатыхъ, бѣднымъ же помогаютъ и нерѣдко выручаютъ ихъ изъ бѣды.

Интересно еще особое званіе у гуцуловъ „диды". „Диды"— это просто нищіе, которые по сумеркамъ собираются на папертяхъ церквей. Но не слѣдуетъ думать, что эти нищіе дѣйствительно нуждаются. Совершенно напротивъ. Дидовскія семьи— это самыя зажиточныя гуцульскія семьи, и ни одна дѣвушка не имѣетъ столько червонцевъ въ своемъ намыстѣ, сколько дочь дида. Въ гуцульской пѣснѣ такая дѣвушка поетъ:

„А я роду не простого,
А я роду дидивського..."

Диды пользуются большимъ почетомъ среди односельчанъ. Диды—это слѣпцы, поющіе по ярмаркамъ мірскія и духовныя пѣсни. Занятіе дида переходитъ по наслѣдству, и старшій сынъ дида подвергается ослѣпленію.

Гуцулы больше пастухи, рѣже земледѣльцы, такъ какъ земля въ ихъ горахъ плохо родитъ хлѣбъ; они славятся еще издѣліями изъ мѣди, глины и дерева.

Къ сожалѣнію подобнаго описанія ни лемковъ, ни бойковъ, а тѣмъ болѣе тухольцевъ и полонинцевъ мы въ книгѣ г. Василевскаго не встрѣчаемъ.

Что до экономическаго положенія обѣихъ половинъ Галиціи, то населеніе ея не можетъ прокормиться отъ земледѣльческой промышленности. 6000000 моргеновъ земли находятся во владѣніи крестьянъ, и теперь на человѣка, вслѣдствіе дробленія земли при наслѣдствѣ, приходится не больше двухъ моргеновъ, что, конечно, крайне мало. Остальное на прожитье крестьянамъ приходится добывать изъ промысловъ, нѣкоторые-же выселяются большими партіями въ Америку. Съ 1882 года были заведены земледѣльческіе кружки, стремившіеся къ улучшенію печальнаго хозяйственнаго положенія народа. Общество земледѣльческихъ кружковъ задалось цѣлью поднять уровень благосостоянія, просвѣщенія и нравственности народныхъ массъ. Оно основываетъ въ Галиціи земледѣльческіе кружки съ намѣреніемъ распространить между народомъ свѣдѣнія, касающіяся земледѣлія, сельскаго хозяйства и кустарной промышленности. Всячески старается Общество доставлять за деньги членамъ кружковъ хорошія сѣмена, машины, земледѣльческія орудія; устраиваетъ земледѣльческія и промышленныя выставки, въ которыхъ принимаютъ участіе крестьяне; основываетъ читальни, библіотеки, сберегательныя кассы, кассы ссудъ, промышленно-торговыя общества и лавки, въ которыхъ крестьянинъ можетъ получить все для него необходимое, при чемъ продажа спиртныхъ напитковъ совершенно устранена. Такіе земледѣльческіе кружки существуютъ по всей Галиціи, но преимущественно они распространены въ польской ея части. Вполнѣ бѣдности крестьянской они однако не устранили, какъ проистекающей вслѣдствіе плохой почвы въ Галиціи.

Поневолѣ приходится населенію изыскивать другія средства для существованія, кромѣ земледѣлія. Добывается въ Галиціи соль въ большомъ количествѣ; знамениты залежи ея въ Западной Галиціи въ Величкѣ и Бохніи. Сверхъ того добывается еще нефть и озокеритъ (горный воскъ). Залежи озоке-

рита были открыты въ Бориславѣ, описанномъ такъ мастерски г. Франкомъ. Близъ Кракова добывается еще цинковая руда. Соли, нефти, озокериту, цинку вывозится, по словамъ Василевскаго, на 5 милліоновъ гульденовъ больше, чѣмъ ввозится. Даютъ кой-какія средства къ жизни и развивающіеся въ послѣднее время нѣкоторые крестьянскіе кустарные промыслы. Явилась на свѣтъ „мѣстная коммиссія для промышленныхъ дѣлъ,“ которая взяла подъ свое покровительство эти кустарные промыслы. Явились школы для ткачей, и въ городѣ Кроснѣ, средоточіи мелкой ткацкой промышленности, возникла высшая ткацкая школа, въ которой обучаются самые способные ткачи. Ткацкія издѣлія Галиціи теперь нерѣдко вывозятся за-границу. Благодаря „мѣстной коммиссіи для промышленныхъ дѣлъ“ въ Восточной Галиціи открылись школы для вящшаго обученія изготовителей „кылимовъ,“ и теперь эти кылимы могутъ спорить по красотѣ съ лучшими восточными коврами. Когда стало замѣчаться постепенное замираніе этой промышленности, галицiйскій помѣщикъ Федоровичъ завелъ въ своемъ селѣ Окнѣ спеціальную школу, въ которой ученики-крестьяне стали учиться фабриковать кылимы подъ руководствомъ опытныхъ мастеровъ съ точнымъ сохраненіемъ прежнихъ узоровъ. Такимъ-же путемъ поднялось кустарное производство изъ дерева—утвари, алтарей, боронъ, саней, возовъ, тарантасовъ. Далѣе поднялось и гончарное производство; гончарскія школы существуютъ въ Коломыѣ, Товстомъ, Порембѣ. Средствами, добываемыми этими промыслами, отчасти пропитывается мѣстное населеніе.

Что до управленія Галиціей, то самой высшей властью въ ней, независимой отъ центральнаго правительства въ Вѣнѣ, является сеймъ, засѣдающій въ Львовѣ, избираемый всѣмъ населеніемъ, за исключеніемъ самыхъ бѣдныхъ слоевъ общества—рабочихъ и безземельныхъ крестьянъ. Сеймъ состоитъ изъ 150 членовъ, избираемыхъ на пять лѣтъ. Изъ среды сейма выбирается на шесть лѣтъ такъ называемое „Земское Управленіе“ (Wydział krajowy), состоящее изъ шести членовъ и шести ихъ замѣстителей. Это „Земское Управленіе“ занимается школьными

дѣлами, богоугодными заведеніями, общественными работами, мѣстными галицкими финансами и финансами общинъ. Во главѣ сейма и „Земскаго Управленія“ стоитъ провинціальный маршалъ, который назначается императоромъ изъ среды депутатовъ сейма. Какъ часть австрійской имперіи, Галиція вліяетъ на дѣла всего государства черезъ своихъ депутатовъ, которыхъ она посылаетъ въ вѣнскій парламентъ. Представителемъ австрійскаго императора въ Галиціи является назначаемый императоромъ намѣстникъ, постоянно пребывающій въ Львовѣ. Намѣстникъ не присылается изъ Вѣны, а назначается изъ галичанъ. До сихъ поръ всѣ галицкіе намѣстники были поляки. Намѣстникъ сносится непосредственно съ императоромъ по всѣмъ дѣламъ, находящимся въ его вѣдѣніи, и передъ лицомъ галицкаго населенія является выразителемъ воли императора.

Что касается народнаго образованія, то Галиція съ 1867 года стала самостоятельно давать ему свое направленіе. Онѣмечиваніе посредствомъ школы исчезло, и законъ 22 іюня 1867 года ввелъ повсюду преподаваніе на мѣстномъ языкѣ: тамъ, гдѣ населеніе польское,—на польскомъ, тамъ-же, гдѣ населеніе русинское,—на малорусскомъ. Вскорѣ послѣдовало императорское распоряженіе объ учрежденіи въ Галиціи „Мѣстнаго Школьнаго Совѣта“, въ вѣдѣніе котораго должны были перейти всѣ низшія и среднія учебныя заведенія Галиціи. Только высшія учебныя заведенія, университетъ и политехникумъ, не зависѣли отъ Школьнаго Совѣта и подчинялись министерству народнаго просвѣщенія, пребывающему въ Вѣнѣ. Школьный Совѣтъ игралъ въ Галиціи и теперь играетъ роль самостоятельнаго министерства. Съ трудомъ онъ собралъ свѣдѣнія о постановкѣ школьнаго дѣла въ подвѣдомственномъ ему раіонѣ, и въ 1873 году въ Галиціи было не на бумагѣ только, а на дѣлѣ 2362 школы, потомъ въ 1893 г.—3812. Число школъ постепенно растетъ и теперь. Вмѣстѣ съ ростомъ школъ идетъ и увеличеніе числа обучающихся въ школѣ дѣтей. Въ 1893 году ихъ было уже 563509. Число безграмотныхъ въ войскѣ также постепенно уменьшается, и есть не мало окру-

говъ въ Галиціи, гдѣ на представляемыхъ рекрутъ число безграмотныхъ не превышаетъ 10—12%. Распространенію школъ въ Галиціи особенно содѣйствуетъ „Общество народной школы,“ основанное въ 1892 г. Открываетъ оно школы преимущественно въ Западной Галиціи, но не оставляетъ своимъ вниманіемъ и Восточной. Какъ „Общество“ польское, оно ревностно слѣдитъ за сохраненіемъ польской народности на крайнемъ Западѣ Галиціи. Въ г. Бялѣ нѣмецкій „шульферейнъ“ завелъ нѣмецкія школы и явно онѣмечивалъ мѣстное населеніе; „Общество“ ревностно противодѣйствовало такой его дѣятельности, съ большимъ трудомъ открыло въ Бялѣ польскую школу и обезпечило такимъ образомъ сохраненіе мѣстнымъ населеніемъ польской народности. Сверхъ того, явилось еще въ 1867 г. и „Общество народнаго просвѣщенія,“ задавшееся цѣлью покрыть Галицію народными читальнями, но „Общество“ это вскорѣ прекратило свое существованіе, не поддержанное въ своей дѣятельности ни народомъ, ни интеллигенціею. Но въ восьмидесятыхъ годахъ одновременно явились многія общества для распространенія народнаго просвѣщенія путемъ читаленъ, газетъ, книгъ для народнаго чтенія. Въ настоящее время одна Западная Галиція обладаетъ 1200 читаленъ. Читаленъ довольно и въ Восточной Галиціи, на которую польское общество меньше обращаетъ вниманія, своя же малорусская интеллигенція пока еще слаба для этого. Но усиліями послѣдней во всякомъ случаѣ открыто нѣсколько русинскихъ гимназій, напр. во Львовѣ, Перемышлѣ, Коломыѣ, и нѣсколько параллельныхъ малорусскихъ отдѣленій къ гимназіямъ польскихъ въ предѣлахъ Восточной Галиціи. Ея же усиліями появилось нѣсколько народныхъ газетъ, какъ „Хлібороб,“ „Батьковщина.“ Къ сожалѣнію нашъ авторъ не упоминаетъ о существованіи въ Галиціи малорусскихъ гимназій. У него также вскользь упомянуто только о существованіи во львовскомъ университетѣ нѣсколькихъ каѳедръ на малорусскомъ языкѣ.

Касается авторъ и еврейскаго населенія Галиціи. Евреи держатъ тамъ корчмы и мелочныя лавки, занимаются продажей

всего того, что крестьянину нужно въ повседневной жизни, и покупкой продуктовъ крестьянскаго хозяйства. Они-же ссужаютъ неповоротливаго и мало предпріимчиваго крестьянина деньгами за неимовѣрные проценты, такъ что въ концѣ концовъ и земля крестьянина переходитъ къ евреямъ. Еврейскихъ ремесленниковъ въ русинскихъ селахъ очень немного. Всего евреевъ въ Галиціи живетъ около 12% общаго количества населенія, болѣе 800000, по показаніямъ г. Василевскаго. Вся еврейская масса мелкихъ городовъ и деревень принадлежитъ къ хасидской сектѣ іудейскаго вѣроисповѣданія, отличающейся крайнимъ фанатизмомъ и невыразимымъ отвращеніемъ къ просвѣщенію. Но отвращеніе они питаютъ къ европейскому просвѣщенію, а не къ своему еврейскому. Каждый еврей посылаетъ своихъ дѣтей въ спеціально-еврейскую вѣроисповѣдную школу, такъ называемый хедеръ, гдѣ кромѣ религіознаго фанатизма ребенокъ ничего не получаетъ; всѣ эти хедеры помѣщаются въ жалкихъ темныхъ, грязныхъ и душныхъ комнатахъ. Раввины ихъ пользуются громаднымъ вліяніемъ и слывутъ нерѣдко чудотворцами. Но есть и просвѣщенные евреи, имѣющіе просвѣщенныхъ раввиновъ. Въ настоящее время появился среди евреевъ сіонизмъ, проповѣдывающій переселеніе евреевъ въ Палестину, мѣсто ихъ первоначальной осѣдлости. Сіонизмъ явился въ противовѣсъ антисемитизму, грубому выраженію ненависти къ евреямъ, какъ евреямъ. Сіонисты думали было выступить открыто на политическомъ поприщѣ, но увидя, что они для этого еще слишкомъ слабы, рѣшили ограничиться культурной дѣятельностью по поднятію просвѣщенія и нравственности евреевъ.

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что книжка г. Василевскаго, трактующая обо всѣхъ перечисленныхъ вопросахъ, весьма интересна сама по себѣ. Очень жаль, что авторъ значительно больше вниманія посвящаетъ полякамъ, чѣмъ русинамъ; онъ только вскользь касается тѣхъ крайнихъ несправед-

ливостей, которыя терпятъ русины отъ поляковъ. И во всей книжкѣ свѣдѣнія, собранныя авторомъ о Западной Галиціи польской, какъ-будто относятся и къ Восточной, русинской; между тѣмъ это далеко не такъ. Жаль также, что у автора совсѣмъ отсутствуютъ ссылки на источники, изъ которыхъ онъ черпаетъ свои свѣдѣнія; между тѣмъ это значительно усилило-бы достовѣрность его сообщеній. Непріятна также и нѣкоторая неточность сообщаемыхъ свѣдѣній, кой-гдѣ нами указанная. Но величайшею заслугою г. Василевскаго является его сердечное отношеніе къ несчастнымъ русинамъ, думающимъ возродиться и потому принявшимся за свой языкъ, за свою литературу и намѣревающимся развивать ихъ естественно, на основѣ своего природнаго языка.

Я. Ш.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Два письма Ѳ. В. Чижова къ Г. П. Галагану [1]).

Одесса 22 Сент. (1860 г.?).

Давно ли я видѣлъ тебя, Гришунокъ, тогда я и подумалъ, что придется мнѣ сдѣлать совершенно нежданую поѣздку. Если-бы не множество непріятностей было сопряжено съ нею, она доставила бы мнѣ большое наслажденіе, по крайней мѣрѣ такое, къ принятію какого способна довольно избитая душа моя. Впервые дорогою, ѣхавши на лошадяхъ Гуркевскаго до Богуполя, пограничнаго мѣстечка между Подольскою и Херсонскою губерніями, впервые я понялъ красоту степей украинскихъ. День былъ ясный, солнце пекло, хоть и по сентябрски, но довольно сильно,—на всемъ степу я былъ одинъ одинешенекъ,—куда ни обернусь—луга и нивы, нивы и могилы, предо мною большая могила и надъ нею высокій крестъ,—единственный житель тучной привольной пустыни. Я перенесся мыслію къ тебѣ,—тутъ много, очень много поэзіи, моя душа не вынесла ея силы, и сначала безотчетно у меня истекли слезы, потомъ еще стало грустнѣе, когда языкъ степи вошелъ въ мое сознаніе. Это высокая поэзія одиночества, не смерти, какъ въ пустыняхъ Аравійскихъ, а одиночества

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія о Ѳ. В. Чижовѣ см. въ статьѣ А. Л. „Матеріалы для біографіи Г. П. Галагана" (Кіев. Стар. 1898 г., сентябрь, стр. 192—3). Подлинники настоящихъ двухъ писемъ Чижова хранятся въ архивѣ Коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ и любезно сообщены намъ директоромъ ея А. І. Степовичемъ.

жизни. Все есть кругомъ тебя, что на потребу человѣка, природа щедро наградила всѣмъ,—нивы тучны, луга роскошны и зелены, сама природа указала не искать товарищей, кромѣ товарища, предписаннаго ею же всякому, кромѣ своей половины, отдѣленной отъ человѣка Богомъ еще въ райской его жизни и вновь возвращенной ему супружествомъ и любовію. Тутъ, а не въ исторіи начало образованія малороссійскаго характера. Не исторія, а природа ввела его самого въ себя;—изъ этого источника природа развила всѣ его добрыя качества, которыя потомъ выразились въ исторіи. Сама исторія, то-есть столкновенія на поприщѣ жизни, вызывала изъ того же источника и дурное и хорошее; то и другое является довольно ясно, когда степь введетъ въ основу характера своихъ обитателей. Напрасно говорятъ, что малороссіянинъ хитеръ отъ природы; онъ отъ природы только заключенъ въ самомъ себѣ,—онъ скрытенъ и за это его упрекать также безразсудно, какъ и насъ за нашу непремѣнную потребность общежительности. Та-же природа, указавшая малороссіянину одиночество и отдѣльность, заставила насъ жить непремѣнно общежительно; она баловала малороссіянина своими дарами, давая все даромъ, не требуя отъ него едва не кроваваго поту, насъ она заставила все вырабатывать. За то первый—баловень, привыкшій къ даровому, онъ всѣмъ недоволенъ; второй за все благодаритъ Господа. Онъ все получаетъ отъ Бога, какъ милость, ему шагу не сдѣлать, не обращаясь къ Творцу всего и виновнику. Еще одно, Гришунокъ,—не знаю, понравится ли оно тебѣ. Великъ Господь во всемъ и вездѣ, и нѣтъ ни одного Его творенія, на которомъ не было бы печати Его величія и въ которомъ не было бы видно Его благости. Отъ насъ зависитъ видѣть или положеніе(?) Его твореній, или Его въ нихъ присутствіе. Есть Его дѣти, которыхъ ты сильно не любишь; я душевно радъ, что встрѣтилъ ихъ въ такую минуту, когда многими страданіями душа приготовилась къ принятію всего съ любовію. И тутъ, благодареніе Богу, я встрѣтилъ можетъ быть избранныхъ. Ты сильно не любишь Поляковъ; исторически смотря, имѣешь право, если только есть право не любить. Много терпѣли и даже теперь много терпятъ отъ нихъ Украинцы,—хоть и тутъ, не знаю какъ сказать, того ли приходится благодарить, отъ кого терпишь, или того, кто холитъ? Я пробылъ съ поляками 6 дней,—много, очень много нашелъ хорошаго; можетъ быть именно потому, что видѣлъ ихъ только между собою и по неумѣнью говорить не могъ даже навести на разговоръ

сколько-нибудь общественный. Когда случай заставлялъ видѣть ихъ въ столкновеніи съ страною, съ туземцами—украинцами, горько было видѣть страданіе этихъ послѣднихъ. Въ настоящую минуту оно можетъ быть и не велико, но обычаи, вошедшіе въ бытъ ихъ, показываютъ, что дѣло было не безъ слезъ и не безъ униженія. При мнѣ было нѣсколько свадебъ,—невѣста и женихъ приходили и не только барину, а всѣмъ присутствовавшимъ панамъ по три раза кланялись въ ноги, цѣлуя при каждомъ поклонѣ руку и ногу. Трудно передать, какъ тяжело это видѣть. Неужели и у Васъ такъ-же?

Я пріѣхалъ вчера въ Одессу, не смотря на дождь, цѣлый день былъ на ногахъ. Дѣла мои плохи. Сегодня погода превосходная, дѣлъ было мало, и потому я просто ходилъ по городу. Всего болѣе плѣнило меня море,—какъ старый другъ и сожитель во всей моей жизни въ Италіи, оно много говоритъ объ ней. Въ одной кофейнѣ все почти итальянцы; жаль, что нѣтъ итальянскихъ газетъ; теперь онѣ были бы особенно занимательны. Венеція дѣйствуетъ сильно, вспоминаетъ свою четырнадцативѣковую исторію. Прощай, поклонись женѣ; да не лѣнись писать. Дѣла меня не поглощаютъ; я знаю одно, что все отъ Бога, твержу себѣ это безпрестанно, и что-бы ни случилось, приму, какъ Его велѣніе. Расцѣлуй ручки у Маменьки. Если поѣдешь въ Петербургъ, начинай всегда писать съ адреса; пиши его вмѣстѣ съ числомъ и мѣсяцемъ.

—

Апрѣля 23 Москва (1861 г.)?

Христосъ Воскресе! мой милый, мой дорогой Гришунъ? Христосъ Воскресе, моя милая правда, [1]) Катерина Васильевна! Христосъ Воскресе, козакъ—душа правдива Павлусикъ. Со всѣми отъ всей души издали христосуюсь, всѣмъ шлю самое задушевное поздравленіе съ великимъ праздникомъ. Извиняться ли, что я долго къ Вамъ не писалъ? Я думаю, не нужно. Ты знаешь, Гришунъ, что я часто съ тобою, особенно часто теперь, когда тебѣ весьма нужно и сердце, и рука друга, человѣка тебя любящаго просто за просто. Я чувствую издали, что тебѣ они нужны, что ты часто страдаешь и за людей, и за время, и за свои увлеченія. Послѣднее твое письмо

[1]) Такъ Чижовъ обыкновенно называлъ К-ну В-ну Галаганъ въ своихъ письмахъ.

было не утѣшительно; теперь, кажется, на почтѣ есть еще письмо отъ тебя, я сужу потому, что сейчасъ принесли почту съ 130 руб.; мнѣ получать денегъ не-откуда, и отъ тебя не слѣдуетъ столько, но можетъ быть нѣтъ ли порученія. Довольны ли вы Гурьевымъ? [1]) Передайте ему мое христосованье съ нимъ и мое ему поздравленіе. Въ настоящую минуту я пишу тебѣ изъ моего уединенія; я объявилъ, что я уѣду, заперся въ своей отдаленной комнатѣ, бывшей спальнѣ моей милѣйшей правды, и рѣшительно не вижу никого. Бываютъ времена, когда одиночество есть необходимая потребность души, я ее давно чувствовалъ и теперь могъ удовлетворить этому желанію, дошедшему до самаго страстнаго и нетерпѣливаго ожиданія.

У васъ, какъ почти вездѣ, нехорошо. Самаринъ, разладившій со мною, вѣроятно на время, писалъ на дняхъ къ Аксакову, поручая письмо передать Черкасскому. Самаринъ пишетъ, что у нихъ тоже неладно. Положенія и манифестъ писались далеко отъ народа, на почвѣ, перерабатывающей всѣхъ и каждаго; одни ихъ не понимаютъ, другіе на нихъ негодуютъ, третьи ихъ терпятъ, какъ зло, какъ необходимость не по(?) времени и говорятъ съ Вашимъ поэтомъ: Нема раю на всимъ свити,—хиба що на неби? А по мнѣ не будетъ и на небѣ тебѣ, если не приготовишь неба на землѣ страданіями, полнымъ сочувствіемъ людямъ, особенно страдающимъ, и полною земною жизнію. Въ Казани, говорятъ, убито до 70 человѣкъ, дай Богъ, чтобъ было неправда, но напрасно моленіе [2]). Тебѣ не легко, Гришунъ,—одного желалъ бы я, чтобы ты не сѣтовалъ, но и не гордо смотрѣлъ на то, что со всѣми вмѣстѣ впалъ въ заблужденіе. Дѣло, всякое дѣло, какъ болото,—тотъ не увязнетъ въ тинѣ, кто на него не ступитъ. А на это тоже скажу стихами того-же Шевченка: Страшно впасти кайдани, умирать въ неволи; а ще гирше—спати, спати, и спати на воли, и заснути на викъ—вики, и слиду не кинуть ниякого!.. Однаково—чи живъ, чи загинувъ... Исторія идетъ въ книгахъ все великими событіями, а на дѣлѣ ошибками, промахами, сожалѣніями, раскаяніями, страданіями и домашними размолвками. Кто дѣлаетъ, тотъ историческій воинъ.

---

[1]) Воспитатель Павла Галагана.

[2]) Какъ извѣстно, была отслужена панихида по убитымъ, кажется, въ с. Безднѣ.

Кругомъ насъ все тихо; но тихо такъ, какъ я написалъ въ № 6 «Акціонера», за что и получилъ выговоръ. Говорятъ, что Ланской съ титуломъ графа увольняется, Тимашевъ оставилъ службу по убѣжденію, что все распущено; Ковалевскій врядъ ли не оставитъ министерство, какъ мученикъ либерализма. Другими словами такая смѣсь убѣжденій и мученичества, что по пословицѣ: чортъ ногу переломитъ, другой не вытащитъ.

Гдѣ Вы теперь, мои милые, я часто съ Вами даже и тогда, когда пожираю Основу. Никогда я такъ не смаковалъ языка, поэзіи и нѣжности малороссійскаго склада, какъ теперь,—почему, я и самъ не знаю. Думаю потому, что моя дѣятельность, не за деньги, а по глубокому убѣжденію въ необходимости практическаго знанія и разъясненія практическихъ понятій, также хранитъ задушевныя идеи, какъ ледъ хранитъ зелень, не даетъ ей полужить и въ полужизни вянуть. Какъ будто пелена сваливается съ глазъ, и можетъ быть ошибочно, но Малороссія является не враждебною національностью, но неразрывною частію той народности, какою всегда жила и всегда будетъ жить душа моя. Россія—цѣлый міръ, со всею полнотою организаціи—не Франція, не Германія, не Англія, составляющія одинъ міръ, но если можно перенестись въ прошедшее къ нимъ, поставить не въ сравненіе, а въ параллель,—Италія, а теперь Европа. Петрарка—представитель той-же органической Италіи, какъ и Данте; но безъ него организмъ былъ бы не полонъ. Малороссія страна той-же Петрарковщины, той же нѣжности, легкости, сердечности славянскаго или русскаго міра. Каждое слово Малороссіи, не вычурной, а просто понятой изъ народа и его житья-бытья, есть слово моего сердца; оно ему родное, хотя и не родинное. Я не былъ бы полонъ, остался бы на половинѣ развитія, еслибъ не дошелъ до сердечнаго пониманія Малороссіи, до любви къ тому уголку, гдѣ все любовь и небо и природа, и простота жизни; а въ то-же время, я былъ бы уродливъ, односторонен, если-бъ отдался этой народности и не черпалъ всего и самой любви къ ней изъ единаго для меня чистаго источника, моей родинной народности. Я былъ бы актеромъ, если бы вздумалъ поддѣлываться подъ сердечность мнѣ доступную, но мнѣ не данную; лежалъ бы вялымъ, мои мускулы, созданные для энергической дѣятельности, измякли бы и сердце перестало бы чувствовать истинную любовь, прилѣпившись къ театральной чувствительности. Самъ не знаю, какъ между Horsepower and American labour saving ma-

chinery [1]); между Boiler explosions and Steam and Water [2]), само собою образовалось убѣжденіе и рѣшеніе вопроса давно тревожившаго душу, давно искавшаго отвѣта.

Какъ много, какъ тепло, какъ братски говорю я часто съ Вами, съ тобою, мой Гришунъ ненаглядный, съ Вами, моя правда милая, которую люблю сильно, очень сильно, и съ Николею Ригельманомъ. Сегодня высказался можетъ быть и потому, что великъ праздникъ, что я оставилъ на время промышленность и директорство желѣзной дороги и курсы и стоимость фондовъ. Въ 12 часовъ былъ въ Кремлѣ, ожидалъ полуночнаго колокола и все-таки съ тысячами со свѣта былъ на площади, на которой съ трехъ сторонъ шли три хода изъ трехъ соборовъ—Успенскаго, Архангельскаго и Благовѣщенскаго. Неужели простою людскою прихотью создано такое великолѣпное состояніе? Неужели прихотью бѣдный труженикъ—народъ, которому все дается съ страшнымъ усиліемъ, которому все Богъ не даетъ, а продаетъ за цѣну страшнаго труда, умѣлъ собрать такія богатства, что куда ни зайдешь въ церковь, все золото и серебро и сквозь него свѣтлѣе солнце—трудъ и самоотверженіе?

Что сказать Вамъ объ обстановкѣ? Грустна, но не безлюбовна. Мои близкіе друзья—разбитая семья Аксаковыхъ; врядъ не еще ли болѣе разбитая—Свербѣевыхъ. Обѣ Васъ любятъ. Гроня(?) уѣхалъ, онъ мнѣ не писалъ изъ Петербурга. Жаль, что онъ у Маслова; если бы была у меня отдѣльная комната, я помѣстилъ бы его у себя. Мы съ нимъ живемъ хорошо, онъ меня любитъ, я люблю его. Славный мальчикъ; легокъ; но не всѣмъ же быть тяжелымъ. Портитъ его жизнь у Маслова, пріучаетъ подластиваться, а онъ и безъ того не довольно самостоятеленъ. Жду извѣстія, какъ Вы сошлись съ Гурьевымъ; не будьте черезъ-чуръ строги; хорошо бы орла, хорошо бы орлиными перьями писать, да ихъ нѣтъ, пишемъ гусиными.

Прочтите, если цензура пропуститъ, въ будущемъ «Вѣстн. Промышленности» Морни и его значеніе; она была не пропущена, я передѣлалъ,—авось пропустятъ.

Думаю, что «Вѣст. Промышл.» я перестану издавать—мало расходится; останемся мы съ однимъ «Акціонеромъ». Уваженіе пріобрѣли

---

[1]) т. е. между лошадиной силой и американской машиной для сбереженія труда.

[2]) т. е. между взрывами паровика и паромъ и водой.

большое, всѣ перепечатываютъ, а денегъ все не даютъ. Я пока проживу директоромъ желѣзной дороги, которая (Московско-Сергіевская) идетъ у насъ образцово и дешево, и дружно. Акціи Дружины идутъ плохо, дивиденду нѣтъ, но капиталъ не пропадетъ. Теперь я не выхожу, потому не знаю, когда капиталъ возвратится, и напишу тебѣ объ этомъ послѣ Святой. Я такъ распорядился, что за директорство получу 60 акцій на 9000 рублей, а такъ какъ оно на 4 года, то въ остальные два года буду жить остальными 3000, ибо полагается директору по 3 тысячи въ годъ, въ 4 года 12000. А тамъ можетъ быть выберутъ снова, увидимъ. Жить хорошо тѣмъ, что времени никогда не вижу; только утромъ вставать не хочется, а только встанешь, смотришь уже и вечеръ, а все и половины не сдѣлаешь. Нигдѣ почти не бываю, а въ работѣ хорошо. L'étude des lettres, qui n'est autre que l'étude des hommes, est douloureuse quand elle n'est pas terrible. Обними за меня Михаила Андреича и похристосуйся съ нимъ; писалъ бы къ нему, но времени въ суткахъ 24 часа, а работы часто бываетъ на 30. Къ тому же, когда долго не пишешь, надо писать много. Поди-ко онъ сильно ругаетъ насъ, красныхъ, а ужъ я каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку. Обнимаю Васъ всѣхъ отъ всей души.

Сообщ. А. Л.

Къ первому кіевскому юбилею (1871 г.) въ честь М. А. Максимовича *(Письмо къ редактору)*. Перебирая старыя бумаги, я нашелъ нѣсколько малороссійскихъ куплетовъ, сказанныхъ на вечерѣ въ честь М. А. Максимовича и неизвѣстныхъ въ печати. Прочитавши ихъ, я подумалъ, что и первый юбиляръ кіевскій стóитъ добраго воспоминанія, и куплеты заслуживаютъ вниманія, не по своему, впрочемъ, достоинству, а *какъ историческая черта юбилея*, не упомянутая въ описаніи его. Въ этой мысли и посылаю ихъ Вамъ, г. редакторъ.

А читателямъ Вашего журнала надо прежде сказать, что послѣ общественнаго обѣда въ честь М. А. Максимовича, кому-то изъ молодежи пришла добрая мысль—еще почтить его, какъ *перваго* издателя народныхъ малороссійскихъ пѣсенъ, вечеромъ пѣнія. Дѣло сладилось быстро, и 18-го сентября 1871 года, въ квартирѣ А. Ѳ. Кистяковскаго, собрались человѣкъ 20—30 разнаго вѣдомства и на-

родностей—студентовъ, преподавателей, чиновниковъ,—и цѣлый вечеръ до полуночи распѣвали они пѣсни малороссійскія, великорусскія, чешскія, сербскія. Много было при семъ сказано рѣчей, къ сожалѣнію незаписанныхъ, и сколько помнится, всѣ онѣ были сказаны на *русскомъ* языкѣ,—вотъ почему, между прочимъ, произнесены были слѣдующіе малороссійскіе куплеты, тутъ-же наскоро написанные.

Глянуть любо, що за чудо
Робыть серце чоловиче:
Ось зійшлося скильки люду,
Хочъ не бачылысь и въ вичи!

***

Се ще штука не велыка!
Онъ де штука, онъ де дыво:
Вкругъ старого чоловика
Обвылась молодижь жыво,—

***

И веселымъ роемъ ріе,
И любенько поглядае,
И шануе, и радіе,
И радисинько спивае.

***

Чую й речи по любови,
Що душа кому вищуе;
Чомъ же серце нашой мовы,
Матерынскои, не чуе?!

***

Ой, панотченьку нашъ сывый,
Благословить ридне слово!
Хай розскаже въ часъ щаслывый
Мысли люду молодого!

***

Що жъ шануе людъ прывитный?
Серце ваше, трудъ вашъ щырый,
Трудъ велыкый, пивстолитній,
Повный думы, повный виры!

***

Отъ за що вамъ хлибъ-силь повна,
Да и чарочка повненька,

Ласка тепла, рѣчъ любовна,
Писня ридна, писня—венька!

***

И народне, повне сылы,
Гарне слово кажуть люде:
„*Будьте жыви й Богу мыли!*“,—
И усе вамъ добре буде!

***

Будьте жыви: ще васъ треба!
Хай пиввика пролетило,
А вы съ тыхымъ даромъ Неба
Помаленьку зновъ за дило!

***

Будьте жыви, щобъ навчаты
Добрымъ словомъ, жыттемъ цилымъ,
Якъ науку поважаты,
Якъ людей любыты диломъ!

***

Ой, якъ добре для наукы,
Ой, якъ добре для народу,
Якъ зъ стареньkымъ диты й внукы
Роблять дружно годъ одъ году!

***

Будьте довго жыви, тату!
Хай не йде молытва мымо!
А ну, братци, на всю хату
Многолитіе гукнимо!..

И гукнулы! здорово гукнулы! Та ще и не разъ. Максимовичу очень понравилось *народное* присловье за чаркою: «*будьте жыви й Богу мыли*», и онъ записалъ его. А молодежь, утѣшенная роднымъ словомъ, подняла автора стиховъ на воздухъ и покачала его порядкомъ. Онъ, видимо, былъ въ духѣ и черезъ нѣсколько минутъ прочелъ еще нѣсколько куплетовъ:

«*Многи лита*» стари люде
Ще не такъ було спивають;
Якъ затёхка часомъ въ грудяхъ,—
Жыто й копкив споминають.

А хиба-жъ и намъ старенькый
Не засіявъ поля густо?
Хто не бачыть цвитъ рясненькый,
Де поперед було пусто?

*
* *

Винъ давно насіявъ жыта,
Люде жнуть и ставлять копкы,
Стане й намъ на многи лита:
Якъ же намъ не вдарыть гопкы?!

*
* *

Гопкы! гопкы! серце пляше,
И сама душа спивае...
Хай новикъ весилле наше
Старый серцемъ спомынае!

Разумѣется, и *гопкы* ударили! И опять многая лѣта, и пѣсни, и gaudeamus igitur. А расходившійся кобзарь еще такъ добавилъ:

Отъ и добре! А я й пакы
Крыкну словомъ и душею:
Вамъ здоровьячко, спивакы,
За чарчыною сіею!

*
* *

Да ще слово напослидокъ:
За добро и свитъ въ народи,
За сердешныхъ въ школи дитокъ—
Многи лита! отъ и годи!..

Пѣніе возобновилось и протянулось за полночь... Кто-то наконецъ предложилъ еще тостъ въ честь радушныхъ хозяевъ, у которыхъ *довелося добрый вечеръ скоротаты.* Да, хорошій то былъ вечеръ! Въ немъ сказалось искреннее уваженіе молодежи къ старому дѣятелю и неугасимая любовь къ народной поэзіи и языку, безъ различія національностей. Съ одинаковымъ вниманіемъ были пѣты и выслушиваемы всѣ народныя пѣсни. А безъ этой любви къ народному и родному ничего добраго и быть не можетъ!

Участникъ вечера.

Правила для кіевскихъ гимназистовъ, распубликованныя въ 1840 г. при содѣйствіи полиціи. Въ концѣ іюля 1840 года попечитель кіевскаго учебнаго округа князь Давыдовъ послалъ генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову слѣдующую докладную записку: «Училищное начальство неоднократно просило распоряженія кіевской градской полиціи о воспрещеніи молодымъ людямъ, не состоящимъ въ учебныхъ заведеніяхъ, носить ученическое и студентское платье. Распоряженіе это исполняется не особенно строго, такъ что весьма часто попадаются непринадлежащія здѣшнимъ училищамъ дѣти въ гимназическихъ мундирахъ старыхъ и самыхъ неопрятныхъ, и попечитель округа, возвращаясь въ Кіевъ 24 числа сего мѣсяца, встрѣтилъ подобнаго мальчика въ восьми верстахъ за городомъ, который тогда же препровожденъ къ г. старшему полицмейстеру съ просьбою воспретить ему носить ученическое платье. Попечитель учебнаго округа, по случаю ожидаемаго прибытія въ Кіевъ Государя Императора, имѣетъ честь покорнѣйше проситъ о новомъ подтвержденіи жителямъ города, чтобы они не одѣвали въ форменное ученическое платье дѣтей, не находящихся въ училищахъ, и о подтвержденіи полиціи имѣть строгое за симъ наблюденіе».

Ходатайство кн. Давыдова было исполнено: генералъ-губернаторъ тотчасъ предписалъ старшему полицмейстеру «строжайше подтвердить жителямъ города», чтобы они не присваивали дѣтямъ—не школьникамъ форменнаго ученическаго платья, и поручить полиціи тщательно наблюдать за исполненіемъ этого распоряженія.

Но князю Давыдову было мало этого. Спустя нѣсколько дней, (3 августа) онъ вновь писалъ Бибикову: „Находясь въ необходимости прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ для понужденія воспитанниковъ подвѣдомыхъ мнѣ въ Кіевѣ учебныхъ заведеній, живущихъ въ домахъ родителей, къ точному соблюденію формы въ одеждѣ, а также воспретить носить ученическое платье дѣтямъ, не находящимся въ учебныхъ заведеніяхъ, я, независимо отъ предписаній, данныхъ начальникамъ учебныхъ заведеній, просилъ г. состоящаго въ должности кіевскаго гражданскаго губернатора оказать въ семъ случаѣ свое содѣйствіе и распубликовать въ городѣ напечатанное по моему распоряженію особое „Объявленіе“, экземпляры котораго я долгомъ счелъ препроводить на усмотрѣніе вашего высокопр—ства.“

Приводимъ и самый текстъ этого объявленія, которое вслѣдъ за тѣмъ было расклеено на столбахъ и заборахъ Кіева и вручено подъ росписки родителямъ учениковъ:

Объявленіе.

Попечитель Кіевскаго Учебнаго Округа, не взирая на многократныя подтвержденія и взысканія съ учениковъ гимназій и училищъ, встрѣчаетъ ихъ нерѣдко, вопреки сдѣланныхъ распоряженій, на улицахъ однихъ, безъ надзора и въ неформенной одеждѣ, или хотя и въ оной, но безъ соблюденія предписанныхъ на щетъ (sic!) формы правилъ; и потому нынѣ въ послѣдній разъ объявляется съ подписками всѣмъ родителямъ и прочимъ лицамъ, у коихъ живутъ ученики, слѣдующее:

Если ученикъ встрѣченъ будетъ на улицѣ училищнымъ или полицейскимъ чиновникомъ одинъ, безъ провожатаго взрослыхъ лѣтъ, или въ неформенной одеждѣ, или наконецъ въ одеждѣ хотя и форменной, но она не будетъ въ должномъ порядкѣ и опрятности, то ученикъ такой будетъ немедленно взятъ встрѣтившимъ его и препровожденъ къ инспектору казенныхъ училищъ, который о немедленномъ исключеніи его изъ училища и о снятіи съ него училищной одежды имѣетъ уже надлежащее предписаніе, какъ равно и полиція извѣщеніе объ арестованіи таковыхъ при встрѣчѣ на улицахъ. Ученики старшіе, имѣющіе на плечахъ въ мундирахъ нашивки изъ галуна, могутъ ходить безъ провожатыхъ. Форменная одежа ученика должна быть слѣдующая: мундиръ суконный, зеленый или синій, съ краснымъ воротникомъ, застегнутый на всѣ пуговицы. Сюртукъ суконный, зеленый или синій, съ краснымъ воротникомъ, застегнутый на всѣ пуговицы. Панталоны суконныя, одинаковаго цвѣта съ мундиромъ или сюртукомъ. Галстухъ черный. Фуражка по цвѣту мундира или сюртука, съ красной околышкой.

Выходящій со двора ученикъ долженъ всегда имѣть при себѣ печатный билетъ, съ означеніемъ его имени и училища. Билеты сіи будутъ имъ розданы начальниками заведеній.

Подписалъ попечитель князь Давыдовъ. Скрѣпилъ правитель канцеляріи А. Лазовъ.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Часовня-памятникъ въ Каневѣ.* Въ 1787 году Императрица Екатерина II совершила путешествіе въ Новороссію и Крымъ, спускаясь по Днѣпру на галерахъ.

Въ это время староствомъ Каневскимъ владѣли князья Понятовскіе. Подъ городомъ Каневомъ состоялось свиданіе Государыни съ королемъ Станиславомъ Августомъ Понятовскимъ, «имѣвшее послѣдствіемъ возвращеніе Россійской державѣ всего юго-западнаго края, и какъ бы предрѣшавшее судьбу самого королевства Польскаго» (слова позднѣйшаго прошенія каневскихъ обывателей).

На берегу для короля былъ раскинутъ пышный шатеръ (по свидѣтельству Фундуклея—цѣлый временный дворецъ), на мѣстѣ котораго, затѣмъ въ теченіе долгихъ лѣтъ, высился деревянный крестъ, уничтоженный, наконецъ, непогодою и тлѣніемъ.

Независимо отъ того, въ память проѣзда Самодержицы Всероссійской, король, въ 1788 году, на высокой горѣ воздвигъ обелискъ, вышиною въ 90 стопъ, увѣнчанный Императорской короною и украшенный надписью: Imperium oceano famamque terminat astris!

Къ срединѣ тридцатыхъ годовъ отъ этого сооруженія едва уцѣлѣлъ одинъ лишь фундаментъ. Затѣмъ, въ 1864 году, вслѣдствіе ходатайства каневскихъ обывателей, Кіевскимъ губернаторомъ возбужденъ вопросъ о построеніи на горѣ Московкѣ, въ воспоминаніе той же встрѣчи, каменной часовни, проектъ которой въ слѣдующемъ году одобренъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Изъ переписки кіевскаго митрополита Арсенія съ прот. П. Г. Лебединцевымъ (Кіевск. Стар., 1900 г., Октябрь, стр. 141) видно, что указанное прошеніе каневскихъ обывателей встрѣчено духовнымъ начальствомъ съ подозрительностью, и вѣроятно по этой причинѣ проектъ часовни не осуществился.

—

2) *50 изображеній Великаго князя Александра Невскаго, пожалованныя Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ старшинамъ, старостамъ и стражникамъ.* Въ 1864 г. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ, озабоченный увѣковѣченіемъ въ памяти народа царствованія своего Родителя, пріобрѣлъ 100 экземпляровъ бронзовыхъ изображеній Благовѣрнаго князя Александра Невскаго (работы Ладоги), для распространенія таковыхъ въ краяхъ Литовскомъ и юго-западномъ.

50 экземпляровъ присланы въ распоряженіе генералъ-губернатора Анненкова, который наградилъ ими по 12 отличнѣйшихъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ каждой губерніи и по четыре сельскихъ стражника (изъ числа лучшихъ сотскихъ и десятскихъ). Предпочтеніе отдано тѣмъ, кои обратили на себя вниманіе начальства при усмиреніи мятежа. (Изъ оставшихся затѣмъ 2 экземпляровъ—1 переданъ Митрополиту, а другой остался на рукахъ у Генералъ-Губернатора).

—

3) *Попытка возобновить обычай ношенія тѣльныхъ крестовъ въ юго.-зап. краѣ.* Въ 1864 году П. Н. Батюшковъ писалъ генералъ-губернатору, что у населенія юго-западнаго края, благодаря вліянію католичества и уніи, не въ обычаѣ ни носить тѣльные кресты, ни возлагать ихъ на младенцевъ при крещеніи. Съ цѣлью возстановить благочестивое обыкновеніе, Муравьевъ, въ управляемомъ имъ краѣ, предложилъ духовенству пріобрѣсти кресты для всѣхъ прихожанъ, ихъ не имѣющихъ, и убѣждать паству вернуться къ искони православному обычаю. Независимо отъ принятыхъ на мѣстѣ мѣръ, главный начальникъ сѣверо-западнаго края обратился непосредственно къ самому Батюшкову, ходатайствуя о безмездномъ снабженіи православнаго населенія края крестиками и образами.

Синодъ, признавъ возстановленіе обычая крайне желательнымъ, предоставилъ въ распоряженіе Батюшкова одну тысячу рублей, на каковыя деньги заказаны мельхіоровые крестики.

9000 этихъ крестовъ препровождены генералъ-губернатору юго-западнаго края для раздачи ихъ поселянамъ, выказавшимъ особую приверженность къ православію и правительству.

—

4) *Дарохранительницы и кіоты, пожалованные уѣзднымъ соборамъ юго-зап. края Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ.* Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій князь Александръ Александровичъ, 20 іюля 1865 г., въ торжественный день принесенія Его Высочествомъ присяги, при рескриптѣ на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ, препроводилъ, между прочимъ, 6 тыс. рублей на построеніе и украшеніе православныхъ церквей въ западныхъ губерніяхъ.

Желая распространить на возможно большее число мѣстностей западно-русскаго края пожалованныя Его Величествомъ деньги, и

принявъ во вниманіе нужды соборовъ уѣздныхъ городовъ западной Россіи и значеніе ихъ въ средѣ римско-католическаго населенія, завѣдывающій дѣлами по обезпеченію сельскаго духовенства и постройкѣ православныхъ церквей, съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, распорядился заказомъ для каждой изъ означенныхъ церквей *серебряныхъ вызолоченныхъ дарохранительницъ*, образцы коихъ были представлены Его Высочеству. Одобривъ рисунокъ и отдѣлку сихъ образцовъ, Государь Цесаревичъ, въ память почившаго брата, столь дѣятельно помогавшаго нуждамъ православныхъ святынь нашего западнаго края, повелѣлъ: на каждой дарохранительницѣ, отправляемой отъ имени Его Высочества въ уѣздныя соборныя церкви западныхъ губерній, обозначить, что посылается она *на вѣчное поминовеніе за упокой души въ Бозѣ почивающаго Цесаревича Николая Александровича.*

12 марта 1866 г. изъ Москвы въ Кіевъ доставлены 33 дарохранительницы съ деревянными золочеными кіотами (кладь вѣсомъ свыше 36 пудовъ).

Сообщилъ **А. Мёрдеръ.**

Залогъ крѣпостныхъ душъ. „Закладная. 1804 года, ноября 15 дня. Титулярный совѣтникъ Иванъ Гавриловъ сынъ Дубоссаровъ далъ сію господину коллежскому секретарю Ивану Федоровичу сыну Родолѣ... въ томъ, что заложилъ я ему собственнаго своего малороссійской породы человѣка Якова Цимбаленка за полученную мною отъ его, Родоли, сумму государстенными ассигнаціями двѣсти рублей, срокомъ на одинъ годъ, съ тѣмъ, что ежели прописанный мой человѣкъ въ теченіи того времени, отъ чего Боже сохрани, умре или побѣгъ учинитъ, за что я не бывъ ни мало въ претензіи, обѣщаюсь прописанную одну сумму ему, Родолѣ, возвратить безъ процентовъ. Ежели же по истеченіи года хотя-бы одніомъ дніомъ срокомъ вышеписаннаго моего человѣка не выкуплю, то онъ, господинъ Родоля, имѣетъ право тѣмъ моимъ человѣкомъ воспользоваться навсегда...“ Изъ архива бывш. Дубоссарской городов. ратуши. Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ Цымбаленко былъ заложенъ въ очень значительной суммѣ: при банковыхъ залогахъ крестьянскія души цѣнились въ то время гораздо дешевле. Въ именномъ указѣ 11 ноября

1804 года значилось: «пріемля во уваженіе время, въ которое при учрежденіи государственнаго банка повелѣно принимать въ залогъ ревижскую душу по сороку рублей безъ различія губерній, и сравнивая со онымъ нынѣшнія на всѣ вещи цѣны, признали Мы за справедливо учинить перемѣну въ залогѣ душъ по банку принимаемыхъ, повелѣвая отнынѣ во всѣхъ губерніяхъ» (Прибалтійскія исключены) «крестьянъ, въ послѣднюю ревизію писанныхъ, принимать въ залогъ банковый по шестьдесятъ рублей каждую ревижскую душу».

Сообщ. **В. А. Кочергинъ.**

Вопросы по этнографіи. Въ кн. 2-й «Этнографическаго Обозрѣнія» (стр. 186) г. В. Каллашъ поставилъ рядъ вопросовъ, на которые желательно было-бы получить отвѣты (адресуя ихъ въ Московское Общ. Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи). Помѣщаемъ ихъ на страницахъ нашего журнала,—быть можетъ они найдутъ отклики лицъ, занимающихся этнографіей.

1. Не знаетъ-ли кто, или не имѣетъ-ли рукописныхъ разсказовъ о томъ, что въ старину убивали стариковъ,—какъ и почему прекратился этотъ обычай? Интереснѣе (потому что они менѣе представлены въ печати) варіанты великорусскіе, бѣлорусскіе, польскіе и, конечно, инородческіе.

2. Въ какихъ мѣстахъ извѣстны разсказы о существовавшемъ въ старыя времена обычаѣ сѣчь подростковъ на только что проведенной межѣ, для того, чтобы она сдѣлалась имъ памятной и чтобы они, въ случаѣ надобности, могли явиться впослѣдствіи свидѣтелями («памяткóвый прочуханъ»)? Не существуетъ-ли сходныхъ съ этимъ обычаевъ: драть за уши и давать имъ пощечины и проч.?

3. Гдѣ и въ какой формѣ практикуется или практиковалось поруганіе труповъ должниковъ, умершихъ не заплативши долга?

4. Не имѣетъ-ли кто рукописныхъ разсказовъ о гордомъ царѣ, вмѣсто котораго нѣсколько лѣтъ правилъ ангелъ? Менѣе всего извѣстны малорусскіе, польскіе и бѣлорусскіе варіанты.

5. Извѣстны-ли въ Малороссіи, Великороссіи или Бѣлоруссіи обрядъ проводовъ Киселя или Жура во время поста или вообще обряды, въ которыхъ онъ игралъ-бы главную роль?

6. Не имѣетъ-ли кто малорусскихъ пѣсенъ о Журилѣ (Чурилѣ. Цюрилѣ), еще ненапечатанныхъ?

7. Въ какихъ мѣстахъ Малороссіи, Бѣлоруссіи, Галичинѣ и Буковинѣ употребляется «плёнъ» въ значеніи урожая и «ксеня» въ значеніи игуменьи?

8. Какіе и гдѣ извѣстны разсказы объ Ильѣ пророкѣ, какъ сиднѣ и кровосмѣсителѣ или убійцѣ своихъ родителей?

9. Дѣйствительно-ли существовала малорусская лубочная картина, на которой былъ изображенъ Илья Муромецъ, защищающій Переславъ отъ половцевъ, и о которой упоминаетъ Котляревскій въ своей «Энеидѣ»?

Текущія извѣстія.

Къ вопросу о постановкѣ памятника И. П. Котляревскому. Въ засѣданіи восьмого очередного собранія Полтавской думы, 23 октября, думѣ были предложены на разсмотрѣніе заключенія коммиссіи высказавшейся за упрощеніе проекта постамента, что даетъ возможность поручить изготовленіе его г-ну Певному въ Кременчугѣ всего за 800 руб., тогда какъ другія фирмы за изготовленіе по существующему проекту просятъ отъ 22 до 25 тысячъ. Далѣе коммиссія предлагаетъ приблизить нѣсколько памятникъ на Протопоповскомъ бульварѣ къ линіи Мало-Петровской улицы, такъ какъ при предположенной отдаленности, 12 саж., памятникъ будетъ плохо видѣнъ. Дума съ предложеніями коммиссіи согласилась. Далѣе вносится предложеніе А. А. Зиновьева, разсмотрѣнное и одобренное въ названной коммиссіи, о постановкѣ памятника Котляревскому не на утвержденномъ думой мѣстѣ, а на образовавшейся площадкѣ отъ уничтоженныхъ пожаромъ городскихъ лавокъ на противоположномъ углу, при чемъ за памятникомъ предполагается устроить полукругомъ зданіе. Городской голова В. П. Трегубовъ указываетъ на то, что, согласившись съ предложеніемъ А. А. Зиновьева, придется возбудить два ходатайства—объ измѣненіи фасада лавокъ и объ измѣненіи плана памятника, что значительно отодвинетъ время постановки памятника, а между тѣмъ уже теперь раздаются сѣтованія жертвователей на то, что памятникъ до сихъ поръ не поставленъ. Гл. А. А. Зиновьевъ, поддерживая свое предложеніе, находитъ, что постановкой памятника на новомъ мѣстѣ

удовлетворено будетъ недовольство публики избраннымъ ранѣе мѣстомъ, о чемъ, какъ говоритъ г. Зиновьевъ, составленъ даже протестъ; будетъ создана новая площадка въ городѣ, что, во первыхъ, очень желательно, а во вторыхъ—подниметъ цѣнность близъ находящихся торговыхъ помѣщеній. Постановку памятника на новомъ мѣстѣ г. Зиновьевъ рекомендуетъ только въ томъ случаѣ, если указанное полукруглое зданіе будетъ предназначено для какого-либо общественнаго учрежденія, а не для магазиновъ. Дума высказалась за постановку памятника на ранѣе утвержденномъ мѣстѣ, на Протопоповскомъ бульварѣ. (Полт. Губ. Вѣд. № 235).

Воспоминанія современника Т. Г. Шевченка. Въ нижегородскомъ военномъ лазаретѣ находится на излеченіи отставной солдатъ Алексѣй Груновскій, служившій вмѣстѣ съ Т. Г. Шевченко въ укрѣпленіи Ново-Петровскомъ, въ 1 оренбургскомъ линейномъ баталіонѣ. Груновскій—старикъ 85 лѣтъ, подслѣповатый и глухой. Въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Волгаря» Груновскій разсказалъ слѣдующія подробности о поэтѣ, не вносящія, однако, чего-либо совсѣмъ новаго въ извѣстное уже описаніе пребыванія Шевченка въ ссылкѣ.

—Я служилъ въ укрѣпленіи писаремъ, разсказываетъ Груновскій,—и былъ пѣвчимъ въ церкви, когда къ намъ пріѣхалъ Тарасъ Григорьевичъ. Привезли его подъ конвоемъ, и въ бумагѣ значилось, что Шевченко политическій ссыльный, за которымъ надо смотрѣть въ-оба и не дозволять ему писать письма... Комендантъ былъ у насъ человѣкъ добрый, но ротный командиръ, къ которому попалъ Тарасъ Григорьевичъ, слылъ за человѣка строгаго, который никому не давалъ поблажки. Шевченкѣ доставалось отъ него здорово, особенно въ первое время, когда приходилось учиться ружейнымъ пріемамъ и маршировкѣ. А Тарасъ Григорьевичъ былъ человѣкъ неуклюжій, совсѣмъ не строевой, и ученье ему давалось тихо. Командиръ же терпѣть не могъ плохихъ солдатъ. Впрочемъ, скоро Тараса Григорьевича освободили отъ службы, и онъ даже не жилъ въ казармахъ—тамъ у него была одна постель.

— А гдѣ же онъ жилъ?

— У коменданта. Тотъ его къ себѣ взялъ и не только освободилъ отъ всѣхъ занятій, но даже разрѣшилъ не ходить въ караулъ.

Шевченко рисовалъ у него картины да читалъ разныя книжки и газеты.

— Кому же Шевченко продавалъ свои картины?—спросилъ я.

— Картины у него покупали въ Астрахань, вообще въ Россію, и дорого платили: рублей по 50—100 за картину, такъ что въ деньгахъ Тарасъ Григорьевичъ не нуждался. Да и въ чемъ ему нуждаться? Обѣдалъ онъ у коменданта, жилъ, какъ всѣ офицеры, гулялъ...

— Какъ это—гулялъ?..

— Да просто испивалъ. А то соберется, бывало, на охоту... Въ театрѣ игралъ. Хорошій былъ человѣкъ.

— И добрый?

— Да, добрый. Бывало ни одного солдата не пропуститъ, чтобы не пошутить съ нимъ да не побалагурить. Только подъ конецъ онъ какъ будто сталъ сторониться. Ну, и почетъ ему большой былъ. Пріѣдетъ начальство и прямо про него спрашиваетъ. Разговорятся и съ нимъ подъ-ручку ходить начнутъ. Солдатамъ далеко до него было ..

— Но они, все-таки, «водились» съ нимъ?

— Не о чемъ было говорить съ нимъ нашему брату. Мы были народъ темный, необразованный, а онъ всѣ академіи превзошелъ,—куда было простому солдату лѣзть къ такому человѣку!

— Какъ-же это такъ?—спрашиваю,—извѣстно, что Тарасу Григорьевичу въ Ново-Петровскомъ жилось плохо?

— Нѣтъ, я думаю, жилось ему хорошо, а что скучалъ онъ, это точно. Да и какъ не скучать, когда кругомъ однѣ степи; а онъ человѣкъ, привыкшій жить въ городѣ.

— Тараса Григорьевича не стѣсняли ни въ чемъ?

— Ни въ чемъ. Хотя сначала ему и запрещали многое, но это недолго, года полтора—два, а потомъ все разрѣшили: и писать, и рисовать, и ѣздить на охоту. Бывало, смотримъ—а Тарасъ Григорьевичъ идетъ куда-нибудь съ книжкой подъ мышкой. Носилъ онъ большей частью бѣлый китель да фуражку засаленную, солдатскую; сапоги онъ, кажется, никогда не чистилъ. Такъ-то жилъ Тарасъ Григорьевичъ въ Ново-Петровскѣ!—закончилъ свое повѣствованіе Груновскій,—и дожилъ онъ до Царской милости. Освобожденіе пришло ему. Проводы ему справили важно. 2 августа Шевченко выѣхалъ изъ Ново-Петровска въ Петербургъ.

Бюстъ Т. Г. Шевченко. Единственный «монументъ», украшающій Харьковъ,—это каменный столбъ на углу Университетской улицы и Павловской площади. Иниціаторъ Харьковскаго университета Каразинъ и украинскій поэтъ Квитка все еще ждутъ, когда, наконецъ, харьковцы вспомнятъ объ ихъ заслугахъ. На дняхъ присланъ изъ Петербурга художественно исполненный бюстъ Т. Г. Шевченка, работы извѣстнаго скульптора-художника Беклемишева. Бюстъ этотъ исполненъ по заказу почитателей поэта А. К. и Х. Д. Алчевскихъ и будетъ украшать площадку сада у ихъ дома, выходящаго на Мироносицкій переулокъ, такъ что бюстъ будетъ видѣнъ съ улицы черезъ желѣзную рѣшетку сада. Какъ говорятъ, что за исполненіе бюста уплачена тысяча руб. («Южный Край»).

Предстоящее новое изданіе произведеній Г. Ѳ. Квитки-Основьяненко. Харьковская уѣздная земская управа ходатайствуетъ предъ предстоящимъ земскимъ собраніемъ о разрѣшеніи ей вторично издать III и IV томы сочиненій украинскаго писателя Г. Ѳ. Квитки-Основьяненка, такъ какъ первое изданіе ихъ въ количествѣ 1800 экземпляровъ каждаго уже распродано. Земская управа рекомендуетъ при этомъ уменьшить продажную цѣну—III т. до 75 коп. (вм. 1 руб.) и IV—до 1 р. (вм. 1 руб. 50 коп). Какъ извѣстно, суммы, выручаемыя отъ продажи этихъ сочиненій, идутъ на нужды училища въ с. Основѣ, устроеннаго въ память писателя. («Харьков. Губ. Вѣдом.»)

Интересъ къ земледѣльческимъ артелямъ. Херсонскій «Югъ» чрезвычайно старательно слѣдитъ за каждымъ шагомъ извѣстнаго «артельщика» Н. В. Левитскаго. Газета сообщаетъ, что вызванный въ Австрію Н. В. Левитскій находился съ сентября мѣс. во Львовѣ, въ которомъ происходилъ съѣздъ крестьянъ для обсужденія нѣкоторыхъ проектовъ административныхъ и земельныхъ реформъ. Какъ сообщаютъ, Н. В. Левитскому пришлось тамъ столкнуться съ массою крестьянъ и интеллигенціи и значительно подвинуть артельное дѣло. Заинтересовались имъ тамъ очень сильно. Въ сентябрьской книжкѣ галиційскаго журнала «Літер.-Науковий Вістн.» явились замѣтки объ артеляхъ и приведены стихотворенія, характеризующія артельное дѣло Левитскаго: «Сучасня народня творчість», «На роковини заснованя спілки в селі Козарні», «Шановному

Н. В. Л.». При этомъ просятъ самого Левитскаго написать статью объ артеляхъ для газеты «Громадский голос» во Львовѣ, доставить клише его портрета и всѣ статьи со свѣдѣніями объ артеляхъ. Н. В. Левитскимъ получено было приглашеніе на пятый конгрессъ «Српскихъ земљораднычкихъ задруга», имѣвшій быть 17, 18 и 19 сентября у «Шапцу» (Шабацъ, гор. Сербіи).

15 Ноября въ засѣданіи Полтавскаго Сельско-хозяйственнаго общества обсуждался докладъ В. М. Сазонова «О земледѣльческихъ артеляхъ». На засѣданіе прибылъ и организаторъ артелей Н. В. Левитскій, при участіи котораго всесторонне былъ разсмотрѣнъ столь важный вопросъ. Предсѣдательствующій предложилъ назначить второе засѣданіе для окончательнаго обсужденія этого вопроса, къ какому времени будетъ разработанъ особый докладъ съ указаніемъ практическихъ мѣръ для осуществленія примѣненія кооперацій въ Полтавской губ. (Полт. Губ. Вѣдом. №№ 254, 258).

Проектъ изслѣдованія ярмарокъ въ Полтавской губ. 25 октября состоялось засѣданіе членовъ Полтавскаго Общества сельскаго хозяйства, подъ предсѣдательствомъ президента О—ва Д. К. Квитки. На засѣданіи между прочимъ былъ обсужденъ докладъ В. И. Василенка объ изслѣдованіи ярмарокъ, прочитанный въ одномъ изъ предыдущихъ засѣданій. При этомъ докладчикъ въ общихъ чертахъ резюмировалъ свое предложеніе, сообщивъ, что наиболѣе подробное изслѣдованіе этого рода, коснувшееся и Полтавской губерніи, произведено извѣстнымъ А. С. Аксаковымъ еще въ 1847 году; съ тѣхъ поръ у насъ сдѣланы изслѣдованія отдѣльныхъ ярмарокъ въ разное время, не дающія все-таки полной картины этой отрасли обмѣна товаровъ въ губерніи. Въ Полтавской губерніи существуетъ болѣе 1000 ярмарокъ, и изслѣдованіе потребовало-бы слишкомъ много времени и средствъ; поэтому докладчикъ предлагаетъ заняться пока изслѣдованіемъ наиболѣе значительныхъ, главнымъ образомъ, находящихся въ пограничной полосѣ губерніи, ярмарокъ, причемъ изслѣдованіе должно коснуться не только оборота ярмарки, но и качества и характера привозимыхъ на каждую ярмарку товаровъ и производиться спеціалистами при содѣйствіи практическихъ сельскихъ хозяевъ.

Въ засѣданіи выяснилось, что, предпринявъ изслѣдованіе минимальнаго числа ярмарокъ, не болѣе пятидесяти, придется ходатай-

ствовать передъ губернскимъ земствомъ объ ассигнованіи на этотъ предметъ 20.000 руб.

Послѣ продолжительныхъ преній по этому вопросу, собраніе высказалось за желательность изслѣдованія, при чемъ председательствующій Д. К. Квитка предлагаетъ ходатайствовать о приведеніи его въ исполненіе земскими учрежденіями, при посредствѣ опытныхъ сельскихъ хозяевъ, поручивъ земству также выработать программу дѣйствій въ этомъ направленіи, ка́къ производить изслѣдованіе ярмарокъ, что̀ оно можетъ дать и какое отношеніе оно можетъ имѣть къ земскимъ мѣропріятіямъ по поднятію экономическаго благосостоянія населенія губерніи.

Собраніе избрало коммиссію въ составѣ предсѣдателя А. А. Русова и членовъ: Д. К. Квитка, В. И. Василенко, В. Р. Головня, К. А. Маціевича и Я. К. Имшенецкаго. (Полт. Губ. Вѣд. № 237).

Іуда на русской монетѣ. Весьма интересный указъ въ Ижерскую канцелярію, какъ сообщаютъ «М. Вѣд.», былъ посланъ въ 1709 г.: «Въ нынѣшнемъ 1709 году іюля въ 22 день въ указѣ Великаго Царя,—читается въ одной рукописи XVIII в., хранящейся въ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи,—въ Ижерскую канцелярію изъ военнаго походу, изъ подъ Полтавы, за скрѣпою Свѣтлѣйшаго Князя написано:

«Здѣлать тотъ часъ манету серебряную вѣсомъ въ десять фунтовъ, а на ней вырѣзать Іуду на осинѣ повѣсившагося, и внизу тридесять сребренниковъ лежащихъ, и при нихъ мѣшекъ, и на зади подпись: сынъ погибельный Іуда, еже за сребролюбіе давится... Да къ той манетѣ здѣлать чепъ въ два фунта, и прислать тое монету въ военный походъ на нарочной почтѣ немедленно».

«И по тому Его Великаго Государя указу къ дѣлу той манеты отдано изъ ежерской канцеляріи отъ росходу расходчика Семена Баженова, серебрянаго дѣла мастера Матвѣю Алексѣеву серебра ефимками, четвертаками и полуефимками двенадцать фунтовъ да на угаръ полфунта, итого двенадцать фунтовъ съ полуфунтомъ».

Конечно, это относится къ событіямъ, связаннымъ съ исторіей гетмана Мазепы.

√ **Уничтоженіе памятниковъ старины.** Полтавскій соборъ, выстроенный еще задолго до Мазепы, подвергся недавно передѣлкѣ, и, въ видахъ расширенія его, были приняты четыре каменныхъ пилястра, поддерживавшіе сводъ, и замѣнены тонкими желѣзными подпорками. Искажена архитектура собора, да, кромѣ того, страшно молиться: а вдругъ рухнетъ сводъ. Можетъ быть, и выдержатъ тонкіе стоблики, но трудно отдѣлаться отъ этого опасенія. Кромѣ того, древняя, тоже до-мазепинская, живопись, которую, во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы сохранить Полтавѣ, замѣнена новою иконописью. (Бирж. Вѣд. № 297).

Юбилей Омеляна Поповича. 6 ноября въ Черновцахъ торжественно былъ отпразднованъ 25-лѣтній юбилей литературной дѣятельности Омеляна Поповича, автора значительнаго количества популярныхъ и школьныхъ книгъ. Всѣ школьныя книжки, написанныя О. Поповичемъ, одобрены министерствомъ и введены въ буковинскія школы. Главная заслуга ихъ заключается въ умѣло подобранномъ матеріалѣ и соотвѣтствующемъ направленіи.

На юбилей собралось до тысячи душъ свѣтской и духовной интеллигенціи, учителей, крестьянъ и мѣщанъ (Руслан, ч. 254; Буковина, ч. 134).

Курьезное изданіе. Издающаяся во Львовѣ старорусской партіей небольшая газетка «Русское Слово» издала недавно въ качествѣ приложенія «Тараса Бульбу» Гоголя, со спеціальной цѣлью ознакомить галицкую Русь съ чисто-русскимъ языкомъ. Изданіе исполнено такъ, что рядомъ со словами оригинальными въ скобкахъ помѣщены поясненія. Вотъ образцы изъ первыхъ двухъ страницъ, свидѣтельствующія о томъ, какія поясненія, по мнѣнію «Р. Сл.», необходимы для пониманія русскаго языка галицкимъ читателямъ. «А поворотись-ка (обернися-но), сынъ!» — «Что это на васъ за поповскіе подрясники (спôдныи священническіи одежи»). — «Это были два дюжіе (крѣпкіе) молодця. — «Они были очень (дуже) смущены... потупивъ глаза (очи) въ землю». — «Стойте.... продолжалъ онъ, поворачивая (обертаючы) ихъ; какія же длинныя (долгіи) на васъ свитки (верхняя одежда у южныхъ *россіянъ*)! — «Не шлепнется ли (чи не гримне) онъ на землю». — «Нѣсколько шаговъ (крокôвъ) назадъ». — «Развѣ (хиба) на

кулаки»?—»Начали насаживать другъ другу тумаки (штурханцѣ»).— «Совсѣмъ спятилъ (зойшовъ) съ ума»!—«А онъ задумалъ нивѣсть (не знати) что».—«Почеломкаемся (поцѣлуемся»).

Изъ этого нельзя заключить, чтобы языкъ Гоголя былъ такъ близокъ Галицкому населенію, какъ это привыкли нѣкоторые утверждать въ литературѣ и обществѣ. (Літерат.-Науков. Вістник, кн. 11).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Каталогъ Музея украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго. Томъ II. *Составилъ Б. Д. Гринченко. Приложеніе къ № 7 «Земскаго Сборника Черн. г.» 1900 г. Черниговъ, 1900, in 8⁰. XVI+367 стр.*

Черниговское земство, такъ недавно получившее въ даръ собраніе покойнаго В. В. Тарновскаго, уже выступило съ цѣннымъ изданіемъ, заголовокъ котораго приведенъ выше. Фактъ этотъ даетъ полное право утверждать, что собраніе это займетъ надлежащее мѣсто среди другихъ земскихъ учрежденій и главное—станетъ учрежденіемъ жизненнымъ.

В. В. Тарновскимъ, незадолго передъ смертью, былъ изданъ «Каталогъ украинскихъ древностей коллекціи В. В. Тарновскаго». Это роскошное изданіе обнимало лишь часть громаднаго собранія; въ него вошло описаніе, главнымъ образомъ, вещественныхъ памятниковъ старины, другіе-же предметы, какъ напр. рисунки и рукописи, были едва лишь затронуты. Между тѣмъ, покойный владѣлецъ собранія былъ серьезнымъ коллекціонеромъ въ полномъ значеніи этого слова; помимо казовыхъ предметовъ, имъ подбиралось все, что такъ или иначе характеризовало бытъ старой Украины: собирались рисунки, гравюры, фотографіи, вырѣзывались иллюстраціи изъ журналовъ, собирались рукописи, автографы и разнаго рода документы, составлялась по такой-же широкой программѣ библіотека, включавшая и цѣнныя старопечатныя изданія. Результатомъ многихъ лѣтъ коллекціонированія и явилась масса матеріала, трудъ приведенія котораго въ

порядковъ и описанія взялъ на себя Б. Д. Гринченко и въ короткій срокъ справился съ этой нелегкой задачей.

Настоящій каталогъ разбитъ на нѣсколько отдѣловъ, которымъ мы и будемъ слѣдовать, хотя, въ виду нѣкоторыхъ чисто внѣшнихъ обстоятельствъ, систематическій порядокъ отдѣловъ при составленіи не былъ выдержанъ.

Сначала идутъ *акварели и рисунки карандашемъ, перомъ и проч.*—отдѣлъ небольшой: всего 28 номеровъ. Затѣмъ слѣдуютъ *воспроизведенія картъ, рисунковъ и картинъ и фотографическіе снимки*—самый обширный отдѣлъ, заключающій полторы тысячи номеровъ, причемъ иногда подъ однимъ номеромъ числятся цѣлые альбомы. Сюда входятъ: карты и планы территорій, поселеній и зданій; виды мѣстностей и населенныхъ пунктовъ, зданій, памятниковъ и другихъ сооруженій, съ подраздѣленіемъ ихъ по губерніямъ; пейзажи; портреты лицъ, по рожденію или по своей дѣятельности относящихся къ Украинѣ; рисунки на историческіе и историко-бытовые сюжеты; бытовыя картины, изображенія церковныхъ предметовъ, клейнодовъ, значковъ, оружія, одежды, украшеній, посуды, мебели, музыкальныхъ инструментовъ, вертепа, орудій, инструментовъ и т. п.; иллюстраціи къ произведеніямъ словесности; альбомы, заключающіе въ себѣ рисунки различнаго содержанія. Какъ ни незначительны иногда сами по себѣ отдѣльные экземпляры, входящіе въ этотъ отдѣлъ, но систематическій и приближающійся къ полнотѣ подборъ ихъ имѣетъ несомнѣнно громадный интересъ и значеніе какъ для искусства, такъ и для исторіи бытовой стороны прошлой жизни, для историко-топографическихъ изслѣдованій и для этнографіи. Практическое значеніе такого рода коллекцій и каталоговъ ихъ очевидно для всѣхъ, интересующихся тѣми или другими вопросами изъ вышеприведенныхъ областей знанія. Въ настоящее время, напр., по поводу описанія памятниковъ украинской старины, коммиссіей, образованной при Общ. Нестора Лѣтописца, рѣшено, первымъ долгомъ, привести въ извѣстность то, что уже издано—и вотъ здѣсь такія собранія, хотя-бы составленныя изъ вырѣзокъ изъ иллюстрированныхъ изданій, снабженныя подробнымъ описаніемъ, какъ это сдѣлано въ данномъ каталогѣ г. Гринченкомъ, могутъ оказать очень цѣнную услугу.

Слѣдующій отдѣлъ посвященъ *Т. Г. Шевченку*. Покойный В. В. Тарновскій очень дорожилъ этимъ отдѣломъ и прилагалъ всѣ мѣры, чтобы обставить его возможно полнѣе. Въ 1893 г. имъ былъ изданъ

каталогъ этого отдѣла, куда вошло 211 номеровъ. Теперь здѣсь имѣется 760 номеровъ, которые подраздѣлены г. Гринченкомъ на нѣсколько подотдѣловъ, именно: 1. Письма Шевченка, автографы; 2. сочиненія его въ автографахъ; 3. его бумаги; 4. книги Шевченка; 5. бумаги, имѣющія отношеніе къ Шевченку; 6. списки сочиненій Шевченка, сдѣланные разными лицами; 7. его акварели и рисунки карандашемъ (284 экземпляра); 8. его картины масляными красками; 9. его офорты; 10. мѣдныя доски, гравированныя Шевченкомъ для его офортовъ; 11. рисунки, литографіи, гравюры, фотографіи и проч. съ картинъ, портретовъ и рисунковъ Шевченка; 12. бюсты, барельефы, маски, клише портретовъ, изображенія Шевченка на металлѣ и глинѣ; 13. его портреты, писанные масляными красками; 14. портреты Шевченка, рисованные, гравированные, литографированные, фотографіи и проч.; 15. картины, писанныя масляными красками съ сюжетами, взятыми изъ его сочиненій; 16. рисунки, гравюры, литографіи, фотографіи и проч. съ сюжетами изъ сочиненій Шевченка; 17. рисунки, гравюры, литографіи и проч. съ сюжетами, относящимися къ личности Шевченка; 18. разныя вещи, принадлежавшія Шевченку; 19. вещи, имѣющія отношеніе къ Шевченку. Кромѣ вышеперечисленнаго, сюда также входятъ литературныя произведенія Шевченка и относящіяся къ нему сочиненія на разныхъ языкахъ, напечатанныя въ отдѣльныхъ изданіяхъ, журналахъ, газетахъ и проч. Эти изданія въ настоящій каталогъ не вошли, а будутъ помѣщены въ общемъ каталогѣ библіотеки В. В. Тарновскаго, также завѣщанной Черниговскому Земству.

Послѣдній отдѣлъ—*рукописи*. Ихъ 5 тысячъ. Это сочиненія XVII и XVIII вѣковъ (книги и свитки), документы XVI, XVII и XVIII вв., бумаги учрежденій и фамилій XVIII и XIX вв. (Троицко-Георгіевскаго монастыря, Милорадовичей, Лашкевичей, Полетикъ, Тарновскихъ), рукописи XIX в., бумаги писателей, ученыхъ, художниковъ, композиторовъ (между прочимъ Гоголя, Максимовича, особенно много Кулиша, Костомарова и др.). Среди документовъ многіе еще не использованы научнымъ образомъ и ждутъ обработки.

Въ предисловіи составитель Каталога высказываетъ пожеланіе о второмъ изданіи I-го тома, изданнаго В. В. Тарновскимъ и поступившаго въ продажу въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Каталогъ этотъ требуетъ теперь дополненій, и если ко второму его изданію прибавится томъ каталога библіотеки, то будетъ охваченъ весь

составъ Музея. Присоединяясь къ этому пожеланію, мы должны выразить искреннюю благодарность Б. Д. Гринченку и его сотрудницѣ Маріи Николаевнѣ Гринченко, съ такимъ знаніемъ дѣла потрудившимся надъ каталогизаціей этой обширной части Музея В. В. Тарновскаго. Н. В.

Собраніе В. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднѣпровья. Вып. III. *Эпоха, предшествующая великому переселенію народовъ* (ч. II). *Кіевъ, 1900 г., in 4°.*

Какъ бы ни было цѣнно чье-нибудь частное собраніе, но если оно служитъ главнымъ образомъ лишь для удовлетворенія тѣхъ или другихъ цѣлей владѣльца—цѣнность его сводится до минимума, коллекціонированіе превращается въ маньячество. Возможно широкое распространеніе свѣдѣній о собраніи какъ среди спеціалистовъ, такъ и болѣе широкихъ слоевъ публики, предоставленіе возможности каждому желающему тѣмъ или другимъ способомъ ознакомиться съ содержаніемъ собранія превращаетъ частное дѣло въ общественное, ставитъ коллекціонированіе на ряду съ другими видами научной работы. Конечно, самымъ лучшимъ средствомъ въ данномъ случаѣ являются изданія, заключающія описаніе предметовъ коллекціи. Въ этомъ отношеніи нужно отдать полную справедливость неутомимой энергіи, съ какой Б. И. Ханенко ведетъ изданіе своего собранія. Въ теченіе двухъ лѣтъ имъ уже издано 5 выпусковъ, гдѣ описана и представлена въ превосходныхъ изображеніяхъ масса цѣннаго матеріала, касающагося прошлаго южной Россіи.

Недавно вышелъ 3-й выпускъ «Древностей Приднѣпровья», составляющій вторую часть отдѣла, охватывающаго періодъ, предшествующій эпохѣ великаго переселенія народовъ. Онъ—какъ-бы продолженіе первой части, посвященной главнымъ образомъ скиѳосарматскимъ древностямъ,—ими почти исключительно онъ и заполненъ.

Въ данномъ выпускѣ, прежде всего, въ небольшомъ введеніи дана характеристика предметовъ, при чемъ главное вниманіе обращено на ихъ художественную сторону. Затѣмъ помѣщены выдержки изъ дневниковъ раскопокъ кургановъ (по р. Сулѣ—С. А. Мазараки и въ сс. Райгородѣ и Прусахъ, Черкасск. у.—В. В. Хвойко), давшихъ

болѣе или менѣе интересныя находки, изданныя въ настоящемъ выпускѣ. Остальная часть текста состоитъ изъ описанія предметовъ, расположенныхъ по матеріалу, изъ какого они сдѣланы. За текстомъ слѣдуетъ 17 фототипическихъ таблицъ съ изображеніями предметовъ.

Настоящій выпускъ снабженъ еще особымъ приложеніемъ, заключающимъ краткія свѣдѣнія о раскопкахъ кургановъ въ урочищѣ Смольномъ и въ окрестностяхъ селъ Флерковки и Жаботина, черкасскаго у., а также описаніе, снабженное таблицами нѣкоторыхъ предметовъ, какъ изъ собранія Ханенко, такъ преимущественнно изъ собранія покойнаго Е. А. Зноско-Боровскаго.

Теперь можно безъ преувеличиванія сказать, что все болѣе типичное, относящееся къ личному убору, вооруженію, сбруѣ скиѳо-сарматской культуры средняго Поднѣпровья, описано и издано. Очередь за эпохой переселенія народовъ и Славянской,—по словамъ издателя, имъ и будутъ посвящены дальнѣйшіе выпуски.

В.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка, т. т. XXXV—XXXVI (кн. III и IV за 1900 р.). *Львів, 1900, стр.* 1—*39,* 1—*14, 1—355.*

Настоящій двойной томъ, весьма объемистый и содержательный, заключаетъ въ себѣ вторую половину рефератовъ (языкъ и исторія литературы), предназначавшихся для XI кіевскаго археологическаго съѣзда. Всѣхъ рефератовъ изъ области филологіи предназначалось на съѣздъ 13, изъ которыхъ семь помѣщены въ настоящемъ томѣ полностію, а остальные шесть въ сокращенномъ видѣ. При этомъ, изъ числа первыхъ, рефератъ д-ра Охримовича «Про наголос в українсько-руськiй мові» начатъ печатаніемъ въ XXXIII т. Записок [1]) (главы I—IV), а рефераты: д-ра Франка «Карпаторуське письменство XVII—XVIII в.в.» и д-ра Колессы «Причинки до історіі угроруськоі мови і літератури» войдутъ въ послѣдующіе томы.

Остановимся прежде всего на тѣхъ рефератахъ, представленныхъ въ сокращенномъ видѣ, которые не будутъ напечатаны полностью,— это, во-первыхъ,— *«Носові самозвуки в славянськиx мовах»* Олександра

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1900 г., ноябрь, отд. библіографіи.

Барвинского. Референтъ, отмѣчаетъ, что, кромѣ вымершихъ языковъ, старословинскаго и полабскаго, въ живыхъ современныхъ намъ славянскихъ языкахъ носовыя гласныя сохранились лишь въ польскомъ, въ различныхъ говорахъ его, тогда какъ въ иныхъ замѣтны лишь слѣды носоваго произношенія, такъ напр. въ новословинскомъ, украинско-русскомъ. Съ этой цѣлью референтъ изслѣдуетъ носовыя гласныя въ польскомъ языкѣ и его говорахъ, сравнительно съ старословинскимъ и полабскимъ.

Второй, затѣмъ, рефератъ—*«Причинок 'до пізнаня розвитку народньої мови в письменстві у Галицьких Русинів»*—Іліи Кокорудза. Референту попало въ руки рукописное «**Преднсловіе**« къ „**Книга оу̑чебнаѧ дла второго ѡ̆ддѣла шкôл народных, в землах австрїйского царства**", написанное кириллицею въ 1840 г. Авторъ предисловія: „P. Petruszewicz, Parochus Rudensis", повидимому былъ человѣкъ образованный и довольно начитанный; ему было поручено перевести школьный нѣмецкій учебникъ „Lehrbuch für die zweite klasse für Landschulen" на народный (малорусскій) языкъ. Въ предисловіи къ переводу авторъ высказываетъ свой взглядъ, весьма любопытный для того времени, на положеніе галицко-русской „бесиды" (которую онъ также называетъ и языкомъ «малорусскимъ») въ средѣ другихъ славянскихъ языковъ и на отношеніе ея къ языку „ляхитському" и «великоруському», признавая ее отдѣльной какъ отъ того, такъ и другого; онъ также предлагаетъ способы, какими можно бы способствовать развитію литературнаго родного языка. Вообще же «Предисловіе», какъ литературно-историческій памятникъ, представляетъ значительный интересъ.

Наконецъ, въ третьемъ рефератѣ, «—*Історичний і літературний підклад «Слова о полку Іьоревім»* д-ра Волод. Коцовскаго, референтъ касается нѣкоторыхъ любопытныхъ вопросовъ, оставшихся донынѣ нерѣшенными въ упомянутомъ драгоцѣннѣйшемъ памятникѣ дружинной поэзіи, какъ напр. опредѣленіе личности Бояна, время написанія «Слова» и др. По предположенію автора, Боянъ—«се правдоподобно поетична переміна імени Ян, якъ зрештою Буй-Ігор, Буй-Святославъ»; что же касается времени написанія Слова, то это могло произойти лишь весной 1187 г., послѣ свадьбы Володиміра Игоревича съ дочерью Кончака,—и все «Слово» является величаніемъ новобрачныхъ.

Переходя затѣмъ къ рефератамъ, напечатаннымъ полностью, на первомъ мѣстѣ мы должны отмѣтить весьма солидное изслѣдованіе

Івана Верхратского «*Про говор долівский*» (стр. 1--128). Говоръ «долівский» (зап.-галицкихъ горныхъ жителей околицъ Перемышля и Ярославля) относится къ группѣ говоровъ, такъ называемыхъ «Билаків»,—говоровъ съ подвижнымъ удареніемъ, и болѣе всего приближается къ говору Лемковъ, отъ котораго впрочемъ отличается подвижнымъ удареніемъ, а также нѣкоторыми мѣстными особенностями. Собирая языковые матеріалы, авторъ лично объѣхалъ въ 1893 году 22 села и приселка, результатомъ чего и явился означенный цѣнный трудъ. Въ этомъ послѣднемъ онъ приводитъ огромное количество грамматическихъ явленій въ доливскомъ говорѣ, даетъ нѣсколько образцовъ доливскаго говора и въ концѣ прилагаетъ довольно обширный „Словарчикъ", содержащій въ алфавитномъ порядкѣ малопонятныя и малоупотребительныя слова.

Въ слѣдующемъ затѣмъ изслѣдованіи: „*Русини Пряшівськоі епархіі і іх говори*»—Володиміра Гнатюка, авторъ, сообщивъ нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о Пряшивской епархіи, основанной въ 20-хъ гг. истекающаго столѣтія, а также о числѣ греко-католиковъ и гр.-католическихъ школъ въ епархіи, подробнѣе останавливается на этнографическомъ составѣ малорусскаго элемента Пряшивской епархіи („Руснаки и Словаки"), относящагося по говору къ Лемкамъ, а также отмѣчаетъ важнѣйшія фонетическія и морфологическія особенности обоихъ діалектовъ. Заканчиваетъ онъ свое изслѣдованіе реестромъ селъ, съ указаніемъ употребляемаго въ немъ языка, и приведеніемъ образцовъ нѣкоторыхъ говоровъ въ такомъ порядкѣ, какой лучше всего свидѣтельствуетъ о вліяніи на нихъ Словацкаго языка.

Обращаясь къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, съ особеннымъ интересомъ останавливаемся на изслѣдованіи д-ра Івана Франка „*Слово о Лазаревѣ воскресеніи.* Староруська поема на апокріфічні теми". Донынѣ были извѣстны лишь два списка этого слова: Соловецкая рукопись XVI—XVII вв. „**Слово к суббот҃ ѕ-ю поста на воскр҃ніє друга Божїа Лазаря**", опубликованная Порфирьевымъ въ Сборн. отд. русс. яз. и Слов. Имп. Академіи Наукъ, т. LII, № 4, стр. 228—231) и новгородскій, опубликованный А. Н. Пыпинымъ въ III т. „Памятники старинной русской литературы, изданные гр. Гр. Кушелевымъ-Безбородко, стр. 11—12, „**Слово ст҃ыхъ ап҃лъ, иже ѿ Адама во адѣ къ Лазарю**", относящійся также къ XVI в. Недавно д-ръ Ів. Франко опубликовалъ во II томѣ своего собранія апокрифовъ (стр.

315—317) третій списокъ, по рукописи Кіевской Духовной Академіи, относящійся къ XVI в. Сравнивая всѣ эти списки между собой авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Кіевская копія имѣетъ опредѣленный южно-русскій оттѣнокъ, копія Ыыпина—не столь опредѣленный бѣлорусскій, а Соловецкій—несомнѣнно великорусскій. 2) Насколько видно изъ Кіевской копіи, графика оригинала кіевскаго «Слова» должна быть древнерусская,—такая, какая существовала еще до утвержденія сербо-болгарскаго вліянія въ XV в. 3) Слѣды поэтическаго чувства, пластичной фантазіи подтверждаютъ предположеніе, что Слово—оригинально-русское, именно южно-русское произведеніе. 4) Слѣды древне-русской графики и близость во многихъ отношеніяхъ Слова о Лаз. Воскресеніи къ „Слову о полку Игоревомъ" даютъ возможность утверждать, что Слово явилось въ дружинно-княжескую эпоху, когда еще живы были традиціи дружинной поэзіи,—въ концѣ XIII или XIV в. 5) Слово написано не только поэтическимъ стилемъ и обнаруживаетъ сильный поэтическій талантъ, но имѣетъ также и своеобразную стихотворную форму и строфическое строеніе, свидѣтельствующія о томъ, что дружинной поэзіи не чужды были духовныя, церковно-апокрифичныя темы, и что и на этомъ полѣ наши древніе поэты умѣли проявить такую степень оригинальности, истиннаго чувства и таланта, о какихъ, не зная данной поэмы, трудно было-бы догадываться.

Въ заключеніе своей весьма интересной статьи авторъ приводитъ сравнительный текстъ всѣхъ трехъ копій, а также самое Слово въ ритмичной формѣ, разбитое на 44 строфы (по 5 строкъ въ строфѣ).

Перу этого же автора принадлежатъ и слѣдующія двѣ статьи: небольшая статейка—*«Новий причинок до студий над Іваном Вишенським»* и солидное изслѣдованіе: *«Апокріфічне евангеліе Псевдо-Матвія і його сліды в українсько-руськім письменстві»*. Въ первой статейкѣ авторъ обращаетъ вниманіе на одно произведеніе, не разобранное имъ въ спеціальномъ изслѣдованіи о Вишенскомъ и не отмѣченное критиками,—интересное въ особенности тѣмъ, что является единственнымъ произведеніемъ Вишенскаго, напечатаннымъ при жизни его,—хотя и безъ его имени,—именно «Соборное посланіе афонскихъ монаховъ», опубликованное княземъ Константиномъ Острожскимъ въ 1598 г. въ дополненіи къ семи посланіямъ патріарха Мелетія Пигаса противъ уніи, въ такъ называемой «Острожской кни-

жечкѣ въ девяти отдѣлахъ». Что оно принадлежитъ Вишенскому, объ этомъ свидѣтельствуетъ какъ внѣшняя форма, такъ и содержаніе даннаго произведенія.

Во второй своей цѣнной статьѣ авторъ старается прослѣдить вліяніе евангелія Псевдо-Матөея, мало популярнаго въ древности и въ средніе вѣка, а также другихъ латинскихъ и чешскихъ поэмъ и виршей на нѣкоторые памятники древней нашей письменности, какъ-то: «Сказаніе о зачатіи и рождестви пресвятия Богородици» (найдена В. Гнатюкомъ въ Керестурѣ въ 2-хъ копіяхъ XVIII и XIX ст.») и собраніе „Чудесъ которыи ся стали, гды Христосъ передъ Іродомъ до Египту уходилъ“ (найдены списки въ Угорщинѣ и въ Кіевѣ; какъ-то, такъ и другое произведенія напечатаны во II т. апокрифовъ, собранныхъ Ів. Франкомъ).

Оказывается, что ни одна изъ славянскихъ поэмъ о рожденіи и дѣтствѣ Маріи не была непосредственнымъ пересказомъ латинскихъ апокрифовъ, хотя, безъ сомнѣнія, всѣ онѣ основаны на послѣднихъ. Въ частности же, керестурская поэма болѣе всего приближается къ евангелію Псевдо-Матөея и къ тѣмъ версіямъ апокрифическихъ разсказовъ, которые, подъ вліяніемъ отчасти латинскихъ, отчасти второстепенныхъ греко-византійскихъ источниковъ, были составлены въ XVII в. на Украинѣ, въ кругу кіевскихъ ученыхъ. А это свидѣтельствуетъ о томъ, что поэма эта составлена не ранѣе конца XVII в. и при томъ въ такой области, гдѣ кіевское вліяніе не только не встрѣчало отпора, но, наоборотъ, находило благодарную почву благодаря сосѣдству съ католическимъ міромъ. Но такъ какъ и въ языкѣ, и въ стилѣ поэмы замѣтно сильное сербское вліяніе, то является предположеніе, что передаточной средой могъ служить иллиро-русскій кругъ ученыхъ, сплотившихся въ первой четверти XVIII ст. въ той части Сербіи, которая послѣ 1718 г. отошла къ Австріи.

Далѣе слѣдуетъ небезынтересная статья д-ра Кирила Студинского «*Хто був автором* Ἀντίῤῥησις'а *в р. 1599?*» Какъ извѣстно, Ἀντίῤῥησις, направленный противъ Апокризиса Христофора Филалета (Бронскаго), изданнаго въ 1597 г., на польскомъ языкѣ, а въ 1598 г.—въ русскомъ переводѣ, появился въ свѣтъ безъ имени автора. Стебельскій, Гриневецкій, а въ новѣйшее время проф. Голубевъ приписывали Ἀντίῤῥησις Петру Аркудію, между тѣмъ какъ проф. Скабалановичъ,

а за нимъ и авторъ данной статьи придерживаются того мнѣнія, что авторомъ его былъ не кто иной, какъ Ипатій Потѣй. Для доказательства своего положенія авторъ ссылается на то, что въ 'Αντίῤῥησισ'ѣ напечатаны историческіе акты, о которыхъ могъ знать одинъ лишь Потѣй (какъ напр. переписка съ кн. Острожскимъ); что во многихъ мѣстахъ встрѣчаются необычайно похожія мѣста, не только по смыслу, но и въ выраженіяхъ; что замѣчается тожество взглядовъ въ 'Αντίῤῥησισ'ѣ и въ другихъ произведеніяхъ Потѣя по такимъ вопросамъ, по которымъ въ уніатскомъ лагерѣ несомнѣнно не было согласія, какъ-то: мысль объ измѣненіи календаря, о целибатѣ и причастіи подъ однимъ видомъ. Наконецъ, что Потѣй, а не Аркудій былъ творцемъ 'Αντίῤῥησισ'α,—на это указываетъ еще и общій характеръ ихъ произведеній: у Потѣя нѣтъ ни одного произведенія, которое не носило-бы полемическаго характера, между тѣмъ въ какъ произведеніяхъ Аркудія видѣнъ спокойный богословъ и историкъ, въ богословскихъ спорахъ мало оригинальный, а болѣе—переводчикъ и компиляторъ. Всѣ эти вышеуказанные аргументы и побуждаютъ г. Студинскаго видѣть автора 'Αντίῤῥησισ'α скорѣе въ лицѣ Потѣя, чѣмъ Аркудія.

Наконецъ, послѣднее изслѣдованіе: *«Якуб Гаватович (Гават) автор перших руских інтермедій з 1619 р.»* принадлежитъ Михайлу Павлику. Автору удалось имѣть въ своихъ рукахъ два экземпляра «Tragaedii»—одинъ, принадлежащій польскому ученому Іосифу Крашевскому, а другой библіотекѣ гр. Баворовскаго[1]). Сличивши эти списки съ текстомъ, напечатаннымъ М. Драгомановымъ въ «Кіевской Старинѣ» (1883, XII и 1885, XI), который представлялъ также копію экземпляра Іос. Крашевскаго, но съ значительными дефектами, авторъ нашелъ въ послѣднемъ немалое количество ошибокъ и два пропуска. Пересказавъ подробно содержаніе Трагедіи и подтверждая ту или иную мысль значительными выдержками изъ нея, авторъ воспроизводитъ съ буквальной точностью двѣ украинскія интермедіи, вставленныя, какъ извѣстно, въ Трагедію (послѣ 2 и 3 актовъ). Такъ какъ упомянутыя интермедіи обладаютъ необычайной мелодичностью, и въ нихъ вообще выдержанъ складъ украинскаго простонароднаго языка—простой и натуральный, то является очевиднымъ, что Гаватовичъ зналъ украинскій языкъ не только изъ разговоровъ съ народомъ, изъ на-

[1]) Существуетъ указаніе, что еще одинъ экземпляръ находится въ Петерб. Публичн. библіотекѣ.

родныхъ разсказовъ но и изъ народныхъ пѣсенъ, гдѣ простота формы доведена до артизма.

Какъ извѣстно, Трагедія Гаватовича съ интермедіями впервые была разыграна въ Каминци въ 1619 г., но не въ Подольскомъ, а въ Каминци Струмиловій—нынѣшнемъ уѣздномъ городѣ восточной Галиціи, въ то время довольно значительномъ мѣстечкѣ, принадлежавшемъ Регинѣ Жолкевской.

Въ заключеніе авторъ сообщаетъ біографическія подробности о Гаватовичѣ, въ значительной части донынѣ неизвѣстныя, а также перечисляетъ всѣ литературныя его произведенія (числомъ 13), въ хронолическомъ порядкѣ, сопровождая, по возможности, обстоятельнымъ описаніемъ ихъ.

Изслѣдованіе почтеннаго автора является крупнымъ вкладомъ въ нашу небогатую исторію драматической литературы.

В. Д.

А. Т. Грабина. Тывуртіевы Выгадкы. *Жартъ въ 1-ой (!) діи. Кіевъ, 1900, 1—34, іп 8°. Цѣна 20 коп.*

Г. Грабина—давній и плодовитый писатель. Ежегодно является изъ печати по крайней мѣрѣ 2—3 его произведенія, довольно однороднаго достоинства,—такого именно, что достаточно прочесть одно изъ нихъ для того, чтобы другихъ не читать. И послѣднее, разсматриваемое нами—не лучше первыхъ. Оно имѣетъ, какъ видимъ, неудобопроизносимое заглавіе «Тывуртіевы Выгадкы». Тывуртій—имя главнаго героя пьесы, дьяка, этой «personae gratae» не только старинной малорусской комедіи и новеллъ Гоголя, но и народныхъ преданій; «это *вѣчно юный* и всегда благодарный (?) типъ, и поэтому, я думаю, мнѣ не поставятъ въ вину, что я, слѣдуя традиціямъ, вывожу этотъ персонажъ въ своей маленькой пьесѣ, имѣющей единственную претензію—вызвать улыбку на уста благосклоннаго читателя» (Отъ автора, стр. 3). Послѣ этого предостереженія читатель переворачиваетъ страницы одну за другой въ полной увѣренности встрѣтить здѣсь хорошо извѣстный литературный типъ дьяка XVIII ст. съ специфической, свойственной ему одному, церковно-русско-малорусской мѣшаниной,—типъ, нашедшій, напримѣръ, въ новѣйшее время, прекрасное воплощеніе въ художественномъ произведеніи И. К. Тобилевича

(Карпенка-Караго) «Чумаки». Но ничуть не бывало.... Дьякъ дѣйствительно говоритъ мѣшаниной, но живетъ онъ и дѣйствуетъ—увы!—въ концѣ XIX ст. (послѣ 1895 г., ибо водитъ знакомство съ монополіей («марнопелькой»,—по перефразировкѣ автора!). Далѣе, помимо упомянутаго анахронизма, допущеннаго авторомъ вслѣдствіе перенесенія литературнаго типа XVIII в. на цѣлое столѣтіе впередъ, въ его пьесѣ всѣ дѣйствующія лица, также должно быть съ цѣлью «вызвать улыбку на уста благосклоннаго читателя», награждены или совершенно несуществующими въ святцахъ именами, или, по крайней мѣрѣ, неупотребительными, какъ-то: Присцилла, Пуплій, Острихій, Родопіанъ, Фрументій, Вакхъ, Секундъ, Помпей,—и это все не римскіе граждане, а мирные обыватели зауряднаго малороссійскаго села (судя по нѣкоторымъ особенностямъ говора—подольскаго).

Кромѣ того, авторъ обнаруживаетъ полнѣйшее незнакомство съ бытомъ духовенства, съ его историческимъ прошлымъ: семинаристъ (Тывуртій), обучавшійся въ инфимѣ (слѣдовательно во времена достаточно отдаленные), уволенный изъ третьяго (философскаго) класса, никогда бы въ тѣ времена не остался на всю жизнь въ дьячкахъ.

Но и помимо этихъ внѣшнихъ неудобствъ, если бы мы захотѣли вникнуть въ суть самой пьесы, то прежде всего не отыскали бы никакой сути. Дѣйствующія лица являются по порядку одно за другимъ, когда для этого, по мнѣнію автора, наступило время; произносятъ, по большей части фразы, какихъ въ дѣйствительности живые люди при данныхъ обстоятельствахъ не произносили бы. Такъ напр., Тывуртію вздумалось почему-то разсказать слушателямъ крестьянамъ исторію Европы, преслѣдуемой Юпитеромъ, а затѣмъ случайно явившійся еврей Мендель разсказываетъ, какъ ему Богъ на душу положилъ, видѣнную имъ гдѣ то пьесу «Биръ-Кохба». Къ этому надо прибавить 2—3 развеселыхъ пѣсни да обильное употребленіе „монопольки“,—и пьеса готова.

Внѣшняя сторона (изложеніе) въ общемъ не много лучше внутренней. Вообще же автору, взявшемуся за исполненіе темы, столь любимой Гоголемъ, можно напомнить пословицу на языкѣ героевъ его пьесы: «Quod licet Jovi, non licet bovi», или проще: «Що лычыть попови, то зась дякови!»...

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, №№ 10 и 11; 2) Русская Старина, № 11; 3) Историческій Вѣстникъ, № 11; 4) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 11; 5) Вѣстникъ Европы, № 11; 6) Русская Мысль, № 11; 7) Научное Обозрѣніе, № 11; 8) Книжки Восхода, № 10 и 11; 9) Літературно-Науковий Вістник, № 11; 10) Ateneum, № 11; 11) Biblioteka Warszawska, № 11; 12) Slovanský Přehled, № 11 (2); 13) Труды Кіевской Духовной Академіи, №№ 10 и 11; 14) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, № 10; 15) Przewodnik naukowy i literacki, № 11 [1]); 16) Wisła, №№ 4 и 5; 17) Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, №№ 7, 8 и 9; 18) Этнографическое обозрѣніе, № 2; 19) Живая Старина, №№ 1 и 2—3.

Русскій Архивъ, № 10.

И. С. Листовскій. Изъ недавней Старины (стр. 236—243). Авторъ между прочимъ сообщаетъ нѣкоторые факты изъ жизни архіепископа Херсонскаго Димитрія: о его поѣздѣ въ Петербургъ по волѣ имп. Николая Павловича, которому Димитрій понравился съ перваго взгляда; о смиреніи его, выразившемся напр. въ томъ, что, когда вышло «Догматическое Богословіе» пр. Макарія, представлявшее компиляцію лекцій преосв. Димитрія, послѣдній не подалъ и виду, что онъ знаетъ объ этомъ. Кромѣ того, разсказывается исторія назначенія Кіевскимъ митрополитомъ на мѣсто скончавшагося Арсенія—архіеп. Тверскаго Филофея, нелюбимаго въ высшихъ сферахъ за открытое неодобреніе церковной реформы, задуманной оберъ-прокур. Св. Синода—гр. Толстымъ.

Изъ записокъ Кастора Никифоровича Лебедева. 1859 годъ. (стр. 244—288). Авторъ между прочимъ разсказываетъ о волненіи студенческомъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1859 г. въ Казанскомъ университетѣ, вызванномъ арестомъ товарищей, апплодировавшихъ на лекціи проф. Буличу. Волненіе очень озабочивало попечителя и министерство. «Но они еще болѣе боялись вступительной лекціи исп. дол. экстр.-профессора Русской Исторіи Костомарова, бывшей сегодня. Уже выборъ и утвержденіе Саратовскаго изгнанника были торже-

---

[1]) Въ предыдущ. № по корректурному недосмотру вкралась ошибка: „8" вм. 10.

ствомъ университета. Надобно было его отпраздновать и выразить сочувствіе политическому ученому, который, между тѣмъ, издалъ Богдана Хмельницкаго и бунтъ Стеньки Разина. Министръ и попечитель приняли мѣры; они пригласили и уговаривали вліятельныхъ студентовъ, откладывали лекцію, позвали на нее графа Сергѣя Строганова и многихъ изъ публики и дамъ. Костомаровъ, не отличавшійся ни наружностью, ни дикціей, нашелъ въ аудиторіи болѣе 2000 слушателей и читалъ о необходимости излагать исторію не государства, но, какъ думалъ Полевой, исторію народа. Энтузіазмъ перешелъ границы. Аплодисменты, шумъ, крикъ, стукъ покрыли все; о порядкѣ нечего было и думать. Когда профессоръ сошелъ съ каѳедры, его подняли на рукахъ и понесли по корридору съ криками «ура»! и «vivat»! (стр. 268).

—

Русская Старина № 11.

Н. К. Шильдеръ. Императоръ Николай I и Восточн. вопросъ (1826—1830 гг.) (стр. 237—255). Излагая событія войны 1828 года съ Оттоманской Портой, авторъ приводитъ свѣдѣнія объ участіи въ ней запорожскихъ козаковъ, которые нѣкогда бѣжали за Дунай и нашли себѣ здѣсь пріютъ, но впослѣдствіи возвратились снова въ нѣдра прежняго своего отечества.

Дѣйствительно, переправа русскаго войска черезъ Дунай подъ Сатуновымъ 27 мая удалась только благодаря запорожскимъ козакамъ, явившимся къ мѣсту боя на 40 лодкахъ.

В. А. Бильбасовъ. Екатерина II и Василій Васильевичъ Каховскій (стр. 277—299). Авторъ извлекаетъ изъ собственнаго собранія бумагъ екатерининскаго времени указы императрицы Екатерины II къ екатеринославскому губернатору В. В. Каховскому, предпославъ имъ историческія справки о М. В. и В. В. Каховскихъ. Въ этихъ послѣднихъ авторъ останавливается на дѣятельности В. В. Каховскаго въ качествѣ екатеринославскаго губернатора, и между прочимъ разсказываетъ объ участіи его въ т. назыв. «Турбаевской катастрофѣ [1]). Изъ 22 приведенныхъ авторомъ указовъ—одинъ (3-й) касается турбаевской исторіи, три (4, 13-й и 14-й)—исторіи г. Екатеринослава и одинъ (10-ый)—вопроса о колонизаціи земель «пріобрѣтенныхъ отъ Порты Оттоманской, между рѣкъ Буга и Днѣстра лежащихъ».

—

[1]) О ней см. „Кіевская Старина"—1891 г., т. XXXII, статья А. Л. Ефименко „Турбаевская катастрофа."

Историческій Вѣстникъ № 11.

Н. В. Чарыковъ. Павелъ Менезій. Его дипломатическая и военная служба при московскомъ дворѣ и предполагаемое наставничество при Петрѣ Первомъ. (Окончаніе слѣдуетъ) (стр. 510—537). Авторъ на основаніи цѣлаго ряда документовъ, хранящихся въ числѣ рукописей Ватиканскаго архива, а также и другихъ матеріаловъ въ Россіи и заграницей, даетъ живой очеркъ дипломатической дѣятельности при московскомъ дворѣ нѣкоего Павла Менезія, прибывшаго вмѣстѣ съ Гордономъ въ Москву въ 1661 году. Послѣ взятія Каменца-Подольскаго въ 1672 г. турками, Менезій былъ отправленъ Алексѣемъ Михайловичемъ съ дипломатической миссіей къ курфюрсту саксонскому, австрійскому императору, венеціанскому сенату и папѣ для переговоровъ о союзѣ противъ турокъ. Попутно авторъ касается Малороссійскаго вопроса послѣ Андрусовскаго договора.

И. С—въ. Замѣчательный арабскій литературно-историческій памятникъ о Россіи XVII вѣка (стр. 637—657). Авторъ излагаетъ въ общихъ чертахъ этотъ цѣнный арабскій литературно-историческій памятникъ, дѣлая, для образца, извлеченія подлинныхъ сообщеній Петра Алеппскаго о видѣнныхъ имъ мѣстностяхъ, бытѣ и нравѣ жителей и т. п. (о бытѣ украинскихъ козаковъ, о встрѣчѣ съ Богданомъ Хмельницкимъ и друг.).

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» (стр. 692—718) рецензированы слѣдующія книги и изданія: «Хрущовъ, И. П. Бесѣды о древней русской лутературѣ. Спб. 1900», «И. Энгельманъ. Исторія крѣпостнаго права въ Россіи. Пер. съ нѣмецкаго В. Щерба, подъ редакціей А. Кизеветтера. М. 1900», «Walery Przyborowski. Historja szęsciu miesięcy. Ustęp dziejów 1862 roku. Petersburg. 1901», «Профессоръ М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права. Изд. 3-е съ дополненіями. Изд. Оглоблина, Кіевъ, 1900».

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» (стр. 746—760) даны замѣтки объ исторіи возобновленія Мстиславова храма во Владимірѣ-Волынскомъ, присужденіи Уваровскихъ премій—съ отзывомъ о премированныхъ трудахъ и Музеѣ св. Владимірскаго братства во Владимірѣ-Волынскомъ.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 11.

А. А. Шахматовъ. Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV вѣковъ (стр. 135—200) (Продолженіе). Переходя къ разсмотрѣнію состава и источниковъ Владимірскаго полихрона 1423 года, авторъ останавливается еще на двухъ памятникахъ, отразившихъ на себѣ его вліяніе—Тверской и Львовской лѣтописяхъ. Въ главѣ о составѣ

и источникахъ упомянутаго полихрона авторъ указываетъ, что въ числѣ источниковъ между прочимъ, была какая-то южно-русская лѣтопись, сходная съ Ипатьевскою,—именно Черниговская составленная въ концѣ XIII вѣка и доведенная, повидимому, до 1284 г., въ основаніе которой легъ южно-русскій (кіевскій) сводъ, составленный въ 1223—1231 гг. Изученіе позднѣйшихъ сводовъ показываетъ, что на пространствѣ всего XII и XIII вв. полихронъ пользовался только однимъ южно-русскимъ источникомъ—Черниговской Лѣтописью до конца XIII вѣка, которая вошла почти цѣликомъ въ его составъ,—лишь мѣстами дано предпочтеніе другому источнику—владимірскому.

А. И. Георгіевскій. Къ исторіи ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія (стр. 17—61) (продолженіе). Касаясь вопроса о цензурныхъ отношеніяхъ въ шестидесятые годы, авторъ отмѣчаетъ, что при министрѣ А. В. Головнинѣ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія «серьезно обсуждался вопросъ о допущеніи малороссійскаго нарѣчія какъ преподавательскаго языка для начальныхъ училищъ въ южной и юго-западной Россіи и какъ языка учебныхъ для нея книгъ, и уже министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, съ Высочайшаго соизволенія, въ іюлѣ 1863 года, было сдѣлано распоряженіе по цензурному вѣдомству, чтобы на малороссійскомъ нарѣчіи дозволялись къ печати только такія произведенія, которыя принадлежатъ къ области изящной литературы; съ пропускомъ же книгъ на, этомъ нарѣчіи какъ духовнаго содержанія, такъ учебныхъ и вообще назначаемыхъ для первоначальнаго чтенія народа, предложено было пріостановиться.»

Говоря далѣе объ учрежденіи въ 1866 г. особыхъ цензоровъ въ провинціальныхъ и столичныхъ цензурныхъ комитетахъ, авторъ, въ числѣ другихъ пунктовъ инструкціи цензорамъ, приводитъ пунктъ (8-й)—«*не дозволять вовсе къ печати собственно учебниковъ на малороссійскомъ нарѣчіи*, какъ-то: букварей, прописей, священныхъ и гражданскихъ исторій, ариѳметикъ и т. п. Впрочемъ, всѣ книги на малороссійскомъ нарѣчіи, не смотря на количество печатныхъ листовъ, должны подлежать предварительной цензурѣ, какъ книги, издающіяся не безъ своего рода тенденцій... Въ неоффиціальной части Губернскихъ Вѣдомостей южно-русскихъ губерній не должны быть допускаемы никакія статьи на малорусскомъ нарѣчіи».

Вѣстникъ Европы № 11.

Въ отдѣлѣ «Литературное Обозрѣніе» данъ отзывъ о книгѣ *А. А. Русова* «Описаніе Черниговской губерніи» т. I и II.

Русская Мысль № 11.

Въ отдѣлѣ библіографіи (стр. 408—410) даны сочувственные отзывы о книгахъ «Викъ» (1798—1898). Кіевъ, 1900 и «И. Левицькый. Старосвитськи батюшкы и матушкы. (Повисти и оповидання, т. II) Кыивъ, 1900».

—

Научное Обозрѣніе № 11.

Ольгердъ Вильчинскій. Подвиги археологіи въ XIX вѣкѣ (стр. 220—289). Авторъ даетъ въ общихъ чертахъ обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области археологіи въ XIX в., главнымъ образомъ въ Европѣ, при чемъ останавливается на нѣкоторыхъ открытіяхъ и изслѣдованіяхъ, касающихся юга Россіи.

—

Літературно-Науковий Вістник, № 11.

Наш альбом (стр. 121—126): На смерть друга—М. Старицького, Із поезий Сергія Волоха, М. І. Вдовиченка, Грицька Кернеренка, Петра Шелеста.

Із оповідань Г. Коваленка (127—136) І. Лист, І. Легкий заробіток.

Без пуття. Оповіданне по декадентському Івана Левіцького (далі) (стр. 137—157)

Перехресні стежки. Повість Івана Франка (далі) (стр. 158—202).

Як оженився Каапері? Фінське оповіданне І. Рейонена (203—210).

По-над наші сили. Драматичні картини Бернштерна-Бернзона. Щ. На замку (стр. 211—232).

Із струий і нарисів Марк Твайна. II. Том Кворц. III. Синя сойка (стр. 233—240).

—

Уваги про галицько-руський театр, Ів. Франка (стр. 69—74). Замѣчанія о состояніи театральнаго дѣла въ Галиціи въ настоящее время и о возможности лучшей постановки его.

До життепису М. О. Дикарева. А. Я. Конпського (кінець) (стр. 75—91). Характеристика дѣятельности М. О. Дикарева въ девяностые годы. Заслуги его по отношенію къ украинской научной литературѣ.

Панько Олелькович Куліш. Огляд його діяльности. Написав Осип Маковей (далі) (стр. 92—114). Сношенія Кулиша съ Галиціей въ 1858—1871 гг. Литературные труды Кулиша 1862—1897 гг.

Новини нашоі літератури. Иванъ Левицькый. Повисти й оповидання. Т. II. Старосвитськи батюшкы та матушкы. Зъ портретомъ автора. Кіевъ, 1900. *Л. Ч.* (стр. 115—120).

Обстоятельная рецензія на упомянутое изданіе.

Хроніка і бібліографія.

—

Ateneum, № 11.

Stanisław Zdziarski. Ze studyów nad «Szkołą ukraińską» (Kierunek ludowy w poezyi) (стр. 335—362). Разборъ главнѣйшихъ произведеній Θомы Олизаровскаго, Александра Грозы и Игнатія Головинскаго, написанныхъ на украинскія темы или носящихъ слѣды народной украинской поэзіи.

—

Biblioteka Warszawska № 11.

Ksawery Chamiec. Wśród stepów i jarów. Kultura przeddziejowa (стр. 305—335). Авторъ останавливается на нѣкоторыхъ крупнѣйшихъ явленіяхъ доисторической археологіи въ Кіевщинѣ, какъ-то: «площадки» съ росписными сосудами, кспты и т. п. (см. подробнѣе «Археологич. Лѣтопись».)

—

Slovansky Přehled, č. II (годъ III), № 11.

Въ отдѣлѣ «Rozhledy a zprávy» (стр. 100—101) помѣщенъ краткій отчетъ о второй русинской художественной выставкѣ, бывшей въ сентябрѣ мѣсяцѣ во Львовѣ.

—

Труды Кіевской Духовной Академіи № 10.

С. Т. Голубевъ. Гедеонъ Одорскій (бывшій ректоръ Кіевской Академіи въ началѣ XVIII вѣка) (стр. 147—190) (Продолженіе слѣдуетъ). Біографическія свѣдѣнія о Гедеонѣ Одорскомъ до 1690 г. Прибытіе его въ Кіевъ съ цѣлью получить посвященіе на мстиславскую епископію. Подозрительное отношеніе къ нему со стороны кіевскаго митрополита и отсылка въ Кіево-Печерскую лавру подъ строгій надзоръ до указа великихъ государей. Челобитная Одорскаго на имя государей. Отреченіе отъ уніи. Подметное письмо о гетманѣ Мазепѣ, какъ врагѣ православія и государственномъ измѣнникѣ, и подозрѣніе въ составленіи этого письма Одорскимъ.—Пребываніе Одорскаго въ Москвѣ и возвращеніе въ Малороссію (въ Кіевъ).

—

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, № 10.

А. Архангельскій. Образованіе и литература въ московскомъ государствѣ кон. XV—XVII вв. (Продолженіе) (стр. 143—174). Настоящая глава (IV) посвящена очерку исторіи образованія и литературы въ юго-западной Руси въ концѣ XVI в. до появленія церковныхъ братствъ.

—

Przewodnik naukowy i literacki, № 11.

Dr. Bronisław Loziński. Agenor hr. Gołuchowski w pierwszym okrasie rządów swoich (1846—1859) (стр. 1089—1126) (продолженіе). Матеріалы для изученія экономическаго положенія Галиціи во время управленія краемъ гр. Голуховскаго.

—

Wisła, № 4.

Въ отдѣлѣ «Poszukiwania» (стр. 463—468) заимствованъ изъ «Archiv für Slawische Philologie» t. XI, стр. 310—311, матеріалъ о «маніи»—по вѣрованіямъ Русиновъ въ Восточной Галиціи, а также данныя о нѣкоторыхъ народныюъ примѣтахъ въ восточной Галиціи.

Въ отдѣлѣ «Sprawozdania i Krytyka» (стр. 469—471) даны отзывы о книгахъ: В. М. Площанскій. Прошлое Холмской Руси, по архивнымъ документамъ XV—XVIII ст. и др. источникамъ. Духовенство. А. Епархія Холмская правосл. и быв. Уніатской церкви 1428—1630. Вильное, 1899». На стр. 457 помѣщена фотографія «Typy dziewcząt z powiat Winnickiego gubernji Podolskiej, представляющая снимокъ пяти сельскихъ дѣвушекъ въ обычныхъ костюмахъ.

№ 5.

H. Łopaciński. Dwa podania ukraińskie o syrenach (стр. 597—600). Г. Марія Грушецка записала изъ народныхъ устъ въ с. Юшкивъ Ригъ, таращанск. у. кіевск. губ., два малороссійскихъ миѳа о сиренахъ. Въ виду ихъ краткости заимствуемъ ихъ въ дословной передачѣ:

I. На весни, якъ море хвылямы грае, зъ пидъ тыхъ хвыль морська царивна выходыть и прекрасни писни спивае, а для народу кныгу на березп оставляе. У неи косы руси, а зъ рыбьячои лускы золотее убрання; зъ хвылею вона назадъ въ море утикае, щобъ іи нихто зъ людей не бачывъ; море іи ховае и ажъ на весну выпускае.

II. Чоловикъ на войни бувъ, та зайнялы його въ неволю,—то утикъ винъ звидты до моря. Теперъ зробывъ винъ соби хрестъ, та лигъ на хрестови, та поплывъ до рогозы; та винъ йисты хотивъ, та

рогозу йивъ. Винъ тры дни тамъ бувъ. Ажъ выходыть морськая дива (дивыця)—по поясъ рыба, а видъ пояса женщына, и дуже гарни писни спивала, що вона його уподобала! А винъ боявся и утикъ видъ неи и сховався; такъ дывытся на неи: що вона буде робыты? Вона, якъ поглядила, що його нема—стала сылно плакаты.

А винъ пишовъ, куда знавъ, розсказувать писни: що зъ моря выйшла «княгыня», сыяла красою, якъ святая, русяви косы море покрывало, а очи, якъ сонце, свитылы.

Авторъ сопровождаетъ запись своими замѣчаніями и библіографическими справками.

Wacław Nałkowski. Sfinks Tatrzanski (631—639). Авторъ даетъ общій очеркъ исторіи геологическаго развитія Татръ.

Въ отдѣлѣ «Przegląd czasopism» (стр. 670—673) данъ сочувственный отзывъ о V т. Етнографічного Збірника, видаваного Етнографічною Комісиею Наук. Тов. ім. Шевченка. Львів, 1898.

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи № 7, 8 и 9.

Н. П. Василенко. Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ нѣжинскаго полка. (Продолженіе) (стр. 208—272).

Этнографическое Обозрѣніе, № 2.

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» (стр. 161—162)—*Вл. Каллаша.* Причитанія матери «ауноши князя Ростислава».

Авторъ отмѣчаетъ встрѣчающееся въ Лѣтописи упоминаніе о томъ, что, когда Ростиславъ Всеволодовичъ утонулъ въ Стугнѣ, то «плакася по немъ мати его, і всі людіе плакаша по немь повелику, уности его ради».

На стр. 186 помѣщенъ рядъ вопросовъ по этнографіи В. Каллаша (см. отд. Документовъ).

Живая Старина, вып. I—II и III.

Выпускъ I—II. *Илларіонъ Свѣнцицкій.* Опытъ сравнительнаго словаря русскихъ говоровъ. (Галицко-бойковскій говоръ) (стр. 213—229). Авторъ основываетъ свой «опытъ» на бойковскомъ словарѣ о. Гоцького, напечатанномъ во «Временникѣ» Ставропигіальнаго института за 1895—1900 гг. Въ «Опытѣ» сопоставляются нѣкоторые бойкивскія слова со словами сѣверныхъ великорусскихъ говоровъ, выхваченными изъ «Толковаго словаря В. Даля». Цѣнность изслѣдованія не велика.

А. И. Яцимирскій. Румынскія сказанія о рахманахъ (стр. 246—272). Авторъ собралъ любопытныя повѣрья о Рахманахъ и Рахманскомъ Велыкоднѣ изъ румынскихъ печатныхъ источниковъ, сообщая попутно аналогичныя свѣдѣнія изъ различныхъ древнихъ и новыхъ литературныхъ произведеній—нѣмецкихъ, русскихъ и малорусскихъ.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» (стр. 288—291) даны сочувственные отзывы объ изданіяхъ: «Гуцульщина. Написав проф. Володимир Шухевич у Львові, 1899. (Матеріяли до україньско-руск. этнольогії, т, II), «Етнографичний Збірник т. VI. Виданнэ этнографичній Комісии наук. тов. ім. Шевченка» и «Старинные Сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и пр. XVII—XIX ст. Собр. и приготов. къ печати П. Симони. Вып. I. I—II Сп. 1899.

Выпускъ III. Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» (стр. 442) данъ отзывъ о «Труд. Куб. Областн. Статист. Комит. т. XI. Екатеринодаръ, 1900.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ №№ 1676 и 1677 газ. «Сѣверный Кавказъ» г. И. Негяга помѣстилъ обширную статью подъ заглав. «Къ столѣтію малороссійской литературы» (По поводу сборника «Викъ» 1798—1898, Кіевъ. 1900 года). Авторъ, сочувственно относясь къ разсматриваемому имъ изданію, даетъ краткій, но обстоятельный очеркъ развитія украинской литературы въ теченіе послѣдняго столѣтія, указывая попутно на лучшіе образцы произведеній отмѣчаемыхъ имъ писателей.

—

Въ №№ 244, 248, 254, 256 и 260 газеты «Руслан» печатается продолженіе изслѣдованія подъ загл. «*Характеристика поэзий Петра Гулака-Артемовскаго.* Авторъ отмѣчаетъ въ произведеніяхъ Г.-Артемовскаго политическіе мотивы, чиновничій патріотизмъ.

—

Въ № 256 журнала «Beilage zur Allgemeinen Zeitung (за октябрь мѣсяцъ) помѣщена статья Романа Сембратовича подъ загл. «Ein slavisches Opfer des Panslavismus», авторъ которой, изложивъ вкратцѣ исторію культуры украинско-русской націи, отмѣчаетъ внѣшнія неблагопріятныя условія, препятствовавшія и препятствующія въ настоящее время національно-культурному развитію въ желательномъ направленіи.

—

Въ №№ 1011, 1012, 1013 1014, 1019 и 1025 газ. «Приднѣпровскій Край» помѣщена статья неизвѣстнаго автора «Прошлое и настоящее г. Николаева», представляющая очеркъ исторіи этого города, составленная на основаніи печатныхъ матеріаловъ: *Г. Н. Ге* «Историческій очеркъ столѣтняго существованія города Николаева при устьѣ Ингула (1790—1890 г.»), «Справочная книжка г. Николаева на 1900 г.», и личныхъ наблюденій и свѣдѣній, добытыхъ авторомъ въ г. Николаевѣ.

Въ № 1009 газ. «Приднѣпровскій Край» г. С. Яблоновскій въ фельетонѣ «Свѣтъ и Тѣни» скорбитъ въ сильной степени по поводу того обстоятельства, что труппа Суслова, подвизающаяся въ настоящее время (начало ноября) въ Москвѣ, намѣрена поставить пьесу «Хваустъ». Г. Яблоновскій находитъ, что малорусскій языкъ—достояніе исключительно деревни, и способенъ, будто-бы, выразить только тѣ понятія, въ которыя укладывается жизнь малорусской деревни; когда же его отрываютъ отъ родной почвы и обстановки, когда его переполняютъ *непривычными* и чуждыми для слуха малоросса словами,—то получается чудовищная метаморфоза....

De gunstibus non est disputandum.... Хотя въ данномъ случаѣ, насколько намъ извѣстно, передѣлка «Хвауста» можетъ возмутить не только г. Яблоновскаго, но и всякаго, придерживающагося иного взгляда на правоспособность украинскаго языка.

Въ № 11 журнала «Журналъ для всѣхъ» помѣщено начало обширной статьи А. Кониcскаго *«Украинскій* поэтъ Т. Г. Шевченко» (стр. 1282—1296) (Продолженіе слѣдуетъ.) Авторъ, послѣ краткаго введенія—о характерѣ украинскаго народа, даетъ обстоятельный біографическій очеркъ Т. Г. Шевченка до 1847 года. Къ статьѣ приложенъ фотографическій снимокъ съ портрета Т. Г. Шевченка, писаннаго имъ самимъ.

Въ томъ же номерѣ помѣщено начало статьи М. П. «Галиційское крестьянство», составленной по книгѣ Л. Василевскаго «Современная Галиція. Спбр. 1900 года».

Въ одномъ изъ номеровъ конца октября «Полтавск. губ. Вѣдомостей» помѣщена статья М. Оленина *«Изъ лѣтнихъ поѣздокъ» (Тарасова могила)*. Авторъ, посѣтивши могилу Шевченка, дѣлится своими впечатлѣніями по поводу состоянія этой могилы, по его мнѣнію—не достаточно отраднаго. «Неужели такъ трудно найти средства для содержанія въ порядкѣ какъ могилы, такъ и дома для посѣти-

телей? Вотъ, напримѣръ, въ золотоношскомъ земствѣ хранятся 200 р., предназначенные на исправленіе могилы Шевченка, не приносящіе ни копѣйки дохода, а еще уменьшающіеся съ каждымъ годомъ, т. к. надо платить казначейству за храненіе этой суммы.... Очень желаю, чтобы мой слабый голосъ не остался «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ».

Въ №№ 130—133 помѣщенъ переводъ разсказа П. Кулиша «Потомки українського гайдамацтва», помѣщенный уже однажды (въ 1868 году) въ журналѣ «Правда».

Систематическій каталогъ книгъ, выходящихъ въ Россіи. Статистико—библіографическая коммиссія при русскомъ обществѣ дѣятелей печатнаго дѣла, признала полезнымъ выпускать, въ видѣ періодическаго (ежегоднаго) изданія, «систематическую роспись книгамъ», выходящимъ въ Россіи. Въ настоящее время уже находится въ печати составленная В. В. Сабанинымъ, по даннымъ «Правительственнаго Вѣстника» и съ многими поправками и дополненіями, систематическая роспись книгамъ, вышедшимъ въ Россіи на русскомъ и иныхъ языкахъ за 1899 г., съ алфавитнымъ указателемъ авторовъ и предметовъ. Изданіе выйдетъ въ двухъ томахъ (четырехъ выпускахъ). Каталогъ этотъ, составленный при содѣйствіи ученыхъ и практиковъ книжной торговли, представляетъ собою первую у насъ попытку дать полный и обстоятельный перечень текущей литературы по всѣмъ отраслямъ знанія. (С.-Петерб. Вѣд. № 315).

Въ № 11 ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній къ журналу «Нива» помѣщенъ отзывъ о книгѣ: «Шевченко, Т. Кобзарь съ біографическимъ очеркомъ. М. 1900. Ц. 1 р. 50 к.»

Молода Україна, №№ 9 и 10. Зміст: 1) До праці, статя редакції, 2) «Самоосьвіта»—лектура з поля історії, 3) «Над сьвіжою могилою» посмертна згадка про Лібкнехта,—нап. Евген Косевич 4) «Вічні атоми» продовжене статі «Картини з природних наук» Прометея Ясенка, 5) «В неволі» стишок Дениса Бошковича, 6) «Софія Перовска» Степняка (продовжене перекладу), 7) «З борби титанів» поема Василя Пачовского, 8) Хроніка з нашого житя, 9) Хроніка з чужого житя, 10) Бібліографія.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Aszkenazy Szymon. Dwa stulecia: XVIII i XIX. Warszawa, 1901, in. 4°, 1—555. Cena 3 r. 60 kop.

Бажаньскій Порфирій. Руско-народна музыкальна гармонія. У Львовѣ, 1900. Зъ друкарні Наукового Товариства імени Шевченка, ст. 80+81, in 8°.

Балашевъ Г. О. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ на югѣ Россіи, Кіевъ, 1899. Ц. 60 к.

Будиловичъ А. Къ вопросу о литературномъ языкѣ Юго-Западной Руси. Юрьевъ. 1900. Ц. 50 коп.

В. К. Образки з Криниці. Виданне Артистично-Літературных новин, кн. 4. З друкарні М. Джулинского в Перемишлі. 1900 р. Ц. 50 сот.

Воронка С. Ф. Коханци Шкодныкы. Жартъ-водевиль въ 1 діи. Сумы, 1900. Типо-литографія К. М. Пашкова, in 16°, 1—47. Цѣна 20 коп.

Граматыка церковно-словеньского языка. Написана зъ увзгляднене́мъ жерелъ старославенськихъ чрезъ д-ра Іосифа Мѣльницкого. Львôвъ, 1900. Ст. 165, 8°. Ціна 3.20 кор.

Гребенка Е. П. Разсказы Пирятинца. Кулякъ, повѣсть (Дешевая библіотека А. С. Суворина, № 321). Спб. 1900 г. Ц. 15 коп.

Гребенка Е П. Записки студента, повѣсть. Путевыя записки зайца (Дешевая библіот. А. С. Суворина, № 322). Спб. 1900 г. Ц. 15 к.

Грибовскій В. М. Сборникъ русскихъ законодательныхъ памятниковъ XVIII столѣтія. Пособіе при изученіи русскаго права Императорскаго періода. Вып. I. Эпоха Петровская. Вып. II. Эпоха Петра III и Екатерины Великой. Спб. 1900. Ц. кажд. вып. 50 коп.

Гумористичний ілюстрований календар «Комаро» на рік 1901. Львів, 1900. Стр. 96, 16°. З друкарні «Уділової» Ц. 50 кр.

До виборців з четвертої куриї округа: Тернопіль—Скалат—Збараж. Львів, 1900. Ст. 42, in 4°.

Дубровенко Матвій. Вирши. Перши юношни творы та переклады. Екатеринославъ, 1900. Тип. губ. прав. in° 16, 22 стр. (100 экз.)

Кижиленко А. А. Подлогъ документовъ. Историко-догматическое изслѣдованіе Спб. 1900 г.

Загирня М. и Гринченко Б.—Л. И. Глибовъ. Біографическій очеркъ. Черниговъ, 1900. Тип. Губ. Земства, 8°, 48 стр.

Ивановъ Ив. Новая культурная сила. Русскіе писатели XIX вѣка (Пушкинъ, Лермонтовъ, Бѣлинскій, Тургеневъ, Некрасовъ, Шевченко, Грибоѣдовъ). Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Caro J, prof. *Dzieje* Polski. Przełożył z języka niemieckiego St. Mieczyński, Tom 6. 1481—1506. Варшава, 1900. Тип. Рубешевскаго и Вротновскаго. 8 л., XIII+II+431 стр. Ц. 1 р.

Кобринская Н. Якимъ Мачукъ. Разсказъ,—переводъ съ украинскаго. Спб. 1900 г. Ц. 8 к.

Копко М. Бібліотека музикальна. Число 2. Часть церковна. Пѣсни. Зъ друкарні Н. Джулиньского в Перемишлі. Перемишль 1900. Ст. 18. 12⁰. Ціна 24 сот.

Копко М. Бібліотека музикальна. Часть 3. На Рождество Хр. (Роз. пісні). Перемишль 1900. Ст. 18, 12⁰. Ціна 24 сот.

Котляревскій И. П. Наталка Полтавка. Украинская опера въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Изд. книгопр. Т. Губанова. Кіевъ. 1900. Тип. И. Чоколова, in 16⁰, 106 стр. (8.000 экз.)

Коцюбинський Михайло. По людському. Оповіданя з бесарабського житя (Бібліотека Вид. Спілки. Ч. 24). З друкарні Наукового Тов. ім. Шевченка. Львів. 1900. Ст. 148; 8⁰. Ціна 2 кор. Зміст: 1) По людському, 2) Помстився, 3) Посол від Чорного царя, 4) «Пе коптьор», 5) Для загального добра.

Кудринскій Ѳ. Неудачныя предпріятія народолюбки. (Къ біографіи Н. С. Соханской-Кохановской). Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». Кіевъ, 1900, 1—42.

Лаврівский Володимир. Тіловправні гри. Копана (Association Football). Після Осипа Кленки. I, Зошит перший. Львів, 1900. З друкарні «Уділовоі». Ст. 18, 16⁰. Ціна 20 сот.

Лаврівский Володимир. Тіловправні гри. Lawn Tennis. Після Осипа Кленки. I, Зошит другий. Львів, 1900. З друкарні «Уділовоі». Ст. 16, 16⁰. Ціна 20 сот.

Лепкий Богдан. Оповіданя. Львів, 1901. Накладом А. Хойнацкого. З друкарні В. А. Шийковского. Стр. 136, 16⁰. Ц. 2 к.

Лисенко М. Збирныкъ народныхъ украинськыхъ писень. 10-й десятокъ. Лит. Рёдера въ Лейпцигѣ. 8 д. 25 стр. Ц. 50 коп. (300 экз.)

Лужицкій Л. Оставите дѣтей проходити ко мнѣ. Начеркъ науки религіи въ першôй класѣ народнои школы. Львів. Накладомъ редакціи «Богословского Вѣстника». 1900. Стр. 47.

Маковей Осип. Панько Олелькович Куліш, огляд його діяльности. З друк. Наук. Товар. імени Шевченка. Львів, 1900, стр. 1—169, in 8°. Ц. 1 корона.

Мамін-Сибіряк Д. Н. Дитячі оповідання. Переклав з российського Андрій Веретельник. У Львові, 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. (Видання Руського Товариства педагогічного. Ч. 79). Ст. 48, 8°. Зміст: 1) Приймак, 2) Старий горобець, 3) Сіра шийка, 4) Медведик, 5) Омелько-стрілець.

Мартович Лесь. Не-читальник. (Бібліотека Вид. Спілки. Ч. 23) Накладом укр.-руськоі Видавничои Спілки. З друкарні Науков. Тов. імени Шевченка. Львів, 1900, Ст. 100, in 8°. Ціна 1.60 кор. Зміст: 1) Не-читальник, 2) Булка, 3) На торзі, 4) Мужицька смерть, 5) Нічний гість, 6) Перша сварка, 7) Ян, 8) За топливо, 9) За межу.

Mazanowski Mikołaj. Józef Bohdan Zaleski, życie i dzieła. Zarys biograficzny. (Z portretem I. B. Zaleskiego). Życiorysy sławnych polaków. № 15. Petersburg, Nakładem księgarni K. Grendyszyński. 1900, 1—134. Сепа 30 kop.

Мешко Франц. Нагула, сільский образок. Зі словінського переклав Ілько Кузів. Львів, 1900. Накладом перекладчика і С—ки. З друкарні В. А. Шийковского. Ст. 26, 8°. Ціна 30 сот.

Милорадовичъ В. Лѣсная Лубенщина. Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». Кіевъ, 1900, 1—94.

Мирний Панас. Морозенко. Повість (Бібліотека вид. Спілки. Ч. 22). Львів, 1900. Накладом «Видавничоі Спілки». З друкарні В. А. Шийковского. Ст. 44, 8°. Ціна 0.90 кор.

Митюкъ Викторъ и *Өеофилъ Луцыкъ.* Збôрныкъ церковно-народныхъ пѣсень. Выпускъ I. Перемышль, 1900. Зъ печатнѣ Н. Джулынського. Ст. 32, 16°. Ціна 20 сот.

Нôчь Виөлеемска. Ораторія сценічна в 4 актах. Стр. 62, 8°. Перемишль, 1900. З печатні Н. Джулиньского. (Друге виданнє). Ціна 60 сот.

Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1898 годъ (По сообщеніямъ корреспондентовъ). Годъ 13-ый. Изданіе Статистическаго Бюро Полтавскаго Губернскаго земства. Полтава, 1900, 1—88+59+25. Ц. 1 р.

Перетцъ, В. Н. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Томъ I. Изъ исторіи русской пѣсни. Часть I. Начало искусственной поэзіи въ Россіи. Изслѣдованіе о вліяніи малорусской виршевой и народной поэзіи XVI—XVIII в. на великорусскую. Къ исторіи Богогласника. Спб. 1900 г. Ц 2 р.

Popowicz Emilian. Ruthenisches Sprachbucht. II Theil. Czernowitz. Im Verlage der. k. k. Univesitätsbuchhandlung H. Pardini. З друкарні тов. «Руська Рада». 1900. Ст. 220, 8⁰.

Popowicz Emilian. Wörterbuch zum Ruthenischen Sprachbuch (II Theil). Czernowitz. Verlag der. k. k. Universitätsbuchhandlung H. Pardini. Buchdrućkerei des Vereins «Ruska Rada». Ст. 44, 8⁰.

Przyborowski Walery. Historja sześciu miesięcy. Ustęp z dziejów 1862 roku. Petersburg, 1901. Nakładem K. Grendyszyńskisgo, in 8⁰, 1—152. Cena 1 r. 50 kop.

Radziszewski M. «Mazepa», opera w 4 aktach osnuta na tle tragedyi J. Słowackiego, muzyka A. Münchheimera. 52 h.

Рудович І. Унія въ Львôвскôй епархіи. Исторична розвѣдка. Львôвъ, 1900, стр. 1—71. Цѣна 12 крейц.

Рѣдинъ Е К. и *Федоровскій Н. А.* Могильникъ кургана слободы Сеньково, Купянскаго уѣзда. Харьковъ, 1900. Тип. «Печатное Дѣло», кн. К. Гагарина 8 д., (Отд. от. изъ Сборн. истор.-филол. общ. Вып. XII. 1900 года»).

Самойленко Кириллъ Ивановичъ. Колядникы и *Максымъ Цымбаленко.* Семенъ у пекли. Поэма. Кіевъ, 1899, Тип. Т. А. Губанова, in 16⁰, стр. 1—28+38—107. Цѣна 20 коп.

Сводный сборникъ по статистическому описанію Полтавской губерніи въ 1882—1889 годахъ. Выпускъ I. Полтава, 1900. Ц. 2 р.

Систематическій и хронологическій каталогъ библіотеки библіофила и библіографа. Я. Ѳ. Березина-Ширяева. Томъ I. Русскія книги. Спб. 1900 г. Ц. 4 руб.

Смѣхъ и правда. Выпускъ I. На краю свѣта... Казка про те, що дѣе ся ôгъ. вѣкôвъ, оповѣвъ В. Листокъ. Перемышль, 1900 Зъ печатнѣ Н. Джулыньского. Ст. 16, 8⁰. Ціна 20 сот.

Stronnictwa polityczne w Galicyi w przededniu wyborów. W. Z. L. 1 K.

Talko Hryncewicz J. dr. Przyczynek do poznania Swiata kurhanowego Ukrainy. Nakładem Akad. Um. Kraków, 1899. Str. 30.

Ulaszyn Henryk. Kontrakty Kijowskie. Szkic historyczno-obyczajowy. 1798—1898. Petersburg. Nakladem księgarni K. Grendyszyńskiego. 1900, in 8, 1—110.

Харламповичъ К. А. А. Папковъ. Братства. Очеркъ исторіи западнорусскихъ братствъ. Св.-Троицкая Сергіева Лавра. 1900 (Оттискъ изъ Правосл. Собесѣдника, октябрь 1990 г.)

Ц.... батько, О. Стародавня Украйина въ драматычныхъ справахъ. V. Левенци. VI. Пушкаривна. Одесса, 1900 г. Тип. акц. южнорусс. О—ва печатн. дѣло., in. 4⁰, 87+90 стр. (120 экз(. Литографированное изд.).

Церковна музична бібліотека. Випуск I. Пісні підчас служби божоі на 3-голосний хор жіночий або мужеський. Музика И. Кишакевича. Перемишль, 1900. з литографіи К. Рогальского. Ст. 16, вел. 8⁰. Ціна 1 кор. Зміст: 1) В страсі і покорі. 2) Святий Боже. 3) Пісня Херувимів. 4) Писнь побіди. 5) Вже жертва крестна 6) В сильній надіі. 7) Зробіт му місце. 8) Благодарім. 9) О, Богородице.

Цымбаленко Максымъ. Дывный сонъ сыротыны. Розмова про гроши, або сыротына. Поэма. Изд. книгопр. Т. Губанова. Кіевъ, 1900. Тип. И. Чоколова, 16 д. 108 стр. (8.000 экз.)

Часопись Правнича, розвідки правничоі секціі фільозофічноі Наукового Товариства імени Шевченка. Редактор Др. Кость Левицький. Річник X. У Львові, 1900. Зміст: 1) Др. Петро Стебельскій,—Австрійский процес карний; др. Кость Левицкій,—Про неважність в новім процесі цивільнім; Др. Стан. Дністрянський,—Чоловік і его потреби в правнім системі; 2) Оцінки і справоздання; 3) *Miscellanea*: Причинокъ до історіи громадськоі власности,—Дра В. Охримовича; В справі нашоі термінольогіи,—д-ра К. Левицкого.

Шабленко А. Я. Нова хатына. Збирнычокъ творивъ. Спб. 1900. Тип. столичная, in 8⁰, 40 стр. (2000 экз.).

Яновская Л. Идеальный батько. Оттискъ изъ журнала «Кіевск. Старина». Кіевъ, 1900, 1—33.

Археологическая лѣтопись.

Къ Археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

4-го ноября состоялось засѣданіе Предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Профессоръ Д. И. Багалѣй доложилъ, что, согласно рѣшенію комитета, въ харьковскую губернскую земскую управу уже послана просьба объ оказаніи комитету субсидіи въ 2 тыс. руб. для устройства этнографической выставки при съѣздѣ, предметы которой послужатъ основаніемъ мѣстнаго этнографическаго музея. Заслушано увѣдомленіе историко-филологическаго общества при Институтѣ князя Безбородко—о работахъ образованной при немъ коммиссіи въ помощь харьковскому предварительному комитету для организаціи работъ по изслѣдованію Черниговской губ. въ археологическомъ отношеніи—въ виду XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, одну изъ задачъ котораго составляетъ изслѣдованіе указанной губерніи. Коммиссія напечатала 3 тыс. экземпляровъ программъ, которыя будутъ разосланы священникамъ, народнымъ учителямъ и разнымъ лицамъ; ею получены отъ многихъ лицъ обѣщанія содѣйствія и помощи въ различныхъ отношеніяхъ, въ выполненіи ея задачъ. Судя по всѣмъ даннымъ, работы коммиссіи дадутъ весьма цѣнный научный результатъ и богатый матеріалъ для изученія древностей Черниговской губ. Прочитано увѣдомленіе А. А. Русова, члена полтавской коммиссіи для подготовки нужнаго матеріала къ съѣзду по Полтавской губ.—о результатахъ работъ этой коммиссіи.

Ею будутъ также отпечатаны всѣ программы харьковскаго комитета для соотвѣтствующей разсылки ихъ; будетъ сдѣлано обращеніе къ извѣстнымъ лицамъ въ губерніи, имѣющимъ коллекціи разныхъ предметовъ и музеи—съ цѣлью предоставленія послѣднихъ на выставки при съѣздѣ и сообщенія матеріала для изслѣдованія ихъ; будетъ извлеченъ матеріалъ изъ «Полтавскихъ Вѣдомостей» и «Епархіальныхъ Вѣдомостей» за старые годы; будутъ совершены различныя научныя экскурсіи.

Проф. А. С. Лебедевъ сообщилъ о результатахъ изученія имъ настоящимъ лѣтомъ архивовъ сумской Преображенской церкви, курскаго Рождественскаго мужского и Троицкаго женскаго монастырей. Архивы этихъ монастырей даютъ весьма интересный и цѣнный матеріалъ для характеристики быта, нравовъ монастырей прошлаго вѣка, отчасти для исторіи ересей и для иконографіи.

Г-жа Е. П. Радакова прочла докладъ о поѣздкѣ по Старобѣльскому уѣзду, съ цѣлью изученія его населенія въ этнографическомъ отношеніи. Въ качествѣ типичнаго села съ великорусскимъ населеніемъ, ею была подробно изучена слобода Новый Айдаръ. Заключенія докладчицы таковы: кромѣ языка и костюма, великороссы Старобѣльскаго уѣзда усвоили себѣ внѣшній бытъ малороссовъ; но, благодаря нѣкоторымъ особенностямъ своего внутренняго строя, они консервативны, труднѣе поддаются внѣшнимъ вліяніямъ, дольше сохраняютъ архаическія формы разъ усвоеннаго быта, малороссы же воспріимчивѣе ко всякимъ вліяніямъ и новшествамъ. Кустарные промыслы въ уѣздѣ очень слабо развиты. Архаическія формы домашняго быта и производствъ очень мало сохранились.

Г-нъ А. П. Ветуховъ сообщилъ дополненія о кустарныхъ промыслахъ въ 2 селахъ Старобѣльскаго уѣзда и по другимъ этнографическимъ вопросамъ, а равно и по литературѣ предмета.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ сообщилъ нѣкоторыя этнографическія наблюденія по Ахтырскому уѣзду: типическія черты наиболѣе удержались въ Ахтыркѣ, Котельвѣ; сильное измѣненіе въ отношеніи національныхъ чертъ—въ Баромлѣ.

Проф. М. Г. Халанскій сообщилъ свои наблюденія надъ языкомъ и содержаніемъ нѣкоторыхъ рукописей, доставленныхъ предварительному комитету: а) двухъ списковъ древне-русскаго лѣчебника (свящ. Петра Лукаша); б) списка толковаго евангелія Ѳеофилакта Охридскаго, XVI в.; в) тріоди постной, XVII в. (Ст. Евгр. Фе-

нева); г) евангелія Θеофилакта болгарскаго, XVI в. (ахтырской Преображенской церкви). Кромѣ того, имъ сообщены наблюденія надъ надписями: а) на панагіи Путивльскаго Молченскаго монастыря (1603 г.); б) на Жеровицкой иконѣ Божіей Матери (того-же монастыря; в) на Анθологіи 1678 г. (собств. Г. Г. Лисунова).

Проф. М. Г. Халанскій доложилъ свѣдѣнія, сообщенныя комитету *г-жей А. И. Томилиной* (изъ с. Мантурова, Тимскаго уѣзда, Курской губерніи) о ея коллекціяхъ: старопечатныхъ книгъ (средины и конца XVIII в. и начала и середины XIX в.), рукописей, монетъ (болѣе 1000 монетъ, изъ которыхъ 21 золотая, 2 платиновыхъ, болѣе 500 серебряныхъ, одна кожаная). Кромѣ этого, г-жей Томилиной доставленъ матеріалъ по народному поэтическому творчеству: причитанье, свадебная пѣснь.

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ о поступленіи въ комитетъ свѣдѣній о древностяхъ по разосланнымъ программамъ. Отъ народныхъ учителей этихъ свѣдѣній еще не поступило; поступили только отъ священниковъ незначительной части селъ Харьковской губерніи. Между тѣмъ, заблаговременное полученіе свѣдѣній комитету необходимо для сводки ихъ, обработки и для представленія археологическому съѣзду.

Отъ управляющаго государственными имуществами Харьковской и Полтавской губерній—поступило въ распоряженіе комитета и музея древностей—восемнадцать штукъ старинной мѣдной монеты, найденной при устройствѣ питомника въ Маяцкой казенной дачѣ, Изюмскаго уѣзда.

Постановлено выразить отъ лица комитета благодарность гг. докладчикамъ, г-жѣ Томилиной и всѣмъ лицамъ, приславшимъ сообщенія и памятники древности.—(«Южн. Край»).

Въ г. Воронежѣ, 23 октября, состоялось первое засѣданіе особой комиссіи по устройству археолог. съѣзда въ Харьковѣ; предсѣдательствовалъ извѣстный писатель Е. Л. Марковъ. На приглашеніе принять участіе въ работахъ по археологическому и этнографическому изслѣдованію Воронежской губерніи и тѣмъ пособить устройству археологическаго съѣзда въ Харьковѣ на первый разъ откликнулось, кромѣ Е. Л. Маркова, десять человѣкъ, почти всѣ изъ мѣстныхъ педагоговъ. Ознакомившись съ программами занятій, выработанными харьковскимъ предварительнымъ комитетомъ, коммиссія постановила: напечатавъ эти программы въ нужномъ количествѣ, дать имъ самое

широкое распространеніе. Въ дѣлѣ собиранія по этимъ программамъ свѣдѣній, особую услугу могли бы оказать священники, народные учителя, учащіеся въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній Воронежской губерніи и др. Въ виду этого, постановлено: обратиться къ подлежащимъ властямъ съ просьбой сдѣлать съ своей стороны предложеніе, не пожелаетъ-ли кто изъ названныхъ лицъ принять ближайшее участіе въ собираніи археологическихъ и этнографическихъ свѣдѣній и предметовъ по Воронежской губерніи. Такъ какъ нѣкоторыя изъ частныхъ лицъ, проживающихъ въ уѣздахъ, извѣстны своими работами въ мѣстной археологіи и этнографіи (напримѣръ, Коротоякскій предводитель дворянства Л. М. Савеловъ и др.), то рѣшено обратиться къ нимъ съ просьбою—образовать въ уѣздахъ филіальныя отдѣленія коммиссіи.

Впредь до полученія и разработки свѣдѣній, собранныхъ по программамъ харьковскаго предварительнаго комитета, коммиссія въ общихъ чертахъ намѣтила слѣдующій планъ своихъ занятій: ознакомленіе съ мѣстными архивами и коллекціями и не только общественными и казенными, но и частныхъ лицъ—старинныхъ воронежскихъ фамилій, каковые архивы и коллекціи, представляя въ большинствѣ случаевъ совершенно неизслѣдованную область, могутъ заключать въ себѣ цѣнныя археологическія и этнографическія данныя, заслуживающія самаго тщательнаго изученія; собираніе свѣдѣній о достопримѣчательныхъ вещественныхъ памятникахъ старины и въ частности о курганахъ, нѣкоторые изъ которыхъ, напр., курганы Козарскаго городища, подвергнуть, если представится возможность, раскопкамъ, пригласивъ къ участію въ нихъ спеціально подготовленныхъ людей; составленіе списковъ мѣстныхъ печатныхъ изданій и литературныхъ произведеній, касающихся Воронежскаго края. Такъ какъ въ дѣлѣ собиранія архивныхъ, этнографическихъ и литературныхъ свѣдѣній, относящихся къ Воронежской губерніи, могутъ оказать очень цѣнную услугу нѣкоторые изслѣдователи Воронежскаго края, живущіе внѣ предѣловъ Воронежской губерніи, то рѣшено обратиться и къ ихъ содѣйствію. Въ числѣ такихъ лицъ, между прочимъ, намѣчены: тверской архіепископъ Димитрій, уроженецъ Воронежской губерніи, много сдѣлавшій для изученія родного края, профессоръ Шмурло, своимъ изслѣдованіемъ о знаменитомъ митрополитѣ Евгеніи Болховитиновѣ положившій прочное, научное изученіе литературы мѣстнаго края, Н. В. Воскресенскій и др.

Успѣхъ въ занятіяхъ коммиссіи въ значительной степени будетъ, конечно, зависѣть отъ той отзывчивости, съ какой отнесутся къ предложеніямъ коммиссіи тѣ лица, къ которымъ будутъ адресованы предложенія («Спб. Вѣд.»).

Въ іюнѣ мѣсяцѣ Императорское Московское Археологическое Общество открыло при *Нѣжинскомъ Историко-филологическомъ Обществѣ* «Отдѣлъ въ помощь Харьковскому Предварительному Комитету» для собиранія разнаго рода археологическихъ свѣдѣній, а также предметовъ древности къ XII археологическому съѣзду, причемъ райономъ дѣятельности назначена Черниговская губернія. По этому поводу организована при Обществѣ особая комиссія изъ членовъ Общества, съ привлеченіемъ, впрочемъ, и постороннихъ лицъ, на каковую комиссію возложена Обществомъ вся распорядительная часть, равно какъ и собираніе и предварительное разсмотрѣніе всѣхъ матеріаловъ, имѣющихъ такое или иное отношеніе къ задачамъ съѣзда. О дѣлахъ, разбираемыхъ въ комиссіи, должны быть представляемы подробные доклады самому Обществу. Въ составъ комиссіи вошли, кромѣ предсѣдателя Общества (А. В. Добіашъ) и секретаря (И. А. Сребницкій), слѣдующія лица: М. Н. Бережковъ, А. А. Величковскій, Я. А. Гужовскій, И. Л. Дейкунъ, Е. И. Кашпровскій, М. И. Лилеевъ, А. Н. Малинка, В. К. Пискорскій, В. И. Рѣзановъ, М. Н. Сперанскій и В. Н. Фальковскій. Комиссія обратилась также къ нѣкоторымъ лицамъ, живущимъ въ г. Черниговѣ, съ просьбою примкнуть къ ней, на каковую просьбу до настоящаго времени откликнулись: А. В. Верзиловъ, Б. Д. Гринченко, Д. И. Скворцовъ, П. Н. Солонина и П. Н. Тихановъ. Первый докладъ о занятіяхъ комиссіи сдѣланъ былъ въ засѣданіи Общества 12 октября. До 12 октября комиссія имѣла 5 засѣданій и занималась по преимуществу обсужденіемъ и приведеніемъ въ исполненіе мѣръ для надлежащаго распространенія по Черниговской губерніи подробныхъ программъ, по которымъ имѣютъ быть собираемы свѣдѣнія. О болѣе или менѣе положительныхъ результатахъ дѣятельности какъ комиссіи и самого Общества, такъ и лицъ, къ которымъ комиссія и Общество обратились за содѣйствіемъ, будетъ сообщаемо своевременно.

Ученыя общества.

Нами полученъ *«Отчетъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей за 1899 г.»*. (Одесса, 1900 г.), изъ котораго видно, что въ отчетномъ году (шестидесятомъ отъ основанія) въ Обществѣ состояло 11 почетныхъ членовъ, 132 дѣйствительныхъ и 25 членовъ—сотрудниковъ. Въ теченіе года Общество имѣло 8 засѣданій, на которыхъ было сдѣлано 18 сообщеній (Э. Р. фонъ-Штернъ—8, А. И. Маркевичъ—4, В. В. Шкорпила—4, А. Л. Бертье-Делагардъ и А. А. Кочубинскій—по одному). Пріобрѣтенія Общества поступали по библіотекѣ, музею и нумизматическому кабинету. По библіотекѣ получена масса изданій отъ 39-ти русскихъ и 6-ти иностранныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ и отъ 10 частныхъ лицъ. Изъ пожертвованій музею нужно отмѣтить очень цѣнную коллекцію географическихъ картъ и плановъ (всего 71 листъ), подаренную почетнымъ членомъ общества А. Л. Бертье-Делагардомъ. Коллекція заключаетъ карты XVI, XVII и XVIII вв., относящіяся къ Россіи, между которыми имѣется нѣсколько очень рѣдкихъ. Хранителемъ музея пріобрѣтено 259 предметовъ—сосуды, надписи, статуэтки, украшенія и т. п., происходящія изъ мѣстъ древне-греческихъ черноморскихъ колоній, главнымъ образомъ изъ Ольвіи и Керчи. Поступленія въ нумизматическій кабинетъ также состояли изъ пожертвованій и пріобрѣтеній. Общее количество предметовъ древностей въ музеѣ, говорится въ отчетѣ, не можетъ быть точно показано въ настоящее время, такъ какъ съ недавняго только времени составляется полный инвентарь предметовъ музея, который въ отчетномъ году вполнѣ законченъ быть не могъ за многочисленностью предметовъ и сложностью разбора ихъ. До сихъ поръ оконченъ инвентарь слѣдующихъ отдѣловъ: а) предметы каменнаго вѣка, 101 №; б) древнія надписи на камняхъ, 161 №; в) античное стекло, 583 №; г) терракоты, 713 №; д) глиняная древняя посуда, вазы и т. д., 3589 №; изъ нихъ фрагменты, амфорныя ручки и шейки, 2426 №; е) античные мраморы, 221 №; ж) портреты и картины, 223 №; з) древности египетскія, 270 №; и) древности съ острова Суматры, 115 №. Въ последніе годы музей Общества сталъ быстро обогащаться прежде всего отъ пожертвованій, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ пожертвованія Вице-Президента Общества Александра Львовича Бертье-Де-

лагарда, но въ значительной степени и отъ покупокъ, сдѣлавшихся возможными послѣ увеличенія размѣра правительственнаго пособія. Преимущественно музей обогащается мелкими предметами: вазами, терракотами и стекломъ, требующими шкаповъ и витринъ, которые за послѣдніе годы до того заполнили залы музея, что Обществу въ близкомъ будущемъ предстоитъ серьезно подумать о расширеніи помѣщенія музея, для чего мѣсто найдется, только бы нашлись средства.

Дѣятельность Общества выразилась также въ изданіи въ концѣ отчетнаго года XXII-го тома «Записокъ Общества».

Въ настоящемъ Отчетѣ помѣщены и краткіе отчеты о состояніи другихъ музеевъ, подвѣдомственныхъ Обществу, именно, Ѳеодосійскаго музея и Мелекъ-Чесменскаго кургана въ Керчи. Первый изъ музеевъ въ отчетномъ году постигла большая непріятность: въ ночь съ 28-го на 29-ое ноября изъ него похищена почти вся хранившаяся тамъ цѣнная нумизматическая коллекція (8 золот., 121 серебр., 1141 мѣдн. и 2 свинц.). Изъ пріобрѣтеній Мелекъ-Чесменскаго музея можно отмѣтить шесть надгробныхъ памятниковъ съ древне-греческими надписями.

—

Въ годичномъ засѣданіи *Историческаго Общества Нестора Лѣтописца*, происходившемъ 28 октября, секретаремъ Общества М. Ясинскимъ былъ доложенъ отчетъ о дѣятельности Общества съ 27 октября 1899 г. по 27 октября 1900 г. Въ отчетномъ году Общество состояло изъ 18 почетныхъ и 122 дѣйствительныхъ членовъ; предсѣдателемъ Общества состоитъ проф Н. П. Дашкевичъ, товарищемъ предсѣдателя А. М. Лазаревскій, секретаремъ М. Ясинскій, казначеемъ проф. Ѳ. Я. Фортинскій и библіотекаремъ И. М. Каманинъ. Дѣятельность общества выразилась: 1) въ засѣданіяхъ; ихъ было 16 и на нихъ 20-ю членами сдѣлано 30 докладовъ и сообщеній; 2) въ печатаніи трудовъ членовъ Общества, причемъ въ отчетномъ году «Чтенія» Общества стали выходить въ нѣсколько измѣненномъ видѣ—болѣе частыми выпусками; 3) въ чтеніи членами Общества публичныхъ лекцій. Въ библіотеку Общества поступило 85 названій въ 190 томахъ, такъ что въ настоящее время библіотека состоитъ изъ 2159 названій въ 4884 томахъ.

—

Въ Императорскомъ русскомъ археологическомъ обществѣ, 24-го октября, въ засѣданіи русскаго отдѣленія, подъ предсѣдательствомъ проф. С. Ѳ. Платонова, А. А. Спицынымъ затронутъ былъ въ его рефератѣ надѣлавшій много шуму въ археологическомъ мірѣ вопросъ о кіевскихъ кирпичныхъ площадкахъ. Площадки эти, открытыя въ Кіевской губерніи г. Хвойко, представляютъ собою странныя сооруженія весьма загадочнаго характера. Состоятъ онѣ изъ ряда находящихся другъ на другѣ пластовъ обожженной глины, въ составъ которой въ нѣкоторыхъ случаяхъ входитъ оболочка хлѣбныхъ зеренъ. При площадкахъ найдено огромное количество сосудовъ, необыкновенно прочныхъ, частію сохранившихся цѣлыми, частью въ обломкахъ. Особенная, своеобразная орнаментація сосудовъ заставляетъ относить ихъ къ отдаленнымъ временамъ сѣдой древности. По мнѣнію А. А. Спицына, площадки эти относятся къ каменному и бронзовому вѣкамъ, къ эпохѣ до-микенской, къ 3-му или 4-му тысячелѣтіямъ до Р. Х. Каменныя и мѣдныя орудія найдены на площадкахъ въ крайне ограниченномъ количествѣ. Подъ площадками открыты погреба, рядомъ съ площадками жертвенники и обломки статуэтокъ. Референтъ, отрицая господствующее въ настоящее время мнѣніе о площадкахъ, какъ полахъ какихъ-то жилищъ, признаетъ за ними обрядовое религіозное значеніе.

А. Л. Погодинъ сдѣлалъ сообщеніе объ «эпиграфическихъ слѣдахъ славянства». Слѣды славянства появляются въ древнихъ надписяхъ даже въ IV вѣкѣ до Р. Х., при перечисленіяхъ именъ. Названіе славянъ вендами, венедами референтъ приписываетъ кельтамъ, которыхъ поражалъ, вѣроятно, русый цвѣтъ волосъ, свойственный славянамъ, въ противоположность самимъ кельтамъ, которые отличались рыжимъ цвѣтомъ волосъ. Только 4 имени древнихъ надписей А. Л. Погодинъ причисляетъ къ несомнѣнно славянскимъ. («Бирж. Вѣд.»).

Изслѣдованія и раскопки.

Экскурсія О. А. Фотинскаго по Волынской губерніи для описанія памятниковъ старины. О. А. Фотинскій любезно сообщилъ намъ краткія свѣдѣнія о результатахъ этой экскурсіи; ихъ мы помѣщаемъ ниже, прежде-же скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ

состояніи памятниковъ на Волыни. Среди другихъ губерній Юго-западнаго края, Волынская занимаетъ первое мѣсто по количеству памятниковъ. Обстоятельство это можно объяснить, во первыхъ, тѣмъ, что въ бурную эпоху Хмельнищины и Руины, до корня нарушившихъ прежніе строй и теченіе жизни, Волынь пострадала въ гораздо меньшей степени, чѣмъ, напр., Кіевщина, нѣкоторыя части которой представляли изъ себя въ буквальномъ смыслѣ пустыню; затѣмъ, на всемъ пространствѣ Волыни раскинуты родовыя гнѣзда старыхъ, знатныхъ и богатыхъ родовъ, сначала русскихъ, а впослѣдствіи ополячившихся; представители этихъ родовъ заботились какъ объ устройствѣ своихъ домовъ, носившихъ зачастую характеръ замковъ и дворцовъ, такъ и о церквяхъ и монастыряхъ, православныхъ и католическихъ. Вотъ почему еще и теперь не рѣдкость встрѣтить здѣсь постройки, свѣтскія и церковныя, относящіяся къ XVII, XVI, а иногда и XV вѣкамъ. Конечно, отъ прежняго осталось лишь немногое, и то, что осталось, постепенно разрушается или замѣняется новымъ. Теперь и на Волыни трудно встрѣтить деревянную церковь XVII в.—небольшую, своеобразной архитектуры, крытую гонтомъ: ветхость церквей и увеличеніе населенія дѣлаютъ свое дѣло, церкви перестраиваются или строятся новыя, причемъ строятся, руководствуясь изданными св. Синодомъ образцовыми «планами и фасадами»... Меньше страдаютъ отъ такихъ перестроекъ каменныя церкви, но зато и у нихъ, такъ-же какъ и у деревянныхъ, безслѣдно исчезаетъ старинная внутренняя обстановка. Благодаря указамъ высшаго епархіальнаго начальства (особенно 60-хъ и 70-хъ годовъ) объ очищеніи церквей отъ всего католическаго и уніатскаго, масса памятниковъ старины, даже и несомнѣнно православной, подвергалась уничтоженію, такъ какъ исполнителями указовъ явились сельскіе священики, которымъ, конечно, трудно было разобраться въ старинѣ, поэтому они, для обезпеченія себя отъ непріятностей, убирали изъ церквей все, что хотя чѣмъ нпб. отличалось отъ современныхъ образцовъ. Если изгнанные изъ церквей предметы не уничтожались на мѣстѣ и посылались въ назначенныя для сего мѣста, то и тамъ участь ихъ оказывалась не менѣе печальной; намъ извѣстенъ, напр., фактъ сожженія громаднаго числа старопечатныхъ книгъ, отобранныхъ изъ церквей Волынской епархіи... Вообще-же, какъ повсюду, такъ и на Волыни, сохраненіе памятниковъ старины ничѣмъ не обезпечено, только у насъ могутъ имѣть мѣсто факты огульнаго ихъ уничтоженія или въ виду извѣстной цѣли

нил-же, какъ это случается, и безъ всякой цѣли, прямо по невѣжеству, такъ какъ чѣмъ другимъ, какъ не грубымъ невѣжествомъ можно объяснить фактъ пусканія по водѣ, ради забавы, связокъ старинныхъ документовъ изъ монастырскаго архива—фактъ, имѣвшій мѣсто также на Волыни...

Переходимъ къ экскурсіи. Она продолжалась съ 1-го іюля по 6-ое августа и имѣла цѣлью обслѣдованіе Дубенскаго и смежныхъ частей Острожскаго уу., однако времени хватило лишь на осмотръ одного Дубенскаго у. О. А. Фотинскимъ были впередъ намѣчены извѣстные пункты, причемъ для этой цѣли служили «Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи» Н. Теодоровича и рукописныя описанія приходовъ, составленныя по опредѣленной програмѣ мѣстными священниками (это главный матеріалъ); свѣдѣнія, извлеченныя изъ этихъ источниковъ, пополнялись разспросами на мѣстѣ и личнымъ осмотромъ. За время экскурсіи посѣщено 28 мѣстностей, гдѣ и зарегистрированы сохранившіеся памятники старины, какъ описаніемъ ихъ и снятіемъ плановъ, такъ и фотографированіемъ. Памятники свѣтской старины сохранились въ гораздо меньшемъ числѣ, чѣмъ церковной; на послѣдніе и пришлось главнымъ образомъ обратить вниманіе.

Вотъ краткія свѣдѣнія о каждой изъ осмотрѣнныхъ мѣстностей.

Г. Дубно. Здѣсь сохранились: 1) остатки замка кн. Любомірскихъ XVII в, 2) монастырь XVII в. 3) соборная церковь XVII в. 4) Спасская церковь «на Камнѣ» 1568 г. 5) Ильинская церковь ок. 1600 г. Отъ замка кн. Острожскихъ, кромѣ слѣдовъ фундамента, не сохранилось ничего. Точно также безслѣдно исчезла Крестовоздвиженская пустынь XVI в., гдѣ подвизался нѣкогда преп. Іовъ Желѣзо. Въ послѣдней, однако, сохранилось нѣсколько иконъ, и по преданью, и по характеру живописи относящихся къ XVI—XVII в. Собственно монастырская церковь—въ городѣ (Крестовоздвиж. пустынь находится за городомъ, на б. островѣ), б. монастырь кармелитокъ 1660 г., сохранила только первоначальный планъ; въ самой церкви никакихъ памятниковъ старины нѣтъ; сдѣланъ фотографическій снимокъ этой церкви. Соборная церковь, б. бернард. монастырь 30-хъ г.г. XVII в., сохранила нѣсколько иконъ XVIII в. на чердакѣ, иконы Богоматери и св. Николая Чудотворца изъ б. замковой церкви кн. Острожскихъ, серебряный напрестольный крестъ 1650 г., сдѣланный коштомъ іерея Димитрія Конашинскаго, колоколъ 1541

т., надгробныя доски Ильинскихъ XVI—XVII вв.; снятъ планъ и фасадъ церкви. Бывшіе монастырскіе корпуса, гдѣ нынѣ помѣщается причтъ, полуразрушены.—Спаская церковь, б. женскій монастырь, кромѣ надстройки куполовъ, сохранила свой прежній видъ; но внутри церкви сохранилась только нѣкоторыя иконы на хорахъ. Очень любопытно рѣзное по дереву изображеніе Христа у винограднаго точила, серебряная икона—окладъ евангелія—1770 г., даръ прихожанъ по случаю избавленія отъ моровой язвы, колокола 1572, 1648 и 1719 г.г. и наконецъ, крестъ на главѣ церковной, съ надписью о построеніи храма—1568 г.; снятъ планъ церкви и сдѣланъ ея фотографическій снимокъ. Всѣ эти церкви каменныя. Ильинская церковь деревянная; о перестройкѣ ея не сохранилось свѣдѣній, и можно думать что въ основныхъ чертахъ, по крайней мѣрѣ, она осталась неизмѣнною отъ XVII в.; уничтожено только опасанье и пристройка «для храненія мертвыхъ костей», м. б. передѣланы купола. Къ прошлому вѣку относятся боковые кіоты; иконы Богоматери и св. пр. Иліи, повидимому XVII в., находятся въ колокольнѣ; снятъ планъ церкви и сдѣланъ фотографическій снимокъ иконы пр. Иліи.—Въ б. замкѣ Любомірскихъ теперь помѣщается военный лазаретъ, канцелярія и казармы. Сохранились отчасти замковыя стѣны и два бастіона, рвы, окружавшіе замокъ, гербъ на главныхъ воротахъ и превосходныя лѣпныя изображенія хоровода нимфъ въ залѣ офицерскаго собранія, по карнизу,—работа незауряднаго иноземнаго мастера; многія фигуры разбиты, всѣ забѣлены известкою. На островѣ, гдѣ былъ замокъ кн. Острожскихъ, расположена казарма учебной команды и гимнастическій плацъ, сгладившій слѣды укрѣпленій. О мѣстоположеніи этого замка едва можно было допроситься у мѣстныхъ жителей.

м. Млыновъ. Въ замкѣ гр. Ходкевичей (позднѣйшей постройки) сохранились только нѣкоторые семейные портреты и образцы оружія. Изъ библіотеки и архива удалось осмотрѣть только одну книгу, принадлежавшую Аннѣ-Алоизѣ Острожской, впослѣдствіи Ходкевичъ. Мѣстная православная церковь 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія сохранила лишь двѣ датированныя иконы 1777 и 1778 г.г. б.б. приписныхъ церквей с. Озліева и с. Переверцова. Оригинально изображеніе Арх. Михаила, поражающаго діавола. Чаша 1718 г., даръ Микиты поповича Муровицкаго.

м. Верба. Сохранилась, рядомъ съ современною, церковь прошлаго столѣтія, съ оригинальною иконою Св. Троицы, 1745 г. Най-

денъ рукописный апостолъ 1593 г.—копія изданія Фр. Скорины, работы Ермогена поповича Теслуговскаго. Сняты видъ церкви и страница рукописи апостола.

м. Козинъ. Церковь передѣлана изъ величественнаго доминиканскаго костела, стиля ренесансъ, построеннаго въ 1746 г. Анастасіею Тарновскою. При передачѣ костела, католиками забрано все изъ нея, кромѣ колоколовъ и благодатной иконы Богоматери. Изъ бывшей православ. церкви XVII в. сохранился только на хорахъ образъ Св. Николая Чудотворца. На островѣ, среди рѣки, находятся порядочно сохранившіяся развалины замка Фирлеевъ XVII в., гдѣ нѣкогда 20 лѣтъ пребывала чудотворная икона Богоматери Почаевскія. Сняты планъ укрѣпленія и замка и планъ церкви; сдѣланы снимки городища и церкви.

м. Варковичи. Отъ грандіознаго замка Млодецкихъ и монастыря бернардинцевъ въ настоящее время остались лишь остатки. Одна б. усыпальница въ церковной оградѣ (церковь передѣлана изъ монастырскаго костела), да нѣсколько разбитыхъ колоннъ въ церковномъ дворѣ напоминаютъ былое Варковичъ.

м. Боремель. Бывшій замокъ Чацкихъ разрушенъ до основанія. Осталось лишь нѣсколько памятниковъ-коллонъ, да церковь—б. костелъ, 1781-1786 г.г., въ стилѣ ренесансъ. Въ церкви много иконъ художественной работы, въ стилѣ чисто западномъ.

м. Берестечко. Сохранились остатки окоповъ козацкихъ и польскихъ 1652 г.; на курганѣ, называемомъ «Маруха»,—пирамидальный памятникъ XVIII в. Великолѣпный костелъ 1733 г.; онъ былъ весь росписанъ итальянскимъ художникомъ, но предшественникъ нынѣшняго настоятеля переписалъ его вновь мѣстными средствами, и очень грубо. Одинъ только медальонъ съ изображеніемъ поклоненія волхвовъ остался отъ прежней живописи. Въ главномъ алтарѣ находится каменная раскрашенная статуя Спасителя, пользующаяся большимъ уваженіемъ какъ среди католическаго, такъ и православнаго населенія. Статуя величиною около полутора аршина, работы довольно грубой.—Въ боковомъ придѣлѣ находится очень чтимая, также деревянная, лежачая статуя св. мученика Валентина, съ частицею его мощей. Библіотека и архивъ костельный, а равно и многія старинныя иконы и утварь уничтожены или распроданы. Въ сакристіи сохраняются портреты фундатора костела. Двѣ мѣстныя православныя церкви построены въ настоящемъ столѣтіи. Въ Троицкой церкви

сохраняются, впрочемъ, двѣ небольшія иконки изъ прежнихъ берестечскихъ церквей, помянникъ съ метрикою конца XVII в. и рукописный ирмологій XVIII в.

м. Олыка. Имѣніе кн. Радзивиловъ. Владѣльцы не болѣе лѣтъ 15—20 тому назадъ стали жить въ Олыкѣ. Поэтому Олыкскій замокъ донынѣ представляетъ наполовину руину. Раньше имъ пользовались, какъ мѣстомъ для дарового склада товаровъ и рухляди, а то и для ломки кирпича, мѣстные евреи. Все, что могло быть въ замкѣ цѣннаго, или расхищено, или вывезено въ литовскія и прусскія имѣнія Радзивилловъ. Нынѣ въ замкѣ, кромѣ прекрасныхъ старыхъ гобеленовъ, нѣтъ абсолютно ничего. Все мѣстечко обведено было высокимъ (до 5 саж.) валомъ и рвами, въ видѣ громаднаго четыреугольника, съ выгнутыми сторонами и бастіонами по угламъ. Валы эти мѣстами совершенно сглажены, мѣстами полуразрушены. Изъ двухъ «брамъ» сохранилась и укрѣплена нынѣшнимъ владѣльцемъ одна, на предмѣстьи «Залѣсочьи». Обѣ православныя церкви недавняго происхожденія. Залѣсочская Срѣтенская церковь, впрочемъ, построена въ половинѣ прошлаго столѣтія, но передѣлана. Оригинальный (восьмиугольный) архитектурный стиль церкви сохранился, несмотря на пристройки. За то внутри церкви ничего стараго не имѣется. Въ Троицкой церкви сохранилась старая хоругвь олейницкаго цеха, съ надписью. Въ костельной усадьбѣ находится два костела. Главный костелъ 1640 г., въ стилѣ возрожденія, алтаремъ на западъ. Это роскошное зданіе, украшенное массою надгробныхъ памятниковъ, превосходныхъ статуй, иконъ, съ богатѣйшею утварью и т. п. Костелъ—б. іезуитская коллегія—донынѣ обладаетъ богатою библіотекою и архивомъ. Но къ сожалѣнію библіотека эта въ совершенномъ хаосѣ. Архивъ нѣсколько сохраннѣе, имѣетъ суммаріушъ, но документы попорчены сыростью. Много портретовъ кн. Радзивилловъ и б. прелатовъ монастыря. Особенно выдаются портреты-фрески XVII в. Петра Радзивилла Бѣлаго (строителя стараго костела) и основателя настоящаго костела Станислава II Радзивилла Набожнаго. За главнымъ костеломъ, въ саду, пріютился еще болѣе замѣчательный памятникъ старины—небольшой костелъ 1460 г. Алтаремъ онъ обращенъ на востокъ, въ планѣ представляетъ равноконечный византійскій крестъ. Костелъ бѣденъ убранствомъ, служба въ немъ совершается лишь разъ въ годъ, на пасху. Но среди иконъ, украшающихъ его, сохранились вещи чрезвычайно оригинальныя и старинныя. Таково, напр., изображеніе

Богоматери и св. ап. Петра въ чистилищѣ. Надо замѣтить, что вообще многія иконы какъ этого, такъ и главнаго костела, носятъ явно православный, византійскій характеръ.

Сравнительно съ вышеописанными мѣстечками, въ селахъ встрѣчено гораздо меньше остатковъ старины. Впрочемъ, надо сдѣлать исключеніе для селъ, въ которыхъ есть теперь или были нѣкогда православные монастыри. Таковы с.с. Дермань, Страклувъ, Подборцы и Мильча.

Дерманскій монастырь основанъ въ 1450 г. кн. Василіемъ Θеодоровичемъ Острожскимъ Краснымъ. Зданіе вѣроятно разновременно подновлялось и перестраивалось. Изъ монастырскихъ построекъ наиболѣе архаичною является колокольня, служившая и главнымъ въѣздомъ въ монастырскую ограду. Монастырская церковь несомнѣнно подверглась значительнымъ передѣлкамъ, такъ что нельзя ручаться даже за сохраненіе ея первоначальнаго плана. Абсолютно не сохранилась и старая иконопись. Въ монастырской библіотекѣ сохранилось нѣсколько т. н. Kunst-Buch'овъ, содержащихъ наряду съ разнаго рода религіозными гравюрами XVII—XVIII в., и самостоятельные рисунки владѣльцевъ этихъ альбомовъ, вѣроятно дерманскихъ монаховъ. Среди этихъ рисунковъ есть очень любопытные. Монастырская библіотека—самое интересное, что сохранилось въ Дерманскомъ монастырѣ. Въ ней много любопытныхъ рукописей церковно-славянскихъ и латинскихъ, рѣдкіе экземпляры старопечатныхъ изданій мѣстныхъ и заграничныхъ, довольно богатый архивъ. Изъ старославянскихъ рукописей выдаются: пергаментная минея XIV в., евангеліе XV-XVI в.в. со вкладными записями К. И. и К. К. Острожскихъ, творенія Іоанна Златоуста въ переводахъ московскаго инока, впослѣдствіи члена Острожской академіи, Селивана и Дорогобужскаго игумена Кипріана и въ спискѣ пресвитера Острожскаго Андрея Герасимовича Смотрицкаго, творенія Діонисія Ареопагита, сербская рукопись 1374 г., съ любопытными приписками, и др. Изъ старопечатныхъ книгъ надо отмѣтить Евангеліе Цетинское 1585 г., Евангеліе учительное Каллиста, патр. Константинопольскаго, въ двухъ изданіяхъ—Виленскомъ 1598 г. и Львовскомъ 1602 г., Октоихъ Дерманскій 1603 г. въ трехъ экземплярахъ и множество книгъ на латинскомъ и греческомъ языкахъ съ помѣтами Мелетія Смотрицкаго. Въ монастырскомъ архивѣ есть подлинныя грамоты К. К. Острожскаго; интересны также разнаго рода «выписи изъ книгъ справъ судовыхъ монастыря Дерманскаго», касаю-

щіяся разныхъ дѣлъ между подданными монастырскими. Самыя книги эти исчезли безслѣдно. Изъ вещественныхъ памятниковъ на чердакѣ монастырскомъ найдены въ цѣлости только портреты Мелетія Смотрицкаго, Феліціана Володкевича, Императора Павла I, старинное изображеніе патр. Аѳанасія Лубенскаго, сандальнаго дерева ручной крестъ, съ датированнымъ изображеніемъ въ медальонѣ кн. К. И. Острожскаго. Сдѣланы снимки съ монастырской церкви, колокольни, евангелія 1507 г. и минеи XV в., портретовъ Смотрицкаго и Володкевича, снятъ планъ церкви.

*С. Страклов*ъ. Каменная церковь, построенная въ 1665 г. Анною Пузиною. Изъ памятниковъ старины сохранилась только благодатная икона Богоматери. Подъ поломъ сохраняются какія-то статуи, но входъ туда забитъ. Снятъ планъ и фасадъ церкви; сдѣланъ фотографическій снимокъ церкви и иконы Богоматери.

С. Подборцы. Б. женскій базиліанскій монастырь XVIII в., деревянный, нынѣ не существуетъ. Настоящій храмъ казенной постройки на новомъ мѣстѣ. Сохранилось нѣсколько иконъ XVII—XVIII в.в.

С. Мильча Малая. Каменный храмъ 1640 г., построенный Александромъ Еловицкимъ. Оригиналенъ крайнею неправильностью размѣровъ. Сохранилась превосходная икона Богоматери 1603 г., оригинальныя иконы «Бичеваніе у столба» и «Явленіе трехъ странниковъ», портретъ основателя монастыря Александра Еловицкаго 1647 г. и евангеліе со вкладною записью игумена Исаакія Борисковича и Минея съ записью генеральнаго осаула Іоанна Ломиковскаго.

С. Мукостѣевъ Берегъ, имѣніе извѣстнаго археолога С. В. Любы-Радзиминскаго. Коллекціи г. Радзиминскаго пользуются заслуженною извѣстностью. Укажу, сверхъ того, на собраніе фамильныхъ портретовъ, преимущественно фамиліи Денисковъ и на богатѣйшій фамильный архивъ. Нѣкоторые изъ документовъ этого архива были выставлены и описаны на Виленскомъ археологическомъ съѣздѣ; описанное не составляетъ впрочемъ и тысячной доли содержанія архива. Между прочимъ въ архивѣ г. Радзиминскаго сохраняются копіи суммаріуша всѣхъ безъ исключенія Луцкихъ актовыхъ книгъ; а нѣкоторыя изъ нихъ даже въ Кіевскомъ Центральномъ архивѣ не сохранились или повреждены. Описаніемъ архива, по выработанной превосходной системѣ, занимается супруга г. Радзиминскаго. На островкѣ р. Туріи

сохранились и заботливо поддерживаются развалины замка XVI в. Денисковъ.

С. Минаковцы. Церковь 1761 г. Раньше, въ XVII в., здѣсь существовалъ небольшой монастырекъ. Въ церкви сохранилось нѣсколько иконъ XVIII в. и сандальнаго дерева крестъ XVII в., даръ Архимандрита Дениска. Икона Богоматери Іерусалимскія, по преданію спасена отъ турокъ чудесно во время Збаражской войны.

С. Птиче. Мѣстная церковь недавно перестроена. Изъ иконъ прошлаго столѣтія, сохранившихся на колокольнѣ, оригинально только «Благословеніе хлѣба и чаши».

С. Погорѣльцы Въ церкви новѣйшей постройки сохранились: служебникъ Кіевскій 1637 г. съ записью о дарѣ его въ 1648 г. «козаками сотнѣ хмеловы з мѣстечка Уцтивицѣ, на имя Тишченко изо всѣм товариством своим»; 2) субботникъ священника Іоанна Ярмаркевича 1693 г. съ записью нѣкоторыхъ козачьихъ родовъ, и двѣ бархатныхъ шитыхъ ризы для намѣстныхъ иконъ, даръ дѣтей того же священника.

С. Рачинъ. Въ кладбищенской церкви сохранилось много оригинальныхъ иконъ прошлаго вѣка. Царскія врата представляютъ варіацію довольно распространенной на Волыни въ XVII-XVIII в.в. темы «Жезлъ изъ Корене Іесеова».

С. Косаревъ. Икона Покрова Божіей Матери 1701 г. и икона Великаго Архіерея XVII в.

С. Малые Дорогостаи. Все почти село окружено валомъ—остатокъ укрѣпленія XVII в. Церковь—нѣкогда кальвинскій «зборъ», позже—католическій костелъ, XVII в., оригинальна по архитектурѣ. На горномъ мѣстѣ стоитъ икона Богоматери, по преданью подаренная королемъ Сигизмундомъ III гетману Жолкѣвскому, отъ котораго перешла къ Даниловичамъ, затѣмъ къ Ржевусскимъ и Сапѣгамъ и отъ послѣднихъ поступившая въ церковь. По свидѣтельству рукописной «церковно приходской лѣтописи с. Дорогостай», о происхожденіи иконы свидѣтельствуетъ запись на оборотной сторонѣ ея.

С. Чекно. На берегу Стыри, на искусственной возвышенности, находился нѣкогда монастырь Честнаго Креста. Изъ рѣчныхъ разливовъ выкапываются иногда крестьянами остатки кафель, иконки и крестики. Въ нынѣшней церкви ничего замѣчательнаго не сохранилось.

М. Крупецъ. Нынѣшняя церковь передѣлана изъ доминиканскаго костела, выстроеннаго въ 1798-1822 г.г. Гоноратою изъ Стеми-

ковскихъ Игельстромъ, въ благодарность за спасеніе въ Варшавѣ мужа ея, б. россійскаго посланника. Но въ Крупцѣ существовалъ костелъ и раньше, а равно существовала и православная церковь, устроенная въ 1662 г. козакомъ Деркачемъ. Современная церковь представляетъ величественное зданіе, съ чудными лѣпными украшеніями, но памятниковъ старины, какъ православной, такъ и католической, въ ней почти не осталось. Въ ризницѣ хранится холщевая плащаница 1672 г., устроенная «младенцами Крупецкими за стараніемъ Тимоѳея паламара Крупецкаго».

С. Срибно. Церковь нач. XVII в., но значительно передѣлана. Отъ стараго церковнаго убранства сохранилось нѣсколько оригинальныхъ иконъ и рѣзныхъ крестовъ, хотя поновленныхъ, но къ счастію не искаженныхъ. Особенно оригинально изображеніе страстей Христовыхъ, съ рѣзкимъ мѣстнымъ колоритомъ. Сохранилось также нѣсколько старопечатныхъ книгъ XVII в. и рукописное евангеліе XVI-XVII в.в.

С. Островъ. Оригинальная церковь XVII в., сохранившаяся почти въ неизмѣнномъ видѣ. Сохранилось рукописное, богато орнаментированное, евангеліе, писанное рукою многогрѣшнаго Р. Б. Мины, въ Сатіевъ, въ вотчинѣ е. м. кн. Ильи Константиновича Острожскаго 7047 (1539) г. индикта 12, февраля 1.

С. Ромашковщина. Въ полуверстѣ отъ села, въ глухомъ лѣсу, находится небольшая деревянная церковь конца XVII в., привлекающая въ лѣтнюю пору много богомольцевъ своею благодатною иконою. Икона эта здѣсь же въ лѣсу, въ древесномъ пнѣ найдена въ 1688 г. однимъ шпитальнымъ старцемъ изъ м. Олыки, о чемъ свидѣтельствуетъ тоговременная запись масляными красками на доскѣ, висящей подъ стекломъ въ церкви. Икона эта рѣзана тонкими штрихами вглубь на доскѣ изъ фіолетоваго сланца. По характеру рѣзьбы она должна быть отнесена къ глубокой древности и представляетъ замѣчательную аналогію съ такого же рода иконками изъ Дорогобужскаго городища, хранящимися въ Волынскомъ Епархіальномъ древлехранилищѣ. Такою икона эта и была найдена шпитальнымъ старцемъ; впослѣдствіи уже кажется въ настоящемъ столѣтіи, фонъ иконы закрашенъ масляными красками. Икона врублена въ стѣну храма.

С. Падборцы. (Луцкаго у.). Б. базиліанскій монастырь. Монастырскіе корпуса не существуютъ уже. Храмъ очень оригиналенъ по своей архитектурѣ. Это почти круглое зданіе о 13 куполахъ. Внутри церкви, однако, кромѣ благодатной иконы Богоматери, да иконъ Тай-

ной Вечери и св. Троицы, сохранившихся отъ прошлаго вѣка, ничто не напоминаетъ прошлаго; сняты фотографіи храма и вышеуказанныхъ иконъ.

Однимъ изъ результатовъ поѣздки О. А. Фотинскаго, помимо большого научнаго значенія ея, является возбужденіе Волынскимъ Церковно-Археологическимъ Обществомъ ходатайства о передачѣ въ Епархіальное древлехранилище указанныхъ О. А. Фотинскимъ иконъ, утвари, рукописей и т. п. Въ данномъ случаѣ централизація памятниковъ является самымъ надежнымъ средствомъ ихъ сохраненія.

что эта замѣна сдѣлана была Румянцовымъ по указанію лично извѣстнаго царю Галагана, которому Н—ко былъ угоденъ за его искательный нравъ, а М—ча Г—нъ не любилъ, м. б, за его близость къ Скоропадскимъ.

Очень ловко устраивалъ Н—ко свои дѣла и съ маетностями. Кромѣ Рудовки, Н—ко съумѣлъ захватить еще два села—Щуровку и Голубовку. Оба эти села принадлежали Носу (с. 30 и 31), но такъ какъ по смерти послѣдняго изъ его наслѣдниковъ оставалась только невѣстка-вдова съ двумя малолѣтними внучками, то Н—ко и захватилъ сиротскія маетности. На Щуровку онъ даже умѣлъ выпросить гетманскій универсалъ (см. ниже с. Щуровка), въ которомъ было сказано, что Щ—ка отдается Н—ку „взамѣну с. Голубовки", которая де отошла подъ послушаніе наслѣдниковъ умершаго Степана Носа. Послѣ этого Голубовка дѣйствительно перешла ко внукамъ полковника, но Носенко отдѣйствительно... продолжалъ преслѣдованіе тамошнихъ козаковъ. Щуровка отсуждена—по иску внука полковника—только отъ сыновей Петра Н—ка.

Будучи практическимъ человѣкомъ, Н—ко съумѣлъ заслужить довѣріе даже у своего полковника Галагана, вообще по-

---

полк. урядникамъ. Просьба Г—аго была вполнѣ законная, но резолюція «правителей» на этомъ прошеніи положена была такая: «надлежитъ написать до п. полковника Пр—ого, абы онъ велѣлъ отъ кого пристойно вибрати роковщину на ранги писарства и хоружества полковыхъ Пр—хъ и заплатилъ бы пп. писару и хоружему за службу въ прошломъ 1723 г., на урядахъ ихъ роненную, такъ власне, якъ и п. Н—ку, нынѣшнему сотниковѣ полк. Пр—му, *за урядъ хоружества заплатить велено*.» Какъ видно, «правители» не посмѣли сказать, чтобы Н—ко собранную имъ «роковщину» отдалъ полк. писарю, а затѣмъ бы уже и для себя ее собралъ. Несомнѣнно, что въ этотъ моментъ Н—ко, будучи ставленникомъ Румянцова, являлся «правителямъ» человѣкомъ *особымъ*... Замѣтимъ кстати, что надписаніе Галенковскимъ прошенія *на имя императора*, не смотря на то, что оно подавалось въ генер. к—рію, тоже было слѣдствіемъ пріѣзда Румянцова, поставившаго во главѣ высшей мѣстной администраціи трехъ «правителей» и установившаго для генер. к—ріи новыя формы при ея сношеніяхъ съ просителями и учрежденіями.

дозрительно относившагося ко всей Прилуцкой старшинѣ, за исключеніемъ Галенковскаго. Когда, вслѣдъ за поставленіемъ Апостола гетманомъ, Галаганъ отправился въ Москву хлопотать о царской грамотѣ на свои маетности, то правленіе полковыхъ дѣлъ онъ поручилъ не обозному или судьѣ, какъ водилось, а полковому сотнику, т. е. Носенку.—Въ Москвѣ Галаганъ пробылъ болѣе года, и интересуясь, что̀ дѣлается безъ него въ полку, требовалъ извѣстій отъ Н—ка. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что и Галенковскій поѣхалъ съ Галаганомъ, которому, при его безграмотствѣ, былъ необходимъ въ хлопотахъ о грамотѣ. Отвѣчая Галагану на его вопросы, Н—ко въ одномъ изъ писемъ говоритъ: „Листъ вашей панской м—ти, іюня 10 д. зъ Москвы отправленній, того жъ іюня 21 дня получилъ, въ которомъ изволите в. панская м-ть приказовати мнѣ, дабымъ далъ извѣстіе що въ полку поводится... Отвѣтствую, же якъ въ первомъ моемъ листѣ писалемъ, такъ и теперь извѣствую, что по отъѣздѣ вашемъ, еще до сихъ часъ, благодареніе всемогущему Богу, такъ въ городѣ Прилукѣ, яко и во всемъ полку, все доброе поводытся... Да тутъ же извѣствую, что желѣзо въ Прилуку изъ Глухова привезено, дранѣ зъ Любеча 46 копъ въ Прилуку зыскано, а осталось тамъ 54 копи; о вапнѣ (известкѣ) до вапенного майстра писалемъ, которій отписалъ ко мнѣ, что вапно въ поготовности мѣетъ, толко теперъ онаго будто по малой водѣ (въ Деснѣ) не можна гнати, а къ Семіону-столпнику—обѣщаетъ пригнать и поставить у пристанѣ Кладковской..." [1]) Въ другомъ письмѣ Н—ко пишетъ: „Сего декабря 15, въ недѣлю, атаманъ городовій Варвинскій Семенъ Безчинчій преставился, на которого мѣсце поставленъ атаманомъ Марко Михайловичъ; а 18 декабря—померъ бурмистръ Прилуцкій Федоръ Малка, которимъ обоимъ пошли Боже вѣчное упокоеніе... Прошлого 13 н. получилемъ отъ его мил. п. гетмана листовное писаніе зъ тимъ изображеніемъ, абымъ о выбранныхъ прошлого 1727 г. денгахъ, сколько оних было въ зборѣ, зъ

---

[1]) Дѣло идетъ о матеріалахъ, которые Галаганъ готовилъ для постройки Преображенской церкви въ Прилукѣ (см. с. 106).

тихъ грошей на плату, что дано кому зъ служителей именно и что оныхъ грошей въ остатку имѣется—прислалъ бы къ его ясн—ти обстоятельное извѣстіе. И яко по тому указу, взявши отъ п. писара полкового о роздачи оныхъ денегъ, за рукою его, извѣстіе, посылалъ оное до его ясн—ти, на что таковую рейментарскую получилемъ резолюцію, аби зъ выбранныхъ въ семъ году на служителей полковыхъ денегъ, нѣ одной копейки безъ указу его ясн—ти нѣкуда не употреблять, но оніе содержать въ цѣлости. Однакъ за пріѣздомъ зъ Москвы п. писаря полкового, зъ выбранныхъ въ семъ году зъ сотнѣ полковой денегъ, далемъ женѣ Швидкого рублей шесть..." Приведенное здѣсь распоряженіе гетмана, видимо находившееся въ связи *съ отсутствіемъ* Галагана изъ полка, поставило между прочимъ Н—ка въ затруднительное положеніе въ такомъ обстоятельствѣ, какъ снабженіе полковой и ратушной к—рій бумагою и другими письменными принадлежностями, что̀ видно изъ слѣдующаго донесенія наказнаго полковника гетману: „Сего 1728 году, прошлого генваря мѣсяца, его м. п. полковникъ Прилуцкій, при отъѣздѣ своемъ въ Москву, приказалъ мнѣ правленіе полковое содержати, якое я по должности моей и содержую, а не мѣючи для отправленія всякихъ полковыхъ дѣлъ куповати за що паперу, смолки, воску и галясу (чернильные орѣшки), безъ чого всего весма въ томъ обийтись не можна, велѣлемъ" все это „у крамаровъ Прилуцкихъ брати на-боргъ (въ долгъ) нѣмъ милостивое ясн—ти вашей о томъ учинится разсмотреніе. Отъ генваря м—ца для отправленія, якъ помянулось, полковыхъ дѣлъ, тое все на-боргъ беручи, задолжились онимъ крамарамъ 71 золотій и полсема шага, а якого числа в кого именно и якою цѣною сколко чего взято, вѣденіе за рукою при семъ моемъ листѣ до ясн—ти вашей посилаю и всепокорственно прошу многопрезрително свое рейментарское въ томъ явити милосердіе, ибо помянутіе крамарѣ отнюдь уже паперу и прочого на-боргъ давати не хотять, повѣдаючи: мы правѣ за готовіе гроши купуемъ, жебы що собѣ зъ того заробити, а вы все на-боргъ берете, и теперъ заледве ризу (стопу) паперу дали, а болшъ сказали: воля ваша,—не дамо! Которій паперъ, смолка, воскъ и галясъ на всякіе такъ полковіе, яко и ратушніе дѣла—доношу ясн—ти вашей.—же покупается било

зъ поборовихъ до ратуша збѣраючихся денегъ, якіе теперь отъ посполитыхъ ратушныхъ людей отбѣраютъ завѣдовци. О тую многопризрителную рейментарскую милость ясн—ти вашей, п. моего милостивого, всепокорственно прошу..." Эта наивно изложенная просьба нак. полковника, обращенная къ гетману—о томъ, чтобы послѣдній разрѣшилъ употребить часть полковыхъ денегъ на покупку канцелярскихъ принадлежностей, быть можетъ указываетъ, что Апостолъ въ первые моменты своего гетманства думалъ было взять въ свое вѣдѣніе контроль надъ приходомъ и расходомъ общественныиъ по полкамъ денегъ... Разумѣется, такія намѣренія были не исполнимы при отсутствіи какого либо порядка въ веденіи общественныхъ дѣлъ въ гетманщинѣ, и распоряженіе гетмана о безусловномъ нерасходованіи денегъ, собираемыхъ на тѣ или другіе полковыя нужды, могло стѣснять какого нибудь наказного полковника, но не тѣхъ „цѣлыхъ" полковниковъ Апостоловскаго времени, которые распоряжались въ своихъ полкахъ, быть можетъ, даже съ большею властью, чѣмъ гетманъ въ гетманщинѣ... Изъ другихъ донесеній Н—ка Галагану въ Москву [1]) видно, что онъ прежде всего заботился о томъ, чтобы полковникъ на заподозрилъ его въ присвоеніи хотя и тѣни ему не подобающей власти. Такъ, напр., Н—ко извѣщаетъ полковника, что одна изъ сотенъ выбрала себѣ—на вакантное мѣсто—сотника и послала вмѣстѣ съ нимъ уполномоченныхъ въ Глуховъ, къ гетману, съ ходатайствомъ объ утвержденіи избраннаго, при чемъ послѣдній просилъ было и полковую старшину—о его рекомендаціи гетману, но—прибавляетъ Н—ко—„старшина полковая и я зъ ними отказали Романовичу (фамилія избраннаго), же безъ бытности вм. м. пана и добродѣя, рекомендаціи за нимъ дать *не смњемъ*, и онъ толко зъ суплѣкою сотнянъ до ясневелможного поѣхалъ". Н—ко оставался полк. сотникомъ до смерти; умеръ онъ не позже 1734 г., но еще въ 1733 г. начальствовалъ надъ отрядомъ Прилуцкаго полка, который входилъ въ составъ козацкаго войска, отправленнаго въ этомъ году въ Польшу.—Проходя въ это время

---

[1]) Книга копій дѣловыхъ бумагъ, которыя писалъ Носенко разнымъ лицамъ и учрежденіямъ за время своего наказничества въ 1728 г. Рукопись наш. б—ки.

съ своимъ отрядомъ черезъ Сосницкое село Авдѣевку, Н—ко причинилъ не мало бѣдъ жителямъ послѣдняго, какъ объ этомъ жаловался владѣлецъ Авдѣевки Мих. Скоропадскій (зять Апостола): „ставъ лагеремъ среди хлѣбныхъ полей (дѣло было въ іюлѣ) Н—ко позволялъ своимъ козакамъ—травить эти поля, рубить въ роцѣ дерево—хотя бы на дрова, а то на мезгу (?),—отнимать у селянъ топоры и косы, жечь дерево, приготовленное для выкурки дегтю, обижать работавшихъ въ полѣ женщинъ, причемъ съ послѣднихъ срывали „наметки“ (головныя повязки) и тѣ прибѣгали въ село простоволосыми... [1]) Н—ко обижалъ беззащитныхъ селянъ, а его самаго въ это время обижала дома своя полковая старшина: въ сентябрѣ 1734 г. сыновья Носенка, Яковъ и Никифоръ, жаловались кн. Шаховскому: „прошлого 1733 году, когда по указу покойній отецъ нашъ сотникъ полк. Пр—ій Петръ Н—ко, съ сыномъ своимъ, мною нижайшимъ Никифоромъ, пошолъ здому въ походъ въ Полщу, то непристанніе въ дому нашемъ отческомъ, въ якомъ ми сами живемъ, въ самомъ городѣ Прилуцѣ будучомъ, чрезъ цѣлій годъ, по отводу старшины полковой, консистенты имѣли постои, отчего намъ нижайшимъ не маліе утиски и обиды чинятся...“

Можно думать, что постои явились въ Прилуцкомъ домѣ Н—ка уже послѣ его смерти. Н—ко былъ на столько вліятельный человѣкъ, что Прилуцкая старшина не упустила случая немедленно же проявить власть надъ оставшимися его дѣтьми. Сыновей у Н—ка осталось три: войск. тов. Яковъ, Никифоръ (с. 72) и Георгій, бывшій полк. сотникомъ послѣ Гуленка; была еще и дочь Анна, первый мужъ которой гетманскій „господарь“ Иванъ Даровскій умеръ въ 1721 г., а вторымъ ея мужемъ

---

[1]) Извѣстно, что одно изъ самыхъ чувствительныхъ оскорбленій для замужней женщины въ Малороссіи представляетъ—снятіе съ головы чепца (очипка), такъ какъ эти волосы послѣ замужества, покрываются *навсегда* и женщина уже не можетъ прилюдно снять своего очипка... «Свѣтить волосомъ», т. е. открыть свои волосы послѣ замужества при людяхъ, можетъ только женщина потерявшая стыдъ.

былъ Василій Андреевичъ Гудовичъ, сначала генер. подскарбій, а потомъ тайн. совѣтникъ [1]).

Лукомскій Степанъ оставилъ любопытную повѣсть о своемъ происхожденіи, подробно разсказавъ ка́къ его предки, прадѣдъ и дѣдъ, жили сначала въ Умани, ка́къ потомъ переселились, на лѣвый берегъ Днѣпра, сначала въ м. Лукомль, а позже въ Полтаву, гдѣ и родился отецъ Л—аго Василій; а когда умеръ здѣсь дѣдъ Л—аго, а бабка его снова вышла замужъ за какого то Гайдука,, то послѣдній, забравъ малолѣтняго пасынка, переселился снова въ Уманщину, на „прадѣдизные и дѣдизные грунта", и жилъ тамъ пока Умань въ 1674 г. не была разорена турками. Послѣ этого семья Л—ихъ снова перебралась на лѣвый берегъ и поселилась здѣсь въ Переяславѣ, пока правобережная Малороссія не „почела снова населятись"; послѣ этого Л—іе перешли снова на правый берегъ и устроились гдѣ-то вблизи Умани, которая въ это бремя была еще пустою. Живя здѣсь, отецъ Л—аго служилъ козацкую службу въ отрядахъ Палія, Карпа Часныка и Цыганчука (Бѣлоцерковскаго обознаго), нерѣдко участвуя въ ихъ набѣгахъ на татарскія земли. Въ одинъ изъ такихъ набѣговъ отецъ Л—аго попалъ было въ плѣнъ, но выкупилъ себя „пятсотма левковими". Разсказываетъ Л—ій, что отецъ его затѣмъ „былъ *осадчимъ всего Уманского уѣзду*, и „подати гетманомъ, яко то лисичное и звѣри дикіе—

---

1) Теперешніе Бѣлецкіе-Носенки происходятъ отъ Георгія Н—ка, у котораго былъ сынъ Павелъ (въ 1784 г. капитанъ), а у этого Павла былъ сынъ тоже Павелъ,—извѣстный Прилуцкій педагогъ, оставившій послѣ себя множество разнаго рода сочиненій, частью писанныхъ и на малорусскомъ языкѣ. См. «Очерки Истор. Украинск. лит—ры», Н. И. Петрова, стр. 40—42. Когда въ к. XVIII в. потребовались отъ малорусской старшины доказательства о дворянствѣ, то Б.—Носенки въ этихъ доказательствахъ производили свой родъ отъ «Луцкаго князя Александра Носа», потомокъ де котораго «князь Іоаннъ Носъ въ 1650 г. присягнулъ на вѣрность Малороссіи»(?), въ 1694 г. получилъ грамоту на с. Голубовку, а въ 1708 г.—назначенъ Прилуцкимъ полковникомъ»... См. тамъ же, стр. 36. Это писалось всего только черезъ 70 лѣтъ послѣ смерти этого самаго «князя Іоанна»!

приваживалъ въ Батуринъ и въ Глуховъ", причемъ добавляетъ, что отецъ его „осадилъ" въ это время не только разоренную Умань, но и сотенные городки Уманскаго полка: Ладыжинъ Монастырище, Буки и проч. Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ—повѣрить пока нечѣмъ.—А послѣ Полтавской битвы отецъ Л—каго былъ уже Уманскимъ сотникомъ, и въ это время ходилъ съ отрядомъ Уманскихъ козаковъ противъ запорожцевъ, которые подъ началомъ какого-то „татарина Летуна", напали было на Уманское мѣстечко Нерубайку. Не отстояли уманцы этого мѣстечка, а были сами разбиты, причемъ отецъ Л—аго взятъ былъ запорожцами въ плѣнъ и отданъ какому-то Перекопскому каймакаму. Ва неволѣ отецъ Л—аго пробылъ до 1712 г., освободившись отъ которой, попрежнему жилъ въ Уманщинѣ. Въ это время С. Л—ій, хотя былъ еще „малолѣтенъ", „пошелъ въ Кіевъ въ наученіе, и въ Кіевскихъ училищахъ латинскія проходилъ школы, причемъ въ 1718 г. съ прочими студентами присягалъ на вѣрность ихъ импер. величеству въ Кіевѣ, въ Братской церквѣ... А въ 1722 г., окончa въ Кіевѣ часть ученія своего, ходилъ въ чужестранніе краи, надѣясь тамо оное латинское свое ученіе совершить, но за болѣзнію принужденъ былъ остаться въ Польши, гдѣ ради преслѣдованія за благочестіе греческаго исповѣданія и что онъ былъ малороссіянинъ, не могъ тамо долѣе ученія своего имѣть и, не соверша оного, въ 1726 г. возвратился паки въ Кіевъ, гдѣ и совершилъ богословію..." Далѣе Л—ій продолжаетъ: „въ 1730 г., на вѣрность императрицѣ, нынѣ благополучно самодержавствующей, съ сыномъ обозн. генер. Як. Лизогуба съ Григоріемъ Лизогубомъ, *которому я тогда учителемъ былъ*, присягалъ, а въ нач. 1731 г., генваря въ первихъ числахъ, по опредѣленію гетм. Апостола, я, родимецъ малороссійскій, въ генер. в. канцелярію принятъ; а сего 1733 г., по отлученіи старш. канцеляриста Юркевича, по опредѣленію-жъ оного гетмана, учрежденъ былъ я старш. канцеляристомъ"... [1]) Въ генер. к—ріи Л—ій оставался до 1737 г., когда онъ былъ назначенъ полк.

[1]) Кіевск. Стар. 1890 г., сент., 479—485.

Прилуцкимъ сотникомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Л—ій былъ назначенъ и членомъ „коммиссіи перевода и свода книгъ правныхъ“ [1]), при чемъ имя его находится въ числѣ лицъ подписавшихъ представленіе императрицѣ объ окончаніи свода.

О дѣятельности Л—аго на урядѣ сотничества—никакихъ свѣдѣній у насъ нѣтъ. Сотникомъ онъ пробылъ до 1747 г., когда былъ замѣненъ А. Гуленкомъ (Дн. Зап. Я. Марк., II, 250), причемъ Л—ій былъ вовсе уволенъ отъ службы съ чиномъ абшитованнаго обознаго. Вслѣдствіе какихъ причинъ Л—ій былъ уволенъ отъ службы, будучи далеко еще не старикомъ [2]), неизвѣстно; быть можетъ это случилось по интригѣ его преемника по уряду Андрея Гуленка.

За десятилѣтнее свое сотничество Л—ій нажилъ порядочное состояніе, оставивъ своимъ наслѣдникамъ крестьянъ болѣе 150 д. м. п. [3]) Женатъ Л—ій былъ на дочери Нѣжинск. есаула Степана Костенецкаго и имѣла двухъ сыновей и четырехъ дочерей; сыновья его въ 1772 г. служили оба сотниками: старшій Степанъ (р. 1740 г.)—Переволочанскимъ, а младшій Иванъ (р. 1745 г.)—Журавскимъ.—Оставивъ службу Л—ій поселился въ Прилукѣ и усердно занялся здѣсь чтеніемъ русскихъ и польскихъ хроникъ, причемъ плодомъ этого чтенія явилась его собственная хроника: „Собраніе историческое изъ книгъ древняго писателя Александра Гвагнина и изъ старыхъ вѣрныхъ русскихъ лѣтописей, абшитов. полковымъ обознымъ Степаномъ Васильевичемъ Лукомскимъ сочиненное въ г. Прилукѣ 1770 году“. Въ этомъ сборникѣ интересны переводы Л—аго—записокъ польскаго мемуариста Титловскаго и дополненіе къ дневнику Окольскаго [4]). Особенное вниманіе обращаетъ на себя послѣдній трудъ

---

[1]) Права, по которымъ судится малороссійск. народъ, изд. Кистяковскаго (Кіевъ. 1879), стр. 15.

[2]) Лукомскій родился примѣрно въ 1700 т., судя по его разсказу, что онъ онъ ок. 1712 г. былъ еще «малолѣтенъ» (с. 135).

[3]) Крестьянъ Лукомскій имѣлъ въ Прилукѣ—53, Лѣсов. Сорочинцахъ—9, Дубов. Гаю—14, Сергіевкѣ—11, хуторѣ за Переводомъ—20, слободѣ Лукомкѣ—32, Боршной—11 и Полонкахъ—6; всего 150 д. м. п.

[4]) Обѣ эти работы Лукомскаго напечатаны въ IV-мъ томѣ Лѣтописи Величка.

Л—аго, указывая, что авторъ его живо интересовался былыми судьбами своей родины, причемъ въ его описаніи особенно подчеркнуты тѣ притѣсненія, которыя терпѣлъ „народъ украинскій“ отъ поляковъ въ перв. полов. XVII в. Рѣчь, влагаемая Л—мъ въ уста Хмельницкаго передъ Желтоводскою битвою, показываетъ, что хронистъ самъ переживалъ тѣ моменты, которые привели къ торжеству порабощеннаго народа надъ „лядскою гордою силою“.

Лукомскій умеръ въ семидесятыхъ годахъ, такъ какъ въ 1779 г. жена его, уже называлась вдовою. Во всякомъ случаѣ почтенный хронистъ прожилъ болѣе 70-ти лѣтъ.

Гуленко Андрей былъ сынъ какого-то мелкаго Прилуцкаго обывателя, о вдовѣ котораго „Иванихѣ“ въ ревизской книгѣ 1740 года сказано, что „домъ ея освобожденъ отъ постоевъ за то, что сынъ ея Андрей служитъ въ генер. канцеляріи“, при чемъ въ той-же ревизской книгѣ значится, что Андрей Гуленко въ это время, т. е. въ 1740 г., и самъ находился въ Прилукѣ, исполняя порученіе Глуховскихъ властей—„по раздачѣ денегъ на чиновниковъ полковыхъ и служителей сотенныхъ“ (с. 100). Изъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о Г—кѣ видно, что это былъ искательный человѣкъ, съумѣвшій сдѣлать себѣ особую, совсѣмъ необычную для Глуховскихъ канцеляристовъ, карьеру. Назначеніе Г—ка сотникомъ послѣдовало изъ Петербурга; въ дневникѣ Як. Марковича записано, что въ августѣ 1747 г. „изъ СПБ. пріѣхалъ (въ Глуховъ) канцеляристъ Гуленко съ *именнымъ указомъ*, что онъ пожаловалъ сотникомъ полков. Прилуцкимъ на мѣсто Лукомскаго“. Видимо, что Г—ко этого назначенія добился какими-то необычными путями, и мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что „именной указъ“ онъ получилъ при помощи своего свояка Федора Коченевскаго, который незадолго передъ тѣмъ (1743 г.) изъ придворныхъ пѣвчихъ былъ пожалованъ „въ помствеиные дворяне“ и оставаясь въ числѣ придворныхъ чеиовниковъ, пользовался тамъ особыми милостями [1]).

---

[1]) Федоръ Коченевскій и Гуленко были женаты на родныхъ сестрахъ. О пожалованіи Коч—аго, съ нѣсколькими его товарищами,

Гуленко оставался сотникомъ повидимому до 1758 г., когда въ іюнѣ „пожалованъ былъ за ревность и прилежность въ титулярные совѣтники, въ рангъ сухопутнаго капитана“ [2]). Получивъ это необычное повышеніе, Г—ко сейчасъ-же обратился къ гетману съ просьбою о награжденіи своей службы какою-нибудь маетностью; Разумовскій уовлетворилъ просьбу и 22 іюля 1758 г. выдалъ ему универсалъ на д. Болбасовку, въ которой по ревизіи 1756 г. значилось посполитыхъ 31 дворъ и 50 бездв. хатъ. Повидимому Г—ко выпросилъ себѣ великорусскій чинъ съ цѣлью искать службы за предѣлами гетманщины, разумѣется разсчитывая на помощь свояка. Впрочемъ и безъ того новый чинъ ставилъ Гуленка, по его мнѣнію, превыше всѣхъ мѣстныхъ „судей“, „есауловъ“ и др. под.; недаромъ-же въ патентѣ значилось, что новый его чинъ равняется „рангу сухопутнаго капитана“. Дѣйствительно Г—ко сталъ смотрѣть на себя, какъ на настоящаго „офицера“; объ этомъ свидѣтельствуетъ произшедшій съ нимъ, въ томъ-же 1758 г., случай въ Прилуцкой соборной церкви. Случай этотъ описанъ въ жалобѣ вдовы генер. судьи Акима Горленка—на Гуленка, за обиду ея внука. „Сего декабря 26 д., въ празничный Богоро-

---

въ дворяне см. *Архивъ Сената*, Баранова, III, № 9011. Изъ этой же книги видно, что Коч—ій въ 1748 г. пожалованъ полковникомъ, а затѣмъ получилъ с. Березовую Луку и х. Бодакву. О положеніи Ф. Коч—го при дворѣ, въ кружкѣ Разумовскаго, см. Дневн. Ханенка, 244, 249, 300, 333, 357, 358 и др. Здѣсь, между прочимъ, записано, что на новосельи у Коч—го императрица ужинала (1747 г.). Умеръ К—ій бригадиромъ. Участіе К—аго въ пожалованіи Гуленка можетъ быть предположено и изъ того факта, что годомъ раньше, въ 1746 г., изъ СПБ. уже разъ послѣдовалъ такой-же указъ, «за собственною ея и. величества рукою», объ опредѣленіи въ сотню Лохвицкую сотникомъ *пѣвчаго Кирилла Коченевскаго*» (Зап. Як. Марковича, II, 239), который былъ младшимъ братомъ Федора. Очень вѣроятно, что и Кир. К—ій назначенъ былъ при помощи брата, который въ числѣ нѣсколькихъ бывшихъ придворныхъ пѣвчихъ (Любвстокъ, Чижевскій, Рубановскій и друг.) могъ быть товарищемъ по пѣвческой всесильнаго тогда Ал. Разумовскаго.

[2]) Дѣло о дворянствѣ Гуленковъ въ Полтавск. двор. архивѣ, № 282.

дичный день, внукъ мой войск. канц—стъ Иванъ Горленко былъ въ соборной Прилуцкой Рождества-Богородицы церкви, въ службѣ (обѣдни) Божіей, и когда, по окончаніи службы, протопопъ Прилуцкій Михаилъ Лисаневичъ, вишедъ изъ алтаря съ антидоромъ, сталъ на срединѣ царскихъ вратъ, то прежде всѣхъ подошла за антидоромъ жена умершаго брагадира Федора Ивановича Коченовскаго, а за нею пошелъ внукъ мой, „держась обыкновенія малороссійского, что мужи передомъ женъ идутъ за антидоромъ". За внукомъ подошла—за антидоромъ же—и жена бывшаго Прилуцкаго сотника („кой нынѣ титулярный совѣтникъ") Андрея Гуленка... Но не успѣлъ мой внукъ взять антидоръ, какъ находившійся тутъ же Гуленко бросился съ „яростію" къ моему внуку и тамъ же, у царскихъ вратъ такъ „тронулъ" за плечо внука, что тотъ чуть не упалъ на землю... И тутъ же обозвавъ его дуракомъ, крикнулъ: „вотъ я тебя батожьемъ опорю!.." А когда внукъ мой сталъ вмѣстѣ съ народомъ изъ церкви выходить, то Гуленко приказалъ своимъ служителямъ—схватить моего внука и отправить къ нему во дворъ. Засимъ „генеральная судіина" подробно описываетъ, какъ слуги Г—ка, схвативъ ея внука, тащили его чрезъ церковь за волоса и били ногами и кулаками, и какъ при этомъ „черкеску на немъ порвали, кафтанъ новый, голубой грезети, тако-жъ шубу и шляпу помарали," и затѣмъ вбросивъ въ сани перваго попавшагося „изъ народа,"—повезли въ дворъ Гуленка. Старая Горленчиха поспѣшила вслѣдъ и—пріѣхавъ во дворъ Гуленка—„до ногъ падала" передъ нимъ, умоляя помиловать внука. А Г—ко подозвавъ къ себѣ Горленка, крикнулъ: „вѣдаешъ де ты, Горленко, что я офѣцеръ! а ты послѣднѣйшій бездѣлникъ и некчемній дуракъ!" А затѣмъ спросивъ у служителей—есть ли батожье, сказалъ, что за оскорбленіе чести его, Гул—ка, Горленка и въ Глуховѣ „на мосту будутъ бить кіями!" Но слезы бабушки смягчили грознаго „офицера" и онъ, обращаясь къ Горленку, сказалъ: „ежели де что отъ тебя мнѣ напредки послѣдуетъ, то де я тебя безпоблажно батожьемъ осѣчу, а теперъ—ради толко прошенія бабушки твоей,—тебѣ процаю!" Отпуская Горленка, Гуленко для острастки прибавилъ: „я де и

яко я офѣцеръ!"—Разсказавъ этотъ случай, „судіина" въ подтвержденіе справедливости своего разсказа, сослалась на свидѣтелей, бывшихъ въ то время въ церкви, въ томъ числѣ на полк. судью Як. Огроновича и на полк. есаула Носенка. Жалобу свою „судіина" подала [1]) въ „духовную консисторію Кіевской митрополіи" и просила „о таковомъ церковномъ гвалтѣ надлежащее учинить слѣдствіе, а затѣмъ поступить съ Гуленкомъ якъ зъ гвалтовникомъ церковнимъ въ силѣ правила святыхъ отецъ, дабы онъ Гуленко на церкви Божіи гвалтъ дѣлать впредь не дерзалъ..." Въ жалобѣ добавлялось, что самъ обиженный будетъ жаловаться на Г—ка „свѣтскому суду". Но жаловаться мѣстному суду на Г—ка нельзя было, потому что это былъ—„офицеръ"; поэтому „йскъ за свое безчестіе Горленко занесъ по командѣ въ Кіевскую губернскую к—рію."—Послѣдняя просила духовную власть сообщить ей показанія тѣхъ священниковъ, которые были свидѣтелями „учиненнаго Гуленкомъ мятежа." Свидѣтели эти видимо боялись Г—ка и давали показанія уклончивыя; напр., одинъ изъ „намѣстниковъ" показалъ, что въ то время онъ отъ болѣзни „на обѣ уши былъ приглуховатъ..." Впрочемъ другой описалъ причину Гуленковскаго „азарта" повидимому правдивѣе, чѣмъ это сдѣлала бабушка обиженнаго: когда протопопъ Лисаневичъ вышелъ изъ алтаря раздавать народу антидоръ, пишетъ этотъ свидѣтель, то прежде другихъ подошли за антидоромъ: бригадирша Кочеtевская и сестра ея—„жена титулярнаго совѣтника Андрея Ивановича Гуленка..." Но вмѣстѣ съ ними подошелъ къ протопопу, съ другой стороны, и Горленко, который—давъ только г-жѣ бригадиршѣ взять антидоръ,—„жену же совѣтника *упредилъ*, что усмотря совѣтникъ," подошелъ къ Горленку и сказалъ: „что ты, дуракъ, дѣлаешь?" А Горленко на это отвѣтилъ: „ты самъ дуракъ!"—Въ такомъ видѣ разсказанный поводъ къ „азарту" Гуленка рисуетъ картину и вѣрнѣе и живѣе...

---

[1]) Жалоба писана 31 декабря 1758 г. и подписана: „Марія Давидовна Якимова Горленкова, судіина генералная удовствующая, а вмѣсто ей по ей велѣнію подписалъ дворовій ей писаръ Григорій Григоровичъ."

Какъ бы то ни было, но Г—ко никакому наказанію ни свѣтскимъ, ни духовнымъ судомъ подвергнутъ не былъ, да и какъ было судить человѣка, который какъ разъ въ это время (въ 1759 г.) былъ назначенъ „управителемъ волостной конторы государственныхъ описныхъ раскольничьихъ слободъ,“ а слѣдовательно сталъ въ положеніе большой власти...

Десятилѣтнее управленіе Гуленка полковою сотнею вѣроятно не обошлось безъ разныхъ случаевъ проявленія его самовластія и насилій,—такая повидимому была природа у этого человѣка,—но намъ не случилось встрѣтить другихъ жалобъ на этого сотника, кромѣ донесенія гетмана императору Петру III—по случаю звѣрскаго убійства Гуленкомъ весною 1762 г. одного обывателя въ Прилуччинѣ. Поводъ къ убійству возникъ, повидимому изъ того, что какой-то „экономъ“ умершей „бригадирши“ Коченевской—Фещенко въ чемъ то провинился и Гуленко хотѣлъ его за это наказать.—Фещенко почемуто оказался въ с. Мал. Дѣвицѣ, въ домѣ тамошняго козака Максюты. Туда за нимъ и отправился Г—ко. Какъ произошло убійство—въ донесеніи гетмана пишется слѣдующее: „напавъ на домъ Максюты съ многолюдствомъ своихъ людей, *Гуленковъ* перво хозяина того дому козака Максюту, жену и дѣтей билъ до смерти и едва живыхъ оставилъ, а после приказалъ въ томъ-же домѣ ломать двери у коморки, гдѣ умершой бригадирши Коченевской экономъ Иванъ Фещенко и съ нимъ Семенъ Капленко имѣли ночлегъ. Когда-же тѣ двери были выбиты, то Г—ковъ закричалъ—ихъ бить и колоть. И самъ оный Г—ковъ ударилъ Фещенка списомъ (копьемъ) прямо въ ротъ, такъ что тотъ списъ проскочилъ насквозь шеи, отъ чего Фещенко повалился мертвымъ. А Г—ковъ, бросся изъ рукъ списъ, вскочилъ въ коморку, а за нимъ и всѣ его помощники, и тамъ, обнажа шпагу, уже мертвое Фещенково тѣло кололъ самъ Г—ковъ а помощники—били; вытащивъ же изъ коморки тѣло, связали какъ-бы живому назадъ руки вожьемъ и вытащили на дворъ, гдѣ также били; а Г—ковъ по тѣлу ходя, топталъ и билъ ногами, а въ добавокъ и палашомъ кололъ. Потомъ, за тѣ же возжи тѣло Фещенка тащили до хутора его Г—кова и тамъ Г—ковъ приказалъ—руки Фещенковы забить въ колеса и тѣ

оборачивать, а оттуда вынувъ, растянуть на деревѣ и топорнымъ обухомъ бить по рукамъ, что и чинено, и тѣмъ—уже у мертваго тѣла—отъ самого плеча руки совсѣмъ растрощены. А напослѣдокъ Г—ковъ и глаза вынулъ шпагою вонъ. За всѣмъже тѣмъ, положа тѣло на возъ, Г—ковъ повезъ его за собою и вывезя на поле, велѣлъ бросить въ болотѣ, которое тамъ и сыскано и въ полк. Прилуцкую к—рію представлено."—Описавъ картину убійства, Разумовскій далѣе говоритъ, что объ этомъ убійствѣ Прилуцкая к—рія донесла генер. к—ріи, а тэ увѣдомила генер. судъ, но послѣдній хотя и вызвалъ Г—ка, но въ то же время генер. канцелярія донесла ему, гетману, что нельзя надѣяться чтобы Гуленко явился въ Глуховъ самъ, почему и нужно изыскать для этого мѣры особыя. Вотъ это увѣдомленіе генер. к—ріи и заставило гетмана донести о дѣлѣ Гуленка императору. „И нынѣ въ судъ генеральный посланъ ордеръ, писалъ гетманъ, дабы о семъ смертномъ убивствѣ въ ономъ генер. судѣ учинено было надлежащее рѣшеніе, но понеже отъ в. генер. к—ріи представлено, что онъ, Гуленковъ *прежде сего, по другимъ жалобамъ на него*, ко отвѣту являться ослушался, то не безъ уповательства мнѣ, что кольми паче отъ сего криминальнаго до него касаючогось дѣла убѣгать и разнообразные къ неявкѣ своей приносить будетъ извиненія. Хотя жъ что чинить въ случаѣ безправныхъ резоновъ чіей по такимъ дѣламъ неявки, въ малороссійскихъ правахъ положено, но что онъ Гуленковъ *опредѣленъ воеводою Чугуевскимъ*, сего ради вашему и. величеству о вышеписанномъ донося, прошу отъ правительствующаго сената оному Гуленкову предложить, чтобъ онъ по сему криминальному дѣлу неотмѣнно въ судъ генеральный къ отвѣту въ назначенный срокъ явился и не отлучался отъ суда до окончанія того дѣла, не отговариваясь никакими невозможностьми, ибо онъ, Гуленковъ, не токмо по сему что онъ малороссіянинъ и имѣетъ въ Малой Россіи свою осѣдлость, но и что такова въ М. Россіи произшедшая есть дерзость, то по всему тому предъ малороссійскимъ же правленіемъ и отвѣтствовать онъ долженъ..." [1])

---

[1]) Съ подлинника донесенія.

Намъ неизвѣстна дальнѣйшая судьба этого дѣла, какъ неизвѣстна и судьба самого Гуленка, который, какъ видно изъ гетманскаго донесенія, изъ управителей Черниговскихъ раскольниковъ попалъ въ воеводы; хотя эта должность тогда и не имѣла стариннаго своего значенія, но все же видно, что Г—ко попалъ въ коменданты значительнаго города.

Послѣ Гуленка остались сыновья Иванъ, Петръ, Василій и Степанъ, которые въ к. XVIII в. служили въ военной службѣ.

Преемникомъ А. Г—ка по сотничьему уряду былъ **Павелъ Гуленко.** [1]) Вѣроятно это былъ близкій родственникъ Андрея Г—ка, получившій урядъ при его протекціи. Объ этомъ сотникѣ, кромѣ его подписи на актѣ 1760 г., другихъ свѣдѣній мы не имѣемъ.

Села полковой сотни. С. Дѣдовцы, Удай. Въ 1690 г. кр—е отданы Мазепою—Остапу Маценку (с. 113), по смерти котораго Скоропадскимъ подтверждены, въ 1710 г. за его вдовою съ сыномъ Антономъ. Новый державца будто бы сталъ не вмѣру пользоваться „работизнами" своихъ подданныхъ, которые пожаловались гетману, что не только самъ Маценко, но и мать его притѣсняютъ ихъ „панщиною." Высланный слѣдователь не подтвердилъ жалобы Дѣдовчанъ, какъ видно изъ слѣд. универсала: „поневажъ Дѣдовскіе жители, подданіе панѣ Евфиміи Остаповой Маценковой, по занесенной до насъ отъ себе супплѣцѣ, же имъ отъ оной, а барзѣй отъ сына еи п. Антона Маценка, въ необиклой панщинѣ знатніе дѣются налоги, прикрости, обиди и иншіе отъ него вимисли происходятъ збитки, нѣчего тутъ, предъ п. Вас. Жураховскимъ, асаул. нашимъ в. енер., зъ лицеия нашего жъ тоей ихъ справи слухавшимъ, не довели,—овшемъ показалося, что они зъ чіегось наущенія тимъ неправеднимъ доношеніемъ ихъ оскаржили, хотячи зъ подданства отъ ихъ вигнутися. Теди ми такую имъ, Дѣдовцямъ, ложъ зганивши и упомянувши, приказали, ижъ бы по прежнему ей,

---

[1]) Въ спискахъ сотниковъ на стр. 112-й Павелъ Гуленко по ошибкѣ не указанъ.

панѣ Маценковой и синовѣ еи, яко до войсковихъ услугъ згодному, безъ провивности обиклое отдавали послушенство и повинности... Тутъ же упоминаемъ, жебы мененная п. Маценкова и тотъ еи сынъ—предреченнимъ своимъ подданнымъ, до насъ на ихъ зъ суплѣкою удавшихся, нѣякого за тое не чинили отмщенія излишнею работизною и противъ другихъ не обтяжали..." По вѣд. 1724 г. владѣльцемъ Д. значится „Антунъ Маценко товар. значк.," [1]) который потомъ былъ полк. хоружимъ (с. 72). **Кр. П.** 17 хоз. поспол., изъ нихъ 9 пахали на 4-хъ волахъ, а 8—на 2-хъ [2]) **А.** 48 д. **Б.** 33 д. **В.** 17 д. Пс. 7. **Г.** 5 д. **Д.** 19 д. 27 х., 9 бх. **Кв. Б.** 29 д. **Г.** 13 д. Пс. 9. **Д** 15 д. 35 х. Недостающіе противъ ревизіи 1729 г., домохозяева разошлись, какъ объясняетъ ревизія 1740 г., въ которой указано 8 домох., ушедшихъ въ 1736—40 г.г. большею частью въ сосѣднія села; оставшіеся послѣ нихъ 8 „плецовъ" и пахатное поле на 17 дней—„ни въ чьемъ владѣніи не находились." По вѣдом. 1753 г., крест. населеніе принадлежало 7-ми владѣльцамъ, изъ которыхъ Прилуцк. протопопу Мих. Лисаневичу принадлежали 7 хоз., при чемъ изъ нихъ 6-ть жили въ бездворныхъ хатахъ; вдовѣ Антона Маценка принадлежали только 3 двора. Сынъ ея Ефимъ, служившій войск. канцеляр., въ 1774 г. уволенъ изъ службы съ *чиномъ* полков. писаря.

С. Голубовка, ручьи, въ августѣ 1687 г. Мазепою отдана Носу (с. 30), по смерти котораго въ 1715 г., Г—кою завладѣлъ Петръ Носенко и владѣлъ ею повидимому до 1720 г. когда это село было возвращено дѣтямъ Степана Носа (см. с. Щуровку). Затѣмъ, по вѣд. 1724 г., а также и по ревизіи

---

[1]) Въ бумагахъ Н. А. Маркевича имѣется составленная въ ноябрѣ 1724 г. „Вѣдомость отъ владѣльцовъ въ сотнѣ полк. Прилуцкоо будучихъ по якихъ крѣпостяхъ маетностми владѣютъ", съ собственноручными подписями этихъ владѣльцевъ и кромѣ того подписанная Галаганомъ. Заимствуя изъ этой вѣдомости нѣкоторыя свѣдѣнія, мы обозначаемъ источникъ такъ: *Вѣд. 1724 г.*

[2]) Переписныя Книги 1666 г., въ Чтен. Общ. Нест.-Лѣтоп., кн. XIII.

1731 г. Г—ка показана за *Федоромъ* Носенкомъ [1]). Въ то-же время вдова Степана пишетъ гетману Апостолу: „не вѣдаю сколко именно годовъ тому дѣется, якъ с. Голубовка была въ подданствѣ нынѣшнему сотнику полк. Прилуцкому (Носенку), а потомъ вышписанное с. Г—ка въ подѣлѣ на покойного моего мужа спало.“ Какъ въ этой бумагѣ, такъ и въ другихъ, писанныхъ раньше, вдова Степана Носа ни о какомъ Федорѣ Носенкѣ, владѣльцѣ Голубовки, не упоминаетъ, сама распоряжаясь полученнымъ отъ Носа наслѣдствомъ. Можно предположить, что Федоръ Носенко былъ сынъ Степана, но до того безличный, что мать о немъ и не упоминала... Объ этомъ Федорѣ никакихъ затѣмъ свѣдѣній не встрѣчается, а стали извѣстны лишь двѣ дочери Степана Носа, Федбра и Марья, бывшія замужемъ: первая—за Мартиномъ Жураховскимъ (изъ Лубенъ), а вторая—за бунч. тов. Николаемъ Троцкимъ. Федора умерла рано, оставивъ малолѣтнихъ дѣтей, которымъ изъ маетностей ихъ дѣда ничего не досталось, такъ какъ Голубовка полностью досталась Троцкому. **Кр. П.** 9 хоз. п. **А.** 58 д. **Б.** 38 д. **В.** 46 д. Пс. 4. **Г.** 43 д. 47 х. **Д.** 34 д. 46 х. Пс. 16 д. 24 х. **Кз. В.** 3 д. **Г.** 12 д. 19 х. **Д.** 12 д. 22 х. Слишкомъ незначительное количество козачьяго населеиія сравнительно съ крестьянскимъ уже и въ 1718 г.—должно быть приписано тому положенію, которое занималъ Ив. Носъ, имѣвшій полную возможность переписывать козаковъ въ крестьяне. Впрочемъ и Петръ Носенко также пользовался въ этомъ отношеніи своею властью, какъ это видно изъ слѣд. жалобы Голубовскаго козака Овдѣенка, поданной имъ въ 1722 г. Полуботку: „прекладаю жалобливе (жалобу?) на п. Петра, хоружого полк. Прилуцк., въ таковій-то способъ, что, насиліемъ мене изъ компуту козацкого увернулъ у мужицтво, *будучи ему полковою особою,* якъ надано ему с. Голубовку“... Затѣмъ Овдѣенко объявляетъ—какъ онъ жаловался Галагану и какъ послѣдній, справившись о его козачествѣ,—велѣлъ Овдѣенка „паки написать въ компутъ войсковый“. Но распоряженіе полковника оказалось некрѣпкимъ, какъ пишетъ далѣе Овдѣенко:

---

[1]) При чемъ вѣдомость 1724 г. Федоръ Носенко подписалъ собственноручно.

„и потимъ пріѣдетъ п. бунчучный енер. (Лизогубъ) въ Прилуку за нѣякимись интересами, и тогда п. хоружій (т. е. Носенко) вдасця до его, просячи, чтобы мене и брата—изъ компуту козацкого увернути себѣ въ подданство; и тогда призвавши насъ предъ себе, п. бунчучній испрошувалъ о козацтвѣ нашемъ и випитавши, такъ сказалъ: „я до сѣхъ козаковъ не имѣю дѣла и не моценъ виписать ихъ исъ компуту.“—Тилко-жъ на прошеніе его хоружого—велѣлъ мнѣ мужицкую тяглость тягти, да за такимъ словомъ немо (его?), что „я тебѣ даю сего козака въ тяглость, тилко жъ ти не повиненъ его обѣрати! Ежели дѣятиметея ему нужда якая великая, то онъ изнову попрежнему козаковати будетъ!..“ А за симъ Овдѣенко проситъ гетмана избавить его отъ мужицкой тяглости, значитъ уже не надѣясь на своего полковника.

Въ 1780 г. Г—ка принадлежала сыновьямъ Ник. Троцкаго Ивану и Тимофею, первый былъ полк. хоружимъ, а второй—„абшитованнымъ пѣвчимъ высоч. двора“.

С. Ювковцы пруды, въ 1707 г.[1]) отданы полк. писарю Игн. Лисаневичу, который впослѣдствіи былъ Прилуцкимъ протопопомъ. Мѣстные старожилы разсказывали въ 1734 г., что протопопъ Пр—цкій Игн. Лис—чъ, „зайшлій съ польскихъ краевъ въ Мал. Россію и своею охотою сталъ служить козацко, и въ той пребывая службѣ, зоставалъ полк. Пр—цкимъ писаремъ; а потомъ, съ вѣдома и позволенія гетм. Скоропадского, постригся попомъ въ 1710 г.“[2]) Въ этомъ же году, по универсалу 27 апр., Ю—цы были утверждены за „презвитеромъ Прилуцк. Игн. Лисаневичемъ, респектуя на труды его на урядѣ писарства полк. Прилуцкого“. По смерти Игн. Л—ча Ю. перешли къ сыну его Михаилу, который также былъ протопопомъ Пр—мъ. **Кр. П.** 15 хоз. **А**. 36 д. **В**. 17 д. **В**. 12 д. Пс. 4. **Г**. 18 д. 18 х. **Д**. 34 д. 52 х. **Кз**. **Б**. 35 д. Г. 58 д. 66 х. **Д**. 40 д. 89 х. По вѣд. 1780 г. Ю. показаны за *женою* Ив. Галагана, а женою послѣдняго была дочь Кіевск. полковника Ефима Дарагана, женатаго на одной изъ сестеръ гетм. Разумовскаго; можно поэтому полагать, что Ю. отданы

1) Въ генер. слѣдствіи ошибочно указанъ 1667-й годъ.

2) Арх. ген. к—ріи по Черн. оп. № 6301.

были Дарагану, но почему отобраны отъ Лисаневичей—неизвѣстно.

С. Мамаевка, Удай, въ 1689 г. Мазепою отдана тогдашнему полк. судьи Кондрату Тарасовичу (с. 60)[1]) на урядъ, но онъ владѣлъ М—кою до своей смерти въ 1705 г., хотя судьею пересталъ быть гораздо раньше. По смерти Тарасовича М—ка отдана была Дм. Горленкомъ своему брату Степану, а когда послѣдній умеръ, то М—ку полковникъ „отобралъ на себе„. Послѣ измѣны Г—ка, М—ку выпросилъ себѣ на урядъ тогдашній полк. судья Мих. Огроновичъ, который провладѣлъ ею до 1722 г.; въ этомъ году М—ка, вмѣстѣ съ другими селами, пожалована была гр. Вейсбаху, командовавшему тогда великорусскими войсками, стоявшими въ Малороссіи. Ставъ „державцею", Вейсбахъ прежде всего пожелалъ защитить свои маетности отъ постоя тѣхъ самыхъ войскъ, которыми командовалъ. Вотъ его интересное письмо, писанное въ 1722 г., т. е. вслѣдъ за пожалованіемъ маетностей, обозному Огроновичу, *бывшему владѣльцу Мамаевки*: „Доносилъ намъ господаръ нашъ Богданъ Михайловъ, что въ прошлой зимовой квартири въ с. Мамаевкѣ стояло 4 порціи и 4 раціи, а въ с. Раскахъ было 14 порцій и 14 рацій, а нынѣшнего году на зимовую квартиру вприбавокъ поставлено, по указу вашему, въ Мамаевку—6 порцій и 6 рацій, а въ Раскахъ—13 порц. и 13 рац.; [2]) а понеже въ полку вашемъ Пр—мъ нынѣшнего году не болѣе прошлогодского на квартеру зимову опредѣлено, но менше, ибо г. генералу маіору фондеръ Роппу и штапу ево—половину рацѣй ему и штапу ево получать въ Полтавѣ; чего ради не могу признать для ради чего, ваша милость, такъ грубіянско со мною поступаете, власне, яко-бы съ

[1]) Иногда въ бумагахъ того времени онъ назывался и Тарасомъ Кондратовичемъ; видно, что современники мѣшали имя съ отчествомъ.

[2]) *Порціями* и *раціями* называлось пищевое и фуражное довольствіе войска. На извѣстное количество войска полагалось извѣстное количество порцій и рацій (на кормъ людей и лошадей), которыя, сообразно рыночной цѣнѣ продуктовъ, переводились на деньги. Въ 1732 г. «порцѣя» оцѣнялась въ 42 коп., а «рація»—въ 95 коп.

мужиками своими, и уже мне другая обида явствуетъ, о которой першой обидѣ справедливости просилъ, гдѣ надлежало было, токмо до сего времени не получилъ, а нынѣ другую обиду чините несносную; чего ради, ежели впредь что покажется отъ васъ, то принужденъ приказать васъ взять за караулъ и къ себе привесть и справедливость самъ себѣ учинить. А нынѣ отъ насъ приказано лишнимъ людемъ по прошлогоднему постановленю, 13 человѣкъ изъ Расковъ да 6 изъ Мамаевки, съѣхать изъ поменутыхъ селъ и стать на вашемъ дворѣ, дондеже ви надлежащую имъ квартиру, гдѣ прошлого году стояли, опредѣлите". [1]) Можетъ быть подобныя крутыя мѣры новаго державцы-генерала и было причиною, что въ мартѣ 1728 г. состоялось постановленіе верх. т. совѣта о порученіи кн. Мих. Голицыну—произвести изслѣдованіе по жалобѣ малороссіянъ на генер. Вейсбаха, съ увольненіемъ его отъ команды". [2]) Тѣмъ не менѣе Малороссійскія маетности остались за Вейсбахомъ до его смерти въ 1736 г. По завѣщанію умершій всѣ свои имѣнія оставлялъ гв. майору Гамфу, а въ томъ числѣ слѣд. и Малороссійскія; но послѣднія успѣлъ выпросить въ янв. 1717 г. гр. Минихъ, [3]) къ которому перешла такимъ образомъ и Мамаевка. Но въ 1741 г. всѣ имѣнія у Миниха были отобраны въ казну, послѣ чего отобранныя имѣнія въ Малороссіи—Мамаевка, Мок-

---

[1]) Арх. генер. к—ріи по Черниг. оп. № 1377.

[2]) Арх. Сената, Баранова, II, №№ 2912, 3062. Нужно полагать, что удовлетворительный результатъ жалобъ на Вейсбаха былъ полученъ вслѣдствіе ходатайства только что поставленнаго гетманомъ Апостола, личныя отношенія котораго съ этимъ „Богемскимъ графомъ" впрочемъ были пріятельскія. Въ первый же мѣсяцъ гетманства Апостола—Вейсбахъ поспѣшилъ послать послѣднему газеты, до которыхъ старый полковникъ былъ охотникъ, какъ видно изъ слѣдующей отмѣтки въ журналѣ генер. к—ріи: „посланы къ его пр—ву г. ген—лу Девейсбаху зъ благодарствіемъ за посланніе къ намъ (гетману) при писмѣ его пр—ва gазеты, такожъ зъ прошеніемъ впредъ, если рукъ его пр—ва якіе gазеты достанутся, то безъ коммунѣкаціи насъ би не оставилъ" (19 окт., 1727 г.). Отмѣтка сдѣлана въ первомъ лицѣ,—относительно Апостола,—будучи вѣроятно списана съ его письма къ Вейсбаху.

[3]) Тамъ же, №№ 5687 и 5818.

ляки и хут. Линовицкій—въ 1742 г. были пожалованы сербу Стоянову, [1]) исторія котораго видна изъ грамоты 1751 г.— „бывшій гусарскихъ полковъ ген.-майоръ Иванъ Стояновъ въ 1742 г. билъ челомъ, что выѣхалъ онъ изъ отечества своего, изъ Сербіи въ Россію, и вступилъ въ службу по соизволенію Петра В. въ 1723 г., и при томъ своемъ выѣздѣ вывелъ съ собою гусаръ нѣсколько человѣкъ, и во умноженіи въ Россіи сербовъ прилежными его трудами сербскій полкъ добрымъ порядкомъ со офицеры въ комплектъ привелъ. И продолжая свою службу, былъ во многихъ находахъ, акціяхъ и атакахъ съ сербскимъ гусарскимъ полкомъ, и получилъ жестокія раны... Такожъ и сынъ его находится въ службѣ въ гусарскомъ полку... И просилъ онъ, Стояновъ, о пожалованіи въ вѣчное его владѣніе описнаго послѣ бывшаго фельдмаршала Миниха хутора Линовицкаго съ д. Мамаевкою". По этой просьбѣ и была Стоянову отдана М—ка, въ которой вь это время было: „дворъ пріѣзжій, огородъ съ садомъ, огородъ-же, въ которомъ табакъ садятъ, дворъ шинковый, гребля на р. Удаи, на ней два амбара (мельничныхъ), одинъ о 2-хъ кол. мучныхъ, а другой—объ 1-мъ ступномъ и объ 1-мъ валюшномъ, на той же греблѣ сукновальная мельница, кузня, тяглыхъ: 41 дв., 58 хатъ, 55 семей, пѣшихъ: 37 двор., 48 х., 49 семей". По смерти Ив. Стоянова, въ 1744 г., М—ка перешла къ сыну его Михаилу, который выѣхавъ съ отцомъ, женился въ Малороссіи на дочери Ив. Ломиковскаго (зятя гетмана Апостола). Въ 1751 г. М—ка съ другими маетностями была подтверждена за Мих. Стояновымъ, который начальствовалъ тоже сербскимъ гусарскимъ полкомъ. Послѣ отставки Мих. Стояновъ жилъ въ Линовицѣ еще и въ 1772 г. Послѣ него осталось два сына, Иванъ и Михайло, и пять дочерей. **Кр. П.** 17 хоз. **А.** 92 д. **В.** 60 д. **В.** 82 д. Пс. 3 **Г.** 63 д. 69 х. Пс. 8. **Д.** 71 д. 107 х. Пс. 4 д. 8 х. **Кз. В.** 11 д. **Г.** 22 д. 25 х. **Д.** 20 д. 43 х. По вѣд. 1780 г. кр—не принадлежатъ ген.-майору Стоянову.

---

[1]) Тамъ же, III, № 8916.

Д. Новая Гребля, Удай, возникла изъ поселенія около водяныхъ мельницъ, устроенныхъ здѣсь, въ к. XVII или нач. XVIIIв., Семенютою (Семеномъ) Коломійцомъ; войсковая часть этихъ мельницъ отдана Скоропадскимъ въ 1709 г. Ив. Марковичу, который потомъ купилъ у сыновей Коломійца „два млина, дворъ съ солодовнею и два лѣса, за одинадцять сотъ золотыхъ" (с. 114). Умирая, эти мельницы М—чъ завѣщалъ частью сестрѣ-гетманшѣ, а частью племянникамъ (с. 117); но гетманша пріобрѣла здѣсь всѣ мельницы и устроила хуторъ, который отдала въ приданое за дочерью Толстою. Сыновья послѣдней, Александръ и Иванъ Толстые, въ 1752 г. продали всѣ свои Малороссійскія имѣнія Осипу Лук. Закревскому, при чемъ въ этой купчей значится и *сельцо Нов. Гребля,* надъ р. Удаемъ, а въ немъ: „дворъ господскій съ хоромнымъ дерев. строеніемъ, съ гумномъ и подсосѣдческими хатами, сѣнокосною и пахатною землею; и тамъ же на греблѣ, подлѣ двора, мельничн. амбаровъ 6, въ нихъ колъ мучн. 6, ступъ и валюшныхъ—4, да заставка о едномъ колѣ яловая (пустая); да къ тому двору земля, гдѣ была слободка надъ рч. Махновкою." По вѣдом. 1753 г., *въ хуторѣ Нов. Греблѣ* значится 19 бздв. хатъ, принадлежащихъ Толстымъ и кромѣ того „при хуторѣ надъ рѣчк. Махновкою владѣнія Толстыхъ",—3 хаты. Какъ видно, при составленіи этой вѣдомости Нов. Гребля продолжала еще считаться за Толстыми. По вѣд. 1780 г., въ Н. Гр. показано: Кз. 1 д. 1 х. и Кр. 9 д. 16 х. и 2 бд. х. Закревскаго, и 5 д. 13 х. подсосѣдковъ.

С. Полонки, [1]) Удай, до 1751 г. принадлежали къ числу ратушныхъ селъ. Кр. П. 20 хоз.[2]) А. 40 д. В. 8 д. В. 28 д.

---

[1]) Именемъ *Полонокъ* (им. пад. *Полонка*) называется нѣсколько селъ въ Гродненск. губ. Извѣстное мѣстечко *Полонное*, Нгр.-Вол. у., въ старину называлось также и *Полонна*, уменьшит. отъ котораго будетъ *Полонка*. Извѣстно, что м. Полонное въ 1648 г. было разорено до основанія; мож. быть Прилуцкія Полонки представляютъ собою тогдашній выселокъ изъ Полоннаго. См. Słown. Geogr., VIII, 726 и 727.

[2]) Въ Переписныхъ Книгахъ село это названо *Полоски*.

Пс. 21 Г. 9 д. 9 х. Д. 24 д. 30 х. Пс. 19 д. 25 х. Кв. В. 32 д. Г. 46 д. 49 х. Пс. 25 х. Д. 42 д. 71 х. Здѣсь обращаетъ на себя особое умаленіе крестьянскаго населенія 1718 г. противъ 1713 г., тѣмъ болѣе, что село было „ратушное", слѣд. свободное отъ державческихъ насилій; можно догадываться, что кр—не находили выгоднымъ видоизмѣняться въ подсосѣдковъ, которыхъ по ревизіи 1729 г. здѣсь значится 21 хоз., изъ нихъ 9—Журавскаго, сотника Фед. Тарасенка и *значк. козака* Матвѣя Тарасенка (брата?) и 12 подсосѣдковъ, сидѣвшихъ въ хатахъ „рядовыхъ козаковъ". Перечисленіе крестьянъ въ подсосѣдки должно было избавлять ихъ отъ общественныхъ повинностей. Цифра крестьянъ по ревизіи 1740 г. не сходится съ числомъ кр—нъ, показанныхъ въ „Вѣдомости сколько въ полку Прилуцкомъ ратушныхъ и свободныхъ войсковыхъ мѣстечекъ, селъ и деревень", составленной въ томъ-же 1740 г.; по этой вѣдомости въ П—кахъ показано: „посполитыхъ обывателей дворовъ *чтири*", а „козачьихъ и ихъ подсосѣдковъ—76; владѣльцами искупленныхъ—нѣтъ". Такимъ образомъ число кр—нъ по вѣд. 1740 г. съ ревизскою цифрою не сходится, а число козаковъ—одинаково. Разница въ числѣ кр—нъ вѣроятно происходитъ отъ неправильнаго подсчета подсосѣдковъ. Показанные по вѣдом. 1780 г. подсосѣдки—уже значатся въ П—хъ и въ 1753 г.; всѣ опи принадлежатъ *владѣльцамъ*: б. тов. Сем. Билявскому, зн. тов. Сергѣю Головку, б. т. Ив. Себастіановичу, б. т. Андрею Горленку, зн. тов. Ив. Гришку, „попу" Прилуцк. Федору Турковскому, „умершему Мамаевскому діакону Ефрему"... Всѣхъ 27 семей.—Относительно крестьянскихъ повинностей въ ревизіи 1740 г. сказано: „съ оныхъ посполитихъ въ скарбъ войск. нѣчего не собирается, а вышеписанніе люде съ владѣльческими подданными въ расположеніи на общенародніе повинности и консистенской дачи—бываютъ въ равенствѣ; точію въ томъ не въ равенствѣ, что съ оныхъ свободныхъ посполитихъ,—отъ 1732 года по сей 1740 г.,—по универсалу гетм. Апостола, собирается ежегодно для заплаты полковымъ чиновникамъ и сотеннымъ служителемъ и на канцелярскіе расходы—по 70 коп. и три чети коп., которіе денги отдаются въ полк. Прилуцкую к—рію на-

рочно для того опредѣленному значк. тов. Матвѣю Федоровичу съ товарищи". (Ср. с. 101).

Въ вѣд. 1740 г. о П—кахъ имѣются такія свѣдѣнія: „Винокурня козачая 1, о 2-хъ казанахъ; козачая мелница *при рѣчцѣ Рудцѣ*; владѣльческихъ мелницъ на р. Удаи—2, въ нихъ колъ мучныхъ 4, а ступныхъ—2". Указанная здѣсь *рѣчка Рудка* упоминается и въ актѣ 1684 г., по которому обыватель села Полонокъ Гриненко продалъ „полковниченку Прилуцкому Димитрію Лазаревичу Горленкови кгрунтъ свой, гай березовый зъ лѣсомъ, отцевщину и дѣдовшчину, чого толко самъ заживалъ, лежачие недалеко ставу Пергатовского, *надъ рудою Полонкою,* одъ тополи идучего Линовицкого гостинця..." [1]) Упомянутая здѣсь рч. Полонка въ XVII в. повидимому была однимъ изъ Удайскихъ притоковъ, а потомъ въ XVIII в. обратилась въ безыменную „рудку", а затѣмъ и совсѣмъ исчезла.

Въ 1751 г. П. отданы Разумовскимъ компан. полковнику Василію Чесноку, котораго сынъ Степанъ продалъ ихъ въ 1764 г. Николаю Троцинѣ, а Троцина въ 1765 г. продалъ П. полковнику Ямбургскаго полка Карлу Камеину; отъ послѣдняго П. перешли къ вдовѣ бригадира (Петра) Апостола, за которою значатся и по вѣд. 1780 г.

С. Подища, Удай. Какъ видно ниже, въ 1666 г. П. были уже значительнымъ селомъ. При Самойловичѣ Лазарь Горленко построилъ здѣсь для себя водяной „млинъ", на который въ 1682 г. получилъ универсалъ: „респектуючи мы на вѣрніе у В. Зап. службы и отваги рицерскіе п. Лазора Г—ка, полк—ка тепер. Прил., которіе въ разнихъ военныхъ окказіяхъ, застановляючися за достоинство монаршее и за цѣлость отчизны Украины, противъ непріятелей показывалъ, позволяемъ ему... зъ власного его млина, его жъ власнимъ коштомъ у селѣ Поди-

---

[1]) Подлинникъ въ наш. б—кѣ. Въ этомъ актѣ между «могоричниками» названы: „Миско Тончѣй, атаманъ Полонскій, Павелъ Потеряйко, *сотникъ мѣщанскій...*" Этотъ чинъ встрѣчаемъ здѣсь впервые... Повидимому, онъ впослѣдствіи былъ переименованъ въ *войта*. Упомянутый въ этомъ актѣ Павелъ Потеряйко по переписи 1666 г. значится „Панка Потиракоі". Переп. Кн. 1666 г., стр. 8.

щахъ на р. Удаи теперъ нововыставленного, всѣхъ пожитковъ зъ него приходячихъ спокойно заживати...“ Въ 1689 г. въ Подищахъ было уже нѣсколько млиновъ Дмитрія Горленка, который въ этомъ году жаловался полковому уряду на мѣстныхъ „обывателей“, что они устроивъ „изи“ близко млиновъ его на р. Удаи, подъ с. Подищами, затопили колеса... Подищане—„субмѣтовались изи роскидати“. Позже—мельницъ Горленковъ въ этомъ селѣ уже не было.—

До 1752 г. Подища оставалась селомъ ратушнымъ. **Кр. П.** 36 хоз. **А.** 70 д. **Б.** 40 д. **В.** 31 д. Пс. 2. **Г.** 7 д. 7 х. **Д.** 9 д. 9 х. Пс. 20 д. 29 х. 8 бд. х. **Кз. В.** 52 д. **Г.** 84 д. 98 х. Пс. 2 д. 2 х. **Д.** 73 д. 148 х. По вѣд. 1740 г. „посп. обыват.“—10 д., а козаковъ и ихъ подсосѣдк.—85 дв. Окладъ по универсалу 1732 г.—2 р. 56$^1/_2$ коп. Козачьихъ винокурень—3, въ нихъ казан. 4; владѣльч. мельн. на р. Удаѣ—2, въ нихъ „колъ“ мучн. 4 и ступн. 2.—Въ январѣ 1752 г. П—ща отданы Разумовскимъ ген. хор. Ник. Ханенку, вмѣстѣ съ друг. маетностями, „въ спокойное и ненарушимое ему и наслѣдникамъ его потомственное владѣніе за прежніе его вѣрніе, долголѣтніе службы, такъ и за его труды и прилѣжные старательства чрезъ шесть лѣтъ и болѣе—въ общенародныхъ всей Малороссіи дѣлахъ и нуждахъ, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ понесенные“, при чемъ въ универсалѣ сказано, что въ П—щахъ по ревизіи 1751 г. значится 83 двора, да бд. хатъ 27.[1]) Здѣсь показаны крестьяне и козаки *вмѣстѣ*, а между тѣмъ въ другихъ универсалахъ того-же Разумовскаго крестьяне показываются обыкновенно отдѣльно; да оно такъ и слѣдовало, п. ч. отдавались одни кр—не. Почему крестьяне отъ козаковъ не отдѣлены въ универсалѣ, выданномъ такому *опытному дѣльцу*, какимъ былъ Ханенко—изъ универсала не видно... Можно лишь догадываться, что Ханенко, зная, что много Подищанскихъ кр—нъ должно было вписаться въ козаки, какъ это вообще бывало въ *ратушныхъ* селахъ, не хотѣлъ закрѣплять ихъ цифры въ универсалѣ по *ревизіи* 1751 г., чтобы

---

[1]) Универсалъ въ копіи въ наш. б—кѣ.

тѣмъ не помѣшать ходатайству о возвращеніи въ крестьянство „нововписныхъ козаковъ“.[1])

С. Красляне,[2]) рч. Рыбецъ, принадлежали къ числу ратушныхъ селъ. **Кр.** П. 16 хоз. **А**. 32 д. **В**. 18 д. **В**. 18 д. Пс. 4. **Г.** нѣтъ. **Д.** Пс. 16 д. 23 х., 19 бд. х. **Кз. В.** 30 д. **Г.** 57 д. 68 х. Пс. 10 х. **Д**. 57 д. 147 х. Умаленіе, а затѣмъ въ 1740 г. и совершенное исчезновеніе крестьянъ—объясняется конечно ихъ переходомъ въ козачество. Въ вѣд. 1740 г. сказано, что здѣсь „посполитыхъ обывателей жилыхъ дворовъ не имѣется“, а „козачьихъ винокурень 6 съ 7-ю казанами“. Но затѣмъ, по вѣд. 1753 г. въ Кр—сл—хъ появляется посполитыхъ—4 двора и 3 бд. х., а по вѣд. 1764 г. показаны мелкія владѣнія: ген. бунч. Тарновскаго, тит. сов. А. Гуленка, войск. тов. Андрея и Ивана Мазаракъ и друг. Владѣнія эти образовались конечно изъ „скупли“. По вѣд. 1780 г. крест.—*нѣтъ*, а показаны „разночинческіе и козачьи подсосѣдки“, всѣхъ—42 х.

С. Рыбецъ, сліяніе Рыбца съ Удаемъ, принадлежалъ къ числу ратушныхъ селъ. **Кр.** П. 17 хоз. **А.** 16 д. **Б.** 5 д. **В.** 9 д. **Г**. 3 д. 3 х. **Д.** 3 д. 3 х. Пс. 2 д. 2 х. **Кз. В.** 14 д. **Г.** 17 д. 24 х. **Д**. 25 д. 42 х. Здѣсь—то же умаленіе крестьянъ и увеличеніе козаковъ—конечно на счетъ первыхъ. По вѣд. 1740 г.—„поспол. дворовъ и ихъ подсосѣдковъ—нѣтъ“, а коз. двор. и ихъ подсосѣдк. 19 дв., а по свѣдѣнію 1764 г. Р—цъ показанъ во владѣніи есаула ген. артиллеріи Григорія Кологриваго, владѣніе котораго образовалось или изъ „скупли“ или же—изъ возвращенныхъ въ крестьянство „нововписныхъ“ козаковъ. Послѣднее могло случиться при отдачѣ Рыбца Кологривому по универсалу.

---

[1]) Не сомнѣваемся при этомъ, что редакція подробностей выданнаго Ханенку универсала принадлежитъ *ему самому*, такъ какъ это былъ *свой* человѣкъ въ генер. к—ріи, въ которой писались эти универсалы.

[2]) Въ Переп. Книг. 1666 г. ошибочно названы *Краснянкою*. Вообще это село часто въ актахъ XVIII в. называется Краснянами вм. правильнаго—*Красляне*.

С. Лѣски, Удай, принадлежали къ числу ратушныхъ селъ до 1751 г., когда Разумовскимъ кр—не отданы компан. полковнику Игнату Карповичу Чесноку. **Кр.** П. 23 хоз., въ томъ числѣ „бобылей“—6. **А.** 19 д. **Б.** 19 д. **В.** 16 д. Пс. 6. **Г.** 7 д. 7 х. **Д.** 7 д. 7 х. Пс. 3 д. 4 х. 4 бд. х. **Кз. В.** 37 д. **Г.** 37 д. 54 х. **Д.** 36 д. 73 х.

М. Переволочна, Удай, одно изъ древнѣйшихъ южно-русскихъ поселеній; по лѣтописи уже въ 1092 г., значится „градомъ“ (с. 1). Названіе *Переволочна* указываетъ, что здѣсь въ древности былъ *волокъ* для судовъ, т. е. сухопутная ихъ переправа на одномъ изъ изгибовъ (лукѣ) Удая взамѣнъ объѣзда луки водою [1]). Названіе Переволочны слѣдовательно должно было возникнуть тогда, когда Удай былъ еще судоходною рѣкою... Мы не знаемъ—существовали ли поселенія по р. Удаю въ X вѣкѣ, но суда—здѣсь плавали въ то отдаленное время... Несомнѣнно, что берега крутыхъ и частыхъ изгибовъ Удайскаго теченія, которые особенно характерны ок. Переволочны, представляли собою хорошо защищенныя мѣста, особенно при существованіи здѣсь лѣса, а эта защитность мѣстности должна была привлечь къ себѣ населеніе можетъ быть и тогда уже, когда здѣсь явился *вóлокъ*. Продолжительность существованія П—ны въ древнее время также темна какъ и другихъ южнорусскихъ „градовъ“. Запустѣла-ли П—на въ пол. XIII в. или въ другое время—неизвѣстно. Слѣдуетъ предполагать, что запустѣла она наряду съ другими поселеніями въ пол. XIII в.—Появляется П—на въ новѣйшее время лишь въ нач. XVII в., въ числѣ владѣній Вишневецкихъ, подъ названіемъ *Межирѣчья* или *Переводо-*

---

[1]) Судя по современному описанію Удая ок. Переволочны—лукà, гдѣ былъ *вóлокъ*, и теперь можетъ быть опредѣлена: «Около м. Переволочны р. Удай дѣлаетъ рѣзкій поворотъ на ю.-в. и у самаго мѣстечка образуетъ небольшую, но оч. характерную *луку*, при чемъ края этой луки, имѣющей до 7-ми верстъ длины, *настолько приближаются другъ къ другу*, что часть м. Переволочны, расположенная внутри этой луки, стоитъ какъ-бы на о—вѣ, соединяющемся съ материкомъ *лишь узкою* перемычкою твердой земли въ 100 саж. шир.“ „Прилукскій уѣздъ», стр. 5.

лочны [1]). Въ тарифахъ 1628 г. въ П—нѣ показано дым.—2, огородн.—4 [2]). Названіе П—ны *Межирѣчьемъ*, указываетъ, что она была основана *между рѣчками*, т. е., полагать слѣдуетъ, на мѣстѣ того *вóлока*, который соединялъ эти два теченія одного и того же Удая. Засимъ, извѣстно, что въ 1643 г. здѣсь были уже и водяныя мельницы, строители которыхъ должны были платить Вишневецкому, какъ собственнику земли, извѣстную сумму за пользованіе ими [3]).

Во время возстанія Хмельницкаго П—на настолько была населена, что по „Реестрамъ" 1649 г. она значится центромъ особой сотни. По переписи 1666 г. П—на названа мѣстечкомъ, въ которомъ тогда было 78 хоз. посполитыхъ; а если столько же было и козаковъ, то все населеніе П—ны простиралось до

---

[1]) Zrodła Dziejowe, XXI, dz. II, 295, 598.

[2]) Тамъ же, XX, dz. I, 79.

[3]) Приводимъ здѣсь «листъ» В—аго, данный имъ одному изъ П—хъ мельниковъ и указывающій условія пользованія такими мельницами. «Jeremi Michał Korybutus (sic), xiąże na Wiszniowcu. Wiadomo czynie tym listem moim, ręką własną podpisanym y pieczęcią umocnicnym żem naznaczył y naznaczam Mikicie Raszkiewiczowi, mielnikowi Przewłoczynskiemu, względem kosztów iego łożonych na młyn na rzyce Udaiu pobudowany, w ktorym iest koł mącznych dwie, stępy dwoje, kop litewskich sto spełna na tym że młynie assekuruiąc pewnosc tey summy, iemu y potomkom iego, albo komu by on według naylepszey woli y upodobania swego dał, darował, przedał, a sprawa teraz ode mnie otrzymanego ustupił dobrowolnie sam według zwyczaiu dawnego zążywaiąc pożytków poki zechce nie oddałać młyna od siebie, tak w miarkach iako y w gotowym groszu, zachowawszy tryb y porządek tuteyszych maietnosci, podatki jednak y powinnosci wszystkie z innimi młynarzami oddawać ma albo do skarbu mego, albo komu to należyć za prawem albo osobliwą łascą moią będzie ktory wstąpic stego młyna nikomu iesliby w dzierżawie kto swey chciał go mieć nie obowiązaią aż chyba za skuteszným zaplaceniem sobie summy tym listem wzwycz opisaney. Jednak gdyby niedbały był w naprowawaniu młyna może arędarz za wiadomoscią, y zniesieniem się o tym z dzierżawcąl ubo sam dzierzawcą odebrac mu młyn y oddać summę, a inaczey żadney nie czynic przeskody gdy się poczuwac w powinnosciach swoich nie zaniedba nigdy. Dan w Lochwicy D. 29. X-bris. 1643». *(Изъ Румянцовской Описи).*

500 душъ. Какими то особыми экономическими выгодами П—на привлекла къ себѣ значительное населеніе. Повидимому, здѣсь развито было мукомольство можетъ быть потому, что для устройства здѣсь водяныхъ мельницъ развѣтвленія Удая представляли особенно удобныя мѣста. Кромѣ мельницы Рашкевича, другія здѣшнія мельницы видны изъ переписи 1666 г., по которой въ П—нѣ значится шесть „колъ"; изъ нихъ два „кола", въ одной мельницѣ, принадлежали „мѣщанину" Денису Микитину (м. б. сыну *Никиты* Рашкевича) и козаку Семену Носулѣ. Вѣроятно, этого самого „млина" войсковая часть отдана была въ маѣ 1664 г. Брюховецкимъ Лазарю Горленку, въ это время вновь поставленному полковнику (с. 8),—„Ознаймуемъ.... также и ревизорови нашему войсковому и дозорци тамошнему въ полку Прилуцкомъ будучому [1]), ижъ мы.... п. Лазору Горленку, полк—вѣ, далисмо на р. Удаи, у Переволочной прозываемій Иващишинъ млинъ изъ каменма двома *Носулинъ* (засимъ указываются еще двѣ мельницы, въ Прилукѣ и въ Смошѣ), абы изъ тихъ млиновъ припадаючихъ двохъ мѣрочокъ на войско спокойно заживалъ, опрочъ третее мелницкое..." При Мазепѣ въ П—нѣ былъ установленъ даже особый „дозорца надъ Переволочанскими млинами", конечно для правильнаго сбора слѣдовавшей въ войск. скарбъ части помола [2]). Сотеннымъ центромъ П—на была повидимому

---

[1]) Извѣстно, что Брюховецкій установилъ должность войсковаго подскарбія, которымъ былъ назначенъ Ром. Ракушка, Вѣроятно, въ подмогу ему были установлены должности войскового ревизора водяныхъ мельницъ и полкового „дозорцы" тѣхъ же мельницъ съ цѣлью правильнаго сбора войсковой части помола.

[2]) Приводимъ здѣсь гетманскій „листъ" одному изъ такихъ „дозорцевъ", указывающій до нѣкоторой степени обязанности ихъ.— „Вамъ, дозорци надъ млинами отъ насъ зостаючому, ознаймуемъ, ижъ превел. въ Богу о. Авксентій Якимовичъ, игуменъ м—ря Густынского, зъ братіею, показовалъ намъ писмо отъ Стефана Вашкевича, козака и обывателя Переволочанского, на одно коло млина данное, которое коло млина найдуется на рецы Удаи, на греблѣ новой, вышей мѣстечка Переволочной, и просилъ насъ, абы тое надане универсаломъ нашимъ подтвердили и часть войсковую пожитковъ зъ него походячихъ, при монастиру заховали. Любо теди не годилобся тому Стефану безъ вѣдома нашого того млина надавати на монастырь,

недолго: уже во втор. полов. XVII в. мы не встрѣчаемъ здѣшнихъ сотниковъ.

Кр. П. 57 хоз. **А.** 254 д. **В.** 57 д. и 45 „людей п. сотника полкового“.[1]) **В** 163 дв. Пс. 8. **Г.** 56 дв., 56х. (особо: слобода Переволочанская—14 д. 15 х.), **Д.** 67 д. 93 х. 11 бд. х. Пс. 25 д. 38 х. 15 бд. х. **Кз. В.** 63 д. **Г.** 68 д. 68 х. Пс. 2 бд. х. **Д.** 39 дв. 79 х. 8 бд. х. Въ этомъ рядѣ цифръ видно большое колебаніе населенія въ П—ной, причемъ нѣкоторыя причины этого колебанія могутъ быть объяснены. Раньше сказано (с. 114), что въ 1714 г. Скоропадскій отдалъ Ив. Марковичу, въ то время полк. сотнику, „4-хъ рыбалокъ и 8 чел. тяглыхъ людей для помощи его Переволочанскому двору“, а черезъ четыре года, въ 1718 г., мы видимъ, что ихъ („людей п. сотника“) было уже 45 хоз., а число остальныхъ посполитыхъ уменьшилось до 57-ми. Несомнѣнно, что Ив. М—чъ, будучи близкимъ свойственникомъ гетмана и, кромѣ того, мѣстнымъ сотникомъ, наложилъ руку на Переволочанское посполъство, подчиняя его себѣ въ „подданство“. Помогъ отчасти въ этомъ М—чу и самъ Галаганъ, утвердившій за нимъ нѣсколько дворовъ (какихъ-то „Ячниковцовъ“) въ добавокъ къ тому, что далъ гетманъ. Галаганъ не противодѣйствовалъ М—чу пока жилъ Скоропадскій, но какъ только послѣдній умеръ, Г. сейчасъ же отобралъ отъ М—ча „Ячниковцовъ“. М—чъ пожаловался Полуботку, которому Г—нъ такъ объяснилъ свои дѣйствія: „Мосцѣ п. полковнику Чернѣговскій зъ старшиною енералною, мои велце ласкавіи благодѣтели. Получилемъ одинъ листъ одъ вмм. м. панства, мимошедшого марта въ первыхъ числехъ, по доношенію п. судіи моего полкового на мене писанній зъ таковимъ изображенемъ, что велѣлемъ людей

(бо тое въ статьяхъ положено, жебы таковіи кгрунтовъ наданя—опрочъ самихъ грошей,—ни отъ кого не были чинены), за що потреба бъ ему Стефану, наказаніе учинити, однакъ чинилъ тое на прозбу превеченого отца игумена Густынского, мужа чести достойнаго, же тое коло млина при монастиру заховуемъ и всѣхъ зъ него пожитковъ, якіи и на войско належали, заживати позволяемъ...“

[1]) Можемъ привести еще и цифру 1731-го года, когда въ П—нѣ показано посполитыхъ 132 дв.

Переволочанскихъ до дворця (усадьбы) его п. судіи наслуговуючихъ, прозиваемихъ Ячниковціовъ, и моимъ универсаломъ стверженнихъ, отобрати и его п. судіи не слушать да и супплѣки его, если якіе случатся, мимо его п. судію иной старшинѣ до росправы полѣцаю (поручаю), чого ради въ томъ же своемъ писаніи прекладаете мнѣ, вм. м. панство, ижъ бымъ ему п. судіи менешихъ Ячниковціовъ привернулъ и супплѣкъ мимо его нѣкому до росправъ не полѣцалъ, якому вм. м. панства предложенію любо не естемъ противенъ, однакъ въ благоразсмотрителное разсужденіе тое вм. м панству подаю: на помянутіе Ячниковцѣ онъ, п. судія, а нѣ унѣрсалу покойного п. гетмана Скоропадского, а нѣ превисочайшей грамоти его и, пресв. велич. у себе не имѣетъ, а въ экстрактѣ его п. велич. изображено—тилко по граматахъ его монаршихъ и унѣверсалахъ гетманскихъ, чимъ хто пожалованъ, то тимъ владѣть, и я хочай передъ тимъ и далъ свой унѣверсалъ ему п. судіи на тихъ Ячниковціовъ, всего на 15 человѣка, то въ тое время не такъ стѣснена была въ людяхъ ратушъ Переволочанская и не такъ зубожала якъ на сей часъ, и изъ тихъ мѣръ, респектуючи на теперешнее малолюдствіе ратуши Переволочанской, велѣлемъ привернути попрежнему до оной вышеозначенныхъ Ячниковціовъ. Тутъ же доношу вм. м. панству, что зверхъ тихъ Ячниковціовъ, принялъ п. судія тамъ же въ Переволочной въ свое владѣніе *больше сорока человѣкъ лишку громадскихъ и цеховыхъ людей*, которіе жадныхъ шарварковъ (повинностей) до ратуша въ Переволочной не отбуваютъ, лечъ ему п. судіи наслуговуютъ. Супплѣки зась, (т. е. просьбы по судебнымъ дѣламъ), если якіе случатся, хочай и радъ бимъ ему п. судіи, а не иншой старшинѣ, до расправъ полѣцати, однакъ поневажъ онъ, заехавши на свой фолварокъ, прозиваемый Сорочинцѣ, и тамъ вигоды заживаючи, ратушъ Прилуцкую (гдѣ происходилъ судъ) барзо рѣдко посѣщаетъ, а о моемъ домѣ и не измѣнкую—якъ бы и не буваетъ въ ономъ, а хочъ и прійдетъ, то прежней своей завзятости не перестаючи, въ посваръ зо мною входитъ, теди принужденъ естемъ (ижъ бы супплѣканты въ городѣ не ваковались за его п. судіи въ ратуши небытностю и скорую расправу получали) инной старшинѣ полковой, которая мнѣ повиновеніе отдаетъ, чоломбытніи ихъ полѣцати и

окончувати" (16 апрѣля, 1723 года). Въ этомъ писаніи можно найти нѣкоторое объясненіе столь значительнаго уменьшенія въ населеніи Переволочанскаго посполъства, какое мы видимъ изъ вѣдом. 1718 г.—Въ своемъ завѣщаніи (1724 г.) М—чъ указываетъ, между прочимъ, „дворъ въ Переволочной за мѣстечкомъ и людей на властныхъ его купленныхъ грунтахъ сидячихъ и тѣхъ, которіи даны гетманомъ и монаршою грамотою укрѣплены..." (с. 118). Отсюда видно, что для полнаго себѣ подчиненія тѣхъ П—хъ крестьянъ, которыхъ онъ привлекъ себѣ въ подданство, М—чъ ихъ поселилъ на купленныхъ земляхъ.—Послѣ смерти М—ча, посполитое населеніе въ П—нѣ снова замѣтно повышается. Есть-ли связь между этимъ повышеніемъ и смертью М—ча—сказать трудно, но должна была быть... Въ 1740 г. опять видимъ сильное пониженіе населенія въ П—нѣ, но объясненіе этого пониженія находимъ въ томъ, что въ 1732 г. П—на была отдана въ ранговое владѣніе тому самому *Михайлу Забѣлѣ*, который новою своею „панщиною" такъ сильно уменьшилъ населеніе въ с. Валкахъ (см. ниже). Какъ тамъ, такъ и здѣсь ревизская книга 1740 г. указываетъ количество запустѣвшихъ крестьянскихъ дворовъ послѣ ушедшихъ ихъ хозяевъ: за четыре года (1737—740) въ П—нѣ запустѣло 48 плецовъ отъ ухода ихъ хозяевъ, которыхъ ревизія 1740 г. перечисляетъ поименно. [1]) Въ ревизіи 1740 г. кр—скихъ дворовъ, какъ видно выше, показано 56, а по вѣдом. того-же года, составленной по особому требованію генер. к—ріи—ихъ показано только 35: „посполитыхъ обывателей и ихъ подсосѣдковъ, живущихъ дворовъ 35". Откуда эта разница на 20 двор. въ двухъ вѣдомостяхъ одного и того же года—объяснить не умѣемъ, если только въ *вѣдомости* 1740 г. (подписанной полк. писар. Галенковскимъ и полк. есауломъ Носенкомъ) правда не скрыта умышленно... Послѣ смерти Забѣлы П—на продолжала оставаться ранговою маетностью, назначенною для генер. судей. Во втор. полов. XVIII в.

---

[1]) Въ ревизской книгѣ за 1740 г. ушедшіе изъ того или другого села показываются лишь за это время, потому вѣроятно, что въ 1736 г. была такая же ревизія, при которой показано ушедшее населеніе до 1736 г. включительно.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

4-й годъ изданія. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** 4-й годъ изданія.

на 1901 годъ,

на ежедневную научно-литературную, политическую и экономическую газету

„ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ“,

издаваемую въ г. Екатеринославѣ М. С. Копыловымъ.

Газета будетъ издаваться въ 1901 году подъ тою-же редакціей (В. В. СВЯТЛОВСКАГО), при томъ-же составѣ главныхъ сотрудниковъ и по той-же программѣ.

Въ „Приднѣпровскомъ Краѣ“ будетъ отведено достаточно мѣста для иллюстрацій и рисунковъ. Въ газетѣ принимаетъ участіе цѣлый рядъ профессоровъ, ученыхъ и писателей.

Газета кромѣ телеграммъ Россійскаго телеграфнаго агентства, будетъ помѣщать телеграммы своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ изъ С.-Петербурга и Москвы.

Условія подписки на 1901 годъ. Съ доставкой въ Екатеринославѣ. На 12 мѣс. 10 р. На 9 мѣс. 7 р. На 6 мѣс. 5 р. 50 к. На 3 мѣс. 3 р. 50 к. На 1 мѣс. 1 р. 25 к. Съ пересылкой почтой въ другіе города. На 12 мѣс. 12 р. На 9 мѣс. 9 р. На 6 мѣс. 6 р. 50 к. На 3 мѣс. 4 р. На 1 мѣс. 1 р. 40 к. Съ пересылкой заграницу. На 12 мѣс. 23 р. На 9 мѣс. 17 р. На 6 мѣс. 12 р. На 3 мѣс. 7 р. На 1 мѣс. 2 р. 50 к.

Отдѣльные номера продаются въ Екатеринославѣ и повсемѣстно по 5 к.

2—3

1901 ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1901

НА

иллюстрированный популярно-научный журналъ

Энциклопедія

24 книги въ годъ,

выходящихъ 10 и 25 числа каждаго мѣсяца.

Задача популярно-научнаго журнала *„Энциклопедія“* —давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе по всѣмъ отраслямъ знаній, слѣдить за движеніемъ современной мысли и знакомить читателей съ современной литературой и искусствомъ. Статьи будутъ иллюстрированы художественными рисунками, необходимыми для нагляднаго объясненія текста.

Особенно богатый біографическій отдѣлъ будетъ давать обстоятельные отчеты, съ необходимымъ краткимъ изложеніемъ содержанія, о новыхъ выдающихся произведеніяхъ русской и иностранной литературы, такъ что каждый читатель всегда будетъ въ курсѣ современной литературы, науки и искусства всего цивилизованнаго міра.

Такимъ образомъ журналъ *„Энциклопедія“* представитъ собою дѣйствительную энциклопедію современныхъ знаній, давая резюме современнаго движенія науки, литературы и искусства въ общедоступномъ, но строго-научномъ изложеніи. Ничто такъ не полезно и интересно, какъ такое резюме, въ которомъ откинуто все скучное и узко-спеціальное и оставлено лишь то, что представляетъ дѣйствительную важность и жизненный интересъ. Весьма важнымъ подспорьемъ для нагляднаго ознакомленія съ предметомъ являются художественныя иллюстраціи, которыми будутъ снабжены многія статьи журнала.

зрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, библіографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники, историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованые.

Учебныя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7р. Отдѣльныя книжки можно получить изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко*

1—3

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о продолженіи изданія журнала

Труды Кіевской Духовной Академіи

въ 1901 году.

(Годъ изданія сорокъ второй).

Журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи" будетъ издаваться и въ 1901 г. по прежней программѣ. Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Дух. Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по содержанію общедоступныя большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „*Библіотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ*"

никовъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) документы, рисующіе быть русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея могочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будетъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145,

1—3

Открыта подписка на 1901 г. (8 г. изд.)

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

Изданіе П. П. СОЙКИНА

подъ редакціей д—ра философіи М. М Филиппова

„Научное Обозрѣніе" не спеціальный, но общій журналъ, имѣющій въ виду всѣхъ читателей, интересующихся успѣхами науки, а также выдающимися литературными явленіями.

Журналъ остается вѣрнымъ своимъ завѣтамъ, т. е. по прежнему будетъ органомъ прогрессивнаго направленія, исключающаго всякій школьный догматизмъ и рутину.

Вступая въ XX-й вѣкъ, одной изъ задачъ котораго является распространеніе научнаго образованія въ возможно широкихъ

кругахъ общества, *журналъ нашъ посвятитъ особое вниманіе вопросамъ самообразованія.*

Съ этою цѣлью *редакція „Научнаго Обозрѣнія" рѣшилась присоединить къ журналу* рядъ популярныхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ знаній, подъ общимъ заглавіемъ:

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

Къ концу года это прилож. сост. большой томъ въ *40 печ. лист.* т. е. *640* страницъ.

Сочиненія и статьи, напечат. въ *„Народномъ Университетѣ" будутъ доступны* даже для читателей, обладающ. самой элементарн. подготовкой.

Завѣдываніе этимъ отдѣломъ принялъ на себя извѣстный популяризаторъ *В. В. Битнеръ.*

Для печатанія въ „Народномъ Университетѣ" предпол., между прочимъ слѣдующее:

Происхожденіе животнаго міра.—Міръ въ каплѣ воды.—Невидимые враги.—Происхожденіе и значеніе денегъ.—Чудеса электричества.—Мозгъ, какъ органъ мышленія.—Прогулки по небу. Доисторическій человѣкъ.

Текстъ будетъ поясненъ чертежами, рисунк. и хромолитогр.

По примѣру прежнихъ лѣтъ къ „Научному Обозрѣнію" будутъ приложены капитальныя переводныя сочиненія:

Авенаріусъ. Міропониманіе.—*Тардъ,*—Соціальный законъ. и одно сочиненіе *Джона Стюарта Милля,* еще не бывшее въ русскомъ переводѣ.

Въ историческомъ отдѣлѣ приметъ ближайшее участіе выдающійся историкъ и популяризаторъ проф. *А. С. Трачевскій.* Здѣсь, между прочимъ, будутъ печататься: Историческая хроника Меримэ и статьи по исторіи инквизаціи.

Отдѣлъ обзора журналовъ русскихъ и иностранныхъ *будетъ значительно расширенъ,* что дастъ читателямъ возможность

Первые два тома изданія (*LIX+825 стр. вышли изъ печати и немедленно высылаются подписчикамъ. Цѣна каждаго тома въ отдѣльной продажѣ 6 рублей. Слѣдующій томъ печатается.*

Подписка на изданіе принимается: въ С.-Петербургѣ, въ И. В. Э. Обществѣ (Забалканскій пр., д. 33) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

1—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 3-й ГОДЪ

(съ октября 1900 по октябрь 1901)

Ежемѣсячнаго Иллюстрированнаго Изданія:

ИСКУССТВО

и

Художественная Промышленность,

подъ редакціей Н. П. СОБКО,

съ снимками въ черномъ видѣ и въ краскахъ, какъ въ текстѣ, такъ и на особыхъ листахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ годъ *за 12 выпусковъ съ особыми приложеніями* (въ общемъ *до 1000 стр.* текста и *около 500 снимковъ*), безъ дост. *8 р.*; съ дост. и пер. *10 р.*; за гран. *12 р.*

Въ отдѣльной продажѣ—отъ *75 к.* до *1 р.* за выпускъ, при чемъ 1-я книжка высылается *наложеннымъ платежомъ* за *2 руб.* съ зачетомъ этой суммы въ послѣдствіи при подпискѣ.

Иногородные подписчики, во избѣжаніе излишнихъ проволочекъ въ доставкѣ подписки черезъ книжные магазины, благоволятъ обращаться *преимущественно* въ Главную Контору: *С.-Петербургъ, Мойка, 83.*

Книгопродавцамъ дѣлается уступка *отъ 40 до 60 коп.* съ годового экземпляра, смотря по роду подписки.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ *полные экземпляры* первыхъ 2-хъ лѣтъ продаются по *10 руб.*, съ перес. по *12 руб.*

1—3

ОБЪ ИЗДАНІИ (КІЕВСКИХЪ) УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ въ 1901 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподователяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ къ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1901 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ *Извѣстій* безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе *Университетскихъ Извѣстій* 3 руб сер,, а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ **В. Иконниковъ.**

2 - 3.

руб., и 1895, 1896, 1898 и 1899 г. по 3 руб. за годъ. (Новые подписчики при выпискѣ газеты за прежніе годы, сверхъ того, пользуются 50% уст.). Библіотеки и безплатныя читальни пользуются особой уступкой. Подписчикамъ предоставляется помѣщать безплатно всякія объявленія, относящіяся къ спросу и предложенію труда, а именно: по найму учителей, гувернантокъ, боннъ и т. п., а также по продажѣ изданій, книгъ и проч. Отъ учебныхъ заведеній принимаются объявленія объ условіяхъ пріема и поступленія въ нихъ, а также объ имѣющихся вакансіяхъ учащихъ и учащихся.

Доставившему подписку на десять экземпляровъ—одиннадцатый безплатно.

Подписка принимается въ главной конторѣ „ЖИЗНЬ и ШКОЛА“ и „ШКОЛЬНАГО ОБОЗРѢНІЯ“: С.-Петербургъ, Загородный пр., 34.

1—3

Открыта подписка

на ежемѣсячный литературно-научный журналъ на 1901 годъ

„КАВКАЗСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(годъ второй),

издаваемый въ г. Тифлисѣ В. Д. Коргановымъ, подъ редакторствомъ К. Н. Бѣгичева, по слѣдующей программѣ:

1. Правительственныя распоряженія. 2. Кавказъ и сосѣднія съ нимъ страны въ историческомъ и современномъ отношеніяхъ. Мемуары, записки, воспоминанія, біографіи и некрологи выдающихся дѣятелей. 3. Статьи по различнымъ научнымъ отраслямъ, а также практическаго характера. Протоколы ученыхъ обществъ и общественныхъ учрежденій. 4. Беллетристика: оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, поэмы и стихотворенія. 5. Обзоръ событій мѣстной и европейской жизни. Корреспонденціи изъ Россіи и за-границы, преимущественно имѣющія отношеніе къ Кавказу и сосѣднимъ ему странамъ. 6. Литературная

критика и библіографія. Статьи по искусству. 7. Смѣсь: историческіе эскизы, анекдоты, мелкія беллетристическія произведенія и т. п. 8. Справочный отдѣлъ. 9. Объявленія.

По мѣрѣ надобности статьи въ журналѣ иллюстрируются виньетками, рисунками и портретами, а также къ нимъ прикладываются карты, планы и чертежи.

Для участія въ журналѣ приглашены лучшія научныя и литературныя силы въ Россіи. Для обзора заграничныхъ событій, касающихся Кавказа и сосѣднихъ съ нимъ странъ, имѣются корреспонденты въ главныхъ городахъ Европы.

Редакція помѣщается на Авчальской ул. д. Корганова, № 28.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Городскіе: за годъ—9 р., ½ года—5 р., 3 мѣсяца—3 р.
Иногородніе: за годъ—10 р., ½ года—6 р., 3 мѣс.—3 р. 50 к.
За-границу: за годъ—12 р., ½ года—7 р., 3 мѣсяца—4 руб.

За перемѣну адреса взимается 50 к.

За объявленія, помѣщаемыя въ книжкахъ журнала взимается: за цѣлую страницу 20 р., за ½ стр. 12 р., за ¼ стр. 7 р.

Подписка на журналъ и объявленія принимается въ Тифлисѣ, въ конторѣ журнала „Кавказскій Вѣстникъ", на Головинскомъ пр., д. № 10, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

1—3

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 71-го:

октябрь, ноябрь, декабрь, 1900 г.

Книга первая—октябрь.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Книга вторая—ноябрь.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

Книга третья—декабрь.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.